КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

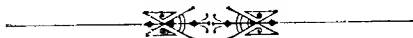
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCII.

1906 г.

ЯНВАРЬ.



Кіевъ.

Типо-литографія Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская у., соб. д., № 14.

1906.

А. И. Герценъ и его отношеніе къ польско-украинскому вопросу.

(Отрывокъ изъ ст. М. П. Драгоманова „Историческая Польша и великорусская демократія").

Въ настоящее время, когда, можетъ быть, на близкой очереди будетъ стоять вопросъ объ урегулированіи отношеній національностей, входящихъ въ составъ Россійской имперіи, мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ въ историческомъ журналѣ дать рядъ справокъ о томъ, какъ эти отношенія слагались въ болѣе или менѣе отдаленномъ отъ насъ прошломъ, и какъ различныя лица, сыгравшія видную роль въ нашей общественности, опредѣлились въ своихъ основныхъ взглядахъ по этимъ вопросамъ. Конечно, насъ болѣе всего интересуютъ тѣ перекрестныя отношенія, которыя исторически устанавливались для украинскаго народа въ связи съ сосѣдями—великоруссами и поляками. Въ послѣдней книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ мы помѣстили статью „Украинскій вопросъ въ его историческомъ освѣщеніи", взявши въ основаніе нѣсколько главъ изъ прекраснаго труда покойнаго М. П. Драгоманова „Историческая Польша и великорусская демократія" [1]. Въ этихъ главахъ дана была историческая справка о томъ, какъ уже въ очень давнія времена сложились неблагопріятно условія перекрестныхъ отношеній славянскихъ народовъ,

[1] Первоначально напечат. въ Женевѣ въ изд. „Вольное Слово" за 1881 г. и въ томъ-же году и тамъ-же издано отдѣльной книгой; вторично издано въ „Парижѣ въ 1905 г. въ „Собраніи политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова. Т. I".

занявшихъ великую восточную равнину Европы съ продолженіемъ ея на западъ до нижней Эльбы, и какъ въ теченіе ряда вѣковъ эти условія оказывали вліяніе на ненормальный ходъ въ жизни украинскаго народа, вплоть до позднѣйшаго времени, т. е. до конца 50-хъ годовъ 19-го вѣка. Въ эти годы, какъ въ польской, такъ и въ русской политической литературѣ особенно много было удѣлено вниманія русско-польско-украинскимъ отношеніямъ. По вопросамъ этимъ высказался не одинъ разъ и знаменитый А. И. Герценъ, мнѣнія котораго, какъ человѣка съ превосходнымъ политическимъ образованіемъ и съ чуткимъ пониманіемъ политическихъ явленій, не могутъ не представлять глубокаго интереса при изученіи исторіи сложныхъ и запутанныхъ національныхъ взаимоотношеній.

Такъ какъ взгляды А. И. Герцена на этотъ вопросъ мастерски освѣщены и критически разработаны въ нѣсколькихъ главахъ упомянутой статьи М. П. Драгоманова, то мы думаемъ, что читатели не посѣтуютъ насъ, если мы приведемъ здѣсь эти главы цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что статья эта до сихъ поръ мало распространена въ Россіи.

В. Н.

По всему видно, что Герценъ не имѣлъ спеціальныхъ свѣдѣній объ исторіи и этнографіи „западныхъ провинцій" Россіи и даже врядъ ли читалъ труды, напримѣръ, Костомарова. Запасъ фактическихъ свѣдѣній его по этому предмету не превосходилъ того, какой имѣлъ средній столичный русскій литераторъ того времени, т. е. былъ очень невеликъ. Но зато Герценъ имѣлъ превосходное общее политическое образованіе и, кромѣ того, громадный и въ высшей степени чуткій къ реальнымъ чертамъ политическихъ явленій умъ и большой запасъ наблюденій надъ политическою жизнью разныхъ народовъ современной ему эпохи. Это же все, вмѣстѣ взятое, давало ему возможность въ спокойное время вѣрно угадывать основныя черты польскаго вопроса въ Россіи—правду и фальшь стремленій польскихъ „историческихъ" патріотовъ всѣхъ оттѣнковъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Теперь, въ особенности послѣ изданія его „Посмертныхъ статей", видно, что идейная солидарность Герцена съ польскими патріотами была, въ сущности, очень не велика. Кромѣ сильныхъ теоретическихъ разногласій и критическаго отношенія Герцена къ основамъ польскихъ „историческихъ" стремленій,

основамъ, которыя польскіе патріоты принимали, какъ догматъ вѣры, солидарности этой мѣшала сильная примѣсь спеціально великорусскаго національнаго элемента къ идеямъ этого, повидимому, крайняго западника. При всемъ своемъ западничествѣ и полуиностранномъ происхожденіи, Герценъ живо чувствовалъ свою кровную связь съ великорусскимъ племенемъ, къ которому (а вовсе не одному только правительству) накопилось слишкомъ много антипатій у средняго польскаго дѣятеля [1]). Кромѣ того, Герценъ имѣлъ и общеисторическую философскую доктрину, которая мало гармонировала съ стремленіями польскихъ патріотовъ, потому что и подъ нею была подложена специфическая великорусская основа. При всемъ своемъ вольтеріанствѣ и сенсимонизмѣ, Герценъ былъ собственно московскій славянофилъ или, лучше, великоруссофилъ, который стремился и вольтеріанству, и соціализму придать великороссійскую общину. По своей историко-философской подготовкѣ Герценъ,—какъ и Константинъ Аксаковъ и ихъ другіе московскіе товарищи, — былъ гегеліанецъ. По ученію же Гегеля все развитіе человѣчества идетъ ступенями, но при томъ такъ, что каждая ступень воплощается въ одну извѣстную націю. По Гегелю, послѣдняя ступень развитія представляется германцами (преимущественно пруссаками), при чемъ дальнѣйшей смѣны господствующей націи не предполагалось, такъ что самъ Герценъ смѣялся, что, по гегеліанцамъ, богъ живетъ теперь въ Берлинѣ. Но московскіе гегеліанцы только перенесли этого бога отъ германцевъ къ славянамъ, а между ними, конечно, къ великоруссамъ, при чемъ соціалисты, какъ Герценъ, соединили ученіе о грядущей смѣнѣ германскаго періода исторіи славянскимъ съ ученіемъ о предстоящей замѣнѣ господства буржуазіи торжествомъ рабочихъ классовъ. Такое ученіе, подпираемое еще и до сихъ поръ не перестающею пугать Европу фразой Наполеона I: dans 50 ans l'Enrope sera républicaine on cosaque“, Герценъ развилъ въ нѣсколькихъ брошюрахъ на разныхъ языкахъ (Старый міръ и Россія, Соціализмъ и Россія и пр.) и постоянно возвращался къ нему въ „Колоколѣ“. У самого Герцена это ученіе умѣрялось широкимъ образованіемъ и терпимостью огромнаго ума, но у многихъ москвичей, даже эмигрантовъ, какъ напр. Мартьянова, оно доходило до отрицанія правъ невеликорусскихъ народовъ на отдѣльное существованіе. Во всякомъ случаѣ

---

[1]) См. Сборникъ посмертныхъ статей, стр. 210—211.

ученіе это дѣлало и изъ Герцена теоретическаго противника полнаго отдѣленія Польши, такъ какъ, по этому ученію, Польша, хоть и славянская страна, но утратившая подъ вліяніемъ запада сельскую общину, сохранившуюся въ Великороссіи, нуждалась въ союзѣ съ послѣдней въ критическій моментъ всемірно-историческаго перелома.

Но не раздѣляя, такимъ образомъ, по разнымъ соображеніямъ, идей польскихъ патріотовъ касательно необходимости отдѣленія Польши отъ Россіи, Герценъ, конечно, глубоко уважалъ въ полякахъ страданіе, любовь къ независимости и свободѣ и энергію въ борьбѣ за нее и признавалъ право на рѣшительное слово въ вопросѣ о судьбѣ Польши только за поляками: „Если Польша захочетъ другого рѣшенія,—говорилъ онъ,—да будетъ ея воля!“ Вся бѣда была въ томъ, что Герценъ довольно смутно представлялъ, что собственно такое Польша, и, при всемъ уваженіи къ народамъ передъ государствомъ, все таки способенъ былъ забыть, что слова „Польша“ и „Россія“,—а теперь особенно послѣдняя,—представляютъ собою собственно государства, а не народы, и что для уразумѣнія интересовъ этихъ послѣднихъ,—какъ напр. въ данномъ случаѣ интересовъ литовцевъ, бѣлоруссовъ и украинцевъ,—нужно прежде всего отрѣшиться отъ привычки поляковъ и великоруссовъ ставить вопросъ только между „Россіей“ и „Польшей“.

Съ самаго начала своей публицистической дѣятельности Герценъ не пропускалъ случая высказаться о польскомъ вопросѣ, —но до 1859 г. его слова не выходили за предѣлы общихъ выраженій сочувствія къ Польшѣ, какъ къ странѣ страждущей подъ чужимъ игомъ. Систематически и съ подробностями высказался Герценъ о польскомъ вопросѣ въ первый разъ въ статьяхъ, озаглавленныхъ „Россія и Польша“, напечатанныхъ въ „Колоколѣ“ 1859 г. въ №№ 33, 34 и 37 и въ 1860 г., №№ 66 и 67. Первыя двѣ статьи напечатаны по поводу брошюры „Aleksander Herzen i Wolna Rossyjska Drukarnia w Londynie“, которой, къ крайнему нашему сожалѣнію, мы не видѣли. Всю первую статью московскій эмигрантъ посвятилъ защитѣ своего народа и даже государства отъ отрицательныхъ взглядовъ, распространенныхъ въ западно-европейскихъ обществахъ и въ польскомъ, налегая въ особенности на важность для Россіи соціально-экономическаго вопроса крестьянскаго, которымъ въ данный моментъ, по его мнѣнію, дѣятельно занялось и правительство. Собственно только во второй статьѣ Герценъ разбираетъ вопросъ объ отношеніи

Польши къ Россіи, т. е. къ россійскому государству. Онъ говоритъ:

„Польша, какъ Италія, какъ Венгрія, имѣютъ неотъемлемое, полное право на государственное существованіе, независимое отъ Россіи. Желаемъ ли мы, чтобъ свободная Польша отторглась отъ свободной Россіи, это другой вопросъ. Нѣтъ, мы этого не желаемъ, и можно ли этого желать въ то время, какъ исключительныя національности, какъ международныя вражды, составляютъ одну изъ главныхъ плотинъ, удерживающихъ общечеловѣческое развитіе. Глубоко ненавидя всякую централизацію, я убѣжденъ, что соплеменныя федераціи даютъ среду государственную несравненно болѣе широкую, чѣмъ раздробленіе одного рода на отдѣльныя части. Федеральное соединеніе должно быть вольнымъ даромъ; Россія не имѣетъ правъ на Польшу, она должна заслужить то, что взяла насильно; она должна загладить то, что сдѣлали ея руками, и если Польша не хочетъ этого союза, мы можемъ объ этомъ скорбѣть, можемъ не соглашаться съ нею, но не предоставить ей воли мы не можемъ, не отрекаясь отъ всѣхъ убѣжденій нашихъ. Мнѣ кажется, что это ясно.. Но если ясно, что мы признаемъ это право, то, можетъ быть, надо пояснить, почему мы не желаемъ полнаго расторженія двухъ народовъ. Намъ кажется, что Польша и Россія могутъ рука объ руку итти одной дорогой къ новой свободной соціальной жизни. Мы думаемъ, что Польша и Россія совсѣмъ не въ томъ положеніи, въ которомъ Ломбардія и Австрія... Австрія не народъ; Австрія полицейская мѣра, сводная администрація; она ни къ чему живому не примыкаетъ, не покоится на себѣ... Совсѣмъ напротивъ Россія—такая же живая личность, какъ Англія, какъ Франція, только съ той разницей, что тѣ „ветхія деньми“ съ своимъ богатствомъ и съ своими рубцами, съ шевронами на рукахъ и съ изстрѣленными, въ послѣдніе три вѣка, знаменами, покрытыя славой, идутъ на отдыхъ (!!), а Россія только что вступаетъ на плацъ, на парадное мѣсто въ исторіи. Самое имя Россіи начинаетъ повторяться въ Европѣ вмѣстѣ съ именемъ Америки.“

„Россія, кромѣ закраинъ своихъ, представляетъ сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу. Каждый русскій сознаетъ себя частью всей державы, сознаетъ родство свое со всѣмъ народонаселеніемъ, воспитаннымъ въ томъ же сельскомъ быту, съ своимъ общиннымъ порядкомъ и раздѣленіемъ полей. Отъ того то, гдѣ бы русскій ни жилъ въ огромныхъ пространствахъ между Балтикой и Тихимъ океаномъ, онъ прислушивается, когда враги

переходятъ русскую границу, и готовъ итти на помощь къ Москвѣ такъ, какъ шелъ въ 1612 и въ 1812 годахъ.“

„Но что онъ считаетъ своей границей.?.. Что касается до главнаго вопроса, до самобытности Польши, онъ рѣшенъ самимъ языкомъ; ни одинъ русскій крестьянинъ не считаетъ Польшу Россіей. Вся Русь говоритъ: „Въ Польшу, изъ Польши“. Но гдѣ же черта, за которой оканчивается Русь и начинается Польша? Это опредѣлить труднѣе, по не изъ патріотизма, а изъ того, что у насъ не достаетъ самаго главнаго элемента для рѣшенія вопроса.“

„Что мы возьмемъ за его основаніе: присоединеніе Червоной Руси къ Польшѣ, или присоединеніе Украйны къ Россіи въ половинѣ XVII столѣтія; между ними цѣлый вѣкъ борьбы Рѣчи Посполитой съ козаками [1]).“

Въ продолженіе ея два противоположныхъ потока обозначаются въ южной Россіи: шляхетство, паны—тянутъ къ аристократической республикѣ; нижній слой, народъ, козаки—напротивъ въ постоянной враждѣ съ Польшей. Хмельницкій не изъ любви къ Москвѣ, а изъ нелюбви къ Польшѣ отдался царю: Москва, или лучше Петербургъ, обманули Украйну и заставили ее ненавидѣть москалей. Какъ же рѣшить вопросъ о ней? Давность владѣнія ничего не доказываетъ. Утраченное владѣніе еще меньше. Право завоеванія? Послѣдній захватившій будетъ владѣть, пока другая сила его сгонитъ. Завоеваніе фактъ, а не право. Естественныхъ границъ нѣтъ; ни цѣпи горъ, ни большихъ рѣкъ; остается искать новыхъ основаній въ самой жизни народа, въ его бытѣ... Тамъ, гдѣ народъ исповѣдуетъ православіе, говоритъ языкомъ болѣе близкимъ къ русскому, чѣмъ къ польскому; тамъ, гдѣ онъ сохранилъ русскій крестьянскій бытъ, міръ, сходку, общинное владѣніе землей,—тамъ онъ, вѣроятно, захочетъ быть русскимъ. Тамъ, гдѣ народъ исповѣдуетъ католицизмъ или унію, тамъ, гдѣ онъ утратилъ общину и общинное владѣніе землей,—тамъ, вѣроятно, сочувствіе съ Польшей сильнѣе и онъ пойдетъ съ ней.“

„Но скажите, что же мы за наслѣдники вѣнскаго конгресса, что будемъ расписывать, какая полоса земли куда принадлежитъ,

---

[1]) Червоная Русь (Галиція) была завоевана поляками окончательно въ 1387 г. Украйна присоединилась къ московскому государству, которое Герценъ зоветъ преждевременно Россіей, въ 1654 г., слѣдовательно между этими событіями прошло гораздо болѣе вѣка и притомъ для большей части Украйны два періода исторіи—литовскій ($2^1/_2$ вѣка) и польскій (вѣкъ).

не спросясь людей, на ней живущихъ... Ну что, если послѣ всѣхъ нашихъ разсужденій, Украйна, помнящая всѣ притѣсненія москалей, и крѣпостное состояніе, и наборы, и безправіе, и грабежъ, и кнутъ съ одной стороны, и не забывая, съ другой, каково ей было и за Рѣчью Посполитой съ жолнерами, панами, и коронными чиновниками, не захочетъ быть ни польской, ни русской? По моему вопросъ рѣшается очень просто. Украйну слѣдуетъ въ такомъ случаѣ признать свободной и независимой страной. У насъ... не должно быть и рѣчи о томъ, кому должна принадлежать та, или другая часть населенной земли. Въ Малороссіи живутъ люди, люди, подавленные рабствомъ, но не настолько сломанные правительствомъ и помѣщиками, чтобъ потеряли всякое чувство народности; совсѣмъ напротивъ, родовое сознаніе у нихъ очень развито... что же это будетъ за шагъ къ ихъ освобожденію, когда, снимая московскія цѣпи, имъ скажутъ, что они должны принадлежать Польшѣ?"

„Развяжемте имъ руки, развяжемте имъ языкъ; пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна, и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнутъ черезъ кнутъ къ намъ, черезъ папежъ къ вамъ, или, если они умны, протянутъ намъ обоимъ руки на братскій союзъ и на независимость отъ обоихъ. Вотъ потому то я такъ высоко цѣню федерализмъ. Федеральныя части связаны общимъ дѣломъ и никто никому не принадлежитъ: ни Женева Берну, ни Бернъ Женевѣ"...

Къ выписаннымъ словамъ (изъ 34 № Колокола) слѣдовало бы прибавить нѣсколько выдержекъ изъ послѣдующихъ статей Герцена (Колоколъ, №№ 66 и 67), въ которыхъ онъ подробнѣе развиваетъ мысль о необходимости для Польши держаться Россіи, ради крестьянско-общиннаго элемента послѣдней. Но глава наша выходитъ и такъ уже слишкомъ длинною, а потому отсылаемъ болѣе любопытныхъ читателей прямо къ „Колоколу", или къ сборнику „За пять лѣтъ",—а здѣсь ограничимся только двумя, по нашему мнѣнію, главнѣйшими выдержками изъ статьи 66 и 67 №№ „Колокола":

„Я только для нерусскаго славянскаго міра,—говорилъ Герценъ,—отъ всей души желалъ братскій союзъ съ Россіей, для того, чтобы, когда гроза, которую никакая мощь въ мірѣ не остановитъ, грянетъ, онъ не былъ бы взятъ врасплохъ", — и далѣе старается пояснить свою мысль обзоромъ исторіи Россіи, какъ „мужицкаго" царства и современнаго настроенія ея въ эпоху приступа къ освобожденію крестьянъ. Думая, подобно многимъ рус-

скимъ, будто только въ одной Россіи освобождаютъ крестьянъ съ землей, и (забывая примѣры Пруссіи, Галиціи, Скандинавскихъ державъ и даже Финляндіи, гдѣ аграрный вопросъ поставленъ едва-ли не радикальнѣе, чѣмъ гдѣ либо) заявивъ, будто въ Россіи даже правительство и помѣщики признаютъ право крестьянъ на землю (мы теперь знаемъ, точно ли всѣ крестьяне получили въ Россіи землю, по скольку и на какихъ условіяхъ,— и точно ли эмансипаторы 60-хъ годовъ предохранили Россію отъ пролетаріата, даже сельскаго),— Герценъ переходитъ къ пророчеству о предстоящей Европѣ соціальной катастрофѣ, въ которой Россія, по его вѣрованію, должна принять участіе, кажется, не переставая еще сама быть военною державою: „Подумайте, говоритъ онъ, когда эта шестая доля земного шара, со всѣми Туранскими и Чудскими примѣсями съ соціальными инстинктами, освобожденная отъ нѣмецкихъ колодокъ и лишенная воспоминаній и наслѣдства, перекликнется съ пролетаріемъ—работникомъ и съ пролетаріемъ—батракомъ на Западѣ и они поймутъ, что собственно у нихъ дѣло одно“.

„Кто можетъ предвидѣть всѣ столкновенія и борьбы, которыя вызовутся въ тѣ дни. Но что они будутъ страшны, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Передъ борьбой намъ хотѣлось бы, чтобъ славяне подали другъ другу руку на братскій союзъ,—не для помощи Россіи, не для составленія съ ней чудовищной имперіи, — мы ничего не знаемъ нелѣпѣе этихъ китообразныхъ государствъ, которымъ тяжело двигаться отъ роста, — а для того, чтобы они не остались по ту сторону, по сторону прошедшаго, или не сдѣлались бы кровавымъ театромъ страшной борьбы“.

Читая вышеупомянутыя статьи Герцена, видишь, какъ близокъ онъ къ истинному пониманію вопроса, но въ то же время, особенно послѣ всего случившагося съ 1860 г., видишь, какъ примѣсь къ его здравымъ мыслямъ идей великорусскаго мессіанизма, а также незнаніе дѣятелей исторіи и положенія невеликорусскихъ народовъ и остатки привычки распоряжаться за другихъ ихъ судьбою, — составили около вполнѣ вѣрныхъ и спасительныхъ зеренъ политическихъ идей Герцена о польскомъ вопросѣ такую оболочку, которая должна была стать источникомъ послѣдующихъ бѣдствій и ошибокъ. Начнемъ съ великороссійскаго мессіанизма, потому что, хотя онъ только косвенно входитъ въ главный кругъ предметовъ, которымъ посвящены настоящія статьи, но все таки не можетъ быть оставленъ безъ обсужденія, — такъ какъ онъ, во

первыхъ, составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ великорусскаго общества, въ томъ числѣ и его демократіи, — а во вторыхъ, онъ имѣлъ и свое практическое значеніе въ польскомъ вопросѣ до и послѣ революціи 1863 г. На поляковъ онъ долженъ былъ производить отталкивающее впечатлѣніе, — не только на патріотовъ болѣе „бѣлыхъ" оттѣнковъ, у которыхъ была своя національно-мессіанистическая религія, если и не такъ демократическая, то выражаемая еще съ большимъ мистицизмомъ, — но даже и на тѣхъ изъ „красныхъ", которые способны бы были усвоить и федеральную, и соціалистическую сущность ученія Герцена, но только не въ той, по истинѣ, странной претенціозной оболочкѣ, въ какой ее излагалъ московскій демократъ. Вотъ почему усвоено было ученіе Герцена только великоруссами — и у послѣднихъ получило и практическое примѣненіе, которымъ врядъ-ли доволенъ былъ самъ Герценъ.

Кто слѣдилъ за петербургской и московской печатью 1864—1868 гг., тотъ не могъ не замѣтить, какъ въ тогдашнихъ органахъ императорскаго демократизма, постепенно перешедшихъ въ органы всеобрусительнаго бюрократизма („День", „Москва" и „Москвичъ" И. Аксакова, „Голосъ", который сначала, въ 1863 г., представлялъ было собою въ польскомъ вопросѣ идеи петербургскихъ западниковъ и либераловъ), почти дословно излагались мысли Герцена „о старомъ мірѣ и Россіи", о спасеніи потерявшей славянскій обликъ Польши чистославянскими началами, сохранившимися въ Великороссіи и т. п. Теперь подобнаго рода мысли рѣже высказываются въ великороссійской печати, но онѣ далеко не исчезли въ великорусскомъ обществѣ, а исповѣдываются многими учеными, членами славянскихъ комитетовъ, а также людьми и теперь довольно вліятельными, и которые со временемъ могутъ получить еще болѣе вліятельныя положенія, какъ напр. кн. Ал. Васильчиковъ. Подобныя идеи вдохновляли дѣятельность въ царствѣ польскомъ Ю. Самарина, Черкасскаго, Н. Милютина, — и, конечно, въ ихъ рукахъ послужили опорой для проведенія нѣсколькихъ полезныхъ для польскаго крестьянства аграрныхъ реформъ и сельскихъ учрежденій, — но также, особенно въ рукахъ менѣе образованныхъ людей, служили источникомъ и оправданіемъ всякаго рода централизаторскихъ и православно-обрусительныхъ безобразій надъ Польшею и поляками. (Впослѣдствіи въ болгарскій походъ у самого Черкасскаго идеи великорусскаго мессіанизма, провозглашаемые въ то время г. Ив. Аксаковымъ въ московскомъ славянскомъ комитетѣ и кн. Ал. Васильчиковымъ въ

петербургскомъ, — послужили оправданіемъ системы чистаго кнутобойства надъ „братушками“, уже не сопровождаемаго никакими аграрными реформами).

У Герцена мы встрѣчаемъ сильные противовѣсы великороссійскому мессіанизму, и потому лично онъ, конечно, трижды чистъ отъ всѣхъ его безобразій, но не совсѣмъ не виновна въ нихъ самая его доктрина. Право, не только соціализмъ, но даже императорскій демократизмъ и аграрныя реформы въ Царствѣ Польскомъ могли-бы быть весьма удобно проводимы безъ всякой примѣси племенного мессіанизма; вѣдь обходится-же, напр., безъ него практическій Гладстонъ въ своей аграрной политикѣ въ Ирландіи. Но великорусскіе демократы не обошлись безъ него въ 1860-е годы; не совсѣмъ они обходятся безъ него и теперь, какъ это видно на писаніяхъ многихъ русскихъ „народниковъ“, цензурныхъ и безцензурныхъ. А, между тѣмъ, прослѣдивши генеалогію всѣхъ этихъ претензій на сохраненіе въ Великороссіи основъ наиболѣе удобныхъ для торжества демократіи, антикапитализма, соціализма, правдоискательства и т. п., вы найдете въ корнѣ родословнаго древа ничто иное, какъ старомосковскій китаизмъ и ученіе о томъ, что „Москва — третій Римъ, а четвертаго не будетъ“. [1]).

Если, такимъ образомъ, однимъ своимъ бокомъ ученія Герцена такъ, какъ они были имъ изложены въ 1859—1860 гг., представляли опору для такой политики, которая потомъ повела за собой съ русской стороны мѣры противъ національной индивидуальности Польши, то другимъ своимъ бокомъ они открывали наклонную плоскость, по которой и самъ Герценъ, и его политическіе друзья покатились еще раньше въ сторону польскихъ „историческихъ“ стремленій, по сущности своей завоевательныхъ, а не освободительныхъ, и противъ которыхъ самъ Герценъ выставилъ столько вѣскихъ соображеній и въ тѣхъ же вышеупомянутыхъ статьяхъ.

Изъ выписанныхъ выше словъ Герцена въ 34 № „Колокола“ видно прежде всего, что онъ разумѣетъ подъ словомъ Россія собственно только Великоруссію, ибо только къ ней „присоедини-

---

1) Напомнимъ еще слова Герцена, написанныя во время польскаго возстанія въ отвѣтъ московскимъ славянофиламъ (Концы и начала. „Колоколъ“, стр. 1566): „Для васъ русскій народъ преимущественно народъ православный, т. е. наиболѣе христіанскій, приближающійся къ веси небесной. Для насъ русскій народъ преимущественно соціальный, т. е. наиболѣе близкій къ осуществленію одной стороны того экономическаго устройства, той земной веси, къ которой стремятся всѣ соціальныя ученія.“

лась Украйна въ XVII ст:", и только она „сохраняетъ сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу" (конечно, за исключеніемъ такъ называемыхъ инородцевъ). А, между тѣмъ, рядомъ Герценъ употребляетъ это слово и въ государственномъ смыслѣ и въ тоже время неясно представляетъ себѣ численное отношеніе невеликорусскихъ элементовъ населенія русскаго государства къ элементу великороссійскому, когда говоритъ, что „Россія, кромѣ закраинъ своихъ, представляетъ сплошное единство". На дѣлѣ эти „закраины" занимаютъ почти половину Европейской Россіи—отъ Финдляндіи черезъ Петербургъ, Смоленскъ, почти подъ Воронежъ къ Н. Черкаску и Ставрополю, и представляютъ почти половину населенія страны. При этомъ важное практическое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что почти всѣ невеликорусскія племена западной половины Европейской Россіи выходятъ своими частями за границы русскаго государства (литовцы, которыхъ болѣе сознательная часть и печать находятся въ Пруссіи, поляки, украинцы, румыны), а потому не могутъ быть подведены этимъ государствомъ подъ одну струну, (То же слѣдуетъ сказать о грузинахъ и армянахъ за Кавказомъ). А изъ племенъ нерусскихъ, но помѣщающихся въ Россіи, малыя племена латышей и эстовъ, которыхъ великорусскіе государственные демократы желаютъ эмансипировать и въ то же время русить, превосходятъ своимъ образованіемъ и организаціей русскихъ [1]). Такимъ образомъ, „закраины" Россіи имѣютъ очень много шансовъ на измѣненіе всѣхъ разсчетовъ, которые могутъ быть сдѣланы великоруссами касательно судебъ всей Россіи. Противъ этого, конечно, люди, въ родѣ Герцена (еслибъ только ихъ было побольше!), ничего не станутъ и возражать. Но прежде всего, имъ слѣдуетъ имѣть вполнѣ отчетливое понятіе о томъ, что такое „единство Россіи" и что такое ея „закраины".

У Герцена оказалось гораздо менѣе такихъ отчетливыхъ понятій, чѣмъ добрыхъ намѣреній, въ томъ случаѣ, когда онъ приступилъ къ вопросу о границахъ его „сплошной Россіи" съ Польшею. Прежде всего онъ впалъ въ ошибку уже тѣмъ, что началъ, по примѣру польскихъ „историческихъ" патріотовъ, опредѣлять границу своей Россіи, т. е. Великоруссіи отъ Польши, тогда какъ,

1) Въ началѣ 1881 года эсты имѣли 6 періодическихъ изданій (въ теченіи года прибавилось еще 2) на 900000 населенія, а латыши-протестанты 10 на 1100000; русскихъ же было всѣхъ изданій, съ оффиціальными, только 376 на 40 000 000 великоруссовъ, не считая обрусѣлыхъ чиновниковъ.

по духу его идей, онъ долженъ бы былъ опредѣлять границу ея отъ Латышіи, Бѣлоруссіи и Украйны, такъ какъ вѣдь великорусская нація нигдѣ съ польской не соприкасается. Между тѣмъ Герценъ, предполагая возможность, что напр. „Украйна не захочетъ быть ни польской, ни русской“, предполагаетъ и возможность, что западныя области захотятъ быть то русскими, то польскими, при чемъ опираетъ это предположеніе на разныя „бытовыя основанія“, которыя, за неимѣніемъ ни горъ, ни большихъ рѣкъ, могутъ, по его мнѣнію, опредѣлить границу,—границу все таки между Россіей и Польшей! Приглядѣвшись ближе къ этимъ „бытовымъ основаніямъ“, увидимъ, что ни одно изъ нихъ не опредѣляетъ никакой границы, а одно за другимъ даютъ линіи до смѣшного перепутывающіяся.

Возьмемъ языкъ. Литовскій языкъ, напр., уже потому, что онъ совсѣмъ и не славянскій, не можетъ быть „ближе“ ни къ русскому, ни къ польскому; область его, значитъ, окажется ни Россіей, ни Польшей. Затѣмъ славянскіе языки: бѣлорусскій и украинскій въ основѣ своей вездѣ,—къ западу, какъ и къ востоку,—находятся въ одинаковомъ отношеніи какъ къ польскому, такъ и къ русскому языку,—и если, напр., дальше къ западу вы встрѣтите въ языкѣ больше культурныхъ словъ польскихъ (между которыми добрая половина слова нѣмецкія, зашедшія и къ полякамъ, и къ восточнымъ сосѣдямъ), а на востокѣ найдете слова русскія, то эти слова такъ же мало измѣняютъ массовой украинскій или бѣлорусскій характеръ какой нибудь гродненской или черниговской губерній, какъ и украинскія слова въ языкѣ орловской, или новгородской губерній не измѣняютъ сути великорусскаго характера послѣднихъ. Рядомъ съ десятками, сотнями польскихъ и полонизированныхъ словъ встрѣтимъ въ языкѣ какой нибудь Сѣдлецкой губерніи такія оригинальныя особенности основныхъ чертъ языка, фонетики и грамматики, которыя заставятъ всякаго, знакомаго съ дѣломъ, только улыбнуться надъ тѣмъ, кто вздумаетъ зачислять эти земли въ Польшу, на основаніи будто бы большей близости языка къ польскому, чѣмъ къ великорусскому. Ссылаемся на всѣхъ ученыхъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ. По языку во всей спорной области получишь границы: Польши, Литвы, Латышіи, Бѣлоруссіи, Украйны, Великоруссіи,—а вовсе не Польши и Россіи.

Не больше помогаетъ великорусскому демократу съ его польскими корреспондентами и религія: православіе, унія и даже католицизмъ. Во первыхъ, унія сохранялась въ 1860 г. только въ

Царствѣ Польскомъ (около 500,000) да въ Галиціи (б. 3,000,000), значитъ громаднѣйшая часть земли отъ З. Буга и австрійской границы за Днѣпръ, т. е. всѣ „губерніи отъ Польши возвращенныя“, какъ говорятъ въ Россіи, и весь „забранный край“. какъ говорятъ въ Польшѣ, окажутся Россіей, конечно, къ великому неудовольствію польскихъ историческихъ патріотовъ. А кромѣ того, населеніе уніатской Галиціи по всѣмъ прочимъ „бытовымъ основаніямъ“ совсѣмъ подобно православному населенію кіевской губерніи, которое по религіозно-бытовому основанію Герцена оказывается „русскимъ“, и населенію полтавской губерніи, которое „историческіе“ польскіе патріоты не требуютъ въ Польшу на томъ основаніи, что оно уступлено Польшей трактатомъ 1667 г., а не 1773 г. Уніатское населеніе Галиціи и передъ 1860 г. десятки разъ доказало, между прочимъ, устами крестьянскихъ депутатовъ въ австрійскомъ парламентѣ 1848 г.,—что оно также не хочетъ „принадлежать“ Польшѣ, какъ и кіевское или полтавское, о чемъ и Герценъ могъ бы знать, если бы между Галиціей и имъ не стояли увѣренія польскихъ патріотовъ и нѣмецкихъ либераловъ, будто „русиновъ выдумалъ въ 1848 г. намѣстникъ Галиціи гр. Стадіонъ“. Наконецъ въ Правобочной Украйнѣ есть села бѣдной шляхты и вообще чиншевиковъ, по религіи католиковъ, но по языку украинцевъ, которые ни въ 1831 г., ни въ 1863 г. не обнаружили никакой охоты возставать за Польшу. Община, какъ мірская сходка, существуетъ во всей данной полосѣ,—а общиннаго землевладѣнія не существуетъ и въ черниговской, и полтавской губерніи (кромѣ казенныхъ крестьянъ). Оно существуетъ въ Слободской Украйнѣ и Новороссіи, какъ въ земляхъ новѣйшаго заселенія, но въ этихъ земляхъ, по всѣмъ другимъ „бытовымъ основаніямъ“, населеніе ничѣмъ не отличается отъ населенія, напр., полтавской, кіевской и подольской губерній, а въ Новороссіи, при общинномъ землевладѣніи, подобномъ великороссійскому, сохранились наиболѣе живыя воспоминанія о томъ, какъ „Москва Січь руjновала“ и какъ „московська царицья своjім генералам запорожські степи подаровала“ и т. п. Словомъ: 1) или не зачѣмъ вовсе поднимать вопроса о „бытовыхъ основаніяхъ“ для политическихъ границъ, а надо признать границы „историческія“, т. е. проведенныя мечемъ и перомъ дипломатовъ, и тогда, право, трудно понять, чѣмъ эти границы, установленныя для Россійской имперіи Вѣнскимъ конгрессомъ 1815 г. хуже, чѣмъ границы между Московіей и Польшей, опредѣленныя въ 1667 г. и существовавшія до 1772 г.? По здравому разуму, теперешнія „истори-

ческія“ границы Россіи, какъ Россійской имперіи, уже потому лучше „историческихъ“ границъ Польши 1667—1772 гг., что они существуютъ; или же 2) если уже начать передѣлывать границы Россійской имперіи, по совокупности бытовыхъ основъ, то опять таки получимъ не Россію и Польшу,—а Польшу, Украйну, Бѣлоруссію, Литву и т. п.

Но въ концѣ концовъ великорусскій демократъ высказываетъ мысль, что не нужно предрѣшать вопроса о границахъ,—а слѣдуетъ предоставить рѣшить его населеніямъ спорныхъ провинцій, причемъ, говоря пока объ одномъ изъ нихъ, украинскомъ, говоритъ: „развяжемъ-те имъ руки, развяжемъ-те имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна, и тогда пусть они скажуть свое слово“ и т. д. На первый взглядъ нѣтъ ничего резоннѣе, благонамѣреннѣе и даже самоотверженнѣе такихъ рѣчей,—и если бы политическіе дѣятели, не говоримъ уже правители, но даже революціонеры,—всѣ были Герцены, то не оставалось бы ничего желать, какъ только того, чтобъ они поставлены были въ возможность „развязать руки и языкъ“ населеніямъ Европы, „сдѣлать ихъ рѣчь совершенно свободною“, чтобъ избавить эти населенія по крайней мѣрѣ отъ національныхъ споровъ. О такомъ непредрѣшеніи вопроса о „забранныхъ краяхъ“ и объ освобожденіи прежде всего языка и рукъ ихъ населеній для того, чтобъ они могли совершенно свободно подать свой голосъ по вопросу о принадлежности къ Польшѣ, или о союзѣ съ нею,—говорили и во времена Герцена нѣкоторые польскіе политики, говорятъ и теперь иногда польскіе публицисты. Мы увидимъ далѣе примѣры этихъ рѣчей.

Увы! не сомнѣваясь въ самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ говорящихъ такія рѣчи, мы не можемъ не признать ихъ ни чѣмъ инымъ, какъ только компромиссомъ между мнѣніями, съ которыми трудно бороться на открытомъ полѣ аргументаціи, мнѣніями, отрицающими всякія „историческія“ права Польши и всякія издѣлія старой дипломатіи, люблинскія, какъ и вѣнскія, и собственными привычками говорящихъ къ мысли объ этихъ „историческихъ“ правахъ. Это очень гуманно спрашивать населеніе о политическихъ границахъ. Еще гуманнѣе поднять оружіе для того, чтобъ „развязать имъ языкъ“. Но на бѣду въ иныхъ вопросахъ отвѣты зависятъ отъ того, кто, какъ и при какихъ условіяхъ предложитъ вопросъ, а теперешнія массы народа во внѣшне-государственныхъ вопросахъ, сущность которыхъ не сразу видна имъ въ повседневной жизни, почти всегда высказываются за status quo, — т. е. на дѣлѣ за то-

го, у кого въ рукахъ власть, войско. Тотъ же, у кого власть, не расположенъ ставить вопросы иначе, какъ въ такой формѣ, чтобъ получить на нихъ какъ разъ такіе отвѣты, какіе ему нужны. Напомнимъ, напр., suffrage universel, произведенный Наполеономъ III въ Ниццѣ, или хоть послѣднюю перепись, произведенную въ Галиціи польскими чиновниками, между которыми находится много принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи 60-хъ годовъ. Затѣмъ, есть положенія, когда приставать къ человѣку съ извѣстными вопросами, прося у него самыхъ свободныхъ отвѣтовъ, есть просто невѣжливость: въ числѣ такихъ невѣжливыхъ вопросовъ можно поставить вопросы: Лейпцигу—нѣмецкій ли онъ городъ, или чешскій? Варшавѣ, — не русская ли она? и обитателямъ Кіевскаго уѣзда, — не поляки ли они? А поднимать въ Лейпцигѣ возстаніе для того, чтобъ развязать ему языкъ по вопросу: хочетъ ли онъ быть нѣмецкимъ, или чешскимъ городомъ? было бы болѣе, чѣмъ невѣжливо. Но пусть предлагаютъ разные софистическіе и даже невѣжливые вопросы люди, власть имѣющіе. Прежде всего, они почти ничѣмъ не рискуютъ, имѣя въ рукахъ готовую власть, революціонеры же, даже тѣ, которые хотятъ захватить власть, а не только тѣ, которые хотятъ „совершенной свободы", должны задавать вопросы самимъ себѣ прежде, чѣмъ долженствующимъ быть освобожденными населеніямъ, и добиваться на нихъ отвѣтовъ положительно-научнымъ способомъ, на основаніи совокупности данныхъ, представляемыхъ исторіей и настоящимъ положеніемъ этихъ населеній. Такъ медикъ долженъ прежде всего дѣлать самъ діагнозъ болѣзни субъекта, котораго онъ думаетъ лечить, — имѣя при этомъ въ виду, что иногда этотъ субъектъ можетъ и не понимать его вопросовъ. Для революціи прежде всего нужна сила — т. е. помощь самаго населенія извѣстныхъ странъ, а потому революціонеръ, особенно если онъ не расчитываетъ на постороннюю государственную помощь (въ такомъ случаѣ онъ собственно и не революціонеръ, а завоеватель), долженъ прежде всего сообразить, чѣмъ онъ можетъ поднять населеніе, и чѣмъ можетъ оттолкнуть его отъ себя? Революціонеръ же, который дѣйствительно чуждъ личнаго и даже національнаго эгоизма, долженъ при этомъ сообразить, что такое дѣйствительно можетъ служить къ удовлетворенію нуждъ даннаго населенія? и долженъ затѣмъ направить въ эту сторону всю свою энергію. Всѣ эти требованія мы вправѣ предъявлять къ дѣятелямъ настоящаго, „положительнаго" времени.

Приложимъ эти соображенія къ двумъ крайнимъ и непохожимъ между собою провинціямъ изъ числа „забранныхъ“ нынѣшнею Россіею отъ старой Польши,—къ Украйнѣ и Литвѣ. Въ первой мы увидимъ такое недвусмысленное и столько разъ съ XVI в. заявленное отвращеніе отъ всякой принадлежности къ польскому государству, что слѣдуетъ по истинѣ удивляться, какъ можно было людямъ, что нибудь знающимъ объ этой землѣ, допускать на одну секунду мысль, что населеніе ея можетъ, да еще при полной свѣжести памяти о крѣпостномъ правѣ у польскихъ пановъ, пойти за польскимъ знаменемъ, даже если бы изъ подъ него обѣщались рѣки сытовыя и берега кисельные. Во второй мы видимъ населеніе еще съ XV ст. затертое національно-политически и придавленное соціально, — такъ что ему теперь совершенно странно ставить вопросъ о томъ, хочетъ ли оно принадлежать къ тому, или другому государству, или даже къ тому, или другому политическому союзу. Какъ населеніе религіозное, и при томъ католическое, литовцы, конечно, недовольны принадлежностью къ еретичной Россіи, и ихъ, конечно, можно убѣдить, что съ единовѣрной Польшей имъ было бы лучше, хотя сомнительно, чтобъ ихъ можно было довести до поголовнаго возстанія за отпаденіе отъ Россіи къ Польшѣ: по крайней мѣрѣ такого возстанія не было ни въ 1831 г., когда жмудины даже пробовали рѣзать польскихъ пановъ, какъ это дѣлали потомъ, въ 1846 г., польскіе крестьяне въ западной Галиціи, [1]) ни въ 1863 году, когда возстаніе въ Жмуди, несмотря на усилія ксендзовъ, вовсе не было очень энергично, а тамъ, гдѣ ксендзъ не изъ шляхты, а изъ крестьянъ, то, говорятъ, его и совсѣмъ не было.

Но допустимъ, что старое польское государство возстановлено, и среди 30 милліоновъ населенія его (10—11 милліоновъ поляковъ) оказывается и $2^1/_2$ милліона литовцевъ, почти исключительно крестьянъ. Лучше ли бы съ ними обращался сеймъ Польши, чѣмъ парламентъ Германіи обращается съ познанскими поляками, или галиційскій съ русинами? Сомнительно. А если такъ, то стоитъ ли мѣнять господина?!...

Но, говорятъ, такого не было бы, если бъ Польша была возстановлена революціоннымъ путемъ, да еще при дѣятельномъ участіи не-польскихъ населеній, въ томъ числѣ и литовскаго, кото-

1) О жмудской жаккеріи можно прочесть у Шмидта (Ceschichte der Polnischen Revolution 1830—31), котораго мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ рукою.

рыя въ такомъ случаѣ имѣли бы достаточно силы, чтобъ и не позволить поставить себя въ подчиненное положеніе, даже если бы поляки и возымѣли неблагородное желаніе господствовать надъ ними. Литвины, напр., имѣли бы областное самоуправленіе, свой языкъ въ школахъ, а если бы захотѣли, то и свой университетъ. Если же такъ, то, спрашивается, почему подобный союзъ назывался бы Польшею? а слѣдовательно непонятно, зачѣмъ это нужно приступать къ агитаціи среди литовскаго населенія во имя возстановленія Польши и Люблинской уніи, отъ которой собственно литовскому населенію было по меньшей мѣрѣ ни тепло, ни холодно, а не прямо во имя интересовъ самого литовскаго населенія.

Уже и опытъ 1830—31 гг., когда Царство Польское имѣло свою армію, показалъ, что безъ поголовнаго возстанія не только поляковъ, но и всѣхъ націй „забранныхъ краевъ“ невозможно освободить даже Конгрессовую Польшу, а, слѣдовательно, сторонники даже одного этого освобожденія должны были бы въ 60-е годы употребить всевозможныя усилія, чтобы привлечь къ новому возстанію эти населенія. А для этого надо было, чтобъ сторонники эти, а также друзья ихъ въ польскихъ губерніяхъ, употребили больше усилій, чтобъ изучить потребности и характеръ этихъ населеній, войти въ ихъ интересы, слиться съ ними языкомъ и трудомъ, безъ чего невозможно пріобрѣсти ихъ довѣрія, а потомъ и поднимать эти населенія за ихъ, а не за польскіе интересы. Если же такъ, то опять спрашивается: почему такое возстаніе было бы польскимъ возстаніемъ, а не польскимъ, литовскимъ, бѣлорусскимъ и украинскимъ возстаніемъ, если говорить пока только о вопросѣ національной и областной автономіи и оставить вопросы соціальные. Необходимо принять во вниманіе, что украинцамъ нѣтъ интереса дѣлиться пополамъ, такъ, чтобъ западная ихъ половина вошла бы въ союзъ — положимъ, не похожій на все прежнее и на положеніе дѣлъ въ Галиціи, — съ Польшею, а восточная оставалась за Россіей, и что если украинцамъ лить кровь за автономію, то за автономію всего своего племени. Значитъ — возстанію населеній западной Россіи еще болѣе нѣтъ резона производиться подъ знаменемъ Польши. Наконецъ, еще въ 1831 г. нашлись среди поляковъ люди, которые увидѣли необходимость поддержки и въ Великороссіи, почему и написали на своихъ знаменахъ: „за нашу и вашу вольность“. И въ самомъ дѣлѣ, не только трудно себѣ представить полное торжество возстанія въ западной половинѣ Россіи безъ поддержки свободнаго движенія въ Великороссіи, но разъ до-

пустивши, что цѣлью вышеупомянутаго возстанія должно быть не возстановленіе старой Польши въ одной изъ ея историческихъ границъ, а установленіе великой федераціи поляковъ, литовцевъ, латышей, бѣлоруссовъ и украинцевъ, совсѣмъ непонятно исключеніе изъ нея и великоруссовъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ необходимости выработать широкую федеральную программу, независимую ни отъ какихъ „историческихъ“ преданій и государственныхъ претензій, программу вполнѣ достойную освободительныхъ идей новѣйшаго времени и могущую дѣйствительно удовлетворить интересы всѣхъ племенъ Восточной Европы.

Читатель можетъ замѣтить, что мы выходимъ за предѣлы предмета, о которомъ начали рѣчь, и говоримъ о настоящемъ и будущемъ, вмѣсто обсужденія прошедшаго, къ которому было бы слишкомъ строго прилагать мѣрку, годную развѣ для настоящаго или даже для будущаго. Это замѣчаніе будетъ вѣрно только отчасти. Во первыхъ, для дѣятеля все таки недавняго и при томъ для человѣка такого ума и образованія, какими обладалъ Герценъ, никакая теперешняя мѣрка не можетъ быть строгою, и если бы Герценъ явился и теперь среди насъ такимъ, каковъ онъ былъ, то врядъ ли бы онъ оказался позади многихъ изъ теперешнихъ дѣятелей, а не гораздо болѣе современнымъ, чѣмъ они. А во вторыхъ, въ своихъ статьяхъ „Польша и Россія“ 1859—1860 г. Герценъ самъ очень ясно намѣтилъ основы той широкой федеральной программы, о которой мы сейчасъ сказали. Онъ только не развилъ ея въ деталяхъ, и не обнаружилъ должной настойчивости передъ претензіями „историческаго“ польскаго патріотизма, а потомъ въ горячую минуту сдѣлалъ ему еще болѣе уступокъ. Причиною тому было главнымъ образомъ отсутствіе детальныхъ знаній относительно западныхъ провинцій Россіи и отсутствіе непосредственныхъ впечатлѣній отъ ихъ жизни, хотя нельзя сказать, чтобъ знаменитый великорусскій демократъ былъ совсѣмъ лишенъ предостереженій съ мѣста, по крайней мѣрѣ изъ одной изъ западныхъ провинцій.

Самое выдающееся изъ этихъ предостереженій было письмо, помѣщенное въ 61 листѣ „Колокола“ (1861 г., 15 января), какъ передовая статья подъ заглавіемъ „Украйна“, и вызванное прямо статьею Герцена въ 34 №, изъ которой мы привели выше выдержки. Письмо это, очевидно, принадлежитъ перу одного изъ главныхъ членовъ кіевскаго братства 1847 г. и замѣчательно во многихъ отношеніяхъ. Здѣсь мы приведемъ изъ него нѣсколько

выдержекъ, которыя наиболѣе прямо идутъ къ „занимающему насъ вопросу

Начавъ съ благодарности издателю „Колокола“ за слова его объ Украйнѣ, сказанныя въ 34 №, какъ „за одну изъ многихъ истинъ, которыя онъ первый высказалъ печатно на русскомъ языкѣ“, авторъ письма приступаетъ къ изложенію своихъ „задушевныхъ убѣжденій“.

„Большинство великорусской и польской публики, говоритъ онъ, привыкло не считать насъ (украинцевъ) отдѣльнымъ народомъ. Этотъ ошибочный взглядъ возникъ отъ того, что дворянъ-малороссіянъ нѣтъ, за исключеніемъ немногихъ, которые въ послѣднее время, вмѣстѣ съ сознаніемъ о несостоятельности дворянской институціи, обращаются къ чистому народному источнику; и прежде у насъ не было дворянъ: они были чужіе, хотя и происходили отъ нашей крови; прежде они становились поляками, теперь—великороссіянами. Народность малороссійская, какъ привыкли ее называть съ легкой руки дьяковъ Алексѣя Михайловича, всегда оставалась достояніемъ угнетеннаго сословія, пóтомъ и кровію утучнявшаго и Вишневецкихъ и Разумовскихъ. Можно ли признать народомъ мужичье? Можно ли давать ему права самобытнаго существованія?

„Такъ думали и думаютъ многіе изстари. Намъ случалось слышать отъ либеральныхъ поляковъ, что о принадлежности Волыни и Подоліи Польшѣ не можетъ быть и сомнѣнія, потому что весь образованный классъ народонаселенія этихъ краевъ — поляки, и тянутъ къ Польшѣ душой и тѣломъ: что же касается до сплошной массы чернаго народа, то его не слѣдуетъ о томъ и спрашивать, потому что онъ не можетъ отвѣчать, будучи невѣжественъ въ государственныхъ вопросахъ. Либералы-великоруссы, или наслышавшись польскихъ доказательствъ и привыкшіе считать націями только такіе народы, у которыхъ были государи, дворы и дипломаты, великодушно жертвуютъ полякамъ эти края, или же, подъ вліяніемъ патріотизма, развитаго Устряловымъ, почитаютъ ихъ непререкаемою собственностью Россіи, и такимъ образомъ вопросъ о принадлежности земель, населенныхъ нашимъ народомъ, составляетъ спорный пунктъ между свободолюбящими (людьми) обоихъ славянскихъ племенъ. А ларчикъ открывается просто: спорныя земли не принадлежатъ ни тѣмъ, ни другимъ; они принадлежатъ тому народу, который издревле ихъ населялъ, населяетъ и обрабатываетъ“.

Сдѣлавъ затѣмъ обзоръ исторіи Украйны и указавъ, какъ на главную причину ея упадка, на раздѣлъ ея въ концѣ XVII в. между Москвою, Польшею и Турціей, авторъ переходитъ къ украинскому возрожденію въ XIX столѣт. и къ появленію на Украйнѣ идей панславизма. „Идея панславизма, говоритъ онъ, принялась на Украйнѣ совсѣмъ не такъ, какъ въ Москвѣ, гдѣ она проявлялась въ стремленіи уразумѣть смыслъ тропарей и букварей, или въ риторическихъ похвалахъ старомосковской Руси, подъ которыя боязливо подкладывалась всероссійскому престолу надежда простереть когда нибудь царственную десницу на славянскіе народы и уготовать имъ вожделѣнную судьбу Украйны и Польши. Въ Украйнѣ эта идея тотчасъ облеклась въ свѣтлую форму федеративнаго союза славянъ, гдѣ бы каждая народность сохраняла свои особенности при всеобщей личной и общественной свободѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ возникло убѣжденіе, что только этимъ путемъ Украйна можетъ подняться изъ упадка и сохранить свой столь несправедливо и безжалостно попранный образъ". Разсказавъ далѣе судьбу кіевскаго братства 1847 г. и его членовъ въ ссылкѣ и вліяніе на Украину оттепели, наступившей въ началѣ царствованія Александра II, — „весны, хотя непостоянной, съ частыми рецидивами зимнихъ морозовъ", — авторъ предлагаетъ нѣсколько украинскихъ требованій отъ русскаго правительства: дополненіе задуманнаго освобожденія крестьянъ полнымъ уравненіемъ правъ крестьянъ съ дворянствомъ, а также допущеніе украинскаго языка въ школы, и затѣмъ оканчиваетъ свою статью такъ: „Болѣе мы не станемъ требовать и желать собственно для себя, независимо отъ общихъ, совокупно со всей Россіей желаній. Никто изъ насъ не думаетъ объ отторженіи Южной Руси отъ связи съ остальной Россіей. Напротивъ, мы бы желали, чтобъ всѣ другіе славяне соединились съ нами въ одинъ союзъ, даже подъ скипертомъ русскаго государя, если этотъ государь сдѣлается государемъ свободныхъ народовъ, а не всепожирающей татарско-нѣмецкой московщины. Въ будущемъ славянскомъ союзѣ, въ него же вѣруемъ и его же чаемъ, наша Южная Русь должна составить отдѣльное гражданское цѣлое на всемъ пространствѣ, гдѣ народъ говоритъ южно-русскимъ языкомъ, съ сохраненіемъ единства, основаннаго не на губительной мертвящей централизаціи, а на ясномъ сознаніи равноправности и своихъ собственныхъ выгодъ. Чтобъ наши потомки увидѣли то, что едва ли какому нибудь Симеону изъ нашего поколѣнія суждено увидѣть, надобно, чтобы славяне очищались отъ своихъ старыхъ предразсудковъ.

„Пусть же ни великоруссы, ни поляки не называютъ своими земли, заселенныя нашимъ народомъ".

Въ 1863 г., въ самый разгаръ польскаго повстанія, послѣ того уже, какъ Герценъ принялъ программу делегатовъ варшавскаго революціоннаго правительства, онъ вспомнилъ эту статью, называя ее превосходною и говоря, что съ нимъ „согласны и сами украинцы", т. е. иначе, что онъ самъ согласенъ съ федералистомъ авторомъ статьи „Украйна". („Колоколъ", № 167). На сколько это заявленіе Герцена было вѣрно, увидимъ далѣе.

Представленное выше критическое отношеніе Герцена къ польскому историческому патріотизму и его соціально-демократическое федеральное всеславянство не встрѣчали себѣ ни малѣйшаго отзыва въ польскомъ обществѣ, ни даже, какъ мы помнимъ по собственнымъ наблюденіямъ изъ временъ нашего студенчества (въ Кіевѣ, 1859—1863), среди молодежи. Въ польскомъ обществѣ и печати царствовало безъ соперника убѣжденіе, что „Литва и Русь"—интегральныя части Польши, а среди польскихъ демократовъ господствовало убѣжденіе, что соціальный переворотъ и даже какія-нибудь уступки крестьянамъ необходимо дѣлать, сображаясь съ ходомъ вопроса о возстановленіи Польши; а такъ какъ это возстановленіе требовало дѣятельнаго участія помѣщиковъ и даже заграничной дипломатіи, то понятно, что даже крайніе демократы и соціалисты не могли дать вполнѣ свободнаго хода своимъ соціально-экономическимъ идеямъ, какъ и своимъ свободнымъ мнѣніямъ о религіи.[1]) Казалось бы, что при такомъ коренномъ различіи въ идеяхъ, союзъ между „Колоколомъ" и польскими революціонерами былъ невозможенъ. И однако же онъ состоялся.

Герценъ разсказалъ въ своихъ замѣткахъ, какъ это случилось. (Сборникъ посмертныхъ статей, 211—216). „Если въ Россіи,—говорилъ Герценъ делегатамъ варшавскаго революціоннаго комитета,—на вашемъ знамени не увидятъ надѣлъ земли (крестьянамъ) и волю провинціямъ, то наше сочувствіе вамъ не принесетъ никакой пользы, а насъ погубитъ".— Вы будете нами довольны, —

---

[1]) См. у Герцена объ отношеніяхъ Ворцеля къ окружавшимъ его „революціоннымъ недорослямъ" (Сборн. Посмерт. Статей. 123—125).

отвѣчали делегаты. Такой разговоръ происходилъ уже послѣ редакціи прокламаціи, которая должна была появиться въ „Колоколѣ“, какъ отвѣтъ на письмо польскаго революціоннаго комитета. Въ отвѣтѣ этомъ Герценъ написалъ слѣдующія рѣшительныя слова не только отъ себя, но и отъ всей своей группы: „тотъ русскій, который и на этомъ основаніи не подастъ руки полякамъ, тотъ не любитъ свободы“. Между тѣмъ, взглянувъ холоднымъ окомъ на „основанія“, начертанныя польскими делегатами, нельзя не увидѣть, что между Герценомъ и этими послѣдними произошло крупное недоразумѣніе, граничившее чуть не съ мистификаціей.

Авторы представленной Герцену деклараціи „отъ центральнаго народнаго польскаго комитета въ Варшавѣ“ („Колоколъ“, 1 октября 1862 г.) заявили, что признаютъ „право крестьянъ на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякаго народа располагать судьбою своею“. Но дальше, при развитіи этого положенія, оказалось, что надѣлъ крестьянскій, размѣръ котораго не былъ опредѣленъ, обѣщался „на основаніи выкупа“. Но на этомъ основаніи еще раньше назначенъ былъ крестьянамъ во всѣхъ западныхъ провинціяхъ надѣлъ „отъ царя“, по Положенію 19-го февраля 1861 г. Новаго польскіе революціонеры обѣщали крестьянамъ—развѣ такъ называемое „прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ и обязательный выкупъ“, а также выкупъ за надѣлы, принятый прямо на государственный бюджетъ (какъ въ Австріи), а не на взносы однихъ крестьянъ. Но къ первому склонялось само правительство, въ виду рѣшительнаго нежеланія крестьянъ, особенно на Украинѣ, продолжать какія бы то ни было обязательныя отношенія къ помѣщикамъ, и требованій „царскаго выкупа“, подъ которымъ крестьяне разумѣли совсѣмъ даровое для нихъ полученіе надѣловъ, а администрація разумѣла обязательный выкупъ (Основа, 1862, сентябрь. Послѣ поѣздки на Волынь. 45). Второе, напр. въ Австріи, было въ сущности совсѣмъ видимымъ облегченіемъ крестьянъ, такъ какъ общее повышеніе податей для покрытія выкупного долга наложило на нихъ такую же плату, какую крестьяне платили въ Россіи въ видѣ своихъ прямыхъ выкупныхъ взносовъ. Декретъ польскаго революціоннаго правительства, изданный въ духѣ деклараціи, помѣщенной въ „Колоколѣ“, если и могъ быть гдѣ-нибудь полезенъ сравнительно съ status quo, такъ это въ Царствѣ Польскомъ, такъ какъ тамъ совсѣмъ еще не было придумано ни патріотами-помѣщиками, ни правительствомъ общей мѣры о переходѣ надѣловъ въ крестьянскую соб-

ственность даже посредствомъ выкупа. Но тутъ этотъ декретъ имѣлъ другую слабую сторону: онъ давалъ надѣлы, конечно, съ вознагражденіемъ помѣщикамъ, только крестьянамъ, признаннымъ сидящими на землѣ; что же касается до безземельныхъ крестьянъ и батраковъ, то изъ нихъ должны были получить надѣлы только тѣ, которые поступятъ въ ряды повстанцевъ!! (Текстъ декрета см. Giller, Historja powstania narodu polskiego w 1861—1864 г. I, 312—315; переводы: въ Affaires de Pologne. Exposé de la situation suivi des documents et des pièces justificatives. 1862. Изданіе кн. Чарторыйскаго съ видомъ оффиціальнаго; 41—42. Em. Knorr, Die polnischen Aufstände seit 1830. Berlin 1880. 312—313).[1] Но по счету 1859 г. изъ 3.639.000 сельскаго населенія въ Царствѣ было поземельныхъ собственниковъ 6% (218.528, изъ которыхъ крестьянъ 21.944); сидящихъ на землѣ за панщину и чиншъ—55%, и безземельныхъ 37% (Zaleski. Stat. porown. Kr. Polskiego. I, 84). Эти 37%, т. е. 1.339.403 человѣка, оставались собственно внѣ благодѣяній декрета польскаго революціоннаго правительства. Русское правительство нашло потомъ для части ихъ земли, только конфисковавъ монастырскія имѣнія, на что революціонное правительство не рѣшалось, по той простой причинѣ, что тогда бы оно лишилось поддержки духовенства, на которое всегда разсчитывали самые красные и самые вольнодумные польскіе революціонеры. Такимъ образомъ вопросъ о надѣлахъ крестьянамъ у польскихъ революціонеровъ 1862—1863 гг. оказывался сильно подчиненнымъ политическимъ соображеніямъ, въ совершенную противность всему тому, что по этому вопросу учили Герценъ и его друзья, которые не замедлили бы назвать варшавскій декретъ 22 января 1863 г. совершенно недостаточнымъ, если бы онъ вышелъ, напр., отъ русскаго правительства.

Но, если декларацiи польскихъ революціонеровъ по первому пункту требованій великорусскихъ демократовъ, по аграрному вопросу, были недостаточны, то уступки ихъ по второму пункту, по вопросу о „волѣ (западныхъ) провинцій“, были совсѣмъ призрачны. Уже въ самомъ заявленіи „центральнаго комитета“, на-

---

[1]) Въ „Золотой Грамотѣ“, изданной послѣ къ „сельскому люду Подоліи, Волыни и Украйны“ (Кіевск. губ.), уже нѣтъ этого условія, но вопросъ о надѣлахъ безземельныхъ крестьянъ (которыхъ тутъ было гораздо меньше, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ) предоставленъ на рѣшеніе будущаго „наивысшаго сейма государственнаго“. (Giller, I, 315).

печатанномъ въ „Колоколѣ“, вопросъ о „полной самоправности всякаго народа располагать судьбою своею“ оказывался предрѣшеннымъ въ пользу союза литовцевъ, латышей (Витебской и Курляндской губ.), бѣлоруссовъ и правобочныхъ украинцевъ съ Польшей, по крайней мѣрѣ на время войны ея съ „Москвою“. Казалось бы, „полная самоправность всякаго народа располагать своею судьбою“ должна бы обнимать собою не только свободу жить, съ сохраненіемъ автономіи, въ извѣстномъ союзѣ, но и свободу не приставать къ нему, свободу не принимать вовсе участія въ кровопролитіи, поднятомъ по соображеніямъ одного изъ своихъ сосѣдей, который добивается съ ними союза,—а если уже возставать противъ существующей политической комбинаціи, то прежде всего для себя, по своимъ соображеніямъ. Но не такъ понимали эту самоправность польскіе революціонеры: у нихъ восточные сосѣди поляковъ должны были возставать противъ „Москвы“, потому что это нужно для Польши, потому что поляки не могутъ отъ нихъ отказаться,—а потомъ уже, возстановивъ Польшу,—и непремѣнно Польшу 1772 г.—сосѣди эти должны были получить свободу распоряжаться собою. Чтеніе самихъ декларацій 1862—1863 г., не говоря уже о положеніи дѣлъ въ Галиціи, позволяетъ намъ прибавить къ словамъ „распорядиться собою“: „если только имъ это позволятъ поляки“[1]).

Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, какимъ языкомъ говоритъ декларація „центральнаго комитета“ о непольскихъ народахъ Польши даже въ „Колоколѣ“: „Мы (т. е. поляки) были лишены политическаго существованія насильственно. Мы этого насилія никогда не признавали и не можемъ признать. Поэтому мы не признаемъ ни

---

1) Въ виду того, что нѣкоторые польскіе патріоты иногда указываютъ на нѣкоторыя права украинской національности въ Галиціи, тогда какъ русское правительство запрещаетъ печатаніе даже самыхъ невинныхъ украинскихъ книгъ, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что всѣ права, какими пользуются украинцы въ Галиціи, существуютъ не благодаря польскимъ политикамъ, а на зло имъ, признаны не польскими законами и учрежденіями, а австрійскими, и постоянно нарушаются и аттакуются всею мѣстною польскою печатью, въ которой дѣйствуетъ много демократовъ-революціонеровъ 1863 г. Галицкая полиція (польская), въ числѣ агентовъ которой есть тоже не мало участниковъ революціи 1863 г., позволяетъ себѣ арестовывать у крестьянъ и сельскихъ учителей самыя невинныя книжки украинскія, какъ это дѣлаетъ и русская полиція, а свободная польская печать не только не порицаетъ этого, какъ это все-таки, хоть изрѣдка, дѣлаетъ подцензурная русская печать, а вполнѣ поддерживаетъ совершенно противозаконныя дѣйствія польской полиціи противъ русиновъ-украинцевъ.

новыхъ границъ, ни правительствъ, основанныхъ на развалинахъ нашей свободы. Для насъ нѣтъ Польши раздѣленной, для насъ Польша единая, та, которая состоитъ въ соединеніи Польши, Литвы и Русиновъ (каково уравненіе: $x=x+y+z$, если только y и z не равны нулю!) безъ всякой гегемоніи котораго нибудь изъ трехъ народовъ. (Почему же тогда это будетъ Польша, и почему тутъ говорится о трехъ народахъ, когда въ одной Литвѣ 1569—1772 г., было ихъ три: литовцы, латыши и бѣлоруссы?) Выходя изъ этой точки зрѣнія, мы стремимся къ возстановленію Польши въ прежнихъ границахъ, оставляя народамъ, въ нихъ обитающимъ, т. е. литвинамъ и русинамъ (только?) полную свободу оставаться въ союзѣ съ Польшею, или распорядиться собою согласно ихъ волѣ". По истинѣ нельзя не удивляться наивности субъективизма и противорѣчіямъ, заключающимся въ этой тирадѣ; но дальше исчезаетъ даже противорѣчивое признаніе самостоятельности „Литвы и Руси",—и документъ просто заявляетъ, что „союзъ членовъ" искомой Польши „существуетъ и въ настоящее время" и что „требовать отъ насъ, поляковъ, чтобы мы не стремились къ возстановленію Польши въ прежнихъ (?) границахъ, значитъ—требовать отъ насъ признанія раздѣловъ и отреченія отъ силы, которую придаетъ дѣлу нашей свободы союзъ трехъ, въ одно цѣлое соединенныхъ, народовъ". Такимъ образомъ даже въ декларацiи, представленной такимъ людямъ, какъ Герценъ, вопросъ о непольскихъ народахъ старой Польши былъ поставленъ, и даже собственно уже разрѣшенъ, съ совершенно субъективной, исключительно польской точки зрѣнія. Но несмотря на это, даже среди демократической партіи, оказались люди, которые находили, что польскіе делегаты въ Лондонѣ уступили слишкомъ много. Такъ, генералъ Мѣрославскій,—лицо, какъ извѣстно, вліятельное, кандидатъ демократической партіи въ диктаторы Польши,—называлъ делегатовъ, которые совѣщались съ редакціей „Колокола", „радикальными чиновниками Бакунина, панславистами, которые согласились на новый раздѣлъ Польши". (См. Мѣрославскаго: „Lettre du général Mierosławski au major Brazewicz", и Бакунина: Un dernier mot sur M. L. Mierosławski. Genève 1868).

Конечно, въ виду совершенно централистическаго характера понятій польскаго общества о народахъ старой Польши, въ прокламаціи 22-го января 1863 г., изданной „варшавскимъ центральнымъ комитетомъ", который выступалъ теперь, какъ „народное правительство", исчезли совсѣмъ даже тѣ „три народа", ко-

торые показывались въ лондонской деклараціи, а признавался только одинъ „народъ Польши, Литвы и Руси“ около „народа московскаго“. (Do broni więc Narodzie Polski, Litwy!... A teraz odzywamy się do ciebie Narodzie Moskiewski!) И такой рѣшительный унитаризмъ находился въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ тѣмъ, что говорилось и писалось въ польскомъ обществѣ всѣхъ партій въ теченіе всего времени, предшествовавшаго возстанію, особенно послѣ 1848 г. (со времени „изобрѣтенія русиновъ“ въ Галиціи), когда польскіе ораторы и писатели развивали на всякіе лады тему: „niema Rusi, a jest tylko Polska i Moskwa“. Только уже послѣ, когда замѣчено было противорѣчіе манифеста 22 января 1863 г., который говорилъ только о „равенствѣ и вольности всѣхъ сыновъ Польши безъ различія вѣры и племени (rodu), происхожденія и сословія“ въ одномъ „народѣ Польши, Литвы и Руси“, съ идеей о самостоятельности непольскихъ народовъ, которыхъ тоже требовалось привлечь къ возстанію,—варшавское „народное правительство“ издало 5-го февраля особую прокламацію къ „братьямъ русинамъ“ (сочинена г. Гиллеромъ), но и въ ней не рѣшилось не только признать русиновъ вполнѣ самостоятельнымъ народомъ, но даже обращалось къ нимъ съ напоминаніемъ о томъ, будто „земля ихъ дѣлила съ (польскою) республикою общее счастіе и несчастіе“ (не время ли Хмельницкаго, Палія или гайдамаковъ?!), и приглашало ихъ не становиться виновными въ задержкѣ „возрожденія общей родины“ (Giller, I, 145). Когда въ концѣ апрѣля 1863 г. поляки приступили къ возстанію и подъ Кіевомъ, и когда вопросъ объ отношеніяхъ дѣйствительной Польши къ „Руси“ получилъ особенную важность, то даже и тогда въ изданной „народнымъ правительствомъ“ на украинскомъ языкѣ „во имя отца и сына и святаго духа“ „Золотой грамотѣ“ вопросъ о самостоятельности „Руси“ постарались поставить какъ можно менѣе ясно. Грамота озаглавлена только „Къ сельскому люду“ и въ концѣ говорится: „къ сельскому люду Подоліи, Волыни и Украйны“, и только этому сельскому люду обѣщано, между прочимъ, „употребленіе его языка въ школахъ, судахъ и земскихъ учрежденіяхъ“ (Giller I, 312—316). [1])

---

[1]) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что вставка словъ „о свободномъ развитіи народностей какъ польской, такъ и украинской“ въ адресѣ, который подали подольскіе дворяне въ 1862 г. 1 октября въ текстѣ его, напечатанномъ у г. Гиллера (II, 398), есть просто фальсификатъ (чей ??). Въ оффиціальномъ изданіи Les affaires de Pologne этихъ словъ нѣтъ.

Приводимыхъ у г. Гиллера словъ уже потому не могли сказать польскіе дворяне, что у поляковъ слово Украйна употребляется только для означенія Кіев-

Подобнымъ же образомъ относились польскіе революціонеры и къ бѣлорусамъ. Такъ, Константинъ Калиновскій, искреннѣйшій демократъ, печаталъ въ Бѣлостокѣ въ тайной типографіи по бѣлоруски листки: „Pismo ad laska haspadara z pad Wilni", но озаглавилъ ихъ „da mużikow ziemli polskoj". Въ пѣснѣ, для бѣлоруссовъ назначенной, писалось: „bywaj zdarowy, mużicki narodsie", въ другой взывалось „hu-ha wierniem Polszcze!" и т. д. (Giller, 1, 326, 334, 194). [1]) Только 10 мая, когда уже опредѣлился (сразу) неуспѣхъ возстанія подъ Кіевомъ, варшавскій комитетъ редижировалъ новую прокламацію, въ которой все-таки, конечно не отступая отъ польскаго унитаризма, заговорилъ яснѣе объ „обезпеченіи братскимъ **народамъ** Литвы и Руси, соединеннымъ съ Польшею, самое широкое развитіе ихъ народности и языка" Giller, 322—323). Но это заявленіе было столь же запоздалымъ, какъ запоздалымъ было (1849 г.) послѣ всѣхъ проявленій мадьярскаго централизма и исключительности провозглашеніе равноправности народовъ Венгріи правительствомъ Кошута уже тогда, когда Паскевичъ вступилъ въ Венгрію. Мадьярамъ надо было сдѣлать подобное заявленіе, по крайней мѣрѣ, еще, въ 1840 г., а полякамъ по крайней мѣрѣ, въ 1848 году, да и согласить съ нимъ всѣ предреволюціонныя дѣйствія съ того самаго времени. Тогда бы, конечно, не погибло почти напрасно столько благородной крови, но тогда бы, и воззваніе 22-го января не было пропитано такимъ польско-централистическимъ духомъ, и въ декларацін, напечатанной въ „Колоколѣ", не было бы столько софистики, которая тѣмъ печальнѣе, чѣмъ болѣе она была искренна.

ской губерніи (см. сейчасъ въ выдержкѣ изъ „Золотой Грамоты"), а для означенія „украинской" народности у нихъ употребляется слово (ruski—отлично отъ rossyjski, moskiewski—велико-русскій), а также потому, что нѣкоторые изъ подписавшихъ адресъ предводителей, во время суда надъ ними въ сенатѣ, объявили, что въ присоединеніи къ Царству Польскому видятъ единственную гарантію отъ происковъ партіи „хлопомановъ", какъ тогда поляки называли сознательныхъ „украинцевъ".

[1]) Кстати замѣтимъ, что пѣсни и прокламаціи, писанныя поляками въ 1863—1864 гг. для бѣлорусскихъ и украинскихъ крестьянъ, показываютъ совершенное отсутствіе реальнаго изученія жизни и поэзіи этихъ крестьянъ и отличаются кромѣ плохого, часто помосковленнаго языка, еще фальшивымъ тономъ: то приторно-сантиментальнымъ и салонно-клерикальнымъ, то ухарски-кабацкимъ. Тонъ этотъ вполнѣ отвѣчаетъ характеру тогдашней пейзанско-хлопской литературы польской, которой не доставало вовсе здороваго народничества украинской и великорусской литературы.

Но Герценъ, повидимому, не замѣчалъ ни этой софистики, ни уклоненій варшавскаго „народнаго правительства“ даже отъ тѣхъ уступокъ, какія сдѣлали делегаты послѣдняго въ деклараціи, напечатанной въ „Колоколѣ“. Въ статьяхъ своихъ, напечатанныхъ вслѣдъ за этой деклараціею („Центральному польскому комитету въ Варшавѣ“, „Къ русскимъ офицерамъ въ Польшѣ“ и пр.), Герценъ вполнѣ становится на польскую субъективную точку зрѣнія: „Что Польша желаетъ остаться въ федеральномъ (?) союзѣ со всѣми народами, входившими въ цѣлость Рѣчи Посполитой, — говоритъ онъ, — это совершенно естественно, какъ и то, что она не можетъ признать насильственнаго раздѣленія, не отрекаясь отъ самостоятельности своей, тоже ясно. Если бы было иначе, то Варшава, какъ и Петербургъ, признала бы Галицію Австріей, Познань—Пруссіей.“ Въ словахъ этихъ, кромѣ общаго исхода съ точки зрѣнія только Польши да Варшавы, видно еще и незнаніе того, что, напр., Галиція, прежде всего, не Польша, какъ, напримѣръ, Познань. Галиція прежде всего „Галицкая Русь“ и даже во время существованія польскаго государства называлась воеводствомъ „руськимъ“. Какъ „Червоная или Малая Русь“, она была присоединена къ наслѣдственнымъ владѣніямъ венгерско-австрійской короны, и только послѣ того присоединена была административно съ чисто польскими землями воеводства краковскаго, отъ котораго, впрочемъ, нѣкоторое время была и вновь отдѣлена. И если теперь обыкновенно всѣ земли, доставшіяся Австріи отъ польскаго государства, называютъ Галиціей (оффиціальный ихъ титулъ: Королевство Галицкое и Владимірское съ Великимъ княжествомъ Краковскимъ), то все-таки восточная ихъ часть, Галиція собственно, такая же Польша, какъ и Кіевская губернія.

Эту же Кіевскую губернію Герценъ все же не былъ расположенъ такъ легко уступать Польшѣ, какъ легко думали забирать ее польскіе делегаты. Вообще Герценъ, даже и принявши въ общей основѣ программу варшавскихъ делегатовъ, все же не могъ совершенно отказаться отъ своихъ прежнихъ взглядовъ, но черезъ это только запутывался въ непримиримыя противорѣчія. Онъ, напримѣръ, возвращается къ прежнимъ своимъ федеральнымъ идеямъ. „Съ своей стороны,—пишетъ онъ,—поляки должны понять, что сохранить тотъ же федеративный союзъ (съ „западными губерніями“) будетъ стремленіемъ не только правительства русскаго, не и всего русскаго народа. Какой же русскій не считаетъ—и при томъ совершенно справедливо—Кіевъ такимъ же

русскимъ городомъ, какъ и Москву?“ Выходило бы, такимъ образомъ, что Кіевъ, федеративную связь съ которымъ желаютъ сохранить и поляки, и русскіе, долженъ бы соединить между собою федеративною связью и Варшаву съ Москвою. Но „варшавское правительство“ и думать не хотѣло о такой связи, а просто хотѣло отдѣлить отъ Москвы и Варшаву, и Кіевъ, который, по господствовавшимъ тогда (да и теперь) понятіямъ въ польской литературѣ, только случайно отпалъ отъ Польши, благодаря трудному положенію послѣдней при королѣ Янѣ III (L. Chodzko. La Pologne historique etc. ст. 9. Полякъ-профессоръ даже вовсе ничего не говоритъ европейской публикѣ о Б. Хмельницкомъ). Самъ же Герценъ разсказываетъ, что польскіе дѣятели 1861—1864 гг. страхъ боялись всякихъ уступокъ со стороны русскаго правительства, которыя могли бы остановить возстаніе, и какъ думалось, отдѣленіе отъ Москвы всей Польши 1772 г. (Сборн. посм. соч., 211—212). Какимъ образомъ „русскій, подавшій руку полякамъ“ на поддержку ихъ возстанія, имѣвшаго цѣлью отдѣленіе Кіева къ Варшавѣ, могъ въ то же время защищать федеральную связь Кіева съ Москвою,—совершенно непостижимо.

Но Герценъ простираетъ свои колебанія далѣе: написавши свое присоединеніе къ деклараціи варшавскихъ делегатовъ, онъ считаетъ однакожъ нужнымъ напомнить имъ о томъ, о чемъ новая польская литература избѣгала говорить,—о старой войнѣ Украйны съ польскимъ государствомъ, о Б. Хмельницкомъ, и предостерегаетъ поляковъ, чтобъ Хмельничина послужила имъ урокомъ. Оказывается, что для Герцена „союзъ Украйны съ Польшею“ является все-таки не такимъ рѣшеннымъ дѣломъ, какъ для варшавцевъ. Издатель „Колокола“ говоритъ: „При теперешнемъ положеніи дѣлъ, узнать, чего желаетъ Литва, Бѣлоруссія, Малороссія, очень трудно. Гнетъ русскаго правительства не даетъ имъ возможности высказаться... Изъ этого ясно видно, что самый вопросъ надо оставить, не предрѣшая его безъ тѣхъ, кто единственно имѣетъ право его рѣшить. Скажемъ вмѣстѣ съ поляками (?!) быть Литвѣ, Бѣлоруссіи и Украйнѣ съ кѣмъ они захотятъ, или ни съ кѣмъ, лишь бы волю ихъ узнать не поддѣльную, а дѣйствительную.“ Впрочемъ тутъ же Герценъ гадалъ, что „народъ, села, массы, если не противъ Польши, то вѣроятно и не за нее“, и сейчасъ же допускалъ „тутъ мѣсто самому широкому, законному вліянію польской цивилизаціи“, и выражалъ вѣру въ польскую „пропаганду искупленія и отреченія отъ старыхъ злоупотребленій, отъ своихъ правъ на поземельную собственность“ и т. п.

Но дѣло въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, относительно Украйны трудно было сомнѣваться въ томъ, что она не хочетъ присоединиться къ Польшѣ. Герценъ, видимо, не зналъ, что въ Галиціи, т. е. внѣ „гнета русскаго правительства“, украинская журналистика и старой партіи („Слово“), и молодой („Вечерныци“) уже въ 1862 г. высказалась противъ возстановленія Польши въ границахъ 1772 г. И въ самой Россіи, не смотря на цензуру, польская сторона успѣла довольно вразумительно поставить вопросъ о принадлежности западныхъ губерній Польшѣ (въ „Slowo“ г. Огрызко, „Kurier“ Wilenski“ г. Киркора, „Biblioteka Warzawska“ и даже въ Аксаковскомъ „Днѣ“, въ статьѣ Грабовскаго), на что украинская сторона отвѣчала въ „Основѣ“ статьями гг. Костомарова, Кулиша и молодыхъ „хлопомановъ“ Антоновича и Рыльскаго, которые сами вышли изъ рядовъ польской демократіи, но разошлись съ нею именно передъ началомъ повстанскаго движенія за возстановленіе исторической Польши. Всѣ украинскія статьи на разные лады развивали козацкую тему „маете собі свою Польщу, а нам наша Украіна останеться“. Что же касается до самыхъ „хлоповъ“ украинскихъ, о которыхъ Герценъ предполагалъ, что они „не противъ Польши“, то они, напримѣръ, въ своихъ пѣсняхъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ высказались именно „противъ Польши“. [1]) Въ 1862—1863 гг. „хлопы“, будучи возбуждены вопросомъ эмансипаціи и способомъ, какъ исполняли даже Положеніе 19 февраля 1861 г. помѣщики,—единственные представители Польши, которыхъ знали крестьяне,—явно готовились воспользоваться польскимъ (въ Украйнѣ неизбѣжно панскимъ) возстаніемъ, чтобы начать жаккерію, о чемъ кричала польская печать въ Россіи и за границей въ своей полемикѣ съ украинскими „хлопоманами“ на всѣхъ языкахъ отъ польскаго, до русскаго и французскаго.

И при такихъ условіяхъ Герценъ совѣтовалъ „не предрѣшать вопроса“ даже объ Украйнѣ, совѣтовалъ, прежде всего, „узнать ея неподдѣльную волю“ и даже возлагалъ надежду на „пропаганду искупленія и отреченія (польскихъ пановъ) отъ старыхъ злоупотребленій и своихъ правъ на поземельную собствен-

---

[1]) Отсылаемъ читателя къ оканчиваемой теперь печатаніемъ книгѣ нашей „Нові українські пісні про громадські справи. 1764—1880“.

Выдержки см. въ нашихъ статьяхъ въ „Вѣстникѣ Европы“: „Восточная политика Германіи и обрусеніе„ 1872 г., II—V и „Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ“ 1875. VIII.

ность". Но „не предрѣшать вопроса" значило бы въ данномъ случаѣ „не поднимать возстанія", по крайней мѣрѣ на Украйнѣ, а между тѣмъ польскіе революціонеры, даже тѣ, кто искренно желалъ только узнать „неподдѣльную волю" неподьскихъ народовъ бывшей Польши по политическому вопросу, хотѣли, прежде всего, возстанія этихъ народовъ противъ Россіи подъ знаменемъ, которое во всякомъ случаѣ было непопулярно, по крайней мѣрѣ, на Украинѣ. Что же касается до „законнаго вліянія польской цивилизаціи, пропаганды искупленія и отреченія и пр.", то, допустивъ даже, что ею въ состояніи были проникнуться польскіе помѣщики, которые на дѣлѣ отнимали у крестьянъ даже ту землю, какая была за ними записана по инвентарнымъ правиламъ 1847 г., на все это нужно было время, а варшавскій комитетъ уже объявилъ прямую войну русскому правительству[1]).

Фразу Герцена о настроеніи массъ народа въ западныхъ губерніяхъ относительно Польши скорѣе можно было, перевернувши, приложить къ отношеніямъ ихъ къ Россіи: „не за Россію, но и не противъ нея". Придавленный крѣпостнымъ правомъ народъ даже на Украйнѣ сталъ представлять себѣ темно чисто политическіе вопросы. Сейчасъ послѣ присоединенія къ Россіи на-

---

[1]) Напримѣръ, въ Кіевской губерніи по инвентарямъ 1847 г. крестьянамъ должно было отойти 1231472 десятины, а по уставнымъ грамотамъ, составленнымъ польскими помѣщиками и посредниками до 1863 г., отходило только 1 061 969 д. Тоже было и въ другихъ западныхъ губерніяхъ (Чубинскаго. Труды экспедиціи VII. 515). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ мѣста, чтобы остановиться на аграрной политикѣ польскихъ помѣщиковъ передъ возстаніемъ 1863 г., а она то и имѣла рѣшающее вліяніе на поведеніе крестьянъ во время возстанія. Кромѣ того, объ этой политикѣ слѣдовало бы сказать въ виду того, что польскіе писатели, даже демократы, какъ г. Гиллеръ (членъ варшавскаго центральнаго комитета), наклонны представлять польскихъ помѣщиковъ слишкомъ большими друзьями крестьянъ, опираясь на то, что первый рескриптъ о приступѣ къ эмансипаціи крестьянъ данъ былъ вслѣдствіе переговоровъ виленскаго генералъ-губернатора съ мѣстными панами въ 1857 г. Между тѣмъ, уже изъ изданныхъ въ 1860 г. „Матеріаловъ для ист. упраздн. крѣп. сост. и пр." можно видѣть, что виленскіе помѣщики вовсе и не просили царя объ эмансипаціи крестьянъ, а только согласились заняться вопросомъ крестьянскимъ и послать для изученія его экспедицію въ Германію (op. cit. 137—138). По тѣмъ же матеріаламъ, а также по тому, что напечатано въ трудѣ г. Скребицкаго, въ Запискѣ сенатора Соловьева и др. видно, что и послѣ—стремленія почти всѣхъ помѣщиковъ западныхъ губерній не шли дальше „остзейскаго" освобожденія, т. е. безъ земли и съ сохраненіемъ вотчинной полиціи. Во всѣхъ адресахъ, поданныхъ въ 1862—1863 гг. помѣщиками о присоединеніи западныхъ губерній къ Царству Польскому, высказывались жалобы на небезопасное настроеніе крестьянъ. И отъ такихъ людей ждали „отреченія отъ правъ собственности!"

родъ не взлюбилъ ее, главнымъ образомъ, черезъ подушное и рекрутчину, но Польшу ненавидѣть все-таки не переставалъ, такъ какъ она ему представлялась въ образѣ ежедневно допекающей панщины. Народная пѣсня того времени, не забытая и до сихъ поръ, сравнивала оба государства съ мрачными тучами: „Наступила чорна хмара, настала ще й синя: Була Польща, була Польща, та й стала Россія!...“

Съ теченіемъ времени память о меньшихъ государственныхъ тяготахъ до присоединенія къ Россіи слабѣла, а панщина между тѣмъ усиливалась, такъ что народъ на правомъ берегу Днѣпра несомнѣнно былъ гораздо болѣе враждебенъ противъ Польши передъ 1863 г., чѣмъ былъ онъ передъ 1830—31 г., и потому въ виду польскаго возстанія долженъ былъ стать de facto за Россію. Единственное возстаніе, въ которомъ народъ могъ бы принять участіе, это было бы прямое возстаніе противъ пановъ. Но на такое возстаніе не рѣшались самые красные изъ польскихъ демократовъ, которые все-таки звали крестьянъ прежде всего бить „москалей“.[1]) Что касается до болѣе образованныхъ украинцевъ, то ихъ настроеніе, довольно ясно высказанное и въ 1861—1863 гг., несмотря на цензуру, было довольно близко къ настроенію ихъ крестьянства. Будучи явно „противъ Польши“, они тоже не были „за Россію“, но не были и противъ нея, особенно не были еще готовы дѣйствовать противъ нея. Начать съ того, что сознательныхъ украинцевъ было еще очень мало, и они были очень слабы, такъ такъ имъ нужно было (да нужно и теперь) нарождаться посредствомъ труднаго нравственнаго процесса изъ польскаго и русскаго привилегированнаго общества на правомъ и лѣвомъ берегу Днѣпра и затѣмъ искать себѣ опоры въ массахъ народа. Для послѣдняго нужно было много предварительной работы. Въ политическомъ отношеніи не только слабость украинской партіи, но и самыя историческія условія украинскаго племени вообще производили то, что украинскіе автономисты скло-

[1]) И въ самомъ Царствѣ Польскомъ происходили въ 1861—63 гг. волненія крестьянъ противъ помѣщиковъ, и тамъ постоянно высказывался (даже въ кругахъ революціонеровъ) страхъ „жаккеріи“. И тамъ крестьяне могли бы быть подняты только прежде всего противъ помѣщиковъ. Между тѣмъ революціонеры, даже и не такіе бѣлые, какъ Лангевичъ, взяли на себя роль совершенно невыполнимую для революціонеровъ, а именно: кромѣ роли войска противъ „москалей“, еще и роль посредниковъ между панами и крестьянами! Послѣднюю роль можетъ исполнить только установленное, сильное войскомъ и администраціей, правительство.

пялись не столько къ сепаратическому идеалу по отношенію къ Россіи, сколько къ федеральному. Не отдѣленіе отъ Россіи, а тѣмъ болѣе—къ Польшѣ, а преобразованіе ея, возможное только при дружномъ участіи всѣхъ ея народовъ, начиная отъ великоруссовъ, занимали въ 60-ые годы украинскихъ автономистовъ, какъ можно видѣть и по цитированной въ предыдущей главѣ статьѣ въ „Колоколѣ".[1]) Подобные украинскимъ, хотя еще болѣе ихъ слабые кружки стали образовываться и среди литвиновъ и даже бѣлоруссовъ. Развитіе всѣхъ этихъ кружковъ, сближеніе ихъ съ массами народа и соединеніе ихъ для совмѣстнаго дѣйствія съ великорусскими съ цѣлью федеральнаго преобразованія Россіи требовало времени. Сепаратическое же движеніе поляковъ даже и въ одномъ Царствѣ Польскомъ могло задержать развитіе либеральнаго и федеральнаго движенія въ Россіи, возбудивъ монархическій и централистическій духъ въ великороссійскомъ населеніи. Перенесенное же на Литву, Бѣлоруссію и на Украйну, да еще въ моментъ, когда крестьяне только что получили какую ни на есть свободу отъ русскаго царя, это польское движеніе должно было парализовать всякое оппозиціонное движеніе на западѣ, какъ и на востокѣ Россіи, что и случилось въ дѣйствительности и что не такъ то уже трудно было предвидѣть и въ 1862—1863 гг.

Послѣ напечатанія „Посмертныхъ сочиненій" Герцена оказалось, что и онъ, и друзья его очень близки были къ этому предвидѣнію. Такъ, между прочимъ, напечатаны письма Огарева и Бакунина къ тѣмъ русскимъ ихъ единомышленникамъ, которые готовились принять активное участіе въ польскомъ возстаніи. Огаревъ прямо писалъ: „При теперешнемъ преждевременномъ возстаніи, Польша очевидно погибнетъ, а русское дѣло надолго потонетъ въ чувствѣ народной ненависти, идущей въ связи съ преданностью царю, и воскреснетъ только послѣ, долго послѣ, когда вашъ подвигъ перейдетъ въ такое же преданье, какъ 14-го декабря, и взволнуетъ умы поколѣнія, теперь еще не зачатаго. Выводъ ясенъ: отклоните возстаніе до лучшаго времени соеди-

---

[1]) Интересно, что легкая струйка сочувствія польскому возстанію на Украйнѣ проявилась въ кружкахъ украинофиловъ на лѣвомъ берегу Днѣпра (см. біографію полтавскаго поэта В. С. Кулика въ „Правдѣ" (львовской) 1874 № 12), гдѣ нѣтъ поляковъ, тогда какъ на правомъ берегу все, что сознавало себя украинскимъ, было противно этому возстанію. Это была въ маломъ видѣ исторія Мазепы и Палія.

ненія силъ"... Бакунинъ писалъ: „Нельзя не сознаться, что общему мѣрному ходу славянскаго и въ особенности русскаго поступательнаго движенія преждевременное и частное возстаніе Польши грозитъ перерывомъ". (См. соч. 219—221). И Огаревъ, и Бакунинъ, очевидно, думали главнымъ образомъ о Великороссіи, когда писали эти строки, а потому несомнѣнно, что если бы они ясно представляли себя полную безнадежность польскаго возстанія и въ „западныхъ губерніяхъ" и болѣе критически отнеслись къ самой программѣ польскихъ политиковъ относительно этихъ земель, то ихъ совѣты русскимъ друзьямъ были бы болѣе настойчивы въ отрицательномъ отношеніи. [1])

Оказывается, что болѣе наблюдательный и скептическій Герценъ вовсе не такъ былъ увлеченъ деклараціями варшавскихъ делегатовъ, какъ можно было думать, судя по тогдашнимъ статьямъ „Колокола". Въ статьѣ „М. Б. (Михаилъ Бакунинъ) и польское дѣло" Герценъ разсказываетъ о своихъ разговорахъ съ Бакунинымъ и съ польскими делегатами въ 1862 г. по вопросу объ участіи русскихъ въ тогдашней польской революціи. Прочитавъ привезенную изъ Варшавы декларацію, Герценъ предложилъ „посильнѣе оттѣнить и яснѣе высказать мысль о самостоятельности провинцій"; настаивалъ онъ и на необходимости больше оттѣнить мысль: „нѣтъ освобожденія безъ земли". Поляки уступали, но не безъ споровъ. „Этотъ споръ изъ-за словъ, говоритъ Герценъ, показывалъ, что сочувствіе наше къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ не было одинаково... Б. былъ недоволенъ мною, находилъ, что я слишкомъ холоденъ, какъ будто не довѣряю.

— Чего ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали такихъ уступокъ. Они выражаются другими словами, принятыми у нихъ, какъ катехизисъ; нельзя же имъ, поднявши національное знамя, на первомъ шагѣ оскорбить раздражительное народное чувство. (Чье? — Польши!!!)

---

[1]) Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что поляки поспѣшили съ возстаніемъ въ надеждѣ на помощь иностранныхъ правительствъ, особенно Наполеона III. Также несомнѣнно, что поднятіе возстанія въ Кіевской, Могилевской и даже Курляндской губерніяхъ имѣло значеніе прежде всего демонстраціи старыхъ границъ Польши, а также стратегической диверсіи, въ результатѣ которыхъ должно быть, по крайней мѣрѣ, отдѣленіе, при помощи западной дипломатіи, Царства Польскаго, т. е. возстановленіе „Польши, если не какъ великой, то хоть какъ малой державы", какъ выразился одинъ молодой польскій революціонеръ въ Кіевѣ въ первый день польскаго возстанія.

— Мнѣ все кажется, что имъ до крестьянской земли въ сущности мало дѣла, а до провинцій много.

— Любезный другъ, у тебя въ рукахъ будетъ документъ, поправленный тобой, подписанный при всѣхъ насъ; чего же тебѣ еще?

— Есть таки кое что!...

— Ты точно дипломатъ на Вѣнскомъ конгрессѣ,— повторялъ мнѣ съ досадой Б., когда мы потомъ толковали у него съ представителями жонда:—придираешься къ словамъ и выраженіямъ. Это не журнальная статья, не литература.

— Съ моей стороны, замѣтилъ Г. (одинъ изъ делегатовъ), я изъ-за словъ спорить не стану; мѣняйте, какъ хотите, лишь бы смыслъ остался тотъ же.

— Браво, Г., — радостно воскликнулъ Б.

— Ну, этотъ, — подумалъ я, — пріѣхалъ подкованный и по лѣтнему, и на шины; онъ ничего не уступитъ на дѣлѣ и оттого такъ легко уступаетъ все на словахъ! * (Посм. Соч. 213—215).

— Смертельно жаль Потебню и его товарищей (русскихъ офицеровъ въ Царствѣ Польскомъ, приставшихъ къ революціи), — говорилъ Герценъ Бакунину, — и тѣмъ больше, что врядъ ли имъ по дорогѣ съ поляками.

Ожиданіе Герцена сбылось: помощи польскому возстанію онъ не принесъ, — а свое дѣло погубилъ. Расказывая о томъ, какъ это случилось, какъ онъ, споря съ Бакунинымъ, все же „нехотя дѣлалъ не то, что хотѣлъ“, Герценъ говоритъ: „Здѣсь я остановлюсь на грустномъ вопросѣ. Какимъ образомъ, откуда взялась во мнѣ эта уступчивость съ ропотомъ, эта слабость съ мятежомъ и протестомъ? Съ одной стороны, достовѣрность, что поступать надо такъ; съ другой, готовность поступить иначе. Эта шаткость, эта поспѣшность, dieses Zögern, надѣлали въ моей жизни бездну вреда и не оставили даже слабой утѣхи въ сознаніи ошибки невольной, несознанной; я дѣлалъ промахи à contre cœur; вся отрицательная сторона дѣла была у меня передъ глазами... Сколькими несчастіями было бы меньше въ моей жизни, сколькими ударами, если бъ я имѣлъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ силу слушаться самого себя...“

Изъ разсказа Герцена скорѣе всего можно вывести заключеніе, что, присоединившись къ польскому движенію 1862—1863 гг., онъ поддался вліянію настойчивости и возбужденности Бакунина. Вліяніе это, несомнѣнно, было, но оно одно не объясняетъ всего дѣла.

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.

Предисловіе.

Авторъ предлагаемыхъ нынѣ читателямъ „Кіевской Старины" автобіографическихъ записокъ, протоіерей *Николай Ивановичъ Соколовъ*, жилъ и дѣйствовалъ въ Одессѣ болѣе полувѣка (1838—1891 гг.) и въ продолженіе всего этого времени пользовался въ обществѣ репутаціею серіознѣйшаго и ревностнѣйшаго пастыря церкви—проповѣдника и законоучителя, и въ тоже время—человѣка образованнѣйшаго, неизмѣнно—до конца жизни любившаго науку и литературу. Понятно, что автобіографическія записки его могутъ представить живой интересъ, почему мы и находимъ возможнымъ напечатать ихъ въ Кіевской Старинѣ, хотя начало ихъ касается мѣстности, не относящейся къ Украинѣ.

Для того, чтобы подготовить читателей къ чтенію „Воспоминаній и Автобіографіи" протоіерея Н. И. Соколова, представимъ сначала краткій очеркъ его жизни, а затѣмъ сдѣлаемъ въ общихъ чертахъ очеркъ содержанія его записокъ.

Протоіерей Николай Ивановичъ Соколовъ родился въ 1805 году въ г. *Мценскѣ*, орловской губерніи, гдѣ отецъ его былъ діакономъ Соборной церкви. Дѣтство же свое онъ провелъ въ селѣ *Спасскомъ*, мценскаго уѣзда, куда отецъ его поступилъ священникомъ въ 1807 году. На десятомъ году онъ опредѣленъ былъ отцемъ въ епархіальную семинарію, заключавшую тогда въ себѣ и низшіе—училищные—классы и находившуюся въ г. *Сѣвскѣ*, гдѣ была и каѳедра орловскаго архіерея. Въ 1819 г. эта каѳедра перенесена была въ г. Орелъ, и съ него перешла туда и духов-

ная семинарія изъ Сѣвска, такъ что Ник. Иван. Соколовъ окончилъ курсъ духовной семинаріи уже въ Орлѣ, въ 1827 г. Какъ лучшій изъ воспитанниковъ семинаріи, Соколовъ былъ посланъ на казенный счетъ для дальнѣйшаго образованія въ кіевскую д. академію. Здѣсь онъ пробылъ 4 года—съ 1827 по 1831 г. Въ кіевской академіи личность Соколова не прошла не замѣтною. На одну изъ темъ по исторіи русской церкви, предложенныхъ тогдашнимъ кіевскимъ митрополитомъ Евгеніемъ, именно: „О времени крещенія Великой Княгини Россійской Ольги", Соколовъ, еще будучи студентомъ, написалъ разсужденіе, которое тогда же было напечатано въ Кіевѣ на счетъ Академіи, при чемъ авторъ его удостоенъ румянцевской преміи, учрежденной при кіевской академіи въ память митрополита Евгенія [1]). По окончаніи академическаго курса со степенью Кандидата Богословія, Соколовъ былъ назначенъ въ г. *Херсонъ*—на должность смотрителя духовнаго училища. Херсонъ въ то время принадлежалъ еще къ епархіи Екатеринославской,—и Соколовъ долженъ былъ, прежде чѣмъ отправиться на мѣсто службы, заѣхать въ Епархіальный городъ—*Екатеринославъ* и представиться здѣсь какъ епархіальному архіерею, такъ и семинарскому начальству, въ вѣдѣніи котораго находилось тогда херсонское духовное училище. Въ бытность свою въ Екатеринославѣ Соколовъ познакомился съ семействомъ умершаго каѳедральнаго протоіерея *Іоанна Станиславскаго*, бывшаго когда-то учителемъ екатеринославской д. семинаріи, когда послѣдняя находилась еще въ г. Полтавѣ (съ 1780—1797 гг.),—и здѣсь—въ средѣ этой старинной малорусской фамиліи—нашелъ себѣ невѣсту *Варвару Ивановну*, одну изъ дочерей упомянутаго протоіерея Станиславскаго, съ которою и прожилъ въ счастливомъ супружествѣ болѣе 50 лѣтъ. Въ г. Херсонѣ, вмѣстѣ съ должностію смотрителя духовнаго училища, Соколовъ вскорости занялъ и открывшуюся вакансію протоіерея Херсонскаго Успенскаго Собора, для чего и принялъ рукоположеніе въ священство въ 1832 г., 28 февраля.—Въ Херсонѣ Соколовъ оставался до 1838 г. Въ это время открыта была самостоятельная *Херсонская епархія*—

[1]) По завѣщанію государственнаго канцлера графа *Николая Петровича Румянцева*, большого любителя русской старины и друга митроп Евгенія,—внесенъ въ сохранную казну билетъ въ *три тысячи* рублей—съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы ежегодно выдаваемы были въ награжденіе „въ честь и имя преосвящ. митроп. Евгенія" тому изъ воспитанниковъ кіевской академіи, который лучше опредѣлитъ или объяснитъ какую-либо русскую древность.—

съ архіерейской каѳедрой и семинаріей *въ г. Одессѣ*—и Соколовъ перешелъ въ Одессу и опредѣленъ былъ здѣсь наставникомъ духовной семинаріи по предметамъ Исторіи и Греческаго языка. Вмѣстѣ съ этимъ—въ томъ же 1838 г.—онъ занялъ и должность законоучителя въ одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.—Въ 1851 г., по распоряженію архіепископа херсонскаго *Иннокентія Борисова*, протоіерей Соколовъ былъ назначенъ настоятелемъ Одесской Старо-Кладбищенской церкви, и членомъ херсонской духовной консисторіи,—и съ тѣхъ поръ, оставивши учебно-воспитательную службу, посвятилъ себя только приходской и епархіально-административной дѣятельности. Въ Старо-Кладбищенской церкви онъ настоятельствовалъ болѣе 37 лѣтъ; но въ концѣ 1888 года, по старости лѣтъ, вышелъ въ отставку и съ этихъ поръ жилъ *на покоѣ*, окруженный попеченіями своего семейства. Скончался о. протоіерей Н. И. Соколовъ 4 марта 1891 года на 87 году своей жизни и погребенъ *внутри* Старо-Кладбищенской Одесской церкви, для которой онъ такъ долго и много потрудился.

Какъ христіанскій пастырь и законоучитель, какъ Богословъ съ философскимъ направленіемъ ума, какъ любитель науки и литературы,—протоіерей Соколовъ много работалъ на поприщѣ человѣческаго слова и оставилъ послѣ себя много произведеній и въ печати, и въ рукописяхъ [1]).

---

[1]) Перечислимъ извѣстные намъ *печатные* его труды. А) *Вышедшіе отдѣльнымъ изданіемъ*: 1) „Собраніе рѣчей, сказанныхъ по случаю выпуска воспитанницъ Одесскаго Института благородныхъ дѣвицъ", Одесса 1851 г. 2) „Чтеніе изъ Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта"—въ 2-хъ частяхъ. Одесса, 1857 г. Этотъ трудъ вышелъ послѣ *вторымъ изданіемъ*—подъ заглавіемъ: „Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта" въ 2-хъ частяхъ.—Б). *Помѣщенные въ „Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ"*: 1) „Слово на Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы" (1860 г. № 10). 2) „Изъ размышленій христіанина—мыслителя: *Солнце и цвѣты*" (1860, № 11). 3) „Нѣчто о душѣ (*изъ вечерняго разговора*") (1861 г. ч. II). 4) „Благоговѣйныя размышленія о видимомъ и невидимомъ небѣ" (1861 г., ч. III). 5) „Нелишній отзывъ" (касательно устраненія безпорядковъ при причащеніи во святую четыредесятницу) (1861 г.) 6) „Мысли по поводу статьи: *Звѣздное Небо*" (1861 г., ч. IV). 7) „Свѣдѣнія о протоіереѣ А. И. Логиновскомъ" (1862 г., № 2-й). 8) „Татарское иго и подвиги Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго" (1862 г.). 9) „Водвореніе церкви Христовой между славянскими племенами" (1863 г., ч. IX). 10) „Взглядъ на вѣру и богослуженіе въ православной церкви" (1863 г., ч. X). 11) „Трехголосное пѣніе въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ" (1873 г.) 12) „Рѣчь при погребеніи Одесскаго каѳедральнаго протоіерея *Іоанна Знаменскаго*" (1873 г.). 13) „Методъ обученія по методѣ вятскаго монаха" (1874 г.). 14) „Рѣчь при погребеніи архіепископа Херсонскаго *Іоанникія*" (1877 г.). 15) „Слово на Св. Пасху" (1877 г.). 16) „Рѣчь къ ученикамъ Одесской Духовной Се-

Нельзя пройти молчаніемъ и того, что протоіерей Н. И. Соколовъ, помимо своей профессіональной церковно-общественной дѣятельности, славился въ Одессѣ еще и какъ благоразумный, практическій и предусмотрительный домохозяинъ, и какъ заботливый и счастливый семьянинъ. Трудами, бережливостью и благоразумною распорядительностію онъ успѣлъ составить себѣ очень значительное состояніе. Дѣтямъ своимъ далъ прекрасное воспитаніе и образованіе. Трехъ дочерей своихъ выдалъ замужъ за людей, составившихъ себѣ имя въ исторіи Одессы и „Херсонской епархіи. Старшая дочь его *Любовь Николаевна* вышла замужъ за *Андрея Ивановича Логиновскаго*, магистра С.-Петербургской духовной академіи 1849 г. [1]). Средняя дочь *Надежда Николаевна* вышла замужъ за *Гавріила Яковлевича Селецкаго*, кандидата Кіевской Духовной Академіи 1855 г., скончавшагося годъ тому назадъ (16 ноября 1904 г. въ должности каѳедральнаго протоіерея Одесскаго собора. [2]) Наконецъ, младшая дочь протоіерея

минаріи въ день столѣтняго юбилея рожденія Императора Александра I (1878 г.). 17) „О живомъ общеніи между членами небесной церкви и церкви существующей на землѣ“ (1883 г.). 18) „Воспоминанія о частныхъ школахъ грамоты“ (1883 г.)— 13) *Помѣщенные въ газетѣ „Одесскій Вѣстникъ“*: 1) „Рѣчь преосвященнымъ, отправлявшимся на 50-лѣтній юбилей кіевской дух. академіи“ (1869 г., № 217-й). 2) „О Реймскомъ Евангеліи“ (1879 г. № 96).

1) А. И. Логиновскій былъ воспитанникъ Архіепископа Иннокентія Борисова, взятый имъ еще съ отроческихъ лѣтъ—въ Вологдѣ и благодаря его попеченіямъ прошедшій весь курсъ духовнаго образованія. Приглашенный преосв. Иннокентіемъ на епархіальную службу въ г. Одессу,—онъ много помогалъ знаменитому архипастырю въ его административной дѣятельности, часто ѣздилъ съ нимъ при обозрѣніи имъ епархіи и исполнялъ при этомъ различныя его порученія. Между прочимъ онъ сопровождалъ Иннокентія и въ послѣднюю поѣздку его въ Крымъ—весною 1857 года, во время которой знаменитый архипастырь простудился и пріобрѣлъ себѣ предсмертную болѣзнь. Эту поѣздку и эту болѣзнь А. И. Логиновскій впослѣдствіи подробно описалъ—и этотъ литературный трудъ его представляетъ драгоцѣнный источникъ для знакомства съ послѣдними днями жизни Иннокентія изъ „Херсонскихъ Епарх Вѣдомостей“, гдѣ этотъ трудъ первоначально появился,—онъ перепечатанъ потомъ въ извѣстной книгѣ М. П. Погодина „Вѣнокъ на могилу Иннокентія“ (М. 1867 г) подъ заглавіемъ: „Послѣдняя поѣздка въ Крымъ, и послѣдніе дни жизни покойнаго Высокопреосвященнаго архіепископа Иннокентія).—Служа протоіереемъ при одесской Покровской церкви, А. И. Логиновскій пріобрѣлъ себѣ особенное уваженіе прихожанъ ревностнымъ проповѣданіемъ слова Божія и усердіемъ при исповѣди ихъ въ Великій постъ. Протоіерей Логиновскій скончался въ 1859 г. тесть его, протоіерей Н. И. Соколовъ посвятилъ статью его памяти, упомянутую нами выше.

2) Протоіерей Г. Я. Селецкій займетъ видное мѣсто въ исторіи родной для него Херсонской епархіи, какъ администраторъ, отличавшійся неподкупною честностію и прямотою, чуждаго кривыхъ путей.

Н. И. Соколова *Вѣра Николаевна* вышла замужъ за уроженца Подоліи *Мартирія Өедоровича Чемену.* [1]) Вотъ какихъ зятей имѣлъ протоіерей Н. И. Соколовъ! Онъ по всей справедливости могъ любоваться ими, и ими славиться среди Одесскаго общества...

О протоіереѣ Н. И. Соколовѣ, еще при жизни его, появлялись біографическіе отзывы, при чемъ перечислялись и его литературные труды. Въ первый разъ, сколько намъ извѣстно, біографическій очеркъ протоіер. Соколова помѣщенъ въ статьѣ протоіерея С. А. Серафимова—подъ заглавіемъ: „Историческое описаніе „Херсонскаго Успенскаго собора", напечатанной въ „Херсонск. Епарх. Вѣдомостяхъ" за 1881 г. Къ свѣдѣніямъ о литературныхъ трудахъ протоіерея Соколова, сообщеннымъ Серафимовымъ, редакторъ „Херс. Епарх. Вѣд." М. Ѳ. Чемена сдѣлалъ значительныя дополненія и въ заключеніе говоритъ: „Намъ извѣстно, что кромѣ этихъ небольшихъ статей, о. Н. И. Соколовъ писалъ цѣлыя изслѣдованія: „противъ матеріализма", „о Глаголитскомъ или Готѳскомъ алфавитѣ", „Взглядъ на исторію славянъ и грековъ Балканскаго полуострова" и проч.; но эти изслѣдованія онъ не давалъ въ печать, а только читалъ ихъ по временамъ въ кругу друзей и сослуживцевъ. Какъ въ сочиненіяхъ, такъ и въ частныхъ бесѣдахъ сказалось разнообразіе его натуры: онъ и богословъ, и философъ, и поэтъ, и филологъ, и историкъ, и политико-экономистъ; онъ любитъ слѣдить за наукой въ самыхъ разнообразныхъ развѣтвленіяхъ ея, но никогда не былъ рабомъ ходячихъ въ извѣстное время ученій и относился къ нимъ критически. Ораторскія способности его были также замѣтны, особенно въ молодые годы его жизни. Въ настоящемъ (1881) году въ началѣ октября истекаетъ 50-лѣтіе службы этого почтеннаго протоіерея".

---

[1]) Магистръ Кіевской дух. Академіи 1855 г., который оставилъ по себѣ неизгладимую память въ Одессѣ и во всей Херсонщинѣ и какъ пастырь—проповѣдникъ и законоучитель, и въ особенности какъ ректоръ Одесской Духовной семинаріи, занявшій эту послѣднюю должность *по выбору* преподавателей и представителей духовенства, проходившій ее непрерывно болѣе 30 лѣтъ и пріобрѣвшій себѣ всеобщую искреннюю любовь какъ сослуживцевъ по семинаріи, такъ и воспитанниковъ ея—за свой умъ, образованность и гуманнѣйшій характеръ. Въ то же время въ продолженіе всей своей ректорской службы въ Одесской д. семинаріи М. Ѳ. Чемена былъ редакторомъ „Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей" и помѣстилъ въ нихъ много талантливыхъ, написанныхъ прекраснымъ языкомъ, статей по богословскимъ и церковно-практическимъ вопросамъ.. М. Ѳ. Чемена скончался 8 января 1903 г. и былъ оплаканъ всей Одессой и Херсонской епархіей.

Дѣйствительно, въ октябрѣ 1881 года о Н. И. Соколовъ праздновалъ 50-лѣтній юбилей своей службы, и по этому поводу въ „Херсонск. Епарх. Вѣдомостяхъ“ того же года (№ 23-ій) помѣщено было описаніе подробностей этого празднества, ярко освѣтившихъ прошедшую разнообразную и многоплодную дѣятельность этого даровитаго пастыря и труженика.

По смерти протоіерея Н. И. Соколова, помѣщенъ былъ въ „Херсонск. Епарх. Вѣд.“ его *некрологъ* подъ заглавіемъ: „Поучительная кончина священнослужителя Божія“. Здѣсь сообщены нѣкоторыя очень интересныя свѣдѣнія для біографіи Соколова и для знакомства съ его литературною дѣятельностью. Такъ, о времени его школьной семинарской жизни говорится слѣдующее: „обучаясь въ Орловской семинаріи, онъ много читалъ книгъ духовнаго содержанія: „*житія святыхъ*“ производили на него сильное впечатлѣніе, а по прочтеніи св. Іоанна Лѣствичника и Печерскаго Патерика, у него сложилось мнѣніе, что *единственный* путь спасенія—монастырскіе подвиги. Объ этомъ за годъ до окончанія курса онъ объявилъ бывшему тогда ректору семинаріи, архимандриту *Гавріилу* (автору „исторіи философіи“) присовокупивъ, что всякія познанія онъ почитаетъ теперь за *уметы* и готовъ оставить заведеніе. Ректоръ разъяснилъ ему, что этого вовсе нельзя сказать объ изученіи воли Божіей, изложенной въ Божественномъ Откровеніи и хранимой св. церковію, и убѣдилъ его остаться въ семинаріи до окончанія курса. Юный идеалистъ повиновался, но пѣшкомъ совершилъ во время каникулъ путешествіе въ Кіево-Печерскую лавру. Дорогою онъ питался однимъ хлѣбомъ и сухарями. Путешествіе это нѣсколько измѣнило его воззрѣнія, подъ впечатлѣніемъ картинъ мирныхъ и тяжелыхъ трудовъ въ страдную пору крестьянъ, въ потѣ лица добывавшихъ себѣ и другимъ хлѣбъ. Здѣсь онъ додумался, что если монастырскіе подвиги представляютъ собою *вѣрный* путь спасенія,—то и тяжелый, но честный трудъ во имя Господне для хлѣба насущнаго во благо ближнихъ не приведетъ человѣка къ погибели. Оставаясь еще годъ въ семинаріи, онъ утвердился въ этой мысли на основаніи твореній св. Іоанна Златоуста, особенно толкованій его на посланіе св. Апостола Павла. По окончаніи Кіевской Академіи, благоговѣя предъ высокимъ идеаломъ дѣвственной жизни, онъ нашелъ болѣе соотвѣтствующимъ своимъ силамъ жизнь супружескую—*бракъ честенъ* и *ложе нескверно*. Но прямо съ академической семьи онъ принялъ санъ духовный и съ достоподражаемою честностію носилъ его до конца долгой жизни своей“.

Далѣе, въ некрологѣ сказано, что и въ старости Протоіерей Соколовъ не прерывалъ своихъ любимыхъ литературныхъ занятій. „Ослабѣвъ уже зрѣніемъ, онъ тѣмъ не менѣе много читалъ и интересовался всѣмъ, что печаталось по разнымъ отраслямъ наукъ, особенно по предметамъ св. вѣры. Въ часы досуга онъ обрабатывалъ свою философскую статью „о мірѣ невидимомъ“ и продолжалъ давно начатыя „записки о своихъ предкахъ, о жизни отца и собственной жизни“. Въ первомъ сочиненіи, посредствомъ твердаго и яснаго анализа душевныхъ явленій, искренно убѣжденный авторъ доказываетъ несомнѣнность бытія духовнаго, невидимаго міра. Во второмъ трудѣ, кромѣ воспоминаній личныхъ, дорогихъ для родныхъ лицъ сообщаются разныя, интересныя для всякаго, подробности изъ быта и условій жизни духовенства и общества прошедшихъ временъ. Тотъ и другой трудъ остаются въ рукописи.“—„Выйдя въ отставку, старецъ еще болѣе сталъ заниматься чтеніемъ книгъ, часто погружался въ глубокія размышленія о прошедшемъ и настоящемъ, дѣлился своими мыслями и наблюденіями съ часто посѣщавшими его лѣторослями своего дома и рода—разныхъ возрастовъ и чистосердечно предавался тихимъ радостямъ родного круга.“

Затѣмъ, въ некрологѣ описывается предсмертная болѣзнь о. Николая Соколова, начавшаяся 1-го марта 1891 года—и послѣдніе часы и минуты его жизни: какъ молился старецъ на смертномъ одрѣ, какъ припоминалъ и пѣлъ ослабѣвшимъ голосомъ любимыя свои церковныя пѣсни и какъ наконецъ 4-го марта умирающій исповѣдывался и причастился Св. Таинъ Христовыхъ и и какъ стали читать ему *„Послѣдованіе при исходѣ души изъ тѣла“*. Послѣдній вздохъ старца совпалъ съ послѣднимъ словомъ молитвы на исходъ души!..“—

Послѣ описанія *погребенія* о. протоіерея Н. Соколова, въ некрологѣ наконецъ дѣлается перечень (хотя не полный) его сочиненій и въ заключеніе говорится слѣдующее: „Писалъ онъ сверхъ того много, но много писаннаго уничтожено имъ самимъ. Оставилъ онъ въ рукописи только вышеупомянутыя статьи „о мірѣ невидимомъ“—философскаго содержанія—и „Записки о предкахъ, о жизни отца и собственной жизни“ съ весьма цѣнными воспоминаніями, имѣющими и частный, и общій интересъ. Особенности его сочиненій—простота, легкость, ясность, какая то прозрачность изложенія, мирный успокоительный духъ православной вѣры, широты разумѣнія святыхъ истинъ ея, любовь по чело-

вѣчеству на всѣхъ степеняхъ его положенія, и чисто-сердечная-чуждая раздраженія, правда о людяхъ."—

Для того, чтобы окончить біографическій очеркъ одесскаго протоіерея Н. И. Соколова, мнѣ остается только сказать о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя я вынесъ изъ личнаго своего знакомства съ этимъ достопочтеннымъ старцемъ... Я познакомился съ нимъ уже въ 1887 г., когда ему было болѣе 80 лѣтъ... Старческое лицо его было очень симпатичное, въ обращеніи былъ кротокъ, благодушенъ, доступенъ и ласковъ. Любилъ очень вести разговоръ о предметахъ философскихъ и историческихъ. Всякій разъ при свиданіи съ нимъ я съ величайшимъ интересомъ слушалъ его рѣчь и въ особенности его воспоминанія о прошломъ... Такъ какъ эти воспоминанія имѣютъ общій интересъ, то я здѣсь и передамъ то, о чемъ говорилъ со мною старецъ — въ каждое изъ моихъ съ нимъ свиданій. Въ первый разъ я увидѣлъ о. Николая Соколова 25 октября 1887 года—на именинахъ у его зятя—ректора одесской д. семинаріи протоіерея *Мартирія Өедоровича Чемены.* Познакомившись съ о. Николаемъ, я скоро съ нимъ разговорился... Вотъ что сообщилъ онъ мнѣ въ этотъ разъ: „когда я былъ студентомъ Кіевской академіи, то тамъ еще не знали и не жаловали Пушкина... Больше господствовалъ Жуковскій. Въ Херсонѣ, будучи смотрителемъ духовнаго училища, я уже зналъ и любилъ Пушкина. У меня были его сочиненія. Въ Херсонѣ тогда былъ вице-губернаторъ *Брюхачевъ.* Я очень много потерялъ въ его мнѣніи, что читалъ Пушкина... Въ особенности онъ недоволенъ былъ, когда увидѣлъ у меня на столѣ томъ Пушкина съ раскрытыми страницами, гдѣ было помѣщено стихотвореніе *Гусаръ...*—Когда ректоръ Кіевской академіи *Иннокентій* ѣхалъ въ Крымъ вмѣстѣ съ *Неволинымъ,* ректоромъ Кіевскаго университета,—они заѣхали ко мнѣ—въ Херсонъ. Иннокентій былъ землякъ мой, и въ Академіи хорошо меня зналъ, и сочиненіе мое о княгинѣ Ольгѣ напечаталъ въ „Опытахъ упражненій воспитанниковъ Кіевской Академіи пятаго учебнаго курса". Увидя у меня на стѣнѣ портретъ Пушкина, Иннокентій сказалъ: „А, у васъ Пушкинъ! да, это былъ феноменъ... Такихъ людей, какъ онъ, нельзя судить по ихъ жизни. У нихъ бываютъ мунуты, когда они являются и дѣвственными, и чистыми, и высокими, и великими... Эти минуты стóятъ всей ихъ жизни!"—Въ Одессѣ я хорошо зналъ семью графа Воронцова. Воронцовъ мало читалъ Пушкина. При его административныхъ занятіяхъ, ему не было для этого времени. Но графиня Воронцова любила читать Пушкина. Особенно ей нравился

Бахчисарайскій фонтанъ. И въ самомъ дѣлѣ, прежде описывали сераль грязно; а тутъ вдругъ такіе стихи:

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился...

или эти:

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи...

(И старецъ о. Николай сталъ декламировать цѣлые строфы изъ „Бахчисарайскаго фонтана", который очевидно, онъ зналъ прекрасно...).—

Когда я былъ законоучителемъ института благородныхъ дѣвицъ,—то на экзаменахъ здѣсь часто бывалъ Преосвящ. Иннокентій, Архіепископъ Херсонскій и Таврическій. Разъ онъ былъ на экзаменѣ по словесности. Учителемъ былъ Жуковъ, уже старый. Вызываютъ воспитанницу—и она стала между прочимъ читать начало поэмы Пушкина *Братья разбойники.* Здѣсь есть, какъ извѣстно, упоминаніе и о *монахахъ:*

„Изъ хатъ, *изъ келій,* изъ темницъ
Они стеклися для стяжаній!.."

Иннокентію видимо это не понравилось.—„Да развѣ нѣтъ лучшаго у Пушкина?" сказалъ онъ.—Да тутъ такъ живо все описано,—защищалъ учитель Жуковъ.—„Нѣтъ нѣтъ, это не такъ... А вотъ это—смотрите—какая прелесть... И Иннокентій началъ читать наизусть слѣдующее стихотвореніе Пушкина:

„Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда...
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!"

(и о. Николай продекламировалъ до конца эти стихи—такъ, какъ ихъ произносилъ Иннокентій...)—„Вотъ дѣвственно, вотъ чисто!"—воскликнулъ Иннокентій, окончивши стихотвореніе..."—

Въ другой разъ я увидѣлся съ о. Ник. Ив. Соколовымъ 9-го апрѣля 1889 г.—на Пасху—во время разговѣнъ у того-же М. Ѳ. Чемены. Мы все время проговорили съ о. Николаемъ—и предметомъ его рѣчи были преимущественно воспоминанія объ его наставникахъ въ Кіевской Академіи... Вотъ то достопримѣчательное,

что онъ говорилъ намъ: „1) ректора *Кирилла Куницкаго* митрополитъ Евгеній любилъ за то, что тотъ хорошо зналъ французскій языкъ. 2) *Иннокентія* Борисова я зналъ еще изъ Сѣвска, когда онъ былъ въ богословскомъ классѣ Семинаріи, а я былъ еще въ училищныхъ классахъ. Тогда онъ былъ совсѣмъ бѣлокурый и зимою ходилъ въ *нагольномъ тулупѣ*. Тогда только философамъ и богословамъ дозволялось носить тулупъ *на опашку*. Тулупъ Борисова былъ бѣлый, замасляный. Тогда все это было можно... 3) Съ баккалавромъ іеромонахомъ *Рафаиломъ Шипулинскимъ* случилась печальная исторія. Когда женился баккалавръ *Шокотовъ,* то Рафаилъ былъ въ церкви—во время вѣнчанья, засмотрѣлся на невѣсту-красавицу и послѣ сталъ грустить... И вотъ когда посѣщалъ Братскій монастырь и академію великій князь Михаилъ Павловичъ, то Рафаилъ подалъ ему прошеніе, въ которомъ прописалъ, что начальство насильно постригло его въ монахи... Этотъ поступокъ сочли признакомъ сумашествія и бѣднаго Рафаила засадили въ Лавру. Тамъ онъ хотѣлъ наложить на себя руки. но его успѣли спасти—и потомъ заточили въ какой-то далекій монастырь... Послѣ онъ поправился и еще, кажется, служилъ по училищному вѣдомству... 4) Бакалавръ іеромонахъ *Мелитонъ Переверзевъ*—мой землякъ. Пошелъ въ монахи, чтобы получить магистра. Но потомъ почувствовалъ потребности человѣческія, оглянулся—увидѣлъ, что возврата нѣтъ и—спился... Судьба его, какъ и Рафаила, тоже очень печальна. 5) Бакалавръ *Яковъ Кузьмичъ Амфитеатровъ*—былъ тоже мой землякъ. Онъ страдалъ запоемъ. Къ вечеру на него находила тоска—я къ нему хаживалъ, для того чтобы его развлекать. Но стали говорить, что я участвую съ нимъ въ пьянствѣ, и за это не дали мнѣ степени магистра, хотя мое сочиненіе о Великой Княгинѣ Ольгѣ, написанное на Румянцевскую премію, и было напечатано. Это сочиненіе много сократили: люди безъ вкуса,—какъ тогдашній инспекторъ *Нилъ Исаковичъ*...

Въ послѣдній разъ я видѣлъ о. Ник. Ив. Соколова, посѣтивши его въ Свѣтлую Субботу—въ ту же Пасху 1889 года... Старецъ прочелъ мнѣ цѣлую лекцію о *Кириллицѣ* и *Глаголицѣ*. Видно, что много и внимательно читалъ по этому предмету... Въ воспоминаніяхъ изъ прошлаго, между прочимъ, передавалъ фактъ, что митрополитъ Кіевскій Евгеній часто ѣздилъ въ Кіевѣ къ одному священнику, который усердно занимался физикой и астрономіей и имѣлъ у себя разныя машины для опытовъ. Этотъ священникъ скончался скоропостижно.—Была также въ бесѣдѣ

нашей съ о. Николаемъ рѣчь о *безженствѣ Епископовъ.* На это безженство о. Николай смотрѣлъ скептически... Апостолъ Петръ и Павелъ, говорилъ онъ, имѣли женъ... Архіепископъ Иннокентій, по его словамъ, смотрѣлъ на отношенія къ женщинамъ очень свободно, съ чисто человѣческой точки зрѣнія...

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ *Автобіографіи* протоіерея Н. И. Соколова. Рукопись ея хранится, какъ драгоцѣнность, у дочери его, вдовы упомянутаго нами ректора Одесской д. семинаріи протоіерея М. Ѳ. Чемены, *Вѣры Николаевны Чемены.* Благодаря просвѣщенному вниманію досточтимой Вѣры Николаевны къ дѣлу литературы,—мы получили возможность на нѣкоторое время взять къ себѣ эту рукопись, снять съ нея копію и затѣмъ издать ее на страницахъ *Кіевской Старины.*

Рукопись *Автобіографіи* представляетъ довольно толстый переплетенный томъ (454 стран.) писчей бумаги—въ листъ, весь исписанный собственною рукою Протоіерея Н. И. Соколова. Рукопись не имѣетъ одного *общаго* заглавія, а прямо начинается со статьи: *Мои предки.* Но такъ какъ въ семействѣ о. Николая она слыветъ подъ именемъ *Автобіографіи,* и такъ какъ съ другой стороны въ ней, кромѣ автобіографіи о. Николая Соколова, заключаются и его *воспоминанія* о своихъ предкахъ, родственникахъ съ отцовской и материнской стороны, а также и о другихъ разныхъ лицахъ, съ которыми приходилось ему вступать въ соприкосновеніе въ продолженіе своей жизни,—то мы дали рукописи такое *общее* заглавіе: „*Воспоминанія* и *Автобіографія* Одесскаго протоіерея Николая Ивановича Соколова“.

Сдѣлаемъ краткое обозрѣніе печатаемой рукописи о. Николая Соколова. Авторъ сначала говоритъ о своихъ предкахъ по отцу и по матери, причемъ въ особенности много посвящаетъ мѣста воспоминаніямъ о своемъ дѣдѣ по отцу діаконѣ *Алексѣѣ Мироновичѣ Гороховѣ* и его семействѣ, а также и о своемъ отцѣ священникѣ *Іоаннѣ Алексѣевичѣ Соколовѣ,* который наслѣдовалъ фамилію не отца, а матери своей *Татіаны Ивановны,* урожденной *Соколовой,* по желанію послѣдней. Тогда такія перемѣны фамилій были въ обычаѣ и свободно допускались. Авторъ разсказываетъ, какъ этотъ о. *Іоаннъ Алексѣев. Соколовъ* былъ сначала діакономъ въ г. Мценскѣ, Орловской губ., а затѣмъ священникомъ въ селѣ *Спасскомъ,* Мценскаго уѣзда, и какъ онъ наконецъ скончался въ 1839 г. въ Одессѣ, куда онъ, уже будучи въ отставкѣ, пріѣхалъ навѣстить своего сына, автора Автобіографіи, и пожить у него нѣкоторое время. Авторъ „Воспоминаній“ со-

общаетъ много интересныхъ бытовыхъ подробностей и о тогдашней жизни въ г. Мценскѣ, а также и въ с. Спасскомъ. Подробности о селѣ Спасскомъ потому въ особенности могутъ имѣть интересъ, что относятся онѣ *къ тому самому с. Спасскому,* которое впослѣдствіи принадлежало матери знаменитаго русскаго писателя *Ивана Сергѣевича Тургенева,* а затѣмъ и самому Ивану Сергѣевичу.

Далѣе авторъ съ большими подробностями описываетъ свое *дѣтство* въ с. Спасскомъ и касается при этомъ нѣкоторыхъ бытовыхъ обычаевъ этого села. Затѣмъ, онъ разсказываетъ о поступленіи своемъ въ духовную семинарію въ г. *Сѣвскѣ* и подробно описываетъ жизнь свою *здѣсь.* Описаніе Сѣвской семинаріи можетъ имѣть интересъ въ особенности потому, что здѣсь о. Николай Соколовъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о школьной жизни одного тогдашняго Сѣвскаго семинариста *Ивана Борисова,* сдѣлавшагося впослѣдствіи знаменитымъ *Иннокентіемъ,* архіепископомъ Херсонскимъ. Затѣмъ авторъ говоритъ о томъ, какъ онъ кончилъ курсъ семинаріи уже въ г. Орлѣ и какъ, будучи въ богословскомъ классѣ семинаріи, онъ вакаціями ходилъ въ г. Кіевъ на богомолье пѣшкомъ. Затѣмъ говоритъ объ обстоятельствахъ окончанія имъ семинарскаго курса и разсказываетъ о поступленіи своемъ въ Кіевскую духовную академію съ 1827 г. и о четырехъ-годичномъ пребываніи своемъ въ Кіевѣ—студентомъ академіи. Этотъ отдѣлъ автобіографіи автора имѣетъ значительный интересъ для исторіи Кіева и Кіевской духовной академіи. Затѣмъ авторъ говоритъ о назначеніи его на службу въ г. Херсонъ—на должность смотрителя духовнаго училища; описываетъ свое путешествіе въ г. Екатеринославъ, отъ котораго тогда зависѣлъ Херсонъ въ духовно-административномъ отношеніи; говоритъ о томъ, какъ при посредствѣ своего земляка, профессора Екатеринославской духовной семинаріи *Павла Ивановича Данкова,* женатаго на дочери умершаго каѳедральнаго протоіерея *Станиславскаго,* онъ самъ познакомился съ семействомъ этого протоіерея и наконецъ женился на другой дочери его—*Варварѣ Ивановнѣ.* Затѣмъ авторъ описываетъ переѣздъ свой въ г. Херсонъ и послѣдующую жизнь свою въ немъ. Здѣсь онъ подробно разсказываетъ о Херсонскомъ духовномъ училищѣ, о своихъ сослуживцахъ училищныхъ, о духовенствѣ Херсона, о своихъ знакомыхъ и проч. Разсказываетъ далѣе о томъ, какъ онъ получилъ протоіерейское мѣсто въ Херсонскомъ Соборѣ, какъ его посѣтилъ въ 1836 г. ректоръ Кіевской духовной академіи *Иннокентій*—

на пути въ Крымъ. Много также мѣста посвящаетъ авторъ характеристикѣ тогдашняго своего епархіальнаго начальника архіепископа *Гавріила Розанова,* подъ начальствомъ котораго ему пришлось послѣ служить и въ Одессѣ. Вообще, та часть его автобіографіи, гдѣ описывается его жизнь въ Херсонѣ, изобилуетъ многими интереснѣйшими бытовыми подробностями. Затѣмъ, авторъ разсказываетъ объ обстоятельствахъ перемѣщенія своего въ г. Одессу. Описываетъ далѣе свою одесскую жизнь со всѣхъ сторонъ—и служебную, и домашнюю-семейную. Много при этомъ посвящаетъ мѣста характеристикѣ тогдашняго главнаго начальника Новороссіи, имѣвшаго резиденцію въ Одессѣ, извѣстнаго графа (впосл. князя) *М. С. Воронцова,* а также характеристикѣ Епархіальныхъ Архіереевъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ Одессѣ: *Гавріила Розанова*, *Иннокентія Борисова*, *Димитрія Муретова*, *Леонтія Лебединскаго* и *Іоанникія Горскаго.* Описаніемъ смерти и погребенія послѣдняго изъ нихъ (въ 1877 г.) и оканчивается рукопись нашего автора. Опять—и относительно описанія авторомъ своей одесской жизни—скажемъ, что бытовыя подробности, сообщаемыя имъ, представляются очень любопытными и живо изложенными.

Вообще „Воспоминанія и Автобіографія“ одесскаго протоіерея Николая Ивановича Соколова представляютъ въ себѣ весьма много *самаго жизненнаго* историческаго матеріала,—и мы приносимъ глубокую благодарность досточтимой дочери автора *Вѣрѣ Николаевнѣ Чеменѣ* за то, что она дала намъ возможность сдѣлать этотъ важный литературный памятникъ общеизвѣстнымъ при посредствѣ печати.

Издавая въ свѣтъ „Воспоминанія и Автобіографію“ протоіерея Н. И. Соколова,—мы въ редакціонномъ отношеніи сдѣлали вотъ что: во первыхъ, составили *отдѣльные подзаголовки* въ началѣ каждой статьи „Воспоминаній и Автобіографіи“, а во вторыхъ—сдѣлали по мѣстамъ къ тексту ихъ соотвѣтствующія *подстрочныя примѣчанія.*

Л. С. М.

27-е Декабря 1905 г.
Одесса, Слободка-Романовка.

Мои предки.

Дѣдъ автора діаконъ села Подчернева Алексѣй Мироновичъ Гороховъ; бабушка Татьяна Ивановна; ихъ дѣти.

Въ царствованіе Анны Ивановны и Елисаветы Петровны въ Мценской округѣ, въ селѣ *Гороховомъ* былъ священникъ *отецъ Миронъ*. Это—отецъ моего дѣда *діакона Алексѣя Мироновича Горохова*. Самъ отецъ Миронъ, по обычаю того времени, не носилъ фамиліи, и едва ли кто называлъ его по отчеству,—и сынъ его *Алексѣй* получилъ фамилію уже отъ села, въ которомъ родился. Село это находится въ 20 верстахъ отъ г. *Мценска*, по дорогѣ въ г. *Болховъ*. Въ 1828 г. я былъ въ с. Гороховомъ. Оно расположено по одной сторонѣ оврага; церковь и усадьба причта расположены на полу-горѣ; подъ горой течетъ ручей; вокругъ села нѣтъ лѣса и въ селѣ мало садовъ. Видъ села показался мнѣ слишкомъ угрюмымъ.

Дѣдъ мой *Алексѣй Мироновичъ*, за неимѣніемъ въ округѣ и намѣстничествѣ училищъ, воспитывался дома. Онъ былъ хорошій чтецъ и пѣвецъ. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и крѣпкаго сложенія. Въ 1760—1770-е годы онъ поступилъ діакономъ въ село *Калугино-Подчерново* тожъ. Для посвященія ѣздилъ въ Москву [1]). Село Подчерново расположено на горѣ надъ ручьемъ, пересыхающимъ въ лѣтнее время. Но церковь и поповка расположены на особой горѣ, отдѣльно отъ села. Садовъ не было въ селѣ, но къ нему прилегали два яра, опушенные дубовымъ и березовымъ лѣсомъ. Видъ села—бѣдный.

Дѣдъ мой женился на дочери дьячка села *Рожественскаго*, отстоящаго отъ Подчернева въ 12-ти верстахъ, а отъ Горохова

---

1) До 1788 г. территорія нынѣшней Орловской Епархіи принадлежала къ Московской митрополіи—Л. М.

въ 10-ти. Имя ея *Татьяна Ивановна*. Дѣдъ ея дьячекъ села Рожественскаго былъ убитъ въ сраженіи съ разбойниками мѣстныхъ лѣсовъ. Война ведена была самимъ Мценскимъ воеводою. Мѣсто убитаго заступилъ сынъ его *Иванъ Соколовъ* и вскорѣ за подвиги отца возведенъ былъ въ санъ дьякона. Бабушка моя—*Татьяна Ивановна Соколова* не знала грамоты, но была бойкая и умная; ей обязаны дѣти воспитаніемъ и пристройкою. Она слыла занимательною и плодовитою разсказчицею.

У дѣда моего было два сына: *Іоаннъ*—мой отецъ, и *Никаноръ,* и дочери *Ѳеодосія, Анна, Анисія, Марія, Татьяна, и Акилина.*

Нѣчто о жизни дѣда моего—Алексѣя Мироновича.

Необычайное трудолюбіе дѣда и бабки и ихъ хозяйственность. — Практическая мудрость бабушки Татьяны Ивановны—сельскій продуктъ въ то время и обстановка домашней жизни.—Наѣздъ разбойниковъ на домъ дѣда.—Запуганность и робость въ характерѣ дѣда, сократившая его жизнь.—Печальная судьба послѣдней дочери его—красавицы *Акулины.*—Бѣгство Діакона—Мужа Акулины—къ раскольникамъ —Душевная болѣзнь дѣда.

Алексѣй Мироновичъ былъ неустанный труженикъ: съ ранней зари до ночи онъ работалъ за троихъ. Нужно было воспитать и пристроить столько дѣтей. Супруга его не уступала ему въ трудѣ; ей надо было одѣть и обуть каждаго изъ осьмерыхъ дѣтей. Покупать было не на что, все платье было своего издѣлія. Нужно было напрясть, накрасить, нашить, заготовить овчины на шубы,—и она сидѣла ночи на пролетъ. Кромѣ того надобно было присмотрѣть за скотомъ и другою живностью въ домѣ, сжать и обмолотить посѣвъ—и ея ставало на все. Только съ возрастомъ труженникамъ стали помогать дѣти ихъ—мальчки до поступленія въ училище, а дѣвочки—до выхода замужъ.—У Алексѣя Мироновича кромѣ дегтю и лыкъ, да платковъ дѣтямъ на голову и косынокъ,—купленнаго были только сапоги и ряса, пошитые имъ въ Москвѣ, при посвященіи. И эти сапоги служили ему 28 лѣтъ, а ряса—до гроба.

Дѣдъ мой содержалъ въ училищѣ двухъ сыновей, возилъ ихъ за 200 верстъ въ г. *Сѣвскъ*. Но онъ не въ силахъ былъ доставить имъ средства окончить 12-лѣтній курсъ: одинъ уволился еще изъ первыхъ классовъ; другой (отецъ мой)—изъ риторики.—У него достало силъ пристроить дочерей. Старшую выдалъ за

купца, державшаго постоялый дворъ на нынѣшней станціи *Оптухъ*; Анну отдалъ за управляющаго селомъ—барскаго человѣка, который, распившись удавился; Анисью за мѣщанина, занимавшагося извозомъ: Марьѣ уступилъ свое мѣсто, самъ оставшись за штатомъ, и когда зять его діаконъ *Фирсъ Харитоновичъ* сдѣлался священникомъ, тогда бабка исхлопотала мѣсто его для дочери своей Акулины. [1])

Два года дѣдъ мой и бабка жили при дочери Акулинѣ; бабка нянчила дѣтей, а дѣдъ занимался хозяйствомъ. Тогда они жили, какъ выражались, въ полное свое удовольствіе. У нихъ была своя вѣтряная мельница и 12 десятинъ земли. Эта земля куплена въ 1795 году за 600 руб. Бабка умудрилась купить ее, не имѣя въ домѣ болѣе 2-хъ рублей... Какимъ же образомъ?—Ходя изъ двора во дворъ по всему селу, она просила у каждаго зажиточнаго мужика взаймы *только одинъ рубль*, не объявляя для чего, и когда собрала 600 р. и купила землю, тогда объявила имъ, на что занимала. Мужички только удивились ея мудрости и охотно отсрочили ей долгъ, дорожа ея привѣтливостью.

Алексѣй Мироновичъ жилъ 77 лѣтъ, умеръ въ 1825 году.—Трудовая жизнь его проходила въ царствованіе Екатерины II и Павла I, и далъ онъ свое мѣсто зятю Фирсу уже въ царствованіе Александра I въ 1809 г. Въ его время сельскіе продукты цѣнились очень дешево: рожь продавалась 1 р. 50 к.—2 руб. четверть; капусту, огурцы рѣдко кому приходилось продавать. Кто запоздалъ на рынокъ, тотъ вывозилъ обратно за городъ и во Мценскѣ подъ *холопій мостъ*. На мѣстѣ этого моста теперь насыпь для рельсовъ желѣзной дороги. Екатерининскій серебряный рубль былъ за рѣдкость въ Подчерневомъ: имперіаловъ въ глаза не видали. Къ ассигнаціямъ съ трудомъ привыкали. Мужикъ убѣгалъ ихъ; хотя синенькая—5 р.—равнялась *пяти* серебряннымъ рублямъ. Въ деревню онѣ не заходили.—Дѣдъ разсказывалъ, что чай и сахаръ не были въ употребленіи и у помѣщиковъ. Сахаръ платили по 1 р. 20 к. за фунтъ. Не существовало и самоваровъ,—ихъ замѣняли мѣдные чайники; но въ нихъ варили не чай, а душистыя травы, сушеныя ягоды, вишни, землянику, малину — и варили на меду. Когда же къ взвару прибавлялась водка (сивуха), взваръ именовался *кавардакомъ*. Когда взваривались только травы съ медомъ, тогда горячій напи-

---

1) То есть, выдавъ ее замужъ за новаго діакона, о которомъ разсказъ будетъ ниже.—Л. М.

токъ назывался *сбитнемъ*.—Хлѣбъ тогда не шелъ заграницу: имъ снабжали только свои города. Если жители города запасались имъ, и самъ городъ не имѣлъ судоходной рѣки, по которой сплавлялся хлѣбъ въ Москву, то цѣна на него такъ падала, что нечего было возить его въ городъ. Въ цѣнѣ тогда стояла конопля, пенька, макъ и медъ, какъ и воскъ; дѣдъ какъ и каждый мужичекъ, имѣлъ свой огородъ и коноплянникъ. Продажа пеньки и конопли выручала его изъ нужды. Но эту статью хозяйства эксплуатировали горожане.—Жителями тогдашнихъ захолустныхъ городовъ были мѣщане, помѣщики, имѣвшіе свои дома на зимній сезонъ, и два—три купца. Купецъ объявлялъ цѣну на вышеозначенные продукты, и когда хотѣлъ, мѣщане ѣздили по деревнямъ, покупали эти продукты, за что могли, и сдавали купцу. Тогда не было телеграфовъ, газета не доходила и до помѣщика и горизонтъ свѣдѣній о цѣнахъ мужичка ограничивался ближайшими городами.

Земская полиція существовала. Въ каждомъ селѣ жители—хозяева раздѣлялись на *десятки* и *сотни*. Каждымъ десяткомъ завѣдывалъ *десятскій*. Десятскіе были подчинены *сотскому*. Эти власти были изъ мужиковъ, но власть ихъ парализовалась дворянами. Десятскими и сотскими командовалъ *исправникъ* изъ дворянъ: исправники подчинены были *земскому суду*. Но артели разбойниковъ и грабителей существовали во множествѣ; онѣ грабили и убивали не па дорогахъ только, но и въ селахъ. Они наѣзжали ночью на села и поселки. Наканунѣ *наѣзда* они подкидывали достаточному хозяину письмо, которымъ предупреждали хозяина ожидать гостей. Такіе гости разъ посѣтили моего дѣда. Получивъ письмо ихъ, онъ не объявлялъ ни сотскому, ни десятскому, но велѣлъ семейству приготовить угощеніе и даже раздобылся водкою. Въ часъ ночи нагрянули двѣ тройки и кричали отпереть ворота. Дѣдъ встрѣтилъ гостей съ поклонами. Шесть человѣкъ, вооруженные кистенями и топорами на двухъ аршинныхъ рукояткахъ, вошли въ избу. Лица ихъ до половины были завѣшаны платками. Всѣ были въ синихъ домашней работы кафтанахъ. Потребовали деньги. На это время въ домѣ было 7 рублей мѣдью. Деньги были вынуты изъ сундука и дѣдъ Христомъ и Богомъ увѣрялъ ихъ, что больше нѣту, и просилъ откушать хлѣба и соли. Разбойники не вѣрили и говорили: „ты на 3-хъ саняхъ возилъ хлѣбъ въ Мценскъ и получилъ 15 рублей. Но дѣдъ почтовою роспискою доказалъ имъ, что онъ десять руб. послалъ сыновьямъ въ Сѣвскъ. Тогда только сѣли

за столъ, пили водку, подчивали его самого хозяина. Они изъ своего запаса вынули паюсную икру и стали ѣсть. Бабка и дѣти никогда не видѣвшія икры, подумали что это черное вещество изъ рѣчныхъ раковинъ, называемое *лягушьимъ гнѣздомъ*. У нихъ поднялись сильные рвоты. Это смѣшило негодяевъ, они хохотали и почти не ѣли заготовленныхъ кушаній. Одинъ изъ нихъ сказалъ: „вода“—и вдругъ всѣ поднялись и поспѣшно стали выходить изъ дома. Дѣдъ съ поклонами провожалъ ихъ. Вышедши за ворота, не нашли лошадей, вдругъ закричали: „измѣна“ и схватили дѣда. Къ счастію, лошади заржали. Кучера съ тройками заѣхали въ переулокъ и въ тѣни, бросаемой отъ дома, при лунной ночи, стояли. Разбойники распрощались, пожелавъ хозяину жить—поживать, добра наживать и ихъ не забывать. „Что же вы не объявили письма сотскому, когда получили его; можетъ быть дали бы ночныхъ караульныхъ“?—Замѣтилъ кто-то дѣду.—„Конечно дали бы, но тогда гости не пожаловали бы; они обыкновенно посылали развѣдчика въ одеждѣ нищаго. Есть караулъ,—ихъ нѣтъ, нѣтъ караула,—тутъ и нагрянутъ. Не вѣкъ же караулу стоять при домѣ... Одну ночь покараулятъ — другую, а тамъ и перестанутъ.“ — Кто же это были разбойники? Мценскіе мѣщане — изъ тѣхъ, которые ѣздили закупать пеньку и коноплю.

Алексѣй Мироновичъ, этотъ великанъ и силачъ былъ кроткаго характера. Въ теченіе долголѣтней жизни своей онъ ни съ кѣмъ не ссорился и не судился. Предъ помѣщикомъ или дворяниномъ онъ всегда стоялъ безъ шапки. Особенно трусилъ передъ своимъ священникомъ—*отцемъ Ефимомъ* Этотъ священникъ корчилъ рожу помѣщика, и дѣйствительно былъ помѣщикомъ. Онъ не хотѣлъ жить на усадьбѣ церковной, а имѣлъ свою усадьбу и семь душъ крестьянъ. Бывало разсказывалъ отецъ мой,—явится крестьянинъ отца Ефима. Дѣдъ уже зналъ, что его требуетъ священникъ, и накинувъ кафтанъ и схвативъ подпояску и шапку, бѣжитъ опрометью, расчесываясь и подпоясываясь на пути.

Излишнее уваженіе къ старшимъ и робость погубили Алексѣя Мироновича. Желая пристроить 4-ю дочь *Марью*, онъ сдалъ свое мѣсто мужу ея, студенту философіи *Фирсу Харитоновичу*, а самъ остался за штатомъ и занимался хлѣбопашествомъ и мельницею. Но вотъ достигла совершеннолѣтія послѣдняя дочь его—красавица *Акулина*. Къ этому времени умираетъ отецъ Евфимъ, дьяконъ Фирсъ поступаетъ на его мѣсто, а дьяконское

мѣсто остается празднымъ. Бабка беретъ Акулину и пѣшкомъ идетъ съ нею въ Сѣвскъ—за 200 верстъ—просить у архіерея *Досифея* [1]) жениха на дьяконское мѣсто. Она—ли живыми разсказами о долгомъ пути и приключеніяхъ на немъ, или дочь ея своею красотою—такъ подѣйствовали на архіерея—старика, что онъ тотчасъ предоставилъ за дѣвицею мѣсто и освободилъ ее отъ хожденія по среднимъ классамъ семинаріи для вызова жениха, самъ указалъ его въ средѣ своихъ пѣвчихъ. Женихъ былъ артистъ, живописецъ и музыкантъ. На другой день онъ былъ повѣнчанъ съ Акулиною; а на третій—Акулина съ матерію должна была съ котомками на плечахъ отправиться въ путь. У нихъ не было средствъ дождать посвященія артиста въ дьяконы и окончанія имъ нѣкоторыхъ работъ по иконописанію. Но самъ архіерей распорядился, чтобы женщины не одни были въ дорогѣ, отпустивъ съ ними до срока общихъ роспусковъ студента *Василія Лукича Переверзева*, сосѣда ихъ по родинѣ. Это было въ началѣ іюля. Въ августѣ возвратился и новопосвященный дьяконъ.

Успѣхъ бабки Татьяны Ивановны былъ принятъ дѣдомъ и родными съ восторгомъ. Дѣдъ купилъ усадьбу у дьячка и перестроилъ домъ заново. Усадьба и домъ были рядомъ съ усадьбою и домомъ, которые вмѣстѣ съ дьяконствомъ онъ передалъ *Фирсу*, теперь священнику. Дворъ, огородъ, токи съ овинами и коноплянники отдѣлялись только межею.

Черезъ 9-ть мѣсяцевъ Акулина родила сына *Илью*. Дѣдъ и бабка, жившіе въ домѣ ея, были въ восторгѣ; но отецъ не хотѣлъ и взглянуть на ребенка. Еще въ Сѣвскѣ, провожая въ дорогу жену и тещу, онъ изъ подлобья смотрѣлъ на спутника ихъ—студента *Василія Лукича*. Теперь открыто говорилъ, что ребенокъ прижитъ съ Василіемъ Лукичемъ—въ дорогѣ. Напрасно бабка увѣряла его, что дочь ея каждую ночь въ дорогѣ спала съ нею и спала отъ утомленія и молодости мертвецкимъ сномъ, что студентъ всегда спалъ отдѣльно,—ревнивецъ не хотѣлъ слушать.

Всякій, кто встрѣчался съ Акулиной, не могъ налюбоваться ею. Особенно находилъ удовольствіе видѣть и говорить съ нею сосѣдъ—священникъ *Фирсъ*, на глазахъ котораго она расцвѣтала. Онъ же обучилъ ее и всему, что самъ зналъ, кромѣ латыни.

---

[1]) Преосв. *Досиѳей Ильинъ*—былъ вторымъ архіереемъ самостоятельной Орловской и Сѣвской Епархіи—съ 1798 г. по 1817-й; а первымъ ея архіереемъ былъ *Аполлонъ Байбаковъ*—съ 1788 г. по 1798 г.—Л. М.

Дьяконъ сердился. Бабка запретила имъ даже видѣться. Но разъ Акулина вышла на огородъ. Вышелъ на огородъ свой и Фирсъ. Фирсъ издали сталъ нѣжно говорить съ нею, выражая участіе къ страданіямъ ея отъ ревности мужа. Но когда разговоръ принялъ игривый тонъ, вдругъ является мужъ Акулины. Фирсъ имѣлъ неблагоразуміе прекратить разговоръ и удалиться въ свой дворъ. Этого было довольно для ревнивца. Онъ началъ пытать жену, употребляя всѣ орудія—веревки, кнутъ, пуки розогъ—и эту пытку производилъ не одинъ день. Отецъ и мать видѣли страданія дочери и, по обычаю того времени, считали себя не въ правѣ заступиться дѣятельнымъ образомъ, а только плакали и рыдали. Тиранъ требовалъ признанія и обѣщалъ не только прекратить истязанія, но и возвратить любовь. Что жъ? на третій день, избѣгая страданій, красавица, будучи невинной, признала себя виновною и наговорила на себя много небылицъ. Тиранъ прекратилъ истязанія, обнялъ жену и поцѣловалъ ее; но въ тотъ же день исчезъ изъ дому. Проходитъ недѣля, другая, какъ вдругъ прилетаетъ онъ на двухъ тройкахъ съ двумя бородачами—старообрядцами. Беретъ жену и имущество, а сына бросаетъ.—„Куда, куда ты ѣдешь, несчастный?“—говорили ему съ воплемъ и рыданіями. Сбѣжалась вся поповка. Всѣ плакали и задавали тотъ же вопросъ. Отвѣта не было. Тройки полетѣли и скрылись за противоположною горою, только звонъ колокольчиковъ долго слышанъ былъ издали. Бабка плакала съ причитаніями, а дѣдъ стоялъ молча, не двигаясь съ мѣста; неподвижные взоры его обращены были въ даль—по направленію дороги. Насталъ вечеръ, пришла ночь, а дѣдъ все не сходилъ съ мѣста. Только къ полночи втащили его въ домъ.

Фирсъ репортовалъ о побѣгѣ дьякона благочинному, благочинный—въ мценское духовное правленіе, правленіе—архіерею. Это было въ 1822 году. Архіереемъ былъ *Гавріилъ Розановъ*—и уже жилъ въ Орлѣ [1]). Бабка настояла, чтобы дѣдъ просилъ разрѣшенія служить за діакона до возраста брошеннаго ребенка.

Дѣдъ, со дня посвященія его—50 лѣтъ невидѣвшій архіерея, явился въ архіерейскій домъ, вмѣстѣ съ другими просителями. Въ корридорѣ сталъ на колѣни, держа просьбу на головѣ. Принявъ прошеніе и взглянувъ на содержаніе его, Гавріилъ вскри-

---

[1]) Преосв. *Гавріилъ Розановъ* правилъ Орловскою епархіею съ 1821 г. по 1828 г. Но каѳедра ея перенесена изъ Сѣвска въ Орелъ еще въ 1819 г.—при предшественникѣ Гавріила—преосв. *Іонѣ Павинскомъ*. (1817—1821 гг.).—Л. М.

чалъ: „Это ты, старый плутъ, проводилъ зятька въ старообрядческіе слободы? Въ цѣпь его“! Засадили несчастнаго въ цѣпь. Долго ли онъ сидѣлъ въ цѣпи, неизвѣстно; но скоро замѣчено было, что онъ тронулся умомъ. Архіерей возвратилъ его къ моему отцу—съ тѣмъ сторожемъ, который вывелъ отъ него дѣда въ консисторію—для заключенія въ цѣпь.

Дѣдъ былъ только ипохондрикъ. Каждую ночь ходилъ по улицѣ, оберегалъ домъ нашъ—то отъ пожара, то отъ наѣзда разбойниковъ. Трудно было убѣдить его въ отсутствіи этихъ опасностей. На всѣ слова у него былъ одинъ отвѣтъ: *все возможно!*

Не задолго до этой болѣзни дѣдъ мой перенесъ тяжелое горе. Зять его, управляющій села Подчернева, крѣпостной человѣкъ, тиранъ мужиковъ, при сборѣ подушнаго, муча ихъ розгами и обливая на морозѣ холодною водою, получилъ самъ *запой,* послѣ котораго находила на него тоска; какъ говорили тогда, ему *поддали* мужики, *испортили* его. Въ одинъ изъ припадковъ запоя, онъ повѣсился. Дѣти его должны были оставаться крѣпостными. Мой отецъ выкупилъ ихъ, уложивъ на то всѣ свои сбереженія.—Спустя пять лѣтъ послѣ того, какъ впалъ въ ипохондрію, Алексѣй Мироновичъ скончался на рукахъ моей матери и погребенъ въ с. Спасскомъ. Но бабка, потерявъ зрѣніе послѣ того, жила у Фирса—въ Подчерневомъ, и дожила до 90 лѣтъ. Она погребена въ Подчерневомъ.—

Мои предки по матери.

Дѣдъ автора по матери—дьячекъ г. Мценска *Василій Никифоровичъ Оболенскій* и его жена, бабушка автора, *Елена Васильевна.*—Какъ бабушка, овдовѣвши, выдала дочь свою *Евдокію* замужъ за *Ивана Алексѣевича Соколова* (отца автора „Воспоминаній“), сдѣлавшагося сначала дьячкомъ Никитской церкви г. Мценска, на мѣстѣ тестя, а потомъ посвященнаго во діакона къ Мценскому собору.—Своякъ Ивана Алексѣевича Соколова, діаконъ *Стефанъ Өедоровичъ Троицкій,* утвердившійся въ домѣ тестя—при Никитской церкви—и его упражненія въ медицинской практикѣ.—Его суевѣріе.—Жена его—тетка автора—*Пелагея* имѣла школу *грамотности* и сама была въ ней *мастерицей.* Ходъ занятій въ этой школѣ.—Уваженіе прихожанъ къ духовенству г. Мценска и доходы духовенства.—Дешевизна жизненныхъ продуктовъ.—Дороговизна строительныхъ матеріаловъ.—Домашній бытъ жителей г. Мценска.

Отецъ мой ничего не говорилъ о предкахъ матери моей—и мать ничего о нихъ не разсказывала. Но находясь цѣлое лѣто 1813 года въ г. Мценскѣ въ томъ домѣ, гдѣ родилась и воспитывалась моя мать, я слышалъ кой-что. Я даже засталъ въ жи-

выхъ ея мать, а мою бабушку—*Елену Васильевну*. Она ходила въ синемъ *хобенькѣ* на помочахъ, или сарафанѣ; на головѣ носила *повойникъ*, сверху надѣвала *эпанечку*. Фамилія ея *Оболенская*; у ней была родная сестра, старушка; ее мы называли *бабушка Луша* (Лукерья). Рядомъ съ домомъ ея былъ домъ протоіерея Никитской церкви, и впослѣдствіи—Мценскаго собора—тоже по фамиліи *Оболенскаго*.—Кто жъ была моя бабушка по матери?—Гор. Мценска, Никитской церкви вдова, жена дьячка *Василія Никифоровича Оболенскаго*. Этотъ дѣдъ мой—*Василій Оболенскій* былъ по тому времени просвѣщенный человѣкъ. Но какъ двоеженецъ, остался на всегда дьячкомъ. Онъ имѣлъ при домѣ маслобойню, баню, садъ и огородъ. У него была своя барка или стругъ на рѣкѣ *Зушѣ*. По этой рѣкѣ, впадающей въ Оку, онъ отправлялъ масло и разнаго рода зерна въ Москву. Отецъ протоіерея Оболенскаго должно быть былъ младшій братъ моего дѣда, потому что дѣти протоіерея назывались троюродными въ отношеніи ко мнѣ.

Дѣдъ мой—Василій Никифоровичъ Об—ій умеръ въ 1798 г. Онъ успѣлъ образовать сына въ семинаріи и опредѣлить чиновникомъ въ Москву и онъ уже былъ надворнымъ совѣтникомъ: успѣлъ дѣдъ выдать двухъ дочерей: одну *Марью*—за магистратскаго чиновника, другую—*Лукерью* за мѣстнаго мѣщанина—кузнеца. По смерти его остались не пристроенными двѣ: *Евдокія*—19 л. и *Пелагея*—16-ти л. Бабушка, взявъ Евдокію, отправилась съ нею въ *Сѣвскъ*. Тогда, послѣ злого *Аполюса*, только что поступилъ благостный архіерей *Досифей*. Просьба о предоставленіи за сиротою дьячковскаго мѣста была уважена. Евдокія, въ сопровожденіи матери, водима была по среднимъ классамъ семинаріи. Вызывались желающіе поступить въ дьячки къ Никитской церкви г. Мценска и жениться на сиротѣ. Въ классѣ *піитики* никто не вызывался, въ классѣ *младшей риторики* тожъ; но когда введена была мать моя въ классъ *старшей риторики*, поднялъ руку отецъ мой—*Иванъ Алексѣевичъ Соколовъ*, сынъ Алексѣя Мироновича Горохова, дьякона села Подчернева, носившій фамилію не отца, а матери, по настоянію послѣдней. Алексѣй Мироновичъ не въ состояніи былъ содержать *Ивана* далѣе въ семинаріи, потому что въ тотъ годъ поступилъ въ училище другой его сынъ—*Никаноръ*. Немного дней нужно было, чтобы обвѣнчаться, получить стихарь и указъ. Немного дней нужно было, чтобы пріѣхать въ Мценскъ. Дьячекъ *Иванъ Соколовъ*, по совѣту жены и тещи, поспѣшилъ увѣдомить шурина—*Аѳанасія Васильевича Оболенскаго* о своемъ счастіи и поступленіи хозяиномъ въ домъ отца его.

Дьячекъ Соколовъ имѣлъ отличный почеркъ и выражался просто, но правильно и прилично. Аѳанасій Васильевичъ написалъ о совершенствахъ дьячка Ивана Соколова, какъ старшаго ритора, архіерею и можетъ быть, препроводилъ хорошее письмо его (т. е. *почеркъ*); просилъ не оставлять его на дьячковской должности. Архіерей вызвалъ дьячка указомъ, чтобы произвести его діакономъ куда-нибудь, а тутъ опростилось дьяконское мѣсто при Мценскомъ соборѣ. Соколовъ, къ удовольствію родныхъ, посвященъ во діакона къ собору. Соборъ отстоялъ отъ дому тещи болѣе чѣмъ на версту. Но черезъ годъ опросталось дьяконское мѣсто при Никитской церкви. Отецъ мой хотѣлъ перемѣститься къ этому мѣсту; но за голосъ, необыкновенно звучный и пріятный контрабасъ, изъ собора его не пустили. Мѣсто при Никитской церкви досталось, по ходатайству Аѳанасія Васильевича, *Пелагеи*. На ней женился студентъ философіи *Степанъ Ѳедоровичъ Троицкій*. Отецъ мой долженъ былъ оставить домъ тещи и черезъ годъ сталъ строить свой домъ недалеко отъ собора.

Въ 1813 г. бабушка Елена Васильевна была жива и здорова. Я тогда цѣлое лѣто жилъ въ ея домѣ, во Мценскѣ, или точнѣе— у послѣдняго зятя ея Стефана Ѳедор. Троицкаго. Бабушка съ своею сестрою Лушею не опускала ни одного изъ церковныхъ богослуженій и рѣдко обѣдала дома. Стефанъ Ѳедоровичъ въ запальчивости относился къ ней не совсѣмъ учтиво; разъ назвалъ ее *кривою сукою* (бабушка была слѣпа на одинъ глазъ), чѣмъ и привелъ въ слезы жену свою *Пелагею Васильевну*.—Домъ бабушки былъ ужепреобразованъ. Стефанъ Ѳедоровичъ выстроилъ новый барскій домъ на улицу, новые ворота; выстроилъ новые конюшни и сараи. Увеличилъ садъ, отгородивъ его отъ двора прекрасною рѣшеткою и обогативъ рѣдкихъ сортовъ яблоками и грушами. Устроилъ предъ домомъ цвѣтникъ, въ которомъ особенно нравились мнѣ *рожи—мальвіи*.—Стефанъ Ѳедоровичъ выдавалъ себя за медика. Позаимствовавъ отъ брата своего *Адріана Ѳедоровича Троицкаго*, полкового медика, кой-какія свѣдѣнія объ аптекарскихъ лѣкарствахъ и полный невѣжда въ знаніи организма и обыкновенныхъ условій его жизни, онъ брался лечить всякую болѣзнь. Такъ—взялся онъ вылечить рану, бывшую у меня надъ лѣвымъ глазомъ и образовавшуюся вслѣдствіе золотухи. Рана гнила до того, что выпала маленькая косточка. Съ этою раною возился онъ цѣлое лѣто,—однако вылечилъ. Онъ ничего не дѣлалъ съ раною, кромѣ того, что закрывалъ пластыремъ; можетъ быть, тутъ помогла сила развивающагося организма.

Но онъ много повредилъ здоровью сыновей своихъ, давая имъ то слабительныя, то крѣпительныя—и они—бѣдные, особенно старшіе два, не долго жили; но дочери, производить опыты надъ которыми не позволяла жена, жили долго, и одна изъ нихъ жива была въ 1871 году. Не смотря на занятія свои медициною, Стефанъ Ѳедоровичъ, какъ теперь соображаю, былъ большой суевѣръ. Такъ, онъ досталъ у одного мужичка *приворотный порошокъ*. Опредѣляя старшаго сына своего *Ивана* въ семинарію, онъ старался помѣстить его въ хорѣ архіерейскихъ пѣвчихъ—и для этого поручилъ ему разсыпать порошокъ при входѣ архіерея въ церковь. Не знаю, успѣлъ ли Иванъ это сдѣлать; но жизнь его въ пѣвческой не позволяла ему хорошо учиться и, когда онъ спалъ съ голоса, исключенъ былъ изъ семинаріи. Былъ дьякономъ; но не имѣя для того голоса, впалъ въ чахотку и черезъ годъ дьяконства своего умеръ.

Стефанъ Ѳедоровичъ удостоился въ своемъ великолѣпномъ домѣ принимать архіерея *Досиѳея*—и однако все оставался діакономъ. Ему хотѣлось быть священникомъ не въ другомъ мѣстѣ, какъ въ городѣ, и дождался наконецъ кладбищенскаго мѣста. Онъ умеръ въ 30-хъ годахъ.

У Стефана Ѳедоровича, или правильнѣе—у тетки Пелагеи была *школа грамотности*, гдѣ учились читать, писать и цыфири. Учениковъ было отъ 30 до 40 душъ мужскаго пола; дѣвочекъ почему-то не было. Содержателями школъ были тогда всѣ дьякона и дьячки города. Такую же школу имѣла и мать моя, когда отецъ мой былъ при соборѣ, и тетка *Марья*, бывшая за магистратскимъ чиновникомъ. Школы тогда существовали безъ разрѣшенія и надзора начальства. Во всѣхъ школахъ была одна цѣна и одинъ порядокъ. За *азбуку* полагалось 1 р., за *Часословъ*—2 р., за *Псалтирь* — 3 рубля, за письмо и цыфирь 4 р. Собирались ученики въ 7 часовъ утра, принося съ собою *запасъ* завтраки — хлѣбъ ржаной, пироги, лепешки, калачи. Въ 9 часовъ съ запасами завтрака каждый подходилъ къ *мастерицѣ*,—такъ обыкновенно называлась учительница. Мастерица отрѣзывала *пятую* часть себѣ, остальное возвращала ученику. Въ 10 или 11 часовъ ученики распускались на обѣдъ по домамъ. Въ 2 часа по полудни ученики опять собирались и опять съ *запасомъ полдника*; въ 6 и 7 часовъ оканчивалось ученіе. Куски отъ запасовъ завтрака и полдника сушились и дѣлали большую экономію въ домѣ.—Утромъ ученіе начиналось съ *задовъ*; ученики читали все пройденное. Если кто прошелъ много или оканчивалъ книжку, мастерица дѣ-

лила зады его на двѣ—на три части. Всѣ читали вслухъ и громко. Но въ этомъ кагалѣ мастерица хорошо различала ошибки и поправляла. Она подмѣчала и исправляла ошибки и тогда, когда повидимому спала. За шалости, драки и упорную лѣнь наказывались не лишеніемъ мѣстъ или стояніемъ на колѣняхъ, а все — розгою, которая въ этомъ разѣ или ходила по плечамъ, или по голому тѣлу. Я помню тетку Полю, какъ она была молода и хороша собою, какъ она была добра и нѣжна,—но должна была работать и и розгою. Бывало, мальчугана 10 или 11 лѣтъ выведетъ изъ за ученическаго стола, наклоняетъ голову его книзу, сжимаетъ ее между своими ногами и обнаживъ его задницу, сѣчетъ маленькимъ пучкомъ березовыхъ розогъ. Но не было того, чтобы она дѣлала эту операцію съ злостію, и не давала болѣе десяти ударовъ.—

Боже мой! въ какомъ уваженіи тогда было духовенство въ г. Мценскѣ! Стефанъ Ѳедоровичъ жаловался, что шляпа не вынашиваетъ двухъ мѣсяцевъ, чтобы не обломались крылья, и все отъ того, что ежеминутно приходилось снимать ее, отвѣчая прихожанамъ на поклоны. Не смотря на множество церквей (4) и штатовъ въ маленькомъ городѣ, каждый священникъ, каждый дьяконъ и дьячекъ имѣлъ свой домикъ съ садомъ и огородомъ и коровою, а иной имѣлъ у себя баню и лошадь. Какіе же у духовенства были источники доходовъ?- Копѣйки и гроши *проскомидійные*, копѣйки и денежки *подкапильные*. Въ то время въ деревняхъ за крестины брали 10 копѣекъ, за молебенъ 15 к., за погребеніе малаго 10 к., большаго—50 к., свадьбу 2 рубля. Положимъ, что въ городѣ жертвовали при этихъ требахъ вдвое. Но вѣдь этихъ требъ немного въ малыхъ приходахъ; а въ Мценскѣ не было большихъ. Стало быть, главнѣйшимъ источникомъ служилъ копѣечный сборъ при хожденіи народа и при проскомидіи. Священникъ получалъ въ годъ всего 300 руб., дьяконъ—половину того, дьячекъ четверть. Но при тогдашней дешевизнѣ придовольствіи и изъ этихъ денегъ уэкономливали на постройку дома, платья и содержаніе дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, какіе тогда были цѣны на продовольствіе?.-- Я былъ 9-ти лѣтъ, но изъ разговоровъ окружающихъ понималъ цѣну многихъ предметовъ продовольствія. Такъ, мясо платилось отъ $1^1/_2$ до 2 коп. фунтъ; сало свиное — 6 коп. фунтъ. Мука ржаная 20 коп. за пудъ; пшеничная — 50 к., крупичатая —1 рубль — 1 р. 20 к., мѣрка крупъ — 40 к., овса — 10 к. мѣрка; сѣно — $1^1/_2$ р. возъ. Но масло коровье и конопляное были очень дороги: коровье — 30 к. фунтъ; конопляное — штофъ 1 р. — Одежда тогда была очень дорога: узкій ситецъ 40 к.,

демиткудонъ — 50 к.; шелковыя матеріи — 4 и 5 р. аршинъ; платки шелковые на голову — 10 и 15 р.; штофная юбка обходилась 50 р.; парчевая — 60 и 80 р., бывали золотой парчи душегрѣйки въ 100 и 150 руб.; флёровыя рукава обходились въ 5 р.; кисейная рубашка до половины ея состава — 5 и 6 р. Что стоили *сборники* и *кокошники* на голову, — не замѣтилъ; но эти головные наряды дорого стоили. Сборники были штофные и парчевые разнаго цвѣта; кокошники же всегда изъ бѣлой шелковой матеріи. — Башмаки женскіе бывали или шелковые, шитые золотомъ, или парчевые и штофные. Они были безъ задниковъ на высокихъ каблукахъ. Нога скатывалась въ головку, оттого головка башмака удерживалась на пальцахъ, а задняя часть башмака при каждомъ шагѣ отставала отъ пятки и ударяла въ нее, такъ что отъ каждыхъ двухъ шаговъ слышались четыре стука. Было тогда особое искусство ходить въ нихъ и при тихой ходьбѣ производить дробь. Только *такую* обувь называли *башмаками*, а нынѣшніе башмаки называли *черевиками*.—

Строя деревянный домъ въ г. Мценскѣ въ 1803 г., отецъ мой записывалъ тогда же цѣны на матеріалы и работу. Удивительно, какъ велики были тогда цѣны на тотъ и другой предметъ! Вотъ выписка изъ его тетради. Домъ былъ 6 саж. въ ширину и 7 саж. въ длину. Фундаментъ былъ каменный; первый *вѣнецъ* строился изъ дубоваго лѣсу; прочее до потолка изъ еловаго. На первый вѣнецъ пошло дубоваго лѣсу на 16 руб. 20 к. Бревна еловаго лѣсу платились 1 р. 10 к. За 50 *достокъ* заплочено было 35 р. Сотня *тесницъ* стоила 28 р. *Лѣсная* отстояла отъ мѣста постройки на 200 саженъ, и за перевозку дубоваго лѣсу на 16 р., 60 бревенъ еловыхъ, 50 достокъ и 200 тесницъ взято было 4 р. 50 к. За два воза моху заплочено 7 р. Складть фундаментъ — взято за работу 7 р. 50 к., гвозди двутесные платились по 6 р. 50 к. тысяча. 15 кастылей — 45 коп., сотня гвоздей одиотесныхъ — 40 коп., щеколда — 40 к., петля — 20 к. 14 петель на ставни стоили 3 р. 80 к., вьюшка съ приборомъ — 1 р., петли на двери и большіе гвозди — все это, вѣсившее 1 пудъ 22 ф., куплено за 6 р., петли на ворота и калитку стоили 7 р., — За постройку только дома плотники взяли 115 р.; а работали вдвоемъ съ 15 іюня по 3 сентября.—

Я жилъ еще будучи 8 лѣтъ въ г. Мценскѣ у тетки *Марьи*, бывшей замужемъ за магистратскимъ чиновникомъ. Домъ ихъ находился недалеко отъ рѣки Зуши и мельницы *Боборыкина* о 20-ти жерновахъ. Сзади огорода находился уже выгонъ, на которомъ работались канаты. Улицы въ этихъ кварталахъ покрыты

были зеленою травкою; но ненавистные солдаты полицейскіе, особенно предъ проѣздомъ губернатора, или другого важнаго лица, требовали, чтобы муравку скапывали — казалось для того, чтобы была пыль больше. Но тутъ же недалеко отъ дома, на берегу рѣки былъ *смѣтникъ* всего города и кучи навоза, которыя я засталъ и въ 1870 г.?.. О, какъ любилъ я ходить по этому смѣтнику и собирать черепки поливенной посуды и другія бездѣлушки! Зачѣмъ я жилъ у тетки? Учиться въ школѣ, которую она держала? Тамъ я не учился.

Въ Мценскѣ тогда не было музыки, не пѣли пѣсенъ, а только *псальмы* — и то при пирушкахъ На музыку смотрѣли какъ на скоморошество. Танцевъ и плясокъ не позволялось даже на свадьбѣ. Вѣнчались всегда послѣ обѣдни. Жениха и невѣсту велъ священникъ въ ризахъ со крестомъ до самаго дома. Здѣсь начинался обѣдъ самый чинный. Молодые обѣдали за особымъ столикомъ. Гости расходились въ полдень. Оставались однѣ свахи и дружки. Только на другой день молодые садились за обѣдъ вмѣстѣ съ гостями и за этимъ обѣдомъ пѣлись псалмы. — Предъ свадьбой былъ *сговоръ, рукобитье и дѣвишникъ*, продолжавшіеся недѣлю и двѣ. Дѣвицы обшивали невѣсту, приглашали опытныхъ женщинъ— закройщицъ. На этихъ дѣвишникахъ пѣлись и пѣсни — особенно вечеромъ, когда приходили и молодые мущины. Этими пѣснями величали не только жениха и невѣсту, но часто и посѣтителей, если узнавали кого, потому что каждый изъ нихъ былъ въ шляпѣ, изъ подъ которой свѣшивался платокъ и закрывалъ лицо. Послѣ провеличанія *(sic)* посѣтителя одна изъ дѣвицъ выходила изъ-за стола, за которымъ шили, подносила ему тарелку, на которой онъ клалъ деньги. Кому изъ посѣтителей нравилась какая дѣвица, онъ обыкновенно стоявшую на столѣ свѣчу переставлялъ и ставилъ противъ избранной и это считалось честью и выборомъ въ невѣсты. Между посѣтителями возникали ссоры, но не прежде окончанія вечера и внѣ дома — на улицѣ, гдѣ выхватывали скрытые подъ платьемъ кистени. Часто бывали и смертоубійства. — Какъ ни тупъ я былъ на ученье, но псальмы и величальныя пѣсни врѣзались въ мою память. Вотъ часто употреблявшіеся псальмы: „О, кто—кто Николая любитъ"; — 2) „Здѣсь ваіи отъ финика, по нимъ грядетъ владыка, владыка, владыка" и проч.; 3) „Кому повѣмъ печаль тою, кого призову ко рыданію" — Плачь Іосифа прекраснаго; 4) „Ужаснися, человѣче", гдѣ упоминается царь Сарденапалъ; 5) „О, горе мнѣ, грѣшнику сущу". — А вотъ *величальныя пѣсни*: 1) „Ты ль зоря моя, зорюшка, зорюшка вечерняя.

Высоко звѣзда взошла, далеко посвѣтила, черезъ лѣсъ, черезъ горы, черезъ синее море“ — и проч. — 2) „Груша, яблонь садовая, кора золотая, тамъ шла-прошла красна дѣвица Прасковья Андреевна, или Анна Николаевна“. — Псальмы теперь затерялись въ среднихъ губерніяхъ, но сохранились въ Подоліи и другихъ западныхъ губерніяхъ, — некому собрать ихъ... — Во Мценскѣ купцы съ сѣдою бородою пускали бумажные змѣи съ трещетками, сидя у окна, держа змѣя за конецъ нитки. Во тоже время отправляли по ниткѣ почту, т. е. кружочекъ изъ бумаги. По дворамъ стараются перехватить нить, на которой летаетъ змѣй, перебрасывая чрезъ нее другую нить съ камешкомъ, чтобы завладѣть нитками. Если оборвется нить, тогда старъ и малъ бѣжитъ на улицу, хватаетъ нитки какъ какое-либо сокровище. Иногда самъ хозяинъ выпускаетъ изъ рукъ нить, чтобъ потѣшиться суматохою на сосѣднихъ кварталахъ, а иногда и дракою....

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сговоръ малолѣтнихъ.

(*Страница изъ исторіи брачнаго права на Украинѣ XVI в.*).

Въ XVI ст. на Украинѣ изрѣдка практиковался обычай, что родители заранѣе сосватывали своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей и заключали по этому предмету формальныя обязательства, въ которыхъ за нѣсколько лѣтъ впередъ точно обозначался срокъ свадьбы, выговаривалось приданое невѣсты и вѣно со стороны жениха, и договоръ обезпечивался крупными неустойками на случай его нарушенія одною изъ сторонъ. Этотъ странный обычай стоялъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣмъ широкимъ развитіемъ личности, какимъ вообще характеризуется южнорусское общество второй половины XVI ст., когда, и по смыслу дѣйствовавшаго закона, и по общественному сознанію, основнымъ условіемъ совершенія брака считалось свободное произволеніе брачущихся. Несомнѣнно, это былъ пережитокъ предшествовавшихъ вѣковъ, когда авторитетъ родительской власти всецѣло преобладалъ надъ личными правами дѣтей, когда браки на Руси совершались иногда въ столь малолѣтнемъ возрастѣ, что не могло быть и рѣчи о свободномъ произволеніи брачущихся, и активными сторонами въ предбрачномъ сговорѣ естественно являлись не женихъ съ невѣстою, а ихъ родители или опекуны. Позже, когда возрастъ для брака былъ повышенъ, сговоръ малолѣтнихъ по традиціи продолжалъ практиковаться и даже въ иныхъ случаяхъ сопровождался церковнымъ вѣнчаньемъ, что устанавливало между сговоренными и ихъ семьями формальное родство со всѣми юридическими его послѣдствіями. Такъ, когда панъ Мартинъ Хребтовичъ, въ самомъ началѣ XVI ст., сосваталъ

„и заручилъ“ своего малолѣтняго сына съ такою же дочерью умершаго пана Сенка Олизаровича и сталъ хлопотать о правѣ опеки, на этомъ основаніи, надъ имѣніями послѣдняго, устраняя его вдову, то король Александръ призналъ, что „иному никому не прийдеть имени (имѣніями) пани Сенковои Олизаровича опекатися, толко пану Мартину“, и разрѣшилъ послѣднему, до возраста и вступленія въ бракъ его сына, взять въ опеку имѣнія Олизаровича, устранивъ вдову отъ права распоряжаться ими; а когда возникъ споръ по этому дѣлу, то новый король, Сигизмундъ I, въ 1507 г. не только подтвердилъ рѣшеніе своего предшественника, но дозволилъ также п. Мартину поселить въ своемъ домѣ и сговоренную невѣсту своего сына, а матери ея, вдовѣ, приказалъ жить особо, гдѣ укажетъ п. Мартинъ [1]. Пока подобные сговоры сопровождались церковнымъ обрученьемъ и даже вѣнчаньемъ, въ случаѣ ихъ нарушенія дѣло поступало въ духовный судъ, который сторону, устоявшую въ договорѣ, нерѣдко „вызволялъ“ (освобождалъ) отъ обязательствъ, данныхъ при совершеніи предбрачнаго сговора, а съ виновной стороны присуждалъ неустойку. Во второй половинѣ XVI ст. мы уже не видимъ вѣнчанья малолѣтнихъ, и вся крѣпость подобныхъ сговоровъ единственно обусловливалась крупными неустойками, уплата которыхъ освобождала отъ необходимости совершать бракъ.

Мало того, подъ вліяніемъ новыхъ, болѣе раціональныхъ понятій о правѣ личности и о существѣ брака, какъ свободнаго союза, стали возникать сомнѣнія: насколько обязателенъ сговоръ для жениха и невѣсты, активно въ немъ не участвовавшихъ? И когда возникли споры изъ-за того, что одна изъ сторонъ отказывалась отъ исполненія сговора, то послѣдняя старалась отстоять ту точку зрѣнія, что условія сговора обязательны только для родителей, его заключившихъ, а отнюдь не для дѣтей, по малолѣтству въ сговорѣ не принимавшихъ никакого участія, и что, слѣдовательно, въ случаѣ смерти одного изъ договаривавшихся родителей, сговоръ теряетъ силу. По мѣрѣ усвоенія обществомъ подобной точки зрѣнія, обычай сговора малолѣтнихъ долженъ былъ прекратить свое существованіе, какъ пережитокъ старины. Не могъ онъ найти для себя поддержки и въ дѣйствовавшемъ законодательствѣ, открыто признававшемъ принципъ свободнаго произволенія брачущихся и предоставлявшемъ дѣ-

[1]) Литовская Метрика, кн. записей 1506—1513 г., № 8, л. 132 обор.

вушкамъ активную защиту отъ произвола опекуновъ и даже самихъ родителей, если они безъ достаточнаго основанія стѣсняли ихъ свободный выборъ при замужествѣ. Когда возникали споры по поводу нарушенія сговоровъ, заключенныхъ въ малолѣтство жениха или невѣсты, то заинтересованная сторона, минуя мѣстные суды, обыкновенно обращалась прямо къ королю и просила его побудить противную сторону къ уплатѣ неустойки. Короля не трудно было склонить къ удовлетворенію подобной просьбы, такъ какъ онъ и самъ въ этомъ случаѣ являлся стороною заинтересованною: дѣло въ томъ, что лица, договаривавшіяся о будущемъ бракѣ своихъ дѣтей, не имѣя опоры въ дѣйствовавшемъ законѣ, въ видахъ большей крѣпости договора, всегда включали въ него такое условіе, что сторона, отказывающаяся отъ совершенія брака, обязывалась заплатить крупную „заруку“ (неустойку) не только сторонѣ, устоявшей въ договорѣ, но также и „господарю королю его милости“; поэтому король, не столько въ качествѣ верховнаго блюстителя закона, сколько въ роли какъ бы посредника въ частномъ договорѣ, охотно выдавалъ просителю „напоминальный листъ“ на имя отвѣтчика съ приказаніемъ послѣднему исполнить договоръ или платить неустойки. Но такія „напоминанія“ имѣли характеръ скорѣе моральнаго, а не юридическаго воздѣйствія и ни къ чему не приводили, и послѣ долголѣтнихъ препирательствъ, а нерѣдко и кровопролитныхъ усобицъ, воюющія стороны заключали миръ, а ихъ дѣти вступали въ браки, съ кѣмъ хотѣли.

Въ видѣ иллюстраціи ко всему сказанному приведемъ здѣсь исторію подобной семейной распри между двумя княжескими фамиліями, въ то время остававшимися еще вѣрными своей предковской вѣрѣ и малорусской народности.

Въ 1563 г. два магната, изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ на Волыни, князь Александръ Андреевичъ Сангушко-Коширскій и волынскій воевода князь Александръ Ѳедоровичъ Чорторыйскій, „приймуючи промежку себе вѣчное приятельство“, заключили другъ съ другомъ формальное условіе, по которому сынъ перваго князь Левъ, по достиженіи совершеннолѣтія, имѣлъ вступить въ бракъ съ дочерью послѣдняго княжною Мариною, въ то время еще малолѣтнею, съ назначеніемъ срока свадьбы „въ великій (т. е. зимній) мясопустъ“ 1567 г. Для большей прочности договоръ былъ обусловленъ крупными денежными „зарукам“: не устоявшая въ договорѣ сторона обязывалась уплатить „заруки господарю королю его милости“ 10,000 копъ грошей литовскихъ

и столько же противной сторонѣ, причемъ въ условіи были поименованы и тѣ имѣнія, въ которыя „сторона, постановенье держачая“, имѣла право „моцно (силою) въѣхати и ихъ вживати до того часу“, пока выговоренная неустойка не будетъ сполна уплочена.

Въ декабрѣ того же года жениху исполнилось 18 лѣтъ — возрастъ, требовавшійся тогдашнимъ статутомъ для вступленія въ бракъ, и князь Сангушко, прибывъ съ сыномъ во Владиміръ, въ замокъ господарскій, въ присутствіи старостинскаго уряда сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

— „Зъ ласки милостивого Бога, принялъ есми вѣчистое приятельство зъ его милостью княземъ Александромъ Чорторыйскимъ и змовилъ дочку его милости княжну Марину за сына моего князя Илва, которую, ведле (согласно) змовы и постановеня нашого, сынъ мой князь Левъ въ малженство святобливое за себе взяти и поняти маетъ. А ижъ (такъ какъ) сынъ мой князь Левъ, вже лѣтъ дорослый, лѣта свои маючи, тую княжну Марину полюбилъ, тогды тое постановенье наше держати маетъ, и на што бы листы (т. е. обязательства) свои князь Левъ сынъ мой теперъ его милости князю Чорторыйскому давати мѣлъ, тогды тые листы при моцы (въ силѣ) своей зостати маютъ для того, ижъ (что) сынъ мой князь Левъ вже лѣта свои зуполные маетъ“. Этимъ заявленіемъ, очевидно, князь Сангушко уполномочивалъ сына своего, уже достигшаго совершеннолѣтія, вступать непосредственно съ своимъ нареченнымъ тестемъ въ формальныя обязательства относительно, напр., приданаго невѣсты и обезпеченія ея вѣна.

Но, видно, князь Левъ непрочно „полюбилъ“ свою малолѣтнюю невѣсту, или, что всего вѣроятнѣе, въ настроеніи его отца произошла какая то перемѣна: только спустя три мѣсяца между семьями, готовыми породниться, начались уже несогласія. Въ мартѣ 1564 г. князь Чорторыйскій заявилъ въ луцкомъ замкѣ такую жалобу:

— „Его милость князь Александро Андріевичъ Сангушковичъ-Коширскій, за частокротными и пилными (усердными) прозбами своими, змовилъ у мене дочку мою княжну Марину за сына своего князя Льва ведле (по) закону святого нашого христянского у малженство, якожъ и рокъ певный тому веселью (свадьбѣ) зложили есмо и тое застановенье наше зъ обехъ сторонъ держати а статочне и скутечне выполнити приректи, на што есми промежку себе и листы свои, подъ печатьми и съ под-

писами власныхъ рукъ нашихъ и подъ печатьми людей зацныхъ, роздали, въ которыхъ листехъ есть и заруки описано. То пакъ его милость князь Александро Сангушковичъ-Коширскій, пропомневши (позабывъ) доброго и почтивого княжеского приреченя (обѣщанія) своего, не дбаючи на листъ свой, такъ тежъ на заруки въ немъ описаныи, тое наше постановенье, не хотячи его полнити, розрываетъ и за сына своего иншую панну въ малженство еднаетъ, о чомъ его милость князь Александро Коширскій тыхъ часовъ, на мясопустъ нашъ руский, присылалъ до мене людей зацныхъ зъ листомъ своимъ, просячи мене за то, абыхъ я тое постановенье наше, зъ нимъ скутечне застановеное, на сторону опустилъ и листъ его записный, которымъ ся его милость самъ за себе и за сына своего князя Льва подъ заруками описалъ, ему вернулъ, а свой отъ него до себе взялъ; чого мнѣ вчинити а слова своего отступити не пристояло, абыхъ то мѣлъ зрушити, одно якъ я зъ княземъ Александромъ Коширскимъ змовилъ, такъ то статечне держу и скутечне выполнити хочу".

При этомъ случаѣ князь Чорторыйскій предъявилъ уряду и просилъ внести въ актовыя книги текстъ подлиннаго обязательства, заключеннаго съ нимъ княземъ Сангушкомъ.

Такимъ образомъ попытка послѣдняго миролюбивымъ соглашеніемъ уничтожить необдуманно заключенный договоръ не удалась: князь Чорторыйскій находилъ, очевидно, выгоднымъ выдать дочь за молодого Сангушка, хотя бы вопреки желанію его отца. Послѣднему оставалось пассивно выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ, благо срокъ исполненія договора наступалъ лишь черезъ три года.

Между тѣмъ князю Чорторыйскому совсѣмъ не терпѣлось. Ему уже, повидимому, не столько хотѣлось породниться съ княземъ Сангушкомъ, сколько взыскать съ него огромную неустойку. Но для этого нужно было, чтобы Сангушко открыто, при оффиціальныхъ свидѣтеляхъ заявилъ, что онъ отказывается отъ исполненія договора. И вотъ въ апрѣлѣ того же 1564 г. князь Чорторыйскій проситъ владимирскаго старосту дать ему *вижа* [1]) и двухъ шляхтичей для посылки къ князю Сангушку. По дѣлу столь важнаго лица, какимъ былъ мѣстный воевода, вижемъ былъ назначенъ

---

[1]) *Вижами* назывались уполномоченныя властью лица въ качествѣ оффиціальныхъ свидѣтелей при извѣстномъ актѣ; при нихъ всегда назначались два свидѣтеля шляхтича въ качествѣ понятыхъ. Позже вижей замѣнили возные.

довольно знатный волынскій землянинъ Иванъ Матвѣевичъ Ело-Букоемскій, а ассистентами при немъ—еще болѣе знатные паны: Михайло Козинскій, маршалокъ королевскій, и Волчко Якимовичъ Жасковскій, судья гродскій владимірскій. Посланные отправились въ м. Горуховъ, гдѣ въ то время проживалъ князь Сангушко, и отъ имени князя Чорторыйскаго „мовили ему о невыполненю записовъ и обовязковъ, которыми ся князь Коширскій записалъ о взятье дочки князя Чорторыйского за сына своего, ижъ съ того запису выступилъ" и долженъ платить „закладъ" (неустойку). Князь Сангушко на это такъ отвѣтилъ:

„Еще рокъ веселю (срокъ свадьбѣ) не пришолъ: нехай князь Чорторыйскій року назначоного въ листехъ нашихъ ждеть, а мѣшковъ на заклады нехай не шиеть, бо сынъ мой его дочку, коли рокъ прийде, поймеетъ; одно жъ, если я умру, або князь Чорторыйскій, то ся все ни во што обернеть, бо князь до сына моего неласкавъ, а сынъ мой ему ся не записывалъ и печатей къ тому запису не прикладалъ,—сынъ мой одъ того воленъ".

Хотя отвѣтъ получился не безусловно отрицательный, тѣмъ не менѣе князь Чорторыйскій поѣхалъ къ королю съ просьбою побудить князя Сангушка платить „заруки" за нарушеніе договора. Король тѣмъ охотнѣе исполнилъ эту просьбу, что по условію о сватовствѣ, князь Сангушко, какъ нарушитель договора, обязанъ былъ и его королевской милости уплатить 10000 коп. грошей литовскихъ. Получивъ „напоминальный листъ" изъ королевской канцеляріи, князь Чорторыйскій снова выпросилъ у владимирскаго старосты вижемъ того же пана Ела-Букоемскаго, который въ сопровожденіи двухъ шляхтичей отправился въ Горуховскій замокъ и, вручая князю Сангушку королевскій листъ, „мовилъ словне" ему такъ:

— „Ваша милость, княже Александро Коширскій, учинивши змову и листомъ утвердивши зъ его милостью княземъ Чорторыйскимъ, маючи волю за сына своего Льва дочку его милости княжну Марину въ малженство поняти, котораго листу и обовязку своего ваша милость выступилъ, а сына своего князя Льва зъ иною оженилъ".—То же заключалось и въ напоминальномъ королевскомъ листѣ, съ прибавленіемъ лишь приказа немедленно платить „заруку" или же, впредь до ея уплаты, уступить князю Чорторыйскому въ пользованіе, въ видѣ залога, мѣстечко Коширъ съ замкомъ и со всѣми принадлежащими къ нему селами и деревнями.

Князь Сангушко съ должнымъ почтеніемъ взялъ королевскій листъ; копію его онъ передалъ своему „дьяку" (секретарю), а подлинникъ возвратилъ, сдѣлавъ на немъ такую надпись: „не знаюся до того, жебы (чтобы) ся сынъ мой зъ иною жоною оженити мѣлъ". Посланные требовали, чтобы онъ, согласно королевскому приказу и собственному обязательству, добровольно уступилъ князю Чорторыйскому Кошпрскій замокъ, на что князь отвѣтилъ:

— „Той замокъ Коширскій, на которомъ промежку насъ заруки описаны, поступилъ есми въ моцъ (во владѣніе) сыну моему князю Лву: онъ будетъ вѣдати, если его князю Чорторыйскому поступитъ, або ни".

Выслушавъ этотъ уклончивый отвѣтъ, посланные объявили князю, что, „чинячи досытъ листу королевскому," они немедленно отправляются отбирать Коширскій замокъ для передачи его князю Чорторыйскому. Сангушко на это ничего не сказалъ.

По пути къ нимъ присоединился сынъ Чорторыйскаго, молодой князь Михаилъ Александровичъ, съ отрядомъ вооруженныхъ людей. Прибывъ въ м. Коширъ, они застали замокъ въ положеніи боевой обороны: ворота были закрыты, мостъ поднятъ, а за стѣнами замка находилось множество людей зъ „ручницами, луками, рогатинами, зо всякими бронями, килка сотъ запущено было кобылинъ." [1]) На требованіе уступить замокъ по королевскому приказу, оттуда отвѣчали:

— „Не маючи листу отъ пана своего, никому увязовати себе [2]) не допустимо и на листъ королевскій ничого не дбаемо и слухати не хочемо и копии зъ него не беремо."

Переговоры не привели ни къ чему: изъ-за стѣнъ раздавались угрозы, что если посланцы тотчасъ не удалятся, то въ нихъ будутъ стрѣлять. Тогда, видячи небезпечность (доносилъ вижъ), мы почали уходити, а они зъ ручницъ, зъ гаковницъ почали на насъ стреляти, бы на якихъ неприятелей. А кгды (когда) пришли есми къ Старому-Коширу (мѣстечку) для увязованя, то великое множество людей почали насъ перейматп и во вси звоны на гвалтъ звонили".

Такъ доносилъ королевскому старостѣ вижъ, п. Ело-Букоемскій, въ данномъ положеніи представитель интересовъ князя Чорторыйскаго. Совсѣмъ иначе изображаетъ эту яко-бы мирную

---

1) *Кобылина*—бревно съ набитыми въ немъ острыми рогатками.

2) Тогдашній юридическій терминъ *увязованя*—вводъ во владѣніе.

попытку „увязованя“ въ м. Новый и Старый-Коширъ князь Сангушко. Въ жалобѣ своей, занесенной въ судъ 4 іюня 1565 г., онъ пишетъ, что 27 мая, „въ недѣлю“, князь Александръ Чорторыйскій паслалъ сына своего князя Михаила на замокъ Кошнрскій „зъ многими помочниками, приятелями, зъ сагайдаками, зъ рогатинами, ручницами, гаркабузами, болшей тысячи коней“, и они „моцно, гвалтомъ замку добывали, стрѣляли“, много людей поранили, ворвавшись въ мѣстечко, „у мѣщанъ коморы поотбивали, гроши ихъ, товары, воски, лои, шкуры, сукни, платье бѣлое (бѣлье) побрали, и отступивши отъ мѣста (Новаго-Коширa), наѣхали на Старый-Коширъ, тамъ войта, людей позбивали, поранили, жонокъ, дѣвокъ гвалтовали (насиловали), коморы поотбивали и всю маетность побрали: горшей нижли отъ поганства татаръ все имѣніе Коширское опустошили“.—Такъ дорого обошелся несчастнымъ мѣщанамъ отказъ ихъ владѣльца отъ руки малолѣтней княжны.

Такимъ образомъ одновременно возникли два судебныхъ процесса: одинъ по обвиненію князя Сангушка „за непозволенье сыну князю Льву взяти за себе въ малженство дочку князя Чорторыйского„ и неплатежъ условленной неустойки, а другой—по обвиненію князя Чорторыйскаго въ вооруженномъ наѣздѣ и разореніи Коширскаго имѣнія князя Сангушка. Отразивъ удачно первый наѣздъ и основательно опасаясь повторныхъ нападеній, князь Сангушко поспѣшилъ выхлопотать у короля такъ называемый „заручный листъ о небезпечность здоровья“, т. е. письменный королевскій приказъ князю Чорторыйскому не нападать на кн. Сангушка, его сына, слугъ, бояръ и мѣщанъ, подъ угрозою взысканія „заруки“ въ 10,000 копъ грошей. Интересна сцена врученія этого листа князю Чорторыйскому. Посланцевъ (въ числѣ ихъ былъ и вижъ съ понятыми) долго не пускали во дворъ и не принимали отъ нихъ королевскаго листа. Наконецъ вышелъ къ нимъ за ворота слуга князя Чорторыйскаго и спросилъ: съ чѣмъ они пріѣхали отъ князя Сангушки? Ему былъ показанъ королевскій листъ. Посмотрѣвъ въ него, слуга отдалъ его обратно, не захотѣлъ брать копіи и сказалъ:

— „То плетки (ложь), и хоть вы будете стояти три дня, князь не велѣлъ васъ пускати до себе“.

„Освѣтчивши тое“ (т. е. протестовавшись) передъ вижемъ и понятыми, слуга князя Сангушка „уткнулъ у ворота“ копію королевскаго листа и уѣхалъ домой. Это былъ въ то время обыч-

ный способъ врученія позвовъ и другихъ оффиціальныхъ листовъ, если ихъ не хотѣли брать въ руки.

Весьма естестественно, что разъ дѣло приняло такой оборотъ, сватовство окончательно разстроилось, и скоро послѣ того князь Левъ Сангушко женился на дочери землянина Ганнѣ Остиковнѣ, весьма богатой, но хворой дѣвушкѣ, а его бывшая невѣста княжна Марина Чорторыйская впослѣдствіи вышла за сына новгородскаго воеводы Андрея Павловича Сапѣгу, что былъ потомъ воеводой полоцкимъ и смоленскимъ.

Таковъ былъ обычный финалъ сговоровъ малолѣтнихъ въ половинѣ XVI в. Скоро послѣ того этотъ архаическій пережитокъ совсѣмъ исчезаетъ, какъ явно противный духу времени. Дольше всего онъ удержался въ магнатскихъ семьяхъ, гдѣ подобные сговоры всего чаще заключались по соображеніямъ родовымъ, фамильнымъ. Послѣдній по времени такой сговоръ, сколько намъ извѣстно, былъ совершенъ въ 1576 году между волынскимъ воеводой княземъ Богушемъ Корецкимъ и виленскимъ каштеляномъ Яномъ Ходкевичемъ относительно женитьбы сына перваго, князя Якима, на дочери послѣдняго Ганнѣ, впослѣдствіи пріобрѣвшей извѣстность тѣмъ, что она нѣсколько разъ мѣняла религію. Такъ какъ во время сговора „обѣдвѣ парсуны (женихъ и невѣста) зуполныхъ лѣтъ“ далеко еще не достигли, то срокъ свадьбы назначенъ былъ черезъ шесть лѣтъ. Договоръ скрѣпленъ „зарукой“: „на господаря короля“ 15,000 копъ грошей и противной сторонѣ столько же, и подписанъ не только родителями сговоренныхъ, но и малолѣтнимъ женихомъ, уже грамотнымъ въ то время. [1]) Можетъ быть отчасти по этой причинѣ договоръ этотъ-едва ли не въ видѣ единственнаго исключенія изъ общаго правила—не возбудилъ впослѣдствіи никакихъ споровъ и былъ съ точностью приведенъ въ исполненіе.

Ор. Левицкій.

---

[1]) Актовая Луцкая гр. книга, № 2050. листъ 259.

Весняна повидь.

Повисть.

ЧАСТЫНА ПЕРША.

I.

Колы Трублаевычъ увийшовъ у велыку, зъ высокою стелею й малымы пидслипуватымы викнамы залу, де зибралось надзвычайне губернське земське зибрання, то його насамперёдъ обдало духотою, насыченою парою видъ бильше трьохъ сотъ гласныхъ и публикы и тютюннымъ дымомъ. Була саме перерва у засиданни, и гласни повставалы зъ своихъ мисць, стоялы купамы й ходылы въ вузькыхъ проходахъ помижъ обтягнутымы зеленымъ сапьяномъ канапамы, на якыхъ воны сыдилы, а публика, що мистылась тамъ же въ зали биля выходу, на поставленыхъ въ ряды стильцяхъ и въ гори, на хорахъ, тежъ повставала и ворушылась, мовъ комашня въ порушеній купи.

У зали стоявъ гомипъ, мовъ у велыкому вокзали, колы прыходе пойиздъ. Розибрать окремыхъ сливъ було не можна, — все злылось и переплуталось, и тилькы оддавалось покрытою гороризьбою стелею, мовъ клекотання велыкого гирського потоку, або воды въ розирваній повидью гребли: тахъ, тахъ, тахъ, тахъ!..

Протовпывшысь напередъ, Трублаевычъ озырнувъ гласныхъ. То все булы стари знайоми — выгодоване, выпещене, вымыте й прылызане панство и ни одной демократычной постати. Мундыры, фракы, смокингы й сюртукы... Блыскучи били комиры, груды й манжеты. Повни, червони облыччя... Солидни, стрымани рухы и те непогасыме занепокоиння въ очахъ, яке завжды бувае у людей,

що не мають и у души спокою. Посередыни залы на спыици канапы яркою плямою вызначався голубо-зеленый картузъ гласного, чыновныка таможни.

Все це було знайоме Трублаевычови и навить картузъ чыновныка таможни, и винъ перевивъ очи вгору на хоры. Тамъ, боячысь упустыты мисця въ переднихъ рядахъ, публика немовъ попрыростала до балясивъ, — все бильше панiи й панночкы, наполовыну зъ евреивъ. Воны булы добре зряжени и, задыхаючысь видъ духоты, обвивалы соби червони облыччя газетамы й тымъ, що було у ихъ въ рукахъ. Воны нагадувалы метелыкивъ, що буцимъ обсилы оти балясы й махають ризноколирнымы крыльцямы, щобъ отъ-то заразъ спурхнуть и полетиты.

И Трублаевычови здалось, що въ цій зали, вгори въ нагритому повитри, щось трипоче, напружене й непокійне, и що ось-ось воно выбухне чымсь незвычайнымъ и несподиванымъ. И той неспокійный нервовый настрій вразъ заволодивъ имъ.

Винъ стоявъ и обводывъ поглядомъ публику, шукаючы дебъ йому найты соби мисце биля знайомыхъ.

— Иване Мыхайловычу!.. Иване Мыхайловычу!.. — гукавъ до його жиночый голосъ, але винъ не чувъ.

— Пане Трублаевычу, васъ дамы клычуть, — сказавъ йому хтось зъ його сусидивъ и показавъ праворучъ въ кутокъ залы, видкиля йому давалы знакъ очима й кывкамы молоди панны, щобъ винъ ишовъ до ихъ.

Трублаевычъ посунувся въ той бикъ, пробираючы соби стежку промижъ публику.

Його клыкала вродлыва молода панна; брюнетка, зъ роскишнымъ волоссямъ, заплетенымъ въ модну прычиску. Його, зъ початку трохы насуплене облыччя, зъ якымъ винъ увійшовъ у залу, зразу прояснылось, колы винъ побачывъ, хто його клыче,—то була його заручена, Люба Говорецька. Вона ледви помитно показала очима мисто биля себе, и винъ прывитавшысь зъ другымы паннамы, подругамы Говорецькои, ставъ биля неи, бо сидать було нигде.

— Трублаевычъ ставъ на сторожи биля своеи крали, — стыха, але зъ прытыскомъ, промовыла немолода й дуже нечепурна руда пани своій сусидци. — Боится, мабудь, щобъ не одбывъ іи у його нашъ Зембулатъ, — додала вона, прыжмурюючы кризь дымъ очи и вдывляючысь въ Трублаевыча.

Винъ стоявъ теперъ проты свиту, и іи було добре выдно його молоде прямоносе лыце, зъ тонкымы й ривнымы, трохы по-

шыреными биля перенисся бровамы, що надавалы йому выразъ поважности. Тильки дрибный пидбородокъ зъ маленькою французською боридкою пидъ трохы занадто густымы вусамы шкодывъ йому. Винъ бувъ высокый зростомъ и сухорлявый и держався ривно, трохы выносячы груды напередъ.

— О, дывиться, винъ мовъ збирается заразъ кукурикнуть, — яхыдно шепотила руда пани сусидци, пускаючы кризь жовти й плыскати, мовъ лопата, зубы, дымъ зъ папыросы.

Та ій на іи слова ничого не одмовыла, а тильки повагомъ, мовъ нехотя, запытала:

— А ваша дочка де? Я іи щось не бачу.

— А онъ, у тимъ кинци, — несамохить одмипывшысь у облыччи, сказала пани й замовкла.

Вси знaлы, що іи дочка, Руда Солоха, якъ іи звалы въ городи, въ останній часъ дуже упадае за Трублаевычемъ, але даремно.

Справди, биля викна червонила на свить руда голова іи дочкы Соломіи зъ пидризанымъ по плечи кучерявымъ волоссямъ.

Саме въ тій хвыли й Трублаевычъ глянувъ туды и побачывъ іи. Вона закывала йому головою. Винъ те-жъ уклонывся ій.

— Зъ кымъ вы витаетесь, — спыталась Говорецька, постеригшы Трублаевычивъ уклинъ и не бачучы зъ стильця, кому винъ клапяется.

— Зъ панною Дубраевською.

Ледви помитна зневажлыва усмишка майнула на облыччи Говорецькои, але вона ничого не сказала.

Въ цю хвылыну почувся дзвоныкъ. Предсидатель зновъ одкрывавъ засидания. Гласни сидалы по мисцяхъ.

— Тильки що мы заслухалы докладъ управы про ти миры, яки, по іи думци, слидъ прыняты земству на случай, колы до насъ завитае холера, — промовывъ председатель зибрання, обводячы гострымы хытрымы очима зибрання й повертаючы туды й сюды свою вытягнуту напередъ лысу голову зъ чымалымъ грубымъ горбатымъ носомъ, мовъ вынюхуючы загодя, хто и що буде говорыты. — Чы не вгодно буде кому зъ панивъ гласныхъ сказиты свои думкы по цьому пытанню?

Почалысь звычайни обговорювання пытання, але публика ехъ не слухала. Ще мынуло тильки тры тыжни, якъ японци въ лобъ розбылы наше військо пидъ Мукденомъ и по всему просторы Россіи понеслысь стогнання й прокльоны... Ще зъ тыхъ, у кого на війни булы рідни, мало хто знавъ, чы жыви воны й ненока-

личени, чы ихъ тило валяется де небудь биля императорськихъ могылъ Кытая и собакы по ночахъ грызуть його. Вси булы зтурбовани й роздратовани, мовъ бджолы. Червони телеграмы, що хлопци розносылы по городу, псисувалы всимъ нервы и де-хто вже не мигъ ихъ бачыты.

Теперъ, колы було склыкане надзвычайне губерньске земське зибрання, вси сподивалысь, що на йому щось мусыть счыпытысь, якась демонстрація. Вси ждалы ін.

Председатель тежъ ждавъ и бувъ на сторожи. Винъ часомъ непомитно, але допытлыво, обводывъ поглядомъ публику на хорахъ. Полиціи на выду тамъ не було, вона прызнала за краще доглядать порядку на вулыци, за стинамы зибрання; булы тильки потайни доглядачи.

Вси ждалы, але не зналы, видкиль и у якый мептъ почнется. Трублаевычови зновъ здавалось, колы винъ слухавъ промову балакучого, але пустоголового, видомого на всю губерню дытынячымъ повожденнямъ въ зибранни, гласного Шпаченка, що въ гори помалу трипочуть якись крыла и отъ-отъ щось разомъ выбухне.

— Ахъ, отой Шпакъ, колы вже винъ замовчыть! — зъ досадою промовыла Говорецька. — Якъ винъ того не розуміе, що меле нисенитныцю!..

Але гласный въ сій хвыли несподивано замовкъ.

— Вы до сказаного бильше ничого не маете додаты? — запытавъ його председатель, граючи, якъ звычайне, очима, й по його голосу неможна було зрозумиты, чы винъ тонко иронизуе надъ ораторомъ, чы, бажаючы проволикты часъ, щобъ одсунуты за бракомъ вильнои годыны чергови гостри пытання, якыхъ винъ не хотивъ становыты на обмиркування зибрання, хоче выклыкаты балаклія поговорыты ще килька хвылынъ.

— Вынуватъ!.. я ще бажавъ бы додаты... — почавъ той зновъ. — Я хотивъ сказать, що зибрання мае право...

— Я прохаю слова, — почувся въ зали сыплуватый голосъ, и скризь по публици побигло шарудиння:

— Лынськый просыть слова!.. Лынськый просыть слова!..

Невыдыми крылята вгори затремтилы дужче.

Колы пидвивсь Лынськый, невелыкый, але осадкуватый чоловикъ, щобъ казаты свое слово, все въ зали затыхло. Це бувъ найстаріійшый гласный зибрання, видомый діячъ. Винъ почавъ говорыть дуже тыхо, такъ що його не скризь по зали було чуть, але дали старечый його голосъ набырався сылы и черезъ килька

хвылынъ уже ясно лунавъ въ зибранни, якъ голосъ справжнього проводыря й борця.

Винъ говорывъ, що винъ дуже старый и давний, и що ся його промова въ зибранни може буты останьою и що хотивъ бы винъ, щобъ вона дийшла до серця гласныхъ. Винъ багато де-чого не буде договорюваты, але гласни й безъ пидкреслювання зрозуміють все.

— У цей часъ, у цю важку годыну — розлягався по зали його голосъ — наше зибрання, якъ частына обезславленои, збезчещенои на ввесь свитъ ридnои краины, не може буты глухымъ, щобъ не чуты, що говорытся по всихъ усюдахъ, и не може буты нимымъ, щобъ мовчаты. Наставъ гризный часъ суду надъ нашою прыгниченою й розгвынченою по всихъ суставахъ неможлывымы порядкамы краиною. Той судъ чынытся на Далекому Сходи, де мы ще такъ недавно выступалы, якъ нація героивъ, и де теперъ мы бижымо передъ ворогомъ, мовъ отара страхополохивъ!..

Усе прытыхло, занимило й обернулось въ слухъ, а гласный говорывъ, що отакъ жыть неможна, що не дрибнымы текучымы справамы теперъ мусыть займатысь земство, а добыватысь, щобъ булы въ корень зминени головни внутришни порядкы, ненавыстни всимъ чеснымъ людямъ и справжнимъ патріотамъ, щобъ бувъ зруйнованый той непорушный муръ, що виддиляе народъ видъ власти, щобъ булы розбыти кайданы, що сковують народъ. Ораторъ звертався до исторіи и въ іи прослидкувавъ громадськи течіи и змагання окремыхъ одыныць пидняты прапоръ громадськои воли.

Председатель зибрання увесь почервонивъ и сыдивъ мовъ на вугилли. Це говорывъ його зліишый ворогъ. Винъ килька разивъ хотивъ спыныты його, але не наважувався, бо йому, якъ чоловикови розумному й хытрому, не хотилось выявыты себе діячемъ, спочуваючымъ старымъ порядкамъ, и хотилось показаты що винъ зовсимъ лоияльный.

— Ридный край жде видъ насъ чесного, смилого слова, и мы повынни те слово вымовыты. Я певенъ, що у насъ стане сылы души сказаты те слово, яке теперъ у всихъ на устахъ: намъ потрибни не прыстройкы ганкивъ та бань на гнылому будынку нашого устрію, а головна перестройка всіеи будивли. Ось мое, може останне слово въ цьому зибранни, и я певенъ, що зибрання одгукнется на його!..

Выбухъ оплескивъ и крыкивъ стрясъ будынокъ зибрання и довго не змовкавъ. Предсидатель дзвонывъ и рухамы рукъ и головы прохавъ публику заспокіитысь, але це удалось йому не скоро. Лынськый не сивъ на свое мисце, а стоявъ, а колы можна було початы говорыть, винъ зновъ зоговорывъ.

— Отчызна наша теперъ роздырается на часткы, розгорается громадська усобна війна, органызуются темнымы сыламы такъ званн „чорни сотни", и ци „діячи" чынять надсыльство надъ людьмы, терроризують незгодни зъ ихъ переконаннямы части громады. Треба шукаты способивъ супроты цихъ чорныхъ сотень, що зъявляются стыдовыщемъ на весь свитъ!..

Зновъ зъ нестриманою сылою зирвалысь оплескы и крыкы „браво" и загремивъ помистъ видъ нигъ и стильцивъ. Говорецька, іи подругы, Трублаевычъ и вси округы ихъ плескалы въ долони. Дубраевська скочыла на свій стилець и, червоніючы проты свиту, мовъ кульбаба, демонстратывно ляскала въ долони и щось выгукувала. Уся зала витала оратора. Але колы Трублаевычъ поглянувъ по публыци, то въ однимъ мисци помитывъ щось таке, що диссонирувало зъ настріемъ зибрання. Якыйся чорный кудлатый чоловикъ, зъ озлобленымъ блидымъ облыччямъ, метався зъ боку въ бикъ зъ якымся крыкомъ. Його здержувалы. Колы оплескы трохы стыхлы, Трублаевычъ почувъ, що той чоловикъ протестувавъ проты промовы оратора й выкрыкувавъ, що терроризуе публыку не чорна, а „червона сотня" — зъ жыдивъ та студентивъ.

— Дывиться, що то за проява? — спытався Трублаевычъ у своихъ сусидъ.

Ти подывылысь у бикъ протестанта.

— А, це Бабаковъ, юдофобъ, що недавно побывъ студента и за це видбувъ высыдку.

Бабаковъ скоро зныкъ зъ залы, не стрившы собп пиддержкы.

Публика, наелектрызована промовою Лынського, довго не могла заспокоитысь, и предсидатель зибрання зновъ довго дзвонывъ и прохавъ утыхнуты, щобъ не мишаты роботи зибрання. Скоро все стыхло. Хотилось побачыты, якъ виднесется до промовы зибрання. Але прыйшлось розчарuватысь: ще тилькы одынъ ораторъ сказавъ килька енергичныхъ и красныхъ сливъ и бувъ нагороженый оплескамы публикы, а дали все увійшло въ свій звычайный порядокъ: гласни сыдилы й мовчалы, пьючы чай та нарзанъ, лепетавъ свои недоладни слова Шпаченко, а предсидатель усе затыравъ и замитавъ, якъ старанный лакей въ панській елегантній господи писля незвычайныхъ, нечемныхъ гостей. Усе

звелось до того, що поришылы выбрать видъ зибрання повномочного на той случай, що може поклычуть „туды“.

Зибрання почало засыпать. Де-яки земськи начальныкы, що було стурбовались, почувшы вильнолюбыви промовы, зновъ почалы дримать на своихъ мисцяхъ, черезъ сылу тоди-не-тоди пидводячы обважнили повикы и поглядаючы обикъ себе червоными очыма. Дехто зъ ихъ уже збиравсь тикать до дому, боячысь репрессій видъ свого начальства за те, що бралы участь у такому незвычайному, червоному зибранни. И тутъ саме зъ хоръ почувся голосъ:

— Прошу слова!

— Просымо слова!..

— А я прохаю публику не порушаты порядку зибрання, а не то я буду повыненъ... — сказавъ у одповидь, пидводячысь зъ крисла, председатель зибрання — закрыть засидання.

Але його не слухалы, и все въ зибранни заворушылось.

Зъ хоръ крычалы: „слухайте! слухайте!.. по мисцяхъ!..“ Председатель, гукнувшы: „я закрываю засидання!“, ставъ выходыты зъ залы. Гласни повставалы зъ своихъ мисць. Шпаченко, повернувшысь до хоръ, крычавъ туды: „мовчить, мы не хочемо васъ слухать!“ — а тамъ якыйся невидомый ораторъ, окупченый молодью такъ, що його пивидкиля неможна було бачыть, боячысь, щобъ не увійшла полиція и не схопыла його, скоро-скоро тоненькымъ голосомъ чытавъ якусь промову. Зъ неи можна було ухопыты тильки окреми слова. Ця промова закинчылась звычайнымы крыкамы манифестантивъ, тупотинням ногамы объ помистъ и соваппямъ стильцивъ по помосту.

То манифестувала молодижъ.

Бильшисть публикы була рада цій манифестаціи, люде бильшъ-меншъ солиднійши видпеслысь до неи иронично: по ихъ думци, выйшовъ якыйсь жартъ, дитська выходка. Одни зъ публикы весело сміялысь и переклыкалысь зъ знайомымы, други спречалысь и палко, розмахуючы рукамы, щось доказувалы одни другымъ. Трублаевычъ помитывъ, що це саме робывъ и Билогрудъ, жонатый на сестри Говорецькои, и у нього ворухнулось въ грудяхъ вороже проты його чуття. „Ну, цей буде доказуваты, що ця дытяча выходка е громадськый вчынокъ, и ти, що счынылы отой гармидеръ, герои“, — подумавъ винъ, наперёдъ знаючы, що у Говорецькыхъ доведется говорыть про це и сперечатысь зъ Билогрудомъ и другымы, що малы звязокъ зъ тією купкою молодижи. Це зипсувало йому настрій, тымъ бильше, що винъ не

знавъ, якъ на цю подію подывытся Люба, його заручена. Въ останній часъ винъ почувавъ у ій якусь одмину, йому незрозумилу. Винъ повернувся до неи.

Люба, уся червона видъ роздратування, зъ насупленымы бровамы, немовъ метала искры зъ своихъ очей, сперечаючысь зъ старою Дубраевською, а та роблено-безпечно осмихалась, выставляючы свои шыроки зубы, и кутыкы іи рота дрижалы видъ злости.

— Демонстрація!.. — говорыла вона. — Я-бъ, бувшы на мисци председателя зибрання, прыказала видчыныть уси кватыркы, щобъ писля ціеи демонстраціи хочъ трохы зъ залы выйшовъ сморидъ цыбули та часныку, що напустывъ жыдивськый кагалъ.

— Тамъ булы не одни евреи, тамъ руськыхъ було бильше.

— А вы почому знаете? Вы-жъ тамъ не булы, вы-жъ тутъ сыдилы? — яхыдно запытала Дубраевська, и Трублаевычови здалось, що якась задня потаенна думка майнула у неи въ голови.

— Для того, щобъ це знать, не треба буть на хорахъ: це и звидциль выдно — сказавъ винъ спокійно, и, бажаючы покинчыты прыкру розмову и звесты іи на другый шляхъ, винъ, щобъ сказаты що-небудь, спытався: — А Соломія Францовна тутъ? Що це іи не выдно?

— А хиба вы іи не бачылы? Онъ вона биля викна.

— Ахъ, и справди я іи не бачывъ.

— Сома!.. Сома!.. — гукнула черезъ залу, пидвившысь зъ стильця, Дубраевська. — Ходы сюды.

— Иване Мыхайловычу, — звырнулась до Трублаевыча, встаючы зъ мисця, Говорецька, — вы ще тутъ зистанетесь, чы будете выходыть?

Вона не хотила стритысь зъ молодою Дубраевською, бо трохы ревнувала до неи Трублаевыча. Це винъ зрозумивъ зразу и, не вагаючысь, промовывъ:

— Ни, я думаю, що бильшъ ничого цикавого не буде. Можна йты до дому.

Воны рушылы до выходныхъ дверей, досыть холодно прывитавшысь зъ молодою Дубраевською.

— Уже весь порохъ вытратылы наши либералы и йдуть на покій, — кынула имъ вслидъ стара Дубраевська, образывшысь, що воны не попрощалысь зъ нею. — Щаслывои дорогы!..

— Чого жъ це воны выходять?.. Ще може що цикаве буде,— сказала, сидаючы на стилець, Соломія и оправляючы рукою волосся.

— Сказалы, що ничого не буде, завважыла маты. — Це воны видъ тебе втеклы, бо онъ, бачъ теперъ стоять зъ Зембулатомъ.

Соломія глянула до дверей. Тамъ справди стоялы Говорецька, Трублаевычъ и Зембулатъ, що служывъ въ губернськiй земськiй управи зъ не такъ давнього часу. Про його говорылы, якъ про чоловика радикального и смилывого, видъ якого можна багато де-чого сподиватысь. Винъ бувъ розумный и вродлывый зъ себе, мавъ добрый зристъ и гарный голосъ, але найголовна сыла його, здавалось, була въ очахъ — чорныхъ и такыхъ зминлывыхъ, що буцимъ въ йому сыдивъ и дывывся тымы очима не одынъ чоловикъ, а цилый ихъ десятокъ. Винъ полонывъ серця богатьохъ панночокъ и зъ тыхъ, що служылы въ земськiй управи, и зъ городянокъ, и де-хто зъ ихъ спивавъ видому писню про Казбулата, вставляючы його прызвыще:

Зембулатъ удалой,
Бѣдна сакля твоя...

Винъ справди походывъ родомъ зъ кавказькыхъ горцивъ.

Въ останнiй часъ винъ помитно звертавъ свою увагу на Говорецьку, и це всихъ цикавыло, бо сподивалысь, що тутъ може щось выйты таке, що буде похоже на романъ, а може й на драму: Трублаевычъ—зарученый зъ Говорецькою, а та почынае щось зъ Зембулатомъ... И нихто не знавъ, чы помичае це Трублаевычъ, чы ни, и нихто йому про це не насмилювався говорыть, бо винъ бувъ самотный и гордый чоловикъ, ни зъ кымъ не водывъ кумпанiи и у його не було прыятеливъ. Його, хочъ винъ николы й никому не зробывъ злого, не любылы и потай усимъ хотилось, щобъ Говорецька зрадыла його и щобъ йому було важко й боляче. Тильки Руда Солоха—молода Дубраевська—не хотила йому зла, бо була справди закохана въ його, хочъ и вона бажала, щобъ Говорецька видкынулась видъ його. И теперъ, колы вона дывылась на Говорецьку, Трублаевыча й Зембулата, iй здавалось, що Говорецька вже блызька до закохання въ Зембулата. Вона стежыла за кожнымъ ихъ рухомъ, помичала кожну дрибныцю и була дуже незадоволена, колы маты завважыла iй, що не слидъ такъ дывытысь у одне мисце.

— Никому нема до мене дила,—огрызнулась вона, зновъ повертаючы очи до дверей, але Говорецькои и Трублаевыча уже не було тамъ.

Воны выйшлы. Уже пидходывъ вечиръ. Стало видомо, що засиданця зибрання одкладается до другого дня.

II.

У вечери, пры свитли, у Говорецькыхъ зибралась невелычка кумпанія знайомыхъ. Самъ господарь, вице-директоръ банку взаемного кредиту, уже тры дни якъ выйихавъ зъ дому по банковыхъ справахъ. Гостей прыймала господыня, Вира Степановна, досыть товста жинка, зъ мищанського роду. Властыво, гости прыйшлы до дочкы, Любови Мыколаевны, але маты почытала, що ій, якъ господыни дому, лычыть сыдиты за столомъ и розлываты чай.

Кумпанія була невелыка: старша дочка Говорецькыхъ Ганна зъ чоловикомъ, Билогрудомъ, Трублаевычъ, Зембулатъ, акушерка Загорянська, студентъ Габрыловычъ и молодый, але дуже кремьязный хлопець зъ селянъ, Балабуха, що готувався въ городи до испыту на сильського вчытеля.

Розмова була про земське зибрання. Говорылы про промову Лынського, и Зембулатъ розбывавъ поклыкання Лынського на исторію въ періоди до Ивана Грозного. По його думци, Лынськый не знавъ исторіи и зъ наукового погляду його промова мало чого варта, але зъ громадянського боку значиння іи досыть велыке.

Билогрудъ авторитетно потакувавъ йому, поглажуючы свою довгу чорну бороду и злегка потягаючы іи внызъ, видъ чого товста його ныжня губа трохы одвысала внызъ. И ця авторитетнисть тону, и та губа, що инаначе ажъ плямкала, одвысаючы, и запобигання передъ Зембулатомъ, що здавалось Трублаевычови якимся занадто гыдкымъ, бо було зосноване на розсчоти диставаты черезъ Зембулата крацу посаду въ земстви, де воны обыдва служылы, дратувало Трублаевыча. Зъ де-якого часу йому важко було терпиты биля себе сього чоловика, а стричатысь прыходылось часто, бо Билогруды малы дуже малый достатокъ и постоянно бувалы у старыхъ Говорецькыхъ, куды закохання тягло й Трублаевыча. До того винъ ще недавно дизнався про мынуле Билогруда.

Винъ бувъ родомъ зъ мищанъ, скинчывъ початкову школу, бувъ у москаляхъ и тамъ просвитывся. Звидтиль винъ вернувся чымся подибнымъ до хвершала и служывъ килька часу пры

земськiй больныци. Потимъ того, такъ якъ умивъ гарно пысать, то попавъ у земську управу перепысчыкомъ паперивъ. Винъ багато объ соби думавъ и бувъ дуже радикального напрямку думокъ, а колы оженывся на старшiй Говорецькiй, перестарилiй и убогiй и тиломъ, и душею дивчыни, то це йому въ його очахъ надало ще бильшои вагы. Винъ державъ въ рукахъ свою жинку и жывосыломъ начынявъ ii всякою нелегальною литературою. У ихъ була дочка трьохъ литъ, але вона й доси не говорыла. Нихто добре не знавъ, чы вона нима родомъ, чы малорозвынена, а дехто казавъ, що вона у свiй часъ почынала говорыть и була дуже крыклыва, та батько ii якось тяжко вдарывъ и покрыкнувъ на неи, и зъ того часу вона онимила. Взагали Трублаевычъ знавъ, що ця людына—одна бувае дома, и друга на людяхъ, и знавъ, що Билогрудъ такожъ ненавыдыть його, але здержуе свою ненависть, бо баче въ йому будучого зятя Говорецькыхъ и свого родыча.

— Такъ, такъ,—потакувавъ винъ,—але я думаю, що було-бъ корыстнiйше, колыбъ Лынськый не затуманювавъ свою промову, а просто сказавъ, щó треба робыть. Полицiи не було, и можна було сказать смило. На жаль, смилывости-то у його й не выстачыло.

— А якъ вы думаете,—спытавъ його Трублаевычъ,—колыбъ вы булы на його мисци, то вы бъ высловылы уси свои думкы до краю, знаючы, що бильшисть зибрання покы-що твердо консерватывна,—земськи начальныкы, а друга частына слабосыла й розризнена, чы може вы тежъ сказалы-бъ тилькы на половыну?

— А звычайно, сказавъ бы все, бо це бувъ бы мiй обовъязокъ, якъ гласного й громадянына. Яке-бъ мени було дило до земськыхъ начальныкивъ? Я говорывъ бы до либеральнои частыны зибрання й до публикы.

— И вы думаете, що це було-бъ тактовно й гарно, колыбъ ваше внесення зъ трискомъ провалылы?

— Чому такъ, що провалылы?

— А тому провалылы, що бильшисть зибрання цьому не спочувае, та й либеральна частына зляка́лась бы поставыты справу ребромъ, або, ще простiйше, председатель знявъ бы зъ чергы обговорювання вашого внесення, прямо кажучы, заткнувъ бы вамъ рота.

— Не заткнувъ бы!...—И Билогрудъ, труснувшы, головою погладывъ бороду.—А вы якъ бы зробылы?—запытавъ винъ и, не дожыдаючысь одповиди на свое запытання, самъ почавъ говорыть.

— Вы, певно, зовсимъ не зробылы бъ нiякого внесення, бо вамъ здаеться, що й те, що сказавъ Лынськый, дуже смиле й

небезпечне. Други такъ не думають. Молодижь такъ не думае!... —додавъ винъ, бажаючы, якъ здалось Трублаевычови, ушпыгнуть його видсталистью видъ молоди.

— Це вы натякаете, мабуть, на демонстрацію на хорахъ?... Ну, я таки демонстраціи вважаю за простисенькый нуль.

— Якъ, вильну одверту демонстрацію нашои кращоп свидомои молоди?... Ну, це вже занадто! Цього я не сподивався видъ васъ!

Билогрудъ побидоносно повивъ очыма навколо себе и побачывъ, що йому вси спочувають. Балабуха сунувся було всимъ тиломъ, щобъ щось промовыты, але не насмилывся, та студентъ Габрыловычъ и Загорянська не далы йому часу вымовыты й слова.

— Це-жъ треба яки маты переконання, щобъ таке мовыты!...

— Я протестую! Я протестую!—гукала Загорянська.—Вы мусыте свое слово взяты назадъ!... Вы не маете права ображаты молодижь за іи чесни порывання!...

Трублаевычъ здвыгнувъ плечыма. Винъ почувавъ въ соби роздратування, але сылкуючысь буты, якъ можна, спокійнымъ, одмовывъ:

— У васъ, панове, бракъ логикы.

— Якъ такъ?...

— Це ще невидомо, у кого іи бракуе,—образлыво кынула, одвертаючы лыце вбикъ, Загорянська.

— У васъ немае логикы. Це я знову скажу. Хиба можна змишуваты думкы людей, ихъ порывання зъ тымы вчынкамы, яки воны роблять, зъ тымъ, якъ воны ци думкы проводять въ жыття?

— Цього нихто не каже,—завважывъ Билогрудъ.

— Ни, вы отъ уси на цьому стоите. Вы кажете, що я зневажлыво видношусь до порывапь и переконань молодижи,—и це неправда. Я тильки кажу те, що сказавъ: таки акціи молодижи, якъ сьогоднишня, я вважаю за нуль, навить бильше того, за мынусъ.

Билогрудъ демонстратывно зитхнувъ.

— Ну посудить сами,—не звертаючы увагы на те зитхання, говорывъ Трублаевычъ,—пидняты крыкъ, зъ якого нихто не розибравъ ни одного слова, нихто не мигъ зрозумиты, чого воны хотять, окримъ окрыка: слухайте! Та ще на кинци воны ясно выгукнулы килька ходячыхъ фразъ...

— Оттуть то вы, шановный Иване Мыхайловычу, й піймалысь: у тыхъ выгукахъ це-жъ цила программа,—згодьтесь зъ цымъ!—сказавъ Зембулатъ и осмихнувся.—Вы не правы...

— Може!...—перебывъ його Трублаевычъ.—А все-такы ораторъ мигъ, замистъ того, щобъ пробелькотаты сто сливъ, сказаты ихъ за той часъ десять, але такыхъ, щобъ у ихъ умищалась вся суть, вся программа...

— Васъ не спыталы!—чмыхнувъ Билогрудъ.

Це була ризка й груба выходка. Трублаевычъ тильки стыснувъ зубамы й замовкъ.

— Кузя!—зъ докоромъ, але й замылуваннямъ протягла жинка Бѣлогрудова.

— Я сказавъ те, що сказавъ. —

Розмова разомъ увирвалась, тильки Габрыловычъ палко шепотався зъ Балабухою, та стара Говорецька дзвенила посудомъ.

— Господа,—сказала іи дочка Люба:—такъ не можна. На що сварытысь? Коженъ вильный маты свои переконання й нехай ихъ мае!.. Давайте краще говорыть про щось инше.

Вона обвела усихъ прывитною усмишкою господыни дому, и поглядъ іи ни на кому не зупынывся. Винъ не зупыняючысь пройшовъ и по облычи Трублаевыча, и той помитывъ це: „Вона не любыть мене, вона не спочувае моимъ переконанням, я чужый ій“—зробывъ винъ выводъ.

— Валеріанъ Васыльевычъ, якъ вы думаете, чы оце писля Мукдена довго ще тягтыметця війна, чы скоро скинчытся?—обернулась Люба до Зембулата, щобъ завьязаты нову розмову.

„Вона не любыть мене, вона закохана у Зембулата“—зъ мукою сказавъ соби Трублаевычъ и хотивъ устаты зъ мисця и выйты геть зъ дому, але йому теперъ не хотилось подаваты рукы Билогрудови й другымъ, а питы не прощаючысь було незручно, и винъ зоставсяю.

Почалась размова про справы на Дальнёму Сходи. Зембулатъ, крытыкуючы на основи газетныхъ розвидокъ и телеграммъ діяльнисть головныхъ генераливъ арміи, доводывъ, що дали тягтысь війна не може й не повынна.

— Уявить вы соби, що може буты дали, колы наши нездары зъ військомъ не видступлять за Харбынъ теперъ-же... Ихъ гнатымуть, якъ отару овець, и забиратымуть въ полонъ здеморализованыхъ салдативъ цилымы дивизіямы. Давно вже пора усимъ зрозумиты, що „всесыльна“ наша бюрократія зовсимъ безсыла. Безсыла навить у найдрибнійшыхъ справахъ и не може вона статы на чоли народу проты такои державы, якъ Японія. Мы зовсимъ не можемо воювать, покы мы таки, якъ мы есть.

Новый порядокъ зробыть насъ новымы людьмы, сыльнымы, смилывымы, запопадлывымы...

— Новый порядокъ разомъ змиными нашу кровъ, перероды́ть нашъ мозокъ!—кынувъ насмишкувато Трублаевычъ.

— Я не кажу цього, але певенъ и думаю, що проты того нихто не буде сперечатысь, що пры новыхъ порядкахъ буде бильше воли прогрессывнымъ сыламъ нашого народу, и це безперечно зробыть насъ, якъ народъ, сыльнишымы, кращымы.

— Проты цього не можна сперечатысь,—вставыла слово Люба, що ввесь часъ бильше мовчала,—я навить думаю, що й уси верствы, яки теперъ не можна назваты прогрессывнымы, яки, якъ кажуть, ни те, ни се, такъ и ци верствы, колы побачать передъ собою вильный шляхъ, то прилучатся до прогрессывнои частыны.

— Такъ, а може й не такъ,—завважывъ Трублаевычъ.

Сегодни мовъ якый духъ протывенства сыдивъ у йому и не дававъ йому спокою.

— Запевно, що такъ! Щобъ не виpыты у це, треба дуже нызько цинуваты людей. Я надаю имъ выщу цину,—сказала Люба й замовкла.

„Вона не любыть мене,—зновъ подумавъ Трублаевычъ,— „вона закохана въ Зембулата, переняла його погляды!“ — и ревнисть ворухнулась въ його души.—„Колы такъ, колы я тоби не до вподобы, то й ты мени непотрибна,—панькайся зъ своимъ чеченцемъ, а я не хочу на васъ дывытысь!...“

Трублаевычъ пидвився зъ мисця, коротко попрощався зъ усима й выйшовъ видъ Говорецькыхъ. Винъ тямывъ, що робыть негараздъ, що такъ не слидъ робыть, що це образа Говорецькымъ и иншымъ, але якыйся внутришній голосъ роздратовано шепотивъ у ньому: „Ничого... нехай! Плювать мени на ихъ усихъ! Нехай соби либеральнычають. Я имъ на перешкоди. Уявляю соби, якъ воны теперъ тамъ радуются, що я кынувъ позицію! Мовъ гусы, що прогналы ворога... або колы той просто, не помичаючы ихъ, одійшовъ геть.“

Винъ теперъ непавыдивъ ихъ успхъ и ихъ переконання и вже заразъ смутно почувавъ, що винъ неправый, що винъ въ души подиляе ти сами думкы, гріе въ серци ти сами надіи, тильки якесь невгамовне, жагуче чуття прымушуе його сперечатысь зъ ными, добачаты въ ихъ словахъ и вчынкахъ хвальшъ.

Те чуття—ревнисть.

Винъ розумивъ, що воны молодши його литамы й душею, що воны багато де-чого не пережылы зъ того, що пережывъ и

перетерпивъ винъ. У ихъ въ душахъ немае того гиркого осадку, того намулу, якый винъ почувае у себе, а колы й есть, то у ихъ його менше. И воны вирять въ жыття. Воны бачать передъ собою сотворену не имы, а старійшымы поколиннямы, мету й думають, що въ два—тры ступня воны дійдуть до неи. Воны не бачать передъ собою проваллывъ и ямъ и не хотять ихъ бачыты; а винъ не може ихъ не бачыты. Воны думають, що воны створылы оту мету, що люде на десять рокивъ старійши видъ ихъ—то якись архывни шпаргалы, що ти люде не болилы тымы-жъ думамы, що ихъ серця не сушыла тажъ журба, що ихъ серце не былось тымъ же гнивомъ...

Найбильше його дратувавъ Билогрудъ, що бувъ старійшый видъ його литамы, але ничого того не пережывъ у свій часъ и теперъ зъ паломъ неофита накынувся на всяки такъ звани передови думкы. Винъ бувъ теперъ фанатикомъ либерализма, навить радикализма, прынаймни уявлявъ зъ себе таку людыну, хочъ Трублаевычъ не вирывъ у його щыристь. Винъ знавъ и памятавъ, и николы не мигъ забуты, якъ цей самый Билогрудъ, уже бувши хвершаломъ, бравъ участь у всенародньому перепысу и диставшы въ нагороду за свою працю мидяный жетонъ, прыпынавъ його соби на груды, немовъ орденъ, колы на святкы робывъ вызиты знайомымъ. Цього Трублаевычъ не мигъ забуты, и йому здавалось, що тутъ выявылась уся вдача Билогруда, и що цього радикала можна купыты за коженъ блыскучый цвяшокъ,—теперъ цвяшокъ либеральный, учора бюрократычный, а завтра ще якый небудь. И ця людына ославлюе його!...

Зембулата винъ ненавыдивъ, бо почувавъ, що цей чоловикъ стае йому на дорози. Знаючы, що винъ зарученый зъ Говорецькою, Зембулатъ почынае лыцятысь до неи. Це нечесно.

Зембулатъ энергычна й смилыва людына, людына розумна й освичена, але винъ жонолюбъ. И винъ ненавысный Трублаевычови. И теперъ, колы винъ шовъ по темрявыхъ улыцяхъ, йому здавалось, що зъ Зембулатомъ имъ скоро доведется зустрытысь, якъ ворогамъ.

Други ти...—винъ знае имъ цину! То зелена молодь, фанатыкы радикализму. Воны кажуть, що жывуть тильки розумомъ, що зреклысь усякыхъ вирувань, але не помичають того, що слипо вирять въ почути зъ десятыхъ рукъ соціальни догмы, вирять въ кожну утопію, абы та утопія обицяла тамъ десь, у тьми викивъ, счастя людьскому родови. Воны видносятся до всього, що навколо ихъ, крытычно, але тутъ у ихъ крытыка не може маты ми-

сця, и колы хто почне крытыкуваты ихъ виру, воны ненавыдять того, бачать у йому свого ворога.

Воны обурюются проты гнету, проты автократызму, а що було-бъ, колы-бъ ци людци завтра почулы власть у своихъ рукахъ? Фанатыкъ не може буты вильнымъ чоловикомъ и не може шануваты воли,—винъ надине на неи колы не ти сами кайданы, яки надивавъ на неи тиранъ, то други, подибни.

Трублаевычъ переходывъ скверъ и сивъ на лаву одпочыты. Стоявъ морозъ, було тыхо, и вгори, мижъ витамы деревъ, мерехтилы зори. У сквери було пусто, и тильки на одній аллеи блукалы взадъ и впередъ якись темни поодыноки жиночи постати. Воны прыпынялысь, колы чулы за собою чыюсь ходу, або колы назустричъ имъ шлы мужчыны. Булы тамъ и мужчыны.

Блымалы блиди лыхтари. За огорожею сквера торохкотилы колеса, бо снигу не було. Десь далеко въ улыци свыснувъ ничный сторожъ.

Трублаевычъ знявъ шапку, щобъ охолодыты голову и провивъ рукою по чоли. Винъ на хвылыну заплющывъ очи, мовъ збираючысь зъ думкамы, и почувъ якыйся, зпершу неясный, шумъ десь биля скверу, биля входу. Винъ подумавъ, було, що це бьются пьяни майстерови, але скоро розбиравъ, що крычать и клычуть рятуваты интелигентни люде. „Мабудь чорна сотня катуе свои жертвы!“—подумавъ винъ и побигъ на гвалтъ.

При входи въ скверъ у свитли лыхтаря метушылась, розмахуючы рукамы, чымала купка людей. Выдно було, що когось былы.

— Караулъ, караулъ!... Городовой!...—крычавъ молодый переляканый голосъ.

— Ой-ой!...—лементувавъ хтось другый. Чувся й жиночый плачъ.

Трублаевычъ подбигъ и побачывъ, що бьють двохъ чы трьохъ студентивъ, бьють ихъ якись людци дуже люто, але мовчкы. Осторонь винъ помитывъ чыюсь постать, дуже подибну на Бабакова.

Що вы, поганци, робыте!..—гукнувъ Трублаевычъ и, не вагаючысь, кынувся въ гущу ватагы.—Полиція, сюды!..—крычавъ винъ, штовхаючы въ спыны й бокы забіякъ и протовплюючысь до тыхъ, кого воны былы.

Винъ самъ ударывъ когось и його заразъ же хтось дуже ударывъ въ облыччя, такъ, що въ його засвитылось въ очахъ и потемнило. Але, почувшы, що въ дило втручается ще хтось невидомый и що нични сторожи засвыстилы поблызу, колотныкы кынулысь вростичъ.

Колы збиглось два городовыхъ и зибралась купа людей, то зъ тыхъ, що счынылы бучу не було никого, стоялы тильки побыти якись два незнайоми Трублаевычови студенты й панночка. Воны булы такъ налякани несподиваною росправою, що ничого не моглы говорыть и тильки безпомично шукалы своихъ картузивъ. Панночка зъ плачемъ говорыла щось скоро-скоро, и ничого неможна було зрозумиты зъ іи сливъ.

Колы вси трохы заспокоилысь, и полиція почала розгоняты „зборыще", а студенты, боячысь попастысь вдруге въ рукы озвирилыхъ людей, клыкнулы звощыка, Трублаевычъ пишовъ до дому. Далеко десь въ улыци було чуты, що скачуть вершныкы. То булы козакы. „Ось вона громадянська війна, выклыкана фанатызмомъ людей",—думавъ винъ.—„Зъ одного боку фанатыкы либералы й радикалы, може той самый Билогрудъ, а зъ другого фанатыкы „чорнои сотни" зъ вожакомъ Бабаковымъ."

И заразъ же у його зрынула друга думка, згадалысь слова апостола про те, що неможна не буть ни холоднымъ, ни гарячымъ. Недавно винъ выпадкомъ прочытавъ ихъ: „знаю твои дила; ты не холодный и не гарячый; о, колыбъ ты есы бувъ холодный або гарячый! А за те, що ты тилько теплый, а не гарячый и не холодный, то выплюну тебе зъ устъ моихъ". Такъ сказано въ апокалипсиси Богомъ черезъ апостола одному епыскопови.

И Трублаевычъ почувавъ, що винъ саме й есть такый ни теплый, ни холодный, що винъ не може цилкомъ виддатысь якомусь дилови, що сумлиння точыть його думкы, пидйидае ихъ пидъ коринь, якъ гробакъ рослыну, и зъ того винъ безсылый.

Ще колы скризь було тыхо, въ годыну реакціи, винъ жывъ мовчкы и не почувавъ себе такымъ. А теперъ, колы навколо закыпило нове жыття, винъ чувъ, що зистается якось немовъ на берези, якъ выкынута водою триска. Течія иде мымо неи.

Почуваты себе такъ—було важко, але й зректысь самого себе й питы за течією винъ не мигъ.

Зъ цымы думкамы винъ прыйшовъ до дому, одимкнувъ двери и увійшовъ до себе въ кватырю, сумный и самотный, якъ завжде. И йому навить не хотилось запалюваты свитла: упасты бъ такъ на лижко й лежати въ питьмы довго—довго... безъ сливъ, безъ думокъ, безъ руху.

III.

Лежаты безъ руху можна, але безъ думокъ — ни.

Трублаевычъ лигъ на лижко, закынувъ руки пидъ голову и, дывлючысь въ стелю, замыслывся. Сьогоднишній день выдався йому надзвычайнымъ. Винъ выдилывся зъ ряду другыхъ сирыхъ одынаковыхъ днивъ сылою тыхъ вражинь, яки довелось пережыты Трублаевычови. Выходячы передъ обидомъ зъ банку, винъ зовсимъ не сподивався, що буде такъ себе почуваты оттеперъ у-вечери. И винъ йшовъ у земське зибрання, якъ у театръ на знайому вже пьесу, досыть нудну. Мукденськый розгромъ пророкувавъ, що зибрання може буты не зовсимъ такымъ, якымъ воно бувало десяткы рокивъ, але Трублаевычъ не вирывъ въ сылу земства, не сподивався, що воно, звьязане бюрократычнымъ повывачемъ, якъ дытына, здатне на якись ришучи вчынкы.

Воно такъ и сталось.

Але колы взяты все, що винъ бачывъ и чувъ за день и що самъ пережывъ, то винъ почувавъ, що оце саме теперъ винъ пидійшовъ до якогось небезпечного мисця, и що зъ нымъ щось мусыть трапытысь. Винъ почувавъ себе збытымъ зъ мисця, зрушенымъ. Винъ чувъ, що губыть пидъ собою грунтъ, винъ — не холодный и не гарячый...

Якъ отака не холодна й не гаряча людына, винъ не мае соби спильныкивъ по своихъ политычныхъ переконанняхъ и мусыть буты одынокымъ середъ своихъ знайомыхъ, тикаты видъ ихъ; якъ не холодный и не гарячый, — винъ оце заразъ покынувъ свое мисце биля зарученыци и винъ утерявъ іи. Вона вже не любыть його. Це винъ бачывъ по іи очахъ, це винъ спостеригъ по останньому стысканню рукы, колы такымъ незвычайнымъ робомъ покынувъ іи хату, покынувъ іи саму — своему супротывныкови.

Винъ раптомъ пидвився й сивъ на лижкови.

Иты заразъ туды назадъ... Сказаты, що у його було въ банку спишне дило и того винъ пишовъ...

Але це значыть обманюваты людей, выправдуватысь передъ людьмы, якыхъ винъ не поважае. Це не лычыть порядній людыни. Нехай думають, що хотятъ; нехай и вона робыть, що хоче. Прохаты іи кохання, вымолюваты іи спочуття винъ не буде. Для цього винъ занадто гордый. Жывъ до трыдцяты трохъ литъ одынокымъ, жытыме й дали... Зовсимъ не вартъ звьязуваты себе шлю-

бомъ. Зовсимъ не слидъ обмежуваты свою волю, своп бажання чыпмысь зовсимъ може невидповиднымы бажаннямы. Коженъ самъ по соби.

Трублаевычъ зновъ упавъ на спыну и, заплющывшы очп, потеръ соби рукою чоло. Тамъ, пидъ тымъ костянымъ черепкомъ, товпылысь думкы, и винъ не мигъ имъ даты ладу. Въ таки хвылыны винъ звычайно бравъ яку-небудь кныжку й чытавъ іи. Чытавъ довго, покы не стомлювалысь очп й голова не робылась обважнилою й нечутлывою до того, що винъ чытавъ, и до того, про що ранишъ думавъ и що дратувало його.

И теперъ винъ прысунувъ блыжче свитло й почавъ чытаты. Винъ чытавъ свій улюбленый отдилъ въ журнали — бібліографію — и робывъ зусылля, шобъ зрозумиты, про що говорыть рецензентъ, и не мигъ прысылуваты себе до того, бо въ голови його снувалысь други думкы. Винъ чытавъ рецензію на вирши видомого декадента, пробигавъ очыма урывкы виршивъ, наведени въ рецензіи, и не мигъ спыныты на ихъ своеи увагы, и тильки чувъ, якъ неодступно хтось такый говорывъ йому тежъ виршамы:

У трыдцать литъ ты вже банкротъ...
Ты — не холодный, не гарячый...

Трублаевычъ чытавъ довго. Передывывся ввесь отдилъ, перегорнувъ другый и покынувъ кныжку. Заснуть бы, але спать ще рано. Винъ уставъ зъ лижка й почавъ ходыть взадъ и впередъ зъ кутка въ кутокъ по своій кимнати.

У передній несмилыво дзенькнувъ дзвоныкъ и замовкъ. Черезъ мыть винъ задзеленчавъ дужче. Хтось прыйшовъ. Трублаевычъ пишовъ одчынять двери.

На порози стояла якась запорошена снигомъ панна. Ишовъ чымалый снигъ, и було темно, и Трублаевычъ зразу не пизнавъ, хто стоить передъ нымъ.

— Можна до васъ на хвылынку зайты? — запытала панна.

Теперъ Трублаевычъ пизнавъ, шо це молода Дубраевська.

— Можна, ввиходьте! — сказавъ винъ, протягаючы ій руку и даючы дорогу.

— Выбачайте, я тильки на едыну хвылынку!.. Тильки сказаты вамъ одне сливце! — червоніючы й жмурячысь проты свиту мовъ выправдувалась Дубраевська.

— Ничого, ничого... Я дуже радый! Може роздягнетесь, бо у мене душно.

— Ни, я такъ.

Вона сила на крисло, дистала зъ муфты хусточку й вытерла соби облыччя.

— Снигъ иде. Чысто всю облипывъ. Ще на Мыхайловській вулыци напавъ.

Трублаевычъ почувъ солодкый запахъ талого снигу, и нервы його разомъ пидтяглысь.

— Це гарно, що снигъ иде. Я люблю...

— Я до васъ, Иване Мыхайловычу,—перебыла його Дубраевська, — забигла, щобъ застерегты васъ, що цю ничъ мае буты трусъ. Мени переказано, що въ спыску тыхъ, кого мають обшукуваты, стоить и ваше прызвыще.

Трублаевычъ пидвивъ угору бровы.

— Невже?

— Справди!

— Що жъ, нехай идуть. Спасыби, що перестереглы.

Дубраевська встала, щобъ иты, и простягла Трублаевычови руку.

— Чому такъ поспишаетесь, посыдьте трохы! Я буду радый, — казавъ той, задержуючы іи теплу, вохку руку въ своій. — Я васъ проведу.

Винъ почувавъ вдячнисть до ціеи дивчыны, що, не вагаючысь, увійшла въ його холосту кватырю вночи, щобъ перестерегты його. Дубраевська хвылыну вагалась, мовъ ій не хотилось рушаты зъ мисця, але потимъ крипко стыснула його руку й пишла до дверей.

— Ни, не можна, николы, я сама! Треба ще де-куды забигты.

Вона выйшла зъ темныхъ сиией въ темряву ночи, въ якій вылысь мякки й легеньки снижани метелыкы, й прудко пишла по тротуару до угла, туды, де жовтою плямою свитывъ лыхтарь. Трублаевычъ выйшовъ на тротуаръ и дывывся ій у слидъ, ажъ покы вона не зныкла за угломъ. Снигъ запорошувавъ його и ростававъ видъ його тепла. Винъ пишовъ у хату.

„Такъ отъ якъ, будуть трусыть!.. Щожъ ихъ сыла, ихъ воля... нехай!“—думавъ винъ, ходячы знову по хати.

Винъ знавъ, що у його не було въ доми ничого нелегального. Колы що зъ такого доходыло до його рукъ, то винъ тымъ же шляхомъ и збувавъ його, якымъ воно прыходыло. Але булы

лысты, якыхъ винъ не дозволыть никому чытаты. То булы лысты видъ Любы. Перши прызнання... перши мріи про счастя... Ихъ не може нихто чытаты окримъ його, воны йому дороги, якъ частына його души. Ихъ треба кудысь сховать. Але на що воны йому теперъ, колы його кохання пишло мовъ весняна крыга за водою? Знищыты ихъ, шобъ не було й спогаду!

Винъ одимкнувъ ящыкъ въ столи и диставъ звидтиль пачку лыстивъ, перевьязану рожевою шовковою стричечкою.

„Боже, яка сантиментальнисть! Немовъ справди якась панна влаштувала лысты видъ безвусого корнета“—подумавъ винъ и, не розвьязуючы, розирвавъ стричку.

Пачка лыстивъ розсыпалась. Винъ позбиравъ ихъ, поклавъ на стилъ и почавъ перебирать.

Люба розгоныста рука... Урывчасти слова... и той немовымовный, чаривнычый подыхъ молодого, чыстого, назрадженого кохання, що робыть людей безумнымы, що робыть ихъ героямы, творыть зъ ихъ святыхъ.

„Серце мое, любый мій, коханый! Невже ты мигъ думать що колыбъ зъ тобою трапылось несчастя, про яке ты говорывъ, то я-бъ покынула тебе?.. Николы, до кинця вику цього не буде, Вирь мени,—де ты, тамъ и я. Де мій любый, незривняный, тамъ и я зъ нымъ. О, якый ты маловирный! О, якый ты негарный, мій любый, мій коханый! Зацилую тебе за це на смерть и воскресю поцилункамы. Хочешъ?..“

Трублаевычъ дочытавъ лыста до кинця й поклавъ його окремо. Узявъ другый. Пробигъ його очыма й замыслывся.

Десять литъ уже, якъ винъ знае Любу, уперше побачывъ іи. Тоди вона була въ гимназіи. Тонепька, старунка, зъ веселымы блыскучымы очыма й густымъ чорнымъ волоссямъ. Вона завжды червонила, колы зустричалась зъ нымъ, и винъ ій кланявся. Потимъ вона скинчыла гимназію и була на курсахъ въ Москви. Зъ ихъ вона вернулась зовсимъ другою людыною рикъ назадъ. Станъ іи розвывся й выривнявся и хода іи зъ прудкои й рвучкои стала плавкою й непохоплывою, а очы немовъ загубылы свій блыскъ. Але то такъ тильки здавалось. Вона тилькы навчылась добре володиты собою: у тихъ очахъ жылы блыскавкы, и Трублаевычъ скоро ихъ побачывъ. Воны опалылы його душу. Але огонь спалахнувъ и въ іи души, и воны скоро прызналысь одне одному въ своему коханни.

Трублаевычови здалось наймылійшымъ и найдорожшымъ те, що колы винъ прызнався ій, що кохае іи, вона просто, смило й ришуче, одмовыла йому:

— И я тебе, кохаю!

И засміялась.

И ихъ кохання було палке й щыре. Въ маю мисяци воны збиралысь одружытысь. Але въ останній часъ щось нибы пробигло промижъ ихъ. Одмина вызначалась ледви помитнымы дрибныцямы, але вона була; Трублаевычъ чувъ іи, але не мигъ пидшукаты ій прычыны. „Огонь горыть и згарае,“—говорывъ винъ соби, —„такъ и наше кохання: нищо жыве, що не застыгло въ холодни формы, не може не одминятысь. Вона стала менше мене любыть.—Але за що? Де тому прычына?“

Винъ не почувавъ себе ни въ чому вынуватымъ проты неи. И винъ поришывъ спытаты іи про це. Свій зимиръ винъ здійснывъ зъ тыждень назадъ.

Воны сковзалысь наونькахъ на ричци. Льодъ бувъ чыстый и склызькый по всьому просторы ричкы одъ берега до берега. Пидъ берегомъ стоялы обрубани ополонкамы пароходы й плескати, мовъ черепахы, баржи, за нымы на гори стоявъ городъ, весь злипленый зъ каменю, выбиленый вапномъ и залытый рожевымъ одблыскомъ холоднои вечировіи загравы. Зъ другого боку выднилысь острова у вечировой мли. По льоду снувалы туды й сюды люде: пишкы, на фургонахъ, на саняхъ и на конькахъ. Тяглы на санчатахъ очеретъ, сыдилы биля ополонокъ зъ вудкамы и веселымы зграямы, якъ мошкара на зори, кружлялысь на конькахъ на улюбленыхъ мисцяхъ ричкы.

— Пойидьмо туды, внызъ до островивъ—сказавъ Трублаевычъ Люби.

Вона, зъ червоныммы щокамы, глянула блыскучымы очыма туды, де показавъ Трублаевычъ, у сызувату млу, й одмовыла:

— Пойидемо.

И воны, взявшысь за рукы, рушылы въ далечинь. Йихалы мовчкы и тилькы конькы дружно ризалы льодъ и мовъ вымовлялы:

— Тръ—тръ!..

— Тръ—тръ!..

Витеръ злегенька посвыстувавъ въ ушахъ и щипавъ за щокы, а воны летилы й летилы туды, до тыхъ тумануватыхъ берегивъ, де у мли манячылы вербы та будивли й дымари лисопылокъ.

Мовчалы.

— Люба!

— Що?

— Гарно?

— Гарно...

И зновъ замовчалы. И обохъ ихъ обгортавъ якыйсь чудный настрій, мовъ хотилось пиднятысь и полетиты, а въ серци мовъ що лоскотало. И здавалось, що имъ усе по сыли, що воны все можуть зробыты, и немае имъ препонъ.

Прынаймни такъ почувавъ себе Трублаевычъ.

— Люба!..

— Що?

— Ты любышъ мене?

— Люблю...

— Такъ, якъ и ранишъ?

— Такъ, якъ и ранишъ...

— И бильшъ никого не любышъ?

— И бильшъ не люблю никого...

Вона одмовляла його словамы, мовъ крізь сонъ. Трублаевычъ крипше стыснувъ ій руку и почувъ ледви помитне одповидне іи стыскання. Йихалы дали.

— Я, й колы умиратыму, то не забуду цього вечера,—сказавъ перегодя Трублаевычъ.

Люба ничого не одповила. Загувъ десь на березі вечировый гудокъ на якомусь заводи, и сыплуватый згукъ його розитнувся далеко-далеко на просторі ричкы и одизвався десь за островамы.

— Чотыри годыны.

Вона мовчала.

— Люба!

— Що?—спытала вона, якъ и ранишъ, не повертаючы до його головы и не одрываючы очей видъ далыны.

— Глянь на мене.

Вона слухняно перевела очи на його й осмихнулась, и мовъ яке проминня упало на струны його души, и воны здрыгнулысь. Трублаевычъ засміявся.

— Чого ты смієшся?

— Такъ. Того, що въ цю мыть счаслывый.

Вона одвела очи видъ його и воны мовъ потемнилы.

— Не пытай мене николы объ тимъ.

— Объ чимъ?—спытавъ винъ, и тинь прокынулась въ його погасаючій усмишци.

— Объ тимъ... объ коханни!

— Чому такъ?

— Не треба.

— Ты цього хочешъ?

— Хочу.

Воны замовклы. Острйвъ уже бувъ блызько. Воны пидйихалы до його й силы пидъ вербамы на пни. Заграва погасала и зъ червоно-рожевои робылась сызо-червоною. Городъ бувъ далеко и стоявъ немовъ пидъ якоюсь хмарою. То топылы на ничъ грубы. Десь блызько несподивано триснувъ у березп льодъ, и Трублаевычъ и Люба здригнулысь, але не сказалы ни слова. Сывувата ворона, важко махаючы крыламы, перелетила зъ дальнього дерева на те, пидъ якымъ воны сыдилы, подывылась, переступаючы зъ лапы на лапу, на ихъ, крыкнула: кра! й почала чыстыты объ витку свій дзюбъ.

— Пойидемо назадъ.

Воны всталы й пойихалы. Мовчалы. И Трублаевычови здавалось, колы воны пидйихалы до города, що якъ погасъ вечиръ, такъ погасло и въ його души щось дороге й любе.

Винъ теперь згадувавъ цей вечиръ, а пальци його перебиралы дороги йому лыстки, дороги й таки знайоми, бо коженъ зъ ихъ винъ перечытувавъ по десятку разивъ. Ось одынъ рожевенькый, винъ знае його змистъ одъ слова до слова. И Трублаевычъ розгорнувъ його й перечытавъ:

„Любый мій! Ты вчора мене дуже насмишывъ своимы спогадамы, и я оце згадую й заразъ сміюсь: „А-ну, господа демократы, идить сюды!..“ Охъ, оти наши педагогы! А ты знаешъ, яку штуку выкынувъ колысь нашъ святый та божый Трубайло? Я тоби не розсказувала? Ось слухай.

Колы я кинчала курсъ гимназіи, то на масныцю у насъ бувъ „вечиръ“ — литературно-музыкальный — и я чытала Лермонтовське Мцыри. Не хвалюсь, а кажуть, що чытала дуже гарно. Ну, писля аплодисментивъ и чытання на bis, выхожу въ коридоръ, а тутъ шкандыба Трубайло. Пидхопывъ мене пидъ руку, потягъ на кинець корыдору и таки мени компліменты сыпле, що я й ушамъ не вирю. Накинець каже: „знаете що, давайте кынемо отутъ все, и пойидемо на Кавказъ!“ Чого? — „Я буду у лезгынивъ княземъ, а вы княгынею!“ Глянула на його, а у його на кинци носа жовта капля высыть, а уши стремлять выще лысыны, мовъ у осла. Ще, здается, й у руци понюшку тютюну мижъ пальцямы затыснувъ. Я якъ зарегочусь, та видъ його. Оттакый князь!“

Трублаевычъ усмихнувся. Вси до неи прыстають. И отъ теперъ Зембулатъ. И усмишка разомъ зныкла зъ його лыця. Винъ згадавъ перестереження Дубраевськои. Зибравъ лысты до купы. Спалыть ихъ!.. Але йому було жаль це зробыты. А що, якъ винъ помыляется и Люба любыть його, якъ и любыла. И кому яке дило до його прыватнои, интимнои перепыскы? Хто мае право лизты въ його душу? Винъ никого не пустыть въ свою хату.

И Трублаевычъ поклавъ зовсимъ не пускаты, колы прыйдуть, трусіивъ до себе въ хату.

Було уже дуже пизно и винъ чувъ, що може заснуты. Винъ роздягся й лигъ спать, погасывшы лампу. Въ хати було тыхо, и тильки було чуть, якъ на двори иноди стучыть витамы стара акація объ зализну крышу.

Винъ уже ставъ забуватысь, колы почувъ, що стыха задзеленчавъ дзвоныкъ и хтось застукотивъ у парадни двери.

Трублаевычъ схопывся. Трусіи!.. Але винъ ихъ не пустыть.

Винъ прыслухався. Було тыхо. Але хтось пидійшовъ до викна й постукавъ у виконныцю.

— Хто тамъ? — гукнувъ Трублаевычъ, пидходячы до викна.

— Одчынить! Вамъ телеграма! — гукнувъ хтось зъ надвору.

Видъ кого це може буты? И Трублаевычъ подумавъ, що це видъ сестры про матирь, що въ останній часъ нездужала. Телеграма могла буты и видъ брата зъ Манджуріи, якый бувъ пидъ Мукденомъ на передовыхъ позиціяхъ и покы що було невидомо, чы жывый винъ.

— Заразъ! — гукнувъ Трублаевычъ и, накынувшы на себе ковдру, пишовъ одмыкаты двери.

Винъ повернувъ ключъ у замку и трохы одчынывъ двери, але въ цю хвылыну щось навалылось на двери, брязнуло чымся зализнымъ, и въ сины ввалылось килька чоловикъ.

Вси воны булы въ шынеляхъ и зазброени...

IV.

Другого дня Трублаевычъ прыйшовъ у банкъ не рано. Ничны незвани гости не далы йому выспатысь, та винъ и не мигъ заснуты писля того, якъ выпроводывъ ихъ.

— Выбачте, що дарма потурбувалы васъ, — сказавъ на прощання офицеръ, але лыстивъ Любыныхъ не вернувъ йому, якъ винъ не прохавъ.

Розбытый и тиломъ и душею, увиходывъ Трублаевычъ въ банкъ, непохаплыво сходывъ по схидцяхъ, давъ швейцарови шапку й пальто, и колы прычесавъ передъ дзеркаломъ волосся и вступывъ у темнуватый, зеленый коридоръ зъ высокою стелею, оздобленою горориზьбою, и побачывъ у йому банкивськыхъ кліентивъ, то у його разомъ промайнула думка повернуты назадъ и пійты геть зъ банку,—пійты свитъ за очи.

Але винъ не повернувъ назадъ, а пишовъ дали и зъ коридору увійшовъ у круглу, освитлену згоры, зелену залу, де сыдилы й ходылы кліенты, и пишовъ за перегородку, що була зроблена зъ матового непрозирного скла и пидковою попидъ викнамы обгортала залу. У ій булы пороблени кватыркы, и надъ нымы чорнилы надпысы, въ якій зъ ихъ и що можна зробыть. За перегородкою сыдилы служащи.

— А, Иванъ Мыхайловычъ!.. Вы ще жыви й на воли, а мы вже думалы, що вы й не прыйдете сьогодня! — гукнувъ йому назустричъ сывый прысадкуватый чоловикъ, зъ велыкою нызько выстрыженою головою, голеною бородою и довгымы вусамы.

То бувъ бухгалтеръ банку Донда, або якъ його звалы въ банку—„наша Бульба", бо фигура його дуже нагадувала малюнкы гоголивського Тараса Бульбы. Але це бувъ зовсимъ не вояка и вславывся винъ тымъ, що вже на шестыдесятимъ роци, спершу перочынным ножыкомъ, а потимъ видповиднымъ струментомъ, почавъ робыты скрыпкы и теперъ робывъ дуже гарни скрыпкы, на якыхъ мытци не разъ давалы концерты.

— А мы думалы, що васъ не буде... ха-ха-ха!..—сміявся Донда, дывлячысь черезъ окуляры на Трублаевыча, и очи його наповнылысь сльозамы й почервонилы, мовъ винъ збирався заплакать, а вусы тилипалысь, мовъ пасма прядива, по його грудяхъ.

— А ось бачыте, прыйшовъ.

— А знаете, цю ничъ половыну города перетрусылы! У Говорецькыхъ бувъ трусъ.

— Невже?—спытавъ, стрепенувшысь, Трублаевычъ.

— Найшлы тамъ якись кныжечкы и Любовъ Мыколаевну забралы. Ха-ха-ха!..

Донда зновъ зареготався. Але Трублаевычъ на його за це не образывся, бо знавъ, що цей чоловикъ сміется, навить колы плаче.

— Взялы! Ха-ха-ха!.. А Мыколы Петровыча немае дома.

— Негарно зробылы.. Роботы заразъ багато?.

— Та есть трохы. Карпо Степановычъ, що тамъ у васъ есть?—гукнувъ Донда.

— Ну, добре, я самъ усе пороблю. Идить.

Донда безъ натякивъ догадався, що Трублаевычъ пиде до Говорецькыхъ, и той мовчкы стыснувъ йому пухку руку и пишовъ зъ банку.

Кватыря Говорецькыхъ була недалеко, и скоро винъ подзвонывъ у дзвонокъ. Одчынылы не зразу. На запытання, чы дома стара пани, служныця сказала, що дома, але нездужае. Винъ пишовъ у залу.

Тамъ бувъ скризь непорядокъ. Валялысь на викнахъ и на помости кныжкы й ноты, у двохъ мисцяхъ булы обидрани обои, у крислахъ пидпорота оббывка...

Трублаевычъ стыснувъ зубы. Хотивъ систы, бо почувавъ себе розбытымъ, але було гыдко сидаты и винъ ставъ до викна. Йому здавалось, неначе въ цій кватыри трапылось велыке несчастя,—хтось умеръ наглою смертю.

Згодомъ выйшла, обтыраючы очи хустыною, Говорецька. Трублаевычъ мовчкы поцилувавъ іи вохку видъ слизъ руку и вона важко сила на обидране крисло.

— Пропала Люба!.. Забралы.

Трублаевычъ почавъ іи уговорюваты, що якъ забралы, то ще не велыка бида,—выпустять. Теперъ багато забирають, бо такый часъ небезпечный. Отъ и його трусылы, и другыхъ, и де-кого забралы.

Але Говорецька не хотила й слухать тыхъ умовлянь. Вона говорыла про дочку такъ, мовъ уже неможна було іи й вернуть.

— Боже, а соромъ якый!.. У тюрми, зъ ворамы, злодіямы!.. А що скаже батько, якъ прыйиде й дизнается про все?.. Що скаже весь городъ? Та у насъ жс и въ роду того не було, щобъ по тюрмахъ сыдиты!.. А то—дивчына и мижъ розбійныкивъ!..

Вона залылась ревнымы сльозамы, и тило іи здрыгалось видъ рыдання.

— И за що? Знайшлы тамъ якусь кныжку, та не схотила имъ отдать своихъ лыстивъ!..

— Якыхъ?—спытавъ Трублаевычъ.

— Тамъ пачка була у неи якыхся зеленуватыхъ...

То булы лысты видъ його.

— Такъ вона не дала ихъ?

— Не дала. Каже, краще я пиду въ тюрму, нижъ вы будете въ мою душу залазыты. Такъ зъ лыстамы й забралы іи.

Серце Трублаевыча облылось кровью: горда дивчына згодылась иты краще въ тюрму, нижъ выдаты тайну свого серця. И зовсимъ марно. Бо винъ выдавъ іи тайну тымъ же нечыстымъ людямъ. Воны знають іи. Може теперъ саме воны чытають ти нижни, ти святи прызнання. „О, проклятый, чомъ ты не попалывъ ихъ!.. Чомъ ты не проковтнувъ и не подавывся имы!"—зъ видчаяннямъ крычавъ винъ соби въ души и, запустывшы рукы въ выскы, рвонувъ себе за волосся.

— И нема батька и никого немае, хто бъ заступывся, хто бъ поклопотався! Може бъ іи вернулы... може-бъ кому треба щонебудь дать, або пообищать...

И маты зновъ залылась сльозамы.

Трублаевычъ пидійшовъ до неи.

— Вира Степановно, я заразъ пиду туды и доложу всього, щобъ побачытысь зъ Любою.

Винъ попрощався й выйшовъ.

Иты туды, побачыты іи, утишыты и домагатысь, щобъ іи ослобонылы. Винъ повернувъ за уголъ и пишовъ вгору, туды, де край города стояла тюрма. Хотивъ узяты звощыка, але роздумавъ: йому треба зибратысь зъ думкамы, надуматы, якъ здійсныты свій замиръ. И винъ пишовъ пишкы.

Николы винъ не бувъ у тюрми и бачывъ іи тилькы здалека. Бачывъ вартовыхъ биля неи зъ рушныцямы, и його лякала іи камьяна громада зъ невелычкымы викнамы й высокымы мурамы. Здавалось, що тамъ немае жывыхъ людей, а тилькы мертви. И били камьяни балшты по углахъ здавалысь за вартовыхъ, що стереглы той мертвый, камьяный спокій.

Якъ доступытысь туды?

Теперъ винъ всіею истотою своею чувъ, що тамъ, у тій камьяній труни, сыдять жыви люде, тамъ сыдыть найдорожша йому людына, и тому винъ повыненъ иты туды й добыватысь, шобъ його пустылы туды. Що винъ буде робыть, що говорытыме, винъ не думавъ про те.

Въ тюрми йому сказалы, що для того, щобъ побачытысь зъ кымъ зъ узныкивъ, треба маты дозвилъ зидъ прокурора. И винъ зновъ пишовъ у городъ. Взявъ звощыка й довго йиздывъ по городу, шукаючы прокурора, бо дома його не заставъ.

Винъ його стривъ на улыци и прохавъ, и умолявъ килька часу, покы той давъ йому дозвилъ пройты въ тюрму. Видъ його винъ дизнався, шо цю ничъ арештовано й Зембулата й ще декого.

Зъ пропускомъ одъ прокурора винъ вильно пройшовъ у тюрму. Його перевелы черезъ чымалый двиръ и ввелы въ саму тюрму. Тамъ, по побытыхъ, вымощеныхъ каминемъ схидцяхъ, нызькымы переходамы, мовъ у печеряхъ кыивськыхъ, винъ пиднявся на другый поверхъ и його ввелы въ невелыку кимнату. Тутъ винъ мусывъ ждаты.

Ждавъ довго. Въ тюрми було тыхо, мовъ у склепу. Винъ встыгъ уже й посыдиты, й попрочытуваты розвишани по стинахъ „правыла“, и стоявъ биля викна спыною до дверей, якъ увійшла Люба.

Вона була така сама, якъ и завше, тильки очи іи немовъ поблыскувалы бильше й пидъ нымы злехка вызначылысь жовти кругы.

Воны прывиталысь мовчкы. Стражныкъ ставъ биля дверей. Обое не моглы почать розмовы и почувалы себе ніяково.

— Вира Степановна,—нарешти сказавъ Трублаевычъ—послала мене... Властыво не послала, а я самъ вызвався побачыть васъ, бо вона дуже побывается...

— Ничого ій дуже побыватысь!..—холодно завважыла Люба.

Розмова увирвалась, не завьязавшысь. Люба дывылась въ кутокъ. Стражныкъ стоявъ биля дверей и дывывся на ихъ.

— Може вамъ чого треба?

Люба не зразу видповила.

— Подушку треба, та билья,—знехотя сказала вона.

Зновъ мовчанка.

— А васъ не тронулы?

— Ни, булы.

— Ничого не взялы?

Трублаевычъ насупывъ бровы.

— Лысты... ваши взялы.

— Якъ?—скрыкнула Люба.—Вы ихъ далы?...

— Давъ.

Сльозы затремтилы на іи віяхъ, и легки корчи побиглы побиля вустъ. Але вона скоро оправылась и, зъ завзяттямъ крутнувшы головою, вымовыла твердо:

— Добре!

Въ тому слови Трублаевычъ почувъ для себе щось вороже й непохытне.

— У кого ще булы?

— Булы у багатьохъ, але у кого саме,—не знаю. Зембулата взялы...

Люба тильки зморгнула повикамы. И зновъ обое замовклы. Стражныкъ переступывъ зъ ногы на ногу. Се нагадало Трублаевычови. що часъ, данный на розмову, може скоро скинчытысь, и винъ заговорывъ перший.

— Мы будемо добыватысь, щобъ васъ пустылы на порукы. Черезъ два дни прыйиде Мыкола Петровычъ и мы його направымо до губернатора.

— Не треба. Теперъ и такъ скоро выпустять,—ришуче видповила Люба, мовъ зважывшысь на щось.—Теперъ ничого крытысь. Все одно прочыталы...

Трублаевычъ догадався, що вона говорыть про лысты и йому стало тяжко й соромно за себе, за свій вчынокъ. Винъ хотивъ оправдатысь, але Люба, мовъ чытаючы його думкы, махнула рукою:

— Ничого не треба!.. Скажить мами, нехай не турбуется.

Вона пидвелась зъ лавы.

— Прощайте. Спасыби, що не забулы,—холодно сказала вона й пишла до дверей.

Трублаевычъ хотивъ остановыть іи, розсказать їй все, все, але не наважывся. И що винъ мигъ сказать ій, колы чувъ, що безодня, яка въ останни часы почала показуватысь межи нымы, разомъ раздалась въ бокы и винъ опынывся на однимъ іи берези, а вона на другому. Винъ почувавъ, що останни ныткы, яки звязувалы ихъ, роспадаются, мовъ перепалени огнемъ... И винъ выйшовъ зъ тюрмы знесыленый и невтишный.

Зъ степу, видъ кладовыща, дувъ холодный витеръ и гнавъ снигъ у городъ. Винъ повернувъ и пишовъ за витромъ. И колы винъ дывывся на сири помишани зъ пыломъ снижани хвылькы, що биглы попередъ його, то йому здавалось, що то доля заносе кудысь геть все, що винъ мавъ дорогого, все, що винъ знавъ любого,—заносыть його недавне, мынуле. И йому було жалко його, але, на вдывовыжу самому соби, винъ бувъ спокійный, мабуть того, що не почувавъ себе въ тимъ, що сталось, вынуватымъ, и знавъ, що того, що сталось, вернуты неможна. Тильки въ души була пустота.

— Ну, що-жъ, якъ такъ, то й такъ! . — сказавъ винъ у голосъ, протыснувшы палыцею мерзлу землю, и те протыснення озвалось болемъ на його серци.

Винъ шовъ знайомымы вулыцямы, зустричався съ знайомымы людьмы, прывитався зъ нымы, але ничого того не помичавъ. Йому здавалось, що неначе скризь було пусто й пустише всього въ його души.

— Перва телеграма одъ генерала Линевыча!.. Тысяча японцивъ взято въ полонъ! — гукалы телеграмщыкы, навязуючы телеграмы прохожымъ.

Винъ прыйшовъ до Говорецькыхъ, розсказавъ матери все, тильки ничого не сказавъ про лысты, и вона попрохала добуты ій на завра дозвилъ побачытысь зъ дочкою, щобъ передаты ій де-яки речи. Винъ обищавъ.

Дизнавшы, що винъ не йивъ ничого зъ ранку, Говорецька запрохала його пойисты чого небудь, але винъ одмовывся, бо йому здавалось, що въ цьому доми не пиде въ його горло ніякый шматокъ хлиба.

Выйшовшы зъ дому, винъ повернувъ бувъ, щобъ иты на свою кватырю, але потимъ пишовъ назадъ, дали внызъ, туды де була ричка. Йому хотилось простору, бажалось безлюддя, щобъ зостатысь самому зъ собою, зъ своею пустотою въ души, зъ своимъ горемъ.

Винъ не обманювавъ себе. Хочъ не було сказано останнього слова, винъ чувъ, що зъ Любою у ихъ усе покинчене. Серце іи дано другому, тому, хто вкупи зъ нею сыдыть тамъ. Це винъ зрозумивъ по тому, якъ вона зморгнула повикамы, колы почула, що й Зембулата забрано... Що жъ, теперъ и йому зостается тильки вырваты зъ коринемъ зъ свого серця всяки почуття до неи, выгнать зъ думкы всяки спогады про неи, забуть іи. Але хиба це можна зробыть?.. Колы вона стоить передъ його очыма, колы вона мовчкы докоряе його!

За що? Винъ ни въ чому невыненъ передъ нею. Вона вынна, вона зрадныця! Вона обманыла його. Вона николы не любыла його, николы, то все була тильки омана!..

Омана? Ни. Винъ знае, що то була не омана. Винъ знае, що то була правда, вона кохала його, його одынокого, самитного, що не мавъ друзивъ, не мавъ спильныкивъ въ своихъ думкахъ и переконанняхъ, його—не холодного, не гарячого!..

При цій думци вся жовчъ прокынулась въ серци Трублаевыча. „За те, що ты не холодный и не гарячый—вона й выкынула тебе зъ свого серця!..“—подумавъ винъ,—„бо вона гаряча, бо ій треба гарячого.“

Винъ засміявся. И непрыстойни думкы мымохить вырынулы зъ темныхъ закуткивъ його души и сталы передъ його уявою, и дратувалы його. И видъ ихъ було боляче Трублаевычови и гыдко, й соромно, але винъ не гнавъ ихъ. Йому хотилось прынызыты себе до краю, зробыть якусь гыдотнисть. Бо винъ ненавы-

дивъ себе. Винъ уявлявъ Любу й Зембулата у неможлывыхъ соромлывыхъ позахъ, прымушувавъ ихъ своею думкою робыты гыдотни вчынкы, винъ глузувавъ надъ ными и въ той же часъ почувавъ, що глузуе надъ собою...

`Винъ уже бувъ на ричци, на льоду. Витеръ переганявъ по склызькій крызи снижани хвыли, розпорошувавъ ихъ и зновъ збиравъ. Трублаевычъ шовъ по набытій колесамы й киньмы дорози, бо безъ дорогы иты було склызько. По дорози стугонилы хургоны, самотужкы люде тяглы зъ островивъ на санчатахъ очеретъ. Винъ розмынався зъ ними и йшовъ дали. Перейшовъ ричку, дорога пишла по протоку мижъ островамы. По берегахъ, и зъ одного боку, и зъ другого, стоялы вербы й очереты и шумилы на витри. Але Трублаевычъ не вслухався въ той шумъ. Винъ шукавъ самоты, шукавъ забуття... Помитывъ ливоручъ невелычкый протокъ и повернувъ туды. Йшовъ довго уже безъ думокъ, безъ бажань, тильки зъ тягаремъ въ серци, й сивъ на берегъ.

Теперъ винъ почувъ, якъ шумлять плавни, хочъ и не вслухався въ ихъ гоминъ. Його думка мовъ застыгла, затужавила въ його голови, а винъ застыгъ на цьому мисци. А навколо йшовъ шелестъ и гоминъ, и свыстъ, и шарудиння, и тонки нотки самитного плачу. Витеръ ожывывъ мертви плавни, и воны жылы мрійнымъ, ефемернымъ жыттямъ, и въ тому жытти було багато такого, що наводыло на глыбоки й невесели думкы й надавало настрію.

Трублаевычъ сыдивъ и ничого не думавъ, и спершу ничого не чувъ. Потимъ несамохить винъ почавъ слухаты, почавъ въ безмежному мори згукивъ помичаты окреми згукы й прыслухатысь до ихъ.

Все жыве, все шумыть, кожному въ свити е свое мисце й своя доля, и кожне мае право на свою долю... на свою, яка-бъ вона не була. Нихто не выненъ въ тимъ, якымъ винъ есть, бо не самъ винъ зробывъ себе такымъ, а жыття. Хиба вынна ота зламана очеретына, що такъ ревно стогне, такъ зъ прытыскомъ плаче, колы дужче подуе витеръ? Хиба вона вынувата въ тимъ, що вона тужыть, а не шепоче весело, не шамкае задоволено, якъ стара беззуба бабуся? Іи зламано, іи змнято, скаличено. Але вона хоче жыть и мае право на те, и есть ій мисце въ оцихъ плавняхъ и мусыть буты.

Такъ и чоловикъ, хто бъ винъ не бувъ, яки-бъ не мавъ душу и тило, яки-бъ не мавъ розумъ и переконання, винъ мае право на ихъ, и нихто не властенъ ихъ у його вырываты, и нихто

немае права катуваты його за ихъ, навьязуваты йому свои думкы, свои бажання, свои законы. Нихто немае. Коженъ самъ по соби и вси вкупи. Якъ оци плавни. Скильки въ ныхъ диссонансивъ, скильки, здается, зайвого, непотрибного въ окремыхъ згукахъ, а зъ усього вкупи складается гармонія шырока й велычня, якъ сама прырода. Якъ маты прырода. Есть у неи для всихъ мисце, для всихъ есть теплый проминь—и въ земли, й надъ землею, и въ води, й тамъ, у тій блакыти.

Трублаевычъ глянувъ вгору. Тамъ проты його хмары розійшлысь на хвылыну, и на його глянуло сыне безодне небо. „То око вичности"—подумавъ винъ. Посыдивъ ще и вставъ.

Винъ хотивъ иты, але почувъ, що зъ того краю протока, куды винъ не проходывъ, до його доносятся голосы. Винъ пождавъ. То чоловикъ и жинка тяглы кожне соби санкы, горою накладени очеретомъ. Тягты по склызькому льоду було важко. Воны поривнялысь зъ Трублаевычемъ и прывиталысь.

— Давайте, я пидсоблю вамъ, — сказавъ Трублаевычъ и взявся за мотузокъ.

— Не треба, не треба!.. Я сама.

— Ничого. Мени все одно туды-жъ иты.

Воны везлы саны вдвохъ. Баба була стара и тяжко дыхала зъ натугы.

— Чого-жъ це вы сами возыте очеретъ? хиба у васъ немае никого молодшаго? — спытавъ Трублаевычъ.

— Есть сынъ, та дома немае.

— А де-жъ винъ?

— На війни. Осталысь сами. Може й убыто давно... Кажуть, богато людей побыто, сыла!.. У-осены ще якъ напысавъ, та й доси ничого не чуть.

— Кажуть, що скоро замыреня буде,—сказавъ, спыняючысь, дидъ и почавъ розмахуваты рукамы й быты имы себе по грудяхъ и пидплеччяхъ, якъ роблять въ холода рыбалкы. — А морозець такы добрячый!

— Вы рыбалка? — спытавъ Трублаевычъ.

— И рыбалка й швець, и на лисопыльци колы роблю. Треба-жъ хлибъ добуваты! Та отъ сылы немае. А диты не помогають. Кожне поровыть соби... Колы-бъ земелька хочъ була, може въ аренду або зъ копы оддавъ, то бувъ-бы хлибъ, а то ничого немае. Оце нарубаешъ очерету, та хату протопышъ, а то чысто хочъ сядь та й замерзай голодный!

— Кажуть, що Портъ-Артуръ жыды японцямъ оддалы, чы правда цьому? — запытався, трохы помовчавшы, дидъ. — Вредне зилля, каторжни. Ихъ бы зъ половыны вывишать!

— За що?

— Э!.. у ихъ уся прычына. Черезъ ихъ и у насъ хлиба нема!

Дидъ бувъ балакучый и мавъ темну голову. Винъ уси биды прызводывъ видъ жыдивъ. Колы Трублаевычъ хотивъ переконаты його въ цимъ, то винъ тильки махнувъ рукою.

— Знаемо ихъ!.. Отъ и архырей на Воздвыження казавъ, що у ихъ уся штука, що воны й Сына Божого розипьялы.

Трублаевычъ вывизъ зъ бабою сани на ширшый протокъ и повернувъ по йому въ городъ, покынувшы старыхъ.

„Ось вона темнота, що бьется зъ-за шматка хлиба ввесь викъ! Ось ти поламани сухи очеретыны, що отамъ шарудилы въ плавняхъ.... Пошарудять и зныкнуть зъ своимы диламы, зъ своимы думкамы й турботамы. На мисто ихъ выростуть весною нови очеретыны и загудуть свои писни. А ци нехай дожывають свій часъ, покы не згорять въ огни, або не занесе ихъ весняна повидь,“— думавъ Трублаевычъ, идучы по льоду.

До його доносылысь зъ очеретивъ людськи голосы, а попереду було чуты гукы й веселый смихъ. То назустричъ йому йихала наونькахъ купа молодижи-хлопцивъ и панночокъ. Мижъ ихъ винъ помитывъ и Дубраевську. Воны прывиталысь.

— Повертаймо назадъ! — гукала вона. — Проводымо Ивана Мыхайловыча, щобъ його вовкы не зъйилы!..

— Де тутъ визьмутся вовкы, тутъ и зайцивъ немае, — засміявся винъ.

— Зайци есть. Колы бъ вы зналы, якъ учора жандармы декого поперелякалы!

Вона засміялась, дывлячысь на Трублаевыча, й теперь на витри, на морози, червона й свижа, вона здалась йому не поганою зъ себе. Русяве волосся іи маяло по витру, коротка тепла кохта туго облыпала коло іи стрункого стану, а невелыки ногы въ гетрахъ моторно рушалысь туды й сюды, и вона вылась коло Трублаевыча, якъ метелыкъ. Винъ знавъ, що вона давно закохана въ його, и теперъ це знаття прыемно зигрило його серце; есть же така людына, що любыть його, любыть, не дывлячысь на те, що винъ николы не звертавъ на неи своеи увагы.

Винъ хотивъ сказаты іій щось гарне, любязне и не мигъ. Спомынъ про Любу раптомъ пронызавъ його мозокъ и болемъ одизвався въ серци. Винъ прыпынывся.

— Чого-жъ вы стаете? — спытала Дубраевська, вьючысь биля його й выробляючы кругы й дугы. — Ходимте дали, тамъ кращый льодъ.

— Соломіе Францовно, скажить мени по щырости: вамъ жалко Любовъ Мыколаевну?

Дубраевська спынылась, здывовано пидвела бровы, мовъ не розуміючы того, про що винъ пытае, потимъ разомъ труснула волоссямъ и зареготалась, повернувшысь, мовъ дзыга на однимъ мисци.

— Дуже жалко!—сказала вона, сміючысь.—А про те... не дуже.

— Чому такъ?

— Вона... вона не одна!...

— Якъ?

— А такъ! Йдемо дали.

И вона пойихала впередъ, оглядаючысь на його и мовъ маначи за собою.

Хочъ Трублаевычъ и знавъ, на що вона натякнула, але якесь болюче почуття намагало, щобъ вона сказала просто те, що думае вона, те що думае винъ. Здавалось, що колы вона колупне болючу рану, то вона менше буде щемиты.

Винъ зновъ перепытавъ ии, але вона не сказала й тикала видъ його, а потимъ зновъ прылитала, мовъ бджола, и вылась навколо його.

До дому Трублаевычъ вернувся, колы вже смеркалось, и почувавъ винъ себе розбытымъ, знесыленнымъ, але спокійнымъ. Довга прогулка, свиже повитря, люде — утыхомырылы його нервы, угамувалы думкы. Тилькы десь глыбоко, пидъ сердцемъ, винъ немовъ почувавъ невелыку, але глыбоку рану, и зъ неи слызылась кровъ потыху, помалу....

Потыху, помалу, якъ иде часъ.

V.

На другый день Трублаевычъ пишовъ у банкъ дуже рано. Винъ заставъ тамъ тильки Донду. Донда ходывъ по всихъ кимнатахъ банку безъ пиджака, въ одній жилетци и щось соби мугыкавъ, веселый и задоволенный. Побачывшы Трублаевыча, винъ скорою ходою зъ щаслывою усмишкою пидійшовъ до його:

— А вы знаете, ха-ха-ха... учора я закинчивъ шистьдесятъ четверту скрыпку! Отъ скрыпочка, скажу вамъ!.. Ге, такои тутъ ниде й блызько немае!

Винъ бувъ дуже счаслывый своею роботою.

Трублаевычъ глянувъ на його и соби усмихнувся: якъ мало иноди треба людыни, щобъ вона почувала себе счаслывою. Ця стара сытенька дытына мае добру кватырю одъ банку, видбирае уже може литъ сорокъ добру плату, ніякыхъ прыгодъ у його не було въ симьи, ніяки громадськи справы николы не змарнувалы и капли його спокійнои крови, винъ завжды ривный, прывитный, а ще колы въ його жыття вирвався зовсимъ выпадково зайвый проминь сонця, колы винъ побачывъ самъ и други прызналы, що винъ майстеръ що до скырыпокъ, то чаша жыття його наповнылась вщерть. Теперъ кожна капелька, що падала туды—кожна нова скрыпка — прымушувала радисно здригатысь увесь поверхъ тіи повнои чаши.

Трублаевычъ усмихнувся и, щобъ ще побильшыты задоволення Донды, сказавъ:

— А ну. покажить шистьдесятъ четверту!

— Ха-ха-ха!..—засміявся Донда, пидморгнувъ и прудко побигъ въ ныжчый поверхъ, де була його кватыря, по скрыпку.

Черезъ хвылыну винъ вертався уже зъ скрыпкою й лучкомъ. Винъ нисъ ихъ, отставывшы видъ себе, мовъ яку святыню.

— Отъ попробуйте, якый тонъ!—гукавъ винъ ще зъ корыдора.—На що вамъ... ха-ха-ха... Страдиваріусъ.

— Ну, це я давно знаю, що вы за поясъ заткнулы Страдиваріуса,—въ тонъ йому видмовывъ Трублаевычъ и взявъ и выпробувавъ скрыпку.

Скрыпка була гарна, и радости Донды не було кинця.

Трублаевычъ подякувавъ йому за те, що винъ учора робывъ за його, але Донда тильки махавъ рукамы: винъ ладенъ бувъ-бы що дня робыть його роботу, абы йому задавалысь таки скрыпкы.

— Эхъ, яку я теперъ скрыпочку зроблю—зъ загрянышного дерева. Тамъ така у мене ялынка есть, якъ золото: жылка до жылкы! И теперъ якъ скло звеныть.

Винъ зъ замылуванням пидвивъ очи, мовъ бачивъ передъ собою яку чаривныцю, коханку свою.

Въ серци Трублаевыча ворухнулась заздристь: якый счаслывый чоловикъ, цей Донда!

— А чулы.,. ха-ха-ха..., що вчора сталось у земському зибранни? — раптомъ обернувся до його Донда.

— А що?

— Не чулы? Ха-ха-ха!...

Донда увесь ажъ затрусывся видъ реготу й прысивъ.

— Чудасія!.. Мій Шура вернувся увечери й розсказувавъ: гласныхъ былы!.. Ха-ха-ха!...

Донда засміявся ще дужче, мовъ розсказувавъ про щось надзвычайно смишне й веселе.

— Що вы кажете? Цього не може буты!

— Правда! Правда, голубчыку!.. Окинчылось зибрання, поййихалы земци за губернаторомъ, щобъ закрывъ засидання, а мы ждемо: „Потривайте, щось та буде,—такъ не обійдется!..“ Ну, прыййихавъ губернаторъ, закрывъ зибрання й пойихавъ. Гласни шу. шу-шу-шу—почалы выходыть... Сталы, каже, й мы выходыть.- Спускаемось съ хоривъ, колы бижыть назадъ зъ-надвору одынъ гласный, безъ шапкы й кровъ зъ носа дзюрчыть—„Тамъ“—крычыть—бьють!

Трублаевычъ хотивъ спыныть Донду и сказать, що все це выгадкы, але згадавъ, якъ позавчора въ сквери былы студентивъ, и подумавъ, що й справди така нечувана подія може статысь пидъ цей часъ.

— Гласни поодягалысь и гуртомъ сунулысь на двиръ. Попереду Жыгмонтъ... Знаете, тамъ такый здоровый, вусатый панюга. Ну, ха-ха-ха-ха.. якъ выйшлы воны, а тамъ на дворп, биля выходу, стоять золоторотци, та якъ кынутся зразу на Жыгмонта та другыхъ!.. Ти крычать: полиція! полиція!.. А іи, ха-ха, немае! Кажуть полиціймейстеръ сказавъ: „не пустылы полыціи въ залу зибрання, то не буде іи й биля залы.“ Молодчына!..

— Ни, це гыдотный вчынокъ.

— Чого? Пхе!.. теперъ таки часы, що ничого не розберешъ. Ну, а тутъ де не визьмысь козакы, та якъ почалы шмагать и праворучъ и ливоручъ,—разомъ усихъ розигналы. Кажуть и золоторотцямъ всыпалы, й де кому зъ гласныхъ вскочыло, та й нашимъ хлопцямъ те-жъ. Бурдзынкевычови губу розсиклы. А Шурка якось проскочывъ!.. Онъ якъ! Кажуть, що це все Бабаковъ орудуе. Якъ вамъ подобается, га?...

— Зовсимъ мени не подобается, Захаре Мыкытовычу. На що це похоже? Тамъ на сходи, війна, насъ бьють японци, а тутъ мы сами заводымо усобыцю!

— Я, по совисти, такъ и не розумію, зъ-за чого все це творытся,—сказавъ Донда и здвыгнувъ плечыма.—Жылы соби тыхо, сумырно, й жылы бъ такъ. А то ни, давай тамъ всяки сходы

збирать, спилки заводыть, зйиизды склыкать!.. Отъ мене заклыкалы на зйиздъ бухгалтеривъ. Ну, звычайно, я не пойихавъ. Не бачывъ я зйиздивъ!..

И справди винъ ничого не розумивъ зъ того, що творылось навкругы. Трублаевычъ почытавъ зайвымъ розтовкмачуваты йому: все одно ничого не зрозуміе.

Уже почалы сходытысь служачи. Появылысь и кліенты. Донда одягъ пиджакъ. Почынався робочый день. Хтось стыха постукавъ въ одну зъ кватырокъ перегородкы:

— Секретаря можна бачыты?

То пыталы Трублаевыча, и винъ пишовъ туды, на свое мисце, и взявся за свою звычайну роботу.

Усе було знайоме йому и все чуже, и теперъ занадто здавалось дрибнымъ и непотрибнымъ. Якись тамъ дисконты, инкасированя, дебитованя, кредитованя въ той часъ, колы коженъ нервъ жыття здригается, и воно хвылюется й кидается, якъ розлючене море. Грошови крамарськи справы въ той часъ, колы въ степахъ и горахъ Манчжуріи й скризь по городахъ и селахъ ще недавно сонной Россіи ришается іи доля. Але винъ знавъ, що и безъ цихъ дисконтивъ, инкассировань, дебитовань и кредитовань и всякыхъ другыхъ акцій не можна обійтысь, и пысавъ, и пидпысувавъ били и росквитчани фарбами папирци й передававъ ихъ другымъ.

Розносылы чай. Прынеслы почту й далы лыста Трублаевычови. Винъ глянувъ и опизнавъ руку сестры. Це вже на симъ тыждни другый лыстъ. Острахъ ворухнувся въ його серци, але винъ взявъ и зразу розирвавъ конвертъ: щобъ тамъ не було, все одно треба знать.

Винъ боявся, що въ лысти буде звистка, що брата убыто, або покаличено пидъ Мукденомъ, чы що маты пры смерти, и йому треба йихать до неи. И мало въ чому помылывся.

Сестра пысала, щобъ винъ йихавъ до дому. Звистокъ видъ брата нема. Маты прыказуе ій що дня перебираты свои газеты й сусидськи й перечытуваты звисткы про забытыхъ и раненыхъ офицеривъ. Вона певна, що його забыто, баче його въ снахъ и сама звелась ни на що. Вже сама не ходе и тильки сыдыть у крисли. А навколо бунтують мужыкы. Рубають въ паньскихъ лисахъ дерева, беруть изъ клунь немолоченный хлибъ и солому. Вчора и въ ихъ саду зрубалы дви груши и яблуню. Наймытъ нахваляется, що пусте хутиръ за витромъ.

Трублаевычъ прочытавъ лыста, згорнувъ його, якъ винъ бувъ, и поклавъ у боковый карманъ. Йихать треба неодминно. Винъ уже чотыры рокы не бачывъ матери, и тоди вона була слаба, а теперъ и подавну. И колы винъ уявывъ соби, якъ вона сыдыть у крисли, слуха спыскы убытыхъ и плаче, то йому до болю стало жаль іи; винъ, черствый и эгоистычный, въ остатни рокы немовъ навить забувъ про неи: жыве десь на хутори матирь, грошей одъ його не вымагае, значыть ни въ чимъ не нуждается. Винъ почувавъ себе одынокымъ и ни видъ кого незалежнымъ, а теперъ побачывъ и почувъ, що у його есть ридни, котрымъ винъ повыненъ допомогты.

Але якъ, чымъ саме?

Пойихаты туды не важко, а тамъ що винъ буде робыть? Чимъ винъ утише матирь, що винъ скаже тому парубкови-наймытови, що нахваляется спалыты хутиръ, тымъ мужыкамъ; що порубалы дерева въ саду?

Але думкы його перебывалы банкивськи клієнты. И винъ розмовлявъ зъ ными, пысавъ и пидпысувавъ паперы, а самъ думавъ усе про те, що йому робыть. Зъ досадою винъ прызнався теперъ, що и винъ самъ, и вси його знайоми, такъ звани либеральни люде, легко поришалы на словахъ, сыдячы у теплыхъ кватыряхъ, усяки пытаняя и соціальни, й политычни. Спорылы, змагалысь зъ-за головныхъ думокъ, и николы имъ не доводылось ставаты на справжній, реальный грунтъ. И люде въ ихъ уяви дилылысь на два перивни станы: одынъ—то народъ, демократія, пролетаріатъ, и другый—бюрократія. Перши вси булы чысти й непорочни ангелы, а други уявлялысь, якъ гыдотни гадыны, безъ усякого просвитку въ души, достойни тильки того, щобъ усихъ вынищиты. И отъ теперъ ангелы бьють земцивъ, грабують полупанкивъ и панивъ, вынищують лиса й сады и збираются палыть никчемный хуторець, зъ старою людыною, що ступыла вже, може, на божу путь.

Де-жъ правда, якъ розибратысь у цій плутанини?

Трублаевычъ думавъ про це и не мигъ розибратысь въ своихъ думкахъ, и тильки почувавъ, що тутъ есть якесь тяжке непорозуминня, якась хвальшъ.

Але винъ поришывъ прохаты одпуску й йихать до матери. Винъ уставъ, щобъ пидійты до Донды й порадытысь зъ нымъ, якъ буты зъ одпускомъ, якъ почувъ скрыпучый жиночый голосъ, мовъ сорока заскреготала:

— Иванъ Мыхайловычъ!.. Иванъ Мыхайловычъ!!. На хвылынку!.. Ось идить сюды.

Трублаевычъ нехотя вернувся назадъ. Його клыкала пани Валерьянова. Якъ тильки винь зобачывъ іи, йому здалось, що винъ чуе запахъ аптекы, бо видъ ціеи пани завжды пахнуло всякымы аптечнымы препаратамы: й саме прызвыще іи нагадувало про ликы. Вона глытала ихъ безъ всякои миры, уся пропахалася имы и була нервова, мовъ нервы у неи булы не прыкрыти ничымъ, и все ихъ дратувало. Говорыла вона прудко, мовъ горохъ сыпала, зъ усякымы кивамы й моргамы, и зважала себе дуже вродлывою. Ій здавалось, що вси мужчыны повынни буты зачаровани нею. Вона пидпрыскувала соби пидъ шкуру морфій.

— Я до васъ зъ петиціею... чы то-зъ протестомъ! Сподиваюсь, що вы допоможете мени зибраты пидпысы въ банку. Вы сами побачыте, я уже зибрала зъ сотню пидпысивъ, хочу зибраты тысячу, и пошлемо протестъ губернаторови, а копію зъ його въ „Сынъ Отечества.“ Рады Бога, хиба такъ дали можна жыть? Чернь бье интеллигенцію, бьють земскихъ гласныхъ, а полиція дывытся на це кризь пальци! Колы такъ, то мы згвалтуемо усю Россію!

Вона говорыла багато й палко, а Трублаевычъ узявъ протестъ и чытавъ його. Продывывся пидпысы. Тамъ було багато знайомыхъ.

— Вы хочете мого пидпысу? Ну, ось винъ.

Винъ узявъ перо й пидпысався.

— Не тильки вашъ пидпысъ мени потрибенъ, але й другыхъ вашыхъ... Але ось ще одынъ... адресъ...—Вона закопалась у своій велычезній торби.—Сподиваюсь, що пидпышете! Це вже ни на що не похоже! Вы знаете, що роблять Дубраевськи—маты й дочка?..

И, не давшы Трублаевычови сказаты слова, вона затараторыла дали.

— Вы тильки подумайте, яка гыдота: стара Дубраевська служе въ тайній полиціи и повыдавала ій усихъ нашыхъ!

Валерьянова, шыроко роскрывшы очи и пидвившы вгору бровы, понызыла голосъ и пошепкы забалакала дали:

— Вы жъ знаете, скризь булы трусы!.. Любочку Говорецьку, Зембулата, Палыводу, Чабаненка й другыхъ позабиралы. Усихъ трусылы по іи спыску. И знаете, ій учора за це въ-ночи выбылы у-си до одни-исинького викна! А хто?..

Валерьянова ажъ голову всунула въ кватырку, щобъ казаты тыхше, щобъ нихто іи не почувъ, и вся розцвила въ задоволену усмишку.

— Наши, молодижъ ій оту штуку вчыныла!.. Нехай знае! А отъ мы теперъ хочемо пиднесты ій „сочувственный адресъ"! Билогрудъ скомпанувавъ. Чытайте, та пидпысуйте.

— Цього я не буду чытать и не пидпышу,—сухо видповивъ ій Трублаевычъ.

— Чому?

— Того, що це недостойно порядныхъ людей.

Валерьянова видскочыла видъ виконця, мовъ опечена.

— Якъ такъ?..

— Насампередъ—де доказы, що Дубраевська шпыгъ. Це сплитка. Потимъ, хочъ бы й справди вона була така, якъ вы кажете, то не слидъ було робыты надсыльства надъ нею. Вы тильки що давалы мечи пидпысуваты протестъ проты надсыльства черни надъ земцямы, а тутъ сами його робыте, та ще лыцемирно прыкрываетесь, складаете якыйсь „сочувственный адресъ!..."

— Вы не пидпышете?—коротко спытала, стемнившы въ лыци, Валерьянова.

— Ни!

— Други пидпышуть!

— Шкода буде.

Вона похоплыво забрала паперы, свою торбу й пишла до другыхъ банкивськыхъ служачыхъ. Де-хто пидпысувавъ и той, и другый папиръ—бильшисть ледви пробигшы очыма, други не пидпысувалы ни того, ни другого.

Донда, колы пидійшла Валерьянова до його, замахавъ рукамы:

— Богъ зъ нымы, зъ протестамы та петыціямы!.. Я зроду ихъ не пидпысувавъ и пидпысуваты не буду.

— Чому такъ?

Донда тильки крякнувъ: а!.. й махнувъ рукою.

— Тутъ и банковськи паперы надобрыдло пидпысувать!.

Останнія звистка, що Дубраевській побылы викна, дуже стурбовала Трублаевыча. Тутъ, по його думци, було якесь непорозуминня. Стара Дубраевська дуже зла на языкъ, и у неи половына города ворогивъ, але щобъ вона робыла те, що про неи кажуть, цього винъ допустыты не мигъ. Винъ роспытався помижъ своихъ банковцивъ и дизнався, що це сталось зъ того, що молода Дубраевська въ вечиръ передъ трусомъ перестерегала де-кого зъ знайомыхъ. Казалы, що вона ще мае серце и, довидавшысь про

материнъ замиръ и прочытавшы іи спысокъ, потаї видъ неи сказала про трусъ де-кому.

Выслухавшы таке, Трублаевычъ поришывъ, що тутъ „своя своихъ не познаша". Винъ добре знавъ, якыхъ переконань держалысь Дубраевськи и догадувався, якымы шляхамы до ихъ дійшла звистка про замиръ трусіивъ. Тамъ, видкиля выйиздять въ ночи на роботу, бувъ одынъ чоловикъ, якый мигъ ихъ перестерегты и ранише перестерегавъ. И замистъ подякы, имъ свои-жъ бьють викна и складають гыдотный „адресъ".

Трублаевычъ зъ банку пишовъ до Дубраевськыхъ и заставъ дома тильки матиръ. Вона була розлючена, мовъ оса, и злисть іи не мала впыну. Вона лютувала й на тихъ, хто наробывъ ій сорому, й на дочку, що по своій мягкосердости пишла по городу робыть перестереження, не сказавшы ій про те.

— Нехай-бы ихъ всихъ позабиралы, жалю було бъ мало!..— говорыла вона и такъ перебирала всихъ знайомыхъ, яки малы звязокъ зъ іи прыгодою, що Трублаевычови стало моторошно. И винъ подумавъ, що колы ще ій прышлють „адресъ", то вона зъ злости може перейты граныцю и справди наробыть багато де чого негарного.

Запевнывшы іи, що тутъ якесь непорозуминня и що якось усе налагодыться й выясныться, винъ одъ неи пишовъ до Билогруда, довго розмовлявъ и змагався зъ нымъ и на решти такы умовывъ знищиты той адресъ, що носыла по городу Валерьянова, и оставыть справу такъ, якъ вона есть, сподиваючысь, що помалу все выяснытся само собою.

Смеркомъ, якъ Трублаевычъ ще спавъ писля обидъ, його збудылы. Хотивъ бачыть його Мыкола Петровычъ, Любынъ батько. Винъ тильки що вернувся до дому и дизнався про прыгоду зъ Любою.

Винъ бувъ до краю зтурбованый и такый, неначе десь въ подорожи розгубывъ уси свои думкы, усю свою снагу, и зисталась иры ньому тильки звычка згорда и поважно держаты себе. У ціи формі винъ зъ давнихъ-давенъ затужавивъ и зразу вывесты зъ неи його, було неможна.

— Що жъ це таке?.. Скажить мени, щожъ жъ це таке, колы уже не тильки тамъ по жыдивськыхъ закапелкахъ хапають всяку тамъ... ну, всяке казна-що, а отъ забирають... и мою дочку!.. — кынувся винъ до Трублаевыча.

Той утыхомырювавъ його, додававъ багато зусылля, щобъ выясныты йому станъ речей, але Мыкола Петровычъ ніякъ не

мигъ зрозумиты, що въ тюрму попадають не тильки за злодійства, що туды може попасты людына не тильки зъ „жыдивськыхъ закапелкивъ,“ але и зъ хаты вице-директора банка... Винъ сперечався й доказувавъ, що колы „жыдова“ и „всяка тамъ голота“ може буты незадоволена сучаснымъ станомъ, то яке дило до цього його дочци?.. Хиба винъ шкодувавъ що для неи, хиба у неи чого-небудь не выстачало?

Чого ій треба було?.. Птычого молока хиба!.. И не подумала, що якого то вона сорому може наробыты батькови, матери. О, диты, диты!

Колы Мыкола Петровычъ трохы заспокоився, то винъ пояснывъ, що прыйшовъ до його, щобъ завтра вкупи пойихать до Любы. Маты сама не зъумила побачытысь зъ нею и доси ій ничого не передалы, ни билья, ни подушкы, ни чаю й сахару.

Трублаевычъ розсказавъ йому, що и якъ треба зробыть и хотивъ ухылытысь, щобъ не йихаты въ тюрму въ друге. Йому важко було знову стритысь зъ Любою и сылы не було усе заразъ сказаты Мыколи Пытровычу, кынуты на його голову ще одну цеглыну. Важко було сказаты, що у ихъ зъ Любою все порвано, бо десь у глыбыни души його ще таилась надія, що винъ помыляется, що все може знову налагодытысь на попередній ладъ.

И винъ згодывся йихать зъ Мыколою Петровычемъ.

Якъ тильки той почувъ про це, заразъ же одмінывся и зробывся далеко спокийнишымъ. „Винъ, сердега, боявся самъ пійты въ той замокъ, не знавъ, якъ доступытысь туды“ — подумавъ Трублаевычъ и гирке почуття опанувало нымъ: яки ци угодовани добродіи велични та пышни, колы сыдять у своихъ дыректорськыхъ крислахъ и пидпысують напысани рукою служачого й обмиркovани його мозкомъ паперы и яки воны мизерни, колы доведется имъ статы вичъ-на-вичъ зъ незнайомымъ выпадкомъ десь за стинамы банку, за стинамы власнои оселі.

Выпроводывшы гистя, Трублаевычъ задумався, якъ йому буть.

Останнього слова ще не сказано, але воно мусыть буты сказане. Колы вона його не любыть, винъ повыненъ це знать, винъ повыненъ про це почуты зъ іи вустъ прямо, а не догадуватысь зъ натякивъ. Въ души винъ уже на половыну помырывся зъ тымъ, що сталось. Винъ любывъ Любу дуже, але въ його коханни не було засліплення, и розумъ завжды стоявъ на сторожи и, якъ прыставъ на аукціони, выстукувавъ молоткомъ свидомости: „це ты повыненъ зробыть, цього робыть не повыненъ“... Люба була

зовсимъ другои вдачи. Вона була гаряча й загоныста. У неи часто чуття збывало зъ кону розумъ и становылось на його мисце власнымъ диктаторомъ. Вона не вагаючысь, зшывала, и, мало задумаючысь, порола й ризала... И, дывна ричъ, це бильшъ усього й подобалось у ній ривноважному Трублаевычови.

Винъ теперъ порішывъ напысаты ій лыста, щобъ просто поставыты пытання: чы нехай буде все у ихъ, якъ було попередъ, чы розійтысь имъ свидомо, спокійно, безъ ворожнечи. И винъ напысавъ такого лыста, щобъ передаты ій до рукъ. Походывъ по кимнати, перечытавъ його и порвавъ. Лыстъ выйшовъ сухый и холодный, якъ канцелярське „отношеніе“.

Винъ взявся пысать вдруге. Пысавъ довго. Згадавъ исторію ихъ кохання. Звернувся до сучасныхъ обставынъ, розгорнувъ ій свою душу, розповивъ про свое маловирря и прохавъ іи чыныты судъ надъ нымъ: може вона, по теперешнихъ часахъ, зъеднаты свою долю зъ долею такого чоловика, чи не може? Колы ни, то такъ тому й буть: „якъ сходятся течіи и зновъ росходятся, такъ зійшлысь и розійдемось и мы“ — пысавъ винъ напрыкинци. — „Я тильки буду згадувать про васъ, якъ про кращу женщыну, яку довелось мени стриты за часы моеи молодости, и буду благословлять долю за цю стричу.“

Винъ повидомлявъ, що йиде въ одпускъ, и подававъ ій свою адресу.

Було уже пизно, колы винъ погасывъ свитло.

VI.

Сьогодни Трублаевычъ уставъ рано и довго плескався у холодній води, умываючысь. Винъ змочывъ нею всю голову, и ставывъ тимья пидъ кранъ и зъ прыемнистю здригався всимъ тиломъ, чуючы, якъ холодна течія добырается по-мижъ волоссямъ до тила, тече на чоло, протикае по-за ухамы и, злывшысь въ одынъ струмокъ, стикае въ тазъ черезъ вусы. Голова посвижила писля такого купання, и винъ почувавъ себе бадьорымъ и жвавымъ, здатнымъ до роботы, хочъ десь глыбоко въ ньому, мовъ тинь, перебигало сумлиння и неначе пидтынало чымсь пароcты тіеи бадьорости. То булы останкы важкыхъ снивъ ночи. Винъ цю ничъ тяжко мучывся у сни и килька разивъ прокыдався, почуваючы, що серце його замирае.

Та винъ и теперъ почувавъ себе неспокійно и бувъ у якомусь пидвысшеному нервовому настрою. Винъ боявся зустричи зъ Любою. Боявся тому, що не сподивався видъ неи добра для себе. Вчорашнього лыста не захотивъ перечытуваты, щобъ не зныщиты його зновъ, на свижу голову. Якъ напысався, такъ нехай и буде.

У банку Трублаевы́чъ довго дожыдавсь, покы зійдутся директоры, щобъ прохаты одпуску. Робыть не хотилось, и Донда сьогодни бувъ чомусь сердытый и прысикувався до дрибныхъ служачыхъ. А колы винъ бувъ такый, то важко було буты зъ нымъ въ одній кимнати. Винъ лаявся, бувъ вередлывый несправедлывый до другыхъ и мигъ зъ-опалу пійты и наговорыты директорамъ про кого-небудь зъ товарышивъ багато гыдкого, багато неправды. Въ таки хвылыны въ банку вси його ненавыдилы.

— Скильки рокивъ служыте въ банку, а й доси й абы-якого балансу пидвесты не можете! — гримавъ Донда на свого помишныка й швыргонувъ йому паперы. — Отъ и пропавъ цилый день роботы.

Аркуши паперу розсыпались по кимнати. Помишныкъ мовчкы, але стыснувшы зубы такъ, що на його щокахъ выступылы пругы, пидбиравъ паперы. Донда служывъ у банку сорокъ литъ и весь банкъ держався на йому, и тому винъ почувавъ себе тутъ господаремъ. Директоры слухалы його, а служачи боялысь.

„Колы-бъ уже скорше вырватысь звидсиль,“—думавъ Трублаевычъ: — „пойихаты въ ридни мисця, одпочыты видъ отыхъ телеграмъ, видъ розмовъ, сварокъ, сплитокъ; одпочыты видъ газетъ, видъ политыкы, видъ протестивъ и заявъ. Остогыдло все. Остогыдъ оцей банкъ, оця канцелярщына, отой Донда!“

И ту-жъ саму мыть, колы снувалысь у його въ голови ци думкы, рядомъ зъ нымы, мовъ задня пара колисъ у вози, выступылы други думкы: „А тамъ якъ? А тамъ умирае маты, тамъ середъ дня грабують одне одного, тамъ плачуть жинкы й матери за забранымы на войну, за побытымы. Скризь однаково!“

Колы зійшлысь директоры, Трублаевычъ попросывъ ихъ и воны далы йому одпускъ. Донда залютувавъ ще бильше: йому пидбильшувалось роботы, а його не спыталы, чы можна даты отпускъ Трублаевычови.

— И мени треба одпускъ, и въ мене нервы пошматовани! — бурчавъ винъ, сопучы и що-хвылыны налагоджуючы пенсне на счервонилому носи. Пенсне все спадало.

Трублаевычъ збирався иты зъ банку.

— Вы-жъ ще зайдете сюды? — буркнувъ Донда, повернувшы тильки сами очи до його пидъ сывымы навыслымы бровамы.

— Прыйду. Всьому дамъ ладъ.

— То-то.

Трублаевыча цикавыло, що це такъ роздратувало Донду, але винъ не наважывся його роспытуваты, та й николы було: Мыкола Петровычъ прохавъ його дистаты соби й йому пропускъ до Любы.

Винъ пойихавъ до прокурора.

Тамъ його прохалы пождаты въ зали, бо прокуроръ бувъ зъ кымсь занятый. Въ зали сыдивъ офицеръ. Трублаевычови здавалось, що — жандармськый, але певенъ винъ въ тимъ не бувъ, бо той сыдивъ до його спыною. Колы винъ повернувся, Трублаевычъ упизнавъ його: винъ бувъ у його въ ночи и видибравъ лысты Любыни.

Воны глянулы одынъ на одного и ледви помитно поклонылысь. Имъ обомъ було ніяково. Килька хвылынъ воны сыдилы мовчкы, мовъ не помичаючы одынъ одного. Воны сподивалысь, що скоро выйде прокуроръ и скинчыть ихъ непрыемне становыще. Але десь зъ третьои кимнаты чуты було два голосы, и розмова тамъ не вгавала. Говорылы палко, але про що саме, дочуты було неможна.

Офицеръ пидвився зъ мисця и мовъ хотивъ пройтысь по кимнати, але несподивано повернувсь и пидійшовъ до Трублаевыча, протягаючы йому руку.

— Мы зъ вамы знайоми... Выбачте мени: я почуваю себе передъ вамы вынуватымъ! Ти лысты... вы малы право ихъ не даваты, и я жалую, що взявъ ихъ. Але служба... прыказъ.

Трублаевычъ глянувъ на його и не знавъ, що йому видповисты.

— Що-жъ, уже зроблено... мынулого не вернешъ! Вы не повирылы мени на слово.

— Не мавъ права по уставу.

А по совисти? — спытавъ Трублаевычъ.

Офицеръ мовчкы глянувъ на його, и въ його очахъ Трублаевычъ побачывъ благання помылування.

— Знаете, въ жытти доводытся...

Винъ не договорывъ и тильки махнувъ рукою.

— Служба каторжна!.. — зъ жовчю вымовывъ винъ.

— А чому вы пишлы на неи?

Офицеръ болизно усмихнувся.

— Бувае такъ, що жыття зажене чоловика въ таки суточкы, що йому зостается, або кулю въ лобъ соби пустыты, або робыть те, що може гирше смерти. Вы думаете, мы, жандармы, не люде, у насъ немае ни серця, ни души? Вы думаете легко знаты, що кожне бачыть у тоби ворога? Вы думаете—легко чытаты таки лысты, якъ ти, що взято у васъ, або ти, що взято у вашои суженои?... Вы думаете, що вси зъ насъ не розуміють того, що творытся навколо, що нашыхъ братывъ кровъ не льется въ Манчжуріи, що ихъ немае по тюрмахъ?... Колыбъ такъ!..

Ця несподивана сповидь ще молодои людыны зъ зовсимъ иншого стану, ця темна безодня въ души чоловика, що разомъ росчынылась передъ нымъ, здывувала и навить злякала Трублаевыча. Винъ хотивъ скрыкнуть: „та чого-жъ вы не кыпете службы?“ — але здержався.

— Вы знаете, — говорывъ офицеръ дали, — мы отъ уже тыждень не спымо и колы заснемо, не знаемо. Мы начынылы тюрмы людьмы и певни, що мы а-ничогисенько не зробылы, щобъ пидсикты те, проты чого боремось. Ось теперъ полковныкъ добывается, щобъ прокуроръ згодывся перетрусыты ще зъ сотню домивъ. Я, кажучы про це вамъ, роблю провынnисть передъ службою, ламаю прысягу, але... все одно! Жыття назадъ повернуть не можна, и тильки полковныкъ въ це вире. А може... хто його знае!

Трублаевычъ знавъ цього полковныка. Винъ бувъ старый, товстый и лысый. У його була довга руда зъ сывиною борода, завжде розчыпеный беззубый и трохы крывый ротъ съ товстымы, якъ у коропа, губамы, и кари, мовъ скляни, очи. Винъ бувъ дуже богомольный и у його булы тры дорослыхъ дочкы, гарныхъ и смыренныхъ, якъ молоди манастырськи послушныци. Трублаевычъ не почытавъ його злымъ чоловикомъ. Може пидъ вражиннямъ, яке робылы на його дочкы полковныкови.

— Сподиваюсь, що вы зрозуміете мене и не осудыте вже безъ усякого мылосердія...

Трублаевычъ мовчкы стыснувъ йому руку.

Ще одна зламана несчасна людына... и тамъ, де винъ стрины ии не сподивавсь.

Въ цю хвылыну въ дверяхъ черезъ кимнату показалысь полковныкъ и прокуроръ. Полковныкъ стурбовано поводывъ навколо своимы склянымы очыма и вытеравъ хусткою лысыну. Винъ бувъ червоный, якъ велыка перчына.

— Такъ я складаю зъ себе одвичальнисть!.. — говорывъ винъ.

Трублаевычъ подумавъ, що й це тежъ несчасна людына, скута прыказамы и инструкціямы, рутыною гнылого складу жыття.

— Не турбуйтесь, все гараздъ буде,—казавъ, прощаючысь, прокуроръ.

Черезъ килька хвылынъ и Трублаевычъ выходывъ одъ прокурора зъ дозволомъ побачытысь зъ Любою. Винъ зайихавъ за Мыколою Петровычемъ въ банкъ, потимъ зайихалы до дому до Говорецькыхъ и забралы тамъ усе, що наготувала Вира Степановна для дочкы, й пойихалы до тюрмы. Вира Степановна плакала.

Йихалы мовчкы. Колеса фаетона стрыбалы по выбоинахъ вымощенои каминемъ дорогы, и ихъ торохтиння стояло въ ушахъ обохъ ихъ. Передъ тюрмою стрилась купа арестантивъ. Ихъ велы въ городъ.

Говорецькый глянувъ и одвернувся. Винъ уявывъ соби, що й Любу отакъ можуть повесты по городу на глумъ усимъ знайомымъ. Колы пидйиздылы до тюрмы, винъ оглянувся навколо: чы нихто не бачыть, що винъ йиде въ тюрму? Але тутъ уже було поле, й тильки геть дали йшла процессія на кладовыще и звидтиль доносылысь урывкы спиву: „святый... безсмертный...“ Процессія увиходыла въ камянну браму кладовыща и на выду зоставалысь тильки килька фаетонивъ, що йихалы за процессіею.

Визныкъ повернувъ зъ дорогы прямо до тюрмы. Серце батька стыслось, и колы винъ почувъ пидъ колесамы замисто твердои камянои дорогы мняку грунтову, йому здалось щось подибне до того, що земля може провалытысь пидъ колесамы. И винъ цупко ухопывся рукою за фаетонъ.

Писля уже знайомыхъ Трублаевычови ходивъ и переходивъ, воны опынылысь въ тій самій кимнати, де винъ бувъ у першый разъ. Це була тюремна „прыйомна“. И зновъ воны дожыдалысь Любы досыть довго. Вона увійшла спокійна й стрымана, и тильки щось нибы подибне на усмишку майнуло на іи блидому, теперъ пожовклому облыччи, колы вона одповила на батькове прывитання словамы:

— Здрастуйте, тату!

Зъ Трублаевычемъ вона прывиталась мовчкы, и винъ одійшовъ геть въ кутокъ кимнаты, щобъ даты волю перемовытысь батькови й дочци. Теперъ стражныка въ кимнати не було. Винъ стоявъ за дверыма.

— Любочко, що-жъ це зъ тобою? Чого це ты натворыла?— звернувся до дочкы Мыкола Петровычъ, и въ голоси його Трублаевычъ уперше почувъ справжню щыристь.

— Ничого, тату,—одмовыла Люба.

— Якъ же ничого?... За що-жъ тебе взялы... сюды?

Говорецькый узявъ дочку за руку. Вона не вытручала рукы, але й не одвичала на батькове стыскання.

— За те, за що й другыхъ теперъ беруть. Вы думаете, тутъ мало сыдыть?—запытала вона батька.

— Яке мени дило до другыхъ!... Я-бъ може самъ половыну перевишавъ отыхъ жыдкивъ та лодыривъ, але ты... ты... дочка моя?... Ты задумала бунтовать, ты держала у мене въ доми якись тамъ гыдотни кныжкы?... На що жъ це похоже? Чого тоби не выстачало?... Чы прыгадаешъ ты хочъ одынъ разъ, що-бъ ты прохала чого, и тоби було одмовлено?...

— У тимъ то й сыла, що одни мають все, а други ничого. Одни утопають въ роскошахъ, а други пухнуть зъ голоду!...— ризко промовыла Люба, и кинцы устъ іи затремтилы.

— Що жъ зъ того? Не можна-жъ усимъ буты богатымы. Треба комусь буты й биднымъ. Уже такъ ведется на свити.

— И такый порядокъ треба зминыты.

— Э, серденько, николы цього не буде!

— Буде!

Мыкола Петровычъ покрутывъ головою.

— Памъятаешъ ты покійну Парасковью Панкратовну, памъятаешъ, якъ вона, бувало, каже: „Николы не може буты ривности мижъ людьмы. Колы-бъ зибраты до купы все багатство и роздилыты сьогодни поривну мижъ всимы людьмы, то уже-бъ завтра зновъ булы багати й бидни. Бо одынъ працюе, заробляе, а другый пьянствуе, ледарствуе.

Говорецькый сподивавсь, що цей аргументъ переконае Любу, але вона тильки осмихнулась.

— Це говорыла людына, що сама за свій викъ пальцемъ объ палецъ не вдарыла, а тильки гроши на проценты виддавала. Це философія сытыхъ, забезпеченныхъ людей. Колы такои ривности немае, то іи треба утворыты, бо такъ жыть, якъ теперъ жывуть люде, не можна.

— Ну, й нехай ціеи ривности добываются ти, що іи бажають, а тоби то що?

— И я іи бажаю.

— На що вона тоби?

— Бо безъ неи мени шматъ хлиба становытся впоперекъ горла!

Говорецькый замовкъ. Винъ почувавъ, що говорыть не те, що було-бъ слидъ говорыть, и що не часъ теперъ и тутъ уговорюваты Любу, и що винъ николы цього не зможе зробыть. Бо його Люба це зовсимъ не та людына, за яку винъ іи мавъ. И жаль, змишаный зъ досадою й образою, вдарывъ йому въ серце.

— Онъ маты прыслала тоби... чого пужно,—сказавъ винъ суворо.

— Спасыби,—одмовыла, не глянувшы навить на пакунокъ, Люба.

И знову розмова увирвалась.

— Тоби погано тутъ... Я буду клопотатысь, щобъ узяты тебе на порукы.

— Не треба.

— Якъ такъ?...

— А такъ—не треба.

— Чому-жъ це тоби тутъ такъ подобается?—уже зъ легкымъ роздратуванням запытався Говорецькый.

— Тому не треба, що я не хочу видризняты своеи доли видъ доли тыхъ, що тутъ сыдять. Внесты залогу за всихъ вы не зможете, то й за мене не треба.

— Та що тоби воны?—скрыкнувъ Говорецькый.—Що воны тоби,—браты, сестры, батько, матиръ, ота вся по.... погань!

— Браты й сестры,—твердо одповила Люба.

— Колы такъ, то... Колы...—Говорецькый запнувся. Винъ хотивъ сказать гостре й жорстоке слово, але спынывся и тильки увесь почервонивъ.

— Такъ чого жъ тоби треба?—спытавъ винъ, трохы оправывшысь.

— Мени ничого не треба,—сказала Люба, выдиляючы слово „мени".—Спасыби, що навидалысь.

Вона повела очыма й на Трублаевыча. Той стоявъ биля викна и дывывся весь часъ на неи. Теперъ погляды ихъ зустрилысь вперше.

— Правда, Иване Мыхайловычу, що золоторотци бьють земцивъ и Дубраевській побылы викна? Тутъ чуть...

— Правда,—одповивъ той.—Тильки Дубраевській былы не золоторотци. Іи прыйнялы за шпыга.

— То неправда,—сказала, подумавшы, Люба.—Передайте видъ мене уклинъ Соломіи Францовни.

— Добре.

Говорецькый пидвивсь зъ мисця. Люба тежъ встала.

— Що-жъ, такъ ты не хочешъ... до дому?

— Ни, хочу. Тильки теперъ, заразъ—не можна. Цилуйте маму й Ганусю. Нехай не журятся.

Батько й дочка мовчкы поцилувалысь.

Трублаевычъ затыснувъ лыста въ руку и пидийшовъ тежъ попрощатысь. Винъ мицно зтысъ Любыну руку въ своій и на хвылыну задержавъ въ своій. Рука Любына, почувшы лыста, затремтила и ворухнулась, щобъ вытручатысь, але Трублаевычъ стыснувъ свою руку ще крипше и сказавъ зъ выразнистю:

— Прощайте! Я йиду въ одпускъ.

Вона пиднята на його очи. Погляды ихъ зустрилысь и якись знайоми обомъ люби искры перебиглы въ ихъ. И имъ здалось, що воны безъ сливъ зрозумилы одне одного...

Трублаевычъ одвернувся...

Люба взяла пакунокъ и пишла зъ кимнаты. Говорецькый пишовъ у слидъ за нею.

Йихалы назадъ мовчкы. Говорецькый бувъ холодный, якъ лидъ. Винъ тильки важко дыхавъ. Трублаевычъ тежъ бувъ сумный и мовъ задеревенилый.

Воны такъ пройихалы килька вулыць. На перехрести до ихъ кынулысь телеграмщыкы зъ новымы телеграмамы.

— Высочайшій манифестъ!.. Высочайшій манифестъ!..

— Мобилизація!.. интересная!.. Отъ генерала Лыневыча!..

Одынъ хлопець трохы не вскочывъ зъ телеграмою въ фаетонъ, тычучы іи Говорецькому. Той злисно одштовхнувъ іи:

— Геть!.. Якъ собакы, лизете зъ своимы мобилизаціямы!...

— Купуйте, интересная!..

Говорецькый намирывся на його палыцею.

— Ха, ха-ха! А що нарвавсь на покупця? — дратувалы хлопця товарыши.

— А йдить вы!.. Телеграма интересная, кынувся винъ черезъ дорогу, забачывшы якогось вусатого панка

— Иване Мыхайловычу! Иване Мыхайловычу!.. — гукавъ вусачъ на Трублаевыча й махавъ рукою.

То бувъ Донда. Трублаевычъ злизъ зъ фаетона, попрощався зъ Говорецькымъ и пишовъ зъ Дондою. Винъ бувъ дуже чымсь зтурбованый, але злисть уже утыхомырылась у йому.

— Вы знаете, що зо мною трапылось? — спытавъ винъ.

— А що?

— Шурку мого арештувалы!..

— Колы?

— Цю ничъ.

Теперъ Трублаевычъ догадався, чого лютувавъ зранку Донда.

— Я не знаю, що це таке робытся... Бьють людей, бьють викна, забирають кого попало!.. Що-жъ це таке?.. Це й мене заберуть!..

Донда розводывъ рукамы й прудко блымавъ очыма.

— Ну, васъ не визьмуть!

— Хто знае! Теперъ часъ такый. Тамъ онъ що-ночи роскыдають лыстки, щобъ быть жыдивъ, та жыдивъ, бачъ не бьють, а бьють земцивъ та студентивъ. Уже былы-бъ жыдову, або-що, зирвалы-бъ уже злисть на ій!..

Трублаевычъ стрепенувся.

— Що це вы кажете? А жыды хиба не люде?

— А, одынъ грець!.. Колы вже быть кого, такъ жыдивъ. У ихъ уся прычына.

Донда понызывъ голосъ.

— Вы подывиться, якъ жыды вертять у насъ у банку. За нымы нашп руськи вси задню пасуть!..

— А хто-жъ тому вынenъ, колы туды зъ жыдивъ попалысь розумни люде, а зъ нашыхъ дурни, мовчуны, що усе-бъ на печи лежалы.

— Такъ то такъ, а все такы... Онъ воны якусь самооборону выгадалы. Кажуть, у доктора Зельмана найшлы складъ бомбъ, револьверивъ та нагаивъ:

— А що жъ робыть колы ихъ скризь, по всій Украини, то тутъ, то тамъ мордують наши хрещени люде?

— Ни, дижцутся воны своего и въ насъ!..

Донда навить забувъ и про свою прыгоду, колы розмова зайшла про евреивъ. Винъ ихъ ненавыдивъ всіею своею душею и въ той-же самый часъ нихто въ банку такъ не запобигавъ передъ евреямы, якъ винъ. Трублаевычъ згадавъ про це, и йому стало гыдко слухаты Донду. Винъ выгадавъ якусь прычыну и попрощався на перехрести зъ нымъ. У банкъ пообищавъ зайты ще завтра.

— А я йду до Верныщапкы, порадытысь за Шуру, — сказавъ на прощанни Донда.

Верныщапка бувъ дрибный базарный облакатъ.

Трублаевычъ усмихнувся самъ соби; скильки питьмы й непорозуминь сыдыть у цій сывій круглякуватій голови, и скильки іи сыдыть въ головахъ усихъ, усихъ кого винъ знае въ цьому городи!

VII.

Трублаевычъ йихавъ до дому. Спершу пятьдесятъ верстъ стуготилы колеса дилижанса по мерзлій земли, теперъ прытакувалы колеса вагона по рельсахъ и пидъ те прытакування снувалысь його думкы. Усе, що чувъ и що бачывъ за останни дни й часы, часткамы, мовъ вырынаючы зъ якоись темрявы, зновъ ставало передъ нымъ и потимъ зныкало невидомо куды. Мовъ бурхлывый витеръ выкыдавъ зъ якогось темного провалля шмаття туману и зновъ новымъ и новымъ подыхомъ розбывавъ, розрывавъ и гнавъ кудысь геть те хвылювате, непостійне шмаття.

Колеса гуркотилы, а серце стукало й соби ривно-ривно: такъ-такъ... Усе й повынно буты такъ. Ота безпрымирна по жорстокости несчасна война — война на Далекому Сходи, и ця война дома на два фронты, вси непорозуминня, вси зайви, зовсимъ непотрибни жертвы, — все воно й повынно було буты такъ, якъ есть. Жыття не може стояты нерухомо, а його прымушувалы топтатысь на тимъ самимъ мисци сорокъ литъ... якъ слона въ зоологычному саду въ Москви. Його прысыплялы, його сковувалы, але рано чы пизно воно повынно було розирваты вси пута. И ось воно ихъ рве. И вже теперъ не такъ, якъ сорокъ литъ назадъ, що

... рабства цѣпь великая
Порвалась и ударила
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику...

Сотни кайданивъ тришать и лопаются що-дня, и бьють кого попадя, бьють правого, бьють и вынуватого, бьють слипо. Збурылось жыття и встало хвылямы, якъ счорниле розлратоване море, и встають по йому то тутъ, то тамъ грызни буруны. Встають, и йдуть, и ревуть. И зныкають, щобъ зновъ десь прокынутысь. Кышиневъ... Жытомыръ... Петербургъ... Катеринославъ... Баку... Курскъ... и ще й ще, безъ кинця. Скризь прохоплюется гнивъ жыття... И крычать и стогнуть буревисныкы, вищуючы щось страшне...

Крычать буревисныкы и вищують гнивъ жыття, и на чорному сходи ще не выдно а ни крапли свиту, ни одного проминя.

Гей, чы прорвешся ты, свите, кризь оту темряву, чы прольешъ ты цилющый бальзамъ и въ душы тихъ, кого убывають, и въ душы тихъ, котри убывають?

А серце каже свое: такъ-такъ.

— Чы такъ?

И Трублаевычъ прокыдается, щобъ знову потонуты въ думахъ, якъ Эльборусъ увечери заволикается хмарамы.

Крычать буревисныкы, а за нымы й друге дрибне птаство. Каркнула ворона, гыдко порснула шулика и жваво закрычалы-зацокотилы горобци, навить смыренна курка—й та роздратовано заквоктала й ладна вчепытысь пазурамы у кожного, хто зачепе іи.

Буде буря!

Ти сотни кайданивъ, що рвутся й тамъ и сямъ, усихъ бьють, усимъ роблять раны. И немае кинця краю тымъ, кого воны бьють. И скризь раны, и всюды кровъ и сльозы. И винъ самъ раненый йиде оце туды, де умырае його пидбыта матирь, де мучыться сестра, де...

— Ахъ, немае кинця тымъ мукамъ!—скрыкуе Трублаевычъ и прокыдается видъ думъ.

Въ вагони темряво. Все сире: и стины, й люде, и навить самый свитъ лыхтаря. Тютюнный дымъ хмарою навысае надъ людьмы. А люде, мовъ пидбыти, посклякалы якъ попадя, и ти сплять, ти дримають. Онъ тильки, недалеко, загорается хвылына одъ хвылыны червоный огныкъ видъ цыгаркы. Тамъ у затинку сыдять двое якыхся людей и стыха балакають.

„Объ чимъ воны розмовляють?"—думае Трублаевычъ, и знову думкы, свои власни думкы, оповывають його.

Винъ не буревисныкъ, винъ не боець, винъ—обмиркованый чесный робитныкъ. Винъ вире, що поступъ людського жыття роблять не войовнычи поклыкы буревысникивъ, а рукы й мозокъ робитныкивъ, уперта нескинченна ихъ праця, а колы треба й кровъ. Поступъ роблять людськи массы, яки еволюціонирують дуже нескоро, дуже поважно, але певно, безъ повороту назадъ.

„Людськи массы... А ото що?"

Викно биля його почервонило. Десь була пожежа. Винъ вдывлявся кризь скло и бачывъ тильки, що десь недалеко видъ зализныци въ сели пожежа. Винъ выйшовъ на ганокъ.

Пойиздъ бигъ по-надъ селомъ, що сыдило десь въ балци, и тильки крайни хаты та верхъ церквы було выдно Трублаевычови. Горилы край села велыки довги скырты. Ихъ було килька и горилы ще тилькы дви ти, що булы перши проты витру. Згорять уси. Людей не було выдно, и тильки собакы па сели пиднялы гвалтъ.

— Це пидпалъ,—сказавъ хтось зъ тыхъ, що тежъ выйшлы зъ вагона.

— Панське добро горыть...

— Туды й дорога!

— Колы не намъ, то й не тоби!

Трублаевычъ оглянувся и побачывъ залыти червонымъ сяевомъ облыччя мужыкивъ. Воны сміялысь.

— А хиба не можна було зробыты такъ, щобъ було и йому й вамъ?—спытавъ винъ.

— Мабуть, що не можна!

— Эге, побалакай зъ нымъ!.. Отака розмова краща. Нехай почухается!..

— А колы-бъ вамъ зробывъ оттаке хто-небудь, биднишый за васъ, щобъ вы сказалы?—спытавъ Трублаевычъ.

— Биднише насъ немае.

— А може й есть... Подумайте.

— Э, що тамъ казать: теперъ такый часъ наставъ, що нычого не розберешъ!—озвався хтось зъ гурта и вси замовклы.

Пойиздъ лыпувъ дали. Трублаевычъ увійшовъ у вагонъ. У його въ очахъ ще стоялы червони жеручы языкы полумья и винъ ще не збувся вражиння блыскучыхъ видъ пожежи очей отихъ людей, що стоялы зъ нымъ на кганку вагона.

Непорозуминня й непорозуминня...

Тяжки непорозуминня.

Винъ зновъ сыдивъ и думавъ свои думкы, а колеса вагона выбывалы:

— Непо—розу—миння!

— Непо—розу—миння!

И такъ безъ кинця.

— Колы-жъ мы вси порозуміемось?—спытавъ Трублаевычъ.

Одповиди не було.

„Некультурный, темный народе, темный одъ верху до нызу, ты звыкъ до тіеи темрявы, звыкъ до тіеи нечысти, що опосила тебе, и ты не почувавъ ихъ. Хто тебе знае, чы ты й теперъ почуваешъ ихъ, колы тебе збужено громамы гарматъ, збужено

тимъ, що выпущено кровъ зъ сотень тысячъ сынивъ твоихъ! Ты тильки почынаешъ ворушытысь и хапаешся за що попало, и бьешъ, и топчешъ ворогивъ и друзивъ своихъ. Ты онъ справляешъ Нероновськи огненни бенкеты и пускаешъ за витромъ добро, скоплене твоимъ же потомъ. А весною у тебе выдохне зъ голоду твоя худоба, и ничымъ буде тоби борозны вывесты на убогій, черезъ твій недогляд̀ъ, нывы! Колы наука просвитыть твій розумъ, бидный народе мій, колы ты навчышся цинуваты прыдбання культуры и власну свою працю?“

И на ци запытання нѐ найшовъ одповиди Трублаѐвычъ.

М. Чернявськый.

(Кинець буде).

На святъ вечиръ.

(Риздвяне оповидання).

Тыхо блымала передъ иконою лампадка. Въ ній догоряли останни крапли олывы, купленои на останни шагы Олександры. Тыхъ крапель не могло постачыты и до першыхъ пивнивъ, и молодыця, спершысь рукою объ лутку свого маленького, вымереженого морозомъ виконця, дывылася зъ тяжкымъ смуткомъ, якъ все тоньшае та тоньшае тонечьке темне кружалко олывы въ лампадци, все ныжче та ныжче спускается гнитъ до воды. На души іи було тяжко, на серци — неспокійно, въ голови — немовъ ти бджолы, гулы—рижни думкы, все невесели.

Скильки памьятала себе Олександра — це була перша Меланка, колы на столи іи лежалы, замисць высокыхъ пшенышныхъ паляныць на опари та вареныкивъ, яшни пырогы зъ немащеною картоплею; першый святый вечиръ, колы въ скрыни не було шага на свичку — першый щедрый вечиръ такый убогый на іи вику.

Що сталося? Якъ могло такъ статыся, що божныця іи буде у таке велыке свято у питьми? Якъ допустыла вона себе до того? Чы справди не було снагы розстараться на якый грывенькъ про свято, чы то тилькы вона, ледача, не схотила розстаратыся?

Молодыця перекынула въ памяти вси дни одъ самого Спаса. Воны булы вси заповнени спишною, негайною працею, клопотамы. Прыгадала вси зароблени копійкы — воны пишлы вси до щенту то на хлибъ, то на оплаткы... Вона допытувала свою совисть щыро, безъ мылосердія, и не знайшла ніякои провыны за собою. И все-жъ такы ця самосповидь не заспокоила іи: порожня лампадка такъ докирлыво мыготила, святи лыкы иконъ такъ сумно чорнилы у куточ-

ку—чы не покарае ще Господь ін та чоловика на диточкахъ ихнихъ за такый грихъ превелыкый? О! чомъ вона хочъ не выпрохала, не выплакала, не позычыла шкляночкы олывы? Чому, дурна, не прырозумила хочъ продать свою зелену хустку, добрячу зелену хустку зъ довгымы жовтымы кытыцямы, ще покійнои матери? Такъ, такъ: вона мала ту хустку продаты, натомисть соби паганьшеньку купыты та ще олывы прыдбаты. Чомъ же вона такъ не зробыла? Чы ій не однаково, якою хусткою вывьязатыся? Чы ій та хустка мылнша за спасеніе души? Хиба збудыть чоловика та послать заразъ зъ хусткою до Мотри? Вона колысь зазырала на ту хустку — хай выминяе теперъ на чорну або карткату, або яку тамъ хоче, а на додачу дасть пляшку олывы. У Мотри йе олыва—у неи все йе: и кинь, и вивци, и сало, и молоко, и... У неи йе все, чого душа забажае. Тай не тилько въ неи... Йе у людей всякого добра такого, щой онукамъ не пожыты... У Мотри нова хата,... велыкый городъ,... у неи повна пляшка олывы... Пoслаты чоловика — хай понесе зелену хустку... хай несе швыдче... На, несы... Заминяй на абы яку... покажы кытыци... яки довги... Гнитъ въ лампадци затрищавъ.

Маты Божа! — кынулася молодыця — це я закуняла мабуть: прыверзлося щось. Авже-жъ такъ, що заснула... Треба посыдиты, поки чысто догорыть. А диточкы, хвалыты Бога, мицно сплять. И Матвій спыть... Хай спыть — хай не бачыть, якъ наша лампадка погасне. Хай спыть — хай сонъ гарный бачыть: сонъ проты Меланкы, неодминно кажуть, справдытся... Хай снятся йому диточкы наши у доброму здоровьячку; хай бачытся йому наша хата зъ свитлымы та велыкымы виконцямы, хай ввыжается нывка зъ высокымъ, густымъ жытомъ, колосыста пшеныця. Ни, накъ, пшеныця хай не снытся: пшеныця, кажуть, навмирущому... Хай снытся йому зеленый степъ, густый перій, шыроки ланы, якъ кылымомъ вкрыти... Ни, и квиты хай не снятся: квиты—на сльозы,— хай найкраще снытся йому сонце, мисяць та ясни зори, хай щебечуть йому птахы рижни, хай лунають писни -- то все проты гарного гостя, проты гарныхъ звистокъ... Звистокъ! Ой Боже мій. Якыхъ то звистокъ ще й на цей рикъ сподиватыся? Чы бажать ихъ, чы хотиты ще й на дали тыхъ звистокъ? Чы не годи? Чы не досыть ихъ? чы то не ти звисткы помутылы мою голову? Чы то не воны лежать на души моій важкымъ каминемъ? Чы то не воны мій спокій збентежылы? Не нашылася, не напрялася — все немовъ весны сподивалася, якъ осинь, якъ пивъ-зимы перейшло не счулася— до святого Вечора не выготовылася. За тымы чуткамы-звисткамы не дойидала, ночей не досыпляла... Чы то-жъ ще не вси

переслухала? А гостя... Якого гостя намъ сподиватыся? Батькы давно въ сырій земли лежать; далека родына не схоче забыватыся, сусида не схоче до порожньои чаркы частуватыся, а божый странныкъ не схоче у святый вечиръ проты темнои халупы нашои зупынятыся. Въ хати заразъ стемніе. Лампадка ледве-ледве блыма... Все неспокійнише, все частише мыготыть вогонь — не постачыть и до пивнивъ... Колы-бъ хочъ трохы... ще трошечыки... хоть чарочку олывы...

И, бачытъ вона, увиходе въ хату чудовый юнака. Винъ въ самій сорочци, але вызброенъ увесь, якъ до бою. Темно-русяви кучери закынути назадъ: ясне высоке чоло безъ жодного зморщечка сяе; горлыный, якъ выточеный, нисъ; блиди, склеплени, тонки уста опущени зверху темнымъ вусомъ. Блакытни, велыки, ясни очи дывлятся такъ прыязно, такъ любо..... Винъ увійшовъ певнымъ крокомъ людыны, що прынесла добру звистку; увійшовъ такъ тыхо, якъ увиходе хиба маты въ кимнату, де сыдять іи диточкы; винъ увійшовъ такъ смилыво — немовъ бы у свою власну оселю.

Въ одній руци винъ трымавъ велыку сулію; въ другій — блескучу хрусталеву шкляпку.

— Я прынисъ тоби олывы — мовывъ красунь такъ прыязно та любо, немовь то самъ янголъ зъ неба обизвався.

— Спасеть тебе Господь, добрый чоловиче,—зрадила молодыця.—Налый-же мени повну лампадку, колы твоя ласка, щобъ постачыло и на завтра на весь день свитыты.

— Я всимъ одмиряю одніею миркою — стыха видмовывъ юнака.

— Дай скилькы можешъ, скилькы хочешъ, и хай Богъ благословыть тебе за те, що не помынувъ ты моеи хаты.

По блидимъ устамъ красуня промайнула гирка ухмилка, въ очахъ видбывся невымовный смутокъ. Винъ сумно похытавъ головою.

— Я чымсь розгнивыла тебе? — злякалася молодыця. Пробачъ, мій жаданный гостю! Пробачъ, не гнивайся! Зведы свои ясни очи, обизвыся словомъ, стань такымъ прывитнымъ, якымъ увійшовъ до мене. Юнака тяжко зитхнувъ.

Ты пробачышъ мени? Ты гниваешся! Такъ скажы-жъ хочъ, за вищо? Дай мени спокутуваты мою тяжку провыну передъ тобою.

Навищо ты подякувала мени, необачно сестро? — мовывъ сумно та докирлыво красунь. Завишо ты такъ тяжко образыла мене? Ты подякувала мене за те, що я не мынувъ твоеи хаты

але-жъ хыба ты десь не чула ничого? Не знаешъ? хыба я можу помынуты чыю небудь хату? Чы то я не за кожну однаково душу носывъ довги рокы кайданы? Чы то я не однаково всимъ вамъ, кревнымъ, виддавъ на офиру серце свое?

И красунь розирвавъ тенетку и оголывъ передъ молодыцею груды, а заразомъ и серце свое.

Все покраене, поколоте, покрыте выразкамы, зъ якыхъ ще капотила кривъ, воно, знесылене, тильки-тильки тьопалося, тильки-тильки що жыло.

— Братику ридный! Мученыку безталанный!.. Молодыця прыпала до найглыбшои выразкы, и дыво! серце раптомъ швыдко забылося, кривъ перестала капотиты.

— Я поверну до жыття твое серце, я згою вси твои выразкы, мій братику ридный! — мовыла безъ миры осчаслывлена такымъ дывомъ молодыця и, ухопывшы свою зелену — чудову зелену, зъ довгымы кытыцямы, хустку, замырылася вже розирваты іи на двое, щобъ перевьязаты покривавлени груды юнакы.

— Не треба, не треба! — спынывъ іи красунь. Твое едыне слово: „братъ“ найцилющиши ликы всихъ знахаривъ земли. Те слово, дорогше мени за волю, за жыття; за те слово я здатенъ знову закуты свои рукы въ кайданы, здатенъ вси мукы перетерпиты наново вдруге. Дай-же мени куды одмиряты тоби масла. Я загаявся у тебе, а мени треба всихъ надилыты.

Молодыця подала лампадку. Юнака пиднявъ вгору сулію, пиднявъ свою крышталеву чарку, ставъ налываты.

Дывысь, дывысь: якась темна краплына ныкае по денцю въ пляшци — показала молодыця на сулію, де справди насподи чорнило якесь пьятенце.

— Це кривъ, — видповивъ юнака.

Кривъ?.. Скризь кривъ — стильки крови. Скризь твоя неповынна кривъ, мій мученыку!

Красунь похытавъ головою:

— Ни, то не моя кривъ. Моя кривъ — блида, свитла, чыста, а це — темна, важка кривъ тихъ, що жывотилы весь викъ вашымъ кривавымъ потомъ, годувалы дитей своихъ вашою працею, свитылы зъ вашого воску свичкы по святыхъ храмахъ. Це йихня олыва — вона ваша. Я взявъ іи у йихъ за-для васъ, — але взявъ зъ бою, и ця краплына крови ихньои.

— Геть! геть... одійды! я не хочу твоеи олывы! — крыкнула молодыця. Геть! я бачу кривъ на твоихъ рукахъ, я чую, якъ кривъ душыть зъ твоеи блескучои чаркы.

— Я прыйшовъ за тымъ, щобъ всихъ надилыты, и я налью тоби...

— Не треба, не треба — хай краще гасне моя лампадка.

— Ты не бачыла, не знаешъ, якъ ясно моя олыва горыть, а колы я налью та запалю...,—ставъ щыро умовляты юнака.

Не треба, не треба! — перехопыла ричъ гостя молодыця и простягла свою руку, щобъ не допустыты його до своеи лампадкы.

Чоло красуня насупылося, вздовжъ його лягла глыбока зморшка, въ очахъ блыснула гризна искра, зъ усихъ выразокъ серця потекла кривъ...

— Божевильна! Чы на те я виддавъ серце свое на мукы, щобъ ты сыдила у святый вечиръ безъ свитла? Чы на те поспишався до тебе, щобъ покынуты тебе у питьми? Я сылою налью тоби олывы, — мовывъ юнака и, одипхнувшы геть молодыцю, заповнывъ до верху лампадку.

Вона спалахнула, немовъ сотня гнотивъ вразъ занялася, и вся хатына до останнього куточка у пидпиччи освитылася, якъ у день.

— Загасы, о загасы іи — це кривъ горыть передъ святою иконою!—кынулася навколишкы передъ красунемъ молодыця и... прокынулася.

Лампадка давно погасла. Въ хати було темно.

До смерти перелякана Олександра кынулася до чоловика розсказуваты йому свій сонъ.

— Не бійсь, дурненька, — то нечыста сыла наши злыдни спокушае.

Гараздъ, що ты не поласылася: диждемо, допоможе Господь, олывы и безъ крови, — мовывъ зъ певнистью Матвій и, осинывшы велыкымъ хрестомъ вси куткы своеи темнои хаты, додавъ жинци: лягай та спы безпешно: мени снылося—наче свитова зирка зійшла.

Л. Яновська.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Опытъ обязательнаго обученія козацкихъ дѣтей грамотѣ въ Лубенскомъ полку, въ 1762 году. Въ одной изъ указныхъ книгъ Роменской протопопіи XVIII вѣка мы нашли интересный указъ Кіевской дух. консисторіи, отъ 17 декабря 1762 года, священникамъ Роменской протопопіи, послѣдовавшій вслѣдствіе жалобы на священниковъ Лубенскаго полка со стороны Лубенскаго полковника Ив. Кулябки. Этотъ полковникъ писалъ Кіевскому митрополиту Арсенію Могилянскому, что въ полку Лубенскомъ опредѣлено имъ полковникомъ и утверждено гетманомъ Разумовскимъ, чтобы дѣти выборныхъ и подпомощниковъ козаковъ,—„а ихъ (дѣтей?) де выбрано и нинѣ выбирается до трехъ тысящъ",—обучались чтенію и письму у приходскихъ дьячковъ. Такимъ учительнымъ дьячкамъ обѣщана особая, по договору съ прихожанами плата, кромѣ ручнаго дохода. А между тѣмъ нѣкоторые сельскіе и городскіе священники Лубенскаго полка, какъ жаловался на нихъ полковникъ Кулябка, препятствуютъ этому благому начинанію: одни изъ нихъ употребляютъ дьячковъ на свои частныя работы и распоряжаются ими, какъ своими подданными, отвлекая отъ занятій въ приходскихъ школахъ; другіе умышленно, по своимъ прихотямъ, смѣняютъ своихъ дьячковъ, безъ вѣдома и согласія прихожанъ, назначая на дьячковскія мѣста своихъ сыновей, неспособныхъ къ церковному пѣнію и школьному обученію дѣтей. По резолюціи митрополита, Кіевская дух. консисторія сдѣлала соотвѣтственное предписаніе священникамъ Лубенскаго полка, чтобы они не употребляли дьячковъ въ свои частныя работы и не смѣняли ихъ безъ вѣдома и согласія прихожанъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ о благопріятныхъ результатахъ просвѣтительныхъ стремленій Лубенскаго полковника. Да едва ли и были такіе результаты.

Нужно замѣтить, что въ первой половинѣ XVIII вѣка причетники въ Малороссіи не принадлежали къ духовному сословію, а были какъ бы вольнонаемными, опредѣлявшимися изъ сословій козацкаго, мѣщанскаго и крестьянскаго. Но этотъ порядокъ опредѣленія малорусскихъ причетниковъ имѣлъ свои значительныя невыгоды. Дьячки, пономари и ктиторы, избираемые изъ низшихъ сословій, всегда могли быть отняты у приходской церкви и возвращены въ первобытное состояніе. Такъ и бывало на самомъ дѣлѣ. Въ первой половинѣ XVIII вѣка въ Переяславской епархіи былъ такой случай, что въ одно прекрасное утро всѣ церкви Переяславскаго полка остались безъ причетниковъ и ктиторовъ, которые, будучи изъ козаковъ, всѣ потребованы были Переяславскимъ полковникомъ, по его капризу, къ дѣйствительному выполненію козацкой службы. Въ виду подобныхъ случаевъ, малорусскіе преосвященные стали назначать въ причетники и ктиторы, неиначе, какъ съ дозволенія и по увольнительнымъ свидѣтельствамъ отъ козацкой старшины, мѣщанскихъ обществъ и помѣщиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали заботиться объ образованіи обособленнаго духовнаго сословія, изъ котораго можно было бы получать причетниковъ, независимыхъ отъ козацкой старшины, городскихъ и сельскихъ обществъ и помощниковъ. Этого они достигли путемъ прикрѣпленія дѣтей духовенства къ духовному сословію и обязательнаго привлеченія ихъ къ священно и церковно-служительскимъ должностямъ. Дѣти духовенства, обязанные учиться въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, обыкновенно опредѣлялись въ причетники и могли достигать впослѣдствіи священническаго и діаконскаго сана.

На этой стадіи развитія духовнаго сословія въ Малороссіи и застаетъ его жалоба Лубенскаго полковника Кулябки на священниковъ его полка, что они устраняютъ выборныхъ прихожанами причетниковъ и назначаютъ въ дьячки своихъ сыновей, т. е. замыкаютъ церковный причтъ въ тѣсныя рамки духовнаго сословія. Поэтому, нельзя вполнѣ довѣрять и свидѣтельству полковника Кулябки, будто бы нѣкоторые священники назначали дьячками такихъ сыновей своихъ, которые оказывались недостойными этого званія, вели ненравственную жизнь и не способны были къ церковному пѣнію и школьному обученію. Вѣдь сыновья священниковъ, поступившіе въ дьячки, большею частію были изъ школьниковъ, получившихъ болѣе высокое образованіе, чѣмъ начетчики изъ простого народа. Жалоба полковника Кулябки была лишь проявленіемъ сословной борьбы козачества съ формировавшимся духовнымъ сословіемъ.

Но духовное сословіе въ Малороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка настолько уже расплодилось, что при Екатеринѣ II оказалось

нужнымъ сдѣлать разборъ и малорусскому духовенству и очистить его отъ излишнихъ и ненужныхъ ему силъ. Слѣдовательно, усилія полковника Кулябки и вообще козаковъ остановить ростъ духовнаго сословія остались безплодными и не могли имѣть тѣхъ благихъ послѣдствій для общенароднаго образованія, какихъ онъ ожидалъ или какими прикрывался въ своихъ жалобахъ на мѣстное духовенство Кіевскому митрополиту.

Приводимъ самый указъ, къ сожалѣнію въ копіи, не чуждой описокъ и ошибокъ.

Н. П.

„Того декабря 15 писменно заручная Преосвященного Арсенія, архіепископа митрополита Кіевского, Галицкого Малия Россіи на мнѣніе духовной консисторіи состоялась резолюція такова: понеже въ писмахъ господина полковника Лубенскаго Іоана Кулябки, къ его преосвященству присланыхъ, объявляется, что въ полку Лубенскомъ, въ наблюденіе православного закона и къ способнѣйшему впредъ указнихъ велѣній исполненію, виборнихъ и подпомощниковъ козаковъ дѣти,—а нихъ де вибрано и нинѣ вибирается до трехъ тысящъ,—книжного чтенія и писанія, по учрежденію его господина полковника и по високой его сіятельства графа, ясновелможного господина гетмана, сенатора, генерала фелтмаршала и многихъ ординовъ кавалера, апробаціи, обучаться; находящіись же де въ полку Лубенскомъ нѣкоторіе мѣскіе и сельскіе священики, какъ съ представленіи сотскихъ старшинъ дойшло ему полковнику вѣдать, дячковъ во всѣ свои привати, поиздки и посилки употребляютъ, работая оными какъ би своими подданими безпрестанно, и тѣмъ въ обученіи козачихъ дѣтей причиняютъ немалую остановку и помѣшателство, а болше де того ежечастими тѣхъ дячковъ безъ вѣдома и согласія парохіянъ, по označнимъ своимъ прихотямъ, умишленно перемѣнами пересѣкаютъ и вовся козачихъ дѣтей ученіе; и при томъ по представленію сотника Курѣнского Івана Стефановича въ полковую Лубенскую канцелярію показано, что протопопіи Пирятинской намѣстникъ Курѣнскій Павелъ и братъ его Андрей Петрановскіе со обществомъ прихожанами наставленного дяка Григорія Губаровского, которий де къ пѣнію церковному и къ пилности ученія дѣтей дѣйствително годится и содержалъ себе всегда постоятелно, завзявъ гнѣвъ и злобу, чтоби какъ сиповъ своихъ въ то званіе вомѣстить, потоль на него гонили гоненіе, пока онъ принужденъ отъ того званія устрониться, и такимъ де средствомъ оние священники къ тому дяковскому званію каждий синовъ своихъ, якіе къ пѣнію неискусни, якъ и обученію дѣтей, за безпрестаннимъ иянствомъ, а къ

тому неприлѣжаніемъ, крайне не годятся, учредили, которіе де, не помѣстясь во двоихъ въ единой школѣ и завзявъ между собою ссоръ, оставя школу въ пустѣ, живутъ по своимъ домамъ; вибрание же ради обученія книжного малчики когда къ нимъ дякамъ поповичамъ прійдутъ на обученіе, то они и не обучая книжного чтенія употребляютъ въ домашнія послуги; за какимъ де непорядкомъ священниковъ оние козачие дѣти принуждени оставаться безъ ученія; и для того просилъ онъ господинъ полковникъ во всѣ протопопіи полку Лубенского сrогия притверженія учинить, чтобъ меские и сѣлскіе священники дячковъ ни въ какие свои посилки и поездки з собою ни з домашними ихъ отнюдь не употребляли и оних по однимъ своимъ прихотямъ, безъ вѣдома и согласія парахіанъ, ни подъ какимъ видомъ не перемѣняли, да и въ обученіи козачихъ дѣтей писменой грамоти, даби они того напрасно лишаться не могли, и малѣйшаго препятствія и помѣшателства имъ не чинили, якожъ де они дячки за таково обученіе имѣютъ получать себѣ настоящую по договору, сверхъ ручного приходу, отъ прихожанъ постановленого, заплату.

Духовного же Регламента въ правилномъ прибавленіи о презвитерахъ, подъ числомъ 21, что касается до прописаного обявленихъ намѣстника Павла и брата его Андрея поступкахъ, запрещено при церквахъ попамъ, не припуская во церковники чужихъ, своими синами или сродниками мѣстъ того служенія зачислять, кромѣ иныхъ, благословнихъ винъ, для того найпаче, что тако удобнѣе попу неистовствовать, о служеніи и порядкѣ нерадѣть и расколниковъ покривать, и того ради повелѣно епископамъ весма зло сіе пресѣкать, а противное творящихъ поповъ жестоко наказивать; почему буди означеніе намѣстникъ Павелъ и братъ его Андрей Петрановскіе гоненіемъ своимъ на дячка Григорія Губаровскаго его дячка принудили устраниться, а къ тому дяковскому званію синовъ своихъ учредили, то тое ими священниками въ противность духовному Регляменту учинено, и тому, буди оное по изслѣдованіи точно такъ явится, пресѣкти должно. Для того его преосвященства консисторіи велено де по усмотренію своему кому изъ духовнихъ о томъ онихъ намѣстника Павла и брата его Андрея дѣйствіи надлежащее слѣдствіе произвесть, и потомъ духовной консисторіи разсмотря съ мнѣніемъ его преосвященству представить.

Что же касается прошенія полковника о притвержденіи, даби меские и селскіе священники дячковъ по однимъ своимъ прихотямъ, безъ вѣдома и согласія парохіянъ, ни подъ коимъ видомъ не перемѣняли, толко оние представляются для доброго дѣла, означенного въ

обоихъ его полковника писмахъ, и въ разсужденіи сего, что кромѣ того предъ симъ и отъ нѣкоторихъ епархіи его преосвященства дячковъ, и по слѣдствію явилось, что нѣкоторые священники сами собою безъ общого прихожанского на то соизволенія и безъ всякой вини дячковъ отставляли и на мѣсто ихъ сродниковъ своихъ опредѣляли, для того духовной консисторіи нинѣ въ предосторожность въ полку Лубенскомъ находящимся священпикамъ учинити подтвержденіе, чтобъ они безъ вѣдома и согласія парохіянъ дяковъ не перемѣняли. Тако жъ что надлежитъ и до употребленія священниками дячковъ во свои привати и поѣздки и посилки, о томъ хотя его преосвященству отъ дячковъ никакихъ прозбъ, слѣдственно никакого извѣстія нѣтъ, однако жъ и о томъ во предосторожность же священникамъ потвердить, даби то, если гдѣ оказалось, всесовершенно пресѣчено было, и впредь того происходить не имѣло. А даби школьники по школамъ безъ пашпортовъ священническихъ, при коихъ они въ школахъ были, приниманни не были, о томъ въ пресѣченіе, по требованію его полковника, указами Ея Імператорскаго Величества протопопамъ съ правленіями изъ духовной консисторіи для распубликовання вѣдомства ихъ священникамъ притвердить же.

Во исполненіе которой его преосвященства писменной заручной резолюціи, по опредѣленію духовной консисторіи, оной Ея Імператорскаго Величества указъ изъ духовной консисторіи въ духовное Роменское Правленіе для вѣдома и дѣйствителного исполненія и честностямъ вашимъ распубликованія и присланъ.

О колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговской губерніи. Всѣмъ извѣстно, въ какой сильной степени отражались измѣненія общественнаго строя малорусскаго народа на его пѣсняхъ. Всѣ главнѣйшія событія изъ жизни народа порождали новыя пѣсни и думы, начиная по крайней мѣрѣ отъ отдаленнаго IX вѣка и оканчивая событіями новѣйшаго времени, какъ напримѣръ—войной съ Китаемъ, о чемъ пѣсня въ свое время была приведена на страницахъ „Волыни". Историческія пѣсни малорусскаго народа—это „поэтическая исторія общественныхъ явленій въ Южной Руси", какъ свидѣтельствуетъ М. Драгомановъ. Въ нашихъ селахъ и хуторахъ молодежь и понынѣ распѣваетъ тѣ пѣсни (б. ч. щедривки и колядки), въ которыхъ разсказывается о событіяхъ вѣка дружиннаго и княжескаго. Въ извѣстномъ сборникѣ Вл. Антоновича и М. Драгоманова приводится множество пѣсенъ вѣка дружиннаго и княжескаго. Въ настоящей замѣткѣ мнѣ хочется остановиться на одной изъ такихъ пѣсенъ, помѣщенной на страницѣ 22 названнаго

сборника подъ заглавіемъ „*Князь и сыновья его на удѣлахъ*“, и присоединить сюда нѣсколько новыхъ пѣсенъ того-же характера, слышанныхъ мною въ м-чкѣ *Воронежѣ*, *Черниговской губерніи*, *Глуховского уѣзда*, отъ моей матушки, бывшей крѣпостной крестьянки г. Чуйкевича, друга знаменитаго писателя П. А. Кулиша. Въ „Зап. о Ю. Руси“ (т. I. 196) П. А. Кулишъ приводитъ такую щедривку о *князѣ и сыновьяхъ его на удѣлахъ*..

Славенъ, славенъ да панъ NN.
Щедрый вечиръ!
Ой чымъ же винъ славенъ?—Трома городамы.
Щедрый вечиръ!
Трома городами, *своимы сынамы*
Щедрый вечиръ!

Потомъ, говоритъ г. Кулишъ, слѣдуетъ исчисленіе городовъ, которыми обыкновенно бываютъ: Кіевъ, Черниговъ и тотъ городъ, который ближе къ селу. Сыновья сидятъ въ городахъ и каждый имѣетъ свою заботу: одинъ собирается на войну, другой на охоту, третій на свадьбу; къ сожалѣнію *я не помню словъ этой щедривки*, слышанной мною въ дѣтствѣ подъ окнами родительскаго дома (въ Черниговской губ., въ Глуховскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Воронежѣ), но каждый согласится, что она *изображаетъ князя и его сыновей на удѣлахъ*“.

Родившись въ томъ же м-чкѣ Воронежѣ, Черниговской, губ. и проведя въ немъ, такъ же какъ и Кулишъ, свое дѣтство, я тоже неоднократно слышалъ эту щедривку подъ окнами родительскаго дома и даже самъ распѣвалъ ее въ компаніи своихъ сверстниковъ подъ окнами сосѣдскихъ домовъ, но я никогда не слышалъ, чтобы въ этой щедривкѣ говорилось что-нибудь о сыновьяхъ удѣльнаго князя.

Чтобы не быть голословнымъ, привожу цѣликомъ самую щедривку такъ, какъ поется она у насъ въ м-чкѣ, и можетъ услышать ее всякій интересующійся даннымъ вопросомъ:

Славенъ, славенъ молодець NN
Щедрый вечоръ, щедрый вечоръ!
Ой чимъ же винъ славенъ?—Трома городами.
Трома городами, *своимы слугамы*
Щедрый вечоръ (2 раза)
Слугы мои молодыи (щ. в.)

Запрягайте кони вороныи (щ в.)
Пойидемо у Міръ-городъ (щ. в.)
У Міръ-городъ у Міръ землю (щ. в.)
Визьмемъ соби помиряночку (щ. в.)
Помиряночку, короливнычку (щ. в.)
Отцу, матери на послужечку (щ. в.)
Мени молодому на подружечку (щ. в.)
Отцу матери слуга буде (щ. в.)
Мени молодому пара буде (щ. в.)
Отцу, матери дило робыты (щ. в.)
Мени молодому въ гости ходыты (щ. в.)
Ой бувай здоровъ славный козаче! (щ. в.)
Славный козаче молодець NN
Не самъ съ собою, съ отцомъ съ матерью (щ. в.)
Съ мылымъ Богомъ, съ усимъ родомъ
Щедрый вечоръ, щедрый вечоръ!...

Такъ поется эта пѣсня у насъ въ м-чкѣ, на родинѣ Кулиша. Другой какой-нибудь подобной у насъ теперь не знаютъ. Какъ видитъ читатель, здѣсь рѣшительно ничего не говорится ни о князѣ на удѣлахъ, ни о его сыновьяхъ.

Приведу кстати и другія щедривки и колядки, которыя поются молодежью у насъ въ м-чкѣ Воронежѣ и по настоящее время.

Наканунѣ Новаго года дивчата гурьбами отправляются щедровать. Подошедши къ окну сосѣдской избы, одна изъ дѣвушекъ стучитъ пальцемъ въ обмерзшее стекло и спрашиваетъ:

— Хозяинъ дома?
— Дома!—доносится отвѣтъ.
— Благословить щедровать!
— Щедруйте!

Впрочемъ иногда хозяева соглашаются не сразу и на предложенія: „благословить щедровать!“ отвѣчаютъ:

— Ничимъ дарувать!
— Якъ це ничимъ?
— Грошей нема.
— Чому-жъ це у васъ грошей нема?
— Не заробылы!
— Чомъ-це вы не заробылы?
— Да щедруйте вже, — що зъ вамы робыть!

— Кому?
— „Нашій дивчыни!“

Дѣвушки поютъ:

Ой въ са̀ду, въ са̀ду
Са̀ду выноград̀у (щедрый вечоръ 2 раз.)
Тамъ стояла
Билая береза,
Билая береза,
Тонка высока,
Тонка высока
Лыстямъ шырока.
Що на тій берези
Кора золотая
Кора золотая
Жемчужная роса.
Де не узялыся райськіи пташкы
Обдзьовбалы золотую кору
Золотую кору.
Жемчужную росу
Крылечкамы обтрепалы.
Де не узялася дивка Пронечка
Позбирала тую
Золотую кору,
Золотую кору
Жемчужную росу
Понесла вона къ золотарыкамъ.
Золотарыкы мои братикы!
Искуйте мени тры кубочка,
Тры кубочка, тры нарядочка.
Первый кубокъ — отцу-матери,
А другой кубокъ брату та сестри,
А третій кубокъ мылому та мени.
Отцу-матери — шумное пыво,
Братику та сестри зеленое выно,
Мылому та мени
Солодокъ да медокъ.
Да бувай здорова, красная пани,
Красная пани

Дивка Пронечка!
Добрый вечоръ!..

Подъ другимъ окошкомъ поютъ другую щедривку:

Що въ Кыиви да на рыночку (Щедрый вечоръ)
Тамъ Маруся садъ садыла
Садъ садыла, говорыла: (щ. в.)
Росты саду выше мене,
Выше мене, краще себе (щедр. вечоръ)
Щобъ яблучка—буйнесеньки,
А оришкы—дрибнесеньки (щ. в.),
А ягодкы—краснесеньки (щ. в.)
Яблочкамы—пидкыдатыся,
Оришкамы—забавлятыся (щ. в.),
Ягодкамы—красоватыся (щ. в.),
Да бувай здорова, красная пани!
Красная пани, дивка Маруся!

Приведу еще одну щедривку, въ которой черезвычайно сильно подчеркивается грѣховность нелюбовнаго и непочтительнаго отношенія къ родителямъ:

Сивъ Исусъ вечеряты (щедрый вечоръ, 2 раза)
Прышла къ ему Божая маты (щ. в.)
Покынь, сынку, вечеряты (щ. в.)
Возьмы, сынку, райськи ключы (щ. в.)
Одомкны, сынку, рай и пекло (щ. в.)
Повыпускай, сынку, гришніи душы (щ. в.)
А одной душы не выпускай, сынку (щ. в.)
Одна душа согришыла: (щ. в.)
Отця матеръ полаяла (щ. в)
Не полаяла—подумала... (щ. в.)
Ой бувай здоровъ,
Пане господаре
Не самъ съ собою
Съ своею женою...
Вечоръ добрый!..

Вечеромъ наканунѣ Рождества у насъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Украйны, молодежь распѣваетъ подъ окнами хатъ колядки. Однѣ изъ

нихъ позднѣйшаго характера и носятъ шутливый характеръ, другія же несомнѣнно являются памятниками сѣдой старины,—вѣка дружиннаго и княжескаго.

Вотъ варіантъ колядки, „Боярське святанье“, помѣщенный въ сборникѣ Антоновича и Драгоманова:

Ой рано, рано куры запилы
Святый вечоръ!
Ще ранійшъ того Иванко уставъ,
Лучкомъ позвонывъ,
Бративъ побудывъ.
Ой вставайте, братци, коней сидлайте!
Коней сидлайте, хортивъ склыкайте!
Мы пойидемъ на ловы
Въ зелени дубровы
Ой тамъ навидавъ куну въ дереви,
Куну въ дереви, дивку въ тереми,
Хай же вамъ, братци, всимъ по куныци,
А мени молодому дивка въ теремци.
Вечоръ добрый!

Въ слѣдующей колядкѣ сюжетъ тотъ-же самый.

А въ пана въ пана—хазяина
Святый вечоръ
Передъ дверыма стоить калына,
Пидъ калыною Егорко ходывъ,
Егорко ходывъ рученьки ломывъ,
Рученькы ломывъ, батенька просывъ:
„Ой, тату, тату, ожены мене,
Ожены мене, не бары мене“
„Ой, сынку, сынку, кого-жъ ты любышъ?
„Я тую люблю, що пидъ сонцемъ ходыть
Ой, сынку, сынку, тожъ намъ неровня,
Тожъ намъ неровня, то-жъ короливна.
А сватай, сынку, Кузьмыну дочку,
Кузьмыну дочку, дивку Пронечку.
Ой тожъ намъ ровня—не короливна“.
Да бувай здоровъ, славный козаче!
Славный козаче молодець Егорко!
Святый вечоръ!..
Вечоръ добрый.

Въ заключеніе, еще одна колядка шутливаго характера:

„Колядынъ, колядынъ,
Святый вечоръ
Я въ батька одынъ.
Дайте ковбасу,
Батьку понесу.
Дайте кишечку,
Изйимъ въ затышечку.
Маты казала,
Шобъ прынисъ сала.
Батько сварывся,
Щобъ не барывся!..
Вечоръ добрый!.,

Населеніе нашего (Глуховскаго) уѣзда, находясь въ непосредственномъ соприкосновеніи съ великороссами, живущими за р. Клевенью, и съ бѣлоруссами, живущими за Десной, въ новгородсѣверскомъ уѣздѣ, пріобрѣло нѣкоторыя новыя особенности языка, нарушившія его первообразную классическую чистоту; забылись даже нѣкоторыя старинныя малорусскія слова, какъ напримѣръ—куна, хортъ и др., но всѣ старыя пѣсни съ не совсѣмъ понятными словами твердо держатся въ народной памяти, и въ настоящій моментъ, какъ и сотни лѣтъ тому назадъ, поются въ торжественныхъ случаяхъ крестьянской трудовой жизни. Въ этомъ отношеніи нашъ уѣздъ, какъ давнишній рубежъ Украйны, можетъ служить блестящимъ примѣромъ того, что жива и крѣпка словесность малорусскаго народа и что всѣ частушки и лакейскія новѣйшія пѣсни, искусственно прививаемыя солдатчиной, теряются, какъ негодная шелуха, исчезаютъ, какъ волны и пѣна, нисколько не затрагивая крѣпкаго народнаго ядра, мощной толщи народной.

Иванъ Абрамовъ.

Къ исторіи взаимныхъ отношеній малороссійскихъ свѣтскихъ и духовныхъ властей въ XVIII вѣкѣ. Данныя, оставшіяся намъ въ наслѣдіе отъ 18 вѣка, съ несомнѣнностью убѣждаютъ въ томъ, что въ то время между свѣтскими властями Малороссіи и духовенствомъ существовали, вообще говоря, отношенія непріязненныя. Вотъ тому лишнее доказательство.

Въ самомъ началѣ 1730 г. архіепископъ черниговскій Иродіонъ Жураковскій (1722—1733 г.г., ум. 1736 г. на покоѣ), и епископъ переяславскій Іоакимъ Струковъ (1727—1730 г.г, ум. 1742 г. на Воро-

нежской каѳедрѣ) сообща подали въ синодъ жалобу на дѣйствія малороссійскихъ свѣтскихъ властей. Пункты жалобы таковы: 1) съ 1729 г. гетманъ Даніилъ Павловичъ Апостолъ (1727—17 Января 1734 г.г.) установилъ съ духовенства „сборы такіе, каких за прежных гетманов не собирано“; къ тому же 2) „зборщики зѣло о дачѣ зборов стужают“; 3) гетманъ „мимо архіереев“ „в разных дѣлах и церковных церемоній отправленіях, яко то молебнов и протчего“ „своими указами черезъ полковниковъ и сотниковъ“ „духовных управителей турбуетъ“. Послѣднее обстоятельство особенно не нравилось архіереямъ, и потому они съ особенною настойчивостью просили: „дабы гетманъ въ пересылкѣ указовъ о чемъ либо насъ и подчиненных наших не вѣдал и указовъ не присылал“. Другая жалоба послана была 13 января 1730 г. въ синодъ отъ духовенства Черниговской епархіи, за подписями архіепископа Иродіона, 2 архимандритовъ, 6 игуменовъ, 1 протопопа и 4 священниковъ—намѣстниковъ. Въ этомъ прошеніи синоду черниговское духовенство жаловалось на слѣдующее: „Мимо его преосвященства старшини здешніе мирскіе инимъ намъ делаютъ молебни отправлять, иныхъ по дѣламъ своимъ влекутъ к совѣтамъ в канцеляріи по земскимъ дѣламъ, которіе до насъ не надлежать, со всѣхъ же обще требуютъ зборовъ, и інная ісполняти повелѣваютъ на немалое наше затрудненіе, и против прежняго в знатную обиду“. Прошеніе заканчивается просьбой оказать „таковую милость“: „дабы впредь о молебствіи ль, о подате ли, и о чемъ либо точиомъ, до насъ духовенства быти имущемъ“ „мірским властем мимо“ синода и архіерея „не вѣдать“. Наконецъ, еще одно прошеніе черниговское духовенство подало на имя императора Петра Второго. Оно всецѣло было посвящено протесту по поводу новыхъ сборовъ, взимаемыхъ съ духовенства—„противъ пунктовъ Богдана Хмельницкого“. (Моск. Арх. м-ства юстиціи, дѣла сената по малоросс. экспедиціи, № 78—1805).

Вл. П—ко.

Заговоръ отъ бешихы записанъ въ д. Ново-Александровкѣ, Бахмутскаго уѣзда Екатеринославской губ. Господи Сусе сине Божий, стань на поміч. Як був собі пустий чоловічище, та заняв собі пусте постановище; та зробив собі пустий чоловічище пусте плужище; та впорав пустий чоловічище пусте постановище[1]; та посіяв пустий чо-

[1]) Нива—тобъ-то, як розъяснюе шептуха.

ловічище пусте пшеничище; та скосив пустий чоловічище пусте пше, ничйще; та повіз пустий чоловічище у пусте млинище; та змолов пустий чоловічище пусте пшеничище; та спік чоловічище пусте коржище. Та розійдись бех і ти бешишице од стрібне од ридне, трудове, рудове тут тобі не стояти, жовтоі кости не ломати, червоноі крови не розбивати. Іди собі на очерета, та на болота, де вітеръ не віе і собаки не брешуть. Амінь.

Щоб помоглось, то треба пошептать три рази по девять. Шепчуть зорями: у вечорі і до схід сонця. Як у останній раз шепче, то подуе на бешиху і скаже: Ти духни, Спаситель, своім духом.

(Записано 19 студня 1905 року).

Текущія извѣстія.

Некрологъ. 12-го января въ Москвѣ скончался послѣ продолжительнаго недуга извѣстный ученый, профессоръ Московскаго университета, *Николай Ильичъ Стороженко*. Имя покойнаго пользовалось такой громкой славой ученаго не только у насъ, но и заграницей, такой почетной извѣстностью профессора-человѣка, что утрата Н. И. Стороженка болью отзовется въ серцахъ всѣхъ, кому дороги истинныя блага родины. Нашъ журналъ, связанный духовно съ почившимъ нашимъ сотрудникомъ, съ удвоенной грустью помѣщаетъ эти строки: мы потеряли въ немъ, подобно всѣмъ, не только крупную ученую силу,—мы лишились одного изъ крупнѣйшихъ представителей защиты нашихъ украинскихъ культурно-общественныхъ задачъ, а въ частности изслѣдователя нѣкоторыхъ, наиболѣе трудныхъ, страницъ въ жизни Т. Шевченка и его кружка. За нѣсколько дней до его кончины мы получили отъ покойнаго его новогодній подарокъ журналу--статью подъ заглавіемъ „Кирилло-Меѳодіевскіе заговорщики“. Письмо, сопровождавшее эту статью, свидѣтельствовало о его крайне болѣзненномъ состояніи здоровья, т. к. оно писано не его рукой, а подъ диктовку, и грустными нотами вѣетъ отъ его содержанія. Эта посмертная статья Н. И. Стороженка будетъ нами напечатана въ слѣдующемъ номерѣ; тогда-же мы посвятимъ почетной памяти его особую статью.

Памяти украинскаго дѣятеля Романа Сембратовича. Въ концѣ минувшаго года получена была грустная вѣсть о смерти молодого украинскаго дѣятеля Р. Сембратовича. Памяти его посвящены были

прочувствованныя строки, написанныя И. Стешенкомъ (Кіев. Откл. № 348), выдержки изъ которыхъ мы здѣсь помѣщаемъ.

„Что можно сказать для характеристики Сембратовича, какъ общественнаго дѣятеля? Ничего лучшаго и болѣе характернаго, какъ то, что онъ былъ редакторомъ „Ruthenishe Revue“.

Что такое названный журналъ по своимъ цѣлямъ и содержанію? Этотъ органъ, издаваемый въ Вѣнѣ на нѣмецкомъ языкѣ, посвященъ защитѣ украинскихъ интересовъ. Онъ имѣлъ, до сихъ поръ, цѣлью показать Европѣ и всему міру, что существуетъ украинскій народъ, что онъ обиженъ въ самыхъ элементарныхъ правахъ.

Какъ высока начертанная задача этого органа и какимъ громаднымъ подспорьемъ являлась его дѣятельность въ борьбѣ за свободу Украины, говорить излишне. И эту важную, эту трудную задачу въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выносилъ на своихъ слабыхъ плечахъ одинъ Сембратовичъ. За эти нѣсколько лѣтъ онъ для выполненія своей задачи сдѣлалъ много, слишкомъ много.

Въ рядѣ статей, написанныхъ его немногочисленными сотрудниками, а больше имъ самимъ, Сембратовичъ познакомилъ міръ со всѣми характерностями украинскаго движенія, со всей душой родного народа. Литература, искусство, экономическая и общественная жизнь и всѣ другія проявленія духовной и матеріальной мощи Украины нашли себѣ прекрасное выраженіе въ нѣмецко-украинскомъ органѣ.

Но главной струной, на которой игралъ Сембратовичъ, чтобы затронуть лучшія чувства міровыхъ дѣятелей въ пользу Украины, былъ указъ 1876 г., осуждавшій ея духовную жизнь на гибель.

И произведенное статьями „R. Revue“ на умственный міръ Европы, Америки и даже Азіи (Японія) впечатлѣніе было громадное. Момзенъ, Брандесъ и цѣлый рядъ подобныхъ имъ великихъ міровыхъ дѣятелей были потрясены представленнымъ имъ въ органѣ Сембратовича открытіемъ.

„Вы сдѣлали для меня великое открытіе въ лицѣ украинскаго народа“ — писалъ ему приблизительно въ такихъ выраженіяхъ одинъ изъ европейскихъ корифеевъ. „Да, стоитъ жить послѣ сдѣланнаго вами открытія великой борьбы Украины за свою національность“, писалъ другой корифей.

Цѣлая брошюра составилась изъ такихъ отзывовъ міровыхъ корифеевъ, но она пока еще мало извѣстна россійской да, пожалуй, и украинской публикѣ.

Независимо отъ того, въ пользу украинской націи начато было на западѣ цѣлое движеніе. Докладъ, напримѣръ, объ Украинѣ въ палатѣ французскихъ депутатовъ произвелъ сенсацію, и высказано было даже

мнѣніе о необходимости передать этотъ вопросъ на обсужденіе гаагской конференціи. Словомъ, Сембратовичъ открылъ для міра нашу народность, заинтересовалъ и даже поразилъ ею лучшіе умы Европы, и въ этомъ неоцѣненная его заслуга передъ родиной.

Но какъ вершилъ свое дѣло этотъ неутомимый работникъ?

Слабый и больной чахоткой, отъ которой и умеръ, Сембратовичъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы дать жизнь своему органу. Онъ былъ галицкій украинецъ; идея основанія органа возникла тамъ-же; на деньги русинскаго посольскаго клуба въ Вѣнѣ онъ и содержался. И тѣмъ не менѣе, литературныхъ и матеріальныхъ силъ было мало. И вотъ Сембратовичъ рвется на части, чтобы добыть эти необходимые источники существованія органа.

Съ матеріальными средствами онъ еще кое-какъ слаживаетъ, въ особенности, благодаря помощи лицъ сочувствующихъ; но съ литературнымъ матеріаломъ ему приходилось плохо, несмотря на безконечную бомбардировку съ его стороны письмами, между прочимъ, и россійскихъ украинцевъ. Къ этому присоединилось еще и то, что нѣкоторая часть галицкаго общества отнеслась сначала къ „Ruth. Revue“ не вполнѣ дружелюбно. И вотъ при такихъ условіяхъ приходилось работать Сембратовичу, со дня на день ожидая, что любимое имъ и безусловно великое дѣло должно прекратиться по недостатку то матеріальныхъ средствъ, то литературныхъ работниковъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ успѣлъ совершить многое и умирая, на своемъ посту, какъ воинъ, могъ имѣть — увы, послѣднее утѣшеніе — что онъ прожилъ для своей родины недаромъ.

Пусть же будетъ вѣчная память на страницахъ родной исторіи этому вѣрному сыну украинскаго народа!

Премированный словарь украинскаго языка. Въ 1881 году покойнымъ Н. И. Костомаровымъ внесена была въ Императорскую Академію Наукъ сумма въ 4000 руб. съ тѣмъ, чтобы этотъ капиталъ вмѣстѣ съ процентами былъ выданъ за лучшій изъ представленныхъ на разсмотрѣніе Академіи словарей украинскаго языка. Съ того времени назначалось Академіей Наукъ нѣсколько сроковъ для представленія словарей на преміи, но ни къ одному изъ нихъ не было представлено труда, который былъ-бы удостоенъ этой преміи. Такъ-какъ за 20 съ лишнимъ лѣтъ капиталъ значительно увеличился приростомъ процентовъ, то въ общемъ собраніи Академіи Наукъ 4 мая 1902 года постановлено было объявить двѣ преміи, изъ которыхъ *первая* составляется изъ 4000 руб. съ процентами до 1891 года, когда былъ назначенъ первый срокъ для представленія словаря; проценты-же, накопившіеся на капиталъ съ

1891 года, образуютъ *вторую премію.* Срокъ представленія словаря былъ назначенъ 1 января 1905 года.

Къ этому сроку былъ представленъ, между прочимъ, словарь, составленный редакціей „Кіевской Старины" и окончательно средактированный Б. Д. Гринченкомъ. Въ видѣ дополненія къ этому словарю, представленъ былъ также редакціей „Кіевской Старины" особый томъ матеріаловъ для словаря письменной южно-русской рѣчи XV—XVIII ст., составленный по порученію редакціи Е. К. Тимченкомъ. Словарь этотъ, имѣющій свою довольно обширную исторію, съ которой мы въ ближайшемъ будущемъ познакомимъ нашихъ читателей, удостоенъ Академіей Наукъ 29 декабря 1905 г. *второй преміи* Н. И. Костомарова. На соисканіе преміи было представлено всего три словаря, разсмотрѣнные особой комиссіей Академіи Наукъ при участіи А. І. Лященка, уроженца Украины. Первая премія осталась неприсужденной никому. Отзывъ объ этихъ словаряхъ данъ былъ академикомъ А. А. Шахматовымъ.

По полученіи изъ Академіи Наукъ рукописи этого словаря, редакція „Кіевской Старины" сейчасъ-же приступитъ къ печатанію его.

Къ изданію народной украинской газеты. Предсѣдатель петербургскаго „Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ" А. А. Русовъ напечаталъ въ нѣкоторыхъ газетахъ слѣдующее письмо:

Въ № 321 газеты „Наша Жизнь" за прошлый годъ была помѣщена слѣдующая телеграмма:

Шанхай, 24 октября. Щірим серцем зпочуваючи кожному поспіху рідного краю, дякуемо шановну редакцію і всіх діячів і прихильників украінськоі справи і просимо доручити председателеві Мордовцеву на запомогу першім украінськім виданням евангелія 200 рублів и часописі народнёйі—200 р.

Украінська громада Шанхая.

Деньги, переведенныя по телеграфу въ редакцію газеты нашими земляками изъ далекаго края, переданы были мнѣ, какъ предсѣдателю правленія „Общества изданія общеполезвыхъ и дешевыхъ книгъ", замѣстившему покойнаго Даніила Лукича Мордовцева, и сданы въ сберегательную кассу правленіемъ Общества. Тогда-же я черезъ посредство газеты „Наша Жизнь" обратился ко всѣмъ сочувствующимъ развитію украинской письменности съ просьбою послѣдовать примѣру шанхайцевъ и присылать пожертвованія на изданіе народной украинской газеты по моему адресу (СПБ., Офицерская, 36, Александру Александровичу Русову). При этомъ я высказалъ мысль, что нелишне было-бы, кромѣ такой газеты на малорусскомъ языкѣ, издавать въ

С.-Петербургѣ газету на русскомъ языкѣ, посвященную интересамъ Украины, и просилъ жертвователей (если они будутъ)—обозначать, какого рода газету они предпочтутъ.

Изъ сдѣланныхъ до настоящаго времени пожертвованій, кромѣ назначенныхъ мною 500 рублей на украинскую народную газету только одинъ жертвователь предназначилъ свой рубль на изданіе русской газеты въ С.-Петербургѣ; другіе согласились свои взносы раздѣлить поровну на изданіе русской и украинской газеты, если денегъ соберется много; въ противномъ случаѣ взносы свои предназначали на народную украинскую газету (такія лица пожертвовали вмѣстѣ 50 рублей). Всего поступило 1389 р.

Съ 24 декабря 1905 года въ Полтавѣ начала выходить подъ редакціею М. Дмитріева и Гр. Коваленка въ типографіи г. Маркевича еженедѣльная газета „Рідний Край“, которая по стилю и языку можетъ быть названа вполнѣ народною газетою.

До тѣхъ поръ, пока Государственная Дума не издастъ незыблемыхъ законовъ о свободѣ печати, всѣмъ желающимъ служить словомъ родной Украинѣ, остается только продолжать дѣло, начатое шанхайскими земляками нашими, и собирать деньги на изданіе или существующей уже газеты „Рідний Край“, или той украинской народной газеты, существованіе которой не будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія мѣстныхъ администраторовъ. Поэтому я еще разъ обращаюсь ко всѣмъ, сочувствующимъ шанхайцамъ, продолжать пожертвованія, отчетъ о полученіи которыхъ обязуюсь публиковать до тѣхъ поръ, пока они не будутъ переданы въ редакцію будущей народной украинской газеты. Пожертвованія же на изданіе въ С.-Петербургѣ русской газеты я отказываюсь принимать въ виду незначительности суммы, поступившей до настоящаго времени. и лицамъ, не желающимъ измѣнить назначенія своихъ пожетвованій, возвращу ихъ взносы.

Съ совершеннымъ почтеніемъ *А. Русовъ.*

——

Украинскія періодическія изданія. Благодаря измѣнившимся законамъ о періодической прессѣ, въ послѣднее время явилась возможность издавать украинскіе журналы и газеты. За короткій срокъ появился цѣлый рядъ публикацій о такихъ изданіяхъ, изъ которыхъ иныя уже осуществились и продолжаютъ выходить, иныя вышли въ свѣтъ, но вскорѣ, не по своей волѣ, пріостановились, и наконецъ нѣкоторыя остаются пока только опубликованными.

Первой ласточкой появилась небольшая народная еженедѣльная газета „Хлібороб“, издававшаяся въ г. Лубнахъ (полтав. губ.), но

послѣ нѣсколькихъ номеровъ пріостановленная. Вслѣдъ затѣмъ въ Полтавѣ начала издаваться еженедѣльная газета „Рідний край“; пробный номеръ ея вышелъ 24 декабря 1904 г., а затѣмъ съ 5 января 1906 г. началось правильное изданіе ея, и до сихъ поръ вышло четыре номера, послѣдній изъ которыхъ былъ у насъ въ рукахъ отъ 27 января. Съ 1 января начала выходить въ Кіевѣ ежедневная газета „Громадська Думка“, пріостановленная послѣ 21 номера. Съ 6 января въ Кіевѣ-же появился и первый номеръ еженедѣльнаго сатирическаго изданія съ каррикатурами „Шершень“, который продолжается и до сего дня (вышелъ 4-й номеръ 27 янв.). Кромѣ того, были объявлены изданія: 1) въ Петербургѣ — „Вільна Украіна“, ежемѣсячный журналъ; 2) въ Одессѣ — „Народня Справа“, еженедѣльная газета; послѣ перваго номера была пріостановлена; „Вісті“, ежедневная газета, и „Нова Украіна“, ежедневная газета; 3) въ Кіевѣ — „Нова громада“, ежемѣсячный журналъ (еще не выходилъ); „Рада“ — ежедневная газета; 4) въ Москвѣ — „Украіна“, ежедневная газета, „Зоря“, иллюстрированная еженедѣльная газета, и „Хата“, ежемѣсячный журналъ; изъ нихъ на первыхъ парахъ выйдетъ только „Зоря“.

Малорусскій языкъ въ народной школѣ. Опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія отъ 10-го сего января, согласно полученнымъ нами свѣдѣніямъ изъ Петербурга, допущена въ библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ юго-западнаго края книжка на малорусскомъ языкѣ „Лира и ii мотивы“, авторомъ которой является извѣстный въ нашемъ краѣ организаторъ малорусскаго хора въ с. Охматовѣ, докторъ Демуцкій. Названная книжка представляетъ собою сборникъ хорошо обработанныхъ малорусскихъ пѣсенъ, колядокъ, псалмовъ и пр. Такимъ образомъ долговѣчный запретъ, тяготѣвшій до самого послѣдняго времени надъ народной рѣчью и мѣшавшій ея проникновенію въ школу, отходитъ въ область исторіи. Пожелаемъ, чтобы первая ласточка въ лицѣ книжки д-ра Демуцкаго явилась началомъ весны и расцвѣта для малорусской культуры. („Свобода и Право“ № 25).

Справа з українським перекладом евангелії Останні три місяці не було ніякої чутки про те, що діется з українським перекладом Євангелії Морачевського, чи його таки друкують, чи ні. Носилась навіть так чутка, либонь се діло зовсім залишено, яко річ „преждевременную“. Тепер маємо певну звістку, що остання чутка поки-що неправдива. Перекладъ Євангелії таки друкуеться, хоч і занадто поволі: за яких чотирі місяці досі надруковано аж повних 11 глав Матвія, а гла-

ва 13—18 ще тільки в корректурі. Кого треба винуватити в такім нечуванім гаянні — чи московську синодальну друкарню, чи каменецьких справщиків, які виправляють переклад Морачевського — про те докладно не зуміємо сказати. В усякім разі не годилось би так занадто баритися з таким важним ділом. („Громадська думка“ № 16.)

Гроші на пам'ятник Шевченкові. Чернігівське губернське земське зібрання постановило дати на пам'ятник Шевченкові тисячу карбованців. Даватимуть п'ять років по двісті карбованців. Постановлено прохати повітові земства, щоб і вони дали на це грошей, опріче того збіратимуть на це гроші повсій Чернігівщині. Зібрання хоіли б, щоб пам'ятник поставлено не пізніше 1914 року, бо тоді виходе сто років з дня народження Шевченкового. (Гром. Думка)

— **Министерство внутреннихъ дѣлъ** разрѣшило Прилукскому уѣздному земству открыть въ предѣлахъ уѣзда сборъ пожертвованій на сооруженіе памятника Т. Шевченко въ г. Кіевѣ. (Полт. Вѣст № 953).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1—3

1—3

Булгакова, проф. С. Н. Булгаковъ, Е. Г. Бердяева, Н. А. Бердяевъ, С. А. Бердяевъ, С. А. Буда, проф. Ю. Н. Вагнеръ, Л. В. Василевскій, В. И. Василенко, Н. П. Василенко, В. В. Водовозовъ, М. Е. Волошинъ. М. Т. Волынскій, Л. Н. Войтоловскій, П. А. Гармашевъ, Н. Л. Геккеръ. М. И. Генинъ, прив.-доц. М. Н. Гернетъ, Б. Д. Гринченко, Я. С. Гольденвейзеръ, С. И. Гусевъ-Оренбургскій, проф. М. В. Довнаръ Запольскій, Н. С. Долинскій, С. И. Дрелингъ, Ю. М. Древницкій, Н. П. Дружининъ, Ф. Н. Еремѣевъ, С. А. Ефремовъ, проф. В. Я. Желѣзновъ, Г. К. Житомирскій, М. Д. Загряцковъ, А. В. Заремба, И. В. Ивановъ., проф. С. А. Ивановъ, А. С. Изгоевъ, В. С. Илличъ-Свитычъ, Я. К. Имшенецкій, Н. В. Калишевичъ, проф. Н. И. Карѣевъ, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, Г. А. Коваленко, А. Ковровъ, В. Г. Короленко, В. С. Кульженко, Е. А. Кивлицкій, Ю. Н. Лавриновичъ, М. К. Лемке, Ф. Д. Липманъ, Л. С. Личковъ, С. Г. Лозинскій, Т. В. Локоть, М. В. Лучицкая, проф. И. В. Лучицкій, А. Д. Марголинъ, Л. Н. Марессъ, М. М. Могилянскій, И. А. Новиковъ, Т. И. Осадчій, К. М. Панкѣевъ, проф. В. Н. Перетцъ, М. Б. Ратнеръ, А. П. Рузскій, проф. Д. П. Рузскій, Н. П. Рузскій, А. Ф. Саликовскій, В. И. Семевскій, М. А. Славинскій, А. А. Сливинскій, Н. П. Стародворскій, И. М. Стешенко, прив. доц. Моск. унив. Б. И. Сыромятниковъ (сотруд. „Рус. Вѣд."), прив.-доц. Е. В. Тарле. Н. И. Тимковскій, П. А. Тулубъ, А. Я. Тэзи, Л. Л. Фельдзеръ. В. М. Хижняковъ, Л. И. Шестовъ, Т. Л. Щепкина-Куперникъ, Л. Н. Яснопольскій, Б. К. Яновскій, А. И. Ярошевичъ и др.

О наиболѣе важныхъ событіяхъ государственной общественной и литературной жизни „КІЕВСКІЕ ОТКЛИКИ" ежедневно получаютъ сообщенія изъ Петербурга, Москвы и Варшавы по телеграфу отъ своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ.

„Кіевскіе Отклики" имѣютъ также корреспондентовъ въ Парижѣ Вѣнѣ, Берлинѣ Лондонѣ и др. европейскихъ центрахъ.

Подписная цѣна на „Кіевскіе Отклики".

	На годъ	на 6 мѣс.	на 3 мѣс.	на 2 мѣс.	на 1 мѣс.
1) съ доставкой и пересылкой	**8 р.**	**4 р. 50 к.**	**2 р. 50 к.**	**1 р. 75 к.**	**—р. 90 к.**
2) За границу	**14 р.**	**7 р. 25 к.**	**3 р. 75 к.**	**3 р.—к.**	**1 р. 50 к.**

При непосредственномъ обращеніи въ главную контору г.г. студенты и учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также учителя народныхъ училищъ, лица сельскаго духовенства, крестьяне и рабочіе уплачиваютъ за газету 75 коп. въ мѣсяцъ.

Льготная подписка у комиссіонеровъ недѣйствительна.

За перемѣну адреса иногородніе подписчики уплачиваютъ 30 коп. а городскіе, переходя въ иногородніе—50 коп. При перемѣнѣ адреса или при возобновленіи подписки просятъ указывать свой прежній адресъ. ☛ Для гг. подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ лишь условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не чрезъ комиссіонеровъ: для иногороднихъ и городскихъ съ доставкою: по 1 рублю въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ, или при подпискѣ—3 р., къ 1-му Мая—3 р. и къ 1 Сентября—2 р.

Отъ Редакціи.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина“ будетъ выходить въ 1906 г. по нѣсколько измѣненной программѣ, о чемъ сказано въ началѣ этой книги, около 15-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 10 листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1906 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Годовымъ подписчикамъ дѣлается скидка 30%. Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**, Троицкая площ., Народный домъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904 и 1905, по **6 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **7 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по **1 р.**

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCII.

1906 г.

ФЕВРАЛЬ

Кіевъ.
Типо-литографія Т-ва Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская у., № 14.
1906.

Кирилло-Мееодіевскіе заговорщики.[1]

Николай Ивановичъ Гулакъ.

Въ первыхъ числахъ марта 1847 года въ административныхъ сферахъ Кіева царствовало особое безпокойное оживленіе. Къ подъѣзду дома гражданскаго губернатора Ивана Ивановича Фундуклея, исправлявшаго должность генер.-губернатора за отъѣздомъ въ Петербургъ Д. Г. Бибикова, то и дѣло подъѣзжали попечитель кіевскаго учебнаго округа генералъ-майоръ Траскинъ, его помощникъ М. В. Юзефовичъ, ректоръ университета, жандармскій штабъ-офицеръ полковникъ Бѣлоусовъ и другіе. Разгадка, почему всѣ названныя лица имѣли смущенный, даже виноватый видъ заключалась въ томъ, что по городу былъ пущенъ слухъ об открытіи въ Кіевѣ заговора, или тайнаго общества, члены котораг были профессора, студенты, учителя гимназіи, писатели, слово весь цвѣтъ кіевской интеллигенціи. По слухамъ, дѣло происхо таким образомъ. 3-го марта 1847 года къ попечителю я скромно-одѣтый молодой человѣкъ, отрекомендовавшій себ дентомъ Алексѣемъ Петровымъ, и заявилъ попечителю, удалось открыть существованіе тайнаго общества съ в политическими цѣлями, и въ доказательство представи этого общества. Выслушавъ Петрова, попечитель неме

---

[1]) Дѣло о Кирилло-Мееодіевскомъ Обществѣ, хранящееся тамента Полиціи.

Кирилло-Мееодіевское Общество. Рукопись А. Я. Р

Объ Украйно-славянскомъ Обществѣ.—Доклад Николаю I, Русскій Архивъ 1892 г. № 7.

слалъ за своимъ помощникомъ и вмѣстѣ съ нимъ отобралъ у Петрова показаніе, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ. Вернувшись въ ноябрѣ 1846 года изъ отпуска, студентъ Петровъ поселился въ домѣ протоіерея Андреевской церкви Завадскаго. Кромѣ Петрова въ томъ домѣ жили два жильца, одинъ изъ которыхъ былъ чиновникъ канцеляріи генералъ-губернатора Николай Ивановичъ Гулакъ. „Занимаясь довольно поздно вечеромъ—пишетъ въ своемъ показаніи Петровъ,—я часто слышалъ у Гулака собраніе людей и разсужденія о предметахъ, касающихся до государства, проникнутыя совершенно идеею свободы. Оригинальность мнѣній, здѣсь излагаемыхъ, о разныхъ отрасляхъ государственнаго управленія завлекли меня, вслѣдствіе чего я началъ обращать болѣе и болѣе вниманія на подобныя сходбища и разговоры. Замѣчая таковыя собранія довольно часто и видя, что предметы споровъ были всегда одни и тѣ-же, я съ достовѣрностью могъ заключить, что они въ основаніи своемъ должны были имѣть цѣли опредѣленныя. Въ одинъ вечеръ я услышалъ, какъ лица собравшагося у Гулака общества подавали свои мнѣнія касательно лучшаго республиканскаго устройства для Россіи.

Разговоръ этотъ происходилъ между слѣдующими лицами: помѣщикомъ Саввичемъ, студентомъ Навроцкимъ и профессоромъ Костомаровымъ. Въ этомъ разговорѣ помѣщикъ Саввичъ ревностно доказывалъ необходимость устроить въ Россіи правленіе народное съ представительной формой, въ которомъ каждое славянское племя имѣло-бы особеннаго представителя, засѣдающаго въ общемъ совѣтѣ Славянскихъ племенъ. На мнѣнія Саввича были дѣланы
озраженія и допросы профессоромъ Костомаровымъ. Далѣе Сав-
доказывалъ возможность произвести таковой переворотъ
настоящихъ, по его мнѣнію, неблагопріятныхъ поступкахъ
тельства, приводя въ примѣръ постройку кіевской крѣпости,
говорилъ съ однимъ инженернымъ офицеромъ, который
казывалъ необходимость такой постройки, какъ важнаго
ческаго пункта, но что по мнѣнію Саввича это будетъ
мѣсто для собранія лицъ, намѣревающихся произвести
оказывалъ дурныя распоряженія заговорщиковъ 1825
которыхъ они не могли исполнить своихъ намѣ-
оообще правительство желаетъ подавить народный
выражалъ это Саввичъ, желаетъ ввести въ Россіи
ухъ народный необходимо долженъ освободиться
немъ деспотизма. Вскорѣ послѣ сего я
іереемъ на обѣдъ, и такъ какъ оба жильца

имѣли столъ у Завадскаго, то я здѣсь и познакомился съ ними. На другой день Гулакъ зашелъ ко мнѣ, и мы довольно долго проговорили о разныхъ предметахъ. Вечеромъ на другой день я рѣшился его посѣтить съ намѣреніемъ разузнать о лицахъ, посѣщающихъ его. Первымъ моимъ вопросомъ былъ: кто этотъ либералъ, такъ часто васъ посѣщающій? „Это помѣщикъ Саввичъ,"— отвѣчалъ мнѣ Гулакъ— и здѣсь-же, отвергая всѣ либеральныя идеи Саввича, началъ доказывать благоденствіе государства подъ монархическимъ правленіемъ. Изъ этого разговора и изъ прежнихъ бывшихъ безъ меня, я легко могъ узнать, что онъ старается только вывѣдать образъ моихъ мыслей. Я началъ доказывать ему противное, говоря, что Саввичъ въ нѣкоторомъ отношеніи правъ, что люди вѣрно находились-бы въ лучшемъ положеніи, если-бы были подъ правленіемъ республиканскимъ, и ко всему этому прибавилъ, что можетъ быть такихъ людей очень много, но что они, находясь въ разрозненномъ состояніи, не имѣютъ твердой точки опоры для обнаруженія своихъ чистыхъ намѣреній. Увлеченіе, съ которымъ я доказывалъ свое мнѣніе, совершенно разрушило всякія сомнѣнія Гулака на мой счетъ, и онъ открылъ мнѣ слѣдующее, что люди, стремящіеся произвести переворотъ въ государствѣ, дѣйствительно существуютъ не въ разрозненномъ состояніи, а, напротивъ того, составляютъ огромное общество, находящееся кромѣ Россіи и у другихъ славянскихъ племенъ, что члены этого общества имѣютъ условный знакъ, служащій символомъ ихъ соединенія. При этомъ онъ досталъ изъ шкатулки голубую коробочку, въ которой лежало золотое кольцо, внутри котораго была надпись славянскими литерами: „Во имя св. Кирилла и Меѳодія". Будучи совершенно увѣренъ во мнѣ, онъ также мнѣ прочиталъ уставъ общества, который я изъ ревности тотчасъ попросилъ списать; потомъ онъ мнѣ сказалъ, что хотя это общество многочисленно, но онъ не можетъ сообщить мнѣ по правиламъ общества имена его членовъ, какъ новопоступившему, что многіе изъ членовъ общества путешествуютъ по Россіи, именно съ цѣлью распространять таковыя идеи, что главный центръ ихъ общества въ Москвѣ. Общество это всего болѣе стремится распространять идею свободы между дѣтьми, и потому самые лучшіе и ревностнѣйшіе члены стараются занять мѣста учителей. Въ другое время Саввичъ передъ отъѣздомъ своимъ за границу посѣщалъ Гулака и опять, разговаривая о предметахъ государственныхъ, коснулся того, что важными помощниками въ ихъ дѣлѣ могутъ быть также воспитанники военно-учебныхъ

заведеній, если между ними распространить идею свободы — при каковомъ разговорѣ находился студентъ Навроцкій. Всѣ эти свѣдѣнія Петровъ получилъ во время жительства въ одномъ домѣ съ Гулакомъ. Потомъ онъ переѣхалъ и встрѣчался съ членами Кирилло-Меѳодіевскаго общества рѣдко. На праздникахъ Р. Х. Гулакъ прислалъ ему книгу *„Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи“* и просилъ зайти къ нему.—„Пришедъ туда, пишетъ Петровъ, я засталъ студента Навроцкаго, въ присутствіи котораго Гулакъ прочиталъ мнѣ *„Законъ Божій,“* написанный совершенно популярнымъ языкомъ для распространенія между народомъ. Главная идея въ этомъ сочиненіи состояла въ томъ, чтобы доказать народу, что всѣ бѣдствія, на него ниспосылаемыя, происходятъ отъ подчиненія его верховной власти, причемъ опровергается истинный смыслъ евангельскихъ текстовъ: *Воздадите Кесарю Кесарево, а Божіе — Богови,* а также и слова Апостола: *нѣсть власть аще не отъ Бога*—и дается имъ совершенно превратное значеніе. Въ заключеніи находится воззваніе отъ малороссіянъ ко всѣмъ вообще славянамъ, чтобы они одумались и свергли съ себя иго рабства. По окончаніи чтенія Навроцкій спрашивалъ моего мнѣнія и жаловался на недостатокъ матерьяльныхъ средствъ для скорѣйшаго распространенія таковыхъ идей. Далѣе, продолжая разговоръ, онъ прочиталъ мнѣ четыре стихотворенія Шевченко, имѣющія своимъ содержаніемъ вообще мысли явно противозаконныя. Такъ какъ все вышеизложенное происходило наканунѣ отъѣзда Гулака въ Петербургъ, то я и не имѣлъ возможности списать у него *„Законъ Божій“*. При этомъ Петровъ представилъ также рукопись о *Гайдамачинѣ*, заявивъ, что ее ему сообщилъ студентъ Навроцкій, находившій ее весьма полезной для распространенія между обитателями Малороссіи и для возбужденія ихъ прежняго воинственнаго свободнаго духа. Кромѣ того при своемъ показаніи Петровъ представилъ попечителю еще уставъ общества св. Кирилла и Меѳодія, представляющій собой важнѣйшій обличительный документъ.

Уставъ Общества св. Кирилла и Меѳодія состоитъ изъ шести параграфовъ:

1) Принимаемъ, что духовное и политическое соединеніе славянъ есть истинное ихъ назначеніе, къ которому они должны стремиться.

2) Принимаемъ, что при соединеніи каждое славянское племя должно имѣть свою самостоятельность, а такими племенами признаемъ: Южно-руссовъ, Сѣверно-руссовъ съ Бѣлоруссами, По-

ляковъ, Чеховъ съ Словенцами, Лужичанъ, Сербовъ съ Хорутанами и Болгаръ.

3) Принимаемъ, что каждое племя должно имѣть правленіе народное и соблюдать совершенное равенство согражданъ по ихъ рожденію, христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и состоянію.

4) Принимаемъ, что правленіе, законодательство, право собственности и просвѣщеніе у всѣхъ славянъ должно основываться на святой религіи Господа нашего Іисуса Христа.

5) Принимаемъ, что при таковомъ равенствѣ, образованность и чистая нравственность должны служить условіемъ участія въ правленіи.

6) Принимаемъ, что долженъ существовать общій славянскій соборъ изъ представителей всѣхъ племенъ.

Въ тѣсной связи съ уставомъ Общества находятся *Главныя Правила Общества*, служащія руководствомъ для нравственнаго поведенія его членовъ; онѣ состоятъ изъ одиннадцати параграфовъ:

1) Установляемъ Общество съ цѣлью распространенія вышеизложенныхъ идей, преимущественно посредствомъ воспитанія юношества, литературы и умноженія числа членовъ Общества. Общество именуетъ своими покровителями св. просвѣтителей Кирилла и Меѳодія и принимаетъ своимъ знакомъ кольцо, или икону съ именемъ или изображеніемъ сихъ святыхъ.

2) Каждый членъ Общества произноситъ присягу при поступленіи употреблять дарованія, труды, состояніе, общественныя связи для цѣлей Общества, и если какой нибудь членъ претерпѣлъ гоненіе и даже мученія за принятыя обществомъ идеи, то по данной присягѣ — онъ не выдаетъ никого изъ членовъ своихъ братій.

3) Въ случаѣ членъ попадетъ въ руки враговъ и оставитъ въ нуждѣ семейство — общество помогаетъ ему.

4) Каждый принятый членъ Общества можетъ принять новаго члена безъ необходимости сообщать ему имена прочихъ членовъ.

5) Въ члены принимаются славяне всѣхъ племенъ и всѣхъ званій.

6) Совершенное равенство должно господствовать между членами.

7) Такъ какъ въ настоящее время славянскія племена исповѣдуютъ различныя вѣроисповѣдованія и имѣютъ предубѣжденія другъ противъ друга, то Общество будетъ стараться объ уничто-

женіи всякой племенной и религіозной вражды между ними и распространять идею о возможности примиренія разногласій въ христіанскихъ церквахъ.

8) Общество будетъ стараться объ искорененіи рабства и всякаго униженія низшихъ классовъ, равнымъ образомъ и о повсемѣстномъ распространеніи грамотности.

9) Какъ все Общество въ совокупности, такъ и каждый членъ должны свои дѣйствія соображать съ евангельскими правилами любви, кротости и терпѣнія; правило же — цѣль освящаетъ средство — общество признаетъ безбожнымъ.

10) Нѣсколько членовъ Общества, находясь въ одномъ извѣстномъ мѣстѣ, могутъ имѣть свои собранія и постановлять частныя правила для своихъ дѣйствій, но лишь бы онѣ не противорѣчили главнымъ идеямъ и правиламъ Общества.

11) Никто изъ членовъ не долженъ объявлять о существованіи и составѣ Общества тѣмъ, которые не вступили и не „подаютъ надежды вступить въ него".

Изъ приведенныхъ двухъ документовъ видно, какими высокими нравственными цѣлями задавались члены К. М. О; они готовы были скорѣе потерять все дѣло, чѣмъ отступить отъ высокихъ нравственныхъ требованій и вступить на путь іезуитизма. Отношеніе правительства къ Обществу и кара, постигшая его членовъ, были-бы иныя, если-бы правительство сумѣло стать на точку зрѣнія Общества. Эта разница всего ярче выразилась при первомъ же допросѣ Костомарова въ III-мъ отдѣленіи. Покойный Николай Ивановичъ не разъ разсказывалъ мнѣ, какими оскорбительными ругательствами и угрозами осыпалъ его Дуббельтъ, когда Николай Ивановичъ, по его мнѣнію, будто-бы не хотѣлъ сознаться, сколько денегъ и людей обѣщали Обществу поляки. Достаточно было-бы Дуббельту взглянуть на одинъ изъ параграфовъ устава, и онъ сразу убѣдился-бы въ томъ, что наши украино-славянскіе рыцари мало интересовались политикой въ собственномъ смыслѣ слова и торжественно признали безбожнымъ іезуитское правило политиковъ: „цѣль оправдываетъ средство".

Признавая не вполнѣ достаточнымъ для разъясненія дѣла письменное показаніе Петрова, попечитель и его помощникъ сочли нужнымъ предложить Петрову девять вопросовъ, на которые онъ долженъ былъ отвѣтить тутъ-же письменно. Въ этихъ дополнительныхъ отвѣтахъ Петровъ объяснилъ: а) что пріемъ его въ члены Общества сопровождался просьбой сохранить втайнѣ сообщенныя ему намѣренія отъ лицъ, могущихъ повредить ихъ

исполненію, и, напротивъ, ревностно распространять идеи Общества между лицами, могущими доставить ему за то какую либо пользу, присяги же и особыхъ обѣтовъ при этомъ не требовалось; б) что ему неизвѣстно, существовали ли въ числѣ злоумышленниковъ Гулака поляки, но онъ имѣлъ намѣреніе распространять между ними свои идеи и всего болѣе надѣялся получить отъ нихъ денежныя пособія для скорѣйшаго осуществленія своихъ замысловъ; вообще онъ думалъ о полякахъ, какъ о людяхъ, скорѣе всего могущихъ быть ему помощниками; в) о студентахъ Гулакъ говорилъ только то, что они также могутъ споспѣшествовать къ распространенію и укорененію его идей, занимаясь воспитаніемъ юношества; г) что стихотвореній Шевченка онъ, Петровъ, не имѣетъ, но что содержаніе онъ могъ запомнить только двухъ: „Сонъ" и „Посланіе къ родичамъ"—оба преступнаго содержанія. На вопросъ, почему онъ такъ долго медлилъ доносомъ и не сдѣлалъ его до отъѣзда Гулака въ Петербургъ — отвѣчалъ: „потому что желалъ собрать свѣдѣнія гораздо важнѣйшія отъ оставшихся бывшихъ студентовъ Марковича и Навроцкаго, но, по удаленіи ихъ изъ Кіева, онъ, лишась тѣмъ самымъ средствъ продолжать свои изысканія, тотчасъ же представилъ свое донесеніе попечителю".

18 Марта былъ произведенъ обыскъ въ Петербургѣ въ квартирѣ Гулака; при обыскѣ у Гулака найдена была тетрадь, озаглавленная *„Законъ Божій"*. Тетрадь эту онъ бросилъ въ отхожее мѣсто, но она оттуда была благополучно извлечена ревностью производившихъ обыскъ. Въ числѣ разныхъ книгъ и бумагъ, найденныхъ при обыскѣ, была захвачена весьма обширная переписка Гулака съ Кулишемъ, Бѣлозерскимъ, студентомъ Аѳанасіемъ Марковичемъ и др. Переписка эта, послужившш путеводной нитью къ новымъ обыскамъ и арестамъ, интересна еще въ томъ отношеніи, что даетъ намъ понятіе о высокомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ Гулака и его кружка. Таково письмо Гулака къ Марковичу и отвѣтъ послѣдняго. Приводимъ ихъ цѣликомъ:

Кіевъ 5-го февраля 1846 г.

„Любезнѣйшій Аѳанасій Васильевичъ!"

Въ надеждѣ, что письмо мое застанетъ Васъ въ веселомъ и снисходительномъ расположеніи духа, въ минуту такого душевнаго настроенія, когда мы готовы простить и злѣйшему врагу, пишу Вамъ эти строки. Повинной головы не бьютъ, говорить

кажется пословица, я сильно напираю на этотъ авторитетъ. Вы съ такою любовью занимаетесь этимъ предметомъ, что я не хочу имѣть лучшаго заступника. Съ тѣхъ поръ, какъ Вы оставили Кіевъ, многое успѣло перемѣниться. На другой день послѣ Вашего выѣзда, пріѣхалъ Н. И. Костомаровъ, но въ самомъ бѣдственномъ положеніи: нѣсколько дней онъ сильно мучился сильнымъ воспаленіемъ въ горлѣ; не имѣя квартиры и не будучи въ состояніи пріискать себѣ болѣе удобной, Н. И. переселился на время въ домъ Грушецкой, и мы стали сосѣдями въ продолженіи почти цѣлаго мѣсяца. Вы можете себѣ вообразить, какъ я благословлялъ судьбу свою; можетъ быть радость моя въ этомъ случаѣ была слишкомъ эгоистична. Какъ бы то ни было, я опять одинъ, и чувство одиночества овладѣло мной. Праздники прошли для меня незамѣтно, но за то 46-й годъ доставилъ мнѣ уже много прекрасныхъ впечатлѣній. Папенька пріѣхалъ во время контрактовъ и прожилъ у меня цѣлую недѣлю. 12-го января возвратился и Василій Михайловичъ Бѣлозерскій. Много вечеровъ мы провели вмѣстѣ; не стану, да я и не въ состояніи, передать Вамъ все прекрасное, что душа уносила изъ его свѣтлыхъ бесѣдъ. Чѣмъ глубже я проникаю въ тайники этой дивной души, тѣмъ безпредѣльнѣе мое благоговѣніе. У В. М. засталъ я опять Тарновскаго и опять имѣлъ счастье слушать превосходную статью о крестьянствѣ въ Малороссіи: постепенный переходъ изъ вольнаго состоянія въ безусловное рабство, прежнія патріархальныя отношенія помѣщиковъ и подданныхъ и угнетающія картины современнаго изувѣрства—все это изображено съ такой вѣрностью, согрѣто такимъ теплымъ чувствомъ, перемѣшано со взглядами столь свѣтлыми, что и строгій критикъ останется въ восхищеніи отъ этого очерка. Въ разговорахъ Тарновскій не могъ не коснуться нашей литературы; онъ между прочимъ утверждалъ, что наша литература уже перешла періодъ эпическаго развитія если нѣтъ у насъ Гомера, то наши думы и пѣсни историческія—истинно гомерическія рапсодіи; естественное и постепенное развитіе языка требуетъ теперь, чтобы поэзія перешла въ прозу, дума—въ историческій разсказъ. Мы имѣли Гомеридовъ, теперь пусть явится у насъ Геродотъ. Ник. Ив. совершенно согласился съ этими мыслями; онъ даже обѣщался непремѣнно написать исторію на малороссійскомъ нарѣчіи, языкомъ не простонароднымъ, но самымъ изящнымъ и притомъ простымъ, а поэтому и народнымъ; словомъ, это должно быть сочиненіе, которымъ будетъ гордиться не только наша литература,

но которое займетъ почетное мѣсто между лучшими произведеніями человѣческаго ума. Тогда то и откроется широкое поприще для нашей словесности; языкъ выработается до такой степени, что не только отечественная и всемірная исторія, но даже и точныя науки будутъ излагаться на этомъ языкѣ; разумѣется, это послѣдній крайній періодъ развитія; когда онъ настанетъ, мы не знаемъ, но стремясь постоянно къ этой цѣли дружными усиліями, невозможное станетъ возможнымъ. По этой теоріи драма явится у насъ поздно, и вотъ, можетъ быть, почему сдѣланныя доселѣ попытки, чтобы создать малороссійскую драму, не увѣнчались должнымъ успѣхомъ. Не знаю, будете ли Вы согласны вполнѣ съ этимъ воззрѣніемъ: я вамъ передалъ только главную идею сущности. Что касается до меня, то я не могу не признать совершенную справедливость этой теоріи. Прошлая недѣля оставила во мнѣ не менѣе свѣтлое воспоминаніе: совершенно неожиданнымъ образомъ познакомился я съ братомъ Вашимъ Василіемъ Васильевичемъ, Какъ ни было коротко время, проведенное нами вмѣстѣ, но личность брата Вашего отпечатлѣлась на мнѣ рѣдкими чертами. Нельзя не замѣтить разительнаго фамильнаго сходства между Вами и В. В.—то же благородство, прямодушіе характера, та-же откровенность, веселость и наконецъ неподражаемый юморъ; можетъ быть. Вы болѣе идеальны, не такъ богаты опытомъ и знаніемъ людей, но простите меня, если я вдался въ этотъ можетъ быть неумѣстный анализъ Вашихъ характеровъ. Я такъ мало знаю людей, стремленіе къ пріобрѣтенію опытности и познанія человѣческаго сердца такъ сильно во мнѣ, что каждый новый характеръ, который я усвою себѣ, если разгадаю— истинная находка для меня. Разсказы брата Вашего оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Прошу засвидѣтельствовать ему чувство глубокаго уваженія, съ которымъ образъ его неразрывно связанъ въ душѣ моей. Простите, любезнѣйшій Аѳ. Вас., многое и многое не успѣлъ Вамъ передать. Берегите здоровье Ваше и не пріѣзжайте, если не чувствуете себя въ силахъ перенести дорогу. Этого въ правѣ отъ Васъ требовать разные Ваши друзья, да и родина, которая полагаетъ на Васъ столько надеждъ.

Н. Гулакъ.

Письмо Аѳанасія Марковича [1]) къ Гулаку.

Переяславъ 15 февраля 1846 г.

Добрѣйшій Николай Ивановичъ! Сейчасъ послѣ Вашего отъѣзда я распечаталъ Ваше письмо — какое очарованіе! Видѣть Васъ лицомъ къ лицу, слышать голосъ Вашъ, а потомъ пока въ глазахъ не померкъ еще Вашъ образъ, а въ сердцѣ продолжаетъ слышаться Вашъ голосъ—читать Ваше длинное чудесное посланіе. Стало очень досадно на себя, отчего въ моихъ письмахъ къ Вамъ содержалось такъ много матеріи и было разлито такъ много словъ! Право, все письмо Ваше до конца отъ начала такъ полно и совершенно овладѣло моей мыслью, что не могу не вѣрить всему въ немъ написанному: столько натуральности въ развитіи чувствъ, подъ вліяніемъ которыхъ вы находились, пиша мнѣ! Я читалъ исторію Вашей души за два мѣсяца. Чѣмъ же мнѣ благодарить Васъ за Ваше довѣріе, за слова и буквы, которыхъ я право не стою и которыми такъ снисходительно Вы удостоили меня? Любовь самая горячая, какую только воображалъ я, да что воображалъ? и не воображалъ никогда ни въ комъ къ нашей любезной, къ нашей плачевной родинѣ—поразила меня до глубины души. Какъ? Любить такъ, какъ Вы любите? Не какъ предметъ Вашей жизни и занятій, безъинтересно, безкорыстно, но вѣрою и надеждою? Да кто, скажите, кто такъ любитъ, или любилъ Малороссію? Я люблю сироту, но Боже мой! сколько въ моей любви примѣшано эгоизма. На этотъ разъ скажу что-нибудь про свою любовь, чтобы низкимъ сравненіемъ еще болѣе возвысить Вашу. Стыдно мнѣ говорить, страшно Вамъ будетъ услышать, но вотъ что я скажу: если бы я почему бы то ни было не имѣлъ возможности самъ быть дѣйствователемъ, оратаемъ родной почвы, я не ручаюсь тогда за свои чувства! Увѣряю Васъ, клянусь своимъ непостоянствомъ, что говорю правду! Когда я записываю, я всегда имѣю въ виду людей, которымъ мои строки доставятъ удовольствіе и восторгъ. Я никогда не забываю, что записываемое принадлежитъ мнѣ по труду и наблюдательности. Когда я говорю о сиротствующей матери нашей и плачу съ кѣмъ-нибудь по ней, всегда помню, что мои слезы, мои разговоры высоки и благородны; помню всегда, что въ счастливыя минуты вдохновеннаго чувства

---

[1]) Извѣстный этнографъ, мужъ знаменитой писательницы, писавшей подъ псевдонимомъ Марко Вовчокъ.

моего, я пріобрѣтаю что-нибудь для своего сердца и ума, для добраго расположенія ко мнѣ людей. Да избавитъ меня Господь Богъ отъ самолюбія, на мнѣ тяготѣющаго! Охъ, гнусное, чудовищное самолюбіе! Вамъ понятно будетъ, что я хочу сказать, на що жалкую, потому что Вы понимаете, чего стоитъ, какой любви родина наша, понимаете, потому что любите ее возвышеннѣйшею въ свѣтѣ любовью; въ разливѣ своего неограниченнаго чувства Вы надѣетесь и ждете отъ насъ больше, чѣмъ мы можемъ сдѣлать для нашей родины. Не хочу называть лицъ другихъ и укажу только на себя, на котораго Вы надѣетесь, якъ на *передни волы*. За всѣ мои грѣхи я еще терпимъ Господомъ, конечно отъ того, что Онъ вѣченъ. Мы только нетерпѣливы, поскорѣй намъ нужно выиграть время, наказывая и награждая. Онъ одинъ неограниченъ временемъ, не принуждается имъ. Онъ одинъ торопится своими опредѣленіями. Если Вамъ нравится эта высокая мысль—поблагодарите за нее свят. Августина. Я говорилъ: Богъ милостивъ еще ко мнѣ во 1) потому, что въ докторѣ моемъ Козловицкомъ я нашелъ необыкновенно простую и сострадательную душу. Они мнѣ съ Богомъ помогутъ—вѣрю, и надѣюсь. А знаете сами, какъ мнѣ здоровье необходимо при моей мнительности и при моей энергіи. Дай Богъ! Помолитесь Вы за меня когда-нибудь: молитвы такихъ чистыхъ и свѣтлыхъ душъ, какъ Ваша, вѣрнѣе достигаетъ Верховной чистоты и Величайшаго свѣта; во 2-хъ въ сестрахъ своихъ я нашелъ великое преимущество надъ всѣми женщинами, коихъ зналъ, встрѣчался и сближался съ ними до сихъ поръ. Въ нихъ граціознѣйшая игра чувствъ строго-благородныхъ со впечатлѣніями легкими, а иногда и обманчивыми. Чтобы Вамъ не вдаться въ ложную вѣру моему увлекательному чувству, судите о нихъ по факту, передъ Вашими глазами совершившемуся: Тоня наша не говорила Вамъ ничего. Если думаете что отъ болѣзни, то я скажу, что у нея нога болѣла, а не языкъ: если Вамъ замѣчу, что она *весьма* не глупа, то *Вы мнѣ* повѣрите. Она также очень хорошо и воспитана. Такъ вотъ же истинный подарокъ Вамъ, душѣ Вашей правдивой. Сестрѣ очень много стоитъ усилій заговорить съ незнакомыми людьми; все ей кажется, что она въ такомъ случаѣ лицемѣритъ и лжетъ. Пусть это крайность, но согласитесь, много должно быть чистоты въ томъ человѣкѣ, который, такъ мысля, впалъ немножко въ крайность. Не распространяюсь о сестрахъ больше по пословицѣ: *сдастя возокъ и на другый разокъ.*—Какую же благодать, Вы спрашиваете, нашелъ я въ близости ко столь, допустимъ, превосход-

ныхъ женщинъ? Что я не такъ буду падокъ на другихъ женщинъ, буду разборчивъ въ отношеніи къ слабому полу, вообще сильному очень надъ Вашимъ покорнымъ слугою. *Не дай серцю волю, бо й самъ пидешъ въ неволю* — начерталъ я въ своемъ сборникѣ. И много, много еще есть такого, за что мнѣ должно благодарить Бога! За Васъ также! Не даромъ учитъ наша пословица: *Не купуй хаты, а купы сусида.*

P. S. По сравненію съ исторіей греческой образованности конечно теорія Тарновскаго вѣрна, но Вы мнѣ позволите думать, что Геродотъ лучше зналъ греческій языкъ, нежели Костомаровъ языкъ малороссійскій. Я греческаго не знаю, за то малороссійскій чувствую какъ-то и могу судить нѣсколько о писателяхъ на немъ. Костомаровъ гоняется за простотой, а ловитъ грубость и безвкусіе. Прислушайтесь къ натуральной простотѣ языка въ стихотвореніяхъ Шевченка, и тогда не сердитесь, пожалуйста, читая Костомарова; не столько благородства недостаетъ слогу Костомарова, сколько вкуса: непріятное для слуха стеченіе въ малороссійскомъ языкѣ дѣепричастій служитъ Костомарову и къ облегченію версификаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ тонами для звукоподражаній; ищите теперь музыки и гармоніи, въ особенности ищите ее у Кулиша и тогда удержите негодованіе Ваше на музыку въ слогѣ Костомарова; у того гармонически - мѣрная музыка, какъ находка его, которую я теперь живо вспоминаю; у Костомарова нѣту своей находки, нѣтъ ее и въ его малороссійскомъ слогѣ. Кулишъ сыплетъ слова въ чудныхъ періодахъ, и тоны его языка невольно напоминаютъ мнѣ звонкій стукъ каменьевъ въ быстромъ ручьѣ. Кулишу писать исторію, какъ вы себѣ хотите. И если на Костомарова можете дѣйствовать сколько-нибудь не ободряйте его въ этой мысли, а пишите объ ней Кулишу, за котораго я ручаюсь, что голосъ Вашъ имъ будетъ услышанъ. Я прежде думалъ дѣло это отнести на руки Бѣлозерскаго, но мы еще ничего не знаемъ о его дарованіяхъ къ исторіи, хотя цѣломудренная и прекрасная простота языка у него сохранилась бы такъ-же какъ и у Кулиша. Жаль только, что нашъ ангелоподобный Вася задумалъ себѣ много въ одно и то же время плановъ. Меньше всего *я* могу упрекать его въ этомъ, но кто столько желаетъ ему успѣховъ, плодовъ созрѣлыхъ и дѣлъ, какъ не я, наученный имъ же стремиться къ цѣлямъ высокимъ, мимо всего задерживающаго трудные пути нашего развитія. Кто научилъ меня жить тихо, честно, вести себя благоразумно, держать хорошо? В. М. Бѣлозерскій. Вотъ мнѣ и можно говорить про него все, что придетъ въ голову —

никто не подумаетъ, что я возстаю изъ недоброжелательства. Нужно быть чортъ знаетъ какъ неблагодарнымъ, чтобы ему зло желать! О В. М. Бѣлозерскомъ Вы пишете такъ, какъ онъ этого заслуживаетъ, т. е. болѣе даже чѣмъ съ почтеніемъ и любовью — съ идолопоклонствомъ! Дѣйствительно, это сердце удивительное! Ангельскій міръ въ душѣ, усладительный разговоръ — пылкій, любовный, умный; образъ жизни чистый и правильный въ высокой степени; поэтическое увлеченіе съ дѣятельностью строго практической, расторопной и непрерывной, и надъ этимъ всѣмъ пламенную любовь ко Христу! Сколько въ немъ соединилось всего добраго: безъ благодати Христовой черезъ св. Духа не сохранилась бы такъ прекрасно эта личность. Онъ для нашего кружка то, что хлоръ въ спертомъ воздухѣ, въ которомъ однако люди живутъ, ибо въ немъ всегда хоть малой долей пребываетъ кислородъ. Вотъ что для насъ Вася! Слава Богу, избравшему его для насъ путеводной звѣздой къ Виѳлеему! Мнѣ хотѣлось написать Вамъ что нибудь о моихъ пословицахъ, да усталъ уже и боюсь утомить Васъ продолженіемъ письма“.

Приведенныя письма бросаютъ яркій свѣтъ на кіевскую молодежь сороковыхъ годовъ. Никогда она не была такъ идеальна и такъ высоко настроена. По словамъ Кулиша въ его *Воспоминаніяхъ*—„молодежь эта была глубоко просвѣщена св. Писаніемъ и воспитана въ духѣ высокой чистоты духовно-нравственной. Апостольство любви къ ближнему доходило у нея до энтузіазма. И потому, когда она услыхала пѣсни Шевченка, она воспріяла ихъ, какъ голосъ воскресающей трубы архангела. Среди этой молодежи родилась мысль проповѣдывать среди помѣщиковъ освобожденіе крестьянъ посредствомъ христіанскаго и національнаго просвѣщенія. Они желали и надѣялись посредствомъ науки и поэзіи вдохновить лучшихъ людей изъ среды помѣщиковъ. Во главѣ ихъ, кромѣ Шевченка и самого Кулиша, стояли В. В. Тарновскій, Аѳ. Марковичъ, Пильчиковъ, В. М. Бѣлозерскій и другіе, а въ 1845-мъ году въ кіевскій литературный кружокъ вошло еще два новыхъ члена — Н. И. Гулакъ и Н. И. Костомаровъ.

Н. И. Гулакъ, родившійся въ 1822 году былъ родомъ изъ дворянъ Золотоношскаго уѣзда. Подобно многимъ изъ своихъ сверстниковъ, онъ окончилъ свое образованіе въ тогдашнемъ модномъ Дерптскомъ университетѣ. По окончаніи курса въ 1844 году кандидатомъ правовѣдѣнія, онъ поступилъ на службу въ канцелярію Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора. Въ февралѣ 1847 года онъ перешелъ на службу въ Пе-

тербургъ въ канцелярію совѣта Петербургскаго университета. При дѣлѣ Гулака сохранилось собственноручно имъ написанное кандидатское разсужденіе на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „*Юридическій бытъ Поморскихъ славянъ*". Оно состоитъ изъ шести главъ: 1) *Отношенія между мужемъ и женой;* 2) *Власть родительская и родовая;* 3) *Обязательства*; 4) *Права на имущество;* 5) *Уголовное право* и 6) самая обширная—*Государственное право.* Сочиненіе это, написанное болѣе 60 лѣтъ тому назадъ по первоисточникамъ, до сихъ поръ не утратило своего значенія.

Во время своего двухлѣтняго пребыванія въ Кіевѣ Гулакъ вмѣстѣ съ Костомаровымъ и Бѣлозерскимъ основали тайное общество подъ названіемъ Кирилло-Меѳодіевское, бывшее причиной всѣхъ обрушившихся на него несчастій.

Въ мартѣ и апрѣлѣ были арестованы находившіеся въ Кіевѣ заговорщики, а 18-го апрѣля произведенъ былъ первый допросъ Гулака. На допросахъ Гулакъ держался съ большой стойкостью и характеромъ.—Онъ не выдалъ никого. Въ то время, какъ его товарищи выдавали одинъ другого и, запутывая другихъ, нерѣдко сами попадали въ разставленныя имъ сѣти, Гулакъ, боясь запутаться, безусловно отрицалъ все. Такъ, на первыхъ двухъ допросахъ онъ отрицалъ, какъ свою принадлежность къ Славянскому Обществу, такъ и самое существованіе его.

Изъ боязни запутать Костомарова и Бѣлозерскаго онъ между прочимъ приписалъ себѣ авторство книги „*Законъ Божій*", тогда какъ извѣстно, что эта книга была написана тотчасъ послѣ польскаго возстанія, во всякомъ случаѣ не позже 1833 года, когда Гулакъ былъ еще ребенкомъ. За упорство его посадили въ Алексѣевскій Равелинъ, но и это мало помогло дѣлу: Гулакъ продолжалъ оставаться непоколебимымъ. На всѣ настоянія и угрозы онъ отвѣчалъ одно: я далъ клятву и не нарушу ее, что бы со мной ни было. Только тогда, когда самъ комендантъ Петропавловской крѣпости маститый Скобелевъ, заинтересованный смѣлою личностью Гулака, послалъ ему вопросные пункты, онъ отвѣтилъ на нихъ слѣдующее: 1) Показанія на меня Бѣлозерскаго и Костомарова совершенно справедливы, т. е. въ исходѣ 1845 года и началѣ 1846-го мы точно условились общими силами содѣйствовать скорѣйшему соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ подъ русской державой и къ распространенію среди нихъ православія. Мы уговорились при этомъ носить кольца съ именемъ св. Кирилла и Меѳодія, въ честь этихъ святыхъ просвѣтителей

славянъ и въ воспоминаніе нашего намѣренія. О дальнѣйшей дѣятельности Бѣлозерскаго и Костомарова я ничего не знаю.

2) Въ исходѣ 1846 года я сочинилъ и написалъ найденныя у меня бумаги: а) *Уставъ Общества св. Кирилла и Меөодія* и в) бумагу, именуемую въ допросахъ „*Законъ Божій*".

3) На показанія Андрусскаго и Посаденко честь имѣю объявить, что я никогда не старался сдѣлать ихъ соучастниками вышеизъясненнаго нашего намѣренія и что я никогда не имѣлъ съ ними—сколько помню—разговоровъ о политическихъ предметахъ.

4) На показанія Петрова имѣю честь повторить то, что я уже сказалъ на допросѣ въ его присутствіи, и присовокупляю, что я во всѣхъ своихъ разговорахъ съ г. Петровымъ никогда не упоминалъ о Царской фамиліи. Къ симъ отвѣтнымъ пунктамъ руку приложилъ Николай Гулакъ. С-Петербургъ. 1847 г. мая 17-го дня.

Немного раньше Скобелева, начальникъ третьяго отдѣленія, зная религіозный образъ мыслей Гулака, откомандировалъ къ нему протоіерея Малова для достодолжнаго увѣщанія. При дѣлѣ Гулака находится любопытный разсказъ Малова о разговорѣ его съ Гулакомъ. 1847 года марта 27-го дня, при посѣщеніи мною кол. секр. Гулака открылось слѣдующее:

1) Видъ его былъ печаленъ, но не дикъ, взоры томны, но кротки и смиренны.

2) Когда я началъ говорить ему, чтобъ онъ открылъ правительству полную и чистую истину всего того, о чемъ его спрашивали, онъ съ тихостью отвѣчалъ мнѣ: „нѣтъ, отецъ мой, сего сдѣлать я не могу!"

3) Когда я началъ спрашивать о причинѣ таковой невозможности, онъ отвѣчалъ мнѣ: „на сохраненіе сей тайны я далъ клятвенное слово, котораго никогда и низачто не нарушу".

4) Когда я началъ доказывать ему всѣмъ, что есть святого и досточтимаго, что всякое частное клятвенное слово, а особливо, если оное дано въ какомъ либо преступномъ начинаніи, есть сильный грѣхъ и нарушеніе священнѣйшей клятвы, которая изрекается нами въ вѣрноподданической присягѣ, онъ заплакалъ, заплакалъ горько и отвѣтилъ мнѣ: „все это справедливо, но я не могу!"

5) Когда же я спрашивалъ у него, что же это за тайна и въ какомъ дѣлѣ правительство хочетъ дознать отъ него истину? Онъ отвѣчалъ: „правительство это уже знаетъ; впрочемъ, это

нѣкоторыя несбыточныя мечты, которыми увлекается иногда молодость, мечты сіи сами собой разрушились бы, но вѣроятно кто нибудь насъ подслушалъ и дѣло сіе получило гласность".

6) Я сказалъ ему: Вы произнесли слово *насъ* подслушалъ, слѣдовательно были нѣкоторые и другіе участники: „были, но по силѣ нашей взаимной клятвы, я ихъ не наименую никогда. Знаю, что я сильно оскорбляю Господа Бога, жестоко огорчаю моихъ родителей, но мое честное слово я сохраню. Какая бы участь меня ни постигла, я вполнѣ предаюсь Промыслу Божію".

7) Въ заключеніе всей бесѣды, которая сопровождалась непрестаннымъ плачемъ, онъ сказалъ мнѣ: „Отецъ, я прошу объ одной милости—удостойте меня св. Причащенія". На сіе я сказалъ ему: если вы сознаетесь все совершенно въ томъ, чего отъ васъ требуетъ правительство, ваше желаніе я исполню съ радостью, но ежели продолжите ваше упорство, сего сдѣлать я не могу. При сихъ словахъ моихъ, онъ зарыдалъ еще больше и сказалъ мнѣ: „если не для Причащенія, то хотя изъ христіанской жалости навѣщайте меня".

8) Вообще въ его разговорахъ я не замѣтилъ ничего сильно злостнаго, или враждебнаго, всѣ они сопровождались мягкостью и сокрушеніемъ.

Протоіерей Алексѣй Маловъ".

Бесѣда протоіерея Малова съ Гулакомъ, столь важная для характеристики нравственной личности послѣдняго, интересна еще въ другомъ отношеніи. Она живо рисуетъ жалкое и безправное положеніе русскаго духовенства въ эпоху Николая Перваго. Отряженный Дуббельтомъ для обращенія Гулака на путь откровеннаго сознанія протоіерей Маловъ ведетъ себя не какъ пастырь церкви, не какъ христіанскій миссіонеръ, проповѣдующій религію сострađанія и любви, а какъ агентъ правительственнаго учрежденія: сначала онъ пробуетъ поймать Гулака въ противорѣчіяхъ, и когда это не удается и Гулакъ остается попрежнему непоколебимымъ въ своемъ безмолвіи, протоіерей угрожаетъ ему лишеніемъ св. Причастія. Гулакъ былъ человѣкъ глубоко вѣрующій, и легко можно себѣ представить, въ какую бездну душевныхъ страданій повергъ его отказъ Малова. Но тѣмъ не менѣе онъ не смутился духомъ и смѣло отвѣтилъ, что онъ не нарушитъ данной клятвы, а во всемъ остальномъ предаетъ себя Промыслу Божію. Смѣлое и гордое запирательство Гулака выводило изъ терпѣнія его судей, тѣмъ болѣе, что самый мотивъ его былъ мало понятенъ

психологамъ III-го отдѣленія. Конечно, его удивило не запирательство Гулака, съ которымъ они привыкли встрѣчаться каждый день, но то обстоятельство, что Гулакъ продолжалъ молчать и тогда, когда его товарищи во всемъ откровенно сознались, молчалъ, потому что далъ честное слово молчать. Такое молчаніе было выше пониманія Орлова и Дуббельта, которымъ казалось, что подобный молчальникъ долженъ таить въ своей душѣ адскія ковы и потому заслуживаетъ болѣе суроваго наказанія, чѣмъ остальные заговорщики. Донося государю о Кирилло-Меѳодіевскомъ тайномъ обществѣ, графъ Орловъ называетъ Гулака главнымъ руководителемъ общества, человѣкомъ способнымъ на всякое вредное для правительства предпріятіе. Въ виду всего этого, онъ присудилъ Гулака за упорное запирательство къ трехлѣтнему заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости, а по истеченіи этого срока къ ссылкѣ въ одну изъ отдаленныхъ губерній подъ строжайшій надзоръ. Приговоръ этотъ удостоился высочайшаго одобренія, причемъ Государю угодно было прибавить сбоку карандашомъ: „Буде исправится въ образѣ мысли". Итакъ 30-го мая 1847 года двери Шлиссельбургской крѣпости на цѣлыхъ 3 года закрылись за Гулакомъ, который, удаляясь въ отведенный для него казематъ, просилъ коменданта пріобрѣсти для него греческій подлинникъ трагедій Эврипида, говоря, что онъ намѣревается перевести ихъ во время своего заключенія на русскій языкъ. Просьба эта была уважена. Какая судьба постигла этотъ переводъ—неизвѣстно. При дѣлѣ о Гулакѣ его нѣтъ; весьма вѣроятно, что во время многолѣтнихъ странствованій Гулака по Россіи, онъ легко могъ затеряться. Ровно черезъ три года, 30 го Мая 1850 года, по полученіи свѣдѣній отъ коменданта Шлиссельбургской крѣпости о томъ, что во все время своего трехлѣтняго заключенія Гулакъ велъ себя скромно и въ образѣ его мысли ничего предосудительнаго замѣчено не было, была исполнена по отношенію къ нему вторая половина приговора: онъ былъ сосланъ въ Пермь подъ строжайшій надзоръ полиціи. Въ Перми Гулакъ жилъ сначала безъ всякаго дѣла; потомъ ему было разрѣшено поступить на государственную службу, и онъ поступилъ въ Губернскій Статистическій Комитетъ, гдѣ своей дѣятельностью заслужилъ лестный отзывъ мѣстнаго губернатора, который просилъ графа Орлова съ 1 го февраля 1855 года освободить его отъ полицейскаго надзора. Съ 1859 года Гулакъ переходитъ на службу въ Министерство Народнаго Просвѣщенія и послѣдовательно назначается учителемъ русской словесности и географіи во 2-ую

одесскую гимназію, и учителемъ математики въ Ришельевскій лицей, затѣмъ переходитъ въ Керчь и преподаетъ въ Керченскомъ дѣвичьемъ институтѣ исторію и естественныя науки. 21-го мая 1863 года переводится учителемъ математики и латинскаго языка въ 1-ую Тифлисскую гимназію, — должность эту онъ занималъ до самой отставки. Уже простое перечисленіе предметовъ, которые преподавалъ Гулакъ, доказываютъ, какъ широка была сфера его научнаго созерцанія. Если прибавить къ этому основательное знаніе языковъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, а также и восточныхъ, то безъ преувеличенія можно сказать, что онъ былъ самый образованный человѣкъ изъ всѣхъ Кирилло-Мееодіевцевъ, не исключая самого Костомарова. Этотъ энциклопедизмъ отражается и въ его ученыхъ трудахъ, которые поражаютъ своимъ разнообразіемъ. Составитель некролога Гулака приписываетъ ему слѣдующія работы:

1). *О четвертомъ измѣреніи.*

2). *О рѣшеніи трансцендентныхъ уравненій* (на французскомъ языкѣ).

3). *О грузинской поэмѣ „Барсова Кожа“.*

4). *О знаменитомъ персидскомъ поэтѣ Низами и его поэмѣ „Походъ Русовъ противъ Бержа“.*

5). *О мѣстѣ занимаемомъ грузинскимъ языкомъ въ семьѣ индоевропейскихъ языковъ.*

Во время его трехъ-лѣтняго заключенія и многолѣтнихъ странствованій по Россіи, Гулакъ растерялъ почти всѣхъ своихъ товарищей по Кирилло-Мееодіевскому обществу; мы даже не знаемъ, удалось ли ему когда-нибудь повидаться со своимъ возлюбленнымъ Афанасіемъ Марковичемъ. На археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ 1881 г. Гулакъ встрѣтился со своимъ старымъ сподвижникомъ и другомъ Н. И. Костомаровымъ. Многое могли-бы они разсказать другъ другу, но этого не случилось. Очевидецъ разсказываетъ, что первоначально Костомаровъ хотѣлъ броситься Гулаку на шею, но послѣдній сурово посмотрѣлъ на Н. И. черезъ свои очки, молча пожалъ ему руку и отошелъ въ сторону. Вскорѣ послѣ Археологическаго съѣзда Гулакъ вышелъ въ отставку, переѣхалъ въ Елизаветполь и поселился въ домѣ своей пріемной дочери, гдѣ и умеръ 26 мая 1899 г.

Москва, 20 декабря 1905.

Н. Стороженко.

Весняна повидь.[1]

Повисть.

ЧАСТЫНА ДРУГА.

I.

Шырокый, обсаженый товстымы дупластымы вербамы шляхъ, що тягся видъ Кыива до Москвы черезъ поля й лугы, горы й болота, лисы й узлисся, на хвылыну ховався въ невелыкому гайку, выхоплювався зъ його и йшовъ дали й дали, полямы й лугамы, въ далечинь на пивничъ.

Неуважный подорожній ледви чы й помитывъ-бы, що то не звычайный пустопорожній гайокъ, а що въ йому ховается невелычкый хуторець.

Трохы осторонь видъ шляху, за молодымы соснамы й березамы, пидъ захыстомъ старишыхъ березъ, стоявъ невелыкый сиренькый домокъ.

Винъ осивъ и похылывся, немовъ зажурывся, якъ стара пидтоптана людына. Биля його, тежъ мижъ деревамы, стоялы стареньки стайня, коморы, повиткы й де-яки хливци. Все ховалось мижъ деревамы, и колы-бъ хто чужый поглянувъ на цей хуторець, то йому-бъ здалось, що оце подвирря забуте людьмы й заростае лисомъ, якъ заростае бурьяномъ та травою яка забута непотрибна ричъ.

Усе здіймалось надъ нымъ вгору й тяглось до неба, тильки будивли дывылысь въ землю, та ще довгый и трохы зигнутый, мовъ велыке вудылыще, журавель биля колодязя згынавъ свою

1) См. Кіевск. Стар., № 1

суху шыю внызъ и иноди нахылявся, щобъ дистаты цеберъ воды тымъ, хто жывъ у цьому хуторци.

То було ридне гниздо Трублаевычивъ.

Людей у йому було дуже мало. Колы оце зимою стари березы гудилы й скрыпилы вночи одъ витру й торкалысь, мовъ кощавымы пальцямы, своимы обмерзлымы звыслымы витамы до стрихы домка, те торкання чулы тильки стара пани й іи дочка. И имъ здавалось у таки ночи, що то прыйшлы якись невидоми й зли велетни й добираются до ихъ.

Тоди у всихъ трьохъ панськыхъ горныцяхъ горило всю ничъ свитло: палалы передъ старымы почорнилымы образамы велыки лампадкы зъ рожевого, червоного й сынього скла. Гнотыкы въ лампадкахъ стыха потрискувалы, и огныкы пидстрыбувалы, и видъ того по стинахъ бигалы рожеви, червони й сыни смугы видъ винцивъ лампадокъ.

Звычайно кожну ничъ горила тильки одна червона лампадка въ бильшій кимнати — зали, уси-жъ тры запалювалысь въ отаки неспокійни ночи.

И тоди й стара пани, й іи дочка ридко колы спалы й бралы до себе въ горныци зъ пекарни свою служныцю, вдову Петровну. Въ пекарни зоставався тильки наймытъ Терешко. Але зъ Петровны було мало пуття: вона заразъ засыпала и гучно на всяки голосы хропла. Та уже й те хропиння нагадувало, що въ хати есть людына, и не було такъ моторошно, якъ самимъ.

Въ таки ночи й старый Кудлай бувавъ неспокійный и бигавъ кругомъ хаты, и гавкавъ; а не то—сидавъ проты витру на прычилку и довго й тяжко вывъ.

Винъ вывъ, а маты зъ дочкою слухалы те выття и млилы зо страху й передчуття чогось невидомого й страшного.

— Шуро, — казала маты дочци, — збуды Петровну!..

Та торсала іи за плечи, або за голову.

— Га?.. Що?.. — прокыдалась Петровна, сидала на своій постели на рядныни биля грубы и довго й гучно чухалась.

— Чого то Кудлай такъ вые? — пыталась пани.

— Га?..

— Чого, кажу, Кудлай такъ вые?..

— А хто його знае! — одмовляла Петровна, на хвылыну покынувшы чухатысь и немовъ прыслухаючысь до Кудлаевого голосу.

— Чуешъ?

— Та чую. Це мабудь вовкы ходять биля Кордубовкы.

— А у насъ все позапирано?

— Позапирано.

Петровна сыдила яку годыну, опершысь спыною объ грубу, й куняла, а потимъ важко зитхаючы, зновъ лягала на свое лижко й раптомъ засыпала.

А Кудлай вывъ и вывъ...

— Га-ву-у-у!.. Гавъ-гавъ-ву-у-у-а-а!.. — выводывъ винъ, почынаючы зъ горы, й зводячы нанызъ и напрыкинци позихаючы, мовъ сылкуючысь забутысь журбы, досады, а найголовне—бездилля.

— А, бодай ты здохъ! — крізь сонъ бубонила Петровна, перевертаючысь на другый бикъ.

Сумно и моторошно було жыты на хутори завжды, а колы почалась війна й посталы скрізь розрухы, колы спалылы поблызу сахарню, и дымъ пожежи по долыни ричкы дійшовъ и до гайка Трублаевычивъ, засивъ у ньому, заволикъ небо, потемнывъ сонце и мовъ уже й не покыдавъ хутора, то стало ще сумнище, ще моторошнише. Той дымъ гнитывъ душу старои пани й панны: палять сахарни, будуть палыть и панивъ. Прыйде вночи зъ Кордубовкы Хома Гайдунъ, або отой мужыкъ, що прывозывъ вугилля, визьме жмутъ соломы, заткне пидъ стриху якого-небудь хливця та й пидпале. Що ты будешъ тоди робыть?..

А Гайдунъ такый.

„И на що я тоди усылювалась, щобъ винъ мени перевизъ ту копу, що була найблыжче до Кордубовкы?“ — думала теперъ по ночахъ пани: — „Знаю, що туды позносывъ кращи снопы, знаю, що й снопы понавьязувавъ велыки... та нехай-бы вже бувъ забиравъ соби!.. У його симья велыка, а я-бъ не забиднила. Такъ отъ пиды-жъ ты, — якъ на грихъ!.. „Ну попомьятаешъ мене!“ — сказавъ, та ще й налаявъ гыдко, якъ тильки може роздратованый мужыкъ.“

И пани боится, що той самый Гайдунъ спале іи хутиръ. Пидійде до хливця, де коровы, тай запале. И колы Кудлай вые въ другому кинци оселі, вона часто думкою прохае його: „побижы до коровныка й по-за коровныкомъ и подывысь, чы тамъ немае Гайдуна. А ще краще було-бъ, колы-бъ увесь гайокъ обглядивъ: може винъ-де заховався тамъ мижъ деревомъ.“

Це одни думкы, а други про Андрыка.

Тильки-тильки выйшовъ хлопець на офицеры, якъ тутъ почалась ота проклята война... Бильше пивроку що-дня ждала маты, що отъ-отъ надійде лыстъ видъ Андрыка, що забырають його на войну. Уже килька разивъ пысавъ винъ, що тягъ жеребъ,

та все выпадало счасливо, а въ осевы й повидомывъ, уже зъ Москвы, що пойихавъ на войну своею охотою,—„бо такъ краще буде“.

Спочатку, якъ громомъ ударыла матирь ця звистка: своею охотою пишовъ на войну іи хлопець, іи Андрыкъ, такый молодый, такый палкый па гнивъ и на ласку! Винъ буде убывать и його убьють... За вищо, на що?...

И вона довго думала, цили дни й ночи, объ тимъ, що прымусыло його зробыты такъ, и слова: „такъ краще буде“ — свердломъ вертилы ій мозокъ и мовъ коженъ поворотъ того свердла болемъ одгукався въ іи серци.

„Такъ краще буде“.

Кому?

Йому, Андрыкови.

Чымъ саме краще буде?

На це одповиди не було...

Що-жъ кынуло його зъ тыхого Брестъ-Литовська отуды на Шахе, въ якесь тамъ Сяо-кишин-пу?

Бажання славы? Такъ ще зъ початку войны було выдно, що у насъ не буде „славныхъ“, та й якои славы може залучыть соби пидпоручыкъ-пихотынець, це гарматне мнясо!.. Може винъ соби прыдбаты калицтво, хворобу на ввесь викъ, або смерть... Може доскочыты якогось хрестыка, чы ордена. Але на вищо воны йому.

Ни, не за тымъ пишовъ Андрыкъ на берегы Шахе.

Може винъ пишовъ на войну зъ сорому, шобъ не йисты даромъ казьонный хлибъ?..

Такъ хиба мало дармойидивъ сыдыть по всякыхъ посадахъ, по всякыхъ закапелкахъ службовыхъ? Спершу треба гнаты до роботы генераливъ та адмираливъ, полковныкивъ та капытанивъ, а пидпоручыкы не багато дарового хлиба зйидять.

Ни, щось друге, щось инше погнало Андрыка на войну.

И серце матери, жиноче серце говорыло, що то мусыть буты кохання, несчасливе, незадоволене кохання...

Це такъ.

Недаромъ винъ порывався зъ Бреста въ Кыивъ, недаромъ винъ пысавъ радисни лысты зъ Кыива, колы йому довелось на тры дни попасты туды.

Кохання!..

Несчасне кохання!

И маты проклынала ту невидому кыянку, що заступыла собою свитъ Андрыкови. Але рятунку зъ того не було ніякого. Андрыкъ уже бувъ на Шахе: двадцять одынъ день стоявъ на попереднихъ позиціяхъ, у окопахъ, и двадцять одынъ день въ резерви.

Вона прохала, щобъ винъ пысавъ ій все, все, що доведется йому зазнаты, и винъ слухався, й пысавъ. И ти лысты його иноди булы схожи на предсмертну сповидь.

Маты розумила и... плакала, гирко плакала надъ тымы пысаннымы оливцемъ лыстамы, що-дня перечытуючы ихъ вси, видъ першого до останнього. Вона черезъ ти лысты пережывала зъ сыномъ вси його вражиння, душею була зъ нымъ на позиціяхъ, чула свистиння куль и пострилы гарматъ.

Найбильше дорогый ій бувъ лыстъ видъ третього лютого, зъ Лин-чин-пу, въ якому сынъ росповидавъ про походъ на попередни позиціи. Ось частына його.

„Недавно я пысавъ вамъ и заразъ зновъ пышу, бо сыжу въ окопахъ, робыть ничого, спать неможна. Якъ пышешъ, то скорише мынае часъ и не такъ сумно.

Першого лютого мы вдруге прыйшлы сюды, на попередню позицію, зновъ на 21 суткы. Не скажу, щобъ я йшовъ сюды безъ заохоты. Навпакы. На биваку я одпочывъ и вже почынавъ сумувать безъ дила. Тутъ же зновъ нервове, небезпечне жыття, блызькисть ворога и почуття и въ соби самому ворога отыхъ людей, що сыдять впереди за своими окопамы. Якъ це не есть ненормальне, але це захоплюе всього, прымушуе буты на сторожи, бо й мы й воны зійшлысь сюды для того, щобъ ударыты зъ усіеи сылы и выйты зъ бою переможцямы, або лягты трупомъ.

Одступать не будемо, вже досыть одступалы. Прынаймни, я не покажу ворогови спыны. Ци окопы будуть моею могылою, и я вже встыгъ полюбыты ихъ.

Я мабудь николы не забуду мого першого прыходу сюды, на цю позицію. Це було, якъ я вже пысавъ вамъ, двадцятого декабря. Въ цей день нашъ полкъ повыненъ бувъ иты въ окопы, щобъ зминыть другый, нашои жъ брыгады. Выступаты було прыказано въ 8 годынъ увечери зъ бывака, за чотыри верствы, на позицію. Въ симъ годынъ мы повечерялы, погасылы огни, одяглысь и выстроилысь въ походъ. Въ висимъ рушылы. Полкъ вытягся трохы чы не на верству. Було темно й холодно. Спочатку люде перемовлялысь, пересмихалысь, курячы цыгаркы та трубкы, та кректячы пидъ двохпудовымъ знаряддямъ.

Тыхо... Выстреливъ ще не чуть. Чутно тильки тупання чобитъ по мерзлій земли, та брязкання казанкивъ. Розмова потроху затыхае, погасають огныкы видъ папиросъ та трубокъ, — чуется блызькисть позиціи. Пройшлы верствы дви зъ половыною и прыпынылысь. Це голова колоны пидійшла до „ходу сообщенія". „Ходъ сообщенія" — це ривъ, що скрытно веде до позиціи...

Здалека сталы долитать глухи згукы выстреливъ. Выглянувъ мисяць, стало выдно, але туманно. Зморени салдаты попрысидалы на землю одночыты. Тыхо. Тильки иноди чуты здержане кахыкання застуженыхъ. Нарешти зновъ рушылы, и мы по одному сталы входыты въ ривъ. Ривъ дуже вузькый, и навантаженому салдатови доводытся иты бокомъ.

Стало чуты выстрелы блыжче й блыжче... То луною оддавалысь перекаты выдержанныхъ залпивъ. Туманъ розвіявся...

Але ось прозычало щось зовсимъ поблызу, свыснуло друге щось ще блыжче. Хтось застогнавъ... То ворожа куля найшла свою жертву. Раненого вытяглы зъ рову, поклалы на носылкы, й санитары понеслы його назадъ. Рушылы дали. Выстрелы чутнище, кули верещать все частише й частише. Салдаты нахыляются въ рови, ховають головы. Тыхо, и тупотиння не чуть, тильки дзвенять казанкы, бьючысь объ стины рову, а кули свыстять все частище, все ризноманитнише, кожна на свій ладъ. Инша—зовсимъ якъ дытына, плаче, друга прогуде, мовъ чмиль, третя просвыстыть ризко й коротко, а ще якась прымусыть, несподивано зъ трыскомъ ударывшысь въ насыпъ, здригнутысь усимъ тиломъ.

Салдаты попрысидалы въ рову. Бильшисть зъ ихъ налякана. Моторошно...

Нарешти выстрелы чуты зовсимъ блызько. Воны доносятся и спереди, и зъ бокивъ. Це мы прыйшлы до позиціи. Ввиходымо по одному въ окопъ. Винъ глыбшый и шыршый.

Мисяшно, морозно. Биля попередньои стинкы окопа стоять, прытыснувшысь, якись тини у фантастычній одежи. Вгори надъ ными якись свитляни плямы, въ тыхъ плямахъ выблыскують довги палыци. Колы це разомъ: т-трахъ!.. — надъ самымъ ухомъ, ливоручъ, праворучъ... И гулка луна покотылась по-за окопамы гуркочучымы перекатамы...

Оце и есть позиція. Фантастычни тини — салдаты, позакутани видъ холоду въ ковдры; ясни плямы—бойныци; блыскучи палыци въ ихъ—рушныци, а гримъ — то залпъ и луна поза окопамы по ричци Шахе, де мы теперъ стоимо, и де, якъ колысь

наши предкы на Каяли, пьемо и упываемось червонымъ выномъ. Тутъ у мырный часъ рицко якый день мынае безъ забытого.

Ось вона попередня позиція — оселя смерти! Тутъ усе въ іи влади!... Тини — то іи слугы, знаряддя въ виконцяхъ — то іи зброя, а гримъ — іи прыговоръ людямъ иншого колира кожи другои націи! Тутъ все іи власнисть! Тутъ вона царствуе, и пахне тутъ тильки нею!" . . . . "

Колы маты дочытувала лыста до цього мисця, то сльозы градомъ рынулы у неи зъ очей. Вона падала головою на стилъ, обгортала іи рукамы и, рыдаючы въ голосъ, выгукувала страшни проклъоны тымъ, хто наклыкавъ оте несчастя, хто выклыкавъ оту страшну царыцю зъ іи проклятого лигва...

Колы проходыла перша гостристь болю, горя й гниву, вона чытала дали.

„Въ окопи пахло трупамы, бо його вырыто на мисци, що видоме теперъ пидъ назвышемъ мисця бою на Шахе. Тутъ безличъ трупивъ, такъ-сякъ зарытыхъ у мерзлу землю, а багато есть и зовсимъ незарытыхъ..

Въ багатьохъ мисцяхъ въ окопахъ зъ землю высовуются, то нога въ рваному чоботи, то закацубла рука въ сирій салдацькій шынели...

Якось пидъ тымъ мисцемъ, де салдаты варылы соби чай и розигривалы обидъ, знайшовся такый трупъ. Довидалысь про його тильки тымъ, що видъ огню нагривалась земля и трупъ почавъ гныть!" . . . .

Тутъ зновъ сльозы почыналы душыть бидну матиръ, и вона зъ новою сылою гниву и видчаяння выгукувала:

— О, будьте вы прокляти!.. Чомъ васъ земля не поглыне?...

— Бидный, бидный!..— прымовляла вона згодомъ, держучы въ рукахъ змоченого сльозамы лыста и похытуючы головою, и не можна було розибрать, кого вона жалила—чы сына, чы того салдата, що на його трупи розводылы огонь и варылы чай.

Дочка умовляла іи, але вона не слухала тихъ умовлянь. А колы счынывся страшный Мукденськый бой, колы въ рукы японцивъ попалы ти окопы, зъ якыхъ Андрыкъ обищався не одступаты назадъ, горю матери й сльозамъ не було краю.

Терешко теперъ йиздывъ що-дня верхы за симъ верстъ у Степанивку на почту за лыстамы й газетамы. Газеты прыходылы, а лыстивъ не було. И въ газетахъ тыхъ тильки й було розмовы,

що про Мукденськый розгромъ... Та стара пани бильшъ ничого й не чытала, якъ про войну. И скризь вона шукала звисткы про десятый Новоингерманландськый полкъ, але звистокъ не було, и вона не знала, чы його выбито весь, чы винъ попавъ у полонъ, чы утикъ за Телинъ.

Вона вже ледви ходыла по горныцяхъ, а на двиръ и зовсимъ не выходыла. Усе сыдила биля викна и до смерку ждала, чы не майне мижъ березамы постать Терешка, чы не прывезе винъ нарешти лыста або телеграмы видъ Андрыка.

А Терешко забарювався. Йому надобрыдло на хутори, и винъ загаювався и въ Степанивци, и въ Кордубовци, и просто на шляху, и заводывъ зъ людьмы розмовы. Винъ прывозывъ багато новынъ и росповидавъ ихъ въ пекарни Петровни, а та переносыла въ горныци.

Але не веселылы ти новыны панивъ.

Скризь по селахъ и хуторахъ люде радылысь, якъ на весну буты зъ панамы и ихъ землею: чы браты въ аренду землю, чы не браты, а просто одбыраты іи соби, а панивъ выселыты кудысь инде, въ города чы що? Колы браты въ аренду, то яку цину платыты? Колы забраты землю соби, то якъ іи помижъ себе паюваты?

Ци й други звисткы гнитомъ прыгничувалы серце старои пани, и одного ранку вона сама не встала зъ лижка: у неи видняло праву руку й ногу. И тоди на хутори зробылось ще сумнище, ще моторошнише. Одного разу писля цього Терешко вернувся зъ Степанивкы пьяный, спивавъ, лаявся и нахвалявся, що спале весь хутиръ, щобъ його й духу не було, попалыть усихъ „бабивъ", а самъ пиде руйнувать сахарни.

Отоди Шура й напысала братови, щобъ винъ йихавъ на хутиръ.

Вона знала, що лысты до Ивася доходять тильки на четвертый день, и выраховувала, колы винъ може прыйихать. И колы пидходывъ той день, що треба було ждать Ивася, то передъ вечеромъ, сказавшы матери, що выходе трохы походыты по двору, пишла зъ хутора у той край, звидкиль повыненъ бувъ йихаты Ивась. Вона хотила побачытысь зъ нымъ загодя и поговорыты, щобъ винъ усе знавъ, що творытся дома, и бувъ обережный зъ матирью.

Шура выйшла зъ хаты и пишла на шляхъ, выйшла по ньому зъ гаю и стала, втопывшы очи въ далечинь, туды, де договоравъ вечиръ. Вечирнье червонувате проминня осявало іи смугля-

ве худе облыччя, а чималый морозъ надававъ іи змарнилій вроди молодости, и вона була въ цій хвыли дожыдання навить вродлыва, хочъ їй уже було пидъ трыдцять литъ и вона загубыла всяку надію на краще въ своему дивочому жытти. Вона була схожа на старшого брата Ивася: той самый ривный нисъ, згущени на перенисси бровы и дрибне пиддбориддя.

Вона стояла, дывылась и слухала. Скризь було пусто, безлюдно. По билому снижаному полю чорнивъ шляхъ. Снигъ бувъ велыкый и за зиму злигся на шляху твердою чорною крыгою. Въ Кордубовци на ничъ топылы хаты и хутиръ курывся десяткомъ дымаривъ. Вечирнье проминня червоныло ти клубкы дыму, и було любо дывытысь, якъ його пасма тягнутся въ далечинь, мовъ мелодія сумнои, тягучои писни.

И на души у Шуры було сумно й тривожно. Серце іи былось сподиваннямъ чогось невидомого, що може скоро буты, може й зовсимъ не буты. Вона знесылылась душею за цю зиму, и зъ нею почалы траплятысь, спершу ридко, а дали частише, прыпадкы, якыхъ не було ранишъ николы: що-небудь зтурбовувало іи, то несподивано пидкочувався якыйся клубокъ до горла, стыскувавъ його, и вона плакала, й сміялась. Потимъ вона почувала себе немовъ розбытою по всихъ суставахъ.

И вона боялась того клубка и завжды прыслухалась до себе,— чы не почынае винъ пидводытысь вгору. И теперъ їй здалось, що нибы той страшный клубокъ ворухнувся у неи въ грудяхъ, и вона одвела очи одъ дыму. Позадъ неи зъ другого кинця гайка до неи доносылысь мужычи голоса. Чуты було, що йде килька чоловикъ.

Шура похоплыво, мовъ дыка коза, вбигла назадъ въ гайокъ и прытаилась за густымы молодымы соснамы. Вона вся обернулась въ слухъ, бо пизнала голосъ Гайдуна.

— Чого дывытысь на другыхъ,—роздратовано говорывъ винъ,— не хотять, то мы й сами зробымо!..

— Зробышъ тутъ?...—недовирлыво завважывъ хтось незнайомый.

— А вже-жъ зробымо? Не хотять Амосовци, змовымось зъ Степановцямы,—однаково й тимъ земли треба.

— У ихъ багато своеи!

— Стильки жъ, скильки й у насъ, а Полупаенко лупыть зъ ихъ, якъ зъ ридного батька!..—зновъ почула Шура голосъ Гайдуна.

— Воно колы бъ увесь кутъ зговорывся, та узявъ усихъ панивъ въ лабеты, то це добре було бъ!—забубонивъ третій голосъ.— Усихъ бы ихъ, глытаякъ, у жменю взяты: Амосенка, Полупаенка, Шрама, Бордоноса... та й оцю стару...

Шура догадалась, що говорять про матиръ.— Хочете, мовлявъ, буты жывымы й хлибъ йисты, то здавайте намъ землю по такій-о цини, а не хочете, то сами на себе жалкуйте!

— Що й казать!.. Та якъ-бы-жъ усымъ мыромъ...

— Змовымось. Уже на те пишло.

— А гарно було-бъ!..—зновъ забубонивъ третій голосъ и хрыпко засміявся.

Мужыкы пройшлы мымо. Це булы Кордубовци, и Шури здавалось, що вона знае й того, що ото хрыпко сміявся: винъ такый патлатый, бородатый и ходе, мовъ ведмидь. Але уже въ гаю було темно, и вона не могла роздывытысь. Та все одно: хто-бъ не говорывъ, а выходе, що Терешко правду казавъ Петровни,—мужыкы радятся, щобъ одибраты у панивъ землю. „Що жъ намъ— зъ голоду тоди пропадать?“—думкою спытала вона оту юрьбу, що посунула по шляху, и злисть закыпила у неи въ серци.

— Прокляти!—гукнула вона имъ въ слидъ, почуваючы, що клубокъ уже котытся до горла.

И вона заплакала й зареготалась...

Колы заспокоилась, уже смерклось. На шляху не выдно було й не чуть никого. Братъ не прыйихавъ.

II.

Трублаевычъ прыйихавъ до-дому на другый день. Шура не встыгла выйты йому назустричъ. Вылизшы зъ саней и видбываючысь видъ Кудлая, що зразу не пизнавъ його, винъ увійшовъ въ горныци. Жыво роздягшысь, пройшовъ у залу. Маты сыдила въ крисли биля столу и, побачывшы його, злегка скрыкнула и потяглась назустричъ, але могла тильки повернуть голову и простягты ливу руку.

— Слава Богу, такы прыйихавъ!..—говорыла вона, прыгортаючы сынову голову до высхлыхъ грудей и цилуючы його чоло й волосся.—Слава Богу!.. Бачышъ, яку заставъ...

И вона заплакала.

Трублаевычъ цилувавъ матиръ, піймавъ іи здорову руку й прытыснувъ до своихъ устъ.

Що жъ це, мамо, зъ вамы?.. Що жъ це таке?..—бурмотавъ винъ, сылуючысь здержаты сльозы й не уміючы зробыть цього.

Бо и въ його мовъ щось увирвалось въ грудяхъ. Килька рокивъ винъ не бачывъ матери, ридко думавъ про неи, а по цилыхъ мисяцяхъ и зовсимъ не згадувавъ, и ось яку побачывъ теперъ.

— Мамочко, ридна! Що жъ це зъ вамы?..

— Умираты збираюсь, сынку...

И обое плакалы въ зали, а Шура, зачувшы отп плачи, побигла въ опочывальню, зарылась въ подушкы й душыла нымы рыдання й той проклятый, безглуздый свій регитъ.

Згодомъ заспокоилысь. Смеркало. Петровна свитыла лампу. Прыйшла Шура зъ вохкымы видъ слизъ рукамы й лыцемъ.

— А мы ждалы тебе ще торикъ, якъ Андрыкъ прыйиздывъ,—говорыла маты, держучы сына за руку.

— Я й збирався... Та якось не довелось,—одмовывъ Трублаевычъ и почувавъ гострый докиръ соби у тихъ словахъ матери и неправду — въ своихъ: винъ зовсимъ и не подумавъ тоди поййихаты до матери, колы вона звала його, бо йому тамъ, у тому велыкому камьяному городи, середъ його звычайныхъ знайомыхъ—друзивъ и ворогивъ, здавалось смишною сантиментальнистю бажання матери побачытысь зъ сыномъ, бажання іи зибраты биля себе всю свою симью и пожыты вкупи килька день.

Теперъ винъ почувъ важкый докиръ въ своій души: якый винъ черствый и эгоистычный. И, бажаючы загладыть свою провыну хоть трохы, зновъ прыпавъ устамы до рукы матери.

— Андрыкъ тоди дуже жалкувавъ, що не побачывсь зъ тобою,—казала матиръ, ослобоняючы руку и гладячы нею волосся сынове.—Хто його знае, казавъ, колы доведется побачытысь!

— Ничого, война скинчытся скоро—и винъ вернется.

— Э, колы-бъ!.. Та щось немае й немае видъ його звистокъ,—разомъ стурбовалась маты.—То лысты пысавъ, обицявъ, що колы буде бой, то, якъ зостанется жывый, подасть звистку телеграмою. Та... ось и немае іи! Чуе мое серце..

Маты зновъ збиралась плакаты. Сынъ и дочка утишалы іи. Але чымъ вони моглы умовыты іи, колы сумлиння вже засило и въ ихъ душахъ.

— Мы справымось въ бюро полоненыхъ, може винъ у полонъ попавъ,—говорывъ Трублаевычъ.

— Колы-бъ давъ Богъ! — якъ за соломынку хапается той, що утопае, схопылась за цю думку маты.

Сынъ обищавъ завтра-жъ напысаты въ бюро.

— Я выпысала вже й Вистныкъ Червоного Хреста,—тамъ есть спыскы раненыхъ, хворыхъ и убытыхъ, але тамъ друкуются ще спыскы за попередни мисяци, а тыхъ, що ляглы пидъ Мукденомъ, немае. Прынесы, Шуро, номеры сюды, нехай ще Ивась пергляне!

Трублаевычъ одмовывся:

— На що, мамо?.. Колы вы не побачылы тамъ Андрыка, то я не побачу. Дасть Богъ, винъ жывый и скоро прышле звистку.

И вси замовклы. Коженъ думавъ про свое. Лампадка стыха потрискувала й блымала пидъ образамы. Петровна подавала самоваръ. Трублаевычъ уставъ и почавъ ходыты по кимнати. Його зъ дорогы трохы морозыло и дрижакы иноди перебигалы по спыни. Маты водыла за нымъ очыма.

— То Андрыкъ, а тутъ мужыкы!.. — говорыла вона. — Таке выгадують, чого и зпоконвику не було. Хотять землю у панивъ видбирать.

— Ну, цього, мамо, буты не може, — сказавъ спынывшысь проты неи сынъ. — Колы воны куплять панськи земли соби, то воны будуть ихни, або колы государство выкупыть ихъ у тыхъ, хто держыть ихъ теперъ, то будуть воны государственни. Це було-бъ найкраще. Була-бъ такъ звана націонализація земли.

— Ни, воны просто хотять повыганять панивъ въ города, а землю подилыты помижъ собою, — схылывшы голову набикъ и журлыво похытуючы нею, казала маты. — Я ще ось учора чула, якъ Кордубовци змовляются зъ Амосовцямы, Степановцямы й другымы сами установыть арендну платню зъ десятыны.

— Це може буты. У насъ же тильки мужыкы й оброблямоть землю своимы рукамы. Не захотять воны орать и сіять, то земля стоятыме облогомъ, — паны сами іи не засіють. Отъ воны, колы справди змовлятся, то й можуть або зовсимъ не брать панськои земли, або даты за неи ту плату, яку сами захотять.

— А, бодай не диждалы того! — скрыкнула, спалахнувшы, якъ огонь, маты. — Цього николы не було й не буде!.. Зъ голоду попухнуть!.

Шура замахала Ивасеви рукамы. Винъ побачывъ, що необережно почавъ розмову, и що маты, хочъ уже й стара й хвора, але зберегла ще вогонь своеи натуры и свои стари переконання.

— Ну, звычайно не буде, це тильки я такъ кажу, що воны хотять цього, — пробувавъ Трублаевычъ злагодыть розмову.

— Хотять!.. Мало чого воны не захотять! Про мене, нехай всю мою землю зйидять и мене саму зйидять: все одно умирать! Онъ уже садъ рубають... На тимъ тыжни индыкивъ выкралы зъ хлива... Нехай жруть, — не подавлятся! И чого мене Богъ ранишъ не забравъ до себе, щобъ очи мои не бачылы того, що теперъ скризь постало.

Гнивъ хворои разомъ перейшовъ у сльозы.

— Нехай все забирають!.. Взялы вже сына у мене, не вернуть...

— Мамо, мамо! — клыкала, благаючы, дочка. — Заспокойтесь!

— Чого тоби тамъ: „мамо, мамо!„ Знаю сама, що твоя маты. Вырвалы вже зъ мене серце чужи, а ты дорываешъ, скыглышъ, надъ моею головою. Пишла-бъ краше подывылась, що тамъ у пекарни робытся!

Шура встала й покирно вышла, щобъ не дратувать матери, зъ хаты.

Трублаевычъ не знавъ, що йому робыть зъ матирью. Николы винъ не ходывъ биля хворыхъ и не вмивъ ни пидступыты до ихъ, ни умовыты.

— Отъ що я тоби, сыну, скажу, покы жыва, — повернулась ришуче маты до сына: — выжене нашъ ридъ ота мужва видциль, вжене вона мене въ могылу!.. Тоди забирай оту плаксу до себе. Землю продай, за що не продасы, а продай отымъ, чы другымъ хамамъ, зрубай и продай и гай, увесь до деревыны! А хату и все спалы, щобъ и слида Трублаевычивъ отутъ не зосталось. Бо все одно оти мугырякы це зроблять, та ще й васъ жывымы попалять!..

Сынъ умовлявъ матиръ, доводывъ, що ничого того буты не може, що все згодомъ угамуется, налагодытся, але маты й слухать не хотила, и винъ, щобъ заспокоиты хвору, повыненъ бувъ сказаты, що выповныть іи волю.

— Щобъ и слиду не було! Жылы Трублаевычи, садылы, гай, працювалы честно, и не мае ихъ, мовъ и не було!.. Нехай зостаются сами, нехай пожырають одне одного, нехай выпасають свои ныву, нехай вырубають свои сады, нехай попалять свои хаты!..

Трублаевычъ слухавъ слова матери и думавъ про те, якый розладъ пануе мижъ людьмы и яке непорозуминня. Складалысь воны викамы зъ краплынъ, зъ дрибныць, складалысь и зъ велы-

чезныхъ неправдъ, узаконялысь кодексамы пысанымы й непысанымы и довелы до того, що люде-браты сталы ворогамы одне одному, оправдуючы жорстоку латынську прыказку: homo homini lupus est. Чоловикъ для чоловика — вовкъ!.. И цей вовкъ не розбирае, кого винъ рве — правого чы вынуватого, здорового чы хворого, старого, чы немовлятко. Винъ почувае въ соби злисть и мае зубы и рветь що-попадя... И цей вовкъ сыдыть не тильки въ отыхъ темныхъ мужыкахъ,—винъ сыдыть и въ освиченыхъ панахъ, винъ сыдыть въ серци його умираючои матери.

— Мамо, та есть же Богъ!.. Вы жъ вирыте въ Бога? Хиба-жъ винъ попустыть, щобъ такъ було, якъ вы кажете?

Сынъ сказавъ ци слова якъ звычайну фразу, не надаючы ій ніякои вагы, але його слова упалы на серце матери, якъ вода на огонь. Вона разомъ стышылась и знову заплакала, але вже тыхо, покирно.

— Не допустыть Богъ до того, не допустыть!..

Маты плакала, а сынъ мовчавъ, суворый и замысленый.

Кудлай бигавъ пидъ викнамы й гавкавъ.

. . . .

Зимова ничъ зайшла скоро. На хутори лягалы спать рано и п随ля чаю й короткои вечери погасылы свитло. Горилы тильки лампадкы.

Трублаевычъ роздягся и лигъ на лижко, але заснуты не мигъ: и лежавъ, и прыслухався до гукивъ затыхлого домка, и перебиравъ згадкы и враження прожытыхъ днивъ и часивъ.

Йихавъ винъ до дому и тильки й чувъ розмовы, що про войну та повсюдни розрухы, и нихто не бувъ задоволеный зъ тіеи войны и зъ тихъ розрухивъ; и коженъ пытався: на що-жъ воювать, колы та война зовсимъ зайва и въ той часъ потрибуе такыхъ страшныхъ жертвъ? чому счыняются скризь оти розрухы, зъ якыхъ немае ніякои корысти ни жертвамъ, ни тимъ, хто бье, грабуе, убывае? На що це все? И вси почувалы, що одна тому прычына, але якъ іи одсунуты геть? И теперъ, лежачы въ постили, Трублаевычъ почувавъ, що словомъ „непорозуминня“, яке часто прыходыло йому до думкы въ останни часы, не можна розвьязаты такого складового й велыкого пытання, котре поставывъ на чергу часъ. И ця велыкисть и складовисть пытання лякала його. Безперечно, що ридный край пережывавъ якыйся глыбокый и ще добре недизнаный процесъ. Стара будивля трищала по всихъ скрипахъ, зрывалысь штукатурка, дошкы и цеглыны и былы все, на що падалы, але що збудуется знову и якъ, того винъ не

мигъ сказаты соби, и не мигъ цього сказаты нихто, бо це залежало видъ дуже багатьохъ прычынъ и умовъ, сполучыты яки могло тильки жыття.

Зъ гиркымъ почуттямъ думавъ Трублаевычъ про те, що такъ просто здавалось и йому, и його знайомымъ, — усимъ отымъ Зембулатамъ, Билогрудамъ, Говорецькымъ, Загорянськымъ и другымъ, кого винъ знавъ,—на-ново перебудоваты всю імперію. Здавалось, що досыть тильки выробыть порядный основный законъ и выпустыть його зъ видповиднымъ манифестомъ, якъ усе пидъ сонцемъ и мисяцемъ обновытся и вси будуть задоволени й счаслыви. И теперъ винъ бачывъ, що не такъ то це просто, якъ здавалось, и що доведется новому ладови жыття переступыть черезъ багато трупивъ, насамперёдъ черезъ трупъ його-жъ матери, його сестры...

Такъ винъ думавъ. А зъ другого боку поставала инша думка: що-жъ зъ того, що на шляху поступу стринутся трупы, — це зовсимъ нормально, це трапляется що дня! Це такый законъ жыття, що на трупахъ знесыленыхъ органызмивъ зростають нови, молоди й сыльни органызмы.

Колы такъ, то чого журытысь?

Проты прыроды йты не можна.

А укорочуваты вику ридній матери, а мучыты сестру — це те-жъ законъ прыроды?..

„Та не я-жъ це роблю, це робыть само жыття“, — утишавъ себе Трублаевычъ, а другый злистный голосъ звидтиль, де тремтивъ його мозокъ, стыха проказувавъ: „робыть жыття, але й черезъ тебе... й черезъ тебе, й твоимы рукамы!“

Знесыленый, винъ бажавъ-бы ничого не думать, заснуть, тильки заснуть. Але сну не було. И зъ заздристю винъ згадавъ, якъ тоди, колы пойиздъ йихавъ поузъ пожежу, його сусидъ, товстый обрубкуватый крамарь, розбуженый другымы пасажырамы, тильки клыпнувъ очыма на червоне викно й знову засипъ и захрипъ, схылывшы голову на груды. Що йому та пожежа, абы винъ самъ не горивъ!

Трублаевычъ завыдувавъ йому, але въ той же часъ той самый злистный голосъ шепотивъ: „нехай винъ буде проклятъ, отой крамарь, бо черезъ такыхъ шкуродеривъ и повстае усе оте, що теперъ творытся!“

А винъ самъ, винъ, Иванъ Трублаевычъ, у тимъ не повыненъ? Винъ хиба не кынувъ ни одного каминця пидъ колесныцю

свитлого бога братерства, ривности й любови? Хиба винъ не впустывъ не однiеи капли отруты въ чашу людського счастя?..

И винъ застогнавъ.

— Ты не спышъ, Ивасю?

— Ни.

— То прыйды до мене.

Трублаевычъ накынувъ одижъ и пишовъ до матери.

Въ рожевимъ свитли видъ лампадкы, схылывшысь у крисли на подушкы, сыдила маты, така знесылена, така покаличена жыттямъ, хворобою й думамы, що серце сына обкыпило кровью, колы винъ теперъ глянувъ на неи. Йому захотилось сказаты iй щось гарне й высоке, зигриты ји душу огнемъ надiи, прыголубыты iи болюче тило, але винъ бувъ безсылый зробыты це и тильки взявъ маленькый ослинчыкъ, тыхо сивъ биля нигъ iи й прыгорнувсь до iи колинъ.

— Я вамъ такъ не буду давыть?

— Ни.

Мовчалы килька хвылынъ.

— Ивасю? — тыхо й ласково озвалась маты.

— Чого, мамо?

— Чому ты не скажешъ мени ничого про себе? — спытала вона, стыха шукаючы його чола своею теплою рукою.

— Що жъ я вамъ скажу? Жыву покы-що звычайно, на долю не нарикаю...

— Ну, хочъ це гараздъ.

Зновъ замовклы. Тыхый настрiй заволодивъ обома имы.

— А одружытысь немае думкы?

Ивась здригнувся.

— Ни, мамо,

— Шкода, шкода... часъ мынае.

— Знаю, мамо, але така моя доля!.. Треба ще пережидаты.

— Одружысь, Ивасыку. Визьмы соби гарну, зъ добрымъ серцемъ дивчыну. Любы iи й бережы, якъ зиныцю ока, й вона тебе любытыме й берегтыме...

Маты помовчала.

— Якъ-бы мени хотилось побачыты твоихъ дитокъ! Здается, що колы-бъ побачыла ихъ, то й умираты було-бъ легше.

Зновъ мовчанка.

— А Андрыкъ, безталанный, мабудь не стривъ... своеи доли. Мени здается, серцемъ чую, що черезъ свое кохання несчаслыве винъ и на войну пишовъ.

— Хто його знае, мамо! Всяко бувае, — зитхнувъ сынъ, згадавшы про свое кохання, про свои мріи про будучыну. — Може такъ и краще, — сказавъ винъ, думаючы про Любу.

— Що краще?

— Та такъ, якъ въ жытти складается.

— Богъ його знае.

Лампадка блымала. Въ хати було тыхо, спокій заволодивъ усіею истотою Трублаевыча, и йому такъ захотилось усе, усе потыху, якъ на сповиди, росповисты матери. Але винъ здержався. Нащо накладаты на іи побыту душу ще нови раны? Доволи ихъ и такъ. И винъ мовчавъ.

— Мамо, — спытавъ винъ перегодомъ, — чы до васъ йизде якый-небудь ликарь?

— Бувъ разивъ зо два докторъ зъ Степанивкы, та бильше я вже за нымъ и не посылала.

— Чого жъ такъ?

— А!.. Все одно умирать!

— Якъ же такъ, мамо? Такъ неможна, треба личытысь, то вы зновъ одужаете. Я оце, покы побуду биля васъ, то нехай винъ йизде. Може вамъ и ликивъ небагато треба. Знаете, що? — спытавсь винъ помовчавшы, — якъ выдужаете, то я васъ зъ Шурою заберу до себе. Найму гарну кватырю, заведемо свое хазяйство и будемо жыть. У мене вы одпочынете.

— Одпочыну въ могыли... А хутиръ же якъ? Та тутъ на день тильки выйидь, то не зостанется ни трисочкы. Ростягнуть!

Въ старій хазяйци зновъ прокынувсь хазяйськый инстынктъ. Вона не могла и въ думци того допустыты, щобъ старе насыжене гниздо Трублаевычивъ зосталось безъ догляду. И вона уявыла соби, якъ мужыкы розоряють повиткы, хливы, ламають хату... Гайдунъ ломомъ зрывае дошкы зъ помосту... А тамъ рубають садъ, рубають березы, сосны, зрубають и ти тры ялынкы, що вона недавно посадыла и воны вже пишлы въ ростъ.

— Ни, кыдать хутора неможна.

— Тоди — продать його!

— И продавать шкода. Не викъ же жыть у тебе Шури... Може знайдется такы порядна людына. Сылы-бъ на хутори, хазяйнуваля. Ни, продавать неможна. Хто знае, що буде дали. А тутъ все-жъ такы якъ-ни-якъ, а свій прытулокъ.

Воны сыдилы й розмовлялы, й миркувалы, якъ буты дали. И Трублаевычъ поришывъ неодминно заклыкаты ликаря и личыты и матиръ, и сестру. Бо и сестра нездужае. Вона звелась нинащо.

Обомъ имъ треба полагодыты нервы. Треба побалакаты й порозумитысь зъ мужыкамы, давнимы арендаторамы землй, даты имъ якись вильготы, заспокоиты ихъ и матиръ зъ сестрою. Треба довидатысь про брата — чы въ бюро полоненыхъ, чы въ штаби полка.

И винъ поклавъ завтра вранци напысать лысты туды й туды, самому пойихать на почту въ Степанивку и зайихаты до доктора, роспытатысь у його про матерыну хворобу и заклыкаты, щобъ йиздывъ частише и якъ слидъ узявся за ликы.

И колы винъ згадавъ про почту, у серци въ його ворухнулась солодка надія, що може винъ тамъ знайде й лыстъ видъ Любы... Але ни, цього буть не може: дуже мало мынуло часу. Лыстъ, колы-бъ Люба й зразу напысала його, не мигъ бы назавтра дійты въ Степанивку.

И винъ выраховувавъ, колы саме може прыйты лыстъ, и думка про той лыстъ и про Любу вже не покыдала його, колы винъ попрощався зъ матирью й пишовъ спать. Зъ журбою винъ думавъ про Любу и почувавъ, що кохае іи, якъ и кохавъ, колы ще не бильше. И йому хотилось вирыть, що все те, що сталось за останній часъ, мынется, забудется, що колы винъ вернется зъ одпуску, то вже побаче Любу на воли, и мижъ нымы будуть таки сами видносыны, яки булы й до самыхъ останнихъ часивъ. Винъ одружытся зъ нею й берегтыме іи, якъ казала маты, мовъ зиныцю ока. Бо винъ любыть іи, винъ кохае іи, винъ дыхать безъ неи не може...

Якый винъ буде счаслывый, колы все зновъ налагодытся!

И винъ заснувъ зъ думкамы про Любу.

III.

Снигъ. Мабуть уже останній снигъ стыха спадавъ зъ тмяного неба на землю. Винъ падавъ велыкымы пухкымы клаптямы и скоро побилывъ усю землю й лискы, и крыжану стежку, де текла Кайданка. Винъ скоро облипывъ и Трублаевыча, що йшовъ по Кайданци туды, де вона втикае въ Удай. Це було не такъ далеко, — верствы тры, и Трублаевычови заманулось пійты подывытьcя на знайоми мисця.

Йому хотилось надыхатысь свижымъ повитрямъ, почуваты себе вильнымъ, побуты самому зъ собою. Хотилось позбавытысь хочъ на якый часъ турботы й думъ, що обсилы його голову и

стыслы іи важкымъ гнитомъ. Бажалось воскресыты свое мынуле, безтурботный дытячый викъ, ту давню любу годыну, що такъ скоро мынулась, одійшла у якусь далечинь.

Винъ шовъ по льоду рички. Вона вылась по лукахъ, а потимъ по лису, згыналась у каблучку и потимъ выривнювалась, щобъ зновъ закрутытысь у другый бикъ, и такъ безъ кинця. Ци закруты дуже удовжували шляхъ до Удая, куды хотилось дійты Трублаевычови, але винъ не жалкувавъ, що не пишовъ прямою дорогою. Йому любо було скорытысь прымхамъ малои рички, довирытысь ій и йты слидъ за нею туды, де вона йшла. Здавалось, що чымъ блыжче бувъ Удай, тымъ бильше Кайданци не хотилось пидходыть до його, и вона плуталась и ухылялась, ховаючысь за горбамы, крыючысь попидъ деревамы.

„Ричка не хоче,—думавъ Трублаевычъ—скорытысь немынучисти—злытысь зъ Удаемъ; ій люба й дорога своя индивидуальнисть, своя окремисть. Бо колы вона зильется зъ Удаемъ, то іи вже не буде: буде тильки Удай. Але й Кайданка потрибна“.

И Трублаевычъ, обережно йдучы по крызи и не скыдаючы зъ себе свижого вохкого снигу, думавъ про те, що соціальни коммуныстычни принципы, — яки воны на першый поглядъ, а для молодижи особысто, не зваблыви, колы ихъ доводыть до краю, маючы на мети свободу людьску, — заведуть зновъ такы въ неволю, звяжуть окрему индивидуальнисть волею бильшости, волею громады, яка николы не може стояты наривни интеллектуального розвытку окремыхъ бильшъ меньшъ выдатныхъ и оригинальныхъ по своій духовній организаціи одыныць. Винъ прыгадавъ не такъ давно утопію Беллами. Въ якый бы то соціальный манастырь обернувся свитъ, колы-бъ така утопія здійснылась!

И Трублаевычъ зъ замылуванням стежывъ за тымъ, якъ Кайданка выбирае соби шляхъ, по своій уподоби. Ось вона прыгорнулась до правого берега, пидмыла його, оголыла каминня и заразъ же подалась ливоручъ и розплылась чымалымъ плесомъ биля старого крислатого дуба. Обійшла крипку позицію, що занявъ старый велетень, и подалась дали, мольовнычно роблячы закруты.

— Яка гарна, оригинальна ричечка,—сказавъ Трублаевычъ,— а панъ Беллами запевне замисть неи вырывъ бы ривъ, прямый, якъ аршынъ. И було-бъ у йому воды горобцю по колина, а тутъ онъ бачъ!..

Винъ дійшовъ до чымалого чыстого плеса. Струнки сосны стоялы на його берегахъ, а одна пидмыта водою соснына похылылась, щобъ може зъ першою повидью зовсимъ упасты.

— „Вона загыне,—думавъ Трублаевычъ“,—але колы-бъ почать рыть ривъ, то хиба меньше було-бъ треба выкорчуваты деревъ? Не треба зъузюваты жыття якымысь вузькымы, прямымы доктрынамы, не треба класты його на Прокрустове лижко... Не треба жывый организмъ заковувать у кайданы, — треба тильки допомагаты йому вильно й видповидно до його прыроды розвыватысь. Жыття есть найбильшый и найгеніальнійшый творець.“

И заразъ же други думкы, якъ тинь одъ першыхъ, посталы передъ Трублаевычемъ. Думаты такъ,—це-жъ не морально. Це-жъ дозволяты кожному робыты те, що йому самому здастся корыстнымъ. Це-жъ оправдуваты той устрій, той status quo, що загальмувавъ на довги часы розвытокъ цилого народу, сотни народивъ. Це-жъ даваты власть сыльному надъ кволымъ!

Ни, не такъ. Повынна десь буты середына, повыненъ буты якыйся прыродный законъ, якый управлявъ-бы жыттямъ. Законъ? Винъ есть. Дарвинъ каже, що це боротьба за истнування, те-жъ саме латынське homo homini lupus est.

И зъ цимъ Трублаевычъ не мигъ помырытысь и почувавъ, що винъ стоить на якомусь роздорижжи, що винъ бачыть два таборы суспильства—старый, отой що сточывъ Россію мовъ шашиль, и новый, що хоче сцилыты іи. Серце Трублаевыча цилкомъ належыть до другого лагеря. Але що, якъ проводыри цього лагеря почнуть заковувать жыття на зразокъ Беллами въ нови кайданы? Що, колы новый ладъ заводытымуть ти сами генералы — бюрократы, тильки одягшысь у либеральни маскы?..

И зновъ у Трублаевыча гострымъ болемъ одгукнулась стара думка: „у тебе немае виры, ты—маловирный, ты—не гарячый и не холодный!“

То правда, винъ маловирный и це винъ чуе на кожному ступни. Отъ и вчорашня розмова зъ докторомъ. Яка непереможна вира въ краще жыття мистытся у тому маленькому, смуглявому, бородатому чоловичкови! Винъ вирыть, що оце безголовья—война й повсюдни розрухы — скинчытся добромъ. Учора воны йихалы на хутиръ и розмовлялы про це.

— Знаете, що я вамъ скажу? — говорывъ докторъ.—Мени оце все нагадуе весняну повидь. Довго була скута земля морозамы, все на ій омертвило, занимило, и багато назбиралось усякого смиття и те смиття змишалось зъ снигомъ, прыбрало соби всяки формы. Але ось иде весна. Потроху-помалу росковуе вона землю, ламае крыгу, уже потеклы мутни, але жвави, говиркы

струмкы скризь, скризь! Точать вопы й пидмывають все, що не стринется имъ по дорози, злываются до купы... И тоди ревуть, бурхають, ламають все, що трапытся на пхъ шляху, и несуть геть впередъ и впередъ. Несуть усю нечысть, зрывають и заносять и плодючу землю, не розбираючы правого и вынуватого. Ну, а въ кинци всього, знаете, буде май.

И будуть ясни й небо, и земля!

Докторъ засміявся.

— Бачыте, навить у мене виршъ вырвався!—сказавъ винъ.

И Трублаевычъ засміявся и мовывъ:

— Колы-бъ то такъ було! А що якъ небо буде ясне, а землю замисть крыгы вкрыють туманы?

— Ну, туманы не страшни; ихъ сонце жыво розжене!

Якъ завыдувавъ тоди, та й теперъ завыдуе, Трублаевычъ тому докторови, його ясному свитогляду! Счаслыва людына! И винъ намирывся поблыжче зійтысь зъ цымъ чоловикомъ, покы буде на хутори.

Винъ ище йшовъ по Кайданци, але уже бачывъ іи кинець, и передъ нымъ розгорталась панорама горыстого правого берега Удая. Тамъ, по кряжу, стоявъ лисъ и тягся безъ краю до самого обрію въ далечинь, туды, куды йшовъ Удай. И площа Удая, и земля, лисъ булы покрыти снигомъ, и теперъ винъ зрывався тилькы поодынокымы легкымы зиркамы. Було тепло й тыхо, и душу Трублаевыча обгорнувъ тыхый лиричный настрій.

Такъ, весняна повидь змые все и обновыть землю. Усмихнутся небо й земля и ти, що будуть у ти дни жыты на ій, будуть счаслыви. А ти, кого занесе повидь?... Але нащо думаты про ихъ,—така пхъ доля! Въ жытти немае ни правыхъ, ни вынуватыхъ.

Трублаевычъ сивъ на якій-ся кручи и одпочывавъ. Винъ зигрився видъ ходни, розстибнувъ пальто и повнымы грудьмы вдыхавъ мняке, солодкувате повитря.

Въ жытти немае ни правыхъ, ни вынуватыхъ. Не правъ и не вынуватъ и Андрыкъ, що теперъ десь сыдыть у окопи и може думае про матиръ, про хутиръ, може й про його. Але наврядъ. Ихъ видносыны булы якись холодни й нещыри. А скильки тепла и щырости у Андрыка! Сьогодни вранци Трублаевычъ перечытавъ уси лысты його до матери. Воны зхвылювалы його, помягчылы його серце, и винъ поришывъ, колы Андрыкъ вернется жывымъ зъ войны, побачытысь зъ нымъ, поговорыть по души и

жыть по-братськы, не буты такымы чужакамы, якымы булы до цього часу.

Винъ прыгадавъ, якъ колысь давно, ще бувшы малымы, удвохъ зъ Андрыкомъ, тежъ по льоду и снигу, воны прыйшлы сюды, на це саме мисце, и сыдилы тутъ. Тоди Удай ще не замерзъ, и вода въ йому була чорна, мовъ розведена сажою, и це робыло якыйсь дуже гарный контрастъ зъ билымы берегамы й горамы. Мовъ по снигу побигло ростоплене олыво...

Воны тоди сыдилы й розмовлялы про те, хто зъ ихъ чымъ буде, якъ выросте велыкый. Ивась казавъ, що буде профессоромъ, а Андрыкъ дывывсь на воду, довго думавъ надъ тымъ, чымъ бы винъ хотивъ буты, и нарешти сказавъ, що буде монахомъ. Увесь чорный и суворо-спокійный, велычно винъ буде проходыты мымо людей...

Такъ воны марылы тоди, а теперъ одынъ зъ ныхъ служывъ въ банку, а другый у війську. Мовъ по якійся иронiи жыття...

Винъ посыдивъ надъ Удаемъ ще килька часу й повернувъ до дому. Теперъ уже винъ пишовъ просто и пидъ другымъ настріемъ. Почуваючы легку утому въ тили, винъ бувъ не видъ того, колыбъ замисто неривнои крученои тропы пидъ його ногамы була выривняна Кайданка.

На другый день винъ мавъ розмову зъ мужыкамы. Прыйшло зъ Кордубовкы симъ хазяинивъ, давнихъ арендаторивъ Трублаевычовськои землі, и попрохалы, щобъ панычъ выйшовъ до ихъ. Винъ выйшовъ не безъ опаскы, що не зуміе зъ нымы змовытысь, бо йому николы не прыходылось маты дила зъ селянамы.

Мужыкы стоялы купою биля кганку. Кудлай, пидгортаючы пидъ себе задню лапу, злистно й жалибно гавкавъ на ихъ, не пидходячы блызько. Очевыдно, його хтось зъ несподиваныхъ гостей потягъ палыцею.

Прывиталысь.

— Отъ мы прыйшлы побалакать, якъ буты на весну зъ землею. Весна скоро,—почавъ розмову одынъ зъ ихъ.

Зъ того, що винъ чувъ одъ матери й сестры, Трублаевычъ догадавсь, що це мусыть буты Гайдунъ.

— Що-жъ, можна поговорыть,—одповивъ Трублаевычъ.

Хуторяне помовчалы.

— Бачыте, панычу... чы може пане?..—осмихаючысь, дипломатычно запытавъ одынъ зъ хуторянъ,—сывенькый худорлявый дидокъ.—Бачыте, бралы мы землю у вашои мамаши здавна. Пахалы, сіялы... Бралы за гроши, бралы и зъ часткы. Теперъ прыйшовъ

такый часъ що, знаете... пора-бъ уже ту землю й зовсимъ намъ передаты.

— Якъ це такъ?—спытався Трублаевычъ.

— А просто, виддать намъ землю и все!..—гукнувъ Гайдунъ.

— Потривай-бо, не такъ, — звернувся до його дипломатычный дидокъ.—Ось якъ, значыть... Пахалы мы и сіялы. А теперъ такый часъ, що скризь люде будуть одбирать у панивъ землю, то мы й кажемо такъ: нехай и Трублаевычи намъ дадуть свою землю, покы-що, на пьять литъ.

— Та вы-жъ уже бильше якъ двадцять литъ держыте іи въ аренди и зъ копы берете, — чому жъ не дать іи вамъ ще на пьять рокивъ?

— А бачыте, то мы за гроши держалы, а теперъ уже мы пьять литъ не будемо платыты вамъ ничого. Буде вона якъ наша. Будемо пахать и сіять, и все...

— Такъ же не можна! Зъ чого жъ будуть жыты мои маты й сестра? Що-жъ имъ-зъ голоду пухнуть?

— Чому зъ голоду... а вы-жъ на що?

— Я окрема ричъ, а земля матерына, и вона повынна корыстатысь зъ неи.

— Уже доволи корысталысь! — гукнувъ Гайдунъ. — Треба ще й намъ покорыстатысь, и у насъ симьи!

— Такъ земля жъ не ваша. Що-бъ вы сказалы, колы-бъ оце завтра прыйшовъ до васъ хтось чужый, та й сказавъ: отъ вы уже весь свій викъ корыстаетесь зъ своеи земли, годи вже вамъ, давайте ще я покорыстаюсь зъ неи пьять литъ! Якъ бы вамъ це здалось?

— То зовсимъ инша ричъ. А мы пахалы, сіялы...

— Отъ послухайте, панычу, що я вамъ скажу, — звернувся писля довгого сперечання и всякого миркування Трублаевыча зъ хуторянамы, одынъ зъ ихъ, що ранишъ бильше мовчавъ. — Ваша земля, якъ іи не удобрышъ, ничого не родыть, ну, а хто-жъ буде чужу землю удобрять? Цей рикъ я не пожалкую своеи праци, удобрю іи, а на весну пани виддасть іи комусь другому. Ну, мы, звисно, дуже мало возылы гною на вашу землю и було и намъ мало зъ неи корысти, и мамаши вашій. По-моему такъ бы треба зробыть, по-Божому: давайте намъ, Кордубовцямъ, землю и бильше никому; мы повынни іи удобрять, скильки наша сыла. Будемо сами пахать, и сіять свое зерно, и жать, и будемо давать вамъ четвертый снипъ. И буде хлибъ и у насъ, и

у васъ. Буде й кормъ скотыни. Такъ нехай буде пьять рокивъ, а дали тамъ выдно буде. Мы чужого не хочемо.

Трублаевычъ подумавъ и згодывся. Хочъ маты й сестра може й не зможуть прожыть на четвертый снипъ, такъ винъ имъ допоможе. Прынаймни будуть певни, що матымуть хочъ четвертый снипъ и будуть сами цили й хутиръ.

Мужыкы перебылы зъ Трублаевычемъ рукы, попрощалысь и пишлы до дому.

— Мы жъ будемо певни, що ваше слово усе одно, що слово старои пани, и що одмины ніякои не буде!

Трублаевычъ пообищавъ имъ це.

Маты й сестра нетерпляче ждалы Ивася въ хату. Шура ще въ викно побачыла, що справа якось налагодылась, що Ивась перебывъ рукы зъ мужыкамы, але ни вона, ни маты не сподивалысь, щобъ усе обійшлось такъ, якъ справди сталось. Налякани всякымы страхамы, воны ждалы чогось нечуваного, и колы дизналысь, що все буде гараздъ, що земля буде ихня и имъ буде четвертый снипъ, то навить булы ради. А колы мужыкы и справди будуть удобрять землю, то хлибъ буде родытысь кращый, буде його бильше, и якось можна буде жыты.

Наступывъ вечиръ и промынувъ тыхо й сумырно, и на хутори мовъ повеселищало. Поришылы Терешка росщытать, а соби знайты якогось другого наймыта, щобъ бувъ смырнійшый и не пывъ горилкы. Бо зъ розмовы зъ мужыкамы Трублаевычъ довидався, що Терешко брехавъ имъ про Трублаевычивъ и наговорювавъ, що пани нахвалялась зовсимъ имъ не даваты на весну земли.

На другый день ранкомъ Трублаевычъ зновъ пишовъ по Кайданци до Удаю. И теперъ ясный, злегка меланхолычный настрій обхопывъ його, й винъ шовъ и спивавъ:

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила...

И справди його тягло туды въ лисъ, до рычкы, до тыхъ гиръ, що стоялы за рычкою. Ранокъ бувъ теплый и тыхый, и землю повывавъ тонкый и нижный туманъ. На души у Трублаевыча було тыхо и спокійно, и жыття йому сьогодни здавалось не такымъ холоднымъ, хмурнымъ и заплутанымъ. Правда, багато въ йому зла, ще бильше непорозуминь, але все можна полагодыть. Отъ же и винъ порозумився зъ мужыкамы.

Винъ шовъ и спивавъ.

Але якыйся трискъ и шарудиння долетилы до його слуху. Винъ зупынывся и дывывсь, стоячы на льоду, на той берегъ, звидкиль почувся шумъ. Звидтиль показався чоловикъ зъ тильки що выламаною дубыною. Винъ шовъ босый по снигу у свыти, одягненій просто на били полотняни штаны й сорочку. Свыта була розхристана, а на голови, па довгому волосси замисть шапкы лежалы шматкы снигу, що винъ патрусывъ його, выламуючы ломаку.

Очи у того чоловика булы гостри и злп. Винъ шовъ на Трублаевыча, несучы ва поготови свою палыцю, мовъ замирявсь ударыты його нею.

Трублаевычъ поступывсь, щобъ дать дорогу божевильному, бо то бувъ божевильный зъ Амосовкы. Трублаевычъ знавъ його. Звалы його тпру-тпру-Сьома.

— Ачъ, спивака! — злистно пробурчавъ винъ, обходячы Трублаевыча, и пишовъ дали, оглядаючысь, покы не заховався въ повороти Кайданкы.

Весь лирычный настрій Трублаевыча пропавъ. Далеко не все на свити такъ, якъ йому ще ось тильки що здавалось. Не всяке зло можна обійты, не всяку справу налагодыты. Ось и цей божевильный. Його спершу дражнылы диты, высміювалы, а колы винъ ганявся за нымы й бывъ пхъ, то батькы былы його. И килька разивъ його забывалы трохы не до смерти, але винъ одужувавъ и зновъ ходывъ скризь и лито й зиму босый, у тій самій свыти и злистно бурмотавъ якись слова пры зустричи зъ людьмы. И його покынулы дражныть и быть, и теперъ, якъ казала Шура, його де-хто вважа за святого. Знайшлысь дви жинкы, що взялы його до себе, и винъ жыве у ихъ, и до ихъ возять хворыхъ, и шукають порады соби, прыслухаючысь до сливъ тпру-тпру Сьомы.

Ось винъ другый бикъ жыття!

Трублаевычъ вернувся до дому сумный и розбытый.

IV.

Мынувъ тыждень, другый; промынувъ мисяць. Жыття на хутори йшло день по дню, мовъ капалы каплы воды, одноманитно, сумно. Замисто Терешка бувъ другый наймытъ, Гордій. Слидъ за мужыкамы зъ Кордубовкы прыходылы бабы й домогалысь, щобъ имъ дешевше оддалы землю пидъ городы. Имъ зновъ уважылы, и воны пишлы задоволени. Трублаевычъ йиздывъ на почту

въ Степанивку, возывъ доктора. Докторъ прыйиздывъ, обдывлявся хвору, розмовлявъ и йихавъ до дому. Хвора не поправлялась.

Теперъ вона тильки й думала що про Андрыка и була цилкомъ певна, що зъ нымъ трапылася якась прыгода, и ждала звисткы про те що-дня. Зъ бюро полоненныхъ повидомылы, що въ спыскахъ полоненныхъ його нема.

Въ останній часъ и Трублаевычъ мало мавъ надіи на те, щобъ братъ бувъ жывый, и винъ, перше нижъ даты газету до рукъ матери, самъ попередъ придывлявся, щобъ, колы справди прочытае, що Андрыка убыто, перестерегты якось матиръ. Бо колы-бъ вона прочытала сама, ударъ зъ нею мигъ повторытысь, и тоди бъ ій бувъ кинець.

И воны умовылысь зъ Шурою, щобъ добре переглядаты газеты попередъ самимъ.

Зима цього року держалась досыть довго, але писля того останнього снигу, що по йому Трублаевычъ ходывъ до Удаю, почало роставаты. День по дню, ничъ по ночи снигъ танувъ и танувъ. Землю обгорталы туманы и мряка, и, обгорнути имы, стоялы на хутори березы и ронылы сльозы... Мовъ ти березы журылысь за чымсь... Але за чымъ? За тымъ, що мынулось, чы за тымъ, що буде?

Трублаевычъ выходывъ зъ хаты, сидавъ на кганку и дывывся на ти березы. И серце його ссала журба. Вона непомитно забиралась туды, мовъ заходыла зъ туманомъ, що його вдыхавъ у груды Трублаевычъ. Винъ що-дня чытавъ газеты, стежывъ за тымъ, якъ крокъ за крокомъ суспильство одвойовувало соби волю, и не радивъ зъ того. Дуже мали булы ти крокы, дуже важко було ихъ робыть... и дуже воны булы непевни!

Але винъ ще бильше журывся того, що й доси не було лыста видъ Любы. Невже вона могла не даты йому одповиди на його лыстъ? Невже вона хоче видсахнутысь видъ його, не сказавшы просто, що вона рве зъ нымъ видносыны?

И чымъ бильше думавъ про це Трублаевычъ, и чымъ бильше мынало часу, тымъ усе мицнише й мицнише у його въ души становылась вира, що винъ не втеряе Любы, що вона любе його и буде його дружыною. И довге іи мовчання винъ пояснювавъ соби іи внутришньою боротьбою и ждавъ кинця тіи боротьбы.

Винъ сыдивъ и ждавъ лыста, а березы спускалы надъ нымъ свои довги гнучки виты, помахувалы имы и ронылы холодни сльозы.

Одного дня пройшовъ велыкый, теплый дощъ и змывъ останни слиды зимы. Заступала весна. Ще по ночахъ морозы сковувалы землю, ще ранкамы иній биливъ на деревахъ и на торишній трави, але уже була весна, и сонце стало веселише й ласкавише. И одного разу, колы Трублаевычъ самъ не пойихавъ на почту, Гордій прывизъ йому лыста.

Лыстъ бувъ видъ Любы.

Зъ замиранням̆ъ серця взявъ його Трублаевычъ и не пишовъ чытать у хату, не ставъ чытать у двори, а пишовъ у лисъ, па берегъ Кайданкы, сѣвъ пидъ березою й розирвавъ конвертъ.

„Простить мене, що я такъ довго не пысала вамъ"—чытавъ Трублаевычъ.

— „Я довго вагалась и багато передумала, покы наважылась напысаты вамъ цього лыста. Колы вы кынулы насъ у той вечиръ, писля земського зибрання, мени здалось, що усе покинчено мижъ намы. Я побачыла, що переконання наши неоднакови, що мы не можемо зъеднаты до купы два рижныхъ свитогляда. И я порішыла прямо сказаты вамъ про це пры першій же зустричи.

Трапылось трохы инакше. И те, що трапылось, ще дали видштовхнуло мене видъ васъ. Та історія зъ моимы лыстамы... На що вы ихъ не спалылы?.. Але теперъ, сыдячы, въ оцій тюрми, я багато де-чого передумала и бачу, що добре вы зробылы, добре для насъ обохъ, що передалы тоди мени свій лыстъ."

Проминь надіи майнувъ Трублаевычови.

„Якъ вы по щырости видкрылы въ йому свою душу, такъ и я мушу вамъ видкрыты свою. Такъ краще. И я скажу вамъ: я люблю васъ, але люблю й другого. И та любовъ сыльниша и владниша. И тутъ нема ничого дывного й надзвычайного, а тымъ бильше неморального. Чуття мои чысти, правдыви и глыбоки...

Мылый мій, я люблю васъ и збережу спогадъ про васъ на все жыття мое! Я люблю васъ, якъ гарну чесну людыну, якъ старшого брата, якого у мене николы не було. Ни, я васъ люблю бильше, нижъ брата, и не станься те, що сталось, мы-бъ зъедналы свою долю и булы-бъ счаслыви. Я певна въ тому.

Але друга людына стала межи намы. Вы знаете хто. Та людына запалыла мою душу бажанням̆ъ боротьбы, бажанням̆ъ виддаты всю себе на те, щобъ усимъ, усимъ людямъ було краще жыть на свити. Я була короткозора й эгоистычна, я думала тильки про себе, про свое счастя, але такъ жыть неможна. Вы сами знаете

це, хочъ не можете безоглядно йты въ той таборъ, до тыхъ людей, куды тягне мене мое серце.

Я вирю въ тыхъ людей, я вирю, що правда на ихъ боци. О, чому вы не зъ намы, и чому вы не можете буты зъ намы!..

Простить мене,—я, може, ображаю васъ, але я не хочу васъ ображаты, бо вы частына мого мынулого, частына души моеи. Цымъ лыстомъ я хочу сказаты вамъ: зрозумійте мене и простить за той биль, якый я несамохить роблю вамъ. Колы можна, забудьте мене. Краще було-бъ, щобъ мы не стричалысь, але колы мы зустринемось, то прошу васъ: будемо якъ давни добри знайоми. Я знаю васъ и сподиваюсь цього видъ васъ. Ще разъ прошу васъ простыть те зло, яке я роблю вамъ.“

Пидпысу не було, але винъ бувъ и непотрибенъ.

Такъ ось винъ, такъ довго жданый лыстъ! Теперъ кинець усякымъ мріямъ. Вузелъ розрубано, и розрубано до краю. Обережно, навить зъ ласкою, одштовхнуто геть його—не гарячого й не холодного, його—теплого, його—середыну на половыни! Не може винъ кыпить, колы жыття вымаґае кыпиння, и воно выхлюпуе його геть, якъ теплувату воду, що не може зигриты змерзлои на холоди людыны и не може остудыты ии спраглыхъ устъ у спеку. Не теплый и не холодный — ось його прокляття! Ось та печать, що іи поклала на його душу и на души тысячъ и миліонивъ людей доба реакціи. Винъ завжды бувъ чесною людыною, винъ завжды бажавъ добра людямъ, але жывъ якъ звьязаный, боявся переступыты миру, боявся чымъ-небудь выдилытысь зъ ряду другыхъ людей, щобъ не наклыкаты на себе за це кары администраціи, щобъ не дратуваты смилистю прыгниченои суспильности. И винъ засохъ и завьявъ, и колы прыйшла пора, що вымагала справжньои смилывои діяльности, то вже винъ бувъ на неи нездатенъ. Винъ умивъ тилькы анализуваты, вышукуваты тини и бачыты хыбы у людськыхъ вчынкахъ, и въ серци його засило глыбоке зневирья. И, якъ невиру, його кыдають на тій никчемній середыни на половыни...

— Покыдькокъ!.. — у голосъ промовывъ винъ самъ до себе.— Не вартъ ты ничого!..

Але заразъ же звычна думка, мовъ вырнувшы звидкилясь, почала ткаты свою звычайну павутыну. Винъ, Трублаевычъ, ничого не зробывъ корыстного для суспильности, але ще не выдно, що зроблять Зембулатъ и ти, що зъ нымъ. Та й чы зроблять ще колы? Легко говорыты гарячи промовы, але важко проводыты въ жыття навить дрибныци.

И гостра злисть спалахнула въ ньому проты Зембулата: уся прычына його несчастя крыется у тому прахвости, що такъ блыскуче вміе выкыдаты водограи новыхъ либеральныхъ сливъ и такъ нахабно грае своимы вытришкуватымы очыма! О, колы-бъ винъ мигъ заразъ зустритысь зъ нымъ!

И заразъ та-жъ зрадлыва думка мовъ заходыла зъ другого боку и доводыла, що хочъ-бы винъ и зустрився зъ Зембулатомъ заразъ, то ничого не зробывъ бы йому. Бо винъ не здатенъ на смилыви, незвычайни вчынкы, бо дуже винъ боится поговору, бо дуже винъ взагали мяхкотилый.

Винъ сыдивъ на березп и мнявъ розидраный конвертъ. Порвавъ його на клапти, кыдавъ ихъ по одному у воду и дывывсь, якъ каламутна прудка вода крутыла ихъ и несла геть.

Зъ того дня, хочъ навколо заходыла весна, на хутори стало ще сумнише. У Трублаевыча одпала заохота до всього, и винъ по цилыхъ дняхъ просыжувавъ або на кганку, або биля матери, роскладаючы на столи пасьянсъ. Сыдивъ и мовчавъ, и все про щось думавъ. И маты й Шура бачылы, що винъ нудытся, и старалысь усимъ догодыты йому, але винъ тильки сумно усмихався, бачучы ихъ ласку, и мовчавъ. Винъ покынувъ йиздыть на почту и тильки поверху пробигавъ очыма газеты, колы ихъ прывозывъ вмисти зъ докторомъ Гордій.

Одного разу, переглядаючы спискы убытыхъ и раненыхъ, винъ стривъ прозвыще — Трублаевычъ. То бувъ Андрыкъ и повидомлялось, що його забыто у бою пидъ Мукденомъ.

Винъ, дывуючысь, що це не хвылюе його, ще разъ уважно перечытавъ ти слова буква по букви, мовъ упевняючысь, що такы правда тому, що винъ прочытавъ, и потимъ поклавъ газету й задумався. Андрыка убыто; якъ же теперъ буть, якъ про це сказаты сестри й матери? И йому здавалось бильше важнымъ те, якъ буты зъ сестрою й матирью, нижъ фактъ, що Андрыка немае, Андрыка забыто десь тамъ на чужыни, безъ усякои выны й прычыны. Бо и винъ уже давно звыкъ до тіеи думкы, що брата немае на свити, що це фактъ, а зъ такымы фактамы треба мырытысь. И винъ уже давно помырывся. Але що робыть зъ тымы, що не можуть мырытысь зъ фактамы?..

Сховавшы газету, одягшысь и сказавшы матери, що на цей разъ Гордій не прывизъ іи зъ почты, Трублаевычъ выйшовъ зъ хаты й поманывъ за собою Шуру. Воны пишлы лисомъ понадъ Кайданкою. Земля уже протряхла. Йшлы мовчкы.

— Що ты мени хотивъ сказать, Ивасю? — запытала Шура, колы воны одійшлы вже далеченько видъ дому.

— Я ничого не думавъ тоби говорыть, а просто хотилось трохы пройтысь зъ тобою. Дуже вже багато мы сыдымо въ хати, та й мій одпускъ скоро скинчытся. Пойиду звидциль, и не погуляю зъ тобою.

— А мени здалось, що ты щось хотивъ мени сказать...

— Що жъ, Шура, говорыть? Въ останни часы журюсь я за Андрыкомъ. Немае й немае про його ніякои звисткы, — сказавъ Трублаевычъ, одвертаючысь видъ сестры, неначе для того, щобъ зламаты гылку березы.

Береза хруснула, и въ його серци уперше писля того, якъ винъ прочытавъ про смерть брата, прокынулось якесь чуття и щось нибы увирвалось тамъ, и винъ почувъ, що може заразъ заплакаты.

— Мабуть зъ нымъ такы щось сталось, — додавъ винъ и замовкъ.

— Я такъ думаю, — задумлыво мовыла Шура. — Винъ мени снытся що-ночи и бильше все веселый та прыязный такый. Прокынусь и плачу.

Помовчалы трохы обое.

— А що-бъ мы, Шуро, робылы, колы-бъ Андрыкъ загынувъ на войни? Може-жъ це справди статысь!..

— Що-жъ робыть?.. Мы-бъ, не дай Богъ чого, поплакалы, посумувалы, та потроху-бъ и помырылысь, а отъ мама... Вона-бъ не перенесла цього!

— Ты такъ думаешъ?

— Я певна въ тому.

Чого боявся Трублаевычъ, того боялась и Шура, — значыть справди неможна говорыть про це матери. Але Шура... чы говорыты ій?

И Трублаевычъ поришывъ, що треба сказаты.

Воны йшлы понадъ невысокою кручею берега.

— Шурочко, давай сядемо тутъ! Тутъ сухо, — сказавъ Трублаевычъ и сивъ, спустывшы ногы зъ кручи.

Шура тежъ сила.

— Я бильше не буду таитысь видъ тебе...

Шура злякано подывылась на брата.

— Все одно треба знать.

— Що?

— Андрыка немае на свити.

— Що ты кажешъ?.. Ивасю!..

— Такъ. Въ сьогодняшній газети есть про це звистка.

— Я такъ и знала!.. Боже жъ мій, Боже-жъ мій!..

Шура схылылась на кручу й залылась сльозамы.

Зачувшы ти сльозы и бачучы, якъ сестра бьется всимъ тиломъ въ рыданни, Трублаевычъ не мигъ здержатысь и самъ заплакавъ.

— Шуро, Шурочко, не убывайся-бо такъ! Того, що сталося, повернуть не можно, — говорывъ винъ сестри и самъ почувавъ, що говорыть зайви слова и що не можно ніякою логыкою утышыты горя, що навалюется на симью и уже прыдавыло и його самого, й сестру...

Вернулысь воны до дому не скоро и порішылы мовчаты й ничого не говорыты матери про смерть Андрыка, бо сказать ій теперъ—значыть своимы рукамы убыты іи. Може згодомъ якось можно буде, пидготувавшы потроху, сказаты, що винъ умеръ.

Воны до вечера вешталысь по надвирью, тилькы на короткый часъ навертаючысь до хаты, щобъ маты по очахъ не помитыла, що воны бережуть видъ неи тайну. У вечери ляглы спать тежъ рано. На другый день маты завважыла, що у Шуры червони очи и спытала іи, чого вона плакала. Але Шура одмовылась, що вона не плакала, а у неи всю ничъ проболила голова, и вона не спала. Здалось, що маты повирыла. Та колы Гордій прывизъ дальнійшый номеръ газеты, и зновъ не знайшлось того номера, що мусывъ прыйты вчора, маты стурбовалась: а що, якъ одъ неи скрылы той номеръ?

Але вона никому не сказала про це и тилькы була неспокійна й нервова весь вечиръ и не спала ничъ. На ранокъ вона була жовта, якъ вискъ.

— Ивасю, ты-бъ сьогодни самъ пойихавъ на почту и роспытався, чы не задано куды нашого номера? — сказала вона сынови.

— А для чого винъ намъ? Ну, пропавъ одынъ и нехай пропадае!

— Ни, треба знайты, або добуть у сусидъ. Може жъ тамъ саме звистка про Андрыка.

— Ну, добре, я пойиду.

Здавалось, маты заспокоилась.

Але колы сынъ вернувся зъ почты й не прывизъ газеты, вона зновъ почала турбоватысь. И ій здавалось, що й сынъ и дочка щось видъ неи таять. Це вона бачыла по очахъ Шурыныхъ, по тому, що воны иноди мовчкы переглядаются мижъ собою и

выходять зъ дому. И маты поришыла шукаты газеты дома: вона тутъ, але іи не показують ій.

Одного разу, колы и Шуры, й Ивася не було въ хати, вона поклыкала Петровну й велила ій обдывытысь скризь и пошукаты газеты.

Петровна позносыла ій вси газеты, але того номера, якый бувъ потрибенъ, не знайшлось. Тоди пани велила переглядиты вси карманы у одежи Ивася и вси ящыкы й чемоданы.

Петровна рылась довго и въ чемодани знайшла якусь зибгану газету и прынесла іи пани. Та глянула на номеръ газеты и мовчкы велила выйты ій зъ хаты.

Номеръ бувъ той, що казалы, що винъ пропавъ.

На що жъ його сховано? Значыть тутъ, у цьому номери, и есть звистка!

Щось страшне й давно сподiване пидступыло до хворои, и ій здалось, що нибы й волосся на голови у неи заворушылось. Одніею рукою вона розгорнула газету и шукала очыма спыску забытыхъ и раненыхъ.

Спысокъ бувъ и досыть довгый.

Вона почала його чытать и не могла, бо буквы стрыбалы въ іи очахъ. Безсыло на хвылыну вона опустыла газету на колина и, закынувшы голову вгору, заплющыла очи, щобъ трохы заспокоитысь. Але це тильки було на хвылыну, и вона зновъ узялась за чытання.

Теперъ вона шукала тильки прызвыщъ, яки почыналысь-бы на „т“.

— Трохыменко... Торубаевъ... Трублаевычъ!.. Андрій Трублаевычъ!..

Ій треба було вернутысь назадъ, щобъ дизнатысь, чы убыто, чы тильки поранено Андрыка.

— Убыто... — скрыкнула вона. — Боже жъ мій, що це таке, за що-жъ це?..

Газета упала до долу, а маты одкынулась на спынку крисла. Ій ничимъ було дыхать и вона уся тремтила.

— Петровна!.. гукнула вона не своимъ голосомъ, такъ що та почула іи зъ пекарни и кынулась на поклыкъ.

— Убыто!..

— Кого?

— Андрыка...—ледви вымовыла маты, бо сльозы душылы іи.

— Упокой, Господы, його душечку!..

— О, та що жъ воны зробылы, та за що жъ це?!.. Та де-жъ та правда въ свити!.. — рыдала маты. — Сыне мій, сыне, соколе мій, що жъ воны зробылы зъ тобою!

— Петровно!.. — звернулась разомъ пани до служныци. — Перехресты мене.

Петровна узяла праву хвору руку и перехрестыла нею стару пани, якъ хрестять малыхъ дитей.

— Упокой, Господы, раба твоего Андрія, — проказала маты, пидводячы вгору заплакани очи. — Дай, Господы, покой души його!.. А вы вси, по чыій выни убыто його, хто паклыкавъ оту войну, будьте прокляти!.. Будьте прокляти и на цьому й на тому свити!..

Маты забылась въ рыданняхъ. Петровни здалось, неначе вона ворухнула й виднятымы ногою й рукою.

— Пани, голубко, не побывайтесь такъ!.. Пожалійте себе!

— Що мени жалить себе, колы... колы...

Вона не договорыла за плачемъ.

— Поклычъ дитей сюды!

Петровна побигла за Ивасемъ та Шурою, але ихъ у двори не було. Вона побигла въ лисокъ и почала тамъ гукаты. Ивась озвався.

— Паныча убыто! — гукнула Петровна, побачывшы кризь дерева брата й сестру.

Що? Якого паныча?.. — разомъ спыталысь ти.

— Андрія Мыхайловыча... Андрюшу!

— Якъ? Хто тоби сказавъ?

— Пани сказалы. Клычуть васъ...

Братъ и сестра переглянулысь.

— Звидкиля-жъ вона дизналась? — спытавъ Ивась.

— У газети прочытала, въ тій, що у васъ въ чамайдани була.

— Такъ це ты ій дала? — накынувся Ивась на неи.

— Пани прыказалы общукать скризь и позносыты имъ газеты. Велилы и въ чамайдани подывыться. Я й нашла...

— Эге, онъ що!.. Ходимъ скорише въ хату.

Воны ледви не бигцемъ кынулысь до дому.

— Що? видъ матери крытысь задумалы?.. — стрила ихъ маты.

— Мамочко!

— Голубочко!

Маты покывала головою.

— Усе одно. Дизналась, не сховалы!.. Ой, Боже, Боже, що жъ мени робыть? Краще-бъ я його маленькымъ своимы рукамы задавыла, та знала-бъ я, що лежыть винъ у земли, що не валяется непрыбраный у поли, що не грызуть його тила собакы! А, будьте вы проклятп!

Сынъ и дочка утишалы матиръ, але не було тыхъ словъ, не було тіи сылы, щобъ утышыты іи горе, заспокоиты іи поранене серце. Воно, криваве, былось и здригалось, и не було на його ликивъ...

Надійшовъ вечиръ. У горныцяхъ засвитылы вси лампадкы. Пани велила запалыты передъ образомъ воскови свичи и сыдила въ своему крисли, мовъ надъ покойныкомъ. Въ хати було тыхо, и тилькп чулысь іи зитхання. Ивась и Шура сыдилы по куткахъ и мовчалы, и колы несподивано почувся голосъ матери, воны разомъ здригнулысь.

— Лежышъ, ты, мій сыну, въ степу на морози.... Задубилы твои били рученькы, здеревилы быстри ниженькы, занимилы вустонька люби-прывитни!..

Вона хытала головою, немовъ схылывшысь надъ трупомъ сына.

— Лежышъ ты, мій сыну, де впавъ... И никому було ни пидвесты тебе, ни ранъ твоихъ кривавыхъ зявьязаты, ни крови твоеи гарячои спыныты. И замерзла вона на лютому морози... Замерзла кровъ моя!..

Маты здригнулась усимъ тиломъ, мовъ морозъ обхопывъ іи.

„Це Рахиль плаче объ дитяхъ своихъ“ — подумавъ Ивась. „Це та библійна маты, що плаче и не може утишытыся — одынока, осыротила.“ И винъ выйшовъ зъ свого кутка, прысивъ до нигъ матери, цилувавъ руку іи и мочывъ своимы сльозамы, бо серце його розмякло, якъ воскъ на огни.

А маты мовъ не помичала ни його, ни тыхъ слизъ. И, помовчавшы, зновъ заговорыла:

— Скосыла смерть мій цвитъ любый, пидтяла його: не цвиты на морози! Не нужно тебе снигу билому, не нужно тебе каминю холодному!.. Охъ, сыне, сыне!

Кожне слово падало, якъ капля крови, и пекло, мовъ розплавлене олыво. „Рахиль плаче за своимы дитьмы и не може утишытысь...“ И скризь, по всьому обшыри Россіи плачуть Рахили. Але колы Рахиль може тильки плакать, сыны іи повынни думать

про те, щобъ осушыты ти сльозы, щобъ у-друге не убывалы іи дитей!

И кожне слово матери теперъ выклыкало у серци сына гнивъ и на себе, и на всихъ другыхъ, що безпечно спалы, береглы свои шкуры, и допустылы, що доведено ридный край до погыбели. Ни, такъ жыть не можна! Мовчаты й сыдиты смырно— це значыть и самому прыставаты до ворогивъ отчызны и самому наносыты серцю Рахили нови раны. Ни, треба иты туды, куды пишла Люба, куды йде Зембулатъ и други. Колы не буты вильнымы, то краще не жыты. Бо рабське жыття недостойне людыны!

И у серци Трублаевыча нарождалось якесь нове для його чуття, — бажання покласты свои сылы на корысть людямъ, бажання прынесты жертву. И здавалось, що у тій жертви повынна була буты мета усього жыття його, та до цього часу винъ уныкавъ видъ тіи повынности. Але теперъ пиде й прынесе свою жертву.

V.

Пидъ образамы горилы свичи. Палалы лампадкы. У горныцяхъ було душно и ничымъ було дыхать. И здавалось, що сюды, у ци невелыки й нызеньки кимнаты, зайшло горе и засило въ ихъ, и вже николы не выйде звидциль. Воно сыдило по куткахъ, дывылось и моргало своимы байдужнымы очыма зъ кожного затинка, и було йому любо й безпечно у цьому струхлявилому домку...

Воно сыдило й дывылось тысячею байдужныхъ очей на нещасну стару жинку, що не хотила лягать на лижко и все сыдила, обкладена подушкамы, у крисли. Дывылось на стомленыхъ, знесыленыхъ сына й дочку тіеи людыны... и моргало, и мовъ чогось ждало.

— Прокляти!.. будьте вы прокляти!.. Зъ усихъ краивъ позабиралы вы одъ материвъ сынивъ, видъ дитей батькивъ, видъ жинокъ муживъ и послалы ихъ на смерть. До васъ тильки брызкы летять! Дывиться: вы въ крови! Вы въ крови братывъ своихъ!.. И ничымъ вы іи не змыете во викы!

— Мамо!..

Вона не слухала и, помовчавшы, почынала говорыты зновъ:

– Воны встануть, воны прыйдуть до васъ поранени, порубани, зъ одирваныммы рукамы й головамы, зъ вырваныммы бокамы й спынамы—воны прыйдуть до васъ и спытають: за що вы убылы насъ?.. Кровъ наша на васъ и на дитяхъ вашыхъ. Прокляти!..“

— Мамо, мамусю!..

Огныкы въ лампадкахъ здригаются и пидстрыбують, а зъ кутктивъ и затинкивъ моргають очи горя.

— Бувъ у матери сынъ и його втягло у той выръ кривавый и його немае... О горе, горе!..

Горе чуе той окрыкъ, але не озывается и тильки байдуже блымае своимы очыма. Що йому? Воно зробыло свое дило и дали зробыть, колы прыйде часъ.

Годыннькъ цокае и одбывае хвылыны. Ихъ не личать люде, але ихъ личыть горе и терпляче дожыдае, покы прыйде його часъ, часъ новои жертвы.

Але де вона? Хто зъ трьохъ, чы вси заразъ?

Вси воны готови. Маты й дочка давно, а сынъ... тежъ давно! Винъ сыдыть, якъ закамъянилый. Мовъ гарячымы зализнымы буквамы въ його мозку выпалени слова матери, и йому згадуется те, що винъ вычытавъ сьогодни зъ лыста докторового брата, лыста видтиль, зъ того несчасного краю, пісдя Мукденського побоища:

... „Пережыто дуже багато,—пысавъ братъ.—Не можу зрозумиты, якъ рука смерти помынула мене, бо мене навить не ранено. Зъ 22 по 28 весь часъ нашъ полкъ бувъ у бояхъ. Досыть сказать, що 22 лютого мы ходылы въ аттаку симъ разивъ — зъ ранку до вечера и загубылы зъ полка 1354 салдата, а зъ офицерывъ у строю зисталось зъ 54 тильки 11, та й то трое „божевильныхъ“.

Видъ куль, гранатъ, шимозъ и пулеметивъ все гыпуло навколо! Я, колы бъ бувъ вирующый, мигъ бы сказать, що мене оберегавъ Богъ.

Бой — це пекло.

Навколо — стогинъ, галасъ злобы, лютости, жаху, торжества; шумъ, свыстъ, скыглиння, шыпиння, гримъ, скрежетъ, плачъ, прыпадкы, клятьба, мольба, несамовытисть, молытвы; руйновыще, безладдя, трупы, кривави повязкы, падання, агонія, хрыпиння, сльозы радости, шаленый жахъ, мертвотна блидность, героизмъ— подекуды, частише — паника... И кровъ, кровъ повсюды й скризь!

...Я не знаю, — чы не сонъ це все?.. Бо тутъ розгадуется загадка жыття. И у всьому тому есть своя врода... И колы бачышъ пролытою свою кровъ, то тягне побачыть чужу... И було моторошно, и страшно, и весело, и прыемно,

О, яки мы ще звири — вси люде!..“

„Яки мы ще звири, яки безсердечни звири!..“—думае Траблаевычъ и пидраховуе, що двадцять другого лютого братывъ полкъ повыненъ бувъ иты въ резервъ, на одпочынокъ, и замисть того пишовъ ў бой. И хто знае, чы знайшовъ смерть Андрыкъ видъ якоись першои кули, чы видбывавъ уси аттакы и повыненъ бувъ одступаты, може бигты середъ загальнои паники, упасты раненымъ и умираты пидъ ногамы своихъ же... благаты, простягаты рукы, хвататы за ногы озвирилыхъ шаленыхъ людей и умираты зъ останнимъ словомъ прокляття. Хто знае?..

Шура сыдыть нерухома. Уставыла очи въ кутокъ и не моргае навить, мовъ зачарована тымъ горемъ, що дывытся на неи изъ того кутка, и зъ усихъ щилынъ, дывытся тысячею очей.

И вси ти очи пронызують іи серце и холодять його, по капли видбырають снагу. И ій здается, що все оце сонъ, якась омана, що заразъ одчынятся двери и увійде Андрыкъ, але увійде не жывый, а тинь його. И вона боится глянуть на двери. Боится звесты очи на викна.

— Ось винъ увійде!.. Ось заразъ винъ увійде, — шепоче якыйся голосъ.

И двери видчынылысь, и въ ихъ увійшовъ Андрыкъ... Винъ безъ рукы й безъ плеча... Дывытся на неи и сміется:

— Прыйшовъ, ха-ха!

И вразъ падае до іи нигъ.

— Ай!.. — скрыкуе вона не своимъ голосомъ, зрывается зъ мисця й бижыть, мовъ не на своихъ ногахъ у другу кимнату и падае на порози.

Маты зъ несподиванкы тежъ скрыкуе, схоплюется зъ мисця и падае зъ крисла на помисть.

— Шура!.. Мамо!..

Трублаевычъ бижыть до матери, бере іи на рукы, якъ дытыну и, дывуючысь, що вона така легка, сажае іи зновъ у крисло, а Шура бьется въ корчахъ и плаче й регоче.

— Мамо, що зъ вамы? Васъ злякала Шура?

Але маты мовчыть, хоче сказаты йому щось и не може. Якъ блыскавка пронызуе мозокъ Трублаевыча думка, що зъ матирью повторывся ударъ.

— Петровно!.. Гордій!... — крычыть винъ у двери. — Скорище за докторомъ!

Але зъ пекарни нихто не одгукався. Тамъ давно уже сплять. Винъ кыдается туды, буде Гордія й прыказуе йихать по доктора.

Гордій пидвився, сивъ на лави и сопе: винъ зъ просонку ничого не розуміе.

— Заразъ запрягай кони й йидь у Степанивку за докторомъ!

— Гордіе, Гордіе, — штурхае його за плечи Петровна, — панычъ кажуть: йидь за докторомъ!

Гордій прокыдается:

— Добре.

— Петровно, голубочко, ходимте зо мною: мами негарно, та й Шури... — благае Трублаевычъ Петровну. — Несить воды!..

И самъ бижыть туды, въ ти кимнаты, де пануе страшный прывидъ — горе.

— О, Боже мій, що робыты?..

. . . .

Уже свитае. Докторъ стоить биля лижка хвороп и говорыть Трублаевычови:

— Ничого не можно зробыть... остання боротьба жыття й смерти — агонія. Чого я боявся, те й сталось: повторна апоплексія!.. Не руште іи, не руште!.

И бере стилець, сидае биля лижка и мовчкы дывытся на умирающу.

Трублаевычъ стоить у головахъ матери и стежыть за іи перерывчатымъ дыханнямъ и іи хрыпиння прымушуе здригатысь його серце. Чого-бъ винъ теперъ не давъ, щобъ вернуты жыття матери... Якъ бы винъ пестувавъ и голубывъ іи, винъ, що по чотыри рокы не бачывъ іи и по цилыхъ рокахъ не згадувавъ про неи.

Але немае тіеи сылы, щобъ вернуты ій жыття.

— Знаете, по правди, то мало було надіи на те, щобъ вона одужала. Кинець мусивъ буты все одно ранише чы пизнише, — говорывъ роздумчыво докторъ. — Оце ще одна жертва весняноп повиди... памьятаете?

Трублаевычъ хытнувъ головою въ ознаку згоды. Непиддержана розмова увирвалась. И якъ можно було Трублаевычови розмовлять теперъ про якусь повидь, колы умирала маты? Але слова доктора немовъ збудылы його уяву и йому ввыжалось, що щось велыке, незнане й непереможне, справди, якъ весняна кала-

мутна повидь, насувается на жыття и ламае все, що попадется на його шляху, и заносе геть, невидомо куды...

Увійшла Шура, уся розбыта й зимнята, якъ зламана былына. Вона пидійшла до лижка матери, дывытся на неи й кывае головою.

— Прысядьте, Олександро Мыхайливно! — каже докторъ и пидставля іи стилець.

Стилець заторохтивъ по помосту и немовъ злякавъ на хвылыну тыщу. Потимъ зновъ усе затыхло, и тилькы було чуты важке, хрыпке дыхання хворои . . . .

. . . .

Черезъ тры дни въ гайку, що стоявъ надъ шляхомъ, биля старыхъ могылъ, появылась свижа высоченька могыла, а въ старому домку бувъ обидъ. За столомъ сыдилы: пипъ, дяконъ, дячокъ, килька сусидъ и Трублаевычъ. Шура не прысидала до столу, а прыслужувала.

Духовенство смачно йило й пыло, гучно розмовляло й брязчало посудомъ, немовъ було заклыкане на якесь свято. Кадыльный дымъ змишався зъ дымомъ тютюннымъ, але Трублаевычови й Шури усе здавалось, що въ кимнати стоить важкый трупный духъ. Гости того не помичалы.

Дяконъ уже почавъ бувъ розсказуваты якыйся веселый анекдотъ, але пипъ спынывъ його и почавъ розмову на сучасни темы. Винъ выпысувавъ „Свѣтъ" и бувъ велыкымъ патріотомъ.

— А якъ тамъ у васъ на пивдни мужыкы?—запытавъ винъ Трублаевыча, обгрызаючы кистку зъ курятыны.—Ворушатся, чы ни?

Трублаевычъ глянувъ на його.

— Якъ скризь,—сказавъ винъ.

— Такъ,—затвердывъ пипъ, кыдаючы кистку и вытыраючы масни губы.

— Отець Иванъ, выпьемо ще по одній?—запытавъ дяконъ.

— Налывайте. Такъ... Ну, а якъ вы думаете, що зъ цихъ розрухивъ буде?—выпытувавъ винъ Трублаевыча.

— Важко сказаты, що саме буде,—неохоче одповивъ той.

— А я знаю, що буде! прыцмокнувшы, промовывъ отець Иванъ,—лоза переведется вся чысто въ нашому царстви!

Дяконъ и дякъ зареготалысь.

— Чысто вырубають усю, якъ почнуть пороть бунтаривъ,— продовжувавъ розмову отець Иванъ.—Вы, якъ у васъ есть делоза по Кайданци, попрыбережить іи: добри гроши матымете!

— Ге-ге-ге!.,—зареготавъ дяконъ.

— Кару на тило одминено закономъ, и нихто не сміе сикты людей,—суворо, ледви здержуючы свій гнивъ, одмовывъ Трублаевычъ.

— Законъ—то дарма,—сказавъ дяконъ.—Онъ уже тры села перепоролы на слидстви: въ Собынцяхъ, Гнылій та Дмуханивци. Що сахарный заводъ спалылы...

— То беззаконіе и воно мусыть буть покарано.

— Ого, беззаконіе!.. А палыты заводы не беззаконіе, а грабуваты панськи коморы та клуни не беззаконіе?—спалахнувъ отець Иванъ.—Колы мужыкы законъ переступылы, то й начальство може переступыть.—Помылуйте: тамъ, у Манчжуріи война, коженъ бы повыненъ останній свій гришъ виддаты на неи, кровъ свою пролыты за честь и славу ридного краю, а воны бунтують... Я-бъ ихъ самъ усихъ перепоровъ!

— Ге-ге-ге!.. Засукуйте, отче, рукава та прыймайтесь за роботу!—засміявся пидпылый дяконъ.

— И прыймусь!—роздратовано гукнувъ отець Иванъ.—Тебе першого выпорю!..

— Овва! Рукы коротки...

— Побачымо.

— За що жъ це такый гнивъ?

— Знаемо за що!

— Цикаво було-бъ знаты!

— Багато знатымешъ, скоро зистаріешся... Чувъ?

— Чувъ. То може ще по одній выпьемо?—пишовъ на згоду дяконъ.

— Налывай! Духовни пьють, а чого-жъ мыряне не пидтрымують? Давайте вси выпьемо за упокой новопреставленои рабы Божои Олимпіады.

Выпылы й закусылы. Уси булы и найидени, й напоени.

Отець Иванъ поваговъ пидвився й похоплыво забурмотавъ молытву:

— Жывымы и мертвымы обладаяй...

— Во блаженномъ успеніи,—забасывъ дяконъ, проковтуючы останній шматъ мняса,—вѣчный покой подаждь, Господи...

— Вѣчная память, вѣчна-а-я память, вѣ-ѣ-ѣчная память,— проспивавъ гуртомъ увесь клиръ.

Обидъ скинчывся. Духовенство й сусиды ще посыдилы килька часу, покурылы, побалакалы й розйихалысь. Трублаевычъ розчыпывъ настижъ уси викна и выйшовъ зъ хаты.

Уже бувъ блызько вечиръ. На заходи рожевилы весняни хмары и въ рожевому сяеви стоялы березы, роспускаючы свои довги бруныкы. Молодши зъ ихъ уже почалы зеленить.

Трублаевычъ пишовъ на могылу матери. И йому дывно бачыты свижу горку зъ писку и прызнаваты, що це могыла матери, що вси думы, уси боли, страждання дорогои людыны закинчылысь отіею купою сырого писку.

Винъ узявъ зъ могылы соснову торишню шышку и видкынувъ іи геть. Повызбиравъ и поодкыдавъ и други шышкы й лыстя, що замишалысь у писокъ. Йому хотилось, щобъ могыла була чыста й непорочна, щобъ ничого на ній не було такого, щобъ нагадувало про непорядокъ, нечысть. Потимъ винъ знайшовъ и зирвавъ килька стеблынъ ще нерозквитлого рясту и поклавъ ихъ на могыли тамъ, де повынни булы буты груды матерыни.

Було тыхо, и прохолода, весняна бадьора прохолода, обгортала все—и землю, и рослыны, й дерева. И Трублаевычови теперъ здавалось, що й краще, що маты опочыла и лежыть тамъ, у земли, у прохолоди: тамъ ій спокійнище. Не будутъ іи мучыты думкы, не краятыметься наболиле серце, заспокоятся намучени нервы. Бо усьому есть мира и всьому повыненъ буты край. Повыненъ буты кинець и мукамъ людыны. И Трублаевычови здавалось въ цю хвылыну, що смерть не страшна и навить бажана, що смерть не зло, а благо, якъ прыродный кинець истнування.

— Вичная память тоби, ненько! Спы спокійно, скоро й мы прыйдемо до тебе.

Винъ пишовъ у лисъ и тамъ ходывъ до смерку и все думавъ про жыття и смерть, про велыку загадку, що зъ викивъ стоить передъ людьмы и буде до вику стояты передъ нымы нерозгаданою.

VI.

Трублаевычъ вернувся зъ одпуску немовъ увесь покаличеный и физично й морально. Винъ утикъ зъ хутора заразъ же

якъ тильки можно було йому писля похорону матери. Шура зосталась на якый часъ сама, щобъ трохы упорядкуваты хозяйство и йихаты до його въ городъ на одпочынокъ, а може й зовсимъ на життя. Цього воны ще не поришылы.

Для Трублаевыча знову почалось звычайне життя: банкъ, чытання газетъ и часопысивъ, розмовы на сучасни темы, сперечання й сваркы, образы самолюбства—та нервова товчія, що мае назвыще життя интеллигентного. Вінъ зъ важкою головою увечери лягавъ спать и однаково зъ важкою головою прокыдався вранци, и серце його завжди мовъ було чымъ здавлене.

А життя, якъ и перше, було каламутне й неспокійне и грало якъ молоде выно. Ще не можно було зовсимъ ясно пробачыть певныхъ перспективъ, хочъ уже выдно, що наблыжается кинець реакціи, що бюрократію тежъ поняло весняною водою й розмывае й шарпае іи, и вона уже не може устояты проты натыску смилывыхъ и непереможныхъ новитнихъ течій. Вона ще крипылась, вона ще змагалась, вона ще вела давно програну войну и дома, и тамъ, на Далекому Сходи, вона послала останню эскадру, поставыла, якъ завзятый, запальный грокъ, на конъ останній червонець и ждала, що слипе счастя перейде на іи бикъ. И та эскадра, зарани оплакана й похована у водахъ океану и своимы й чужымы, друзьямы й ворогамы, блукала десь у далекыхъ моряхъ.

И вси ждалы морського бою. Ждалы зъ жахомъ.

А тымъ часомъ суспильство гуртувалось, выроблялысь програмы, заводылысь спилкы, легальни й нелегальни, и вси воны малы своею метою вызволення народу зъ политычнои неволи, прыдбання громадськыхъ правъ. Проты цыхъ сылъ гуртувалысь други протылежни сылы и то тутъ, то тамъ спалахувалы кривави огни.

Городъ, у якому жывъ Трублаевычъ, бувъ здавенъ тыхымъ, сонлывымъ мистомъ, але й винъ прокынувся, и въ йому найшлы соби одгукъ уси сучасни течіи. Навить Донда и той, писля несподиваного для його арешту сына, обурывся проты „бюрократіи“ и розносывъ іи не гирше, нижъ евреивъ. Хочъ по головній його думци всьому булы вынни все-жъ такы евреи... И винъ ждавъ, що ихъ отъ-отъ будуть быть.

Трублаевыча знову помалу втягло у выръ того скаламученого життя, але винъ теперъ не анализувавъ такъ однобоко кожне зъявыще, коженъ фактъ, и не вышукувавъ у прогрессивныхъ напрямкахъ Ахылесовыхъ пятъ,—винъ знавъ, що воны есть у

кожній справи. Винъ сказавъ соби разъ назавжды, що прогрессъ краще регрессу, що воля краще неволи и що треба жаднымъ способомъ добыватыся того, що такъ яскраво стало передъ очыма суспильства... Теперъ йому було ни за кого и ни за що боятысь: доля одибрала у його матиръ, брата и Любу. Теперъ прыгода зъ нымъ никого не вразыть. И теперъ винъ дывувавъ смилистю й безповоротнистю поглядивъ своихъ попереднихъ спильныкивъ по думкахъ и ворогивъ. Винъ зновъ зійшовся зъ Билогрудомъ и другымы смилывымы и нерозважнымы людьмы и завивъ зносыны зъ гуртамы молодижи. Винъ почувавъ, що весняна повидь захоплюе його усього и виддався ій цилкомъ. „Що буде, то й буде"—думавъ винъ, „нехай ця довго ждана повидь занесе й мене зъ собою, але вона прынесе людямъ нове жыття, краще и тымъ, хто буде жыть писля насъ, буде легше дыхать и вильнише жыть".

Люба уже давно выйшла зъ тюрмы, бо за нею не було знайдено ніякои справжньои выны, але Трублаевычъ не стривався зъ нею, бо вона выйихала зъ городу до Одесу, до родычивъ. Трублаевычъ добре знавъ, що цього намагався и такы добывся батько, щобъ одлучыты іи видъ мисцевыхъ знайомыхъ. Винъ сподивався, що въ другому городи, пидъ доглядомъ титкы, вона одумается.

Зембулатъ ще сыдивъ у тюрми, але була чутка, що и його скоро выпустять.

Трублаевычъ сылкувався не думаты про Любу, гнавъ видъ себе згадкы про неи, але не мигъ ничого зробыты. Ни громадська, ни банкова робота не моглы захопыты його усього цилкомъ. Не було того дня, щобъ образъ іи не майнувъ передъ нымъ, не осмихнувся йому, не кынувъ йому поважного замысленого погляду, не опикъ його несподиваною искрою зпидъ темныхъ вій. А колы винъ зоставався на самотыни,—чы де въ парку, чы на бульвари, чы дома у себе,—вона завжды була зъ нымъ. Воны розмовлялы урывкамы, розуміючы одне одного зъ пивслова, и мовчалы, и зновъ розмовлялы. И у Трублаевыча щемило й ныло серце: винъ все-жъ такы не мигъ вернуть іи, вона була чужа. И не мигъ одректысь одъ неи...

Килька разивъ винъ збирався поїихаты до Одесу, побачытысь зъ нею, побалакать, и може винъ вернувъ-бы іи соби. Та винъ заразъ же гнавъ видъ себе спокусу: того николы не може буты въ той часъ, якъ Зембулатъ сыдыть у тюрми. Винъ теперъ для неи дорожчый, нижъ колы небудь у другый часъ, теперъ

винъ герой для неи... Іи вси думкы биля його. И йому хотилось, щобъ и винъ бувъ кому-небудь дорогый и любый.

Одного разу, колы винъ сыдивъ на самотыни въ глухому кутку мійського парку и думавъ про Любу, до його пидійшла Дубраевська. Вона була легко й гарно одягнена и була гарна собою. Довге пидстрыжене волосся надавало ій интелигентности, а легка хода, пры досыть высокому зрости, свидчыла про іи фызычну сылу и гарне здоровья.

Трублаевычъ пидвився зъ мисця на зустричъ ій, прывитався, и воны зновъ силы на тій самій лави удвохъ.

— Онъ куды вы забралысь!—говорыла, дывлячысь у вичи Трублаевычови Дубраевська.—И я люблю це мисце. Тутъ гарно.

— Иноди я тутъ просыжую довгенько, колы...—винъ зупынывся.

— Колы...—пидсказала Дубраевська и пидняла бровы, ждучы продовження його фразы.

„У неи гарни й добри очи"—подумавъ Трублаевычъ и, осмихнувшысь, сказавъ:

— Колы есть до того заохота.

— Ну звычайно!.. Тильки вы хотилы сказать щось друге. А про те розумію...—сказала вона зъ лукавою усмишкою.—Колысь було прыемно сыдиты тутъ... и не одному, а теперъ—солодки й спогады!

— Чому такъ, що спогады?

— А такъ, вамъ краще знать.

— Не розумію.

— Не розуміете? Ну, колы хочете, я вамъ розскажу казочку... Хочете?

— Кажить, послухаю.

Дубраевська зъ хвылыну зновъ подывылась на його лукавымъ поглядомъ, вышукуючы, якъ зручнише почать свою казку.

— А вы не розсердытесь?—спытала вона.

— Ни, колы... вы не розсердыте.

Дубраевська засміялась и одкынулась на спынку лавы.

„Вона гарна й весела"—поришывъ Трублаевычъ и имъ заволодивъ якыйся чудный настрій: хотилось, щобъ Дубраевська сказала йому, що любыть його.

— Тильки цуръ зъ умовою—сказавъ винъ:—вы розскажете мени казочку, а я вамъ.

— Добре!—видповила Дубраевська и пидморгнула по-товарыськы.—Добре. Слухайте! У одному городи жывъ одынъ чоловикъ...

— Такъ: у одному городи жывъ одынъ чоловикъ... И невже тильки одынъ?

— Иване Мыхайловычу, не перебывайте, а то я розсердюсь!

— И не докажете казкы?

Дубраевська засміялась.

— Ну, такъ ото жывъ одынъ чоловикъ. Бувъ винъ молодый и гарный, але самитный и суворый на поглядъ, хочъ не бувъ такымъ у души.

— Замитымо: не бувъ такымъ у души.

— Иване Мыхайловычу, не перебывайте!

— А то будете гниватысь?

— Буду.

— Ну, я не буду.

— То-то, дывиться. Не було у того чоловика у тому городи ни родыны, ни блызькыхъ людей товарышивъ, и жывъ винъ, мовъ у пустыни.

— А казка ваша зъ настроемъ!

Дубраевська не звернула увагы на слова Трублаевыча и говорыла дали:

— Ни до кого було йому прыхылытысь серцемъ у тій пустыни, и наглядивъ винъ молоду дыку горлычку, и прыручывъ іи до себе. Росповидавъ винъ дыкій горлычци про свое жыття, про свои смуткы, росповидавъ про те, якъ важко жыты въ пустыни поодынокымъ людямъ, такымъ, якъ винъ, и вона, покы у неи не выросли крыла, стрыбала биля його, турчала и зазырала йому въ вичы. И полюбывъ винъ ту дыку горлыцю, якъ свою душу. Але одного разу на тимъ дереви, пидъ которымъ турчала горлыця, затурчавъ свою писню дыкый голубъ. Спурхнула горлычка до того голуба и полетилы далеко-далеко и не верталысь уже до одынокого самитного чоловика. И стало його жыття писля того ще самитнійшымъ и сумнійшымъ.

Дубраевська зупынылась.

— Що жъ дали? — запытавъ Трублаевычъ, и въ голоси його уже не було й тини жарту.

— Що дали? А жыве й доси у тому городи той чоловикъ, и журытся, и поты журытымется, покы не забуде про тую горлыцю.

— Такъ.

— Ну, теперъ вы скажить свою казку.

— Я свою забувъ.

— О, ни, вы повынни іи прыгадать!

— Ну, слухайте.

Трублаевычъ замыслывся. Дубраевська ворухнула въ його души саму найчутлыву струну, и вона задзвенила и наповныла його душу сумомъ.

— Моя казка буде про того-жъ самого чоловика. Якъ одлетила та горлыця и тяжко сумувавъ той чоловикъ, то одного разу въ ночи чыясь рука пидкынула йому якыйся струментъ. Бувъ подибенъ той струментъ до серця людського, и колы його хто зачыпавъ, то зъ його вылиталы таки сумни згукы, що той чоловикъ плакавъ. Зачыпалы той струментъ зли люде, зачыпалы и просто цикави. Навить, колы просто подмухавъ на його витеръ, то и витеръ выклыкавъ ти сумни мелодіи и згукы. Одного разу прылетивъ и сивъ на той струментъ вродлывый метелыкъ. Нижно винъ доторкувався своимы лапкамы до струнъ и воны задзвенилы ще сумнише, ще жалибнише, нижъ колы до ихъ торкалысь зли и просто байдужи, але цикави люде...

— Иване Мыхайловычу!.. Буде, не розсказуйте дали своеи казкы, — сказала Дубраевська и облыччя іи стало сумне й стурбоване.

— Чого?

— Такъ. Дуже вона сумна.

— Вамъ здается?

Винъ осмихнувся и взявъ іи за руку.

Вона стыснула його руку.

— Простить мене... Я не хотила, я не сподивалась того...

— Ничого, Соломіе Францовно, може колы той чоловикъ и про голубку забуде, и той струментъ геть выкыне.

— Дай йому Богъ!

— Справди? — осмихнувся Трублаевычъ, зводячы на жартъ те, що тильки-що сталось.

Дубраевська вся счервонила и тежъ засміялась, здавыла ще разъ йому руку й выхопыла іи зъ його рукы.

— Дай Богъ! Свитъ шырокый и веселый и замисто того города-пустыни есть гарни людяни й весели города.

— Пойидемо шукать такого города? — запытавъ Трублаевычъ, и неможно було вгадаты, жартуе винъ, чы навсправди каже.

— Пойидемо! — одповила вона тымъ же тономъ.

— Справди?

— Справди.

— А колы жъ збиратъся?

— Колы завгодно!

Винъ узявъ и крипко стыснувъ іи руку.

— Трохы пидождемо, — сказавъ винъ просто й тепло, побратерськы. — Нехай у того чоловика загоятся хочъ трохы раны.

— Добре.

Все сталось такъ разомъ и такъ несподивано, що колы Трублаевычъ проводывъ Соломію до дому и зоставсл самъ на вулыци, то винъ спытавъ себе: чы справди таке сталось? И повыненъ бувъ сказаты, що руль на човни його жыття круто повернувъ въ другый бикъ, и човенъ мавъ плысты теперъ другою дорогою.

Писля того дня Трублаевычъ стривався зъ Дубраевською частише нижъ ранишъ, але ни винъ, ни вона не згадувалы про розмову въ парку. Воны немовъ мовчкы згодылысь не говорыты ничого про те, що воны зналы тильки вдвохъ, и ця тайна еднала ихъ. Дубраевська поришыла терпляче ждать, покы „загоятся раны сумного чоловика.“

Та раны не загоювалысь, и вона це бачыла.

Вона знала, що Трублаевычъ уже разъ писля ихъ розмовы йиздывъ у Одесъ, и знала, чого винъ шукавъ тамъ и кого хотивъ побачыть. Та йому не поталаныло зустрытысь зъ Любою, и це тильки бильше розворушыло його раны. Винъ засумувавъ ще тяжче, и хто подывывся-бъ на його, той сказавъ-бы, що це хвора людына.

А жыття не заспокоювалось. Пидійшла Цусымська катастрофа. Флотъ, на якый такъ багато покладалось надій тымы, хто його пославъ, загынувъ пры Цусыми. Броненосци, мовъ розбыти чавуны, одынъ за однымъ пурнулы на дно моря, а яки зосталысь цили, ти поспускалы свои корогвы и здалысь въ полонъ. Теперъ уже убытыхъ и потопленыхъ нихто не рахувавъ, перелічувалы тильки броненосци та крейсера.

Ганебнійшои подіи ще не було зъ початку войны.

Але суспильнисть уже мало турбовалась и хвылювалась такымы подіямы. Теперъ стало ясно навить для слипцивъ, що война програна по всій линіи, не зоставалось ни краплн надіи. И думкы суспильства зъ Манчжуріи повернулысь назадъ, — до дому. Всп зрозумилы, що прычына такыхъ нечу-

ваныхъ невдачъ ховается не тамъ, на Далекому Сходи, а тутъ, дома. Теперъ уже не було про це двохъ думокъ.

И зновъ усе забурлыло, забродыло зъ новою сылою.

Ждалы чогось такого, чого ще не було. Лягалы спать зъ думкою, що може доведется прокынутысь зовсимъ у другому стани, пры другыхъ порядкахъ. Нервова напруженнисть доходыла до краю.

Трублаевычъ ходывъ звычайно въ банкъ, але йому здавалось, що може трапытысь, що завтра або пислязавтрого не треба буде иты въ банкъ, а доведется робыты щось нове, велыке и страшне. И колы винъ думавъ про це, йому хотилось буты биля Любы, стояты рядомъ зъ нею. Про Соломію тоди винъ забувавъ и розмову въ парку почытавъ помылкою.

И Трублаевычъ зновъ пойихавъ у Одесъ.

Ничъ була, колы винъ йихавъ, тыха й зоряна, и винъ до свиту проходывъ по чердаку парохода, думаючы про Любу и думкою розмовляючы зъ нею. Теперъ винъ поришывъ неодминно найты іи и переговорыты напрямкы. Теперъ и Зембулатъ бувъ на воли, и зъ цього боку винъ бувъ спокійный: шансы ихъ булы однакови. Колы тоди винъ не мигъ безоглядно виддатысь громадськымъ справамъ, то теперъ винъ може. Теперъ жертва не страшна для його.

А внутришній голосъ все-такы говорывъ йому, що даремно винъ йиде, що марни його сподивання, и йому було важко й соромно за себе.

VII.

Въ Одесъ Трублаевычъ прыйихавъ ранкомъ. Ще по дорози въ гостыныцю видъ звощыка винъ почувъ, що въ городи покынулы роботу хлибопекы и ще якись ремисныкы и збираются шабашыть конкы. Але не звернувъ на це увагы, бо таки подіи въ останни часы зробылысь повсюднымы.

Винъ узявъ соби номеръ, переодягся, напывся чаю и пишовъ шукаты Любу.

— Вы зновъ до насъ завиталы? — запытавъ його, видчыняючы двери гостыныци, старшый швейцаръ. — Не побоялысь?

— А чого-жъ боятысь?

— Будьте обережни, — въ городи не такъ-то спокійно. Знаете, хлибопекы... майстерови. Колы-бъ чого не сталось, якои бучи.

— Вы думаете?

— Вси мы такъ думаемо и перестерегаемо своихъ жыльцивъ.

— Ну, ничого. Якось обійдется... Я не надовго, — сказавъ Трублаевычъ и выйшовъ на вулыцю.

Було ще рано и йты до титкы Любы було незручно, та винъ и не знавъ іи адресы. Треба було дизнатысь про неи. Винъ пишовъ у адресне бюро. Тамъ йому подалы певну адресу. Кватыря титчына була не такъ далеко, и можно було не поспишатысь иты, але Трублаевычъ подумавъ, що колы прыйде нерано, то може й не застаты Любы дома, и заразъ же помалу пишовъ шукаты названу йому вулыцю й номеръ дома.

По дорози винъ прыдывлявся до людського натовпу и ничого надзвычайного въ йому не помичавъ: кожне затурбоване похапцемъ бигло кудысь, не звертаючы увагы на другыхъ, и тильки газетяри та телеграмщыкы кыдалысь до кожного, видъ кого можно було сподиватысь, що винъ купыть газету або телеграму, и протягалы рукы зъ свиже-выдрукованымы велыкымы аркушамы.

— Газеты сьогодняшни!.. Перши телеграмы!..

Трублаевычъ купывъ и перебигъ очыма газету. И тамъ говорылось, хочъ досыть глухо, про те, що де-яки майстерови пошабашылы и домагаются прыбавкы заробитнои платы.

Знайшовшы кватырю, де жыла Любына титка, Трублаевычъ подзвонывъ.

— Дома Любовъ Мыколаевна Говорецька и можно іи бачыть?— запытавъ винъ покоивку, що выбигла до його.

— Ни, панночкы немае дома, — видповила дивчына.

— А колы буде?

— Не знаю.

Роспытавшысь и розсказавшы, хто такый винъ самъ, Трублаевычъ довидався, що Любы уже немае дома два дни, и що нихто не знае, де вона, и титка іи дуже тымъ стурбована.

Цього Трублаевычъ не сподивавсь. Вси до одніеи речи Любыни булы у титкы, и тильки іи самои не було дома. Зныкла, мовъ кризь землю провалылась.

— А ранишъ бувало такъ колы-небудь? — спытався винъ.

— Було вже одынъ разъ.

Трублаевычъ знызнувъ плечыма. Винъ пообищавъ навидатысь ще разъ у-вечери и пишовъ ходыть по городу. У його була потаенна думка, що може винъ де зустрине іи.

Винъ пройшовъ найбучниши улыци, спустывся до прыморського бульвару, подывывся на море, на портъ. Все мало звычайный свій выглядъ, скризь метушылысь люде, свыстилы паровозы, гулы гудкы, гремилы зализни пидвагы на пароходахъ, хапаючы купы ящыкивъ або куливъ, пидносячы ихъ вгору и зновъ спускаючы. И ввесь портъ повывавъ дымъ.

Посыдившы килька часу на бульвари, Трублаевычъ зайшовъ у ресторанъ поснидаты. Винъ знайшовъ соби окреме мисце въ кутку и сивъ, дожыдаючы, покы подадуть йисты.

— Пане Трублаевычъ! Иване Мыхайловычу! — гукнувъ до його хтось зъ прысутнихъ.

Трублаевычъ повивъ очыма по зали. Все булы незнайоми люде, колы зъ-за одного зъ столивъ пидвився якыйся чоловикъ и пидійшовъ до його.

Трублаевычъ упизнавъ у йому доктора Левандовського, що рокивъ за тры передъ цымъ выйихавъ зъ города, де жывъ винъ, до Одесу.

— Не пизнаете? — запытавъ винъ.

— Ни, пизнаю, — одповивъ Трублаевычъ, пидводячысь зъ стильця и протягаючы назустричъ докторови руку. — Але ніякъ не сподивавсь зустриты васъ.

— Ге, гора зъ горою не сходытся, а люде товчутся завжды на одному мисци!—весело гукнувъ докторъ.—Вы надовго до насъ?

— Днивъ на два.

— То прошу васъ до мене сьогодни увечери. Посыдымо, побалакаемо.

Трублаевычъ пообищавъ зайты, колы буде вильный. Левандовськый сказавъ свою адресу. Винъ уже поснидавъ и, розглажуючы свою довгу, чорну якъ смоль, бороду, збирався бигты кудысь на практыку..

— Такъ я-жъ буду ждаты васъ, — сказавъ винъ, приймаючы видъ лакея свои брыль и палыцю.

— Якъ можно буде, то неодминно буду, — запевнывъ Трублаевычъ.

— Теперъ, знаете, у насъ дуже цикавый часъ! — кынувъ докторъ, прощаючысь зъ Трублаевычемъ.

И винъ выйшовъ зъ залы, ставный и жвавый не по литахъ.

Трублаевычъ давно знавъ його. Це була жыва й запальна людына. Винъ чуло видгукався на вси подіи, усимъ цикавывся и скризь, де винъ появлявся, вносывъ зъ собою якесь прыемне ожывлення. Колы почынались суперечкы, то нихто не мигъ такъ скоро й зручно ихъ улагоджувать, якъ докторъ Левандовськый. Трублаевычъ порішывъ неодминно пійты до його.

Винъ цилый день проблукавъ по городу, вдывляючысь у кожне облыччя, але Любы не стривъ. Та й важко іи було зустриты, колы вона, хочъ и була въ городи, та не хотила, щобъ іи хтось бачывъ, хтось стежывъ за нею. Але вона могла й просто выйихаты зъ города до когось на дачу. Це було дуже похоже на праву.

Увечери Трублаевычъ пишовъ до Левандовського.

— А знаете, зъ вашыхъ у насъ у городи ще де-хто есть. Оце недавно я зустривъ ЗемБулата зъ якоюсь панною,—сказавъ Левандовськый, колы воны прывитались и увійшлы въ його кабинетъ.

ЗемБулата? А вы його знаете? — здывувався Трублаевычъ..

— А якъ-же! Винъ вчывся у нашому университети. Хлопчына гарный и ватажокъ зъ його чудесный. Я казавъ йому, и винъ може зайде сьогодни до мене.

Трублаевычъ хотивъ запытать, яка панна була зъ Зембулатомъ, але зразу не наважывся. Винъ боявся, що Левандовськый помитыть, що винъ дуже цикавытся тіею панною. Але трохы зперегодомъ винъ спытавъ:

— А не помитылы вы, що за панна була зъ Зембулатомъ?

— Щось мени незнайоме. Здается не одесситка: вродлыва, чорнява дивчына, досыть высокого зросту... волосся у неи роскишне.

Трублаевычъ не сказавъ ничого, але поришывъ, що то Люба. Земблатъ прыйихавъ, щобъ побачытысь зъ нею, и можно було думать, що вона утекла винъ титкы на цей часъ, Може утекла й не для того тильки: въ городи сподивалысь велыкого заколоту, и вона могла прыняты участь въ його пидготуванни,

Але Левандовськый не давъ йому довго розмирковуваты. Винъ роспытувавъ його про те, якъ стоять робочи и други пытання въ городи, звидкиль прыйихавъ Трублаевычъ; роспытувався, дизнавшысь, що Трублаевычъ недавно йиздывъ до дому, якъ тамъ стоять справы по селахъ, и розсказувавъ, чого сподиваются въ Одеси. Писля цусымськыхъ подій и тутъ все зновъ заворушылось зъ новою сылою. Булы неспокійни вси верствы робочого люду, и вже де-яки купы й гурты шабашылы, але вся сыла була въ порту и портъ уже не мовчавъ...

— Не знаю де якъ, а у насъ цусымська катастрофа не обійдется даромъ,—говорывъ Левандовськый: — уси роздрочени нею, мовъ осы. Окримъ того й багато одеситивъ загынуло тамъ.

Слухаючы доктора, Трублаевычъ подумавъ, що якъ незважно зробывъ Говорецькый, що саме въ цей часъ пустывъ дочку сюды.

— Та що вы такый сумный та вьялый? — запытавъ його раптомъ Левандовськый. — Немовъ вы що загубылы, чы чого шукаете, чы чого ждете?

— Я? Я заразъ такый, якъ буваю завжды.

— Ни, не такый...

Але имъ не довелось довесты розмову до краю, якъ у кватырю доктора ускочывъ якыйся новый чоловикъ: высокый и сухорлявый, зъ довгымы рукамы й ногамы, мовъ у коныка. Винъ ходывъ мовъ на ходуляхъ и безперестанно розмахувавъ своимы кистякуватымы рукамы. Це бувъ знайомый Левандовського — Золотныцькый. Докторъ познайомывъ ихъ.

— Чулы вы? — скрыкнувъ винъ ще зъ порога. — Чыталы?— показавъ винъ клаптыкъ папиру.

— Що таке? — спытався докторъ.

— Оци вирши..

— Яки?

— Вирши Латанського... Гымнъ смерти.

— Ни.

— Ну, такъ слухайте!

Золотныцькый ставъ биля лампы такъ, що йому можно було побачыть написане, выривнявся и, незапынаючысь, прочытавъ ци виршы пидъ заголовкомъ *„Morituri salutant.“*

Левандовськый и Трублаевычъ слухалы мовъ загипнотизовани.

— Що? — запытавъ Золотныцькый, обводячы поглядомъ ихъ обохъ и зморгуючы очыма, мовъ и самъ вызволяючысь зъ гипнозу.

— Гарно! Чудесно!— скрыкнувъ Левандовськый и потягся за виршами. — Дайте ихъ сюды.

— Мицно, чудесно напысано!..

— Дайте мени перепысать ци вирши,—сказавъ Трублаевычъ. — Можно?

— А чого-жъ? Можно, — видповивъ Золотныцькый. — Воны теперъ скризь ходять.

Трублаевычъ перепысавъ. Ци вирши зробылы на його велыке вражиння и здавалысь йому доповненнямъ до лыстивъ брата зъ войны. Може й Андрыкъ, раненый на смерть, бачывъ у хвылыни скончання той лютый прывыдъ и посылавъ ти прокляття.

— Ну, вирши виршамы, — говорывъ, ходячы по кимнати, Золотныцькый,—а жыття жыттямъ; колы не на завтра, то на пислязавтра збирается таке, чого ще може й не було у насъ!

И винъ розсказавъ, чого сподиваются въ городи. Винъ повторывъ те-жъ, що чувъ Трублаевычъ видъ швейцара и Левандовського. Вси говорылы въ одно. Насувалась гризна хмара, и все мовъ прытыхло, ущухло, мовъ збиралось зъ сыламы.

Вертаючысь въ-ночи въ номеръ по затыхлымъ вулыцямъ, Трублаевычъ шовъ обережно, мовъ боячысь порушыты тышу, розбудыты іи, хочъ справжньои тыши й не було: городъ по всьому свойоему обшыри торохтивъ и турчавъ видъ тысячъ колисъ, що котылысь по йому, и топота копытъ,—тильки винъ торохтивъ менше, мовъ дримавъ. У порту переклыкалысь пароходы сыплуватымы басыстымы голосамы и мовъ щось змовлялысь промижъ собою...

На ранокъ Трублаевычъ зновъ поришывъ шукаты Любы, хочъ у його вже не було надіи на те, щобъ йому була яка корысть зъ ихъ зустричи. Хотилось довесты справу до краю, хотилось просто побачыты іи, подывытысь на неи. И на другый день винъ зновъ зайшовъ до титкы Любынои и видъ тіеижъ прыслужныци довидався, що Люба учора передъ вечоромъ була дома, але зновъ кудысь пойихала и дома не ночувала. Ци дни вона гостювала у якоись знайомои на дачи, але де саме та дача, и якъ прызвыще знайомои, вона не знала. Трублаевычъ хотивъ бувъ спытаты про це титку Любыну, але іи не було дома. И винъ зновъ пишовъ блукать по городу.

Винъ пройшовъ його въ одынъ край, повернувъ назадъ и зновъ вернувсь въ осередокъ. Пишовъ у другый край и зновъ вернувсь назадъ. Тоди сивъ на конку и пойихавъ, не пытаючы, куды вона повезе його. Йому прыемно було сыдиты, одпочываты и дывытысь на будивли, що вырыналы назустричъ зъ одніи и другои серіи вулыць, дывытысь на людей що снувалы попидъ тымы будивлямы, мовъ комашня, и ничого не думаты, бо голова уже натомылась видъ думокъ, и мозокъ потрибувавъ видпочывку. Винъ йихавъ довго и дойихавъ до краю коліи. Дали конка не йшла, и тамъ бувъ уже не городъ, а почынались дачи. Винъ ришывъ пройты до моря, и пишовъ знайомою йому дорогою внызъ. Скоро винъ бувъ на самому березі моря.

Блыскуче, зеленувате, воно почыналося биля рудого невысокого берега и розлягалось въ далечинь, злываючысь зъ небомъ на далекому обріи. Мисцямы воно здавалось сынимъ и грало й перелывалось зелено-сынимы колирамы и помалу хвылювалось. Хвыли йшлы до берега, выбигалы на його видлогый выривняный край, закыпаючы на йому билою шумучою пиною, и розбывались. А въ далечини курылы пароходы, одни потроху зныкаючы въ безкрайности моря, а други выплываючы звидтиль. Недалеко видъ берега на хвыляхъ гойдалысь невелыки човныки,—то рыбалкы ловылы рыбу. Таки човны булы й на березі, вытягнени на писокъ. Биля ихъ вештались люде, а дитвора бигала по берегу босонижъ и то забигала до воды, то тикала видъ хвыли дали на берегъ.

Хвыли йшлы на берегъ и шумилы, мовъ выгукувалы:

— У-ухъ!

— У-ухъ!

Выще одъ воды ходылы по берегу й сыдилы на лавахъ поодыноки люде й купами, по-два, по-тры, и дывылысь на море. Трублаевычъ знайшовъ вильну лаву и собі сивъ.

Рожденець иншои краины, винъ дуже ридко бачывъ море, але воно робыло на його коженъ разъ, колы прыходывъ до його, дуже глыбоке вражиння. Винъ не любывъ його въ бурю, роздратованого, але воно зачаровувало його въ гарну погоду—таке шыроке, таке вильне й таке спокійно-пестлыве, що колы винъ сыдивъ надъ нымъ, то й самъ не помичавъ того, якъ спокій обгортавъ його усього, а думкы сами собою пидносылысь до темъ высокыхъ и поважныхъ.

Винъ полюбывъ його зъ часивъ свого студентства, колы йому довелось пробуты рикъ у Одеси для скинчення курсу университету.

Винъ теперъ сыдивъ и увесь потопъ въ думахъ соглядання, шырокыхъ и спокійныхъ, якъ те море, що було передъ його очыма. И колы биля його сивъ якыйся зовсимъ сывый дидокъ у легкій, тежъ билій, одежи, винъ тильки глянувъ на його й посунувся, щобъ даты йому мисце.

— А море чудесне сьогодни!—промовывъ старый, жмурячы очи видъ блыску хвыль.

Трублаевычъ мовчавъ.

— Такъ, такъ... Гарне. Помичайте... выбачте...—звернувся винъ до Трублаевыча,—оту смугу онъ-онъ-о? Бачыте, яка вона сыня? Чудесно!

Трублаевычъ глянувъ на свого сусида. Щось знайоме показалось йому и у фигури старого, и въ облыччи. Винъ прызнавъ у йому свого профессора Кончака.

— Ныконе Пылыповычу, це вы?—звернувся винъ до його.

— Я. А вы хто такый?—повернувся винъ до Трублаевыча,—Чы не Портанськый?

Трублаевычъ сказавъ свое прызвыще, и старый профессоръ прыгадавъ його. Винъ бувъ дуже литній и давно бувъ на пенсіи.

Воны розбалакалысь. Розмова скоро перейшла на сучасни темы. И старый профессоръ говорывъ про весну, про той велыкый рухъ, що поставъ скризь. Винъ на все дывывся оптимистычно и сподивався, що все налагодытся, и навить дуже скоро, на кращый бажаный ладъ.

— Теперъ уже не довго зосталось, и я вирю, що и я побачу други порядкы,—говорывъ винъ. — А колы-бъ не було войны, то ничого-бъ цього не було, усе було-бъ по-старому! Такъ... Такъ...

— Невже-жъ тильки циною всихъ жертвъ оціеи несчаснои войны можно було розбудыть суспильство?—спытавъ Трублаевычъ.—Невже краща доля завтрашнього дня мусыть буты куплена циною крови людей сьогодняшнього дня?

— А такъ... такъ... Це законъ жыття, законъ исторіи.

Профессоръ усмихнувся.

— Циною крови людскисть добувае коженъ крокъ свого розвытку,—додавъ винъ, прыдывляючысь до молодыхъ панночкы й мужчыны, що саме пры останнихъ словахъ пидійшлы до того мисця, де сыдилы профессоръ и Трублаевычъ, пройшли трохы впередъ и сталы надъ кручею, дывлячысь на море.

Трублаевычъ глянувъ тежъ на молоду пару и кровъ ударыла йому въ выскы.

То булы Люба й Зембулатъ.

VIII.

— Сьогодни есть чутка, що въ портъ прыйшовъ зъ Тендры броненосець и що на йому щось не ладно. А дывиться, то не винъ?

Кончакъ показавъ рукою на якесь судно, що выйшло було зъ порту и знову повернуло назадъ. Але Трублаевычови було не до того.

— Выбачте мени, я васъ на хвылыну покыну,—сказавъ винъ, пидвивсь и пишовъ до Любы и Зембулата.

— Здрастуйте, Любовъ Мыколаевно! — сказавъ винъ, пидходячы и протягаючы руку Люби.

Та здригнулась зъ несподиванкы и раптомъ повернулась въ його сторону.

— Якъ вы злякалы мене!.. Видкиля вы взялысь, що я васъ тутъ не бачыла?

— Я сыдивъ тамъ на лави.

Трублаевычъ прывитався зъ Зембулатомъ.

— Иванъ Мыхайловычъ бувъ у шапци невыдымци, а теперъ знявъ іи—сказавъ той.

Имъ обомъ, и Люби, й Зембулату, було ніяково, и це Трублаевычъ помитывъ зъ першого погляду. Постеригъ винъ такожъ, що Люба, мовъ голубка до голуба, всїею своею истотою тягнется до Зембулата, и упевнывся безъ усякыхъ розмовъ, що вона любыть Зембулата палко й безроздильно, и що йому немае тутъ мисця.

Винъ поришывъ навить не заводыты зъ нею розмовы про те, що хотивъ выяснyты соби, для чого й прыйихавъ сюды.

Уси трое почувалы себе ніяково и мовчалы. Першый почавъ розмову Зембулатъ. Винъ тежъ звертавъ увагу на те судно. Але ни Люба, ни Трублаевычъ не пиддержалы початои имъ розмовы.

— Якъ вы въ останній часъ змиAнылысь,—сказала Люба до його,—у васъ мабуть трапылась якась прыгода дома?

— Брата убыто на войни и вмерла маты,—сказавъ Трублаевычъ, и йому хотилось додаты, що не такъ йому важко було утеряты брата й матиръ, якъ іи.

Винъ глянувъ на неи. Вона мовъ ще бильше покращала. Счастя кохання робыло іи ще вродлывишою. Те счастя свитылось у іи очахъ, и блыскъ його бувъ такый знайомый йому колысь, ще недавно, а теперъ такый чужый, такый ворожый. Трублаевычъ згадавъ, що вси знайоми говорылы йому, що винъ змынывся, постаривъ, и винъ самъ це бачывъ, що-дня помичаючы, якъ усе бильше й бильше прокыдается у його въ бороди сывына, проклята непереможна сывына, вистныкъ старости.

— Вы скоро думаете вернуться до дому?—спытавъ винъ Любу, колы Зембулатъ одійшовъ трохы одъ ихъ, прыдывляючысь у той край, де бувъ портъ, до стовбивъ дыму, що почалы пидносытысь надъ нымъ.

— Не знаю. Валерьянъ Васильевычъ думае пидшукаты соби тутъ якусь посаду, и мы може зовсимъ зостанемось тутъ.

— Дывиться, дывиться, що тамъ робытся!..—гукнувъ Зембулатъ, показуючы рукою на дымы.—Це въ порту: це портъ горыть!..

Люба й Трублаевычъ подывылысь у той край, куды показувавъ Зембулатъ. Тамъ вставалы стовбы чорного и рудого дыму и вже заволикалы собою пивъ неба. Люба вжахнулась.

— Це щось надзвычайне! Йидемо туды!..

— Йидемо!..

Трублаевычъ хотивъ сказать: „и я зъ вамы“,—але не сказавъ. Винъ бувъ зайвый биля ихъ. Воны хутко попрощалысь и подалысь вгору до конкы. Трублаевычъ зостався самъ. Винъ проводывъ ихъ поглядомъ и перевивъ очи на дымы.

— Бачыте, яка штука творытся въ порту!—почувъ винъ биля себе й здригнувсь

Трублаевычъ озырнувся навколо. Увесь берегъ заметушывся: тамъ по гори биглы въ городъ чоловикы, пани й диты, переганяючы одне одного, а въ самому березп килька чоловикъ стягалы въ воду човны, щобъ йихать на ихъ туды, де творылось щось надзвычайне. Килька човнивъ уже видчалылы видъ берега й гойдалысь на хвыляхъ, прямуючы до порту.

— Треба й намъ подаватысь до дому,—сказавъ Кончакъ.— Вы де жывете?

Трублаевычъ назвавъ свою гостыныцю.

Тоди намъ по дорози. Идемо!

И воны почалы пидійматысь вгору. Прыйшлы до станціи конкы и довго ждалы, покы прыйшовъ вагонъ. Думалы, що винъ и зовсимъ не прыйде. Кондукторъ и визныкъ булы дуже чымсь стурбовани и немовъ вагалысь, чы пускаты назадъ вагонъ. Нарешти вагонъ рушывъ.

Спершу винъ йшовъ по глухыхъ вулыцяхъ и на ихъ не було помитно велыкого руху людей, але чымъ винъ блыжче пидходывъ до осередку города, тымъ було бильше выдно, що все и йде, й бижыть до порту. Сунулы цили лавы, биглы майстерови, гучно розмовляючы й переклыкаючысь зъ одного боку вулыци на другый.

— Щось таке незвычайне!..—говорывъ Кончакъ.

Конка посувалась помалу на гору и, выбравшысь на ривне, зовсимъ стала.

— Що таке?

— Дали йихать неможно.

— Якъ такъ?

Подывиться.

Уси выскочылы зъ вагона. Трохы впереди, куды повыненъ бувъ иты вагонъ, дорога була чымся загорожена. Побиглы туды. Тамъ лежавъ на дорози перевернутый вагонъ конкы.

— Онъ якъ! Теперъ доведется иты пишкы. Будемо вже держатысь купы, — сказавъ Кончакъ, беручы за руку Трублаевыча.

Воны пишлы по тротуару и скоро вже не йшлы, а биглы, бо все бигло, все путлялось, збывалось до купы и зновъ розбывалось.

— Помалу!.. Помалу!.. — ледви переводячы духъ, говорывъ Кончакъ и самъ бигъ.

Але на перехрести воны разомъ зупынылысь. Дорогу запружувавъ натовпъ людей. Головы всихъ булы повернени въ ливый бикъ. Трублаевычъ вытягся навспынкы и побачывъ, що зъ боковои вулыци суне якась лава людей и надъ нею хылитаются пидняти вгору червони хусткы. Полиція, кинна й пиша, сылкувалась загородыты тій лави шляхъ, але даремно.

Стоявъ галасъ, крыкъ, тупотиння... щось выгукувалы... десь дали щось спивалы, и разомъ вси, що стоялы впереди Трублаевыча, подалысь назадъ и кынулысь вростичъ...

Щось залящало, мовъ лопалысь десяткы фейерверкивъ...

Прямо на Трублаевыча кынувся чоловикъ, блидый якъ полотно, ухопывшысь рукою за плече. Кровъ бигла по його пальцяхъ...

Колы це разомъ все що спершу було побигло въ ту вулыцю, зъ якои выйшлы Трублаевычъ зъ Кончакомъ, сунулось назадъ, кынулось за вуголъ.

— Козакы!..

Когось звалено, когось стоптано... Той упавъ раненый и опынывся пидъ копытамы коней. Въ повитри засвысталы канчукы...

— Въ сторону!..

И все кынулось геть.

Трублаевычъ ухопывъ Кончака за руку и тягъ його за собою. Той не мигъ иты, ногы пидгыналысь у його, и винъ увесь трусывся. Трублаевычъ оглянувся. Ихъ наздоганяла та лава, що

йшла зъ ливого боку. На чоли іи винъ помитывъ высоку сухорляву постать чоловика, що махавъ высоко надъ собою рукамы.

Винъ прыгадавъ, що то той чоловикъ, що винъ бачывъ у Левандовського, що то Золотныцькый. И въ ту-жъ мыть Золотныцькый зробывъ два-тры крокы напередъ и, мовъ запнувшысь за що, махнувъ у останне рукамы и впавъ на землю...

Хотивъ пидвестысь, уже бувъ пидвився, махаючы рукою и щось крычучы зъ помертвилымъ облыччямъ и упавъ...

Morituri te salutant!..

Зновъ щось затрищало й захлопало, и ревъ людей покрывъ собою усе, и мовъ одъ його здригнулысь будынкы. Щось опекло спыну Трублаевычови... штовхнуло його и винъ упавъ на тротуаръ... Хотивъ пидвестысь, крыкнуты, але щось гаряче й солоне выхопылось у його зъ горла й не дало йому крыкнуты... Зелени кругы пробиглы въ очахъ, и въ ихъ промайнуло переляканe облыччя Кончака, що схылывся до його.

— Morituri te salutant!.. Ось воно що!..—проказавъ Трублаевычъ, втрачаючы прытомнисть. — Повидь...

Винъ не договорывъ.

Старый професоръ ухопывъ свого ученыка и сылкувався стягты його зъ дорогы, поблыжче пидъ будынокъ, и не мигъ. Хтось молодый и дужый пидхопывъ раненого пидъ пахвы й перетягъ пидъ стину. Старый схылывся надъ нымъ, захыщаючы його своимъ тиломъ, а кругомъ усе ревло й гремило, повне роздратування й жаху, повне гниву й ненавысти.

М. Чернявськый.

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.[1]

Жизнь моего отца—Іоанна Алексѣевича Горохова-Соколова.

Выдержки изъ дневника о. Іоанна, заключающія авто-біографическія свѣдѣнія. — Доходы его въ Мценскомъ соборѣ. — Перемѣщеніе его на должность священника въ с. Спасское. — Постройка здѣсь новаго дома. Доходы о. Іоанна — отъ церковной земли и отъ церковныхъ службъ. — События 1812 года. — Дьячокъ *Матвѣй Васильевичъ Поповъ*, его болѣзнь и дурной нравъ. — Выдача замужъ дочери *Анастасіи*. — Впечатлѣнія отъ нашествія французовъ. — Пріѣздъ въ с. Спасское его помѣщиковъ, братьевъ *Евграфа* и *Александра Гриневыхъ*. Ихъ характеристика. — Постройка новой каменной церкви помѣщиками и ея неудача. — Моръ и голодъ въ 1813 году.—Начало падучей болѣзни у о. Іоанна.—Пономарь Акимъ Петровичъ и его большой авторитетъ въ приходѣ.—Бѣсноватые и кликуши въ с. Спасскомъ.—Выдача замужъ другой дочери—*Екатерины*.—Братъ о. Іоанна—*Никаноръ Алексѣевичъ*. — Бурмистръ *Иванъ Дементьевичъ*. — Прикащикъ *Николай Павловичъ Черкасовъ*—и сестра его *Пелагея Павловна*.—Смерть матери автора—*Авдотьи Васильевны*.—О. Іоаннъ уступаетъ свой приходъ младшей дочери своей *Варварѣ*, вышедшей замужъ за священника *Оранжева*,—а самъ выходитъ въ отставку и ведетъ подвижническую жизнь.—Священникъ Оранжевъ изъявляетъ согласіе быть миссіонеромъ въ Алеутской Епархіи.—Трагическая смерть жены его Варвары Ивановны.—Самоотверженіе *Пелагеи Павловны Черкасовой*. — Пріѣздъ о. Іоанна Соколова въ Одессу—къ сыну—и кончина его здѣсь.—

Составляя замѣтки въ тетради, переплетенной въ холстъ, отецъ мой мало въ нихъ говоритъ о себѣ. Вотъ только что замѣтилъ онъ о жизни своей и поступленіи на должность.

„1792 г., ноября 30 дня—я, будучи 10 лѣтъ, записанъ въ семинарію въ г. Орлѣ, гдѣ продолжалъ ученіе до піитики. Въ 1797 г. въ октябрѣ перевели въ классъ риторики—въ г. Сѣвскъ.

---

1) См. Кіевск. Стар., № 1

1799 г. іюня 3 дня я вступилъ въ бракъ—г. Мценска Мироносицкой (Никитской тожъ) церкви умершаго дьячка Василія Никифоровича съ дочерію Евдокіею. Авг. 6-го того же года произведенъ во дьячка къ Мироносицкой церкви; 18-го числа того же мѣсяца вступилъ въ должность.—Въ томъ же году 8 ноября указомъ потребованъ къ преосвященному *Досиѳею*. Досиѳей приказалъ подать прошеніе на діаконское мѣсто къ Мценскому собору, и я тогда же произведенъ былъ во діакона, вступилъ въ должность 24 декабря; но грамота выслана мнѣ 1800 года января 4 дня. На этой должности и нынѣ нахожусь.“ — „3 года и 3 мѣсяца служилъ дьякономъ въ Соборѣ одинъ. 1803 года марта 28 прибылъ дьяконъ другой; а 1807 года августа въ 30 день произведенъ я во священника въ село *Спасское*, гдѣ и нынѣ нахожусь“.—

Я уже говорилъ выше, по чьему ходатайству Досиѳей вызвалъ къ себѣ отца моего и далъ ему мѣсто при соборѣ. Необъяснимымъ остается, откуда отецъ мой могъ взять средства чрезъ три года построить домъ, стоившій, по его вычисленію, до 700 р. Доходъ, получавшійся съ мѣста соборнаго діакона, по замѣткамъ его въ памятной книжкѣ, былъ обыкновенный. Въ 1800 г. онъ получилъ 150 р.; въ 1801 г. — 192 р.; въ 1802 г. — 211 р.; въ 1803 г. — 214 р.; въ 1804 г. — 194 р.; въ 1805 г. — 192 р.; въ 1806 г. — 190 р.—Вѣроятно, покойный тесть оставилъ приданое, или Степанъ Ѳедоровичъ, поселившись въ домѣ тестя на мѣсто моего отца, что-нибудь сплотилъ ему. Развѣ школа, которую держала мать моя, приносила значительный доходъ. А у ней, какъ впослѣдствіи говорила она, постоянно бывало около 40 человѣкъ учениковъ.

Отецъ, мой, какъ разсказывали мнѣ, любимъ былъ гражданами. Протоіерей собора *Дмитрій Алексѣевичъ Алексѣевъ* дорожилъ имъ, какъ хорошимъ писцемъ и, какъ разсказывалъ отецъ, слишкомъ обременялъ его писаніемъ какъ по церкви, такъ особенно по духовному правленію. Едва чрезъ 7-мь лѣтъ позволилъ ему проситься во священника. Во время нахожденія отца при соборѣ—въ 1800 г. родилась у него дочь *Настасья*; въ 1802 г. — другая дочь—*Екатерина*; въ 1805 году февраля 12-го въ полночь родился я.

Въ село *Спасское* въ 25 верстахъ отъ Мценска по дорогѣ въ Орелъ—отецъ мой поступилъ на мѣсто священника, уволившагося по преклонности лѣтъ за штатъ. Долженъ былъ помѣститься съ нимъ въ одномъ домѣ. Съ священникомъ жилъ

сынъ 40 лѣтъ, мѣщанинъ, и дочь 30 лѣтъ. Домъ ихъ ничѣмъ не отличался отъ поселянскихъ. Это была изба, впрочемъ не курная,—съ сѣньми и небольшою холодною клѣткою, окруженная сараями. Отецъ мой спѣшилъ построить черезъ дорогу въ концѣ коноплянника и огорода свой домъ; но для того нужно было продать тотъ, который оставался во Мценскѣ. Покупщиковъ было много; стоялъ онъ не на церковной усадьбѣ; но нужно было въ тогдашнее время испрашивать разрѣшенія на то у архіерея. Два раза подавалъ онъ прошеніе въ 1808 г., но не получилъ разрѣшенія. Наконецъ въ 1809 г. вышло это разрѣшеніе. „1809 г. маія 2, домъ въ г. Мценскѣ продалъ я за 500 р., а въ селѣ Спасскомъ выстроилъ въ томъ же саду другой и перешелъ въ него 23 сентября того же года“—замѣчено въ памятной книжкѣ. Домъ былъ построенъ окнами на улицу. Это была изба и горница, раздѣленная сѣньми безъ потолка и съ крыльцомъ на улицу. Изба и горница были по три сажени въ длину, сѣни — 2 саж. Потолокъ въ горницѣ доставаемъ былъ рукою возрастнаго. Въ горницѣ было 2 окна на улицу и 2 во дворъ. Въ избѣ—одно на улицу и одно во дворъ. Внутренность горницы раздѣлялась вдоль на двѣ неровныя части печью, почему-то называвшеюся *голландскою*, и достаточно глухою перегородкою — съ дверью. Въ малой половинѣ за перегородкою помѣщалась кровать большая и лежанка печки. Въ большой половинѣ помѣщались въ углу столъ въ аршинъ съ четвертью ширины и въ два аршина длины. Между 2-мя окнами на улицу висѣло небольшое зеркало; по стѣнамъ—кожаныя стулья. Въ сѣняхъ былъ чуланъ или кладовая и дверь на дворъ.—Въ избѣ, какъ и у всякаго поселянина того села, отъ входа направо — *коникъ* и лавка, къ нимъ прилегалъ дубовый столъ; передъ столомъ — скамья; на лѣвой— верхній коникъ, подполъ, надъ нимъ палати. Далѣе — варистая большая печь. Вотъ фасадъ дома [1]).

Священникъ заштатный скоро померъ. Домъ его проданъ на сломъ; дѣти выселились въ городъ. Новопостроенный домъ еще не высохъ, какъ родители мои заняли его. Отецъ и мать болѣли—первый въ ноябрѣ, послѣдняя въ мартѣ 1810 г.; сестра страдала зубами. Только я и сестра Екатерина не болѣли.

---

[1]) Въ подлинной рукописи слѣдуетъ дальше рисунокъ ново-построеннаго дома въ с. Спасскомъ.—Л. М.

Деньги, какія получены за Мценскій домъ, изъ которыхъ только малая часть употреблена на деревенскій, скоро прошли между руками. 200 р. отецъ употребилъ на выкупъ изъ крѣпостнаго состоянія дѣтей своей сестры, мужъ которой удавился; а 200 р. далъ взаймы одному мелкому помѣщику *Осипу Петровичу*. Эти деньги хотя и возвращены были, но—по новому курсу. Пятирублевая ассигнація прежде стоила 5 серебряныхъ рублей; но послѣ 1812 года ходила за 1 р. 25 коп. серебромъ.

Отецъ мой купилъ дорогихъ лошадей, но ихъ украли въ тотъ же мѣсяцъ. Съ тѣхъ поръ онъ держалъ самыхъ дешевыхъ лошадей и обрабатывалъ ими землю. Подцерковной земли числилось 49 десятинъ, въ томъ числѣ было много лѣсу. Вокругъ церкви росла сотня—другая старыхъ березъ. Далѣе—чрезъ двѣ десятины начиналась *ярушка* сначала березнякомъ, потомъ тянулся дубовый лѣсъ, далѣе орѣшникъ, и затѣмъ она развѣтвлялась на два луга съ лѣсными пригорками. Такая земля, такой лѣсъ у другого послужилъ бы источникомъ большаго хозяйства; но отецъ мой, избалованный 8-лѣтнею городскою жизнію, не былъ расположенъ къ расширенію хозяйства. Часть земли и часть сѣнокоса онъ отдавалъ въ наемъ. Замѣчательно, земля тогда еще нанималась дорого, 8 и 10 рубл. десятина. Можетъ быть не было и досуга отцу самому обрабатывать всю землю: приходъ былъ большой и, пока не вымерли люди въ 1813 году, многолюдный. Исправленіе требъ давало ему обезпеченіе. Вотъ его доходы съ прихода и церкви, по памятной книжкѣ:

„Въ 1808 г. въ 1-ю недѣлю Велик. поста получилъ 8 р.; во 2-ю, 3-ю, 4 и 5-ю—по 4 р.; всего 24 рубля. За Страстную, Святую и родительскую—40 р.

1809 г. За страстную, святую и проводы вмѣстѣ и за постъ—50 р.—Сверхъ того—на святой недѣлѣ 2 мѣшка ржи и 2 мѣшка гречихи; къ Благовѣщенью на просфоры 7 осьминъ муки.—

Въ 1809-мъ же году за молитву предъ Рождествомъ, въ рождественскую и крещенскую недѣли—15 р.; за свадьбы—10 р.; еще за свадьбы—15 р.

Въ 1816 г. всего деньгами получено 200 р.“

Полагая, что отецъ мой въ предшествующіе года получалъ съ прихода по 200 р. деньгами, не считая хлѣба,—онъ тратилъ больше. Такъ подъ 1810-мъ годомъ у него записано расходу на 240 р.

Замѣчательны слѣдующія статьи прихода и расхода въ 1815 г. Конопля продавалась за 20 р. четверть.—Въ 1817 г.—16 р.

четверть—и ея продано на 120 р.; вмѣстѣ съ тѣмъ продано овса и гречихи на 34 р. Продавалась рожь и пенька,—только отецъ не отмѣчалъ цѣны. Только цѣна вина или водки и сапогъ показывалась ясно. Такъ, ведро вина стоило 6 р.—Сапоги 5 р. 50 к.

Надобно полагать, что отецъ мой отъ экономіи своей получалъ 200 р., да съ прихода на 200 р. Въ то время это были большія деньги, особенно для сельскаго священника, у котораго, кромѣ водки, дегтя и верхняго платья, все было не купленное. Кромѣ истраченныхъ моею матерью на наряды въ Мценскѣ 28 р. и отцемъ 10 р. въ Орлѣ, „еще дано матери въ Коренную ярмонку 50 р.“ (ужъ, конечно, на наряды), замѣчено въ памятной книжкѣ.

О событіяхъ 1812 года одна замѣтка отца моего: „получено извѣстіе: 8 сентября Москва занята французами.“—Въ 1813 г. былъ такой моръ, что изъ числа 120 дворовъ села Спасскаго 4 вовсе запустѣли. Въ томъ же году поступилъ въ Спасское дьячкомъ *Матвей Васильевичъ Поповъ*—18 лѣтъ. Отецъ помѣстилъ его въ своемъ семействѣ. Но скоро онъ оказался зараженнымъ *французскою* болѣзнію, какъ тогда называли *сифилисъ*. Объ этомъ узнали уже тогда, когда заразились отъ него всѣ дѣти семейства, двѣ сестры и я. Признаками этой болѣзни являлись на языкѣ бѣлыя пятна. Дьячекъ отправленъ былъ куда-то на излеченіе, а насъ лѣчили дома. Чѣмъ же лѣчили? Мы пили *декохтъ*, не ѣли ничего, кромѣ прѣсныхъ лепешекъ, держались въ теплѣ; сверхъ того употребляли во внутрь купоросное масло, разведенное водою, полъ-рюмки, и чѣмъ-то еще насъ окуривали. При употребленіи послѣдняго способа сажали больнаго надъ раскаленными угольями въ горшкѣ, бросали въ него такой порошокъ, который горѣлъ зеленымъ огнемъ, затѣмъ окутывали одѣялами. Всѣ мы освободились такимъ образомъ отъ страшной болѣзни. Освободился отъ нея и дьячекъ. Отецъ говорилъ, будто болѣзнь занесена въ село проходившими черезъ него войсками. Мать утверждала, будто дьячекъ съ нею и поступилъ въ нашу семью. Не смотря на это, мой дѣдъ и бабка заинтересовались дьячкомъ и выдали за него предпослѣднюю свою дочь *Татьяну*. Она была бѣлокурая—съ большими глазами, личико ея было овальное. Да, это было въ 1809, или въ 1810 году, когда мнѣ было 5 лѣтъ. Послѣ того какъ женихъ и невѣста обвѣнчались и сидѣли въ малой половинѣ горницы на кровати

моихъ родителей, я все подбѣгалъ къ невѣстѣ и цѣловалъ руки ея, и когда женихъ вышелъ куда-то, я вскочилъ на постель, обнялъ ее и цѣловалъ въ шею, въ щеки и зубы.—Отецъ мой выстроилъ имъ домъ; но скоро изъ этой ненаглядной красавицы остался одинъ скелетъ, покрытый блѣдною кожею. Она часто прибѣгала къ намъ и пряталась отъ побоевъ мужа. *Матвѣй* возненавидѣлъ ее за то, будто, какъ ему объяснили люди, что отецъ мой для того и держалъ его при своемъ домѣ, чтобы навязать ему свою сестру. Несчастная, забитая и замученная до чахотки, чрезъ 2 года умерла. Дьячокъ женился на другой, лицомъ цыганкѣ, и жилъ съ нею лучше. Но все остался звѣремъ, особенно въ пьяномъ видѣ.

Отецъ мой, по кротости и трусости характера, терпѣлъ дьячка-негодяя даже послѣ того, какъ онъ едва не убилъ его. Однажды отецъ и мать мои были на храмовомъ праздникѣ въ селѣ *Сычевомъ*, въ 12 верстахъ отъ с. Спасскаго. Послѣ обѣда гости вышли на улицу. Тутъ дьякона начали выказывать силу свою. Явился дьячокъ *Матвѣй*, гостившій у мѣстнаго дьячка; схвативши отца моего сзади въ охабку, ударилъ его объ-земь. Отецъ мой 3 или 4 минуты лежалъ мертвый. Дьячекъ извинялся ненамѣренностію и желаніемъ пошутить. Вскорѣ послѣ этого открылась у отца на груди рана, съ которой онъ возился лѣтъ нѣсколько. Этого ли случая послѣдствіемъ была рана, или другого, о которомъ скажу при описаніи моей собственной жизни,—но замѣчательно: когда закрылась на груди рана, отецъ сталъ подверженъ нервной падучей болѣзни, которая вызвана была питьемъ воды въ разгоряченномъ состояніи.—Дьячекъ Матвѣй женился и *на третьей*, кажется—вдовѣ; подъ старость ослѣпъ и умеръ недавно 77 лѣтъ. Въ 1870 г., когда я заглянулъ въ Спасское, я нашелъ дочь его отъ второй жены за пьяницею—сапожникомъ и подалъ ей милостыню.

Отецъ и мать испытали на вѣку своемъ счастіе видѣть первую дочь *Анастасію* хорошо пристроенною и жить съ нею вмѣстѣ. У священника села *Сычева* былъ внукъ, бѣлокурый красавецъ 19 лѣтъ—*Поликарпъ Сильвестровичъ Сильвестровъ*, жившій при дѣдѣ дьячкомъ. Онъ женился на Анастасіи и скоро поступилъ въ Спасское дьячкомъ. Производство его стоило 200 руб. По прошествіи 5 лѣтъ, дѣдъ сдалъ ему свое мѣсто. Производство обошлось въ 700 р. Все это было при Гавріилѣ епископѣ. Сестра моя Анастасія не долго жила: послѣ родовъ простудилась и умерла, оставивъ двухъ мальчиковъ и дѣвочку. Поликарпъ

всѣхъ воспиталъ и пристроилъ. Онъ еще живъ; въ сентябрѣ въ 1876 г. онъ жилъ у младшаго сына—священника; во время пожара едва спасенъ былъ людьми,—лицо его сильно обгорѣло. Долго ли проживетъ онъ? Ему уже 78 лѣтъ.

1812-й годъ отецъ мой провелъ безъ страха; однако приготовился оставить домъ. Онъ не зналъ географіи, но зналъ французовъ изъ прежнихъ манифестовъ, которые не разъ читалъ въ Мценскомъ соборѣ. Мать безпрестанно плакала; мы, маленькіе, боялись темной комнаты, пугая другъ друга французомъ. Тогда по церквямъ читали манифестъ или, можетъ быть, указы синода, въ которыхъ Бонапарте именовался *Антихристомъ*. На молебнахъ пѣли жалобнымъ тономъ: *Господи, покори враги подъ ноги наша!* Эта пѣснь особенно наводила на всѣхъ уныніе. Прежде наша деревня почему-то не видѣла войска, хотя отъ большой дороги находилась въ 9 верстахъ; а теперь и конные, и пѣшіе часто останавливались въ Спасскомъ, и начальники всегда квартировали у моего отца. Отецъ угощалъ ихъ, чѣмъ только могъ, и отъ нихъ узнавалъ новости войны. Отецъ мой часто повторялъ фамиліи вождей: *Барклай-де-Толли*, *Багратіонъ*, *Кутузовъ*. Село каждую недѣлю съ плачемъ и причитаньями провожало своихъ ратниковъ—съ 25-ти одного и сверхъ того наряженныхъ подъ сухари. Тогда вся деревня занята была печеніемъ сухарей изъ своего хлѣба и на своихъ подводахъ отправляла ихъ къ войску. Мать видѣла во снѣ, что солнце превратилось въ мѣсяцъ. Сонъ объяснился тѣмъ, что черезъ три дня получено извѣстіе о взятіи Москвы. За двѣ недѣли передъ этимъ въ село наше переѣхали помѣщики его изъ Дорогобура. Сперва вступила въ село стая собакъ въ 50 штукъ борзыхъ собакъ съ охотниками на лошадяхъ. Потомъ прибылъ баринъ *Евграфъ Ивановичъ Гриневъ* и братъ его *Александръ Ивановичъ*. Первый былъ чиномъ штыкъ-юнкеръ, другой—портупей-прапорщикъ. Оба старики и не женатые. Ихъ имѣнія (четыре села) достались по наслѣдству *Телепневу*, тогда молодому человѣку. Младшій Гриневъ скоро оставилъ наше село, а Евграфъ Ивановичъ долгонько жилъ въ Спасскомъ. Онъ полюбилъ отца моего и далъ приказъ отпускать отцу соломы, половы и березы на лучину, сколько понадобится. По воскресеньямъ бывалъ въ церкви; послѣ обѣдни приглашалъ отца къ обѣду. У него было огромное пузо. У него былъ камердинеръ *Терентій Михайловичъ*—однихъ съ нимъ лѣтъ и почти съ такимъ же пузомъ, также—неженатый. Эту разряженную особу, которую такъ уважали, Евграфъ Ивановичъ кликалъ: *Терешка*!...

Отецъ иногда бралъ на обѣдъ меня. Я со страхомъ смотрѣлъ на барина, и когда онъ крикнулъ: *Терешка!*, а явился на зовъ Терентій Михайловичъ, я сталъ смотрѣть на вельможу съ благоговѣйнымъ ужасомъ, тѣмъ болѣе, что Терентія Михайловича принимали въ нашемъ домѣ съ уваженіемъ.—Баринъ ни разу не былъ въ домѣ отца, но за то отецъ съ удовольствіемъ и уваженіемъ принималъ людей его. Молодые изъ нихъ, прекрасно одѣтые, мнѣ и сестрамъ моимъ казались людьми просвѣщенными и образованными; они многое разъясняли нашимъ родителямъ, которые съ удовольствіемъ слушали ихъ.—Терентій Михайловичъ, во время посѣщенія своего, разсказывалъ о богатствѣ, характерѣ и жизни своихъ господъ. По его разсказамъ, Гриневы имѣли одну деревню—*Спасское*, гдѣ они родились и гдѣ погребены родители ихъ. Но три другія деревни будто-бы выиграли они въ карты и послѣ, уволенные изъ службы, въ руки не брали картъ. Имѣли огромную псарню, хоръ пѣвцовъ и музыкантовъ, свой театръ. Дворни у нихъ было до 200 человѣкъ съ псарями, охотниками, кучерами, птичниками. Не довольствуясь этими людьми, по большимъ праздникамъ собирали бабъ и мужиковь со всего села на барскій дворъ, выкатывали бочку вина и заставляли играть и веселиться, какъ умѣли. Зиму проживали въ Москвѣ.

Отецъ мой склонилъ Евграфа Ивановича построить вмѣсто деревянной каменную церковь. Начали строить огромную 3-хъ престольную церковь. Крѣпостные его архитекторы составили планъ и фасадъ. Это былъ 4-хъ-угольный сарай съ куполомъ на 4-хъ колоннахъ. Въ 1817 г. она была вчернѣ почти окончена. Рабочіе сошли съ постройки, два человѣка были на половинѣ купола, а 8 человѣкъ—на самомъ верху забивали, какъ говорили, *замокъ*. Вдругъ куполъ падаетъ, разсыпается и распираетъ стѣны. Страшный и глухой громъ и столбъ пыли возвѣстили селу паденіе церкви... два человѣка задавлены, восемь человѣкъ разбились, но остались живы; ихъ высвободили изъ-подъ лѣсовъ и камней.—Это было въ Августѣ. Въ 1818 г. вновь началась строиться церковь—по тому же плану и фасаду, только подъ надзоромъ техника. Сколько прежде богачъ былъ щедръ, столько потомъ сталъ скупъ. Колокольня построена уже была ниже церкви. Богачъ померъ,—братъ его приказалъ отдѣлывать внутренность церкви; но какъ онъ наслушался Волтеріанскихъ мыслей, то иконостасъ пришлось додѣлывать отцу моему, и ему много было хлопотъ.

Въ 1813 г. былъ въ селѣ, а можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ, близкихъ къ театру минувшей войны, моръ: изъ 120 дворовъ четыре двора опустѣли. Во всемъ селѣ померло болѣе 200 душъ. Отцу не давали покоя ни днемъ, ни ночью, и я помню, какъ въ теченіи одной ночи его три раза поднимали съ постели причащать умирающихъ. Но въ нашемъ домѣ, хотя и была горячка, но никто не померъ. Теперь объясняется причина моровагo повѣтрія: тѣла на поляхъ сраженій оставались долго неубранными, особенно на полѣ Бородинскомъ и Тарутинскомъ, а весною кучи французовъ, погребенныхъ въ снѣгу—на пути отступленія, долго тлѣли непогребенными.

Весною 1813 года горожане испытали голодъ. Рожь была 12 р. четверть, овесъ—9 р.—Въ 1818 г. былъ повсемѣстный голодъ. Во Мценскѣ рожь продавалась 16 р. четверть, мука—2 р. пудъ, гречиха—10 р. четверть... Въ с. Спасскомъ пекли хлѣбъ съ лебедою и съ половой. Мужички охотно и такой хлѣбъ ѣли, только жаловались, что „на малыхъ и большихъ напущенъ *ѣдунъ:* сколько ни ѣшь, все хочется ѣсть".—Въ 1821 г., была рожь въ одно время 21 р. четверть. По моимъ теперешнимъ соображеніямъ, неурожай былъ мѣстный; но недостатки путей быстраго сообщенія и умноженіе ассигнацій съ 1812 года были причиною дороговизны и голода въ городахъ.

Въ 1816 г. отецъ повезъ меня въ училище—въ г. Сѣвскъ—съ провизіей на цѣлый годъ. Замѣчаетъ онъ въ *запискахъ* своихъ, что на меня истрачено въ этотъ годъ 50 р., считая, вѣроятно, въ томъ числѣ и цѣну провизіи. Только-что мы выѣхали изъ села, какъ шворень подъ возомъ сломался, а отецъ грудью упалъ на переднюю ось. Долго онъ катался по землѣ отъ боли, но не воротился домой. Можетъ быть, отъ этого ушиба послѣ появилась у него на груди рана, съ которой онъ долго возился.

„1815 г.,—замѣчаетъ отецъ мой въ своей *памятной книгѣ*,—іюня 18 была встрѣча Архирея въ с. Подчерневомъ, и я тамъ былъ, но только буду помнить пріѣздъ его". Что съ отцемъ случилось? Вѣроятно, пріѣзжалъ отецъ къ храмовому празднику Казанской Богоматери 8 Іюля и тамъ долго прогостилъ, а Досиѳей замѣтилъ ему это.—А можетъ быть и что-другое.

Въ 1820 г. замѣчаетъ отецъ мой о себѣ: „со мною сдѣлался припадокъ на току и въ первый день повторился 3 раза.—1821 г. прибылъ на епископію архіерей *Гавріилъ*".

Припадки падучей болѣзни у отца моего повторялись довольно часто, и два раза во время служенія литургіи. Что было

дѣлать? Итти за штатъ? Но вѣдь оставались непристроенными еще двѣ дочери; на его содержаніи учились я—въ семинаріи—и братъ *Евграфъ* въ училищѣ. Но прихожане любили отца. Причтъ не доносилъ даже благочинному, потому что боялся перемѣны священника. Да и кто-бы сталъ доносить?—Скоро дьчкомъ поступилъ въ Спасское зять *Поликарпъ.* Дьячекъ *Матвѣй,* забивъ мою тетку и женившись на другой, часто напивался и дрался съ мужиками въ приходѣ; онъ боялся, чтобы на него не донесли. Пономарь *Акимъ Петровичъ?*—Это былъ авторитетъ между причтомъ въ приходѣ—по милости отца моего. Отецъ объявилъ его знатокомъ во всѣхъ дѣлахъ. Явилась передъ 1812 годомъ *комета,*—Акимъ Петровичъ сталъ предрекать жестокую войну и сбылось предреченіе. Акимъ Петровичъ—маленькій, рыженькій, съ рѣзкимъ хриповатымъ голосомъ, съ длиннымъ лицомъ и кучерявою красною головою и маленькою клиномъ бородою, никогда не смѣющійся, вѣчно серіозный—былъ страшный бичъ при обыскѣ свадебномъ. Какъ давній на приходѣ, онъ зналъ родство мужиковъ и въ каждой четѣ видѣлъ родню. По природной, можно сказать—наслѣдственно переданной отъ отца робости характера, отецъ мой всегда посылалъ сватовъ къ Акиму Петровичу, отказывавшемуся итти въ церковь, и ему кой-что перепадало—хлѣбомъ, деньгами, или же водкою. Мужики и безъ того считали пономаря знатокомъ погоды и всѣ приходили совѣтоваться къ нему, пора-ли сѣять. Многіе въ приходѣ считали его *знахаремъ* и *колдуномъ.* Кто выведетъ червей у скотины? Акимъ Петровичъ! кто заговоритъ кровь, прогонить чужого *домоваго* изъ конюшни? Акимъ Петровичъ. Кто у чорта былъ на рогахъ, кто видѣлъ русалку?—все Акимъ Петровичъ. Отецъ шутилъ иногда надъ нимъ; но, кажется, и самъ вѣрилъ многому. Какъ же теперь было Акиму Петровичу мѣнять священника?!

Вотъ первый примѣръ легковѣрія моего отца, которымъ пользовался Акимъ Петровичъ къ увеличенію своего авторитета въ народѣ. Однажды отецъ поѣхалъ съ Акимомъ Петровичемъ на храмовой праздникъ въ с. *Карповку*—въ 5 верстахъ отъ Спасскаго. Въ пристяжкѣ была кобыла Акима Петровича. На возвратномъ пути ночью отецъ дремалъ. Акимъ П—чъ правилъ лошадьми. Передавъ возжи отцу, пономарь спрыгиваетъ съ повозки. Отецъ продолжаетъ ѣхать тихонько. Акимъ П—чъ не возвращается. Отецъ остановился. Вдругъ слышитъ крикъ пономаря уже далѣе—впереди: „Отче Іоанне, спаси, спаси молитвою!“ Отецъ поѣхалъ на голосъ рысцею. Чтожъ? Акимъ Петро-

вичъ стоитъ надъ оврагомъ.—„Что съ тобою?"—„Послѣ разскажу, а теперь благослови и помолись о мнѣ."—Когда Акимъ П—чъ сѣлъ въ телѣгу, отецъ опять спросилъ: что съ тобою? какимъ образомъ ты очутился впереди?—Акимъ П—чъ долго молчалъ и только подъѣхавъ къ церкви и крестясь на нее, началъ такъ объяснять случай: „Когда я слѣзъ съ телѣги и ты шажкомъ поѣхалъ впередъ,—говорилъ онъ,—вдругъ увидѣлъ я свою кобылу подлѣ себя. Я выругалъ тебя, прости отче Іоанне, чортомъ, полагая, что ты задремалъ и не видалъ, какъ отстягнулась кобыла. Я вскочилъ на нее, ищу на головѣ узду, и ощупываю *роги*; я перекрестился, кобылы не стало, а предо мною—оврагъ. Тогда я началъ кричать и звать тебя!"—Послѣ того Акимъ Петровичъ по всему селу разсказывалъ, какъ онъ былъ у чорта на рогахъ,—и отецъ мой волей—неволей долженъ былъ въ нѣкоторыхъ частяхъ подтверждать разсказъ его.

Не столько привязанность причта и любовь прихожанъ удерживали отца моего на должности, сколько особый взглядъ на болѣзнь его, образовавшійся въ средѣ окружавшихъ его. На отца смотрѣли какъ на *святаго*, преслѣдуемаго злымъ духомъ.—По желанію помѣщика Евграфа Ивановича, отецъ долженъ былъ отчитывать бѣсноватыхъ и кропить ихъ водою, въ которую погруженъ камень отъ Гроба Господня, купленный помѣщикомъ у захожихъ монаховъ. Около ста человѣкъ со всѣхъ имѣній Евграфа Ивановича свезено было въ Спасское—кликушъ. Тутъ были не одни женщины, но и старикъ 60 лѣтъ и дѣвочка 12 лѣтъ. Когда они были проводимы въ церковь—во время херувимской пѣсни, они падали и кричали, ругая отца моего. Ихъ держали приставленные къ нимъ мужики. Этотъ крикъ, этотъ гамъ продолжался до конца обѣдни. Помѣщикъ рѣдко когда присутствовалъ и уѣзжалъ изъ деревни въ Вязьму или Дорогобужъ. Отецъ по его просьбѣ продолжалъ дѣло отчитыванья. Когда случился припадокъ съ отцомъ на току, никто въ деревнѣ не зналъ объ этомъ. Но въ первое же служеніе—на литургіи бѣсноватые начали кричать: „Шелуганъ, шелуганъ! А что тебѣ было на току?"—Въ другой разъ—ночью отецъ схватился съ постели и бѣжалъ вонъ изъ горницы; онъ былъ въ бреду и ему представилось, что схватили его разбойники и тащатъ вонъ изъ дому. Мать едва удержала его и привела въ сознаніе. Что-жъ? Въ первое же служеніе литургіи кликуши кричали объ этомъ домашнемъ случаѣ съ отцемъ—и грозили, предсказывая, что онъ не долго будетъ бороться съ ними. Эти припадки кликушъ, соединенные

съ такимъ ясновидѣніемъ, поражали всѣхъ. Всѣ съ участіемъ стали относиться къ отцу—и никому не приходило на мысль считать отца моего неспособнымъ къ продолженію служенія.— Каково было матери моей, которая одна ухаживала за отцемъ во время припадковъ его! Но она, женщина здоровая, не изнемогала. Впрочемъ не долго жила: въ 5 часовъ пополудни августа 27 дня 1832 г. она скончалась отъ поноса, сопровождавшагося икотою.—

„1823 г. февр. 14 дня,—дѣлаетъ замѣтку въ своей *памятн. книжкѣ* отецъ мой,— совершился бракъ любезной дочери моей *Екатерины*, которая выдана была за пономаря *Ивана*—Болховской округи села *Насѣдкина*,—дѣло, которое вѣкъ буду помнить— до самаго гроба.“

Дьяконъ села *Везилокъ* Болховской округи (уѣзда), достигши 60 лѣтъ, рѣшился сдать свое мѣсто единственному своему сыну *Ивану Владимірцеву,* который только мнѣ былъ извѣстенъ, какъ однокашникъ по училищу; силачъ, лѣнивый ученикъ, но добрый парень. Онъ то явился женихомъ для Екатерины. Женихъ слишкомъ не интересный, малоученый и лицемъ не пригожій, къ тому же безголосый. Онъ не понравился ни роднымъ моимъ, ни сестрѣ. Но родители рѣшились выдать дочь, такъ какъ она уже была 21 года, и дѣвица слишкомъ бойкая. Она перечитала всѣ книги, какія были въ домѣ и церкви, даже *Сіонскій Вѣстникъ.* Она хотѣла самоучкою выучиться писать, но у ней отнимали перо и чернила. Мать моя, обучившая на вѣку своемъ до 500 душъ, тоже не умѣла писать. Въ то время духовные и купцы не учили дѣвицъ писать, чтобы лишить ихъ возможности писать любовныя письма. Съ другой стороны, кромѣ разныхъ рукодѣлій—пряжи, тканья ,плетенія кружевъ и шитья по танбуру, отецъ мой пріучалъ дочерей къ сельскимъ работамъ: онъ посылалъ ихъ даже жать.— Послѣ свадьбы Иванъ поѣхалъ проситься на мѣсто отца своего, на экзаменѣ онъ оказался безголосымъ. Однако ему велѣно было ходить на клиросъ въ домовую Архіерейскую церковь. Разъ онъ проспалъ утреню; іеромонахъ донесъ архіерею Гавріилу. Гавріилъ, тогда писавшій резолюціи текстами, написалъ на прошеніи, принятомъ отъ старика, отца нашего зятя: „да будетъ домъ его пустъ, Епископство же пріиметъ инъ.“ Консисторія предписала указомъ черезъ духовное Правленіе діакона уволить за штатъ, а сыну его въ дьяконскомъ мѣстѣ отказать и впредь въ этотъ санъ не проситься.

Послѣ сего началась трудовая жизнь для сестры моей Екатерины и супруга ея *Ивана Николаевича.* Не долго они оставались

въ с. *Насѣдкиномъ*, перешли въ с. *Бакланово*, Орловскаго уѣзда, и заняли избу ветхую, безъ двора. Тутъ родивши дитя, Екатерина едва не умерла отъ холода и сырости. Тутъ пошли частыя дѣти. Супруги трудились, не давая себѣ покою, воспитали дѣтей. Одинъ изъ сыновей ихъ былъ даже священникомъ; другой померъ отъ чахотки; дочерей выдали въ городъ: одну—за мѣщанина, другую—за канцелярскаго служителя. Они до сихъ поръ еще живы. Екатеринѣ 74 года, а Ивану 76 лѣтъ. Живутъ при внукѣ. Но получаютъ отъ меня пособіе. Внукъ по временамъ бросаетъ ихъ, отдаетъ землю въ наемъ, самъ живетъ въ церковной караулкѣ.—Сынъ ихъ—священникъ померъ, тоже отъ чахотки, оставивъ сиротъ безпомощныхъ.

Отецъ и мать мои перенесли еще одно горе. Въ 1828 или въ 1829 г., по Высочайшему повелѣнію, потребовали въ военную службу дьячковъ и пономарей, и учениковъ духовныхъ училищъ и семинаріи, замѣченныхъ въ худомъ поведеніи. Братъ отца моего *Никаноръ Алексѣевичъ*, служившій дьячкомъ во Мценскѣ при Пятницкой церкви, и зять *Иванъ Николаевичъ* оказались худо отмѣченными по формулярамъ: первый—не всегда трезвымъ, послѣдній—непочтительнымъ къ старшимъ. Ихъ вытребовали въ Консисторію. Никаноръ оставилъ жену и трехъ дѣтей, а Иванъ—жену и двоихъ дѣтей. Никанору тотчасъ забрили лобъ, и онъ отъ тоски и побоевъ при ученіи не пережилъ и двухъ мѣсяцевъ. Ивана отстояли, но чего это стоило? Все, что было у отца моего, употреблено на хожденіе въ домъ архіерея Гавріила. Говорили, что этотъ архіерей отличился предъ всѣми доставленіемъ большого количества рекрутъ изъ своей Епархіи, думая за это получить благодарность.—

Отецъ мой не читалъ книгъ, кромѣ Четіихъ-Миней; но онъ любилъ проводить досужее время съ людьми, выходившими изъ ряду мужиковъ. Таковы были два управляющихъ: бурмистръ Гриневыхъ *Иванъ Дементьевичъ* и прикащикъ Бибиковыхъ—*Николай Павловичъ*. ([1].) Первый былъ безграмотный, но мущина видный, доставлявшій Евграфу Ивановичу Гриневу 90 тысячъ съ деревень!—Евграфа Ивановича не было ужъ въ живыхъ; деревни

---

[1]) Изъ дальнѣйшаго разсказа оказывается, что *одна изъ деревень*, приписанныхъ къ приходу села Спасскаго, принадлежала помѣщикамъ *Бибиковымъ*.—Л. М.

принадлежали брату его Александру. Смолоду Иванъ Дементьевичъ былъ каменщикомъ въ Петербургѣ, послѣ съ братьями занимался извозомъ. Какъ онъ былъ бездѣтнымъ, не пьяницей, то помѣщикъ поставилъ его управляющимъ въ селѣ. Съ 1817 года помѣщикъ его безвыѣздно жилъ близь Вязьмы,—по этому Бурмистръ занималъ его хоромы. У него-то отецъ мой проводилъ время и знакомился съ разными странами—*Таганрогомъ, Одессою, Нижнимъ-Новгородомъ, Казанью.* Бурмистръ, по совѣту отца, обучилъ крестьянскаго мальчика грамотѣ и письму и веденію прихода и расхода, женилъ его на вольноотпущенной красавицѣ, Но этотъ писарь сдѣлалъ доносъ на Ивана Дементьевича. *Александръ Ивановичъ Гриневъ* потребовалъ его къ отвѣту въ Вязьму и послѣ истязаній, по тогдашнему праву помѣщиковъ, сослалъ его на поселеніе въ Сибирь. Проѣзжалъ село Спасское Иванъ Дементьевичъ уже въ сопровожденіи караула; полъ-головы и бороды у него было обрито; полное лицо его осунулось. За чаемъ онъ разсказывалъ, какъ его истязали, какъ во время сѣченія его нѣсколько разъ отливали водою... Мать и отецъ мои навзрыдъ плакали... Онъ утѣшалъ ихъ тѣмъ, что онъ теперь свободенъ и, какъ ремесленникъ, онъ лучше будетъ жить на поселеніи, чѣмъ жилъ подъ такою властію.—Доносчикъ получилъ вольную, занялъ его мѣсто въ селѣ: но отецъ не часто бывалъ у него, а только по должности.

Николай Павловичъ Черкасовъ, остроумный лакей Бибиковыхъ, прозванный „*Господиномъ фонъ-Бокомъ*", потому что онъ былъ кривобокъ. Какъ грамотный и бойкій, онъ завѣдывалъ порядкомъ въ кабинетѣ Бибикова. Съ нимъ шутили и любовались остроуміемъ его многіе вельможи Екатерининскаго времени, посѣщавшіе Бибикова. Лицо его было длинное, голова—большая, словомъ—фигура Езопа. Бибиковъ разодѣвалъ его какъ вельможу и называлъ всегда „господиномъ фонъ-Бокомъ". Николай Павловичъ говорилъ по французски, хотя не читалъ и не зналъ французскаго алфавита. Бибиковъ объявилъ его вольноотпущеннымъ, сдѣлалъ его прикащикомъ деревни своей въ нашемъ селѣ. Но не успѣвъ выдать ему документы на освобожденіе отъ крестьянства, умеръ. Наслѣдники продали деревню одному изъ *Шеншиныхъ.* Шеншинъ лишилъ Черкасова мѣста управляющаго, и тогда Черкасовъ снялъ постоялый дворъ на Отрадѣ и прожилъ въ немъ свое состояніе.

Бибикову нравились въ Черкасовѣ честность, безкорыстіе, прямота слуги, особенно гордое обращеніе съ господиномъ и по-

сѣтителями его. Бибиковъ женилъ Езопа своего на первой красавицѣ, сѣнной дѣвушкѣ дочери своей—*Матренѣ Львовнѣ*. Черкасовы не имѣли дѣтей.—Когда Бибикова деревня, сосѣдняя съ церковію и Поповкою, была внѣ управленія ихъ и тогда они были въ дружбѣ съ моими родителями. У нихъ былъ старикъ высокій и сугорбенный—отецъ Матрены Львовны, и пожилыхъ лѣтъ дѣвушка, сестра Николая Павловича—*Пелагея Павловна*. Не знаю почему, въ 1810 г. родители мои посылали сестеръ моихъ учиться грамотѣ къ старику, который часто сѣкалъ ихъ розгами. Старикъ скоро померъ. *Пелагеѣ Павловнѣ* отецъ мой позволилъ построить келью на церковной землѣ. Какъ она была пожилая, ходила въ черномъ, не ѣла мяса,—отецъ поручилъ ей продавать церковныя свѣчи, кому изъ поселянъ понадобятся онѣ въ теченіе недѣли, потому что староста въ церкви могъ продавать ихъ только по воскресеньямъ. Потерявши свое состояніе на содержаніи постоялаго двора, къ Палагеѣ Павловнѣ перешли жить и Черкасовы. Теперь-же Черкасовы стали вѣрными друзьями и совѣтниками дома нашего. Каждый день бывали они у насъ. Не было замѣтно, чтобы отецъ помогалъ имъ въ чемъ-либо. Матрена Львовна занималась шитьемъ, а Николай Павловичъ писалъ мужичкамъ письма. Мужики любили ихъ. Николай Павловичъ хвалился, что, во время управительства своего, ни одного не наказалъ тѣлесно. И можно было вѣрить ему. Онъ зналъ всѣ афоризмы Руссо, всѣ выходки Вольтера, былъ либералъ и гуманистъ XVIII вѣка. Кажется, онъ собиралъ новину, потому что у него было зерно всякаго рода; держалъ только куръ, одну свинью и корову. Былъ у него и огородецъ маленькій; но вообще онъ неспособенъ ни къ какому труду. Относительно пищи онъ свободенъ былъ отъ всякихъ предразсудковъ. Такъ, весною у него всегда была яичница изъ вороньихъ яицъ и жаркое изъ вороньяго мяса; зимою онъ отбиралъ у мужиковъ ободранныхъ зайцевъ, которыхъ они не ѣли, а бросали собакамъ, и не только дѣлалъ изъ нихъ жаркое, но и солонину. Онъ рѣдко когда ходилъ въ церковь и молился къ небу. Онъ безпрестанно отпускалъ афоризмы противъ внѣшняго богослуженія. Не смотря на это, отецъ мой любилъ его и проводилъ съ нимъ время. Черкасовы говорили языкомъ тогдашняго высшаго круга, перемѣшивая русскія слова съ иностранными, знали вдоль и поперекъ Екатерининскихъ вельможъ, разсказывали обычаи, похожденія и оргіи ихъ. —Послѣднюю мою сестру *Варвару* они взяли къ себѣ изъ пеленокъ. Пелагея Павловна воспитывала ее въ духѣ благочестія: Мат-

рена Львовна учила ее разнымъ мастерствамъ и обращенію. Сестра только обѣдала дома; съ 14 лѣтъ впрочемъ стала и ночевать дома. Черкасовы, хотя были бѣдняки, но держали себя независимо и вели себя такъ, что родители мои не могли жить безъ нихъ.—Николай Павловичъ въ 1829 г. умеръ отъ потрясенія и горя. Къ нему явился одинъ изъ наслѣдниковъ Бибиковыхъ и требовалъ документовъ на увольненіе его изъ крестьянства, или 250 рублей. А у Черкасова не было никакого формальнаго документа. Только Пелагея Павловна имѣла отпускную. Это обстоятельство такъ поразило Черкасовыхъ, что Николай Павловичъ заболѣлъ и умеръ. Отецъ мой уговорилъ барина—прохвоста оставить жену Черкасова въ покоѣ; можетъ быть произошла сдѣлка эта не безъ денегъ...

Въ 1832 г., августа 27 дня, умерла мать моя—*Авдотья Васильевна*—отъ поноса, сопровождавшагося икотою. Отецъ мой упалъ духомъ, опустился. И прежде онъ любилъ пить, не смотря на падучую болѣзнь свою, но только по воскреснымъ днямъ--въ приходѣ. По смерти жены сталъ залучать къ себѣ встрѣчнаго и поперечнаго, чтобы раздѣлить горькую чарку... Я былъ уже на должности; братъ Евграфъ поступилъ въ Академію. Родные склоняли отца скорѣе устроить послѣднюю дочь. Я послалъ на выдачу ея замужъ свои призовыя деньги, полученныя за разсужденіе „*О крещеніи Вел. Княгини Ольги.* [1]) Но что и тогда значили эти деньги? Отецъ рѣшился въ пользу дочери пожертвовать своимъ священническимъ мѣстомъ,—а самъ, вышедши за штатъ, хотѣлъ поступить въ монахи. Архіерей оставилъ его при своемъ домѣ духовникомъ. Съ этихъ поръ отецъ мой погрузился въ свято-отеческія творенія, и выписками изъ нихъ наполнена вся *памятная книжка* его. Онъ даже писалъ ихъ между строками написаннаго прежде—въ теченіе жизни. Онъ уже не пилъ водки. Но вдругъ постигаетъ его несчастіе. Въ банѣ, когда онъ парился, сдѣлался съ нимъ припадокъ: когда онъ пришелъ въ себя, потерялъ языкъ, или правильнѣе—память словъ и рѣчи. Онъ не могъ припомнить названія вещи, на которую указывалъ. Если послѣ и возвратилась память словъ, то онъ не могъ распредѣ-

---

[1]) Будучи студентомъ Кіевской Академіи, авторъ сихъ „записокъ" Ник. Ив. Соколовъ написалъ сочиненіе на премію Митрополита Кіевскаго Евгенія—подъ заглавіемъ: „*О времени крещенія Велик. Княгини Ольги*"—Изъ какой суммы состояла премія и когда она получена была авторомъ,—объ этомъ подробно говорится въ этихъ *запискахъ* ниже—Л. М.

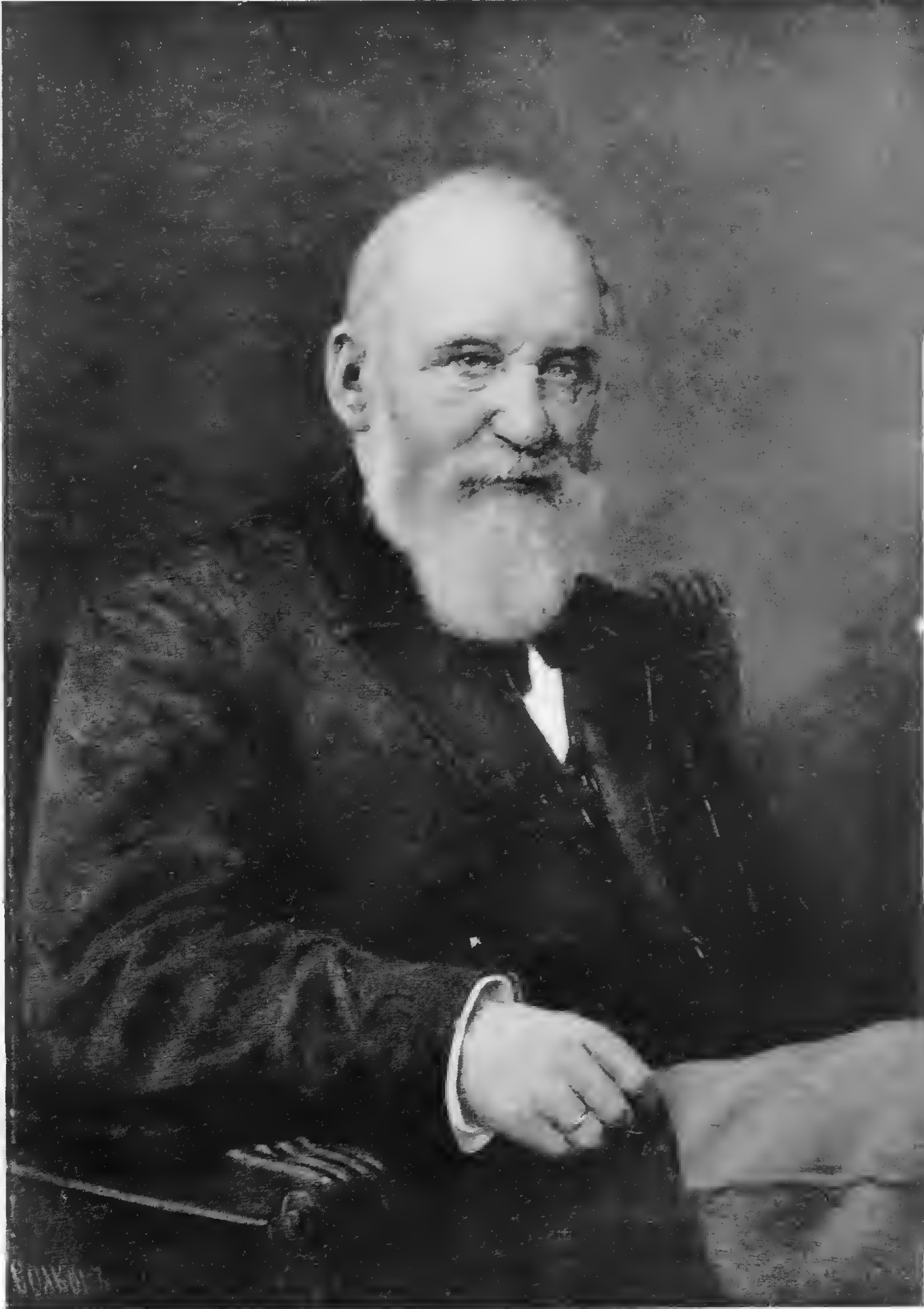
лить ихъ по вещамъ и предметамъ.—Отецъ былъ отданъ на пропитаніе роднымъ Сестра моя *Варвара* и мужъ ея—*Оранжевъ*, занявшій мѣсто моего отца, пріютили больного. Съ ними тогда жила и Матрена Львовна. Отцу возвратилась полная память: но онъ хотѣлъ быть *схимникомъ*. Онъ давно не пилъ водки, не ѣлъ мяса; но для уединеннаго чтенія молитвъ уклонялся въ богадѣльню, построенную изъ кирпича, по его внушенію, еще Евграфомъ Ивановичемъ, когда строилась церковь. Въ этой богадѣльнѣ никого не было: мужики своихъ калѣкъ держали при себѣ. Лѣтомъ даже ночевалъ тамъ отецъ. По временамъ онъ пѣшій ходилъ верстъ за 20 къ несчастной дочери своей *Екатеринѣ*—въ село *Бакланово*. Порывался онъ и ко мнѣ; но *Оранжевы* не пускали.—Примѣръ воздержанія и непрестанной молитвы моего отца сильно дѣйствовалъ на сестру Варвару Оранжеву и мужа ея. Они перестали ѣсть мясное и рѣшились посвятить себя исключительному служенію Богу и человѣчеству. А тутъ въ 1837 году послѣдовалъ вызовъ священника на дѣло распространенія вѣры между Алеутскими язычниками. Въ 1838 г. въ Орловской губерніи былъ страшный голодъ. Въ это время священникъ Оранжевъ изъявилъ согласіе на миссіонерство, и отца моего отправилъ ко мнѣ—въ Одессу. Оставивъ его въ 1831 году, во время тогдашняго посѣщенія мною родины, сильнымъ и безъ малѣйшей сѣдины, я видѣлъ теперь хилаго и сѣдого старика, развалину, и едва по голосу узналъ его. Онъ меня видѣлъ безъ бороды и въ свѣтской одеждѣ,—теперь и онъ едва могъ узнать меня—въ рясѣ и съ широкою бородою... Когда узналъ меня, онъ долго любовался мною... Привезъ онъ 10 рублей мѣдью и, подавая ихъ мнѣ, промолвилъ, что ничего изъ нихъ не истратилъ, а питался только хлѣбомъ, взятымъ на дорогу. Квартира моя была просторна, но сыра, и я помѣстилъ его въ самой сухой и теплой комнатѣ. Оранжевы писали, что отправляя отца, они только исполнили непреодолимое желаніе его—видѣть меня, но умолчали о свирѣпствовавшемъ голодѣ и о томъ, что подписались на вызовъ правительства въ Алеутскую епархію.

Спустя годъ или полтора присланы были деньги на подъемъ и на дорогу до Иркутска съ предписаніемъ всѣмъ подписавшимся немедля отправляться. Оранжевъ не колебался; запродалъ домъ поступившему на его мѣсто въ с. Спасское священнику. Сестра тоже рѣшилась. Пріѣхала къ нимъ сестра Екатерина. Съ нею сестра Варвара поѣхала въ Орелъ скупить нужное на дорогу. Тамъ они услышали, что до мѣста, куда надо было

ѣхать, 6 тысячъ верстъ. Но не вѣрили. Они не знали географіи. Когда возвратились въ Спасское, Оранжевъ не сталъ скрывать отъ нихъ истины,—и Варвара упала въ обморокъ съ конвульсіями... Этотъ обморокъ повторился и въ церкви—во время молебна напутственнаго. Екатерина стала развлекать ее пѣсеньками, Варвара вторила ей. Когда, уложившись на дорогу, стала прощаться съ сестрой, съ нею послѣдовалъ третій припадокъ, окончившійся въ тотъ же часъ смертію... Послѣдовали похороны, остановившіе выѣздъ Оранжева на недѣлю, но нисколько не воспрепятствовавшіе ему. — *Матрена Львовна Черкасова* умерла незадолго предъ этимъ. Но оставалась *Пелагея Павловна*. Эта самоувѣренная старушка приняла на руки дѣтей покойницы—мальчика и дѣвочку—и, бросивъ свою келлію или домикъ, отправилась съ Оранжевымъ въ Алеутскую епархію. Мальчикъ не вынесъ дороги, умеръ и погребенъ за 20 верстъ не доѣзжая до Иркутска... Пелагея Павловна съ дѣвочкою оставлена въ Иркутскѣ въ женскомъ монастырѣ, а Оранжевъ отправленъ къ Алеутамъ. Что съ нимъ послѣдовало, не знаю; слышно было, что Оранжевъ возвратился и теперь настоятельствуетъ въ какомъ-то монастырѣ...

Отецъ мой не перемѣнилъ жизни въ моемъ домѣ. Онъ не ѣлъ мяса, не пилъ водки, часто молился вслухъ; и это продолжительное и частое чтеніе молитвъ и акаѳистовъ наскучивало нѣкоторымъ лицамъ моего семейства. Онъ не выжилъ и года... Сталъ слабѣть и когда ослабѣлъ, просилъ напутствовать его причастіемъ св. таинъ. Смерть его была не тяжелая. Сперва охладѣли ноги и руки, потомъ животъ: оставалась жизнь только въ груди и въ головѣ. Чувствуя холодъ, онъ просилъ *омигу*... Насилу понялъ я, что онъ проситъ водки. Я далъ ему рюмку. Вскорѣ онъ не въ состояніи былъ откашливать мокроты и цѣлые сутки храпѣлъ. Промочивъ чаемъ глотку его, я спрашивалъ его: гдѣ чувствуетъ боль?—И получилъ отвѣтъ: „нигдѣ,—пріятный сонъ, не буди меня“!—Скончался тихо...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



НИКОЛАЙ ИЛЬИЧЪ

СТОРОЖЕНКО.

Родился 10 мая 1835 г., сконч. 12 января 1906 г.

Николай Ильичъ Стороженко.

Еще одна большая сила ушла отъ насъ въ могилу, оставивши лишь отблескъ своего духа. Въ Москвѣ, 12-го января, скончался Н. И. Стороженко. Въ ближайшее время послѣ его смерти, во многихъ газетахъ были помѣщены некрологи, въ которыхъ, пока кратко, было указано, какую потерю понесла наука и московскій университетъ въ лицѣ угасшаго Николая Ильича, ученаго съ большимъ именемъ и недавняго профессора. „Кіевская Старина", въ предыдущей книжкѣ, послала также свое земляцкое скорбное слово на свѣжую могилу Николая Ильича, оставивши для настоящей книжки возможность дать болѣе подробный обзоръ жизни его и литературной дѣятельности, а также прилагаемый портретъ его. Мы не будемъ перечислять біографическихъ фактовъ, вошедшихъ въ некрологи; напомнимъ лишь главнѣйшіе, изъ которыхъ первый, мѣсто рожденія Н. И-ча, имѣетъ для насъ особое значеніе, какъ доказывающій земляцкую близость къ намъ покойнаго.

Н. И. Стороженко родился въ Полтавщинѣ, въ лохвицкомъ уѣздѣ, въ старомъ дворянскомъ гнѣздѣ, гдѣ и провелъ дѣтство,— время, оставляющее самыя глубокія впечатлѣнія, формирующія духовный складъ человѣка, создающія на всегда незримую связь его съ роднымъ мѣстомъ. Гимназическіе годы Н. И-чъ провелъ также на Украинѣ, такъ какъ воспитывался въ кіевской гимназіи. Лишь университетская наука оторвала его отъ родного края: онъ проходилъ университетъ московскій. Мы не имѣемъ указаній, при какихъ воздѣйствіяхъ, или по какимъ личнымъ

соображеніямъ, Н. И. выбралъ именно московскій университетъ; но фактъ этотъ имѣлъ рѣшающее, во всякомъ случаѣ, огромное вліяніе на всю послѣдующую ученую дѣятельность Николая Ильича и на связь его съ родиной, въ смыслѣ связи съ наукой и словомъ, близкими Украинѣ. Безспорно, будучи московскимъ студентомъ-филологомъ Н. И. имѣлъ возможность слушать такихъ профессоровъ, — знаменитостей въ области тогдашней русской науки, — какъ Грановскій, Буслаевъ, Кудрявцевъ и другіе, но за то Москва оторвала Н. И-ча отъ Украины, отъ круга литературныхъ интересовъ родного центра, отъ идей, въ какой бы то ни было степени близкихъ къ мѣстнымъ, національнымъ задачамъ украинской, или, какъ тогда говорили, украинофильской интеллигенціи. Какъ много могло бы значить въ данномъ случаѣ болѣе тѣсное общеніе съ приверженцами національной украинской идеи, можно судить по тому, что первыя ученыя занятія Н. И-ча были навѣяны Бодянскимъ и Максимовичемъ, близкимъ тогда къ московской филологической сферѣ: Н. И-чъ ревностно занимается еще въ университетѣ филологіей и старшиной письменностью Южной Руси.

Замѣчательно, что и первая работа, съ которой Н. И-чъ выступилъ въ области литературной критики, сдѣлавшейся впослѣдствіи его спеціальностью и доставившей ему громкое имя, — касалась украинскаго изданія. Это была довольно обширная и очень обстоятельная рецензія на альманахъ, выпущенный Мордовцевымъ въ Саратовѣ, подъ названіемъ „Малорусскій литературный сборникъ". Рецензія эта помѣщена въ Отеч. Зап. за 1859 г.

Мы остановимся подробнѣе на этой статьѣ, такъ какъ она интересна не только сама по себѣ (характеризуя изданія и рецензіи, появлявшіяся почти лѣтъ 50 назадъ), но также по тѣмъ особенностямъ, которыя Н. И-чъ обнаружилъ, какъ критикъ, въ этой первой своей работѣ.

Изъ первыхъ же строкъ ея видно, что авторъ относится съ симпатіей къ новостямъ украинской литературы. Онъ начинаетъ свою рецензію такъ: „Сборникъ этотъ составляетъ пріятное явленіе въ современной малорусской литературѣ. Честь и слава новымъ дѣлателямъ на нашей родной нивѣ — Украинѣ! Но за то, какъ обильна, какъ благодатна эта нива: какіе полные, свѣжіе звуки несутся оттуда!"

Однако такое сочувственное отношеніе автора рецензіи къ новинкѣ украинской литературы не сдѣлало его пристрастнымъ

въ оцѣнкѣ изданія. Н. И-чъ отнесся съ должной требовательностью къ изданію и даже въ частности къ „дѣлателю"—Д. Мордовцеву: въ первыхъ же строкахъ, слѣдовавшихъ за вступленіемъ, Н. И. упрекаетъ Мордовцева въ неискренней, или, во всякомъ случаѣ, неясной постановкѣ въ его предисловіи къ сборнику вопроса объ украинскомъ языкѣ: „Не знаешь", — говоритъ Н. И., — „считаетъ ли авторъ украинскій языкъ за вѣтвь великаго цѣлаго, или даетъ ему значеніе самостоятельнаго нарѣчія. Къ чему эти недомолвки? Имъ не мѣсто въ строго ученомъ изложеніи. По нашему мнѣнію, въ настоящее время всякія препирательства о древности и самобытности южно-русскаго нарѣчія совершенно безплодны, особенно когда появляются изданія памятн. древняго церк.-слав. языка, свидѣтельства которыхъ могущественнѣе и убѣдительнѣе всевозможныхъ разсужденій".

Затѣмъ, съ цитатами Мордовцева и своими, авторъ рецензіи обсуждаетъ вѣчно юный (даже до нашихъ дней!) вопросъ о томъ—„языкъ это или нарѣчіе"? „самостоятельное или нѣтъ"?... Приводятся слова изъ старыхъ письменныхъ источниковъ, — лѣтописи, сборника XII в., о которомъ въ рецензіи говорится: „Недавно, въ Чтеніяхъ Мос. Общ. исторіи и древностей былъ изданъ Бодянскимъ дрогоцѣнный памятникъ нашей древней письменности — житіе Ѳеод., по характерному списку одного сборника XII в. Въ этомъ сборникѣ мы видимъ, какъ сквозь тройную броню церковно-славянскаго склада рѣчи пробивались иногда слова чисто-народныя. Правда, они пробиваются еще какъ-то робко, но тѣмъ не менѣе число ихъ значительно (*вгодник*, *жито*, *проскура* и пр.). Даже наша неизмѣнная „*свита*" и тогда уже была въ употребленіи, что видно изъ слѣдующаго мѣста житія: „а одежда его (Ѳеод.) бѣ свита власяна". Кажется, приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы заключить, что въ XII в. существовало нарѣчіе, которымъ говорила тогдашняя кіевская Русь, которое незамѣтно вторгалось въ повѣствованіе и которое есть не что иное, какъ наше украинское нарѣчіе".—

Переходя къ содержанію сборника Мордовцева, Н. И. не одобряетъ поэмы самого издателя — „Козаки і море"; онъ цитируетъ такой отрывокъ (взрывъ въ крѣпости):

Торохъ!... З корогвами,
З списами, з ножами,
З кривими шаблями,
І усі з чубами,

І мури, і брами....
Земля застогнала,
Нічого не стало!...

Н. И., называя поэму Мордовцева „трудная повѣсть" (перефразируя выраженіе „Слова о пол. Игор." въ иномъ значеніи), говоритъ, что украинскій простолюдинъ, „который съ наслажденіемъ будетъ слушать что-нибудь изъ Котляревскаго, Шевченка, Марка-Вовчка, Куліша и др., ничего не пойметъ изъ приведенной страницы".

Но затѣмъ рецензентъ съ похвалою указываетъ два мѣста въ поэмѣ: пѣсню Галі й прощанье кошевого съ предводителемъ козаковъ, передъ походомъ на турокъ; къ послѣднему мѣсту приводится цитата:

Оце-ж тобі моя шабля,—
Заржавіла, бідна!
А се тобі куля срібна,
Як матінка рідна! — і т. д.

Выраженіе „срібна куля" даетъ поводъ рецензенту къ экскурсіи въ область этнографіи, со ссылками на источники (между прочимъ на Lud ukrainski, Новосельскаго), что показываетъ уже и у тогдашняго Стороженка пріемъ достойный подражанія — говорить о предметѣ съ солидными данными въ рукахъ.

О переводѣ Мордовцева Гоголевской повѣсти „Ночь накануне Ивана Купала" Н И—чъ говоритъ, что онъ сдѣланъ довольно хорошимъ языкомъ, но былъ бы еще лучше, еслибъ Мордовцевъ не держался такъ близко подлинника: тогда языкъ перевода былъ-бы „живѣе и развязнѣе".

Самое серьезное вниманіе останавливаетъ Н. И—чъ на отдѣлѣ думъ и пѣсенъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ (болѣе 200, записанныхъ на Волыни Костомаровымъ). По поводу этихъ пѣсенъ рецензентъ высказываетъ самое теплое отношеніе къ родному слову: „Если судить по этому (т. е. большому количеству вновь опубликованнаго пѣсеннаго матеріала), то какая богатая жатва ожидаетъ впереди любителей украинской старины! Благодаря нѣжному, можно сказать религіозному отношенію украинскаго простолюдина къ его роднымъ пѣснямъ, мы теперь можемъ вызвать нѣсколько живыхъ звуковъ изъ доносящагося до насъ неяснаго гула минувшаго времени, начертить яркую картину исторической жизни Украины, по крайней мѣрѣ какъ она отразилась

въ народномъ сознаніи. Пѣсни — это запекшаяся кровь народа на развалинахъ его исторической жизни". Затѣмъ приводится извѣстный отзывъ объ украинскихъ пѣсняхъ Гоголя: „Моя радость! жизни моя, пѣсни! какъ я васъ люблю!" и т. д.

Одно мѣсто сборника, въ думѣ про Хмельницкаго, — „бодай тебе, Хмельниченьку, перша куля не минула!" — (проклятіе за то, что союзники Хмельницкаго, татаре, брали въ плѣнъ женщинъ и дѣтей на Украинѣ) — очень огорчило рецензента: онъ изо всѣхъ силъ старается защитить Хмельницкаго.—„Это страшное народное проклятіе", — говоритъ Н. И-чъ, — „бросаетъ на величественную фигуру Хмельницкаго какой-то зловѣщій отблескъ; но мы не можемъ принять на себя тяжелой роли обвинителей противъ него, потому что еще не выслушана altera pars: скорбный голосъ этой пѣсни едва слышенъ посреди торжествующихъ кликовъ благодарности и восторговъ, которыми тотъ-же народъ почтилъ память своего любимаго гетмана:

Въ той часъ була честь, слава,
Войскова справа!
Сама себе на сміхъ не давала,
Неприятеля підъ ноги топтала....

Затѣмъ Н. И. отмѣчаетъ „единственную у насъ религіозную думу" — волынскую пѣсню о битвѣ подъ Почаевомъ. („Ой зійшла зоря вечеровая, над Почаевом стала"...). Останавливается Н. И. также на пѣсняхъ о Морозенкѣ, о Бондаривнѣ и др.; оканчиваетъ же рѣчь о пѣсняхъ тѣмъ, что отсылаетъ читателя къ Сборнику — къ самому источнику: „gratius ex ipso fonte bibuntur aquae".

По поводу помѣщенныхъ въ Сборникѣ сказокъ (про Оха, Ивашка и др.) опять дѣлаются научныя сближенія, а именно— мотивовъ нашихъ сказокъ съ мотивами древне-сѣвернаго эпоса (ретязь—и Schwanring, дѣва-лебедь—и schwanjungfrau). Въ этихъ научно-обставленныхъ комментаріяхъ опять видѣнъ послѣдователь школы Бодянскаго и Максимовича.

Оканчиваетъ Н. И. свою рецензію такъ: „Отъ души желаемъ видѣть скорѣе продолженіе трудовъ г. Мордовцева и его сотрудниковъ на поприщѣ украинской старины и народности".

Нельзя не сказать по поводу всей этой рецензіи Стороженка: какъ жаль, что, будучи первымъ его критическимъ трудомъ, она осталась, на долгій періодъ, единственной пробой Н. И-ча въ

этой области! Обнаруживши такую любовь къ родному слову, такую симпатію къ его дѣятелямъ, — какимъ бы полезнымъ руководителемъ украинской литературы могъ быть Н. И-чъ, при его познаніяхъ, при его критическомъ талантѣ и чутьѣ!

Но за первой блестящей работой Н. И-ча въ области украинской критики не послѣдовали другія... Очевидно, иные факты ближайшей умственной жизни, другіе литературные интересы заняли время и заполонили мысль Н. И-ча. Онъ дѣлается преподавателемъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ, а затѣмъ и профессоромъ Московскаго университета. Предметъ всеобщей литературы всецѣло поглощаетъ его. Онъ предпринимаетъ поѣздку за границу, уже увлеченный критическими работами о Шекспирѣ...

Къ тому же, надо сказать, что его первая рецензія на сборникъ Мордовцева относится къ періоду особаго оживленія украинской литературы. Но періодъ этотъ, ознаменовавшійся не только выходомъ отдѣльныхъ украинскихъ изданій (Кулиша и др.), но даже изданіемъ особаго журнала „Основы", былъ не дологъ. Уже въ 61 году поднялась, вышедши изъ Москвы, травля на все украинское движеніе; прекратилась „Основа", да и вся вообще украинская лутература стѣснена была до крайности и мало давала матеріала для рецензентовъ!.. Потянулись для украинскихъ писателей долгіе годы подневольнаго молчанія; лишь изрѣдка появлялось въ печати сдавленное украинское слово. Нужна была у авторовъ *особая* охота писать по украински, а у рецензентовъ особая охота замѣчать эти единичныя попытки поддерживать тлѣющую искру...

Этой *особой* охоты Н. И-чъ не проявилъ. Связи съ роднымъ краемъ было у него мало; Москва же все больше и больше забирала его. Являлись вообще иные умственные интересы, какъ мы сказали выше. Н. И-чъ мало по малу дѣлается извѣстнымъ авторомъ, критикомъ въ области литературы русской и западно-европейской.

Уже такія работы, какъ „Апостолъ гуманности и свободы", (Паркеръ), какъ „Поэзія міровой скорби", „г-жа Сталь" и др., могли бы сдѣлать Н. И-чу имя въ литературѣ. Но особенную славу пріобрѣлъ онъ своими критическими трудами о Шекспирѣ, снискавшими ему извѣстность одного изъ лучшихъ въ Европѣ Шекспирологовъ.

На этихъ трудахъ мы намѣрены особенно остановиться.

Изслѣдованіе произведеній Шекспира разрослось у Н. И-ча въ обширнѣйшую область: сюда вошло не только подробнѣйшее изученіе самихъ произведеній геніальнаго драматурга, въ связи съ біографіей его, но также изученіе произведеній предшественниковъ его, изученіе всей эпохи, изъ которой они вышли, которая обусловила тотъ или иной характеръ ихъ творчества; къ этому прибавляется еще подробное знакомство съ критической литературой, относящейся къ предмету.

Трудно себѣ представить всю ту массу матеріаловъ, которую Н. И-чъ поставилъ себѣ въ обязанность прочесть! Ему казалось недостаточнымъ познакомиться съ тѣмъ книжнымъ матеріаломъ, какой онъ могъ имѣть въ русскихъ столичныхъ хранилищахъ, — Н. И-чъ дважды отправляется для своихъ трудовъ по изученію Шекспира въ Англію и тамъ перечитываетъ массу печатныхъ и рукописныхъ источниковъ, — всякаго рода литературныхъ произведеній, старыхъ хроникъ, переписки, критическихъ отзывовъ (среди которыхъ назовёмъ изданіе Шекспировскаго Общества — въ нѣсколькихъ томахъ, „отзывовъ о Шекспирѣ за сто лѣтъ"), и т. д. и т. д! Въ результатѣ этого подробнѣйшаго изученія — Шекспировская эпоха встаетъ въ изслѣдованіи Стороженка живою, говорящею не только академическимъ, но также своимъ интимнымъ языкомъ, при чемъ какая нибудь повидимому незначительная мелочь, слово какого-либо стоящаго въ сторонѣ лица, даетъ важный штрихъ въ общей яркой картинѣ.

Разумѣется, что не достаточно было познакомиться съ этою массою архаическихъ и новѣйшихъ источниковъ, — надо было освѣтить ихъ всесторонне и разобраться въ нихъ съ извѣстной осторожностью и чутьемъ. Вотъ здѣсь то и сказался тонкій, аналитическій складъ ума Н. И-ча. Онъ съ истинно художественнымъ чутьемъ разбирается иногда среди противорѣчивыхъ данныхъ и мнѣній, отличаетъ важное отъ случайнаго, взвѣшиваетъ весь матеріалъ по своему, подвергаетъ собственному даровитому анализу цѣлыя критическія теченія, дѣлая свои остроумнѣйшіе блестящіе выводы. Не даромъ изслѣдованіе Н. И-ча Стороженка обратило на себя вниманіе въ западной Европѣ, имѣющей огромную критическую литературу о Шекспирѣ; не даромъ англійское Шекспировское Общество наградило нашего изслѣдователя почетнымъ титуломъ „Вице-предсѣдателя" этого О-ва.

Мнѣ хочется подробнѣе остановиться на изслѣдованіи Н. И. Стороженка о Шекспирѣ, его школѣ, критическихъ системахъ, касавшихся его, — хочется сдѣлать это не по долгу лишь авто-

ра статьи о Стороженкѣ, а хочется подробнѣе остановиться на этомъ капитальномъ трудѣ Н. И-ча потому, что трудъ этотъ увлекаетъ меня своимъ интересомъ, стройностью изображенія такого сложнаго предмета, ясностью освѣщенія и красотою изложенія. Съ сочиненіями Н. И-ча у насъ мало знакомы. Обширныя литературно-критическія изслѣдованія теперь вообще „не въ фаворѣ“; между тѣмъ образцовое изслѣдованіе интереснѣйшей эпохи и геніальнѣйшаго творчества стоитъ того, чтобы познакомиться съ нимъ подробнѣе.

Начиная обзоръ произведеній Шекспира, Стороженко не ограничивается его драматическими сочиненіями, а останавливается прежде всего на его лирическихъ стихотвореніяхъ — сонетахъ, ставя характеръ ихъ въ связь и съ драматическими произведеніями Шекспира. Считаю не лишнимъ привести изъ многихъ его сонетовъ, цитируемыхъ Н. И-чемъ въ своемъ изслѣдованіи, хотя одинъ (тѣмъ болѣе, что, быть можетъ, далеко не всѣмъ извѣстенъ и самый фактъ существованія этого рода произведеній Шекспира). Вотъ это поэтическое и вмѣстѣ съ тѣмъ искусное по формѣ стихотвореніе:

Когда простились мы, — какой зимой нежданной
Повѣяло вокругъ! Какъ сумрачны поля!
Какъ тяжекъ небосклонъ угрюмый и туманный!
Какой пустынею казалася земля!
А вѣдь она цвѣла: сады въ уборѣ новомъ
Сіяли золотомъ, дыханья розъ полны,
И осень пышная, подобно юнымъ вдовамъ,
Несла плоды любви умчавшейся весны.
Но умирающей казалась мнѣ природа...
Ты лѣто для меня, а нѣтъ тебя со мной,
И нѣмы соловьи, и если съ небосвода
Польется робко пѣснь подъ чашею лѣсной,
Такъ сумрачна она, что, чутко ей внимая,
Поникшіе цвѣты блѣднѣютъ, умирая.

Это чисто лирическое, нѣжно-красивое стихотвореніе и другія въ томъ же родѣ не исчерпываютъ мотивовъ Шекспировскихъ сонетовъ, среди которыхъ иные отличаются болѣе энергическимъ тономъ, горячею страстью; одинъ изъ сонетовъ приводится Стороженкомъ, какъ имѣющій въ себѣ чисто „гражданскій“ мотивъ. Вотъ начало этого стихотворенія (въ переводѣ Червинскаго).

Тебя, о смерть, тебя зову я, истомленный!
Усталъ я видѣть честь поверженной во прахъ,
Заслугу — въ рубищѣ, свободу — искаженной
И бѣдность съ шутовской усмѣшкой на губахъ...
Глупцовъ, гордящихся лавровыми вѣнками,
Опальныхъ мудрецовъ, носящихъ скорбь въ тиши,
Высокій даръ небесъ, осмѣянный слѣпцами,
И силу, мертвую отъ немощей души,
Искусство робкое предъ деспотизмомъ власти...

И такъ далѣе, — настоящій вопль отчаянія при видѣ торжествующаго насилія, зла и несправедливости въ родной странѣ. Въ другомъ сонетѣ высказывается горькое раздумье надъ жизнью вообще, съ призывомъ къ нравственному совершенству.

Въ Шекспировскихъ сонетахъ, этихъ юношескихъ произведеніяхъ, не смотря на неизбѣжную въ духѣ того времени условность ихъ формы, антитезовъ и сравненій, Стороженко видитъ своеобразную искренность, высоко-настроенную душу и вообще *основныя черты* поэтическаго генія Шекспира, на первой ступени ихъ развитія: идеальный строй духа, страстное участіе къ волновавшимъ тогдашнее общество вопросамъ и философскій складъ ума, побуждавшій его даже въ юности задумываться надъ горькимъ смысломъ жизни. Въ частностяхъ тоже можно наблюдать совпаденіе между сонетами Шекспира и драмами. Такъ, въ сонетахъ не разъ встрѣчается сравненіе міра со сценой, а людей съ актерами. Этотъ профессіональный образъ Шекспиръ развиваетъ въ монологѣ Жака (*какъ вамъ угодно*) и въ монологѣ Макбета: „наша жизнь — одна бродячая тѣнь, громкій актеръ, который рисуется и кичится какой нибудь часъ на сценѣ, а потомъ пропадаетъ безъ вѣсти; это сказка, разсказанная безумцемъ“...). Второй приведенный нами сонетъ Шекспира (66-й) служитъ прототипомъ для знаменитаго монолога Гамлета „Быть или не быть“: также какъ тамъ, у принца является желаніе умереть при видѣ царящаго зла.

Такимъ образомъ, точкой отправленія какъ для изученія драмъ Шекспира, такъ и его характера, должны служить сонеты, и если Шекспиръ, какъ творецъ Гамлета, Макбета и Лира, внушаетъ намъ благоговѣніе къ его генію, то Шекспиръ сонетовъ, пылкій, восторженный, стремящійся къ идеалу нравственнаго равновѣсія, правды и гуманности, — внушаетъ намъ высокое уваженіе къ его нравственной личности.

Такимъ блестящимъ аккордомъ заканчиваетъ Стороженко сближеніе стихотвореній Шекспира съ его драмами. Прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этихъ драмъ, Стороженко разбираетъ положенія наиболѣе выдающихся критическихъ школъ, опредѣлявшихъ произведенія Шекспира и смѣнявшихъ одна другую.

Отдавая должное вообще нѣмецкой критикѣ, которая въ качествѣ первой на европейскомъ континентѣ признала высокое значеніе произведеній Шекспира, признавая громадную эрудицію и глубину изслѣдованія нѣмецкой критики, Стороженко поочередно анализируетъ положенія по отношенію къ творчеству Шекспира, въ ихъ исторической послѣдовательности. Прежде всего онъ знакомитъ со взглядами на Шекспира псевдоклассической школы нѣмецкой, для которой, при ея условности и окаменѣлой традиціи, творчество Шекспира казалось слишкомъ дерзкимъ и грубымъ новаторствомъ. Кромѣ простонародныхъ, балаганныхъ представленій, на нѣмецкой сценѣ всецѣло царили французскіе ложно-классическіе образцы, съ ихъ ходульными героями, напыщеннымъ, манернымъ языкомъ. Имя Шекспира упоминается въ нѣмецкой литературѣ не ранѣе 1682 года, и лишь въ 1740 г. появляется въ Германіи, на берлинскомъ театрѣ, Шекспировскій „Юлій Цезарь“; по поводу этого появленія нѣмецкій критикъ писалъ, что Шекспиръ творилъ подъ вліяніемъ дикаго, порывистаго вдохновенія, и если ему иногда удавалось выбрасывать со дна своей души настоящіе перлы, то это была не болѣе, какъ случайность, потому что онъ былъ безъ всякаго образованія и вкуса. Такъ судила о Шекспирѣ критика школы ложно-классической.

Но на смѣну ей уже шло новое литературное движеніе. Французскіе образцы драмы уже отжили свое время; нѣмецкая критика мало по малу начинаетъ предъявлять къ драмѣ иныя требованія. Лессингъ явился могучимъ борцомъ противъ французской трагедіи и, начавши эту борьбу, вооружился именно произведеніями Шекспира. Онъ совѣтуетъ нѣмецкимъ драматургамъ не подражать французскимъ образцамъ, — если они хотятъ создать что-либо въ народномъ духѣ, — а обратиться къ Шекспиру и его современникамъ: они укажутъ вамъ настоящую дорогу.

Однако престижъ классическихъ авторовъ былъ такъ великъ, что Лессингъ строитъ свою защиту Шекспира на нихъ, доказывая, что онъ, не зная древнихъ, стоитъ къ нимъ ближе, чѣмъ Корнель, такъ

какъ Корнель ограничивался чисто внѣшнимъ, механическимъ подражаніемъ, междутѣмъ какъ Шекспиръ, подобно Эсхилу и Софоклу, изображалъ жизнь во всей ея полнотѣ и разнообразіи, соблюдая Аристотелевъ законъ единства драмат. творчества.—Такой отзывъ характеризовалъ собою школу *эстетическую,* которая считала принципы и пріемы творчества общими,—безотносительно къ конкретнымъ условіямъ міросозерцанія, эпохи и ближайшей жизни автора.

Ученики Лессинга, идя по намѣченному имъ пути въ дѣлѣ освобожденія нѣмецкой драмы отъ ложно-классической рутины, пошли гораздо дальше, образовавши школу *историческую*, представителемъ которой является критикъ Герстенбергъ. Школа эта оставляла въ сторонѣ *общіе* законы драмы, доказывала, что „каждый народъ имѣетъ свое особое міросозерцаніе, иначе понимаетъ трагическое, и что поэтому странно прилагать къ произведеніямъ Шекспира масштабъ Аристотелевой теоріи, составленный по другимъ образцамъ, выросшей на другой почвѣ, подъ другимъ небомъ".

Знаменитый Гердеръ далъ болѣе стройное, талантливое развитіе идей Герстенберга, обнаруживъ живое и цѣльное пониманіе искусства. Въ особой статьѣ о задачахъ драмы онъ писалъ, что каждый народъ, кромѣ особаго языка, отличается отъ другихъ народовъ особымъ складомъ ума и фантазіи. Наиболѣе вѣрное и яркое выраженіе міросозерцанія народа — его поэзія; въ ней отражается душа народа, его задушевныя мечты, его любимые идеалы. Греческая драма была роскошнымъ цвѣткомъ въ развитіи миѳологическихъ и общественныхъ идей Греціи. Требовать отъ Англіи драмы въ греческомъ стилѣ нелѣпо. Драма Софокла и драма Шекспира—это двѣ до того различныя вещи, что онѣ едва-ли могутъ называться однимъ и тѣмъ же именемъ, а между тѣмъ онѣ обѣ прекрасны. Въ драмѣ Софокла царствуетъ единство типа и характера; разнообразіе характеровъ, положеній, сословій составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ драмы Шекспира. У перваго слышится вездѣ одинъ и тотъ-же пѣвучій и изящный языкъ образованнаго аѳинянина, Шекспиръ-же одинаково владѣетъ какъ языкомъ образованнаго „нобльмена", такъ и наивно-распущенной рѣчью народнаго шута. — Такимъ образомъ Гердеръ видитъ въ драмѣ прежде всего великое историческое явленіе, которое можетъ быть объяснено только изъ совокупности жизненныхъ условій, его произведшихъ.

Такая горячая проповѣдь о значеніи произведеній Шекспира, быть можетъ, обусловила появленіе перевода ихъ на нѣ-

мецкій языкъ, сдѣланнаго поэтомъ Виландомъ, а также появленіе Гетевской трагедіи Гецъ-фонъ-Берлихенгенъ", написанной въ духѣ драматическихъ хроникъ Шекспира. Свое восхищеніе Шекспиромъ и поклоненіе ему, какъ образцу, Гете выражаетъ такъ: „я не помню, чтобы какая нибудь книга или какое нибудь событіе моей жизни произвело на меня такое неотразимое впечатлѣніе, какъ драмы Шекспира. Онѣ мнѣ казались созданіями какого-то божественнаго генія, сошедшаго на землю, чтобы научить людей познавать самихъ себя. Это не поэтическія произведенія. Читая ихъ, съ ужасомъ видишь передъ собою раскрытую книгу человѣческихъ судебъ и слышишь, какъ бурный вихрь жизни съ шумомъ перевертываетъ ея листы. Все, что мнѣ думалось и гадалось о человѣческой жизни и о нашемъ назначеніи,—все это я нашелъ у Шекспира. Произведенія его похожи на часы изъ чистого кристалла, такъ что въ одно время видишь и ходъ времени и весь механизмъ ихъ движущій. Это прозрѣніе во внутренній міръ человѣка побудило и меня подойти поближе къ міру дѣйствительности, чтобы и самому черпать изъ этого неисчерпаемаго источника".

Такъ говорилъ о Шекспирѣ „олимпіецъ" Гете, уже примыкавшій къ школѣ *романтической*, яркій представитель которой, Шиллеръ, написалъ своихъ „Разбойниковъ" и „Вильгельма Телля" тоже подъ вліяніемъ Шекспира. Новый переводчикъ, давшій уже стихотворный, прекрасный переводъ Шекспира, и критикъ школы романтической, А. Шлегель, также съ высокимъ уваженіемъ отзывается о творчествѣ Шекспира, причемъ въ своихъ блестящихъ лекціяхъ объ этомъ предметѣ, прочитанныхъ въ Вѣнѣ въ 1808 году и переведенныхъ на другіе языки, указываетъ отличительное свойство испанскаго и англійскаго театровъ — ихъ *народность* (начало, къ которому въ то время уже рѣшительно приблизились романтики); въ частности же, относительно творчества Шекспира, Шлегель считаетъ отличительнымъ свойствомъ драматурга — способность переноситься въ каждое изображаемое положеніе и до того усвоить его своей душѣ, что оно становится какъ бы его личнымъ душевнымъ состояніемъ.

Въ своемъ восторженномъ пристрастіи къ Шекспиру Шлегель доходитъ до того, что даже ошибки Шекспира въ области исторіи, географіи и стилистики считаетъ не доказательствомъ отсутствія солиднаго образованія у Шекспира, а нарочитыми пріемами.

Но впрочемъ не всѣ представители романтической школы относились такъ восторженно къ Шекспиру, — и этому нельзя

удивляться. Противопоставляя направленію ложно-классическому начала большей натуральности и *народности*, романтики понимали ихъ своеобразно, отдавая большую дань повышенному чувству и фантазіи, переходившимъ въ экзальтацію и мистицизмъ; поэтому истые романтики, какъ Новалисъ, предпочитали Шекспиру Данте и Кальдерона. Реализмъ Шекспира былъ имъ непріятенъ.

Слѣдующей школой, занявшейся Шекспировской критикой, была школа *философская*, гегеліанская. Въ тридцатые годы 19-го столѣтія систему Гегеля, по которой всѣмъ міропорядкомъ управляетъ *абсолютное* начало, покоряющее себѣ все, перенесли и въ область искусства, отводя ему чисто подчиненную роль, при полномъ игнорированіи художественныхъ задачъ и пріемовъ творчества, — „дѣлая область искусства, по выраженію одного нѣмецкаго писателя, лишь одной изъ провинцій монархіи абсолютнаго идеализма". Теорія была обоснована подробно. Если надъ всѣмъ огромнымъ космосомъ царитъ одно общее абсолютное, то этому общему должно приноситься въ жертву все частное, индивидуальное; поэтому въ гегелевой философіи правочеловѣческая личность цѣнится на столько, на сколько она служитъ общей идеѣ государства; также точно, по гегелевской теоріи драмы, задачи ея сводятся къ тому, чтобы показать зависимость повидимому своего особаго маленькаго космоса человѣческой личности отъ общаго начала, управляющаго нравственнымъ міромъ; изъ отношеній отдѣльной личности, имѣющей свои стремленія и личныя побужденія, къ общему нравственному началу вытекаютъ различныя коллизіи, ведущія иногда къ дисгармоніи, но задачею драматурга должно служить въ концѣ концовъ возстановленіе этой нарушенной гармоніи нравственныхъ началъ, потрясенныхъ борьбою личныхъ побужденій героевъ. А такъ какъ поступокъ и воля все же тѣсно связаны другъ съ другомъ и личность является отвѣтственной за свои поступки, то задачей драматурга является не только ярко изобразить *напряженность борьбы* великихъ нравственныхъ началъ (религіи, отечества, семейства, любви), но и явиться въ концѣ концовъ карающимъ или милующимъ судьей своихъ героевъ. Отсюда вытекалъ принципъ „поэтической справедливости", или авторскаго возмездія: герои, вышедшіе съ честью изъ нравственной борьбы, должны быть награждены, герои, нарушившіе нравственный законъ, должны быть покараны".

Философской теоріи не было никакого дѣла до художественныхъ пріемовъ творчества; она желала видѣть въ драмѣ не живую картину дѣйствительности, не зеркало души человѣческой, но лишь область отвлеченныхъ идей, борющихся въ мірѣ, безъ различія временъ и народовъ...

Философская теорія одинаково примѣнялась къ античнымъ драмамъ и къ произведеніямъ Шекспира, — критиками котораго явились, съ гегеліанскимъ кодексомъ, Тикъ, Ульрици, Ретшеръ.

Величіе Шекспира признавалось ими по столько, по сколько въ его драмахъ обнаруживалась борьба началъ и „поэтическая справедливость". Въ каждой изъ Шекспировыхъ драмъ они искали прежде всего основную идею (Grundidee) и торжество нравственнаго начала, выходящаго побѣдителемъ изъ борьбы съ нимъ отдѣльной личности, одержимой той или иной ослѣпляющей страстью.

Дѣлались всевозможныя натяжки: выходило, напр., что „Ромео и Джульета" написана чуть не для того только, чтобы отецъ Лоренцо могъ сказать въ концѣ свою нравоучительную сентенцію, а родители несчастной любящей пары — примириться...

Такую предвзятость, выходившую изъ началъ философской теоріи, обнаружилъ между прочимъ и знаменитый Гервинусъ, къ труду котораго о Шекспирѣ нашъ авторъ, Н. И., относится съ такимъ уваженіемъ, находя однако въ изслѣдованіи Гервинуса тотъ капитальный недостатокъ, что въ немъ Шекспиръ — *моралистъ* совершенно заслонилъ Шекспира — *художника*: въ этой ученой, но „сухой и черствой", критикѣ, высокія свойства послѣдняго остались совершенно безъ вниманія.

Но время шло — и наступила реакція противъ одностороннихъ взглядовъ философской школы на искусство, приписывавшей ему слишкомъ подчиненную роль, игнорировавшей задачи художественныя. Профессора, знаменитые писатели, какъ Флате, Крессигъ, Боденштедтъ и др., заявляютъ громкій протестъ противъ порабощенія искусства формуламъ отвлеченной философіи. Появляется школа критики *реалистической*. Въ этомъ новомъ духѣ выпущена была въ 1866 году, въ Германіи, посвященная критикѣ Шекспира, книга Рюмелина. Авторъ отвергаетъ прежде всего проведеніе въ драмахъ Шекспира философскаго принципа „высшей гармоніи", „поэтической справедливости".—„Судите сами, говоритъ Рюмелинъ: Корделія повѣшена въ тюрьмѣ, Дездемона задушена мужемъ, Офелія сошла съ ума и утопилась. Гдѣ же тутъ справедливость?! Если критики идеалисты находили и

здѣсь „справедливость“, то лишь потому, что имъ хотѣлось ее найти. Вообще, говоритъ Рюмелинъ, произведенія Шекспира сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ Библіи, — каждый находитъ въ нихъ то, чего хочетъ! Пора низвести Шекспира на землю, пора разсѣять тотъ туманъ, который окружаетъ его величавую, но неопредѣленную фигуру“.

Крайній реализмъ Рюмелина, по мнѣнію Стороженка, такъже одностороненъ, какъ и идеализмъ философской школы. Особенно возмущаетъ нашего автора мнѣніе Рюмелина, что Шекспиръ уже потому не могъ особенно проводить въ своихъ драмахъ идеалистическія теоріи, что былъ профессіонально заинтересованъ въ театральномъ успѣхѣ своихъ пьесъ и потому долженъ былъ заботиться главнымъ образомъ о внѣшней сторонѣ своихъ сочиненій (интересной фабулѣ, сценичности и пр.), — долженъ былъ подлаживаться подъ вкусъ публики, которая была не высокой пробы, такъ какъ театръ находился, во времена Шекспира, въ презрѣніи у порядочнаго общества.

Такой взглядъ на Шекспира кажется Н. И-чу унижающимъ великаго драматура, такъ какъ низводитъ его на степень лишь какого-то „мастера театральныхъ дѣлъ“. Актеровъ же и театральную публику времени Шекспира Стороженко также защищаетъ, говоря, что актерами были люди образованные, а между ними студенты и извѣстные писатели; публика была всякая, включительно до дамъ большого свѣта. Съ однимъ безусловно соглашается Н. И-чъ, что разнообразнѣйшія мнѣнія о Шекспирѣ требуютъ пересмотра.

Въ числѣ главъ своей книги о Шекспирѣ, являющихся обзоромъ различныхъ критическихъ отзывовъ о великомъ драматургѣ, Н. И-чъ удѣляетъ вниманіе и русской критикѣ, Чуйко и Бѣлинскому. Мы не будемъ останавливаться на отзывѣ Н. И-ча о первомъ, такъ какъ уже одно названіе главы, посвященной г-ну Чуйко, показываетъ, какъ опредѣляетъ его критику Н. И-чъ: эта глава называется — „Диллетантизмъ въ Шекспировской критикѣ“. Что касается до критическихъ мнѣній Бѣлинскаго, касавшихся Шекспира, то, собранныя Стороженкомъ въ общихъ чертахъ, они являются въ довольно смутномъ видѣ. Держась вначалѣ взглядовъ гегеліанской школы, Бѣлинскій постепенно отрѣшается отъ нихъ, не давши однако обстоятельнаго опредѣленія Шекспировскаго творчества. Н. И-чъ отмѣчаетъ, впрочемъ, поэтическую сущность критики Бѣлинскаго и высказываетъ по этому поводу глубоко-справедливый взглядъ на литературную критику вообще.

Н. И-чъ говоритъ: „если справедливо, что поэта нужно переводить языкомъ поэтовъ, то еще болѣе справедливо, что для правильной оцѣнки поэта критикъ долженъ быть до нѣкоторой степени и самъ поэтомъ, т. е. обладать, кромѣ эстетическаго пониманія, еще и поэтическимъ чувствомъ. Всѣ ошибки нѣмецкой шекспировской критики", — говоритъ Н. И-чъ, — „происходятъ отъ того, что ея представители, при всей своей учености и глубокомысліи, не обладаютъ въ достаточной степени поэтическимъ чутьемъ". Это чутье Н. И-чъ признавалъ за Бѣлинскимъ въ высокой степени.

Дѣйствительно, Бѣлинскій не только испытывалъ поэтическую эмоцію при воспріятіяхъ впечатлѣній отъ поэтическихъ произведеній, но и выражалъ въ этомъ случаѣ свое мнѣніе истинно поэтическимъ языкомъ. Вотъ напр. образчикъ отзывовъ его о Шекспирѣ: „Байронъ, выразившій въ своихъ произведеніяхъ муки серца, адъ души, постигнулъ только одну сторону бытія вселенной; Шиллеръ поступилъ совершенно обратно: онъ передалъ намъ тайны неба, показалъ одно прекрасное жизни,— ибо зло жизни у него или невѣрно, или искажено преувеличеніями, — и только Шекспиръ, божественный, великій, недостижимый, постигъ и адъ, и землю, и небо. Царь природы, онъ взялъ равную долю добра и зла, и подсмотрѣлъ въ своемъ вдохновенномъ ясновидѣніи біеніе пульса вселенной!"... и т. д. — Слишкомъ много.... поэзіи! — сказалъ бы критикъ-прозаикъ. Но это не были только „цвѣты краснорѣчія": Шекспиръ производилъ на Бѣлинскаго, дѣйствительно, до крайности трогающее душу впечатлѣніе: въ одномъ изъ писемъ къ Боткину Бѣлинскій писалъ: „О Офелія, о бѣдная красота сѣвера, голубка, погибшая, въ вихрѣ грозы! Мочи нѣтъ, слезы рвутся изъ глазъ"!...

Однако, кромѣ поэтической стороны критики Бѣлинскаго, Стороженко указываетъ съ похвалой и на нѣкоторые существенные его выводы, очень цѣнные, а именно—сужденія Бѣлинскаго относительно художественной объективности Шекспира и его реализма. — Но все же, если ученымъ критикамъ германскимъ не доставало чувства поэта, то русскому критику не доставало ихъ эрудиціи; по крайней мѣрѣ самъ Н. И-чъ, такъ симпатично относившійся къ Бѣлинскому и называвшій его „нашъ великій критикъ", замѣчаетъ: „Предвосхищая (послѣ поворота отъ гегеліанской школы) основное положеніе *исторической* критики, Бѣлинскій пытается объяснить личность Шекспира изъ духа его эпохи, но недостатокъ свѣдѣній не позволяетъ ему осуществить

эту попытку, и онъ ограничивается замѣчаніемъ, что Шекспиръ былъ поэтъ старой веселой Англіи, которая въ продолженіе немногихъ лѣтъ вдругъ сдѣлалась суровою, строгою, фанатическою, и что это торжество враговъ театра имѣло сильное вліяніе на его послѣднія произведенія, наложивъ на нихъ отпечатокъ мрачной грусти.

Сказанное такъ странно и не достаточно съ точки зрѣнія ученой, обоснованной критики, что, дѣйствительно, Н. И-чъ имѣлъ право въ концѣ главы о шекспировской критикѣ Бѣлинскаго сказать: „остается сожалѣть, что занятый спѣшной журнальной работой, составлявлявшей единственный источникъ его существованія, Бѣлинскій не имѣлъ времени подвергнуть драмы своего любимаго писателя болѣе обстоятельному разбору".

Имѣя широкое знакомство съ самыми разнообразными теоріями и отдѣльными замѣчаніями европейской шекспировской критики, Н. И. Стороженко излагаетъ свой взглядъ на знаменитаго драматурга. Пріемы изслѣдованія Н. И-ча приближаются больше всего къ теоріи *исторической*, причемъ онъ внесъ много субъективнаго, много того, что онъ считалъ необходимымъ для критики,—чутья поэтическаго, которое, въ связи съ самымъ обширнымъ научнымъ обслѣдованіемъ предмета, придало труду Н. И-ча высокое достоинство.

Признавая великое значеніе *преемственности* культурныхъ теченій и въ частности литературной дѣятельности избраннаго писателя, Стороженко изучаетъ самые корни, откуда пошли творенія Шекспира. Онъ изучаетъ его предшественниковъ, ихъ эпоху, *эволюцію* литературнаго направленія и вкуса этой эпохи. Изученію предшественниковъ Шекспира Н. И-чъ посвящаетъ такъ много труда, что его изслѣдованіе о нихъ составило солидное сочиненіе, давшее ему степень магистра.

Опредѣленными штрихами чертитъ Н. И-чъ исторію англійскаго театра, отъ его средневѣковаго состоянія до времени Шекспира. Начавшись простонароднымъ фарсомъ и религіозной мистеріей, театръ этотъ достигаетъ особеннаго развитія въ послѣдней области—католическихъ импозантныхъ представленій на темы изъ священнаго писанія, со включеніемъ иногда небольшихъ сценъ обыденнаго характера. Но надвинулась волна Возрожденія, которая произвела коренную реформу между прочимъ и въ области театра: эта волна, съ ея освобожденіемъ мысли, успѣхами науки, сломала и самое католичество, вмѣстѣ съ его религіозной драмой. Явились новые вкусы, новыя литературныя воздѣйствія.

Татръ дѣлается свѣтскимъ и отражаетъ въ себѣ содержаніе общей литературы. Итальянская новела не только переводится для чтенія, но сюжеты ея передѣлываются и для сцены. Сюжеты отличаются фантазіей, сложностью фабулы, пестротою персонажей — рыцарей, дамъ, пилигримовъ, полуисторическихъ полулегендарныхъ лицъ, говорящихъ возвышеннымъ, необычнымъ языкомъ. Такой театръ и былъ сферой дѣятельности предшественниковъ Шекспира—Марло, Лилли, Грина. Въ сочиненіи пьесъ указаннаго характера они проявляютъ значительную виртуозность, какъ по содержанію пьесъ, такъ и по формѣ, по большей части стихотворной. Для сценъ комическихъ вводятся персонажи изъ народа,—такія сценки изъ простонародной жизни особенно любилъ Гринъ. Смотрѣть этотъ лондонскій театръ идутъ горожане и свѣтская знать,—jeunesze dorée, маскированныя и немаскированныя дамы. Напрасно пуританская проповѣдь старается отвратить публику отъ „суетной, грѣховной“ забавы,—самъ королевскій дворъ посѣщаетъ этотъ театръ, покровительствуетъ актерамъ и драматическимъ писателямъ.

Въ ряды актеровъ становится и Шекспиръ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и писатель, авторъ стихотвореній, сочиняемыхъ въ изысканной формѣ сонета. Вдохновеніе его ищеть обнаруженія и въ сферѣ литературы драматической. Вначалѣ онъ передѣлываетъ прежнія пьесы, по своему усмотрѣнію, по своимъ творческимъ соображеніямъ. Его товарищи, авторы которыхъ пьесы онъ передѣлывалъ, или къ сюжетамъ которыхъ онъ приближался, встрѣтили его недружелюбно, какъ автора-соперника. Такъ, Гринъ пишетъ своимъ товарищамъ по профессіи, Марло, Нашу и Пилю:... „Да, не довѣряйте имъ (актерамъ), потому что между ними завелась выскочка-ворона, украшенная нашими перьями, съ сердцемъ тигра подъ кожей актера. Этотъ выскочка воображаетъ, что онъ можетъ смастерить бѣлый стихъ не хуже любого изъ васъ и, будучи настоящимъ Iohannes Factotum, считаетъ себя единственнымъ человѣкомъ въ Англіи, *способнымъ потрясать нашей сценой* (*the onely Shakescenein a country*)“. Послѣднія слова, въ которыхъ пародируется фамилія Шекспира, показываютъ, что Гринъ говорилъ именно о Шекспирѣ.

Показавши ту сферу, тѣ литературныя традиціи и ближайшій литературно-драматическій матеріалъ, съ которыми было связано творчество Шекспира, Стороженко подробно и тонко опредѣляетъ особенности, выдвинувшія новаго актера-драматурга изъ ряда его собратовъ и пріобрѣли ему міровую славу.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ же заключались чары этого автора? почему пьесы того же репертуара, даже пьесы, сюжеты которыхъ были цѣликомъ взяты Шекспиромъ для его драмъ и лишь передѣланы имъ, — давно забыты и служатъ лишь предметомъ для спеціальныхъ историко-литературныхъ изслѣдованій, между тѣмъ какъ драмы Шекспира, повидимому столь близкія къ тому же репертуару, переживаютъ вѣка?

Стороженко ясно и выпукло опредѣляетъ это „волшебство". Шекспиръ внесъ въ технику драмы — *человѣчность, индивидуализацію* дѣйствующихъ лицъ. Въ то время, какъ въ пьесахъ его предшественниковъ и товарищей это были только „персонажи" съ ярлыками — „ревнивецъ", „честолюбецъ", „злодѣй", „жена злая", „жена добродѣтельная", — въ пьесахъ Шекспира всѣ эти лица являются *людьми* со своими *индивидуальными* особенностями и черточками, придающими особый характеръ даже, такъ сказать, разновидностямъ одного типа: психика „человѣколюбца" Макбета *иная*, чѣмъ леди Макбетъ, Цимбелинъ ревнуетъ *не такъ*, какъ Отелло; фигуры „добродѣтельныхъ" Корделіи, Офеліи, Дездемоны, съ помощью едва уловимыхъ штриховъ, положенныхъ драматургомъ, являются различными. И всѣ эти люди живутъ передъ зрителемъ, живутъ своей особой душевной жизнью, приковывающей и трогающей его, заставляютъ и его душу откликнуться на звуки ихъ душевныхъ струнъ. Шекспиръ тоже дѣлаетъ своихъ героевъ носителями извѣстной страсти, но при этомъ показываетъ, какъ эта страсть проявляется въ *данномъ* человѣкѣ, какая коллизія выходитъ изъ могучаго воздѣйствія страсти, обстоятельствъ и не менѣе могучихъ свойствъ и всей психической натуры даннаго лица. На пространствѣ вѣковъ, при различіяхъ расы, культуры, міровоззрѣнія выводимыхъ лицъ, Шекспиръ умѣлъ показывать *индивидуальность* этихъ людей. Какъ давалось ему это прозрѣніе въ душу столь различныхъ людей, своего рода „ясновидѣніе", — это сила воображенія, сила *таланта*, та сила, самыя сокровенныя тайники которой не сможетъ никогда вскрыть самый острый аналитическій ножъ...

Охарактеризовавши Шекспира какъ художника, Стороженко показываетъ міръ его идей, — указывая источники ихъ какъ въ новой струѣ его эпохи, такъ и въ личной его біографіи. Трезвое вѣяніе жизни, современной Шекспиру, успѣхи науки, дали раціоналистическое направленіе мысли, заставили скептически оглянуться на пройденный идейный путь. Стороженко приводитъ не мало любопытныхъ фактовъ, очень характерныхъ для того вре-

мени ломки старыхъ идей, времени великаго умственно-душевнаго переворота. Кругъ „скептиковъ“ и „свободомыслящихъ“ разростался; раціоналистическій взглядъ на вопросы религіи, приведя массы къ протестантству, велъ отдѣльныя личности, даже среди духовенства, еще дальше: такъ, одинъ священникъ въ Англіи перестала даже вѣрить въ библію, отрицая ее, какъ божественное откровеніе, считая ее лишь собраніемъ народныхъ разсказовъ,—и объявилъ себя язычникомъ.

Раціонализмъ эпохи коснулся и міровоззрѣнія Шекспира, освободивши его умъ отъ клерикально-мистическаго средневѣковаго направленія. Но этотъ мощный интеллектъ не остался чуждымъ высокимъ идеаламъ. Онъ самъ опредѣлилъ основной свой принципъ такъ: „красота, добро, истина“, — которымъ онъ и сослужилъ великую службу своими безсмертными произведеніями.

Факты біографіи Шекспира Стороженко сближаетъ также съ его настроеніемъ и творчествомъ, находя, что несчастная любовь и положеніе въ средѣ актеровъ должны были дать мысли Шекспира горькую складку скептическаго раздумья надъ жизнью,— что и отразилось въ его сонетахъ, мотивы которыхъ вошли и въ его драмы.

Положеніе Шекспира „на рубежѣ двухъ эпохъ“, двухъ жизненныхъ и культурныхъ теченій, отразилось и на внѣшнихъ пріемахъ творчества Шекспира. Литературная школа, изъ которой онъ вышелъ, дала ему богатство, разнообразіе, эффектность темъ, дала его воображенію обильную пищу и просторъ, въ то же время новое реалистическое вѣяніе научило его дѣлать умѣлый выборъ и давать реальную обработку этихъ темъ. То же можно сказать и о языкѣ Шекспировскихъ произведеній: онъ цвѣтистъ, полонъ яркихъ образовъ, но и къ нему приложена какая-то мѣра, уже не позволяющая назвать эти рѣчи напыщенной риторикой, заставляющая вѣрить, что дѣйствующія лица Шекспира *могли* говорить такъ.

Мы не послѣдуемъ за Стороженкомъ въ разборѣ, — съ изложенныхъ выше точекъ зрѣнія, — главнѣйшихъ произведеній и героевъ Шекспира: Макбета, Гамлета, Лира и др.; это вывело бы насъ далеко за предѣлы нашего очерка, и безъ того уже разросшагося выше предположеннаго размѣра. Скажемъ лишь, что характеристки эти блестящи и очень тонко иллюстрируютъ основныя критическія положенія Николая Ильича.

Не можемъ однако не отмѣтить еще одной важной черты, указываемой тонкой критикой Н. И-ча, — умѣнья Шекспира давать всей пьесѣ, кромѣ художественно-вѣрныхъ лицъ, еще одно *общее настроеніе*. (Слово это сказано Н. И-чемъ гораздо раньше, чѣмъ оно стало избитымъ въ устахъ нашей критики). Въ самомъ дѣлѣ, это *общее настроеніе* пьесы бываетъ у Шекспира иногда поразительнымъ: въ этомъ отношеніи, какъ справедливо указываетъ Н. И-чъ, особенно поражаетъ „Макбетъ", общимъ характеромъ баллады.

Таковъ капитальный трудъ Стороженка, переведенный на другія языки и доставившій автору почетное званіе вице-президента англійскаго Шекспировскаго общества.

Къ свѣтлому чувству удовлетворенія и гордости за своего земляка, трудъ котораго поставленъ такъ высоко даже въ ряду трудовъ европейской критики, примѣшивается у насъ, однако, и горькое чувство: не украинскимъ писателемъ былъ этотъ высокооцѣненный авторъ... Не украинскую литературу, не родной языкъ обогатилъ онъ своими сочиненіями въ области критики...

Но не упрекнемъ въ этомъ Николая Ильича, только-что ушедшаго отъ насъ въ вѣчность. Не его вина въ этомъ. Слишкомъ это сложный вопросъ, — „не взвѣшенный судьбою"! Обстоятельства исторически сложились такъ, что еще не время было трудамъ, подобнымъ сочиненіямъ Николая Ильича, быть написанными по украински, хотя бы авторы ихъ были, — сами, сознавая это, — плотью отъ плоти Украины и высоко ставили права любимаго ими украинскаго языка. Бодянскій и Максимовичъ писали свои ученыя статьи также не по украински, но мы также не упрекнемъ ихъ за это; какъ у этихъ учителей Николая Ильича, такъ и у него самого, не было ни литературнаго языка украинскаго, ни мѣста, ни аудиторіи для научныхъ сочиненій на родномъ языкѣ. Фактъ этотъ печальный, но горечь отъ сознанія его умѣряется тѣмъ, что время мѣняется и что желанная перемѣна уже наступаетъ и въ значительной мѣрѣ уже наступила.

Не упрекая писателей-украинцевъ за то, чего они не могли сдѣлать, признаемъ тѣ услуги, которыя они оказали, по мѣрѣ силъ и возможности, также и украинской литературѣ, прямо или косвенно.

Такою услугою являются между прочимъ статьи Николая Ильича о Шевченкѣ и о томъ кружкѣ, изъ котораго онъ вышелъ. Стороженко нѣсколько разъ возвращается къ обстоятельствамъ

относящимся къ основанію Кирилло-Меѳодіевскаго братства въ Кіевѣ и къ катастрофѣ, постигшей членовъ „братства“. Этотъ вопросъ обслѣдованъ Н-мъ И-мъ съ обычной для него тщательностью; лебединая пѣсня Н-ая И-ча, послѣдняя статья, какую онъ могъ составить, — онъ принужденъ былъ уже диктовать ее (а не писать лично), — посвящена тому же вопросу: она помѣщена въ настоящей книжкѣ и показываетъ, съ какой тщательностью и любовью къ дѣлу она составлена.

Шевченку въ отдѣльности — Н. И. посвятилъ четыре статьи: „Геніальный горемыка“, „Первые четыре года ссылки Шевченка“, „Щепкинъ и Шевченко“, „Мелочи для біографіи Шевченка“. Эти статьи вошли въ юбилейный сборникъ сочиненій Н. И-ча, изданный „учениками и почитателями“ въ 1902 году.

Въ этихъ статьяхъ не только дана хотя сжатая, но прекрасно написанная біографія Шевченка, а еще и выяснено то движеніе, которое обусловило какъ пробужденіе музы Шевченка, такъ и всю идейную сторону авторства славнаго кобзаря.

Члены Кирилло-Меѳодіевскаго братства,—говоритъ Н. И-чъ,— съ страстнымъ напряженіемъ слѣдили за ходомъ начавшагося на западѣ славянскаго движенія и мечтали о соединеніи всѣхъ славянъ на федеративныхъ началахъ подъ главенствомъ Россіи. Мечты эти поясняются далѣе словами главы этого кружка, Костомарова: „Мы не могли уяснить себѣ подробности образа, въ какомъ должна была явиться наша воображаемая федерація государствъ; создать этотъ образъ мы предоставляли будущей исторіи. Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинаковые основные законы и права, свобода торговли и всеобщее уничтоженіе крѣпостного права и рабства, въ какомъ бы то ни было видѣ“. Итакъ, — скажемъ мы, — шестьдесятъ лѣтъ назадъ кіевскимъ кружкомъ украинцевъ намѣчены были тѣ основные принципы автономной федераціи, которые ставятся теперь, въ началѣ XX-го вѣка...

Кто знаетъ, какимъ бы пышнымъ цвѣтомъ разцвѣла дѣятельность идейнаго украинскаго кружка „братчиковъ“, привлекшаго къ себѣ такія талантливыя силы, какъ Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко, если бы дѣятельность этого кружка въ наибольшемъ украинскомъ центрѣ не была пресѣчена въ самомъ корнѣ! Быть можетъ, мы имѣли бы на украинскомъ языкѣ не только стихотворенія Шевченка, но и ученыя статьи Стороженка...

Кромѣ біографическихъ данныхъ, приводимыхъ въ статьяхъ Н. И-ча о Шевченкѣ, онъ даетъ также характеристику творче-

ства его. Характеристика эта представляетъ такую вдохновенную страницу, что мы приведемъ ее почти цѣликомъ: „Поэзія Шевченка въ высшей степени субъективна; она такъ тѣсно связана съ его жизнью, что онѣ составляютъ одно неразрывное цѣлое. Всѣ звуки, которые, издавала его лира, были звуки шедшіе отъ души, звуки выстраданные, на которыхъ запеклась кровь его сердца. Но талантъ Шевченка былъ слишкомъ великъ, чтобы замкнуться въ тѣсную гамму личныхъ ощущеній; онъ великъ тѣмъ, что въ его пѣсняхъ отразилась коллективная душа украинскаго народа, который, по мѣткому выраженію Костомарова, какъ бы избралъ его своимъ уполномоченнымъ, чтобы онъ повѣдалъ міру его судьбу и страданія и озарилъ бы свѣтомъ поэзіи все, что таилось въ его душѣ. Но отражая народную жизнь, Шевченко не забывалъ также озарять ее свѣтомъ культурныхъ идей. Онъ былъ не только народнымъ, но и національнымъ поэтомъ, сладкозвучнымъ выразителемъ гуманныхъ идеаловъ современной ему украинской интеллигенціи. Все, о чемъ думала и гадала украинская молодежь сороковыхъ годовъ, все это явилось у Шевченка, облеченное въ яркіе поэтическіе образы и согрѣтое огнемъ его горячаго поэтическаго сердца. Онъ молилъ Бога, чтобы онъ далъ его словамъ святую силу. —

„Людськее серце пробивать
Молю, ридаючи: пошли,
Подай душі убогій силу,
Щоб огненно заговорила,
Щоб слово пламенемъ взялось,
Щоб людямъ сердце розтопило
И на Вкраіну понеслось“.

„Въ этомъ неумолкаемомъ призывѣ къ правдѣ, гуманности и свободѣ заключается культурное и воспитательное значеніе произведеній нашего поэта „сообщающее его стихамъ вѣчную юность“.

Такъ оканчиваетъ Стороженко характеристику кобзаря. Пусть эта теплая страница будетъ искреннимъ привѣтомъ ему, являясь въ книжкѣ нашего журнала за тотъ мѣсяцъ, конецъ котораго пріурочивается обыкновенно къ памяти кобзаря. Около этого времени по всей Украинѣ устраиваются торжественныя чествованія его имени и поэзіи; пусть же глубокопрочувствованныя слова Николая Ильича, повторенныя здѣсь, раздадутся среди

общаго прославленія Кобзаря какъ выраженіе горячей хвалы отъ лица даровитаго сына Украины и лучшихъ изъ критиковъ.

Окончивъ обзоръ литературной дѣятельности Николая Ильича, скажемъ еще нѣсколько словъ о немъ какъ о профессорѣ и общественномъ дѣятелѣ. Относительно профессорства Н. И—ча хотѣлось бы намъ цитировать письма учениковъ его, посвященныя его памяти и помѣщенныя, въ ближайшіе дни послѣ его кончины, въ Русск. Вѣдомостяхъ; но письма эти такъ проникнуты однимъ общимъ чувствомъ, глубокимъ уваженіемъ къ почившему „учителю—другу", въ такихъ сходныхъ выраженіяхъ опредѣляютъ сущность профессорскаго „учительства" Н—ая И—ча ,что намъ кажется достаточной хотя бы слѣдующая выдержка изъ письма одного изъ учениковъ: „Н. И. былъ другомъ учащейся молодежи. Онъ не говорилъ призывныхъ словъ, лекціи его отличались строго практическимъ содержаніемъ, сюжетъ былъ далекъ отъ вопросовъ, волнующихъ молодежь, но въ самой манерѣ рѣчи, въ общемъ тонѣ обращенія съ аудиторіей неуловимо сквозила высокопробная деликатность духа, которая вытекаетъ изъ истинной гуманности, роднящей между собою людей самыхъ различныхъ состояній и возраста. Н. И. „не ораторствовалъ, не билъ на чувство, не перегружалъ изложенія „ученымъ аппаратомъ; онъ просто обращался къ студентамъ съ умной, тонкой, безпритязательной бесѣдой, богатой фактами и поучительными обобщеніями и всегда приправленной легкимъ, изящнымъ юморомъ. Н. И. былъ вѣрнымъ носителемъ лучшихъ традицій московскаго университета, и его ближайшіе друзья и ученики никогда не забудутъ свѣтлаго образа почившаго учителя. Выдающійся ученый, образцовый профессоръ, Н. И. былъ великолѣпнымъ руководителемъ студенчества въ его научныхъ стремленіяхъ, но кромѣ того онъ училъ великой и вѣчной наукѣ—быть человѣкомъ и любить человѣка. Всѣ его публичныя лекціи, всѣ его блестящія статьи проникнуты духомъ гуманности, высокаго благородства".

Кажется, этого достаточно, чтобы судить, кѣмъ былъ Н. И. какъ профессоръ и каково могло быть его вліяніе.

Но отдавая свой трудъ и душу университету, Н. И. находилъ время и силы для всякаго рода общественной дѣятельности. Многія учрежденія имѣли его своимъ ревностнымъ членомъ, или даже предсѣдателемъ: Румянцевскій музей (гдѣ Н. И. былъ библіотекаремъ), Театральное училище, Литературный театральный комитетъ, Общество любителей россійск. словесности и т. д. и т. д.

„Вся жизнь его была отдана другимъ“, — говоритъ другой некрологъ,—„онъ всегда дѣлалъ все за всѣхъ! Никому пришедшему за помощью или совѣтомъ никогда не было отказа. Какъ бы ни былъ занятъ Н. И., онъ всѣми силами старался исполнить просьбу другихъ.

Но не только большой университетскій центръ кипучей умственной и общественной жизни захватывалъ Н. И—ча: пріѣзжая на лѣто въ родную Полтавщину, онъ и здѣсь находилъ себѣ не мало дѣла. Въ нашей замѣткѣ, помѣщенной въ К. Старинѣ три года назадъ, подъ время юбилейнаго чествованія Н. И—ча, мы говорили, чѣмъ онъ былъ для лохвицкаго уѣзднаго уголка, какое теплое участіе принималъ въ мѣстной земской жизни (всегда очень интенсивной), какое вниманіе выказывалъ къ нуждамъ крестьнъ своей деревни, включительно до личнаго оказыванія медицинской помощи приходящимъ. Это ли не образецъ сочетанія дѣятельности ученаго и общественнаго дѣятеля?

Въ той-же нашей замѣткѣ было отмѣчено еще одно свойство Николая Ильича, которое производило неизгладимое впечатлѣніе на каждаго, кто былъ съ нимъ сколько нибудь знакомъ: это особенная обаятельность его разговора. Кромѣ насъ, объ этой особенности говорятъ, въ некрологахъ Н. И—ча, О. Ѳ. Туганъ-Барановская, хорошо знавшая его по лохвицкому уѣзду, и ученики Н. И.—ча: всѣ подчеркиваютъ его особенное умѣнье вести въ высшей степени интересный разговоръ, ни чуть не подавляя собесѣдника,—кто бы онъ ни былъ,—своей ученостью, говоря чрезвычайно просто и съ какой-то „ласковой“, задушевной, именно „чарующей“ манерой. „Тайна этого обаянія“,—говоритъ одинъ некрологъ,—„заключалась въ рѣдкой красотѣ нравственной личности Николая Ильича, озаренной свѣтомъ глубокой и истинной человѣчности“.

Свою отзывчивость и свои высокія внутреннія свойства Н. И. сохранилъ до самыхъ послѣднихъ дней. По словамъ его учениковъ, „потрясающія событія послѣдняго времени сильно тревожили Н. И. Онъ видѣлъ, какъ борется страна за свободу, какъ много гибнетъ славныхъ борцовъ, онъ видѣлъ и скорбѣлъ, что его alma mater обречена на молчаніе. Рѣдкіе проблески радости доставляли ему извѣстія о великихъ завоеваніяхъ русскаго народа; онъ въ эти минуты былъ счастливъ и восторженъ. Н. И. до могилы вѣрилъ въ осуществленіе лучшихъ идеаловъ и эту вѣру завѣщалъ намъ“.

Таковъ былъ Николай Ильичъ Стороженко. По его общественному служенію мы не назовемъ его „борцомъ“, хотя на знамени его и было написано „гуманность и свобода“,—слово борецъ не подходитъ къ нему; онъ былъ скорѣе апостолъ науки, гуманности и свободы. Подобно тому, какъ, по словамъ самаго Н. И., въ исторіи литературы его интересовали преимущественно тѣ личности, которыя распространяли вокругъ себя наиболѣе „свѣта, тепла и добра“,—такъ и самъ Н. И. заботился лишь объ этомъ распространеніи, не будучи созданъ для борьбы, для войны.... Но „свѣта, тепла и добра“ распространилъ онъ не мало,—какъ въ своихъ сочиненіяхъ, лекціяхъ, такъ и въ общеніи со множествомъ людей, обращавшихся къ нему.—Думаемъ, что воздаемъ Н. И—чу должное нашимъ опредѣленіемъ.

Мы старались не переоцѣнить также цѣнность Н. И. какъ „украинца“: мы не назвали его ни „украинскимъ дѣятелемъ“, ни „борцомъ за украинское національное дѣло“,—это было бы невѣрно. Но съ полнымъ правомъ Украина можетъ гордиться Н. И. Стороженкомъ, такъ какъ она дала ту большую силу интеллекта и таланта, которую обнаружилъ Н. И.; также и тѣ свойства души и сердца, которыя обнаруживалъ Н. И. въ его повседневныхъ сношеніяхъ и бесѣдахъ съ людьми, его мягкость, деликатность и именно „щирость“—являются свойствами истинно украинской натуры; эти свойства особенно сосредоточиваются въ выдающихся представителяхъ національнаго типа,—какимъ по праву можно назвать Н. И-ча.

Пусть же свѣтлый образъ дорогого земляка живетъ между нами! Пусть то, что онъ сдѣлалъ въ области мысли, распространенія „свѣта, тепла и добра“, признается далеко за предѣлами Ураины и даже Россіи,—Украина, какъ мать, скорбитъ о своемъ сынѣ найбольше и сохранитъ наиболѣе глубоко память о немъ!

Олена Пчилка.

Памяти В. Л. Беренштама.

10-го ноября 1904 года скончался въ Кіевѣ очень близкій намъ человѣкъ, постоянный сотрудникъ нашего изданія, почтенный общественный дѣятель —*Вильямъ Людвиговичъ Беренштамъ*. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты, мы могли тогда, годъ назадъ, только помянуть его въ своемъ журналѣ коротенькими статьями, взятыми изъ газетъ, помѣстившихъ его некрологи, разсчитывая нѣсколько позднѣе посвятить памяти его болѣе обширную статью. Теперь, исполняя свой долгъ по отношенію къ памяти дорогого намъ человѣка, мы и

рѣшаемъ посвятить ему эти страницы, видя, что нѣсколько измѣнившіяся условія печати позволятъ намъ теперь коснуться тѣхъ сторонъ въ жизни и дѣятельности В. Л. Беренштама, о которыхъ годъ тому назадъ приходилось-бы умолчать не по собственному желанію.

В. Л. Беренштамъ, родившійся 10 ноября 1839 года, принадлежалъ къ семьѣ потомственнаго почетнаго гражданина города Кіева. Отецъ его, по происхожденію еврей, былъ выходецъ изъ Курляндіи и, какъ въ домѣ, такъ и во всѣхъ частностяхъ семейнаго строя, придерживался строгаго нѣмецкаго режима, стараясь всѣхъ дѣтей своихъ воспитать вполнѣ въ европейскомъ духѣ. Намъ лично приходилось встрѣчать этого человѣка въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ, когда онъ былъ уже глубокимъ старикомъ, со многими странностями; но въ тѣ годы, когда Вильямъ Людвиговичъ былъ еще мальчикомъ и юношей, это былъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ, честнаго образа мыслей, хотя и очень консервативнаго, а главное—умѣвшій, даже въ тѣ годы царившаго повсюду произвола администраціи, всегда стойко удерживаться на позиціи защиты правъ своей личности. Изъ разсказовъ покойнаго Вильяма Людвиговича о своемъ отцѣ мы знаемъ нѣсколько мелкихъ, иногда анекдотическихъ, случаевъ столкновенія его съ властями, оканчивавшихся для него крупными матеріальными потерями, но за то всегда свидѣтельствовавшихъ о его энергіи и настойчивости. Мы упоминаемъ объ этой чертѣ въ характерѣ отца, такъ-какъ, близко зная сына, видимъ въ немъ отраженіе того-же, очевидно наслѣдственнаго, качества, особенно сказавшагося въ стойкости и непоколебимости его основныхъ убѣжденій, сохранившихся у него до гробовой доски. Прибавимъ теперь къ этому вполнѣ культурную обстановку въ семьѣ, знаніе иностранныхъ языковъ, особеннно нѣмецкаго, который съ дѣтства былъ для Вил—ма Люд—ча роднымъ языкомъ, хорошее образованіе, полученное имъ сначала въ лучшемъ кіевскомъ частномъ пансіонѣ Гедуэна, затѣмъ въ 1-ой гимназіи и наконецъ въ университетѣ,—и намъ вполнѣ яснымъ станетъ тотъ фундаментъ, на которомъ въ зрѣлые годы могъ прочно установиться умственный и нравственный обликъ почтеннаго общественнаго дѣятеля.

Благопріятная пора въ русской общественной жизни конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, именно тѣхъ годовъ, которые В. Л. Беренштамъ провелъ въ кіевскомъ университетѣ, не могла не захватить такого умнаго и чуткаго юношу, какимъ былъ онъ, и

не могла не окунуть его въ живой потокъ свѣжихъ и полныхъ надеждъ общественныхъ теченій. Будучи студентомъ, онъ работалъ надъ самообразованіемъ, такъ-какъ и въ то время не много могъ дать историко-филологическій факультетъ въ лицѣ своихъ профессоровъ; онъ много читалъ, вполнѣ сознавая, что только наука и знаніе могутъ быть твердымъ оплотомъ для серьезной общественной работы. Но великимъ помощникомъ въ дѣлѣ развитія человѣческой личности всегда является общественность, которая, не отрывая юношу отъ книжной науки, вводитъ его въ круговоротъ мыслей и идей, вызываемыхъ самой жизнью, наталкиваетъ на путь практическаго разрѣшенія многихъ общихъ положеній, вырабатываетъ умѣніе согласовать теоретически обоснованные принципы съ осуществленіемъ ихъ въ своей жизненной дѣятельности,—однимъ словомъ, не даетъ человѣку замкнуться только въ кольцѣ своего личнаго „я", въ какую-бы сторону это „я" ни было направлено. Въ жизни В—ма Л—ча этотъ помощникъ—разумная общественность среди студенчества той поры—явилась весьма кстати: со своимъ общимъ развитіемъ и со знаніями, онъ, благодаря тому, что среди студентовъ проходила тогда живая волна всѣхъ жгучихъ вопросовъ общественной жизни, могъ легко оріентироваться въ окружающемъ и еще на школьной скамьѣ выработать тѣ твердые устои въ своихъ принципахъ, съ которыми вступилъ онъ затѣмъ въ сознательную жизнь и которые всегда примѣнялъ на практикѣ. Съ нимъ не случилось того, что такъ часто замѣчается въ жизни людей, переживших пору своего юношескаго развитія, такъ сказать, въ болѣзненныхъ процессахъ: на скамьѣ студенческой видишь его краснѣе краснаго, а затѣмъ глядишь и не узнаешь,—не то, что красноты не замѣтно, даже оранжевый отблескъ отлетѣлъ, и рѣзко блеститъ одна лишь вицъ-мундирная пуговица. А все оттого, что въ эти нездоровые періоды задавленности общественной мысли всѣ, иногда очень головокружительныя, теоріи скользятъ только по поверхности, не проникая вглубь души юношества; эпоха-же 60-хъ годовъ, при всей сравнительной скромности идеаловъ, рисовавшихся впереди, можетъ быть названа почти нормальной, съ вполнѣ здоровыми условіями (правда—кратковременными) для выработки нравственныхъ устоевъ въ личности.

В. Л. Беренштамъ въ студенческіе годы, повторяемъ, прочно установилъ въ себѣ свои основныя „credo." И первымъ изъ нихъ былъ *демократическій принципъ*, такъ рѣзко расходившійся со всѣмъ тѣмъ, что давала его семейная обстановка. Помимо обще-

философскихъ построеній, помимо вліянія соціальныхъ ученій, помимо вліянія книжнаго, не могла не захватить его въ тѣ годы и самая жизнь русская, выдвинувшая на первую очередь вопросъ о народѣ актомъ освобожденія крестьянъ. Прекрасно понималъ онъ, какъ понимали и всѣ честные люди, что освобожденіе крестьянина отъ власти помѣщика далеко не исчерпываетъ всѣхъ освободительныхъ началъ личности, далеко не разрѣшаетъ и всѣхъ вопросовъ соціальнаго строя; но вѣрилось тогда, что послѣ перваго шага сами собой послѣдуютъ дальнѣйшіе, и что на обязанности сознательнаго интеллигента лежитъ теперь потрудиться для культурнаго подъема народной массы, которая, при развитіи своемъ, быстрѣе проведена будетъ черезъ всѣ послѣдующія ступени установленія нормальныхъ и вполнѣ правовыхъ взаимоотношеній въ обществѣ. Кто могъ предвидѣть тогда, что въ вопросѣ о народномъ просвѣщеніи и развитіи такъ скоро оборвутся всѣ нити, и настанетъ тотъ мракобѣсный періодъ, въ который лозунгомъ явятся знаменитыя слова К. П. Побѣдоносцева о томъ, что *безусловно вредно* распространеніе народнаго образованія, ибо оно не воспитываетъ людей, не сообщаетъ умѣнья, а *даетъ лишь знанія и привычку логически мыслить!* Работа для народа и во имя народа въ началѣ 60-хъ годовъ составляла задачу всѣхъ лучшихъ людей русскаго общества, и не диво, что и въ средѣ студенчества стали предметомъ постояннаго обсужденія и осуществленія на практикѣ всѣ вопросы, связанные съ подъемомъ народнаго благосостоянія, особенно-же вопросъ о просвѣщеніи массъ. Среди мѣръ, которыми считалось возможнымъ силами студенчества распространять знанія въ народѣ, на первой очереди было устройство воскресныхъ школъ разныхъ типовъ. Сочувствіе этому теченію обнаружилось тогда и въ администраціи, особенно въ кіевскомъ учебномъ округѣ, имѣвшемъ въ тѣ годы попечителемъ знаменитаго Н. И. Пирогова, который не только не придерживался по отношенію къ студенчеству системы „охраны“ sui generis, но всячески поощрялъ участіе молодежи въ подобныхъ просвѣтительныхъ работахъ. Тутъ то и выступилъ впервые на педагогическій путь В. Л. Беренштамъ въ качествѣ участника въ тогдашнихъ кіевскихъ воскресныхъ школахъ. Зная современное положеніе этого дѣла, когда воскресныя школы въ Кіевѣ, даже безъ участія студенчества, были закрыты по распоряженію администраціи, невольно переносишься мыслію въ 60-е годы; тогда главная активная роль въ веденіи школъ народныхъ принадлежала юношеству, и мы лично пережили студенческіе годы въ ту

пору 60-хъ годовъ, когда, при отсутствіи уже воскресныхъ школъ, учащаяся молодежь свободно могла работать въ обычныхъ ежедневныхъ народныхъ школахъ, неся свой безплатный трудъ и ведя нѣсколько лѣтъ подъ рядъ соединенными силами иногда очень многочисленныя начальныя школы. Но это было уже въ періодъ замиранія частной иниціативы въ школьномъ дѣлѣ, незадолго до того, какъ все народное образованіе попало подъ твердую руку правительственной инспекціи, чтобы заглохнуть тамъ въ бюрократическомъ формализмѣ. Что-же касается той поры, въ которую пришлось В. Л. Беренштаму работать на этой нивѣ, то — повторяемъ — условія были далеко болѣе благопріятными. Здѣсь-то и выработался у В—ма Л—ча тотъ педагогическій талантъ, который создалъ ему впослѣдствіи славу превосходнаго учителя, съ чуткой, отзывчивой душой, всегдашняго любимца своихъ учениковъ, и во всемъ этомъ не могло ему отказать даже начальство, въ большинствѣ случаевъ косившееся на либерала-учителя.

Демократическія идеи, ставшія въ началѣ 60-хъ годовъ девизомъ всѣхъ лучшихъ силъ страны и естественно охватившія и чуткую молодежь, помимо заботъ о просвѣщеніи народа, выдвинули для разрѣшенія цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, какъ политическаго характера, такъ и соціальнаго. Для выясненія всѣхъ этихъ вопросовъ, студенчество группировалось въ кружки, гдѣ въ непринужденной и въ недѣланной, безъ всякихъ эффектовъ, обстановкѣ обсуждались разныя теоріи и возможность проведенія ихъ въ жизнь. Здѣсь и выросли, и укрѣпились въ В-мѣ Л-чѣ его основные политическіе и общественные идеалы; здѣсь записалъ онъ въ своемъ символѣ вѣры тѣ принципы конституціонныхъ правъ гражданина и человѣка, съ которыми сохранился онъ до послѣднихъ дней жизни, не увидѣвъ даже проблеска лучшихъ дней, такъ-какъ накануне смерти своей въ бесѣдѣ съ нами, какъ всегда живой и исполненной свѣтлыхъ взглядовъ, возвращаясь изъ обычнаго засѣданія въ Обществѣ грамотности, онъ съ грустью отмѣчалъ всѣ признаки неменяющагося прежняго суроваго режима, — а вѣдь это было 9 ноября, когда до Кіева еще не дошла вѣсть о первомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей 6—7 ноября!

Всѣ вопросы о народѣ, въ обстановкѣ кіевской жизни, естественно должны были приводить, кромѣ общенародныхъ интересовъ, еще и къ спеціальному пункту — къ вопросу національному. Обрусительныя стремленія, всегда и въ самыхъ разнообразныхъ

классахъ общества довольно сильныя, особенно рѣзко выступали здѣсь, въ Кіевѣ, гдѣ завязанъ узелъ отношеній трехъ народностей — украинской, польской и русской. Вдумчивое, серьезное отношеніе къ народной идеѣ не можетъ игнорировать самобытныхъ особенностей, связанныхъ съ этнографическимъ типомъ той народной среды, въ рядахъ которой приходится работать. И вотъ здѣсь, въ Кіевѣ, сразу всплылъ наверхъ украинскій вопросъ, какъ только наступилъ моментъ рѣшить способъ дѣйствій для народа и во имя народа. Началась оживленная борьба и въ студенческой средѣ. Понятно, что въ этомъ краѣ вопросъ обрусительный не вытекалъ изъ фактовъ самой деревенской жизни, т. к. непосредственнаго взаимоотношенія двухъ народностей — украинской и великорусской — здѣсь почти не было, и еслибы не искуственная, политиканствующая прививка обрусительныхъ началъ путемъ всякихъ средствъ, то украинскій народъ, какъ основной въ краѣ, естественнымъ ходомъ развитія вышелъ-бы на прямую дорогу самоопредѣляющейся націи. Но вся бѣда была въ томъ, что многолѣтнія усилія правительства стирать въ украинскомъ народѣ все національное, стараясь замѣнить его великорусскимъ началомъ, фальшиво именующимъ себя *общерусскимъ*, привели къ господству этихъ обрусительныхъ принциповъ въ широкихъ кругахъ общества. Въ результатѣ получалось, что украинская національная идея встрѣчала сильный отпоръ не только въ людяхъ консервативнаго лагеря, чаще всего думающихъ такъ, какъ прикажутъ, но и со стороны прогрессивныхъ элементовъ, считающихъ національный вопросъ слишкомъ мелкимъ по сравненію съ вопросами общеполитическаго и соціальнаго характера. Сравнительно рѣдко можно было встрѣтить въ изданіи крайнихъ партій начала 60-хъ годовъ мысли болѣе народныя, нежели государственныя. Самымъ характернымъ въ смыслѣ признанія правъ народностей явилось изданіе „Великоруссъ“ (1861 г.), въ которомъ (№ 2) можно прочесть слѣдующія строки: „должна быть дана населенію Южной Руси полная свобода располагать своей судьбой по собственной волѣ. Теперь этотъ народъ еще не могъ высказать своихъ желаній, но извѣстно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій не довело это недовольство, мы должны уступить имъ“. Но, повторяемъ, такой взглядъ среди тогдашнихъ радикаловъ былъ не особенно распространенъ, а гораздо чаще можно было встрѣтить мысль о раздѣленіи россійской имперіи на Россію и Польшу, съ предоставленіемъ послѣдней всѣхъ провинцій, входившихъ въ нее до 1772 года. Такое-же теченіе

повторилось въ началѣ 60-хъ годовъ и въ Кіевѣ, особенно среди студенческой молодежи, гдѣ, кромѣ великорусскихъ, сталкивались еще стремленія украинскія и польскія. Въ этихъ оживленныхъ спорахъ ясно обозначились три партіи—русская, польская и украинская, и всякому мыслящему студенту пришлось опредѣлить, къ какой партіи онъ долженъ примкнуть. Тутъ-то болѣе всего и сказалась чуткая душа В. Л. Беренштама: ни по происхожденію, ни по родовымъ традиціямъ не имѣя въ себѣ задатковъ національнаго украинскаго начала, онъ, исключительно руководясь сознаніемъ роли людей, выросшихъ и воспитавшихся въ Украинѣ, примкнулъ къ украинской партіи и до того сроднился съ ея идеями, что во всю свою послѣдующую жизнь, куда ни забрасывала его судьба, онъ оставался самымъ искреннимъ и убѣжденнымъ украинскимъ націоналомъ.

Въ 1862 году В. Л. Беренштамъ окончилъ кіевскій университетъ по историко-филологическому факультету. Тогда лица, готовившія себя къ педагогической дѣятельности, не прямо съ университетской скамьи поступали учителями, какъ это дѣлается теперь, но предварительно подготовлялись къ этой дѣятельности, практикуясь нѣкоторое время на особыхъ педагогическихъ курсахъ, основавшихся въ Кіевѣ въ 1860 году. На эти курсы и поступилъ Вильямъ Людвиговичъ сейчасъ-же по окончаніи университета и пробылъ здѣсь два года, подготовляя себя къ преподаванію географіи и исторіи. Не стану я пѣть панегириковъ этимъ курсамъ, такъ-какъ знаю, что въ нихъ было много несовершенствъ, начиная съ самаго главнаго — съ отсутствія опытныхъ руководителей; не скажу ничего и въ защиту самой организаціи ихъ, такъ-какъ былъ свидѣтелемъ того, что такой кандидатъ-педагогъ, какъ ихъ тогда именовали, чаще всего посылался въ какую-нибудь кіевскую гимназію (а ихъ тогда было только двѣ) замѣщать вакантную должность учителя, гдѣ онъ принужденъ былъ вести преподаваніе вполнѣ самостоятельно, — однако самый фактъ пребыванія молодого человѣка на курсахъ былъ до извѣстной степени коррективомъ въ педагогической работѣ: волей-неволей такому кандидатъ-педагогу приходилось хоть отчасти ознакомиться съ основными методическими пріемами, хоть немного изучить учебную литературу своего предмета, а не такъ, какъ бываетъ теперь, что молодой учитель нѣсколько первыхъ лѣтъ ведетъ свой курсъ ощупью, пока упражненіемъ на дѣтскихъ мозгахъ не наберется кое-какого опыта.

Мы сказали раньше, что В. Л. Беренштамъ, будучи еще въ университетѣ, занятіями въ воскресной школѣ выработалъ въ себѣ педагогическій навыкъ; теперь, на курсахъ, онъ еще болѣе сталъ твердой ногой на этомъ пути. Мнѣ лично пришлось быть въ 1863 году ученикомъ Вильяма Людвиговича, когда онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ преподавалъ намъ географію, замѣняя умершаго учителя. Трудно было въ тѣ дѣтскіе годы дать оцѣнку педагогическихъ пріемовъ преподавателя, но теперь можно судить о талантливости ихъ изъ того факта, что и послѣ 40 лѣтъ съ лишнимъ живо помнишь даже иногда мелкія детали въ урокахъ Вильяма Людвиговича, не говоря уже о томъ, что въ то время онъ пользовался общей любовью всѣхъ насъ, малышей 2-го класса.

Въ самомъ началѣ 1865 года В. Л. Беренштамъ переѣхалъ въ Каменецъ-Подольскъ, куда былъ назначенъ учителемъ исторіи и гдѣ прожилъ до лѣта 1868 года, снова возвратившись въ Кіевъ, но уже въ качествѣ учителя французскаго языка въ кіево-подольской прогимназіи. Въ этой роли учителя французскаго языка ему пришлось быть не долго, т. к., во 1-хъ, преподаваніе этого предмета не было его спеціальностью, а во 2-хъ — въ тѣ годы, когда въ министерствѣ просвѣщенія началъ устанавливаться Толстовскій режимъ, очень многіе изъ педагоговъ рѣшили перейти на службу въ иныя вѣдомства. Такъ поступилъ и В. Л. Беренштамъ: испытавъ въ Каменецъ-Подольскѣ всѣ прелести гимназическихъ порядковъ, особенно подъ главенствомъ такого директора, какъ г. Коленко съ его бюрократическимъ самовластіемъ, онъ долженъ былъ, въ силу необходимости, принять мѣсто преподавателя французскаго языка, лишь-бы переѣхать въ Кіевъ, но сейчасъ-же попытался перейти въ военно-учебное вѣдомство и черезъ три мѣсяца оставилъ службу въ кіево-подольской прогимназіи, занявъ должность преподавателя географіи въ кіевской военной гимназіи.

Какую педагогическую силу потеряло въ его лицѣ вѣдомство народнаго просвѣщенія, можно видѣть изъ всѣхъ тѣхъ отзывовъ, которые приходилось неоднократно слышать и читать о немъ въ видѣ воспоминаній его бывшихъ учениковъ. Отличаясь большимъ педагогическимъ талантомъ, обладая глубокой эрудиціей, имѣя „душу живу“, В. Л. Беренштамъ всегда являлся не только учителемъ, но и воспитателемъ юношества въ самомъ широкомъ и лучшемъ значеніи этого слова. Не гоняясь за популярностью среди учениковъ средствами далеко не педагогичными, какъ-то:

безграничная снисходительность ко всякимъ недостаткамъ юношей, а особенно въ области ученія,—В. Л-чъ былъ однако однимъ изъ популярнѣйшихъ учителей въ Кіевской военной гимназіи въ лучшіе годы ея жизни, такъ-какъ его умная и честная натура признавала, что истинной и прочной любви учащихся можетъ достигнуть только тотъ преподаватель, который обнаружитъ по отношенію къ нимъ свое чистое сердце человѣка, а не вицмундирнаго чиновника, свое искреннее желаніе быть учителемъ и воспитателемъ въ духѣ добра и правды, а не въ смыслѣ исполненія безчисленныхъ мелкихъ правилъ и инструкцій, свое уваженіе къ наукѣ и знаніямъ, а не только выучку положенныхъ учебниковъ. Такимъ именно педагогомъ и былъ В. Л. Беренштамъ въ средѣ своихъ воспитанниковъ военной гимназіи въ Кіевѣ, такимъ онъ остался и до конца своей педагогической дѣятельности, преподавая затѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ послѣ переѣзда изъ Кіева.

Періодъ пребыванія его въ Кіевѣ съ 1868 до 1879 года былъ особенно оживленнымъ, благодаря тому, что онъ, кромѣ своихъ педагогическихъ занятій, вошелъ и въ болѣе широкую общественную жизнь. Всюду, гдѣ только видѣнъ былъ въ Кіевѣ проблескъ живого дѣла и живой мысли, В. Л-чъ оказывался однимъ изъ дѣятельныхъ работниковъ. Близко зная многія страницы изъ жизни В. Л-ча въ эти годы, я считаю себя обязаннымъ, для характеристики покойнаго, открыть нѣкоторыя изъ нихъ, при чемъ напередъ оговариваюсь, что въ жизни такихъ людей, какъ В. Л. Беренштамъ, иногда не такъ характерны страницы оффиціальныя, какъ частныя, интимныя. Главными дѣлами, въ которыхъ В. Л-чъ принималъ участіе въ эти годы, были: 1) Юго-западный отдѣлъ Императ. Русск. Географическаго Общества; 2) газета „Кіевскій Телеграфъ“; 3) отправка волонтеровъ въ Герцеговину и Сербію передъ началомъ русско-турецкой войны; 4) кіевская городская дума. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ онъ участвовалъ не только какъ заурядный работникъ, но влагалъ въ нихъ всю свою душу. Возьмемъ-ли мы участіе его въ Юго-западномъ отдѣлѣ Географическаго Общества, гдѣ казалось-бы, все должно ограничиваться научными работами членовъ отдѣла, но на дѣлѣ работа здѣсь по необходимости переходила и въ другую область. Учрежденіе въ Кіевѣ „Юго-западнаго отдѣла“ преслѣдовало цѣль собрать мѣстныя силы для всесторонней работы по изученію быта, нравовъ, творчества украинскаго народа, однимъ словомъ всего того, что даетъ возможность уразумѣть народную психологію и

что составляетъ задачу науки *фолклора*. При нормальныхъ условіяхъ общественной жизни, на этой почвѣ никакихъ осложненій произойти не можетъ, — такъ это все естественно и логично; но охранительная политика, всегда усердствующая черезъ край, и тутъ нашла для себя пищу, поднявъ кликушескій лай въ тонѣ „coveant consules". Какъ всегда бываетъ, первую скрипку въ этомъ концертѣ взяли добровольцы, во главѣ съ газетой „Кіевлянинъ". Началась по всѣмъ направленіямъ агитація противъ „Отдѣла", а въ результатѣ — временное закрытіе его, продолжающееся, впрочемъ, ровно 30 лѣтъ. Во всей этой борьбѣ для защиты дорогого дѣла дѣятельное участіе принималъ В. Л-чъ, сознавая ту вопіющую неправду, которая творилась со стороны противниковъ; но, конечно, борьба эта мало могла себя обнаружить оффиціальными, открытыми ходами, а пришлось работать большею частью въ частныхъ совѣщаніяхъ, перепискахъ, переговорахъ и пр. Вотъ тутъ-то мы и были свидѣтелями всей той энергіи, убѣжденности и трудоспособности, которыя проявилъ въ тотъ моментъ В. Л. Беренштамъ, за что имя его и попало прежде всего въ тѣ лѣтописи, которыя личнаго благополучія не предвѣщаютъ.

Одновременно съ тѣмъ, какъ переживалась эта страничка въ жизни „Отдѣла", совершался и другой драматическій моментъ — изданіе газеты „Кіевскій Телеграфъ", издательницей котораго была въ то время жена профессора А. И. Гогоцкая, вошедшая въ началѣ 1875 года въ соглашеніе съ цѣлымъ кружкомъ выдающихся мѣстныхъ научныхъ силъ, такихъ, какъ М. П. Драгомановъ, Н. И. Зиберъ, Ѳ. К. Волковъ и др. Къ этому кружку примыкалъ и В. Л. Беренштамъ. Тѣ девяносто, кажется, номеровъ „Кіевскаго Телеграфа", которые прошли при сотрудничествѣ этого кружка, составляютъ, по признанію столичной печати, лучшую страничку въ мѣстной прессѣ того времени. Но и тутъ не легка была роль работниковъ въ „Телеграфѣ": помимо той энергіи, которую приходится затрачивать вообще на газетную работу, „Кіевскому Телеграфу" надо было выдерживать еще и спеціальную борьбу, направленную со стороны того-же „Кіевлянина" и его одномышленниковъ, не брезгавшихъ никакими средствами для того, чтобы поразить своихъ противниковъ, при чемъ средства эти ничего общаго съ литературной полемикой не имѣли. Въ результатѣ А. И. Гогоцкая должна была разстаться съ своими сотрудниками, а газета вскорѣ совсѣмъ заглохла и прекратила свое существованіе по приказанію свыше.

И такъ, и въ этомъ начинаніи, подобно „Юго-западному отдѣлу", пришлось В. Л. Беренштаму много вынести хлопотъ и заботъ и въ концѣ концовъ увидѣть излюбленное дѣтище свое погибшимъ, а въ книгѣ личнаго счета своего получить тѣ прибавочныя справки, которыя подготовляли его невольный отъѣздъ изъ Кіева. Однако изумительная энергія и настойчивость его въ достиженіи общественныхъ идеаловъ не ослаблялись, а все съ большей силой погружали его въ дѣла, носившія идейный характеръ. Въ 1875 году, во время герцеговинскаго возстанія, всѣ лучшіе люди въ Россіи были охвачены мыслію объ освобожденіи маленькаго народа отъ турецкаго рабства. Быстро росло повсюду возбужденіе умовъ и желаніе чѣмъ-нибудь помочь этому освободительному движенію. У насъ, въ Кіевѣ, тоже началъ формироваться отрядъ добровольцевъ, сначала негласно, т. к. еще не видно было, какой политики придержится русское правительство. В. Л. Беренштамъ въ этомъ движеніи принялъ самое энергичное участіе, и мы сами были свидѣтелями того, какъ онъ, совсѣмъ не будучи очень богатымъ человѣкомъ, далъ при подпискѣ на устройство отряда добровольцевъ изъ Украины нѣсколько сотъ рублей. Но далеко не одной матеріальной стороной онъ поддерживалъ это движеніе: увлекшись идеей слявянскаго освобожденія, онъ впослѣдствіи сталъ принимать самое дѣятельное участіе въ образовавшихся уже оффиціально комитетахъ, гдѣ работалъ со всей свойственной его натурѣ энергіей.

Прибавимъ теперь къ сказанному, что въ эти же самые *семидесятые* годы украинская кружковая жизнь въ Кіевѣ очень усилилась и развилась, и намъ станетъ ясно, что В. Л-чъ, всей душой входя въ жизнь и дѣятельность этихъ кружковъ, положительно не зналъ отдыха, отдавая всего себя работѣ на общественной нивѣ: можно смѣло сказать, что ни одного вечера въ недѣлю не оставалось свободнаго отъ какихъ-нибудь совѣщательныхъ засѣданій то по одному, то по другому вопросу. Вѣдь къ этому времени относится усиленная дѣятельность по изданію украинскихъ книгъ, какъ для народа — въ видѣ такъ называемыхъ *метеликів*, такъ и въ формѣ научныхъ этнографическихъ трудовъ; въ это-же время начались и работы по составленію того самаго украинскаго словаря, который въ минувшемъ году представленъ былъ редакціей „Кіевской Старины" въ Академію Наукъ на премію Н. И. Костомарова и, какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ, удостоенъ второй преміи. Для всего этого нужны были постоянныя собранія, и почти во всѣхъ ихъ В. Л-чъ бывалъ не-

премѣннымъ членомъ, зачастую устраивая ихъ у себя въ квартирѣ. Однимъ словомъ, частная кружковая жизнь въ Кіевѣ находилась тогда въ полномъ движеніи, и одной изъ двигательныхъ пружинъ въ ней былъ В. Л. Беренштамъ.

Для характеристики этого періода въ кіевской жизни В. Л. Беренштама намъ остается сказать еще о его кратковременной дѣятельности въ качествѣ думскаго городского гласнаго, для чего мы воспользуемся тѣми строками, которыя даны были проф. И. В. Лучицкимъ въ маленькой поминальной его статьѣ въ „Кіевскихъ Откликахъ" (1904 г. 13 ноября).

„Дѣло происходило въ концѣ 1878 года. Два четырехлѣтія городомъ управляла группа лицъ, съ бывшимъ ректоромъ кіевскаго университета Н. К. Ренненкампфомъ во главѣ, и это-же управленіе все яснѣе и яснѣе обнаруживало для кіевскихъ жителей несоотвѣтствіе между тѣми задачами, которыя должно было преслѣдовать городское самоуправленіе, и тѣмъ, что происходило въ дѣйствительности. Необходимость измѣнить составъ гласныхъ, измѣнить ходъ и направленіе хозяйственной политики городской управы, политики, направленной въ сторону страшно дорого обходившихся городскихъ построекъ (въ родѣ, напр., зданія нынѣшней городской думы), а не въ пользу удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей городского населенія (санитарныя мѣры, школьное дѣло и т. д.), вызывали все болѣе и болѣе недовольство и жалобы. Къ концу 1878 года движеніе противъ порядка вещей, установившагося въ управѣ и думѣ, стало сказываться съ особенною силою, благодаря въ особенности тому, что въ началѣ 1879 года заканчивались полномочія думы и предстояли новыя выборы. Въ этотъ-то моментъ покойный Вильямъ Людвиговичъ Беренштамъ выступилъ на арену дѣтельности. Обладая рѣдкою энергіей, не знающей устали, онъ сразу-же сталъ во главѣ движенія, сразу-же сгруппировалъ вокругъ себя массу недовольныхъ. И здѣсь онъ явился агитаторомъ не изъ-за личныхъ цѣлей, не изъ-за вопроса о личностяхъ, а агитаторомъ во имя опредѣленныхъ и ясно поставленныхъ цѣлей и принциповъ. Организуя предвыборныя собранія, участвуя лично въ каждомъ изъ нихъ, онъ постоянно выступалъ съ программой, которую онъ выставлялъ, какъ небходимое условіе для дѣйствительной замѣны стараго управленія городскимъ хозяйствомъ новымъ, соотвѣтственнымъ задачамъ городского самоуправленія. И все это время, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, онъ не покладалъ рукъ, не зналъ покоя, не переставалъ работать. Нужно было

видѣть его и до и во время выборовъ, чтобы понять, какую силу и энергію способенъ былъ онъ проявить. Выборы тогда носили иной характеръ, чѣмъ теперь; они производились по тремъ группамъ, при чемъ выборы второй группы длились болѣе сутокъ, выборы третьей — цѣлыхъ три дня. И за все это время В. Л-чъ былъ постоянно на своемъ посту, постоянно говорилъ, убѣждалъ, разъяснялъ, во имя какихъ принциповъ необходимо произвесть выборы новыхъ лицъ. Насколько при условіяхъ того времени это было возможно, цѣль была имъ достигнута: прежняя управа и прежній городской голова были замѣнены новыми лицами. Но на этомъ В. Л-чъ не успокоился: какъ гласный, онъ обратилъ все вниманіе на организацію между самими гласными, на образованіе изъ ихъ среды группы единомышленной, которая взяла-бы на себя проведеніе въ жизнь истинныхъ принциповъ самоуправленія, и онъ былъ душою и центромъ цѣлаго ряда такихъ собраній, составлявшихся передъ каждымъ думскимъ засѣданіемъ".

Недолго пришлось проработать здѣсь В. Л-чу: лѣтомъ 1879 года его перевели учителемъ въ Псковъ въ военную гимназію, въ зависимости отъ чего оборвалась его думская дѣятельность, какъ оборвалась и вся сложная нить его общественныхъ трудовъ на кіевской почвѣ. Очевидно, въ лѣтописяхъ подлежащихъ вѣдомствъ записи оказались не по сердцу мѣстной администраціи, почему и рѣшено было продолженіе записей вести въ другомъ мѣстѣ.

Въ Псковѣ В. Л. Беренштамъ пробылъ только одинъ годъ, такъ-какъ имя его, какъ талантливаго преподавателя, не могло быть неизвѣстно главному управленію военно-учебныхъ заведеній, которое пожелало использовать эту педагогическую силу для столичныхъ военныхъ гимназій, — вотъ почему уже съ осени 1880 года В. Л-чъ переселился въ Петербургъ въ качествѣ преподавателя 1-ой Петербургской военной-гимназіи. Но и этотъ одинъ годъ пребыванія въ Псковѣ не прошелъ безъ того, чтобъ В. Л-чъ, помимо своихъ служебныхъ занятій, не отдался и болѣе широкой общественной дѣятельности. Здѣсь матеріаломъ для нея послужило его научное знакомство съ археологическими изслѣдованіями, а мотивомъ — существованіе въ Псковѣ скромнаго музея древностей. Чтобъ возбудить въ мѣстномъ обществѣ интересъ къ собиранію и изученію памятниковъ древности, разбросанныхъ въ раіонѣ псковской губерніи, В. Л-чъ прочелъ въ началѣ 1880 года двѣ публичныхъ лекціи на тему „Доисторическія времена и ихъ археологическое изслѣдованіе", издан-

ныя имъ въ Псковѣ въ томъ-же году. Эта брошюра представляетъ прекрасную популяризацію всѣхъ основныхъ вопросовъ археологической науки, а также развиваетъ мысль о значеніи археологическихъ изученій въ мѣстныхъ раіонахъ, съ цѣлью возбудить въ псковитяхахъ интересъ къ изслѣдованію своихъ древностей и къ поддержанію и развитію мѣстнаго музея въ Псковѣ.

Съ переѣздомъ въ Петербургъ въ 1880 году, В. Л. Беренштамъ сразу пріобрѣтаетъ себѣ славу прекраснаго преподавателя, такъ-что, кромѣ военной гимназіи, онъ получаетъ цѣлый рядъ приглашеній преподавать въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, изъ которыхъ упомянемъ Петербургскій учительскій институтъ, гдѣ ему пришлось проявить свои преподавательскія силы и способности въ новой роли руководителя взрослыхъ людей, готовившихъ себя къ учительской дѣятельности. Намъ лично удалось быть нѣсколько разъ свидѣтелемъ тѣхъ симпатій и уваженія, какими пользовался В. Л-чъ среди воспитанниковъ учительскаго института, гдѣ онъ былъ не только преподавателемъ исторіи и географіи, но и воспитателемъ, т. е. въ самой трудной и, при неблагопріятныхъ условіяхъ, самой отвѣтственной роли педагога. Здѣсь такъ легко или возбудить къ себѣ недовѣріе, а иногда и просто презвѣніе, со стороны учащихся, при маломальски казенномъ, формальномъ отношеніи къ нимъ, или потерять всякую авторитетность, при желаніи сдѣлаться популярнымъ среди нихъ и при неумѣніи выдержать подобающій тактъ. В. Л-чъ сумѣлъ поставить себя такъ, что всегда пользовался у воспитанниковъ института полнымъ уваженіемъ и любовью, держа себя среди нихъ не какъ начальство, а какъ истинный педагогъ-руководитель, къ которому смѣло могъ обратиться каждый за совѣтомъ и содѣйствіемъ не только по вопросамъ, связаннымъ съ жизнью школы, но и по всѣмъ личнымъ своимъ дѣламъ. Все это можно было наблюдать въ тѣ немногіе часы, въ которые намъ приходилось бывать въ институтѣ у В. Л-ча въ дни его дежурства тамъ. Слѣдъ пребыванія В. Л-ча въ институтѣ остался до сихъ поръ въ видѣ тѣхъ двухъ тетрадей литографированныхъ записокъ по методикѣ исторіи и географіи, которыя были имъ составлены какъ предметъ его курса и которыми и понынѣ еще пользуются теперешніе воспитанники института.

Подобно тому какъ въ Кіевѣ, В. Л. Беренштамъ, при своей энергичной натурѣ, не могъ жить и въ Петербургѣ вдали отъ участія въ живой общественной дѣятельности; будучи человѣкомъ

вполнѣ научно-образованнымъ, любя книжное и литературное дѣло, онъ примкнулъ къ лучшимъ литературно-научнымъ силамъ столицы, и его постоянно можно было видѣть активнымъ участникомъ въ разныхъ учрежденіяхъ: литературный фондъ, союзъ писателей, редакціи журналовъ, не говоря уже о личныхъ близкихъ, а иногда даже дружественныхъ связяхъ съ литераторами и учеными. Такія лица, какъ Н. И. Костомаровъ, А. Н. Пыпинъ, Д. Л. Мордовцевъ, Н. И. Карѣевъ, П. И. Вейнбергъ, Н. Ѳ. Анненскій, В. А. Мякотинъ, были всегда въ тѣсномъ общеніи съ нимъ. Когда въ 1884 году при Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній былъ учрежденъ „Отдѣлъ для содѣйствія самообразованію“, составившій программы какъ по естествознанію, такъ и по гуманитарнымъ наукамъ, среди учредителей этого отдѣла мы встрѣчаемъ и В. Л. Беренштама, который, совмѣстно съ Н. И. Карѣевымъ, занялся выработкой программы для самообразовательнаго чтенія по всеобщей исторіи.

Живя въ Петербургѣ многіе годы (18 лѣтъ), оторванный отъ близкой его сердцу Украины, В. Л. Беренштамъ не порывалъ однако связей съ нею, по прежнему интересуясь всѣмъ ходомъ туго подвигавшагося національнаго украинскаго вопроса и оказывая дѣятельную помощь во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было нажать ту или иную пружину въ Петербургѣ. Такъ напр., благодаря его энергіи, связямъ и ходатайствамъ, удалось наконецъ получить разрѣшеніе на изданіе „Кобзаря“ Шевченка въ наиболѣе полномъ видѣ. Изданіе это, вышедшее въ 1883 году (послѣ перерыва въ 16 лѣтъ послѣ изданія Кожанчикова), всецѣло обязано ему своимъ появленіямъ въ свѣтъ, и оно-то и послужило впослѣдствіи основой для всѣхъ дальнѣйшихъ изданій, такъ-какъ текстъ вошедшихъ въ него сочиненій былъ какъ-бы узаконенъ для Россіи. Нельзя не указать также на то, что В. Л. Беренштамъ былъ въ Петербургѣ тѣмъ лицомъ, вокругъ котораго группировались всѣ наши земляки—украинцы, какъ проживавшіе тамъ постоянно, такъ и наѣзжавшіе въ столицу временно. Къ нему можно было смѣло обращаться по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ интересами украинства въ Петербургѣ, будучи увѣреннымъ, что онъ всегда охотно поможетъ найти отвѣтъ и удовлетвореніе разныхъ ходатайствъ, благодаря своимъ личнымъ связямъ и отношеніямъ. Не удивительно потому, что въ двухъ главныхъ украинскихъ учрежденіяхъ столицы—въ Обществѣ имени Т. Г. Шевченка и въ обществѣ распространенія народныхъ

украинскихъ изданій—имя В. Л-ча стоитъ въ ряду основателей. Однимъ словомъ, дальность разстоянія и столичныя условія жизни не заглушили въ душѣ его тѣхъ идейныхъ украинскихъ стремленій, которыя, какъ было сказано, возникли у него не кіевской почвѣ въ началѣ 60-хъ годовъ и которыя стали для него второй его природой, такъ-что, живя въ столицѣ, онъ сердцемъ всегда жилъ здѣсь съ нами, на Украинѣ.

Слабѣющія силы заставили В. Л-ча въ 1898 году оставить службу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Петербургъ, для того чтобы остатокъ дней своихъ дожить въ родномъ ему Кіевѣ. Здѣсь, въ эти послѣдніе шесть лѣтъ его жизни, онъ, съ сильно развившимися приступами астмы, явился все тѣмъ-же энергичнымъ и отзывчивымъ на все доброе человѣкомъ, принявшимъ сразу дѣятельное участіе въ работахъ нѣсколькихъ общественныхъ учрежденій. Будучи и раньше связанъ съ изданіемъ журнала „Кіевская Старина“, онъ теперь сталъ органическимъ сотрудникомъ его, то помѣщая время отъ времени свои статьи, то помогая въ дѣлѣ редактированія изданія.

Появленіе В. Л-ча въ Кіевѣ совпало со временемъ оживленія въ дѣятельности Кіевскаго Общества Грамотности. Конечно, не могъ онъ, всю жизнь свою посвятившій народному просвѣщенію, стать въ сторонѣ отъ работъ Общества грамотности; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего пріѣзда въ Кіевъ, онъ былъ избранъ въ члены совѣта Общества, и съ тѣхъ поръ, до самой кончины своей, Общество грамотности видѣло въ его лицѣ одного изъ отмѣнныхъ работниковъ въ разныхъ коммиссіяхъ своихъ. Не разстался онъ и съ своей любовью къ археологическимъ изученіямъ, почему сейчасъ-же примкнулъ въ Кіевѣ къ обществу, устроившему здѣсь мѣстный музей древностей и искусствъ. Однимъ словомъ, покойный В. Л. Беренштамъ былъ той живой силой, которая не могла отдѣлить понятія о жизни отъ понятія объ общественной работѣ. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, счастливая смерть выпала на его долю: накануне смерти мы видѣли его въ засѣданіи Общества Грамотности, какъ всегда энергичнаго, живого работника и милаго собесѣдника; въ день смерти мы привѣтствовали его съ исполнившимся 65-тилѣтіемъ его жизни и собирались вечеромъ провести вмѣстѣ нѣсколько часовъ въ пріятной бесѣдѣ среди пріятелей его, но въ 8 часовъ вечера застали его уже на смертномъ одрѣ, а черезъ часъ онъ лежалъ уже на столѣ, оторванный отъ насъ въ иныя обители, унесшій съ собою все то дорогое, что связывало насъ съ нимъ

въ теченіе многихъ лѣтъ. Скончался онъ, по истинѣ, не покидая поста общественной службы.

Пусть-же эти строки будутъ данью благодарности отъ насъ тому человѣку-гражданину, образъ котораго можетъ служить примѣромъ для новыхъ поколѣній, подобно тому какъ личность его служила всегда образцомъ лучшихъ сторонъ въ человѣчествѣ для его современниковъ.

В. Науменко.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Полное изданіе „Кобзаря“ Т. Г. Шевченка. Въ сентябрѣ прошлаго 1905 года Петербургскимъ Обществомъ имени Т. Г. Шевченка возбуждено ходатайство въ главномъ управленіи по дѣламъ печати о разрѣшеніи издать полное собраніе сочиненій Т. Г. Шевченка на украинскомъ языкѣ по тексту, напечатанному Романчукомъ въ Галичинѣ. Ходатайство это получило удовлетвореніе, о чемъ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати увѣдомилъ предсѣдателя общества имени Т. Г. Шевченка, А. Н. Марковича. Какъ мы слышали, изданіе это уже приготовлено къ печати, и Общество получило уже отъ владѣльца права на печатаніе всѣхъ сочиненій Т. Г. Шевченка разрѣшеніе выпустить въ свѣтъ это изданіе. Такимъ образомъ въ скоромъ времени мы увидимъ изданнымъ въ Россіи первое по возможности полное собраніе стихотвореній Шевченка.

Одно изъ послѣднихъ писемъ Н. И. Стороженка. Печатаемая въ настоящей книжкѣ журнала статья Н. И. Стороженка „Кирилло-меѳодіевскіе заговорщики“ получена была нами наканунѣ новаго года при слѣдующемъ письмѣ покойнаго.

Спиридоновка, домъ Щуберта. 28 декабря 1905.

Глубокоуважаемый Владиміръ Павловичъ! Посылаемая Вамъ статья да послужитъ поздравительной карточкой Вамъ и „Кіевской Старинѣ“! Работая въ Архивѣ III-го отдѣленія надъ біографіей Тараса, я попутно началъ заниматься Кирилло-меѳодіевскимъ Обществомъ и его основателемъ Н. И. Гулакомъ. Результатомъ этихъ занятій была эта статья, которой бью Вамъ челомъ. Буду очень благо-

даренъ, если Вы помѣстите ее въ февральской книжкѣ. По примѣру прошлыхъ разовъ, прошу Васъ заказать для меня сотню оттисковъ съ особой обложкой. Такъ-какъ она написана очень неразборчиво, то я былъ-бы очень благодаренъ, если-бы Вы прислали мнѣ вторую корректуру. Къ крайнему моему сожалѣнію, не могу обѣщать Вамъ продолженія статьи, ибо для этого нужно съѣздить въ Петербургъ, а мое здоровье въ такомъ состояніи, что объ этомъ и думать нельзя. Будьте здоровы! Крѣпко жму Вашу руку. Вашъ всей душой

Н. Стороженко.

P. S. Прошу обратить вниманіе на послѣднюю строку статьи; въ ней пропущена дата смерти Гулака. Вы вѣроятно ее знаете.

Все это письмо, кромѣ даты и подписи, писано не рукой Н. И. Стороженка, равно какъ и приложенная къ нему статья, въ которой сдѣланы только нѣкоторыя поправки и дополненія его рукой.

Еще о колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговщинѣ. Въ январьской книжкѣ „Кіевской Старины“ г. И. Абрамовъ въ замѣткѣ „О колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговской губ.“ категорически отрицаетъ существованіе щедривокъ, въ которыхъ бы говорилось о князѣ и сыновьяхъ его на удѣлахъ. Со справедливостью этого взгляда нельзя не согласиться, однако надо замѣтить, что въ репертуарѣ щедривокъ найдется нѣсколько такихъ, гдѣ *намека* на этотъ періодъ общественныхъ явленій въ Кіевской Руси никоимъ образомъ отрицать нельзя. Такъ, исчисленіе городовъ въ щедривкахъ далеко не случайное; они исчисляются не какъ-либо безсистемно, а именно въ порядкѣ ихъ экономическаго значенія въ тотъ періодъ, который проф. Ключевскій называетъ „очереднымъ порядкомъ наслѣдованія столовъ“. Конечно, временныя наслоенія лишили такія щедривки извѣстной цѣлостности; событія вѣка дружинно-удѣльнаго перепутаны съ событіями эпохи козачества и т. п., но, думается намъ, при широкой постановкѣ собиранія и изученія щедривокъ, вскрылось-бы, что съ Кіевомъ и Черниговомъ фигурируютъ не ближайшіе города къ той мѣстности, гдѣ живетъ щедривка, какъ это утвержаетъ г. Абрамовъ, а *именно пункты земли Переяславской*, третьей по значенію въ Руси Кіевской. Что это такъ, косвеннымъ образомъ подтверждается и щедривкой самого г. Абрамова, въ которой фигурируетъ Миргородъ. Не могу также не припомнить щедривки, которая обычна у меня на родинѣ въ с. Погребкахъ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда. Цитирую ее, какъ помню и какъ она записана у моего брата.

„Славенъ, прославенъ, молодецъ NN
Іонъ прославився на три городы,
На три городы, на три корабли:
Первы городъ — преславны Кіевъ,
Други городъ — славны Чарнѣговъ,
Третти городъ — славны Нѣжинъ.
Преславенъ Кіевъ всими святыми,
Славенъ Чернѣговъ козаченьками,
Славенъ Нѣжинъ коничeньками.
Коничeньками вихвалялися
Козаченьками воевалися,
Всими святыми службу служили,
Службу служили за мать, за отца,
За мать за отца, добра молодца!
Да бувай же здоровъ!.. (обычно)

Какъ Черниговъ всегда тяготѣлъ къ Кіеву, такъ Нѣжинъ къ Переяславу; и сейчасъ южные уѣзды Черниговщины ничѣмъ почти не разнятся отъ сѣверныхъ уѣздовъ Полтавщины. А кто знаетъ, быть можетъ бытуетъ щедривка, гдѣ *прямо таки* вмѣсто Нѣжина стоитъ Переяславъ? И нельзя-ли безъ натяжки видѣть въ странномъ на первый разъ сопоставленіи „городы-карабли“ тѣсной зависимости жизни трехъ лучшихъ городовъ Руси Кіевской (Кіева, Чернигова, Переяслава) именно отъ торгового корабля Днѣпра, громаднаго экономическаго значенія котораго въ древней Руси въ настоящее время, кажется, никто изъ историковъ не отрицаетъ.

С. Рклицкій.

Народныя картинки на темы изъ украинской жизни. Въ *Кіевской Старинѣ* за декабрь 1890 года была напечатана замѣтка о лубочныхъ картинкахъ на украинскія темы. Авторъ названной замѣтки указалъ двѣ картинки съ украинскимъ содержаніемъ, которыя, впрочемъ, представляли варіаціи рисунка на тему одной и той же пѣсни „Била жінка мужика за чуприну взявши.“ — (Изд. М. Т. Соловьева, 1885 и 1887 г.-г.)

Недавно въ моихъ поискахъ народныхъ украинскихъ изданій мнѣ встрѣтились четыре лубочныя картинки на темы, взятыя изъ украинскихъ пѣсенъ, а именно:—

1) *Малороссійская пѣсня.* Текстъ: „Била жинка мужика“ и пр. Картинка изображаетъ молодую бабу, бьющую прутьями своего мужа.

Слѣва шинокъ, возлѣ котораго на землѣ два человѣка пьютъ пиво; справа три поселянина наблюдаютъ за центральною сценою — наказаніемъ женою мужа. Вѣроятно, это — одна изъ выше названныхъ варіацій.

2) *Въ мистечку Джулыни.* Текстъ: „Въ мистечку Джулыни трафилась новына...“ И лубочный художникъ — москвичъ старается потрафить украинцамъ для нагляднаго изображенія извѣстной исторіи о томъ, какъ богатая пани полюбила бѣднаго Петруся. На листѣ изображено четыре сцены: 1) пани ѣдетъ къ Петрусю *на волахъ, запряженныхъ въ конскую упряжь: съ уздою и возжами;* 2) пани ласкаетъ Петруся; 3) Пани и рыболовы; 4) Панъ у трупа убившей себя пани.

3) *Петрусь.* Текстъ: „Витеръ віе горою...“ Листъ состоитъ изъ четырехъ рисунковъ: 1) Дивчина и ея матуся; 2) Дивчина у порога зоветъ рукою Петруся и 3—4) Дивчина и Петрусь, въ различныхъ позахъ.

4) *Люлька моя червоная.* Текстъ: „Люлька моя червоная зъ вечора курылась.“ На листѣ три сцены: 1) Герой пѣсни почесывается— люлька розбилась; 2) Сцена въ Кіевѣ на базарѣ: герой пѣсни съ новою люлькою во рту и дивчина, торгующая пшеномъ; 3) Герой пѣсни убѣгаетъ отъ мужика, ударившаго его цѣпомъ.

Всѣ названныя картинки московскаго происхожденія. Время изданія, судя по цензурнымъ помѣткамъ, не ранѣе 1900 года. Авторы картинокъ стремились соблюсти этнографическія украинскія черты, хотя не всегда удачно; костюмы, какъ мужскіе. такъ и женскіе (корсетки, плахты), даютъ представленіе о дѣйствительности.

Къ лубочнымъ же картинкамъ на украинскія темы надо отнести также иллюстраціи къ повѣстямъ Гоголя, каковы сцены изъ „Тараса Бульбы“,—существовало четыре отдѣльныхъ листа,—изъ „Ночи передъ Рождествомъ“ и другихъ украинскихъ повѣстей писателя. [1])

Кромѣ отдѣльныхъ листовъ, лубочныя картинки на темы изъ украинскихъ пѣсенъ и жизни помѣщаются на обложкахъ лубочныхъ книжекъ съ украинскимъ содержаніемъ, какъ на украинскомъ, такъ и на русскомъ языкахъ. Таковы картинки на обложкахъ лубочныхъ пѣсенниковъ, дающія иллюстраціи къ той или иной украинской пѣснѣ или изображающія какую-либо сцену изъ жизни народа. Одиннадцать такихъ картинокъ, помѣщенныхъ на обложкахъ сборниковъ украинскихъ

---

[1]) Подробно у проф. М. Н. Сперанскаго: „Гоголь въ народной книжкѣ и картинкѣ“. Гоголевскій Сборникъ. Изданъ Институтомъ князя Безбородко. 1902 г.

пѣсенъ, были описаны мною въ статьѣ „Украинскіе лубочные пѣсенники“ (К. Стар. 1905, іюнь).

Область лубочной картинки съ украинскимъ содержаніемъ на обложкахъ книжекъ гораздо обширнѣе, нежели на отдѣльныхъ листахъ. Всего отдѣльныхъ листовъ лубочныхъ украинскихъ картинокъ мы можемъ насчитать не болѣе, какъ полтора десятка. Между тѣмъ, книжки даютъ большое число лубочныхъ украинскихъ картинокъ. Кромѣ упомянутыхъ ранѣе, къ послѣднимъ слѣдуетъ присоединить иллюстраціи на гоголевскія темы, помѣщающіяся на обложкахъ лубочныхъ передѣлокъ изъ Гоголя, каковы: нѣсколько книжекъ о Тарасѣ Бульбѣ или атаманѣ Урванѣ, „Кузнецъ Вакула“, „Кузнецъ и чертъ“, „Страшный колдунъ“ и пр.,—всего болѣе десятка книжекъ. [1]) Сюда же надо отнести позднѣйшія лубочныя изданія Гоголя въ оригиналѣ, рисунки для обложекъ которыхъ часто заимствуются издателями изъ художественныхъ иллюстрацій къ сочиненіямъ писателя, какъ напр. художника Храброва.

Помимо указанныхъ картинокъ, мы встрѣчаемъ ихъ на всякой лубочной книжкѣ, такъ или иначе касающейся украинской жизни. Таковы многочисленныя книжки, написанныя по русски; напр.: „Наймичка. Повѣсть изъ малороссійской жизни“, „Иванъ Степановичъ Мазепа, малороссійскій гетманъ“ и др. книжки бытового и историческаго содержанія, снабженныя рисункомъ на обложкѣ, передающимъ по мѣрѣ силъ художника обстановку украинской жизни. Таковы же книжки украинскія и по языку, какъ лубочныя изданія „Наталки Полтавки“, или сборники стиховъ съ претензіею на литературность въ родѣ „Ганны“ Хомы Бойця, „Побрехеньки“, сборника анекдотовъ: „Веселый оповидачъ“ и пр. Между прочимъ, литографія на обложкѣ послѣдняго представляетъ лубочную композицію изъ разныхъ рисунковъ художника Храброва къ „Сорочинской ярмаркѣ“ Гоголя.

Лубочныя картинки и книжки съ украинскимъ содержаніемъ являются лишь расширеніемъ сферы дѣятельности великорусскихъ поставщиковъ лубочной литературы. Наряду съ картинкою о Ванькѣ Клюшникѣ, московскій лубочникъ выпускаетъ въ свѣтъ картинку о Петрусѣ, конечно, имѣя въ виду и покупателя — великорусса, который иной разъ оказывается большимъ охотникомъ до малопонятной, но потому, можетъ быть, и болѣе жалобной, болѣе трогательной, чѣмъ своя, хохлацкой пѣсни: собраніе великорусскихъ пѣсенъ проф. Соболевскаго содержитъ въ себѣ не одну пѣсню, перешедшую къ великоруссамъ изъ украинскаго фольклора.

---

[1]) См. у М. Н. Сперанскаго.

Такимъ образомъ лубочная украинская картинка—явленіе весьма недавняго происхожденія, не имѣющая своей исторіи, какъ картинка русская, богатая образцами и важная по своему культурному значенію. Эта картинка, долгое время ускользавшая отъ очей и дланей правительства, преслѣдовала главнымъ образомъ цѣли сатирическія. Преимущественно она давала сатиру бытовую, нисколько не стѣсняясь ея содержаніемъ, но часто также преслѣдовала цѣли политическія. Извѣстна старая сатирическая картинка о томъ, какъ „мыши кота погребаютъ", гдѣ подъ видомъ кота недвусмыслено и зло высмѣивается императоръ Петръ I.

На Украйнѣ сатира находила себѣ иное выраженіе. Вертепныя драмы, интермедіи и шуточные канты предоставляли народной сатирѣ широкую платформу, скорѣе приспособляемую для живого выраженія различныхъ явленій, нежели картинка, такъ что съ этой стороны на Украйнѣ не ощущалось особенной потребности въ народной картинкѣ.

Но картинка, какъ средство украшенія, могла бы получить на Украйнѣ распространеніе. Вѣдь украинецъ, и особенно украинка, такъ любятъ орнаментъ, который у нихъ достигаетъ иногда высокой степени красоты. Приведу характерное въ этомъ отношеніи, хотя и касающееся только одной мѣстности Украйны, свидѣтельство Д. И. Эварницкаго: „Въ Мишуринѣ Рогѣ (Верхнеднѣпровскаго у. Екатеринослав. г.) — говоритъ г. Эварницкій — меня и удивилъ и восхитилъ обычай мѣстныхъ малороссіянъ расписывать свои хаты снаружи и внутри всякими „квитками" — узорами всевозможныхъ красокъ и всевозможныхъ сочетаній. Двадцать лѣтъ я разъѣзжаю по мѣстамъ бывшаго Запорожья, но такого дива до сихъ поръ мнѣ не приходилось видѣть, какъ въ Мишуринѣ Рогѣ. Почти каждый выступъ „сволока" (матицы) каждое „надпильное" (слуховое) окно, каждый уголъ хаты, каждый „налышныкъ" (обшивка) надъ окномъ, каждая стѣнка сарая, выступающая на улицу, — все это и вырисовано, и выписано, и вымалевано. Да какъ выписано и какъ вымалевано! „Такъ, що ажъ очи въ себе бере." [1])

Но, несмотря на страсть украинскаго народа къ орнаменту, народная картинка не получила среди него большого распространенія. Народъ лирикъ, народъ, бурлившій кипѣніемъ жизни, онъ не остановилъ своего вниманія на развитіи искусства живописи, требующаго спокойствія и ненарушаемаго досуга. Поэзія зарождается и развивается

---

[1]) Протоколы комитета по устройству въ г. Екатеринославѣ XIII археологическаго съѣзда съ приложеніемъ доклада профессора Д. И. Эварницкаго. Отдѣльные оттиски изъ №№ 2—3, 4 и 7 „Вѣстника Екатеринославскаго Земства" 1904 стр. 26.

при всякихъ обстоятельствахъ: и подъ грохотъ войны, и подъ громовые раскаты народныхъ движеній... Даже кровавый и безшабашный разгулъ прожорливыхъ Змѣевъ Тугариныхъ и жадныхъ, издыхающихъ на людскихъ богатствахъ Кощеевъ не остановитъ красавца-царевича въ его поискахъ спящей царевны и завѣтнаго сокровища, — не остановитъ поэтической мысли въ ея движеніи къ совершенству и благу человѣческому. Напротивъ! Она растетъ и крѣпнетъ въ борьбѣ за свою свободную жизнь. Но живопись требуетъ уединенія, тишины, созерцательнаго углубленія"...

Однако и на Украйнѣ были зачатки народной картинки. Такова, напримѣръ, извѣстная картинка, изображающая „Козака Мамая", которая, какъ можно судить, была довольно распространена: въ областномъ музеѣ имени А. Н. Поля въ Екатеринославѣ имѣется двѣнадцать различныхъ изображеній Мамая. Въ томъ же Музеѣ есть двѣ старыхъ украинскихъ, писанныхъ красками отъ руки, небольшихъ картины, напоминающихъ русскія народныя картинки. На одной изъ нихъ представлена сцена у корчмы. Подъ ея стѣною сидитъ человѣкъ въ національномъ костюмѣ и играетъ на бандурѣ; запорожецъ и дивчина, размахивая руками, пляшутъ подъ эту музыку. За угломъ корчмы стоитъ осѣдланный конь запорожца. Другая картина изображаетъ козака и дивчину, стоящихъ на улицѣ деревни. На картинѣ надпись: „Гапка у батька просить благословенія. — Не знаю, что съ тобою дѣлать; самая, какъ хочешь." Кромѣ того, недавно мы видѣли украинскую картину, также написанную отъ руки, уже совершенно въ лубочномъ духѣ. На картинкѣ — названіе ея: „Приключеніе съ рабиномъ" — изображена большая свинья, проглотившая еврея, такъ что ноги его видны во рту свиньи, а голова показывается изъ ея зада. Другой еврей подноситъ первому чарку съ виномъ. Тутъ же еще три лица: работникъ, жинка и пожилой дядько, смѣющіеся надъ несчастнымъ евреемъ. Слѣва парубокъ и дѣвица еврейскаго типа, также смѣющіеся. Подъ картинкою объяснительный текстъ. Рабинъ (раввинъ) на русско-еврейскомъ жаргонѣ проситъ свою жену дать ему „циставо варатникъ" и снарядить въ поѣздку въ „столицу" Бердичевъ. Работникъ Грицко вмѣсто коня запрягаетъ въ дорогу свинью, съ которою рабинъ въ теченіе пути дѣлится всѣмъ съѣстнымъ. Но на обратномъ пути, вѣроятно съ голоду, свинья проглотила рабина.

Если бы подобные зачатки народной живописи на Украинѣ, конечно не съ такимъ безсмысленнымъ и грубымъ содержаніемъ, какъ послѣдняя изъ указанныхъ картинокъ, получили широкое развитіе и распространеніе болѣе легкимъ способомъ, чѣмъ репродукція отъ руки, то мы, по всей вѣроятности, имѣли бы и на Украйнѣ народную кар-

тинку, которая дала бы цѣнные образцы народнаго юмора и поэзіи, вылившихся, за отсутствіемъ другихъ средствъ, почти исключительно въ словѣ.

Говоря о народной картинкѣ, мы не можемъ не подумать о живописи художественной; и, вспоминая Рѣпина, Трутовскаго, Маковскаго, Пимоненка и другихъ, кто воплощалъ жизнь и поэзію Украйны въ своихъ картинахъ, не оставляемъ сомнѣнія въ томъ, что въ недалекомъ будущемъ, когда наступитъ время для самостоятельнаго, правильнаго и всесторонняго развитія каждаго входящаго въ составъ государства народа, украинскій народъ найдетъ ключи къ своимъ духовнымъ богатствамъ, которыхъ у него много, и въ области національной живописи достигнетъ высокой степени развитія.

Владиміръ Даниловъ.

Меню Д. Мордовця. Як відомо, скрізь, де єсть хоч невеличка, громадка українська, з давніх давен водиться добрий звичай що-року святкувати Тарасові роковини. Цього звичаю тримаються і в далекому Петербурзі, куди доля занесла чимало наших земляків з різних кутків України. Там найбільше святкування одбувалося прилюдно, навіть урочисто: зранку правилась панахвида, звичайно в Казанському соборі, після того бував обід, на котрий запрошувались і гості — видатнійші письменники російські; иноді ж святкування одбувалося увечері, коли справлялися літературно-вокальні вечерниці, а після них ивоці ще й товариська вечеря. Меню ціх обідів і вечерь, як мені казано, звичайно складав незмінний їх участник, покійний Д. Л. Мордовцев, котрий і тут часом доволі влучно і з властивим йому гумором торкався тогочасних обставин громадського життя. Одно з ціх меню подарував мені давно В. П. Горленко. Це меню обіда, що справляла Петербурська громада в 1882 році.

Тут згадується і „Страстной бульваръ“, відкіля розтинався голос Каткова, що знаходив собі спочуття в „Охотному ряду“, і „потрясеніе основъ“, що про його тоді так багато писалося, і „украинофильство“ і „сепаратизм“, натякається і про московське славянофильство з його проповіддю повороту „назад“ „і очищення від гнилого заходу банею пакибытія“, згадується навіть і „конституція“, що перед тим саме в 1881 році так її сподівалися, і знамениті „независящія обстоятельства“, на котрі тоді так часто складалися. Ціх пояснень, здається, буде досить, щоб розуміти зміст меню і всю сіль його. Додам хіба, що згадані в меню: батько Микола — се Костомаров, а Софія Марковна — дочка його жінки по першому мужу Кісіль.

Меню писане так званим „общепринятымъ правописаніемъ“ і надруковане на невеличкому листку, обведеному навкруги крайкою з червоних та синіх кружечків з зірками. Оригинал я маю одіслати в Чернигівський земський музей імени Тарновського, тут же подаю точнісінький список меню, в котрому де-що і до нашого часу тулиться, дарма що минуло вже 24 роки, коли воно було скомпоноване „дідом“ Мордовцем, що може не думав і не гадав, щоб ті „независящія обстоятельства“ були такі живучі.

М. К.

Меню 1882 Двадцать перши Тарасови роковыны.

Водка й Закуска.

— Горилка одъ „Насти Горовои“;

— Оковыта, що пывъ „Перебендя“;

— „Содѣйствующій“ спотыкачъ зъ Охотного ряду;

— „Самобытни“ ракы, що повзуть „назадъ“ „домой“ — у московське болото;

— „Потрясающее основы“ жолудка свыняче сало;

— „Дозволенная цензурою“ тарань, сухи чабакы, „хлопоманы“ замисць „средостѣнія,“ та ще де-що зъ „общепрынятымъ правописаніемъ“

Козацькый обидъ.

1. „Украинофильскій“ борщъ та „сепаратыстыцька“ каша.

2. „Возсоединенная“ осетрина зъ хриномъ замисць конституціи.

3. Баранына, що илы „Гайдамакы“ Тарасови; до неи солони огиркы и други „независящія обстоятельства“;

4. Горохъ при дорози одъ „Солопія та Хыври“

5. Кисиль — не Адамъ Кисиль тай не Софія Марковна Кисиль, а кремъ або що.

„Ласощивъ — паслёну та цыбули“ не буде, бо батько Мыкола цыбули не вжывае.

Обязательно — „матери його сто копанокъ чортивъ“ — писля обида полоскать зубы, въ кого е, „банею пакыбытія“.

Ричей не говорыть, а мовчать—„бо благоденствуемъ“.

Текущія извѣстія.

„Первая южно-русская кустарная выставка“. Подъ такимъ названіемъ открыта въ Кіевѣ, въ Историческомъ Музеѣ, выставка такихъ украинскихъ народныхъ издѣлій, которыя имѣютъ значеніе въ художественномъ отношеніи: сюда вошли — ковры, вышивки, ткани съ узорами, раскрашенная посуда и другіе предметы гончарной работы, деревянныя вещи, украшенныя рѣзьбой, писанки и пр.

Организовала выставку дирекція кіевскаго историческаго музея, пригласивши себѣ на помощь лицъ, имѣющихъ коллекціи народныхъ издѣлій, или занимающихся вопросами народнаго искусства, или вообще сочувствующихъ дѣлу выставки. Изъ этихъ лицъ, главнымъ образомъ дамъ, образовался Комитетъ по устройству выставки, члены котораго избрали предсѣдательницей княгиню Н. Г. Яшвиль и випепредсѣдательницей О. П. Косачъ. Почти всѣ члены комитета доставили на выставку свои коллекціи, очень значительныя, которыя вмѣстѣ съ огромнымъ матеріаломъ, собраннымъ для музея директоромъ его, Н. Ф. Бѣляшевскимъ, а также вмѣстѣ съ вещами, присланными полтавскимъ земствомъ, и составили настоящую выставку. Она представляетъ собою на столько большой интересъ, что мы посвятимъ ей особую статью. Пока ограничиваемся этой замѣткой, желая лишь обратить вниманіе на это рѣдкое собраніе украинскихъ орнаментированныхъ вещей всѣхъ интересующихся народнымъ искусствомъ.

Свято в честь проф. М. Грушевського. 25 февраля у Львові шановано професора Михайла Грушевського за його десятилітню вельми користну наукову працю. Його співробітники та прихильники урядили так званий у Галичині комерс, на який запросили проф. Грушевського. Було на комерсі кілька десятків людей. Іван Франко сказав гарну, щиру промову про великі заслуги Грушевського перед українською наукою та про перешкоди, з якими йому довелося боротися, працюючи для рідного краю. Скінчивши промову, Франко передав Грушевському роскішно оправлений примірник „Наукового збірника“, що видано йому на пошану. Се великий товстий том, складений з наукових статій українських учених.

Слова Франкові довели проф. Грушевського до сліз. Після Франка говорив проф. Коренець з Перемишля од учеників проф. Грушевського, дякуючи йому за добру науку. Потім прочитано більше як 20 привітних телеграм з Галичини, з Буковини, з України, з Праги і з

Відня. Проф. Грушевський щиро дякував за пошану, обіцяючи і далі йти тісю стежкою, якою йшов досі. (Діло).

Історія України проф. Грушевського. Своеі „Історіі України-Руси“ проф. Мих. Грушевський видав по вкраінському вже п'ятий том. Досі це едина історія України широко і критично написана украінською мовою. Тільки минулого року дозволено продавати іі і в Россіі.

Цими днями перший том цісі важноі праці вийшов німецьким перекладом в видавництві Б. Тейбнера у Лейпцігу під заголовком Michael Hruševškyj. Geschichte des ukrainischen (ruthenischen) Volkes. I. Band. Anfänge des Kiever Staates. Autorisierte Uebersetzung aus der zweiten ukrainischen Ausgabe.

В цьому виданні Европа вперше познайомиться так як треба з історією українського народу. Досі ж так у Європі люде собі думали, що ми не масмо ніякоі своеі окремоі історіі, віякоі окремоі мови та літератури. Дуже добре було б, коли б видавець не забарився та подав німецьким читачам яко мога швидче і дальші томи сіеі праці. (Гром. Дум.)

Ruthenische Gedichten — Українські оповідання. Під сим заголовком видано в Чернівцях на Буковині збірку оповіданнів українських авторів в німецькому перекладі д. Костя Кракаліі. На 77 боках шіснадцядки надруковано 11 оповіданнів К. Ганнусенка, М. Дерлиці, Ів. Діброви. Н. Зарічноі, І. Карбулицького, М. Коцюбинського, Л. Мартовича, Незнайомоі та М. Яцькова. Шкода тільки, що перекладник брав оповідання здебільшого мало-відомих авторів. Щоб знайомити чужих читачів з нашим письменством, треба було до таких авторів, як М. Коцюбинський або Л. Мартович додати призвіща авторів більше видатних.

„Читанка“ Хуторного. Киівська цензура дозволила надрукувати новим виданням „Читанку“ Хуторного. Після довгоі заборони всяких педагогичних книжок українською мовою, се перший випадок, коли й нашим дітям дозволено читати рідною мовою. Треба тільки подбати, щоб яко мога більше було таких книжок. (Гром. Дум.)

Збірник на спомин про М. Стороженка. Професори одеського універсітету І. А. Линниченко і московського Олексій Н. Веселовський

збірають матеріали, щоб видати збірник на спомин про покійного професора М. І. Стороженка. В збірникові буде життєпис (біографія) М. І. Стороженка і згадки про його тих людей, що його знали: І. Линниченка, Южина-Сумбатова і багатьох инших. (Г. Д.)

Гроші на пам'ятник Шевченкові. Міністерство внутрішніх справ дозволило прилуцькому земству в прилуцькому повіті збірати гроші на пам'ятник Шевченкові. (Г. Д. № 27).

Украінский театр у Львові. Відомого украінського артиста Миколу Садовського торік запрохано діректором украінськоі драматичноі трупи в Галичині. Йому довелося дуже багато працюваты, поборюючи старі традиціі, які ще досі панували в украінському театрі в Галичині. З газети „Діло“ довідуемося, що тепер ця трупа у Львові і що в ій граэ М. Заньковецька. Трупа має великий успіх.

Өедір Волков. Недавно повернувся з-за кордону відомий украінський емигрант Өедір Кондратович Волков. Двадцять шість років прожив він у чужих землях, не маючи права вернутися до рідного краю, зостаючися далеко від усього, що серце його кохало більше ніж життя. Доводилось йому за ці довгі сумні часи багато мандрувати по Європі і жити в Швейцаріи, а найбільш в Австро-Венгріі і в Парижу. Але широка освіта й видатні духовні сили нашого емигранта не дали йому загинути й серед чужих людей. Його наукові праці антропологичні й етнографичні друкувалися по французьких наукових журналах; він редактував наукові етнографичні праці в Записках Львівського Наукового Товариства, багато працював вивчаючи тип галицьких та буковинських украінців. В Парижу він читав лекціі у руському вільному універсітеті і за свої антропологичні праці здобув диплом доктора антропологіи. Тепер йому без малого 60 років, але молоде завзяття ще виблискує в очах нашого шановного земляка, і рідна Вкраіна ще скористується його широкою освітою й видатним розумом. (Г. Д. № 27)

Нове товариство. В Одесі засновуется нове украінське товариство артистичне „Боян“. Тепер виробляють його статут. єсть багато прихильників сього товариства. (Г. Д.)

Нові газети. Харківський губернатор дозволив М. Лободовському видавати в Харькові під його редакціею двохтижневу газету украінскою мовою „Порада“. (Г. Д. № 27).

В. Полтаві подано заяви губернаторові про видання двох нових газет: тижневоі „Рідна Думка“ (редактор В. Я. Дем‘янко), та тижневий журнал „Украінске Слово“ з додатком для дітей Зірка. Редактуватиме журнал Г. Т. Дмитріева. (Громадська Думка)

Въ городѣ Могилевѣ-Подольскомъ кружкомъ польскихъ помѣщиковъ съ февраля будетъ издаваться на украинскомъ языкѣ еженедѣльникъ „Світова Зірниця“, предназначенный для крестьянскихъ читателей. Цѣна 2 р. 40 коп. въ годъ. Разрѣшеніе получено. Редакторъ Іоахимъ Августовичъ Волошиновскій (Своб. и Пр.).

---

27 января состоялось многолюдное собраніе членовъ украинскаго политическаго клуба. На собраніи секретаремъ былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности „Ради старшинъ“, а также весьма интересный рефератъ: „Территорія Украины“.

Въ заключеніе собраніе постановило отправиться съ сочувственнымъ обращеніемъ къ В. Г. Короленко по поводу его извѣстнаго письма въ защиту полтавскихъ крестьянъ. (Наша Жизнь)

БИБЛІОГРАФІЯ.

„Багаття“. *Украинскій альманахъ. 1905 рикъ. Одесса. Упорядкувавъ Ив. Лыпа.*

Украинскій альманахъ „Багаття“, изданный въ г. Одессѣ въ 1905-мъ году, представляетъ, судя по приведенной датѣ новинку въ украинской литературѣ, но къ сожалѣнію новизна по времени не является синонимомъ новизны по содержанію, такъ какъ, что касается послѣдняго, то даже поразительно, какимъ образомъ человѣкъ тридцать авторовъ, большихъ и малыхъ, на протяженіи 265-ти страницъ большого формата умудряются не дать ни одной новой мысли, ни одного яркаго, красиваго образа. Непонятно, почему всѣ авторы, принявшіе участіе въ сборникѣ, словно сговорились ни словомъ не упоминатъ о событіяхъ современной жизни, а между тѣмъ жизнь нашего общества въ 1904-мъ и 1905-мъ году богата всевозможными событіями; война съ Японіей и всевозможныя рабочія и крестьянскія движенія могутъ дать массу сюжетовъ. Впрочемъ, говорятъ, что „нельзя управлять пѣснопѣвца душой“ и художнику нельзя заказывать сюжетовъ для его произведеній, но вѣдь всякій художникъ, а тѣмъ болѣе художникъ слова это эхо, дающее откликъ на всякій звукъ, приходящій извнѣ,—и вотъ такого-то отклика на современную намъ жизнь, мы не находимъ въ сборникѣ „Багаття“.

Почему зто происходитъ, вслѣдствіе-ли простой случайности, или же потому что печатаніе сборника, вышедшаго въ апрѣлѣ 1905-го г., произошло со всякими членосѣченіями со стороны цензуры, особенно дѣятельно производящей свои хирургическія операціи надъ украинскими произведеніями,—мы зтого не знаемъ.

И вотъ независимо отъ причинъ, вызвавшихъ такое, а не иное содержаніе сборника, читатель, избалованный чтеніемъ Левитскаго-Нечуя, П. Мырнаго, Ив. Франка, Коцюбинскаго, и т. д., по прочтеніи „Багаття“ чувствуетъ себя нѣсколько разочарованнымъ, несмотря даже и на то, что въ сборникѣ есть вещи такихъ авторовъ, какъ Модестъ Левицкій, Л. Яновская, П. Мырный, Ив. Франко, Чернявскій и Маковей.

И въ самомъ дѣлѣ вѣдь всѣ только что перечисленные нами писатели пріобрѣли литературную извѣстность задолго до 1905-го года, да и произведенія ихъ занимаютъ четверть сборника; преобладающее же мѣсто (по количеству) принадлежитъ писателямъ менѣе извѣстнымъ какъ-то: Петро Караманськый, Марія Максименкова, Вороньќивськый, Сергій Павленко, В. Ткаченко, Грыцько Коваленко, Остапъ Луцькый, Романъ Гордынськый, Л. Гротъ, Наталка Полтавка, Ол. Олесь, С. Волохъ, Надія Кибальчичъ, Мыкола Вороный, О. Плющъ, Мыхайло Лозынськый, Гнатъ Хоткевичъ, Богданъ Лепкый, Марія Колцунякъ, Одарка Романова, Стефанъ Пятка, Евгенъ Мандычевский.

Что касается до названныхъ авторовъ, то при чтеніи произведеній большинства изъ нихъ невольно вспоминаются слова С. Ефремова: „существуетъ что-то неладное въ извѣстной части украинской литературы: какая-то растерянность, неясность стремленій и цѣлей и въ зависимости отъ этого—темнота содержанія, неудовлетворительность формы, неумѣнье справится съ задачами настоящаго момента.

Все это мы находимъ съ избыткомъ въ сборникѣ „Багаття“—пестрота и въ тоже время скудость сюжетовъ, превосходящая всѣ границы темнота содержанія и неудовлетворительность формы, происходящая вслѣдствіе большой претензіозности авторовъ съ малыми литературными силами.

Съ особенной яркостью выступаетъ авторское безсиліе въ слѣдующихъ произведеніяхъ: „Очи Медузы“ Одарки Романовой. „Въ долыни поклонныковъ Брамы“ Евгена Мандычевського, „Китайска яблунька“ Стефана Пятки, „Жытевы анальогіи“ Гната Хоткевыча. Послѣдній задался цѣлью объяснить читателю смыслъ мірозданія,—по крайней мѣрѣ въ эпиграфѣ, взятомъ у Ницше, читаемъ: „У сни, въ останньому ранковому сни, стоявъ я сьогодня на гори по той бикъ свита зъ важныцею въ рукахъ и важывъ свитъ“. (Стр. 206). Читатель предупрежденный авторскимъ эпиграфомъ, приступаетъ къ чтенію съ нѣкотораго рода почтеніемъ и сразу попадаетъ въ звѣринецъ, куда ведетъ его прихотливый авторъ, потому что ему: „схотилося розвіятысь“. Въ звѣринцѣ читатель любуется вмѣстѣ съ авторомъ: львами, тиграми, волками, медвѣдями, обезьянами, попугаями и вообще всякимъ звѣрьемъ, ради котораго публика и ходитъ въ звѣринецъ, причемъ г-нъ Хотке-

вичъ, водя читателя по звѣринцу, подробно останавливается на мукахъ всѣхъ звѣрей, попавшихъ въ клѣтку, и затѣмъ, когда въ звѣринецъ приносятъ кормъ и раздается страшный ревъ и визгъ, авторъ покидаетъ звѣринецъ.

Дальше слѣдуетъ продолженіе, если только это можно назвать продолженіемъ; впрочемъ предоставимъ судить объ этомъ публикѣ, среди которой, быть можетъ, найдутся люди съ болѣе тонкимъ разумѣніемъ, чѣмъ мы.

Итакъ, обращаемся къ самому пройзведенію г-на Хоткевича. Вышелъ авторъ изъ звѣринца, полный горькихъ размышленій: „Та невже-жъ окримъ мукъ немае въ звирынци ничого? Невже тильки попугаямъ та обезьянамъ тутъ добре жыветься?“ и затѣмъ дальше читаемъ: „Велычный, чорный видбытымъ свитломъ, простягшыся на широкыхъ крылахъ своихъ, летивъ винъ надъ свитомъ и гострымъ якъ жало зоромъ дывывся унызъ. Поглядъ той пронызувавъ землю до дна, а видъ кожнаго змаху крылъ віявъ витеръ и свыстивъ помижъ кумыривъ и кумырень земли. Ахъ, якъ добре було бы вично, вично летиты такъ въ безконечностяхъ и вичностяхъ!... Але такъ недовго було та не могло буты довго. Скоро зморщылысь крыла, самъ винъ весь скулывся и упавъ дрибненькымъ, повнымъ страдання шматочкомъ, такымъ малымъ, що мигъ помистытысь въ одну сльозу—и загубывся середъ тупоту нигъ, подъ визкотиння блокивъ и полиспастивъ життя“. (Багаття стр. 213). Читатель, по волѣ автора только что посѣтившій циркъ, можетъ сколько угодно ломать голову, припоминая всякія метаморфозы, которымъ подвергаются нѣкоторыя особы изъ животнаго царства, но, увы, напрасно, сколько ни думай, а такъ и не придумаешь, о какомъ звѣрѣ ведетъ рѣчь авторъ.

Дальнѣйшее чтеніе произведенія г-на Хоткевича ничуть не способствуетъ уясненію приведеннаго ребуса, и бѣдный читатель окончательно запутывается въ цѣлой безднѣ чудовищныхъ по своей фантастичности образовъ. Тутъ есть и псы, разрывающіе могилы своими „лабами“, пожирающіе мертвецовъ, распутные танцы „навколо огныщъ, розкладенныхъ зъ мынулыхъ похыбокъ“, „жаглыва вакханалія торжества“, и „сирый аккордъ“, и среди всего этого люди слѣпые и безногіе „въ клубахъ дыму, въ тьмахъ страждань и непорозуминня блукають воны“, „якъ вси труслыви, повзають воны на колинахъ, йидять порохъ и гній, пидлещуются до кожного явыща и фигуры; пидло зъ обманомъ выхоплюють у прыроды тайну іи, а потимъ, хытро здобувшы, розмахують нею на выду у всихъ, спиваючы голосно про свій розумъ и миць. И вси воны за вищось ненавыдять одно одного, завищо-сь мстяться“.

Итакъ, по мнѣнію г. Хоткевича, міръ отъ начала своего существованія и до нашихъ дней не далъ ничего кромѣ заблужденій, жестокости и подлости. Объ этомъ мы съ нимъ спорить не будемъ,—вѣдь онъ „потусторонній"; но мы вправѣ ожидать, что онъ, „зважывшы свитъ" въ его прошломъ и настоящемъ, поставитъ точку; но не тутъ-то было. Г-нъ Хоткевичъ, не довольствуясь этимъ, рисуетъ намъ картину будущаго. „Журлыво впаде и прозвучыть остатня крапля, переварытьcя у каминь послидне зерно, остатній, пожовклый проминь сонця проныже слидамы свиту й тепла густый туманъ мракы—и застогнуть, забьються въ безсылости вси рукы и кисткы... Въ велыкій безвидходности потопне усе.—Бытымуть въ груды, securitiesзализомъ окутыи груды, малымы рукамы, кынеться истота на истоту зъ метальовымы мечамы и зубамы, стриламы й порохомъ, блыскавыцею звяжуться и переплетуться и, звывшыся въ одну кулю раздратованныхъ скорою смертію скоропіонивъ, зъ воплемъ нечуванымъ, зъ страшенными мукамы, въ корчахъ и слыни загынуто умруть вси воны... Вся наскризь просмердыть земля и на миліоны миліонивъ верстъ кыне въ просторонь свій сморидъ велыкый... Жахатымуться іи, мертвои, вси зиркы й планеты, колы вона хытро наблызыться до ныхъ. (Багаття стр. 228). Казалось бы уже довольно ужасовъ, но авторъ продолжаетъ: „И середъ величнои ночи викивъ все летитыме въ смороди земля, стогнучы видъ вагы трупивъ и молючы, щобъ хочъ по атому въ тысячелиття розвіюваты той... сморидъ... сморидъ... средъ ночи... велычнои ночи".

Извиняемся передъ читателями за длинную выписку, но намъ очень хотѣлось дать публикѣ, быть можетъ, нечитавшей произведеній г-на Хоткевича, наглядный образецъ его творчества; дѣлается это нами съ тою цѣлью, чтобы нашъ отзывъ о произведеніи г-на Хоткевича не показался произвольнымъ.

Дѣло въ томъ, что намъ кажется, что „Жытевы аналогіи г. Хоткевича претендують на высшій философскій смыслъ, но, не взирая на благія претензіи автора, для читателя очевидно его безсиліе справиться со взятымъ сюжетомъ; этимъ безсиліемъ объясняется отсутствіе всякой связи между второй и первой частью произведенія, чудовищность образовъ и вычурный, напыщенный языкъ, образцы котораго приведены нами.

Тою же печатью претенціозности и безсилія отличаются „Очи Медузы" г-жи Романовой. Содержаніе слѣдующее: нѣкая особа въ чудную майскую ночь сидитъ у раскрытаго окна, выходящаго въ садъ, но не мечтаетъ, несмотря на подходящую обстановку: „Витрець усыпавъ іи волосся билорожевымы квитамы, та шепотивъ надъ ухомъ іи щось темне, невидоме, бажане и несподиване. Темноблакитна безодня

дывылася на неи зъ горы невсыпущымы золотымы очыма". (Стр. 235). Но несмотря ни на „витрець", ни на цвѣты, она не мечтаетъ, а размышляетъ, о чемъ бы вы думали? Объ „очахъ враженнои на смерть Медузы". Такія очи наша героиня увидѣла у одной своей знакомой и, судя по нимъ, рѣшила: „вона раптомъ почула въ ту мыть, що се душа жыва жиноча гыне, потопае въ безнадійному мори мукы", и вотъ эти-то очи не даютъ покою нашей героинѣ ни днемъ ни ночью. Изъ всего этого видно, что мы имѣемъ дѣло съ утонченной натурой: шутка сказать, увидѣть печальные глаза у совершевно посторонней женщины, прочитать въ нихъ бездну горя и отчаянія и въ результатѣ не спать по ночамъ. Г-жа Романова, раскрывъ передъ нами душу своей героини, заставляетъ ее съ авторской безжалостностью продѣлать нѣчто совсѣмъ несообразное, а именно: героиня, у которой „ни одно жыве створиння не пытае, чого ты не спышъ? про що думаешъ?"—соскучившись своимъ одиночествомъ, начинаетъ разговоръ съ весной: „О весно! згасы мои мукы! Дай мени твое безжурне чоло! Одъ тебе едынои чекаю видповиди на мои гостри пытання!" — Вона простягла рукы у садокъ, немовъ-бы комусь ревно молылася."

Затѣмъ героиня начинаетъ упрекать весну за ея равнодушіе къ людскому горю; но то, что послѣдуетъ дальше, можетъ испугать читателя, привыкшаго думать, что предметы неодушевленные, а тѣмъ болѣе абстрактные, реальную форму принимать не могутъ, но что невозможно для простого смертнаго, возможно для поэта, — и вотъ по волѣ г-жи Романовой": щось заворушылось, и вона почула тыхый, але ришучый жиночій голосъ: „Нерозумна людына! Не ты маешъ дорикаты мене. Летимо!" (стр. 237).

И „нерозумна людына", какою намъ сразу показалась героиня г-жи Романовой, полетѣла, наслаждаясь во время своего воздушного путешествія близостью звѣздъ, которыя," мовъ золоти квиты розцвиталыся, осыпалыся и зновъ розцвиталы нови, ще кращи. Хмаркы прыхыльно тулылысь до неи, и, наконецъ, слухъ ея былъ пораженъ чудной симфоніей, и когда знакомый ей голосъ спросилъ:, „чогожъ ты хочешъ?" — „Дослухаты до кинця сю чудову симфонію,"—отвѣтила она. Въ отвѣтъ на такое желаніе наша героиня услышала хохотъ и поясненіе, что эта дивная симфонія и есть откликъ человѣческой жизни съ ея страданіями, горемъ и неправдою. „Але що до мене," продолжалъ тотъ-же голосъ, „то ся симфонія, якъ ты кажешъ, мени цилкомъ подобаеться, и я хочу іи завжды слухаты, не вважаючы на те, що саме іи выклыкало. Мени вона подобаеться, чуешъ?—Мени,"—вразумляетъ голосъ (Багаття стр. 239),—и очи Медузы снова смотрятъ на нашу героиню, но не Медузы, „що хтось вразывъ на смерть: воны гостро и перəможно впылыся въ неи, и вона зрозумила въ ту

мыть, що зъ сымы очыма жодне жыве створиння не здолае боротыся. Вона затремтила и наче каминь покотылася на землю.“ (стр. 239) Господи! что же съ нею будетъ, думаетъ сердобольный читатель, — вѣдь шутка сказать съ надзвѣздной высоты да полетѣть камнемъ на землю,—но г-жа Романова, спасибо ей, успокаиваетъ читателя на этотъ счетъ и рисуетъ слѣдующую мирную картину: „Въ саду тьохкавъ соловейко. Зъ черешень капалы діамантови дощови крапли. У видчыняне викно лынулы вохки весняни пахощи.

Вона видкрыла очи, та хотила заперты викно, але безъ сылы впала на лижко: сонъ склепывъ іи віи — сонъ весняноі ночи“ (стр. 239).

Ну, слава Богу, радуется читатель за героиню, — она у себя дома и легла спать. Но только, какъ же это она летѣла, падала и очутилась у своего окна?—вѣдь это возможно въ сказкѣ или во снѣ. Судя по серьезно торжественному тону автора, мы очевидно имѣемъ дѣло не со сказкой, а что касается сна, то вѣдь Г-жа Романова насъ увѣряла, что ея героиня подъ вліяніемъ размышленій о человѣческихъ страданіяхъ, очей свести не можетъ.

Всѣ эти недоразумѣнія, возникающія при чтеніи произведенія г-жи Романовой, происходятъ потому, что г-жа Романова взялась за непосильный для нея, хотя и не новый, сюжетъ — безсиліе и ничтожество человѣка передъ природой, сюжетъ, какъ мы сказали, не новый, но тѣмъ не менѣе довольно сложный для автора со слабыми литературными силами, какимъ, по нашему мнѣнію, является г-жа Романова. Единственное, что составляетъ достоинство г-жи Романовой—это языкъ легкій и безыскусственный, а также мягкость красокъ при описаніи природы.

Вообще же можно сказать, что всѣ призведенія, напечатанныя въ сборникѣ „Багаття“, претендующія на высокій смыслъ — наиболѣе неудачны. Читатель уже знаетъ, какими почтенными цѣлями задались г-нъ Хоткевичъ и г-жа Романова и что изъ этого вышло. Нѣсколько лучше справилась со своей задачей г-жа Кобылянская, пытающаяся въ своемъ произведеніи „Думы старого“ уяснить духовную связь между старыми и новыми поколѣніями. „Думы старого“ — это родъ завѣщанія родоначальника къ позднѣйшимъ поколѣніямъ, въ которомъ „старый велетень“, называющій себя „библійнымъ“ и „первистнымъ“ обращается къ молодежи съ просьбою: „Пасма золотого не губить за собою, щобъ не згубылы слиду матери вашои и „батька, и дида, и прадида... и будучнисть ваша не розибеться. (Багаття стр. 1301) „Спивайте ти писни, що я ихъ дытыною спивавъ, що передавъ ихъ матери вашои, а вона передала ихъ вамъ, а колы доля роскыне буты

и тутъ и тамъ—по писняхъ тыхъ пизнаете себе, и виджыве и матиръ ваша, и дидъ, и прадидъ, и вси до насъ прыналежни... „(Стр. 129)

Соотвѣтственно содержанію, разсказъ написанъ въ дидактическомъ тонѣ и отличается нѣкоторою туманностью и расплывчатостью, происходящими, вѣроятно, оттого, что г-жа Кобылянская задалась цѣлью наглядно уяснить читателю спутанность старческой мысли; если наше предположеніе справедливо, то мы можемъ ее поздравить съ успѣхомъ—очень и очень зачастую неясно и, еслибы „старый“ не прибѣгалъ къ частымъ повтореніямъ одно и того же выраженія: „Дитоньки, вы на мене не вважаете, а я васъ, заедно бачу“, и не употреблялъ рискованныхъ сравненій „биль червоный, якъ кровъ“—то намъ кажется—„Думы“ его бы нисколько не пострадали: но какъ бы то ни было „Думы старого“,—лучшая вещь въ сборникѣ изъ числа произведеній, претендующихъ на глубину мысли.

Изъ числа же посредственныхъ авторовъ, не претендующихъ ни на глубину, ни на широту мысли, отмѣтимъ Стефана Пятку „Китайська яблунька“ и Евгена Мандычевського „Въ долыни поклонныкивъ Брамы“. Если г-нъ Хоткевичъ и г-жа Романова пишутъ съ цѣлью помочь читателю уяснить ту или другую сложную мысль, то уже совершенно непонятно, для чего собственно пишутъ г-нъ Пятка и г-нъ Мандычевськый. Первый разсказываетъ исторію китайской яблони, случайно выросшей въ сосновомъ лѣсу и попавшей затѣмъ, къ своему благополучію, въ оранжерею, какъ увѣряетъ авторъ, благодаря вѣрѣ „що, надія никого ще не ущербыла“. Второй же, т. е. г-нъ Мандычевскій, въ своей новеллѣ изъ индѣйской жизни разсказываетъ, какъ поклонники Брамы не нашли своего бога, причемъ, вѣроятно, для того чтобы читатели не сказали, что давно, это знаютъ изъ учебника Иловайскаго, г-нъ Мандычевскый разсказываетъ объ этомъ самомъ, пользуясь правомъ поэта, совершенно иначе, хотя и не настолькопо этично, чтобы увлечь или развлечь своимъ разсказомъ читателя.

Вообще же относительно „Багаття“ приходится не только повторить мысль, высказанную уже нами, что здѣсь нѣтъ ни одного произведенія новаго по сюжету, но и старыхъ сюжетовъ такъ мало, что мы встрѣчаемъ по два произведенія на одну и ту же тему.

Г-нъ Хоткевичъ и Г-жа Романова пытаются уяснить читателю смыслъ всего существующаго. Г-жа Максименкова „Дви згадкы“ и Панасъ Мырный „Сумна спогадка“—оба берутъ сюжеты изъ крѣпостной эпохи, причемъ Мырвый разсказываетъ свою „Спогадку“ съ присущимъ ему художественнымъ чутьемъ, а г-жа Максименкова, изображая тяжесть крѣпостного быта, слишкомъ сгущаетъ краски, изображая звѣрства помѣщиковъ и выставляя крестьянъ въ слишкомъ

идеальномъ свѣтѣ, вслѣдствіе чего ея „Згадкы“ оставляютъ въ душѣ читателя нѣкоторое недовѣріе. Вообще же недовольство читателя „Згадкамы“ Максименковой, быть можетъ, усиливается вслѣдствіе сопоставленія съ аналогичнымъ по сюжету произведеніемъ г-на Мырнаго: одинъ и тотъ же сюжетъ, разработанный первоклассным художникомъ слова, какимъ и является г-нъ Мырный въ украинской литературѣ, и посредственнымъ авторомъ, какъ г-жа Максименкова, можетъ служить только къ умаленію послѣдней въ глазахъ читателя.

Давно и хорошо извѣстно читателю положеніе интеллигентной женщины, вынужденной своимъ трудомъ зарабатывать кусокъ хлѣба, и г-жа Кибальчичъ—„Засуджени“ и г-нъ Волохъ „У шкальни“ не могутъ возбудить особаго интереса, первая, рисуя положеніе сельскихъ учительницъ, а второй—сидѣлицы въ винной лавкѣ, хотя оба эти разсказа и написаны недурно въ смыслѣ выполненія взятыхъ на себя авторами задачъ и вѣрности жизненной правдѣ и, если что и плохо, то только то, что правда эта давно извѣстна, и оба автора не даютъ ни одного новаго луча, дающаго возможность въ хорошо знакомыхъ фактахъ увидѣть что нибудь новое. Несравненно большій интересъ представляютъ „Записки недужои людыны“ г-на Плюща и „Сумне оповидання“ г-на Коваленка.

Г-нъ Плющъ, едва ли не новичокъ въ украинской литературѣ, и если это наше предположеніе справедливо, то мы его можемъ поздравить съ весьма удачнымъ началомъ. Въ своемъ разсказѣ „Записки недужои людыны“ г-нъ Плющъ задался цѣлью показать читателю, какъ умираетъ масса нашей интеллигенціи, вышедшей изъ народа, почти не живши. — „А я вмру, ще не жывши,“ говоритъ 27—лѣтній авторъ „Запысокъ“, написанныхъ въ формѣ дневника, и продолжаетъ: „Адже я не жывъ, а скнивъ, боровся зъ жыттямъ, добуваючы соби його прыемность.“ (Багаття стр. 201). Вотъ эту то картину умиранія интеллигентнаго пролетарія и рисуетъ намъ авторъ, выясняя причины преждевременнаго умиранія человѣка, которому еще страстно хочется и учиться, и жить.

Сначала убогое и голодное дѣтство въ бѣдной крестьянской семьѣ, затѣмъ жизнь впроголодь при прохожденіи гимназическаго курса, затѣмъ та же жизнь въ студенческіе годы, при чемъ передъ глазами юноши все грознѣй и грознѣй растетъ дилемма: „Чы учытысь? Чы годуватысь? — отъ яки два пытання ставалы передо мною. Треба було и годуватысь и нибы то вчытысь, тобъ то учытысь абы якъ, за-для дипломy, и се мене бильшъ за все дратувало, бо вчытысь справди такъ бажалось.“ (Стр. 192). На этой-то почвѣ постояннаго голоданія,

переутомленія и недовольства собою начала развиваться болѣзнь—нервное разстройство, едва не повлекшее за собою самоубійства.

Но молодость взяли свое, а авторъ „Записокъ“ влюбился въ молодую дѣвушку, прекрасную и тѣломъ, и душой; это его спасло на время отъ тоски, но, увы, не отъ нужды. Витося, такъ звали жену автора, хотя и не была пріучена къ труду, но все-таки горячо принялась за работу,—начала давать уроки и своей любовью и жизнерадостностью поддерживала мужа; но тутъ родился первый ребенокъ, и она должна была отказаться отъ уроковъ, что, разумѣется, и отразилось на скромномъ бюджетѣ молодыхъ супруговъ. Правда, къ этому же времени нашему герою удалось окончить курсъ, но онъ былъ всего лишь кандидатомъ на судебныя должности съ жалованьемъ 25 рублей въ мѣсяцъ, а семья тѣмъ временемъ увеличивалась.

Недостатокъ матеріальныхъ средствъ, казенная работа не по призванію, а ради куска хлѣба, сдѣлали то, что—по выраженію автора—„онъ руина въ 27 рокивъ.“ Выясненію причинъ преждевременнаго умиранія молодого работника посвящается первая часть разсказа, вторая же рисуетъ самое умираніе,—тутъ мы встрѣчаемъ страницы, полныя драматизма, содержащія описаніе психическаго состоянія человѣка, пораженнаго чахоткой; эти страницы поражаютъ читателя тонкостью своей психологіи.

Вообще, весь разсказъ производитъ грустное впечатлѣніе своей правдивостью и отсутствіемъ всякой сентиментальности, въ которую такъ легко впасть при подобнаго рода сюжетахъ, и его можно охарактеризовать слѣдующими словами: „Мало словъ, а горя рѣченька, горя рѣченька бездонная.“

Совершенно въ другомъ родѣ разсказъ г-на Коваленка „Сумне оповидання“, несмотря на грустное названіе, полвый веселаго юмора, напоминающаго юморъ Чехова въ его небольшихъ разсказахъ.

Что же касается до стихотворной и весьма обильной части сборника, то въ ней замѣчается отсутствіе яркости и живости изображенія, и въ большинствѣ стихотворенія не возвышаются надъ уровнемъ посредственности.

Конечно, наше замѣчаніе не относится къ стихотвореніямъ: М. Чернявскаго, Ив. Франка, Борыса Грінченка.

Названные поэты, равнымъ образомъ какъ и беллетристы: П. Мырный, М. Левицкый, Л. Яновська и Днипрова Чайка, давшая цѣлый рядъ миніатюръ: „За душу“, „Собака“, „Таемныця“ и „Билый чортъ“—шедевръ этого рода произведеній,—всѣ они немного примиряютъ читателя съ сѣрымъ, однотоннымъ по своей посредственности содержаніемъ „Багаття“.

Вообще, по нашему мнѣнію, названный сборникъ ничуть не оправдываетъ своего названія, и „Багаття“, изданное въ Одессѣ, „никого не зогріе и никому не засяе“, такъ какъ уже чего-чего, а ни свѣту, ни тепла мы не видимъ ни въ изображеніи прошлаго—„Дви згадкы“ Максименковой, ни въ изображеніи настоящаго—г-на Волоха „У шкальни“, г-жи Кибальчичъ „Засуджени“, г-жи Романовой „Очи Медузы“, ни въ мрачныхъ предсказаніяхъ Хоткевича.

Л. Жигмайло.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышла Январьская книга журнала

„БЫЛОЕ“.

СОДЕРЖАНІЕ: 1. Вопросъ о преобразоявавіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. *В. И. Семевскаго.* I—II. 2. Шлиссельбургокая тюрьма за 20 лѣтъ, отъ 1884—1904 г. Воспоминанія *М. Ю. Ашенбреннера.* 3. „Узяица“, стих. (въ неизданной редакціи) *Я. Ц. Полонскаго.* 4, Дѣло М. И. Михайлова, 1861 г. (По неизданнымъ матеріаламъ *М. Лемке.* 5. Петръ Григорьевичъ Каховскій. Историко-Психологическій этюдъ *П. Д. Щеголева.* I. 6. Письма Н. Г. Чернышевскаго къ А. А. Краевскому 7. Сѣверно-Русскій рабочій союзъ. Страница изъ исторіи рабочаго движенія въ Россіи. *В. Л. Бурцева.* 8. Засѣданіе Государстяеннаго Совѣта 8 марта 1881 года. Изъ дневника одного государственнаго дѣятеял. 9. Народное движеніе въ Петербургѣ 9 января 1905 года. *Л. Я. Гуревичъ.* 10. За что арестовали Н. Г. Чернышевскаго? Сообщ. Мі К, Лемке (Письмо А. И. Герцена къ Н. А. Серво-Соловьевичу). 11. Процессъ 20-ти народовольцевъ нъ 1882 г. 12. Воззваніе группы русскихъ коистнтуціоналистовъ 1883 года. 13. Историческая библіографія.

Къ книгѣ прнложены портреты М. Ю. Ащенбреннера. П. К. Каховскаго) Н. Е. Суханова, Л. А. Волкенштейнъ и рисунокъ, изображающій закованіе нъ въ кандалы М. И. Михайлова.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Жуанелъ внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движеженія въ Россіи. Издаваться онъ будетъ по слѣдующей программѣ:

2) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободнтельнаго двнженія Россіи.

2) Біографіи дѣятелей движенія, воспоминаній о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.

3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.

4) Отдѣльвые фркты и эпизоды изъ исторіи движенія.

5) Историческая библіографія

6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія.)

Въ Журналѣ будутъ помѣщаться портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные еписоды изъ исторіи движенія.

Въ Журналѣ принимаютъ участіе: М. А. Антоновичъ; кн. А. И. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Батуринскій; В. Я. Богучарскій; А. К. Бороздинъ; В. Л. Бурцевъ: И. П. Бѣлоконскій; Л. Василевскій; (Плохоцкой), С. А. Венгеровъ; Н. А. Виташевскій; В. В. Водовозовъ; Левъ Гартманъ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатьевскій; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Изгоевъ; Е. И. Кедринъ Д. А. Клеменцъ; А. А. Корниловъ; В. Ф. Костюринъ; кн. П. А. Кропоткинъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляцкій; И. И. Майновъ; В. П. Махновецъ; (Акимовъ); П. Н. Милюковъ; Н. А. Морозовъ; Д. Н. Овся-

нико-Куликовскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; Э. К. Пекарскій; Л. Ф. Пантелѣевъ; М. Р.Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. С. Пругавинъ: М. П. Сажинъ; С. Г. Сватиковъ: В. И. Семевскій; Н. П. Стародворскій; Е. В. Тарле, А. В. Ирковъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; Н. В. Чайковскій; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховскій; Л. Э. Шишко; П. Е. Щеголевъ; В. М. Хижниковъ; П. Ф. Якубовичь; В. Е. Якушкинъ и др.

Кромѣ окончанія статей *В. И. Семевскаго* и *П. Е. Щеголева*, въ ближайшихъ книжкахъ „Былаго“ будутъ помѣщены: *А. И. Герценъ*—Неизданнтя статья (съ разрѣшенія А. А. Герцена); *Н. П. Павловъ—Сильванскій*—П. И. Пестель (по подлинному дѣлу и др. источникамъ); *П. Е. Щеголевъ*,—Семенъ Олейничукъ (умершій въ Шлиссельбургѣ въ царствованіе Николая I) и Агитаціонная литература декабристовъ; *М. К. Лемке*—Процессы Д. И. Писарева Н. Г. Чернышевскаго п Н. А, Серно-Соловьевича (по подлиннымъ дѣламъ); *М. Ф. Фроленко*—Изъ воспоминаній (объ Алексѣевскомъ равелинѣ); *М. Ю. Ашенбреннеръ*—Изъ воспоминаній; (о военно-революціонной организаціи); *М. Р. Поповъ*—Изъ воспоминаній (о послѣднихъ дняхъ И. Н. Мышкина, разстрѣляннаго въ Шлиссельбургѣ); *С. А. Ивановъ*—Изъ воспоминаній; *Н. А. Морозовъ*—Изъ воспоминаній; *А. П. Прибылева-Корба*—Изъ воспоминаній; *И. И. Майковъ*—Изъ воспоминаній *В. Л. Бурцевъ*—Изъ воспоминаній. Обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати; Записка М. В. Петрашевскаго „О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ имѣній“ (изъ-за которой началось дѣло „Петрашевцевъ“. Съ подлинника):—Уставъ Братства Кирилла и Меѳодія и прокламаціи Братства „къ братьямъ-украинцамъ“ и „братьямъ великороссіянамъ и полякамъ“ 1847 года (съ подлинниковъ),—и проч.

Въ распоряженіи Редакціи находится архивъ П. Л. Лаврова (между прочимъ много писемъ къ нему И. С. Тургенева, Н. А. Бѣлинскаго, С. Г. Ширяева, Льва Гартмана и др.).

Будутъ помѣщены портреты П. И. Пестеля, М. В. Петрашевскаго, Н. А. Серно-Соловьевича, Д. В. Каракозова, П. Г. Зайчневскаго, П. И. Войноральскаго, рабочихъ Петра Алексѣева и Тимофея Михайлова, А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича, С. Л. Перовской, Г. М. Гельфманъ, А. Д. Михайлова, Г. А. Лопатина, Н. А. Морозова, В. Н. Фигнеръ и др., рисунокъ Вилюйской тюрьмы, въ которой жилъ Чернышевскій, виды карійской каторги и пр.

Журналъ выходитъ, начиная съ января 1906 года, ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб.; на ½—4 руб.; на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 руб.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій *переулокъ*, домъ 5, кв. 1. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 ч. дня.

Отдѣльныя книжки журнала продаются по рублю въ конторѣ журнала и извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Спасская *улица*, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 ч. дня.

Редакторы: { **В. Я. Богучарскій.** / **П. Е. Щеголевъ.** }   Издатель **Н. П. Парамоновъ**

„Политическая Энциклопедія“ будетъ выходить въ теченіи 1906 года отдѣльными выпусками по 10 листовъ въ каждомъ; всего будетъ двѣнадцать выпусковъ (около 2000 страницъ), съ иллюстраціями, картами, картопраммами и портретами.

Цѣна съ пересылкою, пи предварительной подпискѣ и при минимальномъ задаткѣ въ одинъ рубль,—7 рублей, а въ прочныхъ, полукожаныхъ переплетахъ за три тома—10 рублей. Допускается разсрочка, съ уплатою по одному рублю въ мѣсяцъ, начиная со дня внесенія задатка.

Послѣ выхода перваго выпуска подписная цѣна будетъ повышена до 9 руб. безъ переплета и до 12 руб. въ переплетахъ.

Всѣ заказы, запросы, заявленія и подписныя деньги направляются по адресу;

Въ главную контору „Политической Энциклопедіи“, Спб., Невскій пр., 88,

---

Товариші Українці!

І січня (января) нового року

має вийти у Петербурзі

ПОЛІТИЧНО-ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ МІСЯЧНИК:

„Вільна Україна“.

Завданнє часописі: допомогти українському сельскому та міському пролетаріятові зрозуміти своє клясове становисько, допомогти йому стати на певний шлях клясової боротьби з‘ утисками власників капіталу та землі; розбудити думкі про соціялістичний ідеал людського життє, повести до соціялізму.

Аби перевести до життя се завданнє **„Вільна Україна„** мусить лічитись з‘ національними рисами українського пролетаріяту: клясова свідомість його може бути осягнена найшвидче, найліпше шляхом розвою на підставах національних та економичних окремостей України.

Взглядно сього „Вільна Україна“ використує по змозі всі слушні фактори, що можуть сприяти поступу клясової свідомости на Україні.

Редакцийне товариство прохає спочуваючих товаришів досилати статї, кореспонденциї з селянського та міського життя.

Передплата з‘ пересилкою на рік: у Росиї— 3 карбованці; 1/2 року 1 кар. 80 к.; в‘ інши держави на рік 5 кар.

Передплатні гроші прохаємє досилати на адресу: Невський, 139, помешканнє 60, **А. Я. Шабленко**. Редакція там же.

Редактор-видавець *А. Я. Шабленко.* Редактор *І. Д. Личко.*

2—2

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCII.

1906 г.

МАРТЪ—АПРѢЛЬ.

Кіевъ.
Типо-литографія Т-ва Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская у., № 14.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ 92-го ТОМА

январь, февраль, мартъ и апрѣль.

Книга первая — январь.

Отдѣлъ I.

I. А. И. ГЕРЦЕНЪ И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОМУ ВОПРОСУ. (Отрывокъ изъ ст. М. П. Драгоманова „Историческая Польша и великорусская демократія) . . . . 1—35
II. ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА . . . . 36—63
III. СГОВОРЪ МАЛОЛѢТНИХЪ. (Страница изъ исторіи брачного права на украинѣ XVI. в.) *Ор. Левицкаго* . . . . . . 64—72
VI. ВЕСНЯНА ПОВИДЬ. Повисть. Част. I. *М. Чернявського* . 73—128
V. НА СВЯТЪ ВЕЧИРЪ. (Риздвяне оповидання). *Л. Яновськой.* 129—133

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Опытъ обязательнаго обученія козацкихъ дѣтей грамотѣ въ Лубенскомъ полку, въ 1762 году. Сообщ. *Н. П.*; б) О колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговской губерніи. Сообщ. *Иванъ Абрамовъ;* в) Къ исторіи взаимныхъ отношеній малороссійскихъ свѣтскихъ и духовныхъ властей въ XVIII. вѣкѣ. Сообщ. *Вл. П-ко;* г) Заговоръ отъ бешыхи (Записанъ въ д. Ново-Александровкѣ, Бахмутскаго уѣзда Екатеринославской губ. 1—13
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . 13—19
ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . 1—8

Книга вторая — февраль.

Отдѣлъ I.

I КИРИЛЛО-МЕѲОДІЕВСКІЕ ЗАГОВОРЩИКИ. *Н. Стороженка*. 135—152
II ВЕСНЯНА ПОВИДЬ. Повисть. Часть II. *М. Чернявського*. 153—212
III ВОСПОМИНАНІЯ и АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА (Продол.) 213—230
IV НИКОЛАЙ ИЛЬИЧЪ СТОРОЖЕНКО (съ портретомъ) *Олены Пчилки* . . . . 231—256
V ПАМЯТИ В. Л. БЕРЕНШТАМА (съ портретомъ) *В. Науменка* . . . . 257—275

Отдѣлъ II.

I ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ: а) Полное изданіе „Кобзаря" Т. Г. Шевченка; б) Одно изъ послѣднихъ писемъ Н. И. Стороженка; в) Еще о колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговщинѣ. Сообщ. *С. Рклицкій*; г) Народныя картинки на темы изъ украинской жизни. *Владиміра Данилова*; д) Меню Д. Мордовця. Сообщ. *М. К.* . . . 21—29
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 30—33
II БИБЛІОГРАФІЯ: „Багаття" украинскій альманахъ. 1905 рикъ. Упор. Ив. Лыпа. *Л. Жигмайло* . . . . 34—43
ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . 1—9

Книга третья и четвертая—мартъ-апрѣль.

Отдѣлъ I.

I ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА. (Продолженіе). . . . . 275—298
II ПРАЗДНИКЪ ПАСХИ ВЪ СЕЛѢ КОСАРЕВѢ. ДУБЕНСКАГО УѢЗДА, ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ. *Вячеслава Каминскаго* . . . . 299—320
III М. БАКУНИНЪ И РУССКІЕ ПРОГРЕССИСТЫ 60-ХЪ ГОДОВЪ ВЪ ВОПРОСѢ О ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ . . . . 321—367
IV ВОНО САМЕНЬКЕ. (Психологичный нарысъ). *Грыцька Грыгоренка*. . . . . 368—384

V ЗЕМЛЯКЪ И ПРЕДТЕЧА ГОГОЛЯ. *Владимира Данилова* . . . . 385—398
VI ПОВѢСТИ И СКАЗАНІЯ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ, ИМѢЮЩІЯ ОТНОШЕНІЕ КЪ ЕВРЕЯМЪ И ЕВРЕЙСТВУ. *Б. Бараца*. . . . . 399—411
VII ПАМЯТИ И. Я. РУДЧЕНКА. Очрекъ. *С. Свириденко*. . 412—420
VIII ИЗЪ ЖИЗНИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ ВЪ 1850-ХЪ ГОДАХЪ *О. Левицкій*. . . 421—432
IX ТЫХЕНЬКЕ ЖЫТТЯ. Оповидання. *Леоныда Пахаревського*. 433—444

Отдѣлъ II.

I БИБЛІОГРАФІЯ: а) Библіотека Имп. Общества исторіи и древностей Россійскихъ. Вып. II. Описаніе рукописей и бумагъ, поступившихъ съ 1846 по 1902 г. Трудъ Е. И. Соколова. *С. М.* б) Труды Полтавской ученой архивной коммиссіи. вып. II. *В. Сотниченка*.; в) Украинськй Декламаторъ „Розвага“ уложывъ Олекса Коваленко *В Д-ий*. 45—60
II. ДОКУМЕНТЫ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ характеристикѣ отношеній между монахами Мгарскаго монастыря и Лубенскими козаками въ 1649—1661 гг. Сообщ. *В. Модзалевскій;* б) О свято-духовской церкви Кіево-Братскаго монастыря. Сообщ. *Н. П.*; в) Письмо Полтавскаго Полковника Андрея Горленка къ Кіевскому митрополиту Тимофею Щербацкому. Сообщ. *В. Бѣдновъ;* г) Письмо генеральнаго обознаго Семена Васильевича Кочубея къ митрополиту кіевскому Гавріилу Кременецкому. Сообщ. *В. Бѣдновъ*; д) Таинственный крестъ въ с. Молчанахъ. Сообщ. *И. Каманинъ* е) Памятникъ Т. Г. Шевченку и подписка на него. . . . . 61—78
Текущія извѣстія . . . . 79—93
Объявленія . . . . I—7

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.

Жизнь моя.

Рожденіе и крещеніе автора въ г. Мценскѣ.—Воспоминанія о первыхъ впечатлѣніяхъ бытія.—Переѣздъ въ с. Спасское.—Работница старушка *Угариха.* — Еще факты изъ дѣтской жизни автора.—Переходъ въ новый домъ и болѣзни автора и его сестеръ.—Простота и грубость ихъ воспитанія.—Хозяйственныя хлопоты родителей.—Отроческія шалости автора и его игры со своими сверстниками — зимою, весною, лѣтомъ. — Повѣрья о вербѣ—въ Вербное воскресенье.—Пасха и хожденіе причта съ иконами по приходу.—Какъ авторъ началъ учиться грамотѣ.—Послѣднее лѣто въ с. Спасскомъ—предъ поступленіемъ автора въ Сѣвское духовное училище.—„Завиваніе вѣнковъ“ на Троицынъ день. Повѣрья о „русалкахъ“, „Опахиваніе“ дворовъ во время падежа на рогатый скотъ.—Какъ автору пришлось испытать жизнь и трудъ пастуха сельскаго стада. —

Я родился въ полночь 12 февраля 1805 года въ г. Мценскѣ, при Николаевскомъ соборѣ. Родители мои—діаконъ этого собора *Іоаннъ* и *Авдотья Васильевна* были цвѣтущаго здоровья и въ возрастѣ самомъ благопріятномъ для моего рожденія: отцу было 26 лѣтъ, а матери 22 года. Послѣ двухъ сестеръ, *Анастасіи*, родившейся въ 1800 г., и *Екатерины*—въ 1802 г., рожденіе мое встрѣчено родителями моими, ихъ родственниками, друзьями и покровителями не безъ удовольствія. Мнѣ наречено имя *Николай*—въ честь Святителя Николая, чудотворный образъ котораго — *въ видѣ статуи — съ мечемъ въ правой рукѣ и съ церковію въ лѣвой*—находится и теперь въ Мценскомъ соборѣ. [1]) Крестилъ ме-

[1]) Объ этой *статуѣ святителя Николая*—въ г. Мценскѣ, Орловской губ.,—авторъ воспоминаній сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія ниже въ другомъ отдѣлѣ своей автобіографіи.—Л. М.

ня протоіерей соборный *Димитрій*; воспріемницею была жена его. При воцерковленіи и каждый разъ, какъ приносили въ соборъ, полагали меня на нѣсколько секундъ у подножія св. Николая

Я вскормленъ былъ молокомъ здоровой матери—и, какъ ни занята была моя мать школою въ 40 учениковъ, она сама выняньчила меня, почти не спуская съ рукъ. Если я избѣжалъ увѣчья въ дѣтскомъ возрастѣ, то этимъ обязанъ бдительности матери.

Я съ двухъ съ половиною лѣтъ началъ помнить себя. Помню внутреннее расположеніе комнатъ въ домѣ. Большая комната съ длиннымъ столомъ для учениковъ и широкими лавками съ двухъ сторонъ стола. По этимъ лавкамъ я бѣгалъ, и въ параллель за мною бѣгала мать, ограждая меня отъ паденія. Въ большую комнату зеркаломъ изъ зеленыхъ кафель выходила печь: подлѣ печи была дверь, которая вела въ другую—меньшую—комнату, которую называли *топлюшкою*; тамъ была лежанка. Черезъ сѣни отъ этого отдѣленія было другое отдѣленіе, раздѣлявшееся на двѣ комнаты: въ малой была кухня, въ большой—лежанка. Въ этой послѣдней комнатѣ я ловилъ цыплятъ, только-что вышедшихъ изъ яицъ; я купалъ ихъ въ водѣ, какъ меня купали, и когда они засыпали, клалъ ихъ на лежанкѣ. Помню, какъ застали меня за этою работою и какъ я испугался и смутился, когда на меня кричали—и я не вдругъ понялъ, что цыплята померли. Я тогда не могъ понимать смерти, но чувствовалъ, что они не будутъ уже бѣгать, не будутъ клевать корму изъ раскрашеннаго печенаго яйца; я видѣлъ, какъ ихъ выкинули на дворъ—и мнѣ было очень жаль ихъ.—Всѣ другія впечатлѣнія дѣтской моей жизни во Мценскѣ изгладились...

30 Августа 1807 года отецъ мой посвященъ былъ во священники въ село *Спасское*. Въ это село переѣздъ нашего семейства происходилъ осенью. Я, должно быть, переведенъ былъ на время въ с. *Калугино, Подчерневъ* тожъ. Я помню, какъ я, окутанный въ шубу, сидѣлъ въ саняхъ; дѣдъ сидѣлъ на облучкѣ и правилъ лошадью; мелькали деревья, одѣтыя инеемъ, поля, покрытыя снѣгомъ. Голова моя едва видна была изъ саней. Мнѣ хотѣлось видѣть новые для меня предметы; я приподнимался и высовывался изъ шубы, а дѣдъ кричалъ: „сиди смирно!“—Не знаю, долго ли я жилъ у дѣда, и не помню, какъ очутился въ *Спасскомъ*.—Два года семейство наше жило въ домѣ вышедшаго за штатъ священника *Алексѣя*—вмѣстѣ съ его семействомъ, Впрочемъ семейство его было не большое: онъ, тридцатилѣтняя дочь его, вышедшая потомъ замужъ за фершала, и сынъ *Иванъ* 40 лѣтъ, мѣщанинъ, наѣзжавшій изъ города. Впрочемъ первую зиму я и

сестры провели у родныхъ: я и *Екатерина* въ *Подчерневомъ*—у бабки, а *Анастасія*—въ Мценскѣ у кого-то изъ сестеръ матери. Изъ пребыванія моего у бабки только и осталось въ памяти, что я и сестра спали съ бабкой и спорили за обладаніе полными грудьми и нѣжились около нихъ, заставляя бабку лежать на спинѣ пока не засыпали.—Въ 1808 г. мать моя съ своею сестрою *Пелагеею* лѣтомъ отправились въ Москву, гдѣ пробыли у брата *Афанасія Васильевича Оболенскаго* долгенько. Я и сестра Катя оставались въ Спасскомъ на попеченіи работницы старушки *Угарихи*.—Не помню, живъ ли былъ отецъ Алексѣй, который такъ любилъ меня, на которомъ, когда онъ лежалъ на печи, я ѣздилъ, сѣвъ на животъ, какъ на сѣдло лошади. Только помню, что я и сестра, играя на дворѣ, боялись войти въ избу и напередъ кричали: „*бабушка, ты тутъ?*“ И когда она откликалась, смѣло отворяли дверь, бросаясь къ ней на шею, и просили по обычаю молока съ творогомъ. О, какъ я привязался къ этой старушкѣ, какъ мнѣ нравилось морщинистое лицо ея!. Возвратилась изъ Москвы мать, но я не помню, чтобы я былъ радъ ей,—дѣтская привязанность моя всецѣло принадлежала *Угарихѣ*.—Съ матерью пріѣхала дѣвочка 8 лѣтъ, хорошенькая. Это была сестра моя *Анастасія*. Она мнѣ очень понравилась. Мнѣ, можетъ быть, толковали, что это сестра моя; но тогда я не понималъ, что такое сестра. Когда Настя сидѣла на лавкѣ, я взлѣзалъ на лавку, ласкался къ ней и цѣловалъ ее, все спрашивая: „дѣвочка, а будешь съ нами кашу ѣсть?“

Дворъ о. Алексѣя былъ обнесенъ сараями. Около воротъ стоялъ дубовый амбаръ. Изба стояла во дворѣ—на одной сторонѣ его. Изба была не курная, и труба выходила не прямо надъ припечкой (*загнеткой*), а тянулась боровомъ отъ печи до двери въ уровень съ полатями, и близъ дверей выходила наружу. Я помню, какъ доски, поддерживавшія боровъ, стали тлѣть, на нихъ и на боровъ лили водою; я понималъ, что можетъ загорѣться домъ, но былъ спокоенъ.—Подлѣ воротъ была собака на цѣпи; кто-то далъ ей хлѣбъ съ иглою: игла остановилась въ глоткѣ. Призванъ былъ лекарь изъ мужиковъ; онъ старался прогнать иглу далѣе и для этого помазкомъ съ дегтемъ совалъ собакѣ въ горло. Я помню, какъ собака металась и мучилась, пока не околѣла. Это меня сильно тронуло—и я со страхомъ смотрѣлъ на ветеринара-мужика. Еще одно впечатлѣніе поразило меня и неизгладимо залегло въ памяти. Сивая корова, которую въ присутствіи моемъ и сестры Кати—всегда доила бабушка Угариха, приговаривая: „вотъ сивка дастъ вамъ молочко, будетъ творогъ и

сметана",—стояла подъ сараемъ, вѣроятно привязанная къ столбу. Сынъ заштатнаго священника Иванъ съ топоромъ въ рукахъ на кого-то кричалъ: вдругъ подбѣгаетъ къ коровѣ, ударяетъ ее топоромъ, и сивка упала. Я испугался; но когда увидѣлъ, какъ кровь ручьемъ потекла изъ шеи, я бѣжалъ со слезами, и послѣ этого не могъ видѣть разбойника Ивана; да и не помню, чтобы послѣ этого я видѣлъ его.—Куда дѣлся домъ о. Алексѣя и дворъ кольцомъ и куда дѣлся самъ о. Алексѣй,—не знаю: говорили—померъ; а отъ двора остался дубовый амбаръ, который безъ починки служилъ отцу моему на всю его жизнь.

Въ 1809 г. отстроился домъ нашъ противъ дома о. Алексѣя черезъ улицу. Онъ былъ на каменномъ фундаментѣ. Этотъ фундаментъ, лежавшій подъ стѣнами всего дома, не былъ подъ крыльцемъ, и я, залѣзши подъ домъ, любилъ тамъ проводить время. Тамъ была со мною и собака. Я потянулъ ее за хвостъ. Собака бросилась на меня и впилась мнѣ въ глазъ; изъ глубокихъ ранъ надъ лѣвою бровью и подъ лѣвымъ глазомъ полилась кровь. Собаку не наказывали, а только взяли часть ея шерсти и, сожегши въ порошокъ, присыпали мнѣ раны.—

Въ томъ же 1809 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, какъ видно изъ памятной книжки отца, перешли въ новый домъ. И эту осень и эту зиму отецъ болѣлъ два раза, а мать—однажды. И немудрено; домъ еще не успѣлъ высохнуть; диво, что никто изъ семейства не умеръ, а то сказали бы, что плотники заложили домъ на чью либо голову, какъ вѣрили тогда. Можетъ быть и мы, дѣти, побаливали—и какъ было не болѣть? Подъ поломъ не было насыпи: фундаментъ не вездѣ былъ сплошной, какъ выше говорилъ я, и вѣтеръ свободно ходилъ подъ нимъ. Мы же, дѣти, не имѣли кроватей, а спали на войлокахъ, на полу. Помню, я часто заболѣвалъ отъ простуды; но болѣзнь всегда приписывали недоброму глазу, и вылѣчили меня тѣмъ, что спрыскивали меня водою, въ которую предварительно клали маленькій кусокъ глины отъваристой печи и уголь.—Помню, сестра Настасья болѣла зубами и ее лечили вотъ какъ: насыпали въ горшокъ конопли, наливали горячую воду и, опуская туда раскаленные камни, сажали надъ паромъ страдавшую отъ зубной боли, укрывали ее одѣяломъ. Бѣдная—сидѣла надъ паромъ нѣсколько минутъ, раскрывши ротъ,—боль унималась. Говорили тогда, будто изъ зубовъ выходили червячки, которыхъ и находили въ горшкѣ, принимая за нихъ бѣлое содержаніе конопляныхъ зеренъ, выходившихъ изъ разварившейся скорлупы ихъ.—Каковы бы ни были морозы, но дѣти для естественной нужды должны были вы-

ходить на дворъ. Не помню, чтобы послѣ парной ванны освобождалась отъ того сестра. И мы выросли и до того закалились, что знали только холодъ, но не простуду. Мы ходили босыми и безъ верхняго платья не только весною и осенью, но и зимою. Перезябали на дворѣ и отогрѣвались на варистой печкѣ. Нашею пищею былъ ржаной черствый хлѣбъ, лакомствомъ гречневая каша—только лѣтомъ съ молокомъ, а зимою—въ скоромные дни—съ малымъ количествомъ коровьяго масла, а въ постные—съ масломъ коноплянымъ, которое было очень дорого—1 р. 20 коп. кварта.—Тяжелы были посты, отъ которыхъ не освобождались дѣти съ 2-хъ лѣтняго возраста. Кислая капуста, рѣдька, хрѣнъ и щи изъ кислой капусты намъ не нравились, и потому мы исключительно питались хлѣбомъ и кашею. Въ Филипповъ постъ у насъ не было молока: коровы телились послѣ Рождества. Для груднаго ребенка посылали искать молока во всей деревнѣ и часто не находили. Брата *Евграфа* кормили рожкомъ; я помню, какъ иногда онъ оставался вовсе безъ молока, и какъ иногда кормили его молокомъ прокислымъ. Сосокъ на рожкѣ постоянно былъ покрытъ молочною кислотою, а другого соска достать было трудно. Хорошо дѣлали нѣкоторыя матери, что кормили грудью дѣтей до двухъ съ половиною лѣтъ. Въ великій постъ, хотя было и много молока, но его не давали и 3-хъ--лѣтнимъ дѣтямъ. Однажды 4-хъ--лѣтняя сестра моя *Аннушка*, увидя остатки молочной каши, которою кормили грудное дитя, громко спросила мать: „вотъ каша, я поѣмъ ее, мама!"—„Ѣшь, когда хочешь", разсѣянно отвѣчала мать, роясь въ кухнѣ между бѣльемъ. Сестра поѣла и, неся горшокъ въ кухню, говорила: „ахъ, мама, какъ хороша каша!"—Мать, увидѣвши горшокъ, ахнула и зарыдала. Прибѣжалъ отецъ и нисколько не успокаивалъ ее, а напротивъ въ свою очередь поднялъ шумъ. Это было около 1812 года—въ великій Постъ.—Въ слѣдующую зиму—въ Филипповъ постъ Аннушка умерла; но не помню, чтобы больше въ постъ давали скоромное...

Горницу отапливали соломою; грубка скоро остывала. Изба была не курная, и оттого сырая и холодная. Зимою стѣны покрывались инеемъ, а окна—массами льда. Зимой коровъ доили въ избѣ,—здѣсь жили и ягнята, а въ подпольѣ поросная свинья. Въ такую избу мы приходили грѣться на печи и обѣдать; дубовый столъ, на которомъ обѣдали, стоялъ предъ оледенѣвшимъ окномъ. Обѣдали безъ скатерти, потому что столъ мыли и скоблили ежедневно и два раза. Ѣли изъ одного блюда деревянными ложками—въ одно время съ работникомъ и работницей. О, какъ

въ постные дни были не по вкусу дѣтямъ квасъ съ квашеной капустой и хрѣномъ или рѣдькою, щи и тоже съ кислою капустою! Но насъ принуждали ѣсть и угрожали не дать послѣдняго кушанья—каши... Иногда подавали саламатъ или вареное ложенное тѣсто, калину, и масленки, которые приготовляли такъ: толкли въ ступѣ конопляное сѣмя съ лукомъ, сжимали въ комки и подавали на столъ.—

Я обыкновенно, какъ здоровый ребенокъ, спалъ крѣпко и долго; меня никакъ нельзя было разбудить; отъ того постель и рубахи всегда были не только мокрыми, но и замаранными. Незнаю, принимали ли какія мѣры, чтобы во-время разбудить меня; нянекъ и горничныхъ не было; работникъ и работница цѣлый день были въ работѣ. До свѣта должны были молотить, въ 8 часовъ утра давать кормъ скоту, свиньямъ и птицамъ; въ обѣдъ—поить скотъ, послѣ обѣда—опять кормить всю живность на дворѣ. А было этой живности не мало: пара лошадей, 2 коровы, 5 свиней, 12 овецъ, 20 куръ, 3 индюшки, 2 гуся, 2 утки. Каждый видъ живности требовалъ особеннаго ухода. Мать занята была уходомъ за грудными дѣтьми и обшиваньемъ семьи. Мыли насъ на полу,—парились въ варистой печи.

Я развивался тупо; физическая сторона всегда перевѣшивала душевную. Однажды я забрался на огородъ. Тамъ посажены были между грядами прививки фруктовыхъ деревьевъ. Не знаю, для чего ихъ я выдергивалъ изъ земли, но отецъ засталъ меня за этою работою. Отецъ остановилъ меня, но оставилъ безъ наказанія.—На пятомъ году я объѣлся ягодъ отъ вишневки и со мной сдѣлался припадокъ. Долго ли я находился въ конвульсіяхъ и въ безсознательномъ состояніи,—не знаю; но когда я очнулся, мнѣ дали поцѣловать мѣдный крестъ. Крестъ этотъ прыгалъ предо мною. Меня вынесли на крыльцо, и я помню, какъ все предо мною прыгало... Мнѣ указывали на предметы, но я не могъ говорить отъ крайняго заиканья,— заикою остался я до 13-тилѣтняго возраста.

По селу протекалъ ручей, источникомъ котораго былъ ключъ воды, съ шумомъ вытекавшій изъ-подъ горы въ полу-верстномъ разстояніи отъ нашего дома. Тогда ручей былъ запруженъ плотиною при водяной мельницѣ; предъ нашимъ домомъ онъ былъ рѣчкою—съ малымъ едва замѣтнымъ теченіемъ. Въ этой рѣчкѣ я купался съ сельскими сосѣдними дѣтьми и научился плавать. Но лучшимъ удовольствіемъ было катанье съ берега въ рѣку. Покатистый берегъ смачивался водою и смазывался грязью. Выбѣгая изъ воды одинъ за другимъ, мы садились на эту покати-

стую дорожку и быстро скатывались въ воду; дорожка почему-то называлась *таланомъ*.—Въ этой рѣкѣ мочили пуки конопляныхъ стеблей, соединяя ихъ въ плоты. Эти плоты, прежде чѣмъ погружались въ воду—отъ насыпи на нихъ потребнаго количества земли—двигались по рѣкѣ при помощи шеста. Я любилъ смотрѣть на движеніе плота и правящаго на немъ работника. Я еще тогда не видалъ ни лодки, ни барки...

Въ одну весну плотину прорвало, мельницу сняли и вмѣсто рѣки явился ручей—шириною въ сажень. Съ дьяконовымъ сыномъ я любилъ ходить по этому ручью, ловить *гольцовъ* (маленькая рыбка безъ чешуи), собирать раковины, похожія на мидіи *), и разсматривать ихъ внутренность, а также ловить и анатомировать лягушекъ. Однажды мы нашли дохлую собаку, взяли на веревку, стащили на рѣчку и возили ее по водѣ, отчего сильно испортилась вода. За это я въ первый разъ испыталъ боль отъ сѣченія хворостиною; хворостина была взята изъ вѣника; меня не клали на землю, а просто подняли рубаху (тогда я ходилъ еще безъ портокъ) и дали 7 или 10 ударовъ по голому тѣлу. Боль показалась мнѣ адскимъ мученіемъ...

Меня не водили въ модныхъ и роскошныхъ костюмахъ. У меня былъ затрапезный халатъ и сапоги, но позволяли надѣвать ихъ только для церкви. Для зимы была овчинная шуба, покрытая самодѣлковымъ сукномъ синяго цвѣта, подпояска и шапка. Но обувь—всегда не по ногѣ; сапоги покупались въ городѣ, по неудачно снятой мѣркѣ, на угадъ, тѣсные и короткіе,—принуждали разнашивать. Этотъ трудъ разнашиванья сапогъ оставилъ слѣды у меня на ножныхъ пальцахъ, перешедшіе и къ дѣтямъ моимъ... Это—кривизна и сгорбленность пальцевъ.

Лѣтомъ я не носилъ ни обуви, ни верхней одежды, и никакого покрова на головѣ, а ходилъ только въ длинной рубахѣ, кажется, до 8-ми лѣтъ. До сего возраста самымъ любимымъ моимъ удовольствіемъ было—вмѣстѣ съ другими дѣтьми—или полоскаться въ рѣчкѣ (ручьѣ—шириною гдѣ въ сажень, гдѣ въ полтора), или копаться въ пыли, сгребая пыль въ кучки и дѣлая городки. Я не помню, чтобы кто-либо изъ компаньоновъ—моихъ сверстниковъ—имѣлъ что на головѣ, чтобы тяготился зноемъ солнечнымъ и искалъ тѣни. Мы всѣ любили полуденный свѣтъ

---

*) Авторъ упоминаетъ о *мидіяхъ*, какъ одесситъ—приморскій житель. *Мидіи*—это устрицы въ черепашкахъ (въ „скопкахъ"). При морскомъ волненіи, ихъ собираютъ на берегу цѣлыми тысячами. Изъ нихъ приготовляется кушанье—*пилавъ*, особенно любимое греками и молдаванами.— Л. М.

и жаръ солнца. Когда солнце на время закрывалось небольшимъ облакомъ,—всѣ мы вскакивали на ноги и, прыгая, кричали:

Солнышко ведрушко (*ясное*),
Твои дѣти плачутъ,
По бережку скачутъ.
Выглянь—покажися,
Дѣтямъ ослябнися (*осклабнися*, *улыбнися*)!

Кто научилъ насъ такъ обращаться къ солнцу, мы не знали, равно не понимали словъ: *ведрушко* и *ослябнися*. Малыя дѣти заимствовали это отъ болѣе взрослыхъ, и какъ улица никогда не бѣднѣла дѣтьми—тѣми и другими,—то припѣвъ сохранялся въ уличномъ дѣтскомъ преданіи отъ временъ глубокой древности.

Зимой—въ трескучіе морозы—я рѣдко показывался на улицѣ, и то на короткое время. Въ мягкую погоду я выходилъ на улицу съ салазками (санками) и катался подъ горку; но холодъ и недостатокъ теплой обуви скоро загоняли меня домой.

Проходила зима... Уже великій постъ переломился на двое, и трескъ многіе слышали въ полночь—въ среду на кресто-поклонной недѣлѣ... Уже переѣли жаворонки, которые пекли изъ тѣста въ день 40 мучениковъ... Уже—съ дня *Алексѣя—Божьяго человѣка* показывались съ горъ потоки. Снѣгъ, почти вездѣ лежавшій на полъ сажени глубины, сталъ влажнымъ. На выгонѣ нарыты въ снѣгу колодези съ свѣтлою кристальною водою. Стали появляться проталинки съ зеленою травою... Тогда трудно было удержать меня дома. Я любилъ смотрѣть на воду въ снѣговыхъ колодезяхъ, прыгать на проталинкахъ. Чрезъ недѣлю обнажали огородъ и конопляники. На нихъ я любилъ собирать поливенные черепочки—отъ изразцовыхъ печей, полпвянной посуды и фарфоровыхъ чашекъ. Еще недѣля и на коноплянникѣ появлялись желтенькіе цвѣточки; березы начали распускаться. Тогда вырубали въ березкахъ лунки, которые чрезъ нѣсколько минутъ наполнялись сладкимъ сокомъ. Съ какимъ наслажденіемъ я пилъ этотъ сокъ посредствомъ *дудочки*—изъ конопляныхъ стеблей! Тогда то я простуживалъ ноги и руки до ломоты; но болѣзнь проходила скоро и безъ послѣдствій...

Наступало *Вербное Воскресеніе*. Раздавали въ церкви вербу. Эта верба въ видѣ палочки сажалась въ землю и выростала безъ поливки. Этою вербою выгоняли въ первый разъ скотъ въ поле, хотя бы на немъ было болѣе снѣгу, чѣмъ травы. Съ этой вербою,—

говорили,—можно пріобрѣсть *шапку—невидимку*. Для этого надобно черную кошку въ завязанномъ мѣшкѣ понесть къ церкви во время утрени перваго дня Пасхи, а вербу спрятать подъ полу. Тебя непремѣнно встрѣтитъ человѣкъ въ шапкѣ странной формы и спроситъ: „что въ мѣшкѣ?“ Отвѣчай: *барашекъ*. Онъ станетъ покупать барана съ мѣшкомъ, будетъ предлагать серебра и золота; но ты не бери, а проси за него шапку съ головы. Когда онъ подастъ тебѣ шапку,—ты поспѣши надѣть ее на себя, отдай ему мѣшокъ и, выхвативъ вербу, ударь его. Онъ тотчасъ исчезнетъ. Это чертъ; подъ шапкой—невидимкой онъ не будетъ видѣть тебя—и ты спѣши домой.—Та-же шапка посредствомъ вербы добывается еще такъ: палочку изъ вербы, принесенной изъ церкви, втыкаютъ въ змѣиную головку и сажаютъ ее въ землю. Когда выростутъ листья на вербѣ, срѣзываютъ ее у корня. Съ этою вѣткою идутъ встрѣчать стадо. Какъ свиньи бѣжать впереди, то на самой передней изъ нихъ усматриваютъ домового. Тогда приманываютъ къ себѣ свинью, схватываютъ съ домового шапку, а его прогоняютъ вербою. И какое благо эта шапка! И чего—чего нельзя добыть съ нею!..

Настала св. Пасха. По окончаніи утрени и обѣдни, которая служилась съ разсвѣтомъ и восходомъ солнца,—весь причтъ съ крестомъ, евангеліемъ и запрестольными иконами, съ женами и дѣтьми мужескаго пола—отправлялся въ приходъ и ходилъ съ двора на дворъ, не минуя ни одного дома. Въ каждомъ домѣ служился молебенъ, а въ иномъ—два: первый—всегда посреди двора, другой—въ конюшнѣ.—Инымъ хозяевамъ приходилось принимать св. иконы передъ вечеромъ, и они, какъ и семейства ихъ, цѣлый день припуждены были ничего не ѣсть, чтобы встрѣтить святыню и помолиться натощакъ.

Я сказалъ, что молебны служились не въ домѣ, а среди двора. Для этого ставилась среди двора телѣга безъ оглоблей. На нее полагали двери, снятыя съ петель, или конюшенныя ворота, и покрывались скатертями. На столѣ, такимъ образомъ приготовленномъ, ставились двѣ кадочки—одна съ рожью или овсомъ, а другая—съ гречихою; въ ту и другую зарывали по десятку печеныхъ яицъ и ставились домашніе иконы. Предъ кадками клали ковригу хлѣба съ солью и куличъ. Грязный дворъ выстилали соломою, а проходъ черезъ ворота, болѣе грязный, выстилали снопами жита. Зерно и хлѣбъ назначались причту, а яйца—*оброшникамъ*.

Кто жъ это *оброшники?*—Это—дѣвки и парни, давшіе обѣтъ носить св. иконы цѣлую недѣлю и непремѣнно натощакъ; не

рѣдко между ними бывали женщины и мущины; имъ приходилось голодовать до самаго вечера. При переносѣ иконъ изъ одной деревни въ другую, имъ позволялось пѣть во все горло: *Христосъ воскрссе изъ мертвыхъ.*—Входя во дворъ, священникъ шелъ со крестомъ въ ризахъ, за нимъ—причтъ, за причтомъ—*оброшники* съ иконами, далѣе—толпы народа. Оброшники съ иконами становились вокругъ стола,—и начинался молебенъ.—По окончаніи молебна, на уготованномъ мѣстѣ хозяинъ, всегда старикъ, заворачивалъ полу и изъ кармана вынималъ деньги и платилъ священнику за молебенъ. Тутъ подставляли руки жены и дѣти причта, и хозяинъ одѣлялъ ихъ мѣдными монетами. Старшимъ давалъ по пятаку и по грошу, а дѣтямъ—по копѣйкѣ. А старуха—хозяйка одѣляла всѣхъ яйцами, каждый разъ лазя за ними въ пазуху рубашки.

Расквитавшись со всѣми, хозяинъ приглашалъ причтъ и хозяевъ, уже отбывшихъ пріемъ св. иконъ, въ избу—на хлѣбъ и соль. Тутъ приготовленъ былъ столъ во всю длину избы. Первымъ кушаньемъ на столѣ красовалась *свиная голова*, облитая сметаною съ хрѣномъ. На первое мѣсто подъ иконами садился священникъ и благословлялъ трапезу, по лѣвую руку отъ него—дьконъ, далѣе—дьячекъ и пономарь, далѣе—староста церковный и просфорня, наконецъ—сосѣдніе хозяева. Послѣ свинины, слѣдовали жирныя щи, пареная баранина, молочная каша, или же молочная лапша, наконецъ жареныя куры. У пасѣчника столъ оканчивался *кавардакомъ*, т. е. *варянухою.* Хозяинъ за каждымъ кушаньемъ обносилъ гостей водкою въ малой рюмкѣ.—Естественно священникъ съ причтомъ при 20-ти обѣдахъ не могъ ни пить, ни ѣсть; но каждую трапезу долженъ былъ благословлять и хотя губами прикоснуться къ рюмкѣ водки.—Когда священникъ ослабѣвалъ,—то, благословивъ трапезу, удалялся въ клѣть и отдыхалъ, и трапеза оканчивалась безъ него.

На ночь иконы не возвращались въ церковь, а поставлялись у хозяина, имѣвшаго противъ избы черезъ сѣни горенку. Сюда собирались старухи и проводили цѣлую ночь въ поклонахъ. Причтъ возвращался домой и дѣлилъ хлѣбъ и деньги. — Цѣлую недѣлю продолжалось это хожденіе съ иконами и даже въ Ѳомино воскресеніе. — Вотъ на это-то хожденіе родители начали брать меня съ шестилѣтняго моего возраста, и я собиралъ болѣе рубля денегъ.

Послѣ Пасхи продолжались еще холода и особенно холодные вѣтры. Послѣдніе — или для того, чтобы земля обсохла, или для того, чтобы дубъ развернулся. Но къ Тройцѣ лѣса покрывались густою листовою, поля—цвѣтами. Еще съ конца апрѣля я

обращался въ травоядное животное. Сперва мы, уличная компанія, собирали *баранчики* и ѣли. Это — желтые цвѣточки на стебелькахъ сочныхъ и сладкаго вкуса — рвали и ѣли полевой чеснокъ, свиргибусъ, стволы котораго имѣли рѣдичный вкусъ, — стволы лебеды, вонюки или цикуты, снѣдку, салдерей лѣсной. Потомъ выкапывали въ лѣсу корни растеній, которые называли *маслёнами*; они имѣли форму луковицы, раздѣлявшейся на зубчики, были желтоватаго цвѣта и маслянистаго свойства. Наконецъ — щавель и налившіеся орѣхи, когда скорлупа еще не отвердѣла, а ядро такъ было мягко, какъ творогъ.

Когда наконецъ наступало лѣто, меня трудно было загнать домой. Запасшись скибою хлѣба, я цѣлый день проводилъ на воздухѣ. Отыскиваніе и разореніе птичьихъ гнѣздъ, лазанье за ними на деревья, охота за зміями *(козюльками, гадюками)* — доставляли мнѣ удовольствіе отваги. Земляника и клубника — наслажденіе. Подъ конецъ лѣта — хожденіе по грибы, собираніе малины по лугамъ было самымъ пріятнымъ занятіемъ. Бывало— воспользуешься отсутствіемъ родителей или занятіемъ съ гостями — и бѣжишь въ лѣсъ. Тамъ ляжешь навзничь между кустами, или на днѣ оврага, опушеннаго орѣшникомъ, и цѣлые часы смотришь на голубое небо... Что въ немъ занимало меня,— и доселѣ не могу дать отчета.. Это бывало со мною, когда я былъ 10 и 11 лѣтъ и когда не давалась мнѣ грамота.

Кажется, меня начали учить грамотѣ съ 7-ми лѣтъ — и я до 10-ти лѣтняго возраста не могъ понять. Меня *заучилъ* [1]) дѣдъ. Сдѣлавъ указку, онъ усадилъ меня за славянскій букварь. Тогда другихъ азбукъ не было; первымъ урокомъ моимъ было не алфавитъ, а молитва, напечатанная предъ алфавитомъ: „Боже, въ помощь мою вонми и вразуми мя въ поученіе сіе". Подъ диктовку дѣда я долженъ былъ говорить эти слова молитвы и указывать на каждое изъ нихъ указкою. Я скоро заучилъ ихъ наизустъ и вѣрно попадалъ указкою на каждое слово. Дѣдъ былъ доволенъ. Вечеромъ, когда засвѣтили лучину, дѣдъ плетшій лапти, хотѣлъ похвалиться мною предъ моими родителями. Посадилъ меня подлѣ себя, заставилъ читать и указывать на слова. Я молитву помнилъ, но неправильно указывалъ указкою. Дѣдъ сталъ поправлять, а я сталъ сбиваться и забывать слова. Послѣ долгихъ поправокъ, дѣдъ вышелъ изъ себя и ударилъ меня легонько лыкомъ. Я разревѣлся. Мать не позволила продолжать ученіе, настаивая на томъ, что надо начинать съ буквъ. Дѣдъ уступилъ.

[1]) *Заучить*—старинный терминъ. Значить—*въ первый разъ* поруководить отрока въ изученіи грамоты.—Л. М.

На другой день мать сама заучила меня азбукѣ, начиная съ алфавита. Я исправно произносилъ за нею: *азъ*, *буки*, *вѣди*, *глаголь*, *добро*, *есть*, и на каждую букву ставилъ указку. Я скоро выучилъ эту первую строку алфавита, произносилъ каждую букву правильно и указывалъ на нее вѣрно. Но я запоминалъ только названія буквъ и переставлялъ указку съ одной буквы на другую; но не всматривался въ начертаніе ихъ; зналъ порядокъ, въ какомъ лежали буквы одна подлѣ другой, но нисколько не различалъ ихъ. Въ другой разъ, повторивши выученное, или, какъ тогда выражались, *прочитавъ зады*, я сталъ учить вторую строку алфавита и, не смотря на то, что мать указывала одна на каждую букву, опять я заучилъ только названіе и порядокъ ихъ. Такимъ образомъ я скоро выучилъ алфавитъ.—Приступили къ слогамъ: *ба*, *ва*, *га*, *да*, *жа*: я и эти слоги старался выучить наизусть и запомнить порядки ихъ; но въ начертаніе ихъ не всматривался. И такъ изловчился указывать указкою, что не пропускалъ ни одного слога. Сперва сидѣли надо мной, но слѣдили только, такъ ли я указываю. Потомъ стали учить меня издали. Этимъ способомъ я выучилъ не только всѣ слоги, но и *Азъ—земля—еръ Азъ*, *Ангелъ*, *Ангельскій*, *Оксія*. *Исо*, *варія*. *) И каждый день я исправно читалъ заднее (*зады*), даже хвалился, что могу читать ихъ безъ книги.

Дошло до „*Буди благочестивъ, уповай на Бога*“, что было напечатано гражданскими буквами. Старались объяснить мнѣ различіе этихъ буквъ отъ славянскихъ,—но я не понималъ объясненія, потому что не зналъ начертанія славянскихъ буквъ. Въ отсутствіе родителей сестры помогали мнѣ выучить слова и изъ этого отдѣла азбуки и указывать указкою на каждое изъ нихъ. Но при чтеніи задовъ я сталъ сбиваться. Заставили меня вновь учить *Азъ—земля—еръ—Азъ* по складамъ; учили, учили—бросили. Наконецъ, полагая, что я слишкомъ *перетвердилъ* азбуку, рѣшились допустить меня къ *часослову*. И велѣли учить по складамъ; я и склады и слова старался только запамятывать, но опять не различалъ ни буквъ, ни складовъ. Когда это открылось, тогда признали меня и себя неспособными и отвезли меня въ Подчернево—къ дядѣ *Фирсу*.

---

*) *Оксія, Исо, Варія*—это греческіе термины въ старинномъ славянскомъ букварѣ,—служащіе названіями *удареній*.—Л. М.

У Фирса повторилось со мною то же, что дома. Онъ началъ учить меня съ алфавита, но какъ я послѣ перваго указанія исправно читалъ урокъ, то скоро прошелъ Азбуку, опять таки не понимая начертанія буквъ и слоговъ.—Настала рабочая пора; Фирсъ постоянно въ полѣ, а я—на улицѣ, или въ дубовомъ лѣсу. Такъ прошло лѣто и половина осени. Отецъ мой пріѣхалъ въ Подчерново на храмовой праздникъ Казанской Божіей Матери, испыталъ меня и нашелъ, что я ничего не знаю... Дѣдъ, Фирсъ и другіе родные отца признали, что грамота мнѣ не дается, что я, какъ страшный заика, не могу быть въ духовномъ званіи. Присудили отдать меня въ сапожники и записать потомъ въ мѣщане. Когда я съ отцомъ возвратился домой, мать, услыша рѣшеніе отца, очень скорбѣла. Но скоро была утѣшена моими способностями.

Дома я засталъ одного мѣщанина, дальняго родственника, парня лѣтъ 20-ти. Онъ скрывался у насъ отъ солдатчины, и жилъ у насъ, пока прошло время рекрутскаго набора. Онъ выучилъ только азбуку и умѣлъ подписывать свое имя—и то славянскими буквами. Я просилъ его научить меня писать свое имя. Онъ научилъ меня не только писать мое имя, но имена сестеръ, работницы и работника. Первый урокъ данъ былъ имъ на дворѣ при заборѣ—мѣломъ. Потомъ—дома грифелемъ—на аспидной доскѣ, которая находилась у отца безъ употребленія.

При обученіи меня писать „Николай“, „Настасія, Катерина, Орина и Харитонъ“, онъ указалъ въ букварѣ буквы, входящія въ эти названія, и научилъ, какъ ихъ срисовывать; въ слогахъ азбуки онъ отыскалъ мнѣ слоги: Ни-ко-ла; На-та-ша; Ка-те-ри-на; Ха-ри-то. Какъ-то онъ старался показать мнѣ и значеніе этихъ слоговъ въ составѣ словъ. Не помню, какимъ процессомъ догадки или разумѣнія я понялъ значеніе буквъ и слоговъ въ составѣ словъ; но я уже бросилъ писать, а началъ разбирать и понимать въ азбукѣ все, что прежде изучалъ наизусть. Повязка съ глазъ моихъ спала... Я совершенно понялъ секретъ чтенія...

У отца постоянно лежала на столѣ книга *Четьи-Минеи* текущаго мѣсяца. Однажды я заглянулъ въ нее, и къ изумленію своему я увидѣлъ въ ней тѣ же буквы и тѣ же слоги, что и въ азбукѣ. Попробовалъ читать,—читается безъ труда. Я сталъ читать далѣе,—читается все легче и легче; я прочиталъ уже половину страницы, какъ вошла въ избу мать. Увидѣвши, что я читаю Четью-Минею,—она заставила меня прочесть житіе съ начала, и изумилась моему правильному и твердому чтенію... „Иванъ Але-

ксѣевичъ! Иванъ Алексѣевичъ! Посмотри-ка, какъ читаетъ Колинька!"—Отецъ вошелъ въ избу, долго слушалъ и ничего не говорилъ; наконецъ сказалъ дрожащимъ голосомъ и, можетъ быть, сквозь слезы: „Рано тебѣ браться за Четью-Минею; возмись-ка за часословъ,—это нужнѣе."

Съ этихъ поръ засадили меня за Часословъ и томили съ утра до вечера. Но я выучилъ только четвертую часть этой книжки до „Тебе Необоримую..." Мнѣ нравилось то, что другіе читали. Не училъ я и Псалтыря. Вмѣстѣ съ часословомъ я учился и писать. Зимой въ спертомъ воздухѣ избы и горницы у меня развилась золотуха. Особенно большія раны появились—одна на лѣвой рукѣ, другая—подъ правымъ глазомъ. На рукѣ рана скоро зажила, но подъ глазомъ приняла злокачественный характеръ; здѣсь даже выгнила маленькая косточка.—Какъ только наступила весна, меня отвезли въ Мценскъ къ Степану Ѳедоровичу, мужу моей родной тетки по матери. Онъ выдавалъ себя за лекаря, позаимствовавъ отъ своего брата—полкового лекаря—кой-какія свѣдѣнія о лекарствахъ. Отъ его ли ухода, или отъ того, что я свободенъ былъ отъ трудовъ ученія, рана зажила, и только остался шрамъ и стянуло книзу нижнюю вѣку, отчего правый глазъ у меня и доселѣ кажется больше, чѣмъ лѣвый. Двоюродные братья называли меня: *драный глазъ, дериглазъ,* а въ училищѣ: *окулюсь, окулъ, вокулъ.* Эта кличка осталась за мной до Академіи. Иначе не называли меня, какъ *Вокулъ.*

Проживъ въ Мценскѣ цѣлое лѣто и зиму, дома я еще прожилъ лѣто безъ усидчиваго ученья. Все не рѣшались, куда меня готовить, и везти-ли въ училище. Это лѣто я провелъ, можно сказать, въ объятіяхъ природы. Я спалъ въ сѣнникѣ, день проводилъ въ Ярушкѣ, прежде описанной мною. Я сталъ заикаться менѣе; меня сносно было слушать, а пѣлъ я вовсе не заикаясь.

Не знаю, кто внушилъ отцу попробовать отвезти меня въ училище. Только отецъ не скоро рѣшился. Курсъ тогда начинался съ 1-го сентября; но отецъ едва въ половинѣ этого мѣсяца собрался везти меня въ Сѣвскъ.—Я помню проводы свои. Меня благословляли какъ ратника, оплакивали какъ отправляющагося на тяжкія мученія и смерть. И дѣйствительно, кому вручали мальчика? Архіерей не завѣдывалъ Семинаріею, а только покровительствовалъ. Ректоръ и инспекторъ были архимандриты. Они высоко себя держали и никогда не позволяли себѣ унижаться до того, чтобы видѣть, какъ живетъ мальчикъ на квартирѣ, сытъ ли онъ, одѣтъ ли, не обижаетъ ли его кто.—Но прежде чѣмъ

описывать опредѣленіе меня въ училище, которое было соединено съ семинаріею и находилось въ Сѣвскѣ, ворочусь къ послѣднему лѣту, которое я провелъ, какъ сказалъ, въ объятіяхъ природы.—

Въ это лѣто мнѣ пришлось *завивать вѣнки* на Троицынъ день—съ народомъ, испытать жизнь и труды пастуха сельскаго стада и быть свидѣтелемъ опахиванія дворовъ во время чумы на рогатый скотъ.

Троицынъ день одинъ изъ весеннихъ праздниковъ въ Орловской губерніи. Еще съ вечера каждый хозяинъ полы дома усыпалъ травою, окна украшалъ вѣтвями; предъ фасадомъ дома тянулись ряды вкопанныхъ молодыхъ березокъ. Въ 8 часовъ утра, по благовѣсту, вся деревня и шла и ѣхала къ церкви, мущины и женщины съ пучками березовыхъ вѣтвей и душистыхъ травъ, особенно полевой зари (*любисты*, по маллороссійски, русальны—по болгарски)—Божья-дерева. Церковь, устланная зеленою травою и украшенная кленовыми и березовыми вѣтвями, преображалась въ райскую обитель. Каждый изъ молящагося народа, большой и малый, стоялъ обѣдню съ пучкомъ вѣтокъ и душистыхъ травъ. Благоуханіе разливалось по церкви. По окончаніи обѣдни весь народъ, кромѣ стариковъ и старухъ, расхаживалъ по роднымъ могиламъ, окружающимъ церковь, плелъ вѣнокъ и, надѣвъ его на голову, возвращался домой, представляя собою картину самую пріятную. Пришедши домой, снимали вѣнки и развѣшивали по стѣнѣ и вокругъ св. иконъ. Съ этихъ вѣнковъ, уже засохшихъ, послѣ спускали воду, давали пить больнымъ, клали на одержимыхъ падучею болѣзнію, вѣшали въ конюшняхъ, оберегая тѣмъ коней отъ чужого домового.—Въ этотъ день обѣдали на-скоро, оставляя послѣднія кушанья какъ-то: жаркія и короваи молодымъ, отправлявшимся тотчасъ послѣ обѣда въ лѣсъ—*завивать вѣнки*.

Въ часу первомъ по полудни березнякъ, дубнякъ и орѣшникъ Ярушки наполнялись группами народа, мужчинъ и женщинъ, молодыхъ людей, дѣвицъ и дѣтей. Со всѣхъ сторонъ раздавались пѣсни, протяжныя и плясовыя. Въ часу пятомъ пѣсни и игры смолкали. Всѣ садились кружками на зеленую траву, разлагали кушанья, пироги, короваи, яйца и жаркія, и угощали другъ друга; кромѣ браги и квасу, другихъ напитковъ не было. Послѣ этого полдника, всѣ вили вѣнки и желающіе кумились между собою, или завязывали дружбу на цѣлый годъ. Для этого соединяли двѣ вѣтви двухъ деревьевъ, находившихся въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, и связывали концами самихъ вѣтвей

въ крѣпкій узелъ. Потомъ, надѣвъ на голову вѣнки и стоя подъ аркою связанныхъ вѣтвей другъ противъ друга, протягивали другъ другъ правыя руки—съ словами: „будь кумомъ, будь кумою" и переводили другъ друга на свою сторону—три раза, сопровождая каждый переходъ объятіями и поцѣлуями. Послѣ чего цѣлый годъ называли другъ друга кумовьями.

Эти завязи дружбы происходили между дѣвками и молодыми людьми, между женщинами и мужчинами; а иногда между лицами одного пола. Тѣ, кто не занимался завязью дружбы, начинали пляски уже въ вѣнкахъ на головѣ. Но скоро завиваніе вѣнковъ прекращалось; всѣ спѣшили до захода солнца выйти изъ лѣсу и, раздѣлясь на группы, въ вѣнкахъ, съ пѣснями, возвращались домой. Многіе приходили къ рѣчкѣ и бросали вѣнки свои на воду и гадали, смотря потому, погружаются ли вѣнки въ воду, или остаются на поверхности ея.

Спѣшили оставить лѣсъ до заката солнца потому, что съ ночи Троицына дня на цѣлую недѣлю лѣсомъ овладѣвали *русалки*. Это—молодыя существа женскаго пола, ходятъ голыя, безъ обуви и безъ покрова на головѣ. Тѣло у нихъ бѣлое, какъ снѣгъ, лицо свѣтлое, какъ восходящая луна, волосы—красновато-свѣтлые и длинными локонами разстилаются по плечамъ. Онѣ легки, какъ пухъ, быстро перебѣгаютъ отъ дерева къ дереву, перескакиваютъ съ вѣтви на вѣтвь и, качаясь на вѣтвяхъ, чистымъ и нѣжнымъ голосомъ альта зовутъ подругъ: „кума, кума—приходи!" Дѣвокъ и молодыхъ женщинъ не любятъ и когда увидятъ какую въ лѣсу, нападаютъ на нее, срываютъ одежду и вѣтвями прогоняютъ изъ лѣса. Но мущинъ съ хохотомъ окружаютъ, рвутъ одежды, пока совершенно не сдѣлаютъ голыми, потомъ сзади хватаютъ подъ мышки, щекотаніемъ приводятъ ихъ въ хохотъ и щекочатъ до тѣхъ поръ, пока они не падаютъ въ обморокъ. Тогда, осыпая ихъ поцѣлуями, берутъ на руки и невидимками приносятъ въ домъ и полагаютъ на ихъ постели, а женатаго—къ женѣ подъ бокъ. Стариковъ же и старухъ русалки не любятъ и прячутся; имъ доводится слышать только голоса русалокъ и видѣть, какъ вѣтви колеблются подъ ними, когда онѣ качаются.

Одному изъ отважныхъ молодыхъ людей сильно захотѣлось видѣть русалокъ. Чтобы избѣжать щекотанія ихъ, ему посовѣтовали обратиться напередъ къ знахарю. Вотъ какой рецептъ далъ ему знахарь: „когда настанетъ ночь и всѣ лягутъ спать, и ты ляжь на своей постели и не спи, пока всѣ не заснутъ. Когда

всѣ захрапятъ, ты поднимись, раздѣнься до-гола и надѣнь два креста, одинъ на грудь, другой на спину. Русалки оттого нападаютъ сзади, а не спереди, что боятся креста на груди; а какъ у тебя будетъ висѣть крестъ и на спинѣ, и притомъ ты будешь голъ, то они будутъ играть съ тобой, но до тебя не коснутся."— Парень строго выполнилъ наставленія знахаря. Онъ легъ первый и притворился спящимъ; когда полегло все семейство и заснуло, онъ—долой съ себя рубашку, надѣлъ два креста, такъ что одинъ висѣлъ на груди, другой—на спинѣ, и шмыгъ изъ дому—черезъ огородъ, коноплянникъ, ниву—духомъ перелетѣлъ въ лѣсъ. Смотритъ: множество русалокъ! Однѣ качаются по вѣтвямъ, другія—водятъ хороводы, иныя поютъ, хохочутъ. Онѣ всѣ были голыя. Тѣла ихъ были бѣлы, какъ снѣгъ; лица сіяли, какъ полная луна; волосы свѣтло-огненные кудрями падали по плечамъ. Парень остолбенѣлъ отъ страха и восторга. Долго онъ любовался красотою русалокъ, граціозными движеніями, пріятными и звонкими голосами и неподдѣльнымъ восторгомъ и веселіемъ ихъ. Вдругъ русалки затихли и стали неподвижны. Они почуяли духъ человѣка и, взглянувъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ парень, вдругъ бросились къ нему съ хохотомъ и рукоплесканіями, и окружили его. Каждая хотѣла обнимать и цѣловать парня, но руки и губы не прикасались къ нему. Каждая забѣгала назадъ и старалась схватить подъ мышки, чтобы щекотаніемъ расположить его къ хохоту и веселью; но опять руки ихъ не прикасались къ парню. Тогда парень ободрился,—онъ самъ началъ играть съ ними, старался схватить которую-нибудь; но руки его не прикасались къ ней. Онъ пѣлъ и плясалъ съ русалками цѣлую ночь. Къ утру они заманили парня въ кусты—на густую и высокую траву и стали качаться по травѣ. Имъ послѣдовалъ и парень. Но вдругъ крестъ, висѣвшій на спинѣ, спалъ съ него. Русалки схватили его сзади подъ мышки и начали щекотать. Онъ хохоталъ до тѣхъ поръ, пока не упалъ замертво. Тогда чуялось ему, что русалки положили его на вѣтви и понесли его молча. Вынесли изъ лѣсу, вотъ несутъ его черезъ ниву, коноплянникъ, дворъ, внесли въ избу и, надѣвъ на него рубашку и порты, кладутъ на постелю. Затѣмъ уходятъ и уносятъ вѣтви. Парню все еще слышался вдали хохотъ и пѣсни русалокъ. Наконецъ онъ заснулъ глубокимъ сномъ. Его едва могъ разбудить отецъ крикомъ: „покуда ты будешь дрыхнуть, вставай,—уже солнце взошло!"—Объ этой ночи парня у русалокъ знали и разсказывали не только жители нашего села, но и жители сосѣднихъ селъ. Если бы сдѣлать объ

этомъ событіи повальный обыскъ, то подтвердили бы не только крестьяне, но и помѣщики ихъ.—

Послѣ *Семицкой недѣли* въ лѣсу уже не бываетъ русалокъ. Одни говорятъ, что онѣ поднимаются вверхъ и живутъ на облакахъ; другіе думаютъ, что онѣ скрываются подъ землею и спятъ тамъ остальное время года; а иные думаютъ, будто онѣ переселяются въ рѣки. Но послѣднее мнѣніе никѣмъ не принимается въ Орловской губерніи. Каждому извѣстно, что въ водѣ рѣкъ живетъ *Водяной*, который принимаетъ въ свои объятія всякаго утопленника и задерживаетъ его, не давая ему жить на воздухѣ. При мнѣ, когда откачивали потонувшаго мальчика *Ерофея*, трудившіеся надъ этимъ мѣщане кричали обыкновенно: „нашъ Ерофей! живъ Ерофей!" И не говорили, что въ водѣ задерживали его русалки, а утверждали, что держалъ его *„Дѣдъ Водяной"*.—Врали еще, будто русалки не покидали лѣса, а превращались въ *бабочки*, и иная изъ нихъ ржала по лошадиному и свистала какъ человѣкъ. Но это неправда. Если въ лѣсу слышалось ржаніе и свистъ, то это ржалъ и свисталъ *Лѣшій*. Когда я ѣхалъ по лѣсу, возвращаясь изъ г. Мценска съ матерію и работникомъ, вдругъ послышались ржаніе и свистъ. Работникъ перекрестился, мать—тоже. Когда я спросилъ: кто это,—мнѣ не отвѣчали, и только по выѣздѣ изъ лѣса работникъ сказалъ: это—*Лѣшій*. А мать промолвила: „да, но онъ боится креста и молитвы".—Говорили еще, будто русалки. оставивъ лѣсъ, долго еще остаются на нивахъ и безмолвно катаются въ волнахъ нивы. Но это—ложь. На поляхъ есть *Полевой*. Отъ него много страдаютъ охотники на перепеловъ. Иногда на звукъ дудочки подъ раскинутую сѣть бѣжитъ отлично голосистый перепелъ, а гляди на сѣть,—откуда ни возмись—падаетъ камень, или борона, и едва не губитъ ловца.

До поступленія въ училище я былъ свидѣтелемъ *опахиванія дворовъ*—во время падежа на рогатый скотъ. Это несчастіе потому смущаетъ село, что неминуемымъ послѣдствіемъ его бываетъ смерть двухлѣтнихъ и трехлѣтнихъ дѣтей. Съ коровъ, какъ утверждали, смерть переходитъ на дѣтей. Дѣтей этого возраста обыкновенно кормятъ молочною кашею, или въ чашку съ молокомъ крошатъ хлѣбъ. Естественно, что съ гибелью коровъ сохнутъ и гибнутъ дѣти, особенно если безъ молока остаются на зиму.— Для прекращенія падежа стараются *выгнать изъ села смерть*, а для этого вотъ что дѣлаютъ. Наряжаютъ 9 дѣвокъ съ иконами и приглашаютъ бабъ возможнымъ безобразіемъ устрашить смерть и выгнать ее. Наступаетъ ночь. Дѣвки съ иконами и фонарями

выходятъ за околицу. Выходятъ и бабы. Дѣвки, одѣтыя въ праздничное платье, съ иконами вступаютъ въ село съ возможною тишиною и безмолвіемъ, читая про себя молитвы. На разстояніи 50 саженъ отъ нихъ идутъ за ними бабы—огромною толпою, босыя, безъ всякаго покрова на головѣ и въ однихъ рубашкахъ. Каждая изъ нихъ вооружена или вилами, или толкачемъ, или кочергою, или помеломъ, или же дубиною, коломъ, цѣпомъ, оглоблей. Всѣ онѣ, расплетая косы, распускаютъ волосы не только по плечамъ и назадъ, но и напередъ; иныя изъ нихъ спускаютъ рубашку до поясницы и на таліи укрѣпляютъ ее рукавами: впереди ихъ идетъ соха, поддерживаемая двумя бабами; въ нее запряжена женщина въ послѣднемъ періодѣ беременности. Наклоня соху на одну сторону однимъ сошникомъ, они проводятъ мелкую борозду по селу и когда вступятъ въ деревню, измѣнивъ голосъ на мужской, изо всѣхъ силъ начинаютъ кричать:

Ой смерть! Ой смерть!
Выди вонъ, выди вонъ!
Изъ нашего—изъ села—
Изъ закуты—изъ двора.

—

Мы идемъ съ кочергами,
Съ помелами, съ толкачами,
Со дубинами и цѣпами...
Мы идемъ, мы идемъ—
Девять дѣвокъ съ иконами,
Одна баба брюхатая.—
О смерть, мы убьемъ
На огнѣ всю сожжемъ!..

Далѣе поютъ похабную пѣсню:

Рябина, рябина!

Наконецъ приходятъ въ неистовство, прыгаютъ, крутятся, выкрикиваютъ срамныя слова; противъ каждаго дома половина ихъ отдѣляется отъ толпы, подбѣгаетъ къ воротамъ и сильно стучитъ, произнося срамныя ругательства. Пройдя такимъ образомъ всю деревню сохою и поколотивъ въ каждыя ворота,—за другою околицею раскладываютъ огонь. Но дѣвки не принимаютъ участія, а обходятъ бѣснующихся другой дорогой и возвращаются домой.

До поступленія въ училище мнѣ пришлось испытать жизнь и трудъ пастуха сельскаго стада. Въ селѣ Спасскомъ было три стада. Къ одному изъ стадъ принадлежалъ и скотъ поповки. Случилось, что одинъ изъ двухъ пастуховъ этого стада померъ. Была пора рабочая, послѣдніе дни іюля. Нанять пастуха трудно. Рѣшили, чтобы каждый дворъ по очереди давалъ помощника пастуха на время, пропорціальное количеству скота. Нашему двору пришлось отбывать 4 дня. Работника нельзя было оторвать отъ косьбы, работница съ утра до вечера на жнивѣ. Сестры мои также жали, но безъ работницы не могли оставаться въ полѣ. Послали меня, и я охотно согласился, лишь бы не сидѣть дома, не выпуская изъ рукъ книги или пера. Съ другой стороны я очень стыдился званія пастуха, почему-то считавшагося ниже званія батрака. Этотъ ложный стыдъ раздѣляли и мои родители. Но устроили такъ, чтобы я не былъ при стадѣ, когда пригоняли къ нему изъ дворовъ скотъ, а присоединялся къ пастуху уже въ полѣ.—Меня снабжали на цѣлый день хлѣбомъ, печеными яйцами и сдобными ватрушками, которыя нарочито готовились для меня. Еще до восхода солнца съ сумкою за плечами я отправлялся въ поле. Но не смотря на эту предосторожность, пригонявшіе скотъ къ стаду всегда узнавали отъ пастуха, кто на этотъ день былъ его помощникомъ.

Въ полѣ я съ удовольствіемъ присоединялся къ пастуху, бралъ 3-хъ—саженный кнутъ и хлопалъ имъ для своей забавы, пока не былъ останавливаемъ пастухомъ, просившимъ не пугать попусту скотъ. „Успѣешь еще нахлопаться, когда скотъ наѣстся и станетъ расходиться въ разныя стороны". До 10-ти часовъ я съ удовольствіемъ шелъ за стадомъ и раздѣлялъ съ пастухомъ завтракъ; но настала жара,—сытый скотъ сталъ бродить въ стороны, каждые полчаса надобно было собирать его, дрессированной собаки не было, всюду бѣгалъ я. Къ полдню ноги мои подкосились, я усталъ и тутъ только почувствовалъ, что для пастуха нужна не сытная пища, а болѣе—вода. У пастуха былъ за плечами кувшинъ съ водою. Но онъ не давалъ мнѣ пить болѣе двухъ глотковъ. Но вотъ—согнали скотъ на десятину полдневать. Хозяинъ десятины платилъ пастуху за то небольшія деньги. Скотъ ложился; растягивался на землѣ и я съ пастухомъ. Пастухъ спалъ, облитый потомъ — подъ роемъ мухъ; но я по непривычкѣ не могъ спать. Я томился отъ зноя и попивалъ изъ кувшина воду. Часа чрезъ два проснулся пастухъ, бросился къ кувшину, а тамъ оставалось не болѣе двухъ глотковъ. Тогда онъ выругалъ

меня.—Подняли скотъ, солнце свалилось съ полудня, но зной усилился. Меня томила жажда. Пастухъ мурчалъ себѣ подъ носъ, должно быть ругалъ меня. Тогда я сталъ умолять, чтобы скорѣе гналъ скотъ къ рѣченькѣ; но *Меркулъ* не отвѣчалъ мнѣ, или отвѣчалъ: „рано, рано; солнце только что свалилось съ полдня.“ Однако жажда и его пробирала. „Постой,—сказалъ онъ—я пойду къ косарямъ, не разбудусь ли водою, а ты смотри—не давай свиньямъ расходиться“. Я остался одинъ при стадѣ. Овцы и коровы дѣйствительно не расходились; но проклятыя свиньи измучили меня. Безпрестанно я бѣгалъ за ними, и занималъ ихъ, пригоняя къ стаду. Полчаса отсутствія пастуха показались мнѣ цѣлымъ вѣкомъ. Я изнемогалъ... Вдругъ показался Меркулъ, одною рукою поднимая кувшинъ, а другою указывая на нѣсколько свиней, далеко отдѣлившихся отъ стада. Но я—ни съ мѣста, а только кричу ему: воды, воды! Приблизился Меркулъ и, не выпуская кувшина изъ рукъ, далъ мнѣ хлебнуть изъ него одинъ глотокъ, спустя минуту—далъ другой. Вода была холодная, какъ со льда. „Ты, видно, въ деревню ходилъ за льдомъ“, сказалъ я.— „Зачѣмъ въ деревню? Косари и безъ льда умѣютъ выстуживать воду“—отвѣчалъ онъ, и затѣмъ послалъ меня залучить свиней. Когда я возвратился, онъ далъ мнѣ уже разомъ три глотка воды, потомъ сталъ разсказывать, какъ на покосѣ охлаждаютъ воду. Но я понялъ способъ охлажденія, когда чрезъ годъ самъ присутствовалъ при употребленіи его. На покосахъ во многихъ мѣстахъ остаются небольшія лужи отъ весеннихъ снѣговъ. Въ этихъ лужахъ, отъ зноя почти горячихъ, кишмя-кишатъ насѣкомыя и головастики. Отъ прикосновенія чьего-либо къ водѣ, головастики убѣгаютъ на дно. Но черпая эту воду нельзя избавиться отъ инфузорій. Мужички наливаютъ этою водою большой кувшинъ и врываютъ его въ землю. Затѣмъ наливаютъ чугунный котелъ и грѣютъ его. Въ тоже время копаютъ вокругъ кувшина ровокъ, на разстояніи отъ него въ одинъ и полтора аршина. Наконецъ кипятокъ вливаютъ въ ровокъ и держутъ палецъ воткнувъ его въ землю, въ разстояніи на два вершка отъ кувшина. Едва палецъ почувствуетъ теплоту, какъ тотчасъ вынимаютъ кувшинъ изъ земли. Вода въ этомъ кувшинѣ становится холодною. Напившись изъ него, остатки воды въ кувшинѣ сохраняютъ, закапывая кувшинъ въ сырую землю на другомъ мѣстѣ.

Солнце начало склоняться къ закату; появилась прохлада; пастухъ обратилъ стадо къ селу, чтобъ не догоняя его до села, напоить его въ рѣченкѣ. Я едва волочилъ ноги—и Меркулъ от-

пустилъ меня, примолвивъ: „теперь стадо и безъ насъ пойдетъ на водопой и съ водопоя побѣжитъ домой.“ Я едва доплелся домой. Казалось, что совсѣмъ останусь безъ ногъ. Но на другой день я опять готовъ былъ пасти стадо. Но родители уже не пустили меня, а заплатили что-то Акиму Петровичу, чтобы взялся отбыть и нашу, и свою череду. Но онъ не одинъ пошелъ, а съ сыномъ, сверстникомъ моимъ, и, тоже пославъ сына къ сборному мѣсту стада, самъ присоединился къ Меркулу уже въ полѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Праздникъ Пасхи въ селѣ Косаревѣ, дубенскаго уѣзда, волынской губерніи.

Природа Украины, сложившійся вѣками укладъ ея жизни, ея обычаи, нравы, ея праздники, своеобразный характеръ ихъ чествованія, глубокая по своему содержанію и трогательная по своимъ мотивамъ пѣсня—все это составляетъ ту обстановку жизни ея, которая глубоко и всецѣло проникнута поэтическими элементами. Такою изображали Украину ея безсмертные поэты, такою она представляется взорамъ человѣка, меньше всего склоннаго отдаваться поэзіи: та искренняя любовь къ ней, какою проникнуты ея сыны, ея трагическая судьба со всѣми превратностями, отчасти изображенная въ грустныхъ думахъ и пѣсняхъ, говоритъ краснорѣчиво, что народъ въ нихъ „выплакалъ свое сердце", выразилъ свою душу". Отдаваясь въ нихъ воспоминаніямъ грустнаго прошлаго, народъ какъ-бы безсознательно черпалъ надежду на лучшее и свѣтлое будущее, которое своимъ идеально фантастическимъ образомъ воскрешало въ немъ жизнь свободную, мирную, созданную для благополучія народа, чуждую всякихъ постороннихъ тенденцій служить орудіемъ осуществленія и выполненія разныхъ политическихъ проблемъ, а также объектомъ для разнаго рода политическихъ же экспериментовъ.

Но tempora mutantur... Условія жизни, не имѣвшія ничего сходнаго съ этими надеждами, способствовали незамѣтно тому, что источникъ, изъ котораго питались эти надежды, изсякалъ подъ напоромъ самыхъ разнообразныхъ вліяній, и если лѣтъ 15—20 тому назадъ можно было еще констатировать наличность большого количества пѣсенъ, а также большой интересъ и любовь вообще къ стариннымъ обрядамъ и пѣснѣ—этой хранитель-

ницѣ духовнаго обличья народа, то въ настоящее время приходится сказать, что пѣсня вымираетъ, и этнографу представляется возможность подбирать только жалкіе остатки — крохи того обильнаго богатства, которое долго хранилось въ памяти народной. Проза жизни наложила свой леденящій отпечатокъ на душу, разочаровавшуюся повидимому въ свѣтлыхъ надеждахъ, а также внесла свое разлагающее вліяніе въ старинные обряды и обычаи народа; обрусительныя стремленія способствовали порчѣ мѣстнаго языка, который въ существѣ своемъ все-таки остается пока нетронутымъ со всѣми тѣми оборотами и особенностями, которыя составляютъ красу и прелесть украинскаго языка. Таковы грустныя впечатлѣнія, вынесенныя мною во время пребыванія на праздникѣ Пасхи въ с. Косаревѣ дубенскаго уѣзда, волынской губерніи въ прошломъ 1905 году (13—24 апрѣля).

Казалось бы, что та глушь, въ которой расположено это село, отдаленность его отъ культурныхъ центровъ и желѣзной дороги, должны бы были способствовать сохраненію старины при общемъ консервативномъ характерѣ мѣстнаго населенія [1]). Однако этого не случилось: эволюція совершалась хотя и медленно, но незамѣтно, какъ бы порывая связь со старинной традиціей. Вообще же сравнивая теперешнія свои впечатлѣнія съ тѣми, какія я вынесъ въ это же время лѣтъ 15 тому назадъ, приходишь къ выводу, что прежде мѣстная жизнь поражала обиліемъ идеальныхъ элементовъ, и впечатлѣніе являлось цѣльное, бодрящее, окрыленное надеждами. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей и чувствъ я рѣшилъ записать все то, чѣмъ отличается празднованіе этого праздника, дабы сохранить еще невымершіе остатки стариннаго обряда и пѣсни, а также оттѣнки мѣстнаго говора.

Не говоря подробно о страстной седмицѣ, которая вся проходитъ въ хлопотахъ и приготовленіяхъ къ празднику, слѣдуетъ замѣтить лишь о томъ, что среди этихъ приготовленій заслуживаетъ вниманія собираніе „барвинка“, изъ котораго сплетаютъ вѣнокъ, который обыкновенно надѣвается на голову поросенка-главнаго традиціоннаго блюда, приготовляемаго ко дню Пасхи.

„Ой барвинку, барвинóчку!
Покажысь, мій голубочку!

---

[1]) См. мою статью „Описаніе говора с. Косарева“. Русск. Фил. Вѣстн. 1904 г. т. I.

Нехай я тебе парву,
Поросяти голову уберу".

Такъ поютъ дѣвушки или замужнія женщины, собирающія „барвинокъ". Но вотъ приготовленія приходятъ къ концу, окрашиваются яйца—заключительный актъ приготовленій, и все готово къ празднику. Не обходится безъ курьезовъ: у принимающихъ участіе въ окраскѣ яицъ руки и зубы покрываются на продолжительное время краснымъ цвѣтомъ, такъ какъ недостаточно окрасить яйцо, а „треба ще ї покуштуваты", т. е. попытать посредствомъ постукиванія о зубы, крѣпкой ли осталась скорлупа послѣ окраски; это важно потому, что въ теченіе 1-хъ трехъ дней Пасхи христосованіе происходитъ посредствомъ яицъ.—Въ теченіе всей пасхальной ночи принято поддерживать во всѣхъ избахъ огонь; а на погостѣ подлѣ церкви горятъ костры. Часовъ въ 10 вечера отпирается церковь, и начинается чтеніе „Дѣяній апостольскихъ" („одыяные"), при чемъ имѣющіеся въ небольшомъ количествѣ грамотные блистаютъ своими знаніями, читая среди церкви книгу „Дѣяній". Собирается довольно много народа. Затѣмъ обычнымъ порядкомъ въ 12 ч. совершается заутреня, а затѣмъ литургія. Особенно всѣ стремятся попасть къ заутренѣ; когда, послѣ обычнаго начала заутрени на паперти, всѣ входятъ въ церковь съ пѣніемъ „Христосъ воскресе", то всякій стремится попасть въ церковь раньше другого, чтобы встрѣтить воскресшаго Христа. Послѣ литургіи совершаются освященіе куличей, которые устанавливаются кругомъ церкви на землѣ, застланной скатертями. Послѣ чтенія молитвы и окропленія каждый спѣшитъ захватить „свячене" и поскорѣе возвратиться домой. По этому поводу существуетъ слѣдующее повѣрье: кто раньше другихъ возвратится къ себѣ въ домъ съ „свяченымъ", тотъ раньше другихъ односельчанъ уберетъ свои полевые хлѣба, которые притомъ не подвергнутся никакимъ поврежденіямъ. Для этой цѣли выбираются изъ семьи тѣ, которые побольше ростомъ и посильнѣе, чтобы при случаѣ могли растолкать толпу и доставить поскорѣе драгоцѣнную ношу въ домъ. Жители сосѣднихъ же деревень пріѣзжаютъ на лошадяхъ, и потому въ этомъ случаѣ вся надежда возлагается на лошадей, которыхъ ради этого случая закармливаютъ, а тѣ стараются должнымъ образомъ отблагодарить хозяевъ, стремящихся тоже какъ можно скорѣе возвратиться домой со „свяченымъ". Ѣзда въ перегонку тутъ является сама собой, и конкурирующіе стараются не только мѣшать другъ другу,

но и при случаѣ опрокинуть, такъ что иногда выѣхавшій первымъ со „свяченымъ“, благодаря этой конкуренціи, остается посреди дороги подбирать разбросанныя яства и прилаживать слетѣвшее колесо, такъ какъ вынуть незамѣтно изъ оси колушекъ, задерживающій колесо, считается признакомъ ловкости.

По возвращеніи домой разрѣзываютъ „свячене яйце“ или крашанку и съѣдаютъ по небольшому кусочку, говоря обычное пасхальное привѣтствіе: „Христосъ воскресе“ „Воистину воскресе“. Затѣмъ пьютъ водку и ѣдятъ „порося“, „ковбасу“, „шынку“, „паску“ и т. д. Молодежь при этомъ не особенно увлекается ѣдой, а взявши какъ можно больше яицъ, отправляется къ церкви; площадь внутри церковной ограды на три дня становится очень оживленнымъ мѣстомъ, своего рода клубомъ. Приходятъ сюда для того, чтобы „звоныты, бытыся яйцямы, гратысь, бигаты и спиваты“. Парней—подростковъ интересуетъ то, что они вволю могутъ „надзвоныться“, такъ какъ съ утра до вечера „можна звоныты, и ни пипъ, ни староста ничого не скажуть, бо на те Господь далы велыкдень“. Христосованіе, какъ я уже сказалъ выше, происходитъ посредствомъ яицъ; заключается оно въ томъ, что христосующіеся ударяютъ, держа въ рукахъ по яйцу, одно о другое; тотъ, чье яйцо разбивается, долженъ отдать его тому, кто разбилъ. Такимъ образомъ создается своего рода яичный спортъ, заключающійся въ томъ, чтобы „выбыты якъ можно бильше яецъ“. Съ этою цѣлью практикуются разнаго рода средства, могущія обезпечить успѣхъ; такъ, напримѣръ, дѣлаютъ искуственную дырочку въ скорлупѣ, высасываютъ бѣлокъ и заливаютъ воскомъ образовавшееся пустое пространство; затѣмъ добываютъ яйца кантарки, считающіяся очень крѣпкими, и др. Наконецъ, при самомъ христосованіи пользуются разнаго рода хитростями и уловками, чтобы обезпечить побѣду. Происходитъ такой разговоръ: „Будемо бытысь?“ — „Давай“. — „А ну дай же мени покуштуваты свое яечко“. — „Ни, не дамъ“. — „Тай чомъ? — „Не хочу, дай годи“. — „Думаешъ, що я тоби надыбью;*) не быйся“. — Происходитъ временный обмѣнъ яйцами, ихъ „куштують“. а затѣмъ или бьютъ, или еще разговариваютъ: „Де вже мени бытыся зъ тобою? Твое яйце якъ головъяпе. Хиба поминяймося“. — „Не хочу“. — Въ другой кучкѣ намѣревающихся христосоваться понукиваютъ: „Быйтеся! Чого стоите!?“ — „Ни

---

*) При „коштуваніи“ нѣкоторые умышленно надбиваютъ яйцо зубами—это вѣрный залогъ успѣха.

не можна; дежъ бо такъ таки и задарма яйце отдаты; винъ думае, що я дурнійшый видъ него,—ни не хочу". Въ случаѣ обнаруженія какого-либо плутовства, виновникъ подвергается небольшой потасовкѣ со стороны окружающихъ.—

Изъ игръ слѣдуетъ упомянуть только о кошкѣ и мышкѣ, а также о простомъ бѣганіи въ запуски, какъ остаткѣ тѣхъ многочисленныхъ самостоятельныхъ игръ, не сопровождающихся пѣніемъ, которыя существовали сравнительно недавно. Къ играмъ относятся теперь вообще довольно скептически. Даже подростки (съ 13 лѣтъ) уже видятъ въ играхъ „дытячу забаву", которая прилична болѣе маленькимъ дѣтямъ. Что касается пѣсни, то нѣкоторыя смотрятъ на нее тоже, какъ на забаву и даже баловство, не имѣющее сколько-нибудь серьезнаго значенія. Но съ другой стороны „бабы й мужикы", которые знаютъ много старинныхъ пѣсенъ, пользуются большимъ уваженіемъ. Когда по этому поводу мнѣ приходилось разговаривать, то мнѣ замѣчали: „стари люде зналы багацько писень гарныхъ, правдывыхъ, де говорытся про бувальщыну; найбильшъ про панщыну; бувало небожка Горпына (знавшая много пѣсенъ), якъ заведе, якъ зачне спиваты, то здается и въ мисяць іи не переслухаешъ; а теперъ що? Йимъ абы горилка, та музыки, а за писни воны й байдуже; а то заспиваютъ якои салдацькои, що ажъ гыдко слухаты". Дѣйствительно, къ концу 2-го дня Пасхи на церковномъ погостѣ народу поубавилось, а въ теченіе 3-го дня оставались дѣти, небольшіе подростки и кое-какія бабы, которыхъ уже не тянетъ „на музыки". Зато въ двухъ-трехъ мѣстахъ села раздавались „музыки". Полная музыка—„скрипка й бубенъ". По вечерамъ только до заката солнца собравшіяся группы дѣвушекъ, какъ бы отдавая дань старинѣ, пѣли пѣсни, сопровождаемыя нѣкоторой игрой. Такимъ образомъ, въ народномъ сознаніи по отношенію къ пѣснѣ существуетъ противорѣчіе: точнѣе раздвоеніе—въ однихъ случаяхъ на нее смотрятъ только какъ на забаву, которою свойственно заниматься дѣтямъ и подросткамъ; въ другихъ, съ уваженіемъ относясь къ знатокамъ многихъ пѣсенъ, сожалѣютъ объ упадкѣ ея, о ея вырожденіи; и вмѣстѣ съ тѣмъ осуждаютъ черезмѣрное увлеченіе „музыкамы и горилкою". Два сталкивающихся, противорѣчивыхъ взгляда, мнѣ кажется, говорятъ о томъ, что началось не только вымираніе пѣсни, но также формулировка взглядовъ, которые склонны оправдать это явленіе.

Записанныя мною пѣсни могутъ быть строго раздѣлены на двѣ категоріи по характеру исполненія и отчасти по содержанію. Первыя можно назвать игорными, вторыя просто хоровыми, такъ какъ въ первомъ случаѣ пѣніе сопровождается игрой, а во второмъ нѣтъ.

Пѣсни игорныя.

1.

Собравшіяся дѣвушки становятся въ одинъ рядъ попарно, повернувши лицо другъ къ дружкѣ и взявши другъ друга за обѣ руки; затѣмъ одна изъ постороннихъ, не ставшихъ въ рядъ, беретъ мальчика лѣтъ 4—5, ставитъ его на руки первой пары и проводитъ па рукахъ до послѣдней и обратно. Въ это время поютъ слѣдующую пѣсню:

Ходыть жучокъ по жучыни,
А дытына*) по ручыни.
Грай, жучку, грай!
Грай, выгравай!
Ой посію конопельки!
Ой вродылы повнычеңьки,
Грай, жучку, грай!
Грай выгравай!

2.

Поющія дѣвушки раздѣляются на двѣ группы, при чемъ одна изъ нихъ поетъ стихъ въ формѣ вопроса, а другая даетъ отвѣтъ. Стихи поются два раза.

1	группа	Володаръ, Володаръ! очины ворота (2 раза).
2	„	Я (—а) хто воритъ клыче? (2 р.)
1	„	Княгыни слугоньки. (2 р.)
2	„	А що за даръ везуть? (2 р.)

---

*) Варіантъ: „хлопчынка“ или „дивчынка“,

1 „ Ярыи пчилоньки. (2 р.)
2 „ Ой цежъ бо намъ мало. (2 р.)
1 „ То мы вамъ придамо. (2 р.)
2 „ Щожъ вы намъ придасте? (2 р.)
1 „ Князятко-папятко (2 р.)
Мызып'пе дытятко (2 р.)
2 „ Ой въ чимъ воно вбране? (2 р.)
1 „ У срибли, й у злоти,
По колиньця въ болоти. (2 р.)
2 „ На чымъ воно седыть? (2 р.)
1 „ На золотымъ криселку (2 р.)
2 „ Я чимъ воно грае? (2 р.)
1 „ Червонымъ яечкомъ (2 р.)*)
2 „ Я чымъ воно крае? (2 р.)
1 „ Срыбный ножикъ мае
А золоту талирку (2 р.)

3.

Поющія становятся въ кружокъ, а одна въ серединѣ; ставшія въ кружокъ поютъ:

Устань, устань, перепилко!
Онде матинка йде.

Стоящая въ серединѣ кружка дѣвушка „одспивуе“ такъ:

Ны встану, ны гляну,
Бо ручыще болыть.
Хоръ: Устань, устань, перепилко!
Онде батенько йде.
Она: Ны встану й ны гляну,
Бо головка болыть.
Хоръ: Устань...
Онде братичокъ йде.
Она: Ны встану...
Бо ножища болять
Хоръ: Устань...
Онде сестронька йде.

---

*) Если поютъ эту пѣсню въ праздникъ Тройцы, то „червонымъ яблучкомъ“.

Она: Ны встану...
Бо плечище болыть.
Хоръ: Устань...
Онде мыленькій йде.
Нашая перепилка ны вмывалася,
Забачыла мыленького тай погналася.

Затѣмъ стоявшія въ кружкѣ разбѣгаются, а „перепилка“ старается поймать; кого она поймаетъ, та становится въ середину кружка, и опять такимъ же порядкомъ поютъ. Иногда заканчиваютъ эту пѣсню такими словами:

Устань, устань подолянко!
Визьмыся въ бока, поскачыся въ скока;
Плывы по Дунаю,
Беры дивку зъ краю.

Этими словами указываютъ на то, что ей слѣдуетъ поймать, такъ какъ стоящія въ кружкѣ по отношенію къ той, какая въ серединѣ, всѣ будутъ „зъ краю“.

4.

Раздѣлившись на двѣ группы, дѣвушки поютъ:

1 „ Помагайби, ласкава теща!
2 „ Здоровъ, здоровъ, ты кгардый зятю!
Шо ты скажешъ, кгардый зятю!
1 „ Дай за мене котру дочку,
Котру дочку молоденьку!
2 „ Беры якъ хочешъ сюю.
1 „ На що мени така маленька?
2 „ Ще ты ны взявъ, а вже ганьбу давъ.
1 „ Я ны ганьбую-тыльки шлюбую.

Наконецъ, онъ выбираетъ и называетъ ее такъ.

Ой ты сывая, мылая, та голубочко!
Скажи мыни всю правдочку:
Якъ горуть на макъ.
Она: Ой такъ, ой такъ горуть на макъ.

Онъ: . . . Якъ сіють макъ.
Она: Ой такъ, ой такъ сіють макъ.

Затѣмъ спрашиваютъ: „якъ волочать макъ, полють макъ и збпрають макъ". — Такимъ же порядкомъ, какъ и эту пѣсню, поютъ слѣдующія:

5.

1	гр.	Чомъ ты, Галю, ны гуляешъ?
2	„	Я ны маю сорочыны, кавалеру.
1	„	То я тоби, Галю, справлю.
2	„	То я тоби, кавалере, подякую.
1	„	Чомъ ты, Галю, ны гуляешъ?
2	„	Я ны маю спиднычыни.
1	„	То я тоби, Галю, справлю.
2	„	То я тоби, кавалере, подякую.
1	„	Чомъ ты, Галю, ны гуляешъ?
2	„	Я ны маю караливъ.
1	„	То я тобп справлю.
2	„	То я тобп подякую.

Затѣмъ упоминается въ пѣснѣ: „хвартушына, хустына, чырывычки и панчошки. Заключительныя слова пѣсни:

Чого Галю такъ гуляешъ?
Я гуляю, бо все маю.

6.

1	гр.	Мы пидемо на торжокъ,
		Купымъ жони хвартушокъ.
2	„	Мы хвартушка одберемо,
		Ваши жонп ны дамо
1	„	Мы пидемо на торжокъ,
		Купымъ жони сподпычку.
2	„	Мы сподпычку одберемо,
		Ваши жони ны дамо.

Затѣмъ такъ же, какъ и въ предыдущей, упоминаются: чырывычки, панчошки, хустына, сорочычка й каралп.—Заключительныя слова поются такъ:

1 гр. Мы пыва наварымо,
Свою жону заклычемо.
2 „ Мы пыво выпъемо,
Вашу жону выбъемо.[1])

7.

1 гр. Чырвона калыно!
Чого въ лузи стойишъ?
Чи суши бойися?
Чы витру ны чуешъ?
2 „ Сушы ны боюся,
Одъ вітру валюся;
Стою тай думаю,
Якъ зацьвисты маю:
Зацьвиту я й било—
Пташки удзюкгають:
Зацьвиту чырвоно—
Дивкы обламають.

Хоровыя

8.

Ой у лузи калына
Білымъ цвитомъ зацьвила,
Я (= а) чырвонымъ посьпіла.
Послала мене маты
Калыны ламаты;
Тылько я до калыны,
Калына угнулася;
Дивчына зомлилася:
Де доля подилася.
Обызвалася доля
Ажъ по тимъ боци мора,
Обызвалась друга,
Ажъ по цимъ боци луга.
Ты свою, дивко, долю

1) Вар.: Ваши ны дамо.

Въ пьятныцю просьпивала,
Въ суботу просьнидала,
Въ недилю довго спала,
Отця й матку знываважала.

При пѣніи каждый изъ этихъ стиховъ повторяется.

9.

Летыть воронъ вороныною,
Хтось йде до насъ вечорыною;
Йде Даныло зъ коршмы пьяный.
„Выйды, Мартосю—я твій коханый“.
Мартося выйшла—такъ я ны спала,
Обняла Данылa, тай поциловала.
„Щожъ кому до того,
Що я цилую его?
Его борідка золотынькая,
Его тварочокъ, якъ огирочокъ,
Его оченьки такъ, якъ тырночокъ,
Его бровоньки такъ, якъ шнурочокъ.
Въ синечкахъ за дверычкамы
Стойить лижечко зъ подушычкамы;
На тимъ лижечку Мартося седыть,
Мартося седыть дудочку держыть;
Та дудочка хороше грае,
Десь мій Данылё въ коршмі гуляе,
Въ коршми гуляе—журбы ны мае,
Якъ бы журбу мавъ, то въ коршми бъ ны гулявъ.

10.

Ой на ставу, на ставочку
Вода вырыпае;
Ой тамъ козакъ молоденькій
Коня наповає.
А дивчына—повна рожа
Воды пидлывае.
Козаченько—барвиночокъ
Дивчыну пытае:
„Ой дивчыно—повна рожо!
Чы сватaтысь можна?“

„Козаченьку—барвиночку!
Хочъ бы въ ныдиленьку.“
„Ой дивчыно—повна рожа
Въ недилю ны можна.“
Ой ходимо, товарышу,
Ходимо до пана,
Панъ розсудыть,
Котра буде пара.
Стоить багачъ передъ паномъ,
Чирвиньцямы сыпле,
А я вбогий дивчыноньку
За рученьку тысну.
Якъ насыпавъ вунъ чирвинцивъ,
Ажъ панъ засьміявся,
А я вбогій зъ дивчыною
Въ ныдилю звинчався.

Каждый изъ стиховъ этой пѣсни при пѣніи повторяется.

11.

Ны ходы, козаче,
По-надъ берегамы,
Ны сушы серденька
Чорнымы бровамы.
„Чорны бровы маю
Тай ны оженюся;
Не люблять дивчата —
Пойду утоплюся.
Не люблять дивчата,
Ани молодыци—
Пойду утоплюся
Въ глубоки крыныци“.
Ны топысь, козаче,
Марне душу згубышъ
Скажы щыру правду:
Кого вирне любышъ?
Ны люблю никого,
А тебе йидную,
А тебе йидную,
Якъ сестру ридную.
Йе въ мене копійка,
А въ тебе тры грошы,

Ходимъ повинчаймось
Обое хороши.
Прышлы підъ церковцю
Ныма попа въ дома;
Чы то таке счастя?
Чы лыхая доля?
Якъ нымае свого,
Ходимъ до чужого."
„Зъ нашого кохання
Ны буде ничого"

12

Молода дивчыно!
Чого смутна стойишъ?
Чы матуся была?
Чы по мени тужышъ?"
„Матуся ны была,
Сами слезы ллются;
Три ничкы пы спала.
Думала й гадала.
Думала й гадала,
Лысточкы пысала,
До того козака
На Вкраину слала",
Козакъ, лысты взявшы,
Тай перечытавшы,
Ажъ здыхнувъ тяженько,
Дивчыну згадавшы.

13

Ой бувай здорова,
Дивчынонько моя!
Ны забувай мене,
Колы ласка твоя.
Въ дорогу выйпзджаю,
На серденьку тебе маю;
Ой кидаю тебе
Дужую здорову,
Дужую здорову,
Гарну чорноброву.

Ой йиду, я йиду,
Жену коня прудко,
Суды мени, Боже,
Вырнутыся хутко
До дивчыны, та до мои,
До розмовы сердечнои;
До розмовы сердечнои,
До кохання мого.
Ой йиду, я йиду,
Коня попасаю,
Чую чырызъ люды,—
Дивку заручають.
Воны й заручають,
А безъ мене ны звинчають;
Богъ мени поможе,
Дивка моя буде.

14

Журба мене сушыть
Журба мене въялыть,
Журба мене зъ билыхъ нижокъ валыть.
А я тіи журби
Тай ны подаюся,
Пиду до корчомкы,
Горилкы напьюся,
Горилкы напьюся,
Журбы забудуся.
Чогось мени, мамцю,
Горилка ны пьется,
Биля мого серця
Якъ гадына вьется.
Черезъ ричку кладка,
Шо ступлю, то гнется—
Померъ ридный батько,
Померла матуся;
До кого я й бидна
Тыперъ прыхылюся?
Пойду я й до брата.
Братъ мене прыймае,
А братова мыла
Поглядае скрыва;

„Мыла жъ моя, мыла!
Ны поглядай скрыва,
Бо моя сыстронька.
Порогы ны вбыла;
Я на тебе, мыла,
Тай завше дывлюся,
Зъ сыстрою жъ зыйдуся
Ны наговоруся.

15

Свиты, свиты, мисяцю,
Свитить, ясни зорныци!
Ныма мого мылого—
Смутны вже вечорныци.
Выйду я на двиръ
Билымы ноженькамы,
Стану подывлюся
Чорнымы оченькамы;
„Ой ны стій, ны стій, вербонько, надъ водою;
Ны плачъ, ны журысь, дивчыненько, за мною"
„Якъ же мени по тоби ны журытысь—
Я замужъ ны йду—ты береся жынытысь.
Жынысь, козаче—Богъ тоби допоможе,
А за мою щирость—скарай тебе, Боже;
Ны карай же, Боже, ни огнемъ, ни водой;
Скарай тебе, Боже, проклятой долей.
Огонь да вода
Чы буде, чы ны буде;
Проклятая жъ доля—
Стыдъ выйты межы люды.

16

Ой у саду—выноградy
Дощыкъ накрапае,
Сыдыть голубъ на дубочку,
Голубка литае;
Сыдыть козакъ на криселку,
Ю (= у) скрыпочку грае;
Молоденька дивчынонька
По саду гуляе.
„Покинь, покинь, дивчынонько!

По саду гуляты,
Ходы, сядешъ коля мене,
Будемъ розмовляты,
Шо я тебе молоденьку
Маю покидаты.
Якъ я кавалеръ молоденькый,
Нехъ прышыють квитку
Ты дивчына молодая
Завыйся въ намитку".
Стойить човенъ—воды повенъ,
Колыбъ не схыбнувся;
Десь пойихавъ мій мыленькый,
Колыбъ повернувся.
Шумлять витры,
Шумлять буйны,
Ажъ дерева гнуця,
Десь пойихавъ мій мыленькый
Дрибны сльозы ллюця.

17

Соловейку, соловейоньку!
Ны литай поверхъ садоньку,
Ны ощыпуй выноградоньку,
Ны задавай серцю жалоньку.
Ой що поневоли тай оженывся
Що не до мысли соби жонку взявъ;
Ой я за еи сто рубливъ стеравъ,
Я (= а) за еи косу тай тысячу
А за еи красу цины ны зложу;
Я въ свого батька въ золоти хожу,
А я въ свеи матеньки то медъ-выно пью,
А я въ свеи сыстроньки въ пырынахъ лыжу,
Я на тебе, дурню, смотрѣть ны хачу. [1])

При пѣніи этой пѣсни каждый стихъ повторяется

18

Ой ходыла Машынька по садоньку,
Тай пробыла нiженьку на трисоньку.

---

[1]) Руссизмы

Болыть-болыть ниженька больно,
Десь поӣихавъ Ӣиванюша—ныма довго.
За нымъ, за нымъ Машынька умливае,
Гнула, гнула вышеньку—ны згынае.
Ростелыла хусточку, тай заснула;
Якъ прыӣихавъ Ӣиванюша, тай ны чула.
„Устань, устань, Машынька, пробудыся,
А на мои коныки подывыся;
А на мои коныки вороныи,
А на мою шапочку шудравую.

19

Оӣ прыпавъ снижокъ на облужокъ,
Розлывся водою;
Оддала мене матуся замужъ
Малою молодою.
Оддавала ще ӣ прыказувала,
Щобъ въ госци ся ны показувала.
Ны була рочокъ ӣ ны була другый,
Вже ӣ на третій повертае.
Тоди стала думаты-гадаты,
Якъ свій родъ одвидаты.
„Пусты мыне, мылый до броду по воду,
Ныхаӣ я одвидаю свого роду“.
„Ой ны пущу, мыла, до, броду по воду:
Ты розскажешъ роду усю свою прыгоду“.
„Оӣ ны буду, мылый, ны буду казаты,
Якъ будуть пытаты — я буду мовчаты;
Якъ обыллють слезки, то я выйду зъ хаты.
Якъ я выйшла зъ хаты, а за мною маты:
„Десь у тебе, доню, тай ныма порадку,
Що ты прыйшла у госци, тай стала плакаты“.
„Есть у мене, мамо, порадокъ у хати:
Нагайка — дротянка зъ колка ны звишае [1])
Хвартушокъ—биленькый одъ слизокъ мокренькый
Постиль била кровью обкыпила.

[1]) Т. е. постоянно находится въ употребленіи.

20

Ой пидъ лисомъ зелененькимъ
Брала вдова ленъ дрибненькій;
Брала—брала, добырала,
Свого мужа спомынала:
Ой якъ быжъ я мужа мала,
Я бы его шанувала,
Я бы его шанувала,
Медомъ-пывомъ наповала.
Ой тамъ въ поли Васыль косыть,
Вдовы голосъ пырыносыть;
Кынувъ косу на нывоньку,
А самъ пишовъ до домоньку.
Прыйшла маты тай пытае:
„Чого ны пьешъ, ны гуляешъ?
Чого ны пьешъ, ны гуляешъ?
Чого сыдышъ та думаешъ?"
„Позволь, мамо, жынытыся,
Пырыстану журытыся;
Позволь, мамо, вдову взяты,
Буду пыты и гуляты.
„Ожыныся, мій сыночку,
Визьмы гарную дивочку,
Бо та вдова мужа мала,
Вона его счарувала".
А сынъ маты ны послухавъ,
Сивъ на коня тай пойихавъ;
Маты сына выражала
Тяжко-важко проклынала.

Такимъ образомъ записанныя мною пѣсни въ большинствѣ случаевъ рисуютъ душевное состояніе парня и дѣвушки, переживающихъ чувство любви, а также и тѣ страданія, какія вызываются, или въ томъ случаѣ, когда это чувство не находитъ себѣ соотвѣтствующаго отклика, или когда влюбленнымъ приходится разлучаться (п. п. 12; 15; 16;); въ одной изъ пѣсенъ отмѣчены традиціонно-враждебныя отношенія между тещей и зятемъ (п. 4). есть кое-какіе намеки и на эпоху крѣпостного права. Кромѣ того затрагиваются въ пѣсняхъ также мотивы, имѣющіе отношеніе къ семейной жизни (п. 17—20). Довольно распространенная и распѣваемая почти повсемѣстно на Волыни пѣсня „о Володрѣ" записана

мною съ цѣлью дать новый варіантъ этой пѣсни. Въ приведенныхъ пѣсняхъ кое-гдѣ попадаются слова и выраженія не украинскія, какъ напр.: смотрѣть ны хочу, Машынька, жонка (п. 17—18), которыя можно объяснить по всей вѣроятности вліяніемъ солдатчины.—Большинство изъ этихъ пѣсенъ поется не только въ теченіе первыхъ трехъ дней Пасхи, но даже включительно до Троицына дня (напр. п. 2).

Въ четвергъ на святой недѣлѣ особый праздникъ—„намскій велыкдень". Такъ называютъ крестьяне день Пасхи у покойниковъ, къ которымъ вѣсть объ этомъ праздникѣ приходитъ, по вѣрованію крестьянъ, позже. По убѣжденію крестьянъ, работать въ этотъ праздникъ вообще грѣшно; для одной только работы сдѣлано исключеніе, именно для полевой (пахота); даже считается особенно благовременно вспахивать ниву именно въ этотъ день. Изъ разговора, какой мнѣ пришлось вести по этому поводу съ однимъ крестьяниномъ, можно вывести приблизительно такое объясненіе этого вѣрованія. Въ „намській велыкдень" умершіе встаютъ изъ могилъ, привѣтствуютъ другъ друга съ великимъ праздникомъ и, просвѣтленные сознаніемъ наступленія этого праздника, стараются всѣми мѣрами содѣйствовать благосостоянію своихъ родственниковъ и близкихъ живущихъ на землѣ.

Въ Ѳомино воскресенье справляются поминки по умершимъ—„проводы". Въ этотъ день все село на „могилкахъ". Около часу дня туда отправляется крестный ходъ, и по прибытіи его начинается совершеніе панихидъ. Умилительное зрѣлище представляютъ въ этотъ день „могилки". Обыкновенно заброшенныя, никѣмъ не посѣщаемыя, за исключеніемъ случаевъ печальной необходимости, онѣ теперь преображаются. Вездѣ здѣсь подметено; на могилкахъ разостланы скатерти, а на нихъ поставлены миски съ хлѣбами, среди которыхъ укрѣплена свѣча, зажигаемая во время отправленія панихиды. У могилъ группируются семьи, такъ какъ, въ силу обычая, членовъ одной и той же семьи стараются класть въ могилу рядомъ, другъ подлѣ дружки. По окончаніи панихидъ на отдѣльныхъ могилахъ, совершается общая панихида, послѣ которой всѣ разсаживаются по отдѣльнымъ группамъ у могилъ родственниковъ, и здѣсь прежде всего происходитъ обрядъ христосованія съ покойниками: хозяйка беретъ красное яйцо (крашанку) и обводитъ имъ по землѣ три раза вокругъ одной или нѣсколькихъ могилъ, затѣмъ разбиваетъ это яйцо ударомъ о крестъ, говоря: „Христосъ воскресъ, мыли та дороги покійнычки (тато й мамо) и др." и отдаетъ это яйцо ни-

щимъ съ просьбою молиться; называетъ при этомъ имена покойниковъ. Послѣ этого начинается закуска. Собираясь пить водку, сидящіе привѣтствують покойниковъ словами:„ Хр. в! Здоровы почывайте, а насъ ждить довго-довго“. Такое привѣтствіе произносится въ силу того вѣрованія, существующаго среди крестьянъ, что „на тому свити“ въ такія же компаніи группируются покойники: подобному тому какъ здѣсь спорятъ, закусываютъ и бесѣдуютъ, и „на тому свити“ происходитъ то же самое. Закуска на могилахъ бываетъ не особенно обильна; здѣсь ѣдятъ и пьютъ скорѣе для того, чтобы исполнить обычай, тѣсно связанный съ глубокимъ народнымъ вѣрованіемъ, чѣмъ чтобы наѣсться и напиться. Обращаясь другъ къ другу, члены одной семьи говорятъ: ныхай йимъ [1]) буде царство небесне, а намъ дай Боже прожыты тай дочыкаты провидъ на будущій годъ“. При этихъ словахъ выпиваютъ по рюмкѣ водки и закусываютъ. Послѣ закуски нищіе, стоящіе у входа „на могылкы“, обильно одѣляются всякаго рода яствами и даже деньгами, и затѣмъ всѣ расходятся. — Обычай справлять поминки по умершимъ способенъ производить и въ дѣйствительности производитъ, какъ мнѣ пришлось наблюдать, самое глубокое впечатлѣніе на крестьянъ. Это единственная форма общенія и вмѣстѣ съ тѣмъ средство исполнить въ отношеніи къ нимъ тотъ долгъ, который, помимо собственнаго сознанія каждаго, указывается и православною церковью. То благоговѣніе, съ которымъ выполняются всѣ обычаи, описанные выше, говоритъ за то, что во всемъ этомъ есть много глубоко поучительнаго, тѣмъ болѣе, что никакихъ безобразій и пьянства не бываетъ. Поэтому на нашъ взглядъ въ сильной степени грѣшатъ тѣ quasi—ревнители православія, которые называютъ обычай справлять „проводы“ некрасивымъ, [2]) и видятъ въ этомъ только одни остатки язычества, искоренять которые надо всѣми мѣрами; при этомъ взамѣнъ ничего не предлагаютъ.

Суббота святой недѣли совпадаетъ иногда съ днемъ „Юрія“, который особенно чтится у крестьянъ, такъ какъ св. Георгій считается не только покровителемъ стадъ, но и вообще крестьянскаго благополучія. Выгоняя въ этотъ денъ первый разъ послѣ зимы скотъ въ поле „свяченою вербою“, крестьяне стараются ударить каждую скотину этой вербой, такъ какъ они глубоко вѣрятъ, что это средство можетъ предохранить отъ всякихъ

---

[1]) Т. е. покойникамъ.

[2]) Волынскія Епарх. Вѣд. 1905 г. № 16, стр. 515.

болѣзней и порчи. Около четырехъ часовъ дня въ этотъ день поля, на которыхъ зеленѣли рожь и пшеница, представляли дивную картину: они пестрѣли копошившимися на нихъ людьми; красный цвѣтъ въ нарядахъ занималъ преобладающее мѣсто. По установившемуся обычаю въ этотъ день вся семья, а въ случаѣ дурной погоды хозяинъ и хозяйка, должны отправляться въ поле, засѣянное озимыми посѣвами, и тутъ „дойисты свячене порося и закопаты його кости", такъ какъ въ точномъ исполненіи этого обычая заключается залогъ урожая посѣвовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ требуется „качаты яйця (крашанки) и самымъ качатыся, щобъ жыто й пшеныця булы буйни тай высоки"; и дѣйствительно, какъ мнѣ пришлось наблюдать, „качаюця дивчата и хлопци" съ большимъ усердіемъ, отдаваясь этому развлеченію вплоть до вечера. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ этомъ развлеченіи принимаютъ участіе даже самыя маленькія дѣти, которыхъ качаютъ матери. Любо глядѣть было на это свѣжее, здоровое развлеченіе, объединяющее своими надеждами интересы какъ отдѣльныхъ членовъ семьи, такъ и всѣхъ семей одного села.

На полѣ въ этотъ день пѣсенъ мнѣ услышать не пришлось, но послѣ захода солнца дѣвушки собрались на главной площади села и, кромѣ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ выше пѣсенъ, пѣли слѣдующую:

Весна, весна красна!
Що ты намъ прынесла?
Зима ты наша била!
Вже ты намъ дуже надойила.
Весна наша красна!
Що ты намъ прынесла?
Мужыкамъ по ципочку,
Бабамъ по платочку,
Дивкамъ по виночку,
Парубкамъ по квитонци,
По гарни дивоньци [1])

Что касается пѣнія пѣсенъ на полѣ въ день „Юрія" то мѣстный обычай не разрѣшаетъ этого, находя это не только неблаговременнымъ, но даже вреднымъ, могущимъ дурно повліять на

---

[1]] Русск. фил. Вѣстн. 1904 г. т. I: „Описаніе села Косарева". и „Волынь" И. И. Теодоровича т. V стр. 137—138.

урожай; молодежь, порывавшуюся пѣть, старики поучительно удерживаютъ, говоря: „якъ въ пистъ ны можна куштуваты и йисты крашанку, такъ теперъ спиваты на поли. Колы Богъ позволыть дочыкаты жнивъ, та пошле врожай, тоди наспиваетесь; а теперъ ны можна, ны годыця“. И молодежь повинуется, видя въ этихъ словахъ не только авторитетный голосъ старшихъ, но признавая также за этими словами и религіозное значеніе: вѣдь неисполненіе этого обычая можетъ принести наказаніе Божіе.

Свое описаніе закончу слѣдующимъ повѣрьемъ, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться. На святой была сильная гроза— „першый гримъ вдарывъ“, какъ увѣряли крестьяне; осѣняя себя во время грозы крестнымъ знаменіемъ, крестьяне въ то же время ударяютъ себя кулакомъ по груди и спинѣ съ тою цѣлью, „щобъ булы крепки“.

Вячеславъ Каминскій.

М. Бакунинъ и русскіе прогрессисты 60-хъ годовъ въ вопросѣ о польско-украинскихъ отношеніяхъ.

Въ № 1-мъ „Кіевской Старины“ за текущій годъ мы помѣстили нѣсколько главъ изъ сочиненія М. П. Драгоманова „Историческая Польша и великорусская демократія,“ въ которыхъ шла рѣчь объ отношеніи къ польскому и украинскому вопросамъ А. И. Герцена. Въ заключительныхъ строкахъ этихъ главъ сказано было, что присоединеніе А. И. Герцена къ польскому движенію 1862—63 гг. можетъ быть объяснено тѣмъ, что онъ поддался вліянію М. Бакунина, хотя этимъ однимъ вліяніемъ нельзя объяснить всего дѣла.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи М. П. Драгомановъ выясняетъ подробно какъ всѣ воззрѣнія самого Бакунина на этотъ вопросъ, такъ еще больше взгляды представителей великорусскихъ демократовъ того-же періода; при чемъ авторъ удѣляетъ много вниманія и на развитіе автономно-федеральныхъ теорій, высказанныхъ нѣкоторыми изъ нихъ. Главы, въ которыхъ идетъ рѣчь объ этихъ интересныхъ страницахъ въ исторіи недавняго нашего прошлаго, такъ интересны, что мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ познакомить съ ними нашихъ читателей, тѣмъ болѣе, что названное сочиненіе М. П. Драгоманова, какъ мы уже говорили, мало распространено въ Россіи.

Бакунинъ несомнѣнно имѣлъ значительную долю вліянія на уступчивость Герцена польскимъ патріотамъ въ 1862—1863 г., хотя и у самого Бакунина были прежде съ ними разногласія

въ такомъ же родѣ, какъ и разногласія Герцена. [1]) Но приближеніе взрыва въ Польшѣ увлекло подвижную натуру Бакунина. Это увлеченіе прекрасно нарисовано Герценомъ въ статьѣ „М. Б. и польское дѣло“.

Когда Герценъ замѣтилъ, что врядъ ли Потебнѣ и русскому обществу „Земля и Воля“ „по дорогѣ съ поляками“,—Бакунинъ воскликнулъ: „По дорогѣ, по дорогѣ! Не сидѣть же намъ вѣчно сложа руки и рефлектируя. Исторію надо принимать, какъ она представляется, не то всякій разъ будешь заурядъ то назади, то впереди... Чего жъ ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали (и) такихъ уступокъ...“ (Посм. соч. 187, 193.)

„Бакунинъ вѣрилъ въ возможность военнаго крестьянскаго возстанія въ Россіи, говоритъ Герценъ, вѣрили отчасти и мы; да вѣрило и само правительство... Б., не слишкомъ останавливаясь на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ на одну дальнюю цѣль и принялъ второй мѣсяцъ беременности за девятый. Онъ увлекалъ не доводами, а желаніемъ. Онъ хотѣлъ вѣрить и вѣрилъ, что Жмудь и Волга, Донъ и Украйна возстанутъ, какъ одинъ человѣкъ, услышавъ о Варшавѣ; онъ вѣрилъ, что старовѣръ воспользуется католическимъ движеніемъ, чтобъ узаконить расколъ“. (Посм. соч. 197.) „За возстаніемъ въ Варшавѣ онъ уже видѣлъ свою славную славянскую федерацію, о которой поляки говорили не то съ ужасомъ, не то съ отвращеніемъ, и торопился какъ нибудь сгладить затрудненія, затушевать противорѣчія (между собою и польскими революціонерами), не выполнить овраги, а бросить черезъ нихъ чортовъ мостъ“ (Тамъ же 199, 200).

Впрочемъ одного личнаго вліянія, даже столь сильнаго и столь близкаго человѣка, не было бы достаточно для того, чтобъ заставить Герцена уклониться такъ явно отъ того, что онъ еще такъ недавно высказывалъ съ такою силою. Не менѣе Бакунина повліяли на Герцена голоса людей, жившихъ въ Россіи и принадлежавшихъ къ начавшимъ тогда образовываться тамъ кружкамъ практическихъ революціонеровъ. Между этими кружками выдавалось наиболѣе общество „Земля и Воля“. Стремленія этого

[1]) См. первую статью Бакунина, напечатанную тотчасъ послѣ его побѣга изъ Сибири: „Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ“. Приложеніе къ „Колоколу“, 15 февраля 1862 г. Выраженныя тутъ идеи о польскомъ вопросѣ такъ похожи на разобранныя нами статьи Герцена въ 1859—60 гг., въ ихъ сильныхъ и слабыхъ сторонахъ, что намъ бы пришлось повторять сказанное, если бъ мы вздумали говорить о нихъ.

общества были болѣе соціальныя (надѣлъ крестьянамъ земли), нежели политическія (установленіе въ Россіи конституціоннаго, если не республиканскаго правленія), и оно, уже по этому одному, должно было принципіально сильно расходиться съ тогдашнимъ польскимъ движеніемъ. Принципіальное различіе между великорусскими и польскими революціонерами было тѣмъ болѣе сильно, что въ рядахъ польской революціи стояла не только демократическая партія, но и аристократическая (и обѣ съ клерикалами), изъ которыхъ, конечно, каждая разсчитывала овладѣть движеніемъ исключительно, но которыя все-таки пока ладили между собою, въ ущербъ даже далеко не крайнимъ демократическимъ интересамъ. Тѣмъ не менѣе оба революціонные лагеря, польскій и великорусскій, попробовали сблизиться между собою для борьбы „единовременной“ и „противъ общаго врага“.

Такія сближенія мы видимъ сплошь и рядомъ въ исторіи. Многимъ они кажутся вполнѣ естественными, особенно для людей „активнаго темперамента“ и для людей „практическихъ“. Мы бы далеко зашли, если бы стали разбирать общій вопросъ о достаточности для политической дѣятельности, въ томъ числѣ и для революціонной, одного такъ называемаго „активнаго темперамента“ и о практичности, особенно для революціонеровъ-новаторовъ, союзовъ, заключаемыхъ единственно, или главнымъ образомъ, на основаніи единовременности борьбы съ „общимъ врагомъ“. Замѣтимъ только, что союзъ великорусскихъ демократовъ-революціонеровъ съ польскою революціею 1863 г. въ ея цѣломъ, въ томъ числѣ съ тѣми людьми, которые сами питали отвращеніе отъ ихъ „нигилистическаго“ образа мыслей и соціалистическихъ стремленій, и которые иначе не могли смотрѣть на нихъ, какъ на средство для отвлеченія силъ врага, и въ своей интимной перепискѣ, ставшей потомъ гласною, называли ихъ „панургововымъ стадомъ“, не принесъ практическихъ выгодъ дѣлу великорусскихъ революціонеровъ. Но главное дѣло въ томъ, что во всякомъ политическомъ движеніи есть и теоретическая сторона, которая, при внимательномъ анализѣ, оказывается едва ли не главною, такъ какъ она особенно опредѣляетъ цѣль движенія, вдохновляетъ и даже порождаетъ практиковъ. Эта сторона движенія представляется писателями, которые имѣютъ свою общественную службу и тѣмъ лучше ее исполняютъ, чѣмъ меньше уклоняются отъ своей роли именно теоретиковъ: неуступчивыхъ, несговорчивыхъ, непрактичныхъ людей, des vrais intransigeants, если говорить моднымъ французскимъ словомъ.

Герценъ, и по личной своей природѣ, и по всему своему прошлому, былъ именно писатель, теоретикъ, котораго служба состояла въ томъ, чтобъ наблюдать факты общественной жизни и говорить о нихъ мысли, вполнѣ независимо отъ всякихъ частныхъ, переходящихъ практическихъ комбинацій, кружковъ, партій и т. п., и такъ таковой онъ именно и пріобрѣлъ громадное вліяніе на общественное мнѣніе въ Россіи. Россія же болѣе, чѣмъ какая другая страна, нуждается въ такихъ чистыхъ, несговорчивыхъ теоретикахъ, какъ потому, что теоретическое политическое образованіе въ ней скудно и до сихъ поръ, такъ и потому, что въ Россіи, благодаря отсутствію политической свободы, не существуетъ возможности для такихъ дѣйствительно практическихъ сдѣлокъ (компромиссовъ), какія заключаются, напр., въ Англіи, гдѣ каждая партія, имѣвшая тысячи случаевъ выяснить свои теоретическія основы и цѣли, входитъ, по требованію обстоятельствъ, съ полнымъ сохраненіемъ этихъ основъ и цѣлей, въ союзъ съ другими партіями на данную, минуту, для достиженія рѣзко опредѣленной частной цѣли, для поверженія ли общаго противника или соперника, или же для проведенія опредѣленной мѣры, до которой только и успѣло дорасти въ данную минуту среднее общественное мнѣніе. Въ Россіи и до сихъ поръ, а въ 60-ые годы тѣмъ болѣе, едва ли не самые практически полезные люди были именно „непрактическіе теоретики". Такимъ рожденнымъ теоретикомъ былъ Герценъ. И вдругъ ему, передъ началомъ польскаго возстанія, въ которомъ перепуталось столько практическихъ комбинацій, запутавшихъ своими дѣлами круги отъ „нигилистовъ" въ Россіи до папы Пія IX и Наполеона III, одни предлагаютъ связать свою судьбу союзомъ съ тайнымъ правительствомъ чужой націи, которое, по ходу дѣлъ своей націи, ставитъ во главѣ своей то чуть не соціалистовъ, то Мѣрославскаго, то Лангевича, то назначаетъ своимъ представителемъ Чарторыйскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ Герцену предлагаютъ сдѣлаться агентомъ общества „Земля и Воля", въ которомъ только и было практически-сильнаго, что самое имя, взятое изъ статьи Огарева въ „Колоколѣ" же. Изъ „Посмертныхъ сочиненій" видно, какъ колебался Герценъ, какъ онъ чувствовалъ несообразность предлагаемыхъ ему ролей съ его природою и положеніемъ, завоеваннымъ его прежнею чисто-писательскою дѣятельностью. Агентуру „Земли и Воли" онъ просто называлъ „глупою" (Сб. Посм. Соч., 217), и прямо отказался отъ нея, но договоръ съ варшавскими делегатами онъ все таки подписалъ, а это на дѣлѣ свело его

на роль „агента" и варшавскаго тайнаго правительства, и „Земли и Воли", которая связала и свою судьбу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, на нѣкоторое время, судьбу всего революціоннаго движенія въ Россіи, съ польскою революціею, такъ мало съ нимъ гармонировавшею и по принципамъ, и по своевременности.

Объ этомъ русскомъ революціонномъ движеніи очень трудно говорить сколько нибудь обстоятельно, такъ какъ оно покамѣстъ не оставило по себѣ никакихъ печатныхъ памятниковъ, кромѣ прокламацій, появлявшихся въ то время (1861—1863 гг.) въ Петербургѣ. А потому то́, что мы скажемъ сейчасъ объ этомъ движеніи, мы будемъ говорить съ большимъ опасеніемъ ошибиться и будемъ крайне благодарны, если кто поправитъ наши, очень и очень возможныя, ошибки.

Если судить о русскомъ революціонномъ движеніи 1861—1863 гг. по печатнымъ прокламаціямъ, то можно сказать, что въ началѣ оно имѣло болѣе народную, менѣе государственную идейную подкладку, чѣмъ впослѣдствіи. По крайней мѣрѣ въ прокламаціи „Великоруссъ" явно видно отрицаніе единообразія Россіи и нежеланіе говорить за всю Россію не только за польскія земли ея, полную самостоятельность которыхъ „Великоруссъ" признаетъ, но и за украинскія. Вотъ что читаемъ мы во 2 № „Великорусса".

„Таже самая надобность уничтожить систему вооруженнаго насилія требуетъ, чтобы дана была населенію Южной Руси полная свобода располагать своей судьбой по собственной волѣ. Теперь этотъ народъ еще не могъ высказать своихъ желаній. Но извѣстно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій ни довело это недовольство, мы должны уступить имъ. Если онъ хочетъ отдѣлиться совершенно, пусть отдѣляется. Захочетъ ли онъ этого, мы не знаемъ; да и самъ онъ едва ли рѣшитъ это, при настоящей своей безгласности. Но судя по живому чувству страданія отъ нашего деспотизма, должно ожидать, что при первой возможности подумать о своей судьбѣ, онъ захочетъ отойти отъ насъ. Будемъ готовы и на такое рѣшеніе. Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться одним, имѣя въ себѣ всѣ элементы національнаго могущества... Вотъ объясненіе имени, носимаго нашею газетою". (Перепечатано въ „Колоколѣ", 15 окт. 1861 года).

Прошло немного времени, и общество „Земля и Воля", хотя и болѣе радикальное, чѣмъ „Великоруссъ", по вопросу соціальному, стало однакожъ, на болѣе государственную точку

зрѣнія, подѣливъ имперію Романовыхъ на Россію и Польшу и предоставивъ въ пользу послѣдней всѣ народы, населяющіе принадлежавшія польскому государству до 1772 г. провинціи. Такое быстрое оставленіе народной точки зрѣнія на части Россійской Имперіи для точки зрѣнія государственной имѣетъ себѣ объясненіе въ общемъ характерѣ политическаго образованія русскаго общества на основѣ московско-петербургской цивилизаціи. Ни школа, ни литература великорусская, обѣ подначальныя государству, не благопріятствуютъ народной точкѣ зрѣнія, которая должна была бы привести образованное общество страны къ ученію о федеративномъ ея устройствѣ, а благопріятствуютъ точкѣ зрѣнія поверхностно-государственной, которая приводитъ къ ученіямъ централистическимъ и сепаратистскимъ, представляющимъ, собственно, родныхъ братьевъ. Изъ всѣхъ политическихъ ученій народно-федеративное имѣетъ наименѣе представителей въ литературѣ великорусской и наиболѣе туго усвояется русской публикой. Одно время, тотчасъ по смерти Николая I, реакція его централизаціи проявилась было довольно сильно ученіями, въ родѣ тѣхъ, какія высказывали Герценъ и Бакунинъ, „Великоруссъ" и др., но эта реакція въ обществѣ была неглубока и непродолжительна. Подъ общими фразами анти-централистическаго свойства детали мыслей остались въ обществѣ всетаки централистическими.

Интересно, что наиболѣе горячими представителями децентрализаціоннаго направленія въ русской литературѣ явились въ первые годы правленія Александра II вовсе не публицисты и политики, а историки, этнографы, археологи. Децентрализаціонное ученіе проповѣдывалось не такъ въ журналахъ и политическихъ трактатахъ, какъ съ университетскихъ кафедръ. Представителями его были въ Кіевѣ профессоръ русской исторіи, Пл. В. Павловъ (котораго печатныя статьи „О нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ XVI—XVII ст." и „Тысячелѣтіе Россіи" не даютъ полнаго понятія о его лекціяхъ), въ Петербургѣ—Н. И. Костомаровъ, объ идеяхъ котораго публика имѣетъ наиболѣе ясное представленіе, благодаря его рѣдкому литературному таланту, и въ Казани—А. П. Щаповъ. Предполагая мнѣнія Костомарова болѣе или менѣе извѣстными читателямъ и считая этого писателя все-таки постороннимъ въ великорусской литературѣ, въ которую онъ вошелъ съ своими украинскими чувствами и ученіями, мы остановимся на Щаповѣ, какъ на великоруссѣ, хотя (что тоже не лишено своего значенія) сынѣ далекой окраины, тоже по своему козацкой, сибирякѣ, воспитавшемся тоже не въ россійскихъ центрахъ, а въ Казани.

Политическія ученія Щапова характеризуются всего лучше его вступительной лекціей, отрывки изъ которой напечатаны въ малораспространенномъ изданіи, казанскомъ сборникѣ „Первый шагъ“ (1876). Надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ за слишкомъ длинныя выписки:

„Скажу напередъ,—говорилъ казанскій профессоръ,—не съ мыслью о государственности, не съ идеей централизаціи, а съ идеей народности и областности я вступаю на университетскую каѳедру русской исторіи.

„Въ настоящее время, кажется, утвердилось убѣжденіе, что главный фактъ въ исторіи есть самъ народъ, духъ народный, творящій исторію, что сущность и содержаніе исторіи есть жизнь народная. Это убѣжденіе уже не ново; его начали проводить, осуществлять и въ наукѣ русской исторіи. Но вотъ другое начало, которое еще не сознано ясно въ нашей наукѣ: начало областности—позвольте мнѣ его такъ выразить. У насъ доселѣ господствовала въ изложеніи русской исторіи идея централизаціи; развилось даже какое-то чрезмѣрное стремленіе къ обобщенію, къ систематизаціи разнообразной областной исторіи; всѣ разнообразныя особенности, направленія и факты провинціальной исторической жизни подводились подъ идею государственнаго развитія....

„Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской исторіи такъ не несвойственно, невозможно такое изложеніе, какъ въ исторіи обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства русскаго.... Областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергическую вѣковую борьбу съ соединительной централизующей силой государства; онъ многозначительно выразился въ смутное время, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ, проявлялся въ земскихъ соборахъ въ XVII в., сказался въ разныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству въ теченіе всего XVIII и въ началѣ XIX столѣтій, во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій, возбуждая въ либеральныхъ умахъ, въ знаменитое время тайныхъ обществъ, разные планы и проекты конституціоннаго устройства областей и т. д., и мы, изучая русскую областную исторію, оставляемъ почти безъ вниманія этотъ областной элементъ столько же загадочный, сколько, быть можетъ, зиждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи...

„Какъ нѣтъ въ Европѣ самаго малаго (вѣрно, опечатка,—вм. большаго) государства, которое бы едва могло равняться съ одною изъ областей Россіи, такъ нѣтъ въ Европѣ народа, который бы отличался такимъ провинціальнымъ этнографическимъ разнообразіемъ, какъ народы, обитающіе въ русскихъ областяхъ. Много ли общаго между малороссійскимъ, бѣлорусскимъ и сибирскимъ народонаселеніями? Много ли общаго между Польшею и Камчаткою, или между Кавказомъ, Архангельскою областью и Казанскимъ краемъ и т. д.? А разныя областныя нарѣчія, изъ которыхъ составился особый, цѣлый словарь? А эти характеристическія присловья, которыми такъ мѣтко и согласно съ исторіей характеризуютъ у насъ жители одной области жителей другихъ? А существованіе у насъ территоріальныхъ округовъ, совершенно независимо отъ округовъ административныхъ, отличныхъ правами жителей, языкомъ, промыслами и т. д.? Все это такъ выразительно, такъ рельефно рисуетъ обширную Россію во всемъ исторически-этнографическомъ разнообразіи ея многочисленныхъ областей, и въ наукѣ русской исторіи доселѣ не объяснено, отчего образовались такія областныя особенности, какое онѣ имѣютъ значеніе въ исторіи, не говоримъ уже о томъ, какое значеніе имѣли и могутъ имѣть въ примѣненіи къ государству, къ администраціи, къ народному матеріальному и нравственному быту и т. д. Уже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, не только люди науки, но и лучшіе государственные мужи сознавали и оффиціально высказывали то убѣжденіе, что „должно обращать вниманіе на совокупныя права многихъ и великихъ областей, составляющихъ обширную Россійскую Имперію, что государство должно вполнѣ соотвѣтствовать всѣмъ выгодамъ мѣстнаго положенія различныхъ областей и главному характеру народовъ, населяющихъ эти области.“ Если когда, то особенно въ наше время, наукѣ русской исторіи необходимо, существенно необходимо, уяснить исторію, духъ, характеръ и этнографическія особенности различныхъ областныхъ массъ народныхъ. И весьма утѣшительно, что въ послѣднее время, кажется, и въ самыхъ провинціяхъ стала пробуждаться потребность самосознанія. По крайней мѣрѣ, отрадное явленіе представляютъ мало-по-малу возникающіе въ нашей литературѣ областные сборники, историко-статистическія описанія губерній и провинцій и изданія областныхъ актовъ и памятниковъ. Областные сборники могутъ служить не только руководствомъ нашего областного самосознанія, но и органомъ возбужденія въ провинціяхъ идей самосозна-

нія и саморазвитія въ составѣ цѣлаго государственнаго союза". (Первый шагъ, 407—412.) [1]

Изъ подчеркнутыхъ нами словъ видно ясно, что Щаповъ думалъ не объ одной только старинѣ, но и о современности, когда излагалъ идеи своей „областности". [2] И подобныя слова сходили еще, — и то не всегда — на кафедрахъ, но не въ печати, особенно непрофессорамъ. Уже это одно обстоятельство препятствовало распространенію въ публикѣ идей децентрализаціи въ формѣ федеративной. Проповѣдываніе ихъ только съ каѳедръ историческихъ, главнымъ образомъ, по отношенію къ старинѣ, да еще развѣ по поводу языка и литературы, тоже преимущественно древней, давало и децентрализаціоннымъ идеямъ археологическій характеръ. Значеніе децентрализаціи для современности, между прочимъ, для экономической жизни, оставалось совершенно безъ разъясненія. Это преподаваніе идей политической децентрализаціи только на фактахъ прошедшаго давало имъ характеръ, мало соотвѣтствующій интересамъ современности. Въ прошломъ децентрализація являлась съ крайнимъ проявленіемъ центробѣжныхъ, именно сепаратистскихъ силъ, такъ какъ, что ни говори, напримѣръ, авторъ „Мыслей о федеративномъ началѣ въ древней Руси", а въ его „удѣльно вѣчевомъ укладѣ", собственно, союзныхъ началъ было очень мало, и они не были представлены никакою организаціей, даже такою, какую мы, напримѣръ, видимъ въ средневѣковой Германіи. „Земскій миръ", въ которомъ такъ заинтересованы массы населенія, отъ этого былъ крайне мало обезпеченъ во время господства на востокѣ Европы будто бы федеративныхъ отношеній (мы не хотимъ этимъ сказать, что интересы населенія были лучше обезпечены и московской централизаціей: „московская волокита" стоила удѣльныхъ дракъ). Федералистамъ, которые проповѣдывали свои идеи только въ оболочкѣ фактовъ средневѣковья, противники всегда могли указать на непригодность для новаго времени архаическихъ отношеній, что столько разъ и было говорено, напримѣръ, противъ Костомарова, котораго господствующія въ русской внутренней

---

1) Кстати, неужели нельзя напечатать полнаго текста этой лекціи Щапова, которую слышавшіе ее и читавшіе ее въ рукописи признаютъ лучшимъ его произведеніемъ?! Да и вообще стыдно, что до сихъ поръ нѣтъ полнаго изданія сочиненій этого замѣчательнаго дѣятеля.

2) Костомаровъ, потертый ссылкой уже раньше, не разъ оговаривался, что онъ говоритъ „о федеральныхъ началахъ" только примѣнительно къ „древней Руси".

политикѣ великорусскія партіи записали въ сепаратисты-романтики, какимъ онъ въ дѣйствительности никогда не былъ. Всѣ отреченія Костомарова и другихъ украинскихъ автономистовъ отъ сепаратизма принимались только за лицемѣріе и за боязнь открыто заявить свои затаенныя мысли.

Замѣчательно, что почти такъ же относились къ автономнымъ движеніямъ и тѣ изъ великоруссовъ, которые имъ сочувствовали, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Герцена, Бакунина, „Великорусса“. Всѣ они говорятъ о неизбѣжности или возможности „отдѣленія“ — Польши, Украйны, Бѣлоруссіи и т. д. и спѣшатъ успокоить великорусскую публику, что, и за отдѣленіемъ этихъ областей, Великороссія всетаки останется великою и сильною страною съ 40-милліоннымъ населеніемъ (см. особено названную выше статью Бакунина при „Колоколѣ“ 15 февр. 1861 г.). Но отдѣленіе провинцій и распаденіе державъ въ наши времена дѣло нелегкое. Мы это видѣли на примѣрѣ процесса отдѣленія Ломбардо-Венеціи отъ Австріи, для котораго нужно было не только почти поголовное возстаніе жителей провинцій, но и благопріятное вмѣшательство сосѣднихъ державъ, въ томъ числѣ и неитальянскихъ; мы это видимъ на процессѣ распаденія даже „больной“ Турціи. Массы населенія, даже если въ нихъ крѣпко національно-политическое сознаніе своей особенности, сорокъ разъ подумаютъ, прежде чѣмъ возстанутъ изъ-за идеи политическаго сепаратизма. Мы видимъ, что, напр., въ Польшѣ массы не возстали ни въ 1831, ни въ 1863 гг. Тѣмъ болѣе не могли онѣ возставать въ Украйнѣ, ни въ Литвѣ, ни въ Бѣлоруссіи и т. п. странахъ, въ которыхъ отъ массъ народа отдѣлились въ особыя національности классы образованные, естественные теперь выразители всякихъ сознательныхъ политическихъ стремленій. А между тѣмъ напрасно бы мы стали думать, что въ массахъ этихъ странъ нѣтъ вовсе чувства и даже сознанія своей національной индивидуальности, и еще болѣе, что для удовлетворенія ихъ насущныхъ потребностей этимъ странамъ не нужно самоуправленія. Только въ такихъ странахъ автономная идея можетъ имѣть практическое значеніе скорѣе въ видѣ идеи федеративной, чѣмъ сепаратистской.

Но именно федеративная идея и не была разъяснена публикѣ въ Россіи, а потому публика эта даже и въ 60-е годы понимала собственно только двѣ политическія формы: централизацію и сепаратизмъ, — изъ коихъ послѣдній самъ можетъ имѣть свои централизаціонныя стремленія. Въ примѣненіи къ запад-

нымъ полосамъ имперіи, русская публика, послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ сторону народно-федеральную, стала на томъ, что онѣ должны быть или раздѣлены между Польшей и Россіей (т. е. въ данномъ случаѣ Великороссіей), или же должны оставаться въ полномъ централистическомъ единеніи, конечно, съ преобладаніемъ великороссійскаго элемента, какъ „государственнаго". Даже люди великорусской политическо-соціальной оппозиціи стали на такой мысли: въ Польшѣ есть движеніе къ отдѣленію отъ Россіи, слѣдовательно пусть поляки и отдѣлятся, даже со всѣмъ тѣмъ, что они считаютъ за Польшу и что мы не привыкли считать за Россію; въ другихъ земляхъ, въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Украйнѣ и пр., никто не заявляетъ желанія образовывать отдѣльныя государства, слѣдовательно, нечего и говорить объ ихъ индивидуальностяхъ и автономіи. Мы помнимъ, какое неудовольствіе произвело въ 1863 г. въ великороссійскихъ оппозиціонныхъ кругахъ провозглашеніе Костомаровымъ „анаѳемы тому, кто задумаетъ отдѣленіе Украйны отъ Россіи". Великороссійская оппозиція, которая тогда безразлично сочувствовала польскому возстанію, видя въ немъ прежде всего врага своему противнику—правительству — словно обманулась въ ожиданіяхъ отъ украинскаго движенія, и съ тѣхъ поръ къ числу противниковъ его изъ катковскаго лагеря прибавились противники изъ лагеря радикальнаго, въ которомъ польскій сепаратизмъ, со всѣми его аристократическими примѣсями, сталъ пользоваться большимъ сочувствіемъ, чѣмъ украинскій федерализмъ, при всемъ его демократизмѣ, сознательномъ и инстинктивномъ. И до сихъ поръ можно встрѣтить въ великорусскихъ радикальныхъ, даже соціалистическихъ сферахъ такое отношеніе къ негосударственнымъ народамъ, поставленнымъ между Польшей и Великороссіей: „а! вы не хотите или не можете составить особыхъ государствъ, такъ становитесь или поляками, или русскими (великоруссами), или мы сами подѣлимся вами по поламъ съ поляками!"

Въ основѣ такого отрицательнаго отношенія къ автономнымъ стремленіямъ „негосударственныхъ" народовъ лежитъ, во-первыхъ, якобинскій централизмъ, черезъ который неизбѣжно должны были пройти русскіе оппозиціонные круги, всетаки выросшіе подъ впечатлѣніемъ исторіи, а во-вторыхъ и главнымъ образомъ, незнаніе истиннаго положенія въ областяхъ великорусскихъ, въ томъ числѣ и въ Польшѣ. Какъ характерный примѣръ такого незнанія, мы должны указать на статью Н. Г. Чернышевскаго въ „Современникѣ", 1861 г., іюль,—„Національная безтактность".

Статья эта, написанная какъ рецензія на 1—2 №№ газеты „Слово“, которая съ возстановленіемъ въ Австріи конституціоннаго правленія, стала выходить въ Львовѣ, посвящена была спеціально вопросу объ отношеніяхъ между польскими и руссинскими политиками въ одной только и при томъ автономной части исторической Польши,—въ Галиціи. Но она была понята въ болѣе широкомъ смыслѣ, да очевидно въ значительной степени и писана была съ тѣмъ, чтобъ быть понятой въ такомъ смыслѣ: „Современникъ“ былъ обозрѣніе практическое и не печаталъ статей „о сухихъ туманахъ“, съ которыми тогда сравнивали въ Россіи всѣ вопросы, не имѣвшіе непосредственнаго отношенія къ текущимъ внутреннимъ вопросамъ.

Рѣчь о статьѣ Чернышевскаго мы начнемъ съ выписки нѣсколькихъ строкъ изъ начала ея. „Галицкіе малороссы“, говоритъ Чернышевскій, „или, какъ они себя называютъ, руссины, отличаются всѣми свойствами, общими цѣлому малорусскому племени. А если есть племена, могущія привлекать симпатію больше, чѣмъ другія племена, то именно малороссы—одно изъ племенъ наиболѣе симпатичныхъ. Очаровательное соединеніе наивности и тонкости ума, мягкость нравовъ въ семейной жизни, поэтическая задумчивость характера, непреклонно настойчиваго, красота, изящество вкуса, поэтическіе обычаи,—все соединяется въ этомъ народѣ, чтобы очаровывать васъ, такъ что иноплеменникъ становится малорусскимъ патріотомъ, если хоть сколько-нибудь поживетъ въ Малороссіи. [1]) Нельзя не сочувствовать имъ“. Само собою разумѣется, Чернышевскій признаетъ полную самостоятельность украинскаго языка, желаетъ полнаго его развитія и даже политическаго объединенія „руссиновъ“ Австріи съ „малороссами“ Россіи. [2])

Послѣ такого, весьма рѣдкаго даже и въ тѣ времена русской реакціи противъ оффиціальной народности, предисловія, публицистъ „Современника“ переходитъ къ своей спеціальной задачѣ: къ разбору поведенія галицко-русскихъ политиковъ. Онъ не видитъ въ немъ ничего, кромѣ „національной безтактности“,

---

[1]) Самъ Чернышевскій жилъ, если не въ Малороссіи, то подлѣ малорусскихъ колоній надъ Волгой: напротивъ Саратова, родины Чернышевскаго, расположена огромная слобода Покровская, сплошь населенная украинцами—„черкасами“.

[2]) См. кромѣ разобранной статьи еще и другую „Народная безтолковость“ въ „Современникѣ“ 1861 г., октябрь, посвященную разбору великорусско-централистическихъ стремленій московскихъ лже-славянофиловъ „Дня“.

главнымъ образомъ потому, что они составляютъ оппозицію польскимъ политикамъ, между тѣмъ какъ эти послѣдніе, по мнѣнію автора, естественные союзники и даже надежные покровители „галицкихъ малороссовъ“.

„Львовское Слово“, говоритъ великорусскій демократъ, совершенно ошибается, воображая въ полякахъ вражду противъ русинской національности... Странные люди (русинскіе политики),— восклицаетъ онъ... Изъ-за воспоминаній о старинѣ (только!) проникаются они преданностью къ нынѣшнему общему непріятелю („австрійскимъ нѣмцамъ“, какъ говоритъ авторъ выше) ихъ и отстраняютъ старинныхъ ихъ непріятелей, не могущихъ быть вредными для нихъ теперь, ищущихъ союза съ ними для общей пользы“,—и дальше приравниваетъ оппозицію галичанъ полякамъ (т. е. собственно польскимъ помѣщикамъ и чиновникамъ) къ совершенно глупой враждѣ, которую бы кто-либо вздумалъ проповѣдывать во Франціи къ англичанамъ изъ-за того только, что англичане опустошили Францію во времена „разныхъ Эдуардовъ“. „Мы боимся, говоритъ Чернышевскій, что львовское „Слово“ по старинным воспоминаніямъ смотритъ слишкомъ враждебно на другія силы, которыя теперь искренне готовы содѣйствовать развитію просвѣщенія между русинами. Мы боимся, не отдается ли львовское „Слово“ врагамъ русинскаго племени и не отталкиваетъ ли отъ себя его нынѣшнихъ союзниковъ.“ Высказавъ совершенно справедливое предположеніе, что надежды „Слова“ на русинское духовенство до добра не доведутъ, Чернышевскій объясняетъ связь свѣтскихъ русиновъ съ своими клерикалами предположеніемъ о политической слабости русиновъ. „Мы не желали бы предполагать такое состояніе у галицкихъ русиновъ. Если львовское „Слово“ хочетъ вручить ходатайство по мірскимъ дѣламъ русинскаго племени православному духовенству за недостаткомъ другихъ защитниковъ русиновъ изъ русиновъ же, то, значитъ, сами русины еще на въ состояніи понимать своихъ интересовъ, т. е. еще неспособны къ политической борьбѣ. А начинать борьбу, къ которой неспособенъ, значитъ, поступать во вредъ себѣ. Когда отдѣльный человѣкъ неспособенъ понимать и защищать свои интересы, онъ можетъ ожидать пользы для себя только отъ человѣческой справедливости ближнихъ къ нему людей, а не отъ борьбы съ ними, потому что онъ неспособенъ вести ее; онъ долженъ пріобрѣтать ихъ дружбу готовностью помогать имъ. Точно таковъ же путь, предписываемый здравымъ смысломъ цѣлому племени, находящемуся въ подобномъ поло-

женіи.“ Русины такимъ образомъ, по совѣту Чернышевскаго, должны начать съ того, чтобы помогать полякамъ, — тѣмъ болѣе, что и поляки, какъ увѣренъ онъ, готовы помогать русинамъ. Хватаясь за замѣчаніе „Слова“, что среди русиновъ по происхожденію есть много ренегатовъ, перешедшихъ къ полякамъ, Чернышевскій говоритъ: „Вотъ спросили бы вѣрные своей народности русины поляковъ, уважаютъ ли сами поляки отступниковъ отъ русинской національности и одобряютъ ли ихъ. Вѣроятно, поляки смотрятъ на этихъ русиновъ-отступниковъ точно такъ же, какъ французы смотрѣли на русскихъ, презиравшихъ русскую національность: называютъ ихъ попугаями.“

Чернышевскій подошелъ было очень близко къ сущности дѣла, усмотрѣвъ въ политической борьбѣ, которая происходила въ Галиціи, соціальную подкладку, но совершенное незнаніе подробностей дѣла продиктовало совершенно неожиданныя и вполнѣ несоотвѣтствовавшія дѣйствительному положенію дѣлъ заключенія. „Слѣдовало бы „Слову“ повнимательнѣе подумать также, надобно ли считать за споръ между національностями тотъ споръ, въ который оно бросается съ такою готовностью и который оно понимаетъ, какъ споръ національностей? Очень можетъ быть, что при точнѣйшемъ разсмотрѣніи живыхъ отношеній, львовское „Слово“ увидѣло бы въ основаніи дѣла вопросъ, совершенно чуждый племенному вопросу, — вопросъ сословный. Очень можетъ быть, что оно увидѣло бы и на той, и на другой сторонѣ и русиновъ, и поляковъ, — людей разнаго племени, но одинаковаго общественнаго положенія. Мы не полагаемъ, чтобы польскій мужикъ былъ враждебенъ облегченію повинностей и вообще быта русинскихъ крестьянъ. Мы не полагаемъ, чтобы чувства землевладѣльцевъ русинскаго племени по этому дѣлу много отличались отъ чувствъ польскихъ землевладѣльцевъ. Если мы не ошибаемся, корень галиційскаго спора находится въ сословныхъ, а не племенныхъ отношеніяхъ. И если мы не ошибаемся, то сословная партія, которая представляется львовскому „Слову“ враждебной къ русинской національности, не имѣетъ къ этой національности ровно никакой вражды, а по сословному вопросу расположена теперь эта партія къ чрезвычайно большимъ уступкамъ въ пользу поселянъ какъ польскаго, точно также и русинскаго племени. Вотъ объ этомъ бы не мѣшало подумать львовскому „Слову“. Быть можетъ эти уступки, на которыя искренно готовы люди, кажущіеся ему врагами, быть можетъ эти уступки такъ велики, что совершенно удовлетворили

бы русинскихъ поселянъ; а, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что уступки эти гораздо больше и гораздо вѣрнѣе всего, что могутъ получить русинскіе поселяне отъ австрійцевъ“.

Приступая къ критикѣ изложенныхъ мыслей Чернышевскаго, мы должны оговориться, что мы вовсе не думаемъ защищать политику галицкой партіи, которую въ то время звали „святоюрскою“ (отъ митрополитанскаго собора св. Юрія въ Львовѣ) изъ которой потомъ вышла партія такъ называемыхъ „москвофиловъ“. Мы сами имѣли случай высказаться весьма отрицательно относительно ихъ дѣятельности, поставляя ей въ укоръ перевѣсъ эмпирическаго политиканства надъ заботами о проведеніи въ общество реальнаго политическаго образованія, невнимательность къ реальнымъ нуждамъ народа, безусловную покорность австрійскому правительству, къ которой присоединились потомъ неосновательныя надежды на русское правительство, клерикальную и національную узость, которая помѣшала имъ привлечь на свою сторону сочувствіе и польскихъ крестьянъ въ странѣ [1]) Но мы должны сказать, что въ статьѣ Чернышевскаго, по крайней мѣрѣ, не соблюдена мѣра въ накладываніи красокъ: на сторону политиковъ русинскихъ положены все темныя краски, тогда какъ для ихъ польскихъ противниковъ сохранены исключительно свѣтлыя краски и притомъ совершенно произвольныя.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Чернышевскій писалъ свою статью по справкамъ, какія онъ получилъ отъ своихъ польскихъ друзей въ Петербургѣ. Между этими друзьями былъ и Сиг. Сѣраковскій, несомнѣнный демократъ, пріятель и Шевченка и, слѣдовательно, человѣкъ лично чуждый стремленій католическихъ и аристократическихъ, и даже централистическихъ. Но только врядъ ли онъ достаточно критически относился къ своимъ болѣе его отсталымъ соотечественникамъ даже аристократической партіи, съ которыми такъ или иначе приходилось дѣйствовать вмѣстѣ даже демократамъ польскимъ „противъ общаго врага“.

Совершенно понятно, что польскіе дѣятели разныхъ оттѣнковъ мысли должны были постараться привлечь на свою сторону публициста, столь талантливаго и вліятельнаго, какъ Чернышевскій, и побудить его подать свой голосъ объ украино-польскихъ

---

[1]) См. „Русскіе въ Галиціи“, „Вѣстн. Европы“, 1873, №№ 1—2.

отношеніяхъ. Этотъ голосъ могъ бы быть крайне полезенъ для дѣла, особенно въ то время, такъ какъ Чернышевскій превосходилъ своимъ политическимъ образованіемъ тогдашнихъ украинскихъ дѣятелей не только въ Галиціи, гдѣ они отличались крайнимъ клерикализмомъ, но и въ Россіи, гдѣ даже лучшіе и заслуженные украинскіе писатели „Основы“ (1861—1862) принадлежали, по своему воспитанію, гораздо болѣе къ національно-романтической, нежели къ интернаціонально-положительной школѣ. Самъ Чернышевскій въ разбираемой статьѣ сдѣлалъ одно чрезвычайно вѣрное замѣчаніе, а именно—о „наивности заблужденія, что одного патріотическаго чувства безъ политическаго образованія и такта достаточно для того, чтобы стать полезными для народа предводителями“. „Нѣтъ, этого мало — говоритъ публицистъ „Современника“ — какъ мало любви къ человѣку, чтобы лѣчить его. И любишь, да погубишь его своимъ лѣкарствомъ, если не знаешь медицины“.

Слова эти слѣдовало бы на стѣнкѣ зарубить едва ли не всѣмъ политико-соціальнымъ партіямъ польскимъ, русскимъ и украинскимъ, не только прежнимъ, но и нынѣшнимъ. Но мы должны обратиться къ разбору рецептовъ великорусскаго доктора, прописанныхъ имъ, въ лицѣ Галиціи, для всей огромной полосы Литвы, Бѣлоруссіи и Украйны.

Увы! оказывается, что эти рецепты были прописаны, можетъ быть, и съ знаніемъ общей медицины, но безъ собственнаго діагноза состоянія того индивидуума, которому они прописывались. Здѣсь мы наталкиваемся на одну, по нашему мнѣнію, характерную особенность великорусскаго общества, о которой мы предпочитаемъ сказать съ полной откровенностью, хотя бы и подъ опасеніемъ ошибиться, нежели умолчать о ней или сказать недостаточно ясно.

У великорусскихъ публицистовъ вообще замѣтна какая-то неохота, чуть не неспособность, къ всестороннему анализу положенія западно-славянскихъ земель. Неохота эта замѣтна одинаково, какъ у такъ называемыхъ московскихъ славянофиловъ, которые до того субъективно, исключительно съ своей, старомосковской, православно-великорусской точки зрѣнія смотрятъ на славянство, что собственно не должны бы быть и называемы иначе, какъ москвофилами, а вовсе не славянофилами, такъ и у такъ называемыхъ западниковъ, которые то относятся къ западному славянству совсѣмъ отрицательно, то повторяютъ о немъ взгляды, встрѣченные въ первой западноевропейской, или

же, въ горячія минуты, въ москвофильской же книжкѣ. Черта эта, по нашему мнѣнію, объясняется вполнѣ исторіею образованія великороссійскаго общества.

Извѣстно, какъ изображаютъ всѣ иностранные путешественники XVI—XVII ст., не только западноевропейцы, но и сиріецъ Павелъ Алеппскій, узкую субъективность отношеній московскихъ людей къ иностранцамъ. Этотъ субъективизмъ и національно-религіозная исключительность вполнѣ объясняются той изолированностью отъ образованнаго міра, въ какой столь долго жила Русь Московская и какой не знала, до присоединенія къ ней, Русь западная и южная. Со временъ Петра Великаго извѣстная часть великорусскаго общества вышла изъ этой изолированности. Но старая московская исключительность и субъективность продолжаетъ жить въ цѣлыхъ направленіяхъ этого общества.[1] Тѣ же, которые отошли отъ узкаго національнаго субъективизма, по большей части тоже не доходятъ до вполнѣ объективнаго космополитизма, т. е. до самостоятельно-критическаго отношенія къ интересамъ всѣхъ народовъ и до способности войти въ положеніе самаго мелкаго народа (каковою способностью въ высшей степени отличаются люди изъ англійскаго общества), а почти всегда усваиваютъ какое-нибудь изъ воззрѣній, господствующихъ среди одного изъ западноевропейскихъ національныхъ обществъ, чаще всего, конечно, общества одной изъ большихъ государственныхъ національностей. Невеликорусскіе же славяне, исключая поляковъ, давно уже поставлены въ положеніе народовъ негосударственныхъ. Вотъ въ ихъ то кожу никакъ не можетъ поставить себя огромное большинство великорусскаго общества, поставить такъ, какъ, напримѣръ, иной англичанинъ имѣетъ войти въ положеніе даже какихъ-нибудь зулусовъ (истребляемыхъ его же соотечественниками). Вотъ почему русскимъ и приходится почерпать свои свѣдѣнія даже о черногорцахъ и болгарахъ, о которыхъ, повидимому, такъ хлопочетъ русское правительство и извѣстная часть общества, изъ литературы англичанъ, правительство которыхъ столь долго являлось полити-

[1]) Прекрасную критику этой исключительности въ отношеніяхъ московскихъ лжеславянофиловъ къ западнымъ славянамъ см. въ статьяхъ Чернышевскаго: „Народная безтолковость“ („Современникъ“, 1861 г. октябрь) и „Самозванные старѣйшины“ (тамъ же, 1862 г мартъ). Въ послѣдней онъ разбираетъ коллективное посланіе москвичей къ сербамъ, въ которомъ всѣ неправославные народы (въ томъ числѣ и хорваты) названы „врагами человѣчества“.

ческимъ врагомъ этихъ народовъ. И вотъ почему русскіе, когда говорятъ о западныхъ славянахъ, то, если не говорятъ о нихъ съ московской точки зрѣнія, такъ разсуждаютъ о чехахъ, какъ нѣмцы, о хорватахъ, какъ венгры, о болгарахъ, какъ греки и даже какъ турки, объ украинцахъ, какъ поляки и т. д. Если бы мы не боялись удлиннить статью, мы бы могли привести въ подтвержденіе десятки примѣровъ изъ великорусской литературы, начиная отъ Бѣлинскаго и оканчивая публицистикою временъ послѣдней войны. [1]) Едва ли не единственное исключеніе, по своей тонкой внимательности къ положенію каждаго славянскаго племени, представляетъ въ великорусской литературѣ „Исторія славянскихъ литературъ" г. Пыпина, но за то же ее такъ и не любятъ московскіе лжеславянофилы и потому же она, не смотря на то, что уже вышла вторымъ изданіемъ, въ сущности, оказала столь малое вліяніе на общественное мнѣніе и даже на братію, пишущую политическія статьи о славянахъ.

Этотъ субъективизмъ, домашній или заимствованный, въ отношеніяхъ представителей самаго многочисленнаго изъ славянскихъ племенъ къ его сосѣдямъ и единоплеменникамъ изъ негосударственныхъ племенъ, всего лучше говоритъ въ пользу необходимости образованія въ каждомъ изъ послѣднихъ партій моральной и политической автономіи. Только такія партіи, при всей своей слабости и неизбѣжной въ началѣ политической и культурной отсталости сравнительно съ великоруссами, которыхъ энергія не раздваивается борьбою за національность и независимость, въ состояніи хоть со временемъ представить вѣрно интересы негосударственныхъ племенъ и оказать свое вліяніе и на представителей племенъ государственныхъ. Только изъ совокупности усилій этихъ партій и взаимнаго вліянія націй государственныхъ и негосударственныхъ и можетъ выйти здоровая солидаризація дѣйствій всѣхъ племенъ восточной Европы, такъ необходимая для великихъ и малыхъ племенъ. До сихъ же поръ, видя отношеніе къ положенію негосударственныхъ племенъ даже такихъ людей, какъ Бѣлинскій и Чернышевскій, приходится по меньшей мѣрѣ сказать, что, если сытый голоднаго не понимаетъ, то ему лучше бы всего и не говорить вовсе о дѣлахъ голоднаго человѣка.

---

[1]) Отношеніе Бѣлинскаго къ украинцамъ, сербамъ и болгарамъ мы разобрали въ предисловіи къ изданному нами „Письму В. Гр. Бѣлинскаго къ Н. В. Гоголю". Женева 1880.

Обсуждая украинско-польскія отношенія, Чернышевскій не только не понялъ голоднаго, или по крайней мѣрѣ болѣе голоднаго, но даже изложилъ его положеніе, главнымъ образомъ на основаніи показаній того, кто у него отнимаетъ хлѣбъ. Чернышевскій не далъ себѣ труда не только изучить положеніе дѣлъ въ Галиціи, но и изложилъ его или совершенно произвольно, или съ голоса польскихъ историческихъ патріотовъ. Такъ, напримѣръ, совершенно фантастичнымъ является у него предположеніе, что въ Галиціи русины-землевладѣльцы (помѣщики) одинаково относятся къ русинамъ-крестьянамъ, какъ и землевладѣльцы-поляки. Никакихъ русиновъ-помѣщиковъ не существуетъ въ Галиціи, какъ и по всей Украйнѣ на правомъ берегу Днѣпра, и слѣдовательно всѣ выводы, какіе строитъ дальше великорусскій демократъ на своемъ предположеніи, не имѣютъ ровно никакого значенія. Положеніе же, что будто „сословная партія польская въ Галиціи не имѣетъ къ русинской національности ровно никакой вражды, а по сословному вопросу эта партія теперь (1861) расположена къ чрезвычайно большимъ уступкамъ въ пользу поселянъ, какъ польскаго, такъ и русинскаго племени“,—взято на вѣру у польскихъ оптимистовъ и тоже совершенно противно тому, что было и есть въ дѣйствительности. Предположеніе же, что какіе нибудь землевладѣльцы in corpore могутъ быть расположены къ чрезвычайно большимъ уступкамъ въ пользу поселянъ, даже и a priori должно бы было показаться невѣрнымъ такому хорошему экономисту, какъ Чернышевскій. Онъ первый бы передалъ въ редакцію „Свистка“ подобное положеніе, если бы оно доставлено было ему, напр., изъ Владимірской губерніи, а польскимъ оптимистамъ онъ повѣрилъ!

Казалось бы, и въ 1861 г. было бы излишнимъ говорить великоруссамъ, что въ Галиціи (Восточной), какъ и во всей Украйнѣ до Днѣпра, никакого польскаго народа нѣтъ, а есть только помѣщики, и что наоборотъ эти помѣщики тамъ почти всѣ поляки. А между тѣмъ ежедневный опытъ показываетъ, что это нужно повторять и до сихъ поръ. А такъ какъ поляки въ этомъ краѣ и теперь составляютъ сословіе, по теперешнему ходу вещей господствующее, то, конечно, борьба съ ними представителей націи мужицкой является вовсе не борьбою изъ-за воспоминаній о старинѣ. Антагонизмъ русиновъ и поляковъ въ Украйнѣ это не то, что антагонизмъ французовъ и англичанъ, русскихъ и татаръ, а подобенъ борьбѣ сербовъ и турокъ, напр., въ Босніи, съ тою только разницею, что польская аристократія,—а въ Галиціи и

польская бюрократія, — уже въ силу своей цивилизаціи, высшей чѣмъ турецкая, присоединяетъ къ своекорыстію сословному еще и стремленія къ денаціонализированію подчиненнаго ему мужицкаго племени. Отрицать борьбу польскаго аристократо-бюрократическаго элемента противъ украинской національности въ Галиціи такъ же странно, какъ отрицать стремленія Пруссіи германизировать поляковъ въ Познани: манія оффиціальныхъ народностей проявляла себя довольно сильно по всей Европѣ и въ 1861 г., какъ и теперь. И эта манія должна была явиться тѣмъ сильнѣе, напр., въ Галиціи, гдѣ навязываемая народность имѣетъ себѣ поддержку въ экономическихъ привилегіяхъ. Помѣщикъ и представитель оффиціальнаго полонизма въ Галиціи слились до того, что одинъ не только нераздѣленъ отъ другого, но стремленіе послѣдняго усиливаетъ эгоизмъ перваго, такъ какъ очевидно, что если русинскіе крестьяне получатъ экономическое обезпеченіе, то у нихъ усилится и сознаніе своей національной самостоятельности, и, наоборотъ, если среди нихъ разовьется образованіе и сознаніе своей національности, то они тѣмъ болѣе захотятъ свергнуть съ себя и экономическое иго польскихъ помѣщиковъ. Въ томъ и другомъ случаѣ неизбѣженъ раздѣлъ этого послѣдняго куска исторической Польши въ видѣ австрійской провинціи. Вотъ почему польскія партіи восточной Галиціи, не исключая и демократовъ, являются такими ожесточенными противниками и соціально-экономическихъ, и національныхъ (политическихъ и культурныхъ) стремленій русиновъ.

Все сказанное подтверждается цѣлою исторіей аграрно-національныхъ отношеній Галиціи съ самаго 1831 г., если уже не заходить дальше. Въ 1848 г. польскіе помѣщики и даже выборные отъ городовъ, вмѣсто уступокъ поселянамъ, требовали въ вѣнскомъ парламентѣ выкупа барщины; въ пятидесятые и шестидесятые годы, какъ разъ тогда, когда писалъ свою статью Чернышевскій, они настаивали и настояли на крайне невыгодномъ для крестьянъ рѣшеніи вопроса о сервитутахъ (пользованіи лѣсами и выпасами), на сохраненіи за помѣщиками, противной даже буржуазной экономіи, привилегіи содержанія шинковъ (пропинація) и т. д. Что до національнаго вопроса, то въ 1848 г. польскія партіи самымъ ожесточеннымъ образомъ сопротивлялись признанію русиновъ самостоятельною націею и передъ австрійскимъ правительствомъ, и передъ славянскимъ съѣздомъ въ Прагѣ, и передъ императорскимъ парламентомъ въ Вѣнѣ. Въ 60-ые годы, почти въ одно время съ статьею Чернышевскаго, появились

даже въ польскихъ изданіяхъ въ Россіи статьи, также отрицающія самое существованіе украинской народности съ польской точки зрѣнія, какъ стали потомъ отрицать ее Катковы и Аксаковы съ московской точки. [1])

Всю эту литературу польскаго сочиненія, радикально отрицающую самое существованіе русиновъ, какъ отдѣльнаго отъ поляковъ народа, очень не трудно было знать и петербургскимъ политикамъ, равно какъ и характеръ аграрной политики тогдашнихъ польскихъ партій въ Австріи. Не трудно было провѣрить и то, насколько было правды въ увѣреніяхъ, которыя по временамъ исходили отъ этихъ партій, что крестьяне и русины въ Галиціи, если имѣютъ на кого жаловаться, то вовсе не на польскихъ политиковъ, у которыхъ будто бы руки связаны, а на Вѣну,—увѣренія, какія проникли въ статью Чернышевскаго. Во первыхъ, вовсе не думая идеализировать вѣнскую королевско-цесарскую бюрократію, мы должны признаться, что, если крестьяне и въ частности русины въ Галиціи въ теченіи XIX в. видѣли хоть тѣнь добра сверху, то все таки они видѣли ее только отъ австрійской бюрократіи (рядомъ, конечно, съ такими благами, какъ рекрутчина), а не отъ польской аристократіи, что понятно уже и a priori, такъ какъ вездѣ на свѣтѣ цезаризмъ скорѣе можетъ задумать что либо, хоть небольшое, полезное для массъ, чѣмъ аристократія. А, во вторыхъ, польская аристократія всегда имѣла довольно силы, чтобы сдѣлать добро для крестьянъ и русиновъ, если бы того захотѣла, всегда имѣла больше доступу и въ Вѣну, нежели мужичье мазурское и русинское. [1]) Со смерти Іосифа II

---

[1]) См. напр. статью Жоховскаго въ „Biblioteka Warszawska", 1861, № 12, корреспонденціи изъ Львова въ „Gazeta Warszawska", 1861, № 304–310; въ Галиціи около этого времени вышла брошюра извѣстнаго польскаго историка, Генриха Шмидта Kilka słów o kwestyi rusinskiej, статьи въ „Rada Familijna", статьи въ „Czas" и, во Франціи, въ „Revue Contemporaine". на которыя отвѣчалъ Костомаровъ въ „Основѣ" 1861 и т. д.

[1]) Насколько въ Россіи и до сихъ поръ плохо освѣдомлены съ настроеніемъ галицко-польскаго общества, можно видѣть, напр., по слѣдующему отрывку изъ статьи г. Спасовича „Новѣйшая исторія Австріи": „Депутаты-поляки изъ Галиціи были озлоблены на гр. Стадіона (быв. намѣстника въ Галиціи) смертельно не за отмѣну барщины (барщина и крѣпостное право были въ принципѣ давно у нихъ вопросами рѣшенными), но за то, что, облагодѣтельствовавъ крестьянъ на счетъ помѣщиковъ (!!) отъ имени правительства, Стадіонъ усилилъ абсолютизмъ и лишилъ польское движеніе возможности подарить землю и свободу крестьянамъ и привлечь ихъ такимъ образомъ на сторону польскаго движенія". (Вѣстн. Европ. 1873, май 137–138). Но, во первыхъ, самъ же г. Спасовичъ въ началѣ своего

до самаго 1846 г. никто какъ польская аристократія правила Галиціей руками намѣстниковъ, присылаемыхъ изъ Вѣны, и затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ нѣмецкой диктатуры, та же аристократія вмѣстѣ съ буржуазіей постепенно, въ лицѣ гр. Голуховскаго, забрала въ свои руки бюрократію, а потомъ и сеймъ въ странѣ. При этомъ польскія партіи, укоряя русинскихъ политиковъ за сервилизмъ передъ Вѣной (и укоряя по нашему, совершенно справедливо), сами вовсе не гнушались напускать ту же Вѣну на русиновъ, постоянно пугая австрійское правительство русинскимъ сепаратизмомъ, то москвофильскимъ, то украиноказацкофильскимъ, съ прибавкою гайдамачины.

Публицистъ „Современника" совершенно не понялъ двухъ очень характерныхъ черточекъ галицкой жизни, которыя ему попались въ львовскомъ „Словѣ", и совершенно напрасно потратилъ, по поводу ихъ, свою иронію надъ русинскою газетою. Первая изъ этихъ черточекъ: объясненіе „Слова" съ польскими газетами по поводу того, что оно печатается „россійскими" буквами (т. наз. „гражданка" или шрифтъ Петра Великаго), которыя „Слово" старается оправдать тѣмъ, что онѣ сначала употреблялись малороссами, отъ которыхъ заимствовалъ ихъ Петръ Великій. Дѣло въ томъ, что въ крайнемъ желаніи помѣшать развитію русиновъ, польскіе патріоты въ Галиціи настаиваютъ на томъ, что, если уже должно существовать у русиновъ свое письмо отдѣльное отъ польскаго (что уже признапо австрійскимъ закономъ), то оно должно оставаться старое, церковное: употребленіе же „гражданки" есть-молъ празнакъ сепаратизма къ Россіи! И въ настоящую минуту, когда мы пишемъ эти строки, въ галицкій сеймъ внесенъ вопросъ русинскихъ депутатовъ по поводу того, что польскіе чиновники требуютъ отъ русиновъ писанія бумагъ церковными каракулями, вмѣсто болѣе курсивной „гражданки", которую польскіе чиновники признаютъ письмомъ „московскимъ" и слѣдовательно незаконнымъ. Въ то время, когда

труда (Вѣст. Евр. 1866, II, 320—321), разсказывая о вѣнскомъ парламентѣ 1848 г., говоритъ: „польскіе помѣщики, не смотря на связи свои съ лѣвою нѣмецкою стороною и на то, что они старались всячески представить, будто надѣлъ крестьянъ землею совершился по ихъ доброй волѣ, и правительство только присвоило себѣ плоды того, что они сами порѣшили, требовали однако возможно большаго и непомѣрнаго возвышенія оцѣнки крестьянскихъ участковъ". А во вторыхъ, у польскихъ помѣщиковъ всегда было столько земли, что они во всякое время могли подарить ее крестьянамъ. И теперь еще не поздно!

писалась статья Чернышевскаго, „гражданка“ только что начала входить въ употребленіе въ Галиціи, и Вѣна была завалена доносами на эту „гражданку“. Мы сами вовсе не любители этой „гражданки“ и рады были бы, если бъ и въ самой Москвѣ писали латинскими буквами (только, конечно, не польскою ихъ формою запутанною и нелогичною), но тѣмъ болѣе мы противъ осужденія галичанъ на писаніе церковными каракулями и еще болѣе противъ пропаганды латинскаго шрифта посредствомъ доносовъ австрійскому правительству. А такой смыслъ доносовъ имѣютъ всегда жалобы польскихъ газетъ, что русины пишутъ „московской гражданкой“.

Подобное же значеніе имѣла въ „Словѣ“ и ироническая благодарность полякамъ, которые „готовы сочувствовать развитію русинской литературы“, Чернышевскій понялъ эти слова въ буквальномъ смыслѣ и прочелъ нотацію львовской газетѣ. Между тѣмъ достаточно было знать хоть, напр., статьи варшавскихъ и виленскихъ изданій о Шевченкѣ, котораго такъ уважалъ Чернышевскій, чтобъ видѣть, каково было сочувствіе большинства польской печати къ самостоятельной литературѣ у русиновъ. Всякое стремленіе русиновъ создать литературу, которая не была только провинціальною разновидностью польской (какъ это было у Падуры и его послѣдователей), встрѣчалось польской печатью столь же враждебно, какъ стали потомъ встрѣчать его враждебно московскіе централисты. Послѣ 1848 года въ Галиціи русинская литература признана была оффиціально, и послѣ того въ тамошнемъ польскомъ обществѣ постепенно установилось къ ней двойственное отношеніе: рядомъ съ отрицаніемъ — претензія регулировать эту лутературу, конечно, если можно, то и съ помощью бюрократіи. Та галицкая русинская литература, какая захвачена была событіями 1848 г., примыкала по языку и духу къ южнорусской полуцерковной литературѣ XVI—XVII вв. (XVIII вѣкъ для Галичины, послѣ отдѣленія ея отъ козацкой Украйны, пропалъ еще болѣе даромъ, чѣмъ пропалъ онъ для Поднѣпровья). По ней лишь слегка прошли вліянія великорусской высокопарной литературы до-карамзинскаго періода и отголоски начинавшейся новой украинской литературы, сначала сентиментальной и романтической, но всегда демократической. [1]) Въ не-

[1] Подробности въ подтвержденіе того, что мы здѣсь говоримъ, читатель можетъ найти въ вышеупомянутой статьѣ нашей „Русскіе въ Галиціи“ и въ ея продолженіи „Литерат. движеніе въ Галиціи“. Вѣстн. Евр. 1873, IX, X.

ріодъ торжества бюрократіи въ Австріи и особой ярости реакціи въ Россіи, въ Галицію проникало изъ Россіи только московское, погодинское вліяніе, и тамъ зародилась школа, которую и представляетъ „Слово". Впрочемъ школа эта, хоть и ложною дорогою, но все же отчасти шла къ выходу изъ узкихъ рамокъ австро-уніатскаго легитизма и клерикализма. Не имѣя уже силы подавить совсѣмъ русинское движеніе, польскіе его противники стали стараться, чтобъ оно сохранило по крайней мѣрѣ старое, разъ уже признанное, узкое направленіе, и упрекали новое, во всякомъ случаѣ болѣе свѣтское и болѣе независимое москвофильское направленіе въ политической измѣнѣ Австріи и въ то же время въ измѣнѣ настоящимъ интересамъ русинской національности, которое теперь, конечно, лицемѣрно бралась защищать польская печать. По смерти Николая I стало вновь организовываться въ Россіи народно-украинское направленіе. Польская печать въ Россіи встрѣтила его враждебно, но въ то же время въ галицкой польской печати стали изрѣдка раздаваться голоса, которые, порицая русинскихъ патріотовъ за ихъ церковно-московское направленіе и языкъ, ставили имъ въ примѣръ украинскихъ писателей, пишущихъ чистымъ народнымъ языкомъ. Но чуть только украинская литература породила и въ Галиціи (1862—1863 гг.) замѣтное демократическое движеніе, какъ сейчасъ же польская печать закричала о козакоманіи и новомъ „гайдамацкомъ, но все таки московскомъ панславизмѣ", какъ объ опасности и для польской идеи, и для Австріи. [1]) Когда между 1863 и 1867 г. въ Галичинѣ обнаружился существенный расколъ между клерикально-московскими и народно-украйнофильскими группами, и когда русское правительство, вслѣдъ за голосами московскихъ централистовъ, наложило руку на украинскую литературу и школу (въ первый разъ въ 1863 г.) то польская печать, опять-таки лицемѣрно, приняла галицкихъ украйнофиловъ подъ свое покровительство и, зная, что они еще слабы на парламентскомъ полѣ, стала противоставлять ихъ старой русинской партіи, какъ „настоящихъ русиновъ", съ которыми будто бы поляки могутъ договариваться, не то что съ москвофилами, измѣнниками своему народу и слугами деспотизма, которые хотятъ привести „Москву и схизму въ послѣднее убѣ-

---

[1]) Какъ характерно это единство пріемовъ польскихъ и московскихъ централистовъ въ Австріи и Россіи: что для однихъ „московскіе рубли", то для другихъ „польская интрига", въ число „агентовъ" которой произвелъ „честный" г. И. Аксаковъ (Русь, 1 августа 1881 г.) и пишущаго эти строки!!

жище Польши". Но эти фразы не вели за собою никакихъ практическихъ уступокъ и „настоящимъ русинамъ", а едва только и эти послѣдніе начали становиться силою, съ которою нужно было считаться, какъ и на нихъ посыпались тѣ же обвиненія, которыя сыпались прежде на москвофиловъ. А между тѣмъ, если дѣйствительно галицкіе поляки примирились съ признаніемъ русиновъ, какъ отдѣльной культурной и политической націи, то казалось бы, что можетъ быть проще, какъ предоставить самимъ русинамъ разбираться, кто изъ нихъ настоящій, а кто ненастоящій русинъ, и отказаться отъ всякихъ претензій регулировать русинскую литературу, да еще административными мѣрами и политическими доносами?! Вотъ объ этой претензіи на протекторатъ говорило и „Слово", когда оно иронически отнеслось къ заботамъ польскихъ газетъ о русинской литературѣ, а публицистъ „Современника", по незнанію мѣстныхъ условій, укорилъ русинскую газету въ неблагодарности!

Похожее на то, что происходило въ 1848—1849 и въ 1860—1861 гг. въ Галиціи, настало въ 1860—1863 годахъ въ приднѣпровской Украйнѣ, когда здѣсь поднялся крестьянскій вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ столкнулись стремленія польскія и украинскія. Здравый политическій разсчетъ, дѣйствительно, долженъ бы былъ побудить поляковъ относиться благопріятно къ украинскому движенію и въ то же время сдѣлать серьезныя уступки крестьянамъ. Но о первомъ почти никто изъ поляковъ, даже въ чисто польскихъ земляхъ, не думалъ, о второмъ, хотя и говорили немногочисленные искренніе демократы, но ихъ совѣты оставались безъ приложенія. Сословные разсчеты и инстинкты національнаго господства превозмогли въ польскихъ панахъ правобочной Украйны, какъ и вездѣ, соображенія здравомысленнаго патріотизма и либерализма. А ненависть къ нарождающейся новой нравственной силѣ, представляемой украинскими кружками, за которыми непремѣнно должны были послѣдовать кружки литовскіе и бѣлорусскіе, кружками, которымъ польскіе паны дали имя „хлопоманіи" (изъ чего послѣ въ Россіи сдѣлали слово „хохломанія"), и страхъ передъ крестьянами, которые раньше или позже должны были провѣдать о стремленіяхъ образованныхъ хлопомановъ, заставили польскихъ пановъ и тутъ, какъ и въ Австріи, попробовать направить противъ своихъ конкуррентовъ готовую силу, — правительство!

Положеніе украинскихъ хлопомановъ непосредственно передъ возстаніемъ 1863 г. всего лучше характеризуется статьею

г. Вл. Антоновича въ „Основѣ“ 1862 г., № 1 „Моя исповѣдь“, изъ которой мы считаемъ умѣстнымъ привести слѣдующую выдержку, такъ какъ она, по нашему мнѣнію, сохранила въ значительной степени свою современность и въ настоящую минуту:

„Въ заключеніе вашей статьи, г. Падалица, вамъ угодно было обратиться къ моей личности съ эпитетомъ „перевертень“. [1] Я вамъ за это искренно благодаренъ — не потому, чтобы я полагалъ, что моя личность особенно интересна для васъ или для кого нибудь изъ читающихъ, и не потому, чтобы я самъ слишкомъ о ней заботился, а потому, что разъясненіе сказаннаго вами эпитета хоть сколько нибудь поможетъ цѣлой группѣ людей опредѣлить себѣ свое положеніе въ южно-русскомъ краѣ. Да, г. Падалица, вы правы! Я дѣйствительно „перевертень“, но вы не взяли во вниманіе одного обстоятельства, именно того, что слово „отступникъ“ не имѣетъ само по себѣ смысла; что для составленія себѣ понятія о лицѣ, къ которому приложенъ этотъ эпитетъ, нужно знать, отъ какого именно дѣла человѣкъ отступился и къ какому именно присталъ; иначе слово это лишено смысла — это пустой звукъ. Дѣйствительно, вы правы. По волѣ судьбы, я родился на Украйнѣ шляхтичемъ; въ дѣтствѣ имѣлъ всѣ привычки паничей и долго раздѣлялъ всѣ сословныя и національныя предубѣжденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался; но когда пришло для меня время самосознанія, я хладнокровно оцѣнилъ свое положеніе въ краѣ, я взвѣсилъ его недостатки, всѣ стремленія общества, среди котораго судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе нравственно безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительнаго взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посягательствъ на край и его народность; я увидѣлъ, что поляки-шляхтичи, живущіе въ южно-русскомъ краѣ, имѣютъ передъ судомъ собственной совѣсти только двѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности когда-то покинутой ихъ предками и неусыпнымъ трудомъ и любовью, по мѣрѣ силъ, вознаградить все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ, которому эти послѣдніе за потъ и кровь платили презрѣніемъ..., или же, если

[1] Статья г. Антоновича есть отвѣтъ на одну изъ статей довольно вліятельнаго въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ писателя, Падалицы, который выступилъ было съ полемикой и противъ Костомарова, по поводу его трудовъ о козаччинѣ. Костомаровъ отвѣчалъ ему въ „Современникѣ“.

для этого не хватитъ нравственной силы, переселиться въ землю польскую, заселенную польскимъ народомъ, для того чтобы не прибавлять собою еще одной тунеядной личности, для того чтобы, наконецъ, избавиться самому передъ собою отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что и я посредственно или непосредственно (что, впрочемъ, все равно) питаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа, въ хату котораго я залѣзъ непрошенный, съ чуждыми ему стремленіями, что и я принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ и что невинно раздѣляю отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Конечно, я рѣшился на первое, потому что, сколько ни былъ испорченъ шляхетскимъ воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними разстаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я зналъ, котораго горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ имъ шляхтичъ, изъ устъ котораго я слышалъ не одну печальную, раздирающую сердце пѣсню, не одно честное дружественное слово (хоть я былъ и паничъ), не одну трагическую повѣсть о истлѣвшей въ скорби и безплодномъ трудѣ жизни..., который, словомъ, я полюбилъ больше своихъ шляхетскихъ привычекъ и своихъ мечтаній. Вамъ хорошо извѣстно, г. Падалица, и то, что, прежде чѣмъ я рѣшился разстаться съ шляхтою и всѣмъ ея нравственнымъ достояніемъ, я испробовалъ всѣ пути примиренія; вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ человѣчному обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, основанномъ на его собственныхъ національныхъ началахъ, къ признанію южно-русскимъ, а не польскимъ того, что южно-русское, а не польское; вы были, вѣдь, свидѣтелемъ, какъ подобныя мысли возбудили, въ началѣ свистъ и смѣхъ, потомъ гнѣвъ и брань, и наконецъ ложные доносы и намеки о коліивщинѣ. Послѣ этого, конечно, оставалось или отречься отъ своей совѣсти, или оставить ваше общество: я выбралъ второе, и надѣюсь, что трудомъ и любовью заслужу когда нибудь, что украинцы признаютъ меня сыномъ своего народа, такъ какъ я все готовъ раздѣлить съ ними. Надѣюсь тоже, что со временемъ среди польскаго шляхетскаго общества, живущаго въ Украинѣ, поворотъ къ народу и сознаніе необходимости трудиться на его пользу, раньше или позже станетъ нравственною потребностью не только отдѣльныхъ лицъ, какъ теперь, а вообще всѣхъ, кто въ силахъ будетъ обсудить свое положеніе и свои обязанности и не предпочтетъ мечты насущ-

ному, вызванному собственною совѣстью дѣлу. Итакъ, г. Падалица, вы правы! я—перевертень, и я горжусь этимъ такъ точно, какъ я гордился бы въ Америкѣ, еслибъ сталъ аболиціонистомъ изъ плантатора, или въ Италіи, еслибъ, просвѣтивъ свой образъ мыслей, я изъ паписта сдѣлался честнымъ, трудолюбивымъ слугой общенароднаго дѣла."

Группа „хлопомановъ" была сначала не совсѣмъ малочисленна среди польской (или говоря тогдашнимъ оффиціальнымъ выраженіемъ—„католической") молодежи въ Кіевѣ, но когда нѣкоторые изъ нихъ такъ радикально поставили вопросъ, какъ г. Антоновичъ (а такъ пришлось поставить его именно въ 1861 г., когда и въ Кіевъ пришелъ сигналъ готовиться къ возстанію за возстановленіе исторической Польши),—группа эта сократилась до нѣсколькихъ человѣкъ, которые примкнули къ группѣ „православныхъ" украинцевъ, состоявшей почти исключительно изъ лѣвобережцевъ. Испугавшись радикальной постановки вопроса національнаго, бывшіе поляки-хлопоманы и тѣ изъ демократовъ, которые сначала сочувствовали имъ, пошли на уступки помѣщичьей партіи и по вопросу соціально-экономическому. Причину этой уступчивости очертилъ довольно вѣрно другой молодой хлопоманъ, котораго имя гремѣло тогда по польскимъ панскимъ дворамъ и газетамъ, вмѣстѣ съ именемъ г. Антоновича, какъ будущихъ Гонты и Зализняка,—г. Рыльскій, въ надѣлавшей тогда много шуму въ кіевскихъ кружкахъ и въ самомъ дѣлѣ очень любопытной статейкѣ „Дворяне праваго берега Днѣпра", въ „Основѣ" 1861 г., № 12.[1]

---

[1] Вотъ въ какомъ винегретѣ изображали своей публикѣ кіевскихъ хлопомановъ тогдашнія польскія газеты: „Въ кіевскомъ университетѣ возникла партія русская, такъ называемые хлопоманы, по наущенію извѣстныхъ пособниковъ русской идеи Иванишева, Костомарова, Галагана, Аксакова и т. п. Изъ нѣдръ этой партіи, во имя любви къ народу, братскаго равенства и т. п. хорошихъ вещей произошли миссіи по краю, будто бы для обороны народа отъ кривды, могущей послѣдовать отъ шляхты въ пору рѣшенія крестьянскаго вопроса. Правительство смотрѣло на то сквозь прозрачную завѣсу и терпѣло по краю безумныхъ эмиссаровъ и даже скрытно помогало имъ. Оно имѣло для этой цѣли Антоновичей, Рыльскихъ и. т. п. сумасшедшихъ, очарованныхъ московской кликой, которые совсѣмъ отреклись отъ любви къ Польшѣ, чтобъ осуществить составленную ими малорусскую утопію. Всесильная пропаганда понадъ берегомъ Днѣпра въ традиціонной области козачества, похороны Шевченка, устроенная для него могила, путешествія къ этой Меккѣ малорусскаго народа, введенныя хлопоманами,—все это дѣлаетъ на народъ сильное впечатлѣніе," (Tygodnik Posnanski, 1863 г., № 3.) Опять-таки, подобные винегреты можно встрѣтить теперь въ доносахъ московскихъ централистовъ на ихъ противниковъ.

Очертивъ разные виды дворянъ праваго берега Днѣпра, г. Рыльскій говоритъ о демократической молодежи: „Но отъ всѣхъ этихъ оттѣнковъ рѣзко отдѣляется значительная часть болѣе просвѣщенной здѣшней молодежи. Они въ самомъ дѣлѣ довольно искренно сочувствуютъ положенію народной массы, они готовы на личныя пожертвованія въ пользу своихъ идей, но у нихъ есть кой-какія преданія, почерпнутыя изъ той среды, изъ которой они вышли, и которыя ихъ заставляютъ нерѣдко противодѣйствовать интересамъ народной массы.... Такъ, нѣкоторые изъ нихъ защищаютъ слѣдующій силлогизмъ: потребности народа выражаются въ его просвѣщенныхъ представителяхъ; такъ какъ болѣе просвѣщенная часть здѣшняго общеста (inteligencja kraju), ополячилась, то, значитъ, здѣшній край польскій. И эти люди считаютъ себя демократами!...“

Болѣе радикальные изъ этихъ людей были авторами „Золотой Грамоты къ сельскому люду Волыни, Подоліи и Украйны“ и погибли съ нею въ печальные дни конца апрѣля и начала мая 1863 года,—и что всего ужаснѣе,—погибли, не заронивши въ убивавшихъ и арестовывавшихъ ихъ крестьянахъ ни зерна мысли, которая могла бы со временемъ лечь въ основу новой попытки къ борьбѣ за свободу края и благо народа! Крестьяне-украинцы били ихъ, какъ представителей гнета соціальнаго и національнаго, сосредоточеннаго для нихъ въ одномъ словѣ „Польша“!

Эта неизбѣжная участь была предсказана польскимъ демократамъ на Украйнѣ послѣдовательными „хлопоманами“ еще въ 1861 году. Но едва только молодые хлопоманы заявили своимъ товарищамъ свой отказъ принять участіе въ польскомъ возстаніи, какъ сейчасъ г. Антоновичъ былъ потребованъ къ мѣстному предводителю дворянства, гдѣ нашелъ цѣлый сеймикъ дворянъ, который потребовалъ отъ него отказа отъ хлопоманской декларацiи, угрожая въ противномъ случаѣ преслѣдованіемъ со стороны русскаго правительства! Отказа, конечно, не послѣдовало,—и затѣмъ гг. Антоновичъ и Рыльскій были дѣйствительно привлечены къ слѣдствію со стороны секретной политической комиссіи при генералъ-губернаторѣ „за коммунистическую пропаганду среди крестьянъ“. Только общее, еще тогда конфузливое, настроеніе правительства и благодушіе тогдашняго кіевскаго генералъ-губернатора кн. Васильчикова сохранили ихъ отъ ссылки въ восточныя губерніи.

О такихъ характерныхъ фактахъ и вообще объ украинской „хлопоманіи“ и отношеніи къ ней польскаго общества и печати

совсѣмъ ничего не знали въ великорусскихъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ кругахъ. О дѣлѣ гг. Антоновича и Рыльскаго въ „Колоколѣ“ находимъ только слѣдующую замѣтку: „Правда ли, что братья (?) Рыльскіе, студенты кіевскаго университета, сосланы въ Казань, по доносу кн. Васильчикова, за то, что они обращаются по-братски съ своими крестьянами?“ („Колоколъ“, 1-го іюня 1861). Положимъ, живя въ Лондонѣ, издатели „Колокола“ съ трудомъ могли знать, кто донесъ „на братьевъ Рыльскихъ“, хотя и тамъ можно было хоть просматривать „Основу“. Но въ Россіи можно было съ большимъ удобствомъ знать, что дѣлалось въ томъ краѣ, гдѣ тоже должно было, при поддержкѣ и великорусской оппозиціи, совершиться польское возстаніе, но великорусскіе революціонные кружки въ столицахъ и на Поволжьѣ, гдѣ готовили крестьянское возстаніе, единовременное съ польскимъ, не только того не знали, но, сколько мы помнимъ, по бесѣдамъ съ нѣкоторыми изъ пріѣзжавшихъ тогда въ Кіевъ изъ Петербурга членовъ „Земли и Воли“ и однимъ членомъ казанскаго кружка, можно сказать, не хотѣли знать. Великорусскимъ демократамъ казалось, что „тотъ не любитъ свободы“, кто не сочувствуетъ польскимъ стремленіямъ, а тѣмъ болѣе, кто считаетъ нужнымъ противодѣйствовать имъ въ чемъ бы то ни было.

Отчасти такое отношеніе къ „польскому дѣлу“ далекихъ отъ западнаго края русскихъ объясняется совершенно естественною реакціею противъ крайне безтактной и тупой политики правительства. Реакція эта особенно должна была быть сильною среди тѣхъ изъ образованныхъ русскихъ, которые судьбою были заброшены въ самую коренную Польшу. Здѣсь образовался „комитетъ русскихъ офицеровъ“, который находился въ сношеніяхъ съ кружкомъ „Земли и Воли“ и съ лондонской эмиграціей. Комитетъ этотъ обнародовалъ 5 ноября 1862 г. прокламацію къ „офицерамъ русскихъ войскъ“, въ которой слѣдующимъ образомъ объяснилъ причины своего присоединенія къ польскому возстанію:

„Наше положеніе исключительно. Правительство распоряжается въ польскихъ городахъ такъ, что народъ долженъ потерять всякое терпѣніе и возстать, даже не разсчитывая, будетъ удача или нѣтъ. Обстоятельства все ближе и ближе подходятъ къ минутѣ, когда намъ придется быть палачами Польши, или приставать къ возстанію.

„Мы не хотимъ быть палачами....

„Центральный Варшавскій Комитетъ, стоящій нынѣ во главѣ польскаго движенія, заявилъ намъ, что его цѣль—надѣленіе всѣхъ (?) польскихъ крестьянъ землею, уравненіе всѣхъ правъ и уничтоженіе сословной розни; независимость Польши отъ петербургскаго и другихъ нѣмецкихъ правительствъ и признаніе за всѣми областями, соединенными (?) съ Польшей воспоминаніями прошедшаго (!), права располагать собою, помимо всѣхъ государственныхъ, какъ польскихъ, такъ и русскихъ соображеній. Только на этихъ основаніяхъ, мы и наши солдаты готовы примкнуть къ польскому возстанію, потому что тѣ же основанія и нашей русской свободы".

Вотъ тутъ то и припоминаешь слова Чернышевскаго о недостаточности однихъ инстинктовъ и о необходимости политическаго образованія и такта для общественной дѣятельности. Одно дѣло—не хотѣть быть чьимъ либо палачомъ, и совсѣмъ другое дѣло—присоединиться къ программѣ, которая идетъ въ разрѣзъ съ основаніями собственныхъ политическихъ стремленій, и связать свое дѣло съ дѣломъ, которое при внимательномъ анализѣ оказалось бы и чужимъ, и безнадежнымъ даже со стороны возможности оставить по себѣ ясную руководящую идею.... Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ „комитета русскихъ офицеровъ", Потебня, кажется, наконецъ, замѣтилъ свою ошибку, но поздно! Попавши въ лагерь Лангевича, который, между прочимъ, писалъ въ одной изъ своихъ прокламацій (отъ 9 февраля 1863 г., къ дворянамъ воеводства Сендомірскаго), что онъ не потерпитъ возобновленія рѣзни крестьянами пановъ, какъ въ Галиціи въ 1846 г., Потебня писалъ своимъ друзьямъ (3 марта): „Пишу къ вамъ изъ лагеря Лангевича. Я рѣшился остаться здѣсь.... Надежды сдѣлать что-нибудь мало. Попробуемъ..." („Колоколъ" № 162) Черезъ нѣсколько дней Потебня „во время сраженія, несмотря на всѣ убѣжденія, схватилъ косу, во главѣ колонны пошелъ въ атаку и погибъ..." (тамъ же).

Перенесеніе польскаго возстанія на берега Днѣпра и присоединеніе къ нему великорусскихъ либераловъ и демократовъ имѣло фатальное послѣдствіе и для „польскаго либерально-демократическаго движенія въ Россіи вообще. До тѣхъ поръ пока польское движеніе разыгрывалось преимущественно въ Польшѣ и отчасти въ Литвѣ, средніе образованные люди въ Россіи были болѣе или менѣе сочувственно настроены въ его пользу, тѣмъ

болѣе, что въ началѣ можно было предполагать, что правительство принуждено будетъ дать конституцію Царству Польскому, а это, думалось тогда, должно будетъ повести за собою такую же мѣру и въ остальной Россіи. Въ пользу подобной увѣренности говорило созваніе сейма финляндскаго, котораго не созывали съ самаго времени присоединенія княжества къ Россіи.. Заявленіе намѣренія польскаго революціоннаго правительства овладѣть Поднѣпровьемъ дало толчокъ къ повороту общественнаго мнѣнія противъ поляковъ. Крестьянская же реакція противъ возстанія, особенно рѣзко проявившаяся въ Кіевской губерніи, усилила этотъ поворотъ, которымъ не могли не воспользоваться реакціонеры для отрицанія всѣхъ требованій поляковъ.

Съ тѣхъ поръ установилось въ значительной части русскаго общественнаго мнѣнія убѣжденіе, что полякамъ опасно дѣлать какія бы то ни было уступки даже и въ Царствѣ Польскомъ, такъ какъ уступки эти ихъ не удовольствуютъ, а только послужатъ операціоннымъ базисомъ для наступательнаго движенія и на Поднѣпровье. Вообще же не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ покушенія польскихъ революціонеровъ на непольскія земли и отпоръ, оказанный имъ непольскими массами, подкопали довѣріе къ самому принципу, на какомъ только и основывалось общее сочувствіе польскимъ политическимъ стремленіямъ, именно къ убѣжденію, что стремленія эти имѣютъ подъ собою живое національное тѣло. Отношеніе, въ какое поставили себя патріоты польскіе къ русинамъ въ Галиціи, должно было поддержать отрицательный поворотъ во взглядахъ общественнаго мнѣнія и въ Россіи, и отчасти за границей на польскій патріотизмъ.

Во время самого возстанія нѣкоторые иностранцы, принявшіе въ немъ участіе, могли собственнымъ наблюденіемъ провѣрить, какъ мало дѣйствительно народнаго было въ этомъ дѣлѣ. Такъ, Арисзъ писалъ въ письмѣ, читанномъ на собраніи „Союза мира и свободы“ въ 1871 г.: „неуспѣхъ послѣдняго возстанія доказалъ ясно, что причина общаго равнодушія, оказаннаго крестьянами, лежитъ въ забвеніи, въ какомъ держали народъ (образованные люди) и въ отсутствіи гарантій, которыя бы представляло ему будущее въ случаѣ успѣха возстанія. Я самъ слышалъ, какъ крестьяне громко говорили, что „надъ ними смѣются, приглашая ихъ проливать кровь для возстановленія привилегій пановъ“. Этотъ духъ недовѣрія врожденъ польскому крестьянину, и, можно сказать, онъ его всасываетъ съ молокомъ матери“.

(Bulletin officiel du cinquième congrès de Ligue internationale de la Paix et de la Liberté. 1871. 140—141.)

Судя по тому, что теперь пишется о Польшѣ въ англійской и французской литературахъ (особенно въ послѣдней, — см. сочиненія гг. Л. Леже, А. Рамбо, Э. Реклю, А. Леруа-Болье), уже нельзя напередъ и ждать ничего подобнаго тому довѣрію къ словамъ польской эмиграціи, какимъ она пользовалась въ либеральныхъ кружкахъ въ 1831—1863 гг. Совсѣмъ напротивъ, у нѣкоторыхъ авторовъ, особенно у гг. Леже и Леруа-Болье, реакція старому довѣрію польскимъ эмигрантамъ смѣнилась нѣкоторымъ оптимизмомъ по отношенію не только къ Россіи, вообще, но и къ русскому правительству, въ частности.

Одновременно съ тѣмъ, какъ падалъ кредитъ польскихъ патріотическихъ стремленій, падала сила и русскаго либеральнаго движенія. Хотя это движеніе не имѣло за собою въ русскомъ обществѣ и такихъ организованныхъ силъ, какія имѣло у себя польское національно-католическое движеніе, но, тѣмъ не менѣе, передъ 1863 годомъ напоръ его на правительство былъ довольно чувствителенъ. Самодержавіе стало задыхаться въ образовавшейся около него оппозиціонной атмосферѣ. Самъ царь не только согласился на созывъ финляндскаго сейма и на вставку въ тронную рѣчь фразы о „народахъ, которые показываютъ себя достойными свободы", но въ отвѣтѣ на адресъ петербургской думы и дворянъ, протестовавшихъ противъ вмѣшательства иностранной дипломатіи въ польское дѣло, долженъ былъ показать въ перспективѣ возможность „призванія общества къ участію въ государственныхъ дѣлахъ". Объ этомъ призваніи довольно ясно заговорили адресы тверской и, кажется, костромской. Не говоря о западникахъ и даже славянофилахъ, которые довольно ясно (особенно для нихъ) говорили о земскомъ соборѣ, самъ г. Катковъ помѣстилъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" (1863, № V) статью „Что намъ дѣлать съ Польшей?", гдѣ предлагалъ потопить польскій сепаратизмъ въ представительствѣ всей Россіи и заботился только о томъ, какъ бы это представительство не получило правъ, большихъ, чѣмъ права совѣщательнаго собранія, въ родѣ старыхъ московскихъ земскихъ соборовъ.

Дискредитированіе передовыхъ круговъ великорусскаго либеральнаго движенія сочувствіемъ къ польскимъ покушеніямъ на всю западную половину Россіи и крестьянская реакція польскому возстанію, неизбѣжно принявшая роялистическую форму, дали возможность абсолютизму перевести духъ и мало-по-малу

заставить позабыть даже собственныя обѣщанія. И—что особенно любопытно—реакція, наставшая послѣ польскаго возстанія, хоть и должна была въ западныхъ губерніяхъ, для самой борьбы съ возстаніемъ, пользоваться демократическими идеями, пущенными въ оборотъ оппозиціей во время, предшествовавшее возстанію, но во внутреннихъ губерніяхъ она дала перевѣсъ крѣпостнической партіи даже и въ соціально-экономическихъ вопросахъ, а не въ однихъ только политическихъ.

Послѣ Каракозовщины, порожденной этой реакціей, прекратилась императорская демократія и на западѣ отъ Днѣпра, и вся Россія пришла въ то соціальное положеніе, въ какомъ мы ее видимъ теперь. А вмѣстѣ съ тѣмъ и на Польшу распространена была политика рѣшительнаго обрусенія, изобрѣтенная старыми и новыми реакціонерами, ссылавшимися на примѣръ Франціи въ Эльзасѣ и Пруссіи въ Познани.

Такимъ образомъ, возстаніе 1863 г. за „историческую Польшу“ не только на смерть подкосило кредитъ польскаго историческаго патріотизма,—что собственно не бѣда,—но задержало надолго исполненіе самыхъ законныхъ требованій польской національности, а также установленіе политической свободы и даже необходимѣйшихъ соціальныхъ реформъ во всей Россіи. Положительные результаты принесло это возстаніе въ томъ краѣ, въ которомъ оно разыгрывалось, только косвенно, и при томъ не на національно-политическомъ полѣ, на которомъ оно преимущественно стояло, но на соціонально-экономическомъ. Возстаніе заставило правительство выступить съ болѣе радикальною аграрной политикой и въ западныхъ губерніяхъ, и въ Царствѣ Польскомъ, чѣмъ та, которой держалось правительство до тѣхъ поръ. А такъ какъ эта политика соотвѣтствовала и соціально-экономическимъ идеямъ извѣстной части польской демократіи еще съ 1831 г., то это обстоятельство даетъ крайне трагическій смыслъ польскимъ революціоннымъ движеніямъ послѣ возстанія 1830—1831 гг.

Старая Польша грѣшила, главнымъ образомъ, рабствомъ крестьянъ, которое составляло такой контрастъ съ свободою шляхты. Благодаря этому контрасту да антагонизму національностей, Польша эта и подверглась иноземному порабощенію. Въ 1831 г. революціонный сеймъ въ Варшавѣ отвергъ благопріятныя для крестьянъ предложенія Шанѣцкаго и Бѣрнацкаго, и съ тѣхъ поръ каждое возстаніе въ Австріи и Россіи вело за собой шагъ къ исправленію грѣха старой Польши передъ крестьянами, только

прежде всего съ пожертвованіемъ головъ самихъ повстанцевъ, прежде всего, конечно, именно демократовъ. Въ 1846 г. польскіе крестьяне въ западной Галиціи перебили повстанцевъ, а за ними и много помѣщиковъ, и въ то же время Николай I попробовалъ положить конецъ обезземеливанію крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1848 г. австрійское правительство отвѣтило на польскія патріотическія демонстраціи во Львовѣ указомъ о прекращеніи панщины. Въ 1863 г. крѣпостникъ Муравьевъ превратился въ эмансипатора бѣлорусскихъ и литовскихъ крестьянъ, а въ Царство Польское посланъ былъ Н. Милютинъ, котораго высшіе круги въ Петербургѣ считали фурьеристомъ. Большинство польскихъ патріотовъ, даже очень нечуждыхъ демократическимъ идеямъ, и до сихъ поръ считаютъ разбоемъ аграрныя мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ въ западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ въ 1863—1864 гг. Но между людьми, погибшими въ то время, были такіе, которые радовались этимъ мѣрамъ, хотя радость ихъ была по истинѣ трагична. Вотъ что писалъ Рафаилъ Краевскій за нѣсколько дней передъ смертью объ указахъ въ пользу крестьянъ: „Какъ вижу, дѣла въ краѣ идутъ хорошо. Пусть тамъ краковскія газеты какъ хотятъ называютъ крестьянскую реформу, пусть называютъ новыя постановленія соціализмомъ; для меня они представляются особеннымъ явленіемъ конституціонализма, который всегда до сихъ поръ шелъ сверху внизъ, а у насъ начинается снизу. Развѣ славянская община не можетъ быть лучшею завязью будущаго, чѣмъ учрежденія Запада, гдѣ самоуправленіе выростало изъ аристократіи? По крайней мѣрѣ, безспорно, что, начинаясь снизу, прогрессъ идетъ скорѣе, нежели начинаясь сверху. Наконецъ, такой ходъ—самый успѣшный и единственный для Польши, въ которой сельское населеніе составляетъ такое большинство; при такомъ способѣ идея не задержится въ кастѣ, потому что здѣсь каста повсемѣстна,—это не каста! Пусть тамъ, кто хочетъ, обманываетъ себя, а то, что сдѣлано, есть только начало того, что дальше должно сдѣлаться. Толчокъ данъ. А уже эта милліонная масса не задержится въ своемъ ходѣ. Программа Костюшки выполнится. Шляхта не хотѣла во время существованія Рѣчи Посполитой отказаться отъ своихъ привилегій, такъ всѣ сдѣлаются шляхтичами, но только не такъ, какъ давняя шляхта“. (Rafal Krajewski, Polska w walce, wyd. Ag. Giller. T. II, 137. Мы дѣлаемъ выписку по книгѣ: „Ostatnie lata dziejów powszechnych od 1846 r.“ 175). Съ своей стороны Герценъ еще въ 1863 году подобнымъ же образомъ оцѣнилъ

косвенный соціальный результатъ польскаго національно-политическаго движенія. Сначала и онъ взялъ нѣсколько фальшивыхъ нотъ на тему объ „императорской пугачевщинѣ", пробовавшихъ объяснить крестьянскую реакцію польскому возстанію исключительно подуськиваніемъ чиновниковъ.[1]) Герценъ вѣрилъ польскимъ патріотамъ, которые утѣшали себя, будто и Гонту съ Зализнякомъ подняла „гайдамачущая императрица" и будто галиційскую рѣзню 1846 г. устроилъ Метернихъ, и поскользнулся было на эту дорогу и въ маѣ 1863 г. Но уже въ іюлѣ 1863 г. Герценъ написалъ въ „Колоколѣ" замѣтку: „А дѣло идетъ своимъ чередомъ!" взявши для нея эпиграфомъ слова, которыми лордъ Эленборо протестовалъ въ палатѣ лордовъ противъ аграрныхъ мѣръ въ литовско-бѣлорусскихъ краяхъ. „Въ томъ то и состоитъ вся непреодолимая сила дѣла, писалъ Герценъ, вся нѣкогда умилявшая чувствительныхъ естествоиспытателей, упорная экономія и настойчивость природы. Весь секретъ ея состоитъ въ томъ, что, если дѣло хорошо заквашено, то вертись, какъ хочешь, оно пойдетъ своимъ чередомъ, ему все на пользу, какъ иному обжорливому ребенку: ѣстъ себѣ всякую всячину, животъ болитъ, а самъ растетъ.

„Много разъ ставили мы вопросъ, кому служатъ всѣ ужасы, дѣлаемые въ западныхъ губерніяхъ, кому они идутъ въ прокъ, въ чью игру играютъ? И намекали, что суженнаго конемъ не объѣдешь („Колоколъ" л. 165). На наши слова мало обращали вниманія. Ну, вотъ, наконецъ, явился лордъ Эленборо, который съ британскою откровенностью, въ полномъ парламентѣ, да еще въ высшемъ, сказалъ, въ чью, и назвалъ суженнаго. „Россійскій

---

[1]) На подобной точкѣ зрѣнія построено описаніе крестьянской реакціи въ Бѣлоруссіи и даже на Украинѣ 1863 г. въ книгахъ г. Гиллера „Historia Powstania Narodu Polskiego w 1861 1864 г." Между тѣмъ, одинъ старый польскій дѣятель изъ Украины разсказывалъ намъ, что когда около одного села въ Кіевской губерніи крестьяне били повстанцевъ, то одинъ русскій офицеръ замѣтилъ крестьянамъ, которые добивали поваленныхъ поляковъ; „Зачѣмъ вы ихъ бьете?! Они и такъ уже лежатъ!" Тогда одинъ окровавленный полякъ приподнялся и проговорилъ: „Оставьте, пусть бьютъ! Мы виноваты передъ ними! много виноваты!" Кровь бросается въ голову, когда слышишь о такихъ сценахъ, но онѣ заставляютъ больше вѣрить въ будущее польскихъ образованныхъ классовъ, чѣмъ рутинныя объясненія всякой, въ томъ числѣ и крестьянской, реакціи противъ традиціонныхъ польскихъ движеній австрійскими гульденами и московскими рублями, особенно когда эти объясненія встрѣчаешь въ писаніяхъ демократовъ и даже соціальныхъ демократовъ.

императоръ первый революціонеръ въ Европѣ; онъ становится во главѣ освобожденныхъ крестьянъ противъ прежнихъ ихъ господъ, противъ землевладѣльцевъ, противъ собственности."

„Мы воображаемъ, какіе глаза Юноны сдѣлаетъ Александръ Николаевичъ, прочитавши слова лорда Эленборо...

„Еслибъ Александръ Николаевичъ читалъ „Колоколъ" какъ прежде, его Эленборо не удивилъ бы... Тамъ онъ могъ бы прочесть еще два три назидательныя мѣста и между прочимъ узналъ бы нашу философію дѣла, идущаго своимъ чередомъ, и зародыша, развивающагося путемъ безумнымъ, когда ему нѣтъ разумнаго выхода...

„... Что можетъ быть противоположнѣе усмиренію возстанія, какъ революція? А Эленборо совершенно правъ: муравьевское усмиреніе политически-національнаго возстанія—аграрная коммунистическая (?) революція, пугачевщина, организованная самимъ правительствомъ". (Колоколъ, 4 авг. 1863).

Такимъ образомъ польское возстаніе закончилось результатомъ гораздо болѣе близкимъ къ ученію, которое высказалъ Герценъ въ 1859—1860 гг., чѣмъ къ идеямъ самихъ польскихъ революціонеровъ: а именно противъ плана отдѣленія Польши, особенно въ границахъ XVIII в., и въ пользу принципа, подчинявшаго политическій вопросъ экономическому. Надо сказать, что послѣдній принципъ былъ и есть особенно крѣпокъ у великорусскаго передового общества. Что касается поляковъ, то рѣдко кто изъ нихъ такъ объективно отнесся къ фатальному торжеству этого принципа, какъ Краевскій; огромное большинство протестовало противъ его приложенія и, подобно лорду Эленборо, обвиняло русское правительство въ революціонизмѣ; другіе ограничивались тѣмъ, что оспаривали у этого правительства честь иниціативы въ дѣлѣ лучшаго устройства крестьянъ. Вопросъ объ иниціативѣ не имѣетъ въ данномъ случаѣ большого значенія, тѣмъ болѣе, что, кажется, главною причиною, обязавшею и польскихъ политиковъ, и правительство сдѣлать уступки крестьянамъ, были сами крестьяне съ ихъ крайне нетерпѣливымъ настроеніемъ относительно пановъ, которое во время возстанія должно было достигнуть особенно сильной степени. Важенъ самый фактъ—разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ духѣ какъ великорусскихъ демократовъ, такъ и крайней польской партіи, которая, какъ этимъ фактомъ, такъ и самымъ прекращеніемъ возстанія, поставлена была въ необходимость отдѣлиться отъ польскихъ консервативныхъ элементовъ, по крайней мѣрѣ на извѣстное время.

Въ польской эмиграціи, вслѣдъ за концомъ возстанія, мы видимъ преимущественную жизненность, именно въ демократической партіи и при томъ особенно въ той ея части, которая имѣла наиболѣе соціалистическую окраску. По крайней мѣрѣ ей принадлежитъ наибольшая часть публикацій, возникшихъ въ эмиграціи съ 1864 г. (см. въ вышеупомянутой книгѣ Ostatnie lata dziejów powszechnych, 1881, 297—299).

Еще болѣе отбросили свои союзы съ болѣе консервативными польскими лагерями эмигранты великорусскіе, которые теперь возвратились къ своимъ прежнимъ соціалистическимъ ученіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ своему отрицательному отношенію къ идеѣ возстановленія исторической Польши. Мы познакомились уже съ признаніями на этотъ счетъ Герцена. Но Герценъ послѣ неудачи польскаго возстанія мало уже принималъ участія въ активной политикѣ. Представителемъ великорусской демократіи сталъ Бакунинъ, который продолжалъ политическія сношенія съ поляками и публично высказывался о Польшѣ и ея дѣлахъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Бакунинъ посвящалъ свою дѣятельность „Союзу Соціальныхъ Революціонеровъ", въ качествѣ вліятельнаго представителя (?) котораго онъ принималъ участіе и въ „Международномъ Союзѣ Мира и Свободы", и въ „Международномъ Обществѣ Рабочихъ". Въ обѣихъ организаціяхъ Бакунинъ представлялъ такъ называемое ан-архическое направленіе. Теперь уже нѣсколько забыты формулы этого направленія, которыя въ свое время надѣлали столько шуму въ соціалистическихъ и даже радикально-политическихъ кругахъ,—а потому было бы полезно напомнить ихъ подросшимъ съ тѣхъ поръ поколѣніямъ. Это было бы тѣмъ болѣе полезнымъ, что противныя соціализму партіи, злоупотребляя обычнымъ, разговорнымъ смысломъ слова „анархія", въ значеніи „безпорядка", набрасываютъ эпитетъ анархистовъ на всѣхъ соціалистовъ, въ томъ числѣ и на тѣхъ, которые, подобно нѣмецкимъ и извѣстной части бельгійскихъ и швейцарскихъ соціалистовъ, въ свое время много сломали копій въ борьбѣ противъ анархій бакунинскаго толка,—а съ другой стороны значительная часть тѣхъ людей, которые теперь сами зовутъ себя анархистами (во Франціи и отчасти въ другихъ странахъ) на самомъ дѣлѣ имѣютъ въ себѣ очень мало дѣйствительно ан-архическаго элемента, въ томъ смыслѣ, какъ его опредѣлилъ Прудонъ и за нимъ Бакунинъ, и принимаютъ въ составъ свой остатки якобинскихъ партій (бланкистовъ), не нашедшіе себѣ мѣста въ правительственныхъ кругахъ и пристаю-

щіе къ дѣйствительнымъ ан-архистамъ единственно потому, что эти представляютъ собою крайній протестующій и in spe революціонный элементъ, и, приставая, только спутываютъ понятія у самихъ анархистовъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто долго останавливаться на подробномъ изложеніи сущности ан-архическаго направленія, которое въ данномъ случаѣ интересно намъ только по его отношенію къ польско-россійскому вопросу.

Ученіе объ ан-архіи, т. е. безвластіи, какъ противоположность монархическимъ, конституціоннымъ и республиканскимъ теоріямъ Франціи 40-хъ и 50-хъ годовъ, всѣмъ болѣе или менѣе централистическимъ, опредѣлено было Прудономъ, какъ ученіе о полной независимости личности и неотчуждаемости ея правъ ни для какой власти, ни даже избирательно-представительной, какъ управленіе каждаго индивидуума только самимъ собою, — почему Прудонъ ставитъ слову ан-архія синонимомъ англійское слово self-governement. Въ практическомъ ея примѣненіи теорія ан-архіи приводила къ федерализму, почему и Прудонъ изложилъ наиболѣе полно эту теорію въ книгѣ „Du principe fédératif et de la nécessitè de reconstituer le parti de la rèvolution“. У самого Прудона, а еще болѣе у Бакунина къ ученію объ ан-архіи примѣшалось довольно гегеліанской метафизики, которая порядкомъ сбивала ихъ послѣдователей. Такъ Бакунинъ рѣзко противопоставлялъ свою ан-архію всякой существующей и даже теперь вообразимой формѣ политической, какъ гегеліанскую антитезу (противоположеніе) существующему положенію (теза), послѣ полнаго разрушенія котораго, посредствомъ ли воздержанія благомыслящихъ гражданъ отъ теперешней государственной жизни (преимущественно на Западѣ), или посредствомъ народныхъ бунтовъ (преимущественно въ Россіи), послѣдуетъ синтеза, возсозданіе общественныхъ союзовъ снизу вверхъ, отъ индивидуума до ассоціаціи, общины, націи, человѣчества. Процессъ „разрушенія“ государствъ, не только большихъ, но и малыхъ, какъ швейцарскіе кантоны, Бакунинъ представлялъ себѣ въ нѣсколько фантастическихъ формахъ, какъ какую-то катастрофу, забывая, что въ мірѣ не существуетъ процесса разрушенія отдѣльнаго отъ созиданія и наоборотъ. Что касается до Россіи, то остатки гегеліанско-московскаго мессіанизма, о которомъ мы говорили, побуждали Бакунина представлять себѣ русскія племена, особенно великорусское, какимъ-то противогосударственнымъ народомъ по преимуществу, какъ „народъ соціалистическій по инстикту и революціонный по природѣ“, способный при маломъ толчкѣ со сто-

роны образованныхъ революціонеровъ „разрушить“ всероссійское государство. Нѣкоторую запутанность въ понятіи объ общественной жизни вносило то приложеніе анархической идеи къ соціализму, которое имѣло болѣе политическій, чѣмъ экономическій характеръ, и которое настаивало на безусловномъ экономическомъ самодержавіи лицъ и общинъ, забывая, что въ экономическомъ отношеніи собственно нѣтъ лица самостоятельнаго и что самодержавіе лица и общины неизбѣжно должно подчиняться условіямъ производства вещей, необходимыхъ для человѣческой жизни.

Но за этими и подобными ограниченіями, ученіе объ ан-архіи заключаетъ въ себѣ основу для здоровой федеральной теоріи, которая особенно была полезна для Франціи, гдѣ столь долго приносили свободу лицъ и группъ въ жертву безусловнымъ теоріямъ государства монархическаго, конституціоннаго и республиканскаго въ жертву единства религіознаго, политическаго національнаго и наконецъ коммунистическаго. Еще болѣе полезна должна бы быть эта теорія для Россіи, которая, по политической своей исторіи, та же Франція, только прошедшая еще византійскую и татарскую школу. Къ сожалѣнію, условія политической жизни Россіи сдѣлали то, что люди, которые проповѣдывали анархическо-федеральное ученіе, какъ Бакунинъ, должны были держаться въ эмиграціи и ограничиваться болѣе или менѣе общими положеніями, которыя у иныхъ обратились просто въ фразы и не оказали на общество такого вліянія, какое несомнѣнно имѣли прудонисты во Франціи. Несмотря на частое повтореніе слова „ан-архія“ молодыми русскими соціалистами въ 70-е годы, когда кружокъ русскій, группировавшійся около Бакунина въ Швейцаріи, издалъ книгу Бакунина „Государственность и Анархія“ и книгу „Анархія по Прудону“, и несмотря на то, что реакціонная печать называетъ всѣхъ русскихъ революціонеровъ „анархистами“, въ сущности анархическо-федеративныя идеи очень мало проникли въ Россію и въ настоящее время почти испарились даже въ кругахъ революціонеровъ, изъ которыхъ „политики“ (террористы) идутъ фатальнымъ образомъ къ якобинскому централизму, а такъ называемые „чистые соціалисты“ (мы сказали бы „чернопередѣльцы“, если бы въ этомъ словѣ былъ какой-нибудь общій смыслъ) къ государственной (и неизбѣжно государственно-національной) соціалдемократіи, на манеръ нѣмецкой, съ которою такъ боролся старикъ Бакунинъ еще въ вышеупомянутой книгѣ своей (1873). Ан-архическія, т. е. федеральныя идеи и въ политикѣ, и въ соціализмѣ еще ждутъ се-

бѣ приверженцевъ въ Россіи. И когда настанетъ ихъ часъ, тогда имя М. А. Бакунина получитъ новыя права на благодарность, какъ имя одного изъ предшественниковъ, партіи, которая не только вообще одна только можетъ быть названа дѣйствительно интер-національною (безъ сокрытія подъ фирмою космополитизма жала германизаціи, мадьяризаціи, полонизаціи, обрусѣнія и т. п., какъ у „государственниковъ"), но и въ частности для Россіи представляетъ единственное условіе сколько-нибудь раціональнаго направленія политической и соціальной жизни въ этомъ чудовищно-большомъ государствѣ.

Понятно, какъ должна была разложиться послѣдняя тѣнь апріорно государственнаго ученія о Польшѣ и Россіи подъ вліяніемъ ан-архической теоріи Бакунина. Этотъ послѣдній воспользовался случаемъ, представившимся на собраніи „Союза Мира и Свободы" въ 1868 г. (въ Бернѣ), чтобъ изложить свои взгляды на польско-россійской вопросъ, отличные отъ тѣхъ, какіе онъ одобрилъ было въ концѣ 1862 г., хотя и довольно близкіе къ тѣмъ, какіе онъ высказалъ въ первыхъ своихъ статьяхъ послѣ побѣга изъ Сибири. Бакунинъ отвѣчалъ на рѣчь поляка, г. Мрочковскаго, объявившаго объ образованіи между поляками „новой партіи", отъ имени которой онъ протягиваетъ руку и русскимъ друзьямъ народа. Г. Мрочковскій коснулся и экономическаго вопроса въ Польшѣ, и вопроса о „провинціяхъ". По первому онъ сказалъ: „Освобожденіе крестьянъ было провозглашено революціоннымъ комитетомъ (польскимъ) съ самаго начала возстанія. Правда, эта мѣра не могла вполнѣ удовлетворить справедливыхъ требованій и интересовъ народа; правительство русское завладѣло ею, чтобъ подавить возстаніе—и успѣло въ этомъ. Справедливо также, что реакція, дворянство, приняло широкое участіе въ дѣлѣ этого подавленія, но изъ этого не слѣдуетъ, что въ Польшѣ нѣтъ другой политической партіи, кромѣ католической и дворянской, и я явился передъ вами, граждане, во имя новой партіи, отъ соціальной демократіи польской, съ знаменемъ Польши народной, съ знаменемъ соціальной революціи, которая провозглашаетъ, что земля, вся земля, принадлежитъ тѣмъ, кто ее обрабатываетъ своими руками, инструменты труда - принадлежатъ ассоціаціямъ рабочихъ". По вопросу объ исторической Польшѣ Мрочковскій сказалъ: „Мы не требуемъ возстановленія стараго государства, ни историческихъ правъ Польши, но мы хотимъ основать наше національное право, безспорное право жить по своему и располагать самими собою, — на справедливости и свобо-

дѣ.“ Впрочемъ, и послѣ этого г. Мрочковскій всетаки не отважился взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности и сказать просто и ясно, что для „новой партіи Польша оканчивается тамъ, гдѣ оканчивается польское мужицкое населеніе, а потому всетаки скрылъ остатки старой идеи исторической Польши въ слѣдующихъ фразахъ: „Не задавая себѣ вопроса о томъ, какія будутъ границы Польши въ будущемъ, Польши народной, и уважая права всякаго населенія (population), принадлежало ли оно или нѣтъ къ старой польской республикѣ, мы объявляемъ, что будемъ продолжать войну до крайности противъ всѣхъ враговъ нашего отечества“ . . . Войну эту г. Мрочковскій считалъ впрочемъ необходимымъ для поляковъ вести и на непольскихъ земляхъ. По крайней мѣрѣ онъ дальше говоритъ, правда нѣсколько неясно, слѣдующее: „Мы воспользуемся всякимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобъ поднять наши населенія, подчиненныя иностранцу, и когда мы успѣемъ водрузить наше знамя на какой бы то ни было точкѣ польской земли, мы обратимся съ призывомъ къ окрестнымъ населеніямъ, приглашая ихъ присоединиться къ намъ во имя свободы и справедливости народной, Онѣ будутъ вольны приступить къ намъ, или не приступить; мы будемъ уважать ихъ право, но, если бы должны были еще много разъ пасть подъ ударами нашихъ враговъ, мы всетаки не положимъ оружія, прежде чѣмъ не разрушимъ или поможемъ разрушить вредное могущество трехъ великихъ державъ, которыя раздѣлили между собою Польшу.“

Принимая протянутую г. Мрочковскимъ руку, Бакунинъ однакожъ гораздо яснѣе, вполнѣ ясно поставилъ вопросъ объ отношеніи Польши къ непольскимъ народамъ, потому что вполнѣ ясно поставилъ вопросъ именно о границахъ Польши. Онъ сдѣлалъ это въ блестящей рѣчи, въ которой набросалъ собранію картину политической этнографіи Восточно-Европейской равнины, которой огромную часть занимаетъ Россійская Имперія, „Надо замѣтить, сказалъ онъ, что совершенно невѣрно говорится о русскомъ народѣ, какъ объ единомъ, потому что русскій народъ не составляетъ однородной массы, а состоитъ изъ нѣсколькихъ родственныхъ, но все же различныхъ племенъ,“ — и затѣмъ остановился на „народѣ великорусскомъ“ и охарактеризовалъ его старую „свободу, конечно, дикую, но дѣйствительную“ въ домосковскій періодъ, и теперешнее убѣжденіе, что „земля, вся земля, принадлежитъ только одному народу, т. е. всей дѣйствительно трудящейся массѣ, обрабатывающей ее своими руками“. Далѣе Бакунинъ представилъ ростъ московскаго самодержавія

и петербургской бюрократіи, подъ вліяніемъ татаръ, Византіи и „бюрократической науки Запада“ XVIII в., а также народную реакцію царско-боярско-бюрократическимъ порядкамъ, конечно значительно идеализируя эту реакцію.

„Но кромѣ великорусскаго народа, сказалъ далѣе Бакунинъ, есть еще малороссы.... Они образуютъ въ имперіи двѣнадцать милліоновъ населенія, а если прибавить къ нимъ галицкихъ русиновъ, то цѣлые 15 милліоновъ однороднаго племени, говорящаго однимъ языкомъ, имѣющаго одинаковые нравы и великія историческія воспоминанія. Послѣ вторженія татаръ народъ этотъ, къ несчастію, былъ поставленъ между московскимъ деспотизмомъ съ одной стороны и жестокимъ притѣсненіемъ іезуитствующей и аристократической польской шляхты—съ другой. Возставши противъ этой послѣдней, въ половинѣ XVII в., часть Украйны сдѣлала великую ошибку: она приняла покровительство русскаго царя. Цари обѣщали ей все: сохраненіе ея вольностей и національную автономію... А въ настоящее время это панславистическое національное правительство систематически и жестоко преслѣдуетъ малороссійскій языкъ въ Малороссіи, какъ польскій въ Польшѣ. Пусть это будетъ предостереженіемъ австрійскимъ и турецкимъ славянамъ, которые ищутъ свое спасеніе въ Москвѣ.“

„Этотъ народъ (малороссы) вмѣстѣ съ 4 милліонами бѣлоруссовъ, по всей вѣроятности, составитъ отдѣльную, независимую націю милліоновъ въ 20 жителей, которая можетъ, конечно, вступить въ союзъ съ Польшей или Великороссіей, но должна остаться независимой отъ гегемоніи той и другой.“.... [1])

Дальше нѣсколько, говоря прямо о Польшѣ, Бакунинъ повторилъ эту мысль: „Руссинское населеніе Бѣлоруссіи, Литвы и Галиціи соединится, съ кѣмъ захочетъ, и никто не можетъ теперь опредѣлить его будущую судьбу. Мнѣ кажется, всего вѣрнѣе и желательнѣе, чтобъ они образовали вначалѣ съ Малороссіей отдѣльную національную федерацію. независимо отъ Великоруссіи и Польши“ (Историческое развитіе Интернаціонала, 1863, ч. I, стр, 350, 351, 360).

Бакунинъ не ограничился подобными заявленіями, такъ сказать, съ боку отъ польскихъ революціонныхъ круговъ; онъ всту-

---

1) Кстати, почему это г. И. Аксаковъ считаетъ необходимымъ ставить удивительный знакъ при словахъ „15-милліонный малороссійскій народъ“, когда даже изъ Суворинскаго календаря онъ можетъ узнать, что по счету Риттиха къ 1870 г. было въ одной Россіи 14½ милліоновъ украинцевъ.

пилъ самъ въ ихъ среду, старался объ организаціи въ нихъ кружковъ съ его ан-архическимъ направленіемъ. Еще въ первоначальномъ, организованномъ имъ въ Италіи „Союзѣ Соціальныхъ Революціонеровъ" были поляки, а въ устроенномъ уже послѣ выхода Бакунина изъ „Союза Мира и Свободы" въ 1862 г. „Союзѣ Соціальной Демократіи" (Alliance de la democratie socialiste), вступившемъ въ „Международное Общество Рабочихъ", былъ и представитель Польши. Когда въ 1872 г. составилось въ Цюрихѣ „Towarzystwo socyalistyczne polskie", то для предположеннаго органа его „Gmina" Бакунинъ написалъ программу, которую мы имѣемъ въ его рукописи. Въ этой программѣ между прочимъ стоятъ, въ § 5, слѣдующія слова: „Противники всякаго панства (государства), мы, разумѣется, отвергаемъ такъ называемыя историческія права и границы. Для насъ Польша начинается и существуетъ дѣйствительно только тамъ, гдѣ чернорабочіе люди сознаютъ себя и хотятъ быть поляками, и кончается тамъ, гдѣ, отвергая особый польскій союзъ, они хотятъ быть вольными членами другихъ народныхъ союзовъ."

Къ сожалѣнію, программа Бакунина не появилась въ печати, такъ какъ между нимъ и членами „польскаго соціалическаго товарищества" оказались разногласія. Другая, находящаяся у насъ рукопись Бакунина, писанная имъ отъ имени его и нѣсколькихъ молодыхъ русскихъ друзей его, „Братьямъ польскаго общества", проситъ исключить его изъ числа членовъ „Товарищества", говоря: „къ несчастію мы убѣдились, что польское Общество не такъ сильно привязано къ нашей программѣ, принятой имъ сначала единодушно". Черезъ нѣсколько времени и самое „Товарищество" рушилось среди скандаловъ, по поводу шпіона Стемпковскаго, успѣвшаго пролѣзть въ его секретари. Оба эти обстоятельства сильно охладили Бакунина ко всѣмъ польскимъ партіямъ и даже дѣламъ. [1]) Но за нимъ остается все таки заслуга постановки федерально-соціалистическаго идеала и въ польской средѣ.

Бакунинъ пробовалъ проводить свои идеи непосредственно и среди украинцевъ, хотя еще съ меньшею удачею. Здѣсь не-

---

[1]) На стр. 136 „Государственности и анархіи" Бакунинъ говоритъ о разныхъ партіяхъ въ польской эмиграціи, отъ аристократической до соціально-демократической, и замѣчаетъ: „Въ сущности, однако, стоило только проникнуть въ каждую изъ нихъ немного глубже, чтобы убѣдиться, что основа у нихъ одна и та же: страстное стремленіе у всѣхъ къ возстановленію польскаго государства въ границахъ 1772 г."

удача главнымъ образомъ произошла отъ того, что слишкомъ нетерпѣливый агитаторъ поддался искушенію выдавать желаемое за дѣйствительное. Во 2 № „Колокола“ за 1870 г., одномъ изъ немногихъ №№, изданныхъ по смерти Герцена Бакунинымъ, Огаревымъ и Нечаевымъ, помѣщена была статейка „Мысли по поводу начинающагося движенія въ Малороссіи“, и въ ней напечатанъ „Листъ до Громады“, будто бы ходившій по рукамъ въ Кіевѣ, съ приглашеніемъ „не давать грошей ни москалю, ни ляху“. [1]) Вліянію Бакунина слѣдуетъ приписать и программу, изданную незадолго передъ тѣмъ, украинскаго революціоннаго журнала въ Швейцаріи, который впрочемъ дальше программы не пошелъ. Наконецъ Бакунинъ хлопоталъ объ образованіи и всеславянской секціи въ Интернаціоналѣ и написалъ ея программу, которая и напечатана была по-французски и по-русски. Русскій текстъ этой программы напечатанъ въ книгѣ „Государственность и анархія“ (Приложенія. 22—24).

Сама эта книга, вообще довольно безсвязная, интересна всего болѣе въ тѣхъ своихъ страницахъ, въ которыхъ авторъ говоритъ о положеніи славянскихъ народовъ, которые онъ усиливается притянуть къ соціалистическому движенію, представляемому федеральною партіею Интернаціонала. Въ замѣчаніяхъ автора видѣнъ не только приверженецъ извѣстной доктрины, но и человѣкъ горячаго чувства и человѣкъ бывалый, самъ видѣвшій положеніе разныхъ славянскихъ народовъ и, что, какъ мы говорили, такъ рѣдко у великоруссовъ, перечувствовавшій его. Вотъ почему онъ предостерегаетъ славянъ не только отъ австрійскаго легитимизма и московскаго панславизма, но и отъ пангерманизма, не только консервативнаго, но и радикальнаго и даже соціалдемократическаго. Этотъ послѣдній, проводимый и въ Австріи, особенно старѣйшими представителями германской соціально-демократической партіи, вродѣ Либкнехта, былъ вреденъ между прочимъ и пропагандѣ соціализма среди нѣмецкихъ народовъ Австріи, отпугивая отъ нея представителей этихъ наро-

---

[1]) Этотъ „Листокъ“ несомнѣнно сочиненъ въ самой редакціи „Колокола“. Вообще фальсификація документовъ играетъ довольно видную роль среди агитаціонныхъ пріемовъ русскихъ революціонеровъ (подложный манифестъ отъ царя, распространявшійся въ Поволжьи 1863 г., обманы Нечаева, подложный манифестъ въ „чигиринскомъ“ дѣлѣ и проч.), что невыгодно отличаетъ русскихъ революціонеровъ отъ другихъ европейскихъ. Любопытно было бы знать причину такого печальнаго явленія.

довъ и не давая заложиться спеціальнымъ секціямъ для пропаганды соціализма на всѣхъ языкахъ этого разноплеменнаго государства. На Базельскомъ конгрессѣ Интернаціонала въ 1869 году представитель вѣнскихъ нѣмецкихъ рабочихъ Неймайръ сообщилъ, что славянскіе рабочіе неохотно пристаютъ къ соціальному движенію, и просилъ Бакунина повліять на нихъ, разъяснивъ имъ, что дѣло идетъ о трудѣ, а не о „нѣмецкомъ дѣлѣ“. Бакунинъ обѣщалъ это сдѣлать, и его вліянію слѣдуетъ отчасти приписать, какъ то, что основатели австрійской рабочей партіи не послѣдовали внушеніямъ германскихъ централистовъ и, устроившись самостоятельно, издали призывъ на всѣхъ почти языкахъ народовъ Австріи, такъ и то, что у чеховъ, передовые дѣятели которыхъ давно находились въ сношеніяхъ съ Бакунинымъ, образовалась „чехо-славянская соціалистическая партія“ съ своими органами. Не малое вліяніе имѣлъ Бакунинъ и на зарожденіе сербской соціалистической группы.

Нечего и говорить, какъ организація общественныхъ партій среди народовъ негосударственныхъ и мысль о союзѣ ихъ съ партіями народовъ государственныхъ должна была дѣйствовать разлагающимъ образомъ на централистическія тенденціи, въ родѣ польскихъ и великорусскихъ. Вотъ почему между прочимъ мысль объ организаціи славянской секціи Интернаціонала, пущенная Бакунинымъ, не потеряла своего значенія и до сихъ поръ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что, независимо отъ нѣкоторой поспѣшности, съ которой Бакунинъ старался давать своимъ мыслямъ осуществленіе, хотя бы чисто формальное, и которая повела за собою совсѣмъ странное присоединеніе бакунинской славянской секціи къ Юрской Федераціи, что и показывало на существованіе этой секціи болѣе въ замыслѣ, въ эмиграціи, нежели на дѣлѣ, на мѣстахъ, въ мысли объ образованіи славянской секціи Интернаціонала была и теоретическая ошибка. Это была и тогда уже устарѣлая попытка соединенія идей панславизма 40-хъ годовъ съ идеями Интернаціонала. Между тѣмъ, если уже признавать необходимость болѣе тѣсныхъ союзовъ въ широкомъ европейско-американскомъ интернаціональномъ союзѣ, то во всякомъ случаѣ трудно ограничиться однимъ славянскимъ союзомъ. Конечно, положеніе славянскихъ племенъ, кромѣ близости языка и географическаго сосѣдства, представляетъ нѣкоторыя общія имъ и особенныя отъ положенія большей части западно-европейскихъ народовъ черты: отсутствіе политической свободы и (кромѣ великоруссовъ) національной независимости, заставляющее ихъ вести,

кромѣ соціально-экономической, еще и политическую и національную борьбу. Кромѣ того, по своему роду занятій, всѣ эти племена болѣе сельскія и земледѣльческія, чѣмъ фабрично-городскія, а потому и соціальное движеніе у нихъ должно имѣть преимущественно аграрный характеръ. Но тѣми же особенностями отличается положеніе и неславянскихъ племенъ Восточной Европы: литовцевъ, латышей, эстовъ, румыновъ, и племенъ сосѣдняго и уже сближеннаго съ Европейской Россіей въ культурномъ отношеніи Кавказа, такъ что, вмѣсто спеціально славянской федераціи, слѣдовало бы образовать болѣе широкую восточно-европейскую федерацію. И такая федерація была бы и въ настоящее время крайне полезна, если пока еще не между самыми народами, то хоть между соціалистами племенъ Восточной Европы и Кавказа. Остатки прежнихъ, исключительно славянскихъ симпатій помѣшали Бакунину ясно формулировать идею о такой федераціи, но онъ былъ весьма близокъ къ ней. И не вина Бакунина, если его послѣдователи изъ славянъ, особенно изъ русскихъ, усвоившіе многія изъ его идей болѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ, напр., идеализацію революціонной подготовленности русскаго народа, противошкольныя выходки, оставили безъ вниманія самую здоровую часть его идей, федеративную и въ тѣсномъ, и въ широкомъ смыслѣ этого слова. Теперь, когда весь Востокъ Европы охваченъ двойнымъ броженіемъ, и когда почти въ каждой изъ его естественныхъ областей положены уже, — въ значительной части благодаря толчкамъ, исходившимъ отъ Бакунина, — зачатки соціалистическихъ организацій, наступаетъ время, когда идеи о федераціи политико-соціальныхъ дѣятелей Восточной Европы, конечно, безъ отдѣленія ея отъ Запада, получаютъ болѣе реальное значеніе. И если она въ чемъ-либо осуществится, то, конечно, не будетъ забыто, что Бакунинъ былъ одинъ изъ первыхъ ея возвѣстителей.

Воно саменьке.

(Психологичный нарысъ).

Воно все росте само-соби. Йому вже шостый, та якось такъ склалось, що у його батька—матери мало знайомыхъ, де булы-бъ диты однолитки,—усе чи здорови вже, чи зовсимъ нема дитей.— А про те дитей такъ багато на свити, и воно цее бачыть, дывлячысь, якъ пташка зъ клитки, на строкату юрму дитворы, що высыпа на улыцю, мыгтыть туды и сюды, колы погода, наче мошкара на сонечку грае.

Середъ дитей одыначекъ ї̈е два тыпы: одынъ меланхоликъ—мовчазна, сувора замкнена у соби дытына, якъ квитка, що въ бурьяни выросла, другый—жвава, весела, властолюбна прымховата, що похожа на репьяхъ, що росте тежъ одынакою у поли и чипляется за кожного, хто йде, хто мынае.

Воно було цього тыпу.

Тилько день настававъ, хаты наповнялыся його гоминомъ, його биганыною, його писнею, стукомъ перевернутыхъ стульцивъ, що булы у його поперменно то за коней, на якихъ воно йихало у „Парижъ на выставу, де говорять по парыжському, и де Эйфельова башта стоить, що выща одъ усихъ домивъ разомъ“, то зновъ за коривъ, що дуже голосно мукалы та давалы—„сьогодни молочко, завтра сыръ, а по завтрьому—масло“.

Такъ, воно тилько-тилько що дозволяло баби своій одягты, вмыты та розчисаты себе, бо скакало, якъ само казало, „наче голочка у машынци“, а баба, маленька, жвавенька, старенька, у чорній, задрипаній кохти (бо, по еи,—для себе не вартъ нового шыть), изъ запалымы та мылымы очыма и сухенькымы, натруженымы рукамы, усе бурчыть:

— Чого ты крутышся, якъ те шыло? Чы ты не посыдышъ хвылыну тыхо? Хиба такъ розумни диты роблять?.. Ну, то я кыну—ходы собп нечисана, невмывана, замурзана, якъ... Що хвылыны каже такъ баба, та все жъ таки и чеше, и мые унучку, и все прыказуе:

— Ось черезъ тебе, дурну—молоко збижыть!..

— А хиба-жъ у молочка та и нижкы е, бабусю?—пытае воно хытро, увирвавшы зъ рукъ одъ бабы свою розовеньку пычку, и скака, якъ лоша, розбрызкуючы воду по хати.

Баби и смишно, и сердыто.

— Иды сюды...ход... заразъ!

Воно стрыбае дзыгою—його не зловышъ!

Баба иде до молока, що стоить на карасинци и пидходыть вгору здоровою, билою шапкою; вона прыкынулась, наче не хоче бильше и балакать изъ пустушкою...

— Ходы мокра... Мухи на тебе поналыпають и... и... добре буде...—У старои сливъ вже немае, щобъ серце свое выговорыть.

Тоди воно прыбигло и ну сипать бабу за одежыну, мицно прычепывшысь до неи рукамы, наче той будякъ, та все мицнійше и мицнійше, промовляючы;

— Бабо, бабо, ну, бабко..!

Воно злытся.

Баба одразу хоче перемовчаты, тильки воно вже такъ вывщыть, що вона переминюе свою тактыку и тежъ крычыть на його:

— Тыхо! мама спыть!

Йому усе—байдужкы: воно такъ само верещыть. Баба одштовхуе його, и тутъ почынается цила драма: воно, одлупывшы малымы кулакамы стару, почынае ревты и голосыты:

— Пожалуй мене, пожалуй!

— За що тебе жалуваты? Ты сама мене была, ты перша почала...

— Ты, ты, ты, ты мене одштовхнула...—зновъ у плачъ.

— Дакъ ты-жъ почала... А я трохы необварылася молокомъ черезъ тебе...

— Пожалуй мене, пожалуй... Я плачу...

Воно и знаты ничого не хоче.

Бабусци робытся разомъ и жалко и смишно.

— Ну, посякай носыка, — каже вона, пидносячы хусточку до маленького, кырпатенького носыка, та вытыраючы сльозы на здо-

ровыхъ сирыхъ очахъ, затуленыхъ злипленымы одъ слизъ довгымы віямы, гладыть його по головци и цилуе.

Мыръ наставъ, и „туалетъ“ зновъ почынается. Баба „лавпруе“.

— Ось подывысь картынкы въ „Ныви“, а я покы що тоби головку розчешу...

Тоненькый, якъ павутыння, волосокъ зачепывся за гребинку, и несамовытый верескъ розлягся по хати...

— А, Боже мій, це наказаніе просто—що дня сторія!“ Стійже, стій... ось ще трошечкы, трошечкы... Сыды мени! Я заразъ... умыть...—Воно соваєтся и не дается.

— Ни зачесаты, ни що! сварыться баба.

— А якъ чешуть дитей Блонськихъ,—прыгадуе вона однихъ-однымъ знайомыхъ маленькихъ дитей—бачыла? А волосъ у нихъ довгый, густый... Нянька тамъ якъ скубне, скубе, скубе... а воны и мовчать, стоять, якъ вкопани... А якъ не слухаются—заразъ маты ихъ, Блонськая, шлепъ, шлепъ —и вже! А тутъ же такъ пыльную обережненько, щобъ, Богъ храпы, ниде не вчепыть, а такы...

— Я хочу, щобъ диткы Блонщинын прыйшлы. Я хочу, шобъ воны прыйшлы... диткы, диткы...—воно згадувало про дитокъ и дало себе розчисаты.

Разивъ зъ десять повторялось усе:

— Я хочу, щобъ диткы Блонщинын прыйшлы.

— Та не довбы, якъ сорока, сто разивъ одно! Прыйдуть—то прыйдуть, а не прыйдуть,—то й такъ буде.

Розчисування скинчылось и усе волосся зибране у маленькый пучечокъ и мицно звязане стричкою посередыни на голови, що стала тымъ самымъ похожа на перевернену догоры капустяну головку.

Воно поскакало у другу хату, а це одразу выскочыло зновъ сюды, пидбигло зъ реготомъ до бабы и дае ій штурханця по спыни дерев'яною лопаткою...

Баба тилько забожкала:

— А, Боже! А, Боже!.. За що ты мене вдарыла? За що? Въ голоси у неи почулыся сльозы, правдыви—дитськи сльозы.

Тутъ почынается каяття, а писля мыръ мыромъ.

— Я вже не буду, бабо, бабуле, бабусю...—Воно лизе на колина, цилуе и обнымае стареньку такъ, що ажъ волосся ій выскубуе, дере подрану кохту и пидъ кинець вишается на шыи

усіею своею вагою такъ, що змучена баба ледви—ледви одъ неи вызволяется...

— Бабко, дай-же молока, дай моньки, дай, дай, дай!—Тонъ зновъ упертый, капрызный. Ось воно схопыло булку зъ стола, бига зъ нею навкругы и сыпле скризь кришкы; писля кынуло булку на доливку, выдерае на бигу зъ сахарныци кусокъ сахару и почына його грызты, напхавшы повный ротъ; заразъ же нижъ, ложечка, корзынка для хлиба плыгають пидъ стилъ...

Баба сама не своя; вона хоче усе разомъ пидхопыты, прыбраты, прытаковыты, одибраты и разомъ налыть швыдче йому молока, абы таки вгамувалось, вона усе не перестаючы бурчыть:

— А, Боже мій, що це за дытына! Я ще не бачыла зроду такихъ розбишакъ... Чы сядешъ на мисци? Пый же свое молоко.. Ты погане“... и т. ин. и т. ин.

Воно и не слуха, розуміется, цихъ „тирадивъ“, воно наче-бъ то и сида на стулець, и разомъ изскакуе зъ нього, зновъ изъ стульця на стилъ, однысю рукою тягнется за булкою, другою перекыда чашечку зъ молокомъ--нова оказія.

Бабуся зъ серця проганяе його геть, кажучы, що воно зовсимъ ніякого молока не получыть, „колы такъ“, и прыймается вытыраты церату, що на столи, а воно выщыть пронызувато та радисно:

„Море, море! Молошнее море! Якъ у тыхъ виршахъ, що зъ „Малюткы“—„Молошныи хвыли“... Бабусю, а въ молошному мори е рыбки?“

Баба усмихается — вона вже розтаяла, бачучы цюю радисть, долыва чашку молокомъ и каже напивъ сердыто:

— Та сидай вже, выпый хочъ молока!

Воно сидае и частыну молока выпывае раптомъ, поодымавшы щичкы и зачервонившысь, ажъ чоло спотнило, а остатне пьется мало по малу, зъ балачкамы, хочъ черезъ те трычи поперхнулось.

Балачка йде, по якійсь ассоціацій думокъ, мо, подывывшысь на зоологычни картыны, що высять у столовій по стинахъ, нападае на цюю думку, — балачка йде про варення—„домашне“ та „дыке“, бо воно чувало, що кажуть: „домашне варення“, або „домашни и дыки звири“, значыть, — е й „дыке варення“.

— Бабо, якее жъ воно?..

— Стій-но, бабуля, я тоби казочку розскажу про звиривъ.— На лычку радисть натхнення.

— Розскажы, розскажы, моя маленька... Кинчыла молоко? Отъ розумна! Ну, кажы, кажы!

Дытына прычмокуе язычкомъ и зъ важною миною почына:

— Це було тоди, колы... (замыслюется) у трыдесятому царстви, у трыдевятому государстви... колы... бабуля... бабунчыкъ... бабця...

Наступа несподиваный наплывъ нижности: почынаются поцилунки и стыскання, пры цьому баба терпыть товченыкы у жывитъ и маленьки нижкы тупотять ій по мозоляхъ, бо унука непреминно хоче вылизты на колина. Насылу бабушка умовыла іи, що треба жъ ій вымыты „чашечку одъ молочка,—а то молочко кругомъ закысне и малои не можна буде зъ неи пыты"; тоди воно кыдается на канапку и задыра ногы выще головы.

— Фе, соромъ якый! Хто-жъ це такъ валяется? Устань та розскажы краще мени казочку... Ты-жъ хотила...—каже баба и трохы пиддае ій одзаду.

— По малу, по малу—ты мени лехки одибьешъ,—серіозно каже воно, пися ускакуе и летыть въ другу хату, видтиль прыскакуе на одній нижци, крычучы:

— Ага, я вже вмію! Бачышъ, я вже вмію... ага, дывысь, дывыся!

Баба скублена за обыдва рукавы и за подилки, покы не выдряпалась зъ почуттямъ велыкои та безсыльнои досады. Воно-жъ знову пострыбало, якъ коныкъ травъяный, що одну мыть тремтыть на одній квитци, а ось уже перелетивъ геть на другу.

Йому спало на думку—збудыты маму та тата... Баба не догледила, и хвылына—воно вже у темнуватій хати, грымнуло дверыма и розкрыло ихъ шыроко, а само дзеленчыть:

— Мамо, мамусьо, а я вже на одній нижци... а ха, ха, ха, ха!

Маты не спыть вже, тилькы жмурытся одъ ясного сонця, що увирвалось разомъ изъ дытыною, и втомленымъ голосомъ каже: „Добре, моя кыцька! Я заразъ устану. Иды соби".

Якъ бы не такъ—пишло воно! Червоновыдый тато спыть дуже цикаво на свойому лижку, закынувъ рукы за голову, а самъ свыще кумедно носомъ.

— Тато, тато!—крычыть воно на весь голосъ:—чы у тебе дудочка у носыку?

Воно навалюется своею головкою прямо йому на жывитъ.

Батько зо сну, не добравшы добре дила, изъ серця штовхае важку головку и крычыть, якъ несамовытый: „геть!"

Воно, якъ оторопиле, прожогомъ летыть въ столову и объявляе бабушци, що тато рычыть, якъ левъ, и ось колы почынается казка — „про лева, ведмидя, шакала и малпу.“ Такъ воно тую казку тытулуе, а ось и вона и уси звири: левъ, ведмидь, заиць, вовкъ, билка, мыша, воронъ, леопардъ... пишлы, пишлы, пишлы у лисъ, писля... пылы молочко, потимъ... (пригадуе)... гралы у трубу... Эге... писля звири посварылыся: „не хочу йты, не хочу“... „Не смій ходыты у лисъ“... „Яке твое дило?“... „Не хочу, не хочу“... „Геть, геть“... Писля, знову давай мырытыся и поцилувалыся... „Давай лапу“—„Давай“... Знову пишлы, пишлы: левъ, бурый ведмидь, малпа, слонъ—уси, а посередыни—шакалъ... А посередыни шакалъ“... Такымъ эффектнымъ повтореннямъ кинчается та казка. „А правда, бабуся, що шакалъ — дуся?“ Воно рычыть, якъ звири и иллюзія выходыть добра.

Маты блида, зъ темнымы очыма, де схована въидлыва думка и туга,—вона нагадуе выдомъ своимъ блиду чайну троянду,—йе таки сумни троянды,—дуже суха, дуже высока жинка зъ вьялымы рукамы и абы-якъ зачисанымъ волоссямъ, въ довгій, що ажъ по земли тягнется, одежи, увиходыть у столову, здоровкается зъ матирью, хоче поцилуваты мякеньку, якъ котыкъ на верби, щичку дытыны, тильки тее не дается, мотае голивкою на вси боки и накинець тикае. Мама образылась: „ну, не треба, колы такъ“... Вона зитхае, сида втомлена на стулъ, а плечи іи спадають и спына згорблюется. Батько — здоровый, веселый чоловикъ—бигомъ ускакуе, швыденько здоровкается зъ усима, хапае жваво дытынча, не дывлячысь на його протестъ, цилуе його, поколовши нижнее лычко ще мокрымы писля умывання бородою та вусамы, ковтае въ тры ковтка чай и холодный шматокъ жарепаго и счезае,—винъ хапается, винъ опизнывся на службу.

Писля того, якъ чоловикъ пишовъ, маты хотила було серіозно запятыся зъ дытыною: почать учыть систематычно вона боится, бо боится бильшъ одъ усего на свити мозковои перевтомы, що выявляется для неи, якъ страшна мара. Черезъ те вона усе одкладае на довше справдишню науку, покы дытынча не окрипне фізычно, дывлячысь зъ тугою на його сухи перепела та лопаткы, на тоненькіи ручкы, що здаются іи ще сухійшымы, нижъ воны есть, а про те якось несподивано для себе самои показала йому усю азбуку за два-тры разы и розвывае його неперестаючы, чы-

таючы и розсказуючы де-що зъ натуральнои исторіи,—воно жъ одно у неи,—треба-жъ його чымсь забавыты довгои осинньои, чи зимньои вечирньои добы. Ось и теперь почала вона выясняты йому перши видомости зъ ботаники, пучкою показуючы на таблыци, що высилы по стинахъ, де булы намальованы квиткы: макъ, лыпа, выноградъ. Почала вона сухымъ, холоднымъ тономъ, що вона скризь держала, боячысь балуваты дытыну, якъ баба; вона водыла пучкою по картыни:

— Дакъ ты, малюся, скажы мени, чымъ квиткы, дерева, рослыны похожи або на насъ, на людей, на дитей, звиривъ, хоча на конячку, чы на твою кыцьку, чымъ похожи, а чымъ не похожи?

— Воно, инстынктомъ почувшы, що його хотять сыломыць утыскать у якись рямкы, направыты його розумъ, завъязаты волю думци та слову систематычнымы пытаннямы и т. ин.,—заразъ-же, якъ метелыкъ, метнулось у бикъ: „А, ботаника, ботаника, не хочу, не знаю, не треба!“ Воно схопыло свого здоровенного мьяча, здорово вдарыло о доливку; наче здоровый дзвинъ продзвонывъ—и мьячъ плыгнувъ у гостынну. Воно—за нымъ.

Маты вже сердылась, тильки ще здержувалась. Вона пишла слидомъ за нымъ, одняла мьяча, положыла высоко на полыцю и, взявшы дытыну за обыдви ручкы, сказала, пидводячы іи до картыны:

— У мьяча—писля... А хиба ты, любенька, не знаешъ, що твое котеня бигае и туды и сюды, а квиточка вже не побижыть никуды, усе буде на одному мисци, на одній нижци стояты, де іи посажено... эге такъ?

— Эге-е-е...- мляво одказало воно и почало крутытысь, якъ жукъ на булавци.

— А ще що може конячка, собачка, дытынка, а рослына не може?

— Не знаю, (воно насупыло чоло и зитхнуло) ... Эге... спиваты не вміе... крыча-а-а-ты.., говорыты.., граты на фортепьяни.., у мьяча... (додало воно и зареготалось).

— Такъ, такъ, — зъ усмихомъ сказала маты, — воно тильки росте. А що треба, щобъ рослына добре росла и жыла?

Тильки тутъ воно затупотило нижкамы и хотило тикаты, штовхаючы дуже боляче маты въ груды та жывитъ, якъ маленькый бычокъ.

— Стій, стій, скинчымо розсказуваты ботаныку, то пидемо гуляты...

— А, гуляты... гуляты... у скверъ пидемо?.. Дитокъ тихъ побачымо, що вчора... Маничка та Оличка... Воны казалы, що воны Маничка та Оличка... Я ихъ дуже, дуже люблю...

— Дакъ рослыни, щобъ жыты, що треба?

— Вода, земля, воздухъ, тепло и щобъ свитъ.., одтарабаныло воно, шарпнулось и побигло термесуваты бабу и требуваты свое пальто, шапочку.

— Швыдче, швыдче!

Маты розсердылась:

— Я сказала, що пидемъ гуляты, якъ скинчымо розсказуваты все, а мы ще й половыны не розсказалы.

— Мамка-дурна!—закрычало, якъ скажене, воно и заразъ-же. було схоплене за руку, одведено у другу хату и замкнене тамъ

Тамъ воно спершъ здорово крычало и лупцювало у двери рукамы и ногамы, писля втыхло.

Маты дуже мучылась, и не разъ хотилось ій одчыныты, та держалась свого и тильки зитхала, дывлячысь у газету, що лежала на столи, а баба, шо прыйшла зъ кухни, почала ій докоряты, що вона мучыть дытыну цією ботаныкою, що воно-жъ ще маленьке, а писля почала дывуватысь:

— И въ кого воно вдалося таке буйне? Ты у мене була тыха и батько—спокійный, добрый; воно... просто зладу зъ нымъ нема! Онъ якъ роздырается,—крычыть!

— Я васъ усихъ высичу!.. Я вамъ задамъ!.. Идить соби геть!— доносылось зъ тои хаты.

— И не бье його нихто,—пучкою не займе, а воно... Сьогодни такъ мене лопаткою вдарыло по спыни, що я думала—не встану,— гирко сказала вона.

— Це все одъ того, що одно воно, нудно йому и... — сказала дочка, стыскуючы ажъ до болю свои тонки рукы пидъ столомъ.

— Этъ, ты вже пойихала,"—розсердылась старенька, бо вона сама видъ людей ховалась та цуралась, хиба тильки треба було комусь запомогты.

Дочка зитхнула и встала, щобъ выпустыты вгамовану „тюремну". А воно утыхомырылось того, що почало строиты шалашъ Робинзонивъ, стягло изъ столу у гостинни, де воно було замкнене, плысову скатирть и роспьяло іи на перевернути догоры ногамы стульця. Воно неперестаючы торочыло, сыдючы у тому шалаши,—якось по пташыному, — слова Робинзонового попугая: „Бидный Робинзонъ, де ты бувъ?" Бабуся, стоячы на дверяхъ, не могла, щобъ не усмихнуться и зашепотила до дочкы:

— Дывыся, яка лялечка!

И справди—мале зъ червонымъ однымъ вушкомъ и вытягненымы кумедно, наче дзьобъ у пташкы, рожевымы губкамы, та круглымы оченятамы, було дуже гарненьке.

— Ну, иды вже сюды,—сказала маты и впьялась поцилункомъ у мякеньку щичку.

А воно, прыгадавшы соби Робинзона та й кныжку зъ картынкамы про його, поскакало до своеи полычки зъ играшкамы и почало перекыдать тамъ усе догоры дрыгомъ, роблячы ще бильшый хаосъ, нижъ тамъ доси бувъ, бо воно хотило одшукать небезпреминно „Сторію про Робинзона". Йому мабуть треба було навесты якусь справку, тильки воно найшло одынъ „кожухъ" одъ цієи кныжкы; за те попало „Гулливера" и зминыло свій планъ: схопыло „Гулливера", побигло до бабушкы зъ радиснымъ, заразлывымъ реготомъ крычучы:

— Хочешъ, бабуко, я тоби прочытаю „Гулливера"? Я тоби тильки „лиллипутечко" (цебъ-то трошкы) прочытаю...

Бабуся дуже зрадила, бо думала, що такъ ій буде спокійнише и вона успіе заштопаты маленьки чорненьки чулочкы, що вона якъ разъ передъ цимъ взяла у рукы.

Воно сило, якъ старе, у кутокъ на кушетку и „уявленне" чытання (тильки кумедія чытання тыхъ кныжокъ, що йому чытались старымы дуже часто) почалося. Рѣчъ йшла про опысъ тыхъ рѣчей, що булы знайдени лиллипутамы у Гулливера.

Почыналась вона наче-бъ то такъ: „Межъ тымъ у чоловика-горы знайшлы мы одынъ здоровенный круглякъ зъ маленькымы стрилкамы и тры маленькихъ круглякы и „кстате" (це було іи любыме слово) ще одынъ круглякъ жовтый и одынъ билый"...

Писля послидувало изъ тыеи жъ такы самои кныжкы чытання казкы Андерсена, перероблениои по своему, безъ початку, безъ кинця, де рѣчъ йшла объ играшкахъ.—„Якъ вы моглы сказаты таку дурныцю,—объявывъ здоровый мьячъ зъ незадовольненымъ усмихомъ, сміючысь самъ до себе"...Ще-жъ бувъ чытаный перекладъ изъ французьскои кныжечкы, що маты колысь ій жартамы перекладала, тильки багато тутъ було и своеи фантазіи, та дывно було якъ мале держало тонъ и стиль усякыхъ авторивъ:

— Гулу-сю (дуже швыденько говорыло воно незнайоми йому самому слова и заразъ же перекладало)—дывиться на мене. Гуленъ—дзень—якый я сытый и доволный. Торокп—дзи—дывиться на мене, якый я слухняный хлопець. Горева—дзе—дывиться на мене—яка у мене кругла голова и т. д. и т. д. И ще такъ: у насъ сьогодни

погода ловка и мы идемо гуляты, бо мои мыли диты булы сьогодни розумнымы и слухнянымы,—казала строго французьска матинка розовымы устонькамы маленькои, а дали:—накрывайте-жъ швыдче на стиль, несить: ножи, вылкы, талеркы, солонкы, грахвынъ, хлибъ... По малу, по малу, дывиться соби пидъ ногы... не розбыйте ничого.. сидайте, держиться ривно, не кладить локтивъ на стилъ, а вы—мыленька кыцька—дайте вашу лапочку сюды и не мьявчить — я васъ прошу дуже!..—Бабуся зайшлася одъ реготу, почувшы ци деликатни слова до кыцькы, а маты, що ходыла взадъ и впередъ по хати, зложывшы на грудяхъ рукп, та думаючы, нахмурывшы бровы, свою довгу думу, стала на хвылыну, усмихнулася — подумала:—Може, пысатель буде,—тоди не буде почувать себе одынакою... Яке чуття, якый стиль!..

Писля того вона пидійшла до фортепьяна, сила, зитхнула и почала граты. Вона скинчыла консерваторію и грала дуже добре, та вышла замижъ, якъ багато жинокъ, чогось занехаяла музыку и грала тильки тоди, якъ шукала спокою и потихы.

— Я, я, я! Я хочу граты!..

— У одну мыть опынылося воно тутъ и почало зъ серцемъ одрываты рукы матерыни одъ клавышивъ.

— Ты-жъ не вміешъ граты, давай краще спиваты,—сказала маты и почала прыспивуваты: „Танцювалы мыши по бабыній хати“... Воно, розуміеться, уперлося...

И зновъ ій прыгадалося, що воно одно и що, колы йому було рокивъ чотыри, а у ихъ була знакома симья, де було багато дитей, що перейихала теперъ у другый городъ, и дитокъ тыхъ вона вчыла граты и спиваты, то іи маленька охотою спивала зъ подружкамы, хочъ нихто іи не сылувавъ.

Маты потерла соби чоло рукою и пишла зновъ ходыты мовчкы по хати, тягаючы за собою довге платтядостатньо.

Воно-жъ выдряпалось на ослинчыкъ и почало фантазироваты, ляпаючы своимы рученятамы въ ризныхъ мисцяхъ по клавіатури: „Це овечкы затопылыся у мори“, одною пучечкою по двомъ клавышамъ разомъ удисканти... „Аце—море“—якыйся чудный гукъ у басу, зробленый двома лапкамы, упавшымы згоры одразу... „О, о, о.. верблюды... клямъ, клямъ... переваллюются... хытаются... Писокъ... писокъ... глыбоченный...“ Це була перефразировка „Средней Азіи“ Бородина, що частенко грала и розсказувала ій маты.

— Дытыно моя, давай краще кожною пучечкою окроме пограемо екзерсисы,—прыступыла до неи маты зъ нижнистю, бо хотила перейты до „справдишньои“ музыкы. Тильки... його вже й слидъ пропавъ.

— Що його робыты? Звернутыся до ботаникы? А, може, вона його справди ще рано почынае учыты?

Маты найшла, що все-жъ такы треба весты гуляты, бо „свижый же воздухъ потрибенъ для здоровья“, и звелила йому одягатысь.

Тутъ почалася трагыкумедія одягання та матерыни пострахы:

— Ну, такъ сыды вдома, колы ты така! Ну, такъ я сама, пиду!—и т. д.

Само воно не хтило одягатысь, якъ и вранци у лижку, дерло на соби чулкы, кидалось кальошамы по всій хати. Колы-жъ баба хтила помогты, такъ не хтило на мисци стояты, крутылося якъ дзыга, для жарту лызало баби рукы языкомъ, та скакало у одному чулку и т. и., доводячы бабу ажъ до слизъ, бо дуже-жъ багато треба було на його одежынъ начипляты—усе боялыся простуды:—тры пары чулкивъ, дви пары штанцивъ, фуфайка, дви-тры хусточкы и д.

— И нащо справди стильки хусточокъ? Це Богъ зна що!—гирко обизвалась маты.

— Эге, эге... поскыдай, поскыдай!—пробуркотила зловище баба, —писля сама будешъ не рада, якъ заболіе. та пизно вже буде!

И маты не насмилылась зкынуты хочъ одну хусточку и зменьшыты усю цю вагу, що накладалась на дытыну, мишала ій вильно ходыты, бигаты, дыхаты.—Вона прыгадала соби, якъ пры легенькому нежыти, або кашлю, вона сама ставала не своя, у неи и души не було, и якъ, скочывшы середъ ночи, тремтючы у одній сорочци, вона йшла розогриваты на свичци борну кыслоту зъ водою, а сльозы такъ и капалы ій на простягнену зъ чашкою голу руку. Жахъ-же, холодный жахъ, можлывисть згубыты саме дороге и одне-однымъ на свити, стыскавъ ій серце и морозывъ кровъ, а холодный питъ выступавъ у неи на чоли...

Ну, ось воно вже готове для гуляння и, плутаючысь у своій довгій—на выростъ—шубци, розкрывшы рота, бо горло його дуже зтыснене хусткамы, тильки усе-жъ такы пидскакуючы и не перестаючы блягузгаты про те, що воны изъ матирью зновъ побачать „шарщыка“ и куплять у нього теперъ сыній шаръ, бижыть за матирью до дверей и дали на сходци. Маты ще не вспишылась

одягты пальчатки и напивъ стромыла ноги у колоши, та бижыть мерщій за нымъ, бо вона боится тихъ сходцивъ, боится до смерты; ій ажъ снытся часомъ падання изъ цієи высокости и воно... внызу, якъ тисто кровьяне...,—страшнице ничого не може буты... духъ одбырае!

Маты обережно веде його за ручку по тихъ схидцяхъ. Воны йдуть у скверъ.

Ясный осинній день. Сонце облывае усе навкругы, хочъ и холоднымъ, та жывымъ золотомъ своимъ. Лыстъ сухый шелестыть по-пидъ ногамы, сухе лыстя обрывается уже зъ дерева изъ легенькымъ, що тильки вухо захопыть, хрупостинням и падае доли; та уси ци легеньки шелестиння разомъ роблять вже бильшый шумъ та особлывый нервовый настрій, наче смыкання переходыть у середыну, наче обрывается щось у його самого — лыстокъ за лыстомъ... Кльоны стоять одягнени у жовте и—наче свитло йде зъ ихъ самыхъ, а не сонце збоку свитыть на ихъ—самосвитни, и це тежъ дывно та чудно! Осыка почервонила соромлыво, а одъ акацій йде такый мицный, прямый духъ сухого, тильки ще зеленого дрибного лыстячка...

Маты хоче звернуть увагу дытыны на цю картыну осени, прымушуе його робыть букеты зъ ризнобарвного лысту, называе дерева, зъ якыхъ лыстя поопадало, тильки воно вже наче упало: воно прымитыло—дитей хлопця та дивчынку у билыхъ одежынахъ, що булы похожи на шматочкы сырого тиста, и воно летыть до ихъ зъ крыкомъ: „Диткы, диткы! Ось диткы!“

Маты не може успишытысь за нымъ.

Лыха нянька, обороняючы своихъ паненятъ одъ наступа непрыятеля, звернулась до неи: „иды, иды соби, голубко, чого тоби?“ А сами диты, що стоялы по первахъ, наче чогось чекалы, одкрывшы роты, колы воно хапается за ихъ мьяча, що лежавъ доли, та лопоче: „будемо граться. Давай гуляты!“—то воны выдерають у нього свій мьячъ и йдуть до няньки, а писля, учепывшыся зъ обохъ бокивъ за спидныцю ій, йдуть геть.

Воно ще бижыть слидкомъ, крычучы: „диткы, диткы!“ Та маты хапае його за руку и веде за собою. Іи саму дуже вразыло, що іи дытыну одпитовхнулы, та й лыха вона на його за його уйндлывисть.

— Не можна-жъ такъ лизты въ вичи до чужыхъ дитей, — каже вона.

— Я хочу зъ нымы гуляться,—уперто мовыло воно.

—А воны, бачъ, зъ тобою не хочуть,—сухо каже зновъ маты и веде його до дому.

—Чому не хочуть? чому, чому?—гирко допытуется, воно, та маты замыслывшысь мовчыть. По дорози встричается ще цила кумпанія улышныхъ дивчатъ. Воны граются на кучи писку. Воно, разъ проучене, не кыдается вже до йихъ одразу, а держучысь за руку матерыну, стоить на мисци и не одводыть голодныхъ очей одъ веселои кумпаніи, и не хоче йты дали.

—Хочъ гуляты?—пытае пидбигаючы дивчына у здоровенній хустци, що наверчена на шыю, якъ ярмо, про те боса: я — Поля, а це — Катря, а то — Галька „безхвоста“ — продражнылы такъ; а тебе якъ звaты? Ходимъ! — Воно вырывается зъ рукъ одъ матери, тильки мовчыть.

Маты черезъ сылу говорыть: „та йды вже, йды, грайся, тильки не займай писку — винъ холодный, не бигай багато — можешъ простудыться, не сидай на вохку скамейку...“

Почынается гулянка у коршака. Жваво бига Поля якъ коршакъ, литае и скубе усихъ безъ сорому за кытыци одъ хустокъ, за подилки, писля плеще въ долони рукамы и гукае: „а-ну, у квача!“ Тупотыть червонымы одъ холоду босымы ногамы и плюеться, и ни зъ того ни зъ сього лае свою нову товарышку: „у, стерво яке, недотепне! Чуешъ, бижы, чого стала! спіймають тебе!... Квачыку, квачыку!“—дрочыть вона дивчыну, що за квача и, розтопырчывшы рукы, якъ лыстя кленове, махае имы, высолоплюе языка, хапается за дерево и зновъ плыга одъ нього, вьется и перескакуе пидъ самымъ носомъ у квача, неначе жыве срибло.

А воно стоить, спустывшы ручкы, ничого не розбере, хоче плакаты и все-жъ такы раде, що воно середъ дитей.

Маты-жъ душою болiе за його, що воно справди таке недотепне середъ цихъ вильныхъ дитей, що вдома — крыклыве та вередлыве, а тутъ прытыхло, дома жваве — тутъ непрывитне, мляве, що воно не прывчылось бигаты и не може бигаты, одежа важка, що цее бачать уси ци диты, що його такъ термусуе за рукава ця дивка, що воно перейме одъ неи лайку та грубисть, а, може, наберется и хворобы, бруду, вошей... Тильки вона боиться одирваты його одъ цихъ дитей.

Ажъ ось дивчата сами порозбигалысь, зъ реготомъ плыгаючы черезъ калюжи и забувшысь про свою нову товарышку, наче-бъ іи и зовсимъ николы не було.

Маты пидійшла до дытыны. Воно стояло, якъ прычароване, зъ усмихомъ на устонькахъ, и дывылось велыкымы очыма на маячившихъ оддаликъ дивчатъ, задержуючы у соби духъ.

Маты була здывована цимъ выразомъ дытыны, що почало придывлятысь зъ цикавостю объектывного наглядача, що увиходыть у чужый для його та роскишный, безкрайнiй свитъ почувань и вражинь, що тилькы по малу одкрывается для нього.

Отъ воно забалакало, зацвиринькало, ледвы переводячы духъ, та хапаючы маты то за одну, то за другу руку:

— Мамо, мамо, яки дивчаточка! Якъ у одныеи, у цiеи, у Поли, волоссячко такы стырчыть чубочкомъ... хусточка зъ кытыцямы изсунулась, а волоссячко... сюды и туды... ось...

Цилу дорогу тилькы и було балачкы, що про дивчатъ.

Колы прыйшлы до дому, тато бувъ вже вдома; винъ одимкнувъ имъ и заразъ же потягъ жинку по-пидъ руку, укрываючы зъ осолидою поцилункамы iи похолодили на двори щокы, наче хотивъ выпыты усей цей холодъ; потимъ до стели пидкынувъ вередлыву дытыну, що була ще у шуби и въ колошахъ, и закрычавъ на всю хату:

— Бабусю, бабусю, обидаты, обидаты! Татары прыйшлы — йисты хочуть! Ганно! а давай намъ вола на стилъ, — мы його...

— Жинка жмурылась одъ його гвалту та дитського вереску, що счынывся, колы баба пидступыла до операцiи скыдання колошивъ.

-- Оце, Боже мiй, краще-бъ пальто помигъ скынуты,—и такъ важко; уси плечи обтягло..., а винъ зъ поцилункамы!..

Чоловикъ кынувся помогаты, повторяючы: „Такъ бы и сказала!", и вспишывся все-жъ таки поцилуваты iи ще разъ у шыйку.

Вона здвыгнула плечыма и пишла въ столову, сила за стилъ и спустыла втомлену спыну и плечи.

Баба-жъ не могла тежъ намылуватысь доволи своею унукою, якои такъ давно не бачыла, та усе прыкладалась то до голивкы, то до щичкы, то до ручкы.

Дило скинчылось, розумiется, сваркою та обицяннямъ оставыты безъ обиду, а писля прозьбою швыдше роздягатысь, а то „супчыкъ для лялечкы прохолоне".

За обидомъ батько почавъ розсказуваты эпизоды зъ своеи юрыдычнои прахтыкы и мижъ другымъ про якогось ловкого мошенныка, злодiя, що вкравъ середъ дня черезъ розбыте шкло дороги часы ювелира. Бабуся схотила роспытатыся добре, що и якъ,

тильки воно зовсимъ не давало старымъ балакаты и все верещало:

— Слухайте... стійте... я кажу... Эй... вы — дурни! Його треба пидъ судъ... заразъ „за шкапъ“ його... А я у газети чытала... Ну, слухай, бабко — дурна!..

Тато скыпивъ, бо на скильки винъ бувъ плохенькый, — на стильки-жъ и палкый.

Винъ закрычавъ такъ, що бабуся ажъ здригнулась:

— Геть зъ-за стола!.

Маты, котру скризь кололо у серце, що дытына слуха и перейма слова, въ истоти своій страшни (воръ, злодій и др.) и ій непотрибни, що воно рано робытся старе, по малу отруюется овощемъ одъ древа пизнання добра та лыха, що хочъ не тямлючы, та повторя безневынными устамы страшни ричи: злодій, душогубъ и др., — тильки закрыла лыце рукою и нахылылась до стола, а бабуся почала завиряты батька, що „воно вже не буде, що воно — розумне“, и, звернувшысь до дытыны, що ховалось у бганкахъ іи спидныци:

— Цыть, цыть, не плачъ... Тато простывъ... Сидай... Дай я вытру слизкы... йижъ вже краще.

За „солодкымъ“ зновъ трапылась „сторія“, бо воно крычало:

— Мени — перші́й, мени скризь поперважъ! Я хочу! — мени треба... Бабо, давай мени заразъ же!.. А мени? Мени не зостанется (воно вытрищыло здорови лыхи очи и ажъ затремтило, побачывшы, що тато узявъ велыкый шматокъ пырога на тарилку)... Бабо! Давай! А то я васъ усихъ выжену“.

На цей разъ тато ажъ зареготався:

— Отъ дакъ Тамерланъ!

— Що за страшенный эгоизмъ“, — обизвалась маты. А все черезъ те, що одно воно“, — зновъ вдарыла ій у голову вична думка.

Баба, сказавшы строго: „Ось и не дамъ тоби пырога, колы такъ, жаднюго“, заразъ же по-пидъ рукою ткнула йому тарилку нарызанымы тоненько шматочкамы пырога, прытрушенымы дуже сахаромъ — пискомъ.

Писля обидъ тато лигъ спочываты, баба сила до викна изъ шыттямъ, а маты зъ кныжкою у кресло — гойдалку; воно побигло у другу хату за лялькамы, и скоро видтиль почулыся балачкы изъ фантастычнымы дитьмы: „Катя, Оля, Коля! А ну давайте граты у коней... Мы наче прывьязани... А ты, Коля, за кучера... Мы одирвалысь и втиклы... А, ш... ш... ш! Ну ловы!..

Ну, бижить!.. Чого спиткнувся, Коля.!!“ Чутно якъ тупотыть, наче правди скилькось паръ дитськихъ нигъ.

Маты прыслухалась и сумно усмихалась.

Ажъ ось задзеленчавъ дзвоночокъ. Прыйшла пани Блонська зъ своею дочкою. Почувшы дитськый голосъ у синяхъ, воно,— не дывлячысь на крыкъ бабы: „куды! сыды мени! Тамъ холодно— Богъ храны—ще простудышся!“—заверещавшы: „дитка!,“ летило прямо на шыю до Кати Блонськои. Тильки що въ сылу вона роздяглася, — воно почало одразу тишыты, звеселяты, чарувату свою гостю. Заразъ же повытягало усихъ лялькокъ зъ одбытымы носамы та рукамы, посли—поламани вагоны, крыву кухню и др., тильки це все не давалось просто у рукы дивчынци, а робылось багато, багато напередъ нотацій.

И тильки ты дывысь не зламай!.. Ось упало — пиднымы... Треба усе чепурно держаты... (наче-бъ то воно само — „святе та боже“)... Стій—я сама... Не займай, положы... Я заразъ... Ну, ты будешъ за куховарку и усе, а я пани (воно ростягло це слово эзъ утихою)... Вары швыдче обидъ, — я йисты хочу... Ось кухня.. Треба взяты два яйця, варення, оцту; а це — сметана“...

Гостя оторопила и почала надыматысь, бо вси играшкы, що ій давалысь у рукы, заразъ же и одбиралысь, а друге те, що вона зовсимъ не хотила буты за куховарку.

— Нехай же Катя грается, якъ и чымъ хоче,—сказала маты, пидходячы до дверей.

Маленька гостя трохы одійшла и почала вже сама заявляты капрызно:

— Я не хочу такъ — я хочу ось якъ!

На мыть воно одступыло; тильки щось соби прыгадавшы, почало тягты дивчынку до стола.

— А ось лото, а ось „загадкы“. Будемо у лото, ни, краще— въ загадкы! Сидай, сидай!.

Це „сидай“, сказало воно, може, разивъ зъ десять, а писля мала хазяйка порозкладала на столи картынкы и почала, не переводячы духу, тарабаныты на памьять уси загадкы, що воно знало.

— Маленьке, кругленьке—хочъ яку колоду переверне? Що це? Ну, кажы, ну швыдче, ну? Не знаешъ? (Не диждавшысь) — Це блоха! Ага, я выграла!..

Гостя все бильшъ надымалася. Вона сыдила мовчкы, дывлячысь пидъ стилъ, напрыкинци того помалу встала, пидійшла до своеи матери и прыгорнулась до ии плеча, и почала казаты килька разивъ по-первахъ шопотомъ, а писля усе дужче:

— Мамо. я хочу до дому, мамо, я хочу до дому, мамо!

— Пани Блонська думала, що це не дуже гречно тикаты такъ скоро, и сказала дочци: „иды, иды гулять соби!“ Тилькп пислЯ штовхання своеи дивчынки ій у бикъ, побачывшы сльозы у неи на очахъ, вона стала збиратысь до дому и прощатысь.

Воно по первахъ остовпило, колы товарышка пишла до матери, и все червонее, якъ макъ, почало для чогось складаты свои картынкы. Колы-жъ дило дійшло до прощання та одягання чужои дивчыны, — ударылось у сльозы.

— Мамо, мамо — нехай вона останется! Куды вона йде?! Мамо, мамо, — вона вже йде!...

Іи матери було и досадно и тяжко за його, що воно не вміе поводытыся зъ дитьмы и що воны його цураются, будуть и пизнише люды цуратыся скризь, бо воно — эгоистычне, деспотычне, бо вештается усе мижъ старымы, що йому усе уступають.

— Вона того пишла, що ты ій спротывылась твоимъ крыкомъ та прыказамы.

Воно наче замерзло, спустывшы голивку.

— И не треба. Отъ дуже шкода! Пагана дивка якась! И безъ неи обійдемось,—заразъ же потипала баба и почала сама граты зъ дытыною у лото, прыставляючысь, що не може одшукаты на своій картынци а „ни жука“ носорога, „ни сонечка“.

Маты пишла въ кабинетъ, де чоловикъ спавъ на кушетци, и тыхенько сила коло столу — перепысуваты якись бумагы.

Трохы пизнише *воно* не прыскакало, якъ разъ-у-разъ стукаючы закаблукамы по доливци, тильки прыйшло на венынячкахъ и зъ дывнымъ выразомъ у очахъ, таемно сказало матери:

— Мамо, якъ бы-то... у насъ ще диткы... Я-бъ никому вже не докучала, не крычала... А то... мени... нудно...

Грыцько Грыгоренко.

Землякъ и предтеча Гоголя.

Василій Трофимовичъ Нарѣжный принадлежитъ больше литературѣ русской, чѣмъ украинской. Онъ писалъ по русски, и значительная часть его произведеній не имѣетъ никакого отношенія къ Украинѣ. Украинецъ по происхожденію, землякъ Гоголя — миргородецъ, почерпнувшій сюжеты наиболѣе крупныхъ своихъ произведеній, каковы: „Бурсакъ“ и „Два Ивана“, изъ бытовой жизни Украины, Нарѣжный въ своей личной жизни и литературной дѣятельности оказывается оторваннымъ отъ родной ему почвы Украины и отъ родной для него духовной стихіи — украинскаго языка.

Въ XIX в. вліяніе русской литературы на украинскую было значительнымъ. То ослабѣвая, то усиливаясь, это вліяніе сказывалось и въ томъ, что русская литература иногда прямо-таки поглощала проявленія литературной жизни Украины, и украинское содержаніе воплощалось въ чуждой для него стихіи русской рѣчи. Явленіе это отразилось на сочиненіяхъ Квитки-Основьяненка, Гоголя, Гребенки, даже Шевченка. То же самое литературное явленіе представляетъ изъ себя дѣятельность Нарѣжнаго, старѣйшаго бытописателя-художника этнографической Украины.

Нарѣжный началъ свою литературную дѣятельность въ послѣдніе годы XVIII столѣтія; въ 1825 году его уже не стало. Такимъ образомъ періодъ дѣятельности Нарѣжнаго—это время разцвѣта въ русской литературѣ сентиментализма. И въ это время Нарѣжный проводитъ въ литературу реализмъ, воплощаетъ въ ней жизнь, какъ она есть, какъ самъ авторъ понималъ ее. Въ этомъ отношеніи Нарѣжный, какъ литературное явленіе, представляетъ собою замѣчательный фактъ. Въ такой оцѣнкѣ

Нарѣжнаго сходятся всѣ историки литературы, писавшіе о немъ.— „Ему (т. е. Нарѣжному),—говоритъ Буличъ,—какъ и другому знаменитому южно-руссу Гоголю, основателю у насъ реальной школы въ поэзіи, удалось первому обратить мысль на воспроизведеніе родной дѣйствительности". [1])—„Нарѣжный,—по опредѣленію Котляревскаго,—былъ явленіемъ рѣдкимъ, и среди нашихъ позднѣйшихъ реалистовъ николаевской эпохи мы не найдемъ достойнаго ему по смѣлости замѣстителя."[1]) Дѣйствительно, Нарѣжный, какъ описатель русской жизни начала XIX вѣка, имѣетъ большое историческое значеніе въ русской литературѣ. Но не меньшее значеніе должно быть присвоено Нарѣжному въ исторіи украинской литературы, такъ какъ онъ первый старался изобразить въ художественной формѣ своеобразную жизнь Украины, богатую разнообразными чертами народныхъ свойствъ и обычаевъ.

Въ его время этнографическій интересъ къ Украинѣ только что зарождался. До 1825 года въ литературѣ имѣлось всего около полудесятка болѣе или менѣе видныхъ сочиненій, изображавшихъ бытъ Украины, включая сюда и художественныя произведенія И. П. Котляревскаго: „Энеиду" и двѣ его извѣстныя пьесы. Среди этихъ сочиненій слѣдуетъ упомянуть „Описаніе свадебныхъ украинскихъ и простонародныхъ обрядовъ" Григорія Калиновскаго (1777 г.), „Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества" (1778 г.), гдѣ нѣсколько страницъ было посвящено украинской этнографіи, „Записки о Малороссіи" Якова Марковича (1796). и, наконецъ, вышедшій въ 1819 году „Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ" кн. Цертелева.

Изъ всѣхъ посвященныхъ украинскому быту сочиненій XVIII и начала XIX вѣка, кромѣ „Опыта" кн. Цертелева, едва ли не самый большій этнографическій интересъ представляютъ „Записки о Малороссіи" Марковича. „Записки о Малороссіи не простое протокольное описаніе края и быта украинцевъ; онѣ одухотворены любовью автора къ своей родинѣ, ея языку и обычаямъ. Этнографическія понятія Марковича, правда, сбивчивы: онъ не отличаетъ, напримѣръ, малороссовъ отъ бѣлоруссовъ, считая послѣднихъ за разновидность малорусскаго народа, но сочиненіе Марковича обращаетъ на себя вниманіе и пріобрѣтаетъ историческую

---

[1]) Н. И. Буличъ. Очерки по исторіи русской литературы; т. II, стр. 183.
[1]) Н, Котляревскій. Н. В. Гоголь. 1903. 85 стр.

цѣнность своею идейною стороною. Съ какимъ чувствомъ любви къ родному отзывается Марковичъ объ украинскомъ языкѣ и пѣсняхъ?

„Въ нынѣшнемъ,--говоритъ Марковичъ, -- малороссійскомъ языкѣ или собственно нарѣчіи видны еще нѣкоторые оттѣнки и счастливаго климата и нѣжнаго свойства души образователей его... Онъ нѣженъ, пріятенъ и наполненъ патетическими выраженіями, уменьшительными словами, кои произошли, конечно, не отъ другого чего, какъ отъ тонкаго чувства его изобрѣтателей. Можно назвать его языкомъ любви, или по крайней мѣрѣ, весьма способнымъ выражать чувства любви.“

„Возьмемъ... малороссійскія пѣсни: въ нихъ помѣщены прекрасныя подобія и картины природы, простое, но пылкое изъясненіе любви---и голоса ихъ всегда соотвѣтствуютъ мыслямъ. Если содержаніе ихъ трогательно, если представляетъ оно разлуку съ милымъ или съ мать-стороною—то съ разительною гармоніею тоновъ изливается вмѣстѣ самая сила чувствъ и выраженій. Наученная одною природою, пѣвица заставляетъ и горевать съ собою природу. Она разсказываетъ свое несчастіе всѣмъ окружающимъ ее предметамъ, проситъ летящихъ птичекъ донести извѣстіе о ней въ милую ея родину, и музыка въ устахъ ея бываетъ живою картиною всѣхъ томныхъ движеній горюющей души...“

„Записки“ Марковича обращаютъ на себя вниманіе именно этою идейною своею стороною. Къ сожалѣнію, они остались не доконченными: авторъ ихъ погибъ трагическою смертью, покончивши самоубійствомъ.

Указаніе на упомянутые этнографическіе матеріалы, конечно, не имѣетъ значенія въ опредѣленіи вліяній, при дѣйствіи которыхъ развился этнографическій интересъ къ своей родинѣ у Нарѣжнаго. Мы не обладаемъ никакими данными, чтобы отрицать это вліяніе или утверждать, что оно было. Но для насъ важно оттѣнить этнографическіе интересы Н. на фонѣ общей скудости подобныхъ интересовъ, вслѣдствіе чего бытоописательная украинская сторона произведеній Нарѣжнаго пріобрѣтаетъ свою настоящую историческую цѣнность.

Нарѣжный не принадлежалъ по степени своего таланта къ числу тѣхъ писателей, которые пролагаютъ новые пути въ литературѣ; онъ шелъ по намѣченной ранѣе, но не проторенной еще дорогѣ и сообразно со своими силами равнялъ, расчищалъ и ширилъ эту дорогу. Поэтому и въ своихъ этнографическихъ инте-

ресахъ Нарѣжный не былъ совершенно независимъ. Этнографическіе интересы Нарѣжнаго были только одною стороною его цѣлаго литературнаго направленія. При опредѣленіи послѣдняго мы должны считаться съ тѣмъ основнымъ фактомъ, что Нарѣжный, несмотря на свои украинскіе интересы, дѣйствуетъ въ предѣлахъ русской литературы. Нарѣжный развивалъ зачатки реализма, которые были заложены въ русской литературѣ ранѣе.

Зачатки реализма въ русской литературѣ принадлежатъ XVIII вѣку. Послѣдній былъ переходною эпохою въ русской исторіи. Въ это время Московская Русь въ культурномъ отношеніи отживала свой вѣкъ, исчерпавши весь запасъ имѣвшихся у нея духовныхъ силъ. Такія истино-русскія начала Московской Руси, какъ тупое отвращеніе къ знанію, крайнее высокомѣріе въ отношеніи другихъ народовъ, граничившее съ пошлымъ самодовольствомъ, характернымъ и для современныхъ истинно-русскихъ людей, узкая обрядовая религіозность, развращавшая своею безсодержательностью народную душу,—всѣ эти начала въ XVII в. стали блекнуть въ сознаніи общества. Съ Запада врываются свѣжіе потоки чистаго воздуха; жизнь обновляется; обновляется и литература. Старая московская *письменность* уступаетъ свое мѣсто новымъ теченіямъ и мало по малу превращается въ *литературу* въ нашемъ значеніи этого слова. Литература какъ свободное выраженіе въ словесныхъ образахъ интеллектуальныхъ отношеній человѣка къ міру и самому себѣ, Московской Руси была мало извѣстна. Московская письменность не выражаетъ всецѣло интеллектуальной жизни общества; она проникнута практицизмомъ, преслѣдуетъ одностороннія цѣли; характеръ ея наставительный, при чемъ нравоученіе переходитъ иногда въ старческое брюзжанье.

XVII вѣкъ стремится освободить литературу отъ принятаго ею направленія. „Гисторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ"—характерный образчикъ русской литературы конца XVII вѣка. Повѣсть эта не только не нравоучительная, а наоборотъ—нравоучительная, по сравненію съ московскими понятіями. Свободное отношеніе къ жизни—крупный шагъ, сдѣланный русскою литературою въ XVII вѣкѣ. Вслѣдствіе этого расширяется кругъ литературнаго наблюденія и литературныхъ вопросовъ. Литература обращается къ жизни, становится на почву реальнаго ея изображенія и въ этомъ находитъ для себя живую воду.

Когда въ малокультурномъ, не обновляющемся нравственно обществѣ, проявляется самосознаніе въ лицѣ нѣкоторыхъ представителей того же общества и выражается въ литературѣ, то простое литературное изображеніе жизни такого общества переходитъ въ сатиру, разсужденіе объ этой жизни становится обличеніемъ. Вотъ почему такъ долго, даже до сихъ поръ, характерною особенностью русской литературы является преобладаніе въ ней элементовъ сатирическихъ. Поэтому же первый великій нашъ реалистъ Гоголь былъ сатирикъ. Этотъ сатирическій характеръ русской реалистической литературы начинаетъ обнаруживаться съ первыхъ же ея шаговъ. Читая ту же повѣсть „о ворѣ и мошенникѣ Фролкѣ Скобѣевѣ," легко видѣть, что авторъ очень далекъ отъ намѣренія изобличать плутовскія похожденія своего героя, и, присмотрѣвшись, также легко замѣтить насмѣшливое отношеніе автора къ старому московскому обществу, которое, какъ ни берегло себя и своихъ чадъ и домочадцевъ отъ новыхъ вѣяній и новыхъ людей, все-таки оказывается безсильнымъ противъ нихъ, обойденнымъ, оказывается въ траги-комическомъ положеніи одураченнаго гоголевскаго городничаго. Всецѣло сатирическій „Списокъ съ суднаго дѣла у Леща съ Ершомъ", изобличающій специфически русскій судъ долгій, неправый и немилостивый, подтверждаетъ высказанныя соображенія.

Въ XVIII вѣкѣ реально-сатирическое направленіе въ русской литературѣ утверждается окончательно. Совершается это не безъ вліянія со стороны тогдашней украинской литературы. Бытовой сатирическій элементъ былъ весьма развитъ въ украинской литературѣ XVII и XVIII в.

На этой почвѣ выростаетъ крупная литературная личность Ѳеофана Прокоповича, имѣвшаго въ русской литературѣ значительное вліяніе. Онъ былъ литературнымъ наставникомъ Кантемира, который не однажды повторялъ отдѣльныя мысли талантливаго монаха.—„Отцы де наши не умѣли письма, но хлѣбъ довольный ѣли, и хлѣбъ тогда лучше родилъ Богъ, нежели нынѣ, когда письменныхъ и латынииковъ размножилося".—Такъ смѣялся Ѳеофанъ Прокоповичъ надъ русскимъ обществомъ по коренному вопросу нашей жизни—о просвѣщеніи. Мыслямъ Прокоповича вторилъ Кантемиръ:

Живали мы прежъ сего, не зная латыни,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ нынѣ;
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.

Прокоповичъ и Кантемиръ, а далѣе Сумароковъ, Новиковъ и Фонъ-Визинъ—вотъ крупнѣйшіе представители реалистическаго направленія въ русской литературѣ XXIII вѣка. Это направленіе было явно преемственнымъ. Сумароковъ сказался въ литературной дѣятельности Новикова; съ другой стороны Новиковъ исторически восходитъ еще къ Ѳеофану Прокоповичу при посредствѣ Кантемира. Вышеприведенный сатирическій мотивъ такъ же характеренъ для общаго направленія дѣятельности Новикова, какъ и для первыхъ двухъ сатириковъ: „Дѣды наши и прадѣды ничему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно; науки да книги переводятъ только деньги: какая отъ нихъ прибыль; одно разоренье!“ („Живописецъ“). Фонъ-Визинъ примыкалъ къ установившемуся реально-сатирическому направленію въ литературѣ, но выразилъ его талантливѣе всѣхъ остальныхъ соратниковъ по перу: „На что сватъ, граммятика?—говорилъ Бригадиръ.—Я безъ нея дожилъ почти до шестидесяти лѣтъ, да и дѣтей взвелъ...“ — „Конечно, грамматика не надобна, — подхватывала Бригадирша.—Прежде нежели ее учить станешь, такъ вѣдь ее купить еще надобно, заплатить за нее гривенъ восемь, а выучишь ли, нѣтъ ли, Богъ знаетъ!“

Всѣ указанные дѣятели были, какъ видимъ, литературными родственниками другъ другу. Они упрочили въ русской литературѣ реально сатирическое направленіе, идя тою дорогою, которую имъ указывало ихъ общественное чувство. Если Фонъ-Визинъ былъ самымъ талантливымъ выразителемъ даннаго направленія, то Новиковъ былъ наиболѣе полнымъ и разностороннимъ выразителемъ того же направленія. Поэтому при объясненіи литературнаго направленія Нарѣжнаго, примыкавшаго къ тому же реально-сатирическому теченію, мы будемъ исходить изъ сравненія его съ Новиковымъ.

Изслѣдовательница литературной дѣятельности Нарѣжнаго г-жа Бѣлозерская въ своей книгѣ о послѣднемъ не достаточно опредѣленно уяснила литературное направленіе Нарѣжнаго, считая его вполнѣ самостоятельнымъ по своему характеру писателемъ: „Предоставленный,— говоритъ г-жа Бѣлозерская, — самому себѣ и собственнымъ силамъ, онъ (Нарѣжный) очутился внѣ какого бы то ни было литературнаго вліянія вообще или въ частности того или другого писателя [1]) На вѣрный путь въ опре-

---

[1]) Бѣлозерская: „В. Т. Нарѣжный“, ч. I, 14.

дѣленіи литературнаго направленія Нарѣжнаго сталъ Гончаровъ, которому русская литература въ области критики обязана лучшимъ истолкованіемъ типа Чацкаго. Въ своемъ письмѣ къ Семевскому Гончаровъ намѣтилъ тотъ путь, по которому шелъ Нарѣжный, указавъ на связь послѣдняго съ литературнымъ направленіемъ Фонъ-Визина. Гончаровъ настойчиво проводитъ свою мысль, повторяя ее въ писмѣ четыре раза: „Онъ (Нарѣжный) школы Фонъ-Визина, его послѣдователь и предтеча Гоголя... Онъ часто впадаетъ въ манеру и тонъ Фонъ-Визина и какъ будто, предсказываетъ Гоголя... Онъ всецѣло принадлежитъ къ реальной школѣ, начатой Фонъ-Визинымъ и возведенной на высшую степень Гоголемъ... Считаю Фонъ-Визина, Нарѣжнаго и Гоголя главными представителями чисто реальной школы.“—Мысль Гончарова, повторяемъ, вѣрна, но на мѣсто Фонъ-Визина, какъ представителя реально-сатирической школы въ русской литературѣ XVIII вѣка слѣдуетъ поставить Новикова, наиболѣе типичнаго сатирика-реалиста предшествующей Нарѣжному эпохи.

Реально-сатирическое направленіи въ русской литературѣ XVIII вѣка отличается общимъ своимъ гуманнымъ характеромъ. Закоренѣлая русская неправда, въ чемъ бы она ни выражалась: въ судопроизводствѣ, въ ужасахъ крѣпостного безправія, въ беззастѣнчивомъ господствѣ надъ всѣми олигархической придворной клики—вельможъ, по терминологіи XVIII вѣка,—все это находило, поскольку позволяли независящія обстоятельства, а то даже и вопреки послѣднимъ, отзвукъ въ принятомъ лучшими силами русской литературы сатирическо-реальномъ направленіи. Даже испорченный екатерининскимъ дворомъ, лишенный чувства общественной добропорядочности, Державинъ, примыкалъ къ этому направленію въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, какъ напр. въ „Вельможѣ“ и отчасти въ пресловутой „Фелицѣ“. Вторая отличительная черта реально-сатирическаго направленія—культъ національнаго достоинства. Эта черта имѣла какъ отрицательное, такъ и положительное значеніе. Отрицательная сторона національнаго теченія въ реально-сатирическомъ направленіи выражалась въ чрезмѣрномъ превозносеніи какихъ-то *русскихъ* „добродѣтелей“ или „доблестей“, какъ выражались тогда, которыя гибнутъ отъ вводимыхъ въ Россіи искусствъ и наукъ, и вообще отъ западнаго вліянія. И вотъ даже у такого безукоризненно чистаго въ гражданскомъ отношеніи, человѣка, какимъ былъ Новиковъ, самъ бывшій безкорыстнымъ дѣятелемъ просвѣщенія, проявляется нѣкоторое отрицательное отношеніе къ запад-

ному просвѣщенію. [1]) Положительная сторона національнаго теченія въ реально-сатирическомъ направленіи выражалась въ осмѣиваніи уродливыхъ формъ восприниманія западнаго просвѣщенія и культуры. Но главнымъ образомъ значеніе національнаго теченія сказалось въ национализаціи литературы. Новиковъ рѣшилъ, что, не зная французскаго языка, можно быть русскимъ писателемъ интереснымъ и полезнымъ. Нарѣжный идетъ по тому же пути. Онъ находитъ картины родной ему дѣйствительности *забавными* т. е. интересными и потому изображаетъ ихъ, несмотря на то, что въ обществѣ болѣе забавными считаются передѣлки французскихъ романовъ.

Литературная связь Нарѣжнаго съ реально-сатирическимъ направленіемъ неоспорима. Мы приведемъ нѣкоторыя параллели изъ Новикова и Нарѣжнаго по кореннымъ вопросамъ русской дѣйствительности XVIII вѣка и послѣдующихъ эпохъ, чтобы фактически установить эту связь.

Кардинальнымъ вопросомъ общественной жизни въ XVIII и XIX вв. до 61 года былъ, какъ извѣстно, вопросъ крестьянскій. Онъ становится особенно острымъ въ царствованіе Екатерины II, когда рѣзко сказывается противорѣчіе между кажущимся государственнымъ благополучіемъ и самымъ позорнымъ для государства существованіемъ преобладающей массы населенія.—„Они работаютъ, а вы ихъ трудъ ядите";—говорилъ въ одной изъ своихъ притчъ Сумароковъ. Эти горькія слова становятся девизомъ журнальной дѣятельности Новикова, а идея, заключенная въ нихъ, проникаетъ своимъ вліяніемъ реально-сатирическое направленіе. Говорить о несправедливости притѣсненій крестьянъ помѣщиками, доказывать физическое и нравственное равенство тѣхъ и другихъ было великимъ дѣломъ, которое приняло на себя это направленіе.

Литературѣ приходилось доказывать, что крестьяне такіе же люди, какъ и помѣщики, что нравственныя достоинства столь же присущи первымъ, какъ и послѣднимъ.—„Подлый человѣкъ,—говоритъ Новиковъ,—есть тотъ, который подлыя дѣла дѣлаетъ, хотя бы онъ былъ баронъ, князь или графъ; а не тотъ, который, рожденъ будучи отъ низкостепенныхъ людей, добродѣтелью, можетъ быть, многихъ титлоносныхъ людей превосходитъ". („Трутень"). Тѣ-же мысли проводитъ Нарѣжный: „Добродѣтели... должны

[1]) См. „Кошелекъ," изд. А. С. Суворина, 26 стр.

быть общи всѣмъ добрымъ людямъ: крестьянину и помѣщику, солдату и полководцу, вельможѣ и царю; и чѣмъ чья степень возвышеннѣе, тѣмъ кругъ ихъ дѣйствія обширнѣе.“[1]) Въ „Бурсакѣ“ Нарѣжный высказываетъ слѣдующую для своего времени необходимую мысль: „Сколько для величайшихъ властелиновъ были любезны какія-нибудь Ѳеодоры, Клеопатры, Маріанны, столько и для бѣднѣйшихъ поселянъ дороги ихъ Мавры, Марины и Макрины.“[2])—Съ другой стороны необходимо было указать на степень человѣчности тѣхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ находились крестьяне. „Злорадъ думаетъ,—говоритъ Новиковъ,—что слугъ, ему подчиненыхъ, по исполненію своихъ должностей ничѣмъ инымъ принудить невозможно, какъ строгостію или паче звѣрствомъ и жестокими побоями...“[3]). А его превосходительство г. Недоума, который даже вида крестьянъ не могъ выносить, Новиковъ называетъ подобнымъ „дикому медвѣдю.“ Такое же „звѣрье“ видѣлъ въ высшемъ сословіи Россіи—дворянахъ Нарѣжный: „Они росли и жили, какъ дикіе звѣри, имѣющіе острые зубы и длинные когти, и помощію сихъ орудій доставали себѣ пропитаніе.“[4])

Переходя отъ этихъ общихъ изображеній къ фактамъ реальной жизни, какъ Новиковъ, такъ и Нарѣжный обнаруживаютъ большую наблюдательность и художественную силу. Новиковскія переписка помѣщика со своими крестьянами: старостою и разоренымъ Ѳилаткою, Антономъ Горемыкой XVIII столѣтія („Трутень“) и „Отрывокъ изъ путешествія И* Т**“. („Живописецъ“) силою своихъ художественныхъ достоинствъ и идейнымъ направленіемъ предупреждаютъ народническую литературу 40-ыхъ и послѣдующихъ годовъ XIX в. Такія же вполнѣ реальныя картинки крѣпостной жизни мы находимъ и у Нарѣжнаго. Вотъ Аристіонъ, промотавшійся молодой человѣкъ, закладываетъ своихъ людей ростовщику Граблину, оставляя у себя только поваренка и стараго слугу Макара, прототипа пушкинскаго Савельича, до мозга костей преданного своему барину. „Однако, милостивый государь, промолвилъ Макаръ со стономъ, я знаю господина Граблина, и думаю, что подъ залогъ шести человѣкъ онъ не дастъ необходимыхъ для васъ пяти тысячъ рублей!“—

---

1) В. Нарѣжный: Романы и повѣсти. Изд. Смирдина, V, 65.
2) Ibid. II, 211.
3) Трутень, изд. Суворина, I, 195.
4) Нарѣжный V, 202.

„Тогда, — сказалъ съ гнѣвомъ Аристіопъ,—тогда я прибавлю тебя и поваренка Мишку.“[1]) Много жизненной правды и силы въ повѣсти Нарѣжнаго „Марія,“ сюжетъ которой основанъ на колизіи, въ которую попадаетъ крѣпостная дѣвушка, получившая настоящее барское воспитаніе. Ея госпожа графиня „рѣдко кого-либо изъ подвластныхъ ей людей удостоивала ласковымъ взглядомъ. Она считала ихъ за насѣкомыхъ, которыхъ могла душить и топтать по произволу.“[2]) И вотъ эта то госпожа распоряжается судьбою образованной и, конечно, особенно чувствительной къ своему положенію дѣвушки и доводитъ послѣднюю до психическаго разстройства.

Въ другихъ вопросахъ тогдашней русской жизни Нарѣжный также шелъ по указанной реально-сатирическимъ направленіемъ дорогѣ.—„О, правосудіе! - восклицалъ онъ, вторя воплямъ своихъ предшественниковъ: Сумарокова, Новикова и другихъ сатирическихъ журналистовъ,—гдѣ ты?—Гдѣ-нибудь да есть, только не у насъ!“ Какъ и послѣдніе, Нарѣжный—проповѣдникъ образованія и „дурныя привычки“ какъ онъ мягко выражается о безобразіяхъ, описываемыхъ имъ помѣщиковъ, приписываетъ „крайнему невѣжеству“ ихъ.[3]) Но такъ же, какъ и Новиковъ и Фонъ-Визинъ, Нарѣжный противъ исключительнаго вліянія французскаго просвѣщенія. О героѣ повѣсти „Марія“ онъ говоритъ: „Главное воспитаніе (его было) предоставлено руководству славнаго аббата Бертольда, который воспитывалъ графскаго сына на швейцарскій образецъ; ибо онъ, къ несчастію, думалъ, что изъ россіянина ничего путнаго не выйдетъ, пока онъ предварительно въ нѣдрахъ своего отечества не сдѣлается чужестранцемъ.“[4]) Въ „Словенскихъ вечерахъ“ Нарѣжный обнаруживаетъ такое же недоброжелательство по отношенію къ французамъ, какъ и Новиковъ: „Разлилось ядовитое галловъ дыханіе по лицу всея земли словенскія.“[5]) Въ противовѣсъ этому „дыханію“ Нарѣжный „воспѣваетъ“ „доблести вождей и прелести дѣвушекъ русскихъ во времена давно прошедшія“.

Между прочимъ, близость Нарѣжнаго къ реально-сатирическому направленію сказывается въ очень замѣтныхъ толкахъ

---

[1]) Ibid. V, 34.
[2]) Ibid. IX, 10.
[3]) Ibid. V, 187.
[4]) Ibid. IX, 12.
[5]) Ibid. X, 226.

соприкосновенія его повѣсти „Аристіонъ или перевоспитаніе“ съ комедіею, современною Фонъ-Визину, „Мотъ, любовью исправленный“ Лукина. Въ обоихъ произведеніяхъ герои—Аристіонъ и Добросердовъ ведутъ разгульную жизнь. У каждаго есть слуга, совершенно преданный своему господину: у первого—Макаръ, у второго—Василій. Слуги всячески оберегаютъ своихъ господъ отъ разоренія и совѣтуютъ имъ обратится съ повинною къ роднымъ. Дойдя почти до гибели, герои исправляются, при чемъ въ этомъ исправленіи большую роль играетъ любовь. Исправившись, герои отпускаютъ своихъ вѣрныхъ слугъ на волю, но тѣ воли не берутъ; произнеся приличныя случаю тирады, они рѣшаютъ до конца дней служить своимъ господамъ. Если и подлежитъ сомнѣнію вліяніе на Нарѣжнаго именно тѣхъ произведеній, которыя были указаны выше, тѣмъ не менѣе вліяніе на Нарѣжнаго реально-сатирическаго направленія вообще не можетъ быть оспариваемо. Нарѣжный—представитель реально-сатирическаго направленія въ русской литературѣ XVIII и начала XIX вв.

Реально-сатирическое направленіе по самому своему характеру стояло близко къ народной жизни. Народные интересы этого направленія проявляются не только въ литературныхъ изображеніяхъ народной жизни и среды, но также въ изученіи народа со стороны этнографической. Чулковъ, сатирикъ новиковскаго направленія, собираетъ пѣсни; и сказки; Новиковъ издаетъ ихъ. Народною поэзіею интересуется и Нарѣжный: патетическія мѣста въ своихъ „Словенскихъ вечерахъ“ онъ пишетъ народнымъ пѣсеннымъ размѣромъ. Интересъ Нарѣжнаго къ жизни родной ему Украйны объясняется также на почвѣ общаго его литературнаго направленія.

Онъ изображаетъ вполнѣ народные украинскіе типы: дьячка, двухъ Ивановъ въ романѣ „Два Ивана“, Сарвила и др. въ „Бурсакѣ“, и если эти типы не обладаютъ строгою индивидуализаціею, не отличаются красочностью изложенія, то этотъ недостатокъ надо отнести къ недостаткамъ тогдашней литературы, еще не знавшей позднѣйшихъ пріемовъ художественнаго изображенія типовъ.

Но иной разъ въ обрисовкѣ типовъ Нарѣжный идетъ дальше своего времени и предупреждаетъ реальную школу XIX в. Такъ, описывая скупца пана Тараха („Аристіонъ“), онъ заставляетъ одного изъ крестьянъ говорить о его нравахъ: „У насъ и годовая корка хлѣба хронится подъ замкомъ.“ Кто не припом-

нитъ при этомъ сухаря Плюшкина, остатокъ кулича, привезеннаго ему Александрою Степановною, которымъ герой Гоголя собирался угощать Чичикова? Другой типъ—пана Парамона, весельчака въ родѣ Ноздрева, но не буйнаго характера, Нарѣжный индивидуализируетъ, дѣлая излюбленнымъ его словцомъ слово: милостивецъ:

— „По одной чашкѣ выпили мы съ удовольствіемъ, а болѣе не станемъ.

— „А для чего, милостивецъ?

— „Для того, любезный другъ, что чѣмъ больше выпьешь послѣ одной чарки, тѣмь меньше остается въ головѣ разсудка.

— „Позволь поспорить съ тобою, милостивецъ.“

— Въ другомъ мѣстѣ того же романа („Аристіонъ“) Нарѣжный изображаетъ генерала, который къ каждому почти слову прибавляетъ поговорку: „Убей его сила драгунская“.

Той же цѣли художественнаго оживленія разсказа служитъ у Нарѣжнаго этнографическій элементъ его повѣстей. Кромѣ того, онъ самъ по себѣ интересенъ, *забавенъ*: (Панъ Харитонъ) „выѣхалъ изъ села Горбылей въ Полтаву весьма пасмуренъ и дикъ, и лишь очутился на выгонѣ, то представились ему принадлежащія панамъ Иванамъ двѣ вѣтряныя мельницы въ полномъ дѣйствіи. Онъ подъѣхалъ ближе и остановился. Пріѣхавшіе съ возами ржи и пшеницы крестьяне, сидя кружкомъ, курили тютюнъ и разсказывали другъ другу чудныя были, кому-либо изъ нихъ на роду приключившіяся; внутри мельницы раздавались веселыя завыванія мельника. Для всякаго другого путешественника эта сельская картина показалась бы *забавною*...“[1]) И авторъ украшаетъ свой разсказъ такими забавными картинами и сообщеніями.

Я не буду останавливаться на извѣстномъ, ставшемъ классическимъ описаніи жизни бурсаковъ въ старой украинской бурсѣ. Интереснѣе указать тѣ мелкія разбросанныя по длиннымъ повѣствованіямъ Нарѣжнаго отдѣльныя этнографическія замѣчанія и сценки, которыя роднятъ Нарѣжнаго какъ съ Гоголемъ, такъ и съ другими украинсками писателями-этнографами.

Въ романѣ „Два Ивана“ содержатся: ч. III—примѣчаніе о вовкулакахъ (8), о празднованіи Ивана Купала (10), объ упырѣ (73); описаніе украинской ярмарки (23), разсказъ о скоморошныхъ

---

[1]) Нарѣжный, III, 131.

представленіяхъ (31—33), разсказъ о знахаряхъ, колдунахъ и колдуньяхъ (137), упоминаніе о досвиткахъ; ч. IV—упоминаніе о ворожеяхъ и цыганкахъ гадалкахъ (9); о народныхъ музыкантахъ: гудочникахъ и цимбалистахъ (29); о домовомъ (58), о бандурѣ и народныхъ танцахъ (98).

Въ „Бурсакѣ“ (ч. I.) герой романа Неонъ разсказываетъ повѣсть о золоторукомъ звѣрѣ (изъ цикла сказокъ о животныхъ, обладающихъ золотыми частями тѣла); тамъ же упоминается о ходячихъ въ народѣ преданіяхъ о церкви (243), говорится о мѣновой торговлѣ чумаковъ (319). Въ томъ же романѣ находимъ довольно подробное описаніе женской и мужской одежды: „Бѣлая, тонкая сорочка, розовая плахта (родъ шерстяной юбки различнаго цвѣта) и голубая запаска (шерстяной передникъ) дѣлали ее прелестнѣйшею поселянкою. Прочія украшенія составляли: двѣ ленты, коими перевиты были косы, сложенныя на головѣ въ видѣ короны, а на пальцахъ нѣсколько мѣдныхъ колецъ подъ фольгою.“—„Я... надѣлъ свиту (верхнее суконное платье у крестьянъ), накинулъ на голову торбу (родъ капишона у свиты), и поѣхалъ далѣе...“[1])

Въ „Аристіонѣ“ упоминаются игра „въ носки“, народныя танцы, музыка и заговоры („невнятныя слова“), сопровождаемые спрыскиваніемъ водою.[2]) Въ повѣсти „Богатый бѣднякъ“ находимъ объясненіе, что такое „запорожскіе сѣромахи“[3]); въ повѣсти „Запорожецъ“ разсказъ начинается съ реальнаго описанія Запорожской Сѣчи.

Кромѣ того, въ „Бурсакѣ“ встрѣчаемъ обстоятельное описаніе быта „плащеватыхъ цыганъ.“ Разсказчикъ Діомидъ Король описываетъ ихъ образъ жизни, занятія, нравственныя понятія, а также останавливается на свадебныхъ и погребальныхъ обрядахъ цыганъ.

Подводя итоги всему сказанному о Нарѣжномъ, мы видимъ въ немъ послѣдователя реально-сатирическаго направленія въ области романа. И въ этомъ литературная заслуга Нарѣжнаго. Воспользовавшись заимствованною формою авантюрнаго романа, Нарѣжный придалъ ему народную окраску подъ вліяніемъ вышеуказаннаго направленія. Украинскіе бытовые и этнографическіе

---

1) Соч., II, 283, 288.
2) Ibid V, 59.
3) Ibid VIII, 15.

элементы романовъ Нарѣжнаго оживили послѣдніе, привлекли къ себѣ вниманіе слѣдующаго литературнаго поколѣнія.

Всѣмъ извѣстенъ фактъ вліянія Нарѣжнаго на Гоголя. Нарѣжный и Гоголь—смертный и божество по силѣ своихъ дарованій, но сколько сторонъ роднитъ ихъ другъ съ другомъ! Они были земляками не только по происхожденію; они были земляками по духу.

Нарѣжный и Гоголь—сатирики—реалисты. Они дѣйствуютъ на почвѣ русской литературы, хотя и родной для нихъ въ силу историческихъ условій ихъ жизни и образованія, но родной *не стихійно*. Однако ни въ томъ, ни въ другомъ національная стихія не исчезаетъ. Она проявляется въ ихъ литературной дѣятельности, у каждаго въ той степени, какая соотвѣтствовала историческому моменту существованія литературы. И эта національная стихія придавала особую силу дѣятельности обоихъ писателей. На почвѣ ея расцвѣлъ ихъ реализмъ, (выросшій однако на почвѣ русской литературы), который подвинулъ литературу далеко впередъ. Смутно, — но это сознавала по отношенію къ Нарѣжному еще современная ему критика. Такъ критикъ „Московскаго Телеграфа“ писалъ о Нарѣжномъ: „Нарѣжный побѣдилъ первый, и покамѣстъ одинъ, трудность, которую, признаюсь, почиталъ я до того непобѣдимою. Мнѣ казалось, что наши нравы, что вообще нашъ народный быть не имѣетъ или имѣетъ мало *оконечностей* любопытныхъ, кои могъ бы схватить наблюдатель для составленія русскаго романа. *Правда, что авторъ нашъ наблюдатель несовершенно русскій, а малороссійскій, и что его два лучшіе романа: „Бурсакъ“ и „Два Ивана“ относятся къ эпохѣ, когда Малороссія еще имѣла свою особенную и характеристическую физіономію*“[1]). Ярко оригинальная природа Украйны и ея жителей были предметами, заманчивыми для литературнаго изображенія, какихъ еще неопытный, непроницательный взглядъ не находилъ въ природѣ и жителяхъ Великороссіи, края лишеннаго живой, яркой блещущей красоты, края съ одними намеками на поэзію.

Историческая критика не однажды сопоставляла дѣятельность Нарѣжнаго и Гоголя, опредѣляя ихъ литературныя отношенія. Намъ кажется, что лучшею характеристикою для Нарѣжнаго и лучшимъ опредѣленіемъ отношенія къ нему Гоголя является то опредѣленіе, которое мы поставили въ заголовкѣ нашей статьи: Нарѣжный—землякъ и предтеча Гоголя.

Владиміръ Даниловъ.

---

[1]) М. Т. 1825, № 22, стр. 182. Цитирую по „Исторіи Рус. Лит.“ Н. Энгельгардта.

Повѣсти и сказанія древне-русской письменности, имѣющія отношеніе къ евреямъ и еврейству.

I.

Два разсказа Кіево-Печерскаго Патерика.

Историческимъ государственнымъ актомъ, обновившимъ нынѣ русскую жизнь, всѣмъ обитающимъ въ Россіи народамъ обѣщана, заодно съ другими незыблемыми основами гражданской вольности, дѣйствительная *свобода совѣсти.*

Чтобы живѣе сознавать все значеніе этого акта, достаточно лишь вспомнить, какъ жестоко и безпощадно святое начало вѣротерпимости и религіозной свободы попиралось въ нашемъ отечествѣ въ прежнія времена, особенно въ отношеніи къ еврейскому народу. Массу вопіющихъ фактовъ насилія надъ религіозными убѣжденіями евреевъ „старыя скрижали хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ“.

Къ числу такихъ преданій принадлежатъ и содержащіеся въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ два разсказа, которые я и представлю здѣсь въ надлежащемъ освѣщеніи, устраняя данное имъ изслѣдователями невѣрное, по моему мнѣнію, истолкованіе.

Одинъ изъ этихъ разсказовъ, помѣщенный въ Несторовомъ „Житіи Препод. Ѳеодосія“, гласитъ въ переводѣ на современный языкъ такъ:

„Блаженный имѣлъ слѣдующее обыкновеніе: многократно ночью онъ вставалъ и тайно отъ всѣхъ ходилъ къ евреямъ и спорилъ съ ними о Христѣ; укорялъ ихъ и досаждалъ имъ,

называя ихъ отступниками и беззаконниками, поелику желалъ быть убитымъ за исповѣданіе Христа". [1])

Основываясь на этомъ показаніи, покойный проф. Кіевской Духовной Академіи И. И. Малышевскій полагалъ, что частыя ночныя хожденія преп. Θеодосія изъ своего монастыря *въ городъ* къ евреямъ совпадали съ какими-то ночными религіозными собраніями у самихъ евреевъ,—что, *вѣроятно*, на этихъ собраніяхъ, бывали не одни евреи, но и русскіе, и что, *вѣроятно*, Θеодосій и являлся на религіозныя собранія евреевъ именно съ цѣлью изобличить послѣднихъ въ ихъ замыслахъ противъ христіанства и спасать русскихъ христіанъ отъ іудейскихъ обольщеній. [2])

Но подобное объясненіе означеннаго мѣста „Житія" не только лишено всякой положительной основы, но недопустимо и по логическимъ соображеніямъ.

И дѣйствительно, если ночныя и, конечно, *тайныя* религіозныя собранія, на которыя отправлялся Θеодосій, происходили у евреевъ, жившихъ въ *городѣ* (теперешнемъ Старомъ Городѣ), то возможно ли, чтобы Θеодосій изъ своего монастырскаго далека поспѣвалъ *всегда* какъ-разъ на эти сходки, да и для какой цѣли ему въ такихъ случаяхъ понадобилось бы скрывать свои похожденія „отъ всѣхъ" и, слѣдовательно, даже отъ монастырской братіи? Еще непонятнѣе то, что Θеодосій, посѣщая еврейскія ночныя сборища, на коихъ, по догадкѣ названнаго ученаго, были и совращенные евреями русскіе христіане, укорялъ только евреевъ, называя ихъ беззаконниками и отметниками, но совершенно „оставлялъ въ покоѣ" совращаемыхъ христіанъ, не обращаясь къ нимъ ни съ единымъ словомъ увѣщанія и укоризны,—тогда какъ именно христіане, увлекавшіеся іудействомъ, скорѣе всего заслуживали вполнѣ названіе „отметниковъ и беззаконниковъ", т. е. вѣроотступниковъ, отщепенцевъ. Наконецъ, если бы на ночныхъ собраніяхъ евреевъ на самомъ дѣлѣ происходило въ теченіе продолжительнаго времени нѣчто опасное для вѣры русскихъ христіанъ, то Θеодосій, безъ сомнѣнія, „тамъ рѣчей не тратилъ бы по пустому, гдѣ нужно власть употребить". При извѣстной строгости этого ревнителя православія и при высокомъ почетѣ, которымъ онъ пользовался у великаго князя Изяслава, бл. Θеодосій, конечно, не преминулъ бы, для пресѣченія вреднаго соблазна со

---

[1]) Записки II Отд. Ак. Наукъ. кн. II, вып. 2, стр. 174.

[2]) „Евреи въ южной Руси и Кіевѣ" (Отд. оттискъ изъ „Трудовъ Кіев. Дух. Акад.", за 1878 г., кн. III, стр. 68—69)

стороны евреевъ, принять, при содѣйствіи, если бы это оказалось нужнымъ, и свѣтскихъ властей, какія-нибудь рѣшительныя, энергическія мѣры. Отсюда можно заключить, что разсказъ Житія бл. Ѳеодосія вовсе не имѣетъ придаваемаго ему покойнымъ профессоромъ значенія. Смыслъ же его, какъ мнѣ кажется, болѣе простой. Дѣло въ томъ, что какъ во время игумена Ѳеодосія, такъ и до и послѣ него, евреевъ на Руси всячески побуждали къ массовому переходу въ христіанство, для чего прибѣгали нерѣдко и къ средствамъ прямого принужденія. Естественно, что приневоленные крещенцы оставались втайнѣ іудеями, а при первой возможности и открыто отступались отъ христіанства. Съ такими же явленіями встрѣчаемся въ разныя эпохи и въ Византіи, и въ другихъ странахъ. Укажу, напр., на свидѣтельство вселенскаго собора, бывшаго при Иринѣ и Константинѣ въ 786 г., въ правилахъ котораго, между прочимъ, говорится (пр. 8-е), что „нѣкоторые изъ еврейскаго вѣроисповѣданія, блуждая, притворно дѣлаются христіанами, втайнѣ же отвергаются христіанства, скрытно субботствуя и прочее іудейское исполняя“. [1]) Вспомнимъ также и испанскихъ *маррановъ*—притворныхъ христіанъ изъ евреевъ и мавровъ. Равнымъ образомъ естественно предположить, что у насъ вѣроотступниковъ, по обнаруженіи ихъ вины, отправляли въ монастыри къ духовному начальству для увѣщеванія и вразумленія. Такихъ-то наружно-обращенныхъ въ христіанство евреевъ, по всей вѣроятности, набралось не мало и въ Кіево-Печерской Лаврѣ, гдѣ они, надо полагать, по ночамъ сходились для совершенія молитвъ и іудейскихъ обрядовъ вѣры И вотъ за этими-то притворными христіанами, продолжавшими скрытно оставаться евреями, бл. Ѳеодосій и имѣлъ бдительнѣйшій надзоръ. Не довѣряя монастырской братіи, среди которой могли найтись нѣкоторые, не вполнѣ благонадежные; иноки, преподобный игуменъ вставалъ много разъ ночью и самолично, тайно отъ всѣхъ, „исходилъ“ (изъ своихъ покоевъ) къ сосланнымъ въ монастырь для исправленія неискреннимъ конвертитамъ, прецирался съ ними, укоряя и стыдя ихъ (коряше и досаждаше я), какъ отступниковъ и измѣнниковъ христіанству, при чемъ, дѣйствительно, рисковалъ подвергаться какимъ-либо со стороны ихъ оскорбительнымъ дѣйствіямъ.

---

[1]) И. И. Малышевскій, указ. соч., стр. 14.

При такомъ изъясненіи даннаго разсказа, онъ является въ полной гармоніи съ другимъ разсказомъ Несторова „Житія“ о томъ, что преподобный Θеодосій имѣлъ обыкновеніе каждую ночь обходить келіи монаховъ и наблюдать, чтобы послѣдніе не сходились для праздныхъ разговоровъ, и когда слышалъ сошедшихся двухъ или трехъ вмѣстѣ и бесѣдующихъ, то ударялъ рукою въ дверь, давая тѣмъ знать о своемъ приходѣ, а на другой день утромъ призывалъ виновныхъ и обличалъ и вразумлялъ ихъ. [1])

Вь близкой связи съ предыдущимъ разсказомъ стоитъ повѣсть, помѣщенная въ Кіево-Печерскомъ же Патерикѣ, въ посланіи монаха Поликарпа къ архимандриту Акиндину—о *Никитѣ Затворникѣ.*

Содержаніе ея, по изложенію профессора Малышевскаго, слѣдующее:

„Никита былъ родомъ изъ Кіевлянъ и поступилъ въ монастырь Печерскій за нѣсколько лѣтъ до кончины Θеодосія. При игуменѣ Никонѣ (1078—1088) Никиту постигло искушеніе. Пожелалъ онъ достичь славы высшихъ подвиговъ и даровъ духовныхъ и сталъ проситься въ затворничество. Игуменъ отговаривалъ его, представляя, что онъ еще молодъ, и что лучше бы ему трудиться въ общежитіи съ братіею, что и тутъ онъ не потеряетъ своей награды, что затворничество—подвигъ трудный, соединенный съ опасностью искушеній... Никита, однако, стоялъ на своемъ, стремясь быть прозорливцемъ и чудотворцемъ, и завѣряя, что не поддастся искушенію. Игуменъ не могъ болѣе удерживать его, и Никита удалился въ затворъ. Скоро посѣтилъ его здѣсь искуситель въ образѣ ангела. „Ты уже не молись“, говорилъ онъ Никитѣ, „а только читай книги, я же буду молиться за тебя.“ Никита послушался мнимаго ангела, который теперь сталъ часто хаживать къ нему и молиться въ виду его. Никита же занялся книгами. Скоро почувствовалъ онъ въ себѣ даръ прозрѣнія и учительства. Великому князю Изяславу онъ послалъ сказать: нынѣ убитъ Глѣбъ Святославичъ на Заволочьѣ, пошли скорѣе своего сына Святополка въ Новгородъ на княжескій столъ.“ Прозрѣніе оправдалось: чрезъ нѣсколько дней узна-

---

[1]) Чт. Общ. Ист. и Древ. Рос. 1879 г., кн. I, л. 13—14.

ли, что княжившій въ Новгородѣ Глѣбъ Святославичъ, дѣйствительно, убитъ на Заволочьѣ. И вотъ разнеслась слава о Никитѣ: стали ходить къ нему князья и бояре и слушать его наставленія. При этомъ возбуждались и религіозныя состязанія (?), на которыхъ обнаружилось одностороннее явленіе въ новомъ мудрецѣ-книжникѣ: „не можаше, говоритъ Поликарпъ, никто стязатися съ нимъ книгами Ветхаго Завѣта, весь бо изъ устъ умѣяше: Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числа, Судіи, Царства и вся пророчества по чину и *вся книги жидовскія*". Между тѣмъ книгъ Новаго Завѣта Никита никакъ не хотѣлъ ни слушать, ни бесѣдовать по нимъ („ни слышати, ни почитати, ни иному дасть бесѣдовати къ себѣ"). Братія поняла, что тутъ дѣло недоброе, что Никита обольщенъ лукавымъ. Вмѣстѣ съ игуменомъ собрались къ нему нѣсколько братій изъ найболѣе испытанныхъ, въ числѣ ихъ и преп. *Несторъ-Лѣтописецъ*. Они помолились о Никитѣ, отогнали отъ него бѣса, вывели изъ затвора въ общежитіе. Когда теперь стали спрашивать его о Ветхомъ Завѣтѣ, желая слышать что нибудь отъ него, то Никита съ клятвою увѣрялъ, что никогда не читалъ книгъ, не зналъ ни слова изъ нихъ. Отцы Печерскіе едва научили его грамотѣ. Въ подвигахъ общежитія Никита достигъ высшихъ добродѣтелей и около 1096 г. посвященъ въ епископа Новгородскаго и былъ почитаемъ, какъ святой.[1])

Разбирая этотъ разсказъ съ фактической стороны, съ цѣлью уяснить его историческій смыслъ, упомянутый ученый пришелъ къ выводу, что искуситель, который совѣтовалъ Никитѣ оставить христіанскія молитвы и читать книги только еврейскія, внушая вмѣстѣ съ тѣмъ отвращеніе отъ книгъ христіанскихъ, былъ никто иной, какъ іудей или іудействующій христіанинъ, сообщникъ іудеевъ, избравшій Никиту жертвою своихъ замысловъ, *касательно тайной пропаганды іудейства среди русскихъ христіанъ*. Но, при такомъ толкованіи разсказа, возбуждается рядъ недоумѣній, изъ коихъ нѣкоторые замѣчены самимъ покойнымъ проф. Малышевскимъ. Почему, спрашивается, іудейскій наставникъ—искуситель попалъ именно на Никиту? Съ какою цѣлью первый совѣтуетъ послѣднему не молиться *вовсе* (значитъ, не совершать даже и еврейскихъ молитвъ), но при этомъ самъ молится, вмѣсто Никиты? Далѣе если разсказъ Поликарпа не легенда, а имѣетъ въ виду дѣйствительный фактъ, то мыслимо-ли, чтобы Никита,

---

1) „Евреи въ южной Руси и „Кіевѣ", стр. 78.

рускій юноша, не знавшій, повидимому, при своемъ удаленіи въ затворъ, и русской грамоты, которой онъ научился лишь впослѣдствіи, въ состояніи былъ въ короткое время перенять отъ іудея знаніе наизусть почти всего Ветхаго Завѣта, да вдобавокъ еще какихъ-то спеціально—„*жидовскихъ*“ книгъ, подъ которыми, какъ мною замѣчено было уже разъ въ другомъ мѣстѣ, надлежитъ разумѣть ничто иное, какъ *Талмудъ* и *Мидрашъ?* Притомъ, развѣ искуситель—іудей *обучалъ* Никиту? Вѣдь говорится только, что тотъ совѣтовалъ послѣднему *читать книги,* стало быть—Никита уже раньше своего поступленія въ завторъ умѣлъ читать еврейскія книги. У кого же онъ могъ научиться этому въ монастырѣ?

Между тѣмъ всѣ означенныя недоразумѣнія сами собою устранятся, если только мы представимъ себѣ историческую основу обсуждаемаго разсказа въ слѣдующемъ видѣ. За нѣкоторое время до кончины препод. Θеодосія Печерскаго малолѣтній еврей былъ окрещенъ, помимо воли его родителей,и отданъ для воспитанія въ Печерскій монастырь подъ именемъ Никиты. Что случаи насильственнаго отобранія малолѣтнихъ дѣтей у еврейскихъ родителей и совершенія надъ ними обряда крещенія бывали всегда и довольно часто, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ—это общеизвѣстно. Ради примѣра, припомнимъ изъ новѣйшей эпохи, надѣлавшій въ свое время много шума во всемъ цивилизованномъ мірѣ случай крещенія, въ 1858 г., въ Болоньи, въ Италіи, еврейскаго мальчика Эдгара *Мортары*, котораго папскіе зуавы силою отняли отъ родителей и помѣстили въ одномъ изъ монастырей, гдѣ онъ и воспитывался, а впослѣдствіи достигъ виднаго церковнаго сана. Что же касается нашего отечества, то, за недостаткомъ прямыхъ свидѣтельствъ, относящихся къ начальной эпохѣ русской жизни, приходится указать на факты болѣе или менѣе близкаго къ намъ времени. Достаточно вспомнить своеобразную заботливость, которую въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія военное начальство прилагало къ обращенію въ христіанство еврейскихъ малолѣтковъ—кантонистовъ. Въ своихъ очеркахъ „Многострадальные“ (От. Зап. 1871 г., кн. 8 и 10) Никитинъ разсказываетъ, что этихъ дѣтей, для пріумноженія ими православныхъ, всегда загоняли далеко отъ родины, напр.—въ Пермь и отнюдь не ближе Ниж.-Новгорода, и что, по прибытіи ихъ на мѣсто назначенія, къ нимъ не допускали ни одного изъ солдатъ евреевъ, заключали ихъ въ холодную комнату, безъ постелей, отнимали все, что у нихъ было, а затѣмъ

подвергали ихъ истязаніямъ, ведущимъ непосредственно къ тому, чтобы заставить еврейскихъ мальчиковъ принять православіе, при чемъ они черезъ годъ едва знакомились съ христіанскими молитвами и долго не знали даже, какъ ихъ зовутъ по русски[1]). Приведу также любопытную справку изъ автобіографіи покойнаго профессора Университета св. Владиміра А. Ѳ. Кистяковскаго, бывшаго воспитанникомъ Черниговской духовной семинаріи[2]). Въ 1847 г., разсказываетъ проф. Кистяковскій, назначенъ былъ ректоромъ сказанной семинаріи архим. Климентъ Можаровъ, который въ Черниговѣ посвятилъ свою дѣятельность на обращеніе евреевъ въ христіанство и повелъ это дѣло такъ рѣшительно, что скоро число обращенныхъ стало считаться десятками. Но затѣмъ пошли на него многочисленныя жалобы за то, что онъ употреблялъ для обращенія, особенно малолѣтковъ, неодобрительные способы при помощи своихъ подручниковъ, почему онъ и былъ переведенъ на низшій постъ.

Если же, въ виду подобныхъ примѣровъ, допустить догадку о еврейскомъ происхожденіи и Никиты, то само собою станетъ понятнымъ, что послѣдній, принимая даже, что ему при поступленіи въ монастырь было не болѣе 12-и—13-и лѣтъ отъ роду, могъ уже обладать знаніемъ *наизустъ* большей части ветхозавѣтныхъ библейскихъ книгъ, или, по крайней мѣрѣ, Пятокнижія и субботнихъ и праздничныхъ чтеній изъ пророковъ *(гафторотъ)*, а равно достаточнымъ знакомствомъ съ талмудо - раввинскою письменностью, такъ какъ среди еврейскихъ мальчиковъ съ недюжинными умственными способностями такой объемъ знанія не рѣдкость. Сошлюсь, въ доказательство этого, на книгу „Christen und Juden“ доктора богословія *А. Фюрста* (Страсбургъ, 1892 г.), содержащую въ себѣ очерки жизнеописаній многихъ, достигшихъ большей или меньшей извѣстности, конвертитовъ изъ евреевъ и заключающую, между прочимъ, (стр. 123) слѣдующую выдержку изъ автобіографіи крещенаго лектора еврейской словесности въ Лейпцигѣ *Готтфрида Зелига*: „Могу сказать, пишетъ Зелигъ, безъ хвастовства (?), что здѣсь, въ фюртской талмудической школѣ, я довольно далеко пошелъ и, едва имѣя 13 лѣтъ отъ роду, уже въ состояніи былъ передавать *наизусть* содержа-

---

[1]) Ср. И. Г. Оршанскаго; „Рус. законодательство о евреяхъ“ 1877 года стр. 20—26.

[2]) „Кіевская Старина“ за 1895 г., январь. „А. Ф. Кистяковскій. Біографическій очеркъ“. Статья В. Науменко.

ніе слишкомъ 500 листовъ (!) талмуда и даже съ успѣхомъ держалъ при нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ такъ называемыя *дерашотъ* или рѣчи на древне-еврейскомъ языкѣ".

Естественнымъ, далѣе, представляется предположеніе, что въ монастырѣ Никиту препоручили первоначально для обученія одному изъ жившихъ тамъ прозелитовъ изъ евреевъ же, съ разсчетомъ, конечно, что этотъ наставникъ успѣшнѣе другихъ съумѣетъ, принаравливаясь къ понятіямъ и складу мыслей юноши, преподавать ему догматы христіанской вѣры. Но учитель, продолжавшій, вѣроятно, и самъ оставаться втайнѣ іудеемъ, вмѣсто добросовѣстнаго исполненія возложенной на него обязанности, поддерживалъ, напротивъ, въ своемъ ученикѣ упорную приверженность къ іудейству и побуждалъ его участвовать въ происходившихъ въ самомъ монастырѣ, какъ выше замѣчено, тайныхъ ночныхъ сходкахъ неискреннихъ новообращенныхъ евреевъ для совмѣстнаго, по еврейскому обряду, богомоленія и религіозныхъ собесѣдованій. Неудивительно поэтому, что подъ руководствомъ такого наставника, — мнимаго ангела (евреи иносказательно уподобляютъ своихъ законоучителей ангеламъ),—Никита сталъ помышлять о томъ, какъ бы удалиться вовсе изъ общежитія и избавиться такимъ образомъ отъ надзора монастырскихъ властей. Вотъ почему онъ такъ настойчиво сталъ домогаться дозволенія уйти въ затворъ, надѣясь получить возможность безпрепятственно удовлетворять тамъ своему завѣтному влеченію къ аскетизму и занятіямъ книгами еврейскаго закона. А что такое влеченіе обыкновенно присуще набожному еврейскому юношеству,—объ этомъ свидѣтельствуетъ Новгородскій священникъ *А. Алексѣевъ*, бывшій еврей: „Въ каждомъ „бетъ-гамидрашѣ" — молитвенномъ домѣ,—говоритъ онъ,—можно видѣть во всякое время дня и ночи человѣкъ 20—30.., которые питаются самою скудною пищею, большею частью сухоядіемъ, спятъ на голыхъ скамейкахъ синагоги и покрываются своимъ верхнимъ платьемъ, имѣющимъ видъ подрясника. Жизнь ихъ по истинѣ строго аскетическая: они не видятъ радости земной, кромѣ той, которая доставляетъ имъ успѣшное прохожденіе извѣстнаго отдѣла Закона (Торы) и Талмуда".

Послѣ многихъ неудачъ, горячее желаніе Никиты исполнилось въ игуменство препод. Никона (1078 г.)...

Но въ затворѣ молодой отшельникъ, какъ легко себѣ представить, на первыхъ порахъ сталъ скорбѣть по слѣдующему поводу: изученію еврейскихъ книгъ онъ, дѣйствительно, могъ

предаваться здѣсь безъ всякаго стѣсненія, такъ какъ въ монастыряхъ, въ особенности въ Кіево-Печерской обители, и даже въ затворахъ, чтеніе, списываніе и переводы рукописныхъ свитковъ считались обычнымъ занятіемъ и даже прямою обязанностію иноковъ, которые всячески и побуждаемы, и поощряемы были къ подобнымъ занятіямъ самими настоятелями монастырей. Но за то Никита въ затворѣ не только не былъ въ состояніи исполнять предписываемыя еврейскимъ закономъ правила, касательно отправленія молитвъ предпочтительно въ собраніи, состоящемъ, по крайней мѣрѣ, изъ 10-и евреевъ, но и не могъ, при затворнической обстановкѣ, совершать и одиночно молитвы по установленному риту. Это тревожило религіозную совѣсть юноши, привыкшаго дома строго соблюдать обряды своей вѣры. [1]) И вотъ мнимый ангелъ, — тайный іудей, — сталъ его утѣшать, говоря: „Ты уже не молись, а только читай книги и черезъ это будешь бесѣдовать съ Господомъ и изъ книгъ станешь подавать полезное слово приходящимъ къ тебѣ. Я же постоянно буду молить о твоемъ „спасеніи Творца своего.“ Такого успокоительнаго совѣта и надлежало ожидать именно отъ учителя-іудея, ибо, какъ высоко ни поставленъ, по еврейскимъ понятіямъ, обрядъ молитвословія, выше исполненія всякихъ религіозно-обрядовыхъ обязанностей стоитъ *изслѣдованіе и истолкованіе Закона,* почему занимающемуся „денно и нощно“ изученіемъ священныхъ книгъ не ставится въ грѣхъ, если онъ, по какимъ-либо причинамъ, не въ состояніи соблюдать во всей строгости правила о богомоленіи.

Такъ продолжалъ бы Никита свое одинокое пребываніе въ тиши затвора, углубляясь въ свои еврейскія книги, еслибы, вѣроятно подъ вліяніемъ своего учителя, преслѣдовавшаго, можно думать, какіе-то особые виды, онъ не сталъ заниматься гаданіемъ и предсказываніемъ. Эти гаданія, какъ справедливо объяснилъ И. И. Малышевскій, не имѣли, конечно, ничего общаго съ чудеснымъ даромъ прозорливости, а относились къ фактамъ, уже случившимся, къ событіямъ прошедшимъ, о которыхъ Никита узнавалъ заблаговременно при содѣйствіи все того же мнимаго ангела,—іудействующаго своего наставника, внимательно слѣдив-

---

1) Вышеупомянутый о. Алексѣевъ въ своей статьѣ: „Бывшій еврей за монастыри и монашество“ (Домашняя Бесѣда за 1875 г. № 34) пишетъ: „Будучи еще іудеемъ, я наученъ былъ отцомъ моимъ, ревновавшимъ къ закону, свято хранить уставъ синагоги, а синагога учитъ бывать ежедневно на *общественной* молитвѣ велитъ чтить святые дни и пр.,—и я тогда все это свято соблюдалъ“.

шаго, повидимому, за всѣми текущими событіями общественной жизни. И вотъ, благодаря своимъ предсказаніямъ, изъ коихъ нѣкоторыя, дѣйствительно, сбывались, въ особенности же, благодаря подтвердившемуся вскорѣ сообщенію объ убіеніи Глѣба Святославовича, Никита пріобрѣлъ широкую извѣстность, и къ нему, какъ къ мнимому прозорливцу, стали ходить князья и бояре. Тогда же на прославившагося молодого затворника впервые обратили серьезное вниманіе и отцы Печерскіе. Но тутъ-то, къ великому изумленію и огорченію братіи, и обнаружилось, что восторженный юноша, рвавшійся въ затворъ, подъ предлогомъ желанія достигать высшихъ подвиговъ христіанскихъ добродѣтелей,— на дѣлѣ оставался такимъ же рьянымъ іудеемъ, какимъ онъ былъ при самомъ своемъ поступленіи въ монастырь. Пытались было вступать съ нимъ въ диспуты и убѣждать его въ превосходствѣ христіанскаго вѣроученія, но всѣ эти попытки оказались безуспѣшными, и онъ продолжалъ упорствовать въ своей привязанности къ іудаизму, а о Новозавѣтныхъ книгахъ и слышать не хотѣлъ и о нихъ не позволялъ даже говорить съ собою. Это побудило соборъ братіи, съ игуменомъ Никономъ во главѣ, принять рѣшительныя мѣры. „Не могли, говоритъ сказатель, стерпѣть этого преподобные отцы, пришли къ прельщенному, помолились Богу и отогнали бѣса отъ затворника, и послѣ того онъ не видалъ его болѣе“ (т. е. проще сказать, прогнали наставника-іудея), самого юношу вывели изъ затвора и перевели въ общежитіе, поручивъ катехизическое его обученіе вполнѣ благонадежному старцу: „Послѣ этого, заканчиваетъ свою повѣсть сказатель, предалъ себя Никита на воздержаніе и послушаніе и чистое смиренное житіе, такъ, что всѣхъ превзошелъ въ добродѣтели и впослѣдствіи былъ поставленъ епископомъ въ Новгородѣ“.

И опять-таки поставленіе на епископство бывшаго еврея далеко не является фактомъ исключительнымъ, необычайнымъ, ибо не безъизвѣстно, что въ рядахъ пастырей и даже архипастырей, какъ восточной, такъ, въ особенности, западныхъ церквей, во всѣ времена вовсе не рѣдкость встрѣчать лицъ еврейскаго происхожденія. А чтобы не ходить далеко за примѣрами, стоитъ лишь указать на возведеніе въ сравнительно недавнее время въ Австріи, въ самомъ разгарѣ антисемитической агитаціи, Фердинанда *Кона*, еврея по національности, въ санъ архіепископа въ Ольмюцѣ.

Таковы, по моему, черты исторической дѣйствительности, которыя могутъ быть извлечены изъ разсмотрѣннаго, весьма интереснаго повѣствованія Кіево-Печерскаго Патерика.

Моя догадка о личности Никиты Затворника однородна съ предположеніемъ покойнаго проф. И. И. Малышевскаго относительно одного изъ предшественниковъ Никиты по каѳедрѣ,—второго, послѣ крещенія Руси, Новгородскаго епископа и перваго извѣстнаго по имени, русскаго проповѣдника,—автора „Поученія къ братіи"—*Луки Жидяты* (ум. въ 1059 г.)

Основываясь на томъ, что въ Руси съ самого начала было въ обычаѣ называть духовныхъ лицъ не по имени и прозванію, а только по имени, тогда какъ Лука почти всегда упоминается съ своимъ оригинальнымъ прозваніемъ Жидяты, а въ нѣкоторыхъ и, притомъ, древнѣйшихъ лѣтописныхъ спискахъ, называется даже не по имени, а просто Жидятою,—упомянутый ученый заключилъ, что Лука происходилъ изъ евреевъ и крещенъ былъ въ отроческіе свои годы, въ княженіе св. Владиміра,—откуда и прозвище „Жидята", означающее: еврейскій мальчикъ.

Означенный выводъ, подтверждаемый отчасти и нѣкоторыми чертами изъ „Поученія къ братіи", обнаруживающаго, по самому содержанію и складу своему, близость къ проповѣднику Моисеева закона и еврейства, признается, однако, изслѣдователями построеннымъ на шаткой почвѣ. Одни указываютъ, что *Жидята*, или по другому варіанту (встрѣчающемуся, впрочемъ, только *одинъ разъ* въ спискѣ „поученія" XVI в.)—*Жирята*, есть *имя*,—уменьшительное отъ обычнаго въ Новгородѣ имени *Жидиславъ*. [1]) Другіе находятъ, что суффиксъ *та* не означаетъ имени уменьшительнаго, а скорѣе всего имѣетъ связь съ отчествомъ и что самое имя Жидята стоитъ въ непосредственной связи съ весьма популярнымъ въ Новгородѣ именемъ Гюрги (=Георгій), производное отъ котораго Гюрята и перешло въ *Жирята* или *Жидята* [2])

Но если доводъ, заимствованный изъ прозвища еп. Луки и подлежитъ еще оспариванію, то за то остаются неопровергнутыми прочія, приведенныя покойнымъ проф. Малышевскимъ, соображенія, оправдывающія его гипотезу о еврейскомъ происхожденіи названаго архипастыря,—что косвенно подкрѣпляетъ и мои догадки о національности Никиты Затворника.

---

[1]) См. въ помѣщенной въ VI кн. „Чтеній въ Истор. О-вѣ Нестора Лѣтописца" статьѣ проф. *А. И. Соболевскаго*: „Археологическія замѣтки", замѣтку V, подъ рубрикою *Жидята*.

[2]) См. помѣщеную въ изданіи: „Памятники древне-русской церковно-учит. литературы" (вып. I, С. П. Б., 1894 г.) статью *И. Е. Евсѣева*. „Поученіе Луки Жидяты", стр. 18 и 19.

Замѣчу въ заключеніе, что послѣднее сказаніе Патерика представляетъ нѣкоторыя черты сходства съ еврейскою легендою, сохранившеюся въ четырехъ изводахъ, напечатанныхъ въ сборникѣ малыхъ *мидрашимъ* (легендарныхъ сказаній), изданномъ покойнымъ еврейскимъ проповѣдникомъ въ Вѣнѣ, д-ромъ Іелленикомъ, подъ заглавіемъ: „Beth ha-midrasch."

Сущность этой легенды заключается въ томъ, что жилъ—былъ старецъ по имени Шимонъ Кифа (или Кепа), прославившійся своими обширными познаніями и добродѣтелями. Христіанамъ завидно было, что такой доблестный мужъ остается евреемъ, и потому они всячески старались переманить его въ свою вѣру, но всѣ усилія ихъ подѣйствовать на него убѣжденіемъ оказались тщетными, такъ какъ никто не могъ съ нимъ состязаться въ религіозныхъ диспутахъ. Тогда христіане стали угрожать, что убьютъ какъ его, такъ и всѣхъ евреевъ. Для предотвращенія такой бѣды Симонъ, уступая слезнымъ мольбамъ самихъ же евреевъ, рѣшился принять крещеніе подъ условіемъ, однако, чтобы для него выстроена была на скалѣ особая башня, куда бы онъ могъ удалиться въ затворничество. Это требованіе онъ поставилъ съ умысломъ, чтобы не быть вынужденнымъ ѣсть запрещенную, пищу и исполнять христіанскіе обряды. Въ затворѣ Симонъ оставался до конца своей жизни, питаясь лишь хлѣбомъ и водою, творя молитвы Богу Авраама Исаака и Якова и сочиняя еврейскія литургическія славословія, которыя онъ посылалъ эксиларху (главѣ изгнанниковъ.). Приходившихъ же къ нему за совѣтами и благословеніями христіанъ онъ поучалъ, цитируя изреченія изъ христіанскихъ книгъ, что принудительное крещеніе евреевъ лишено внутренняго достоинства, что запрещено громить еврейскія синагоги и что не слѣдуетъ принимать въ лоно церкви малолѣтковъ, а взрослыхъ надлежитъ крестить не прежде, какъ по тщательномъ ихъ испытаніи въ теченіе 30 дней. Погребенъ былъ Симонъ въ означенной, построенной на скалѣ башнѣ существующей и понынѣ въ Римѣ, отчего онъ и названъ былъ *Петромъ*—камнемъ. [1])

Совсѣмъ иначе гласитъ другая, сравнительно позднѣйшая, версія той же легенды.

---

[1]) „Бетъ га-мидрашъ", изданіе Іелленика вып. V, стр. 60—61, и VI, стр. 155—156.

У представителя Мойнцской еврейской общины, Шимана Великаго, истопница, христіанка, тайно похитила его малолѣтняго сына, съ которымъ и скрылась. Много лѣтъ спустя Римскій папа воздвигнулъ на евреевъ жестокія гоненія. Еврейскія общины рѣшили тогда отправить изъ своей среды депутацію къ папѣ съ просьбою помилосердствовать и облегчить ихъ участь. Главою депутаціи избранъ былъ Шимонъ. На аудіенціи у папы послѣдній, узнавъ въ Шимонѣ своего роднаго отца, велѣлъ всѣмъ присутствующимъ удалиться, сказавъ, что онъ предварительно желаетъ съиграть съ Шимономъ шахматную партію. По окончаніи же игры папа бросился Шимону на шею, призналъ себя его сыномъ и со слезами изъявилъ готовность возвратиться въ отцовскую вѣру, что имъ на самомъ дѣлѣ и было исполнено. По мнѣнію д-ра Іеллинека, историческою подкладкою этого сказанія послужило дѣйствительное событіе: Петръ изъ семейства Pierleoni, правнукъ крещеннаго еврея, избранъ былъ въ 1130 г. римскимъ папою и принялъ имя Анаклета II-го. [1])

Г. Барацъ.

---

[1]) Указан. сборникъ, вып. V, стр. 155—164.

Памяти И. Я. Рудченка.[1])

Очеркъ.

Двадцать-второго сентября проводили мы въ могилу Ивана Яковлевича Рудченка.

Подъ балдахиномъ погребальной колесницы виднѣлась на крышкѣ гроба форменная треуголка и шпага. У могилы, — на кладбищѣ Александро-Невской лавры, — была произнесена рѣчь, въ которой говорилось о заслугахъ покойнаго на чиновничьемъ поприщѣ, о его неутомимой рабочей энергіи и горячей активности, о выдающихся дарованіяхъ, быстро поднявшихъ его изъ скромныхъ условій незамѣтной трудовой жизни вверхъ, по ступенямъ бюрократической лѣстницы, до виднаго отвѣтственнаго поста. За группою родныхъ у могилы стояли въ большомъ числѣ сослуживцы умершаго. Въ тускломъ полусвѣтѣ сѣраго, теплаго осенняго дня тутъ и тамъ поблескивалъ золотомъ вышитый воротникъ мундира, краснѣла лента изъ-подъ распахнувшагося пальто, покачивался орденъ на шеѣ внимательно наклонивша-

---

1) *Иванъ Яковлевичъ Рудченко,* извѣстный въ украинской этнографіи цѣнными собраніями сказокъ и пѣсенъ, а въ украинской белпетристикѣ нѣсколькими прекрасными повѣстями, скончался въ Петербургѣ 25 сентября 1905 года. Въ свое время мы не могли дать поминки о немъ, т. к. не имѣли всѣхъ біографическихъ справокъ, а также и всѣхъ данныхъ, касающихся его работъ по нѣкоторымъ вопросамъ, относящимся къ нашему краю. Предполагая въ недалекомъ будущемъ познакомить нашихъ читателей съ этой стороной дѣятельности покойнаго И. Я. Рудченка, мы теперь помѣщаемъ пока настоящую статью, знакомящую насъ съ той его литературной работой, которая при жизни его не была предаваема гласности, а именно — съ его стихотворствомъ. *Ред.*

гося впередъ слушателя... Хоронили чиновника, тайнаго совѣтника, члена совѣта министра финансовъ.

И рѣшительно ничто не говорило, и никто не говорилъ, никто какъ-будто и не думалъ о томъ, что хоронятъ незауряднаго писателя, хоронятъ — поэта.

Не говорилось о дѣятельности И. Я. въ этой области творчества и въ некрологѣ, въ общемъ тепло и содержательно написанномъ, который посвятила покойному петербургская газета „Слово“. Авторъ некролога уже не ограничился характеристикой чиновничьей дѣятельности Рудченка. Онъ напоминалъ о его заслугахъ, какъ малорусскаго этнографа, о той заслуженной высокой оцѣнкѣ, которую получили въ свое время его труды въ этомъ направленіи—„Народныя южно-русскія сказки“ (Кіевъ 1874) и „Чумацкія народныя пѣсни“. Въ некрологѣ упомянуто объ относящихся къ той же области статьяхъ покойнаго въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ южно-русскихъ повременныхъ изданіяхъ. О поэтическихъ и вообще беллетристическихъ произведеніяхъ не было упоминанія.

Между тѣмъ И. Я. Рудченко былъ выдающимся писателемъ-беллетристомъ, даровитымъ поэтомъ; быть можетъ, поэтическое творчество являлось именно тою сферою, для которой въ его натурѣ имѣлись наиболѣе яркіе и богатые задатки. Малое знакомство читающей публики съ его поэзіей обусловливалось двумя обстоятельствами: малорусскимъ языкомъ ея, наложившимъ неизбѣжное ограниченіе на ея распространеніе, и тѣмъ, что едва-ли не большинство его произведеній осталось неизданнымъ. Во всякомъ случаѣ малорусскому читателю знакомы — хотя-бы по рукописямъ — многіе стихотворныя и прозаическія произведенія И. Я. Рудченка („Івана Біликa“). Надъ послѣдними онъ работалъ обыкновенно совмѣстно съ другимъ малорусскимъ писателемъ — Панасомъ Мирнымъ. Въ 1903 г. вышла въ печать одна изъ лучшихъ повѣстей, принадлежащихъ перу обоихъ — „Пропаща сыла“, написанная значительно ранѣе подъ заглавіемъ „Хиба ревуть воли, якъ ясла повні?“, а другая повѣсть „За водою“ по независящимъ отъ авторовъ обстоятельствамъ по настоящее время не могла появиться въ свѣтъ.

Несомнѣнно, центръ тяжести литературнаго творчества И. Я. лежалъ въ поэзіи. Памяти его, какъ *поэта*, я и хочу посвятить нѣсколько словъ, по возможности предоставляя ему говорить самому — словами своихъ пѣсенъ. [1])

---

[1]) Неизданныя стихотворенія И. Я. Рудченка, которыми я пользуюсь въ настоящемъ очеркѣ, частью имѣлись у меня и въ семьѣ моихъ родителей, бывшихъ

И. Я. Рудченко былъ по преимуществу лирикъ. Уже въ раннихъ произведеніяхъ намѣтились и до конца не покидали его два основные мотива творчества: съ одной стороны — любовь къ родной Украинѣ, съ другой — лирика въ тѣсномъ смыслѣ слова: поэзія любящаго и страдающаго сердца.

Патріотическій мотивъ въ его пѣсняхъ носитъ по необходимости скорбный характеръ. Въ нихъ та-же печаль, которою дышатъ народныя украинскія думы, которая навѣяна всею предъидущею исторіею Малороссіи...

Ой, мій сум, любо, немае краю;
Немае втіхи для його:
Не марні сльози з очей роняю —
То слово серденька мого.

То воно, рідне, плаче, голосить,
Правди у Господа просить;—
Бо на Вкраїну мою кохану
Вітер її не доносить...

Въ этихъ строфахъ изъ сравнительно поздняго стихотворенія звучитъ отголосокъ давней скорби поэта за свой край.

Гей, в кого серце не з криги-льодини,
Відгукнися на голос моеї Вкраїни,
Обізвися щиро—не словом, душою...

Поэтъ далекъ отъ односторонней идеализаціи сошедшихъ съ исторической сцены формъ „украинства“, отъ дешевыхъ утопій искусственнаго возрожденія исторически отжившихъ явленій. Свое отношеніе къ подобнымъ взглядамъ онъ самъ характеризуетъ въ стихотвореніи „Мое бажання“

. . . .
...Я України долю бачу
Не в бунчуках, не в булаві,
Не в скарбах, схованих у скрині,

издавна близко знакомыми съ покойнымъ, частью-же предоставлены въ мое распоряженіе для даннаго случая его наслѣдникомъ.

Не у гетманьскій голові,
Не в гайдамацькій різанині.

. . . .

Я марних сльоз не проливаю.
Усіх Славьян в одній сімьї
Побачить хочетьця мині...
Я ось чого молю, бажаю!

Единая культурная семья славянъ, въ которой не подавлялось-бы ни съ чьей стороны духовное самосознаніе отдѣльныхъ національностей — сколько умовъ и сердецъ вдохновлялъ уже этотъ идеалъ, прекрасный и безнадежно далекій отъ осуществленія въ реальной жизни славянства! На каждомъ шагу сталкивался поэтъ съ отрицаніемъ этого идеала.

Ярко обнаруживающаяся въ послѣднее время ненормальность всѣхъ рѣшительно условій общественнаго быта Россіи создала совершенно неестественный антагонизмъ даже между потребностями отдѣльныхъ ея частей и установившимися формами существованія цѣлаго. Украинскіе дѣятели, стремящіеся проводить свои идеалы въ активномъ служеніи родинѣ, оказываются вслѣдствіе этого въ противорѣчивомъ и тяжеломъ положеніи, которое Рудченко (въ томъ-же стихотвореніи „Мої сльози“) рѣзко характеризуетъ сильными словами:

Для рідних—проклятиї діти,
І недовірки—для чужих!

Это горькая правда, и ея одной довольно, что-бы наложить печать грусти на созданія пѣвцовъ Украйны.

Тихій минорный тонъ, общій до извѣстной степени всей малорусской поэзіи, звучитъ и въ сердечной лирикѣ И. Я.; но у него этотъ тонъ не переходитъ въ банальную слезливость дюжинныхъ стихотворцевъ. Въ его пѣсняхъ говоритъ искреннее, непосредственное чувство, чуждое шаблона и риторики.

Один, як палець; в хаті тихо;
Ніхто, нігде не шелестить.
Заворушилось тільки лихо,
Забилось серце и щемить...

Этими поэтическими строками начинается стихотвореніе „Самотою в ночи“, одно изъ тѣхъ, гдѣ элегическое настроеніе прорывается съ наибольшею силою. Но далеко не во всѣхъ остальныхъ господствуетъ это настроеніе. Многія полны бодрости и радостной жажды жизни.

...Віра в души оживає,
Що є іще доля на світи!

—говоритъ поэтъ въ одномъ изъ нихъ. („Весняні гадки.“)

Такою-же жаждою жизни, такою-же пробивающеюся въ самой грусти надеждой на счастье — исполнено стихотвореніе, котораго не могу не привести цѣликомъ:

Як нишкэм погляну в любі твої очі.—
В щасливе те море без краю,—
Дивлюся, любуюсь... А серце шепоче:
„Кохаю, кохаю!“

—

Як часомъ приснишся мені опівночі —
Схоплюся я з ліжка—та й знову лягаю;
Подушку цілую... а серце шепоче:
„Кохаю, кохаю!“

—

Як ти заговориш—одмовити хочу;
А що за одмова,?—і сам я не знаю...
Слова заміраюуть, а серце шепоче:
„Кохаю, кохаю!“

—

Куди не піду я, куди я не гляну,
Де обернуся, і що не згадаю —
Ти скрізь біля мене... і я промовляю:
„Кохаю, кохаю!“

—

Приведенные стихи отличаются, между прочимъ, незауряднoю гибкостью формы, свободной и нѣжной мягкостью, достигаемой полной гармоніей между этой формой и содержаніемъ. Такая же гармонія и такая же музыкальная красота бросается въ глаза въ стихотвореніи „По весні“, кончающемся слѣдующими мелодичными строфами:

Що гадала тоді?
Об якому житті—
Чи об долі щасливій гадала?...
По очицях твоіх,
Як по зорях ясних —
Рідна-б мати того не пізнала!

—

То зелена весна —
Чарівниця красна —
Своім чаромъ тебе напувала;
Запалила огні
У души самотній —
А на віщо?.. сама б не сказала!..

—

Если печальныя ноты часто звучатъ и въ произведеніяхъ молодыхъ лѣтъ И. Я., произведеніяхъ, гдѣ судьбы родины, безрадостное существованіе сѣрой крестьянской массы, народныя бѣдствія — постоянно будятъ скорбные отголоски, то съ годами тѣни сгущаются, элегическій тонъ начинаетъ замѣтно преобладать. Житейскія заботы, проза будничнаго существованія душили поэтическое творчество; поэту трудно было уживаться съ чиновникомъ, и, оттѣсненный на задній планъ, онъ падалъ духомъ и жаловался.

Въ 1897-мъ году И. Я. прислалъ мнѣ — тогда еще весьма юному литератору — полушутливое, полуэлегическое стихотвореніе на великорусскомъ языкѣ по поводу подаренной ему кѣмъ-то новой почтовой бумаги. —

... Холодная, какъ гробъ суровый,
На откликъ сердца и страстей —
Она услышитъ голосъ новый
Разсудка, памяти моей...

„Благословляю твои руки на лучшіе стихи", писалъ мнѣ тогда И. Я., жалуясь на отсутствіе вдохновенія и охоты къ стихотворству. Но вдохновеніе не разъ еще возвращалось къ нему. Въ томъ же 1897 году мною получено было слѣдующее, посвященное мнѣ, стихотвореніе, не уступающее по искренности и мелодичности произведеніямъ прежнихъ лѣтъ. —

Вітри, негода та недоля
Помчали з рідного нас поля,
Та на чужину й занесли...

І стали ми своїм — чужиї,
Чужим — не рідниї... А злиі
Літа всю силу розтрясли.

Затих, awnикчемнів зичний голос,
Полізло срібло в кудрі, в волос,
Замовкли радісні пісні;
Порвались струни на бандурі
І ми — як тріска середь бурі
На березі — одним одні!..

Реве сердите людьске море:
Йому байдуже наше горе,
І наша радість, і печаль.
Аж ось — почувся голос стиха:
„Товаришу! не треба лиха!..
Журьби не треба!..“ — Тобі жаль?

Мене зробилося старого...
І ну втішать, немовъ малого,
Що, може, й вернетця весна,
Прогляне сонечко з за хмари,
Загоїть в серці тугу й рани...
Голубоньку! то все — мана!..

Говоря о поэтическихъ произведеніяхъ И. Я., нельзя не указать на его заслуги, какъ переводчика. Онѣ заслуживаютъ упоминанія въ особенности потому, что посредственными и подчасъ прямо плохими переводчиками сплошь и рядомъ оказываются поэты, вообще говоря, талантливые. Рудченко переводилъ не особенно много—преимущественно, лирику Гейне и Мицкевича,—но большинство его переводовъ отличается высокими достоинствами: свобода и красота стиха соединяется въ нихъ съ большою близостью не только къ духу, но и къ формѣ подлинника. Образцомъ истинно прекраснаго перевода можетъ служить приводимый здѣсь переводъ двухъ извѣстныхъ стихотвореній Гейне („An deine schneeweisse Schulter“ и, связное съ первымъ по смыслу, „Es blasen die blauen Husaren“).

I.

На груди твої, моя любо,
Приник головою я тихо;

І з того, як билося сердце,
Довідався, що там за лихо.

До нас уступають гусари...
Ти чуєшь, як музыка гра?
А завтра, голубонько сиза,
Тобі мене й зрадить пора!

Нехай мене завтра покинеш;
За те-ж ти сьогодня моя ..
З тобою обнявшись, хотів-би
Удвоє щастливим буть я!

II.

Од нас виступають гусари...
Он, чутно: музика гуде...
І знову до тебе з привітом
Мене моє сердце веде,

Було тут лихе господарьство:
Гармидер, гульня, перепой...
І в серці у тебе, мій друже,
Був дуже великий постой!

Всякій, знакомый съ подлинникомъ, не можетъ не согласиться, что лучшаго перевода этихъ стихотвореній нѣтъ ни на малорусскомъ, ни на великорусскомъ языкѣ; несмотря на то, что переводились они неоднократно. Одного этого перевода было-бы достаточно, что-бы признать въ авторѣ его истинный поэтическій даръ. Такъ глубоко вдуматься и вжится въ настроеніе, въ чувства поэта—можетъ только поэтъ.

И. Я. Рудченко былъ, повторяю еще разъ, настоящимъ поэтомъ. Поэтическихъ произведеній отъ него осталось немного; среди нихъ—наряду съ приведенными удачными образцами его творчества—встрѣчаются и несомнѣнно слабыя, въ особенности въ техническомъ отношеніи, стихи...—И все-таки во всѣхъ нихъ горитъ и свѣтитъ божественная искра, печать таланта.

Если-бы этотъ талантъ попалъ въ благопріятныя условія развитія, если-бъ онъ могъ свободно отдавать свои силы той области, куда влекло его,—искра разрослась-бы въ яркій свѣточъ, быть можетъ, въ одинъ изъ тѣхъ, которые надолго зажи-

гаютъ лучи въ душахъ людей. Этихъ условій не было. Покойный писалъ стихи урывками, въ немногія минуты досуга, оставляемыя ему службою...

Авторъ некролога въ „Словѣ" говоритъ о томъ, что люди, подобные И. Я., „являются рѣдкими гостями въ чиновной средѣ". Это счастье для такихъ людей! Потому что чиновная среда губитъ ихъ. Отживающія свой вѣкъ аномаліи русскаго общественнаго порядка создали для общественной дѣятельности условія, убивающія духъ и гасящія божественную искру. Нужно только удивляться тому, съ какою жизненностью держалась эта искра въ душѣ покойнаго; нужно удивляться тому, что поэтъ-Рудченко не умеръ уже давно, гораздо раньше тайнаго совѣтника Рудченка.

Онъ училъ и творилъ до конца. И то немногое, что имъ создано, хотя несомнѣнно является лишь малою частью того, что онъ могъ-бы создать,—все-же имѣетъ свою неотъемлемую цѣнность, и право на мѣсто въ родной литературѣ.

С. Свириденко.

Изъ жизни учебныхъ заведеній Юго-западнаго края въ 1840-хъ годахъ.

Педагогическая служба никогда у насъ не была легкой и привлекательной, но въ эпоху реакціи 1840—50-хъ гг., когда надъ всей русской школой тяготѣло мрачное, ничѣмъ не вызванное подозрѣніе, когда она, какъ завѣдомо неблагонадежное учрежденіе, была окружена ревнивымъ надзоромъ, готовымъ въ каждой мелочи видѣть проявленіе „вольнодумныхъ мыслей",—въ эту ужасную годину положеніе воспитателей россійскаго юношества сплошь и рядомъ оказывалось прямо невыносимымъ. Современная театральная публика, добродушно хохочущая, слушая Гоголевскаго „Ревизора", не въ состояніи и вообразить, какой глубоко трагическій смыслъ заключается, напримѣръ, въ извѣстной жалобѣ смотрителя училищъ Луки Лукича Хлопова: „Не приведи Богъ служить по ученой части! Всего боишься: всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ". Простодушный и недалекій смотритель уѣзднаго училища не понималъ, кажется, одного, что въ этомъ всеобщемъ вмѣшательствѣ въ дѣла школы было не одно тщеславное желаніе показать себя умнымъ человѣкомъ, а нѣчто большее — система ревниваго надзора надъ школой. Самъ же онъ дальше припоминаетъ, что во время посѣщенія училища предводителемъ дворянства оторопѣвшій со страха учитель „скроилъ рожу" и хотя „сдѣлалъ это отъ добраго сердца" — а смотрителю выговоръ: „зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству." И благо, если подобный инцидентъ оканчивался только выговоромъ. Не диво, что тогдашніе педагоги, забитые, запуганные, вѣчно дрожащіе за свой жалкій кусокъ хлѣба и всегда безъ вины винова-

тые, нравственно опускались, тупѣли, теряли человѣческій образъ и пріобрѣтали смѣшныя, уродливыя странности, казавшіяся современникамъ „натурально неразлучными съ ученымъ званіемъ“.

Такъ было тогда въ цѣлой Россіи, но едва ли не горше еще было въ нашемъ краѣ вслѣдствіе исключительныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, безъ мѣры отягощавшихъ положеніе дѣятелей на поприщѣ просвѣщенія.

Едва было усмирено польское возстаніе 1830—31 гг., какъ въ то же время послѣдовало высочайшее повелѣніе о закрытіи училищъ въ кіевской, подольской и волынской губ., и въ теченіе 1831—32 г. здѣсь было закрыто 245 среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а оставшіяся 19 должны были подвергнуться преобразованію по уставу 1828 г.; тогда же былъ учрежденъ отдѣльный кіевскій учебный округъ для губерній Юго-западнаго края (съ присоединеніемъ черниговской). Новая система народнаго просвѣщенія, основанная на тройственномъ началѣ православія, самодержавія и русской народности, должна была стереть слѣды вліянія прежней школьной системы, умѣло организованной здѣсь извѣстнымъ Ѳ. Чацкимъ и всецѣло направленной къ полонизаціи края. Теперь въ дѣлѣ воспитанія и обученія съ корнемъ вырывались здѣсь старыя преданія, изъ школы изгонялся польскій духъ и ей вмѣнялось въ обязанность перевоспитать молодыя поколѣнія мѣстнаго польскаго дворянства, погасить въ нихъ старыя національныя антипатіи и слить двѣ національности въ одну общую. Но возлагая на школу столь непосильную и отвѣтственную задачу, правительство въ то же время подчиняло ее надзору не только со стороны учебнаго и административнаго начальства, но и со стороны мѣстнаго дворянства въ лицѣ его предводителей и почетныхъ попечителей, какъ-бы игнорируя тотъ фактъ, что эти почетныя должности повсемѣстно въ краѣ находились въ рукахъ поляковъ. И это допускалось не потому лишь, что такъ значилось въ уставѣ 1828 г., отводившемъ дворянству вліятельную роль въ школьномъ дѣлѣ; нѣтъ, это являлось логическимъ послѣдствіемъ основныхъ принциповъ государственной политики Николаевскаго режима, одинаково ревностно заботившагося объ укрѣпленіи русскаго начала въ западныхъ губерніяхъ и о неприкосновенности здѣсь крѣпостного права, а слѣдовательно и о должномъ престижѣ мѣстнаго дворянства, являвшагося въ глазахъ правительства и въ этомъ краѣ, какъ и въ коренной Россіи, главною опорою престола, „даровыми полицеймейстерами“. Легко представить, каково было при этомъ положеніе воспитате-

лей юношества, обязанныхъ съ одной стороны „угашать питаемыя въ дѣтяхъ съ самаго нѣжнаго ихъ возраста чувствованія фанатизма и ложнаго патріотизма и насаждать начала русской народности", а съ другой—опасавшихся чѣмъ-нибудь не угодить вельможнымъ мошродзѣямъ!

Со времени назначенія кіевскимъ генералъ губернаторомъ знаменитаго Бибикова положеніе воспитателей въ Юго-зап. краѣ сдѣлалось еще болѣе труднымъ и опаснымъ. Какъ извѣстно, первымъ его подвигомъ на новомъ мѣстѣ былъ разгромъ высшей школы, незадолго предъ тѣмъ основанной въ Кіевѣ. Прибывъ сюда въ началѣ 1838 г., онъ засталъ здѣсь особую слѣдственную комиссію, занятую разслѣдованіемъ корней и нитей опаснаго политическаго заговора, гнѣздившагося въ Литвѣ (дѣло Конарскаго) и опутавшаго якобы весь Югозападный край. Подъ руководствомъ и энергичнымъ побужденіемъ Бибикова, эта коммиссія съ небывалымъ усердіемъ повела дѣло и скоро обнаружила, что „почти въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ даже женскихъ (наприм. въ Бердичевѣ) находились тайныя общества, управляемыя эмиссарами парижскаго демократическаго польскаго общества, снабженныя отъ него инструкціями, какъ начать и вести дѣло возстанія"; [1]) такое же тайное общество обнаружено было и въ самомъ Кіевѣ, главнымъ образомъ между студентами. Аресты слѣдовали за арестами. Университетъ былъ временно закрытъ, 191 студентъ подверглись ссылкѣ или отданы въ солдаты, содержатель благороднаго пансіона въ Кіевѣ Боровскій, докторъ Бопре и помѣщикъ Михальскій отправлены были на каторгу, профессора—поляки отрѣшены отъ службы или переведены въ другіе университеты и т. под. Совершивъ этотъ безпримѣрный разгромъ, Бибиковъ съ тѣхъ поръ относился къ школѣ съ особенною подозрительностью и по самому ничтожному поводу готовъ былъ принимать противъ нея всевозможныя репрессіи. Не довольствуясь существовавшими до него мѣрами надзора за учебными заведеніями, онъ подвергъ ихъ новому унизительному, чисто полицейскому надзору: въ 1839 г. онъ формально предписалъ всѣмъ городничимъ, полицмейстерамъ, исправникамъ и др. полицейскимъ чинамъ имѣть „неослабное наблюденіе за учащими и учащимися" и обо всемъ ими замѣченномъ непосредственно доносить ему, минуя учебное окружное начальство.

---

1) В. Шульгинъ, „Югозап. край въ 1838—63 гг.", стр. 35.

Благодаря этому, Бибикову всегда было извѣстно все, что дѣлалось въ школьномъ мірѣ, и онъ задолго до формальнаго подчиненія ему кіевскаго учебнаго округа фактически управлялъ имъ. Тогдашній попечитель князь С. И. Давыдовъ нерѣдко получалъ отъ него конфиденціальныя сообщенія въ родѣ слѣдующаго: „Изъ послѣдне полученныхъ мною свѣдѣній о состояніи каменецъ-подольской гимназіи неизлишнимъ считаю сообщить вашему сіятельству нѣкоторыя, могущія быть необходимыми для вашихъ соображеній: 1) Гимназисты уходятъ изъ квартиръ безъ билетовъ, кому куда вздумается; субординаціи у нихъ нѣтъ, такъ что смотрителя жалуются на данную начальствомъ волю ученикамъ. 2) Въ день именинъ ученика Скордели, помѣщика Бессарабской области, 23 апр. (1840), въ праздникъ св. Георгія, и слѣдующаго 24 числа, директоръ Вощининъ и учители Морачевскій [1] и Чайковскій были въ отлучкѣ, и уроки не преподавались. 3) 1-го мая уроки не были спрошены и вновь заданы по случаю выѣзда брата директора Вощинина, 8-го мая также по случаю праздника св. Станислава; и 4) Ученикъ 3-го класса Конст. Лукашевичъ сдѣлалъ воровство, былъ допрашиваемъ въ полиціи, уличенъ—и изъ гимназіи не исключенъ и не наказанъ".—Результатомъ этого сообщенія была посылка въ Каменецъ инспектора казенныхъ училищъ М. В. Юзефовича для производства дознанія, о результатахъ котораго Юзефовичъ рапортовалъ непосредственно генералъ-губернатору. По собраннымъ имъ „изъ-подъ руки, на мѣстѣ", свѣдѣніямъ оказалось, что хотя директоръ Вощининъ съ учителями Морачевскимъ и Чаїковскимъ точно отлучались 23 апр. къ помѣщику Скордели, откуда возвратились 24 апр., но отъ этого не произошло никакихъ упущеній по службѣ, такъ какъ въ тѣ дни означенные учителя не имѣли уроковъ. 1 мая ученики дѣйствительно были освобождены отъ послѣ-обѣденныхъ занятій и отправлялись въ рощу для прогулки, но это сдѣлано было по давно заведенному обыкновенію, а 8 мая не было занятій по случаю р. кат. праздника.

Бибиковъ удовлетворился этимъ объясненіемъ, но за то обрушился на ксендзовъ-законоучителей, о поведеніи коихъ, или точнѣе объ ихъ образѣ мыслей инспекторъ казенныхъ училищъ секретно доносилъ слѣдующее: „1) Въ Каменецъ-под. гимназіи законоучителемъ состоитъ ксендзъ Ив. Остаповичъ, молодой че-

---

[1]) Впослѣдствіи извѣстный переводчикъ евангелія на украинскій языкъ.

ловѣкъ, съ небольшимъ 20 лѣтъ. Ненадеженъ какъ по возрасту, такъ и по замѣченнымъ связямъ съ польскою молодежью. На экзаменѣ отказался говорить порусски, отговариваясь незнаніемъ языка, а послѣ экзамена разговаривалъ съ инспекторомъ училищъ порусски. Удаляется совершенно общества русскихъ. 2) Въ Меджибожскомъ уѣздномъ училищѣ законоучителемъ ксендзъ Карлъ Пильховскій, 22-хъ лѣтъ отъ роду. Своеволенъ, грубъ, явно презрителенъ ко всѣмъ русскимъ учителямъ и къ самому штатному смотрителю; служитъ почти всякій день мшу, на которую бралъ, вопреки строгому запрещенію, учениковъ изъ классовъ, а потомъ самоуправно освобождалъ ихъ отъ сдѣланнаго имъ за то наказанія, говоря, что нельзя запрещать молиться Богу. Не хотѣлъ однажды впустить смотрителя въ костелъ во время службы. При свиданіи съ инспекторомъ отвѣчалъ ему тономъ рѣзкимъ до дерзости. Для замѣщенія его есть ксендзъ Яворскій, находящійся въ давней дружеской связи съ нашимъ законоучителемъ того же училища, протоіереемъ Гогоцкимъ, который ручается за его благонадежность. 3) Въ Ровенской гимназіи, при испытаніи 7-го класса, инспекторъ училищъ замѣтилъ, что такъ называемый Царскій катехизисъ можетъ быть умышленно утрированъ ксендзами преподавателями до вреднаго преувеличенія. Въ вышеозначенной гимназіи, на вопросъ: почему должно любить государя? былъ отвѣтъ: потому что онъ земной Богъ".— По распоряженію Бибикова, всѣ означенные ксендзы были удалены отъ законоучительства безъ дальнѣйшаго разслѣдованія, а попечителю округа было лишь предоставлено назначить на ихъ мѣста другихъ лицъ.

Бывало и такъ, что самъ попечитель откровенно сознавался, что у него нѣтъ данныхъ для сужденія о нравственныхъ или служебныхъ качествахъ извѣстнаго должностного лица, и почтительно просилъ генералъ-губернатора подѣлиться съ нимъ такими свѣдѣніями, если они имѣются. Въ январѣ 1840 г. кн. Давыдовъ писалъ Бибикову: „Г. министръ нар. просвѣщенія, получивъ безыменное письмо съ жалобою, что и. д. директора Ровенской гимназіи Фавицкій, пристрастившись нынѣ къ горячимъ напиткамъ, является въ неприличномъ видѣ въ классы и строго наказываетъ учениковъ, предложилъ мнѣ представить ему надлежащія по сему предмету свѣдѣнія. Не находя въ дѣлахъ канцеляріи округа никакихъ свѣдѣній, которыя подтверждали бы или объясняли полученный г. министромъ доносъ, я имѣю честь покорнѣйше просить ваше пр-ство почтить меня увѣдомленіемъ,

не имѣется ли подобныхъ свѣдѣній о г. Фавицкомъ въ дѣлахъ собственно вашего управленія".—На это Бибиковъ отвѣтилъ попечителю такъ: „Поспѣшаю сообщить о дошедшемъ до меня свѣдѣніи, что 21 октября минувшаго (1839) года директоръ Ровенской гимназіи Фавицкій наказалъ болѣе 100 учениковъ за лѣность розгами. Кромѣ этого, мнѣ ничего болѣе неизвѣстно о Фавицкомъ со стороны его поведенія".

Конечно, излишняя строгость директора по отношенію къ ученикамъ въ то время едвали могла уронить его въ глазахъ начальства; но то обстоятельство, что на Фавицкаго поступали доносы въ министерство, обличавшіе его не въ одной жестокости, но и въ пристрастіи къ горячимъ напиткамъ, должно было сдѣлать его особу и управляемую имъ гимназію предметомъ усиленнаго надзора со стороны всѣхъ вѣдомствъ, наблюдавшихъ въ то время за учебными заведеніями.

Самое большее усердіе въ этомъ дѣлѣ проявила мѣстная полиція. Въ ноябрѣ того же 1840 г. частный приставъ Занкевичъ, исправлявшій въ то время должность ровенскаго городничаго, доносилъ генералъ-губернатору слѣдующее: „Изъ предписанія вашего высопр-ства отъ 18 сент. прошлаго 1839 г., за № 2778 послѣдовавшаго, имѣлъ я сщастіе [1]) замѣтить, что благоугодно было вашему высоко-пр-ству поручить имѣть секретное наблюдсніе какъ въ отношеніи воспитанія, направленія и оповеденія (sic) ученниковъ, такъ и за самими учителями и надзирательми Ровенской гимназіи, и о всемъ и малѣйшемъ замѣчаніи доносить вашему в. пр-ству. Въ слѣдствіе чего пріемлю смѣлость донести: 1) что директоръ сей гимназіи 6-го класса Фавицкій хотя имѣетъ неослабное смотреніе за учителями и ученниками, однако отлучками своими иногда таковое ослабѣваетъ, каковые отлучки его были мною замѣчены: первая съ 19 октября по 22 число того мѣсяца выѣздомъ изъ г. Ровна въ м. Александрію съ нѣкоторыми учителями на охоту, а равно съ 1 сего ноября и до отправки сего донесенія (2 ноября) не возвратился: 2) Въ праздничные и воскресные дни учители, собравшись въ соборную церковь, во время самой литургіи безпрестанно занимаются одинъ съ другимъ наушнымъ разговоромъ и подаютъ худой примѣръ ученникамъ, за что и имѣетъ неудовольствіе протоіерей Лотоцкій. 3) Первое отдѣленіе ученнической квартири той гимназіи хотя по-

[1]) Сохраняемъ правописаніе и стиль подлинника.

мѣщается въ весьма близкомъ разстояніи отъ гимназіи, въ домѣ дворянина Рилька, но какъ сей домъ только сего года конченъ, имѣетъ еще въ себѣ сырость, можетъ въ послѣдствіи времени и особливо зимой вредъ на здоровьи ученниковъ учинить. 4) Хозяинъ сего дома Рильке, продовольствуя всѣхъ помѣщающихся въ его домѣ ученниковъ, на сихъ дняхъ къ завтрику подалъ разваренный въ пивѣ гнилой сиръ (сыръ), и ученники, не могши употребыть его въ пищу, отправили было на усмотрѣніе директору, но хозяинъ успѣлъ сіе перехватить и перемѣнылъ на лутшій; за обозрѣніемъ директора, признано сіе кушанье полезнымъ, и нынѣ заставленно ученниковъ употреблять тотъ же гнилой сиръ на завтрикъ съ сухимъ хлѣбомъ, изъ чего между ученниками происходитъ ропотъ; и 5) учитель Славутиньскій, имѣя издавна склонность къ картожной игрѣ, прошлаго октября мѣсяца послѣднихъ чиселъ пригласилъ на свою квартиру учителей Нагулу, Каменьского и Неугодова. При занятіи ихъ картожною игрою завели между собою ссору, изъ чего Славутиньскій съ Нагулою подрались съ признаками, и хотя сіе стараются скрить, однакъ учинилось то чрезъ сутки гласнымъ какъ между ученниками, такъ и чиновниками г. Ровна".

Вслѣдъ за полиціей выступилъ представитель дворянства. 9-го того же ноября волынскій губернаторъ Лашкаревъ сообщилъ Бибикову копію съ письма къ нему ровенскаго уѣзднаго предводителя дворянства Омѣцинскаго слѣдующаго содержанія:[1] „Къ тому что, по случаю весьма тѣснаго помѣщенія учениковъ Ровенской гимназіи въ сыромъ домѣ двор. Рильке, ибо еще въ августѣ мѣсяцѣ оканчиваемомъ внутренною штукатуркою стѣнъ, отъ сырости для неосушиванія отапливаніемъ пѣчей въ тѣплые дни и для неочищенія воздуха посредствомъ душниковъ въ окнахъ, многіе ученики подвергаются отъ того болѣзнямъ, а не менѣе и отъ неотопливанія до сего времяни класныхъ залъ; больные же помѣщаются не въ особой больницѣ, но гораздо невыгоднѣе здоровыхъ: внизу того жъ дома, въ сутеринахъ, въ коихъ сырость, неотсвѣживаніе воздуха и самое безпокойствіе отъ квартирующихъ наверху учениковъ весьма для больныхъ вредны, и самое сообщеніе учениковъ съ больными, особенно на прилипчивые горячки, опасно для здоровыхъ. И о каковыхъ неудобствахъ хотя представляемо было гимназическимъ лѣкаремъ г. пра-

---

1) Сохраняемъ стиль и правописаніе подлинника.

вящему должность директора Ровенской гимназіи Фавицкому, но онъ до сихъ поръ не принялъ никакихъ мѣръ къ требованному отъ него исправленію таковаго неустройства и не обратилъ на то никакого вниманія. Происшедшая недавно между двумя учителями Славутинскимъ и Нагулою (кажется, при картежной игрѣ) драка соблазнительна для юношества и неприличная учительскому званію, навлекающая на гимназическое начальство невыгодное мнѣніе публики и могущая устранять родителей отъ воспитыванія въ сей гимназіи дѣтей своихъ, заставляютъ меня, по полученіи о томъ извѣстія отъ дворянъ сего уѣзда, на основаніи словеснаго порученія вашего пр-ства, мнѣ даннаго, довести о томъ до свѣдѣнія вашего пр-ства и всепокорнѣше просить о учиненіи начальничего своего съ кѣмъ слѣдуетъ сношенія на счетъ прекращенія сего зла, съ поводу коего могущее случиться уменьшеніе числа учениковъ въ здѣшней гимназіи, ощущаемое уже и теперь, съ начала наступающаго училищнаго года, правительство можетъ считать причиною учрежденія закрытыхъ заведеній по Высочайшей волѣ, которой дворянство повынуются, а по точности должно быть отнесено на счетъ малой заботливости начальника гимназіи г. Фавицкаго въ приведеніи въ надлежащее устройство сихъ заведеній и въ ближайшемъ наблюденіи за приличнѣйшимъ поведеніемъ нѣкоторыхъ изъ гг. учителей".

Какъ видимъ, маршалокъ Омѣцинскій, какъ и подобало представителю первенствующаго въ имперіи сословія, пустыя обстоятельства сумѣлъ возвести на степень важнаго государственнаго дѣла и при этомъ пустилъ въ ходъ хитрую дипломатическую диверсію. Дѣло въ томъ, что правительство, въ видахъ болѣе строгаго надзора за жизнью и поведеніемъ учащихся, незадолго предъ тѣмъ воспретило имъ проживать на частныхъ квартирахъ и велѣло при всѣхъ гимназіяхъ устроить родъ интернатовъ, содержателями коихъ должны быть лица благонадежныя и начальствомъ одобренныя. Мѣра эта впервые введена была повсемѣстно въ краѣ съ началомъ учебнаго 1840 г., и такъ какъ она была направлена главнымъ образомъ къ тому, чтобы изолировать польскихъ дѣтей отъ вліянія „фанатизма и ложнаго патріотизма", то она естественно не нравилась полякамъ, и многіе изъ нихъ изъ-за этого брали изъ гимназій своихъ дѣтей. Но такой образъ ихъ дѣйствій истолковывался начальствомъ какъ дерзкое противленіе высочайшей волѣ, и могъ сопровождаться для нихъ непріятными послѣдствіями. Желая напередъ выгородить своихъ соотечественниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повредить ди-

ректору Фавицкому, который почему-то былъ неугоденъ польскому дворянству, предводитель Омѣцинскій и хочетъ дать такой видъ дѣлу, что хотя въ Ровенской гимназіи уже и теперь „ощущается“ уменьшеніе учениковъ, но это происходитъ-де вовсе не оттого, что дворянство не хочетъ повиноваться высочайшей волѣ относительно учрежденія закрытыхъ общихъ квартиръ, а единственно отъ нераспорядительности директора.

Рапортъ Омѣцинскаго и донесеніе городничаго были сообщены Бибиковымъ попечителю для соотвѣтственныхъ распоряженій. На этотъ разъ производство дознанія по данному дѣлу было поручено инспектору 2-го благороднаго пансіона при Кіевской 1-й гимназій, титулярному совѣтнику М. Могилянскому. Но едва онъ прибылъ въ Ровно и приступилъ къ дѣлу, какъ его образъ дѣйствій почему-то не понравился тамошнему и. д. городничаго, и тотъ послалъ на него нѣчто въ родѣ доноса Бибикову: „По дѣлу о произшедшихъ безпорядкахъ помежду учителями Ровенской гимназіи (доносилъ Занкевичъ), о чемъ я имѣлъ сщастіе донести вашему высокопр-ству 2 сего ноября, по распоряженію начальства чиновникъ Могилянскій, прибывъ изъ Кіева, чинилъ секретное розысканіе, и хотя я требовалъ (sic!) отъ него свѣдѣнія, что имъ открыто по сему предмету, но отъ дачи таковаго онъ отказался и 21 ноября уѣхалъ обратно въ г. Кіевъ“.

При этомъ городничій представилъ въ копіи и отзывъ Могилянскаго на его „требованіе“; отзывъ этотъ не лишенъ колкости, и въ этотъ разгадка, почему онъ не понравился городничему. Вотъ что писалъ Могилянскій: „На требованіе вашего благородія отъ 10 сего ноября имѣю честь отвѣтствовать, что о случившемся между нѣкоторыми учителями здѣшней гимназіи происшествіи я, по кратковременности моего здѣсь пребыванія, не могу вамъ сообщить ничего, что не было бы, безъ сомнѣнія, извѣстно вашему благородію по свойству должности вашей и при средствахъ, которыя вы для того имѣете“.

Возвратившись въ Кіевъ, Могилянскій такъ рапортовалъ попечителю округа о результатахъ порученнаго ему разслѣдованія: „Жалобы г. Омѣцинскаго частію неосновательны. Больница въ домѣ Рильке переведена была изъ нижняго этажа въ верхній, по словамъ самого гимназическаго доктора Богуцкаго, въ первыхъ числахъ октября, а письмо предводителя отъ 2-го ноября. Больныхъ я нашелъ въ ней четырехъ и болѣзнями весьма легкими, кромѣ одного, у котораго отъ ушиба сдѣлалось потрясеніе мозга спинной кости. Что касается до уменьшенія числа учени-

ковъ гимназіи, то это должно скорѣе всего приписать мѣрѣ, принятой для помѣщенія ихъ подъ ближайшій надзоръ училищнаго начальства, каковая мѣра нашла вначалѣ много противниковъ; изъ заведенія же выбыло 14 учениковъ.

„Директоръ гимназіи если и отлучался изъ города, то на весьма короткое время, и притомъ вторая изъ его отлучекъ, указываемая городничимъ, случилась въ свободное отъ ученія время.

„Въ бытность мою въ Ровнѣ два раза былъ я въ соборѣ и не замѣтилъ, чтобы учители вели себя неприлично. Протоіерей Лотоцкій не показалъ мнѣ никакого въ этомъ отношеніи противъ нихъ неудовольствія, хотя я неоднократно въ разговорѣ съ нимъ наводилъ его на это, стараясь дать ему поводъ высказать свои неудовольствія, если бы они были; по словамъ его, въ церкви соблюдается должное благочиніе, особенно со времени обнародованія высочайшаго указа, воспрещающаго мірянамъ стоять во время богослуженія вблизи иконостаса; ученики же православнаго исповѣданія, коихъ числомъ 38, стоятъ всегда на клиросѣ и занимаются пѣніемъ при литургіи.

„Продовольствіе учениковъ вообще удовлетворительно; происшествіе же съ сыромъ, приводимое городничимъ, состоитъ въ томъ, что воспитанникамъ 1-го разряда однажды поданъ былъ на полдникъ творогъ съ пивомъ не довольно свѣжій; но должно замѣтить, что содержатель ихъ обязанъ по контракту давать имъ на полдникъ только черный хлѣбъ съ солью, а давалъ имъ какое-либо кушанье, желая сдѣлать имъ пріятное. Послѣ случившагося неудовольствія онъ ограничивается точнымъ выполненіемъ контракта.

„Учитель Славутинскій дѣйствительно имѣетъ репутацію большого охотника до виста, въ который, впрочемъ, и онъ, и другіе учители играютъ только для препровожденія времени и по малой цѣнѣ, а именно по 5, 10 и не болѣе 20 грошей. Но, къ сожалѣнію, донесеніе городничаго о случившейся между Славутинскимъ, Каминскимъ и Нагулою ссорѣ и дракѣ не безъ основанія, и поводъ къ тому подалъ послѣдній сварливымъ и чрезвычайно дерзкимъ своимъ нравомъ. Порокъ этотъ былъ замѣченъ въ немъ и въ другихъ случаяхъ, за что подвергался онъ формальнымъ отъ директора выговорамъ, оставшимся, однако, недѣйствительными.

„По долгу справедливости обязываюсь вашему сіятельству доложить, что въ быту всѣхъ чиновниковъ, принадлежащихъ къ

Ровенской гимназіи, кромѣ означенныхъ поступковъ учителя Нагулы, я не могъ замѣтить никакого соблазнительнаго для юношества примѣра. Основанія подобнымъ слухамъ должно искать въ недоброжелательствѣ дворянъ къ директору, причиной коего можно предположить прежнее служеніе его въ секретной канцеляріи въ Бозѣ почивающаго цесаревича Константина Павловича, крутое иногда обращеніе его съ тѣми, которые имѣютъ до него дѣло, и неосторожно высказываемое имъ мнѣніе о полякахъ. Нахожденіе въ Ровнѣ нѣкоторыхъ учителей, перешедшихъ изъ римско-католической вѣры въ православіе, можетъ также быть поводомъ къ неудовольствію со стороны тамошнихъ дворянъ".

Сообщая генералъ-губернатору копію настоящаго рапорта, попечитель кн. Давыдовъ сдѣлалъ на поляхъ слѣдующія своеручныя отмѣтки: „Учитель Славутинскій при удобномъ случаѣ будетъ перемѣщенъ въ другую гимназію. Учитель Нагула перемѣщенъ въ Кіевъ въ должность младшаго учителя. Директоръ Фавицкій представленъ къ увольненію". Бибиковъ молчаливымъ согласіемъ одобрилъ эти распоряженія.

Такимъ образомъ доносъ городничаго и инсинуація предводителя не остались безъ послѣдствій: картежники и драчуны педагоги подверглись перемѣщенію, а директоръ и вовсе удаленъ со службы. Строгость кары по отношенію къ послѣднему представляется весьма странной послѣ того, какъ дознаніемъ Могилянскаго фактически было опровергнуто обвиненіе его въ нераспорядительности и недостаточной заботливости объ интересахъ учениковъ, а предыдущая служба Фавицкаго, повидимому, представляла полное ручательство за его чиновничью благонадежность. Послѣ службы его въ секретной канцеляріи вел. князя К. Павловича, о которой ничего намъ неизвѣстно, мы встрѣчаемъ Фавицкаго въ числѣ чиновниковъ, избранныхъ въ 1832 г. харьковскимъ попечителемъ Филатьевымъ для устройства учебныхъ заведеній въ Югозападномъ краѣ на новыхъ началахъ. Какъ видно изъ записокъ современника и участника въ этомъ дѣлѣ П. М. Сбитнева,[1]) означенный выборъ производился съ особенною тщательностію: изъ 52-хъ лучшихъ педагоговъ, вытребованныхъ со всего южнорускаго края, только 12 человѣкъ было признано достойными важной политической миссіи, какая возлагалась на

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1884 г., № 2 -5.

ныхъ, и въ числѣ избранныхъ, на ряду съ такими хорошо образованными лицами и прекрасными педагогами, какъ самъ Сбитневъ, Морачевскій, Китченко, Науменко и др., мы встрѣчаемъ и Фавицкаго, тогда же назначеннаго директоромъ Винницкой гимназіи; впослѣдствіи, съ открытіемъ гимназіи въ Ровно, онъ, какъ опытный администраторъ, былъ назначенъ ея первымъ директоромъ. Но здѣсь онъ встрѣтилъ глухую вражду къ себѣ со стороны польскаго дворянства, причину которой Могилянскій видитъ отчасти въ крутомъ характерѣ Фавицкаго, а главнымъ образомъ въ его прежней службѣ въ секретной канцеляріи намѣстника Царства Польскаго и въ „неосторожно высказываемомъ имъ мнѣніи о полякахъ“. Очевидно, Фавицкій былъ полонофобъ и не таился съ этимъ, какъ не скрывалъ своего нерасположенія ко всему польскому и самъ Бибиковъ и многіе другіе изъ тогдашнихъ русскихъ чиновниковъ въ югозап. краѣ. Но, очевидно, Фавицкій перешелъ извѣстную мѣру въ проявленіи своего полонофобства, и когда противъ него образовался внушительный комплотъ, завербовавшій въ число своихъ союзниковъ даже мѣстную полицію, окружное начальство вынуждено было считаться съ настроеніемъ польскаго дворянства и принести въ жертву своего усерднаго, но безтактнаго чиновника.

О. Левицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Тыхеньке жыття.

Оповидання.

„Диты-ы, ты-ыхше“, разъ-по-разъ лунавъ по кимнати одноманитный поклыкъ, але не мавъ винъ по соби жадныхъ наслидкивъ.

„Диты“ давненько вже прызвычаилысь до цього поклыку матери и теперъ дуже добре зналы, що завжди винъ долитае до ихъ лыше здалеку, черезъ досыть велыку просторинь, ни на хвылину не зупыняючы ихъ рухлывого жыття, ихъ бойовыхъ замиривъ та ихъ повчасного галасу.

Цей крыкъ та цей гармидеръ завше панували въ доми Ростовськыхъ, завше дывувалы ихъ гостей, и тилько одну Софію Петровну не дывувалы воны. Вона вже такы давненько одвыкла одъ всякого сыльного, пекучого вражиння.

Це сталось якось такъ само по соби, сталось безъ жадного напруження духовныхъ сылъ, тихъ сылъ, яки ще не такъ давно, колы Софія Петровна мала лыше висимнадцять годъ, вымагалы такъ багато жыття, рухивъ. Безъ боротьбы, безъ сылкування надъ собою, якось непомитно, ти попередни, палки порывання далы дорогу тому велыкому спокою, що обгорнувъ теперъ душу Софіи Петровны.

И Софія Петровна не жалкувала. Не выдко було, щобъ жалкувала вона объ тимъ, що втратыла колышню рухлывисть свого тила та чулисть души, що непомитно втратыла частыну себе самои, тіеи палкои, давньои панночкы Сони. А не жалкувала вона черезъ те, мабуть, що не помичала, не почувала въ соби тіеи велыкои втраты.

А втрата була.

Бачывъ, давно вже помитывъ ту втрату та душею боливъ одъціеи втраты іи чоловикъ Леоныдъ Ивановычъ.

Леоныдъ Ивановычъ побрався зъ Софіею Петровною ще тоди, колы вона перебувала девятнадцяту весну свого жыття, а йому самому ще не було двадцяты чотырехъ литъ. А побрався зъ нею Леоныдъ Ивановычъ черезъ те, що гарячою юнацькою любовію покохавъ винъ цю гарну дивчыну зъ чулымъ серцемъ, зъ глыбокымъ поглядомъ розумныхъ очей.

Іи невпынне зацикавлення тимы зъявыщамы жыття, яки не тілько тоди въ молоди, юнацьки лита, а й теперъ, ще навить глыбше захоплюють його самого,—отъ що зъявлялось найкращою циною іи въ очахъ Леоныда Ивановыча.

Отакъ воны зійшлысь, такъ полюбылы одно другого та й повинчалысь, до краю повни жыття, рухивъ та певности въ тому, що якъ найкраще прыходятся одно до другого. А колы такъ, то воны-жъ могтымуть працюваты вкупи, зроблять багато-багато розумнои, корыстнои роботы... И ця праця покаже всимъ, що воны жывуть на свити не тильки своимъ власнымъ, окремымъ маленькымъ счастямъ, а що ихъ жыття—то есть частына велыкого, цикавого чоловичого жыття, звидкиль бере воно свою сылу, свій змистъ, свою правду...

И колы Леоныдъ Ивановычъ прямо зъ церквы (Панна Соня була сырота и черезъ те весилля видбувалось въ помешканни Леоныда Ивановыча) ввивъ свою жинку до себе въ димъ, то тоди, вдывляючысь въ гарный, ясный поглядъ іи очей, винъ ще разъ впевнывся, ще разъ повирывъ, що жыття ихъ буде, повынно буть гарнымъ, яснымъ, розумнымъ.

Якъ же-жъ його було не вирыты, колы іи очи горилы такымъ яснымъ та певнымъ вогнемъ?

— А якъ въ тебе багато кныгъ, картынъ? Ты пышешъ, малюешъ? А ничого про це не казавъ?

— А хибажъ ты сама не малярка? Знаю, знаю... Знаю, голубко моя! А зъ цього часу робытымемо це вкупи, все вкупи...

— А якъ це повынно буты гарно, хорошый ты мій!

— Незвычайно гарно, чудесно! Квитонько ты моя дорога!

Такъ промовлявъ винъ тоди... давно—давно колысь, прыгортаючы до себе ту, давню, колышню Соню.

А вона счаслыва тыхенько сміялась, и здавався той смихъ Леоныдови Ивановычеви чыстымъ, дытячымъ.

Тоди Леоныдъ Ивановычъ впевнывся, повирывъ, и його вира була глыбока, велыка вира.

И колы вже повирывъ, то стало йому тоди ясно, хороше на души, хотилось сміятысь, радиты безъ кинця. И справди воны обое довго, радисно сміялысь...

Прыгадавъ соби заразъ Леоныдъ Ивановычъ той радисный смихъ и, колы прыгадавъ, зъ далекого закутка його души пиднялось щось гарне, ясне, прозоре...

Дали побиглы одынъ за другымъ перши дни ихъ нового жыття, тыхеньки, радисни дни. Здавалось тоді, що все чысто навкругы сміется, радіе.

И гарно, такъ весело було тоди въ ихъ господи. Радисть панувала тамъ не за для людського, чужого ока. Ни! Вона панувала тоди увесь часъ, влываючы въ душу Леоныда Ивановыча кожну хвылыну справжне задоволонення його новымъ жыттямъ.

Передплачувалось безличъ газетъ та мисячныкивъ. Кныжкы однаково панувалы, якъ въ кабинети Леоныда Ивановыча, такъ само й въ кимнати його молодои дружыны.

Въ кабинети чоловика стоявъ мольбертъ, биля якого працювавъ винъ, спочываючы писля чытання та пысання. Такый самый, тильки трохы кращый, стоявъ и въ жинчыній кимнати.

— Славно вы жывете. Хочъ не кыснете такъ, якъ кыснуть завше чоловикы зъ жинкамы,—не разъ казала Софіи Петровни ии подруга, панна Наталя.

Софія Петровна усмихалась, слухаючы цю розмову, и на серци въ неи було такъ ясно, спокійно.

Мынувъ рикъ, другый. Народылась на свитъ перша дытына. Обое, якъ чоловикъ, такъ и жинка, радилы, тишылысь нею. На першу дытыну немовъ бы якось вороже, скоса поглядала панна Наталя. „Може це черезъ те, що вона не зазнала ще счастя матери“—зъясувала соби Софія Петровна видносыны до дытыны панны Натаління; а сама молылась на свого „первенця“.

Разомъ зъ дытыною, заразъ писля іи нарожденця, въ доми Ростовськыхъ прыдбалы соби велыку вагу нянькы (мамкы не държалы), число якыхъ побильшувалось разомъ зъ побильшеннямъ симьи.

Все частишъ та частишъ доводылося Леонидови Иванычови одрыватысь одъ свого мольберту, одъ литературнои праци черезъ те, що треба було йты до дитей, куды клыкала жинка. Тамъ треба було поклыкать ликаря, зминыть няньку. Тамъ въ цьому новому царстви завше, абожъ слабувало котре зъ дитей, абожъ плакала гиркымы слизьмы матери Софія Петровна.

Нови потребы жыття вымагалы за для себе новыхъ формъ, вымагалы за для себе все бильше часу та увагы. Въ цей часъ „тамъ“, въ кимнати Софіи Петровны, все выще росла вгору купа нечытаныхъ и навить ще не розризаныхъ кныгъ, мисячныкивъ въ которыхъ розбиралысь ти пекучи, надзвычайно цикави пытання нового жыття, що, пробываючы соби дорогу, ламалы всяки перешкоды, яки ставылы на дорози тыхеньки, обережни, боязки люде, старе, сыве обережне жыття. „Тамъ“ частенько вся кимната мивстеляна була побытымы, роздертымы прымирныкамы тихъ мисячныкивъ, яки попереду вважалысь Софіею Петровною за святыню, а теперъ пидъ нови часы булы прынесени, яко жертва, новои святыни—дитвори...

Мынувъ ще рикъ. Мольбертъ Софіи Петровны вже перебрався до кабинету и якось сумно-жалибно ставъ на ривни зъ мольбертомъ Леоныда Ивановыча. А трохы згодомъ, помаленьку все те, що не торкалось до дытячого жыття, перебиралось до кабинету чоловика, а стилъ та этажерка въ кимнати жинкы булы повни рижныхъ рясныхъ дытячыхъ чытанокъ, кныжечокъ, мисячныкивъ за для дытячого зросту и т. и.

Писля першои дытыны Леоныдъ Ивановычъ гадавъ, що це тымчасовый жиночый запалъ. „Пидниметея трохы Сергій—и знову все буде, якъ и перше“.

Але позаякъ вслидъ за Сергіемъ пишла Леся, а дали Маня... то повороту до старого ладу не було помитно.

Леоныдъ Ивановычъ ждавъ, ждавъ того повороту, а дали засумувавъ... та вже поглядъ його очей бувъ не той, ясный, колышній. Помаленьку усувалось задовольнення „новымъ жыттямъ“, новымъ счастямъ.

Теперъ вже й панна Наталя не разъ казала Софіи Петровни.

— Якый въ тебе крыкъ, не доведы Господы! Тилько й жыття въ васъ, що въ кабинети Леоныда Ивановыча.

— Диты. Щожъ поробышъ? Отъ пидростуть—тоди почнемо жыты инакше,—видповидала Софія Петровна.

И диты рослы, пидросталы.

А Леонидъ Ивановычъ все поужувавъ коло свого володиння и, на решти, обмежывъ його власнымъ кабинетомъ. Тутъ, и тилько тутъ, булы зибрани до купы вси вызнакы розумного жыття, бо одъ такого жыття Леонидъ Ивановычъ не видцуравсь, не мавъ сылы, не хотивъ видцуратысь; навпакы, сюды винъ почавъ ховатысь одъ тихъ радощивъ симьи, яки намагалысь розруйнувать його окремый закутокъ.

Хочъ у зверхнихъ видносынахъ його до жинкы не змынылось ничого и все йшло, якъ и попереду, тыхо та любо, але жъ въ розмовахъ ихъ не було вже бильше мисця тимъ, попереднимъ, гарнымъ юнацькымъ словамъ, тимъ смилывымъ плянамъ, якъ це було тоди, давно... Зныклы воны, похованысь и нiякъ вже не вернешъ, не вырвешъ ихъ зъ души.

Есть щось таке, що зупыняе ихъ тамъ, на дни души. Кожного дня збиралось въ Леоныда Ивановыча все бильшъ думокъ, яки повынно було-бъ неодминно высловыты жинци, а проте воны такъ и лышалысь невысловлени. Це мучыло його.

— Вона не повынна въ тимъ. Диты остилько iи, оскилько й мои,—не разъ заступався винъ за жинку передъ панною Наталею.

— Але жъ отъ вы сами не жывете такымъ жыттямъ?—казала Наталя.

— Вона, бачыте, маты. Безперечно, въ Сони дуже багато, бильше нижъ въ мене, роботы та ще й до того--чорнои, щоденнои роботы. Iй бракуе того часу, якого я маю доволи.

Такъ не разъ выправдувавъ жинку Леонидъ Ивановычъ, але навить въ цей самый часъ, колы винъ вступався за жинку, въ його голови, якъ и завжды останнимы часамы, стояло, ждучы видповиди, одно пытання: „невже тому такъ и повынно буть? Невже жъ можна, повынно, хочъ бы й зъ чотырма дитьмы, отакъ все чисто, що не торкается до ихъ, залышыть, забуть?“.

Але высловыть цю свою думку жинци Леонидъ Ивановычъ вважавъ за неморальнисть,—„ображаты Соню я не маю права. Може жъ вона мучытся бильшъ, нижъ я?“

И отъ йому дуже забажалось дизнаты, чы й справди його жинка не задовольнена своимъ становыщемъ, чы прыгничуе, давыть iи ярмо симьи, матери; чы бажала бъ вона скынуть це ярмо та знову повернутысь до мынулого жыття, вильного розумного,—чы ни?

Необхидно було порипшыты такъ, чы инакше це боляче пытання, але якъ? Самому? Не можно. Давно вже винъ не пробу-

вавъ балакать зъ жинкою про те, що выходыть за межи ихъ сучасного жыття, симьи.

— Хиба попрохаты панну Наталю? Вона вміе, зможе.

Прыйшовъ винъ до цiеи думкы та й потроху заспокоився.

Наталя, яка вже давно скинчыла медычни курсы и теперъ мала не малу сылу въ доми Ростовськыхъ, яко ликарь и другъ, забигала до ихъ мало не що дня.

Ця корысна людына звыкла, писля визиту въ Софіи Петровны, зъявлятысь до „жывого закутка“, якъ прозвала вона кимнату Леоныда Ивановыча.

— Зъ вамы и у васъ тилько й спочынешъ. „Тамъ“ такый гармидеръ! И дывно мени, що Соня ни за що въ свити не хоче, хочъ на яку хвылыну, довирыты дитей нянькамъ. Тамъ справжній Содомъ, а вона тилько й знае: „диты, тыхше“!

Такъ балакала цей разъ панна Наталя въ кабинети Леоныда Ивановыча.

— Дывуюсь я Сониному терпинню, сумно—видповивъ Леонытъ Ивановычъ.

— А я дывуюсь вамъ, Леоныдъ Ивановычъ. Невже вы не здатни запалыты въ іи души хочъ одну малесеньку искру того полумья, якымъ жывете сами, яке, жывучы въ вашимъ серци, робыть зъ васъ справжню, жыву людыну? Вы жъ ій доводытесь чоловикомъ, найблыжчою людыною? Вы жъ попереду, памьятаете, тоди, давно колысь, такъ щыро радилы, що въ своій Сони знайшлы себе самого?

— Такъ, радивъ... Правда... Це було давно, давно... Дійсно, що тоди мы безумовно, якъ найкраще, пидходылы одно до другого.

И здается мени, вы такъ любылы іи?

— Такъ. Правда ваша, панно Наталіе. Любывъ я іи. А теперъ отъ я нiякъ не можу впизнаты въ Сони тіеи попереднёи гарнои, чулои дивчыны. Ця Соня, яку я заразъ называю своею жинкою, зовсимъ не та, чужа мени. Ця Соня якось такъ осилась, заспокоилась, забула зовсимъ про себе, такъ ще рано встарилась душею та тиломъ, закысла... Та Боже жъ мій! Невже не можна жыты и для дитей и для свого чоловика, жыты за для семьи и разомъ за для цилого жыття, шырокого, кыпучого жыття? Яскраво, ясно жыты? Аджежъ знае вона, дуже добре знае, якои я хотивъ жинкы. Тоди, давно колысь, стилько говорено було объ цимъ, стилько було мрій, а теперъ писля десяты литъ жыття зъ жинкою, я мушу тилько терпиты іи биля себе, щобъ зоставатысь

чесною людыною. Колы бъ вы зналы, панно Наталіе, якъ важко погодытысь зъ такымъ сумнымъ становыщемъ!

— Я соби уявляю ваше становыще. Вы маете таку палку, юнацьку душу, а та... кысне.

— Такъ... такъ. Вы це гарно сказалы: „кысне“, именно „кысне“. Може бъ вы, Наталія Феофанивна, побалакалы объ цимъ зъ нею? Я не вмію, не можу черезъ те, що боюсь, якъ бы не образыты іи, помымо воли, а вона й безъ того така несчасна людына.

— Вона несчасна? Що вы кажете? Навпакы, Соня заразъ занадто вже счаслыва. Вона бъ рада молытысь на васъ, на дитей. Найвыще Сонине счастя—це симья, праця за-для дитей.

— А хиба вы балакалы зъ Сонею!

— Я й такъ бачу. За весь цей часъ, мени здается, можно було бъ, хочъ разъ, хочъ кризъ зубы, поскаржытысь, що тяжко ій такъ жыты, а то, гляньте вы на неи, завше вона однаковисенька; по всякъ часъ почуете одъ неи лышъ це солоденьке, затверджене—„диты, тыхше!“ Немовъ бы все іи жыття мистытся въ цьому, и тилько въ цьому.

— А отъ вы, панно Наталіе, визьмить та й довидайтесь въ Сони, чы йе въ неи тамъ, на души, десь тамъ глыбоко, пидъ цією корою спокою, що обгорнувъ іи такъ мицно, чы йе тамъ якый-сь иншый змистъ?

Це необхидно зробыть. Може жъ мы помыляемось? А може Соня терпыть таку муку, наривни зъ якою мое горе—дурныця, прымха якась?

— Гараздъ. Я побалакаю зъ Сонею, але я певна...

— Побалакайте, неодминно побалакайте. Вы жъ сами бачыте, що дали не можна, несыла моя такъ жыты. Я не хочу, не можу, навить не повыненъ старитысь душею вкупи зъ нею. Я ще не втратывъ того давнього запалу. Иноди я почуваю въ соби той самый, давній, юнацькый вогонь. Часамы мене ришуче тягне до себе те яскраве, чудове, жыве жыття, колы людына забувае себе, власни мукы, болячкы та радощи и йде все впередъ та впередъ, все дали та дали, пидъ прапоромъ чужого счастя, загального счастя. Охъ, панно Наталіе, колы бъ вы зналы, якъ болыть въ мене душа, колы я дохожу иноди до переконання, що на мени вже йе кайданы свого власного счастя, тыхенького, никчемного раю... Отъ же инши жинкы якось вміють працюваты разомъ и Богу и мамони, а Соня... Феофанивно, допоможить, бо я хочу знову повернути соби ту давню „дивчыну Соню“. Невже жъ, ска-

жить, зъ моихъ заходивъ не выйде ничого путящого? Навищо вы такъ скептычно всмихаетесь?

— Трудно, щобъ выйшло. Мынулося вже. Човныкъ Сонинъ прыбывся вже до дуже затышного берегу.

Колы Наталя пишла до дому, Леонидъ Ивановычъ дуже довго ходывъ въ задуми по кимнати. Останни слова Натали не йшлы йому зъ головы. „Невже жъ, гадавъ Леонидъ Ивановычъ, невжежъ и справди все те мынулось, не вернется?

Такъ рано втратыть въ жинцп товарыша, друга та жыты зъ нею, тилькп якъ зъ самкою. Страшно“...

И дуже захвылеваный, винъ раптомъ спынывся биля мольберту, на якому цимы днямы розпочавъ бувъ портрета Софіи Петровны, та не ціеи спокійнои, а тіеи висимнадцятылитньои дивчыны—Сони.

Биля цього партрету Леонидъ Ивановычъ почавъ працюваты дуже пыльно, та якось нервово.

Вже й смерклось, а винъ все малювавъ та малювавъ. Навить не помичавъ, що въ кимнати вже стало темно, та що биля його вже давненько стояла жинка.

На решти, колы вже зовсимъ стемнило, Леонидъ Ивановычъ залышывъ палитру.

— О, ты тутъ?—здывувався винъ, помитывшы жинку.

— А ты й не помичаешъ?

— Що тамъ сталось що-небудь? Може тоби Соню, чого треба?

— Та оце вже давненько я збиралась сказаты тоби. Намъ, бачышъ, неодминно треба найнять до Сергійчыка нимкеню.

— Гараздъ. Я запытаю въ контори. А що, якъ Леся?

— Ій все гирше. Поклычъ дохтора.

— Хиба жъ панна Наталя?

— Э, ни! Я боюсь. Краще звернутысь до професора.

И отъ винъ пойихавъ до конторы, звидтиль за професоромъ. Ничого страшного у дытыны запевно не було.

А ввечери Леонидъ Ивановычъ кинчывъ за для мисячныка, въ якому завше працювавъ, оповидання та, захопывшысь ціею роботою, одмовывсь иты вечеряты. Заразъ прыйшла жинка запытать, що сталося—чы часомъ не захворивъ?

— Ни, ни! Заспокойся, Соню, я здоровый.

— Ну, то въ такому разп треба було выйты до йидальни. Диты звыклы завше бачыты тебе за столомъ, а це ты налякавъ ихъ.

Эхъ, Соню, облышы це. Слухай... Я давпо вже хотивъ запытать тебе, невже все твое жыття мпстытся лыше въ цьому одному?

— Въ чимъ це?

— Въ оцій твоій невпынній тяганыни зъ днтьмы? Слухай, Соню, невже жъ ты забула, якъ колысь давно мы марылы зъ тобою про наше майбутне, розумне жыття? А хпба це таке, якого мы бажалы?

— Я це знаю.

— Знаешъ? А тимъ часомъ, выбачъ мени, ты такъ втягнулась въ оцю сплячку, що й не бачышъ свита божого. Соню, я жъ николы не бачу тебе, я навить одвыкъ вже балакать зъ тобою. Не можно, Соню, дали такъ жыть!

— Попереду мы повынни выгодувать днтей, поставыть ихъ на ногы, а потимъ почпемо знову жыты за для себе, якъ и перше.

— Але жъ якъ почнемо, колы ты вже одвыкла одъ того давнього жыття? Вже мынуло десять литъ, десять литъ... Соню, тилько подумай!

Софія Петровна усмихнулась.

— Хпба жъ це такъ багато?—спокійно одказала вона. Все наше жыття ще попереду насъ. Встыгпемо пожыть ще й за-для себе. Отъ пидростуть диты...

— И въ тебе, Сопю, не зъявляется теперъ навить бажання, жадной охоты до чого-небудь иншого, крпмъ дитей, симьи?

— Я выховую дитей,—вже зъ слизьмы въ горли, холодно одповила Софія Петровна.

— Безумовно, але жъ у тебе есть вильный часъ, колы можно було бъ побалакать зо мною, зъ людьмы. Всп насъ забулы Ты лышаешъ себе позаду жыття, а воно, Сопю, гляпь, якъ прудко йде все впередъ. Воно не хоче, не повынно дожыдаты тихъ що лышылысь позаду, ляглы одпочыть.

— Ну, цього вже я нпколы въ свитп не боятымусь. Стать дыкымъ можлыво тильки въ пустыни, а биля мене такый розумный, рухлывый чоловикъ. Та й кому я теперъ потрибна? Яку бъ могла я робыть роботу? Корыстною я буду теперъ лышъ въ симьи— отъ я й працюю за для неи.

Одчай захопывъ Леоныда Ивановыча, колы винъ почувъ останни жинчыни слова. Винъ вже не ходывъ, а бигавъ по кимнати.

— Йды сюды,— спынывся винъ биля розпочатого партрету. И тоби не жаль себе самои? Глянь яка ты була колысь давно! Тоди я бувъ впевненый въ тоби, вирывъ въ той свитъ, що горивъ у тебе въ очахъ, и якъ вирывъ!

Тоди мы булы злучени зъ тобою мицно, зъеднани булы духовнымы кайданамы. Въ тихъ кайданахъ мы бажалы лышытысь на завжди, а теперъ...

— А теперъ вже я не варта тебе?—зтыха запытала Софія Петровна, и въ іи очахъ стоялы сльозы.

— Моя ты дорога! Ни, варта, варта, варта, але жъ послухай, пожалій себе.

— Навищо ты малюешъ цього партрета? згодомъ пытала його жинка и нызько-нызько похылыла голову. Выдко було, що прыгадала вона соби щось давне-давне. Здается й не було його николы; таке чуже воно, те мынуле. Мынулось все те, а чому жъ видразу такъ важко та сумно стало на серци?

— Ты такъ пыльно працюешъ для ціеи маленькои бындочкы блакитнои на шыи. На вищо це?

— Соню, я бажаю повернуты тебе до жыття, ожывыть вкласты тоби въ душу якыйсь вогонь. Тебе неодминно потрибно пидняты, розбудыты, бо ты жъ заснула. Я не дозволю, не дамъ тоби такъ рано спускатысь до нызу. Не дамъ, не дозволю, Соню! Не повынно жъ такъ занепадать духомъ.

Софія Петровна видразу повеселищала, весело усмихнулась.

— Це жъ дурныця,—радо казала вона, и іи облыччя, яке за-хвылыну мало на соби той выразъ, котрый нагнавъ бувъ Леоныдъ Ивановычъ, колы нагадавъ ту давню, десятыричню старовыну, нагадавъ та звеселывъ, знову стало звычайнымъ, симьйовымъ облыччямъ матери, яке такъ лякало, такъ мучыло Леоныда Ивановыча цимы останнимы днямы.

— Теперъ же не майе въ мене часу начиплюваты соби на шыю ци бындочкы блакитни. Ось нехай вже, якъ пидростуть диты.

— Послухай, Соню, я почеплю цього партрета у тебе въ кимнати?

— Чепляй, а я пиду вже до дитей. Ото якъ забалакалась.

София Петровна выйшла, а Леонидъ Ивановичъ пыльно-пыльно прыдывлявся до жинчыпои постати, колы вона проходыла кимнатою до дверей. И колы вже рыпнулы двери, яки вона прычынила за собою якось такъ обережно, тыхенько; колы вже ажъ зъ третьои кимнаты почувся іи звычайный оклыкъ: „диты, тыхо“, Леонидъ Ивановичъ сумно похылывъ голову та, немовъ розбытый, сивъ биля столу. Сльозы стыснулы йому горло.

— Ни, вже годи, мынулось, не вернешъ!—тыхенько промовывъ винъ и нызенько схылывъ надъ столомъ зажурену голову. Важко, дуже важко було на души въ Леонида Ивановыча.

Такъ пробувъ винъ де-якый часъ, а потимъ пидвивъ голову, взявся кинчаты оповидання и вклавъ тузы, въ те скорбне оповидання, багато того тяжкого болю, якый заразъ опанувавъ його душу.

За роботою винъ сыдивъ до самого ранку, а София Петровна, запоравшы дитей, лягла спаты и передъ сномъ довгенько думала объ тимъ, якъ це іи чоловикъ непаче зовсимъ не любыть своихъ диточокъ. „Таки воны въ мене славни. Ось тилько Леся все хворіе“. А дали София Петровна спокійно заснула сномъ натомленои людыны.

Другои дныны Леонидъ Ивановичъ розсказувавъ панни Натали про свою розмову зъ жинкою.

— Отъ бачыте! Хиба жъ я не правду казала? Соня вже почала жыты тимъ тыхенькымъ, обмиренымъ жыттямъ, яке почынается въ хорошои матери заразъ писля першои дытыны.

— И вы тіеи думкы, що іи вже не можно розбудыть одъ ціеи сплячкы?

— Неможно черезъ те, що вона любыть своихъ дитей, що вона хороша маты.

— Ну, а що жъ дали буде? Якъ дали я жытыму?

— Не знаю я,—сумно видмовыла йому Наталя.

Мынуло рокивъ десять. Леонидъ Ивановичъ давно вже диставъ соби литературнои славы та щыро, гаряче працювавъ на ціи нывы.

Все, що выходыло зъ-пидъ його пера, палало такымъ юнацькымъ вогнемъ, такою гарячою вирою въ жыття, въ сылу жывои,

вильнои людыны, що спивробитныкы мисячныка, въ якому працювавъ Леоныдъ Ивановычъ, Наталя та вси ти, що зналы Леоныда Ивановыча, не разъ казалы йому.

— Вы мабуть вже до самои смерти зостанетесь юнакомъ, певнымъ въ соби, жывымъ.

— Я люблю молодь. Я спочуваю—ій, одповидавъ тоди Леоныдъ Ивановычъ и не разъ зъ його очей по облыччю, по бороди котылысь велыки, части сльозы.

Винъ такъ и не диждався нового нарождення Софіи Петровны. Той партретъ зъ блакитною бындочкою такъ и лышывся въ його кимнати.

Цей образъ колышньои Сони влывайе натхнення, молоду виру въ душу завжди-молодого Леоныда Ивановыча.

Ця велыка його любовь до всього молодого, юнацького, ця вира старого Леоныда Ивановыча, яка не хотила загаснуть навить и тоди, колы вся голова йому побилила писля довгыхъ литъ тіеи виры, та його прыхильнисть до всього, що мало на соби видбытокъ молодого, прекрасного,—дывувала Софію Петровну.

— А я не вмію такъ, не можу. Натомылась я,—прызнавалась вона не разъ и гордо звидусиль прыймала хвалу та пошану своему чоловикови.

Леоныдъ Пахаревськый.

1906 р. 30 сичня.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Библіотека Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Выпускъ второй. Описаніе рукописей и бумагъ, поступившихъ съ 1846 по 1902 г. вкл. Трудъ Е. И. Соколова. *Изданіе Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. при Московскомъ Унив. М. 1905. 8⁰, VII+935 стр. Цѣна 5 р. съ пересылкой.*

Въ 1845 году, какъ извѣстно, появилась работа П. М. Строева „Библіотека Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ", содержащая описаніе рукописей славянскихъ и россійскихъ, принадлежавшихъ въ то время Обществу(№№ 1—335), перечень книгъ церковной и гражданской печати, перечень книгъ и рукописей иностранныхъ. Со времени появленія труда Строева, въ библіотеку Общества поступило значительное число рукописей. Такимъ образомъ, явилась необходимость новаго описанія, и настоящій 2-й выпускъ Библіотеки Общества Исторіи и Древностей, составленный Е, И. Соколовымъ, представляетъ продолженіе той части труда П. М. Строева, которая посвящена описанію россійскихъ и славянскихъ рукописей. Не смотря на то, что многіе документы исчезли изъ библіотеки Общества, общее число всѣхъ находившихся къ началу 1903 года въ Обществѣ рукописей и бумагъ насчитывается около 3800 №№—въ. Большую часть рукописей составляютъ историко-юридическіе акты. Оставляя для 3-го выпуска описаніе этихъ актовъ, а также перечень тѣхъ документовъ, которые въ настоящее время утрачены, но значатся въ протоколахъ Общества, г. Соколовъ во 2-й выпускъ вноситъ описаніе всѣхъ остальныхъ рукописей. Такимъ образомъ, въ его трудѣ

описаны: 1) рукописи славяно-русскія XV-XIX вв. (557 №№-въ),[1]) 2) рукописи на языкахъ славянскихъ, западно-европейскихъ и восточныхъ (44 №№-а), 3) планы, карты и отдѣльные рисунки (6 №№-въ), 4) бумаги Ю. И. Венелина (206 №№-въ), 5) бумаги О. М. Бодянскаго (250 №№-въ), 6) Бумаги А. Н. Попова (50 №№-въ). Общее число описанныхъ въ настоящемъ выпускѣ рукописей составляетъ 1113 №№—въ. Всѣ рукописи, кромѣ бумагъ Венелина, Бодянскаго и Попова, расположены въ описаніи по алфавиту сообразно началу названія каждой рукописи или, гдѣ это оказалось возможнымъ, сообразно фамиліи сочинителя. По содержанію своему эти рукописи относятся къ священному писанію, богослуженію, богословію, къ исторіи церковной и гражданской, къ литературѣ, каноническому праву, проповѣдничеству, языкознанію, географіи, астрономіи, медицинѣ, критикѣ, библіографіи и пр. Ученыя работы Венелина, Бодянскаго и Попова описаны въ систематическомъ порядкѣ. Относительно поступленія ихъ въ библіотеку Общества, въ предисловіи къ книгѣ г. Соколовъ сообщаетъ слѣдующее: бумаги Ю. И. Венелина были подарены Обществу вдовой И. И. Молнаря въ февралѣ 1874 года; ученыя работы О. М. Бодянскаго были найдены въ редакціонныхъ бумагахъ Общества, отобранныхъ послѣ смерти Бодянскаго, въ 1877 и 1879 гг.; бумаги А. Н. Попова Общество пріобрѣло у его душеприказчика А. А. Зборжевскаго въ 1882 г. за тысячу рублей.

Работа г. Соколова исполнена весьма тщательно. Авторъ не ограничивается названіемъ рукописи и указаніемъ внѣшнихъ ея признаковъ, но часто, гдѣ это оказывается необходимымъ, дѣлаетъ подробный перечень ея статей; часты также у него сопоставленія текста описываемой рукописи съ печатными редакціями ея и вообще указанія, гдѣ и когда данный документъ былъ опубликованъ; иногда онъ пересказываетъ содержаніе рукописи или же дѣлаетъ болѣе или менѣе обширныя извлеченія; въ приводимыхъ текстахъ, по его словамъ, соблюдена дипломатическая точность. Къ книгѣ приложенъ обстоятельный указатель лицъ, мѣстъ, предметовъ и статей.

Переходя къ болѣе детальному обозрѣнію труда г. Соколова, мы не будемъ касаться всего содержанія его книги, но остановимся лишь на тѣхъ документахъ, которые могутъ имѣть значеніе для изученія мѣстнаго края. Въ общемъ отдѣлѣ его книги большинство интересныхъ для насъ документовъ по содержанію своему относится къ

---

1) Нумерація рукописей начинается съ 336 №-а, т. к. №№ 1—335 описаны Строевымъ. По вѣкамъ сл. русск. рукописи распредѣляются такъ: къ XV в. относится 4 №№—а, къ XVI—11, къ XVII—30, къ XVIII—99, къ XVIII—XIX—5, къ XIX—408.

гражданской и церковной исторіи. Изъ рукописей XVII вѣка назовемъ: № 358—Новый Лѣтописецъ. Редакція его нѣсколько измѣнена сравнительно съ текстомъ, нопечат. въ XVII кн. „Временника Общества Ист. и Др.“; лѣтописецъ доведенъ до 1630 года; первыя главы его повѣствуютъ о началѣ русской земли и о кіевскихъ князьяхъ, основываясь на лѣтописяхъ, Степенной книгѣ и хронографахъ. № 364—Сборникъ, содержащій въ себѣ родословныя русскихъ князей и бояръ (въ двухъ редакціяхъ) и выписки изъ разрядныхъ книгъ; въ числѣ другихъ находятся родословныя князей кіевскихъ, черниговскихъ, стародубскихъ, государей литовскихъ и пр.; въ общемъ родословныя совпадаютъ съ т. наз. „Бархатной книгой“, напечатанной въ Москвѣ въ 1787 г. Среди рукописей XVIII вѣка къ области церковной и гражданской исторіи относятся: № 382—Акты Малороссійскіе въ копіяхъ; эти акты таковы: 1) списокъ малорусскихъ шляхтичей, гражданъ и козаковъ, избранныхъ въ предводители, головы и депутаты; учиненъ 12 мая 1767 г. 2) списокъ жалованной грамоты на помѣстья генеральному войск. судьѣ Ивану Чернышу; выданъ съ подлинной грамоты 8 окт. 1780 г. 3) Копіи съ двухъ оффиціальныхъ писемъ гр. А. Безбородка къ малороссійскому почтдиректору касательно устройства почтъ въ перешедшихъ отъ Польши и Литвы къ Россіи земляхъ, отъ 14 мая 1793 г, и отъ 6 окт. 1795 г. 4) списокъ съ указа Петра I объ измѣнѣ Мазепы, отъ 28 окт. 1708 г. № 388—Бумаги о службѣ полковника Гадячскаго полка и гомитинскаго полка А. Крыжановскаго, въ копіяхъ, № 392—Выписки изъ Синопсиса, напечатаннаго въ Петербургѣ въ 1718 г., относительно прихода бусурманскихъ войскъ подъ Чигиринъ и пораженіе ихъ. № 393—Выписки историческія изъ различныхъ рукописей; здѣсь между прочими—статья о переходѣ Малороссіи къ Россіи. № 400—два доношенія митрополиту Рафаилу Заборовскому настоятеля Братскаго монастыря іеромонаха Амвросія въ 1732 г. о нападеніи козаковъ на іеромонаха Арсенія Стакуловича и о захватѣ монаст. грунтовъ козаками. № 402—Дѣло о выборѣ пѣвчихъ изъ малороссовъ для церкви въ Кенигсбергѣ, въ 1760 г,. № 403—Дѣло о козакѣ переясл. полк. Ласкѣ Бабиченкѣ, 1718 г., въ подлинникахъ и копіяхъ. Леско обвинялся въ томъ, что хотѣлъ зарубить государеву лошадь и похвалялся снять голову гетману и самому царю. № 404—Дѣло о малороссіянинѣ Юскѣ Искрѣ, іеродіаконѣ Товіи и др. лицахъ, бѣжавшихъ вопреки царскимъ указамъ къ запорожцамъ, 1720—1721 гг., въ подлинникахъ и копіяхъ. № 405—Дѣло о пойманныхъ въ 1721 г, въ Глуховѣ двухъ волошскихъ чернецахъ съ фальшивымъ свидѣтельствомъ на сборъ пожертвованій, въ подлинникахъ и копіяхъ. № 420—Лѣтопись Григорія Грабянки съ приложеніемъ статей гетмановъ, корфирмованныхъ грамотъ и царскихъ

указовъ, касающихся малороссійскаго войска; писана малор. скорописью XVIII в.; текстъ лѣтописи сравнительно съ изданнымъ (Кіевъ 1854) большею частью разнится: встрѣчаются сокращенія и прибавки. № 421—тоже, на южно-русск. яз., съ приложеніями копіи о формѣ суда и разныхъ указовъ, касающихся гл. обр. малороссійскаго козачестра; писана скорописью XVIII в.; текстъ этой редакціи весьма близокъ къ напечатанному. № 424—Матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи. 1734—1749 гг. Сюда входятъ различныя прошенія о поступленіи въ академію, донесенія префектовъ о числѣ учителей и преподаваемыхъ ими наукахъ, письма родителей къ митрополиту кіевскому о дѣтяхъ, обучавшихся въ академіи и пр. № 426—Копія письма гадячскаго полковника Милорадовича къ государственному канцлеру Головкину, изъ Глухова, отъ 14 янв. 1716 г. Документъ этотъ легъ въ основу статьи О. М. Бодянскаго „Дѣло о полковникѣ Милорадовичѣ и Чернышѣ 1716 г.“ („Чтенія Общества“ 1870. III). № 431—Опись ризницы и книгохранилища Кіево-Печерской Лавры, малорусск. скоропись к. XVIII в. № 434—Письма и выписки изъ писемъ гетмана И. Скоропадскаго къ государственному канцлеру Г. И. Головкину 1711—1716 гг.; текстъ во многихъ мѣстахъ утраченъ, бумага отъ времени сдѣлалась трухлявою. № 435—Письма глуховского стольника Θеодора Протасьева къ Г. И. Головкину и его сослуживцамъ, 1715—1716 гг., и письмо капитана Албанеза къ нему-же; письма Протасьева писаны изъ Глухова, Прилукъ, Роменъ и Гадяча и имѣютъ форму оффиціальныхъ донесеній. Изъ рукописей XVIII—XIX в. отмѣтимъ № 482—Матеріалы, предполагавшіеся къ напечатанію въ V неизданномъ выпускѣ „Молодика“ 1845 г. Здѣсь собраны нѣкоторые документы, относяшіеся гл. обр. къ г. Ахтыркѣ и ахтырскому уѣзду, и списокъ статьи В. Н. Каразина „Статистическое обозрѣніе Слободско-украинской губ.“ (1819). Изъ рукописей XIX в. къ исторіи мѣстнаго края относятся: № 512—Бумаги, относящіяся до бывшаго Секретнаго Греко-унитскаго комитета 1835 г.; копіи и одинъ подлинный документъ. № 522—кн. Васильчикова, бывшаго кіевскаго генералъ-губернатора, „Обзоръ положенія губерніи Кіевской, Подольской и Волынской и дѣйствій главнаго мѣстнаго управленія въ 1859 и 1860 гг. № 524—А. Волкова. Новѣйшія розысканія о Черниговской медали. 1830 г. № 545—Георгія Кониссхаго Исторія руссовъ, бѣловой списокъ 1824 г. № 552—Г. А. Громова Гетманъ Дорошенко, краткая статейка, напис. въ 1850 г. № 566—А. Добротворскаго Свѣдѣнія о книгѣ Василія Великаго, принадлежащей Загоровскому (Волынск. г) монастырю, и о сохранившейся на ней надписи, будто-то бы принадлежащей перу Самозванца; составлено въ 1852 г. № 568—Документы въ сп. XIX в., касающіеся Чугуевскаго

полка за время съ 1652 г. до первой четверти XIX в. вкл. № 576—кн. И. М. Долгорукаго путешествіе въ Кіевъ въ 1810 г. Напечатано въ „Чтеніяхъ Общества“ 1869 г. кн. III. № 577—Его же. Путешествіе въ Кіевъ въ 1817 г. Напеч. въ „Чтеніяхъ“ 1870, кн. II.—Политическое дѣленіе Прикарпатскихъ земель и нѣкоторыя статистическія показанія 1875 г. № 611—К. Кавелина. О исторіи Малой Россіи, соч. г. Раковича. № 629—Книга Черная или Справая Малороссійскаго Прилуцкаго полку съ 1676 по 1718 г., въ копіи 1849 г. № 638. Копія съ регистра оставшемуся имуществу еп. Иринея Фальковскаго, составленнаго въ 1832 г. Здѣсь же списокъ съ рапорта комиссіи, описывавшей имущество Иринея. № 641—Н. Костомарова Объ исторіи Руссовъ Георгія Кониcскаго и ея критикахъ, 1849 г. № 644—П. Кулиша Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи Григорія Надхина „Память о Запорожьѣ и о послѣднихъ дняхъ Зап. Сѣчи“; автографъ автора, 1877 г. № 710—Матеріалы для исторіи Харьковскаго университета; копіи съ писемъ министра нар. пр. А. В. Головина къ попечителю Московскаго уч. округа и попечителю Харьковскаго уч. округа, 1863 г. № 711—Матеріалы историческіе, касающіеся Малороссіи, относящіеся къ эпохѣ Екатерины II и отчасти Александра I; въ копіяхъ. Здѣсь между пр. находится проектъ Е. Теплова о Батуринскомъ университетѣ, писанный въ 1760 г.; проектъ напечатанъ въ „Чтеніяхъ Общества“ 1863. кн, II. № 714—Капитана Менькова программа военной исторіи Малороссіи, сост. въ 1848 г. № 716—Г. А. Милорадовича Любечъ Черниг. г.—родина преп. Антонія Печерскаго: напеч. въ „Чт-Общества“ 1871 г. кн. II. №№ 731, 738—787—Проектъ нѣкоего іезуита объ истребленіи православія въ Польшѣ; напеч. въ „Чтеніяхъ Общества“ 1862 г. кн. IV. № 761—Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, описанное Павломъ Алепскимъ; переводъ съ англ. Д. Д. Благово; рукопись обнимаетъ кн. 2, отд. XVII—XXVII. № 765—Патерикъ Печерскій Арсеніевской редакціи, въ спискѣ XIX в. № 766—Патерикъ Печерскій въ копіи XIX в. со списка 1554 г. № 767 Перестрога—памятникъ письменности, относящійся къ Брестскому собору 1596 г.; новая копія съ рукописи Львовской Ставропигіи.[1])

№ 808—С. Рождественскаго—Петръ Могила; напеч. въ „Чтеніяхъ Общества“ 1877, кн. I. № 811—Роспись Кіеву 1682 г., списокъ XIX в.; напеч. въ „Чтеніяхъ“ 1858, кн. II. № 813—гр. Румянцова „О скуплѣ въ Малой Россіи козачьихъ имѣній, о свободныхъ посполитыхъ и о

[1]) Этотъ памятникъ изданъ по рукописи Львовской Ставропигіи въ Актахъ Зап. Россіи, т. IV, № 149, стр. 203—239. С. М.

живущихъ въ подданствѣ козакахъ, какъ имъ быть нынѣ и впредь оставаться, списокъ XIX в.; напеч. въ „Чтеніяхъ“ 1861, кн. II. № 819—Нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о г. Чугуевѣ, заимствованныя большей частью изъ Исторіи Карамзина. № 855—Сказаніе о чудесномъ созданіи Кіево-Печерской Лавры; взято изъ извѣстнаго посланія Симона къ Поликарпу. Списокъ подложный, работы А. И. Бардина. № 890—Х. Юнкера Описаніе Украйны, русскій переводъ К. съ нѣмецкаго подлинника, хранящагося въ Московскомъ Архивѣ Мин. Ин. Д., 1848 г. № 894—нѣсколько документовъ, относящихся къ Богдану Хмельницкому и къ войску запорожскому изъ Актовъ Коронной Метрики въ копіи XIX вѣка (на полск. яз.). № 895—Выписки изъ польскихъ рукописей, принадлежавшихъ П. Зелинскому, Д. Зубрицкому, а также изъ рукописей львовскихъ архивовъ, копія XIX в, Выписки представляютъ любопытный матеріалъ для исторіи Польши, Литвы и Запорожья въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ въ періодъ к. XVI—нач. XVIII ст.; именно, здѣсь содержатся документы, относящіеся къ исторіи уніи, къ эпохѣ Хмельницкаго, отчасти къ эпохѣ Мазепы. № 897—898—St. Oskierki Pamiętnik p. w. Curriculum vitae, копія XIX в. и русскій переводъ, сдѣланный въ 1868 г. Записка Оскерки относится къ 1734 г. и представляетъ свидѣтельства о жестокихъ насиліяхъ, которыми сопровождалось обращеніе въ католичество христіанъ другихъ исповѣданій въ Польшѣ. № 901—Stan hystoryi narodu polskiego, z Warszawy 1791 г., въ копіи съ подлинника, находящагося въ Архивѣ греко-уніатскаго митрополичьяго Капитула во Львовѣ; на 1-мъ листѣ Я. Ѳ. Головацкимъ высказаны соображенія о принадлежности этого сочиненія перу Георгія Конниского. № 915—De laboribus Unitorum: Promotione, Propagatione et Protectione divinae Unionis ab initio ejus usque ad haec tempora Jacobi Suska, episcopi Chelmensis, a. Domini 1664, въ копіи XIX в. № 917—Нота Леона Шептицкаго еп. львовскаго, 1774 г., въ копіи XIX в, содержащая нѣсколько документовъ для исторіи взаимоотношеній католицизма и православія въ польскомъ государствѣ въ XVII и XVIII вв. (на латинск. яз.) № 942—Планъ Золотыхъ Воротъ Ярославовыхъ, открытыхъ въ 1832 году корреспондентомъ Общества Ист. и Др. К. Лохвицкимъ.

Изъ рукописей *не относящихся къ исторіи гражданской и церковной* отмѣтимъ слѣдующія. Къ XVIII вѣку относятся, во первыхъ, списки сочиненій знаменитыхъ выходцевъ изъ Малороссіи—Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича и Димитрія Ростовскаго; № 395—Сборникъ, содержащій рѣчь Димитрія Ростовскаго при вступленіи на ростовскую каѳедру и 29 словъ его и поученій на недѣльныя евангелія и праздничные дни. № 396—Его-же Лѣтописецъ Келейный. № 397—

Его-же три письма къ иноку Өеологу. № 454—Сборникъ словъ различныхъ проповѣдниковъ XVIII в.; между ними находятся слова Өеофана Прокоповича, Стефана Яворскаго и Димитрія Ростовскаго. № 478—Өеофана Прокоповича Краткое сказаніе о Богѣ и пр. Всѣ названныя здѣсь сочиненія этихъ писателей были напечатаны. Далѣе, къ XVII в. относятся слѣдующія рукописи не историческаго содержанія: № 441—Послѣдованіе о обуреваемыхъ отъ нечистыхъ духовъ, изъ Требника П. Могилы. № 455—Сборникъ, содержащій въ числѣ другихъ статей выписки изъ Евангелія учительнаго Кирилла Транквилліона и „Лѣствицу Духовную", приписываемую Исаіи Копинскому. № 448—Сборникъ, содержащій выписки изъ свв. отцовъ и изъ патериковъ, писанный малорусскою скорописью XVIII в. Изъ рукописей *XIX вѣка* остановимся на слѣдующихъ номерахъ: № 510—Боровиковскаго, учителя полтавской гимназіи, Разговоръ малороссіянина съ сыномъ. № 541—Г. Галагана о малороссійскомъ народномъ чтеніи, небольшая статейка, написавная въ 1847 г. Авторъ говоритъ объ упадкѣ народнаго духа въ украинскомъ народѣ и указываетъ на необходимость изданій на малорусскомъ языкѣ. № 542—Галя, Лирическая опера изъ украинскихъ пѣсенъ, въ 3-хъ дѣйствіяхъ. № 547—Н. В. Гоголя Мертвыя души, т. 2-й. Рукопись представляетъ объединеніе двухъ редакцій 2 тома, составленное проф С. Шевыревымъ. № 649—Іоанна Леванды, протоіерея Кіево-Софійскаго собора, письмо (въ копіи) къ неизвѣстному лицу по поводу смерти его сына. № 690—А. А. Майкова „Можетъ ли Слово о Полку Игоревѣ принадлежать польской литературѣ?". Статья написана въ 1850 г. и направлена противъ Вишневскаго и Мацѣіовскаго, рѣшающихъ вопросъ утвердительво. № 780—Пословицы и поговорки украинскія, собранныя А. Цимбалистовымъ въ 1871 г. № 790—Псалтирь на малорусскомъ языкѣ съ особымъ прибавленіемъ каѳизмы шестой; копія съ подлинника, придлежащаго Румянц. Музею. Рукопись поступила въ библіотеку Общества отъ П. А. Кулиша. №№ 885—886 С. Шипова о памятникѣ Богдану Хмельницкому, въ двухъ спискахъ; напеч. въ „Чтеніяхъ Общества" 1862, кн. IV.

Среди *бумагъ Ю. И. Венелина* интересны слѣдующіе номера: № 10—Объ украинскомъ правописаніи, неоконченная статья Венелина. № 26—Егоже Краткая критическая замѣтка на книгу „Украинскій Альманахъ" Харьковъ 1831. № 60—Его-же Небольшой отрывокъ романа изъ малороссійской жизни. № 66—Егоже Изъ думы о гетманѣ Богданѣ, на малор. языкѣ. № 77—Отрывокъ изъ Исторіи козацко-польской войны С. Грондскаго, въ русскомъ переводѣ Венелина; напеч. въ „Журн. Мин. Нар. Пр." 1836. 7. № 81—Статья Венелина О спорѣ между южанами и сѣверянами на счетъ ихъ россизма; напеч. въ

„Чтеніяхъ Общества“ 1847, кн. IV. № 97—Пословицы русскія, малороссійскія и др., записанныя Венелинымъ. № 98—Карпато-Русскія пословицы, автографъ Венелина. № 105—Четыре малороссійскія басни: „Макив а“, „Мирошникъ“, „Утята да Степъ“ и „Ведмежій судъ“. № 106—Списокъ къ Лѣтописи Григорія Грабянки съ прибавленіями, автографъ Венелина; редакція этого списка отличается отъ печатнаго (к. 1854). № 110—Разговоры на малороссійскомъ языкѣ, автографъ Венелина. Среди *бумагъ О. М. Бодянскаго* отмѣтимъ №№ 113—118 Матеріалы по изданію Изборника Святослава 1073 г, №№ 119—123 Матеріалы по изданію житія свв. Бориса и Глѣба, №№ 128—129. Матеріалы по изданію житія Ѳеодосія Печерскаго. № 133—Предисловіе къ статьѣ „проекты объ уничтоженіи Греко-Россійскаго вѣроисповѣданія въ отторженныхъ Польшей отъ Россіи областяхъ; напеч. въ „Чтеніяхъ Общества 1862 г. кн. IV. № 159—Наймычка, соч. Т. Шевченка. №№ 228—237 Копіи съ документовъ по исторіи Малороссіи и Польши; здѣсь между прочими находятся копіи двухъ документовъ на польск. яз. съ русск. перев. 1647 и 1650 гг., освѣщающіе дѣйствія Богдана Хмельницкаго. №№ 245—246. Два черновые отвѣта Бодянскаго на письма М. П. Погодина по поводу изданнаго Бодянскимъ сочиненія Д. Зубрицкаго „Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Россіи“, первый отвѣтъ напечатанъ у Н. Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина“ т. VIII, стр 154 слл. Среди *бумагъ А. Н. Попова* нѣтъ болѣе или менѣе значительныхъ памятниковъ, относящихся къ прошлому мѣстнаго края.

С. М.

Труды Полтавской ученой архивной коммиссіи, *выпускъ II. Полтава 1906 г.*

Существующая немногимъ болѣе двухъ лѣтъ Полтавская ученая архивная комиссія только что выпустила уже второй выпускъ своихъ Трудовъ, заключающихъ въ себѣ, какъ и первый выпускъ, весьма цѣнные матеріалы и статьи.

Настоящій выпускъ Трудовъ открывается весьма интересной статьей Л. В. Падалки: „Что сказало населеніе Полтавской губерніи о своемъ старомъ бытѣ“. Матеріалами для отвѣта на поставленный выше вопросъ послужили свѣдѣнія, сообщенныя Полтавскому губернскому статистическому комитету мѣстными корреспондентами, запрошенными комитетомъ въ 1896 и 1897 годахъ по программѣ, которая состояла изъ нѣсколькихъ вопросовъ, касающихся происходящихъ въ настоящее

время измѣненій мѣстнаго народнаго быта. Такимъ путемъ было добыто 192 корреспонденціи. Программа, по которой собирались комитетомъ свѣдѣнія, заключала къ себѣ слѣдующіе вопросы: 1) объ имени народа; 2) о племенномъ составѣ; 3) о жилищѣ; 4) объ одеждѣ; 5) объ обрядахъ и обычаяхъ; 6) о языкѣ и пѣсняхъ; 7) объ изученіи народнаго быта вообще. По всѣмъ этимъ пунктамъ сообщенія говорятъ о значительныхъ измѣненіяхъ, которыя претерпѣваетъ въ настоящее время народный бытъ во всей своей совокупности. Причиной такого явленія служатъ главнымъ образомъ, измѣнившіяся и измѣняющіяся условія экономическаго характера. Малоземелье и, какъ слѣдствіе его, отхожіе заработки, сильно вліяютъ на то, что молодежь знакомится съ иными условіями жизни и постоянно приноситъ съ собою различныя новшества въ сельскую обстановку. Затѣмъ, фабричные мануфактурные товары по своей дешевизнѣ и блеску вытѣсняютъ въ деревнѣ домашнее производство, которое сокращается, кромѣ того, и потому, что почти вся земля идетъ, на запашку, вслѣдствіе чего значительно сократилось скотоводство, дававшее матеріалъ для одежды. Въ числѣ факторовъ, вліяющихъ на измѣненія культурныхъ условій деревенской жизни, не послѣднее мѣсто занимаетъ и школа, которая развиваетъ въ молодежи критическое отношеніе ко всему окружающему. Въ общемъ, картина, которую даютъ корреспонденціи изъ разныхъ уголковъ Полтавской губерніи, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что обстановка, въ которой живетъ селянинъ, сильно измѣнилась за послѣднее время и измѣняется и теперь повсемѣстно. Помимо констатированія тѣхъ или другихъ измѣненій формъ народнаго быта, корреспонденты высказываются еще и о своемъ отношеніи къ этимъ измѣненіямъ. Большинство изъ нихъ высказались сочувственно по отношенію къ формамъ новаго быта, находя, что они представляютъ болѣе удобствъ и выгодъ для жизни. Свое сочувствіе къ новымъ явленіямъ въ формахъ народнаго быта высказало около половины всѣхъ корреспондентовъ около; 1/3 части—заявило себя сторонниками старыхъ формъ и приблизительно такое же число засвидѣтельствовало о безразличномъ своемъ отношеніи къ данному кругу явленій. Сознаніе неизбѣжности происходящихъ измѣненій бытовыхъ формъ народной жизни присуще населенію вполнѣ, особенно молодому поколѣнію. Однако, населеніе сознаетъ и то, что „людына хороша, якъ вона на себе похожа“..... Матеріалъ, полученный комитетомъ, сгруппированъ авторомъ чрезвычайно искусно и заключаетъ въ себѣ много любопытнѣйшихъ подробностей.

Вторая статья — С. Сиротенка: „Церковное пѣніе въ южной и сѣверной Россіи въ XVII вѣкѣ“. Начавъ съ общей исторіи церковнаго пѣнія, авторъ переходитъ затѣмъ къ разрѣшенію вопроса, когда и

какимъ путемъ проникло многоголосное (гармоническое) пѣніе въ Южную Русь. Точное и опредѣленное рѣшеніе этого вопроса невозможно за отсутствіемъ историческихъ данныхъ, которыя ничего не говорятъ о появленіи гармоническаго пѣнія, а констатируютъ лишь его существованіе, и то въ отрывочной и краткой формѣ. Подобныя свѣдѣнія свидѣтельствуютъ о томъ, что гармоническое пѣніе существовало въ Южной Руси уже въ началѣ XVII вѣка, куда занесено было, по всей вѣроятности, съ запада. Впервые гармоническое пѣніе получило свое развитіе въ Юго-Западной Россіи въ братствахъ, которымъ нужно было имѣть пичѣмъ не уступающіе западнымъ хоры, дабы тѣмъ же оружіемъ бороться съ католичествомъ, имѣвшимъ въ то время хоры, стоявшіе на высокой степени развитія. Въ самомъ началѣ XVII вѣка Львовское братство имѣло уже такой хоръ, которымъ въ 1604 году управлялъ учитель братской школы Федоръ Сидоровичъ. Вскорѣ и другія братства завели у себя школы церковнаго пѣнія, явившіяся разсадниками учителей гармоническаго пѣнія для всей Юго-Западной Руси. Отсюда многоголосное пѣніе было перенесено и въ Великороссію, гдѣ стало широко распространяться со времени Никона, покровительствовавшаго партесному пѣнію и неоднократно выписывавшаго къ себѣ южныхъ пѣвцовъ. Далѣе авторъ разсматриваетъ памятники партеснаго пѣнія, дошедшія до нашего времени.

П. Китицынъ далъ для настоящаго выпуска Трудовъ небольшую замѣтку: „Печати трехъ малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ XVIII столѣтіи“. Замѣтка эта занимаетъ около четырехъ страничекъ, но тѣмъ не менѣе содержитъ въ себѣ изрядное количество странностей и ошибокъ.

Начать съ того, что козачьи полки, существовавшіе въ періодъ Гетманщины, своихъ собственныхъ печатей не имѣли, а документы, выдававшіеся въ выписяхъ изъ магистратскихъ книгъ, скрѣплялись обязательно печатью даннаго *магистрата* и иногда еще кѣмъ либо изъ лицъ мѣскаго уряда. Если же документъ выдавался полковникомъ или вообще чѣмъ либо изъ представителей мѣстной полковой старшины, то къ нему прикладывалось *личная* печать лица, дающаго актъ. Поэтому г. Китицынъ ошибается, считая печать, имѣющую надпись: „Sigillum civitatis Alexandr.“ принадлежащей Лубенскому полку; это была печать, какъ показываетъ и сама надпись, Лубенская мѣская, т. е. городская, магистратская, потому что магистратъ являлся представителемъ города. Совершенно не вѣрно также и то, что городу Лубнамъ принадлежала печать съ надписью: М. В. М. С. П. Л. и съ изображеніемъ креста и мѣсяца. Это была личная печать полкового лубенскаго судьи (1698—1705) Мартоса и буквы на ней обозначаютъ:

„Мартынъ Васильевичъ Мартосъ, судья полку лубенского“. Равнымъ образомъ не было печати *лубенскаго полковника* вообще, а были печати полковниковъ: Ильяшенка, Свѣчки, Зеленскаго, Савича, Марковича и т. д., т. е. каждый полковникъ имѣлъ *личную* свою печать, которою и скрѣплялъ выдаваемые имъ универсалы и вообще документы. Впрочемъ, самъ г. Китицынъ въ концѣ статьи говоритъ, что печать, приводимая имъ, принадлежитъ лубенскому полковнику Дмитрію Зеленскому. Что касается остальныхъ, сообщаемыхъ г. Китицынымъ, печатей (Миргорода, Днѣпровскаго пикинернаго полка и Остаповскаго уѣзда), то о нихъ не можемъ судить по неимѣнію данныхъ, хотя должны признаться, что изъ нихъ двѣ (первая и послѣдняя) возбуждаютъ въ насъ большое сомнѣніе. Въ текстѣ г. Китицынъ говоритъ о печати Миргородскаго *полка*, а снимокъ съ нея называетъ печатью *города* Миргорода. Очевидно, авторъ замѣтки не вполнѣ знакомъ съ предметомъ, о которомъ въ ней говоритъ. Неяснымъ для насъ остается и помѣщеніе Днѣпровскаго пикинернаго полка на ряду съ Лубенскимъ и Миргородскимъ полками. Повидимому автору не извѣстно, что козачьи полки, существовавшіе въ періодъ Гетманщины ничего не имѣли общаго съ образованными во второй половинѣ XVIII вѣка пикинерными полками; авторъ же и тѣхъ и другихъ называетъ малороссійскими козачьими полками.

Наконецъ, что это за *дворяне* въ г. Лубнахъ въ 1687 и 1703 годахъ: Иванъ и Петръ Кулябки? Неужели г. Китицынъ не знаетъ, что дворянство на Украйнѣ появилось лишь послѣ изданія дворянской грамоты 1785 года, а въ началѣ XVIII вѣка здѣсь было лишь „товариство“ и „посполъство“, да и то сливавшіяся просто въ „обывателей“? Еще нѣсколько замѣчаній. Г. Китицынъ считаетъ, повидимому, полковую канцелярію чѣмъ то вродѣ современнаго департамента; иначе какъ понять такое выраженіе: „Закладная эта утверждена въ Лубенской полковой канцеляріи, *въ которой тогда служили:* полковникомъ — Дмитрій Зеленскій, судьей — Мартынъ Васильевъ“ и т. д. Вѣдь говоритъ же нѣсколько ранѣе г. Китицынъ: „Купчая явлена въ Лубенской ратушѣ, въ которой *засѣдали* тогда: полковой судья Матвѣй Папѣневичъ [1]) атаманъ г. Лубенъ Калениќъ Антипенко и т. д.? Зачѣмъ же говорить безсмыслицу? Не останавливаясь на другихъ невѣрностяхъ и неточностяхъ, разсѣянныхъ въ замѣткѣ г. Китицына, посовѣтуемъ ему прежде хорошенько ознакомится съ предметомъ, а затѣмъ уже о немъ писать...

---

[1]) Не Папѣневичъ только, а Папкевичъ, бывшій Ирклѣевскимъ полковникомъ при Брюховецкомъ нобилитованый въ 1659 году (А. Ю. и З. Р., т. IV, 217).

Этими тремя статьями и заканчивается первый отдѣлъ Трудовъ Полтавской архивной коммиссіи. Во второмъ отдѣлѣ (приложенія) помѣщены: „Матеріалы для исторіи Полтавскаго полка. II. Вѣдомости по сотнямъ Полтавскаго полка о сѣющихъ табакъ, мельницахъ, пасѣкахъ, винницахъ и шинкахъ за 1722 г." Сообщены эти матеріалы В. Л. Модзалевскимъ и служатъ продолженіемъ къ напечатаннымъ въ первомъ выпускѣ Трудовъ той же коммиссіи. Настоящіе матеріалы содержатъ въ себѣ обстоятельныя свѣдѣнія о распространенности въ то время доходныхъ статей, поименованныхъ выше, и даютъ возможность представить себѣ до нѣкоторой степени картину экономическаго состоянія Полтавщины первой четверти XVIII вѣка. Матеріаламъ предшествуетъ небольшое введеніе, въ которомъ сообщаются свѣдѣнія о событіяхъ, вызвавшихъ составленіе печатаемыхъ вѣдомостей, и дѣлается краткій обзоръ самихъ вѣдомостей.

Далѣе помѣщены И. Фр. Павловскимъ, извѣстнымъ знатокомъ старой Полтавы, „Статистическія свѣдѣнія о Полтавской губерніи сто лѣтъ назадъ". Матеріаломъ для настоящей работы г. Павловскому послужили статистическія данныя, собранныя по Полтавской губерніи И. Ф. Тимковскимъ въ самомъ началѣ XIX вѣка. Такимъ путемъ были составлены свѣдѣнія, дающія понятіе какъ о мѣстоположеніи города и числѣ его жителей, такъ и о раздѣленіи ихъ на сословія; о цѣнахъ на продукты, ремеслахъ, торгахъ, благотворительныхъ учрежденіяхъ и т. д. Помимо городовъ, статистическія данныя были собраны по каждому повѣту и по губерніи вообще. Матеріалъ, доставленный И. Ф. Тимковскому, чрезвычайно богатъ свѣдѣніями объ условіяхъ тогдашняго быта въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ и послужитъ будущему мѣстному историку весьма цѣннымъ пособіемъ.

Этимъ и исчерпывается содержаніе второго выпуска Трудовъ Полтавской ученой архивной коммиссіи. Съ внѣшней стороны книга издана очень хорошо; слѣдовало-бы только побольше обратить вниманія на корректуру, а то, напримѣръ, встрѣчаются подобныя фразы (стр. 101): „Лубенская печать приложена на 2 документахъ: во 1-хъ на записи или купчей крѣпости, *введенной* 22 мая 1687 года... дворянину г. Лубенъ Ивану Кулябкѣ" вмѣсто „выданной" и друг. Ахъ, г. Китицынъ, опять пришлось встрѣтится съ Вашимъ *дворяниномъ г. Лубенъ* Иваномъ Кулябкою!

В. Сотниченко.

Украинський Декламаторъ „Розвага“. *Артыстычный збирныкъ поезій, оповидань в прози, монологивъ, жартивъ и гуморесокъ найвыдатнійшыхъ украинськыхъ поетивъ и письменныкивъ. Уложывъ Олекса Коваленко. Кыивъ, 1905. стр. 1—520,* in *16o.*

Збірник д. Коваленка „для чытання й декламування на сцени, вечерныцяхъ, дома, въ громади, драматычныхъ курсахъ и т. д.“ хоча з'явився на сьвіт ще в вересні (сентябрі) місяції, до волї минулого року, слова, проте містить в собі чимало речей поважаних і давно бажаних в российській Україні, які за старого ладу годї було сподїватися побачити. Своєю книжкою д. Коваленко ще в часи сподївання зробив пролом в грізній, але вже спорохнїлій твердині, що облягала міцно і довго правдиве вільне слово людське, а українське—особливо. Збірник Коваленка стався радісним вістником грядущої волї, нового, кращого життя для української лїтератури і усього українського народу. Хвала йому, радісному вістникови, вістникові того, що

„Сонце йде
І за собою день веде“.

Збірник д. Коваленка складається з трьох частин: 1) Declamatorium, 2) Мелодекламація і лірична поезія, та 3) жартів і гумересок, з додатком „останньої ночи“ (музика М. Лисенка). Найкращою частиною безперечно є перша, найповажнійша та добірнійша, тодї як в другій, а особливо зретій подибуємо речі другорядні, а не раз і зовсїм маловартні, без яких збірник тїльки вийшов би краще.

Для чого було наприклад, заводити до цїнної взагалї книжки такі перли, як Раєвського „Мертве тіло“? Хиба укладчик збірника того не розуміє, що нахилом своїм до творів такого,—sit venia verbo!—„письменника“ він тїльки компромітує себе і всю свою справу... Поставити твори Котляревського, Шевченка, та інших більших і меньших письменників поруч із Раєвським, який тїльки глузує з українського люду, виставляючи його на посьміх та глум!

Чимало стрічаємо творів відомих і невідомих поетів, які не надто скрашають збірник, і хоча змістом вони часом не лихі, а навіть і добрі, та проте з формальиого боку вони зовсім не „найвидатнїйші“ До таких зайвих, на нашу думку, речей зачислити можна хоча білі вірші *И. С.* „Де воно єсть“ (стр. 274), де стрічаємо і „дим від лучини“, „злочинців і глупців“, а в мелодекламації того ж таки автора „Де ж тіи гетьмани“ (стр. 280) — останні, як каже автор,—

„В німецьких жупанах, похожі на пана,
Тепер не воюють за віру (sic) вони —
Всі лізуть до панства (!), як перш до гетманства,
І таких то *дурнів* цілі табуни“...

Невже д. Коваленко и сей перлъ вважає „найвидатнійшим“ і здатним навіть до мелодекламації! Тяжко також зачислити до першорядних пєс такі вірші, як О. Маковея „Я вам не завидую, духом бідні“ (стр. 175), які

хотя безумним скотам рідні,
Так бережете пітьми дурноти,

або И. Стешеика „Краю кохаиому“ (стр. 40), та „Нехай ревуть сердиті хвилі“ (стр. 253) з його „жахливий глиб“, „і горду міць иапруживши у край“ „натовп хвилі... тебе не втне на наш одчай“, та таким уступом:

І хоч гнітучую фугу ревучую
Спів і не вкоськає мій, —
Все ж бо немручую скруту пекучую
Кликне він гордо на бій.

Ледве чи скрасять збірник і уривки з Хоткевича „Aria passionata“ з тим вогнем що „запалює навіть арктическі льоди“, та Кобилянської „Мої лелії“ з покликом „Пустині дайте мені!“ Такъ само, збірник тільки кращий би був, як би не було в ньому напр. Короленка „В борні“ (стр. 95), Шабленка „Збір до нічліжного приюту“ (стр. 242), Залізняка „Дивний край“ (264), самого редактора „Брат убогих“ (стр. 390) з його „в душі палкій багато мочи“, В. Дом. „Поезія XX вику“ та нших. Ще зауважимо, що „гіена“ і „геена“ — зовсїм речі не однакові, і кажучи „Гріх, *гіена*, пекло, кара“ „затремти ж, *гіено*, пекло!“ (стр. 169—170), д. впорядчик, знати, ие дуже розрізняв одне од другого...

Се буде „пассив“ збірника. Переходячи до „активу“, бачимо попереду всього гарний вірш о. Верниволї „Тюрьма за волю“ (стр. 4—5):

Я не боюсь тюрми і ката,
Вони для мене не страшні“ і далі:
Що нам тюрьма! — То слава наша,
Ми всї тепер сидим в тюрмі,
Всі пєм одну ми скорбну чашу
Одна вона — тобі й мені.

Есть тут і відомий „Козачий кістяк“ В. Мови (стр. 8—10), і „Каменярі“ І. Франка (стр. 11—12), і мало знаний „Стяг“ д. Н. (стр. 13):

Ось він, високо над нами,
Стяг освячений въ боях,
Гей хто з нами, не з рабами,
Хто стоптав ганебний страх, —
Станьмо вкупі й за Вкраіну,
Биймось, биймось до загину!

—

Глянь, написано на йому:
Воля — Сонце! Волі нам!
Воля духові людському
І робітницьким рукам!
Гей за волю й Україну
Биймось, биймось до загину“.

Далї — „Пісня про Буревісника“ Р--ко (стр. 26—27), „Зісланому борцеві“ Козачки (стр. 42—43), „Людскість“ В. Самійленка (47—48), „Сповідь Налывайка“ Л. Старицкої-Черняховскої (48—50), „Тихше читайте сю річ“ Пені (59—60), „Наша надія“ О. Левицького (67) „Плачте, люде“ І. Древлянця (76—77) „До молоді“ М. Старицького (86—87), „Мій Край“ П. Шелеста (120), „Te Deum“ В. Самійленка (121—123), „Мадярський магнат“ (138—139) „Смілі майстрі“ П. Грабовського (155) „Слово“ Лесї Українки (176), „Поклик до братів Славян“ М. Старицького (183—185), „Шпаки“ Дніпровоі Чайки (188—190), Проповідь на горі“ О. Кониського (191—194), „То приснилось менї“ С. Шелухина (194—196), „Заповіт“ Шевченка (225)...

Поховайте, та вставайте,
Кайдани порвіте,
І вражою злою кровю
Волю окропіте!

Потім: „Обое ми, серце з тобою“ А. Бобенка (236—237), „Гимн“ (Вичний революціонер) І. Франко (239), „Ще не вмерла Україна“ П. Чубинського (3 уступи) (стр. 278), „Що то гроши“ А. Перепли (455), „Божий приказ“ В. Самійленка“ (457), „Пісенька“ М. Кузьменка (464), „Ельдорадо“ В Сивенького (471), „Любіте своїх ворогів“ П. Річицького (473) та багато і инчих, справді кращих, видатнїйших речей.

Збірник прикрашено 54 портретами писменників та артистів, при тім, знати, не надто на те вважалося, чи справді той або инший портрет був дійсно потрібний в ньому, яко ілюстрація до творив, чи був an und für sich ілюстраціею... Справді, попадется, приміром, цей збірник людині, яка буде певна, що портрети—ілюстрація до творів, уміщених тут, і бачить портрети: Л. Гайдамаки, Манька, М. Старицької, Чечорського, П. Василенка, С. Паньківского, Дикової, Шостаковської. І нехай читач ломае голову, хто воны, якими вчинками здобули всеукраїнську славу.

Та не вважаючи на все—збірник д. Коваленка—цінне придбання, і для читанки дома і в громаді буде придатний.

В. Д—ий.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ характеристикѣ отношеній между монахами Мгарскаго монастыря и Лубенскими козаками въ 1649—1661 гг. Мгарскій монастырь, находящійся недалеко отъ Лубенъ, былъ основанъ въ первой четверти XVII вѣка, одновременно съ Густынскимъ и Ладинскимъ, Исаіей Копинскимъ, на земляхъ, данныхъ монастырю извѣстною Раиною „Могилянкою". Въ это время Лубны съ округой принадлежали князьямъ Вишневецкимъ, которые владѣли Лубенщиной до 1648 года. Знаменитый Іеремія Вишневецкій еще 17 февраля этого года далъ Мгарскому монастырю село Мгарь... Переворотъ, произведенный вслѣдъ за симъ Хмельницкимъ при участіи всего украинскаго народа и измѣнившій до корня всѣ соціальныя отношенія Украины, уничтожилъ въ краѣ крупную поземельную собственность. Въ первый моментъ по изгнаніи поляковъ, на Украинѣ былъ одинъ народъ, одно „поспольство", которому и принадлежала вся земля; ею владѣлъ тотъ, кто ее обрабатывалъ. Но такое положеніе продолжалось недолго, и вскорѣ собственникомъ на землю заявило себя товариство, „войско", т. е. та часть народа, которая составляла полки Хмельницкаго. Положеніе монастырскихъ земельныхъ владѣній стало неопредѣленнымъ, ибо всѣ поземельные акты прошлаго времени стали считаться уничтоженными и право на землю перешло къ „войску", представитель котораго—гетманъ, отъ его имени и, предполагалось, съ его согласія, могъ раздавать земельныя угодія тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя оказали какія-либо услуги „войску".

Однако, такая тенденція не всегда приходилась по вкусу даже представителямъ „войска", которое, владѣя по мѣстамъ землями и угодіями, принадлежавшими ему на общественныхъ началахъ, не всегда считалось съ тѣми цѣлями, коими руководствовался гетманъ при

раздачѣ земель. Существовали земли, млины, гребли и вообще различныя угодія, собственникомъ которыхъ считало себя „товариство“ извѣстнаго населеннаго мѣста. Такъ, напримѣръ, гребля въ Лохвицѣ, устроенная шляхтичемъ Святскимъ еще до Хмельницкаго, впослѣдствіи принадлежала лохвицкому „товариству“, которое продало его козаку Самохвалову. Объ этомъ такъ разсказываетъ въ 1719 году старожилъ Лохвицы Яковъ Лесченко: „За державп лядской найпервей прореченную гребелку занялъ и устроилъ шляхтичъ Святскій, которій бувало временемъ и товару чрезъ оную перепускать не кажетъ; а по вигнанню ляховъ з Малой Россіи Самохвалъ козакъ набувъ былъ себѣ *од товариства*, и не за велико, а по немъ Калинъ“ и т. д. Монастыри, которые были единственными крупными поземельными собственниками по изгнаніи поляковъ, первые обратились къ Хмельницкому за подтвержденіемъ актовъ на землю, полученную отъ поляковъ. Естественно, что тутъ происходили иногда коллизіи; съ одной стороны всѣ старые акты были „скасованы козацкою саблею“ по народному сознанію, а съ другой—эти самые акты подтверждались гетманомъ отъ имени „войска“, причемъ гетманъ не считался съ интересами „товариства“ данной мѣстности. И такія подтвержденія и новыя „надачи“ земель монастырямъ вызывали иногда въ „товариствѣ“ сильныя неудовольствія, доходившія порой до неповиновенія распоряженіямъ гетманской власти. Нѣкоторые документы, касающіеся даннаго круга явленій и рисующіе положеніе монаховъ среди „товариства“, сбросившаго съ себя польское владычество и признавшаго себя единственнымъ хозяиномъ въ данной мѣстности, мы и приводимъ ниже.

Первый изъ печатаемыхъ документовъ—универсалъ Хмельницкаго отъ 23 февраля 1649 года. Въ немъ говорится, что „нѣкоторіе з товариства козаковъ войска его кролевской милости запороского смѣютъ и важатся непристойне над годность свою не тилко в справы духовніе, церковніе, священническіе ся втручати, але и самыхъ тыхъ священниковъ, духовныхъ отцовъ своихъ, не тилко зневажати, але и здоровя іхъ позбавляти, яко мнѣ о томъ дано знати, же на разныхъ мѣстцахъ до килку на сту особъ мало о смерть, біючи, забиваючи, не приправлено...“ На „зневагу“ отъ козаковъ жаловался гетману Кіевскій митрополитъ черезъ мгарскаго игумена и своего намѣстника Калистрата, который говорилъ, что „зневага“ творится „над священниками в всей менуючойся маетности князя Вишневецкого на Заднепру...“ Отсюда видно, что терпѣло отъ козаковъ духовенство всей Вишневеччины. Несомнѣнно, этотъ документъ указываетъ на то, что въ данное время козачество сознавало себя единственнымъ хозяиномъ и властью въ странѣ и считало возможнымъ вмѣшиваться даже въ церковныя

„справы“. Къ такому вмѣшательству духовенство относилось, разумѣется, несочувственно, что возбуждало, въ свою очередь, недовольство имъ среди козаковъ. Въ иныхъ мѣстахъ, какъ видно изъ документа, нѣкоторые изъ духовныхъ отцовъ едва не поплатились даже жизнью отъ расходившихся „рицеровъ“, простиравшихъ свою руку не только на церковныя дѣла, но и на церковныя богатства, полученныя при полякахъ... Получивъ жалобу, гетманъ „владзою“ своего гетманства предписываетъ таковыхъ „смѣлцовъ“ „на горлѣ карати“, не доносяя о томъ ему самому... „А еслибы мѣлъ въ чомъ кому“, говоритъ онъ далѣе: „священникъ виннимъ зоставати—оскаржить его старшому его, а о справедливость пристойне просить, такъ яко и они в насъ; а самому себѣ справедливости з духовного абы жаденъ не чинилъ подъ карностю вишей описанною безъ всякого милосердія абы былъ каранній“... (№ 1).

Этотъ документъ говоритъ лишь о „справахъ“ духовныхъ, но въ чемъ они заключались—изъ него не видно; слѣдующій—универсалъ Хмельницкаго отъ 9 мая 1651 года—говоритъ о тѣхъ же явленіяхъ уже опредѣлительные. Гетману жаловался мгарскій игуменъ на то, что „нѣкоторіе своеволники, запомнивши боязны Божой, великіе *утиски* и кривди монастыревѣ тамошнему и черцомъ, въ немъ мешкаючимъ, чинятъ и іхъ зневажаютъ, такъ до монастира приежжаючи купами не для побожности християнской, але для лупезства, до монастира ґвалтомъ напираются“... Опять гетманъ приказываетъ „такихъ своеволниковъ, которіе бы найменшую кривду мѣстцу святому чинили и в *пожитки, млини, поля, сѣножати, належачіе до монастира, втручались*, полковникъ нашъ наказній вѣшалъ, стиналъ и ведлугъ слушности каралъ“. „А еслибы“, прибавляетъ онъ, „имъ фолкговалъ, а насъ найменшая бы мѣла скарга дойты, жебы се якая кривда дѣяла помененному монастиревѣ Мгарскому, теды самъ за тое от насъ будетъ каранъній“... Угроза, которую гетманъ дѣлаетъ здѣсь полковнику, какъ будто скрываетъ за собой неувѣренность въ томъ, что его приказъ будетъ выполненъ, и говоритъ о томъ, что случаи неповиновенья гетманской власти на этой почвѣ уже бывали... Этотъ документъ яснѣе указываетъ на причину взаимныхъ неудовольствій козаковъ и монаховъ, чѣмъ первый: онъ говоритъ о томъ, что „своевольники“ позволяютъ себѣ захватывать монастыркіе млины, поля, сѣножати и т. д. (№ 2).

Въ описываемое время Лубны входили въ составъ миргородскаго полка, и высшимъ представителемъ власти въ нихъ былъ лишь сотникъ. Но не стало крѣпче и спокойнѣе монастырское владѣніе и съ тѣхъ поръ, когда въ мартѣ—апрѣлѣ 1658 года въ Лубнахъ былъ образованъ Выговскимъ центръ отдѣльнаго лубенскаго полка во главѣ съ полков-

никомъ Павломъ Шевцомъ. Послѣдній ничего не могъ подѣлать съ вкоренившимся въ сознаніи своихъ полчанъ убѣжденіемъ, что всѣ земли и угодія принадлежатъ исключительно имъ, „товариству", и что мгарскіе монахи не имѣютъ права на земли, данныя имъ поляками, или Хмельницкимъ... Въ данномъ случаѣ документы говорятъ о слѣдующихъ угодіяхъ монастыря: лѣсѣ, который былъ занятъ монахами послѣ изганія поляковъ и подтвержденъ затѣмъ Хмельницкимъ, и о лугѣ, „Ксендзовской лукѣ" и перевозѣ на Лысой горѣ, которые были „наданы" монастырю тѣмъ же гетманомъ. Изъ этихъ владѣній „Ксендзовская лука" принадлежала при Вишневецкихъ лубенскимъ „бернардинамъ"...

Въ первомъ своемъ „листѣ" къ лубенскому полковнику отъ 12 апрѣля 1658 года (№ 3) Выговскій пишетъ о томъ, что монахи терпятъ въ этихъ своихъ имѣніяхъ „немалую кривду" отъ козаковъ лубенскихъ и посполитыхъ, и приказываетъ ему впредь этого „постерегать" подъ опасеніемъ строгаго наказанія. Но приказъ этотъ не былъ выполненъ лубенцами, и 18 іюля того же года (№ 4) Выговскій вновь принужденъ былъ писать къ лубенскому полковнику по тому же поводу: На этотъ разъ тонъ его „листа" былъ очень суровъ и рѣзокъ:

„Пане полковнику лубенскій! Дивуемося тому барзо, же вашмость легце поважаешь у себѣ наши унѣверсали, чиначи похвалки на отца игумена и чернцовъ Мгарскихъ и *не допускаючи онимъ луки, од насъ на монастирь Мгарскій наданной, косити*; для чого вамъ приказуемъ, абысте жадной онимъ не чинили перешкоди в луцѣ и не збороняли уживати и больш на чернцовъ не похвалялися..."

Этимъ, однако, столкновенія мгарскихъ монаховъ съ лубенскими козаками не кончились. „Листъ" Юрія Хмельницкаго къ лубенскому атаману Павлу отъ 8 іюля 1661 года (№ 5) заключаетъ въ себѣ извѣстія о томъ, что „Ксендзовская лука" была выкошена самимъ атаманомъ, который при этомъ „зневажилъ" игумена, а въ лѣсу—причинена монастырю „шкода" козакомъ Полонѣемъ... Со стороны гетмана послѣдовали угрозы по адресу атамана и приказъ вернуть накошенное сѣно монахамъ, которые, впрочемъ, заплатятъ ему то, что онъ истратилъ на косарей. Исполнилъ-ли атаманъ приказъ гетмана, или нѣтъ—не знаемъ; что же касается Полонѣя, то гетманъ приказываетъ ему идти въ „войско". „Що онъ за козакъ: мы—у войску, а онъ—дома! Коли козакъ—нехай у войско идетъ; запевне горла не уйдетъ!"

Намъ кажется, что документы, которые мы здѣсь разобрали и приводимъ ниже цѣликомъ, свидѣтельствуютъ съ достаточной степенью ясности о томъ, что въ первыя десятилѣтія по уничтоженіи польскаго владычества на Украинѣ, гетманской власти приходилось вести борьбу

съ отдѣльными группами „товариства“ изъ-за права распоряжаться землею. „Товариство“ въ данной мѣстности право это считало принадлежащимъ лишь себѣ и не всегда признавало имѣющими силу распоряженія гетманской власти въ данной области. Интересы всего „войска“ сталкивались въ такихъ случаяхъ съ интересами отдѣльныхъ его частей, и монахи, владѣвшіе землями, полученными еще при полякахъ и подтверждаемыми имъ гетманами въ ущербъ интересамъ „товариства“ даннаго населеннаго пункта, возбуждали среди козаковъ неудовольствіе и ненависть, которыя отъ „зневаги“ и „похвалокъ“ доходили до насилій всѣхъ видовъ, не только надъ имуществомъ духовенства, но и надъ самими „духовными отцами“... Съ ростомъ значенія гетманской власти, поддерживаемой московскимъ правительствомъ, случаи, подобные описаннымъ выше, становились все рѣже и рѣже, и къ концу XVII вѣка, кажется, совсѣмъ прекратились.

Документы взяты нами изъ рукописнаго тома актовъ мгарскаго монастыря.

В. Модзалевскій.

№ 1.

Универсалъ Богдана Хмелницкаго, жебы священниковъ и монаховъ свѣцкіе зневажать не важилися.

Богданъ Хмелницкій, гетманъ войска его крол[евскои] м[илости] запорозкого.

До вѣдомости доносимъ кождому, кому колвекъ буде вѣдати о томъ, меновите паномъ полковникомъ, сотникомъ, атаманомъ, козакомъ войска его королевской милости запорожского, от старшихъ до найменшихъ, ижъ его милость в Бозѣ ясне превелебній отецъ митрополита Кіевскій православній, пастырь нашъ, ускаржалми-ся писанїемъ своимъ през велебного господина отца Калистрата, ігумена Мгарского, намѣстника своего над священиками в всей менуючойся маетности князя Вишневецкого на Заднепру о то, ижъ нѣкоторіе з товариства нашего, козаковъ войска его королевской милости запороского, смѣютъ и важатся непристойне над годность свою не тилко в справы духовніе церковніе священническіе ся втручати, але и самыхъ тыхъ священниковъ, духовныхъ отцовъ своихъ, не тилко зневажати, але и здоровя іхъ позбавляти, яко мнѣ о томъ дано знати, же на розныхъ мѣстцахъ до килку на сту особъ мало о смерть, біючи, забиваючи, не приправлено. Прето я владзою гетманства моего, а именемъ всего войска, таковимъ смѣлцомъ за оскарженемъ-ся и доводомъ слушнимъ не тилко

о бите, але и о наймнѣйшую (sic) словную въ непристойномъ поступку зневагу на духовныхъ богомолцовъ нашихъ, росказую таковихъ на горле карати и до мене таковіе справи не доносячи, що приказую паномъ полковникомъ моимъ миргородскому и прилуцкому, абы таковое справы перестерегали, чого не дай, Боже, еслибы притрафило; а еслибы тежъ мѣлъ в чомъ кому священникъ виннимъ зоставати, — оскаржить его старшому его, а о справедливость пристойне просить такъ, яко и они в насъ; а самому себѣ справедливости з духовного абы жаденъ не чинил, под карностю вишей описанною, без всякого милосердія абы былъ каранній.

При семъ васъ Господу Богу поручаю.

З Чигирина, року ҂АХМѲ (1649), мѣсяця февруарія, дня КГ (23).

У подлинного унѣверсалу тако подписано:

Богданъ Хмелницкій рукою власною. (М. П.).

№ 2.

Унѣверсалъ гетмана Богдана Хмелницкого о караню полковнику миргородскому чинящихъ монастыревѣ утискъ.

Богданъ Хмелницкий, гетманъ, з войскомъ запорозскимъ.

Ознаймуемъ симъ писаніемъ нашимъ кождому, кому бы о томъ вѣдать належало, меновите паномъ полковникомъ, асавуломъ, сотникомъ, атаманомъ і всему товариству войска нашего запорозского, иж оповедали намъ и ознаймили от велебного господина ігумена монастира Мгарского, же нѣкоторіе своеволники, запомневши боязны Божой, великіе утиски и кривди монастиревѣ тамошнему и черцомъ, в немъ мешкаючимъ, чинятъ и іхъ зневажаютъ, такъ до монастира приежжаючи купами не для побожности християнской, але для лупезства, до монастира gвалтомъ напираются. Прето мѣти хочемъ и владзею нашею гетманскою приказуемъ, абы такихъ своеволниковъ, которіе бы найменшую кривду мѣстцу святому чинили и в пожитки, млини, поля, сеножати, належачіе до монастира, втручались, полковникъ нашъ наказній вѣшалъ, стиналъ и ведлугъ слушности каралъ. А если бы имъ фолкговалъ, а насъ найменшая бы мѣла скарга дойты, жебы се якая кривда дѣяла помененному монастиревѣ Мгарскому, теды самъ за тое от насъ будетъ каранъній.

Данъ з табуру з подъ Зборова, дня Ѳ (9) мая, року ҂АХНА (1651).

У подлинного тако подписано:

Богданъ Хмелницкій рукою власною. (М П.) Іоанъ Выговскій, писаръ войсковий.

№ 3.

Унѣверсалъ Іоана Виговского, гетмана, оборонний на лѣсъ и луку Ксендзовскую и лугъ и перевозъ на Лисой Горѣ.

Іоанъ Виговский, гетманъ, з войскомъ его царского вел[ичества] запорозкимъ.

Пане полковнику Лубенский! Скарга насъ дойшла от отцевъ Мгарскихъ, иж там немалую кривду так от козаковъ полку в. м., яко и посполитихъ людей в лѣсѣ, до монастира належачомъ, такъже и в луцѣ Ксендзовской, и в спустошеню луга, и в иныхъ кгрунтахъ монастирскихъ поносятъ. Пилно затимъ васъ жадаемъ и приказуемъ, абы в. м. того наддер (sic) пилно постерѣгали, яко бы болшей отцеве Мгарскіи в тих кгрунтахъ своихъ, особливе в лѣсѣ, луцѣ Ксендзовской, лузѣ и перевозѣ, на Лисой Горѣ найдуючомся, ни от кого найменшой кривди и перешкоди не поносили, и подданіе монастирскіе до жаднихъ повинностей през в. м. абы потягани не били, не чинячи иначей под срокгимъ каранемъ войсковимъ, также бы насъ найменшая николи скарга о томъ не доходила.

Датъ (sic) в Чигиринѣ, априля, дня ві (12), року ҂ахнн (1658).

В подлинномъ подписъ таковъ:

Іоанъ Виговский. (М. П.)

№ 4.

Унѣверсалъ Іоана Виговского оборонний на луки Ксендзовскіе, иже бы впред козаки ченцовъ не ругали и не похвалялися, и жебы оунѣверсаламъ гетманскимъ не были противни.

Іоанъ Виговский, гетманъ, з войскомъ его царского вел[ичества] запорозкимъ.

Пане полковнику Лубенский! Дивуемося тому барзо, же вшъм. легце поважаешь у себе наши оунѣверсали (чего-бы-смо и не сподѣвалися з в. м.), чинячи похвалки на отца ігумена и чернцовъ Мгарскихъ и недопускаючи онимъ луки, од нас на манастиръ Мгарский наданной, косити; для чого вамъ приказуемъ, абысте жадной онимъ не чинили перешкоди в луцѣ и незбороняли оуживати и болшъ на черновъ не похвалялися, вѣдаючи о томъ, же кождий волѣ нашой противникъ и зневажаючий оунѣверсали, нашого срокгого войскового караня не уйдетъ, чого и в. м. постерѣгайтесъ, абысте ласки нашой незбили, что и повторе вамъ приказуемъ, жебы-сте не были перешкодою в оной луцѣ, для ласки нашой, иначей абы не было.

Данъ в Чигиринѣ, дня ні (18) іюля, року ҂ахни (1658).

В подлинномъ подписъ таковъ:

Іоанъ Виговский (М. П.).

№ 5.

Юрый Хмелницкій, гетманъ, з войскомъ его царского величества запорозкимъ.

П. атамане лубенский Павле! Пришла на тебе до насъ, до табуру скарга от велебного отца игумена Мгарского, же ся волѣ его милости пана отца добродѣя моего спротивляючися, луку Ксензовскую, на монастирь Мгарский наданную, покосилесъ, а еще мало на томъ маючи, тогожъ велебного отца игумена Мгарского зневажилесъ; глядячи на тебе и Полонѣй в лѣску перешкоду чинитъ. Прето жъ росказуемъ тобѣ сурово, под каранемъ войсковимъ, абысъ найменшой перешкоды в той лупѣ отцу игуменови Мгарскому не чинилъ, теди вѣдаешъ, же кто на чужомъ кгрунтѣ коситъ, — то не собѣ коситъ; зачимъ и ты не для себе косилъ, але на монастиръ, однакожъ коштъ, щось на косаровъ уложилъ, тобѣ от отца игумена верненпй будетъ, а другій разъ не важся косити, да и игумена не зневажай, бо самъ в зневагу попадешъ, такъ же и Полонѣю кажи, нехай в лѣску перешкоды не чинитъ, а що онъ за козакъ: мы у войску, а онъ—дома! Коли козакъ—нехай у войско идетъ, запевне горла неуйдетъ; абы теды иначей не были, сурово приказуемъ.

Данъ в табурѣ на вершинахъ Ташлицкихъ, іюля и (8), року ҂ахѮа (1661).

В подлинномъ подписъ таковъ:

Юрій Хмелницкий, рука власна.

О свято-Духовской церкви Кіево-Братскаго монастыря. Нынѣшняя Свято-Духовская церковь Кіево-Братскаго монастыря до пожара 1811 года называлась Борисоглѣбскою. О Борисоглѣбской же трапезной церкви сего монастыря есть очень раннія свѣдѣнія. О ней упоминаетъ еще Мелетій Смотрицкій около 1625 года. Въ 1653 году архидіаконъ Павелъ Алеппскій, племянникъ и спутникъ Антіохійскаго патріарха Макарія, посѣтивъ Кіево-Братскій монастырь, видѣлъ въ немъ „трапезную, въ одинъ нефъ, изъ камня и извести, съ длиннымъ сводомъ и съ высокою дверью на фронтѣ, боковые столбы которой были мраморные. Въ абсидѣ алтаря (Борисоглѣбскаго) и

на алтарной аркѣ изображены были нѣкоторыя евангельскія событія и особенно страданія Христовы[1]). По нашему мнѣнію, она построена была, вмѣсто прежней деревянной, около 1652 года[2]). Но то была не нынѣшняя Свято-Духовская церковь, а теперешняя монастырская трапеза, дѣйствительно продолговатая, въ одинъ нефъ, и оканчивавшаяся алтарнымъ полукружіемъ, которое въ XIX вѣкѣ отдѣлено было отъ самой трапезы въ видѣ особой келіи монашеской, а теперь служитъ помѣщеніемъ для старой ризницы. Въ этой монастырской трапезѣ и доселѣ виситъ большая картина съ изображеніемъ евангельскихъ событій и страданій Христовыхъ, представляющая копію съ описанныхъ Павломъ Алеппскимъ изображеній.

Что же касается нынѣшней Свято-Духовской церкви, прежде называвшейся тоже Борисоглѣбскою, то первое упоминаніе о ней мы находимъ подъ 1740 годомъ. Въ этомъ году, 14 ноября, префектъ Кіевской Академіи іеромонахъ Михаилъ Козачинскій вошелъ къ Кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому съ докладомъ, въ которомъ писалъ: „Въ Кіево-Братскомъ монастырѣ въ церкви студентской, надъ трапезою созданной, конгрегація нарицаемой, отдавна помостъ весь очень движется и уже къ едной сторонѣ похилился мало. Для чего сего 1740 года октября 29 дня послани были майстри плотніе осмотрѣть и подчинить, и подорвавши нѣсколько мостинъ, зъ свѣщами внутрь лазили и по осмотру сказали тое, что брусся де очень при концахъ въ муру погнило. Почему и собиратися тамъ на псалмопѣніе народу зело опасно, чтобъ не провалилося. А понеже такого брусся новаго шестосаженевыхъ дубовъ съ 8-мъ нынѣ сискати и такъ скоро подчинить не можно, того ради всепокорнѣйше прошу Вашего Преосвященства, да благословитъ Преосвященство Ваше въ Кіево-Братскомъ монастырѣ въ самой трапезѣ по недѣлямъ и праздникамъ божественную литургію священнодѣйствовать“. На семъ докладѣ м. Рафаилъ Заборовскій положилъ такую резолюцію: „Позволяется по маломъ освѣщеніи алтаря и дабы не было ничего въ олтарь вносимо, кромѣ ко служенію потребнаго[3]). Это двухъ-ярусное зданіе, съ конгрегаціонную въ верхнемъ и съ трапезною церковію въ нижнемъ ярусѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ нынѣшней Свято-Духовской церкви. Нижняя трапезная церковь, вѣ-

---

1) „Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в.“ архидіакона Павла Алеппскаго, вып. 2, м. 1897 г. стр. 78 и 79.

2) Труды Кіевской Дух. Академіи, іюль 1905 г., стр. 449.

3) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“ отд. II. т. 1, ч. 1, Кіев. 1904 г., стр. 256—7.

роятно, была Борисоглѣбская, а верхняя конгрегаціонная—Благовѣщенская.

Въ томъ же 1740 году окончена была постройкою новая нынѣшняя конгрегаціонная Благовѣщенская церковь надъ старымъ академическимъ (Мазепинскимъ) корпусомъ, послѣ чего прежнее помѣщеніе конгрегаціонной церкви надъ монастырскою трапезною церковію назначено было для помѣщенія академической библіотеки[1]). 9 марта 1780 года Кіевскій митрополитъ Гавріилъ Кременецкій доносилъ св. Синоду, что 29 февраля 1780 года, въ 4 часа по полудни, на трапезной Борисоглѣбской церкви Братскаго монастыря сгорѣлъ верхъ и „находившаяся на той же церкви въ горѣ подъ верхними сводами академическая на разныхъ языкахъ библіотека, состоявшая изъ 8.632 книгъ, такожъ и начальническія келліи совсѣмъ погорѣли[2]). Въ 1811 году трапезная Борисоглѣбская церковь, вмѣстѣ съ Братскимъ монастыремъ, пострадала отъ пожара, но наскоро была поставлена, и въ ней поставленъ былъ иконостасъ сгорѣвшей Кіево-Подольской приходской Свято-Духовской церкви, вслѣдствіе чего и сама эта церковь переименована была въ Свято-Духовскую[3]). Въ половинѣ прошлаго XIX столѣтія сдѣланы къ этой Свято-Духовской церкви каменныя пристройки, въ видѣ внутреннихъ папертей съ западной, южной и сѣверной сторонъ, изъ-за которыхъ снаружи виднѣется только верхній ярусъ прежней основной церкви.

Теперь спрашивается, когда же построена трапезная Борисоглѣбская, переименованная въ Свято-Духовскую, церковь?

Изъ приведеннаго выше извѣстія о ней видно, что въ 1740 году помостъ и полъ въ верхнемъ ярусѣ этой церкви, занятомъ тогда конгрегаціонною церковію, уже сильно истлѣлъ, для чего нужно было, по меньшей мѣрѣ, отъ 40 до 50 лѣтъ. Поэтому церковь эта могла быть построена не позже конца XVII вѣка. Съ другой стороны, въ 1653 году, когда Павелъ Алеппскій посѣщалъ и описывалъ Кіево Братскій монастырь, еще не было этой церкви, которая замѣнялась тогда нынѣшнею Братскою трапезною. Ключъ къ болѣе точному опредѣленію времени постройки этой церкви даетъ нынѣшній Кіевскій военный Николаевскій соборъ, первоначально построенный гетманомъ Мазепою въ 1690—1696 годахъ для Кіево-Николаевскаго монастыря[4]). Въ бли-

---

[1]) Тамъ-же стр. 257.

[2]) „Кіев. Академія во второй половинѣ XVII в.; Н. И. Петрова. Кіевъ, 1895 г. стр. 117.

[3]) „Историко топографич. очерки древняго Кіева, Н. И. Петрова, Кіевъ, 1897 г., стр. 217.

[4]) Тамъ же, стр. 70.

жайшемъ сосѣдствѣ съ соборнымъ храмомъ и донынѣ стоитъ старинная, каменная, прекрасно сохранившаяся трапезная церковь, съ двумя боковыми входами въ находящіяся подъ нею подвалы, теперь обращенная въ военный цейхгаузъ и недоступная стороннему изслѣдователю. Можетъ быть, поэтому она доселѣ и не обращала на себя вниманія нашихъ археологовъ. По сообщенію клира этого собора, въ его церковномъ архивѣ есть данныя, свидѣтельствующія о томъ, что и эта трапезная церковь построена была для Николаевскаго монастыря тоже Мазепою и, слѣдов., въ одно время съ главною монастырскою церковію. При этомъ нужно припомнить, что тотъ же гетманъ Мазепа построилъ въ 1690—3 гг. и главную нынѣшнюю Богоявленскую церковь Кіево-Братскую[1]), и, слѣдов., могъ, по принятому имъ обычаю, построить и трапезную церковь Кіево-Братскаго монастыря. По нашему наблюденію, трапезная церковь при Николаевскомъ военномъ соборѣ и верній ярусъ Свято-Духовской церкви Кіево-Братскаго монастыря—одного архитектурнаго типа.

Косвенными доказательствами тому, что нынѣшняя Братская Свято-Духовская церковь построена Мазепою же въ 1690-хъ годахъ, могутъ быть и слѣдующія: 1), въ 1690 году разобрана была старая деревянная Богоявленская церковь Братскаго монастыря и перенесена, подъ именемъ Андреевской, на мѣсто нынѣшней Андреевской церкви, а на мѣстѣ ея стала строиться нынѣшняя каменная Богоявленская церковь[3]). Не могъ же Братскій монастырь оставаться въ это время безъ болѣе или менѣе значительной церкви. Вѣроятно Мазепа, прежде чѣмъ разобрать старую деревянную церковь и строить новую, и построилъ трапезную Борисоглѣбскую. 2) Ректоръ Кіевской Академіи Іоасафъ Кроковскій (1693—1697) возстановилъ при Кіевской Академіи студенческую конгрегацію, раздѣливъ ее на старшую во имя Благовѣщенія и младшую во имя зачатія Св. Анны[3]). Предполагается, что Благовѣщенская конгрегація и пріурочена была имъ къ конгрегаціонной Благовѣщенской церкви, находившейся надъ трапезною.

Надобно полагать, что со времени постройки трапезной Борисоглѣбской церкви съ Благовѣщенскою надъ нею, прежняя монастырская трапеза съ алтаремъ уже перестала быть церковію и сдѣлалась только трапезою.

Н. П.

---

1) Тамъ же стр. 211.

2) Труды Кіев. Дух. Акад., декабрь, 1900 г., стр. 618.

3) „Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій. С. Голубева, Кіевъ, 1901 г. стр. 76—7.

Письмо Полтавскаго полковника Андрея Горленка къ кіевскому митрополиту Тимоѳею Щербацкому. Ясне в Бгу преосвященнѣйшій Архиепископъ и Мытрополитъ Киевскій і Галицкій, Малія Россіи. мой млствій отче и архипастиру! По общому всѣхъ и особливо парафіянъ соборной городовой Полтавской церкви желанію, намѣренно в томъ-же городѣ Полтавѣ вновь устроить соборную каменую церковь в память Успенія Пресвятія Богоматере с предѣлами святыхъ апостолъ Петра и Павла и пророка Иліи, к чему уже камень, вапно и кирпичъ приуготовлено и приуготовляется, о чемъ в духовное здешней протопопіи Полтавской правленіе подано особливо прошеніе; того рады вашего ясне в Богу преосвященства со всенижайшою моею покорностію прошу на основаніе оной церкви видать от вашего преосвященства благословительній указъ, к полученію котораго і нарочно отправленъ знатной мѣщанинъ Семенъ Максыменко. В протчем предав себе неотмѣнной милости и архипастерскому благословенію, і остаюсь с глубочайшим моимъ упокореніемъ. Вашего преосвященства всенижайшій слуга Андрей Горленко. Августа 10 дня 1748 году, с Полтави.

Благословеніе было дано; церковь построили. 25 ноября 1768 года тотъ-же самый полковникъ Андрей Горленко просилъ митрополита Арсенія Могилянского о разрѣшеніи устроить на хорахъ Успенской соборной г. Полтавы церкви придѣлъ во имя св. великомученицы Варвары. (Изъ архива Екатеринославской духовной консисторіи, дѣло 1769 г., № 2 „о устроеніи въ Полтавской соборной Успенской церкви на хорахъ придѣла св. великомуч. Варвары").

Сообщ. **В. Бѣдновъ.**

Письмо генеральнаго обознаго Семена Васильевича Кочубея къ митрополиту Кіевскому Гавріилу Кременецкому. Ясне в Богу преосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь и благодѣтель мой! Полтавского полку въ деревнѣ моей Трибахъ церковь во имя святаго Иоанна Златоустаго по древности eѣ пришла ко обветшанію. Сей рады причины вашего преосвященства всепокорнѣйше прошу дозволить мнѣ оную реставровать перенесеніемъ на другое выгоднѣйшое мѣсто, о чемъ дать указъ отцу протопопѣ Полтавскому Яновскому. Вашего преосвященства всепокорнѣйшій слуга Семенъ Кочубей. Глуховъ, іюля 15 д., 1771.

Митрополитъ на этомъ письмѣ положилъ резолюцію: 1771 году іюля 26 д., Гдь Бгъ да благословитъ на святое дѣло. Дать указъ въ надлежащей силѣ по требованію сего" Въ приходѣ села Трибъ имѣлось „приходскихъ дворовъ 10, а бездворнихъ хатъ 34, душъ мужеска пола 160,

женска 165." (Изъ дѣла архива Екатеринослав. духов. консисторіи 1771 г. № 50—„о заложеніи Полтавской протопопіи въ селѣ Трибахъ внов церкви").

Сообщ. **В. Бѣдновъ.**

Таинственный крестъ въ с. Молчанахъ. (Ямпол. у. Подол. губ.) Студентъ нашего Университета г. Л. Бялковскій въ своемъ письмѣ къ намъ сообщаетъ свѣдѣнія о четырехъ каменныхъ крестахъ въ с. Молчанахъ, изъ коихъ одинъ заслуживаетъ особаго вниманія. Письмо студ. Бялковскаго такого содержанія:

„Село Молчаны находится въ томъ водораздѣлѣ между рр. Мураффой и Мурашкой, который составлялъ нѣкогда окраину Летичевскаго повѣта Подольскаго воеводства. Село это лежитъ въ 15 верстахъ отъ м. Шаргорода и до послѣдней четверти XVIII в. входило въ составъ имѣній Шаргородскаго ключа. „Первая церковь была деревянная, разрушенная татарами во время одного изъ набѣговъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ была эта церковь, находятся два каменныхъ креста безъ надписей. Вторая церковь была построена въ 1717 году и просуществовала до 1899 г. Нынѣшній храмъ сооруженъ въ 1891 году".[1]) Я видѣлъ эти два каменныхъ креста, говоритъ далѣе г. Бялковскій, они безъ надписей и находятся въ самомъ селѣ. Существованіе когда-то церкви на мѣстѣ этихъ двухъ крестовъ подтверждается преданіемъ, даже сохраняющимся до сихъ поръ у мѣстныхъ крестьянъ. Однако, ни „Труды Подол. Епарх. и историко-статистич. Комитета", ни Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego", ни какое либо другое изданіе, заключающее въ себѣ описаніе мѣстностей Юго-Западнаго края, совершенно не упоминаютъ о третьемъ крестѣ со славянской надписью. Объясняется это тѣмъ, что упомянутый третій крестъ находится внѣ села, въ одной верстѣ къ сѣверу отъ него, среди полей, такъ что даже я,—пишетъ г. Бялковскій, —съ дѣтства часто проживающій въ с. Молчанахъ, не зналъ о его существованіи. Лишь въ минувшемъ августѣ 1905 г. мнѣ удалось, благодаря любезности мѣстнаго священника о. Городецкаго, ознакомиться съ рукописью его сочиненія: „Церковная лѣтопись Успенской церкви села Молчанъ". Изъ этой лѣтописи я. между прочимъ, узналъ о существованіи этого третьяго каменнаго креста среди полей и тотчасъ же отправился изслѣдовать его.

---

[1]) Труды Подол. Епарх. историко-статистич. Комитета. Вып. 9-й, подъ ред. свящ. Е. Сѣцинскаго: Приходы и церкви Подол. епархіи. Каменецъ-Подольскъ. 1901 года.

Судя по краткости замѣтки о крестѣ въ лѣтописи, авторъ ея, повидимому, не придаетъ особаго значенія надписи, такъ какъ не отмѣчаетъ даже года постановки креста, ограничиваясь словами: „крестъ къ сѣверу, въ полѣ, со славянской надписью: „усѣченъ рабъ божій Іоаннъ“. Этотъ Іоаннъ, по преданію, состоялъ разносчикомъ панскихъ писемъ и былъ убитъ гайдамаками и на мѣстѣ убійства похороненъ. Такое объясненіе автора лѣтописи я считаю мало вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что оно вовсе преданіемъ не подтверждается. Двое изъ молчанскихъ поселянъ передавали мнѣ, что въ недавнее время нѣкоторые пытались искать въ томъ мѣстѣ кладъ, предполагая указанія на него въ подписи на крестѣ; но не будучи въ состояніи прочесть эту надпись, рѣшили, что таинственныя буквы слѣдуетъ читать отраженными въ зеркалѣ.

Замѣчательно, что какъ этотъ крестъ, такъ и самое село, связываются въ мѣстномъ преданіи съ воспоминаніями о козачествѣ и гайдамачествѣ. Утверждаютъ, что село Молчаны заселено козакомъ Молчаномъ—осадчимъ, который похороненъ тутъ же, на южной границѣ села, подъ каменнымъ крестомъ, безъ надписи. Это, по счету, четвертый крестъ;—онъ стоитъ среди широкой улицы; форма всѣхъ четырехъ крестовъ совершенно одинакова.

Третій крестъ, стоящій теперь въ полѣ, былъ окруженъ, по словамъ стариковъ, огромнымъ лѣсомъ, что вполнѣ вѣроятно, такъ какъ остатки лѣса сохранились до сихъ поръ.

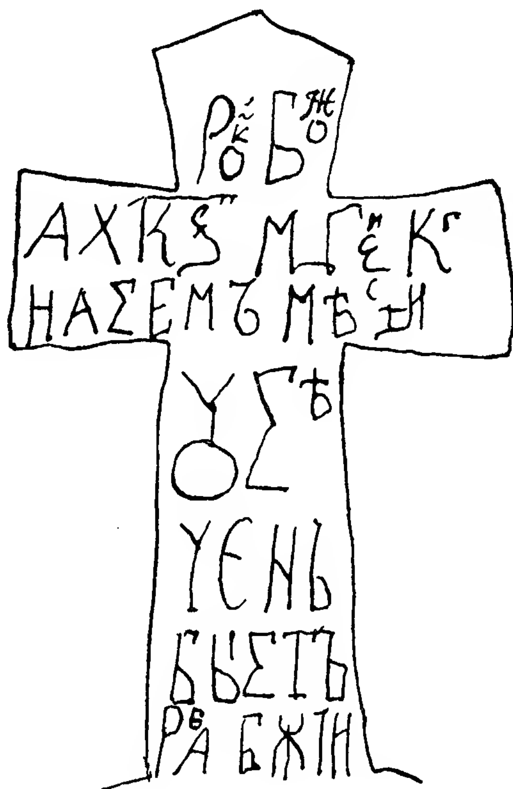
Въ концѣ своего письма студ. Бялковскій воспроизводитъ въ рисункѣ фигуру креста и подпись на немъ. Надпись вполнѣ разборчива и читается такъ на лицевой сторонѣ:

„*Року Бож.* **ахкѕ**, *м. генв.* **кг**, *на семъ мѣсци усѣченъ бысть раб. Бжій*“... На задней сторонѣ креста обозначено было имя казненнаго; отъ имени сохранились только буквы „**нд**“.

Изъ этой надписи слѣдуетъ, что 23 января 1626 г. на мѣстѣ нахожденія креста казненъ отсѣченіемъ головы „*рабъ Божій*“, во имя котораго входили буквы *нд*“ и нѣтъ никакого основанія читать здѣсь имя „Іоаннъ“, занесенное въ церковную лѣтопись свящ. Городецкимъ. Увѣковѣченный надписью на крестѣ и самой постановкой креста фактъ выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ фактовъ мѣстной жизни. Кто и за что въ началѣ XVII в. въ этой глухой мѣстности могъ быть казненъ? Обратимся къ исторіи.

Начало XVII в. было началомъ той внутренней борьбы въ нашемъ краѣ, принадлежавшемъ тогда Польшѣ, которая привела бывшую Рѣчь Посполитую сначала къ ослабленію, а затѣмъ, послѣ войнъ Хмельницкаго, и къ распаденію. Къ разгару этой борьбы

относится и таинственный крестъ въ с. Молчанахъ; въ это время она съ ожесточеніемъ велась между католиками и уніатами, съ одной стороны, и православными, съ другой; каждая изъ борющихся сторонъ пользовалась поддержкой: уніаты—поддержкой польскаго правительства и общества, а православные—поддержкой народа и козачества. Дошедшіе до насъ историческіе матеріалы говорятъ что въ этой борьбѣ погибъ шаргородскій протопопъ; онъ былъ убитъ козаками. Неясное упоминаніе объ этомъ убійствѣ встрѣчается въ полемическомъ сочине-



ніи Supplementum Synopsis", изданномъ въ 1632 г. Виленскимъ православнымъ братствомъ. Православные на обвиненіе ихъ уніатами въ убійствѣ шаргородскаго протопопа отвѣчаютъ, что имъ „protopopy jakegos szorogrodzkiego czy utopienie czy zomordowanie—неизвѣстно, и протопопа этого они не знали. Это вполнѣ и вѣроятно: виленскіе братчики могли даже не слыхать о томъ, что случилось въ маленькомъ городкѣ далекой Подоліи.

Въ 1891 г. проф. С. Т. Голубевъ въ разъясненіе этого темнаго факта напечаталъ[1]) два весьма важныхъ документа: 1, грамоту львовскаго и каменецкаго православнаго епископа Іереміи Тиссаровскаго къ шаргородскимъ мѣщанамъ, въ которой онъ, указывая на то, что шаргородскіе священники Матвѣй и Андрей, съ нѣкоторыми единомысльными своими, погордѣвши единою преданіями отеческими, ... не престаюъ крамолки всченать и вамъ, вѣрнымъ Богу и церкви Его, возмущать и колотить повины вносятъ въ церковь Божію подойржанныя и давно одъ нее оттятые и отверженные; далѣе епископъ приказываетъ, чтобы мѣщане этихъ священниковъ (т. е. Матвѣя и Андрея) „за поповъ у себе не смѣли мѣть, а ни ихъ при церквѣ вашей держать, а ни терпѣть". Епископъ Іеремія прибавляетъ, что онъ раньше изъ м. Мурахвы послалъ объ этомъ грамоту шаргородскимъ мѣщанамъ, но грамота эта почему-то до нихъ не дошла. Настоящая вторая грамота, вѣроятно по ошибкѣ переписчика, помѣчена 1681 г. Проф. Голубевъ относитъ ее къ 1618 г., что и будетъ вполнѣ правильно, такъ какъ Іеремія Тиссаровскій умеръ въ этомъ санѣ въ 1641 г.

Мѣщане исполнили приказаніе своего епископа и не пожелали „при церкви своей держать, а ни терпѣть" уніатовъ-священниковъ; они призвали козаковъ, а тѣ ночью напали на дома священниковъ, связали послѣднихъ и привели къ своему сотнику, который своей рукой отсѣкъ голову одному изъ нихъ, именно, протопопу, приказалъ тѣло Христова мученика бросить въ рѣку; на разсвѣтѣ явился староста и нашелъ остальныхъ священниковъ ожидающими смерти; онъ освободилъ священниковъ, а козаковъ приказалъ вывести изъ города; выведенъ былъ и виновный сотникъ; въ трехъ миляхъ отъ города онъ со своимъ отрядомъ былъ разбитъ татарами, призванными, повидимому, старостой; самъ сотникъ былъ убитъ (или казненъ отсѣченіемъ головы), прочіе козаки частью убиты, частью взяты въ плѣнъ, и не многіе лишь спаслись бѣгствомъ; тотъ мѣщанинъ, который привелъ козаковъ, хотя остался невредимъ, но вскорѣ однакоже былъ пораженъ внезапною смертью. Тѣло убитаго протопопа католики извлекли изъ рѣки и съ большой торжественностью похоронили въ приходскомъ костелѣ. Одинъ избѣжавшій меча священникъ, 70-лѣтній старецъ, оставшійся въ крайней бѣдности вслѣдствіе разоренія его дома и имущества козаками, былъ посланъ съ сообщеніемъ о случившемся къ митрополиту Іосифу Вельямину-Рутскому, пройдя пѣшкомъ 130 миль не столько польскихъ, сколько русскихъ, которые гораздо больше[2]), какъ замѣчаетъ при этомъ митрополитъ Іосифъ Вельяминъ-Рутскій.

---

1) „Чтенія въ историчн. Общ-ва Нест.-Лѣтоп., кн. V, отд. III, стр. 211—214.

2) Польская миля равна 5, а русская 7 верстамъ.

Приведенныя нами подробности заключаются во второмъ документѣ, напечатанномъ проф. Голубевымъ—извлеченіи изъ письма уніатскаго митрополитъ Іосифа Вельямина-Рутскаго къ о. Георгію Мойеру, іезуиту, ректору Августинской коллегіи". Письмо относится къ 25 іюня 1622 г.—Оно, какъ и грамота львовскаго епископа, дошло до насъ въ копіи; въ грамотѣ, какъ мы уже сказали, дата несомнѣнно ошибчная. Дата письма также возбуждаетъ сомнѣніе, и нѣтъ никакихъ основаній считать ее подлинной.

Сопоставляя содержаніе этихъ двухъ документовъ съ надписью на таинственномъ крестѣ, мы находимъ между ними слѣдующія точки соприкосновенія: 1, всѣ они очень близки по времени, относясь къ 1620 годамъ; 2, письмо митрополита и надпись на крестѣ говорятъ о казни чрезъ отсѣченіе головы; 3, письмо говоритъ, что казнь была совершена надъ козаками въ 3-хъ миляхъ отъ г. Шаргорода, т. е. верстахъ въ 15-ти отъ города, а это и есть мѣсто нахожденія креста, т. е. оба памятника, и письменный, и лапидарный, указываютъ на одно и то же мѣсто. Въ виду этого, мы позволяемъ себѣ думать, что они говорятъ объ одномъ и томъ же фактѣ, и надпись на крестѣ подтверждаетъ событіе, совершившееся въ Шаргородѣ.

Признавая это и имѣя въ виду подлинность надписи на крестѣ, мы вправѣ, я думаю, установить теперь, что нападеніе козаковъ на Шаргородъ и убійство ими протопопа уніата имѣло мѣсто въ 20-хъ числа января 1626 г., а не 1622 г., и что подъ крестомъ съ надписью погребенъ казненный отсѣченіемъ головы козацкій сотникъ.

Но студ. Бялковскій, какъ мы видѣли выше, говоритъ еще о трехъ крестахъ безъ надписей въ разныхъ мѣстахъ въ с. Молчанахъ; всѣ эти кресты по его заявленію одинаковы по своимъ формамъ, и потому должны быть отнесены къ тому же времени. Вѣроятнѣе всего, поэтому, что кресты эти стоятъ не на мѣстѣ погребенія основателя села—козака Молчана и не на мѣстѣ нахожденія старой церкви, а на мѣстѣ погребенія другихъ козаковъ, убитыхъ одновременно съ казненнымъ сотникомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо митрополита.

И. Каманинъ.

Памятникъ Т. Г. Шевченку и подписка на него. Еще въ 1904 г. Золотоношское уѣздное земское собраніе постановило ходатайствовать о разрѣшеніи подписки на постановку памятника Т. Г. Шевченку въ ближайшіе юбилейные сроки, т. е. или въ 1911 году, въ 50-тилѣтіе со дня смерти поэта, или въ 1914 году, въ 100-лѣтіе со дня рожденія его. Тогда-же былъ намѣченъ мѣстомъ постановки памятника г. Кіевъ, какъ центръ Украины. Несмотря на то, что въ томъ-же году ходатайство это было поддержано полтавскимъ губернскимъ земствомъ, все-

россійская подписка на памятникъ не была разрѣшена. Въ настоящее время мы получили отъ Золотоношской земской управы увѣдомленіе, что министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ открыть повсемѣстную, въ предѣлахъ Имперіи, подписку на сооруженіе въ Кіевѣ памятника поэту Т. Г. Шевченку.

Извѣщая объ этомъ нашихъ читателей, считамъ долгомъ заявить, что въ редакціи журнала „Кіевская Старина" принимается подписка на сооруженіе памятника Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ, и что еще въ прошломъ году начали поступать посильныя жертвы на это дѣло, въ очень ограниченномъ, впрочемъ, количествѣ. Такъ, въ № 4-мъ за 1905 годъ было дано извѣщеніе о томъ, что на эту цѣль поступило 502 рубля (отд. II, стр. 47), въ № 9-мъ за тотъ-же годъ—о поступившихъ 42 р. 60 к. (отд. II, стр. 119) и въ № 10-мъ—о поступленіи 8 рублей (отд. II, стр. 16), —а всего 552 р. 60 к. Въ настоящее время намъ вновь присланы: 1) изъ Зѣнькова (полт. губ.) 54 руб. 38 коп., вырученные отъ спектакля, устроеннаго любителями 7 апрѣля 1906 г.; 2) отъ Н В. Лисенка 452 р., вырученные отъ концерта, устроеннаго имъ въ залѣ Купеческаго собранія въ Кіевѣ 23 марта 1906 года,—а всего 506 р. 38 к., что, вмѣстѣ съ прежде поступившими 552 р. 60 к. составитъ 1058 р. 98 к. Отчетъ о концертѣ, устроенномъ Н. В. Лисенко, при семъ прилагается въ видѣ письма его въ редакцію.

———

Вельми Шановний Добродію, пане Редактор!

Воліть з ласки замістити в місячникові „Київ. Стар." наступне спровоздане з концерту мною урядженого 23-го Березоля на памьять 45 роковин смерти нашого поета, Т. Шевченка, в залі Купецького зібрання.

Огульного збору з концерту склалося 828 р. 54. к.

Видатки по концерту:

За зал Куп. зібр. — 150 р. По рапортичці, добр. Ящевсвким поданій: 121 р. 12 к. (буфет для хора—35 р., витання артистів 13 р. 95 к., карета—16 р.; вішалка для хору—5 р. челяді, буфетній і клубній—6 р. 5 к., фаетон—3 р. 70 к. Вечірня касса, контроль і комміссія з магазину Ідзіковського — 41 р. 42 к.) Рояль від магазину Д. Куе 15 р. Художникам за іллюстріровані програмки для артистів—14 р. Переписка нот для хору, перевозка портрета, каѳедри й інші дрібні видатки 26 р. 60 к. Забрані ноти для концерту артистам, об'явки, афиші, програми—49 р. 87. к.

Чистий добуток 452 руб. передаю до рук Ваших і прошу Вас долучити до тих 500 руб., що я торік зібрав у концерті, в тій же меті даденному на поставленя пам'ятника Шевченку у Київі.

З глибоким поваженям до Вас М. Лисенко.

Текущія извѣстія.

Украинскія партіи. Издатели сборниковъ программъ и платформъ народившихся у насъ политическихъ партій ограничиваются обыкновенно перечнемъ только великорусскихъ партій; о томъ же, въ какія формы отливается пробудившаяся политическая мысль на Кавказѣ, на Украинѣ, въ Польшѣ, Финляндіи, Сибири, Средней Азіи и т. п.—упоминать считается излишнимъ. Предполагается, что на всемъ пространствѣ отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды и отъ Амура до Днѣстра могутъ встрѣчаться только тѣ оттѣнки идеаловъ государственнаго устройства, какіе были выработаны въ С.-Петербургѣ и Москвѣ на съѣздахъ разныхъ партій и затѣмъ распространены въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ по всей Россіи. На самомъ же дѣлѣ, на ряду съ этимъ центробѣжнымъ распространеніемъ освободительныхъ идей давно уже шла работа политической мысли и на такъ называемыхъ „окраинахъ“, изъ которыхъ Украина представляетъ изъ себя область, равную почти половинѣ Европейской Россіи (если исключить изъ послѣдней Кавказъ, Польшу, Остъ-Зейскій край, Финляндію).

Страннымъ можетъ показаться такое, напр., безразличное отношеніе прессы къ мусульманскимъ народамъ, при которомъ ни одна изъ столичныхъ газетъ не помѣстила резолюцій съѣзда ихъ представителей, состоявшагося лѣтомъ прошлаго года. Еще болѣе странно невниманіе къ тѣмъ явленіямъ умственной и политической жизни, развитіе которыхъ имѣетъ уже свою исторію. Вѣдь объ автономіи Украины при федералистическомъ строѣ цѣлаго государства уже въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія говорило кирилло-меѳодіевское братство, члены котораго были сосланы за однѣ только мысли о возможности такого строя. И нельзя себѣ представлять, чтобы вслѣдъ за ихъ ссылкою идеалы этого братства были совершенно затоптаны и уничтожены мѣрами репрессій. Они жили и развивались, но при цензурномъ гнетѣ не находили себѣ выраженія въ нашей прессѣ: такимъ послѣдователямъ идей братства, какимъ былъ М. П. Драгомановъ, приходилось высказываться лишь заграницею. Тамъ же и въ самое послѣднее время (1904) оглашены были главнѣйшія пожеланія украинской демократической партіи, о которой говорило также и „Освобожденіе“.

Такъ какъ эти пожеланія въ видѣ краткой платформы послужили основою для выработки болѣе подробныхъ программъ образовавшихся въ 1905 году украинскихъ партій, то мы можемъ ограничиться пересказомъ лишь главнѣйшихъ положеній этой платформы, чтобы въ будущемъ имѣть возможность слѣдить за развитіемъ и существующихъ,

и нарождающихся въ украинской области политическихъ партій. Свобода слова, вѣры, собраній, обществъ, неприкосновенность личности, уничтоженіе привилегій и равенство, непосредственные, всеобщіе, равные и тайные выборы въ парламентъ—вотъ тѣ общія требованія, которыя объединяли эту украинскую демократическую партію съ другими общерусскими прогрессивными партіями. Но въ редакціи мотивовъ къ положеніямъ украинская платформа отличалась отъ другихъ платформъ того времени тѣмъ, что говорила не объ одномъ народѣ, а о народахъ, населяющихъ Россію, и особенно о такъ называемыхъ „негосударственныхъ" (недержавныхъ) народахъ; главное же вниманіе обращала на ту централистическую систему, которая царствуетъ у насъ наперекоръ всѣмъ индивидуальнымъ потребностямъ отдѣльныхъ народовъ и не считается съ соціально-экономическими и національно-культурными ихъ нуждами. Оттого центръ тяжести пожеланій украинской демократической партіи заключался въ ограниченіи централизаціи и расширеніи мѣстной автономіи на территоріи Украины съ уравненіемъ въ правахъ и другихъ націй, живущихъ на этой территоріи.

Въ истекшемъ 1905 году съ оживленіемъ политической жизни послѣ обѣщаній со стороны правительства объ обезпеченіи населенію разнаго рода свободъ, организовались то тамъ, то сямъ въ Южной Россіи національныя партіи подъ разными названіями (конституціонно-демократична, радикальна и т. п.). Ихъ программы появлялись въ разныхъ редакціяхъ то на съѣздахъ общерусскихъ партій, то въ повременной печати (напр. въ „Полтавщинѣ", въ „Правѣ"). Но едвали теперь предстоитъ надобность слѣдить за варіаціями одной и той-же общей мысли въ прошломъ. Послѣдняя (кіевская) редакція программы объединенной украинской демократично-радикальной партіи, наиболѣе многочисленной, отпечатанная въ видѣ № 17 ея изданій, болѣе подробно развиваетъ требованія отъ желательнаго политическаго строя нашего государства. Тутъ находимъ пожеланія: уничтоженія тѣлеснаго наказанія, смертной казни, приговоровъ на вѣчное заключеніе; неприкосновенности личности, жилища и переписки безъ судебнаго приговора; свободы выбора занятій, мѣста жительства; употребленія родного языка въ частной и общественной жизни; отвѣтственности за печатное и устное слово только предъ судомъ; свободы вѣроисповѣданія, собраній, союзовъ и т. д. Территоріально-національныя области по этой программѣ должны имѣть свои мѣстныя представительныя учрежденія (рады) изъ выборныхъ всеобщимъ, тайнымъ и равнымъ голосованіемъ, съ добавленіемъ пропорціональной системы выборовъ, которая обезпечивала бы и представительство меньшинства. Украинская „Народная Рада" устанавливаетъ мѣстную конституцію въ соотвѣтствіи съ основными общегосударственными законами, но съ непремѣннымъ условіемъ

обезпеченія правъ широкаго самоуправленія сельскимъ, городскимъ и окружнымъ единицамъ.

Оставляемъ въ сторонѣ пункты программы, относящіеся къ дѣламъ просвѣщенія, суда, церкви, полиціи, милиціи, аграрнаго рабочаго вопроса и т. п. Довольно и тѣхъ общихъ положеній политическаго содержанія, чтобы видѣть, что программа украинской демократично-радикальной партіи разсчитываетъ на смѣлость и стойкость своихъ членовъ при проведеніи въ жизнь указаныхъ положеній въ то время, когда, кажется, только одни профессора обезпечены отъ тѣлесныхъ наказаній, ибо и изъ ихъ среды арестуютъ и высылаютъ за принадлежность къ какому-либо союзу. Если украинскіе учители средней и низшей школы, литераторы и др., не смотря на аресты и высылки, съумѣютъ заступиться за избиваемую нагайками и пулеметами демократію, то можно надѣяться на возрожденіе Южной Руси. А возрожденіе это—несомнѣнно, ибо наказанія „на тѣлѣ" никогда еще и нигдѣ не побѣждали силъ „духа". (Страна, 6).

А. Русовъ.

Не дозволено вчити по вкраінському. Полтавська городська дума прохала міністра народньоі просвіти, щоб дозволив вчити вкраінською мовою у городській школі імени Івана Котляревського в Полтаві.

Тепер оце з міністерства прийшла відповідь, що міністр не дозволив. (Гр. Д., 71).

Старая пѣсня отклоненія. Есть разныя пѣсни, старыя и новыя, хорошія и плохія; наша рѣчь идетъ о вновь прозвучавшей на этихъ дняхъ старой и плохой бюрократической пѣснѣ на излюбленный мотивъ духовнаго гнета,—имѣемъ въ виду „отклоненіе" просьбы полтавскаго городского управленія о разрѣшеніи преподаванія въ городской начальной школѣ имени И. П. Котляревскаго на малорусскомъ языкѣ, т. е. на языкѣ Полтавы и Котляревскаго.

Котляревскій, полтавскій уроженецъ, по общему признанію, основатель новой украинской литературы и новаго малорусскаго театра. Благодарная его памяти Полтава, а съ ней и вся Малороссія, и зарубежная Галичина (на руку „единству" Россіи) общими силами поставили Котляревскому въ Полтавѣ хорошій памятникъ, съ разрѣшенія самого Плеве, и въ добавокъ полтавское городское управленіе учредило школу имени Котляревскаго, а такъ какъ въ Полтавѣ родной языкъ малорусскій, которымъ пользуется большинство населенія, особенно низшаго, то, естественно, городское управленіе просило, чтобы въ школѣ въ память Котляревскаго дѣти могли учиться на томъ языкѣ, на которомъ говорилъ и писалъ Котляревскій, на которомъ говорятъ

нынѣ ихъ отцы и матери. Все это такъ естественно, жизненно, и вдругъ „отклонено"! Какая можетъ быть бѣда отъ того, что сотня восьмилѣтнихъ дѣтей будетъ изучать грамоту своихъ отцовъ, и неужели тутъ можетъ быть какой-либо ущербъ для „единства" Россіи, а вотъ, навѣрно, нашлись канцелярскіе чинуши, которые въ своихъ освѣщеніяхъ и разъясненіяхъ по инстанціямъ гарцовали на конькѣ спасенія „единства" Россіи и провалили ходатайство полтавцевъ. Они не хотятъ понять, что такимъ путемъ они оскорбляютъ всѣхъ сознательныхъ малороссовъ и въ своихъ канцеляріяхъ роютъ яму единственно устойчивому и прочному единству симпатій и привязанностей. Всякое насиліе отвратительно: но насилію надъ словомъ, надъ языкомъ цѣлаго народа нѣтъ имени. Человѣка можно убить, можно запугать; но народъ не можетъ быть убитъ, особенно его слово, какъ неприступная духовная сила. Языкъ народа нѣчто неуловимое и непреоборимое Это такая могучая защита, сравнительно съ которой всѣ крѣпости и броненосцы сущіе пустяки. На несокрушимой высотѣ стоятъ слова Шевченко.

И возвеличымо на дыво
И розумъ нашъ, и нашъ языкъ...
Та й де той панъ, що намъ закаже
И думать такъ, и говорить...
. . . . . . Возвеличу
Малыхъ оттыхъ рабивъ нимыхъ.
И на сторожи коло ихъ
Поставлю слово...

Слово—не только охрана, защита, но и нива для богатой духовной жатвы.

. . . . . . Орю
Свій перелигъ—убогу ныву
Та сію слово: добри жныва
Колысь-то будутъ!..

Языкъ народа—драгоцѣнность, и всякія обиды ему или расхищеніе его—великій грѣхъ и оскорбленіе Духа Свята.

Ну що бъ, здавалося, слова...
Слова та голосъ—бильшъ ничого...
А сердце бьетця, ожыва,
Якъ ихъ почуе... Знать, отъ Бога
И голосъ той, и ти слова
Идуть мижъ люде.

„Отклоненіе" пришло въ Полтаву кстати передъ выборами членовъ въ Государственную Думу и, несомнѣнно, сыграетъ въ руку партіи Народной Свободы.

Обращаемся къ полтавцамъ съ такой близкой имъ рѣчью: „Дуже раемо вамъ, якъ щирымъ украинцамъ, швыдче берить лысты та пышыть любенько тихъ, хто йде пидъ прапоромъ вильного слова и вильноп школы; тихъ, що далы зарокъ боротысь за ваши права, за всенародну просвиту, щобъ ни одинъ хлопчыкь або дивчына не зоставалысь безъ освиты, щобъ для украинськихъ дитей въ украинськихъ селахъ наука мусыла буты на украинській батькивкій мови. Треба звернуть на цей бикъ, бо инши дороги заведутъ въ таки провалья, зъ которыхъ трудно выбраться.

Шкода пытать помочи або порады праворуч у людей старого порядка; воны заразъ вылають сепаратистами, крамольниками; наклычуть урядныкивъ и наче злодіивъ потягнуть въ холодну, або закрычать — „скачы, враже, якъ панъ каже“, бо кожный зъ ныхъ на себе дывытся, якъ на пана, а на мужыка, якъ на хама, та глузуватымутъ и насмихатымутся зъ украинськои мовы, якои не знають и не хочутъ знаты.

Та не звертайте и въ ливоручъ, бо заразъ почуете те, що тыждень тому назадъ въ Харькови прылюдно казавъ новый выборный въ Державну Думу Д. И. Назаренко на пытання однои мисцевои часопыси про національну справу, „що въ смыслѣ общечеловѣческаго блага національность не должна существовать, и существованіе ея является нелѣпостью“. Добродій Назаренко не знае, а може и не хоче знаты, що до „общечеловѣческаго блага“ люды йдутъ по благу національному, а то швыдко выйде вже такъ багато „общечеловѣческаго блага“, що и класты его никуды. Пры такимъ погляди украинська мова тежъ „отклонена“—тилько зъ другого, ливого боку.

Люды прыхильни до народнои свободы скажутъ: „чужому научайтесь, а свого не царуйтесь“, и ця порада буде добра. Воны оборонятымуть видъ наруги и сорома „отклоненій“. Воны положать мицный мистокъ помижъ старыной и вовыной, щобъ батьки и диты шлы поручь по одній стежци добра и правды. Уси народы шли и йдутъ къ „общечеловѣческому благу“ черезъ свои національни ворота, и для украинцивъ нема другого хода: або стій на однимъ мисти, якъ проклятый, поки одубіешъ, абожъ простуй до людей по своему двори и въ свои ворота.

Вертаючись до полтавського „отклоненія“, зновъ пораемо, щобъ на зустричъ ему полтавци послалы въ Державну Думу такого чоловика, который змигъ бы голосно сказать, що украинська мова—велыка частына славянства, и годи вже надъ нею знущатысь, топтаты, та все видклоняты. Ніякои корысти нема видъ того, николы не було и не може буты; а шкоды, а сорому усимъ багато, и гнобытелямъ и прыгноблен-

нымъ; колы слово стало на оборони убогыхъ и сирыхъ, то вже неможно его зворушыты, и буде воно тамъ стояты до вику, поки свитъ сонця. Ради того самого единства Россіи, за который буцимъ де-хто роспынаетця, единства державного и духовного, треба берегты сылы, для спильнои народнои праци, а не топтаты ногамы народне жыття. Здаетця, доси було вже чимало усякихъ „отклоненій“, а кому видъ того корысть? никому, а народови украинському сама шкода. Та вже тихъ „отклоненій“ зибралось такъ богато, що громадяне до ныхъ прыдывылись и личбу загубылы.

Съ такой-бы приблизительно рѣчью я обратился къ землякамъ. Кстати, въ первый день Христова Воскресенія, я получилъ изъ Таганрога отъ неизвѣстнаго мнѣ поэта А. В. Бахирева, какъ писанку, стихотвореніе „Славянскій гимнъ“:

Ликуй народъ: промчатся годы
И „старый русскій великанъ“
Подъ свѣтлымъ знаменемъ свободы
Пойдетъ къ семьѣ родныхъ славянъ.
Онъ скажетъ имъ: вы долго ждали,
„Я самъ во мракѣ скованъ былъ,
„Но свѣтъ пришелъ и цѣпи пали—
„И васъ я, братья, не забылъ.
„Пришелъ я, сбросивъ рабства бремя,
„Пришелъ, какъ братъ, а не какъ врагъ,
„Я васъ зову, родное племя,
„Подъ мой свободный, свѣтлый стягъ.
„Мы вмѣстѣ дружною семьею,
„Посѣемъ правду на землѣ
„И будемъ жить одной душою
Въ Варшавѣ, въ Прагѣ и въ Кремлѣ“.

Стихотвореніе симпатичное: но поэтъ немного поспѣшилъ; „ликовать“ пока нечего, такъ какъ цѣпи еще не пали, и, отчасти, какъ видно изъ полтавскаго „отклоненія“, еще подновляются. Потому не только Варшава и Прага, но и скромная Полтава вынуждены ждать, пока „старый русскій великанъ“ сброситъ съ себя „рабства бремя“, а разъ онъ сброситъ съ себя это рабство, его „стягъ“ сразу высоко взовьется во всемъ славянскомъ мірѣ, и всѣ свободные народы протянутъ руки своему великому свободному славянскому брату и пойдутъ

съ нимъ вмѣстѣ „сѣять правду на землѣ“. Народная душа давно уже томится отъ неправды. Въ одной грустной пѣснѣ малорусскій народъ поетъ:

Наступыла чорна хмара,
Настала ще й сыня,
Була Польша, була Польша,
Та стала й Россія.

При такомъ настроеніи въ народѣ сложились и получили широкое распространеніе горестныя пѣсни о господствѣ въ мірѣ неправды.

Нема въ свити правды, правды не зискаты,
Що теперь неправда стала пануваты...
Ужежъ теперъ правду ногамы топтаютъ,
А тую неправду медомъ напуваютъ...

Есть, однако, много признаковъ, что въ душѣ народа происходитъ глубокій переломъ; онъ выступаетъ въ поиски за правдой въ увѣренности, что правда есть, что ее нужно отыскать, и онъ ее отыщетъ, какъ бы усердно ее ни „отклоняли“. (Южн. Кр., 8749).

Проф. **Н. Ф. Сумцовъ**.

У „просвітян“ в Одеси. По газетах була у свій часъ звістка, що в Одесі заснувалося товариство „Просвіта“—яке має на меті ви, давати книжки, брошури, часописі, одкривати бібліотеки, читальні, школи і. т. и.

Довідавшись про заснування сього товариства, я поклав собі на меті навідатись при першій нагоді до Одеси й побачити на власні очі се товариство.

Незабаром нагода трапилась:

То був великий день 26 лютого. Прочитавши газетну звістку, що одеські „просвітяне“ впоряжають 26 лютого шевченківський вечір, я поклав собі на думці використати сей день—побувати на тому святі й познайомитись з товариствомъ.

Поїхав. Першимъ свідком істнування „Просвіти“ в Одесі було р зліплене по городу оголошення про шевченківський вечіръ: на великих афішах було, між иншим, зазначено, що „вечір впоряжає українське товариство „Просвіта“... Не буду критись, що сі афіші, видруковані по українському та ще „кулішівкою“, зробили на мене чимале

враження... Не хотілось няти віри тому, що українська нація має нарешті змогу вживати свою мову в публічному життю... Але справді, як виявилося потому, трохи зарано було радіти з сього приводу: побіч афіші „просвітян“ було наклеєно оголошення про другий шевченків вечір, що впоряжала молодіж, і се друге оголошення було вже надруковано по російському, бо, як мені казали потому, адміністрація не дозволила молодіжі друкувати української оповістки... Тяжко догадатись, чому адміністрація одному дозволяє вживати українську мову для оголошень, а другому забороняє...

Не буду росповідати про впорядкований „Просвітою“ вечір; моя ціль сказаги тілки кілька слів про те, що таке товариство „Просвіта“ та в чому виявляється його робота.

Товариство наймає помешкання на Ніженський вулиці. Ідучи до того помешкання, я ще здалека угледив на будинкові вивіску „Українське товариство „Просвіта“. Захожу до помешкання. Міститься воно в кількох кімнатах; одна кімната чималенька, призначена для загальнихъ зборів товариства та вечорів, решта кімнат зайнято: під читальню, канцелярію, під виділ та кватирю доглядача за помешканням.

Загальне враження я виніс від сієї, здається, першої офіціальної української інстітуції в межах Россії, дуже приємне. Зала зборів товариства була вбрана рушниками та портретами українськихъ діячів, на стіні висіла також карта України... На мій запит до провідниці, дочки одного з „просвітян“, чи часто збіраються члени товариства, довідався, що у них заведено „середи“ та „суботи“: у середи відбуваються академічні збірки, на яких читаються ріжні наукові речі, а в суботи споряжаються літературно-музичні вечори (вечерниці) з співами й танцями; для сієї цілі в залі стоїть піанино. Бувати на вечорах вільно всякому за рекомендацією члена товариства. На мій запит, які саме люде бувають на вечорах, довідався, що бувають люде ріжного стану, починаючи з інтелігентів й до кучерів та покоівок.

Товариство налічує тепер уже членів звиш трьох сотень.

Читальня зробила на мене також приємне враження. Тут я застав на столі ось які часописі „Діло“, „Промінь“, „Громадську Думку“, „Земля і Воля“, „Рідний Край“, „Сьвіт“, „Економіст“, „Руська Рада“, „Гайдамаки“, „Буковина“, „Вісти“, „Руслан“, „Громадський Голос“, „Руська Хата“, „Шершень“ „Кіевская Старина“, „Ukrainische Rundschau“, „Kraj“, „Slowo“, один чи два часописи на литовській мові.

Вдруге кажу, що надвірня обстанова одеського товариства „Просвіта“ зробила на мене дуже приємне враження і я, виходючи з нього, не міг не побажати в своєму серцю, щоб наша Україна хутчіш покри-

лася густо такими товариствами, котрі б будили в нашому народі національну свідомість та витворяли власну інтелігенцію. А таку іменно службу, як казав мені один з „просвітян“, одеське товариство й має на меті сповняти.

В кінці не можу не побажати, аби одеське товариство „Просвіта“ як найхутчіш роскинуло свою роботу по за межи центру города, де грунт для просвітноі роботи мабуть ще не початий.

Товариство заклопотане зараз поширенням свого помешкання, а також не в довгому часі має заснувати власну школу.

В щасливий час! (Гром. Думка. 55)

Гр. Самітний.

Українське товариство „Просвіта“ в Кам'янці. 10-го апріля подано Кам'янець-подільському губернаторові заяву, що в Кам'янці, на основі нового закону про спілки и товариства, засновується українське товариство „Просвіта“. Сподіваються, що губернатор не стане на дорозі цьому просвітному товариству, і воно почне працювати на Поділлю. А просвітної праці там дуже треба, бо з кожних десяти душ там вісім душ не вміють читати.

В новому законі про товариства, виданому 4 марта, сказано, що коли місцева адміністрація до двох тижнів після того, як подано заяву, не заборонить товариства, то через два тижні воно може почати свою роботу. Коли ж адміністрація схоче заборонити завести товариство, то мусить сказати, через віщо, і тоди діло йде в сенат. (Гром. Дум., 86).

Подаэмо проект статуту „Просвіта“:

Мета.

I. Товариство мас на меті: ширить просвіту, будити національну самосвідомість й підіймати національну культуру серед украінців Поділля.

II. Щоб досягнути зазначеної мети, товариство: 1) відкриває школи, бібліотеки, читальні й книгарні; 2) видає свої твори, а насамперед книжки, газети й листки для народнього читання; 3) організує зібрання, читанки з рефератами й бесідами про питання, що торкаються Украіни; 4) организує громадки для збірання, заховування й плекання рідноі пісні й музики; 5) закладає музеі для схованки річей, що дотикаються історіі, етнографіі, шкільноі справи й природних ознак краю; 6) для поширення просвіти серед дорослого люду заводить недільні школи, повторні й вечерні заняття з дорослими, спорядає народні читанки та систематичні курси, щоб вияснювати народові переважно національно-політичні й правничі питання, знайомити його з медициною й

кращими способами визизку краєвого природнього багацтва; 7) ширить в народі через дрібні книгарні, рухливі вистави й через книгоношів українські газети, книжки, листки й малюнки; 8) взагалі добірає всяких культурних засобів, щоб досягти своєі мети.

III Коло товариства організуються з членів його відділи, що мають виконувати поодинокі функції, згадані у статуті товариства.

IV. Поза Камінцем організуються по Поділлю місцеві автономні відділи товариства, котрі працюють в межах товариства, присилають свої справоздання в головний відділ і делегатів на загальні щорічні зборі.

V. Поодиноким членам товариства доручаються невеличкі книгозбірні, з яких книжки продаються, або й дурно пускаються в нарід, також видаються прохожим книгоношам по потребі.

Товариство.

VI. Товариство складається з членів дійсних почесних та членів-працівників.

VII Дійсні члени товариства вибіраються загальними зборами й вносять у скарбницю товариську щорічно не менш трьох карбованців, або 30 карбованців за раз.

VIII. Членами-працівниками можуть бути ті, що замісць членських вкладок візьмуться допомогати товариству своєю працею і будуть вибрані „Товариською Радою“.

IX. Членами почесними стають ті особи, котрі чимало жертвують на товариство, або яким другим способом значно допомогають йому; вони вибіраються на загальних зборах.

X. Особи, що підпишуть цей статут, яко закладчики товариства, війдуть в нього без голосування.

XI. Порядкування справами товариства належить до загальних зборів його членів та „Товариськоі Ради“.

XII. Загальні збори скликаються по потребі самою радою, і бувают щорічні й надзвичайні.

XIII. Надзвичайні загальні збори скликаються самою радою, ревізійним комітетом, або писаною заявою не менш 1/20 числа членів товариства, що живуть у Камінці. Коли ж число членів перевижатиме 200 чоловік, то під заявою повинні підписатися не менше, як 10 членів.

XIV Загальні збори відбуваються прилюдно під проводом голови зборів, котрий вибірається змежи членів тих зборів, окрім членів, що належать до товариськоі ради. На загальних зборах вибірають також писаря, котрий відае писання зборів.

XV. Загальні збори вважаються дійсними тоді, як на них зибралося не менч $^{1}/_{5}$ членів товариства, що живуть у Камінці.

XVI. Постанова про зміну й доповнення статуту товариства, про його закриття, чи про увільнення з громади товариства членів його потребує присутности на зборах $^{2}/_{3}$ членів товариства, що живуть у Камінці.

XVII. Коли загальні збори не відбулися через недостачу потрібного числа членів, то вони скликаються вдруге, не раніш двох неділь, для розгляду тих самих справ, і тоді вже відбуваються при яким будь числі присутних членів.

XVIII. Постанови на загальних зборах приймаються більшістю присутних на зборах членів, окрім тих випадків, коли розвязуються питання про зміну статуту або закриття товариства, про вибрання почесних членів, та увільнення з товариства яких буде членів; в тім разі потребується окрім присутности $^{2}/_{3}$ всіх членів, що живуть у Камінці, ще більшість $^{2}/_{3}$ голосів присутних на зборах членів.

XIX. Загальні збори: 1) зазначують порядок і розмір праці товариства в межах цього статуту; 2) закладають музеі, школи, театри, співацькі та музичні школи й гуртки, бібліотеки-читальні, книгарні, недільні школи, повторні й вечерні заняття з дорослими, народні читанки й систематичні курси; 3) організують з членів товариства свої мисцеві комітети, шкільні ради, повітові відділи та зазначують ім межи працювання; 4) затвержують інструкціі задля підлеглих товариству інстітуцій; 5) розглядають і ухваляють справозданя товариськоі ради, бюджет на другий рік й відчіти ревізійного комітету; 6) зазначують спосіб придбання й збування запасних та нерухомих капіталів; 7) розглядають запитання й внесення ради та членів товариства; 9) вибирають з членів товариства; 8 чоловіка у товариську раду і 4 кандідатів до них; також 3 членів й 2 кандідатів у ревізійний комітет; 10) увільняють членів товариства тасмним голосуванням; 11) розвязують питання про зміну статуту та про закриття товариства.

XX. Діяльність ради. Рада: 1) виконус всі постанови загальних зборів; 2) вибірас з членів товариства особ для порядкування книгарнями, бібліотеками, читальнями, музеями товариства й кермуе іх працюванням; 3) доглядає за наукою дітей у школах; 4) запрошуе учителів та учительок до шкіл товариства, а також лекторів до читанок і увільняє іх від тих обов'язків; 5) єднас працю долучених до товариства комітетів; 6) організує читання рефератів; 7) розсилає книжки й шкільні підручники школам; 8) споряжає задля побільшення коштів товариства літературні вечірки, прилюдні лскціі, вистави, збір жертвувань і. т. и.; 9) скликас загальні збори й видас усі потрібні для них распорядження;

10) подає на загальні збори своє справоздання й свої здогади на другий рік; 11) пильнує книжок що до приходу й росходу всілякаго добра товариства; 12) веде списки усіх членів товариства.

XXI. Члени ради вибірають від себе голову, його заступника, скарбника й писаря.

XXII. Рада збірається не менш одного разу в місяць по запросинах голови.

XXIII. Постанови ради тоди мають силу, коли в зібранню її буває не менш половини членів.

XXIV. Ревізійний комітет ревізує суми, документи книжки, й маєток товариства, також щорічне справоздання ради. Наслідки ревізії зазначуються приписками у скарбовій книжці з підписами членів комітету. В кінці року комітетом складається відчіт, який подається на загальні річні збори.

Засоби товариства.

XXV. Засоби товариства складаються: а) з членських вкладок; б) дарунків; в) запомоги від яких-небудь товариств та інституцій; г) доходу від продажі книжок і праць товариства; д) доходу від прилюдних лекцій, вистав і. т. ин.

XXVI. Коли товариство закривається, то загальні збори признačують, куди передати гроші й маєтки товариства.

Къ изданію Евангелія на украинскомъ языкѣ. Въ настоящее время извѣстны четыре перевода Евангелія на малорусскій языкъ: одинъ неполный переводъ Шашкевича, составленный въ Галиціи въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка, и три полныхъ—Морачевскаго въ рукописи, Кулиша и Пулюя въ заграничномъ изданіи, и М. Ф. Лободовскаго въ рукописи. Г. Житецкій сравнилъ всѣ три полныхъ перевода и пришелъ къ выводу, что переводъ Морачевскаго, половины прошлаго вѣка, самый лучшій, легкій, подвижной. Избѣгая причастій, Морачевскій удачно обращаетъ ихъ въ придаточныя предложенія, напр., вм. „зустрине васъ чоловикъ, несучый воду у глечику“ г. Лободовскаго, вм. „и зустрине васъ чоловикъ, несучи глекъ воды“ Кулиша—у Морачевскаго проще: „тамъ встринете чоловика зъ глекомъ воды“. Морачевскій часто пускаетъ въ ходъ удачные перифразы, придающіе рѣчи оживленіе и яркость. „Нѣтъ никакого сомнѣнія—говорить г. Житецкій,—что Морачевскій въ высокой степени обладалъ чувствомъ народной рѣчи и, такъ сказать, психологіей ея, и всѣ усилія прилагалъ къ тому, чтобы, не отступая отъ смысла славянскаго текста, внести въ свой переводъ

психическую ткань малорусской рѣчи и свойственные ей обороты, ея „свычаи и обычаи“. Изъ нея онъ почерпалъ свое вдохновеніе. Какъ ярокъ и образенъ переводъ Морачевскаго, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ: у Морачевскаго—Мѳ. 25, 35—„тынявся я на чужыни и вы далы мени прытулокъ“, у Кулиша слабѣе: „був чужынцемъ и вы принялы мене“, у г. Лободовскаго еще слабѣе: „бувъ страннымъ, и вы прыняли мене“. Мораческій взвѣшивалъ каждое слово, какъ видно изъ его многочисленныхъ поправокъ, справлялся съ евангельскими текстами на другихъ языкахъ. Это былъ осторожный и вдумчивый переводчикъ, и несомнѣнно, что изданіе его перевода будетъ драгоцѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу малорусскаго языка.

Г. Житецкій, — по словамъ „Церк. Газ.“, — рекомендуетъ для предстоящаго изданія нѣкоторыя общія правила, которыя, по всей вѣроятности, и будутъ цѣликомъ приняты, какъ весьма цѣлесообразныя. Такъ г. Ж. основательно совѣтуетъ: 1) оставить неприкосновенными собственныя имена (Іисусъ вм. Исусъ, Елизавета вм. Лизавета и т. д.), 2) оставить безъ перевода такія славянскія выраженія, къ которымъ, какъ къ формуламъ, ухо давно уже привыкло, напр. „Осанна въ вышнихъ“, 3) замѣнить старославянскими тѣ малорусскія слова, которыя имѣютъ въ народѣ вульгарное значеніе или иногда имѣютъ циническое приложеніе, напр., іудей вм. жидъ, перси вм. цыцькы. Такихъ словъ немного, и осторожное обращеніе съ ними въ переводѣ Евангелія представляется весьма желательнымъ и даже необходимымъ.

Українська мова в церкві. В Кам'янці-Подільському на перший день Великодня архирей Парфеній читав у соборі евангелію українською мовою. Люде і здивувалися, і зраділи, почувши в церкві рідне слово, (Гр. Д. № 82).

Могила И. П. Котляревскаго. Еще такъ недавно обновленная могила поэта Котляревскаго, кажется, вновь забыта: у подножія надгробнаго памятника, вмѣсто вѣнковъ, которые обѣщали ежегодно возлагать на могилу почитатели „батька“ украинской литературы, валяются бутылки; въ оградѣ ни деревца, ни кустика, исключая полузасохшаго тополя, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшаго при расширеніи ограды. Внѣшняя сторона ограды, а также канава, отдѣляющая могилу отъ улицы, превращена многочисленными прохожими, а также рабочими сосѣднихъ кузницъ, положительно въ отхожее мѣсто. Ходъ въ ограду кѣмъ-то изъ кладбищенскихъ блюстителей порядка забитъ наглухо гвоздями, и этимъ, повидимому, ограничилась вся забота о могилѣ украинскаго поэта.

Нове видавництво. Редакція „Шершня“ оголошує, що новозасноване видавництво „Ранок“ незабаром видаватиме друковані досі лише за кордоном твори українських письменників. В першій серії будуть видруковані твори М. П. Драгоманова: „Рай і поступ“ „Швейцарська спілка“, „Євангелська віра в старій Англії“, „Заздрі боги“, „Автобіографія“, „Вільна спілка“, „Листи на наднінрянську Україну“, „Рецензія на царство Божіе, Л. Н. Толстого“, „Старії хартії вольности“, „Промови віри“, „Нові українські пісні про громадські справи“, „Про те, як наша земля стала не наша“, „Про хліборобство“, „Австро-руські спомини“ і инші.

Адреса видавництва: Київ, Гоголевська, 45, кв. 8

Українська граматика. Д. Євген. Тимченко викінчив останніми часами першу частину вкраїнськоі граматики (українською мовою) і одібрав вже дозвіл з цензури.

Українська пресса. За короткий час, коли явилась змога в Россії видавати українські часописі, нам стали відомі досі такі видання, які або вже виходять в світ, або оголосили про себе звістки.

1) **В Київі:** а) *Громадська Думка*, щоденна часопись; б) *Нова Громада*, місячник; в) *Шершень,* тижднева сатирична часопись з малюнками. Всі ці видання виходять і тепер. Крім того, губернатором дозволено видавати В. О. Козловському щоденну часопись *Українська Газета,* яка ще в світ не появлялася, та зроблена об'явка про часопись *Українське Бжільництво.*

2) **В Одесі:** *Вісті,* газета.

3) **В Полтаві:** *Рідний Край*, тижднева часопись.

4) **В Харькові:** *Слобожанщина*, щоденна газета; почала виходить, але швидко і зачинилася.

5) **В Катеринославі:** а) *Добра порада*, тижднева часопись, якоі вийшло 4 номери, а далі вона була заборонена; б) *Запоріжжя*, тижднева часопись — вийшов тількі один номер, а далі заборонено.

6) **В Москві:** *Зоря,* тижднева часопись з малюнками.

7) **В Петербурзі:** *Вільна Україна,* місячник; вийшло вже три номери. Крім того, зроблена об'явка, що почне виходить тижднева часопись „Голос робітника“.

8) **В Могилеві Подільському**: *Світова Зірниця*, тижднева часопись; ми бачили 9 номерів.

9) **В Хотині:** Дано дозвіл доктору Ф. Немоловському видавати місячник „Хата“.

„Ukraïnïsche Rundschau“ — щомисяцьовий журнал німецькою мовою почавъ виходити у Відні замисто „Ruthenische Revue“. Видає посол до австрійського парламенту д. В. Яворський, редактує д. В. Кушнір. Журнал видається на те, щобъ европейськимъ читачам подавати звістки про життя українського народу в Россії та в Австрії.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„УКРАЇНСЬКЕ БЖІЛЬНИЦТВО."

під редакцією

Е. П. Архіпенка.

В продовженню рока виходить 8 №№. Кожный № в розмірі 1—1½ аркуша.

Головна мета журнала росповсюжувати на Україні думкі про раціональне бжільництво (тоб-то таке, яке матиме в своїм грунті розумні начала).

Відповідно сему в журналі будуть міститися статьі, котрі з'ясовуватимуть питання про природню історію бжіл; про ворогів та хвороби бжіл: про те, як доглядати за бжолами; про здобуткі від бжильництва; про улики та темникі; про те, які найкращі для вживання в бжільництві спідручникі (струменти); про медові рослини та таке инше.

Окрім сего буде міститися все, що взагалі дотикується до зразкового пасічного хазяйства, а також будуть оголошуваться ріжні звісткі і закордонні (чужеземні) новинкі по бжільництву. Книгогляд. Відповіді редакції на запитання підписчиків. Об'явкі.

Річна передплата з досиланням: у Росії—1 карб., в чужеземні державі—2 карб.

Передплатні гроші мають досилатись по адресі: Кіев, Печерск, Милліонная, д. 9, кв. 3. **А. К. Титаренко.**

По справам редакційним звертатись в' Петербург, Суворовскій пр., д. 5, кв. 7.

Редактор-видавець **А. П. Ефремова.**

1—3

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

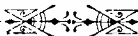
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCIII.

1906 г.

МАЙ-ІЮНЬ.



Кіевъ.
Типо-литографія Т-ва Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская у., № 14.
1906.

Отношеніе великорусскихъ соціалистовъ 70-хъ годовъ къ народно-федеральному направленію.

Въ № 3—4 нашего журнала мы помѣстили нѣсколько главъ изъ труда М. П. Драгоманова „Историческая Польша и великорусская демократія“, озаглавивъ ихъ „М. Бакунинъ и русскіе прогрессисты 60-хъ годовъ въ вопросѣ о польско-украинскихъ отношеніяхъ“. Дальнѣйшимъ развитіемъ этого вопроса является освѣщеніе тѣхъ взглядовъ, которые обнаружились въ 70-е годы, когда къ вопросамъ политическимъ присоединились вопросы соціальные. М. П. Драгомановъ въ послѣдующихъ главахъ подробно характеризуетъ отношенія великорусскихъ соціалистовъ этого періода къ вопросу о федерализмѣ вообще и о роли Украины. Ввиду особаго интереса къ федерализму, обнаруживающемуся въ современныхъ общественныхъ теченіяхъ въ русской жизни, считаемъ умѣстнымъ привести эти главы изъ вышеназваннаго труда М. П. Драгоманова.

То, что случилось съ народно-федеральнымъ направленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ раціональнымъ отношеніемъ къ Польшѣ въ великорусскомъ политическомъ движеніи 60-хъ годовъ, повторилось и въ соціальномъ движеніи 70-хъ годовъ. И здѣсь народно-федеральное направленіе, такъ ясно и энергически провозглашенное Бакунинымъ, очень скоро потускнѣло и уступило мѣсто государственно-централистическому. Мы не будемъ останавливаться на подробномъ изслѣдованіи причинъ такой эволюціи, между прочимъ и потому, что нѣкоторыя изъ этихъ причинъ уже указаны, или намѣчены нами выше. Главною причиною и

тутъ была фатальная наслѣдственность и оппозиція тѣхъ привычекъ мысли и дѣйствія, въ которыхъ воспитала общество исторія государства въ періодъ централизаціи. Въ добавокъ же именно послѣ усмиренія польскаго возстанія система централизаціи въ Россіи еще болѣе усилилась и налегла тяжелымъ гнетомъ не только на административную жизнь областей, но и на ихъ жизнь нравственную, съ гораздо болѣе рафинированными пріемами, чѣмъ въ прежнее время: въ 1863 году были запрещены украинскія книги педагогическаго содержанія; въ 1864 году великорусскій языкъ былъ признанъ единымъ языкомъ школьнымъ въ Россіи собственно; съ 1866 г., даже вопреки мѣстному положенію 1864 г., началось вытѣсненіе польскаго и другихъ народныхъ языковъ изъ школы въ Царствѣ Польскомъ; рядомъ съ тѣмъ поднялась борьба съ остатками народныхъ языковъ въ школахъ Кавказа, и вообще во всѣхъ школахъ имперіи, кромѣ отчасти остзейскихъ губерній, воспреобладала, вмѣстѣ съ министерствомъ графа Толстого, всеобрусительная катковщина, которая стремилась пролѣзть даже въ автономную Финляндію. Всякое напоминаніе о чемъ-либо мѣстномъ, своеобразномъ и автономномъ стало строго преслѣдоваться не только въ школѣ, но и въ печати, и даже въ театрѣ и разговорахъ, о чемъ мы могли бы привести десятки анекдотовъ изъ собственныхъ наблюденій и опытовъ въ Кіевѣ и Петербургѣ. Молодыя поколѣнія должны были воспитываться въ убѣжденіи, что Россія не только „едина и недѣлима“,—какъ гласитъ надпись, сочиненная для памятника Богдану Хмельницкому,—но даже „единообразна“.[1]) Вотъ эти то именно поколѣнія и выступили на сцену въ соціалистической оппозиціи 70-хъ годовъ, и было бы противоестественно, если бы они не захватили съ собою изъ школы того духа, въ какомъ ихъ воспитывали. Отдѣлаться отъ этого духа, узнать, что Россія вовсе не единообразна, они могли только посредствомъ собственнаго изученія, часто по источникамъ, а на это, во-первыхъ, нужно было особенное время, а, во-вторыхъ, именно 70-е годы были эпохою, когда въ русской молодежи воцарилось, между прочимъ и при помощи прокламацій Бакунина, нерасположеніе къ науч-

---

[1]) Интересно, что слова „Богдану Хмельницкому единая, недѣлимая Россія“, явный переводъ съ якобинскаго „une et indivisible“, предложены были извѣстнымъ реакціонеромъ, тайнымъ совѣтникомъ М. Вл. Юзефовичемъ.

нымъ занятіямъ, понятное, какъ реакція катковско-толстовской „учобѣ“, но тѣмъ не менѣе крайне вредное для всѣхъ жизненныхъ интересовъ страны и въ томъ числѣ для силы соціальной оппозиціи. Отъ этого отсутствія научнаго образованія молодежь поддавалась вліянію самыхъ простыхъ формулъ, наиболѣе носившихъ характеръ догматовъ, а также вліянію лицъ, провозглашавшихъ эти формулы. Въ довершеніе всего, выборъ этихъ лицъ, вожаковъ для кружковъ молодежи, сильно сократился, и калибръ ихъ понизился даже сравнительно съ 60-ми годами: лучшіе люди изъ оппозиціи этихъ 60-хъ годовъ, такіе какъ Чернышевскій, Добролюбовъ, были удалены со сцены. Людей же, которые, какъ Герценъ или Бакунинъ, при активномъ темпераментѣ, соединяли въ себѣ большое и разностороннее образованіе съ большимъ жизненнымъ опытомъ, съ наблюденіемъ Россіи, — и столицъ и провинцій (послѣднее хотя бы благодаря ссылкѣ), — и Западной Европы, и въ 60-е годы не появилось. Новымъ вожакамъ оппозиціи въ 70-е годы, такимъ образомъ, неизбѣжно пришлось, вмѣсто выработки самостоятельной программы, наиболѣе приложимой для различныхъ народовъ Россіи и въ то же время согласной съ самыми передовыми ученіями, выведенными изъ политическихъ уроковъ Запада, просто скопировать самыя простыя изъ формъ оппозиціонной жизни этого Запада, которыя наиболѣе намозолили глаза и уши. Такими формами были для политической оппозиціи французское якобинство, а для соціальной — нѣмецкая соціальная демократія, обѣ централистическія, и обѣ пробуемыя на странахъ въ 10—12 тыс. квадратныхъ миль, а нѣмецкая соціальная демократія даже въ странѣ съ почти одинаковымъ національнымъ составомъ (38 милліоновъ нѣмцевъ, $2^{1}/_{2}$ милл. поляковъ, 150000 литовцевъ, 60000 чеховъ и 150000 лужицкихъ сербовъ).

Изъ всѣхъ западноевропейскихъ соціалистическихъ партій на Россію всего болѣе оказала вліянія партія нѣмецкая, что объясняется какъ тѣмъ, что въ послѣдніе годы эта партія обладала такими сильными умами, какъ Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, сочиненія которыхъ стали подкладкою идей русскихъ соціалистовъ, такъ и по ближайшему сосѣдству, особенно для петербуржцевъ и, наконецъ, по большому количеству евреевъ, которые приняли столь значительное участіе въ соціалистическомъ движеніи въ Германіи и Россіи, и которые, особенно евреи сѣверозападныхъ губерній, составили элементъ, естественно связывающій русскихъ соціалистовъ съ нѣмецкими.

Кромѣ своей болѣе или менѣе централистической государственности, понятной еще въ такой странѣ, какъ Германія, но совсѣмъ неприложимой къ Россіи, нѣмецкіе соціалисты имѣютъ, а особенно имѣли нѣсколько времени тому назадъ, и свои спеціальные взгляды на польскій вопросъ, тоже довольно естественные съ ихъ точки зрѣнія, но тоже совсѣмъ не отвѣчающіе дѣйствительному положенію вещей, которое, казалось бы, должно было быть видно въ Россіи лучше, чѣмъ въ Германіи. Эти взгляды нѣмецкіе соціалисты пробовали провести и среди соціалистовъ всей Европы и Америки, соединенныхъ въ Международное Общество Рабочихъ. Какъ извѣстно, нѣмецкій кружокъ Маркса принималъ участіе въ польскомъ движеніи 1863 г., при чемъ Марксъ хлопоталъ объ образованіи особаго нѣмецкаго легіона при пособіи отъ изгнаннаго брауншвейгскаго герцога. [1]) Затѣмъ самую идею объ образованіи Международнаго Общества Рабочихъ кружокъ Маркса предложилъ на Лондонскомъ митингѣ 28 сентября 1864 г., который былъ созванъ для заявленія сочувствія тогдашнему польскому возстанію. Предварительный комитетъ, который долженъ былъ приготовить вопросы для рѣшенія на будущемъ первомъ конгресѣ Международнаго Общества, гдѣ кружокъ Маркса пользовался такимъ вліяніемъ, поставилъ на очередь въ ряду общихъ соціально-экономическихъ вопросовъ (о капиталѣ и трудѣ, о рабочемъ днѣ, о женской работѣ и т. д.) и такой совсѣмъ частный и національно-политическій вопросъ, какъ о „необходимости уничтожить вліяніе русскаго деспотизма въ Европѣ посредствомъ приложенія права народовъ располагать самими собою и посредствомъ возстановленія Польши на началахъ демократическихъ и соціальныхъ". По этому вопросу возникло на конгрессѣ Интернаціонала 1866 г. въ Женевѣ весьма интересное разногласіе между делегаціями французскою и нѣмецкою. Въ словахъ первой явно видно вліяніе Прудона, который, какъ анархистъ, рѣшительно высказался противъ польскаго возстанія 1863 г., въ противность всему тому, что говорилось тогда всѣми представителями французской демократіи. Вотъ какъ передаетъ протоколъ засѣданій женевскаго конгресса Международнаго Общества вышеупомянутое разногласіе делегацій французской и нѣмецкой по польскому вопросу: „Делегація французская

---

[1]) См. объ этомъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ", 1881, № 1. 80, извлеченіе изъ записокъ Лапинскаго, начальника морской экспедиціи въ пользу польскаго возстанія, въ которой участвовалъ и Бакунинъ.

высказываетъ мнѣніе, что по этому вопросу не должно быть никакого голосованія и что конгрессъ долженъ ограничиться заявленіемъ о томъ, что онъ противникъ всякаго рода деспотизма во всякой странѣ и что онъ не входитъ въ разборъ столь сложныхъ вопросовъ, какъ національные. Нужно желать и требовать свободы (l'emancipation) въ Россіи, какъ и въ Польшѣ, и отвергнуть старую политику, которая противополагаетъ народы одни другимъ. Мнѣніе большинства конгресса склонялось явственно къ предложенію французовъ. Тогда попросилъ слова г. Беккеръ. Онъ выразилъ сожалѣніе, что конгресъ не рѣшаетъ ничего по этому вопросу. Русская имперія служитъ постоянною угрозою противъ цивилизованныхъ обществъ Европы; Польша служила бы для нея преградою. Собраніе вотировало уничтоженіе постоянныхъ армій, но ихъ нельзя будетъ уничтожить въ Европѣ, пока Польша не будетъ возстановлена. Онъ прибавляетъ, что польскій вопросъ есть вопросъ европейскій, но который интересуетъ Германію спеціально, такъ что его можно назвать въ извѣстномъ отношеніи нѣмецкимъ вопросомъ. Онъ, Беккеръ, предлагаетъ поэтому, чтобы къ протоколу приложена была декларація въ такомъ смыслѣ, подписанная всѣми членами нѣмецкими и другими, которые раздѣляютъ это мнѣніе".

Въ такомъ духѣ, узко государственно-національномъ, не разъ высказывались о Польшѣ и Беккеръ, и Марксъ, и Либкнехтъ.[1]) Выше мы напоминали, что недавно Бебель высказался въ такомъ же родѣ о необходимости положенія нѣмецкой преграды славянской волнѣ и въ Австріи. Въ основѣ такихъ заявленій лежитъ ветхозавѣтное чувство самомнѣнія (Uebermuth) и нерасположеніе къ славянамъ, которыхъ представительницею и защитницею въ Германіи считаютъ Россію, чувство, которое проявляется у нѣмцевъ и относительно поляковъ, когда ихъ разсматриваютъ независимо отъ отношеній ихъ къ Россіи. [2]) Но у нѣмецкихъ ре-

---

[1]) Въ 1880 г. г. Беккеръ былъ приглашенъ предсѣдательствовать на митингѣ въ Женевѣ, созванномъ польскимъ кружкомъ, который объявилъ, что отнынѣ должно замѣнить крикъ: „да здравствуетъ Польша!" крикомъ: „да здравствуетъ Интернаціоналъ!" Означаетъ ли это, что г. Беккеръ измѣнилъ свои взгляды, мы не знаемъ, но гг. Марксъ, Энгельсъ и др. бывшіе члены главнаго совѣта Интернаціонала прислали для митинга письмо, въ которомъ настаиваютъ на сохраненіи стараго крика: „да здравствуетъ Польша!"

[2]) Интересно, какъ говоритъ объ этой ненависти нѣмцевъ къ славянамъ Герценъ: „Есть ограниченные умы и узкія народныя ненависти, которыхъ убѣдить я не берусь: они ненавидятъ не разсуждая. Возьмите, — чтобъ не гово-

волюціонеровъ, выступившихъ на сцену около 1848 г., изложенное субъективное отношеніе къ Польшѣ и Россіи имѣетъ себѣ значительное оправданіе. Въ 1848 году германскимъ демократамъ пришлось бороться вооруженно съ прусскимъ войскомъ, силы котораго возстаніе поляковъ должно было во всякомъ случаѣ раздѣлить, слѣдовательно, демократы нѣмецкіе и поляки являлись во всякомъ случаѣ союзниками въ „борьбѣ съ общимъ врагомъ“. Наконецъ, Германія соприкасается только съ дѣйствительно польскими провинціями, а тѣхъ провинцій исторической Польши, въ которыхъ поляки являются сами угнетателями, въ противность всякому „праву народовъ располагать сами собою“, нѣмецкіе демократы наглядно не видятъ и, при извѣстномъ пренебреженіи къ народамъ негосударственнымъ и съ государственной точки зрѣнія „некультурнымъ“, очень легко могутъ и не хотѣть видѣть.

Но, повторяемъ, то, что болѣе извинительно въ Германіи, менѣе извинительно въ Россіи; и, однако, нѣмецкая постановка польскаго вопроса въ Интернаціоналѣ нашла себѣ сочувствіе и въ извѣстной части великорусскихъ соціалдемократовъ, которые начали организоваться въ кружки около 1870 г. подъ вліяніемъ извѣстій о конгрессахъ Интернаціонала.

Впрочемъ, и вообще въ самихъ понятіяхъ объ Интернаціоналѣ въ Россіи произошло крупное недоразумѣніе. Слухи объ этой международной организаціи рабочихъ классовъ во имя общихъ имъ интересовъ достигли въ Россію въ ту эпоху, когда, какъ мы говорили, въ ней воспреобладало централистически-обрусительное направленіе, мы сказали бы, противонаціональное, если бы оно не направлялось только противъ національностей негосударственныхъ и въ пользу національности государственной,

---

рить о своихъ,—(Герценъ пишетъ къ поляку) статьи нѣмецкихъ демократовъ, кичащихся своимъ космополитизмомъ, и вглядитесь въ ихъ злую ненависть ко всему русскому, ко всему славянскому.... Еслибъ эта ненависть была сопряжена съ какимъ-нибудь желаніемъ, чтобы Россія, Польша были свободны, порвали бы свои цѣпи, я бы понялъ это. Совсѣмъ не то. Такъ какъ средневѣковые люди, ненавидя евреевъ, не хотѣли ихъ совершенствованія, такъ всякій успѣхъ нашъ въ гражданственности только удваиваетъ ненависть этихъ ограниченныхъ заклепанныхъ умовъ“ („Колоколъ“, 16-го января 1859 г.) Поучительно также прочесть въ Посм. соч. Герцена, въ статьѣ „Нѣмцы въ эмиграціи“, о томъ, какъ у нѣмецкихъ демократовъ и Бакунинъ, и Герценъ,—особенно первый,—являлись даже агентами русскаго правительства потому только, что смотрѣли на славянскіе народы по своему, а не по указанію нѣмецкихъ партій.

великорусской. Въ числѣ софизмовъ, какіе пускались въ ходъ обрусителями, былъ и такой, что будто-де всемірная культура выигрываетъ отъ стиранія національностей, хотя господа обрусители почему то не начинали исполненія этого „требованія всемірнаго прогресса“ со стиранія своей національности.

По существу своему, идея космополитизма и человѣчества вовсе не противна идеѣ національности, а представляетъ только дальнѣйшее ея развитіе: союзъ всего человѣчества есть только общій союзъ частныхъ союзовъ, которые всего легче могутъ заключаться въ средѣ уже по природѣ объединенныхъ между собою языкомъ, сходствомъ психическимъ и сосѣдствомъ индивидуумовъ, общинъ и племенъ извѣстныхъ національностей, и тѣмъ болѣе, что расположеніе этихъ національностей во времена безсознательной колонизаціи почти всегда совпадало съ границами естественныхъ бассейновъ, географическихъ и хозяйственныхъ. Самое понятіе объ идеалѣ человѣка составляется и продолжаетъ составляться у людей изъ отвлеченія лучшихъ сторонъ индивидуумовъ, корпорацій (какъ видовъ труда) и націй, и потому прогрессъ самого этого идеала вовсе не требуетъ стиранія всѣхъ разнообразностей человѣка, а напротивъ того,—ихъ постояннаго развитія. Космополитизмъ и гуманизмъ исключаютъ только національныя антипатіи, національную исключительность, призываютъ къ стиранію національныхъ недостатковъ.

Въ частности, всякій практическій „интернаціональный союзъ“, въ родѣ, напримѣръ, „Международнаго Союза Рабочихъ“, не только не исключаетъ союзовъ національныхъ, но предполагаетъ ихъ существованіе, какъ союзовъ, изъ которыхъ самъ онъ долженъ состоять. Вотъ почему 6 и 7 §§ Положенія Интернаціонала вмѣняли своимъ членамъ въ обязанность стараться о соединеніи первичныхъ мѣстныхъ союзовъ въ союзы вторичные, „національные“. Только въ редакцію этихъ параграфовъ вкралась неясность, вслѣдствіе смѣшенія, согласно старинной политической терминологіи, терминовъ nation, pays и état,—народъ, страна и государство,—смѣшеніе, которое всего болѣе простительно нѣмцамъ, которыхъ государство, какъ мы сказали, болѣе или менѣе единоплеменно[1]). Впрочемъ, уже самое допущеніе въ главный совѣтъ

---

[1]) Объ этомъ смѣшеніи и вообще о значеніи національностей и государствъ, какъ основъ (операціонныхъ базисовъ) для организаціи соціалистическихъ партій, мы говорили нарочито въ статьяхъ нашихъ „Les nations de l'Europe Orientale et le socialisme internationale“ въ „Revue socialiste“ 1880, и въ листкѣ „Вільна Спілка—La fédération—Вольный союзъ“ 1881, № 1,—„Естественныя области и пропаганда соціализма на плебейскихъ языкахъ Восточной Европы“.

Интернаціонала представителя Польши, которая теперь не составляетъ государства, показываетъ, что даже учредители Интернаціонала не исключали возможности предварительнаго группированія первичныхъ союзовъ въ союзы вторичные по національности въ болѣе точномъ смыслѣ, выражаемомъ словомъ race, langue, а со временемъ среди соціалистовъ западной Европы пошли въ ходъ выраженія въ родѣ: „интернаціоналисты или соціалисты такого то языка" (напримѣръ, даже у нѣмцевъ: Der Sozial-Demokrat, Organ der Sozialisten der deutschen Zunge).

Въ Россіи же отъ неточности термина, „нація", „національный", и употребленія его на французско-якобинскій манеръ, въ смыслѣ государственномъ, и особенно отъ смѣшенія идеи космополитизма съ идеею обрусенія произошло самое чудовищное недоразумѣніе, которое привело къ тому, что весьма многіе русскіе соціалисты самымъ серьезнымъ образомъ поняли формулу Интернаціонала: „Пролетаріи всѣхъ странъ (націй), соединяйтесь!" въ такомъ видѣ: „пролетаріи всѣхъ странъ, подчиненныхъ русскому государству, обрусѣвайтесь!" Конечно, съ такою ясностью эту формулу почти никто изъ русскихъ соціалистовъ не произносилъ, особенно въ печати, и даже почти всѣ они обижались, когда имъ ставили на видъ, что ихъ система дѣйствія соотвѣтствуетъ именно такой формулѣ, но, тѣмъ не менѣе, если не въ теоріи, то на практикѣ многіе „русскіе" соціалисты въ своей сферѣ были такими же нивеляторами-обрусителями, какими въ своей сферѣ были гг. Катковы и другіе враги и соціалистовъ, и всякихъ національныхъ автономистовъ.

Мы помнимъ первую нашу встрѣчу съ представителемъ великорусскаго соціалистическаго движенія въ 70-ые годы. Это былъ одинъ изъ делегатовъ петербургскаго соціально-революціоннаго кружка, прибывшій въ Кіевъ въ началѣ 1870 года. Между прочимъ, онъ принялъ участіе въ мѣстномъ кружкѣ молодежи, которая, какъ и петербургскіе „чайковцы", имѣла въ виду политико-соціальное самообразованіе и пропаганду, только, сообразно украинскимъ нравамъ, не носила клички, заимствованной отъ лица, а не отъ принципа. Мы получили приглашеніе принять участіе въ занятіяхъ этого кружка. На первомъ сборѣ заявлено было, кто какой рефератъ возьметъ на себя. Мы замѣтили, что почти всѣ темы для рефератовъ были выбраны изъ сферы такъ наз. соціальнаго и женскаго вопросовъ, а потому, когда дошла очередь до насъ, то мы предложили съ своей стороны прочесть о соціальныхъ стремленіяхъ и о положеніи женщины въ средѣ

украинскаго крестьянства, которое составляетъ украинскую націю. По своему обычаю, мы старались дать слушателямъ какъ можно больше фактовъ, съ указаніемъ на источники, такъ, чтобы слушатели могли самостоятельно провѣрить насъ, даже если бы не согласились съ нашими выводами. Во время чтенія нашего реферата петербургскій делегатъ обнаруживалъ явное нетерпѣніе, и когда начались пренія, то замѣтилъ приблизительно слѣдующее:

— Все это, можетъ быть, и вѣрно, но къ дѣлу не идетъ. Мы должны думать о борьбѣ съ общимъ врагомъ, а Вы, говоря намъ объ Украинѣ, какъ о чемъ то особомъ, вносите раздѣленіе въ наши силы!

Mutatis mutandis, это было повтореніе какъ разъ того, что мы слышали отъ нашего почтеннаго начальника, кн. Ал. Пр. Ширинскаго-Шихматова, по поводу нашихъ мнѣній о составленіи книги для чтенія въ народныхъ школахъ Кіевскаго округа (мы доказывали невозможность игнорированія мѣстнаго элемента въ такой книгѣ, а потому и невозможность составленія единой и нераздѣльной книги для чтенія для всей Россіи). Между прочимъ, князь Ширинскій даже произнесъ слова: „общій врагъ", только у него этотъ врагъ была Польша. При видѣ такого совпаденія замѣчаній православнаго обрусителя съ замѣчаніями „нигилиста", было, конечно, „отчего въ отчаяніе придти". Но, скрѣпя сердце и со всевозможнымъ почтеніемъ къ столичному делегату, мы отвѣтили въ такомъ родѣ:

— Вы желаете бороться съ извѣстными врагами, желаете проводить извѣстныя мнѣнія, такъ вотъ я, вполнѣ одобряя Ваши цѣли и раздѣляя Ваши мнѣнія, указываю Вамъ факты, которые должны освѣтить Вамъ ту почву, на которой Вы хотите дѣйствовать, и указываю Вамъ на тѣ зацѣпки, за которыя Вы можете ухватиться въ Вашей дѣятельности.

— Все это такъ, но Вы говорите все объ Украинѣ, и у Васъ Украина является, какъ что-то особенное, а мы должны дѣйствовать за одно въ борьбѣ съ общимъ врагомъ.

— Я говорилъ объ Украинѣ, потому что таковъ выбрался сюжетъ, и потому что я, да и Вы, думаемъ дѣйствовать именно на Украинѣ, но въ такомъ же родѣ можно было бы повести рѣчь, напр., и о Швеціи, или Италіи, Литвѣ, Арменіи и т. п., еслибы кто изъ насъ вздумалъ заняться именно этими странами. О томъ же, точно ли Украина представляетъ такія особенности,—отъ чего? отъ Великороссіи напр., какія я въ ней вижу,—это вопросъ

отдѣльный, котораго я едва коснулся, и дѣйствительно любопытный; я готовъ о немъ спорить; теперь я представилъ Вамъ рядъ фактовъ, указывающихъ между прочимъ на эти особенности и допускаю возможность, что я многое подобралъ ошибочно и односторонне,—конечно, безъ умысла,—а потому очень буду радъ, если кто-либо, Вы, напр., дополните или даже опровергнете мои факты и дадите новые. Но только такъ и знайте, что если Вы не опровергнете моего положенія, что украинская жизнь представляетъ массу чертъ, отличныхъ отъ чертъ жизни, напр., великорусской, то должны будете признать необходимость спеціализаціи всякой культурной, политической и соціальной дѣятельности на Украйнѣ. Хотите,—приступимъ къ анализу этихъ украинскихъ особенностей, начиная, напр., съ языка.

— Нѣтъ, я этимъ вопросомъ не занимался,—и при этомъ я думаю, что вообще не слѣдуетъ поднимать такихъ вопросовъ въ виду необходимости единства силъ и проч. и проч.

Съ тѣхъ поръ прошло 11 лѣтъ, въ теченіе которыхъ намъ пришлось и устно, и печатно говорить объ Уркайнѣ съ добрыми 200 „русскихъ революціонеровъ, соціалистовъ" и пр.,—извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, ученыхъ и неученыхъ,—но всѣ наши бесѣды были только болѣе или менѣе повтореніемъ вышеизложенной бесѣды. Первый вопросъ, какой мы отъ нихъ слышали, когда мы имъ говорили о разнообразіи того, что они называли русскимъ народомъ, былъ (да простятъ намъ это уподобленіе) вопросъ щедринскаго градоначальника, увидѣвшаго рѣку тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, ей быть не подобало: „зачѣмъ?" А когда мы имъ объясняли, что затѣмъ, чтобъ наилучше бороться съ общимъ врагомъ, наилучше устроить именно общій союзъ,—они намъ отвѣчали по большей части фразами объ единствѣ рода человѣческаго, существующемъ или будущемъ, съ прибавкою натацій о необходимости космополитической солидарности и о вредѣ національной исключительности націй, которыя уже потому излишни, когда рѣчь идетъ объ украинской національности, что эта національность именно тогда, когда была болѣе самостоятельна, вовсе и не думала противуставлять себя „Европѣ" или человѣчеству, и только тогда и отдѣлилась отъ „Запада", когда попала подъ опеку обрусителей. Многіе же отвѣчали намъ просто раздражительными обвиненіями.

Въ послѣдніе годы мы дождались счастья увидѣть противъ себя такого же рода возражателей и съ польской стороны! Всего любопытнѣе, что наши возражатели, которые никакъ не хотятъ

признавать негосударственныхъ и плебейскихъ національностей,— ни необходимости нарочито приспособленныхъ къ нимъ политико-соціальныхъ организацій, ни даже устраненія розни между образованными и мужицкими класами, напр., по языку,—самымъ серьезнымъ образомъ воображаютъ именно себя интернаціоналистами, и даже „народниками"[1]).

Странные интернаціоналисты эти не хотятъ замѣчать, что вмѣсто человѣчества, да еще соціалистическаго, они подсовываютъ намъ государство аристократическое, буржуазное и бюрократическое, и притомъ неизбѣжно національное же, и что ихъ псевдо-космополитическая проповѣдь противъ „національзма" вовсе не туда направлена, куда бы слѣдовало, т. е. не на тѣхъ, кто давитъ чужія національности, а на тѣхъ, кто отбивается отъ давленія, и что подставка вмѣсто международности обезнароднированія поддерживаетъ только монополію привилегированныхъ, оффиціальныхъ народностей и отнимаетъ у націй, которымъ не посчастливилось сохранить свою государственную независимость, т. е. у націй мужицкихъ, отнимаетъ именно ихъ интеллигенцію, т. е. естественныхъ организаторовъ массъ и для самой соціальной борьбы, и въ концѣ концовъ обращаетъ такихъ псевдокосмополитовъ изъ противниковъ „общаго врага" въ его союзниковъ, безсознательныхъ, а иногда такъ и сознательныхъ.

Впрочемъ, одинъ изъ органовъ „русскихъ революціонеровъ" имѣлъ смѣлость, послѣ общихъ фразъ о томъ, что для него всѣ національности равны, прямо сознаться въ своей солидарности съ представителями существующаго эксплуататорскаго строя по вопросу о негосударственныхъ національностяхъ. Мы говоримъ о „Набатѣ"[2]).

---

[1]) По части интернаціонализма положеніе дѣлъ дошло до полнаго комизма: напримѣръ, небольшая группа украинскихъ соціалистовъ пишетъ не только по украински, но и по великорусски, и по польски, тогда какъ еще не одинъ великорусскій, или польскій соціалистъ не издалъ ни строчки по украински, и въ то же время изъ ихъ среды раздаются голоса, которые усиливаются представить именно украинскихъ соціалистовъ узкими и нетерпимыми націоналистами даже передъ заграничной публикою. (См. статьи гг. П. Л., Б. Лимановскаго и Аксельрода въ „Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik" и нашу замѣтку „Der kleinrussische Internationalismus"; тамъ же).

[2]) Мы предвидимъ замѣчаніе, которое мы слышали устно отъ тѣхъ изъ русскихъ соціалистовъ, которые, будучи на дѣлѣ обрусителями, въ то же время не любятъ, когда къ ихъ практикѣ подбираютъ настоящую теорію, замѣчаніе, что „Набатъ" не можетъ считаться представителемъ русскихъ революціонеровъ и

Въ статьѣ „Революція и принципъ національности“ этотъ органъ говоритъ между прочимъ: „Въ каждой странѣ, или лучше, въ каждомъ государствѣ, какъ бы ни былъ разнообразенъ его національный и племенной составъ, всегда есть и всегда долженъ быть классъ людей, у которыхъ національныя, племенныя особенности почти совершенно изгладились и которыхъ въ этомъ смыслѣ можно назвать общеруссами, общефранцузами, общенѣмцами, общеитальянцами, общеамериканцами и т. п. Классъ этотъ слагается, во-первыхъ, изъ такъ называемаго „служилаго сословія“: изъ бюрократіи, закрѣпощенной государствомъ, утратившей подъ его нивелирующимъ давленіемъ всѣ свои національныя особенности, до мозга костей пропитавшейся его идеалами, его воззрѣніями, его интересами; во-вторыхъ—изъ интеллигенціи. Наука, какъ извѣстно, оказываетъ на людей почти столь же нивелирующее вліяніе, какъ и государство на бюрократію.... Помимо государства съ его бюрократическою централизаціею и науки съ ея космополитизирующимъ вліяніемъ, устраненію національныхъ особенностей, нивелированію людей, подведенію ихъ подъ одинъ

соціалистовъ, изъ которыхъ нѣсколько, довольно извѣстныхъ лицъ, даже нарочито отреклись отъ него въ протестѣ, напечатанномъ въ „Общинѣ“. Дѣйствительно, собственно набатскій кружокъ вовсе не пользуется симпатіями среди русскихъ революціонеровъ и соціалистовъ, и съ практической стороны „Набатъ“ не имѣетъ никакого значенія въ „русскомъ революціонномъ движеніи“, въ противность тому, что объ этомъ говорятъ заграничные корреспонденты и русскіе прокуроры. Но тѣмъ не менѣе „Набатъ“ высказывалъ не разъ теоріи, очень распространенныя въ русскихъ революціонныхъ кругахъ, напр., теоріи террористовъ, и до извѣстной степени былъ правъ, когда, хоть въ видѣ агитаціи въ пользу якобинскаго конспираціонизма, всетаки проповѣдывалъ необходимость политической революціи въ Россіи въ то время, когда доктринеры, соціалдемократы и анархисты считали возможнымъ цѣликомъ перенести въ Россію политику разныхъ фракцій Интернаціонала, выросшаго тамъ, гдѣ уже люди добились извѣстной свободы. Надо также прибавить, что статья „Набата“, изъ которой мы дѣлаемъ выписку, написана противъ брошюры „Записки южнорусскаго соціалиста“, въ которой, между прочимъ, употреблено довольно неудачное выраженіе о необходимости „национализированія соціализма“, хотя, при доброй волѣ, можно было легко понять, что тутъ дѣло идетъ не объ идеяхъ соціализма, которыя, какъ всякія идеи, всемірны, а о практическомъ примѣненіи ихъ, пріемахъ пропаганды и ея организаціи,—которые неизбѣжно должны быть локализированы и, слѣдовательно, и национализированы. (См. объ этомъ въ IV томѣ „Громады“, „Впередъ и національизированіе соціализма“, „Мы и „Набатъ“.) А самъ „Набатъ“ долженъ былъ признаться, что онъ согласенъ на „національизированіе средствъ“ соціально-революціонной дѣятельности,—только идея объ этой національизаціи затуманилась у него смѣшеніемъ понятія о націи съ понятіемъ о государствѣ.

общенаціональный, общечеловѣческій типъ, въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ экономическій, торгово - промышленный прогрессъ. Фабричное производство, ставя рабочую массу въ совершенно однообразныя, общенаціональныя условія труда, развивая въ ней одинаковыя привычки, окружая ее одинаковой обстановкой, обобщая ея интересы и потребности, сглаживаетъ не только національныя, но даже и чисто индивидуальныя различія рабочихъ. Типъ фабричнаго, типъ пролетарія имѣетъ настолько же общенаціональный характеръ, какъ и типъ „интеллигентнаго человѣка".

„Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ главнѣйшіе факторы буржуазнаго прогресса, — государство, наука, торговля, промышленность, — имѣютъ одну и ту же общую тенденцію: всѣ они въ большей или меньшей степени стремятся сгладить національныя особенности, когда-то такъ рѣзко раздѣлявшія между собою людей; стремятся смѣшать послѣднихъ въ одну общую, однородную и одноформенную массу, подвести ихъ подъ одинъ общій знаменатель, вылить ихъ въ одинъ общенаціональный, общечеловѣческій типъ. Какъ бы мы ни ненавидѣли буржуазный прогрессъ, но эту тенденцію его мы должны признать—съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ и нашихъ интересовъ—въ высшей степени благотворною. Дѣйствительно, буржуазный прогрессъ, нивелируя людей, уничтожая ихъ племенныя и національныя перегородки, подготовляетъ почву для торжества нашихъ идеаловъ; самъ того не желая, онъ безсознательно пролагаетъ путь къ практическому осуществленію идей братства и равенства". („Набатъ", 1878 г., книга, 75—77).

Весьма похожее на то. что сказано особенно въ началѣ вышеприведенной выписки — и даже терминъ „общенаціональный", какъ противоположность племенному, народному, при чемъ терминъ „общенаціональный" понимается вовсе не въ предѣлахъ дѣйствительной націи (какъ, напр., общевеликорусскій сравнительно съ новгородскимъ, московскимъ и т. п.), а въ предѣлахъ государства съ оффиціальною національностью, которая должна покрыть всѣ самыя разнонаціональныя населенія, — мы читали десятки разъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Интересно, что почти то же недавно мы прочитали въ статьяхъ противъ украинскаго движенія, написанныхъ г. Л. Алексѣевымъ отъ имени русскихъ „народниковъ изъ Малороссіи" въ „Русскомъ Богатствѣ" 1881 г. Родоначальниками всей этой радикальной катковщины во всей Европѣ были французскіе якобинцы временъ Великой Рево-

люціи съ ихъ борьбою противъ всякихъ проявленій провинціальной самостоятельности, отъ политическаго федерализма и до народныхъ языковъ (не только нарѣчій французскаго языка, но и провансальскаго и даже бретонскаго, итальянскаго, нѣмецкаго языковъ), которымъ они противуставляли языкъ французскій, какъ національный (о послѣднемъ см., напр., статью „La Convention et les idiomes locaux“ въ Mélange de linguistique et d'antropologie par Ab. Hovelacque etc. 1880, 226—238). Вотъ въ виду такихъ совпаденій, слова „Набата“ и получаютъ значеніе, надъ которымъ очень серьезно стоитъ подумать тѣмъ, кто не желаетъ Россіи катковщины ни монархической, ни якобинской.

Уже въ самомъ началѣ тирады „Набата“ бросается въ глаза признаніе за нѣчто нормальное государственнаго давленія на національныя различія и доктрины государственной національности, которая почти столько же надѣлала бѣдъ въ концѣ XVIII ст., какъ надѣлала бѣдъ въ XVI — XVIII в. доктрина государственности. Интересно при этомъ, что перечисляя общенаціональные типы, „Набатъ“ не назвалъ, напримѣръ, ни обще-австрійцевъ, ни обще-швейцарцевъ. Дѣло въ томъ, что вовсе не всякое государство стираетъ національныя особенности, а только государства военно-бюрократическія, централизованныя, исключая Сѣв. Амер. С. Штатовъ, которые имѣютъ дѣло не съ націями, а съ колонистами разныхъ націй, пріѣзжающими въ среду націи англосаксонской. При этомъ вышеупомянутыя государства стираютъ особенности вовсе не всѣхъ, а только покоренныхъ націй и при этомъ покровительствуютъ развитію національности господствующей, на которую и опираются подобныя государства. Во Франціи, напримѣръ, „общефранцузы“ состоятъ прежде всего изъ французовъ, потомъ изъ офранцуженныхъ провансальцевъ, бретонцевъ, басковъ, фламандцевъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, и ихъ точнѣе всего слѣдовало бы называть просто французами, какъ всѣхъ обрусѣвшихъ или общеруссовъ—просто великоруссами. Вотъ почему въ такихъ государствахъ, въ которыхъ претендующая на господство національность сравнительно не очень сильна, и не можетъ образоваться прочный государственно-національный типъ. Такова, напр., Австрія, въ которой прежде хотѣли сдѣлать такимъ типомъ нѣмецкій, и въ которой теперь уже стараются лѣпить, говоря языкомъ „Набата“, вмѣсто обще-австрійцевъ — обще-нѣмцевъ, обще-венгровъ, обще-хорватовъ, обще-поляковъ (въ Галиціи). Мы сомнѣваемся, чтобы и эта лѣпка привела къ какому-нибудь не только полезному, но даже просто прочному результату, но во

всякомъ случаѣ вотъ уже вамъ „страна, или лучше государство", въ которомъ „обще-національнаго" типа нѣтъ, такъ какъ обще-австрійцы есть развѣ между шпіонами, шулерами да кокотками. По другимъ причинамъ, нѣтъ обще-національнаго типа въ Швейцаріи, какъ въ государствѣ, въ которомъ нѣтъ господствующей національности, а есть граждане четырехъ національностей, во всемъ равноправныхъ, объединенные между собою сознаніемъ выгоды такого равноправнаго союза. Въ этомъ сознаніи и состоитъ, если уже хотите, обще-швейцарская національность, но такая обще-національность не имѣетъ ничего общаго съ тою, о которой говоритъ „Набатъ". Она подходитъ къ обще-человѣчности, какую совершенно напрасно „Набатъ" ставитъ, какъ синонимъ своей „обще-національности". Такую обще-человѣчность порождаетъ, напр., вліяніе науки, которую „Набатъ" тоже совершенно напрасно поставилъ въ одинъ рядъ съ военно-бюрократическимъ государствомъ и съ распространяющею общее малокровіе и худосочіе капиталистическою фабрикою Наука, какъ и свобода, федерируетъ національности и культивируетъ ихъ, сглаживая ихъ слабости и развивая ихъ сильныя стороны, и возводитъ націи до человѣчества, а военно - бюрократическое государство, даже въ случаѣ успѣха, только замѣняетъ одни національности другими, часто далеко не лучшими, а въ случаѣ неуспѣха, только рождаетъ ненависти между національностями. Затѣмъ, даже при успѣхѣ вылѣпливанья государственныхъ національностей, черезъ подавленіе національностей негосударственныхъ, неизбѣжно должно совершаться культивированіе у первыхъ преимущественно тѣхъ чертъ, которыя нужны военно - бюрократическому государству, т. е. чертъ съ одной стороны угловатыхъ и хищническихъ, а съ другой приниженныхъ, т. е. во всякомъ случаѣ чертъ служебныхъ, а вовсе не человѣческихъ.

Справедливость сейчасъ сказаннаго доказывается наблюденіемъ надъ населеніемъ тѣхъ именно мѣстностей, гдѣ процессъ вылѣпливанья привилегированной національности имѣлъ наиболѣе приложенія; такова, напримѣръ, Пруссія, которая сложилась черезъ насильственную германизацію славянъ и литовцевъ: безспорно особенности пруссака отъ другихъ нѣмцевъ самыя несимпатичныя изъ всѣхъ нѣмецкихъ особенностей и противны, именно какъ антитеза общечеловѣческому идеалу. Едва ли также съ точки зрѣнія этого идеала можно отдать предпочтеніе и привѣтствуемому „Набатомъ" типу великорусскаго и овеликорушеннаго (по „Набату" общенаціональнаго) фабричнаго передъ типомъ, напр., украинскаго поселянина или козака, котораго нѣкоторыя

черты такъ симпатично набросалъ, напр., Чернышевскій въ приведенной выше выдержкѣ. Тоже слѣдуетъ сказать и объ „общенаціональномъ“ типѣ русскаго солдата, въ которомъ собираются почти всѣ наименѣе симпатичныя черты великорусскаго племени и черезъ армію накладываются на индивидуумы всѣхъ націй, подчиненныхъ великорусскому государству [1]).

Что же касается до пользы для человѣчества отъ стиранія не только національностей, но даже индивидуальностей, то мы считаемъ излишнимъ и говорить объ этомъ. Тотъ, кто представляетъ себѣ соціалистическій идеалъ не въ видѣ аракчеевскихъ военныхъ поселеній, а именно въ видѣ братства развитыхъ всецѣло (или интегрально развитыхъ, какъ говорятъ западноевропейскіе соціалисты) индивидуумовъ, тотъ съ негодованіемъ отвергнетъ восхваленіе „Набатомъ“ вліянія теперешнихъ фабрикъ на стираніе особенностей индивидуальныхъ, и затѣмъ, немного только подумавши, долженъ такъ же отнестись и къ вліянію военно - бюрократическихъ государствъ на стираніе національностей, т. е. собственно національностей негосударственныхъ.

Впрочемъ самъ „Набатъ“ проговаривается такъ, что можно думать, что онъ самъ замѣчаетъ весь софизмъ, заключающійся въ увѣреніи, будто военно-бюрократическое государство имѣетъ космополитизирующее вліяніе и стираетъ всѣ національности, а не одни только побѣжденныя. Когда ему приходится говорить о разныхъ національностяхъ въ частности, то онъ забываетъ заявленіе, что для него нѣтъ „ни эллина, ни іудея“, а явно склоняется на сторону національностей господствующихъ, при чемъ поляковъ поставляетъ въ рядъ послѣднихъ, даже въ противорѣчіе съ ученіемъ о необходимости образованія, напр., „общеруссовъ въ Россіи“. Съ явнымъ умысломъ газета перечисляетъ народы въ

---

[1]) Нѣкоторыя данныя относительно того, какъ именно денаціонализація, напр., украинскихъ крестьянъ подъ вліяніемъ великорусскихъ фабричныхъ и армейскихъ условій жизни прямо ведетъ къ ихъ деморализаціи во всѣхъ смыслахъ этого слова, читатель найдетъ въ нашей книгѣ „Нові українскі пісні про громадські справи“; на представленныхъ тамъ примѣрахъ видно, что кромѣ того, что именно высшая культура украинскаго мѣщанина, козака и крестьянина стала съ XVIII в. уступать передъ низшей великорусской культурой единственно вслѣдствіе грубаго давленія государственной власти, а потомъ подъ вліяніемъ созданнаго ею обрусенія образованныхъ классовъ, удалившаго ихъ отъ простонародья. „Космополитизирующее вліяніе науки“ тутъ ни при чемъ! Прибавимъ еще замѣчаніе, впрочемъ, не настаивая на его точности, что, по нашимъ наблюденіямъ надъ овеликорушенными украинцами, когда національный характеръ разлагается подъ чужимъ

такомъ порядкѣ: „якуты, чуваши, малоруссы"—съ одной стороны, и „великоруссы, поляки, нѣмцы, французы"—съ другой (стр. 68), а перечисляя народы, изъ которыхъ русское государство „должно" вылѣпливать „общенаціональный" типъ, „Набатъ" называетъ „великоруссовъ, малоруссовъ, бѣлоруссовъ, финновъ, латышей", но не называетъ поляковъ. Конечно, со стороны московской катковщины такое распредѣленіе и забвеніе нелогично, но оно будетъ вполнѣ логично, если стать въ одно и то же самое время на точки зрѣнія катковщины московской и польской, на какихъ очевидно стоитъ органъ „русскихъ революціонеровъ". Сдѣланная же выше выписка изъ „Набата" вполнѣ подходитъ къ идеямъ и польской катковщины: поляки имѣютъ остатки своего завоевательно-бюрократическаго государства въ Галиціи, имѣютъ свою аристократію и буржуазію, даже и въ земляхъ, подчиненныхъ другимъ государствамъ, особенно въ Россіи; какъ же не признать за ними права вылѣпливать изъ національностей латышской, литовской, бѣлорусской и украинской свой „общенаціональный" типъ, своихъ „общеполяковъ"?

Такимъ образомъ, мы съ „Набатомъ" ѣдучи впередъ по дорогѣ къ общечеловѣческому соціализму, пріѣхали назадъ къ доктринѣ исторической Польши! Само собою разумѣется, что „Набатъ" вполнѣ сочувственно относится къ польскимъ революціоннымъ стремленіямъ. Но спеціально по вопросу объ исторической Польшѣ онъ не высказался ясно, быть можетъ потому, что и не имѣлъ къ тому случая. Но одинъ разъ онъ высказалъ совсѣмъ не космополитически-соціалистическую нѣжность къ остатку исторической Польши въ Галиціи. Разбирая нашу брошюру „Внутреннее рабство и война за освобожденіе" и встрѣтивъ въ ней указаніе на то, какъ польская аристократія и буржуазія съ бюрократіей гнетутъ галицкихъ русиновъ, „Набатъ" замѣтилъ: „чрезвычайно странно и прискорбно встрѣчать какія бы то ни было косвенныя или прямыя отрицанія чему бы то ни было польскому на страницахъ славянскихъ революціонныхъ изданій", при чемъ изложилъ нашу мысль такъ, какъ будто бы мы говорили, что гнететъ русиновъ въ Галиціи „народъ польскій". (Набатъ, 1877, № 3—6).

несвободнымъ вліяніемъ, то получаемая такимъ образомъ помѣсь усваиваетъ преимущественно дурныя качества чужой національности и теряетъ именно хорошія качества своей.

Такимъ образомъ, если только „Набатъ“ представляетъ хоть какія- нибудь фракціи великорусской демократіи, напр., что нибудь въ родѣ „якобинцевъ или бланкистовъ“ („Набатъ“ прежде и назывался обыкновенно „якобинскимъ“ органомъ), то отношеніе этихъ фракцій къ полякамъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, можетъ быть только одно изъ двухъ: или онѣ составятъ самую лѣвую сторону всеобрусительной катковщины (въ родѣ, напр., многихъ демократовъ - германизаторовъ въ Пруссіи и Австріи), или при первомъ случаѣ (а случай такой долженъ, по нашему мнѣнію, скоро представиться, такъ какъ польскій вопросъ не можетъ не подняться въ теперешнее время въ Россіи), присоединятся къ польскимъ историческимъ патріотамъ, сначала самаго лѣваго направленія, а потомъ, неизбѣжно, и къ коалиціи правыхъ и лѣвыхъ партій среди этихъ патріотовъ. Послѣднее наиболѣе вѣроятно, и въ такомъ случаѣ историческая роль этихъ фракцій вполнѣ ясна: полякамъ онѣ не помогутъ, а послужатъ только лишнимъ оправданіемъ для московской реакціонной катковщины.

Извѣстно, что „Набатъ“ представлялъ по многимъ вопросамъ противоположность другому органу великорусскихъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, „Впереду“. Но по вопросу негосударственныхъ національностей и, конечно, по вопросу польскому, между обоими органами не оказалось почти никакого различія. Мы, впрочемъ, должны остановиться на „Впередѣ“ подольше, такъ какъ этотъ органъ имѣлъ случай высказаться по занимающимъ насъ вопросамъ гораздо болѣе систематично и съ большими подробностями.

„Впередъ“ зачинался, какъ извѣстно, въ Цюрихѣ въ 1872—1873 гг. среди борьбы тѣхъ кружковъ, которые къ нему примкнули съ такъ наз. бакунистами, или анархистами, и уже поэтому въ немъ должны были найти себѣ мѣсто мысли, которыя составляютъ родъ уступки со стороны велилорусскихъ соціалъ-демократовъ этимъ бакунистамъ, какъ, напримѣръ, признаніе принципа федеральнаго и нѣкоторыя всеславянскія стремленія. Но надъ всѣми этими уступками во „Впередѣ“ преобладаетъ основная государственная идея, на манеръ идеи нѣмецкихъ соціалдемократовъ, а потому и въ вопросѣ объ организаціи соціалистическаго движенія въ Россіи „Впередъ“ сталъ не столько на федерально - народную основу, сколько на государственно - національную.

„Впередъ", конечно, призналъ необходимость мѣстныхъ и, слѣдовательно, національныхъ приспособленій въ работѣ для осуществленія интернаціональныхъ стремленій соціализма. Въ программѣ „Впереда" читаемъ: „приходится дѣйствовать въ данной мѣстности на общество, говорящее даннымъ языкомъ", поэтому и „національности представляютъ совершенно реальную и неизбѣжную почву для каждаго общественнаго процесса". Но когда пришлось опредѣлить, какова же именно та данная почва, на которой думаетъ дѣйствовать „Впередъ",—у послѣдняго не оказалось ясныхъ опредѣленій. Разъ онъ говоритъ о „Россіи", какъ о своемъ „отечествѣ", въ другой—о „русскомъ народѣ", какъ о своемъ народѣ, а потому, когда „Впередъ" говоритъ о „спеціальныхъ русскихъ цѣляхъ" и „русскихъ интересахъ", то совсѣмъ нельзя понять, что онъ подъ ними разумѣетъ: совокупность ли спеціальныхъ цѣлей и интересовъ всѣхъ данныхъ національностей Россіи, какъ государства, которое не совсѣмъ точно называютъ русскимъ государствомъ (къ сожалѣнію, прилагательное россійскій рѣдко теперь употребляется въ русской литературѣ), или же цѣли и интресы дѣйствительнаго „русскаго народа". Не менѣе темными остаются и представленія „Впереда" объ этомъ русскомъ народѣ. Какъ извѣстно, о русскомъ народѣ (и соотвѣтственно—о языкѣ) существуетъ въ Россіи три главныхъ мнѣнія. По первому—народъ этотъ однообразенъ во всемъ своемъ составѣ отъ Карпатъ до Амура, такъ что различія его, даже такія, какъ велико-бѣло-и мало-русскія до того ничтожны, что не имѣютъ никакого практическаго значенія, при чемъ племя великорусское считается за представителя остальныхъ. По второму—„русскій народъ" есть только отвлеченіе, въ дѣйствительности представляемое двумя „русскими народностями", велико-бѣлорусскою и украинскою, или великорусскою и украинско-бѣлорусскою, или же тремя народностями. Третье мнѣніе, какъ среднее между предыдущими, признаетъ двѣ или три крупныя разновидности русскаго народа и извѣстное практическое значеніе ихъ, но не признаетъ за различіями этихъ разновидностей такой силы, которая бы давала основаніе считать ихъ за вполнѣ самостоятельныя націи. Первое мнѣніе принимается правительствомъ и представляется въ печати, напримѣръ, г. Катковымъ, впрочемъ только г. Катковымъ-публицистомъ съ 60-хъ годовъ, потому что Катковъ-ученый 40—50-хъ гг. примыкалъ скорѣе даже ко второму, чѣмъ къ третьему мнѣнію. Это второе мнѣніе раздѣляютъ почти всѣ ученые филологи

и этнографы въ Россіи и за границей [1]). Третье мнѣніе раздѣляли прежніе московскіе славянофилы и въ томъ числѣ г. И. Аксаковъ еще въ „Днѣ“ 1862—1864 годовъ (теперь онъ присталъ вполнѣ къ катковскому мнѣнію).

Каждому изъ этихъ теоретическихъ мнѣній соотвѣтствуетъ и практическая программа, литературная и политико-соціальная. Понятно поэтому, что и партія соціалистическая, которая признала необходимость опираться на данныя національности, съ ихъ данными языками, должна была начать съ выбора между вышеизложенными тремя понятіями о „русскомъ народѣ“, какъ только она выбрала за почву для своей дѣятельности этотъ народъ. Бакунинъ, напр., какъ мы видѣли, заговоривъ въ Лигѣ Мира и Свободы объ этомъ народѣ, прямо началъ съ того, что отвергъ мнѣніе о его единствѣ и, затѣмъ, сообразно этому отрицанію, построилъ необходимость самостоятельной организаціи трехъ его частей, а, приступивъ къ агитаціи среди нихъ, онъ пустилъ въ ходъ, хоть и не совсѣмъ удачно, и публикацію не только на великорусскомъ, но и на украинскомъ языкѣ. Очевидно, что, при катковскомъ взглядѣ на единство русскаго народа и при желаніи дѣйствовать для всѣхъ его частей, редакція „Впередъ“ порекомендовала бы своимъ единомышленникамъ ограничиться только публикаціями на великорусскомъ языкѣ, какъ на русскомъ по преимуществу; при Костомаровскомъ взглядѣ пришлось бы и самый „Впередъ“ издавать, по крайней мѣрѣ, на двухъ языкахъ, или раздѣлить на два изданія, особенно въ виду того, что „Впередъ“ получалъ не мало средствъ изъ Украйны; при староаксаковскомъ взглядѣ можно бы было сохранить великорусскій языкъ, какъ языкъ „общества“, для такъ называемыхъ „интеллигентныхъ“ читателей, а рядомъ издавать элементарныя книжки и листки для читателей изъ „народа“, или изъ „простонародья“, въ родѣ того, какъ это недавно предположила было дѣлать редакція „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки“ [2]).

---

[1]) Такимъ образомъ, выходитъ очень курьезное обстоятельство: о разнообразіи русскаго народа учатъ въ книгахъ и съ каѳедръ, а однообразіе проповѣдываютъ только въ нѣкоторыхъ газетахъ; правительство же согласно съ газетными невѣждами и софистами и руководствуется ихъ голосами въ такихъ серьезныхъ дѣлахъ, какъ, напримѣръ, народное образованіе. Что если бъ подобнымъ же образомъ выбрало себѣ правительство совѣтниковъ, напр., по вопросамъ объ архитектурѣ. То то бы костей наломали! А мозги все стерпятъ!

[2]) Кстати будетъ сказать, что до сихъ поръ всѣ, кто писалъ популярныя вещи, напримѣръ, на украинскомъ языкѣ, писали на немъ и для „интеллигенціи“. Уже изъ этого видно, что раздѣленіе языковъ для интеллигенціи и для народа не только не демократично, но и не практично.

Къ сожалѣнію, „Впередъ", въ противоположность Бакунину, не поставилъ ясно вопроса о томъ, что же такое тотъ русскій народъ, русская національность, русскій языкъ, т. е. тѣ данныя, на которыхъ онъ предположилъ опереться, и не рѣшилъ этого вопроса вообще. Въ частностяхъ же, гдѣ „Впередъ" говоритъ о народномъ бытѣ, или объ исторіи, видно, что для него слово „русскій"—синонимъ слова „великорусскій". Только въ одномъ мѣстѣ „Впередъ" коснулся вопроса объ отношеніи правительства къ Украинѣ: „не гнало ли правительство школъ на югѣ Россіи, подъ предлогомъ сепаратизма, въ букваряхъ?" Но мѣсто это вдвойнѣ и не ясно, и не точно: во первыхъ, что это за югъ Россіи? Скрываетъ ли подъ собою это географическое выраженіе, родственное тѣмъ, которыя придумываетъ русское правительство, или подцензурная печать для названія областей, съ особымъ отъ великорускаго населеніемъ, какое-нибудь этнографическое понятіе, или нѣтъ? А, во-вторыхъ, если выписанное выраженіе относится къ Украйнѣ, а не, напримѣръ, къ Самарской губерніи, то на Украйнѣ главная бѣда не въ томъ, что русское правительство „закрыло школы подъ предлогомъ сепаратизма въ букваряхъ" (закрывало оно школы и въ Петербургѣ „подъ предлогомъ" того, что въ нихъ читали „Молодую Россію"), а въ томъ, что оно въ 1863 г. сначала синодскимъ и валуевскимъ распоряженіемъ по цензурѣ запретило печатаніе украинскихъ книгъ педагогическаго содержанія, а потомъ „Положеніемъ о школахъ 1864 года" окончательно изгнало изъ школъ на Украйнѣ, какъ и въ Бѣлоруссіи, иной языкъ, кромѣ „русскаго", великорусскаго. Вотъ, невеликоруссамъ и было интересно знать мнѣніе новаго органа „русскихъ соціалистовъ" о такихъ счетахъ невеликорусскихъ народовъ съ великорусскимъ государствомъ. Если русскій народъ одинъ и на Днѣпрѣ, и на Нѣманѣ, какъ и на Волгѣ, тогда и предписанное Положеніемъ 1864 гола единообразіе (предписанное, какъ обыкновенно дѣлается въ законахъ, однимъ умолчаніемъ о другихъ языкахъ, кромѣ „русскаго"—великорусскаго), не составляетъ никакого преступленія противъ народовъ украинскаго и бѣлорусскаго. „Впередъ" ничѣмъ не выразилъ своего мнѣнія о такихъ мѣрахъ правительства къ поддержанію, или, лучше, къ установленію единообразія „русскаго народа" въ широкомъ смыслѣ этого слова. Къ „единству" же Россіи „Впередъ" относится симпатично, говоря, что „избраніе перваго Романова было выраженіемъ общенароднаго желанія поддержать единство Россіи" и что „народъ русскій желалъ единства, выдержалъ тяжелую борьбу за

это единство", которое, какъ извѣстно, выразилось сначала въ московской, а потомъ петербургской централизаціи, подъ династіями рюриковской, и романовско-гольштинской.

Полагаемъ, выписанныхъ мѣстъ достаточно, чтобы показать, что „Впередъ" принимаетъ слово „русскій" народъ за синонимъ „великорусскаго", а въ частности можетъ быть причисленъ скорѣе къ тѣмъ изъ употребляющихъ въ такомъ смыслѣ это слово, которыя не признаютъ за достойныя вниманія особенности невеликорусскихъ народовъ, нежели къ тѣмъ, которые, сохраняя имя русскихъ только для великоруссовъ, въ то же время признаютъ бѣлоруссовъ и украинцевъ за самостоятельныя племена, со всѣми практическими послѣдствіями такого признанія. Что „Впередъ" понимаетъ слово „русскій" и „Россія, наше отечество" въ великорусско-централистическомъ смыслѣ, это видно всего лучше въ томъ мѣстѣ его программы, въ которомъ говорится объ отношеніяхъ Россіи и Польши. Это мѣсто тѣсно связано съ тѣмъ, что великорусскій органъ говоритъ о славянскихъ дѣлахъ вообще, поэтому выпишемъ изъ „Впереда"довольно большую тираду, тѣмъ болѣе, что, какъ читатели могли уже замѣтить на примѣрѣ Бакунина, характеръ отношеній великорусскаго публициста къ вопросу польско-россійскому обусловливаетъ и его отношенія къ славянамъ вообще.

„Живыми партіями въ средѣ славянъ,—говоритъ „Впередъ",—мы признаемъ лишь тѣ, которыя напишутъ на своемъ знамени, рядомъ съ девизомъ независимой національности, девизъ соціальной борьбы противъ монополіи частныхъ собственниковъ и капиталистовъ, научной борьбы противъ религіознаго элемента. Для насъ безсмысленна и достойна сожалѣнія борьба національности, которая сковываетъ своими идеалами независимости мертвые и вредные идеалы православія или католицизма, безнравственныя преданія феодализма, боярства или шляхетства. Соціальныя партіи Сербіи, Кроаціи, Чехіи, Польши, Галичины суть наши братья по дѣлу и по крови; ихъ передовымъ кружкамъ мы съ радостью откроемъ страницы нашего журнала; мы будемъ рукоплескать ихъ побѣдамъ; мы надѣемся, что имъ, и только имъ, удастся возстановить независимость ихъ родины... Мы вполнѣ увѣрены, что всѣ наши единомышленники въ Россіи... хотѣли бы вмѣстѣ съ нами..., чтобы наше „Впередъ" сдѣлалось программою славянской федераціи, органомъ всѣхъ славянъ, дошедшихъ до сознанія, что будущее для славянства, какъ и для всего человѣчества, заключается въ девизѣ: наука и община, истина и трудъ, война идоламъ и монополіи!"

„Это разрѣшаетъ и самый трудный, повидимому, для русскаго вопросъ, вопросъ польскій. Кто поставилъ интересы хлоповъ выше интересовъ шляхты, кто бьется за идеалъ европейской федераціи свободныхъ общинъ, тотъ нашъ братъ и союзникъ. Въ будущей федераціонной Европѣ границы между федеративными единицами будутъ имѣть крайне малое значеніе. Если бы нашимъ единомышленникамъ пришлось говорить во всероссійскомъ земствѣ о вопросѣ между Россіею и Польшею, они предложили бы, конечно, чтобы каждая община рѣшила самостоятельно, независимо отъ всей предыдущей исторіи, къ какой національности, къ какому государственному или соціальному центру она потянетъ. При дальнѣйшемъ же самодержавіи общинъ, различіе національностей становится лишь блѣднымъ преданіемъ исторіи, безъ практическаго смысла. Защитники преобладанія шляхты и союзники католицизма—враги наши, потому что они, прежде всего, враги народа польскаго“.

Такимъ образомъ, для редакціи „Впереда“, во-первыхъ, „Россія“, за исключеніемъ провинцій несомнѣнно польскихъ, есть „національность“, а во вторыхъ, для провинцій, такъ сказать сомнительныхъ, она не предполагаетъ иного исхода, какъ только выборъ одной изъ двухъ національностей, одного изъ двухъ государственныхъ и даже какихъ-то соціальныхъ (экономическихъ??) „центровъ“, или Польши, или Россіи, т. е., конечно, Великороссіи. А такъ какъ Великороссія въ частности нигдѣ и не соприкасается въ собственно польскими землями, а потому нигдѣ и не найдется такая община, о которой бы пришлось узнавать, хочетъ ли она примыкать къ Польшѣ, или къ Великороссіи, то слѣдовательно рѣшать таковую дилемму единомышленники „Впереда“ будутъ предлагать только общинамъ украинскимъ, бѣлорусскимъ и литовскимъ, о самомъ существованіи которыхъ нѣтъ во всей программѣ „Впереда“ ни одного слова. Этимъ общинамъ не полагается третьяго рѣшенія, напримѣръ, въ смыслѣ полной самостоятельности отъ обоихъ предположенныхъ редакціей „центровъ“. Такимъ образомъ мы наталкиваемся здѣсь опять на двѣ катковщины: великорусскую и польскую! [1])

Послѣ всего сказаннаго выше, мы считаемъ излишнимъ возражать противъ этихъ двухъ катковщинъ, и потому мы бы и

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ сказать, что всѣ вышеизложенныя замѣчанія были нами высказаны редакціи „Впередъ“, когда намъ была сообщена ея программа въ литографированномъ еще изданіи.

совсѣмъ не говорили больше о выписанной изъ „Впереда“ тирадѣ, если бы въ той части ея, которая говоритъ о славянскихъ соціальныхъ партіяхъ не было одного пункта, котораго нельзя пропустить безъ вниманія. Пунктъ этотъ заключается въ словахъ: „соціальныя партіи Сербіи, Кроаціи, Чехіи, Польши, Галичины суть наши братья по дѣлу и по крови“. Знакомые съ дѣломъ читатели усмотрятъ, конечно, смѣшеніе понятія о государствѣ съ понятіемъ о національности и во всемъ этомъ перечисленіи. Но особенно страннымъ является сопоставленіе соціальныхъ партій Польши и Галичины. О какой Польшѣ тутъ идетъ рѣчь? Если, какъ слѣдуетъ думать по сейчасъ сказанному, о Польшѣ исторической (такъ какъ границы Польши народной, этнографической, извѣстны и теперь безъ опроса общинъ), то и Галичина вся есть часть исторической Польши, а слѣдовательно никакой соціальной партіи галицкой, отдѣльной отъ польской, быть не можетъ. Если же тутъ говорится о Польшѣ народной, то въ нее входитъ и западная Галиція, слѣдовательно, въ области галицкой соціальной партіи останется только восточная Галиція, которую дѣйствительно можно назвать Галичиной. Но эта Галичина заселена народомъ русинами, которые ничѣмъ не отличаются отъ народа Подольской и Волынской губерній, который „Впередъ“ предположилъ еще спрашивать, хочетъ ли онъ потянуть, или нѣтъ къ польскому центру? Галицкіе русины, какъ и россійскіе подоляне, составляютъ часть племени, или націи украинской. Но если можетъ быть соціальная партія „галицкая“ въ Австріи, то почему же не быть украинской партіи въ Россіи? Почему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „Впередъ“ говоритъ о россійской имперіи, онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ даже о возможности существованія политическихъ и соціальныхъ организацій другихъ, кромѣ русской и польской, Россіи и Польши? Вѣдь „русины“ въ Галиціи стоятъ совершенно въ такихъ же отношеніяхъ къ полякамъ (Польшѣ), въ какихъ „малороссы“ стоятъ въ имперіи Романовыхъ къ великоруссамъ (Россіи). Или быть можетъ, романовскіе „русины“ включены въ число тѣхъ „другихъ племенъ“, о которыхъ говоритъ программа „Впереда“ нѣсколько далѣе, обѣщая имъ, въ случаѣ успѣха „единомышленниковъ“ своихъ, разныя политическія свободы (мысли, слова, ассоціацій), съ довольно впрочемъ темною и, послѣ заявленій въ космополитическомъ духѣ, нѣсколько неожиданною оговоркою: „мы оставляемъ въ сторонѣ, какъ чуждые общечеловѣческимъ (?) цѣлямъ и русскимъ

интересамъ (?!) всѣ частные и мѣстные вопросы (?), лежащіе внѣ этой области?“ [1])

Можетъ быть, россійскіе украинцы, равно какъ и бѣлоруссы, и включены въ число этихъ „другихъ племенъ“, но можетъ быть, и не включены; можетъ быть, по мнѣнію „Впереда“, интересы ихъ вполнѣ помѣщаются въ его „русскихъ интересахъ“. Судя по всему выписанному изъ „Впереда“ выше, можно думать, что послѣднее предположеніе всего вѣроятнѣе. Понятно поэтому, что „Впередъ“ не только не могъ стать „органомъ всѣхъ“ славянскихъ соціалистовъ, какъ онъ на то надѣялся, но даже не могъ дать своимъ единомышленникамъ въ Россіи вѣрнаго взгляда на организацію и способы пропаганды соціалистическихъ ученій среди разныхъ племенъ ея населенія. Боязнь же его рѣшительно выступить противъ всякихъ поползновеній и софизмовъ польскаго историческаго патріотизма заявленіемъ, подобно Бакунинскому, что истинная Польша есть только страна, въ которой чернорабочія массы—поляки, т. е. Польша этнографическая, поставила его на такую наклонную плоскость, по которой онъ чѣмъ далѣе, все больше долженъ былъ скользить въ сторону уступокъ польскому историческому патріотизму. И если этими уступками „Впередъ“ не надѣлалъ большихъ бѣдъ ни полякамъ, ни соціалистическому движенію въ Россіи, то только потому, что время, когда онъ выходилъ, было довольно глухое относительно польскихъ дѣлъ, и потому единомышленники „Впереда“ могли обнаруживать свою уступчивость передъ польскимъ историческимъ патріотизмомъ только платоническими манифестаціями. Такова, напр., была въ особенности рѣчь г. П. Лаврова на одномъ изъ банкетовъ, данныхъ въ Лондонѣ въ 1875 г. и описанныхъ во „Впередѣ“ 1875, №№ 23 и 24.

Первый изъ упомянутыхъ банкетовъ былъ данъ въ память возстанія 1863 г. Здѣсь К. Марксъ произнесъ рѣчь, въ которой, по обыкновенію, настаивалъ на необходимости „возстановить Поль-

---

[1]) Какъ отличенъ отъ блѣдныхъ и уклончивыхъ формулъ „Впереда“ ясный языкъ Бакунина, который еще въ 1862 г. писалъ отъ имени „русской революціонной партіи“: „Хотимъ, чтобъ Польшѣ, Литвѣ, Украинѣ, финамъ и латышамъ прибалтійскимъ, а также и кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться собою и устроиться по своему произволу, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго“.

„Хотимь братскаго и, если возможно, федеральнаго союза съ Польшею, Литвою, Украйною, прибалтійскими жителями и народами Закавказскаго края. (Народное Дѣло. Романовъ, Пугачевъ или Пестель, 41—42).

шу", чтобъ разорвать связь между Россіей, Пруссіей и Австріей"; какую Польшу,—историческую, или этнографическую,—нѣмецкій ораторъ не сказалъ, но, конечено, ту, за которую было возстаніе 1863 г. Никто изъ ораторовъ, ни поляковъ (напр., г. Врублевскій), ни великоруссовъ, которые всѣ говорили о польскомъ народѣ и его будущей соціальной свободѣ, не поднялъ вопроса о другихъ народахъ въ предѣлахъ этой Польши. Довольно близко подошелъ было къ этому вопросу одинъ изъ ораторовъ, г. Судзиловскій, названный въ „Впередѣ" „русскимъ" изъ Могилевской губерніи, т. е. изъ Бѣлоруссіи. Онъ сказалъ было, что, не смотря на симпатіи къ польскому движенію 1863 г., онъ не могъ не замѣтить, что на его родинѣ народъ (какой? бѣлорусскій? русскій? польскій?) далеко не былъ на сторонѣ революціи; напротивъ, крестьяне нерѣдко шли открыто противъ возставшихъ, видя въ нихъ бунтующихъ пановъ. По его мнѣнію. „польская революція (1863) была революціей шляхты, а не народа, и въ этомъ причина ея неудачи". Но и г. Судзиловскій, судя по крайней мѣрѣ по отчету „Впереда", не поставилъ вопроса: что же такое его „родина"?—Польша или нѣтъ?—и можетъ ли быть въ ней какая бы то ни было польская революція иною, кромѣ революціи шляхты? Онъ сказалъ только, что польскіе революціонеры не должны забывать, что если польскому дворянству и буржуазіи надоѣло московское иго, то не меньше надоѣло польскому народу (гдѣ? въ Бѣлоруссіи?) иго шляхетское (г. Судзиловскій могъ бы сказать въ соотвѣтствіе словамъ „иго московское"—„бѣлорусскому народу надоѣло иго польское") и что „путь соціальной революціи есть единственный путь для польскаго народа" (а для бѣлорусскаго?) Однако и такое замѣчаніе вызвало, по словамъ отчета во „Впередѣ", „возраженіе г. Врублевскаго, ссылавшагося на цифры", и г. Судзиловскій „на это отвѣчалъ, что его воззрѣнія сложились лишь на основаніи видѣннаго и слышаннаго въ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ" (т. е. въ Могилевской губерніи). Этимъ разговоръ и кончился! Редакція „Впереда" съ своей стороны заявила въ общихъ словахъ привѣтъ „той группѣ польской эмиграціи, которая рѣшительно отказалась отъ старой, чисто-политической агитаціи для народно-соціалистическихъ началъ, распространенныхъ на всѣ племена, на всѣ языки, такимъ образомъ, чтобъ свободная будущность польскаго народа была обезпечена международнымъ соціальнымъ переворотомъ". Но замѣчаніе это теряетъ двѣ трети своей цѣны именно по своей абстрактности, такъ какъ, конечно, для польскаго народа всего ин-

тереснѣе соціальный переворотъ среди народовъ ему сосѣднихъ, въ томъ числѣ среди народовъ литовскаго, бѣлорусскаго и украинскаго. А о нихъ то ни однимъ словомъ не было упомянуто ни на банкетѣ, ни въ газетѣ, его описавшей.

Если заявленія польскихъ и великорусскихъ ораторовъ на первомъ банкетѣ страдали преимущественно боязливою неясностью, то рѣчь великорусскаго оратора на второмъ банкетѣ, въ память возстанія 1831 г., носила на себѣ характеръ явнаго отклоненія въ сторону стараго польскаго патріотизма даже отъ заявленій, сдѣланныхъ на первомъ банкетѣ. Прежде всего совсѣмъ даже непонятно, зачѣмъ понадобилось соціалистамъ, и при томъ не полякамъ, праздновать годовщину возстанія 1830 г., которое не имѣло въ себѣ даже той демократической доли, которая все-таки была въ возстаніи 1863 г. На второмъ банкетѣ полякъ, рабочій Якубовскій, прямо сказалъ, что революція 1831 г. была „панская“, и слова его остались безъ возраженій. Тѣмъ не менѣе соціалисты поляки, а также нѣмцы и великоруссы приняли участіе въ праздновании памяти объ этой революціи. Рядъ рѣчей открыли чтеніемъ зауряднаго заявленія К. Маркса и Энгельса о „необходимости независимости Польши“, какъ одного „изъ основныхъ камней освобожденія европейскаго пролетаріата (!)“. Двѣ рѣчи г. Врублевскаго, французская и польская, отличались рѣшительностью своихъ заявленій въ пользу соціализма, но неполнотою и неясностью ихъ частныхъ приложеній къ тѣмъ странамъ, о которыхъ ему пришлось говорить. Ораторъ заявилъ, что только „соціально-демократическая партія можетъ внести гармонію въ міръ славянскихъ народовъ въ Австріи“, но не сказалъ ничего въ частности относительно народовъ польскаго и украинскаго въ самой интересной для поляковъ странѣ въ этой Австріи, въ Галиціи. О Россіи г. Врублевскій сказалъ, что въ ней „единственная партія, имѣющая для поляковъ значеніе, это партія соціально-демократическая“, что „польскій и русскій народъ должны возстать вмѣстѣ, какъ наши отцы говорили: за нашу и вашу вольность“. Но о существованіи другихъ народовъ въ Россіи польскій ораторъ не упомянулъ, а между тѣмъ польскій и русскій народъ могутъ „подать другъ другу руки“ только при посредствѣ народовъ украинскаго, бѣлорусскаго, латышскаго и литовскаго, изъ которыхъ два послѣдніе не только не польскіе, не русскіе, но даже и не славянскіе. Всѣ такія умолчанія главнаго оратора банкета отняли у послѣдняго всякое реальное значеніе, какое онъ могъ бы имѣть, какъ одинъ изъ сигналовъ

будущей дѣятельности новой польской партіи, которая должна бы начать съ радикальнаго разрыва со всѣми старыми историчекими партіями.

Великорусскій ораторъ, г. Лавровъ, началъ свою рѣчь съ восклицанія: „Товарищи-соціалисты“! и затѣмъ спрашиваетъ: „нѣтъ ли противорѣчія въ томъ, что мы сошлись помянуть добрымъ словомъ борцовъ 1830 г. за польскую національность? Не должны ли мы, во имя международнаго рабочаго соціализма, знамя котораго есть наше знамя, отречься отъ прошедшаго, разорвать связь съ традиціей политической, національной борьбы?“ и отвѣчаетъ: „Нѣтъ! Потому что международный соціализмъ не есть отреченіе отъ исторіи; онъ есть, напротивъ, продуктъ всей предыдущей исторіи“, и затѣмъ перечисляетъ историческіе примѣры борьбы съ деспотизмомъ и во имя свободы совѣсти, свободы политической, національной, пока люди поняли, что всѣ виды свободы достигаются при успѣхѣ международной соціально-демократической борьбы. Г. Лавровъ вспоминаетъ и римскихъ рабовъ, и англійскихъ лоллардовъ, французскую жакерію, крестьянскую войну въ Германіи, богумиловъ въ Болгаріи, таборитовъ въ Чехіи, Джіордано Бруно, социніанъ и т. п. историческихъ дѣятелей, какъ своихъ „историч. предшественниковъ“, и приходитъ къ заключенію, что „мы, соціалисты, можемъ съ полнымъ правомъ почтить въ ряду ихъ и борцовъ за независимость польскаго народа“.

Конечно, это право могло бы быть доказано и съ меньшимъ количествомъ историческихъ примѣровъ. Но если уже понадобилось перечислять „историческихъ предшественниковъ“ славянскихъ соціалистовъ, то не странно ли, что рядомъ хоть съ богумилами ораторъ не поставилъ, напримѣръ, борьбы бѣлорусскихъ и украинскихъ братствъ, въ союзѣ съ протестантами, противъ католической уніи въ старой Польшѣ и Литвѣ, или рядомъ съ таборитами не упомянутъ, напримѣръ, „Товариства (коммуны) запорожскаго“, которое, кстати сказать, и самый строй таборами заимствовало отъ чешскихъ таборитовъ, которымъ ходили помогать наши волынцы и подоляне въ XV вѣкѣ. Конечно, такія напоминанія все равно, что тѣнь Банко на банкетахъ польскихъ историческихъ патріотовъ, но собранію людей, отрѣшившихся отъ старыхъ предразсудковъ, этихъ напоминаній нечего было бояться. Забыть же совсѣмъ о козакахъ, не только объ украинскихъ, но и о великорусскихъ, г. Лаврову было нѣсколько странно, хоть бы въ виду того, что въ I томѣ „Впереда“ была помѣщена статья,

въ которой проводится параллель между возстаніемъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ за независимость и Пугачевщиною, и послѣдней отдается предпочтеніе, какъ болѣе близкому историческому предшественнику русскаго соціализма. Кому же и чему оказалъ любезность г. Лавровъ своимъ умолчаніемъ? Ничему, какъ только польскому консервативно-историческому патріотизму! [1])

Всѣ такія любезности и уступки, сопровождаемыя ни къ чему не обязывающими фразами о солидарности, —дѣло весьма обычное на международныхъ праздникахъ и особенно въ эмигрантскихъ кружкахъ, гдѣ онѣ очень часто произносятся въ силу правила: „кукушка хвалитъ пѣтуха затѣмъ, что хвалитъ онъ кукушку“. Но въ данномъ случаѣ участвовали слишкомъ серьезные люди и при томъ представители двухъ начинающихся движеній, а потому всего полезнѣе для обоихъ было бы, безъ всякаго лавированія, поставить крупныя точки на всѣ *i* сложнаго польскаго вопроса. Повторяемъ, большой бѣды всѣ эти лавированья никому не причинили, но все-таки они задержали среди склонныхъ къ

---

[1]) Простою любезностью къ самолюбію лольскихъ націоналъ-либераловъ слѣдуетъ объяснить и слѣдующія слова г. Лаврова: „Социніане XVI—XVII вв., которые изъ цѣлаго міра въ одной Польшѣ находили убѣжище, и тамъ въ Раковѣ, въ сарматскихъ „Аѳинахъ“, и лослѣ въ своихъ скитаніяхъ, лроловѣдывали то ученіе, боторое должно было сдѣлаться религіей Вольтера, Пристлея, Ченнинга“. Если кы Польша дала прочное убѣжище социніанамъ, то имъ нечего бы было и скитаться, какъ говоритъ г. Лавровъ, лослѣ. Все дѣло въ томъ, что Польша была временнымъ убѣжищемъ социніанъ, какъ была имъ и Швейцарія (особенно Базель), лока ортодоксы разныхъ вѣроисловѣданій не разбирали, чѣмъ лахнетъ ихъ ученіе, и гораздо меньше, чѣмъ, напримѣръ, Трансильванія. Вскорѣ, однако, лольское лравительство послѣдовательнымъ рядомъ актовъ, лринятыхъ именно въ то время, когда уже ловсюду на Заладѣ смягчался духъ религіознаго лреслѣдованія (въ 1632, 1650, 1658, 1660 гг.) уничтожило въ Польшѣ эту секту, между тѣмъ какъ въ Трансильваніи она лолучила лризнаніе въ ряду четырехъ другихъ религіозныхъ лартій въ 1571 г. и сохранилась до сихъ лоръ. Въ Трансильванію бѣжали социніане и изъ Польши, а также въ Пруссію и Голландію, гдѣ лолякъ-социніанинъ Любеницкій лродолжалъ изданіе раковской Bibliotecа fratrum polonorum. Нелишнимъ считаемъ замѣтить, что между социніанами въ старой Польшѣ и Литвѣ были и бѣлоруссы, какъ, напр., Будный, защитникъ сохраненія бѣлорусскаго языка среди ололячившейся шляхты, и украинцы, какъ налримѣръ, Синюты, Немиричи и лроч. Изъ лослѣднихъ происходилъ и извѣстный козацкій полковникъ, авторъ гадячскаго договора 1628 г., ло которому въ Украйнѣ и въ Бѣлоруссіи должны были быть учреждены университеты съ свободою лреподаванія, дана свобода открытія гимназій, тилографій и свобода лечати. Этотъ Немиричъ самъ долженъ былъ бѣжать отъ лольскихъ законовъ въ Голландію.

соціализму поляковъ развитіе идей, вполнѣ радикально разрывавшихъ съ старыми польскими стремленіями, и порождали въ польскомъ, если не въ великорусскомъ, обществѣ всетаки довольно вредныя недоразумѣнія. Такимъ недоразумѣніемъ было, напримѣръ, то, что галицко-польскія, шляхетско-буржуазныя газеты долго говорили о „Впередѣ“ съ большою симпатіею, и самъ „Впередъ“ перепечаталъ отзывы о русскихъ соціалистахъ одной изъ нихъ, „Dziennika Polskiego“ (кстати сказать, одной изъ самыхъ нетерпимыхъ къ русинамъ). Эта газета заявила, что сама не признаетъ соціалистическаго идеала, но полагаетъ, что будущая революція въ Россіи (w Moskwie) будетъ соціальная, и говоритъ съ большой симпатіей о русскихъ (moskiewskich) революціонерахъ. Если, по словамъ „Dz. Polsk.“ (1877, № 278), московскіе революціонеры нуждаются въ полякахъ, какъ поляки въ московскихъ революціонерахъ“, то, при заявленномъ выше несогласіи въ идеалахъ, очевидно, желаемый газетою союзъ долженъ бы былъ страдать всѣми слабыми сторонами союза 1863 г., и „будущая соціальная революція“ въ Россіи могла бы быть интересна партіи „Dziennika“ только какъ „смута“.

Подобныя, крайне вредныя для „московскихъ революціонеровъ“ заявленія симпатій со стороны шовинистскихъ галицко-польскихъ газетъ прервались только тогда, когда въ Галицію проникло дѣйствительно „непримиримое“ для тамошнихъ господствующихъ классовъ (польскихъ) украинское соціалистическое движеніе, которое тамошнія польскія газеты, по своему обыкновенію, объявили было новымъ видомъ „московской интриги“. Съ тѣхъ поръ,—со времени львовскихъ процессовъ 1877—1878 гг., — польскіе шляхетско-буржуазные органы стали со злобою говорить и объ издателяхъ „Впередъ“, помѣщая ихъ, вмѣстѣ съ украинскими дѣятелями, въ разные фантастическіе комитеты, будто бы посылающіе изъ Женевы и Лондона своихъ агентовъ въ Галицію для посѣванія смуты сначала между русинами, а потомъ и между поляками [1]). Но и тогда „Dziennik Polski“, поражая издателей женев-

---

[1]) См. особенно „Gazeta Narodowa“ 1877, № 137 (о пропагандѣ „наистрашнѣйшаго терроризма“ и „разбойничьемъ соціализмѣ московскомъ“), а также въ Dz. Polskim 1877, № 133. Галицко-польскія газеты пробовали сначала отдѣлить „московскихъ разбойниковъ-нигилистовъ“ отъ нѣмецкихъ соціалистовъ, но когда пронесся слухъ, что и эти послѣдніе предпринимаютъ соціалистическую пропаганду на польскомъ языкѣ въ Познани, то обрушились и на нихъ, несмотря на всѣ ихъ симпатіи къ „возстановленію Польши“. Тревога, однако, оказалась совершенно напрасною: „германская соціальная демократія“ такъ и не собралась на изданіе польской

скихъ украинскихъ брошюръ, противопоставлялъ имъ „истинныхъ московскихъ революціонеровъ“ (iscie rewolucyjne organy moskiewskie), которые-де выступаютъ противъ женевскихъ украинцевъ за ихъ „непріязненное отношеніе къ полякамъ“, т. е. собственно къ польской шляхтѣ и къ польскимъ государственнымъ порядкамъ въ Галиціи. (Подъ этими „органами“, по всей вѣроятности, разумѣется „Набатъ“).

Теперь, когда дѣятельность „московскихъ нигилистовъ“ принимаетъ болѣе политическое, чѣмъ соціально-экономическое направленіе, отзывы о нихъ польскихъ газетъ становятся опять болѣе симпатичны, и когда, какъ слѣдуетъ непремѣнно ожидать, въ польскихъ областяхъ Россіи поднимется опять національно-политическое движеніе, то ученіе о томъ, что „московскіе революціонеры нуждаются въ польскихъ патріотахъ, какъ польскіе патріоты въ нихъ“, конечно, опять должно пойти въ ходъ. Поскольку тутъ дѣло идетъ о дѣйствительно польскомъ народѣ и вполнѣ законныхъ требованіяхъ поляковъ, въ предѣлахъ этнографической Польши, ученіе это вполнѣ основательно. Но поскольку тутъ идетъ дѣло объ историческомъ и даже шовинистическомъ патріотизмѣ польскомъ, отъ догматовъ котораго не думаютъ отступать ни на іоту галицкія польскія газеты, ученіе это заключаетъ въ себѣ зародышъ ошибокъ, подобныхъ тѣмъ, какія были сдѣланы въ 1863 г. Вотъ тутъ то и нужно „московскимъ революціонистамъ“ избѣгать такихъ неясностей, умолчаній и любезностей, какія мы видѣли въ отношеніи къ Польшѣ во „Впередѣ“, а равно остерегаться такихъ заявленій, какія были сдѣланы подъ однимъ изъ почтеннѣйшихъ именъ въ русской революціонной средѣ на женевскомъ митингѣ 30-го ноября 1880 г. въ память польскаго возстанія 1830 г. въ словахъ: „я не знаю, какъ глубоко вкоренены въ Польшѣ національныя чувства, и насколько могутъ они препятствовать развитію соціалистическаго движенія. Наши товарищи поляки, которые дѣйствовали въ Польшѣ, надѣются, что чувства эти попрепятствовать этому движенію не могутъ, и мнѣ кажется, что мы можемъ имъ вѣрить. А если они и ошибаются, такъ что-жъ изъ этого? Ежели національное возстаніе еще разъ вспыхнетъ въ Польшѣ, тогда слишкомъ поздно будетъ про-

---

соціалистической ни газеты, ни даже брошюры для поляковъ, входящихъ въ составъ германскаго государства. Для этого надо было самихъ поляковъ, да еще изъ Россіи. Фактъ—поучительный для сторонниковъ государственныхъ основъ для организаціи соціалистическихъ партій.

тиводѣйствовать ему посредствомъ какой бы то ни было соціалистической пропаганды. Тогда и они (польскіе соціалисты), можетъ быть, примутъ участіе въ этомъ возстаніи, и мы, можетъ быть, примемъ въ немъ участіе. Тогда это будетъ уже дѣло не убѣжденій, а чувства, темперамента!" (Biblioteka „Równosci", t. I, 71, Mowa ob. Wiary Zasulicz).

Мы считаемъ излишнимъ повторять здѣсь слова Чернышевскаго о недостаточности однихъ чувствъ, а тѣмъ болѣе темперамента для вѣрнаго направленія политической дѣятельности. Но совершенно умѣстно будетъ замѣтить по поводу этихъ словъ, что единственное средство предохранить отъ напрасной гибели и будущее польское національное движеніе, и тѣхъ соціалистовъ, польскихъ и русскихъ, которые „можетъ быть, пристанутъ къ нему",—это: всегда строго ставить себѣ и другимъ вопросъ о томъ, гдѣ польское національное движеніе имѣетъ себѣ мѣсто, а гдѣ—нѣтъ? т. е. вопросъ о границахъ настоящей Польши, а также никогда не ставить польскаго вопроса только между Польшей и Россіей, поляками и великоруссами (русскими, rossyjanami), а между поляками и литвинами, латышами, бѣлоруссами и украинцами, т. е. и въ томъ, и въ другомъ случаѣ поступать не такъ, какъ поступалъ „Впередъ" и ораторы женевскаго митинга 1880 г.

Единственное средство дать здоровое направленіе польскому національному чувству въ вопросахъ организаціи политической и соціалистической революціи—это организація политическихъ и соціалистическихъ партій для націй плебейскихъ въ бывшей Польшѣ, а именно—партій литовской, латышской, бѣлорусской и украинской, на совершенно равной ногѣ съ партіями польскими и великорусскими. И наибольшая услуга, какую могли бы оказать „русскіе" революціонеры и соціалисты своимъ польскимъ друзьямъ,—если уже не говорить о народахъ, — это способствовать организаціи вышеупомянутыхъ партій. Правда, что для этого имъ самимъ надо радикально отрѣшиться отъ своихъ національно-государственныхъ предразсудковъ и согласиться на раздѣлъ того, что имъ кажется единою Россіею и едино-русскимъ.

Но такое отрѣшеніе и такое согласіе развиваются и среди „русской интеллигенціи" такъ-же туго, какъ и среди польской. Это подтверждается, кромѣ всего сказаннаго выше, судьбою среди другихъ группъ русскихъ соціалистовъ 70-хъ годовъ той группы, которая всего болѣе хотѣла остаться вѣрною направленію, данному Бакунинымъ. Мы разумѣемъ ту группу, которая издавала въ 1874 г. въ Женевѣ газету „Работникъ",—первый опытъ вели-

корусской соціалистической газеты для рабочихъ. Между прочимъ редакціей „Работника“ издана была книга „Сытые и Голодные“, по нашему мнѣнію, вмѣстѣ съ брошюркою „Хитрая Механика“, лучшая до сихъ поръ популярная соціалистическая книга на великорусскомъ языкѣ. Въ книгѣ этой, представляющей опытъ изложенія исторіи пролетаріата, довольно послѣдовательно проведена анархическая, федеративная точка зрѣнія и относительно исторіи Россіи: областному элементу указано надлежащее мѣсто; борьба украинцевъ съ Польшею и московская централизація освѣщены вѣрно; даже польское возстаніе 1863 г. и участіе въ немъ великорусскихъ демократовъ объяснено тоже довольно вѣрно, во всякомъ случаѣ съ должной критикою (стр. 409—412). Послѣднее тѣмъ болѣе интересно, что въ редакціи „Работника“ принималъ участіе г. Н. Жуковскій, великоруссъ, который въ свое время былъ судимъ за раздачу прокламацій въ арміи, благопріятныхъ польскому возстанію. „Работникъ“, конечно, не смогъ взять на себя иниціативы изданій для народа на другихъ языкахъ, кромѣ великорусскаго, и остался собственно не общерусскою, а только великорусскою газетою, но въ его типографіи была напечатана и прокламація на украинскомъ языкѣ „Золота Грамота“ (правда, не вполнѣ удачная), составленная лицами, которыя хотя и пристали къ великорусскимъ соціалистамъ, но которыя не совсѣмъ забыли, что украинскій народъ представляетъ свои особенности по крайней мѣрѣ хоть по языку. Но на этомъ и окончились попытки дифференцированія русскихъ анархистовъ въ Женевѣ. Они не только не дошли до всероссійской федералистической организаціи, но не поставили и общаго вопроса о ней, хоть такъ, какъ пробовалъ было ставить его Бакунинъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ скоро оказалось, что и въ томъ своемъ видѣ, въ какомъ сложилась группа „Работника“, она не встрѣтила поддержки въ Россіи, въ которой изъ всѣхъ соціалистическихъ фракцій, фракція „Работника“ оказалась самою слабою численностью, и потому должна была скоро прекратить свои публикаціи.

Въ 1878 г. нѣкоторые члены изъ редакціи „Работника“, вмѣстѣ съ другими лицами, попробовали было основать въ Женевѣ газету „Община“. Эта послѣдняя въ своей программѣ помѣстила нѣсколько строкъ, которыя показывали намѣреніе вывести „русскую соціально-революціонную партію“ изъ обрусительнаго унитаризма „Набата“ и „Впереда“. Въ статьѣ г. Жуков-

скаго „Реформы и революція“ сдѣлана была еще болѣе рѣшительная попытка указанія необходимости народно-областной дифференціаціи дѣла соціалистической пропаганды въ Россіи и оцѣнка значенія заявившаго уже тогда себя украинскаго соціалистическаго движенія, между прочимъ какъ такого, которое выходитъ за предѣлы Россійскаго государства, а потому тѣмъ болѣе не можетъ быть уложено въ рамки россійской соціалдемократіи. Г. Жуковскій писалъ:

„Мысль о благодѣтеляхъ, о диктаторахъ, о комитетахъ, предписывающихъ движеніе сверху внизъ, отходитъ въ область прошлаго вмѣстѣ съ старымъ понятіемъ о самой революціи.

„Движеніе должно совершаться уже самими дѣйствующими, должно идти снизу вверхъ, отъ частнаго къ общему, отъ секціи къ федераціи, области секцій; отъ областной къ національной, отъ національной къ міровой.

„Въ политикѣ, въ государствѣ. фикція государственная стираетъ личность, уничтожетъ ее. La raison d'état, какъ финикійскій молохъ, пожираетъ своихъ собственныхъ дѣтей, отнимая у нихъ личность. Въ положительной организаціи, въ общественной организаціи труда, каждый работникъ, каждый членъ общества становится, напротивъ, сознательной личностью; не онъ существуетъ для органзаціи, а организація для него.

„Такова (?) революціонная мысль, съ которой въ позднѣйшее время молодежь наша пошла въ народъ.

„Въ молодежи украинской автономныя и демократическія идеи проявились съ новой силой въ концѣ шестидесятыхъ годовъ; малороссійскіе революціонеры на этотъ разъ болѣе рѣшительно примыкаютъ къ обще-европейскому федеративному соціализму.

„Украинская молодежь выбита изъ узкой колеи пропаганды въ одной только русской Украйнѣ; она выступаетъ въ открытое, внѣ-государственное, интернаціональное поле. Ошибся Александръ Николаевичъ: онъ думалъ разомъ положить конецъ революціонной пропагандѣ, а она не только выросла въ Украйнѣ русской, но вошла въ предѣлы его сосѣда-союзника, австро-венгерскаго императора. Такъ-то сложилась украинская соціалистическая партія. Въ силу самихъ обстоятельствъ она должна быть федератив-

ная: съ одной стороны, она федерируется съ федералистами-революціонерами Россіи, съ другой—съ западно- и югославянскими-революціонерами, польскими и всякими другими соціалистами-революціонерами, принимающими федерализмъ за основу организаціи.

„Безъ грузинъ, армянъ и безчисленнаго множества инородцевъ, которыхъ считать всероссійскими позволительно только становому приставу, въ предѣлахъ имперіи живетъ 36 000 000 великоруссовъ, 14 239 000 малоруссовъ, 4 749 212 поляковъ да 4 000 000 бѣлоруссовъ. У каждаго изъ этихъ народовъ свое бытовое устройство, свой земледѣльческій строй; каждому изъ нихъ нужно, слѣдовательно, не только предоставить право внутренняго самоустройства, но и всѣмъ имъ предоставить право федераціи, какъ она можетъ сложиться по ихъ собственной иниціативѣ. Оффиціальная Россія, раздвинувшая завоеваніе Ермака до Восточнаго океана, подчинила и всю сѣверную Азію власти всероссійскаго становаго, а между тѣмъ въ недалекомъ будущемъ интересы восточной Сибири потянутъ больше къ Соединеннымъ Штатамъ, чѣмъ къ Петербургу или Одессѣ.

„Москвичъ, полякъ, украинецъ, сибирякъ—другъ другу не указчики, а товарищи. Теперь они всѣ живутъ подъ гегемоніей великоруссовъ и называются русскимъ народомъ, потому именно, что надъ ними русскій становой; исчезнетъ становой, и всѣ эти народы будутъ, предоставлены самимъ себѣ, а въ какихъ предѣлахъ и какъ они сфедерируются другъ съ другомъ, это можетъ показать только практика." (Община, № 5. [1])

Но и федерализмъ, и антигосударственность „Общины" не встрѣтили сочувствія въ „русскихъ" соціалистическихъ кругахъ. Сама „Община" должна была помѣстить безъ всякихъ оговорокъ со стороны редакціи статью г. Як. Стефановича объ украинскомъ сборникѣ „Громада". Въ статьѣ этой всѣ указанія „Громады" на

---

[1]) Мы должны упомянуть еще о статьѣ г. Аксельрода „Переходный моментъ нашей партіи" въ 8—9 № „Общины", гдѣ срезюмированы почти всѣ критическія замѣчанія „Громады" о недостаткахъ „русскаго" соціалистическаго движенія 70-хъ годовъ, въ томъ числѣ и „шаблонности" пріемовъ и „безплотности" формулы, которую р. соц. „имѣли претензію перенести въ сознаніе племенъ и народовъ Россійской Имперіи".

недостатокъ должной дифференціаціи въ дѣйствіяхъ и даже въ литературной дѣятельности великорусскихъ соціалистовъ, взявшихся работать на всемъ пространствѣ Россіи, населенной разными народами, и о несправедливости такого образа поведенія относительно невеликорусскихъ народовъ, признаны были неосновательными, и продиктованными недоброжелательствомъ и узкимъ націонализмомъ; положеніе дѣлъ въ русской соціально-революціонной партіи, такимъ образомъ, признано было вполнѣ нормальнымъ, не требующимъ реформъ. Вскорѣ за тѣмъ одинъ изъ видныхъ великорусскихъ соціалистовъ, г. П. Л. (Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 1879, I, 275), укорилъ „Общину" и за тѣ уступки, какія она позволила себѣ сдѣлать въ своей программѣ народно-федеральному направленію; онъ увидѣлъ въ этихъ уступкахъ „открытіе [страницъ „Общины" южнорусскимъ націоналистамъ" (??).[1]) Когда писанъ былъ этотъ укоръ, „Община" уже перестала существовать, и никакой другой „русскій" органъ не говорилъ уже о необходимости дифференціаціи въ дѣятельности „русскихъ" соціалистовъ.

Такимъ образомъ, попытки народно-федералистической реакціи противъ идеи государственно-націоналистической централизаціи въ великорусской соціалистической литературѣ проявились очень слабо и скоро заглохли, а тѣмъ самымъ оказалась невозможность для такъ называемой русской соціально-революціонной партіи сдѣлаться изъ частной великорусской партіи дѣйствитель-

---

[1]) Jahrbuch für Sozialwissenshaft und Soizalpolitik, 1879, I, 275: „Община" считаетъ особенно необходимымъ, чтобъ внутри русскаго государства дѣйствующія группы устроились какъ союзъ отдѣльныхъ „національныхъ" группъ, вмѣсто того чтобъ, какъ прежде всѣ соціалисты (русскіе, конечно) образовывали массу, несмотря на національныя различія великоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ. Такимъ образомъ этимъ (заявленіемъ) редакція открыла свой листокъ и (auch) южнорусскимъ націоналистамъ". Г. П. Л. не захотѣлъ обратить вниманія на то, что ненормальность прежняго положенія дѣла состояла не въ томъ, что въ русскіе соціалисты поступали люди безъ различія національностей, а въ томъ, что всѣ они приспособлялись къ работѣ для одной только государственной національности. Союзная областно-національная организація не только не исключаетъ своего интернаціонализма (не только по цѣли, но и по составу партіи), а напротивъ, справедливѣе осуществляетъ „требованія" интернаціональнаго соціализма. Тѣ, которыхъ г. П. Л. угодно было назвать „южнорусскими націоналистами", были именно противниками національной монополіи. (Подробнѣе см. объ этомъ въ нашей замѣткѣ Der kleinrussische Internationalismus, въ томъ же Jahrbuch, т. II.)

но всероссійскою, и вполнѣ интернаціональною партіею, посредствомъ дифференцированія сверху внизъ. Правда, послѣ сдѣланныхъ со стороны украинскихъ соціалистовъ замѣчаній, не только „Впередъ", но и „Набатъ" признали въ теоріи необходимость локализаціи и даже „націонализированія средствъ" пропаганды соціализма въ Россіи. „Впередъ" въ т. V (новой редакціи) долженъ былъ даже признаться, что, напримѣръ, „Громада" вполнѣ вѣрно указала недостатки въ дѣятельности „русскихъ" соціалистовъ: „шаблонность пріемовъ, слабое вниманіе къ мѣстнымъ особенностямъ" и т. п., но только объяснялъ эти недостатки не такъ, какъ, „Громада", т. е. не тѣми причинами, какія мы указывали и въ настоящихъ статьяхъ,—а лишь малочисленностью русскихъ соціалистовъ,—и обѣщалъ, что „всѣ эти недостатки современемъ исчезнутъ. Ряды соціалистовъ возрастутъ, и каждый изъ нихъ найдетъ себѣ мѣсто среди населенія, съ которымъ ему наилучше сблизиться. Никто не пойдетъ тогда проповѣдывать соціализмъ полякамъ на еврейскомъ языкѣ, малоруссамъ на чухонскомъ (!). Практикой постепенно вырабатываются пріемы для мѣстной пропаганды, нѣсколько отличные отъ пріемовъ пропаганды въ другой мѣстности" (Впередъ, V, 161—162). Но всѣ такія признанія не вели за собою никакихъ практическихъ послѣдствій. Напримѣръ, весь періодъ пропаганды соціализма въ Россіи посредствомъ брошюрокъ прошелъ безъ того, чтобъ русскими соціалистами издана была хоть одна строчка, приспособленная, по языку и по содержанію, къ какой бы то ни было мѣстности, кромѣ великороссійской. Исключеніе составляетъ развѣ упомянутая выше женевская „Золота Грамота". Между тѣмъ, нѣкоторыя лица, попавшія въ русскіе соціалистическіе круги изъ тѣхъ, въ которыхъ еще держались традиціи украинскаго движенія 60-хъ годовъ, чувствовали необходимость пропаганды и соціализма на народныхъ языкахъ и старались проводить эту идею и среди русскихъ соціалистовъ, но совершенно безуспѣшно. Еще въ 1874 г. мы видѣли въ Петербургѣ рукопись украинскаго перевода „Хитрой Механики", которую послѣ исправленія ея со стороны языка однимъ „украинофиломъ", который относился скептически къ задуманному тогда „хожденію въ народъ", но счелъ себя обязаннымъ оказать помощь дѣлу, во всякомъ случаѣ искренно предпринятому,—была отправлена въ Лондонъ для изданія, котораго такъ и не дождалась ни отъ старой, ни отъ новой редакціи „Впереда", типографія котораго, поддерживаемая между прочимъ и на сред-

ства, шедшія съ Украины, напечатала столько великорусскихъ книжекъ. [1]) Еще въ началѣ 1874 г. однимъ изъ самыхъ почтенныхъ людей процесса 193 русскихъ соціалистовъ, человѣкомъ, въ которомъ первые демократическія идеи (какъ и у многихъ южанъ) были поселены украинскимъ движеніемъ 60-хъ годовъ, была составлена брошюрка на украинскомъ языкѣ: „Правдиве слово хлібороба до своїх земльаків“ и передана одному южному „русскому“ кружку для напечатанія, но она была напечатана только въ 1876 г. „украинскими“ соціалистами. Эти послѣдніе увидѣли необходимость совершенно отдѣльной отъ „русскихъ“ организаціи, какъ единственнаго условія для того, чтобъ издавалось и дѣлалось хоть что-нибудь, приспособленное къ пропагандѣ соціализма среди украинскаго населенія, и чтобъ такимъ образомъ Украина не была только оброчною статьею и для великорусскаго соціалистическаго движенія, какъ была она и есть оброчною статьею для великорусскаго народа. [2])

---

[1]) По показанію автора передовой статьи въ № 1 „Общины“, лица довольно компетентнаго, въ Россіи было распространено нѣсколько десятковъ тысячъ этихъ книжекъ.

[2]) Рецензентъ „Громады“ въ „Общинѣ“ объясняетъ отсутствіе печатанія всероссійскими соціалистами книгъ на иномъ языкѣ, кромѣ великорусскаго, тѣмъ, что, напримѣръ, „южнорусскіе соціалисты всегда придавали несравненно большее значеніе устной пропагандѣ, чѣмъ книжной“. Это опять одно изъ такихъ же изобрѣтеній россійской „самобытности“, какъ и раздѣленіе языковъ, на манеръ „Русск. Соц. Рев. Библіотеки“: одинъ—для „интеллигенціи“, другой для „народа“. На гниломъ Западѣ понимаютъ, что безъ книжной пропаганды нѣтъ и устной, какъ безъ книгъ для „интеллигенціи“ нѣтъ книгъ и для „народа“. Но посмотримъ, какъ стояло дѣло употребленія народнаго языка и въ устной пропагандѣ у „южнорусскихъ соціалистовъ“. Въ „Воспоминаніяхъ пропагандистки“ читаемъ: „языкъ малорусскій мнѣ былъ плохо извѣстенъ“; изъ „Чигиринскаго дѣла“ 1876 г. описаннаго въ „Черномъ Передѣлѣ“ № 1—2, узнаемъ, что дѣйствующіе тамъ русскіе соціалисты, украинскіе уроженцы, проповѣдывали организацію „тайной дружины“ не зная, что по-украински „дружина“ значить—любовница-невѣста! По части приспособленія къ мѣстнымъ нравственнымъ особенностямъ это чигиринское дѣло тоже характерно: въ немъ пущенъ былъ въ ходъ пріемъ самозванщины, котораго, какъ видно изъ № 3 „Черн. Пер.“, нѣкоторыя лица не оставили и до сихъ поръ. Между тѣмъ, этотъ пріемъ совершенно противенъ всѣмъ преданіямъ украинскимъ, среди которыхъ можно найти зацѣпки не только для болѣе чистыхъ, но и болѣе республиканскихъ пріемовъ. Но на бѣду ознакомленіе съ украинскимъ языкомъ и преданіями, научнымъ способомъ, а не налетомъ, считались многими (въ томъ числѣ и упомянутымъ рецензентомъ „Общины“) дѣломъ, „буржуазнымъ“, а не революціоннымъ.

Такимъ образомъ жизнь научила, что дѣйствительно всероссійскую, интернаціонально-федеральную партію и для пропаганды соціализма въ Россіи надо образовывать не сверху внизъ, а снизу вверхъ, приготовляя для нея сначала частные, областные и національные элементы, которые уже потомъ должны будутъ сфедерироваться. Хотя такой способъ и неизбѣжно сопряженъ съ болью борьбы и временнаго раздробленія, которыхъ, конечно, лучше бъ было избѣжать,—но, кажется, такой ходъ дѣла самый естественный и обѣщаетъ наиболѣе прочные результаты, ибо, какъ это ни грустно, но нужно сознаться, что вообще родъ человѣческій хромаетъ по части синтеза, и что и то еще надо счесть за счастіе, если въ немъ есть достаточно людей, способныхъ хоть къ анализу.

Прежде всего сорганизовались совершенно отдѣльно отъ „русскихъ“ соціалисты украинскіе, начавши съ 1875 г. печатать свои изданія въ Вѣнѣ, потомъ въ Женевѣ, и Львовѣ. Съ 1878 г. появляются соціалистическія брошюры новыхъ польскихъ соціалистовъ и затѣмъ программа „польскихъ соціалистовъ“. Около того же времени принимаются за свою организацію и бессарабскіе выходцы въ Румыніи. Наконецъ, въ 1880 г. въ Женевѣ печатается воззваніе отъ группы „соціалистовъ-евреевъ“, предполагающее печатаніе книгъ для пропаганды среди еврейскаго рабочаго населенія на Востокѣ Европы на живыхъ его языкахъ (въ 1877 г. была сдѣлана покойнымъ Либерманомъ попытка соціалистическаго изданія на древнееврейскомъ языкѣ). Характеристично, что всѣ эти зачатки новыхъ организацій не только имѣютъ себѣ цѣлью не великорусское населеніе, но, вслѣдствіе расположенія тѣхъ населеній, которыя они избрали себѣ за поле дѣйствія, выходятъ и за предѣлы русскаго государства. Это обстоятельство дѣлаетъ еще болѣе труднымъ признаніе необходимости этихъ организацій со стороны тѣхъ, кто привыкъ видѣть всякаго „русскаго подданнаго“ погруженнымъ въ заботы и работы, исключительно помѣщающіяся въ рамкахъ государства, въ которомъ дѣйствительно помѣщаются всѣ почти великоруссы, за исключеніемъ небольшого числа раскольниковъ. Вотъ почему названныя невеликорусскія организаціи должны были вызвать тѣмъ большую реакцію въ „русскихъ“ соціалистическихъ кругахъ. Даже и теперь снисходительность литературныхъ представителей послѣднихъ, напримѣръ, къ украинскимъ соціалистамъ не идетъ даль-

ше признанія ихъ „фракціей русскаго соціализма“ (см. воззваніе (первое) объ изданіи „Русс. Соц.-Револ. Библіотеки“ или „Нѣсколько словъ объ организаціи партіи“ г. П. Лаврова въ „Черномъ Передѣлѣ“ № 3), — на какое званіе украинскіе соціалисты вдвойнѣ не могутъ согласиться, такъ какъ украинское населеніе не фракція русской (великорусской) націи, а отдѣльная нація, и такъ какъ ихъ работа въ Австро-Венгріи выводитъ ихъ за границы „русскаго“ государства. Не очень же давно самая мысль о сколько-нибудь самостоятельной организаціи украинцевъ, и даже, какъ это ни странно, мысль о печатаніи книгъ на украинскомъ языкѣ считалась у большинства „русскихъ“ соціалистовъ за противный соціализму „національмъ“. Также была встрѣчена (хотя и не въ литературѣ) и мысль объ организаціи бессарабскихъ румынъ. Кто бы этому не повѣрилъ, тому любопытно было бы послушать пренія на женевскомъ собраніи, созванномъ „группою соціалистовъ-евреевъ“ и нѣсколькими украинцами въ 1880 году для обсужденія мысли объ изданіи соціалистическихъ брошюръ на разговорныхъ языкахъ евреевъ Восточной Европы. Казалось бы, какое возраженіе могла вызвать мысль объ изданіи той же „Хитрой Механики“ еще на одномъ человѣческомъ языкѣ, или, пожалуй, даже „жаргонѣ“? А между тѣмъ надо приписать только чрезвычайнымъ усиліямъ и такту лица, предсѣдательствовавшаго на вышеупомянутомъ собраніи, что оно не окончилось крупнымъ скандаломъ. Съ такимъ озлобленіемъ отнеслись къ нему ораторы изъ русской и польской соціалистической партіи, и особенно лица еврейскаго же происхожденія![1])

Только мысль о вполнѣ самостоятельной организаціи „польскихъ соціалистовъ“ не встрѣчала до сихъ поръ никакой оппозиціи со стороны соціалистовъ русскихъ. Но зато среди „польскихъ соціалистовъ“ сейчасъ же обнаружились элементы, которые раздѣлили съ русскими трудъ отрицательнаго отношенія къ мысли о необходимости существованія соціалистовъ украинскихъ

---

[1]) Мы считаемъ себя вправѣ говорить объ этомъ собраніи, такъ какъ это былъ вполнѣ публичный митингъ, созванный печатными приглашеніями, и такъ какъ извѣстія о немъ проникли и въ газеты. Съ своей стороны мы ничего не имѣемъ противъ того, если бы кто-нибудь хоть стенографически вѣрно напечаталъ то, что говорили на этомъ митингѣ мы и наши товарищи, равно какъ и ихъ возражатели.

и даже отрицаніе существованія украинскаго народнаго элемента рядомъ съ польскимъ тамъ, гдѣ онъ несомнѣнно существуетъ, какъ, напр., въ Галиціи.[1]) Такое отношеніе сосѣдей обусловило со всѣхъ сторонъ „военное положеніе" украинскихъ соціалистовъ. Крайне непріятно это положеніе и тяжела налагаемая имъ борьба, но разъ она дана реальными условіями жизни, отъ этой борьбы нельзя отказаться. Притомъ же самая эта борьба заставляетъ украинцевъ, уже ради разсчета не остаться одному въ полѣ воиномъ, поднимать на Востокѣ Европы народно-федеральную идею вообще, поднять то знамя, которое держали въ своихъ рукахъ и великоруссы, въ родѣ Бакунина, но которое выпустили изъ рукъ ихъ близорукіе наслѣдники. Идея эта — полное равноправіе негосударственныхъ націй съ государственными, организація для каждой изъ нихъ спеціальнаго корпуса дѣятелей политическаго и соціальнаго освобожденія, на первыхъ порахъ пропаганда освободительныхъ идей на всѣхъ языкахъ, не только панскихъ, а и плебейскихъ, какъ самое дѣйствительное средство провести эти идеи въ массы населенія всѣхъ племенъ Востока Европы.[2])

Въ борьбѣ за эту идею украинцамъ придется имѣть противъ себя всѣ государственно-національные, централистическіе элементы: нѣмецкіе (Германіи, Австріи и Остзейскаго края), великорусскіе, польскіе и венгерскіе, начиная отъ консервативно-аристократическихъ и до соціально-демократическихъ, но раньше или позже украинскіе соціалисты-федералисты не только будутъ имѣть за собою украинскій народъ, который и теперь все же представляетъ массу до 20 000 000 человѣкъ, но увидятъ рядомъ съ собою федерально-соціалистическія партіи: эстонскую, латышскія, литовскую, бѣлорусскую, словацкую, словинскую, румынскую, кавказскія, кружки еврейскіе (которые необходимы до слитія рабочаго элемента еврейскихъ колоній съ окружающими ихъ

---

[1]) Кто знаетъ сословно-экономическія отношенія правобережной Украйны и кто знаетъ, что дѣло пропаганды соціализма на Востокѣ Европы до сихъ ведется почти исключительно людьми и взносами панскихъ классовъ, живущихъ, конечно, хлопскимъ трудомъ, тотъ пойметъ, что Украйна должна была стать оброчною статьею и для польской соціалистической пропаганды. Въ такомъ же положеніи находится и Бѣлоруссія, и Литва, и земля латышей.

[2]) Подробное развитіе этихъ мыслей см. въ „Громадѣ", „Листкѣ Громады", и въ „Вольномъ Союзѣ".

массами населеній), а также здоровые отъ государственно-національной заразы элементы партій великорусскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ и венгерскихъ.[1]) Нѣкоторые признаки такого свѣтлаго будущаго видны уже и теперь.

---

[1]) Мы не говоримъ тутъ о сербскихъ и болгарскихъ партіяхъ, такъ какъ болгары совершенно, а сербы въ значительной и наиболѣе самостоятельной части своей земли стоятъ внѣ тѣхъ политическихъ комбинацій, въ которыя входятъ украинцы, а именно внѣ Россіи и Австро-Венгріи. Но мы не сомнѣваемся въ сочувствіи и сербовъ, и болгаръ къ федеративнымъ стремленіямъ. У болгаръ еще нѣтъ опредѣленныхъ партій, соціалистическія идеи едва начинаютъ къ нимъ проникать. Но кн. Черкасскій и ген. Эренротъ уже сломали у нихъ и прежнюю вѣру въ московское славянофильство, и оправдали всѣ тѣ предсказанія, которыя украинцы, на основаніи собственнаго опыта съ XVII ст., дѣлали своимъ болгарскимъ друзьямъ еще въ 1876 г. Что касается до сербовъ, то всѣ независимые люди изъ нихъ давно уже высказались въ федеративномъ духѣ и въ частности весьма самостоятельно относились къ украинскому движенію. (Примѣры см. въ нашей брошюрѣ „По вопросу о малорусской литературѣ". Вѣна 1876). Сербское соціалистическое движеніе развилось въ родствѣ съ бакунинскимъ анархизмомъ и до сихъ поръ сохраняетъ федеративный характеръ. Когда украинскія партіи встрѣтятся съ сербскими въ Австро-Венгріи, то не можетъ быть сомнѣнія въ ихъ полномъ между собою согласіи.

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.[1)]

Поступленіе мое въ училище.

Поѣздка въ Сѣвскъ.—Классы Сѣвской семинаріи и ея зданія —Мѣстность Сѣвской семинаріи нездоровая.—Квартирная жизнь.—Учебный бытъ и что преподавалось въ каждомъ классѣ.—Собраніе учениками весною травъ и кореньевъ.—Торжественный актъ съ диспутами.—Поѣздка домой на первыя вакаціи. — Поѣздка на Пасху съ приключеніями.—Хожденіе на утреню въ архіерейскую церковь зимою.—Дежурство въ больницѣ.—Жизнь на новой квартирѣ и болѣзнь. Риторы—сожвартиранты: *Атлантовъ* и *Воскресенскій*.—Философъ *Иванъ Алексѣев. Борисовъ* и его *затѣи*.—Ловля рыбы архіерейскимъ неводомъ.—Поѣздка на каникулы 1817 г.

Курсъ въ училищѣ начинался съ 1-го сентября. Не знаю, почему отецъ мой пропустилъ срокъ опредѣленія моего въ училище и повезъ меня въ Сѣвскъ послѣ Рождества Хр., въ началѣ 1816 года. Должно быть колебался, примутъ ли заику въ училище, и не отдать ли меня въ сапожники, какъ многіе совѣтовали и какъ сдѣлалъ Акимъ Петровичъ съ полу-нѣмымъ сыномъ своимъ *Михаиломъ*.

Не помню зимней поѣздки въ Сѣвскъ, отстоящій отъ с. Спасскаго на 175 верстъ; но помню, какъ, отъѣхавъ отъ Орла нѣсколько верстъ, мы съѣзжались съ другими священниками и дьячками, везшими дѣтей въ Сѣвскъ. Отецъ находилъ между священниками товарищей по воспитанію и на станціяхъ пріятно проводилъ время.

Училище въ Сѣвскѣ соединено было съ Семинаріею, или правильнѣе—тогда не было училища, а одна Семинарія съ низшими классами, управляемая однимъ ректоромъ и префектомъ,

---

1) См. „Кіевскую Старину“—мартъ-апрѣль 1906 г.

т. е. инспекторомъ. Классы были слѣдующіе: 1) Низшая элементорія; 2) Высшая элементорія; 3) Грамматика; 4) Синтаксисъ; 5) Поэзія; 6) Младшая риторика; 7) Старшая риторика; 8) Философія и 9) Богословія. Ученики первыхъ старшихъ классовъ именовались *студентами—богословами* и *философами*; ученики среднихъ классовъ назывались *риторами*, *піитами* и *синтаксистами;* а ученики низшихъ классовъ назывались *учениками перваго, втораго* и *третьяго класса,*—или: *низшей элементоріи*, *высшей элементоріи* и *грамматики.*—Семинарія эта была на всю епархію или губернію и заключала въ себѣ до 700 душъ. Она помѣщалась въ одномъ двоэтажномъ каменномъ корпусѣ 40 саженъ длины, и 9 или 10 ширины и 5 вышины. Въ нижнемъ, какъ и въ верхнемъ, этажѣ было по 2 коридора. Изъ каждаго коридора 4 двери вели въ огромныя залы. Залы были одного размѣра и всѣхъ ихъ было 16. Три части заняты были классами и библіотекою, а 4-я помѣщеніемъ *бурсы.*—По правую сторону корпуса былъ небольшой домъ подъ деревянной крышей, занимавшійся инспекторомъ; противъ него тянулись три смежные флигеля для больницы и учителей, а ниже ихъ, отступя на 10 саженъ, стояло зданіе, заключавшее въ себѣ хлѣбню, кухню и столовую для бурсы. Эта столовая отстояла отъ корпуса на 100 саж.—По другую сторону площади противъ корпуса, въ 20 саженяхъ отъ него, стоялъ домикъ Правленія и при немъ страшный колокольчикъ. Далѣе противъ корпуса, въ 40 саженяхъ отъ Правленія, стояло двух-этажное деревянное зданіе, заключавшее въ себѣ одинъ большой залъ съ окнами въ два ряда по длинѣ его и съ обѣихъ сторонъ. Въ немъ—двѣ стѣны глухихъ (безъ оконъ). При одной стояла *катедра*, надъ другою возвышались *хоры*. Это—*авдиторія*. За авдиторіею, въ 30 саженяхъ отъ нея, стоялъ домикъ—квартира ректора, одноэтажный съ галлереею, раздѣлявшійся на двѣ половины. Этотъ домикъ стоялъ уже противъ *монастыря*, или по крайней мѣрѣ противъ службъ его[1]).—Противъ другого конца монастыря или ограды его стоялъ домъ въ родѣ постоялаго двора. Въ этомъ домѣ была *харчевня.*—Семинарія—на площади. Позади ея—дубовая роща, а съ лѣвой стороны—березовая. Обѣ насаждены, да и Семинарія устроена пресв. *Аполлосомъ Байбаковымъ*, или предшественникомъ его.[2])

---

[1]) Это былъ *Спасскій монастырь*, подъ г. Сѣвскомъ, считавшійся тогда *архіерейскимъ домомъ* Епископовъ Сѣвскихъ и Орловскихъ—Л. М.

[2]) Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ рисунокъ плана Семинарскихъ зданій, сдѣланный наскоро перомъ—Л. М.

Своекоштные ученики квартировали на *слободкѣ*, которая тянулась по берегу рѣки *Сѣвы* и заворачивалась *глаголемъ* къ березовой рощѣ, тянувшейся позади домовъ слободки за огородами и кирпичными сараями. *Слободку* составляли дома штатныхъ архіерейскихъ служителей. Отъ Семинаріи до слободки надобно было итти добрыхъ 1/4 версты и на Слободкѣ до *глаголика* еще болѣе чѣмъ пол-версты. Тѣмъ, которые квартировали на глаголикѣ, приходилось каждый день выходить 1 1/2 версты. Тѣ, которые не помѣщались на слободкѣ, квартировали въ городѣ, въ одной части его, называвшейся *Заморицею*.[1])

Мѣстность, на которой расположенъ архіерейскій монастырь съ Семинаріею, слободкою и позади ихъ двумя небольшими рощами—дубовою и березовою—это *островъ* въ полторы квадратныхъ версты среди болотъ, соединяющійся съ городомъ и полями посредствомъ *гатей*. По направленію къ городу болото простирается на двѣ версты; противъ Слободки за рѣкою оно простирается такъ далеко, что и конца не видно; позади рощъ болото небольшое. Позади инспекторскаго дома, до части города, называемой *Заморицею*, оно не болѣе *полверсты*. За рѣкою болото покрыто лозникомъ и другими кустарными деревьями; но топи трясины не позволяютъ пользоваться ими; другія болота покрыты мохомъ и проходимы, хотя и съ трудомъ. Мѣстность возвышается надъ болотами не болѣе, какъ на 3 сажени, тогда какъ городъ и окрестныя поля—на 15 саженей и болѣе. Съ этой мѣстности городъ кажется стоящимъ на горѣ, и окрестныя поля кажутся горами.— Мѣстность—самая нездоровая, хотя по растительности и удобствамъ купанья довольно пріятная. Весною—за рѣчкою соловьи; лягушки поднимали такой трескъ, что не давали спать. Но въ іюнѣ и іюлѣ появлялись лихорадки и горячки, которыхъ рѣдкій изъ новыхъ учениковъ избѣгалъ. Смертность была большая, но на нее некому было обращать вниманіе[2]). Забирали больныхъ въ больницу; но изъ нея немногіе возвращались на квартиры[3]). Объ

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ *планъ слободки*.—Л. М.

[2]) Обратилъ на это вниманіе въ 1804 г. Ректоръ Сѣвской Семинаріи. Архим. *Филаретъ Амфитеатровъ* и горячо настаивалъ на перемѣщеніи Семинаріи въ г. Орелъ... Но своею настойчивостію вызвалъ гнѣвъ тогдашняго архіерея *Досиѳея* и былъ переведенъ въ Уфу...—Л. М.

[3]) Объ анти-санитарномъ положеніи Сѣвской Семинаріи упоминается въ біографіи знаменитаго профессора Кіевской академіи Я. К. Амфитеатрова: „Больно вспомнить о прежней Сѣвской Семинаріи! Въ ней воспитывалось болѣе тысячи дѣтей. Она была на разстояніи отъ города около 900 саженей, окруженная со всѣхъ

устройствѣ, средствахъ и порядкахъ тогдашней семинарской больницы разскажу въ своемъ мѣстѣ. А теперь попробую изобразить эту мѣстность съ птичьяго полета—по отношенію къ окружающимъ ее болотамъ, городу и полямъ[1]).

Отецъ явился со мною къ инспектору, добрѣйшему архимандриту; поднесъ ему серебряный рубль. Инспекторъ записалъ меня въ *низшую элементорію* и послалъ насъ къ учителю. Не знаю, что отецъ далъ учителю—и учитель записалъ меня въ свой списокъ. Но ни тотъ, ни другой не только не экзаменовалъ меня, но даже и не говорилъ со мною. Отецъ никакъ не ожидалъ такого легкаго пріема и былъ въ веселомъ расположеніи духа.

Отецъ поставилъ меня на квартиру, на которой жили мои двоюродные братья, дѣти діакона *Стефана Троцкаго*, лѣчившаго когда-то мой глазъ. Одинъ изъ нихъ, *Иванъ*, уже полтора года былъ въ Семинаріи, а *Петръ* предупредилъ меня однимъ годомъ и былъ въ высшей элементоріи. Хозяйка была *Сѣденчиха*, а мужъ ея *Хома Андреевичъ*, сухощавый старикъ, отличался тѣмъ, что, возвращаясь изъ города по гати пьяненькій, всегда оралъ одну и туже пѣсню: „Пріятель, пріятель, другъ сердешный, позабылъ свое прежнее пріятельство!“ Голосъ его слышанъ былъ въ домѣ архіерея. Но его никто не останавливалъ; должно быть онъ уже былъ сверхштатный. Видно, тогда выслужившіе свой срокъ штатные служители не возвращались на родину; отъ того и слободка была такъ велика, болѣе 60 домовъ. А сколько штатныхъ служителей жило въ самомъ монастырѣ, сколько на хуторѣ, въ *Юшиной*![2])

сторонъ болотами, въ то время непроходимыми, свирѣпствовавшими лихорадками и сильными горячками. Сколько дѣтей здѣсь померло“.. См. брошюру *В. И. Аскоченскаго*: „Я. К. Амфитеатровъ“. Кіевъ 1851 г. стр. 2.—Л. М.

[1]) Слѣдуетъ дальше рисунокъ *съ птичьяго полета* всей мѣстности, среди которой находилась Сѣвская Семинарія. — Всѣ эти рисунки показываютъ, какъ хорошо и живо помнилъ о. Н. И. Соколовъ мѣстность, гдѣ началось его первоначальное школьное образованіе, и какъ подробно хотѣлъ запечатлѣть всѣ подробности и характерныя черты этой мѣстности.—Сѣвская Семинарія интересна для насъ, между прочимъ, и потому, что здѣсь воспитывался и потомъ былъ учителемъ, а затѣмъ и начальникомъ (сначала *Префектомъ*, а потомъ *Ректоромъ*) приснопамятный кіевскій митрополитъ *Филаретъ Амфитеатровъ* (1795 — 1804 гг.).—Л. М.

[2]) *Юшина* — это загородный архіерейскій домъ — въ 15 верстахъ отъ Сѣвска. О немъ будетъ говориться ниже—Л. М.

За 15 лѣтъ назадъ отецъ мой и самъ квартировалъ у *Сѣденчихи* и тѣмъ охотнѣе оставилъ меня у ней на квартирѣ. Не знаю, за какую цѣну договорился съ нею.—Не помню, какъ отецъ простился со мною, но помню, что онъ купилъ сундучекъ; войлокъ и подушка привезены были изъ дому; книжку *Лексикончикъ*[1]), бумаги 2 дести сѣрой и одну десть синей. Денегъ мнѣ оставилъ мѣдными рубль; куплена была для меня чернильница, орѣшки съ купоросомъ[2]), линейка и карандашъ изъ свинца, ножичекъ перочинный и перьевъ до сотни. Рубашекъ привезено было три, столько же портокъ. Кромѣ того у меня была овчинная шуба, крытая синимъ сукномъ, шапка, пестрадевый халатъ и картузъ для лѣта, жилетка; галстуха не было; сапогъ пара съ чулками; но я скоро почувствовалъ нужду въ лаптяхъ.

Въ избу приходили только обѣдать и ужинать, а остальное время до и послѣ классовъ проводили въ *горницѣ* съ двумя окнами. Горница эта—въ $2^1/_2$ сажени длины и 2 ширины. Въ комнатѣ этой стоялъ столъ со скамьями вокругъ него. Кровать была одна, только для старшаго ритора, а прочіе спали на землѣ, одинъ—на столѣ. Садиться за столъ, для исправленія уроковъ, тогда говорилось: *садиться за порядокъ*. Ложились спать въ 10 часовъ, вставали въ 6 часовъ. Вставши, каждый скатывалъ свой войлокъ съ подушкою и клалъ въ уголъ комнаты; одѣялъ не было; укрывались шубами, а лѣтомъ—халатами.

Въ одной комнатѣ насъ жило 8 душъ. Мы не различали спертаго воздуха отъ чистаго, хотя рѣдкій изъ насъ не имѣлъ чесотки на рукахъ. Но кто тогда заботился о чистотѣ воздуха? Гдѣ я ни жилъ, вездѣ не было въ окнахъ фортокъ. Самыя чистыя и здоровыя помѣщенія—это были только *курныя избы*, потому что въ нихъ каждый день смѣнялся воздухъ. Не знаю, почему мы мало болѣли; видно—потому, что каждый день ходили въ классъ, и до обѣда, и послѣ обѣда, отмѣривая полверсты, и часто выбѣгали на дворъ играть.

---

[1]) *Лексикончикъ*—это былъ латинскій букварь, въ концѣ коего былъ маленькій словарь латинскихъ словъ. Подъ такимъ названіемъ „Лексикончикъ" эта книжечка была извѣстна и позже—въ мое время, когда, въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка, я, подъ руководствомъ отца, сталъ знакомиться съ первыми элементами латыни.—Л. М.

[2]) Какъ матеріалъ для приготовленія *чернилъ*, что въ то время, какъ и въ наше, дѣлалъ каждый ученикъ.—Л. М.

Въ квартирѣ я болѣе страдалъ отъ двоюродныхъ братьевъ. Они тотчасъ сообщили другимъ мою уличную кличку *дериглазъ*, которую измѣнили другія на *окуль* и *вокуль*. Я былъ слабосиленъ и принужденъ былъ сносить обиды.

Классъ *низшей элементоріи*, какъ и всѣ классы Семинаріи, былъ въ большой продолговатой залѣ. Парты были длиною въ 2 сажени съ половиною и шириной въ аршинъ съ четвертью. Проножки были толщиною въ четверть; верхняя доска—въ 2 вершка толщины. Скамьи—массивныя. Въ классѣ была грубка; но она никогда не отоплялась. Въ печкѣ хранились березовыя лозы. Въ классѣ были *авдиторы* и *авдиторъ авдиторумъ*; былъ *цензоръ*, смотрѣвшій за поведеніемъ и порядкомъ, были два *дневальные*, подметавшіе классы. Чернила отогрѣвали дыханіемъ; учитель въ сильные морозы позволялъ сидѣть въ шапкахъ. У каждаго авдитора велась нотата. Въ первой графѣ этого листа писались имена и фамиліи учениковъ. Далѣе шли графы съ означеніемъ въ каждой изъ нихъ числа мѣсяца. Въ каждое число противъ каждаго ученика писались отмѣтки: *cs* (*scit*), *nt* (*non totum*), *ev.* (*erravit*), *nsc.* (*nescit*), *abs* (*abest*—нѣтъ въ классѣ), *aegr.* (*aegrotus*—боленъ), *nud.* (*nudus*—безъ обуви). За *nsc.*—сѣкли, за *nt.*—ставили на колѣни; за *err.*—только бранили осломъ, лѣнивцемъ, дуракомъ.

Въ низшей элементоріи учили *Лексикончикъ* по 10 словъ на урокъ и писали съ латинскихъ и русскихъ прописей. Писали и цифры до ста и до тысячи, но ариѳметика ни въ этомъ, ни въ другихъ классахъ не преподавалась (?). Студенты и учители умѣли слагать и вычитать только на счетахъ.—Перешедшіе въ *высшую элементорію* покупали *Каменскаго* латинскую грамматику и *Гебнерову* исторію на латинскомъ языкѣ. Первое полугодіе учили склоненія и спряженія; во второе полугодіе повторяли пройденное и переводили первыя главы Св. Исторіи Гебнера съ латинскаго на русскій языкъ съ этимологическимъ разборомъ.

Въ *грамматическомъ* классѣ учили неправильные глаголы и продолжали Гебнерову исторію и, кажется, оканчивали ее.—Въ *синтаксическомъ* классѣ учили синтаксисъ по Каменскаго грамматикѣ, и учитель задавалъ переводы съ латинскаго на русскій и обратно.—Въ классѣ *поэзіи* учили просодію, опять по Каменскому, и піитику преосв. *Аполлоса Байбакова.*—Въ *младшей риторикѣ* проходили риторику и упражнялись съ составленіи хрій—простой и аѳоніанской, изучали тропы и фигуры, на русскомъ и латинскомъ языкѣ.—Въ *старшей риторикѣ* учи-

ли рѣчи Цицерона и упражнялись въ составленіи рѣчей и разсужденій, на русскомъ и латинскомъ языкѣ.—Въ *философіи* проходили логику, психологію и метафизику по *Бавмейстеру* и писали разсужденія на латинскомъ языкѣ, и какъ въ этомъ классѣ преподавалось и объяснялось все на латинскомъ языкѣ, то немногіе могли писать философскія разсужденія по русски. Но такія разсужденія не цѣнились.—Въ *богословіи* преподавалось богословіе, кажется по *Фальковскому*, на латинскомъ языкѣ, и Свящ. Писаніе. Занимались латинскими толковниками.—Самоучкой знакомились съ нѣмецкимъ, французскимъ и греческимъ (?) языками, всегда по библіямъ на этихъ языкахъ. Упражнялись въ проповѣдяхъ.—Говорили мнѣ послѣ, что переводъ книги *Богъ въ натурѣ* сдѣланъ въ Сѣвской Семинаріи, когда я былъ въ нижней элементоріи. [1])

Съ переходомъ въ классъ философіи ученики получали право зимой носить нагольныя шубы на распашку, носить шинели и лѣтомъ сертуки, а богословамъ сверхъ того разрѣшалось носить косы.

Кромѣ *старшаго* въ квартирѣ, надъ 3-мя и 4-мя квартирантами былъ *квартирный инспекторъ*—изъ студентовъ богослововъ, а надъ этими инспекторами—*сеніоръ*; инспектору ученики взносили каждый по 10 копѣекъ, по 3 пера и по 3 листа бумаги.

Съ наступленіемъ весны ученики первыхъ 4-хъ классовъ, начиная съ элементорій, отпускались въ лѣса и на поля подъ руководствомъ старшихъ, преимущественно риторовъ, собирать лѣкарственныя травы и рыть коренья. Почему при самомъ поступленіи въ Семинарію родители снабжали ученика *копкомъ* (палкою съ желѣзною лопаточкою). Мы собирали *веронику*, *львиныя копытца* и корни, называемые *раковыми шейками*. Эти травы и коренья сносили въ больницу къ подлекарю, которымъ былъ тогда иподьяконъ. Изъ этихъ травъ выжимался сокъ, а коренья рѣзались, сушились и толклись въ порошокъ.

Съ наступленіемъ іюня насъ посылали за цвѣтами, которые потомъ приносили въ авдиторію, гдѣ старшіе дѣлали изъ нихъ корзины, гирлянды и паникадила. Для этого большею частію

---

[1]) Переводчикомъ книги „Богъ въ натурѣ" былъ учитель Сѣвской Семинаріи *Андрей Кондр. Сильвестровъ*. Но это было раньше—(въ 1800—1802 гг.), когда Ректоромъ Сѣвской Сем. былъ архим. *Израиль Звягинцевъ*, а префектомъ—*Филаретъ Амфитеатровъ*. См. въ „Домашней Бесѣдѣ" 1863 г. (вып. 4.) *автобіографію* извѣстнаго духовнаго композитора протоіерея *П. И. Турчанинова*.—

употреблялись желтые пуповки и синіе васильки, какъ не теряющіе своего цвѣта и въ сухомъ состояніи. Низать ихъ на нитку все-таки возлагали на учениковъ младшихъ классовъ по наряду.

Не помню, чтобы въ низшихъ классахъ были экзамены. Учитель высшей элементоріи пришелъ въ классъ. Посмотрѣлъ тетради, потомъ сталъ выкликать по списку и ставить насъ къ двери, потомъ повелъ насъ во 2-й классъ. Не помню, остался ли кто въ первомъ классѣ. Сказалъ, чтобъ покупали грамматику Каменскаго и Гибнера исторію, и распустилъ насъ на работы въ авдиторіи. До 15-го іюля никто не смѣлъ ѣхать домой.

Мнѣ довелось видѣть торжественный актъ въ авдиторіи, и я обязанъ былъ этимъ тому, что за нѣсколько дней выбранъ регентомъ въ семинарскіе пѣвчіе, хотя послѣ признанъ мой голосъ негожимъ. Съ пѣвчими я протѣснился на хоры. Тамъ уже были семинарскіе музыканты съ скрипками, флейтами, кларнетами и віолончелями, большею частію риторы и философы. Въ авдиторіи по каждую сторону стояли скамьи, на которыхъ помѣщались ученики старшихъ классовъ, начиная съ піитики; посрединѣ стояли стулья и кресла. На нихъ сидѣли священники изъ города и чиновники. Всѣ были въ ожиданіи архіерея *Досиѳея* и, какъ говорили тогда, генерала *Попова* изъ деревни. Черезъ часъ прибылъ архіерей съ господиномъ въ сертукѣ, но со звѣздою; говорили тогда, что это генералъ и онъ то присылаетъ хлѣбъ и масло на весь годъ для Семинаріи. Только что вошли они, хоръ пѣвчихъ и музыкантовъ встрѣтили ихъ шумною пьесою. Кажется, пѣли и играли: *Громъ побѣды раздавайся, Александръ—Елисаветъ, раздавайся громъ побѣды.* Ректоръ архимандритъ взошелъ на каѳедру и что-то читалъ. Потомъ богословъ *Иванъ Григорьевичъ Переверзевъ* читалъ стихи своего сочиненія. Это былъ отличный импровизаторъ, но къ несчастью запивалъ. Затѣмъ богословъ *Говоровъ* читалъ о чемъ-то разсужденіе. Поднялся богословъ другой и началъ говорить съ нимъ. Въ этотъ разговоръ вмѣшался третій, уже учитель. Пѣвчіе говорили между собою: *начинается диспутъ.* Поднимается старый протоіерей, начинаетъ говорить на латинскомъ языкѣ. За нимъ поднимаются другіе священники. Наконецъ что-то говорилъ архіерей—и споръ прекратился. Началась игра музыкантовъ. За ними пѣлъ хоръ пѣвчихъ. Я очень былъ глупъ, чтобы понимать, что дѣлалось. Но изъ разговоровъ старшихъ, цѣлый день судившихъ и разсуждавшихъ, уяснился для меня актъ и

то, что было на немъ.—Говорили, что риторы приносили въ авдиторію издѣлія своей работы: сундуки, шкатулки, жилеты, сапоги, лапти, переплеты, и смѣялись надъ тѣмъ, что одинъ риторъ принесъ лѣстницу своего издѣлія. Я не знаю,—въ авдиторіи всего этого не было видно.

Послѣ торжества въ авдиторіи брали билеты на отпускъ, съѣзжались изъ деревень извозщики и занимали площадь противъ семинарскаго корпуса. На слободкѣ—неизобразимое веселіе, всѣ въ восторгѣ, и особенно ученики младшихъ классовъ. Извощики на 200 верстъ брали 4 рубля съ человѣка; на полтораста до Орла и проч.—3 рубля, а мнѣ до Спасскаго приходилось платить 3 рубля 50 коп. Каждый извощикъ завозилъ пассажировъ въ домъ свой и безплатно угощалъ блинами или горячими пирогами. На этотъ разъ я такъ объѣлся пироговъ, что цѣлую дорогу былъ въ жару и, пріѣхавъ домой, вылежалъ въ горячкѣ недѣлю или болѣе.

Предъ этою поѣздкою я испыталъ другую. Къ празднику Пасхи отпускали домой только ближайшихъ; но меня двоюродные братцы подбили обмануть начальство, показавъ себя жителемъ ближайшаго города. Инспекторъ архимандритъ, при всей своей добротѣ, былъ неумолимъ первые дни Страстной недѣли. На Великій четвертокъ—на умовеніе ногъ—онъ былъ апостоломъ Петромъ, и цѣлый день былъ въ восторгѣ. Разнесся слухъ, что онъ подписываетъ билеты безъ разбора. Настрочили риторы мнѣ билетъ; я опрометью побѣжалъ съ нимъ къ архимандриту. У него стояло много учениковъ съ билетами. Я вошелъ со страхомъ и слезами. Взглянувъ на меня, архимандритъ спросилъ: „и тебѣ хочется домой?“ Въ отвѣтъ я зарыдалъ и не могъ вымолвить ни одного слова. Архимандритъ взялъ изъ рукъ моихъ билетъ и не читая подписалъ его. Съ какимъ восторгомъ я летѣлъ на квартиру! А тутъ братецъ Иванъ обработалъ и подводу. Ѣхали на Орелъ *Остромысленскіе*—два брата, ученики изъ синтаксиса, и унтеръ-офицеръ. Въ тотъ же день и я съ ними выѣхалъ. Проѣхали г. Дмитревку благополучно, пріѣхали въ Кромы. Выѣхавъ изъ Кромъ, молодой унтеръ-офицеръ требовалъ, чтобы, согласно договору, сперва ѣхали въ Орелъ, а послѣ уже чтобы развезъ другихъ пассажировъ по дорогѣ на Мало-Архангельскъ. Но извощикъ, избѣгая круга, не соглашался. Началась ссора. Солдатъ выхватилъ меня изъ повозки, бросилъ сколько-то денегъ извозщику и повелъ меня пѣшкомъ. Это было въ великую субботу. Дорога грязная. Я изнемогъ,—солдатъ взялъ мой узелъ на свои плечи и велъ меня къ

Орлу проселочными дорогами. Къ вечеру достигли деревни. Вошедши въ избу, я повалился па полъ и, положивъ свой узелъ подъ голову, тотчасъ заснулъ. Ночью меня пробудило пѣніе: гляжу—множество мужиковъ и бабъ въ сѣняхъ и противоположной избѣ горницѣ поютъ: *Христосъ Воскресе,*—но не по нашему.—Что это?—„Спи!"—закричалъ на меня солдатъ; я повалился, но замѣтилъ, что подо мною не голый полъ, а солома.—До свѣту разбудилъ меня солдатъ. Я вышелъ на улицу, стоитъ тройка. „Садись!"—сказалъ солдатъ,—къ обѣдни будемъ въ Орлѣ."—И дѣйствительно, солнце было не слишкомъ высоко—и мы уже въѣзжали въ городъ. Проѣхавъ шлагбаумъ, солдатъ остановился подлѣ кабака; пошелъ туда и чрезъ минуту выноситъ мнѣ кусочекъ пасхи и порядочный стаканчикъ водки—съ словами: „на, разговѣйся!" Я съѣлъ пасхи и выпилъ водку.—„Ну—куда тебя везти?"—Я сказалъ фамилію портного, жившаго за Орличнымъ мостомъ, знакомаго моему отцу. У него отецъ мой ночевалъ, когда везъ меня въ Сѣвскъ. Солдатъ отыскалъ этого портного, но я такъ опьянѣлъ, что вошелъ къ портному шатаясь и едва могъ объяснить свое положеніе. Я просилъ портного заплатить солдату; но заплатилъ ли онъ, не знаю; только помню—между ними былъ споръ и ссора. Поѣвши чего-то, я совершенно оправился. Ночь спалъ крѣпко. Рано утромъ я пошелъ домой пѣшій. Портной снабдилъ меня большимъ кускомъ хлѣба.

Когда я шелъ большой дорогою,—до Оптухи встрѣчались люди, и мнѣ не страшно было. Но когда отъ Оптухи пошелъ проселочною дорогою, я шелъ на угадъ; я часто отдыхалъ. На полпути вдали я замѣтилъ, что бѣжитъ большая собака. Она была выше полыни, остававшейся съ осени на межахъ. Собака бѣжала по межѣ позади за полынью. Находясь отъ нея за 50 саженъ, я присѣлъ. Когда она стала перебѣгать дорогу, она показалась мнѣ длинною и рослою. Я еще не видѣлъ волка, но мнѣ пришло на мысль, не волкъ ли это—и я прилегъ къ землѣ. Минутъ чрезъ 10 я поднялъ голову,—ничего не видно; поднялся на ноги, осмотрѣлся на всѣ стороны,—ничего вокругъ не было. Тогда я пошелъ, прибавивъ шагу: страхъ придавалъ силъ. Скоро завидѣлась церковь—и я залился слезами радости. Тутъ же я увидѣлъ коровъ, которыя бродили по полю. Я уже видѣлъ себя внѣ опасности. Но тогда-же почувствовалъ сильную слабость въ ногахъ. Я легъ па землю и едва не заснулъ. Встрепенувшись, я пошелъ скорымъ шагомъ по направленію къ церкви. Близь церкви—на погостѣ—никого не быле. Но когда я пошелъ переулкомъ,

ведущимъ къ дому, меня увидѣли сестры; онѣ бросились бѣжать отъ меня, какъ отъ привидѣнія, и побѣжали домой. Чрезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ съ сестрами отца и мать—и не могъ сойти съ мѣста. Мать и сестры плакали, а отецъ закричалъ: „а гдѣ билетъ?“ Я вынулъ билетъ и отдалъ ему. Это было уже передъ вечеромъ. Сейчасъ меня кормить; но я отъ усталости и радости не могъ ничего ѣсть; и при своей заиковости едва могъ разсказать, какъ ѣхать подбили братья, какъ учили меня обмануть инспектора и какъ я безъ обмана получилъ билетъ, какъ и съ кѣмъ ѣхалъ, какъ шелъ пѣшій съ унтеръ-офицеромъ, какъ ночевалъ у раскольниковъ подъ Св. Пасху, кто заплатилъ за меня въ Орлѣ и какъ пришлось мнѣ видѣть волка.—Не помню, брали-ль меня въ приходъ. Какъ хожденіе съ образами оканчивалось обыкновенно въ Ѳомино воскресенье,—то въ понедѣльникъ отецъ началъ собираться везти меня въ Сѣвскъ.

Не помню ни одного обстоятельства изъ этой трех-дневной дороги. Но пріѣхавъ въ Сѣвскъ, отецъ явилъ меня инспектору и учителю. По совѣту *Василія Лукича Переверзева*, студента философіи, онъ не оставилъ меня у Сиденчихи—съ братьями, а помѣстилъ въ квартирѣ квартирнаго инспектора *Ивана Григорьевича Данкова*, студента богословія. Домъ этой квартиры стоялъ черезъ дорогу отъ дома Сиденчихи, въ концѣ архіерейскаго огорода, надъ самой рѣчкою Сѣвою. Этотъ домъ построенъ былъ однимъ изъ протоіереевъ для квартированія его дѣтей, которые въ мое время были уже философами. Домъ раздѣлялся на двѣ половины. Въ первой, большой кухнѣ съ полатями, помѣщались ученики младшихъ классовъ, числомъ 5 душъ. Въ другой половинѣ помѣщались инспекторъ, два философа, протоіерейскихъ сына,—забылъ фамилію ихъ,—и два ритора: *Воскресенскій* и *Атлантовъ*. Инспекторъ и философы имѣли кровати. А гдѣ спали риторы, не помню. Мы же—младшіе спали въ избѣ на полатяхъ. Жили, какъ говорили тогда, *обществомъ*, только не слагались провизіею, а только деньгами. Кажется, протоіерей изъ деревни снабжалъ *общество* всею провизіею по дешевой цѣнѣ. Я помню на дворѣ амбаръ, наполненный мукой, крупой и всякой всячиной. Имъ завѣдывалъ комиссаръ *Воскресенскій* вмѣстѣ съ кухаркою, женщиною не совсѣмъ старой, поставленной отъ протоіерея. Деньги хранились у инспектора. Комиссаръ съ однимъ изъ младшихъ ежедневно ходилъ за говядиной въ городъ.

Василій Лукичъ Переверзевъ чрезъ Остромысленскихъ развѣдалъ, кто это былъ солдатъ, съ которымъ я странствовалъ. Это

былъ *Лукинъ,* помѣщикъ однодворецъ, не изъ даточныхъ. Баталіонъ, въ которомъ онъ служилъ, квартировалъ въ городѣ. Отецъ мой рѣшился съ нимъ видѣться и поѣхалъ со мною въ городъ. Какъ обрадовался отецъ, когда нашелъ Лукина! Оказалось, что отецъ зналъ его мальчикомъ и знакомъ былъ съ его родителями, имѣвшими своихъ крестьянъ и большое хозяйство. Сейчасъ его въ трактиръ. Заказана солянка, подовые пирожки, потребована водка. Тутъ открылось, что Лукинъ бралъ отпускъ на короткое время св. Пасхи, и за упрямствомъ извощика, не хотѣвшаго ѣхать на Орелъ, ему и мнѣ приходилось проводить Пасху въ Мало-Архангельскѣ. Оказалось, что онъ за меня заплатилъ — какъ первому, такъ и послѣднему извощику. Портной ничего не возвратилъ Лукину. Отецъ съ благодарностію заплатилъ ему издержанное на меня, хотя онъ и отказывался.

Прежде чѣмъ говорить о раздольной жизни въ квартирѣ инспектора, стоитъ вспомнить нѣкоторыя обстоятельства зимней моей жизни въ квартирѣ Сидепчихи. Отъ Рождества до Пасхи была зима снѣжная и холодная. Сапоги трескались на морозѣ. Я замѣнилъ ихъ лаптями, но у меня не было онучъ, и я надѣвалъ по два чулка на ногу. Голова хорошо была защищена *треухомъ*; но у меня небыло рукавицъ, а только вязанки. Рѣдкій день, чтобы я не отмораживалъ себѣ носа, или щекъ, и незнобилъ рукъ до ломоты. Вообще я былъ нѣженъ, слабъ силами и вялъ на перенесеніе страданій. Глубоко и мрачными чертами врѣзались у меня въ память *хожденіе къ утрени* въ архіерейскую церковь и *дневальство* въ больницѣ.

Ночью подъ воскресенье—не знаю въ какомъ часу—бывало раздается громкій голосъ посланаго отъ квартирнаго инспектора съ сильнымъ стукомъ въ двери—и съ этимъ стукомъ онъ кричалъ: „выходите къ утрени!“ Вышедши изъ квартиръ на дорогу и ставши по два въ рядъ, должны были стоять четверть часа на одномъ мѣстѣ, пока не подойдутъ такъ называвшіяся инспекторства *съ Глаголика.* Это стояніе въ снѣгу и на морозѣ было пыткою. Когда рядки всѣхъ инспекторствъ соединятся, тогда раздается команда: „пошелъ! не выходить изъ ряда!“ Но рядкомъ шли только низшіе и средніе классы, а студенты шли внѣ порядка, по сторонамъ. Бывало слышишь тамъ и сямъ крикъ „оборы, оборы! сукинъ сынъ!“ Это значило: у кого-либо развязались веревки, которыми прикрѣпляются лапти и онучи къ ногамъ,—и онъ, несчастный, за каждымъ шагомъ клюетъ носомъ въ снѣгъ, и когда растянется по дорогѣ, чрезъ него всѣ перескакиваютъ,

пока риторы сильными ногами не спихнутъ его съ дороги на сторону. Здѣсь несчастный весь въ снѣгу сидитъ на снѣгу, исправляя обувь своими закоченѣлыми руками. Обыкновенно несчастный рюмитъ, или реветъ; но это не трогаетъ никого: рядокъ продолжаетъ идти безостановочно. Даже студенты молча обходятъ копающагося въ снѣгу. Слободка оканчивается за $^1/_4$ версты до архіерейской церкви, и квартирующимъ на Глаголикѣ приходилось мѣсить снѣгъ почти цѣлую версту. Въ церкви не молились, а только стояли, и инспекторы смотрѣли, чтобы ряды учениковъ были правильны, и въ случаѣ кто задремлетъ и упадетъ, тотчасъ поднимали за волосы, или рвали вихорь, когда кто самъ успѣвалъ подняться.

Въ первую зиму мнѣ пришлось быть дневальнымъ въ больницѣ. Не помню, сколько было больныхъ, но ими наполнялись двѣ большія комнаты. У каждаго была особая кровать, но кровати стояли близко одна отъ другой. Вмѣсто войлоковъ или матрацовъ служили постели изъ мягкаго камыша, который называли *нюнькою*. Такой камышъ росъ въ водѣ по мелкимъ мѣстамъ рѣки Сѣвы. Стебель былъ толщиною въ два пальца; внутренность его наполняла масса ноздреватаго вещества. Пуки этого мягкаго и упругаго камыша, толщиною въ большой кулакъ и длиною въ аршинъ съ $^1/_4$, связывались тонкими шнурками, и изъ нихъ выходилъ матрацъ. На этомъ матрацѣ съ подушкою въ головѣ лежали больные. Не помню, что служило имъ одѣяломъ. Въ больницѣ было жарко. Больнымъ въ пищу давали кулѣшъ, а въ лѣкарство — микстуры, приготовленныя изъ травъ, собранныхъ учениками весною. Дневальные находились въ 3-ей комнатѣ больницы—противъ дверей подлекаря, иподіакона. Риторы давали больнымъ лѣкарства, а на насъ безпрестанно кричали „дневальный, ряжку!...“ — и мы поочередно опрометью бѣжали за этими ряжками. Насъ было трое, а риторовъ двое. Особенно тяжело было намъ ночью: мы дремали, пробуждаясь драньемъ за волосы.

На квартирѣ въ домѣ подъ рѣчкою я прожилъ лѣто до каникулъ и весь слѣдующій годъ. Изъ лѣта 1816 года осталось въ памяти у меня только удобство жизни и хорошій столъ. Съ половины мая, мы, младшіе соквартиранты, каждый день купались по три раза: утромъ — до класса, послѣ обѣда и передъ ужиномъ. На ракитѣ (вербѣ) я сдѣлалъ себѣ постель,—тамъ училъ уроки, и любилъ тамъ проводить время, ничего не дѣлая. Но въ іюнѣ испыталъ я дѣйствіе окружающихъ болотъ — перенесъ двух-недѣльную горячку. Въ болѣзни посѣтилъ меня Вас. Лук. Пере-

верзевъ. По его ли просьбѣ, или по добротѣ инспектора, я избѣжалъ больницы. Когда инспекторъ былъ дома и ученики не уходили въ классъ, я лежалъ въ избѣ на лавкѣ, а когда никого не было дома, кромѣ кухарки, — я выползалъ на дворъ и лежалъ подъ сараемъ или на травѣ подъ плетнемъ и просилъ кухарку не говорить о томъ даже ученикамъ. Я ничего не ѣлъ, а только пилъ воду. По ночамъ и вечерамъ былъ я въ безпамятствѣ. Выздоровленіе мое было, можно сказать, мгновенное. Однажды я проснулся съ восходомъ солнца, — мнѣ стало весело, голова не болѣла, пить не хотѣлось. Я увидалъ на столѣ полскибки хлѣба, оставшагося отъ ужина, и мнѣ захотѣлось ѣсть. Съѣвши эти полскибки, я попробовалъ ходить: ничего! шатаясь и держась за стѣны, я вышелъ на дворъ, Солнце уже высоко поднялось. Какъ мнѣ стало пріятно и весело! Когда меня возвратили въ избу, я просилъ хлѣба. Мнѣ дали немного; съѣвши хлѣбъ, я заснулъ. Когда возвратились ученики изъ класса, я уже ходилъ по избѣ. Послѣ этой болѣзни у меня раскрылась чрезвычайная память. Все, что выучили изъ *Лексикончика* въ недѣлю, я выучилъ въ два дня, къ изумленію товарищей. Послѣ этой болѣзни я сталъ и говорить лучше. Сборъ цвѣтовъ для авдиторіи совершенно поправилъ мое здоровье. Остальное время до 15 іюля выше описано мною.

Въ высшей элементоріи я учился хорошо. Послѣ каникулъ мнѣ куплены были двѣ книги Гибнеровой свящ. Исторіи на латинскомъ языкѣ и Каменскаго грамматика. Послѣдняя была слишкомъ подержана. Она обыкновенно продавалась піитами и риторами и платилась дорого. У нѣкоторыхъ учениковъ была обмоченная въ коноплянное масло и высушенная, и считалась самою прочною. Какъ прошла осень и зима, не помню; но лѣто 1817 года мнѣ памятно по многимъ событіямъ, выходившимъ изъ ряду.

Съ весны каждое воскресенье предъ обѣднею стали водить насъ въ залъ богословскій. Тамъ читались разсужденія и проповѣди съ декламаціею. Всѣ, понимавшіе чтеніе и произношеніе, все хвалили перваго студента *Ивана Алексѣевича Борисова* [1]). Какъ онъ чаще другихъ появлялся на каѳедрѣ, то и я сталъ присматриваться къ его декламаціи и у меня запало въ памяти одно слово: „*путеводною звѣздою*“, которое онъ сопровождалъ дви-

---

[1]) *Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ* (впослѣдствіи знаменитый архіепископъ *Иннокентій*) былъ въ это время въ философскомъ классѣ—имѣлъ тогда 17 лѣтъ отъ роду.—Л. М.

женіемъ руки и глазъ въ сторону. Потомъ, разсказывали риторы, будто архіерей Досифей поручилъ ректору и инспектору секретно высѣчь Борисова и двухъ другихъ семинаристовъ за какія - то большія шалости [1]), давъ каждому по 25 ударовъ. Риторы съ похвалою прибавляли, будто Борисовъ, вложивъ кулакъ въ ротъ, перенесъ удары ни разу не крикнувъ. Когда это было, до появленія ли его на публичной каѳедрѣ, или послѣ,—не могу сказать. Борисовъ и зимой ходилъ къ Данкову съ другими семинаристами; но живя въ избѣ, мы—малые не знали, что дѣлалось въ горницѣ. Но риторы *Воскресенскій* и *Атлантовъ*—за обѣдомъ всегда вели рѣчь о своихъ подвигахъ, совершенныхъ по затѣямъ Борисова. Борисовъ такъ обращался къ Атлантову: „Атлантовъ! явись ко мнѣ весь въ яхонтахъ брильянтовъ!“ При этомъ словѣ Атлантовъ, выступая, говорилъ въ отвѣтъ: „что прикажете, ваше султанское величество?“—А къ Воскресенскому Борисовъ обращался со словами: „гдѣ нашъ уланъ Варшавскій?“ — „здѣсь ваше превосходительство!, — выступалъ Воскресенскій. Не знаю, почему Борисовъ такъ обращался къ Атлантову; но Воскресенскаго называлъ *уланомъ* — потому, что онъ однажды поддался на приманку *вербунки*. Въ тѣ времена изъ Варшавскихъ полковъ вел. князя Константина Павловича ходили солдаты по два и по три, въ парадныхъ мундирахъ, съ музыкою и водкою. Пили и плясали, приглашая молодыхъ людей въ товарищи — въ военную службу, расхваливая эту службу до небесъ. Бывши въ городѣ, Воскресенскій встрѣтился съ этою *вербункой*, обольстился гуляньемъ и свободою солдатъ и изъявилъ желаніе вербоваться. Солдаты приняли его, поднесли водки и потребовали отъ него подписки. Воскресенскій не задумался дать. Но когда привели его въ полицію — для засвидѣтельствованія его добровольнаго желанія и подписки, и когда въ сѣняхъ полиціи будочникъ растолковалъ ему въ чемъ дѣло, и какова будетъ жизнь его въ солдатахъ, — Воскресенскій шмыгнулъ въ другія двери и бѣжалъ изъ города. За нимъ была погоня, но онъ бросился въ болото, и скрывшись въ камышахъ, только ночью возвратился домой.

Вотъ одна затѣя, удачно выполненная любимцами Борисова. Весной въ Сѣвскѣ была ярмарка. Съ ярмарки возвращались мужички черезъ слободку. Атлантовъ и Воскресенскій въ большой свертокъ бумаги положили жидкость экскремента и, обернувъ свертокъ въ нѣсколько слоевъ бумаги, запечатали. Свертокъ по-

---

[1]) Было написано сначала: „*пакости въ пѣвческой*“, но потомъ затерто. Л. М.

ложили на дорогѣ—противъ оконъ горницы, изъ которой наблюдали студенты. Не нужно было долго ожидать сцены. Вдали показалась телѣга, въ ней возвращался съ ярмарки мужичекъ съ женою. Завидѣвъ издали свертокъ съ печатью, мужикъ соскочилъ, передавъ возжи женѣ, съ телѣги, схватилъ свертокъ, спряталъ за пазуху. Тутъ явились—сперва Атлантовъ, потомъ Воскресенскій—съ крикомъ: „чуръ — пополамъ находку!“ Мужикъ съ клятвою увѣрялъ, что ничего не видалъ и не поднималъ. Риторы, желая обличить лгуна, указывали на пазуху и при этомъ такъ мяли ее, что изъ пазухи начала течь вонючая влага. Тогда, отходя, отъ мужика, риторы кричали: „жадный; не хотѣлъ подѣлиться‘ Возьми себѣ—подавись!“ Мужикъ не могъ дальше ѣхать: обыкновенно слѣзалъ съ повозки, распоясывался и, при помощи жинки, обчищался, ругая проказниковъ всѣми бранными словами, какія приходили на языкъ. А за окнами раздавался гомерическій смѣхъ студентовъ! Герои проказъ торжествовали, ожидая одобреній, особенно отъ Борисова.

Въ началѣ петровскаго поста деньги нашего квартирнаго „общества“, хранившіяся въ сундучкѣ инспектора Данкова, были украдены—днемъ, когда всѣ были въ классѣ. а кухарка отлучилась по воду къ рѣчкѣ. Сундучекъ найденъ на архіерейскомъ огородѣ разломаннымъ. Подозрѣніе падало на штатныхъ архіерейскаго дома, постоянно работавшихъ въ огородѣ. Архіерей приказалъ молчать и не давать знать полиціи. А чтобы общество наше не сидѣло на одномъ хлѣбѣ и кашѣ, предоставилъ ему ловить рыбу сѣтью и позволилъ взять экономическій малый неводъ. Каждый могъ ловить рыбу удочками, вентерями или *кубарями,* но не сѣтью. На послѣдній способъ нужно было разрѣшеніе архіерея. Прежде чѣмъ полученъ отъ эконома архіерейскаго дома неводъ, пришелъ къ Ивану Григорьевичу Данкову Борисовъ и принесъ съ собою старое дрянное ружье. Онъ жертвовалъ это ружье на обокраденное „общество“.—„Атлантовъ!,—закричалъ онъ, явись ко мнѣ весь въ яхонтахъ бриліантовъ!“—Атлантовъ вытянулся передъ его султанскимъ величествомъ и спросилъ: „что прикажете, повелитель?“ Вотъ ружье, я жертвую его вашему разоренному „обществу“. Поди—продай его харчевнику; онъ любитель ружьевъ. Дастъ три, два рубля, — бери; да ухвати тамъ штофикъ водочки и рыбки, чтобы было что выпить съ горя и чѣмъ закусить“. „Слушаюсь“! — сказалъ Атлантовъ и, пригласивъ съ собою Воскресенскаго, зашагалъ съ ружьемъ въ харчевню.—„Не купитъ,—замѣтилъ дорогою Воскресенскій,—вишь оно дрянь

какая!" „А какъ же мы безъ водки и рыбы воротимся"? — „Ну, водки то можно раздобыться иначе", сказалъ Воскресенскій.— „Какъ иначе"? — „Да такъ, ты иди въ харчевню одинъ, а я стану за угломъ харчевни. Ты только заговаривай харчевниковъ, замани ихъ въ другую комнату, а я подкрадусь къ выставкѣ у открытаго окна и что ухвачу — поминай какъ звали!" — У Атлантова блеснула мысль и образовался въ головѣ лучшій планъ. —„Нѣтъ, не подходи къ окну, сказалъ онъ,—пока не услышишь выстрѣла. Хоть они и не купятъ, но я какъ нибудь уговорю испытать ружье; у нихъ всегда есть порохъ и пули. Когда они побѣгутъ изъ дома, чтобы видѣть, досталъ ли выстрѣлъ ограды, — ты тотчасъ явись предъ окномъ, бери, что подамъ, и бѣжи въ уголъ, только бѣжи болотомъ позади дома и дубовой рощи, а не выходи на дорогу".

Планъ удался какъ нельзя лучше. Харчевники отказывались покупать ружье, потому что у нихъ было два своихъ. Но Атлантовъ распинался за достоинство ружья. „Вотъ,—говорилъ онъ,— ограда монастыря. Стоитъ на окно положить ружье, — выстрѣлъ пойдетъ прямо на средину ограды, не выше—не ниже". Харчевники соглашались на пробу, только предлагали стрѣлять вышедши изъ дома. „Нѣтъ,—кричалъ Атлантовъ,—тамъ не на что опереться, пуля пойдетъ вверхъ—выше ограды, или внизъ, зароется въ землю. Дай пороху и пулю!"—Харчевники согласились. Зарядили ружье, положили его на окно. Бацъ! „Какъ разъ ударилось въ ограду!",—вскричалъ Атлантовъ (а до ограды было сажень до 100, такое разстояніе, какое брало рѣдкое ружье того времени). Харчевники бросились изъ дому — къ оградѣ; но пока они проходили комнату и сѣни и отворяли двѣ двери, Атлантовъ бросился къ другому окну, на которомъ стояла выставка водки и харчей. Штофъ и жаренная рыба въ одно мгновеніе очутились въ рукахъ Воскресенскаго, успѣвшаго за тѣмъ скрыться за уголъ. Вышелъ затѣмъ и Атлантовъ. Пуля найдена на 4-ой сажени отъ дома. Когда харчевники со смѣхомъ возвратились въ комнату и съ ними Атлантовъ — и когда, замѣтивъ, что нѣтъ штофа и рыбы, первые подняли крикъ и стали приставать къ Атлантову, гдѣ водка и рыба,—„что вы, брацы?,—съ жаромъ защищался воръ,— ошалѣли? Развѣ я могъ выпить штофъ и съѣсть рыбу?! Я же тотчасъ съ вами вышелъ. Нате, я штаны сниму, — у меня нѣтъ. Ищите лучше домашняго вора!" И, принявъ видъ оскорбленнаго, Атлантовъ важно пошелъ изъ харчевни...

Воскресенскій, хотя колесилъ, но какъ не шелъ, а бѣжалъ, то возвратился прежде Атлантова и поставилъ на столъ водку и рыбу.—„Гдѣ же Атлантовъ?“—„Тамъ остался!“—„За сколько продалъ ружье?“—„Не знаю; онъ подалъ мнѣ водку и рыбу—и я пошелъ домой.“—Входитъ съ ружьемъ Атлантовъ и говоритъ: „не купили, подлецы!“—А водка и рыба?—спросили всѣ.—„Это—не мое дѣло“,—угрюмо отвѣчалъ Атлантовъ...—„Дѣло обоихъ!,—подхватилъ Воскресенскій,—ты мнѣ далъ, я принесъ.“—„Вѣдь вы сами просили ухватить штофикъ водочки и рыбки,—продолжалъ бурчать Атлантовъ, обращаясь къ Борисову,—ну, и ухватили; чтожъ теперь дѣлать?“—Всѣ ахнули. Данковъ сталъ сильно ругать риторовъ—усачей. Но Борисовъ успокоилъ его, обѣщая сладить съ трактирщикомъ, заплативъ ему за все.—Но харчевники, какъ послѣ разсказывали, сняли всякое подозрѣніе на Атлантова и искали домашняго вора между работниками, которые тогда что-то дѣлали на дворѣ—и Борисову пришлось согласиться съ ними, при свиданіи. Замѣчу: Атлантовъ у товарищей назывался *Косыкинымъ,* потому что былъ немного косоватъ,—а Воскресенскій—*Базыкинымъ,* потому что любилъ басить, хотя вовсе не имѣлъ баса.—

Полученъ архіерейскій неводъ. Разнесся объ этомъ слухъ по всей Слободкѣ—и толпы студентовъ и риторовъ явились на помощь. Насталъ вечеръ. Ловцы съ неводомъ отправились на рѣку и началась ловля рыбы. Мы, младшіе ученики, должны были носить по берегу рубашки ловцовъ. Шумъ, гамъ только пугалъ рубу, и первую ночь поймали немного рыбы и то-малого калибра. На другую ночь у многихъ охота отпала. За то остальные, въ числѣ небольшомъ, поняли въ чемъ дѣло и сохраняли тишину. Поймано было мѣшка два рыбы и довольно крупной. Послѣдующіе дни уже пренебрегали малою рыбою: плотицею, налимами, линями,—а брали только судаковъ, короповъ и сомовъ.—Сперва дѣлились рыбой съ другими квартирами, получая въ замѣнъ по стаканчику постнаго масла. Купить его было не на что. Далѣе отправляли рыбу въ городъ, но такъ, чтобы архіерейскіе не видали этого, для чего увольняли *Косыкина* и *Базыкина* отъ трудовъ ловли, а наряжали ихъ до свѣту—относить рыбу въ городъ,—и они въ мѣшкахъ на хлуду (?) съ другими товарищами носили въ городъ и возвращались не только съ провизіею и деньгами, но и съ водкою.—Послѣ Петра и Павла за цѣну рыбы они покупали говядину, птицу, масло коровье.—Борисовъ былъ несмѣннымъ участникомъ въ ловѣ рыбы, пока съ нимъ не слу-

чилось несчастіе. Въ одномъ мѣстѣ рѣки захватили сѣтью сома—величественнаго—въ сажень. Когда тянули къ берегу, онъ вмѣстѣ съ сѣтьми прыгалъ высоко и угрожалъ изорвать сѣть. Борисовъ бросился и легъ на него. Сомъ такъ хватилъ его по спинѣ, что онъ не могъ встать и его съ трудомъ привели домой. Долго онъ, бѣдный, ходилъ согнувшись.

Приближались каникулы, тогда называшіяся *ваканціями*. Авдиторія не украшалась. Насъ не посылали за цвѣтами. Но жизнь учениковъ тянулась по прежнему. Было лѣто жаркое. Я помню, что нѣкоторые изъ моихъ соквартирантовъ, спавшихъ обыкновенно на дворѣ, сбрасывали съ себя рубашки и стремглавъ бѣжали въ рѣку окунуться. Я помню, какъ тяжелы были всенощныя и обѣдни архіерейскія. Когда безконечнымъ рядкомъ приближались къ монастырю, я старался выдвинуться изъ строя, когда видѣлъ, что комисаръ отбиралъ учениковъ въ помощь служителямъ, работавшимъ въ кухнѣ бурсаковъ; и когда я удостоивался его выбора,—то цѣлую обѣдню рѣзалъ говядину и раскладалъ по мѣстамъ скибки порѣзаннаго хлѣба. Говядина рѣзалась на самые мелкіе кусочки, и должно быть, давалась бурсакамъ только по праздникамъ. Служители при бурсѣ были не наемные, а ученики изъ исключенныхъ, которые имѣли право во всякое время проситься на мѣста; но большею частію имъ предлагались въ невѣсты сироты-дѣвицы, приходившія и пріѣзжавшія къ архіерею. Служители обыкновенно были грязные, какъ трубочисты; но когда кто изъ нихъ женился на сиротахъ,—то вдругъ преображался, и съ своею женою, къ зависти многихъ семинаристовъ,—въ демиткудоновомъ сертукѣ, въ шляпѣ, сапогахъ и съ тросточкою прохаживался по Семинарской площади.

Иногда архіерей отправлялся въ городъ—служить литургію. Тогда рядокъ учениковъ, тянувшійся на 200 саженъ, завидя шестерку вороныхъ лошадей въ великолѣпной каретѣ, стоящую подлѣ св. воротъ, надъ которыми высилась 4-хъ ярусная колокольня, становился полукружіемъ. Колоколъ въ 600 пудовъ гудѣлъ долгое время, и когда начинали трезвонъ и архіерей садился въ карету, благословляя издали 600 или 700 душъ семинаристовъ, стоявшихъ полукружіемъ,—глаза наши были устремлены не на архіерея, а на ноги лошадей, которыя, какъ казалось намъ тогда, танцовали подъ звонъ колоколовъ. Архіерей Досифей любилъ лошадей и — душиться. Когда входитъ въ церковь, его окружаетъ цѣлое облако духовъ и наполняетъ ароматомъ церковь.

Наконецъ за 10 дней до срока раздался приказъ объ отпускѣ на вакаціи—съ повелѣніемъ писать билеты, по новой формѣ: въ нихъ означать, какой ученикъ, въ какое училище долженъ явиться послѣ вакацій. Мнѣ назначено было Орловское училище [1]). Экзамена не было. Немногіе изъ ближайшихъ мѣстъ ученики могли выѣхать до 15-го числа іюля, потому что не было извощиковъ, которые, по обыкновенію, собирались на семинарскую площадь только къ *Кирикамъ—Улитамъ* [2]) (тогда почему-то не праздновали св. *Владиміра*). Въ моей квартирѣ некому было жалѣть, что половина учениковъ уже не возвратится въ Сѣвскъ. Но въ другихъ квартирахъ, какъ говорили,—хозяева провожали учениковъ съ плачемъ и рыданіями...

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Въ 1817 г. въ Кіевскомъ духовно-учебномъ округѣ, къ коему относилась Сѣвская д. Семинарія,—произведено было *преобразованіе* по новому уставу, утвержденному въ 1814 г. По этому уставу, въ виду многочисленности учениковъ въ Сѣвскѣ,—они были распредѣлены по уѣзднымъ училищамъ.—Л. М.

[2]) Т. е. къ 15-му іюля, когда празднуется память св. мучениковъ *Кирики* и *Іулиты*.—Л. М.

Изъ воспоминаній о Харьковскомъ университетѣ конца 40-ыхъ годовъ.

Два года назадъ исполнилось столѣтіе основанія Харьковскаго университета. Наши провинціальные университеты сыграли въ исторіи просвѣщенія на Руси роль громадной важности, несмотря на относительно молодой свой возрастъ и рядъ тяжелыхъ условій, среди которыхъ имъ приходилось осуществлять свое призваніе. Мрачныя эпохи русской исторіи тяжело отражались на академической жизни и ложились гнетомъ на развитіе научной мысли. Именно на университеты всегда обрушивались первые удары наступавшихъ реакцій, работа затихала, университеты замирали... Но нѣтъ такихъ силъ, которыя способны были бы убить живой гуманистическій духъ научнаго знанія, и тлѣвшійся въ стѣнахъ научнаго храма огонекъ не угасалъ—являлись отдѣльныя выдающіяся личности, выносившія на своихъ плечахъ достоинство просвѣтительныхъ ученыхъ учрежденій. Благодаря этому наши университеты не переставали въ дни самыхъ темныхъ эпохъ являться отрадными оазисами, исключительными центрами интеллигентныхъ кружковъ, среди мертвящей, однообразной пустыни невѣжественной провинціи недавняго прошлаго. Если воспоминанія о нѣкоторыхъ темныхъ сторонахъ этого прошлаго могутъ казаться печальной тѣнью на праздникѣ просвѣщенія, то соображенія объ извѣстной поучительности этихъ картинъ для современниковъ могутъ служить оправданіемъ ихъ появленія.

Настоящія замѣтки, отысканныя въ бумагахъ покойнаго П. П. Сокальскаго, представляютъ бѣгло набросанные отрывки, которыя

должны были служить матеріаломъ для задуманныхъ, но, къ сожалѣнію, невыполненныхъ, воспоминаній о жизни харьковскаго университета. П. П. Сокальскій вступилъ въ харьковскій университетъ въ 1848 году и окончилъ его въ 1852 г., получивъ степень кандидата за работу „объ основаніяхъ, входящихъ въ составъ среднихъ жировъ.“ Въ 1855 г. по защитѣ диссертаціи „О термохимическихъ изслѣдованіяхъ и значеніи ихъ для теоретической“ химіи былъ удостоенъ факультетомъ степенью магистра химіи. Впослѣдствіи П. П. Сокальскій оставилъ научныя занятія химіей, увлеченный изслѣдованіями въ области музыкальной этнографіи и началъ музыкальной психологіи.

Несмотря на эпизодичность, эти замѣтки даютъ достаточно опредѣленное представленіе объ общемъ характерѣ части университетской коллегіи той эпохи. Нельзя не испытывать извѣстной доли грустнаго впечатлѣнія, вызываемаго этой страничкой жизни профессорскаго быта. Полицейско-бюрократическій режимъ университетскаго управленія не могъ дать иныхъ плодовъ. Въ „гишторіи“ проф. Мицкевича, и „магистра свенскаго, галльскаго, латинскаго, греческаго и другихъ языковъ“, приводимой авторомъ замѣтокъ, рисуется любопытная картинка нравовъ того времени.

Незаконченностью и краткостью матеріала объясняется нѣкоторая односторонность въ описаніи, куда не вошли портреты представителей иного направленія и духа ученыхъ дѣятелей, какъ напр., Каченовскаго, Лавровскаго и др.

Л. С.

Посѣщеніе университета императоромъ Николаемъ I. [1]

Въ 1850 году императоръ Николай I возвращался съ юга Россіи въ Петербургъ и по дорогѣ долженъ былъ прибыть въ Харьковъ. Университетъ сталъ готовиться къ посѣщенію его государемъ. Тогда инспекторами назначались военные, и въ Харьковскомъ университетѣ инспекторомъ состоялъ полковникъ Строевъ, въ общемъ недалекій и добродушный человѣкъ. Студенты,

[1] Объ этомъ посѣщеніи повѣствуетъ въ своихъ недавно появившихся воспоминаніяхъ и П. Вейнбергъ („Русское Богатство“, февраль 1905 года). Въ общемъ разсказы весьма схожи, что придаетъ всему эпизоду характеръ исторической достовѣрности.

какъ и весь чиновный людъ николаевскаго времени (студенты числились въ XIV классѣ) должны были брить бороду и усы. Къ числу приготовленій относились и репетиціи встрѣчи, которыя устраивалъ полковникъ-инспекторъ въ актовомъ залѣ, разставляя насъ въ военномъ порядкѣ, въ „шеренги“ и старательно уча, какъ отвѣчать на привѣтствія согласно и стройно.

Наступилъ день пріѣзда. Всѣ отдѣленія, факультеты, лабораторіи, музеи, библіотека готовились къ осмотру. Мы собрались въ актовомъ залѣ и выстроились передъ кафедрой, съ которой произносились рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ. Около полудня забѣгали, засуетились, потомъ все смолкло, всѣ подтянулись. Въ дверяхъ показалась высокая, мощная и красивая фигура Николая, и за нимъ — свита и попечитель. Тишина настала подавляющая. Николай быстрой, твердой паступью прошелъ на середину залы и остановился передъ студентами. Лицо у него было хмурое, суровое, недовольное. Встрѣча не удалась — гробовое молчаніе царило въ залѣ. Говорили потомъ, что это обстоятельство произвело непріятное впечатлѣніе на государя. Сверкающимъ, пронизывающимъ взглядомъ Николай обводилъ ряды студентовъ, останавливая на мгновеніе свой острый взоръ на каждомъ въ отдѣльности. И вдругъ раздался его сильный звучный голосъ, потрясшій тишину:

Это что такое?...

Къ нему подбѣжалъ Строевъ и сталъ, перегибаясь, смотрѣть по направленію взгляда Николая. Онъ вытягивался, всматривался, теряясь въ догадкахъ, прищуриваясь. Взглядъ государя становился грознѣе.

— Что это такое?

Строевъ снова склонялся...

— Это кафедра, ваше императорское величество...

Нѣтъ, не то!.. Вотъ это.., это... И государь два раза гнѣвно провелъ рукой у себя подъ подбородкомъ. — Подъ арестъ! распущенность!.. Образины!

Николай обратился къ попечителю, распекъ и разнесъ его, и, не прощаясь, твердой поступью быстро вышелъ изъ актовой залы и покинулъ университетъ. Оказалось, что у студента, стоявшаго передъ Николаемъ, подбородокъ не былъ достаточно гладко выбритъ, и Николай усмотрѣлъ подозрительную синеву. Этимъ ограничилось посѣщеніи университета. Строевъ былъ смѣщенъ. Студентъ исключенъ.

Профессора Якимовъ, Лукьяновичъ, Протопоповъ, Рейпольскій и Платоновъ.

Якимовъ читалъ краснорѣчіе и исторію русской литературы. Открывая свой курсъ и дѣлая краткое вступительное обозрѣніе того, что намѣренъ былъ читать, Якимовъ заявилъ: — „прежде, господа, я читалъ и о Шишковѣ, но теперь для краткости времени пропустимъ его. Бывало и о Пушкинѣ читалъ, но для краткости времени пропустимъ“.

Якимовъ былъ очень занятъ всегда различными хозяйственными вопросами и не интересовался своимъ предметомъ. Когда М. И. Сухомлиновъ защищалъ свою диссертацію „о драматической литературѣ“, то Якимовъ, назначенный оппонентомъ, за три дня до диспута бѣгалъ впопыхахъ по всему городу и искалъ сочиненій Пушкина, чтобы прочесть его „Русалку“ и „Бориса Годунова“. А на диспутѣ упрекалъ Сухомлинова, что онъ не вникъ въ „Русалку“, такъ какъ не отмѣтилъ сдѣланнаго Пушкинымъ упущенія драматическаго момента, а именно отсутствія у Пушкина описанія, что дѣлалъ князь съ русалкой, увлеченный ею на дно рѣки? Озабоченный хозяйствомъ, Якимовъ на своихъ лекціяхъ постоянно прерывалъ изложеніе вопросами: — „господа, гдѣ вы берете такую ваксу, что такъ блестятъ ваши сапоги?“ Читая однажды о Карамзинѣ, онъ спрашиваетъ вдругъ — „г. Туфовъ! А гдѣ вашъ папенька сохраняетъ картофель во время половодья?“

Лукьяновичъ, читавшій Римскую исторію, излагалъ ее съ кафедры по тетрадкѣ, одной и той-же изъ года въ годъ. Читалъ онъ лѣниво, да и тетрадка поизносилась, такъ что то и дѣло случалось слышать: „Римъ былъ окруженъ *смѣтою*, то бишь, стѣною“...

Научныя занятія его, между прочимъ, заключались въ изслѣдованіяхъ серебряныхъ ложекъ: онъ взвѣшивалъ ложки своего времени и находилъ, что римскія серебряныя ложки, судя по изслѣдованнымъ имъ источникамъ, значительно легче. Подъ видомъ матеріала для этихъ ученыхъ изысканій студенты въ критическіе моменты подносили ему серебряныя ложки „для цѣлей науки“, и Лукьяновичъ составлялъ цѣлые столовые приборы...

На лекціяхъ онъ любилъ повторять:

— Вотъ говорили, что ученые уже всѣ знаютъ про Римъ. Анъ нѣтъ. Недавно открыли, что много еще есть такого, чего мы и не знали...

И съ нѣкоторымъ торжествомъ, въ тайное оправданіе свое, заключалъ:

— Какъ не трудись, а науки не исчерпаешь...

У Протопопова, читавшаго философію, замѣчательно было опредѣленіе логики, которое тянулось сплошной фразой на двухъ страницахъ. Это опредѣленіе не поддавалось никакому пониманію, и его долбили, какъ таблицу умноженія. Когда онъ желалъ конкретно представить слушателямъ безконечность духа, онъ брался руками за свой воротничекъ и вытягивалъ его и шею въ безконечность. Однажды онъ пришелъ въ аудиторію за нѣсколько минутъ до звонка, сталъ усиленно откашливаться, прочищать горло, сморкаться, — вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Ну хмъ, хмъ, на слѣдующій разъ будетъ продолженіе..."

Большой оригиналъ былъ И. Н. Рейпольскій, читавшій терапію и патологію. Онъ выдѣлялся въ профессорской средѣ независимостью и самобытностью. Во всякую погоду онъ ходилъ въ галошахъ и съ зонтикомъ. Читалъ онъ лекціи своеобразно, совершенно углубляясь въ теченіе своихъ мыслей, не замѣчая слушателей, ни того, что дѣлалось въ аудиторіи. Однажды Рейпольскій пришелъ въ пустую аудиторію, гдѣ не было ни одного слушателя; не замѣчая ничего вначалѣ, онъ взошелъ на кафедру и сталъ читать. Спустя нѣсколько времени, студенты, работавшіе случайно въ сосѣднемъ помѣщеніи, слышали, какъ Рейпольскій остановился, чувствуя въ одиночествѣ что-то неладное, и потомъ обращался къ пустующимъ скамьямъ:

— Господа! Что же это васъ здѣсь никого нѣтъ?!..

При чтеніи онъ обыкновенно избиралъ какой-нибудь предметъ, куда упорно и неизмѣнно направлялъ свой взглядъ. Въ теченіе одного полугодія такимъ притягательнымъ дѣйствіемъ обладало мѣсто съ ниточками отъ оторванной пуговицы на мундирѣ одного студента, сидѣвшаго въ первомъ ряду. Какъ-то этому студенту пришла въ голову мысль пришить пуговицу; Рейпольскій, прійдя въ аудиторію, направилъ свой взоръ на обычное мѣсто и, найдя тамъ пуговицу вмѣсто ниточекъ, пришелъ въ такое смущеніе, что пробормоталъ нѣсколько фразъ и ушелъ, не дочитавъ лекціи.

Шествуя въ галошахъ, для которыхъ онъ придумалъ названіе „мокроступовъ", и подъ зонтикомъ по улицамъ Харькова, онъ никого не стѣснялся, и когда ощущалъ извѣстную естествен-

ную надобность, останавливался для того гдѣ попало въ самыхъ открытыхъ мѣстахъ. Если въ это время кто либо проходилъ мимо, онъ громко, съ разстановкой повторялъ каждому неизмѣнно: — „тотъ, кто удерживается отъ испусканія, получитъ каменную болѣзнь“..

Князь Долгоруковъ получилъ однажды запросъ о томъ: полезно ли распространять просвѣщеніе и заводить училища между государственными крестьянами? Князь устроилъ обѣдъ, созвалъ профессоровъ, и послѣ обѣда говоритъ: — „а, кстати, пожалуйте сюда, есть дѣло.“ Собрались въ отдѣльную комнату: князь, Артемовскій, Пауловичъ, Платоновъ и другіе. Князь спрашиваетъ: — ну, какъ вы думаете — полезно или нѣтъ? Всѣ задумались. Тогда Платоновъ, поправивъ двѣ горѣвшія свѣчи на столѣ, заговорилъ:— „Оно конечно-съ; просвѣщеніе, — точно-съ; но я вотъ, чтобы ваше сіятельство не затруднять-съ, этакъ примѣромъ выражу мнѣніе-съ: а что вотъ теперь здѣсь двѣ свѣчи; я думаю, свѣтло-съ?“ — „Ну да, свѣтло, такъ чтоже?“ — возражаетъ князь.—„И точно-съ, двѣ свѣчи разгоняютъ мракъ-съ; свѣтло, какъ днемъ. А вотъ-съ, если... Платоновъ приподнялся и погасилъ одну и другую свѣчу.— „Мракъ, ни зги не видно... продолжалъ въ темнотѣ къ общему изумленію Платоновъ: — гдѣ, что — ничего разобрать нельзя-съ, ваше сіятельство. Такъ и во тьмѣ невѣжества“...

„Гиштопорія“ профессора Мицкевича.

Мицкевичъ читалъ римское право. Онъ былъ братъ извѣстнаго польскаго поэта, котораго онъ, смотря по обстоятельствамъ, то признавалъ своимъ братомъ, то отрицалъ всякія родственныя съ нимъ связи.

Максимовъ пришелъ къ нему, передъ экзаменомъ на магистра, совѣтоваться. Мицкевичъ разговорился и на своемъ плохомъ русскомъ языкѣ разсказалъ слѣдующее:

— „То бо вы на магистра хотите? Да, теперь уже съ жизнью пора ознакомиться. Вступаете теперь въ свѣтъ. То бо жили до сихъ поръ памятью, теперь практическую жизнь надо учить. И я учился ей. И я кончилъ курсъ въ университетѣ, и то бо знаю, какъ это приходится учиться жизни. Помните одно, то бо я вамъ покажу. Смотрите, вотъ два пальца (указательный и третій): одинъ короче, другой—длиннѣе. Природа бо не ошибается, знаетъ на что это одинъ короче, а другой длиннѣе. То бо такъ нужно

вотъ смотрите: этотъ короткій есть расходъ, а длинный—приходъ. Вотъ когда будете такъ жить, что расходъ (проводя по указательному пальцу) короче прихода, то бо будете въ довольствѣ. А если расходъ будетъ длиннѣе (указывая на третій), то не будетъ вамъ довольства. То бо нельзя въ этомъ ошибиться. Натура уже знаетъ, зачѣмъ это. То бо помните это, и будетъ вамъ хорошо Если же расходъ перейдетъ отсюда сюда (указывая на длинный палецъ), то будетъ скверно... То бо вы кончили курсъ теперь въ юридическомъ факультетѣ, но не знаете, что такое люди есть. Я тоже ничего не понималъ въ практической жизни, когда кончилъ курсъ въ Виленскомъ университетѣ и выдержалъ экзаменъ на магистра. То бо поѣхалъ въ Петербургъ искать счастья. Пріѣхалъ, живу то бо помаленьку. Мѣста всѣ заняты. Всюду перебывалъ, то бо ничего не нашелъ. Вотъ слышу я, что есть комиссія составленія свода законовъ—начальникъ графъ Блудовъ. Я надѣлъ фракъ, изъ послѣднихъ денегъ купилъ перчатки, вытеръ шляпу, и иду. Прихожу. То бо швейцаръ стоитъ. Фракъ лучше моего, и сукно тоньше, и часы есть золотые, и цѣпка, и перчатки бѣлыя.—„А то бо принимаютъ?“—„Кого вамъ?“—„То бо графа Блудова.“—„Занятъ. Не приказано принимать.“—„А то бо я на минуту.“—„Да вы откуда?“—„То бо я—магистръ юридическихъ и политическихъ наукъ, обученъ латинскому, венгерскому, чешскому, свейскому, нѣмецкому и другимъ языкамъ.“—Швейцаръ замолчалъ. Я думаю, какъ бы такъ расположеніе пріобрѣсти. Въ карманѣ оставалось еще три двузлотыхъ; я то бо вынулъ ихъ но дать боюся: какъ не приметъ, да швырнетъ? А бо приметъ да ничего не сдѣлаетъ?—А можетъ и не приметъ; не знаю, какъ это сдѣлать. Вотъ это я думаю такъ про себя, и смотрю: швейцаръ вынимаетъ табакерку и открываетъ ее.—„Позвольте, говорю, щепоточкой табачку вашего попользоваться?“ Швейцаръ и говоритъ: „то бо пользуйтесь.“ Я потихоньку и положилъ три двузлотыхъ въ табакерку. Швейцаръ посмотрѣлъ и положилъ ихъ въ карманъ.—„Такъ то бо можно будетъ мнѣ видѣть графа?“—„Можно. Я вотъ проведу васъ въ залъ.“ И такъ таки пошелъ впереди и провелъ въ залъ. Я сталъ у дверей, такъ чтобы осмотрѣть какъ и что. То бо было народу тамъ всякого! Уходятъ и приходятъ. Позвали наконецъ, и меня. Я бо знаю—полъ гладкій, танцовать не учился, такъ чтобъ шуму не было да и чтобы не упасть, на цыпочкахъ прошелъ залу, то бо и вхожу въ кабинетъ.—„А кто вы такой?“—спрашиваетъ графъ.—„А то бо магистръ законовѣдѣнія, обученъ латинскому, свейскому, галль-

скому, греческому и еврейскому языкамъ.“—„А фамилія?“—„Мицкевичъ.“—„Такъ вы, значитъ, братъ того, что дѣйствовалъ въ Польшѣ?..“ А я тутъ уже вижу, что лицо серьезное, говоритъ уже не такъ, и смотритъ прямо въ глаза,—такъ хоть тотъ Мицкевичъ мнѣ и братъ, но я сказалъ:—„то бо я его и знать не знаю, какой онъ мнѣ и братъ? должно быть однофамилецъ...“—„Ну, хорошо, говоритъ, вы писать умѣете?..—„Какъ же, то бо я магистръ законовѣдѣнія и древнихъ языковъ...“—Да что древнихъ, намъ нужно знаніе русскаго языка,—вѣдь законы-то не вы будете сочинять, а писать будете, что прикажутъ. Такъ вы знаете русскій, языкъ? Умѣете писать по русски?—А я бо плохо зналъ языкъ русскій, только отвѣчалъ, что знаю и писать могу.—„Ну такъ напишите мнѣ статью какую нибудь для испытанія почерка, слога вашего и знанія.“—„То бо хорошо.“—„Такъ вотъ вамъ, говоритъ, бумага, перо и чернила; садитесь, напишите *о Карамзинѣ*.“—А я бо плохо зналъ, только слышалъ, что есть Карамзинъ, да то бо гисторію написалъ, вотъ и все, что я тогда зналъ. Сѣлъ, пишу себѣ, какъ знаю, и то бо написалъ. Только, подъ конецъ такъ, мнѣ и пришло въ голову: а какъ то пишется порусскому: „гисторія“. или „исторія“. То бо я думалъ долго, но не знаю точно, какъ это по русскому пишутъ, и то бо взялъ и написалъ „исторію“, да предъ „и“ поставилъ маленькое „г“. Вотъ, то бо, какъ спроситъ, а зачѣмъ вы написали гисторія?—такъ я скажу, что я написалъ исторія, а г—то бо закорючка уже, больше ничего, такъ бо привыкъ писать;а то бо какъ спроситъ, зачѣмъ вы написали исторія, а не гисторія, то бо я скажу:—„ваше сіятельство, тамъ бо есть маленькое г, то бо и означаетъ гисторію.“ Пришелъ графъ, взялъ и прочелъ то бо все, что я написалъ.—„Ну, говоритъ, хорошо; умѣете писать; то бо зачѣмъ же вы поставили гишторія?“—„А то говорю, почеркъ мой такой есть, что завсегда закорючку предъ большою И ставлю, что должно бо читать не гишторія, а исторія.“ Такъ оно все и случилось, какъ я размувилъ собѣ.—„Ну говоритъ графъ, такъ какъ же вы, когда начнете заниматься у насъ въ комиссіи?“—„А когда то-бо угодно будетъ вашему сіятелству.“—„Ну, хоть и завтра начинайте.“ Такъ уже и отпустить хотѣлъ, когда я спросилъ:—„а какіе то бо *кондиціи* ваши будутъ?—„Какъ якія кондиціи? Да у насъ за счастье считаютъ служить въ подобной комиссіи, безъ жалованья года два—три служатъ, то бо и вы сначала привыкнете къ дѣламъ, а тамъ посмотримъ...“—„Ну, какъ хотите.“ То бо кивнулъ и ушелъ,—и я то бо ушелъ. Вижу: скверно. Надо служить, надо

жить. Пошелъ я къ министру народнаго просвѣщенія; тогда булъ графъ Уваровъ. Прихожу. Принимаетъ. Спрашиваетъ:—„кто такой есть?"—То бо магистръ законовѣдѣнія, языковъ свейскаго, галльскаго и другихъ,—„Фамилія?—То бо Мицкевичъ.—А! Мицкевичъ? это не вашъ ли братъ, знаменитый польскій поэтъ?',— То бо вижу физіономія така радостна, я правда сказалъ: братъ. То бо онъ обнялъ меня, спросилъ не хочу ли я адьюнктомъ во Владимірскій университетъ?—„То бо хочу..." И такъ молодой человѣкъ, то бо видите: дали мнѣ прогонные деньжонки, то бо и казенные деньги на подъемъ, то бо и жалованье назначили, и я узялъ и такъ таки то бо и поѣхалъ въ Кіевъ. А тамъ уже поживъ столько-то годочковъ, перешелъ сюда. То бо вотъ вамъ и гишторія моя.—Учитесь такъ то и вы практической жизни: помните эти два пальца, расходъ да приходъ, да не забывайте—табакерку и закорючку. То бо и вамъ хорошо будетъ." [1])

П. П. Сокальскій.

---

1) Мицкевичъ читалъ римское право. Несмотря на осуществленіе въ дѣятельности своей принциповъ „Закрючки" и „табакерки" даже и онъ вызвалъ слѣдующее знаменитое отношеніе попечителя Кокошкина въ Харьковскій университетъ: „слѣдить за тѣмъ, чтобы въ умахъ студентовъ не оставалось *впечатлѣнія:* отъ лекцій профессора Мицкевича". Такое было время.

Изъ жизни учебныхъ заведеній Юго-западнаго края въ 1840-хъ годахъ.[1]

Но если опасно было для тогдашнихъ педагоговъ не угодить польскимъ дворянамъ, то еще опаснѣе было навлечь на себя подозрѣніе въ недостаточно горячемъ сочувствіи видамъ и предначертаніямъ правительства или въ недостаточно ревностномъ исполненіи такихъ предначертаній.

Выше было упомянуто, что въ то время надъ всей русской школой тяготѣло мрачное подозрѣніе, готовое видѣть въ ней на каждомъ шагу проявленіе вольнодумныхъ мыслей. Въ Югозападномъ (и Сѣверозападномъ) краѣ эта общая подозрительность еще усиливалась пугливымъ опасеніемъ, какъ бы школа не сдѣлалась орудіемъ пропаганды идей польской эмиграціи. Несмотря на учиненный въ 1839 г. грандіозный разгромъ революціонныхъ элементовъ, сопровождавшійся закрытіемъ университета и многочисленными ссылками въ Сибирь на каторгу и поселеніе, кіевскій генералъ-губернаторъ получалъ отовсюду донесенія, что съ весною 1840 года польскіе эмиссары и тайные агитаторы расплодились по краю, какъ гусеница послѣ весеннихъ дождей. Они разъѣзжали по имѣніямъ богатыхъ помѣщиковъ и собирали деньги на революцію. Изъ Литвы пробрался въ Югозападный край основатель тайнаго общества „Ludzkości" Залѣскій съ цѣлью

1) См. „Кіев. Стар." мартъ-апрѣль с. г.

вербовать послѣдователей между помѣщиками, студентами, офицерами, и волновать крестьянъ. Тогда же открыты сношенія мѣстныхъ помѣщиковъ съ обществомъ Славянской республики, организованнымъ въ Галиціи. Въ подольской губ. напали на слѣдъ тайнаго „Общества мщенія" (Towarzystwa zemsty), а изъ другихъ мѣстъ полиція доносила, что между польскими патріотами составилось тайное общество „Безголовыхъ братьевъ" и другое общество—„Балагуловъ". [1]) Конечно, во всѣхъ этихъ донесеніяхъ было много преувеличеннаго, плохо понятаго и еще хуже разслѣдованнаго тогдашнею невѣжественною полиціею, но несомнѣнно, что среди польскаго дворянства существовало въ то время сильно выраженное и широко распространенное оппозиціонное настроеніе. Со всѣхъ концовъ Югозападнаго края сотнями поступали секретныя донесенія о томъ, что тотъ или другой помѣщикъ „говорилъ нелѣпыя слова" или „разсѣеваетъ нелѣпые слухи", что такая-то помѣщица „читаетъ въ нѣкоторыхъ знакомыхъ ей домахъ пасквильные стихи", что при обыскахъ у такихъ-то лицъ оказались книги „возмутительнаго содержанія" или же „альбомы съ возмутительными стихами и платки съ революціонными" изображеніями и т. под. Въ 1841 году штатный смотритель Луцкихъ училищъ при рапортѣ представилъ Бибикову списокъ „распространяющейся между учениками молитвы съ сомнительною надписью" и при этомъ пояснилъ, что эта молитва „весьма распространена между всѣми поляками". Правительство, передъ тѣмъ только что реформировавшее школы въ западныхъ губерніяхъ именно въ видахъ перевоспитанія молодыхъ поколѣній въ духѣ государственныхъ началъ, больше всего опасалось, какъ бы эти школы не сдѣлались снова орудіемъ мятежной пропаганды польской эмиграціи, и принимало противъ этого строгія мѣры. Начальствующимъ въ учебныхъ заведеніяхъ вмѣнялось въ обязанность имѣть самое неукоснительное наблюденіе за малѣйшимъ проявленіемъ среди учащихся духа вольномыслія и немедленно пресѣкать заразу въ самомъ ея зародышѣ. Напуганные подобными инструкціями педагоги усерднѣйшимъ образомъ шпіонили за своими питомцами, постоянно рылись въ ихъ тетрадяхъ и если находили въ нихъ невиннѣйшія стихотворенія или что-нибудь подобное, создавали изъ пустяковъ криминалъ и строчили экстренныя донесенія разомъ попечителю и генералъ-губернатору. Такъ, весною 1840 г.

---

[1]) В. Шульгинъ, Югозападный край, стр. 41—42.

знакомый уже намъ директоръ Ровенской гимназіи Фавицкій возбудилъ дѣло о найденныхъ у ученика 5-го класса Антона Маціевскаго стихахъ, по поводу чего потребовалась нарочитая командировка инспектора казенныхъ училищъ Юзефовича для производства дознанія. По разслѣдованіи дѣло это оказалось сущимъ пустякомъ: Юзефовичъ рапортовалъ, что „стихи не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго, но что онъ, Маціевскій, крайне лѣнивъ, неопрятенъ, уродливъ, имѣетъ до 20-ти лѣтъ и не подаетъ никакой надежды на дальнѣйшіе успѣхи. Впрочемъ, какъ за нимъ не оказалось никакихъ предосудительныхъ поступковъ, то его велѣно въ гимназіи оставить". Въ рапортѣ умалчивается о томъ, что Маціевскій при этомъ былъ изрядно высѣченъ, но это подразумѣвалось само собою.

Не столь великодушно поступили винницкіе педагоги по поводу аналогичнаго случая. Въ ноябрѣ того же 1840 года директоръ Виницкой гимназіи Яковлевъ доносилъ генералъ-губернатору: „Ученикъ 6-го класса Северинъ Токаржевскій написалъ въ черновой тетради для классическихъ упражненій (чтобы удобнѣе скрыть свой поступокъ отъ надзора) сочиненіе, въ которомъ, изображая негодованіе свое за строгое смотрѣніе за поведеніемъ учениковъ по квартирамъ и разумѣя подъ сокращеніемъ „И. Д. И." исправляющаго должность инспектора Попова, а подъ литерою П. учителя Перелогова, отзывается объ нихъ насмѣшливо и въ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Тетрадь оная, представленная надзирателемъ, была разсматриваема въ педагогическомъ совѣтѣ, и по заключенію онаго ученикъ Такаржевскій, какъ обнаруживающій въ поступкѣ своемъ худое направленіе нравственности, исключенъ изъ гимназіи; о чемъ вашему высокопр-ству, на основаніи предписанія г. попечителя кіев. учебнаго округа, имѣю честь почтеннѣйше донести". Бибиковъ молчаливымъ согласіемъ видимо одобрилъ постановленіе совѣта.

Если такъ строго каралось и вызывало такую тревогу невиннѣйшее вольномысліе, лишенное какой бы то ни было политической окраски и въ худшемъ случаѣ направленное къ порицанію отдѣльныхъ педагоговъ, то легко представить, что дѣлалось тогда, когда въ поступкахъ, сужденіяхъ или даже въ пустыхъ разговорахъ учениковъ ревнивое око педагогическихъ аргусовъ усматривало хотя бы тѣнь политическаго вольномыслія. Характерный въ этомъ отношеніи эпизодъ произошелъ въ томъ же 1840 году въ Немировской гимназіи, гдѣ директоромъ былъ тогда Ив. Г. Кулжинскій, типичный педагогъ-чиновникъ того

времени. Однажды въ его присутствіи между учителями шелъ частный разговоръ о томъ, о семъ, и одинъ изъ педагоговъ имѣлъ неосторожность разсказать въ видѣ забавнаго анекдота, будто какой-то ученикъ когда-то сболтнулъ что-то о государѣ. Услышавъ это, Кулжинскій всталъ съ мѣста, принялъ начальническій видъ и изъ ласковаго собесѣдника моментально преобразился въ грознаго инквизитора. Онъ тутъ же, на мѣстѣ, подвергъ строгому слѣдственному допросу какъ болтуна учителя, такъ и свидѣтеля, слышавшаго анекдотъ, велѣлъ позвать сюда же другихъ прикосновенныхъ лицъ, собственноручно написалъ для всѣхъ вопросные пункты и потребовалъ, чтобы каждый тотчасъ же далъ на нихъ письменные отвѣты. Слѣдствіе тотчасъ же въ корнѣ подорвало подлинность анекдота, и самъ болтунъ-учитель формально отрекся отъ своихъ словъ и просилъ прекратить дѣло; но директоръ былъ неумолимъ и съ какимъ-то страстнымъ рвеніемъ громоздилъ обвинительный актъ съ такимъ искусствомъ, которому позавидовали бы заправскіе прокуроры. Окончивъ всѣ формальности, директоръ немедленно настрочилъ слѣдующее секретное донесеніе генералъ-губернатору Бибикову:

„Долгомъ почитаю донести вашему высоко-превосх-ству, что 19 числа сего октября старшій учитель ввѣренной мнѣ гимназіи Иванъ Кулешъ-Чепѣга, бывши въ моей канцеляріи, въ присутствіи старшаго учителя Самойленкова, объявилъ мнѣ, что онъ, Чепѣга, съ годъ тому назадъ слышалъ отъ исправляющаго должность младшаго учителя сей же гимназіи Оппермана, что квартировавшій тогда у него, Оппермана, а нынѣ квартирующій у учителя Самойленкова ученикъ IV класса Эмерикъ Сыревичъ между младшими учениками Опперманевой квартиры разсѣевалъ худыя слова о священной особѣ государя императора, при чемъ учитель Чепѣга и произнесъ эти слова, говоренныя ученикомъ Сыревичемъ такъ: „русской государь не такъ образованъ, какъ иностранные государи, и только занимается военными дѣлами“. Удержавъ въ канцеляріи учителей Чепѣгу и Самойленкова, я тотчасъ послалъ за учителемъ Опперманомъ и тотчасъ сдѣлалъ всѣмъ тремъ учителямъ письменные допросы по сему предмету. Учителю Чепѣгѣ предложилъ я слѣдующіе вопросы: 1) какія именно слова и выраженія говорилъ ученикъ Сыревичъ между учениками, какъ онъ, Чепѣга, слышалъ о томъ отъ Оппермана? 2) Между какими учениками онъ говорилъ тѣ слова? 3) Когда онъ, Чепѣга, слышалъ отъ Оппермана о подобныхъ словахъ ученика Сыревича? и 4) почему онъ, Чепѣга, тотчасъ не донесъ на-

чальству о такихъ дошедшихъ до него свѣдѣніяхъ?—Учитель Чепѣга въ присутствіи моемъ собственноручно написалъ слѣдующіе отвѣты: на 1-й вопросъ: онъ, Чепѣга, слышалъ отъ учителя Оппермана, что ученикъ Сыревичъ нехорошо выражался объ особѣ государя императора, говоря предъ учениками, что его величество не такъ образованъ, какъ иностранные монархи, и преимущественно занимается военною частію. На 2-й вопросъ: онъ, Чепѣга, не знаетъ, между какими учениками Сыревичъ говорилъ тѣ слова; онъ, Чепѣга, объ этомъ ничего не слышалъ. На 3-й вопросъ: онъ, Чепѣга, слышалъ отъ Оппермана о вышеупомянутыхъ словахъ Сыревича, кажется, въ началѣ весны прошедшаго года; и на 4-й вопросъ: не донесъ Чепѣга немедленно о такомъ свѣдѣніи потому, что, основываясь на однихъ словахъ, не зналъ совершенно и обстоятельно этого дѣла.

„Старшему учителю Самойленкову, какъ бывшему свидѣтелемъ при объявленіи Чепѣги о словахъ ученика Сыревича, предложилъ я прочитать 1-й пунктъ показанія Чепѣги и написать свое показаніе: такъ ли было въ его, Самойленкова, присутствіи объявлено имъ, Чепѣгою? Каковыя слова Чепѣги и потвердилъ Самойленковъ своимъ собственноручнымъ показаніемъ.

„Вслѣдъ за тѣмъ предложилъ я и. д. учителя Опперману прочитать собственноручное показаніе учителя Чепѣги о слышанныхъ имъ отъ него, Оппермана, словахъ ученика Сыревича, и написать тутъ же отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1) Точно ли онъ Опперманъ, говорилъ объ этомъ Чепѣгѣ, и въ такихъ ли словахъ Сыревичъ выражалъ свое мнѣніе? 2) Между какими учениками Сыревичъ говорилъ свое мнѣніе? 3) Когда это было и когда онъ, Опперманъ, сообщилъ о томъ Чепѣгѣ? и 4) Почему онъ, Опперманъ, о такомъ мнѣніи Сыревича тотчасъ не донесъ начальству гимназіи?—На сіи вопросы Опперманъ отвѣчалъ собственноручно на французскомъ языкѣ слѣдующее: на 1-й вопросъ: когда одинъ разъ былъ у него Чепѣга, то онъ, Опперманъ, говорилъ съ нимъ о своихъ ученикахъ, что между ними нѣтъ ни одного негодяя и что иногда заставляетъ его кричать одинъ только Сыревичъ, который безпокоитъ меньшихъ учениковъ, но никакого безчестнаго выраженія (aucune expression infame) Сыревичъ никогда не произносилъ. На 2-й вопросъ: когда онъ, Опперманъ, говорилъ о Сыревичѣ, то говорилъ и о всѣхъ вообще своихъ ученикахъ, а найпаче о маленькихъ, играмъ которыхъ Сыревичъ любилъ мѣшать. На 3-й вопросъ: когда это было—онъ, Опперманъ, не помнитъ, но кажется, болѣе году: и на 4-й вопросъ;

онъ, Опперманъ, не почиталъ нужнымъ доносить начальству о такихъ незначительныхъ дѣлахъ.

„Послѣ сего я того же 19 октября предписалъ секретно испр. должность инспектора гимназіи Ордѣ, надзирателю Штейну и содержателю 2-го отдѣленія общей ученической квартиры 2-го разряда Самойленкову принять ученика Сыревича въ строжайшее наблюденіе и обратить самое бдительное смотрѣніе на всѣ его связи, на всѣ его разговоры, на всѣ занятія и на всю его переписку, окруживъ его со всѣхъ сторонъ самымъ строгимъ надзоромъ; а самъ я отправился на квартиру ученика Сыревича и подъ благовиднымъ предлогомъ строжайше обревизовалъ всѣ его вещи, книги и бумаги. Въ книгахъ, вещахъ и бумагахъ Сыревича не нашлось ничего подозрительнаго. По истеченіи двоихъ сутокъ, сего 21 числа октября явился ко мнѣ въ канцелярію старшій учитель Чепѣга и подалъ мнѣ рапортъ о томъ, что онъ „не можетъ совершенно поручиться въ вѣрности и точности своихъ словъ, заключающихся въ его отвѣтѣ на первый изъ предложенныхъ ему пунктовъ, и по давности этого обстоятельства съ точностью не помнитъ словъ, сказанныхъ ему Опперманомъ, а очень можетъ быть, что воображеніе преувеличило ихъ значеніе, и онъ, Чепѣга, выразилъ ихъ съ большею силою“.

„Донося о семъ съ нынѣшнею же почтою и г. попечителю кіев. учебнаго округа и прилагая при томъ подлинный допросъ вышеупомянутыхъ учителей и подлинный рапортъ учителя Чепѣги, я между учениками гимназіи, для избѣжанія всякаго соблазна, не дѣлалъ никакихъ по сему дѣлу распросовъ. А какъ, несмотря на отреченіе учителя Чепѣги отъ перваго показанія его, на ученика Эмерика Сыревича все-таки падаетъ сильное подозрѣніе въ неблагонадежномъ образѣ мыслей, то для спасенія прочихъ учениковъ отъ заразы такими мыслями я нынѣ же прошу г. попечителя уч. округа позволить исключить ученика Сыревича вовсе изъ гимназіи.“

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ финалъ этого курьезнаго дѣла, и мы не знаемъ, согласился ли попечитель кн. Давыдовъ на ходатайство директора объ исключеніи малолѣтняго государственнаго преступника, притомъ же совсѣмъ не уличеннаго въ приписываемомъ ему преступленіи. Кажется, и Бибиковъ оставилъ безъ вниманія директорское доношеніе. Но и помимо того данный эпизодъ представляетъ, по нашему мнѣнію, цѣнный историческій фактъ, какъ живая иллюстрація болѣзненной запуганности тогдашнихъ педагоговъ, отъ страха буквально терявшихъ

здравый смыслъ при одномъ намекѣ на проявленіе въ школѣ чего-то въ родѣ политическаго вольномыслія. Такъ бывало на Руси только во времена Бироновщины, въ страшную эпоху „слова и дѣла“, когда каждый трепеталъ, какъ бы не попасть въ застѣнокъ за недонесеніе. Только подобнымъ рабьимъ страхомъ можно объяснить совершенно безумное поведеніе директора, который, вмѣсто того, чтобы провѣрить сообщенный ему въ частномъ разговорѣ слухъ, предательски ловитъ подчиненнаго на словѣ, тотчасъ составляетъ протоколъ и съ усердіемъ заправскаго провокатора изъ пустяка торопится создать ужасный криминалъ, точно боясь, какъ бы кто не предупредилъ его доносомъ по начальству. Ужъ подлинно тогдашніе педагоги отъ чистаго сердца могли повторить восклицаніе своего современника, Луки Лукича Хлопова: „Не приведи Богъ служить по ученой части!“ Служить по полицейской части въ то время куда было легче!

Пусть не думаетъ читатель, что въ поведеніи Кулжинскаго въ данномъ эпизодѣ сказались лишь дурныя черты его личнаго характера—бездушный формализмъ, угодничанье передъ начальствомъ, желаніе выслужиться и т. под. и что въ этомъ отношеніи онъ является какимъ то исключеніемъ въ средѣ тогдашней школьной администраціи; напротивъ, судя по другимъ даннымъ, его можно считать типичнымъ директоромъ той эпохи. Съ другой стороны, не слѣдуетъ отсюда заключать, что тогдашніе дѣятели на поприщѣ образованія въ Югозападномъ краѣ были всѣ дурные люди и плохіе педагоги, въ родѣ современныхъ чиновниковъ-обрусителей, стремящихся на окраины изъ-за приманки служебныхъ льготъ и выгодъ. Вспомнимъ, съ какою тщательностью ихъ выбирали изъ лучшихъ преподавателей, вытребованныхъ со всего южнорусскаго края; слѣдовательно, это былъ цвѣтъ тогдашняго педагогическаго сословія. И судя по личности одного изъ такихъ избранниковъ, И. М. Сбитнева, достаточно раскрывшаго свой душевный міръ въ своихъ запискахъ, мы въ правѣ предположить, что въ большинствѣ это были люди хорошо образованные, идеально смотрѣвшіе на свою миссію—насадить русское просвѣщеніе въ Югозападномъ краѣ и проникнутые безкорыстнымъ стремленіемъ вѣрою и правдою послужить отечеству, „содѣйствуя видамъ правительства“. Таковъ былъ ихъ политическій катехизисъ; и они дѣйствительно съ полнымъ усердіемъ служили этимъ „видамъ“ не только за страхъ, но и за совѣсть. Въ числѣ такихъ избранниковъ былъ и И. Г. Кулжинскій. Гдѣ онъ раньше служилъ — не знаемъ, но видно, что въ 1832 году, когда произ-

водился выборъ, Кулжинскій уже успѣлъ выдѣлиться педагогическими заслугами или же, можетъ быть, какими-либо личными достоинствами, такъ какъ харьковскій попечитель Филатьевъ прямо назначилъ его директоромъ Луцкой гимназіи. Въ то время Луцкъ былъ совсѣмъ не тѣмъ городомъ, какимъ онъ представляется въ настоящее время: въ немъ находилась тогда бискупская каѳедра, 13 богатыхъ кляшторовъ, 2 уніатскихъ церкви и ни одной православной. Это былъ едвали не главный очагъ полонизма и католицизма для всего Югозападнаго края, и совершенно естественно, что здѣсь новая русская школа, открытая взамѣнъ польской, должна была встрѣтить особенно сильное предубѣжденіе со стороны польскаго или ополяченнаго васеленія. „При всей нашей добросовѣстности въ исполненіи обязанностей, — пишетъ И. М. Сбитневъ, бывшій въ то время инспекторомъ каменецъ - подольской гимназіи,—мы однако подмѣтили, что за нами былъ надзоръ отъ уволенныхъ въ заштатъ учителей бывшихъ школъ, и надзоръ пристрастный. Они получали отъ дѣтей свѣдѣнія о нашихъ дѣйствіяхъ, и эти свѣдѣнія, конечно невѣрныя, искаженныя, передавали въ публику въ самомъ искаженномъ, превратномъ видѣ“ Еще до прибытія нашего въ Каменецъ кто-то оповѣстилъ туземцевъ, что мы варвары, тираны, и эта новость была причиною того, что во вновь открытую гимназію вошла ватага воспитанниковъ [1]) только изъ самаго низшаго сословія, родители же изъ другихъ сословій присматривались къ намъ, забирали справки о нашихъ дѣйствіяхъ, дабы потомъ рѣшиться на что нибудь“ [2]). Если такъ было въ Каменцѣ, то въ Луцкѣ положеніе русскихъ педагоговъ было еще затруднительнѣе. Годъ спустя послѣ назначенія Кулжинскаго въ Луцкъ его навѣстилъ здѣсь И. М. Сбитневъ и вотъ что отмѣтилъ въ своихъ запискахъ: „Посѣтилъ я директора гимназіи И. Г. Кулжинскаго, который ловко и дѣльно боролся съ лицами, преданными съ патріотическимъ фанатизмомъ прежнимъ школамъ, и неусыпными трудами старался ослаблять въ нихъ предубѣжденія къ училищамъ, устроеннымъ на новыхъ началахъ. Правда, эта борьба была для него нелегка, особливо въ Луцкѣ, въ центрѣ высшей власти латинскаго духовенства, гдѣ такъ много молодыхъ ученыхъ канониковъ, получившихъ образованіе въ Виленскомъ университетѣ, „первѣйшемъ въ цѣломъ свѣтѣ университетѣ“,

---

[1]) Всего только 70 учениковъ.

[2]) „Кіев. Старина“ 1887 г., мартъ, 443—444.

по выраженію поляковъ. Въ интимныхъ нашихъ бесѣдахъ мы сознались однако, что только время и терпѣніе, эти вѣрные союзники во всѣхъ человѣческихъ предпріятіяхъ, помогутъ намъ въ головахъ нѣкоторыхъ сословій привить начала русской жизни" [1]). Но скоро, однако, терпѣніе это у одного изъ собесѣдниковъ оборвалось, и въ концѣ того же 1833 года Луцкая гимназія (не безъ участія, конечно, ея директора), по распоряженію начальства была перемѣщена въ м. Клевань, подальше отъ сферы вліянія высшаго католическаго духовенства. Недолго спустя и самъ Кулжинскій исхлопоталъ себѣ переводъ на директорскую должность въ Немировъ, гдѣ совсѣмъ не было ученыхъ канониковъ и гораздо слабѣе сказывалось польское вліяніе.

Вынесши на своихъ плечахъ первую и самую трудную борьбу за право существованія въ Югозападномъ краѣ школы на русскихъ началахъ, Кулжинскій сильно ожесточился противъ всего польскаго и сдѣлался страстнымъ и убѣжденнымъ сторонникомъ правительственной программы полнаго слитія съ коренной Россіей возвращенныхъ отъ Польши губерній и истребленія въ нихъ отдѣльной польской народности путемъ ассимиляціи съ русскою. Эту программу онъ неуклонно проводилъ въ порученномъ ему педагогическомъ дѣлѣ, ея же онъ придерживался и въ общественной дѣятельности, какъ русскій чиновникъ, поставленный на стражѣ русскаго начала на Подольской окраинѣ. Вотъ характерный образчикъ его дѣятельности въ послѣднемъ родѣ.

Лѣтомъ 1839 года въ Немировѣ появилась заѣзжая польская труппа и открыла представленія. Кулжинскій съ негодованіемъ переносилъ ея присутствіе въ мѣстечкѣ, не пускалъ въ театръ гимназистовъ и былъ увѣренъ, что труппа скоро потерпитъ матеріальный крахъ и уберется изъ Немирова. Такъ оно и случилось на дѣлѣ, но на помощь разорившейся труппѣ пришла мѣстная экономія графа Потоцкаго, и актеры рѣшились надолго остаться въ гостепріимномъ мѣстечкѣ. Не стерпѣлъ этого директоръ немировской гимназіи и въ концѣ декабря послалъ помощнику попечителя кіев. учебнаго округа Карлгофу слѣдующее конфиденціальное письмо:

„Ваше превосходительство, милостивый государь! Возвращенныя отъ Польши губерніи до тѣхъ поръ не сольются нравственно въ одно цѣлое съ Россіею, пока не истребится въ нихъ отдѣль-

---

1) „Кіевск. Старина" 1887 г., мартъ, 660.

ная польская народность. Самый дѣятельный, чуть ли не первый проводникъ народности есть театръ. По Волыни и Подоліи разъѣзжаютъ многія труппы странствующихъ актеровъ и своими представленіями вездѣ распространяютъ духъ польской національности. Одна изъ такихъ труппъ, подъ дирекціей какого-то Грунвальда, остановилась въ м. Немировѣ въ прошломъ августѣ мѣсяцѣ и, устроивши сцену подъ навѣсомъ жидовской корчмы, начала было свои представленія. Успѣхъ не соотвѣтствовалъ ожиданію; антрепренеръ задолжалъ жидамъ до двухсотъ цѣлковыхъ, и представленія прекратились къ концу сентября. Но немировская экономія графа Потоцкаго тотчасъ явилась на помощь, выплатила ихъ долгъ евреямъ, устроила для нихъ новый театръ въ особомъ экономическомъ домѣ, вошла съ ними въ часть, дала свою прислугу и музыку,—и вотъ съ 26-го сего декабря опять начались представленія. Кунтуши, усы, конфедератки, задорливая шляхта, польскіе фарсы—все это на сценѣ пошло и до крайности глупо; но здѣшняя *публика* въ восхищеніи! „Наше, дескать, родовитое!“ Ученики гимназіи теперь, слава Богу, разъѣхались домой на праздники, а послѣ праздниковъ я рѣшительно не позволю имъ бывать въ театрѣ; впрочемъ, чувствую, что, при личной объ этомъ просьбѣ самихъ родителей, это будетъ для меня чрезвычайно трудно.

„Донося объ этомъ вашему пр-ству, покорнѣйше прошу, для облегченія меня, или снестись съ кѣмъ слѣдуетъ, чтобъ въ м. Немировѣ театръ немедленно былъ закрытъ, потому что здѣсь нѣтъ никакой полиціи, кромѣ сотскаго и десятника, или же дать мнѣ строгое предписаніе, чтобъ я ни подъ какимъ предлогомъ не позволялъ ученикамъ быть въ театрѣ. Этимъ предписаніемъ я буду защищаться отъ нападенія маменекъ и папенекъ. 29 декабря, 1839 г.“

Получивъ это письмо, окружное начальство немедленно препроводило его Бибикову „на усмотрѣніе“, и тотчасъ возникла административная переписка по дѣлу „о вредномъ вліяніи, производимомъ на умы жителей странствующими актерами“.

Подольскому губернатору послано было 16 января требованіе немедленно распорядиться о воспрещеніи актерамъ въ Немировѣ давать представленія и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомить генералъ-губернатора, „по чьему позволенію они оныя начали“. 27 января управляющій подольской губ. вице-губернаторъ В. Нечай увѣдомилъ, что имъ уже послано предписаніе брацлавскому земскому исправнику воспретить представленія въ Немировскомъ театрѣ и

велѣно донести, кто позволилъ тамъ играть, а пока что вице-губернаторъ прислалъ 4 афиши пьесъ, игранныхъ въ Немировѣ. Затѣмъ послѣдовалъ новый запросъ подольскому губернатору: донести, откуда прибыли актеры, игравшіе въ театрѣ въ м. Немировѣ, и кто позволилъ эти представленія. 7 февраля губернаторъ Петровъ отвѣчалъ: „имѣю честь при семъ представить вашему высокопр—ству еще три афишки піесъ, игранныхъ польскими актерами на Немеровскомъ (sic) театрѣ, присовокупляя, что вмѣстѣ съ симъ я подтверждаю брацлавскому земскому исправнику о закрытіи театра и доставленіи мнѣ о актерахъ свѣдѣній". Спустя двѣ недѣли тотъ же губернаторъ доносилъ: „Я получилъ донесеніе отъ брацлавскаго земскаго исправника, что находящейся въ м. Немеровѣ труппѣ актеровъ воспрещено давать представленія и что помянутые актеры начали представленіе по дозволенію уполномоченнаго по управленію имѣніемъ помѣщика графа Болеслава Потоцкаго, земская же полиція, не воспрещая имъ того, наблюдала только, чтобы они не играли пьесъ запрещенныхъ". Такимъ образомъ больше мѣсяца понадобилось на то, чтобы распоряженіе грознаго Бибикова о воспрещеніи театральныхъ представленій въ Немировѣ было наконецъ приведено въ исполненіе. Но мы увидимъ дальше, что актеры и послѣ этого не уѣхали изъ Немирова и, кажется, продолжали давать тамъ представленія. Это показываетъ, насколько исполнительна и надежна была тогдашняя губернская и уѣздная администрація, во главѣ которой стояли такія личности, какъ только что упомянутый подольскій губернаторъ генералъ-майоръ Петровъ, въ томъ же 1840 г. отрѣшенный отъ должности „за дѣланныя имъ злоупотребленія чрезъ еврея Бродскаго".

Такъ какъ мы имѣемъ крайне ограниченныя свѣдѣнія о сценическихъ представленіяхъ, какія давались странствующими польскими актерами въ Югозападномъ краѣ въ первой половинѣ XIX ст., то считаемъ не лишнимъ привести здѣсь полностью, въ качествѣ историческаго матерьяла, афиши пьесъ, игранныхъ въ Немировѣ въ концѣ 1839 и въ началѣ 1840 гг. [1]).

---

[1]) Всѣ онѣ рукописныя. Писались онѣ, вѣроятно, на польскомъ языкѣ, но экземпляры, представленные начальству, писаны порусски.

Афиша № 1.

„Съ дозволенія начальства. Сего 1839 года, декабря 31 дня, то есть въ воскресеніе, компанія актеровъ, подъ дирекціей Доната Грунвальда, будетъ имѣть честь представить комедію-оперу въ 3-хъ дѣйствіяхъ подъ названіемъ:

БРИТКИНЪ
или
разбойники въ горахъ Понарскихъ.

ЛИЦА:

Дукацѣвичъ, помѣщикъ . . . . . . г. Гасъ.
Емилія его дочь . . . . д-ца Яблонска.
Адольфъ, ея любовникъ . . . . . г-жа Чеховичъ
Касперекъ, слуга безъ мѣста . . . . г. Грунвальдъ.
Катя молочница. . . . . г-жа Грунвальдъ.
Брыкайло, временный начальникъ шайки разбойниковъ . . . . г. Пекарскій.
Кивайко . . . } разбойники . . . г. Чеховичъ.
Марушко цыганъ } разбойники . . . г. Терпиловскій.
Цыбулько . . . } разбойники . . . г. Жавроцкій.
Каркало . . . . } разбойники . . . г. NN

Дѣйствіе въ горахъ Понарскихъ, подъ Вильномъ.“

Афиша. № 2.

„Съ дозволенія начальства, сего 1840 г. 6 генваря, въ субботу, компанія... (и проч.) честь представить комедію въ 5-ти дѣйствіяхъ, сочиненія Коцебуе, подъ названіемъ:

МАРКИЗЪ де-ТУЛИПАНО
или
Какой отецъ, такой и сынъ.

ЛИЦА:

Маркизъ, бывшій рыболовъ . . . . г. Чеховичъ.
Фенъ Жоржъ, его сынъ . . . . . . г. Грунвальдъ.

Баронеса де Олимпія . . . . г-жа Чеховичъ.
Юркаръ, ея конюхъ . . . . г. Пекарскій.
Вельпина, любовница Жоржа . . . . г-жа Грунвальдъ.
Іосифъ, ея братъ . . . , ... г. Гассъ.
Глинка, его жена . . . . д-ца Яблонска.
Нотаріюсъ . . . . г. Терпиловскій.

Афиша № 3.

„Съ дозволенія начальства, сего 1840 г. генваря 7 дня, т. е. въ воскресеніе, компанія... (и пр.) представить комедію въ 2-хъ дѣйствіяхъ, сочиненія Котцебуего, подъ названіемъ:

ЧОРТЪ СПРЯТАНЫЙ

Л И Ц А:

Коморникъ Добруцкій . . . . г. Чеховичъ.
Людвика, его жена . . . . г-жа Чеховичъ.
Валѣры (sic), ихъ другъ . . . . . . г. Пекарскій.
Анѣля, его любовница . . . . д-ца Яблонска.
Тымофѣй, слуга Добруцкаго . . . . г. Грунвальдъ.

„Окончитъ спектакль коммедія въ 1-мъ дѣйствіи, сочиненія Алонзего Жулковскаго, подъ названіемъ:

КАКОЙ ГОСПОДИНЪ, ТАКОЙ и СЛУГА.

Л И Ц А:

Г. Касперекъ, подъ именемъ Маетницкаго г. Пекарскій.
Касперекъ, слуга безъ мѣста . . . . г. Грунвальдъ.
Малгората, жена Касперка господина . г-жа Чеховичъ.
Фанетка, ея служанка. . . . . г-жа Грунвальдъ.
Доброгостъ, богатый банкиръ . , . . г. Чеховичъ.

Дѣйствіе въ домѣ Маетницкаго“.

Съ половины января дирекція и составъ немировской труппы, судя по афишамъ, измѣнились, соотвѣтственно чему измѣнился и репертуаръ, при чемъ въ него вошелъ и украинскій элементъ.

Афиша № 4.

„Съ дозволенія начальства. Сего 1840 г., генв. 20 дня, въ воскресеніе, драматическіе актеры, подъ дырекціею Іосифа Лютомскаго, будутъ имѣть честь дать представленіе оперы волшебной на малороссійскомъ и польскомъ діалектѣ, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ хорами, метермофозами (sic) и русскою пляскою, подъ названіемъ:

НОВАЯ УКРАИНКА

или

Волшебство въ замкѣ Тыморъ.

лица:

Графъ Любомиръ, владѣтель именіи (sic) г. Сокульскій.
Завиша, управитель замка . . . . . г. Фелиньскій.
Гелѣна (sic), жена его . , ... г-жа Лютомска.
Людьмила, любовница графа въ видахъ:
Параски.
Татарки,
Краковяка,
Волшебницы,
Царицы ночи,
Богини Кипрійской,
Княжны Смоленской,
Русской дѣвушки . . , . . . д-ца Лютомска.
Ротыславъ, дворецкой . . . , . . г Новодворскій.
Гуляка, козакъ Любомира . . . . . г. Чеховичъ.
Яковъ, марграбя замка . . . . . . г. Ольпинскій
Параска, служанка Гелѣны . . . . . г-жа Сокульска.
Тѣнь дѣда Любомира
Селяне.

Дѣйствіе на Украинѣ.

Цѣна мѣстамъ: Ложа первая 3 руб., другія 2 р. сер.
Фотель 5 злотыхъ. Кресло 3 злот. 10 грош.
Партеръ 2 злотыхъ.

Начало въ 7 часовъ вечера“.

Афиша № 5.

„Съ дозволенія начальства. Сего 1840 г., генв. 23 дня, во вторникъ, драмат. актерами представлена будетъ комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ, изъ французскаго переведена г. маіоромъ Листовскимъ, подъ названіемъ:

РОХУСЪ де-ЛѢГЕНДА
или
Четыре миль дороги.

ЛИЦА:

Здавняльская, старосцина.	г-жа Лютомска.
Софія, ея племянница	д-ца Лютомска.
Викторъ, ротмистръ, братъ Софіи . .	г. Лютомскій.
Валѣрый, отст. поручикъ	г. Сокульскій.
Рохусъ де-Лѣгенда, нареченный Софіи	г. Чеховичъ.
Іоганъ, трактирщикъ	г. Фелинскій.
Стефанъ } лакеи Здавняльской . . .	г. Ольшинскій.
Иванъ } лакеи Здавняльской . . .	г. Новодворскій.

Окончитъ спектакль комедія-опера, изъ французскаго, подъ названіемъ:

СПОРЬ ДО СЛЕЗЪ, ОБЪ ЗАКЛАДЪ НЕ БЕЙСЬ.

Афиша № 6.

„Съ дозволенія... генв. 25, въ четвертокъ... трагикомедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, сочиненія г. Мольера, подъ названіемъ:

ДОНЪ-ЖУАНЪ
или
Вечеръ на кладбищѣ.

Актеры тѣ же, что и въ предыдущей афишѣ, съ прибавленіемъ г-жи Ожовской.

Мы привели здѣсь только шесть афишъ, какія въ подлинникахъ оказались въ дѣлѣ, бывшемъ у насъ подъ руками. Но число представленій, данныхъ на Немировской сценѣ, было далеко больше. Несмотря на послѣдовавшее запрещеніе продолжать спектакли, труппа І. Лютомскаго не уѣзжала изъ Немирова и не теряла надежды добиться отмѣны запрещенія. 17 іюля того же 1840 года подольскій губернаторъ Петровъ писалъ Бибикову: „По предписанію вашего высокопр-ства отъ 16 января о закрытіи театра въ м. Немеровѣ, въ то же время сдѣлано надлежащее распоряженіе, и представленія на тамошнемъ театрѣ не даются, какъ я уже имѣлъ честь донести вашему высокопр-ству 21 февраля. Вскорѣ послѣ закрытія театра графъ Болеславъ Потоцкій просилъ меня дозволить актерамъ, изъ уваженія къ ихъ бѣдности, давать по прежнему представленія; потомъ актеры прислали ко мнѣ формальную просьбу и наконецъ, явившись лично въ Каменецъ, убѣдительно просили дозволить имъ давать представленія въ Немеровѣ, такъ какъ они воспрещеніемъ симъ поставлены въ затруднительное положеніе, ибо, вовлекши себя въ неизбѣжные долги, не только что не имѣютъ возможности уплатить занятое, но даже нуждаются въ дневномъ пропитаніи, а между тѣмъ не смѣютъ отлучиться изъ Немерова, не удовлетворивъ своихъ заимодавцевъ.

„Просьбы актеровъ оставилъ я безъ отвѣта, на письмо же графа Потоцкаго отвѣчалъ, что я не могу удовлетворить его просьбы, какъ какъ удаленіе причинъ, по коимъ воспрещено давать представленія въ Немеровѣ, отъ меня не зависитъ. Нынѣ графъ Болеславъ Потоцкій пишетъ ко мнѣ, что онъ испрашивалъ у у вашего высокопр-ства разрѣшенія на дозволеніе театральныхъ представленій въ м. Немеровѣ, и ваше высокопр-ство изволили изъявить на то согласіе, но предварительно пожелали имѣть о томъ отъ мемя представленіе. Донося объ этомъ вашему высокопр-ству, честь имѣю испрашивать разрѣшенія: какой я долженъ дать отвѣтъ графу Болеславу Потоцкому на означенное выше письмо его?“

На этомъ письмѣ имѣется помѣта рукою Бибикова: „Гдѣ было разрѣшеніе?“

Бумагой этой и оканчивается дѣло о Немировскомъ театрѣ, и потому исходъ его намъ неизвѣстенъ.

О. Левицкій.

Життя і твори Віктора Забіли.

I.

Співець власного горя. (Віктор Миколаєвич Забіла).

Анормальне, надзвичайно важке становище української літератури в Росії було причиною того, що на протязі навіть останніх пятидесяти років її істнування ми зустрічаемося з цілим рядом дивних, незрозумілих за-для чоловіка, мало знайомого з історією цієї літератури, фактів. До такого рода чудних з'явищ, напр., належить істновання в рядах письменників українських таких людей, що сливе нічого не друкували за свого життя, хоча й були відомі землякам, і всю свою літературну спадщину полишили в паперах. Досить тут нагадати Руданського, Ніщинського, Мову, Навроцького та инших.

Що ж було причиною, що оці й инші, їм подібні письменники не публікували своїх творів?..

Перш за все цьому багато спричинилося те, що на Вкраїні Російській не було періодичних органів, де б можна було їх друкувати, — не було й видавців, які взялися б їх випустити в світ. Коли до цього додати сувору, вередливу, безжалісну цензуру, брак свідомої своеї національности інтеллігенції, повсякчасні переслідування та кари на всіх українців і особливо на письменників, — то, здається, зрозумілим стане, чому де-які навіть з кращих українських письменників не друкували нічого за життя.

Багато говорити про те, скільки шкоди принесло таке становище українській літературі, не приходиться: це зрозуміло само собою. Письменник, хоча б і самий талановитий, без критики, без

підтримування з боку публіки, мов рослина без води, засихає, марніє, втрачає свою силу й охоту до роботи. Разом з цим література позбавляється талановитого робітника. Твори таких письменників, з'явившись на світ Божий через 20 — 30 літ після свого написання, вже не можуть мати такого значіння для публіки і того впливу на дальший розвиток літератури, який би вони могли мати в свій час.

До таких ось письменників належить і Віктор Забіла, з життям і творами якого ми хочемо познайомити наших читачів.

Історія нашої літератури поки що мало розроблена. Не вважаючи на те, що література наша, порівнюючи її становище з становищем инших европейських літератур, має дуже обмежене коло робітників, ми якось дивно недбало відносимося до ціх діячів. Живе-живе який-небудь письменник, працює-працює, скільки є снаги й спромоги, — помре, — ми згадаємо про нього в кількох убогеньких некрологах і думаємо, що вже покінчили з ним всі рахунки, виконали перед ним всі свої обов'язки. Коли письменник мав такий дужий, такий голосний талан, що міг сперечатися з силою часу, який всіх і все пожирає, то він живе й буде жити. Буде жити, але сам через себе, а не дякуючи нам, вдячним його землякам — читачам. Коли ж який письменник не має такого виразного, сильного талану, то невблаганний час швидко поглине його, — його швидко забудуть. Ми не поможемо йому, — ми будемо спокійненько дивитись, як потопає в Леті забуття талановитий, щирий, симпатичний письменник. І скільки їх, оціх нещасливих працьовників літературних погинуло вже в дужих хвилях байдужого до всіх і всього часу!.. Чи не через це саме й література наша вважається такою бідною, такою невиразною?.. Чи багато справді з наших письменників відомо широкій публіці? І тепер ще часто навіть од так званих українців gente можна почути такі речі: „Українська література... Та хіба ж вона є?.. Був колись Шевченко, писав по-вкраїнськи Стороженко та Марко-Вовчок... А де ж та ціла окрема література вкраїнська?..“ Такі розмови свідчать про те, що й свої земляки,— не кажемо вже про росиян взагалі,—зовсім не знають навіть кращих наших письменників, як, напр., Франко, Грінченко, Леся Українка, Стефаник, Коцюбинський то-що. Що ж вже й говорити про таких маленьких поетів, як забутий зовсім в наші часи Віктор Забіла?..

Про Забілу навряд чи хто тепер хоч що-небудь знає, виключаючи людей, що спеціально студіювали історію вкраїнської літератури. Та й ті навіть, що цікавились історією

вкраїнської літератури, не мали змоги добути ширших відомостей про життя й літературну діяльність Забіли. Досі про нього видруковано кілька окремих заміток, роскиданих по ріжних виданнях, — досі нема більш-менш повного його житепису. В „Очерках исторіи украинской літературы XIX столѣтія“ Н. И. Петрова росказано про життя Забіли тільки те, про що згадано в „записках М. Н. Глинки“. [1]) В найбільш повній історії вкраїнської літератури О. Огоновського про Забілу поміщено тільки коло двох десятків рядків. З творів Забіли до самого останнього часу було надруковано не більш якого-небудь десятка віршів. [2])

Дякуючи шановній редакції „Кіевской Старины“, нам пощастило достати кілька зшитків творів В. Забіли. З'єднуючи зміст всіх оціх зшитків [3]), ми знайшли коло тридцяти нових, ще невідомих публіці його творів. Зацікавившись творами й життям безталанного Забіли, ми в оцій статті хочемо звести до-купи все, що відомо про життя поета, [4]) по змозі ілюстровавши біографію матеріалами, які подають нові знайдені нами твори Забіли.

---

[1]) Петров — 149 — 154 стр.; „Записки М. Н. Глинки“ — в „Русск. Стар.“ 1870 р., т. II, 278 стр.

[2]) Надруковано: а) В „Ластівці“: „Голуб“ (208 стр.), — „Пісня“ (221), — „Повіяли вітри буйні“ (243); б) В „Черн. губ. Вѣдом.“ — 1857 р. № 16: „До батька, „Не щебечи, соловейку“...; в) Петров „Ист укр. лит.“: „Остап. і чорт.“ — г) Комаров — Кіев Ст. 1888 г. № 4 „Зовсім світ 8перевернувся“...; Зоря 1891 р.: „Будякъ“ (416 стр.) і „Семенова кобила“ (437 — 438); д) В. Лукич — „Зоря“ 1893 р. — „Посланіе до Шевченка“ (102 — 103), — Зоря 1894 р. — „Човник“ (393).

[3]) Ось які зшитки були у нас під руками: № 1, — „Малороссійскія стихотворенія. Сочиненія Виктора Николаевича Забѣлы,“ — 16 віршів, — самий старий рукопис; — № 2, — „Стихотворенія Виктора Забѣлы — 1854“, — самий повний рукопис, 33 вірші; — № 3, — „Спивы крузъ слезы. Надруковавъ (?) Вихторъ Забила“. — новый рукопис, переписаний якимсь д. „Ксенофонтом Михайловичем Леонтовичем, Борзенскаго училища. 1897 года“—27 віршів; — № 4, — Старий рукопис з 4 віршами Забіли і кількома віршами Маркевича;—№ 5, — Старий рукопис Ол. Тищинського з посланіем „до Шевченка“ Забіли (за два останні рукописи складаємо глибоку подяку вельмишановному Б. Грінченку, який ласкаво дав нам їх за-для нашої роботи);—№ 6, — три вірші переписані з рукописів музею В. Тарновського в Чернігові (за що дякую вельми шановному д. Миколі Вороному).

[4]) Ось коротенький показчик більш відомих статей про життя й діяльність В. Забіли: 1) И. К. — „Отрывокъ изъ поѣздки въ Москву и С.-ПБургъ“ — Черн. губ. Вѣд. 1857 р. № 16, стр. 133 — 135; 2) Куліш — „Взглядъ на малороссійскую словесность“ — Рус. Вѣстн. 1857 р. № 12; 3) Правда — 1869 р. № 48, — некролог; 4) „Записки М. Н. Глинки“ — Рус. Стар. 1870 р. т. II, стр. 278 — 279; 5) М. Н. Бѣлозерскій — „Т. Г. Шевченко по воспоминаніямъ разныхъ лицъ“ —

Оця поетична, так сказать, біографія Забіли буде разом з цим і характеристикою його поезії взагалі, особливо що до її змісту, бо мало не вся поезія цього орігінального поета присвячена подіям його власного життя. Вся майже поезія Забіли — цілком субєктивна, що до змісту—автобіографична. Трудно в історії літератури зустрінути другого такого письменника, щоб сливе всю свою літературну працю направляв на ілюстровання власного життя.

Про те, які причини виробили з талановитого Забіли, поета з таким вузько обмеженим змістом творів, ми скажемо трохи далі. А тепер роспочнемо його „поетичну" біографію. За-для цієї біографії ми скористуємося всіми відомостями про життя Забіли, які були досі опубліковані, і постараємося вірність їх зтвердити цітатами з його творів.

Віктор Миколаєвич Забіла [1]) родився на хуторі Кукоріковщині [2]) під Борзною в Чернигівщині. Коли саме родився Забіла, нам не відомо. П. Куліш каже, що Забіла вчився разом з М. Гоголем в Ніжинському ліцеї і навіть сидів з ним на одній лаві [3]). Це наводить нас на думку, що він був приблизно й одного віку з Гоголем. Відомо, що Гоголь родився 1809 року. Мабуть і Забіла родився теж з початку XIX в. Батько Забіли не був багатим, але ж його не можна було назвати бідним [4]). В дитинстві Забіла

Кіев. Стар. 1882 р. № 10; 6) П. Куліш — „Хуторна поезія"— Львов. 1882 р. стр.— 19 — 24; 7) М. К. Чалый — Жизнь и произведенія Т. Шевченка." — Кіевъ 1882. р. стр. 59 і 197; 8) Н. И. Петровъ — „Очерки исторіи укр. литературы XIX ст." — Кіевъ. 1884 г. стр. 149 — 154; 9) М. Комаров — „Къ біографіи В. Н. Забѣлы", — Кіев. Стар. 1886 р. № 10, стр. 171 — 176; і 1888 р. № 4. 10) О. Огоновський — „Исторія литератури. русскои." — Львів 1891 р. ч. II, — II видділ, — стр. 702 — 703; 11) М. Комаров — „Ненадруковані байки В. М. Забіли." — Зоря 1891 р., стр. 416 та 437 — 438; 12) В. Лукич — „В Забіла і його жартобливе посланіе" „до Шевченка", — Зоря 1893 р., стр. 102—103; 13) Наталка Полтавка — „Роман В. Забіли." — Зоря 1894 р. стр. 405; 14) О. Кониський — „Т Шевченко-Грушівський," т. І. і II, — Львів. 1898 р., стр. 209 Про В. Забілу говориться і в ст. П. М-са — „Эпизоды изъ жизни Шевченка" — Вѣстн. Ю.-З. и з. Россіи — 1863 р. № 4, а також і в романах Куліша — „Майор" (Рус. Вѣстн. 1859), „Украинскія незабудки" (Основа — 1861 р. № 10). В. Забіла під іменем Капитона Павловича Иволгина). Наша статья була вже зовсім готова, коли нам довелося прочитати цікаву розвідку про Забілу д-ра І. Франка (Літ.-Наук. Вістн.—р. 1906, №№ 3 та 4).

[1]) Франко помиляється, коли називає Забілу „Олександровичем" (Л-Наук. Вістн. — 1906 р. № 3, 397 стр.)

[2]) Назву хутора Забіли подала нам в.-шановна О. М. Кулішева (Ганна—Барвінок), яка ласкаво надіслала нам свої споминки про Забілу, що був її родичем. Надалі ми прямо будемо покликатись на ці споминки, зазначуючи — „Спом. Барв".

[3]) П. Куліш—„Хуторна поезія",—стр. 22.

[4]) Хоч Куліш і називає його „багатим паном",—ibid.—19 стр.

втеряв батька, і ця втрата була дуже важкою за-для нього. Можна думати, що, хоч і мав він рідну неньку, але дитячі годи його пройшли досить нещасливо. В віршові „На той світ до батька“ Забіла каже:

„Годок мені був од роду, як тебе ховали.
„Як несли тебе ховати, тоді був дитина,
„І не думав, що я в світі- -бідна сиротина...
„Не вмів тоді, нещасливий, і слова сказати
„І не знав, що батька несуть в землю заривати“...

В кількох своїх віршах Забіла гірко нападає на тяжку долю бідного сироти.

„Нещастніще всього в світі бідна сиротина,
„Плаче инколи, сердешна, як мала дитина,“ —

каже він в одному віршові.

„Йому (сиротині) той край, де родився, буде як чужина,
„Всюди за ним слідом ходить лихая година.
„І в-ніч нудиться він, бідний, і як сонце зійде;
„Радощей не мавши зроду, і в могилу піде...“—

говорить він в тому ж самому віршові.

Згадуючи про смерть і похорони батька та своє суворе, сирітське життя, Забіла звертається до покійного батька з гірким докором.

„На що, тату, ти покинув мене сиротою?
„Чому мене не взяв малим в могилу з собою?
„І я б вічним сном у землі спав, а не журився б,
„Не знав би я в світі горя, світом не нудився б...“

Вчився Забіла в Ніжинській „гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко“ між 1820—1828 р.р., разом з Гоголем. Покійний О. Кониський каже, що „в реєстрі студентів ліцея [1]) за увесь час його

---

[1]) Ліцей повстав на місто колишньої гимназії.

істновання“ він „не знайшов наймення Віктора Забіли... Мабуть,—думає він,—коли Віктор Забіла і був у ліцеї, дак не скінчив його“ [1])... Тай не один Забіла втік з гімназії, не кінчивши в ній курса. Мало не половина учнів, звичайно, втікала з неї, бо вона нічого не давала своїм вихованцям, а тільки привчала їх до лінощів, до вільного й веселого життя [2]). Очевидно, гімназія не лишила ніяких більш-менш виразних споминок у Забіли, бо в його віршах ми не знаходимо й самої маленької згадки про годи вчення.

Покинувши гімназію, Забіла вступив до військової служби,— служив в гусарах. На службі він одержав чин майора. Серед товаришів — вояків життя Забіли летіло весело в повсякчасних гулянках та випивках. Службу в гусарах поет згадує, як самий щасливий час свого життя. Звертаючись до старого товариша, любого коня, Забіла каже:

„Як здумаєш, під Москвою як колись стояли.
„Гарно, весело жилося,—відкілься все бралось.
„Серце нудьги не бачило, з горем не стрічалось.
„До циган було поїдеш, пісень заспівають,
„Загаркають, затанцюють, душу потішають.
„Инколи і так траплялось: все позаставляєш,
„Копійки нема в кишені... Байдуже,—гуляєш!..
„Тебе було осідлають, я на тебе сяду,
„Шабля з-боку брязкотіла, ментик літав з-заду...“

В другому віршові, рівняючи своє сучасне сумне становище з колишнім, Забіла згадує:

„Годів два назад, не більше і я був моторний:
„Шабля з-боку, кінь гусарський, що як в'юн проворний, —
„Рижий мастю, очі чорні, як сонце сіяє;
„Із-під копит искри скачуть, як вихор літає.
„І я було в чистім полі на нім красувався.
„Був щасливий і веселий і з горем не знався...
„Не було і в думці в мене, щоб так горювати.“

[1]) Кониський—„Т. Шевченко-Грушівський“..., т. I., стр. 209.

[2]) Див. біографію Гоголя Шенрока, яку приложено до видання творів М. Гоголя А. Маркса,—т. I, стр. 19.

Пробувши шість-сім років на службі, десь коло 1833 року Забіла приїзжає на свій рідний хутор в Чернигівщину. Блескучий, гарний, молодий офіцер почав знайомитись з своїми сусідами. Недалеко коло його хутора був хутор Мотронівка, що належав далеким родичам Забіли панам Білозерським. В Мотронівці Забіла познайомився з дочкою Білозерського Любов'ю Михайлівною, рідною сестрою Олександри Михайлівни Кулішевої (Ганни Барвінок). Зустріч і знайомство з цією панною були прямо фатальні по своїм наслідкам за-для Забіли. Палкий, бравий гусарин без тямку закохався в оцю сільську красуню [1]). Старі Білозерські співчували коханню молодят. Минуло коло року. Одбулися формальні заручини, — був навіть призначений день за-для шлюбу. Це була, як кажуть свідки, дуже гарна й щаслива пара. Молодому було літ з 25. Він був парубок стрункий, середнього росту, мав смаглаве, рябувате од віспи обличчя, великі карі очі, трохи кучерявий, густий, чорний чуб [2]). Вдачи він був добродушної, сердечної, щирої й дуже веселої, — це був незрівнаний гуморист. „Між многими здібностями своїми до великих і малих річей, — каже Куліш, — дивував мене він більш усього своїм комизмом, своїм юмором, вмінням кожну людину поставити на сцену, про яку оповідував, так, мов її бачиш своїми очима і чуєш власними ушима: чи то був москаль, чи то лях, чи то піп, купець, мужик, жид, циган, чи то дівча, чи стара баба, чи мала дитина. Оповідання ж його були не просто балакання: це були такі зрозумовані всякими обставинами сцени, які рідко доводиться вбачати на театрі. Тут він виявлював розум прониклививий, чувство глибоке, всеодоліваючий комизм і могущу сатиру“ [3]).

---

[1]) Це було не пізніщ початку 1833 р., бо в кінці цього року помер старий Білозерський, який відиграв таку значну ролю в нещасливому коханню Забіли.— Див. Біограф. Ганни Барвінок—Б. Грінченка, додану до її „Оповідань“, стр. VI. (У Київі,—1902 р.). Нашу думку стверджують „Спом. Барв.“. Вона каже, що її було коло п'яти років тоді, як трапилося лихо з Забілою. Як відомо, Ганна Барвінок родилася з початку (23 квітня) 1828 р. Виходить, що катастрофа з Забілою була коло 1833 р. І. Франко (Л.-Наук.-Вістн.—1906 р. № 3 стр. 402—403) помиляється, коли думає, що катастрофа Забіли трапилася коло 1836—1838 р.р.

[2]) Нат. Полтавка. — „Роман В. Забіли.“ — Зоря 1894 р., стр. 405; порівн.— „Спом. Барв“; Лукич (Зоря 1893 р., 102 стр.) каже, що в Забіли були „ добр сиві очі“.

[3]) Куліш — „Хуторна поезія“, — стр 22; цю ж рису вдачи Забіли одмічає й М. Глинка в своїх „Записках“, — Русск. Стар. 1870 р., ч. 2., стр. 278 — 279; про9 юмор Забіла багато росказується і в „Споминках Ганни Барвінок“; див. також ст! М. Комарова — „Къ біографіи В. Н. Забѣлы“ — Кіев. Ст. 1886 р. № 10, 171 –17.- стр., Зоря 1893 р., 102 стр.

Молода була мало подібна до нього. Це була сімнадцятилітня висока, огрядна, білява дівчина з величною постаттю, подовгастим, милим личком, пишними рожевими устами „сердечком", ясними голубими очима [1]), довгими золотими косами, що аж за пояс заходили [2]). Вона тільки що скінчила тоді Полтавський інститут, де виховувалась. І по своїй вдачі вона була мало подібна до Забіли,—вона була м'якої, рівної, спокійної вдачи [3]). Неначе за-для того, щоб підтримати поговірку, що „контрасти зходяться", Забіла та панна Білозерська надзвичайно закохались одно в одного. Перші щасливі дні молодого, палкого кохання були самим кращим часом в житті Забіли. Щасливий настрій почасті одбився і в його віршах. Ось, напр., як він згадує про свою милу:

„Послухайте мою пісню,—я Вам заспіваю
„Про гарную дівчиноньку, якую я знаю.
„Русявая, круглолиця, очиці чорненькі,
„Моторная, як на диво, ротичок маленький...
„Як квіточка хорошая, як туполька статна
„І як лебідь білесенька, зовсім уся знатна.
„Губонькі—як те намисто, що добрим зоветься,—
„Сонечко неначе зійде, як вона сміється...
„А як пісні заспіває,—соловья не треба,—
„Слухаєш, не знаєш де це: неначе хто з неба" [4])...

А ось як залюблений Забіла говорить про силу свого кохання до милої:

„Вона—щастя моє в світі,—всі мені не милі.
„Її більше себе люблю, люблю до могили.
„І в могилі, коли можна, то буду кохати;
„Так там уже кінець всьому—треба вічно спати...

---

[1]) Зоря 1894 р., стр. 405.

[2]) „Спом. Барв."

[3]) Зоря 1894 р., стр. 405

[4]) Цей портрет милої Забіли трохи одріжняється од того, що навели ми вище,—тут говориться—„круглолиця, очиці чорненькі",—а раніш казано, що Л. Білозерська мала „подовгасте личко" і „голубі очі"!.. Хто помиляється,—напевно сказати трудно. Відомо тільки, що ці вірші Забіла сам прикладав до своеї милої й не раз промовляв їх, згадуючи про милу („Спом. Барв."). А навряд чи він міг помилятися?..

„Не бачивши її, бачу,—її річ я чую,—
„Де б я не був, що б не робив, за нею горюю.
„Серце, душа, розум, гадки за нею скучають"...

В другому віршові, згадуючи про свої зустрічі з милою, Забіла каже:

„Не раз плакала зо мною, не раз і сміялась,
„Казала, що тільки в світі мною і втішалась.
„Як побачу було слізки, в грудях важко стане,
„Прошу було: „не плач, серце!"—поки перестане.
„За-те ж було, як веселу да я її стріну,
„Щасливіщий всіх на світі був я в ту годину"...

Але ж не довго раював наш бідолашний поет. Не встиг він упитися своїм коротеньким щастям, як його спіткало велике горе. Ні, це було не горе,—це була справжня страшна катастрофа, що перевернула все його життя, що зламала всі його сили, що зробила з нього, колись веселого, енергічного чоловіка, талановитого письменника, [1]) не бідного дідича,—якогось нещасного п'яничку, писаку, мало не старця.

В той саме час, як Забіла раював, що-дня бачучись з своєю милою, до Білозерських почав учащати новий сусіда їх, сорокалітній поміщик удовець Ілля Боголюбцев, [2]) що купив собі невеличке село коло Мотронівки, але, як казали, мав великі, окрім цього, гроші. І йому скоро запала в око красуня Л. Білозерська. Він теж закохався. Не вважаючи на те, що Л. Білозерська вже була заручена за Забілу, він, егоїст, як і всі закохані, теж посватався до неї. Як дуже хитрий чоловік, з своїм сватанням він звернувся не до самої дівчини, а до батька. Сталося щось дивне за-для всіх. Старий Білозерський зламав слово, що дав Забілі, й порішив оддати дочку за Боголюбцева. Так він прямо й сказав дочці та жінці. Коли ті почали сперечатись, він

---

[1]) Правда, з великою певністю можна думати, що Забіла тільки й почав писати вірші після катастрофи Наша думка така: Після катастрофи Забіла почав страшно піячити,—а це погубило його з-початку такий сімпатичний талан.

[2]) Це призвіще ми знайшли в старих рукописах Тіщинського, — призвіща супротивника Забіли не подають в своїх споминках ні Ганна Барвінок, ні Нат.-Полтавка.

твердо, рішуче сказав їм, що своєї постанови не одмінить: як сказав, так і повинно бути, так і буде. Даремні були всі сльози, благання, сварки та лайки. Старий Білозерський твердо стояв на свойому. Він навіть звелів не пускати нещасного Забілу й на двір до себе. А Забіла ніяк не міг зрідинтися з думкою, що він навіки втрачає милу, — а Забіла цілі дні й ночі, не злазючи з коня, все їздив кругом маетности Білозерських, сподіваючись хоч одним оком побачити милу, перебалакати з нею, одвоювати таки свое щастя.

„По-уз двір, де мила живе,
„Я проїхав двічи,
„Да не бачив голубоньки
„Я ні разу в-вічі“,—

пише в одному віршові Забіла.

Раз Забіла прочув, що стара Білозерська—Мотрона Васильовна—з дочкою їдуть в Ніжин купувати придане. Він перестрів їх на дорозі заплаканих і став просити дозволу пересісти до них в екипаж. Мотрона Васильовна не згодилась, кажучи, що вони й без цього багато терплять усякого горя, а як Михайло Васильович (старий Білозерський) дознається про це, то їм ще гірше буде. Попрохавши Забілу відступити од них геть, вона загадала поганяти коней. Тоді з великої роспуки Забіла, не тямлючись, кинувся під коні й його трохи не переїхали. Після цього нещасного закоханого взяли в екипаж і благали не робити більше таких дурниць, запевняючи, що будуть тверді й не покоряться наказові Михайла Васильовича. Потішений, з надією в серці Забіла поїхав до-дому...

Час тягнувся довго. Минуло ще кілька місяців. На дворі стояла мокра осінь. У дочки й матері сльози не висихали на очах. Один раз в-вечері вся сім'я Білозерських спокійно сиділа в хаті: трое маленьких гралися на канапці, [1]) а Любов Михайлівна з Мотроною Васильовною щось шили чи читали коло столу. Коли це раптомъ одчиняються двері,—входить батько з Боголюбцевим.

---

[1]) Це були—мати Наталки Полтавки, її брат Василь і менча сестра Олександра (Ганна Барвінок),—див. „Зоря“—1894 рок., 405 стр.—Ганна Барвінок, хоч була тоді ще й дуже маленька, але запам'ятала обличчя Боголюбцева. „Він,—каже Г. Барвінок,—був ще молодий, чорнявий, кучерявий, але, як на мене, дуже не сімпатичний, прямо противний; в очах було щось роспустне, похабне ..“—„Спом. Барв.“

Боголюбцев зупиняеться коло порога, а батько скорою ходою підходить до дочки, накидае на неї теплу хустку й велить її іти за собою. Мати, дочка й діти в плач, а батько хапае Любку (наречену Забіли) за руку її веде за собою... Любка вернулася назад вже... повінчаною, гірко плачучи. [1])

Чим же можна пояснити таке негарне поводіння старого Білозерського що до Забіли?..

Перш за все мабуть тут мало велике значіння те, що Забіла був, як і всі вояки, добрий гуляка, що він, ще в гусарах служивши, навчився добре випивати тай і в карти любив пограти,—що через це саме він не вмів збивати копійку до копійки,—а вдруге—й те, що взагалі він був не багатий, особливо в порівнанню з Боголюбцевим. Ганна Барвінок каже, що старий Білозерський „не бачив в Забілі нічого положительного." [2]) П. Куліш прямо каже, що Білозерський не схотів оддати свою дочку „за п'яного картовника." [3]) З цього видно, що старий Білозерський боявся за долю своеї дочки,—боявся, щоб її не довелося бідувати за гулякою Забілою, і через те зламав свое слово. В віршах Забіли ми зустрічаемо дуже багато натяків, що це саме було причиною його нещастя.

„Без худоби теперь в світі
„Не зробиш нічого...
„Хто тепер без грошей стане
„Вірно вік любити", —каже він.
„Підстирила мене стира
„Полюбить дівчину,
„Не на радість, не на втіху,
„На лиху годину,—
„Бо бідному без талану
„Любить не годиться:
„Йому дулю під ніс дадуть,
„Як схоче жениться.
„Нехай буде пречесніщий,
„Нехай прехороший,—

---

[1]) Дивись—Зоря 1894 рок.—405 стр. („Роман Віктора Забіли"—Наталки-Полтавки).

[2]) Див. „Спом. Барв."

[3]) Куліш—„Хуторна поез."—19 стр.,—Куліш через-край вже рішуче і, як побачимо далі, не зовсім справедливо висловлюеться.

„Скажуть: „*П'яниця, бездільник,*
„В його нема грошей!..“
„Гроші! Гроші і худоба!
„Без вас хоч пропасти“,—

читаємо ми в другому віршові. — А ось і сценка, яку, певно, списав Забіла з того, що самому довелося пережити. Ось він прочув, що мила його має виходити за иншого; загнавши добрих коней, прилетів він до неї; ось, побалакавши з милою та нічого певного не дізнавшись од неї, він розмовляє з батьками та тіткою милої:

„ . . . Стали балагурить,
„Хто у винниці де курить,
„Скільки хто доходу взяв...
„—А в вас виннички немає,—
„Батько знов його питає.
„—Нема,—треба ще зробить“...
„А тітка дак все сокоче:
„—Хто за його піти схоче,
„В його худоби нема,
„А в того ж багацько грошей.
„Подивиться, дак хороший...
„Іди лучше за того!...“

Во всій оцій нещасливій події в дуже не сімпатичному світлі малюється постать старого Білозерського. Перш за все це був страшний деспот в сім'ї. Хоч і бере його під свою оборону п—ні Наталка Полтавка, заявляючи, що він ще з-молоду „поклонявся Вольтерові“, [1]) і ніколи не належав до відомого роду домашніх „самодурців“, [2])—але факти, про які вона росповідає в своїй статті „Роман В. Забіли“, свідчять як раз противне. Потім—він мабуть дуже любив і поважав гроші, бо так вчепився за багатого зятя, хоча його й не кохала Любов Михайлівна. Забіла під час сватання зовсім ще не був ні тяжким п'яницею. ні картяром. [3])—Головна його біда була в тому, що він був не такий багатий. як Боголюбцев. [4])

---

[1]) Зоря 1894 р., стр. 405. — О. Огоновський — „Ист. Литер.“—ч. III, відділ 1, — стр. 281.

[2]) Зоря 1894 р., стр. 405.

[3]) Див Кіев. Ст. 1886 р., № 9, стр. 173.

[4]) Говорючи про цей сумний факт, Ганна Барвінок завважає: „Бог його знає що моєму татові, такому розумному, сталось розлучить таку пару й силомиць оддати сестру за иншого.. “ („Спом. Барв.“).

Почувши про те, що Любов Михайлівна вийшла заміж за Боголюбцева, Забіла зразу страшенно обурився на неї."

„Любив, кохав я дівчину, — пише нещас-
„І вона клялася, [ний поет:—
„Що кохає мене дуже,
„Дале й продалася,—
„За худобу проміняла..."

Звертаючись до милої, Забіла дорікає її:

„Ти ніколи не кохала
„Мене так, як ти казала!.."

Але це було тільки хвильове роздразнення. Швидко Забіла зрозумів, що його наречена—зовсім не винна, що вона власне—така ж страдниця, як і він. Вже він не обвинувачує її за зраду, вже він добре зрозумів, хто його розлучив з милою:

„Да не вітри, люде злії
„Мені це зробили:
„Сами мене звели з нею,
„Сами й розлучили..."

Проходить ще кілька часу. Гнів, обурення по-малу-по-малу стихають, зменьшаються, зникають. Іх місце займає великий сум та біль на душі. Забіла сумує й горює, Забіла плаче й не перестає нарікати на свою щербату долю. В цей саме час прокидається у нього бажання писати вірші. Мало не в кожному своєму віршові Забіла говорить про своє горе, про свою тугу. Так, напр., в одному з віршів, рівняючи себе до листочка, що, зав'янувши, вже ніколи не зазеленіє вдруге, Забіла каже:

„Так і моє серце бідне
„Молодим змарніє.
„І в мене неначе в грудях
„Да щось одірвалось:
„Не лехче мені на серці,
„А ще гірше сталось.
„Очі мавши, я не бачу
„Радісного в світі,—

„Все обридло, все огидло,
„Не хочу більш жити!
„Ніч темна мені—як день,
„А місяць—як сонце,
„Плачу, плачу—один бідний,
„Сівши під віконцем!..“

Без милої ніщо не радує поета, без милої весь світ йому мало цікавий, без милої весь світ за-для нього — мов тюрма.

Багато людей люблять знаходити ліки од туги на дні чарки. В чарці ж почав шукати собі ліків і Забіла, що вже й раніш, ще бувши в гусарах, навчився добре випивати. Стерявши милу, з туги та роспуки Забіла почав пити та гуляти, задавав бенькети, на які скликав мало не всіх сусідів, придбав циганчат (років по десяти) дуже моторних і гарно повбіраних...[1]) „Бувало, — як каже Ганна Барвінок, — під час бенкету введе їх в залю, — сам стане посеред їх з чотирнадцяти-струнною бандурою, на якій він дуже гарно грав, утне козачка або що инше, циганчата навкруг його танцюють, співають і виробляють всякі штуки. Иноді й сам Забіла підтягує їм, особливо як співають -- „Не щебечи, соловейку“..., а найбільше мімікою та гримасами піддає їм охоти співати.“ [2])

Пив багато й гуляв Забіла, але його ще зовсім не можна було назвати п'яницею. Всі, хто мало знав, яке горе лежало на душі поета, вважали його за дуже веселого, компанейського чоловіка. Гарні, пройняті гарячим чуттям вірші його поширились під цей час серед його знайомих і здобули йому славу вкраїнського поета. Відомий російський композітор М. Глінка, який був в Чернигівщині р. 1838, зустрічався з Забілою в с. Качанівці, маєтку Г. С. Тарновського. Він прямо називає Забілу „малороссійским“ поетом. Не згадуючи ні одним словом про п'янство Забіли, він говорить тільки про надзвичайний хист його „изображать в лицах.“ Перший скрипач Тарновського Калинич один раз, дивлючись на Забілу, так захопився, що аж скрикнув: „Это, сударь мой, волшебство, совершенный антик!“ Вірші Забіли подобались і Глинці, який до двох з них („Гуде вітер вельми в полі“..., та

---

1) Ганна Барвінок каже, що в його були цигани кріпаками. („Спом. Барв.“).

2) „Спом. Барв.“, — Порів. — „Роман В. Забіли“, — Зоря 1894 р. 405 стр.

„Не щебечи, соловейку“...) прибрав ноти. Взагалі в споминках Глинки про Забілу можна помітити, що він подобався всім, хто знав його, особливо своїм надзвичайним гумором. Художник Штернберг, що теж разом з Глинкою був у Качанівці, навіть намалював гарного портрета Забіли. [1]) Року 1841 Забіла друкує три свої вірші в „Ластівці“ Гребінки і стає відомим всім українцям, що стежили за розвитком рідної літератури.

Десь коло цього часу Забіла познайомився з Шевченком. Коли саме почалося це знайомство й як саме зав'язалося воно, трудно напевно сказати. Шевченко, вільний чоловік і відомий вкраїнський поет, вперше був на Вкраїні тільки 1845 р. До того часу навряд чи міг Забіла персонально познайомитись з ним. Але дуже можливо, що Шевченко і ще значно раніще знав про Забілу. В-осени р. 1839 Шевченко жив у Петербурзі разом з художником Штернбергом, який тільки що тоді вернувся з України, [2]) де в маєтку Г. Тарновського с. Качанівці дуже часто зустрічався й балакав з Забілою. Як відомо, Штернберг навіть намалював портрета з Забіли. [3]) Шевченко дуже цікавився тим, що робиться на Вкраїні, й роспитував про все Штернберга. Не може бути щоб він в ціх розмовах нічого не згадав про вірші та пісні Забіли, — не може бути, щоб і Шевченко не звернув уваги на те, що десь в Борзні чи коло неї живе рідний, вкраїнський поет. Наслідком цього заочного знайомства було те, що р. 1842 Забіла одержав од Шевченка з власноручним написом тільки що видруковану поему „Гайдамаки.“[4]) Ідучи на Вкраїну 14 квітня р. 1845 р. в суботу перед Великоднем Шевченко, був на хуторі (в Чернигівщині) у свого приятеля Віктора Олександровича [5]). Хто такий був цей Віктор Олександрович, не відомо. Можливо, що це був і Забіла, хоча батька його й звали не Олександром, а Миколою[6]). 9 січня р. 1847 Шевченко вже прямо їде в Борзенський повіт до Забіли, як до свого знайомого. Потім частенько Забіла з Шевченком бачились у Г. Тарновського в Качанівці, де вони „обидва

---

[1]) Див. — Рус. Стар. 1870 р., № 9, стр. 279.

[2]) Кониський — „Т. Шевченко Грушівський“, т 1, — 82 — 83 стр.

[3]) Рус. Стар. 1870 р. № 9, стр. 279. — Цей портрет зараз в „Им. Публ. Библіот.“

[4]) Основа 1862 р. № 5, — Петров „Очерки“... стр. 309.

[5]) Кониський — ibid, стр. 209 — 210.

[6]) Де-хто з біографів Забіли теж звуть його не Миколаєвичем, а Олександровичем.

поети, обидва щирі українці, обидва глибокі патріоти, — як каже Кониський, — швидко сприятелились." [1]) Після цього Шевченко кожен раз, як тільки доводилось йому переїздити через Борзну або бути де недалеко, не минав Забіли. Коли якось раз з невідомої причини Тарас не заїхав до Забіли, ображений поет послав йому ганьбу й дорікання, — написав гумористичне „посланіе". Це „посланіе" свідчить, що між поетами були досить близькі дружні відносини (оскільки глибокі, — трудно сказати!), — що вони писали один до одного листи („Чого ти лаешься, Тарасу?" — починае своє „посланіе" до Шевченка Забіла). Шевченко навіть змалював портрета Забіли. [2]) Кажуть, що на прощання з Забілою Шевченко подарував йому свого картуза і якийсь рослинний порошок зеленоватого кольору за-для настойки. Все це, а також листи Шевченка, які він надсилав йому з заслання, Забіла беріг, як святощі аж до своєї смерти. [3]) Коли помер Шевченко, то Забіла провожав його тіло аж до могили. [4])

З початку сорокових років минулого сторіччя познайомився Забіла й з другим великим українським письменником П. Кулішем. Коло травня 1843 р. Куліш вперше завітав до Білозерських на хутір Мотронівку і з цього часу цілих три роки, аж поки не одружився з Ганною Барвінок (Олександрою Білозерською), дуже часто їздив до них. В цей саме час спізнався з ним і Забіла, який теж не минав хутора Білозерських. Куліш зразу поважав талант літературний Забіли, почував до нього сімпатію, а разом з тим і дуже жалкував, що суворе життя так згубило цей досить виразний талант. „Хоч, може хто й здивується,—пише П. Куліш,— та я скажу, що це в нас був би другий Гоголь, ще, може, до того Гоголь український, коли б у нього була така дорога, як у Гоголя, і такі приятелі" [5]). Ганна Барвінок в своїх споминках каже, що „відносини між Забілою та Кулішем були завжде приятельські, хоча вони рідко бачились" [6]). Але є де-які факти, які свідчять, що ці відносини під кінець життя Забіли (з початку 60-тих років) дуже попсувалися. Р. 1857 Куліш на сторінках „Русскаго Вѣстника" обізвав вірші Забіли [7]) циганськими, — казав, що вони написані мовою, „якою балакають на Вкраїні

---

[1]) Кониський — ibid., стр. 210.

[2]) Кіев. Стар. 1882 р. № 10, стр. 70, — Зоря 1893 р., стр. 103.

[3]) Зоря 1893 р. стр. 103.

[4]) М. Чалий—„Жизнь и произведенія Т. Шевченка",—196 стр.,—О. Кониський—Т. Шевченко—Грушевський. т. II, 392 стр.,—Кіев. Стар. 1882 р. № 10.

[5]) Куліш—„Хуторна поезія", - стр. 22.

[6]) „Споминки Ган. Барв."

[7]) Вірші, що булі надруковані в „Ластівці".

цигани“ [1]). Цей гострий присуд так роздратував самолюбивого Забілу, що він написав до Куліша довге віршоване „посланіе“, в якому дуже зло глузував з Куліша. Це „посланіе, хоч і мало цікаве з поетичного боку, було дуже поширене серед борзенців. На жаль, воно зовсім не збереглося. До нас дійшло тільки три вірші з нього:

„Крути, верти свій розум
„Ізо всеї праці,
„Не викрутиш більше того,
„Що у мене в с....“ [2])

Не меньш самолюбивий Куліш оддячив за себе. В двох своїх повістях: „Майор [3]) та „Украинскія незабудки“ [4])—він змалював в дуже не сімпатичному виді Забілу, з'образивши його під призвіщем Иволгина.

Оскільки правдиво змалював Куліш Забілу в своїх повістях, про це ми ще будемо говорити, а тепер вернімося трохи назад, знов до його біографії.

Втерявши милу, Забіла почав запивати. Зразу він соромився пити на людях. Кажуть, що, їздючи по своїх сусідах, він возив з собою хлопця з дорожним буфетом і пив дорогою [5]). В цей час він був ще гарним з себе, показним, розумним і дуже дотепним чоловіком. Кохаючись в рідній мові, він жорстоко глузував з тих панів і особливо панночок, що соромились балакати рідною мовою, а говорили по-французськи [6]). Коли б діло не йшло далі бенкетів та гулянок з приятелями, то навряд чи це мало б дуже сумні наслідки. Але Забіла почав все більше запивати, — почав пити й при гостях, і сам-на-сам. Ганна Барвінок росказує, що в нього була так звана „дітська“,—хатина, в якій стояли бочонки з наливками, горілкою то що. І всі ці бочонки, скільки їх ни доливав Забіла, все чогось швидко висихали [7]). Коли до цього

---

[1]) Рус. Вѣстн. 1857 р., № 12, стр. 231.

[2]) Кіев. Стар.—1886 р. № 9, стр. 174—175.

[3]) Рус. Вѣстн. 1859 р.,—„Повѣсти П. А. Куліша“—т. IV,—СПБ. 1860 р.

[4]) Основа 1861 р. № 9.

[5]) Кіев. Ст. 1886 р. № 9, 113 стр.

[6]) Ibid. 173 стр.

[7]) „Спом. Барв.“; про цю „дітську“ та про наливки так само згадує Куліш, характеризуючи въ своїх повістях Иволгина (Див.—„Украинск. незабудки“—Основа 1861 р. № 9, стр. 13,—„Повѣсти П. А. Куліш“, т. IV (Майоръ),—стр. 17.

додати, що Забіла багато програвав в карти [1]), що він був вельми милосердний до вбогих і без всякої міри щедрий до своїх приятелів, [2])—то зрозуміло, що його, порівнюючи, невеликого маєтку не могло зберегтись надовго, — то зрозуміло, що швидко він став мало не старцем. Піяцтво без просипу, товаришування з п'яницями сталося причиною того, що й морально Забіла спускався все нижче та нижче, що він втрачав все те, чим так щедро наділала його мати-природа. „Багацько святого добра було в цій нещасливій людині,—каже Куліш,—і все те з'їла ледача панська жизнь, та жизнь, котру нам не дали справити на луччий шлях“ [3]). Не можна сказати, щоб Забіла цілком пассивно відносився до свого морального зубожіння, щоб він не розумів його, не поривався до чогось иншого, кращого, вищого,—щоб він був задоволений з свого життя. Хоча прямих свідоцтв і немає, але з деяких його віршів видно, що йому було часом дуже важко. Так, напр., в віршові „До коня“ він каже:

„А тут думка, а тут серце
„Як почнуть змагаться:
„На що літа погубив так,—
„Їм вже не вертаться“.....

В жартовливому „посланіи“ „до Шевченка“ Забіла дорікає Кобзареві, що той не заїхав до нього. З де-яких фраз цього „посланія“ видно, що Забілі дуже хотілося побачити живого чоловіка, почути живу розмову, забути хоч на де-який час своїх приятелів—„не дурнів випити“[4]),—забути горілку, карти... В цьому ж таки „посланіи“ нещасний Забіла марить про те, як би то гарно було поїхати до Петербургу:

„Я б ще побув у Петембурсі
„І побував би в вашій бурсі,
„Що Академією зовуть.
„Побачив би тебе Тараса,
„Того, що написав Торквата Тасса,
„Того, що славний медальєр.

---

1) Куліш,—„Хуторна поезія“,—стр. 19—20.
2) Ibid. 22 стр.
3) ibid.—стр. 22.
4) ibid.—стр. 22.

„Там Григорович є добряга,
„Да ще найшовся б чоловяга,—
„І серце б трошки пожило.
„Там Глинка той, що добре грає,
„Що пісень всяких він співає,
„Як би весною всі птахи!..
„Дак—що ж робить?... *Не маю долі:*
„Живу у світі, як в неволі,—
„Як пташка в клітці, так і я“...

Ось до чого поривалася душа Забіли,—ось в якому товаристві хотілося бути горопасі-поетові, та... „не мав він долі“.

Звичайно, як би Забіла був більш енергічний чоловік, як би в нього було більше сили волі, як би він був більш видатною натурою,—то він лехко пережив би свою житьову катастрофу, — то він також лехко порвав би з старим життям і роспочав нове. Та, на жаль, Забіла був дуже млявої, пассивної вдачи, був мало здатний хоч на який-небудь протест. Коли до цього додати, що у Забіли зовсім не було яких небудь певних вищих ідеалів, які б могли підтримати його після катастрофи з мріями про власне щастя, які б дали йому більш широку мету за-для життя, які б одкинули кудись назад думки про зрадливу милу та знівечене кохання, — то ми зрозуміемо, чому така, здається, звичайна, світова річ зробила на Забілу таке страшне по своїх наслідках вражіння. Зрозумілим нам стане також і те, чому він плив туди, куди зла доля швидко-швидко несла його житьовий човник, — плив, майже не борсаючись, хоча й бачив, що ось-ось човник його попаде на каміння та й розіб'ється [1]).

Морально Забіла падав все нижче та нижче. Але і в цей час в душі його було ще багато доброго. В душі його жила свята любов до меншого брата селянина. Він охоче балакав з селянами, кумував у них, гуляв на весіллях і допомогав, чим і як міг. Було в його душі ще одно велике, святе почування, якого він не міг забути, з яким він і вмер. То було — кохання, любов до милої, з якою його так жорстоко розлучили. Правда, не раз в своїх віршах Забіла звертається з гірким докором до „невірної“,— але й ці докори — такі болючі — ясно свідчять, що безталанному поетові ніяк не вдається вирвати кохання з свого серця.

[1]) Див.—вірш. „Човник“.

„Мучусь, мучусь і скучаю
„Серцем за тобою...
„На що ж було мені тебе
„Да так полюбити?
„На те хіба, щоб віку
„Собі вкоротити;
„Бо я кріпко, дуже люблю,
„Не можна вже більше,
„І чим дальше, а чим дальше,
„То все мені гірше“,—плаче Забіла.

В другому віршові, згадуючи вже про свою старість, він питається:

„За що ж цілий вік невірну,
„За що я кохаю?“...

Є де-які данні, які свідчять про те, що й „невірна“, Любов Михайлівна не забувала про свого колишнього молодого, що й вона—коли не кохала його, то співчувала йому. Ганна Барвінок оповідає, як один раз на балу в Мотронівці Забіла покликав до мазурки свою колишню молоду, тоді вже пані Боголюбцеву, — як гарно, з яким захопленням вони танцювали, як це дражнило Боголюбцева,—як ревнивий муж потім дико помщався над своєю жінкою... Ганна Барвінок рішуче висловлюється, що „сімпатія між ними до кінця життя зосталася“ [1]).

Звичайно, гаряче, палке, молоде кохання помалу - помалу зникало, — але воно зоставило після себе важкі наслідки, яких ніщо, навіть і всевладний час, не могло знищити. То було гостре незадоволення життям, повсякчасна туга, бажання хоч як-небудь розважитись, — відціля й повсякчасне піяцтво, й картярство. Звичайно, од такого життя маєтки Забіли все танули, мов той віск. Настав нарешті час, що їх продали за довги. Тоді (з початку 60 р.р.) Забіла, щоб мати заробіток, почав держати в Борзні почтову станцію й сам заправляв нею. Нове своє діло він вів дуже недбало й неакуратно. Мандрівникам дуже часто доводилось довго чекати коней. Коли б так поводився хто инший, то його довго не потерпіли б, а Забілі все прощали: такий він був привітний та

---

1) „Спом. Барв.“.

гостинний чоловік. Як і перше, Забіла любив бути на людях, — часто зустрічав проїзжих, знайомився з ними, балакав. Не раз траплялось, що проїзжі, які тільки що сварились, лаялись, що їм не дають коней, потім по кілька день жили, гостюючи, у Забіли випивали з ним, грали в карти, слухали його сумних та жартовливих пісень, сміялись з його вигадок [1]). Але люде, яким доводилось бачити Забілу під цей час, кажуть, що взагалі він робив дуже сумне враження. Це вже не був здоровий, гарний, веселий юморист, це був передчасно постарілий чоловік, мало не дід, давно не стрижений і не голений. Жартував він і тепер, але жарти ці були не веселі, але од жартів цих оддавало сумом. Особливо жалко й боляче було слухати, коли нещасний поет пробував іронизувати над своїм знівеченим життям, над своєю п'яною, наллятою горілкою „пикою" [2]). А пити Забіла вже не переставав, навіть пив ще більше, ніж перше. Тепер він вже мало не весь час проводив в своїй „дітській", серед ріжних бочок та пляшок, — тепер в „дітській" у нього появилася „жінка"—трицяти відерна бочка з горілкою, [3])—тепер він инколи навіть писав свої вірші наливкою, замісць чорнила [4]). Зрозуміло, що при таких обставинах. Забіла не міг довго вдержатись на місці. Останні роки перед смертю він жив у Борзні, в своєї сестри, що була замужем за Білозерським. В цей час Забіла вже був мало не напів-мертвий: більш мовчав, а як і росказував що, то зовсім не цікаво, без колишнього ґумору та живости [5]). Швидко й помер безталанний поет. Д. Микола Вербицький так расповідає про смерть Забіли: „Не задовго до смерти Забіла написав листа до свого небожа Івана Білозерського, де між иншими новинками росповідав, що о. Кондратій (піп) „удостоївся блаженної кончини", а власне — вертаючися до-дому п'яний, заорав пикою в калюжу й залився. „Дай Боже,—закінчував він,—і кожному християнину такого ж кінця".

---

[1]) Кіев. Стар. 1886 р. № 9, стр. 172.—Куліш в повісті „Майор",—характеризуючи Иволгина, говорить і про те, що він пропив свій маєток, і про те, що почав держати почтову станцію, і що був дуже неакуратним доглядачем станції, і про те, що закликав до себе проїзжих. Тільки Куліш малює Иволгина якимсь дуже улестливим перед великими панами чоловіком,—чого не можна, здається, сказати про Забілу.

[2]) Кіев. Стар. 1886 р., № 9, стр. 175.

[3]) Ibid. стр. 172.

[4]) В. Чернигівському музеї В. Тарновського є кілька рукописів Забіли. Коло одного з них є примітка, зроблена рукою самого автора: „написано вишнівкою".

[5]) Див. Споминки Тищинського.

А за якийсь час прийшла звістка, що Забіла помер. Сталось це, кажуть, так: взявши до себе в кабінет барило наливки, він все це барило випив, ліг на підлогу, поклав голову на барило (порожнє)... і—вмер" [1])... Чи справді було так, як оповідає д. Вербицький, трудно сказати, але в його оповіданні нема нічого неможливого.

Так страшно низько впав морально нещасний Забіла, але і в цьому страшному становищі він зберіг в душі одно тепле почування, то—було почування любови до колишньої молодої. Її, як згадує Ганна Барвінок, Забіла не забував до самої смерти [2]).

Помер Забіла 1869 р. Поховано його в Борзні. На похорон посходилось багато його колишніх кріпаків. Всі вони плакали за ним, мов за рідним: такий він був до них добрий та ласкавий... [3]).

II.

Кілька слів про твори В. Забіли.

Проживши на світі мало не 70 років, Забіла написав за все своє життя всього коло 40 віршів. Звичайно, це дивно мало. Але не треба забувати, кажучи про Забілу, тих умов, серед яких він жив і під впливом яких мусів розвиватись його літературний талан.

То були глухі, сумні часи. Мало не все панство, мало не вся інтелігенція на Вкраїні зовсім втеряла живий зв'язок з рідним народом. Між народом та інтелігенцією була страшна, глибока, непроходна безодня. Інтелігенція, здавалось, на-віки втеряла свою національність. Серед панів тогочасних можна було чути всякі мови—і польську, й московську, й французьську—ніколи тільки не лунала в їх покоях рідна, вкраїнська мова. „Тоді,—каже Куліш,— між українським панством рідко ще хто вмів розмовляти рідною мовою, і сам Шевченко говорив у гостях у панів мало не все по-російськи. Хіба знаходив дуже почутну собі людину між земляками, що відчалили вже від рідного берега і вплили глибоко в московщину" [4]).

---

[1]) Росповідаю про це з листа, якого ласкаво надіслав до мене в.-шановний д М. Вороний.

[2]) „Спом. Барв."

[3]) „Спом. Тищинського".

[4]) Куліш—Хуторна поезія, 24—25 стр.

Одже ж дивно, як то Забіла, живучи серед тодішнього зденаціоналізованого так глибоко панства, не тільки не забув і не забував рідної мови, але навіть писав нею свої вірші. Біографія Забіли зовсім не подає таких данних, які б могли пояснити цей трудно зрозумілий факт.

Може, хто впливав на нього в такому напрямку?

Трудно дати на це питання яку-небудь рішучу одповідь. Той факт, що Забіла вчився в Ніжині в ті часи, коли там був і Гребінка з Афанасєвим [1]), а також і те, що перші свої вірші Забіла друкує в альманасі „Ластівка", який склав і видав Гребінка р. 1841, неначе свідчить про те, що на нього впливав Гребінка, що Гребінка підтримував його сімпатії до рідного слова. На жаль, біографія Забіли не дає ні одного найменшого факта, який би свідчив, що між Забілою та Гребінкою були якісь більш тісні, більш щирі та приятельські відносини. Є певні данні, що Забіла був знайомий з Шевченком та Кулішем, — але це знайомство почалось аж в 40-роках,—тоді, коли вже Забіла надрукував свої вірші в „Ластівці".

Як бачимо трудно напевно сказати, під чиїм впливом Забіла почав писати вкраїнські вірші.

Можливо навіть, що й ніхто не робив на нього особливого впливу, що він цілком самостійно, з власної ініціативи почав писати вірші рідною мовою. Куліш в своїх згадках про Забілу неначе поділяє оцю саме думку. Кажучи, що рідна поезія на Вкраїні вперше прокинулась в Чернигівщині в творах Забіли, як в Харьківщині—за приводом Гулака-Артемовського, а в Полтавщині—Котляревського, він називає Забілу „самостійним органом нового почуття нації" [2]). Коли ми звернемо увагу на те, що Забіла, як то певно відомо з його біографії, дуже кохався в рідних піснях, і придивимося до самих його віршів, що своїм складом і формою так нагадують українські народні пісні, то ми знайдемо разом з цим те безсумнівне джерело, яке надихало Забілі любов до рідного слова, яке, не рахуючи навіть впливу окремих людей, і само могло потягти Забілу до праці рідною мовою. Факт впливу

---

[1]) Огоновський. — „Истор. литер.", ч. II, 1 відділ, — стр. 229. Кажуть, що Гребінка нахилив до українства Афанасєва („Зоря"—1887 р. ч. 4, стр. 70) і взагалі мав вдачу, „якою люде впливають на товаришів, сами того не бажаючи". Писати по-вкраїнськи він почав ще в гимназії, в Ніжині (Огоновський—ibid.—230 стр.)

[2]] Хуторн. поез.—19 стр.

на Забілу народньої поезії, особливо пісень, не може підлягати жадному сумніву.

Звичайно, можливо, що до нас дійшло далеко не все, що написав Забіла, хоча однаковість, що до змісту, всіх збірників (рукописів) його віршів неначе свідчить про те, що він більш нічого й не писав [1]). Нам здається, що Забіла і справді не писав більш нічого, оприче того, що далі друкуємо ми. Нам, на жаль, тільки не пощастило знайти „Посланія до Куліша", — але про цей твір кажуть, що він дуже не високої літературної вартости.

Чим же можна пояснити, що Забіла протягом такого довгого часу так мало написав?

Ми вже вище говорили, що Забіла не мав яких-небудь певних і міцних громадянських переконань. Це був собі простий чоловік, звичайний панок тогочасний, — тільки людина з щирим серцем і талановитою, дуже палкою, вразливою вдачею. Це була натура дуже сімпатична, але не глибока. Не маючи жадних сталих горожанських переконань, про що свідчать його твори, Забіла не міг свідомо глянути й на свою літературну діяльність. Забіла писав не через те, що кохався в рідному слові,—не через те, що розумів надзвичайну вагу й потребу рідної літератури, — він писав, бо слово само просилося, — писав, бо душа боліла, — писав, бо не міг вдержати слова, — писав, як соловей співає... Писав Забіла рідною мовою, бо любив її хоч і несвідомою любов'ю, бо вкраїнська пісня так зріднилася з його душею, що йому було б вже важко підібрати иншу форму за-для своїх думок і почувань.

Не маючи широких, загально-людських ідеалів або байдуже відносючись до них, Забіла через це саме не мав постійного джерела за-для своїх творів. Виспівав він своє горе, і далі не стало про що писати. Можна припустити, що Забіла починав писати й на инші теми. Серед відомих нам його творів є і дідактичні, і навіть історичні. Та всі ці твори погано виходили у нього. Через це саме, проспівавши свою пісню, виливши в піснях власне горе, Забіла мусів замовкнути [2]). Маючи все це на увазі, не треба забувати й тих важких обставин, серед яких жив Забіла і серед яких розвивався його літературний талан. Вільне, широке

---

[1]) Нам довелось бачити аж три збірники під назвою—„Співи круз сльози" і всі однакового змісту.

[2]) Можна думати, що Забіла покинув писати ще й через те, що бачив, наскільки слабі його твори в порівнанню з творами Шевченка та Куліша, які саме почали в цей час писати.—І. Франко—„Поезії В. Забіли".—Л.-Н. Вістн. 1906 р. № 3, 397 стр.

гусарське життя, зрозуміло, не могло дати нічого за-для його талану, не могло зміцнити його. Нещасливе кохання одвернуло його на час од колишнього веселого життя, наповнило його серце тугою й журбою, дало зміст його пісням, вклало в його мало підготовлені до літературної роботи руки перо. Та,—на жаль,—не довго писало це перо. Безпросипне піяцтво швидко вирвало з його рук перо, замінивши його чаркою.

І зміст творів, і біографичні данні говорять нам цілком ясно, що найкращим часом в письменницькій діяльності Забіли був час од половини тридцятих до другої половини сорокових років,— той саме час, коли Забіла, тільки що втерявши свою молоду, дуже вбивався за нею і виливав своє горе в піснях, поки що не дуже то заливаючи його горілкою. За цей час Забіла написав більшу й кращу частину своїх творів. Бувши на Вкраїні р. 1839, Глинка говорить, про нього, як про відомого „малороссійскаго поета“ [1]). А що краща пора літературної діяльности Забіли закінчилася в другій половині сорокових років, про це, поминаючи біографічні данні, виразно свідчить Куліш. Говорючи про гостювання у Забіли р. 1847 разом з Шевченком, він, звертаючись до „хуторного поета“ (Забіли), каже: „Ти, чадо попсованого привилеями панства, *втеряло єси на-віки возмогу кращого життя духовного*“ [2]). Правда, і після цього Забіла писав де-що. Серед його віршів є один, що був написаний р. 1855, як показує виставлена коло нього дата. Але цей вірш, [3]) в якому Забіла тільки згадує про своє піяцтво, не суперечить, а навпаки підтримує нашу думку, доводить, що і справді після другої половини 40 років Забіла, який пив мало не безпросипу, не міг нічого писати. Ще коло одного вірша Забіли, який зберегається в Чернигівському музеї Тарновського, ми знаходимо дату: „1857 р. 29 іюня“ [4]). Ця дата неначе б то говорить проти нашої думки. Але ця дата, не вважаючи на те, що її зробив сам Забіла власноручно, не певна. В одному з рукописів, який складено р. 1854 [5]), ми знаходимо вже цю поезію. Очевидно, р. 1847 Забіла тільки переписав її „вишнівкою“ за-для якогось з своїх приятелів.

---

[1]) Рус. Стар.—1870 р., т. 2. стр. 278—279.

[2]) Хутор. поез,—23 стр.

[3]) Дивись № 36.

[4]) Дивись №—32.

[5]) Рукопис № 2,—на ньому стоїть ця дата—„1854 р.“

Нашу думку, що Забіла не міг писати після 1847 р., підпирає ще й той факт, що після арешту Шевченка та Куліша (1847 р.) стало небезпечно писати по-вкраїнськи. Трудно думати, щоб Забіла, який ніколи цілком свідомо не відносився до рідного письменства, виказав стільки горожанської мужности, щоб, не вважаючи на небезпеку, писати все ж таки рідною мовою.

Зміст поезій Забіли дуже обмежений, не широкий. З біографії Забіли ми вже знаємо, що в своїх творах він головним чином ілюструє власне життя. Як відомо, кохання відіграло в житті Забіли дуже велику роль.

Цим то й виясняється, чому то мало не всі твори Забіли присвячені коханню. То він говорить про власне кохання, то висловлює гаряче співчуття всім закоханим [1]). Поезій, присвячених коханню, найбільше в поетичній спадщині Забіли, і ці поезії — кращі зо всього, що написав він. В них чується так багато щирого, безпосереднього чуття, виливається така правдива та глибока туга, що мимоволі навіть вони вражають серце, викликають в душі якийсь особливий, відповідний до їх змісту настрій.

По-за цими поезіями, присвяченими коханню, у Забіли дуже мало творів.

Є одна цілком невдатна і що до змісту, і що до форми спроба історичного вірша. „Палій“ Забіли [2]) ясно свідчить про те, що він і не знав, і не розумів зовсім рідної історії. Дарма шукати у нього правдивої характеристики головного героя, — дарма сподіватись, що він змалює широку картину давнього, минулого життя.

Серед творів Забіли зустрічається також ще й кілька „байок“. Але „байки“ ці дуже мало нагадують те, що всім відомо під назвою „байка“. „Байки“ Забіли—це через край ростягнуті, мало цікаві, не багаті ні змістом, ні формою, убогі мораллю віршовані оповідання [3]), часто цілком взяті з життя, з сучасних подій [4]). Між цими „байками“ вигідно одріжняється тільки „байка“ — „Остап і чорт“ [5]). Ця „байка“ краща од инших своєю формою, а крім того — в ній дуже гарно, цілком вірно з етнографичного боку змальовано характерні риси вкраїнського чорта, — чорта не дуже то розумного, якого лехко обдурити, і зовсім не злого.

---

1) Дивись вірші № 19, 21, 23...

2) Дивись — № 25.

3) Дивись № 13, 12, 16, 34.

4) Напр., № 13.—Див. Кіев. Стар.—1888 р., № 4.

5) № 16.

Нарешті, в спадщині Забіли ми знаходимо і кілька віршів з горожанськими мотивами. Це—саме нещасливе з всього, що написав він. Тут поезії вже нема ані краплі,—нема тут, на жаль, і орігінальної, свіжої, нової, самостійної думки. Ідеали й думки Забіли, які висловлюються в ціх віршах, самі звичайні, самі шаблонові. В одному віршові [1]) він, взявши за основу дійсний факт [2]), нападае на суди, які так спріяють багатим і так багато лиха приносять бідним,—в другому [3])—говорить про виховання дітей,—в третьому [4])—малюе гірку долю сиротини, — в четвертому [5])— дае поради дитині і т. инш. Ось, напр., як він говорить про виховання дітей:

„Треба дітей учить змалку, щоб вони трудились,
„Щоб були вони слухняні та щоб не крутились.
„Коли що сами не знають, щоб батьків питали,
„За червоним щоб не дуже вони все гапялись“ [6])...

Чи може бути щось більш шаблонового од ціх порад?... А ось—як він радить жити й що робити дитині:

„Учись, не заучуйсь,—
„Люби Бога більше всього,
„Тай нас старих слухайсь.
„Людей люби, як тих братів...
„Коли будеш шанувати
„В серці своїм Бога,
„Так не бійся ні невзгоди,
„Ні злого ворога“ [7])...

А ось як син одповідае батькові на його поради:

„Що ти казав мені, тату,
„Я усе те знаю:

---

1) Див. № 13.
2) Кіев. Стар.—1888 р., № 4.
3) Див. № 12.
4) Див. № 11.
5) Див. № 28, 30.
6) Див. № 12.
7) Див. № 30.

„Богу молюсь, Бога боюсь,
„Царя почитаю:
„Він, як рідний усім батько,
„Сиріт воспитає“ [1])...

Чи далеко ж пішли ці думки од так званої „прописної“, дешевої моралі?..

Не багаті змістом, твори Забіли далеко не виблискують і формою. Здебільшого форма їх—то форма „звичайних жіночих та й козачих“ пісень.[2]) В творах Забіли не шукайте штучного, гнучкого, артистичного вірша,—вірш його примітівний, надзвичайно простий і одноманітний.

Мова віршів Забіли, як за для того часу, досить чиста й гарна. Трудно зрозуміти, чому Куліш назвав цю мову „циганською“ [3])...

Вже раніш ми говорили, що в творах Забіли дуже помітно вплив народньої пісні. Народня пісня, що була джерелом задля всіх перших українських поетів, була головним джерелом і за-для Забіли. Маючи це на увазі, не можна ніяк згодитись з де-якими критиками, [4]) що помічають на творах Забіли вплив Шевченка та Метлінського. Можна цілком рішуче висловитись, що Забіла в своїх творах не наслідував нікому з тогочасних українських поетів.

Звичайно, за-для нашого часу, коли поезія пішла так далеко вперед і що до змісту, і особливо що до форми, твори Забіли не можуть мати великого значіння. Але навіть і тепер де-які з його віршів, найбільш ті, в яких він жалується на свою нещасливу долю та плаче за знівеченим життям, можна прочитати залюбки: в них так багато чуття та щирости. Не дурно ж де-які з ціх віршів Забіли, що так нагадують і своїм змістом, і формою народні пісні, пішли широко в народ,—і тепер ще їх співають селяне на Вкраїні. Але головна вага творів Забіли зовсім не в цьому,—твори його тепер мають виключно історичне значіння. Коли б ці твори з'явились в свій час, вони б мали в кілька разів більше значіння. Тоді вкраїнська література була ще така вбога, тоді на її ниві було ще так мало справжніх робітників, тоді

---

[1]) Див. № 28.

[2]) Куліш—„Хуторн. поез.“—19 стр.

[3]) Русск. Вѣстн.—1857 р, № 12., стр. 231.

[4]) А. Котляревський (Чуприна). Див.—Москов. Вѣд. 1856 р., № 41.

вкраїнська література стояла ще в такому становищі, що твори Забіли були б за-для неї цінним придбанням. На жаль, суворі, сумні обставини не дали Забілі розвити свій талан, а нещаслива доля сховала надовго його твори і держала десь в заховку, аж покі вони зовсім не постаріли та не втратили сучасного значіння.

Кінчаючи оцю коротеньку замітку про твори Забіли, сміливо кажемо, що Забіла мав чималий поетичний талан од природи і при кращих обставинах виховання та життя з нього міг би виробитись досить виразний і талановитий поет. Ось що каже про нього Куліш: „Беручи цю людину в цілості, мушу сказати, що був це чоловяга з великим природним даром... Хоч, може, хто й здивується, та я скажу, що це в нас був би другий Гоголь, ще, може, до того Гоголь український, коли б у нього була така дорога, як у Гоголя, і такі приятелі“.[1])

І сам Забіла добре розумів, що він далеко не все дав, що міг дати. В одному з своїх віршів, рівняючи себе до весняної води, він каже:

„О як би тая водиця та де зупинилась,—
„Не одному б в жарке літо вона пригодилась.“ [2])

В посланії „До Шевченка,“ говорючи про своє сумне життя, Забіла між иншим завважає:

„Живу у світі, як в неволі,
„Як пташка в клітці, так і я.
„Співають пташки і в неволі,
„Та все не так як би на волі“..

---

[1]) Хуторн. поез.,—стр. 19, 22.
[2]) Див. № 35.
[3]) Див. № 18.

III.

Вірші Віктора Забіли. [1])

№ 1. Грицько і Маруся [2]).

Жала дівка жито в полі, сама й зажинала,
Не бачилась довго з милим, бачити бажала:
Не дуже то пильнувала, усе оглядалась,
Бо милого козаченька вона сподівалась.
Уже й вечір, його нема. Дівка плакать стала,
Що й не вийшов він до неї, що й мало нажала.
До-дому пішла з поля, [3]) цілий день не ївши,
Всю ніченьку просиділа, голову схиливши
На правую на рученьку. Бідная тужила:
„Нащо таки я так дуже, нащо полюбила?
„Чому він, мій милесенький, в поле не виходив?
„Чи вже він такий безбожний, щоб [4]) мене ізводив?"
Стало на світ підніматься, реве вже скотина, —
В поле пастись захотіла, — все плаче дівчина.

---

[1] Друкуючи зараз всі вірші Забіли, які нам пощастило достати, вважаємо потрібним додати кілька слів:

Більшу частину віршів ми беремо в тій редакції, в якій знаходимо їх в самому старому рукописові — № 1. Чого в цьсму рукописові не хватає, — те додаємо з рукописів № 2 і 3, — рукописів (особливо № 3) більш нових Можна думати, що рукопис № 2 був складений, щоб подати до цензури: він самий повний серед рукописів, самий справний, в ньому чимало гострих і неестетичних виразів та слів позамінювано иншими, на думку редактора, кращими (Дивись, напр., вірші №№ 15 та 16). До кожного віршу ми подаємо варіанти, які зустрічаємо в ріжних рукописах. По-заяк де-що з творів Забіли ще раніш було надруковано, то ми, передруковуючи нанову оці його твори, наводимо варіанти і з друкованих його творів. Мало не всі вірші Забіли, які ми зараз друкуємо, видрукував на сторінках Літ.-Науков. Вістника (1906 р., № 3 та 4) І. Франко. Той рукопис, яким користувався Франко, дуже подібний до нашого рукопису № 3 (однакова назва і роспорядок віршів).

[2]) В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 29; в рукописові № 3 — під № 26. В обох ціх рукописах, а також у Франка, кожен вірш поділено на два. В рукописові № 1 — нема назви коло цієї поезії.

[3]) Франко — „і в домі."

[4]) Франко — „що."

Встала після з-під оконця, в коворот погнала
І бичечків, і теличок, та все сумувала.
Одігавши за коворот, в господу верталась
І з рідною матюнкою його пострічалась.
Заплакала [1]) старенькая — в поле ягнят гнала. —
„Помагай Біг, пан-матюнко! — дівка їй сказала.
— „Помагай Біг, дівчинонько!“ — А деле [2]) руками
Ударилась дуже в груди, залилась сльозами.
„Не досталось, Марусенько, звать тебе дочкою,
„Розлучили Грицька мого навіки з тобою.
„Вчора його, голубчика, як обідать сіли,
„Виборний із головою од нас ухопили.
„Ніженьки йому скували, бідний вельми плакав.
„Сказав: „От тобі й женився! Лучше б був не сватав.
„Ведуть мене у некрути. Прощай, батько й мати!
„Не достанеться вже, може, більш вас цілувати“...
„Затулився хустиною, хлипав, заливався...
„Де то моя Марусенька? З нею й не прощався!“...
„Прохався він вельми-дуже: „Пустіть до дівчини,
„До моеї голубоньки, хоть на пів години“...
„І я з своїм старим дідом дуже їх прохали,
„Щоб не вели [3]) його вчора... І слухать не стали. —
„Та ну, годі! почав хлипать, — от як росходився“, —
„Голова сказав сердитий: „нащо полюбився!“...
„Годі лишень, прощавайте, — виборний озвався:
„От і лихо, що з дівкою він не попрощався“.
„Росчинив він настіж двері, повели із хати
„Грицька, рідную дитину, вороги прокляті!“...
— „Нещасна [4]) я у світі! — Маруся сказала:
„Тепер жить [5]) мені не мило“, — гірко плакать стала.
„Буду мучиться, крушиться, буду убиваться:
„Не удалось сиротині милим утішаться!
„Нема Грицька, нема й щастя мені уже в світі!
„Увесь світ мені не милий, не хочу більш [6]) жити:

---

[1]) Франко — „заплакана.“

[2]) Мабуть — замісць — „далі“. „Деле“ — стоїть во всіх трьох рукописах. Франко — „сама.“

[3]) Франко — „взяли.“

[4]) ibid. — „нещасная.“

[5]) № 2: жить тепер; Франко — „жить мені тепер.“

[6]) Франко — „вже.“

„Не довелось карих очей його цілувати,
„Не довелось Грицька мого вічно своїм звати!“
— Дуже мучилась Маруся, бо вірно любила,
Приняла сердешну скоро сирая могила...
Чи вже квітка, як одірвать, [1]) довго цвісти буде?
Або серце, як розлучить, то воно й забуде?
Хоч у воду постав квітку, все вона зав'яне,
Бо вона вже одірвана, і пахнуть не стане!
Усе одно, як одірвати од милого милу.
Піде вже той нещасливий до время в могилу.
Котрі любляться по правді, повік не забудуть:
Поки душа буде в тілі, все нудиться будуть!...

№ 2. Човник [2]).

Чи довго я, нещасливий, [3]) буду так крушиться? [4])
Пора б уже перестати скучать да нудиться!...
Пливе човник без весельця, к берегу звертає.
Ніхто човником не править: вітром прибиває.
І до берегу причаливсь да й остановився.
Не найшлось і там нікого, кому б він згодився.
Не було йому спокійно з берега лежати:
Знай, все стукався об його, як стане плескати.
Потім хвиля ісхопилась [5]), сердешний одбився [6])
Од [7]) берегу ізнов плавать, [8]) поки аж розбився...
І я в світі, як той човник, де пристать, не знаю.
Де б схотилось, там не можна, бо щастя не маю.
Одбиває й мене хвиля изо всей мочі.
Піду, піду, помандрую, куди глядять очі.
Човнику ж тому байдуже, чи хвиля, чи тихо:

---

[1]) Франко — „Чи як квітку одірвати“..

[2]) В рукописові № 1 — нема назви ко цієї поезії. В рукописах № 2 і 3, а також в „Зорі“ (1894 р.) і у Франка кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2—цей вірш поміщено під № 1, — а в рукописові — № 3—під № 4.

[3]) № 3 — нещасний.

[4]) Франко — „крутиться.“

[5]) Зоря — ізхватилась.

[6]) ibid. — ізбився.

[7]) ibid. — від.

[8]) № 3 і Франко — плавав.

Він дерево, він не знае, що то в світі лихо.
А я бачу все і чую да серцем нужуся.
Ой, як піду, куди очі, то вже й не вернуся.
Не будуть мене ховати, [1]) де лежить мій батько,
Де лежить мій брат [2]) з сестрами, де лежить і дядько.
Не буде йти за труною старенькая [3]) мати,
Не знатиме, коли син вмер, не буде й плакати.
Може, [4]) прийдеться де в лісі або серед поля
Заснуть вічно нещасному, коли така доля!
По мені не будуть звонить [5]) і ховать з попами,
Роздовбають носом птахи да звірі зубами,
Ростягають кості [6]) мої без шкури, без тіла.
Ніхто в світі не знатиме, де моя могила,
Ніхто й жменьки землі зверху на мене не кине,
Бо Біг тільки буде знати, де смерть ізостріне. [7])
А [8]) волосся буйний вітер [9]) рознесе по полю...
Чи вже душа й [10]) на тім світі піде у неволю?...

№ 3. Вітер. [11])

Гуде вітер вельми в полі, реве, ліс ламае;
Плаче козак молоденький, долю проклинае.
Гуде вітер вельми в полі, реве, ліс ламае;
Козак нудиться, сердешний, що робить — не знае.
Гуде вітер вельми в полі, реве, ліс ламае;
Козак стогне, бідолаха, сам собі гадае:
„Ревеш, вітру, да не плачеш, бо тобі не тяжко,
Ти не знаеш в світі горя, дак тобі й не важко.

---

[1]) Зоря — не буть мені заховану.

[2]) Франко — „де брати мої...

[3]) ibid. — старесенька.

[4]) ibid. „мо'..“

[5]) № 2, 3, Франко і Зоря — звонить не будуть.

[6]) ibid — кістки.

[7]) Зоря — ізустріла.

[8]) № 2, 3, Франко і Зоря — і.

[9]) Зоря — вітер буйний.

[10]) № 2 — і; — № 3 і Франко — й душа.

[11]) В рукописові № 1 — нема назви коло ціеі поезіи. В рукописах № 2, 3 і Франка кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 2, а в рукописові № 3 — під № 3.

Тобі все одно: чи в полі, чи де ліс ламаєш,
Чи по морю хвилю гониш, чи криші здираєш
Солом'яні і залізні, [1]) якую де стрінеш;
Снігом людей замітаєш, в полі як застигнеш...
Одірви ж од серця тугу! [2]) Рознеси по полю,
Щоб не плакався я, бідний, на нещасну долю.
А коли цього не зробиш, мене кинь [3]) у море,
Нехай зо мною [4]) потоне, нехай [5]) моє горе!"...

№ 4. Безщасний. [6])

От і празника дождались. Веселяться люде.
А мені мабуть ніколи радощей не буде!
Дивлюсь на все, як без очей, бо щастя не маю,
Я і в будень, я і в празник нужусь та скучаю.
Минулося моє щастя: не бачусь я з нею,
Не бачусь з дівчиною, милою моєю.
Лучче б серце розлучили моє із душею,
Коли мені вже не можна звать її своєю.
Вона — щастя моє в світі ... Всі мені не милі...
Її більше себе люблю, люблю до могили.
І в могилі, коли можна, там [7]) буду кохати...
Да там уже [8]) кінець всьому [9]) — треба вічно спати!
Жить мені остило вельми, [10]) кинуть її тяжко:
Для неї я тільки живу, хоча і жить [11]) важко.
Не бачивши, її бачу. Річь я її [12]) чую.

---

[1]) Франко — „й залізнії..."

[2]) № 2 — муку.

[3]) № 2, 3 і Франко — кинь мене.

[4]) Франко — „ізо мною хай"...

[5]) № 3 — люте; Франко — моє люте...

[6]) В рукописові № 1 — нема назви коло цієї поезії. В рукописах № 2 і 3 кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 30, а в рукописові № 3 — під № 21.

[7]) № 2, 3 і Франко — то.

[8]) № 3 — „уже" — нема.

[9]) Франко — горю.

[10]) № 2, 3 і Франко — дуже.

[11]) № 3 — хоть і жити важко.

[12]) № 2, 3 і Франко — її річ я чую.

Де б я не був, що б я [1]) не робив, за нею горюю.
Серце, душа, розум, гадки — за нею скучають.
Плачуть мої карі очі: бачити бажають.
Не думкою, справді бачить, речі слухать справді. [2])
Так, як би мені хотілось, як люблю по правді.
Злая доля однімає у мене дівчину, —
Мене й мучить, мене й гонить живого в могилу.

№ 5. На той світ до батька. [3])

Нащо, тату, ти покинувъ мене сиротою,
Чому мене не взяв малим в могилу з собою?...
І я б вічним сном у землі спав, а [4]) не журився б, [5])
Не знав би я в світі горя, світом не нудився б. [6])
Як несли тебе ховати, тоді був дитина
І не думав, що я в світі бідна сиротина.
Не вмів тоді, нещасний, [7]) і слова сказати
І не знав, що батька несуть в землю заривати.
Може, іще й забавлявся, як попи [8]) співали:
Годок мені був од роду, [9]) як тебе ховали.

№ 6. Думка до себе. [10])

Сидів раз я над Десною [11]) да й дивився в воду,
Чому радощей ніколи я не бачив зроду?
Думав, гадав, за що б долі так мене карати?

---

[1]) № 2, 3 і Франко — „Я" — нема.

[2]) Франко — справді бачуть, річі чують справді.

[3]) В рукописові № 1 нема назви коло цієї поезии. В рукописах № 2, 3, 4 і 5 — а також в „Черниг. губ. Вѣдом." (1857 р. № 16) кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 31, — а в рукописові № 3 — під № 23, — в рукописові № 4 — під № 4, — а в рукописові № 5 — під № 2.

[4]) № 4 і 5 — і.

[5]) Франко — нема — „б"

[6]) ibid — нема — „б"

[7]) № 2, 3, 4, 5 і Франко — нещасливий,

[8]) Черниг. губ. Вѣд. — дяки.

[9]) № 4 і 5 — бо я годиком зостався.

[10]) В рукописові № 1 нема назви коло цієї поезії. В рукописах № 2, 3, і 4 кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 5, рукопиеові № 3 — під № 6, а в рукописові № 4 — під № 2.

[11]) № 2, 3 і Франко — над річкою.

Чи я хотів кого вбити, або щоб одняти
Худобу в кого чужую, або щоб [1]) украсти?
Мабуть прийдеться нещасним мені вже й пропасти..
Хвиля була превелика, вітер так і гонить,
Аж пором [2]) став серед річки і [3]) з місця [4]) не сходить
Були й жінкі на поромі, були й чоловіки.
Кричять: „Тягніть разом, люде! Пропадем навіки!“...
Аж на пором [5]) хвиля плеще. Вітер реве, свище!
Пливуть вони дуже тихо і к берегу близче.
Дивлюсь: човничок [6]) маленький [7]) із хвилі маняє,
Зовсім стане його видно, а після й немає.
Тягли пором по канату й шостами спірали
Да й то сливе вже й к півдню к берегу пристали.
Мордувались [8]) із ранку і всі поморились [9]);
Як вилізли вже на берег, аж [10]) перехристились,
І сила ж була велика, да все було важко.
Як же тому, що в човнику, як же тому тяжко?
Неборашний, против хвилі сам він гонить човен,
І ізверху вода плеще, і ізнизу повен.
Став він ближче й до берега [11]) уже підпливати
Да не вспіє [12]) сам він гребти й воду виливати [13]).
Завертівся кругом човен да й перевернувся;
Бовть у воду, бідолашний, і не схаменувся.
Винирав [14]) разів із трічи. „Ой, ратуйте, пробу!..“
Кричав він, сердешний, дуже, кричав ік народу.
„От тако, [15]) — тільки сказали, [16]) — от тобі й нажився,

---

1) Франко — що.
2) № 2 і 4 — порім.
3) № 4 — „і“ — нема.
4) № 4 —міста.
5) Франко — об порома.
6) № 2, 3 і 4 — човник.
7) № 3 і 4 — малюсенький, Франко — малесенький.
8) № 2, 3, 4 і Франко — мордувалися.
9) 2, 3 і Франко — дуже потомились.
10) № 2 і 3 — всі.
11) № 2 і 3—і к берегу; № 4—до берегу.
12) № 3—вміє.
13) № 4 відливати.
14) № 3—виринав.
15) № 2, 3 і 4— оттак.
16) № 4—тілько і сказали.

Не далеко й до берега да ба—утопився!..“
Я був кинувсь рятувати, так [1]) плавать не вмію
Да й подумав, що й я в світі так десь [2]) околію
І мені так люде скажуть: „От тобі й нажився!
Хотів іще й [3]) ожениться, --от тобі й женився...“

№ 7. *До милої.* [4])

Поуз [5]) двір, де мила живе, [6]) я проїхав двічі,
Да не бачив голубоньки я ні разу в вічі [7])
Затьохкало серце в мене, як з двором зрівнявся.
Дуже бачиться хотілось, і кінь запинявся. [8])
Да нерано було уже, [9]) як я мимо їхав.
Оглядався назад довго, неначе хто кликав.
Дак я сам собі [10]) подумав: „Чи й ти так скучаєшь?..
Коли вірно мене любиш, то й бачить бажаєш.
Ой, як вірно мене любиш, будем жить з тобою
Цілий вік, моє серденько, як риба з водою“...

№ 8 *Думка.* [11])

Ой [12]) коли б хто знав, як тяжко так на світі жити,
Як мені тепер прийшлося... Біг зна, й [13]) що робити...

---

[1]) Франко — да.

[2]) № 4—десь так.

[3]) № 4—„й—нема“.

[4]) В рукописові № 1 нема назви коло цієї поезії. В рукописах № 2 і 3 кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 26, а в рукописові № 3 — під № 17.

[5]) № 3 — пуз.

[6]) Франко — живе мила.

[7]) № 3 — голубоньки ні разу у вічі.

[8]) № 2 і 3 — зупинявся.

[9]) Франко — вже було.

[10]) ibid. — дак сам собі я...—Франко — да сам собі і;

[11]) В рукописах № 1 і 2 нема назви коло цієї поезії. В рукописах № 2 і 3 кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 27, а в рукописові № 3 — під № 18.

[12]) № 2 і 3 — ох.

[13]) ibid. — „й“ — нема.

Полюбив я дівчиноньку, і мене дівчина
Дуже любить [1]) побожилась; да лиха година,
Що я такий безталанний па світ уродився: [2])
І сам бідний і з бідною вірно полюбився.
Що ж тепер мені зосталось? [3]) Плакать та нудиться,
Або вештаться по світу да вік не жениться.
Не розлюблю я ніколи: гріх на душі буде,
Сам я себе покараю, — не Біг і не люде.
Бо не люде мене звели, щоб я став кохати.
Серце з серцем счепилося, трудно розірвати.
Так я про себе гадаю, що вік не забуду:
Поки серце бьеться в грудях, поки жив я буду,
Не покину тебе, серце, дівчинонько мила, —
Розлучить мене з тобою тільки що могила.

№ 9, Споминки. [4])

Два вже літа скоро прийде, [5]) як я закохався;
Як би знав я свое горе, лучче б був [6]) не знався
І [7]) з тобою, дівчинонько, тоб не знав і муки,
Не знав би, [8]) як то любить, не знав би і скуки.
Як не бачу тебе тиждень, то за год считаю,
А побачу — і то тяжко: що казать, не знаю.
Сказать тобі, що я люблю. Ти скажеш: „Я знаю!“ [9])
Назвать тебе голубкою, я долі не маю,
Бо як би звав голубкою, то вже б і своею...
Не буть тобі, дівчинонько, ніколи моею.
Тяжко мені це сказати, не моя в цім воля...
За що ж мене так карае, за що злая доля?..
Тяжко мені жить на світі, тяжко як без роду!

---

1) ibid. — люблю.

2) № 3 — другої половини цього віршу нема.

3) № 2 і 3 — осталось.

4) В рукописові № 1 нема назви коло ціеї поезії. В рукописах № 2 і 3 кожен вірш поділено на два. В рукописах № 2 і 3 цей вірш поміщено під № 12.

5) Франко — пройдуть.

6) Франко — і

7) № 2 і 3 — я.

8) Франко — я

9) ibid. — цього вірша нема.

Хіба ж себе отруїти, [1]) або з камнем в воду? —
Годів два назад, не більше, і я був моторний:
Шабля з боку, кінь гусарський, що як вьюн проворний.
Рижий мастю, очі чорні, як сонце сіяе,
Із-під копит іскри скачуть, як вихор літае.
Як Палій, і я на полі [2]) на нім красувався.
Був щасливий і веселий, і з горем не знався.
Було зарже підо мною, сам весь затрясеться,
Пів-години не постоїть: хропе, скаче, рветься...
Оттак серце мое бідне [3]) в мене бьеться,
Оттак воно, нещасливе, у ніч, і в день рветься...
Кінь же скаче, що веселий да горя не знае, —
А серденько — що нудиться да щастя не мае.
Сяду було я на його, щоб погарцювати, —
Не було і в думці в мене, щоб так горювати.
Теперь і сам я не знаю, що буде зо мною,
Мучусь, мучусь і скучаю серцем за тобою.
Люта доля, чому мені ні в чім не способить, [4])
За що мене, бідолаху, із ума ізводить?..
На що ж було мені тебе да так полюбити?.. [5])
На те хіба, щоби віку [6]) собі вкоротити!..
Бо я кріпко, дуже люблю, — не можна вже більше, —
І чим дальше, і чим дальше, [7]) то все мені гірше.

№ 10. Соловей. [8])

Не щебечи, соловейку, під вікном близенько,
Не щебечи, малюсенький, на зорі раненько.
Як затьохкаеш, як свиснеш, [9]) неначе заграеш,

---

[1]) Франко — ізтруїти

[2]) № 2 і 3 — і я було в чистім полі.

[3]) — в грудях.

[4]) № 2, 3 і Франко — Чому й мені люта доля ні в чім не пособить.

[5]) Франко — себе да так закохати.

[6]) № 2 — щоб віку, — № 3 — щоб так віку собі скоротати.

[7]) Франко — довше.

[8]) В рукописові № 1 нема назви коло цієї поезії. В рукописові № 2 і в „Черниговск. Губ. Вѣд." (1857 р. № 16) кожен вірш поділено на два. В рукописові № 3 цієї поезії нема. У Франка є тільки друга половина. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 3.

[9]) Черн. Губ. Вѣд.—засвищеш.

Так і бьеться в грудях серце, душу роздираеш.
Як засвищеш голосніще, а деле [1]) тихенько,
Аж у душі похолоне, аж замре серденько.
Зовсім [2]) трошки перестанеш,—лунь пійде [3]) усюди,
Ти в темну ніч веселишся і як сонце зійде.
Твоя пісня дуже гарна, ти гарно й співаєш,—
Ти щасливий: спарувався і гніздечко маєш...—
А я бідний, безталанний, без хати, без пари. [4])
Не досталось мені в світі весело співати.
Сонце зійде,—я нужуся, і заходить—плачу:
Котру [5]) люблю дівчиноньку, тієї не бачу.
Довго [6]) й чутки вже не маю про милу дівчину,
Цілий вік свій усе плачусь [7]) на лиху годину.
Не щебечи ж, [8]) соловейку, як сонце пригріє.
Не щебечи, малюсенький, як і вечоріє!
Ти лети, співай тім людям, котрі веселяться.
Вони піснею твоєю будуть забавляться.
А мені такая пісня душу роздирає,
Гірше бьеться моє сердце, аж дух замірає.
Пугач мені так годиться: стогне—не співає...
Нехай стогне коло [9]) мене та смерть возвіщає!..

№ 11. Сирота. [10])

Без худоби сиротині тяжко в світі жити,
Хоч який він буде чесний, все буде тужити;
Чесна душа йому втіха [11]) тільки всього й буде,—

---

1) №—2 далі.
2) Ibid.—після.
3) — Черн. губ. Вѣд.—луна всюду піде; № 2—лунь повсюду піде.
4) № 2—без пари, без хати.
5) № 2—яку.
6) Франко — давно.
7) Ibid—плачу.
8) № 2—„ж“—нема.
9) Ibid.—біля.
10) В рукописові № 1 нема назви коло цієї поезії. В рукописові № 2 її поміщено під № 22, а в рукописові № 3—під № 20.—В рукописах № 2 і 3 кожен вірш поділено на два.
11) № 3—втіхи.

Мало її [1]) хвалять вже на світі люде.
Тепер дивляться в кишеню, не на чоловіка,
Не дивляться, яка душа і чи ціла пика.
Нещастливій [2]) же всього у світі бідна сиротина:
Плаче инколи, сердешна, як мала дитина.
Що задумає, згадає,—не буде по його:
Без худоби тепер в світі не зробиш нічого.
Ох, як важко жить такому, кому світ не милий,
Кому очі зав'язані на вік його цілий
Не хусткою, а долею! Гірко вже такому,—
Сам добра такий не знає,—не зробить й другому.
Йому той край, де родився, буде—як чужина,
Всюди за ним слідом ходить лихая година.
І в-ніч нудиться він бідний, і як сонце зійде;
Радощей не мавши зроду, і в могилу піде.
Не попробує у світі він у-парі жити:
Хто тепер без грошей стане вірно вік любити?
Не назовуть його татом його рідні діти,
Ні на кого і під старість голови схилити.
І він дітками не буде свойми [3]) забавляться,
Неначе один у світі, ні к кому озваться.
По-неволі віку собі такий укоротить,
Бо нудьга в його од серця [4]) на час не одходить.
Ніхто йому не поможе, а всі люде бачуть!
Як умре, і на могилі в його не заплачуть.
І деревце, як підперти, [5]) то довше постоїть,
Прямійше воно ростиме, і вітер не зломить.
А як його обгородить, ще буде ціліще,
Бо й скотина не обломить, то й ростиме вище.

———

[1]) № 2—тепер її; № 3—її тепер.
[2]) № 2 і 3—нещастніще.
[3]) № 2—своім.
[4]) Франко — од його серця.
[5]) № 2 і 3—підперте.

№ 12. Будяк. [1])

Поралися люде в полі, хліб святий збірали,
І діток своїх маленьких всіх позабірали.
Инші колоски збірали, к матеркам носили.
„Любий Сидор! Любий Семен!“—за те їх хвалили.
„І я, мамо, осьде скільки, дивись, назбірала!“
„І ти любая Хотинко“,—мати їй сказала.
„З'їжте ж сальця трошки з хлібом, [2]) да не роскидайте!
„Як поїсте, ізнов, дітки, колоски збірайте!“[3])—
Другі ж діти, знай, бігали, цілий день крутились,
Уже й матерки кричали, [4]) і батьки сварились.
Та [5]) не слухали, що кажуть, щоб не пустували:
Регочуться да бігають, через сніп скакали.
Загляділи:—квітка якась в житі червоніє,
І побігли усі разом, хто перше поспіє
Собі вирвать тую квітку. А того й не знали,
Що то—будяк преколючий, аж опережали [6])
Один другого, як можна,—де-які й побились.
Трошки згодом уже вони добре розглядились.
Підбіг один зовсім близько, зачепивсь ногою,—
Прямо так і покотився в будяк головою.
Поколов собі всю пику, позбивав коліна,
І ще й мати, як підбігла:—„А вража дитина!“—
На його вона сказала, за чуб стрепенула,
Нераз в пику поколону кулаком сунула. [7])
І тим дітям добре чуби всім понаминали, [8])
Котрі бігли [9]) з ним умісті [10]) да жито топтали.

---

[1]) В рукописові № 1 нема назви коло цієї поезії.—В рукописах № 2 і 3 кожен вірш поділено на два,—а в „Зорі“ (1891 р.,—416 стр.) вірші ідуть так, як і в рукописові № 1.—В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 21, а в рукописові № 3—під № 19.

[2]) № 2 і 3—з хлібцем.

[3]) № 3—цього вірша нема.

[4]) № 2, 3 і „Зоря“— вже й матерки на іх кричали.

[5]) № 2 і 3—і.

[6]) Франко—але спережали.

[7]) „Зоря“—цього вірша нема.

[8]) № 2 і 3 - понаминала.

[9]) „Зоря“ – бігали.

[10]) № 3—за ним вмісті.

„Бачте, як би не крутились,—батьки їм сказали,—
„А так, як отії діти, [1]) колоски збірали,
„І ви б тепер хліб із салом вмісті з ними їли.
„Ніхто б вас і не лаяв, й чуби б не боліли.
„А тепер дак чорта зїжте, скигліть, [2]) скільки хочте,
„Та не лізьте й нам у вічі, і нас не морочте.
„Геть із поля по домівкам, діявольські [3]) діти,
Через вас і ми не вспієм діла ізробити.“ [4])
Треба дітей учить [5]) змалку, щоб вони трудились,
Щоб були вони слухняні та щоб не крутились.
Коли що сами не знають, щоб батьків питались,
За червоним щоб не дуже вони все ганялись.
Не все гарне, що червоне,—треба роздивиться,
Що воно такеє в світі й до чого годиться.
Иншая прегарна квітка, може, ще й пахуча,
Та не треба зразу хапать, бо, може [6]), колюча,
Так і людей треба в світі добре [7]) розбірати:
Не все треба од них слухать, не все їм казати.
Инший буде дуже гарно тобі балагурить,
За тебе неначе й тягне, [8]) тебе ж і обдурить.
Грошей тобі у позику він буде давати,
По шагу з рубля у тиждень процент буде брати.
Такії у вовка очей [9]) позичать не стануть:
Вони сорому ізроду не мали й не мають.
Дак їх треба стерегтися [10]) більше всього в світі,
Бо страшнійше сто раз вони, чим [11]) будяк у житі.
Будяк отак [12]) тільки уколе, хто на нього ступить, —
А такого, як зачепиш, так зовсім облупить.

---

1) „Зоря“—Та так, як ті діти.
2) № 2, 3 і „Зоря“—дак голодуйте, плачте.
3] ibid—неслухняні.
4] „Зоря“—поробити.
5] Ibid—вчити.
6] № 2 і 3—може й...
7] № 2 і 3—дуже.
8] № 3—з тебе неначе й тягне.
9] № 3—такії очей у вовка.
10] № 2 і 3—стерегаться.
11] Ibid.—як.
12] № 2 і 3—Бо будяк тільки уколе.

№ 13 Багатий і бідний. [1])

Зовсім світ перевернувся, не так усе [2]) стало:
Кривда всюди [3]) на покуті, а Правди чорт-мало [4])
Край порогу [5]) нема місця, мерзне [6]) за дверима;
Бідна Правда не багата, а Кривда з грошима. [7])
Отті вражі кручкотворці усе лихо роблять, —
Як попадуть в свої лапи, дак за ніс поводять.
Чия кишеня повніша, той і буде правий,
Сами ж викрутяться живо, як біси лукаві.
Нехай добрий не дожде вже [8]) по судам тягаться,
Бо не візьме він нічого, даром буде праця.
У шпаковню ще засадять, худобу однімуть,
Обезчестять сердешного і свитку ізнімуть.
Як обдеруть уже зовсім, пустять на поруки, —
Де вже тільки можна зірвать, дак погріють руки.
От я знаю, один случай коло мене стався,
Що багатий і к бідному [9]) в ниву уорався.
Бідний казав багатому, що він [10]) обиждає,
Що послідній [11]) шматок хліба в нього однімає.
І ще [12]) вилаяв, як знав уже [13]), да все шкоду робить.
Прийшла оранка, і бідний із плужком виходить.[14])
Може, спрягся, бідолашний, щоб не пустувало:
Мало мав він[15]) батьківщини і скотини мало.

---

[1]) В рукописові № 1 і в „Кіев. Стар." (1888 р. № 4, стр. 15 — 16) нема назви коло цієї пеезії. В рукописові № 2 кожен вірш поділено на два, — в рукописові № 3 і у Франка цього вірша зовсім нема. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 17.

[2]) „Кіев. Стар." — усе не так.

[3]) ibid. — всюди кривда.

[4]) № 2 — вже мало.

[5]) „Кіев. Стар." — крій порога.

[6]) ibid — мерзни.

[7]) ibid — з 4 по 10 вірш нема.

[8]) № 2 — не дождеться.

[9]) „Кіев. Стар." — та бідному.

[10]) ibid. — той.

[11]) ibid. — останній.

[12]) ibid — щей.

[13]) ibid. — „уже" нема.

[14]) ibid. — далі двох віршів нема.

[15]) № 2 — він мав.

Тут і почали [1]) змагаться, [2]) трохи не побились. —
Один на другого в суди жаліться хвалились. [3])
Бідний каже: [4]) „як би не гріх, в суді б не тягався,
Рощавив [5]) би, як ту жабу... Швидко [6]) б розщитався:
Истиком би по голові тріснув разів двічі,
Полетіла б душа в пекло, вилізли б і вічі.“
— „Процентуюсь!“ [7]) зараз крикнув багатий людям. —
„Кажіть же ви все, що чули, та по правді судьям!“
Зараз додому поїхав, [8]) наняв писаришку,
Надригали прошеніе уже не без лишку!
Написали, що той [9]) його убить нахвалявся,
Що по полю з сокирою за ним він[10]) ганявся,
Свідителей поззивали, [11]) у бідного ж мало:
Хто за голого [12]) потягне?.. От діло й пропало...
Багатий же давав [13]) гроші, всякі лакоминки,
І хліб святий мішечками, й годовані свинки.
Бідний думав бублічками одмогтись, сердешний, —
Та[14]) хто більше дае грошей, той і буде чесний.
Присудили за безчестя із бідного [15]) штрапу,
Продали у небораки послідню шкапу,
У намастир [16]) за похвалки каятися вперли,
У [17]) тюрмі ще поморивши, до станку обдерли.
Такім би, [18]) замість мундирів, петлі б дать на шиї,

---

1) № 2 — начали.
2) „Кіев. Стар. — змагатися.
3) ibid. — На послідок же в суді позивать хвалились; № 2—в суд один на другого жаловаться хвалились.
4) „Кіев. Стар.“ — сказав багатому...
5) № 2 — роздавив.
6) „Кіев. Стар.“ — скоро.
7) ibid — Протестую.
8) ibid — побіг він до-дому.
9) ibid. — бідний.
10) ibid. — та що за ним з сокирою по полю...
11) ibid. -- поззивали свідителів...
12) № 2 — його.
13) „Кіев. Стар.“ — а багатий сипав.
14) № 2 — там.
15) „Кіев. Стар.“ — присудили із бідного за безчестя...
16) ibid. — манастир.
17) ibid — та в...
18) ibid. — оттаким би нашим суддям.

Да голодом перемучить, [1]) потопить в помиї,
Щоб і води не поганить чистої, чігучей, [2])
По два разом [3]) в помийницю, — вони дуже гнучі,

№ 14 Весілля. [4])

Хату нову ік весіллю робить пильнували;
Доробивши, гарнесенько майстрів розщитали;
По два рублі із копою вони поділились;
Вийшли [5]) собі, а дівчата мазать заходились.
З середини і з надвору крейдою білили,
Ще й [6]) пучками по всій печі квіток накрасили.
Гарно, світло було в хаті, — весело й [7]) дивитись:
Як би в мене така була, як буду жениться!..
Лавки були кругом хати широкі, соснові, —
Столи, прилавок, полиці — усі були нові,
Як зовсім уже прибрали, все повимивали,
Вільця [8]) зараз поробили, молоду вбірали.
Як убрали, по улицям пішли всі співати,
По всім дворам заходили к весіллю прохати.
Потім додому вернулись, гостей дожидались,
Дождавшися, з музиками за стіл посажались.
Молода, як квітка, гарна, здоровая, біла
Із молодим на покуті під житом сиділа.
А баби точили бали, горілочку пивши.
Свахи пісеньок співали, між ними сидівши.
Іли всячину — м'ясиво... Музики скрипіли,
Котрі їсти не хотіли, гопака садили.
Дівчаточка дрібнесенько тупали ніжками,

---

[1]) ibid — поморивши.

[2]) ibid. — бігучої.

[3]) ibid. — рази.

[4]) В рукописові № 1 коло цієї поезії нема назви. В рукописах № 2 і 3 кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 10, а в рукописові № 3 — під № 11.

[5]) № 2 і 3 — пішли.

[6]) № 2—і

[7]) № 3 — „й“ — нема.

[8]) Франко—вінця.

Головками киваючи перед парубками.
А парубки, в боки взявшись, ходором ходили,
Приспівують, притупують да дівок вертіли.
Од обіду як устали, наївшись, напившись,
Загукали, пішли скакать, мов би побісившись.
Підперезав дружко себе навхрест рушниками,
В кучмі скакав [1]) серед хати, як чорт із рогами. [2])
Кричить: „Давайте [3]) горілки, пінной, не сивухи!
Не хочу я пить такої! Нехай пьють псяюхи...
Отим свахам, отим бабам сивуха годиться,
А нам доброї давайте, щоб добре й напиться"...
От, як випили вже гарно, до шталту сказати,
Инший пузом, инший рачки поліздли із хати.
Парубки ще все держались на ногах з дівками,
А музики, підтягнувши, [4]) вже не так то й [5]) грали.
„Матері чорт! [6]) Не під ноги! [7])—кричить на музики
Парубіка більший за всіх [8]) „От же побью пики.
„Грайте лучче! Що це таке? На сміх піднімають?..
„Тропака не можна вибить... Чорт віть, як [9]) іграють.
„Оце сукиного сина [10]) з цими музиками!..
Годі скакать!.. Ще давайте жартувать з дівками...
Каблучки в них однімали, де-які мінялись,
А де-які другим грищем собі забавлялись...[11])
Вечеріть уже як стало, знов музики грали,
Да вже дівки з парубками більш не танцювали,
Бо молодих у комору повели вже спати.
Не по нутру це дівчатам, пішли всі із хати
По домівкам, а инші під тин з парубками,
Щоб, бач, знать, яке весілля, чи буде з квітками?..

---

[1]) № 2 і 3 — скакав в кучмі.

[2]) ibid. — да махав руками.

[3]) ibid — давайте кричать.

[4]) Франко—подухнувши.

[5]) № 2 і 3 — „й" — нема.

[6]) № 2 і 3 — нема цього виразу.

[7]) ibid — не під ноги вже да грали.

[8]) № 3 — парубіка більший за всіх кричить на музики; Франко—... на музики: „А які то ви музики!"

[9]) № 2 і 3 — аби як.

[10]) ibid — Оце! Дивись, що ти зробиш...

[11]) Франко—цього вірша нема

Трохи згодом, як закричать дружки із свахами:
„Гу, гу, гу“... Давай в'язать руки всім стьонжками!..
Оттут як почали співать, усяк вимовляти,
Один про те, другий про це, да на двір із хати...
Пішли всюди по улицям, ляскають руками,
Свистять кричять, гагакають, дригають ногами.
А яке було весілля, про те ми ни знали,
Без хамута батько ходив, калину співали.

№ 15. *В хугу.* [1])

Вечоріє, смеркається, де дальше темніє,
Зривається хуртовина,—вітер вельми віє.
Віяв просто мені в пику уже через міру.
„Поганяй!“—я обізвався к [2]) свойму машталіру.
Був я трошечки п'яненький: мав на душі горе.
Тоді справді було мені по коліна море.
Вітер свище, реве, несе, вихрі піднімає,
Впірається прямо в груди, очі засипає.
„Погоняй скорій, Охриме, в полі ми загинем!
„Та гляди, чи так ми їдем!... Дорогу як кинем,
„Пропадем, як руді миші, десь посеред поля...
„Лучче б сидіть в теплій хаті... Понесла ж неволя!“
Хто любив коли по правді, як неможна більше,
То иншому [3]) траплялося хуртовини [4]) гірше.
Підстирила й мене стира [5]) полюбить дівчину,
Не на радість, не на втіху, на лиху годину,
Бо бідному, без талану любить не годиться:
Йому дулю під ніс дадуть, як схоче жениться.
Нехай буде пречестнійший, нехай прехороший,

---

1) Ні в одному рукописові нема назви коли цієї поезії. Назву беремо у Франка. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 23,—в рукописові № 3—під № 20 б., в рукописові № 4—його поміщено під № 3. В рукописах №№ 2 і 4 кожен вірш поділено на два.

2) № 2—„к“—нема.

3) № 4—инкому.

4) ibid.—траплялася хуртовина.

5) ibid.—підстарила мене доля; Франко—пидстерегай мене стара.

Скажуть: „П'яниця, бездільник, [1]) в його нема грошей!"
Гроші, гроші і худоба!—без вас хоч пропасти,
Коли б чорта [2]) у болоті з рогом [3]) де попасти.
Зпершу б, може, ізлякався б, [4])—я б перехристився,
Обома б після руками за ріг учепився.
Кричав би: „Давай худоби, діяволе [5]) проклятий!"
„А то здохнеш підо мною, бісе волохатий! [6])
„Хвіст одірву, ноги тобі всі переломаю,
„Усі ребра дубиною твої пощитаю,
„Назад очима поставлю, поодрізую уші,
„Будешь стогнать коло пекла, а не бить баклуші.
„Зуби всі повибиваю, вправлю в ніс каблучку,
„Побью морду тобі усю, [7])—загну у карлючку,
„Пригрундзюю до берези, як тую собаку,
„Поламаю всього тебе, зотру на табаку! [8])
„Не даром вас вовкулаків поскидало [9]) з неба;
„Там мабуть то [10]) дармоїдів не дуже то треба!
„Чуєш, гаспид, чуєш, гаде, [11]) подавай худобу!
„Трісне душа, трісне й тіло, хоч кричи ти [12]) пробу"!
Може б, тріснув, [13]) і чортяка [14]) дав би [15]) мені грошей,
Тоді і я, де вже [16]) треба, вельми б був хороший.
Дак цього не буде зроду: чортів [17]) нема в світі,
А більше вже нігде достать, нема й на приміті.
Безталанний я, безщасний! Нащо полюбився?

---

[1]) Франко—безумник.
[2]) № 2—ког.
[3]) ibid.—за рого
[4]) ibid.—„б"—нема.
[5]) ibid.—діавол.
[6]) ibid.—бо пропадеш підо мною Ирод волохатий.
[7]) Франко—всюю.
[8]) № 4—цього вірша нема.
[9]) № 2; 4—поскидано.
[10]) № 4—„то"—нема.
[11]) № 2—чуєш, я кажу по правді...
[12]) № 4—ти й...
[13]) № 4—труснув.
[14]) № 4—трухнув, і рогатий
[15]) ibid.—дав...
[16]) № 4—все.
[17]) № 2—таких.

Тоді [1]) мабуть відьма здохла, як я народився. [2])
Гірко в світі жить без грошей, солодко з грошима:
З ними буде прерозумний з довгими ушима.
Як захоче він жениться, оддадуть за нього:
Довгі уші не завадять,—з грошима нічого.
„Буде ляпать“!—скажуть. Добре: йому усе гарно...
Проживе такий у світі, проживе не марно. [3])
Де б прийшлось сказать розумно, і там їми [4]) ляпне,
А [5]) другий за його скаже, да в кишеню цапне.
І такії наживуться в світі, як [6]) їсхочуть,
Вони сами себе хвалять да людей й морочуть,
А ти все [7]) собі балакай, голим усе будеш,
І вмреш голий [8]) без худоби, ще й чесним не будеш.
Думав, гадав дорогою, трохи не скрутився,
Та на силу білим світом дома опинився.
Коні бідні вже пристали, по снігу тягавши,
Я змерз [9]) зовсім, Охрим охрип, [10]) на шкапів кричавши,

№ 16. Остап і чорт. [11])

Жив собі десь чоловік,[12]) він Остапом звався.
Раз поїхав в гай по дрова, з чортом пострічався:
Прилягав, [13]) бач, гайок його к болоту близенько; [14])

---

1) № 4—і тоді.

2) Франко—цього вірша нема.

3) Франко—солодко, хоч марно.

4) ibid.—ушима; Франко—дурість.

5) № 2—і.

6) № 4—як цього

7) № 2— вже.

8) № 2—голим.

9) ibid.—замерз·

10) Франко—спотився.

11) В рукописові № 1 коло цієї поезії нема назви. В рукописах № 2 і 3 кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 11, а в рукописові № 3—під № 12.

12) № 2 і 3—чоловічок.

13) Ibid.—притягав.

14) Петров.—до болота близько.

Росла всячина на [1]) йому високо й низенько.
Завелось в тому болоті чортяків до врага,
Були й голі, й волохаті,—цілая ватага;
Чорні були і перісті, шуті і з рогами,
На собачих були лапах, [2]) були і з ногами.
Остапу тому й казали, щоб він постерігся,
Щоб не їздив сам у гай той, щоб з чортом [3]) не стрівся.
Дак що! Може, він ухопить? Сирий—не покурить!
Уленетне й чорт [4]) од мене, може, й роги [5]) згубить!
Дивувалися миряне, що він так хваброує,
Що про бісів він так сміло під вечір толкує.
Бо вони, як тільки темно, [6]) всюди шванигають, [7])
Перевернуться [8]) в що-небудь, да і [9]) підслухають;
Жабами инколи скачуть, жуками-літають,
Де [10]) що робиться на [11]) світі, усе біси [12]) знають.
І Остап—нехай Біг простить—мабуть з ними знався:
Ходив в-ночі сам усюди, чортів [13]) не боявся.
Раз рубав [14]) він в гаю дуба... Зирк, поруч чортяка!
Трохи не впустив сокири, злякавсь, неборока.
—„Здоров був,[15]) пане Остапе!"—біс [16]) сказав до нього.
Іще більше ізлякався, не сказав нічого.
Потім трохи[17]) прочумався: [18]) дуже був моторний [19]).

---

[1]) № 2—у,—№ 3—в.
[2]) № 2—лапках.
[3]) № 2 і 3—щоб з ним; Петров—з чортом щоб не стрівся.
[4]) № 2 і 3—й той.
[5]) Петров—і роги.
[6]] Петров—як темно стане.
[7]] Ibid.—да так і шмигають.
[8]] Ibid.—перевернувшись.
[9]] № 2 і 3—да все й.
[10]] № 2—да.
[11]] № 2 і 3—у.
[12]] Ibid.—Вони
[13]] Ibid.—він їх.
[14]] Ibid.—став рубать.
[15]] № 2—будь.
[16]] № 2—той; № 3—чорт.
[17]) № 2 і 3—трошки.
[18]) № 2—очумався.
[19]) Петров—проворний.

—„Я чув про тебе, Остапе, ти вельми проворний“,[1])—
Чорт [2]) сказав ізнов до його.. А Остап чухмаривсь,.. [3])
Мовчав довго з переляку, а після оправивсь [4]).
—„Як к якому, бачте, ділу,“—Остап став казати:—
„Орать, сіять, лісу плести, строїть [5]) вмію хати.“
—„Ну, а зайця ти доженеш?“ [6])—спитався чортяка.—
„Не дожену, пане чорте, бо я не собака.“
—„От же я так і піймаю!“—„Дак де ж його взяти?“
—„Зараз буде, коли хочеш, мимо [7]) нас стрибати.“
Де взявся справді заяць! Остап: „Катя!“—крикнув;
Зараз і поймав діявол, заяць і не пикнув.
Як поймав [8]) він в свої кіхті, [9]) тільки стрепенувся.
—„Диковина!“—Остап сказав, а чорт [10]) усміхнувся. [11])
„Ну, а свистать [12]) ти умієш“,—чорт [13]) ізнов питає,—
„Так, що і лист із дерева зовсім позлітає?“[14])
—„Я як свисну, дак ще не так,“[15])—Остап почав мовить,—
„Ніхто в світі, в закладу піду, на ногах не встоїть.“
—„Давай в заклад, що я встою!“—Остап наготовив
Гарную собі дубинку, знов тоді [16]) промовив:
—„Свистіть же ви попереду, тоді станем биться
„Ми у заклад, що впадете,—готов побожиться!“
—„Гаразд, [17]) затуляй лиш [18]) уші!..“ Свись!!! Ліс затрусився, [19])—

---

1) Петров—моторний.
2) № 2—той.
3) Петров—Остап тільки чухавсь; Франко—нахмаривсь.
4] Петров—після оправився.
5] Ibid.—Ставить.
6] Ibid.—піймаєш.
7) Ibid.—Біля.
8] № 2, 3 і Франко—попав.
9] Петров—лапи.
10] № 2—він.
11] Петров—улибнувся.
12] Ibid.—Свиснуть.
13] № 2—той.
14] Петр.—Я так свисну, що з дерева листя позлітає.
15] Ibid. А я не так ще умію.
16] Ibid—собі.
17] Ibid.—Зараз.
18] Ibid.—Же.
19] Ibid.—І ліс затрусився; № 2 і 3—аж затрусився.

Аж [1]) Остап насилу встояв, з дуба лист звалився.
—„Тепер же ви, пане чорте, зав'яжіть очиці",
„Бо, як свисну, то [2]) неначе хто вріже по пиці".
—„А який же буде закладъ?"—чортяка [3]) питае.
—„Повну шапку срібних грошей,"—Остап одвічае.
—„А ти лиш, [4]) як не впаду, що пообіцаеш?"
—Усе тільки, [5]) що е в мене, все позабіраеш!"
—„Добре!"—Да й зав'язав очі, він перехрестився, [6])
Як урізав дубцем в висок, чорт і покотився!
Витягся на цілий сажінь, а після зобгався.
—„А що? добре свиснув, чорте?"— Остап попитався. [7])
Застогнав, аж сумно стало, як бугай в болоті,
Остап квачем йому у горло, щоб не сохло [8]) в роті.
Облизувався чортяка, насилу аж дихав,
Крутнув після головою, а деле [9]) зачмихав.
—„На здоров'я, пане чорте! Годі вам качаться:
„Я піду уже[10]) до-дому,—пора розщитаться..."
Землю поорав, як плугом, чортяка рогами,
Повиривав з корнем зілля, як дригав ногами.
Крутивсь, вертівсь, підскакував, скрипів аж зубами,
Мабуть, дуже він був ніжний: все плямкав губами,
Як сова при світлі,[11]) лупав чортяка[12]) очима,
Хвостом вертів, росправлявся да кивав ушима.
Почухався, став на ноги, неначе був п'яний;
Позіхав і потягався, неначе заспаний.
Трошки згодом заговорив: „Ну, Остап, ти свиснув!
„Справді неначе по уху [13]) мене хто тріснув."

1] № 2—3—Увес ліс.
2) Ibid.—дак.
3) Петров, № 3—чорт його; № 2—той його.
4) Франко — мені.
5) Петров—усе.
6) № 2 і 3—Остап примостився.
7) Петров—ціх двох віршів нема.
8) № 2—засохло,
9) № 2—дале; Петров—далі.
10) № 2 і 3—пійду вже; Франко — поїду.
11) № 2 і 3—світлу.
12) Петров—в хаті все лупав.
13) Петров—хто в ухо.

—„Іще добре, що очиці свої [1]) зав'язали,
„Не тільки річ би однялася, [2]) може б, сліпі б [3]) стали.“
Оддав чорт Остапу гроші да в болото тягу,
Скорійше води напився, прогнав трохи снагу...
Дак і вір оцім Остапам! Чвалаями й ходять,
Зовсім вони не учені, а бісів проводять. [4])
Остап [5]) після росказав, [6]) який був чортяка:
Кострубатий, [7]) із рогами, чорний як собака.
Зуби, як ікли свинячі, всі [8]) стреміли, [9])
Такі, як у вола, уші,—тільки вниз висіли;
Хвіст загнутий у каблучку, козинії роги,
Морда гидка, препогана і кінськії ноги;
Шия в його дуже довга, як верблюд горбатий,
Страшно на його і [10]) дивиться, увесь волохатий.
Двоє очей в його лобі: [11]) одно превелике,
Як жар було червонеє, а маленьке дике.
Він так ходить, як би ведмідь, як циган спиняє[12]).
Приступить неможна близько, бісом і воняє.
Руки в його дуже довгі, когтів по чотирі,
І моргуля превелика саме серед гири.
Язик теж в його предовгий, через губу висить;
Знай, тупає, не постоїть, мов би глину місить.

№ 17. Кохання [13])

Світить місяць, да не гріє;
Мороз пече, вітер віє.

---

[1]) ibid.—собі.

[2]) ibid.—одняло.

[3]) № 2 і 3 сліпим.

[4]) Кінець поезії приводимо по рукописові № 2, бо в № 1-ому нема. Два ціх вірші стоять у Петрова і Франка аж в кінці.

[5]) № 3—тут стоїть окрема назва вірша: „Описаніе чорта, видѣннаго Остапомъ.“

[6]) № 3—росказував.

[7]) Петров—волохатий.

[8]) № 3—зверху.

[9]) Далі у Петрова нема аж 6 віршів.

[10]) № 2—й.

[11]) № 3—в лобі.

[12]) Далі у Петрова нема 4 віршів

[13]) В рукописові № 1 цього вірша нема.—В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 4,—а в рукописові № 3—під № 5.

Дме хтось тройкою такий
До дівчини, що кохаю,— [1])
Хтось такий, того не знаю, [2])
Що милая не його.
Коні добрі орчакові
Крешуть огонь об підкови,
Морди тягнуть по землі.
На аршин повитягались, [3])
У калучки позгинались,
Біжать, летять, як стріла.
Коренний дзвоночком дзвонить,
Машталір його погонить.
Сані тільки аж гудуть [4]);
Коні хочуть вже [5]) оддихать,
Комусь ще [6]) далеко їхать.
„Погоняй скорійше, ну!
„Не надержуй орчакових,
„Пропадуть, дак купим нових:
„Скучив дуже без її!..“
Серце б'ється, замірає,
А того воно не знає,
Що милая не його.
Серце в грудях задріжало,
Як вже хутор видко [7]) стало,
Де милая його жила...
Живо під рундуком стали.
Коні добрії домчали,—
Мокрі були, мов з води.
Скочив з саней, обтрусився,
Кругом себо оглядівся
Да й подумав про себе:
Як ввійти, як поклониться,
Як на милу подивиться,

[1]) № 3—кохає
[2]) № 3—не знає.
[3]) № 3—повитягали.
[4]) № 3—гудять.
[5]) № 3—„вже“—нема.
[6]) № 3— же.
[7]) № 3—видно.

Що до милої сказати?
Спитаться: „Чи правду кажуть,
Що з другим її руки зв'яжуть,
А мені, бач, дак—прощай“...
Ввійшов в хату. Батько й мати
Стріли його, шанувати [1])
Почали, як було уперш [2]).
Про те, про це розмовляли,
Усим добрим частували,
А милої не було.
Зразу двері одчинились, —
Ноги так і затрусились
У того, хто її ждав.
Павою по хаті ходить,
Голоском так і виводить,
Мов кропив'янка [3]) в кущі.
Батько й мати вийшли з хати,
Він став з нею розмовляти
Да й питається, чи так,
Що все люде [4]) йому кажуть,
Що з другим ій руки зв'яжуть,
А йому, бач, дак [5]) ґарбуз.
Червона, як квітка, стала.
Спершу трошки промовчала,
А після сказала так:
„Хто тобі оцеє каже,
„І хто мені руки зв'яже
„З другим із ким, не з тобой?..“ [6])
Прийшли тітки, [7]) батько й мати:
Годі, милий —„розмовляти!“—
Милая сказала так.
—„Пісня гарна, да не тая,—
Він сказав,—це вже другая,

---

[1]) № 3—шануваться.
[2]) № 3—сперш.
[3]) № 3—кропив'янка мов.
[4]) № 3—Люде всі
[5]) № 3—так бач.
[6]) Франко — як не з тобою.
[7]) № 3—прийшла тітка.

„Що колись співала ти...“
І знов стали балагурить,
Хто у винниці де курить,
Скільки хто доходу взяв...
„А в вас виннички немає,“—
Батько знов його питає.
—„Нема, треба ще зробить!..“
А тітка дак все сокоче:
„Хто за його піти схоче,—
„В його худоби нема,
„А в цього ж [1]) багацько грошей,
„Подивиться, дак хороший,—
„Іди лучче за того“...
От він, трошки посидівши,
Подумавши, розсудивши,—
„Пора,—каже,—до двора!..
Прощавайте!..“ „Прощавайте!
„На здоровья поживайте!..“
Коней даром потомив.

№ 18. До коня [2]).

Що, мій коню, що, мій добрий,
Годі гарцювати,
По байракам, через рови
Годі вже стрибати,
Як було колись стрибаєш,
Як було гарцюєш,
Хропеш, іржеш, під собою
І землі не чуєш.
Шовковая твоя грива
З вітром розмовляла,
Удила в зубах скрипіли,
Збруя вся тріщала.
Не заржеш уже тепер [3]) так,

---

[1]) Франко—того.

[2]) В рукописові № 1 цього вірша нема. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 6, а в рукописові № 3 — під № 7.

[3]) № 3 — „тепер“ — нема.

Не пирхнеш піздрями,
Не вириеш у коліно
Ямки під ногами. [1])
Тепер ледве ноги тягнеш,
Голову схиливши,
Не весело і дивишся,
Три дні мов не ївши.
Де ж та сила, що носила
Тебе в чистім полі,
Як яструба моторного,
Що живе на волі?...
„Літа літа все забрали, —
Кінь сказав, мовчавши, —
„Колись носивсь під тобою,
„Голову піднявши.
„Залізо в зубах скрипіло,
„Поводи ірвались, —
„Тепер сіна не вкушу вже:
„Зуби поз'їдались.
„Шерсть, як стерня, піднялася,
„Не така вже стала
„Мнякесенька, гладесенька,
Як колись бувала“...
— Правду, конику, ты кажеш, —
Літа все забрали.
Як здумаеш, під Москвою
Як колись стояли,
Гарно — весело жилося,
Відкилься [2]) все бралось!
Серце нудьги не бачило,
З горем не стрічалось.
До циган було поїдеш,
Пісень заспівають,
Загаркають, затанцюють,
Душу потішають
Инколи і так траплялось:
Все позаставляеш,

---

1) № 3 — ти.
2) № 3 — відкіля.

Копійки нема в кишені,
Байдуже, — гуляєш.
Тебе було осідлають,
Я на тебе сяду
Шабля з боку брязкотіла,
Ментик літав ззаду.
Минулося — не вернеться
Уже серцю [1]) радість. —
Пройшли літа молодії, —
Вже приходить старість.
Тобі, коню, усе не так, —
Ти горя не знаєш:
Овса трошки да водиці,
Дак ти й не скучаєш.
А тут думки, а тут серце
Як почнуть змагаться,
На що літа погубив так:
Ім вже не вертаться,
Як тій воді, що весною
З під снігу іллеться, [2])
Хлюпощеться по ямочкам, [3])
Неначе сміється;
Несе, що їй попадеться, —
Де схоче, покине, —
Да не довго попограє,
І сама погине.
О, як бы тая водиця,
Да де зупинилась!
Не одному б в жарке літо
Вона б пригодилась.
Як би й ти не такий щирий
І я не завзятий, —
Не прийшла б ще наша пора
Да так размовляти.
Люта доля щастя моє
Кинула у воду

[1]) № 3 — серце.
[2]) Франко — Із під снігу ллється.
[3]) № 3 — ямочках.

В глибокую да й сказала:
„Шукай собі броду!“..

№ 19. *Сорока* [1]).

Сорока в дворі скрекече,
Гостей возвіщає...
Ждала дівка козаченька,
Которого [2]) кохає.
Ждала, ждала, виглядала,—
Миленький не їде.
Мабуть, тоді він вже буде,
Як місяць ізійде.
Зійшов місяць вже й високо,
Зіроньки блищали,—
Виглядали карі очі,
Да й плакати стали.
Гірше горя, гірше нудьги
Того дожидаться,
Хто на цілий вік поклявся,
Щоб із ним кохаться.
Місяць ясний закотився,
І зірок немає.
Не спить дівка, плаче, бідна,
За милим скучає.
Встала мати: — „Вставай, доню!,
Зовсім вже світає“...
А та, бідна, ще й не спала:
Слізки утирає.
— „Мамо, мамо! Я не спала“...
„Що ж, доню, робити?“ [3])
— „Всю ніченьку проплакала,
„За милим тужила“.
„Доню, доню, слухай мене,
„В тугу не вдавайся.

---

[1]) В рукописові № 1 цього вірша нема. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 7, а в рукописові № 3—під № 8.

[2]) № 3—котрого.

[3]) Франко—робила.

„Коли він тобі невірний,
„То й не сподівайся [1]).
„Без сороки, що скрекече,
„Вірно як кохає,
„Прибіжить до тебе, доню,
„Бо й він теж „скучає".
„Голубонько моя мати,
„Серця не прив'яжеш.
„Так і бьеться, так і рветься;—
„Що робить не знаєш!..."

№ 20 До невірної [2]).

Було б шануваться,
З другими не знаться,—
Жили б, жили б ми з тобою,
Як би [3]) серце з [4]) душою.
А то тобі, як новенький,
Зараз тобі і миленький.
Мене зараз покидаєш,
Мене зовсім забуваєш,
А божилась і клялася,
Що зовсім ти оддалася
Мені з тілом [5]) і з душею
І що будеш вік моєю.
Ти ніколи не кохала
Мене так, як ти казала.
Що ж робить? Не маю долі,
Деревинка як у полі.
Вітер віє, йому важко,—
Сонце пече, йому тяжко.
Холодку йому немає,
І ніхто не підпірає.

---

[1]) № 2—сподівався.

[2]) В рукописові № 1 цього вірша нема. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 8,—а в рукописові № 3—під № 10.

[3]) № 3—„би"—нема.

[4]) Франко—із.

[5]) № 3—з серцем.

Не росте воно [1]) й високо,
Не росте воно [2]) й широко:
Всякий його, знай, чипляє:
Воно скоро й погибає:— [3])
Проживаю вже піввіка,
Да не найду долі,—
Живу в світі, безталанний,
Гірш, чим у неволі.
Добрі люде мене знають,—
Бога почитаю,—
За що ж цілий вік невірну,
За що я кохаю.
Тяжко серцю, як здумаєш,
Як вона клялася,
Що і серцем і душею
Мені оддалася.
Ой коли б да те вернулось,
Що з воза упало,—
Коли б теє вернулося,
Що серцю казала.
Вона мені, невірная,
Слізьми обливалась,—
Тепер мене покинула,
З другими спізналась.
Може б, іще хоч під старість
Пожив хоч годину,
Коли б доля оглянулась,
Як на сиротину,—
Де ж її тепер [4]) шукати,
Коли з воза спала [5]),
Коли мене з-роду, з віку
Вона не кохала?—
Може, хто найшов ту долю,
Що з воза упала,

---

[1]) № 3—вона.

[2]) № 3—й вона.

[3]) В рукописові № 3 і у Франка є зайва строфа: „Лихо мені в світі да й тільки"...

[4]) Франко—тепер її.

[5]) № 3—впала.

А моя нещасна доля
Навіки пропала.

№ *21*. * * * [1]).

Пускай надъ твоей душой раздается [2]) громъ
твоихъ дѣйствій противъ меня!...
Пускай громъ праведный [3]) души укоритъ тебя за твои
дѣйствія и пускай люде [4]) тебя осудятъ!
Пускай тоска отъ моей души перейдетъ на твою
душу; но у тебя нѣтъ души и не будетъ!...

№ 22. Осінній вітер. [5])

Не так уже сонце світить,
Не так воно й гріе.
І вітерок не тепленький,
Холодний вже віе,—
Не весняний, що од серця
Тугу як би зносить,
А осінній, що у лісі
Мов би хто голосить.
Із дерева лист зриває,
Діброва пустіе.
Світить сонце, тее ж сонце,—
Та—ба--вже не гріе.
Пора прийшла,—зіма близько,
Осінь наступила.
Пора прийшла і дівчині, [6])
Дівчина змарніла:

---

[1]) В рукописах № 2 і 3 зараз же після вірша „До невірної" стоїть оця московська приписка.

[2]) № 3—раздастся.

[3]) № 3—праведной.

[4]) № 3—люди.

[5]) В рукописові № 1 цього вірша нема. В рукописах № 2 і 3 цей вірш поміщено під № 9.

[6]) № 3—дівчина.

Повні груди лебедині
Не такі вже стали,
Біле лице учорніло, [1]
Очиці злиняли.
Цвіт, як небо, були вони,
Як зірки блищали.
Тепер вони потемніли [2]
Тепер плакать стали
За очима, за бровами,
За личенком білим,
За літами молодими
Да за серцем щирим,
Що кохало, [3] що кохалось
В радощах, не в горі,
Що красіло, [4] красувалось,
Як сонечко в морі.
Зіма люта перестане,
Вітерок повіє
Теплесенький, гарнесенький,—
Все зазеленіє.
Теє ж сонце знов засвітить,
Теє ж ізнов гріє;—
Тая ж дівка, тая ж сама
Більш не молодіє;
Із радощей серце в грудях
Більше не забьеться,—
Подивиться дівка в воду,
Гіркими зальеться.
„Не вертаться весні твоїй,—
Я сказав дівчині,—
Як у лузі серед зіми
Не цвісти калині!“

---

[1]) Франко—почорніло.
[2]) Франко—почорніли.
[3]) № 3—кохаю.
[4]) № 3—красиво.

№ 23. Пугач. [1])

Близько мене стогне пугач
Саме серед ночі,
Віщує він несщасному
Скоро закрить очі.
— Стогни, пугач, стогни, [2]) сірий,
Да над головою:
Мабуть, її прийшла пора
Присипать землею.
Сумно стане, як застогнеш,
Душа аж трепеще,—
Подумає, на тім світі
Чи не буде лехче.
На цім світі серце моє
Радощей не мало,—
Воно зроду веселої
Пісні не співало.—
Не стогни над тими людьми,
Котрі веселяться.
Нехай вони соловейком
Будуть забавляться.
А стогни ти над такими,
Що долі не мають,
Цілий вік котрі, сердешні,
Плачуть да скучають.
Ти ж у мене на могилі,
Любий соловейко,
Щебечи, як сонце зайде, [3])
Щебечи й—раненько.
Дітки й жінка на могилі
В мене не заплаче,
А невірная [4]) із радощей,
Може, ще й заскаче.

---

[1]) В рукописові № 1 цього вірша нема. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 12, а в рукописові № 3—під № 16.

[2]) Франко—стогне пугач, стогне сірий.

[3]) Франко—зійде.

[4]) № 3—невірна.

Нехай сердце в невірної
На шматья ірветься,
Нехай правда перед нею
В вічі засміється
Да і скаже: „Ти ж клялася,
„По правді кохаєш,
„Тепер дивишся у вічі,
„Мене й не пізнаєш,
„Бо я—правда, а ти — кривда,
„Дак так зоставайся.
„Кохай, цілуй, кого хочеш,
„Зо мною не знайся!..“
—А ти, любий соловейко,
Співай над труною:
Візьму [1]) своє горе
В могилу з собою.
Пугача мені не треба,—
Нехай вже не стогне,—
Нехай в моєї невірної,
Нехай серце сохне.

№ 24. Голуб. [2])

Ой застогнав голуб [3])
У темній дуброві, [4])
На голлї сухенькій, —
Ой заплакав тяжко
Гіркими сльозами
Козак молоденький.
Ой застогнав голуб [5])
У темній дуброві [6])
Неначе в неволі,—

---

[1]) Франко—Ой візьму я...

[2]) Цього вірша в рукописові № 1 нема. В рукописові № 2 його поміщено під № 14, а в рукописові № 3—під № 2.

[3]) № 3—голубок.

[4]) № 3, „Ластівка“—дубраві.

[5]) № 1—голубок.

[6]) № 3—дубраві.

Ой заплакав [1]) тяжко
Козак молоденький
По нещасній долі.
Ой застогнав голуб, [2])
Аж лунь застогнала
У темній діброві, —
Ой заплакав тяжко
Козак молоденький
Да ще й кучерявий. [3])
„Ой чого ж ти, голуб. [4])
„Да так тяжко стогнеш?“
Козак попитався.
— „Того, козаченьку,
„Того, курчавенький, [5])
„Що я спарувався,—
„Да не пожив літа
„З сизою своєю:
„Ястреби убили;
„І діток ми мали [6])
„Двойко малюсеньких,
„Згодувать не вспіли.
„Погинули й дітки [7])
„За сизою скоро. [8])
„Я стогнать остався,—
„І воля не мила:
„Нема уже [9]) більше,
„Ким я утішався,— [10])
„Милої [11]) немає.
„Лунь зо мною стогне.

---

1) № 3—застогнав.

2) № 3—голубок.

3) В „Ластівці“ зовсім нема цієї строфи, — там замісць неї стоїть ряд точок.

4) № 3—голубок.

5) № 3—кучерявий.

6) „Ластівка“—придбали.

7) № 3—діти.

8) „Ластівка“—за милою швидко.

9) „Ластівка“—того.

10) ibid.—потішався.

11) ibid.—сірої.

„Це моя утіха
„У лютому горі,
„В нещасній годині:
„Стогне, хоч без лиха.“
„—Чого ж ти у лісі,
„Голубчику сизий?
„Ти б летив у поле.
„Ти тут один сидиш,
„Там би найшов стадо,—
„Може б, прогнав [1]) горе.“
„Що стадо поможе
„Мені бідоласі?
„Там усе чужії.
„Одняли у мене
„Вірную [2]) і рідних
„Вороги лихії.
„Коли суха вітка,
„Котра підо мною,
„Знов зазеленіє,—
„Тоді сиза буде
„З рідними до мене,
„І серце зрадіє“.
Да й [3]) застогнав дуже
І сплеснув крилами,
Аж лист [4]) стрепенувся,—
Полетів по пущі.
Більш на тую вітку
Він не [5]) вернувся.
Тоді козак сказав:
„Треба забувати,
„Котру я кохаю,
„Бо й [6]) мені так буде,
„Що жінку із дітьми
„Вмісті поховаю,

[1]) Франко—пройшов.
[2]) „Ластівка“—голубку.
[3]) „Ластівка“—та й.
[4]) ibid —ліс.
[5]) № 3, „Ластівка“—він і не.
[6]) „Ластівка“—і.

„Бо я без худоби.
„Може, дітки будуть,—
„Хто ж їх нагодує?“ [1])
Козак той у світі,
Як голуб в діброві, [2])
Стогне да сумує!..

№ 25. Палій [3]).

Іде військо запоріжське,
Під небом [4]) куріє.
Куди ведеш, атамане,
Козаків, Паліє?
—„Де старшина звелить мені
Ворогів рубати,
Там і будем, бо за віру
Не страшно вмірати.
Я присягнув, я поклявся
Царю з козаками
До послідней каплі крови
Биться з ворогами.
Покидаем жінок своїх,
Діток, батьків рідних.
Ми вже себе не жалуєм,—
Нам їх жалько бідних“.
Козак був моторний Палій,— [5])
Що вже і казати,—
Вірний, чесний, бравий хлопець,—
Трудно й змалювати.
Громив турків і татарву,
Рубавсь з поляками [6]),
Соколом літав усюди

---

[1]) Франко—погодує.

[2]) № 3—дубраві.

[3]) Цього вірша в рукописові № 1 нема. В рукописові № 2 його поміщено під № 15, а в рукописові № 3—під № 14.

[4]) № 3—під небо.

[5]) Франко—Палій моторний.

[6]) Франко—парубками.

Над їх головами.
Гарцював він на конику,—
Коник під ним змієм
Красувався, підскакув,
Що був під Палієм.
Був він батьком козаченькам,
Сином землі рідній.
Погубив його на-віки
Мазепа завидний.
Підставляв він свої груди,
Смерти не боявся,
Через добрість, через вірність
В ланцюги попався.
Зовсім його ізкували,
Повели [1]) в чужину...
Чи вже лехко кидать було
Рідну Україну?...
Чорні брови, чорні уси [2])
Зовсім посивіли,
Тоді його сердешного
Із [3]) неволі пустили.
А все-таки з підмогою
На коня зібрався
І в-послідне на козаків
Атаман озвався:
„Ходім, братці, против Шведа,
„Ходім за Полтаву,
„Шаблюкою із старіст'ю
„Махну ще на славу.
„Що та слава після смерти?—
„Менше [4]) каплі в море. [5])
„Як би в світі пожить можна,
„Щоб не гризло горе!"...
Де те військо запоріжське,
Де те, що куріло?

---

1) № 3—повезли.
2) № 3—очі.
3) № 3—з.
4) Франко—лехче.
5) № 3—в морі.

Де Палій наш чорноусий?...
Усе вже потліло,
Нема вже того нічого,
Прахом розлетілось,—
І кістки [1]) там не влежали,
Де чиїм хотілось.
Курява тая з-під неба
Горою спускалась,—
Після [2]) на землю припала
Да землею й осталась.
Може, її то куріла слава
По-над козаками
Яких-небудь панів князів?
Тепер під ногами...
Бо всі, що [3]) живуть у світі,
Що вони такее?
Земля, курява і слава,
Ніщо не [4]) другее.
Бо над всіми заспівають:
„Земля,—в землю й піде".
І повстаєм тоді колись,
Як Христос знов прийде.

№ 26. Отак усе в світі. [5])

Повіяли вітри буйні
Да над синім морем,
Забилося серце моє
Перед лютим горем.
Повіяли вітри буйні
З холодного краю,
Розлучили з дівчиною,

---

1) № 3—кісточки.
2) № 3—після й.
3) Франко—хто.
4) ibid.—і ніщо.
5] В рукописові № 1 нема цієї поезії. Назву беремо з рукопису № 3, в якому цей вірш поміщено під № 27. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 16.

Котру я [1]) кохаю.
Да не вітри, люде злії
Мені це зробили:
Сами мене звели з нею,
Сами й розлучили.
Перестали вітри буйні,
Всюди стало тихо,—
А у мене нещасного [2])
Все на серці лихо.
Як листочок одірваний
Зелений весною,—
Як травиця покошена
На зарі косою,
Поки роса не обсохне,
Поти й зеленіє,—
Не ростиме [3]) вона більше,
Як сонце пригріє.
Нескошеная [4]) травиця
Сонечка бажала,
А тепер на тее зійде,
Щоб скорій зав'яла.
І [5]) листочок зелененький [6])
Зсохне й пожовтіє,—
Так і моє серце бідне
Молодим змарніє.
І в мене неначе в грудях
Да щось [7]) одірвалось,—
Не лехче мені на серці,
А ще гірше сталось. [8])
Очі мавши, я не бачу
Радісного в світі.
Все обридло, все огидло,—

1] Франко—котрую...
2] „Ластівка"—бідолахи.
3] Франко—ж.
4) № 3—нескошена.
5) № 3—а.
6) „Ластівка"—одірваний.
7) № 3—що.
8) В „Ластівці" далі все, крім останньої строфи (чотирі вірша), пропущено.

Не хочу більш жити.
Ніч темная мені як день,
А місяць як сонце.
Плачу, плачу один, бідний,
Сівши під оконце.
Чого?—спітаються у мене.—
Я і [1]) сам не знаю:
Чого серце тяжко бьеться,
Чого я бажаю?..
Любив, кохав я дівчину,
І вона клялася,
Що кохае мене [2]) дуже,
Далі й продалася,—
За худобу проміняла!
Серцю було тяжко:
Я кохав її по правді,—
Забуть було важко.
Не раз плакала зо мною,
Не раз і сміялась,
Казала, що тільки в світі
Мною і втішалась.
Як побачу було слізки,
В грудях важко стане,
Прошу було: „Не плачь, серце!"—
Поки перестане.
За те ж було, як веселу
Да [3]) я її стріну,—
Щасливійший всіх на світі
Був я в ту годину.
Тепер бачиться ніколи
Не хочу я з нею,—
Не люблю я людей в світі
З такою душею,
Що божаться не по правді
Да душу ламають.
Такі уже ніколи
Добрі не бувають.

---

1) № 3—і я.
2) № 3—вона.
3) № 3—де.

Дак не цеє серце моє
Дуже так турбує,—
Не од цього душа моя
Бідная сумує.
А такий вже уродився
Мабуть я на світі
Безталанний і безщасний,
Щоб вік свій тужити...
Ой повійте, вітри буйні! [1]
Застогни, дубрава!
Нехай піде на злих людей
Всюди худа слава!..

№ 27. Туга серця. [2]).

Літа мої молодії,
Вам вже не вертаться!
Душі моїй прийшла пора
Слізьми обливаться.
Серцю мому, як хотілось,
Так не удалося:
Схаменулась, [3] стрепенулась, [4]
Кров'ю запеклася. [5]
Одно мені теперь в світі
Тільки вже зосталось,
Щоб скоріше серце моє
З світом попрощалось.
Кохав дуже я дівчину,
Як росу травиця,
Як голубку голуб сизий
І як волю птиця.
Гарно пташечка співає,
Як живе на волі,—

---

[1]) Франко—Ой повій же, вітре буйний...

[2]) В рукописові № 1 цього вірша нема. В рукописові № 2 його поміщено під № 18,—а в рукописові № 3—під № 16.

[3]) № 3—схаменулось.

[4]) Ibid.—стрепенулось.

[5]) ibid.—запеклося.

Гірко живе той у світі,
Хто не має долі.
Доля, доля! [1]) скажи мені,
Де тебе шукати?
Огляньея хоч раз на мене,
Як на сина мати,
Пригорни мене до себе,
Пожалуй на старість,
Щоб пізнала душа моя,
Що то в світі радість...

№ *28*. *До батька.* [2])

Тату, тату ріднесенький!
Хіба ж ти не знаєш,
Що я все те роблю тобі,
Що ти мені скажеш?
Молюсь Богу щирим серцем,
Як спатки лягаю,
На колінках [3]), тату рідний,
І як уставаю.
Я не журюсь, татусеньку,--
Це [4]) так прихилився,
Щоб на тебе, ти мій рідний,
Щоб я надивився.
Чого мені ще скучати?
Я ще погуляю...
От, як ти мене покинеш,
Тоді заскучаю.
Може, ти мене сховаеш, [5])—
Бог про тее знае,
Хто—чи батька, хто—чи сина

---

[1]) Франко—доле, доле.

[2]) В рукописові № 1 цієї поезії нема. В рукописові № 2 її поміщено під № 19, а в рукописові № 3—під № 24. У Франка з початку цього вірша стоїть 16 рядків з другого вірша („До сина"—№ 30)

[3]) № 3—навколішках.

[4]) Франко—а.

[5]) Ibid.—покинеш.

Скорій поховає.
Чого ж ти, мій тату рідний,
Чого зажурився?
Чого ти теперь на мене,
Чого ізхилився?..
Що ти казав мені, тату,
Я усе те знаю:
Богу молюсь, Бога боюсь,
Царя почитаю:
Він—як рідний усім батько,
Спрот воспитає,
За те його увесь народ,
За те прославляє.
З недобрими людьми в світі
Знаться не буду.
Бога буду боятьcя,
Тебе любить буду...

№ 29. *** [1])

Вот тебѣ, мой друг сердечный,
Ангел сердца моего,—
Разбери сей стих чудесный,—
Я дарю тебѣ его.

№ 30. До сина. [2])

Лялько моя рідненька,
Чого зажурилась.
Головкою кудрявою
На руки схилилась?
Рано, серце, рано, пташко,
Тобі горювати.
Треба тільки в твої літа,

---

[1]) В рукописові № 3 після вірша „До батька" стоїть оця московська приписка. Мабуть, вірш „до батька" був комусь присв'ячений, і це—текст посвяти.

[2]) Цієї поезії нема ні в рукописові № 1, ні в рукописові № 3.—В рукописові № 2 її поміщено під № 20.

Грати та співати.
Хіба серце твое чуе
Батькову невзгоду?
Не журися, моя лялько,
Та молися Богу!
Не дасть Він нам загинути,
Нас Він не загубить:
Хто віруе в Нього щиро,
Того Сам Він любить.
Коли, Бог дасть, мій синашу,
Поживем на світі,
То багацько ти пізнаеш
Тоді в наші літа:
Будеш всьому учитися,—
Учись, не заучуйсь,—
Люби Бога більше всего
Та й нас старих слухайсь.
Людей люби, як тих братів,
Дурням не потакуй.—
Коли тобі зло сподіють,
Ім добром віддякуй.
Коли горе зострінеться,
Люде покепкують,
Буде тяжко, буде важко,
Всі тебе зопсують,—
Не плач тоді, не журися:
То все не помога.
Терпи горе, мій синочку,
Та надійсь на Бога.
Не видавай Лукавому
Серцем совладіти,—
Нехай буде те серденько
Вірою зогріто.
В горі тяжкім із сльозами [1])
Помолися Богу:
В Нім единім найдеш силу, [2])

---

[1]) Ці шіснадцять віршів, що йдуть далі, у Франка долучені до вірша „До батька“ (№ 28), яко початок того вірша.

[2]) Франко—В Нім Однім найдеш ти силу.

Вірную помогу; [1])
Він, Отец наш милосердний,
Діток не забуде.
Помолися, і на серці
Веселійше буде.
Коли будеш шанувати
В серці своїм Бога,
Так не бійся ні невроди, [2])
Ні злого ворога!
Отак дія, мій синочку,
Не раз ти згадаєш
Свого батька старенького,
І спасибі скажеш.

№ 31. Пісня. [3])

Послухайте мою пісню,—
Я вам заспіваю
Про гарную дівчиноньку,
Якую я знаю:
Русявая, круглолиця,
Очиці чорненькі,
Моторная, як на диво,
Ротичок маленький;
Як квіточка хорошая,
Як тополька статна
І як лебідь білесенька,
Зовсім уся знатна;
Губоньки—як би намисто,
Що добрим зоветься;
Сонечко неначе зійде,
Вона як сміється.
А як пісні заспіває,
Солов'я не треба:

---

1) Франко—підмогу.

2) Ibid.—а ні з году.

3) Цієї поезії нема ні в рукописові № 1, ні в рукописові № 3. В рукописові № 2 її поміщено під № 24.

Слухаєш, не знаєш, де це,
Неначе хто з неба.
Бачуть усі, бачу і я,
Та, ба, не вертаться
Літам моїм молоденькім,
Щоб поженихаться...
Ой, не хочу співать більше,
Болїть серце буде!
Воно й так свого нещастя
По-вік не забуде...

№ 32. Пісня. [1])

Не плач, дівчино,
По своїй ти [2]) долі,
Що не вийшла заміж,
Зате ж ти на волі [3]),
Як пташечка [4]) тая,
Що всюди літає,
В зеленім садочку,
Сидить да співає, [5])
Собі щебече, [6])
Якую знає,
Якую серденько
Співати бажає.
А вже в неволі
Не заспіваєш
Такую пісеньку,
Як сам бажаєш.
І ти ж на волі
Дак веселиться

---

[1]) В рукописові № 1 нема цієї поезії. В рукописові № 2 її поміщено під № 25,—в рукописові № 3—теж,—У Франка по два вірша з'єднано в один,—ця поезія у нього в двох варіантах. (А. і Б.).

[2]) Франко А.—„ти“ нема.

[3]) Франко Б. —бо ти в неволі.

[4]) Ibid.—пташка.

[5]) Франко Б.—далі нема аж 21 рядка.

[6]) В рукописові Забіли, який зберегається у Чернигівському музеї Тарновського (№ 991), далі нема восьми рядків.

Треба, дівчино, [1])
А не журиться. [2])
Слухала дівка
Да й плакать стала,
Деле, [3]) сердешна,
Так ісказала:
„Пташка співає,
„Що пару має,—
„Діточок, милого
„Своїх втішає;
„А я співаю, [4])
„Все серцю [5]) важко: [6])
„Без пари [7]) на світі
„Жить дуже тяжко. [8])
„Хто що порадить, [9])
„Хто пожаліє,
„Як душі тяжко
„І серце боліє?
„А ти, козаче,
„Горя не знаєш,
„Од того й пісеньку
„Свою [10]) співаєш.“
„— Ой, дівчинонько,[11])
„Дівчино мила!
„Хто ж це [12]) співає?
„Віхтор Забілла, [13])

---

1) „Черниг. муз“—до-віку.

2) Кінця цього вірша нема в рукописові № 3. Замісць цього кінця, там—частина вірша „До сина“,—починаючи словами: „В горі тяжкім со сльозами“...—і до кінця; нема кінця цього вірша і у Франка (варіант А.).

3) „Черниг. муз.“.—далі.

4) Франко Б.—вона співає.

5) Ibid.—На серці,

6) „Черниг. муз“—тяжко.

7) Франко Б.—долі.

8) Ibid.—важко.

9) ibid.—далі нема шість рядків.

10) Ibid.—Сюю.

11) ibid.—дівчино.

12) ibid.—Ой хто.

13) „Черниг. муз.“—Забіло.

„В котрого [1]) серце
„Билось і бьеться,—
„Над його слізками [2])
„Доля сміеться,—
„Бо він з душею, [3])
„Без доли тілько,—
„Без неї на світі
„Жить дуже гірко.“ [4])

№ 33. Розлука. [5])

Нехай не жде, нехай не жде,—
Годі сподіваться,
Щоб, як голуб з голубкою,
Так поцілуваться.
Не така була розмова,
Не так розмовляла,
Як колись мені клалася,
Як колись мені казала,
Що кохае мене дуже,
Душі не жалівши,
Що не треба їй нічого,
Мене полюбивши.
Тепер не те, тепер друге
Мені вже співае.
Вже не скаже: „Ти мій милий“,
Мене ж [6]) проклинае.
Що ж це таке? Чого сталось?
Худоба да гроші
Усе роблять на цім світі,

---

[1]) Черниг. муз.—бо в його.

[2]) Франко Б.—сльозами.

[3]) Ibid—далі нема до кінця.

[4]) Черниг. муз.—Коло вірша примітка: „29 іюня 1857. Виктор Забило. Хутор Забиловщина. Пысано вышнивкою“.

[5]) В рукописові № 1 цієї поезії нема. Назву поезії беремо з рукопису № 3, де вона поміщена під № 22. В рукописові № 2 цю поезію поміщено під № 28.

[6]) Франко—„ж“ нема.

За [1]) ними всі хороші.
Прокляла мене на-віки
Моя злая доля;
Не мила мені на світі
Козацькая воля.
І та, [2]) що колись бувала,
Де пісень співали
Усяких, якую хто знав,
Про все й розмовляли,
Під курінем кашу ївши,
Під чуб да в жупанах,
А все знали, що діється
Аж по-за Балканах...
Прийми мене, сира земля [3]),
Жить не хочу більше!
Літа мої пройшли марно
І, де дальше, гірше.
От як горе досаждає,
Як серце крутиться:
На білому на сім' світі
Не знаєшь, де діться.
Кинешся, де гріє сонце,
Хмарою закриє.—
Кинешся, де гарно-тихо,
Буйний вітер віє.
А без сонця да на вітрі,
Одежи не мавши,
В три погибелі зігнешься,
Долю проклинавши.

№ 34. Семенова кобила. [4])

У Спасівку, у жарке літо,
Пустив Семен попасти

---

[1]) Франко —з.
[2]) Ibid.—ота.
[3]) Ibid.—земле.
[4]) Цієї поезії нема ні в рукописові № 1, ні в рукописові № 3. Друковано в „Зорі“ (1891 р., 437—438 стр.).

Свою кобилу завгороди.
Кобила була сивої масти,
Худая, ребра, як на марах,
Що можна всі перещитать.
Попаслась небагацько ранком,
Потім, як почали кусать
І оводня, і мухи дуже,
Вона і пастись перестала,
Кивала головою все;
Далі по полю пострибала:
Не вмоготу прийшлось сердешній.
Аж путо [1]) на собі порвала,
Побігла навпростець вона.
А в полі пасіка стояла.
Кобила в пасіку завернула, [2])
В куточок стала головою.
То шкурою істрепене вона,
То тупала [3]) ногою.
По перемінках тупотіла,
Сама ік лісі [4]) притулилась:
Ховалась в холодок вона.
Назад, сердешна, не дивилась:
Од мух, бач, тілько обганялась.
Того, нещасна, і не знала,
Що в пасіці вона була,
Що й близько улійка стояла.
Не довго оддихала, бідна.
Хвостом разів із п'ять махнула
Як раз коло очка [5]) в ул'ї.
Бджола за ногу і вджагнула. [6])
Кобила вся аж затрусилась,
Зігнулася, брикнула задом,
Роздратувала бджіл зовсім.

---

[1]) „Зоря"—пута.
[2]) Ibid.—звернула.
[3]) ibid—тупає.
[4]) Ibid—до ліси.
[5]) Ibid.—вічка.
[6]) Ibid.—вджигнула.

Отут, як почали вже [1]) разом
Наяровать, [2]) котра куди попала.
Не встояла тоді кобила.
По пасіці побігла, скільки сил,
І ул'їв з десять повалила.
Не бачила воріт вона,—
Гасала все кружка, брикавши,
Аж пасішник проснувсь [3]) Хома,
Після обід у будці спавши.
Побіг, побачив: [4]) що за лихо
У пасіці таке случилось? [5])
Чи бджоли краде хто в його,
Чи друге що зробилось?
Прибіг—і бачить, що кобила,
Як би скаженая, гасає.
То головою кив вона,
То задом підкидає.
Узяв ломаку він скорій:
„Оце, диявольська кобила,
„Щоб ти пропала була [6]) перш,
„Поки ти лиха не робила". [7])
Почав шмагать по ребрах,
Докіль потрапила в ворота.
Аж чуб упрів і у Хоми,—
Була й йому тоді робота.
Із сивої кобила стала
Зовсім не знать якая:
Позапухали ребра всі,
Од браги мов була товстая.
Семен ходив із оброт'ю, [8])
Кобили по полю шукавши.—
Побачив,—з пасіки якась біжить,

---

1) „Зоря"—всі.
2) Ibid.—кусать.
3) Ibid.—прочнувсь.
4) Ibid.—побачить.
5) Ibid.—лучилось.
6) Ibid.—„була"—нема.
7) Ibid.—наробила.
8) ibid.—давно з оброт'ю.

Коняка, голову задравши,—
Одбігши недалечко, стала.
Семен ізпершу не пізнав,
Ладонею [1]) од сонця затулився,
Предуже довго розглядав:
„Ба ця [2]), й похожа на мою,—
Хіба в грязі де укачалась,—
Чи, може, це і не моя?“
А та кругом все оглядалась,
Покусаная і побита,
Насилу аж стояла.
За що й про що було їй,
Сердешная, [3]) зовсім не знала.
Семен розглядів, що його,—
Сплеснув тоді руками.
Оброть надів: „Ну, сива, ну!“
Насилу човгае нагами
Кобила бідна після бані,—
Не йде, а тягнеться за ним.
Вона і тілом, і душею
Була не винная зовсім:
Шукала холодку собі,
Од мух да [4]) оводні ховалась,
Да [5]) в гірше лихо ще вона
Зовсім після попалась.
Семен свитиною укрив,
Щоб муха їй не докучала;
А то не бачила і оводів, [6])
Насилу ноги піднімала.
Не добрела, сердешна, і додому,
Пропала, бідна, серед поля;
Мабуть, написано [7]) їй на роду
Така нещасна доля.

---

[1]) Зоря—долонею.
[2]) Ibid.—здається.
[3]) Ibid.—того вона.
[4]) ibid.—та.
[5]) Ibid.—та й.
[6]) Ibid.—вона ж, серешна, ледве йшла
[7]) Ibid.—написана.

Семен і досі б на кобилі їздив,
Як би іспершу був укрив,
Поки ще муха не кусала,
Як скоро пастися пустив.

Нерідко в світі таке лихо
І між людьми ведеться:
Од искри думає втікти,
Да [1]) в полум'я і попадеться.
Тоді уже брикай,
Як в пасіці кобила,
Що й [2]) до-дому не дойшла, [3])—
Душею в полі положила.
Нехай опісля [4]) воду ллють, —
Як би іспершу пособили,—
Бо вже поможуть так тоді,
Як свитою Семен кобилі.

№ 35. До Шевченка. [5])

Чого [6]) ти лаєшся, Тарасу?
Що не найшов в Борзні припасу,
Якого ти тоді [7]) бажав?!..
Сам ти такий, як мене лаєш.
„За що?“—ти, може, попитаєш?
За те, що в хутір не забіг.
Якогось жида віз з собою
Мерзенного і з бородою
І через те мене минув...
Який же ти земляк, який же [8]) ти писака?

---

1) „Зоря“—та.
2) Ibid.—і.
3) Ibid.—дійшла.
4) Ibid.—нехай же після...
5) Цього вірша нема в рукописах №№ 1 і 3; друковано в „Зорі“ (1893 р., 103 стр.)
6) „Зоря“—за що.
7) Ibid.—„тоді“—нема.
8) Франко—„же“—нема.

Неначе гнав тебе собака!
Боявся день подарувать,
Щоб побувать у мене в хаті,
Щоб пісень вмісті заспівати,
Якії серце нам гризуть.
Ми б на бандурці забриньчали,
А циганчата б танцювали
(Хоч би вже з лихом пополам).
Я рад би був тобі, як брату.
Як би забіг [1]) до мене в хату,
Неначе б сваху шанував!
В мене худоби дуже мало,
Да ще б найшли—горілку, сало,—
І з'їли б трошки й запили.
Да росказав би де-що гарне
Про земляків, не іностранне,
Бо я до язиків не вдавсь...
Дак ні!... Зазнався, бач, з панами,
З писаками, з багатирами,
А земляка дак і забув!
Бодай [2]) тобі за цюю штуку,
Послали відьми тую [3]) муку...
Послухай,—зараз іскажу:
Борщу, ковбас, вареників, [4]) литивки, [5])
Сеньхи,[6]) чехоні і скубрійки
З пів-года щоб не коштував;
Щоб цілий день не пив горілки,
Не довелось щоб і наливки
Ковтнуть хоч раз один на сміх; [7])
Да щоб приснилось: [8]) бужанина,
В'юни, лоскірка і свинина
З сметаною да і з хрінком;

---

[1]] № 4 і 5— коли б зайшов.
[2]) Зоря—богдай.
[3]] № 4 і 5—цюю,—Зоря—оттую.
[4]) № 4, 5 і Франко—вареників, ковбас.
[5]) Франко—ситівки
[6]) № 4—сеньги,—Франко—сеноги,—№ 5 сельги.
[7]) № 4 і 5—хоч раз один ковтнуть на сміх.
[8]) Ibid.—приснилась.

Отії щи щоб ти їв [1]) руські,
Отії соуси французські,
Що тільки в животі бурчять... [2])
Лютую я на тебе дуже,—
Тобі даќ, може, і байдуже,
Мене ж за серце, зачепив. [3])
І ще скажу словце, Тарасу!
Біда жить в світі без запасу,
Грошима люде що зовуть.
Я б ще побув у Петенбурсі
І побував би [4]) в вашій бурсі,
Що Академієй зовуть.
Побачив би тебе, Тараса,
Того, [5]) що написав Торквата Таса,
Того, що славний медал'єр.
Там Григорович є добряга...
Да ще найшовся [6]) б чоловяга,
І серце б трошки [7]) пожило...
Там Глинка той, що добре грає, [8])
Що пісень всяких він співає,
Як би весною всі птахи!..
Дак що ж робить?.. Не маю долі:
Живу у світі, як в неволі,—
Як пташка в клітці, так і я!..
Співають пташки і в неволі,
Да все не так, як би на волі,—
Що аж звірі танцюють їм [9])...
Прощай! Не хочу більш писати,
Паперу більш [10]) щоб не псувати,
Нехай судовики псують [11])!..

---

1) Франко—їв ти...
2) Цих трьох віршів нема в рукописах № 4 і 5.
3) Далі нема в „Зорі" і у Франка.
4) № 4, 5—„би"—нема.
5) ibid.—„того"—нема.
6) ibid.—іще б знайшовся.
7) ibid—трохи.
8) Далі трьох віршів нема в рукописах № 4 і 5.
9) № 4 і 5—А як завиють їм звірря.
10) № 5—вже.
11) ibid—пирують.

№ 36. При подаркѣ матери колокольчика[1]).

Задзвони мені, дзвоночок!
Да й скажи, де мій синочок?
Може, він того не знає,
Як мати за ним скучає...
    Задзвони мені, дзвоночок!...
    Неслухняний мій синочок:
    Мене стару покидає
    Та й частенько запиває....
Задзвони йому, дзвоночку:
„Не пий, не пий, мій синочку!
Хіба ти цього не знаєшь,
Що вік ти свій вкорочаєш?“
    Задзвони йому, дзвоночку,
    „Матір пожалій, синочку!
    Живи так, як добрі люде,—
    Мені в світі гарно буде!“

№ 37. *** [2])

Худоби маєте геть-геть, чимало!
Здоров'я в Бога ви просіть!!!
Найдіть собі ви жінку вірну, гарну!!
Да з нею в світі весело живіть, живіть!
Сто літ, сто літ!!!

---

[1]) Під цим віршом підписано: Викторъ Забила (во второй половинѣ Іюля (до 27-го) 1855).“ Цього вірша нема ні в одному рукописові, крім—№ 2, в якому він прикладений на окремому листочку паперу.

[2]) Цього вірша нема ні в одному рукописові. Ми його беремо з власноручного рукопису Забіли, який зберегається в Чернигівському музеї В. Тарновського (№ 992).

№ 38 *** [1])

Горілка, люлька, оселедці,
Гурки солоні і блинці,
Дівчата гарні, молодиці,
В ареники і голубці,—
І рибка платана, чахоня,
Грушевий квас, вишнівка,
Вскоромний день — ковбаси, сало
І перегонна калганівка.

В. Мировець.

---

1) Цього вірша нема ні в одному рукописові. Ми беремо його з власноручного рукопису Забіли, який зберегається в Чернигівському музеї В. Тарновського (№ 993).

Темнота.

Користуючись молодістю, весною й самокатами, ми з приятелем рішили відмахать ті без мала не триста верст, які розтяглись між нашим селом і Київом.

Гарна штука—молодість! Їй і сонце—сонце, і весна—весна, і любов — любов. І голодна й холодна, вона все-ж співа й сміється і на крилах божевільних мрій буйно заноситься вгору — вище хмар, вище орлів, вище місяця, до сонця. І, повна живої сили, а ще більше—надій на сили, з жагою любить, творить, вона несется, несется, несется...

Гарна пора—молодість! Погано тільки, що вона минає...

Але ще гірше було б, коли б вона не минала.

Такі почуття володіли нами, коли ми, раненько вмившись холодною водою, сіли на залізних коней і, по козацьки гикнувши, під співи солов'їв понеслися вслід першому проміню сонця.

— Хабарда! *) —не знать кому гукнув товариш, коли ми вилетіли за село і пурнули у зелений хліб, який, поблискуючи червоно-зелено-блакітними вогоньками роси, стіною здимався з обох боків шляху.

— Хабарда!—ще раз гукнув він і ще дужче наліг на стремена залізного коня.

— В шаблі!—в той гукнув я йому, і ми як божевільні полетіли поміж двома стінами зеленого хліба, вбираючи в себе цілюще повітря і залишаючи дві мережані смуги колії

А вгорі, в блакітнім повітрі, простреленім золотими пасмами сонця, співали-оповідали про счастя весни жайворінки і стрімко,

---

*) Татарське—дорогу.

як павуки по павутинках, піднімались вище й вище, до біло-снігових і кучерявих, як біла вовна, хмар. І знесилені до дурману піснею і почуттям весни, то там, то тут грудками падали в пишно зелене море, а на їх місце здіймалися инчі, починали тихеньку пісню, підіймались вище, прибавляли голосу і зливались у густі і рябенькі хвилі весняної музики.

І бажалось летіть і летіть без кінця, шоб свистіли спиці самокатів, шоб все навкруги зливалось в гладенькі і прямі смуги, як і наше мчання вперед, шоб пісня жайворінків зливалась з шелестом зеленого моря, що тікало назад.

І життя, яке було за нами з своїм горем-нудотою, здавалось чудним як сон, і не вірилось, шо воно було. Свіжі й цупкі думки, як блискавки стріляли в далечінь світу і все вперед і вперед, без оглядки назад. Всі люде здавались такими незвичайно гарними—розумними, добрими, шо коли хто попадався нам назустріч, ми обводили його закоханими очима, потім зглядались, усміхались і розуміли, шо кожен бажав сказать.

Сонце стало припікать і ми поїхали тихше.

— Ось підожди,—одповідаючи на свої думки, мовив мій приятель,—скінчится війна, і, безпечні, ми візьмемось тоді біля народньої освіти... Наука—сила і гордість народів, і...

— А сила,—одповів я, не бажаючи перебаранчать.

— Тоді й подивимось, на віщо здатний наш нарід. Тоді не будуть ставить нам в зразок японців.

— А не будуть,—піддержав я.

— Та хиба, думаеш, нам багато треба? Та тільки дадуть можливість взятись як слід за працю освіти, то, далебі, через які пять—десять років ми японцям, чорт би казив його батька, носа втрем так, шо....

— А втрем,—піддражнив я, далекий в цю міть від набридлих запитів сучасного життя.

— У нас і тепер нарід... Побалакай з ним,—палко почав він,—та він тобі навіть перед французом не спаскудить! то тільки ми від ліньків, від небажання підійти до нього близче звикли товкти: „темнота“, „темнота“...

— А звикли,—жартуючи додав я, не бажаючи жувать жоване.

Він скипів.

— Шо ти, як який дурень, товчеш: „А не будуть“, „а втремъ“, „а привикли“! шо ти не розумієш моїх речей?

— Ні, розумію,—одповів я—але ж дармà ти гарячишся, бо наш нарід не знать відколи чуе такі гарні розмови, а діла—ба!..

— Так по твойому значить не треба балакать?

— Чом же?—язик е, чому не балакать, коли це геть лекше, ніж робить... Балакать вміемо...

Він спалахнув.

З усіею тяжкістью шкилювання він упав на мене і на пашу інтеллігенцію. Він сміявся над нашими діячами просвіти з їх дуже великими замірами і геть мизерною працею і доводив, шо нарід освічуется більш сам, ніж то роблять „освітителі“, і врешті дійшов до того, шо народ наш—не така вже й темнота як, то думають.

Я мовчав. Він плюнув і наліг на коня.

Ми минули Лубні і під'їзжали до величенького містечка Яблонева. Дві церкви і густенько залізних дахів давали йому вираз невеличкого повітового городка, а великий шлях, яким валками ціле літо йшли кіяне, робив його занадто веселим і живим.

— А знаеш шо? — сказав я,—отут підобідаем, підождем, поки спаде спека, тай махнемо холодочком далі.

— Єдине розумне слово, яке я почув від тебе з виїзду. Справді мені їсти—аж шкура болить.

— Як бачиш, мало користі, а через це й не вигодно бути фильософом,— усміхнувся я, і ми підвернули до „чайної“.

Була неділя і передня кімната чайної, схожа на кімнати колишніх шинків, була повна людей, з котрих де-які бачили вже „скляного бога“ — і гучно гомоніли. З усіх кутків було чуть: „Гапонці“, „Порт-Артур“, „Куропаткин“, „Того“...

Хазяйка чайної привитала нас дуже приязно і провела через завішені рядном двері в другу кімнату—„чисту“.

— А шо-ж у вас е перекусить? поспитав я її.

— Та все е, паниченьку, все е.

— Шо ж усе?

— Та все, чого схочете.

— Ну то дайте нам борщу та жареного, а потім чайку.

— Е, паниченьку, борщу нема и жареного нема... Самувар можна, а борщу нема...

Ми засміялись.

— Так шо ж у вас е?

— Та все е, тілько...

Таварищ аж покотився зо сміху.

— Так що ж є?

— Та є сало, ковбаси, „фіялка“, чай...

— А молоко є?

— Ні нема, молока нема, але як що вам треба, то можна дістать.

Товариш аж лягав.

— Ну, нічого робить, давайте нам все.

Ми звеліли зжарить ковбаси, наставить самувар і подать молока, а поки що—полягали на широкі ослони й закурили.

Одмахать верстов 80 під літнім сонцем за які пять годин— не дурниця, і ми одпочивали з такою щирістью, з якою відпочивають хиба після коси.

За дверима, або краще — за рядном, лемент не вщухав: „Гапонці“, „Манжурія“, „Порт-Артур“, „Куропаткин“, як мнячі, літали по хаті. Густіше ж усього чулось одно слово, котре промовлялось шепотом і, як гадюка по сухому листі, шелестіло з кутка в куток, але розслухать його було трудно. Ми лежали, курили і слухали гомін без бажання слухать. Рядно скілько разів відхилялось, і яка небудь цікава голова прудко просовувалась з-за нього, наспіху обкидала нас очима і также прудко ховалась за рядно. Зразу ж за рядном піднїмалось шепотання, і знову якесь слово з шипінням гадюки літало по хаті. Ми сміялись. Нам було чудно й дивно, що в такому великому і живому містечкові могли так дуже зацікавитись такими звичайними подорожніми, як ми.

Хозяйка внесла самувар, і не встигли ми налить по стаканові чаю, як відхилилось рядно—і на порозі з'явився чоловік. В ту ж мить за рядном стало тихо, як в пустці. По його одежі, а надто по його грубо задоволеному лиці і хворсові в фігурі видко було, що він—міщанин з якого-будь повітового глухого городка і що пишается тим, що він не який небудь „мужик“. З хвилину з відкритою цікавістью розглядав він нас своїми трохи посоловілими від горілки очима, потім сів збоку нас на лаві, важно зліг на подушки і знову, мовчки, почав дуже вже вільно розглядати нас.

Жара, втома, голод і п'яне лице дражнили мене. Я скипів і глянув на товариша; той глянув на мене, і ми повтикали носи в стіл і мовчки пили чай, ждучи, що буде далі.

— А відкѐль ви і хто такі будете?—дуже вже по-панибратськи спитав наш гість.

Рядно ворушилось, і видко було, що коло нього стовпились люде. Але була тиша.

— Вам чого треба?—з серцем поспитав я.

— Та я питаю, хто ви такі і відкель? відповів він.

— А я питаю, чого вам треба?—підіймаючи голос сказав я,

Він роскрив свої посоловілі очі, дивуючись, шо його не розуміють.

— Та я хочу знать, чи є у вас пашпорти?—не так уже сміливо подав він.

Мене обгорнула злість. Я шпарко вихвативсь з-за столу,

— Геть!—крикнув я і показав на двери.

Він підхвативсь, боязко ще раз зіркнув на мене і швидко проскочив за рядно. Там зразу з десяток голосів зашепотіли на всі лади.

Стріложений, я сів пить чай. Мій настрій зовсім пропав, і я став гарюкать на товариша, шоб скоріше їхать і відпочить денебудь за селом.

Ми нашвидку кінчали вже свій недовгий обід, як рядно відхилилось знову, і ми вздріли нового гостя. Його висока, огрядна фигура якось несміливо застряла на порозі, а сухе, з довгою русявою бородою, лице було стріложено, і голова слегка якось крутилась і хилялась на боки, як у чоловіка, який вплутався в клопітне і рисковане діло.

— Здрастуйте!—гучно, мов для бадьорости, сказав він, але голос його дріжав.

— Здрастуйте. Ми підняли голови і встромили в нього очі.

Він потоптавсь коло порога і несмілко сів проти нас на ослоні. Силкуючись показать, шо він спокійний, він тихо поспитав.

— Скажіть, господа, куди ви їдете.

Я переміг себе і мовчав.

— А вам нащо?—суворо спитав товариш.

— Та я, бачите, хотів спитать,... куди ви їдете?...

— В Київ—не дав йому скінчить товариш.

Він угукнув собі в ніс, подумав і спитав.

— А відкіля ж ви? Мені, бачте, пашпорт...

— Шо за лиха година,—не втерпів я,—чи вас багато буде ходить питать пашпортів? Та яке ви маєте право серед дня у подорожніх людей требувать пашпорти?

— Та я... та я... залепетав він, встаючи з ослону,—я... старшина... Тілько шо я знàка не взяв, а я старшина... Та чую шо кажуть...

— Та яке нам діло, що ви старшина? Яке ви маєте право трівожить подорожнього своїми пашпортами?! Біжи до пристава, — повернувся я до товариша,—що це за глум такий!

Перелякана хазяйка вскочила до нас і з ляку не знала що робить.

— Ні, ні, це старшина,—казала вона і топталась коло порога,—ій Богу ж то старшина!.. Це наш старшина...

Піддержаний хазяйкою, він підбадьоривсь.

- Та, бачите, я б нічого, так кажуть, що ви.... що ви... гапонці. . гапонські шпіони......

Ми оторопіли.

За рядном шепотання росло все більше, рядно ворушилось і вдавлювалось у нашу кімнату; коло нього стояла з витріщеними очима перелякана хазяйка.

Я почував, що мій ріт скривився в усмишку... але старшина буде божитись, що я бажав плакать... І він, здається, скаже правду...

Товариш мовчки вийняв пашпорт і мовчки подав старшині.

Ми мовчки вийшли з хати і мовчки сіли на своїх коней.

Сонце сміялось на весь широкий степ, сміялось похвильоване злегенька море хліба, реготались жайворінки...

До самого вечора ми мовчали.

Ромодан, 905 р. Березня 25. **Ю. Будякъ.**

НЕ В РУКУ.

I.

Як умер мій чоловік, увірвалося мені щасливе та спокійне життя: за всім сама доглянь, про все сама клопочись. Тринадцять літ прожили ми вкупі і хазяйство чимале придбали, та не стало голови до нього. Мусила я й поле з'половини віддавати і худоби трохи спродатись. Наймита хоч і держала, а все ж чужі руки не те... не своє. Ох, горе зостатись удовою. Живеш, як той горох, що при дорозі: хто не захоче, не скубне. Тільки й радости лишилось мені, тільки й втіхи—синок сьомиліток. І вранці встаючи і ввечері лягаючи молилась я, щобъ помігъ Господь до розуму його довести. А він же, голубчик мій маленький, було і на ступінь не відпустить мене від себе: куди б я не йшла, усюди за мною. Біжи, Андрійко, на вулицю до дітей, було кажу йому, а він тільки голівкою крутить та щільно-щільно тулится до мене, загортаючись в спідницю. Часом і перешкодить він мені в роботі, а як погляну, як воно горнется до мене, то й несила одігнати—і діло покинеш та приголубиш його.

Та ще й вдався він таким добрим та милосердним, що й розсказати не можна. Чи кошеняті лапку хто притопче, чи цуценятко, лазючи скрізь, обдере де шкурку на собі,—мій Андрійко швидче за ганчірочку та й завязує, усе допитуючись мене: чи дуже болить у кішечки або в цуценяти. А отце бува старець або старчиха до двору надходить, то він мерщій біжить до мене і ще здалека кричить: мамо, дайте старцеві... он-де він іде до нас. І сам своїми рученятами несе милостиню: не боявся старців, як бува то з іншими дітьми.

Боже, яка я рада була за свою любу дитину, як втішалася я нею! Хочъ и молодою втратила я чоловіка, а все здавалось мені, що на цілому світі немае матері счасливийшоі від мене.

II.

В містечку нашому жило багацько панів, що служили на винокурні та в сахарні пана Штенгеля.

Почала я молоко, сир, масло носити панам, і хоч тупаю було день і нічь, та за те мала собі з того добру вигоду. До одних панів два роки носила молоко. Гарні були люде, не горді—нехай їм за те скрізь добре буде. Швидко вони виїхали кудись з нашого містечка. Як принесу було молоко їм, то вже набалакаюсь з панею: і про городину, і про те, хто як живе, і про немічі, на які слабують люде, и про всяку всячину. А якось розбалакались про дітей. Питае мене пані, скільки діток у мене. Тройко, кажу, було: двое хлопчиків і дівчина, та під діхтерит двойко померло, а Андрійко, дякувати Милосердному, зостався. Дав би Бог, щоб виріс,—хазяїном добрим буде. Покинув йому батько десять десятин поля—повних два наділи, вже зовсім викупленых. І дім новий вибудував покійник, та не довелося сердешному жити в ньому; темна домовина сталась йому вічною хатою. Розсказую я, а сльози вже на очах у мене. Помітила це пані, та й почала мене вмовляти:

— Не гнівіть, Домахо, Бога. Чого вам плакати? Умірати усім не минется, та дай Боже, щоб в той лихий час кожен мав чим забезпечити свою сімью так, як ваш чоловік. Гріх вам нарікати, а от про сина дбайте, щоб до путя його довести. Горе тепер темному, вчить треба дітей.

Отце, кажу я, як діждемо осени, буде моему Андрійкові одинадцять років; треба одвести вже його до школи, нехай дві або й три зіми походить, привчится трохи грамоти. Як почула це пані, так и напосілась на мене.

— Як, каже, вам не сором: одна у вас дитина, та й тій не бажаете ви щастя. Господи! які темні наші люде!.. (та аж руками сплеснула). Поставили їм школу; клопочутся, турбуются про їхніх дітей, вони самі не дають їм світу, самі держуть своїх дітей в темряві. Невже ви, каже, хочете, щоб ваша дитина цілий вік свій нарікала на вас?

Мені аж ніяково зробилось з того, що я так ростривожила пані. Мовчу вже я.—Хто ж дитину вашу до путтяя призведе,

як не школа?—доводить мені вона. Не ви ж, коли ви й самі темні.

Пані правду каже, думаю я собі: не на лихо ж нам будують скрізь школи. Другого дня теж вмовляла мене пані послухатись її порады, а через півроку, як од'їзжали вони з нашого містечка, прощаючись зо мною, нагадала мені знов:—глядіть-бо, не відбірайте хлопця свого з школи, поки не скінчить, то хоч не буде темною людиною.

III.

Як наступила осінь, справила я своему Андрійкові чобітки й свитку, купила нову шапку, та й одвела його до школи. А в нашому містечку школа мурована, велика та висока—аж на два поверхи: у верхньому учитель та дві вчительки живуть, а у нижчому дітей вчать. Господи, яка-ж сила их тамечки! і наші, і еврейські е... Записали мого Андрійка у школяри. Ходить він тиждень, другий і третій. На четвертому тижні в понеділок приходить мій Андрійко до дому й плаче. Питаюсь чого—мовчить. Питаюсь вдруге—мовчить. Кажи, причепилась я до нього, бо піду та спитаю в учительки. Адрійко ще дужче в плач. Що це з ним? думаю. Не чепляюсь вже до нього, насипала йому обідати. Так де тобі! і не глянув, і не доторкнувся. Сидить на лаві насупившись. Дивно мені, сижу і я та мовчу. Коли це Андрійко скинув чоботи та й каже:

— А почім я знав, що на діл треба казати пол?

— Як пол? — питаю. Хиба на діл хто каже пол?

— У школі кажуть,– одмовляе він мені.

— Брешеш, кажу.

— То спитайте у Борозенкового Семена, коли не ймете віри мені.

Та й знов почав плакати.

А хиба тебе бито? питаю.

Ні, каже.

Ну, то чого-ж ти плачеш, дурнику? Годі-ж, годі, мій голубчику. Вдруге будеш вже знати—вмовляю я його. Бач, тебе ж не бито за те, що не знав.

Так мені соромно,—каже. Я вже більш не піду до школи.

Не кажу вже я йому нічого, а мерщій взулася, схопила хустку з жертки та через городи пішла до Борозенків роспита-

тись у їхнього Семена, що трапилося у школі з моїм Андрійком. Прихожу, роспитуюсь, а він і розсказує.

То, каже, на переміпці Андрій ваш ходив коло вчительчиного столу та й те... і загрязнив діл, бо у нього чоботи в грязюці були.—Та мабуть-же у школі поміст, а не діл?—перебиваю я Семена. Дошками помощено? питаю.—Дошками каже, та й далі розсказує. Як почався урок, то вчителька, побачивши коло столу грязюку, й питае нас; а котрий це з вас погрязнив пол? Хтось і сказав, що Андрій Яременко, а Андрійко схопивсь на ноги, почервонів-почервонів та й стоїть, озираючи усіх нас. Учителька знов його вже пытае: ти Яременко погрязнив пол? А він стоїть мовчки. Оттут... ось де... ти погрязнив? питае вона, вказуючи пальцем на грязюку коло столу. Діл?—перепитує Андрійко і знов поглядае на увесь клас. Не діл, а пол треба говорить,—одмовила йому учителька. Гляди-ж не забудь—пол, а не діл; не забувай, каже вона, і того, що чоботи, коли грязько, треба витирати у сінях віником, а тоді вже входити у клас.

А не била вчителька Андрійка? допитуюсь я.

Ні, каже. Тільки сказала, щоб він сів та пам'ятав добре те, що йому казано. А Адрійко як сів, то аж до кінца урока ні на кого ні разу не глянув, та червоний-червоний!... А коли пустили нас до дому, то він поперед усіх побіг і ні до кого й словом не озвавсь.

Вислухала я це та швидче до дому. Прихожу, а Андрійко мій сидить на лаві, як я його покинула, і обід на столі захолонув. Це ти й досі не обідав? питаю. А він мені: Я не піду більш до школи, бо мені соромно. Взялась я його вмовляти: і пояс новий ік Різдву обіцяла купити, і до дядька у Звенигородку по залізниці на Риздвяних святах повезти. Так і слухати не хоче: не піду, каже, більш в школу, соромно.

Чого-ж тобі соромно? Який там сором,—власкавлюю я його.

Соромно, каже. Почім я знав, що то вчителька на діл казала пол?

А не соромно тобі буде, кажу я йому, як виростеш ти неграмотним, не вмітимеш ні прочитати, ні написати, ні посчитати. Не тільки вчителька, а й усяк тоді посміется над тобою, Нічого не сказав на це капосний хлопець, тільки насупився і до самісінької вечері навіть і їсти не попросив. А тоді вже, як почала я слатися спати, підійшов до мене, заплакав та й каже:

Я, мамо, ходитиму у школу, аби тільки не сміялися з мене.

IV.

Минула зіма, й весна вже збігла. На другому тиждні після великодних свят роздано школярам білетики і велено аж у вересні місяці приходити у школу. Приніс і мій Андрійко білетика, а там написано, що переведено його у вторе одділення. Непримітно і літечко збігло. Знов осінь. Пішли знов діти до школи, пішов і мій Андрійко. Зіму і весну, це вже по другій, ходив, а після великодня знов приніс білетика, де написано було, що його переведено вже в трете одділення. Треба, думаю собі, якось подякувати тій вчительці, у якої вчився Андрійко мій. Зібрала я свіженького маслиця хунтів з п'ять, розпыталася у Андрійка, у якій саме кватирі живе його вчителька, та й пішла до неі. Прихожу, кажу, що я мати Андрія Яременка, дякую, прохаю взяти гостинець, а вчителька подивилась на мене, усм'хнулась чогось та й каже: За те, що ми вчимо дітей, нам платять, і ми нічого не повинні брати з людей. Однесіть, тітко, продайте його, та тими грішьми заткнете якусь дірку у хазяйстві. Та вже, кажу я, коли принесла, то мусите взять.

Ні, одказуе вона, не візьму я, тітко, бо не слід мені,

Ой, матінко! аж скрикнула я. Як таки не слід? Хиба ж ви не наклопоталися з моїм Андрійком?

Коло всіх я, одказуе вона, однаково клопочусь, а з вашим Андрійком найменче клопоту, бо хлопець він тямучий: задачу хоч би й яку, то поперед усіх рішить, і читае вже не погано.

Слава тобі, Господи, думаю я: не даремно морочить хлопя собі голову.

А от, додае учителька, як треба розсказати—значить те, що прочитае, то він і не може по книжному. Як дома говорить, так і прочитане росказуе. Це, каже вона, для всіх дітей важко, а вашому найбільш.

Ну, то отто-ж вам за труди буде маслічко, кажу я. Так і не взяла; таки мусила я нести його до дому, а йдучи все думала: як воно так—і тямучий Андрійко, і важче йому, ніж іншим. Аж закортіло вернутись, щоб спитатись про це у учительки, та вже ніяково було. Господи, думаю, і для чого так довго вчать бідних дітей, коли ті науки такі важкі.

V.

Літньої пори у хазяйстві за скрутою мало з ніг не звалишся. Дякувать Богові, Андрійко підріс та давав вже поміч: він з наймитом коло худоби та сінокосу, а я у городі та у полі. Радію я, дивлячись на свого Андрійка: охочий він, Господи, який охочий до хазяйства. До ярем поробив мережані занози, лушні до воза теж померєжив. Батіг у нього з червоною китицею. Волики за літо аж погладшали; мало не що-ночі він з наймитом їх попасує, і сам не б'є, і догляне, щоб наймит не бив. Хозяїн—що й казати. Наступила осінь. Аж над вечір вже Андрійко вертается з школи; пообідає на швидку і, аби тільки товар був дома, за батіг, та й пожене на леваду до ночи. Якось, здається, за тиждень перед Покровою—отже хоч убийте, не згадаю, у який саме день—задовго ще до півдня приходить мій Андрійко з школи. Здивувалась я, та й питаю: чого це так рано?

Утік, каже.

Як утік? питаю.

Так, каже, утік, та й годі. Учителька сказала мені сьогодні, що я, мабуть, ніколи не вмітиму книжним язиком розсказувати прочитане.

Як-же посмів ти втікати? кричу вже я на нього.

А так. Діждався перемінки, за книжки, та й до дому. Коли, каже, ніколи не вмітиму, то не треба и вчитись.

Що ж це ти накоїв? що? допитуюсь я, та й ледві не плачу.

Нічого, одказує. Не ходитиму більш до школи, та й годі.

А як я тебе сама одведу!—кажу я йому з серцем, думаючи налякати дурного хлопця.

А він мені на це:

То ви більш і не побачите мене, утічу з школи й од васъ.

Як почула я таке, то аж страх мене взяв, а серденько болізно стиснулось. Оттакої... ще справді, думаю, дурне хлопя заподіє собі яке лихо. А він же у мене один соколик, один хазаїн. З ким же я тоді зостанусь? як житиму без дорогої дитини? Нехай, міркую, мучатся по школах ті, хто мусить у найми йти, а мій Андрійко хазяїнуватиме. Адже-ж батько його хазяїнував,

та ще й не аби як. Дубенки та Лопухи теж хазяїни на всю губу, а отже позабірали своїх синів з школи; кажуть, що далеко ніби-то ходити, а мойому хиба дуже ближче? Оттак заспокоївши себе, замовкла я, хоч до самісінького вечора сльози давили мене. Не в руку, значить, йому вчення, то нехай приглядается до хазяйства. Другого дня вранці Андрійко, сховавши книжечки у свою маленьку скриньку, поїхав з наймитом до млина по борошно.

П. Ротарь.

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ Н. И. КОСТОМАРОВА,

ЗА ЛУЧШІЙ МАЛОРУССКІЙ СЛОВАРЬ.[1])

На соисканіе преміи къ сроку 1 января 1905 года было представлено три работы.

Для разсмотрѣнія этихъ трудовъ была образована въ засѣданіи Общаго Собранія Академіи 8 января Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ академиковъ А. А. Шахматова и А. И. Соболевскаго и, согласно § 15 положенія о преміи, малоросса А. І. Лященко.

По тщательномъ разсмотрѣніи представленныхъ работъ, Коммиссія признала заслуживающимъ второй преміи, т. е. процентовъ съ 4000 рублей за время съ 1891 года по 1900 годъ, словарь, поступившій на конкурсъ отъ редакціи журнала „Кіевская Старина“ и состоящій изъ двухъ трудовъ, озаглавленныхъ:

„Словарь украинскаго языка, собранный редакціей журнала „Кіевская Старина“. Редактировалъ съ добавленіемъ собственныхъ матеріаловъ Б. Д. Гринченко“ и

„Матеріалы для словаря письменной и книжной южно-русской рѣчи XV -- XVIII вв. Е. Тимченко“.

Объ этихъ работахъ представилъ академикъ А. А. Шахматовъ слѣдующій отзывъ.

Подъ этими заглавіями поступили въ Академію Наукъ на соисканіе преміи Н. И. Костомарова за лучшій малорусскій словарь два обширныхъ рукописныхъ труда, изъ которыхъ второй, словарь историческій, служитъ дополненіемъ къ первому—словарю живого языка.

---

1) Перепечат. изъ отдѣл. оттиска, издан. Импер. Акад. Наукъ; Спб., 1906 г.

Первый трудъ заключается въ 23 переплетенныхъ тетрадяхъ и содержитъ до 20000 страницъ, писанныхъ четкимъ почеркомъ. На первыхъ 137 страницахъ I-й тетради помѣщены предисловіе, списки источниковъ и сокращеній. Послѣднія страницы (573—676) XXIII-й тетради заняты крестными именами. Всѣ остальныя страницы этого труда отведены самому словарю.

Второй трудъ представляетъ изъ себя два обширныхъ фоліанта; весь текстъ написанъ на пишущей машинѣ. Въ началѣ перваго тома имѣется небольшое предисловіе и списокъ сокращеній.

Какъ указано, оба труда должны составить двѣ части одного цѣлаго, хотя прямой, органической связи между ними нѣтъ: оба они настолько различны по задачамъ своимъ и по исполненію, что ихъ невозможно было бы слить въ одинъ полный словарь малорусскаго языка.

Перехожу къ разсмотрѣнію сначала Словаря украинскаго языка. Въ обстоятельномъ предисловіи, предпосланномъ Словарю, послѣ интереснаго обзора трудовъ по малорусской лексикологіи, изложена исторія появленія и обработки настоящаго труда. Работа надъ малорусскимъ словаремъ началась еще въ 1864 году и состояла сначала въ выборкѣ на карточки словъ съ примѣрами къ нимъ изъ этнографическихъ сборниковъ и сочиненій украинскихъ авторовъ (выборка происходила сначала подъ руководствомъ П. И. Житецкаго). Къ добытымъ такимъ образомъ матеріаламъ присоединялись слова, записанныя прямо изъ устъ народа и полученныя отъ сельскихъ учителей, священниковъ, землевладѣльцевъ и проч. „Особенно много и при томъ цѣннаго матеріала—читаемъ мы—было доставлено: извѣстнымъ этнографомъ Г. А. Залюбовскимъ, богатыя записи котораго выдѣляются своей обстоятельностью, М. Ѳ. Лободовскимъ и А. К. Павловымъ". Въ концѣ семидесятыхъ годовъ кружокъ лицъ, интересовавшихся выпускомъ въ свѣтъ украинскаго словаря, рѣшилъ перебрать этотъ матеріалъ для того, чтобы составить словарь въ болѣе скромномъ видѣ. Черновую редакцію „украинскаго Рейфа", какъ называли тогда свой словарь работавшія надъ нимъ лица, вели Ир. Ал. Житецкій, А. И. Лонachевскій-Петруняка, В. П. Науменко и А. А. Русовъ. Словарь былъ законченъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. В. П. Науменко принялъ на себя трудъ редактированія словаря въ чистомъ видѣ. При этомъ „опытъ нѣ-

скольких лѣтъ работы показалъ, что въ прежней системѣ редактированія оставить его нельзя, а необходимо придать словарю болѣе научную обоснованность, обставивши каждое слово примѣрами изъ авторитетнаго источника, для чего опять потребовалось обратиться къ словарнымъ карточкамъ. Первые опыты обработки нѣскольких буквъ были представлены редакціи „Кіевской Старины“, которой словарь теперь уже принадлежалъ на правѣ полной собственности, и которая систему обработки одобрила“. Дальнѣйшую сводку матеріаловъ для первоначальной редакціи рѣшено было поручить Е. К. Тимченку, который и закончилъ эту работу, приведя весь словарь въ алфавитный порядокъ (въ тетрадяхъ). „Редакція журнала „Кіевская Старина“ предполагала издать этотъ словарь въ видѣ приложенія къ журналу, о чемъ и было объявлено печатно, и въ 1897 г. при журналѣ разосланы были первые листы словаря на А—Б, кончая словомъ *борозка*, подъ редакціей В. П. Науменка. Но такъ какъ вскорѣ выяснилось, что словарь можетъ быть представленъ въ Академію Наукъ на соисканіе преміи Н. И. Костомарова, то печатаніе его пріостановилось“. Въ началѣ 1902 года весь матеріалъ для окончательной обработки переданъ былъ редакціей „Кіевской Старины“ Б. Д. Гринченку, при чемъ еще заранѣе было предрѣшено, чтобы матеріалъ стараго книжнаго языка былъ выдѣленъ въ особый алфавитъ и помѣщенъ въ видѣ приложенія къ словарю живого языка. „Въ виду краткости оставшагося до представленія въ Академію Наукъ времени эту часть труда пришлось выдѣлить для особаго лица и впослѣдствіи для этого приглашенъ былъ Е. К. Тимченко“.

Въ распоряженіе Б. Д. Гринченка поступилъ довольно обширный матеріалъ, давшій до 49000 словъ, частью записанныхъ отъ народа, частью выписанныхъ изъ различныхъ книгъ, изданныхъ съ 1798 года (года появленія „Энеиды“ Котляревскаго) по 1870 годъ, а также изъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ изданій. Не ограничиваясь этимъ матеріаломъ, который пришлось переработать въ отношеніи и къ правописанію, и къ простановкѣ ссылокъ, и къ выбору примѣровъ, Б. Д. Гринченко рѣшилъ дополнить его. Дополненія добыты двоякимъ путемъ. Во-первыхъ, разными лицами, между прочимъ и самимъ Гринченкомъ, были записаны отъ народа въ разныхъ уѣздахъ Южной Россіи слова на 10481 карточкѣ; кромѣ того извлечено не мало словъ изъ рукописей И. С. Левицкаго, Г. Я. Стрижевскаго и др., заключавшихъ въ себѣ лексическіе матеріалы. Во-вторыхъ, предпринята была

выборка словъ изъ книгъ. При этомъ оказывается, что въ пользованіи печатными источниками Б. Д. Гринченко былъ связанъ опредѣленною программой, предложенною ему редакціей „Кіевской Старины“.

„Редакціей „Кіевской Старины“ поставлено было непремѣннымъ условіемъ, чтобы пользованіе печатными изданіями ограничено было выборкой матеріала лишь изъ слѣдующихъ книгъ: а) изъ всѣхъ собраній украинскихъ этнографическихъ матеріаловъ, когда бы то ни было изданныхъ, а также изъ тѣхъ земскихъ и другихъ изданій, въ которыхъ встрѣчаются матеріалы по народной терминологіи; б) изъ всего напечатаннаго на украинскомъ языкѣ съ Котляревскаго и по 1870 г. включительно; в) изъ работъ украинскихъ писателей XIX в., начавшихъ свою дѣятельность не позже 1870 года, хотя бы работы эти появились и позже означеннаго времени; г) изъ украинскихъ словарей; д) изъ сборниковъ словъ, записанныхъ отъ народа и опубликованныхъ въ печати.

„Не выходя изъ рамокъ этихъ ограниченій,—пишетъ Б. Д. Гринченко,—нами и госпожею М. Н. Гринченко произведена была выборка словъ съ примѣрами на карточки изъ книгъ какъ изданныхъ по 1870 годъ включительно, такъ и позднѣйшихъ и поименованныхъ въ помѣщаемомъ ниже спискѣ всѣхъ источниковъ для словаря“. Эта выборка, съ присоединеніемъ къ ней карточекъ, выписанныхъ по отмѣткамъ, сдѣланнымъ Б. Д. Гринченкомъ, дала 54700 карточекъ.

Безъ выписки на карточки редакторъ пользовался словариками Верхратскаго (угорскимъ, лемковскимъ, „Знадобами“, „Початками“), Манжуры (въ „Сказкахъ“), Рудченка (при „Чумацкихъ пѣсняхъ“), ботаническими Аннекова, Роговича и Волкова (въ I томѣ „Записокъ Юго-зап. Отдѣла Географическаго общества“), а также и болѣе обширными словарями языка. Этими словарями „мы старались пользоваться съ осторожностью,—говоритъ Б. Д. Гринченко,—несмотря на всю соблазнительность мысли легко пополнить свою работу множествомъ словъ путемъ простого переноса ихъ изъ одного словаря въ другой“.

Остальная часть предисловія Б. Д. Гринченка излагаетъ рядъ замѣчаній относительно состава словаря, распредѣленія въ немъ матеріала и метода изложенія. Всѣ эти замѣчанія свидѣтельствуютъ о томъ, что въ лицѣ Б. Д. Гринченка малорусская лексикологія имѣетъ опытнаго и отлично подготовленнаго работ-

ника. Впрочемъ, о томъ же еще съ большей доказательной силой говоритъ каждая страница самого словаря.

Тѣмъ тяжелѣе рецензенту отмѣтить рядъ существенныхъ недостатковъ въ Словарѣ украинскаго языка, недостатковъ, которые не трудно было бы устранить тѣми выдающимися учеными, которые работали надъ нимъ, интересовались его судьбою, содѣйствовали его появленію.

Главнымъ недостаткомъ Словаря, не дающимъ ему права на признаніе его словаремъ малорусскаго языка, оказывается исключеніе изъ его состава народнаго языка значительной части малорусскаго племени. Словарь украинскаго языка подъ названіемъ „украинскій языкъ" разумѣетъ, очевидно, не весь языкъ малорусскій, а только ту часть его, которая употребляется въ Южной Россіи, Галиціи и Буковинѣ. Малорусскіе же говоры южныхъ уѣздовъ Минской и Гродненской губерніи, говоры Сѣдлецкой и Люблинской губерніи оставлены почему-то въ сторонѣ. Эти говоры въ значительной части принадлежатъ къ сѣверно-малорусскому нарѣчію, между тѣмъ какъ украинскіе и галицкіе говоры относятся къ южно-малорусскому нарѣчію. Отсюда заключаемъ, что Словарь, собранный редакціей „Кіевской Старины", исключилъ изъ своего состава сѣверно-малорусское нарѣчіе. Возникаетъ вопросъ, сдѣлано ли это умышленно, или сѣверно-малорусскіе говоры не представлены въ Словарѣ по какимъ-нибудь случайнымъ причинамъ. Предисловіе Б. Д. Гринченка не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Но просмотръ источниковъ, которыми пользовался Словарь, убѣждаетъ въ томъ, что отсутствіе въ немъ сѣверно-малорусскаго матеріала не случайное. Такъ среди источниковъ нѣтъ этнографическаго сборника „Пинчуки" Д. Г. Булгаковскаго (Спб. 1890); нѣтъ „Сборника памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ" (Вильна 1866), большая часть котораго занята малорусскими пѣснями, записанными въ Гродненской губерніи; нѣтъ въ указателѣ упоминанія о трудѣ Бобровскаго о Гродненской губерніи (въ Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи, Спб., 1863), гдѣ приведено нѣсколько малорусскихъ пѣсенъ; нѣтъ въ указателѣ и труда Zieńkiewicza, Piosenki gminne ludu pińskiego; нѣтъ также ссылокъ на „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи" А. Потебни (Воронежъ, 1871), гдѣ приведено изъ различныхъ изданій нѣсколько образцовъ сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ; нѣтъ въ Словарѣ ссылокъ на „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія" П. Житецкаго (Кіевъ 1876), въ приложеніяхъ къ которому помѣщены

пѣсни „Сѣдлецкихъ разнорѣчій“ уѣздовъ Бѣльскаго, Константиновскаго и Радинскаго; не упоминается трудъ Н. Янчука „Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Константиновскаго уѣзда Сѣдлецкой губерніи“; сборникъ П. В. Бессарабы „Матеріалы для этнографіи Сѣдлецкой губерніи“ (Спб. 1903) также не использованъ въ Словарѣ.—Конечно, опущеніе всѣхъ этихъ источниковъ не можетъ быть случайнымъ. Но мы имѣемъ основаніе утверждать, что Б. Д. Гринченко, или предшествующіе редакторы Словаря умышленно оставляли въ сторонѣ сѣверномалорусскій матеріалъ даже тѣхъ этнографическихъ сборниковъ, которые были использованы ими для извлеченія изъ нихъ матеріала южно-малорусскаго. Такъ въ VII томѣ (вып. 2-й) „Трудовъ этногр.-статист. эксп. въ западно-русскій край“ приведены списки малорусскихъ словъ изъ разныхъ губерній, явившіеся въ результатѣ разсылки „Программы для указанія особенностей мѣстныхъ народныхъ говоровъ въ Южной Россіи“. Списокъ словъ, записанныхъ въ Липецкой слободѣ Харьковской губерніи (№ 38), вошелъ цѣликомъ въ Словарь; между тѣмъ словъ, сообщенныхъ изъ села Полоски Бѣльскаго уѣзда Гродненской губерніи (№ 20) и изъ села Озяты Кобринскаго уѣзда той же губерніи (№ 17), не находимъ въ Словарѣ [1]). Отмѣтимъ, наконецъ, что въ спискѣ сокращеній не находимъ ни одного названія уѣздовъ Гродненской, Сѣдлецкой и Минской губерній.

Исключеніе изъ Словаря сѣверно - малорусскаго матеріала тѣмъ непонятнѣе, что въ него вошли угрорусскія слова. Угрорусскіе говоры также не принадлежатъ къ южно - малорусскому (украинскому) нарѣчію, а многія особенности роднятъ ихъ тѣснѣйшимъ образомъ съ сѣверно-малорусскими. Правда, угрорусскимъ говорамъ Словарь удѣлилъ лишь незначительное вниманіе: для нихъ использованъ, напримѣръ, „Словарець“, приложенный ко II ч. изслѣдованія Верхратскаго „Знадоби для пізнання угорско-руских говорів“ (отд. отт., Львовъ 1901) [2]), но тексты, пред-

---

1) Напр. *кухоръ* — сундукъ, *пащекъ* — рот, *густъ* — вкусъ; *ничогый* — нехорошій, *вертёга* — макітра, *ремжуть* — шепчутъ, *курувать* — лѣчить. Странно, что *страмина*—передвижная лѣстница сопровождается въ Словарѣ ссылкой на Чуб. VII, 551, т. е. на тотъ списокъ словъ Кобринскаго уѣзда, который остался вообще не использованнымъ.

2) Словарець Верхратскаго использованъ не больше какъ на одну третью часть. Такъ на буквы са—сн не взяты въ Словарь: салак, свербогуз, свіба, свора, сворець, сьвятоянка, сыровастый, сичак, сымячко, сырак, скады, скальняк, скапчати, скарупа, скарупліна, скернякатися, скверщок, склубитися, сколомут, слыхы [виски], славік, славчик, слук, слезь, сновальніцы и нѣк. др.

шествующіе словарику, оставлены въ сторонѣ. Оставлены также въ сторонѣ Словарець къ I ч. этого изслѣдованія (Зап. Н. тов. ім. Ш., т. XXX) и Словарчикъ, приложенный къ изслѣдованію Верхратскаго „Проговор долівский“ (Зап., т. XXXV и XXXVI). Угрорусскія народныя пѣсни, собранныя Де-Волланномъ (Спб 1885), и приложенный къ нимъ словарикъ не упомянуты въ спискѣ источниковъ и не встрѣчаются въ ссылкахъ. Угрорусскій словарикъ, составленный Семеновичемъ (Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, сост. и изд. учениками В. И. Ламанскаго, Спб. 1883, стр. 221—238), остался составителямъ Словаря неизвѣстнымъ. „Етноґрафічні материяли з Угорської Руси“, собранные В. Гнатюкомъ (тт. III, IV, IX и сл. Етноґрафічного Збірника), остались не использованными, и т. д. Но тѣмъ не менѣе слова, употребляющіяся въ Угорщинѣ, и при томъ даже такія, которыя неизвѣстны въ другихъ частяхъ малорусской территоріи, вошли въ Словарь широкою струей.

Впрочемъ, далеко не весь сѣверно-малорусскій лексическій матеріалъ подвергся исключенію. Мы находимъ въ Словарѣ ссылки на тексты, записанные въ тѣхъ частяхъ Черниговской и Волынской губерній, также Радомысльскаго уѣзда, которыя принадлежатъ къ области сѣверномалорусскаго нарѣчія, а также на тексты, записанные въ губерніяхъ Гродненской и Сѣдлецкой. Такъ при словѣ *зикати* приведенъ примѣръ: дядько не схотів (чит. схтів)— ще став зикати на його, со сылкой Чуб. II, 8; текстъ, напечатанный въ „Трудахъ и т. д.“ II, 7—11, записанъ въ Дрогичинѣ Кобринскаго уѣзда Гродненской губерніи. При словѣ чвертка примѣръ со ссылкой на Чуб. II, 50; текстъ записанъ въ Брестъ-Литовскомъ уѣздѣ. При словѣ варта примѣръ со ссылкой на Чуб. II, 77; текстъ записанъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи. При словѣ кулибка примѣръ заимствованъ изъ текста, записаннаго въ Радомысльскомъ уѣздѣ (Чуб. II, 446), но Словарь почему то сглаживаетъ сѣверно-малорусскія особенности: вмѣсто „скажитъ, спики, своимъ жуынкамъ“ — „скажить, спики, своїм жінкам“. Подъ сл. судосити примѣръ изъ пѣсни, записанной въ Пинскомъ уѣздѣ (Чуб. III, 367).

Чѣмъ же объяснить исключеніе изъ Словаря сѣверно-малорусскихъ этнографическихъ сборниковъ? Мы остаемся при убѣжденіи, что исключеніе сдѣлано умышленно. Но для какой цѣли, по какимъ соображеніямъ это сдѣлано, неясно. Исключить изъ малорусскаго словаря сѣверно-малорусскіе говоры такъ же неправильно, какъ неправильно было бы исключить изъ словаря

великорусскаго языка сѣверно-великорусскіе или южно-великорусскіе говоры. Мы не думаемъ, чтобы, составители Словаря украинскаго языка задались цѣлью дать словарь малорусскаго литературнаго языка, не думаемъ этого уже по тому видному мѣсту, которое занимаютъ въ этомъ трудѣ слова, извлеченныя изъ устъ народныхъ. Но недоумѣваемъ, почему не все народное малорусское нашло мѣсто въ этомъ почтенномъ и великомъ предпріятіи. Недоумѣваемъ также, почему попавшія въ Словарь выписки изъ текстовъ, записанныхъ въ области сѣверно-малорусской, исправлены согласно южно-малорусской фонетикѣ, тѣмъ болѣе, что это рѣшительно противорѣчитъ выставленному въ предисловіи къ Словарю положенію (с. 80—81): „что же касается *примѣровъ* изъ народной рѣчи, то они давались всегда въ той формѣ, въ какой были записаны". Примѣры противополагаются словамъ, которыя послѣдовательно приводятся въ той фонетической формѣ, въ которой они извѣстны въ „собственно-украинскомъ" нарѣчіи. Такой пріемъ нельзя не признать правильнымъ, и включеніе словъ сѣверномалорусскихъ нисколько не должно было бы его измѣнить.

Быть можетъ, составители Словаря боялись вторженія въ Словарь бѣлоруссизмовъ при широкомъ пользованіи сѣверно-малорусскимъ лексическимъ матеріаломъ. Но въ указанныхъ выше мѣстностяхъ встрѣчаются чисто малорусскіе говоры, свободные отъ бѣлорусскаго вліянія. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, Словарь долженъ прежде всего считаться съ дѣйствительными фактами и не можетъ вычеркивать изъ малорусской семьи тѣ или другіе говоры за то, что они подверглись вліянію сосѣднихъ говоровъ, будь то бѣлорусскихъ или великорусскихъ. До сихъ поръ изслѣдователи малорусскаго языка и фольклора не пренебрегали малоруссами, пограничными съ бѣлоруссами. Самъ Б. Д. Гринченко въ своемъ библіографическомъ трудѣ „Литература Украинскаго фольклора" (Черниговъ 1901) тщательно отмѣчаетъ всѣ работы, касающіяся сѣверно-малорусскихъ областей: ср. подъ № 499 „Вержбицкій Ф. Народныя пословицы и поговорки Пружанскаго у.", подъ № 1251 „Свадебныя пѣсни Кобринскаго у.", подъ № 951 „Янчукъ, Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ, константиновскаго уѣзда, сѣдлецкой губерніи", подъ № 868 П. Батюшковъ, „Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь", и т. д. Наконецъ, отмѣтимъ еще разъ, что раздробить малорусскую семью, выдѣливъ изъ нея сѣверныхъ малороссовъ, совершенно невозможно безъ ущерба

для самихъ украинцевъ. Сѣверные малороссы сидятъ даже въ Кіевской губерніи. Между сѣверными малороссами и собственно украинскими говорами лежитъ широкая полоса переходныхъ говоровъ, тянущаяся по всей южной границѣ сѣверно-малорусской территоріи и обнимающая рядъ уѣздовъ Волынской, Черниговской и Полтавской губерній. Представляется иной разъ спорнымъ, куда отнести тотъ или другой изъ этихъ переходныхъ говоровъ, къ сѣверно-малорусской или южно-малорусской семьѣ.

Такимъ образомъ мы отмѣтили въ Словарѣ, собранномъ редакціей „Кіевской Старины", съ одной стороны, опущеніе сѣверно-малорусскаго лексическаго матеріала, лишь случайно проникшаго изъ подвергшихся сплошной выборкѣ этнографическихъ сборниковъ, съ другой стороны, весьма недостаточныя данныя изъ области угрорусскихъ говоровъ. Словарь украинскаго языка очевидно, сосредоточилъ все свое вниманіе на области галицко-украинскихъ говоровъ. Обращаемся къ вопросу, насколько полно представлены литературный языкъ Украйны и народные говоры Украйны и Галиціи въ кіевскомъ Словарѣ.

Какъ мы видѣли, источниками для Словаря послужили: во-первыхъ, языкъ народный, насколько онъ отразился въ печатныхъ и рукописныхъ записяхъ; во-вторыхъ, языкъ литературный, извлеченный изъ сочиненій писателей старшаго поколѣнія; въ-третьихъ, предшествовавшіе словари, откуда заимствовались и книжныя и народныя слова.

Живой языкъ малорусскаго народа представленъ въ Словарѣ въ значительной полнотѣ. Этому способствовали между прочимъ сообщенія, сдѣланныя въ разное время многочисленными наблюдателями, записывавшими слова непосредственно изъ устъ народа. Такія сообщенія были сдѣланы еще въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ изъ Харьковской, Черниговской, Кіевской, Екатеринославской, Подольской, Волынской, Полтавской, Херсонской губерній и изъ областей Терской и Войска Донского. Въ послѣднее же время Словарь обогатился сообщеніями изъ Черниговской, Полтавской, Кіевской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Харьковской, Бессарабской губерній. Въ этихъ двухъ перечняхъ губерній останавливаетъ на себѣ вниманіе отсутствіе сообщеній изъ Галиціи: только отъ В. Дорошенка получены слова изъ Гуцульщины. Правда, тѣ или другія причины могли помѣшать редакціи „Кіевской Старины" организовать наблюденія надъ живымъ говоромъ во всей области, занятой украинскимъ племенемъ, но такъ или иначе, при добрыхъ отношеніяхъ

существующихъ между Кіевомъ и Львовомъ, можно было бы найти корреспондентовъ и въ Галиціи и въ Буковинѣ. Словарь искусственно суживаетъ свою задачу территоріей, входящей въ составъ Россійской имперіи: но и здѣсь не было, повидимому, приложено достаточно стараній для пріобрѣтенія болѣе или менѣе значительнаго числа корреспондентовъ: Курская и Воронежская губерніи остались совсѣмъ не представленными въ поступившихъ въ редакцію Словаря сообщеніяхъ; повидимому, очень немного сообщеній изъ Подольской губерніи. Впрочемъ, и другія губерніи представлены неполно, что видно изъ приведенныхъ въ предисловіи къ Словарю и въ спискѣ сокращеній названій уѣздовъ.

Слова народнаго языка извлечены еще изъ рукописныхъ и печатныхъ сборниковъ словъ, записанныхъ отъ народа. Изъ рукописныхъ сборниковъ указаны матеріалы, собранные Г. Н. Стрижевскимъ и И. С. Левицкимъ. Нельзя не упрекнуть редакцію Словаря за то, что она не воспользовалась рукописными матеріалами по малорусскому языку и народной словесности, принадлежащими Академіи Наукъ. Объ этихъ матеріалахъ редакторъ Словаря могъ знать по тщательному описанію ихъ, сдѣланному Вс. И. Срезневскимъ въ „Свѣдѣніяхъ о рукописяхъ, поступившихъ въ Рук. отд. Библіотеки Академіи Наукъ въ 1900 и 1901 годахъ“ (Изв. Имп. А. Н., т. XVI, № 2, февраль 1902 г.). Кромѣ того, насколько мнѣ извѣстно, о существованіи этихъ матеріаловъ былъ въ свое время освѣдомленъ В. П. Науменко, редакторъ „Кіевской Старины“. Позволю себѣ указать на цѣнность тѣхъ дополненій, которыя могли бы быть извлечены составителями Словаря изъ рукописей Академіи, относящихся къ сороковымъ и пятидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія. Такъ въ маленькомъ словарикѣ, составленномъ въ Переяславѣ Сп. Пололгуевымъ, находимъ слѣдующія слова, не вошедшія въ Словарь украинскаго языка: *блукать*—переходить съ одного мѣста на другое, являться и опять исчезать (прим.: мижъ хмарамы молодыкъ блукавъ), въ Словарѣ только блукатися; *гатывныця*—пушка (прим.: якъ ударыть Максимъ Гетьманъ съ тый гатывныцы—посыпались Гайдамаки, якъ лыстя зъ кислыцы, изъ нар. пѣсни). Въ перечнѣ словъ Як. Михайловскаго (Полт. и Харьк. губ.): *досебъ*—до сихъ поръ бы; *могота*—сила, въ моготу въ силу, *охопытця*—очнуться; *поваждаты*—баловать, потворствовать; *сажокъ*—мѣсто въ избѣ, отгороженное для гусей и куръ; *схопынутця* — очнуться; *цвиринкаты* — щебетать (говоря о воробьяхъ). Въ записяхъ Ст. Краснобаштова изъ Богучарскаго уѣзда

Ворон. губерніи: *байгушь*—бѣднякъ и лѣнтяй, бобыль, банкрутъ, *байгушить*—проводить время въ праздности, *байгуши*—время, проводимое въ праздности (выгнать изъ кого байгуши); *бербега*—неповоротливый, массивный; *бутуръ*—безпорядокъ, лежащія въ безпорядкѣ вещи; *варунокъ*—изъянъ, повреждепіе (въ Словарѣ: боль живота, вѣтры); *выбехаться*—выросги, быть большого роста; *колюка* (колюка твои матери)—бранное слово; *кортать*—бранить, пожурить; *мистный*—крѣпкій, прочный (о тканяхъ); *остербиться*—собраться съ силою, укрѣпиться; *очмилить*—сильно ушибиться, отуманѣть; *очмылыть*—сильно ударить; *перехамарчить*—растратить, перевесть какъ нибудь; *слюдьба*—слэй, *стребельковатый*—высокій на ногахъ, стромкій; *суторма*—смятеніе; *фуга* (г выговаривается какъ g)—метель. Въ записяхъ М. Шушко изъ Павлоградскаго уѣзда: *вакула*—дуракъ, неуклюжій, неповоротливый; *латрыга* (чит. лотрыга)—мотъ, мошенникъ. Въ записяхъ Грахова изъ Екатеринославской губерніи: *брунька*—балалайка (въ Словарѣ два другихъ значенія этого слова); *трухти*—ѣхать рысцой. Въ спискѣ словъ Зеньковскаго уѣзда, составленномъ Н. Булгаковымъ: *пиндриться*—гордиться; *дабеле* (?)—подушное, подать. Среди словъ, записанныхъ Олеховскимъ въ Кобелякскомъ уѣздѣ: *ильтыця*—сыворотка, остающаяся отъ сыра, приготовляемаго изъ свѣжаго овечьяго молока (въ Словарѣ ільтиця въ трехъ другихъ значеніяхъ); *нечля*—неприлично (що нечля, той не годыця), ср., впрочемъ, въ Словарѣ подъ чля. Въ сообщеніи изъ Конотопскаго уѣзда, сдѣланномъ Гр. Морозовскимъ: *брынзя*—обмочившій или обмочившая подолъ платья; *бодуражиться*—сердиться, гнѣваться; *врещать* — извергать ртомъ пищу при тошнотѣ; *щавчить* и *щавить*—раздавливать. Въ отрывкѣ малорусскаго словаря (на буквы А—Б), составленомъ въ 1856 году: *ажанды*—вотъ тамъ (со ссылкой на Полт. губ., *арвань* и *айранъ*—кислое козье молоко (въ Словарѣ только ар'ян); *арчакъ*—сѣдло (а питники зъ-пидъ арчака̀ якъ випадуть), въ Словарѣ а̀рчик; *арха*—грохотъ, сѣялка, на которой очищаютъ хлѣбныя зерна; *багачь* въ значеніи бага̀ття, огонь, пламя, жаръ; *башмакъ*, и производныя; башмачокъ, башмачище; *бевтваєъ*—болванъ, дурень; *безбашъ*—безтолочь (яка бе́збашъ); *безпузый*, уменьш, *безпузенькій, безчервый*, уменьш. *безчервенькій* (прим. за пролисомъ безчерва сучка бреше)—безбрюхій (въ Слов. безчеревий): *бербехнути* — упасть, шлепнуться; *берберя*—неуклюжій, некрасивый, *бельтюкъ* и *бельтюки*—зенки, буркалы, и др. Въ словарикѣ Гриненкова Новоградволынскаго уѣзда: *гнытъ*—сапожниче-

скій ножъ; *дуфать*—уповать; *кочкоданъ*—чертенокъ; *лицы*—возжи; *мантій*—плутоватый, проситель, *спрыщить*—сготовить, сварить на кухнѣ; *шальвировать*—плутовать, Особенно обширенъ словарь, составленный въ 1849 г. Евстафьевымъ (Полт. губ.). Изъ словъ на букву К въ Словарѣ укр. языка недостаютъ противъ Евстафьева: *кабачковый*—изъ тыквенныхъ сѣмянъ сдѣланный (кабачкова олія); *кабачокъ*—ум. отъ кабакъ; *каблучечка*—ум. отъ каблучка; *каламарецъ*=каламарчыкъ; *канапъ*=канапа; *канапына*—унич. отъ канапъ; *канзюбка*—ум. отъ канзюба; *капши*—вши, гниды и пр., заводящіяся отъ нечистоты (въ Слов. капші безъ значенія); *капшучына*—унич. отъ капщукъ; *карапузча*—малорослое, но толстобрюхое дитя; *каранщукъ*—имя, даваемое очень малорослому, молодому человѣку; *касюменъ*—„ругательное, очень злому и вредному человѣку даемое“; *кібкать*—произносить часто слово кібъ, подражая птицѣ кобцу; *клаптычокъ*—лоскутикъ чего; *клішонижко*—кто имѣетъ кривыя ноги; *кнышівныкъ*—кто любитъ ѣсть кныши; *кнурына*—мясо или сало кнура (некладенаго кабана); *кнурячына* — то же, что кнурына; *кожурыньячка*—ум. отъ кожурынья; *комызяка*—увел. отъ комыза; *комызенний*—капризный; *коповычокъ*—ум. отъ коповик; *коповый* — полтинный, полтину стоющій; *копышакъ*—монета 15 копѣекъ серебромъ; *корчакуватый*—неровный, кривой, суковатый (о деревѣ), *косячокъ*—родъ полки для посуды и др. домашнихъ вещей; *кошлатенькій*—ум. отъ кошлатый; *кошуристый*—заросшій кушуромъ (=Слов. кушур и куширь); *крадюковатый*—вороватый; *краплына*—капелька (=Слов. крапелина); *крейдяныкъ*—горшокъ, въ которомъ растворяется мѣлъ для побѣлки хаты; *крывондя, крывондяка*—имя, даемое хромому; *кудовчыться*—толочься на чемъ-нибудь; *кукульваныть*—травить рыбу кукульваномъ; *кучугуристый*—покрытый многими мелкими холмами; *кидькома*—посредствомъ кидачія; и нѣк. др.

Весьма важный матеріалъ представляетъ Отрывокъ Малорусскаго словаря Афанасьева-Чужбинскаго: это автографъ, обнимающій на 70 лл. слова на буквы К—Н (Комарь—Нять). Онъ служитъ продолженіемъ къ напечатанной части словаря Афанасьева (буквы А—З) и долженъ былъ бы представить особенный интересъ для Словаря, собраннаго редакціей „Кіевской Старины“, отнесшагося къ труду Афанасьева съ особеннымъ довѣріемъ. „Съ охотой брали мы слова у Афанасьева-Чужбинскаго“—пишетъ Б. Д. Гринченко (с. 75 придисловія). „За исключеніемъ небольшого количества старыхъ словъ, всѣ слова взяты (Афанасьевымъ-Чужбинскимъ) изъ живого народнаго языка и

объясненія ихъ на русскомъ языкѣ въ общемъ вѣрны" (тамъ же, с. 25). Отмѣтимъ слова на букву Л, которыя имѣются у Афанасьева и не найдены нами въ кіевскомъ Словарѣ: *лавошникъ, лавошный, лавра*; *лагунище* и *лагуницъ*—увелич. и уменьш. отъ лагунъ; *лазій*—брань или насмѣшливое названіе тому, кто лазитъ; *ландать*—бить баклуши. *ластовеня*—дѣтенышъ ласточки: *лёдивня*—ледникъ (Слов. льодовня); *лёдуватый*; ледовитый; *лежебикъ, лежебока*; *лежнюга, лежнюка*; *лелеснути*—ударить съ звукомъ; *леп*: 1) склеившіеся вмѣстѣ волоса; 2) загаженное какой-нибудь густой нечистотой бѣлье, 3) болѣзнь скота (сыпь особаго рода), 4) выпачканный хвостъ у животнаго (Надъ вертепомъ Свиня зъ лепомъ Тютюнъ продавала, пародія). Въ Словарѣ *леп* съ однимъ значеніемъ: нечистота на тѣлѣ, потная грязь): *либа, либки*—тростинка, на которой кругомъ посрединѣ сдѣланы продольные разрѣзы, а потомъ расперты небольшими распорочками; когда вишни или сливы растутъ такъ высоко, что ихъ нельзя достать рукою, то берутъ „либку", накладываютъ какимъ-нибудь отверстіемъ на плодъ, тянутъ къ себѣ и срываютъ; *либити*—срывать вишни и сливы описаннымъ способомъ (въ Словарѣ съ знакомъ ? брать, собирать); *ливеръ* (Черниг. губ. лінверъ)—ливеръ; *линючій* (въ Слов. линющий), *липти*—липнуть; *лопотьти*—стучать чѣмъ-нибудь, *лудити*—бить (въ Слов. лудити съ другимъ значеніемъ); *лукавнуватый*—склонный къ лукавству; и др. (особенно много производныхъ).

Наконецъ, въ Академіи Наукъ имѣется рукописный словарь Я. Ѳ. Головацкаго, поступившій въ библіотеку въ 1859 году. Этотъ словарь содержитъ дополненія къ словарю Афанасьева-Чужбинскаго на буквы В (Вговорити)—З (Зятцѐйко). Дополненія на первыя двѣ буквы, доставленныя Головацкимъ въ 1857 году, въ библіотекѣ Академіи не найдены. Отмѣчу слова на букву Ж, приведенныя въ дополненіяхъ Головацкаго и не найденныя мною въ кіевскомъ Словарѣ: *жабя, жабятко*—дѣтенышъ жабы, *жавра* и *жарва*—то же, что джавра, собака; *жага*—изжога (въ Слов. *жага*: жажда, горячее желаніе), *жагавка*—родъ крапивы; *жагати*—то же, что жигати; *жагрити*—то же, что жарити; *жадно*—жадно, недостаточно (у насъ се́го рѐку жадно́ хлѣба); *жадьти*—сильно желать, терпѣть недостатокъ; *жалба, жальба*—жалоба; *жалостность*—жалость; *жарливый*—ревностный (въ Слов. жарливий: жгучій, жалящій); *жарлокъ*—прожора; *жарлочный*—прожорливый: *жарткій*—быстрый, пряткій; *жартобливый*—то же, что жартовливий; *жахлый*—сущій, коренной; *жвавецъ*—хватъ,

удалецъ; *жвяктати* и *жвяхтати*—то же, что жвакати (жевать); *жебрачина*—нищенство, нищіе люди; *жебро*—ребро; *жебрущій*—нищенствующій, *жегавка*—родъ крапивы; *жегло*—жало; *жегнати* креститься, благословить (въ Слов. прощаться съ кѣмъ); *жели*—ежели, если; *желњдь*—пеня, напасть; *жемоидь*—алчный, ненасытимый; *женитоньки ся*—ум. отъ женитися (не буду ся женитоньки, пѣсня); *женчій*—жнецу принадлежащій; *женьщина* (со ссылкой на три повѣта)—женщина; *жереловий, жерельный*—ключевой; *жеремя*—гнѣздо бобровое или гнѣздо выдры; *жерь*, род. жри—ржа; *живанъ*—воръ, мошенникъ; *живный* четверъ—страстной четвергъ; *животатый*—толстобрюхій; *животовый*—брюшной; *жигавиця*—родъ крапивы; *жигкій*—горящій; *жидло*—сожитіе, супружеская жизнь; *жидовеня*—жиденокъ; *жиластый*—жилистый; *жилатка*—родъ грибовъ, cantharellus cibarius; *жилкій*—жилистый, тугой, упругій; *жилувати*—выкраивать, выбрасывать жилы; *жинавый*—сильный, дюжій; *жироватый*—разукрашенный проволокой изъ желтой мѣди въ видѣ полукруговъ, крестиковъ и пр.; *жировиско, жировище*—кормовище, мѣсто, гдѣ дикіе звѣри или птицы находятъ изобильный кормъ; *жичкованый*—вышитый волняными крашенными снурками; *жмуди*—краткіе волосы, пристриженные на скраніяхъ у дѣвушекъ; *жмякати*—жать, мять, стирать бѣлье; *жняга*—малодушный, боязливый человѣкъ; *жовнњрка*—солдатская служба, солдатская жизнь; *жовтвиля*—желтая краска, коей красятъ яйца къ свѣтлому воскресенію; *жовтко*—желтокъ въ яйцѣ; *жовтобрунька*—подорожникъ и желтобрюшка; *жовтовласъ*—„русявый“, бѣлокурый; *жовторогій*—имѣющій желтые рога; *жовть*—то же, что жовчь; *жолва*—черепаха, желвь; *жолудный*—жолудовый; *жолудокъ*—желудокъ; *жонатий*—женатый; *жрњдло*—ключъ, родникъ; *жубр*—дикій быкъ (ср. въ Слов. жубровий—зубровый); *жужелистый, жужеловатый*—„окалистый“; *жуковина*—большой перстень, носимый деревенскими дѣвушками на шеѣ въ монистѣ; *журавій*—журавлиный; *журилиця*—то же, что жужелица, желѣзина, желѣзныя окалины; *журя*—то же, что жура, горе, тоска; *жучокъ*—въ значеніи букета, „припинаемаго на сватьбѣ дружбѣ и другимъ гостямъ“, и мн. др. Замѣтимъ, что значительная часть словъ, записанныхъ Головацкимъ, снабжена ссылками на уѣзды или округи, какъ-то на: Самборскій, Золочевскій, Стрыйскій, Перемышльскій, Жолковскій, Тарновскій, Коломыйскій, Сяночскій, а также на говоры гуцульскій и угрорусскіе. Правда, кіевскій Словарь игнорируетъ административныя дѣленія Галиціи и ограничивается ссыл-

кой Галиц„ но Галиція все таки не исключена изъ малорусскаго Словаря, составленнаго редакціей „Кіевской Старины", и мы въ правѣ желать найти въ немъ большую часть приведенныхъ выше словъ. Отсутствіе ихъ въ Словарѣ не служитъ ли указаніемъ на то, что Галиція съ ея народными говорами и съ ея литературой недостаточно изучены составителями Словаря, остановившими свое вниманіе на родной Украйнѣ въ ущербъ другимъ частямъ малорусской территоріи? Мы видѣли выше пренебреженіе Словари къ сѣверномалорусскимъ говорамъ; указывали на скудныя данныя по угрорусскимъ; намъ приходится здѣсь, придется еще и ниже засвидѣтельствовать, что и Галиція не признана полноправной представительницей малорусской рѣчи.

Незнакомство съ рукописными матеріалами Академіи Наукъ, на которыхъ мы такъ долго остановились, не можетъ быть, конечно, поставлено въ прямую вину редактору кіевскаго Словаря. И конечно, значеніе этихъ матеріаловъ представляется не столь важнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что редактору Словаря пришлось сдѣлать выборку словъ изъ *всѣхъ* собраній украинскихъ этнографическихъ матеріаловъ, когда бы то ни было изданныхъ. Таково по крайней мѣрѣ было требованіе, обращенное къ редактору со стороны редакціи „Кіевской Старины". Правда, не вполнѣ ясно, надо ли разумѣть слово *всѣхъ* въ буквальномъ смыслѣ или *всѣхъ* равнозначаще слову „всякихъ", при чемъ имѣлось въ виду не исключать изъ числа этнографическихъ матеріаловъ такіе, которые изданы были напр. въ послѣднее время, подобно тому какъ, напротивъ, изъ числа писаталей исключены писатели младшаго поколѣнія. Во всякомъ случаѣ имя Б. Д. Гринченка какъ будто должно бы служить порукой, что имено съ этой стороны въ Словарѣ будетъ извѣстная полнота. И дѣйствительно, указанные въ спискѣ источниковъ этнографическіе труды исчерпаны довольно основательно. Мы можемъ указать на нѣкоторые пропуски, напр. на слова, случайно не выписанныя изъ пословицъ и поговорокъ Номиса [1]), изъ „Малорусскихъ напр. преданій и разсказовъ", собранныхъ Драгомановымъ [2]), изъ ма-

---

1) Напр. *ряжок*: дитина як ряжок (здоровеньке) № 8575, *пицятко*: розмова, як пня з пицятком № 12955; *дрида*: наклали діда дриду № 13083; *тпрутяти* я тобі казав не тпрутяй въ казан, а ти не послухав та й повен набухав № 13540; *тугук*: отже тугук та й годі № 13500.

2) Напр. *заарканити*: коня зааркане 213; *затагануватu*: ну, давай, кажуть, тут затагануєм 213; *довгомима*: стали в довгомиму уберать, як зняли сорочку, вона і ожила 305; *удерити*: вдерил три раза в ню 321; *байвол*: хіба байволи пасти 323; *цимпліна*: и дає му цимпліну до битя до правои руки 310; и др.

теріаловъ и изслѣдованій Чубинскаго [1]), изъ сказокъ, записанныхъ Манжурою [2]), и др. Не рѣшаемся, однако, упрекать почтенныхъ составителей Словаря за такіе неизбѣжные недосмотры. Вниманіе наше останавливается на другомъ обстоятельствѣ: оказывается, далеко не *всѣ* собранія украинскихъ этнографическихъ матеріаловъ использованы для словаря. Это видно изъ просмотра списка источниковъ Словаря. Сравнивая этотъ списокъ хотя бы съ составленнымъ Б. Д. Гринченкомъ указателемъ книгамъ и періодическимъ изданіямъ, въ которыхъ напечатаны малорусскія народныя пѣсни (Этногр. матеріалы, т. III, с. 697 и сл.), а также съ данными, приведенными въ „Литературѣ укр. фольклора“ того же автора, видимъ, что Словарь воспользовался едва ли третьею частью всего доступнаго этнографическаго матеріала. Такъ мы ожидали бы встрѣтить въ перечнѣ источниковъ: Афанасьева, Народныя русскія сказки (есть и малорусскія); Безсонова, Калики перехожіе; Бецкаго, Молодикъ на 1843 г.; Бигдая, Матеріалы къ изученію Кубанскаго казачьяго войска; Минха, Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ Сарат. губ.; Рубца, Сборникъ народныхъ укр. пѣсенъ; Омельченка, Малор. пѣсни, собранныя въ окрестностяхъ г. Павловска по Острогожск. и Павловск. уу.; Ластивку, письмо для молодежи (Львивъ 1877); Коцининскаго, Писни, думкы и шумкы руського народа на Подоли, Украйни и въ Малороссійи (1885); Эварницкаго, По слѣдамъ запорожцевъ (на стр. 88—159 сказки) [3]; Ястребова, Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края (1894); Гулакъ-Артемовскаго, Народни украйиньски писни зъ голосомъ (1868); Едличко, Собраніе малор. народныхъ пѣсенъ (1861), Шейковскаго, Бытъ подолянъ (1860), Терещенка, Бытъ русскаго народа (1848), Срезневскаго, Малороссійскія пословицы и Запорожская старина (1833), II книгу Старосв. бандуриста Закревскаго, гдѣ помѣщены мало-

---

[1]) Напр. *розруганнячко*: що зъ законною женою розруганнячко було V, 622; *ляжитися*: ляжилася сама спать V, 623; *горина* ой у полі горина V, 223; *гекнути*: щей гекнув II, 121; *зашелепатися*: зашелепався въ клуню II, 125; *несчастниця* V, 745; *кленьчастий*: а у головки, заміть подушечки, кленьчасту важницю V, 1038 (этотъ примѣръ есть подъ сл. важниця: кленчасту).

[2]) Напр. *непошкодити*: а якъ найшовсь утебе сынъ, вона и его непошкодила 49; *жигадло* 93; *ґерлиґа* якъ бувъ зъ кгерлыкгою и зъ кудлою биля пояса на цепу 105; *старабанити*: узяли тай старабанылы йи на пичъ 119, и др.

[3]) Словарь пользовался словами изъ рукописнаго собранія Д. И. Эварницкаго.

россійскія пословицы, поговорки и загадки и галицкія приповѣдки (I книгой Словарь воспользовался), и т. д. — Къ удивленію нашему, редакціей Словаря далеко не использованы этнографическіе матеріалы, изданные Товариством іменн Шевченка: имѣются указанія на пользованіе только четырьмя томами Етнограф. збірника (V, X, XII, XIII); между тѣмъ и въ остальныхъ томахъ этого изданія находятся цѣнные матеріалы, относящіеся къ Галиціи, Угорщинѣ и даже къ Украйнѣ (напр. въ I т.: Чорноморські народні казки й анекдоти, М. Дикарева). Не использованными остались также I и III томы Етнольоґічных материялів, изданныхъ тѣмъ же обществомъ, а въ немъ мы находимъ рядъ любопытныхъ сообщеній Вовка, Могильченка, Гнатюка, Зубрицкаго, Литвиновой-Бартошъ и др. Не упомянуты въ числѣ источниковъ періодическія изданія Зоря, Житє і Слово, а они такъ богаты фольклористическимъ матеріаломъ. Этнографическіе матеріалы, изданные польскими, нѣмецкими и чешскими учеными, почти совсѣмъ отсутствуютъ въ Словарѣ: кромѣ Кольберга (Pokucie), Żegoty Pauli, мы въ спискѣ источниковъ не нашли такихъ матеріаловъ. Итакъ труды Вагилевича (Huculowé, obywatelé wychodního pohoří Karpatského, 1838—1839), Новосельскаго (Stepy, morze i góry, 1854, и Lud ukraiński, 1857), Марцинковскаго (Lud ukraińcki, 1857,) Барончъ-Садока (Bajki, fraszki, przyzłowia i pieśni na Rusi, 1886), Вацлава зъ Олеска (Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego, 1833), Коперницкаго (O góralach ruskich w Galicyi, 1889), Кайндля (Die Huzulen, 1894, и др.) оставлены въ сторонѣ. Не использованы важнѣйшіе матеріалы въ повременныхъ изданіяхъ: Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, а также Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne Краковской Академіи Наукъ. Трудно сомнѣваться въ томъ, что просмотръ всѣхъ этихъ изданій значительно увеличилъ бы Словарь и исполнилъ бы его пробѣлы. Нѣкоторыя случайныя справки въ нихъ доказали мнѣ неполноту кіевскаго Словаря. Беру на выдержку собраніе украинскихъ народныхъ разсказовъ Аѳ. Шимченка (въ I т. Етн. зб., с. 1—28); я нашелъ здѣсь слѣдующія слова, недостающія въ Словарѣ: *комашнице*—муравейникъ (6), *росхилистый*—развалистый (7), *телехнутисє*—шлёпнуться (7), от козак той і *мосується*—якби тебе зтягти відтіля, та й *примосував* (9) (ср. въ Слов. мусувати: раздумывать, измышлять), *присутяжувати* (18) ср. въ Слов. присутяжити), зачав дуба в *обхват* різати (19), бере коло *вало* (21), *роз'єрепенились* на куцого вовка (26), *стрімляй* у петлю ногу (25), а москаль бачив, що жінка *бога* (кендюх) спекла

(23), *поденщики* (17), *їхну* балачку (17, въ Слов. їхній), *поварь*—поваръ (17). Перехожу къ книжкѣ Ks. Sadok Barącza, въ концѣ которой, на стр. 256—271 (2-го изд.), напечатаны малорусскіе тексты польскими буквами; выписываю изъ нея: *мурхати* (murchaj, ne murchaj, niczoho z toho ne bude,) *небіжчка* (nebiszczka besidowała do samoi smerty, въ Слов. небіжка въ значеніи какъ бѣдняжка такъ и покойница), *переженатися*—перекреститься, *босоли* (teper myni ne do soły,, koły hrajut' na bosoły), *горбий* (?) (szanuj horby mosty, budesz maty cili kosty), *наскробати* (naskrobajte syra), *маширувати* (choć łycha hodyna żownir maszyruje), *пещащий* (wziaw ja sobi z dworu diwku, ałeż ne takaia, i peszczaszcza i ladaszcza, do toho łychaja), *клиновий* (dohnała ja lita swoji na kłynowym mosti), *підбочек* (zainku za pidboczki obyjmysia), и т. д.

Итакъ, первая часть программы редакціи „Кіевской Старины“, намѣтившей использованіе *всѣхъ* этнографическихъ работъ, далеко не выполнена Словаремъ. Переходимъ къ двумъ другимъ частямъ ея. Редактору Словаря предложено было ограничиться выборкой: а) изъ всего напечатаннаго на украинскомъ языкѣ съ Котляревскаго и по 1870 г. включительно; б) изъ работъ украинскихъ писателей XIX в., начавшихъ свою дѣятельность не позже 1870 г., хотя бы работы эти появились и позже означеннаго времени. Останавливаемся опять въ недоумѣніи передъ словомъ *всѣхъ*: понимать ли его въ буквальномъ смыслѣ или признать его равнозначущимъ слову „всякихъ“?. Б. Д. Гринченко придавалъ предъявленному ему требованію ограничительный характеръ, какъ видно изъ списка его источниковъ и изъ самаго Словаря, гдѣ исчерпано далеко не всё написанное по-украински съ Котляревскаго и по 1870 годъ. Совершенно невыяснено въ предисловіи къ Словарю. отчего редакція „Кіевской Старины“ остановилась на 1870-мъ годѣ, какъ на какой то грани, за которую можно перейти въ отношеніи лишь къ писателямъ, начавшимъ свою дѣтельность до этого года. Вѣроятно, имѣлись въ виду вообще семидесятые годы, когда случился переломъ въ нормальномъ развитіи малорусской письменности, центръ которой, благодаря извѣстнымъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, перенесся изъ Кіева въ зарубежный Львовъ. Со своей стороны, нахожу, что Словарь много проигралъ отъ исключенія изъ него послѣдующей украинской литературы, такъ какъ врядъ ли до 1870-го года самый письменный языкъ украинскій могъ окрѣпнуть въ достаточной степени и отвѣтить новымъ жизненымъ запросамъ малорусскаго общества. Не хотѣлось бы думать, что составители

кіевскаго Словаря относятся къ языку львовскихъ изданій съ недовѣріемъ или пренебреженіемъ, обвиняя его въ искусственности, въ рабской зависимости отъ польскаго и т. д. Впрочемъ, даже такое отношеніе ихъ не исключало бы для ихъ Словаря обязанности зарегистрировать и новѣйшія явленія въ области письменнаго языка, хотя бы отразившія польское или нѣмецкое вліяніе, подобно тому какъ великорусское вліяніе на украинскій языкъ кіевскихъ, полтавскихъ и харьковскихъ писателей, работавшихъ до 1870 г., не исключаетъ пользованіе ихъ писаніями въ скромныхъ цѣляхъ словарной регистраціи [1]). Не безъ основанія можно смотрѣть на трудъ кіевскихъ ученыхъ, работавшихъ надъ Словаремъ, какъ на высокій патріотическій подвигъ: но первое требованіе, которое должно было бы быть предъявлено ко всѣмъ работающимъ надъ общимъ малорусскимъ дѣломъ, это взаимное уваженіе въ вопросѣ о языкѣ обоихъ центровъ малорусской образованности—Кіева и Львова.

Изъ числа печатныхъ произведеній, подлежавшихъ въ силу требованія редакціи „Кіевской Старины" изслѣдованію, Б. Д. Гринченкомъ, его предшественниками и сотрудниками прочтено для словарной цѣли довольно много. Мы находимъ здѣсь сочиненія Гребенки, Кулиша, Квитки-Основьяненка, Костомарова (и Іереміи Галки), Котляревскаго, Кухаренка, Г. Левицкаго (Ив. Нечуя), М. Вовчка, І. Мирнаго, Макаровскаго, Мордовцева, Руданскаго, Симонова (Номиса), А. Стороженка, Федьковича, Шевченка, Щоголева. Впрочемъ, далеко не всѣ эти писатели изучены съ достаточною внимательностью. Относительно Котляревскаго видимъ, что Виргиліева Энеида прочтена по харьковскому изданію 1842 года, а остальныя произведенія по изданію 1890 года, предпринятому магазиномъ Б. Корейво, подъ редакціей И. С. Левицкаго. Думаю, что для словарныхъ цѣлей было бы весьма полезно поработать надъ первымъ изданіемъ Энеиды, приготовленнымъ М. Парпурой (СПб. 1798), а также надъ третьимъ изданіемъ, принадлежавшимъ самому автору (Спб. 1809 г.); не мало цѣннаго матеріала Словарь могъ бы извлечь и изъ древнѣйшаго списка Энеиды Котляревскаго (1798 г,), съ тщательностью и любовью воспроизведеннаго въ 1900 г. П. И Житецкимъ въ изданіи

---

[1]) Ср. напр. въ числѣ источниковъ Словаря разсказъ „Вовкулака" свщ. Александрова, писавшаго „языкомъ своего села съ примѣсью русскихъ выраженій".

„Кіевской Старины“ [1]). Ссылки на сочиненія Квитки сдѣланы по разнымъ изданіямъ, между тѣмъ на изданіе подъ ред. А. А. Потебни „сдѣлано лишь нѣкоторое количество ссылокъ“ [2]). Это можно поставить Словарю въ упрекъ, хотя бы потому, что изданіе Потебни снабжено удареніями. Отмѣчу нѣсколько пропусковъ словъ, встрѣчающихся въ первыхъ двухъ томахъ Квитки, вообще использованнаго очень недостаточно: *племинных* — племянникъ I, 73; изъ *пидлибъя* I, 105 (въ Слов. только подлобя); що вона як тая свичечка *догорюе* I, 97 (въ Слов. только догоряти); доню! *запрычастымо* тебе I, 97; *залыскочемо* у смерть I, 135; щось *тылипаетця* на шыи у коня I, 182; якъ у пана *судденка* I, 243; яки дамъ гроши на *закупку* II, 26; сонечко стало спускатысь на *захидъ* II, 19; а обидаты подалы вже намъ на въ *заходъ* сонця II, 25, та масла грудка на *прыкуску* II, 157; трошкы *пыкатенькый* II, 63; и у спыну *шпыга* II, 155; *обыськують* и по хати, и подвору II, 167; зовсимъ *збездилнычався* II, 176; *самчыкы* сзыгають *самочокъ* II, 182; *протоплювалы* себе зимою II, 203; *послухъянствомъ* II, 204 (въ Слов. только послухнянство); и якъ бигаючы *розкраснилася* II, 205; якъ поводытця у не *спесывыхъ* панивъ II, 206;

---

1) Напр. въ древн. спискѣ: горщокъ той дуже *булкотавъ* (у Парпуры и Котляревскаго: клекотавъ) III, 139; Троянцѣ тожъ всѣ *дременулы* III, 110 (въ изданіяхъ: вси здрыгнулы, въ Слов. есть слово дременути); въ изд. Парпуры: надъ мертвыми не *надглумявся* III, 105 (въ др. изд. не наглумявся); др. сп.: на мене бѣлшъ не *повапляйся* III, 105 (въ др. изд. не женыхайся); др. сп. та съ хлопцями якъ *хурцовалы* III, 91 (въ др. изд. гарціовали); др. сп.: *бундучили* якіесь бочки III, 90 въ др. сп. пиндючылы); въ изд. Парпуры: булы *шляхтяне* и мѣщане (въ др. изд: была тутъ шляхта) III, 82; др. сп.: и тѣ булы тамъ *лагоминцѣ* III, 79 (въ др. изл.: лыгомынци, въ Слов. есть сл. лагоминець); въ изд. Парпуры; у бурьянѣ бровко *мургурый* III, 68 (въ др. изд.: муругый, моругій); тамъ же: и щобъ не здѣлалась *попудка* III, 65 (въ др. изд. этотъ стихъ опущенъ); др. сп.: *не баскалився* бъ та ишовъ III, 54 (у Парп.: не скаливсе бы, въ др. изд.: не баскалычивсь бы); др. сп, въ пѣвъ локтя бѣлы *кощеи* III, 52 у (Парп.: бѣгали кощіи, въ друг. изд. опущено); др. сп. и Парп: *трощить* було задумавъ *чудъ* III, 53 (въ др. изд. опущено, въ Слов. есть слова трощити и чуд.), и т. д. Кажется, не всѣ вообще слова изъ Энеиды попали въ Словарь. Мы не нашли: *підслух* (р. підслуху), въ Слов. только во мн. підслухи, *придановъ* (прыданках).

2) Разсказы „Божи диты“ и „Щыра любовъ“ изд. Потебни II, 199—304), кажется, совсѣмъ не использованы Словаремъ; оба разсказа являются по-малорусски впервые въ этомъ изданіи. Б. Д. Гринченко отмѣчаетъ только два тома, изданныхъ подъ редакціей Потебни, а ихъ шесть; въ томахъ IV—VI имѣются не только великорусскіе, но и малорусскіе тексты (ср. въ IV т. малороссійскую быль, въ V т. комедіи Шельменко и Шельменко-денщикъ, въ VI т. оперу Сватання на Гончаривци, драму Щыра любовь, водевиль Бой жинка).

Захарій трошкы було *зрябивъ* II, 207; *прыдворни* дивчата II, 211; частисинько зъ панамы *пройизжалась* II, 213; *роспоряжавъ* II, 227 (въ Слов. только распоряджати); ты мене жывого у яму *кладовышъ* II, 225, *дошвандявъ* до брата II, 221 (въ Слов. только дошвендяти; вона у неи и *закупицыця* и *економиша* II, 219; в *бамагы* пысавъ II, 231; такъ нашымъ же жинкамъ, та й намъ *домосидамъ* II, 231; а зъ ными пойихалы уси чыновни:... дви свашкы и дивчынка *свитылкою* зъ мечемъ у рукахъ II, 234; ну вже *огнепалы!* II, 235; *прыглядилася* изъ усихъ II, 239 (въ Слов. есть приглядіти); якый *штепный*, бойкый! II, 239; черезъ *проворство* II, 240; *парнюга* II, 244; старыкивъ *почытоваты* II, 246 (въ Слов. почитувати: читать); то той и *прысмырниша* II, 247; *зостріча* та провожа людей II, 248; якъ птычка у *аери* II, 248; *витерсць* II, 248 (въ Слов, только вітрець); гурбою *прычвандяють* II, 249; *незабарёмъ* II, 252 (въ Слов. только незабаромъ); бо пичъ була зъ зеленыхъ *водолажсськихъ* кахливъ II, 254; то на *спаяхъ* червоною глыною позамазовано II, 254; якъ на *картынци* II, 255; а вже зъ десятокъ *халахуривъ* вже и швандяють по вулыци II, 255; та щобъ не *утрачувалысь* для мене ничымъ II, 257; що вона такъ *обрябила* пры васъ II, 259; *моргонувъ* ему II, 259 (въ Слов. только моргнути); насылу *розчумалася* II, 261 (въ Слов. только розчумати); сегодня *увезденычки* буде въ насъ II, 265; чы невыкушалы-бъ, може, *полыньковои* II, 266; *попрекамъ* та смиху зъ васъ кинця не буде II, 275; хочь якъ хочете мене *перєряжуйте* II, 275; а друга лічыть *писчынкы* на доливци II, 277; мене панъ-отець бере зъ *наньмытивъ* II, 292; исполняючы *дочеччыну* волю II, 292; зачынылась и чуты було, якъ *защепнулась* II, 295, и т. д.

Отмѣчу, что драмат. произведенія Квитки почти совсѣмъ не использованы: ср. и лыси, и *пидслиповати* Сват. II, 4, *старцевому* сухареви буду рада I, 3; литомъ па *мойщи*, слава тоби Господы, скилькы заробляю I, 3, та такы трошкы *вєрєдлывенька* I, 2; *коцарюваты* I, 2 (въ Слов. со ссылкой на Желеховскаго); принымимось лышень *кулыкаты* (водевиль); проклятый *халахуре* III, 3; побачышы твое *роздумъя* III, 2; с дивчатъ по усёму свиту, заплющывшысь десятокъ *нагорбаю* III, 2, и т. д.

Хотя въ указателѣ значится Збірникъ творівъ Іереміі Галки (Костомарова), но въ Словарѣ почти нѣтъ выписокъ изъ сочиненій І. Галки. Такъ я совсѣмъ не нашелъ ссылокъ на „Саву Чалого“, „Переяславска ніч“ цитуется по альманаху „Сніп“, „Загадка“ по „Основѣ“ 1862 года; но оба эти произведенія прочтены совершенно недостаточно. Приведу нѣсколько словъ изъ сочи-

неній І. Галки, не найденныхъ мною въ Словарѣ: того й гляди, Що проклятий католикъ за *гирю* зачепить, Савв. Чалый 5 (въ Слов. гиря: низко остриженный и гиря); заразъ *поплівсь* у Січь, 6; а тутъ и *виступу* нема, 7 (Слов. виступ со ссылкой только на Желеховскаго); и холоду й голоду, и бурі и *слети*, 7 (въ Слов. слота и сльота); а до *бережжя* мовъ до зірки, 7; такъ деякі (чайки) не здержали... *пурнули*, 8; поки отся (показуе на шаблю) не *защербилася*, 18; та ззаду іхъ *дошмигавъ*, 18; хай мене *зневіряють*, аби честь моя не була *зуривошна*, 26 (Слов.: „зуривочний: непрочный, шаткій. Слово сомнительное, встрѣченное лишь въ пѣснѣ о Саввѣ Чаломъ, видимо подправленной кѣмъ-то и напечатанной въ „Запорожской Старинѣ“ Срезневскаго“); ще не *розвикся* съ козацькимъ духомъ, 61; а щобъ той сідий зъ своіми *хлипами* васъ не турбувавъ, 82; *роздобаривати*, 90; ви насъ лаете шизматиками, ми васъ *недохристями*, 90; ажъ тамъ щось *замеріяло*, 99 (въ Словарѣ только замріти); и поспішали *супинити* васъ, 112; иди собі *хармаркати* у церкву, Переясл. нічь, 25; умеръ за всіхъ у мукахъ, у *тортурахъ* 29; ви, байстрюки, жіноцькіі *підхвістки*, 33; тільки зъ тимъ *варункомъ*, щобъ ніодна душа зъ васъ не посміла надъ ворогомъ измилуватись, 41 (въ Слов. варунок только въ значеніи „боль живота, вѣтры“); містъ розломала *половідь*, 42; прощай *рачителю* слободи й віри, 84; невістки пили та *коновку* у воді покинули, Загадка, 5; отъ пішовъ вінъ добувати *хавтурки*, 4 (въ Слов. только хавтура со ссылкой на Шейковскаго); послухайте ви, *елопи!* 17, нехай імъ Михайло півсотні *дубинякъ* у спину заліпить, 17, сидить на якихсь *ґренджалахъ*, 21 (въ Слов. ґринджоли); ви чого тутъ стоіте, *шолопаі*, 23; и т. д.

Кулишъ прочтенъ также невнимательно. Нѣкоторыя слова изъ Кулиша попали въ Словарь только черезъ посредство Желеховскаго. Ср. напр. подъ словомъ *підспівач*: „плохой поэтъ, подражатель. К. (Желех.)“. Это слово употреблено Кулишемъ въ Хата (1860), с. 3.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что писатели, переименованные въ спискѣ источниковъ, использованы Словаремъ далеко не въ полной мѣрѣ. Нельзя не отмѣтить, что самый списокъ не полонъ и что въ немъ, а слѣдовательно и въ Словарѣ нѣтъ многихъ произведеній малор. словесности, появившихся до 1870 года. Укажу для примѣра „Театръ“ Ващенка-Захарченка (К. 1857), проповѣди и другія сочиненія свщ. Гречулевича, вирши Гулака-Артемовскаго (1791—1865), романъ „На Украіні“ Дорошенка,

труды Драгоманова, драму „Доля“ Стеценка (Х. 1863), „Чары“ Кирила Тополи (М. 1837), повѣсть „Гапка“ В. Чеховскаго (К. 1852), „Украинську квитку“ А. Шишацкаго-Иллича (Черн. 1856). Просматривая нѣкоторыя изъ этихъ произведеній, я нашелъ не мало словъ, отсутствующихъ въ Словарѣ.

Произведеній малорусскихъ писателей, начавшихъ свою дѣятельность послѣ 1870 года, въ Словарѣ оказывается очень мало; въ указателѣ источниковъ находимъ: Баштовий „Украинство на літературныхъ позвахъ зъ Московщиною“ (Льв. 1891); І. Мирний „Повія“, романъ П. Мирного, Хиба ревуть воли, jак jасла повни? (Ж. 1880), Данило Млака (Ізидор Воробкевич) „Над Прутом“ (Льв. 1901), Анатоль Свидницькый „Люборацьки“ (Кіевъ, 1901). Мы были бы въ правѣ ждать ссылокъ на Старицкаго, О. Пчілку, Кропивницкаго, Крымскаго, Огоновскаго (Словарь ссылается только на его Studien), Франка и мн. др.

Переходимъ къ вопросу о томъ, какъ пользовался кіевскій Словарь предшествующими словарными трудами. Редакція „Кіевской Старины“ въ числѣ требованій къ редактору Словаря выставила требованіе сдѣлать выборку изъ украинскихъ Словарей. Выписываю то мѣсто предисловія, гдѣ Б. Д. Гринченко объясняетъ, какъ имъ исполнена эта задача:

„Раньше составленными словарями мы старались пользоваться съ осторожностью, не смотря на всю соблазнительность мысли легко пополнить свою работу множествомъ словъ путемъ простого переноса ихъ изъ одного словаря въ другой. Изъ словарей Желеховскаго и Шейковскаго, по причинамъ, которыя понятны послѣ сдѣланныхъ нами выше замѣчаній объ этихъ словаряхъ [1]), мы брали только тѣ слова, въ существованіи и правильномъ объясненіи которыхъ были болѣе или менѣе увѣрены, а въ то же время не находили ихъ въ карточкахъ; съ охотой

---

[1]) Стр. 40 предисловія: „огромное большинство словъ (въ Словарѣ Шейковскаго) осталось безъ указанія источника, а множество словъ производныхъ выведено, очевидно, самимъ составителемъ“. Это замѣчаніе относится къ позднѣйшимъ двумъ выпускамъ Словаря. Первый выпускъ вызвалъ упреки за неудобное правописаніе, включеніе фамилій и названій мѣстностей, неравномѣрныя по объему объясненія.—На стр. 42—43 относительно Словаря Желеховскаго читаемъ: „Критика источниковъ отсутствуетъ, благодаря чему въ Словарь попали всякія слова, встрѣчающіяся въ укр. книгахъ, со включеніемъ какъ тѣхъ польскихъ или русскихъ словъ, которыя употреблялись авторами по незнанію укр языка, такъ и различныхъ неудачныхъ неологизмомъ, составленныхъ единичнымъ авторомъ и въ литературѣ не употребляющихся“.

брали мы слова у Афанасьева-Чужбинскаго и безъ всякихъ колебаній изъ словаря Левченка; у Закревскаго взято лишь нѣсколько словъ; словаремъ г-на Уманца мы воспользовались лишь для нѣсколькихъ примѣровъ или ссылокъ къ словамъ, уже бывшимъ въ словарѣ старой редакціи; словари Партицкаго, Пискунова, Поповича, Тимченка, Чопея оставлены нами въ сторонѣ; не пользовались мы также опытами словарей научныхъ и техническихъ терминовъ (гг. Верхратскаго, Левицкаго и др.)—по причинамъ, изложеннымъ выше въ своемъ мѣстѣ, не желая вводить въ свой словарь неологизмы, которые, въ большинствѣ случаевъ, быть можетъ, не пойдутъ далѣе словаря, для котораго выдуманы".

Не могу согласиться съ этими положеніями Б. Д. Гринченка. Пополнить свою работу множествомъ словъ путемъ переноса изъ предшествовавшихъ словарей не только соблазнительно, но и необходимо для составителя полнаго словаря того или другого языка. Думаю, что Б. Д. Гринченко стремился дать въ трудѣ своемъ полный словарь, ибо, разумѣется, достоинство словаря въ его полнотѣ—абсолютной или относительной—а это стоить въ зависимости отъ объема и состава источниковъ словаря. Широкая программа начертанная Словарю редакціей „Кіевской Старины", показываетъ, что Б. Д. Гринченку предстояла задача дать полный украинскій словарь, а для полноты его необходимо было, конечно, обратиться къ существующимъ словарнымъ трудамъ, что было предусмотрѣно и самой редакціей „Кіевской Старины". Думаю, что выборка изъ этихъ трудовъ должна была быть сдѣлана систематически: изъ намѣченныхъ словарей-источниковъ должны были бы быть выкинуты только тѣ слова, ошибочность которыхъ очевидна; сомнительныя же слова должны были быть вносимы съ оговоркой. Только такой пріемъ работы опредѣлилъ бы правильныя отношенія новаго Словаря къ предшествующимъ опытамъ и исключилъ бы необходимость прибѣгать въ поискахъ за малорусскими словами и за дѣйствительнымъ ихъ значеніемъ къ цѣлому ряду частью совершенно недоступныхъ пособій. Разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о механическомъ переносѣ словъ изъ одного словаря въ другой, но мы въ правѣ ожидать отъ такого широкаго по замыслу труда, какъ кіевскій Словарь, критическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ систематическаго пользованія всѣми предшествующими словарями. Правда, Б. Д. Гринченко пользовался значительнымъ числомъ этихъ словарей, если не систематически, то критически, но какъ увидимъ, его критиче-

ское отношеніе къ предшествующимъ словарямъ нельзя назвать научнымъ: неясны критеріи, которыми руководствовался редакторъ, принимая или отвергая то или иное слово, ибо, конечно, ссылки на „чутье“ языка, ссылки при отверженіи слова на собственное ,хотя бы и весьма основательное, знакомство съ языкомъ совершенно неумѣстны въ серьезномъ словарномъ трудѣ.

Остановлюсь на словарѣ Закревскаго въ Старосвѣтскомъ Бандуристѣ: изъ него взято лишь нѣсколько словъ; напротивъ изъ Словаря Левченка слова черпались безъ всякихъ колебаній. Между тѣмъ, вотъ что пишетъ о словарѣ Закревскаго самъ Левченко въ предисловіи къ своему труду: „Изъ числа печатныхъ источниковъ, которыми я пользовался, самый важный матерьялъ доставилъ мнѣ словарь Закревскаго“. Итакъ, путемъ словаря Левченка въ кіевскій Словарь могло перейти и, конечно, перешло не мало словъ изъ Закревскаго. Словарь Закревскаго возбудилъ сомнѣнія Б. Д. Гринченка между прочимъ потому, что составитель Старосвѣтскаго Бандуристы, живя долго внѣ родины, успѣлъ нѣсколько забыть родной языкъ, почему многое въ Словарѣ объяснено неправильно; кромѣ того Закревскимъ „были внесены въ Словарь неуклюжія слова, составленныя авторомъ „Ужинка“, и пр.“ (Предисловіе, с. 26—27). Но эти недостатки словаря Закревскаго обязывали бы только Б. Д. Гринченка критически отнестись къ каждому слову, приводимому Закревскимъ, не отвергая всего труда и не ограничиваясь случайной изъ него выборкой. Остановимся на буквѣ *ч*: весьма многія слова Закревскаго имѣются и въ кіевскомъ Словарѣ, по послѣдній не имѣетъ нѣкоторыхъ ссылокъ и примѣровъ, данныхъ Закревскимъ. Словарь опускаетъ: чаусы (придворный гонецъ), чванецъ (сосудъ, со ссылкой на 3 Царств.), чоломбитствіе (со ссылкой па Величка), чистотне, чительникъ, члонокъ (съ ссылкой на Мазепу), чолный, чуйка, и опускаетъ ихъ по понятнымъ причинамъ: часть этихъ словъ принадлежитъ старинному языку, часть является явными полонизмами, совсѣмъ не извѣстными въ украинской рѣчи. Но рядомъ опущены и совершенно народныя слова. Сюда относятся чигиринскія слова со ссылкою „Куцый“ (т. е. Н. Гатцукъ въ его „Ужинкѣ“): чухирчити (подкрадываться, обманывать, льстить), четъ (частица, доля); далѣе слова: чмыръ (хмель въ головѣ) и чвира (остатокъ хмеля въ головѣ, также метель, вьюга и остатокъ отъ перегонки спирта) со ссылкой на грамматику Павловскаго; чека (чека), челюсти (челюсти, пасть), черешъ (то же, что чересъ, поясъ) червьяки (въ знач. родъ постнаго кушанья)

чвертковати (въ Слов. только чвертувати), чинити (галицк., въ значеніи просѣвать рожь сквозь сито), чередьный (очередный), чиринка (родъ утки, въ Слов. только чиранка), чочоватися (играть въ четъ-нечетъ), чортятко (чортенокъ), чильчибель (цѣлибуха) и нѣк. др. Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ напрасно Б. Д. Гринченко отказался отъ систематическаго пользованія словаремъ Закревскаго.

Изъ словаря Желеховскаго редакторъ кіевскаго Словаря бралъ только тѣ слова, въ существованіи и правильномъ объясненіи которыхъ онъ былъ болѣе или менѣе увѣренъ. Посмотримъ, какъ на дѣлѣ оправдался этотъ критическій пріемъ. Остановимся на буквѣ *л*. Перечислимъ нѣкоторыя изъ словъ, опущенныхъ Б. Д. Гринченкомъ: лавничий (прил. отъ лавник, въ Слов. лавник), лаврина (лавръ, со ссылкой на Могильницкаго), лавір (со ссылкой на сотрудника Федьковича), лавустіти (болтать), ладига (коврюга, со ссылкой на Франка), ладин (любимецъ, любовникъ, со ссылкой на М. Шашкевича), ладня (мастерская со ссылкой на Верхратскаго), ладовниця (панихида, со ссылкой на пѣсни Головацкаго, I, 208), ладоня (со ссылкой на Чуб. III, 189, куда это слово попало изъ рук. сб. Кулиша), лаженє (лаженіе, ползаніе), лаза (лѣнтяй, бродяга), лазбити (подрѣзывать улей, со ссылкой на Наумовича), лазиво, лазило (лычная лѣстница пчеловодовъ), лазничка (прислуживающая въ лазнѣ, въ банѣ), лазя и лазюка (змѣя, со ссылкой на Згарскаго), лайдака (то же, что лайдак), лайдачина, лайдацкий, лайдацтво, лайкуватися (браниться), ламкотати (жалобно кричать), ланда, ландиґа (лѣнивецъ, бродяга), ландати (бродяжничать), ландиш (ландышъ), ланита (со ссылкой на Шевченка), лантір (старый сапогъ), ланча (мясо, со ссылкой на 2-е изд. Пискунова); лапастий (падающій большими комьями, со ссылкой на Старицкаго), лапко, (оборвышъ, со ссылкой на Кулиша), лапотник (лапотникъ, со сылкой на Кулиша), лапура (увелич. плутъ, мошенникъ со ссылкой на I. Галку), лапчивий и лапшивий (жадный), лапша (лапша, со ссылкой на Рудченка; тонкія доски, употребл. для крыльевъ мельницы, со ссылкой на Левченка, s. v. доска); ласичка (уменьш. отъ ласиця), ласкавити (со ссылкой на сотрудника К. Устіяновича), ласкавитися (со ссылкой на сотрудника Ю. Целевича), ласкавщина (со ссылкой на грамм. Шашкевича), ласкане (ласканіе), ласкати (ласкать, со со сылкой на I. Галку), ласоха (жадная женщина, со ссылкй на Миклошича), латнити (то же, что латати, прибивать къ стропиламъ рѣшетины), латнатий (пестрый, пѣгій), латняк (чинящій

горшки), лахати (собирать колосья), лахалата (оборвышъ), лахний (жадый, со ссылкой на Верхратскаго), лаша (Viverra), лебедаха (несчастное, жалкое существо; въ Словарѣ, по очевидному недосмотру, значеніе этого слова не объяснено; вмѣсто объясненія читаемъ: „набігаеться лебедаха, утомиться Кв. II, 326"), лебедий (лебединый, со ссылкой на Танячкевича), лебезувати (со ссылкой на Кониисскаго и Потебню), ледистий (льдистый, со ссылкой на грамматику Шашкевича), ледник, ледниця (со ссылкой на Левченка) ледівня (ледникъ), лежміть и лежмом (лежмя), лезво со ссылкой на Левченка, въ Словарѣ лезо) и т. д. и т. д. Критическая выборка, сдѣланная Б. Д. Гринченкомъ изъ Словаря Желеховскаго, доказываетъ его недовѣріе не только къ Желеховскому и его сотрудникамъ, но и къ словарю Левченка и къ Кулишу и къ І. Галкѣ и къ грамматикѣ Шашкевича. Не слишкомъ ли много взялъ на себя редакторъ кіевскаго Словаря, отвергая слова, засвидѣтельствованныя несомнѣнно авторитетными наблюдателями и писателями? Непонятно въ особенности отверженіе словъ извѣстныхъ изъ Левченка, признаннаго самимъ Б. Д. Гринченкомъ за надежный источникъ. Не менѣе странно опущеніе словъ, при которыхъ Желеховскій ссылается на Іеремію Галку: пропускъ, указанный выше, не единичный: ср. жахомъ (смѣло, устрашающе, въ Слов. есть жах: ужасъ, страхъ), містяне (акцизъ, городской таможенный сборъ), моч (мочь, въ Словарѣ только міч), мусор, мусур, каталажний, и т. д. Только недосмотромъ объясняю я себѣ пропускъ словъ, при которыхъ Словарь Желеховскаго ссылается на Франка: судя по указателю источниковъ, на эти слова обращено редакціей Кіевскаго Словаря особенное вниманіе; они снабжены ссылкой Фр. (Желех.) Ср. подобные же пропуски и подъ другими буквами; такъ опущены: мере (точно, отчетливо), ваговитий (тяжелый), мухва (мухи), лиситися (лысѣть) и т. д.

Важно отмѣтить, что многія слова, не взятыя въ Кіевскій Словарь изъ Желеховскаго какъ сомнительныя, подтверждаются рукоп. словарикомъ Я. Головацкаго, о которомъ мы говорили выше: ср. жартобливий, жахлий, желі (ежели), жемоїдь, животатий, животовий, жилатка, жипавий и т. д. Думаю, что словарь Желеховскаго оцѣненъ Б. Д. Гринченкомъ не по достоинству. Вспомнимъ оцѣнку, данную этому Словарю Шейковскимъ: одно изъ существенныхъ достоинствъ этого словаря заключается въ томъ, что онъ основанъ на источникахъ... Г. Желеховскій пользовался источниками тщательно и добросовѣстно". (Р. Ф. В. 1885 г.)

Словарь Шейковскаго далъ возможность Кіевскому Словарю обогатиться цѣлымъ рядомъ ссылокъ. Такъ не безъ вѣроятности можно утверждать, что ссылки на пѣсни Головацкаго (безъ приведенія соотвѣтствующаго текста) взяты изъ Шейковскаго, напр. при словахъ табір, талалайка, таліг, талья, тамтадиль, и др. Также ссылки на Чубинскаго, напр. при ткаха. Тѣмъ не менѣе Шейковскій просмотрѣнъ невнимательно: такъ въ Словарѣ опущено слово телушка, приведенное Шейковскимъ съ двумя ссылками на Номиса (это слово есть и у Квитки); опущено слово теліпчыты со ссылкой на Подолію; опущено тетрадь, тещенько (со ссылкой на пѣсни Головацкаго), тлустый (со ссылкой на Номиса), плачуваты (со ссылкой на пѣсни Головацкаго), трам (со ссылкой на Номиса) трапыты въ знач. удручать, угнетать (съ друмя ссылками на Головацкаго), трапліня (скорбь, печаль, со ссылкой на Головацкаго), труслывый(у Котл. труслывийши), трубыты (вовкы трублят: воютъ), тріскачка (болтунья), тріскотня (со ссылкой на Левченка), тортуры (пытка, мученіе, есть и у І. Галки), торгаш (со ссылкой на Чубинскаго), тучевый (со ссылкой на Верхратскаго). Во всякомъ случаѣ, я убѣдился, что Кіевскій Словарь довольно широко пользовался трудомъ Шейковскаго, и это можно поставить ему только въ заслугу.

Напротивъ, полное пренебреженіе словаремъ Пискунова должно быть поставлено въ упрекъ Кіевскому Словарю. У Пискунова много словъ, которыми съ успѣхомъ могъ бы быть дополненъ этотъ Словарь. Не думаю, чтобы слѣдовало подвергать сомнѣнію существованіе, напримѣръ, слѣдующихъ словъ: тендитникъ (нѣженка), терпіжка (терпѣніе, ожиданіе), схилий (склонный), схиляти (склонять), списиця (копейка, со ссылкой: Австр. Укр.), коцуба (деревянная кочерга), каяття (раскаяніе, со ссылкой на поговорку), кармазинниця (знатная женщина и торговка кармазиномъ; Словарь принялъ кармазинникъ со ссылкой на Желеховскаго, взявшаго это слово едва ли не у Пискунова), кайды, кайдята (тоже, что кайдани, со ссылкой на народную пѣсню) и т. д. и т. д.

Итакъ, главнымъ недостаткомъ Словаря украинскаго языка надо признать его неполноту, зависѣвшую частью отъ невнимательнаго пользованія источниками, частью же отъ умышленнаго отверженія нѣкоторыхъ матеріаловъ и пособій. Гораздо меньше упрековъ вызываетъ обработка добытаго Словаремъ матеріала. Напротивъ, она заслуживаетъ признательнаго вниманія. Важно отмѣтить, во-первыхъ, строго выдержанное правописаніе; Словарь слѣдуетъ правописанію изданій Наукового Товариства, отступая

отъ него, впрочемъ, въ томъ, что изображаетъ острое і, какъ послѣ твердой, такъ и послѣ мягкой согласной, одной буквой і, между тѣмъ какъ въ галицкихъ изданіяхъ і послѣ мягкой согласной изображается черезъ ї (дїд, а здѣсь дід); ї имѣетъ въ Кіевскомъ Словарѣ значеніе только јі. Кромѣ того мягкость согласныхъ передъ губными, за которыми слѣдуетъ *i* (изъ ѣ) и *я* остается не обозначенною черезъ *ь* (світ, звіда, св'ят, не сьвіт, зьвізда, сьвят). Эти оба отступленія можно вполнѣ одобрить. Менѣе цѣлесообразно, какъ мнѣ кажется, писать апострофъ послѣ губныхъ передъ іотированною гласною (п'ять, в'яз, вм. пять, вяз, какъ пишутъ галичане): украинецъ прочтетъ какъ слѣдуетъ и написанія пять, вяз. Не видѣлъ бы я затрудненій писать для послѣдовательности и пю, не бюť, зедночити, підлобя, сохраняя апострофъ только для изображенія звука, rj: пір'я Мягкость согласной передъ *о* Словарь, вслѣдъ за галицкими изданіями, изображаетъ буквой ь: льон, льокай, тьохкати: не вижу основаній, почему бы не писать лён, лёкай, тёхкати; вѣдь пишется же тяти, тюпати, а не тьати, тьупати. Приставки из, воз, роз передъ глухими к, т, х, и пищутся въ словарѣ съ с, а передъ глухими ч, ш, щ съ з, Впрочемъ, я не придаю никакого значенія этимъ моимъ попутнымъ замѣчаніямъ по вопросамъ правописанія.

Во-вторыхъ, въ заслугу Словарю надо поставить обозначеніе при каждомъ словѣ его ударенія. Если слово извѣстно редактору съ двумя удареніями, это имъ обозначено. Приходится, однако, пожалѣть, что Словарь не обратилъ должнаго вниманія на многочисленные малорусскіе тексты, снабженные удареніями. Внимательное къ нимъ отношеніе обогатило-бы Словарь цѣнными для науки данными. Отмѣтимъ нѣсколько неточностей и пропусковъ въ отношеніи къ ударенію: слова зарубка, зарівна, зарівно, зарід, зарібок, заріб, варстат, закуска и др. приведены безъ ударенія (мы ждали бы, напримѣръ, зáкуска и закýска; то и другое удареніе извѣстно изъ Энеиды)); при задвірок слѣдовало бы указать и зáдвірокъ (въ Энеидѣ: на зáдвирку), при замýжній—зáмужній (въ Энеидѣ: зáмужню, у Квитки II, 17; зáмужни). при запи́нка—зáпинка (Кв. I, 78: зáпынкы) при знарóшне—знáрошне (Кв. I, 42 и 52), при наýка—нáука (напр. Граматка, изд. Кулишомъ, 19, 23); при ворóта—воротá (есть въ Энеидѣ), при парлó— пáрло (ср. пáрла Кв. I, 215), при жлýкто—жлуктó (Желех), при піна—пінá (Желех.), при нýжда—нуждá (Кв. I, 30, 148), при мáсниця—масни́ця (Желех.), при дітвóра— дітворá (Кв. I. 135, 230), при оси́на—осинá (Кв. I, 189); при рукáв не выдѣлена

форма рукава (им. мн. и не указано ея удареніе (рука́ва, Осн. I, 12), при човен не указано чове́н (въ Энеидѣ), при ву́зол, у́зол — узо́л (въ Энеидѣ), при приговірка—при́говорка (прыговоркамы Кв. II, 101), при личма́н, а́—ли́чман, а (ли́чмана у І. Галки въ Саввѣ Чаломъ, с. 20), при па́плюга—паплю́га (какъ у І. Галки въ Пер. ніч, с. 30 и 53), при навди́ранці—навдира́нці (какъ у І. Галки въ Заг., с. 4) при дима́новий—ди́мановий (у І. Галки въ въ Заг., с. 28: ди́манова), при чѐрга—черга́ (какъ у Закревскаго), при чубри́катися—чубрика́тися (какъ у Закревскаго), при ту́га (печаль)—галицк. туга́ (такъ же у Левченка подъ сл. грусть), при пу́гач—галицк. пуга́ч. при пе́карь—галицк. пека́рь, при тороплённий—торо́пленний (Левченко подъ сл. оторопѣвшій), при торгови́ця—торго́виця (какъ у Шейк.) при тонки́й—то́нкий (Шейк.), при тупо́тнява—тупотня́ва (Шейк.), при ту́зати—туза́ти (Шейк.), при терміття—терміття́ (Шейк.), при льодовня́—льодо́вня (какъ у Левченка). Важные матріалы по малорусскому ударенію Б. Д. Гринченко могъ бы найти въ трудахъ Верхратскаго: между прочимъ, укажемъ на статью его въ III т. Archiv f. slav. Ph. (Ein weiterer Beitrag im Kleinrussischen), гдѣ много данныхъ и объ украинскомъ удареніи [1]).

Весьма досадно, что многія слова, извѣстныя въ двухъ фонетическихъ обликахъ, приводятся только въ одномъ: при палама́рка мы ожидали бы палама́рька (Квитка, Св. на Гонч. I, 3), при простір—просто́р (Кв. II, 26), при лохміття—лохмо́ття (Кв. II, 137), при гіркий—горкий (ср. Кв. I, 107, 100) и т. д.

Къ числу недостатковъ Словаря надо отнести нѣкоторую неточность въ выпискахъ изъ авторовъ и этнографическихъ матеріаловъ. Не будемъ возражать противъ систематической замѣны въ этихъ выпискахъ ы черезъ и, и (остраго і) черезъ і, ё черезъ йо и ьо. Но находимъ неправильнымъ передачу, напр., слова шуткованне въ примѣрѣ изъ Чуб. III, 99 въ формѣ шуткування; платте въ примѣрѣ изъ Чуб. III, 38 (подъ сл. байка) передано черезъ плаття (тамъ же: та зеленая байка вм. да зеленая байка) и мн. др. Неточность находимъ, напр., подъ словомъ

[1]) Отмѣчу кстати, что Б. Д. Гринченко напрасно упрекаетъ словарные труды Верхратскаго за отсутствіе въ нихъ удареній (Предисл., с. 19). Рядъ изслѣдованныхъ Верхратскимъ говоровъ имѣютъ „сталий наголос", и обозначать въ нихъ удареніе каждаго слова было поэтому излишнимъ. Напротивъ, въ работѣ по „говору долівському" (Зап. наук. товар, XXXV—XXXVI) ударенія обозначены, такъ же какъ въ I ч. Знадоби для пізнаня угорско-руських говорів.

чергувáтися; „пришли до того льоху“, со ссылкой Чуб. II, 634, между тѣмъ въ подлинникѣ: „пришли коло того лёху“. При передачѣ пѣсенъ и стиховъ не всегда наблюдается достаточная точность. Подъ сл. ягничка читаемъ:

Родилися бички телички
Чорні ягнички Чуб. III, 451.

а надо

Щобъ родилися бички телички и т. д.

Подъ словомъ хлиськати читаемъ:

Хвиля по Дніпру в негоду похожає
Клекоче, рветься, сивим пилом хлиська. Сніп. 45,

между тѣмъ въ сочиненіяхъ І. Галки:

якъ филя

Що по Дніпру въ негóду похожáе и т. д.

Подъ словомъ натьóпатися примѣръ: злізь на мене та й натьóпайся Ном № 161 (ст. 295), а въ подлинникѣ: „злізь та й напёпайся (натёпайся?). Полт. Вор.“ Коньектура, предложенная Номисомъ, принята въ текстъ, зачѣмъ то дополненный словами „на мене“.

Нѣкоторыя глухія ссылки, хотя бы на Чубинскаго и Головацкаго, слѣдовало бы расширить приведеніемъ при нихъ соотвѣтствующаго текста. Иногда это помогло бы точнѣе опредѣлить значеніе слова. Такъ подъ шкатильгати указано значеніе „прихрамывать“ и сдѣлана ссылка на Чуб. II, 283, гдѣ читаемъ: „коли трохи згодомъ, ажъ и та жабе шкатильгае“ Значитъ ли здѣсь „шкатильгае“ прихрамываетъ?

Въ Словарѣ находится нѣсколько сомнительныхъ словъ: напримѣръ, богадъ въ значеніи посагъ, со ссылкой на Чуб. IV, 143, едва ли не опечатка вмѣсто посадъ. Сомнѣнія въ существованіи слова богадъ было высказано еще Шейковскимъ, въ его разборѣ словаря Желеховскаго (Р. Ф. В. 1885 г.).

Нѣкоторыя слова, признанныя разными значеніями одного слова, слѣдовало бы разсматривать какъ отдѣльныя слова. Такъ подъ байка подъ 1-мъ значеніемъ указано; басня, подъ 2-мъ, бездѣлица, шутка, пустяки, а подъ 3-мъ: бая, т. е. родъ сукна. Очевидно „байка" родъ сукна должно быть совершенно отдѣлено отъ байка въ двухъ первыхъ значеніяхъ. Подъ лев находимъ значеніе левъ и монета: лев въ значеніи монеты ничего общаго со словомъ лев (левъ) не имѣетъ.

Нельзя не пожалѣть, что значительная часть словъ оставлена безъ ссылокъ на источники. А между тѣмъ среди такихъ словъ мы встрѣтили не мало извѣстныхъ даже изъ сочиненій Котляревскаго.

Къ недостаткамъ Словаря относимъ и то, что онъ опускаетъ топографическія данныя его источниковъ: такъ въ Матеріалахъ Чубинскаго при каждой сказкѣ и пѣснѣ указано, гдѣ она записана, а Словарь ограничивается ссылкой на томъ и страницу этого труда. То же по отношенію къ Номису, нерѣдко указывающему на губернію и уѣздъ, гдѣ записана пословица.

Всѣ указанные недостатки, кромѣ, впрочемъ, неполноты, отнюдь не существенны и не могутъ помѣшать признанію высокихъ научныхъ достоинствъ Словаря. Достоинства эти несомнѣнны: главныя изъ нихъ надежность и обиліе сообщаемаго матеріала, точная передача значеній словъ и различныхъ ихъ оттѣнковъ.

Историчний словник, составленный Е. Тимченкомъ, съ внѣшней стороны описанъ выше. По признанію самого составителя, этотъ словарь „представляетъ опытъ далеко не полной группировки чаще всего встрѣчающихся терминовъ и выраженій, выбранныхъ изъ памятниковъ письменнаго южнорусскаго языка XV — XVIII в." Чтобы представить эту рѣчь возможно всестороннѣе, составителемъ Словаря использованы „памятники различнаго содержанія: историческіе, юридическіе, полемическіе, духовные и бытовые". Общерусскія слова, имѣющія одинаковое значеніе какъ въ великорусскомъ, такъ и въ малорусскомъ, не вошли въ Словарь; опущены въ немъ также и „выразительные" полонизмы (напр. дзвенкъ, пienкный, окрентъ и т. под.). „Занесены же въ словарь слова общерусскія, главнымъ образомъ, если они имѣли какое-нибудь специальное значеніе, а также слова, хотя и заимствованныя изъ польскаго и другихъ языковъ, но

получившія южнорусскую фонетическую окраску или бывшія въ всеобщемъ употребленіи у южнорусскихъ писателей; затѣмъ слова, употреблявшіяся какъ исключительно въ письменной рѣчи, такъ и, хотя и бывшія достояніемъ народной рѣчи, но уже, при новыхъ условіяхъ быта, вышедшія изъ употребленія; а также, хотя и существующія въ настоящее время, но встрѣчающіяся весьма рѣдко и, повидимому, близкія къ изчезновенію; кромѣ того такія, которыя живы въ народной рѣчи и теперь, но имѣвшія спеціальное значеніе, или же представляющія историческій интересъ". Программа выборки словъ изъ памятниковъ древняго языка, очевидно, весьма неопредѣленна: съ одной стороны, не подлежатъ внесенію въ Словарь слова общія малорусскому языку съ великорусскимъ, съ другой стороны, такія слова подлежатъ внесенію въ него при извѣстныхъ, далеко не точно опредѣленныхъ условіяхъ: вносятся, главнымъ образомъ, слова, имѣвшія какое нибудь спеціальное значеніе, слѣдовательно также и тѣ, которыя имѣютъ такое же спеціальное значеніе въ великорусскомъ языкѣ, Но что значитъ спеціальное значеніе? Вносятся далѣе слова, бывшія общими малорусскому языку съ великорусскимъ (какъ письменныя, такъ и народныя), но вышедшія теперь изъ употребленія или встрѣчающіяся весьма рѣдко и, повидимому, близкія къ исчезновенію? Отсюда слѣдуетъ между прочимъ, что Словарь вноситъ изъ памятниковъ бывшіе общими малорусской и великорусской письменности славянизмы, ибо „слова, употреблявшіяся исключительно въ письменной рѣчи," были именно заимствованіями изъ славянскаго языка. Но неужели эти славянизмы цѣннѣе въ историческомъ словарѣ малор. языка, чѣмъ свои малорусскія слова, общія съ великорусскимъ? [1]) Неясно также, какъ примѣнить другіе признаки, указанные г. Тимченкомъ въ качествѣ предохраняющихъ слово отъ исключенія его изъ Словаря: въ него вносятся слова, хотя и общія съ великорусскимъ, но имѣющія историческій интересъ или имѣвшія спеціальное значеніе или встрѣчающіяся въ настоящее время весьма рѣдко и повидимому близкія къ исчезновенію. Очевидно, что для выполненія этихъ требованій, необходимы предварительныя довольно сложныя изслѣдованія. Мы думаемъ, что Словарь выигралъ бы, если бы зарегистриро-

---

[1]) Ничего не возражая противъ внесенія славянизмомъ въ Словарь, отмѣчу, напр., что мы находимъ въ немъ слова: безгрѣховный, безнадежный, благовѣстникъ, благословенный, благочестіе, благочестивый, благословитися, влагалище и т. п.

валъ вообще всѣ слова старинныхъ памятниковъ, не останавливаясь на разныхъ весьма шаткихъ критеріяхъ.

Тѣмъ не менѣе и въ томъ видѣ, какъ работа исполнена, она представляетъ выдающійся интересъ. Историчний словник содержитъ нѣсколько тысячъ словъ, до сихъ поръ не зарегистрованныхъ ни въ одномъ словарѣ; слова эти объяснены большею частью вѣрно и точно; они снабжены примѣрами, переданными весьма точно и сопровождаемыми ссылками на томы и страницы. Памятниковъ привлечено къ изслѣдованію значительное количество. Для актоваго языка использованы Акты, относящіяся къ исторіи Южной и Западной Россіи (изд. Арх. Коммиссіи), Памятники, изданные Кіевскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ, Акты Нѣжинскаго магистрата (Черниговъ 1887), Акты копныхъ судовъ (по изд. Иванишева), Акты Полтавскаго суда (по изд. Левицкаго), Протоколы Борзенской ратушной книги и Полтавскаго полкового суда (по изд. Лазаревскаго), Акты Переяславскаго полка XVII—XVIII в. (по изд. Савицкихъ) и др. Изъ историческихъ сочиненій прочтены: Львовская лѣтопись (изд. Погодинымъ), Лѣтопись Самовидца, Лѣтопись Грабянки, Лѣтопись Самойла Величка, Хмѣльницкая лѣтопись; дневникъ Як. Марковича, діаріушъ А. Филипповича, діаріушъ Ханенка, и др. Изъ полемическихъ сочиненій въ перечнѣ источниковъ названы: Апокризисъ Филалета, Палинодія Копыстенскаго, нѣкоторые труды Галятовскаго, Перло многоцѣнное Кир. Транквиліона Ставровецкаго, проповѣди Ант. Радивиловскаго и др. Изъ духовныхъ: Пересопницкое евангеліе (изд. Житецкимъ), Волынское евангеліе XVI в. (изд. Трипольскимъ). Изъ бытовыхъ: малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. (изданные Потебней въ „Кіевской Старинѣ“ 1890 г.). Составитель пользовался не только печатными (и старопечатными) источниками, но также и рукописями: сюда относятся „Кройника“, принадлежащая университету св. Владиміра, хронографъ, принадлежащій редакціи „Кіевской Старины“.

При всемъ обиліи источниковъ Словаря, нельзя не отмѣтить существенныхъ пробѣловъ. Возникаетъ, напр., вопросъ, почему составитель Словаря совершенно не использовалъ памятниковъ Зарубежной Руси. А среди нихъ онъ нашелъ бы важные матеріалы для историческаго словаря, начиная даже съ XVI вѣка, если бы привлекъ къ изслѣдованію, напримѣръ, грамоты, изданныя въ 1865—1866 годахъ Головацкимъ, далѣе: Akty grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej (Lwów 1870 — 1880). Материяли до культурної історії Галицької Руси XVIII і XIX

вѣку (выходившіе подъ ред. Ів. Франка), Памятки україньско-руськоі мови і літератури, Жерела до істориї України Руси, Розвідки й материяли до історії України-Руси Грушевскаго (гдѣ между прочимъ напечатанъ Сьпіванник з початку XVIII в.), Карпато-руське письменство XVII—XVIII вв. Ів. Франка и др. Но и русскія изданія привлечены далеко не всѣ. Не упомянуты, напр., Краткая Кіевская лѣтопись, изданная кн. Оболенскимъ въ его „Супрасльская рукопись“, Пѣснь пѣсней XVI в. (Основа 1861, т. XII), источники малороссійской исторіи, собраные Бантышъ-Каменскимъ (Чт. О. И. и Др. Р. 1858 и 1859 г.), книга Еноха по Полтавскому списку 1679 года (Чт. О. И. и Др. Р. 1880, кн. 3), Мечъ духовный Лазаря Барановича, Письма Л. Барановича (Черниговъ, 1856), Синопсисъ Инок. Гизіеля, Огородокъ Маріи Богородицы и Вѣнецъ, изд. Ант. Радивиловскимъ, Сборникъ лѣтописей, изданный Кіевскою комиссіей для разбора древнихъ актовъ (1888), Южнорусскія лѣтописи, изд. Бѣлозерскимъ (1856) и т. д. Особенно поражаетъ недостаточность источниковъ по XVIII вѣку, а также отсутствіе источниковъ старше XVI в. Историческій словарь малорусскаго языка не можетъ оставить безъ вниманія и Галицко-Волынской лѣтописи, извѣстной по Ипатьевскому и Хлѣбниковскому спискамъ. (Г. Тимченко при словахъ переступити, туга ссылается на эту лѣтопись). Пользуясь этой лѣтописью, а также другими южнорусскими памятниками той древнѣйшей эпохи, когда русская письменность не освободилась еще отъ церковно-славянскаго вліянія и еще не успѣла подпасть подъ другое вліяніе — польское или южнославянское, составитель историческаго словаря малорос. языка могъ бы выбирать изъ памятниковъ всѣ тѣ слова, которыя, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, должны быть приписаны мѣстнымъ народнымъ говорамъ.

Привлеченные къ Словарю источники прочтены довольно внимательно. Это относится, впрочемъ, далеко не ко всѣмъ перечисленнымъ въ указателѣ памятникамъ. Хорошо использована, напримѣръ, Палинодія Захаріи Копыстенскаго [1]). Напротивъ, дневникъ Ханенка представленъ въ Словарѣ далеко не полно. Укажу

1) Конечно, съ неизбѣжными пропусками: ср. *напротивко* (а Берно напротивко таковой новинѣ написалъ такъ, 769), *папежоване* (на который часъ припагаетъ папежоване Силвестра Второго, 768), *схисма* (которыи схисму поднесли, 767), *спрофановати* 767, *розгребати* (што публичною ухвалою есть погребено, свербячимъ языкомъ розгребати важатся, 744), и др.

на рядъ пропущенныхъ словъ, замѣченныхъ мною при поверхностномъ чтеніи одной части этого дневника: который долженъ былъ, 11 *осмачокъ* овса, 129; даны до робленння Максиму шапочнику два *муфи* зъ медведя, 129; и тамъ за *скопщину* взято у Киселка конь и кобилка, 129; на нитки и *кузьки* 4 к., 130: Карпу кухару далъ 1 р. и *чвертку* жита, 120 (въ Слов. есть чвертковый); на *чаплики* и мило, 120; приходили къ *помиркованю* и не заключа розехались, 120; дано за *вичинку* вовка и лисици 13 к., 117; послѣ прибылъ еще *завременно* до Левенки и тутъ ночовалъ, 116; за *виправу* лисицѣ, 109 (въ Слов. выправа въ другомъ значеніи); прибылъ на *сумерку* вь Кролевецъ, 132; а передъ свѣтомъ тамъ же *опостигъ* мене полковникъ, 132; *поселъ* (посолъ), 137; и прибыли въ Перегонъ на *смерку*, 141: позабавилъ... до *смерку*, 118; *футоръ* (хуторъ, ср. въ Слов. футорникъ), 161 и др.; коло *вечерень*, 140 и др.; присланъ указъ въ коммиссію пашу на подаванное доношеніе ваше, чтобъ не *разездиться* на каникулярныя дни, 161; *отробить*, 155 (въ Слов. есть отробленне); *кучерявый*, 155 (въ Слов. есть кучеравый); конемъ *строкатымъ*, 152; *заездилъ* къ доктору Боку и взялъ 1 : *прошковъ*, 153; и попривозилъ *де-якое* бѣлое плате, 153: весь день *промедлѣлъ* я въ домѣ, не выходя никуда, 153; *паникадильщику*, 148; о присылки *птушокъ* (т. е. птицъ), 147; купленны три футра, завойковое и *шлямовое*, лисіи да попеличье, 95 (въ слов. есть шлямы: лисій мѣхъ); куплены сани зъ *козиркомъ*, 95; за поланкирка *нанарсенту* 6 р.; и къ нему о *визыченю* той книги писалъ карту, 90; наняль работниковъ до *направки* коморы, 112; ездили для осмотру *греблѣ*, 107; ездилъ для *осмотреня*... млина, 99; обѣдали у мене *панея* матка да три поруччика, 108; *панеи* да мнѣ, 105; у *панеи* матки, 63; данъ 1 р. на *галіонокъ* панеи, 101; за *тюмъ* китаю, 96; за *тертушку* мушкатовой галки, 98; за полотна *сѣтчанаго* 30 аршинъ, 95; и т. д., и т. д.

Равнымъ образомъ невнимательно прочтенъ малорусскій лѣчебникъ XVIII в., изданный въ „Кіевской Старинѣ" за 1890 годъ А. А. Потебней. Такъ на первыхъ трехъ страницахъ, бѣгло мною просмотрѣнныхъ, я нашелъ слѣдующія недостающія въ Словарѣ г. Тимченка слова: разсмотрятися (разсмотряючися, 1), живица (живицѣ, 2), врацати, 2, можчиръ (въ значеніи ступка, въ Словарѣ только въ значеніи мортира; стерти то все в мозчиру мякъко, 2), пановка (сложивъ на паиовку или на щоколвекъ, 2), присмажить, 2, пеперъ (на пеперу упекти, 2), посилиться (поправиться, въ Словарѣ есть посилить—поправить: аби толко посилился, 2)'

часныкъ (часнику головокъ з колко у винѣ уварить, 2), чорнобыльный (с чорнобилнимъ цвѣтомъ, 2), рѣденько (кашу ячную уваривши добре рѣденко, 3), ковтати (ковтаючи по троху, 3), оскромадить, 3, и др.

При поверхностномъ просмотрѣ Львовской лѣтописи, изданной въ III т. Русскаго ист. сборника, я на пространствѣ нѣсколькихъ страницъ нашелъ слѣдующія слова, которыхъ нѣтъ въ трудѣ г. Тимченка: окромъ *пахоликовъ* 245 (въ Слов. пахолекъ, ср. въ Лѣтописи пахолковъ, 259); *окопался* у Острожикъ противко короля, 248; и на разсвѣтѣ скарбомъ ся дѣлили *куршакомъ* розославши килимовъ килька 251: и мѣсяцъ гдесь ся былъ *задьлъ*, тылко съ подполня, 260; зъ ордою *конюровавши* Татарскою, 262; зъ реестровыми казаками *ребелѣзовати*, 262; и то въ *ссрмизѣ* не въ блаватахъ вышолъ. 262, и т. д. [1]).

Не безполезно было бы Е. К. Тимченку дополнить свой словарь и тѣми ссылками на старинные памятники, которые находимъ у Закревскаго въ Старосв. Бандуриста. Такъ въ Словарѣ Е. К. Тимченка нѣтъ слова *закроивати* — у Закревскаго есть со ссылкой на С. Величка II. 500; нѣтъ слова *займище* – у Закревскаго есть со ссылкой на Статьи 1666 г.; нѣтъ слова *забрнути*— у Закревскаго есть со ссылкой на Величка; нѣтъ *заспать*— у Закревскаго есть со ссылкой на Петра Могилу, 1640 и мн. др.

Въ числѣ источниковъ г. Тимченко пользовался Словаремъ книжной малорусской рѣчи, изданнымъ Житецкимъ въ приложеніи къ I части Очерка литер. исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII—XVIII вв. Пользовался онъ этимъ Словаремъ систематически. Странны поэтому и непонятны пропуски. Напр. на букву Допущены слова драґаръ, драпачинный, драница, дрождѣ (тина), дудокъ (вдодъ), дуреніе (луженіе), дуру (лужду), дурячій, делиція (дѣлиций заживаю), на букву Т: ташъ (въ Словарѣ только таша), тверезый, термошуся, терпетина, тескность, тоболя, трапенье, трафляюсь, тремтанье, трефництво, трефную, трумна (въ Словарѣ только труна), тулакъ, тученье, тутешный, турнѣя, и др. Можетъ быть, нѣкоторыя изъ этихъ словъ признаны г. Тимченкомъ сомнительными. Но это обстоятельство должно бы было быть оговорено и при томъ при каждомъ такомъ сомнительномъ словѣ.

---

[1]) Напрасно г. Тимченко пренебрегъ удареніями Львовской лѣтописи и другихъ старопечатныхъ изданій.

Обработка словъ, объясненіе ихъ значеній, указаніе на ихъ иноземный источникъ сдѣланы весьма удовлетворительно. Вниманіе наше останавливаетъ допущенное Словаремъ правописаніе. Въ примѣрахъ г. Тимченко придерживается правописанія своихъ источниковъ, но въ извлеченныхъ изъ примѣровъ словахъ мы видимъ своебразные и непослѣдовательные пріемы. Такъ, съ одной стороны, вводится различеніе буквъ ы и и: милый, милость, но мылитися; диковина, но дыбати; съ другой стороны, буквы ы и и смѣшиваются: дымъ и димноватый (туманный), вызичити и зычити, мысль и вымиселъ, нововимисльный, тылъ и тилъ, тилецъ. Буква ѣ обозначаетъ непослѣдовательно звукъ і, возникшій, черезъ посредство дифтонга іе, изъ общерусскаго е (долгаго е): пѣрначъ, смѣтя (при сметье). Этой же буквой обозначается звукъ *і* въ русскихъ и иностранныхъ словахъ; Бѣгдай (дай Богъ), лѣдъ (ледъ), перѣстый, фѣстула, вѣншовати, вѣзерунокъ и визерунокъ, бѣскупъ (и бискупъ), вѣлкготность и вилготность, вѣлчура (wilczura), вѣхоръ и вихоръ, лѣнѣя, цѣнобра. Этой же буквой, впрочемъ, непослѣдовательно обозначается польское іе: жолнѣръ, лѣйци (lejce), папѣжъ, тѣкавецъ, цѣкавій (такъ) при цекавій, вѣкуистый (при вечистый). Непослѣдовательно пишутся приставки: розпустити, но роспустъ, одписовати, но отписъ, одкирутися, но откинути. Разумѣется, все это при окончательной обработкѣ Словаря должно быть тщательно сглажено и согласовано; иначе Словаремъ трудно будетъ пользоваться. Историческій словарь не можетъ въ объясняемыхъ имъ словахъ проводить всю ту непослѣдовательность правописанія, которая замѣчается въ памятникахъ.

Несмотря на неполноту и нѣкоторые другіе недостатки словарнаго труда г. Тимченка, мы признаемъ его въ высшей степени полезнымъ основаніемъ для полнаго историческаго словаря малорусскаго словаря.

Подводимъ итогъ обоимъ словарнымъ трудамъ, представленнымъ редакціей „Кіевской Старины“ на соисканіе преміи Н. И. Костомарова за лучшій малорусскій словарь.

Первый трудъ, составленный Б. Д. Гринченкомъ, можно признать лучшимъ малорусскимъ словаремъ сравнительно со всѣми до сихъ поръ вышедшими. Непосредственное знакомство

съ источниками, обиліе матеріала, извлеченнаго какъ изъ нихъ, такъ и изъ живыхъ народныхъ говоровъ, тщательная обработка каждаго слова, снабженнаго поясненіемъ его значенія, ссылками на источники и примѣрами,—все это выдѣляетъ разсматриваемый Словарь украинскаго языка изъ всѣхъ предшествовавшихъ ему опытовъ по лексикологіи этого языка. Но рядомъ съ положительными сторонами можно указать также на существенные пробѣлы и недостатки въ этомъ прекрасномъ трудѣ. Къ числу ихъ относятся: 1) неравномѣрная обработка словарнаго матеріала различныхъ нарѣчій, входящихъ въ составъ малорусской семьи: лучше всего представлены украинскіе, слабѣе галицкіе и угорскіе говоры весьма слабо сѣверно-малорусское нарѣчіе; 2) недостаточно полное использованіе названыхъ въ Словарѣ источниковъ; 3) не полное знакомство съ произведеніями малорусской словесности, появившимися до 1870 года, между тѣмъ какъ въ программу, составленную редакціей „Кіевской Старины“, включено требованіе использовать всю малорусскую литературу въ предѣлахъ до этого года; 4) отсутствіе систематическаго пользованія предшествующими словарными трудами, что имѣло слѣдствіемъ пропускъ цѣлаго ряда словъ, извѣстныхъ изъ другихъ словарей. Думаю, что всѣ эти недостатки зависѣли отъ спѣшности и краткости времени, употребленнаго Б. Д. Гринченкомъ на обработку Словаря: въ распоряженіи его было всего два съ половиной года.

Обращаясь къ труду Е. К. Тимченка, находимъ, что онъ въ самыхъ широкихъ предѣлахъ удовлетворяетъ требованію, предъявленному къ малорусскому словарю Правилами о присужденіи преміи Н. И. Костомарова, требованію, состоящему въ томъ, чтобы въ Словарь были внесены слова старинныя, вышедшія или выходящія изъ употребленія. Не ограничиваясь случайной выборкой такихъ старинныхъ словъ изъ памятниковъ малорусской письменности, Е. К. Тимченко составилъ историческій словарь малорусскаго языка. Этотъ словарь, при всѣхъ его недостаткахъ — неполнотѣ привлеченныхъ къ изслѣдованію источниковъ, не вполнѣ внимательномъ прочтеніи ихъ, не выдержанномъ правописаніи—, нельзя не признать трудомъ замѣчательнымъ и въ высшей степени полезнымъ.

Достоинство обѣихъ работъ — „Словаря украинскаго языка“ „Историчного словника“ даетъ основаніе признать Словарь,

представленный редакціей „Кіевской Старины“ на конкурсъ, лучшимъ по сравненію съ извѣстными малорусскими словарями. Но для признанія его вполнѣ удовлетворительнымъ желательно было бы видѣть его свободнымъ отъ указанныхъ недостатковъ.

Въ виду этого, я полагалъ бы справедливымъ присудить Словарю, представленному на конкурсъ редакціей „Кіевской Старины“, вторую премію, установленную § 9-мъ Правилъ о присужденіи премін Н. И. Костомарова за лучшій малорусскій словарь.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Д. И. Яворницкій. Наша доля — Божа воля. Повисть. *Екатеринославъ, 1905. 165 стр.*

Повѣсть Д. И. Яворницкаго была впервые напачатана въ „Кіевской Старинѣ". На нашъ взглядъ она переиздана теперь, какъ нельзя болѣе, кстати. Рушатся старыя обветшавшія основы народной жизни, новыя культурныя понятія становятся руководящими ея началами, народъ ищетъ обновленія, народъ жаждетъ избавиться отъ Прокустова ложа, въ которое его втиснула изжившая самое себя, проигравшаяся до послѣдней нитки абсолютно-бюрократическая Россія. Старыя основы, на которыхъ созидалась жизнь народа, оказались совсѣмъ даже не основами, а гнилыми подпорками, падающими при первомъ прикосновеніи къ нимъ. Какъ ни много тратилось силъ на поддержаніе этихъ подпорокъ, но „невозможное—невозможно," и тѣ по необходимости должны были упасть и превратиться въ труху, въ гнилую пыль, которая, впрочемъ, пока еще не улеглась, и выѣдаетъ глаза.

На чемъ, какъ не на подпоркахъ построена жизнь героя повѣсти Максима Витряка? Ни одного обоснованнаго нравственнаго начала, ни одного прочнаго устоя не видно въ его духовной сущности. Божественный почти до святошества, консервативный во взглядахъ на крестьянскую жизнь, покорный властямъ придержащимъ, съ позволенія сказать, до глупости, совершенно лишенный при всемъ своемъ умѣ критической способности,— вотъ тотъ невзрачный обликъ Витряка, который вырисовывается передъ нами, несмотря на то, что самъ авторъ въ высшей степени симпатизируетъ своему герою и освѣщаетъ его личность съ наилучшихъ сторонъ. Авторъ, положимъ, приводитъ одинъ случай изъ жизни Витряка, когда послѣдній протестовалъ противъ панскаго насилія

вплоть до намѣренія убить пана, защищая свою жену отъ похотливыхъ посягательствъ на нее послѣдняго (молодость Витряка захватываетъ послѣдніе годы существованія крѣпостничества), но данный эпизодъ по нашему мнѣнію, представляетъ художественную натяжку. Психологически подобный отчаянный протестъ со стороны даже такого покорнаго человѣка, какимъ былъ Витрякъ, вполнѣ возможенъ при извѣстныхъ условіяхъ, но совсѣмъ непонятно, какимъ образомъ послѣ того, какъ Витрякъ бросился съ вилами на пана, герой повѣсти не попалъ въ Сибирь? Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что барыня упросила пана помиловать Витряка. Почему барыня, которая, какъ можно судить, не пользовалась никакимъ вліяніемъ на своего дикаго мужа, открыто насиловавшаго всѣхъ нравившихся ему молодицъ, не обращая вниманія на жену, почему въ данномъ случаѣ барыня возъимѣла вдругъ вліяніе на мужа, этого авторъ не объясняетъ, да врядъ ли и въ состояніи объяснить. Поэтому отсутствіе критицизма и протеста остается основною чертою въ характерѣ Витряка.

Самъ Максимъ Витрякъ съумѣлъ заключить себя въ скорлупу, въ которую не проникало никакое постороннее вліяніе, такимъ образомъ его *физическая* жизнь проходитъ довольно гладко. Для его жизни, однообразной изо дня въ день, ея основы-подпорки оказались вполнѣ достаточными. Но гнилость ихъ и ничтожество съ потрясающею яркостью обнаружились на дѣтяхъ Витряка, особенно же на двухъ сыновьяхъ его, Якимѣ и Петрѣ. Первый, какъ только его коснулась казарменная россійская культура, не устоялъ и превратился въ бездѣльника и пьяницу. Второй извращенъ городскою приказчичьею культурою. Научившись философствовать на тему: „Эхъ жисть ты наша матузяная!“,— Петро стремится всѣми средствами къ осуществленію своихъ завѣтныхъ мечтаній о купеческой полупанской жизни и попадается въ распространеніи фальшивыхъ денегъ. Тухлость основъ—подпорокъ крестьянской жизни погубила и старшаго сына Витряка Охрима и его единственную дочь Орысю.

Не погибъ для себя и для людей одинъ только сынъ Витряка, послѣдняя его надежда, Павлусь. Онъ нашелъ твердыя основы для своей жизни въ штундизмѣ, безжалостно отбросивъ старый хламъ—гнилыя подпорки, на которыхъ строилъ свою жизнь отецъ. Но для самого Витряка Павлусь погибъ. Витрякъ видитъ въ немъ крушеніе своихъ идеаловъ, своей религіи, своего міропониманія, гибель своего *я*. Вотъ почему на Витряка отчужденіе отъ него Павлуся производитъ большее впечатлѣніе чѣмъ предшествовавшія несчастія. Тутъ же обнаруживается вся несостоятельность основъ - подпорокъ старой Витряковой жизни. Что можетъ противопоставить Витрякъ тѣмъ твердымъ принципамъ,

которые выдвигаетъ его сынъ Павлусь? — „Не намы воно заведено, не намы й выведется. Що намъ нимецька вира?.. Нимцямъ не дано того, що намъ дано...“— вотъ тѣ ничего не значащія пустыя положенія, которыя противопоставляетъ Витрякъ неопровержимой критикѣ консисторской религіозности православныхъ и ихъ жизни. Павлусь вооруженъ достаточнымъ знаніемъ для защиты своихъ осново-положеній. Что можетъ опять-таки противопоставить этому знанію незнаніе Витряка? „Горе тоби, пысьменный, але гордый и заблудлый розуме!“ Это все, чѣмъ можетъ отвѣтить Витрякъ на силу знанія.

Витрякъ заблуждался. Но въ томъ не было его вины. Его жизнь, какъ и всего крестьянства, направлялась сверху. Онъ самъ не управлялъ ею. Люди простроили плохой *млынъ витрякъ*, и вина людей, что *витрякъ* мололъ плохо и не крѣпко держался... Стройте прочную паровую мельницу, чтобы работа ея не зависѣла отъ случайнаго вѣтра, чтобы она давала чистую муку, безъ сора, и стояла бы долгое время...

Въ заключеніе замѣчу, что заглавіе повѣсти: „Наша доля—Божа воля“ затемняетъ ея смыслъ.

Д—въ.

Украиньске весилля. *(Зъ голосами.) Записавъ* **Ив. Демченко.** *Изданіе типографіи Е. И. Фесенко, въ Одессѣ. 1905 г.*

Развитой и устойчивый ритуалъ украинскаго „весилля“ много разъ привлекалъ къ себѣ вниманіе этнографовъ своимъ богатствомъ фольклорнаго матеріала, бытовыми особенностями, чертами народнаго юмора, драматическимъ характеромъ и пережитками отдаленныхъ временъ древне-славянскаго житья-бытья.

До коней, буяре, до коней
Та до гострого меча!
Та не бійтеся ночи—Богъ вамъ до помочи! (стр. 12)

Такъ поютъ „свитылкы“ и „бояра“, идя съ молодымъ изъ его хаты къ молодой. Въ этой короткой пѣсенкѣ слышится ясный отзвукъ далекаго времени „умыканія“ невѣстъ, когда молодецъ иной разъ добывалъ себѣ дѣвицу темною ночью съ оружіемъ въ рукѣ.

Свадебный ритуалъ имѣетъ въ глазахъ народа большое юридическое значеніе. Недавно въ одной изъ кіевскихъ газетъ сообщалось слѣдующее заслуживающее вниманія извѣстіе. Въ одномъ селѣ свя-

щенникъ ни за что не соглашался, по какимъ—то для него лишь понятнымъ причинамъ, обвѣнчать пару молодыхъ. Тогда молодые и ихъ родственники съ согласія односельчанъ рѣшили устроить только „весилля“, безъ вѣнчанія въ церкви, и считать бракъ въ такой формѣ вполнѣ законнымъ, что и было исполнено. Лишь такая мѣра со стороны сельчанъ побудила священника согласиться совершить обрядъ вѣнчанія.

Все отмѣченное дѣлаетъ свадебный обрядъ интереснымъ въ научномъ и художественномъ отношеніи. Поэтому это самый счастливый народный обрядъ по степени интереса къ нему этнографовъ и писателей.

Драматическій характеръ свадебнаго обряда давно уже манилъ къ себѣ драматурговъ. Въ руской литературѣ вліяніе великорусской свадьбы на драму стало сказываться еще въ XVIII вѣкѣ въ такъ называемой музыкальной драмѣ. Въ пьесѣ: „Невѣста подъ фатой или мѣщанская свадьба“ представлялась встрѣча свадебнаго поѣзда; въ „Колдунѣ—ворожеѣ и свахѣ“ изображались сговоръ и дѣвишникъ; почти цѣлое дѣйствіе было посвящено свадебнымъ обрядамъ въ комической оперѣ Михаила Матинскаго: „С.-Петербургскій гостинный дворъ“. Этотъ полународный видъ драмы, заглохнувъ на русской почвѣ, нашелъ свое продолженіе въ литературѣ украинской, гдѣ „Наталка Полтавка“ положила начало богатому ряду драматическихъ произведеній съ музыкою. *) Среди нихъ можно указать драму М. Л. Кропивницкаго: „Дви семьи“, въ которую авторъ художественно вплелъ украинскій свадебный обрядъ.

Украинскіе этнографы отдавали предпочтеніе свадебному обряду передъ всѣми другими, и послѣднему мы обязаны тѣмъ, что въ украинской этнографіи имѣется большое количество подробно записанныхъ цѣльныхъ свадебныхъ обрядовъ, идущихъ изъ различныхъ мѣстностей Украины. У О. Кольберга, Чубинскаго, Гринченка, Малинки и др. мы находимъ такіе *списки* украинской свадьбы. Не такъ давно—въ майской книжкѣ *Кіевской Старины* за 1905 г. былъ также помѣщенъ подобный *списокъ* „Весилля въ с. Отакахъ“, г. Яблоновскаго.

Въ настоящее время у насъ имѣется еще одна запись украинскаго „весилля“, сдѣланная г. Демченко въ мѣстечкѣ Монастырищѣ, Липовецкаго у. Кіевской губ. Г. Демченко записалъ не только самыя пѣсни свадебнаго обряда, но и мелодіи къ нему, что очень цѣнно, такъ какъ, насколько намъ извѣстно, лишь записи свадебнаго обряда у Кольберга снабжены мелодіями: ни у Чубинскаго, ни у г. Гринченка мелодій нѣтъ.

Это—общій недостатокъ нашей русской этнографіи, что изученіе народной поэзіи и обряда не идетъ параллельно съ изученіемъ сопро-

---

*) *А. М. Лобода.* Народность въ рус. музыкальной драмѣ сто лѣтъ назадъ (Оттискъ изъ XIII-й книги „Чтеній въ Ист. Общ. Нестора Лит.), стр. 14 и 31.

вождающей ихъ музыки. Этнографы чаще всего незнакомы съ музыкою, а музыканты мало интересуются простыми и иногда однообразными напѣвами. На XIII Археологическомъ съѣздѣ въ г. Екатеринославѣ членами съѣзда въ бесѣдѣ по поводу доклада П. И. Тиховскаго: „Нужды современной малорусской этнографіи" и самымъ докладчикомъ выражалось пожеланіе, чтобы собираніемъ народныхъ мелодій занялись наши музыкальныя общества. И съ этимъ надо было бы поспѣшить, потому что старая народная хоровая музыка все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто довольно крикливымъ, разухабистымъ мотивамъ.

Рядомъ съ этимъ выдвигается вопросъ о возвращеніи народу утраченныхъ, забытыхъ имъ хорошихъ мелодій и словъ. Этотъ вопросъ возникаетъ у всякаго, кто поближе приглядится къ современному поэтическому оскудѣнію народа.—Не пора ли вамъ болѣе энергичнымъ образомъ разрабатывать по научному методу собранный этнографическій матеріалъ, а затѣмъ придать ему литературную, по возможности художественную, форму и въ такой улучшенной формѣ возвратить его народу, путемъ книги и школы" *) Поэтому весьма пріятнымъ извѣстіемъ было сообщеніе газетъ о томъ, что книга г. Демуцкаго: „Лира и йии мотивы" допущена въ народныя школы, гдѣ она, безъ сомнѣнія, окажется вполнѣ умѣстною.

Что касается сборника г. Демченко, то главный интересъ его заключается именно въ мелодіяхъ, приложенныхъ къ пѣснямъ. Со стороны внѣшне-обрядовой онъ представляетъ слишкомъ мало данныхъ, но пѣсенъ помѣщено въ сборникѣ много—277 №№. Кромѣ того, къ сборнику приложено четыре прекрасно исполненныхъ рисунка г. Ждахи, изображающихъ различные моменты свадьбы: 1) „Сватання" (старосты съ хлѣбомъ); 2) „Ставлять гыльце на столи"; 3) „Молоду покрывають"; 4) „Весилля" (игры на свадьбѣ).

Сборникъ г. Демченко, изданный очень опрятно, будетъ весьма желательнымъ вкладомъ въ популярную этнографическую литературу, а также будетъ не безполезенъ и для изучающаго народную словесность.

Владиміръ Даниловъ.

---

*) Проф. М. Н. Бережковъ. „Докладъ о занятіяхъ археологической коммиссіи". Нѣжинъ, 1903 года.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи матеріальнаго положенія малороссійскаго духовенства въ 18 вѣкѣ. Матеріальное положеніе малороссійскаго духовенства въ 18 вѣкѣ отличалось полною неустойчивостью, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлялось особымъ договоромъ члена причта съ приходомъ. Хотя центральной властью въ 1765 г. отмѣненъ былъ договоръ членовъ причта съ прихожанами и установлена опредѣленная такса за требы, тѣмъ не менѣе старый, вѣковой обычай не такъ скоро уступилъ силѣ бумажныхъ предписаній. И въ 1782 г. въ переяславской епархіи еще заключались письменные договоры священниковъ и причетниковъ съ прихожанами о матеріальномъ обезпеченіи первыхъ, равно какъ въ то же время избраніе священно-церковнослужителей приходами практиковалось еще сплошь и рядомъ, не смотря на давно уже проявившееся стремленія власти упразднить выборное начало и замѣнить его назначеніемъ священниковъ и причетниковъ архіерейской каѳедрой[1]). Гораздо устойчивѣе доходовъ членовъ причта были тѣ подати, какія имъ приходилось взносить въ архіерейскую казну. Но и тутъ встрѣчались колебанія и измѣненія. Вопросъ о взносахъ отъ церквей и приходовъ въ пользу архіерейскихъ каѳедръ въ 18 вѣкѣ остается до сихъ поръ открытымъ [2]). Вотъ нѣкоторыя данныя къ разрѣшенію его [3]).

---

1) См. въ архивѣ Полтавск. дух. консисторіи дѣло бывшей Переяславской консисторіи.

2) Данныя для рѣшенія вопроса приведены отчасти г. Крыжановскимъ въ ст. „Очерки быта малоросс. сел. духовенства въ 18 в.“, въ ж. „Руководство для сел. пастырей“ 1861, 62 и 64. гг.

3) Заимствованныя изъ дѣлъ Кіевской и Переяславской консисторіи, нынѣ хранящихся въ архивѣ полтав. д. консисторіи.

Въ 1741 г. епископъ Переяславскій Арсеній Берло произвелъ ревизію приходскихъ дворовъ своей епархіи и сообразно съ свѣдѣніями, полученными отъ ревизіи, сдѣлалъ распоряженіе о взносахъ на архіерейскую каѳедру съ церквей и священниковъ сообразно съ количествомъ дворовъ того или другого прихода. Въ силу этого распоряженія, съ прихода, въ которомъ числился 171 дворъ, взносилось ежегодно въ архіерейскую казну: изъ церковныхъ денегъ — 1 р. 71 коп. „мировыхъ“, 1 рубль и 1 четверикъ пшеницы на семинарію и 3 четверика овса въ пользу конюшни архіерея; изъ личныхъ доходовъ священника— по 3 р. 37 коп. (всего 6 р. 74 коп. въ годъ) два раза въ годъ, къ Рождеству и Пасхѣ, „столовыхъ“ и „экспенсовыхъ“. Это распоряженіе еп. Арсенія оставалось въ силѣ и въ 1762 г., когда на основаніи его съ приходовъ, „въ коихъ по 60 дворовъ з залишкомъ находится“, взимали по—96 коп. „столовыхъ“, 64 коп. „мировыхъ“, 80 коп. „экспенсовыхъ,“ 1 четверикъ овса на архіерейскую конюшню и 30 коп. на семинарію.

Имѣемъ еще свѣдѣнія, что въ 1757 г. въ протопопіи крѣпости св. Елисаветы, только что включенной въ составъ епархіи Переяславской, были такіе взносы: съ прихода въ 78 дворовъ — 78 коп. „столовыхъ“, 39 коп. „экспенсовыхъ“, 39 коп. „мировыхъ“, 17 1/4 коп. „хмеліовыхъ“ (=солодовыхъ); 90 дворовъ — 90 коп. „столовыхъ“, 45 коп. экспенсовыхъ“, 45 коп. „мировыхъ“, 22 1/2 к. „хмеліовыхъ“ и т. д. [1]).

Въ Кіевской епархіи въ 1766 г. [2]) существовали епархіалные сборы съ церквей и духовенства въ такомъ размѣрѣ, что съ прихода въ 58 дворовъ взимали столовыхъ — 1 р. 16 к., мировыхъ — 29 коп., солодовыхъ — 14 1/2 коп.

Податная система, принятая въ кіевской епархіи, была проще той, какой слѣдовали въ переяславской; между тѣмъ какъ въ кіевской брали за каждый дворъ въ приходѣ 2 коп. столовыхъ, „денежку“ мировыхъ и „полушку“ солодовыхъ, въ Переяславской епархіи была принята система распредѣленія приходовъ по классамъ или группамъ, съ которыхъ брали взносы въ опредѣленномъ количествѣ, не поддающіеся точному согласованію съ количествомъ дворовъ въ приходѣ.

Кромѣ указанныхъ сборовъ, архіерейская каѳедра имѣла еще доходъ отъ антиминсовъ и „вѣнечныхъ памятей“. За антиминсы брали отъ 1 до 5 рублей за каждый, что же касается „вѣнечныхъ памятей“, то съ вѣнчавшихся первымъ бракомъ въ казну архіерейскую брали 24 к.

---

1) Вѣроятно, тутъ имѣется въ виду полугодичный взносъ.

2) Эти размѣры сборовъ, надо полагать, существовали много лѣтъ.

со второбрачныхъ — 50 коп., а при смѣшанномъ бракѣ (когда одно лицо — холостое, а другое — вдовое) 36 коп.; кромѣ того, съ каждой брачущейся четы взимали еще по 3 коп. въ пользу „канцеляріи“ или „конторы“ каѳедральной [1]). Указанными сборами не исчерпывались вполнѣ источники доходовъ архіерейскихъ каѳедръ. Существовали еще доходы въ видѣ — платы каждымъ ставленникомъ за грамоту, эпитрахильнаго сбора (получавшагося съ вдовыхъ священниковъ), половины доходовъ съ приходовъ, временно завѣдывавшихся посторонними священниками, и т. п. [2]).

Вл. П—ко.

Разведеніе табаку въ Малороссіи въ 1760-хъ годахъ. Въ 1763 г. изъ Петербурга въ Малороссію пришло предписаніе, которымъ повелѣвалось— „къ заведенію въ малой Россіи разныхъ иностранныхъ табаковъ учредить въ малороссійскомъ городѣ Ромнѣ [3]) табачную контору подъ главною дирекціею дѣйствительнаго статскаго совѣтника Теплова и всѣмъ малороссійскимъ обывателямъ изъ оной чрезъ два года выдавать сѣмена американскія безденежно по пропорціи каждаго собственнаго его засѣва“. Въ 1766 г., видя, что малороссійскіе „обыватели о заведеніи и размноженіи табаку мало старанія прилагаютъ“, правительство прибѣгло къ повторенію своего распоряженія и къ публикаціи его по церквамъ, а также постаралось привлечь монастырскія экономіи къ разведенію табаку на монастырскихъ земляхъ. (См. въ дѣлахъ, хранящихся въ архивѣ Полтавской дух. консисторіи).

Вл. П—ко.

Къ исторіи Кіево-Софійскаго собора. Въ журналѣ словесныхъ резолюцій митрополита Кіевскаго Гавріила Кременецкаго есть, между прочимъ, одна запись, имѣющая значеніе какъ для исторіи иконописи, такъ и для характеристики этого преосвященнаго, сыгравшаго большую роль въ переустройствѣ церковной жизни Малороссіи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ 18 вѣка. Именно, подъ 7 октября 1774 г. записано: „Въ Кіево-Софійской катедралной большой церкви на хорах въ написанном

---

[1]) Такъ по крайней мѣрѣ практиковалось въ епархіи Переяславской въ 1756 г.

[2]) Данную замѣтку слѣдуетъ поставить въ связь съ замѣткой „Къ вопросу о доходахъ и расходахъ архіерейскихъ каѳедръ въ 18 вѣкѣ“, помѣщ. въ октябр. кн. „Кіевск. Старины“ 1905 г.

[3]) Нынѣ уѣздный городъ Полтавской губерніи—Ромны.

адѣ разные непристойные вещи и людей въ коронах и разномъ одѣяніи Его преосвященство (т. е. м. Гавріилъ) изволилъ приказать позатирать, а издѣлать толко тму и огнь и въ ономъ оставить людей нагихъ" (см. въ архивѣ Полтавск. дух. консисторіи).

Вл. П—ко.

Къ народной демонологіи. (Изъ с. Косарева, Дубенскаго у. Волын. губ.) Среди разнообразныхъ повѣрій, сохраняющихся среди простого народа на Волыни, едва ли не самымъ интереснымъ по существу и обильнымъ по разсказамъ разнаго рода, его иллюстрирующимъ, слѣдуетъ считать вѣрованіе въ непосредственное общеніе съ умершими, которые по народному выраженію „ходять", т. е. встаютъ изъ могилъ и приходятъ навѣщать своихъ родныхъ или знакомыхъ. Понятіе „ходять" слѣдуетъ въ данномъ случаѣ понимать широко: если приходится видѣть покойника во снѣ, это значить онъ „ходить"; при стукѣ и шумѣ на чердакѣ,—предположеніе является, что покойникъ ходитъ; наконецъ, если разстроенное воображеніе рисуетъ образъ покойника, особенно въ темнотѣ, то и эти случаи входятъ въ составъ понятія „ходять". Настойчиво поддерживаемый обычай класть во гробъ при похоронахъ покойнику—мужчинѣ шапку подъ мышку до извѣстной степени показываетъ, что функція этого предмета, т. е. шапки, выполнявшей свое назначеніе при жизни его обладателя, не прекращается по убѣжденію крестьянъ и послѣ смерти послѣдняго. Кромѣ, того слова одного похороннаго причитанія, въ которомъ содержится такое обращеніе къ покойнику — „не забувай же мене в лиху годину; приходь поможи"—вполнѣ ясно и доопредѣленно указываетъ на это вѣрованіе, отмѣчая даже въ немъ довольно важную потребность, а именно помощь, оказываемую умершимъ родичемъ; въ указаніи цѣли прихода покойниковъ можно предполагать остатки того культа предковъ, яркую картину котораго далъ Спенсеръ въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій.

Но если въ однихъ случаяхъ цѣль посѣщенія покойниковъ—помощь и благодѣяніе живущимъ, что признается желательнымъ, то въ другихъ такою цѣлью является месть или вообще желаніе причинить зло, непріятность. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что по сознанію народа „ходят з того світа" въ большинствѣ случаевъ люди, бывшіе при жизни злыми, сварливыми, словомъ не вполнѣ безупречными въ нравственномъ отношеніи. Мнѣ лично приходилось слышать ссору, происходившую между двумя женщинами, изъ которыхъ одна была постарше. Та, которая была помоложе, замѣтила: „ти така сварлива, що й по смерті не заспокоїшся; мабуть придеш зо мною сваритись!"— „Бо таки прийду:

й ни їден раз, і налякаю тебе:" — „А не дождеш," отвѣтила молодая, „я насиплю маку свяченого, закличу попа, буду святити хату; тоді й не підступиш."

Частое хожденіе покойниковъ само по себѣ считается явленіемъ нежелательнымъ; освободиться отъ частаго посѣщенія такихъ гостей составляетъ пламенное желаніе тѣхъ, у кого эти гости появляются. Вѣря въ полную невозможность устранить совершенно это явленіе (т. е. хожденіе покойниковъ) такъ-же, какъ невозможно устранить явленія жизни и смерти въ природѣ, поселяне прибѣгаютъ иногда къ нѣкоторымъ средствамъ, которыя по ихъ мнѣнію помогаютъ избивиться отъ непрошенныхъ и подчасъ вредныхъ посѣтителей „з того світа." Такими средствами служатъ макъ, просо, сталь и мѣлъ. Я не буду подробно говорить о роли мака въ этихъ случаяхъ, такъ какъ объ этомъ была замѣтка въ одной изъ книжекъ „Кіевской Старины;" [1]) считаю нужнымъ только прибавить, что къ этому средству прибѣгаютъ въ крайнихъ случаяхъ, когда, несмотря на всѣ просьбы, покойникъ не желаетъ прекратить своихъ посѣщеній. Примѣненіе всѣхъ указанныхъ средствъ народомъ считается вообще предосудительнымъ, а вслѣдствіе этого и дѣломъ, не подлежащимъ—огласкѣ. Поэтому разсказы объ этомъ всегда сопровождаются такого рода замѣчаніями: „ми, Боже сохрани, нікди цього ни робимо, али люди, кажуть, роблять," при этомъ называютъ тѣхъ, которые примѣняли то или другое средство; для этой надобности употребляется макъ „видюк," т. е. въ головкахъ котораго есть дырочки, и онъ легко высыпается; притомъ макъ освященный.

Въ то время какъ употребленіе мака для названной цѣли считается „тяжкимъ грѣхомъ", употребленіе другихъ средствъ—проса, желѣза и стали грѣхомъ не считается. Вслѣдствіе этого находятъ болѣе удобнымъ и предпочтительнымъ передъ макомъ употреблять, напр. просо, которое, какъ мнѣ поясняла одна крестьянка, должно показывать, что тѣ, которые посыпаютъ, *просятъ* покойника не приходить. Просомъ обыкновенно посыпаютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ показывается покойникъ, который для того, чтобы получить возможность прійти во второй разъ, долженъ собрать по зернышку все, что насыпано.

Хожденіе покойника иногда происходитъ не только съ тою цѣлью чтобы доставить непріятность и безпокойство всѣмъ въ домѣ (такъ напр. говорятъ: стукає по горі, кидає цеглу з коміна, б'є горшкі и т. п.), но чтобы безпокоитъ кого-либо одного, сводя съ нимъ личные счеты, не оконченные при жизни. Въ этомъ случаѣ, какъ говорятъ, безпо-

---

[1]) Статья: Макъ въ народной демонологіи Волыни. 1905 г. кн. IV, стр. 34-36.

койство довольно серьезно; чтобы на него не обращать вниманія: покойникъ тормошитъ спящаго, сбрасываетъ съ него одежду, которою спящій покрытъ; вытаскиваетъ изъ-подъ него *доски полога,* на которомъ онъ спитъ и т. п. Чтобы оградить себя отъ этихъ непріятностей, крестьяне прибѣгаютъ къ помощи стали. Такъ какъ въ этихъ случаяхъ по вѣрованію крестьянъ принимаетъ участіе „нечиста сила“, то ими освящаютъ предметы, могущіе отогнать ее, или кладутъ ее съ произнесеніемъ молитвы: „Да воскреснетъ Богъ.“ Предметы, чаще всего употребляемые, это слѣдующіе: коса, серпъ, ножъ и топоръ. Въ большинствѣ случаевъ ихъ кладутъ подъ подушку, на которой спятъ; иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ, когда не помогаетъ средство, примѣняемое такимъ путемъ, поступаютъ такъ: вокругъ того мѣста, гдѣ долженъ спать человѣкъ, желающій избавиться отъ безпокойствъ „нечистої сили,“ обводится черта „свяченою крейдою,“ и на этой чертѣ кладется нѣсколько косъ такъ, чтобы они окружили ложе спящаго; кромѣ того подъ подушку кладется топоръ и серпъ, иногда и ножъ. Эти средства въ своей совокупности обязательно помогаютъ, какъ утверждаютъ крестьяне. Сила, заключающаяся въ этихъ средствахъ, все-таки обусловливается по сознанію крестьянъ силою молитвы.

Вячеславъ Каминскій.

28 Ноября 1905 г.

Непонятная тревога. Въ январѣ 1840 г. ровенскій земскій исправникъ рапортомъ донесъ генералъ-губернатору Бибикову, что, по наблюденіямъ его за дѣйствіями помѣщиковъ во время настоящихъ „контрактовъ“ въ г. Дубнѣ 1) замѣчается, что знатнѣйшіе помѣщики, находящіеся на жительствѣ заграницею, или стараются продавать свои здѣшнія имѣнія, или подъ разными предлогами и безъ очевидной надобности занимаютъ на оныя деньги. Князь Чарторыйскій, жительствующій въ г. Вѣнѣ, продалъ нынѣ шесть тысячъ душъ въ Царствѣ Польскомъ, и повѣренные его всемѣрно старались продавать состоящій въ Ровенскомъ уѣздѣ Клеванскій ключъ, въ коемъ 2400 душъ. Князь Михаилъ Радзивилъ, тоже жительствующій въ г. Вѣнѣ, не только что заложилъ въ банкъ до послѣдней души имѣнія своей дочери въ Ровенскомъ уѣздѣ, но и занимаетъ значительныя суммы, тогда какъ онъ извѣстный капиталистъ. Вообще во время контрактовъ знатнѣйшіе помѣщики оказали большую жадность къ займу денегъ“.

---

1) Въ то время, кромѣ контрактовой ярмарки въ Кіевѣ, существовала ярмарка съ тѣмъ же названіемъ и въ Дубнѣ.

О томъ же 10 февраля доносилъ Бибикову и Волынскій гражданскій губернаторъ Лашкаревъ по даннымъ, доставленнымъ ему тѣмъ же ровенскимъ исправникомъ, при чемъ извѣщалъ, что имъ дано исправнику предписаніе „сколь можно ближе наблюдать за дѣйствіями помѣщиковъ въ этомъ случаѣ, дабы открыть, не скрывается ли въ подобныхъ ихъ поступкахъ какихъ-либо вредныхъ предпріятій противъ правительства“.

Эти извѣстія, видимо, встревожили генералъ-губернатора, и онъ приказалъ составить донесеніе обо всемъ этомъ начальнику III отдѣленія графу А. Х. Бенкендорфу; но на этомъ донесеніи имѣется такая отмѣтка: „Докладывано 25 февраля. Приказано оставить, ибо оказалось несправедливо“.

Совершенно непонятно, почему намѣреніе польскихъ помѣщиковъ продавать свои имѣнія въ Югозападномъ краѣ могло возбуждать въ представителяхъ мѣстной высшей администраціи такую тревогу, что объ этомъ нужно было увѣдомлять Бенкендорфа, какъ о политическомъ предпріятіи, направленномъ „противъ правительства“? Казалось бы, такому намѣренію (еслибы оно въ дѣйствительности проявилось) слѣдовало бы содѣйствовать всѣми средствами, ибо главная сила полонизма въ югозап. краѣ заключалась,—какъ это прекрасно понималъ тотъ же Бибиковъ,—именно въ поземельномъ дворянствѣ, владѣвшемъ громадными имѣніями; а тогдашній кіевскій митрополитъ Филаретъ, въ своей запискѣ „Объ улучшеніи положенія крестьянъ въ губерніяхъ отъ Польши присоединенныхъ“, представленной государю въ январѣ того же 1840 г., подавалъ правительству прекрасный совѣтъ—всѣми мѣрами стараться пріобрѣгать въ казну или въ удѣлы имѣнія отъ польскихъ помѣщиковъ, чтобы этимъ одновременно достигалась двоякая цѣль: ослабленіе польской земельной аристократіи и облегченіе участи крестьянъ путемъ перевода изъ-подъ панскаго гнета на болѣе льготное положеніе государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ.

О. Л.

Стихотвореніе ссыльнаго украинца половины XVIII ст. Лѣтомъ минувшаго 1905 года въ г. Архангельскѣ, на чердакѣ одного дома, въ сундукѣ, найдено нѣсколько старинныхъ рукописей. Въ числѣ ихъ оказалась одна довольно толстая (ок. 200 страницъ) тетрадь въ листъ, написанная четкимъ красивымъ почеркомъ начала XIX в. Заключаетъ она въ себѣ рядъ мелкихъ статей, списанныхъ частью съ другихъ рукописей, а частью изъ разныхъ журналовъ начала XIX в., самаго разнообразнаго содержанія: здѣсь и царскіе манифесты, рескрипты и пись-

ма разныхъ государей, какъ русскихъ (Екатерины II, Павла и Александра I), такъ и иностранныхъ, копіи писемъ разныхъ государственныхъ дѣятелей—А. Суворова, Румянцева и др., и наконецъ сатирическія произведенія на злободневныя событія и разнаго рода стихотворенія. [1]) Между послѣдними имѣются произведенія мѣстныхъ архангельскихъ поэтовъ 2-й пол. XVIII в., какъ-то: Ѳомина, Аф. Брян. и др. въ числѣ ихъ самымъ старымъ по времени написанія представляется стихотвореніе, озаглавленное такъ: „*Епиграмма на спускъ нынѣшняго 754 года трехъ Баженина кораблей*“. Кѣмъ оно написано, не извѣстно, но судя по нѣкоторымъ словамъ, употребленнымъ въ немъ, какъ наприм. слову „*треба*“, можно думать, что авторомъ его былъ одинъ изъ ссыльныхъ украинцевъ, проживавшихъ въ серединѣ XVIII в. въ Архангельской губ., быть можетъ кто-либо изъ семьи Дмитрія Максимовича, генеральнаго эсаула и судьи, сторонника гетмана Ивана Мазепы. Думаемъ такъ вотъ почему. Послѣ Полтавской битвы Дмитрій Максимовичъ бѣжалъ въ Турцію, но вскорѣ вернулся обратно на родину. Въ 1711 году онъ выслапъ былъ изъ г. Глухова въ г. Архангельскъ. По указу имп. Петра I отъ 30 января 1713 г. Максимовичъ, какъ отличившійся сметливостію и физической силой, опредѣленъ былъ надсмотрщикомъ корабельной верфи, находившейся на р Сѣв. Двинѣ, при впаденіи въ нее р. Вовчуги, верстахъ въ 60—70 отъ г. Архангельска вверхъ по рѣкѣ, и состоявшей подъ управленіемъ извѣстнаго въ то время на сѣверѣ кораблестроителя Федора Баженина и его двухъ братьевъ. Вскорѣ за симъ присланы были въ г. Архангельскъ и сыновья Максимовича Федоръ и Иванъ.[2]) При немъ жила и жена его; въ бывшихъ въ нашемъ разсмотрѣніи исповѣдныхъ росписяхъ Архангельскаго собора первой половины XVIII в. имѣется запись о томъ, что Дмитрій Максимовичъ и жена его великимъ постомъ говѣли въ соборной церкви. Состоя въ близкихъ отношеніяхъ съ Баженинымъ, кто-либо изъ членовъ семьи Максимовича—сынъ его Иванъ или кто

---

[1]) Между прочимъ, здѣсь встрѣчается извѣстная политическая сатира по поводу раздѣла Польши, подъ названіемъ: *Катехизисъ Полской*, въ формѣ пародіи на Отче нашъ, Здровась Марія, символъ вѣры и 10 заповѣдей. Не приводимъ ее здѣсь, такъ какъ она была уже помѣщена въ „Кіев. Стар.“ 1885 г., апрѣль.

Текстъ этой сатиры могли занести на далекій сѣверъ скорѣе всего ссыльные малороссіяне.

[2]) Біографич. свѣдѣнія о семьѣ Дм. Максимовича мною позаимствованы между прочимъ изъ статьи П. Ефименка *Ссыльные малороссы въ Архан. губ.* Кіевск. Старина. 1882 г. сентябрь.

другой, проживавшій въ 1754 г. въ г. Архангельскѣ и его уѣздѣ, могъ написать упомянутое стихотвореніе.

Какъ произведеніе украинской музы, хотя и обрусѣлой или, точнѣе, старавшейся приспособиться къ вкусамъ мѣстной публики, стихотворееіе это представляетъ нѣкоторый интересъ для украинцевъ, и потому предлагаю его вниманію читателей „Кіевской Старины“.

Епиграммы.

На спускъ нынѣшняго 754 года трехъ Баженина кораблей.

1.

Зѣло чюдесно дѣло! Лѣсъ нечювственъ бывши,
Слѣпившись, възбѣгъ на воду, аки бы оживши,
И плаваетъ пошлушливъ (sic), куда кому вольно;
А такихъ чюдесъ и здѣсь въ Вавчюгѣ довольно.
И такъ лгутъ раскольщики, будтобъ нынѣшный свѣтъ
Нетаковъ, какъ прежде былъ, и чюдотворцевъ нѣтъ.

2.

Баженинъ, твои, по сухой земли,
На Двину чюдно възбѣгли корабли.
Почто жъ еще дряхлъ и умильно чтивъ?
С ума-ль не сходитъ собачей проливъ? [1])
Инъ с Волковыхъ [2]) штрафъ доправить *треба*,
Что для своего знать онъ хлѣба
Въ свою ѳамилію, подъ гору, въ ивнякъ,
Таковыхъ вредныхъ приняли собакъ.

3.

Трп огромныхъ горы Бажениныхъ [3]) трое
Чудно зъдвигли съ земли на быстрый токъ Двинской;
Но еслибъ ихъ было за десятокъ въдвое,
То бъ, чаять, подвигли и Вавчюгу съ горой.

---

[1]) Названіе мѣстности.

[2]) Фамилія хлѣботорговцевъ.

[3]] Братья Баженины славились своею силой.

4.

Спустя корабли на Двинской хребетъ,
Баженинъ унылъ идетъ на обѣдъ.
Знатно, страшитъ Собачей протокъ?
Не тучь [1]), пущай ту съѣсть собаку волкъ.

5.

(О)громныя кучи стащилъ съ горы крутой
Баженинъ, не смотря и на мѣлкихъ водъ страхъ;
Когда ты въ топоры, а съ сторонъ(ы) другой,
Въ колокола звучно трезвонитъ попъ Тарахъ.

Какъ долго семья Максимовичей прожила въ Архангельской губерніи, мы точныхъ свѣдѣній не имѣемъ. Знаемъ только, что они долго не прерывали связей съ Архангельскимъ краемъ. Одинъ изъ нихъ въ концѣ XVIII в. даже издалъ „*любопитный календарь*,“ заключающій въ себѣ довольно интересныя свѣдѣнія объ исторіи Двинской земли и имѣвшихся въ ней монастыряхъ.

Г. Б.

Маленькі додатки до матеріалів, записаних в с. Отаках. В Кіев. Старині 1905 р. № 10 надруковано пісні й казки, записані д. Петром Несторовським в ріжних селах Хотінського повіту, в Бесарабії. Мною теж записано у с. Отаках Хотин. повіту кілька пісень, які і подаю тут в додаток до пісень, записаних д. Несторовським.

1. Некруцька.

Ой піду я чистим полем,
Терном поколишу
На кого ж я, пане-брате, (2).
Своє дівча лишу? (2)

Тай на тебе, товаришу,
На тебе, на тебе,

1] Не тужи, мѣстное выраженіе.

Тай доглядай того дівча (2).
Ще краще від мене. (2)
Дівчинонько, дівчинонько,
Що ж ти наробила?
Як ти знала, що я некрут, (2).
На щось мя любила? (2)
Тай хоть некрут, хоть не некрут,
Хоть москаль отставний,
Було ж мене не любити, (2).
Хоть би який гарний. (2)
Недалека дорожечка
Від Дністра до Прута,
Бідна ж моя головочка, (2).
Пішла б за некрута. (2)
Ой піду я на толоку,
А толока гожа,
А мій милий на конику,
Як червона рожа.

Некруцька.

Ой шкода, шкода
Рожевого цвіту,
Що розвіяв вітер
По білому світу.
Ой шкода, шкода
Хлопця молодого,
Що кажуть служити
Государу много.
Що кажуть служити,
Вірно прицягати,
За дім, за родину
Кажуть забувати.
За дім, за родину,
Тай може забуду,
За любу дівчину
Повік не забуду.
Бувайте здорові,
Тисові пороги,
Куди прохожали
Мої білі ноги.

Куди проходив я
Білими ногами,
Споминайте мене
Добрими словами.
Споминайте мене
Добрими словами,
Що був же я хлопець
Гарний межи вами.
Ой летят ворони
З чужоі сторони,
Заплакали гарні хлопці,
Що сидя(ть) в неволі.
А як вони заплакали
Та щей заголосили,
В кого ж ми се пани-братя,
Сего заслужили?
Чи в Господа Бога,
Чи в селі в громади,
Що нас таких молоденьких
В некрути забрали?
Ні в Господа Бога,
Ні в селі в громади,
Лиш нас таких молоденьких
В некрути забрали.
Подай, соцький, коні,
Коні воронії.
Тай завезем до прийому
Хлопці молодії.
Везут же їх, везут
Битими шляхами,
А за ними десятники
З голими шаблями.
Везут же їх везут,
До корчми сягают,
А за ними рідні мами
З жалю умлівают.
А за ними рідні мами
З жалю умлівают.
Ой привезли ж їх
Перед нову браму.
А в прийомі нема землі,
Лиш самі підлоги,

Пішли ж мої кучерики
Панам попід ноги.

Обізвався губернатор:
„Шкода тебе, синку,
Шкода хлопця молодого,
Що їдеш служити
Государу много“. —

— „На що ж мене шкодувати?
На що ж мене брати?
На що ж мої кучерики
Ножичками тяти?

Кажут мені женитися,
На що ж мені долі?
Коли в мене є в прийомі
Ранец на престолі (на столі)

Ранец, ранец на престолі,
Шабелька на клинку
Обізвався губернатор
„Шкода тебе, синку!“

---

3. Ой на горі штири гаї
Самої дубини,
Шкода мені слави тої, (2).
Що ми ся так любили (2).

Шкода мені слави тої
Ще й гонору твого,
Тай що ми ся розлучили (2).
Через їдно слово (2).

Ой розлука, мій миленький,
Розлука розлука,
Ой сеж тото наробила (2).
Товаришка сука (2).

Тай не тота товаришка,
Що товаришує,
А лиш тота товаришка, (2).
Що чари готує. (2).

---

4. Журуся я журу,
Як вечір, так рано,
На моїм сердечку (2).
Веселости мало (2).
Веселосте ж моя,
Де ж ти ся поділа?
В лузі журавельком (2).
На калині сіла (2).
До полудня цвіла,
А з полудня зів'яла,
Уже ж моя веселість (2).
На віки пропала (2).
Йшов милий в дорогу
На самий Великдень;
Ішов попри мене (2).
Не сказав „добридень!" (2).
Не сказав „добридень,"
Ні доброго слова,
Лиш махнух хусточков
„Будь, мила, здорова!"
„Будь, мила, здорова
Від Господа Бога!"
Я ж му відповіла:
„Щаслива дорога!"
Щаслива дорога
Від Господа Бога!
Відпала коневі
Золота підкова.
Підкова відпала,
Підківочка й буде,
Оз'му дівча любе
Другої не буде.

Приказки.

А щоб тебе побила Жванецька скала (с. Отаки).

Полекшало нашому татові: перше плював на груди, а тепер на бороду. (с. Отаки).

Сто баб, сто рад. (с. Отаки).

Живий живої гадає, а смерть свої питає (Орличани).

Силованим волом хліба не доробишся. (Хотін).

Як не надолужив на спанню, то на взуванню (кажуть про ледачого робітника).

Хвали мене, губонько, а то роздиру тебе аж до вуха.

В торгу два дурні є: один, що багато просит, а другий що мало дає.

В. Яблоновський.

Изъ прошлаго Полтавщины. *1) Жалоба еврейскаго раввина въ думу о несоблюденіи евреями обрядовъ.* Въ 1836 году, 10 марта, полтавскій еврейскій раввинъ жаловался полтавской думѣ на несоблюденіе евреями многихъ обрядовъ. „Состоя по избранію полтавскаго еврейскаго общества, писалъ раввинъ, на наступающее съ 1836 года трехлѣтіе въ должность раввина, при исправленіи коей черезъ несоблюденіе многими евреями по вѣдомству моему, за настоящимъ исполненіемъ обрядовъ вѣры, предстоятъ мнѣ крайнія неудобства, а потому, донося о семъ оной городской думѣ, покорнѣйше прошу объ отвращеніи всякихъ недоумѣній и упущеній, посему случиться могущихъ, предписать кому слѣдуетъ дабы, огласивъ о семъ немедленно въ еврейскомъ обществѣ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ онаго, съ частныхъ (здѣшнихъ или пріѣзжихъ) лицъ евреевъ, равно и собраній при совершеніи бракосочетанія, обрѣзанія, нареченія именъ младенцамъ и погребеніе, отнюдь предварительно объявляли о томъ мнѣ и не ослушивались бы о томъ мнѣ подъ собственное ихъ за нарушеніе сего отвѣтственности по законамъ, о чемъ не оставить снабдить меня въ резолюціи Указомъ.

Полтавскій еврейскій раввинъ Ицко Оршанскій марта 10 дня 1836.

Городская дума заслушала это заявленіе раввина въ засѣданіи 14 Марта и порѣшила предписать указомъ еврейскому кагалу, „дабы объявилъ въ обществѣ еврейскомъ, чтобы они въ исполненіи обряда по религіи своей, всѣ обязанности къ раввину ихъ относящіяся непремѣнно подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ за отступленіе взысканія, объявляли „о чемъ дать знать указомъ."

Документъ этотъ по существу своему, очень рѣдкій: какъ извѣстно, евреи очень строги въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ. Съ другой стороны, онъ интересенъ потому, что городская дума считала себя компетентной въ рѣшеніи этого вопроса. (Гор. арх. 1835, дѣло № 5091.)

Сообщ. *П. Фр. Павловскій.*

---

2) Договоръ между мѣщанами о добровольномъ поступленіи въ рекруты за плату. 1839 года, мая въ семнадцатый день, мы нижеподписавшіеся мѣщане Ѳедоръ Кирилловъ сынъ Драга и Кондратъ Павловъ сынъ Недориченко, заключили между собою сіе условіе въ слѣдующемъ:

1) Вслѣдствіе дозволенія даннаго съ насъ Драгѣ обществомъ мѣщанъ города Полтавы, сего мая, въ 16 день, и въ надлежащемъ мѣстѣ того же дня засвидѣтельствованаго, я Драга нанялся добровольно поступить за семейство его Недориченко въ рекруты; а я Недориченко добровольно обязался заплатить ему за сіе государственною ходячею монетою пятьдесятъ цѣлковыхъ серебряныхъ денегъ по курсу на двѣстѣ рублей.

2) въ число сей сумы я Драга получилъ съ него Недориченка въ задатокъ одинъ цѣлковый рубль, т. е. четыре рубля. А остальныя сорокъ девять цѣлковыхъ рублей, составляющіе по курсу сто девяносто шесть получить, мнѣ, Драгѣ, въ томъ рекрутскомъ присутствіи, въ которое я буду представленъ, въ тоже время, когда оно удостоитъ меня Драгу принять въ рекруты порядкомъ въ законахъ поставленнихъ.

3) До поступленія въ рекруты содержать меня Драгу ему Недориченку, во всемъ на собственномъ его, Недориченка, иждивеніи сверхъ вышеозначенной суммы.

4) По принятіи Драги въ рекруты, ему Недориченку платить по ревизіи въ казну подати и повинности за одного меня.

5) По принятіи меня Драги въ рекруты, деньги на обмундированіе провіантъ и жалованье, заплатить въ казну такъ же ему, Недориченку на свой, а не на мой щетъ.

6) Если я, Драга, по свидѣтельству рекрутскаго присутствія окажусь въ рекруты неспособнымъ, то актъ сей самъ собою уничтожается и взятыхъ мною Драгою впередъ денегъ четырехъ рублей означеныхъ во второй статьи и издержекъ по статьи третьей сего условія на меня употребленныхъ не объвязываюсь я Драга возвращать ему Недориченку.

7) Условіе сіе по засвидѣтельствованіи въ нашей Думѣ, съ обеихъ сторонъ, выполнить свято; въ чемъ и подписуемся города Полтавы (подписи).

Далѣе слѣдуетъ удостовѣреніе Городской Думы о заключеніи этого договора между этими лицами въ ея присутствіи по добровольному согласію. (Арх. Гор. Думы., 1839, № 5806.

Сообщ. *И. Фр. Павловскій.*

Текущія извѣстія.

Проектъ устава союза автономистовъ-федералистовъ.

I. Цѣль союза.

§ 1. Союзъ стремится къ фактическому осуществленію равноправія національностей, входящихъ въ составъ Россійскаго Государства, и къ обезпеченію всѣхъ культурно-автономныхъ правъ національнаго меньшинства, какъ въ предѣлахъ всего государства, такъ и въ предѣлахъ всѣхъ его автономныхъ частей.

§ 2. Союзъ стремится къ осуществленію въ Россіи принципа самой широкой децентрализаціи въ формѣ автономіи отдѣльныхъ областей на демократическихъ началахъ.

§ 3. Самоуправленіе и областная автономія составляютъ ближайшую цѣль союза. Его конечная цѣль — переустройство всего Россійскаго государства на федеративныхъ началахъ, какъ единственно возможныхъ на столь обширной территоріи.

§ 4. Къ достиженію своихъ цѣлей союзъ стремится путемъ самой широкой пропаганды, какъ-то: устройства митинговъ, собраній, клубовъ, докладовъ (рефератовъ), публичныхъ лекцій, печатанія газетныхъ журнальныхъ статей, изданія брошюръ, книгъ и т. п., а также путемъ систематическаго воздѣйствія на образованіе юношества и на его воспитаніе въ духѣ, соотвѣтствующемъ цѣлямъ союза.

II. Составъ и организація союза.

§ 5. Не могутъ быть приняты въ число членовъ союза лица, стоящія за сословныя, классовыя, конфессіональныя или національныя преимущества, хотя бы даже они и принадлежали къ партіи или кружку, стремящемуся къ автономно-федеративному переустройству Россійскаго государства.

§ 6. Органами союза являются съѣзды, общіе и мѣстные, и исполнительные комитеты: центральный въ Петербургѣ и мѣстные.

§ 7. Общіе всероссійскіе съѣзды созываются по мѣрѣ надобности, но не менѣе одного раза въ годъ. Организація же и сроки мѣстныхъ съѣздовъ опредѣляются мѣстными органами.

Чрезвычайные съѣзды созываются либо по почину центральнаго комитета, либо по требованію хотя бы одного мѣстнаго комитета, но поддержанному не менѣе чѣмъ 2/5 (двумя пятыми) общаго числа мѣстныхъ комитетовъ.

§ 8. На обязанности центральнаго комитета лежатъ:

а) Исполненіе постановленій и рѣшеній минувшихъ съѣздовъ.

б) Подготовленіе и созывъ предстоящихъ очередныхъ и чрезвычайныхъ съѣздовъ.

Примѣчаніе. Требованіе мѣстнаго комитета о созывѣ чрезвычайнаго съѣзда разсылается центральнымъ комитетомъ немедленно всѣмъ мѣстнымъ комитетамъ и дѣйствуетъ согласно § 7-му.

в) Пропаганда идеи союза вообще (§ 4).

г) Центральный комитетъ является представителемъ союза на всѣхъ съѣздахъ и вообще, гдѣ онъ найдетъ нужнымъ, а равно сносится по дѣламъ союза со всѣми мѣстными комитетами самаго союза, да кромѣ того съ бюро или комитетами всѣхъ партій, союзовъ и учрежденій.

Подобныя же обязанности лежатъ на мѣстныхъ комитетахъ въ предѣлахъ ихъ компетенціи.

§ 9. Члены центральнаго комитета избираются каждый разъ на очередныхъ общихъ съѣздахъ, но съ тѣмъ, однако же, чтобы въ составъ вновь избраннаго комитета входила по крайней мѣрѣ $^1/_3$ (одна треть) прежняго состава.

Способъ составленія мѣстныхъ комитетовъ опредѣляется мѣстными съѣздами, по предложенію мѣстныхъ же комитетовъ.

§ 10. Лица, желающія согласно § 5 войти въ составъ союза заявляютъ объ этомъ или мѣстному комитету, или же центральному. Названные комитеты должны обсудить, не противорѣчитъ-ли дѣятельность изъявившаго подобное желаніе лица (а въ случаѣ его принадлежности къ какой-либо партіи — его партійная программа) основамъ союза изложеннымъ въ этомъ уставѣ, и, рѣшивъ вопросъ въ смыслѣ благопріятномъ для кандидата, вносятъ его въ списокъ членовъ союза.

§ 11. Средства союза составляются прежде всего изъ членскихъ взносовъ. Размѣръ взносовъ опредѣляется съѣздами: общими, всероссійскими — на нужды всего союза, мѣстными — на нужды мѣстныхъ организацій.

Мѣстные комитеты отчисляютъ въ пользу центральнаго извѣстную часть своихъ доходовъ согласно смѣтѣ, утверждаемой съѣздомъ.

Размѣръ ежегодныхъ членскихъ взносовъ устанавливается не ниже 1 рубля.

Кромѣ членскихъ взносовъ, средства союза могутъ увеличиваться единовременными пожертвованіями и пособіями, равно какъ и доходомъ съ публичныхъ лекцій съ продажи собственныхъ издѣлій и т. п.

§ 12 Для провѣрки отчетности и суммъ союза избирается каждымъ съѣздомъ ревизіонная комиссія, состоящая по крайней мѣрѣ изъ трехъ членовъ.

§ 13. Какъ въ центральныхъ, такъ и въ мѣстныхъ комитетахъ всѣ вопросы рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ.

Голосованію подлежатъ единственно только вопросы, не выходящіе изъ предѣловъ, предусмотрѣнныхъ основными положеніями устава (§§ 1 — 3).

Для измѣненія устава требуется участіе въ съѣздѣ представителей не мемѣе $^2/_3$ (двухъ третьихъ) мѣстныхъ комитетовъ и большинство, по крайней мѣрѣ, $^3/_4$ (трехъ четвертыхъ) наличныхъ голосовъ.

§ 14. Въ случаѣ прекращенія дѣятельности союза направленіе его денежныхъ средствъ опредѣляется послѣднимъ съѣздомъ.

§ 15. Общимъ языкомъ союза, языкомъ центральнаго комитета, языкомъ общихъ съѣздовъ, равно какъ и сношеній центральнаго комитета съ отдѣльными мѣстными комитетами, признается языкъ русскій.

Мѣстные органы союза (мѣстные комитеты, мѣстные съѣзды) сами, по собственному усмотрѣнію, опредѣляютъ самый подходящій для ихъ внутренняго дѣлопроизводства и для ихъ преній языкъ, или хотя бы даже нѣсколько языковъ. (СПБ. Вѣд., № 115).

Къ вопросу объ организаціи въ Госуд. Думѣ національной украинской группы. *(Письмо А. Русова*).* Газета „Десна" передъ лицомъ читателей Черниговской губерніи въ статьѣ г. Имшенецкаго сдѣлала мнѣ запросъ, почему я сочувствую организаціи въ государственной думѣ національной украинской группы, каковая организація по мнѣнію сотрудника этой газеты можетъ привести къ самымъ нежелательнымъ результатамъ для дѣла „народной свободы". Я вынужденъ дать объясненіе, почему изумило меня то обстоятельство, что на первомъ собраніи группы депутатовъ, земляковъ нашихъ, среди членовъ партіи народной свободы не было представителей народа отъ Волынской и Подольской губерніи.

Да! я различаю ту свободу, какою пользовались по законамъ Солона граждане Аоинскаго государства, но которая недоступна была илотамъ, отъ дѣйствительной народной свободы. Въ памяти моей рѣзко запечатлѣлось воспоминаніе о томъ, что въ старину учитель Новгородъ-Сѣверской гимназіи былъ уволенъ по 3-му пункту за то, что для бо-

---

*) Десна, № 57.

лѣе нагляднаго объясненія ученикамъ положенія „илотовъ" указалъ имъ на хатки „крѣпостныхъ хохловъ". Съ тѣхъ поръ я различалъ свободу условную для лицъ извѣстныхъ сословій и національностей и свободу всенародную.

Не вступая въ обсужденіе вопроса о томъ, на какихъ принципахъ можетъ быть сорганизована та одна „отдѣльная національная партія", какъ во всей странѣ, такъ и въ парламентѣ, о которой говоритъ г. Имшенецкій, я считаю себя обязаннымъ отвѣтить на то, почему „для г. Русова представляется необходимымъ въ интересахъ народа, чтобы его представители дѣйствовали въ думѣ по соглашенію съ земляками"? Причины тому очень просты.

Г. Русову извѣстно изъ фактовъ черниговскаго быта, что когда онъ прибылъ въ камеру земскаго начальника вмѣстѣ съ украинцами-крестьянами, какъ уполномоченный по одному съ ними дѣлу, то со стороны послѣдняго онъ услышалъ: „Вамъ что угодно?" Крестьяне же удостоились окрика: „Ты куда лѣзешь? а тебѣ чего?" Русовъ знаетъ, что если бы сегодня былъ октроированъ законъ объ упраздненіи сословій и равенствѣ всѣхъ гражданъ Россійской имперіи, то еще долго представители украинской національности на обращеніе къ польскому или русскому пану со словами: „я—братъ твой" будутъ встрѣчать только насмѣшки, издѣвательства и грубые окрики, смыслъ которыхъ: „знай сверчокъ свой шестокъ!" Русовъ подтвержденіе такого своего твердаго убѣжденія находитъ въ тѣхъ многочисленныхъ наблюденіяхъ отношеній пановъ къ „быдлу" украинскому, какія ему случалось дѣлать и на лѣвой и на правой сторонѣ Днѣпра въ благословенной Богомъ и проклятой правящими силами Украинѣ. Онъ встрѣчалъ, напр., въ своей жизни барышню, по фамиліи Конашевичъ-Сагайдашну, которая при его догадкѣ, что она происхожденія украинскаго, мгновенно прекратила съ нимъ разговоръ, выразивъ жестами и гримасами презрѣніе къ защитнику отъ оскорбленій украинскаго имени и величественно удалилась. Много подобныхъ анекдотовъ и воспоминаній носитъ за своими плечами Русовъ, и эта тягостная ноша убѣдила его въ томъ, что защита „національныхъ" интересовъ всего украинскаго народа и отдѣльныхъ индивидуумовъ этой породы есть защита простѣйшаго человѣческаго достоинства, что уравненіе правъ гражданъ немыслимо безъ уравненія правъ націй, населяющихъ наше громадное государство и что украинская группа въ думѣ не можетъ быть не демократическою.

Неудивительно поэтому, что Русовъ, будучи допущенъ на собраніе украинской фракціи партіи народной свободы и встрѣтивши тамъ большинство „пановъ", въ числѣ которыхъ были признаваемые и „Десною" за истинныхъ демократовъ г.г. Шрагъ, Чижевскій, Присецкій,

Свѣчинъ и др., изумился, отчего нѣтъ среди ихъ Штефанюка, Бея и многихъ другихъ, фамилій которыхъ извѣстны ему были изъ телеграммъ о результатахъ выборовъ на Украинѣ? Русовъ еще въ качествѣ земскаго статистика совѣтовалъ своимъ товарищамъ ѣздить по селамъ не для проповѣди своихъ взглядовъ, а для того, чтобы изъ ихъ жизненнаго опыта узнавать тѣ способы, которыми можетъ быть улучшено и земледѣліе и землеустройство. И теперь онъ полагаетъ, что передъ рѣшеніемъ аграрнаго вопроса соотвѣственно нуждамъ, накопившимся за цѣлые вѣка въ разныхъ областяхъ Украины, необходимо всѣмъ землякамъ, знающимъ областныя особенности этихъ нуждъ, посовѣтоваться и сговориться вмѣстѣ, для чего и нужно организовать національную фракцію, или группу одной партіи—партіи „народной“ (въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова) свободы.

Никакой не только „серьезной, но и какой бы то ни было опасности для дѣла народной свободы Русовъ не видитъ и не можетъ видѣть въ организаціи украинской фракціи. А что онъ правъ, то это доказываютъ факты послѣдующей жизни организовавшейся въ думѣ группы украинской. Если г. Концевичъ стоитъ только за свободу своего несдержимаго языка и угловатыхъ мыслей, то онъ не явится въ собранія этой группы, гдѣ рѣчь идетъ о народной (а слѣдовательно и національной) свободѣ; г. Иваницкій, замѣтившій разницу своихъ взглядовъ отъ тѣхъ, какіе заявлены были организаторами группы, отказался отъ записи въ эту группу. А явившійся впослѣдствіи въ собраніе группы подолянинъ Штефанюкъ могъ убѣдится, что Свѣчинъ, членъ этой группы, держится тѣхъ же демократическихъ убѣжденій по аграрному дѣлу, что и невидѣвшій его раньше подольскій крестьянинъ. Если рѣчь этого подолянина и рѣчь Свѣчина вызваны были однимъ и тѣмъ же желаніемъ, то какъ же имъ, будущимъ ораторамъ въ думѣ, не сговорится по кардинальнѣйшему вопросу и какъ не образовать группы фракціи, гдѣ можно было бы обмѣняться мнѣніями? Этого то Русовъ и желалъ, спрашивая, почему нѣтъ подолянъ, и нисколько не опасаясь разногласій между представителями народа отъ плуга и народниками изъ дворянскихъ гостинныхъ.

Товариство „Просвіта“. Київське губернське по справах про товариства присутствіє затвердило статут київського товариства „Просвіта“, заснованого гуртком київських українців на спомин Тараса Шевченка. Подаємо цей статут.

Постановленіемъ Кіевскаго Губернскаго по дѣламъ объ обществахъ Присутствія, состоявшимся 26 мая 1906 года за № 1-мъ, на-

стоящій уставъ утвержденъ и внесенъ, въ русскомъ его текстѣ, въ установленный реестръ Присутствія за 1906 годъ подъ № 1.

И. д. Кіевскаго Губернатора Вице-Губернаторъ Рафальскій. Завѣдующій дѣлопроизводствомъ (подпись неразборчива).

Мета Товариства.

1) Товариство має на меті допомогати розвиткові української культури і першим чином просвіті українського народу його рідною мовою, працюючи у Київі і в Київській губернії.

2) А для того Товариство має: а) видавати книжки, журнали, часописи і т. и. українською мовою, б) заводити свої бібліотеки, музеі, читальні, книгарні і т. и., в) споряжати публичні лекції і відчити, загально-просвітні курси, спектаклі, літературно-музичні вечори, концерти, вистави, і т. и., г) заводити стіпендії, школи, захистки про дітей і дорослих, бюро праці і т. инші просвітні і добродійні заклади, д) оповіщати конкурси і премії за найкращі твори письменства та умілости.

Засоби Товариства.

3) Засоби Товариства складаються: а) з членських вкладок, жертв, процентів з капиталів і прибутків од майна, виданнів, предприємств Товариства і б) з зборів од вистав, концертів, відчитів, спектаклів і т. и., що будуть споряжатись од Товариства і на користь йому.

4) Грошовими тратами Товариства порядкують Загальні Збори, або Рада у тих межах, які визначили ій Загальні Збори, або на підставі постапов тих Зборів.

Склад Товариства.

5) Членами Товариства можуть бути повнолітні особи обох полів, опріче тих, які не мають права належати до Товариств на підставі загальних законів.

6) Члени Товариства діляться на почесних, дійсних, і членів-співробітників і вибірають їх Загальні Збори таємним голосуванням; нових членів рекомендує Рада або не менше, як 3 члени, і ймена кандидатів Рада оповіщає за два тижні перед виборами.

7) Почесних членів вибірають Загальні Збори з членів, чи й з не-членів Товариства за особливі заслуги Товариству, або за вельми

користну роботу на полі літератури, науки, умілости, або громадської діяльности.

8) Дійсні члени платять що-року до каси Товариства членську вкладку 3 карбованці. Дійсні члени, які зроблять вкладку не менш як 100 карб. за один раз, звуться довічними членами.

Увага. Загальні Збори можуть своєю постановою побільшити, або зменшити членську вкладку.

9) Члени-співробітники мають такі самі права, як і дійсні, і допомогають Товариству своєю працею.

10) Члени Товариства: почесні, дійсні і співробітники мають право рішати всі справи Товариства на Загальних Зборах і подавати їм через Раду свої заяви і пропозіції.

11) Вибрані члени одержують права дійсних членів Торариства тоді, як заплатять членську вкладку, або частину її, коли вона платиться частинами.

12) Членів, яких діяльність не відповідає статутові або суперечить меті Товариства, Загальні Збори можуть виключити більшістю $^{2}/_{3}$ голосів присутних членів.

13) Товариство може заводити в районі своеі діяльности місцеві філії.

Порядкування справами Товариства.

14) Справами Товариства порядкують Загальні Збори члевів і Рада його, що пробуває у Київі.

15) Рада порядкує всіма справами Товариства і являеться його заступником скрізь і завжди.

16) Рада Товариства складаеться з 8 членів, яких вибірають Загальні Збори на 2 роки. Опріче того Загальні Збори вибірають що-року ще трьох кандидатів на членів Ради, щоб заступати тих, які вийдуть з Ради до часу, на який їх вибрано.

Увага. Коли треба буде, число членів Ради і їх кандидатів може бути змінено постановою Загальних Зборів.

17) Що-року з Ради виходить $^{1}/_{2}$ членів, перший рік по жеребу, а потім по черзі. На місце тих, що вийшли, Загальні Збори вибірають нових і можуть знов вибрати тих самих, що вийшли.

18) Рада вибірае що-року з проміж себе Голову, Товариша Голови, Скарбника і Секретаря і поділяе проміж себе усі инші обов'язки.

19) Засідання Ради бувають звичайні, не менш одного разу на місяць, і надзвичайні, які скликає Голова, або його Товариш тоді, коли сього треба, з власної ініціятиви, або коли заявить про те $1/_3$ членів Ради.

20) Засідання Ради стають правоздатними, коли збереться не менш як $1/_2$ її членів і Голова або його Товариш.

21) Всі діла у Раді розʼязуються звичайною більшістю голосів присутних у засідані членів; коли голоси поділяться на-рівно, перевагу дає голос Голови.

22) Опріче Ради, Загальні Збори вибірають що-року Контрольну Комісію з трьох членів і двох кандидатів до них.

23) Що-річні справоздання і обрахунки Ради повинна попереду розглянути Контрольна Комісія, яка подає до Загальних Зборів свою постанову про них.

Увага. Для справоздання рік лічиться з 1 січня до 31 грудня.

24) Щоб улаштовувати окремі справи і порядкувати окремими институціями Товариства, Рада може вибірати окремі комісії з проміж своїх або инших членів Товариства. Такі-ж комісії можуть вибірати й Загальні Збори.

25) Загальні Збори бувають звичайні і скликає їх Рада що-року, і надзвичайні, які скликає Рада коли треба, з власного приводу, абож коли того вимагатиме,—пояснивши мету таких Зборів,—не менш як 15 членів Товариства або Контрольна Комісія. У такому разі Збори повинні бути скликані не пізніш, як через місяць після такого вимагання, поданного на письмі.

26) Перші Загальні Збори складаються з фундаторів Товариства, які у томуж таки засіданні вибірають нових членів Товариства без звичайної (п. 6) рекомендації.

27) Про день, годину й місце Загальних Зборів Рада сповіщає завчасу всіх членів Товариства, визначивши всі справи, що мають бути поставлені до розгляду Зборам.

28) Загальні Збори стають дійсними, коли на них буде не менш як $1/2$ Ради і число членів Товариства, рівне $1/3$ числа членів, що живуть у Київі. Щоб розвʼязувати питання про зміну Статуту і про скасування Товариства, треба, щоб було на Зборах число членів Товариства рівне $2/3$ числа членів, що живуть у Київі. Коли Збори не могли відбутись через те, що не зібралося на нихъ вище-згадане число членів, то не пізніше, як через 2 тижні мусять бути скликані другі Збори, які вважаються дійсними скільки-б ні прийшло на них членів.

29) Загальні Збори вибірають що-разу голову й писаря Зборів з присутних членів.

30) Загальні Збори порядкують ось якими справами: вибірають членів Ради, Контрольної Комісії та инших органів і кандидатів до них; виробляють накази для діяльности цим органам, провіряють і затверджують справоздання і обрахунки Ради; вибірають нових членів Товариства з рекомендованих кандидатів; визначають порядок трат з капиталів Товариства; розв'язують питання про придбання, продаж і заставу майна Товариства, про позички і взагалі рішають усякі питання що до діяльности Товариства.

31) На Загальних Зборах усі справи й питання, опріче показаних у § 32, розв'язуються більшістю голосів (таємним чи прилюдним голосуванням) присутних на Зборах членів, які мають право голосу.

Увага. Право голосу на Загальних Зборах мають тільки ті члени, які заплатили постановлену членську вкладку на той самий рік.

32) Щоб рішати питання про продаж нерухомого майна, про трати з основних капиталів і про позички, про зміну статуту і скасування товариства, —треба не менше як $^2/_3$ голосів усіх присутних на Зборах.

Права та обов'язки Товариства.

33) Товариство має право на законних підставах набувати для своїх потреб рухоме й нерухоме добро, а також продавати й заставляти його, робити позички, умови і т. и., що буде треба для мети Товариства, а також обороняти свої справи через відпоручників Ради у всіх інституціях і скрізь, де може бути в тому потреба.

34) Члени Т-ва мають полегкості, як купують видання Т-ва і у всіх інституціях його, в мірі, яку постановлять Загальні Збори.

35) Товариство має печать зо своїм назвищем.

36) У своїй діятельності Товариство підлягає всім істнуючим державним законам.

Про скасування Товариства.

37) Коли Товариство перестане істнувати, все майно його, постановою остатніх Загальних Зборів членів Товариства, передається одному з просвітних товариств за для тієї ж самої мети.

Колысь і тепер. [1]) (*Депутати з України в комисії року 1767 і теперішні посли до державної думи*). Настав для нас час великої ваги. Народні посли, обібрані в думу, мусять прикласти усіх сил, щоб здобути державі новий лад життьовий, здобути кожному народові його законні права. Посли українські, борючись разом з иншими за права для всеї людности в державі, повинні попереду всього дбати про права та кращу долю свого народу. 25 милийонів люду українського на них покладається, 25 мілійонів сердець, як одно, надією сповнено, що посли українські, заступники їхні, не зрадять. Увесь, великий числом, — бо другий в Славянщині, — народ, але як ніхто инший в Європі зневолений, — на послів своїх, як на визволенців з неволі тяжкої, довговічної, уповає. Посли українські! В наших руках — доля усього народу. Будьте, як леви, одважні, загартуйте серця в собі, і стійте мужно, як лицарі, бороніть рідний край, рідний люд, скільки снаги вашої...

Сто сорок літ минуло як року 1767, за царювання Катерини, покликано так само було до Петербургу з усієї держави послів з наказами про те, якого ладу бажають люде найбільше. Поїхали тоді і з України лівобічної (правобічна ще під Польщею була) українські посли — од шляхти (дворян), городів та козаків, і накази писані, чого їм домагатися треба, повезли.

Повезли подекуди наші посли накази і тепер, та одначе, хоч ми на 140 літ пізніше послів своїх виряжаємо, і за час цей повинні були краще од прадідів своїх долю свою та люду свого розуміти, та чи чуємо ми, щоб правнуки хоч так, як прадіди, долю і волю рідного краю обороняли? Чи розуміють наші посли українські *усі*, як тієї волі та долі здобути? Чи не слід би було декому з них до дідівської науки обернутися, та поглянути, в чому лік уже в ті давні часи старі люде для краю свойого добачали?

Посли тоді були від шляхти української, городів та козацтва. Певно, що кожні з них про свої власні болячки найбільше дбали: шляхта — щоб землю за нею міцніше було записано, городи — щоб вільніший торг їм був, але всі посли, од шляхетських і до козацьких на одному погожувалися: *волі народові немає*, права люду українського, забезпечені на раз царським словом, немилосердно поламано. Правда, шляхта (дворянство) про це тільки злегенька нагадує, за те городи та козаки усю правду отверто цариці Катерині виказують.

Нехай послухають і наші посли українські, як люд простий, козацтво, та міщане українські послів своїх в столицю московську тоді виряжали. Ось пишуть в наказі свойому лубенські міщане.

---

[1]) Гром. Думка, № 96 і 97.

„Більш як сто літ минуло одтоді, як український народ, живучи здавна з Польшею та з Литвою, мав у всьому рівність, і тими, що й вони, вольностями та правами користувався, а нарешті, розлючений та ображений великими неправдами, а найбільше позбавленям їхньої віри, прав та вольностей стародавніх, після довголітньої крівавої війни та багатьох славних над ними побід, з під їхньої руки вибився і з гетманом своїм Зіновієм Богданом Хмельницьким, не по нужді якій, але з доброї волі під високодержавну руку царя і великого князя Олексія Михайловича піддався“.

Точнісінько таке саме читаємо і в наказі стародубських козаків, які подають ще до того таке:

„І царь Олексій з ласкою великою подав надію і ствердив: не тільки удержувати та соблюдати український народ на всіх тих правах, привілеях та вільностях, на яких він був під королями польськими та великими князями литовськими, але й особливу ласку мати до нього обіщав. Статі ті (про вільности і права), коли настановлювано нових гетьманів після Хмельницького, стверджувані були кожного разу всеросийськими царями“. Так — царь Петро I, року 1709 маніфестом своїм „за подписанієм собственния своея руки“ пригадав, що „жоден під сонцем народ такими свободами, привілеями та полехкостями похвалитися не може, як з його царської ласки Малоруський народ, і що царь жодного пенязя в казну збірати з нього не велить“, і ласкаво надію подав, що як до того часу на правах та вільностях оставався він непорушно, так і наперед все те свято удержуватиметься, що обіщано було, коли прийманo його в підданство.

А обіцяно було те, чого царь Петро і не збірався додержувати і щиро руйнував, хоча в маніфесті обіцянку „свято удержувати“ давав. Обіщано було в статях Богдана Хмельницького і царською рукою потверджено, що Україна на своїй вільній волі зостається: обіратиме гетьмана собі та усяку старшину козацьку і сама своїми справами заправлятиме по давніх законах своїх, а Москві тільки певний податок грошовий засилатиме, війська має держати 60,000; суд виборний, козацький; козаки повинні тільки військову службу знати, а од податків та инших обов'язків були вільні, кожен вільно може мати в своєму добрі „винний“ (горілчаний) промисел,—виробляти та продавати горілку, мед, пиво, та инше.

Царі московські, кожен, сідаючи на престол, про українців ізгадували: „а мы васъ всегда будемъ сохранять при прежнихъ вашихъ правахъ, и вольностяхъ, а въ томъ бы вамы на нашу Государскую милость быть благонадежны“. Петро I, що чи не найбільшу кривду Україні подіяв, також писав: „особливо малороссійскому народу все

обѣщанное по принятію ихъ подъ Высокодержавную руку Отца Нашего... свято содерживали, и впредь содерживать будемъ, и они при правахъ своихъ и вольностяхъ вѣчно въ покоѣ и тишинѣ благополучно жительствовать могутъ". Та проте уже за цариці Катерини нічого од тих вільностей не лишилося: гетьманство скасовано, Січ запорожську зруйновано, та великої праці прикладувано, щоб коли можна — навіть українську породу винищити: щоб усі „русскими" поставали.

Пропала воля, давні права вільного люду українського, погасла надія па краще життя, і козаки Стародубські не дурно в наказі скаргу записали, що „тепер ми усякі тяжкі повинности, так як і мужики, одбуваємо", та благають, щоб давніщі привілеі та вільности їм повернуто.

„Нема, ласкава Царице, в Малій Россії ні одного стану людей, — пишуть українські депутати, склавши одне спільне од послів українських прохання, — який би сказати міг, що він цілі давніщі свої права та привілеї має, а як що які в которого і залишилися, то і ті служать „только къ весьма слабому ихъ защищенію и охраненію", бо орудують ними та перекручують по своїй уподобі „главные над Малою Россіею правители".

Коли на таке лихо скаржилися ще тоді, то щож тепер сказати повинні наші посли, маючи тяжкий досвід неволі та злиднів, в яких наш народ 140 літ перебуває?

Українські посли, — шляхетські, городянські та козацькі, обрадившися разом, в цій справі таку постанову зробили: щоб було повернуто в цілості усі давні права, привілеї, вольности, свободи та звичаї усих загалом і кожного чину (стану) з'особна, а власне: шляхетства (дворянства), духовенства, міщан, козаків і всього українського люду — усе, що дано було і затверджено за ними королями польськькими, та великими князями литовськими, та щоб були вони „въ вѣчныя времена содержимы и сохраняемы безъ всякаго нарушенія и отмѣны, въ такомъ точію разумѣніи, какъ оныя написаны и заключены"...

Чи треба ще ясніше було заявляти, що люде українські домагаются давніх прав своїх, які царі московські непорушно соблюдати присягалися, та проте зламали, а разом з тим вимагають, щоб „главные над Малою Россією правители" закони й права їхні питомі тільки так розуміли, як вони записані і затверджені були? Ганебна політика бюрократії далася взнаки уже прадідам нашим, а що ж то ми, правнуки, мусимо на цеє сказати?

Як бачимо, усі посли українські на тому погодилися, що життя України безправне й поневолене урядом братнього народу, до якого Україна в спілку пристала, — не повинно далі таким бути. Треба давні права українському люду вернути. Це одно, і найголовніше.

Другу знов постанову посли таку ізробили: „заснования на Україні урядів („правленій“), що відповідатимуть нашим правам та привілеям, є одною з найголовніших загальних наших потреб. А тому ласкаво просимо, пишуть колишніcь посли од України, щоб „малороссійскія правительства“ заведено було на основі прав і привілеїв наших, тоб-то, щоб в цівілних та земських справах суд і рішенці видавано по своїх, в військових — по своїх, а міщанських — теж по своїх правах і звичаях, і видавали їх люде виборні та щоб ніколи одні справи з другими не перемішувано, бо од тієї путанини безладдя на Україні постало“.

І ця постанова — неначе для нас її зроблено.,. Чи може бути більша плутанина, з якою справою куди удаватися, та ще до суддів, що й мови української не розуміють? І ми домагаємося, щоб судді були виборні із своїх людей та давнім звичаєм, людей свого краю на рідні мові судили.

Із земською та городською справою за 140 літ ми й на крок не поступилися: земської самоуправи, якої бажали посли р. 1767 — немає і досі. Наші посли мусять тепер „малороссійскі правленія“ здобути на основі давніх прав і привілеїв наших: для свого краю, з своїх людей, і рідній мові своїй...

Як дивилися прадіди-посли на освіту народню? Та, мабуть, чи не глибше, як наші сучасні освічені навіть люде, „Нехай цариця зробить нам ласку—дозволить завести на Вкраїні „на коштѣ казенномъ“ з українських коморних митових прибутків *університет* в городі Переяславі, „яко сей городъ не послѣдній между Малороссійскими первѣйшими городами, въ которыхъ и отдѣльное состояло Россійское (українське) княженіе и совершилось въ немъ первоначальное Гетмана Богдана Хмельницкаго съ Малой Россіею подданство“. Посли домагались вищої освіти для краю свойого тоді, коли в Московщині ще тільки що перший університет було засновано, та до якого за професорів людей з України, з київської академії виписувано. Про нижчу школу посли не згадують, бо школи були тоді у кожній парафії, в той час їх більше було, як зараз по земських губерніях Лівобічної України... І тільки, як Московщина дуже узялася по Вкраїні господарити, то школи наші українські дуже скоро посчезали: на початку XIX століття їх і з свічкою треба шукати було... Так московський уряд Україну просвітив!

Велика кривда людові нашому і тоді і тепер од надмірних податків була і зараз діється. Послухаймо, що посли наші тоді про це ухвалили. „Внутрішні установи, тоб то звичай головного уряду обкладати податками, побірати усячину, виганяти людей на роботу—заведено без нашої згоди і вельми тяжко для нас та образливо, бо такі установи,

по привілеях наших, мають бути заведені і заводилися в давніші часи тільки за згодою шляхетства та усіх чиновних людей на радах, а в справах важніших треба було згоди ще й инших станів—міщан та козаків; і в тих випадках, коли і грамоти попередники Вашого царського Величества гетьманові присилали, то завжди в них прописано було, щоб він, гетьман, заводив такі внутрішні установи та розкази на раді за згодою старшини казацької, війска і всього поспільства (простих людей) і щоб вони не були „къ отягощенію и разоренію малороссійскаго народа“, і завжди *кожен повіт мав волю на такі установи пристати або не пристати* та подати гетьманові або раді одказ, що така чи инша установа обтяжить людей“. А тим часом що воно діється? Гетьман та настановлені замісць них „главныя правительства“ почали такі „несносні та отяготительні“ для люду українського розкази видавати, не кличучи якого з громадянства на раду, так людей неправедними податками, усякими здирствами пригнітили, що од тих „въ Малой Россії никогда не бывалыхъ и неслыханныхъ учрежденій“ український люд такого страху набрався, що „многія тысячи онаго безвѣстно разбѣжались, и отъ времени до времени побѣга умножаются, а другія изнуряются бѣдностью и нищетою“. І от, щоб того усього запобігти, посли домагаються, щоб усі такі новітні установи було скасовано, та наказано наперед таких установ ніколи не встановляти, але „чтобъ подати и поборы учреждены были постоянныя и съ правами и привилегіями нашими точно сходствующія, которыхъ бы никакое правительство ни прибавить, ни убавить, а колми паче другихъ вновь наложить не могло безъ общаго малороссійскихъ чиновъ (станів) согласія“.

І в сьому домаганні українські посли XVIII століття обстоюють за те, що в XX столітті посли українські мусять також здобути: щоб жадних податків на Вкраїні, без згоди уповажнених народніх в місцевих самоуправах, ніхто, „никакое правительство“ не смів на людей накладати або їх зміняти.

Земельного питання також посли не могли обминути. Та як посли не з одного хліборобського люду були, а були і панські, шляхетські заступники, то й питання про землю не однаково вони розглядали,—кожні по свойому, і в спільному прошенії од усіх послів про цю дражливу справу промовчали. Довідуємося про неї з окремих посольських наказів.

Посли од шляхти обстоюють, шоб земли ті, що багато дехто з дідичів та старшини козацької займанщиною, як порожні земли, узяв та на них цілі села оселив, садки та гаї засадив, скотину розплодив, млини побудовав,—то щоб землі такі, хуторі, ліси, сінокоси та инше на віки за ними і нащадками їхніми записані були, бо „останніми

часами одписують їх багато в казну та силомиць приватні люде одбірають". Дворяне стоять, щоб маєтности їхні за ними міцно затверджено було.

Того самаго і козаки українські, селяне домогаються, а власне для того, щоб панство обманством усяким видерти землю їхню сили не мало. Щоб добра наші, пишуть козаки, якто: „грунты, мельницы, отчины и всякія угодья, наслѣдныя, наданныя, купленныя и занятыя, по крѣпостямъ и по природному праву владѣемыя, въ безпрепятственномъ владѣніи и употребленіи намъ всегда тверды были"; щоб затверджено було зайняті прабатьками козацькими землі, на які жадної купчої немає, і з усих їх ніякого мита (пошлии) та оплатків не бралося, щоб „по прежнимъ Малороссійскимъ правамъ и вольностямъ" вільно було і казакам куповати та продавати козацькі маєтности так, як і шляхті (дворянам), бо урядом московским це їм заборонено було.

Нарешті ще про торговлю изгадується. Як шляхта так і козаки, а особливо городяне, обстоюють за те, щоб вільний повсюди був промисел, особливо горілчаний, продаж усяких трунків по своїх хатах, а окрім того усячини, яку їхній край постачає: конопель, олії, меду, воску, сала, „найпаче же тѣм козакам, кои достаточного грунта не имѣют", а живут в городі та з торгу тільки й удержуються,—взагалі, щоб промисел вільний всім був: в середині краю без мита.

Прислухайтеся, найласкавша Царице,—зверталися до Цариці Катерини посли українські,—прислухайтеся до голосу тисячів люду, що через нас до Вашого Величества прохання і сльози свої подають! Послухайтеся голосу великої душі своєї, і побачите тоді, які правдиві прохання його, яка безмірно велика нужда його, що гнітить його без жодної його провини. Залишіть нам усі давні привілеї, вольности, свободи, звичаї наші, заснуйте самоурядовання („правительства") на основі тих вольностей і прав, і Ви одвернете нужду, злидні та горе од усіх загалом і од кожного з'особна, і тим самим забезпечите благий намір Комісії Вашої, тоб-то *цілість держави і народнього добра*. Заставте, найласкавіша Царице, такий великий числом народ за оновлення своє вам пам'ятники та жертвенники не на землі і в повітрі, а в серцях збудовати!"

Та цариця Катерина II не зважила на благання послів з України і замісць „оновлення" українського люду—кріпацькі кайдани на нього скувала, вельможам своїм їх землі, їх сем'ї раздарувала.

„Катерино, Катерино,
Що ти наробила.
Край веселий, степ широкий
Тай занапастила,—

заспівав народ на Україні.

Приспала Катерина долю України, приспали й наступники її ... І знову, більш як через сто літ люд той зо сну прокидається, знову про „вольности“ свої зачинені давні літа в бюрократичних льохах, допоминається. Та на сей раз не з слізним проханням посли українські до столиці пішли, не ласки там благати собі будуть, а уповажені народом волю та долю йому здобути,—мусять, права, належні йому, занедбані урядом віддавна, народові знову вернути, вольности давні, пристосовані до новітнього життя, воскресити... На послів наших ми тепер покладаємо те, чого тоді посли од цариці Катерини сподівалися... І вони повинні вибороти нам національну самоуправу, освіту, вільне життя,—землю і волю,—і добрий лад в нашім краю, бо без цього, народ наш ніколи з злиднів не виб'ється.

Посли українськи! Доля українського люду в ваших руках... Стійте твердо, міцно, борітеся сміливо! Виборіть долю народові, виборіть волю... В серцях всього люду вам нехай буде пам'ятник до віку, до суду!..

В. Доманицький.

Исторія и этнографія Малороссіи, какъ предметы преподаванія въ харьковскомъ университетѣ [1], Въ харьковскій университетъ поступило нѣсколько прошеній о введеніи въ курсъ университетскаго преподаванія исторіи украинской литературы, языка, этнографіи и права. Одно изъ этихъ прошеній, черниговское, изложено по-малорусски; другое—полтавское—по-русски; харьковское представляетъ повтореніе полтавскаго. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, подобныя прошенія направлены также въ одесскій и кіевскій университеты. Несомнѣнно, они будутъ обсуждаться сначала въ факультетахъ историко-филологическомъ и юридическомъ, затѣмъ въ совѣтахъ, вызовутъ различныя мнѣнія, различные взгляды и, быть можетъ, въ частностяхъ

---

[1]) Докладная записка въ историко-филогическій факультетъ харьковскаго университета.

весьма различныя рѣшенія, въ зависимости отъ наличности такихъ спеціалистовъ, которые немедленно могли бы выступить въ роли лекторовъ, въ зависимости отъ сношеній съ высшими властями, отчасти въ зависимости въ общихъ политическихъ взглядовъ членовъ коллегій, наконецъ, въ зависимости отъ матеріальнаго обезпеченія преподавателей новыхъ предметовъ мѣстнаго значенія: размѣра вознагражденія и постояннаго источника покрытія расходовъ. Вообще, возникаетъ множество такихъ вопросовъ, относительно разрѣшенія которыхъ въ прошеніяхъ нѣтъ никакихъ указаній. Университеты будутъ обязаны, при осуществленіи прошеній, отыскать достаточно свѣдущихъ преподавателей, которые, по своему образовательному цензу или ученой степени, должны удовлетворять общимъ университетскимъ научнымъ требованіямъ и вдобавокъ должны еще обладать хорошимъ знаніемъ малорусскаго языка, въ виду выраженнаго просителями желанія, чтобы преподаваніе малорусскихъ предметовъ шло на малорусскомъ языкѣ. На послѣднее обстоятельство можно смотрѣть, какъ на весьма важное, въ интересахъ края и просителей, и на самое трудное относительно возможности выполненія.

Преподаваніе малорусскихъ предметовъ можетъ быть проектировано или въ формѣ обязательныхъ предметовъ по историко-филологическому факультету, или въ формѣ необязательныхъ курсовъ для всѣхъ желающихъ, независимо отъ факультета. Въ первомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о малорусскомъ языкѣ, какъ предметѣ преподаванія. Харьковскій университетъ обслуживаетъ такой раіонъ, въ которомъ большинство населенія состоитъ изъ великоруссовъ и въ составъ котораго входитъ разноплеменный Кавказъ; потому русскій языкъ, представляется для харьковскаго университета необходимымъ. Полтавцы и черниговцы входятъ въ составъ кіевскаго учебнаго округа. Въ Харьковѣ студенчество состоитъ изъ малороссовъ Харьковской губерніи и немногихъ прилегающихъ къ ней уѣздовъ Курской и Воронежской губерній и въ большинствѣ изъ великороссовъ губерній Тамбовской, Пензенской, Курской, Воронежской, земли войска Донского; для послѣднихъ малорусскіе предметы могутъ быть чужды, а малорусскій языкъ непонятенъ.

Другое дѣло—необязательные курсы. Они могутъ привлекать слушателей со всѣхъ факультетовъ, изъ людей живущихъ въ Малороссіи, любящихъ украинскій языкъ, интересующихся украинской стариной и современнымъ бытовымъ и правовымъ положеніемъ малорусскаго народа. Спаянные общими интересами, они будутъ дорожить малорусскимъ языкомъ преподаванія, въ виду выраженія въ немъ дорогого имъ личнаго народнаго облика. Имъ нужно и дорого живое малорус-

ское слово, какъ наиболѣе подходящая форма для проявленія наиболѣе характерныхъ сторонъ народной души.

Въ научномъ и матеріяльномъ отношеніяхъ необязательное преподаваніе должно быть такъ же хорошо и прочно обезпечено, какъ и всякое другое обязательное.

Нельзя сказать, чтобы малорусскіе предметы преподаванія были для харьковскаго университета совершенной новостью; задолго до петиціи о нихъ здѣсь думали и заботились. Не было, правда, никогда малорусскаго языка, какъ предмета преподаванія, и не могло его быть, при общемъ на него гоненіи и принципіальномъ его отрицаніи со стороны всѣхъ властей. Преподаваніе же малорусской старины и языка было вводимо въ разные курсы и разными преподавателями, большею частью эпизодически и случайно. Много малорусскаго содержанія было въ лекціяхъ Потебни по филологіи и теоріи словесности, еще ранѣе въ лекціяхъ и темахъ Срезневскаго и Метлинскаго. Въ новое время проф М. Е. Халанскій иногда останавливался на малорусскомъ языкѣ, а проф. Д. И. Багалѣй посвящалъ большіе курсы малорусской исторіи. Пишущій эти строки началъ свою службу въ харьковскомъ университетѣ съ вступительной лекціи о малорусскихъ думахъ. Это была моя первая въ университетѣ лекція; предложена она была мнѣ самимъ факультетомъ, по его выбору, должно быть, по внушенію Потебни, пожелавшаго такимъ образомъ, съ первой лекціи дать извѣстный мнѣ наклонъ въ сторону южнорусскихъ изученій. Впослѣдствіи я неоднократно читалъ обязательные курсы о малорусской народной поэзіи и о южнорусской литературѣ XVII ст.

Число слушателей-студентовъ по малорусскимъ предметамъ всегда было невелико, какъ у меня, такъ и у другихъ преподавателей новаго времени, моихъ товарищей; но мы, преподаватели, съ удовольствіемъ можемъ назвать нѣкоторыя имена нашихъ бывшихъ слушателей, какъ лицъ, нынѣ уже весьма заслуженныхъ въ области серьезнаго научнаго изученія малорусскаго юридическаго быта, исторіи города Харькова, исторіи Запорожья, малорусской этнографіи, заговоровъ, быта.

Возвращаясь къ украинскимъ петиціямъ, нужно прежде всего отмѣтить то важное обстоятельство, что всѣ перечисленныя въ нихъ науки представляютъ весьма большія трудности для университетскаго преподаванія вообще, по малой ихъ разработанности и неприспособленности къ университетскому преподаванію. Для введенія науки въ университетскіе курсы еще мало однихъ свѣдѣній, какъ бы они ни были научно богаты. Нужны еще методы, пріемы, планомѣрныя про-

граммы, распредѣленіе матеріала, въ наиболѣе плодотворномъ и цѣлесообразномъ соотношеніи съ другими науками. Все это вырабатывается съ годами усиліями многихъ дѣятелей. Каждый университетскій предметъ преподаванія имѣетъ свою исторію и свои авторитеты, а въ Германіи — этой классической странѣ науки—свою школу, въ видѣ преемственности научныхъ направленій и нравственныхъ личныхъ связей. Тутъ же, въ малорусскихъ предметахъ, необходимо многое заново начинать и сразу заново создавать соотвѣтствующее содержаніе, методъ изложенія и языкъ. Отъ новыхъ преподавателей потребуется большая затрата умственныхъ и нравственныхъ силъ, большая любовь къ дѣлу, обширныя знанія, строгій критическій умъ, смѣлая мысль и свободное слово. При такихъ условіяхъ не только молодой преподаватель, но и старый, опытный профессоръ задумается надъ вопроссомъ unde ingenium par materiae"—по силамъ-ли и умѣнію задача; но какъ бы то ни было, а поработать въ этомъ направленіи нужно, и какъ старый, такъ тѣмъ болѣе и скорѣе молодой профессоръ можетъ опереться на другую латинскую поговорку—utere velis totos pande sinus—для пользы дѣла нужно напречь всѣ силы, и такъ какъ у молодыхъ преподавателей должно быть болѣе смѣлости и бодрыхъ силъ, то въ этомъ университетскомъ контингентѣ и нужно искать первыхъ работниковъ по новому хорошему научному дѣлу.

Трудна для преподаванія малорусская исторія, значительно труднѣе преподаваніе исторіи малорусской литературы, наконецъ, крайне затруднительно преподаваніе этнографіи и исторіи права. Каждый предметъ въ значеніи научной разработки имѣетъ свои камни преткновенія, а въ этнографіи въ приложеніи къ Малороссіи открываются трудно проходимыя дебри богатаго, сложнаго и совсѣмъ неразработаннаго матеріала.

По малорусской исторіи есть много превосходныхъ монографій В. Б. Антоновича, Н. И. Костомарова, В. С. Иконикова (напр., книга о Кіевѣ), Д. И. Багалѣя, М. С. Грушевскаго. Д. И. Эварницкаго, и съ помощью ихъ можно построить цѣнныя и интересныя университетскія лекціи, тѣмъ болѣе, что проф. Грушевскій далъ уже цѣльные курсы.

По малорусской литературѣ есть значительные пробѣлы. Древняя литература до XVII ст. въ приложеніи къ южной Россіи мало изучена. Многочисленнымъ и цѣннымъ изслѣдованіямъ южно-русской литературѣ XVI и XVII ст. не дано общаго обзора; нѣтъ свода мнѣній и разногласій; нѣтъ учета и критики матеріаловъ и пособій. XVIII вѣкъ представленъ почти исключительно трудами одного лишь ученаго великоросса—проф. Н. И. Петрова. Лишь Г. С. Сковорода представленъ въ солидномъ изданіи и имѣетъ большую литературу. Новая малорус-

ская литература, за исключеніемъ Котляревскаго и Шевченка, весьма слабо разработана, Цѣлые отдѣлы старинной литературы, напр., лѣтописи, житія святыхъ, остаются неизслѣдованными. Нѣкоторые старинные памятники, цѣнные и интересные по содержанію и языку, остаются въ полной неизвѣстности и въ забвеніи, напримѣръ, „Слово о бездождіи“, изданное еще въ 1856 г. и съ тѣхъ поръ кажется, болѣе не упоминаемое.

Преподаватель малорусскаго языка нѣсколько лучше обставленъ, благодаря трудамъ Огоновскаго, Потебни, Житецкаго Крымскаго и Соболевскаго. Житецкій даетъ красивую и стройную картину, развитія малорусскаго литературнаго языка, Соболевскій и Науменко—его фонетическаго строенія, Крымскій раскрываетъ тонкости критическаго анализа, Потебня вводитъ въ глубь синтаксиса и лексики; но и тутъ не мало затрудненій, напримѣръ, въ отсутствіи надлежащей исторической хрестоматіи. Преподавателю приходится пользоваться въ своемъ родѣ отличнымъ, но для преподавателя малорусскаго языка недостаточно полнымъ сборникомъ древне-русскихъ памятниковъ проф. Смирнова.

Библіографія Е. И. Якушкина, изданія и ислѣдованія Кистяковскаго, г-жи Ефименко, Д. П. Миллера даютъ преподавателю исторіи права въ Малороссіи—серьезную фактическую опору; но въ общемъ пособій мало, и дѣло спеціалистовъ высказаться, находятъ-ли они въ современной научной литературѣ достаточное основаніе для построенія спеціальныхъ университетскихъ курсовъ; неспеціалистамъ эта область представляется весьма мало извѣстной и мало изученной. Податели прошеній въ этомъ отношеніи имѣютъ несомнѣнно лишь смутныя представленія, что обнаруживается, между прочимъ, въ наименованіи исторіи права въ нѣкоторыхъ петиціяхъ „звычайнымъ правомъ“, т. е. въ суженіи и ограниченіи задачи однимъ обычнымъ правомъ“, что въ приложеніи къ Малороссіи, гдѣ дѣйствовали Магдебургское Право и Литовскій Статутъ, слишкомъ недостаточно, тѣмъ болѣе, что въ раіонѣ Полтавской и Черниговской губерній до сихъ поръ дѣйствуютъ нѣкоторые остатки стараго литовскаго права. Исторія права въ Малороссіи во всякомъ случаѣ предметъ въ высокой степени интересный и поучительный; въ настоящее время въ особенности любопытно ознакомиться съ охранными и жалованными грамотами и договорами, чтобы видѣть, какъ ограждали малороссіяне свои права въ далекое старое время, какъ велики въ этомъ отношеніи потери, и чѣмъ онѣ были вызваны.

Малорусская этнографія имѣетъ громадный сырой матеріалъ изъ сборниковъ и разныхъ описаній, равно какъ много монографій по от-

дѣльнымъ специальнымъ вопросамъ, и ни одного труда въ духѣ планомѣрнаго и систематическаго научнаго построенія, необходимаго для университетскаго преподаванія. Фактовъ, какъ волнъ морскихъ, необозримое множество, и ни одного корабля для дальняго по нимъ научнаго плаванія.

Сколько мнѣ извѣстно, преподаваніе этнографіи шло лишь въ одномъ московскомъ университетѣ, если не ошибаюсь, этнографіи всеобщей, для построенія которой западная научная литература даетъ нынѣ хорошія пособія. Опираясь на Тэйлора, Леббока, Бастіана, Энгельса, Вайца, Пешеля, Ратцеля, Шурца, Липперта, можно по всеобщей этнографіи провести болѣе или менѣе стройные университетскіе курсы. На земномъ шарѣ, и въ частности въ Россіи такъ много народовъ, что можно въ теченіе многихъ лѣтъ читать въ университетахъ этнографію, не подходя близко къ малороссамъ, а между тѣмъ составители петицій, несомнѣнно, имѣютъ въ виду именно свой народъ и желаютъ ознакомиться съ современнымъ его бытомъ, преданіями, пѣснями, міросозерцаніемъ, религіозно-нравственными стремленіями, экономическимъ положеніемъ, равно какъ съ современной научной литературой о малорусскомъ народѣ; но всѣ многочисленныя по симъ статьямъ данныя чрезвычайно разбросаны, и работниковъ для ихъ оцѣнки и изученія крайне мало. Для одного только Старобѣльскаго уѣзда имѣется увѣсистый томикъ въ 1008 страницъ; но нельзя судить о Малороссіи по одному тому и по одному Старобѣльскому уѣзду когда есть еще сотни другихъ томовъ и сотня другихъ уѣздовъ. Университескій преподователь этнографіи не угоняется за всѣми томами и всѣми уѣздами: ему нужны еще другія пособія, дѣльныя критическія статьи, сжатые своды и указатели матеріаловъ, готовые выводы и заключенія—все такое, чего, къ сожалѣнію, на лицо не имѣется, и чего добыть на скорую руку никакъ нельзя.

Еще два слова о пользѣ преподаванія малорусскихъ предметовъ на малорусскомъ языкѣ, преподаванія, какъ я уже отмѣтилъ, вполнѣ свободнаго, въ видѣ необязательныхъ курсовъ.

Польза по содержанію будетъ та, что увеличится число людей съ научными интересами, и вниманіе ихъ будетъ обращено на изученіе родного края и родного народа.

Польза по формѣ, по языку малорусскому, двойная—моральная и практическая.

Моральная польза будетъ состоять въ нравственномъ сознаніи, что художественный историческій языкъ большой славянской вѣтви признанъ, какъ языкъ университетскаго преподаванія, и всѣ старыя гоненія его пошли на смарку къ полному забвенію.

Практическая польза будетъ состоять въ улучшеніи малорусскаго литературнаго языка, въ приданіи ему той художественной простоты и ясности, какихъ недостаетъ его современной галицкой вѣтви, что только можетъ сближать его съ государственнымъ русскимъ литературнымъ языкомъ. Въ Харьковѣ и харьковскомъ университетѣ первымъ образцомъ всегда долженъ быть чрезвычайно чистый, простой и ясный языкъ харьковскаго писателя Г. Ф. Квитки-Основьяненка.

Въ заключеніе наши замѣчанія могутъ быть сведены къ такимъ положеніямъ: Желательно

1. Открытіе въ харьковскомъ университетѣ необязательныхъ курсовъ для университетскихъ слушателей безъ различія факультетовъ по малорусскому языку, исторіи, этнографіи и исторіи права.

2. Въ интересахъ развитія мѣстныхъ научныхъ изученій преподавателямъ должно быть поставлено въ обязанность имѣть въ виду какъ Малороссію вообще, такъ и болѣе ограниченныя ея области, напримѣръ, харьковскій раіонъ, и содѣйствовать такимъ образомъ развитію мѣстныхъ научныхъ интересовъ, музеевъ, экскурсій и т. п.

3. Къ преподаванію малорусскихъ предметовъ могутъ быть допускаемы лишь лица компетентныя, имѣющія научную степень или заявившія о себѣ во мнѣніи факультета и совѣта цѣнными научными изслѣдованіями по малорусскимъ спеціальностямъ.

4. Выборъ языка нужно предоставить лектору. Въ виду того, что преподаваніе на малорусскомъ языкѣ требуетъ отъ преподавателя хорошаго знанія этого языка и усиленной работы надъ внѣшней обработкой лекцій, размѣръ вознагражденія лектора слѣдуетъ поставить въ нѣкоторую зависимость отъ того, ведутся лекціи на малорусскомъ или русскомъ языкѣ, и если лекторъ ведетъ свои чтенія на малорусскомъ языкѣ, всемѣрно заботясь о его чистотѣ и правильности, то вознагражденіе должно идти въ нѣсколько повышенномъ размѣрѣ, во всякомъ случаѣ не менѣе обычнаго для ординарнаго профессора размѣра въ 500 руб. въ годъ за одну лекцію въ недѣлю общепринятой продолжительности.

5. Программы, число лекцій, источники для оплаты ихъ и др. подробности составляютъ предметъ факультетскихъ обсужденій, въ зависимости отъ измѣняющихся условій дѣйствительной жизни.

Проф. Н. Сумцовъ.

Къ вопросу объ учрежденіи украинскихъ каѳедръ въ университетѣ. Черниговскіе украинцы и украинки обратились въ совѣтъ кіевскаго университета съ петиціей, въ которой они выражаютъ же-

ланіе, чтобы были учреждены каѳедры украинской литературы, языка, исторіи, этнографіи и обычнаго права. Заключается петиція выраженіемъ надежды, что представители науки окажутъ не только идейную поддержку высказаннымъ пожеланіямъ, но и практически постараются осуществить это пожеланіе.

Вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ совѣту университета придется рѣшить это дѣло такъ или иначе, въ зависимости отъ того, встрѣтитъ ли пожеланіе украинцевъ сочувствіе членовъ совѣта или нѣтъ. Ниже мы постараемся высказать нѣкоторыя соображенія въ пользу открытія перечисленныхъ каѳедръ, впрочемъ, не всѣхъ, а такихъ, къ которымъ имѣемъ отношеніе по роду своей спеціальности.

Предварительно слѣдуетъ оговориться. Дѣло объ украинскихъ каѳедрахъ имѣетъ двѣ стороны: политическую и чисто научную, академическую. Мы полагаемъ, что политическая сторона вопроса, а также рѣшеніе о языкѣ преподаванія на этихъ каѳедрахъ — должны остаться внѣ сферы сужденія, а и подавно уже рѣшенія—совѣта. Это— дѣло государственной думы, ибо вопросъ о преподавательскомъ языкѣ въ университетѣ тѣсно, кажется намъ, связаннымъ съ рѣшеніемъ болѣе общаго вопроса—объ автономіи территорій, занятыхъ отдѣльными національностями.

Сужденію совѣта подлежитъ, на нашъ взглядъ, вопросъ чисто академическій, научный, который можно формулировать такъ: 1) имѣются ли обстоятельства, требующія выдѣленія названныхъ каѳедръ изъ вѣдѣнія и круга преподаванія по соотвѣтственнымъ русскимъ каѳедрамъ; 2) поскольку возможно и зависитъ отъ самихъ университетовъ учрежденіе украинскихъ каѳедръ, сообразно проекту новаго устава россійскихъ университетовъ; 3) какъ, въ случаѣ выдѣленія особыхъ украинскихъ каѳедръ, да еще съ украинскимъ языкомъ преподаванія, замѣстить ихъ достойными представителями соотвѣтственныхъ наукъ?

Эти вопросы кажутся намъ самыми существенными, ибо выражаютъ и научные интересы, и говорятъ о правѣ университетовъ и, наконецъ, считаются съ практическими слѣдствіями, которыя не замедлятъ явиться, когда учрежденіе украинскихъ каѳедръ станетъ дѣломъ рѣшеннымъ.

I.

Разберемся въ этихъ вопросахъ и постараемся дать отвѣты, опираясь и на соображенія научныя, и на указанія опыта. Начнемъ съ вопроса о желательности каѳедры украинской литературы.

Въ настоящее время, благодаря трудамъ цѣлаго ряда крупныхъ ученыхъ дѣятелей, область вѣдѣнія историковъ русской литературы расширилась чрезвычайно. Мы не говоримъ уже объ изученіи близкой къ намъ эпохи, хотя бы XIX вѣка, которое особенно оживилось за послѣдніе годы въ связи съ ростомъ освободительнаго движенія. Даже въ такихъ областяхъ литературы, какъ исторія XVIII вѣка, эпоха Петра I, XVII вѣка—и вплоть до первыхъ вѣковъ существованія на Руси письменности—литературный матеріалъ растетъ съ каждымъ годомъ и все болѣе и болѣе требуетъ специализаціи отъ ученаго изслѣдователя. Естественно при этомъ, если главное вниманіе русскихъ ученыхъ устремляется на факты литературы имъ близкой,—литературы московской, русской. При этомъ и ученому, и преподавателю приходится касаться вопроса о судьбѣ украинской литературы лишь вскользь, или тогда, когда этого требуетъ ходъ изученія литературы московской; напр., говоря о роли украинцевъ въ Москвѣ XVII в., неизбѣжно приходится коснуться и судебъ старой украинской литературы, имѣвшей свою традицію, свои формы и гораздо ранѣе ставшей выраженіемъ народныхъ думъ и чувствъ, чѣмъ литература московская. Достаточно упомянуть здѣсь, что въ то время, какъ Москва трудилась надъ стилистической обработкой житій во вкусѣ югославянскихъ риторовъ,—на Украинѣ шла литературная борьба за свободу народа, за свободу исповѣданія, за свободу національнаго развитія.

Не касаемся подробно позднѣйшихъ эпохъ. Достаточно сказать, что литература украинская XIX в., давно уже не „умѣщающаяся на одну полку", требуетъ также къ себѣ большаго вниманія представителей науки, большаго, чѣмъ то, какое могутъ удѣлить ей мимоходомъ спеціалисты, занимающіе каѳедры русской литературы и славяновѣдѣнія. Въ заключеніе по этому же вопросу: если даже считать, что украинская литература такъ мало изучена, что почти незамѣтна наряду съ литературою русскою, — то отвѣтомъ можетъ быть одно: необходимо создать людей, готовыхъ и способныхъ разрабатывать научно украинскій историко-литературный матеріалъ.

Выводъ изъ сказаннаго ясенъ: учрежденіе каѳедры исторіи украинской литературы весьма желательно. Выдѣленіе украинской литературы изъ круга вѣдѣнія каѳедры русской литературы только облегчитъ представителей послѣдней и создастъ возможность новой университетской спеціальности къ пользѣ наукѣ.

Переходимъ къ вопросу о каѳедрѣ украинскаго языка. Въ настоящее время преподающій исторію р. языка неизбѣжно и по преимуществу занятъ преподаваніемъ судебъ древнерусскаго языка, причемъ, обычно, касается и судебъ древнихъ и новыхъ нарѣчій русскаго языка.

Но опять таки—невольно, наряду съ общими лингвистическими вопросами, вниманіе профессора р. языка останавливается на судьбѣ русскаго литературнаго языка, съ одной стороны—въ виду важнаго его значенія, съ другой—вслѣдствіе большей подготовки и обработки матеріала. Въ то время, какъ число изслѣдованій и статей по исторіи русскаго языка даже въ нашей скудной лингвистической литературѣ считается сотнями,—сколько нибудь серіозныхъ работъ по исторіи украинскаго языка считается немного болѣе десятка. Значитъ ли это, что нѣтъ надобности спеціально изучать этотъ языкъ? Конечно, нѣтъ. Такая слабая разработанность вопросовъ, связанныхъ съ исторіей украинскаго языка, должна побудить насъ къ тому, чтобы возможно болѣе развить въ этомъ направленіи научную дѣятельность ближайшаго поколѣнія нашей университетской молодежи. Нельзя умолчать при этомъ о такомъ характерномъ фактѣ: программа для изученія великорусскихъ говоровъ—довольно давно уже составлена академикомъ Шахматовымъ при сотрудничествѣ Чернышева; программу по бѣлорусскому нарѣчію недавно составилъ по порученію академіи наукъ ея чл. корр. проф. Карскій. А для составленія научной программы по украинскому языку академія наукъ не нашла ни въ одномъ изъ университетовъ, стоящихъ на украинской территоріи, ученаго оффиціальнаго спеціалиста и обратились къ.... бухгалтеру пивовареннаго завода, отличному, правда, знатоку украинскаго языка, образованному лингвисту, но—лишенному аудиторіи, гдѣ создаются работники, создатели науки будущаго.

И здѣсь выводъ для насъ не оставляетъ сомнѣній: должна быть создана каѳедра украинскаго языка и діалектологіи; она сможетъ, при условіи занятія ее свѣдущимъ спеціалистомъ, закрыть тѣ прорѣхи, которыя образовались за много лѣтъ несправедливаго пренебреженія ученыхъ къ украинскому языку, которымъ говорятъ до 30 милліоновъ народа.

Что касается каѳедры исторіи, этнографіи и обычнаго права, то мы не чувствуемъ себя достаточно освѣдомленными въ вопросѣ; отмѣтимъ только то, что судьбы Украины (Малороссіи и Бѣлороссіи) были значительно отличны отъ судебъ Москвы. Одна уже близость къ Западной Европѣ, вліяніе ея законодательства съ древнѣйшихъ временъ, нѣсколько иныя политическія и экономическія условія — все это не могло не создать особой физіономіи исторіи „Литовской“ Руси или Украины.

II.

Итакъ, съ нашей точки зрѣнія, учрежденіе украинскихъ каѳедръ, полезно въ научномъ отношеніи. Разсмотримъ теперь вопросъ, по-

скольку возможно, поскольку зависитъ отъ самихъ университетовъ учрежденіе этихъ новыхъ каѳедръ. Такъ какъ этотъ вопросъ относится къ будущему, то мы должны имѣть въ виду указанія выработаннаго депутатами отъ университетовъ проекта новаго устава.

О правахъ университетовъ основывать новыя каѳедры проектъ устава говоритъ въ статьяхъ 8-й и 65-й; сверхъ того имѣетъ отношеніе къ нашему дѣлу и примѣчаніе къ статьѣ 58-й.

Согласно съ этими статьями порядокъ учрежденія украинскихъ каѳедръ представляется таковымъ: факультеты (въ данномъ случаѣ — историко-филологическій, юридическій и (по этнографіи) физико-математическій вносятъ по принадлежности въ совѣтъ свои предположенія объ учрежденіи украинскихъ, каѳедръ, а также предположенія о распредѣленіи профессуръ и доцентуры между каѳедрами, и предметовъ преподаванія между преподавателями, сообразно характеру ихъ научной дѣятельности и нуждамъ преподаванія (ст. 9, II, 2 и 3). Въ случаѣ, если совѣтъ найдетъ возможнымъ признать предположенія факультетовъ заслуживающими удовлетворенія, онъ утверждаетъ ихъ своею властью, доводя лишь объ этомъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія; утвержденіе министра необходимо въ одномъ лишь случаѣ,— если для вознагражденія профессорамъ новыхъ каѳедръ потребуется особое, непредусмотрѣнное штатами, вознагражденіе изъ суммъ государственнаго казначейства (ст. 9, IX, примѣчаніе.)

Но можетъ быть украинскія каѳедры потребуютъ большихъ расходовъ и сверхсмѣтныхъ ассигнованій? Можетъ быть потребуется значительное увеличеніе числа профессоровъ и доцентовъ? На это мы найдемъ отвѣтъ въ ст. 65 и 64. „Увеличеніе числа профессуръ и доцентуръ, какъ въ предѣлахъ имѣющихся денежныхъ средствъ, такъ и путемъ исходатайствованія новыхъ на общихъ основаніяхъ“, а равно и „учрежденіе новыхъ каѳедръ“, соединеніе и разъединеніе ихъ, перенось съ одного факультета на другой — все это по ст. 65 является правомъ университетовъ, безо всякаго вмѣшательства или утвержденія свыше. А ст. 64 указываетъ такое количество штатныхъ профессуръ, каковое при наличныхъ силахъ едвали можетъ быть заполнено соотвѣтствующими спеціалистами, имѣющими ученую степень доктора (необходимое условіе для полученія каѳедры). На историко-филологическомъ факультетѣ вмѣсто 11 ординатуръ и 5 экстраординат., новый уставъ предполагаетъ 16 профессуръ высшаго оклада, 8 низшаго и 9 доцентуръ, т. е. увеличиваетъ число платныхъ преподавателей съ 16 на 33. Думается, что если эти предположенія будутъ утверждены высшей законодательною властью, то, по замѣщеніи всѣхъ каѳедръ правоспособными спеціалистами — на долю украинскихъ каѳедръ по одному

историко-филологическому факультету останется не 3 профессуры, или хотя-бы доцентуры, а вдвое болѣе.

Можемъ задать еще вопросъ, оставаясь въ предѣлахъ того-же проекта устава: имѣется-ли къ нему хоть какое-нибудь указаніе, дающее украинцамъ право ходатайствовать объ учрежденіи особыхъ каѳедръ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ, хотя и косвенно, ст. 58, именно — примѣчаніе къ ней, устанавливающее, напр., въ варшавскомъ университетѣ каѳедры поль-каго языка, литературы, исторіи, литовскаго языка; въ казанскомъ—татарской филологіи; въ юрьевскомъ—даже эстонской филологіи. Если по отношенію къ немногочисленнымъ эстамъ допущена возможность удовлетворить ихъ національныя потребности, то почему этого не заслужили-бы украинцы?

Итакъ,—къ учрежденію украинскихъ каѳедръ въ новомъ проектѣ университетскаго устава „препятствій не встрѣчается". Депутаты отъ университетовъ, трудившіеся надъ нимъ, приняли во вниманіе интересы мѣстные, научные и національные интересы отдѣльныхъ народностей Россіи, не исключая и „угрюмыхъ пасынковъ природы". Тѣмъ важнѣе при обсужденіи проекта устава въ высшемъ законодательномъ учрежденіи добиться ясной формулировки безспорнаго, но гуманно выраженнаго права украинцевъ требовать учрежденія особыхъ каѳедръ. Но— это дѣло уже пословъ въ государственной думѣ, или въ томъ учрежденіи которое ее замѣнитъ.

III.

Обращаемся къ послѣднему вопросу, намѣченному нами: какъ замѣстить, въ случаѣ учрежденія, открывшіяся украинскія каѳедры? Вопросъ этотъ можетъ показаться празднымъ: могутъ-де всегда найтись свѣдущіе люди, была-бы доставлена имъ возможность преподаванія. Но это не вполнѣ такъ. Для занятія каѳедры—будь то профессура, будь то даже приватъ-доцентура—допускаются по новому уставу лишь доктора наукъ. А мы знаемъ, что въ Россіи, кромѣ докторовъ медицины, докторовъ по другимъ спеціальностямъ очень мало (по русскому языку и словесности, наприм., включая членовъ академіи наукъ, всего 13—15 человѣкъ, а по славянской филологіи—всего 10). Да невелико и число магистровъ, которыхъ, по правамъ на занятіе каѳедръ, новый уставъ приравниваетъ къ докторамъ. При этомъ среди нихъ мы не можемъ назвать ни одного сколько-нибудь авторитетнаго спеціалиста по каѳедрѣ украинскаго языка и литературы.

Но является-ли это препятствіемъ для учрежденія новыхъ каѳедръ? Конечно, нѣтъ. Вспомнимъ, что въ аналогичномъ, если не въ худшемъ положеніи было дѣло съ учрежденіемъ каѳедръ славянскихъ нарѣчій и западно-европейскихъ литературъ. Знаменитый Изм. Ив. Срезневскій перешелъ тогда, послѣ заграничной командировки и занятій славистикой, па каѳедру славяновѣдѣнія—съ каѳедры политической экономіи и статистики; на каѳедру западно-европейскихъ литературъ также переходили, напр., русскіе историки—и это не мѣшало имъ позже работать въ новой спеціальности съ пользою для науки и съ честью для себя и своего университета; наконецъ, помимо созданія своихъ кадровъ молодыхъ спеціалистовъ, — остается еще одинъ путь — приглашеніе на новыя украинскія каѳедры испытанныхъ въ трудѣ по разработкѣ вопросовъ украинской филологіи и исторіи дѣятелей науки изъ Галичины, гдѣ есть свободные ученые, не занятые въ университетѣ и могущіе сдѣлать честь любому университету своимъ ученымъ авторитетомъ и европейскою извѣстностью.

Этою послѣднею мѣрою разрѣшился-бы и тотъ вопросъ, который также можетъ вызвать затрудненія (помимо чисто политическихъ) — вопросъ о языкѣ преподаванія, которымъ во львовскомъ, напр., университетѣ является украинскій на соотвѣтствующихъ каѳедрахъ.

Заканчиваемъ наши соображенія тѣмъ-же пожеланіемъ, какое высказали въ петиціи черниговскіе украинцы: надѣемся, что наши южные университеты найдутъ въ себѣ столько научной объективности, что и идейно, и на практикѣ посодѣйствуютъ учрежденію украинскихъ каѳедръ. (Кіев. Отголоски Жизни № 122—123).

Проф. В. Перетцъ.

Перша українська гімназія в Одесі. На останніх зборах одеського українського товариства „Просвіта“ гурток членів товариства постановив: з осени сього року заспувати в Одесі першу українську гімназію, поки що з викладовою россійською мовою. Спочатку буде засновано тількп 4 класи гімназії і клас приготовчий, в якому будуть вчитись хлопці і дівчата. Викладати будуть відомі кращі одеські педагоги: професори та учителі. Українською мовою зразу вчитимуть: української мови, української літератури та української історії. Метода вчення мас бути американська, так, шо всі уроки діти вчитимуть в класах, а додому учителі не даватимуть ніякої роботи. Гімназія содержуватиметься коштом товариства, окремых членів і всіх охочих українців на паях — по 100 карб. пай.

Статут і програма гімназії зараз укладаються і незабаром будуть послані на затверження уряду.

Хто цікавиться сею справою, то за відомостями можна звертатись до одеського українського товариства „Просвіта“ (Ніжинська, ч. 44), або до голови товариства, лікаря Івана Луценка (Херсонська, ч. 52). (Гром. Дум. № 139) І. С.

Твори Драгоманова. У Львові вийшов третій том творів М. Драгоманова під заголовком: „Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність і письменство“. Зладив М. Павлик. Видало книгу наукове товариство імени Шевченка, яко VII-й том збірника філологичної секції наукового товариства. Коштує книга 4 корони (1 карб. 60 коп.).

Українські підручники. Нарешті у Київі виходять українські підручники; 1) „Граматка“, український буквар з 30 малюнками, для дітей 7—8 років. Зложив Норець. Школьний матеріал граматки зложено з народніх українських і кращих літературних творів.

Метода вчення звукова, читати і писати діти вчаться заразом.

Малюнки для граматки взято з народнього життя. Вчення буде йти по американській методі, себ-то діти спочатку будуть знайомитись з мовою, а потому вже з буквами.

Крім граматки друкуються і незабаром вийдуть: 2) „Читанка. Перша книжка після граматки“ і 3) „Веселка“—Андрія Молодченка. Ся остання книжка була зложена кілька літ тому, але через цензурну заборону друкувалась в Львові; її вживають по русинських школах в Галичині.

Частина прибутку з сих видань має пійти на школу імени Т. Шевченка у г. Київі. (Гром. Дум. № 143).

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. О ПОЛОЖЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ ВО 2-й ЧЕТВЕРТИ XIX ст. *Ор. Левицкаго.* . . . . 231—274

II. ПОЛЬСКАЯ И ВЕЛИКОРУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ 70-хъ ГОДОВЪ ПО ВОПРОСУ О НАРОДНО-ФЕДЕРАЛЬНОМЪ НАПРАВЛЕНІИ *М. П. Драгоманова.* . . . . 275—337

III. КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УКРАИНСКОМЪ НАРОДНИЧЕСТВѢ. (Опытъ программныхъ вопросовъ для изучеиія украинской національиой идеи). *Петра Одинца.* . . . 338—376

IV. ОТКРОВЕНІЄ СВ. СТЕПАНА. (Студія над одним мало відомим апокріфом). *Івана Франка* . . . . 377—405

V. ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА. (Продолженіе). . . . . 406—435

VI. РОЗГАРДІЯШ. Твора на 4 дії. *М. Кропивницького.* . 436—475

VII. ПРИЗНАКИ УКРАИНСКОЙ КОЛОНИЗАЦІИ НА УРАЛѢ. *Вл. Короленка.* . . . . 476—482

Отдѣлъ II.

I. БИБЛІОГРАФІЯ: Новый сборникъ пѣсенъ. „Малороссійскія народныя пѣсни, собранныя проф. Д. И. Эварницкимъ“. *Владиміра Данилова.* . . . . 51—70

II. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Договоръ монастыря со снѣцаремъ (1720 г.) Сообщ. *Вл. Короленко;* б) Необходимое пояснеиіе. *Б. Гринченко;*в) Къ біографіи И. П. Котляревскаго. Сообщ. *И. Фр. Павловскій;* г) Вызовъ полтавскихъ помѣщиковъ для управлеиія конфискованными имѣніями въ волынской губерніи. Сообщ. *И. Фр. Павловскій;* д) *Изъ прошлаго Полтавщины.* I. Донесеніе Петра Полторацкаго кн. Репнину о грабежѣ имѣній Муравьева-Апостола. II. Жалоба титул. совѣтника Бровка объ отказѣ наградить его орденомъ Владиміра 4 ст. Сообщ. *И. Фр. Павловскій;* е) Отказъ губернатора принять въ подарокъ кубокъ отъ харьковскаго дворянства. Сообщ. *И. Фр. Павловскій* . . . . 71—82

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCIII.

1906 г.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ.

Кіевъ.
Типо-литографія Т-ва Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская у., № 14.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ 93-го ТОМА

май-іюнь и іюль-августъ.

Книга первая и вторая—май-іюнь.

Отдѣлъ I.

I ОТНОШЕНІЕ ВЕЛИКОРУССКИХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ 70-хъ ГОДОВЪ КЪ НАРОДНО-ФЕДЕРАЛЬНОМУ НАПРАВЛЕНІЮ . . . . 1—42
II ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА. (Продолжеиіе). . . . . 43—62
III ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ КОНЦА 40-хъ ГОДОВЪ. *П. П. Сокальскій.* 63—71
IV ИЗЪ ЖИЗНИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ ВЪ 1840-хъ ГОДАХЪ. *О. Левицкій* . . . 72—87
V ЖИТТЯ І ТВОРИ ВІКТОРА ЗАБІЛИ. *В. Мировця* . . 88—178
IV ТЕМНОТА *Ю. Будяка.* . . . . 178—183
VII НЕ В РУКУ . . . . 184—190
VIII ОТЧЕТЪ О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ Н. И. КОСТОМАРОВА . . . . 191—230

Отдѣлъ П.

I БИБЛІОГРАФІЯ: Д. И. а) Яворинцкій. Наша доля—Божа воля. Повисть. *Д-въ;* б) Украиньске весилля. Записавъ Ив. Демченко. *Владимірь Даниловъ.*. . . . . 1—5
II ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи матеріальиаго положеиія малороссійскаго духовеиства въ 18 вѣкѣ. Сообщ *Вл. П-ко*; б) Разведеиіе табаку въ Малороссіи въ 1760 годахъ. Сообщ. *Вл. П-ко*; в) Къ исторіи Кіево-Софійскаго собора. Сообщ. *Вл. П-ко*; г) Къ иародиой демонологіи Сообщ. *Вячеславъ Каминскій*; г) Непоиятиая тревога. *О. Л.;* д) Стихотвореиіе ссыльиаго украинца половииы XVIII ст. *Г. Б.;* е) Малеиькі додатки до матеріалів, записаииых в с. Отаках. Сообщ. *В. Ябловскій* ж) Изъ прошлаго Полтавщииы: 1) Жалоба еврей-

скаго раввина въ думу о несоблюденіи евреями обрядовъ; 2) Договоръ между мѣщанами о добровольномъ поступленіи въ рекруты за плату. Сообщ. *И. Фр. Павловскій* 6—21
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . 22—50

Книга третья и четвертая—іюль-августъ.

Отдѣлъ I.

I. О ПОЛОЖЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ ВО 2-й ЧЕТВЕРТИ XIX ст. *Ор. Левицкаго*. . . . . 231—274
II. ПОЛЬСКАЯ И ВЕЛИКОРУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ 70-хъ ГОДОВЪ ПО ВОПРОСУ О НАРОДНО-ФЕДЕРАЛЬНОМЪ НАПРАВЛЕНІИ *М. П. Драгоманова*. 275—337
III. КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УКРАИНСКОМЪ НАРОДНИЧЕСТВѢ. (Опытъ программныхъ вопросовъ для изученія украинской національной идеи). *Петра Одинца*. . . . 338—376
IV. ОТКРОВЕНІЄ СВ. СТЕПАНА. (Студія над одним мало відомим апокріфом). *Івана Франка* . . . . 377—405
V. ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА. (Продолженіе). . . . . 406—435
VI. РОЗГАРДІЯШ. Твора на 4 дії. *М. Кропивницького*. . 436—470
VII. ПРИЗНАКИ УКРАИНСКОЙ КОЛОНИЗАЦІИ НА УРАЛѢ. *Вл. Короленка*. . . . . 476—482

Отдѣлъ II.

I БИБЛІОГРАФІЯ: Новый сборникъ пѣсенъ. „Малороссійскія народныя пѣсни, собранныя проф. Д. И. Эварницкимъ". *Владиміра Данилова*. . . . . 51—70
II. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Договоръ монастыря со сидѣцаремъ (1720 г.) Сообщ. *Вл. Короленко;* б) Необходимое поясненіе. *Б. Гринченко*; в) Къ біографіи И. П. Котляревскаго. Сообщ. *И. Фр. Павловскій*; г) Вызовъ полтавскихъ помѣщиковъ для управленія конфискованными имѣніями въ волынской губерніи. Сообщ. *И. Фр. Павловскій*; д) *Изъ прошлаго Полтавщины*. I. Донесеніе Петра Полторацкаго кн. Репнину о грабежѣ имѣній Муравьева-Апостола. II. Жалоба титул. совѣтника Бровка объ отказѣ наградить его орденомъ Владиміра 4 ст. Сообщ. *И. Фр. Павловскій;* е) Отказъ губернатора принять въ подарокъ кубокъ отъ харьковскаго дворянства. Сообщ. *И. Фр. Павловскій* . . . . 71—82

О положеніи крестьянъ Юго западнаго края во 2-й четверти XIX ст.

I.

Нѣтъ болѣе печальной исторіи, какъ исторія Украины; это—въ полномъ смыслѣ слова сплошная скорбная повѣсть о безпримѣрныхъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ украинскаго народа. Но пока народъ имѣетъ возможность бороться за свои права и идеалы, то, какъ бы ни были велики его неудачи и несчастья, все-таки его положеніе нельзя признать совершенно безотраднымъ; у него не отнята надежда на возможность какого-либо благопріятнаго исхода борьбы, онъ еще воленъ въ выборѣ средствъ для такой борьбы, а въ самомъ крайнемъ случаѣ онъ не задумается прибѣгнуть къ такому отчаянному средству, какъ поголовное выселеніе изъ родного края, но съ надеждою вновь вернуться въ него, какъ только измѣнятся неблагопріятныя обстоятельства. Въ такомъ именно положеніи очутилась правобережная Украина въ злосчастную эпоху „Руины". Отвергнутая московскимъ правительствомъ, по дипломатическимъ разсчетамъ вновь вернувшимъ ее Польшѣ, оставленная на произволъ судьбы лѣвобережными гетманами, она не захотѣла однако безропотно подчиниться своей горькой судьбѣ—снова вернуться въ польское ярмо и съ отчаянной рѣшимостью бросилась въ непосильную борьбу, результатомъ которой было полное запустѣніе края и уходъ населенія на лѣвый берегъ Днѣпра.

Но сто лѣтъ спустя та же правобережная Украина вступила въ иной фазисъ своей исторіи. Выдержавъ снова упорную борьбу за свою вѣру и вольность, она еще разъ потрясла шляхетную

Польшу отчаяннымъ взрывомъ гайдамачины и наконецъ, усталая, обезсиленная, поголовно закрѣпощенная все тѣмъ же польскимъ панствомъ, она дождалась „смутнаго часу,“ когда ея вѣковой врагъ Польша пала, а сама она, вмѣстѣ съ Волынью и Подольей, перешла подъ власть того самаго единовѣрнаго съ нею государства, покровительства котораго она такъ страстно всегда искала и подъ скипетромъ котораго уже полтораста лѣтъ жили ея братья, сыны бывшей Гетьманщины и Слободской Украины. Казалось, наступалъ великій и всерадостный для всѣхъ доселѣ разрозненныхъ, а отнынѣ вновь и уже навѣки объединенныхъ частей Украины, поворотный моментъ въ ея исторіи, моментъ исполненія вѣковыхъ чаяній украинскаго народа. Казалось, что теперь, подъ защитою русскихъ законовъ, „исконно-русское“ населеніе старой Волыни, Подольи и Украины почувствуетъ себя свободными гражданами новаго отечества, а не рабами польской шляхты, и что, добровольно сбросивъ съ себя грубымъ насиліемъ навязанную ему унію, оно сброситъ и вѣковыя цѣпи личнаго порабощенія той самой шляхтѣ, которая во время польскаго господства такъ безчеловѣчно попирала его вѣру и народность и обратила его въ безотвѣтныхъ рабовъ. И по естественной логикѣ такъ бы оно и слѣдовало, чтобы оправдались эти справедливыя народныя чаянія. Но мы хорошо знаемъ, что они не оправдались, какъ не оправдались и опасенія поляковъ-помѣщиковъ, будто они, съ переходомъ края въ русское управленіе, потерпятъ какой-либо ущербъ въ своихъ сословныхъ, владѣльческихъ или хотя бы національныхъ привилегіяхъ и интересахъ. И надежды однихъ, и опасенія другихъ оказались одинаково напрасными: все осталось по старому, по прежнему, какъ было и „за Польщи“. Да и какъ могло быть иначе, когда присоединеніе края совершено было той самой просвѣщенной императрицей, которая съ такимъ усердіемъ насаждала въ Россіи „шляхетскія вольности“ и лишь за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ формально ввела крѣпостное право въ бывшей Гетьманщинѣ! Правда, какъ русская государыня, Екатерина и въ „провинціяхъ отъ Польши присоединенныхъ“ предпочитала бы видѣть въ роли помѣщиковъ русскихъ, а не польскихъ вельможъ, и съ этою цѣлью конфисковала громадныя имѣнія уніатскихъ кафедръ (даръ древнихъ русскихъ князей православной церкви) и роздала ихъ своимъ любимцамъ; при ней же и обширныя государственныя имѣнія (бывшія старостинскія и королевскія) въ Кіевщинѣ перешли въ собственность русскихъ вельможъ. Но ея ближайшіе преемники отказались даже отъ этой робкой полити-

ки—насажденія въ польскихъ провинціяхъ русскаго землевладѣнія" и заботливо оберегали и вновь расширяли прерогативы туземнаго дворянства. Такъ Павелъ I, желая исправить мнимыя неправды своей матери по отношенію къ Польшѣ, по вступленіи на престолъ велѣлъ немедленно освободить около 11,000 поляковъ, сосланныхъ за участіе въ возстаніи Костюшки, и возвратить имъ конфискованныя и уже розданныя русскимъ имѣнія, возстановилъ вновь католическія и уніатскія епархіи и даровалъ польскимъ дворянамъ присоединенныхъ отъ Польши областей право съѣзжаться на сеймики и избирать изъ своей среды губернскихъ и уѣздныхъ маршаловъ, генеральныхъ судей въ главные суды и предсѣдателей въ прочіе суды, причемъ возстановлялось дѣйствіе Литовскаго статута и судопроизводство на польскомъ языкѣ. Съ тѣхъ поръ почти всѣ административныя и судебныя должности въ югозападныхъ губерніяхъ исключительно были заняты поляками. Съ воцареніемъ Александра I для поляковъ западнаго края открывалась еще болѣе блестящая эра, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что молодой императоръ, благодаря вліянію друга своей молодости князя Адама Чарторыйскаго, преисполненъ самыми благожелательными чувствами по отношенію къ Польшѣ и искренно желаетъ облегчить ея „бѣдствія", и всѣ надѣялись, что онъ явится ея „воскресителемъ". Терпѣливо ожидая этого вожделѣннаго времени, поляки могли спокойно готовиться ко дню своего государственнаго возрожденія, пользуясь тѣмъ привилегированнымъ положеніемъ, какое они занимали въ новомъ отечествѣ, и проводя безпечальное житіе, какого не знали и въ прежнемъ. Совершенно свободные отъ податей и какихъ бы то ни было государственныхъ повинностей, они были во всемъ уравнены въ правахъ и преимуществахъ съ русскимъ дворянствомъ, среди котораго тотчасъ заняли выдающееся положеніе; за ними охотно признавали довольно сомнительные графскіе и княжескіе титулы; въ ихъ рукахъ находился судъ, школа и уѣздная администрація, имъ открытъ былъ свободный доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ до губернаторскихъ и сенаторскихъ мѣстъ включительно. Ихъ вотчинная власть надъ милліонами коренного украинскаго населенія, подъ защитою русскихъ законовъ, выросла до размѣровъ, неизвѣстныхъ въ эпоху польскаго владычества, когда помѣщикамъ и во снѣ и наяву грезился страшный призракъ гайдамаки. Въ тѣ времена крайняго усиленія крѣпостничества въ самой Россіи никому, конечно, и на мысль не приходило, чтобы въ видахъ хотя бы политическихъ усилить и под-

держать въ новоприсоединенномъ краѣ единственный русскій элементъ—въ лицѣ милліоновъ закрѣпощеннаго народа. Еще со временъ Екатерины о немъ прилагали попеченіе только какъ о народѣ *единовѣрномъ* и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ (наприм., въ манифестѣ о присоединеніи къ Россіи Юго-западнаго края по второму раздѣлу Польши) вспоминали и объ его *единоплеменности*, но для улучшенія быта этого единовѣрнаго и единокровнаго народа, такъ долго стенавшаго подъ ярмомъ шляхетскимъ и въ чаяніи лучшей доли неудержимо рвавшагося къ соединенію съ Россіею, не было предпринято ни одного шага; напротивъ, на его плечи легла теперь вся тяжесть государственныхъ повинностей и въ числѣ ихъ самая тяжелая—рекрутчина, которой онъ не несъ „за Польщи“ и отъ которой были освобождены не только поляки (въ томъ числѣ и самая мелкая, бездомная шляхта), но и евреи. Позволяя ничтожному числу пришлаго инороднаго дворянства безгранично эксплоатировать личность, трудъ и имущество милліоновъ коренного населенія, правительство Александра I, по какой-то непостижимой политической слѣпотѣ, равнодушно смотрѣло на энергичныя усилія поляковъ путемъ школьнаго обученія отнять у этого народа самую его душу — сознаніе своей національной индивидуальности; по крайней мѣрѣ не дѣлалось ничего для противодѣйствія открытой, систематической полонизаціи западно-русскихъ областей, которая съ такой энергіей начата была еще польской эдукаціонной коммиссіей и достигла въ нашемъ краѣ высшаго напряженія въ эпоху Чацкаго; напротивъ, русское правительство того времени открыто признавало законность этого явленія и содѣйствовало ему цѣлымъ рядомъ мѣръ не только школьнаго, но преимущественно административнаго характера. Всѣ эти странныя, противоестественныя на современный взглядъ явленія происходили отъ незнанія или нежеланія знать прошлое, отъ невниманія къ интересамъ народныхъ массъ и отъ распространеннаго тогда даже въ руководящихъ сферахъ нелѣпаго предразсудка, будто національность страны опредѣляется національностью „первенствующаго“ въ ней, т. е. дворянскаго сословія. Исходя изъ послѣдняго положенія, не одни поляки въ то время были убѣждены, что западно-русскій край есть органическая часть Польши, давно завоеванная силою ея цивилизаціи; то же убѣжденіе господствовало и въ русскомъ обществѣ и находило отзвукъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ: вспомнимъ, что императоръ Александръ I имѣлъ серьезное намѣреніе, возстановивъ Польшу, возвратить ей русскія области по Березину и Днѣпръ.

Въ виду всего сказаннаго, читатель, надѣемся, согласится съ нашимъ заключеніемъ, что съ момента присоединенія къ Россіи западной Украины въ ея исторіи открывается самый безотрадный періодъ, болѣе печальный, чѣмъ даже злосчастная эпоха „Руины“. Нужды нѣтъ, что въ это время край не переживаетъ ни войнъ, ни народныхъ возмущеній, что его не терзаютъ татарскія орды или внутреннія усобицы, какъ бывало раньше. Но это „безмолвіе“ народа, эта нѣмая, чисто воловья покорность, съ какою онъ протянулъ шею въ прежнее крѣпостное ярмо,—о чемъ она свидѣтельствуетъ, какъ не о полномъ крушеніи его вѣковыхъ надеждъ, о потерѣ вѣры въ себя, въ свои когда-то могучія силы, о страшномъ процессѣ духовнаго омертвѣнія? Убѣдившись, что съ перемѣною политическаго подданства ничто не измѣнится въ его рабской долѣ, народъ сложилъ пѣсню:

„Була Польща, була Польща,
Та й стала Росия
Не заступить син за батька,
А батько за сина“...

т. е. какъ раньше „сина“ и „батька“ гнали батогомъ на „панщину“, такъ и теперь гонятъ. И всѣ сложенныя въ этотъ періодъ пѣсни народныя говорятъ объ одномъ—о тяжести „панщины“, о безчеловѣчіи панскихъ прислужниковъ, пригонявшихъ народъ къ невольничьей работѣ, и о злобѣ къ этимъ „недолюдкамъ“. И кажется дивомъ, что этотъ самый народъ именно въ этотъ ужасный періодъ духовнаго своего прозябанія могъ породить такого геніальнаго пѣвца, какимъ былъ великій нашъ Кобзарь.

Такъ продолжалось до вступленія на престолъ Николая I или, точнѣе, до польскаго мятежа 1830—31 гг., когда правительство горькимъ опытомъ должно было убѣдиться, насколько ошибочна была его прежняя политика на западно-русскихъ окраинахъ. Едва вспыхнуло возстаніе въ коренной Польшѣ, какъ тотчасъ въ разныхъ мѣстахъ юго-западнаго края польская шляхта стала организоваться въ вооруженные отряды и открыто выступать противъ русскихъ, и если бы генералу Ридигеру не удалось удержать Дверницкаго близъ австрійской границы, то послѣдній, двинувшись вглубь Волыни или Подоліи, встрѣтилъ бы здѣсь сильную поддержку среди мѣстныхъ повстанцевъ. Въ эту тревожную минуту русское правительство не безъ опасенія

увидѣло, что, кромѣ военной силы, ему не на кого больше опереться въ краѣ, такъ какъ почти все мѣстное дворянство и чиновничество принадлежало къ польской пародности и въ большей или меньшей степени сочувствовало возстанію. Правда, въ краѣ жило свыше четырехъ милліоновъ коренного украинскаго населенія, питавшаго непримиримую вражду къ своимъ притѣснителямъ—той самой польской шляхтѣ, которая въ то время выступала подъ знаменемъ возстанія. И нѣтъ сомнѣнія, что если бы правительство въ это время хотя косвенно дало понять народу, что не будетъ мѣшать и его содѣйствію въ усмиреніи мятежа, то народъ охотно поднялся бы противъ своихъ пановъ, и юго-западный край сдѣлался бы ареной такихъ же кровавыхъ событій, какія произошли въ 1846 г. въ Галиціи. Но правительство не могло рѣшиться на такую опасную мѣру, такъ какъ это должно было поколебать одинъ изъ коренныхъ устоевъ тогдашняго государственнаго быта—крѣпостное право. А искушеніе, видимо, было велико. Не рѣшаясь прямо призывать крестьянъ къ содѣйствію, ихъ все таки призывали косвенно—чрезъ посредство православнаго духовенства, которому конфиденціально было предписано „посредствомъ прихожанъ“ имѣть неослабное наблюденіе за поведеніемъ помѣщиковъ, ихъ управителей, посессоровъ и другой шляхты и о всякихъ подозрительныхъ, а тѣмъ болѣе явно преступныхъ дѣйствіяхъ ихъ тотчасъ доносить начальству. Одинъ только разъ—и то не отъ лица высшаго правительства, а отъ имени тогдашняго главнокомандующаго, фельдмаршала Остенъ-Сакена, издано было въ маѣ 1831 г. прямое воззваніе къ крестьянамъ юго-западнаго края, читанное въ церквяхъ, въ которомъ они открыто приглашались указывать правительству на мятежныхъ дворянъ и даже схватывать ихъ и доставлять по начальству, при чемъ имъ было обѣщано, что сами они никогда уже не будутъ принадлежать возмутившимся владѣльцамъ. Нечего и говорить о томъ, съ какою готовностью народъ отозвался на эти приглашенія и какія неоцѣнимыя услуги оказалъ правительству въ дѣлѣ подавленія мятежа. Но какъ дорого пришлось ему же поплатиться за эти вѣрноподданническія услуги! По усмиреніи мятежа никто и не вспомнилъ обѣщанія Сакена, а съ мятежниками правительство поладило довольно мирно: одни изъ пановъ владѣльцевъ принесли повинную и были прощены, другіе разными неправдами вышли сухими изъ воды, третьи хотя и подвергались карѣ, но конфискованныя у нихъ имѣнія были переданы ихъ же родственникамъ—и всѣ они постарались стори-

цею воздать „песьей крови“ за недавнія услуги: мстили за себя мстили за своихъ покаранныхъ родственниковъ, мстили за неудачу „одбудованья ойчизны“, Многіе изъ крестьянъ были отданы въ рекруты, другіе въ кандалахъ, съ перебритыми головами, потянулись въ Сибирь, а оставшіеся на мѣстахъ подверглись повсемѣстно систематическимъ безчеловѣчнымъ преслѣдованіямъ, причемъ (по свидѣтельству самого Бибикова), подвергая крестьянъ истязаніямъ, имъ повторяли, „что таковыя дѣлаются имъ за вѣрность правительству“. Вмѣстѣ съ тѣмъ повсемѣстно увеличены были крестьянскіе отработки и повинности, что, помимо чувства мщенія, вызывалось и тѣмъ, что весьма многіе помѣщики и арендаторы хотѣли этимъ поправить свои состоянія, разстренныя революціей.

Но что же дѣлало русское правительство и почему оно не приходило на помощь своему естественному союзнику—народу? Увы, подобную здравую политику правительство усвоило болѣе или менѣе лишь послѣ второго польскаго мятежа, 1863 года, а въ то время она оказалась выше его разумѣнія. Императоръ Николай I имѣлъ очень своеобразный взглядъ на происхожденіе всякаго рода революціонныхъ движеній: причину ихъ онъ видѣлъ не въ извѣстныхъ общественныхъ или государственныхъ нестроеніяхъ, а исключительпо въ злой волѣ и вредномъ образѣ мыслей мятежниковъ; поэтому и рецептъ для умиротворенія края и предупрежденія новыхъ возмущеній былъ у него очень простъ: вырвать съ корнемъ революціонную заразу, истребить злонамѣренныхъ людей и навести панику на всѣхъ, кто могъ бы имъ сочувствовать—и въ краѣ водворится миръ и благоденствіе. По этому рецепту былъ умиротворяемъ и юго-западный край послѣ мятежа 1831 года. Прежде всего пущены были въ ходъ мѣры карательныя и устрашительныя: казни, ссылки, розыски и всевозможныя репрессіи; затѣмъ слѣдовали мѣры предупредительныя: увидѣли источникъ заразы въ польскихъ школахъ, заведенныхъ Чацкимъ,—и всѣ школы моментально были закрыты; увидѣли заразу въ католическихъ монастыряхъ—и принялись тотчасъ закрывать ихъ, и т. под. Таковы же были и другія административныя мѣры, направленныя къ снесенію съ края польско-католической окраски и къ возвращенію ему „исконно-русскаго“ характера. Казалось бы, что эта послѣдняя цѣль легче всего была бы достигнута дарованіемъ милліонамъ коренного, „исконно-русскаго населенія гражданскихъ правъ и прекращеніемъ этого позорнаго для господствующаго племени порабощенія польскому

дворянству. Но развѣ подобная дерзкая мысль могла бы возникнуть въ царствованіе государя, который въ одномъ изъ засѣданій государственнаго совѣта (30 марта 1872 г.) опредѣлительно высказался, въ поученіе своимъ вельможамъ, объ этомъ предметѣ такъ: „я признаю, что въ настоящую эпоху *всякій помыселъ* объ освобожденіи крестьянъ былъ бы *преступнымъ посягательствомъ* на общественное спокойствіе и на благо государства". [1]) Въ этомъ своего рода идолопоклонническомъ преклоненіи предъ институтомъ крѣпостного права и суевѣрномъ опасеніи, какъ бы не поколебать этотъ краеугольный камень тогдашняго государственнаго строя заключается разгадка и того на первый разъ страннаго явленія, что польскіе помѣщики въ юго-западномъ краѣ безнаказанно могли открыто мстить своимъ крестьянамъ за ихъ вѣрноподданническую услугу правительству, а мѣстная администрація была безсильна оградить ихъ отъ дикой мести, а равно и того, почему торжественныя завѣренія Остенъ-Сакена, что крестьяне не будутъ принадлежать возмутившимся помѣщикамъ, остались неисполненными.

Къ чести извѣстнаго кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова нужно отнести то, что этотъ умный администраторъ имѣлъ смѣлость открыто выяснить правительству всю ненормальность тогдашняго положенія крестьянъ въ юго-западномъ краѣ и провести рядъ мѣръ, клонившихся хотя и не къ полному прекращенію ихъ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, (объ этомъ нельзя было и заикнуться), то, по крайней мѣрѣ къ возможному огражденію ихъ отъ произвола владѣльцевъ.

II.

Въ то время, когда Бибиковъ вступилъ въ управленіе юго-западнымъ краемъ въ 1838 г., составъ его населенія былъ таковъ. Около 4.200.000 душъ составляли сельское населеніе, поголовно находившееся въ крѣпостномъ состояніи. Надъ нимъ возвышалось дворянское сословіе, числившее въ своихъ рядахъ около 100.000 душъ. Лишь ничтожную часть его составляли дворяне русскаго происхожденія, а остальные были поляки. Но и среди послѣднихъ не болѣе одной трети составляли собственно классъ

---

1) Записки барона М. Корфа.

помѣстныхъ владѣльцевъ или поземельную аристократію, а громадное большинство (около 64.000 душъ) принадлежало частью къ мелкопомѣстной, а чаще и совсѣмъ къ безпомѣстной и даже бездомной шляхтѣ. Это былъ въ полномъ смыслѣ классъ паразитовъ, вредныхъ тунеядцевъ, жадно высасывающихъ соки народные. Гордясь своимъ (часто очень сомнительнымъ) шляхетскимъ происхожденіемъ и пользуясь по праву дворянства и полною свободою отъ всякихъ податей и повинностей, такой шляхтичъ обыкновенно презиралъ всякій производительный трудъ и, поступивъ на службу къ богатому пану на должность эконома, управителя, писаря и т. под. или арендуя его имѣніе, являлся самымъ лютымъ мучителемъ и эксплоататоромъ несчастнаго „хлопа"; другіе же изъ шляхты наполняли ряды низшаго чиновничества или, наконецъ, толпились около патрона-магната въ роли нахлѣбниковъ („печеняжей") или шутовъ. Городское населеніе (около 341.000 д.), за исключеніемъ незначительнаго числа украинскихъ мѣщанъ, составляли главнымъ образомъ евреи; они держали въ своихъ рукахъ почти всю мелочную и оптовую торговлю въ городахъ и мѣстечкахъ, арендовали у помѣщиковъ шинки и корчмы, мельницы, заводы, рѣчные перевозы, а иногда и цѣлые фольварки и разныя доходныя статьи, снабжали и пановъ, и крестьянъ кредитомъ и за безцѣнокъ скупали у нихъ разные продукты, а болѣе состоятельные изъ евревъ брали въ аренду даже казенныя имѣнія съ правомъ требовать отъ крестьянъ барщины.

Таковъ былъ въ то время классовой составъ населенія края, въ которомъ милліоны рабовъ выбивались изъ силъ въ невольномъ трудѣ ради благоденствія ничтожной горсти эксплоататоровъ. Конечно, крѣпостное право существовало тогда во всей Россіи и возмущало совѣсть лишь весьма немногихъ передовыхъ людей; но здѣсь всякаго разумнаго наблюдателя, а тѣмъ болѣе государственнаго дѣятеля, рьянаго поборника „русскихъ началъ," какимъ былъ Бибиковъ, должна была поразить вопіющая политическая аномалія, что милліонная масса народа, искони русскаго и православнаго, принадлежавшая и по историческому праву, и по только что совершившемуся факту завоеванія къ племени коренному, господствующему, къ племени побѣдителей,—въ силу крѣпостнаго права, установленнаго Богъ вѣсть когда, въ эпоху еще польскаго господства, отдана была въ полное порабощеніе ничтожному по численности классу инородцевъ и иновѣрцевъ, принадлежащихъ къ племени пришлому и побѣжденному, и по-

чему такое порабощеніе остается въ полной силѣ и послѣ того, какъ этотъ же народъ съ такимъ усердіемъ помогъ правительству усмирить мятежъ, поднятый въ краѣ тѣми же рабовладѣльцами? Народъ этотъ былъ доведенъ до крайней степени забитости и духовнаго обнищанія, у него не было никакой интеллигенціи, если не считать таковой сельское духовенство, столь же убогое, невѣжественное и зависимое отъ помѣщиковъ и ихъ управителей, какъ и его пасомые; однако для просвѣщенія этого народа правительство ровно ничего не дѣлало. Оно устраивало новыя школы взамѣнъ закрытыхъ польскихъ, но предназначало ихъ для польскаго шляхетства, открыло въ Кіевѣ даже университетъ, но тоже „для поляковъ югозападнаго края;“ доступъ же въ эти школы простолюдину былъ закрытъ попрежнему, а объ заведеніи спеціально народныхъ училищъ никто и не думалъ. Но что и говорить объ этомъ, когда законъ той эпохи не обезпечивалъ крестьянину самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ и отдавалъ его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, въ полное и безотчетное распоряженіе помѣщика, предполагая, что самъ владѣлецъ въ собственныхъ интересахъ станетъ щадить своего раба, какъ добрый хозяинъ щадитъ рабочую скотину. По закону помѣщики имѣли право ссылать непокорныхъ крестьянъ въ Сибирь, сдавать безъ зачета въ рекруты, сажать въ тюрьмы и наказывать когда и какъ пожелаютъ, лишь бы не было увѣчья. А ужъ какъ помѣщикъ пользовался трудомъ и имуществомъ крестьянина, какими работами и повинностями обременялъ его, какъ подрывалъ въ корнѣ его семейный бытъ, произвольно женя и выдавая замужъ его дѣтей, раздаривая и распродавая отдѣльно членовъ одной семьи и т. под.—до этого рѣшительно никому не было дѣла. Можно представить, какъ безчеловѣчно злоупотребляли этимъ всевластіемъ обозленные на своихъ „хлоповъ“ шляхтичи западныхъ губерній!

На это прежде всего обратилъ вниманіе Бибиковъ и въ первомъ же всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ государю въ 1839 г. о положеніи края доводилъ до его свѣдѣнія, что „здѣшніе помѣщики и посессоры управляютъ крестьянами безчеловѣчно, и хотя въ защиту крестьянъ принимаются указанныя закономъ мѣры, но онѣ, какъ послѣдствія разныхъ случаевъ или происшествій, принося пользу частную, не сильны отвратить зла общаго.“ И точно, онъ зорко наблюдалъ за тѣмъ, чтобы помѣщики не угнетали крестьянъ и не злоупотребляли своей властью и постоянно предписывалъ уѣздной администраціи строжайше

слѣдить за этимъ и обо всемъ замѣченномъ немедленно доносить ему непосредственно. И Боже, какія потрясающія донесенія тучами сыпались отовсюду! Въ архивахъ мѣстнаго управленія и теперь хранятся фоліанты старыхъ дѣлъ, при чтеніи которыхъ такъ и кажется, будто читаешь акты мучениковъ временъ Діоклитіана. Для образца возьмемъ опись такихъ дѣлъ за одинъ лишь 1840 годъ и приведемъ нѣсколько заглавій: „Дѣло о крестьянинѣ Григоріѣ Бирмѣ, умершемъ послѣ наказанія колючими сливяными розгами по приказанію эконома Ведмедскаго;" „дѣло о крестьянкѣ Параскѣ Петренковой, повѣсившейся послѣ наказанія ея шляхтичемъ Ольшевскимъ", и затѣмъ—длинный перечень дѣлъ о скоропостижныхъ смертяхъ и самоубійствахъ послѣ тяжкихъ истязаній, или о преждевременныхъ родахъ вслѣдствіе наказаній беременныхъ крестьянокъ. А сколько потрясающихъ драмъ можно найти въ дѣлахъ, носящихъ шаблонное заглавіе: „О жестокомъ обращеніи NN съ крестьянами", „объ угнетеніи крестьянъ" и т. под.! Такихъ дѣлъ цѣлыя тысячи. Или вотъ другая серія дѣлъ: „о растлѣніи помѣщикомъ Страшинскимъ шести крестьянскихъ дѣвочекъ"; „объ изнасилованіи помѣщикомъ Прушинскимъ пяти крестьянскихъ дѣвочекъ" и т. под. Этому развлеченію очень охотно предавались тогдашніе шляхтичи,—и замѣтьте, что ихъ вовсе не привлекали къ отвѣтственности за то, что они содержали цѣлые гаремы изъ крестьянокъ или вообще развратничали съ ними, а лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они переходили мѣру и насиловали малолѣтнихъ. И любопытно, какъ безсиленъ былъ въ борьбѣ со всѣми этими злоупотребленіями даже такой всемощный администраторъ, какимъ былъ Бибиковъ! Дѣло въ томъ, что хотя законъ и угрожалъ взятіемъ въ опеку имѣній помѣщиковъ, изобличенныхъ въ угнетеніи крестьянъ, но эта мѣра могла быть осуществлена лишь въ томъ случаѣ, если дворянское собраніе признаетъ ее необходимой, какъ и вообще надзоръ за обращеніемъ владѣльцевъ съ крестьянами возлагался на предводителей дворянства, а на нихъ Бибиковъ могъ дѣйствовать лишь морально, а не силою власти. И начиная съ первыхъ лѣтъ управленія краемъ, онъ то и дѣло обращался къ нимъ съ циркулярными убѣжденіями и просьбами „объ оказаніи съ ихъ стороны содѣйствія къ прекращенію злоупотребленій помѣщичьей власти въ обращеніи съ крестьянами." Но предводители были тѣ же поляки и помѣщики; они и сами такъ же обращались съ крестьянами и всѣми средствами выгораживали своихъ собратій, когда

администрація привлекала ихъ за это къ отвѣтственности. Не большее содѣйствіе ей оказывали и производившіе дознаніе по такимъ дѣламъ полицейскіе чиновники, въ большинствѣ люди продажные и часто тѣ же поляки, и уѣздные суды, гдѣ членами состояли лица, выбранныя дворянствомъ, намѣренно тормозили подобныя дѣла и затягивали ихъ въ безконечность, если уже нельзя было обѣлить собрата, что такъ легко было сдѣлать при рѣшающемъ значеніи формальныхъ доказательствъ въ тогдашнемъ судопроизводствѣ. Такъ напр., почти всѣ дѣла объ износилованіяхъ оканчивались обыкновенно такимъ чисто Шемякинскимъ рѣшеніемъ: „Поелику помѣщикъ N до изнасилованія и растлѣнія означенныхъ дѣвокъ не повинился и при томъ въ поведеніи одобренъ, то на основаніи 1169 ст. XV т. св. зак. оставить его отъ дѣла свободнымъ; а понеже означенныя дѣвки, по удостовѣренію свидѣтельствовавшаго ихъ лѣкаря и собственному сознанію, лишены дѣвства и подверглись противозаконному сожитію, то предоставить духовной консисторіи подвергнуть ихъ церковной епитиміи.“ Спрашивается, что могъ сдѣлать при этомъ даже всемогущій Бибиковъ? Единственное: могъ вызвать насильника къ себѣ для начальственнаго разноса, могъ удалить его изъ имѣнія въ уѣздный городъ подъ надзоръ полиціи или даже подъ арестъ впредь до окончанія слѣдствія по его дѣлу, могъ даже административно выслать его во внутреннія губерніи, а однажды такой помѣщикъ-угнетатель „для примѣра“ былъ преданъ военному суду и посаженъ въ крѣпость. Но это значило лишь сорвать злость на одномъ изъ тысячи, и такія экстраординарныя мѣры, какъ сознавалъ и самъ Бибиковъ, „принося пользу частную, не сильны были отвратить зла общаго.“

Требовались другія мѣры общаго характера, которыя, не подрывая открыто принципа крѣпостного права, клонились бы къ обезсиленію шляхетскаго сословія и къ облегченію крестьянъ. Такія мѣры можно было провести въ то время только подъ флагомъ правительственной борьбы съ полонизмомъ и польской революціей.

Легче всего Бибикову удалось подорвать силу и значеніе той многочисленной мелкой шляхты, которая, окружая польскую аристократію и служа какъ-бы посредницею между нею и крестьянствомъ въ роли управителей, повѣренныхъ, арендаторовъ и приживальцевъ, а также выступая, по праву дворянства, арендаторами и администраторами казенныхъ имѣній, съ особенною жестокостью угнетала крестьянъ и выжимала изъ нихъ послѣд-

ніе соки. Изъ этой же толпы тунеядцевъ польская революція 1831 года рекрутировала главныя силы повстанцевъ; поэтому тотчасъ послѣ усмиренія мятежа послѣдовалъ высочайшій указъ, повелѣвавшій привести въ извѣстность всю польскую шляхту, провѣрить ея права на дворянство и тѣхъ, кто его не докажетъ, причислить къ податнымъ сословіямъ. Но такъ какъ главная роль въ этой провѣркѣ была предоставлена дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ, охотно признававшимъ доказательную силу за документами, сфабрикованными въ Бердичевѣ, то дѣло тянулось безрезультатно около девяти лѣтъ. Тогда, по ходатайству Бибикова, учреждена была въ 1840 г. въ Кіевѣ особая ревизіонная комиссія, которая должна была дѣйствовать подъ непосредственнымъ руководствомъ генералъ-губернатора. Результатомъ ея дѣйствій было исключеніе изъ дворянскаго сословія 64,000 шляхтичей, не доказавшихъ своихъ дворянскихъ правъ, и причисленіе ихъ къ податнымъ классамъ—однодворцевъ въ селеніяхъ и гражданъ въ городахъ. Впослѣдствіи эта бывшая шляхта, принужденная заняться производительнымъ трудомъ, почти вся слилась съ кореннымъ населеніемъ, усвоивъ его образъ жизни, языкъ и обычаи.

Труднѣе было Бибикову провести законодательнымъ путемъ другую, болѣе важную мѣру, прямо клонившуюся уже къ изъятію изъ панскаго порабощенія хотя части мѣстнаго крестьянства: разумѣемъ его проектъ о переводѣ государственныхъ крестьянъ на оброчное положеніе. Дѣло въ томъ, что въ Югозападномъ краѣ было много имѣній, перешедшихъ въ казну путемъ конфискаціи бывшихъ владѣній упраздненныхъ католическихъ монастырей и частныхъ лицъ, осужденныхъ за участіе въ возстаніи. Имѣнія эти обычно сдавались казною въ аренду съ торговъ, при чемъ арендаторами бывали обыкновенно польскіе шляхтичи, а часто и евреи. Въ теченіе арендчаго срока они облекались всей полнотою всевластія по отношенію къ крестьянамъ и, конечно, заводили тѣ же порядки, какіе практиковались и въ частныхъ имѣніяхъ; а такъ какъ арендаторы были лишь временными владѣльцами, то они старались извлечь побольше доходовъ изъ имѣнія и потому угнетали крестьянъ еще хуже, чѣмъ обыкновенные помѣщики. Ненормальность этого положенія сознавало и само правительство; 1839 г. оно задумало замѣнить систему арендъ отдачей казенныхъ имѣній благонадежнымъ лицамъ въ безотчетную администрацію на 12 лѣтъ изъ платежа исчисленнаго по люстраціи дохода, и требовало отъ Кіевскаго генералъ-

губернатора указать такія благонадежныя лица. Бибиковъ рѣшительно заявилъ, что у него въ краѣ нѣтъ такихъ лицъ, коимъ можно было бы съ пользою довѣрить администрацію казенныхъ имѣній, ибо русскихъ помѣщиковъ здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ, а поручить имѣнія полякамъ онъ находитъ совершенно неудобнымъ по политическому положенію края и его жителей. Вообще же администраціонную систему въ политическомъ отношеніи онъ признаетъ вреднѣе даже арендной, такъ какъ она вручаетъ на гораздо болѣе продолжительный срокъ судьбу русскихъ крестьянъ въ безотчетное управленіе администраторовъ, которыми въ здѣшнемъ краѣ могутъ быть только поляки. Поэтому Бибиковъ первоначально проектировалъ образовать изъ конфискованныхъ имѣній майораты и раздать ихъ русскимъ заслуженнымъ людямъ, чтобы тѣмъ создать въ Югозападномъ краѣ русское поземельное дворянство въ противовѣсъ польскому. Когда же этотъ проектъ, къ счастью, встрѣтилъ въ Петербургѣ сильное противодѣйствіе, тогда Бибиковъ предложилъ другую, болѣе раціональную мѣру: перевести казенныхъ крестьянъ на оброчное положеніе. Его знаменитое представленіе объ этомъ министру было составлено въ такомъ смѣломъ и рѣзкомъ тонѣ, что многіе, читая его, (по свидѣтельству современника) „оглядывались съ большимъ страхомъ, чѣмъ оглядываются въ наше время люди, читающіе какое-нибудь запретное произведеніе лондонской русской прессы.“ [1]) Къ сожалѣнію, этотъ интересный документъ до сихъ поръ остается неопубликованнымъ, и мы принуждены изложить его содержаніе по пересказу того же современника. „Генералъ-губернаторъ, изображая въ живыхъ краскахъ печальное положеніе закрѣпощеннаго русскаго мужика подъ гнетомъ враждебнаго ему по народности и религіи посессора-поляка и подъ экономическимъ гнетомъ высасывающаго изъ него всѣ силы арендатора еврея, выставлялъ вопіющею потребностью, чтобы казна перестала сдавать свои имѣнія въ аренду съ правомъ барщины, чтобы казенные крестьяне немедленно были переведены на оброчное положеніе и чтобы отдача всѣхъ имѣній въ посессіи была прекращена.“ [2])

Этотъ проектъ встрѣтилъ сильную оппозицію въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, указывавшемъ на неприго-

---

[1]) В. Шульгинъ, Югозападный край, 89—90.

[2]) Тамъ же, 90—91.

товленность крестьянъ къ отбыванію денежной повинности, на ущербъ для казны отъ возможныхъ недородовъ, на трудность опредѣлить оброкъ, не измѣривъ и не оцѣнивъ земель, и т. под. Но Бибиковъ этимъ финансовымъ соображеніямъ энергично противоставлялъ другія, политическія; онъ утверждалъ, что отъ рѣшенія даннаго вопроса зависитъ цѣлость имперіи, судьба края, искони русскаго, судьба населенія, единокровнаго и единовѣрнаго, которое, связанное по рукамъ и ногамъ, правительство передало во власть врагамъ его вѣры и народности, и что „нѣтъ иного средства немедленно улучшить хозяйственный бытъ крестьянъ, поднять ихъ духъ и оправдать ихъ *угасающія надежды на правительство.*" Эти настойчивыя представленія наконецъ превозмогли министерскія колебанія, и проектъ получилъ силу закона, но только для Югозападнаго края, хотя онъ одинаково былъ бы справедливъ и для сѣверозападныхъ губерній.

Такимъ образомъ половина дѣла была сдѣлана: одинъ разрядъ крестьянъ (хотя и не особенно многочисленный), именно— казенныхъ, былъ вырванъ изъ порабощенія арендныхъ владѣльцевъ, гнетъ которыхъ былъ не легче помѣщичьяго. Оставалось подумать о томъ, какъ облегчить горькую участь несравненно болѣе многочисленнаго класса такихъ же горемыкъ—крестьянъ частновладѣльческихъ. И нѣтъ сомнѣнія, что Бибиковъ часто задумывался надъ этимъ вопросомъ, только не зналъ, какъ подойти къ нему, не потрясая принципа крѣпостного права. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, будто Бибиковъ былъ народникомъ и врагомъ крѣпостничества; нѣтъ, онъ былъ сыномъ своего вѣка и убѣжденнымъ крѣпостникомъ, но, какъ умный человѣкъ, прекрасно понималъ, что съ государственной точки зрѣнія крѣпостной институтъ въ коренной Россіи и на западныхъ ея окраинахъ—не одно и тоже, что главная сила полонизма въ Югозападномъ краѣ заключалась въ польскомъ дворянствѣ, безотчетно владѣвшемъ милліонами коренного русскаго населенія, и что здравая правительственная политика должна заключаться въ огражденіи законодательными мѣрами этого населенія отъ помѣщичьяго произвола. Но какъ предложить подобныя мѣры, въ какой формѣ? И какъ расположить къ нимъ государя, который могъ прійти въ ярость при одномъ подозрѣніи, что кто-либо покушается на незыблемость крѣпостного права? Нуженъ былъ удобный случай, благовидный предлогъ; нужно было, чтобы раздался чей-либо авторитетный голосъ въ защиту крестьянъ и

чтобы онъ благосклонно былъ выслушанъ съ высоты престола. И такой голосъ раздался какъ-разъ въ нужный моментъ, и его благосклонно выслушали: то былъ голосъ кіевскаго митрополита Филарета, одного изъ вліятельнѣйшихъ архипастырей того времени.

Не знаемъ, извѣстенъ ли присяжнымъ біографамъ митр. Филарэта этотъ благородный его поступокъ, столь выгодно его отличающій отъ соименнаго ему московскаго митрополита. Въ Кіевѣ сохранилась память о Филаретѣ, какъ о человѣкѣ святой жизни. Его записка объ улучшеніи положенія крестьянъ свидѣтельствуетъ, что онъ хорошо зналъ народный бытъ, глубоко сострадалъ народному страданію и имѣлъ мужество громко заявить царю, что „столь гибельное состояніе крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ вопіетъ къ небесамъ". Правда, желая какъ бы усыпить подозрительность Николая I, будто совершается покушеніе на священный въ его глазахъ институтъ крѣпостного права, митр. Филаретъ употребляетъ тонкій дипломатическій пріемъ: онъ старается его убѣдить, что крѣпостное право по русскимъ законамъ и по Литовскому статуту—двѣ разныя вещи: въ Россіи помѣщикъ—отецъ, а крестьяне—любимыя дѣти, тогда какъ въ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ, крестьяне—полные рабы своихъ господъ, и потому русское правительство имѣетъ право и долгъ выступить на ихъ защиту. Затѣмъ авторъ предлагаетъ рядъ практическихъ мѣръ къ постепенному высвобожденію крестьянъ изъ польской крѣпостной неволи и къ улучшенію ихъ быта, при чемъ пускается въ такія тонкія финансовыя и политико-экономическія соображенія, что читателю по временамъ просто не вѣрится, что все это пишетъ духовная особа. Вообще записка митр. Филарета настолько интересна и сама по себѣ, и еще потому, что она послужила какъ-бы первымъ толчкомъ къ проведенію въ Югозападномъ краѣ знаменитой *инвентарной реформы*, что мы признаемъ умѣстнымъ привести ее здѣсь полностью. Судя по тому, что она была представлена царю какъ разъ въ нужное для Бибикова время (въ началѣ 1840 г.), можно предполагать что она и составлена не безъ его вліянія или, по крайней мѣрѣ, по взаимному его соглашенію съ митрополитомъ; но это не болѣе, какъ догадка.

„Объ улучшеніи положенія крестьянъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ“.

Огромное пространство земли, обтекаемое Днѣпромъ, Бугомъ, Нѣманомъ, Двиною и Великою, издревле обитаемо было сынами Россіи, славившими Бога и Христа Спасителя на отечественномъ языкѣ, по обрядамъ восточной церкви. Война и политика отторгли ихъ отъ единоплеменниковъ; но ни обольщенія, ни кровавыя средства, ужасающія воображеніе, не отвлекли ихъ отъ вѣры праотцевъ. Наконецъ хитрость, придумавъ Унію, коварно устремилась подкапывать твердое основаніе православія.

„Россійскіе государи, съ самаго отторженія Западной Руси, непрерывно помышляли исхитить ее изъ власти чуждой; осуществить эти четырехвѣковые помыслы предоставлено Екатеринѣ II. Мудрая и рѣшительная государыня не ограничилась только возвращеніемъ присвоенныхъ Польшею областей: она поставила ихъ на равныхъ правахъ съ великороссіянами [1]). Къ сожалѣнію, созиданіе ея въ послѣдствіи времени разрушено: Литовскій Статутъ, снова введенный тамъ въ дѣйствіе, вытѣсняя наши законы, разъединилъ въ нѣкоторомъ отношеніи Западъ Россіи отъ Сѣвера и Востока.

„Благость Божія не переставала, однако, осѣнять нашихъ единовѣрныхъ собратій: она внушила крѣпкому духомъ Императору Николаю отторгнутыхъ уніею чадъ православной церкви возвратить православію. Такъ сыны Западной Россіи соединены теперь съ своимъ великимъ отечествомъ неразрывными узами—единствомъ правительства и вѣры; но народъ не пользуется еще вполнѣ тѣми благами, какихъ могъ ожидать отъ сего соединенія. Мѣра страданія его не окончилась: помѣщики, почти всѣ католическаго исповѣданія, и жиды притѣсняютъ и разоряютъ его.

„Россійскіе помѣщики, по самому духу нашего законодательства, суть отцы своихъ поселянъ, лучшіе агенты правительства, лучшая земская полиція: они направляютъ нравственность ихъ, пекутся о благосостояніи, снабжаютъ землями и угодьями, даютъ лѣса, руководствуютъ въ трудахъ, помогаютъ въ нуждѣ, охраняютъ отъ притѣсненій и ходатайствуютъ за нихъ въ су-

---

1) Маниф. 27 марта 1793 г.

дахъ [1]). Это не рабы, какъ нѣкоторые иностранцы считаютъ нашихъ крестьянъ; нѣтъ! это — дѣти, половинщики, которые, въ воздаяніе получаемаго отъ помѣщиковъ, посвящаютъ имъ половину времени своего или, соразмѣрно тому, платятъ оброкъ. Неоспоримо, бываютъ злоупотребленія; но въ какой же странѣ земного шара и нѣтъ ихъ? Наши законы и тутъ на стражѣ: они повелѣваютъ имѣнія забывшихъ свой долгъ помѣщиковъ брать въ опеку [2]).

„Напротивъ, по духу литовскихъ законовъ, коими руководствуются въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, господскіе крестьяне почитаются не только рабами, но даже вещьми. Господа пользуются безусловнымъ правомъ располагать личностію и собственностію своихъ подданныхъ [3]). Литовскіе законы не опредѣляютъ времени работы крестьянъ на помѣщиковъ; они не ограждаютъ поселянъ ни отъ притѣсненій ихъ, ни отъ своевольствъ. Отсюда происходитъ:

1-е) Крестьяне, можно сказать безъ преувеличенія, въ нужное для земледѣлія время заняты безпрестанно господскими работами, оставляя поля свои худо воздѣланными и, слѣдовательно, приносящими плохую жатву.

2-е) Помѣщики отдаютъ на аренду удои крестьянскихъ коровъ; и такъ поселяне, не пользуясь молокомъ отъ своего скота, лишены единственной приправы скуднаго ихъ стола.

3-е) Крестьяне не могутъ располагать своимъ имуществомъ: они обязаны обмолывать свой хлѣбъ не иначе, какъ на мельницахъ своего арендатора, продавать избытки своихъ произведеній тому же арендатору; должны пить вино въ корчмѣ только своего арендатора.

„Извѣстно, что въ западныхъ губерніяхъ арендаторами бываютъ почти всегда евреи. Эти пронырливыя созданія хитростію, насиліемъ и прельщеніями всякаго рода не только присвояютъ себѣ имущество крестьянъ, содержатъ ихъ въ неоплатныхъ долгахъ, но и сильно развращаютъ нравственность; особенно вино, до котораго тамошняя чернь чрезвычайно падка, служитъ главнымъ орудіемъ сихъ алчныхъ корыстолюбцевъ. Такимъ образомъ

---

1) Св. Зак. т. X. ст. 595 и 596. Т. IX, ст. 630. ст. 631 и 632. ст. 627, 629 и т. XIV. ст. 234.

2) Т. IX, ст. 633, 635—637 и т. XIV, ст. 326—328.

3) Лит. Ст. разд. III, арт. III-й и разд. VIII, §§ 3 и 4.

болѣе 2,300,000 душъ мужескаго пола помѣщичьихъ крестьянъ преданы на жертву корыстолюбія жидовъ, безжалостно высасывающихъ благосостояніе православныхъ, коимъ въ удѣлъ оставлены кровавые труды, нищета и жестокіе побои. Были примѣры, обнаруженные изслѣдованіями, что арендаторы наказывали безвинно крестьянъ плетьми адскаго изобрѣтенія — съ желѣзными концами [1]).

„Полуразвалившіяся хижины, жители въ лохмотьяхъ, запачканныя и голодныя дѣти—вотъ очевидныя вывѣски помѣщичьихъ деревень въ западныхъ губерніяхъ. Исполненныя довольства и благовидныя селенія, да и то казенныя или удѣльныя, проглядываютъ тамъ, какъ оазисы на степяхъ Аравійскихъ и Африканскихъ.

„Конечно, правительство предпринимало уже нѣкоторыя мѣры, чтобы поставить преграду и своевольству, и алчности [2]). На сей конецъ предполагалось опредѣлить дни панщины (впрочемъ, только въ казенныхъ имѣніяхъ, отдаваемыхъ въ аренду, а не въ помѣщичьихъ) и запрещено евреямъ торговать горячими напитками; но угодливость панамъ со стороны земской полиціи, составленной единственно изъ партіи поляковъ, и пронырство евреевъ разрушаютъ благія намѣренія правительства, а между тѣмъ народъ православный страдаетъ.

„Столь гибельное состояніе помѣщичьихъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ вопіетъ къ небесамъ о пощадѣ. Здѣсь предлежитъ важный вопросъ: какимъ образомъ помочь несчастнымъ?

„Первое средство представляется: по слѣдамъ Екатерины II, поставить возвращенныя отъ Польши губерніи на однихъ правахъ съ великороссійскими. Если сія великая монархиня рѣшилась сдѣлать это при самомъ присоединеніи къ Имперіи отторженныхъ отъ Польши областей [3]), то какое опасеніе повторить то же въ царствованіе Николая? Кажется, теперь они, какъ снова покоренные и виновные въ недавнемъ бунтѣ, должны съ благоговѣніемъ принять милосердіе правительства, поставляющее ихъ на равной степени съ вѣрными сынами Россіи. Можетъ быть, нѣкоторые, закоренѣлые въ старыхъ обычаяхъ паны и поморщатся; но что за бѣда! Народъ будетъ благословлять руку, из-

---

[1]) Ук. 31 мая 1806 г.

[2]) Ук. 10 апр. 1798 и 17 іюня 1803 г.

[3]) Маниф. 27 апр. 1793 г.

влекшую его изъ ничтожества и угнетенія, а кичливые поговорятъ, поропщутъ, да и умолкнутъ.

„Но если столь рѣшительная мѣра покажется смѣлою по какимъ-либо политическимъ отношеніямъ, то можно дѣйствовать исподоволь другимъ способомъ.

„На Кіевскихъ контрактахъ ежегодно продается много имѣній, лежащихъ въ западныхъ губерніяхъ. Для чего не пріобрѣтать ихъ покупкою для Императорской фамиліи? Въ удѣльномъ вѣдомствѣ есть свободные капиталы, которые выгоднѣе обратить въ недвижимость, нежели помѣщать въ кредитныя установленія изъ 4%. Имѣнія эти пойдутъ въ надѣленіе членовъ Императорскаго Дома, который благоволеніемъ Божіимъ распространяется, а бѣдные помѣщичьи крестьяне оживутъ и расцвѣтутъ подъ благодѣтельнымъ и попечительнымъ правленіемъ удѣльнаго вѣдомства. Вотъ средство легкое, удобное! Что можетъ быть простѣе покупки по добровольному соглашенію? Здѣсь ничьи и никакія права не нарушаются.

„Можно также покупать имѣнія западныхъ губерній, заложенныя въ кредитныхъ установленіяхъ и продаваемыхъ съ публичныхъ торговъ за невзносъ занятаго капитала. Если же за нихъ не будетъ на торгѣ предложено суммы, соразмѣрной долгу, то еще простѣе обращать ихъ въ казну съ переводомъ долга на министерство государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніе коего должны поступать тѣ имѣнія. Тутъ равнымъ образомъ нѣтъ никакого насилія; такъ поступаютъ и частныя лица: должникъ не платитъ,—имѣніе продается съ аукціона; не выручится должная сумма—кредиторъ въ правѣ имѣніе должника удержать за собою.

„Надобно сознаться, что въ западныхъ губерніяхъ причиною бѣдности крестьянъ служатъ сколько угнетенія помѣщиковъ и жидовъ, столько же несчастная, отъ унынія происходящая склонность черни къ пьянству. Развитію и расширенію этого порока въ особенности содѣйствуетъ свободная продажа вина по весьма низкой цѣнѣ.

„Правительство неоднократно помышляло ввесть повсюду одну систему винныхъ откуповъ, но не привело этого въ исполненіе, вѣроятно, по двумъ причинамъ: а) чтобы не нарушить правъ, дарованныхъ западнымъ губерніямъ, и б) чтобы не произвесть затрудненія въ сбытѣ хлѣба, долженствующаго остаться отъ уменьшенія винокуренія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ урожаи изобильны.

„На первое опасеніе отвѣчать легко. Было время, когда и въ Великой Россіи позволялось всякаго званія людямъ курить вино къ праздникамъ и торжественнымъ домашнимъ днямъ [1]), потомъ одному только помѣстному дворянству предоставлено выкуривать по 90 ведеръ для своего домового обихода [2]); потомъ тихо и безъ возгласовъ уничтожено это обольстительное право, такъ сказать, распорядительною мѣрою: Уставомъ о питейномъ сборѣ [3]), а потомъ и право это изгладилось изъ памяти, оставаясь только въ исторіи россійскаго законодательства. Когда такъ поступлено съ дворянствомъ великороссійскихъ губерній, дворянствомъ, почти около того времени грудью отстоявшимъ отечество отъ несмѣтныхъ вражьихъ полчищъ; то неужели полупольскіе паны, безпрестанно злоухищряющіе противъ Россіи, заслуживаютъ болѣе благоснисхожденія правительства? Примѣръ есть; остается подобное уставу о питейномъ сборѣ, при будущихъ торгахъ на винные откупа, помѣстить въ кондиціяхъ и въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ. Это будетъ такъ же имѣть видъ финансовыхъ распоряженій—и дѣло съ концемъ. Для русскаго правительства давно миновало время бояться ропота недовольныхъ; при томъ, многіе благонамѣренные помѣщики сами радоваться будутъ введенію системы, столь полезной для благосостоянія ихъ крестьянъ,

„Обращаясь ко второй причинѣ, что при введеніи откупной системы вино должно продаваться дороже, слѣдовательно и мѣстное потребленіе его будетъ менѣе, винокуреніе сократится и множество хлѣба останется безъ сбыта,—нельзя не замѣтить:

a) Винокуреніе и при откупной системѣ можетъ производиться въ теперешнемъ размѣрѣ, потому что избытки вина, за мѣстнымъ продовольствіемъ, могутъ быть поставлены въ другія губерніи, гдѣ урожаи столь обильны. Тогда откроется еще новый источникъ промышленности—отвозъ, который доставитъ значительный доходъ туземнымъ жителямъ.

b) Если нѣкоторыя губерніи, по мѣстности своей, не нашли бы выгоды курить вино для поставки откупщикамъ или въ казну, то онѣ могутъ отпускать избытки своего хлѣба въ порты для продажи заграницу. Здѣсь опять отвозъ и опять новый доходъ,

---

[1]) Улож. гл. XXV, ст. 130.

[2]) Двор. грамота 21 апр. 1785 г.

[3]) Уст. 2 апр. 1807 г.

превосходнѣе того, какой получается отъ истребленія хлѣба на пьянство и развращеніе собственныхъ крестьянъ.

c) Найдутся губерніи, напримѣръ: Волынская и Каменецъ-Подольская, откуда и въ порты отвозить хлѣбъ неудобно; по тамъ могутъ развиться другія отрасли сельскаго хозяйства. Въ наше время отвергнуто мнѣніе физіократовъ, что благоденствіе народовъ зависитъ единственно отъ взодѣлыванія земли. По сухопутной западно-европейской границѣ отпускается въ Австрію скота на 3 милліона рублей [1].) Продажа его и нынѣ производится главнѣйше въ м. Влодавѣ, Гродненской губерніи. Пусть пограничныя съ Австрійскими владѣніями губерніи, изобилующія хлѣбомъ, сократя хлѣбопашество, размножаютъ скотоводство, пусть продаютъ заграницу и скотъ, и кожи. Если этого не достаточно, то пусть устроятъ заведенія для выварки свекловичнаго сахара. Важныя произошли бы выгоды для Россіи, когда бы наши губерніи, хотя только удаленныя отъ водяного сплава и способныя для произрастенія свекловицы, довольствовались бы своимъ сахаромъ, а еще важнѣе, когда угощали бы имъ и пограничныхъ сосѣдей. Можно бы указать и другіе источники промышленности, но это выходить изъ передѣловъ настоящаго предмета. Довольно сказать, что когда могучую силу паровъ приноровили къ машинамъ, тогда вся Европа закричала: пропали бѣдные работники—они останутся безъ пропитанія! Время опровергло напрасное опасеніе, У насъ сдѣланъ опытъ желѣзной дороги отъ С.-Петербуга до Царскаго Села и Павловскаго; филантропы завопили: пропали бѣдные питерскіе извощики! Что же вышло? Они еще болѣе катаютъ городскихъ жителей, а въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ возникъ новый промыселъ извозничества, весьма прибыльный для окрестныхъ крестьянъ.

Доказавъ, что распространеніе системы виннаго откупа на западныя губерніи улучшитъ благосостояніе крестьянъ не только помѣщичьихъ, но и всѣхъ вообще, и принесетъ значительный доходъ казнѣ, остается сказать о жидахъ. Они такъ впились въ тотъ край, что въ нихъ сосредоточивается вся народная промышленность. Отдѣлить ихъ вдругъ или разорвать соотношенія ихъ съ помѣщиками и народомъ безъ явнаго вреда или, по крайней мѣрѣ, безъ замѣшательствъ, на первый разъ не возможно. Въ законахъ существуютъ уже важныя ограниченія, долженствующія ослабить

---

1) Виды торговли, издаваем. Министерствомъ Финансовъ.

пагубное ихъ вліяніе, какъ то: запрещеніе евреямъ: а) брать въ аренду имѣніе съ крестьянами; б) содержать корчмы въ арендныхъ и старостинскихъ имѣніяхъ; в) нанимать христіанъ въ работники; г) управлять помѣщичьими деревнями, [1]) и проч. Строгое наблюденіе за точнымъ исполненіемъ отвратитъ много золъ, а уничтоженіе свободной продажи хлѣбнаго вина лишитъ евреевъ главнѣйшаго орудія, которымъ они дѣйствуютъ на развращеніе и пагубу туземныхъ жителей. Тогда евреи по необходимости должны будутъ, оставя кантрабанду, факторство и другія позорныя средства стяжанія, обратиться къ честнымъ промысламъ или хлѣбопашеству. Въ Россіи еще довольно земель, впустѣ лежащихъ: тамъ могутъ возникнуть селенія сыновъ Израиля, которые изъ тунеядцевъ сдѣлаются полезными недѣлимыми государства. Они восчувствуютъ блага, доставляемыя трудолюбіемъ; они восчувствуютъ милости гусударя христіанскаго, а черезъ Него познаютъ неизреченную благость отринутаго ими Іисуса; они найдутъ въ Россіи обѣтованную землю, найдутъ новый Іерусалимъ и—мысль утѣшительная!—поревнуютъ быть истинными сынами призрѣвшаго ихъ отечества и господствующей въ немъ церкви Христа Спасителя.“—

Записку эту Бибиковъ, бывшій въ то время въ Петербургѣ, получилъ 19 марта 1840 г. при слѣдующемъ письмѣ оберъ-прокурора синода графа Н. А. Протасова: „Преосвященный Филаретъ, митрополитъ кіевскій, сообщилъ мнѣ проектъ объ улучшеніи положенія крестьянъ въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ. По всеподданнѣйшемъ докладѣ объ ономъ государю императору, его величество высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ препроводить сей проектъ къ вашему превосх-ству для внесенія на разсмотрѣніе комитета о западныхъ губерніяхъ съ вашимъ заключеніемъ. Сообщая о таковой высочайшей волѣ вамъ, милост. государь, и препровождая при семъ означеный проекъ, имѣю честь быть“ и проч

Бибиковъ на другой же день, 20 марта, отвѣчалъ графу Протасову слѣдующимъ письмомъ:

„Разсмотрѣвъ проектъ (Филарета) и находя, что въ главнѣйшихъ основаніяхъ своихъ онъ совершено сходенъ съ тѣми предположеніями, кои въ общемъ обзорѣ губерній Кіев., Под. и Волынской я намѣреваюсь, при всеподданнѣйшемъ докладѣ, повергнуть на высочайшее благоусмотрѣніе Е. И. В-ва, я бы усердно просилъ

---

[1]) Св. Зак. Т. IX. ст. 870, т. VIII, ст. 57, т. VIII, стр. 120, Т. X, ст. 1404, Т. XIV, ст. 86, Т. IX, ст. 871, и. Т. X, ст. 1442.

ваше с-ство испросить высоч. соизволеніе гусударя императора о представленіи сего проекта въ Комитетъ зап. губерній вмѣстѣ съ тѣми бумагами, кои я буду имѣть счастье всеподданнѣйше доложить Его В-ву, дабы Комитетъ не въ отдѣльныхъ, но общихъ видахъ положенія помянутыхъ губерній, происходящаго отъ многихъ причинъ, не вошедшихъ въ помянутый проектъ, могъ во всей полнотѣ обсудить предлагаемыя онымъ улучшенія, кои при томъ не иначе могутъ быть дѣйствительны и полезны, какъ въ соединеніи со прочими улучшеніями и измѣненіями".

И Бибиковъ немедленно принялся за подготовку матеріаловъ, необходимыхъ для задуманнаго имъ обширнаго доклада поупомяну тому вопросу. Прежде всего ему нужно было собрать свѣдѣнія о евреяхъ. населявшихъ Югозап. край, и вотъ 2 апр. того же 1840 г. онъ пишетъ управляющему министерств. внутр. дѣлъ графу Александру Григорьевичу: Строганову „Государь Императоръ, какъ извѣстно вашему с-ству. въ засѣданіи Комитета по дѣламъ зап. губерній, 30 прошедшго марта высочайше повелѣть соизволилъ собрать о евреяхъ статистическія свѣдѣнія.

Полагая, что по сему предмету должно быть сдѣлано какое-либо общее распоряженіе, я долгомъ моимъ поставляю просить ваше с-ство, не изволите-ли сообщить мнѣ какую-либо форму, по которой помянутыя статистич. свѣдѣнія могли бы быть собраны".

Формы были сообщены, и въ Югозап. краѣ тотчасъ было приступлено къ собранію подробныхъ статистическихъ и др. свѣдѣній о еврейскомъ населеніи, составившихъ скоро огромные фоліанты.

Но еще нужнѣе было имѣть точныя свѣдѣнія о крестьянскихъ повинностяхъ въ отношеніи къ помѣщикамъ. Но какъ ихъ собрать, не возбудивъ опасныхъ толковъ среди крестьянъ и тревоги среди рабовладѣльцевъ? Здѣсь обычный статистическій пріемъ былъ не примѣнимъ; поэтому Бибиковъ употребилъ иной способъ: онъ изъ Петербурга же 2 апрѣля разослалъ губернаторамъ Югозападнаго края слѣдующія „весьма секретныя и конфиденціальныя" письма:

„Мнѣ весьма нужно, по одному дѣлу, имѣть копіи съ такого рода трехъ инвентарей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ управляемой вами губерніи, изъ которыхъ бы я могъ видѣть: изъ 1-го самую большую и отяготительную для крестьянъ повинность, которую они своему помѣщику отбываютъ; изъ 2-го среднюю таковую же повинность, и изъ 3-го самую легчайшую ,или такую по-

винность, по которой крестьяне находятся въ найлучшемъ положеніи и нисколько работами и поборами не отягощены.

„Сего отношенія моего прошу въ канцелярію вашу не передавать; копіи съ помянутыхъ инвентарей списать подъ какимъ либо благовиднымъ предлогомъ, какъ будто собственно для васъ, и прислать мнѣ ихъ такимъ образомъ, чтобы въ требованіи оныхъ мною отъ вашего пр-ства никто никакимъ образомъ не могъ быть извѣстенъ.

„Если бы вы могли достать сіи инвентари и доставить ко мнѣ къ 1 мая, то прошу ихъ прислать въ С.-Петербургъ, въ противномъ случаѣ прошу доставить въ Кіевѣ на мое имя, съ подписью: „въ собственныя руки". Впрочемъ, я надѣюсь, что ваше пр-ство постараетесь для меня исполнить эту просьбу какъ возможно поспѣшнѣе, чѣмъ особенно одолжите имѣющаго честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ" и проч.

Спустя три недѣли начали поступать отвѣтныя донесенія губернаторовъ. Первымъ отозвался Волынскій губернаторъ Гр. Лашкаревъ конфиденціальнымъ письмомъ отъ 23 апр. того же 1840 г.

М. Г. Дмитрій Гавриловичъ! Желая сколь можно съ лучшимъ успѣхомъ исполнить порученіе вашего высокопр-ства, я возложилъ на Новоградволынскаго Земскаго Исправника Козаревича доставить мнѣ требуемые вами инвентари, зная, что этотъ чиновникъ скорѣе и лучше прочихъ выполнить волю начальства. Въ слѣдствіе сего я получилъ отъ Козаревича 21-го числа сего мѣсяца 4 разныхъ инвентаря, при чемъ онъ въ донесеніи своемъ прописываетъ, что большая часть помѣщиковъ имѣютъ по одной формѣ инвентари, но допускаютъ разныя измѣненія, подъ разными предлогами, и обременяютъ крестьянъ въ повинностяхъ и налогахъ подъ видомъ удовлетворенія ихъ при разсчетахъ, коихъ или никогда съ ними не дѣлаютъ, или хотя и дѣлаютъ, то сбиваютъ разными претензіями; есть и такой обычай, что крестьяне отбываютъ повинность за тѣхъ изъ своего семейства, кои находятся въ отлучкахъ неизвѣстныхъ или по болѣзни и другимъ обстоятельствамъ не отрабатываютъ барщины; ихъ вызываютъ съ цѣлыми семействами въ полевыя работы подъ названіемъ *гвалту*, и за это иногда кормятъ во время работы, но въ письменныхъ разсчетахъ не показываютъ. Другіе и многіе помѣщики инвентарей совсѣмъ не имѣютъ, а ведутъ разсчеты посредствомъ деревянныхъ *карбовъ*, изъ коихъ одинъ у эконома, а другой у крестьянина, отбывающаго работу. *Данины* или *дурницы* берутъ съ пло-

довъ и со всего мелкаго скота и птицъ. *Прядиво* показываютъ или малое количество, или вовсе ничего, а подъ видомъ *дурницы* женщины прядутъ иногда цѣлую зиму безъ всякаго щету и платы. Къ *дурницамъ* принадлежитъ: бѣлить дворъ помѣщика и посессора, мостить гати, полоть пшеницу и огороды и прочія мелочныя работы, то же безъ зачета барщины. *Дурницами* преимущественно обременяются женщины и малолѣтніе мальчики. Крестьянъ посылаютъ въ отдаленныя мѣста съ транспортами, назначая имъ по 60 верстъ за одинъ день барщины, тогда какъ на подводѣ съ волами 20 и не болѣе 30 верстъ могутъ въ день сдѣлать, и не считаютъ за барщину время, потерянное на угрузку продуктовъ на возы или лѣсныхъ матеріаловъ, при чемъ иногда по недѣлѣ проходитъ время, смотря по количеству продуктовъ. Работа, назначаемая на одинъ день, называется *день оранья*, но количество этой земли едва въ полтора дня выпашутъ. *День жатвы* считается полторы копы, которой никогда въ одинъ день не сдѣлаютъ; да иногда приказываютъ вязать такъ велики снопы, что одинъ рабочій полмѣры (полторы копы?) жнетъ два дни, а барщины выписываютъ одинъ день.

„Показанная въ инвентаряхъ *даремщина* значить, что крестьянинъ обязанъ платить по 8-ми злотыхъ за пару воловъ, которыхъ имѣетъ; иногда назначаютъ эту же плату и за 4 вола, но за то прибавляютъ барщины. Инвентари большею частію стараются вести ограниченно, дабы, при случаѣ слѣдствій, можно было оправдаться. — Самый легкій инвентарь — генералъ-майора Уварова С. Несолонь, и прочихъ Уваровыхъ тоже.

„Еще есть одинъ родъ работы, который вообще не показывается по инвентарямъ: это *шарварки*: здѣсь раздѣляются по числу душъ хозяевъ на домъ по 12, 8 и 6 дней въ годъ и по надобности сгоняютъ крестьянъ безъ всякаго удовлетворенія. Въ инвентаряхъ № 1 и 3 это значится [1]) Однодворцы и шляхта платятъ отъ 10 до 6 рублей сер. въ годъ чиншу и отбываютъ безъ щету подводную повинность и употребляются на посылки.

„О всемъ этомъ имѣю честь донести вашему высокопр-ству съ представленіемъ упомянутыхъ четырехъ инвентарей“.

Въ началѣ мая получено своеручное письмо кіевскаго губернатора Фундуклея:

---

[1]) Къ сожалѣнію, этихъ инвентарей, а равно и другихъ, о коихъ упоминается въ донесеніяхъ губернаторовъ, въ дѣлѣ не оказалось.

„Имѣю честь представить три инвентаря и выписку изъ оныхъ о работахъ, изъ коей видно, до какой степени крестьяне обременяются поборами. Свѣдѣнія сіи не вполнѣ удовлетворятъ требованію вашему, но мнѣ нельзя исполнить это въ короткое время, потому что у всѣхъ различны инвентари, и тамъ, гдѣ предполагалъ ихъ отяготительными, оказалось противное. Для лучшаго же усмотрѣнія прилагаю еще два инвентаря, кои, по мнѣнію моему, не столь обременительны. По минованіи въ оныхъ надобности покорнѣйше прошу возвратить ко мнѣ.“

Тогда же поступило и „весьма секретное“ письмо подольскаго губернатора П. П. Петрова.

„Исполняя волю вашего высокопр-ства, честь имѣю представить копіи трехъ инвентарей помѣщичьихъ имѣній, заключающихъ въ себѣ: 1) въ мѣстечкѣ Балинѣ и селеніи Цыгановкѣ — самую большую повинность крестьянъ къ помѣщику; 2) въ селеніи Савинцахъ — среднюю, и 3) въ м. Купинѣ съ деревнею Левадою — легчайшую. Для большей ясности присовокупляю подробное описаніе барщины въ Балинѣ и общій выводъ повинностей по каждому изъ трехъ инвентарей.

„Въ м. Купинѣ повинности весьма легки, но для этого нужно принять въ соображеніе, что крестьяне тамъ имѣютъ мало земли. Не ручаюсь, можетъ быть въ губерніи найдутся инвентари еще обременительнѣе Балинскаго, въ которомъ однако же крестьяне не ропщутъ на помѣщика потому именно, что въ этомъ имѣніи хорошъ порядокъ: ихъ не заставляютъ работать лишняго, разсчетъ дѣлается правильно, они успѣваютъ обрабатывать и собственныя поля.

„Существенное угнетеніе крестьянъ состоитъ не въ количествѣ, а въ неопредѣлительности рабочаго времени. Въ инвентаряхъ не говорится, сколько должно работать каждую недѣлю, и крестьяне, не огражденные въ правахъ своихъ, бываютъ принуждены работать недобрымъ помѣщикамъ въ посѣвѣ, жатвахъ, сенокосахъ и т. под. всякой день беспрерывно въ ясную погоду; случится ненастье, такіе дни считаются крестьянскими; время болѣзни крестьянинъ обязывается отработать по выздоровленіи. Ежели владѣлецъ заставляетъ работать болѣе положеннаго инвентарнаго количества дней, то платитъ по установленнымъ еще при бывшемъ польскомъ правительствѣ цѣнамъ, которыя тогда могли быть удовлетворительны, теперь же ничтожны; напримѣръ: работнику съ парою воловъ даютъ 40 коп. мѣдью въ день. При такомъ управленіи крестьяне нищаютъ, у нихъ недостаетъ не только на собственные посѣвы, но и на продовольствіе хлѣба, кото-

рый помѣщики даютъ имъ въ ссуду и они за то отрабатываютъ по выше сказанной ничтожной цѣнѣ. Платить казенныхъ податей крестьяне не въ состояніи; помѣщикъ вноситъ, а они опять отрабатываютъ. Результатъ всѣхъ этихъ разсчетовъ, въ которыхъ экономы, рахмистры, комиссары обманываютъ безграмотныхъ и беззаботныхъ мужиковъ, выходитъ, что послѣдніе почти круглый годъ работаютъ на господъ своихъ. Въ инвентаряхъ этого не видно, но на дѣлѣ есть. Само собою разумѣется, что изъ сего общаго очерка должно исключить добрыхъ помѣщиковъ, пекущихся о своихъ крестьянахъ. Къ сожалѣнію, число такихъ не велико".

Пока Бибиковъ собиралъ инвентарныя свѣдѣнія о крестьянскихъ повинностяхъ и отработкахъ, оказалось, что тѣми жъ свѣдѣніями интересуется и министерство внутр. дѣлъ. 30 Апр. въ Петербургѣ Бибиковымъ было получено отъ управляющаго министерствомъ слѣдующее секретное предложеніе:

„Для нѣкоторыхъ соображеній министерству внутр. дѣлъ необходимы сколь можно вѣрныя свѣдѣнія по губерніямъ Кіевской, Подольской и Волынской: 1) какія главнѣйше существуютъ распоряженія по хозяйственной части въ помѣщицкихъ имѣніяхъ относительно выгодъ, предоставляемыхъ владѣльцами крестьянамъ, и взаимно — обязанностей сихъ послѣднихъ по исполненію повинностей въ пользу помѣщиковъ? 2) Исполняются ли въ семъ отношеніи постановленія, изображенныя въ статьяхъ 589 и 590 IX тома Св. Зак. о состояніяхъ? 3) какіе введены въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, особенно благомыслящими помѣщиками, инвентари? 4) Установляются ли таковые инвентари при отдачѣ имѣній въ аренду и нѣтъ ли оныхъ и въ такихъ вотчинахъ, кои управляются самими владѣльцами?

„Сіи свѣдѣнія не могутъ быть собраны обыкновеннымъ порядкомъ, ибо въ такомъ случаѣ нельзя избѣгнуть всегда вредной огласки и повода къ ложнымъ о цѣли требованія толкамъ; а потому я имѣю честь обратиться къ Вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою о сообщеніи мнѣ собственно вамъ извѣстныхъ свѣдѣній и о присылкѣ нѣсколькихъ нынѣ уже существующихъ инвентарей по помѣщичьимъ имѣніямъ, какъ отдаваемымъ въ аренду, такъ и управляемымъ самими помѣщиками.

„Вообще ваше пр—во много меня обяжете сообщеніемъ вашихъ мыслей, на мѣстныхъ соображеніяхъ и обстоятельствахъ основанныхъ, о нынѣшнемъ состояніи въ помянутыхъ губерніяхъ помѣщичьихъ имѣній, а также о видахъ и средствахъ къ возможному улучшенію".

„Ожидая отзыва вашего сколь можно въ непродолжительномъ времени, имѣю честь быть...и пр. Гр. Строгановъ".

Въ отвѣтъ на это предложеніе Бибиковъ послалъ гр. Строганову 12 разныхъ инвентарей, изъ числа введенныхъ помѣщиками въ Кіев., Под. и Вол. губерніяхъ, приложивъ къ нимъ записку по инвентарямъ Подольской губ., и выписку [1]) изъ инвентарей Кіевской губ. при чемъ въ письмѣ объяснялъ:

„Изъ инвентарей сихъ ваше С—ство изволите усмотрѣть самую большую и отяготительную для крестьянъ повинность, какую они отбываютъ своему помѣщику, среднюю таковую же повинность и самую легчайшую. Считаю долгомъ только присовокупить при семъ, по секретнымъ донесеніямъ ко мнѣ губернаторовъ, что большая часть помѣщиковъ стараются вести инвентари ограниченно, дабы, при случаѣ слѣдствій, можно было оправдаться, и почти всѣ они на самомъ дѣлѣ допускаютъ различныя измѣненія инвентаряхъ въ подъ разными предлогами къ отягощенію крестьянъ".

Не ограничиваясь опросомъ губернаторовъ и истребованіемъ инвентарей, Бибиковъ выбралъ болѣе умныхъ и достойныхъ довѣрія чиновниковъ уѣздной полиціи и стряпчихъ и далъ имъ секретное порученіе собрать свѣдѣнія о положеніи крестьянъ въ ихъ уѣздахъ. И надо отдать имъ справедливость—записки этихъ агентовъ отличаются особенною полнотою, наблюдательностью и дѣльностью сужденій. Вотъ для образца записка Радомысльскаго исправника, полковника Рузы, представленная въ іюнѣ того же 1840 года:

„При безпрестанныхъ посѣщеніяхъ по дѣламъ службы ввѣреннаго мнѣ уѣзда, я не упускалъ изъ виду входить въ подробное положеніе крестьянъ—однихъ довольныхъ своимъ состояніемъ, другихъ ропщущихъ на бытъ свой, а третьихъ утруждающихъ частыми своими жалобами высшее начальство. Стараясь раскрыть всѣ обстоятельства въ самой справедливѣйшей мѣрѣ, безъ малѣйшаго пристрастія, я извлекалъ секретнымъ образомъ, какъ самъ лично, такъ и посредствомъ ближайшихъ мнѣ подчиненныхъ, гг. становыхъ приставовъ, должныя свѣдѣнія на счетъ барщины, податей, „даровщины", „данинъ" изъ разнаго рода продуктовъ, произрастеній и прочаго. Счелъ необходимымъ составить *вѣдомость цѣлаго уѣзда владѣльческимъ экономіямъ* съ поясненіемъ,

---

[1]) Этой записки и выписки тоже нѣтъ въ дѣлѣ.

въ какой, сколько и чѣмъ обложены крестьяне, какъ барщиною, такъ равно и данинами ежегодныхъ сборовъ. Многотрудную сію статью едва лишь успѣлъ окончить къ 22-му генваря сего 1840 г., почему таковую нынѣ имѣю честь вашему выскопр-ству представить, докладывая:

А) Изъ табели сей видно, сколь много различны барщины въ одномъ и томъ же уѣздѣ, въ коемъ нѣтъ и понынѣ настоящаго введенія (?) сообразнаго законамъ, въ отработываніи барщины существующимъ. Хотя въ сводѣ законовъ сказано: крестьяне работаютъ своему владѣльцу три дня, но за всѣмъ тѣмъ не пояснено: съ *души*, или со *двора*; ибо въ Статутѣ Литовскомъ, въ коемъ и по сіе время въ нѣкоторыхъ случаяхъ остались не измѣнены правила, касающіяся до западныхъ губерній, опредѣлена была работа трехдневная со *двора*, а слѣдовательно, при несохраненіи сего положенія, необходимо нужно положить одно правило таковымъ работамъ.

Б) Въ той же табели ваше высокопр-ство усмотрѣть изволите, какими обложены крестьяне данинами и сколь различнаго рода, а также и то, что многіе владѣльцы вовсе ничѣмъ не пользуются, напротивъ же, большею частію другіе требуютъ неупустительно сего налога, помимо отработыванія трехдневной съ души барщины.

В) Теченіе давняго времени перемѣнило положительность мѣстъ и преобразовало большею частію лѣса въ поля, луга въ болота, а оныя въ сухія заросли, а тѣмъ самымъ лишило крестьянъ прежде обитавшихъ въ лѣсахъ, возможности продолжать данину, состоявшую изъ лѣсныхъ произрастеній, какъ наприм., грибы, коихъ цѣнность въ сихъ двухъ годахъ въ довольно дорогомъ видѣ, а равно и прочіе значащіеся въ табели продукты.

Г) Г. начальникъ губерніи распоряженіемъ своимъ въ октябрѣ мѣсяцѣ тѣмъ болѣе усилилъ бдительность мою на счетъ обремененія крестьянъ владѣльцами; я, желая положить конецъ справедливыми мѣрами жалующимся, счелъ за необходимое имѣть всѣ свѣдѣнія о нынѣшнемъ положеніи оныхъ. Почему священнымъ долгомъ поставляю, при донесеніи моемъ о всѣхъ подробностяхъ, присовокупить и мнѣніе; что крестьяне, будучи обременены какъ работою, такъ и данинами, болѣе противу другихъ, взирая на лучшій бытъ своихъ сосѣдей, вовсе тѣмъ не обложенныхъ, не преисполняются ли чувствомъ ропота и зависти? а усматривая благоденствіе ихъ, яко одноуѣздцовъ, считаютъ себя несчастливыми и довольно часто чрезъ сіе обращаются съ

жалобами высшему начальству. Хотя, по мѣрѣ предоставленной мнѣ власти, стѣсненіе нѣкоторыхъ крестьянъ преграждается правомъ закона, но оправданіе владѣльцевъ всегда почти основывается на введеніи давности и переданіи инвентарей преждебытнаго постановленія. А потому тѣмъ болѣе есть необходимость— введеніе единообразной барщины и усторонепіе [1]) данинъ.

и Д) Денежные поборы съ крестьянъ такъ многоразличны, изъ коихъ, ежели только не противно правиламъ законамъ, то должны бы только существовать подушные и рекрутовые, и то по мѣрѣ опредѣленія барщины, если таковая уравниться можетъ".

Къ этому полковникъ Руза приложилъ свое *Мнѣніе* о томъ, какъ слѣдовало бы урегулировать крестьянскія повинности, причемъ онъ высказываетъ много интересныхъ фактовъ и наблюденій.

„Весьма достаточно, если съ души будутъ работать крестьяне своему владѣльцу *два* дня въ недѣлю.

Примѣч. а) Сторожа, пастухи, подводы подъ проходящія войска, исправленіе не только большой дороги, расчисленной на участки по числу душъ, но и собственно сельскія, отъ стана въ станъ и до города,—безспорно составятъ *третій* день съ души въ каждую недѣлю, а потому крестьянину также останется только 3 дня въ недѣлю на собственную работу, изъ коей извлекаетъ онъ подати, рекрутовые, и еще болѣе, работая собственнымъ скотомъ своимъ какъ господину, такъ себѣ, самъ заботится о перемѣнѣ усталаго, а въ случаѣ падежа, изкупленіемъ другого скота; ибо хотя многіе помѣщики даютъ таковой онымъ, но напослѣдокъ или вычитаютъ деньгами, или за отработываніе лишнихъ дней сверхъ барщины отчисляютъ его стоимость, чрезъ что всякій крестьянинъ состоитъ въ долгу у своего господина.

б) При наступленіи сборовъ съ полей хлѣба и сѣнокосовъ позволительно было бы, въ теченіе 6—7 недѣль, вмѣсто двухъ дней съ души въ недѣлю, употреблять три дни, но съ тѣмъ, чтобы таковые отчислены были изъ дней зимовыхъ или же приняты въ число подушной подати.

в) На сплавы лѣсныхъ товаровъ, отправляемыхъ рѣками въ города: Николаевъ, Севастополь, Херсонъ и др. мѣста, куда пускаются плыты и байдаки съ половины мая, а люди возвращаются назадъ уже при замерзаніи водъ, необходимо положить нижеслѣ-

---

[1]) Т. е. устраненіе.

дующее правило: Какъ крестьяне употребляются по предмету сему не только для продажи собственно помѣщичьихъ лѣсовъ, но даже нанимаютъ ихъ и для евреевъ, торгующихъ лѣсною промышленностью, да при томъ наряжяются съ хатъ безъ всякаго разбора состоянія ихъ семейства, то допустить только можно, дабы избираемые были въ сію командировку изъ числа семейныхъ фамилій, гдѣ есть въ хатѣ не менѣе трехъ мужскаго пола рабочихъ душъ, дабы остающіяся двѣ души неупустительно успѣвали, при отбываніи барщины, быть полезными и для своей земли. Ибо находящемуся на сплавномъ промыслѣ половина времени отсутствія засчитывается на барщину, а за остальную половину получаетъ отъ владѣльца весьма умѣренную заплату, несмотря на то, что одежда его въ одно лѣто отъ дождей совершенно истреблена и что одинъ день сихъ трудовъ стоитъ гораздо болѣе, чѣмъ 2 дня настоящей барщины.

Я лично удостовѣрился, что сего года наняты крестьяне на сплавной лѣсъ до г. Николаева однимъ помѣщикомъ подрядчику по 26 р. съ души. Цѣна сія—умѣренная, ибо бываетъ и гораздо дороже. Слѣдовательно, какъ по Инвентарямъ у многихъ считается день пѣшій по 10 коп. сер., то въ 5 мѣсяцевъ одна душа составляла бы помѣщику, хотя бы и по 3 дня въ недѣлю, 6 р. сер.; а потому изъ остальныхъ 20 р. можно бы опредѣлить для крестьянина половину, т. е. 10 р. сер. въ заработокъ, а не 6 р., за каковой другіе и сего не даютъ.

г) Заведеніе трехъ-дневной барщины *съ хаты* болѣе выгодно для помѣщика, нежели облегчительно для крестьянина.

Счастливъ тотъ, у кого въ хатѣ есть 10 душъ рабочихъ, ему легко 3 дни сіи отбыть, хотя бы и урочную барщину; но какъ бѣденъ тотъ, у кого только 2 души, а тѣхъ же 3-хъ дней урочныхъ не избѣгнетъ! Сверхъ же сего, гдѣ работаютъ съ хаты, тамъ существуетъ *подорожчина* и иные денежные наклады и сверхъ сего безъ зачета должны отработать лѣтнихъ дней 12 и шарварковъ 12. Время сіе есть весьма дорого для земледѣльца, ибо если бы онъ пожелалъ кому-либо наняться, то получилъ бы на день по 20 коп. сер. и болѣе, что составило бы въ 24 дни 4 р. 80 коп. сер., и оными деньгами уплатилъ бы подушные и другую повинность.

Семейныхъ хатъ нынѣ очень мало существуетъ, ибо онѣ раздроблены на 3 или 4 хозяина, что и составитъ уже, вмѣсто трехъ дней, 12 въ недѣлю.

д) Многіе помѣщики полагаютъ, что плата винокуреннаго отяготительна для нихъ, потому что якобы таковую собственностію своею удовлетворяютъ. Напротивъ того, не только богатые крестьяне, но и самые бѣдные суть плательщиками винокуреннаго, ибо они за установленную цѣну помѣщикамъ, вознаграждающую ихъ въ четверо, платятъ арендарю его за горячее вино, даже и фабрикованное.

е) Лѣсная промышленность время отъ времени въ семъ уѣздѣ истощается, ибо производившаяся торговля въ значительномъ количествѣ корабельныхъ потребностей, доставляемыхъ какъ выше сказано, нынѣ оказались на пристани Рутицкой, по освидѣтельствованію моему, въ маломъ количествѣ, кромѣ дровъ сосновыхъ и въ небольшомъ числѣ березовыхъ и ольховыхъ, дегтю, смолы, привозимой на плытахъ въ мѣста сей губерніи, а частію далѣе. А потому открывшіяся поля, по истребленіи лѣсовъ, остаются безъ необходимой попечительности земледѣльческой и, къ большому сожалѣнію, таковыя находятся въ забвеніи; осиротѣлыя поля, лишенныя рукъ земледѣльца, дичѣютъ, ибо наемъ хлѣбопашцевъ на плыты, за готовыя деньги, слишкомъ выгоденъ помѣщикамъ для временнаго извлеканія доходовъ, а мысль о будущемъ остается усыпленною. А отъ сего хлѣба въ семъ уѣздѣ весьма мало, запасные магазейны пусты, крестьяне терпятъ нужды, помощь владѣльческая своимъ крестьянамъ слабѣетъ, ибо уже и нынѣ корецъ ржи 20 злотыхъ, а въ Чернобылѣ дороже. Неурожаи почти ежегодные, не съ причины атмосферы, и непостоянныхъ погодъ, но отъ неупотребленія рукъ въ должномъ количествѣ на выработаніе земель подъ засѣвъ, а даже и огородовъ, на самыхъ пескахъ поселенныхъ.

ж) Рабочаго скота весьма мало; вѣроятно, онъ лишній для крестьянъ, плавающихъ на байдакахъ и плытахъ по шести мѣсяцевъ въ годъ въ отдаленныя мѣста, хотя оттого не оранными и одичалыми остаются поля или, по силѣ возможности, кое-какъ засѣяны оставшимся дома малымъ семействомъ, но, не будучи удобрены гноемъ, едвали произростаютъ 2 зерна, а иногда одинъ лишь только отсѣвъ возвращаютъ за труды несчастнаго земледѣльца, который съ наступленіемъ зимы уже хлѣба не имѣетъ; а недостатокъ сей называютъ „неурожаемъ“.

з) Весьма удивительно, почему въ тѣхъ мѣстахъ губерніи, гдѣ очень мало лѣсовъ или вовсе ихъ нѣтъ, тамъ крестьянскія избы похожи на порядочные домы; здѣсь, напротивъ того, деревни поселены въ лѣсахъ, но несчастные земледѣльцы живутъ въ

малыхъ лачугахъ, ветхихъ, на избы не похожихъ, а у нѣкоторыхъ даже и необгороженныхъ. Сіе доказываетъ, что крестьяне времени не имѣютъ и что, по истребленіи лѣсовъ, будутъ обитать въ шалашахъ, если нынѣ упустятъ изъ виду обезпечить свою будущность.

Примѣч. Нигдѣ столь много рабочихъ крестьянъ, съ лопатами, топорами и безъ сихъ орудій, шатающихся въ столь дорогое время, я не видѣлъ, какъ въ г. Радомыслѣ, въ коемъ, изъ сожалѣнія, я самъ лично нанималъ изъ числа ихъ по нѣскольку на день за очень умѣренную цѣну для обработки домашняго огорода и др. потребностей, и узнавалъ, что причиною ихъ скитанія—недостатокъ хлѣба и нужда въ подушныхъ. Это заставило меня войти въ тончайшую подробность быта крестьянъ и составить Вѣдомость совокупно съ мнѣніемъ моимъ, при оной прилагаемымъ".

Изъ составленной Рузою подробной Вѣдомости по Радом. уѣзду можно извлечь слѣдующія свѣдѣнія:

Всѣхъ помѣщичьихъ имѣній въ уѣздѣ было въ то время 135. Изъ нихъ (судя по фамиліямъ) русскихъ около 15 помѣщиковъ. Казенныя имѣнія (конфискованныя отъ католич. монастырей) всѣ находились въ администраціи поляковъ.

1) *Барщина* въ недѣлю: въ 26-ти имѣніяхъ—съ *души* (по 3 дня съ мужчины и по 3 дня съ женщины), въ остальныхъ—со *двора* (тоже по 3 дня а въ иныхъ пѣшіе и одинокіе—по 2 дня мужч. и 2 дня женщины).

2) *Шарварки и лѣтнія:* Сверхъ барщины въ 98 имѣніяхъ крестьяне отбываютъ 12 дней шарварковъ и 12 лѣтнихъ (въ рѣдкихъ случаяхъ 12 шарв. и 8 лѣтнихъ; еще рѣже: 6 шарв. и 6 лѣтнихъ).

3) *Данины денежныя*: Въ 56 имѣніяхъ есть эти данины разнаго количества: $52^1/_2$ коп. мѣдью до 2 р. 40 сереб. (въ одномъ имѣніи 2 р. 55 к. сер). Замѣтить какое-либо соотношеніе между денежными данями, шарварками и барщиной нельзя: высшая денежная дань 2 р. 40 к. встрѣчается въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ шарварковъ 12, лѣтнихъ 12 и по 3 дня барщины съ хаты. Можно лишь сказать: въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ барщина съ *души*, тамъ почти нѣтъ денежной дани и шарварковъ.

4) *Данины вещественныя*:

Орѣхи: взимались въ 8 имѣніяхъ по 1-му гарнцу, а въ двухъ по 2 гарнца.

Клюква: въ 6 имѣніяхъ по 1 гарнцу.

Черника: въ 7 имѣніяхъ по 1 квартѣ, по $1^1/_2$ кварты. и по 2 кварты.

Брусника: въ 3-хъ имѣніяхъ по 1 гарнцу.

Червецъ: въ 28 имѣніяхъ, по 1—2 ложкѣ, или 2 рюмки.

Хмѣль: въ 50 имѣніяхъ, по 8 гарнцевъ, по 10, по 16, 32 гарнца, или по 20—40 фунтовъ.

Медъ: въ 12 имѣніяхъ отъ $^1/_2$ до $1^1/_2$ гарнца, въ 2-хъ имѣніяхъ по 1 пуду.

Грибы: въ 85 имѣніяхъ, въ среднемъ—по 1 сотнѣ.

Калина: въ 3-хъ имѣніяхъ, по 1 пучку.

Лучина: въ 2-хъ имѣніяхъ, по 1 возу.

Драпь: въ тѣхъ-же 2-хъ имѣніяхъ, по $^1/_2$ копы.

Каплуны: въ 41 имѣніяхъ, по 2 каплуна (очень рѣдко по 1-му).

Куры: въ 122 имѣніяхъ, обыкновенно по 2 курицы (рѣдко по 3 и по 1).

Яйца: въ 127 (тѣхъ же, гдѣ и куры, обыкновенно по 24 яйца (рѣдко по 5, 10 и 15).

Мотки: въ 93 имѣніяхъ, обыкновенно по 2, 3, 4 и рѣдко по 6 мотковъ.

Вѣдомость Радом. исправника такъ понравилась Бибикову, что онъ велѣлъ снять съ нея форму и послать найболѣе довѣреннымъ исправникамъ: Гайсинскому и Влад.-Волынскому, при весьма секретномъ предписаніи: „собрать по прилагаемой формѣ самыя вѣрныя свѣдѣнія объ отбываемой крестьянами барщинѣ, данинахъ и проч. съ объясненіемъ: въ какой мѣрѣ исполняются со стороны владѣльцевъ обязанности ихъ въ отношеніи крестьянъ, и не обременяются ли гдѣ-либо крестьяне излишними повинностями, и въ какой именно степени. Свѣдѣнія сіи должны быть собраны вами самымъ секретнымъ образомъ и доставлены ко мнѣ въ скорѣйшемъ времени, такъ что о донесеніи вашемъ мнѣ по сему предмету никто знать не долженъ“.

23 іюля Гайсинскій исправникъ Прокоповичъ прислалъ вѣдомость при рапортѣ, въ коемъ писалъ: „При семъ доложить честь имѣю, что крестьяне обременяются работами въ имѣніяхъ: графа Холоневскаго, графа Мощинскаго, помѣщика Франца Ярошинскаго. Въ остальныхъ во всѣхъ имѣніяхъ посессоры и владѣльцы, соблюдая свои выгоды, назначаютъ крестьянамъ работы *урокамии* (какъ то: жать хлѣбъ и молотить и пр.), отмѣчая имъ барщину только въ недѣлю *по 3 дня на душу;* но они таковой назначенной срочной работы въ 3 дня сдѣлать не могутъ, а едва

и въ 5 дней по назначенію то отрабатываютъ, а въ особенности въ осеннее и зимнее время. Деньги же они берутъ съ крестьянъ тѣхъ, кои имѣютъ свой плугъ и волы, разнообразно, какъ-то: съ пароваго по 2 р. и болѣе, съ поединка по 1 рублю, а съ пѣшаго по 50 коп. сер."

Вѣдомость по Гайсинскому уѣзду:

Всѣхъ имѣній въ уѣздѣ 117. Русскихъ совсѣмъ не видно, одно лишь имѣніе православнаго монастыря.

1) *Барщина* въ недѣлю: въ 105 имѣніяхъ *съ души*: по 3 дня съ мужчины и по 3 съ женщины. (Очень рѣдко—по 2 съ того и др.) но въ имѣніяхъ графа Холонѣвскаго (въ мѣст. Зятковцахъ и 3-хъ селах)—по 4 съ мужской души и по 4 съ женской. Въ остальныхъ 12 имѣніяхъ—*со двора*: по 3 дня съ мужч. и столько же съ женщинъ, или по 3 или 2 дня, оч. рѣдко по 2 и 2 д., въ имѣніяхъ графа Михаила Мощинскаго 5 м, и 5 ж. дней.

2) *Шарварки* [1]) практиковались во всѣхъ почти имѣніяхъ, но не равномѣрно: чаще всего по 12 дней, рѣдко по 10, по 8, по 6, и—лишь въ 3-хъ имѣніяхъ по 3 дня, и въ одномъ по 2 дня, а у гр. Холонѣвскаго (въ м. Зятковцахъ)—по 15 дней.

3) *Денежныя повинности:* въ 43-хъ имѣніяхъ крестьяне платили отъ 90 коп. до 2 р. 10 коп. (это средняя), а у помѣщ. Фр. Ярошинскаго (въ м. Кутъ и трехъ селахъ) по 3 р. 30 коп. серебромъ.

4) *Натуральныхъ данинъ:* орѣховъ, клюквы, черники, брусники, червца и хмелю--вовсе нѣтъ въ уѣздѣ. Есть лишь *медовая* дань: обыкновенно 10-ая колодка пчелъ, лишь въ имѣніяхъ графини Александры Потоцкой—деньгами по 40 коп. сер. (отъ колодки или отъ пасѣки—не ясно).

Грибовъ, калины, лучины и драни тоже нѣтъ; каплуны, куры и яйца—почти во всѣхъ имѣніяхъ; обыкновенно: 2 каплуна, 2 курицы и 30 яицъ, но есть болѣе и менѣе.

Мотки—вездѣ, отъ 2 до 4-хъ и рѣдко (у Мощинскаго) по 5 мотковъ.

21 окт. Владимірскій исправникъ Леляковъ, прислалъ вѣдомость по своему уѣзду.

Всѣхъ имѣній въ уѣздѣ 156. Русскихъ помѣщиковъ не видно. Повинности крестьянъ:

---

[1]) „Лѣтнихъ“ здѣсь нигдѣ нѣтъ.

1) *Барщина* отбывалась здѣсь съ *двора*, а не съ души. Въ отношеніи ея отбыванія крестьяне дѣлились на 3 группы: *полногрунтовыхъ, полугрунтовыхъ* и *одноогородныхъ*. Первые работали по 3 или по 4 дня въ недѣлю, и сверхъ того 12 дней „шальварковъ“ и отъ 6 до 20 дней „лѣтнихъ;“ вторые—по 2—3 дня въ недѣлю, отъ 6 до 12 „шальварковъ“ и по 5—6 „лѣтнихъ; третьи—по 1 и рѣдко по 2 дня въ недѣлю и отъ 7 до 10 дней „лѣтнихъ“. Женщины лишь въ рѣдкихъ имѣніяхъ отбывали барщину, и то преимущественно лѣтомъ, по 12—16 дней за лѣто. Одногоородные тоже рѣдко ходили на барщину, замѣняя ее денежной уплатой отъ 1 р. 5 коп. до 3 и до 4-хъ рублей.

2) *Денежная повинность:* почти всюду отсутствуетъ. Лишь въ одномъ имѣніи грунтовые платили 8 р. 70 к. а полугрунтовые 4 р. 35 к., но за то не работали ни барщины, ни шарварковъ, ни лѣтнихъ. Еще: въ Любомильскомъ имѣніи граф. Браницкаго (14,888 душъ) крестьяне работали: по 2 дня въ нед. со двора, по 6 шарв. дней и по 12 лѣтнихъ и сверхъ того платили по 1 р. сер. Кое-гдѣ, впрочемъ, крестьяне, сверхъ 3-хъ дней недѣльныхъ со двора и 12 шарварковыхъ, платили по 1 р. 30 коп.

3) *Натуральныя дани:* очень рѣдки. Лишь кое-гдѣ давали:

Черники по 2—3 кварты, или по 1 гарнцу.

Брусники по 1 гарнцу, а кое-гдѣ и по 3.

Клюквы по 1 и по 2 гарнца.

Орѣховъ по 1 гарнцу, или по 1, 2 и 3 кварты.

Хмелю лишь въ одномъ имѣніи по 16 гарнцевъ, а въ другихъ меньше.

Меду лишь въ четырехъ имѣніяхъ по 20, 30 и 60 фунтовъ.

Грибовъ по 25, 50, 100 и до 120 штукъ.

Калины по нѣсколько пучковъ.

Лучины по $^1/_2$ и $^3/_4$ воза.

Драни по 1 копѣ.

Дровъ по 6 возовъ.

Каплуны по 1 или по два.

Куры отъ 1 до 5 штукъ.

Яйца отъ 10 до 18 штукъ.

Мотки отъ 1 до 20.

Послѣднія 4 дани практиковались почти во всѣхъ имѣніяхъ въ уѣздѣ.

Весьма дѣльную записку сообщилъ Бибикову Проскуровскій уѣздный стряпчій Савченко при рапортѣ отъ 20 окт. 1840 г.,

подъ заглавіемъ: *„Замѣчанія изъ собранныхъ подъ рукою свѣдѣній о образѣ управленія помѣщиковъ крестьянами.“* Въ предисловіи авторъ говоритъ о себѣ, что онъ состоитъ на службѣ 24 года, болѣе 10 лѣтъ—стряпчимъ въ разныхъ уѣздахъ Подольской губ., всегда присматривался къ быту крестьянъ и „вполнѣ удостовѣрился подъ рукою, что отеческія намѣренія правительства, при настоящемъ образѣ управленія помѣщиками крестьянъ, не могутъ имѣть полнаго успѣха“. Вотъ содержаніе его записки:

„Всѣ вообще крестьяне Под. губ. раздѣляются на 5 разрядовъ: *паровыхъ, поединковъ* и *пѣшихъ,* которые содержатъ помѣщичьи земли для хлѣбопашества, *халупниковъ* и *коморниковъ*, которые живутъ только въ помѣщичьихъ домахъ. Всѣ эти разряды платятъ помѣщику за земли и за „халупы“ или хаты извѣстное количество денегъ (въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ) и вездѣ отрабатываютъ положенное инвентарями число дней барщины. Сверхъ того, они обязаны платить за себя казенныя подати.

„Но крестьяне съ давнихъ временъ, по бѣдности своей, оказались несостоятельны къ платежу за себя казенныхъ податей, и отъ сего проистекла необходимость платежъ таковыхъ возложить на самихъ помѣщиковъ. Сіи же послѣдніе уплаченныя деньги налагали на каждаго хозяина въ отработокъ, и такимъ образомъ бѣдность крестьянъ, происходящая отъ самихъ же помѣщиковъ, сдѣлалась для первыхъ источникомъ новаго неудобства, сопряженнаго съ выгодою для вторыхъ. Бѣдные крестьяне, нуждались въ хлѣбѣ и прочихъ хозяйственныхъ потребностяхъ, обращались къ помѣщикамъ, которые снабжали ихъ всѣмъ нужнымъ по своему усмотрѣнію, но опять налагали за долгъ отработокъ. Такимъ образомъ крестьяне, дѣлая долги у своихъ помѣщиковъ, принимали на себя новую обязанность работать сверхъ барщины; по этимъ причинамъ составилось два рода барщины: по инвентарю и на пополненіе долга по займамъ хлѣба и прочаго и по казеннымъ податямъ. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ управленіе болѣе порядочное, тамъ ведется правильный расчетъ съ крестьянами за всѣ отработанные ими дни; но, къ сожалѣнію, есть имѣнія, гдѣ и того поверхностнаго обряда удовлетворенія крестьянъ не соблюдается. Въ сказанныхъ расчетахъ дни, по инвентарю назначенные, зачисляются въ панщину безплатную, а переработанные противу инвентарного назначенія обращаются на пополненіе долговъ крестьянъ. Но расчеты эти, дѣлаемые управителями и приказчиками, не всегда бываютъ совѣстны; кромѣ того, цѣны на занятое крестьянами и цѣна за работу устанавли-

вается произвольно, безъ всякаго спроса крестьянъ, согласны ли они, или нѣтъ на подобную оцѣнку. Обыкновенно продукты, занимаемые крестьянами, оцѣняются самою высшею цѣною, въ то время существующею, а плата за рабочій день полагается иногда въ 5 коп. сер., тогда какъ вольный рабочій стоитъ здѣсь въ день отъ 15 до 20 коп. сер. Это чувствительно тягостно крестьянамъ. Я замѣчалъ такую систему разсчета даже въ такихъ имѣніяхъ, коихъ помѣщики слывутъ человѣколюбивымъ съ своими крестьянами обращеніемъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ крестьяне впали въ неоплатные долги, которыхъ имъ никогда не отработать. Слѣдствіемъ этого было, что помѣщики начали считать себя въ правѣ, для выручки долговъ, употреблять крестьянъ въ работу отъ воскресенія до воскресенія, дозволяя не иначе, какъ съ ихъ же разрѣшенія, въ дни, свободные отъ помѣщичьихъ работъ, обработку ихъ полей, которыя отъ того, почти никогда въ свое время незапаханныя и незасѣянныя, ничего или очень мало приносятъ крестьянамъ пользы въ своемъ урожаѣ. Проѣзжая въ лѣтнее время по полямъ, можно издали различить крестьянскіе хлѣба отъ помѣщичьихъ—такъ они всегда плохи.

„Право употреблять крестьянъ во всегдашнія работы породило новое, очень ощутительное угнетеніе: помѣщики выгоняютъ ихъ на нѣсколько недѣль съ своими транспортами хлѣба, или за доставкою лѣса, камня, извести и т. под., считая имъ дни, въ пути проведенные, за дни отбытой барщины. Крестьяне, отдаленные отъ домовъ, отбывая подобную барщину, должны на свой счетъ продовольствовать свой скотъ, и кромѣ этихъ издержекъ, крайне ихъ разоряющихъ, которыхъ бы они не несли, отрабатывая на мѣстѣ два или три дня въ недѣлю,—очень часто теряютъ отъ изнуренія свой скотъ, составляющій все ихъ достояніе. Разумѣется, помѣщики вмѣсто павшаго даютъ вновь свой скотъ на счетъ отработки. На оснаваніи подобномъ помѣщики, имѣющіе въ разныхъ уѣздахъ имѣнія, перегоняютъ на цѣлыя недѣли крестьянъ изъ одного въ другое имѣніе на работу. Вдобавокъ къ тому всему, заведено еще во многихъ мѣстахъ весною, когда чувствуется крестьянами общій недостатокъ хлѣба, продовольствіе ихъ *за гарнцы*; тогда не считается уже барщины, которая остается за крестьянами въ долгу, а только за всякій день работы дается имъ яроваго хлѣба въ цѣнѣ отъ четырехъ до пяти копѣекъ сер. Все это, угнетая крестьянъ до крайности, освящено стародавнимъ обычаемъ и не почитается за проступокъ помѣщикомъ, хотя отъ того проистекаютъ для крестьянъ невыгоды очень явныя, имѣющія вліяніе на ихъ нравственность.

„Безпрестанное употребленіе крестьянъ въ работы для отбытія барщины, положенной инвентарями, для отработки долговъ ихъ и для зарабатыванія даваемаго имъ продовольствія, лишаетъ ихъ возможности самыми тяжелыми трудами пріобрѣсти какое-либо состояніе. Работанные ими дни, очень низко оцѣненные въ сравненіи съ понесенными трудами, не удовлетворяя въ долгахъ помѣщиковъ, удерживаютъ крестьянъ въ такомъ положеніи, что они всегда работать обязаны и отлучиться для заработковъ изъ селенія не въ правѣ, гдѣ работа ихъ, противъ платы помѣщика, по крайней мѣрѣ болѣе чѣмъ въ три раза принесла бы имъ выгоды. Напримѣръ, и настоящею весною многіе помѣщики крестьянамъ своимъ за молотьбу хлѣба давали за день гарнецъ овса и гарнецъ ячменя, что, по существовавшимъ цѣнамъ, составляло до 4-хъ коп. сер.; между тѣмъ чужимъ крестьянамъ, прибывшимъ для заработковъ, помѣщики давали по 4 гарнца озимаго хлѣба, что составляло отъ 20 до 24-хъ коп. серебромъ: разница очень ощутительная и видимо убѣждающая, сколько обижаются крестьяне своими помѣщиками какъ при дачѣ имъ продовольствія, такъ равно и при расчетахъ за дни, работанные сверхъ инвентарнаго положенія.

„Безнадежность улучшить когда-либо свое состояніе, при безпрестанномъ обремененіи работами, должна была непремѣнно поселить въ крестьянахъ то убѣжденіе, что ихъ назначеніемъ по рожденію есть печальная участь—вѣчно работать въ чужую пользу. Поэтому крестьяне, не видя пользы отъ своихъ трудовъ, къ трудамъ даже при обработкѣ своихъ собственныхъ полей не имѣютъ никакой охоты и ко всему понуждаемы должны быть напоминаніями или даже самымъ наказаніемъ. Оттого не видно между здѣшними крестьянами никакой наклонности къ промыслу, каковой и быть не можетъ при безпрестанномъ обращеніи ихъ въ помѣщичьей работѣ; а освобожденные воскреснымъ или торжественнымъ днемъ отъ барщины, они не въ состояніи думать о чемъ-либо другомъ, какъ о непріятныхъ трудахъ для чужой пользы, и дабы забыть это, предаются пьянству. Собранный съ полей своихъ хлѣбъ, который почти вездѣ воспрещается имъ продавать, тайнымъ образомъ вывозятъ они въ мѣстечка или почти безъ цѣны заставляютъ въ корчмахъ за водку — особенно тамъ, гдѣ арендаторами евреи, — привыкши уже къ мысли, что помѣщики, употребляя ихъ въ работу безпрестанно, должны пещись также и о оплаканномъ ими кормѣ и одѣяніи. Самый даже призывъ къ расчету съ помѣщи-

ками крестьяне исполняютъ съ такою неохотою, какъ бы онъ былъ обыкновеннымъ выгономъ на барщину, потому что они удостовѣрены уже, что во всякомъ случаѣ,—останутся ли должными, или имъ будутъ должны,—порядокъ безпрестанно работать будетъ ихъ удѣломъ; кромѣ того, послѣ расчета ежели кому изъ нихъ слѣдуетъ деньги (это случается только самымъ достаточнымъ), то таковыя имъ не уплачиваются никогда, а оставляются до забора продуктами заведеннымъ порядкомъ.

„Подобнымъ образомъ въ настоящее время управляется большая часть имѣній, въ здѣшнемъ краѣ состоящихъ. Управленіе это, очень обидное для крестьянъ, дѣлается еще тягостнѣе, ежели помѣщики, сохраняя только обычай выгонять крестьянъ па барщину отъ воскресенья къ воскресенью, не ведутъ никакого расчета съ ними за дни переработанные и не соблюдаютъ этого даже поверхностнаго вида—удовлетворять ихъ за труды, которые отъ нихъ не слѣдуютъ. Съ такихъ имѣній крестьяне уходятъ въ степныя мѣста на заработки и даже заграницу и тамъ остаются, а люди дурной нравственности отваживаются даже на преступленія.

Земскія полиціи, имѣя порученный отъ правительства надзоръ за благосостояніемъ крестьянъ, не вникаютъ, повидимому, во внутренній образъ управленія помѣщиковъ крестьянами; ежели же съ общаго взгляда и замѣтно, что помѣщики свыше инвентарнаго положенія употребляютъ крестьянъ въ работу, то замѣтно также, что помѣщики уплачиваютъ за нихъ подати, даютъ имъ въ отработокъ хлѣбъ и т. под., что они исполнить обязаны. Впрочемъ, обыкновеніе употреблять крестьянъ въ работы болѣе, чѣмъ въ инвентарѣ положено, очень давнее и никогда воспрещено помѣщикамъ не было. Дѣла, производимыя по сему предмету, обыкновенно заводятся по жалобамъ и при случающихся происшествіяхъ; крестьяне почти всегда жалуются только на жестокое ихъ наказаніе, на угнетеніе же жалобъ они не заносятъ, потому что имъ не извѣстны обязанности ихъ къ помѣщикамъ и за тѣмъ не извѣстно, сколько они работать должны и какъ за переработокъ должны быть удовлетворяемы. Можно также полагать, что крестьяне того не показываютъ изъ опасенія (которое отчасти справедливо) по великимъ правамъ помѣщиковъ надъ ними, представленнымъ законами. Производство же дѣлъ о наказаніяхъ крестьянъ, заключая въ себѣ частные случаи, не ограждаетъ крестьянъ отъ угнетенія общаго.

„Изъ всего мною описаннаго видно, что общее угнетеніе крестьянъ, исключая нѣкоторыхъ въ меньшей части имѣній, заключается въ томъ:

а) Что, при платежѣ помѣщиками за крестьянъ податей и положеніи уплаченныхъ денегъ въ отработокъ, крестьяне эти подати уплачиваютъ вдвойнѣ и втройнѣ по причинѣ низкой цѣны, назначаемой за день работы.

б) Что на забранный хлѣбъ и прочее, занятое у помѣщиковъ, цѣны назначаются помѣщиками безъ согласія крестьянъ высокія, а цѣна за дни, переработанные противу инвентаря, очень низкія и также безъ согласія крестьянъ, отъ чего крестьяне такъ же вдвойнѣ или втройнѣ уплачиваютъ за данное имъ.

в) Что крестьяне принуждаются работать болѣе, какъ по инвентарю положено, отъ чего, кромѣ выше изъясненныхъ уже отъ того потерь, лишаются возможности какъ должно запахивать и удобрять свои земли, не приносящія имъ должнаго урожая, и тѣмъ самымъ вовлекаются въ новыя займы у помѣщиковъ, за которые болѣе, какъ выше изъяснено, уплачиваютъ.

г) Что при употребленіи крестьянъ для разныхъ доставокъ въ дальнія мѣста не наймомъ и безъ ихъ согласія, а въ видѣ барщины, выставляя крестьянъ на разорительныя издержки и потери скота, разоряются не только частныя семейства, но даже приходятъ въ общую бѣдность цѣлыя имѣнія.

д) Что отъ безпрестаннаго употребленія крестьянъ въ работу проистекаетъ вредное вліяніе даже на нравственность крестьянъ, препятствующее имъ обратиться къ промыслу и къ улучшенію жалкаго ихъ состоянія. Сверхъ же описаннаго, зачисляется въ долгъ барщина, не отработанная по случаю ненастной погоды и даже болѣзни крестьянина, которая (барщина) взыскивается въ очень экстренное для помѣщика время, т. е. во время жатвы и молотьбы проданныхъ продуктовъ.

„Всѣ эти обстоятельства, противустоящія благодѣтельнымъ намѣреніямъ правительства въ отношеніи крестьянъ, я, стремясь къ пользамъ службы, необходимымъ счелъ, по долгу присяги, совѣсти и чести, изложить здѣсь съ предоставленіемъ благоуваженію начальства.

„Ежели правительству, по соображеніи этихъ обстоятельствъ, благоугодно будетъ перемѣнить настоящій образъ управленія помѣщичьихъ крестьянъ, то я полагалъ бы, въ отвращеніе подобнаго угнетенія на будущее время, не нарушая коренныхъ правъ помѣщиковъ, постановить:

1) Платежъ казенныхъ податей, въ отвращеніе неисправнаго ихъ взноса самими крестьянами, оставить на обязанности помѣщиковъ; но дабы послѣдніе не могли расчетами по сему предмету обижать крестьянъ, добавить къ инвентарной повинности для отработка крестьянами помѣщикамъ число дней, какое по расчету прійдется, принявъ въ соображеніе цѣну, какая обыкновенно полагается при отдачѣ имѣній въ поссесіонное владѣніе помѣщиками.

2) Объявить всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ, что они болѣе, какъ по инвентарямъ положено, работать не обязаны; ежели же будутъ приглашены къ тому или обяжутся отработать нѣсколько дней свыше положенія за что-либо занятое, то должны условиться за плату вольными цѣнами.

3) Воспретить помѣщикамъ употреблять крестьянъ болѣе назначенія на барщину и заводить долги барщинныхъ дней, равно высылать ихъ въ дальнія дороги съ транспортами, такъ, чтобы посланный за барщину куда-либо крестьянинъ не отвлекался изъ дому на большее количество дней, какое положено ему въ недѣлю въ отработокъ по инвентарю.

4) Обязать помѣщиковъ, чтобы они наблюдали, дабы слѣдуемая по инвентарю барщина отбываема была понедѣльно, не перенося отнюдь таковой не только съ зимы на лѣто, но даже съ мѣсяца въ мѣсяцъ, и ведя съ крестьянами каждонедѣльно расчеты.

и 5) Остающуюся по настоящее время въ долгу на крестьянахъ барщину исключить и удовлетворенія за оную отъ крестьянъ не требовать.“

Здѣсь, къ сожалѣнію, прерывается та часть оффиціальной переписки, которая была въ нашемъ пользованіи, и дальнѣшее продолженіе ея намъ неизвѣстно. Но и то, что мы здѣсь извлекли изъ нея, достаточно полно и ярко рисуетъ безотрадную картину тогдашняго положенія крестьянъ въ Югозападномъ краѣ. Предъ этой картиной положительно блѣднѣютъ тѣ ужасы крѣпостной эпохи, о какихъ мы слышали по свѣжему преданію въ лѣвобережной Украинѣ: тамъ все-таки они помнятся, болѣе или менѣе, какъ частныя злоупотребленія, здѣсь же—сплошная, систематическая эксплоатація крестьянъ, безсмысленно жестокое выжиманіе изъ нихъ послѣднихъ соковъ, наглое обсчитываніе ихъ на каждомъ шагу и явное трактованіе крѣпостного человѣка совершенно на-

равнѣ съ рабочей скотиной, у которой не должно быть никакихъ помысловъ, кромѣ одного, что ея удѣлъ—вѣчно работать на господина. Вникая во все это, прямо недоумѣваешь, какъ могли милліоны людей, предки которыхъ вѣками боролись за свою свободу, переносить это каторжное существованіе. И не диво, что само правительство постоянно было въ опасеніи, какъ бы между крестьянами Югозападнаго края не вспыхнули волненія или даже открытое возмущеніе противъ своихъ притѣснителей. И такія волненія по временамъ и возникали въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно въ подольской губ.,—можетъ быть оттого, что здѣсь помѣщичій гнетъ былъ едвали не тяжелѣе, чѣмъ гдѣ-либо,—но власти крутыми мѣрами подавляли безпорядки въ самомъ ихъ зародышѣ.

Собравъ подробныя свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи крестьянъ, Бибиковъ возбудилъ вопросъ объ улучшеніи ихъ участи инвентарнымъ положеніемъ, въ которомъ были бы точно опредѣлены права и обязанности крѣпостныхъ по отношенію къ владѣльцамъ. Въ нашу задачу не входитъ подробное изложеніе этого дѣла, матеріалы для котораго все еще мирно покоятся въ архивныхъ подвалахъ. Скажемъ лишь, что не смотря на крайнюю скромность предложенной Бибиковымъ реформы, бережно охранявшей всѣ прерогативы помѣщичьей власти, его проектъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе въ правительственныхъ сферахъ и вызвалъ настоящій переполохъ среди мѣстныхъ пановъ, объявившихъ Бибикова чуть не опаснымъ демагогомъ, стремящимся воскресить въ краѣ ужасы былой гайдамачины. И потребовались вся энергія и настойчивость Бибикова, чтобы послѣ семилѣтней борьбы съ министерствами внутр. дѣлъ и госуд. имуществъ настоять таки на своемъ: составленныя имъ инвентарныя правила были наконецъ введены въ дѣйствіе въ 1847 г. Въ этомъ большая заслуга Бибикова. „Каковы бы ни были недостатки инвентарныхъ правилъ и еще болѣе ихъ примѣненія на дѣлѣ, нужно помнить, что это, все-таки, самая энергичная мѣра въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ изъ всего, что было сдѣлано для нихъ въ эпоху императора Николя I: относительно великороссійскихъ помѣщиковъ государь никода не рѣшался на регулированіе положительнымъ закономъ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ". Такъ справедливо оцѣниваетъ значеніе инвентарной реформы Бибикова извѣстный историкъ В. И. Семевскій.

Ор. Левицкій.

Польская и великорусская политическая печать 70-хъ годовъ по вопросу о народно-федеральномъ направленіи *).

Въ предстоящемъ намъ теперь обзорѣ отношеній польской и великорусской политической печати къ различнымъ народамъ бывшей Польши и нынѣшней Россіи намъ придется говорить почти исключительно о печати эмиграціонной или тайной, потому что только въ ней политическіе вопросы ставятся съ извѣстной откровенностью. Весьма можетъ быть, что до сихъ поръ не всѣ мнѣнія, какія существуютъ въ польскихъ и великорусскихъ революціонныхъ и даже вообще прогрессисткихъ кругахъ, имѣли случай, или даже счастье, быть высказанными въ вышеупомянутой печати, но наблюдателю ничего не остается, какъ только говорить о томъ, что видно, и ожидать дополненій отъ тѣхъ, кто можетъ видѣть сокрытое, а еще бы лучше, отъ самихъ тѣхъ, чьи мнѣнія остаются до сихъ поръ сокрытыми. Мы первые были бы рады, если бы оказалось, что въ польскихъ и великорусскихъ революціонныхъ и вообще прогрессистскихъ кругахъ существуютъ люди съ вполнѣ опредѣленными и обдуманными въ подробностяхъ интернаціональными, народно-федеративными стремленіями, но пока мы очень мало видимъ ихъ признаковъ въ печати, а вмѣсто того видимъ слишкомъ много признаковъ упорства въ старыхъ государственно - національныхъ, централистическихъ

---

*) См. Кіев. Стар. 1906 г., № 5—6. Настоящая статья является естественнымъ продолженіемъ статьи „Отношеніе великорусскихъ соціалистовъ 70-хъ годовъ къ народно-федеральному направленію“, помѣщенной въ указанныхъ номерахъ.

стремленіяхъ и предразсудкахъ. Попробуемъ же собрать и признаки новаго, и остатки стараго въ польской и великорусской публицистикѣ послѣдняго времени.

Самое радикальное отреченіе отъ идеи исторической Польши въ пользу идеи о самостоятельности народовъ, ее населяющихъ, какое до сихъ поръ мы встрѣчали въ польской печати, принадлежитъ M. G., неизвѣстному автору брошюрки „Glos z Korony, natchniony rokiem 1872“, изданной еще въ 1873 г. въ Краковѣ. Авторъ ея, по всему видно, держится не слишкомъ радикальныхъ мнѣній по вопросамъ религіознымъ и соціально-политическимъ, но обладаетъ искреннею любовью къ своей національности, которую желалъ бы предохранить отъ поглощенія и прусскаго, и русскаго и, какъ сынъ дѣйствительно польской земли (Короною называютъ поляки край Варшавскій), онъ скорѣе, чѣмъ шляхетскіе „перевертни“ непольскихъ земель, сумѣлъ отдѣлаться отъ шовинистическихъ идей по отношенію къ этимъ послѣднимъ землямъ. Переходя къ обсужденію вопроса о „такъ называемомъ западномъ краѣ“ или, какъ пересчитываетъ г. M. G., „Литвы, Волыни, Подоліи и Украйны“, авторъ говоритъ: „мы уже намекнули, что вслѣдствіе измѣнившихся въ теченіе столѣтія условій и идей, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія требовать себѣ провинцій, заселенныхъ русинскою народностью, развѣ бы захотѣли дѣйствовать во имя насилія. Тутъ только является вопросъ, можетъ ли та часть населенія польскаго, которая живетъ въ этомъ краѣ, надѣяться на полученіе гарантій свободнаго употребленія своего языка въ школѣ и церкви, къ какому бы вѣроисповѣданію населеніе польское ни принадлежало?... Что до языка администраціи въ краяхъ русинскихъ, то претензіи наши тутъ не опираются ни на какихъ фактическихъ основахъ. Во всякомъ случаѣ до XVI вѣка языкомъ администраціи и дипломатическимъ въ Литвѣ былъ языкъ бѣлорусскій, а не польскій. Оставимъ же малоруссамъ и бѣлоруссамъ разрѣшеніе вопроса: станетъ ли языкомъ ихъ будущаго въ области литературы, администраціи и церкви прекрасный, мелодическій языкъ народныхъ пѣсенъ, Шевченко, Падуры, языкъ, который трудомъ интеллигенціи русинской, по примѣру западныхъ и южныхъ славянъ, скоро могъ бы распустить крылья до полета наравнѣ съ потребностями времени, или же языкомъ этимъ долженъ быть языкъ великорусскій, постепенно, вслѣдствіе вліянія университетовъ кіевскаго и харьковскаго, вытѣсняющій языкъ малорусскій изъ употребленія въ кругахъ болѣе образованнаго малорусскаго населенія.

„Это вопросъ, по истинѣ, чрезвычайно важный, особенно для русинскаго народа, потому что рѣшеніе его окончательно въ пользу великорусскаго языка надолго придавитъ просвѣщеніе среди русиновъ и установитъ перегородку между образованнымъ классомъ и народомъ, который не перестанетъ тянуть пѣсни на языкѣ, такъ имъ любимомъ, такъ гибкомъ къ тонамъ грустной мелодіи; мы должны, однако, стать въ сторонѣ этого вопроса, и непрошенные не брать въ немъ участія, а тѣмъ болѣе не дѣлать, какъ теперь, натиска, въ пользу одной стороны въ рѣшеніи этого вопроса“ [1]). (Op. cit. 28—30).

Мысли въ такомъ духѣ мы встрѣчали въ двухъ-трехъ корреспонденціяхъ изъ Царства Польскаго въ петербургскія газеты, но ни у кого онѣ не доходили до такой категоричности, какъ у вышеупомянутаго автора. Равнымъ образомъ въ послѣднее время въ журналахъ молодой польской партіи въ Варшавѣ, какъ напримѣръ въ „Przegląd Tygodniowy“ можно было встрѣчать статьи довольно симпатичныя, напр., къ украинскому движенію въ Галиціи. Въ духѣ примиренія съ русинами высказывался и „Dziennik Poznanski“ и другіе познанскіе журналы (напр. „Przehląd Slowianski“), напуганные натискомъ германизаціи. Но ни въ одномъ еще журналѣ польскомъ мы не встрѣтили систематически проведеннаго новаго взгляда на отношенія поляковъ къ непольскимъ народамъ бывшаго польскаго государства, взгляда, исходящаго изъ полнаго отрицанія историческаго польскаго патріотизма и изъ признанія полной самостоятельности и отдѣльности вышеупомянутыхъ народовъ отъ Польши. Напротивъ того, вполнѣ непримиримыя идеи стараго польскаго историческаго патріотизма находятъ себѣ органы во всѣхъ польскихъ центрахъ, а особенно въ „самой свободной странѣ бывшей Польши“, какъ называла Галицію соціалистическая „Ròwnosć“. Обстоятельство это показы-

---

1) Послѣднія слова для насъ не совсѣмъ ясны, а что въ нихъ ясно, съ тѣмъ мы не можемъ согласиться. Непонятно, что авторъ разумѣетъ, говоря, что поляки наклоняли вѣсы спора между „русинскимъ“ и великорусскимъ языкомъ въ одну сторону. Во всякомъ случаѣ, въ украинскую сторону они ихъ наклоняли мало, а своимъ противодѣйствіемъ русинамъ въ Галиціи они препятствуютъ наклону вѣсовъ въ сторону украинцевъ. Далѣе, если авторъ совѣтуетъ нейтралитетъ полякамъ изъ „Короны“, то съ этимъ можно еще согласиться, но образованные поляки на Украинѣ и Бѣлоруссіи, а также въ Литвѣ и Лагышіи, какъ люди воспитавшіеся на счетъ туземныхъ массъ, должны не держать нейтралитетъ, а напротивъ, отслужить этимъ массамъ работою для ихъ просвѣщенія, конечно, на языкахъ этихъ массъ.

ваетъ, что мысль о раздѣлѣ исторической Польши между ея народами до сихъ поръ еще не нашла себѣ достаточнаго количества приверженцевъ въ польскомъ обществѣ. А безъ этой мысли, развѣ могутъ быть сдѣланы совершенно новые шаги къ политическому и національному освобожденію поляковъ, при посредствѣ широкаго федеральнаго движенія на Востокѣ Европы?

Безъ этой мысли невозможна и организація соціалистической пропаганды въ странѣ между Вислою и Карпатами, съ одной стороны, и Днѣпромъ и Десною — съ другой, па началахъ дѣйствительно интернаціональныхъ. А между тѣмъ и въ новыхъ соціалистическихъ кружкахъ польскихъ мысль о вышеупомянутомъ раздѣлѣ исторической Польши между равноправными ея народами до сихъ поръ не встрѣтила себѣ много сочувствія. До сихъ поръ мы можемъ остановиться только на трехъ болѣе или менѣе прямыхъ указаніяхъ на существованіе признанія подобной мысли въ польскихъ кружкахъ. Самое раннее изъ нихъ относится къ 1877 г. Въ это время въ Львовѣ производился процессъ (второй) соціалистовъ украинцевъ, къ которому былъ привлеченъ и полякъ изъ Россіи, г. Котурницкій. У послѣдняго найдено было письмо автора настоящей статьи къ галицкому украинцу г. Павлику, въ каковомъ письмѣ, между прочимъ, высказано было одно изъ основныхъ положеній, опредѣляющихъ отношеніе украинскихъ соціалистовъ къ польскимъ: „польскіе соціалисты должны съ перваго же раза заявить, что ихъ цѣлью никоимъ образомъ не можетъ быть возстановленіе стараго польскаго государства 1772 г., даже соціалистическаго, но организація польскаго народа на польской землѣ, въ связи съ украинскими соціалистами, которые организуютъ свой народъ на его землѣ".

Участвовавшіе въ процессѣ украинцы заявили болѣе или менѣе опредѣленно о своей солидарности съ авторомъ письма, и польскій ихъ товарищъ не высказался противъ его положенія, а заявилъ, что только на почвѣ соціализма состоится примиреніе русиновъ съ поляками, котораго такъ тщетно добивались старыя польскія партіи. Другое, гораздо болѣе ясное, заявленіе находимъ въ словахъ письма, посланнаго „кружкомъ" соціалистовъ польскихъ изъ подъ русскаго захвата" (kòlko socyjalistòw Polskich z pod zaboru Moskiewskiego) на митингъ, созванный редакціей „Ròwnosci" въ Женевѣ въ 50-лѣтнюю годовщину возстанія 1830 г., 30-го ноября 1880 года: „Вамъ искренне и по-братски протягиваемъ руку нашу, братья соціалисты, къ какой бы народности вы ни принадлежали, а особенно вамъ, наши ближайшіе сосѣди,

соціалисты, украинскіе, великорусскіе и нѣмецкіе" (socyjaliscì russcy, rosyjscy i niemieccy. Bibliot. „Rȯwnosci", I, 9 [1]).

Но самое прямое и ясное признаніе въ такомъ духѣ, хотя все-таки относительно однихъ только украинцевъ, находимъ въ двухъ уже упомянутыхъ программахъ галицкихъ, напечатанныхъ въ текущемъ году. Мы будемъ еще говорить объ этихъ программахъ въ особой обѣщанной статьѣ, а теперь сдѣлаемъ только выписку одной изъ нихъ, въ которой, можетъ быть, читателямъ будетъ интересно встрѣтить какъ вполнѣ интернаціональныя, федеральныя идеи въ приложеніи къ населенію одной изъ частей исторической Польши, такъ и соотвѣтственно имъ, раціональное отношеніе къ вопросу о національностяхъ вообще, отличное отъ того, какое мы видѣли выше у якобинствующихъ соціалистовъ.

„Польско-украинская рабочая партія не можетъ имѣть ничего общаго съ тою партіею, которая стремится къ возстановленію Польши эпохи Ягеллоновъ, „отъ моря до моря". Мы не хотимъ господства одной народности надъ другою. Мы сторонники самой широкой федераціи и убѣждены, что каждый народъ можетъ развиваться успѣшно только на основѣ самостоятельной жизни и полной свободы. Вмѣстѣ съ такимъ развитіемъ пойдетъ уничтоженіе національныхъ антипатій, возрастетъ солидарность свободныхъ народовъ и общечеловѣческія стремленія. Человѣчество въ своемъ естественномъ развитіи обнаруживаетъ стремленіе къ сложенію оригинальныхъ національныхъ индивидуальностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ усиленію (do potegowania) чертъ, общихъ этимъ индивидуальностямъ. Чѣмъ болѣе разовьются эти индивидуальности, тѣмъ скорѣе и цѣлое человѣчество начнетъ чувствовать свое единство передъ остальною природою: борьба между людьми прекратится, а мѣсто ея займетъ борьба съ остальною природою соединенными силами цѣлаго рода людского.

„По тѣмъ же самымъ основаніямъ мы должны отрицательно отнестись и къ дѣятельности той политической фракціи у русиновъ, которая стремится къ слитію народности малорусской съ великорусской, стараясь постепенно стереть національныя черты русиновъ и посѣвая вражду между русинами и поляками. Эта агитація поднята господствующими классами и служитъ исключительно ихъ цѣлямъ.

---

[1]) При случаѣ обращаемъ вниманіе на польскую національную терминологію, которая видна въ подчеркнутыхъ словахъ и которой обыкновенно не знаетъ „русская" публика.

„Народная партія русиновъ, такъ наз. украинофиловъ (галицкихъ), въ настоящее время обнаруживаетъ чисто буржуазныя стремленія, которыхъ мы поддерживать не можемъ.

„Поляки собственно не имѣютъ народной партіи (ludowego stronnictwa). Малочисленнымъ сторонникамъ демократіи между буржуазіей польской не удалось, несмотря на неоднократныя попытки, организовать партію: эти демократы, разъсѣянные по разнымъ политическимъ группамъ, имѣющимъ въ цѣломъ направленіе недемократическое, идутъ съ ними рука объ руку даже въ вопросахъ кардинальной важности.

„Такъ называемый „еврейскій вопросъ" для насъ не существуетъ. Мы боремся противъ еврейской буржуазіи, не потому, что она еврейская, а потому, что она буржуазія; мы соединяемся съ пролетаріатомъ еврейскимъ, потому что его соединяетъ съ нами интересъ класса. Мы не признаемъ антагонизмовъ племенныхъ и національныхъ, а религіозныя вѣрованія считаемъ дѣломъ частнымъ.

Не трудно видѣть, что галицкая польско-украинская программа становится вполнѣ на точку зрѣнія украинскихъ соціалистовъ и что если бы эта точка зрѣнія была усвоена соціалистами поляками, напримѣръ, въ Варшавѣ, Ковнѣ, Вильнѣ, Динабургѣ, Минскѣ, Житомірѣ и т. п., то мы бы увидѣли въ тамошнихъ соціалистическихъ кружкахъ заботы о пропагандѣ на языкахъ не только польскомъ, но и нѣмецкомъ, нѣмецко-еврейскомъ, литовскомъ, латышскомъ, бѣлорусскомъ, украинскомъ. Польская соціалистическая печать, если бы она, стоя на почвѣ реальныхъ отношеній польскаго населенія, вполнѣ отрѣшилась отъ старинныхъ польскихъ государственныхъ претензій, должна бы была сразу же высказаться въ пользу необходимости такой вполнѣ интернаціональной работы. А, между тѣмъ, къ сожалѣнію, большая часть лицъ, въ послѣднее время выступившихъ въ заграничной польской печати соціалистическаго направленія, не только не высказалась въ такомъ духѣ, а показала въ своихъ писаніяхъ значительное количество остатковъ стариннаго историческаго польскаго централизма. Мы бы предпочли вовсе молчать о такихъ писателяхъ, если бы мы видѣли помимо ихъ достаточное количество заявленій, хоть въ родѣ галиційскихъ программъ, изъ разныхъ концовъ бывшей Польши.

Въ 1879 г. г. Б. Лимановскій издалъ брошюру: „Socyjalism jako konieczny objaw dziejowego rozwoju" и въ ней безъ всякихъ оговорокъ процитировалъ, какъ могущее до сихъ поръ служить

основаніемъ для польскихъ соціалистовъ, заявленіе демократовъ 1846 г., которое, между прочимъ, насчитало 20 милліоновъ поляковъ, а дальше разсматриваетъ „Русь“, какъ провинцію Польши и т. д. Въ отвѣтъ на наши замѣчанія по этому поводу въ „Листкѣ Громады“ г. Лимановскій прислалъ намъ письмо, которое мы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣли случая напечатать. Въ письмѣ этомъ г. Лимановскій, не отвѣчая, впрочемъ, категорически на наши вопросы, заявляетъ, правда, что признаетъ самостоятельность „русиновъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ желаніе возобновленія Люблинской уніи 1569 г. Мы вообще не понимаемъ, какое значеніе для соціализма, какъ „конечнаго результата историческаго развитія“, можетъ имѣть эта полувынужденная и цѣликомъ шляхетская унія. А въ частности думаемъ, что дѣйствительно желательное согласіе между политическими дѣятелями разныхъ народовъ въ предѣлахъ бывшей Польши и Литвы можетъ наступить только тогда, когда польскіе дѣятели окончательно сдадутъ въ архивъ всякія ссылки на Люблинскую унію, о которой, по крайней мѣрѣ, украинцы и въ Россіи, и въ Австріи и слышать не хотятъ. (Сошлемся, напримѣръ, хоть на протестъ галицкихъ „народовцевъ“ противъ польской демонстраціи въ память этой уніи въ 1869 г.) Г. Лимановскому слѣдовало бы, во всякомъ случаѣ, подождать, пока появится среди русиновъ хоть какое-либо подобіе партіи, согласной на возобновленіе Люблинской уніи. А между тѣмъ, онъ продолжаетъ въ „Jahrbuch für Sozialwissenschaft“ третировать, по крайней мѣрѣ, землю галицкихъ русиновъ, какъ Польшу, въ противность тому, что заявляютъ даже поляки-соціалисты изъ Галиціи. И при этомъ еще польскій соціалистическій патріотъ жалуется европейской публикѣ, что „нѣкоторые русинскіе соціалистическіе писатели обращаютъ болѣе вниманія на проведеніе границъ между національностями, чѣмъ на строгое соединеніе силъ въ борьбѣ съ нашимъ опаснѣйшимъ врагомъ (какимъ?). Они сѣютъ несогласіе тамъ, гдѣ должна бы господствовать строгая солидарность“ и т. п. (Jahrbuch, III, 261.) Какъ будто записывать въ Польшу, напр., галичанъ не значитъ проводить границу, и притомъ совершенно невѣрную, между ними и ихъ братьями приднѣпровскими? и какъ будто можно придумать что либо, болѣе способное сѣять несогласіе между русинами и поляками, какъ навязываться первымъ съ польскою національностью и Польшею-государствомъ, которое такъ имъ опротивѣло?!

Если вѣрить газетамъ, описывавшимъ конгрессъ въ Хурѣ (между прочимъ и польской газетѣ „Przedswit“), г. Лимановскій прямо заявилъ тамъ о необходимости возстановленія польскаго государства при помощи даже польскихъ демократовъ старой школы, конечно, въ границахъ, какія угодно будетъ провести г. Лимановскому и этимъ демократамъ. Любопытно, что при этомъ, какъ разсказываетъ „Przedswit“, г. Лимановскій являлся делегатомъ галицкихъ организованныхъ рабочихъ и читалъ отрывки изъ ихъ программы. Конечно, эти отрывки были не тѣ, которые мы привели выше, потому что иначе конгрессъ бы увидѣлъ, что г. Лимановскій никоимъ образомъ не можетъ считаться представителемъ кружковъ, которые составили эту программу [1]). Повторяемъ, если все, разсказанное о поведеніи г. Лимановскаго на конгрессѣ въ Хурѣ, правда, то, конечно, такое поведеніе одного изъ самыхъ плодовитыхъ польскихъ писателей соціалистовъ всего менѣе способно установить согласіе тамъ, гдѣ оно должно существовать. Во всякомъ же случаѣ, заявленіями г. Лимановскаго въ пользу необходимости возстановленія Польши, какъ государства, обязываютъ его и къ строгому опредѣленію границъ его, въ которыя онъ не имѣетъ никакого права вносить непольскія земли, какъ онъ это дѣлаетъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Иначе тутъ не только не можетъ быть вопроса о какой либо солидарности съ стремленіями, представляемыми г. Лимановскимъ, но долженъ быть поставленъ вопросъ просто о борьбѣ противъ нихъ, борьбѣ прежде всего со стороны той галицкой федераціи поляковъ, украинцевъ и евреевъ, программа которой

---

[1]) Судя по письму къ намъ изъ Галиціи отъ лица вполнѣ компетентнаго, программу эту постигли презлополучныя приключенія: она была озаглавлена „Program socyjalistow polskich i ruskich (украинскихъ) wschodniej Galicji“ и въ такомъ видѣ отправлена въ Женеву для напечатанія. Но здѣсь (Impimerie Polonaise, Chemin Neuf, 13) „по ошибкѣ типографщика“, она явилась подъ именемъ „Program soc. polskich“ и пр. и въ такомъ видѣ была пущена въ ходъ (она попалась съ такою „опечаткою“ и въ руки австрійской полиціи). Опечатка была опротестована изъ Галиціи, и тогда прежнее заглавіе было заклеено новымъ, но опять не тѣмъ, какое было составлено на мѣстѣ, а опять другимъ: „Program socjalistów galicyjskich“. Новая „опечатка“ снесла и слово „polskich“, но скрыла опять и слово „ruskich“. Удивительно это постоянство типографской судьбы въ преслѣдованіи этого слова! Въ довершеніе г. Лимановскій явился на конгрессѣ въ Хурѣ съ этой программой въ рукахъ, какъ представитель идеи о возстановленіи Польши, отъ которой отреклась эта программа.

была въ рукахъ г. Лимановскаго, когда онъ говорилъ передъ конгрессомъ въ Хурѣ. [1])

На томъ же конгрессѣ г. Лимановскій говорилъ, по извѣстіямъ газетъ, отъ имени соціалистическаго общества. „Людъ Польскій“, котораго программа была недавно перепечатана въ „Вольномъ Словѣ“. Намъ нѣтъ резона разбирать здѣсь эту программу, которой представительство г. Лимановскаго даетъ болѣе опредѣленное значеніе. Мы остановимся только на одной ея подробности: программа эта признаетъ необходимость „устраненія политическо-національнаго гнета (конечно, надъ народомъ польскимъ) посредствомъ (его) національной независимости въ границахъ добровольнаго тяготѣнія“ (dobrowolnego cięzenia,—во французскомъ изданіи программы это мѣсто переведено весьма вольно: dans les frontiéres de libre fédération, а въ русскомъ: „добровольнаго союза“).

Что должно разумѣть подъ словами: „dobrowolne cięzenie“?

Никакое революціонное движеніе не можетъ опираться ни на что, кромѣ „добровольнаго тяготѣнія“, такъ что, въ общемъ смыслѣ, всего этого параграфа можно было и не писать. Очевидно, что въ этихъ словахъ надо искать отвѣта на вопросъ о границахъ того польскаго государства, которое предположило возстановить общество „Людъ Польскій“, и отвѣта, сообразно которому въ государствѣ этомъ могутъ принять участіе и непольскія населенія. Но если такъ, то почему же это будетъ всетаки Польша, Людъ Польскій? Очевидно, что вся выше писанная темная формула есть ничто иное, какъ порожденіе страха признаться въ историческомъ польскомъ патріотизмѣ и страха или нежеланія отказаться отъ него рѣшительно. Послѣ всего сказаннаго мы считаемъ излишнимъ говорить о томъ, что съ такими темными формулами нельзя освобождать ни народъ польскій, ни сосѣдніе съ нимъ народы [2]).

---

[1]) Г. Лимановскій заявилъ въ письмѣ въ „Общее Дѣло“ (№ 46), что онъ не предъявлялъ „мандата“ отъ „Люду Польскаго“. (См. „Вольное Слово“, № 23.)

[2]) Единственно для полноты мы должны упомянуть о статьѣ г. Лимановскаго въ „Precurseur“ 1881, № 29, 31 и слѣд. Статья эта представляетъ возраженія на нашу статью въ „Revue Socialiste“ „Les nations de l'Europe orientale et le socialisme international“, основныя мысли которой руководятъ нами и при составленіи настоящаго труда. Мы должны сказать, что вообще г. Лимановскій напрасно поторопился спорить съ нами, такъ какъ статья наша не окончена печатаніемъ, а въ частности, что до вопроса о польскихъ революціонерахъ 1863 г. и теперешнихъ соціалистахъ, мы не можемъ понять, что собственно хотѣлъ сказать авторъ. Онъ

Не болѣе счастливы окажутся поиски за новымъ отношеніемъ польскихъ дѣятелей къ вопросу непольскихъ народовъ бывшей „Рѣчи Посполитой“ и среди другой фракціи польскихъ соціалистовъ, той, которая теперь въ „Przedswit“-ѣ сама полемизируетъ, по своимъ резонамъ, съ фракціей „Люда Польскаго“. Какъ видно и изъ подписи посланія „Przedswit“-а „къ русскимъ товарищамъ соціалистамъ“, фракція эта та же самая, которая издавала прежде „Ròwnosć“. Эта „Ròwnosć“ напечатала было въ 1879 г. свою „программу польскихъ соціалистовъ“, изъ которой былъ вполнѣ исключенъ политическій вопросъ объ освобожденіи Польши, но въ которой не было сказано ни слова ни о томъ, какое же поле дѣйствія избираютъ себѣ „польскіе соціалисты“, ни объ отношеніяхъ ихъ къ ближайшимъ сосѣдямъ дѣйствительнаго польскаго народа. Въ свое время мы покажемъ, что вопросъ этотъ былъ поставленъ передъ публицистами „Ròwnosci“ и ихъ соплеменниками и сосѣдями, но они предпочли уклониться отъ всякаго отвѣта на него [1]). Можно бы было думать, что такое уклоненіе произошло отъ того, что на той высотѣ интернаціональнаго міровоззрѣнія, на какую стала программа „Ròwnosc“, такой отвѣтъ

не счелъ возможнымъ развернуть теперь передъ европейскою публикой знамя исторической Польши и призналъ въ концѣ статьи, что и бѣлоруссы, и литвины, по всей вѣроятности, будутъ развиваться самостоятельно отъ Польши. А если такъ, то зачѣмъ же г. Л. поднялъ споръ противъ нашей критики программы 1863 г. и противъ нашихъ требованій отъ соціалистовъ-поляковъ, воспитанныхъ средствами разныхъ народовъ исторической Польши? Затѣмъ, съ статьею Лимановскаго трудно намъ спорить еще и потому, что она прибѣгаетъ къ слишкомъ адвокатскимъ пріемамъ. Такъ, напр., г. Л—ій желаетъ защитить идею присоединенія Украйны къ Польшѣ нашимъ же свидѣтельствомъ о томъ, что украинская народность имѣетъ болѣе свободы въ Галиціи, чѣмъ въ Россіи. Но г. Л., который самъ жилъ вь Галиціи, долженъ же знать, что украинцы этимъ обязаны не польскимъ политикамъ, а австрійскимъ законамъ. Если онъ этого не знаетъ, то онъ былъ глухъ и слѣпъ ко всему, что дѣлалось около него, а если онъ это знаетъ, то зачѣмъ же онъ запутываетъ понятія французскихъ читателей, которые не въ состояніи провѣрить его?!

[1]) Здѣсь мы упомянемъ только, что въ бумагахъ краковскаго процесса сторонниковъ „Równosci“ находятся слѣды одной изъ польскихъ программъ, въ которой находимъ такія слова: „свобода политическая и національная, обезпеченная федераціей производительныхъ группъ народа польскаго въ границахъ этнографическихъ“ (Wolnosc polityczna i narodowosciewa, zapewniona przez federacye wysworczych grup ludu Polskiego w granicach narodowosci). Программа эта была составлена въ Галиціи, какъ видно изъ процесса, лицами, находящимися въ сношеніяхъ съ „Równósć“ и съ г. Лимановскимъ, тогда къ ней принадлежавшимъ, но, какъ видно изъ сказаннаго выше, не была ими принята во вниманіе.

или самъ собою подразумѣвался, или самый вопросъ представлялся совсѣмъ лишнимъ. Однако на отношеніи „Rownosci“ и ея французскаго бюллетеня въ Галиціи (и западной, и восточной), которую редакція изображала, какъ часть Польши, и въ которой она систематически игнорировала русинскій элементъ, каковой былъ упомянутъ только разъ, какъ существующій будто только въ селахъ подъ Львовымъ, а не въ самомъ Львовѣ, и упомянутъ въ полемико-юмористической статейкѣ, запутывавшей вопросъ, а не уяснявшей его, можно видѣть, что причины вышеупомянутаго умолчанія вовсе не тѣ, какія были сейчасъ предположены. Разъ же признавши, что вся Галиція — Польша, нѣтъ никакой надобности въ иной пропагандѣ въ ней, кромѣ польской. А чѣмъ же отличается отношеніе Восточной Галиціи къ Польшѣ отъ отношенія Волыни, Бѣлоруссіи, Литвы? Почему же и имъ не выйти Польшею? Къ тому же публицисты и ораторы „Ròwnosci“, какъ и г. Лимановскій въ названной выше брошюрѣ, всякій разъ, когда имъ приходилось говорить о восточныхъ своихъ отношеніяхъ, говорили только о великорусскомъ (rossyjskiem) народѣ, какъ будто народовъ промежуточныхъ между нимъ и народомъ польскимъ и не существовало.

Въ напечатанномъ недавно возваніи фракціи „Ròwnosci-Przedswita“ къ „русскимъ (по-польски—rossyjskim, т. е., великорусскимъ) товарищамъ“, видно, что фракція эта уже не игнорируетъ ни политическаго вопроса, ни существованія національностей. Она между прочимъ считаетъ нужнымъ „сорганизовать одну общую соціалистическую партію“, въ составъ которой вошли бы соціалистическія организаціи различныхъ національностей въ предѣлахъ русскаго государства и „выработать общую политическую программу для всѣхъ соціалистовъ, дѣйствующихъ въ русскомъ государствѣ“ и предлагаетъ великорусскимъ товарищамъ совмѣстно съ нею выработать такую программу, даже не боясь „обвиненій въ централизмѣ“. Да! фракція „Ròwnosci“, прежняго органа „польскихъ соціалистовъ“, теперь уже не признаетъ надобности существованія „польскихъ соціалистовъ“, какъ чего то цѣлаго, хотя и съ оговоркой, которая возстановляетъ эту цѣлость. [1])

---

[1]) Вотъ текстъ относящагося сюда параграфа посланія: „Польская соціальная партія, какъ нѣчто цѣлое, существовать не можетъ, а могутъ быть только польскія соціальныя группы въ Россіи, Австріи и Германіи, которыя сообща съ соціальными организаціями иныхъ національностей въ данномъ государствѣ, создаютъ органическій союзъ, что не можетъ имъ мѣшать входить въ связи, какъ между собой, такъ и съ другими соціалистическими организаціями.“

Но при этомъ и польская фракція соціалистовъ русскаго государства предлагаетъ великорусской ихъ фракціи составить сообща съ нею программу, общую для всѣхъ соціалистическихъ организацій различныхъ національностей этого государства, не упоминая не только о другихъ фракціяхъ, но даже ни о какихъ другихъ національностяхъ этого государства! Значитъ ли это, что никакихъ другихъ фракцій кромѣ польской и великорусской въ Россіи нѣтъ, или что поляки и великоруссы вообще компетентны составить политическую программу для соціалистовъ всѣхъ національностей Россіи?? Не беремся отвѣчать. Но это обращеніе польской фракціи и это умолчаніе остается всетаки фактомъ характернымъ и мало предвѣщающимъ добраго, по крайней мѣрѣ для фракціи „Przedswita".

Впрочемъ, послѣдней есть еще возможность вполнѣ раціональнаго выхода. Это — отнестись серьезно съ поставленному наконецъ и ею самою вопросу и начать его серьезную разработку прежде всего съ своего, польскаго конца. Правда, авторамъ деклараціи сейчасъ же придется расширить ту узковатую рамку, которую поставляютъ по крайней мѣрѣ выраженія, если не цѣль, этой деклараціи, вообще довольно торопливо редижированной. Декларація эта говоритъ только о необходимости слитія существующихъ въ Россіи „соціалистическихъ организацій различныхъ національностей" для достиженія политической свободы, а изъ способовъ этого достиженія говоритъ только о „террористической борьбѣ". Но при серьезномъ размышленіи очевидно, что какъ одною „террористической борьбою", т. е., убійствами, или, если угодно, „казнями", политическая свобода не можетъ быть достигнута, такъ и одно слитіе существующихъ соціалистическихъ организацій въ Россіи, да еще и изъ нихъ только тѣхъ, которыя будутъ признаны за таковыя единомышленниками „Przedswita" (который, напр., отрицательно относится и къ „Люду Польскому"), не составитъ еще очень важнаго дѣла, даже на столько важнаго, чтобъ о немъ надо было возвѣщать печатными манифестами. Для политическаго переворота необходимо участіе большихъ массъ; сторонники переворота должны привлечь къ себѣ эти массы, нашедши у нихъ жизненные интересы, страдающіе отъ теперешняго порядка вещей, и убѣдивши ихъ, что интересы эти будутъ удовлетворены, по совершеніи переворота. Поэтому, если въ данномъ случаѣ есть серьезный вопросъ, требующій общаго обсужденія, такъ это вопросъ „соединенія" массъ „различныхъ національностей русскаго государства" для борьбы за такую по-

литическую форму, которая бы обезпечивала политическую свободу всѣхъ ихъ вмѣстѣ и каждой порознь. Вполнѣ серьезная постановка такого вопроса можетъ быть только результатомъ заявленія голосовъ каждой изъ національностей Россіи,—если уже говорить о національностяхъ,—а мы бы прибавили: и каждой изъ ея сколько нибудь оригинальныхъ мѣстностей. Но возможно, что и одна или нѣсколько національныхъ или мѣстныхъ группъ поставятъ достаточно резонно различныя подробности даннаго вопроса, хотя бы только теоретически. Для этого онѣ должны начать съ опредѣленія того, какія же національности или мѣстности, или вообще естественныя единицы составляютъ то цѣлое, которое надо благоустроить? какія въ каждой изъ нихъ существуютъ нужды, требующія удовлетворенія? какіе способы слѣдуетъ употребить, чтобъ вызвать заявленія объ этихъ и другихъ нуждахъ, чтобы привлечь къ борьбѣ массы этихъ національностей или мѣстностей? и т. п. На польскихъ членахъ желаемой общей организаціи наиестественнымъ образомъ лежитъ задача подобнаго изслѣдованія мѣстности національности польской, а затѣмъ, конечно, ближайшихъ къ ней, тѣмъ болѣе, что польскіе дѣятели во всѣхъ фракціяхъ, не исключая и фракціи „Równości“, выходили и выходятъ изъ мѣстностей и собственно польскихъ, и литовско-латышко-бѣлорусско-украинскихъ. Польскимъ дѣятелямъ, если только они пожелаютъ отнестись серьезно къ предложенной фракціей „Przedświta“ работѣ, придется, быть можетъ, прежде всего поставить самимъ себѣ вопросы: можно ли считать за національности населенія вышеупомянутыхъ непольскихъ мѣстностей Россіи или нѣтъ? и каковы при томъ и другомъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ могутъ быть способы для привлеченія и этихъ населеній къ участію въ борьбѣ за политическую свободу? равно, каковы должны быть формы этой свободы, которыя бы оградили интересы этихъ національностей, если ихъ существованіе признается? Отвѣтъ на эти вопросы тѣмъ болѣе необходимъ, что исторія большихъ державъ западной Европы, не исключая на этотъ разъ и англійской, научила насъ, что отъ такой или иной постановки подобныхъ вопросовъ зависѣло то, что послѣ длиннаго ряда политическихъ переворотовъ извѣстныя націи попали въ столь свободныя политическія формы, что иныя даже не безъ основанія стали вздыхать и о старинномъ абсолютизмѣ и, иногда при несомнѣнныхъ стремленіяхъ къ свободѣ, становиться орудіями для контръ-революцій.

Не имѣя чести принадлежать къ числу „русскихъ товарищей „Przedświta“, мы всетаки считаемъ себя не только въ правѣ, но

даже въ обязянности, просто по положенію публициста поставить группѣ „Przedświta“ изложенные выше вопросы и ждать на нихъ категорическихъ отвѣтовъ. Иначе,—да простятъ намъ откровенность,—будетъ основаніе считать новую постановку вопроса о роли поляковъ въ революціонномъ движеніи въ Россіи или за поверхностную, минутную вспышку, или за новое уклоненіе отъ рѣшительнаго отвѣта на „проклятые вопросы“: что же такое Польша? т. е.—гдѣ ея границы? и каково должно быть отношеніе къ плебейскимъ націямъ бывшей исторической Польши ихъ ополяченной интеллигенціи? Вѣдь при извѣстномъ, напр., набатскомъ взглядѣ на данный вопросъ новый оборотъ извѣстной польской фракціи, которая, вмѣсто признанія раздѣла исторической Польши между ея дѣйствительными націями, признаетъ раздѣлъ ея между государствами, съ оговоркою, однакожъ, что части ея могутъ входить между собою въ союзы, можетъ оказаться только новою попыткою доѣхать плебейскія націи, если не мытьемъ, такъ катаньемъ. Въ такомъ случаѣ, какъ и при томъ псевдоинтернаціонализмѣ, о которомъ мы говорили выше, „у имущаго и будетъ и преизбудетъ, а у неимущаго, если что и имѣетъ быть, отнимется“. Напомнимъ, что устроенная на государственномъ началѣ нѣмецкая соціально-демократическая партія, даже и при сочувствіи къ полякамъ, ничего не упѣла сдѣлать для пропаганды соціализма среди польскаго населенія Германіи. Равнымъ образомъ и венгерская соціально-демократическая партія ничего не дѣлаетъ для пропаганды соціализма среди слявянскихъ и румынскихъ населеній Венгріи, потому что не рѣшается вырваться за перегородки государственно-національныхъ предразсудковъ, венгерскихъ и нѣмецкихъ, и потому что она также игнорируетъ не-мадьяровъ и не-нѣмцевъ Венгріи, какъ польскіе и великорусскіе дѣятели игнорируютъ плебейскія націи Россіи.

Обращаясь теперь къ обзору великорусской революціонной печати послѣднихъ двухъ лѣтъ, [1]) мы невольно припоминаемъ замѣчаніе г. Аксельрода о томъ „пренебреженіи къ печатному слову“, какое господствовало въ великорусскихъ революціонныхъ кружкахъ 70-хъ годовъ, о той „ранговой лѣстницѣ революціон-

---

[1]) Напоминаемъ читателямъ, что статья М. П. Драгоманова писалась въ 1880 году.

ной преданности, въ которой (лѣстницѣ) революціонная пресса едва удостоивалась занять послѣднюю ступень", о той „шаблонности требованій, которая оттолкнула отъ русскихъ революціонеровъ всѣ сочувствовавшіе элементы, но расходившіеся съ ними по второстепеннымъ пунктамъ". Теперь, когда великорусскіе революціонные круги почувствовали необходимость говорить не только со своими товарищами, но со всѣмъ обществомъ, объяснять цѣли и средства, формулировать программы, теперь то и видны горькіе плоды этихъ и подобныхъ ошибокъ недавняго прошлаго. Заявленія и программы великорусскихъ революціонныхъ фракцій, довольно обильныя въ послѣднее время, хотя по большой части провозглашаются чрезвычайно догматически и непремѣнно отъ „партій" и даже до самаго недавняго времени непремѣнно отъ всей русской соціально-революціонной партіи, какъ чего то единаго и нераздѣльнаго, тѣмъ не менѣе изложены почти всегда крайне отрывочно (часто несмотря на излишнюю длинноту), неполно, сбивчиво, то крайне абстрактно, то слишкомъ конкретно и мелочно, и часто противорѣчиво. При этомъ часто видно, что дѣло редакціи программъ, т. е., въ сущности, дѣло принциповъ, все еще остается второстепеннымъ въ великорусскихъ революціонныхъ кругахъ, такъ какъ иногда встрѣчаешь чуть не авторовъ извѣстныхъ заявленій и программъ, которые на разспросы ваши относительно смысла какихъ либо частей ихъ, отвѣчаютъ въ такомъ родѣ: „этому не должно, впрочемъ, придавать серьезнаго значенія". Затѣмъ, нерѣдки случаи дѣйствій членовъ различныхъ фракцій въ дѣлѣ, совершенно противномъ сдѣланнымъ печатно заявленіямъ. Анонимность большей части заявленій и программъ, конечно, помогаетъ такому легкому къ нимъ отношенію ихъ сторонниковъ, а иногда и авторовъ.

Всѣ эти и подобныя черты крайне затрудняютъ критику принципіальной стороны великорусскаго революціоннаго движенія послѣднихъ лѣтъ.

Несомнѣнно, что въ немъ замѣчается желаніе выйти на новые пути, стать практичнѣе, ближе къ потребностямъ населенія страны. Это уже одно должно обусловливать необходимость признанія и его разнообразій, которыя требуютъ и разнообразныхъ пріемовъ дѣйствія, и такимъ образомъ должно наклонять великорусскихъ революціонеровъ къ болѣе или менѣе федеративной программѣ. Въ пользу послѣдней дѣйствуютъ и преданія 60-хъ годовъ, которые все же были лучшею эпохою великорусской революціонной литературы. Эти преданія оставили за собою по край-

ней мѣрѣ федерально-анархическій языкъ, если не отчетливые идеи и представленія. Къ тому же одна громадность Россіи дѣйствуетъ на чувства, если не па мысли, такъ внушительно, что рѣдко кто изъ великорусскихъ революціонеровъ рѣшается высказаться противъ необходимости ея федеральнаго строя, и необходимость автономіи ея общинъ составляетъ непремѣнное общее мѣсто всѣхъ великорусскихъ программъ послѣдняго времени.

Тѣмъ не менѣе, даже и эти программы, не говоря уже о другихъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ великорусскихъ революціонеровъ, заставляютъ признать вѣрность замѣчанія, высказаннаго тѣмъ же г. Аксельродомъ въ вышеупомянутой статьѣ „Переходное время партіи“:

„А сколько среди насъ такихъ, которые склоняются къ якобинству, даже и не подозрѣвая этого! Правда, у насъ очень мало сознательныхъ и послѣдовательныхъ якобинцевъ, но вѣдь безсознательность и есть злѣйшій врагъ человѣческаго счастья и развитія.“

Безспорно, самая дѣятельная и, по всей вѣроятности, самая многочисленная часть великорусскихъ революціонеровъ, это т. н. „партія террористовъ“ или „Народной Воли“. И вотъ въ ней то и заключается наиболѣе зародышей централистическихъ, якобинизма. Якобинизмъ этотъ теперь еще пока болѣе безсознательный, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые видные члены партіи признають себя федералистами. Такимъ заявилъ себя въ своей послѣдней рѣчи Желябовъ. Кромѣ этой извѣстной всѣмъ рѣчи мы имѣемъ другое интересное свидѣтельство,—письмо къ намъ Желябова, писанное въ 1880 г., которое мы еще не считаемъ возможнымъ напечатать цѣликомъ, но изъ котораго считаемъ умѣстнымъ привести слѣдующее мѣсто:

„Насъ, убѣжденныхъ автономистовъ, винятъ въ централизмѣ [1]... за Учредительное Собраніе (созваніе котораго программа исполнительнаго комитета постановила ближайшею цѣлью). Во-первыхъ, не хотятъ понять, что Учредительное Собраніе въ нашихъ глазахъ только ликвидаціонная комиссія, а во-вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыя нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги?

---

[1]) Желябовъ имѣлъ въ виду возраженія „народниковъ“ и „украинцевъ“; солидарностью съ послѣдними, какъ видно и по другому мѣсту письма, онъ очень дорожилъ.

Гдѣ наши фенiи, Парнель? Таково положенiе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденiе за существеннѣйшее благо, а ставишь ближайшею задачей требованiя политическiя; видишь спасенiе въ распаденiи имперiи на автономныя части, — и требуешь Учредительнаго Собранiя! Не велика заслуга предъ отечествомъ аскета-хранителя общественнаго идеала. Мы по крайней мѣрѣ предпочли быть мiрянами.“ (12 мая 1880 г.)

Изъ этихъ словъ видны какъ федеративныя стремленiя самого Желябова, такъ и то, что эти стремленiя встрѣчали себѣ „изступленныхъ враговъ“. Письмо не говоритъ, въ какой средѣ были эти враги, но мы врядъ ли ошибемся, если предположимъ, что авторъ письма имѣлъ въ виду и ближайшiе къ нему русскiе революцiонные круги. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ основанiе предполагать послѣднее, такъ какъ намъ случалось не разъ на наши мнѣнiя о необходимости признанiя со стороны русскихъ политическихъ революцiонеровъ нацiональнаго разнообразiя Россiи и заявленiя ясной федеративной программы, получать изъ этихъ круговъ возраженiя, изъ которыхъ самыя умѣренныя были въ такомъ родѣ: „мы этого не понимаемъ“, или: „для насъ эта необходимость вовсе не такъ ясна, какъ для васъ“ и т. п. Конечно, что въ болѣе широкихъ кругахъ „русскаго“ общества „ожесточенныхъ враговъ“ федерализма, и притомъ вполнѣ сознательныхъ и даже прямо заинтересованныхъ въ нацiально-государственномъ великорусскомъ централизмѣ, находится еще болѣе, чѣмъ въ кругахъ революцiонныхъ, и крайне характерно, что люди, вродѣ Желябова, которые, казалось бы, отбросили страхъ передъ какими бы то ни было предразсудками русскаго общества, считали однакожъ нужнымъ уступать „ожесточеннымъ врагамъ“ федерализма.

Въ выписанныхъ словахъ Желябова есть еще одна очень характерная черта. Признавая необходимость оппортюнистически считаться съ „ожесточенными врагами“ децентрализацiи. Желябовъ также оппортюнистически указываетъ на практическую слабость сознательныхъ децентралистическихъ элементовъ въ Россiи, имѣя въ виду преимущественно Украйну, которую такъ часто сравнивали съ Ирландiею. Гдѣ украинскiе фенiи? Парнель?—спрашиваетъ Желябовъ,—и очевидно, хочетъ сказать, что будь они въ наличности, то онъ бы и его друзья не ограничились требованiемъ созванiя Учредительнаго Собранiя для единой и нераздѣльной Россiи, а поставили бы въ свою программу и

требованія такого или иного home rule (домашняго управленія, автономіи) для разныхъ націй и областей теперешняго россійскаго государства. Интересно, что это скептическое ожиданіе отъ Украины феніевъ и Парнелей вылилось изъ подъ пера уроженца одной изъ украинскихъ же губерній, которому никто не мѣшалъ самому явиться однимъ изъ своего рода феніевъ. Вообразите себѣ, что ирландскіе дѣятели стали бы ждать, пока это появится на ихъ родинѣ home-rulers, а до тѣхъ поръ признавали бы себя англичанами, сторонниками великобританской централизаціи. Не скоро бы тогда Ирландія дождалась Парнелей! А между тѣмъ таково отношеніе обрусѣлыхъ „окраинцевъ“ къ своимъ роднымъ краямъ и къ ихъ населеніямъ въ Россіи. На Украинѣ, напримѣръ, обрусѣлая „интеллигенція“, даже называющая себя народниками, или совсѣмъ сторонится отъ всего мѣстно-народнаго и даже относится враждебно ко всякому напоминанію о мѣстно-народномъ элементѣ, или, при всей благосклонности къ нему, не идетъ далѣе полускептическаго ожиданія и вызова: подайте же намъ вашу украинскую культуру, украинскую политику, соціализмъ, революцію! Какъ будто все это долженъ подать кто-нибудь другой, а не сами вызывающіе, которые должны бы всѣ массою сблизиться съ народомъ, ихъ вскормившимъ, ихъ окружающимъ!

Вотъ изъ такихъ то элементовъ—изъ „ожесточенной вражды“ къ федерализму однихъ, изъ непониманія его настоятельной нужды другими, изъ уступокъ вышеупомянутой враждѣ третьихъ, изъ недостатка иниціативы для энергическаго разрыва съ сословнымъ и государственнымъ воспитаніемъ четвертыхъ и т. п., и т. п.,—и складывались вездѣ на материкѣ Европѣ тѣ якобинскія теченія, которыя давали даже революціоннымъ движеніямъ, начавшимся изъ за желанія доставить населеніямъ всяческія свободы, такое направленіе, которое только переносило самодержавную власть надъ населеніями изъ рукъ одного центрально-государственнаго учрежденія въ руки другого,—почти не расширяя реальныхъ правъ лицъ и группъ, изъ которыхъ состоятъ эти населенія. Вотъ почему такъ насъ и пугаютъ признаки подобныхъ же теченій и въ начинающемся русскомъ революціонномъ движеніи! Вотъ почему мы считаемъ нужнымъ настаивать на необходимости по крайней мѣрѣ для революціонныхъ круговъ радикальнаго разрыва со всѣми централистическими, государственно-національными идеями и привычками!

Къ сожалѣнію, въ кругахъ русскихъ „террористовъ“ почти не замѣтно желанія поучиться на горькомъ опытѣ другихъ европейскихъ революцій, а напротивъ того, слишкомъ много видно признаковъ фатальнаго увлеченія на тѣ дороги, которыя принесли такъ много бѣдствій другимъ европейскимъ странамъ. Какъ еще ни тѣсны предѣлы дѣятельности русскихъ политическихъ революціонеровъ, но на нихъ уже видна справедливость замѣчанія, что „во всякой странѣ опозиція прежде всего складывается по типу того правительства, съ которымъ она борется.“

Сложившееся въ послѣднее время активное революціонное движеніе въ Россіи проявило себя прежде всего убійствами, которымъ и соціалисты считаютъ возможнымъ придавать имя казней! (И это послѣ Р. Оуена и другихъ отцевъ соціализма и ученія о невмѣняемости!). Затѣмъ, когда въ русскихъ революціонныхъ кругахъ явился опытъ прочной организаціи, то она, выбравши себѣ спеціальностью эти казни, приняла имя „исполнительнаго комитета соціально-революціонной партіи“, между тѣмъ какъ условія жизни въ Россіи отнимали всякую возможность организаціи единомышленниковъ какого бы то ни было направленія, выбора ихъ представителей, совмѣстнаго опредѣленія цѣлей и средствъ дѣятельности, словомъ, всего того, о чемъ говорятъ слова: партія, комитетъ исполнительный. Очевидно, что кружокъ, назвавшій себя, „исполнительнымъ комитетомъ р. с. р. партіи“, былъ просто кружкомъ волонтеровъ, члены котораго могли представлять только самихъ себя. Даже для самаго успѣха дѣла, и въ интересахъ партіи онъ и долженъ бы былъ выступить, какъ такой кружокъ волонтеровъ, дѣйствующихъ на свой страхъ, берущихъ на свои личныя совѣсти дѣйствія, по всякой человѣческой логикѣ, а особенно по соціалистической, явно ненормальныя, объясняемыя только анормальностью же и системы русскаго правительства. Но такъ поступила только одна карательница агентовъ этого правительства, Вѣра Засуличъ. Непосредственныя ея послѣдователи сочли за лучшее назвать себя „исполнителями“ воли цѣлой партіи, и приняли на себя видъ своего рода правительственнаго трибунала, а потомъ и своего рода правительства; они дошли даже до употребленія въ своихъ изданіяхъ словъ „агенты исполнительнаго комитета“! Больше года не только исполнялись ими отъ имени партіи разные судебные приговоры, основаній которыхъ никто, кромѣ самихъ исполнителей, не могъ провѣрить, но и заявлялись разныя общія мнѣнія: о европейскомъ соціализмѣ и русскомъ народничествѣ (о

необходимости снять съ соціализма въ Россіи нѣмецкую его одежду и одѣть его въ русскую сермягу и взять себѣ въ примѣръ даже раскольническихъ пророковъ и пророчицъ), объ отношеніяхъ соціалистовъ къ буржуазіи, либерализму и монархіи (съ которою думала мириться прокламація „Смерть за смерть“, а особенно г. Мирскій) и т. п.,—мнѣнія, весьма и весьма спорныя, и часто противорѣчивыя, но всегда заявляемыя торжественно отъ имени цѣлой русской соціально-революціонной партіи.

Между тѣмъ въ этой „партіи“ существовали крупныя разногласія,—которыя наконецъ вышли и въ печать, именно тогда, когда „террористы“ стали выбираться изъ противорѣчій и тумана руссофильскаго народничества первыхъ номеровъ „Земли и Воли“ къ болѣе опредѣленной постановкѣ вопроса о политической свободѣ на общеевропейскихъ основаніяхъ. „Народники“ рѣшились отдѣлиться, и такимъ образомъ въ 1880 г. вмѣсто одного органа р. с. р. партіи оказалось два: „Народная Воля“ и „Черный Предѣлъ“, при чемъ первая, органъ „исполн. комитета р. с. р. партіи“ должна была объявить, что „исполн. комитетъ“ вовсе не представляетъ собою всю партію, а есть „совершенно самостоятельное тайное общество“ т. е., другими словами, что это и не „исполнительный“, и не „комитетъ“. А между тѣмъ, имя это за нимъ осталось; почему?—Потому что оно уже имѣло за собой извѣстную традицію! Соображеніе чисто династическаго, а не революціоннаго характера.

На этомъ дѣло не окончилось. Органъ исполнительнаго комитета принялъ названіе „Народная Воля“. Мы помнимъ смущеніе, какое обнаружилось въ нѣкоторыхъ кругахъ русской эмиграціи, болѣе образованныхъ политически и сохранившихъ память объ анархическихъ идеяхъ,—когда телеграммы въ заграничныхъ газетахъ возвѣстили о выходѣ въ Петербургѣ „Народной Воли“ и перевели это имя словами: „La volonté du peuple“ „Der Volkswile“. Эмигранты находили переводъ неправильнымъ и съ своей стороны понимали слово „Воля“, какъ Вольность, Свобода,—почему и въ нѣсколькихъ печатныхъ заявленіяхъ около того времени и въ „Revolté“ (1 г., № 25) переводили имя новой газеты „La liberté du peuple.“ Скоро однакожъ подтвердилось, что издатели „Народной Воли“ разумѣютъ послѣднее слово дѣйствительно въ смыслѣ „желанія“, „рѣшенія“,—„La volonté du peuple“, какъ началъ переводить даже анархическій „La Revolté.“

„Народная Воля“ и прокламаціи исполнительнаго комитета не разъ объявляли, то что они провозглашаютъ „волю народа“,

то что они имѣютъ цѣлью добиться для народа возможности провозгласить свою волю, передъ которой сами заявляли (и за себя, и даже за партію) готовность преклониться. И при этомъ партія „Народной Воли“ заявляла, что она стремится къ установленію въ Россіи „политической свободы“.

Но вѣдь понятіе о „народной волѣ“ почти противоположно понятію о „политической свободѣ!“

Политическая свобода это прежде всего совокупность извѣстныхъ правъ личныхъ, неотъемлемыхъ ни для кого, ни даже для воли народа, потомъ правъ группъ, самоуправленіе общинъ и областей. Союзъ общинъ и областей, въ предѣлахъ одного народа (націи) или нѣсколькихъ, только и необходимъ (кромѣ достиженія извѣстныхъ цѣлей, нравственныхъ и экономическихъ, требующихъ большихъ матеріальныхъ средствъ) для охраны названныхъ выше видовъ свободы,—каковая цѣль лучше всего достигается, если и этотъ союзъ, обыкновенно называемый государствомъ, будетъ основанъ на началѣ выборнаго, народнаго, представительства. Но уже изъ сейчасъ сказаннаго видно, что въ такимъ образомъ построенномъ (снизу вверхъ) политически свободномъ государствѣ сама „народная воля“ получаетъ весьма ограниченную роль, но зато народная свобода, или лучше свобода всѣхъ живыхъ составныхъ частей народа сохраняетъ самое широкое значеніе. Совсѣмъ иное получается, если мы начнемъ построеніе государства сверху внизъ: отъ народа и его воли. Эта послѣдняя на практикѣ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только волею большинства, а въ государствахъ большихъ, столь отличныхъ отъ древнихъ государствъ общинныхъ или кантональныхъ, ничѣмъ инымъ, какъ волею большинства представителей большинства народонаселенія. Очевидно, что самодержавіе такой „воли“ тѣмъ болѣе часто можетъ идти совершенно въ разрѣзъ съ интересами значительной части населенія и существеннѣйшими правами лицъ, группъ, областей и даже націй. Прибавимъ, что самодержавіе народное,—прямое (въ общинахъ и кантонахъ) и представительное,—не исключаетъ учрежденія диктатуры, на которую переносятся права народнаго самодержавія, какъ это понималось и въ древнихъ общинно-кантональныхъ республикахъ, и въ римской имперіи, и во французской якобинской республикѣ съ ея коллегіальной диктатурой Comité du salut publique, и въ бонапартовскихъ имперіяхъ, какъ это понимается и легитимистами новой Европы, и въ Россіи, наприм., великороссійскими

славянофилами, и мы тѣмъ яснѣе увидимъ все различіе понятій „народная воля“ и „политическая свобода.“

Впрочемъ, все это весьма обстоятельно разъяснено цѣлою литературою, которая образовалась послѣ якобинской революціи въ XVIII вѣкѣ, трудами европейскихъ политическихъ писателей разныхъ направленій, консервативнаго, либеральнаго и соціалистическаго, писавшихъ о „государствѣ и его предѣлахъ.“ Но эта литература, кажется, столь же мало извѣстна революціонерамъ, какъ и правителямъ въ Россіи, которые, каждый по своему, говорятъ во имя народа, его блага, воли и т. п. Только этимъ незнаніемъ, да недостаточнымъ анализомъ настроенія дѣйствительнаго „народа“ въ Россіи, въ томъ числѣ и народа ея господствующей національности, можно объяснить то, что „исполнительный комитетъ“ обѣщаетъ за себя и, можно сказать, за своихъ наслѣдниковъ подчиниться „народной волѣ“, какова бы она ни была, лишь бы она была свободно (?) выражена.

Въ частности, для лицъ, произносящихъ подобныя обѣщанія, опасность отъ необходимости исполнять ихъ еще не очень близка. Практическій вредъ подобныхъ обѣщаній, какъ и всѣхъ политическихъ доктринъ и государственныхъ пріемовъ „русскихъ террористовъ“, заключается въ томъ, что они вовсе не колеблютъ идеи государственно-централистическаго самодержавія, а только переносятъ его въ другія руки. Отсюда происходитъ и та робость покуситься на радикальное отрицаніе существующихъ политическихъ отношеній, какая видна и въ письмѣ Желябова, въ слабомъ развитіи идеи областной свободы въ „программѣ исполнительнаго комитета“, въ совершенномъ умолчаніи ею вопроса о правахъ національностей и въ сокрытіи разнообразнаго населенія Россіи подъ именемъ русскаго народа. [1]) Можно бы было

---

[1]) Въ „Программѣ исполнительнаго комитета“ находимъ, правда, въ раздѣлѣ Б. замѣчаніе, что въ народѣ (?) существуетъ, въ числѣ „старыхъ, традиціонныхъ принциповъ,.. зачатки федеративнаго устройства“, а въ разрядѣ Г. желаніе „широкаго обласнаго самоуправленія, обезпеченнаго выборностью всѣхъ должностей, самостоятельностью міра и экономической независимостью народа“, но тутъ „область“ какъ то смѣшана съ „міромъ“ (общиною), къ вопросу о которомъ любятъ сводить всѣ разговоры о самоуправленіи великорусскіе революціонеры, а передъ этимъ пунктомъ поставленъ другой, по которому „постоянному народному представительству“ (т. е. центральному парламенту) предоставляется „полная власть во всѣхъ общегосударственныхъ (?) вопросахъ“ Во всей программѣ нѣтъ ни слова о разнонаціональности областей Россіи и о правахъ національныхъ, а цѣлью теперешней революціонной дѣятельности поставлено: „отнять власть у существующаго правительства и передать ее Учредительному Собранію.“

подумать, что русскіе террористы желаютъ сохранить централизованную машину русской имперіи для того, чтобы „на другой день переворота“ ею воспользоваться для своихъ цѣлей, какъ это было столько разъ съ революціонерами двугихъ европейскихъ странъ. Но самое худшее, это то, что неподорванная даже въ теоріи эта машина,—даже въ случаѣ созыва Учредительнаго Собранія или просто всероссійскаго Земскаго Собора,—можетъ послужить совсѣмъ не революціонерамъ, болѣе или менѣе соціалистамъ, а кому нибудь другому, напр. консервативно-бюрократической диктатурѣ съ легкими починками, какъ это сталось, напр., въ Австріи послѣ 1849 г. Вотъ почему и желательно было бы, чтобы въ числѣ другихъ общественныхъ элементовъ и „русскіе террористы“ пораздумали болѣе систематически надъ вопросомъ о дѣйствительной политической свободѣ, которой нѣтъ безъ децентрализаціи общинной, областной, національной. Вопросы о національностяхъ имѣютъ ту полезную сторону, что они разлагаютъ представленіе объ единообразіи состава населенія государства, противодѣйствуютъ стремленію къ смѣшенію идей о народѣ (націи) и государствѣ и такимъ образомъ наглядно ставятъ вопросъ о децентрализаціи и о предѣлахъ власти вообще.

Въ самое послѣднее время „исполнительный комитетъ“ показалъ, что и онъ не совсѣмъ глухъ и слѣпъ къ вопросу о націанальномъ и областномъ разнообразіи населенія Россіи. Крупный фактъ антиеврейскаго движенія среди украинскаго населенія подѣйствовалъ и на него, а съ другой стороны, и до него проникла идея, которая начинаетъ ходитъ и среди русскихъ революціонеровъ, исходя преимущественно изъ южныхъ кружковъ, — о необходимости воспользоваться для борьбы противъ монархическаго строя всѣми остатками свободныхъ учрежденій и воспоминаній въ населеніи различныхъ областей Россіи. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній и соображеній исполнительный комитетъ въ послѣдніе дни сдѣлалъ два шага въ сторону признанія національнаго и областного разнообразія того, что онъ называлъ безразлично „народомъ русскимъ“, но, къ сожалѣнію, эти шаги отличаются все-таки отрывочнымъ, несистематическимъ характеромъ и не показываютъ должнаго знанія даже тѣхъ населеній, къ которымъ обращается „исполнительный комитетъ.“ [1])

---

[1]) Со временъ извѣстнаго „упраздненія наукъ“, а особенно наукъ, которыя казались великорусскимъ революціонерамъ „націоналистическими“, всѣ ихъ заявленія и дѣйствія отличаются болѣе эмпирическимъ характеромъ, „на ощупь“, нежели систематическимъ, основаннымъ на синтезѣ. Пополнить этотъ недостатокъ лежитъ

Мы разумѣемъ двѣ прокламаціи „исполнительнаго комитета“,—одну къ украинцамъ по поводу противуеврейскаго движенія, другую—къ „славному войску козацкому“. Первая замѣчательна главнымъ образомъ по своему языку: это первый опытъ обращенія „исполнительнаго комитета русской с. р. партія“ къ части населенія Россіи на языкѣ неоффиціальномъ. Но, по своему содержанію, прокламація эта представляетъ или увлеченіе народничествомъ за предѣлы, дозволительныя для соціалистовъ интернаціональнаго направленія, или показываетъ въ авторахъ незнакомство съ условіями жизни всѣхъ частей Украины: прокламація не знаетъ вовсе евреевъ не-эксплуататоровъ, а рабочихъ, которыхъ точно очень мало въ лѣвобочной и степной Украйнѣ, но которыхъ довольно много въ Украйнѣ правобочной. Далѣе прокламація эта не предлагаетъ украинскому народу вмѣсто теперешняго правленія „московского царя“ ничего кромѣ правленія всероссійской „Палаты Депутатовъ“, которая будетъ управлять (всероссійскимъ) народомъ по его „Народной Волѣ:“ перспектива столь же мало соблазнительная для уркаинцевъ сознательныхъ, сколько и мало вразумительная для украинцевъ необразованныхъ. И тѣмъ, и другимъ слѣдовало показать возможность органовъ самоуправленія помельче и вмѣстѣ съ тѣмъ поближе къ ихъ странѣ, чѣмъ всероссійская Палата Депутатовъ, которая будетъ „управлять“ Украйной и въ которой представители хотя бы и народной воли 16—17 милліоновъ украинцевъ будутъ въ меньшинствѣ сравнительно съ представителями „народной воли“ 40 милліоновъ великорусовъ. Какъ бы украинскому народу не пришлось сказать вмѣстѣ съ Прудономъ: „La forme change, la tyrannie est immuable!“ Въ прокламаціи къ казакамъ намъ бросилось въ глаза незнаніе того, что большая часть кубанскихъ козаковъ—недавніе Черноморцы, наслѣдники Запорожцевъ, которымъ совсѣмъ ничего не говорятъ имена Разина и Пугачева, какими только и довольствуется прокламація, ни слова не говорящая о Сѣчи Запорожской!

Конечно, и въ Петербургѣ обязательно знать прошлое разныхъ областей, если уже признано за нужное къ нимъ обращаться съ напоминаніемъ ихъ прошлаго, но вообще приспосо-

---

на тѣхъ поколѣніяхъ, которыя еще не застигнуты активнымъ движеніемъ и находятся въ школахъ, если только эти поколѣнія употребятъ время зеленой молодости на изученіе хода политическо-соціальной жизни въ передовыхъ странахъ Европы и мѣстныхъ условій разныхъ краевъ Россіи.

биться надлежащимъ образомъ къ условіямъ каждой области могутъ только мѣстныя организаціи, которыя поставятъ себѣ цѣлью организацію широкаго политико-соціальнаго движенія, а не одни только политическія убійства. Но о такихъ организаціяхъ, которыя могутъ надлежащимъ образомъ сфедерироваться только снизу вверхъ, органы великорусскихъ террористовъ еще не говорили, а потому и мы должны оставить эту фракцію великорусскихъ революціонеровъ на слабыхъ попыткахъ дифференціаціи ея дѣятельности, которыя сейчасъ упомянуты и которыя не измѣняютъ сущности ея узко-великорусскаго и якобинскаго характера. [1])

О необходимости мѣстныхъ организацій говорилъ органъ другой фракціи великорусскихъ соціалистовъ, „Черный Передѣлъ", называвшій себя „органомъ соціалистовъ-федералистовъ". Но и съ его федеральными стремленіями произошло то же самое, что происходитъ обыкновенно съ вопросомъ федерализма во всѣхъ россійскихъ партіяхъ.—къ которымъ въ данномъ случаѣ невольно прикладывается пословица: „далъ Богъ копѣечку, а чортъ дырочку, и пошла божья копѣечка въ чортову дырочку!"

Въ первомъ померѣ „Чернаго Передѣла" мы прочитали слѣдующія слова, которыя заставляли ожидать многаго:

„Что касается названія нашего изданія органомъ соціалистовъ-федералистовъ, то оно объясняется нашимъ убѣжденіемъ, что лишь федеративный принципъ въ политической организаціи освободившагося народа [2]), только полное устраненіе принудительнаго начала на которомъ основаны современныя государства,

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что ограниченіе революціонной борьбы (практическое, если не теоретическое) на т. наз. „террористическихъ" предпріятіяхъ способствуетъ развитію централистическихъ наклонностей, а дальше и теорій. Дѣйствительно „террористическія" предпріятія требуютъ своего рода централизаціи и даже диктатуры, особенно предпріятія, направленныя противъ главы государства. Затѣмъ, при извѣстной кружковой близорукости, сначала кажется, что и все дѣло революціонное сосредоточивается въ томъ дѣлѣ, которымъ занятъ кружокъ, а потому у него и является желаніе подчинить себѣ всѣ остальные революціонные кружки, а дальше является и мысль о томъ, что если признать федеративную теорію и въ принципѣ, то это можетъ повлечь за собою разложеніе той централизаціи, которая установилась уже для данныхъ „террористическихъ" предпріятій.

[2]) Мы бы сказали и „освобождающагося" народа (а въ Россіи народовъ). такъ какъ историческіе примѣры (Швейцарія, Голландія, С. А. Соедин. Штаты) показали, что только тамъ установилась федерація, гдѣ самый процессъ освобожденія велся по федеративному способу.

и свободная организація снизу вверхъ могутъ гарантировать нормальный ходъ развитія народной жизни. Насколько торжество федеративнаго принципа можетъ быть достигнуто однимъ ударомъ, побѣдоноснымъ революціоннымъ движеніемъ, невозможно, конечно, сказать въ настоящее время. Но партія должна направить всѣ свои усилія къ обезпеченію его торжества, и соціально-революціонныя изданія не могутъ обходить молчаніемъ этого важнаго вопроса. Этнографическій составъ населенія русскаго государства постоянно заставляетъ считаться съ нимъ и въ современной намъ практикѣ. Малороссія, Бѣлоруссія, Польша, Кавказъ, Финляндія, Бессарабія,—каждая изъ этихъ составныхъ частей Россійской имперіи имѣетъ свои народныя особенности, требуетъ самобытнаго, автономнаго развитія".

Но при внимательномъ разсмотрѣніи даже 1 № „Чернаго Передѣла" открывается уже та „дырочка", въ которую должны были уйти заключающіяся въ вышеписанныхъ словахъ добрыя намѣренія. Остановившись, напр., на заглавіи газеты, мы увидимъ, что имя ея, очевидно, областное даже изъ областныхъ. „Черный Передѣлъ"—терминъ великорусскій и даже въ Великороссіи преимущественно лѣсной, верхневоложской, т. е. той полосы, гдѣ существовали до недавняго времени т. наз. „черные", т. е. вольные крестьяне, какъ противоположность крестьянъ владѣльцевъ освобожденныхъ (обѣленныхъ) отъ повинностей государству. [1]) Такимъ образомъ,—оставляя даже въ сторонѣ полное несоотвѣтствіе термина „Черный Передѣлъ" съ идеей соціализма, которая именно исключаетъ понятіе о передѣлѣ,—имя это могло бы быть названіемъ развѣ популярной газеты и при томъ ультра-народнической въ одной изъ областей Россіи, каковою, напр., для Украйны могла бы служить газета съ именемъ напр., „Слушний Час." А между тѣмъ издатели „Чернаго Передѣла"

---

[1]) Вотъ опредѣленіе понятія о „черномъ передѣлѣ" въ книгѣ г. Якушкина „Обычное право": „Можно положительно сказать, что идеалъ ярославскихъ крестьянъ составляетъ не личная собственность, а такъ называемый здѣсь черный передѣлъ, по которому вся земля, кому бы она ни принадлежала́, должна дѣлиться между всѣми, по числу душъ... Ярославскіе раскольники придаютъ черному передѣлу религіозный характеръ: передъ кончиною міра воцарится на землѣ правда, и тогда земля будетъ раздѣлена равномѣрно между всѣми." Въ 6 № „Народной Воли" корреспондентъ изъ Воронежской губерніи пишетъ, что въ той мѣстности „черный передѣлъ" названіе не особенно употребительное и что въ Тамбовской губ. вмѣсто него говорятъ „литургія" (!!).

предназначили ему быть, во первыхъ, газетой для интеллигенціи и, во вторыхъ, всероссійской.

Послѣ выписанныхъ словъ въ 1 № „Ч. П.“ читаемъ:

„Въ виду этого было бы весьма полезно развитіе мѣстной революціонной литературы; но пока оно составляетъ задачу будущаго, „Черный Передѣлъ“ по необходимости (?) является органомъ всѣхъ русскихъ соціалистовъ, раздѣляющихъ основныя положенія его программы. Тѣмъ не менѣе, каждое указаніе на мѣстныя отличія въ постановкѣ соціальнаго вопроса и практическихъ пріемахъ партіи всегда найдетъ самый радушный пріемъ на страницахъ нашего изданія“.

Но словно чувствуя неловкость своего положенія, несоотвѣтствіе имени и языка своей газеты съ ея всероссійскими претензіями, издатели не рѣшились поставить опредѣлительное прилагательное (напр., русскихъ) во второмъ заглавіи изданія и назвали его глухо: „органъ соціалистовъ-федералистовъ“, тогда какъ имъ слѣдовало бы написать просто и откровенно „великорусскихъ“, подобно, напр., заглавію: „Der Socialdemocrat, Internationales Organ der Socialdemocratie deutscher Zunge“ 1880. Въ 1881 г. — „D. Soc. Dem. Zentral-Organ der deutschen Socialdemocratie.“

Подобное заглавіе и соотвѣтственная ему локализація матеріала и способа изложенія, локализація программы о способахъ дѣятельности придали бы изданію и его фракціи живой областной характеръ, который, кромѣ прямой пользы для данной области, былъ бы полезенъ и косвенно, какъ примѣръ и для дѣятелей другихъ областей. Но неясность ли идей, или боязнь потерять поддержку невеликорусскихъ членовъ кружка (названные въ объявленіи объ изданіи газеты сотрудники большею частью не великоруссы) заставляла группу „Ч. П.“ погнаться въ одно время и за областностью, и за всероссійствомъ. Правда, это всероссійство свое группа хотѣла въ началѣ осуществить на болѣе или менѣе федеральномъ началѣ, объявивъ въ концѣ 1 № подписку на изданія „народныхъ книгъ на великорусскомъ и малорусскомъ языкахъ“. Но кончилось тѣмъ, что группа издала пока четыре №№ „Чернаго Передѣла“ и столько же рабочей газеты „Зерно“ исключительно на великорусскомъ языкѣ и ни одного листка на украинскомъ и въ дальнѣйшихъ своихъ заявленіяхъ объ изданіяхъ на этомъ языкѣ уже и не упоминаетъ.

Такая же участь постигла и заявленныя въ одно время съ выходомъ первыхъ номеровъ „Ч. П.“ дифференціаціонныя намѣренія основателей „Русской Соціально-Революціонной Библіоте-

ки“, въ числѣ которыхъ мы видимъ нѣкоторыхъ лицъ изъ тѣхъ, которыя выступали публично, какъ члены редакціи „Ч. П.“ „Объявленіе объ изданіи Русской Соціально-Революціонной Библіотеки [1]) признало недостатокъ дифференціаціи въ прежней дѣятельности „русскихъ“ соціалистовъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ: „До появленія „Паровой Машины“ на малорусскомъ языкѣ, мы не имѣли ни одной книжки, которая доказывала бы, что мы помнимъ о разноплеменномъ составѣ Россійской Имперіи. [2]) Предназначая свои народныя изданія для всего трудящагося люда, отъ одного конца Россіи до другого, мы не приняли во вниманіе того обстоятельства, что русское государство состоитъ изъ различныхъ народностей, вполнѣ сохранившихъ, въ низшихъ слояхъ населенія, свою національную самобытность и свой языкъ. „Сказку о четырехъ братьяхъ“ могли понимать только великоруссы; „Емелька Пугачевъ“ считался годнымъ для оживленія революціонной традиціи какъ въ Поволжьи, такъ и въ Малороссіи, воспѣвающей своихъ народныхъ героевъ, имѣвшей свои массовыя движенія. Какъ извѣстно, проповѣдники христіанства были въ этомъ отношеніи практичнѣе, чѣмъ мы, ибо апостолы своевременно позаботились о сошествіи святаго духа и о полученіи дара говорить на всѣхъ языкахъ“. Но авторы объявленія хотѣли соединить, по своему, разнообразіе съ единствомъ, предположивъ изданія всетаки для всей Россіи, или по крайней мѣрѣ для Россіи славянской, впрочемъ, кажется, безъ польскихъ областей, но съ раздѣленіемъ на два отдѣла: „1. Для интеллигенціи, т. е. для читателей, подготовленныхъ къ чтенію серьезныхъ трудовъ и располагающихъ необходимымъ для этого досугомъ, и 2. для народа, т. е., для читателей, не могущихъ воспользоваться трудомъ первой категоріи (оригинальное опредѣленіе народа!). Сюда войдутъ популярныя брошюры для рабочихъ, крестьянъ, казачества и. т. д. Народныя изданія „Р. С. Р. Б.“ по языку и способу изложенія будутъ примѣняться къ важнѣйшимъ экономическимъ и этнографическимъ особенностямъ различныхъ мѣстностей Россіи“.

Мы уже намекали выше, что такое раздѣленіе народа и интеллигенціи и недемократично, и непрактично. На основаніи

---

[1]) Оно никѣмъ не подписано, но въ числѣ объявленныхъ въ немъ сотрудниковъ, которые вполнѣ раздѣлили его идеи, находимъ имена гг. Гартмана, Морозова, Лаврова, Павловскаго. Плеханова и др.

[2]) Издатели „Паровй Машины“ всегда объ этомъ помнили и напоминали другимъ! М. Др.

всѣхъ видѣнныхъ нами примѣровъ, такое раздѣленіе, какъ компромиссъ между народно-областностью и государственностью, есть тоже одна изъ тѣхъ „дырочекъ“, въ которыя уходятъ „божьи копѣечки.“ При всѣхъ такихъ компромиссахъ государственно-національный элементъ непремѣнно поѣдаетъ элементы народно-областные. Интересы этихъ послѣднихъ могутъ быть ограждены только такою организаціею, которая признаетъ полную равноправность народно-областныхъ элементовъ (напр., въ области слова, необходимость для нихъ литературы, какъ элементарной, такъ и высшей, развитіе которой должно быть предоставлено на волю самихъ мѣстныхъ дѣятелей, а не быть отмѣриваемо сверху представителями центральнаго элемента и учрежденія), такою организаціею, которая будетъ состоять прежде всего изъ народно-областныхъ обществъ, а потомъ уже изъ союза ихъ, такъ или иначе представленнаго.

На основаніи этихъ соображеній мы еще передъ выпускомъ „Объявленія объ изданіи Р. С. Р. Библіотеки“, которая положила себѣ цѣлью объединеніе дѣятельности „всѣхъ фракцій русскаго соціализма“, считая за фракцію его и украинскихъ соціалистовъ, группы „Громада“ (каковая тѣсно соединена съ галицкою группою „Громадьского Друга“), предлагали и на собраніяхъ эмигрантовъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, и въ печатныхъ циркулярахъ, разосланныхъ въ разные пункты, стремиться къ Восточно-европейской интернаціональной федераціи“, которая бы имѣла въ виду дѣятельность для всѣхъ націй Восточной Европейской равнины, входящихъ въ составъ, какъ русскаго государства, такъ и Пруссіи (литовцы, поляки), Австро-Венгріи (поляки, украинцы, румыны) и Румыніи (румыны, украинцы и великоруссы—въ Добруджѣ). Какъ первый приступъ къ такой федераціи, мы предлагали образованіе литературнаго союза для соціалистическихъ публикацій на всѣхъ языкахъ Восточной Европы, плебейскихъ, какъ и государственно аристократическихъ.

Предполагая, что и замыселъ изданія „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки“ можетъ быть всетаки полезнымъ дѣломъ, какъ шагъ, хотя и робкій, но всетаки въ направленіи народно-областномъ, мы сочли себя обязанными обѣщать свой литературный вкладъ въ эту библіотеку, хотя и должны были отказаться отъ принятія выбора въ члены ея редакціоннаго комитета и вообще отъ всякаго участія въ ея организаціонной дѣятельности, считая основанія „Библіотеки“ недостаточно федеративными. Для проведенія болѣе радикально-федеративнаго плана,

мы изложили его въ новомъ циркулярѣ: „Вниманію соціалистовъ-эмигрантовъ изъ Россіи.“ Въ циркулярѣ этомъ мы воспроизвели, между прочимъ, слѣдующія пять положеній, представленныхъ нами весною 1880 г. на разсмотрѣніе собранія эмигрантовъ въ Женевѣ (великороссовъ, евреевъ, поляковъ, украинцевъ и др.) послѣ цѣлаго ряда рефератовъ разныхъ лицъ и преній: 1. объ отношеніи борьбы за политическую свободу къ дѣлу соціализма въ Россіи и 2. о федерализмѣ и централизмѣ въ дѣлѣ соціалистической пропаганды въ Восточной Европѣ. Вотъ эти положенія:

„1. Собраніе отдаетъ предпочтеніе соціальнымъ и революціоннымъ организаціямъ равноправно-федеральнымъ передъ централистическими и іерархическими.

„2. Собраніе считаетъ болѣе соотвѣтственнымъ интересамъ соціализма на Востокѣ Европы организацію соціальныхъ партій по естественнымъ областямъ: географическимъ, экономическимъ и національнымъ, чѣмъ на основаніи государственныхъ границъ, существующихъ и традиціонныхъ.

„3. Въ интересахъ пропаганды соціализма на Востокѣ Европы собраніе считаетъ существенною необходимостью организацію соціалистической печати на языкахъ народныхъ, а не на однихъ только языкахъ государственныхъ и высшихъ сословій.

„4. Такъ какъ изъ языковъ населеній Восточной Европы соціалистическая печать уже начата на языкахъ русскомъ, украинскомъ, польскомъ и румынскомъ, то собраніе считаетъ теперь очереднымъ дѣломъ организацію такой же печати на языкахъ: эстонскомъ, латышскомъ и литовскомъ, бѣлорусскомъ, на языкахъ евреевъ и кавказцевъ, а также приспособленіе нѣмецкой соціалистической литературы къ быту нѣмецкихъ рабочихъ на Востокѣ Европы.

„5. Признавая существенно необходимымъ образованіе и сохраненіе въ Восточной Европѣ разнаго рода мѣстныхъ (областныхъ и національныхъ) соціалистическихъ кадровъ, собраніе вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ необходимымъ возможно болѣе тѣсную связь ихъ и взаимную помощь“.

Изъ этихъ положеній второе стало предметомъ особенно горячихъ преній на нѣсколькихъ собраніяхъ въ Женевѣ и встрѣтило особенную оппозицію именно со стороны представителей „Równosci“, „органа польскихъ соціалистовъ“, которыхъ самое имя должно бы говорить въ пользу признанія ими національной

основы (базиса, а не принципа) для ихъ дѣятельности, и „Чернаго Передѣла“, органа „соціалистовъ-федералистовъ, которымъ принадлежатъ выписанныя выше слова о необходимости считаться съ этнографическимъ составомъ населенія и пр. Громаднымъ большинствомъ наше положеніе было отвергнуто, вмѣстѣ съ самой идеей существованія какихъ либо естественныхъ областей, кромѣ государствъ, которыя и признаны были единственными основами для организаціи соціалистическихъ партій. Это рѣшеніе имѣетъ въ виду посланіе группы „Przedswita“: „Къ товарищамъ русскимъ соціалистамъ“, когда говоритъ о „рѣшеніи бывшей группы „Równość“, принятомъ на основаніи переговоровъ съ русскими товарищими въ прошедшемъ году, а именно, что

a) на характеръ соціально-революціонной организаціи вліяютъ исключительно общеэкономическіе интересы и политическія условія.

b) что организація соціалистическихъ партій можетъ совершаться на основаніи условій экономическихъ, съ одной стороны, и фактически существующихъ государственнополитическихъ—съ другой, причемъ этнографическія границы національности никакъ не могутъ служить базисомъ для организаціи и т. п. [1])

---

[1]) Замѣтимъ при случаѣ, что, какъ оказывается изъ вышеприведенныхъ словъ, группа бывшей „Równosci“ прекрасно понимаетъ, что значитъ слово „базисъ“, между тѣмъ какъ еще въ 1880 г., когда мы, обсуждая занимающій теперь и эту группу вопросъ, сказали въ статьѣ „Les nations de l'Europe Orientale et le socialisme international“ въ „Revue Socialiste“ что всѣ государственныя основы (bases) польскихъ и русскихъ соціалистовъ находятся въ противорѣчіи съ революціей, а особенно соціальною, то группа „Równosci“ приписала намъ мысль, будто ни у польскихъ, ни у русскихъ соціалистовъ нѣтъ соціально-революціонныхъ идей (principes), и подняла противъ насъ крестовый походъ, напечатавъ, вмѣстѣ съ представителемъ „Черн. Перед.“, противъ нашей статьи протестъ [!] отъ имени „большинства польскихъ и русскихъ соціалистовъ въ Женевѣ.“ Протестъ этотъ давая ложное понятіе о нашихъ мысляхъ и, главное, намѣреніяхъ тѣмъ, кто не могъ прочесть нашихъ статей во французскомъ журналѣ, подрывалъ въ самомъ началѣ разсужденія о томъ организаціонномъ вопросѣ, которымъ теперь должна была заняться гласно сама группа „Przedswita.“ Надѣемся, что читатель извинитъ намъ это и еще нѣсколько сдѣланныхъ въ такомъ родѣ примѣчаній и не сочтетъ ихъ за исключительно личныя. Ихъ всегда непріятно дѣлать, но иногда необходимо, въ цѣляхъ общихъ, такъ сказать, санитарнаго характера; если откуда, то именно изъ революціонныхъ сферъ, слѣдуетъ изгонять неискренность пріемовъ и всякое политиканство, дѣйствія, инсинуаціями, анафемами и т. п. способами „стараго міра“, лучшее средство изгнанія которыхъ—гласное на нихъ указаніе.

Даже и изъ выписанныхъ выше положеній нашихъ не видно, чтобы мы отрицали значеніе обще-экономическихъ или политическихъ условій, но только мы не придаемъ этимъ условіямъ (да и никакимъ другимъ) исключительнаго значенія. Нельзя отрицать ни частныхъ экономическихъ условій каждой области, между прочимъ, родовъ производства, расположенія центровъ его и рынковъ обмѣна, опредѣляющихъ расположеніе и движеніе населенія въ фактически существующихъ экономическихъ бассейнахъ, ни нравственныхъ условій, вытекающихъ изъ существованія національностей, которыя образуютъ связь между населеніемъ, каковая связь важна въ особенности при пропагандѣ словомъ и письмомъ, пропагандѣ, требующей своей организаціи. Нельзя отрицать также фактически существующихъ осложненій обще-экономическихъ и политическихъ условій, если въ извѣстныхъ областяхъ распластованіе населенія на аристократію, буржуазію, бюрократію и рабочіе классы сотвѣтствуетъ его раздѣленію на національности, какъ это, напр., имѣетъ мѣсто во всей почти странѣ отъ Вислы до Днѣпра.

Между тѣмъ „переговоры бывшей группы „Równości" съ русскими товарищами" прошли губкою по всѣмъ фактически существующимъ особенностямъ жизни народовъ и областей, признавъ только условія обще-экономическія и государственныя. [1]) Но такъ какъ въ каждомъ почти государствѣ, какъ мы уже не разъ говорили, фактическія условія сложили національный централизмъ, то отрицательное отношеніе къ инымъ основамъ организаціи, кромѣ государственныхъ, оказывается равносильнымъ признанію преміи въ пользу государственно-національнаго централизма, т. е., въ Россіи великорусскаго, въ Пруссіи нѣмецкаго, въ Галиціи (такъ какъ о всей Австріи серьезно и рѣчи быть не можетъ) польскаго. Уже изъ послѣдняго видно, что польская національность вышла не совсѣмъ обдѣленною изъ этихъ „переговоровъ." А кромѣ того, какъ мы уже показали, въ третьемъ пунктѣ соглашенія „бывшей группы „Równości" съ русскими товарищами", послѣ рѣшительныхъ словъ: с) „что слѣдовательно польская соціалистическая партія, какъ нѣчто цѣлое, существо-

---

[1]) Почти къ тому же заключенію пришелъ и г. Лавровъ въ примѣчаніи VII къ брошюрѣ Шэфле „Сущность соціализма."—„Національный вопросъ въ соціализмѣ", изданномъ и въ „Русс.-Соц.-Рев. Библіотекѣ" и по-польски въ „Biblioteka Równości." Мы имѣемъ основаніе считать это примѣчаніе до извѣстной степени за отвѣтъ (отрицательный) на наши предложенія.

вать не можетъ, а могутъ быть только польскія соціальныя группы въ Россіи, Австріи и Германіи, [1]) которыя, сообща съ соціальными организаціями иныхъ національностей въ данномъ государствѣ, [2]) создаютъ органическій союзъ", поставлена оговорка: „что не можетъ мѣшать имъ (польскимъ группамъ) входить въ связь между собой". [3]) Такимъ образомъ, изъ упомянутыхъ прошлогоднихъ переговоровъ вышли побитыми только національности плебейскія и области ими населенныя, что мы напередъ и предсказывали.

Мы говорили, между прочимъ, что безъ признанія необходимости областныхъ и національныхъ организацій даже такое, повидимому, безспорное дѣло, какъ пропаганда на живыхъ языкахъ всѣхъ народовъ, а не одниxъ только привилегированныхъ, не можетъ быть даже начата. И дѣйствительно, не только никто изъ забаллотировавшихъ наше предложеніе польскихъ и великорусскихъ централистическихъ псевдоинтернаціоналистовъ, но и, въ частности, члены группы „Чернаго Передѣла" и „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки", не смотря на свои обѣщанія, не издали ни одной не только книжки, но даже странички на какомъ бы то ни было плебейскомъ языкѣ, а теперь даже и не говорятъ о своихъ недавнихъ обѣщаніяхъ. Единственная литературная попытка пропаганды соціализма на плебейскомъ языкѣ, сдѣланная съ тѣхъ поръ, была бѣлорусская брошюрка „Про багатство та бьедносць", изданная украинскими соціалистами, которые остались въ такомъ поразительномъ меньшинствѣ на женевскихъ „переговорахъ" и противъ идей которыхъ высказался и г. Лавровъ въ одномъ изъ изданій „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки."

Побитою оказалась на прошлогоднихъ переговорахъ группы „Równości" и „русскихъ ея товарищей" и идея областныхъ организацій вообще. А между тѣмъ, въ одной изъ областей Россіи уже показывались признаки крупныхъ народныхъ движеній. Мы говоримъ объ области украинской, въ которой въ послѣдніе 70-ые годы произошли весьма многочисленныя аграрныя волненія и

---

[1]] А польскія группы—это такое же понятіе, этнографическое или общеэкономическое или политическое? Или только „этнографическія" границы народа польскаго для польскихъ группъ не могутъ служить базисомъ для организаціи??!!

[2]) Какихъ національностей?—всѣхъ, или только государственныхъ и аристократическихъ??

[3]) Въ какихъ границахъ опять?

нѣсколько городскихъ „безпорядковъ“ и готовилось произойти противоеврейское движеніе. Это послѣднее было предвидѣно небольшою группою украинскихъ соціалистовъ, которые, стоя на своемъ областномъ базисѣ, видѣли осложненія „обще-экономическихъ условій“ національными отношеніями евреевъ и украинцевъ и указывали на необходимость принять во вниманіе эти осложненія. Между прочимъ, какъ разъ передъ тѣмъ, какъ польскіе соціалисты группы „Równosci“ порѣшили вмѣстѣ съ ихъ „русскими товарищами“, что „на характеръ соціально-революціонной организаціи вліяютъ исключительно обще-экономическіе интересы и политическія условія“, трое изъ украинскихъ соціалистовъ сочли необходимымъ выступить съ поддержкою мысли объ образованіи спеціальной группы соціалистовъ евреевъ, которая бы имѣла цѣлью пропаганду среди еврейскаго населенія въ Восточной Европѣ на живыхъ его языкахъ, и мотивировали эту поддержку слѣдующимъ образомъ:

„В области, заселенной украинским народом в Россіи и Австріи, живет теперь болѣе 1 милліона евреев. С другой стороны, вряд ли гдѣ нибудь происходила столь ожесточенная борьба между массами туземнаго населенія и евреями, как в Украйнѣ XVII и XVIII ст., в которой евреи являлись органами противнаго народу государственнаго и соціальнаго порядка.

„В настоящее время только треть евреев украинской области может быть причислена к явно эксплуататорскому классу, другая же треть должна быть отнесена к классу рабочему, и эта треть, равно как и значительная часть из остальной трети,—помощников и прислуги у первой,—далеко не пользуется выгодами доходов, извлекаемых, хотя бы и при помощи ея членов, еврейскими капиталистами, и живет в нищетѣ, часто даже превосходящей нищету „христіанскаго пролетаріата“. Между тѣм, старая соціально-національная борьба между украинцами и евреями оставила по себѣ живую память у потомков обѣих сторон, и память эта удаляет одни от других и такіе слои обоих элементов населенія, которые принадлежат к одинаково рабочим и одинаково терпящим от теперешних экономических порядков. При теперешнем отношеніи между украинским народом и евреями можно ожидать, что всякое движеніе перваго против этих порядков будет сопровождаемо кровавыми сценами еврейскаго избіенія, гораздо болѣе несправедливыми, чѣм сцены XVII и XVIII в. С другой стороны, антагонизм между евреями и нееврейскими массами народа в Украйнѣ служит одною из причин солидарности между такими

слоями населенія самих евреев, которыхъ интересы в сущности противоположны между собою.

„Вот почему для соціалистов Украинской области представляется дѣлом особенной важности организація пропаганды, которая бы имѣла цѣлью, с одной стороны, отдѣленіе рабочих еврейских масс от еврейских капиталистов, а с другой,—соединеніе еврейских рабочих с рабочими других племен. Так как одним из самых дѣйствительных средств для начала этой пропаганды может служить соціалистическая печать на разговорных языках еврев, то мы не сомнѣваемся, что всѣ наши товарищи в украинской области окажут поддержку вышеизложенному предпріятію товарищей-евреев.“ [1])

Встрѣченный враждебно какъ польскими и русскими псевдоинтернаціоналистами, такъ и украинскими націоналистами, замыселъ этотъ не привелъ пока ни къ чему, если не считать заявленія къ нему сочувствія со стороны львовскихъ польско-украинскихъ рабочихъ кружковъ [2]). Противоеврейскій погромъ на Украйнѣ засталъ врасплохъ тамошнихъ соціалистовъ, русскихъ, поляковъ и евреевъ, далеко не малочисленныхъ. Мы далеки отъ мысли, чтобъ принятіе въ самое послѣднее время предложенія небольшихъ женевскихъ группъ, еврейской и украинской, могло оказать существенное вліяніе на ходъ послѣднихъ противоеврейскихъ демонстрацій. Для такого вліянія необходима была долгая и систематическая работа. Но даже небольшія проявленія новаго отношенія къ еврейскому вопросу на Украйнѣ, вродѣ одной-двухъ прокламацій и къ евреямъ, и къ украинцамъ, попытокъ удержанія христіанской массы отъ нанесенія вреда евреямъ-рабочимъ (которые такъ пострадали, напр., въ Кіевѣ), участіе хоть нѣсколькихъ евреевъ-рабочихъ въ демонстраціяхъ противъ еврейскихъ эксплуататоровъ, все это могло бы послужить зерномъ для новаго, раціональнаго направленія движенія, проявившагося въ „разгро-

---

[1]) Послѣ проявленія антиеврейскаго движенія въ Польшѣ, все, сказанное о необходимости пропаганды солидарности между еврейскимъ и христіанскимъ пролетаріатомъ на Украйнѣ, получаетъ значеніе и для Польши.

[2]) Параллельно этой, пока чисто теоретической, попыткѣ еврейскихъ и украинскихъ соціалистовъ въ Женевѣ, на самой Украйнѣ попробовали сблизиться между собою „братчики-штундисты“ украинскіе и еврейское „братство“ въ Елизаветградѣ, обсуждая съ обѣихъ сторонъ возможность соединенія евреевъ и украинцевъ въ совмѣстномъ производительномъ земледельческомъ трудѣ. Это—слабыя теперь зерна будущаго крупнаго движенія, которое одно въ состояніи гуманно рѣшить еврейскій вопросъ на Украйнѣ.

махъ евреевъ". Но ничего подобнаго не случилось на Югѣ Россіи главнымъ образомъ потому, что тамошняя масса русскихъ соціалистовъ, родомъ изъ евреевъ, поляковъ и украинцевъ, отвлекаемая абстрактными формулами и централистическими тяготѣніями, оказалась неприготовленною къ пониманію мѣстныхъ соціально-національныхъ отношеній въ ихъ конкретныхъ формахъ. Во время самаго разгрома соціалистическіе кружки оказались совсѣмъ въ сторонѣ отъ дѣйствія, а послѣ погрома (или, лучше сказать, послѣ перваго акта его) „русскіе соціалисты" попробовали сказать о немъ свое слово, но, какъ видно по примѣрамъ прокламацій, между прочимъ, и „Народной Воли", не совсѣмъ удачно. Судя по газетнымъ о нихъ извѣстіямъ, прокламаціи эти или идутъ совершенно въ разрѣзъ не только съ народнымъ взглядомъ, но даже и съ дѣйствительностью, отрицая совершенно еврейскій вопросъ, какъ осложненіе общаго вопроса объ эксплуататорахъ народнаго труда, или же совершенно становится на точку зрѣнія тѣхъ, кто „разгромлялъ евреевъ". А между тѣмъ истинная точка зрѣнія заключается не въ этихъ двухъ отношеніяхъ, а въ третьемъ. Но эта третья точка можетъ получиться только изъ детальнаго изслѣдованія дѣла съ его общими и частными, экономическими и національными подробностями. Эти подробности проскальзываютъ въ послѣднее время и въ великорусскихъ соціалистическихъ газетахъ, только очень отрывочно. Такъ, напр., въ № 4 „Чернаго Передѣла" находимъ такое, для многихъ не желающихъ признавать что-либо, кромѣ „обще-экономическихъ отношеній", еретическое сообщеніе одного корреспондента съ лѣваго берега Днѣпра. „Когда панъ надъ тобою властвуетъ, это не такъ обидно, а то жидъ,—говорятъ крестьяне. Вообще, противъ пановъ нѣтъ такого сильнаго личнаго озлобленія, какъ противъ евреевъ, хотя, понятно, и первыхъ крестьянинъ далеко не жалуетъ. „Намъ бы только съ жидами справиться, а тамъ и за пановъ примемся", говоритъ онъ. Народъ, какъ мнѣ кажется, держится извѣстной градаціи по отношенію къ своимъ врагамъ. На первомъ планѣ является у него кулакъ иновѣрецъ, далѣе кулакъ православный, но изъ чужой народу среды, баринъ, и наконецъ уже слѣдуютъ гг. Разуваевъ и Колупаевъ, т. е. свой же братъ мужикъ [1]). Еврейскій разгромъ—

---

[1]) Ср. въ украинской брошюрѣ „Як наша земля стала не наша", 1876 г., стр. 55. Кстати, замѣтимъ, что такъ любимое въ русской народнической литературѣ слово „кулакъ" въ переносномъ смыслѣ, очень мало распространено въ народѣ и въ самой Великороссіи. На Украйнѣ никто его не пойметъ.

прелюдія къ болѣе серьезному и цѣлесообразному народному движенію". Послѣднія строки наводятъ, между прочимъ, на слѣдующія размышленія. Теперешнее положеніе Россіи многіе не безъ основанія сравниваютъ съ положеніемъ Франціи передъ Великой Революціей 1789 г. Во время же этой революціи предводителями крестьянской борьбы противъ дворянъ - помѣщиковъ и потомъ противъ королевской администраціи были очень часто сельскіе Разуваевы и Колупаевы, которые же больше всего и воспользовались плодами революціи въ селахъ. Почему не повториться тому же самому и въ Россіи? Далѣе, если въ народѣ существуетъ градація враговъ, то не можетъ ли слѣдующій за еврейскимъ народный разгромъ направиться, напр., на правобочной Украйнѣ на пановъ-поляковъ, въ другомъ мѣстѣ на полицейскихъ чиновниковъ и т. п.[1]) Вотъ подмѣтить эту градацію и вообще всѣ мѣстныя варіаціи обще-экономическихъ и политическихъ условій, съ тѣмъ, чтобъ не быть вѣчно захватываемыми врасплохъ событіями, какъ это постоянно случается съ русскими революціонерами, которыхъ захватило врасплохъ и польское возстаніе 1863 г., и сербско-болгарская война 1875—1878 гг., и противоеврейское движеніе 1881 г., только и могутъ областныя соціально-политическія организаціи, конечно, вооруженныя политическимъ образованіемъ. О такихъ организаціяхъ и слѣдовало бы прежде всего позаботиться [2]).

---

[1]) И самые евреи — теперь агенты фиска въ шинкахъ и при изысканіи недоимокъ.

[2]) Что незнаніе великорусскими революціонерами положенія дѣлъ на Украйнѣ было причиною ошибокъ ихъ въ польскомъ вопросѣ и неприготовленности во время еврейскаго погрома, это видно съ перваго раза. Не такъ ясна связь подобной же неприготовленности во время послѣдней восточной войны съ отсутствіемъ достаточно сильной опозиціонной организаціи въ украинской области. Дѣло въ томъ, что съ Украйны,—которая своимъ присоединеніемъ къ Московіи навязала послѣдней антитурецкую политику,—виднѣе жизненныя подробности восточнаго вопроса, чѣмъ изъ Петербурга, и подробноcти эти чувствуются болѣе съ народной, а не съ православно-государственной точки зрѣнія, какъ въ Москвѣ. Вотъ почему небольшая группа сознательныхъ украинцевъ еще съ конца 60-хъ годовъ почувствовала близкую неизбѣжность взрыва на берегахъ Дуная и стала пробовать обратить вниманіе, кого слѣдовало, на связь этого взрыва съ вопросомъ внутренней политики Россіи и убѣждать оппозицію, которою руководили люди петербургскіе, приготовиться къ тому, чтобы воспользоваться въ интересахъ свободы предстоящимъ, движеніемъ, обративъ его столько же противъ турокъ константинопольскихъ, сколько и противъ московско-петербургскихъ, изъ которыхъ послѣдніе теряютъ послѣдній свой raisou d'être послѣ ниспроверженія первымъ. Изученіе украинскаго народа, напр., его преданій и политической поэзіи, подтвердило предположеніе о

Надо сказать, что въ теченіе 1880 г. въ кружкахъ, прикосновенныхъ къ „Черному Передѣлу“, мысль о мѣстныхъ организаціяхъ, очевидно, ставилась на очередь, но, къ сожалѣнію, опять находились „дырочки“, въ которыя уходила эта мысль. Лѣтомъ 1880 г. намъ сообщенъ былъ проектъ программы „Великорусскаго“ общества „Земля и Воля“ при письмѣ отъ „украинскихъ“ членовъ этой организаціи, которые, не отказываясь отъ мысли объ основаніи подобнаго же общества для Украйны, сочли нужнымъ, по временному нахожденію своему въ Великороссіи, присоединиться къ великорусскому обществу. Мы не станемъ разбирать здѣсь самой программы въ ея частяхъ. Самое интересное въ ней было ея имя, вполнѣ народно-областное, ясно-національное, разрывавшее со всякими государственными стремленіями и недомолвками. Но программа эта появилась въ печати во 2 № „Чернаго Передѣла“ (вышедшемъ за границей) въ измѣненномъ видѣ: вмѣсто „Великорусскаго“ общества названо „Сѣвернорусскимъ“, съ слѣдующимъ, впрочемъ, примѣчаніемъ: „Называя себя Сѣвернорусскимъ, общество „Земля и Воля“ относитъ къ району своей дѣятельности и мѣстности юго-восточной Россіи, въ которыхъ условія быта сельскаго населенія приняли формы, характеристичныя для русскаго Сѣвера“. Въ этомъ примѣчаніи сказано длинно и темно то же самое, что говорило ясно одно слово — „Великорусское“. Къ чему и почему была сдѣлана замѣна? Почему? — объ этомъ можно догадываться; потому, что названіе „Великорусское“ устрашало многихъ своимъ „націона-

томъ, что противотурецкое движеніе можетъ быть живымъ предлогомъ для освободительной агитаціи и среди украинскаго населенія. Всѣ попытки направить въ эту сторону вниманіе великорусской и овеликорушенной демократіи оказались напрасными. Даже, когда въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи лилась кровь, публицисты и ораторы великорусскаго соціализма продолжали или игнорировать это кровопролитіе, или даже убѣждать сербовъ и болгаръ, чтобъ они подождали, пока произойдетъ въ Германіи, Австріи и Россіи соціальная революція, и тогда-де они разомъ получатъ и соціальную, и національную свободу. (Впередъ.) Нельзя было убѣдить великорусскихъ соціалистовъ даже въ необходимости устроить заблаговременно въ Румыніи складъ публикацій для распространенія въ долженствовавшей вступить туда арміи, не говоря уже о необходимости создать публикаціи, которыя бы были приспособлены для этой арміи, т. е. такія, которыя бы ставили вопросы внутренней политики въ связи съ вопросомъ войны. Сколько-нибудь систематическая посылка революціонныхъ публикацій въ Румынію началась только со второй половины военнаго періода, а какъ немногія изъ нихъ и какія именно ставили въ вышеписанномъ смыслѣ соціально-политическіе вопросы, это долженъ знать и самъ читатель.

лизмомъ“ и находилось въ противорѣчіи съ тѣмъ соглашеніемъ, о которомъ говоритъ посланіе „Przedswit“'а „къ русскимъ товарищамъ“. Привести же подобная замѣна не могла ни къ чему, какъ только къ затемненію идеи о необходимости соціально-политическихъ организацій, соотвѣтственно естественнымъ условіямъ областей: географическимъ, экономическимъ и національнымъ.

Помѣщая программу общества „Земля и Воля“, какъ „полученную отъ Петербургско-Московской организаціи“, заграничная редакція „Чернаго Передѣла“ предпослала ей, между прочимъ, слѣдующія слова:

„Остается лишь пожелать скорѣйшаго появленія такихъ же обществ и в провинціях.

„Концентрація революціонных сил в столицах погубила бы движеніе, и если до сих пор никакія правительственныя репрессаліи не в силах были его задушить, то единственно благодаря децентрализаціонному его характеру.

„Провинціи должны явиться такими же революціонными пунктами, как и столицы. Названіе общества „Земля и Воля“ Сѣверно-русским доказывает, что товарищи наши не упускают изъ виду этой необходимости. Неизбѣжным дополненіем Сѣверно-русской организаціи должна явиться организація Южно-русская. При условіи тѣсной связи и взаимной помощи между ними, такое раздѣленіе революціонных групп окажет им несомнѣнную пользу в смыслѣ большаго знанія экономических особенностей и бытовых привычек различных мѣстностей Россіи.“ („Ч. П.“ II, 4—5).

Но никакихъ ожидаемыхъ „провинціальныхъ“ организацій не воспослѣдовало, исключая „Южно-русскаго Рабочаго Союза“. Такъ какъ программа этого „Союза“ не обнародована, и ни мы сами, ни кто-либо изъ лицъ намъ знакомыхъ не видѣлъ даже ни одной изъ тѣхъ частныхъ прокламацій, которыя, по словамъ газетъ, выпускались отъ имени этого „Союза“, то мы и не можемъ судить ни объ его характерѣ, ни объ его отношеніяхъ къ разнымъ направленіямъ, заявившимъ себя въ послѣднее время въ соціально-революціонныхъ кругахъ въ Россіи. Мы не имѣемъ ровно никакихъ матеріаловъ для того, чтобъ судить о практической сторонѣ дѣятельности „Южно-русскаго Рабочаго Союза“; что же касается до теоретической его стороны, то на нее даетъ нѣкоторое указаніе его имя: „Южно-русскій“,—имя безцвѣтно-географическое, а не народное, ясно національное. Центромъ дѣятельности „Союза“ былъ, кажется, Кіевъ, одинъ изъ центровъ

среди населенія украинскаго. Прими союзъ названіе „Украинскаго“, тогда понятно было бы, на какое живое населеніе онъ предполагаетъ дѣйствовать. Но „Союзъ“ или не отдалъ себѣ яснаго отчета объ этомъ населеніи и его особенностяхъ,—которыя главнымъ образомъ и обусловливаютъ необходимость и особой организаціи,—или тоже убоялся показаться націоналистическимъ, а потому выбралъ себѣ блѣдное географическое имя, подобно тому, какъ выбираетъ для областей имена правительство, желающее затереть все, что противорѣчитъ идеѣ „единства и нераздѣльности“ государства: „Привислянскій край“, „Х-й военный округъ“ и т. п. Такъ какъ украинское населеніе не механическая совокупность двуногихъ существъ, живущихъ въ извѣстныхъ провинціяхъ извѣстнаго государства, а столько же органическое цѣлое, сколько можетъ быть имъ населеніе извѣстной націи, то никая нравственная работа среди него не можетъ быть успѣшна и глубока безъ яснаго признанія этой его органичности. А потому и кіевскій „Южно-русскій Рабочій Союзъ“ врядъ ли можетъ быть признанъ зародышемъ для развитія такой успѣшной и глубокой работы на пользу украинскаго народа. Мы должны только упомянуть о немъ, какъ объ одной изъ всетаки почтенныхъ первичныхъ мѣстныхъ организацій, наряду съ „Южнорусскимъ Рабочимъ Союзомъ“, пробовавшимъ не безъ успѣха организоваться въ 70-е годы въ городахъ побережья Чернаго моря, и съ петербургскимъ „Сѣверно-русскимъ Рабочимъ Союзомъ“ 1879 г., но вовсе не въ числѣ такихъ, которыя бы показали примѣръ новой организаціи областныхъ политическихъ партій, радикально разорвавшихъ съ идеями національно-государственнаго централизма.

Уже изъ сказаннаго выше видно, что на такой разрывъ не рѣшились и учредители „Великорусскаго Общества Земля и Воля“, превратившагося въ Сѣверно-Юго-Восточно-Русское. Послѣ напечатанія программы этого общества уже ничего не слышно о немъ, а вмѣсто того мы видимъ печатныя проявленія „Общества Земля и Воля“, уже какъ учрежденія всероссійскаго. Съ девизомъ этого общества издаются въ 1881 г. прокламаціи, газеты („Черный Передѣлъ“ и „Зерно“), и хотя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ публикацій и продолжаются заявленія о необходимости децентрализаціи, но зявленія эти не идутъ дальше общихъ словъ, а многія частности въ этихъ публикаціяхъ прямо свидѣтельствуютъ о крѣпости совершенно централизаторскихъ, національно-

государственныхъ—если не идей, то, говоря англійскимъ терминомъ, „привычекъ мысли“ дѣятелей этого всероссійскаго общества.

Въ № 3 „Чернаго Передѣла“ находимъ заявленіе отъ имени „прежнихъ издателей“ „Ч. П.“ съ слѣдующими весьма радикальными словами:

... „Предостерегая партію отъ излишняго увлеченія вопросами чисто политическаго свойства, „Черный Передѣлъ“, думаемъ мы, лишился бы значительной доли практическаго значенія, оставаясь вполнѣ безучастнымъ къ политическому вопросу, столь жгучему теперь въ Россіи. Въ этой области, по нашему мнѣнію, органъ долженъ остаться вѣрнымъ принципу федерализма. Поэтому, распаденіе Россійской Имперіи на самостоятельные организмы по естественнымъ областямъ, будетъ откликомъ на зовъ, раздающійся съ другой стороны—„Всероссійскій Земскій Соборъ.“ („Ч. П.“, 1881. № 3).

Какъ видитъ читатель, это заявленіе повторяетъ по своему тотъ пунктъ нашихъ предложеній, который такъ рѣшительно былъ отвергнутъ во время тѣхъ „переговоровъ“, о которыхъ говоритъ посланіе „Przedswita“ къ „русскимъ товарищамъ“, отвергнуть при дѣятельномъ участіи нѣкоторыхъ изъ „прежнихъ издателей“ „Ч. П—ла“ заграницей. Во всякомъ случаѣ это заявленіе можно было бы привѣтствовать, если бы оно повело за собою сознательно-послѣдовательные практическіе шаги. Но дѣло въ томъ, что такихъ шаговъ не только совсѣмъ не видно, по крайней мѣрѣ въ публикаціяхъ всероссійскаго общества „Земли и Воли“, но даже видны шаги совсѣмъ въ противоположномъ направленіи.

Начать съ того, что всѣ подобныя заявленія слишкомъ абстрактны, а потому уже и неясны. Иногда же они редижированы до того сбивчиво, что со стороны совсѣмъ трудно уловить ихъ реальный смыслъ. Такова, напр., редакція „Программы Нородной Партіи“, перепечатанной между прочимъ и въ „Вольномъ Словѣ“. Въ программѣ этой между прочимъ читаемъ слѣдующія, съ перваго раза очень радикальныя въ федеративномъ направленіи, слова:

„Въ виду того, что разрушеніе идеи царизма въ народѣ еще не привело его къ выработкѣ новаго опредѣленнаго политическаго идеала, Народная Партія выставляетъ слѣдующіе основные принципы общественаго порядка, логически вытекающаго изъ культуры, характера и будущихъ экономическихъ отношеній

русскаго народа, которые и считаетъ необходимымъ усиленно пропагандировать:

„а) независимость національностей, механически связанныхъ въ настоящее время въ единую Всероссійскую Имперію; б) автономія общинъ; в) свободная федерація общинъ.[1])

Но прежде всего желательно было бы встрѣтить въ этой программѣ (вообще, далеко не сжатой) перечисленіе хоть главнѣйшихъ изъ тѣхъ національностей, какія теперь связаны въ Всероссійскую Имперію, на манеръ того, напр., какъ это сдѣлалъ Бакунинъ, когда писалъ свою программу „Народнаго Дѣла." Это перечисленіе было бы тѣмъ болѣе необходимо, что въ самой программѣ мы встрѣчаемъ слѣды представленія о Россіи (что въ обыкновенной рѣчи и равнозначно Всероссійской Имперіи), какъ о чемъ то, если не единообразномъ, то органическомъ („Въ Россіи только одно крестьянство обладаетъ вполнѣ опредѣленнымъ идеаломъ „Земли и Воли", расходящимся съ принципами современнаго государственнаго и общественнаго порядка"), а также потому, что программа ставитъ свои „основные принципы общественнаго порядка" — не во имя общечеловѣческихъ, выясненныхъ практикою и наукою образованныхъ народовъ „правъ человѣка", основныхъ правъ" и т. п., а какъ „логически вытекающіе изъ культуры, характера и даже будущихъ (!) экономическихъ отношеній (?) русскаго народа", хотя при этомъ и считаетъ еще „необходимымъ усиленно ихъ пропагандировать" (кому?). Что же такое эта Россія „Народной Партіи"? что такое ея русскій народъ? какія національности должны получить независимость, какъ слѣдствіе, между прочимъ, и будущихъ отношеній русскаго народа??—Все это требуетъ болѣе точнаго опредѣленія, для того чтобъ федеративная программа „Народной партіи" получила какое нибудь реальное значеніе.[2]) Покамѣстъ же, даже такъ неясно изложенныя анти-

---

[1]) Автономія и федерація болѣе крупныхъ мѣстныхъ единицъ—уѣздовъ, областей, пропущена и въ этой программѣ. Конечно, можно сказать, что она сама собою подразумѣвается, но о ней надо бы говорить постоянно, такъ какъ одна она можетъ охранить автономію общинъ отъ слишкомъ большого давленія на нихъ центральнаго представительства.

[2]) Не желая повторяться, мы не будемъ говорить ни о слѣдахъ руссофильскаго народническаго мессіанизма въ этой программѣ, ни о ея классическо-якобинскомъ преклоненіи передъ „народомъ" и его „идеалами", не смотря на то, что

всероссійскія федеративныя стремленія не нашли себѣ приложенія даже въ такой неширокой области, какъ печать, находящаяся въ рукахъ кружковъ „Земли и Воли“.

Передовая статья № 4 „Чернаго Передѣла“ посвящена доказательствамъ необходимости „единенія, сосредоточенія главнаго контингента революціонныхъ силъ на самой насущной, цѣлесообразной и плодотворной практической работѣ“. Забота нѣсколько странная для „органа соціалистовъ-федералистовъ“! Изъ двухъ крайностей федералистамъ было бы естественнѣе увлечься рѣшительнымъ „раздѣленіемъ революціонныхъ группъ Россіи“, говоря словами примѣчанія редакціи № 2 „Ч. П.“ къ програмѣ „Земли и Воли“, нежели „сосредоточеніемъ.“ Раздѣленныя группы, если только онѣ состоятъ изъ искреннихъ и дѣловыхъ людей, по мѣрѣ естественнаго расширенія круга работы, непремѣнно придутъ между собою къ резонному соглашенію, между тѣмъ какъ „сосредоточенная“ организація имѣетъ свойство сопротивляться расчлененію, особенно, если въ нее допущена мысль о томъ, что она сама можетъ опредѣлять не только для себя, но и для другихъ, что такое „самая насущная, цѣлесообразная и плодотворная практическая работа.“ Необходимости, если не сосредоточенія, то объединенія разныхъ соціально-революціонныхъ группъ въ Россіи (или лучше, группъ русской соціально-революціонной партіи), посвящена между прочимъ и статья г. Лаврова въ № 3 „Чернаго Передѣла“—„Нѣсколько словъ объ организаціи партіи“. Но, напр., группа „Громады“, которую желаетъ г. Лавровъ привлечь въ соглашеніе, какъ одну изъ „русскихъ“ группъ, считаетъ, что украинцамъ, какъ соціалистамъ, „насущная работа“ въ настоящее время открывается въ Австро-Венгріи, хотя при этомъ признаетъ, что украинцамъ, какъ людямъ, дорожащимъ національной свободой своего народа, въ Россіи самая насущная работа—борьба съ абсолютизмомъ и централизаціей политической. Всякое сосредоточеніе работы, да еще только въ предѣлахъ Россіи, какъ ставитъ вопросъ и редакція „Чернаго Передѣла“ и даже г. Лавровъ, который, впрочемъ, говоритъ болѣе о соглашеніи, чѣмъ о сосредоточеніи, но всетаки только въ предѣлахъ Россіи, для украинскихъ, напр., дѣятелей равно-

---

программа полагаетъ нужнымъ поставлять народу временныя правительства и признаетъ, что народъ еще не выработалъ, напр., ни политическаго идеала, ни „широкаго коллективизма“ и т. п. О „самодержавіи народа“ хлопочетъ и „Зерно“ (передовая статья, № 4).

сильно связываніе, если не обѣихъ, то одной руки. Тоже слѣдуетъ сказать и о тѣхъ полякахъ, которые станутъ на почвѣ реальныхъ условій жизни польской, о румынахъ и т. п. Даже среди самихъ великоруссовъ проповѣдь „сосредоточенія“ не можетъ привести къ полезнымъ результатамъ, ибо, напр., средоточники-„террористы“ будутъ считать „насущной работой“ политическія убійства, тогда какъ другіе революціонеры, политическіе и соціально-экономическіе, особенно въ провинціяхъ, найдутъ себѣ свои насущныя работы. Не лучше ли и не говорить о „сосредоточеніи“, а предоставить каждой группѣ выбрать себѣ „насущную работу“, по ея усмотрѣнію, лишь бы направленіе этой работы было полезно для дѣла освобожденія человѣка отъ ига умственнаго, національнаго, политическаго, экомомическаго? Въ дѣлѣ же федерализма самое „плодотворное“ будетъ прежде всего образованіе областныхъ и національныхъ организацій, которыя однѣ могутъ положить основу и для „независимости, національностей, механически связанныхъ въ настоящее время въ единую Всероссійскую Имперію“, и для пропаганды среди различныхъ элементовъ ея населенія общечеловѣческихъ освободительныхъ идей.

Всероссійское общество „Земля и Воля“ рѣшительно для этого не годится, какъ показываютъ его же публикаціи, — „Черный Передѣлъ“ и „Зерно“. Судя по всѣмъ видимостямъ, сотрудники ихъ,—великоруссы и украинцы,—не составили себѣ яснаго понятія ни о публикѣ, для которой они пишутъ, ни о населеніяхъ, о которыхъ они пишутъ. Судя по языку, „Зерно, рабочая газета“, должна издаваться для великороссовъ; особенно хроника, озаглавленная: „Русская жизнь“, пишется вполнѣ простонароднымъ, и даже простонародничающимъ великорусскимъ языкомъ (передовыя статьи писаны смѣсью этого языка съ студентскимъ жаргономъ). Но этимъ же языкомъ написана статья о еврейскихъ погромахъ, обращенная прямо къ дѣйствующимъ лицамъ, къ украинскому населенію, и такимъ образомъ не годится ни для петербургскихъ рабочихъ, которые сами евреевъ не громили, ни для украинцевъ, о которыхъ въ добавокъ „Зерно“ даетъ петербургскимъ рабочимъ превратное понятіе, такъ какъ оно называетъ украинское населеніе безразлично „русскимъ“ народомъ, какъ и населеніе петербургское. Въ „Черномъ Передѣлѣ“ говорится, что мысль о „черномъ передѣлѣ“ сильно распространяется въ украинской области, между тѣмъ, какъ тамъ никто изъ крестьянъ и не пойметъ, что это такое „черный передѣлъ“ и почему это ка-

кой-нибудь передѣлъ можетъ называться по цвѣту. Словомъ сказать, безразличное смѣшеніе областей украинскихъ и великорусскихъ мѣшаетъ всероссійскимъ землевольцамъ не только говорить съ населеніемъ разныхъ областей доступнымъ имъ способомъ, но даже наблюдать жизнь этихъ областей.

Впрочемъ, въ №№ 3 и 4 „Чернаго Передѣла" есть нѣсколько прелюбопытныхъ корреспонденцій изъ Украйны, преимущественно тѣхъ сотрудниковъ, которые не пускаются ни въ какія обобщенія, а просто, даже анекдотически, передаютъ свои наблюденія. И эти наблюденія показываютъ, что среди украинскаго населенія происходитъ чрезвычайно сильное броженіе, что это населеніе усиливается понять условія и явленія окружающей его соціально-политической жизни и что ему немногаго не достаетъ, чтобы понять эти условія вполнѣ вѣрно, что оно поняло бы ихъ до конца и поднялось бы для ихъ измѣненія, если бы на помощь ему явились организованные и умѣлые люди изъ интеллигенціи. Но именно всероссійство и мѣшаетъ организаціи такихъ людей, и отнимаетъ у нихъ возможность явиться умѣлыми пропагандистами здоровыхъ соціально - политическихъ идеаловъ, отнимаетъ даже у тѣхъ, кто берется быть такимъ пропагандистомъ. Изъ нѣсколькихъ примѣровъ въ подтвержденіе сейчасъ сказаннаго, которые находимъ въ „Черномъ Передѣлѣ", остановимся на одномъ изъ № 3-яго. Корреспондентъ разсказываетъ о томъ, какъ одинъ молодой отставной солдатъ, изъ сословія „малороссійскихъ казаковъ", додумался до мысли о томъ, что „не нужно ни пановъ, ни поповъ, ни царя", только все-таки смущался, какъ же это можно жить безъ царя (какъ правителя). „Я слыхалъ, говоритъ онъ, какъ былъ въ солдатахъ (у москаляхъ), что есть такая распублика, гдѣ царя нѣтъ; только не знаю, какъ тамъ живутъ". Я объяснилъ ему, говоритъ корреспондентъ, какъ можно обойтись безъ царя. „Да, такъ.... оно выходитъ, какъ мы вотъ старшину выбираемъ, такъ и тогда вмѣсто царя — начальство; какъ плохо будетъ, то перемѣнить можно и выбрать другое". Такъ говоритъ мужикъ изъ „малороссійскихъ казаковъ", и корреспондентъ народнической газеты не догадывается сказать ему, что еще 120-ти лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ и въ Полтавской губерніи была республика, конечно, со своими несовершенствами, но въ которой по принципу волость (казацкая сотня) выбирала свое правительство (старшинъ), уѣздъ (полкъ) — свое, а вся федерація (казацкая рада) выбирала президента и министерство (гетмана и генеральныхъ старшинъ). Такая республика существо-

вала даже до половины XVIII в. на лѣвомъ берегу Днѣпра и уничтожена царицей, которую помнитъ вся Украйна, какъ панскую покровительницу, только въ 1764 г.; въ Харьковской и прилегающихъ частяхъ Курской и Воронежской губерній полковыя республики отмѣнены тою же царицею только въ 1765 году, а республика Запорожская — только въ 1775 г. Напомнимъ, что однихъ „малороссійскихъ казаковъ" въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ около 1000000 душъ; государственныхъ крестьянъ изъ бывшихъ слободскихъ украинскихъ полковъ до 700000 душъ, да во всей Украйнѣ помнятъ о запорожскихъ казакахъ [1]).

Рѣшительное раздѣленіе политико-соціальной оппозиціи въ Россіи по областнымъ организаціямъ повело бы за собою сначала изученіе областныхъ и національныхъ особенностей жизни, преданій и настроенія разныхъ населеній, а потомъ и опредѣленіе наилучшихъ способовъ проведенія въ эти населенія идей свободомыслящей интеллигенціи. Что касается украинскаго населенія, то въ немъ послѣднее было бы и не трудно, такъ какъ и теперь многіе среди него говорятъ,что „не надо ни пановъ, ни поповъ, ни царей" и что „вѣрно не обойдется безъ того, чтобъ не взяться за дубье, да взбунтоваться". А потому украинскіе члены всероссійской „Земли и Воли", поддерживающіе „Черный Передѣлъ" и „Зерно", сдѣлали бы самое лучшее, если бы образовали спеціальное украинское общество и начали издавать спеціальные листки или газету на украинскомъ языкѣ и это косвенно имѣло бы полезное вліяніе, напр., и на самое „Зерно", которое, ставъ тоже спеціально великорусскимъ листкомъ, выиграло бы въ опредѣленности и матеріала, и изложенія.

Эти слова пусть примутъ украинскіе члены „Земли и Воли", обратившіеся къ намъ съ письмомъ въ публичномъ дѣлѣ, за отвѣтъ нашъ. Этими же словами мы можемъ заключить и нашу критику

---

[1]) Другой корреспондентъ „Чернаго Передѣла" разсказываетъ, какъ въ одной хатѣ старикъ и жена его говорили съ нимъ о Запорожьи, припоминали пѣсни запорожскія; наконецъ старуха говоритъ: „а слышно, вновь будетъ Запорожье". — „Зачѣмъ же?" — „Да, говорятъ: чтобъ землю отъ пановъ отбирать!" — Прибавимъ отъ себя, что въ началѣ 1870-хъ годовъ, когда объявлена была общая воинская повинность, то во многихъ мѣстахъ на Украйнѣ крестьяне поняли ее такъ, что теперь всѣ будутъ казаками и будутъ имѣть землю, а въ Екатеринославской губерніи говорили, что Катерина на сто лѣтъ уничтожила Запорожье, а теперь оно должно быть возстановлено: всѣ будутъ казаками и получатъ назадъ розданныя панамъ запорожскія земли.

государственно-централистическаго всероссійства въ стремленіяхъ русскихъ народниковъ или „соціалистовъ-федералистовъ".

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ объ ихъ отношеніяхъ къ Польшѣ. Специально и сколько-нибудь основательно о польскомъ вопросѣ не высказалась и эта фракція, какъ и фракція политическихъ террористовъ. Отдѣльныя же замѣчанія, въ родѣ, напримѣръ, рѣчи на женевскомъ митингѣ 29 ноября 1880 г. (г-жи В. Засуличъ и разныхъ представителей „Чернаго Передѣла"), отличались довольно общимъ выраженіемъ сочувствія полякамъ соціалистамъ съ полнымъ игнорированіемъ вопроса о границахъ Польши, т. е. по отношенію къ полякамъ соціалистамъ, о естественной области для приложенія ихъ труда. Въ одномъ случаѣ „Черный Передѣлъ" явно склонился къ польскимъ историческимъ стремленіямъ. Мы разумѣемъ помѣщеніе, безъ всякихъ оговорокъ, въ 1 № „Чернаго Передѣла" статьи, которая трактовала, подобно „Równosci", соціалистическое движеніе въ Галиціи, какъ „польское соціалистическое движеніе", и признавала Галицію за „австрійскую часть Польши". Послѣднее есть, прежде всего, ошибка противъ школьной географіи, хотя довольно распространенная среди великорусскихъ публицистовъ, но нѣсколько удивительная у тѣхъ лицъ, которыя въ томъ же № „Чернаго Передѣла" заявили желаніе издавать книги и на украинскомъ языкѣ. До извѣстной степени помѣщеніе „Чернымъ Передѣломъ" вышеупомянутой статьи въ духѣ „Równosci" объясняется тогдашними дипломатическими отношеніями двухъ заграничныхъ редакцій, которыхъ подписи фигурировали рядомъ въ разныхъ манифестахъ, и не можетъ быть поставлено за счетъ всей группы. Въ какое отношеніе станутъ различныя фракціи этой группы, когда практическое приложеніе ихъ труда въ областяхъ на западъ отъ Днѣпра приведетъ ихъ въ реальное соприкосновеніе съ разными польскими элементами, покажетъ будущее. Покамѣстъ же характеристично, что то соглашеніе заграничныхъ представителей группы „Чернаго Передѣла" съ группою „Równosci", о которомъ говоритъ посланіе „Przedswita" „Къ русскимъ товарищамъ", слѣдуетъ считать разорваннымъ заявленіями въ 3 № „Чернаго Передѣла" и въ программѣ „Народной Партіи", которыя высказываются противъ государственныхъ основъ соціальныхъ организацій и за „распаденіе Всероссійской Имперіи на естественныя области и за независимость ея національностей". Впрочемъ, судя по посланію „Przedswita", можно думать, что теперь группа его обращается съ предложеніемъ союза больше къ

„русскимъ террористамъ“, чѣмъ къ „народникамъ“, хотя, съ другой стороны, въ послѣднее время въ печать проникли извѣстія о томъ, что сами русскіе „народники“ теперь соединились съ „террористами“. На чемъ состоялось это соединеніе, пока еще неизвѣстно документально или оффиціально,—по крайней мѣрѣ, намъ, у которыхъ нѣтъ подъ рукою всѣхъ публикацій петербургскихъ вольныхъ типографій. Равнымъ образомъ, неизвѣстно пока, какого рода отвѣтъ дали соединенныя фракціи „русскихъ соціальныхъ революціонеровъ“ или каждая порознь на предложеніе группы „Przedswita“. Вполнѣ обстоятельный отвѣтъ на это и подобныя предложенія, какъ мы уже не разъ говорили, можетъ быть данъ только въ связи съ рѣшеніемъ общаго вопроса объ областной свободѣ и самоуправленіи негосударственныхъ народовъ. Въ частности же, когда дѣло идетъ о полякахъ, то всякія „русскія“ группы могутъ дать не только справедливое мнѣніе, но даже сколько-нибудь логическое, только тогда, когда бы они высказались ясно о вопросахъ плебейскихъ народовъ бывшей Польши и теперешней Россіи: латышей, литовцевъ, бѣлоруссовъ и украинцевъ. До сихъ поръ мы не видимъ ясной постановки этихъ вопросовъ ни въ одной изъ недавно обнародованныхъ программъ ни польскихъ, ни великорусскихъ революціонеровъ.

Такимъ образомъ, мы въ концѣ обзора отношеній между польскими и великорусскими революціонерами за послѣдніе двадцать лѣтъ наталкиваемся на цѣлый рядъ неясностей, недомолвокъ и неизвѣстностей. Читатель припомнитъ, что мы и начали настоящія статьи съ указанія на существованіе этихъ неясностей, недомолвокъ и неизвѣстностей.

Мы окончили историческій обзоръ отношеній между польскими и великорусскими революціонерами, изъ котораго читатель можетъ видѣть, насколько тѣми и другими руководили и руководятъ гораздо болѣе фикціи былого и теперешняго государствъ и государственныхъ національностей, нежели представленія о реально-существующихъ народахъ, которые представляютъ и реальныя національности, а равно и то, насколько эти фикціи вредятъ дѣлу освобожденія всѣхъ народовъ бывшей Польши и теперешней Россіи. Уже изъ самой критики этихъ фикцій и основанной на нихъ политики не трудно сдѣлать и выводы относительно другой политики, которая бы была основана на идеѣ о дѣйствительныхъ народахъ-націяхъ. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ этимъ

выводамъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать одну оговорку относительно самой вышеизложенной критики.

Читателю могло показаться, что критика эта исходила изъ односторонняго и, во всякомъ случаѣ, частнаго основанія. Мы дѣйствительно постоянно примѣривали теоріи и дѣйствія разныхъ польскихъ и великорусскихъ партій и круговъ къ народу украинскому и занимались этимъ народомъ гораздо больше, чѣмъ другими плебейскими народами бывшей Польши и теперешней Россіи. Такъ поступали мы не только потому, что для насъ, какъ для украинца, положеніе этого народа всего ближе и извѣстнѣе, но и потому, что отношенія разныхъ польскихъ и великорусскихъ элементовъ къ этому народу представляютъ собой болѣе всего типическихъ сторонъ отношенія разныхъ элементовъ націй привилегированныхъ къ націямъ плебейскимъ, а также и потому, что изъ всѣхъ плебейскихъ націй востока Европы украинская нація и самая многочисленная, и самая энергическая, и по своему географическому положенію, равно какъ и по самой своей родственности съ важнѣйшими изъ тамошнихъ привилегированныхъ націй, обречена играть особенно видную роль не только какъ важнѣйшій изъ объектовъ захвата для центростремительныхъ элементовъ въ національностяхъ привилегированныхъ, но и какъ важнѣйшій изъ центробѣжныхъ элементовъ на востокѣ Европы. Въ свое время украинцы, отчасти организованные въ политическомъ отношеніи, потрясли существованіе польскаго государства; въ XIX в. украинцамъ же, организованнымъ пока только на научно-литературномъ полѣ (и то не очень еще сильно), принадлежитъ самая видная роль въ поднятіи общаго федеративнаго вопроса въ восточной Европѣ, который, конечно, приведетъ за собою потрясеніе основъ Россіи, какъ централизованнаго государства. Наконецъ, если нельзя согласиться безусловно съ тѣми истолкователями теперешняго революціоннаго броженія въ Россіи, которые, какъ напр. проф. Иловайскій, видятъ въ немъ преимущественно „украинскую интригу", то огромное процентное отношеніе украинцевъ (хотя бы и не сознающихъ себя таковыми) въ русскихъ революціонныхъ кругахъ есть явленіе во всякомъ случаѣ весьма характерное и обѣщающее важныя послѣдствія, тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ народныхъ массъ Россіи въ настоящее время едва ли не болѣе другихъ взволнованы текущими событіями массы народа украинскаго. Вотъ почему думается намъ, что примѣриваніе стремленій, программъ и способовъ дѣйствія разныхъ польскихъ и великорусскихъ партій къ положенію народа украинскаго имѣетъ интересъ и теоретическій, и практи-

ческій, не только частный, но и общій для мыслящихъ людей всѣхъ націй восточной Европы.

Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ этихъ націй мы разсматривали и польскій вопросъ, къ которому мы и подошли, исходя именно изъ этихъ интересовъ. Напомнимъ читателямъ нашъ намекъ въ самомъ началѣ настоящей статьи о томъ, что настоящее революціонное и вообще сколько-нибудь активно-оппозиціонное движеніе въ Россіи не имѣетъ должной силы, между прочимъ, потому, что въ немъ не принимаютъ достаточнаго участія поляки, что польскій вопросъ не поставленъ въ настоящее время никѣмъ съ достаточной энергіей. Если бы теперь среди поляковъ проявилось движеніе хоть въ такой же степени сильное, какъ въ началѣ 60-хъ годовъ, то борьба съ существующимъ порядкомъ въ Россіи вообще была бы облегчена въ значительной степени, конечно, если бы при этомъ не были повторены тогдашнія ошибки.

Признаемя откровенно, что, говоря о польскомъ движеніи, мы разумѣемъ преимущественно движеніе національно-политическое. Какъ ни рады мы появленію среди поляковъ зачатковъ соціалистическаго движенія, мы не можемъ же не видѣть, что это послѣднее не только теперь не имѣетъ значительнаго количества послѣдователей, но и не можетъ имѣть ихъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Сколько бы ни говорили, что соціальный вопросъ есть „вопросъ желудка“, а потому будто бы легко понятный для всѣхъ, но вопросъ не самаго непосредственнаго ощущенія голода, а организаціи постояннаго спасенія людей отъ этого голода, есть одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ, а потому и одинъ изъ тѣхъ, которые требуютъ много времени для уясненія и разрѣшенія, даже теоретическаго. Вотъ почему придется еще долго ждать, пока польское соціалистическое движеніе станетъ значительною политическою силою. Мы думаемъ, что на извѣстное время это движеніе гораздо болѣе имѣетъ шансовъ развитія въ Познани и въ Галиціи, чѣмъ въ царствѣ Польскомъ. Другое дѣло польское національно-политическое движеніе, которое и теперь можетъ имѣть за себя, такъ или иначе, сотни тысячъ, если не милліоны, народа, такъ какъ трудно себѣ представить мило-мальски нравственно-развитого поляка, который бы не хотѣлъ извѣстной независимости и свободы для своего племени. Вотъ почему мы оставляемъ здѣсь рѣчь о чисто соціалистическомъ, экономическомъ, движеніи въ Польшѣ, о которомъ поведемъ рѣчь въ особой статьѣ — „Польскія соціалистическія программы и и принципъ государственности“. и остановимся исключительно на вопросѣ объ участіи поляковъ въ предстоящемъ по-

литическомъ переворотѣ въ Россіи, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, и двѣ, заявившія о себѣ въ печати фракціи польскихъ соціалистовъ подошли въ послѣднее время къ этому вопросу.

Кто говоритъ, какъ группа „Przedswita“: „политическая свобода“, тотъ уже тѣмъ самымъ говоритъ: и областная, и національная независимость; иначе онъ не понимаетъ произносимыхъ имъ словъ. Независимость извѣстной области и націи можетъ быть достигнута или полнымъ отдѣленіемъ ея въ особенное государство (сепаратизмъ), или огражденіемъ ея самоуправленія безъ этого отдѣленія (федерализмъ). Когда идетъ дѣло о такой или иной автономіи Польши, то прежде всего является вопросъ: какой Польши? Исторической или этнографической? Примѣръ 1863 г. доказалъ, что всякое заявленіе въ пользу возстановленія независимости исторической Польши можетъ быть только вредно для свободы и поляковъ, и всѣхъ другихъ народовъ, подвластныхъ россійской деспотіи. Теперь для здравомыслящихъ людей можетъ быть только рѣчь о независимости Польши этнографической, т. е. когда идетъ рѣчь о польскихъ земляхъ въ Россіи, то даже не о всей Конгрессувкѣ, такъ какъ и въ ней Холмско-Сѣдлецкій край населенъ не поляками, а украинцами, а Августовскій населенъ литовцами и даже до раздѣловъ Польскаго государства входилъ въ составъ Литвы. [1]) Края, лежащіе за границами этнографической Польши, должны получить свою автономію, и польскій вопросъ въ этихъ краяхъ можетъ быть только вопросомъ о правахъ польскихъ лицъ и обществъ или, мѣстами, общинъ, колоній.

Какой путь раціональнѣе для полученія автономіи Польши и поляковъ: сепаратистическій или федералистическій? Мы думаемъ, что экономическая исторія привислянской Польши показала, что государственное ея отдѣленіе отъ днѣпровскаго бассейна было бы для нея невыгодно. Кромѣ того, оно и практически неосуществимо, такъ какъ поляки одни безсильны побѣдить Россійскую Имперію, а на иностранную помощь теперь раз-

---

[1]) Считаемъ нужнымъ оговориться, что послѣднія мѣры русскаго правительства къ овеликорушенію холмско-сѣдлецкихъ руссиновъ и насильственное ихъ обращеніе изъ уніатовъ въ православіе вызвали у нихъ наклонъ въ польскую сторону, который, еще неизвѣстно, къ чему приведетъ. Во всякомъ случаѣ, только прекращеніе религіозныхъ гоненій и возбужденіе среди забужанъ украинскаго самосознанія можетъ остановить католическую и польскую реакцію среди этого населенія.

считывать не на кого, такъ какъ даже Австрія одна не станетъ вести наступательной войны съ Россіей за обладаніе Варшавой, а Пруссія, если бы и захотѣла отдѣлить Варшаву отъ Россіи, то для германизаціи отторженной области, чего не желаютъ сами поляки. Остается, слѣдовательно, путь федераціи. Варшавскій край можетъ получить извѣстную автономію или непосредственно отъ теперешняго русскаго правительства, какъ было сталъ онъ получать ее при марк. Вѣлепольскомъ, или при общемъ преобразованіи Россіи. По нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что теперь между поляками есть круги, которые склонны вѣрить въ осуществимость первой возможности. Въ этомъ увѣряютъ насъ панегирики марк. Вѣлепольскому, которые теперь исходятъ даже отъ людей, причисляемыхъ къ лагерю либерально-демократическому, а также заявленія польскихъ газетъ и корпорацій о легальности поведенія поляковъ въ виду происходящей теперь „смуты“ въ Россіи. Несомнѣнно, что среди поляковъ есть люди, которые думаютъ, что, если не прямыми заявленіями легальнаго и даже консервативнаго направленія, то просто выжидательнымъ сохраненіемъ спокойствія, можно, наконецъ, дождаться момента, когда царское правительство согласится возвратиться къ системѣ марк. Вѣлепольскаго. Къ такой политикѣ должны обнаруживать особенную склонность именно историческіе патріоты польскіе, такъ какъ она ни къ чему не обязываетъ по отношенію къ населеніямъ непольскихъ областей, а между тѣмъ административная автономія Конгрессувки (все-таки своего рода исторической, а не этнографической Польши), мечтается, послужитъ первымъ камнемъ для отстройки всего зданія Польши 1772 г. [1])

Но дѣло въ томъ, что всякія разсчеты на уступчивость петербургскаго правительства теперь мало основательны, не только потому, что никакое правительство не уступаетъ, если у него не требуютъ уступокъ (и самое управленіе маркиза Вѣлепольскаго было результатомъ агитаціи противъ системы кн. Паскевича), но и потому, что петербургское правительство перестало быть въ полномъ смыслѣ самодержавнымъ по отношенію къ полякамъ: оно уже давно зависитъ отъ указаній великорусско-нѣмецкихъ

---

[1]) Характерно, что недавно одинъ изъ біографовъ марк. Вѣлепольскаго, при всемъ сочувствіи къ идеѣ демократіи и національности, счелъ нужнымъ бросить нѣсколько намековъ противъ „расчленителей“ Конгрессувки, сообразно принципу національностей же.

централизаторско-обрусительныхъ круговъ, которыя, указанія, еще въ добавокъ пользуются поддержкою и берлинскаго кабинета. [1]) Такимъ образомъ, польскій край въ Россіи можетъ получить автономію, равно какъ какъ и всю сумму правъ, составляющихъ сущность политической свободы, только вмѣстѣ съ другими краями этого государства. А получить все это могутъ разные края въ Россіи только посредствомъ дружнаго натиска на правительство, произведеннаго съ ясно-сознаною программою. Программа эта должна быть федеральная, съ признаніемъ полной равноправности всѣхъ областей и національностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по особенному положенію Россіи, какъ государства преимущественно мужицкаго, а также вслѣдствіе того, что между собственною Польшею и Великороссіей лежатъ цѣлыя нація болѣе или менѣе плебейскія, федеральная программа должна принять въ себя непремѣнно демократическія стремленія, какъ политическія, такъ и экономическія. Если и въ Австріи аристократическій федарализмъ не имѣетъ большой силы и встрѣчаетъ могучаго врага въ германизаторскомъ централизмѣ, который усиливаетъ себя хоть относительнымъ, буржуазнымъ демократизмомъ, то въ Россіи аристократическій федерализмъ совершенная невозможность. Онъ не только не встрѣтитъ къ себѣ сочувствія въ населеніяхъ краевъ, лежащихъ между Польшей и Великороссіей, особенно въ населеніи украинскомъ, но найдетъ себѣ открытыхъ враговъ, какъ въ этихъ населеніяхъ, такъ и въ Великороссіи, въ которой вдобавокъ всѣ централистическіе элементы, не только бюрократическіе, но и помѣщичьи, ухватятся за демократическое знамя (конечно, съ разсчетомъ не показывать его на востокъ Днѣпра), чтобы только подорвать автономныя движенія въ западной половинѣ имперіи.

Конечно, логически проведенный демократическій принципъ приводитъ къ соціализму, но мы совершенно понимаемъ, что

---

[1]) Еще въ 1863 г., говоря о противникахъ уступокъ полякамъ, „Times" очень вѣрно замѣтилъ, что неуступчивая „старорусская партія" въ правительственныхъ кругахъ Россіи есть собственно „нѣмецкая партія." Съ тѣхъ поръ къ пруссофильскимъ дипломатамъ, остзейскимъ генераламъ и русскимъ бюрократамъ съ катковскими теоріями присоединились и московскіе славянофилы, которые еще въ 1863—1864 гг. ссвѣтовали рѣшать польскій вопросъ не по-прусски, а по-славянски, но которыхъ православіе загнало въ лагерь катковской обрусительной бюрократіи въ дѣлахъ западной половины имперіи, какъ теперь ненависть къ революціи пригнала ихъ къ помѣщичьимъ теоріямъ въ дѣлахъ остальной Россіи.

такой логичности нельзя требовать въ настоящее время отъ всѣхъ не только въ практикѣ, но и въ теоріи. Такая логичность есть теперь не только дѣло извѣстной искренности натуры и способности къ самоотверженію, но также, и даже гораздо больше, дѣло дальновидности и извѣстнаго политическаго образованія, т. е., въ суммѣ качествъ, еще довольно рѣдкихъ въ теперешнихъ обществахъ. Но въ наше время всякому, имѣющему какія-либо общія политическія идеи и стремленія, обязательно уже отрѣшиться отъ всякихъ предразсудковъ бѣлой кости и понять истину, высказанную еще Аристотелемъ, о томъ, что общество (государство) не можетъ быть спокойнымъ при экономическомъ неравенствѣ, а потому и понять, что всякая умная политика, въ томъ числѣ и консервативная, должна имѣть въ виду всячески уменьшать это неравенство. Польскимъ же политикамъ исторія поставила диллему: или принять искренно демократическую программу (хоть бы на первыхъ порахъ и не соціалистическую) въ вопросахъ экономическихъ, при программѣ федеральной въ вопросахъ политическихъ, или терпѣть надъ своимъ краемъ и племенемъ и, значитъ, надъ самими собою, чужуюдиктатуру, въ большей или меньшей степени, грубую и деспотическую.

Казалось бы, колебаться въ выборѣ не слѣдовало бы. А потому можно думать, что сколько-нибудь реальное размышленіе о своемъ положеніи приведетъ политически образованныхъ поляковъ къ необходимости принять дѣятельное участіе въ образованіи въ Россіи федерально-демократической партіи. Первымъ приступомъ къ образованію такой партіи должно быть основаніе по всѣмъ областямъ Россіи и среди всѣхъ ея національностей политическихъ обществъ. Уже этотъ приступъ налагаетъ на теперешнихъ образованныхъ поляковъ довольно нелегкую обязанность: тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ непольскихъ областяхъ, должны выдѣлить изъ себя, по крайней мѣрѣ, извѣстную часть для образованія или для усиленія кадровъ національныхъ партій среди народовъ плебейскихъ въ этихъ областяхъ: латышскихъ, литовскихъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ. Идея эта не совсѣмъ нова для польскаго общества, въ которомъ уже были пробы литовскаго, украинскаго и даже бѣлорусскаго направленія, и научно-литературнаго, и даже политическаго характера,[1]) только эти пробы

[1]) Среди старой эмиграціи 30-хъ годовъ было общество, назвавшее себя даже „Human“ въ память „уманской рѣзни“, произведенной украинскими гайдамаками въ 1768 г.

были сравнительно слабы и ложно направлены, все къ цѣли возстановленія Польши 1772 г. Польское общество въ дѣятельности для этой цѣли обнаружило богатство энергіи до такой степени, что давало отъ себя силы на поддержку всякаго врага русскаго деспотизма, даже далеко за предѣлами старой Польши: не только, напримѣръ, черкесовъ и другихъ кавказцевъ, но даже хивинцевъ и турецкаго султана, къ которому поступали на службу вовсе не одни авантюристы, но и убѣжденные польскіе патріоты. Почему тó, что дѣлалъ ограниченный и даже ошибочный патріотизмъ, не можетъ сдѣлать широкая идея общаго освобожденія всѣхъ народовъ востока Европы, тѣмъ болѣе, что въ рамкахъ этой идеи помѣщается и нормальный патріотизмъ реальной польской націи, которая иначе не можетъ быть освобождена, какъ въ общемъ процессѣ освобожденія этихъ народовъ?

До извѣстной степени, то же выдѣленіе изъ себя кадровъ для дѣятельности въ пользу плебейскихъ національностей придется произвести и овеликорушенной интеллигенціи невеликорусскихъ областей, на Украйнѣ, въ Бессарабіи и друг. Затѣмъ, сама великорусская страна слишкомъ велика, чтобъ ее могла представлять одна, „единая и нераздѣльная“ политическая организація.[1])

Когда, такимъ образомъ въ каждой изъ областей и національностей Россіи организуются политическія общества, тогда они образуютъ изъ себя настоящую федерально-демократическую партію, которая и возьмется за дѣло преобразованія Россіи въ дѣйствительно свободную въ политическомъ отношеніи страну, т. е. въ федерацію.

Преобразованіе это не можетъ быть дѣломъ очень короткаго промежутка времени. Еще самая идея именно о федеративномъ устройствѣ Россіи, какъ мы видѣли, сознается далеко не многими. Разъ же сознанная, идея эта должна собрать около себя кружки, которые затѣмъ рѣшатся приступить къ организаціи правильныхъ политическихъ обществъ, а эти послѣднія уже предпримутъ рядъ дѣйствій, отъ болѣе или менѣе мирныхъ до революціонныхъ, для достиженія своихъ цѣлей. Цѣли эти могутъ быть достигнуты не безъ борьбы не только съ теперешнимъ правительственнымъ элементомъ, но и съ другими, которые могутъ выступить на сцену

---

[1]) Мы думаемъ, впрочемъ, что слишкомъ велика для этого и украинская область.

изъ самаго теперешняго общества, воспитаннаго въ идеяхъ государственно-національной централизаціи. Дѣйствующія въ настоящее время поколѣнія были бы счастливы, если бы имъ довелось увидѣть, по крайней мѣрѣ, заложеніе первыхъ основъ превращенія Россіи въ федеральное государство. Эти первыя основы, по нашему мнѣнію, могли бы быть и не очень радикальны, лишь бы онѣ были твердо положены и искренно усвоены обществомъ такъ, чтобъ стать безповоротными, какъ, напримѣръ, безповоротны реформы, какія дѣлаются въ Англіи.

Самымъ прочнымъ залогомъ развитія Россіи въ направленіи федеральномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшей экономіи ея силъ, которыя иначе должны будутъ затрачиваться на періодическія революціи и реакціи, было бы направленіе исхода настоящаго кризиса Россіи къ закладкѣ прочнаго мѣстнаго самоуправленія, а не къ одному только установленію центральнаго представительнаго собранія по примѣру французскихъ конституцій. Франція, въ которой съ 1789 г. составлено семнадцать конституцій, испробовала съ тѣхъ поръ четыре революціи, и все-таки она вытерпѣла три солдатскихъ переворота, и едва съ недавняго времени имѣетъ слабые и неупроченные зачатки муниципальнаго самоуправленія, все еще не полную свободу печати и сходокъ и не имѣетъ свободы ассоціацій: во Франціи даже синдикальныя камеры рабочихъ не признаны закономъ и—что всего характернѣе—существованіе этихъ ассоціацій рабочихъ, какъ и многихъ другихъ свободъ, противно именно законамъ, изданнымъ во время великой революціи (1791—1796) въ тѣхъ видахъ, чтобы воспрепятствовать возстановленію старыхъ и установленію контръ-революціонныхъ ассоціацій! Вотъ что значитъ заботиться о замѣнѣ самодержавія монарха самодержавіемъ народа, не входя въ анализъ того, что такое собственно составляетъ политическую свободу!

Такъ какъ общество состоитъ прежде всего изъ лицъ, а народъ (нація) изъ обществъ, а государство (которое часто называютъ народомъ въ политическомъ смыслѣ) часто изъ разныхъ народовъ, то политическая свобода должна прежде всего состоять изъ разныхъ круговъ учрежденій, которыя бы, не закрывая одинъ другого, обезпечивали свободу лицъ, обществъ, народовъ. Очень можетъ быть, что дѣло установленія политической свободы въ Россіи начнется съ созыва центральнаго Земскаго Собора—который, каковъ бы онъ ни былъ, даже какъ далегація существующихъ земствъ, все таки будетъ лучшимъ иниціаторомъ реформъ, чѣмъ царскіе чиновники съ свѣдущими людьми или безъ

оныхъ. Съ своей стороны мы думаемъ, что дѣло политической свободы, — которую мы, вслѣдъ за Прудономъ (qui dit liberté, dit fédération, ou ne dit rien), считаемъ невозможною безъ федераціи,— тогда только вышло бы на вѣрную дорогу, когда бы оно было начато провинціальными движеніями и, если нужно, возстаніями. Но какъ бы ни началось это дѣло, желательно было бы, чтобы устраненія царско-чиновническаго самодержавія не ограничились устройствомъ Всеросійскаго Земскаго Собора, а чтобы тотчасъ же было обращено особенное вниманіе на установленіе законовъ и учрежденій, которые бы обезпечивали: a) свободу личную (неприкосновенность безъ суда, свободу вѣры и безвѣрія, свобода слова и печати, свободу сходокъ, безоружныхъ манифестацій, прошеній, свободу ношенія оружія и военно-гимнастическихъ упражненій, и. законные интересы лица), b) свободу товариществъ,— частныхъ, культурно-національныхъ и политическихъ, c) самоуправленіе общинъ, сельскихъ и городскихъ, d) самоуправленіе областныхъ единицъ, начиная отъ менѣе крупныхъ, волостныхъ и уѣздныхъ, до болѣе крупныхъ, провинціальныхъ.

Организація самоуправленія провинціальнаго самое трудное теперь дѣло въ Россіи, такъ какъ въ періодъ московко-петербургской централизаціи, которая прибѣгла даже къ пріемамъ ассирійской деспотіи,—умышленному опустошенію областей и переселенію ихъ жителей,—естественная группировка населенія въ областяхъ разорвана и замѣнена часто совершенно произвольною группировкою ихъ въ уѣзды, губерніи и генералъ-губернаторства, военные, учебные, судебные округа и проч. Изъ всѣхъ этихъ единицъ наиболѣе естественныя—уѣзды, хотя бы только потому, что онѣ наименьшія по объему, а слѣдовательно уѣзды и должны быть приняты за основу построенія провинціальнаго самоуправленія въ Россіи. Конечно, избирательные законы объ уѣздныхъ земствахъ должны быть измѣнены въ направленіи какъ можно болѣе демократическомъ и затѣмъ выборными должны стать не только теперешнія земскія учрежденія, но и вся уѣздная администрація и полиція (что не представляетъ большой новости, такъ какъ при крѣпостномъ правѣ земскіе исправники были выбираемы дворянами). Губернскія учрежденія вообще должны быть организованы такъ, чтобъ они только дополняли дѣятельность уѣздныхъ, а не являлись надъ ними начальствующею инстанціей. Что касается до губернскаго управленія собственно, то мы думаемъ, что Россіи долго еще не удастся избавиться отъ „помпадуровъ“, называемыхъ губернаторами, которыхъ, по всей вѣроятности, со-

хранило бы, въ своихъ разсчетахъ, самое радикальное Учредительное Собраніе, какое только выставитъ теперешняя Россія. Но необходимо по крайней мѣрѣ совершенно оградить земскія учрежденія отъ давленія и теперешней почти кассаціонной власти губернаторовъ, сохранивъ за ними только одно административно-полицейское значеніе, обставивъ ихъ коллегіями съ участіемъ избираемыхъ членовъ и оградивъ выборныхъ уѣздныхъ чиновниковъ администраціи и полиціи отъ произвола губернаторовъ несмѣняемостью на срокъ выбора иначе, какъ по суду.[1]) Затѣмъ, уѣзднымъ земскимъ собраніямъ разныхъ губерній должно быть предоставленно право входить между собою въ соглашеніе касательно общихъ имъ нуждъ, равно какъ и земствамъ губернскимъ.

Такимъ образомъ постепенно сложится естественная группировка уѣздовъ во вторичныя группы, которыя могутъ со временемъ стать болѣе естественными, чѣмъ теперешнія губерніи, и въ естественныя же третичныя группы,—области въ собственномъ смыслѣ слова, для которыхъ жизнь опредѣлитъ и формы представительства, и кругъ дѣйствій послѣдняго. Возможно (и даже желательно), что нормальная организація уѣздовъ поведетъ къ совершенной атрофіи губерній и къ установленію только двухъ автономныхъ единицъ: уѣзда и области собственно, съ ихъ двойнымъ представительствомъ. Во всякомъ случаѣ, двойственное ли, или тройственное, областное представительство послужитъ прочною гарантіей не только противъ произвола центральной администраціи и ея агенствъ, но и противъ стремленій центральнаго представительства къ господству надъ областями, при твердомъ установленіи принципа, по которому никакое болѣе широкое представительство не имѣетъ власти надъ болѣе тѣснымъ въ извѣстномъ кругѣ дѣлъ, завѣдываніе которыми всецѣло принадлежитъ извѣстнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, только опираясь на свободныя областныя учрежденія, Всероссійскій Земскій Соборъ получитъ прочное существованіе и избѣгнетъ опасности быть игралищемъ дворцовыхъ реакцій партіонныхъ революцій и контръ-революцій и солдатскихъ переворотовъ,—ка-

[1]) Право иска передъ судомъ противъ всѣхъ чиновниковъ со стороны лицъ, корпорацій и мѣстныхъ представительствъ за дѣйствія незаконныя и за исполненіе незаконныхъ предписаній высшаго начальства (подобно праву существующему въ Англіи), помогло бы огражденію столько же мѣстнаго самоуправленія, сколько и личныхъ правъ.

кимъ игралищемъ служили съ 1789 г. да служатъ отчасти и до сихъ поръ Національныя, Учредительныя, Закодательныя и т. п. собранія централизованныхъ государствъ западной Европы.

Обезпеченіе личныхъ правъ и общиннаго и мѣстнаго самоуправленія служитъ лучшею гарантіей и правъ національныхъ, которыя, въ сущности, суть не что иное, какъ права личныя: неприкосновенность извѣстныхъ особенностей лицъ и обезпеченіе для этихъ лицъ наиболѣе ественныхъ способовъ и путей развитія до общечеловѣческаго идеала. При нормальномъ ходѣ вещей, каждая національность придетъ къ организаціи своего, необходимаго въ особенности для достиженія цѣлей нравственнаго развитія, союза въ предѣлахъ всей области, ею населяемой, такъ что въ государствахъ разнонаціональныхъ національные бассейны,—особенно, когда они не слишкомъ велики (а это имѣетъ мѣсто почти во всей западной половинѣ Россіи), и представляютъ наиболѣе естественныя области, которыя мы назвали третичными. Но въ настоящее время мы признаемъ, что апріорное раздѣленіе Россіи, по этнографической картѣ на области, съ созданіемъ для каждой изъ нихъ своего рода центральнаго представительства, было бы дѣломъ слишкомъ доктринерскимъ, особенно, принимая во внимая, что и національныя границы теперь не вездѣ совпадаютъ съ границами экономическихъ бассейновъ. Апріорное же вырѣзываніе провинцій по преобладающимъ численно національностямъ, могло бы теперь создать въ каждой своего рода національные централизмы, въ родѣ тѣхъ, какіе замѣчаемъ въ коронныхъ областяхъ Австро-Венгріи. А потому мы думаемъ, что и въ этомъ вопросѣ лучше всего начать построеніе зданія снизу вверхъ. Фундаментомъ для огражденія неприкосновенности національностей и свободнаго развитія ихъ должна быть прежде всего широта личныхъ правъ. свобода частныхъ ассоціацій, а также широта правъ общинъ и уѣздовъ устраивать свои дѣла, въ томъ числѣ и дѣла пароднаго образованія, въ которомъ національность играетъ особенно важную роль. Право уѣздныхъ и губернскихъ земствъ входить между собою въ соглашеніе по общимъ для нихъ дѣламъ постепенно выработаетъ формы солидарности между землями, населенными каждою націей, и организуетъ завѣдываніе дѣлами каждой, въ томъ числѣ и дѣлами народнаго образованія, наиболѣе удовлетворительно. [1])

---

[1]) Напомнимъ, что Швейцарія, въ которой пользуются неприкосновенностью не только три крупнѣйшія національныя разновидности: нѣмецкая, французская и

Необходимо признать, что въ настоящее время осуществленіе на практикѣ совершенно безспорнаго въ теоріи права каждой націи на всѣ виды народнаго образованія на своемъ языкѣ обставлено немалыми трудностями. Трудности эти есть единственно результатъ прежней завоевательной, аристократической и бюрократической политики, которой слѣдовали государства извѣстныхъ національностей, успѣвшихъ, по разнымъ причинамъ, естественнымъ и относительно случайнымъ, занять привилегированное положеніе. Послѣдствіемъ старой политики было: раздѣленіе населеній извѣстныхъ областей на классовыя націи, задержаніе націй плебейскихъ на низшей степени литературнаго развитія и т. п. Дѣло вѣковъ приходится теперь поправлять съ извѣстнымъ вниманіемъ къ сложившимся жизненнымъ условіямъ, а не доктринерски, хотя бы и съ самыми благими цѣлями. И здѣсь самое лучшее начать работу снизу вверхъ,—отъ образованія элементарнаго, которое и теперь вездѣ можетъ быть производимо на народныхъ языкахъ. Затѣмъ, высшее образованіе на національныхъ языкахъ должно быть вводимо, по мѣрѣ ихъ литературнаго развитія.

Сообразно этому, напр., польскій языкъ долженъ теперь же стать языкомъ средняго и высшаго образованія въ границахъ этнографической Польши и въ тѣхъ общинахъ за этими границами, которыя того пожелаютъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о языкѣ нѣмецкомъ въ городахъ прибалтійскихъ провинцій, который, впрочемъ, и теперь занимаетъ вполнѣ обезпеченное положеніе. Мы полагаемъ, что въ этихъ провинціяхъ теперь же возможно учрежденіе среднихъ учебныхъ заведеній и съ преподаваніемъ на языкахъ эстонскомъ и латышскомъ, которые могутъ постепенно войти и въ университетстое образованіе. Языкъ румынскій имѣетъ всѣ виды учебныхъ заведеній въ королевствѣ Румыніи, а потому учрежденіе румынскихъ гимназій не составитъ большой трудности для Бессарабіи, тѣмъ болѣе, что южная часть ея уже имѣла румынскія гимназіи (вмѣстѣ съ болгарскою) во время недавняго соединенія своего съ запрутскою Румыніей. Языкъ украинскій имѣетъ въ Австріи свои гимназіи (въ Львовѣ

итальянская, но и мелкія: т. наз. ладинская и романская (въ Граубюнденѣ)—не только не разрѣзана на сплошныя національныя области, но даже имѣетъ кантоны съ смѣшаннымъ населеніемъ. Въ Швейцаріи національная равноправность гарантирована неприкосновенностью личныхъ правъ во всей федераціи и общинныхъ въ каждомъ кантонѣ.

полную, въ другихъ мѣстахъ — религію и украинскую литературу) и университетскія каѳедры (въ Львовѣ 4, въ Черновцахъ 1), но мы признаемъ, что обязательное введеніе этого языка даже въ гимназіи южной Россіи теперь было бы сопряжено съ большими трудностями, а потому это введеніе должно быть предоставлено естественному теченію жизни. Тоже слѣдуетъ сказать и о языкахъ литовскомъ и кавказскихъ, съ той только разницею, что введеніе этихъ языковъ, по крайней мѣрѣ въ гимназіи, представляетъ тѣмъ болѣе настоятельную нужду, чѣмъ болѣе эти языки отличны отъ теперешняго государственнаго языка, великорусскаго. Вообще же въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, въ уваженіе теперишняго положенія вещей, языкомъ средняго и высшаго образованія нужно будетъ оставить языкъ великорусскій, до большаго развитія языковъ мѣстныхъ, необходимо: предоставить полную свободу преподаванія на этихъ языкахъ въ заведеніяхъ частныхъ и общинныхъ, а также ввести во всѣхъ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ особыя каѳедры для мѣстныхъ языковъ, сознательное употребленіе и основательное знаніе которыхъ необходимо для всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей. Кромѣ того, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ должно быть дано право какъ приватъ-доцентамъ, такъ и штатнымъ профессорамъ открывать курсы на какомъ имъ угодно языкѣ (штатнымъ, конечно, за исключеніемъ общеобязательнаго курса). Затѣмъ, областныя земскія собранія (разныхъ степеней) постепенно будутъ рѣшать вопросъ о степени широты обязательнаго употребленія того или другого языка въ среднемъ и высшемъ образованіи. На нашихъ глазахъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ съ аналогическою съ проектируемою нами постепенностью рѣшенъ былъ вопросъ объ уравненіи плебейскаго финскаго языка съ языкомъ шведскимъ, бывшимъ прежде единственно оффиціальнымъ языкомъ въ Финляндіи, и никто не пострадалъ ни отъ этого уравненія, ни отъ его постепенности, а всѣ жизненные интересы края выиграли.

По такому же способу можетъ быть рѣшенъ и вопросъ объ употребленіи разныхъ языковъ въ учрежденіяхъ судебныхъ и административныхъ, о чемъ мы не считаемъ нужнымъ распространяться далѣе, такъ какъ этотъ вопросъ не имѣетъ такого общаго значенія, какъ вопросъ о языкахъ въ школахъ. Вопросъ же о языкѣ, на которомъ будутъ переписываться между собою разныя присутственныя мѣста, есть болѣе дѣло канцеляристовъ, чѣмъ населенія собственно.

Какъ видитъ читатель, набросанныя сейчасъ соображенія не представляютъ чего нибудь неудобоисполнимаго и даже отличаются значительною уступчивостью сложившимся уже условіямъ жизни. Въ дѣлѣ реформы, главное, чѣмъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ дорожить,—это не столько попытками сразу осуществить всецѣло то, чего требуетъ теорія,—что по большей части не удается и ведетъ за собою сначала реакцію, а потомъ вредный оппортюнизмъ, т. е. уступчивость качественную, а не количественную, сколько яснымъ опредѣленіемъ направленія, въ какомъ безповоротно должны быть дѣлаемы реформы, сообразно росту общественнаго сознанія. Въ данныхъ, занимающихъ насъ вопросахъ для насъ важно, чтобъ различные политическіе дѣятели въ Россіи искренно признали несоотвѣтствіе централистически-національныхъ идей, польскихъ и великорусскихъ, съ интересами общей свободы и жизни различныхъ народовъ и областей бывшей Польши и теперешней Россіи. Сознаніе это, по закону вещей, должно отразиться на ихъ политическихъ идеалахъ, на способахъ ихъ дѣятельности, и, наконецъ, на планахъ этой дѣятельности. Равнымъ образомъ мы не считаемъ для себя возможнымъ пускаться въ соображенія и о томъ, кто собственно теперь можетъ взяться за осуществленіе желаемаго нами преобразованія Россіи, тѣмъ болѣе, что, правду говоря, всѣ заявившіе себя въ послѣднее время общественные элементы, правительственные, революціонные и земскіе, очень мало возбуждаютъ въ насъ оптимистическихъ ожиданій. Правительство, даже послѣ того какъ всяческіе громы, отъ плевненскаго до взрыва бомбы надъ Екатерининскимъ каналомъ и еврейскихъ погромовъ, пробили его толстокожесть, очевидно, старается только „время провести.“ Степень его реформаторской искренности видна уже изъ того, что даже въ то время, когда оно подбираетъ всевѣдущихъ людей на помощь своему невѣдѣнію, оно не только не думаетъ снять уздечку съ печати, которая одна теперь могла бы послужить голосомъ новыхъ людей изъ общества, но даже давитъ и существующія покушающіяся быть независимыми изданія. Революціонеры, пока останутся при теперешнемъ своемъ составѣ,—преимущественно юношескомъ и безпрофессіональномъ,—и на теперешней степени своего политическаго образованія, безсильны провести что либо, кромѣ „террористическихъ“ опытовъ и смутнаго броженія въ странѣ, которые, конечно, колеблютъ существующее устройство государства, но не валятъ его окончательно и не замѣняютъ его новымъ; теперешніе революціонеры въ Рос-

сіи не въ состояніи даже организовать сколько нибудь широкое движеніе ни въ такъ называемой интеллигенціи, ни въ такъ называемомъ народѣ. „Земцы“ въ массѣ своей слишкомъ пассивны, и даже тѣ изъ нихъ, которые до сихъ поръ дѣлали правительству замѣчанія о недостаткахъ теперешняго управленія, не только не возвысились до систематической его критики, съ противопоставленіемъ ей также систематическаго идеала, но даже унижались до постановки всего вопроса о реформахъ въ Россіи такъ, что якобы самостоятельное земство лучше будетъ бороться съ „крамолою“, чѣмъ полиція.

Очевидно, что для проведенія сколько нибудь дѣйствительной реформы политическаго строя Россіи, нужны совсѣмъ новые люди. Слѣдуетъ надѣятся, что, если страна способна дать ихъ, то они появятся въ областныхъ и національныхъ политическихъ обществахъ, составленныхъ изъ лицъ зрѣлыхъ, разныхъ профессій. Но гадать не только о способахъ дѣйствія, но даже о составѣ этихъ обществъ, да еще изъ „прекраснаго далека“, было бы дѣломъ напраснымъ. Съ своей стороны, мы считаемъ задачу свою законченною, если намъ удалось критикою политики и стремленій до сихъ поръ заявившихъ себя дѣятелей изъ обществъ, отъ которыхъ до сихъ поръ наиболѣе зависѣлъ ходъ дѣлъ на востокѣ Европы, указать на то, что, по нашему мнѣнію, было и есть въ нихъ ошибочнаго, и если намъ удастся, наброскомъ въ общихъ чертахъ нашихъ соображеній относительно болѣе цѣлесообразнаго направленія усилій къ установленію хотя бы элементарной свободы для населеній обширной страны, возбудить въ читателяхъ охоту къ самостоятельному пересмотру затронутыхъ нами вопросовъ. Только послѣ всесторонняго разсмотрѣнія сложныхъ политико-соціальныхъ отношеній, какія установились теперь на востокѣ Европы и, въ частности, въ Россіи, могутъ выработаться и правильные принципы политики въ этой странѣ. Правильные же принципы эти, будучи разъ въ мысляхъ общественныхъ дѣятелей и перешедши въ ихъ горячія желанія, всегда найдутъ себѣ внѣшнюю форму выраженія и средства для исполненія, какъ и наоборотъ, самая горячая преданность извѣстному дѣлу, доходящая даже до героизма, но не вооруженная сознаніемъ надлежащаго его направленія и дѣйствительной его обстановки, всегда приводитъ только къ болѣе или менѣе безплодной тратѣ силъ личныхъ и общественныхъ.

М. П. Драгомановъ.

Къ вопросу объ украинскомъ народничествѣ.

[Опытъ програмныхъ вопросовъ для изученія украинской національной идеи].

Извѣстный профессоръ М. М. К. говорилъ намъ, что сколько онъ ни встрѣчался съ такъ называемыми украинскими патріотами, никто изъ нихъ не могъ цѣльно и ясно изложить основаній своихъ воззрѣній, за исключеніемъ лишь В. Б. А., патріотизмъ котораго держится на строго проведенныхъ научныхъ доказательствахъ.

Намъ лично приходилось участвовать въ одномъ засѣданіи, въ которомъ принимали участіе тотъ-же М. М. К., нынѣ покойный А. А. Потебня, и другіе ученые и умные люди, обсуждавшіе вопросъ о программѣ предполагавшейся къ изданію мѣстной газеты съ украинскимъ направленіемъ. Но на этомъ засѣданіи обнаружилось, что о такомъ важномъ предметѣ, какъ ихъ собственное украинофильство, они очень мало знаютъ, потому что мало думали, мало занимались имъ, а серьезному изученію его никто себя не посвящалъ, поэтому высказывали весьма поверхностныя и весьма противорѣчивыя мнѣнія, такъ что не могли прійти ни къ какому серьезному заключенію и согласному рѣшенію.

Вообще наблюденія показываютъ, что украинское народничество держится, или, вѣрнѣе, покоится, болѣе на чувствѣ любви къ родинѣ, возбужденномъ большею частью впечатлѣніями, полученными въ дѣтствѣ отъ украинской деревни, и отчасти мѣстной поэзіей, преимущественно Шевченка, а также болѣе или менѣе случайнымъ знакомствомъ съ отдѣльными произведеніями укра-

инской литературы [1]). Но строго продуманнаго украинскаго направленія, основаннаго на изученіи національнаго вопроса вообще, и въ частности украинскаго, на изученіи дѣйствительной жизни и потребностей украинскаго народа и общества, не существуетъ; по крайней мѣрѣ оно не раскрыто передъ нами даже такими корифеями, какъ покойный М. П. Драгомановъ, наиболѣе поработавшій надъ тѣмъ, чтобы осмыслить украинское дѣло.

Отъ нѣкоторыхъ націоналистовъ можно слышать даже такія разсужденія, что въ теоретической разработкѣ украинскаго вопроса нѣтъ надобности; достаточно одного патріотическаго чувства, чтобы, при добромъ желаніи и умѣньи, сдѣлать многое на пользу своего народа.

Это воззрѣніе идетъ совершенно въ разрѣзъ съ пріемами другихъ направленій, которые затрачиваютъ много силъ и средствъ для того, чтобы по возможности научнѣе обосновать свое ученіе и выснить свои задачи и въ тоже время по возможности доступнѣе популяризировать ихъ. Понятное дѣло, что такія ученія болѣе выигрываютъ, шире распространяются, занимаютъ первенствующую роль въ борьбѣ за существованіе.

Между тѣмъ націоналистическому направленію, къ какимъ припадлежитъ наше украинское народничество, наиболѣе необходимы научное обоснованіе и популяризація, такъ какъ націонализмъ вообще не въ чести у русской публики. И это понятно: наше общество имѣетъ дѣло съ государственнымъ, „кулачнымъ" націонализмомъ, имѣетъ нѣкоторое представленіе, хотя по наслышкѣ, о нѣмецкомъ пангерманизмѣ того же свойства, о французскомъ націонализмѣ, направленномъ къ возвращенію стараго, отжившаго порядка; оно отвращается отъ націонализма, какъ отъ всего консервативнаго или даже реакціоннаго; общество наше не имѣетъ понятія о національно-демократическихъ направленіяхъ вообще и въ частности объ украинскомъ. Если бы общество было освѣдомлено о немъ, то, можетъ быть, иначе относилось бы къ нему, нежели теперь относится, а можетъ быть, почувствовало бы, что и само оно, это общество, причастно кулачному патріотизму. Если чистая идея націонализма загрязнена привнесеніемъ въ нее идей государственности, господства сильныхъ и пр., то въ этомъ, конечно, въ значительной степени виноваты сами націоналъ-демократы...

---

[1]) Интересно было бы собрать свѣдѣнія о причинахъ и способахъ пробужденія національнаго чувства у отдѣльныхъ лицъ изъ украинцевъ.

Изъ изложеннаго, кажется, ясно, какъ необходимо систематическое изученіе націоналъ-демократизма вообще и въ особенности украинскаго, и популяризація его.

Какъ это осуществить? Мнѣ кажется, что, при отсутствіи всесторонних специалистовъ, это возможно лишь коллективнымъ трудомъ.

Нужно сначала составить програмку вопросовъ, обнимающихъ всѣ стороны предмета, издать ее, а затѣмъ просить лицъ, изучающихъ ту или другую сторону украинской жизни и прошлаго, составить, соотвѣтственно программѣ, очерки, болѣе обширные — для журнальныхъ статей, а сжатые — для книги которая служила бы, такъ сказать, руководствомъ для украинскихъ демократовъ и замѣняла бы для нихъ безчисленныя научныя изслѣдованія и популярныя изложенія ученій другихъ направленій. Во всякомъ случаѣ безъ программы не можетъ быть планомѣрной общественной дѣятельности.

Опытъ такой программы мы и желаемъ дать въ настоящей статьѣ.

ГЛАВА 1-я.

Соціальныя ученія, исходящія изъ основаній психическихъ (нравственнаго начала, требованій разума или науки) или изъ основаній экономическихъ (т. е. изъ необходимости удовлетворенія экономическихъ потребностей), изъ правъ личности, государственнаго начала, — всѣ они односторонни, а потому неудовлетворительны. Такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ заключается лишь доля истины, то необходимо точкой отправленія въ нашемъ общественномъ міросозерцаніи принять такое начало, въ которомъ могло бы найти свое мѣсто и оправданіе все то, что справедливо въ этихъ разнородныхъ началахъ.

Нужно, поэтому, въ нашихъ воззрѣніяхъ исходить изъ потребностей большого соціальнаго цѣлаго, чувствующаго и сознающаго себя таковымъ. Такимъ цѣлымъ, представляющимъ изъ себя нѣкоторое подобіе организму, есть нація съ ея общими свойствами, потребностями, духовными, правовыми, экономическими и проч.

Благополучіе націи, съ уравновѣшеннымъ, гармоническимъ развитіемъ всѣхъ сторон и потребностей жизни (личностиъ и общественности) есть цѣль надъ цѣлями.

Нація (но не раса) есть большая соціальная группа людей, чувствующая или сознающая свое племенное отличіе и своеобразіе, проявляющееся въ общности признаковъ духовныхъ, этнологическихъ, правовыхъ и проч., въ извѣстной степени проникнутая чувствомъ солидарности и общности интересовъ, связанная единствомъ происхожденія, имѣющая, поэтому, въ своемъ прошломъ, въ своей исторіи, общій запасный духовный фондъ, словомъ группа, которая составляетъ отдѣльную единицу по отношенію къ окружающимъ подобнымъ же группамъ и стремится къ единому будущему. Другими словами: нація есть соціальная единица, объединенная однородной и типичной культурой, или, по крайней мѣрѣ, чувствующая себя, какъ культурная особь и стремящаяся къ духовной самобытности.

Политическое устройство націи въ данный моментъ нельзя признавать кореннымъ началомъ народности, такъ какъ это устройство подлежитъ значительнымъ и нерѣдко быстрымъ измѣненіямъ, въ смыслѣ улучшенія или даже ухудшенія формъ; наприм., переходъ во Франціи отъ монархіи къ республикѣ, а въ древнемъ Римѣ, наоборотъ, отъ республики къ самодержавію, или переходъ въ средніе вѣка въ Западной Европѣ и въ Россіи отъ ограниченной королевской и великокняжеской власти къ самодержавію. Это произошло на Западѣ подъ вліяніемъ борьбы съ феодалами, а въ Московскомъ государствѣ вслѣдствіе усвоенія деспотически-родовыхъ формъ правленія отъ Монголовъ. Между тѣмъ народоправства Новгорода и Пскова наиболѣе сохранили древнихъ русскихъ и даже общеславянскихъ чертъ, въ видѣ вѣчевого самоуправленія или совѣщанія князя съ вѣчемъ.

Отсутствіе единообразія въ томъ или другомъ изъ факторовъ, на первый взглядъ кажущемся очень важнымъ, наприм. единообразія въ религіи, не устраняетъ единства національнаго; примѣромъ могутъ служить нѣмцы, исповѣдующіе католическую вѣру и лютеранство; малороссы—православные и уніаты и т. п.

Соединять понятіе религіи съ народностью возможно развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что на религіозныхъ формахъ жизни въ нѣкоторой степени отражается характеръ націи или, по крайней мѣрѣ, государственный строй. Наприм., въ Россіи церковь всецѣло подчиняется тѣмъ тяжелымъ ограниченіямъ, какія на нее налагаетъ государственная власть; послѣдняя отняла у церкви возможность вселенскаго представительства, право самоуправленія, отмѣнивъ соборы и патріархатъ и замѣнивъ ихъ казеннымъ учрежденіемъ съ генераломъ во главѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, издавая

законы, ограничивающіе свободу совѣсти и даже примѣняя въ дѣлахъ вѣры полицейское начало и допуская по отношенію къ иновѣрцамъ и сектантамъ гоненія, вплоть до ссылки и заточенія, власть внесла принципъ насилія или, говоря иначе, „духъ антихристовъ" въ ученіе евангелія о любви къ ближнему. Конечно, для самодержавія было весьма выгодно изъ религіи и церкви сдѣлать орудіе своего преобладанія и оправдать свое господство надъ религіей [1]). На западѣ, напротивъ, свободная католическая церковь обратилась было сама въ самодержавіе и до сихъ поръ позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ сферу вѣдѣнія свѣтской власти и даже во внутреннюю и внѣшнюю политику государствъ. И такъ, ни политическія формы, ни религію нельзя признавать коренными основами національности.

Преобладающимъ признакомъ національности слѣдуетъ считать языкъ, который служитъ главнымъ выразителемъ народной мысли и разума.

Хотя и при атрофированіи родного языка долго могутъ сохраняться прочія типическія черты національности, антропологическія и психическія, но это явленіе составляетъ рѣдкое исключеніе, при томъ же у народовъ діаметрально противоположныхъ съ окружающими (примѣръ, семиты—евреи, и кельты, ирландцы—усвоившіе англійскій языкъ).

Значеніе языка, какъ выразителя національно-народной психики, по ученію нѣмецкихъ и русскихъ филологовъ.

Лучшимъ средствомъ для обезпеченія народностей, для истощенія духовныхъ силъ народа, даже для духовнаго убійства націй представляется ограниченіе ихъ правъ на родной языкъ.

Бельгійскій депутатъ фламандецъ Ванъ-Беэрсъ въ 1873 г. въ рѣчи на литературномъ конгрессѣ въ Антверпенѣ высказался: „велико значеніе народнаго языка: онъ пробуждаетъ дремлющія творческія силы, онъ ведетъ по единственному пути сближенія интеллигенціи и народа, онъ даетъ естественныя формы воплощенію общечеловѣческихъ идей... Слово,—это, такъ сказать, кристаллизированная мысль. Стараться замѣнить языкъ народа языкомъ чуждымъ, значитъ то-же, что стараться задушить всякую оригинальность идей, то же, что задушить, убить мысль въ самой

---

[1]) Новый Путь, 1903 г. № 3-й Докладъ кн. Волконскаго и пренія въ религіозно-философскомъ обществѣ.

душѣ; это все равно, что совершить нравственное убійство цѣлаго народа“.

Главнымъ хранителемъ національныхъ началъ служитъ простой народъ; оттого замѣна слова „нація“ „народомъ“, употребленіе вмѣсто слова „государственный“ словъ „національный, народный“, передергиваніе у поляковъ словъ нація и naród (шляхетный классъ).

Народъ, какъ первоначальный творецъ языка (духа языка), литературы (не письменной), правовыхъ понятій и обычаевъ и проч. Обновленіе литературныхъ языковъ народными во многихъ литературахъ.

Народъ, какъ запасный капиталъ націи, изъ котораго она черпаетъ свои силы, по мѣрѣ вырожденія культурныхъ классовъ.

Народъ, какъ совокупность трудящихся классовъ, какъ представитель истинно производительнаго труда, по сравненію съ прочими классами.

Состояніе духовныхъ силъ и матеріальнаго пользованія массъ должно считаться настоящимъ мѣриломъ національной культуры и благосостоянія націи, такъ какъ при невѣжествѣ и бѣдности народа нѣтъ истиннаго благополучія націи. Богата, наприм., не англійская нація, а государство.

Тѣмъ не менѣе національное начало наибольшую степень сознанія получаетъ въ культурныхъ слояхъ, а не у народа, иногда лишь у единичныхъ личностей изъ интеллигентныхъ классовъ.

Познаніе національныхъ чертъ, духовныхъ началъ и идеаловъ, т. е. выясненіе національнаго самосознанія; знакомство съ духовными и матеріальными потребностями своей страны; развитіе культурно-національное, т. е. на собственныхъ началахъ, не противорѣчащихъ общечеловѣческимъ идеямъ справедливости; развитіе духовныхъ силъ населенія, въ частности поддержаніе и развитіе національнаго творчества, самодѣятельности народа, энергіи, духа единенія; внесеніе въ народную массу знаній и идей; развитіе эстетическаго чувства народа; защита матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ низшихъ классовъ, какъ угнетенныхъ; урегулированіе классовыхъ интересовъ, съ ограниченіемъ опаснаго для націи принципа экономической свободы (т. е. свободы въ эксплоатированіи труда и въ распредѣленіи богатствъ). Вотъ основныя задачи націоналъ-демократовъ.

Но какъ отдѣльныя національности значительно отличаются не только по своимъ основнымъ чертамъ, а также по развитію въ нихъ сословныхъ отношеній, по распредѣленію матеріальнаго благосостоянія, по ихъ отношеніямъ къ государству, къ религіи, къ церкви, къ разнымъ соціально-политическимъ партіямъ и направленіямъ, то, кромѣ общекультурныхъ задачъ, у каждой націи въ отдѣльности могутъ быть свои спеціальныя задачи, разъясненіе которыхъ также должно входить въ программу націоналистовъ, въ видахъ установленія національной политики, а у угнетенныхъ націй, сверхъ того, ставится вопросъ о выясненіи способовъ для осуществленія своихъ попранныхъ національныхъ правъ.

Кромѣ указанныхъ выше задачъ, необходимо также изученіе другихъ націй съ данной точки зрѣнія, т. е. ознакомленіе съ ихъ національно-демократическими и государственно-національными стремленіями, задачами и соціально-политическими теоріями. Далѣе, изученіе націй вообще, съ раздѣленіемъ ихъ, по характеру взаимныхъ отношеній, на націи хищныя, паразитныя, активныя и пассивныя. Уясненіе роли тѣхъ и другихъ. Пониманіе того, какъ часто въ основу права въ отношеніяхъ международныхъ, какъ и государственныхъ, принимается безнравственное правило: „кто силенъ, тотъ и правъ". Уясненіе часто повторяющагося стремленія поглотительныхъ націй оправдать свои своекорыстные дѣйствія высокими цѣлями: колонизаціонными, цивилизаторскими, служеніемъ государственнымъ интересамъ и т. п. Вообще тѣневая сторона націонализма, за которой нужно слѣдить: самомнѣніе и самовосхваленіе, національный эгоизмъ, исключительность и нетерпимость, идеализація своей національности и своего прошлаго, признаніе за собой превосходства надъ другими народами, даже особой миссіи и т. д.

Изученіе того, какъ на Западѣ подавленныя національности возвращали себѣ утраченныя права и въ какой мѣрѣ. Поучительные примѣры національнаго пробужденія и возрожденія на Западѣ. Состояніе самосознанія и національнаго возрожденія въ Россіи, у разныхъ народностей. Положеніе литературы у такихъ народностей. Поддержаніе правительствомъ нѣкоторыхъ народностей, лишь какъ средство для возбужденія національнаго антагонизма (у эстовъ и латышей противъ остзейскихъ нѣмцевъ; у финновъ противъ шведовъ). Высокая задача угнетенныхъ націй раскрывать истинныя побужденія угнетателей и способствовать сплоченью между собою первыхъ на братскихъ началахъ (взаим-

наго воздѣйстія и поддержки). Устройство междунаціональныхъ съѣздовъ для взаимнаго уясненія своихъ задачъ и выработки общей программы дѣйствій.

Замѣчанія къ нѣкоторымъ пунктамъ 1-й главы.

Классифицирующая и біологическая соціологіи отождествляютъ человѣческое общество съ организмомъ или группой организмовъ, называемой видомъ. Выводы изъ такого отождествленія ведутъ къ грубымъ ошибкамъ. Такъ, примѣняя къ обществу законъ органическаго развитія, отъ однороднаго къ разнородному, отъ простого къ сложному, раздробленному, при чемъ каждый органъ вѣчно отбываетъ свою, присущую ему, функцію, они возводятъ въ соціальный законъ раздѣленіе или спеціализацію труда, забывая, что человѣкъ не клѣточка и не собраніе клѣточекъ, составляющихъ органъ, а есть нѣчто болѣе самостоятельное и можетъ, по мѣрѣ развитія въ себѣ сознанія, опредѣлять самого себя и перераспредѣлять свой трудъ по своему усмотрѣнію, а также стремиться къ всестороннему использованію своихъ силъ и способностей. Слѣдовательно, спеціализація труда въ человѣческомъ обществѣ не имѣетъ того безусловнаго значенія, какъ въ біологіи. Изъ отождествленія же общества съ группой организмовъ, съ видомъ, выводятъ необходимость въ человѣческомъ обществѣ борьбы за существованіе, съ подборомъ болѣе сильныхъ, съ гибелью болѣе слабыхъ, считая даже, что „безъ борьбы нѣтъ прогресса" (выраженіе К. Маркса). Между тѣмъ въ соціальномъ обществѣ часто беретъ верхъ не болѣе высокій въ умственномъ и нравственномъ смыслѣ, а болѣе низкій и грубый, что обладаніе сословными привилегіями и капиталомъ способствуетъ побѣдѣ счастливца надъ болѣе честнымъ, умнымъ и развитымъ. Такимъ образомъ борьба, какъ между отдѣльными особями, такъ и между классами и націями, часто ведетъ къ гибели лучшихъ и къ побѣдѣ худшихъ и также можетъ приводить къ регрессу, какъ и къ прогрессу. Другіе соціологи думаютъ, что прогрессъ является не вслѣдствіе борьбы за существованіе, а помимо ея, что причина соціальнаго прогресса заключается не въ борьбѣ, а въ коопераціи, въ присущей человѣку способности къ единенію, къ сознанію рода, къ соціальному устройству.

Надо полагать, что обѣ силы дѣйствовали одновременно, но въ болѣе раннія эпохи преобладала первая, а затѣмъ, по мѣрѣ развитія сознательныхъ элементовъ и роста духовной энергіи, человѣческое общество пріобрѣтало характеръ иного соединенія, съ преобладаніемъ психическихъ силъ, такъ что борьба за существованіе отступала на второй планъ, и формы ея облагораживались.

Поэтому переносить на человѣческое общество исключительно формы и законы біологическаго развитія нѣтъ достаточныхъ основаній: законы соціальнаго развитія въ значительной степени самостоятельны, хотя далеко еще не раскрыты наукой. Если бы соціальные факты были надлежащимъ образомъ собраны и обобщены, то, конечно, не явилось бы столько шаткихъ теорій развитія, сколько ихъ предъявляютъ соціологія и исторія философіи, и, конечно, уменьшилось бы количество соціальныхъ воззрѣній за счетъ ихъ качества. По словамъ историка германскаго народа Лампрехта, „теперь въ исторіи необходимо исходить отъ націи (а не создавать исторіи личностей, государствъ, человѣчества), носительницы культуры, изслѣдовать смѣну ея состояній, сравнивать ее съ другими націями, устанавливать типическія черты и такимъ образомъ подняться до исторіи человѣчества“. Этотъ же методъ, вѣроятно, былъ бы плодотворенъ и для соціологіи.

Противъ націоналистическихъ взглядовъ возражаютъ съ разныхъ сторонъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія и, кажется, главнымъ образомъ, съ слѣдующихъ.

Говорятъ, что націонализмъ препятствуетъ развитію индивидуализма, что онъ мѣшаетъ усвоенію и осуществленію космополитическихъ идей и идеаловъ, общечеловѣческой культурѣ, общечеловѣческому прогрессу, что, будучи односторонне направленнымъ на защиту національныхъ правъ, отвлекаетъ людей отъ болѣе существенныхъ, экономическихъ интересовъ и отъ соціально-экономическаго переустройства общества, что онъ защитой національныхъ правъ вноситъ племенную вражду въ государства смѣшаннаго характера, что онъ особенно вреденъ, когда занятъ ненужными дѣлами, напримѣръ — искусственнымъ созданіемъ отдѣльной литературы.

Противъ этого слѣдуетъ возражать: націонализмъ не только не препятствуетъ развитію личности, но, напротивъ, способствуетъ этому; что безъ раздробленія человѣческаго общества на націи не было бы прогресса и, стало быть, индивидуальнаго

расчлененія, а все приняло бы однообразную физіономію. Все существо индивидуума создано при посредствѣ націи, т. е. его духовныя, умственныя и нравственныя способности, изобрѣтательность, искусство, оригинальныя соціальныя стремленія и проч.

Правда, что побужденія къ дѣйствіямъ, по мѣрѣ развитія общества, все менѣе проистекаютъ извнѣ, изъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и все болѣе извнутри, изъ мысли, такъ что даже немалая часть человѣческой борьбы совершится уже въ видѣ умственной, потому что прежнему исключительно „природному“ направленію развитія народа противополагается новое направленіе— „духовное“ (указывающее на ростъ духовной энергіи), возникшее въ высшей средѣ и проникнутое гуманизмомъ. Но, во 1-хъ, національное развитіе можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и идейно-національнымъ; во 2-хъ, относительно общечеловѣческихъ, космополитическихъ идей и идеаловъ человѣчество не сговорилось и врядъ ли когда либо сговорится, кромѣ общихъ моральныхъ началъ и второстепенныхъ требованій и установленій, на счетъ которыхъ можно всегда придти къ соглашенію и усвоить ихъ со стороны. Такъ какъ развитіе изъ себя предполагаетъ развитіе всѣхъ національныхъ свойствъ и особенностей, то стремленіе къ космополитическимъ идеаламъ должно осуществляться своеобразно у каждой отдѣльной націи, не разрушая все національно-самобытное, слѣдовательно, и общечеловѣческое будетъ перерабатываться и осуществляться каждой націей по своему, и это будетъ естественное развитіе или, иначе говоря, развитіе по равнодѣйствующей этихъ двухъ силъ. Но если бы все соціальное развитіе приняло однообразныя формы у всѣхъ народовъ, сгладивъ ихъ національныя черты, это былъ бы вѣнецъ для развитія, за которымъ послѣдовалъ бы вѣчный застой. Но тамъ, гдѣ на національное развитіе наложено veto, тамъ оно должно совершаться болѣзненнымъ путемъ: должно вызывать припадки общественнаго умоизступленія или же влечь за собой духовное разслабленіе и упадокъ національныхъ силъ въ разныхъ сферахъ жизни, въ особенности въ области духовнаго творчества. Появляющіеся въ такихъ краяхъ народные дѣятели, обыкновенно называющіе себя космополитами, интернаціоналами и даже народниками, служатъ идеѣ государственнаго національзма, т. е. тѣмъ, „кто давитъ чужія народности, а не тѣмъ, кто отбивается отъ давленія“, и помогаютъ такимъ образомъ разрывать пропасть между интеллигенціей и народомъ.

Для того, чтобы не поддерживать междуплеменной вражды и не возбуждать ненависти къ насиліямъ, производимымъ со стороны государствъ со смѣшаннымъ составомъ населенія, необходимо переустройство такихъ государствъ на федеративныхъ началахъ и предоставленіе равноправности народамъ и языкамъ, такъ какъ каждое государство, возникшее не изъ доброволовольной организаціи массъ, а изъ эгоизма властолюбивыхъ натуръ, по словамъ соціолога Уарда, представляетъ собою паразитъ, питающійся на счетъ подчиненныхъ народностей.

Что касается вопроса объ искусственномъ созданіи литературъ родственными народами и объ обязательномъ усвоеніи языка и литературы господствующаго племени, то, во 1-хъ, всякое развитіе литературы на первыхъ порахъ носитъ искусственный характеръ; во 2-хъ, рѣшеніе вопроса о томъ, быть или не быть литературѣ у родственнаго народа, нужно предоставлять не государству и не филологамъ, а обществу и народу, такъ какъ все дѣйствительно искусственное, несоотвѣтствующее духовнымъ потребностямъ націи, будетъ ими отвергнуто. Напротивъ, мы имѣемъ живые и назидательные примѣры отвращенія отъ родственныхъ языковъ и литературъ къ роднымъ; такъ въ Швеціи и Норвегіи — отъ датскаго къ шведскому и норвежскому языкамъ, хотя между этими языками не больше различія, чѣмъ между русскимъ и украинскимъ; у лужичанъ, которые предпочли собственное нарѣчіе, а не сербскій языкъ; у словаковъ и пр.

Признавая общечеловѣческіе идеалы истины, добра и справедливости, выраженные Кантомъ въ обшей формулѣ, что „всякое разумное существо никогда не должно быть вещью или орудіемъ чужой воли, а лишь цѣльной личностью, человѣчность которой должна быть священной“, и считая за высшій такой соціальный порядокъ, въ которомъ господствуютъ равныя права и обязанности, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что осуществленіе общечеловѣческихъ идеаловъ находится въ зависимости отъ мѣстныхъ условій: природы страны, свойствъ человѣка, психическихъ особенностей, степени его культуры, его прошлаго—исторіи. Такимъ образомъ общечеловѣческіе идеалы истины, добра и справедливости облекаются въ національныя формы, опредѣляющія то, что достижимо, и то, что можетъ быть. [1])

---

[1]) Не надобно забывать того, что такъ называемые космополитическіе идеалы сложились лишь у одной части индоевропейскихъ народовъ и что вообще мораль находится въ зависимости отъ расъ.

Признавая, напримѣръ, форму государственной жизни, считаемъ однако, что цѣль государственности не въ господствѣ надъ людьми, а въ постепенномъ проведеніи началъ равенства и справедливости, сообразно съ мѣстными условіями; равно признаемъ и то, что человѣческое общежитіе должно быть регулируемо законами. Между тѣмъ, государство въ большей или меньшей степени является организаціей господства меньшинства надъ большинствомъ: въ сферѣ классовыхъ отношеній оно поддерживаетъ интересы сильныхъ и богатыхъ, въ сферѣ законодательства вообще защищаетъ преимущественно интересы привилегированныхъ сословій, въ томъ числѣ капиталистовъ, насилуетъ часто такія неприкосновенныя права, какъ право каждой народности на родной языкъ, право религіозной свободы и пр. въ международныхъ отношеніяхъ; усвоивъ правило, что „политика не этика", примѣняетъ грубо-эгоистическое начало насилія, открыто попирая высоконравственные мотивы, проведенные въ ученіи Христа, деморализируя тѣмъ собственныхъ гражданъ и такимъ образомъ подрывая авторитетъ власти (напримѣръ войны съ Китаемъ, съ бурами и мног. др.).

Наши взгляды на соціальныя отношенія яснѣе выразятся, если мы въ общихъ чертахъ укажемъ на эволюціонное развитіе соціальнаго строя человѣческаго общества вообще.

Первоначальное общество вездѣ возникало и держалось на племенномъ или родственномъ началѣ, на единствѣ происхожденія, а также чувствъ, мысли, вѣрованій, нравовъ и обычаевъ, на единствѣ формъ общественной жизни, безъ раздѣленія труда, безъ сословности, съ властью родоначальниковъ, съ общимъ правомъ племени на занимаемую имъ территорію, слѣдовательно безъ частной земельной собственности; при чемъ трудъ направлялся исключительно на добываніе себѣ пищи, на борьбу съ природой. Вторая стадія развитія общественности выражается началомъ борьбы человѣка съ человѣкомъ и, слѣдовательно, возникновеніемъ насилія, появленіемъ рабства, въ формѣ захвата плѣнныхъ изъ чужихъ племенъ, неодинаковымъ распредѣленіемъ труда между рабами и ихъ господами, при чемъ на рабовъ и женщинъ возложенъ болѣе тяжелый трудъ, а занятіемъ свободныхъ, а потому благородныхъ, сдѣлалась война, развивавшая алчность и хищничество. Въ дальнѣйшемъ слѣдовало порабощеніе цѣлыхъ племенъ однихъ другими, что вызвало усиленіе родовой власти и ея органовъ (для порабощенныхъ племенъ это не была уже власть родовая), усложненіе соціальнаго неравен-

ства и санкцированіе его властью; изъ военнаго сословія образовался правящій классъ, а изъ подчиненныхъ и побѣжденныхъ разные производительные классы. Насиліе распространялось не только на захватъ имущества и женщинъ, но и на духовную сторону жизни: на языкъ, нравы, обычаи, вѣрованія и проч. На порабощеніи личности, на эксплоатаціи однихъ сословій другими, на завоеваніяхъ народовъ и націй, на захватѣ земельной собственности и распредѣленіи ея между завоевателями, выросли государства и государственная власть, приписавшая себѣ божественное происхожденіе; а затѣмъ развилась культура: знанія, искусства, техника и проч. Позднѣе всего народился капитализмъ съ товарнымъ производствомъ, зиждущійся на эксплоатаціи рабочаго сословія и пріобрѣвшій себѣ защитника и слугу въ лицѣ государственной власти. Всѣ эти виды порабощенія закрѣплены правомъ, первоначально обычнымъ, потомъ положительнымъ, и освящены религіей.[1])

Страницы всемірной исторіи полны повѣствованіями о попыткахъ противодѣйствія всѣмъ указаннымъ видамъ насилій, въ формѣ возстаній и войнъ (возстаній рабовъ, крестьянъ, борьбы бѣдныхъ съ богатыми, войнъ за возвращеніе національной независимости и пр.), но привитой тысячелѣтіями принципъ жизни, т. е. порабощенія человѣческой личности, сословій, народовъ, господствуетъ и теперь. Казалось бы, дѣло религіи и церкви стоять за права угнетенныхъ личностей, сословій и націй, но она, проповѣдуя личное самоусовершенствованіе, предпочла принять принципъ непротивленія злу и приладилась къ существующимъ формамъ жизни и даже поддерживала ихъ во имя божіе; только наука, въ лицѣ греческой философіи и средневѣковаго гуманизма дѣлала попытки теоретической защиты разныхъ видовъ свободы.

Но принципъ порабощенія въ значительной мѣрѣ поколебленъ въ эпоху новой исторіи революціями, въ особенности великой французской революціей, какъ въ сознаніи интеллигентныхъ классовъ провозглашеніемъ „естественныхъ правъ“ человѣка и началъ свободы, равенства и братства, такъ и въ жизни наро-

---

[1]) Даже нѣкоторые современные ученые хотятъ признать насиліе за справедливое начало. Такъ историкъ Трейчке говоритъ: „Законъ природы неизмѣненъ: только незначительное меньшинство должно пользоваться благами культуры. Культура немыслима безъ прислуги... Господство одного класса надъ другими вытекаетъ изъ природы общества,—такой порядокъ вещей справедливъ и необходимъ.

довъ завоеваніемъ политической свободы, хотя и не полной, и отмѣной крѣпостной зависимости крестьянъ, хотя съ потерей земли, какъ въ Англіи. Однако, даже французскій конвентъ не понималъ того, что провозглашенные имъ принципы требуютъ отмѣны всенивеллирующей централизаціи и введенія спасительнаго федеративнаго начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ признанія за порабощенными націями правъ на родной языкъ и на свободную группировку людей по національностямъ.

Въ новѣйшую эпоху беззавѣтной и безпощадной реакціей старому строю явилось ученіе соціалистовъ, въ особенности систематически разработанное Карломъ Марксомъ и марксистами (соціалъ-демократами). Основной принципъ этого ученія —„поставить каждому въ обязанность трудиться и обезпечить за каждымъ право на существованіе". Для осуществленія этого требованія предлагается однообразная общественная организація труда и замѣна теперешней капиталистической формы производства для рынка крупнымъ общественно-государственнымъ производствомъ продуктовъ для собственнаго потребленія, съ отмѣной правъ собственности на землю и на капиталъ; за государствомъ оставляются однѣ лишь хозяйственныя функціи.

Но противъ соціалистическаго ученія относительно экономическаго перерожденія общества нео-кантеніанцы возражаютъ, что не одни экономическіе интересы и формы производства являются главными факторами жизни человѣческой и первенствующими двигателями прогресса; а въ соціальной исторіи развиваются самостоятельныя идеальныя потребности и интересы (духовный процессъ жизни), которые все болѣе становятся самодовлѣющей цѣлью и поднимаются надъ классовыми интересами; что подлежитъ большому сомнѣнію то, какъ замѣна одного способа производства другимъ должна отразиться на личномъ и общественномъ благополучіи: приведетъ ли она къ осуществленію завѣтнѣйшихъ идеаловъ, или, наоборотъ, уничтоживъ стремленіе личности къ дѣятельности, повлечетъ за собой физическое и духовное оскудѣніе, такъ какъ безъ личной инціативы утрачивается связь между призваніемъ человѣка и его работой, и слѣдовательно—не можетъ быть экономическаго прогресса: человѣкъ средняго шаблона, обезпеченный въ средствахъ къ существованію, потеряетъ побужденія къ духовному совершенствованію. Рѣзче формулируется этотъ скептицизмъ выраженіемъ: „утверждать, что на основаніи экономическихъ измѣненій должно неизбѣжно вырости соціалистическое общество—это діалекти-

ческій самообманъ". По Штамплеру же, соціальный идеалъ не можетъ мыслиться достигнутымъ, такъ какъ движеніе къ нему безконечно; полное осуществленіе этой задачи („рай на землѣ") не мыслимо, потому что это означало бы конецъ всякой исторіи, неподвижность смерти или же абсолютное совершенство, которое недостижимо въ условіяхъ эмпирическаго бытія.

Другіе утверждаютъ, что соціализмъ имѣетъ уже за собой длинную исторію: сто лѣтъ прошло, какъ Бабефъ впервые опредѣленно высказалъ идеи общенія имуществъ и палъ, какъ глава коммунистическаго заговора; 50 лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ соціалистическое ученіе обосновано научнымъ образомъ Карломъ Марксомъ, и столько же времени минуло, какъ организація труда на соціалистическихъ началахъ, приведенная въ исполненіе французскимъ правительствомъ, потерпѣла крушеніе, а человѣчество нисколько не измѣнило своихъ эгоистическихъ свойствъ. Сами теоретики соціализма не знаютъ, какимъ чудомъ капиталъ и средства производства перейдутъ въ руки рабочихъ: сами ли собой, по законамъ экономическаго и даже діалектическаго развитія, путемъ ли революціи рабочаго сословія, или же законодательнымъ, парламентскимъ порядкомъ. Указываютъ также на неразработанность такихъ коренныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о принципѣ раздѣленія въ будущемъ государствѣ продуктовъ производства—по мѣрѣ ли труда, или по способностямъ и знаніямъ, или по потребностямъ каждаго, или же поровну между членами общинъ или государства.

Но сомнѣніе вторгается и въ душу соціалъ-демократовъ. Болѣе умѣренные марксисты (бернштеніанцы) признаютъ недостаточность системы „одной защиты рабочихъ", отрицаютъ возможность повсемѣстной гибели крупнаго и въ особенности мелкаго крестьянскаго хозяйства, признавая въ крестьянинѣ не предпринимателя, получающаго прибыль и капиталистическую ренту, а лишь рабочаго, который живетъ не доходомъ со своей собственности, но результатами своего труда (рабочая рента), придаютъ большое значеніе постепенному измѣненію условій теперешняго строя, а не быстрому созданію новыхъ формъ, считаютъ, что для предполагаемыхъ измѣненій должны быть изучены и приняты во вниманіе природные, историческіе, политическіе и національные факторы каждой страны и народа въ отдѣльности; они выдвигаютъ также на первый планъ широкое развитіе сельско-хозяйственныхъ товариществъ, не только потребительныхъ, но и производительныхъ.

Однако такъ называемые правовѣрные марксисты, вѣря, что дни частной земельной собственности сочтены, до послѣдняго времени отстраняли себя отъ участія въ крестьянскихъ интересахъ и партіяхъ и даже возставали противъ такихъ предпріятій, какъ поддержка производительныхъ земельныхъ товариществъ, какъ противорѣчащихъ ихъ принципу. Вся дѣятельность ихъ сужена была до служенія лишь интересамъ сословно фабричныхъ рабочихъ, при посредствѣ которыхъ они только и считали возможнымъ получить всѣ блага будущаго строя. Но и для рабочихъ собственно они сдѣлали немного, кромѣ введенія организаціи и дисциплины партіи и формулировки ея требованій. Если они въ отдѣльныхъ мѣстахъ добились нѣкоторыхъ облегченій для фабричныхъ рабочихъ, то и капиталисты успѣли въ то же время обезпечить интересы своего класса распространеніемъ синдикатовъ, для смягченія вредныхъ послѣдствій отъ конкурренціи и перепроизводства, и это въ то время, когда соціалъ-демократы заявили о скоромъ паденіи капиталистическаго строя.

По теоріи историческаго матеріализма К. Маркса и марксистовъ, опредѣленное состояніе техники и формы производства обусловливаетъ опредѣленный порядокъ имущественныхъ и классовыхъ отношеній, опредѣленное политическое устройство и опредѣленныя общественныя формы сознанія; стало быть развитіе сознанія, общественное развитіе, борьба классовъ, всѣ общественныя измѣненія и политическіе перевороты основаны на экономическомъ базисѣ и составляютъ результатъ хозяйственной техники. Но другіе экономисты и историки утверждаютъ, что это ученіе въ цѣломъ не выдерживаетъ критики, такъ какъ ни въ какомъ случаѣ оно не въ состояніи объяснить даже главнѣйшихъ формъ общественнаго развитія отъ способовъ хозяйства, а тѣмъ болѣе объяснить историческія событія въ жизни народовъ, хотя бы крупнѣйшія, или же раскрыть причины детальныхъ соціальныхъ перемѣнъ, хотя, можетъ быть, и найдена связь между отдѣльными историческо-соціальными явленіями и измѣненіями экономическаго характера.

Очевидно, что здѣсь, какъ и въ осуществимости скораго переустройства общества, марксисты зашли очень далеко. Стало быть, между теоріей соціализма и осуществленіемъ его такое же, если не большее, разстояніе, какъ между теоріей Христа о любви къ ближнему и христіанской практикой. Слѣдовательно, для воспріятія соціалистическаго ученія необходима спеціальная вѣра въ то, что капиталистическій строй въ болѣе или менѣе близ-

комъ будущемъ исчезнетъ и неизбѣжно приведетъ къ идеальному строю, въ которомъ не будетъ мѣста ни печали, ни воздыханію. Разумѣется, блаженъ, кто вѣруетъ: безъ соціальной вѣры нельзя существовать человѣку соціальнаго типа.

Что касается насъ, націоналъ-демократовъ, то мы, прежде всего, считаемъ идеалъ марксистовъ, устроеніе матеріальнаго благополучія народовъ, одностороннимъ. Нашъ идеалъ—благополучіе націи, какъ матеріальное, такъ и духовное, предписываемое намъ чувствомъ любви къ родинѣ. Что касается капитализма въ теперешней его формѣ, то мы, конечно, считаемъ его большимъ зломъ, но не видимъ никакихъ симптомовъ для его разложенія и полагаемъ, что паденіе его будетъ совершаться вѣками, такъ же, какъ столѣтіями совершалось его зарожденіе и развитіе, и при томъ при постепенномъ накопленіи обусловливавшихъ его разнородныхъ причинъ (развитіе пролетаріата, промышленной техники, свободы промышленности, открытія новаго свѣта и др.) Полагаемъ, что и обобществленіе народнаго труда будетъ осуществляться постепенно, подъ вліяніемъ многихъ измѣненій, и при томъ въ различныхъ формахъ и въ разной степени у каждой націи въ отдѣльности.

Между прочимъ важную роль могутъ играть въ будущемъ среднія или переходныя формы кооперации между капиталистическими и рабочими, съ участіемъ рабочихъ или капиталистовъ въ прибыли.

Съ прочими пунктами демократическо-радикальной программы Маркса и Лассаля мы согласны, но также думаемъ, что на всѣ усваиваемыя второстепенныя формы жизни и учрежденія націонализмъ наложитъ свою печать, и каждая нація усвоитъ ту или другую форму по своему. Вотъ эти пункты: коренныя реформы въ защиту трудящихся классовъ; уменьшеніе рабочаго дня; широкое развитіе, при содѣйствіи государства, всякаго рода рабочихъ и крестьянскихъ ассоціацій, до заведенія рабочихъ фабрикъ и земледѣльческихъ артелей включительно; введеніе прогрессивнаго налога на имущество и наслѣдство; отмѣна вѣроисповѣдныхъ привилегій; отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви; отмѣна сословныхъ и экономическихъ привилегій (мы, конечно, понимаемъ, что полной гармоніи интересовъ различныхъ классовъ и общественныхъ единицъ быть не можетъ; поэтому противоположность и борьбу различныхъ соціальныхъ группъ надлежитъ лишь смягчить до возможной степени); равно-

правность мужчинъ и женщинъ; свобода печати, союзовъ и собраній.

Въ тоже время, въ отличіе отъ соціалистовъ, мы признаемъ необходимость государства и законовъ, и требуемъ широкаго права автономіи націямъ (федерація), простора развитію мѣстной жизни и народныхъ языковъ, развитію каждой народности на собственныхъ національныхъ началахъ, если онѣ оказываются жизнеспособными.

Изъ изложеннаго слѣдуетъ, что наше сочувствіе не можетъ быть ни на сторонѣ землевладѣльца, ни на сторонѣ капиталиста, поскольку они являются олицетвореніемъ экономическихъ категорій, носителями опредѣленныхъ классовыхъ отношеній и интересовъ; ни на сторонѣ бюрократіи, по скольку она является представителемъ организаціи господства меньшинства надъ большинствомъ. Еще менѣе мы можемъ мириться съ такъ называемыми духовными пастырями народа, такъ какъ духовенство вноситъ въ общество не духъ примиренія, а духъ розни, нетерпимости, насилія надъ человѣческой совѣстью, а въ послѣднее время оно приняло у насъ роль сыщиковъ и доносителей въ средѣ своей паствы [1]). Но мы, конечно, должны предоставить отдѣльнымъ лицамъ право на участіе въ общемъ національно - демократическомъ дѣлѣ, если они по симпатіямъ къ своей народности и по воззрѣніямъ примкнутъ къ намъ. Что касается до соціалистовъ, хотя бы и государственниковъ и космополитовъ, то, въ виду высоко гуманныхъ задачъ ихъ, мы не можемъ относиться къ нимъ, какъ къ врагамъ, а лишь какъ къ друзьямъ человѣчества, но при условіи, если и наши задачи—служить интересамъ родины — будутъ ими также уважаемы, какъ преслѣдующія гуманныя цѣли, хотя имъ и кажется, что мы идемъ болѣе узкимъ путемъ.

Хотя наши симпатіи всецѣло лежатъ на сторонѣ крестьянскаго, земледѣльческаго сословія, какъ наиболѣе демократичнаго и болѣе другихъ слоевъ сохранившаго національныя черты,

---

[1]) Указомъ Св. Синода отъ 1902 г. священникамъ поставлено въ обязанность заниматься политическимъ сыскомъ между пасомыми, въ томъ числѣ и между крестьянами, для чего избраны изъ нихъ инквизиторы на каждый уѣздъ, которымъ приходскіе священники обязаны доносить о всѣхъ свободомыслящихъ, для производства предварительнаго дознанія съ передачей потомъ дѣла подлежащимъ свѣтскимъ властямъ. Дальше такой деморализаціи пастырей идти некуда.

но мы относимся и къ рабочему сословію вообще съ подобающимъ уваженіемъ и съ надеждой, что оно послужитъ лучшимъ проводникомъ національнаго сознанія въ народъ, если націоналъ - демократы обратятъ на него надлежащее вниманіе.

Воля человѣческая, управляющая личными и общественными дѣйствіями людей, руководится, съ одной стороны, чувствами (по словамъ Паскаля, серце имѣетъ свои основанія, которыхъ не знаетъ разумъ), съ другой—представленіями и понятіями. Подъ вліяніемъ массы впечатлѣній, складывается у насъ неопредѣленное чувство патріотизма, но оно можетъ долго, а иногда и навсегда, находиться въ инертномъ состояніи. Великій польскій поэтъ сказалъ о чувствѣ патріотизма: „отечество, ты подобно здоровью,—лишь тотъ тебя сумѣетъ оцѣнить, кто потерялъ тебя". Но это чувство можно возжечь, воздѣйствуя на впечатлѣнія, преимущественно искусствомъ, въ особенности поэзіей, и сдѣлать вполнѣ сознательнымъ, если обосновать его соотвѣтственными познаніями и укрѣплять частыми повтореніями, такъ какъ, говоря словами одного ученаго, только наиболѣе выдающееся, т. е. только то, что путемъ разнообразнаго, все усиливающагося повторенія, пріобрѣло наибольшее значеніе въ нашемъ сознаніи, только это побуждаетъ насъ къ дѣятельности. Имѣя такой прочный фундаментъ, наше ученіе будетъ сильнѣе самыхъ утопическихъ теорій, имѣющихъ цѣлью осчастливить разомъ все человѣчество, вогнавъ его въ однообразныя рамки.

Работа въ указанномъ направленіи нужна самая энергическая, такъ какъ націонализмъ извращенъ не только его врагами, но и многими его представителями, поэтому многіе считаютъ, что съ точки зрѣнія культуры онъ суживаетъ горизонтъ мысли и даже способствуетъ нравственному огрубѣнію. И такъ, нужно дружное усиліе для того, чтобы пробудить усыпленное патріотическое чувство и осмыслить его научными началами, очиститъ отъ наростовъ, привитыхъ ему смѣшеніемъ съ государственными и сословными идеалами и племенной враждой.

Мы должны здѣсь указать еще на благопріятный фактъ, на болѣе ясную и соотвѣтствующую требованіямъ жизни постановку русскими соціалъ-демократами соціальнаго вопроса. Въ недавно изданныхъ программахъ Искры и Жизни признается, что отмѣна капиталистическаго строя можетъ наступить не такъ скоро, какъ первоначально предполагалось, что соціальное развитіе должно совершаться въ каждой странѣ по своему и что въ Россіи соціальному переустройству общества должно предшествовать поли-

тическое переустройство. Даже національный вопросъ разрѣшается справедливо. Впрочемъ, уже на Брюннскомъ съѣздѣ австрійскихъ соціалъ-демократовъ разрабатывался этотъ вопросъ съ благопріятнымъ рѣшеніемъ для націоналистовъ. Въ проектѣ программы Искры внесенъ такой пунктъ: „признаніе права на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства“. Относительно политической формы: демократическая конституція съ правомъ всеобщей подачи голосовъ, т. е. республика. Латышскіе соціалъ-демократы въ Жизни (1902 г. № 4-й стр. 167) предлагаютъ вмѣсто словъ „самоопредѣленія націй“ замѣнить „самоуправленіе территоріальное“; „тамъ, гдѣ населеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ націй, право самоопредѣленія возможно было дать географическимъ округамъ, а не этнографическимъ единицамъ“. Очевидно, здѣсь подразумѣвались евреи, которые въ Польско-Литовскомъ государствѣ, не имѣя территоріальной обособленности, тѣмъ не менѣе имѣли свой сеймъ, собиравшійся черезъ 3 года, изъ представителей кагаловъ. Въ программѣ Жизни первое требованіе такое: Народная союзно-областная (федеративная) республика; дѣленіе Россіи на области, согласно національнымъ и историческимъ особенностямъ земель, входящихъ въ составъ современной русской имперіи или съ нею соединенныхъ; предоставленіе полнаго самоуправленія каждой изъ областей въ ея внутреннихъ дѣлахъ; право области, въ случаѣ требованія ея жителей, выраженнаго всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ, на полное государственное отдѣленіе; равноправность всѣхъ языковъ“. Тамъ же, въ статьѣ „Къ Армянскому вопросу“ пояснено: „нужно создать для отдѣльныхъ національностей такія условія, чтобы онѣ имѣли возможность сохранить свою самобытность и жить культурной жизнью. Всеобщая россійская конституція съ центральнымъ парламентомъ, который неизбѣжно попадетъ въ руки консервативныхъ и буржуазныхъ партій, не только не уничтожитъ экономическаго гнета, но и не дастъ одинаковой культурной свободы всѣмъ національностямъ Россіи, а культурная свобода является первымъ условіемъ дальнѣйшаго развитія рабочаго вопроса; примѣромъ могутъ служить всѣ конституціонныя государства Европы, особенно Австрія и Германія, гдѣ парламенты различными исключительными законами притѣсняютъ мелкіе народы не меньше, чѣмъ въ теперешней Россіи“ (стр. 29).

Если соціалъ-демократическая партія начала разрѣшать національный вопросъ въ смыслѣ полной автономіи каждой отдѣль-

ной націи (чего раньше не было замѣтно, а напротивъ обнаруживалась явная нетерпимость къ требованіямъ націоналистовъ), то мы, націоналъ-демократы, конечно, должны привѣтствовать ихъ поворотъ въ этомъ направленіи.

Идеаломъ русскихъ соціалъ-демократовъ въ политическомъ отношеніи служитъ республика. Въ теоретическомъ смыслѣ мы ничего не имѣемъ противъ такой политической формы жизни, но въ смыслѣ практическомъ, т. е. со стороны осуществимости, считали бы прогрессивной формой и ограниченную монархію, но ни въ какомъ случаѣ не самодержавно-бюрократическій строй. При послѣднемъ не могутъ осуществиться ни культурная свобода народовъ, о которой сказано выше, ни коренныя экономическія реформы въ интересахъ низшихъ классовъ, а „народное благо" будетъ оставаться лишь на бумагѣ, ни широкое распространеніе демократическо-экономическихъ идей, ни сознаніе необходимости служенія интересамъ массъ. Примѣръ Запада показалъ, что и при улучшенныхъ политическихъ формахъ, при конституціонной монархіи и даже при равноправной республикѣ, возможно принятіе одностороннихъ мѣръ въ пользу однихъ сословій и въ ущербъ другимъ и, слѣдовательно, для усиленія разстройства мелкаго хозяйства и даже обезземеленія крестьянскаго населенія.

Не можемъ закончить нашихъ замѣчаній, не указавши на фальшивую постановку, которая даетъ себя знать въ аграрной программѣ Искры. Этотъ органъ соціалъ-демократовъ, съ одной стороны, желаетъ увеличенія благосостоянія крестьянъ на счетъ дополнительнаго надѣла крестьянъ владѣльческой землей, на счетъ удѣльныхъ и казенныхъ земель и на счетъ возвращенія плательщикамъ выкупныхъ платежей, съ другой—проектируетъ отмѣну общиннаго землевладѣнія и свободное обращеніе въ продажу земельныхъ надѣловъ! Это все для того, чтобы способствовать развитію земельнаго неравенства между крестьянами и развитію пролетаріата, который нуженъ для полнаго расцвѣта капитализма, безъ чего невозможно водвореніе соціализма! Здѣсь люди приносятся въ жертву послѣдовательной, но не гуманной теоріи. Какъ будто соціалъ-демократы не знаютъ того, что у насъ капитализмъ въ значительной мѣрѣ насаждается искусственно (правительственной поддержкой, широкимъ государственнымъ кредитомъ, казенными заказами, вывозной преміей и т. п.) и что даже въ тѣхъ полосахъ Россіи, гдѣ пролетаріата накопилось достаточно, наприм. въ центрально-черноземномъ районѣ или въ

Полтавской губ. (20% безземельныхъ крестьянъ), капиталистическій строй промышленности не развивается, а населеніе или вымираетъ, или стремится переселяться на свободныя земли.

Литература по вопросу о націонализмѣ.

Считаю нужнымъ для лицъ, которыя задумаютъ заняться этимъ предметомъ, указать хотя часть литературы по данному вопросу. Я, какъ составитель программы, счелъ возможнымъ лишь комбинировать и привесть къ единству положенія и мысли разныхъ авторовъ, писавшихъ на указанную и сродныя съ ними темы.

Основанія соціологіи Гиддинеса, перев. Лучицкаго К. 1898 г.

Основы соціологіи Гумпловича, пер. Гессена. Спб. 1899 г.

Философія исторіи какъ соціологія Барта, пер. Моделя Спб. 1902. 9-е приложеніе къ ж. Самообразованіе.

Общій ходъ всемірной исторіи Карѣева. Спб. 1903. Приложеніе къ Вѣстнику Самообразованія.

Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ. А. Градовскаго Спб. 1873 г.

Національный вопросъ въ Россіи В. Соловьева. Изд. 3-е.

Россія и Европа Данилевскаго. 3-е изд. Спб. 1888.

Исторія русской литературы Пыпина Спб. 1898 г. Изложеніе теоріи культурнаго типа Данилевскаго, Страхова, и Соловьева.

Что такое нація, Ренана, русскій перев. Спб. 1888.

Вопросы психологіи и философіи 1901 г. кн. 4-я. Ст. Борисова. Въ чемъ же истина націонализма.

Основы народничества Юзова (Каблица) 2 кн.

Рус. Мысль 1885 г. №№ 3—4 Вопросы гегемоніи въ концѣ XIX вѣка. С. Южакова.

Рус. Мысль 1880 г. №№ 1—3 Основы ученія славянофиловъ. Миллера.

Вѣст. Европы 1895 г. № 9 Потебни. Языкъ и народность.

Слово 1878 г. № 3 Кулаковскаго. Наука о языкѣ и ея отношенія къ антропологіи и соціологіи.

Макса Миллера — Языкъ и мысль.

Потебни — Мысль и языкъ.

Новое Дѣло 1903 г. № 3. О народности. К. Румынскаго.

Аграрный вопросъ Гертца, 2 изданія.

Индивидуализмъ и субъективизмъ Н. Бердяева.

Эрфуртская программа соціализма К. Маркса и Лассаля.

Опытъ программы русской соціалъ-демократической партіи Искры и Жизни 1902 г.

Лацаріусъ и Штейнталь. Психологія народовъ.

Рус. Мысль 1903 г. № 1 Историческій матеріализмъ Климентова.

Жизнь 1900 г. № 12. Неокантеніанское теченіе въ марксизмѣ. Лозинскаго.

Рус. Мысль 1900 г. № 12. Всемірный языкъ и народные языки Лесевича.

L' Evolution du droit et la conscience sociale, par Tanon. Paris 1901.

Лампрехтъ. Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft. Berl. 1896.

John Haykraft. Naturliche Auslese und Rassenverbesserung. 1895.

Dr. Alfred Plontz Die Tuchtigkeit unserer Rasse und der Schütz der Schwachen 1895.

Pelman. Bonn Rassenverbesserung und natürliche Auslese; Centralblatt für allgem. Gesundheitspflege.

Максъ Веберъ. Die Nationalität und die Volkswirtschäftspolitick. Freiburg. 1895.

ГЛАВА 2-я.

„Что-бы тамъ ни говорили космополиты, народы имѣютъ свои типичныя особенности, свои историческіе пути и свои неприкосновенныя права, и каждая отдѣльная личность тысячами невидимыхъ путей и властныхъ безсознательныхъ инстинктовъ связана со своей націей, какъ ничтожная частица великаго цѣлаго, какъ живой продуктъ тысячелѣтней борьбы милліоновъ единокровныхъ предковъ въ прошломъ и какъ носитель какого-то заповѣднаго тягла по отношенію къ поколѣніямъ будущаго. И раздѣленіе человѣчества на расы и націи, и борьба между ними, и союзничество единокровныхъ, и рожденная изъ пролитой крови нравственная связь личности съ націей—все это совершенно объективные факты, существованіе которыхъ не можетъ игнорировать никакая теорія, никакая живая мораль, не опирающаяся на абсолютный догматъ. Національизмъ есть реальный историческій законъ общественной и нравственной жизни народовъ.

И. Гофштеттеръ.

Каждая народность представляетъ одну или нѣсколько главныхъ чертъ, а затѣмъ уже и второстепенныя, опредѣляющія ея культурный типъ. Но раскрыть эти основныя черты довольно трудно, въ особенности если народность продолжаетъ еще существовать и развиваться. Да и наука, занимающаяся этимъ дѣломъ, новая, неустановившая окончательно своихъ пріемовъ. Вотъ почему, если о народахъ, закончившихъ свое существованіе и оставившихъ достаточно матеріала, установились опредѣленныя мнѣнія на счетъ ихъ основныхъ свойствъ и типическихъ чертъ (наприм.—въ заслугу евреямъ ставятъ то, что они выработали монотеизмъ, римлянамъ разработку права, грекамъ развитіе философіи и искусства и общественнаго начала), то сужденія о каждомъ изъ нынѣшнихъ западно-европейскихъ народовъ въ отдѣльности не такъ уже рѣшительны, хотя всѣмъ имъ вмѣстѣ приписываются слѣдующія внесенныя ими начала: свободное развитіе личности и общественная самодѣятельность, научное знаніе и техника, промышленность, богатство и капиталъ. На счетъ же славянъ, и въ частности русскихъ, мнѣнія значительно расходятся. Западно-европейскій ученый Гобино говоритъ, напримѣръ, что „славяне, поселившіеся въ восточной Европѣ, образуютъ стоячее болото, въ которомъ тонутъ болѣе развитые народы. Славяне изъ всѣхъ существующихъ народовъ представляютъ собою самое старое, истрепанное, смѣшанное, а значитъ и выродившееся племя. Только пришедшіе съ сѣ-

вера германцы внесли въ ихъ среду нѣкоторый порядокъ". Это сужденіе, конечно, нѣсколько одностороннее (хотя бы уже и потому, что нынѣ скрещиванію породъ приписываютъ оживляющее значеніе) похоже на то, какъ одинъ соціологъ (фонъ-Лиліенфельдъ) выводилъ русское самодержавіе изъ характера великорусскаго народа вмѣсто того, чтобы приписать его вліянію монгольскаго ига.

Впрочемъ, и сами русскіе соціологи не нашли еще своихъ основъ и только дѣлаютъ попытки къ ихъ раскрытію. Но все же довольно часто высказывается мнѣніе, что русскому міросозерцанію суждено выдвинуть на первый планъ нравственные интересы жизни, служеніе добру, благу. Еще менѣе можно поставить въ вину малороссамъ то, что они не раскрыли основъ своей жизни, обнаруживающихся въ народномъ бытѣ и исторіи. Представляя изъ себя паріевъ, съ одной стороны утратившихъ связь съ собственнымъ народомъ, съ другой стороны не слившихся всецѣло съ господствующимъ племенемъ, наши интеллигенты какъ-бы потеряли способность къ самоопредѣленію. Но, можетъ быть, намъ самъ народъ поможетъ въ этомъ самоопредѣленіи: нужно порыться въ его прошломъ и настоящемъ. Вѣроятно, наша основная черта и есть *демократизмъ*; такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ народъ въ замѣчательной по краткости и выразительности пословицѣ: „у ляхивъ *паны*, у москаливъ *ребята*, а у насъ *браты*".

Будемъ же разумнѣе, систематически, изучать свою землю и свой народъ, чтобы разрѣшить вопросъ: нація ли мы, т. е. обладаемъ ли мы особенными антропологическими, психическими соціальными и проч. свойствами, подъ вліяніемъ какихъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій складывались эти свойства и чьи руки помѣшали ихъ естественному самостоятельному развитію...

Настоящая 2-я часть программы указываетъ эти соціально-психологическіе и внѣшніе факторы, характеризующіе нашу жизнь или вліяющіе на нее, которые подлежатъ изученію. Разумѣется, мы можемъ представить здѣсь лишь простой перечень этихъ сторонъ, съ нѣкоторыми пояснительными вопросами и замѣчаніями. Кто будетъ разработывать каждую отдѣльную сторону, тотъ будетъ въ состояніи составить болѣе обстоятельную программу и указать необходимые источники. Какъ извѣстно, нѣкоторыя части предмета уже достаточно разработаны, напримѣръ, очерки по исторіи украинскаго народа, по исторіи литературы,

такъ что ихъ легко приспособить для нашей цѣли, другія же представляютъ лишь обработанный матеріалъ или даже кучу сырого матеріала, надъ которымъ нужно не мало потрудиться. Но при живой любви и умѣньи нельзя отказываться отъ полезнаго для родины дѣла.

Антропогеографическій очеркъ. Характеръ территоріи, занимаемой малорусскимъ народомъ (открытыя границы и ихъ значеніе въ политическомъ отношеніи и вліяніе на національную неустойчивость). Поверхность территоріи въ отдѣльныхъ частяхъ или районахъ: степной, лѣсной, болотной и нагорной. Почвенныя и климатическія особенности и ихъ вліяніе на характеръ населенія и производительность страны.

Количество малорусскаго населенія и инородной примѣси въ нашемъ краѣ. Рождаемость, смертность и естественный приростъ населенія. Увеличивается или уменьшается приростъ и отчего? Отличіе въ этомъ отношеніи отъ сосѣдей и причина различія (можетъ быть, отъ разницы въ размѣрѣ надѣльной и пр. земли)? Преобладаніе въ составѣ семей числа мужчинъ надъ женщинами, въ противоположность съ великорусскимъ населеніемъ. Дѣйствительный приростъ населенія и вообще плотность и уплотненіе населенія. Антропологическія особенности населенія. Процентъ примѣси инородческаго элемента въ расѣ для опредѣленія чистоты типа: процентъ круглоголовыхъ, брюнетовъ и пр. [1]). Нормальное ли развитіе желудка и живота (въ противоположность съ болѣзненнымъ расширеніемъ живота у сосѣдей (великороссовъ и бѣлоруссовъ), питающихся хлѣбомъ съ отрубями или картофелемъ („картофельные животы" у нѣмцевъ). Правильное ли развитіе таліи у женщинъ (противоположность съ великорусскими крестьянскими женщинами, у которыхъ обнаруживается отсутствіе таліи, а для прикрытія этого недостатка служитъ сарафанъ). Средній ростъ населенія; не замѣчается ли уменьшенія въ числѣ способныхъ къ отбыванію воинской повинности? Вырожденіе.

---

1) Хотя въ составъ малорусскаго народа вошла нѣкоторая часть инородческаго начала въ лицѣ плѣнныхъ и поселенныхъ внутри страны торковъ, берендѣевъ, черкесъ и проч., но примѣсь эта незначительна по сравненію съ количествомъ финскаго, чудскаго и тюркскаго элемента въ великорусскомъ народѣ, такъ какъ вся страна сѣвернѣе Москвы заселена была финнами: самое слово Москва— угорское (грязная вода). См. изслѣдованія Д. Европеуса въ журн. Мин. Нар. Просв. съ 1868 г. кн. 7-я о народахъ въ средней и сѣверной Россіи до славянъ и въ трудахъ казанскаго археологическаго съѣзда.

Темпераментъ малорусскаго народа: отношеніе впечатлительности нервовъ къ ихъ реакціи—какъ эти отношенія выражаются въ разныхъ функціяхъ жизни и въ разныхъ сферахъ дѣятельности. Національный характеръ и вообще племенная психологія.

Очеркъ этнографическихъ особенностей народа, въ особенности типическія черты, какими онъ изображается въ памятникахъ народной словесности. Этнографическія границы малорусскихъ и сосѣднихъ племенъ. Легко ли смѣшиваются сосѣднія племена и что этому препятствуетъ: не болѣзненныя ли физіологическія уклоненія? Извѣстно, что малороссіяне не женятся на великороссіянкахъ даже смежныхъ селъ, считая ихъ „кислыми", какъ они выражаются. Вѣроятно, это обусловливается развитіемъ животовъ и частыми болѣзнями искривленіи матки.

Денаціонализація, ея размѣры и причины. Образованіе средняго языка (образцы новообразованій: саратовскаго, воронежскаго и др. говоровъ).

Особенности племенныя, выраженныя въ правовыхъ понятіяхъ и обычаяхъ народа. Очеркъ юридическихъ обычаевъ. Пагубное вліяніе земскихъ начальниковъ на извращеніе правовыхъ обычаевъ и понятій у народа. Общественные нравы: отношенія къ личности, къ собственности.

Религіозныя особенности народа. Сектантство. Народная нравственность; порча ея и причины. Нравственные идеалы по сравненію съ великороссами и поляками. „Стыденье передъ снохами" у малороссовъ еще со временъ лѣтописца Нестора и современное снохачество и деверство (сожительство свекровъ съ женами сыновей и деверей) у великорусскихъ крестьянъ, какъ остатокъ древней поліандріи (многомужества) у нѣкоторыхъ сѣверо-русскихъ племенъ.

Малорусскій языкъ. Мнѣнія о его самостоятельности и древности на ряду съ великорусскимъ. Воззрѣніе противниковъ. Нарѣчія малорусскаго языка и главныя ихъ особенности. Очеркъ исторіи языка. Старинный литературный и юридическій языкъ, На сколько имъ возможно воспользоваться для пополненія новаго. Необходимость систематическаго изданія памятниковъ на этомъ языкѣ. Необходимость выработки правильнаго украинскаго литературнаго и научнаго языка, а не такого безобразнаго, какимъ часто говорятъ и пишутъ наши патріоты; для этого нужно основательное знакомство съ нашими лучшими авторами, въ особенности съ Кулишомъ, научный языкъ котораго образцовый.

Очеркъ исторіи древней и новой литературы.

Развитіе народнаго театра и драматической литературы. Ея достоинства и недостатки. Отсутствіе или скудость драматическихъ произведеній изъ быта интеллигенціи, хотя бы галицкой, и изъ прошлаго; недостатокъ переводной литературы).

Взглядъ на исторію малорусскаго народа, главнымъ образомъ, бытовую и культурную; на сколько въ ней проявляются основныя національныя черты.

Проявленіе національныхъ особенностей въ искусствахъ: музыкѣ, пѣніи, живописи, архитектурѣ и въ кустарныхъ издѣліяхъ.

Экономическая жизнь территоріи, земледѣльческая и промышленная; ея особенности. Причины, обусловливающія характеръ хозяйства и промысловъ. Развивается или падаетъ хозяйство и промышленность.

Въ виду важности этой стороны жизни, помѣщаемъ подробную экономическую программу.

Общее количество земли по губерніямъ. Распредѣленіе земельной собственности по сословіямъ и по угодьямъ и количество паровой земли. Населеніе вообще и населеніе земледѣльческое. Преобладаніе сельскаго населенія надъ городскимъ и въ какой мѣрѣ послѣднее усиливается и отчего. Количество удобной земли на 1 человѣка населенія вообще и земледѣльческаго въ частности. Число хозяйствъ или дворовъ. Величина отдѣльныхъ хозяйствъ. Число крестьянъ безземельныхъ и обезпеченныхъ землей и въ какой мѣръ; хозяйства съ 1, 2, 3-мя и т. д. земельными надѣлами и размѣръ надѣловъ. Хозяйственный составъ семей: съ 1, 2, 3 и т. д. рабочими и по количеству живого инвентаря. Распредѣленіе губерніи на хозяйственные районы и ихъ характеристика.

Состояніе земледѣлія и сельско хозяйственной промышленности у крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ. Сборы хлѣбовъ и картофеля вообще и съ 1 десятины и за вычетомъ сѣмянъ. Колебанія урожаевъ по годамъ. Сколько приходится чистаго сбора на 1 человѣка населенія вообще и земледѣльческаго въ частности. Сопоставленіе этихъ данныхъ съ средней физіологической нормой пищи, необходимой для человѣка. Состояніе скотоводства и кормовыхъ средствъ. Постепенное уменьшеніе числа скота. Преобладаніе рогатаго скота надъ лошадьми въ качествѣ рабочей силы. Нерабочій скотъ и его значеніе въ хозяйствѣ. Не производится ли усиленный сбытъ скота и вывозъ заграницу въ неурожайные года? Нормальный бюджетъ крестьянской семьи

средней, богатой и бѣдной. Въ чемъ замѣчается улучшеніе и въ чемъ упадокъ въ земледѣліи и скотоводствѣ, въ отношеніи системы хозяйства, развитія культуры и техники, состава почвы (истощеніе почвы и распространеніе удобреній). Не замѣчается ли относительнаго уменьшенія числа скота рабочаго и нерабочаго? Почему происходитъ замѣна воловъ лошадьми? Упадокъ мериносоваго овцеводства, пчеловодства и пр. и въ какихъ размѣрахъ.

Размѣръ задолженности владѣльческихъ земель и какой процентъ составляютъ платежи по отношенію къ чистой доходности имѣній. Открытый дворянамъ кредитъ даетъ ли необходимыя средства для дальнѣйшаго развитія или только для поддержанія хозяйства въ теперешнемъ состояніи? Служитъ ли дворянское хозяйство образцомъ для улучшенія крестьянскаго хозяйства и въ какой мѣрѣ?

Степень обезземеленія и обѣднѣнія крестьянскаго населенія со времени освобожденія крестьянъ. Не происходитъ ли уменьшенія средней крестьянской семьи? Не замѣчается ли уменьшеніе производительныхъ силъ, опредѣляемое производствомъ хлѣба по отношенію къ населенію (при дѣленіи на наличную душу земледѣльческаго населенія)? Не уменьшается ли количество потребительныхъ продуктовъ и вина на семью или на человѣка? Размѣръ крестьянской задолженности. Не увеличиваются ли крестьянскія недоимки несоотвѣтственно приросту населенія? Не замѣчается ли экономическое разслоеніе сельскаго населенія—на кулаковъ и маломощныхъ? Вліяніе урожайныхъ и неурожайныхъ годовъ на число браковъ, рожденій и смертей.

Не происходитъ ли у частныхъ землевладѣльцевъ перехода въ формѣ хозяйства — отъ веденія хозяйства за свой счетъ къ сдачѣ земли въ аренду, на какихъ условіяхъ, и чѣмъ это обусловливается? Существуетъ ли половничество и раздача земли за отработки и на какихъ условіяхъ и какъ эти условія измѣняются: къ лучшему ли для крестьянъ? Степень повышенія съемныхъ, арендныхъ и продажныхъ цѣнъ на землю (причины) и соотвѣтствуетъ ли это повышеніе приросту населенія и поднятію производительности земли, Движеніе земельной собственности и въ какомъ направленіи (по статистическимъ даннымъ). Размѣръ земельныхъ закупокъ для крестьянъ при посредствѣ банковаго кредита (Крестьянскій Банкъ) и на сколько этимъ облегчается положеніе населенія.

Сравнительный размѣръ земледѣльческой и заводской промышленности (въ общихъ итогахъ). Причина незначительнаго

развитія фабричной и заводской промышленности. Размѣръ и направленіе сбыта мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ и заводскихъ продуктовъ. Ввозъ, и откуда, предметовъ промышленности разнаго рода. Въ чемъ заключается противоположность экономическихъ интересовъ Юга и Сѣвера? Существуетъ ли только экономическая зависимость сѣвера и юга, или же экономическое порабощеніе юга сѣверомъ [1]) и въ чемъ оно проявляется? Не очень ли высока провозная цѣна хлѣба и скота по желѣзнымъ путямъ? Значеніе украинскихъ ярмарокъ городскихъ и сельскихъ для внутренней торговли.

Размѣръ заработка рабочаго и повышается ли заработная плата въ сельско-хозяйственной и заводской промышленности? Сельскіе кустарные промыслы и развиваются ли они или падаютъ и почему? Отходъ крестьянъ дальній и ближній на заработки и не обращается ли онъ въ экономическія скитанія? Направленіе отхода и измѣненія въ направленіи и въ размѣрѣ за разные періоды. Переселеніе крестьянъ въ окраины и за океанъ, куда именно и въ какомъ размѣрѣ. Жизнь матеріальная и духовная на новыхъ мѣстахъ. Остатки и новыя проявленія артельнаго начала въ народѣ. Вліяніе общиннаго землевладѣнія или его отсутствія на распредѣленіе земли и на хозяйственный бытъ населенія. Взглядъ народа на общинное землевладѣніе, на его преимущества и недостатки; стремленіе крестьянъ къ нему. Подворное владѣніе. Какія хорошія стороны въ немъ? Способствуетъ ли оно развитію земледѣльческой культуры? При подворномъ землевладѣніи существуютъ ли обязательные сѣвооборотъ и паръ? При разграниченіи полей и угодій замѣтно ли улучшеніе хозяйства? Чѣмъ парализуется самый мощный факторъ хозяйственнаго прогресса—творческая сила самого народа?

Сословныя отношенія и характеръ ихъ. Взглядъ народа на пана, купца, заводчика, горожанина, солдата, священника. Образованіе дворянскаго пролетаріата, вслѣдствіе перехода земли къ разночинцамъ и крестьянамъ и отношеніе народа къ этимъ фактамъ. Выраженіе мести народной землевладѣльцамъ въ формѣ поджоговъ и пр. Народные идеалы относительно будущаго распредѣленія земельныхъ благъ. Взглядъ народа на заводскую промышленность; денаціонализація и деморализація народа подъ

---

[1]) Если продукты производства юга вывозятся для переработки на сѣверъ и въ переработанномъ видѣ возвращаются для потребленія на югъ, то это будетъ порабощеніе.

вліяніемъ измѣнившихся экономическихъ формъ жизни. Народныя пословицы, характеризующія взгляды народа на разныя сословія. Понятіе народа о теперешнемъ соціальномъ строѣ и неправдѣ въ немъ. Народные разсказы, легенды, пѣсни, характеризующіе соціальный взглядъ народа.

Междуплеменныя отношенія. Взгляды народа на москалей, поляковъ, евреевъ, нѣмцевъ и пр. Хорошимъ матеріаломъ могутъ служить пословицы; наприм.—пословицы о москаляхъ: Москва на слезы не вдаря; московське пануваньня — що ката жартуваньня; зъ москалемъ знайся, а камипь за пазухою держы; видъ москаля, полы врижъ, та втикай; или загадка о москалѣ: „пидъ лыкомъ (липой) спыть, лыкомъ (рогожей) вкрывается, у лыкахъ (лаптяхъ) ходыть та й у лыкахъ усихъ водыть (т. е. держитъ въ нищетѣ). Предпочтительная любовь малоросса къ своей землѣ. Страданія интеллигенціи и народа тоской по родинѣ. Случаи, подтверждающіе это. (Наприм. профессоръ московскаго университета М. А. Максимовичъ въ 1833 г. почувствовалъ томительную тоску по родинѣ; учрежденіе университета въ Кіевѣ повлекло его туда неодолимою силою. Біограф. словарь профес. москов. универс. ч. 2, 1855 г. стр. 10. Малороссійскіе крестьяне переселенцы въ Енисейской губ., какъ сообщалось въ мѣстныхъ губ. Вѣдомостяхъ, вымираютъ главнымъ образомъ отъ тоски по родинѣ.)

Отношенія къ власти и международныя. Разрывъ нашего народа между тремя державами. Безправіе русиновъ въ Венгріи, господство румыновъ въ Буковинѣ, поляковъ въ Галиціи. Положеніе украинцевъ въ Россіи. Мертвящая централизація, способствующая матеріальному и духовному оскудѣнію нашего народа. Эксплоатація въ разныхъ отношеніяхъ окраинъ государствомъ. При этомъ патріархальные взгляды народа на верховную властъ и окружающихъ чиновниковъ (царь-батько, равно любящій всѣхъ своихъ дѣтей, въ томъ числѣ и крестьянъ, да только незнающій положенія и нуждъ мужика, потому что чиновники и министры, какъ и паны, его обманываютъ). Беззаконіе и безправіе въ разныхъ сферахъ. Господство „усмотрѣнія начальства“ на ряду съ закономъ и временными правилами. Естественныя послѣдствія этого; приниженность передъ властью и передъ сильными, общественная невоспитанность, рознь; дробленіе на кружки, отсутствіе политическаго такта и проч.

Общая характеристика малорусскаго племени по сравненію съ великорусскимъ и бѣлорусскимъ.

Необходима сводка мнѣній разныхъ ученныхъ по этому предмету. Необходима провѣрка отзыва Историч. Вѣстника о трудѣ, кажется, извѣстнаго географа кн. П. Крапоткина. Въ Quarterly Rewiew помѣщена замѣчательная статья „Племена европейской Россіи“, переведенная и въ Revue Britannique. Это серьезный этюдъ о національностяхъ, населяющихъ наше отечество; чистый русскій типъ авторъ видитъ скорѣе въ малороссіянинѣ, чѣмъ въ великороссѣ, котораго, по его мнѣнію, „стоитъ поскоблить, чтобы найти въ немъ финна.“ (Истор. Вѣст. 1883 г. кн. 11). Также слѣдуетъ попользоваться Всеобщей географіей Реклю, гдѣ отдѣлъ о Россіи принадлежитъ кн. Крапоткину.

Для сравненія малорусскаго и великорусскаго племени въ прошломъ цѣнный матеріалъ заключается въ путешествіи Павла Алеппскаго.

ГЛАВА 3-я.

Историческій очеркъ національно-культурнаго движенія въ Украинѣ и Галиціи. Узость соціально-политическихъ воззрѣній у первоначальныхъ нашихъ патріотовъ, которые были проникнуты шляхетско-козацкими тенденціями. Смѣна ихъ патріотами государственниками и крѣпостниками, въ родѣ Квитки-Основьяненка, Н. В. Гоголя, Бѣлецкаго-Носенка (послѣдній съ гордостью выразился, что „помѣщикъ, имѣющій своихъ собственныхъ крестьянъ, подобенъ монарху въ благоустроенномъ государствѣ,) и мн. др. Постепенное проникновеніе либеральныхъ и гуманныхъ идей. Народничество Сковороды [1]) и Котляревскаго, національно-демократическое сознаніе у членовъ „Возсоедененнаго общества Славянъ.“ Ученые народолюбцы: Максимовичъ и харьковцы—Срезневскій, Метлинскій, Данилевскій и др. Программа и взгляды Кирилло-Мефодіевскаго братства. Національно-демократическія воз-

[1]) Въ ту эпоху, когда козацкая старшина для полученія дворянскаго достоинства отрекалась отъ народа и отъ его языка и должна была доказывать, показаніями десяти человѣкъ сосѣдей, что она ничего общаго съ народомъ не имѣетъ, т. е. ведетъ благородный образъ жизни, Сковорода въ своихъ сочиненіяхъ высказывалъ такія истины. „Барская умность, будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная; какъ изъ утробы чернаго народа выложились бѣлые господа? или мудрствуютъ: простой народъ спитъ. Пускай спитъ, и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ, но всякъ сонъ есть пробудный и кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее.“

зрѣнія и задачи Шашкевича и К°. Основьянцы: Костомаровъ, Кулишъ (талантливый психопатъ, мѣнявшій свои воззрѣнія подъ вліяніемъ разнородныхъ впечатлѣній), и друг. Моя исповѣдь В. Б. Антоновича. Основа 1862 г. № 1. стр. 83. Молодые народники, прослывшіе подъ именемъ хлопомановъ и хохломановъ, подписавшіе въ числѣ 21 человѣка „Отзывъ изъ Кіева" (Современная Лѣтопись 1862 г. за ноябрь). Новое теченіе въ украинствѣ съ 70-хъ годовъ, выразившееся въ Кіевскомъ Телеграфѣ, когда онъ находился подъ редакціей десяти. Драгомановъ и Франко, современные Кіевляне и Галичане. Національно-демократическая публицистика, ея дѣятели и основныя воззрѣнія.

Противники разныхъ лагерей и ихъ исходныя точки зрѣнія. Полемика съ москвофилами, государственниками, космополитами и радикальными народниками; наприм. съ Алексѣевымъ Петрика, Н. В. Ковалевскаго, Полемика съ Флоринскимъ. Неудачное предсказаніе эмигранта Кельсіева о невозможности водворенія въ Галиціи украинскаго языка (Галичина и Молдавія. Путевыя письма. 1867 г. стр. 2, 15, 70—75, 81—84, 93—95, 150, 169, 181).

Полицейское отношеніе къ нашимъ проявленіямъ духовной жизни: исторія гоненій и мѣропріятій; въ особенности беззаконный секретный указъ 1876 года противъ украинскаго языка и литературы (По толкованіямъ Сената, Высочайшее, повелѣніе чтобы имѣть силу закона, должно быть обнародавано). Естественное послѣдствіе этого указа: перенесеніе пропагандаторской дѣятельности за границу и развитіе болѣе и болѣе крайнихъ направленій.

Успѣхи національно-демократическаго движенія на болѣе удобной къ тому почвѣ въ Галиціи и Буковинѣ. Національно-общественныя учрежденія: политическія (Организація національно демократической партіи въ Галиціи), ученыя (Руське товарыство историчне въ Черновцяхъ и имени Шевченка въ Львови), просвѣтительныя (Выдавныча Спилка, товарыство Просвита), вообще патріотическія общества и товарищества; ихъ уставы и дѣятельность.

Національный характеръ просвѣщенія, науки и періодической печати: въ чемъ онъ проявляется.

Историческій очеркъ партій соціально-политическихъ; ихъ программы (по возможности, въ подлинникѣ). Достоинства и недостатки ихъ программъ; способъ осуществленія. Не вредно-ли для общественнаго развитія дробленіе на партіи (пословица: де два Вкраиньци, тамъ тры думы), не ослабляетъ ли оно силъ

патріотовъ? Вредъ отъ отступниковъ (москофиловъ); чѣмъ они держатся и что проповѣдуютъ; выдающіеся подвиги ихъ партіи. Національное пробужденіе русиновъ въ Америкѣ, отношеніе партій и обществъ и литература. Статуты обществъ. Не была-ли бы полезна эмиграція украинской интеллигентной молодежи въ Америку для воспитанія себя на американскій ладъ и для развитія и направленія тамошней литературы?

Относительно нашихъ желаній отъ нашихъ закордонныхъ братій, Галичанъ, мы можемъ высказаться вообще: въ виду различнаго положенія дѣлъ и различія политическихъ и соціальныхъ правъ у нихъ и у насъ, мы рѣшеніе вопроса, какъ быть имъ дальше, должны предоставить имъ самимъ, съ тѣмъ, чтобы они рѣшали свои вопросы безъ насъ, такъ, какъ бы и совсѣмъ не было насъ, т. е. Украйны, полагаясь на собственныя силы и средства и вѣдаясь только со своими врагами; мы же можемъ рѣшать только за себя, да оказывать содѣйствіе лишь дѣлу развитія общей литературы и науки. Въ интересахъ послѣдняго, мы указываемъ на опасность раздвоенія литературныхъ языковъ у нихъ и у насъ, на необходимость, чтобы избѣжать образованія искусственнаго церковно-славянско,-польско-галицкаго нарѣчія, для многихъ невыносимаго по своей дѣланности, положить въ основу литературнаго языка одно только нарѣчіе кіевско-полтавское (языкъ Котляревскаго, Кулиша, Шевченка), а прочими нарѣчіями пользоваться лишь для пополненія лексической стороны (какъ и шло развитіе литературнаго языка у прочихъ славянъ). Какъ этого достигнуть? Прежде всего, изданіемъ учебниковъ исключительно на избранномъ нарѣчіи, потомъ—употребленіемъ научныхъ терминовъ общихъ съ россійскимъ языкомъ, а не вновь заимствуемыхъ изъ языковъ польскаго и латинскаго. Просимъ нашихъ братій помнить, что мы учимся на россійскомъ языкѣ, а потому каждое слово послѣдняго намъ доступнѣе, чѣмъ всякое дѣланное слово галицкаго языка, котораго мы изучать не можемъ, зная только свое простонародное кіевско-полтавское нарѣчіе.

Для тѣхъ, кто интересуется дѣломъ распространенія національно-демократическихъ идей у насъ, въ Украйнѣ, прежде всего необходимо точное констатированіе причинъ слабаго развитія здѣсь національнаго самосознанія и самодѣятельности: почему это происходитъ? Почему наши патріоты винятъ въ несчастьяхъ родины прежде всего не себя, а всѣ другія народности, съ которыми соприкасался нашъ народъ; не похоже ли это на то са-

мое, какъ крестьянскіе мальчики обвиняютъ евреевъ за то, что они (т. е. ихъ предки) „Христа мучили?“ Почему многіе дѣятели забываютъ изреченіе, что „всякій идеалъ требуетъ, для его осуществленія, если не героизма, то, по крайней мѣрѣ, работы.“ Почему многіе въ зрѣломъ возрастѣ отрекаются отъ „увлеченій молодости“; не вслѣдствіе ли малой обоснованности и прочности своихъ воззрѣній? [1]) Нормальное ли это явленіе, когда рѣшителями судебъ родины и даже основателями новыхъ направленій являются юноши безъ житейскаго опыта, безъ достаточной подготовки, безъ надлежащихъ знаній, съ естественной для юношей склоностью строить воздушные замки, въ которыхъ имъ жить не придется, и съ запамятованіемъ пословипы: згода будуе, незгода руйнуе; не есть ли это вина людей болѣе зрѣлаго возраста, которые должны были бы вести юношество за собой?

Прежде всего тутъ виною историческія причины. Кратко и ясно это выражено словами нашего юнаго публициста: „малорусскій народъ представляетъ собою національность, почти лишенную высшихъ и среднихъ классовъ населенія; исключеніе представляетъ малорусская часть Галиціи, но и тамъ земельная аристократія и крупная буржуазія—не малорусская. Дважды на протяженіи исторіи высшіе слои малорусскаго народа бросали его на произволъ судьбы и пополняли собою густые ряды родственныхъ, болѣе сильныхъ вліяніемъ или культурою, сосѣднихъ національностей. Въ 16 и 17 вѣкахъ почти всѣ дворянскіе малорусскіе роды ополячились, положивъ начало многочисленнымъ польскимъ фамиліямъ; въ концѣ 18 вѣка вчерашняя выборная малорусская козацкая старина превратилась въ потомственное русское дворянство. Среди польскихъ и русскихъ общественныхъ, политическихъ и литературныхъ дѣятелей насчитывается много выдающихся талантовъ, ведущихъ свой родъ отъ племени малорусскаго. Щедрой и расточительной рукой раздавали малороссы свое достояніе сосѣднимъ народамъ: полякамъ они отдали всю свою знать, а въ лицѣ Михаила Вишневецкаго дали даже короля; русскимъ они отдали свое творческое богатство включительно до литературнаго генія въ лицѣ обрусѣвшаго Гоголя.“ (Вѣстникъ самообразованія 1903 г. №—24, Новая малорусская литература, общій очеркъ. М. Славинскаго).

---

[1]) Необходимо, чтобы наши молодые патріоты, предварительно вступленія въ жизнь, почаще задумывались надъ вопросомъ: чѣмъ они намѣрены служить дѣлу родины?

При такомъ положеніи, при отреченіи высшихъ классовъ отъ народа, развитіе народническихъ идей могло совершаться лишь постепенно, въ особенности, если принять во вниманіе, что до послѣдняго времени даже въ россійскомъ обществѣ, не смотря на свободное культурное развитіе, отсутствовалъ спросъ на политическо-соціальныя воззрѣнія и царила полная апатія въ области общественнаго самосознанія и самодѣятельности, и только въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ сознанія бездарности и безпечности правительственной власти, заботящейся лишь только о собственной безопасности и сдѣлавшей все возможное для разоренія благосостоянія населенія, только теперь обнаруживается замѣтное стремленіе къ критикѣ дѣйствительнаго положенія вещей и къ выработкѣ правильныхъ общественныхъ воззрѣній; только теперь не одни идейные люди, но даже молодежь, снисходятъ къ условіямъ и требованіямъ времени и мѣста и ставятъ первой задачей, въ интересахъ отечества и народа, достиженіе политическихъ правъ, а слѣдовательно повышаютъ спросъ на болѣе реальные идеалы. Желательно также, чтобы и въ воззрѣніяхъ русскихъ людей на интересы подчиненныхъ національностей наступилъ поворотъ въ смыслѣ справедливаго отношенія къ ихъ требованіямъ на самостоятельную культурную жизнь и на предоставленіе имъ возможныхъ автономныхъ правъ. Говоря собственно о малороссахъ, мы до сихъ поръ замѣчали въ русской прессѣ если не полное сочувствіе указу 1876 года о лишеніи малороссовъ правъ на литературный и научный языкъ, то даже со стороны самыхъ либеральныхъ изъ русскихъ публицистовъ и ученыхъ слышали выраженіе пламеннаго желанія, чтобы оба народа (малороссы и великороссы) слились въ братскую семью и употребили свои духовныя силы на общее дѣло а потому они желаютъ предоставленія малорусскому языку гражданской (но не политической) равноправности съ языкомъ великорусскимъ и даже введенія малорусскаго языка въ южныхъ школахъ. Разумѣется, это предлагается въ видахъ удобнѣйшаго перехода къ русскому языку, къ обрусѣнію малороссовъ, къ поглощенію ихъ великороссами. Между тѣмъ обрусѣніе для малоросса равняется умственному оскудѣнію, такъ какъ при обрусѣніи лишь отчасти усваивается русскій литературный языкъ, и образуется самое безобразное, среднее между русскимъ и малорусскимъ языками, нарѣчіе, утрачивается же масса собственныхъ словъ и характерныхъ оборотовъ, фигуральныхъ выраженій, эпитетовъ, теряется естественный, природный строй рѣчи, утрачи-

вается богатство ея, мысль теряетъ творческую силу, оскудѣваетъ духъ народа.

Когда наши дѣды и прадѣды отказались отъ своего козацкаго званія и становились въ ряды россійскаго дворянства, они не только подготовляли почву для матеріальнаго закрѣпощенія своихъ младшихъ братій, но и отрекались отъ духовнаго единенія съ ними, и обрекали на духовное оскудѣніе свой народъ. Не удивительно, что они этого не понимали, если этого не попонимаетъ современный россійскій академикъ, пишущій приведенныя выше строки о сліяніи двухъ народовъ.

Мало понимаютъ это и многіе изъ украинскихъ патріотовъ, даже изъ тѣхъ, которые считаютъ себя щырымы украиньцямы, которые цѣпляются за свою народность больше по инстинкту, а не по твердому сознанію своего долга передъ народомъ. Неудивительно, что такіе патріоты скоро остываютъ въ своихъ чувствахъ и, подъ вліяніемъ житейской обстановки, входя въ сдѣлки со своей совѣстью, отрекаются отъ увлеченій юности. Чтобы этому сколько возможно противодѣйствовать, необходима болѣе прочная обоснованность національно-демократическаго направленія.

Мы въ этомъ отношеніи не можемъ не послать упрека даже кружковымъ украинскимъ дѣятелямъ, которые, конечно, много потратили времени въ своихъ кружкахъ на выясненіе разныхъ сторонъ собственныхъ воззрѣній, но не сводили ихъ воедино и не сдѣлали общимъ достояніемъ посредствомъ печати, а между тѣмъ съ этого именно и нужно было начинать свою дѣятельность. Но, можетъ быть, тогда не было такой настоятельной надобности въ самоопредѣленіи, какъ теперь.

Дѣйствительно теперь, когда, подъ вліяніемъ ужаснаго экономическаго и политическаго кризиса, явилась даже въ русскомъ обществѣ потребность осмыслить свое общественное міросозерцаніе, сложиться въ кружки и принять активное участіе въ отвращеніи бѣдствій, причиненныхъ отечеству бюрократической крамолой (читай еженедѣльникъ Освобожденія), когда даже люди крайнихъ направленій, не только соціалисты, но и консерваторы, организуютъ свои партіи (послѣдніе, въ лицѣ Русскаго Собранія и его филіальныхъ отдѣленій, даже обзаводятся партійной популярной литературой для защиты въ народѣ отжившихъ свой вѣкъ коренныхъ началъ), намъ украинскимъ патріотамъ тѣмъ необходимѣе подумать о своихъ общественныхъ воззрѣніяхъ и заняться систематической работой въ пользу своей родины.

Въ заключенiе формулируемъ свои воззрѣнiя и вытекающiя изъ нихъ задачи. Изъ всѣхъ категорiй соцiальныхъ идеаловъ мы останавливаемся на идеалѣ духовнаго и матерiальнаго блага нашей нацiи, съ которой мы связаны происхожденiемъ и прирожденнымъ чувствомъ любви къ родинѣ. Отвергаемъ идеалы личнаго совершенствованiя (какъ преподанные религiей, такъ и философскiе, въ родѣ идеала сверхчеловѣка Ницше), потому что они или ненаучные, или одностороннiе, игнорирующiе соцiальныя и политическiя отношенiя; не можемъ остановиться на соцiалистическомъ идеалѣ, какъ построенномъ на экономическомъ принципѣ и преслѣдующемъ лишь задачу матерiальнаго благополучiя массъ, слѣдовательно однородную съ буржуазнымъ классовымъ идеаломъ, хотя признаемъ его превосходство надъ буржуазнымъ идеаломъ, въ томъ отношенiи, что онъ преслѣдуетъ цѣли развитiя коллективизма въ человѣчествѣ, а не паразитизма, какъ всякiй классовой идеалъ. Не можемъ также согласиться съ этико-соцiальнымъ ученiемъ, такъ называемаго, критическаго марксизма, потому что оно исходной точкой имѣетъ вѣчныя, т. е. врожденныя идеи истины, справедливости и добра, тогда какъ современная позитивная эмпирическая наука отбросила всякiя умозрительныя, метафизическiя идеи, въ родѣ: навязаннаго извнѣ „нравственнаго долга“, „естественнаго права“, предуставленнаго „нацiональнаго духа“ и проч. Идеаломъ признать государственное благо мы также не можемъ, такъ какъ государство зиждется на насилiи и служитъ интересамъ главнымъ образомъ господствующихъ классовъ — въ ущербъ народа, и господствующихъ нацiональностей — въ ущербъ нацiй подчиненныхъ. Тѣмъ не менѣе государственный и классовой, а слѣдовательно и капиталистическiй, строй мы признаемъ, какъ переходную форму къ болѣе совершенному строю, характеръ котораго впередъ опредѣлить мы не можемъ, не будучи проникнуты соцiалистической вѣрой въ возможность отлить все человѣчество въ однообразную форму общественнаго благоустройства, безъ ущерба для личности и для общественнаго прогресса, и считая, что соцiальное развитiе есть собственно нацiональное развитiе, соотвѣтствующее мѣсту и времени и свойствамъ нацiй, т. е. что космополитическiе соцiальные идеалы и формы жизни могутъ осуществляться лишь примѣнительно къ нацiональнымъ особенностямъ народовъ, и при томъ постепенно, путемъ долговременной борьбы съ старыми формами жизни.

Мы, украинскіе патріоты, на первыхъ порахъ національнаго пробужденія прежде всего должны выяснять наши національно-демократическіе, т. е. соціально-политическіе и культурные идеалы, защищать въ прессѣ наши права и требованія на единеніе съ народомъ и слѣдовательно на національное возрожденіе. Затѣмъ ревностнѣе заняться самоизученіемъ, т. е. изученіемъ разныхъ сторонъ жизни Украины и Галиціи и изданіемъ трудовъ по этой части (прежде всего изслѣдованіемъ нашихъ національныхъ свойствъ и особенностей въ разныхъ отношеніяхъ, затѣмъ изданіемъ наиболѣе важныхъ для насъ научныхъ работъ: исторій Южной Руси, украинскаго словаря, энциклопедическаго словаря о Южной Руси, исторіи культуры, исторіи литературы и науки о Южной Руси съ указаніемъ литературы для ознакомленія съ роднымъ краемъ и народомъ, грамматики малороссійскаго языка и пр.) Въ особенности слѣдуетъ тщательно изучать положеніе матеріальнаго благосостоянія разныхъ слоевъ населенія нашего края; не изсякаютъ ли источники существованія нашего народа и не угрожаетъ ли намъ оскудѣніе, подобное оскудѣнію великорусскихъ губерній центрально-черноземной полосы и приволжскаго района. Наши права на національное возрожденіе и на лучшее матеріальное существованіе выяснять путемъ изслѣдованій, отдѣльныхъ брошюръ, программъ и проч. Поддерживать литературу и науку въ Галиціи и народную и проч. украинскую литературу въ своемъ краѣ. Выяснять и на сколько возможно устанавливать справедливыя отношенія къ сосѣднимъ націямъ: русскимъ, полякамъ и евреямъ. Противодѣйствовать всѣми способами все усиливающимся беззаконію, произволу, безпорядку въ отечествѣ и разоренію его, благодаря бюрократическому режиму, заботящемуся лишь о внѣшнемъ порядкѣ, ради собственной безопасности, и содѣйствовать водворенію правомѣрнаго порядка на началахъ національно-демократической и автономной политики. Изучать и сплачивать воедино второстепенныя, угнетенныя демократическія націи и сдѣлаться для нихъ руководящимъ центромъ.

Мы, разумѣется, не можемъ здѣсь представить полный перечень трудовъ, а лишь сдѣлали указанія на категоріи трудовъ.

Петро Одинецъ.

Откровеніє св. Степана.

Студія над одним мало відомим апокріфом.

I.

Студії над тою безіменною, хоч часто відомим особам старого й нового заповіту підсуваною літературою, що зоветься (не зовсім відповідно) старо й новозавітними апокріфами, займають у остатніх часах пильну увагу що раз то ширшого кола європейських учених. Може найцікавійше те, що на них зачали звертати пильну увагу теольоги, особливо протестантські, які до недавна вважали можливим коли не зовсім ігнорувати ту „байкову“ літературу, то все таки дивилися на неї згорда. Певно, догматична теольогія, що стоїть на основах уставлених далеко пізнійшою від апокріфів історичною еволюцією, нерадо черпає з тих на-пів еретицьких творів, але історія церкви, особливо пильно оброблювана тепер історія первісного християнства (Urchristentum), користується що-раз щедрійше тими багатими жерелами, як документами певних давно забутих вірувань та релігійних тенденцій, яких відгуки одначе в великій мірі вплинули на формоване коли не основних догм, то багатої обрядности, культу, легенди пізнійшого християнства.

Із сучасних теольогів, що працюють над збіранем та студіованем апокріфів, досить буде назвати таких, як помершого недавно Ріхарда Ліпсіуса, автора фундаментальної тритомової праці про апокріфічні діяня апостолів, Цана, автора просторої праці про історію християнського канона, Гарнака, автора просторої історії старо-християнської літератури, Барденгевера, автора історії церковної літератури, писаної з католицького становища, і цілої

плеяди молодших сил, як Бонвеч (що перекладає деякі твори заховані лише в церковно-славянських текстах), Прайшен, що видає специяльну часопись, присьвячену дослідам над первісним христіянством (Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft, виходить отсе вже шостий рік), Гункель, Геннеберг і инші. Також у Англії групується біля кембріджського універсітету громадка дуже солідних робітників на тім полі, що видають у науковім оброблену грецькі та середньовікові латинські тексти (див. відому серію Ермітеджа Робінсена Texts and studies, contributions to biblical and patristic literature, де під редакцією Монтага Родса Джемса вийшла двотомова збірка невідомих досі латинських та грецьких апокріфічних текстів з багатим науковим апаратом) і в цілій серії чудово оброблених енциклопедій (енцикльопедія біблійна, енцикльопедія новозавітна включно з часом апостольським, словар старохристіянської біографії перших семи віків і т. д.)—представили теперішній стан тих інтересних студій з можливою повнотою та точністю. Анальогічний рух іде також у Америці, де розпочато видане енцикльопедії гебреістичної. До сього треба додати пильне узгляднюване апокріфів у таких виданях, як нове оброблене широко росповсюдженої теольогічної енцикльопедії Гаука (колись Герцога і Плітта), якої досі вийшло 17 томів; додати працю колегії Болляндистів у Брюсселї, що працює тепер над продовженем документальних Acta sanctorum (тепер підготовляються матеріяли для падолиста) і рівночасно в часописі Analecta Bollandiana видає старі тексти, особливо грецькі, з добрим науковим апаратом.

Та обік теольогів звернули в остатніх часах також фільольоги та історики літератури пильну увагу на сю довго занедбану парість творчости. Праця фільольогів у сїм напрямі звернена була зацікавленем так званою геленістичною добою грецької цівілізації, для якої пребагатий археольогічний та писаний матеріял дали ведені отсе вже чверть столїтя розкопи в долїшньому Єгипті з їх масою папирусів та записаних черепків (остраҡа), що позволили вглянути в економічне, суспільне та духове жите египетських та сирийських греків від часів Александра Македонського аж геть до арабської епохи далеко докладнійше, ніж се було можливе вперед. Ті розкопи дали між иншим багатий матеріял також для зрозуміня мови й термінольогії таких творів, як александрійський переклад Біблії і як новозавітні книги, писані власне тодїшньою геленістичною мовою. Вони дали дуже важні причинки також для пізнаня і досліду найстарших апокріфів, що вже в перших віках нашої ери були перекладені з грецької мови на мову тодїш-

ніх феллахів, що була матїрю теперішньої, вже майже вимерлої коптської. Відкритя значного числа памяток, списаних у тій коптській мові і захованих по старих коптських манастирях, позволило прослідити літературну традицію теї мови на протязі більше як 2000 літ і дало підставу деяким ученим (особливо Амелїно) бачити в многих христіянських, головно гностичних апокріфах і легендах, парости та перерібки творів старої єгипетської літератури. Взагалі єресь гностиків, розповсюджена в перших трьох віках нашої ери від Сицилії до Евфрата і далї на схід, була, як догадуються, творцем найбільшої части відомих нам апокріфів, а з історично-лїтературного боку вона цікава тим, що в її творах збігаються відгуки і староєгипетської і старовавилонської і індійської та староперської літератури, так як у її доктрінах зливалося христіянство з маздеізмом, з грецькими та єгипетськими містеріями, з вавилонською магією та буддийською саможертвою.

Із учених фільольогів, що присьвятили свої сили й працю прокладаню ясних стежок у тих темних лябірінтах, на першім місцї годиться назвати Ервіна Роде з його прегарною „Історією грецького романа.“ Що правда, сам автор, стоячи на естетичнім становищі старших фільольогів, з деяким призирством дивиться ще на свою тему, розгрібає її мов купу сьмітя з тою думкою, щоб ощадити иньшим трудà та прикрости, аби не мусїли ще раз робити сю працю. Та про те культурно-історичне тло сеї праці вийшло таке широке, сила виведених ним фактів духового життя „упадаючої“ Греції показалася такою великою, що тема привабила як стій до себе нові сили. Перше місце між ними займає Герман Узенер, якого передчасна смерть на початку 1906 р. проняла щирим жалем усіх, хто мав нагоду користуватися його працями. Він залюбки бере темою своїх праць старохристіянські легенди, а власне такі, що були відгуками та літературними перерібками старших грецьких та орієнтальних міфів, при помочи літературно-критичної методи віднаходить їх жерела, рисує їх розвій на тлї широкого обрію культурної історії, слідить їх звязок з культами, звичаями та обрядами поганськими і христіянськими. Рядом з ним слід би поставити й російського вченого проф. А. Н. Веселовського, особливо його праці „Опыты по исторіи развитія христіанской легенды“ (друковані в „Журн. мин. нар. просв.“ 70-их років) та „Изъ исторіи романа и повѣсти“, головно т. І, як би ті праці свою мову та почасти через те, що були друковані в мало доступнім по за межами Росії періодичнім виданю і навіть досі не видані окремою книгою, не були позбавлені відповідного

впливу на загальний хід тих студій у Европі, який би їм по заслузі належався.

У славянщині зацікавлене апокріфічною літературою почалося майже разом із течією так званого славянського відродженя. З іменами перших батьків того відродженя, Шафарика, Востокова, Калайдовича, Строева, Данїчіча звязані також перші відкритя на тім полї. Велике багацтво старих славянських рукописів, нагромаджене в Росії, аж просилося на пошукуване. Від 50-их років ідуть публїкації Горского і Невоструєва, Буслаєва, Костомарова і Пипіна, Тіхонравова, Срезневського, які відкрили перед ученими велике багацтво сього відділу старого письменства. За збірками матеріялів ідуть учені оброблення—цїнна й досі монографія Пипіна „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“, що була немов програмою дальших студій; взірцева що до методи праця проф. Веселовского „Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ“, праці і збірки матеріялів Порфірьєва про старозавітні та новозавітні апокріфи, В. Сахарова про есхатольогічні апокріфи, цінні публікації Андрія Попова в московських „Чтеніяхъ“ і новійші праці та публікації М. Сперанского („Апокрифическія евангелія“), М. Соколова, проф. Архангельского, В. Істріна, В. Мочульского, В. Перетца і и., що частками оброблюють широке поле сього письменства в найріжнійших напрямах.

Обік сих праць російських учених, іноді дуже показних своїм обемом та інтересних своїм змістом, далеко скромнійше виступають праці південно-славянських учених, хоч і тут спеціяльно з іменем проф. В. Ягіча вяжеться заслуга одного з найліпших дослїдників та ініціяторів на сьому полї. Видані доси звиш 30 томів „Starine“ загребської югославянської Академії Наук, сербський „Гласник“ та инші публікації білградського університету, болгарський „Сборникъ за народни умотворения“ містять багатий засіб памяток старої апокріфічної літератури та й немало причинків до її досліду. З розвоєм сеї галузи літературно-історичних дослідів вяжуться тісно імена В. Ягіча, Ст. Новаковича, Л. Стояновича, Ю. Полївки і инших.

На Вкраїнї, що й для сього рода літератури, як і для многих инших, довгі віки служила посереднїм етапом між сходом і заходом, між південем і північю, розвій і зріст студій над памятками апокріфічного письменства вяжеться нерозривно з 25-літнім істнованєм „Кіевской Старины“, а спеціяльно з іменами М. Сумцова і М. Драгоманова. Пок. Драгоманов перший звертав увагу на потребу порівняних студій літературних памяток нашої

нації і дав, між иншим і в отсьому журналї, ряд майстерних праць, у яких, особливо твори нашої устної, людової традиції були трактовані порівняною методою в звязку з традицією инших народів, а по части також і з старим, у тім числї також апокріфічним, письменством. Проф. Сумцов у своїй праці „Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ“ (К. Ст. 1887) дав першу пробу систематичного огляду всеї захованої у нас апокріфічної літератури в звязку з устною народною традицією, і сим звернув увагу на важність точного пізнаня сеї літератури для зрозуміня й оцінки й самої традиціоністики, чи як принято тепер називати, фольклїору.

У Галичині, де на львівськім університеті істнує від самого 1849 року катедра української мови й літератури, поле дослїдів над апокріфами тай загалом над нашим старим письменством до недавна було майже зовсїм нетикане. Перший професор, що займав сю катедру 18 літ, Яків Головацький, хоч розпочав свої виклади блискучою заявою своєї віри в істноване і культурну будущину України як окремого етнічного організму з окремою мовою й письменством, що само для себе варто студій, одначе швидко стратив сю віру вже від 1852 р. викладав на університеті мляво, як з примусу, не цікавився своїми студентами і силкувався в своїх писанях проводити ідею „единства Руси“, що в практичній діяльности виходило на систематичне знеохочуване молодих слухачів від усякої наукової праці на рідному грунтї. Його наступник на тій катедрі, проф. Омелян Огоновський, чоловік мінімальних здібностей і мінімальної осьвіти, хоч би був і хтїв, то не міг піднести студій укр. мови і літератури на висший ступінь. Як бувший гімназіяльний учитель грецької і латинської мови він не був підготований для такої катедри і заняв її лише завдяки тому, що як ученик відомого славіста Міклошіча переняв його прінціпи в трактованю граматики і з певним успіхом прикладав їх до студій над українською мовою. Літературу він довгі літа занедбував, а про наше старше письменство до Котляревського, можна сказати, не мав ніякісінького понятя: Христоматія Буслаєва, підручник Галахова в першім виданю та деякі бібліографічні каталоги, се, можна сказати, були всі його жерела для сеї літератури. Що до апокріфів, то все його знанє обмежалося на „Сказаніе о Соломонѣ и Китоврасѣ“ та „Хожденіе Богородицы по мукамъ“, тай то крім чисто школярського переповіду змісту він не знав, що з ними робити; ідея розвою літератури, в звязку писаної літератури з устною, і загалом

усе те, що творить основу новійших дослїдів історико-літературних, була йому зовсім чужа і недоступна.

Одинокий галицько-руський учений, що знав із нашого старого письменства безмірно більше від Ом. Огоновського, проф. Калужняцкий, хоч одержав катедру універсітетську в Чернівцях, але закинув свої занятя нашим старим письменством завдяки своїм москвофільським поглядам і обмежився публікаціями, що мають значінє виключно для історії язика (Путнянське еванґеліє та Кристинопольський апостол), або залюбки шукав тем із чужого поля (твори Євфімія болгарського), та й як професор лишився й досі зовсїм чужим своїй суспільності.

Певна річ, в остатньому десятилітю можна тут завважити зворот до кращого. На львівському універсітеті маємо вже дві катедри для української мови і літератури, обсаджені людьми молодими, учениками проф. Ягича, які внесли в свої виклади і в семінарійні занятя нового духа і нові методи. Молодїж під їх проводом мала вже нагоду прослухати, крім загальних оглядів історії нашого письменства, також спеціяльні курси про апокріфічну літературу, про стару повість, про стару драматичну та полемічну літературу, і зацікавленє нею збільшається з року на рік. До того треба додати, що доступні від недавна бібліотеки „Народного Дому“, з поміщенім у ній „музеум А. Петрушевича“, та „Наукового товариства ім. Шевченка“ мають обік багатих збірок книжок також інтересні збірки рукописів з багатими причинками також для апокріфічної літератури.

Та головно треба тут піднести заслугу Наукового тов. ім. Шевченка, яке не щадячи коштів і заходів робить усе можливе, щоб розбудити серед нашої молодїжи і ширшої суспільности зацікавленє до наукових питань і дослідів, у тім числі також зацікавленє нашим старим письменством. За для сього ще р. 1896 засновано серію видань старих текстів (Памятки української мови і літератури), в якій на першім місці йде систематична і науково оброблена збірка апокріфів. Плян сеї збірки, уложений мною і принятий філологічною секцією товариства, обіймає тексти апокріфів і апокріфічних оповідань, далї порівнанє тих текстів з иншими паралельними, друкованими в инших, давнійших публікаціях, бібліографічні вказівки до кождого тексту і надто детальну оріентаційну передмову до кождого тому. Видані доси три томи сеї збірки обіймають: т. I—апокріфи старозавітні, т. II—апокріфів новозавітних ту групу, що доповняє евангельську історію, т. III—апокріфів новозавітних ту групу, що доповняє апостольські

діяня. Кінчиться друком т. IV, що обіймає апокріфи тзв. есхатольоґічні, а власне отсі чотирі групи: апокріфічні катехізми (вопросоотвѣты), апокаліпси про празники і обряди (в роді тзв. Епістолії про неділю), апокаліпси про загробове житє (ріжні ходи по муках, візії про розставаня душі з тілом, про митарства, про рай і пекло) і апокаліпси про конець світа, про Антихриста і про страшний суд. Пятий том, яким повинна закінчитися ота збірка, обійме, крім нових доповнень до попередніх томів, ще групу апокріфічних житій святих, і широкий відділ заклинань, фальшивих молитов, вірувань та віщувань, що також обнятий нашими старими індексами „ложних книг“.

Мавши на меті при складаню своєї збірки поперед усього визискати ті рукописні матеріяли, які були доступні мені в Галичині, я мусів відразу зректися детальних пошукувань за найстаршими списками даних творів, які може можна б було знайти в великих книгозбірнях у Росії, та які саме видане збірки були би зробили надто коштовним та вимагали б довгого часу і подорожів. Обмежене з сього боку випадгороджуеться одначе на мою думку иншим авансом: власне обмеживши свої пошукуваня теріторіально на австрійську Русь, я здужав при помочи декількох товаришів (згадаю особливо д. В. Гнатюка, д. Г. Стрипського і проф. Ол. Колессу) зібрати масу текстів тзв. секундарних апокріфів, себто популярних переробок старих апокріфічних творів, які надають моїй збірці в значній мірі спеціяльний український і ще спеціяльнійший карпато-руський кольорит і позволяють в тих старих творах, занесених до нас іздалека, сконстатувати та слідити певну мірку й нашої народної творчости та певні літературні течії, проявлювані в їх перероблюваню та популяризованю.

Та не можна сказати, щоб ті апокріфи, зібрані мною переважно з галицьких та угоруських рукописів, не додавали дещо нового й до загальної скарбниці нашого знаня старинної апокріфічної літератури. Як відомо, німецькі та англійські спеціялісти тепер чим раз більше звертають уваги на старі памятки партикулярних письменств, таких як сирийське, коптийське, вірменське, віднаходячи в них переклади або первісні редакції творів, яких грецькі оріґінали або зовсім затратилися, або заховалися лише в пізнійших перерібках. І багате церковно-славянське письменство, що своїми початками сягає IX віку, має не мало таких перекладів, особливо в обсягу апокріфічної літератури. Кілька літ тому назад було науковою сензацією перекладене на німецьку та англійську мову славянської книги Еноха, многоважного

апокріфа, давно затраченого в грецькім орігіналі і лише недавно віднайденого в етіопськім перекладі. В паралель із тим перекладом явився перед ученими „славянський Енох“ у двох редакціях — сербській (два списки) і українській (один список зроблений на початку XVII в. в Полтаві). Деякими славянськими апокріфами користувався Ліпсіус у своїй праці про апокріфічні діяня апостолів, доповняючи ними латинські та пізногрецькі перерібки затрачених старих орігіналів. На пропозицію д-ра Е. Прайшена, редактора фахової часописі „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Urchristentums“ (виходить уже сьомий рік, по томови в 4 випусках річно), взявся я подавати в тій часописі „Причинки з церковно-славянської мови до новозавітних апокріфів“[1]) у перекладі на німецьку мову з невеликими оріентаційними студіями про кождий текст. Остатній із тих причинків, се власне апокріф, якого титул стоїть на чолі отсеї праці і з яким я хотів би познайомити читачів „Кіевской Старины“ тим більше, про российська наука досі не звернула на нього ніякої уваги і його даремно було б шукати в дотеперішніх збірках апокріфів та їх опрацьованях у Росії. Отся статя, яку тут подаю дальше, се не дословний переклад, а розширена перерібка німецького комунікату, при чім тут уперве друкуеться й *повний* текст самого апокріфа.

II.

Як відомо, наші найдавнійші відомости про апокріфи черпаемо з тзв. індексів книг правих і ложних, що були укладані в старо-християнській церкві чи то поодинокими авторітетними письмениками, такими як Кирило Єрусалимський, Атанасій, Григорій Богослов і т. и., чи то церковними соборами (лаодикейським) або иншими корпораціями (папські консисторії) ще в III і IV віках нашої ери. Між тими індексами видне місце займае уложений десь при кінці IV віку, коло 395 р. в Римі тзв. Декрет папи Ге-

[1]) *Dr. Ivan Franko,* Beiträge aus dem kirchenslavischen zu den neutestamentlichen Apokryphen. I Zu den Pseudoklementinen (Ztschrift III, 146 — 155); II, Zu den gnostishen Περίοδοι Πέτρου (Ztschrift VII, 152 — 172).

лазія[1]). В тім декреті між книгами апокріфічними, яких уживане забороняє церковь, безпосередно по відомім апокріфі „Revelatio sancti Pauli apostoli“, себто по оповіданю про мандрівку ап. Павла до неба і до пекла, названо другий твір „Revelatio sancti Stephani“, про який досі наука не знала нічого. В „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft (т. III, стор. 358) звернув берлінський професор П. Вінтерфельд увагу на те, що ся друга Revelatio мабуть не буде таким самим „откровенієм“ про загробове жите, як названа перед нею візія ап. Павла, але що се буде мабуть не менше знана в літературі „Epistola Luciani ad omnem ecclesiam de revelatione corporis Stephani martyris primi et aliorum“, а властивого „откровенія“ св. Степана не було ніякого. Думаю, що поданий далї церковнославянський текст позволить нам надати тому твердженю трохи иншу форму, а поки що треба нам докладнійше придивитися до того Лукіянового листа, а особливо його початкових розділів.

Від р. 415 відомий у західній Европі лист єрусалимського пресвитера Лукіяна про доконане ним віднайдене мощей св. первомученика Степана, Никодима, Гамаліїла і його сина Авіва в Кафаргамалї недалеко Єрусалима. Посередником, що передав сю звістку з Єрусалима на захід, був Авіт, еспанський пресвитер, що пробував тоді в Єрусалимі, був ніби то особисто знайомий з Лукіяном і мав навіть наклонити його до того, аби описав історію того чудесного віднайденя мощей. Той-же Авіт переклав потім грецьке писане Лукіянове на латинську мову і разом з частинками мощей св. Степана та зі своїм листом передав через руки пресвитера Орозія до Еспанії[2]).

Отже в латинськім тексті маємо дві рецензії того Лукіянового листа, що ріжняться між собою не лише стилїстично, але подекуди й річево, хоч, що правда, лише в менше важних дрібницях. Грецький текст листа був невідомий, поки недавно не віднайшов його знаний грецист проф. Пападопуло-Керамевс у єрусалимській патріаршій бібліотецї і не видав у пятім томі своїх Ἀνάλεκτα τῆς

---

[1]) Див. про нього і про всі злучені з тими індексами питаня капітальну працю Цана (*Theodor Zahn*, Geschichte des neutestamentlichen Kanons, Zweiter Band, Erlangen und Leipzig 1890 стор. 259—267).

[2]) Див. лист Авіта, надрукований перед текстом листу Лукіяна, в Augustini Opera, ed. Benedict., t. XVII, 2191, пор. *Migne*, Patrologiae latinae t.XLI, ст. 805—808.

Ἱεροσαλυμιτικῆς σταχυολογίας (С.-Петербургъ 1898, стор. 28 — 53). [1]) Тілько тепер ми маемо змогу виробити собі властиве зрозуміне про сам орігінал, як і про Авітів переклад. Та що ціла та досить бездарна книжечка байдужна для нашої теми, то придивимося близше лише трьом початковим главам латинського і гл. I—IV грецького тексту і при сьому піднесемо особливо ті уступи, що доторкаються круга новозавітних апокріфів, тобто осіб згаданих у новозавітних біблійних книгах, оповідаючи про їх жите або смерть такі речі, яких нема в канонічних писанях.

Латинський текст обох рецензій містить у розд. I короткий вступ, а в розд. II починаеться оповідане. Лукіян заснув д. 3 грудня 415 р. in Loco sancto baptisterii, де спав звичайно як доглядач церковного скарбу; і ось у сні йому являеться шановний сивобородий чоловік в ієрейській одежі, з вишитим на білому епитрахилї знаком хреста і з золотою різкою в руці. Він доторкаеться його різкою, кличе його тричі по ім'ю і велить йому йти до Ерусалимського епископа Іоана і занести йому наказ, щоб як найшвидше видобув речника і його товаришів із їх дотеперішнього занедбаня і поклав їм пам'ятник гідний їх імени. Їх мощі подадуть поміч і потіху цілому світові, пригнобленому страшними нещастями. (Гл. III.) Лукіян питае: „А хтож ти, пане, і хто такі твої товариші?“ На се відповідае привид: „Я Гамаліїл, що виховував апостола Павла і вчив закона в Єрусалимі. А обік мене в східній части гробу лежить мій пан Степан, що був укаменований жидами і старшинами ієрейськими в Єрусалимі за Христа перед східною брамою, що веде до Кедара; там лежав він день і ніч простертий, бо по наказу богопротивних князів не дано йому ніякого похорону, щоб звірі пожерли його тіло. Та за божою волею ніхто не доторкнувся його, ані звір, ані птах, ані собака. Я, Гамаліїл, почуваючи милосерде над слугою Христовим і бажаючи одержати заплату й уділ зі святим мужем у вірі, вислав у-ночі кількох набожних і христолюбних мужів і наклонив їх піти потаемно і завезти його тіло моїм возом до мойого хутора Кафаргамаля, 20 стадій віддаленого від міста, велів там 40 день оплакувати його і потім похоронити його в моїм гробі у східнім прискринку (theca), і велів дати їм усе, чого треба для його оплаканя. А другий похований у другім прискринку, се пан Никодим, той що

---

[1]) За вказане сеї публікації і ласкаве випозичене самої книжки висловлюю щиру подяку членови колегії Боляндістив, о. Іполіту Делягею в Брюсселї.

нічю приходив до Спасителя Ісуса і слухав від нього євангеліє, а вийшовши був охрещений учениками Ісусовими. Та коли Юдеї дознали ся про се, скинули його з уряду і прогнали його з міста. І сього я, Гамаліїл, за те що він потерпів за Христа, приняв до свойого хутора, давав йому страву й одежу аж до його смерти, а по смерти похоронив його з честю обік пана Степана. Так само й Авів, мій найлюбійший син, що разом зі мною одержав Христове хрещенє від його учеників, а проживши 20 літ, умер передо мною, лежить похоронений у третім, горішнім прискринку, де й мене покладено пізнійше по моїй смерти. А моя жінка, на імя Етна, і мій первородний син Селемія не захотіли бути прихильниками Христової віри, були похоронені на иншім хуторі, власности їх матери, тобто в Кафаргемелїї“. Те що йде далї, байдужне для нас.

Друга рецензія, загалом багатша на слова, вкладає привидови Гамаліїла в уста ось які слова про Никодима: „А той другий, що лежить із ним (себто зі св. Степаном), се мій небіж Никодим, що звичайно нічю приходив до Спасителя, щоб слухати слів правди і відродитися водою і святим духом. Коли вислухав Господа, святі апостоли Петро й Іван охрестили його. За те охрещенє старші над ієреями дуже розсердилися на Никодима і загадали вбити його; та з огляду на моє становище і його свояцтво зо мною не вчинили сього. Та про те надавали йому стусанів, та й то не мало, лишили його простертого майже без духу, прокляли і прогнали його з міста і роздряпали (diripientes) все його добро. А я велів і його захистити і завести до мого хутора і дав свойому завідателю наказ давати йому все потрібне. Проживши там іще короткий час, він заснув о Господі.“

Сим трьом розділам латинського листа відповідають чотири розділи грецького тексту, і то остільки, що розд. I грецького тексту не має собі в лат. тексті ніякої паралелї. А се тому, що тут оповідано коротенько мучеництво св. Степана на підставі Ап. Діяній і до сказаного там додано досить неясну і з дальшим оповіданем суперечну увагу, що „надійшли деякі вірні мужі καὶ ἐποίησαν γλωσσόκομον περσεινόν, себто оплакали і вихвалили мученика, положили його під могилу (ἐκ πλαγίας τοῦ βουνοῦ), написали його імя сирийськими буквами „Хілїет“, підняли величезний плач за ним і вернули до Єрусалима, бючи себе в груди“.

Розд. II грецького тексту, се дублет до розд. IV тогож і до розд. III латинського тексту, лише те, що там Гамаліїл оповідає Лукіянови у снї, тут оповідаеться в третій особі про Гамаліїла. Говориться тут одначе, що в-ночі по Степановій смерти Гамаліїл

удався до апостолів (*προσπεσὼν τοῖς ἀποστόλοις ἐν τῷ καιρῷ ἐκείνῳ*) і силкувався наклонити їх, аби йшли з ним і помогли йому похоронити тіло мученика. Та в IV розділі не знаходимо ані сліду такої розмови Гамаіліла з апостолами, лише говориться, що він вислав поважних і вірних мужів, що вже разом із ним були християнами, і велів їм похоронити тіло в своїм хуторі в Кафаргамалї. Про те, що тіло було вже тоді зложене в труні, як сказано було в розд. І,—ані в розд. II, ані в IV нема ані згадки. Епізод про Никодима в грецькім тексті оба рази оповідаеться так, як у другій рецензії латинського тексту: Никодим, се Гамаіілів небіж, його охрестили Петро й Іван, жиди проклинають його, грабують його добро „на імя храма", самого виганяють і прибивають до полусмерти.

Розділ III грецького тексту, се до певної міри паралель з розд. І латинського тексту, але з дуже характерною перерібкою, що кидае досить дивне світло на Авітів спосіб писаня. Наводжу тут дословно оба ті невеличкі уступи:

Visio quae apparuit meae pusillitati a Deo ter, de revelatione reliquiarum beati et gloriosi protomartyris Stephani et primi diaconi Christi, et Nicodemi qui in evangelio scriptus est, et Gamalielis qui in Actibus Apostolorum nominatur, necessarium duxi pandere vestrae in Christo dilectioni, imploratus ac magis jussus a sancto et Dei cultore patre Avito presbytero, ut secundum fidem consummatam interroganti quasi filius patri obaudiens, sicut cognovi, cum omni simplicitate impiger integre indicarem omnem veritatem. [1])

А в грецькім тексті пишеться он що:

Ὁ δὲ ἀγαθὸς καί φιλάνθρωπος θεὸς ἔτι μᾶλλον ὑψῶσαι βουλόμενος τὸ κέρας τοῦ Χριστοῦ αὐτοῦ, τουτέστιν τὸ κήρυγμα τοῦ εὐαγγελίου, εὐδόκησεν διὰ τῆς ἐμῆς ἀνικανότητος ἐπ' ἐσχάτων τῶν ἡμερῶν ἀποκαλύψαι τούς ἁγίους αὐτοῦ δούλους, λέγω δὴ τὸν μακάριον καὶ ἔνδοξον Στέφανον τόν πρωτοδιάκο-

---

[1]) В перекладі на нашу мову: „Виділе, що з'явилося моїй нікчемности від Бога тричі про відкрите мощей блаженного і славного первомученика Степана і першого діякона Христового, і Никодима, що написаний у евангелії, і Гамаліїл, що названий у Діянях Апостолів, уважав я потрібним предложити вашій о Христі милости, на просьбу, а радше за наказом святого і богомольного отця Авіта презвитера, щоб по всякій вірности, на запитаня послушний як син батькови, як сам дізнав, так і оповів усю правду з усею простотою, не ліниво і вповні.

νον καὶ πρωτομάρτυρα καὶ αὐτοπτὴν τῆς οὐρανῶν βασιλείας, ἔτι δὲ καὶ Νικόδημον τὸν ἐν τοῖς εὐαγγελίοις ἐπὶ ἀγαθῇ μνήμῃ μακαριζόμενον, Γαμαλιὴλ τε τὸν ἐν ταῖς πράξεσι τῶν Ἀποστόλων ἐπὶ ἀγαθαῖς συμβουλίαις εὐχαριστούμενον, καὶ Ἄβιβον τὸν υἱὸν αὐτοῦ, τὸν ἐν τῇ Γραφῇ μὲν οὐκ ἐμφερόμενον, ἐν δὲ τοῖς ἀγράφοις μετὰ τῶν ἁγίων συναριθμούμενον, καθὼς καὶ ἡ δηλωθεῖσα τῇ ἐμῇ ἀναξιότητι ὅρασις ἐκ τρίτου ἐσήμανεν. [1])

Порівнюючи оба сі тексти бачимо, що латинський або зовсім не походить від Авіта, або що Авіт пустився на нечувану самохвальбу, називаючи сам себе святим мужем і приписуючи собі великий вплив, ба навіть авторітет на Лукіяна, про що сей не знає нічогісінько. Грецький текст не знає нічого про Авіта і зовсім не має форми листа, але держиться простійшої форми реляції свідка-самовидця. Чи смиренно-гордий латинський вступ справді написаний Авітом, чи яким пізнійшим перерібником латинської рецензії, сього не беруся рішати; в усякім разі можливо, що друга рецензія як у епізоді з Никодимом, так само й у вступі подає нам давнійшу форму, бо в ній розд. І зовсім коротенький: Revelationem sancti Stephani, quae mihi per gratiam Domini salvatoris nostri ostensa est, dignum duxi, ut vestrae panderem sanctitati, non jactantia quadam, sed ad confirmandum audientium. Та против більшої первісности сеї простої формулки промовляє та обставина, що в ній майже ніщо вже не нагадує III розд. грецького тексту.

Ся двоіста форма латинського тексту виключає, здається, відразу думку, буцім то в латинськім маємо перед собою первісну, орігінальну форму Лукіянового твору, а в грецькім пізнійшу перерібку, що з огляду на дату рукопису, з якого д. Пападопуло-Керамевс опублікував свій текст, не було б неможливим. Власне розд. III грецького тексту видається первіснійшим та автентичнійшим від обох латинських рецензій і його можна вважати невідлучною частиною Лукіянового тексту, дійсним вводом опо-

---

[1]) В перекладі на нашу мову се значить: Добрий і чоловіколюбний Бог, бажаючи ще більше підвисшати річ свойого Христа, себто проповідь євангелія, зволив через мою негідність в остатніх днях відкрити своїх святих слуг, мовлю блаженного та славного Степана, перводіякона та первомученика та самовидця царства небесного, а надто Никодима, що доброю памятю ублажається в євангеліях, і Гамаліїла, якого згадано добрим словом у Діянях Апостолів, і Авіва його сина, вправді не внесеного в Писаннє, але в неписаній [книзі] зачисленого між святих, як се показало й видінє, якого удостоїлася моя недостойність.

віданя про його власну участь у відкритю мощей. Коли воно так, то з близшого розгляду сього розділу та з порівнаня грецького тексту з латинськими відкриваються вам деякі інтересні висновки для історії сеї традиції.

По перше сей III розд. грецького тексту, се зовсім не початок трактату, так як рівнобіжний до нього латинський вступ; навпаки, грецький текст своїм Ὁ δ' ἀγαθός вказує на щось попереднє; се закінчене того попереднього, а перехід до другого нового оповіданя. Латинський перерібник усунув те попереднє і для того мусів також відповідно переробити грецький розд. III.

По друге те, що в теперішнім грецькім тексті попереджає III розд., се тілько якась уривкова латка; розд. II грецького тексту скомпоновано a posteriori з розділу IV, а розд. I, се витяг із оповіданя Апостольських Діянь, до якого при кінці долучено уривки якогось иншого оповіданя, суперечного з Діянями. В тій формі ся повість не могла вийти з під пера Лукіянового.

По трете, порівнюючи розд. IV грецького тексту з другою рецензією латинського тексту, побачимо, що латинське оповідане подає первіснійші деталі, яких не має грецький текст. Описавши появу Гамаліїла, латинський текст пише далі ось що: Et cum hoc viderem, haesitans intra memet ipsum dicebam: „Quis putas est? de Deo est, an ex adversa parte? Nec enim oblitus fueram verbi Apostoli dicentis: Semet ipse Satanas tranrsfigurat se in angelum lucis (II. Cor. XI, 14). Cum ergo viderem eum deambulantem, cogitare coepi in corde meo et dicere: „Si his homo de Deo est, tertia vice me nomine meo clamabit; quod si me semel visitaverit, non illi respondebo“. Дуже неправдоподібно, щоб се була лише риторична прикраса латинського перерібника, а про те відомий нам грецький текст не містить ані натяку на сей уступ.

По тих увагах не буде, здається мені, занадто смілим заключене, що жадев із відомих досі текстів не заховав нам Лукіянового оповіданя вповві й непопсованим, що латинська перша рецензія найдальше відбігла від орігіналу, друга рецензія декуди близша до нього, ніж грецький текст, а всі три мають одно спільне — усунене першої части оповіданя; грецький текст не має її також, хоч його III розд. виразно натякає на нього, розділи I і II лише від біди заповняють прогалину, а деякі відривки втягнені в I розд. і також первісний титул полишений над грецьким текстом: Μαρτύριον τοῦ ἁγίου πρωτομάρτυρος Στεφάνου καὶ ἡ εὕρεσις τῶν λειψάνων αὐτοῦ (мучеництво св. первомученика Степана і віднайдене його мощей) велять нам догадуватися змісту тої першої части. Отже

про *мучеництво Степана* мало йти оповідане в першій части трактату, а теперішне закінчене першого розд. грецького тексту доказує, що се оповідане мусіло бути сильно відмінне від того, що оповідано в Діянях Апостольських.

Можемо піти в своїх міркуванях іще крок далї. Коли д. П. Вінтерфельд підносить питане, чи сей Лукіянів трактат, який ми досі знали з обох латинських рецензій, а тепер знаємо також із грецької, не є та сама Revelatio santi Stephani, що втягнена в Гелязіїв індекс заборонених книг,—то мусимо відповісти питанем: щож таке могло склонити автора чи авторів Гелязієвого декрету класти на індекс той трактат, зовсїм невинний із догматичного, так сам, ояк із етичного погляду, писаний звичайним шабльоновим складом чудесних оповідань того часу і залюбки цитований святим Августином? Думаю, що на таке питанє ледви чи знайдеться достаточна відповідь. Нї, згадане в Гелязієвім індексі Откровеніє св. Степана не може бути Лукіянів трактат у тій формі, як його знаємо з латинських і грецького текстів!

Зовсїм инше діло, як би ми знали першу часть трактату, якої істноване насувають нам льогічні висновки з порівнаня захованих досі текстів, і яка оповідала про мучеництво св. Степана таке, чого нема в Ап. Діянях. Тоді може легко було б відповісти на порушені вище питаня. Отже менї здається, що я віднайшов сю першу, пізнїйшими перерібниками так основно нівечену часть Лукіянового трактату: вона в церковно-славянськім перекладі преспокійно стоїть собі в Минеях, принаймнї в рукописних. Я знайшов її текст у двох львівських рукописах південноруського походженя, з яких один писаний у Львові при кінці XVI та в перших роках XVII в., а другий, з тогож часу, був колись власністю василіянського манастиря в Замості, а тепер належить до бібліотеки львівського університету. Сей текст зрештою не рідкість і в великих рукописних збірках у Россії; з доступних менї каталогів рукописних збірок зазначую, що він мається в бібліотецї Духовної Академії в Троіцкій Сергієвій Лаврі біля Москви в грудневій Четї-Минеї XVI в. (№ 90) і друга частина Лукіянового трактату там же в серпневій Четї-Минеї XVII в. ч. 10 (96); перша частина тамже в збірнику XVI в. ч. 19 (210) [1]), далї в бібліотецї самої Сергієвої Лаври в Четї-Минеї з

---

[1]) *Архим. Леонидъ.* Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ библ. Троицкой Духовной семинаріи и т. д. Москва 1887 стор. 31, 61, 94.

1630 р. ч. 672 (1621)[1]). На апокріфічний характер того твору вказали вже Горський і Невоструев у своїм описі рукописів Синодальної бібліотеки, та проте, скільки знаю, в россійскій науці досі не звернено на нього уваги ані не опубліковано його тексту.

Львівські рукописи, в яких я знайшов текст отсього оповіданя, подають його також у двох редакціях, і то досить інтересно зроблених. Текст Замойського рукопису коротший і немов суцільнійший, текст Львівського рукопису (тепер у бібліотеці Оссолїнських, ч. 38) немов риторично розширений. Не уяснивши собі зразу відносин обох текстів, я надрукував текст Зам. в третім томі моїх Памяток (ст. 28—33), а потім додав окремо як додоповнене до нього ті екстраваганції, які має рукопис Льв. (там же стор. 256—258). Виложена досі історія Лукіянового трактату і заборона його Гелязієвим декретом велить нам приняти власне ширшу редакцію, яку маємо в Льв. рукописї, за близшу до орігіналу і покласти її в основу студії. На жаль треба сказати, що обі наші копії з погляду на чистоту і ясність вислову лишають багато дечого бажати; можливо, що порівнане наших текстів з иншими захованими в Россії помогло би справити не одну неясність. Лишаючи се дальшим дослідникам, що може заціkавляться цією темою, я подаю тут текст оповіданя з Льв. рукопису, та щоб зазначити також характер другої редакції, яку має Зам. рукопис, беру в гранчасті скобки всї ті слова та реченя, яких у Льв-ій копії *нема*, так що ті місця визначають пропуски, пороблені чи то самим копістом, який писав Зам. рукопис, чи може якимсь старшим редактором, якого разив зміст повного тексту і він силкувався зробити його зноснійшим для православних слухів. І на се питане міг би нам дати відповідь дослід инших рукописних копій, що містять отсей апокрифічний твір.

---

[1]) Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки св. Троицкой Сергіевой Лавры. Москва 1878, часть II ст. 21.

М҃сца дек. въ кз҃. днь с҃то г и славна г и всехвалнаго пръвомꙋчнка архидїакона Стефана. бл҃сви ѿч҃е прочеести. гла в оє҃.

Памяти добрыя [1]) прележаще [2]), възлюбленнїи, поноуднхом сѧ [3]) напнсати Х҃вѣ цр҃квѣ его [и всехвалнаго пръво]мꙋчника Стефана [и] в нас бывшее житїе и еже [4]) за мир мѫка, [иж]и прїнти имоут [5]) съвръшенный [6]) вѣнець и дарь победный горнаго възванїа [7])

Быст во врема оно по Г҃ѣ нашего І҃сѣ Х҃ѣ плотном [8]) пришествїю, по стр҃стех кр҃тных и по [9]) въскр҃енїи и по возшествїи еже на небеса къ Ѿц҃оу [10]), мимошедшима ж двѣма лѣтома, быст възыскание велико [11]) зело междоу Іоудеи и Садоукеи [и Фарисеи] і Єлин[ы] ѿ [Х҃ѣ] І҃сѣ Назареи [12]), како роди са таковою [13]) плотїю, како ли распать быст і оумре и въскр҃се пръвенець из [14]) мр҃твых [бывъ]. ѿвїи [15]) оубо [16]) глахоу, ꙗко пророкъ ꙗвис, дроугїи же [глахоу: „Ни, но прелестивь ест мир“. и инїи же] глахоу, ꙗко с҃нъ Б҃жїи тъи есть. и клич великъ бѣ в народѣ. събраша же [17]) нѣцїи моужїе бл҃городни [18]) и моудри и ѿ Єфиопїи и Фиваиды і ѿ Алезандрїа и ѿ Іер҃слма и ѿ Асїа же и Маврїтанїа и Вавилона, ѿ часа пръвого даж до часа д҃-го кличь въсхождаше ꙗко гром [19]) великъ. тогда ставъ [с҃тыи] Стефанъ на мѣстѣ высоцѣ, моуж книжникъ и премоудрь [20]) и честенъ въ всемь людем, рода [сыи] Авраамлѧ, племени Венїаминова, и потрасъ роукою и гласомъ велїим реч: „Братїе старїи и юнїи, слышите ѿ мене нн҃ѣ. въскоую оумножисте ваше въсклицанїе [21]), ꙗко събрашас всемоу Іерслмоу? [22]) но бл҃женъ тъи чл҃къ, иж не ста во двоедшїи [23]) ѿ Х҃ѣ І҃сѣ с҃нѣ Б҃а живаго [невидимаго]. тъи бо есть иже оухищренїемь [24]) чл҃колюбїа [25]) сшед съ небес грѣх ради [26]) наших и невѣжьствїа

Варіянти Зам. тексту: [1]) добры, [2]) предлежаща, [3]) поноудихсѧ, [4]) абїеже, [5]) и прїатїе моукъ, [6]) съвершенїе, [7]) званїа, [8]) плотномоу, [9]) дод. смр҃ти и по, [10]) еже на небеси ко Ѿцю, [11]) въ звиканїа вѣлика, [12]) Назаранинѣ, [13]) и како жити, [14]) ѿ, [15]) ѿво, [16]) бо, [17]) бо са, [18]) еллинстїи моужїе хоудожнїи, [19]) ꙗко се громъ бысть, [20]) книженъ и моудръ, [21]) вашь кличь, [22]) еда сѧ събра весь Іер҃слимъ, [23]) не стане двое, [24]) хищренїемъ, [25]) чл҃колюбствїа, [26]) дѣлма.

людска [1]), въшед бо [2]) въ оутробоу двнүю прүстоу [3]), йзбранноу ѿ состава мира [4]), іакож пронареүе [5]) Адам, всего мира ѿцъ, женоу свою рекъ, іако таа нареүеть сѧ мати жизнь [6]), ста оубо двица но йстинѣ нареүе сѧ жизнь; по писанію рождьшіи [са] үлкь быст Хс без грѣха. егда бо родися іако үлкъ, просвѣтис вселеннаа [7]). врагъ надеждоу ймѣа, іако єсть ємоу іако дѣтищоу родитис плотію, подвиже [8]) на оубіеніе [тогда] рожденых младенець [9]), [тѣмже] йзби ді. тысащь; й се по үлколюбію [10]) бжію быст, да молат үстіи младенцы за спсеніе үлкомь. Како злѣ вѣрүете ѡ Гѣ моемъ Іс Хѣ, йже слѣпцемь вашимь [11]) сътвори прозреніе [12]) й прокаженныа ваша йсцѣли, бѣсы ваша прогна. но й на прьвоүю [13]) прелесть проклеть [14]). іакож древо [15]) быст, үстное избравь, древомь [16]) бысть крстоносецъ. изшед за всѧ въ адъ съкроуши [17]) власть ймоущаго [18]) съмрти, й третій днь всѣх ѡживи. ѡбаүе горе[19]) невѣрнымь! [й] єгда второе прійдеть соудити живымь й мртвымь, тогда ѡгнь пред нимъ предйдеть і ѡкрсть єго боура веліа. тогда множество безүислено агель й теүеніе ѡгненных колесниць [20]) ѡ ѡгнь пламени страшнаго [21]) й шестокрылатіи аггли преставлени [22]), повелѣвающе стомоу [23]) ѡкрсть парити, [24]) горній же вѣтрь смоущаєть. [25]) тогда звѣзды двигноувше сѧ со страхом [26]) спадоуть іако листвіе [27]), й врата нбснаа [28]) ѿ-връзоуть са, [й книги разгнутьс] й вг. аггль кождой днии преставлени [29]) боудоут ѡблиүити үлүскаа дѣла. тогда моутитис ймать море из дна, йже в не [30]) надиіаа [31]) йздасть [32]) их творцю, й высокіа горы поникнуть [33]) [й сокроушат са каменіе под връхомь гор], й всакаа дебрь наклънит са, й йсправит са лице земли, й іакоже без влънь вода стоіащи въ сосоуде [34]). тогда поставатса [35]) прстли стра-

---

[1]) й гроубости дела людьских, [2]) вниде, [3]) үсты, [4]) мироу, [5]) прозва, [6]) жизни, [7]) весь, [8]) дод. Ирода, [9]) детей, [10]) үлколюбствію, [11]) нашим, [12]) прозрети, [13]) да и первоую, [14]) проклонеть, [15]) іаже древом, [16]) избра древо, [17]) сътре, [18]) дод. державоу, [19]) но горе люте, [20]) й теүеть ѡгнена колесница, [21]) града, [22]) й представлени, [23]) сташномоу дхоу, [24]) паратъ, [25]) верхъ матеть, [26]) страхомъ двигноуше сѧ, [27]) аки град, [28]) двери с горы, [29]) днию представленіи, [30]) в немъ, [31]) впадоша, [32]) дасть, [33]) погыбноуть, [34]) во йетесаніе дѣлви, [35]) станоуть,

шиїй [1]) й крилатїй [ôкр҃сть ѥго], й садеть Гс҃ въседержител [2]) й славный ѥмоу сн҃ь Іс҃ Хс҃, дх҃ъ ст҃ый с нима. тогда рєче вседръжителъ къ Іс҃оу, єгож вы ємыше [3]) повѣсисте на древѣ: „Сѣди [4]) ѡдесноую мене, дондеже положоу враги подножїю ногама твойма“.

Тогда бысть кличь великъ, ꙗкож шоумъ боура велики, й кликноувше [5]) народы: „Да възмет сѧ ѿ ꙁемлѧ сьй [6]), [ꙗко] йꙁ гл҃а словеса хоулнаа“. й въсхитивше [7]) Стефана [приведоша єго гл҃юще къ Пилатоу: „Възми сего!“ тогда ставъ Пилатъ на степени възопїй гл҃ѧ: „Аще й ст҃ого сего праведнаго сн҃а бж҃їѧ семоу бытн проповѣдающе, ни коєго вы гл҃ете прежде вами приноуженъ бысть, й възложих роукоу грѣшнѹю на пр҃стое й бес порока преч҃стое єго тѣло? ѡ ꙁлый соборе, на кого сѧ собра? на Стефана бѣшенїє й ꙁавнсть? что бѣснте, что ли скрежещете ꙁоубы? [еще не] ѡставнсте͑ беꙁоумїѧ своѥго?“

Тогда поємши Стефана иꙁведоше ѥго вонь иꙁ црк҃ве] й поставиша его преди й бесѣдоваше к собѣ гл҃ще: „Что сътворим ч҃лкоу семоу?“ въстав же Каиꙗфа старѣйшина жръцемъ й повелѣ жеꙁлїємъ бити Стефана, дондеже [8]) кровь ѥго ꙁемлю полнѥть. Ст҃ый же роуцѣ свой въꙁдвигь [9]) на н҃бо р҃ѣ: „Гн҃и, не постави им грѣха сего!“ й тогда видѣхом ѧгг҃лы [10]) слоужаще [ст҃омѹ] Стефаноу. [На оу҆трїѧ поим Пилатъ приꙁва женѹ свою й ѡба дѣтища, й кр҃стиша͑ вси славѧще Бг҃а. събраша͑ тогда тоу моужїє до три тисѧщи [sic!] йсплънени всего ꙁлого ꙁакона своего, й бесѣдоваше съ Стефаном три дн҃и й три нощи, не могоша противоу ѥмоу стати раꙁоумѹ й премоудрости ѥго, ꙁанеже бѣ дх҃ь ст҃ый в немь. таж въ четвертый дн҃ь] съвѣть сътвориие, й поустиша въ Кесарїю палестинскоую [писание] к Савлоу йменемь, Тарсанинѹ, да скоро прїйдеть въ Іе҃рслмь. Той бо бѣ вꙁаль власть, да й всѧкого [11]), йже йсповѣсть Хр҃а, въ веригах поставить пред старѣйшинами жерцемь [12]) й пред книгоуч҃їами людскими. ѡн же [13]) видѣвь писанїє [14]) поущенно [15]) ѿ старѣйшинь жречеснхь й

---

[1]) гордїи, [2]) Бг҃ всемоу держитель, [3]) ймше, [4]) ꙗко сади, [5]) кличющю, [6]) да воꙁмет сѧ, ꙗко сей [7]) похвативши, [8]) донеле же, [9]) въꙁдевъ, [10]) дод. бж҃їа, [11]) всѧкъ, [12]) старѣишинми жреческыми, [13]) иже, [14]) книгы, [15]) поущенныѧ.

ѿ всего събора, тъгда [1]) ӓвїс въꙁыйдс скоро въ Ієр҃слмъ, прета ӥ [нскїй на] Стефана [2]). ӥ на оу҆трѣй сѣдс на степснах повелѣ прїйтн [3]) мӱнкоу Хв҃оу, ӥ тогда рсу к немоу: „Аꙁ уюждю сѧ̑ [4]) твоей велнцѣй многїй пресмоудростн, како свой [5]) оу҆мъ погоубнвь распатого Бг҃омь проповѣдаѐшн. ѐще бо събор весь не ѿстоупнлъ ѐсть [6]) своѐго ꙁакона, аꙁ же беꙁ печалн хожаахꙋ [sic!] въ ѡкр҃стных градѣх ӥ скԝоꙁѣ весн ӥоудсйскїа ӥ галнлейскїа ӥ въ Кнрнней [7]) ӥ в Дамасцѣ ӥ въ Авснтндн́стѣм [8]) мѣстѣ, ꙗ҆ко бо [сматраю вѣрꙋющнх въ распатаго]. твоа моудрость ѿ тебѣ ѡба҃ть са по всемоу, ꙗ҆же ѡбѣщсваѐнн [9]). тѣмже [10]) ӥ н҃нѣ днвлюс, како ты не по ѡ҆бычномоу поутн ходншн [11]) [ӥ] прнноудн ма прїйтн въ град сїй. но м҃лю твое хоудожество [12]) ӥ доброта наказанїа твосго д҃ша [13]), б҃лго хранн съворнтн [14]) ѿч҃ен́скаа наша преданїа, не въсхотѣша съворнтн [15]) народа нн възмꙋтнтн [16]) людїй снх всѣх. кое тн прнѡбрѣтснїе [17]), ѐгда смоущаа оу҆мъ свой [18]) ӥ гнѣвас ӥ хота тобѣ моукоу сотворнтн, таковоу славнꙋ моужꙋ ӥ кровїю оу҆жнцѣ сосца [19]) мнѣ?“

Тогда въꙁдвнгь роуцѣ свой б҃лжный Хв҃ь моу҆ч҃нникь Стефань рсуе к немоу: „Млъчн, Савлс, гоннтелю Хв҃н ц҃ркве [20])! [млъчн, Савлс, моучнтелю, ӥ нс бѣсн са на Хв҃оу ц҃рквь], не ѡскврънн рода нашсго Б҃а ѿмѣщас, поꙁнай с҃на б҃жїа жнваго, жнꙁнь [21]) всего мнра! раꙁумѣй, ꙗ҆ко нꙁ ѐднисхь чресль ѐсвѣ славнаго Авраама, рода Іаковла, племенн Веньꙗ҆мннова. соумноу бо са своѐго рода с тобою бесѣдоуа̑ [22]) днес, паче ӥ проꙁрю, ꙗ҆ко тобѣ [23]) ѐсть недалече ӥспнтн чашоу сїю. да оу҆же ѐсть [24]) творнтн, сътворн скоро, аꙁ бо готовь ѐсть на коюждо [25]) съмрътн вннοу, сама бо тщоус ꙁа Хр҃а оу҆мрѣтн.“

Тогда гнѣвас Савль растрѣꙁа рнꙁы своа [26]) ӥ своима роукама жеꙁломъ [27]) бїꙗше Стефана. тогда въскочнвъ [28]) нѣктô Гамалнӥль,

---

[1]) тоу, [2]) Стефаноу [3]) статн, [4]) чюжоу са, [5]) се, [6]) ѡслоушнлъ есн, [7]) Іюдса ӥ Галнлеа ӥ Поурѣа, [8]) Єснтїстѣ, [9]) ѿ мене къ всемоу ѡбѣщаваше, [10]) тоже, [11]) хода, [12]) твою хнтрость, [13]) добрѣ наказаны твоса д҃ша, [14]) сътворн, хранн, [15]) не моꙁн съвратнтн. [16]) съꙁмастн, [17]) квнтн оу҆спѣхъ, [18]) сн, [19]) оужнцн соущю, [20]) ц҃ревс, [21]) жнꙁнн, [22]) бесѣдоую, [23]) н тебс, [24]) еже, [25]) на коа любо, [26]) свою рнꙁоу, [27]) жеꙁлїемъ, [28]) въскочн.

ҫаконꙋ хоҭтѣ, ѝжє наоꙋ҆чи [1]) Савла, ҫаоꙋ҆ши єго ҫа ланитоꙋ рекъ [2]): „Такомоꙋ ли ѿ менє наказанїю настави, Савле, де ѝже соꙋт бл҃гдти достойни [3]), [ѝже ст҃ымь ѡ҆бразомь подражатели быша Хоꙋ҃], тѣм ти досаждаєши? ѝли нє вѣм, ꙗ҆ко мы ѿ того ѝмам[ы] жиҫнь сїю? но раҫоꙋмѣй, ꙗ҆ко ѝже ѿ сего гл҃емаꙗ ѐсе прїꙗ҆тно оꙋ Б҃а [4]), любимо [5]) чл҃комь“.

Паче жє раҫгнѣва сѧ Савлъ ѝ ꙗ҆рнмъ [6]) лицемъ реч҇ к Гамалиѝлоꙋ: „Прътръпѣх ти старости ѝ поутох ти, ѐже бысть при мнѣ твоє оꙋ҆ч҃нїє. но ѧ҆ще второє дрьҫнеши тако ѡ҆ семь слово сътворити [7]), достойно прїимѣши [sic!] своѐго свєренїꙗ. хитро бєсѣдамъ [въздамъ] въҫданїє“.

Га҆малеиль жє реч҇: „И аҫ да бых былъ причастникь Х҃а моѐго ст҃рстемь, что ми того бл҃жене в жиҫни сей?“

Растръҫание же старѣйшины ѡ҆дежда своꙗ ѝ синахꙋ прах на вѣтрь гл҃юще: „Да насыплют сѧ гл҃ющей словеса хоулнаꙗ!“

Тогда рече Савль: „Да пострегоуть ѝхь, да ҫаоꙋ҆тра в҆ себѣ сїи вса“.[8])

И ҫаоꙋ҆тра сѣде на степенех повѣлѣ привести ѐго. ѝ[тако] привєдоша ѝ на распатїє. ѝ ставь пред нимь ѧ҆г҃глъ гн҃ъ ѝ поврьже дрєво. ѝ бѣ Стефань цѣлъ ѿ рань тѣх [9]). ѝ пакн приставиша ҃ꙁ. моужїи числом слеҫшє съ степени, раҫвръҫше [10]) оꙋ҆ста Стефаноу вливахоу [11]) ѡ҆лово раҫжегше ѝ въ оꙋ҆ста [12]) ѐго, смолоу [раҫжєноу] врѧщоу [вливахꙋ] ѝ гвоҫдїє наѡ҆стривше въ пръси ѐмоу воиҫоша ѝ в лысты ногоу ѐго. бл҃женыи же роуцѣ въҫдвигъ на нєбо възпїꙗше гл҃ꙗ: „Ѡставн им грѣх сїй!“ ѧ҆г҃гль же гн҃ь съшед ѝсцѣли ѐго ѿ всѣх тѣх ꙗ҆ҫвь ѝ ҫдрава [всего] сътвори. ѝ тогда ѕѣло [13]) множество всровашє въ Б҃а, ѝ оумножи сѧ число Х҃вы цр҃кви вѣроующ[ихъ] съ Стефаномъ, [14]) баше [15]) бо пр҃ркь ѝ оꙋ҆читєль всѣм людемь.

Ҫаоутра [16]) съвѣть сътворше вєс собор людскїй, ѝ ѝҫведоша ѐго вонь иҫ града на соуднще [17]). ѝ ставь же ст҃ый Стефанъ на камени [18]) ѝҫбранїємъ блиҫ гори ѝҫбранны ст҃ыꙗ, ѝ въҫдвижє [19]) глас҇ свой и рєч҇ к нимь гл҃ꙗ: „Доколѣ сотона ѡ҆жєстевасть [20]) ср҃дца ваша не поҫнати свѣта ѝстины? се оꙋ҆бо [21]) ҫаконь ѝ пророци проповѣдають

---

[1]) наказа, [2]) рекши, [3]) дод. Хоꙋ҃, [4]) прїꙗто оꙋ҆бо, [5]) любо, [6]) страннымъ, [7]) но ащє второє да тако оумислиши ѡ҆ семъ слово коє сътворити, [8]) все бо сїи вси, [9]) праҫденъ ѿ ꙗ҆ҫвы, [10]) раҫдвигше, [11]) льахоу, [12]) оꙋ҆ши, [13]) дод. велико, [14]) вѣрою Стефанєю, [15]) бѣ, [16]) дод. же, [17]) ѡ҆соудити ѝ. [18]) на камыцѣ, [19]) вҫꙗ, [20]) ѡ҆жєсточа, [21]) бо.

поуть гнь и благовѣствоуютъ: [1]) рождсство Хво єсть [2]) по плоти. глєть во в законѣ пръвом и въ второмь въ ѡставших книгах: „Єгда пріидєть врѣма [3]) завоутоу [sic! зам. завѣтоу], послю [4]) възлюблєннаго своєго агглა, дхь бо [5]) снοвства и съ прєчистыя дѣвы плод правды [ѿ іилътєска племєна], и всєлєніє ѡбраза [6]) възрастєніє [7]), плод по чювствоу [8]) въ вѣки ω словєсєх завѣта моєго. и боудєть знаменіє єє“, Исаіа зовет гла: „ꙗко ѿтроча роди͡с нам снь и дан бысть нам“. и паки: „Сє дѣва въ оутробѣ въспріимоуть [9]) и родит снь и нарекоут имя ємоу Ємманоила, єжє [10]) єнами Бъ“. и паки глаше Нафань пророкь: „Видѣх дѣвицю бєє посага [11]) моужєска и младєнєць на роукоу єи, и просвѣти͡с ѿ лица єго вся зємля“. и пакн Вароух пророкь глєт: „Камєн ꙗвит ся ѿ гори вѣчныя и поразить капищє и поустить“. [12]) и Двдь глєть: „Въскрсни [13]) гн въ покои твои, ты и кивот стня твоєꙗ“. разумѣитє, нєразумніи, ꙗко ѿ класа [14]) пророкъ въсє слово соудить [15]), [пѣти] плоднοє [16]) рождсство Хво проповѣдасть. но вѣ [17]) нє разумѣвшє тѣх властелина мироу всємꙋ и спса на дрєвѣ распєнша и оубистє [18]) но [тъи] съшєд въ адь жизнь мирꙋ всємоу даровавь [19]), ижє пріꙗти имать [20]) врємя ѡбѣтованиє [21]) и тогда оувѣсть [22]), кто єсть пострадавый [волєю и живый] въ вѣки“.

Сицє сыи и главоу [23]) възвєдє [24]) на нбо и рєч: „Сє вижоу нбса ѿвръста и сна бжіа стоꙗща ѡдєсноую Бга“. и тогда кликноуше гласом вєликимь и пріидоша коупно възложиша на͡н роуки своꙗ глаще: „Сіи глєть словєса хоулнаꙗ“.

Гамалиилъ жє рє͡ч: „Колико сіи чєстный [25]) и правєдны моуж видѣ сна бжіа стоꙗща ѡдєсноую Бга, гнѣвающе ся и глюще ко ѿцоу: „Како єдиначє жидовє бѣсоуют ся на мя и нє прєстаютъ пакости творящє исповѣдающимъ имя твоє стоє!“ [26]) рє͡ч жє к нємоу [ѡцъ]: „Сиди [27]) ѡдєсноую мєнє, дондєжє положоу враги твоꙗ под ногѣ твои“.

Тогда бысть собор вєликь и въсхитившє стго Стефана и связавшє и и оутвръдив [28]) и ѕѣло вєдоша єго къ Алєксандроу книжникоу [29]) соуща

---

[1]) благовѣстать, [2]) ижє, [3]) годъ, [4]) поущю, [5]) благъ, [6]) плод правды бєз рала и бєзъ сѣмєни и всєлєнію ѡбразъ, [7]) и възрастєть, [8]) дод. сажєніꙗ, [9]) въ оутробоу вкусмлєть, [10]) дод. єсть [11]) посага, [12]) капищє ѿпоущєніꙗ, [13]) востани, [14]) гла, [15]) соудитѣ ти, [16]) плотноє, [17]) вы, [18]) распєншє оумористє, [19]) дасть, [20]) и пріимоуть въ, [21]) ѡбѣтованіꙗ, [22]) оувѣстє, [23]) и снє сєи главъ, [24]) въздвигъ, [25]) како чєтныи, [26]) имя моє, [27]) сяди, [28]) оутвєрдиша, [29]) книгчіи.

старѣйшинѣ своєму тиверьнадскимъ[1]). йже в нощи тойй к четвертой стражи[2]) свѣть посвѣти[3]) окреть єго ꙗко свѣть млънїа, и гла к немоу гла: „Дрьзай, Стефане! ты бо показа свѣт правсд ный[4]) мене ради[5]). ты боудеши на[6]) всѣмь [йже ѿ земла] оумираюшимь[7]) ѿбаче заоутра в єйй же час[8]) възыйдеши ко мнѣ и памат впишоу твою въ книги живота[9]). сего ради радоуй са вышнїй вѣкъ[10]) и въ градоущїй без коньца“.

Съвѣть же сътворше[11]) тоу събравше са на собор и соудиша[12]) каменїємь побити [стого] Стефана. и баше с нимъ Авинь[13]) и Никодим и Га[ма]лиилъ [и Пилать старѣйшина со женою и со двѣма ѿтроучищема [и] йнь многъ народ вѣровав ших. тогда ставъ Савлъ пред всѣмь народом] потрас роукою и гласом великим гла: „Достойно[14]) бѣ, ѡ моужїє и вси старци людетїй, не оумориті моужа сего великаго хитростїю своєю. єлмаж єго ради мнози ѿбратиша ѿ славнїй нашей[15]) вѣры, тѣмже ѿсоудих Стефана каменїєм побити, да не вес събор людей к немоу прибѣгаєть[16]) чтож вы глете, любочестний соборѣ?“[17]) Онижє всй [ꙗко єдиными] възопиша[18]) глюще: „Каменїємъ да побїєнь боудеть!“ и предстоꙗще съ жезлїємъ дроугъ на дроуга възирающе, не дръжаху[19]) роуцѣ възложити нань, зане баше славень въ людехь.

Разгнѣвавь же са Савлъ взем котыги слоугамъ и положї а на столѣ своємъ[20]) и повелѣ имъ[21]) роуцѣ вложити нань. і ѿзрѣвъ же са славный Хвъ мчник Стефань реч к немоу: „Савле, Савле, єже мнѣ нйѣ сътвориши, по мале ѿ сих жидовь на себѣ[22]) оузриши[23]) и стражда помаеши ма“.

Тогда паче разгнѣва са Савлъ повелѣ каменїємъ побити єго. и народ вземлюще[24]) каменїє[25]) бихоу єго часто, ꙗкож[26]) сквозѣ каменїє и лоуч[27]) слнчных не бѣ видити. ꙗвив же са и Никодимь и Гамаиїлъ, ѡбьемше [стго] Стефана прїꙗша и тїй каменнос побїєнїє[28]) и своа дша предаша Хоу.[29]) стый же Стефань млаше Гвн ѡ оубивающих єго гла: „Гй Іс Хс, не постави им сего грѣха камень бїющих[30]) нас, сего бо ради[31]) твоєго цръства дойти надѣємса“. сице главь предаст дшоу свою Гвн[32]).

---

[1]) соущю старѣйшинѣ людемъ и восмъ тивиринадьсеомъ, [2]) стражбѣ, [3]) просвѣти са, [4]) близъ показа правды, [5]) мене дел ма моучснїємъ, [6]) В тексті повинно бути: старѣишина в зам. старїн, [7]) дод. за ма, [8]) оубо въ нейже час, [9]) дод. вѣчныа, [10]) да радоуеши са и веселоуи са въ нйнѣшнаꙗ вѣкы, [11]) сътворивше, [12]) ѡсоудиша, [13]) Авивь, [14]) Достоало, [15]) славнѣишсе, [16]) прибѣжить, [17]) то оуже како вамъ любо, ѡ честный съборѣ, [18]) кликноуша, [19]) дерзнахоуть, [20]) сїи, [21]) людемъ си, [22]) В рукоп. събѣт, [23]) ти ймать быти, [24]) народѣ възирающе, [25]) каменїємъ, [26]) ꙗко се, [27]) зорь, [28]) и каменїємь побиша их, [29]) даша Хсоу с миромъ, [30]) каменїємь побивающих, [31]) сего дѣлма,

32) . . . . . .

[И втой час] вѣрніи людіє [1]) падоша на телеса стых [2]) и плакаше са [3]) веліимь гласом, и вес собор желаше по них [4]), по неже видѣша аггли бжіа горѣ несоуща [5]) дша их на твердь нбсноую. [6]) и възрѣвша [7]) видѣша нбса ѿвръста и силы нбсныа срѣтающе дша их [8]). и сотвориша вси людіє плач великъ над [стымь] Стефаномь три дни и т нощи.

[Тогда попеченіе велико сътвори Пилат,] вҁем [9]) телеса стыхь, и сотвори [10]) коємоуждо телес ковчегь [сть] сребрень, и положи [11]) телеса стых, написавь [12]) на коемждо имѧ ємоу. а в немьже стый Стефань лежаше, ҁлатом поҁлати [13]). положи [14]) єго с великою славою в стайнем своем гробѣ]. Или же са стый Стефань Гви гла: „Ги силамъ [15]), съкріи телеса наша въ веси моей Арасимѣ [16]), въ капогьматѣх [17]) до времени ѿкровеніа, єгда събероут са иже по мнѣ мчици“. и в тоу нощь [18]) съшед аггль съ нбсе преложи телеса стых на мѣсто [стоє], єгож проси. [19])

Въстав же Пилать ҁаоутра и вніидє въ клѣт свою покадити стыа мощи. и не ѿбрѣте [20]) их, растрьҁа риҁы своа и плакашес плачемъ великимъ гла: „Почто аҁ не бых достойнь слоуга быти твоим рабом и вядцѣ всѣх вѣкъ? или ҁа єже невѣдый ҁаоушиx престоє и пречстноє тѣло твоє? но того ради плачоус ѕѣло, Ги, не преҁри млтвы моєа!“

Въ дроугоую ж нощь представѣ ємоу блженный прьвомчнкъ Стефанъ ꙗко не въ снѣ, но ꙗко ꙗвѣ, и рече ємоу: „Въҁлюбленниче мой, ни скорби ни плача, аҁ бо млих Ба моего и спса всѣх сокрити кости наша; въ времѧ ж ѿкровленіа намъ ѿбращет ны по ꙗвленію ѿ семени твоего, и правда и хотеніє, желаніє твоє съвръшит са. но сотвори млтвеный храмъ въ имена наша, напиши єже по силе родꙋ творити памяти наша мсца априла, ꙗкож поучитахом, по седмем мсци и ты поучещи с нами.“

Ҁаутра же въставь Пилать с радостію великою и сътвори црковь красноу стым и блженным мчникомъ, ҁаповѣдавъ блголѣпной памяти добрих

---

[2]) честнаа чада, [2]) на телех тых, [3]) плакаша са, [4]) желаше, их, очевидно ҁам. жалѣше их, [5]) несомы, [6]) над твердію нбсною, [7]) възрѣвше, [8]) стых, [9]) и въҁемше, [10]) сътвориша, [11]) положиша, [12]) написаша, [13]) ҁлатомъ ѿковавше, поволокше, [14]) положиша, [15]) силъ, [16]) Аросоми, [17]) Карюгматѣхъ, [18]) тои нощи, [19]) замість усього дальшого Зам. має ось яке закінчене: аще же моукоу пріимъ Стефанъ поучи славно съ моучившими са съ оными ҁ человеческоє спсніє, ѿ Хѣ Ісѣ Гдѣ нашем, смоуже лѣпо ест слава, чсть и держава ннѣ и прсно и в вѣки вѣком. [20]) В рукоп. ѿбрѣсти.

мѹкъ, достойно сътворив и съвръшивъ, въ седмь мсцъ и самъ поуи ѿ Хс Ісъ, и погребенъ бысть въ Капартасалѣхъ. еще же и жена его поуи с миромь. стын ж Хвы мѹнщи явниа трнщи честным и вѣрным людемь и главше и наказавше словесем бжінмъ; но съмрътн бо их тогда многоу вѣроу прия црквн Хва.

Сицевѹю моукоу пріемь блжены Стефанъ поуи славно с мѹчившими са с ним, дар пріем за члуское спсеніе ѿ Хс Ісъ о гсдѣ нашемь, эмоуж слава въ вѣкн. аминь.

Порівнюючи оба сі рукописні варіянти оповіданя, не легко виробити собі ясне поняте про те, чи вони виплили з одного жерела, себ то з одного церковно-славянського перекладу грецького твору, чи може се репрезентанти двох перекладів. Вислов у обох текстах досить відмінний, та з другого боку на стілько близький, що в богатьох випадках темне місце або пропуск одного тексту можемо пояснити другим. Інтересно, що власне коротший, обкроений текст Зам. в многих місцях дає ліпшу лекцію від повнійшого Льв., хоча не виключені й такі випадки, де значіне Зам. тексту робиться зрозумілим лише по порівнаню з Льв. Видно, що між одним і другим текстом лежить ряд посередніх, у яких сей текст ступнево перемінювався.

Та лишаючи на боці язикові та стилістичні відміни, варто звернути увагу на ті пропуски, якими Зам. ріжниться від Льв. В тих пропусках єсть система: редактор тексту Зам. силкувався з тексту оповіданя усунути всі згадки про Пилата і його ролю в Стефановім мучеництві і похороні. Ідея зробити з Пилата бездушного та безхарактерного римського чиновника, тайного чи явного послідовника Христової науки і навіть святого, повстала в умах де яких слабохарактерних христіян у пору, коли Діоклетіянове та Ліцінієве переслідуване внесло чималу деморалізацію в ряди христіян (читай про се хоч би відповідні глави Євзебієвої історії церкви), а нагла побіда христіянства за Константина породила тенденцію зробити христіянство з самих його початків такою релігією, до якої хилилися найвисші уми та найсильнійші володарі поганського світа. Оттоді то, в IV і V віках скомпоновано такі апокріфи, як Никодимове євангеліє, в яке ввійшли в перерібці й тзв. Пилатові акти, ніби то опис устного процесу Ісусового перед Пилатом, де Пилата виставлено в світлі значно кориснійшім, ніж у канонічних євангеліях. Фантазія христіянських новелістів та гагіографів кружила докола дворів рим-

ських імператорів, населяючи їх прихильниками христіанства, не цураючися й таких почвар, як Нерон, якого теща і дочка і ріжні свояки (Перпетуя, Потенціяна, Анфіса) попали в число святих. З цісарської родини виведено св. Климента та за одним заходом зроблено христіянином його батька й матір—сюди належить і Домітілля, якої імя звязане з одною славною катакомбою в Римі. Святою і мученицею зроблено й Траянову дочку Друзіллю чи Дрозіяду, скомпоновано переписку ап. Павла з Сенекою і т. д. Лукіянові, авторові оповіданя про мучеництво св. Степана, полишилася сумнівна честь зробити святими не лише жидівських книжників Никодима та Гамалиіла, але й самого Пилата. На честь христіянської церкви треба сказати, що швидко відчуто всю невластивість сеї тендеції; заборона Лукіянового трактату про мучеництво св. Степана Гелязіянським декретом—се інтересний прояв реакції церкви против неі. Що й там, де про Гелязіїв декрет не чували нічого, як ось у нас на Русі, де переняті в темну добу духової замороки IX—X віків із Греції отакі байкові оповіданя (а їх у наших старих Минеях та Прологах збереглася значна сила па радість фолькльористам та історикам літературних мотивів) з наівною вірою переписувалися з віку в вік,—що й там одначе здоровий інстинкт бунтувався против такого абсурда, як признане святим нашої церкви Пилата, на се інтересним доказом служить власне та скорочена редакція оповіданя, яку маемо в нашім замойськім рукописї.

Та вернімо ще до деяких літературних питань, що вяжуться з нашими текстами. Поперед усього питане, чи справді наше церковно-славянське оповідане—частина, і то затрачена в грецькім і латинськім частина Лукіянового трактату? На се питане можемо дати відповідь зовсім певну. В кінцевім уступі нашого (Льв) тексту Степан у небі просить Бога, шоб тіла його, Гамалиіла й Никодима (про Авива в тім місці не згадано, хоча в иншім місці нашого тексту й його виименувано між Степановими сторонниками) „були укриті аж до часу откровенія“. Значить, уже тут автор збуджуе ожидане, що в його оповіданю буде ще друга часть, власне опис того „откровенія“. А се змушуе нас заразом до здогаду, що й саме оповідане було написане по доконанім уже віднайденю мощий. Що більше, автор нашого оповіданя знае очевидно того, що доконав відкритя мощий: Степан у сні виявляе Пилатови, що сього відкритя доконае один із його пізнійших свояків. Отжеж знаемо, що того відкритя доконав той сам ерусалимський пресвитер Лукіян, що був і автором трактату; згадане місце в нашім тексті наводить нас па думку, що

той Лукіян на основі якоїсь семейної традиції мав претензію до дуже сумнівної чести—бути потомком Понтійського Пилата; се вияснило б нам також, чому він при дивовижнім оповіданю про замучене св. Степана силоміць приплів також свойого ніби предка, щоб його обмити коштом історичної правди й доброго смаку і вчинити нарешті святим.

Що наш ц.-слав. текст і лат. Epistola Luciani і той її грецький орігінал, який опублікував д. Пападопуло-Керамевс, се фактично части одної цілости, доказують не лише згадані вже натяки ц.-слав. тексту, але також не менше виразні сліди грецького й латинських текстів. І так кінцевий уступ грецького І розд., цитований висше, робиться нам зрозумілим аж при порівнаню з ц.-слав. текстом: мова там не про яких будь єрусалимських христіян, що як будь хоронять тіло мученика; навпаки, се слуги маючого і багатого пана, що хоронять тїла в срібних та золотом окованих домовинах. Далї у всіх текстах виступають ті самі особи і в тім самім характері: окрім Степана ще Гамалиіл, Никодим і Авів, усі три як віруючі христіяни; в ц.-слав. тексті всі вони вмірають мученицькою смертю разом із Степаном, а в греко-латинських уже перероблених текстах вони тільки похоронені разом у спільнім печернім гробі, і лиш один із них, Никодим, може хоч на половину вважатися мучеником. Зараз побачимо причину такої переміни. Так само треба піднести спільність топографії. Певно, в ц.—слав. текстах, і то в таких пізніх копіях, годі нам надїятися вірної і точної передачі сирійських імен, а проте годі заперечити, що названа у Льв. тексті Капартасала те саме, що Кафаргамала грецького і латинських текстів, місцевість знана й досі як один із центрів культу св. Степана [1]). Правда, церковно-славянський текст говорить, що в Капартасалї був похоронений лише Пилат, а тіла мучеників у „Стефановім селі Аросомі [2]), але це вже якась пізнїйша вставка і не мусїла належати до самого Лукіяна, коли вірити початковим уступам латинської Epistola та грецької реляції, де виразно кажеться, що мощі святих були віднайдені ним у Кафаргамалї.

Коли се так і оба оповіданя, про замучене Степана та про віднайдене його мощів, справді части одної первісної цілости; коли Лукіянів трактат, як твердить грецький титул, справді мі-

---

[1]) Про розкопи ведені в 80-их роках мин. віку в селі Кафаргамалї біля Ерусалиму, які відкрили основи великої церкви св. Степана, збудованої десь в V чи VI віці нашої ери, див. звістки в Analecta Bollandiana, річники VIII, IX і X.

[2]) Згадані при тім Карюгмата, іноді Капогьмата, здається мені, не що иньше, як перекручене грецьке κατωγήματα —підземні склепи.

стив у собі мучеництво і віднайдене мощів Степана, то легко зрозуміємо, що в греко-латинських текстах годі нам ждати попросту відрубаної і зрештою ненарушеної другої частини. Ми вже піднесли, що всі рецензії обік перерібок заховали де-де сліди давнійшого тексту, а се промовляє за тим, що Лукіянів трактат був кілька разів перероблюваний, ретушований і чищений як на латинськім, так і на грецькім грунті. Тепер, коли в церк.-слав. тексті маємо хоч може також не зовсім вірно заховану, та все таки в головному автентичну форму першої части орігіналу, можна з більшою відвагою догадуватися, як виглядали перші розділи грецького й латинських текстів у самім орігіналі. Отже мусимо признати, що розд. I і II теперішнього грецького тексту ніяк не могли належати до орігіналу, так само як кінцеві реченя обох ц.-слав. редакцій з їх славословіями. Безпосередно з закінченем нашого тексту Льв. лучився розд. III теперішнього грецького тексту з його Ὁ δὲ ἀγαθὸς καὶ φιλάνθρωπος θεός, що наступало зараз по оповіданю про смерть Пилата і його жінки. Із змісту ц.-слав. оповіданя видно також,що теперішній IV розд. грецького тексту також не міг належати до первовзору, але виплив із пізнійшої перерібки, бо-ж Гамалиіл не міг представлятися Лукіянові як остатній пережиток із цілої компанії, коли в церк.-слав. тексті було виразно сказано, що він погиб разом зі Степаном і Никодимом. Коли він сам являвся Лукіянови, а не, як натякає досить неясний і може пізнійшою рукою доданий зворот у церк.-слав. тексті, усі три мученики разом (**сїын же хвы мѹчци ꙗвиша сѧ трищи ѹстным й вѣрным людємь**"—на пізнійшу перерібку натякає пропущене імени Лукіяна в тім місці; він сам певно не інакше мусів би написати в своїм письмі, бо-ж не жадним иншим людям, а лише йому явилася та обява), то він мусїв і тут представляти діло так, як воно описане в першій части; раз но першу часть признано соблазнительною і усунено з трактату, то й оповідане про сонний привид Лукіяна мусіло бути відповідно перероблене.

Коли був написаний Лукіянів трактат? Із того, що сказано досі, ясно, надіюся, всякому, що рік 415, у якім Орозій у Єрусалимі одержав латинську перерібку та Авітів рекомендаційний лист, мусів бути датою латинської перерібки, але зовсім не мусів бути датою написаня грецького орігіналу. Правда, в обох латинських рецензїях і в грецькім тексті Пападопуло-Керамевса річ представляється так, що віднайдене мощий св. Степана трапилося в тім самім році. Авіт говорить навіть, що він особисто був знайомий з Лукіяном і що Лукіянів „лист" написаний на

виразне його, Авітове, домагане. Та ми бачили, що грецький текст не знає про се нічого і не можемо занадто полягати на правдомовність того еспанського презвитера, тим більше, що св. Єронім, який тоді пробував у Вифлеємі, ніде в своїх писанях не згадує нічогісінько про се віднайдене. Натомісь заслугує на увагу записка пізнійшого історика церкви, Никифора Калліста, що мощі св. Степана були вже за часів Константина В. принесені до Константинополя. Ся звістка взята мабуть із безіменно опублікованого трактатика про се перенесене, дуже широко розповсюдженого на заході і на сході [1]); се знов таки оповідане сьвідка-самовидця, де автор і заразом головний діяч перенесеня говорить про себе і про своїх товаришів „ми“. Се оповідане навязує безпосередно до Лукіянового трактату про віднайдене мощий, визнається тим самим замилуванєм до чудес, тою самою несмачною фантастикою. На мою думку се зовсім не жадне самостійне оповідане, а власне третя, кінцева часть того самого Лукіянового трактату. Ідея ненастанних чудес, що супроводили віднайдене тих мощий, панує і в історії їх перенесеня: голоси з неба і крики та стогнаня демонів, спинене і чудесне порушене корабля на морі, мул, що промовляє людським голосом, і инші так само абсурдні чудеса, а нарешті сьвідоцтво „невірного“ жида, все те накопичено, щоб тільки доказати, що се не чиї будь мощі, лише св. Степана. Час похороненя тих мощий у Константинополі означено часом рівночасного володіня Константина Великого і патріарха Митрофана [2]), а се дає нам простір часу між 324 і 327 роками. Значить, у той час, у другу четвертину четвертого, а не в першу четвертину пятого віку, мусимо покласти написане сього трактату, а його автор Лукіян не міг бути особистим знайомим із Авітом, бо жив мало що не сто літ перед ним.

Іван Франко.

---

[1]) Латинський переклад доконаний Анастасієм Бібліотекарем, див. Augustini opera VII, у 41 томі лат. серії Мінєвої Патрольогії; грецький текст у цитованім томі Аналєктів Пападопуло-Керамевса, церковно-славянський крім рукописів у друкованих Прологах під днем 2 серпня та мої Памятки т. III, стор. 316—317.

[2]) В латинськім тексті патріарх називається Евзебієм, та се очевидна хронологічна нісенітниця.

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.[1])

Жизнь моя въ Орловскомъ училищѣ.

(1817—1821 гг.)

Квартира на Слободкѣ. — Задержка въ открытіи училища. — Нѣкоторые факты изъ исторіи 1812 г. — Двѣ солдатскія пѣсни 1812 г. — Открытіе училища. — Учитель *Дьяконовъ*. — Учитель *Калинниковъ*. -- Большіе расходы на учебныя книги. — Исканіе цвѣта папоротника въ ночь на 24-е іюня. — Полицейская расправа съ мужемъ хозяйки. — Опытъ съ порохомъ. — Самосудъ орловскихъ мѣщанъ. — Площадное наказаніе розгами 17-лѣтней замужней женщины красавицы. — Опытъ катанья по выгону на саняхъ подъ парусами. — Черты изъ жизни орловскихъ мѣщанъ. — Торговыя бани и безобразія въ нихъ отъ совмѣстнаго мытья обоихъ половъ. — Мальчикъ *Аретинскій*.

Не помню, какъ я провелъ вакацію въ с. Спасскомъ; но по минованіи ея, я представленъ былъ въ г. Орелъ — въ духовное училище 1-го сентября и поставленъ на квартирѣ съ двоюродными своими братьями — *Троицкими* на *Слободкѣ*, тянувшейся отъ мужескаго монастыря надъ оврагомъ, въ крайнемъ домѣ у мѣщанина преклонныхъ лѣтъ. Помѣщеніе наше было въ избѣ, спальня — на полатяхъ. Черезъ сѣни - - на улицу была горница, но она занимаема была чиновниками Губернскаго Правленія, которые жили тихо, пока у котораго-нибудь изъ нихъ не появлялись деньги. Въ этомъ случаѣ посылалось за водкою, собирались

[1]) См. Кіев. Стар. 1906 г. 5—6.

бабы и дѣвки и поднимались танцы подъ гитару — съ шумомъ и гамомъ....

Училище наше не открывалось мѣсяца полтора; подъ него готовилось старое деревянное зданіе въ монастырѣ. Смотрителемъ училища назначенъ былъ вдовый священникъ, въ то же самое время принявшій чинъ монашескій подъ именемъ *Филарета*. Онъ былъ товарищемъ моего отца въ старшей риторикѣ, человѣкъ довольно мягкаго характера. Не помню, какъ открывалось училище; но хорошо помню, какъ полтора мѣсяца бродили мы по городу подъ руководствомъ старшаго брата Ивана и отчасти сыновей хозяйскихъ, изъ которыхъ одинъ былъ хромой, а другой — женатый — съ желвакомъ на рукѣ повыше щиколки. Послѣдняго отецъ гонялъ на работу канатную; но онъ часто увиливалъ и бродилъ съ нами. Онъ знакомъ былъ съ наборщиками въ типографіи, и при помощи его мы въ первый разъ увидѣли, какъ печатались книги. Мы считали наборщиковъ людьми учеными; но когда они пришли къ намъ на квартиру, мы разочаровались въ ихъ учености. Оказалось, они едва могли читать, а одинъ изъ нихъ, пожилой, при началѣ какого-нибудь дѣла, имѣлъ поговорку: „а нутко Богъ, кое-тко Христосъ!“.

Въ семействѣ хозяина мнѣ пришлось видѣть, какъ старымъ людямъ опасны гнѣвъ и раздраженіе. Старшій сынъ хозяина не ночевалъ дома. Сосѣди сообщили старикамъ, что онъ на базарѣ кричалъ: „Жару!“,—что его тотчасъ подхватили купцы и возятъ по трактирамъ и кабакамъ. Отецъ бросился въ городъ, нашелъ сына въ трактирѣ. Онъ уже договаривался пойти охотникомъ за другого въ солдаты. Отецъ едва убѣдилъ купцовъ оставить негодяя, указавъ на шишку правой руки и заплативъ, что истрачено на угощеніе его. На другой день старики собрались наказать его розгами. Отецъ держалъ его за волосы, перегнувъ черезъ столъ, мать сѣкла, жена стояла у припечки (при загнѣткѣ) — плакала. Мы смотрѣли на сцену съ полатей. Не долго его сѣкли; но мать старуха къ вечеру заболѣла и черезъ 4 дня скончалась.

На этой квартирѣ я болѣе познакомился съ 1812-мъ годомъ и послѣдующими событіями. Хозяинъ разсказывалъ, какъ въ ноябрѣ и декабрѣ этого года толпами проводили плѣнныхъ французовъ, какъ много умирало народа отъ повальной болѣзни и какъ поэтому никто не хотѣлъ принимать ихъ на квартиру, какъ на ночь загоняли плѣнныхъ въ неотопленныя казармы и какъ къ утру многихъ вывозили повозками хоронить въ накопанныя

большія ямы. Казармы стояли черезъ дорогу отъ квартиры нашей, а ямы были на 200 шаговъ отъ казармъ — въ полѣ. Дѣти хозяина указывали на эти ямы. Хозяинъ разсказывалъ, но не былъ самовидецъ, какъ одинъ изъ плѣнныхъ ожилъ въ то время, когда тѣло его изъ саней вываливали въ яму, и ухватился за грядку саней, но былъ желѣзною лопатою отбитъ въ яму и закопанъ вмѣстѣ съ мертвыми! — Съ нами квартировалъ, только въ отдѣленіи чиновниковъ, возвращавшійся изъ плѣна французъ, худо говорившій по русски, но научившій насъ играть въ карты — въ *возка*. Тогда же или спустя мѣсяцъ послѣ — квартировалъ съ лошадью кирасирскій вахмистръ, красавецъ лѣтъ 35-ти. О какъ мы его любили и какъ онъ былъ привязанъ къ намъ! Онъ стоялъ два года въ Парижѣ и разсказывалъ намъ о разныхъ битвахъ 1813 года. Онъ готовъ былъ играть съ нами на дворѣ во всѣ ребяческія игры. Къ изумленію нашему, онъ показывалъ намъ, какъ можно драться на сабляхъ со многими и оставаться невредимымъ. Онъ ставилъ насъ троихъ противъ себя, давалъ намъ по палкѣ и самъ бралъ такую же палку, и просилъ нападать на него и изо всей силы бить его. Что же? Мы дружно нападали на него, но онъ не только не допускалъ ударовъ до себя, но еще каждому изъ насъ наносилъ удары (по шубѣ, — это было зимою). Онъ диктовалъ намъ солдатскія пѣсни 12-го года, а голосъ перенимали мы у солдатъ, ходившихъ къ нему чистить лошадей, и особенно у тѣхъ, которые цѣлымъ эскадрономъ самымъ тихимъ шагомъ каждый день водили лошадей на водопой. Вотъ нѣкоторыя слова тѣхъ пѣсенъ, сохранившіяся въ моей памяти:

I.

Какъ попался въ плѣнъ маіоръ французскій,
Повели того маіорика ко Кутузову,
Какъ возговоритъ князь Кутузовъ
Ой зычнымъ голосомъ:
„Ты скажи, скажи маіорикъ ой да французскій,
Сколько силы въ Наполеона?“
— Увсѣхъ силъ Наполеона ой смѣты нѣту. —
— „Врешь, маіорикъ французскій!
У вашего Наполеона ой силы нѣту.
Погубилъ ее въ морозѣ,
Запрудилъ ею Березу!“

II.

Государь нашъ Александра
Навсегда будетъ отецъ,
Ой сухарей въ него довольно,
Платьемъ, обувью снабдитъ.
А французъ шельма — грабитель
Разорилъ нашу Москву.
Запрудилъ рѣчку Березу
Своимъ буйнымъ табуномъ.

Наконецъ въ Орловскомъ училищѣ открылось ученіе. Сначала открыты были три класса: второй классъ приходского училища, низшее отдѣленіе и высшее отдѣленіе уѣзднаго училища [1]). Мѣсяцъ я сидѣлъ во второмъ классѣ, но потомъ въ числѣ многихъ другихъ переведенъ въ низшее отдѣленіе уѣзднаго училища. Въ этомъ отдѣленіи проходились предметы: Латинская грамматика — *Амвросія*, Греческая грамматика, Катихизисъ, Священная Исторія, кажется, *Платона* (она начиналась такъ: „Богъ сотворилъ небо и землю такъ прекрасно и великолѣпно, какъ мы оныя теперь видимъ“), Ариѳметика и Математическая Географія, Уставъ церковный и церковное пѣніе. Въ высшемъ отдѣленіи — тѣ же предметы, кромѣ Устава и пѣнія, и переводились *Корнелій Непотъ* и греческое Евангеліе. Не помню, кто былъ учителемъ въ приходскомъ училищѣ; но въ уѣздномъ — въ обоихъ классахъ — студенты богословія *Иванъ Андреевичъ Шокотовъ* и *Василій Филипповичъ Дьяконовъ*, Священникъ Рождественской церкви отецъ *Ѳедоръ Калинниковъ*, а Уставъ и пѣніе преподавалъ рябой дьячекъ. Упомянутые студенты числились еще въ Семинаріи, куда должны были подавать разсужденія на сообщаемыя имъ оттуда темы. Дьяконовъ послѣ женился на дочери орлов-

---

[1]] По уставу 1814 г. съ духовнымъ *уѣзднымъ училищемъ* было соединено дух. *приходское училище,* имѣвшее два класса: *первый* и *второй;* изъ этого второго класса ученики переходили въ *низшее отдѣленіе* уѣзднаго училища, каковое отдѣленіе обычно тогда называлось *третьимъ классомъ* (въ общемъ счетѣ), а высшее отдѣленіе — *четвертымъ* классомъ. Но въ 1825 г. уничтожено раздѣленіе низшихъ духовныхъ училищъ на *приходскіе* и *уѣздные*—и изъ нихъ образовано только *одно духовное уѣздное училище* — съ 3-мя отдѣленіями: *низшимъ, среднимъ* и *высшимъ* (по 2 года въ каждомъ). Такъ было до новаго Устава 1869 г.
— Л. М. —

скаго катедральнаго протоіерея и черезъ 4 года поступилъ священникомъ въ соборъ. Оба они были самоучки, познакомившіеся съ свѣтскими предметами еще въ Сѣвскѣ. Дьяконовъ самоучкою пріобрѣлъ порядочное знаніе въ нѣмецкомъ языкѣ и преподавалъ его въ орловской гимназіи. Это былъ самый благородный человѣкъ, по гуманности опередившій свой вѣкъ. Онъ преподавалъ латинскій языкъ, географію и ариѳметику въ высшемъ отдѣленіи духовнаго училища. Методъ его преподаванія географіи заключался въ рисованіи, ариѳметики — въ примѣрахъ, латинскаго языка — при переводѣ съ русскаго — въ подражаніи Корнелію Непоту и для того — въ предварительномъ заучиваніи самыхъ легкихъ мѣстъ изъ этого автора. Онъ сдѣлалъ таблицу со многими графами, въ которыхъ обозначалось наименованіе государства, число жителей, вѣроисповѣданіе, языкъ, правленіе и проч. Приносилъ намъ изъ гимназіи глобусъ. Но всего занимательнѣе были разсказы его о странахъ. Лучшихъ учениковъ, въ число которыхъ попадалъ и я, онъ водилъ на публичный экзаменъ въ гимназію, гдѣ мы видѣли многіе физическіе опыты: сцѣпленіе двухъ тѣлъ, насосы, вытягиваніе воздуха изъ воздушнаго колокола, дѣйствія магнита и электричества. Но за то преподаватель въ низшемъ отдѣленіи священникъ Калинниковъ былъ бичемъ для учениковъ. Это была особа почти высокаго роста съ красными волосами, худощавый и злой. Его почему-то назвали *Жестянкой*. Одинъ на приходѣ, отдѣленный рѣкою на одну версту разстоянія отъ училища, онъ всегда опаздывалъ, половину часовъ занимался экзекуціей и нѣсколько минутъ — разъясненіемъ урока. О какъ боялись его, и какъ ненавидимъ онъ былъ учениками!

Я сталъ быстро развиваться только въ высшемъ отдѣленіи подъ вліяніемъ Василія Филипповича. Первый же годъ сталъ въ числѣ первыхъ учениковъ и перешелъ въ семинарію *вторымъ* ученикомъ. Послѣдній годъ въ училищѣ я сдѣланъ былъ *сеніоромъ*, т. е. старшимъ надъ старшими: мнѣ дано было право каждаго изъ малыхъ шалуновъ рвать за волоса. Какъ я ни избѣгалъ употребленія этого права, но оно глубоко испортило меня. Я сталъ гордиться и самъ себя изолировалъ отъ рѣзваго и веселаго общества..,

У меня явилась охота къ рисованію, и я купилъ руководство. Но это рисованіе мое ограничилось малеваніемъ. Памятниками моего искусства остались въ горницѣ отца моего портреты генераловъ 12-го года и плоскошарія земного шара. Въ 60-хъ годахъ они погибли въ пожарѣ.

Еще въ низшемъ отдѣленіи училища я обременялъ отца чрезвычайными расходами. Страшный *Жестянка* принуждалъ учениковъ покупать нужныя и ненужныя книги. Отецъ открылъ мнѣ кредитъ у одного торговца, у котораго онъ покупалъ церковное вино, въ случаѣ понадобятся мнѣ небольшія деньги. Но я, покупая учебныя книги, забралъ цѣлыхъ 35 рублей. Какія же это книги? 1) латинская грамматика — Амвросія, 2) Корнелій Непотъ; 3) греческая маленькая грамматика; 4) греческій лексиконъ; 5) греческое евангеліе; 6) катихизисъ; 7) Священная исторія — 8) нотный обиходъ и 9) уставъ. Не думаю, чтобы лишнія деньги бралъ учитель. Видно — такъ дороги были тогда эти учебники.

У меня велась книжка разнообразныхъ секретовъ, относящихся къ искусствамъ: какъ золотить и серебрить металлы, какъ найти *разрывъ-траву*, какъ заговаривать кровь — и отъ укушенія змѣи и другія нелѣпости. Но отецъ мой, по совѣту Богоявленскаго дьячка, истребилъ ее. У меня велась и другая книжка, въ которой записывались стихи разныхъ авторовъ и особенно Жуковскаго баллады и „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ". Эти пьесы я зналъ наизусть — не потому, что я училъ, а потому, что часто читалъ ихъ товарищамъ и дома — сестрамъ. Чтобы списать эти стихи — не съ книги, которой никто не имѣлъ, а съ тетради, — я платилъ обладателю ея деньгами, и если не было ихъ — бумагою и перьями. И эта книжка хранилась въ секретѣ — какъ отъ учителей, такъ и отъ отца. Въ первой книжкѣ значилось, какъ достать *цвѣтъ папоротника*, который разцвѣтаетъ съ блескомъ и въ ту же минуту отцвѣтаетъ — въ полночь подъ *Ивана Купала*. Во второй годъ ученія моего въ низшемъ отдѣленіи уѣздаго училища я былъ увлеченъ товарищами караулить разцвѣтъ папоротника и запастись цвѣтомъ его. Обладателю этого цвѣта, говорилось въ книжкѣ, будутъ сами собою являться клады, выходя изъ земли на поверхность. Чтобы пріобрѣсть этотъ цвѣтъ, по проекту книжки, — надобно было вокругъ папортника обвести черту или кругъ, войти въ кругъ съ молитвою, сѣсть вокругъ папоротника, разостлать подъ нимъ платки и сохранять глубокое молчаніе. Предъ полночью послѣдуютъ страшныя видѣнія. Будутъ на васъ стремиться стада коровъ, табуны лошадей, потомъ стаи волковъ, будутъ летѣть на васъ повозки, коляски: но вы не оборачивайтесь въ стороны, но все смотрите на попоротникъ. Коровы, лошади, волки, повозки, коляски — вотъ, вотъ будутъ подлѣ васъ, но черта ихъ остановитъ. Послѣдуетъ вой, крикъ, выстрѣлы; но вы заткните пальцами уши — и не сводите

глазъ съ папоротника. Въ самую полночь папоротникъ вдругъ вспыхнетъ радужнымъ цвѣтомъ, цвѣты посыпятся на ваши платки, и вы, свертывая платки съ возможною скоростью, кричите: *чуру, чуру, чуру*. Тогда, завязавъ платки нѣсколькими узлами, спокойно отправляйтесь домой.

По проекту, начертанному въ книжкѣ, подъ предводительствомъ старшаго моего братца *Ивана Троицкаго*, все исполнено какъ слѣдуетъ. Только что стало садиться солнце, мы вчетверомъ отправились за городъ къ опушкѣ лѣса, гдѣ прежде намѣченъ былъ кустъ папоротника. Вокругъ этого куста обвели черту и, перейдя ее съ молитвою, сѣли вокругъ куста, разостлавъ подъ нимъ свои платки. Водворилось глубокое молчаніе. Устремивъ испуганный взоръ на папоротникъ, мы урывкою взглядывали другъ на друга. Ни крику, ни гаму, ни вою и ни малѣйшаго шуму вокругъ не было; только слышенъ былъ отдаленный лай собакъ въ городѣ, который болѣе ободрялъ, чѣмъ пугалъ насъ. Не помню, долго ли я сидѣлъ; но вдругъ я пробудился какъ будто отъ сна; солнце всходило, я лежалъ на боку. Но боялся промолвить слово,—и всѣ лежали, какъ я. Проснулся другой—и что-то громко сказалъ. Тогда поднялись всѣ. Тогда двоюродный братецъ мой вздумалъ лгать, увѣряя, что онъ видѣлъ разцвѣтъ и запасся цвѣтомъ; но платокъ его, остававшійся подъ папоротникомъ, тотчасъ обличилъ лгуна. Тогда всѣ поспѣшили домой, чтобы какъ можно тверже выучить уроки и увѣрять всѣхъ, что мы вовсе не отлучались изъ города, а ходили подлѣ двора, ожидая восхода солнца, и видѣли, какъ оно рядилось въ разные цвѣта, плясало по небосклону, какъ и слѣдовало ему въ утро Купалы рядиться и плясать. Хозяева квартиры отъ души повѣрили: они знали, что по всѣмъ селамъ дѣвки и парни ночь проводятъ безъ сна на улицѣ и выгонахъ—въ пѣсняхъ и плясках, ожидая чуда при восходѣ солнца.

Въ теченіи 4-хъ лѣтъ я перемѣнилъ 5 квартиръ. Все, что писано выше, происходило на *первой* квартирѣ. Изъ пребыванія на *второй* квартирѣ врѣзалось въ памяти моей несчастіе съ молодыми хозяиномъ и хозяйкою. Хозяйкѣ сказали, что мужа ея за какой-то безпорядокъ схватили полицейскіе солдаты и потащили въ полицію. Она тотчасъ бросилась въ полицейскій дворъ. Тамъ кого-то сѣкли въ двѣ лозы; наказываемый не кричалъ; въ толпѣ говорили: „замеръ!“ Но вдругъ обмершій вскрикнулъ: это

былъ — мужъ хозяйки! Беременная, она ахнула и повалилась замертво. Хозяинъ безъ вреда для здоровья перенесъ наказаніе, а хозяйка „сбросила“ — и ее привезли на телѣгѣ...

На *третьей* квартирѣ одинъ изъ учениковъ досталъ пороху — не больше $^1/_8$ доли фунта. Изъ него на столѣ дѣлали вензеля и зажигали. Коробочка съ порохомъ лежала тутъ же — на столѣ. Ученики, наклонившись надъ столомъ, любовались горящими вензелями. Но вдругъ послѣдовалъ взрывъ пороха въ коробочкѣ, — ученики попадали навзничь, свѣча потухла. Хозяйка бросилась въ нашу комнату, но дымъ и мракъ остановили ее у порога. Послѣ испуга и безмолвія, раздался крикъ и слезы. Тутъ вбѣгаетъ со свѣчкою канцелярскій, квартировавшій черезъ сѣни въ другомъ отдѣленіи, — и дѣло объяснилось. Ученики были невредимы, только опалило имъ брови и немного волосъ. Къ счастію, въ ту секунду, я отвернулся отъ стола за клочками бумаги, которою поджигались вензеля.

Четвертая квартира памятна мнѣ страданіями хозяина отъ самосуда мѣщанскаго общества. Въ половодье Ока, протекающая черезъ весь городъ, для людей праздныхъ представляетъ собою величественное зрѣлище. Вода на ней поднимается на полторы сажени. По ней съ шумомъ и трескомъ плывутъ огромныя крыги льда, то становясь на ребро, то разбивая другія крыги; между ними плывутъ снесенные мосты, плетни и цѣлые хлѣва, разбитыя барки... Для мѣщанъ въ это время рѣка становится поприщемъ отваги и наживы. На лодкахъ, съ баграми въ рукахъ, они перехватывали все цѣнное — бревна, канаты и проч. Все пойманное и дорогое присваивалось обществу, продавалось и деньги обращались на общественныя нужды; малоцѣнныя вещи позволялось мѣщанамъ обращать въ свою пользу. Нашему хозяину въ полночь удалось поймать нѣсколько свертковъ новаго каната; одинъ изъ свертковъ онъ отнесъ къ себѣ въ домъ. Это дошло до свѣдѣнія общества. На сходкѣ рѣшили сдѣлать обыскъ. Всею гурьбою пришли въ домъ хозяина. Канатъ нашелся. Что же дѣлаютъ съ преступникомъ? Снимаютъ съ него портки. Связываютъ канатомъ ноги и привязываютъ къ колѣнямъ руки, и за конецъ веревки везутъ несчастнаго по замерзлой грязи и... поддерживаютъ за плечи, и привозятъ на мѣсто сходки полумертвымъ. Судить некого, сѣчь — не почемъ, — изъ задницы одни жилы и кости остались. Взвалили его на телѣгу и отдали его хозяйкѣ везти домой. Хозяйка повезла больного въ больницу; больница дала знать въ полицейскую часть. Многихъ, было, арестовали; но об-

щество на другой же день выкупило своихъ арестантовъ, а хозяинъ нашъ цѣлое лѣто пробылъ въ больницѣ.

Пятая моя квартира находилась на концѣ Слободки—къ выгону и въ 40 саженяхъ отъ кабака, у котораго на площади собиралась сходка и производились судъ и расправа. Мы—ученики часто были свидѣтелями наказаній, производившихся возлѣ кабака. Однажды хозяева квартиры сказали намъ, что въ полдень будутъ наказывать 17-лѣтнюю красавицу. За что же? Отправившись, на другой конецъ города къ родителямъ, она застряла въ трактирѣ, не ночевала дома и только на другой день мужъ ея гдѣ-то напалъ на слѣдъ ея и, поймавъ, привелъ домой. Неизвѣстно, что ей досталось дома—отъ мужа, но свекоръ и свекровья не удовлетворились домашнимъ наказаніемъ, а настояли у Общества, чтобы невѣстка наказана была при сходкѣ, требовались на сходку и женщины, коихъ пришло немного. Старики требовали, чтобы женщины держали преступницу и сѣкли. Женщины положили красавицу на землю и подняли только юпку, но старики закричали: „поднимай рубаху!“ Двѣ женщины съ пукомъ розогъ уже готовились сѣчь. Но какъ женщины не послушались поднять рубаху, то ихъ отпихнули, а на красавицу насѣли мужчины и такъ дернули на голову рубаху, что развязалась юпка и обнаружилось все тѣло — съ ногъ до головы. Тогда между женщинами поднялся крикъ—и изъ нихъ державшія въ рукахъ розги бросили ихъ на земь и замѣшались въ кучку другихъ женщинъ. Поднялся общій крикъ... Вышелъ изъ толпы мужъ и началъ сѣчь жену пучкомъ розокъ. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ и раздавшагося вопля, у мужа опустились руки... Тогда одинъ старикъ вырываетъ у него пучокъ, другой старикъ беретъ другой пучокъ и начинаютъ полосовать несчастную съ обѣихъ сторонъ; несчастная залилась отчаяннымъ крикомъ и скоро замолкла. Мужъ и нѣкоторыя изъ женщинъ вырвали у стариковъ розги—и экзекуція прекратилась. Красавица приведена была въ чувство кружкою воды и отправилась домой. Черезъ день она уже выходила за ворота и весело разговаривала съ сосѣдками. Домъ ея былъ пятымъ отъ нашей квартиры.

На этой квартирѣ произведенъ былъ нами опытъ катанья по выгону подъ парусами. Вѣтеръ былъ большой, снѣгъ былъ не глубокій. Хозяинъ снабдилъ насъ санями и дрючками. Къ двумъ дрючкамъ мы привязали одѣяла и простыни, выпросивъ ихъ у хозяйки. Верхніе концы такимъ образомъ импровизированныхъ парусовъ прикрѣпили мы къ заднимъ копыльямъ са-

нокъ. Вѣтеръ понесъ насъ по выгону, но чрезъ нѣсколько минутъ опрокинулъ насъ, поднявъ задъ саней высоко отъ земли. Тогда мы прикрѣпили къ заду дровяную доску и, сѣвъ на ней въ рядъ, своею тяжестію не позволяли передку врываться въ снѣгъ и опрокидывать насъ. Катанье по новости было интересное и довольно занимало мѣщанство; но жаль—не могли такъ устроить паруса, чтобы можно было лавировать.

Неразгаданный народъ — эти мѣщане 1818 года! Будучи завзятыми мошенниками и ворами, въ иномъ случаѣ являлись жестокими преслѣдователями воровъ; будучи сами развратными и похабниками, иногда казались самыми ревностными поборниками цѣломудрія. Маленькаго вора они не выпускали изъ своихъ рукъ, не сокративъ его жизнь побоями, тогда какъ сами выѣзжали на большія дороги для разбоя и въ поля—для кражи лошадей.— Какому-нибудь молодому человѣку понравилась дѣвушка. Они условливаются поговорить между собою вечеромъ на огородѣ. Но ихъ замѣчаютъ не братья и родственники дѣвицы, но сосѣди,— и вотъ мущины нападаютъ на молодого человѣка, какъ на преступника или смертельнаго врага, бьютъ чѣмъ попало и увѣчатъ. Но дѣвушку отпускаютъ невредимою. Я самъ видѣлъ, какъ вѣнчался одинъ молодой мѣщанинъ съ перебитою ногою и съ поврежденною рукою. Народъ въ церкви говорилъ: „это его избили сосѣди невѣсты, когда ночью имѣлъ онъ свиданье съ суженою на огородѣ ея.“—

Въ купечествѣ, какъ мценскомъ, такъ и орловскомъ, дѣвицы не ходили въ то время на общественное гулянье, не ходили и въ церковь, кромѣ одной или двухъ недѣль, которыя обычаемъ назначались исключительно для нихъ и въ которыя староста не пускалъ въ церковь неженатыхъ молодыхъ людей. Но за то со дня совершеннолѣтія дѣвица усаживалась родными у воротъ ихъ дома *на поглядѣнье*, какъ тогда говорили, и молодые люди получали право проходить мимо дома и кланяться разряженной, набѣленной и нарумяненной красавицѣ.

Но для мѣщанъ орловскихъ мѣстомъ выбора невѣстъ служила мойка бѣлья на рѣкѣ, гдѣ дѣвицы, поднявъ до колѣнъ платье, выставляли на показъ бѣлизну и полноту тѣла, талію и гибкій станъ свой, особенно когда попеременно то наклонялись къ водѣ, то поднимались вверхъ. Другимъ мѣстомъ—не выбора невѣстъ, но похабныхъ наслажденій, служили торговыя бани, бывшія при рѣкахъ—какъ Окѣ, такъ и Орликѣ. Въ торговыхъ баняхъ того времени женщины и мущины мылись и парились

вмѣстѣ. Въ самой банѣ паръ добывался поливаніемъ камней дикарныхъ, которые раскаливались въ четыреугольной печи, а не изъ котловъ, какъ теперь дѣлается. Горячая и холодная вода бралась изъ двухъ огромныхъ котловъ не черезъ краны, а чрезъ края котловъ. Котлы стояли къ задней стѣнѣ бани рядомъ съ печью. Страшно, бывало, подойти къ горячему котлу; такъ и думалось, что кто-нибудь изъ тѣснившихся около него втолкнетъ тебя въ кипятокъ, почему обыкновенно ожидаешь, пока толпа, стоявшая около котла, сколько-нибудь разрѣдится. Зачерпавшій ряжкою горячей воды, идя между народомъ, долженъ по заведенному порядку кричать: „ожгу!"—Прибанникъ, гдѣ мылись на скамьяхъ, былъ холодный и грязный,—а раздѣвальною служилъ сарай безъ дверей и оконъ; но какъ сарай былъ небольшой и въ немъ не было лавокъ, а только солома, которая подъ конецъ дѣлалась мокрою,—то большая часть народа раздѣвалась около бани, подъ открытымъ небомъ. Покражъ не было,—видно былъ и караульщикъ.

Бани топились осенью, зимою и весною, а лѣтомъ двѣ рѣки, протекавшія по городу, каждый день наполнены были купающимися. Трудно объяснить, почему не позволялось пройти берегомъ мущинѣ тамъ, гдѣ купались женщины, и женщинѣ, гдѣ купались мущины, тогда какъ въ банѣ оба пола мылись вмѣстѣ. Я нѣсколько разъ бывалъ въ торговой банѣ, и не помню, чтобы какая изъ женщинъ словомъ затронута была со стороны мущины. Правда, въ самой банѣ не до того, чтобы смотрѣть на женщину; каждый старается избѣжать столкновенія съ несущими горячую воду. Въ прибанникѣ—такой паръ, что на самомъ близкомъ разстояніи не видишь, кто подлѣ тебя моется. Только въ раздѣвальной, и особенно при одѣваніи, женщина терпитъ стѣсненіе отъ наглыхъ взоровъ мущинъ. Впрочемъ возрастныхъ дѣвицъ рѣдко здѣсь видишь; ходятъ въ торговую только молодыя и пожилыя женщины и старухи, а съ ними уже дѣвочки до 15-лѣтняго возраста. Въ послѣдній годъ пребыванія моего въ орловскомъ д. училищѣ я ходилъ въ торговую баню, будучи 16-лѣтъ; но право равнодушно смотрѣлъ на молодыхъ женщинъ, только любовался иногда прекрасною фигурою 15-лѣтней дѣвочки, и то нисколько не обращая вниманія на детали фигуры.—Въ раздѣвальной не позволялось (какъ обычаемъ принято было) мущинамъ обращаться къ женщинамъ ни однимъ словомъ. Я помню, что досталось мѣщанину за нѣсколько безобидныхъ словъ, обращенныхъ къ молодой женщинѣ. Приходитъ толстая, претолстая старуха съ

красивою молодою женщиною, должно быть- невѣсткою. Раздѣлись. Красавица, прикрывъ себя спереди вѣникомъ, сопровождаемая старухою, шла въ прибанникъ. 30-лѣтній балагуръ изъ мѣщанъ со смѣхомъ сказалъ: „Эхъ! молодайка! Спереди-то закрыла, а сзади—видно!"—Старуха огрызнулась: „смотри у матери своей, сучій сынъ!"—и пошла, загораживая собою молодайку и проклиная озорника: „чтобъ тебѣ очи вылѣзли, чтобъ ты навѣки ослѣпъ!" Всѣ женщины, бывшія въ раздѣвальнѣ, взъѣлись на несчастнаго. Выходятъ изъ бани два геркулеса; узнавъ, въ чемъ дѣло, накидываются на озорника: „ты что?"—А вы что?,—отвѣчаетъ озорникъ тихо.—„Ты что?", вскрикиваютъ громче первые.—А вы что?,—отвѣчаетъ послѣдній еще тише.—„Давно у тебя считались ребра?", вскричали первые. Тогда озорникъ, схвативъ остальное платье свое, котораго не успѣлъ надѣть, скорѣе вонъ изъ раздѣвальной; женщины дружнымъ хохотомъ проводили труса..

Въ послѣдній курсъ мой въ училищѣ со мною жилъ родной братъ мой *Евграфъ*, обучавшійся въ приходскомъ училищѣ. Между его товарищами я зналъ одного бѣленькаго мальчика—*Аретинскаго*. Еще раньше, чѣмъ онъ поступилъ въ училище я какъ-то увидѣлъ его. Однажды я шелъ по улицѣ; у воротъ одного дома стояли купидоны—мальчикъ и дѣвочка. „Чьи вы?",—спросилъ я ихъ.—Аретинскіе. — „Кто вашъ отецъ?"—Дьяконъ.—Этотъ мальчикъ Аретинскій былъ впослѣдствіи *Серафимъ,* теперь Архіепископъ Воронежскій [1]).

Поступленіе въ Семинарію.

(1821—1825 гг.)

Опять Сѣвскъ.—Три отдѣленія Семинаріи и науки въ нихъ преподававшіяся.—Новый архіерей *Гавріилъ Розановъ.*—Квартира *на обществѣ.*—Квартированье *за Марицей.*—Учтивое обращеніе въ Семинаріи.—Ректоръ о. *Владиміръ Сорокинъ* и его загадочная смерть.—Какъ принималъ архіерей Гавріилъ семинарское начальство.—Инспекторъ *Степанъ Левитскій* и его печальная судьба.—Новый

---

1) *Александръ Николаевичъ Аретинскій* (въ монашествѣ *Серафимъ*)—первый магистръ д. академіи—выпуска 1837. Оставленъ былъ при академіи баккалавромъ богословскихъ наукъ. Былъ впослѣдствіи Викаріемъ Кіевской митрополіи—*Епископомъ Чигиринскимъ* (1860—1865 гг.); скончался въ санѣ архіепископа воронежскаго 22 апр. 1886 г. Л. М.

инспекторъ о. *Іаковъ Вечерковъ* и его способъ умилостивить архіерея.—*Прокуроръ* и его разсказы о прошломъ.—Воспоминанія хозяйки о плѣнныхъ французахъ: угощеніе ихъ *изъ черепка.*—Смерть хозяйской дочери *Гали* отъ обрыва земли.—Мѣщанинъ *Пальчикъ* и его разглагольствія.—Несчастіе хозяина отъ запоя жены.—Хозяйская дочь *Наташа.*—Опытъ съ селитрой на спинѣ борова.—Запой ветеринара.—Красавица *Саша Оболенская* и влюбленность въ нее автора.

Окончивъ курсъ въ Орловскомъ духовномъ училищѣ въ 1821 г., я поступилъ въ Семинарію—опять въ Сѣвскъ. Но была не прежняя Семинарія. Уже не было прежнихъ богослововъ съ косами, философовъ на распашку, и риторовъ—съ подпоясками у поясницы. Классовъ въ Семинаріи было не много: *низшее отдѣленіе, среднее отдѣленіе* и *высшее отдѣленіе.* Но въ каждомъ, отдѣленіи былъ двух-годичный курсъ. Въ первомъ классѣ читались: словесность, исторія, алгебра, геометрія, греческій языкъ, латинскій языкъ и нѣмецкій языкъ. Во второмъ: философія и физика. Въ третьемъ: богословіе, свящ. писаніе, герменевтика, священная исторія и церковная исторія. Учители были изъ духовной академіи. Изъ старыхъ оставался одинъ *Илья Кузмичъ Соколовъ,* впослѣдствіи протоіерей Мценскаго собора. Въ 1870 г., въ бытность мою въ г. Мценскѣ—на родинѣ, онъ объяснялъ мнѣ пребываніе свое въ Семинаріи по преобразованіи ея въ 1817 г.—такъ: „отъ прежнихъ преподавателей Коммисія духовныхъ училищъ потребовала конспекта по преподаваемому ими предмету и ученаго разсужденія на извѣстную тему. Немногіе рѣшились подвергнуться этому экзамену, говорилъ Соколовъ; но я подалъ и конспектъ и разсужденіе, и былъ признанъ профессоромъ философіи. Разсужденіе было: *De vi intuitionis animi.*“[1]) Мнѣ не досталось слушать философію у Соколова: черезъ два года онъ оставилъ Семинарію; но мнѣ говорили, что онъ, при своемъ знаніи нѣмецкаго языка, хорошо былъ знакомъ съ новою нѣмецкою философіею, и ему приписывали переводъ *Критики чистаго разума,* ходившій по рукамъ въ рукописи.

Каждый урокъ продолжался *два часа.* Два урока было до обѣда и одинъ послѣ обѣда.—Въ *низшемъ отдѣленіи* главнымъ предметомъ считалась *словесность*—и ученики именовались *словесниками.* Учитель читалъ намъ словесность по запискамъ академическимъ, которыя начинались такъ: „Провидѣніе даровало людямъ безцѣнную способность выражать мысли и чувства сло-

1) То есть: „о силѣ душевнаго вниманія.“ Л. М.

вами.“—Такъ какъ въ этихъ запискахъ исчислялись только роды прозаическихъ стихотворныхъ сочиненій, и нѣкоторые даже безъ примѣровъ и образцовъ,—то вмѣстѣ съ ними читалась и *Бургіева риторика*, которая знакомила насъ съ тропами и фигурами.—Гражданская исторія читалась по Шрекку.—Алгебра и геометрія только начинались, и почти на первыхъ страницахъ бросались. Не было кому преподавать. Часто приходилось быть преподавателемъ ихъ тому, кто самъ не проходилъ этихъ предметовъ. Начальники не сочувствовали этимъ предметамъ, и почти не экзаменовали: ограничивались на экзаменѣ спросомъ двухъ-трехъ учениковъ.—Требовались упражненія въ сочиненіяхъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Предлагались темы, по которымъ ничего не было въ головѣ. Требовали только „расужденій“, но никогда не считали нужнымъ знакомить насъ съ описаніями и повѣствованіями, предполагая, что этому научитъ сама природа. Заставляли заучивать наизусть нѣкоторые стихи, но не знакомили съ стопосложеніемъ. Руководства не имѣлось. Христоматій тогда еще не было; но мы откуда-то знали оду *Богъ*.—Профессоры приходили на урокъ спустя часъ; остальное время употребляли на выслушиваніе уроковъ и только нѣсколько минутъ посвящали на преподаваніе, т. е. на разъясненіе.

Въ *среднемъ отдѣленіи* преподавались философія, физика и, не помню, что-то еще— не важное. Философія преподавалась на латинскомъ языкѣ по *Баумейстеру*. Въ одной довольно объемистой книгѣ заключалась логика, психологія, онтологія и метафизика. Въ классѣ профессоръ излагалъ предметы латинскимъ языкомъ, но что относилось къ исторіи философіи, съ тѣмъ знакомилъ насъ на русскомъ языкѣ. Мы не знали древнихъ философовъ, равно и новой философіи; но намъ говорилось о Декартѣ, Малебрантѣ, Спинозѣ и Лейбницѣ. Меня очень занимали философскіе предметы.—Физика читалась по какой-то книжкѣ—и ограничивалась свойствами тѣлъ, акустикою, оптикою и общими понятіями объ электричествѣ и гальванизмѣ. И предметы физики очень занимали меня, но жаль, что при Семинаріи не было ни одного физическаго инструмента, и преподаватель самъ въ первый разъ изучалъ предметъ, какъ тогда водилось.—Химіи тогда не было и въ поминѣ...

Въ *высшемъ отдѣленіи* читалось богословіе на латинскомъ языкѣ по какому-то автору, приспособившему католическое богословіе къ православію. Даже тексты св. писанія здѣсь приводились и заучивались на латинскомъ языкѣ.—Свящ. писаніе

не читалось, а только герменевтика —по тетрадямъ.—Свящ. исторія проходилась по Филарету, церковная исторія—по Иннокентію Пензенскому, кажется.—Не помню, какимъ образомъ въ этомъ отдѣленіи мнѣ удалось читать *Лѣствичникъ*, *Патерикъ*, *Массильона* и *Эккартгаузена*, а на каникулахъ — *Сіонскій Вѣстникъ*. — Опять—въ среднемъ и высшемъ отдѣленіи насъ занимали однимъ только родомъ сочиненій: „разсужденіями“ — философскими и богословскими.

Когда училище духовное открылось въ г. Орлѣ и я оставилъ Сѣвскъ,—тамъ въ Сѣвскѣ умеръ архіерей *Досифей* [1]). На мѣсто его поступилъ *Іона Павинскій*, высокій и толстый. Но онъ только нѣсколько дней пробылъ въ Орлѣ—и не помню, чтобы посѣщалъ наше училище. А во все время пребыванія моего въ Орловскомъ училищѣ онъ жилъ въ Сѣвскѣ [2]). Когда же я отправился опять въ Сѣвскъ—для поступленія въ Семинарію,—въ томъ же мѣсяцѣ сентябрѣ на мѣсто Іоны поступилъ *Гавріилъ Розановъ*, отъ котораго много зависѣла судьба моего семейства и особенно моя. Ему уже повелѣно было жить въ губернскомъ городѣ, т. е. Орлѣ; а въ Сѣвскъ являлся онъ по временамъ и являлся *страшнымъ пугаломъ*. Удивительно, какъ онъ скоро достигъ архіерейскаго сана; ему тогда не было и 35 лѣтъ [3]). Средняго роста, съ красивымъ складомъ лица и малою бородою, бѣлолицый, онъ по началу былъ въ волдыряхъ, которые закрывались черною шелковою матеріею и казались мушками, когда-то бывшими въ модѣ. Руки у него постоянно были въ перчаткахъ; такъ и благословлялъ ими; только для служенія въ церкви снималъ перчатки, но тогда прищи были подкрашены подъ цвѣтъ тѣла. Не знаю, какъ онъ излѣчился отъ этой нерекомендательной болѣзни...

Проходя семинарскій курсъ ученія—въ Сѣвскѣ, первые три года я квартировалъ на Слободкѣ штатныхъ и въ теченіе этого времени перемѣнилъ три квартиры. Первый годъ я квартировалъ

---

[1]) Преосв. *Досиѳей Ильинъ*—уволенъ былъ *на покой*—4 іюля 1817 г.—въ *Чолнскій* Спасо-Преображенскій монастырь—орловской епархіи, въ 8 верстахъ отъ г. Трубчевска, и жилъ тамъ до смерти своей, послѣдовавшей 6-го іюля 1827 г.—Л. М.

[2]) Преосвящ. *Іона Павинскій*, занявшій съ 22-го іюля 1817 г. каѳедру Досиѳея,—въ 1821 г. перемѣщенъ былъ въ Тверь; скончался въ званіи архіепископа казанскаго—3 февраля 1827 г.—Л. М.

[3]) Пресв. *Гавріилъ Розановъ* родился въ 1781 г. 26 янв. Слѣдовательно въ описываемое время ему было уже 40 лѣтъ отъ роду.—Л. М.

во дворѣ *Сиденчихи*; она и мужъ ея *Хома Андреевичъ* уже померли. Какая-то родственница построилась во дворѣ ихъ, и въ этой постройкѣ я жилъ въ обществѣ съ другими учениками-низшаго отдѣленія Семинаріи на своихъ харчамъ или, какъ тогда выражались, *на обществѣ*.—Общество состояло изъ 8 человѣкъ или, кажется, изъ 10. Каждый влагалъ въ общество 4 пуда ржаной муки, 2 фунта коровьяго масла, 4 фунта сала, 2 мѣрки крупъ и 2 рубля на говядину и постное масло въ треть года. За квартиру, за приварокъ и мытье бѣлья платилось отъ каждаго по 10 рублей въ годъ. Деньги хранились у комисара, равно и ключъ отъ кладовой. За говядинною въ городъ ходилъ *дневальный*.—Но я, кажется, только годъ такъ квартировалъ; остальные годы жилъ на хозяйскихъ харчахъ, платя за квартиру, столъ и мытье бѣлья отъ 5 до 6 рублей съ половиною въ мѣсяцъ.

Послѣ квартированія на Слободкѣ Монастырской я два года квартировалъ въ части города, называвшейся *за-Морицей*, которая отстояла отъ семинарскаго корпуса на версту. Квартировавшіе за Морицею ходили большею частію черезъ болото, скидая сапоги и заворачивая нижнее бѣлье выше колѣнъ. Чтобы не итти $2^1/_2$ версты гатью, я совершалъ этотъ одноверстный путь почти круглый годъ; только въ тѣ дни я покидалъ эту дорогу, когда неукрѣпившійся ледъ рѣзалъ до крови ноги. Удивительно, какъ я не простуживался. Ноги, бывало, озябали до ломоты и, какъ тогда говорилось, *съ пару заходились*. Но стоило обуться и пройти саженъ 80 дубовою рощей,—все проходило безъ послѣдствій для здоровья.—Что же меня завлекло квартировать за Морицей?—Во первыхъ, свобода отъ тягостнаго надзора со стороны инспектора и старшихъ. Тамъ тоже были старшіе; но никогда не видали инспектора,—Во вторыхъ, на Слободкѣ квартировали и ученики училища, которыхъ, а вмѣстѣ съ ними и насъ—семинаристовъ, по прежнему обычаю, водили рядкомъ на утрени и обѣдни; а за Морицею мы—философы и богословы—ходили сами, какъ полноправные граждане. — Въ третьихъ наконецъ — возможность безнаказанно дѣлать шалости и пользоваться обществомъ гражданъ.

Изъ удовольствій, какими пользовался я, квартируя на Монастырской Слободкѣ, осталось въ памяти исправленіе уроковъ въ березовой рощѣ, купанье въ рѣкѣ и уединеніе въ кустарникахъ за рѣкою, которыми покрыта вся болотистая мѣстность на необозримое пространсто. Эта мѣстность на нѣсколько саженъ отъ береговъ рѣки въ лѣтніе мѣсяцы обсыхаетъ. Я переплывалъ

туда, держа платье и обувь на головѣ и дѣйствуя только ногами. Особенно пріятными чертами залегли въ памяти экскурсіи по рѣкѣ или по берегу въ мѣловыя горы, которыя тянутся по лѣвому берегу—съ пещерами, и ручейками изъ подошвы ихъ. Протекая по бѣлому грунту, они кажутся хрустальными и серебристыми. Рѣка противъ горъ опушена смородиною, кисти которой висѣли надъ водою...

Съ переходомъ въ Семинарію учтивое обращеніе со мною профессоровъ много возвысило меня въ собственныхъ глазахъ. Прежде никто и никогда не относился ко мнѣ съ *вы*. А тутъ не только Инспекторъ и учители, но даже и Ректоръ, обращаясь ко мнѣ, говорили „*Вы*“.

Уже не посылали учениковъ собирать травы и коренья, не посылали за цвѣтами для украшенія аудиторіи. Не помню, гдѣ была больница для учениковъ. Знаю только, что съ квартиръ не брали больныхъ, и нѣкоторыхъ навѣщалъ медикъ изъ города, вѣроятно договоренный начальствомъ.

Ректоромъ былъ ученый архимандритъ; объ немъ говорили какъ о знаменитомъ человѣкѣ, знавшемъ не только Канта, но и Гегеля—съ предшественниками его—Фихте и Шеллингомъ. Но онъ скоро умеръ. Замѣчательна была смерть его—не столько по скоропостижности, сколько потому, что самъ онъ съ точностью предсказалъ ее. Ректорамъ принадлежалъ мужескій монастырь въ г. Мценскѣ [1]). Ректоръ ѣздилъ въ Мценскъ во время Рождественскихъ каникулъ. Выѣзжая оттуда и прощаясь съ купцемъ *Мнозенцовымъ*, который тогда былъ боленъ, сказалъ: „ты переживешь меня цѣлымъ годомъ. Я ожидаю смерти своей въ этомъ мѣсяцѣ“—т. е. въ январѣ. Когда ректоръ возвратился въ Сѣвскъ, профессоръ словесности просилъ его на именинный пирогъ. На утро послѣ классовъ ректоръ заходилъ къ имениннику. Тамъ были всѣ профессора. Онъ отказался отъ водки и вина и, поѣвши немного пирога, сказалъ: „Нѣтъ аппетита. Чувствую, что я нынѣ же долженъ умереть“. Всѣ на него взглянули съ изумленіемъ.—„Я не шучу“,—продолжалъ онъ, обращаясь къ хозяину,— „вы вчера звали меня на этотъ пирогъ. Ночью, когда заснулъ я, мнѣ приснилось, будто я здѣсь на именинахъ, и мнѣ кто-то поднесъ вмѣсто пирога кутью съ словами: *помяните ректора!*—

---

[1]) Это былъ *Петро-Павловскій* монастырь—подъ г. Мценскомъ. Настоятелемъ его считался архимандритъ, бывшій ректоромъ отъ Орловской Д. Семинаріи.—Л. М.

и произнесъ мое имя."—Всѣ принялись успокаивать ректора; но онъ оставался серьезнымъ и грустнымъ. Наконецъ, прощаясь съ хозяиномъ и гостьми, сказалъ самымъ серьезнымъ тономъ: „Прощайте, господа сотрудники, не переживу я этого дня; жертвую свою библіотеку Семинаріи."—Въ 5 часовъ того же дня разнеслась на Слободкѣ вѣсть: *Ректоръ умеръ!* Всѣ бѣжали въ монастырь и я туда же. Я увидѣлъ покойника на кровати, на губахъ и на бородѣ была запекшаяся кровь. Чрезъ полчаса пріѣхалъ изъ города докторъ. Старшіе ученики говорили, что, по объясненію доктора, ректоръ страдалъ геморроемъ, и геморроидальная кровь задушила его. Другіе слыхали отъ профессоровъ, будто возвращаясь изъ Мценска, жаловался онъ на архіерея Гавріила, который, ревизуя монастырь его въ Мценскѣ, сдѣлалъ начетъ и доложилъ Синоду, слагая вину на него, какъ на настоятеля. Замѣчательно: въ сѣвскомъ архіерейскомъ домѣ, въ которомъ разрѣшено было жить ему, какъ ректору семинаріи, онъ занималъ всего двѣ малыя комнаты, служившія прежде помѣщеніемъ для архіерейской прислуги [1])...

Инспекторомъ Семинаріи былъ тогда свѣтскій молодой человѣкъ, магистръ богословія, племянникъ архіепископа Григорія, впослѣдствіи петербургскаго митрополита, не женатый; имя и фамилію его никакъ не припомню [2]). Онъ былъ человѣкъ впе-

---

[1]) Ректоръ, загадочная кончина котораго описывается авторомъ, былъ архимандритъ *Владиміръ Сорокинъ.* Родомъ онъ былъ изъ г. Александрова, моск. губ., соборнаго протоіерея сынъ, учился въ *Троицкой Семинаріи*—бывшей въ Сергіевомъ посадѣ—при Троицко-Сергіевской Лаврѣ. Учиться здѣсь началъ съ 1798 г. Въ 1812 г. опредѣленъ въ эту же семинарію учителемъ высшаго класса и нѣмецкаго языка; въ 1813 г. назначенъ учителемъ риторики. Постриженъ въ монашество (мірское имя его было *Левъ*) въ февралѣ 1814 г. и въ этомъ же году опредѣленъ *баккалавромъ нѣмецкаго языка* въ новооткрытую тогда—въ томъ же Сергіевомъ Посадѣ на мѣсто Троицкой семинаріи—*Московскую Духовную Академію.*—Въ мартѣ 1815 г. переведенъ на должность инспектора тверской д. семинаріи. Въ 1818 г. назначенъ ректоромъ орловской д. семинаріи въ Сѣвскѣ.—22 Января 1822 г. состоялось рѣшеніе о переводѣ его на должность ректора въ новгородскую д. семинарію и настоятеля новгородскаго Антоніева монастыря. Но описанная выше смерть его воспрепятствовала этому рѣшенію... См. *С. Смирнова*: „Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи"—стр. 518—519; также—*Павла Строева*: „Списки Іерарховъ и Настоятелей Монастырей" стран. 917-я.—Л. М.

[2]) Позже приписано рукою автора на поляхъ: „Левитскій".—Ниже будетъ видно, что онъ не былъ племянникомъ преосвящ. *Григорія Постникова*, но только пользовался его покровительствомъ.—Л. М.

чатлительный, пылкій и гордый, но при такомъ ректорѣ, какъ былъ покойный, онъ велъ себя хорошо. Но при новомъ ректорѣ, характера слабаго, онъ овладѣлъ Семинаріею и по своей страсти и любви къ порядку, возбуждалъ въ насъ уваженіе и страхъ къ себѣ. Къ нему особенно привязаны были два ученика высшаго отдѣленія: *Яковъ Кузьмичъ Амфитеатровъ* и *Евфимъ Андреевичъ Остромысленскій* [1]). Они отзывались о немъ, какъ о самомъ даровитомъ профессорѣ. Но наѣздъ архіерея Гавріила и деспотическое обращеніе его съ начальствомъ Семинаріи такъ подѣйствовали на инспектора, что онъ сталъ пить и мстить деспоту всѣми возможными мѣрами...

Гавріилъ прибылъ изъ Орла за нѣсколько недѣль предъ переводными экзаменами и, остановившись въ *Юшинѣ*, загородномъ архіерейскомъ домѣ за 15 верстъ отъ Семинаріи, потребовалъ къ себѣ семинарское начальство и всѣхъ профессоровъ. Экипажа никто не имѣлъ, даже и ректоръ. Пока распорядились нанять въ городѣ подводы (а городъ отстоялъ на двѣ версты отъ Семинаріи), день прошелъ. Нанятыя подводы едва могли собраться къ 10 часамъ слѣдующаго дня, тогда какъ архіерей ожидалъ прибытія начальства въ тотъ же день, какъ прибылъ отъ него верховой.—Начальство прибыло въ *Юшино* на 3-хъ подводахъ къ 12-ти часамъ утра. Доложили о пріѣздѣ. Архіерей продержавъ подчиненныхъ полчаса въ передней, далъ знать, чтобы они вошли въ пріемную. Представъ предъ архіерея, ректоръ, по обычаю того времени, упалъ въ ноги и, поднявшись, принялъ благословеніе у архіерея и рекомендовалъ инспектора и профессоровъ. Инспекторъ, а за нимъ и профессоры не падали къ ногамъ, а учтиво кланяясь, принимали благословеніе. Архіерей, благословляя небрежно, все смотрѣлъ въ сторону; послѣ чего попросилъ ректора сѣсть, а прочимъ—ни слова. Инспекторъ постоявъ пол-минуты, взялъ стулъ и сѣлъ, гдѣ стоялъ. Архіерей вскипѣлъ.—„Я—хозяинъ въ домѣ,—сказалъ онъ; я не приглашалъ васъ садиться."—Я здѣсь по Вашему приглашенію,—отвѣчалъ рѣзко инспекторъ; если я лишній и во мнѣ нѣтъ надобности, позвольте удалиться къ моей должности!"—„Извольте себѣ!"—сказалъ сухо и дрожащимъ голосомъ архіерей. Инспекторъ вышелъ и, сѣвъ на подводу, уѣхалъ обратно въ Семинарію. Профессоры остались. Архіерей старался продлить разговоръ съ ректоромъ, даже не обращая лица къ стоявшимъ

[1]) Будущіе магистры Кіевской Д. Академіи—выпуска 1829 г.—Л. М.

профессорамъ. Проморивъ ихъ на ногахъ цѣлый часъ, архіерей наконецъ отпустилъ всѣхъ и, благословляя профессоровъ, съ язвительною улыбочкою сказалъ имъ на прощанье: „не подражайте вашему гордецу.“

Этотъ пріемъ архіерея происходилъ именно такъ. Съ профессорами былъ одинъ изъ наставниковъ училища, съ подробностію передававшій объ этомъ пріемѣ нѣкоторымъ старшимъ ученикамъ семинаріи; и какъ послѣдніе часто представляли его въ лицахъ, то и сохранился онъ у меня въ памяти. Сначала шутили надъ такимъ пріемомъ; но какъ вслѣдствіе его произошли важныя событія, то съ горечью вспоминали о немъ...

Инспекторъ и профессоры сочли кровною обидою поступокъ съ ними архіерея. А между тѣмъ отцы ихъ въ свое время страдали больше отъ архіереевъ. Отецъ мой разсказывалъ, что архіерей *Аполлосъ Байбаковъ*, разсерженный чѣмъ нибудь, прибѣгалъ въ Семинарію и срывалъ сердце на учителяхъ; придираясь къ нимъ, ругая ихъ на чемъ свѣтъ стоялъ и таская ихъ за косу. Только учитель старшей риторики *Өеодоръ Амфитеатровъ*, впослѣдствіи кіевскій митрополитъ *Филаретъ*,—скромнымъ видомъ, смиреннымъ голосомъ и затрапезнымъ халатомъ вмѣсто сюртука обезоруживалъ его. [1]).

Инспекторъ началъ запивать и даже являлся на должность въ не совсѣмъ трезвомъ видѣ. Онъ пилъ съ товарищемъ своимъ по академіи. Архіерей ни разу не посѣтилъ Семинарію, хотя каждый день давалъ знать, что будетъ. Начались и окончились экзамены. Наконецъ архіерей пріѣзжаетъ на послѣдній экзаменъ въ богословскомъ классѣ, или, можетъ быть, на актъ. Инспекторъ подпоилъ порядочно товарища и уговорилъ, чтобы, когда архіерей будетъ говорить по какому-либо предмету науки, возра-

---

1) *Өедоръ Егоровичъ Амфитеатровъ* (будущій *Филаретъ*, митрополитъ кіевскій) окончилъ сѣвскую Д. семинарію въ 1797 г. и 1-го Марта 1798 былъ назначенъ въ эту же семинарію учителемъ поэзіи и низшаго грамматическаго класса. Постриженъ въ монашество 7-го ноября 1798 г.—на 20 г. жизни преосвящ. *Аполлосомъ*, епископомъ орловскимъ и сѣвскимъ.—Такимъ образомъ онъ нѣкоторое время былъ учителемъ въ свѣтскомъ званіи и тогда-то онъ носилъ *затрапезный халатъ* вмѣсто сюртука. Тогда вообще въ отношеніи одежды въ духовной школѣ была крайняя простота—и отсутствіе всякой формы.—Будучи ученикомъ семинаріи, Филаретъ, по собственнымъ его словамъ,—*ходилъ въ лаптяхъ*, а *иногда и босикомъ до самой философіи*, и *не только въ халатѣ, но и въ сѣромъ зипунѣ*.— См. „Труды Кіевск. д. Акад.“ 1884. Апрѣль: „Письма Филарета къ Иннокентію Херсонскому“. Л. М.

жать ему всѣми силами. Но товарищъ этотъ, едва начался экзаменъ, какъ тотчасъ заснулъ... Его вывели. Тогда было въ обычаѣ экзаменовать не учениковъ, а учителя или взаимно другъ друга, и часто въ диспутахъ проходилъ весь экзаменъ. Инспекторъ разилъ всѣхъ и особенно архіерея...

Послѣ экзамена архіерей со всѣми профессорами пошелъ на обѣдъ къ ректору. Я, наготовивъ билетъ для отпуска на каникулы, стоялъ подлѣ квартиры инспектора—въ ожиданіи его съ обѣда. Тогда квартира ректора была въ первомъ флигелькѣ на сторонѣ семинарскаго корпуса, гдѣ прежде квартировалъ инспекторъ, а квартира инспектора—тамъ, гдѣ была прежде больница, нѣсколько саженъ отъ квартиры ректора. Слышу—поднялся шумъ и крикъ въ комнатахъ ректора. Гляжу—ведутъ подъ руки инспектора, пьянаго и кого-то ругающаго скверными словами. Я бѣжалъ въ корпусъ. Немного погодя, подана была карета. Архіерей вышелъ молча, ректоръ и профессоры тоже вышли встревоженные. На другой день извѣстно стало вотъ что: инспекторъ, упившись сильно или притворяясь пьянымъ, въ спорѣ, бросился на архіерея съ кулаками и успѣлъ ударить его два раза, пока не былъ схваченъ профессорами. Архіерей прекратилъ обѣдъ и, взявъ слово съ профессоровъ никому не говоритъ о случившемся, тотчасъ уѣхалъ въ свою Юшину—къ своимъ *исполатчикамъ* (маленькимъ пѣвчимъ), которыхъ возилъ съ собою, съ которыми, какъ говорили тогда нѣкоторые, будто мылся въ банѣ и купался въ рѣкѣ.

Архіерей тогда пріѣзжалъ собственно для того, чтобы отыскать охотниковъ купить на сломъ лишнія зданія, принадлежащія монастырю. А онъ считалъ принадлежащими монастырю ректорскій домикъ, стоявшій противъ монастыря, и двухэтажное зданіе семинарской авдиторіи. Ректорскій домикъ тогда-же былъ проданъ какому-то сѣвскому купцу и былъ снесенъ, а авдиторія только запродана. Монастырь былъ нанятъ питейной конторѣ подъ складъ бочекъ съ водкою и помѣщеніе конторщиковъ.—По справедливости судя, не только ректорскій домикъ и авдиторія, но и корпусъ и флигеля, занимаемые профессорами, построены были прежними архіереями на ихъ счетъ. Самыя рощи насажены были ими. Послѣ я узналъ отъ земляка моего *Никанора Васильевича Доброхотова* (впосл. архіепископа тамбовскаго *Николая*), что Семинарія и учители содержались прежними архіереями на свой счетъ. Изъ казны имъ отпускалось только 600 рублей въ годъ. Не даромъ съ такимъ стараніемъ, съ такими стихами и рѣчами

устраивали праздникъ архіерею *Досифею* въ рощѣ—во время рекреаціи. Я тогда былъ еще въ низшей элементоріи и только издали слушалъ и музыку и канты...

Архіерей уѣхалъ. Инспекторъ съ товарищемъ своимъ начали пить. Въ первую попойку,—ночью товарищъ померъ, и погребоша его. Спустя мѣсяцъ по отъѣздѣ архіерея вспыхиваетъ авдиторія, тогда какъ въ этомъ зданіи никто не жилъ и не было печей. Квартируя за Морицей, я не былъ на пожарѣ; но другіе ученики, бывшіе на немъ, говорили, что инспекторъ не допускалъ учениковъ тушить. Чрезъ полгода загорается архіерейскій домъ въ монастырѣ и въ одно и тоже время корпусъ бывшей пѣвческой и консисторіи. Домъ началъ горѣть съ мезонина, пѣвческій корпусъ—съ нижняго этажа. Сгорѣли до тла эти зданія и примыкавшая къ архіерейскому дому теплая каменная церковь. Пожаръ распространился и на дворъ монастыря, гдѣ находился складъ водки. Все бы кануло въ воду Леты. Но чиновники конторы требовали строгаго обслѣдованія. Одинъ ученикъ *Добрынинъ* сталъ болтать, что его однажды призывалъ къ себѣ инспекторъ и, насыпавъ въ старый сапогъ горячихъ угольевъ, просилъ отнесть къ авдиторіи и положить чрезъ окно на полъ, покрытый сухими украшеніями изъ цвѣтовъ. Когда слова его чрезъ штатнаго служителя дошли до слѣдователя,—онъ отперся отъ своихъ словъ и, на очной ставкѣ съ доносчикомъ, говорилъ, что онъ выдумалъ это въ шутку.—Инспекторъ былъ арестованъ въ его квартирѣ, передъ дверьми ея стоялъ полицейскій солдатъ. Вдругъ закричали по корпусу: „Инспекторъ зарѣзался!"—Уроки прекратились. Я побѣжалъ къ флигелю квартиры инспектора, заглянулъ въ окно. Въ комнатѣ стояли два профессора и солдатъ. Инспекторъ лежалъ на своей кровати, подперши голову рукою. Изъ горла струилась кровь. Тѣ, которые были въ комнатѣ, разсказывали, что онъ рѣзался бритвою—передъ зеркаломъ, висѣвшимъ на стѣнѣ, и отъ зеркала до кровати былъ слѣдъ крови. Пріѣхавшій изъ города медикъ зашилъ горло и увѣрялъ, что онъ будетъ живъ. Но на другой день слѣдователи явились снять съ него допросъ. Тогда больной сорвалъ повязку, схватилъ себя за горло, началъ трясти—и померъ! Его зарыли въ концѣ березовой рощи—при дорогѣ—тамъ, гдѣ лежалъ уже его товарищъ... [1]).

---

[1]) Инспекторъ сѣвской семинаріи, магистръ *Степанъ Левитскій*, такъ печально кончившій свою жизнь, былъ товарищемъ по С.-Петербургской д. академіи *Іосифа Акимовича Самчевскаго*, „Воспоминанія" котораго напечатаны въ „*Кіев-*

На вакансію инспектора прибылъ іеромонахъ *Яковъ Вечерковъ*—магистръ еще съ бритой бородкой. [1]) Съ профессорами онъ

ской Старинѣ 1893—1894 г.г. Въ одномъ мѣстѣ своихъ *воспоминаній* Самчевскій коснулся личности этого своего несчастнаго товарища—и то, что онъ говоритъ о немъ, интересно сопоставитъ съ разсказомъ протоіерея Соколова. „У насъ—въ академіи,—говоритъ Самчевскій,—былъ одинъ баккалавръ *іеромонахъ Игнатій*, впосл. архіеп. воронежскій. Сначала онъ преподавалъ греческій языкъ, который онъ зналъ основательно. Но потомъ его сдѣлали баккалавромъ по предмету чтенія Св. Писанія. Вотъ тутъ-то и открылась вся его непригодность... Къ счастію, Игнатій не долго томилъ насъ своими наставленіями въ Св. Писаніи. На мѣсто его скоро былъ вызванъ отличный баккалавръ *Азбукинъ* изъ московской духовн. академіи. Но отъ Игнатія мы все-таки не избавились. Ректоръ нашъ преосвящ. *Григорій Постниковъ,* (впосл. митрополитъ С.-Петербургскій), много занятный своими обязанностями по академіи, по званію викарія и по дѣламъ коммисіи духовныхъ училищъ, самъ уже не могъ преподавать намъ *догматическаго богословія* и передалъ свои записки Игнатію, чтобы онъ продолжалъ по нимъ читать намъ лекціи. Ничего не было бы для насъ непріятнаго, если бы Игнатій былъ только чтецомъ. Но онъ сталъ пускаться въ объясненія, которыя были для насъ не нужны; многіе изъ насъ лучше его знали догматику болѣе смѣлые и бойкіе стали дѣлать ему возраженія, которыхъ онъ не умѣлъ опровергнуть, горячился и приходилъ въ тупикъ. Но среди товарищей нашихъ оказался его горячій защитникъ—*студентъ Левитскій,* изъ новгородскихъ семинаристовъ, весьма способный и съ крѣпкой головой. Еще въ низшемъ отдѣленіи академіи онъ былъ замѣченъ *въ вольномысліи,* за что мы и называли его *внукомъ Марфы Посадницы.* Начальство стало понижать его въ спискахъ. Левитскій сталъ осторожнѣе и, зная, что Игнатій пользуется расположеніемъ ректора Григорія, началъ къ Игнатію подлаживаться и угодилъ ему своею защитою противъ нашихъ возраженій.—Скоро Игнатій былъ сдѣланъ, по порученію Григорія, преподавателемъ у насъ, *Каноническаго права* и опять сталъ морочить наши головы своими лекціями... Между тѣмъ Левитскій болѣе и болѣе приходилъ въ фаворъ Игнатія, а этотъ своими рекомендаціями поселялъ въ Григоріи лучшее объ немъ мнѣніе. Предъ окончаніемъ нашего курса нужно было выбрать лучшее изъ студенческихъ сочиненій для напечатанія въ опытахъ. Григорій поручилъ сдѣлать это Игнатію. Игнатій не задумался отдать предпочтеніе разсужденію Левитскаго объ *Ангелѣ хранителѣ.* Но, направляя его для печати, совсѣмъ его испортилъ. Тогда Григорій поручилъ исправить разсужденіе Левитскаго инспектору академіи *Іоанну.* Послѣ этого оно было напечатано и читано самимъ Левитскимъ на публичномъ экзаменѣ, что пріобрѣло ему карьеру Но этою карьерою Левитскій воспользовался не къ добру. По окончаніи курса со степенью магистра, онъ былъ назначенъ инспекторомъ и профессоромъ философіи въ орловскую семинарію; тамъ вскорѣ предался пьянству, распоилъ пріѣхавшаго съ нимъ туда учителемъ товарища своего *Ивана Вязнина* и въ бѣлой горячкѣ отъ пьянства зажегъ семинарскій домъ, а себя зарѣзалъ. Видно несчастный не подумалъ объ *Ангелѣ хранителѣ,* о которомъ написалъ разсужденіе въ академіи...—(Кіевск. Старина—1893 г. Ноябрь, стран. 210—213). Л. М.

[1]) *Іаковъ Вечерковъ*—воспитанникъ С.-Петербургской д. академіи выпуска 1819 г.,—родомъ изъ курской губерніи. Скончался архіепископомъ нижегородскимъ въ 1850 г. Извѣстенъ, между прочимъ, своею подвижническою жизнію и своими проповѣдями—простыми безъискусственными. Онѣ очень нравились Н. В. Гоголю.—Л. М.

жилъ хорошо и слишкомъ фамиліарно обращался съ учениками высшаго отдѣленія, особенно, съ богатыми. Изъ такихъ, отличался одинъ, сынъ священника—помѣщика черниговской губерніи, никакъ не вспомню его фамиліи, высокаго роста, красивой наружности и первый щеголь въ семинаріи. Онъ подружился съ женщиною или дѣвицею деревни *Ламакина*, находившейся близко отъ семинаріи, за рощею и маленькимъ болотомъ, обсыхавшимъ въ лѣто. Когда онъ возвращался изъ деревни съ однимъ изъ своихъ товарищей,—на него напали ламакинскіе мужики. Другіе два сильные ученика стояли на болотѣ и поспѣшили на помощь. Произошла драка. Кто-то далъ знать инспектору. Вечерковъ тотчасъ далъ знать на Слободку старшимъ; тѣ, пригласивъ хозяевъ и собравъ здоровыхъ учениковъ, бросились на выручку. Произошла свалка. Управляющій деревнею или староста ея жаловался барину, который жилъ въ Орлѣ. Дворецъ его съ рощею Ламакинскою, куда весь городъ сходился на Троицынъ день, находился недалеко отъ архіерейскаго дома. Староста донесъ Ламакину, а Ламакинъ—архіерею, будто бы драка была по наряду инспектора—и у нѣкоторыхъ семинаристовъ были дубины и сабли.—Архіерей тотчасъ прикатилъ въ Сѣвскъ. Началась передряга. Всѣ и все преклонилось предъ архіереемъ и трепетало передъ нимъ. Ходатаями, кромѣ ректора, который былъ въ милости его, явилось мѣстное городское духовенство и настроенное имъ купечество, которые выставляли Ламакинскихъ мужиковъ какъ воровъ и разбойниковъ. Особенно заступался за семинарію и инспектора протоіерей сѣвскаго собора *Глѣбовъ*, воспитанникъ древней кіевской академіи. Его жаловалъ архіерей Гавріилъ за бесѣду на латинскомъ языкѣ, въ знаніи котораго намѣренно уступалъ онъ архіерею.—Выѣзжая изъ Сѣвка въ Орелъ, архіерей объявилъ ректору, что два ученика высшаго отдѣленія, какъ недовольствующіеся своею рощею и бродившіе по деревнѣ, должны быть исключены изъ семинаріи, а объ іеромонахѣ Вечерковѣ онъ представитъ свои сообщенія въ коммиссію духовныхъ училищъ.—Вечерковъ, хорошо понявъ характеръ архіерея, приказалъ несчастнымъ ученикамъ заготовить тройку лихихъ лошадей и, самъ сѣвъ на ней съ учениками, три раза обгонялъ архіерейскую карету и становился съ учениками на колѣни при дорогѣ. Архіерей проѣзжая мимо, все отворачивался; только въ предмѣстьи города *Дмитровкѣ*, увидѣвъ ихъ, впереди почетныхъ гражданъ, выѣхавшихъ по обычаю на встрѣчу, стоящими на колѣняхъ, остановивъ свою карету, приказалъ ученикамъ ѣхать назадъ, а Ве-

черкова пригласилъ сѣсть съ нимъ въ карету и, благословивши почетныхъ гражданъ, поѣхалъ въ соборъ.—Вечерковъ служилъ съ нимъ на другой день обѣдню, былъ у него на обѣдѣ и отпущенъ съ миромъ какъ для него, такъ и для учениковъ.[1]).

Въ теченіи 3-хъ лѣтъ мнѣ пришлось квартировать въ 4-хъ домахъ. Сначала—у *Прокурора*. Это былъ 70-лѣтній канцелярскій служитель консисторіи, служившій архиваріусомъ. Когда настояло рѣшеніе по какому-либо важному дѣлу и архіерей Досифей приглашалъ членовъ для совѣщанія,—то оканчивалъ это совѣщаніе призывомъ архиваріуса и такими словами: „что намъ скажетъ Прокуроръ?“ И этотъ *Прокуроръ* изумлялъ всѣхъ припоминаніемъ однородныхъ дѣлъ, рѣшеній по нимъ и указовъ св. Синода. Не только въ архіерейскомъ домѣ и консисторіи, но и въ городѣ иначе не называли маленькаго и худенькаго старика, державшаго себя гордо. Настоящая фамилія его всѣми была забыта. Онъ много разсказывалъ анекдотовъ изъ жизни и управленія прежнихъ архіереевъ, особенно сумасброднаго *Аполлоса*; какъ строилась семинарія, садились двѣ рощи руками причетниковъ и діаконовъ, награжденныхъ послѣ діаконствомъ и священствомъ. Но это тогда не много занимало меня, потому что считалось дѣломъ обыкновеннымъ. Когда я поступилъ въ сѣвское училище, то и при мнѣ, въ 1817 г., вызывались дьячки и діакона для постройки теплой каменной церкви. Одинъ дьячекъ, лѣтъ 30-ти, квартировавши съ нами у Сиденчихи, при постройкѣ этой церкви получилъ калѣчество и награжденъ священствомъ. На него упало рештованье; онъ ходилъ согнутымъ и это не помѣшало архіерею посвятить его во священника и дать священническое мѣсто.

Послѣ дома *Прокурора* я съ 3-мя товарищами квартировалъ у мѣщанина—*Сопова*—лѣтъ 50-ти; хозяйка была лѣтъ 40, оба—самые добрые и ласковые. У нихъ было 2 дочери—одна *Маша*, другая—*Галя*. Первой было лѣтъ 15, другой—13. Эти рѣзвушки обращались съ нами слишкомъ фамильярно—при матери и отцѣ играли съ нами, на доскѣ прыгали, на веревчатыхъ качеляхъ качались, шутили, получали отъ насъ удары ладонью по плечамъ, давали и намъ сдачу; но эти близкія отношенія не захо-

---

[1]) Съ этихъ поръ о. Іаковъ Вечерковъ сдѣлался *любимцемъ Гавріила*. Послѣдній рекомендовавъ его на должность ректора въ Екатеринославъ, куда и самъ скоро былъ переведенъ архіепископомъ и тамъ еще болѣе сдружился съ о. Іаковомъ.—Л. М.

дили далеко и не доводили обѣ стороны до худаго.—Хозяйка разсказывала, какъ она угощала въ 1815 году возвращавшихся плѣнныхъ французовъ. „Они были такіе милые, веселые. Мнѣ было жалко ихъ,—разсказывала хозяйка,—я сварила имъ хорошій обѣдъ; но какъ они были другой вѣры, то мнѣ не хотѣлось поганить своихъ блюдъ,—я наливала имъ въ черепокъ. Они, указывали мнѣ на блюда, лежавшія на полкахъ,—все смѣялись. Немного говорили по русски; я объяснила имъ, почему не подавала въ блюдахъ,—они еще больше хохотали.—Однажды хозяинъ, взявъ мѣшокъ и лопатку и приказавъ Галѣ съ мѣшкомъ идти съ нимъ, сталъ на полъ-горѣ въ готовой ямкѣ копать глину. Наполнивъ свой мѣшокъ, вытащилъ его наружу, а Галя между тѣмъ влѣзла въ яму наполнять свой мѣшокъ; вдругъ послѣдовалъ обвалъ—и задавилъ дѣвочку. Соповъ бросился отрывать, сопровождая работу крикомъ. Сбѣжался народъ, съ трудомъ отрылъ изъ подъ массы земли дѣвочку; она была бездыханна. Отецъ помѣшался, мать перенесла ударъ. Погребая эту дѣвочку, мы оплакивали ее, какъ родную сестру.

На эту квартиру ходилъ къ намъ сосѣдъ мѣщанинъ *Пальчикъ*. Его, какъ грамотнаго, интересовало знакомство съ нами. Это былъ лѣнивѣйшій человѣкъ, лѣтъ 40, высокій и сухощавый; когда только приходилъ въ квартиру нашу, всегда у него были одни и тѣже рѣчи: „Эхъ-ма, хоть тресни, нѣту работы; но что мнѣ? жизнь-копѣйка, голова нажитое дѣло, а душа? хоть тынъ подопри ею. — Ну, каково поживаете?“—каковъ-бы ни былъ отвѣтъ учениковъ, онъ начинаетъ разсказывать изъ житій святыхъ. *Иванъ Смоленскій*, ученикъ низшаго отдѣленія, сосѣдъ мой по родинѣ, бывало станетъ трунить надъ благочестивыми размышленіями Пальчика. Тогда Пальчикъ, бывало, говоритъ ему: „Ой, Ваня, не миновать тебѣ ада, будешь ты въ смолѣ кипѣть.“ — А я запасусь шиломъ; вотъ когда и тебя будутъ опускать въ котелъ, я снизу такъ пырну, что ты вылетишь изъ котла! — разговоръ обыкновенно оканчивался словами: „Охъ, что будетъ, то будетъ, сыграемъ пока въ три-листика“, — и вынимаетъ засаленныя карты.

Третья квартира памятна тѣмъ, что хозяинъ, бывшій когда-то купцомъ и бургомистромъ, отъ запоя жены все потерялъ; кромѣ дома жена его хватала что попало подъ руку и несла въ кабакъ. Она не имѣла ни юпки, ни платка на головѣ. Ходила простоволосая съ распущенными волосами, сбитыми въ войлокъ и въ одной рубахѣ. Мы квартиранты жили въ особомъ флигелѣ и приходили только обѣдать и ужинать въ избу плановаго дома, въ

горницѣ жилъ хозяинъ; несчастная жена его обитала на полатяхъ. Кушанья готовила и подавала на столъ 15-лѣтняя дочь хозяина. Хозяинъ рѣдко занимался своимъ ремесломъ—дѣланіемъ восковыхъ свѣчей. Мущина въ 40 лѣтъ, бѣлаго лица, съ большими свѣтлыми глазами и съ черною прекрасною бородою, всегда одѣтый прилично, онъ все ходилъ изъ угла въ уголъ, по временамъ восклицая: „Жизнь — жизнь проклятая — вотъ жизнь!“ Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ. *Наташа*, дочь хозяина, была прекрасная дѣвушка, волосы черные, лицо бѣлое, глаза большіе, свѣтлые, только рубашка на ней и юпочка всегда грязныя до черноты. Одинокая и зануженная, она съ нетерпѣніемъ ожидала, когда мы придемъ обѣдать; когда приходимъ, безъ умолку щебетала своимъ серебрянымъ голоскомъ, и улыбка не сходила съ устъ ея. Разъ случилось мнѣ спать съ Наташей бокъ-о-бокъ. Это было такъ. Возвратившись съ Рождественскихъ каникулъ за два дня до срока и ночью, я насилу достучался въ двери хозяина. Былъ страшный морозъ. Флигель еще не былъ отопленъ, и хозяинъ, всегда спавшій въ нетопленной горницѣ, на этотъ разъ спалъ въ избѣ на лавкѣ. Я слишкомъ перезябъ и хотѣлъ нераздѣваясь лечь на другой лавкѣ. Хозяинъ, снисходя моему положенію, предложилъ мнѣ теплое мѣсто на печи. „Тамъ,—сказалъ онъ,—только Наташа“. Я легъ на печи, немножко поодаль отъ дѣвицы. Когда я проснулся, дѣвица лежала подлѣ меня и спала. Я тотчасъ отодвинулся отъ ней, чтобы рѣзвушка не разболтала товарищамъ моимъ, по пріѣздѣ ихъ; я даже слѣзъ съ печи и цѣлое утро проспалъ на лавкѣ. Когда я проснулся, Наташа была уже въ своей запачканной юпкѣ и возилась у припечки. „Это ты спалъ со мною на печи?—спросила она.—Да, я былъ сначала на печи, но какъ узналъ что ты тамъ, только обогрѣлся тамъ и тотчасъ сошелъ на лавку“. Я краснѣлъ какъ буракъ, а она нисколько. Я опасался, думая, что она послѣ разболтаетъ товарищамъ, отъ которыхъ не было бы мнѣ проходу; но, слава Богу, не видя тутъ ничего худого, она ни разу послѣ не вспоминала о томъ.

Съ этой квартирою связалось еще воспоминаніе объ одной глупости, которую мы позволили себѣ и за которую много могли пострадать. Кто-то изъ насъ досталъ селитры и узналъ на опытѣ, что когда горитъ она, прожигаетъ мѣсто, на которомъ лежитъ. *Смоленскій* далъ намъ знать, что подлѣ двора лежитъ чей-то огромной величины боровъ, и предложилъ испытать горѣніе селитры на спинѣ борова. Планъ былъ одобренъ всѣми; всѣмъ хотѣлось видѣть, что будетъ съ боровомъ. Завернули кусокъ се-

литры въ губку, обмазали дегтемъ. Смоленскій подкрался съ этимъ аппаратомъ къ свиньѣ и вложилъ аппаратъ въ щетину на спинѣ. Когда зажженная губка догорѣла до селитры и горючее вещество достигло тѣла, боровъ ухнулъ и бросился бѣжать. Сваливъ одного изъ насъ, онъ бросился на базаръ; тамъ онъ ниспровергалъ выставки товаровъ и самихъ торговокъ. Поднялся крикъ, гамъ. Мѣщане взяли колья и убили борова, какъ взбѣсившагося. Но тотъ-же часъ замѣтили, что у убитаго животнаго спина горитъ. Что это? откуда огонь?—Узнай они, что это наша продѣлка, намъ не миновать бы бѣды. Но мы притаились въ квартирѣ и взяли другъ съ друга клятву никому не говорить о селитрѣ и боровѣ.

Въ это время я испыталъ другую тревогу. Пріѣхалъ въ Сѣвскъ архіерей Гавріилъ, узналъ, что многіе изъ семинаристовъ курили табакъ, и далъ приказъ отыскивать таковыхъ, угрожая имъ солдатчиною. Въ числѣ курящихъ махорку и я былъ. Въ нашей квартирѣ курящіе тотчасъ побросали трубки — и трепетали, особенно я, чтобы кто-либо изъ старшихъ не донесъ на меня. Но старшимъ былъ упомянутый *Остромысленскій,* который тогда практиковалъ образъ жизни монашескій: онъ ходилъ, потупя взоръ, и старался избѣгать лишнихъ разговоровъ. Тогда вообще считалось признакомъ хорошаго поведенія, если ученикъ ходилъ съ наклоненною головою, говорилъ въ полголоса и никогда не смѣялся. — Архіерей уѣхалъ, — опасенія мои прекратились.

Четвертую квартиру, у молодого кузнеца, я занялъ вдвоемъ съ *Веселовымъ*, ближайшимъ моимъ другомъ, уже по переходѣ изъ средняго отдѣленія въ высшее, или въ богословію. Домъ былъ новый и просторный. Мы спали уже на кроватяхъ Съ нами въ другой комнатѣ квартировалъ военный ветеринарный медикъ съ деньщикомъ *Шаповаленкомъ.* Медикъ подверженъ былъ періодическому запою. Когда бывало начнется запой, медика запиралъ деньщикъ и ухаживалъ за нимъ какъ за ребенкомъ. Въ періодъ запоя ходилъ больной безъ портокъ и бушевалъ. Шаповаленко, вопреки нашему совѣту сперва на сутки приносилъ ему штофъ водки, и потомъ, по полштофу, наконецъ только по стакану. Чрезъ недѣлю или полторы больной переставалъ пить и тогда онъ терялъ силы; дня три не вставалъ съ постели. По миновавіи болѣзни, онъ становился добрымъ, старался всѣмъ угодить, и какъ онъ былъ очень просвѣщенный человѣкъ, разговоръ его былъ самый пріятный и интересный. Хозяинъ и мы души не слышали въ немъ. Проходилъ періодъ болѣзни, и онъ не могъ выносить запаха водки, тогда какъ прежняя наша хозяйка, тоже страдав-

шая запоемъ, постоянно томилась жаждою водки и не выходила изъ состоянія идіотизма. Такой особѣ, какъ она, мѣсто только въ сумашедшемъ домѣ. Но и ветеринаръ уже ли неисцѣлимый человѣкъ? Стыдъ и срамъ медицинской наукѣ! Больной перестаетъ ѣсть, питается однимъ углеродомъ водки, какъ бы тутъ не извлечь изъ этихъ данныхъ какого-либо средства исцѣлять несчастыхъ отъ запоя!

Не помню, въ какомъ отдѣленіи Семинаріи я былъ, когда на лѣтнихъ каникулахъ довелось мнѣ быть въ Мценскѣ и дня два гостить у тетки или у діакона *Степана Ѳедоровича Троицкаго*. Дочери ихъ Машенькѣ было уже 15 лѣтъ. Къ ней приходитъ дочь Протопопа Оболенскаго — *Саша*. Маша была хорошенькою, но Саша до того поразила меня красотою, что я трехъ словъ не могъ сказать при ней съ толкомъ. А между тѣмъ она все обращалась ко мнѣ и, замѣтя мою неловкость, вызвала всѣхъ на дворъ играть въ горѣлки. Маша съ сестрами, братья ея, товарищъ мой Петръ и малый Степанъ и я вышли. Но дворъ оказался тѣсенъ, вышли на улицу. Въ этой игрѣ я освоился съ красавицей. Это было первое мое знакомство съ нею. Вечеромъ опять пришла къ намъ Саша; мы сидѣли за воротами. Тутъ она больше всего говорила со мною, разспрашивая объ Орлѣ, Сѣвскѣ. Она говорила и обращалась со мною такъ наивно, какъ и Маша, т. е. „Коля, Количка. Вы уѣзжаете (я былъ со своею матерью), когда же Коля опять пріѣдешь къ намъ?", — говорила она. — Дорогой я мало думалъ о Сашенькѣ; но когда пріѣхалъ домой, она не выходила у меня изъ головы, и чтобы свободнѣе думать о ней и припоминать ея слова, я искалъ уединеннаго мѣста, и большею частію забирался въ коноплянникъ. Тамъ я предавался сладкимъ воспоминаніямъ объ ея прекрасныхъ глазахъ, бѣломъ лицѣ, алыхъ губкахъ, стройной и рѣзвой походкѣ и звучномъ голосѣ. Эти воспоминанія всегда оканчивались сладкими слезами. Я часто ни съ того ни съ сего сводилъ разговоръ на Сашеньку, особенно когда говорилъ съ сестрою Катею. Она поняла мое состояніе, подмѣтила и слезы. Однажды сестра затѣваетъ разговоръ о будущихъ невѣстахъ моихъ. „Вотъ ты кончишь курсъ, тебѣ придется жениться, куда бы ты поѣхалъ искать невѣсты?", — говорила она. — Я никуда бы не поѣхалъ, какъ во Мценскъ, тамъ все хорошенькія. — „Когожъ ты тамъ видѣлъ кромѣ сестеръ?" — Тамъ всѣ хорошенькія. — „Да ктожъ тамъ?" — Хоть бы Саша Оболенская. — „Да Саша не можетъ быть твоею невѣстою, она наша троюродная сестра; ты помнишь бабушку Елену и бабушку Лушу. Вѣдь онѣ

родныя сестры, а Протопопъ — сынъ Луши". — Я заплакалъ и бѣжалъ въ свой коноплянникъ... Тамъ на свободѣ я выплакалъ все свое горе — и больше не думалъ о прекрасной Сашѣ. — Какая жъ судьба красавицы? Она выдана была за учителя духовнаго училища, рябого урода и пьяницу, который отъ пьянства скоро и померъ. Въ 1870-мъ году красавица была жива; въ бытность мою въ Мценскѣ въ это время я хотѣлъ отыскать ее, чтобы взглянуть на 60-лѣтюю старуху. Но, слава Богу, обстоятельства помѣшали мнѣ, и хорошо. Пусть она останется въ моей памяти 15-лѣтнею красавицею навсегда!

(Продолженіе слѣдуетъ).

РОЗГАРДІЯШ.

Твора на 4 дії.

М. Кропивницького.

ДІЕВИ ЛЮДЕ:

Денис Шаповаленко.
Степанида, його жінка.
Юхим, їх старший син.
Химка, жінка Юхимова.
Прохор, другий син.
Катря, жінка Прохорова.
Иван, третій син.
Христя, мати Катрина.
Мелашка, сусідка, удова.
Данько, школяр.
І-й староста.
2-й староста.
Музика.
Сельскій староста.
Урядник.
Дмитро.
Знахарь.

Музики, народ, діти і козаки.

Діется в селі.

ДІЯ І.

Нова хата, стіл, піл, жердка, мисник, полиця, лави, кочерги і т. н.

Ява 1.

Степанида і Мелашка.

Степанида. *(Причеплює над божницею рушники, Мелашка їй допомога).* Отакечки найкраще буде, як рушника розгорнути на двое, а по середині будуть образи...

Мелашка. Еге ж. По середині... вони поставлять благословенне, а перед образами почеплять лямпадочку та голубів... Колиб ще й квіток почепити, тоді вже й Господи як хороше було б!..

Степ. Нехай люде бачять та дивуются, як свекруха пеклуется за для невістки опорядити нову хатину.

Мел. Такої другої свекрухи як ви, увесь світ сходи — не знайдеш.

Ява 2.

Иван. *(Вносить дошку)*. Ось ще вам одна дошка.

Степ. Давай її сюда, на піл. *(Кладе дошку на піл, застеля піл літником і склада подушки)*. Невже втомився, що так важко дихаеш?

Иван. Думаете не втомився?..

Степ. Тепер вже неначе і все готово?

Мел. Причепурена хата та опоряжена неначе хороми!..

Иван. Дайте ж мени, мамо, за труди чарку горілки.

Степ. Все тобі горілки, чи не годі б вже на сегодня? І так вже зо три вихилив. Випьеш лишне і знов вхопе тебе за серце.

Иван. Тадже ж у нас сегодня весілля?..

Степ. Та що з того?... Забув хиба, що вчора хвершал казав, що тобі овсім не слід пити?

Иван. Та що він тяме ваш хвершал?

Степ. О, ти розумніщий від него.

Иван. А ви маете мене за дурного?..

Степ. Казав хвершал, що від горілки тебе ще гирш скоцюбить.

Иван. Скоріш йому язика скоцюбить!..

Мел. На мою думку теж так випада, що хвершал бовка дурницю.

Степ. А хто його зна?.. Налийте вже йому, сусідко. *(До Ивана)*. Ото ж, щоб сегодня була остання, — чуеш?

Иван. Чую, не глухий!..

Мел. *(Взяла пляшку і чарку)*. І я з тобою, Иване, почастуюсь. Ти бідний калічка, а я сердешна удова, то нам з тобою тільки і втіхи що в горільці, чи так?

Иван. Може і так?..

Мел. *(Приспівує)*. Та нікому гірше нема
Як тій удові,

Що у хаті тільки сама
Та стіни німи... *(Випила і підносе Иванові).*
Але хоч я і удова та не геть-то журюся...

Иван. *(Випив).* А тепер піду на весілля, ще й там мене почастують. *(Худко пошкунделяв).*

Степ. Ач який... Не годилося б йому пити.

Мел. От же я по щироспи так міркую, що вашому Иванові нічого больш у світі не зосталось, як горілку пити... Вона втішниця найсправжніца!..

Степ. Ніякої роботи і ніякого пуття з нього...

Мел. Так вже виходить, Бог йому призначив.

Степ. А певно що так... Попомучилась, я з ним як ще малим був, як упав з печі та скалічів... Вірите, не раз навколішки припадала та слезами Милосерднаго благала, щоб його прибрав; вимучив він мене до пропадющого... Воно може і гріх було об тим благати? Ох, Господи Многомилостивий!..

Мел. А мабуть таки гріх?..

Степ. Живемо, мовляв, навпомацки, не тямлючи де гріх, а де спасеніе?.. Попомучилась я з Иваном, і Господи попомучилась!.. Тут приспічуе тобі робота, а ти з ним воловозся... аж зненавиділа його!.. Ото ж як хирів, як мучився, а не захирів, зріс на клопіт нам. Куди його призведеш, до якої роботи?.. Ні косою потягти, ні за плугом... Одне слово дармоїд...

Мел, А ви не ремствуйте. Може Господь на його каліцьку долю пошле вам такого щастя, якого й не сподіваетесь.

Степ. А може? звісно Бог що схоче те й зможе... ох-хо-хо! (*Заметушилась знову по хаті*). Чи буде ж коли небудь невістка так панькатись зо мною, як я ій догожаю?

Мел. Годите, мовляв, як болячці!.. Не знаю і не хочу пророкувати... Звісно, як Прохор ваш не з опалу одружився з Катрею, а по мислі, то промеж них мусить бути і лад і згода; а де лад— там і пошаноба і свекрусі, і свекрові і всьому родові... Прохор вже царську службу відбув...

Степ. Ще не цілком відбув, він запасний...

Мел. Але воно так припада, неначе вже й збувся того клопоту... А там, де берутся без кохання, як тепера воно часто трапляется, то з такого шлюбу шкода сподіватись супокою; лихо та гармидер там завжди кублятся (*Зітхае*). І не доведи Господи!.. А я випью... Будьмо... (*Випива*).

Степ. Правда, сусідонько, що з такого спарування не жди милування...

Мел. Хоч би й про себе скажу. Віддалась я без огляду, похапком, ніби здуріла на той мент... Звісно, молода була — дурна... Хвалити Господа, що здихалась; а девьять годочків промучилась... Нехай мене тепер хоч озолотять — вдруге не піду заміж, ні за що не піду!.. Нехай йому хрін з паприкою, — от що!.. (*Регоче*).

Степ. Тадже, либонь, на тім тижневі... Стривайте, хто ж оце мені казав? От же й не пригадаю!.. Чутка була, така що ви заручились з Самійлом Кривопьятенком..,

Мел. Мало-мало знов не здуріла та, дякувати Господеві, заздалегідь похопилася зректись...

Степ. А люде казали, що Самійло від вас відкинувся?

Мел. Брешуть, брешуть, сімсот і девьять разів брешуть. Я від нього відреклась!.. Ой і люде у нас які брехливі!.. ай-ай-ай!.. Я відкинулась, я сама!..

Степ. Як ми з своїм старим побралися по власній волі та благодарение Господеві прожили вік в згоді, то нехай і діти наші так... Оті полумисочки, сусідонько, не ставляйте на припічку, а краще у мисник; а макітру можна постановити геть туди, аж на черінь... Ох, сяду та відпочину. (*Сіда*). Сідайте і ви та відпочиньте.

Мел. Я не втомилась ще; як треба кому у чім запомогти, то я на ту добу роблюсь невтомною.

Степ. Та це правда, що ви роботящі.

Мел. А мій покійничок на те не вважав, все було за моїми руками, а він ніби того й не добачав.

Степ. Скільки знаходилось порадників, щоб Прохор сватав другу дівку, а не Катрю. Але ми сказали, що то цілком у синовій волі, що нехай бере ту, на котру впаде його думка...

Мел. Так, так... Воно так і повинно бути, так воно найкраще.

Степ. Де які люде глузували, мало не дурних з нас строїли... Може почастуєтесь ще?

Мел. Я з дорогою душею. Гляньте на хатину, як квіточка... У великий кошт вона вам обійшлась?

Степ. Хоч і не питайте! потратились багато... Але ж за для кого втрачаємось, як не за для дітей?.. За для них тільки й живемо. Не багато їх у нас. Юхим вже в отділі, дочка теж... Прохор та Иван, ото і всіх... Викушайте ж чарочку.

Мел. (*Наливає*). Дай же Господи нашим молодятам і счастячка, і здоровьячка, і віку довгого та розуму доброго (*Випила і частує Степаниду*).

Степ. (*Взяла чарку*). Не бажаю я їм ні багацтва, ні роскошів, я ніколи на те з-роду-віку не заздрилась, бо все багацтво і всі роскоші в згоді та в супокої... (*Одпива*).

Мел. Ото стільки випили?

Степ. Я й з роду по повній не пила.

Мел. Та ви ж так і чарочку зноровите. (*Регоче*). А я така, що в чарці і краплини не лишу... Вже ж і весілля справили ви, на славу: і питва, і їства в волю, ще й троїста музика!.. Похрипли від співів і ноги повідкидали від таньців — дружки, свашки та приданки... Инчі чоловіки так задоволнились питвом, що день по трое чмелів слухали...

Степ. Тридцять цілкових як одну копійку тільки на горілку потрачено... І знов столове двадцять. А скільки пішло на дарунки, на митрики та за вінчання!.. Щож, кажу, за для своїх діток втрачаемось, ні за для кого більш як за для них, увесь вік дбали за для них...

Мел. Так, так. Бачила багато я весілль на своїм віку може їх аж сімсот і девьят бачила, ну такого не видала... Може ще ви почастуете?

Степ. Давайте. (*Взяла пляшку і чарку*).

Мел. А я, сусідонько, признатись по правді, Боже як боялася, щоб бува чого не скоїлось на весіллі...

Степ. Чого ж такого?

Мел. Як Прохор гуляв з Катрею більш півроку... Хиба не знаете як иноді трапляется?.. Та й люде не поскупились на пащекування та всякі прикладки...

Степ. Знаю... Чула, що й ви, сусідонько, доточували свого язичка.

Мел. Хто, я?.. Га?.. Хиба з нечевья?.. Знаете, як наслухаешся, чого иноді каторжні брехливі люде не наплещуть, то й не остережешся, як і сама бовкнеш якесь словце... Не хочу таїтись, може і я винна... Язик мій — ворог мій! Хоч візьми та й утни його!..

Степ. Доставалось вам за нього від покійника?..

Мел. И-и доставалось!.. Бив, бив бузувір, Господи як бив!.. Раз з горіща жбурнув об долівку та мало не перебив мене на двое... Більш місяца вилежала після тії бійки... Як гоїлась та очунювала, то, вірите, все нишком шепотіла, дивлячись на Матір Божу Пресвяту, та благала, щоб укоротила мені язика, щоб змогла я удержувать його за зубами...

Степ. *(Налива чарку і підносе).* Певно не вчула Мати Божа вашого благання? Викушайте.

Мел. *(Випила)*. І з чого воно ото коїтся таке? Ніби тягне тебе за язика, ну притьмом тягне, щоб почесать його... А вже як роспустиш, то й не встережешся як і намелеш і навієш... Дай же Господи нам діждати ще й Иванового весілля. *(Хоче випить)*. О чи я вже випила? Коли ж це?

Степ. То я ще вам налью? (*Налива*).

Мел. А я не відречусь, хильну. (*Пье*).

Степ. А яка ж дівка за Ивана піде, хиба божевільна яка? Кому потрібен дармоїд?..

Мел. А може й знайдется? А ви й не викушали?

Степ. Я вже вдоволнилась, більш не питиму.

Мел. І не пийте; коли не кортить, краще не пийте. А мене чарочка завжди підбадьоруе.

Степ. Я ніколи не була прихильна до чарки, одну-другу подужаю, а третю то вже через силу.

Мел. Иншому вона таки й вадить.

Ява 3.

Христя. (*Входить з хлібом під плечем*). Вітаю вас, свашечко, в новій синовій хаті.

Степ. А вас вітаю в зятевій. (*Цілуются*).

Христя. Ідуть вже наші новосельці, князь і княгиня, оце їм святий хліб. (*Кладе хліб на стіл і огляда хату*). Гарна та світла хатина, хоча й не простора, дай Боже щоб нашим молодятам світло та весело жилось в ній!..

Степ. Дай Господи, Мати Божа!..

Мел. І житимуть, вірьте, як в раю житимуть бо побралися по любови. То вже як не по согласії, то бодай його побила лиха година і сімсот і девьять пропасниць!..

Хр. Вирядила я мое ясне сонечко з своеї хати на віки, нехай вже осяюе чоловікову оселю...

Мел. І буде осяювати, то вже як...

Хр. А тиб, Мелашко, не сікалась в розмову, коли не твоя річ попереду... *(До Степаниди)*. Шануй, свахо, мою донечку.

Степ. І таки шануватиму, ще й як шануватиму.

Хр. Пожалієш її, вона й тебе під старість пожаліе; вітай її щирою душею та теплим серцем. (*Цілуются*).

Мел. Хоч моя річ і позаду, але мушу сказати... (*Хлипае*). Як лехко та хороше робится на душі, коли бачиш меж людьми прихильне вітанне, коли почуеш одверте щире слово... І хочется

жити та Милосердного хвалити!.. (*Налива чарку і підносе Христі*). Викушайте.

Хр. Ні, я не питиму, вдоволнилась вже до схочу. Та й не ти тут старша, щоб частувать..

Мел. То я викушаю за ваше здоровлячко. (*Пьє*). Чи чуєте, ідуть, ідуть! (*Чутно музику*). Мерщій, мерщій матірки беріть хліб-сіль в руки та зустрічайте. (*Дає один хліб Степаниді, другий Христі*).

Ява 4.

Иван несе на очеретині або на палиці покраєу (червону хустку) і ставляє біля порога, боярин неєе образи і кладе на стіл, єтароєти, Дениє, Прохор, Катря гоєті і музики, євашки вносять скриню і єтавляють на піл; музики грають.

І-й стар. (*Таньцюює*). Тепер наша, черга. Пане підстаросто, підлай вогню, бо в мене вже неначе підошви прилипають до долівки...

Юхим (*2-й староста*) О так наші!.. „Таньцювали злидні три дні"... (*Підтаньцьовує*).

І-й стар. (*Зупинивєя*). Отак, а не чорт-зна як! Щоб так наші молоді веселились в новій хаті та своїм лагідним життям радували нас. Ну, Прохоре Денисовичу, тепер вже ми ваші гості, приймайте нас у вашій хаті.

Денис. Частуй, сину, а ти невістко годуй нас, чим Бог послав. (*Сідають за єтіл*).

Прох. (*З запазухи виийма пляшку і чарку і чаєтує. Степанида дає Катрі закуєку, котра підноєе гоєтям*). Милости просимо.

Катря. Закусіть ласкаві будьте та не огудьте.

Денис. (*Взяв чарку*) Пошли ж Господи вам здоровья і віку довгого. (*Пьє*).

Степ. (*Одпиваючи*). Ох, Прохоре мій, Прохоре, моя дитино кохаеая!..

Іван. (*Пьяний регоче*). А я хиба не кохана дитина?

Хр. (*Одпива*). Катрусе, моя ягідко, моє червоне яблучко!

І-й стар. (*Взяв чарку*). Дай Господи, щоб ми діждали гуляти на весіллі ще й ваших дітей. (*Пьє*).

2-й стар. (*Юхим*) Ну, брате, Прохоре, хай тобі Господь допомога запобігти талану і долі... (*Випив*).

Мел. А мене, Прохоре, невже обминеш?

Прох. (*Частує*). Пожалуйте і вам.

Іван. Частуй, Прохоре, і мене.

Прох. Тобі не слід би вже пити.

Іван. Хто 'це тобі набрехав?... Я, брат, на те не вважаю, наливай!..

Денис. Иване, не треба більш!..

Іван. Ні, я випью. Наливай. (*Прохор налива*). Повну наливай!.. (*Випив*).

Муз. (*Випива*). Годилося б, напримерича, виходить, стало бить, будем так говорить, за ради такого пишного весілля, по старосвітському звичаю, поводить журавля... Тепер вже, напримерича, виходить, стало бить, будем так говорить, перейняли, усякі модні прахтики та цибулизацю, а старовину занехаяли...

І-й стар. Журавля, журавля!.. А ну, старики, ставаймо в коло, а свахи, Христя та Степанида, нехай журавля подибають.

Всі. Журавля, журавля!..

Іван. (*Регоче*). Може б і я подибав журавля?..

(*Починають водить журавля і співають, Ивана не приймають в коло*).

Унадився журавель, журавель,
До бабиних конопель, конопель,
Таки-таки журавель,
Таки-таки цибатий,
Таки-таки дибатий!..
А я його ізловлю, ізловлю,
Крила-пера обскубу, обскубу,
Таки-таки і т. д.
Він не буде літати, літати,
Конопельки топтати, топтати,
Таки-таки і т. д.

Денис. Ну, хоч і годі. (*Зупинились*). Пора і розходитись, бо вже скоро і сонечко спочине. Частуйте ж нас, дітки, на прощання... (*Прохор частує*).

Іван. А на моїм весіллі цілий тиждень частуватимемся і журавля подибаемо... (*Регочучи співа*). „Таки-таки журавель"...

Денис. Годі, Иване, верзти нісенітницю!

Іван. А на похоронах моїх заспіваете. (*Співа*). „Со Святими упокой"...

Денис. (*Грізно*). Кажу тобі годі!

Іван. Чого годі? Ні, не годі! Хочете мені рота затулить? (*Стає посеред хати хитаючись*). Що на весіллі про смерть згадав?.. Я її що-дня, що-ночи кличу, а вона глуха не чує мене, біля других клопочется, а про мене ій байдуже... Мамо, правда?

Степ. Замовчи ти!..

Іван. Мині життя, обридло!.. Хто я, що я? Ні людина, ні скотина!.. Гей, де ти, кістлява маро, безноса невіро, де ти забарилася, їди мерщий, бери мене, зотни мерщій своею неминучою косою!.. Я не хочу жить, не хочу, не хочу!.. огидло життя, я живу через силу... Горілки мені дайте! (*Вхопив пляшку з столу і пьє нахильці, всі кидаются до нього і одіймають пляшку*).

Мел. Ти так всю вижлуктиш, зостав бо мені!..

Іван. (*Штовха Мелашку*). Геть, плескухо!.. Дайте ножа, я вам зараз нароблю гавьядини і панахиду справлю!..

Денис. Виведіть його геть!..

Іван. Мене геть?.. (*Замахнувся і впав*).

(*Юхим і другий чоловік беруть його і виносять з хати*)

Іван. (*Кричить*) Геть з очей!.. Всі ви мені гидкі, ненавидні!.. (*Винесли*).

І-й стар. Негодилося б так, перешкоду зробив на весіллі...

Муз. Позвольте. Теперича, напримерича, виходить стало бить, будем так говорить, не бува весілля без шкандалю...

Ява 5.

Сел. Староста. (*Входе*). Здрастуйте. Поздоровляемо з весіллям та будьте здорові з вівторком.

Всі. Спасибі.

Прох. Милости просимо садовиться.

С. Стар. Можна і сісти. Коли попрохали сісти, то мабуть і почастуете?

Прох. (*Частує*). Викушайте.

С. Стар. І ето можна. (*Випив*). Я привик так: одну випить, а другою закусить. (*Прохор почастував ще*). І доволно. Не веселу звістку приніс я. Чули певно, що война з Гапоном ще з весни почалась?.. А тепер требують запасних. Ти, Прохоре, сам грамотний, то й прочитай. (*Дає йому бамагу*).

Прохор. (*Прочитав*). Так, правда... (*Верта бамагу*). Щож... Царська воля — закон... Не судилось певно тихе сімейне життя... (*Всі немов обімліли*).

Катря. Як?.. Як же це?.. Я ж загину без тебе, Прохоре!.. Ой, рятуйте люде добрі!.. Ой, матусенько моя ріднесенька, рятуй же мене, рятуй!.. Ой, пропаща ж я, пропаща!.. (*Ридаючи пада на плече Прохорові. Инчі плачуть, инчі зітхають, сел. староста поважно виходе з хати*).

ЗАВІСА.

ДІЯ 2.

Хата Денисова, обставини звичайної хати небагатого селянина.

Ява 1.

Мелашка і Степанида.

Мел. Але, чуете, все оте, що я зараз висловила перед вами, може подіятись з кожною молодицею, лехко може, так лехко, що инча і не зчуется...

Степ. Мені здается, що ви оце даремно кажете, не можу я тому йняти віри!..

Мел. Ви обміркуйте спершу ось що. Не встигли побратися, як чоловіка налопом беруть на війну, і сердешна жінка, котра тільки вчора взяла шлюб, зоставайся ні жінкою, ні дівкою, і не удовою... Це ж тільки подумати, то аж моторошно робится!..

Степ. Ох, що правда, то правда...

Мел. Замісць того, щоб горнутись до вірної та щирої дружини, що як у тій пісні співается, що каже: „цілуются, милуются доки сон не зможе“,—горнись до німої стіни, цілуйся та милуйся з подушкою...

Степ. Що ж робить? Це трапилось не по нашій, а по царській волі?...

Мел. То-то ж-бо й е! І я вас спитаю: що його робить у такім випадку? І вже по чиій би волі воно не трапилось, а серцеві розваги нема, нічиею волею його не заспокоїш, воно не розуміе того, квилить, кличе коханого, кличе не вгаваючи, мов навісне... (*Зітхае*) Знаю, знаю по собі!.. Ой, Господи, Господи!.. Ото ж у таку жаданну добу, як підвернется хоч і чорт рогатий, то й його пригорнеш і не зоглянешся, як пригорнеш супостата, замісць милого..

Степ. Ні, це витівки якісь, щось нісенітне...

Мел. Не вірите? А я певна, що так воно коїтся не тільки у нас, а і по всему світу... Це вам і кожна ворожка скаже, забожуся сімсот і девьять раз, що скаже!.. Та от хоч би сказать про Хроську Перчишину. Як ішов її чоловік у салдати, приказував: „гляди мені, каже: одною лишаю, щоб одною і застав“.. Вернувся із служби, аж замісць одного вже тройко...

Степ. Ну, Катрю до Хроськи не рівняйте.

Мел. Чому ні? Що ж-то Катря така свята та Божа, чим же вона присвятилася, чим краща за Хроську? Про Хроську скажу вам, що вона і роботяща, і зугарна до всього, і дотепна на всякі моди... Хто як не вона перша привезла з городу моду, щоб хвартуха носить не на зборах, як ми носимо по старосвітському, а щоб іззаду краї сходились до купи, а на пузі щоб було обтягнене як на обичайці?.. Вона!.. Вона і кохточки завела перша. Стало быть, вона вже образована... І з лиця Хроську хоч і не з Катрею порівнять — патрет і товстопика... А вже коли кому призначено не обминуть гріха, то не обминеш його з роду-віку!..

Степ. Звісно, що гріх не по лісах ходить, а по людях, але ж... Ні, ви, сусідонько таке страшне почали провадити, що у мене аж тімня почало давить, ніби щось важке на голову покладено...

Мел. Але ж як Катря переберетсп до вас, то ще може те лихо можна буде і зупинить... Як вже вона раз-у-раз знаходитиметсп на очах у вас, то їй не так зручно буде заводить зальоти... (*Підходе до мисника*). Пляшка одіткнута, порожня... хоч би заткнули, а то повно мух налізло... (*Глянула у вікно*). Хто це пройшов вулицею? Ага, ваша невістка, Химка, її мені й треба... Забарилась у вас, прощавайте.. (*Хутко пішла*).

Я в а 2.

Денис. (*Виходячи з комірчини*). Либонь, Мелашка була? (*Позіхає*)

Степ. Чув, що вона тут провадила?

Денис. Не все... Трохи подрімав після обід.

Степ. Каже, що бачила вже скільки разів, що як тільки звечоріє, якийсь і сунетсп крадькома по-під-тинню і як увійде в хату, зараз Катря хатні і сінешні двері замкне і позатуля вікна, і вже скільки не стукай, скільки не гукай — ні защо не відгукнется...

Денис. Ну, нехай об цьому після. (*Бере з полу мішок і іде з хати*).

Степ. Ой, як же моя голова заморочилась!.. Невже в тому пащекуванню є хоч крихотка правдивого?..

Ява 3.

Химка. Здрастуйте, мамо, з неділею будьте здорові. (*Цілуються*). Що це ви самі в хаті, а деж батько та Іван?

Степ. Батько пішов в комору набрать зерна, щоб відвезти до млина, а Іван вже більш тижня як пішов по манастирях на прощу.

Химка. Ага, так, так... Я чула та й із памьяти витрусила ту чутку...

Степ. Сідай у нас.

Химка. (*Сіла*). У вас нові картини: піп, чи що?

Степ. Ні, то вівчар вівці пасе... Це Іван десь достав...

Химка. А я думала що піп, шапка така як у попа. А то друга: павич би-то?

Степ. Де ж там павич? То хатка, а біля хатки високе древо.

Химка. А я думала що то павич хвоста роспустив.

Степ. Эге, пішов Іван помолитись. Якісь два богомольці заходили до нас на ніч і так хороше промовляли про святощі, що Іван з'охотився пристати до них у компанію... Казали, що недавно якийсь святий пресвятився і з'явив свої мощі і тепер сила миру іде на прощу. Ніби б-то один чоловік годів з пьятнадцять не володів рукою, прямо висіла як мертва, пішов туди на прощу, і рука йому зразу ожила... І знов якийсь молодиці, не в мою міру, звернуло було вьязи мало не на потилицю і та вигоїлась... Багато сліпих стало видющими, німих — балакучими...

Химка. Чула і я про це... А то одна богомолка росказувала про дівку, котрій поприростали до долонь гривні та пьятаки...

Степ. Ой матінко!.. Як же воно?

Химка. Бачите, вернулась дівка з заробітків та й віддає батькові зароблені гроші; а скількось гривень та пьятаків затулила в жменях. Батько й питає: „чи всі вже?“ А вона й одмовила: „всі“. „А в жменях у тебе що?“ спитав він. „А ну розтули жмені..„ А вона: „нічогісенько, каже, у мене в жменях нема“ та мерщій від нього. А батько у слід їй і крикнув: „як що затаїла від мене гроші, то бодай вони тобі поприкіпали до долонь“... І щож ви думаете як батько побажав, так і скоїлось...

Степ. Бо і священник завжди каже, що від батька — матері ні з чим не слід виховуватись. От же є такі, що не боятся гріха.

Химка. Своїми очима богомолка бачила ту дівку. „Так, каже, гроші і повростали їй в долоні". Чернеці звеліли, щоб та дівка три обідні молилась та поклони клала, аж сімсот поклонів, та щоб що—обідні ставляла по сім свічок, по цілому злотому кожна свічка, і на часточку подавала по двогривенному... І нічого не їла вона опріч шматочка хліба та кружечки води. „Ото ж, каже, як вже вдарила вона останнього поклона, то так ті гроші і розкотились по церкві, чернець їх позбірав і поклав собі в кишеню"... Щож це я справляю посиденьки? Хотіла про кой-що спитать... Чи не знаєте, що зробити дитині: отут за вухом отака зробилась моргуля.

Степ. Оливою помаж з лямпадки, абож ранньою росою з вікна,..

Химка. Юхим сказав: „бігай до матері, вони средствія знають". То прощавайте. (*Дійшла до порога, далі зупінилась*). Ви колись, мамо, ремствовали на Юхима, що взяв собі жінку, то б-то мене, не до мислі?

Степ. Овсім не ремствовала... Хто це тобі наплів?

Химка. Мої очі та вуха,

Степ. Та й коли вже те було, чи варта згадувать.

Химка. Одначе у нас вже діло пішло на згоду.

Степ. І слава Богу. Пора вже, пора... Коли побрались, то треба порозумітись якось...

Химка. Цілком вже порозумілись... За те другою невісткою ви зразу задоволнились?

Степ. Що-о?

Химка. Тільки чи буде нею задоволений Прохор, як вернется?

Степ. Ти мене береш на докори, чи як?

Химка. Ні, овсім ні. Я тільки хочу вам сказать про те, що у мене, хвалити Бога, четверо підростають і всі вони Юхимовичі; а того що Катря нагуля—чи Прохоровичом же зватимуть?.

Степ. Ой, Химко, стережись отаке верзти!.. Уй, який у тебе злючий язик!.. Стережись, кажу тобі!..

Химка. Не полохайте мене, мамо: добре вже мене за сім годів чоловік наполохав, може трохи завдяки й вам?..

Степ. Ой, злюка ж ти, злюка!..

Химка. Я вас переконаю у тім, що кажу, ось побачите! (*Пішла хутко*).

Степ. І цій Катря в пельці засіла!.. Та невже ж Катря зважилась на гріх?

Ява 4.

Катря. (*Несе на плечах багато одежі і почина навішувать її на жердку*). Чи не від вас так прожогом побігла Химка і не поздоровкалась зо мною?.. Чи й скриню переносить сьогодня, чи нехай поки що там перебуде—дуже важка?

Степ. Нехай поки що там перестоїть.

Катря. Та й я так думаю.

Степ. Сьогодня поспієш перебратись?

Катря. Поспію.

Степ. Так воно краще буде... Що там тобі одній робити?.. Хату замкнемо, га? (*Помовчала*). Тобі може хотілося б там зостатись?

Катря. Ні, в гурті якось людніщ.

Степ. І поговору меньч... Катре! А як на твою думку, чи не вишустрить мені на всі боки Мелашку, щоб вона більш і очей не навернула?

Катря. Хіба вже що сплела?

Степ. Не хочу я тому йняти віри... Та коли б ще одна Мелашка, то ще сяк-так, а то і Пріська Ходунова, і Гапка Драпачева, і Химка...

Катря. Не виховалась я...

Степ. Що таке?

Катря. На нівець пішов увесь мій замір, і вся турбота.

Степ. Га? Як ти кажеш?!

Денис. (*Входить*). Невже й справді щось непевне вчинилось?

Степ. А що там таке?

Денис. Гапка Дибайлова оце зараз зустріла мене та й каже: „чула я, що ви невістку з нової хати перебіраете в свою; так воно безпечніщ буде: хіба, каже, довго до гріха?“.

Катря. (*На бік*). Ой і сусіди ж, достомітні шпиги.

Денис. До якого гріха? питаю. „Не пащекувата я, каже, то й не хочу, щоб з мене першої пішов поговір“... Зареготала і пішла геть від мене. Гукнув їй у слід, так вона тільки махнула рукою.

Степ. Так і мені Пріська Ходунова відмовила. „Нехай, каже, другі доводять до краю, а я не охоча втручатись у чужий клопіт“...

Денис. Ти чуеш оце, невістко?

Катря. Та чую ж.

Денис. А щож ти нам на те скажеш?

Катря. Не їла душа часнику, то й не смердітиме.

Денис. Так-то воно так...

Катря. Правдиво, мабуть, кажуть, що якіми б ріднимп не вбачались свекор та свекруха, а нарешті невістка їм все таки чужа?.. Чужа я вам, через те і віра ваша в мене так швидко иохитнулась...

Денис. Ще не похитнулась, а тільки...

Катря. Ні, вже!.. Скличте ж до гурту всіх плескух і я при них дам вам відповідь найправдившу!..

Степ. І це буде найкраще... Але ти не еретуйся!..

Денис. Зробимо так. Піди та поклич сюды й матір свою,— прохай, щоб неодмінно зараз прийшла.

Катря. Гаразд, покличу. Куди оце мені покласти? чи можна у миснику?

Степ. А щож там таке?

Катря. Це мое... Тут два листи від Прохора та ще кой що..

Степ. Поклади на верхню полицю, там воно безпечніщ лежатиме.

Катря. То я ж піду по матір. (*Кладе вузлик на мисник.*)

Степ. На полудень вернесся?

Катря. Може мати не пустять не погодувавши? (*Пішла*).

Денис. Чи чула, стара? Без примхів і без сліз наважилась привселюдно виправитись?.. Почуемо, що вона їм заспіва?

Степ. Бачив, як у неї очі заискрились, як сказала про віру, що ніби похитнулась?.. Що не кажи, а душа в неї правдива!

Денис. Та неначе б-то...

Степ. А памьятаеш, як скоро ми з тобою побрались і ти того ж таки года пішов на заробітки, на чавунку, кудись аж за Харьків, та ціле літо там був, вже аж у заморозки вернувся?.. То чого тільки не наплескали на мене щирі сусідочки!..

Денис. Не охочий я до бійки, а Мазуровій Горпині привселюдно тоді плюнув межи очі і дав ляпаса по пиці.

Степ. І клята ж була покійниця, царство ій небесне, вічний покій! Кого вона не опаскудила, кого не оганьбила?..

Денис. Та Бог з нею, не згадуй, нехай вже над нею земля пером.

Степ. Эге ж, нехай... А візьми листи Прохорові! шкода що не вміемо читать... Давай хоч подивлюсь на них...

Денис. (*Бере з полиці вузлик і розвьязує, на долівку падають: книжка, тетрадь, папір, олівець і два письма).* Оце листи, а це й не знаю, до чого воно?.. (*Підійма все з долівки*). Книга, якась палічка... Ага-га, це те що пише, колись у столяра бачив таке... Стривай, як воно зветься? От же і не нагадаю... (*Склав все у вузлика і поклав на полицю, а письма взяв і, сівши поруч з Степанидою, дав їй одне, а друге держе сам в руці і вдивляется*).

Степ. От дивлюсь на Прохорового листа, а ніби бачу не листа, а самого Прохора, ніби чую сю промову... (*Почина плакать*). Синочку мій, дитино моя!.. (*Цілує листа*). Де то ти тепер пробуваєш, як там тобі на чужині, без роду-родиноньки?.. А хороше як Прохор у листі промовля... Каже: „лети, лети листок од Заходу на Осток". Ой, забула, як воно далі?..

Денис. (*Промовля*). „Упады в руки тому, хто любый серцю моему".

Степ. Далі, далі?

Денис. Далі щось і я забув.

Степ. Хоч би ще одне словце пригадать?

Денис. Стривай, стривай... „Родненький папашо і родненькі мамашо і супруго моя верная"...

Степ. Так, так... Далі?

Голос за вікном. Чи не підете заразом до росправи, привезли з пошти казет і писарь читатеме голосно?

Денис. (*Хутко зхопився*). Я піду, стара!

Степ. Піду і я; доки Катря та сваха Христя прийдуть, посліємо вернутись. А листа сховаю до серця. Дай мені і того... (*Хова листи за пазуху*).

Денис. Може про Прохора що небудь вичитуватимуть?

Степ. Пошли нам Мати Божа веселу звістку.

Денис. Про войну почуемо... (*Обоє одягаються*) Учора якийсь панок біля Митьчиної лавки розказував, що наші завдали японам такого чосу, що довго чухатимутся.

Степ. (*Одягаєтся*) Так їм і треба, проклятущим, нехай не сікаются до наших!

Денис. Каже, бачив японів на картині: такі миршаві та манісенькі; наш солдат по четверо їх садовить на долоню, а другою як ляпне, то тількі мокреньке місце зостанется... (*Сміються обоє*) Колиб, каже, наші схотіли, то зразу закидали б їх шапками, тільки що шкода шапок паскудить...

Степ. Ну, вже я не пошкодувала б на них і очіпка!..

Денис. Ходім, ходім!..

Степ. Чи хату замкнемо?

Денис. Не треба, може скоро Катря вернется. (*Дивится у вікно*). Та ондечки вона вже і йде. (*Пішли.*)

Через недовгу хвилину входить Катря.

Катря. Чогось наші пішли у росправу,—певно покликано їх туди. Матері не застала дома; сказала сусідам, щоб переказали, що я приходила за ними. (*Стук у вікно*).

Данько. (*За вікном*) Катре!

Катря. Це ти, Данько? іди в хату!

Я в а 5.

Данько. (*Увійшов і простяга руку*) Мое поштеніе. А я подойшов до твоеї ізби, дивлюсь—висить замок.

Катря. Я ж тобі сказала, що сьогодня сюди переберусь.

Данько. Понимаю. Значить, годі вже секрети соблюдать?

Катря. Сьогодня доведеться признатись, довідались...

Данько. Значить, виявили? Ах, как ето довольно подло. Хто ж ето?

Катря. Знайшлись щирі душі. Доки наших нема, скористаемось тим, не будемо гаяти часу. Сідай-бо. (*Данько сів, Катря іде до мисника і здійма вузлика*). Хтось вже тут попорядкував: вузлик розвьязаний. О, а де ж листи Прохорові? От тобі... Невже я їх погубила? Я ж їх сьогодня сюди пòклала... Певно, свекруха взяла. Чи не понесли кому, щоб перечитали їм? Вони щосвята і що-неділі перечитують наново Прохорові листи... (*Підходе до столу*). Як мені хтілось крадькома навчитись грамоти, щоб самій списать у листах до Прохора про свою журбу та тугу, отже не довелось... (*Сідае*). Давай, голубчику, сяк-так допишемо листа до Прохора, щоб завтра або після завтра і одіслать. От повитріщають всі вороги баньки, як я їм сама промовлю по бамазі листа до свого милого! (*Сміется*). А що Мелашка, то та сердешна з досади або перегризе собі язика або цілком проковтне його!.. (*Знов сміется*).

Данько. Вот будить сторія нового завету!

Катря. Почнемо? (*Бере папір і олівець і лагодится писать*).

Данько. Почнемо. Не до ндраву мені те, що ти пишеш листа не по хвормі, по мужицькому.

Катря. Як би писала по таківському, як ти спочатку почав проказувать, то мені здавалось би, що то не я пишу, а хтось инчий орудуе моїми думками і воде моею рукою.

Данько. Так когда ж воно такое правило, што разговори, койкоторі можна по мужицькому, ну читать та писать дольжно по книжному. Наш вчитель нам раз-у-раз приказуе, щоб ми і дома силкувались розмовлять по книжному... А ниспектор, як оце приїздив, так казав вчителеві: „старайтесь, штоб дьети кгаварили харашо"... Де котрі ребьята вже можуть, а я ще не зовсім наловчився! але через якое уремья і я розговори ухоплю книжні, ще й як ухоплю!..

Катря. Ну, проказуй далі.

Данько. А на чім же ми остановку зробили? (*Чита*). „Любий мій Прохоре, моя ти единая думко!.." Аж неприятно читать. По правилу дольжно буть так: „любезной мой супруг, Прохор Денисович!.."

Катря. А мені так не подобаєтся.

Данько. Чудная ти... так правило ж такое! (*Чита далі*). „Як прочитали ми твого листа, то всі гуртом плакали"... Тут дольжно б сказать: усім обществòм слези проливали... (*чита далі*) „що ти, мій голубчику, тяжко сумуєш за нами. Колиб ти знав, як я за тобою що-хвилиноньки побиваюсь, як та пташка в клітці".. Вот тут я прописав би: как птичка в кльеткье, на тонкой вьеткье,— вийшло б і чуствительно і стиховно.

Катря. Годі-бо тобі. Нехай вже так буде.

Данько. Ай - ай - ай! йжели б етого листа предоставить нашому вчителеві—от би реготав!

Катря. Чого ж би реготав?

Данько. Потому што даже дольжно реготать, как он по мужицькому списаной. Окроме того воно не тольки смішно, а даже довольно глупо. Ну, тут далі я памьятаю, одні тольки пустяки! Будемъ дописувать.

Катря. А ну, стривай, я сама дочитаю, чи потраплю?

Данько. Єжели завгодно, читай.

Катря. (*Чита*). „Як вже скінчили читать твого листа, пішла я в нашу хатину, глянула на образи, котрими нас благословили, та як припала до столу, як почала на самоті голосити, довго-довго голосила і здалось мені, що і стіни, і вікна, і скриня і вся хата заразом голосять зо мною"...

Данько. (*На бік*). І на што писать про еті дурачества?

Катря. (*Чита*). Аж чую закувала в леваді зозуля Я почала її питати, чи скоро діждусь тебе"... (*Заридала, припавши до столу*).

Данько. От бачиш, колиб не писала про зозулю, то й не плакала б, потому што об єтіх глупостях в письмах никогда не пишуть... Змочила ще горше письмо слезами. Куди його можна посилать? Йежели б показать такоє писаніє учителеві, оставив би без обьеда, або в куток, чи той — в угòль постановив би.

Катря. (*Витира слъозы*). Ну... вже не плачу... Проказуй, писатиму далі.

Данько. I єще кланяется низькім поклоном і приятним словом...

Катря.. (*Проказус пишучи*). I ще..

Данько. Не ще, а єще. Ще єто будить обозначать сильную безграмотность. (*Диктус*). Дяденька ваш...

Катря. Який дяденька, коли дядько?

Данько. Дядько неприятно, а дяденька харошо.

Катря. Я напишу: і дядько. (*Пише*).

Данько. Своєвольна!.. (*Диктує*). Гавріил..

Катря. Не Гавріил, а Гаврило.

Данько. По мужицькому так: Гаврило, а по книжному: Гавріил. Архангели єсть: Гавріил і Михаіл, а Гаврила нема!..

Катря. Ну, написала. Далі?

Данько. (*Диктує*) I тьотенька ваша...

Катря. Тьотенька? Мені аж вимовить смішно: тьотенька!.. (*Сміється*). Хіба не краще: тітка?

Данько. Никогда. Другий на моїм місцеві взяв би єто, плюнув на єті безталкові глупости і пайшов би... Тольки што деньги получаю за вченіє, а то б...

Я в а 6.

Входять **Денис** *і* **Степанида**.

Катря. От тобі й на!.. (*Ховає папір у вузлик*).

Денис. Що ви тут робите?

Степ. У книгу дивились, чи що?

Данько. Да, єто я разні сторії читав Катрі: про Сима, Хама і Ахвета, либо вроді єтого штось другое... Здрастуйте дяденька, Денисій Митрохванович! как поживаєте? Пожалуйте вашу ручку. (*Трясе Денисові руку*). Здрастуйте, тьотінька Стехванія Єгоровна! Пожалуйте ручку. (*Стиска їй руку*).

Денис. Сідай у нас, хлопче.

Степ. Та пополуднаєш з нами. (*Сідають*).

Данько. Благодарим за... пригласительство, спасіба (*сіда*).

Денис. Читав писарь казету, що наші здорово побили Япона аж пьять тисячів їх полягло, а наших тільки двісті чоловік.

Степ. Так їм і треба, проклятущім гапонам.

Данько. Да, наші воіни так вони маладьці. Учора в школі бул урядник, так говорив, што наші знинтожять зовсьем японьця...

Катря. А про Прохора ніякої звістки не чули?

Денис. Ні, нема нічого. (*Зітхає*)

Катря. Мамо, ви взяли листи Прохорові, що були у вузлику?

Степ. Я, я, осьдечки вони. (*Вийма зза пазухи*). Подержала листи біля серця і полехчало мені. На, заховай! А що ж мати?

Катря. Я ж вам казала, що не застала дома.

Денис. Що то у тебе за палічка в руці, як вона зветься?

Катря. Карандаш.

Денис. Карандаш? А я чув колись від столяра инакше, от же не нагадаю?

Данько. Ньет, дяденька, карандаш как вон бул карандашом, так карандашом і повсігда зостанется...

Я в а 7.

Входять **Мелашка** *і* **Химка**.

Химка. Ні, Мелашко, так не чесно, як ти оце задумала коїти! на віцо ти за спиною дулі показуєш, а в вічі хиба боїся правду сказати?

Мел. Не боюсь я нічогісінько, і в вічі скажу!

Химка. Ну, от і кажи, нехай ось свекор і свекруха знають усе!..

Денис. Що ж ви таки таке знаєте, послухаємо?

Химка. Зараз Мелашка, біля Митьчиної лавки, присягалась, що вона власними очима бачила, як до Катрі що-ночі, як тільки почне сутеніти, з'является якийсь миндрус...

Мел. Бачила, з'является! Сімсот і девьять раз заприсягну, що з'является!..

Катря. Це правда.

Степан. і Ден. (*З жахом*). Правда?

Химка. А що, чуєте? (*Регоче*).

Дан. Ну, тольки некакой миндрус!

Катря. (*Показує на Данька*). Оце той миндрус!..

Всі. Як?

Дан. Одначе стойте, какой же я такой миндрус? Єто хвальш!..

Катря. Признавайсь, Данько, чого ти до мене що-вечора ходив?

Дан. Як признаватись, то й признаватись... Видите, дяденька, видите тьотенька; захотіла Катря нишком навчитись грамоти; щоб, значить, люде не висміяли їй очей, що вона у таких літах задумала вчитись, і договорила менья, за півтора цілкових у мьесяць, щоб я крадькома що вечора її вчив. Я согласився і за чотирі мьесяця получив вже шість рублей серебра. Катря до грамоти оказалась понятливою...

Катря. Оце той мій гріх, котрий так зтурбовав не тільки пащекух, а і вас, тату й мамо...

Дан. Я раз однажди даже наполохав тетеньку Мелашку. Дивлюсь, вони йдуть до Катриної ізби, я й приліг за плотом; тільки що вони надійшли та й лізуть через пліт, а я як загавкаю, вони як галаснуть та з плоту бабах об землю!.. (*Регоче*).

Мел. А щоб ти не діждав полохать мене у-друге, чортів випортку!

Катря. (*Тим часом вийняла з під корсетки листа*). А оце той лист, котрого я властною рукою списала до Прохора.

Дан. Тольки што не вполньне по хвормі.

Мел. Тьфу! Паскудний віскряк якого гвалту накоїв!..

Химка. Годилося плюнуть тобі за це, Мелашко, в самісеньку мордяку; тільки других підводиш під сварку!.. (*Розгнівана пішла*).

Мел. Сімсот і девьять раз тьфу!.. (*Пішла*).

Катря. Не перегризіть, Мелашко, з пересердя язика!..

Дан. Какая уредная єта тьотенька, ужасть!..

Степ. А прочитай нам, Катре, як ти там пишеш Прохорові!.. (*Катря почина читать листа*).

ЗАВІСА.

ДІЯ 3.

В тій же хаті.

Ява І.

Христя і Катря.

Христя. Годі тобі, моя дитино, так тяжко сумовать,—хиба ще за рік не натужилась? Трохи було ніби й вгамувалась, а це знов третій тиждень мало не що-дня голосиш. Пошкодуй себе, пошкодуй свого молодого віку!..

Катря. А на що мені, мамо, те життя?..

Хр. Коли не шкода себе, то хоч зглянься над моєю старістью.. не знесилюй мене внівець... Хіба моє старе серце не рвется на шматки через твоє горювання?.. Чи може тобі про біль матері, про її муки байдуже, то жени її мерщій в домовину... доволі вже я пажилась, доволі натішилась життям...

Катря. Мамочко, не докоряйте мене... я... я вгамуюсь... (*Затуля собі рота долонею, щоб не плакать*). Перестану тужить... (*Іде до порога, бере кружку з водою і промива очі; напилась*). Вже вгамувалась ніби... (*Сіда біля матері*).

Хр. (*Голубить її*). Тадже ж пише, що рана не тяжка, що лікарі запевняють, що скоро загоїтся... що кістка тільки трохи зачеплена... Дякувать треба Господеві, що не перебили ноги...

Катря. За віщо ж дякувать? Кому він що лихого вчинив, чи заподіяв?.. Ми, мамо, „Господом забуті“...

Хр. Що це ти верзеш? Гріх так казать... А що поранено Прохора, то щож робить? на те він салдат, воін.

Катря. Хиба він по своїй волі пішовъ на війну? Хиба йому потрібна була війна?.. Не одружився б він, колиб знав, що запротирять... Казав же, як прощався, що як би знав, що потягнуть на війну, не завьязував би мені віку... Взяли, заслали на край світа і скалічили... Що я тепер? Салдатка, котру кожен, кому не жаль, тільки зневажа... За віщо ж, питаю, я мушу дякувать Господеві?

Хр. Не ремствуй, борони тебе Боже ремствувать!..

Катря. Не ремствовать?.. Але ж і дякувать за що... (*Похитала з хвилину головою*). „Лехко поранений“.. А чому ж сам не пише, коли лехко поранений?.. На віщо сестра милосердна пише за нього?

Хр. Певно, він лежить...

Катря. Лехко поранений не лежав би... Мало хиба на селі ненароком калічятся: инчий руку розруба сокирою, або ногу, а не ляга? Савка Когутенко, як торік розрубав коліно, а не ліг; ціле літо волочив ногу, аж доки не взяли в болницю та не відрізали ноги...

Хр. І зістався на вік калікою. А колиб загодя почав гоїтись, то може і не скалічів би... (*помовчала*). А й хороше же милосердна сестра списала, вже так хороше що й сказать.

Катря. Дізналася ж, бачте, що Прохор не з москалів і сама призналась йому, що й вона теж з наших...

Хр. Кортить мені ще послухать того листа, може прочитаєщ?

Катря. Прочитаю.

Хр. От і розумниця. Ще ні один салдат з нашого села так хороше не одписував! всі якось по таківському закидають, як ото иноді наші началники паважаются балакать, або хвершал...

Катря. (*Розгорта листа і зітхає*). Ох, Боженьку мій милий!.. (*Чита*). „Люба моя дружино, Катрусе! (*Христя иноді залюбки голосно додає: „так, так", або „ох, як хороше!.."*) Мушу тебе засмутить не веселою звісткою. Під Мукденом мене скалічено, ліву ногу кулею на виліт пробито, і трохи пошкодило кістку, нижче коліна, через що дохторі звеліли лежать у шпиталю, доки затягне рану і кістка загоїтся... Я почуваю себе дужим. У шпиталю доглядають за нами сестри милосердія і ми їх звемо сестрицями; вони перевьязують нам рани, дають усякі ліки; а тих; що дуже покалічені та немощні, то таких самі і чайом поять... Цього листа пише сестриця. Довідалась, бач, вона, що я з хахлів, тай пита: „ви українець?" А я їй кажу: ні, я хахол. А вона й почала мені тлумачить, що хахол—це насмішка, все рівно як москаля звуть кацапом, або еврея—жидом... Ви, каже, українець, через те я і листа до вашої жінки напишу по українські. А потім як почала вона мені оповідати про давню давнину,—про таку, що і батьки нам не розсказували. Потім сказала мені, з яких книжок те вичитала; у нас, у школі, ми про такі книжки і не чули!... Каже, що колись Україна була вільною стороною... Я почав благать її, щоб усе оце списала тобі, щоб і ти де-що зрозуміла,— вона сказала, що спише у другім листі. Потім прохав я, щоб додала й про те, яка вона добра душа. Довго сперечалась вона, що ніби про це не слід писать, що то її обовьязок примушує пеклуватись біля хворих; але я сказав, що як не спише про це в ли-

сті до тебе, то я затаю свого адреса. Тільки таким побитом я прихилив її до свого благання. Боюсь тобі оповідати про страшенні каліцства, які тут доводится що часу бачить! Хоч що-дня на моїх очах сотні салдатів в муках падали і помірали, одначе не зачерствиш себе так, щоб глянувши на пнчого пошматованого мученика, не здрігнуть... Як Бог поможе повернутись благополучно до дому, тоді розскажу тобі все, нічого не затаю. Не сумуй, моя голубко, та не журись дуже за мною; трошки заплач собі, бо без того не можна, але не плач на людях, а нищечком, та благай Господа і молись йому, щоб допоміг мені скоріш вернутись у рідний край, у свою хатину, до любої моеї дружиноньки"...

Хр. Бачиш, і він приказуе, щоб не журилась та Господеві молилась. Ну, далі?

Катря. (*Чита*). „Я розсказав сестриці, яка ти у мене хороша і як кохаеш мене, так вона дуже тішилась. Сподівайся ж від мене скоро другого листа"... (*Промовля*). Сподівалась та мабуть і сподіванку доведется залишить. (*Чита*). „Сестриця каже, що як тільки мені покраща, зараз же об тім сповістить тебе сама. Сестриця ще каже і те, що нам, українцямъ, треба листи писать до дому по своему. Кланяюсь низенько таткові і неньці, і тещі, твоїм неньці, братам, і сестрі, і невістці, всій рідні і всім добрим людям. Твій друг Прохор Шаповаленко, младчий унтерофицер. (*Говорить*). Слова останні він властною рукою дописав.

Хр. Стало бить, і не немощний... Ну що, полегчало тобі? А мені так теплом всю душу і обгорнуло.

Катря. Вже скоро і місяць як цей лист прийшов, а другого нема та й нема!...

Хр. Може завтра, може після завтра прийде. Он Гальчин чоловік як прислав одного листа та як одіслала вона йому карбованця, та від-тоді а ні вісточки, от же ій ніби й байдужісінько!

Катря. Мені від того не лехше. (*Зажурилася*).

Ява 2.

Входять **Степанида і Знахарь**.

Степ. Здрастуйте, свахо! спасибі що завітали. (*Цілуется з Христею*). Що, свашечко, і ви не заспокоїте вашої доні?.. Ми вже і руки опустили.

Хр. Не приберу і я ума, як її уговорить.

Катря. Я ж не плачу вже... (*Понесла листа до мисника і хова у вузлику*).

Степ. Кажуть,—що у росправі вже казету читають,певно старий вже там!

Катря. Піду і я!... (*До Христі*). Ходімо, мамо, у росправу.

Хр. Та воно годится тобі пройтись... Прощавайте, свахо. (*Цілуется з Степанидою*). Мені треба зайти до млина, воно по дорозі: ти до росправи, а я у млин... (*Пішла з Катрею*).

Степ. (*До знахаря*). Бачили?

Знах. Ні, ще.

Степ. Оце ж наша невістка, Катря!

Знах, Ага, а я думав...

Степ. Садовітся!

Знах. Можна. (*Сів*).

Степ. У будень ще сяк—так, за роботою та за клопотом, то й розважится, а як прийде неділя, або свято—цілий день виголосить.

Знах. Невістка?

Степ. Та вона ж... Як не плаче, то щось таке з нею коїтся, ніби остовпеніе і мовчить—мовчить, хоч ти ій що хоч кажи.

Знах. Мовчить все?

Степ. Эге ж, мовчить. Я чула, що як инчій людині дошкулить до болячого, то у неї все в грудях замре,—чи так?

Знах. Бува й так, а бува й не так.

Степ. Спасибі вам, що потрудились пожалувать, може вас почастувать?

Знах. Як що є, то... Мене люде частують.

Степ. (*Бере пляшку і чарку*). Дай Господи, щоб ви допомогли ій.

Знах. Допомогти можна... Жалаем доброго здоровлячка. (*Випив*).

Степ. Мені здаєтся, що ви неодмінно ій допоможете. Закусіть, будь ласка!

Знах. Допомогав багатьом, то й вам допоможу. (*Закусює*).

Степ. Звісно, побиваєтся за чоловіком, бо його скалічено на войні... Прислав листа.

Знах. У нас, сказать, мого свояка сина теж скалічено.

Степан. Скрізь те лихо коїтся!

Знах. На те воно й лихо.

Степан. Може викушаете ще?

Знах. Як почастуєте, то викушаю.

Степан. Я вам така вдячна... (*Налива*). Хто це вас напутив?

Знах. (*Випив*). Василь... Як-бо його? Ось що... Москаленко.

Степан. Ага, це наш недалекий сусіда! от добра душа, спасибі йому!

Знах. Ідіть, каже, там вас чекають.

Степан. Хотіли ми вже кинутись до хвершала.

Знах. То не хвершалове діло.

Степан. І я так кажу. Як тепер хвершали понаставали такі, що краще б їх і не було: ні шепотіння він тобі не тямить, ні заговору...

Знах. Без шепотіння та без заговору не можна.

Степан. Скажи йому, щоб злизав зазіх, або здмухнув пристріт, так він баньки витріщить...

Знах. Може б почастували по третій та й за діло?

Степан. Викушайте. (*Налива*). Пожалуста поможіть їй, сердешній!

Знах. (*Випив*). Людським допомогав... Ходім! (*Встав*).

Степан. Куди ж це?

Знах. До неї ж.

Степан. Вона ж пішла у росправу, ось вернется.

Знах. Хто?

Степан. Невістка.

Знах. Ми її не ждатимем. А мазниця є?

Степан. Є, є!...

Знах. Колиб ще обичайка з старого сита, або з решета!

Степан. І обичайка знайдется.

Знах. Інчі штанами або хвартухом шию труть, а я завжди обичайкою... Деж вона у хліві, чи...

Степан. Хто?

Знах. Телиця?

Степан. Яка телиця?

Знах. Та у вас же телиця захворіла, перелоги б-то, чи що?

Степан. Ніякої телиці нема у нас хворої!

Знах. А вас же як звуть?

Степан. Ми Шапуваленки, з діда—з прадіда Шапуваленки.

Знах. А мені треба Рябошапку... Виходить я помилився?

Степан. Рябошапчина хата поруч з нашою.

Знах. То так би й казали зразу, а то почали: „сідайте", та „викушайте"... І що за народ! не скаже тобі товком, а... Прощавайте! (*Пішов*). Згаяв тільки уремня!...

Степан. Я думала, що він людський знахарь, а він товарячий!...

Я в а 4.

Данько. Моє поштеніє, тьотінько! Вашу ручку! (*Чоломкается*). Катрі нема дома?

Степан. Пішла на часинку до росправи, зараз вернется, посидь.

Данько. (*Сіда*). Приніс одну книжку Катрі... Папаша купили на ярмарку, ну, кажется так, што по безграмотству їхнему, вочень глупую... Зветця: „Сердешна Оксана“... Так, пустякова сторійка...

Я в а 5.

Денис *і* **Иван**.

Денис. Чи бачиш, стара, хто прийшов?

Иван. Здрастуйте, мамо! (*Цілує ій руку*).

Степан. Здоров, здоров, сину! Насилу ти вернувся.

Денис. Глянь ти на його, неначе аж подужчав і якось ніби вилюднів...

Иван. (*Скида зайву одежину*). А таки вилюднів.

Денис. Сідай та відпочивай.

Иван. Я вже трохи відпочив. (*Сів*).

Степ. Чи не дати пополудновать?

Иван. І їсти не хочу: по дорозі заходив до Юхима, і він мене підгодував, спасибі йому.

Дан. Моє поштеніє, дяденька! Вашу ручку! (*Чоломкается*). Здрастуй, Ванька!

Иван. А, здоров, здоров школяр! (*Чоломкается*). Вчишся ще?

Дан. Вчусь.

Иван. Вчись, братухо, вчись. Я не довчився, а тепер і шкодую... Ну, тату, приніс я вам стільки новини, що й за тиждень не переслухаєте.

Дан. Интересно б послухать?

Ден. Набачився усякої святині?

Иван. Святиня окроме... Скажу вам, що хто не бува по світах, той і не тяме, що по людях коїтся.., Чого-чого я тільки не навидався за пьять місяців, чого не наслухався?... Я почав де-

що розсказувать Юхимові, так він аж рота роззявив. Ще нагодився і Давид Крамарчук—і той аж цмокав губами. Прийдуть над вечір до нас, щоб я їм ще де-що розсказав... Чого-чого тільки я не чув?...

Степ. У Києві був?

Иван. Був, і в Воронежі був, і у Серафима Саровського, був і в Почаєві; а на решті вже і в Святих горах...

Степ. Набачився святощів?

Иван. Хотів вам принести проскуру від Почаєвської та загубив заразом з торбиною.

Денис. Отакої!

Иван. Ішли ми, бачите, лісом; ішло нас аж шість чоловік заразом... Тих вже, з котрими я з дому пішов, не було, бо то були таки справжні богомоли... Ідемо ми лісом, аж чуємо гупотить позад нас. Один оглянувся та й каже: „це не инакше, як за нами погоня, тікаймо мерщій". І кинулись ми всі вростіч, по лісу. Одбіг я ступенів з нівсотні, дивлюсь лежить гнила колода: я пуць—і пропав за колодою; аж це біля мене вершник як затупотить, а я зарився в листя та й лежу. Далі вже не чуть стало вершника, підвів я голову, бачу—побіля хтось ще ворушится, далі і той випростав голову з листя. „Це ти?,—питає". Я,—кажу. Долежали ми там до вечора. Як почало сутеніти, вийшли на шлях та вже не наперед пішли, а назад... Пройшли гін з пьятеро та й звернули у ліворуч; ішли, мабудь, до півночі, потомились, одійшли на бік і полягали спать. Хотів я попоїсти хлібця, зирк—аж торби нема, загубив; спасибі товаришові, підгодував мене трохи... Удосвіта прокинулись, товариш і каже: „прощай, брате! Тобі туди, а мені туди; ти мене не бачив, я тебе не знаю. У купі як підемо, часом наздоженуть і тебе зачеплять, а нарізнь безпечніш"... Так ми вже більш і не бачились. Люде справили мене на Святогорьский манастирь, а звідти вже я пішов прямо до дому.. Багато де-чого наслухався я від своїх товаришів. Як почали вони тлумачити мені, як належить поводитись людям та через що люде живуть у злиднях та в темноті...

Денис. Треба, щоб ти і нам де-що розсказав.

Иван. Авже ж розскажу.

Дан. Дольжно буть итересні сторії!

Ив. Це ж ти по якому белькочеш?

Данько. Как по якому? Как у школі, так і в семействі дольжно.

Иван. А я чув від людей розумних, що воно не так *дольжно!..*

Я в а 6.

Юхим, **Давид** *і ще де-які люде.*

Юхим і другі. Здрастуйте. з неділею будьте здорові! (*Цілує батька і матір в руку*).

Денис і Степ. Спасибі, будьте і ви здорові. Сідайте у нас. (*Сідають*).

Юхим. Ми оце прийшли, як що не виженете з хати, прийшли послухати богомола; таку завдав нам задачу, що аж в голові все заворушилось...

Дан. Все одно што именовані числа, да!...

Денис. І нас він зацікавив... Набачився світа та й начувся.

Иван. Про віщо ж вам?

Юхим. Та от ти почав був про колишнє, про прадідівщину...

Иван. Можна. Тату! А може й ви чували, хто такі були ваші діди та прадіди?

Денис. А хто ж вони були? Звісно, крепаки, стало бить, панські.

Иван. А з якої ж причини вони стали панськими?

Денис. Про це вже я не скажу. Мабудь так воно здавна запроваженo... Инчі кажуть, що так воно від Бога призначено...

Иван. Ні, тату, не від Бога, а від людей. Прадіди ваші були вільними козаками, вони воювали з Турками, з Татарами, з Ляхами, з Москалями, здобували землі, скарби та боронили віру Христову.

Данько. Вот про ету сторію раз почав був розсказувать нам вчитель, а хтось ниспекторові доніс, так той йому сказав: „сматріть, штоб вам не прийшлось загонять телят заразом з Макаром?“...

Юхим. З яким Макаром?

Данько. А хто його знаіть, ну тольки вчитель спужався...

Давид. І мій хлопець школяр щось подібне розсказував та я не розібрав...

Иван. Колись може гуртом розберем все... Була у козаків на Дніпрі головна сила—Січ, там був у них і Січовий отаман,

котрого козаки вибірали вільними голосами. Звались ті козаки Січовиками, або запорожцями...

Денис. Я чув колись казку про запорожців, та думав що то так собі побрехенька, як от про *Івасика-Телесика*, або про *Лисичку-сестричку*...

Иван. Із Січі Запорожці ходили воювать з ворогами, плавали у байдаках по морю під Турка та Бусурмена, нападали на Польщу, на Татарву... І взяли завидки ворогів на їх хист та одвагу і почали вони, то той, то другий, умизгатись біля запорожців та запрошувать у спілку, щоб з'еднать гуртом велику силу війска та подужать слабшого... Думали, думали, обміркували та радились Запорожці, до кого б їм прилучитись?... І надумали пристать до Москаля, бо у Москаля одна з ними віра і через те певні були, що спілка з Москалями буде найміцніща...

Ява 7.

Катря. (*Входе ридаючи*). Ой Боже мій, Боже мій! Тату, мамо! Спалили Прохора, спалили!...

Всі. Що, як?

Катря. Японьці спалили той шпиталь, у котрому лежав хворий Прохор, всі поранені погоріли!... Ой доленько ж моя несчастная, голівонько моя пропащая!... (*Припада до коміна і голосить*).

Степан. (*Вхопилась за голову*). Ай-ай!... Голова!... Прох... Про-хо... (*Рве на собі сорочку*).

Денис. Що це з тобою? (*Хапа її за руки*).

Степан. (*Силкуєтся вимовить*). Про-х-хо-ра спа-ли...

Денис. Щож це? Юхиме, бігай мерщій по хвершала!...

Юхим. Зараз, тату!...

Давид. (*До людей*). Ходімо... Не в час ми прийшли... Така оказія... (*Виходять*).

Иван. От тобі й закидали Японьця шапками!...

ЗАВІСА.

ДІЯ 4.

Біля Денисової хати. Хата, тин, повітка, комора і т. и.

Ява 1.

Денис. (*Лагодить тина, з-за повітки виходить Иван*). Не світ, не зоря знов з подвірря втікаеш?

Иван. А чого я сидітиму дома? Робить ні сокирою, ні лопатою не можу — задихаюсь... Тільки й мого, що шкундиляю ще по селу, від хати до хати, доки в силі; а як знесилюсь, тоді вже лежатиму до пропадющого...

Денис. Може посидів би біля хворої матері?

Иван. Що я їм допоможу? Я не лікарь. Води хиба подать, так вони і самі ще здужають встать і напитись.

Денис. Я, бувши на твоїм місцеві, не вештався б.

Иван. Промеж людьми, тату, охітніш дихается, а дома такий сум, що й... мати хворі, ви мовчазні та богобоязні...

Денис. Таким вже я і помру.

Иван. Не в тім сила, а що ви раз-у-раз затикаєте вуха і не хочете слухать, об чім тепер люде гомонять, а я так не можу...

Денис. Оте, що де-котрі затівають, то з того не буде ніякого пуття,—я тобі кажу, що не буде... Раніш теж затівали подекуди щось подібне, а на решті списали инчих так, що й досі чухаются, инчих по острогах згноїли або позасилали не вітькуди...

Иван. А я певен, що воно так скоїтся, як сподіваются люде.

Денис. Та й тоді сподівались, що одберуть у панів землю та поділять...

Иван. І одберуть і поділять, от побачите!

Денис. Хто одбере?

Иван. Знайдутся такі. Ну, и скажіть по правді: хиба ви не хотіли б, щоб... вам прирізали землі?

Денис. Та мало чого я не схотів би?...

Иван. Багато ви за цілий вік розхазяїнувались на чотирьох десятинах? Ще доки вкупі жили, то сяк-так перебивались, а як отділили Юхима, то і в нього не повно і в нас порожньо... Колиб Прохорову хату не продали, то вже на весну не було б чим і

орати... Щоб ви робили з однією шкапою?... Злиднів би годували!

Денис. А годували б... Нам до того не привикать.

Иван. Я не хочу до того привикнуть... Ну, я піду. Сьогодня біля росправи сходка. Чого ви хоч раз на сходку не підете?...

Денис. А матір слабу на кого кинуть?

Иван. Та... То тільки відмовка... Сьогодня мусять приїхать знов з города такі, що будуть промовлять до громади...

Денис. Он чутка є, що вже скоро замирение буде... Салдати, котрі вертаются звідти, кажуть що ось-ось мусить бути замирение... А після замирения може і справді землі приріжуть... Чув же й ти, що якийсь біля Митьчиної лавки розсказував, що ніби-то Синод дозволить Цареві по сім десятин на душу прирізать?... То краще підождать би?...

Иван. Ця ж чутка була ще до войни, одначе і досі не прирізали... (*Пішов*).

Денис. (*Помовчав*). Тільки хліб переводе, прямо дармоїд... Думка шибала, як пішов на прощу, що десь при манастирі зістанется, рипатиме там ворітьми або що—і годуватимуть... Мабуть і там калік не треба... (*Помовчав*). А може й справді якесь пуття вийде з тієї помовки, що ніби-то рух обхопив вже багато сел?...

Ява 2.

Катря. Здрастуйте, тату! з неділею будьте здорові!

Денис. Здорова будь і ти. Спасибі, що одвідала...

Катря. Що це ви? у неділю робите?

Денис. А роблю. Робить за мене нема кому. Куди так з-позаранку? Присядь. (*Сідають на призьбі*).

Катря. Нарочито таки прийшла до вас... А мати як?

Денис. (*Махнув рукою*). Хоч і не питай... Позавчора Никодим вернувся з войни.

Катря. (*Зітхнула*). Я чула.

Денис. Прострелено єму долоню і плече... З хрестиком на грудях... Хоч пораненый, а все ж вернувся...

Катря. Я бачила его... (*Мовчать*).

Денис. Що ж, надумалась заміж іти?

Катря. Надумалась... Не з властного переконання, а з людського, ще більш з материного. Але хоч я вже тепер і не ваша, а все ж таки прийшла до вас поблагословитись...

Денис. І нехай тобі Бог помагає. (*Зітхнув*). Мертвим царство небесне та вічний покій, а живому слід користатись тим життям, котре Бог йому послав... Смерть—вона у свій час прийде по кожного, нікого не обмине; хто на черзі—лягай в домовину... Так, так... І неньці твоїй під старість буде до кого голову прихилить... та й сама матимеш притулок... Звісно, наша семья тепер тобі зовсім чужа... Та й яка наша семья? де вона? Юхим в отділі,—у нього вже своя семья; Галька — дочка, теж відрізана скиба від хліба... Іван — каліка, стара — непритомна... Он яка семья!...

Катря. Ви Василеву семью знаєте, яка вона?

Денис. Семью Степаньців я добре знаю. Люде гарні, смирні, богобоязні... Певно і Василь добряча душа!..

Катря. Я йому прямо сказала, що Прохора ніколи не викину ні з думок, ні з серця...

Денис. Василь і сам удівець, і ти ж не докорятимеш його за те, як добром згада покійницю.

Катря. За віщо б я його докоряла?

Денис. Ото-то ж бо й є!... Вийдеш заміж, спаруєшся. З щоденним клопотом та з невгавною турботою, та ще як посиплются діти, то вже й ніколи тобі буде згадувать минуле; бідкатимешся об тім, щоб діток вигодувать, та зростить, та до розуму довести... Я тобі це по сердцеві кажу...

Катря. Спасибі вам... Вговоряли мене мати, довго вговоряли: і гнівались, і сварились, і плакали... Думала-думала, а нарешті сказала: вчиню вашу волю, нехай буде по вашому... Прийшла я оце з вами вже й попрощатись, бо сьогодня і до вінця ідемо.

Денис. І нічого на далі відкладать, з Богом!...

Катря. Хотіла б з матірью попрощатись?

Денис. Хоч прощайсь з нею, хоч не прощайсь, ій вже однаково, нічого не втямить... Ось я її зараз покличу сюда... (*Пішов в хату*).

Ява 3.

Мелашка. О, Катря!... Здорова, Катре!

Катря. Хоч і прощай.

Мелашка. І доси гніваєшся? (*Мовчання*). Заміж ідеш за Василя? Це ти гаразд робиш... Скільки не журись, а опріч журби нічого не вижуриш. Та й поговору не буде... Ні від чого також не

боляче, як від поговору, га?... (*Мовчання*). Поговір,—як половоддя, не зупиниш і не загатиш... Га? (*Мовчання*). Чула про онорала, що позавчора балакав з людьми біля росправи? Ти й справді принндишся і досі?... Чи ба яка хвасониста!... Пхі!... Ну, то не клич же мене до себе і на весілля!... Смієшся? Сімсот тобі болячок та ще й девьять... Тьфу! (*Пішла*).

Я в а 4.

Денис і Степанида.

Катря. (*Підходе до Степаниди*). Здрастуйте, мамо!... (*Цілує її*). Невже не пізнаєте мене?

Степанида. Мене...

Катря. Я ж Катря, невістка ваша...

Степанида. Ваша...

Катря. Іду, мамо, заміж за Василя, благословіть мене. (*Кланяется їй і цілує руки*).

Степанида. Мене...

Денис. Нехай вже тобі, Катре, Господь допомога і пошле щастливу долю!... (*Цілує її*).

Катря. (*Поцілувала його в руку*). Спасибі! (*Пішла втираючи сльози*).

Денис. (*До Степаниди*). Може хочеш знов лягти, чи посидиш?...

Степан. Посидиш... (*Іде в хату*).

Денис. (*Іде з нею поруч*). Ти пізнала Катрю?

Степан. Катрю...

Денис. Заміж їде Катря...

Степан. (*Зупинилась раптом і вдивляется в простор*). Прохор!...

Денис. Невже він тобі привидився? Чи не душа його тут вітає?... Ох, треба буде в ту неділю панихидку відслужить... Як ти думаєш, стара?... (*Степанида щось показує рукою*). Ну, ходім, ходім в хату. (*Пішли*).

Я в а 5.

Юхим. (*Хутко йде до хати*). Нема батька в подвіррі, певно в хаті. (*Іде до дверей, назустріч Денис*). Здрастуйте, з неділею!

Денис. Здоров, синашу. Що доброго скажеш?

Юхим. Та от прийшов до вас... Тут, бачите, таке цікаве діло... Тільки що ви... той... Якісь дуже богобоязні...

Денис. А хіба й ти вже Бога не боїшся, як Иван?

Юхим. Та не в тім річ... Бога боюсь я, а як Богові байдуже про нас, то виходить, що треба вже самим клопотатись...

Денис. Та ти кажи пряміще, не мудруй!... Що там затіваєте? Чи не підбадьорює знов хто на розорение?... Сиділи б оце по острогах, колиб тоді, як з пьяних очей намірялися спалить якономію, не послухали розумних людей та не одумались загодя...

Юхим. А може й не сиділи б?...

Денис. А все горілка призводить до бунту.

Юхим. Ви думаєте, що всім миром керує горілка?...

Денис. Ти і зараз вже клюкнув?

Юхим. Не в тім рощот...

Денис. Чув, що тепер роблять з Иванівцями, котрі розорили та попалили якономію свого пана? Всіх перетрусили, позабірали не тільки пограбоване, а і властне; багатьох посадовили в острог...

Юхим. Може то ще й брехня?... А як і посадовили, так щож: сьогодня посадовлять, а завтра випустять.

Денис. Де це ти такого розуму свіжо набрався?

Юхим. Є такі, котрі більш нас тямлять. Посадовлять пани, а царь звелить ослобонить.

Денис. А чи звелить же?

Юхим. Ось побачите! А що спалили панське добре, то краще — ні нам, ні йому!...

Денис. (*Неслуха*). Що воно з дзвоником їде верхнею вулицею, гляди чи не становий? (*Придивляются*). А, це Катря поїхала з Василем до вінця... Ач, з дзвінком, як пишно!...

Юхим. Не однім же панам з дзвінком їздить, пора і нашим хоч до вінця з пихою... Так слухайте, тату, ось у чім річ. Скільки на вас землі брать?...

Денис. Де?

Юхим. Я так думаю, що і на вас не меньч, як десять десятин?

Денис. У кого брать?

Юхим. У нашого пана?

Денис. Віддає в аренду, чи як?

Юхим. Ні, самі візьмемо.

Денис. Як візьмете?

Юхим. Чого ви так галаснули? Так візьмемо, тай годі, з царського дозволу... Вже умовились громадою, щоб завтра всім

виїздить в поле і поділить землю... То я оце нарочито забіг до вас, щоб спитать, скільки брать на вашу долю?

Денис. Та чи ти при умі? Хто це вас на таке напутив?

Юхим. Царський посланець.

Денис. Що-о?!...

Юхим. Ось тут у нього хрест, а тут медалі, а ось тутечки зоря, чи та, як бо її? Звізда!... Позавчора смерком підбіг до росправи, а тут як раз люде були на сходці. Підійшов до людей, поздоровкався, далі розщепнув балахона, що зверх був на йому, та й пита: „бачите, що оце таке?“ Дивимось: мундир на ньому, хрести та медалі і звізда.“ Догадуєтесь, пита, хто я такий?“. Ми зглянулись промеж себе та мерщій шапки поскидали. Він тоді вийняв бамагу і показує: „оце, каже, царське“. . От забув як він сказав, чи цвинкуляр, чи приговор?... Ну, а далі почав читать. І там прописано, що дозволяется хрестянам брать землю у панів, по десять десятин на душу...

Денис. Де ж та бамага?

Юхим. Він взяв з собою. Бачите, йому треба їхать по других селах оповіщать людей... „Нас, каже, багато розіслано по всій Расеї“...

Денис. Ото шкода, що бамаги не взяли, безпечніш би було діло.

Юхим. Перед усією ж громадою вичитував, на віщо ж та бамага? Був і староста, і соцький, і судді...

Денис. Краще б було, колиб і бамагу дав...

Юхим. То брать на вас?

Денис. (*Оглянувся*). Та хто його зна?

Юхим. Який ви страхопуд!..

Денис. Колиб бамага...

Юхим. Як назад їхатиме, то можна буде попрохать щоб дав... То брать?

Денис. Та вже як що той, то бери... Як громада, то так вже й я...

Юхим. Дасте завтра ваших биків та спряжемо з моїми.., Може і ви поїдете?

Денис. Та хто його зна?

Юхим. Вся ж громада виїздить, і староста, і писарь, і...

Денис. Коли вже вся громада, то й я за громадою...

Юхим. Так, звичайно, найкраще... То прощавайте. Просьба ще забігти до Давида, у нього, є зайвий плуг, бо у моєму чересло зломалось... (*Пішов*).

Денис. (*Сам*). І хотілося б земельки придбать і якось ніби страшнувато... І як таки бамаги не взять... З цвинкуляром в руках безпечніш... Ну, та коли вже вся громада, то треба й собі за громадою... Шкода, що бамаги не взяли!...

Я в а 6.

Иван. (*Хутко йде*). Був Юхим? (*Тяжко диха*).

Денис. Був.

Иван Розсказував?

Денис. Ну, розсказував.

Иван. Я завтра теж поїду в поле, нехай і мені приріжуть десять десятин...

Денис. А тобі на що земля? Робить ти не в силі...

Иван. Так що ж?.. Я землю продам та поїду в який небудь город, там буду вчитись усяким наукам; я хочу бути таким вченим, щоб усяку книжку зміг прочитать... Тоди вже цілком зрозумію все, що в світі коїтся. Инчі люде у чужі землі їдуть, в Америку то що, і мене цікавить Америка.

Денис. І чого б ото вештатись по світах? Вже коли землі приріжуть, то хазяїнуватимем...

Иван. Хазяїнуйте вже ви... Я, тату, дивуюсь, як це ви прожили вік, а далі Київа і не були?

Денис. Годі з мене й того, що в Київі був, далі Київа мене і не кортить... Инчі і Київа не бачили...

Иван. Дайте мені мого двогривеного?

Денис. На віщо тобі двогривеного?

Иван. Хочу купить книжку у лавушника Митьки.

Денис. На віщо тобі та книжка?

Иван. Читатиму. Книга зветея: „Иван Вижигин, Фадея Булгарина“.

Денис. Та аж двадьцять копієк за неї?

Иван. Вона дорожча, а Митька віддає мені за двогривеного з тим, щоб я вибрав йому чай з маслин... Бачите, купив він у городі товару усякого, купив і чаю і маслин... чай з маслинами поклав в один мішечок: два хунти чаю і десять хунтів маслин; а папір, у котрім був чай, роздерся, чай і висипався у маслини... Тепер треба чай вибирать з маслин, бо шкода ж чаю...

Денис. Купив би краще яку церковну книгу.

Иван. Хиба церковні книги дешевші? Та й на віщо мені церковна, я в попи не збіраюсь. Дайте ж двогривеного?

Денис. Цвиндриш гроші.

Иван. Свої ж цвиндрю, а не ваші, я їх заробив у лавошника за те, що читав псалтиря над його покійним тестем.

Денис. Та на вже. Пожалуста більш не давай мені твоїх грошей у схованку! (*Віддає*).

Иван. О такої, вже й розгнівались? (*Пішов*).

Денис. Бреше, мабуть, що на книгу. Чи не гратиме у карт? Там у лавошника Митьки, що вечора збіраются та в карт грають. Хведька столяр на тім тижневі програв аж десять цілкових... Ловку забавку завели!.. (*Прислухаєтся*). Що воно топотить так здорово? (*придивляєтся*). Чи ба!.. Салдати на конях їдуть, ого-го, скільки їх!.. Куди ж вони? Раз, два, три, чотирі... Ого-го, їх і не перелічиш!.. Мабуть, більш як на півсотні... Куди ж це вони простують?... Повертають до панського двору. О, зупинились біля двору; двоє заїздять у двір... Чого ж-то вони?

Ява 7.

Мелашка. Бачили скільки салдатів, драгунів, чи що?

Денис. Та бачу ж.

Мелашка. Я ж казала, що не виховаются наші з своїми заходами, ніколи не виховаются!.. Вчора нарочито побігла до панського двору довідатись, чи там вже знають про те, що позавчора на сходці казав онорал; спитала одного — другого, тільки баньки витріщають... Аж це сам пан тиць на ганок. „А здрастуй, каже, гражданко, яку новину принесла?“ Ніякої, кажу. „А йди, каже, до горниці“. Увійшла я, він зараз почастував мене горілкою, а далі й каже: „садовись, Мелашко! Тепер вже ми скоро будемо рівні всі, як перед Богом, так і перед людьми“... Налив ще стаканчик, я викушала. „Чув я, каже, що вчора біля росправи якийсь пан балакав з людьми, ти не бачила?“ Я й одмовила: хоч і бачила і чула про віщо балакав, але вам того не скажу. Він ще налив стаканчик, я викушала. Знов почав розмовлять, силкувавсь випитати, але я цупко держала язика за зубами...

Денис. Не віриться мені, щоб ви не проговорились?

Мелашка. Ні, ні... Навіть і ненароком ні жодного словця не бовкнула, вже так цупко держала язика за зубами... Щоб мені сімсот пухирів на язика ще й девьять, коли... (*Побачила Юхима хутко счезає*).

Юхим. Козаки приїхали!.. Це якась иродова душа сповістила пана не инакше, а той певно гінця послав по козаків... Он які

промеж нас людьці завелись... Ви, тату, мовчіть, як часом почнуть роспитувать... Знать не знаю, відать не відаю, кажіть... Козаки поїдуть, а ми тоді нишком зберемось всїею громадою та на ніч в степ, а на зорі і поділимо землю; тоді вже як поділимо, не одіймуть... Глядіть же, тату, мовчіть... Ну, колиб довідатись, яка то анахтема сповістила?.. (*Пішов хутко*).

Денис. (*Сам*). Чого доброго халепи придбаемо... Що ж воно оце таке? Приїздив онорал з звіздою, сказав що панську землю дозволено поділить; а тепер пан викликав козаків?.. От і розбери: де правда, а де брехня?

Я в а 8.

Прохор. (*Виходе з-за вугла, з клунком за плечима*). Здрастуйте, тату.

Денис. (*Жахнувся.*) Що?.. Хто це?.. Сину мій, Прохоре!.. (*Туле його до грудей*). Та чи це ти? Ти живий, тебе не спалили?

Прохор. Ні, Господь помилував. Тільки скалічено було, а як рана загоїлась, я вернувсь в строй і мене захопили японьці у полон. Але, хвалити Бога, я з полону втік... Тепер мене відпустили на поправку. Ви не одібрали від мене листа, я ж писав вам, невже я попередив свого листа?.. А де ж Катря?

Денис. Катря?.. Іди перш до матері. Мати сердешна стерялася, як почула що ти згорів.

Прохор. Згорів?.. Ото, хай Бог боронить! Де ж мати, Катря?.. (*На порозі з'является Степанида*). Матінко моя ріднесенька, жалібнице моя щирая!.. (*Кидается до неї і цілує їй руки*).

Степ. (*Довго вдивляется в його, далі крикнула*) Сину, синочку мій, моя ти любая дитино!.. (*Цілує його і хрестить*). Тебе відпустили, на взяли на війну?..

Денис. (*Тихо Прохорові*). Кажи, що не взяли...

Прохор. Не взяли, мамочко!.. Ходімо, ходімо у хату... Де ж моя Катруся?.. (*ідуть в хату*).

Я в а 9.

Соцький *із ним* **урядник** *і два козака.*

Соцький. (*Стука у вікно*) А вийдіть, Денисе, сюди!
Денис. (*Виходе*). А чого вам треба?
Урядн. Игдье, старик, твой син Иван?

Денис. Не знаю, кудись пішов.

Урядн. Можеть вон у хаті?

Денис. В хаті його нема.

Урядн. А вот посмотрим.

Денис. У хаті син—салдат, котрий оце туж-туж вернувся з війни. (*Идуть всі в хату*).

Иван. (*З книгою*). Купив Ивана Вижигина, може у цій книзі списано про те, як дошукатись правди? Колиб мені дізнати, у який книзі про людську правду списано?

Урядник, *козаки*, **соцький** *і* **Денис**, *а опісля і* **Прохор**.

Денис. Осьдечки і наш Иван.

Урядн. А от это вон? Тебья, голубчик, нам і надобно. Возьміть его, ребьята, (*Козаки беруть Ивана*).

Иван. За віщо це?

Урядн. А вот пойдьом з нами, там всьо узнаєш.

Иван. Куди з вами?

Урядн. Куди? Зпершу в штанп всипем, а потім можна будеть і в спину. (*Регоче*). Ведіть його до командера!.. (*Пішли*).

Прохор. Тату! Що це Иван налихотворив; невже прокрався?

Ява 10.

Катря, **Василь** *і весільні гості.*

Катря. (*Кланяєтся Денисові*). Просю вас, тату, до нас на хліб — на сіль і на весілле!.. Не погребуйте!..

Прохор. (*Побачив лице Катрі*) Що, як? Катре?..

Катря. (*Пізнала Прохора*), Прохоре, ти? Ти живий?.. Ах!.. (*Падає йому в ноги*).

Прохор (*Підіймає її*). Катю, Катрусе моя!.. Зомліла!... Води, води, Бога ради швидче води!..

1906 III—6

КІНЕЦЬ.

Признаки украинской колонизаціи на Уралѣ.

Старѣйшими козачьими поселеніями на русскихъ окраинахъ слѣдуетъ считать войско запорожское и донское. Выходцы съ Дона положили начало козачьимъ поселеньямъ на Уралѣ (Яикѣ), и уральское войско занимаетъ хронологически третье мѣсто. Оно охраняло пограничную рѣку Яикъ отъ вторженій азіятскихъ ордъ съ киргизской степи, совершенно открытой для хивинскихъ и бухарскихъ наѣздовъ. За эту сторожевую службу козачество получало грамоты на владѣніе охраняемой рѣкой.

Право владѣнія рѣкой было органически связано съ ея охраной. Оказалось, однако, что, поселившись въ среднемъ теченіи Яика и обострожившись здѣсь Яицкимъ городкомъ нынѣ Уральскъ),—яицкое войско засѣло станицами и поселками главнымъ образомъ по теченію рѣки внизъ до гор. Гурьева, гдѣ первоначально былъ построенъ учугъ для рыбной ловли, впослѣдствіи перенесенный къ городу Яицку. Эту наиболѣе обильную рыбой часть рѣки яицкіе козаки и охраняли, содержа здѣсь сторожку, пикеты и разъѣзды. Верхнее-же и среднее теченіе Яика, приблизительно до устьевъ рѣки Иртека (впадающей въ Уралъ справа)—оставалось мало защищеннымъ, почему верхнія киргизскія орды безъ труда „перелазили" рѣку, прокрадывались пустыми прияицкими степями къ Волгѣ и даже забѣгали за Волгу, угоняя опять той-же дорогой скотъ и ясырей,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей,—въ далекій тяжкій хивинскій плѣнъ...

Это вынудило русское правительство подумать о защитѣ верхняго Яика. Съ этой цѣлью былъ построенъ гор. Оренбургъ, представлявшій значительную крѣпость. На оренбургское войско

возлагалась сторожа на рѣкѣ Яикѣ отъ истоковъ до Разсыпной: Остальная рѣка находилась въ вѣдѣніи войска яицкаго.

Оказалось, однако, что и послѣ этого, часть линіи отъ Разсыпной до устья Иртека (приблизительно 70 верстъ) оставалась почти безъ охраны: орда находила здѣсь удобные перелазы, пробираясь по зарослямъ и болотамъ, и нападала на караваны и обозы, двигавшіеся къ Оренбургу изъ Россіи и обратно. [1]) Въ виду этого около 1736 года правительство стало вызывать охотниковъ для поселенія на этой линіи, обѣщая имъ, разумѣется, тѣ-же права, какія вообще были связаны со сторожевой козачьей службой, т. е. рѣку съ лугами и пашнями, съ рыбными ловлями, лѣсами и водами. Быть можетъ, первоначально правительство обращалось къ яицкому войску, но, убѣдившись, что яицкіе козаки неохотно подвигаются кверху, —кликнуло въ 1736 году кличъ ко „всякаго чина охочимъ людямъ“, предлагая имъ поселиться на незанятой линіи, „для обезпеченія свободнаго движенія къ Оренбургу каравановъ и обозовъ и для содержанія башкирской и киргизской сторонъ въ надлежащемъ подданствѣ“.

На этотъ призывъ первыми откликнулись два козака *„черкасской природы“*, Иванъ Никифоровъ Изюмскій и Андрей Денисовъ Черкасовъ со товарищи. Очевидно, это были выходцы съ Украины, почему нибудь не ужившіеся въ родныхъ степяхъ и присоединившіеся къ яицкому войску. [2]) Изъ кого состояли ихъ первоначальные „товарищи“,—неизвѣстно, но весьма вѣроятно, судя по нижеизложенному, что это были тоже люди „черкасской прироры“. Изюмскій и Черкасовъ просили разрѣшенія построить городъ противъ устья р. Илека, впадающаго въ Яикъ съ лѣвой, т. е. Киргизской стороны. Указомъ 5 февраля 1737 года это разрѣшеніе имъ дано, съ правомъ принимать къ себѣ другихъ посельниковъ, и городокъ былъ построенъ на правой сторонѣ рѣки Яика „въ кустахъ“.

Мѣсто оказалось выбраннымъ неудачно; во первыхъ, оно затоплялось разливами рѣки, а во вторыхъ—кусты и заросли давали „легкую способность киргизцамъ и прочимъ азіятскимъ на-

---

[1]) Во время моей поѣздки по Уралу въ 1900 году мнѣ указывали мѣста этихъ перелазовъ,—которыми киргизы пользовались еще на памяти нынѣ живущихъ стариковъ.

[2]) Г. Артемій Логиновъ называетъ ихъ „яицкими козаками черкасскаго рода“. (Стат. очеркъ станицъ: Студеновской, Мустаевской, Илецкой, Благодарновской и Бородинской“. Уральскъ. 1901. стр. 67).

родамъ" подкрадываться къ городку и нападать на него внезапно. Повидимому, это именно случилось очень скоро, и старое городище, слѣды котораго сохранились до настоящаго времени среди зарослей, въ видѣ земляныхъ валовъ, бугровъ и насыпей,—было въ 1737 или 1738 году мѣстомъ дѣйствія кровавой степной трагедіи, во время которой козаки-атаманы черкасской природы Изюмскій и Черкасовъ съ товарищи были перебиты. По крайней мѣрѣ уже на слѣдующій годъ станица переносится изъ предательскихъ „кустовъ" на лѣвую сторону Яика, гдѣ стоитъ и до сихъ поръ. Очевидно, наученные печальнымъ опытомъ, поселенцы козаки рѣшили прикрыть рѣкою свой тылъ, а лицомъ стоять прямо къ враждебной киргизской степи. Они сдѣлали между Яикомъ и Илекомъ „перекопъ",—канаву съ валомъ, на которомъ еще за памяти нынѣ живущихъ людей стояли пикеты, зорко слѣдившіе за ровнымъ и загадочнымъ степнымъ просторомъ. Самыя-же имена атамановъ Изюмскаго и Черкасова въ оффиціальныхъ бумагахъ уже слѣдующаго года исчезаютъ. Вѣроятно, они погибли, и на мѣсто ихъ въ качествѣ атамана выступаетъ какой-то загадочный выходецъ съ венеціанской фамиліей Маркобруновъ. Если фамилія указываетъ дѣйствительно на венеціанское происхожденіе этого козака, то можно предполагать, что въ Россію онъ попалъ черезъ Черногорію, славянскія земли и Румынію, съ которыми были въ сношеніяхъ запорожцы. Является поэтому вѣроятнымъ, что Маркобруновъ могъ быть однимъ изъ товарищей Изюмскаго и Черкасова, и что, значитъ, преобладающее значеніе въ Илекѣ все таки оставалось въ первые годы за первоначальнымъ ядромъ „черкасскихъ" выходцевъ.

Съ этихъ поръ исторія илецкаго войска вся переполнена эпизодами двойной борьбы: съ одной стороны съ—враждебною киргизскою степью, съ другой яицкимъ—съ войскомъ. Дѣло въ томъ, что право новопоселенныхъ козаковъ, истекавшее изъ того, что они своею кровью защищали „линію" между Разсыпной и предѣлами яицкаго войска, столкнулось съ старинными правами яицкихъ козаковъ, считавшихъ рѣку своимъ достояніемъ. Илецкихъ казаковъ яицкое войско не допустило къ рыбнымъ ловлямъ за учугомъ, но сами яицкіе козаки, какъ это видно изъ многихъ жалобъ сельчанъ, выѣзжали въ Илецкіе земли, рубили лѣсъ и тянули рыбу въ рѣчкахъ и озерахъ. Кромѣ того, илецкое войско было отдано въ вѣдомство яицкой войсковой канцеляріи, и такимъ образомъ при всѣхъ спорахъ между Илецкими и яицкими козаками,—послѣдніе являлись судьями въ собственномъ дѣлѣ.

Въ 1890 году, работая въ войсковомъ архивѣ въ Уральскѣ, я нашелъ, между прочимъ, очень краснорѣчивую слезницу, въ которой 17 илецкихъ козаковъ жаловались на притѣсненія, испытываемыя ими „въ противность указовъ". „Указами войсковой старшинѣ и войску велѣно всѣхъ козаковъ вравнѣ довольствовать какъ рыбными ловлями, такъ и прочими припасами, а они не только припасами не довольствуютъ, но и къ рыбнымъ ловлямъ въ равенство свое ихъ не допущаютъ. У нихъ-же у кого и ружья не имѣется, таможъ и пороху и свинцу Илецкой станицѣ ниоткуда не опредѣляютъ, отчего имъ по украинности (sic) и по новости мѣста и при воинскомъ случаѣ быть невозможно". Перечисливъ всѣ возможные виды испытываемыхъ ими притѣсненій, просители заявляютъ, что они „находятся въ немаломъ страхѣ, чрезъ которые ихъ страхи нетокмо имъ въ какихъ промыслахъ находиться можно, но уже и домовъ своихъ въ печалѣхъ стали быть лишены". Въ виду всего этого „для лутчей по казачьей службѣ пользы и содержанія себя пищею и протчимъ домовымъ припасомъ"—просятъ ихъ изъ вѣдомства яицкаго войска изъять и причислить къ станицѣ Разсыпной, въ составъ оренбургскаго войска.

Въ другихъ бумагахъ упоминается, что нѣкоторые козаки Илецкой станицы кидали службу и „сходили" съ голоду. Все это рисуетъ отношенія, установившіяся между илецкимъ и яицкимъ козачьими войсками. Не вдаваясь въ подробности этого спора, скажемъ только, что онъ не законченъ еще и теперь. Во время Пугачева, когда яицкое войско приняло сторону названнаго царя,—у ближайшихъ его приверженцевъ возникло сомнѣніе, какъ его приметъ Илекъ,—„потому что илецкіе козаки живутъ съ Яицкимъ войскомъ не въ согласіи". [1]) Въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка илецкій вопросъ игралъ значительную роль въ возникшемъ на Уралѣ (въ атаманство Дандевиля) волненіи. Наконецъ, въ 1900 году мнѣ лично пришлось отмѣчать въ очеркахъ своего путешествія по станицамъ средняго Урала эпизоды все той-же вѣковой борьбы, въ видѣ пограничныхъ столкновеній и наѣздовъ. [2])

Г. Арт. Логиновъ, въ статистическомъ описаніи, которое я цитировалъ выше,—приводитъ между прочимъ дозволеніе Изюмскому и Черкасову принимать въ Илецкій городокъ мещеряковъ,

---

[1]) Дубровинъ: „Пугачевъ и Пугачевцы".
[2]) См. „Русское Бог." 1901 г., № 12; „У козаковъ" стр. 179 и слѣд.

калмыковъ, татаръ и другихъ инородцевъ, и пытается объяснить раздоръ двухъ войскъ „инородческимъ“ составомъ илецкаго козачества. Въ составѣ илецкаго войска есть дѣйствительно станицы (напр. Мустаевская), заселенныя на половину козакамп-татарами, которые живутъ въ добромъ согласіи съ остальнымъ войскомъ. Это однако не опредѣляетъ еще характерной разницы въ племенномъ составѣ илецкаго козачества, и тотъ-же авторъ говоритъ только, что особенности илецкихъ козаковъ болѣе приближаютъ ихъ по типу „къ представителямъ населенія сосѣднихъ съ ними (?) селъ и деревень Россіи“.[1]) Такимъ образомъ рѣчь, очевидно, идетъ не о монгольско-инородческомъ типѣ, и дѣйствительно, жители Илека и его станицъ (кромѣ татарскихъ) обнаруживаютъ не больше характерныхъ признаковъ инородческой крови, чѣмъ коренные уральцы, среди которыхъ попадается немало лицъ калмыцкаго, киргизскаго и вообще монгольскаго склада. За то нѣкоторыя особенности илецкаго населенія могутъ повидимому указывать на слѣды малорусскаго этническаго вліянія.

Недостатокъ времени и малое знакомство съ пріемами этнографическаго изслѣдованія не позволили мнѣ во время моей поѣздки собрать достаточный матеріалъ изъ этой области; обычаи и обрядовыя пѣсни, по словамъ моихъ знакомыхъ, у илечанъ отчасти отличаются отъ уральскихъ. Наиболѣе замѣтной чертой, которую отмѣчаютъ всѣ, бывавшіе въ Илекѣ, является говоръ. Онъ мягче уральскаго и сохраняетъ характерную замѣну буквы *ѣ* буквою *и*. Одинъ изъ природныхъ илечанъ, козакъ учитель М. Е. Вѣрушкинъ, записалъ по моей просьбѣ нѣсколько десятковъ словъ съ такими смягченіями. Вотъ онѣ: „Бида́, било̀къ, бисе́нокъ, бижи́тъ, билу́га, биля́къ, вино́къ, гниздо̀, гнидо̀й, двина́дцать, звизда́, змія́, зива̀ть, изда́, ида́, лини́вый, лити́тъ, лика́рство, миста́, миша̀къ, мина́, нимо̀й, питу́хъ, пивѐцъ, рика́, ришето̀, слиды́, снига́, снижо̀къ, стрила́, сидой, стина́, сиря́къ, синоко̀съ, сина́, хлиба́ть, хлиба́ и др.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, во 1-хъ, что смягченіе касается нерѣдко словъ, въ корнѣ которыхъ было не *ѣ*, а *е*. Такъ илечанинъ говоритъ: видро́, висна́, зимля́, писо́къ, пича́ль, пличо́, стикло́, тилѐнокъ, Фидо́тъ и т. д. Иныя изъ этихъ словъ (напр. писокъ и видро) слышатся со смягченіемъ вездѣ въ Украинѣ,

---

[1]) Статист. описаніе, стр. 68.

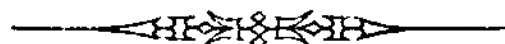
но украинецъ никогда не произнесетъ „висна“ или „зимля“. Во 2-хъ, — смягченіе всегда касается лишь только тѣхъ слоговъ, на которыхъ нѣтъ ударенія. Такъ напримѣръ, илечанинъ говоритъ *сѣно* и — *сина*, *синокосъ*; *рѣчка* и *рика*, *ричной*; *бѣсъ* и *бисёнокъ*, *бисноватый*: Если, такимъ образомъ, признать, что звукъ *и* вмѣсто *ѣ* указываетъ на остатокъ украинскаго говора, то слѣдовало бы признать, что это характерное смягченіе уже вытѣснено изъ слоговъ съ яснымъ удареніемъ, но зато распространилось (въ слогахъ безъ ударенія) также и на букву *е*, что встрѣчается въ опредѣленныхъ случаяхъ и въ украинской рѣчи.

Другихъ указаній на украинское этническое вліяніе я не замѣтилъ. Правда,— оба войска не слились въ теченіи довольно продолжительнаго времени въ одно цѣлое, и вражда, раздѣлявшая илечанъ и уральцевъ въ допугачевское время, замѣтная еще и теперь, напоминаетъ отчасти тотъ упорный и непримиримый антагонизмъ, который раздѣлялъ на Дунаѣ выходцевъ съ запорожья и козаковъ-некрасовцевъ (съ Дона). Но это можетъ быть легко объяснено чисто экономическими причинами. Съ другой стороны—процентъ старообрядцевъ безпоповцевъ на Илекѣ не меньше, а больше, чѣмъ въ среднемъ во всей области. „Бритоусцевъ“ (т. е. брѣющихъ бороды)—не больше, чѣмъ въ другихъ станицахъ Урала, между тѣмъ, какъ извѣстно, Украина не знала раскола, и украинскіе козаки брили бороды. Украинскихъ фамилій на Илекѣ теперь почти не встрѣчается, что, впрочемъ, понятно, если принять въ соображеніе, что фамиліи легко мѣняются. Такъ напримѣръ, Изюмскій и Черкасовъ, которыхъ и грамоты называютъ „людьми черкасской природы“, названы уже по мѣстамъ, откуда они вышли, а не своими прежними фамиліями (которыя, вдобавокъ, они, быть можетъ, имѣли основаніе скрывать). Мой корреспондентъ, М. Е. Вѣрушкинъ, указываетъ на фамиліи Череватый и Опара, которыя онъ встрѣчалъ въ старинныхъ спискахъ, но которыя теперь уже измѣнились (Череватовъ).

Изъ всего сказаннаго остается вполнѣ несомнѣннымъ одно— что вожаками первоначальныхъ илецкихъ поселенцевъ были выходцы съ Украины. Затѣмъ, есть основаніе думать, что и „товарищи“ ихъ были такого-же происхожденія, но это основное ядро частію погибло при нападеніи на первоначальный Илекъ, построенный на лѣвой сторонѣ Урала и слѣды котораго до сихъ поръ еще видны „въ кустахъ“. Фамилія новаго атамана (Маркобру-

новъ), преемника Изюмскаго и Черкасова, указываетъ, вѣроятно, на одного изъ западныхъ выходцевъ, прошедшихъ черезъ Украйну и вышедшихъ на Уралъ вмѣстѣ съ Изюмскимъ и Черкасовымъ. Указываетъ-ли смягченный говоръ илечанъ на то, что украинская рѣчь въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ еще боролась съ говоромъ великорусскимъ и оставила свои искаженные слѣды въ современной рѣчи,—объ этомъ лучше могутъ судить филологи.

Вл. Короленко.



БИБЛІОГРАФІЯ.

Новый сборникъ украинскихъ пѣсенъ (**„Малороссійскія народныя пѣсни, собранныя проф. Д. И. Эварницкимъ“**).

Въ 1819 году вышелъ „Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ“ князя Н. А. Цертелева, первый сборникъ спеціально посвященный украинскому фольклору. Эпиграфомъ къ этому сборнику кн. Цертелевъ избралъ слѣдующіе стихи изъ русской патріотической трагедіи начала XIX вѣка подъ названіемъ: „Пожарскій или освобожденная Москва“ М. В. Крюковскаго.

И гробы праотцевъ, обычай ихъ простой,
И стѣны, камни, все и даже самый дымъ
Жилищъ отеческихъ я сердцу чту святымъ.....

Вотъ какія чувства руководили собирателемъ въ его литературномъ дѣлѣ. Любовь къ родной Украинѣ, любовь къ остаткамъ ея старины побудили его взяться за собираніе пѣсенъ. Въ это время такое занятіе было не совсѣмъ понятнымъ. Собирать простонародныя пѣсни, да еще на хохлацкомъ языкѣ!.. Давно ли было то время, когда одинъ изъ первыхъ страдальцевъ за благо русскаго народа Н. И. Новиковъ говорилъ, что многіе не удостоиваютъ простой народъ „ниже именемъ подлости?..“ И кн. Цертелевъ, дѣйствительно, чувствуетъ себя, какъ будто, неловко въ тогдашней напыщенной литературной сферѣ со своими малороссійскими пѣснями. Онъ старается оправдать „*можетъ быть, странный и непріятный*“ языкъ пѣсенъ, „*необработанность слога*“ и напоминаетъ читателю, что Иліада — такое же народное произведеніе, какъ и собранныя имъ пѣсни. Но всѣ эти оправданія тонутъ въ выра-

женіяхъ высокой любви собирателя къ своей родинѣ, воспоминаніе о которой „наполняетъ — какъ онъ говоритъ — душу какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ".

Знаменательна эта любовь къ Украйнѣ, которою былъ проникнутъ первый собиратель ея духовныхъ богатствъ. Она становится характернымъ явленіемъ украинской этнографіи въ послѣдующее время. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни были серьезны и внушены научными интересами труды украинскихъ этнографовъ по собиранію народныхъ пѣсенъ и другихъ матеріаловъ изъ области украинскаго фольклора, тѣмъ не менѣе мы не ошибемся, если скажемъ, что главнымъ побужденіемъ къ этимъ трудамъ была любовь къ родинѣ. Это обстоятельство, иногда бывающее пагубнымъ въ смыслѣ вліянія его на научность работы, въ данномъ отношеніи имѣло почти одно только благотворное значеніе.

Украйна изслѣдовалась съ различныхъ сторонъ во всѣхъ своихъ частяхъ, но главнѣйшее вниманіе было обращено на литературныя сокровища ея, которыя хранитъ народъ въ своей памяти. И въ настоящее время собранъ такой громадный матеріалъ по украинскому фольклору, что одному изслѣдователю становится невозможнымъ обнять его цѣликомъ, а между тѣмъ оказывается потребность въ счетѣ накопленныхъ богатствъ и приведеніи въ извѣстность научнаго инвентаря.

Насколько великъ собранный этнографами матеріалъ изъ украинской народной поэзіи, можно судить по тому, что иногда даже заходитъ рѣчь, не пора ли положить предѣлъ дальнѣйшему собиранію матеріаловъ, не является ли оно пережевываніемъ стараго обнародованнаго матеріала, и не лучше ли заняться только изученіемъ и объясненіемъ собраннаго?

Съ другой стороны, указываютъ на то, что народная поэзія устарѣла для самаго народа, что народъ духовно не живетъ ею въ настоящее время, какъ было раньше, и старается иными способами удовлетворить свои духовые запросы. Поэтому, говорятъ, въ нашъ вѣкъ народная поэзія не заслуживаетъ такого вниманія со стороны науки, какое ей удѣлялось прежде, и наука должна направить свой интересъ въ сторону тѣхъ формъ народной жизни которыя являются существенѣйшими для народа въ данное время. Такія мысли приходилось выслушивать и встрѣчать въ печати. Нельзя сказать, чтобы во всѣхъ подобныхъ разсужденіяхъ не было истины. Доля истины въ нихъ есть, но многое все-таки является въ этихъ словахъ плодомъ недоразумѣнія и недоговоренности.

Дѣйствительно, собиратели народной украинской поэзіи очень часто повторяютъ одно и то же. Варіанты однѣхъ и тѣхъ же пѣсенъ, иногда очень мало отличающіеся другъ отъ друга, наполняютъ иной разъ

цѣлыя страницы, увеличивая напрасно объемъ книжекъ и статей. Конечно, загроможденіе литературы ненужнымъ матеріаломъ нежелательно, но исключеніе можетъ быть сдѣлано въ томъ случаѣ, если этнографъ представляетъ цѣльную картину быта и духовнаго содержанія опредѣленнаго мѣста: города, села, деревни и т. д. Въ такомъ случаѣ всякая пѣсня, записанная изслѣдователемъ, въ совокупности со всѣми остальными пѣснями, пріобрѣтаетъ извѣстную этнографическую цѣнность. Кромѣ того, не надо забывать въ данномъ случаѣ очень важнаго обстоятельства, на которое у насъ менѣе всего обращается вниманія: каждая пѣсня, каждое слово въ пѣснѣ должны служить матеріломъ для выясненія діалектологическихъ особенностей языка той мѣстности, откуда идетъ сборникъ пѣсенъ. Такимъ образомъ, не всегда подборъ даже малозначительныхъ варіантовъ можетъ быть лишнимъ.

Но если работники по собиранію народной поэзіи не ограничиваются опредѣленною мѣстностью, а странствуютъ иной разъ по всей Украинѣ, давая въ своихъ матеріалахъ, напр., 20—30 лирическихъ пѣсенъ изъ всей Черниговской губ., предствляющихъ малоотличные варіанты уже имѣющихся въ литературѣ записей тѣхъ же пѣсенъ, то, надо съ этимъ согласиться, данные варіанты окажутся совершенно лишними.

Для избѣжанія подобныхъ случаевъ нѣкоторые этнографы приходятъ къ мысли о составленіи пѣсенныхъ сводовъ по отдѣльнымъ видамъ народной поэзіи, какъ это сдѣлалъ проф. А. И. Соболевскій, давъ въ своемъ многотомномъ собраніи „Великорусскія народныя пѣсни" сводъ бытовыхъ лирическихъ и лиро-эпическихъ пѣсенъ. Предполагается, что собиратели народныхъ пѣсенъ при изданіи своихъ матеріаловъ воспользуются такими сводами и исключатъ изъ собственныхъ матеріаловъ все, что по сравненіи съ пѣсеннымъ сводомъ окажется нецѣннымъ. Подобное рѣшеніе вопроса было бы самымъ цѣлесообразнымъ. Болѣе или менѣе интеллигентный собиратель, по сличеніи своего варіанта съ варіантами свода, всегда опредѣлитъ, даетъ ли что-либо интересное въ научномъ отношеніи его варіантъ или нѣтъ. Однако можно заранѣе сказать, что такіе своды пѣсенъ для многихъ собирателей окажутся недоступными, какъ не доступны теперь для людей со средними средствами и живущихъ въ провинціальной глуши цѣнныя собранія Чубинскаго, Гринченка и нѣкоторыя другія.

Предлагается также болѣе упрощенный способъ ознакомленія съ напечатаннымъ матеріаломъ посредствомъ изданія указателей къ трудамъ, содержащимъ фольклорный матеріалъ. Но такой способъ на практикѣ окажется менѣе всего осуществимымъ, такъ какъ самыя собранія матеріаловъ, повторяемъ, не всѣми могутъ быть использованы.

Пока мы не обладаемъ пѣсенными сводами, остается одно средство въ дѣлѣ помощи собирателямъ при оцѣнкѣ ими собраннаго матеріала, Въ настоящее время, когда возможность образованія культурно-просвѣтительныхъ обществъ стала значительно легче, слѣдуетъ приступить къ организаціи обществъ, преслѣдующихъ цѣли научнаго изслѣдованія опредѣленныхъ мѣстностей. Желательно, чтобы были образованы спеціально этнографическія мѣстныя общества, ставящія себѣ задачею, если не научныя изслѣдованія, касающіяся извѣстной мѣстности, то по крайней мѣрѣ, собираніе этнографическихъ матеріаловъ.

Такое этнографическое общество, привлекши въ число членовъ мѣстныхъ людей, интересующихся своею родиною, какъ напр. сельскихъ учителей, служителей церкви и пр., чему уже бывали примѣры, могло бы заняться собираніемъ матеріаловъ по фольклору согласно съ извѣстной программой, составленной сообразно съ мѣстными условіями. Кромѣ того, такое общество имѣло бы полную возможность, пользуясь коллективнымъ трудомъ, опредѣлить, что въ собранномъ матеріалѣ, идущемъ изъ границъ его дѣятельности, можетъ имѣть общую литературную цѣнность и что не дастъ ничего новаго въ интересахъ этнографіи, такъ какъ мѣстное этнографическое общество могло бы пріобрѣтать болѣе дорогія собранія матеріаловъ, пользоваться книгами иногороднихъ просвѣтительныхъ учрежденій и т. п. Такому обществу легче было бы также подыскать необходимыя средства для изданія своихъ матеріаловъ, чѣмъ частнымъ лицамъ.

Такимъ образомъ мѣстныя этнографическія общества могли бы упорядочить дѣло собиранія матеріаловъ по народной поэзіи и снять упрекъ съ современной украинской этнографіи въ томъ, что она, давая мало новаго, болѣе занимается повтореніемъ извѣстнаго.

Послѣднее возраженіе, дѣлаемое современной украинской этнографіи, а именно, что народная поэзія, въ сторону которой направлены главные ея интересы, является въ средѣ самаго народа явленіемъ устарѣлымъ, не удовлетворяющимъ духовныхъ запросовъ современнаго населенія деревни, въ извѣстной мѣрѣ правильно. Вѣрно то, что пѣсня въ народной средѣ все болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе. Даже парубки, которымъ случится пріобрѣсти интересъ къ чтенію, начинаютъ отставать отъ сельскихъ гуляній съ пѣснями. А вѣдь молодежь всегда была главною носительницею пѣсенъ. Но несмотря на это, этнографія нисколько не идетъ по ложному пути. Ея дѣло — археологическое: возстановить и сохранить богатства народнаго духа, въ данномъ случаѣ отлившіяся въ форму литературныхъ произведеній.

Вѣрно, конечно, и то, что пора уже перестать интересоваться *только* традиціоннымъ духовнымъ содержаніемъ народа, и пора обра-

тить самое серьезное вниманіе на болѣе важные вопросы, возникающіе въ народной жизни: религіозные въ широкомъ смыслѣ, политическіе, общественные и т. п.

„Серьезная задача современной этнографіи — говоритъ по тому же поводу проф. Н. Ф. Сумцовъ — показать, какъ пользуются своей жизнью нынѣ живущіе, въ какія формы нынѣ эта жизнь укладывается. гдѣ и въ чемъ скрываются ея идеалы, ея новыя творческія начала. Другими словами, современная этнографія . . . . нуждается въ постановкѣ новыхъ задачъ и новыхъ стремленій, наряду съ продолженіемъ хорошихъ старыхъ историческихъ традицій.“ [1])

„У простого народа—проводитъ ту же мысль проф. М. Н. Бережковъ — теперь приходится спрашивать не про однихъ только колдуновъ, лѣшихъ и вѣдьмъ и тому подобныхъ персонажей, слишкомъ патріархальныхъ, нынѣ таки довольно поизветшавшихъ, которымъ само простонародье скоро совсѣмъ перестанетъ вѣрить, но спрашивать и о чемъ-нибудь болѣе важномъ для него, т. е. болѣе жизненномъ, что наросло въ сознаніи и въ самомъ быту народномъ за послѣдніе вѣка, подъ вліяніемъ крупныхъ историческихъ, событій, да при нѣкоторомъ общемъ подъемѣ у насъ образованія.“ [2])

Возвращаясь снова къ воспоминанію о первомъ собирателѣ украинскихъ пѣсенъ кн. Н. А. Цертелевѣ и припоминая ту любовь къ родной своей землѣ, которою онъ былъ проникнутъ, и которая, какъ чистый родникъ, оживляла украинскую этнографію, мы съ увѣренностью можемъ сказать, что представители послѣдней еще много сдѣлаютъ для нея, исправятъ старое и проложатъ путь къ новому.

Авторъ настоящей статьи былъ бы радъ подѣлиться съ читателемъ этими мыслями, которыя явились у него и припомнились при чтеніи новаго большого сборника украинскихъ пѣсенъ, принадлежащаго Д. И. Эварницкому. Появленіе въ свѣтъ сборника украинскихъ пѣсенъ, содержащаго въ себѣ 830 №№ не можетъ не встрѣтить интереса и удовольствія со стороны лицъ, посвятившихъ себя изученію народной украинской литературы или любящихъ ее. Поэтому мы постараемся полнѣе освѣтить различныя стороны названнаго сборника, примѣняя къ нему высказанныя нами выше соображенія общаго характера о совре-

---

[1]) Объ этнографическомъ изученіи Екатеринославской губерніи. Сборникъ статей Екатеринослав. Науч. Общества по изученію края. 1905 Стр. 8.

[2]) Докладъ предсѣдателя историко-филологическаго Общества при Нѣжинскомъ Институтѣ князя Безбородко проф. М. Бережкова о занятіяхъ археологической комиссіи 1903. стр. 6.

менномъ состояніи украинской этнографіи и свойственвыхъ ей недостаткахъ, которыхъ не избѣгнулъ также названный сборникъ.

Неудовлетворительное состояніе, въ какомъ находятся сырые матеріалы, повліялъ прежде всего на то, что составитель сборника не сдѣлалъ достаточно полныхъ указаній варіантовъ къ собраннымъ имъ пѣснямъ. — „Не задаваясь цѣлью сравненія — говоритъ онъ въ предисловіи — строчки за строчкой, варіантовъ печатаемыхъ пѣсенъ съ тѣми, которыя были обнародованы предшественниками этнографами, издатель указываетъ лишь подъ каждой изъ пѣсенъ на подобную, уже извѣстную пѣсню у другихъ издателей. Однако и здѣсь издатель не претендуетъ на полноту указаній, такъ какъ подобная работа, по обширности изданнаго пѣсеннаго матеріала, потребовала бы слишкомъ много времени и отвлекла бы вниманіе издателя отъ другихъ, болѣе необходимыхъ для него занятій.“

Мы указывали, что въ сборникѣ, не характеризующемъ опредѣленной мѣстности, мало отличные варіанты уже извѣстныхъ пѣсенъ могутъ оказаться лишнимъ балластомъ въ книгѣ. На нашъ взглядъ въ сборникѣ Д. И. Эварницкаго также оказались пѣсни, которыя при лучшемъ состояніи этнографіи, можетъ быть, не попали бы въ него, какъ представляющія весьма незначительные варіанты давно обнародованныхъ пѣсенъ. Такъ № 217 не представляетъ ничего цѣннаго сравнительно, напр. съ № 169 на 80 страницѣ Чубинскаго (т. V). Для наглядности приведемъ оба варіанта.

Вар. Чубинскаго.	*Вар. Эварницкаго.*
Ой віють вітри та все буйниі,	
Ой идуть дощі та все дрібниі.	
Ой идуть дощі та все дрібниі,	
Ой течуть річки та все быстриі.	
Ой течуть вони ажъ на этотъ двіръ,	
Ажъ на этотъ двіръ на купеческій.	Ой на гори горнычка нова,
А въ тимъ дворі жие вдова,	А въ тій горнычці жыла юдова.
А въ той вдови дочерь хороша,	А въ тій вдовы та дочка хороша,
Дочерь хороша — Варвара душа.	
Ой виходила за нові ворота,	Выходила за новіи ворота,
Ой виводила вороного коня,	Выводила вороного коня,
Ой напувала зъ синёго моря;	Напувала зъ сынего моря.
Ой напувала да й промовляла:	

— Коню мій, коню, чомъ воды не пьешъ,
А копитами сиру землю бъешъ?
Ой не по правді, мій милий, живешъ.
Охъ прийде вечеръ, до иншоі йдешъ,
Ой зъ иншою медъ-горілку пъешъ,
Ой а до мене голосъ подаешъ:
Ой обсади, мила, вишеньками двіръ,
Ой обсажу, милий, половину двора.
Ой що ти не мій, а я не твоя.
Брешешъ, дівчино, неправда твоя:
Ой бо межи нами присяга була.
Бо ми присягали небомъ і землею,
Небомъ, землею, тіломъ і душею.
Ніхто не розлучить, ні світъ, ні зора,
Хиба насъ розлучить сирая земля.
Заступъ, лопата, земляна хата.

А кинь воды тіеи не пье,
Сырую землю копытами бье.
Десь мій мылый не по правди живе,
Десь зъ иншою медъ-горилку пье,
А до мене голосочокъ подае:
Обсады, мыла, вышенькамы двиръ,
Щобъ не заходывъ голосочокъ мій.
Обсады, мылый, половину двора,
Щобъ ты жъ не мій, а я не твоя.
Брешышъ, мыла, неправда твоя:
Насъ не разлуче не свитъ, не зоря,
Тилькы жъ розлуче сырая земля,
Сырая земля та дубова труна.

Такъ же № 249 изъ сборника Д. И. Эварницкаго не даетъ ничего интереснаго въ литературномъ отношеніи сравнительно съ № 258 А (стр. 120) у Чубинскаго.

Вар. Чубинскаго.

И відтіль гора,
И відсіль гора;
Поміжъ тими крутими горами
Сходила ясная зоря.
Ой то-жъ не зоря.
Ой то-жъ не ясна,
То-жъ моя молода дівчина
По водицю йшла.
А я за нею, якъ за зорею

Вар. Эварницкаго.

И сюды гора,
И туды гора,
Помижъ тымы крутими горамы
Схопылась зоря.
Ой то жъ не зоря,
Дивка молода
Юхватила нови ведеречка,
По воду пишла,
Козакъ за нею, якъ за зорею

Чистимъ полемъ, сивимъ конемъ
По-надъ Дунаемъ.

Дівчина жъ моя,
Напій мого коня
Зъ рубленоі та криниченьки,
Зъ повного відра.
Козаченьку жъ мій,
Якъ би я твоя,
Взяла бъ коня за повода
Та й напоіла.

Дівчино жъ моя,
Сідай на коня
Поідемо чистимъ полемъ
До мого двора
А въ мого двора —
Нема ні кола,
Тілько стоіть кущъ калини
Та й та не цвіла.
Калино жъ моя,
Чомъ ти не цвіла?
Холодная та зіма була —
Цвітъ повъялила.
Дівчино жъ моя,
Чомъ заміжъ не йшла?
— Всю Украіноньку сходила —
Пари не найшла.
Козаченьку жъ мій,
Чомъ не женився?
Й у Кримъ ходивъ, забарився —
Тимъ не женився.

Сывымъ конемъ та все чистымъ полемъ,
По надъ сынимъ моремъ, по-підъ Дунаемъ.
Дивчино моя,
Напій ты коня
Зъ рубленои новои крыныченькы
Зъ повного видра.
Козаченьку мій,
Якъ бы жъ я твоя,

Напоила бъ коня вороного
Съ повного видра.
Дивчыно моя,
Сидай на коня,
Та пойдемъ ю чистое поле,
Де мои дома.
Тамъ стоять дома —
Нычого нема,
Тилькы стоить кущъ калыны,
Та й та не цвіла.
Козаченьку мій,
Чого не цвіла?
Булы зимы, лютіи морозы,
Прыморозылы.

Да не сочтетъ никто, ни самъ уважаемый историкъ, составитель сборника, всѣ эти указанія за упрекъ ему въ недостаточной обработкѣ сборника. Авторъ очень далекъ отъ всякихъ упрековъ, но будучи заинтересованнымъ въ лучшемъ состояніи украинской этнографіи, предпочитаетъ указать даже на мелочи, чѣмъ оставить что-либо не договореннымъ. Впрочемъ, пусть лучше этнографическій сборникъ будетъ обладать лишними пѣснями въ сравненіи съ имѣющимся въ печати

матеріаломъ, чѣмъ при извѣстной осторожности въ выборѣ собранныхъ пѣсенъ составитель лишитъ читателя чего-либо цѣннаго и интереснаго.

А такого цѣннаго и интереснаго очень много въ сборникѣ Д. И. Эварницкаго. Вотъ, напримѣръ, прекрасный варіантъ пѣсни (№ 199), параллели между селезнемъ и молодцемъ, тоскующими по своимъ потеряннымъ подругамъ:

Селезень, селезень, чому смутный, невеселъ?
Ой смутный, невеселъ та й нерадисный?
Ой якъ же мени та веселому буть:
Ой учора зъ вечира моя утинка була,
А теперъ же вона та застреленая.
Ой що не жаль мени, якъ бы було на води,
А то жъ було на гори, на шовковій трави.
Ой на шовковій на трави усе пирьячко іи.
Ты лучыно, лучыно, чомъ не ясно горышъ?
Молодець, молодець, чого смутно сыдышъ?
Ой смутный, невеселъ та й нерадисный?
Ой якъ же мени та веселому жъ буть?
Ой та вчора зъ вечира та дивчына була,
А теперъ же вона та засватаная.
Та не жаль же бы жъ мени, ой якъ бы въ сторони,
А то третій же двиръ та товарышъ мій.
Вона по воду йде и добры-день дае,
Ой за водою жъ йде и жалю завдае,
А трискы та збира и мене все займа:
Та здоровъ, друже мій, — не выдалыся!
Ой що любылыся мы, женыхалыся,
Ой женыхалысь, друже, не сміялыся,
А на викы зъ тобой не побралыся.

Строгая выдержанность поэтической параллели, художественный переходъ отъ одной картины къ другой въ стихѣ: „Ты лучыно, лучыно, чомъ неясно горышъ?“ и чистотота стиха въ пѣснѣ дѣлаютъ приведенный варіантъ очень цѣннымъ. Цѣнность его увеличивается еще потому, что въ „Трудахъ“ Чубинскаго, этой библіи украинскихъ этнографовъ, помѣщенъ очень плохой варіантъ данной пѣсни (т. V. стр. 242, № 482). Параллель въ немъ не выдержана, и какъ первая, такъ и вторая картина начинаются стихами:

Ой летівъ селезень смутенъ — невеселъ,
Смутенъ — невеселъ ще й нерадостенъ, —

что нарушаетъ художественное впѣчатлѣніе. Поэтому авторъ рецензіи въ одной изъ своихъ работъ по украинскому фольклору, нуждаясь въ данной пѣснѣ, долженъ былъ прибѣгнуть къ такому сомнительному источнику, какъ лубочный пѣсенникъ, въ которомъ нашелся болѣе выдержанный варіантъ.

Для полноты примѣровъ укажемъ на цѣнный варіантъ еще одной пѣсни изъ сборника Д. И. Эварницкаго, остановившій на себѣ наше вниманіе. Этотъ варіантъ (№ 139) представляетъ послѣдній этапъ въ развитіи пѣсни, очень старой, восходящей къ козацкой старинѣ. Вотъ древнѣйшій ея варіантъ (Чуб. V, 272 стр. № 534 А):

Налетіли сіри гуси въ поле ночувати,
Наіхали козаченьки въ село зімувати;
Налетіли сіри гуси та й не ночували,
Наіхали козаченьки та й не зімували.
„Чомъ ти мене, моя мати, тоді не збудила,
А якъ тиі козаченьки зъ села виходили?“
Тимъ я тебе, дочко моя, тоді не збудила,
Що твій милий попереду, щобъ ти не тужила.

Но прошли вольныя времена козачества. Козаки волей-неволей засѣли по своимъ селамъ, и только чумаки съ возами ходили по Украйнѣ. Не одна дивчына провожала молодого чумака въ далекую путь - дорогу, и старая пѣсня откликнулась на эту новую обстановку:

„Ой чому ти моя мати,
Рано не збудила,
Ой якъ тая чумачина
Зъ села виіздила?“
— Тимъ я тебе, моя дочко,
Рано не збудила —
Попереду твій миленький,
Щобъ ти не тужила (Чуб. V. 1029 стр. № 148).

Прошло еще время, и исчезло чумачество.

Увидала Украина новыя картины жизни, по поводу которыхъ Некрасовъ сказалъ:

Это горе идетъ — подвигается
Къ тихимъ селамъ, къ глухимъ деревнямъ. („Балетъ“.)

Запѣла украинка свою старую любимую пѣсню, но сама жизнь подновила ее:

Якъ заграе хвыля на сынему мори,
    На все військо чуты,
Запысалы парня молодого
    Въ салдаты - некруты.
Чомъ ты, моя мате,
    Мене рано не збудыла,
Якъ то посыльная набирка
    Зъ села выходыла?
Тымъ я тебе, моя доню,
    Рано не збудыла,
Що твій мылый попереду йихавъ,
    Щобъ ты не тужыла. (№ 139 сборника.)

Такъ живетъ пѣсня въ устахъ народа!

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній относительно сборника Д. И. Эварницкаго обратился къ разсмотрѣнію его содержанія.

Пѣсни собирались Д. И. Эварницкимъ, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи — „въ теченіе 26 лѣтъ, съ 1878 по 1904 годъ, по преимуществу въ харьковской и екатеринославской губерніяхъ, а также въ полтавской, херсонской и таврической, отчасти въ кіевской и черниговской. Всѣ онѣ записаны изъ устъ простого малорусскаго народа и при томъ большею частью не только со словъ, а съ голоса“.

Начинается сборникъ пѣснями обрядовыми и періодическими. Въ самомъ началѣ помѣщено 16 №№ *колядокъ*. Далѣе идутъ *щедривкы* въ количествѣ 19 №№. Среди нихъ какъ щедривка, помѣщенъ извѣстный духовный стихъ: „Ой хто, хто Мыколая любыть“, записанный въ с. Солнцевкѣ Харьк. у. (см. вар: у Чуб. I т. № 170 Д.) Затѣмъ слѣдуютъ двѣ *вирши на Рождество Христа*.

Послѣ этого идутъ пѣсни періодическія, прежде всего — *веснянки*. Къ нимъ собиратель дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Ци писни спивають зъ того дня, як почне куваты зозуля и ажъ до самого Петра, се бъ то 29 іюня“. Въ виду того, что веснянки были записаны Д. И. Эварницкимъ въ трехъ мѣстахъ: Нижней-Писаревкѣ Волч. у. Харк. губ., с. Красногоркѣ Константиноград. у. Полт. г. и с. Солнцевкѣ Харьк. у., и такимъ образомъ примѣчаніе его принимаетъ общій характеръ, мы напомнимъ, что во многихъ мѣстахъ Украйны съ начала Петровскаго поста поются не веснянки, а петривкы. За веснянками слѣдуеть пять пѣсенъ, записанныхъ составителемъ въ упомянутой выше Нижней-Пи-

саревкѣ и обозначенныхъ имъ, какъ *писни постови*. — „Спиваютця — говоритъ объ этихъ пѣсняхъ Д. И. Эварницкій — у пистъ, для чого дивчата збыраютця посередъ вулыци и роблять „танокъ“. Въ данномъ случаѣ вполнѣ ясно, что примѣчаніе носитъ частный характеръ. Но желательно было бы знать опредѣленно, къ какому посту или постамъ пріурочивается пѣніе приводимыхъ составителемъ пѣсенъ. Во время Великаго поста нигдѣ на Украйнѣ, насколько намъ извѣстно, всенародно пѣсенъ не поютъ; стало быть, *писни постови* поются въ Нижней-Писаревкѣ въ какой-либо изъ лѣтнихъ постовъ, такъ какъ невѣроятно также, чтобы къ тому служилъ Рождественскій постъ.

За *писнямы постовымы* помѣщено четыре *псальмы*. Съ № 63 по № 71 слѣдуютъ пѣсни, означенныя составителемъ, какъ *писни-гулянкы*. Точно, что всѣ эти пѣсни имѣютъ своимъ предметомъ гулянье на улицѣ, но является вопросъ, поскольку можетъ быть обобщено подобное названіе? Пѣсни, названныя авторомъ *гулянками*, записаны имъ въ трехъ губерніяхъ: харьковской, полтавской и черниговской, но мы, напримѣръ, въ послѣдней никогда такого названія не слыхали. При этомъ наше вниманіе останавливается на пѣсняхъ *гулянкахъ* еще потому, что составитель въ предисловіи къ сборнику называетъ ихъ наравнѣ съ веснянками пѣснями *періодическими* (стр. 8.) Такимъ образомъ мы можемъ поставить два вопроса: въ какой мѣстности собиратель слыхалъ названіе *писни-гулянкы*, и къ какому періоду года относится пѣніе этихъ пѣсенъ?

Съ своей стороны замѣтимъ, что терминъ *писни-гулянкы* напоминаетъ намъ въ быту сосѣднихъ украинцамъ великороссовъ *гульбишныя* пѣсни, которыя могутъ быть отнесены къ пѣснямъ періодическимъ. Такъ въ дер. Саломыковой обоянск. у. курск. г. — „гульбишныя пѣсни поются во время послѣсвадебныхъ „гуляній“, — какъ говоритъ г-жа Е. И. Рѣзанова. — Эти „гулянья“ происходятъ обыкновенно: на масленицѣ, „на Троицу“, „на Духовъ день“, „на Михайловъ день“ — престольный праздникъ (8-го ноября)—смотря по тому, когда была свадьба: зимой, весной или лѣтомъ“. [1]) — Есть ли, дѣйствительно, какое-либо соотвѣтствіе между пѣснями *гулянкамы и гульбишными?*

Далѣе въ сборникѣ идутъ бытовыя пѣсни: *писни кохання* (№ № 72 — 285), *писни семейнаго жыття* (№ № 286 — 491), въ концѣ которыхъ помѣщена одна *колыскова* — колыбельная пѣсня (№ 492);

---

[1]) Курскій Сборникъ. Изд. курскаго губ. статистическаго Комитета. Выпускъ III. 1902. Часть вторая, стр. 7. (Этнографическіе матеріалы, собранные въ дер. Соломыковой Обоян. у. учительницей Е. И. Рѣзановой.)

затѣмъ слѣдуютъ обрядовыя *весильни писни* (№ № 493 — 676), причемъ цѣнность ихъ усугубляется въ томъ отношеніи, что всѣ онѣ записаны въ одномъ мѣстѣ — сл. Нижней-Писаревкѣ. За свадебными пѣснями помѣщены пѣсни *экономическія и сословныя* (№ № 677 — 708). Далѣе идетъ богатый отдѣлъ *историческихъ* пѣсенъ (№ № 709 — 777), затѣмъ слѣдуютъ пѣсни *рекрутскія* (№ № 780 — 792) *солдатскія* (№№ 793 — 805) и, наконецъ, *жартовлыви писни* (№ № 806 — 823) и *сатирическія* (№ № 824 — 830).

Среди пѣсенъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, довольно много пѣсенъ городского великорусскаго происхожденія. Но вотъ примѣръ пѣсни украинской, принимающей характеръ великорусской залихватской пѣсни подъ гармонику (№ 140):

И гулятъ мени не велять мени,
Гоцъ барыня моя! гоцъ сударыня моя!
Уже жъ мени не ходыты пишкы по горишкы.
Гоцъ барыня моя! гоцъ сударыня моя!
Уже жъ мени мынаютця дивоцькіи смишкы,
Гоцъ барыня моя! гоцъ сударыня моя!.. и т. д.

Имѣются въ сборникѣ также пѣсни не народныя. Такихъ пѣсенъ мы можемъ отмѣтить три. Это, прежде всего, композиція изъ нѣсколькихъ стиховъ поэмы Шевченка „Черныця Марьяна“, весьма распространенная по Украинѣ. Д. И. Эварницкимъ она записана въ с. Красногоркѣ Полт. г. (№ 83). Начинается эта пѣсня слѣдующими стихами:

Летыть галка черезъ балку
Та летяче кряче,
Молодая дивчынонька
Ходе гаемъ, плаче:
Не пускае іи маты
Въ раньци до крыныци,
Не пускае жыто жаты
Ще й на вечерныци.
Тилькы дивка у-вечери,
Якъ маты заснула,
Выйшла слухать соловейка,
Мовъ зроду не чула... и т. д.

Къ не народнымъ пѣснямъ мы относимъ № 197. Приведемъ часть этой пѣсни:

Ой ты, садъ, ты мій садъ,
Садъ зелененькый,
На тоби жъ та, мій садъ,
Лыстъ червоненькый.
Чомъ не рано цвитешъ,
Осыпаешся,
Ой куды жъ ты, мій другъ,
Та збыраешся?
Ой чы въ ходъ, чы въ походъ,
Чы въ дориженьку?
Заночуй же, мій другъ,
Хочъ сю ниченьку.
Ночувавъ я зъ тобой
Цилу зимоньку,
А тепера боюсь
Поговироньку...

Признать данную пѣсню за не народную побуждаетъ насъ необычный для украинской народной поэзіи размѣръ ея и его совершенная отдѣлка, особенно въ началѣ пѣсни. Въ пѣснѣ видно искусственное творчество, пренебрегающее для чистоты стиха даже стихійными формами украинскаго языка, какъ напр. видимъ въ двухъ стихахъ, гдѣ вмѣсто обычнаго украинскаго звательнаго падежа — *друже* стоитъ требуемая размѣромъ русская форма — *другъ,* чего въ настоящей народной пѣснѣ быть не могло бы. Возможно, что наши доводы не совсѣмъ убѣдительны, но когда имѣешь дѣло съ народными пѣснями въ теченіе долгаго времени,—всякій стихъ въ пѣснѣ, превышающій извѣстную степень искусственности, свойственную народной поэзіи, бросается рѣзко въ глаза и заставляетъ подозрѣвать себя въ ненародности. Такъ напр. мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы слѣдующая тирада была народна:

Ой коли жъ тебе, серденько, ждати? —

спрашиваетъ козака дивчына. Казакъ отвѣчаетъ:

Якъ стане на степу вітеръ повівати,
Очеретъ та тирсу по степу розсипати,
Тоді мене, моя мила, ждати-піджидати.
Якъ стане по Дніпру хмара похожати,
Старий Дніпръ дощемъ полоскати,
Тоді мене, моя мати, ждати-піджидати!
Якъ стане по небу грімъ грімотати,

Та стане блискавками небо засипати,
Тоді мене, моя мила, ждати-піджидати!
Та принесе мене не мій конь вороний,
Та принесе мої кості вітеръ буйний!
Тоді питай вітра буйного: а де подівався молодий казакъ?
(Чубинскій: Труды, V т. 880 стр. № 442.)

Въ этихъ стихахъ много силы, красоты и картинности, но надъ ними витаютъ тѣни Джемса Макферсона и творца „Краледворской рукописи“ Вячеслава Ганки. Можетъ быть, мы заслуживаемъ упрека въ голословности нашихъ сужденій, но все же народность въ искусствѣ болѣе чувствуется, чѣмъ опредѣляется разумомъ.

Наконецъ, третья пѣсня, которую мы признаемъ не обще-народною, помѣщена подъ № 219. Мы считаемъ ее не обще-народною потому, что не можетъ быть случайнымъ полная близость содержанія данной пѣсни съ содержаніемъ стихотворенія А. С. Пушкина „Узникъ.“ Какъ ни извѣстно послѣднее стихотвореніе, но для большей убѣдительности нашего сближенія его съ пѣснею подъ № 219 процитируемъ здѣсь названное стихотвореніе.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ *орелъ молодой.*
Мой грустный *товарищъ, махая крыломъ,*
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.
Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ-будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: „Давай улетимъ!
Мы вольныя птицы; *пора, братъ пора!*
Туда, гдѣ за тучей *бѣлѣетъ* гора,
Туда, гдѣ *синѣютъ морскіе края,*
Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ, да я!“

А вотъ и самая пѣсня — подраженіе.

Ой марно жъ я, марно
Та въ тюрьми сыджу,
Ой марно жъ я, марно
Въ виконце гляджу.
Туды прылитае
Орелъ молодый

Винъ *крыламы машыть*,
Говоре зо мной:
Товаришъ, товаришъ,
Пора намъ туды,
Де снигы *биліють*,
Сыніють моря,
Де сонце не сходе,
Мисяць не бува.
Сестрыци — подружкы,
Якый теперъ свитъ?
Якъ хто кого любе,
Тамъ правды не ждить:
Воны въ глаза люблять,
За очи корять,
Воны зъ насъ сміютця,
Любыть не хотять.

Вторая половина пѣсни, очевидно, самостоятельна и механически присоединена къ первой, подражательный характеръ которой подтверждается еще тѣмъ, что она обладаетъ тѣмъ же размѣромъ, распространеннымъ также на вторую половину пѣсни, какимъ написанъ „Узникъ" Пушкина, т. е., четырехъ-стопнымъ амфибрахіемъ съ однимъ усѣченнымъ слогомъ. Въ пѣснѣ этотъ размѣръ кое-гдѣ, не выдержанъ:

Ой марно жъ | я марно | въ виконце | гляджу.
Туды при | литае | орелъ мо | лодый (ой),
Винъ крыла | мы машыть | говоре зо мной:
Товарышъ | товарышъ | пора намъ | туды...

Этимъ мы закончимъ разсмотрѣніе сборника пѣсенъ Д. И. Эварницкаго. Съ нимъ украинская этнографія пріобрѣтаетъ изданіе, изъ котораго можно будетъ почерпать цѣнный и необходимый для изучающихъ народную словесность матеріалъ. Сборникъ Д. И. Эварницкаго по достоинству можно поставить рядомъ съ III т. „Этнографическихъ матеріаловъ" Б. Д. Гринченка.

Однако только этимъ мы не можемъ закончить нашу статью по поводу сборника Д. И. Эварницкаго. Мы считаемъ необходимымъ сообщить относительно даннаго сборника одно обстоятельство, которое очень удивитъ читателя.

Сборникъ народныхъ пѣсенъ Д. И. Эварницкаго не разрѣшенъ цензурою!..

Мы недоумѣваемъ, дѣйствительно ли мы живемъ въ 1906 году и наяву читали Манифестъ 17 октября, или какой-то злой волшебникъ маніемъ своего магическаго жезла перенесъ насъ въ 1853 годъ, за полстолѣтія тому назадъ, когда министръ Норовъ писалъ: „Собраніе и обнародованіе... живыхъ памятниковъ старины и преданій — весьма полезно и достойно всякаго поощренія, такъ какъ, кромѣ занимательности своей, они иногда объясняютъ обычаи, нравы и нерѣдко самыя историческія событія, но при всемъ томъ едва ли слѣдуетъ допускать печатаніе безъ разбора... всего, что сохранилось въ изустномъ преданіи, въ особенности же, если имъ нарушаются добрые нравы, и можетъ быть данъ поводъ къ легкомысленному и превратному сужденію о предметахъ священныхъ". [1]) Въ слѣдующемъ же 1854 году тайный комитетъ 2 апрѣля 1848 года, терроризовавшій литературу и убивавшій русскую мысль, нашелъ, что народныя пѣсни, помѣщенныя въ „Саратовскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ", колеблютъ нравственность. Вслѣдствіе этого было повелѣно: сдѣлать выговоръ губернатору, заключить на мѣсяцъ подъ арестъ цензировавшаго газету директора гимназіи и спросить министра: „благонадеженъ ли онъ дальше продолжать службу?" [2]) Положимъ, составителя сборника не постигла какая-либо кара за то, что народъ поетъ неугодныя цензору пѣсни, но все-таки далеко ли мы ушли отъ 1853 года? — 53 года Россія, какъ будто, прожила даромъ!..

Что же опаснаго нашелъ цензоръ въ сборникѣ Д. И. Эварницкаго? Мы, не желая слишкомъ удлиннять нашу статью, не можемъ останавливаться на всѣхъ тѣхъ пѣсняхъ, которыя признаны, очевидно, угрожающими государственному порядку. Для примѣра укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Не разрѣшена цензоромъ историческая пѣсня (№ 709) объ обращеніи запорожцевъ къ Екатеринѣ съ просьбою вернуть имъ ихъ земли, на что Екатерина отвѣтила отказомъ:

Не на тее, мыле браття, я Сичъ руйнувала,
Ой щобъ я вамъ ваши земли и лугы вертала.

Но варіанты этой пѣсни печатались уже много разъ, какъ и многихъ другихъ пѣсенъ, изъ-за которыхъ задержанъ сборникъ Д. И. Эварницкаго,—конечно, мы увѣрены въ томъ, ненадолго.

---

[1]) Мих. Лемке. Очерки по исторіи рус. цензуры и журналистики XIX ст. 1904. Стр. 293.

[2]) Ibidem, стр. 298.

Или напр. есть ли хоть капля политическаго яду въ такой „запрещенной“ пѣснѣ?

Ой Боже жъ нашъ мылостывый,
Що жъ мы наробылы,
Що степъ добрый, край веселый
Та й занапастылы?
Що маю жинку, та маю дитокъ,
А я жъ ихъ не бачу,
А прыйдетця до горенька,
Я гирко заплачу.
Що було пыты, та було йисты,
Хороше сходыты,
Що штани сыни, та жупанъ красный,
Черкеськая шапка,
Ой смушевая, та хорошая,
Червоное денце,
А поясочокъ та на станачокъ,
Чоботы сапьянци. (№ 713).

Кромѣ пѣсенъ историческаго содержанія особенное цензурное подозрѣніе вызвали пѣсни рекрутскія, такъ какъ въ нихъ рекрутъ не рвется въ бой и не собирается пожирать глазами свое начальство, а напротивъ, въ пѣсняхъ слышатся грустныя ноты. Таковъ характеръ украинскихъ рекрутскихъ пѣсенъ вообще. Въ одной рекрутской пѣснѣ новобранцевъ просятъ вернуться домой, но они отвѣчаютъ:

Ради жъ ми ся вернути,
Насъ царъ не пускае.
Ой чому жъ вінъ не пускае?
Бо вінъ роскішъ мае,
Сидить собі на престолі,
На скрипочку грае.
А скрипочка оріхова,
А смичокъ изъ рути,
Якъ заграе „московщини“, —
На всю Польщу чути.
(Чуб. Труды, V, стр. 969).

Въ другой пѣснѣ рекрутъ говоритъ своей матери:

Воливъ би я білъ камінь излупати,
Ніжъ я маю государське шмаття вбрати.
Ой я білъ камінь излупаю, стану відпочину,
Государське шмаття вберу — навіки загину.
Ой заплачешъ, якъ мене, молоденького, въ війску забачишъ,
Ой заплачешъ дрібними слезами,
Якъ я буду присягати передъ образами.

(Ibidem, стр. 973.)

А вотъ въ какомъ свѣтѣ рекруту рисуется его будущее возвращеніе на родину:

Я до тебе, матушка, семого году прибуду,
Я до тебе, матушка, салдатиківъ наведу.
Сяду піду, матушка, у зеленому саду,
Своіми сухотами весь садочокъ висушу,
Дрібними слізоньками всі ріки наповню.

(Ibidem, стр. 1009.)

Въ сборникѣ Д. И. Эварницкаго рекрутскія пѣсни носятъ гораздо болѣе умѣренный характеръ въ отношеніи указываемыхъ грустныхъ мотивовъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ печатались уже чуть ли не во всѣхъ сборникахъ и не въ нынѣшнія времена.

Приведу одну рекрутскую пѣсню, записанную Д. И. Эварницкимъ, по которой прошелся цензоръ своимъ кровавымъ перомъ.

Маты сына спровожала, все прыказувала:
Служы, служи, мій сыночку, служы Богу и цареви,
Служы Богу и цареви до пьятнадцяты годочокъ.
А въ пьятнадцятомъ году иды, сынку, до дому.
А пьятнадцять годъ пройшло, иде сынъ въ ридне село,
Не доходе до воритъ, пытаетця: де мій ридъ?
Въ тебе роду вже нема: отець-маты померла,
Отець-маты померла, а сестра замижъ пишла,
Остаетця одынъ братъ, та й той ище не жонатъ.

(№ 789.)

И только? — спроситъ читатель. — Да, и только!

Мы не дѣлаемъ дальнѣйшихъ указаній. Достаточно того, что есть, и къ чему нельзя отнестись равнодушно. Долго ли въ Россіи будетъ повторяться классическій анекдотъ съ турецкимъ цензоромъ, принявшимъ химическую формулу H_2O за пасквильное сокращеніе имени султана Абдула Гамида II-го и потому запретившимъ учебникъ химіи?..

Владиміръ Даниловъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Договоръ монастыря со снѣцаремъ (1720 г.). Верстахъ въ 6 отъ прославленнаго Гоголемъ мѣстечка Сорочинецъ, на обширномъ зеленомъ лугу, по которому причудливо вьется извилистый Пселъ, на правомъ берегу рѣки есть урочище, которое жители до сихъ поръ называютъ монастыремъ. Верстахъ въ $1^1/_2$ отъ этого урочища, надъ крутой излучиной Псла, по возвышенному берегу расположено другое урочище, называемое „виноградомъ". По очень точнымъ разсказамъ жителей Малаго Перевоза (Хатки-тожъ), деревни, раскинувшейся на лѣвомъ берегу Псла,—на лугу стоялъ въ „старыя времена" Свято-Михайловскій монастырь, а на высокомъ берегу рѣки находилась монастырская часовенка, кругомъ которой раскинулись воздѣлываемые иноками виноградники. Мѣсто часовенки было еще недавно огорожено, но теперь отдано уже подъ усадьбу. На мѣстѣ самаго монастыря стоитъ крытая соломой хата казеннаго лѣсника. Кругомъ этого скромнаго жилья раскинулись глубокіе пески, въ которыхъ пастухи еще до сихъ поръ находятъ наконечники стрѣлъ, указывающіе на какую-то значительную битву, происходившую близъ монастыря,—вѣроятно при нападеніи татаръ.

Въ дер. Хаткахъ, у одного изъ мѣстныхъ жителей, по фамиліи Ростовскаго, я нашелъ относящійся до исчезнувшаго монастыря документъ, который и воспроизвожу здѣсь вовсей его простодушной цѣлости съ сохраненіемъ правописанія (я устранилъ только сокращенія съ титлами и изобразилъ кое-гдѣ славянскую буквенную цыфирь обыкновенною; мѣстами впрочемъ и въ документѣ стояли простыя цыфры). Вотъ самый текстъ:

Року Тысяча Сѣмъ Сотъ Двадцятого., Іануаріа Первого Дня. Іа Василь Снѣцаръ[1]) Сорочинскій поднялся и уговорился в Его Милости

[1]) „Снѣцаръ"—польское Snycerz—скульпторъ-рѣзчикъ.

(слово не разобрано) отца Сарафіона Іерофеевича Ігумена Монастыра Сорочинскаго Свято Михайловскаго ложити мою Працю и Майстерство снѣцарское на верхнюю в Храмѣ Рождества Пресвятыя Богородици тояж Сорочинской обители именуючи отнамѣстной Праздники дванадцять. Архіерея з фрамугою рѣзаною, Апостоли з Пророками в штабахъ рѣзаніи и в каляхъ? во[пло?]щеніе. и Распятіе со Пречистой Дѣвою Маріею, Іоанномъ Богословомъ буду при помощи боговой, якъ сила и способу моего станет, неотпустне и неоспале прилѣгати свой дбалости и радѣніа спосиѣшеніемъ чинити. Накоторій мой любовни уговоръ и умовленье Его милость Прев[елебній](конецъ слова отрѣзанъ) отецъ Ігуменъ обители Святой Сорочинской в дѣлѣ працѣ моей поспѣшеніемъ Божіимъ оную роботу снѣцарскую верхнюю обѣцуетъ дати.

Грошей осмъ десят золотихъ[1]); борошна житного три осмачки; гричаного едну осмачку сѣяного; пшеничнаго борошна повтори осмачки; пшона мѣшковъ два; гороху еденъ четверикъ; на сало грошми (взялъ сало хорошее) пять золотыхъ; соли камень единъ (отдали). На обрѣзки каруку (далъ) (два слова затерты).

Начомъ яко за власнимъ моимъ поднятьемъ натое мое рукодѣліе снѣсарское доброво(лнимъ) соизволеніемъ стался общи уговоръ, втомъ дѣлѣ охочою щиростю по(дпи)суюся совершенно вохвалу и славу хвалимую(ого?) и препрославленнаго им(ени) божіа воизвѣстное заменіе сіе писаніе для достойнаго вѣроятіа подкр(ѣпляю) знаменіемъ: подаю Року мѣсяца и дня вижей писанного. —"

На поляхъ, обрѣзанныхъ вмѣстѣ съ концами словъ, а иногда и цѣлыми словами (что я отмѣчаю скобками),—сохранились отмѣтки о разновременныхъ уплатахъ, производимыхъ „снѣцарю" и его сотрудникамъ со стороны монастыря[2]. А именно:

„Дали перше золотихъ десять". — „На вѣханіе (въѣханіе) 7 дне далъ умѣстѣ золотыхъ двадцять." — „Взялъ талярь априля 6: 1721 року."—(„На с)ало(или за сало?) далъ сорокъ всѣхъ року 1721."— Августа третиаго далъ Михайловѣ снѣцару золоти якъ ихавъ досаду."— „Зробивши всю роботу далъ василеви снѣцару зол шестнадцятъ толко зосвсѣмъ ему и приходило".

Имѣются также отмѣтки относительно расплаты продуктами на поляхъ и на оборотѣ страницы (вверху и внизу листа цѣлыя фразы съ такими отмѣтками отрѣзаны): „взялъ двѣ осмачки" „далъ чет..."—„взял пол(четверика)."—„еще полчетверика."—Въ графѣ „на сало грошми" вставка: „взялъ сало хорошее" (очевидно снѣцаръ согласился взять не

[1]) Рѣчь идетъ, конечно, о „золотыхъ польскихъ" [15 коп.].

[2]) Праздникъ Входа Господа въ Іерусалимъ (Вербное воскресенье). Ред.

деньгами, а натурой, въ виду соблазнительныхъ качествъ сала).—„Горѣлки дали барилце“ [эта фраза зачеркнута]—„Борошно снѣцаръ собираетъ, житное взялъ полосмачки предвознесеніемъ 7 дн: . . . . . . еще житной четверикъ дали июня 27; гречаное . . . . . . еще взялъ четверикъ іанuария 25. 1722 року.; пшеничное, взялъ еще четверикъ мая 2: еще взяли 23: четверикъ; іюля 3: взялъ борошна пшеничного два четверика догосподи“.

Такимъ образомъ работа продолжалась болѣе двухъ лѣтъ. Въ качествѣ участниковъ упоминаются два снѣцаря, Василій и Михайло, и одинъ маляръ. Повидимому на время работы снѣцаръ получилъ право ѣздить съ иноками по приходу и участвовать въ сборѣ, причемъ доброхотныя даянія, приходившіяся на его долю, иноки записывали въ счетъ уплаты. Нельзя не замѣтить, что языкъ этого небольшого документа, относящагося къ петровскому времени, болѣе близокъ къ простонародному украинскому языку, чѣмъ тогдашній книжный.

Когда уничтоженъ Свято-Михайловскій монастырь и почему уничтоженъ такъ радикально, что отъ него не осталось ничего, кромѣ воспоминаній да названія урочищъ,—сказать не могу. Жители разсказываютъ, что еще и теперь извилистый Пселъ по временамъ отваливаетъ глинистые пласты берега и обнажаетъ гробы на бывшемъ монастырскомъ кладбищѣ. Одинъ изъ такихъ случаевъ особенно ярко остался въ народной памяти, и мнѣ разсказывалъ о немъ сынъ очевидца (Александръ Матяшъ). Было это лѣтъ уже 35 назадъ. Отецъ разсказчика плылъ по рѣкѣ въ челнокѣ, и ему вдругъ сдѣлалось отчего-то страшно. Это его удивило, такъ какъ ранѣе ему случалось много разъ плавать мимо монастырища, и „ніякого остраху не було“. Вѣроятно это чувство было вызвано тѣмъ, что Пселъ въ этотъ день оторвалъ значительную часть берега, отчего видъ самыхъ береговъ измѣнился. Повернувъ за мысокъ,—пловецъ вдругъ увидѣлъ па половину вымытый въ яру гробъ, наклонившійся къ песчаной отмели. „Причілокъ“ гроба былъ оторванъ, и въ гробу лежало „якесь усе въ золоти та у медаляхъ“. Матяшъ сильно испугался и ударилъ въ весла, но въ это время замѣтилъ на пескѣ блестящій предметъ. Несмотря на испугъ, онъ причалилъ къ берегу и поднялъ серебряную доску, вершковъ въ 5 длиной, вершка 4 въ ширину. На доскѣ была надпись, относившаяся очевидно къ знатному мертвецу. Содержаніе надписи разсказчикъ зналъ лишь смутно. По его словамъ, въ ней говорились, что здѣсь погребенъ такой-то. перечислялись его чины и ордена, сообщалось, что тѣло перевезено сюда изъ столицы, причемъ говорилось даже о томъ „скилько коней везло його зъ Петербургу“. Фамилію разсказчикъ опредѣленно назвать не могъ, но ему кажется, что это былъ Капнистъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе,

что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сорочинецъ есть родовое имѣніе Капнистовъ. Дальнѣйшая исторія серебряной доски, найденной Матяшомъ, довольно характерна. Онъ отнесъ находку въ Сорочинцы и показалъ одному изъ тамошнихъ священниковъ (напоминаю, что это было болѣе 30 лѣтъ назадъ). Священникъ взялъ ее къ себѣ, обѣщая отослать въ какое-то учрежденіе, откуда нашедшему выдадутъ награду. Однако прошло много времени, никакой награды не выходило, и наконецъ священникъ заявилъ, что доску онъ потерялъ. Объясненіе, конечно, маловѣроятное. Отослалъ ли почтенный іерей доску, только отъ своего имени, въ какое нибудь учрежденіе, или въ простотѣ сердца перелилъ ее въ ложки для скромнаго домашняго употребленія, такъ, разумѣется, и осталось неизвѣстнымъ.

Сообщилъ **Вл. Короленко**.

Необходимое поясненіе. Въ „Отчетѣ о присужденіи преміи Н. И. Костомарова за лучшій малорусскій словарь“, напечатанномъ въ V—VI кн. „Кіевской Старины“ 1906 г., въ числѣ недостатковъ редактированнаго мною словаря самымъ существеннымъ признается неполнота его вообще и въ частности не полное знакомство съ произведеніями малорусской словесности до 1870 года, между тѣмъ какъ „въ программу, составленную редакціей „Кіевской Старины“, включено требованіе использовать всю малорусскую литературу въ предѣлахъ до этого года.“ (стр. 229). Въ другихъ мѣстахъ „Отчета“ говорится о „требованіи, обращенномъ къ редактору со стороны редакціи „Кіевской Старины“... „сдѣлать выборку изъ *всѣхъ* собраній украинскихъ этнографическихъ матеріаловъ“ (стр. 205) и „изъ украинскихъ словарей“ (стр. 213).

Категорическія утвержденія, заключающіяся въ процитированныхъ мною словахъ, явились вѣроятно слѣдствіемъ нѣкоторой неясности, допущенной въ изложеніи этого вопроса моимъ предисловіемъ къ словарю, такъ какъ такихъ требованій редакція „Кіевской Старины“ совершенно мнѣ не ставила. Я получилъ отъ нея сведенный въ алфавитъ матеріалъ, давшій до 49000 словъ, и могъ ограничиться однимъ редактированіемъ того, что мнѣ было дано, не смотря на то, что матеріалъ этотъ далеко не охватывалъ ни всей украинской литературы до 1870 года, ни всей этнографической литературы и оставлялъ въ сторонѣ словари, появившіеся послѣ 1870 г. Какъ то отмѣчено и академической рецензіей (см. стр. 193), я предложилъ дополнить этотъ матеріалъ новыми словами, и данная мнѣ, вслѣдствіе этого, редакціей „Кіевской Старины“ программа только и заключала, какъ conditio sine qua non, одинъ пунктъ о томъ, чтобы источниками для словаря слу-

жили исключительно книги, изданныя до 1870 г. Затѣмъ уже, впослѣдствіи, по моимъ предложеніямъ, программа эта была расширена до тѣхъ предѣловъ, какіе указаны въ моемъ предисловіи къ словарю (см. стр. 194-ю „Отчета" въ „Кіев. Старинѣ" [1]). Но программа эта имѣла характеръ чисто ограничительный: она указывала мнѣ предѣлы, за которые я не имѣлъ права выходить, но совсѣмъ не требовала, чтобы я использовалъ этотъ матеріалъ въ указанныхъ границахъ весь.

Такого требованія невозможно было предъявить мнѣ уже по одному тому обстоятельству, что при данныхъ условіяхъ мнѣ невозможно было его выполнить. Какъ отмѣчено и академической рецензіей, я имѣлъ въ своемъ распоряженіи слишкомъ мало времени для того, чтобы можно было охватить весь матеріалъ въ указанныхъ границахъ. Лично произвести выборку словъ изъ книгъ я не могъ, такъ какъ все мое время уходило на обработку матеріала, и это прекрасно понимала редакція „Кіевской Старины" и въ силу уже одного этого не ставила и не могла мнѣ поставить требованія объ использованіи того или иного количества источниковъ. Для выписки новыхъ матеріаловъ необходимо было приглашеніе иныхъ лицъ, что, какъ связанное съ извѣстными затратами, зависѣло, конечно, не отъ редактора. Такъ какъ такія лица приглашены не были, то редактору просто предоставлено было право сдѣлать, не выходя изъ установленныхъ границъ, дополненія изъ тѣхъ матеріаловъ, которые уже имѣлись готовыми въ моментъ согласія на это редакціи „Кіевской Старины". Эти матеріалы были таковы: а) слова, мною выписанныя на карточки или записанныя изъ устъ народа, б) записи отъ народа, присланныя къ этому времени нѣсколькими лицами. Послѣ того г-жею М. Н. Гринченко и отчасти иными лицами, по собственному ихъ желанію, сдѣлана была выборка на карточки еще новыхъ матеріаловъ изъ книгъ, указанныхъ мною. Правда, впослѣдствіи и самъ я нашелъ нѣкоторую возможность урвать часть своего времени на выборку матеріала изъ книгъ, но это не входило въ первоначальные разсчеты редакціи „Кіевской Старины" и мои, и безъ помянутыхъ выше условій дополненіе словаря новыми словами не было-бы сдѣлано вовсе.

---

[1]) Невозможностью для меня выйти изъ этихъ предѣловъ объясняется то обстоятельство, что въ числѣ источниковъ словаря отсутствуютъ произведенія Драгоманова, Франка, Старицкаго, Пчілки, Кропивницкаго, Крымскаго и др., на что указываетъ „Отчетъ". Произведенія Баштового (И. Левицкаго), Мирнаго, Млаки, Свидницкаго не составляютъ (какъ полагаетъ „Отчетъ", стр. 213) исключенія изъ общаго правила, такъ какъ всѣ эти писатели начали свою дѣятельность до 1870 г. Указанные „Отчетомъ" (стр. 207), какъ неиспользованные, I и III томы „Етнольогічних материялів", въ дѣйствительности использованы, и слова и цитаты изъ нихъ обозначены въ словарѣ сокращеніемъ: *МУЕ.*

Изъ переданныхъ мнѣ редакціей „Кіевской Старины" матеріаловъ видно было, что нѣкоторыя книги, изданныя до 1870 года, были или совсѣмъ не использованы, или использованы не вполнѣ. Въ виду краткости времени приходилось дѣлать выборъ: важнѣйшія изъ книгъ, не использованныхъ совсѣмъ или использованныхъ недостаточно, были прочитаны вновь; на остальное у редактора и его главнаго сотрудника по собиранію метеріаловъ уже не хватило времени...

То-же самое повторилось и съ этнографическими сборниками. „Отчетъ" совершенно справедливо указываетъ на то, что въ спискѣ источниковъ отсутствуютъ сборники г.г. Булгаковскаго, Бобровскаго, Янчука, Бессарабы и др. Но редактору представлялась дилемма: что́ признать болѣе необходимымъ для полноты словаря: помянутыя работы, или-же „Малорусскіе народные преданія и разсказы" Драгоманова, „Историческія пѣсни малорусскаго народа" Антоновича и Драгоманова, „Записки Юго-западнаго Отдѣла Р. Географическаго Общества", „Народные обряды и пѣсни Лубенск. у." Милорадовича, „Гуцульщину" Шухевича, „Сказки" Манжуры, „Етнографічний збірник", „Материяли до укр.-р. етнольогії" и пр.? Высокая цѣнность этихъ работъ, безъ пользованія которыми прямо таки немыслимъ сколько-нибудь порядочный украинскій словарь, безусловно ставила прочтеніе ихъ на первый планъ, отодвигая всѣ иныя на второй въ разсчетѣ на то время, которое, быть можетъ, останется въ запасѣ послѣ использованія главныхъ сборниковъ. А между тѣмъ времени и рабочихъ силъ было такъ мало, что осталось неиспользованнымъ многое даже изъ поставленнаго на первомъ планѣ,—напр., нѣкоторые томы „Етнографічного збірника"...[1])

Вотъ истинная причина того, что напр., сѣверно-малорусское нарѣчіе оказалось такъ слабо представленнымъ въ Словарѣ. „Мы имѣемъ основаніе утверждать",—говорится въ рецензіи,—„что Б. Д. Гринченко, или предшествующіе редакторы словаря умышленно оставляли въ сторонѣ сѣверно малорусскій матеріалъ". Но вслѣдъ за этимъ та-же рецензія указываетъ, „что самъ Б. Д. Гринченко въ своемъ библіографическомъ трудѣ: „Литература украинскаго фольклора" (Черн., 1901) тщательно отмѣчаетъ всѣ работы, касающіяся сѣверно-малорусскихъ областей". Это послѣднее обстоятельство ясно показываетъ, ка̀къ смотритъ редакторъ Словаря на сѣверо-малорусское нарѣчіе; поэтому можно сказать, что если игнорированіе сѣверно-малорусскаго матеріала имѣло

---

[1]) Конечно, въ спискѣ источниковъ находится нѣсколько книгъ, пользованіе которыми можно было-бы отнести даже и на третій планъ; но выписки изъ нихъ уже имѣлись готовыми, оставалось только примѣнить ихъ къ дѣлу безъ затраты труда на добываніе ихъ.

мѣсто, то ни въ какомъ случаѣ не могло это быть сдѣлано редакторомъ Словаря.

„Отчетъ“ приводитъ изъ моего предисловія ту программу пользованія раньше составленными словарями, которой я слѣдовалъ и гдѣ, между прочимъ, говорится: „Изъ словарей Желеховскаго и Шейковскаго, по причинамъ, которыя понятны послѣ сдѣланныхъ нами выше замѣчаній объ этихъ словаряхъ, мы брали только тѣ слова, въ существованіи и правильномъ объясненіи которыхъ были болѣе или менѣе увѣрены, а въ то-же время не находили ихъ въ карточкахъ“. Редакторъ не можетъ, конечно, не согласиться съ рецензіей въ томъ, что выставленный здѣсь критерій слишкомъ субъективенъ, чтобы быть вполнѣ научнымъ. Конечно, слѣдовало-бы поступить иначе. Принимая во вниманіе, что нѣкоторые составители словарей (Партицкій, Пискуновъ, Верхратскій, К. Левицкій) сами составляли слова для перевода тѣхъ или иныхъ словъ объясняемаго языка, и слова эти въ литературу не вошли, но за то ихъ включили въ свои словари авторы нѣкоторыхъ другихъ словарей (напр. Желеховскій); что нѣкоторые авторы (напр. авторъ „Ужинка“) также занимались составленіемъ подобныхъ словъ, никѣмъ изъ писателей не принятыхъ и даже ими самими впослѣдствіи оставленныхъ, и слова эти попадали въ нѣкоторые словари (Закревскій, Желиховскій); что составители словарей вносили въ нихъ иногда явные великоруссизмы или полонизмы, употребленные украинскими писателями по ошибкѣ или по недостаточному знанію языка, — принимая все это во вниманіе, составитель словаря долженъ былъ-бы поступить такимъ образомъ: обслѣдовать *каждое* слово *каждаго* словаря безъ исключенія, опредѣлить его источникъ и затѣмъ распорядиться словами въ зависимости отъ полученныхъ результатовъ. Слова явно чужія и не пріобрѣвшія правъ гражданства въ украинскомъ языкѣ лучше всего было-бы оставить въ сторонѣ; слова народнаго или литературнаго украинскаго языка подлежали-бы внесенію въ словарь; что-же касается словъ выдуманныхъ и не пошедшихъ далѣе одного автора или какого либо словаря, то, если даже и прійти къ выводу о необходимости внесенія ихъ въ словарь, необходимо было каждое такое слово сопроводить соотвѣтствующимъ замѣчаніемъ о его происхожденіи, чтобы оно не могло быть принято за слово, явившееся результатомъ органическаго роста языка. Такой путь предстоялъ составителю словаря, и путь этотъ былъ-бы имъ пройденъ, если-бы составитель имѣлъ въ своемъ распоряженіи для работы не два съ половиною года, а хотя-бы пять лѣтъ. При отсутствіи же этого послѣдняго условія ему оставалось одно: принять ту программу, какую онъ принялъ,—тѣмъ болѣе, что даже для выполненія только ея у него не хватило въ концѣ концовъ времени...

Таковы причины того, что обработанный мною словарь не заключаетъ въ себѣ многаго, на что совершено справедливо указываетъ рецензія высокоуважаемаго академика А. А. Шахматова. Вполнѣ соглашаясь съ нимъ въ этомъ отношеніи, редакторъ въ то-же время можетъ сказать со спокойной совѣстью, что онъ, въ предѣлахъ его силъ и знаній, сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для того, чтобы словарь былъ по возможности полнѣе и представлялъ какъ можно болѣе словъ, датированныхъ точной ссылкой на источникъ.

Еще два слова по поводу замѣчанія относительно „нѣкоторой неточности въ выпискахъ изъ авторовъ и этнографическихъ матеріаловъ" (стр. 220). За исключеніемъ замѣны правописанія авторовъ правописаніемъ, принятымъ для словаря, редакторъ тамъ, гдѣ выписки изъ источниковъ производились имъ самимъ или подъ его наблюденіемъ, придерживался текста съ полной точностью; что-же касается матеріала, переданнаго ему редакціей „Кіевской Старины", то тамъ дѣйствительно попадались выписки съ отступленіемъ отъ этого правила. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ все это было редакторомъ исправлено путемъ сличенія выписокъ съ источниками; но, конечно, кое что и ускользнуло отъ его вниманія, благодаря крайней спѣшности работы. Предполагалось, что такія упущенія будутъ еще исправляться при печатаніи, во время корректированія Словаря.

Кіевъ, 1906. VII. 20. **Б. Гринченко**

Къ біографіи И. П. Котляревскаго. I. Въ 1839 г. въ Полтавѣ и другихъ городахъ въ губерніи, гдѣ были расположены воинскія части, была введена „постойная повинность". Дома обывателей оцѣнивались и съ оцѣнки взимался 1%, что и вносилось въ „комитетъ о постойной повинности". Суммы эти расходовались на нужды расположенныхъ войскъ: наемъ квартиръ, отопленіе и т. п. Окраины были освобождены отъ обложенія, но за то здѣсь эта повинность выполнялась натурою. Въ засѣданіи городской думы, 21 февраля 1839 г., былъ возбужденъ вопросъ объ оцѣнкѣ дома, принадлежавшаго И. П. Котляревскому. Выяснилось, что по духовному завѣщанію, этотъ домъ поэтомъ былъ назначенъ вдовѣ унтеръ-офицера Матренѣ Веклечевой. Оцѣненъ онъ былъ въ 6000 руб. Помимо дома, поэтъ имѣлъ большую леваду, на Подолѣ, оцѣненную также въ 6 тыс. и отписанную имъ супругѣ надворнаго совѣтника Стеблинъ-Каминской. Это была супруга Павла Стеблина-Каминскаго, друга поэта, въ семьѣ котораго онъ часто бывалъ. Павелъ Стеблинъ-Каминскій служилъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія

(1856 г.), былъ правой рукой князя Репнина и др. Замѣтка эта о поэтѣ интересна, она указываетъ на имущество, оставленное имъ. (Протоколы засѣд. гор. думы, 21 февраля 1839 г. л. 45—46).

II. Изъ біографій поэта извѣстно, что онъ имѣлъ крестьянъ, отпущеннымъ имъ, незадолго до смерти, на волю. Сохранился документъ, подтверждающій этотъ фактъ—журналъ засѣданія полтавской городской думы отъ 23 ноября 1840 года. Приводимъ его цѣликомъ: Сообщеніе полтавскаго городского магистрата, отъ 22 ноября за № 1677, коимъ вслѣдствіе указа полтавской казенной палаты отъ 30 октября за № 11080 въ оный магистратъ послѣдовавшаго, увѣдомляетъ, что отпущенный на волю изъ крестьянства помѣщика маіора Ивана Котляревскаго Акимъ Догадайло, въ одной мужско и одной женско пола душахъ, причисленъ въ полтавскіе мѣщане съ начала будущаго 1841 года со льготою отъ платежа податей равно личныхъ и денежныхъ городскихъ повинностей и службъ на два года". (Ж. Г. Думы 1840, 23 Ноября).

Сообщ. **И. Фр. Павловскій.**

Вызовъ полтавскихъ помѣщиковъ для управленія конфискованными имѣніями въ волынской губерніи. Министерство государственныхъ имущество предложило въ 1840 году полтавскому губернатору вызвать помѣщиковъ, какъ администраторовъ по имѣніямъ, конфискованнымъ въ волынской губерніи въ пользу казны. При этомъ требовалось „чтобы они были одного вѣроисповѣданія съ крестьянами, которые поручаются имъ въ администрацію и чтобы отъ оной устранены были лица, которыя могли бы притѣснять крестьянъ за принадлежность къ православной церкви или ослаблять союзъ съ нею тѣхъ, которые съ нею возсоединились.". Всѣхъ имѣній было 32. Вотъ списокъ ихъ по уѣздамъ, съ указаніемъ числа душъ и количества земли:

	Число имѣній.	Крест.	Вольн.	Дес. земли.
Въ кременецкомъ	3.	327.	2.	1919.
„ владимірск.-волынск.	3.	925.	2.	12219.
„ старо-константинов.	2.	302.	82.	1007.
„ ровенскомъ	4.	3365.	„	10648.
„ дубенскомъ	4.	1648.	266.	7406.
„ овручскомъ	3.	1053.	37.	20514.
„ житомірскомъ	1.	46.	„	218.

	Число имѣній.	Крест.	Вольн.	Дес. земли.
Въ новгородъ-волынскомъ	2.	461.	337.	3803.
„ заславскомъ	1.	50.	8.	478.
„ луцкомъ	8.	452.	223.	41315.
„ острожскомъ	1.	907.	„	1322.

На какихъ основаніяхъ были приглашены администраторы, изъ дѣла не видно. Желающихъ въ полтавской губерніи не оказалось, какъ объ этомъ увѣдомили губернатора уѣздные предводители. (Двор. арх. 1840. № 70).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Изъ прошлаго Полтавщины. I. *Донесеніе Петра Полторацкаго кн. Репнину о грабежѣ имѣній Муравьева-Апостола.* Въ Миргородскомъ уѣздѣ, съ конца XVIII ст. владѣли большими помѣстьями Муравьевы-Апостолы, потомки, по женской линіи, гетмана Даніила Апостола. Въ имѣніяхъ этихъ (Хомутецъ, Поповка и хуторъ Столбинъ) было болѣе 6 тыс. душъ. Въ 1817 году Муравьевъ-Апостолъ просилъ кн. Репнина о „скорѣйшемъ исполненіи указа и законнаго введенія его во владѣніе наслѣдства“. Это былъ Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ (1765 † 1851), очень образованный человѣкъ, хорошо знакомый съ древними и новыми языками. Онъ много писалъ противъ подражанія всему французкому, о чемъ написалъ въ „Сынъ Отечества“ цѣлый рядъ писемъ, гдѣ разбиралъ увлеченіе того времени всѣмъ французскимъ. Переводилъ „Горація“, „Облака“ Аристофана, комедію „Ошибки“ и т. д. Служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ (его біографія см. „Русская Старина“ 1903 г.). До полученія этихъ имѣній, ими управлялъ Петръ Полторацкій, помѣщикъ лубенскаго уѣзда. Вотъ что онъ писалъ кн. Репнину о положеніи этихъ имѣній, рисующее порядки стараго времени.“ За присланные два письма черезъ Г. Новикова (это былъ правитель канцеляріи генералъ-губернатора) и, получивъ поставляю непремѣнною обязанностью принесть мою всенижайшую благодарность и вмѣсто оной о дѣлѣ, которое, думаю, вашему сіятельству, небезъизвѣстно, какой оборотъ взяло. Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ извѣщаетъ меня о успѣхѣ своего процесса и какъ прежде сего все имѣніе препоручено было мнѣ принять въ свое вѣдѣніе, такъ и нынче проситъ не упустить изъ виду то, что можетъ послужить къ его пользѣ или къ отвращенію разныхъ грабежей, производимыхъ въ имѣніи. Хотя коммисаръ (т. е. исправникъ) миргородскій и полу-

чилъ отъ вашего сіятельства предложеніе имѣть надзоръ подъ рукой, но ни малѣйски сіе не послужило къ охраненію, ибо денно и нощно вывозятся вещи: хлѣбъ и все, что только возможно вывесть и вынесть. Самъ я лично повстрѣчалъ значительный обозъ съ хлѣбомъ, который везенъ былъ въ имѣніе Г. Галецкаго въ хорольскомъ повѣтѣ состоящее, по самой распутицѣ, тому назадъ двѣ недѣли. Перевозчиками сими изнурили крестьянъ до крайности; время посѣва хлѣба черезъ сіи грабежи пропустили, и Муравьевъ-Апостолъ и невинные его крестьяне останутся безъ хлѣба; не обинуясь донесу вашему сіятельству, что съ полученія извѣстія о оборотѣ дѣла не стало въ имѣніи ни единой лошади и никакой скотины—все согнано въ имѣніе Г. Галецкаго и Ломиковского. Простите, сіятельный князь, если обременяю васъ чтеніемъ сихъ подробностей; предполагая, что въ моей есть обязанности довесть до свѣдѣнія вашего сіятельства дѣйствія коммисара, вопреки имъ полученнаго предписанія. Съ искреннимъ высокопочитаніемъ и непоколебимою преданностью и проч. Петръ Полторацкій. (Арх. П. Губ. Правленія по описи № 73, л. 346—347).

Прим. Петръ Марковичъ Полторацкій былъ первый, со времени учрежденія полтавской губерніи, предводитель дворянства лубенскаго уѣзда (съ іюля 1802—янв. 1809). Началъ службу въ л.-г. Семеновскомъ полку въ 1775 г. но въ 1797 г. оставилъ службу съ чиномъ подпоручика.

II. *Жалоба титул. совѣтника Бровка объ отказѣ наградить его орденомъ Владиміра 4 ст.* Въ 1828 году на хуторѣ Помазанъ, въ миргородскомъ уѣздѣ случился пожаръ. Титулярный совѣтникъ Бровко принималъ участіе въ тушеніи этого пожара, причемъ спасъ 12 человѣкъ и въ награду за это просилъ кн. Репнина представить его къ Владимірскому кресту. Кн. Репнинъ этого не сдѣлалъ, такъ какъ не находилъ, чтобы Бровко, съ опасностью для своей жизни, спасалъ этихъ 12 человѣкъ. Бровко, недовольный отказомъ, жаловался на князя Репнина и въ 1837 г. былъ запросъ по этому дѣлу къ генералъ-губернатору графу Строганову о подвигѣ этого титулярнаго совѣтника. Гр. Строгановъ и представилъ мнѣніе кн. Репнина, что Бровко не жертвовалъ собой при спасеніи этихъ лицъ и такимъ образомъ, Бровку не удалось себя наградить. (Арх. П. Губ. Правл. 1837, по описи № 343, л. 3).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Отказъ губернатора принять въ подарокъ кубокъ отъ харьковскаго дворянства. Въ 1837 г., въ августѣ мѣсяцѣ Харьковъ посѣтила императрица Александра Федоровна. По этому случаю, дворянство устроило балъ, и „преисполненное будучи въ семъ случаѣ чувствами безпредѣльной преданности къ виновницѣ своего благополучія“, постановило „упрочить навсегда память столь незабвеннаго для нихъ событія, обнеся каменною стѣною пристроенную лишь на сей случай деревянную залу, и для того собрана была мгновенно довольно значительная сумма“. Собраніе въ этомъ же засѣданіи „заключило тутъ же на мѣстѣ протоколъ за подписью уѣздныхъ предводителей и дворянъ объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на поднесеніе харьковскому губернатору кн. Трубецкому серебряннаго кубка „съ вырѣзаньемъ на ономъименъ всѣхъ особъ подписавшихся“. Губернаторъ отказался и на имя губернскаго предводителя послалъ объ этомъ оффиціальную бумагу. Харьковскій (онъ же полтавскій и черниговскій) генералъ-губернаторъ счелъ долгомъ объ этомъ увѣдомить министра внутреннихъ дѣлъ гр. Блудова, одобрившаго отказъ губернатора. Въ то время существовалъ законъ (отъ 2 Августа 1831 г.), запрещавшій начальникамъ принимать подарки, и этотъ законъ соблюдался строго. Полтавское дворянство рѣшило чествовать и поднести серебрянныя вазы предводителю дворянства Горленку и кобелякскому уѣздному судьѣ П. Потоцкому, но администрація воспрепятствовала этому, въ силу этого зазакона. (Арх. Губ. Правл. 1837. по описи № 388).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1906 г.

СЕНТЯБРЬ.

Кіевъ.

Типо-литографія Т-ва Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская у., № 14.

1906.

СОДЕРЖАНІЕ 94-го ТОМА.

Сентябрь, октябрь и ноябрь—декабрь.

Книга первая—сентябрь.

Отдѣлъ I.

I. МАЛОРОССІЙСКОЕ КОЗАЧЬЕ ОПОЛЧЕНІЕ ВЪ 1812 ГОДУ ПО АРХИВНЫМЪ ДАННЫМЪ. *И. Фр. Павловскаго.* . . . . 1—20

II. КРИТИЧНИЙ РОЗСЛІД НАД ТЕКСТОМ „КОБЗАРЯ" ШЕВЧЕНКА. *В. Доманицького.* . . . . 21—82

III. М. М. КОЦЮБИНСКІЙ. (Опытъ критическаго очерка). *Л. Старицкой-Черняховской.* . . . . 83—123

IV. ВОСПОМИНАНІЯ и АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА. (Продолжеиіе) . . . . 124—136

Отдѣлъ II.

I. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Иваиъ Абрамовъ. Черииговскіе малороссы. Бытъ и пѣсии иаселеиія Глуховскаго уѣзда (этиографическій очеркъ). С.-Петербургъ. 1905. *Владиміра Данилова;* б) А. Г. Авчииииковъ. Первые народиые представители Екатерииославской губериіи *В. Д—овъ.* . . . 1—4

II. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ: а) До бібліографії літератури про Т. Шевчеика *В. Доманицького;* б) Соиъ Пресвятой Богородицы (по списку начала 18 вѣка). Сообщ. *А. Шрамченко;* в) Изъ исторіи борьбы малороссійскаго духовеиства за свои права въ 18 вѣкѣ. Сообщ. *Вл. П—ко.* г) Як сатаиа збірав закоии по землі (изъ народиыхъ устъ) Сообщ. *Ив. Бѣньковскій.* д) Приведеніе въ порядокъ могилы Т. Г Шевченка. В. Наумеико. 5—20

Книга вторая—октябрь.

I. МАЛОРОССІЙСКОЕ КОЗАЧЬЕ ОПОЛЧЕНІЕ ВЪ 1812 ГОДУ ПО АРХИВНЫМЪ ДАННЫМЪ. *И. Фр. Павловскаго* (Окончаніе). . . . .

II. ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА. (Продолжеиіе). . . . . 155—197

III. КРИТИЧНИЙ РОЗСЛІД НАД ТЕКСТОМ „КОБЗАРЯ" ШЕВЧЕНКА. *В. Доманицького.* (Продолжеиіе). . . . 198—268

IV. М. М. КОЦЮБИНСКІЙ. (Опытъ критическаго очерка). *Л. Старицкой-Черняховской.* (Окончаніе). . . . . 269—330

Книга третья и четвертая—ноябрь-декабрь.

I. КРИТИЧНИЙ РОЗСЛІД НАД ТЕКСТОМ „КОБЗАРЯ" ШЕВЧЕНКА. *В. Доманицкого.* (Окончаніе) . . . . . 331—564

II. ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА. (Конецъ) . . . . 565—588

III. КЪ ИСТОРІИ ЕВРЕЙСКИХЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ КОЛОНІЙ ВЪ ПОЛОВИНѢ XIX СТ. *И. Фр. Павловскаго.* . . . . 589—597

IV. НОВЫЙ ХРАМЪ ВЪ СТАРОМЪ УКРАИНСКОМЪ СТИЛѢ. *Ор. Левицкаго* (*съ рисункомъ*). . . . . . . 598—610

V. СИМВОЛИКА ПТИЦЪ И РАСТЕНІЙ ВЪ УКРАИНСКИХЪ ПОХОРОННЫХЪ ПРИЧИТАНІЯХЪ. *Владиміра Данилова* . . . . 611—628

Малороссійское козачье ополченіе въ 1812 году по архивнымъ даннымъ.

Въ тяжелую годину нашествія французовъ въ Россію правительство рѣшило обратиться за помощью къ населенію. Въ началѣ іюля 1812-года былъ изданъ извѣстный манифестъ съ призывомъ всѣхъ и каждаго „съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ" ополчиться на защиту отечества. Россія съ энтузіазмомъ откликнулась на этотъ призывъ и выставила добровольно 320000 ратниковъ ополченія. Такія ополченія были организованы и въ Малороссіи. Но еще раньше, до вступленія Наполеона въ предѣлы Россіи, у русскаго правительства возникла мысль — воспользоваться извѣстною склонностью малорусскаго народа къ военному дѣлу и пробудить въ немъ еще незаглохшія въ то время вѣковыя козацкія традиціи. Первый опытъ въ этомъ родѣ почему то былъ предпринятъ не въ собственной Малороссіи, а въ старой Украинѣ. Въ іюнѣ 1812 г. за недѣлю до объявленія войны, полковнику графу Витте высочайше повелѣно было въ предѣлахъ бывшей польской Украины, заключающейся нынѣ въ 12 уѣздахъ кіевской губерніи да 4-хъ каменецъ-подольской, сформировать украинское конное войско, въ числѣ четырехъ козачьихъ полковъ, куда поступали мѣщане, помѣщичьи, казенные, ранговые и старостинскіе крестьяне, изъ 150 ревизскихъ душъ по одному человѣку, съ обязанностью имѣть лошадь, конскую сбрую и мундирную одежду по данному образцу. Для командованія въ эти полки приглашались отставные офицеры и унтеръ-офицеры, служившіе какъ въ русской, такъ равно и въ бывшей польской арміи. Опытъ вполнѣ удался: полки были быстро сфор-

мированы, въ числѣ 3600 человѣкъ, и подъ именемъ украинскихъ козачьихъ полковъ поступили въ армію Тормасова.

Что удалось въ Украинѣ, гдѣ козачество исчезло еще въ началѣ XVIII ст., то еще съ большимъ успѣхомъ должно было удаться въ бывшей гетманщинѣ, большинство населенія которой составляли малороссійскіе козаки, отцы и дѣды коихъ еще числились въ составѣ Войска Запорожскаго. Рескриптомъ 25 іюня 1812 года повелѣно было бывшему тогда малороссійскому генералъ-губернатору князю Я. И. Лобанову-Ростовскому приступить къ составленію такихъ же козачьихъ полковъ въ Малороссіи, т. е. въ губерніяхъ полтавской и черниговской. Вотъ этотъ рескриптъ, „Князь Яковъ Ивановичъ!.. Извѣстное ваше усердіе и ревность ко всему, что нужно для блага и защиты отечества, побуждаютъ меня возложить на васъ попеченіе о сформированіи козачьихъ полковъ въ губерніяхъ, начальству вашему ввѣренныхъ, и объ отправленіи оныхъ по мѣрѣ готовности въ Калугу и Тулу; вы можете въ семъ случаѣ соображаться съ настоящими надобностями, зная, сколь нужно умноженіе числа войскъ противъ непріятеля многочисленнаго... сіе сформированіе можетъ замѣнить въ Малороссіи обыкновенный рекрутскій наборъ съ прочихъ губерній къ осени приготовляемыхъ. Отечество въ надеждѣ на вашу дѣятельность ожидаетъ отъ Васъ сей немаловажной услуги, въ протчемъ пребываемъ вамъ благосклоннымъ. Александръ.

Іюня 25. 1812 г. Главная квартира, м. Бельмонтъ.

Къ руководству въ этомъ дѣлѣ были предложены „предварительныя распоряженія къ образованію украинскаго козачьяго войска“, высочайше утвержденныя 5 іюня — тѣ самыя, какими руководствовался полковникъ Виттъ, формировавшій козацкіе полки въ кіевской и подольской губерніяхъ. По этимъ правиламъ каждый полкъ долженъ состоять изъ 8 эскадроновъ, а эскадронъ изъ 150 козаковъ, а всего въ полку полагалось 1200 человѣкъ. Во главѣ полка былъ, конечно, командиръ, назначаемый высочайшею властью. При каждомъ полкѣ должно быть два батальонныхъ командира, два адъютанта, казначей и „штатный трубачъ“. Командиромъ батальона былъ ротмистръ или штабъ-ротмистръ, а при немъ состоялъ поручикъ, два корнета, вахмистръ, 10 унтеръ-офицеровъ и два трубача.

Таковъ былъ штатъ служащихъ при каждомъ полкѣ. Въ виду недостатка офицеровъ, проектировалось назначать изъ отставныхъ. Вахмистры и трубачи назначались на первое время изъ ближайшихъ кавалерійскихъ полковъ. Надо сказать, что офи-

церовъ найти было не легко: желающихъ поступить вновь на службу было немного, хотя со стороны князя Лобанова-Ростовскаго и лицъ, формировавшихъ полки, было приложено не мало старанія. И за все время существованія ополченія, никогда не было полнаго, полагаемаго по штату, комплекта офицеровъ. На это обстоятельство обратилъ вниманіе главнокомандующій, Кутузовъ, о чемъ и писалъ кн. Лобанову.

„М. Г. Князь Яковъ Ивановичъ! Во всѣхъ малороссійскихъ козачьихъ полкахъ, которые прибываютъ къ предводительствуемой мною арміи, почти совсѣмъ нѣтъ офицеровъ, да и унтеръ-офицеровъ совсѣмъ недостаточно. Принимая во уваженіе, что недостатокъ сихъ чиновъ противопоставляетъ большія затрудненія для прочнаго образованія и употребленія сихъ полковъ, я обращаюсь къ вашему сіятельству, покорно прося Васъ, милостивый государь мой, недостающихъ въ малороссійскихъ полкахъ офицеровъ выбрать изъ дворянъ ввѣренныхъ вамъ губерній, посредствомъ вызова и приглашенія ихъ къ означеннымъ мѣстамъ, унтеръ-офицеровъ стараться согласить изъ старыхъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, въ Малороссіи проживающихъ, и какъ три полка оставлены при предводительствуемой мною арміи, а прочіе всѣ обращены къ генералъ-лейтенанту графу Гудовичу, которому приказано идти къ бѣлорусскому Могилеву, то я и прошу ваше сіятельство отправить ихъ къ назначеннымъ полкамъ, сколько можно поспѣшнѣе. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. Князь М. Кутузовъ. Октября 31. 1812 года.“

Кн. Лобановъ-Ростовскій на это письмо послалъ отвѣтъ Кутузову 18 ноября того же года.

М. Г. Князь Михаилъ Илларіоновичъ! Замѣченный Вашею Свѣтлостью въ малороссійскихъ козачьихъ полкахъ недостатокъ чиновниковъ пополнить было и наиприлежнѣйшимъ моимъ попеченіемъ, но истиннаго успѣха не совсѣмъ ожидать можно, ибо за составленіемъ въ здѣшнихъ двухъ губерніяхъ милицій, изъ 42182 ч. состоящей, и укомплектовать еще 18000 крестьянъ полнымъ числомъ офицерамъ мало предстоитъ удобности повторяю я однако, согласно волп, вызовъ о томъ къ дворянству; оказавшіеся же старой конной службы унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ способныхъ 162 чел., находятся всѣ къ тѣмъ полкамъ не токмо причисленными, но и снабжены лошадьми и одеждой и съ пожертвованныхъ здѣсь суммъ, о всемъ томъ и поставляю долгомъ донесть, имѣя честь быть съ совершеннымъ глубочай-

шимъ почтеніемъ и преданностью Ващей Свѣтлости. М. Г. Князь Лобановъ-Ростовскій. 18 ноября 1812 г. Черниговъ."

Кн. Лобановъ-Ростовскій считалъ необходимымъ просить командировъ полковъ пріискивать себѣ офицеровъ, о чемъ и писалъ графу Гудовичу.

„М. Г. мой графъ Николай Васильевичъ! Имѣлъ я на сихъ дняхъ Его Свѣтлости, главнокомандующаго арміями кн. М. Л. Голенищева-Кутузова отношеніе, въ коемъ приглашаетъ онъ меня заняться всѣми возможными мѣрами къ ваполненію недостающихъ въ малороссійскихъ козачьихъ полкахъ чиновниковъ, отвѣчалъ я, что пополнять тотъ недостатокъ было и будетъ особымъ попеченіемъ моимъ, а поелику тѣ полки состоятъ нынѣ подъ начальствомъ Вашего Сіятельства, дабы благоволили поручить полковымъ начальникамъ стараться и съ своей стороны пріискивать въ козачьи полки, чтобы тѣмъ совокупными нашими съ вами силами желаемой цѣли достичь; по мѣрѣ успѣховъ извѣщать не буду медлить, причислять ихъ по документамъ, согласно предписанію. При семъ, приймите повтореніе отличнѣйшаго почтенія и преданности, съ коими имѣю честь быть и проч... [1]) Кн. Лобановъ-Ростовскій, ноября 12, 1812 года."

Всѣ офицеры, поступившіе въ ополченіе, пользовались содержаніемъ и всѣми правами офицеровъ уланскихъ полковъ. Они считаются на службѣ и послѣ того, когда будутъ распущены козаки по домамъ, такъ какъ обязанность ихъ тогда будетъ „имѣть полное свѣдѣніе о состояніи и занятіяхъ подчиненныхъ имъ козаковъ". Отставные военные, поступившіе на службу въ ополченіе, получаютъ чинъ при отставкѣ. Дворяне, служившіе въ милиціи, опредѣлялись въ козачье ополченіе первыми офицерскими чинами, если они ихъ не имѣли. Дворяне, не имѣвшіе никакихъ чиновъ, принимались унтеръ-офицерами, ихъ содержало само правительство. Вольноопредѣляющіеся изъ другихъ сословій должны были содержать себя на свой счетъ, а также имѣть лошадь, вооруженіе [2]) и т. п.

Таковы были условія поступленія офицеровъ въ ополченіе. Но недостатокъ въ нихъ постоянно ощущался. Въ 4-мъ полтавскомъ полку совсѣмъ долгое время не было штабъ-офицеровъ, и ба-

[1]) Арх. г. правл. 1812 г. № 1.
[2]) Арх. г. правл. 1814 г. № 44; л. 145.

тальонами командовали поручики и подпоручики и нерѣдко одинъ поручикъ двумя батальонами. [1]) Въ 6-мъ полтавскомъ десять гражданскихъ чиновниковъ исполняли обязанности офицеровъ [2]). Это наблюдалось и въ другихъ полкахъ, гдѣ не мало было титулярныхъ совѣтниковъ, коллежскихъ и губернскихъ секретарей, коллежскихъ регистратовъ, исполнявшихъ обязанности офицеровъ. Ощущался недостатокъ и въ унтеръ-офицерахъ и очень часто приходилось назначать ихъ изъ ополченцевъ—козаковъ. Въ 4 полтавскомъ полку было унтеръ-офицеровъ 56, вмѣсто 86. Въ 6 полтавскомъ было произведено изъ козаковъ 121 ч. [3]). Всѣ унтеръ-офицеры получали по сто рублей на лошадь [4]).

При наборѣ козаковъ въ ополченіе не строго соблюдались требованія относительно возраста, роста и т. п. Предписывалось не обращать вниманія, „ниже на маловажные тѣлесные недостатки, но съ единственнымъ наблюденіемъ силъ и способностямъ къ службѣ сего рода". „Качество людей, читаемъ далѣе въ этихъ распоряженіяхъ, опредѣляется одной способностью къ верховой ѣздѣ безъ всякаго другаго ограниченія лѣтъ, роста и статей". Форма ополченцевъ была: короткій безъ полъ суконный полукафтанъ, холщевыя или суконныя шаровары. Всякій козакъ долженъ былъ имѣть 3 рубахи, 2 пары сапогъ, 2 п. обертокъ суконныхъ и столько же холщевыхъ, шапку въ 6 вершковъ вышины изъ рѣшетиловскихъ смушекъ, черную бурку изъ „добротнаго крестьянскаго сукна"; на подкладку бурки — 4½ сѣраго крестьянскаго сукна, суконный галстукъ, нагайку, два пояса изъ выбѣленнаго холста. На обмундированіе козаковъ взималось по 1 р. 50 к. съ каждой ревизской души![5])

У каждаго козака должна быть лошадь, на покупку которой ассигновывалось 100 р., что вносило козацкое общество. При ней должно быть сѣдло, уздечка, баклажка для воды, саква для фуража, скребница и щетка. У всякаго козака долженъ быть чемоданъ. Изъ оружія всякій козакъ долженъ имѣть пику, саблю и пистолетъ. Помимо этого, въ каждомъ эскадронѣ предписывалось имѣть 16 штуцеровъ или ружей, хотя бы разнаго калибра.[6])

---

[1]) Арх. г.-правл. 1812. № 12.

[2]) Арх. г. правл. 1812. № 19.

[3]) Арх. г. правл. 1813. № 19.

[4]) Распор. Лобанова-Ростовскаго отъ 7 сент. 1812 г. № 29681.

[5]) Арх. г. правл. 1813. № 40.

[6]) Во всѣхъ полкахъ не было полнаго комплекта оружія, трудно его было достать, многое было пожертвовано ранѣе на „милицію" въ 1806 году.

Патроны для ружья, числомъ 25, а для пистолетовъ—16, выдавались „отъ артиллеріи", т. е. изъ казны, изъ кременчугскаго и кіевскаго коммисаріатскаго депо и кіевскаго артиллерійскаго гарнизона. Одежду и оружіе козаки должны имѣть собственныя, а также и лошадь. Все это доставляло козачье общество. Наборъ производился изъ козачьяго сословія по 4 ч. съ каждой сотни ревизскихъ душъ. Всѣхъ козаковъ въ старой Малороссіи въ 1812 году было 454983 д.

Всѣ козаки были освобождены отъ платежа оброчныхъ статей (6 р. асс. съ каждой души), была оставлена только подушная подать. Льгота эта была результатомъ ходатайства кн. Лобанова-Ростовскаго. По этому случаю, 30 августа въ день тезоименитства Александра I, въ нѣкоторыхъ полкахъ былъ прочитанъ высочайшій указъ и отслуженъ молебенъ [1]). Многія козачьи общества выставили и болѣе 4 человѣкъ съ каждой сотни ревизскихъ душъ. Жители города Пирятина просили дозволенія о поставкѣ отъ каждыхъ 20 душъ одного человѣка; но просили снабдить ихъ ружьями, такъ какъ достать ихъ въ Пирятинѣ невозможно. Земскій комиссаръ остерскаго уѣзда увѣдомилъ, что имъ „довольнымъ внушеніемъ и вразумлѣньемъ" объявлено козакамъ о сформированіи ополченія и „они восторгомъ чувствъ увѣряясь" положили съ 212 душъ поставить 14 человѣкъ. Всѣхъ козаковъ въ этомъ повѣтѣ было 8537 ч. Но были козачьи общества, которыя не поставили требуемаго числа, такъ лубенское заявило желаніе поставить съ 200 душъ 3 человѣка, всѣхъ козаковъ въ этомъ повѣтѣ было 15862 ч., а городъ Лубны, „споспѣшествуя съ усердіемъ монаршей воли", порѣшилъ уменьшить и поставить съ 141 душъ двухъ козаковъ. Роменцы, какъ увѣдомлялъ земскій коммисаръ, пожелали только двухъ человѣкъ отъ сотни ревизскихъ душъ. Зѣньковцы — по одному, жители Миргорода по 2 ч. „съ полнымъ одѣяніемъ и безъ оружія." Жители города Кобелякъ порѣшили съ козаковъ, жившихъ въ этомъ городѣ, съ 4725 д. поставить съ каждыхъ 200 душъ по 3 человѣка, такое же число поставлено было и въ уѣздѣ. Въ мглинскомъ повѣтѣ по 2 человѣка съ сотни, не смотря на то, что здѣсь, какъ и во многихъ городахъ, городничіе объявляли указъ „съ точнѣйшимъ внушеніемъ и вразумленіемъ" [2]).

---

[1]) Арх. г. правл. 1812. № 12.

[2]) Арх. г. правл. 1812. 1. Въ этомъ дѣлѣ есть указанія на количество козаковъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ; такъ въ хорольскомъ уѣздѣ ихъ было 16286 ч. новгородъ-сѣверскомъ 2942 д., въ Пирятинѣ—319 д., въ Золотоношѣ 608, въ Ко-

Формированіе полковъ велось очень спѣшно, оно должно было закончиться спустя мѣсяцъ послѣ объявленія о наборѣ. Всѣ земскіе коммиссары, нижніе земскіе суды, городничіе были привлечены къ этому. Волостныя правленія, въ теченіе пяти дней, должны были представить списки козаковъ, предназначенныхъ къ ополченію. Для оповѣщенія населенія о предстоящемъ наборѣ изъ Полтавы были отправлены три курьера съ предписаніями генералъ-губернатора: одинъ поѣхалъ на Зеньковъ, Гадячъ и Ромны, Лохвицу и Миргородъ, другой — Кобеляки, Кременчугъ, Золотоношу и Переяславль, и третій на Лубны, Пирятинъ, Нѣжинъ и Черниговъ. Первый получилъ прогоновъ 28 р. 25 к. асс., второй—38 р. 25 к., а третій 48—50 к. асс. Въ означенныхъ предписаніяхъ кн. Лобановъ-Ростовскій, перечисляя главныя положенія, изложенныя въ „предварительныхъ распоряженіяхъ". относительно устройства козачьихъ полковъ, въ заключеніе обращается къ національнымъ традиціямъ малорусскаго козачества, стараясь пробудить въ немъ былую воинственность предковъ. „Таково сихъ полковъ устройство столько близко или похоже съ древнимъ состояніемъ малороссійскихъ козаковъ, что нѣтъ сумнѣнія, что здѣшнее козачество не представитъ однимъ избраніемъ пользоваться, а польстится употребить сей случай доказать многочисленной формировкой, что они всѣ достойны получить навсегда право составлять изъ себя защиту и служить не по очереди рекрутской, а по усердію къ царю и ревности къ ремеслу, въ коемъ отличаться они всегда умѣли; ибо кто не вѣдаетъ, что быть дома и быть на войнѣ было сущее дѣло предковъ ихъ и потому ожидать можно, что и безъ наряду отъ меня представится изъ каждой сотни больше одного охотника. Послѣ чего, доведется мнѣ донесть царю, отцу Россіи, что всѣ козаки равно на злодѣя готовы и потому оказать повели, всемилостивѣйшій Государь, быть имъ въ свободное время дома и отъ рекрутства свободными,

---

белякахъ 4725 д., въ уѣздѣ кобелякскомъ 18969 д., въ Городнѣ—137 д., въ Острѣ 445 д., въ Суражѣ — 47. въ козелецкомъ уѣздѣ 16231 ч., въ Новгородъ-Сѣверскѣ 4859 д., а въ самомъ городѣ 157 д., въ остерскомъ уѣздѣ 8537 д., въ мглинскомъ 8238 ч., въ борзенскомъ 20774 ч., въ новозыбковскомъ 15679, въ лохвицкомъ 19476 д., въ Хоролѣ 638 д., въ городницкомъ уѣздѣ 5919, въ Сосницѣ 734 д., въ переяславскомъ уѣздѣ 880 ч., въ лохвицкомъ 19476 д., въ глуховскомъ 9595 д., а въ Глуховѣ 508 ч., въ конотопскомъ уѣздѣ 16657 д., въ прилукскомъ уѣздѣ 13826 д., черниговскомъ повѣтѣ 13904 д., въ Конотопѣ 850 д.

Въ эти данныя вошли и почтальоны, которыхъ всегда въ то время вербовали изъ козаковъ.

ибо на оборону царства твоего составятъ они всегда цѣлое войско". Въ послѣднихъ словахъ оповѣщенія кн. Лобанова-Ростовскаго, какъ видимъ, заключается косвенное обѣщаніе относительно возможности возстановленія въ Малороссіи прежняго козачества. Не знаемъ, на сколько кн. Лобановъ-Ростовскій былъ уполномоченъ давать населенію такое обѣщаніе, но что у императора Александра I, дѣйствительно, была мысль учредить въ Малороссіи постоянныя козачьи полки, на это имѣются положительныя указанія. Это видно изъ письма сенатора М. П. Миклашевскаго Аракчееву".[1]) „Съ того часа, писалъ Миклашевскій, какъ вашему сіятельству угодно было удостоить меня открытіемъ священнѣйшей для насъ высочайшей Его И. Величества воли объ учрежденіи въ Малороссіи козачьихъ полковъ, мысль моя не была спокойна и стремилась къ изобрѣтенію средствъ, какъ бы лучше и съ пользою могла она быть приведена въ исполненіе". Миклашевскій желалъ и казенныхъ крестьянъ наименовать козаками, а ихъ было въ Малороссіи до 170 тыс., четыре хозяина, по его проекту, должны содержать одного козака, прокормить его и продовольствовать его лошадь, но это не на первыхъ порахъ, потому что они приведены въ бѣдность" (разумѣетъ ихъ участіе въ ополченіи], но впослѣдствіи они, несомнѣнно, могутъ своимъ коштомъ ремонтировать, какъ лошадьми, такъ и конскою збруею". При этомъ Миклашевскій проектировалъ освободить козаковъ отъ всѣхъ податей. Въ военное время, онъ предполагалъ издать особое положеніе о повинностяхъ козаковъ. Былъ ли проектъ представленъ императору, неизвѣстно [2]). Возможно допустить, что подобныя обѣщанія, какъ освобожденіе отъ рекрутскихъ наборовъ и службы въ мѣстномъ козачьемъ войскѣ, по старинѣ, болѣе всего содѣйствовали успѣшному формированію козачьихъ полковъ въ Малороссіи 1812 году. Народъ, по свидѣтельству поэта И. П. Котляревскаго, „поступалъ въ козаки съ удовольствіемъ, охотностью и безъ малѣйшаго унынія".

Всѣхъ полковъ было сформировано въ Малороссіи 15: въ полтавской 9 и въ черниговской 6.

---

[1]) М. П. Миклашевскій, тайный совѣтникъ, сенаторъ, богатый помѣщикъ черниговской губерніи (1756†1847). О немъ см. біографію, написанную Чижомъ, въ Рус. Бесѣдѣ. 1856 кн. I. Послѣ него осталась большая переписка, сохранились письма къ нему Репнина, Безбородько, Кочубея и др. Письма Репнина см. Кіев. Старина 1890. I. 121—124, письма Кочубея, тамъ же, кн. 2-я.

[2]) Кіев. Старина 1890. I. 119—120 стр.

Первый полтавскій полкъ формировался въ Голтвѣ, мѣстечкѣ кобелякскаго уѣзда. Къ нему было причислено 892 козака изъ полтавскаго уѣзда, 16 ч. изъ константиноградскаго и 292 изъ кобелякскаго. Формировалъ его маіоръ Куклярскій, онъ же и повелъ его въ походъ, но 13 апрѣля 1813 г. онъ скончался. Преемникомъ его былъ маіоръ Щекутинъ.

Второй полкъ также формировался въ Голтвѣ. Командовалъ имъ полковникъ Лукьяновичъ. Къ нему были причислены козаки кобелякскаго уѣзда, 657 ч., и кременчугскаго 543 (за исключеніемъ 337 ч., причисленныхъ къ хорольскому уѣзду).

Третій полкъ былъ составленъ въ м. Камышна, миргородскаго уѣзда. Помимо козаковъ миргородскаго уѣзда (563 ч.), къ этому полку были причислены козаки лубенскаго уѣзда, въ числѣ 637 ч. его формировалъ маіоръ Кулябка. Къ началу сентября, полкъ этотъ былъ готовъ къ выступленію, но Кулябка отказывался по болѣзни отправиться въ походъ. Онъ написалъ объ этомъ письмо кн. Лобанову - Ростовскому. „Употребивъ всѣ мои послѣднія силы, писалъ онъ, остающіяся во мнѣ за истощеніемъ уже въ продолженіе 30-лѣтняго моего въ военной службѣ служенія и отъ понесенныхъ мною безпрерывно движеній и отъ причиненнаго мнѣ при обозрѣніи и пріемѣ въ полкъ лошадей, свирѣпая лошадь нечаяннаго ногу удара, въ обѣихъ ногахъ и рукахъ моихъ, возобновилась сильная боль и отъ прежде бывшихъ у меня припадковъ и отъ поломанныхъ во время продолженія мною 30-ей службы въ ногахъ костей, открылась ломота и самыя раны, за каковыми тяжелыми припадками, а не меньше того и за старостью лѣтъ, никакъ не въ силахъ я не только продолжать далѣе службы, но и двинуться съ полкомъ съ выборнаго мѣста Камышной не могу, о чемъ изъясняюсь въ самой истинѣ вашему сіятельству и представляя къ милостивому воззрѣнію вашего сіятельства о продолжаемой мною до сего ревпостной службы, коею истощены всѣ мои силы, документъ, аттестующій меня къ награжденію, всенижайше прошу меня объ увольненіи отъ службы и о сдачѣ сформированнаго мною полка". Кн. Лобановъ благодарилъ маіора за службу, что, вѣроятно, и было его наградой. Просьба его была исполнена; вмѣсто него былъ назначенъ ш.-капитанъ Овернъ, а послѣдняго замѣнилъ кн. Лобановъ-Ростовскій. Въ этотъ полкъ пожелалъ опредѣлиться на службу студентъ харьковскаго университета Сиробаба - Яковлевъ. Вотъ интересное его письмо генералъ-губернатору, гдѣ онъ объясняетъ, почему онъ опредѣляется на службу. „Долгъ и обя-

занность, пишетъ онъ, и самый гласъ природы внушаетъ всякому любовь къ отечеству. Я также сынъ Россіи, также люблю мое отечество, также пылаю, какъ и другіе, заслужить мое къ Монарху усердіе, но способы къ сему для меня невозможны. Армія находится очень далеко. Состояніе моего Родителя не позволяетъ мнѣ ея достигнуть. Ваше Сіятельство! простите моему дерзновенію, что смѣло прибѣгаю къ вашему покровительству. Добродѣтели и слава имени Вашего позволяютъ мнѣ надѣяться быть соучастникомъ третьяго полтавскаго козачьяго полка; будучи удостоенъ сего, буду помнить ваше благодѣяніе во вѣки и почитать всегда счастливымъ". Патріотическое чувство студента послужить въ арміи княземъ было удовлетворено: онъ былъ назначенъ въ этотъ полкъ унтеръ офицеромъ.

Четвертый и пятый полки были формированы въ Горошинѣ [1]). Къ первому были причислены козаки хорольскаго и золотоношскаго уѣздовъ, а ко второму — кременчугскаго, хорольскаго и миргородскато (12 лишнихъ изъ хорольскаго были причислены къ черниговскому полку). Первый формировалъ штабъ - капитанъ Копцевичъ [2]), а второй — извѣстный малорусскій поэтъ И. П. Котляревскій [3]). Копцевичъ не желалъ отправиться въ походъ со своимъ полкомъ и написалъ письмо кн. Лобанову. „Умилосердитесь, писалъ онъ, надъ несчастнымъ семействомъ, коему я только булъ подпорою. Три брата рѣжутся съ французами, а я одинъ оставался въ нераздѣльномъ имѣніи нашемъ, имея въ попеченіи своемъ четырехъ дѣвицъ, помилуй, сіятельнѣйшій князь, сие нещастное семейство, отъ пустите мене къ нему увольня меня вовсе отъ службы, я буду считать сіе наградою за все понесеніе мною труда при съ формированіи полка [4])." Онъ былъ уволенъ, его мѣсто занялъ въ ноябрѣ 1813 года полковникъ М. Муравьевъ.

И. П. Котляревскій также отказался вести полкъ, и его замѣнилъ шт.-капитанъ Рудницкій, рекомендованный князю самимъ поэтомъ. Но онъ командовалъ временно, командиромъ былъ назначенъ подполковникъ Санковскій. Этому полку пришлось въ походѣ испытывать многое. Въ дѣлѣ мы нашли данныя, рису-

---

[1]) Мѣстечко, въ хорольскомъ уѣздѣ.

[2]) Копцевичъ—дворянинъ переяславскаго уѣзда; родъ этотъ вымершій.

[3]) О формированіи И. П. Котляревскимъ см. нашу статью въ Кіевской Старинѣ 1905. Іюнь.

[4]) Арх. г. правл. 1812. № 12.

ющія, съ какимъ вниманіемъ относились къ ополченію уѣздныя власти и жители. Ш.-кап. Рудницкій отправилъ заранѣе въ сосницкій уѣздъ коллежскаго регистратора Свириденко для устройства переправы черезъ рѣку Десну, но когда послѣдній явился къ назначенному мѣсту, то паромъ, арендованный евреемъ, былъ снятъ; сняты были столбы, канаты, и все забралъ еврей, вѣроятно, желавшій получить хорошее вознагражденіе. Свириденко обратился за содѣйствіемъ къ засѣдателю нижняго земскаго суда, но тотъ отвѣтилъ, что „у него есть исправлять казенныя бумаги, а полкъ и самъ можетъ переправиться“. Рудницкій только „черезъ великую силу истребовалъ у еврея канаты и утвердилъ столбы“, устроилъ переправу. И обо всемъ этомъ пришлось хлопотать Рудницкому съ его козаками „безъ всякаго содѣйствія со стороны мѣстнаго земскаго начальства“. А между тѣмъ генералъ-губернаторомъ было предписано полиціи оказывать всякое содѣйствіе ополченію во всемъ, въ чемъ окажется нужда. Въ Сосницѣ козаковъ ожидала другая непріятность. 15 сентября 1812 г. въ 1 ч. дня полкъ вступилъ въ городъ, но мѣстный городничій не встрѣтилъ козаковъ, что не мало удивило штабсъ-капитана. Но не въ этомъ еще была бѣда. Городничій назначилъ квартиры командиру и его козакамъ, но „по упорству жителей не только меня, доносилъ Рудницкій, но и козаковъ даже не пущаютъ, и хоть обязанность была городничаго встрѣтить полкъ, но не было его.“ Городничій понуждалъ жителей дать отведенныя квартиры, но они не пускали козаковъ. Одинъ обыватель угрожалъ даже зарѣзать того, кто займетъ его домъ. Шт.-кап. Рудницкій предполагалъ устроить въ Сосницѣ дневку, но долженъ былъ двинуться далѣе, такъ какъ жители не дали козакамъ ни съѣстныхъ припасовъ, ни пастбища для лошадей. Для объясненія столь неожиданнаго враждебнаго отношенія къ ополченцамъ приходится сдѣлать предположеніе, что среди послѣднихъ не было должной дисциплины и они дозволяли себѣ разныя насилія по отношенію къ обывателямъ. [1]).

Шестымъ полкомъ командовалъ надворный совѣтникъ Свѣчка. Хотя онъ и былъ въ гражданскомъ чинѣ, но онъ служилъ въ л. г. Измайловскомъ полку, затѣмъ въ конной гвардіи и оста-

---

[1]) Въ архивѣ Кіев. Губ. Правленіи имѣется дѣло 1847 года, № 1335 „о взысканіи денегъ съ чиновниковъ бывшаго малороссійскаго ополченія за ограбленіе жителей могилевской губерніи“.

вилъ службу въ 1795 г., когда опредѣлился „къ статскимъ дѣламъ". Онъ служилъ затѣмъ по почтамту. При формированіи въ 1806 г. милиціи, былъ назначенъ начальникомъ 3 батальона 1-й бригады. Здѣсь отличился и получилъ чинъ надворнаго совѣтника. Полкъ формировался въ Яготинѣ. Свѣчка жаловался на пирятинскаго городничаго, не доставлявшаго ему продовольствія, почему и просилъ о переводѣ полка въ сосѣднія села. Городничій отговаривался, такъ какъ это было обременительнымъ для жителей; „отягощеніемъ жителей заготовлять фуражъ, что служитъ, писалъ онъ, къ обывателямъ стѣсненію". [1]). Но дѣятельностью земскаго коммисара Горбовскаго Свѣчка былъ очень доволенъ, о чемъ и донесъ генералъ-губернатору.

Седьмой и восьмой полки формировались въ м. Срибномъ. [2]) Въ первый вошли козаки лохвицкаго уѣзда (820 ч.) и часть роменскаго (380 ч.); другая часть роменскаго (623 ч.) и часть прилукскаго (577 ч.) составили восьмой козачій полкъ. Седьмымъ командовалъ маіоръ Александровичъ, а послѣднимъ—бывшій командиръ Кинбургскаго драгунскаго полка, полковникъ де-Коноръ. Наконецъ, девятый формировался въ гадячскомъ уѣздѣ, м. Веприкѣ. Въ составъ его вошли: козаки гадячскаго повѣта и (584 ч.) и зѣньковскаго—616 ч. Формировалъ его маіоръ Товбичевъ. Въ черниговской губерніи было сформировано, какъ мы уже говорили, шесть полковъ. Первый формировался въ самомъ Черниговѣ полковникомъ Семекой. Въ его составѣ были козаки черниговскаго и нѣжинскаго повѣтовъ. Второй въ с. Семеновкѣ. [3]). Въ его составъ вошли: козаки черниговскаго, городницкаго, сосницкаго, новгородъ-сѣверскаго и стародубскаго уѣздовъ. Формировалъ полковникъ Потрасовъ. Третій въ с. Коропѣ [4]) изъ козаковъ кролевецкаго (540 ч.) и суражскаго уѣздовъ (660 ч.). Командиромъ былъ капитанъ Шапошниковъ. Четвертый въ м. Воронежѣ [5]), изъ козаковъ остерскаго уѣзда (795) и глуховскаго (405), командовалъ имъ маіоръ Мокіевскій. Пятый—въ селѣ Кобицѣ [6]), изъ козаковъ козелецкаго уѣзда (667), суражскаго—61 и причисленныхъ отъ конотопскаго и мглинскаго—200 ч., имъ ко-

---

1) Арх. губ. правл. 1812, 19 л. 186.

2) Большое мѣстечко, въ прилукскомъ уѣздѣ.

3) Новозыбковскаго уѣзда.

4) Кролевецкаго уѣзда.

5) Глуховскаго уѣзда.

6) Козелецкаго уѣзда.

мандовалъ подполковникъ Шейнертъ. И наконецъ, шестой въ Черниговѣ, изъ козаковъ стародубскаго уѣзда (213) мглинскаго (374) и козаковъ, оказавшихся излишними изъ уѣздовъ хорольскаго, пирятинскаго и зѣньковскаго. Командовалъ имъ ротмистръ Барсуковъ.[1]).

Полки имѣли знамя. Въ 4 черниговскомъ полку изъ за него произошелъ инцидентъ между батальоннымъ командиромъ Хропачевымъ и командиромъ полка. Не имѣя еще знамени, Хропачевъ самъ его изобрѣлъ. Онъ доносилъ командиру, что козаки жаловались ему, „что не имѣютъ никакого святого изображенія, которое бы напоминало бъ о душевной вѣрности къ благочестивой нашей вѣрѣ, усердія и любви къ государю и отечеству“, и потому онъ для „сугубой вѣрности къ благочестивой нашей вѣрѣ, усердія и любви къ любезнѣйшему нашему самодержцу и отечеству, сдѣлалъ на свой коштъ, отъ чувственныхъ душъ и собственнаго обѣщанія жертвы, знамя, изображающее на себя крестъ, вензель милостивѣйшаго государя Александра и надъ крестомъ приличная надпись: Съ нами Богъ! разумѣйте язицы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ“. Командиръ полка ему это разрѣшилъ, но вскорѣ, поссорившись съ нимъ, сдѣлалъ ему за это выговоръ въ приказѣ, запретивъ употреблять это знамя. Хропачевъ жаловался кн. Лобанову-Ростовскому. „Командиръ, писалъ онъ, вспомнивши давнее партикулярное ко мнѣ неудовольствіе, сдѣлалъ мнѣ за мое усердіе полковымъ приказомъ выговоръ“. Помимо этого, у Хропачева было отнято командованіе батальономъ, который былъ переданъ командиромъ своему родственнику, „чѣмъ, писалъ Хропачевъ, отнималъ природную охоту къ службѣ Его Императорскаго Величества“. Кн. Лобановъ-Ростовскій предписалъ Хропачеву повиноваться распоряженіямъ своего начальника. Впослѣдствіи, впрочемъ, Хропачевъ получилъ свой прежній батальонъ[2]).

Всѣ полки были сформированы ранѣе мѣсячнаго срока и въ половинѣ сентября мѣсяца двинулись въ походъ. Всѣ эти полки направлены были въ Калугу и Тулу, въ распоряженіе генералъ-лейтенанта графа Гудовича, откуда уже они распредѣлены были въ разныя мѣста, о чемъ скажемъ послѣ. Слишкомъ поспѣшное формированіе полковъ было причиной, что полки отправились въ

---

[1]) Барсуковы — дворяне гадячскаго уѣзда. Данныя о сформированіи этихъ полковъ см. Арх. П. Г. Правленіи 1812. № 1.

[2]) 1812. № 14. л. 159.

походъ далеко не въ хорошемъ видѣ, о чемъ есть данныя генерала Кудашева, осматривавшаго ихъ нѣсколько разъ. Осмотрѣвъ въ февралѣ 1813 г. вскорѣ по прибытіи полтавскій 7 полкъ, онъ нашелъ большой недостатокъ въ командахъ. Что касается людей, то въ немъ числилось всего 686 козаковъ, умершихъ за это время было 294, больными числилось 220 ч.[1]). Ранѣе мѣсяцемъ, 20 февраля того же года, генералъ Цорнъ писалъ: „козаки были въ старыхъ мундирахъ изъ суконъ разнаго цвѣта. Пѣшая и конная аммуниція въ хорошемъ видѣ, лошади въ хорошемъ видѣ“. При этомъ генералъ сдѣлалъ интересное замѣчаніе: „продажа фуража не открылась“.[2]). Генералъ Корецъ, осматривая 6 черниговскій полкъ, остался имъ недоволенъ. „Разнообразіе одѣянія ихъ (т. е. козаковъ), истасканное, теряетъ весьма людей, почему необходимостью нахожу предложить вашему сіятельству собрать съ козаковъ нѣкоторую сумму денегъ для сдѣланія положенія годоваго каждаго изъ полковъ, которую сумму, по извѣстности вашему сіятельству состоянія козаковъ обоихъ губерній назначить удобнѣе вамъ самимъ“. Въ другомъ письмѣ онъ проситъ о скорѣйшей высылкѣ лошадей. „Многія остающіяся при полкахъ едва дотащутся до предназначенныхъ имъ мѣстъ“. Было отправлено ему по 40 р.—50 к. на каждаго козака, на что были многимъ куплены сапоги, бурки, мундиры и т. п. Изъ нихъ 8100 р. было удержано на исправленіе сбруи[3]). Полковникъ де-Коннoръ, командовавшій бригадой изъ 1 и 8 полковъ, сообщаетъ въ 1813 году: „въ силу постоянныхъ походовъ вся одежда и обувь пришла въ обветшалость, часть оныхъ совсѣмъ безъ сапогъ, нѣтъ куртокъ, шароваръ и чекменей.“ Указываетъ на необходимость, въ виду приближенія холоднаго времени, поспѣшить съ заготовкой аммуниціи. „Збруя, продолжаетъ онъ, не годится и болѣе вредитъ, чѣмъ служитъ“. Это онъ писалъ въ январѣ 1813 года, спустя менѣе чѣмъ полгода послѣ выступленія полковъ въ походъ. За это время умерло 286 коз.; лошадей пало 132, и до 250 лошадей было негодныхъ къ работѣ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ у него въ бригадѣ было 696 больныхъ лошадей.[4]). О шестомъ черниговскомъ полкѣ Кудашевъ писалъ, что онъ въ немъ нашелъ „великія недостатки“. Забраковалъ не мало лошадей и предписалъ устроить одежду, по образцу

---

[1]) Арх. Г. Правл. 1814. № 43.
[2]) Арх. Г. Правл. 1813. № 34.
[3]) Арх. Г. Правл. 1812. № 9.
[4]) Арх. Г. Правл. 1813. № 36.

донскихъ козаковъ, изъ синяго сукна съ бѣлыми кушаками.[1]). Тому же Кудашеву очень понравился 6 полтавскій полкъ, который онъ нашелъ „удивительно хорошимъ", какъ писалъ онъ кн. Лобанову. Особенно часты были просьбы о замѣнѣ лошадей. Кн. Кудашевъ, осматривая полки, находилъ ихъ негодными, старыми и малаго роста. Негодныхъ лошадей продавали; такъ было продано въ 1814 г. 176 лошадей, за 3245 р.[2]). Въ 18,3 г. въ 5 черниговскомъ полку было продано 567 л. за 1876 р. 47½ к.; по цѣнѣ отъ 2 р. до 12 р. за лошадь.[3]).

Полковой командиръ Свѣчка въ рапортѣ кн. Лобанову сообщаетъ о 6 полтавскомъ полку слѣдующее: „козаки отправились въ походъ въ лѣтнемъ одѣяніи, не было теплой одежды, почему появилась „горячка съ поносомъ". О заготовленіи продовольствія по пути заботились мало, почему Свѣчка проситъ разрѣшенія „на марше довольствовать отъ обывателей, хотя по прежнему на счетъ казны", На это кн. Лобановъ отвѣтилъ, что „объ отпускѣ суммъ на продовольствіе полка не есть дѣло печности моей, поелику возлагаемаго на меня составленіе оныхъ полковъ и отправленіе по назначенію, что бывъ выполнено, не оставилъ я тогда на щотъ продовольствія ихъ отнестись въ кіевскую провіантскую коммиссію и предложилъ имъ самимъ входить въ ближайшія сношенія съ начальниками". Свѣчка проситъ выслать ему полушубки для козаковъ, на что кн. Лобановъ отвѣтилъ: „хотя полушубки не положено, но поелику всякій обыватель ихъ имѣетъ, то каждый козакъ свой собственный изъ дому требовать можетъ и семейству или обществу его легче дать оный, нежели новаго человѣка, который потребоваться можетъ на щотъ того, который отъ стужи изуродованъ будетъ, что и велѣлъ я черезъ коммиссаровъ пояснить тѣмъ волостямъ".[5]). Таковы были полки по снаряженію, аммуниціи, качеству лошадей и т. п. Въ этомъ отношеніи, интересно мнѣніе генерала Рота, въ распоряженіи котораго было много полковъ, расположенныхъ въ герцогствѣ Варшавскомъ.[6]). Для пополненія убыли въ людяхъ и лошадяхъ, командиры полковъ отправляли кого-либо изъ своихъ офицеровъ въ тѣ уѣзды, козаки которыхъ входили въ тотъ или другой полкъ,

---

1) Арх. Г. Правл. 1812. № 20.
2) Арх. Г. Правл. 1814. № 43.
3) Арх. Г. Правл. 1813. № 33.
4) Арх. Г. Правл. 1813. № 29.
5) См. приложеніе, гдѣ помѣщены его письма къ Лобанову-Ростовскому.

согласно распредѣленію при формированіи этихъ полковъ. Командиръ 6 полка командировалъ маіора Левченка; который былъ крайне небреженъ въ дѣлѣ пріема козаковъ. Кн. Лобановъ-Ростовскій обратилъ на это вниманіе. „Нахожу нужнымъ, писалъ онъ, сказать о медленности, происходящей при пріемѣ людей и лошадей на мѣсто убылыхъ и что если отъ полученія сего, въ самомъ ближайшемъ времени не получу я отъ васъ донесенія, что пріемъ оконченъ и вы готовы къ выступленію, не останутся безъ должнаго отъ меня дѣйствія, кое неминуемо навлечетъ для васъ непріятныя послѣдствія.“ [1]). Злоупотребленія бывали при пріемѣ нерѣдко. Поручикъ 4 полтавскаго козачьяго полка Вороной вступилъ въ сдѣлку съ „датчикомъ“ и отнялъ у него 1180 р.; онъ же избилъ одного изъ должностныхъ лицъ, за что былъ устраненъ отъ должности и былъ обвиненъ его въ жестокомъ обращеніи съ козаками. [2]). Многіе изъ офицеровъ эксплуатировали козаковъ; вымогали у нихъ деньги, какъ дѣлалъ это поручикъ того же полка Клипасъ; о чемъ кн. Лобанову-Ростовскому доноситъ командиръ полка полковникъ Муравьевъ. Этотъ поручикъ отобралъ у козаковъ 2474 р. Помимо денегъ, онъ отбиралъ вещи у козаковъ и продавалъ ихъ „тайнымъ образомъ“. Онъ отобралъ у козаковъ 18 лошадей и часть ихъ отправилъ въ свое золотоношеское имѣніе. Поручика этого немедленно удалили отъ должности. [3]). Съ цѣлью вымогательства, поручикъ Вязовскій умышленно при пріемѣ браковалъ лошадей, не принималъ и козаковъ, если они не были 7 вершковъ роста. Браковалъ и аммуницію, не принималъ шапокъ, придираясь къ мѣркѣ ихъ и т. п. Обо всемъ этомъ донесъ кобелякскій городничій, но для поручика Вязовскаго всѣ его дѣянія прошли благополучно; въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1814 года онъ возвратился въ свой полкъ. [4]). Но иначе окончились для поручика Санковскаго его преступныя дѣянія. Этотъ поручикъ былъ командированъ въ Гадячъ для вербовки козаковъ. Его преступная дѣятельность скоро была обнаружена. Полтавскій губернаторъ Тутолминъ донесъ о немъ, что онъ „съ такою строгою браковкою, какъ будто бы рекрутъ, въ сущее обывателямъ отягощеніе; причиною коею становится имъ одѣяніе на каждаго человѣка, въ одномъ болѣе 100 руб., а лошадь сама по себѣ 120 р.,

---

[1]) Арх. Г. Правл. 1813. № 29, л. 86.

[2]) Арх. Г. Правл. 1812. № 12.

[3]) Арх. Г. Правл. 1813. № 30; донесеніе №

[4]) Арх. Г. Правл. 1813, дѣло № 34.

дѣлая за всѣмъ тѣмъ непростительное затрудненіе". Въ его преступной дѣятельности, его помощникомъ былъ гадячскій комиссаръ Велецкій. Этотъ комиссаръ заранѣе получилъ предписаніе закупить въ екатеринославской губерніи сукно, холстъ и лошадей, но Велецкій все это сдалъ „еврею—рядчику", за хорошую цѣну „обременительную для козаковъ". Помимо этого, Санковскій получалъ отъ тѣхъ семействъ, которыя поставляли за себя козаковъ, отъ 35 р. до 100 р. за человѣка. Козаки жаловались на его дѣянія земскому комиссару, не подозрѣвая, что онъ въ стачкѣ съ офицеромъ. Козаки угрожали комиссару жалобой генералъ-губернатору, но за это, по его приказанію, были высѣчены. Но о его дѣяніяхъ узналъ кн. Лобановъ-Ростовскій, сдѣлавшій ему строгое внушеніе, угрожая отстранить его отъ должности. Въ то же время, князь поручилъ гадячскому маршалу С. Войнѣ произвести разслѣдованіе, приведшее къ открытію многихъ злоупотребленій этого поручика. Оказалось, что дѣйствительно были договорены, безъ всякаго письменнаго условія, два еврея, Ицко Рабиновичъ и Абрамъ Крачевскій, для закупки матерьяловъ для обмундированія, при чемъ съ каждаго козака было взято по 85 р. На поставку сѣделъ былъ договоренъ купеческій сынъ Осипъ Шатуновъ, жившій въ Полтавѣ. Онъ обязался поставить сѣдло по 35 р., лошадь по 110 р. (отпускалось по закону только 100 р.). Всѣ эти деньги давало козачье общество, съ котораго собрано было до 16 тыс. Выдача этимъ подрядчикамъ денегъ была пріостановлена, до окончательнаго разслѣдованія дѣла нижнимъ земскимъ судомъ, о чемъ просилъ уѣздный предводитель дворянства. Разслѣдованіе обнаружило, что со всякаго козака взыскивалось на одежду и лошадь по 250 р. Въ дѣлѣ вербовки козаковъ на службу въ полкъ не соблюдалась очередь, брали не по общественному приговору, а большей частью, изъ малосемейныхъ и даже такихъ семействъ, которыя закономъ освобождались отъ поставки козаковъ. Все это дѣлалось съ цѣлью получить откупъ. Мы уже знаемъ, что по законоположенію о зачисленіи въ ополченіе не слѣдовало обращать строгое вниманіе на тѣлесное наказаніе, но Санковскій даже считалъ „зубы во рту". На его дѣянія обратилъ вниманіе и уѣздный стряпчій, донесшій о немъ кн. Лобанову-Ростовскому и предложившій образовать коммиссію изъ засѣдателей нижняго земскаго суда для разслѣдованія его злоупотребленій. Каждаго козака Санковскій обложилъ въ свою [redacted] до 7 руб., что стряпчимъ было воспрещено. Кн. Лобановъ-Ро[redacted]нивъ донесеніе о дѣяніяхъ этого по-

ручника, устранилъ его отъ должности и, по принятіи отъ него дѣлъ, приказалъ его арестовать. Должность отъ него принялъ нѣкто Амбодикъ. Суммъ, по донесенію, не оказалось; не было и обуви, и купленныя лошади не соотвѣтствовали заплоченнымъ за нихъ деньгамъ, отъ 110 р. до 115 р., а лошадей—было куплено 525. Непонятно, почему командиръ этого поручика, маіоръ Товбичевъ, въ виду очевидныхъ злоупотребленій, защищалъ его передъ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ. Онъ писалъ ему о своемъ разслѣдованіи дѣяній Санковскаго, и никто изъ козачьяго общества ему не сказалъ ничего дурного. Впрочемъ, это было уже въ концѣ 1813 года, когда полкъ возвратился „въ домы свои". [1]). Браковалъ, какъ людей, такъ и лошадей, шт.-кап. Забѣлло, отправленный отъ 4 черниговскаго полка. Кн. Лобановъ-Ростовскій писалъ ему: „вы обнаружили явную преклоность вашу къ незаконной браковкѣ, дабы тѣмъ, отяготивъ общества, получить отъ нихъ за всѣ вещи деньгами въ удвоенной цѣнѣ". Шт.-капитанъ не хотѣлъ принимать шапокъ, по его мнѣнію, построенныхъ не изъ рѣшетиловскихъ смушекъ, не бралъ холста, будто бы плохо выбѣленнаго и т. п. Кн. Лобановъ-Ростовскій нашелъ всѣ его дѣянія незаконными и присланную шт.-капитаномъ Забѣлло шапку, не соотвѣтствующую данному образцу, кн. Лобановъ нашелъ вполнѣ годной и приказалъ шапки принять. Борзенскому комиссару князь предписалъ „имѣть неослабное наблюденіе, дабы никакихъ притѣсненій обществу отъ Забѣлло не было чинимо". Этотъ же самый Забѣлло, какъ донесъ прокуроръ, не уплатилъ 2585 р. 65 к. за продовольствіе 255 козаковъ, за $3^1/_2$ мѣсяца, и выступилъ въ походъ. Въ такомъ родѣ было преступленіе и подпоручика Носика. Этого подпоручика его командиръ, полковникъ Муравьевъ, командировалъ сопровождать плѣнныхъ въ Гродно. При немъ было 2 унтеръ-офицера, 80 козаковъ. Получая на нихъ полностью провіантъ, онъ выдавалъ имъ только $^1/_4$ часть, на лошадей же выдавалъ по 2 гарнца овса на три дня, а сѣна почти не давалъ, отчего лошади пришли „въ худобу", и четвертая часть ихъ пала. Объ остальныхъ онъ рапортовалъ генералу Крейцу, какъ о негодныхъ, и просилъ ихъ замѣнить. Предчувствуя бѣду, онъ, какъ оказалось впослѣдствіи, нарочно прострѣлилъ себѣ правую руку и показалъ, что онъ будто-бы раненъ подъ Дрезденомъ, о чемъ представилъ нѣсколько фальшивыхъ свидѣ-

[1]) Арх. г. правл. 1813 № 41.

тельствъ отъ разныхъ „докторей". Оправившись отъ раны, онъ все-таки явился въ полкъ. Командиръ полка „дабы,—какъ онъ писалъ,—„сей интересъ общественный не оставить безъ взысканія, собралъ полкъ и всю команду, съ которой такъ много лошадей пало, спросилъ, отчего сіе произошло и они единогласно при немъ сказали, что на трое сутокъ было отпущаемо по два гарнца, а сѣна иногда ничего, за каковой противозаконный поступокъ онъ его арестовалъ и донесъ главнокомандующему генералу Бенигсену[1]). Въ преступныхъ дѣяніяхъ былъ обвиненъ стоявшій во главѣ полка, шт.-ротмистръ Барсуковъ, помѣщикъ гадячскаго повѣта. Онъ самолично распоряжался всѣмъ въ полку, не допускалъ, какъ это требовалось закономъ, эскадронныхъ командировъ, не велъ никакихъ отчетностей. Козакамъ началъ выдавать продовольствіе только съ 3 октября, а по закону, они должны были его получать съ момента выступленія въ походъ. У козаковъ онъ отбиралъ сѣно и овесъ, купленныя ими на свой счетъ, и продавалъ въ свою пользу. Этотъ командиръ изобрѣлъ еще источникъ дохода. Онъ, увольняя въ отпускъ козаковъ, при томъ въ военное время, бралъ съ нихъ по 25 руб. И отпустилъ такъ много, что не могъ даже двинуться въ походъ. Сѣно покупалъ возами, на которыхъ было 9 пудовъ, но считалъ ихъ за 15, что и обнаружили офицера его же полка. Два офицера, Клопотовскій и Соболевскій, жаловались на Барсукова, требовавшаго отъ нихъ счеты на большую сумму сравнительно съ выдачей денегъ. Генералъ лейтенатъ Ротъ „за поступившіе отъ офицеровъ и козаковъ великіе претензіи" и за несдачу маіору Турчанинову полка, предалъ его военному суду. Генералъ Ротъ просилъ кн. Лобанова наложить на его имѣніе, въ гадячскомъ повѣтѣ, „секвестръ".

Барклай де-Толли, на основаніи Высочайшаго манифеста, освободилъ его отъ слѣдствія и суда, но приказалъ ему представить отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. На него былъ сдѣланъ начетъ въ 6152—87½, который Барсуковымъ не былъ признанъ. Въ своемъ донесеніи Барсуковъ оправдывался, что на эти деньги онъ пріобрѣлъ музыкальные инструменты, платилъ капельмейстеру за обученіе трубачей, покупалъ козакамъ сапоги, потники и т. п. Въ силу этого, Барсуковъ не пожелалъ представить какой либо отчетъ. Но генералъ Ротъ все-таки предалъ его военному суду, вѣроятно, за отказъ доставить отчетъ. Тогда Барсуковъ прибѣгнулъ къ иному средству. Онъ „объявилъ на членовъ коммиссіи,—

---

[1]) Арх. г. правл. 1813, дѣло № 30.

разбиравшей его дѣянія,—подозрѣніе" и этимъ заставилъ перемѣнить составъ коммиссіи. Барсуковъ все-таки настаивалъ на своей невиновности, обвиняя въ незаконныхъ требованіяхъ своего преемника по командованію полкомъ, маіора Турчанинова. Въ результатѣ, чтобы избавиться отъ суда, видя, что всѣ его ухищренія не удаются, далъ обѣщаніе внести требуемую сумму и представить отчетъ [1]).

Капитанъ Власенко, командуя батальономъ 9 пѣхотнаго полка, при стоянкѣ его въ селеніяхъ Протасовкѣ и Томашевкѣ, забиралъ у жителей фуражъ и ничего не платилъ, о чемъ было возбуждено дѣло въ роменскомъ нижнемъ земскомъ судѣ полтавскимъ вице-губернаторомъ Бояриновымъ [2]).

Таковы данныя о злоупотребленіяхъ, сохранившіяся въ архивныхъ дѣлахъ, рисующія вымогательство и эксплоатированіе козаковъ, шедшихъ на защиту Россіи жертвовать своею жизнью. Есть данныя, какъ относилось цѣлое учрежденіе, напр. зѣньковскій нижній судъ, въ то время, когда нужно было, съ возможною поспѣшностью, вербовать козаковъ взамѣнъ умершихъ, больныхъ. Когда явился сюда офицеръ для вербовки козаковъ, то не нашелъ никого въ земскомъ судѣ: одинъ засѣдатель уѣхалъ въ Одессу и Тирасполь, другой отправился въ Глуховъ, третій въ Веприкъ и т. п. Самъ же земскій комиссаръ былъ боленъ лихорадкой. Кн. Лобановъ сдѣлалъ замѣчаніе суду,—„составить обвиненіе, писалъ князь, въ небрежности издавна сего повѣта замѣченное, изъ за чего остается ему охранить себя отъ предстоящаго ему уже не суда, а строгаго осужденія". [3]). Нѣкоторые изъ командировъ не представляли никакихъ отчетностей, на что жаловался провіантскій комиссіонеръ 10 класса Трипольскій. Онъ писалъ, что полки получили болѣе 310 тысячъ, и нѣкоторые командиры не представили отчета въ расходованіи, а другіе, если и доставляли, то, какъ пишетъ Трипольскій, „не поясняя куда, сколько людей и лошадей, на сколько времени сдѣлано чего и какъ закупка и употреблены деньги, а только безпрестанно требуютъ денегъ, кратко говоря, что сумма вышла". Онъ проситъ князя побудить ихъ представить отчеты, но князь Лобановъ отказался, рекомендуя обратиться къ графу Гудовичу. Это было въ первые же мѣсяцы по выступленіи полковъ въ походъ. [4]).

Окончаніе слѣдуетъ. **И. Фр. Павловскій.**

[1]] Арх. п. г. правл. 1813. № 30, 1814. № 48.

[2]] Арх. губ. правл. 1812. № 16, л. 146.

[3]] Арх. г. правл. 1813, № 31, л. 26.

[4]] Арх. г. правл. 1812, № 24.

Критичний розслід над текстом „Кобзаря“ Шевченка.

Уже літ з двадцять чути в літературі нашій голоси про те, що пора уже взятися до критичного видання поезій Шевченка, що треба переглянути та перевірити усі видання „Кобзаря“ та рукописи (оригінали—автографи та усякі копії з них), переглянути усе, що тілько де писалося про Шевченка та з приводу його творів, і скомбінувавши увесь той матеріал, реставрувати поетичний скарб найбільшого поета не тілько українського, але й в цілій Славянщині... Та про те pia desideria ці й досі зостаються не тілько не здійснені, але не помітно навіть, щоб десь відповідні заходи до того робилися. А тим часом уже й півстоліття з дня смерти поета не за горами. Промине ще одних лишень 5 літ, і поетичний скарб поета нашого стане вільним добром кожного громадянина: кожен матиме право друковати чи цілого „Кобзаря“, чи частину його яку небудь, по своій охоті, не питаючись дозволу нічийого і друковатиме на підставі тих некритичних, неперевірених, значно неповних, а часом і поплутаних редакцій тексгів, які стрічаемо ми зараз по всяких российських та загранишних виданнях,—на підставі того цілком вільного, дуже непевного, дуже неправдивого хронологичного розпорядку поезій, який мають усі видання „Кобзаря“, почавши з р. 1867 (видання Кожанчикова в Петербурзі) і кінчаючи виданням р. 1902 (видання „Просвіти“ у Львові зредаговане д. Ю. Романчуком). Усякі хиби, усякі неправдивости, хоча б напр. не Шевченкові вірші, яких за 40 літ перебувало в „Кобзарях“ до десятка, і навіть в останньому виданню Ю. Романчука есть їх ще двое,—усе те назавжди стане невиправленим, освяченим традіціею, і боротися з цим сумним зъявищем не буде змоги... От тим-то безперечно потрібно за цей короткий

час, що лишився до року 1911, потурбоватися українському громадянству про найповніше, найправдивіше, критичне видання поезій Шевченка—поперед у всього популярне, а потім і критичнонаукове. А для цього мусить бути зроблено те, про що говорить д. В. Науменко:

„1) Текст має бути критично перевірений та обслідований по багатьох варіантах рукописів та по друкованих виданнях. 2) До кожного твору мусить бути долучено усі потрібні справки бібліографічні, біографічні та історично-літературні, а також коментарії. Тільки тоді, як доконано буде усього цього, можна сподіватися справді наукового розроблення та оцінування діяльности і—головно—знаття поета; тільки тоді, коли буде оттак основно освітлено окремі твори письменника, можно буде скласти і повну біографію його“ [1]).

Теж саме читаємо і у д. В. Мировця, в його статті, спеціально присвяченій справі потреби критичного видання „Кобзаря“. „Приступаючи до наукового видання творів Шевченка, ми перш за все мусимо подбати про те, щоб дати повний і непопсований текст Кобзаря... Отже перш за все треба вдатись до всього українського громадянства, щоб усі, в кого є які-небудь рукописи Шевченкових творів, обізвалися й дали свої рукописи на перегляд тямущим людям... Маючи на увазі видати критично провірений текст Шевченкових творів,—доведеться переглянути та порівняти й ріжні тексти попередніх видань „Кобзаря“, особливо перших, які робились під доглядом самого автора або його близьких приятелів і звірялись по рукописах... Другою метою наукового видання творів якого небудь письменника є—дати змогу читачеві, як слід, зрозуміти не тілько самі твори письменника, але й їх значіння. За для цього, видимо, треба дати цілий ряд історико-літературних коментаріїв, у яких критично розглядались би окремі твори і говорилось би взагалі про значіння діяльности письменника, про вплив його на дальшу літературу, про звязок його літературної діяльности з попередньою літературою і т. инше. Але перше ніж робити такі наукові примітки, треба дати кожному творові відповідне йому місце,—треба подбати про гарний, сістематичний розпорядок окремих творів у виданні (хронологичний)“ [2]).

---

[1]) Кіев. Старина, 1892, II. Докум. стр. 314: „Къ вопросу о научномъ изданіи „Кобзаря“ Т. Г. Шевченка“.

[2]) Нова Громада 1906, № 2. Чому нам так сумно згадувати про Шевченка.

Таким чином, головне, з чого мусить почалися робота над критичним виданням поезій Шевченка—це те, щоб було зібрано і до-купи зведено увесь матеріал що до тексту. А у нас, мусимо це з жалем признати, і на цім полі не гурт було праці,—і тільки останніх кілька літ почали зъявлятися частіше статті та замітки, де подаються або нові матеріали (новознайдені поезії та варіанти), або критичні уваги з приводу нового і старого матеріалу,—згадаймо хоча б праці: *О. Кониського.* Варіанти на декотрі Шевченкові твори та „Недруковані поезії Шевченка“ (в „Запискахъ Наук. Тов. ім. Шевченка“, т. т. XXXIII та XXXIX), *Ю. Романчука.* Де які причинки до поправнійшого видання поезії Т. Шевченка (Ibid. т. XXXIV), *Мик. Кр—ського.* Замітки до поправнійшого видання поезій Ш. та „Уваги“ до тих заміток Ю. Романчука (ibid. т. LV), *Єфремов.* Де-що з приводу нового видання „Кобзаря“ (Літер.-Наук. Вістник, 1899, № 8), мої дрібні уваги в „Кіевск. Старині“ (1904, кн. 3, рецензія на „Зап. Н. Тов. ім. Шевченка). Нарешті цей год, разом з скасуванням ганебного указу р. 1876 та з початком нового життя для українського слова, приніс нам несподівано ще один гостинець: в Петербурзі, в архиві департамента поліції, в так званому „III отдѣленіи“, де ще з р. 1847 знаходиться „дѣло“ про Шевченка, знайдено кінець „Єретика“ (Івана Гуса) та три нових поеми: „Сова“ і „Дівочії ночі“ та „Черниця Марьяна“ (уривок з поеми) (писані р. 1844) [1]) в великому рукописові, що має заголовок „Три літа“.

Але увесь цей свіжіщий матеріал і давніщий (чимало його знайти можно хоча б у „Кіевской Старинѣ“ та „Зап. Наук. Товар.)—і досі ніхто не зібрав до-купи, не оголосив його в цілості для ужитку наукових сил українських,—і новим видавцям „Кобзаря“ або дослідникам тексту доводиться кожен раз починати спочатку ту саму роботу. Правда, д. Романчук зробив уже початок в цьому напрямі і, виготувавши свое видання (р. 1902), видрукував де які свої уваги, часом досить цінні, але разом з тим велика хиба з його боку була в тому, що він в статті своій не показав, через що він бере скрізь той, а не инший варіант якої небудь поезії, і свої субєктивні враження чи сімпатиі не подав на увагу критики [2]). До такої

[1]) Кінець „Єретика“ надруковано в VI кн. журнала „Былое“, а нові поеми досі ще не подано друком... Вони увійдуть в повне видання поезій Шевченка, що друкується зараз у Петербурзі.

[2]) В статі своій д. Романчук лишень висловлює надію, що згодом він це має зробити, а в листі до мене з 24 липня 1906 згадує, що матеріали для критич-

работи, як нас повідомляють, узялося тепер „Наукове Товариство ім. Шевченка“ у Львові, приступаючи до нового повного критичного видання усіх творів Шевченка (прозових, драматичних, дневника, рецензії на гру Піунової та инше], і роботу почато з порівняння усіх текстів, які мають критичну вартість, тоб то або видані були за життя Шевченка, або на підставі автографів його.

Одночасно з критичним виданням творів Шевченка у Львові,—цього року має вийти повне видання „Кобзаря“ і в Петербурзі, на яке, в тому обємі, що в виданню д. Романчука, есть дозвіл цензури [з кінця минулого року]. Бажаючи, щоб видання це було як найкраще, мало яко мога найпевніщий, найправдивіший текст і уложене було як слід хронологично, видавці „Кобзаря“ допомогли мені здійснити мое давне бажання—узятися до перегляду тексту „Кобзаря“ спеціально *по автографах*, для чого я обслідовав увесь Шевченківський матеріал в музею імени В. Тарновського в Чернигові, а крім того, користувався матеріалами [автографами та копіями] приватних людей, а найголовніще—дорогоцінним скарбом, що мається у редактора „Кіевской Старины“ В. П. Науменка:—власними рукописами Т. Г. Шевченка, тими автентичними книжечками, які Шевченко нищечком „мережав“ та „начиняв віршами“ на засланні в р.р. 1847—1850, та ще одною його ж таки, Шевченка, книжкою — альбомом, куди поет попереписував більшу частину своеі невільницької поезії і вписував усі свої поетичні твори з р. 1857 аж до р. 1861. Ці матеріали, що стають основою принаймні для трьох четвертин „Кобзаря“, мають незвичайно велику вагу і ціну, і вони помагають нам, як буде видно далі, встановити і правдиву хронологію, і правдивий текст для всіх поезій Шевченка, почавши з р. 1847 (для деяких навіть з р. 1846)... До речи буде сказати, що цими автографами користувалися свого часу і видавці Пражського двох-томового „Кобзаря“ (р. 1876), але, як буде видно далі, вони, крім того що не скрізь уважно переписали їх для друку, де-що опустивши або недоглядівши, але ще й стали жертвою одної, незалежної од них, помилки, через яку мало не півсотні поезій неправдиво датували, помиляючися часом на 2 роки, а часом і багато більше,—так що поезії стоять з датою, напр., року 1860, тоді як в дійсности вони мають бути року 1848, або що... Або ще краще: половина вірша датована р. 1850 [„Буває,

---

ного видання „Кобзаря“ збірає вже 4 годи і хотів помістити іх в „Записках. Наук. Товар.“ з своіми увагами: „і з них міг би вийти досить значно—також в порівнаню до мого виданя з 1902 р.—поправлений текст“.

в неволі іноді згадаю“], а кінець її, як тепер виясняється [„Не знаю, як тепер ляхи живуть]“—роком 1848. Ці-ж рукописи, маючи в собі безперечно *все*, що було написане на засланні, і мало не все [за дуже незначними виїмками,—двома, о скілько мені відомо] з того, що написано в р.р. 1857—1861, дають нам право одкинути, як не Шевченкови вірші—„Ой у саду, у саду гуляли кокошки“ та „Не журюсь я, а не спиться часто до півночи“,—які задержалися ще навіть в останньому виданню „Кобзаря“ — Ю. Романчука; про инші ж, як от „До сестри“, „В Альбом“, „Полуботко“ „І драгуни і піхота“—їх також колись вважали за Шевченкові та подавали в „Кобзарях“ — вже й не згадую.

Крім цих дуже цінних Шевченкових автографів, д. В. П. Науменко ласкаво дозволив мені покористуватися для моеї праці де-яким матеріалом для критичного видання „Кобзаря“, що, при його близькій участі, зібрано було громадкою київських українських діячів, ще при кінці 80-тих років, а також і де-якими копіями з автографів, які знайдено було в паперах М. Максимовича та здобуто з приватних рук. Про ці та инші рукописні джерела буде мова далі, в своїм місці. Перегляд усього цього численного рукописного матеріалу дав врешті те, що лишилася неперевіреною,—бо немае або не довелося мені використати автографів,—зовсім невелика частина „Кобзаря“, а власне ось які поезії: 1) Причинна, 2) Вітре буйний, 3) На вічну память Котляревському, 4) Тече вода в синє море, 5) Утоплена, 6) Н. Маркевичу, 7) Тяжко, важко, 8) Великий льох, 9) Вітер в гаї нагинає, 10) Щепкину (Пустка,) 11) Юродивий, 12) Черниця Марьяна, 13) Чого мені тяжко, 14) За думою дума (як вияснилося, вірш цей написано до Н. В. Гоголя), 15) Не завидуй багатому, 16) Минають дні і 17) Чи не покинуть нам, небого; але ще й тут—для №№ 10 12—16 знайдено тепер в Петербурзі автографи разом з кінцем „Єретика“ та двома новими згаданими вже поемами, і есть надія, що незабаром можно буде скористуватися і ними. Застерегаю лишень, що мало не нарівні з автографами я ставлю також „Чигиринський Кобзарь“ (р. 1844) з „Гайдамаками“ та „Гамаліею“ (вид. р. 1844), які Шевченко оправив був заразом в одній книзі, значно виправив (р. 1858) для нового видання і дав цій книжечці заголовок: „Поэзія Т. Шевченка, том I.[1])

---

[1]) Книжка ця зберігаєтьcя в Музею імени В. В. Тарновського в Чернигові.

Не знати, з якої причини, з цих поправок,—дуже цінних, як побачимо,—взято було на уваѓу при виданню „Кобзаря“ 1860 р. далеко не все,—велика більшість їх так і лишилася незнаною в літературі і досі. Книжечка ця цінна ще й тим, що вона побувала в цензурі, і цензор Беклемишев походив в ній своїм синім олівцем, про що також буде на своему місці мова.

Отже увесь той чималий матеріал, що назбірався у мене під час перегляду рукописів та давніщих видань „Кобзаря“ та який використав я для нового повного видання поезій Шевченкових, що друкуеться тепер у Петербурзі, я й подаю у отсій статті для того, щоб ясно було знати мотиви кожної зробленої мною в новому виданні одміни, для того, щоб кожен бачив, де правда на моім боці, або де я помилився.

Приступаючи зараз до перегляду тексту усього „Кобзаря“ в тому хронологичному порядку, який вияснився для мене за найсправедливіший [1], вважаю за конешний і приемний обовъязок скласти щиру подяку д.д. Ө. І. Лотоцькому, В. П. Науменкові та П. Я. Стебницькому за ту велику поміч, якої вони уділяли мені своїми вказівками та матеріалами для моеї праці,—д. В. П. Науменкові подяку тим більшу, що без його щирої мені допомоги всим, що стосувалося до „Кобзаря“, не було б і цієї моеї праці.

I.

До заслання

Попереду всього „Кобзарь“ мусить починатися з передмови, — тієї передмови, яку Шевченко виготував був в марті р. 1847 для тих поезій, що мав подати тоді в цензуру під заголовком „Три літа“ (тоб то роки 1844 — 1846,але переважно лишень, бо де-що там есть і з р. 1843). Рукопис з тими поезіями (брульон, а також і переписаний чистіще) знайдено цього року в архиві Департамента поліції у Петербурзі. Передмову ту бачив і списав був літ з 10 назад небіжчик проф. Н. И. Стороженко, і навіть прислав був до редакції „Кіевской Старини“, але через цензурні умови тогочасні вона не могла зъявитися на світ в Росії. Вперше вона була видрукована небіжчиком О. Кониським р.

[1] Про подрібніщі мотиви хронологичного розкладу поезій в „Кобзарі“ маю надію незабаром говорити в спеціальній статті.

1901 в його великій праці „Тарас Шевченко—Грушевський, хроніка його життя“, т. II, стр. 204—205, прим. 2., а в Россії передрукована вона мною в часоп. „Громадська Думка“, ч. 162 в статті „Новознайдені твори Шевченка“; нарешті тільки що видруковано її і в журналі „Былое“ (1906, VIII кн., стр. 1—3,—Неизданныя произведенія Шевченка, II Предисловіе къ „Кобзарю“), і видруковано найближче до правди: „совершенно буквально... съ подлинника“,—як зазначено в журналі „Былое“.

Далі мусить іти:

I. Причина.

Автографа немае. Відміни [усякі поправки і уваги] въ инших виданнях проти видання Ю. Романчука [*„Поезиї Тараса Шевченка. у Львові 1902]*, яке я взяв за обект для своеї праці як найостанніше і найповніше, зазначую такі [1]):

Стор. 136, ряд. 14: та ясен*ь*—Шевченко скрізь уживае форми ясе*н*, і ця ж форма і в „Ластівці“ р. 1841, де видруковано „Причинну“ вперше.

Стор. 137, 15 знизу: дарм*о*... форма не східно-українська, і Шевченко не ужив би такої форми; у „Ластівці“ та в „Кобзарі“ р. 1860, який друкувався за життя Шевченка і, певно, під його доглядом [2])—стоїть, як і скрізь в рукописах його,—дарм*а*.

Стор. 137, зн. 12—прив*и*тае... Зазначую раз на завжди, що у Шевченка, в автографах, один—единий раз трапляеться, і то мабуть через помилку: „привытае“,—а скрізь лишець: „вітае, привітае“ [тоб то писав він в*и*тае, прив*и*тае, а не в*ы*тае, прывытае).

Стор. 138, 9: — і хто тее зна*е*.

---

[1]) Повинен застерегти, що не маю спеціальної мети порівнювати *усі* друковані варіанти,—головно тому, що це буде зроблено редактором Львівського критичного видання поезій Шевченка д. Франком, а подаватиму такі варіанти найбільше тоді, коли в мене трапиться новий рукописний варіант, або постане вагання що до якого-небудь тексту.

[2]) Що Шевченко наглядав за друком „Кобзаря“ р. 1860, знаемо з оповідання Ѳ. Дейкуна—Мовчаненка, який р. 1860 зайшов якось в друкарню Куліша і застав там Шевченка. Шевченко звелів видруковати на листочках ті уступи з „Катерини“, які опущено в „Кобзарі“ і визначено ті рядки крапками. Листочки ці він поналюплював в де яких примірниках, що мав презентувати де яким високим особам. Один такий листочок випросив собі і Дейкун, і через нього ми знаемо тепер, що то за опущені в „Катерині“ уступи. [К. Стар. 1885, III, 521—522. Ѳ. Каминскій Еще щепотка на могилу Шевченка].

В „Ластівці“ стоїть *зна*—і чи не правдивіще буде так? Мені здається певним, що цеє *зна* рифмується з дальшим „коня напува“, бо як що ми лишимо „знає“, то матимемо аж у трьох рядках підряд однакові закінчення: „запитає“, „знає“ і „гаю“... Навряд чи не зауважив цього Шевченко, коли писав і дав рукопис у „Ластівку“. В „Кобзарі“ р. 1860, правда, стоїть „знає“, але це могло статися і через недогляд.

Стор. 140, ряд. 6: ворож*ка*. Д. М. Кр—ський [Зап. Н. Тов. т. LV] зауважає, що легче читалось би *ворожбà*. В „Ластівці“ та Кобзарі р. 1860 — ворож*ка*, — і поки не матимем певности, що в автографі стоїть ворож*бà* — не маєм ніяких підстав переиначувати текст.

Стор. 142, 5: ідуть, під дубом — після „ідуть“ краще не [,], а ...., як це і єсть в „Ластівці“ та Кобзарі р. 1860.

Стор. 142, 13: зб*и*ралися. — слід зауважити те саме, що й про „привітає“: Шевченко вживає тілько „зб*і*ралися“.

Стор. 142, 16: та ям*у* копають. Д. М. Кр—ський [loc. cit.] справедливо зауважає, що треба ям*и*... Очевидно, що козака і дівчину поховано не в одній ямі, бо далі говориться:

„Насипали край дороги
Дві могили в житі“.

Дійсно, *ями* бачимо і в „Ластівці“ та „Кобзарях“ р. 1860 та 1867.

Дата цієї поезиї, написаної ще в Літньому саду,—1838 рік.

2. Вітре буйний.

Автографа немає. Вперше видруковано в „Ластівці“.

На стор. 83, після слів „Втоплю своє горе“ — д. Романчук викинув рядок „Втоплю свою недоленьку“. За цим опущеним рядком у Шевченка в „Ластівці“ поставлено ще рядок крапок [.....]

Стор. 84, 6: „Коли ні, співаю,“ — треба „Коли ні — співаю“. Так і в „Ластівці“.

Дату для цього вірша вважаю певніщою не р. 1839, а 1838.

3. На вічну память Котляревському.

Теж немає автографа. Вперше видруковано в „Ластівці“.

Стор. 214, 16 зн.: згадай добре, серце вяне — треба після „добре“ —

Стор. 215, 7: *пійде* на шлях. — Шевченко ніде і ніколи не вживає *пійде*, а лишень *піде*, і з наголосом, переважно на é.

Стор. 215, 1 зн.: Злодій *заплаче*.—Д. М. Кр—ський радить поправити на *плаче*, бо того вимагає ритм. В „Ластівці“ *заплаче*. Не бачу рації до такої заміни, тим більш, шо цей рядок зовсім добре рифмується з попереднім третім: „вигляне сонце. Рай та й годі!“, і ніякої зміни ритму не помітно:

Вигляне сонце. Рай та й годі!
. . . .
Злодій *заплаче*, дàрма що злодій.

Дата вірша—р. 1838 (в жовтні того року помер Котляревський)

4. Тече вода в синє море.

Автографа немає. З цим віршом, що до його хронольогії, вийшов курьоз. Як відомо, по давніших виданнях, (напр. Пражське р. 1876, або Київське р. 1899) вірш цей датувався просто „до 1847 року:“ Д. Романчук спробував означити його певніше і поставив: [1845 ?] Тим часом справа з ним простіша: його вперше видруковано теж у „Ластівці“ р. 1841, але не більш — не меньш як ніби-то кінец вірша „На вічну память Котляревському“. В такому вигляді, як додаток до иншого вірша, він виступає і в Кожанчиківськім „Кобзарі“ р. 1867, і аж у Львівському виданню р. 1867 його виділено, як окремий вірш (т. І, стр. 217, Думка). Очевидно, що датувати його можна або кінцем р. 1838, або початком 1839, але певніш—тим самим роком, що й „На вічну память К—му“.

5. Катерина.

„Катерину“, як відомо, вперше видруковано в „Кобзарі“ р. 1840 і окремо теж р. 1840, а потім заведено її в „Чигиринскій Кобзарь“ (у Петербурзі, р. 1844), де крім неї уміщено (вперше): „Думи мої, думи мої“, „Перебендя“, „Тополя“ „Думка“ (На-що мені чорні брови), „До українського писаки“ (До Основяненка), „Іван Підкова“, „Тарасова ніч“, („Катерина“—остання,—на стр. 42—74). В Чернигівському музею імени В. Тарновського зберігається книжка в оправі, в якій заразом спалятуровано два видання: отсей самий „Чигиринскій Кобзарь“ (р. 1844, разом з передруком „Гайдамаків“,

першого видання) та „Гамалія“ (з р. 1844). Шевченко оправив їх разом для того, щоб подати заразом у цензуру. Він думав видати цілий томик своїх поезій, і на першій вкладній сторінці, закресливши давніший заголовок: „Чигиринскій Кобзарь и Гайдамаки“, надписав чорним олівцем: „Поэзія Т. Шевченка том 1“.

Але згодом і цей заголовок він закреслив червоним олівцем, а знаком ~~~~~ полишив знову „Чигиринскій Кобзарь“.

На 2-й білій картці стоїть цензорський дозвіл — чорним чорнилом впоперек сторінки: „печатать позволяется, съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи было представлено въ ценсурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 28 Ноября 1859 года. Ценсоръ В. Бекетовъ. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить типографіи, чтобы она зачеркнутыя мѣста не печатала.“ Нижче я випотую, які були тут „зачеркнутыя мѣста“.

Повинен зауважити, що перед тим як подати книжку у цензуру, Шевченко заходився перечитувати весь оригінал, і поробив де-які чималі зміни, особливо в „Гайдамаках“, з яких одначе, чомусь не дуже багато узято до нового видання, р. 1860 (коштом Платона Семеренка). Що поправки пороблено до того, як подавати цензуру, знати з того, що виправлено і усі ті уступи, що цензор позакреслював. Додам ще, що на цензорському дозволові Шевченко, впоперек його, червоним олівцем надписав „печатать $6^1/_2$ тысячъ Т. Шевченко“ (число це не зразу зъявилося — знати, Ш. вагався, скілько друковати, і спочатку здається, було 13, чи щось подібне до цього).

Поправки в поданій до цензури р. 1858 книзі (решту поезій подано було, очевидно, в рукописові) пороблено, здається, у квітні р. 1858—про це ми довідуємося з Шевч. „Дневника“: 11 квітня записано там, що того дня Ш. передав Каменецькому вибрані поезії і прохав його клопотатися про дозвіл надруковати їх під фірмою „Поезії Т. Ш.“ Правда, це говориться про переписані (Кулішем) поезії, але можна думати, що тоді ж передано було Каменецькому і друковану частину.

На стор. 282, 6: „Там занапастила.“ В Чигириньск. Кобзарі стояло *так*, і Шевченко не поправив його; це „*так*“ стоїть і в „Кобзарі“ р. 1860.

Цю форму я вважаю за автентичну Шевченкову,—тай сенс не вимагає неодмінно „Там“:

В садочок ходила,
Поки себе, свою долю
Так занапастила.

— то б то занапастила оттак, не слухаючи ні батька, ні неньки та ходячи в садочок.

Стор. 282, 17... „*то й* не чує, — знову таки і в „Чигиринському К.“ і в К. 1860—стоїть „*і* не чує,“ — Шевченко не поправляв на „*то й*“.

Стор. 282, 9 зн.: „Любо *й* потужити“ — в Чигир. К. нема *й*.

Стор. 282, 6 зн.: Обіщався вернутися. Тогді... — в Чигиринському К. після „вернутися“ стоїть „—тоді...“ Зауважу принагідно, що Шевченко ніколи не уживає прийнятої в літературі форми *тогді*, а все *тойді*...

Стор. 283, 5: не журиться Катерина, вмиється...—в Чигир. К. після „Катерина“ знак ?, і це, здається, буде правдивіше, бо 4 рядки вище вже раз згадувалося, що не журиться Катерина, а тут Шевч. хотів мабуть цею формою запитання (контрастом) підкреслити, як саме вона не журиться...

Стор. 283, 14 — аж *калина* плаче.

Тут ми стрічаємо цікаву варіацію. В Чигир. К. стоїть „аж *коли не* плаче,“ і Шевченко так і лишив, коли поправляв року 1858; але в К. 1860 вже — *калина*... Безперечно, що остання редакція краща,—і вважаючи, що Кобзарь р. 1860 як не як, а друкувався на очах Шевченка, мусимо прийняти цю поправку.

Стор. 283. 17 і 18: Не журиться Катерина,
І гадки не має,...

Тут маємо ствердження нашої думки, що в рядку 5 (вище була мова про це) справді Шевченко ужив форми запитання: в Чигиринськ. К. стоїть так:

Не журиться Катерина ?
І гадки не має !

Цей знак (!) показує, яку власне думку хотів підкреслити поет.

Стор. 283, 5 — матер*и*.—Наголос тут матер*і*... Раз назавжди зазначую, що як nominat. plural., так і genet. та дат. singul. в цьому слові у Шевченка обовязково закінчується на *і*, а не на *и* (=ы)...

Стор. 284, ряд. 7—8: Як ту матір, що вам на сміх
Сина породила, —

в Чигир. Кобзарі зовсім немає, а стоїть два рядки крапок. Так само, і в Кобз. р. 1860. Вперше видруковано в Пражськім

Кобзарі, де подано примітку, що „ці дві строки дописані рукою Ш. на власнім його екземплярі вид. Семеренка р. 1860".

Стор. 284, 4 зн.: „З муштри виглядала", — в Чигир. К. неправильно ужито: „на муштру," — і Ш. не поправив був. В К. 1860 уже: „*З муштри.*"

Стор. 284, 8 зн. Зайде сонце, Катерина. — в Чиг. К. після „сонце" —.

Стор. 285, 15: Милий, чорнобривий, — в Чиг. К.: *Милий — чорнобривий.*

Стор. 285, 5 зн.: Нема нігде Катерини;—в Чигир. замість (;) стоїть —.

Стор. 286, 11: Сидить батько *кінець* стола — в Чигир. Кобз. було *в кінці*, але в К. р. 1860 — *кінець*.

Стор. 286, 19: вес*ільлє* — у Ш. тут, як і в инших закінченнях на ль*лє*, нь*нє*, *тє* — тільки *лля*, н*ня*, *тя*...

Стор. 286, 13 зн.: Де світилк*и* з друженьками,
Старости, боя*ре*?

В Чигир. Кобз. стоїть: світилк*а*; але в К. 1860—світілк*и*, і з того часу ця форма й задержалася по всіх виданнях „Кобзаря". Шевченко ужив в Чигир. К.—і взагалі уживає в писаннях своїх—plural. боя*ра*, тим більш, що рифма до цього: *пара.*

Стр. 286,: 4 зн. Бул*а* б утопила. В Чигир. К. бул*о* б утопила, а після слова *утопила*, не (.), а (:)

Стор. 287, 8: „моїх речей" (як і в К. 1860), а в Чигир. К.: річей моїх. До речи: Шевченко уживає в цьому значінню тілько: р*е*чей.

Стор. 289, 8: серце *ниє*. Так і в Чигир. К. Не знаю, звідки взялося в Пражськ. К. р. 1876: *мліє*.

Стор. 289, 14: „янг*о*лятко", у Чигир. і К. 1860—янг*е*лятко...

Стор. 290, 11 зн.: та *з* горем (як і в К. 1860), в Чигир. К. *з* немає, хоч воно дуже потрібне:

З нудьгою та з горем
Жупан надівають.

Стор. 291, 7: *си*яють—у Ш. обовязково скрізь: с*і*яють.

Стор. 291, 9: х*о*врашки, — так в К. 1860, так і в Чигир. К., хоча в останьому Ш. своєю рукою виправив на: х*а*врашки.

Стор. 291, 5 зн: з*и*ма — у Ш. скрізь тільки: з*і*ма.

Стор. 291, 4 зн: а той чи зостріне,—в Чиг. К. після „*а той*" знак —.

Стор. 292, 6: ро*з*питаю — у Ш. скрізь перед к, п, т—не *з*, а *с*.

Стор. 292, 3: лучше — Ш. звичайно уживає: лу*чче*.

Стор. 293, 1: За Києвом... До повороту з заслання Ш. на письмі уживає скрізь Києв, або Кієв, але з р. 1857 у нього помітно переміну, і з того часу скрізь уже він пише Ки*ї*в; цеї форми і треба держатися. Так само аж з р. 1857 Ш. починає писати скрізь замість *ш*о — *щ*о, зам. Поль*ш*а—Поль*щ*а.

Стор. 293, 9: в Чигир. К. неправильно: у „латаній свитотці“ зам.: свитиночці (як в К. 1860).

Стор. 293, 17: *отсей*—Шевч. дуже рідко уживає форми *сей* (і то тілько в nominat), а звичайно цей, оцей, а вже в инших відмінах, напр. genet *сього*., або що—то сливе не стрічається...

Стор. 293, 12: а дитина *?* В Чигир. К. знак. (*!*) — і так буде, мабуть, правдивіще.

Стор. 294, після ряд. 3 знизу—в Чигир. К. стоїть рядок крапок.

Стр. 294, 1: кинув Катрусю *москаль*. По всіх виданнях, почавши з К. 1860, ці рядки (2 та 1 зн.) опущено. Вперше правильно подано текст в виданню д. Романчука „кинув Катрусю *москаль*“, бо навіть в Пражск. Кобз., як і в Чигир. Кобзарі — *свою* [1]). І далі д. Романчук подає 6 рядків, яких ні в одному „Кобзарі“ досі не було, а звичайно визначалося 6 рядками крапок (так от в К. 1860, а в Чигир. К. тільки два рядки їх). Уступ цей узято з „Кіев. Старини“, з статі Ѳ. Каминскаго, про яку вже була мова [2]).

295, стр. 7: де ж Катруся блудить? Д. Кр—ський (l. c.) радить не друковати цього рядка, „*бо він псує форму*“. — Мотив не з надто переконуючих.

295, 12: зав*і*рюха — Ш. уживає: зав*е*рюха.

295, 9 зн.: *нє* надуют — в Чигир. К. та инших вид.: *не*.

Стор. 296. 8: Ще-б плакала Катерина, та сліз більш не має. — В Чигир. теж так, а в К. 1860: *немає*. І те і друге може бути, — хоча останнє, здається, було б правдивійш.

Стор. 296, 4 зн.: собакі злі, покусають. В Чигир. К. після *злі* знак —.

Стор. 297, 3: Сирота *собака* має свою долю, — д. Кр-ський висловлював здогад, чи не *усяка* (зам. собаки), але з дальшого знати, що дійсно має бути *собака*. Цим рядком кінчається 3 розділ

1) Зауважу, що в Кобзарі р. 1840 цього рядка теж немає.

2) 1885, III, 520—21.

в Чигир. Кобз. [1]), хоч в дальших виданнях, почавши з р. 1860 — його викинуто. Дальших 10 рядків д. Романчук завів в „Кобзарь" вперше [2]), так само як і 11 рядків далі (початок розділа IV до слів „Реве, свище завірюха")...

Стор. 298, 11: Де москалі, лебедики? Поставивши між цими словами знак (,), д. Романчук (так само як і в К. 1860) прикладає епітет *лебедики* до карбівничого і Нечипора, що вийшли з хати, тоді як в Чигир. К. стоїть знак —, і тут „лебедики" вже—епітет до „москалї": Москалі — лебедики; останне певніще, бо й далі [300, 15 зн.] Катерина зве москалів *лебедиками*.

Стор. 298, 6: де ти так барився? — в Чиг. К.: *деж* ти так.

Стор. 299, 14 та 18: в*а*зьміте проч (як і в К. 1860), — в Чиг. К.: „в*о*зьміте".

Стор. 299, 16 зн.: за що ж? скажи, мій голубе! В Чиг. К. та в К. 1860 правильніще: за що ж , скажи мій голубе ?

Стор. 299, 10: брат*и*ку — у Ш. скрізь: братїку.

Стор. 300, 13: деж ти? заховався? (як і в К. 1860), — тим часом в К. 1860 просто: *деж ти заховався?*

Стор. 302, 12: змал*ю*вала,—зауважу лишеянь, що Ш. скрізь пише: мал*ьо*вала, як і взагалї в глаголах на: *ювати*.

Стор. 302, 6: що *зо*сталось байстрюкові? В Чигир. К.: „*ос*талось," а замість „байстрюкові" було рядок крапок,—слово це з'явилося аж в К. 1860.

Стор. 302, 10 зн.: Хто бублик, хто гроші (як і по инш. виданнях, почавши з р. 1860). В Чигир. К. варіант инший: *то* бублик, *то* гроші. Здається, я не помиляюся, що Ш. уживав „То-то" — замість: те-те, напр. в новознайденому кінцеві „Єретика:"

Свари, гомін:
То реве, *то* вие, —
Як та орда...

Стор. 303, 10: т*иі* карі о*чи* — Ш. дуже рідко (після твердих співзвуків) уживає *иі*, а звичайно — *іі* і скрізь також о*чі*, но*чі*,— а не оч*и*, ноч*и*.

Стор. 303, 16: міл*а*й (як і в К. 1860),—в Чигир. К. звичайна форма чомусь: *милий*.

---

[1]) В Кобз. р. 1840 цього рядка зовсім немає.

[2]) З'явилися вони друком вперше в „Кіев. Стар." 1885, II, 521.

На прикіці мушу зняти з цензорської души В. Бекетова, здається, зайвий гріх, що накинув йому небіжчик О. Кониський, слідом за проф. Н. Стороженком: „Кобзарь“ пішов на розгляд до цензора Бекетова, — пише О. К-ий, — котрий глянув на його вельми суворо і замазував такі вірші, в яких не було нічого нецензурного. Нарешті дозвіл „28 ноября 1859“ вийшов з під пера цензора Бекетова [1]). І далі він подає усі три оті, рядків по 8—12, вставки, які узяв д. Романчук з „Кіев. Старини“ та про які ми згадували. Тим часом, як ми вже бачили, в тому „Чигир. Кобз.“, що читав Бекетов і на якому резолюцію свою поклав, — нічого цього не було: „Чигир. Кобз.“ виглядав так скромно, що навіть слово „байстрюк“ визначено було крапками. То що там було замазувати? Хіба може Ш. давав Бекетову ще й инший рукопис читать, де може й „Катерина“ була в повній редакції? Але про цеє ми нічого не знаємо, і дуже сумнівно, щоб можна було тому самому цензорові подати ті самі поезіі вдруге, повніщими... Найпевніш, що Ш. подавав в цензуру тілько „Чигир. Кобзарь“, де тих вставок одразу не було; а що він не хотів, щоб вони загинули, то це ми знаємо з того, що коли друкувався вже „Кобзарь“ р. 1860, то Ш. сказав одбити на окремих смужках паперу кілька примірників тих вставок і поналіплював їх на місцях, визначених в „Кобзарі“ крапками. Ш. мав презентувати ті „повні“ примірники де яким „високопоставленим“ особам, між иншим міністрові Н. Пр. Ковалевському. [2])

Дата написання — р. 1838. Автографа немає.

6. На що мені чорні брови *(Думка)*.

Вперше видруковано в Кобзарі р. 1840 (стр. 83—87) під титулом *„Думка“* і передруковано без усяких змін в Чигир. К. 1844 стр. (26—27), теж під титулом *Думка*. Попpавок Ш. в цьому виданню не поробив ніяких.

До стор. 83, 11 вид. Ю. Романчука зауважу, що Ш. ніколи не писав голосн*ій*ше, жалібн*ій*ше, а тілько на *іше*. Цікаво теж, що він не любить *і*, що постало з *о*, і переважно уживає: жал*о*бний, із*о*гнувся, др*о*жить.

Рік написання—1839. Автографа не бачив.

---

[1]) Т. Шевченко. Хроніка. т. II, 331.

[2]) К. Стар. — 1885, Ш. 520.

7. Іван Підкова.

Вперше видруковано в Кобз. р. 1840 (стр. 97—103), вдруге— в Чигир. Кобз. (стр. 32—35). Поправок Шевченка немає. Уваги до стр. 207, 5, а також 208, 1:

Було колись — в Україні
Ревіли гармати

(як і в К. 1860), а в Чигир. К.:

„Було колись в Україні —
Ревіли гармати...“

Стор. 207, 8 і 9: пан*у*вали, пан*у*вати. Шевченко не любив форм на *у*вати, а мало не скрізь уживав: *о*вати.

Стор. 206, 10: по пол*ю*. Так і в Чигир. Кобз. (рифма вол*ю*). В Кобз. 1860: по пол*і*; Ш. звичайно уживав і теї і другої форми.

Стор. 207, 4 зн.: сьвідок слави дідівщини,—(так і К в 1860); в Чигир. К. після *слави* стоїть (,) — отже инша думка виходить. До речи: Ш. ніколи не мягтить *с* перед *в*, завжді *свідок*, *світ*, *свят*...

Стор. 208, 5: було колись добре! — (так і в К. 1860), а в Чигир.: *добре колись*. Пізніша перестановка краща.

Стор. 209, 3: підняв шапку; човни стали. Д. Романчук тут зіпсовав думку автора: і в Чигир. К., і в К. 1860 не (;), а знак —, а це зовсім инша річ: човни стали, як наслідок того, що отаман підняв (як гасло, як команду) шапку.

Рік написання 1839. Автографа немає.

8. Тополя.

Вперше появилася в Кобз. 1840 (71—82), вдруге — в Чигир. Кобз. (15 — 25). Шевченко в своєму примірнику, що був в цензурі, поробив чимало змін, на які варто звернути увагу та на які, на жаль, не звернули уваги під час видання Кобзаря р. 1860.

Стор. 146, 10: *на-що* зеленіє? Шевч. поправив *марне*: (Ш. уживає в цьому слові на кінці *е*, а не *о*).

Стор. 146, 9 зн.: постр*і*вайте, все роскажу, — Ш. уживає тілько: стр*и*вайте. Після: „постривайте“ — в Чигир. К. стоїть не (,), а —.

Стор. 147, 13: після слів „кого любить“ в Чигир. К. (:), а не (.).

Стор. 147, 7: виспівує — в Чигир. К. стоїть: співа собі, але Ш. поправив там на *виспівує*. Цю поправку стрічаємо і в К. 1860.

Стор. 148, 8—9: в Чиг. К. (і К. 1860):

Воно чуло недоленьку,
А сказать не вміло, —

Ш. поправив: *Чуло серце...*
Сказати....

Стор. 148, 16 зн: ... *як сирота* (так і в К. 1860),--попр. Ш—ом на: *сиротою*.

Стор. 148, 15 зн. після *світом нудить* в Чиг. К. (:), а не (.).

Стор. 148, 14 зн: *без милого...* З приводу цього слова зауважу лишень, як цікаву подробицю, що Ш. скрізь, де тілько стояло в Чиг. Кобзарі: *мылого* — посправляв чомусь на *милого* [= мілого].

Стор. 148, 8 зн.: *минув другий*, — в Чиг. К. не [,], а — .

Стор. 148, 5 зн.: *ніхто не питає*. Ш. поправив: *мати* не питає, і знак [:], не [.].

Стор. 148, 3 зн.: *мати* не спитала —Ш. попр.: *стара* не спитала.

Стор. 148, 2 зн.: за *старого...* — Ш. попр.: за *сивого*.

Стор. 148, 1 зн.: *нищечком* — Ш. попр.: *тихенько*.

Стор. 149, 10: А дружки *поплачуть* (;) (так і в К. 1860). Уже М. Кр--ський здогадувався, що треба б: *заплачуть*. І справді, Ш. виправив *поплачуть* на *заплачуть*, -- так як це стоїть і в Кобз. Кожанч. 1867 р., тілько після „поплачуть“ в Чиг. Кобз. знак — .

Стор. 149, 11: легше *мені* — Ш. попр. на: легше, *мамо*.

Стор. 149, 12: *ніж його* побачить (так. і в К. 1860). В Чиг. К. стоїть: *як його*,--Ш. попр. на: *ніж його*, а в Кожанч. звідкілясь уже: *а ніж його бачить*.

Стор. 149, 15: *все бачила* (так і К. 1860 та Кожанч.), — Ш. попр.: *дивилася*.

Стор. 149, 16 і 15 зн.: *На сім світі*
Без милого жити

(так і в К. 1860 та 1867), — Шев. попр. на:

Одинокій
На сім світі жити.

Стор. 149, 5 і 4 зн: *Скажи, коли знаєш!*
Бо видає мене мати

(так і по инших Кобзарях), — Ш. поправив:

Бо ти знаєш!
Хоче дати мене мати...

Безперечно, цей варіант найкращий, — його й треба приймати, через це й не важно розвязувати питання про те, чи *видає* (як по всіх виданнях, крім Київських), чи *віддає* (як радить д. М. Кр—ський, та як стоїть, мабуть випадково, в Київськ. виданню р. 1899).

Стор. 150, 13: після *минулося* не (,), а — , як це і в Чигир. К. і в К. р. 1860 та Кожанч.

Стор. 151, 14: спасибіг, — у Ш. ніколи не стрічав я *г* на кінці, а тілько спасиб*і*.

Стор. 151, 18 зн.: *пішла,* вмилась (так і скрізь), — Ш. попр. *прийшла.....*

Стор. 151, 17 — 15: *Мов не своя стала;*
Вдруге, втрете, та мов сонна,
В степу заспівала:

(так по всіх Кобзарях). В Чигир. К. другий рядок читається так: *Побігла та й стала,* — Ш. зразу був поправив його на: *зареготалась,* а тоді ще раз на: *тихо усміхнулась.* І зрештою увесь цей уступ, з дальшими додатками, виглядає у нього так:

Прийшла, вмилась, напилася,
Тихо усміхнулась;
Вдруге, втрете *напилася*
І не зоглянулась.
Полетіла, мов на крилах,
Серед степу пала —
Пала, стала, заплакала
І..... і заспівала:

а далі, так як і в Кобзарях: „Плавай, плавай, лебедонько!“

Стор. 151, 10 зн.: *тонка* та висока — Шевч. попр. на: *гнучка* та висока.

Стор. 151, 8 зн. — в Чигир. К. було: чи *діждуся*, але Ш. поправив: *чи дожду я*, — і в такій формі бачимо по всіх Кобзарях.

Стор. 151, 1 зн.: *по полю* гуляе, — Ш. попр.: *співає*, гуляе.

Стор. 152, 7: Сама хоче мене мати... В Чигир. Кобз. стоїть: мене мати сама хоче, але в К. 1860 поправлено так, як в вид. Ю. Романчука.

Стор. 152, 14, — в Чиг. К. дальші рядки відділено.

Стор. 152, 12-8 зн. значно перепначено; замість:

Таку пісню чорнобрива
В степу заспівала.
Зілле дива наробило —
Тополею стала, —

Шевченко поправив на:

Оттак тая чорнобрива
Плакала, співала
І на диво — серед поля
Тополею стала,

а дальших 4 рядки: „Не вернулася додому“ викреслив зовсім, і зразу по то́му кінець: „По діброві вітер вие“... Така редакція мені здається значно кращою, і цю редакцію я й радив би приймати для „Кобзаря“.

Рік написання — 1839. Автографа немає.

9. Перебендя.

Вперше надруковано в Кобзарі р. 1840 (стр. 15—20), вдруге в Чигир. Кобз. [стр. 11—15].

Стор. 143, 8: *та* на кобзі — Шевченко попр.: *і* на кобзі.

Стор, 143, 3 зн.: *Веснянку* — по всіх Кобзарях, з Чигиринск. почавши стоїть: *ве*снянку.

Стор. 144, 3: про тополю, лиху долю — в Чигир. Кобз. не [,], а сполучено через — .

Стор. 144, 15 зн.: За могилою могила, — в Чигир.: за моги́лою — могила.

Стор. 144, 13 зн.: Сивий ус [так і скрізь].—в Чигир. К. було: „*білий* ус“, але Ш. поправив на: *сивий*.

Стор. 145, 1: літае, *ширяє* — Ш. поправив на *гуляє*. — Поправка не удатна, бо вже в попередньому рядку: на хмарі *гуля*.

Стор. 145, 6: *чого* ти німа, — Ш. поправив на: *чому* ти німа.

Стор. 145, 11: на *сім* світі,—д. М. Кр—ський радить: на *в*сім. Нема жадної раціі:попереду Ш. тут говорить, що думка літае *на небо,* бо на *сім* світі всезнаючих не приймають.

145, 12: один він між *ними* — Ш. попр. на: між н*а*ми, і це більш зрозуміло, як *між ними* (між ким?).

Стор. 145, 15 — в Чигир. К. після: *розмовля* знак —, а не (,).

146, 2: А на *журбу* зверне, — Ш. попр.: *на сльози...*

Заголовок: *Перебендя* Ш. в Чигир. Кобз. був поправив на *Кобзарь*, але потім лишив,'як було.

Рік написання — 1839. Автографа немае.

10. До Основяненка.

Перший раз надруковано в Кобз. р. 1840 (стр. 89 — 96) під титулом „До українського писаки", а вдруге в Чигир. Кобз. (стр. 28 — 32), де заголовок змінено на „Основяненкови".

Стор. 217, 1 зн.: на степ*у* козачім,—в Чигир. Кобз. не українська форма: „на степ*і* козачій". Ця ж сама помилка, чи недогляд, — там таки і в другому зараз рядку.

Стор. 218, 14 — до 4 знизу — вперше видруковано у Львівськ. Кобзарі р. 1867. В Чигир. Кобз., К. 1860., Кожанч. 1867 та инших російських—немае, без найменьших „незалежних" причин.

Стор. 218, 15: *Загуло* — в Пражск. вид. згадуеться про якийсь, *власний рукопис* Шевченка (очевидн. раніща редакція), де е варіант: *заграло*. Хоч д. Романчук і обстоюе „заграло"—але „загуло" не поправив Ш. ні р. 1858, ні в Кобз. 1860, та й воно більш похоже на відповідь: „Не вернуться!" загуло, сказало синее море.

Стор. 218, 14 зн.—*козаччина*. Д. Романчук (З. Н. Т.—XXXIV, 13) зауважае, що по инших виданнях трапляеться: козачи*зна*. Можу завірити, що у Ш. такої форми не стрічав я а ні разу.

Стор. 218, 5 зн.: Смійся, *лютий* враже,
Та не дуже, бо все гине, —

в Пражськ., з того ж власного рукопису, подано варіант:

Смійсь, *поганцю*, враже,
Та не дуже, бісів сину, —

очевидно, так стояло в непоправленій початковій редакції.

Стор. 219, 3: Наша дума, наша пісня
Не вмре..., —

в Чигир. Кобз. стоїть: „*Наш завзятий Головатий* не вмре..., але уже в вид. р. 1860 виправлено на: Наша дума...

Стор. 219, 11: батьку, отамане, -- треба або без (,) як в К. 1860, або сполучити через — , як в Чигир. Кобз.

Стор. 219, 15 — 16 — по всіх російських „Кобзарях“ немає.

Стор. 219, 13 зн.: жити з ворогами,—по всіх рос. вид. цього рядка немає; в Чигир. К. 1844 дописано його рукою Ш.

Стор. 219, 12 зн.: Поборовся *б з Москалями*... По всіх російських Кобзарях немає, з ким „иоборовся б...“ В Чигир. Кобз., подаючи його до цензури, Шевч. дописав: „*і я може*“; в загранишних Кобзарях вставка тут не однакова: у Львівськ. К. 1867 та Пражськ. 1876: „*з кацапами*“, але в Пражському таки подано примітку, що у власн. рукописові Ш.: *з Москалями*, що й можна за найпевніще вважати.

Стор. 219, 9 зн.: *з'їли*—Шев. завжди пише: *ззіли*.

Стор. 220, після рядка 12, — в Чигир. К. поставлено, два рядки крапок.

Рік написання—1839. Автографа немає.

II. Тарасова ніч.

Вперше видруковано в Кобз. р. 1840 (стр. 105 — 114), в потім в Чигир. Кобз. (стр. 36 — 42).

Посвяти *Мартосу* в Чигир. Кобз. немає, — вона з'являється вперше в Кобз. Кожанчикова.

Стор. 209, 11 зн.: в Чигир. К. стоїть *розцвітає*, але Ш. поправив на *процвітає*, як тепер в вид. Романчука і скрізь.

Стор. 209, 10 та 2 зн.: *виспівує*; в Чигир. К.: *приспівує*, а в К. 1860 — *виспівує*. Цей варіант прийнято по всіх виданнях.

Стор. 209, 6: *Як збіралась громадонька*, в Чигир. К.: *Як збіралася громада*, але прийнято, почавши з К. 1860, версію, ту, що і в вид. Романчука.

Стор. 210, 1 — 26: по всіх російських виданнях немає. Вперше видруковано у „Вечерницях“ (1862, № 34), а звідти у Львівськ. К. р. 1867. В „Вечерницях“ подано примітку, що цей уступ „нам переслав наш галицький чоловік зостаючій тепер у Празі (чеській“).

Стор. 210, 8: Ненько моя, ненько, — в Пражск. К., в примітці — *Серце мое*, ненько (з власн. рук. Ш.).

Стор. 210, 9 — 10: Як згадаю тебе, краю,
Завяне серденько,

у власн. рукоп. Ш., як читаємо в Праж. К., стоїть:

„Як згадаю *твою долю,*
Заплаче серденько.

Стор. 210, 13: де поділась доля, воля,—у „Вечерницях“: *воля, воля* (так і у Львів. К.); поправлено *волю* на *долю*,—не знаю, на якій підставі,—в Пражск. Кобзарі.

Стор. 211, 10 — 11: ... уніати налітають,—в Чигир. К. навпаки: ... Налітають уніати.

Стор. 211, 13 зн. після слів: „стоптана Ляхами“ в Чигир. К. та К. 1860 — 4 рядки крапок.

Стор. 211, 11 зн.: — обізвався, орел сизий, — знака (,) не треба. Нема його і в Чигир. К. 1844.

Стор. 211, 3 зн.: од Лимана *до Трубайла*, — а в Чигир. К. стоїть *Трубежу*. Цю поправку мабуть зробив, чи порадив зробити Ш—ві Куліш, у якого Трубайло згадується в писаннях.

Стор. 212, 16: нехай *кляті*... (як і в К. 1860) — в Чигир. К.: нехай *собі*.

Стор. 212, 5 зн.: після слів „Козак Ляха знайде“ в Женевск. вид. р. 1890 та Львівск. 1893 — вставлено цілих 36 віршів (д. Романчук подає їх не в тексті, а в „Примітках“ до Кобзаря, на стр. 6 0 — 681) Ось вони:

А поки що, одпочиньмо!
Чи багато наших?
— Трохи, пане-отамане,
Та й ті щось ледачі!
— Зледащіли? Побачимо!
Нема чого ждати!
Бенкетуйте ж, вражі Ляхи!
Прийду помагати;
Прийду, Ляхи, почастую
Не медом-ситою, —
Ні, прокляті католики,
Кровю червоною

Почастую за Павлову
Праведную душу;
А коли ні, Боже милий,
Сам випити мушу!
Боже, нехай пропадає
Голова Тараса!
Дай то тілько, щоб та шляхта
Кровю упилася!
Тогді й мою головоньку
Нехай ворон будить:
Не прокинусь! — Товариші!
Що буде, то й буде;
Сю ніч Ляхів католиків
Ходім частувати!..
Чи так, брати — отамани?
-- Що маєм казати?
Роби пане-отамане,
Як сам добре знаєш,
А ми будем помагати,
Поки силу маєм.“
— Добре хлопці!“ Пішов нишком,
Люлечку смакує,
Дума думку, поглядає...
Доля ж бенкетує.

Стор. 212, 5 зн.: та *й* не повставали — і так скрізь. В Чигир. К. Шевченко „*й*“ закреслив.

Стор. 212, 4 зн.: *Ляшки-панки*
Покотом лежали, —

в загранишних виданнях стрічається варіант:

До одного
Покотом лежали.

Стор. 213, 1 — 2: Щоб летіли крюки з поля
Ляшків панків їсти, —

в загрян. вид. єсть версія:

„Через степи щоб летіли
Крюки Ляхів їсти.

Стор. 213, 3: Налетіли *чорні крюки,* — Шевч. поправив на „*гайвороння,*“ так само, як і нижче, в рядку 7—на: *гайворони.* В рядку 3 в загр. вид. стрічаємо ще й: *крюки з поля.*

Стор. 213, 4: *вельможних* будити, — в Чигир. К. стоїть: *Ляшеньків*; але *вельможних* прийнято скрізь, почавши з К. 1860.

Стор. 213, 14 зн.: сидить *ворон,* — в загр. вид.: *крячок.*

Ст. 213, 12—11 зн.—в рос. виданнях немає; після цих рядків в Женев. вид. 1890 та Львів. 1893 вставлено:

Була колись козацькая
І слава, і воля;
Слава сяє, а воленьку
Спіткала недоля.
Було колись — панували,
Та більше не будем,
Тії ж слави козацької
По вік не забудем!

Ст. 214, 4 :*з ворожeньків* покепкую,—мало не скрізь по „Кобзарях“ так читається. Шевч. поправив: *та з ворогів.* Цей варіант трапляється подекуди і в загряниціних виданнях.

Рік написання—1839. Автографа немає.

12. Думи мої, думи мої.

Вперше видруковано в Кобз. р. 1840 (стр. 5 — 11), потім в Чигир. К. (5—10).

От в цьому віршові цензор Бекетов справді з олівцем до-ладу походив: більшу, центральну частину його, від слів: „За карії оченята“ і кінчаючи „Хто ж сироті завидує, карай того Боже“, він закреслив зовсім. І справді, в Кобзарі р. 1860 нічого цього ми не бачимо, і лишень в Кожанчиківському виданню через 7 літ „Думи мої“ надруковано цілі.

Ст. 11, 14 зн.: *з бунчуками* — Ш. уживає: *з бунчугами...* Взагалі у нього помітно змішування *к* з *г*, і одного разу у нього замість *колега* — стоїть (в автографі) *голега...*

Ст. 11, 2: Засівала трупом поле,
Поки не *ростило.*

По всіх виданнях, російських і загряничних, стоїть; *остило.* Д. Романчук, згадуючи про свої записки, „доповнення до видання

Семеренка [1]) [1860] поправляє на: *ростило*: „Се, здається мені, дає ліпше, і навіть єдино добре значіне“, — каже він. А нам воно зовсім не здається добре, а прямо таки неможливе. На се звернув увагу і д. М. Кр — ський, але він також, здається мені, помиляється, поясняючи, що: „остило“ — узято Шевченком з російського і значить: захололо. *Остило* у Ш. трапляється досить часто і значить тілько: надокучило, наїло:

„Нудно йому на чужині,
І добро *остило*“

[„Між скалами, неначе злодій“], „Хоч вам, знаю, і остило на кров та на сльози дивитися“ [Гайдамаки 1 вид. 1844 р. стр. 104], „*Остило* волочить кайдани“ [Заступила чорна хмара], „Мені сидіть уже *остило*“ [„Назар Стодоля“]. Так само і тут говориться про козацьку волю, що вона доти засівала трупом поле, поки їй не остило. А що б мало значити: поки *не ростило*—не можу зрозуміти, бо од *рости—ростило* не було б по українськи.

Ст. 11, 5: *Лягла спочить* [тоб-то та сама козацька воля],

[а тим часом] Виросла могила,
А над нею *Орел* чорний
Сторожем літає...

Шевченко в Чигир. Кобзарі не поправив цього великого *О* в слові *орел*, і здається мені, не без причини... Мені здається, що цей *орел* з великої букви має тут символичне значіння: що чи не мало воно часом значити: „двоголовий орел“, що літає сторожем над колишнім козацьким полем, засіяним козацьким трупом.

Ст. 11, 13: сльози *за Вкраїну*, — в Чигир. К. і в вид. Кожанчикова: *за Украйну,* а Львівське [р. 1867] уже має „Вкраїну“.

---

1) Про ці записки д. Ю. Романчук, на мій запит до нього, в листі до мене од 24 — VII 1906 пише ось що: „Тут [в Галичині] були в 60-х роках відписи недрукованних нецензурних поезій Шевченка, котрі поезії або частини їх друковались в літературнім тижневнику „Вечерниці“ [1862 і 1863] і в Львівскім виданю з р. 1867; де які відписи мав і я тай вписав їх до мого примірника Кобзаря з 1860 р. або до окремої книжочки; де який відпис і затратився у мене, але лишився в моїй памяти, і я подав його до „Правди“ з 1873 р. [частина „Івана Гуса“. В. Д.]. Се все використане мною в моїм виданю з 1902 р.; не використав я лише значно відмінного та цікавого [в дійсности мало інтересного, бо це одна з перших редакцій,—В. Д.] тексту Неофітів“, поданного в „Вечерницях“ з 1863 р“

Очевидно, це накручування з боку видавців, і цілком даремне, бо у Ш. дуже часто доводиться стрічати форму: „*За* або *на* Украйну“...

Ст. 11, 18 зн.: *а надто той*... В Чигир. К.: *за то* той, але Ш. виправив на: *надто*. Цікаво, що в Кобз. р. 1840 стоїть теж: *надто*.

Ст. 11, 4: кр*а*че. У Ш. частійше в такім разі мягкий самозвук: кр*я*че, гр*я*зь, р*я*туй, але зрідка уживае він і твердаго *а*.

Ст. 12, 6: Поки попи не засиплють
Чужим піском очі.

По всіх виданнях, навіть в К. р. 1840: *попи*, але в Чиг. Кобз. Ш. поправив був *попи* на друге: *поки*, так що читаеться: *поки, поки* не засиплють...

Рік написання—1839. Автографа не бачив.

13.

В. І. Штейнбергу *(На незабудь).*

Поїдеш далеко,
Побачиш багато;
Задивишся, зажуришся —
Згадай мене, брате!

Коротенький цей віршик написано власноручно Шевченком на незабудь приятелеві своему В. І. Штейнбергові, як автограф на книзі [перше видання „Кобзаря“ р. 1840]. Із змісту цього вірша знати, що дата автографа мае бути весна року 1840, коли Штейнберг разом з Айвазовським на одному пароході виїхав загряницю, і вже більше не вертався звідти: помер у Римі р. 1847.,. „Поїдеш далеко, побачиш багато“ —це й есть натяк на ту загряничну подорож. „Кобзарь“—примірник Штейнберга з автографом Ш. купив багато літ тому на толкучці в Петербурзі М. Левченко. Вперше опубліковано в „Кіевской Старинѣ“, 1902, кн. 2, отд. II, стр. 73.

Цікаво, що це единий поетичний твір Ш. за увесь рік 1840...

14. Гайдамаки.

Вперше видав їх Шевченко р. 1841 окремою книжечкою: „*Гайдамаки* Поэма Т. Шевченка, С.-Петербургъ,

1841.“ [1]] Цензор Бекетов заголовок „Гайдамаки“ у власноручному примірникові Ш., що есть в Черниг. музею імени В. Тарновського, перехрестив, як крамольний, а крім того закреслив увесь початок поеми аж до Інтродукції [тоб то стр. 7—18 в вид. 1841 р.]. І дійсно, в Кобз. р. 1860 „Гайдамаки“ починаються з „Інтродукції“. Це перше видання „Гайдамаків“, що вийшло без догляду автора, має в собі велику силу помилок; часом можна лишень здогадатися, що хотів автор сказати. Вдруге „Гайдамаки“ видруковано разом з „Чигир. Кобзарем“, як додаток до нього [ст. 1—131]. В цьому виданню Шев. поробив [в тому примірнику, про який вже згадувалося] дуже цінні поправки, які ми зараз і винотуємо.

Автографа мені не довелось бачити; звістки, що він есть в Румянцівському музеї в Москві, непевні.

Стор. 304, 7: ти вічний, без краю!—після *вічний* зовсім зайва [,].

Стор. 305, 10: а тут, а тут... тяжко, діти! — треба, як от напр. в Чигир. Кобз. або вид. Кожанчикова: а *тут*.... а тут...

Стор. 306, 9: пане брате, — треба: *пане-брате*.

Стор. 306, 7 зн: а я дурень, один собі, — треба після *дурень* не [,], а [;].

Стор. 307, 5: Аж до моря Запорожці
Степ широкий *в*крили.

В 1 вид. „Гайдамаків“ дійсно було *в*крили, але Ш. *в* закреслив, і таку поправлену форму бачимо в Кобз. Семер. і Кожанч., а Львівське (1867) має *в*крили.

Стор. 307, 3 зн: В Поль*щ*і. Шевченко до заслання завжди уживав Поль*ш*а, та й потім не дуже часто: Поль*щ*а.

Стор. 308, 15: навприс*і*дки. Шевченко уживає цієї форми, а також иншої: навприс*я*дки...

Стор. 308, 19: *бенкет*. Так. і Ш. уживає цього слова, а не бенькет.

Стор. 308, 9: після: *сльозами* не [.], а [,—].

Стор. 309, 17: *сидя кінці стола*, — Ш. поправив: *в кінці*, а в вид. Кожанч. бачимо навіть: *кінець*, — не знати через що.

---

1) А ще ранійш—а власне II розділ поеми (Галайда)—видруковано в Гребінчиній „Ластівці“ на р. 1841.

Стор. 309, 8—7 зн.: Благослови, кажуть, батьку,
Поки *маєш* силу.

По всіх, здається, виданнях стоїть: *маєш*, крім найпершого [р. 1841], де: маєм. І так, справді й повинно бути: річ не в тім, що привідця гайдамацький [в даннім разі ніби-то сам автор] має до якогось часу силу, а в тім, що мають її сами гайдамаки... Відкіля-ж бо то вивести можна, що вони: „сумно, сумно... похилились" і просять благословенства батька-отамана, почуваючи, що *отаман* їхній скоро „не матиме сили"? Аналогичний уступ можна бачити в одному варіанті до „Тарасової ночі" [Примітки, стр. 681 в вид. Ю. Раманчука], де стоїть:

Роби, пане-отамане,
Як сам добре знаєш,
А ми будем помагати,
Поки силу *маєм*".

Стор. 310, 8—10: Бо й мене хоч били,
Добре били, *не багато*
Де-чому навчили.

Така версія—справжне псування твору Шевченка. Шевченко ужив тут іронії над учителями своїми і над самим собою, кажучи, що його хоч і добре били, „*а багато* де чому навчили!! *Тма, мна* знаю, а оксію не втну таки й досі",—і таку форму бачимо не тільки в 1 вид., але і в Кобзарі Кожанч., а д. Ромачук вибірає невдалу концепцію. Львівськ. вид. (р. 1867): *не багато*,—суху, прозаічну. Така сама пригода з д. Романчуком і на стор. 310, ряд. 13: Ході*ть*, сини, — замість: ході*м*, сини... — І в 1 вид., і в Кожанчиківськім — *ходім* (та це очевидно і з дальшого: *ходімо, попросим!*), але д. Романчук волить версію Львівськ. вид. (1867 р.) — *ходіть*.

Стор. 310, 5 і 3 зн.: Люб*і*ть її... Люб*і*ть її...; — цілком правильно і тут, і в инших виданнях, і я не можу збагнути, чому д. Кр—ському здається, ніби треба: люб*и*ть її (обидва рази). До речи, у Львів вид. (1867) через щось ці два рядки.

Любіть її, думу правди,
Козацькую славу--

опущено зовсім.

Стор. 312 12: *творилося.* В 1 вид., в вид. Семеренка і у Львівск. К. 1867 —стоїть: *робилося*, а почавши з вид. Кожанчикова пішло: *творилося.* Хто таку поправку зробив—не відаю. І чи Шевченкова вона, хоча й краща?

Стор. 312, 11 зн.: *Шляхта сказилася,*—скрізь такий варіант, хоча відомо, що у виданню 1860 р. Шевченко поправив: *панки сказилися* [див. прим. у Пражськ. виданню].

Стор. 313, 8: *Галайда* (заголовок розділу), — в 1 вид. Ш. поправив на: *Ярема*, бо й справді—про Галайду коли то ще буде мова! А в цьому розділі читачі бачать лишень злиденного Ярему.

Стор. 313, 17: упоравшись, біжи в Вільшану,—у „Ластівці“, в 1 вид. р. 1841, в вид. Семеренка і у Львів. 1867 стоїть: *підеш упоравшись в Вільшану*, — поправлена версія починається з вид. Кожанчик. Але ще важніш поправка самого Шевч. в 1 виданню. Почавши з цеї поправки, ми бачимо далі, що Шевч. року 1858, коли він виправляв до цензури „Гайдамаків“, добре розумів свою історичну помилку про смерть титаря. Титаря в його поемі вбивають конфедерати у Вільшаній, тим часом, як документально відомо, що ця подія відбулася у Мліїві. Шевченко р. 1841, коли написав своїх „Гайдамаків“, признається (в „Передмові“), що „надрукованого і критикованого нічого не читав, *бо, здається, й нема нічого* ...... А смерть вільшанського титаря — правдива, бо ще є люде, которі його знали“. Згодом Ш. читав багато з української історії, і р. 1858 хотів вже позбутися своеї давнішньої помилки, а через те виправляв (хоч, на жаль не скрізь) Вільшану на Мліїв... І от в цьому рядку ми читаємо:

Упоравшись, у Мліїв підеш.

Ця і дальші такі історичні поправки здіймають також з. Ш. ті закиди, які робилося йому пізніще істориками за неправдиве освітлення історичних подій. Дуже жаль, що на ці поправки за 50, без малого, літ ніхто не звернув уваги...

Стор. 314, 3: у порог*а*, — а треба, безперечно,— у порог*у*, як це й бачимо скрізь у „Ластівці,“ вид. 1841 р., Семеренка, Кожанч., навіть Львівськ. 1867. Звідкіля у д. Романчука узялося: у порог*а*— не відаю.

Стор. 314, 4: не клене до*лі*, — в одному лишень 1 вид. стоїть: дол*ю*.

Стор. 314, ряд. 17—14 зн.: з цих 4 рядків треба зробити 8,— як це і бачимо в 1 вид. р. 1841, а до них варто додати ще 4

рядки, які Ш. дописав у виданню Семеренка (див. прим. в Пражск. вид.):

Що плаче, сміється,
І мре й оживае,
Святим духом серед ночі
По-над ним вітае...

Стор. 314, 11 зн.: Колись то був, — *то* есть, скрізь крім „Ластівки“.

Стор. 314, 5: не вітало... В „Ластівці“, через помилку: *не видало.*

Стор. 315, 9: та прокляте лихо, злидні
Кому не зава*дить*, —

так і скрізь, крім „Ластівки“, де: зава*дять*. Зауважу лишень, що навіть при кількох ім'ях властивих Ш. часто ставить singular, а не pluralis, звязуючи глагол звичайно з останнім властивим імям.

Стор. 316, 11: а пазу*ха*, — так і скрізь, тільки в „Ластівці“ помилка: пазу*хи*...

Стор. 316, 14 — 16: Мабуть душно
На перині спати
Одинокій, молоденькій;
Ні з ким розмовляти...

така інтерпункція скрізь, окрім 1 вид. (р. 1841), де це речення розбиваеться надвое:

Мабуть душно
На перині спати , —
Одинокій, молоденькій
Ні с ким розмовляти.—

Стор. 316, 10: Взявши торбу
Потяг у Вільшану.

Такий кінець розділа „Галайда“ (чи краще „Ярема“) по всіх виданнях, але Шев. так виправив його, памятаючи про Вільшану:

Потяг *безталанний*
Аж у Мліів.

316, 5: старий паскуда, — так і скрізь. А в 1 вид., замість того: вікна посипались, стривай,—і далі опущено: „постривай“...

317, 15 зн.: *ій Богу.* По всіх давніщих виданнях, аж до Пражського, стоїть: *ей Богу.* Шевч. уживав виключно: *ей-Богу*, і ніколи: ій-Богу.

317, 9 зн.: *як би* жива?—так скрізь, крім 1 вид., де—*коли*; розуміється: *як би* — краще.

317, 6 зн.: *літанью* співає.—В 1 вид., Семер., Кожанч. і Львів. 1867 замість: *літанью*—стояло ...... , аж в Пражск. це слово вставлено, і то через те, що догляділи його в дописці Ш. у виданню р. 1860.

318, 11 зн.: *І жид* гляне, — так скрізь по всіх виданнях, тілько Ш. виправив в 1 вид. на: *А* жид гляне, — і це значно краще.

Стор. 318, 5: була *собі* Гандзя, — це тілько в 1 вид., а в инших: *колись*...

Стор. 318, ряд. 3 зн. — зробити з нього 2, як в 1 вид.

Стор. 319, ряд. 2: — зробити з нього 2, як в 1 вид.

Стор. 319, 9: ходить жид ходором [так скрізь], — 1 вид. має инакшу версію: *ходить жид, ходить*, і цей самий рядок додано ще раз після: перед паном Хведорком (за рядком 12-им). Усі шість рядків в 1 вид. видруковано курсивом, як позичані з людських уст.

319, 16 зн.: не жарту*ем*.—Скрізь так, крім 1 вид., де „не жарту*ю*“, і це дуже правдиво, що конфедерат, на запитання Лейби: „жартуете, пан*е?*“ — одказуе: „не жарт*ую*“...

Стор. 320, 8—11—через неправдиву інтерпункцію зіпсовано цілком думку автора по всіх виданнях, почавши з найпершого і кінчаючи вид. д. Романчука. По всіх їх стоїть так:

Ні, я кажу, що в Вільшаній...
Вільшанські схизмати
По три сімї, по чотири
Живуть в одній хаті“.
— „Ми це знаем...

Виходить, що Лейба оповідае нащось конфедератам зовсім для них ~~не~~ цікаві речі про те, як тісно живуть у Вільшаній схизмати, і конфедерати одповідають, що вони це знають... А воно так просто і зрозуміло виходить, коли як слід поставити інтерпункцію, як це зроблено Шевченком в поправленому їм примірнику:

(Лейба каже): ... в Вільшаній...
Вільшанскі схизмати...

(Конфедерат перебивае) — „По три сімї, по чотири
Живуть в одній хаті?
Ми це знаем...

На жаль, аж у чотирьох місцях Ш. не виправив тут *Вільшани* на *Млїів*, через що доводиться зректися по всій поемі цієї дуже потрібної поправки.

Стор. 320, 9 зн: а щоб *певна* була правда, — так скрізь, крім 1 вид., де: а щоб *більше* була правда.

Стор. 320, 1: пьяний *і* веселий. — у Львівськ. (1867): *та* веселий, а далі в 1 вид., Семеренк. та Львів. 1867 стоїть 2 рядки крапок. В тому виданню, що поправляв його Шевч., ці крапки виповнені, але не рукою Ш., а, як я здогадуюся,—М. Лазаревського. А стоїть там ось що:

My żijemy, my żijemy,
Polska nie sginela.

Стор. 322, 2—5. д. Романчук узяв з 1 вид. В. Черниг. примір. Шевч., правда, не поправив цього уступу, але в К. 1860, Кожанч. та Праж. стоїть варіант инший, і через що ми мусілиб вертатися до 1-ї редакції, не розумію. Подаю обидва варіанти.

В 1 вид. (і у Романчука):

На що мені врода,
Коли нема щастя, коли нема долї?
Літа молодиі марно пропадуть;
Один я на світі — стебло серед поля!
Його буйні вітри полем разнесуть.

В К. 1860 та инших:

На що мені врода,
Коли нема долі, нема талану?
Літа молодиі марно пропадуть;
Один я на світі, без роду і долі —
Стеблина-билина на чужому полі;
Стеблину-билину вітри рознесуть.

Щоб варіант у Кобз. р. 1860 був гірший — цього не можна сказати та й не це керувало д. Романчуком, коли він вернувся в

цьому місці до 1 варіанту видання, а—побаювання, що ті одміни, які ми бачимо в Кобз. р. 1860 проти 1 видання — пороблено не Ш., а Кулішем, і в згаданому вже листі до мене д. Романчук радить редакції нового Петербургського видання звернути увагу „особливо на Гайдамаки, в котрих, на мою гадку, треба би приверпути в уступах „Титар“ і „Бенкет у Лисянці“ первістний текст, „поправлений“ нещасливо Кулішем для Петербургського видання з 1860 року“. Щоб поправки були *нещасливі* — з цим тяжко згодитися; а як би їх навіть поробив дійсно не Шевченко, а Куліш, то у всякім разі він цього не робив без відома і згоди автора (як далі будемо бачити, чимало поправок Ш. з Чернигівського примірника есть і в вид. Кобз. з р. 1860, — тим часом д. Романчук готов і їх покласти на карб Кулішеві).

322, 13: кра*с*ч*ого, — у Шевч. звичайна форма: кра*щ*ичого*, а в останні роки — кра*щ*ого.

323, 16: *зоре* моя, — так скрізь, крім 1 вид., де стоїть: *крихто* моя.

323, 17: де се ти зоріла? — в 1 вид.: „знову полилися“ [власне: полися], хоча нема ніде й мови про те, що власне мало политися: чи слова, чи сльози?.

323, 18: — я сьогодня забарилась,—1 вид. стоїть: „Ти сьогодня забарилась“, і це там має бути кінцем запитання Яреми, а не відповідю Оксани.

323, 15 зн:. а мене *й* байдуже? — в 1 вид. *й* немає.

323, 13 зн.: і *сльози* блиснули, — скрізь так. крім 1 вид., де стоїть: „*слізоньки* блиснули“.

324, 5: *як* паву, — в 1 вид.: *мов* паву.

324, 10 зн.: *вели таку мову* — в вид. 1860 Ш. поправив своєю рукою: „меж мови-розмови“ [прим. в Праж. вид].

325, 10: Слухать таку мову,—Ш. в 1 вид. поправив: *на такую мову*.

325, 4 зн.: після „зійшлися“ не (,), а (:).

327, 4—після „упав сердега“, має бути не (.), а (,—), як в 1 вид.

327, 10: *поміркуем*,—так скрізь,—але в 1 вид. стоїть: *поміркуйте*, та Ш. там таки виправив на: *поміркуем*. Це вже безперечно не Кулішева поправка.

327, 17: Оксана *в двері*:—в 1 вид. стоїть: *в хаті*. Але це було б неправдою, бо її в хаті ще не було, а *в двері*—виразніш.

327, 18: *та й пада крижем*,—в 1 вид.: *мліє та й пада* [так і в загрян. вид. трапляється]. Шевч. попр. на: *та й пала в хаті*.

327, 12 зн.: де *ж* ти,—цього *ж* в 1 вид. немає.

327, 10: а він мандруючи співа,—в 1 вид. стоїть: „може мандруючи“, а Ш. попр.: *мандруючи може“...*

327, 8 зн.: *не жива,*—так поправл. Ш—ом в 1 вид., де стоїть: *чуть жива.* І знов Куліш нічого тут не винен.

328, 2: І сумно, сумно,—Ш. попр.: *темно,* сумно.

328, 14 зн.—по всіх виданнях цей рядок визначено крапками. Контекст такий:

А те, що минуло,
Не згадуйте, пани—брати
. . . .

В цьому рядку в 1 вид. Ш. власноручно вписав: *Бо щоб не почули.* Не знаю, звідки д. М. Кр—ський узяв, що цей рядок має бути: *На віки заснуло.*

Ст. 329, 2 зн.: нехай не вадить, як не чує,—в 1 вид. надруковано курсивом.

Ст. 330, 7: *тихенько* ходя,—в 1 вид.: *нищечком.*

Ст. 330, 13: а *дивишся,*—в 1 вид.: *дивися.* Постає питання, який тут льогичний наголос: чи дивися[=*сся,*—як пише Ш.], чи *дйвися.* По Кобзарях стоїть перша форма. Здається, так воно і більше на правду похоже.

330, 5 — після„ треба ззісти“, не (;), а [:].

330, 4 — після „що купувала“, не [;], а [,—].

330, 3: *ні в голос,* ні мовчки,—така версія почалася з Кобзаря р. 1860, бо в 1 вид.: *ні в слух* [на російський штиб].

331, 2: он, чуєте? співають,—треба: *он, чуєте, співають?* (так в 1 вид.)

331, 7: нехай *собі* співає,—це *собі* додано Ш—ом в 1 вид.

331, 12: підкрадьмось,—скрізь, а в 1 вид.: підкрад*е*мось.

331, 15: а що ж? то й ходімо!—в 1 вид. тільки: *ходімо!*, а дальшого: *„добре, ходімо“* немає зовсім.

331, 16: Кобзарь співає з повагою і не голосно,—так скрізь, крім 1 вид., де стоїть просто: *голосно.*

332, 8 і 9, — тут инший склад, і ці 2 рядки треба посунути вліво.

332, 13: правду *старий* співа,—*старий* дописано Ш—ом в 1 вид.

332, 16—15 зн.: сам не знаю за що,—в 1 вид. зовсім немає, а Ш. дописав в 1 вид.: *і сам не знаю, за що.*

332, 14—13 зн.: в 1 вид. вставлено: *та* [перед „дарма“] і *„лишснь“* [після *„а ну“*], та ще на кінці (після *ушквар*)—*яку небудь* [цього останнього по Кобзарях немає].

332, 3: *та ось що*—Шев. вставив був: та *ще* ось що, але в Кобзарях *ще* немае.

333, 2: Брехня! співай, старче Божий, - в 1 вид. стоїть: брехня! Співай, яку знаєш, — а Ш. так поправив: *Брехня, старче Божий*! Співай, яку знаєш.

333, 3: поснемо,—в 1 вид.: *заснемо.*

333, 6: *Кобзар (співає)*—в 1 вид. зовсім немае.

333, 9: Гуля Максим, гуля батько,—Ш. попр. (не зовсім добре): *Гуля наш батько Максим.*

333, 11: орел сизий,—в 1 вид. *сизокрилий*, і без „ой“.

333, 13: гуля Максим *гуля*, батько—Ш. попр.: „*Ой гуля Максим батько.*

333, 19—то й ушкварить,—так і в 1 вид., але в Семер., Кожанч., Львів 1867: ушкварять. Як знати з дальшого: „заспіває — заспівають“ можна з певністю прийняти: „ушкварять“.

333, 15 зн.: заспіває, заспівають, а треба: заспіває—заспівають.

333, 11 — 10: А ворога заплющившись,
Ката не минае.—

Коли так лишити слово „ката“ без наголосу і без (,) після нього, то можна читати так: „ворога... ка̀та не минае“... Тому-то по инших Кобзарях (Семер., Кожанч.) стоїть паголос: „ката́, не минае“, — очевидно, що тілько так розумів Шевченко це місце, бо „заплющившись минати ка́та“—нічого не означало б...

333, 3: степ і море; скрізь битий шлях,—так всюди. А тим часом Ш. хотів сказати, що перед Залізняком степ і море були немов битим шляхом, і тому і інтерпункцію треба тут инакшу, а власне:

Степ і море — скрізь битий шлях.

Зрештою, за таке тлумачення міцно не обстоюю. В 1 вид. стоїть так:

Степ і море...скрізь битий шлях.

334, 12: бевзь—Ш. в 1 вид. попр. на: *бевз* (закреслено *ь*).

334, 14, бо йде Залізняк,—Ш. попр.: бо йде, *бачиш*, Залізняк, — але в Кобзарях нема цієї вставки.

334, 18 зн.: і вішат*и*, і мордуват*и*!—в 1 вид.: вішать, мордува*ть*. Взагалі Ш. має нахил до глагольних форм на *ть*, а не на *ти*.

334, 12 зн.: до грошей я не дуже ласий,—в 1 в. перед цим стоїть ще: *„цур* їм".

334, 10 зн.: ледащиці-*живиці, як-то кажуть,* — підкреслені слова дописано Ш. в 1 вид.

335, 7: молі*тесь*—в 1 вид.: „моліться" (власне: *моліця*).

335, 18: І гич не до речи,—в 1 вид.: курникає *і гич* не до речи... Що власне має означити цей вираз—для мене не зовсім ясно; ще раз стрічається він в „Сотникові" (стр. 541, 17): „не женися, *і гич не до речи*!"

336, 9, 10—12: ти-ни-ни... — треба ставити наголос: на останньому *ни*..

336, 14: кричать гайдамаки—дописав Ш. в 1 вид.

336, 12, 11, 10, 3 і 2 зн.: *панну, панно*—в 1 вид. Ш. поправив скрізь на: *ляшку, ляшко,* — але в Кобзарях поправки цієї не прийнято.

337, 1—7: ці 7 рядків в 1 вид. надруковано курсивом, як узяті з народньої пісні.

337, 13: аж церков бачать. Дяк сніва,—в 1 вид.: бачать, що церков.

337, 11 зн.: з того світ*у*,—скрізь *у*, крім 1 вид., де: світ*а*. І справді. genet. на *а* (зам. у) у Шевч. значно частіше трапляється.

337, 4 зн.: к*о*нають,—в 1 вид. к*а*нають (так і в Кожанч. та Льв. 1867), а в инших: к*о*нають. Зауважу, що Ш. писав тільки к*а*нати, док*а*нати.

337, 1 зн.: землі козацької краса,—в 1 вид.: краю козацького, — і Ш. в 1 вид. не поправив; так і в Кобз. Семеренка, але в Кожанч. та Львів. уже: *землі*...

338, 3: стидом січеться, карі очі,—треба: січеться... карі очі.

338, 17—16 зн.: Інгул що-зіму замерзає,
Богун не встане загатить...

Д. М. Кр — ський радить поправити тут інтерпункцію так:

Інгул, що зіму замерзає,—
Богун...

В 1 вид. після *Інгул* немає ніякого знака. Справу з цим уступом може вияснити лишень автограф.

338 9—8 зн: „Я сохну, сохну; де Тарас?
„Нема, не чуть, не в батька діти!“ —

Д. М. Кр — ський, зауважує що словами „де Тарас?“ починається знову *власна* мова благочинного, а через те правдивіше було б так:

„Я сохну, сохну.....“ — „Де Тарас?
Нема, не чуть — не в батька діти!
Не плачте, братія...

Але, коли покладатися на 1 вид., то ми мусимо прийнять звичайну версію, бо там для нашої гадки доказів немає, — там стоїть:

„Я сохну... сохну... де Тарас?! —
„Нема, не чуть... не в батька діти! —

і це все говорить Альта, а не благочинний.

339, 1: щиро як діти, — так скрізь, почавши з 1 вид., але Ш. виправив [і то на краще]: *„як діти, щиро“*

339, 2: гадали теє... — в 1 вид.: думали теє [так і в Семер. вид.], але в Кожанч. та Льв. 1867 уже: *гадали.*

339, 6: зн*и*муть, — у Ш. тільки : зн*і*муть.

339, 4 зн: вже їм завтра, — в 1 в. стоїть: вже ніколи,—але Ш. поправив на: „їм завтра“:

339, 2—1 зн.: Ще лічать гроші у-ночі,
Без світла лічать бариші.

Так скрізь, крім 1 вид., якому я в сім разі даю найбільшу віру, а там так:

Ще лічать гроші, — у ночі
Без світла лічать бариші.

340, 1: щоб не побачили, бач, люде, — так скрізь. Але Ш. почував незручність двох слів з одним корінем [бачиш, бач], і поправив *бач* на *злі*: щоб не побачили *злі* люде.

340, 8: *про те* росказать, — так скрізь, а Ш. поправив був: *теє* росказать.

440, 17 зн.: слухайте *ж* — це „ж“ додано Ш—ом в 1 вид.

440, 14 зн.: за те, що не вміла в добрі панувать, — так почалося з Семер. видання, і значно краще, ніж версія 1 вид.: „Щоб не забували Ляха проклинать“:

341, 7: жито собі сіють, — Ш. поправив значно краще на: *панам жито сіють.*

341, 12: Де Залізняк, — Ш. попр.: „*Залізняк де*“,

341, 14 — 15: Кат панує,
А їх не згадають.

Ці два рядки стоять ще в 1 вид., але для цензури [р. 1858] Ш. сам викреслив їх. І ото їх і немає ніде в російських виданнях, а також у Льв. 1867 та Пражськ. 1876, аж уже д. Романчук пригадав знову про них.

342, 3: іде смутний, — попр. Ш. в 1 вид.: смутний іде.

342, 12: чого ж смутний чорнобривий,—Ш. попр.: смутний, *невеселий.*

342, 12 зн.: десь далеко *сіроманці*, — так пішло з Семер. Кобз., а в 1 вид. стоїть: десь далеко *сумно*, *сумно.*

342, 14: байдуже! Іде Ярема, — так і скрізь, крім 1 вид., де просто: байдуже іде Ярема... Щоб воно було так правильно, я не певен.

343, 1: а сю ніч упєшся. Пекельнеє свято...—так і скрізь, крім 1 вид., де зовсім одмінна версія, і до того цілком правдива,— там не: *упєшся*, а *упється*,—поет прикладає це слово не до Дніпра, [а цю ніч упе*шся*], а до попереднього речення, де мова йде про синє море. Таким чином цілий контекст мусить бути такий:

Червонив ти синє, та не напоїв,
А сю ніч упється..... Пекельнеє свято
По всій Україні цю ніч зареве.

343, 9: так думав, ідучи. — в 1 вид.: ідучи думав.

343, 9 зн.: А тим часом *із* байраку
Півень „кукуріку!

в 1 вид.: *з-за* байраку, — мені не зрозуміло, через що *із байраку* має бути краще...

343, 5 — заголовок розділу: „*Червоний бенкет*“ Шевч. поправив на: *Галайда*, і це знов таки правильно, особливо коли згадаємо, що уже в II розділі Ш. заголовок *Галайда* змінив на *Ярема*.

344, 6: *небо* нагріває, в 1 вид. теж *небо*, а в вид. 1860: *хмари*; одначе у власн. примірн. цього Кобзаря Ш. зробів олівцем поправку: *небо* (див. Пражськ. кобзарь, примітки до Гайдамаків). В Кожанч. та инших знову *хмари*,—очевидно, що мусить буди *небо*.

344, 12—14 — цікаві поправки з історичного боку. Замість:

І кров полилася
Аж *у Волинь. По Поліссі*
Гонта бенкетує,

як це по всіх Кобзарях. Ш. поравив в 1 вид. на:

Аж у Умань. По Подолі
Гонта бенкетує.

344 16: *дамаску* гартує, — у власн. примірнику Кобзаря, Семер. як це знаємо з примітки в Пражськ Кобзарі, додано рукою Шев.: „*до маху*“, що, очевидно, а ні трохи не краще од *дамаску*, бо тоді не знати, що власне Залізняк готує до маху:

А Залізняк в Смілянщині
До маху готує
У Черкасах, де й Ярема
Пробує свячений.

Хіба що це прикласти до *свяченого*?.. Але *свячений* (ніж, кинджал) зовсім не замашний...

344, 9 і 5: добре *сину*
Гуляй, *сину*,

в 1 вид. стоїть: *хлопче*.

344, 7: *мордуй, мордуй*! Ш. попр. в 1 вид.: *отак, отак*.

345. 4: улиці... Крились трупом, — в 1 вид. неправильно: *крили*. Цього не може бути через те, що далі йде: *плили кровю*,— вийде, що улиці хлопці, гайдамаки крили трупом і [самі] плили кровю...

345, 18—16 зн.—Я, пане, з Вільшани".
— З вільшаної, де титаря
Пси замордували?

Ш. виправив був, бажаючи позбутися історичної помилки, на:

Із Мліїва, пане.
Там титаря позавчора
Пси замордували.

345, 14: — „У Вільшаній", — стоїть: *у Мліїві.*

345, 12—10: Дочку його коли знаєш."
—„Дочку у Вільшаній?"
—„У титаря, коли знавав."

Поправлено так:

Дочку його: *чи не знавав?*
Отамане-пане,
Пусти мене!!! *Тай заплакав.*

345, 8 зн.: Ледве вимовив Ярема, — в 1 вид. (і тілько там) стоїть: „Де ти, серце мое, де ти?!"

345, 7 зн.: Та й *упав* до долу,—в 1 в.: та й нада (тілько там).

345, 6 зн.: Еге! *ось що*!—в 1 в.: еге! знаю... (тілько там).

346, 2: *Тряслося* та мліло,—в 1 в.: *затряслось* (тілько там).

346, 3: добре, *сину*..., — в 1 в.: добре, *хлопче* (тілько там).

346, 4: на святеє діло,—1 в.: *аби щоб хотілось* (тілько там).

456, 5: *Ходім* з нами, — 1 в.: *хочеш* з нами (тілько там).

346, 6 — 11 — цих рядків в 1 вид. немає зовсім, — зъявляються вони в вид. Семеренка.

346, 14: *не найду Оксани*, — Ш. попр. на: *сироту Оксану.*

346, 15: може й *найдеш.*—Ш. попр. *„вирвеш"*, але це було б до речі тоді, коли б Ш. був вставив ті 6 рядків, що добавив в Семер. виданні., — там справді Галайда говорить: „з пекла вирву, — і Залізняк мав би рацію одказати йому: „може й вирвеш." Далі, в Кобзарях стоїть в цьому рядку і дальше так: А як тебе зовуть? Я не знаю,—Шевч. поправив отак:

Може й вирвеш.
Ходім з нами!
Я все забуваю,
Як зовешся.

346, 18 — 17 зн.: —„А прізвище?“
—„Прізвища немає?“—

Ш. поправ. корочче:

„Прізвище?“ — „Не маю!“ —

і це надає більшої жвавости розмові між ними.

346, 16 зн.: „Хиба байстрюк? Без прізвища—
Запиши, Миколо,
У реестер.

Такої інтерпункції тут не можна допустити (на це звернув увагу і д. М. Кр—ський], бо виходило б, що Залізняк зразу каже записати Ярему в реестр без прізвища. Очевидно, що після: *„без прізвища“* повинно бути знак [?], або хоч ряд крапок [....], — у всякім разі треба оддiлити од дальнього речення, де йде мова про запис у реестер.

346, 14: У реестер! Нехай буде...—в 1 вид.: *есаулом. Без прізвища...*

346, 12: Так і пиши; — в 1 в.: *бач, обідраний*!

346, 10: „Ну хиба Бідою?“, — Ш. попр.: *„Запиши* Бідою!“

346, 9: „І це не так“, — в 1 в: „ні, погано!“

346, 6: *Записали.* — Ш. поправив, значно краще, на: *записано.*

346, 2 — *Рушайте,* хлопята, — Ш. поправ. на: *кончайте,* хлопята!“

346, 1 зн. і далі — великі одміни. Рядок 1-й Шевченко викреслив зовсім, а за те зробив таку чималу вставку:

Та й рушили до схід сонця
У Лисянку хлопці
На ярмарок. Зібралися
Хлопці, по толоці
Помолились гарно Богу
Та й рушили з Богом
У дорогу. Мов і справді
Не було нічого
У Черкасах... І Яремі,

а далі — 1-й рядок на стор. 347, а рядки 2—4 на стр. 347:

Усміхнувся на воронім
Та й знову у сльози.
Виїхали за царину, —

Ш. теж поправив, і з поправками початок стор. 347 читається так:

Зайвого з обозу
Дали коня. Усміхнувся
Ярема кріз сльози
Та й поїхав за царину.

348, 4 — 6: ... Змія люта
Жад*но* випиває
Його сльози.....

в вид. Романчука та і в инших, крім 1-го та Семеренкового, зроблено помилку: не *жадно* має бути, а *„жадна“*... В 1 вид. зовсім правильно стоїть:

Змія люта
Жадна̀, випиває
Дрібні сльози...

348, 17.: моя ти єдина! — В 1 вид. гірший варіант: моя сиротино!

348, 15 зн.: Клене, умірає—в 1 вид.: по Польші блукає.
348, 13 зн.: У склепу конає, — Шев. попр.: *В склепу пропадає*.
348, 11 зн.: згодує Вільшану, — Ш. попр.: згадує і *Мліів*.
348, 10 — 7, — ці рядки:

Кличе його: „Серце моє!
Обніми Оксану!
Обнімемось, мій соколе!
На віки зомлієм! —

Шевченко закреслив і, до попереднього: Згадує і Мліів“, — додав лишень два рядки:

Може каже: „обнімімось,
На віки зомлієм!“

348, 6 — 5: Нехай Ляхи згнущаються —
Не почуєм!“ —

Ш. поправив так:

Мій соколе! Нехай ляхи
Згнущаються!

348, 1: куд*и* — Ш. попр.: куд*а*, — і взагалі треба сказати, він в цьому слові він уживає такої форми.

349, 3: у жупані сама пані,—так поправив Ш. варіант 1-го видання, де стоїть: „у будинку господиня".

349, 9—10: Карай серце! розірветься,
Хоч би було камінь. —

Так скрізь. Ш. поправив на: *роспадеться* камінь.

349, 12—13: Оксано, Оксано! —
Де ти ділася, поділась?

Так поправив Ш. в 1 вид., де стоїть: Чом ти не в Вільшаній? За цим рядком в 1 виданню єсть ще три, яких немає по инших „Кобзарях:"

А може й там!
Може плаче,
Тяжко їй, небозі,
Може з батьком виглядає...

Але як Галайда уже чув про смерть Оксаниного батька, то останній рядок не до речи, — хіба що прийняти, що в душу Галайди на час закралася непевність: а може ще те й не правда, що він чув?

349, 16 зн.: каже опиниться, — в 1 в. стоїть: кричить опинитись, і Ш. поправив на: *„велить опинитись"*. З такою поправкою бачимо в Семер. Кобзарі, але в Кожанч. (та Льв. 1867) відкілясь уже: *каже* опинитись.

349, 13—12 зн.: І тихенько
У лісі сховались, —

так пішло начавши з Семер. Кобз., а в 1 вид. стоїть:

Повернули
У ліс та й сховались.

349, 5 після: навішано трупу—треба не (,), а — (як це в 1 вид.)

350, 12: *жити б,*—і по всіх Кобз. теж: *жити б,* тільки в 1: *жить би,* і це дає легший склад.

350, 15: треба крови, брата крови, — інтерпункція неправдива: (,) мусить бути аж після *„брата"* (як це і в 1 вид. і в К. Семеренка):

Треба крови брата, крови.

350, 8: болить серце, як згадаєш, — Ш. попр.: *серце вьяне, згадуючи.*

351, 1—11 Шевч. зразу був лишив так, поправивши тілько у рядку 8: „Вільшану“ на „*Мліів*“, але потім закреслив усі 11 рядків, а збоку приписав таке:

Минули Гоноратку [попереду стояло *Кумейки,*
Байбузи минають, але він поправив]
Уже й Мліів... Про титаря
Ярема питає
У хлопчика: — Чи титаря
Ляхи ще не вбили?
„Ні, не вбили: каже батько,

а далі так, як в р. 12: що його спалили і т. д.

351, 19 зн.: *по*ховали, — тільки в 1 вид.: заховали.

351, 14 зн.: коли *й* умру, — це *й* дописав Ш. у 1 вид.

351, 12 зн.: Ляхів мучить. Серце моє, — Ш. попр.: *Шукать тебе. Моє серце!*

351, 7 зн.: тяжко, важко, — а в 1 вид.: тяжко *йому* (Шев. писав, звичайно, *ёму*)

351, 6: боротись, — в 1 вид. і в Семер. К. — „бороться“ (власне — боро*тьця*, — як і скрізь в словах на *тьСя*).

352, 1: після: „тяжко осміхнувся“ не (.), а (:).

352, 2—4: перед *оттут* і після: „*а сього*дня“—треба „ “, бо це слова Яреми, хоча й до себе самого.

352, 6: Гайдамаки понад яром, — в 1 вид. досить не поетичний варіант: „Цабе яром Гайдамаки“...

352, 12: стрівай лишень, — в 1 вид.: пострівай лиш!

352, 14: я, *як бачте*, гайдамака, — „як бачте“ вставлено вже в Семеренк. Кобзарі.

352, 15: з *Кирилівкі,* — така форма більш літературна, але народ в Звенигородщині вимовляє *Керелівка*, і Ш. так писав (так і мало не не всіх Кобзарях стоїть).

352, 8 зн.: за-теж *іх і* били,—в 1 вид. стоїть: *за-теж ми іх били.*

352, 3 зн.: ось на *ж* тобі, — „ж“ в 1 вид. немае (єсть в Семеренк. К.)

353, 6: *й* ліс, — в „й“ в 1 вид. немае (єсть в Семер. К.)

353, 11 зн.: після *нівроку*, очевидно, треба не (.), а (:).

353, 9: У Ляхів кишені, — в 1 вид. (тілько там): „*У мертвих к*ешені“ (Ш. уживае скрізь к*е*шеня).

353, 7: Ще карать мерзених, — Ш. в 1 в. поправив: *карати,* — і така поправлена форма по всїх Кобзарях. А д. Романчук до свого Кобзаря узяв варіант з 1 видання, і не добавив після „*карати мерзених*“—*у Лисянку*; додаток цей зробив Ш. у власноручному своєму примірнику Кобзаря (див. прим. до Гайдам. у Пражск. Кобзарі). У д. Ром. при слові „мерзених“ опущено: *15* (примітку Шевченка).

353, 6 зн.—заголовок розділу: *Бенкет у Лисянцї* Ш. поправив на: *Старосвітський будинок.*

353, 3 зн.: ото Гонта з Залїзняком, — (так скрізь), — Ш. попр. на: „ото *Гонта та Залїзняк.*

353, 1: страшно, страшно закурили! — так по всїх виданнях; Ш. поправив цей рядок, і взявши ще один попередній рядок (люльки закурили), треба читать так:

Люльки закурили
З гайдамаками. Аж страшно!

354, 2: оттак курить, — в 1 вид.: так закурить.

354, 4: шляхетською, жидівською,—в 1 вид.: шляхетською *й* жидівською.

354, 11: кричать: „Ляхам кари!“ — Ш. поправив так: *Кричать* „*дїтям*“: *кари*!

354, 16 зн.: не вважають, — в 1 вид.: „не минають“.

354, 15 зн.: н*а* лїта, на вроду, — в 1 вид.: „н*і* лїта, н*і* вроду“, але „не минати лїта та вроду шляхтяночки“ не дуже гаразд виглядало б.

354, 12-11 зн.: Нї каліка, а нї старий,
Нї *мала* дитина,—

в 1 вид.: „нї *мати*, дитина“, — та крім 1 вид. нїде такого варіанта немає, і вважаючи на попереднє „старий“, якось мимохіть напрошується антитеза — *мала* дитина.

354, 6 зн.: шляхетської й жидівської, — Ш. поправив на: „*не осталось* у Лисянцї“, може вважаючи на те, що не дуже давно перед тим у нього трапилось вже речення: шляхетською й жидівською.

355, 9—10: „Де ти?“ Крикне й сховаться
В полом'і, пожарі,—

в 1 виданні инакший варіант:

„Так Галайда кричить, шука
Ляхів по пожару.

355, 16: „Гуляй!“ загукали, — в 1 вид., очевидно, помилка: „загуляли“.

355, 12 зн.: пийте, діти! — в 1 вид.: *гуляй*, діти!

355, 2—1 зн. і далі 26 рядків на стор. 356 Шев. закреслив, а замість них поставив:

Випєм, друже, погуляєм
У купочці, в парі...
А де ж Волох? заспівай лиш,
Поганий кобзарю!

От з такими змінами й надруковано „Гайдамаки“ в вид. 1860 р., тілько в останьому рядку: *Поганий кобзарю*“—поправлено: „Грай, співай, кобзарю!“ В цілости знову (так як в 1 вид.) видруковано в обох Кобзарях р. 1867.

357, 1: *Кобзар* (грає й приспівує) — дописав. Шев. в 1 вид.

357, 5: *Маю* черевики — Ш. попр. (на краще): *Куплю...*

357, 10 зн: черевичкам, — в 1 вид. (тілько там): *черевикам.*

375, 4—3: „Нумо, Гонто!“
— Нум, брате Максиме!

В 1 виданні: „*А ну*, Гонто,
-- „*Ну,* брате Максиме!

358, 10 — з цього рядка треба зробити два, як і в 1 вид. Зауважу, що в 1 виданні куплети: „Не дивуйтеся, дівчата“ і „Отак чини, як я чиню“—надруковано иншим шрифтом, бо вони позичені з народніх уст.

358, 14: Сидить собі кінець стола, — в 1 вид.: сидить один кінці стола.

358, після рядка 11 („Мусить пропадати“), в 1 вид. стоїть ще:

Та й заплакав... Всі танцюють,
А Галайда плаче,
Нудно йому,

а тоді вже аж рядок 14 на стор. 359 (А із яру в киреї козачій):— 23 рядки від „А того й не знає“ і до „А із яру“ — в 1 вид. немає, — вони з'являються вперше в вид. р. 1860.

359, 10 зн.: Ось копійка, подивися! — в 1 вид. так: „Ось .... копійка“, — і иншою рукою (мабуть М. Лазаревського) вписано тут: *царицина*.

359, 8 зн.: знаю, знаю, — Ш. попр.: знаю, *каже*.

359, 6: признавайсь, проклятий жиде, — тут Ш. поробив великі зміни. Попереду всього тут зробив вставку таку:

Признавайсь, *лукавий* жиде:
Ти привів у Мліїв
До титаря Ляхів пьяних?
Я, Лейбо, не вмію
Жартувати! Я Ярема,
Твій наймит поганий, —
Чи не пізнав? Признавайся ж...

359, 3 після слів Лейби:—„Ховай Боже!“ Ш. знову зробив таку вставку.

Нічого не знаю...
Нічогісінько, їй Богу!“
— „Не знаєш? то як знаєш,
Так і роби“.. І знову ніж
Ярема виймає...

Далі Ш. наближаеться до того, що в рядку 359, 2: „В будинку“..., тілько він так переробив:

— „У будинку... На тім боці...
(Стривайте!)... з панами
У покоях, у золоті,
Як найкраща пані
Ваша ... теє...

Як знати, цей уступ Ш. багато разів переробляв, бо й у 1 виданню зовсім не так воно стоїть, як згодом ми бачимо в Семер. виданні. В 1 виданні, після слів: „ось ...... копійка“, стоїть так:

„Не бреши проклятий!
Признавайся! Я Ярема...
Ти конфедератів
Із хутора до титаря
Повів у Вільшану?
Признавайся! я все знаю...

Де діли Оксану?“
Махнув ножем...
— Ховай Боже!“
— „Я тебе схованю!“
— У будинку на тім боці“...
— Виручай, як знаєш!
Нà золото!“... сипле йому
Жменею з кешені.
— „Треба Гонту...“ — „Потім, потім...
А не то — свяченим...
„Добре, добре! постривайте!...“
— „Ніколи, проклятий!
Ходім вкупі!“ — „Які ж бо ви...

Далі так, як 360, 3 і далї., тілько зам. 360, 5:

Іду зараз і виручу, — в 1 вид:
„Вам не треба — один піду“...

360, 15—16: у Лебедин!
У Лебедин!

так почалося з вид. Семер., тоді як в 1 вид. було:

В Майданівку!
В Майданівку!“

360, 11: *по* базару, — в 1 вид. стоїть: *вздовж* базару. Поправка пішла з вид. Семеренка.

360, 8 зн: *на городі* пустирнак, — Ш. уживає звичайно: *на вгороді*... Щож до—„пустирнак“, то в 1 вид. стоїть „постирнак“.

361, 3, 13 та 7 і 4 зн: з кожного рядка треба зробити два.

361, 7: цей рядок посунути вправо.

361, 10—7 знизу в 1 вид. надруковано курсивом, як слова, узяті з народньої пісні.

361, 7: то кивне, *то моргне*, — так пішло з вид. Семеренка, а в 1 вид. стоїть, зам.: моргне — *махне*.

361, 6 зн: в кватирочку виглядаю (так і в Семер. вид.), а в 1 вид.: у кватирочку моргаю.

362, 3—4 — скрізь 2 рядки крапок, через нецензурність (моральну) тексту. В 1 вид. не рукою Ш. (мабуть, того ж таки М. Лазаревського) дописано:

Скажи, скажи, старо суко,
Кому давала спершу...

362, 14 — з цього рядка зробити два.

362, 1 зн.: погасає, — так почавши з Семер. вид.; в 1 вид: гасне, гасне.

363, 1: каганець козачий, — в 1 вид.: *Великдень* козачий.

363, 10: в потайники *пустіть* огонь,—так поч. з Семер. вид.; в 1 вид.: пуст*и*ть огонь...—Може бути і така форма inperativa через infinitivum, але чи буде вона українська?

363, 8 зн.: найдеш *иншу* — так почавши з вид. Семеренка, а в 1 вид.: другу.

363, 5: ревуть гори, — після *гори* краще поставити — (так і в 1 вид.)

364, 2—7: цих рядків в 1 вид. немає,—дописано їх там рукою Ш. олівцем; з'явилися вони вперше в вид. Семеренка.

364, 15: не розпитуй,—так почавши з вид. С., але в 1 вид.: не питайся.

364, 15—14 зн.: Ох, як би я знала,
Що побачу знову...

З цим уступом сталася сумна пригода: почавши з обох видань р. 1867 загублено один рядок, а другий через те переиначено. Д. Романчук не поглянув в видання Семеренка та в 1 вид., де зовсім правильно стоїть:

„Що побачу *його ще раз,*
Що обніму знову...,

без чого не виходить розмір, бо до рядка „що побачу знову“ есть далі відповідний: „за едине слово“, тоді як для „вдвоє втрое витерпіла б“ (попереднього перед тим)—рифми уже не стає... Д. М. Кр—ський здогадувався, що тут чогось бракує і радив: „ох як би я тоді знала“... Але тепер справу вже вияснено...

364, 9: Бог за те *й* карає, — так скрізь, почавши з вид. С., але в 1 вид. „*й*“ немає.

365, 6: може б, може ... — по всіх давніщих виданнях, почавши з 1-го і кінчаючи Пражським, — може б .... може.

365, 17: добре слово скаже, — так почавши з вид. С., а в 1 вид: „люблю тебе“ скаже.

365, 12 зн.: мене вірно любить,—у вид. С., а в 1 вид: *один мене* любить.

365, 9: так я думала, — у вид С., а в 1: *я так* думала.

365, 7: не прибуде, — С., а в 1: *не приїде.*

366, 17: Раю мій, покою!—у вид. С., а в 1: серденько загоїть.

366, 8 зн.: хто такий і відкіля він, — у вид. С., а в 1: хто Ярема, відкіля він.

366, 4 зн: мій соколе, — у вид. С., а в 1: мій орлику.

366, 3 зн.: мій голубе сизий, — у вид. С., а в 1: мій соколе милий.

367, 4—5; загрібай, мамо, жар, жар, — в 1 вид. цей рядок двічи; як цей, так і дальший в 1 вид. надруковано курсивом, як слова з народньої пісні.

367, 13: задзвонили, — у вид. С., а в 1: піду, дзвонять.

367, 19—17 зн.: Оксана осталась,
А черниця, помолившись,
В храм пошкандибала, —

так у вид. С., а в 1 вид. повніще:

Оксана осталась,
Пожурилась, усміхнулась,
Пала на коліна,
І молиться за Ярему
Щиро, як дитина.

367, 16 зн.: в Лебедині, — так у вид. С., а в 1: старі сестри.

367, 10 зн.: отамана, — так у вид. С., а в 1: Залізняка.

367, 7—1 знизу та 368, 1—4 — зовсім инший варіант, — в 1 виданні він значно довший і відмінний, а власне:

Ляхів конча; з Залізняком
а тоді (в 1 вид.): Часом наїзжає (так в 8 ряд. ст. 367), а далі в 1 в.:
Вряди-годи, — та вдвох собі...
Ну, це всякий знає!...
Вернімося ж до свячених.
Що вони зробили?
Чи всі вони ще як бритва,
Чи перещербили?
Хоч вам, знаю, і остило
На кров та на сльози
Дивитися, а Оксані!...
Оксані небозі —
Їй аж нудно, бо Ярема
Весілля гуляє
З ножем в руках, на пожарах...

Вона виглядає
До півночи, а іноді
Помолиться Богу,
Та й спать ляже, одна собі...
Умер би, ей Богу!

368, 12: по села*м* плачуть малі діти, — так почалося з вид. Семеренка, але форма: по села*м*—не українска,—повинно бути: по села*х*, що ми й бачимо в 1 вид., тілько там перестановлено: плачуть по селах малі діти; та Ш. поправив цей рядок на: *по селах* плачуть *голі діти.*

368, 17: звір тілько виє, йде в село, — 1 вид. та в вид. С. стоїть: тілько звір, а вже видавці Кожанчик. К. переставили. До того, в 1 вид. Шев. поправ. „йде в село“ — на: *по селу.*

368, 18: де чує трупи, — так скрізь. Ш. поправ. на: *гризучи* трупи.

368, 15 зн.: поки їх снігом занесло,—так всюди. Шевченко в Черниг. примірнику надав цьому реченню иншу форму:

Аж поки снігом занесло
Огризки вовчі.

369, 18: де проїдуть, земля горить,—по всіх „Кобзарях“, кінчаючи Пражським, інтерпункція: де проїдуть—земля горить,

370, 1 зн.: убийте пса!—у вид. С., а в 1 вид.: вбийте його!

371, 2—3: Признавайтесь:
Що ви? католики!—

Почавши першим виданням і Пражським кінчаючи [тоб то в пяти давніщих виданнях], интерпункція така:

Признавайтесь,
Що ви католики?

Ясно, що Ш. логичний наголос клав на „Признавайтись“... Тим часом д. Романчук перебудовує речення наново, і тим надає йому зовсім инший сенс, якого немав на думці поет.

371, 4: католики, бо нас мати,—теж по всіх згаданих тілько що „Кобзарях“ стоїть: католики... бо нас мати.

372, 4 зн.: валіть стіни!—В 1 вид. (в одному лишень] стоїть: бийте стіни!

373, 16 зн.: горе мені, горе!— В 1 вид. [в одному лишень]: горе *моє*, горе!

376, 1: й не дивиться... —в 1 вид. [в одному]: аж труситься.

376, 16: на чужому *полі,*—так і скрізь, крім 1 вид., де: по*лю*.

376, 4 зн.: без васильків і без рути, — скрізь, крім 1 вид., де: і без *труни*.

378, 7: а батько вже вмер,—скрізь, крім 1 вид., де: а *другий* вже вмер.

378, 16: у куточку плаче,—скрізь, крім 1 вид., де: за коміном.

379, 2: доведу, спочину, — скрізь інтерпункція: доведу —. спочину.

379, 13: та й замовкли,—скрізь після „замовкли" не [.], а —

380, 9—10: Нема *міста,*
Нема міста, волі.

Рядок 9-ий єсть по всіх „Кобзарях", а рядка 10 — немає ні в одному,—самі крапки; д. Романчук вперше подав цей текст із своїх рукописних дописок до Кобзаря р. 1860, а власне: *нема міста, волі,*—що дійсно рифмується з попереднім (чрез один рядок): на чужому полі... Одно тільки не гаразд: *міста,* бо треба писати: *місця,* щоб не було плутанини з „місто" (гòрод),—і дійсно в 1 вид. так і стоїть: *місця*. Форму: *міста* прийнято в „Кобзарі" Семеренка, і з того часу вона й лишилася по всіх виданнях.

381, 5: ревуть собі *й* ревітимуть,—не правильно. В вид. Семеренка: ревуть собі *і ревтимуть,*—і так воно й повинно бути. Форму „й ревітимуть", надзвичайно тяжку для вимови, вперше ужито в „Кобз." Кожанчикова, і з того часу вона й прийнялася. В 1 вид. так стоїть, як і в К. Кожанчикова та д. Романчука, тілько без „*й*"...

381, 11: не чуть плачу ні гармати, — після „плачу" опущено (,).

381, 16: така божа воля,—скрізь, крім 1 вид., де: „на те божа воля".

381, 11—10 зн.: з цих двох рядків треба зробити 4. Зауважу ще, що в 1 вид. рядки 12—10 („А в нашого Галайди"...) надруковано курсивом, як слова з народньої пісні.

382, 5: щоб, знаєте, не було і кривди, не було і правди, — після „кривди" у д. Романчука опущено „щоб" (як це єсть в 1 вид. та в Пражському), але д. Романчук посилається на свої рукописні додатки (рукопис), в якому „щоб" немає.

382, 9: начнем же *уже* начало...—Вважаючи на те, що це речення—наслідовання церковно-славянського речення, думаю, що повинно бути не *уже,* а *убо*...

382, 10: на *старого* Кобзаря... В 1 вид.: *сліпого*. Але д. Романчук в своєму рукописові має: *старого*.

Дата Гайдамаків—р. 1841, 7 квітня (тоді їх викінчено).

---

15. Черниця Марьяна.

Автографа не бачив, а єсть він у родини А. Корсуна, що видавав у Харькові „Сніп“ [1]) Хоча поему написано ще р. 1841, а почато мабуть ще раніш), та проте видруковано вперше аж в „Основі“ (1861, IX, 1—12). Варіантів до поеми не маємо ніяких.

В „Основі,“ единому джерелі для нас поки що, єсть чимало одмін (поправок Куліша).

383, 8 зн.: Хлопців кинули, побігли—в „Основі“: Кинули — побігли.

383, 6 зн.: діду серце, — в „Основі“: діду—серце.

383, 4 зн.: я шага дам, я черешень,—в „Осн.“: я—черешень.

384, 2 зн.: Ой осталась удовою,—вставив Куліш сам,—через те, певно, що Ш. опустив цілий рядок.

385, 3 — 9. Романчук узяв варіант, виправлений Кулішем (в „Основі“), а не текст самого Ш., справді чи не найбільш непоправний (в цій поемі] з усього того, що написав за своє жит-

---

[1]) На мій запит до родини А. Корсуна, син його А. А. Корсун (мировий суддя в Ростові на Дону) одповів мені з 24/VIII 1906, що дійсно в їхній сім'ї зберігається, серед инших автографів усяких письменників, також „аркуш почтового паперу (а може їх і два!), на якому списано не тільки „Черницю Марьяну“, але й малюнки на боках, пером, рукою самого Тараса Григоровича; малюнки ці зроблено на швидку: це лишень легенькі контури; належать вони до тексту і, можна думати, Шевченко робив їх, обмірковуючи „перший починок“ цеї поеми, — машинально, а може просто „прикрасив“ рукопис, переписаний досить пильно і чистенько; вірші починаються з малої букви. На прикінці рукопису, на ньому ж лист до мого батька,—надпис про те, що Ш. оддає йому на власність ці твори (Марьяну і *Човен*). Дописка ця — рядків на 7 — 9..... Автограф *Марьяни*, скільки памятаю, одрізняється од друкованого тексту“.

Про те, що Ш. послав був А. Корсунові якийсь вірш *Човен* знаємо з *Маяка* (1843 р.), де в оповістці про другий том „Снопа“ (який не вийшов), згадується про те, що прислано редакторові *Черницю Марьяну* і *Човен*. (докладніше див. в моїй статті „Новознайдені твори Шевченка“, в журналі „Нова Громада“, 1906, VШ).

тя Шевченко [1]). Ріжниця тексту Куліша проти Шевченкового в цих рядках ось яка:

Росла дочка Марьяна	(у К.: Марьяночка)
А виросла, як панна	(у К.: виросла, як панна).
Чорнобрива, уродлива,	
Хоч за пана гетьмана.	(у К.: хоч би й за гетьмана),
Стала мати гадати	(у К.: стала мати *міркувати).*

Розуміється, що це вже виходить не Шевченків, а Кулішів текст. Таке саме і далі, в рядках 10—14:

Виходила стояти	(у К.: ходила стояти)
Не до пана товстого,	(не до пана *усатого*)
Усатого, старого,	(Сідого, старого —)
До Петруся, в гаю, в лузі,	(До Петруся, що-вечора,)
Що вечора святого	(Вечора святого.)

386, 9: усміхнуся, скажу йому, — в „Основі“: усміхнуся... скажу йому.

386, 2 — 1: Знать забула, що колись же
Сама дівувала.

Спочатку Шевченко написав був:

Знать забула, що минуло,—
Чи не дівувала?

але послі поправив. Одначе в „Кобзарях“ Львівськ. 1867 та й у київських (р. 1894 та 1899) узято першу редакцію.

387, 4: З Петром *не розлучать,*—це також Кулішева поправка, а у Шевченка стоїть в автографі, як свідчить сам Куліш: „з Петром не рознять —“.

387, 12: серце не заснуло, я вас не забув.“ — Після: не *заснуло*“ треба поставити знак (—), так само як і в рядку 12 зн. після „минулося“.

387, 7 зн.: утер сліпі очі,—у Ш. (та і в „Основі“) узято ці слова в ( )

---

[1]) Д. Романчук, беручи текст з Львівськ. видання р. 1867, вихваляє його, не знаючи, що кращим проти тексту Кожанч. вид. зробив його як раз Куліш, якого він попрікає за псування тексту.

388, 13: Треба старостів нам ждати, —теж поправка Куліша, а у Ш.: треба буде старостів ждати.

388, 17: я вже думаю, що бачиш, — у Ш. спочатку було: я вже думаю, що.... тее, — але потім він поправив на: *бачиш;* тільки треба писати: що.... бачиш,—а то виходить таке: „я думаю те, що (accucat.) ти бачиш“....

392, 10 зн.: пішла в садок; серце мліє, — після „садок“ у Ш. не (;), а......

392, 4 зн.: не про „Гриця“, про „Петруся“, — і тут через неправильну інтерпункцію неможна добре зрозуміти, про що йде мова: чи „Гриця“ та „Петруся“ поставлено тут поруч, чи „Петруся“ поставлено, як антитезу до „Гриця“. Очевидно, що тут антитеза, а тому після „про Гриця“ неодмінно треба не (,), а—.

393, 8 зн.: прийшла в хату; спала мати, — і тут після „в хату“ треба знак —.

Дата, як вже згадувалося — р. 1841.

16. Тяжко, важко в світі жити.

Надруковано вперше в „Молодику“ на р. 1843, на якому цензорський дозвіл 10/IX 1842. Автографа немає. В виданню Романчука ніяких одмін проти „Молодика“ не помітно, так само, як і в „Кобзарі“ з р. 1860.

Дата — кінець р. 1841.

17. Н. Маркевичу.

(Бандуристе, орле сизий).

Надруковано вперше в „Молодику“ на рік 1843. Автографа немає. В виданню Романчука єсть дрібні відміни.

Стр. 13, 12: одинокий? а Вкраїна? — в „Молодику“ після „одинокий“ немає (?), а поставлено....... , і так тут і треба.

Стр. 13, 9 зн.: полетів би *я,* послухав, — поправка, зроблена Романчуком (по всіх „Кобзарях: полетів *би*, послухав *би*), але зроблена на підставі рукописних записок (копії поправок Ш. в Кобзарі з р. 1860), а в тих замітках стоїть: полетів би *я,* послухав, — і це, безперечно, краще. Дата — р. 1841.

18. Утоплена.

Вперше надруковано в „Молодику“ на рік 1843. Автографа немає. Дата — 8/XII 1841. Це й єсть та „невідома поема“ „Ган-

нуся", про яку Ш. писав 8/XII 1841 р. до Квітки: „я Ганнусю сьогодня на швидку скомпонував, — та й сам не знаю, чи доладу, чи ні"... [1]) Ш. сам пише, що скомпонував її на швидку, і через те додає в тому ж листі: „як побачите, що вона дуже вже безецна (бо вона такою мені здається), то не давайте її друковати; нехай іде, звідкіля взялася". Варіантів, крім де-яких відмін в „Кобзарі" з р. 1860, поправленому самим Шевченком, немає ніяких.

Стр. 155, 2 зн.: Хто се? хто се?—в „Молодику" стоїть: „що се? що се?" але в вид. Семер.: „Хто се? хто се?"; та очевидно, що „що се?" не може бути, бо річ іде про живих істот, що по цім та по тім боці ставка чешуть та рвуть на собі коси.

156, 4: на Вкраїні, — в „Молодику" стоїть: „в Україні," але в Кобз. 1860 — „на Вкраїні".

157, 6: Співає матуся, — в „Молодику" стоїть: „матуся співає," але в вид. Семеренка — перестановлено.

157, 7—8: А козаки, як хміль оттой,
Вються круг Ганнусі.

Цей варіант д. Романчук узяв з Кожанчиківського Кобзаря, де він з'являється вперше, бо в „Молодику", Кобз. 1860 та 1867 (Львівському) стоїть инакше, а власне:

А козаки сміються їй,
Ганнусі моргають.

Хоч цей варіант, дійсно, гірший, але він безперечно Шевченків, а які підстави для свого варіанта мали видавці Кожанчиківського Кобзаря — не відаю.

157, 15: розхрістана,—знов те саме: в „Молодику," в „Кобз." 1860 та Львів. 1867 — *розтріпана*, а в Кожанч.: *розхрістана*.

157, 15 зн.: Мене зневажаєш? — знов те саме: в „Молодику", Кобзарі 1860 та Львів. 1867 — „занехаєш?," а поправка пішла з вид. Кожанчикова.

157, 11 зн. оттака-то *була* мати! — В „Молодику" стоїть: *бува* мати, але в вид. 1860 та й дальших — уже „була."

157, 6 зн.: а *серця* не мати! — Розуміється: „серця", а не *серце*, як це в вид. з р. 1860. Характерно взагалі для Шевч., що він страшенно любить форму nominat. чи accusat. навіть там,

[1]) Кіев. Стар. 1894, IV, 323.

де genetiv буває, от як тут, не кажучи вже про: люде, пáпи — зам. людей, пáпів.

158, 6 — 7: своє дитя без сорома
Байстрям нарікає,

скрізь так, крім „Молодика“, де після „без сорома“ поставлено (,). Чи дійсно Ш. хотів тут речення („байстрям нарікає“) виріжнити, як це в Молодику, чи може хотів він сказати, що мати нарікає дитя своє байстрям *без сорома* (як що не поставити [,])?

158, 4 зн.: купаться, — в Кобз. 1860 та Кожанч.: „купатись“, а в „Молодику“ — купаться.

159, 13: то жовтіє то синіє, — опущено [,] після „жовтіє“.

159, 15: з роту піна, мов скажена, — після „піна“ має бути —.

159, 8 зн.: пірну́в, — в „Молодику“ — „нирнув“, але це не буде по українскі, і в Кобз. 1860 уже *пірнув,* а в Кожанчик. навіть: *пурнув*.

160, 1: не хочеш? не хоче!“ — По всіх Кобзарях, і в „Молодику“, обидва рази: не хочеш?“ Це вже поправка самого д. Романчука, який зробив її для того, що так, мовляв, лішше буде рифмуватися з попереднім „карі очі“.

160, 4: *по тім* боці, — срізь так, крім „Молодика“, де *„на* тім боці“.

19. Гамалія.

Видруковано вперше окремим виданням в Петербузі р. 1843 [цензорський дозвіл позначено 7/III 1843]. Цим роком звичайно й датується поема. В Чернигівському музею імени В. Тарновського есть перше видання, разом з „Чигир. Кобзарем“ та „Гайдамаками“, поправлене рукою Шевченка.

Відмини в виданню Романчука проти инших:

Стор. 221, 5 зн.: у турк*и*ні, — як тут, так і скрізь далі [222, 1, 6 і 2 зн.] Ш. уживає: „турк*е*ня“. Та так власне стоїть по всіх „Кобзарях“.

221, 3 зн.: море грай! — після „грай!“ має бути не [!], а [,] , — як це і стоїть, крім 1 вид., ще в вид. 1860 та Кожанчик.

222, 13 та 1 зн.: в *гаремі,* — по всіх Кобзарях — принаймні кінчаючи Пражським, — стоїть: в *харемі*“.

223, 11: в залізах руки принести, — по всіх „Кобзарях“ так. В 1 вид. Ш. поправив: „в залізі“. Та форма: „в залізах“ ще раз стрічається в „Кобзарі“.

223, 9 зн.: — тут починаеться новий розмір; так само і 224, 18.

224, 9 зн.: козацтво сміливо літае, — так скрізь, крім 1 вид., де: козацтво смілив*е*. Здавалося б, що версія 1 вид. дужче малюе козаків, говорячи, що не в Скутарі лише козацтво смілив*о* поводилося, а взагалі воно смілив*е*. Та знов же за таку версію неначе б трохи промовляе і допущена поетом паралель: „неначе птахи чорні в гаі, козацтво сміливо літае“... Чи справді ж птахи чорні *сміливо* літають в гаі?

224, 3 зн.: горить Скут*ар*, — попереду всього у Ш., як тут, так і в инших словах з *р* — на прикінці, стоїть *ь*: Скутар*ь*, цар*ь*, кобзар*ь*. Тут треба б зберегти *ь* через те, що Скутарь—femininum, і далі Шев. уживае: *Скутара*. Що ж до „горить“, то з'явилося воно почавши з вид. 1860, а в 1 вид. було: *палá*.

225, 3 — тут новий розмір.

225, 17: брати запорожці, — так воно скрізь, крім 1 вид., де: „брати — запорожці“.

225, 11 зн.: *о*ксамитом, — Ш. довго, навіть ще на засланні,— писав переважно: *а*ксамитом.

225, 6 зн.: слава тобі, Гамалі*е*, — так воно стоїть скрізь, так і повинно бути. А в 1 вид. не до речи: Гамалі*ю* (так само і на кінці поеми: Гамалі*ю*, вітер віе), немов би nominativ був Гамалій.

225, 2 зн.: що не дав ти *товариству*, — так і скрізь, почавши з вид. Семер., а в 1 в. стоїть: запорожцям.

225, 16 — 17: і сховалися за хвилі,
За *рожеві* гори, —

так скрізь, але Ш. власноручно опоправив в 1 вид. за *живії* гори,—і поправку цю варто прийняти.

---

20. Розрита могила.

Вперше видруковано р. 1859 в книжечці „Новыя стихотворенія Пушкина и Шевченка“ (Лейпціг, вид. В. Гергарда, стр. 19 — 21), потім у Львівськ. „Кобзарі“ р. 1867. Датовано її до сього часу роком 1845, але з того зошита, який знайдено цього року в Петерб. в Департ. поліції д. Щоголевим, знаемо тепер певну

дату: *9/X 1843, Березань...* [1]) Крім теї редакції, яку звичайно маємо по „Кобзарях“ та яку взяв і д. Романчук для свого видання, єсть ще варіанти з рукопису Ш. (перша редакція) подані в примітках в Пражск. Кобз., та ще у д. В. П. Науменка єсть копія, писана рукою М. Максимовича, знайдена в його паперах. Копія ця—зошит з 10 листочків почтового паперу великого формату, де крім „Розритої могили“ списано, ще: „Посланіє до живих і мертвих,“ „Холодний яр“, частину „Сна“ (У всякого своя доля) і „Заповіт“. Якого вона часу: чи з кінця пятьдесятих років (але не раніш), чи десь з шістьдесятих років, — не можу напевне сказати. Характер паперу немов би то промовляє за пізніщі часи [2]). Що ж до змісту цієї копії, то варіанти її, проти тексту видрукованого в Лейпцігу р. 1859 та тексту рукописних приміток в Пражск. Кобзарі промовляють за те, що ця редакція найпізніща з них.

До речи, і текст, знайдений цього року в арх. Департ. поліції — найближчий до цієї копії. Між иншим зауважу, що заголовок поезії в копії Максимовича не „Розрита могила“, як звичайно скрізь прийнято, а *„Роскопана“*.

Зазначимо усякі особливості:

Стр. 229, 11 — 12: за що тебе *сплюндровано*?
за що, *мамо,* гинеш?

в копії Максимовича: *сплюндровали*, а замість „мамо“ — *марне*. В тому рукописові, про який згадує Пражськ. видання, стоїть також: *сплюндровали*, але „мамо“. Через що у Львівськ. та Пражск.: *мати*, тоді як в Лейпцигск.: *мамо* — не збагну.

229, 15: діточок *невпевних*, — в коп. Макс.: *невмитих*.

229, 16 зн.: молилась я, турбувалась, — в такій формі не стоїть ніде в тих перших виданнях, на які мусимо обпіратися: скрізь: *молилася*, турбувалась... Так і в копії Максимовича... А в примітк. Пражск. Кобзаря, замість *турбувалась* — *журбувала*...

---

[1]) Приватні відомости. Так само приватно мені відомо, що редакція цього вірша в тому зошиті має незначні варіанти проти видання д. Романчука.

[2]) Можна думати, що Максимович списував з якогось не дуже виразного оригіналу, бо між иншим „Заповіт“ переписано заразом з „Роскопаною могилою,“ як оден вірш, і дату поставлено ту, що має цей останній: 25 студня 1845 р., а не дату „Роскоп. могили“ (9/X 1843).

229. 14 зн.: *моїх* діток доглядала, — в коп. Максим.: *малих* діток..., а в початковій редакції в приміт. Пражськ. Коб.... „своїх діточок маленьких“...

229, 12 — 11 зн.: виростали мої *діти*,
Мої добрі *квіти*, —

в коп. Максим. спершу *квіти*, а потім *діти*, — і це краще.

229, 5: на свою *Вкраїну*—в Лейпцігськ. стоїть: *країну*. Треба зазначити, що Шевченко дуже часто в поезіях навіть 1849—1850 рр. вживає *країну*, а видавці все виправляли на *Вкраїну*, як це згодом буде видно. Але в копії Максимовича в цім разі стоїть виразно: *Вкраїну*.

229, 3 зн: про свою *недолю*, — так і в коп. Максим., а в Пражск. К.: *неволю*.

229, 1 зн.: виглядала волю, — так і в коп. Макс., а в Пражск. вар.: проклинала долю. У Львівськ. 1867: виглядала вол*і*, але ми вже бачили, що Ш. не терпів в такому разі genetiv'у.

230, 6: Жидов*ій* німоті — очевидно, у д. Романчука помилка: він мабуть хотів написати: *жидові й німоті*, — але це зовсім неправдиво: скрізь і в друкованих, і в рукописних варіантах: *жидові*, при тім ще, очевидно, з наголосом на *і*: жидові (жидова́, німо́та).

230, 11: *А* могили мої....—По всіх друкованих і рукописних варіантах стоїть: І могили,—д. Романчук поправив сам на: *А*, бо йому здавалося, що „так ліпше було би“ (див. його статтю у З. Н. Т., стр. 21).

230, 14: після „шукає“ не (;), а (......), як це в Лейпцігск. вид.; так само і в рядку 18-м після „господарювати“ (.....).

230, 13 зн.: сорочку *здіймати*, — так і в коп. Макс., а в примітк. Пражск. Кобз.: *здирати*.

230, 12 зн.: *помагайте, недолюдки*,—в примітк. Пражск. вид.: *поспішайте*, недолюдки, а в Лейпциг.: *помагайте, недовчодны*,— очевидно, що не зуміли прочитати: „недолюдки“... А що видавці розуміли, що тут не може бути: „недовчені“—свідчать літери *д* і *ы* при кінці... В коп. Максимовича: *помагайте, недолюдки*, так як прийнято скрізь. В прим. в Пражск. вид. дальші 4 рядки, що скрізь „по Кобзарях“ стоять окремо, складають одну цілість з попереднім, і контекст там такий:

Поспішайте ж, недолюдки,
Матір катувати,
На чтверо розкопати,
Розсипать могили!
Чого ж вони там шукають,
І що заховали?

230, 10 зн.: На четверо розкопана
Розрита могила,

так скрізь в друкованих виданнях, тільки в коп. Максимовича зовсім справедливо після: *розкопана* поставлено (,).

230, 6 — 1 зн. Ці останні 5 рядків мають дуже багато варіантів. Рядок 6: Ех, як би то,—так і скрізь, тільки в прим. в Пражск. К.: ех, як би *ж* то! А в копії Максимовича: *От, як би то,* — і це буде, здається, найкраще.

Рядки 5 — 1 у Романч. так, як у Львів. вид. 1867 та Пражск. (основному):

Як би то,
Як би то знайти те,
Що там поховали,
Не плакали б діти,
Мати б не ридала...

Очевидно, варіант цей узято з Лейпцігск. редакції, але там зам. „поховали“—*схоронили*... Через що зробили тут поправку видавці Кобзаря р. 1867, не відаю,—може для рифми до: не „ридала“ та щоб двічи не було „схоронили“. В копії Максимовича з цих 4 рядків зроблено лишень два (так як і в Лейпцігск. виданню) і читаються вони так:

Як би знайшли те, що там схоронили,
Не плакали б діти, мати не журилась.

В першому рядку, очевидно, не стає після „як би“ частини „то“, яка єсть в Лейпцігск. вид. Мені здається, що цю останню редакцію і треба прийняти, вставивши лишень ту опущену частину „то“: „*Як би-то знайшли те, що там схоронили*..., бо очевидно в обох разах Ш. спинився на цьому глаголі (*схоронили*),

а *поховали* — підправлено пізніщими інтерпретаторами. Зазначу нарешті і початковий варіант кінця ціеі поеми (з приміток у Пражск. Кобзарі):

Як би були знали,
Що там заховали,
Не плакали б діти,
Мати не тужила.

(Далі буде).

В. Доманицький.

М. М. Коцюбинскій.

(Опытъ критическаго очерка).

Если кто либо задастся цѣлью прочесть всѣ произведенія Коцюбинскаго и, пробѣжавши послѣднюю страницу, захочетъ дать себѣ отчетъ въ пережитомъ впечатлѣніи,—то первая мысль его будетъ:—это талантъ, и слѣдующая:—это человѣкъ. И первая мысль возникаетъ въ мозгу его потому, что все, о чемъ пишетъ Коцюбинскій, необычайно ярко встаетъ передъ глазами читателя, а вторая потому, что все это необычайно глубоко трогаетъ сердце его. Спѣшимъ замѣтить, что такой выводъ можетъ быть сдѣланъ только читателемъ, познакомившимся со всѣми произведеніями вышеназваннаго автора, въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ раскрыть именно тѣ страницы, которыя будутъ полнымъ противорѣчіемъ высказанному нами мнѣнію, такъ какъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что, къ сожалѣнію, не всѣ произведенія Коцюбинскаго написаны одною рукою, не всѣ продиктованы однимъ сердцемъ. Впрочемъ, даты, поставленныя подъ болѣе слабыми произведеніями, показываютъ намъ, что они суть продукты болѣе ранняго періода творчества Коцюбинскаго, и самый фактъ существованія ихъ убѣждаетъ насъ въ несомнѣнномъ ростѣ таланта почтеннаго писателя.

Опредѣленіе степени эстетическаго достоинства должно быть первымъ дѣломъ критики. Когда произведеніе не выдержитъ эстетическаго разбора, оно уже не стоитъ исторической критики — говоритъ Бѣлинскій. И дѣйствительно, если-бы мы взяли какое-либо произведеніе искусства, прокникнутое самыми современными,

самыми жизненными идеями, но лишенное печати творчества и вдохновенья, мы убѣдились-бы въ томъ, что и жизненность идей, втиснутыхъ въ уродливую, безжизненную форму, теряетъ свое значеніе и, не затрагивая нашего чувства, не заинтересовываетъ и нашъ умъ. Въ нашемъ очеркѣ мы будемъ руководствоваться выше приведеннымъ принципомъ. Мы разсмотримъ сперва матеріалъ, изъ котораго строитъ свое зданіе г. Коцюбинскій, познакомимся со способомъ его кладки, а затѣмъ постараемся опредѣлить, какой храмъ возводитъ художникъ, какому Богу молится онъ въ немъ.

I.

Вся психическая жизнь человѣка находится въ непрерывной и причинной связи съ совершенствомъ анатомическаго строенія его нервной системы. Міръ, какъ раскрытая книга, лежитъ передъ всѣми живыми существами, но не всякій можетъ прочесть ее, и не всякій читающій ее въ одинаковой степени постигаетъ ея смыслъ. Не говоря уже о дѣтяхъ и людяхъ психически недоразвитыхъ, но и въ сознаніи взрослыхъ, нормальныхъ представителей человѣческаго рода міръ отражается далеко не тождественно: одни и тѣ-же ощущенія вызываютъ не однѣ и тѣ-же эмоціи, не однѣ и тѣ-же мысли. „Врожденная большая чувствительность и возбудимость клѣтокъ, говоритъ проф. Сикорскій, обезпечиваетъ субъекту быстроту узнаванія, на подобіе той быстроты, какая наблюдается у геніальныхъ и талантливыхъ людей; она облегчаетъ и сокращаетъ имъ распознаваніе и пониманіе явленій (чуткость, проницательность поэтовъ, художниковъ, выдающихся ученыхъ“). Эту, часто встрѣчающуюся въ литературѣ мысль подтверждаютъ анатомическія вскрытія мозговъ выдающихся людей, доказывающія, что ассоціативные центры ихъ развиты въ гораздо большемъ объемѣ и организованы детальнѣе въ сравненіи съ таковыми обыкновенныхъ людей (напр. мозгъ Тургенева, Гельмгольца, Гамбеты). Это преимущество даетъ обладателямъ подобныхъ мозговъ возможность болѣе широкой и полной умственной работы.

Но не одно анатомическое устройство нервной системы и кровеобращеніе мозга имѣетъ огромное вліяніе на ясность и быстроту психическихъ процессовъ. Рѣзкое, напр., малокровіе мозга, обморокъ, вызываетъ потерю сознанія, прекращеніе всякой психической дѣятельности и т. д. Даже такое возвышенное настрое-

ніе поэта, какъ вдохновенье, имѣетъ своимъ основаніемъ измѣненіе кровеобращенія въ мозгу. Мы не говоримъ, конечно, что измѣненіе кровеобращенія въ мозгу непремѣнно порождаетъ вдохновенье:— у большинства людей оно можетъ ограничиться только головной болью; мы только утверждаемъ, что вдохновенье сопровождается извѣстнымъ измѣненіемъ кровеобращенія, а именно особой гиппереміей мозга, дающей возможность поэту черпать свои образы изъ всѣхъ областей познанья, дарующей особенную силу и яркость его воображенію. Конечно, между гиппереміей мозга, вызывающей патологическія явленія, и гиппереміей, обусловливающей вдохновенное творчество — существовать должна основная разница, но рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ спеціалистамъ,— мы же въ данномъ случаѣ хотимъ отмѣтить только тотъ фактъ, что и столь высокій подъемъ психическихъ силъ человѣка находится въ прямой зависимости отъ кровеобращенія мозга.

Такимъ образомъ, врожденное совершенство анатомическаго строенія мозга является первымъ условіемъ для болѣе тонкаго воспріятія внѣшняго міра и болѣе полной и широкой обработки впечатлѣній, является, словомъ, первымъ и главнымъ основаніемъ потенціональной силы творчества, и мы можемъ повторить слова проф. Сикорскаго: „высокая художественность произведенія стоитъ въ полной гармоніи съ идеальной тщательностью физіологической работы мозга поэта".

Нельзя однако на основаніи этихъ словъ полагать, что художественность произведенія является непосредственнымъ слѣдствіемъ совершенства строенія нервной системы поэта, подобно тому какъ теплота является слѣдствіемъ движенія. Человѣческій разумъ не можетъ допустить непосредственнаго перехода матеріи въ мысль, измѣримаго, вѣсомаго въ неизмѣримое, нематеріальное, неподчиненное никакимъ физическимъ законамъ. Надъ этой пропастью въ человѣческомъ познаніи нѣтъ моста и не намъ его возстановлять. Но если для каждаго явленія въ мірѣ познанія существуетъ соотвѣтствующее явленіе въ мірѣ матеріи и наоборотъ, то мы можемъ утверждать, что извѣстное совершенство строенія нервной системы человѣка является непремѣннымъ условіемъ, при которомъ психическая жизнь его можетъ проявиться въ той или иной степени и формѣ.

Итакъ, и талантъ, и творчество, и самое вдохновенье человѣка связано въ большой мѣрѣ съ анатомическимъ и физіологическимъ совершенствомъ его нервной системы. Какія же проявленія человѣческаго духа являются непремѣннымъ слѣдствіемъ

столь тонко организованной нервной системы и обуславливаютъ ту психическую силу, которую мы опредѣляемъ словомъ талантъ?

Безспорно, первыми свойствами человѣческаго духа, обуславливающими существованіе таланта, слѣдуетъ считать способность воспринимать впечатлѣнія и силу, дающую возможность воспроизводить ихъ. Подъ силой воспроизведенія мы разумѣемъ, конечно, не только силу, дающую возможность вызвать съ точностью разъ пережитое впечатлѣніе, но и силу, съ помощью которой мы можемъ вызвать эти впечатлѣнія и на основаніи ихъ составить новыя, быть можетъ никогда и неиспытанныя нами. Какъ бы ни было тонко и вѣрно полученное нами впечатлѣніе внѣшняго міра, этого еще мало: повторяемъ, у писателя-художника должна быть способность воспроизвести его въ своемъ сознаніи, вызвать его и по прошествіи значительнаго времени изъ бездны забвенія и воспроизвести передъ своимъ умственнымъ взоромъ съ такой яркостью, съ какой оно поступило изъ внѣшняго міра. Эта способность основывается на особомъ свойствѣ нашей нервной системы, заключающемся въ томъ, что разъ полученное впечатлѣніе производитъ извѣстную перемѣну въ нашемъ мозгу, оставляетъ въ клѣточкахъ его свой слѣдъ. Способность сохранять этотъ слѣдъ и вызывать его къ дѣйствію по нашему желанію и отличать новое впечатлѣніе отъ пережитаго и называется памятью. Это свойство нервныхъ элементовъ сохранять на долго разъ полученное впечатлѣніе проф. Корсаковъ сравниваетъ съ фосфоресценціей, благодаря которой многія тѣла получаютъ возможность свѣтиться сами, долгое время послѣ того, какъ на нихъ подѣйствовалъ свѣтъ. Безъ памяти немыслима никакая интеллектуальная дѣятельность, тѣмъ болѣе необходима для творчества сильная память. Но память не есть нѣчто абсолютно тождественное для каждаго индивидуума. Память Гоголя, Гамбеты, Эйлера и Моцарта не представляютъ изъ себя тождественныхъ силъ: тождественна въ нихъ будетъ только способность сохранять впечатлѣнія; но тогда какъ память одного жадно ловитъ слуховыя впечатлѣнія, память другого совершенно глуха къ нимъ: она ихъ не воспроизводитъ, а запечатлѣваетъ зрительныя впечатлѣнія и т. д.

Эта разница во впечатлѣніяхъ, преимущественно сохраняемыхъ памятью, соотвѣтствуетъ профессіи или особымъ способностямъ даннаго лица и даетъ намъ память художника, поэта, оратора, ученаго или музыканта. Такимъ образомъ, память каждаго спеціально одареннаго человѣка какъ-бы вылавливаетъ изъ впе-

чатлѣній внѣшняго міра тѣ характерныя стороны, которыя соотвѣтствуютъ найболѣе развитымъ психическимъ даннымъ извѣстнаго субъекта.

Кромѣ спеціальной, художественной памяти, вторымъ базисомъ, на который опирается творческая сила литературнаго таланта, является несомнѣнно „непроизвольное вниманіе", вниманіе, независящее отъ нашей сознательной воли. Если-бы для питанія своей памяти художнику приходилось сознательно направлять свое вниманіе на тѣ или иныя стороны жизни, то какъ-бы ни была грандіозна сила ея, запасъ впечатлѣній такого субъекта былъ бы весьма невеликъ. Непроизвольное-же вниманіе, помимо нашего сознанія, подобно моментальной фотографіи, снабженной часовымъ механизмомъ, снимаетъ съ полей внѣшняго міра снимки и запечатлѣваетъ ихъ безпрестанно, безостановочно въ тайникахъ намъ самимъ невѣдомаго безсознательнаго.

Въ предыдущихъ строкахъ мы старались выяснить, что одними изъ главныхъ свойствъ тонко организованной нервной системы художника являются сильная спеціальная память и непроизвольное вниманіе. Безъ содѣйствія этихъ силъ невозможна и высшая, объединяющая работа мысли, но яркость, художественность изображенія находится въ прямой зависимости отъ нихъ. Такимъ образомъ въ самыхъ первыхъ произведеніяхъ художника мы можемъ, безъ сомнѣнія, открыть проблески истиннаго таланта.

Обратимся теперь къ произведеніямъ разбираемаго нами автора.

У Коцюбинскаго есть одинъ небольшой очеркъ „Цвіт яблуні", пріобрѣтающій чрезвычайно важное значеніе въ виду своего психологическаго характера. Писатель рисуетъ намъ моментъ смерти своей единственной любимой дочери (разсказъ ведется отъ перваго лица) и свое настроеніе, вызванное этимъ ужаснымъ событіемъ. На болѣе художественной стороной этого произведенія является то, что, рисуя свое душевное настроеніе, художникъ съ удивительной вѣрностью отмѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ параллельную работу своей памяти и непроизвольнаго вниманія, которыя не прекращаютъ своей работы и въ эту ужасную минуту. Отецъ убитъ горемъ. Вотъ что говоритъ онъ о себѣ. „Я хожу по своєму кабинеті, хожу вже третю безсонну ніч, чуткий, як настроена арфа, що гучить струнами од кожного руху повітря. Мені дивно, що я усе помічаю, хоч горе забрало мене цілком, полонило." Сознаніе художника захвачено страшнымъ горемъ, а

память все работаетъ! И какъ она самостоятельно работаетъ,— видно изъ нижеслѣдующихъ строкъ. Отецъ стоитъ у постели уже умирающаго ребенка. „Я бачу скляний уже погляд на-пів закритих очей, а *мої очі, мій мозок жадібно ловлять усі деталі страшного моменту і все записують.* Щоб не забути, щоб нічого не забути ні тих ребер, що з останнім диханням то пидіймають, то опускають рядно: ні тих мертвих уже, золотих кучерів, розсипанних по подушці, ані теплого запаху холодіючого тіла, що виповняє хату." „Хтось мені говорить про се, хтось другий, що сидить в мені. Я знаю, що то він дивиться моїми очима, що то він ненажерливою памятью письменника всичує в себе всю цю картину смерті на світанню життя. (129) Ох, як мені гидко, як мені страшно, як ця свідомість ранить моє батьківске серце!" И далѣе, отецъ не выдержавшій перваго зрѣлища, убѣжалъ въ садъ, и вотъ, вернувшись, въ первой-же комнатѣ наталкивается онъ на столъ, на которомъ положили уже убранное къ смерти дитя его. Прикованный страшнымъ зрѣлищемъ, онъ останавливается у стола, не отрывая глазъ отъ дорогого маленькаго „безвладнаго" тѣльца. „А моя памьять, продолжаетъ авторъ, той нерозлучний секретарь мій вже записує і цю безвладність тіла, серед цвіту яблуні, і гру світла на посинілих лицях, і мій дивний настрій. Я знаю, на що ти записуєш усе те, моя мучителько! Воно здастся тобі колись як матеріал!" Все записываетъ память художника: и образъ, и мысль, пробуждаемую страшной картиной, и новизну въ первый разъ переживаемаго настроенія. Трудно было бы опредѣлить болѣе точно самостоятельную работу памяти и непроизвольнаго вниманія въ душѣ художника. Даже въ тѣ минуты, когда она приноситъ ему душевную муку, когда онъ употребляетъ всѣ силы, чтобы удержать ее,—онъ не въ силахъ сдѣлать это. C'est plus fort que lui, какъ говорятъ французы. И это выраженіе какъ нельзя болѣе подходитъ въ данномъ случаѣ. Въ одномъ изъ романовъ Гонкуровъ, а именно „Жюльеттѣ Фаустенъ", мы находимъ также интересную подробность, показывающую намъ, съ какой неослабѣвающей энергіей работаетъ безостановочно непроизвольное вниманіе художника. Жюльетта Фаустенъ, извѣстная артистка французскаго театра, присутствуетъ при агоніи своею обожаемаго возлюбленнаго. Сердце ея растерзано горемъ, она жадно слѣдитъ за послѣдними искрами жизни несчастнаго. Лице его уже искажаетъ предсмертная судорга, но вдругъ онъ открываетъ глаза и въ ужасѣ вскрикиваетъ.—Всѣ мускулы лица Жюльетты повторяютъ тѣ-же гримасы, которыя искажаютъ его лицо. Все это продѣлала Жюльетта без-

сознательно; наклонность къ подражанію, составляющая зародышъ сценическаго таланта, работала самостоятельно и въ ту минуту, когда душа была убита горемъ. Сила творчества подавляетъ силу воли художника.

Приведенный нами выше разсказъ „Цвіт яблуні" — относится къ послѣднимъ произведеніямъ Коцюбинскаго; такого-же рода психологическій матеріалъ даетъ намъ одинъ изъ первыхъ его очерковъ — „На крилах пісні". Память художника не только воспроизводитъ образы, даруемые жизнью, но и образы, порождаемые словами. Случайно брошенное слово часто образомъ своимъ, какъ огненной искрой, зажигаетъ все воображеніе художника и является толчкомъ къ творчеству. Такое вліяніе слова на чуткое воображеніе художника прекрасно охарактеризовано въ этомъ небольшомъ разсказѣ Коцюбинскаго. Авторъ (разсказъ ведется отъ лица автора), гуляя по степямъ бессарабскимъ, заходитъ въ шалашъ, въ которомъ укрылись отъ дождя наши украинскіе рабочіе. Они поютъ пѣсню о путешествіи чумаковъ въ Крымъ за солью, и подъ звуки этой пѣсни передъ глазами автора рисуется цѣлая эпопея чумацкой жизни. „Не знаю чи то з усіма так діется, чи то лише зо мною,—говоритъ авторъ,—але згуки пісні, що торкалися мого вуха, лягали перед очима фарбами, малювали мені з дивною яскравістю цілі образи. Я перелітав на крилах пісні в давно минуле, я жив у минулому, я бачив, чув з тріпотінням сердечним, відчував смуток, радість, та всі перипетії тих почувань". „Пісня замовкла,—кончаетъ Коцюбинскій свой разсказъ, — але я був ще в степу, бачив червоне проміня пожежи, бачив чумацький табор з чорними мажами, з крівавим бойовищем, з чумаками, гордими перемогою своею, й до вуха мого ніби долітав рик волів, сполоханих нічною колотнечою". И все это породила пѣсня: сплетеніе словъ и музыкальныхъ звуковъ. „Ну щоб здавалося слова? Слова та голос—більш ничого... А серце рвется, ожива, як іх почуе," какъ говоритъ Шевченко.

Эти-то слова, которыя быть можетъ, въ душѣ каждаго породили бы лишь смутное чувство тоски или навѣяли-бы тихое раздумье,—въ воображеніи художника вызываютъ цѣлый рядъ живыхъ, прекрасныхъ образовъ, цѣлый разсказъ, трепещущій жизненной правдой. Въ этомъ сказывается, по всей вѣроятности, и особенность воспріятія словъ, свойственная художникамъ, и заключающаяся въ томъ, что художникъ слова какъ бы вылавливаетъ изъ каждаго слова его внутреннюю форму, чувственный образъ, заключающійся въ немъ.

Но главнымъ образомъ это основывается, конечно, на способности художника *переживать* не только свой собственный творческій замыселъ, а и все то, что говоритъ о людяхъ, о жизни, о природѣ. Слова пѣсни, чужія слова приводятъ поэта въ такое возбужденное состояніе, что онъ не только видитъ всѣ событія, о которыхъ говоритъ пѣсня, онъ переживаетъ ихъ; онъ переживаетъ каждый оттѣнокъ чувства героевъ, вызванныхъ къ жизни его собственной фантазіей. Такъ безконечно чутко воображеніе поэта.

Немногочисленными строками, приведенными нами выше, Коцюбинскій безсознательно показалъ намъ, что онъ обладаетъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ свойствъ таланта, гарантирующихъ силу и яркость творчества—а, именно, способностью переживать свои произведенія.

Итакъ, на основаніи приведенныхъ нами выдержекъ, имѣющихъ автобіографическій характеръ, мы можемъ заключить, что разбираемый нами писатель отличается большой силой непроизвольнаго вниманія, художественной памятью, чуткимъ воображеніемъ и способностью переживать всѣмъ своимъ существомъ образы и мысли, зарождающіеся въ его мозгу,—словомъ, всѣми качествами, составляющими базисъ таланта.

Но правъ-ли авторъ въ собственной характеристикѣ?

II.

Всякое лирическое произведеніе только тогда сильно, только тогда заражаетъ читателя, когда оно въ дѣйствительности пережито авторомъ. Произведеніе беллетристическое, заключающее въ себѣ лирическій и вообще психологическій матеріалъ, естественно должно отвѣчать этому же требованію. Но лирическіе элементы соединены въ произведеніи беллетристическомъ въ большой мѣрѣ съ элементомъ эпическимъ, требующимъ только глубокаго, спокойнаго созерцанія.

Начнемъ свой разборъ съ этого второго элемента беллетристическихъ произведеній.

Если писатель обладаетъ въ дѣйствительности большой силой впечатлѣнія и здоровой художественной памятью, то всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра,— какъ образы, такъ и чувства человѣческія, проявляемыя во внѣ,—должны отразиться въ его творчествѣ съ такой-же яркостью, съ какой они были проявлены во внѣшнемъ мірѣ. Яркость изображенія является непремѣннымъ

свойствомъ истиннаго таланта. Многіе писатели указываютъ намъ сами на эту характерную черту ихъ воспроизводительной способности. Короленко, напр., говоритъ о себѣ: „когда я что-либо описываю, ясно вижу всю картину. Однажды, работая надъ очерками Сибири, я вдругъ замѣтилъ, что пересталъ писать и рисую перомъ тотъ пейзажъ, о которомъ шла рѣчь", и т д.

Яркость описанія будетъ зависѣть, конечно, отъ вѣрности дѣйствительности и, главное, отъ типичности изображенія.

Передать полученное впечатлѣніе вѣрно дѣйствительности можетъ только человѣкъ, обладающій здоровой памятью. Существуетъ много лицъ весьма впечатлительныхъ, въ передачѣ которыхъ дѣйствительность, пережитая ими,—при самомъ ихъ искреннемъ желаніи оставаться рабски вѣрными полученному впечатлѣнію,—принимаетъ самыя чудовищныя, небывалыя формы. Къ разряду подобныхъ лицъ относятся, безъ сомнѣнія, люди, страдающіе истеріей и другими нервными болѣзнями. Быть можетъ, многія сверхъ-естественныя формы литературныхъ произведеній, окрещенныхъ широкой публикой однимъ общимъ именемъ декаденства, объясняются этимъ простымъ, физическимъ недугомъ ихъ авторовъ. Вотъ почему мы имѣемъ на ряду съ здоровымъ и больное творчество.

Съ другой стороны, можно и вполнѣ вѣрно передать полученныя впечатлѣнія, и они не заставятъ третье лице почувствовать дѣйствительность передаваемыхъ сценъ или картинъ. Зависѣть это будетъ отъ того, что субъектъ, передающій намъ тѣ или другія, полученныя имъ, впечатлѣнія, хотя и передаетъ ихъ вѣрно, но при передачѣ своей запомнитъ массу мелочей, деталей, а забудетъ или упуститъ самое типичное, именно то, что давало интенсивность данному впечатлѣнію. Обыкновенный человѣкъ прекрасно воспринимаетъ и различаетъ всѣ явленія и образы внѣшняго міра,—талантъ не только различаетъ ихъ, но онъ угадываетъ, въ чемъ именно заключается ихъ коренная особенность, и потому, воспроизводя ихъ путемъ своего творчества, онъ воспроизводитъ именно эти существенные, коренные признаки, и мы, сталкиваясь съ ними, тотчасъ же узнаемъ тѣ типичные признаки явленій, которые производили на насъ извѣстное впечатлѣніе въ соотвѣтствующихъ явленіяхъ жизни. Вотъ почему истинный талантъ не нуждается въ многословіи: ему достаточно намѣтить двѣ—три типичныя черты, и передъ нами встаетъ весь рисунокъ. Возьмемъ, напр., видъ неба. Небо, какъ извѣстно, имѣетъ, сообразно временамъ года, различные оттѣнки; разница

эта знакома всѣмъ, хотя, быть может, не всякій улавливаетъ сущность ея. Вотъ почему, глядя на иную картину, мы говоримъ: „картина хороша, но это совсѣмъ не весеннее небо", хотя въ картинѣ будутъ участвовать всѣ традиціонные аттрибуты весны; глядя же на зимній пейзажъ, мы можемъ сказать: небо слишкомъ тепло, и т. д. Мы чувствуемъ ошибку художника, но въ чемъ заключается его промахъ, -- не можемъ сказать. А между тѣмъ въ живописи существуетъ цѣлая гамма теплыхъ и холодныхъ тоновъ, при помощи которыхъ художники придаютъ небу желаемый тонъ. Художникъ слова, не-знакомый съ *теоріей красокъ*, описывая зимнее небо, не забудетъ его холодный зеленоватый горизонтъ, а говоря о лѣтнемъ небѣ, онъ упомянетъ о мягкой фіолетовой дали.

Обратимся къ разбираемому нами автору.

Коцюбинскій любитъ описывать картины природы и умѣетъ это дѣлать. Природа въ его словѣ жива, какъ въ моментѣ, такъ и въ дѣйствіи. Мало того, онъ умѣетъ заставить насъ почувствовать каждый моментъ жизни природы.

Остановимся хотя-бы на картинахъ весны.

Должно быть, нѣтъ такого писателя, который не описывалъ бы картинъ весенней природы, и потому въ такихъ описаніяхъ чрезвычайно легко впасть въ банальный тонъ,—у Коцюбинскаго нѣтъ и тѣни банальности, нѣтъ ни одного чужого, избитаго или вымученнаго сравненія, онъ пишетъ такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ образно, какъ будто бы просто подводитъ читателя къ открытому окну. Приведемъ два-три отрывка подобныхъ описаній. „Раіса задивилась, як курився над землею, немов дим, білий пісок і пеленою закривав далеку смугу чорного бору. Чепурні берези маяли на вітрі, як русалки зеленими косами, кострубаті й присадкуваті верби з обох боків дороги міцно чіплялися оголенним корінням за землю, немов хижий птах загнав пазурі у здобич. Було, не вважаючи на травень, душно, як у літку. По гарячому небові повзли довгі й білі, як павутиння, хмарки, а на заході вставало щось грізне і росло, і сварилось далеким гуркотомъ." (стр. 44).

Кто когда-либо видѣлъ эти круглыя вербы, усѣвшіяся по сторонамъ окопаной дороги, тотъ сейчасъ замѣтитъ, что сравненіе ихъ съ хищной птицей, запустившей когти въ добычу, чрезвычайно образно и мѣтко. Также *колоритна* вся картина: этотъ бѣлый песокъ, закрывающій полосу далекаго чорнаго бора, и горячее небо, съ ползущими по немъ тонкими, какъ паутина, бѣлыми облачками, — все полно свѣта и весенняго тепла.

Возьмемъ еще другой весенній моментъ, моментъ первой весны. „Весняний вітер стиха віяв над виноградниками і охолоджував зігрітих працею робітників. Вохка земля мліла въ гарячому золоті сонячного проміння, вільна від тіней і холодків. Голі дерева немов курились сизозеленим димом, щось, наче мрія про роскішну літню одіж, обгортало їх сповнені соком віти. Скрізь було так багато світла й радости, так виразно відчувався трепетний віддих поновленної землі, повітря було таке пьяне і повне щебетання, що мимохіть бажалось руху, крику, реготу.“ Какъ типична эта картина! Какой существенный признакъ весенней земли приводитъ авторъ! Она была свободна отъ всякихъ тѣней, и поэтому въ воображеніи своемъ поэтъ придаетъ ей свойство одушевленнаго существа, какъ будто сознательно сбросила она съ себя всѣ одежды и нѣжилась въ горячемъ золотѣ солнечныхъ лучей. Голыя деревья точно дымились сизо-зеленымъ дымомъ, словно мечта какая то окружала ихъ наполненныя сокомъ вѣтви. И это сравненіе не только передаетъ удивительно вѣрно зрительный образъ весеннихъ деревьевъ, но оно захватываетъ въ себя и то душевное настроеніе, какое вызываютъ они въ человѣкѣ. Смутный приливъ творческой силы, ощущаемый во всей природѣ, передается и человѣку. Такъ-же вѣрно схвачено и то настроеніе, какое невольно охватываетъ весной всякаго здороваго, спокойнаго душей, человѣка: невольная жажда движенія, крика, смѣха, объясняемая, по всей вѣроятности, возбуждающимъ дѣйствіемъ весенняго воздуха на нашъ организмъ.

Остановимся еще на одной маленькой картинкѣ весенняго утра въ саду. „Вишня була вся в цвіту, як букет. Ми держались за руки, підняли до гори голови і слухали, як грають в цвіту бджоли. Крізь білий цвіт виднілось сине небо, а на травиці гралось весняне сонце“. Этотъ рисунокъ такъ-же легокъ и прозраченъ, какъ легки и прозрачны абрисы весенняго дня. Въ немногихъ строкахъ собрано снова все самое типичное для даннаго момента.

Попробуемъ расчленить всѣ эти образы.

Цвѣтущее вишневое дерево, дѣйствительно, видомъ своимъ болѣе всего напоминаетъ букетъ цвѣтовъ. Изъ всѣхъ звуковъ весенняго утра авторомъ приводятся самые типичные для даннаго момента: жужжаніе пчелъ, копошащихся въ цвѣту. Далѣе авторъ говоритъ: „Крізь білий цвіт виднілось сине небо, а на травиці гралось весняне сонце“, и этими двумя фразами вполнѣ дорисовываетъ картину. Представьте себѣ, что мы стоимъ лѣтомъ подъ деревомъ, — тогда эти черты совершенно немыслимы:

они возможны и необходимы только для даннаго момента. Сквозь густую листву, покрывающую деревья лѣтомъ, нельзя было-бы видѣть небо, развѣ небольшіе клочки его. Далѣе, — поразило-ли бы насъ такъ своей синевой небо лѣтомъ, какъ и весной? Никогда небо не глядитъ такъ ярко, какъ сквозь чистый весенній воздухъ, еще лишенный паровъ и мглы, порождаемыхъ жаромъ лѣтняго дня; бѣлый же цвѣтъ вишенъ, яблонь, грушъ еще болѣе подчеркиваетъ синеву небесъ. И наконецъ, заключительная фраза— „на травиці гралось весняне сонце", — она удивительно ярка. Почему?

Авторъ говоритъ — „гралось." Въ чемъ-же проявлялась эта игра солнечныхъ лучей? Въ быстромъ перебѣганіи легкихъ тѣней, отбрасываемыхъ лишенными листьевъ вѣтвями и округленными гроздями цвѣтовъ. Солнечные лучи свободно лились сквозь прозрачную корону деревца на зеленую травку, вѣтеръ свободно схватывалъ его вплоть до самаго ствола, и отъ малѣйшаго дыханья вѣтра трепетали тонкіе лепестки цвѣтовъ, а отъ ихъ трепета перебѣгали легчайшіе абрисы тѣней, упавшихъ на залитую солнцемъ траву. Эта быстрая смѣна тѣневыхъ узоровъ на залитомъ солнцемъ фонѣ и породила въ представленіи автора образъ беззаботной и веселой дѣтской игры. Возможна-ли подобная картина лѣтомъ, осенью или зимой?

Лѣтомъ густая корона дерева отбрасываетъ у подножья его почти сплошную тѣнь; лучи солнца, прорвавшіеся сквозь этотъ зеленый сводъ, падаютъ отдѣльными свѣтлыми бликами. Если легкій вѣтерокъ и колеблетъ верхніе листья деревьевъ, то нижніе, по большей части, остаются неподвижны, и потому свѣтъ и тѣни не мѣняются такъ быстро, легко и непрерывно, какъ подъ весеннимъ деревцомъ. Они мѣняются отъ передвиженія солнца и отъ порывовъ болѣе сильнаго вѣтра, и потому не могутъ вызвать образа легкой, беззаботной, дѣтской игры. Осенью и зимой хотя вѣтви деревьевъ и обнажены отъ листьевъ, но ихъ длинныя, прямыя тѣни, не смягченныя округленными очертаніями группъ цвѣтовъ, образуютъ у подножья дерева слишкомъ прямолинейную сѣть, притомъ-же, хотя и обнаженныя отъ листьевъ, вѣтви не могутъ такъ легко и безпрерывно колебаться, какъ лепестки цвѣтовъ, а потому опять таки мы не можемъ наблюдать у подножья дерева такой безпрерывной смѣны солнечнаго свѣта и легкихъ прозрачныхъ тѣней. Такимъ образомъ мы видимъ, что приведенная выше картинка можетъ относиться только къ веснѣ, къ тому именно моменту, который изображенъ авто-

ромъ. Но сколько словъ пришлось намъ потратить, чтобы уяснить себѣ, что только этимъ образомъ можно было передать типичную черту подобной картины, и какъ мало словъ понадобилось автору, чтобы воскресить передъ нами этотъ радостный моментъ.

Еще рельефнѣе выступаетъ художественность, типичность описаній Коцюбинскаго при сравненіи одного момента, описаннаго имъ въ различныя времена года. Возьмемъ напр., ночь и посмотримъ, какъ она вырисовывается у него въ разныя поры года.

Вотъ лѣтняя ночь.

„Була чудова майова ніч. На вулиці було темно, аж чорно. Крізь чорну баню верховіття де-не-де продерся срібний промінь місяця і ліг на чорну землю срібною плямою. Вийшовши з вулички, Гнат неначе впірнув у море білого світла. Те біле, трохи блакітне світло, тихо лилось з гори, зачарована земля неначе купалась в фантастичному сяеві... по сріблястій землі лягли чорні тіні... Тихо... і земля, и вода, і повітря — все поснуло..." (233).

И вотъ зимняя ночь, тоже лунная.

„Місяц вже зійшов. На снігу блищали зорі, немов посипались з неба. Контури різкі. Дерева, будинки, тіні — такі тверді, мов висічені з мармура, дивно спокійні, дивно міцні. Блакітне світло гостре, колюче, немов замерзло." Если отбросить одну фразу во второмъ отрывкѣ, а именно — фразу, говорящую о звѣздахъ, сверкавшихъ на снѣгу, — то въ обоихъ описаніяхъ участвуютъ однѣ и тѣ-же элементы: контуры земли, деревьевъ и домовъ, тѣни и лунное сіянье, — признаки, равно примѣнимые ко всѣмъ ночамъ, и вотъ этими, казалось-бы, совершенно общими признаками, авторъ вызываетъ художественный эффектъ, и не глядя на землю, мы видимъ фразу, что въ первомъ случаѣ описывается лѣтняя, во второмъ зимняя ночь.

Начнемъ сравненіе съ описанія луннаго свѣта.

Въ первомъ случаѣ авторъ говоритъ: „Те біле, трохи блакітне світло тихо лилось з гори, і зачарована земля, неначе купалась в фантастичному сяеві." Во второмъ: — „Блакітне світло гостре, колюче, неначе замерзло." Эта разница въ характерѣ луннаго свѣта вполнѣ вѣрна. Но можетъ быть насъ обманываетъ наше воображеніе? Отъ какихъ реальныхъ причинъ можетъ зависѣть такая разница въ характерѣ луннаго свѣта? Почему въ первомъ случаѣ авторъ называетъ его — бѣлымъ *слегка голубоватымъ,* фантастическимъ сіяньемъ, а во второмъ—*голубымъ,* острымъ, колючимъ?

Несомнѣнное присутствіе извѣстной доли паровъ въ лѣтнемъ воздухѣ придаетъ свѣту луны бѣловатый оттѣнокъ, тогда какъ въ ясную, холодную зимнюю ночь воздухъ совершенно лишенъ паровъ. Кромѣ того, лѣтомъ темная, шероховатая поверхность земли поглощаетъ свѣтъ луны и потому ослабляетъ его интенсивность, тогда какъ зимой гладкая, снѣжная поверхность земли отражаетъ отъ себя лунные лучи и, благодаря этому рефлексу, и, вообще, болѣе свѣтлому общему фону, свѣтъ луны кажется такимъ рѣзкимъ, такимъ интенсивно голубымъ. Далѣе, — лѣтній лунный свѣтъ представляется автору фантастичнымъ, а зимній — острымъ, колючимъ. Гдѣ все ясно, все рѣзко опредѣлено, тамъ нѣтъ мѣста фантастичности. Фантастичность предполагаетъ въ себѣ присутствіе чего-то туманнаго, не вполнѣ опредѣленнаго, дающаго просторъ всякаго рода предположеніямъ. Поэтому естественно, что какъ солнечный свѣтъ, такъ и острый лунный свѣтъ холодной, зимней ночи, не могутъ породить впечатлѣнія чего-то фантастическаго. Воздухъ, насыщенный парами, а можетъ быть и мельчайшими частями пыли, разсѣиваетъ свѣтъ, придаетъ ему мягкій, туманный и, если можно такъ выразиться, — волнистый оттѣнокъ.

Представимъ себѣ зимнюю ночь, туманную, деревья покрытыя пушистымъ инеемъ — и мы сразу получимъ фантастическую картину, и свѣтъ луны уже не будетъ голубой, колючій, острый, а какъ прекрасно опредѣлилъ его Пушкинъ, онъ будетъ — „печальный". Печальнымъ кажется онъ поэту потому, что онъ лишенъ яркости и рѣзкости, — онъ тусклый.

Тѣни и полутѣни играютъ также немаловажную роль въ опредѣленіи свѣта. Въ лѣтней ночи Коцюбинский говоритъ такъ: „по сріблястій землі лягли довгі чорні тіни;[1]) въ зимней же ночи контуры кажутся ему „різкими", деревья, дома, тѣни—словно высѣченными изъ мрамора. Почему контуры видимыхъ предметовъ и тѣней кажутся автору такими рѣзкими? Весьма просто — тѣни зимней ночи падаютъ на блестящій и гладкій снѣжный покровъ,

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что выраженіе „чорний", употребленное авторомъ, для опредѣленія тѣни, крайне неудачно и вызываетъ въ нашемъ преставленіи не образъ тѣней, а образъ разлитаго чернила или чорныхъ листовъ бумаги, наклеенныхъ на землю. Всякая тѣнь заключаетъ въ себѣ свѣтъ, а потому и не можетъ представляться намъ въ видѣ какого-то непроницаемаго тѣла, поглощающаго всѣ лучи. Тѣнь можетъ быть глубокой, густой, темной, но отнюдь не чорной.

естественно, что контрастъ между гладкой, бѣлой поверхностью и тѣнью придаетъ контурамъ ея значительную рѣзкость. Между тѣмъ лѣтней ночью тѣни стелются по темной шероховатой поверхности земли, и этотъ темный фонъ смягчаетъ рѣзкую границу свѣта и тѣней. Кромѣ того, округлые контуры деревьевъ, глубокая тьма широкихъ тѣней, пронизанная въ разныхъ мѣстахъ лунными лучами, порождаютъ также впечатлѣніе чего-то таинственнаго, фантастическаго, тогда какъ тѣни зимнихъ деревьевъ преимущественно рѣзки, прямолинейны и представляютъ изъ себя только прозрачную сѣть пересѣченныхъ линій.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что существенный признакъ зимней лунной ночи и лѣтней лунной ночи вполнѣ вѣрно и типично переданы авторомъ.

Вотъ еще двѣ ночи — весенняя и осенняя, обѣ темныя, беззвѣздныя.

„Вона відчиняє вікно своєї хати. Ціле море дерев у цвіту. Мягкими, чорними хвилями котится навкруги. Спить містечко, як купа чорних скель. Ні згука, ні блика під хмарним небом. Тільки запахи душать груди, та тріпочется отдаль глухе калатало, немов перебої серця незримого велетня.“ И вотъ осенняя ночь. „Густа мряка чорним запиналом єднала з небом спалену сонцем полонину. У долині на виднокрузі сіріло щось широкою смугою і роспливалось у пітьмі. То був Дунай.“ (140)

Обѣ эти ночи туманны, беззвѣздны, беззвучны. Но въ первомъ случаѣ читатель сразу чувствуетъ нѣжную теплоту туманной весенней ночи. Темное небо... воздухъ, переполненный сладкимъ ароматомъ цвѣтовъ, порождающимъ какую-то смутную тоску и тревогу въ сердцѣ. Первая-же фраза второго описанія сразу вызываетъ въ нашемъ воображеніи суровый, мрачный образъ безпросвѣтной осенней ночи. Эти двѣ фразы, составляющія во второмъ случаѣ все описаніе, удивительно художественны еще и тѣмъ, что настроеніемъ своимъ вызываютъ у читателя сразу представленіе огромнаго пустого пространства, обширнаго поля или степи. Художникъ намѣчаетъ только три черты: вверху — небо, внизу—сожженную солнцемъ полоныну, и сѣрѣющую въ глубинѣ полосу рѣки. Небо и землю соединяла чорная завѣса сырой мглы. Эти три черты сразу вызываютъ въ нашемъ воображеніи образъ огромной высоты пролета между небомъ и землей. Авторъ заставляетъ насъ смотрѣть съ такой высоты, съ которой исчезаютъ всѣ мелкія подробности картины. Если-бы онъ упомянулъ еще о какихъ нибудь мелкихъ чертахъ, о виднѣющихся

гдѣ нибудь селахъ, или групахъ деревьевъ.--впечатлѣніе было-бы разбито и нарушено.

Подобное же описаніе, дающее одной фразой впечатлѣніе необъятнаго пространства, находимъ мы въ романѣ Гонкуровъ— „Жюльетъ Фаустенъ": — „Между звѣзднымъ небомъ и фосфорическимъ моремъ висѣла темная ночь," пишутъ большіе художники слова и этими немногими чертами вызываютъ въ нашемъ воображеніи грандіозную картину.

Вообще Коцюбинскій, подобно всѣмъ истиннымъ художникамъ слова, обладаетъ счастливой манерой одной двумя чертами вызвать въ нашемъ воображеніи цѣлую картину, Вотъ, напр., картинка, состоящая всего изъ двухъ чертъ: „Коли сонце погідно сідало, церква здавалась рожевою, а верішечки дерев золотими",— и образъ мирнаго лѣтняго вечера передъ нами.

Приведемъ еще два, три примѣра для уясненія художественной манеры письма разбираемаго автора. Полдень въ нашихъ мѣстахъ и полдень въ Крыму. „Сонце стояло середь неба і страшенно пекло. Над зелениими нивами тремтіло гараче повітря, неначе хто тряс перед очима блескучим серпанком. Хвилі світла лились з неба, і гарні тіні десь посчезли, неначе сояшне сяйво загнало їх у землю". И вотъ другой полдень, -- полдень въ Крыму.

„Круг неї тиша і мертвота, як на землі, так і на небі. Сонце стоїть високо, роспечена земля пашить кожною грудочкою, кожним камінчиком. Рівний, гарячий, мов з велетенської печи, дух іде від землі з неба, з моря, од сірих камъяних громад Яйлы. Блідий широколистий тютюн насичує повітря наркотичною парою. В самому повітрі розлита нуда; про нуду тихо дзюрчить струмок по камінчиках подвірря; од нуди скаче на ланцюгу старий пес, і глухо побрязкуючи залізом, хрипливим голосом скаржится небові: — алла! алла! алла! Одинока жаба вилізла з калабатини і зрідка меланхолійно кумкає. На темних лапатолистих фігах завзято, мов сотні тріскачок, до одуру, до самозабуття тріщать цікади. А про те—тихо, а про те—нудно од тих одноманітних згуків" (303).

Первая картина, не смотря на жаръ, дышетъ бодростью, — вторая-же, отъ первой до послѣдней строки, говоритъ намъ, о разслабляющемъ жарѣ, о лѣнивой скукѣ, вѣющей отъ всей, истомленной жаромъ природы.

Вотъ еще двѣ картины, — разсвѣтъ въ полѣ и разсвѣтъ въ степи.

„Світало. На блідому небі ясно горіла зірниця. Колосисте море синіло під росою в тмяному світлі. Од свіжого подиху ранку злегка тремтіли жита. З румъяного сходу линуло світло й мягкими хвилями роспливалось поміж небом і землею. Над полем у височости співали вже жайворонки".

И вотъ разсвѣтъ, въ степи.

„Широкий, необмежний, незайманний степ. Передранишній вітер злегка хвилює тирсу. Бліде небо мигтить зірками по блакиті, що оповила степову далечінь. У синьому тумані ледве мріють могили. Чорніють здалеку лози. Межи небом і землею якась таємна змова. Чи то вони чаклують у двох, чи що, бо якоюсь таємницею віє від них, чарами віє від того необмежного синього простору". (421)

Одинъ моментъ, но какъ разно выраженъ онъ въ этихъ двухъ прелестныхъ картинахъ. Какъ вводитъ насъ авторъ въ то настроеніе, какое вызываетъ видъ степи на разсвѣтѣ. Каждое слово въ этомъ описаніи постепенно пробуждаетъ въ нашей душѣ чувство чего-то таинственнаго, и мы начинаемъ чувствовать вмѣстѣ съ авторомъ, что въ миганіи этого свѣтлаго предразсвѣтнаго неба и въ молчаніи необъятной синѣющей мглою степи чуется какая-то тайна, какой-то заговоръ.

Мы говорили выше, что Коцюбинскій не только умѣетъ мастерски писать картины природы, но онъ вселяетъ душу въ каждый свой мазокъ; онъ заставляетъ и насъ переживать настроенія и чувства, пробуждаемыя тѣмъ или инымъ моментомъ жизни природы.

Не только потрясающія, величественныя явленія природы, но и самыя обычныя картины, кромѣ извѣстнаго зрительнаго образа, запечатлѣваемаго въ нашей душѣ, порождаютъ и извѣстное чувство, настроеніе. Поэты, подобно музыкантамъ и живописцамъ, склонны уходить въ ощущенія.[1] И тогда какъ, напр., для ученаго (наблюдателя, естествоиспытателя) ощущенія имѣютъ значеніе только въ томъ случаѣ, если ихъ можно узнавать и классифицировать,—для поэта они цѣнны тѣмъ, что будятъ его чувство, порождаютъ извѣстныя настроенія. Вотъ почему мы полагаемъ, что способность чувствовать природу развита у поэтовъ больше, чѣмъ у другихъ людей. Возьмемъ, напримѣръ, извѣстное стихотвореніе Шевченка—Тополя.

---

[1]) Гефдингъ. Очерки Психологіи. 147.

По діброві вітер віє,
Гуляє, по полю,
Край дороги гне тополю
До самого долу.
Стан високий, лист широкий
На що зеленіє?
Кругом поле, як те море
Далеко синіє.

Кажется, самая заурядная картина украинской природы, а между тѣтъ она будитъ грусть въ душѣ поэта. „Чумак іде, подивится, та й голову схилить“, пишетъ Шевченко и такимъ образомъ влагаетъ въ серце чумака ту грусть, которую будитъ въ его сердцѣ образъ одинокой тополи.

Все то-же одухотвореніе природы, та-же инстинктивная жажда единства міровой матеріи. Поэтъ спимаетъ нить съ веретена природы и тчетъ изъ нея волшебную ткань.

Уже по приведеннымъ выше отрывкамъ видно, что Коцюбинскому свойственна и эта черта поэтическаго творчества, но возьмемъ еще два—три примѣра, чтобы показать, какъ умѣетъ Коцюбинскій сообщать и читателю настроеніе, вызываемое той или иной картиной природы.

„Далеки поля рожевіли. З низин летіли в село буслi і поблискували білими крилами. Весняний вечір навівав думи“.

Какія думы? Читатель чувствуетъ, что эти думы были изъ разряда тѣхъ думъ, которыя авторъ въ другомъ мѣстѣ такъ мѣтко назвалъ „солодким сумом“.

А вотъ осенняя картина, хватающая за сердце.

„Ідутъ дощі холодні; осінні тумани клубочатся в горі і спускають на землю мокрі коси. Пливе у сірі безвисті нудьга, пливе безнадія і стиха хлюпає сум. Плачуть голі дерева, плачуть соломъяні стріхи, вмивается слезами убога земля і не знає, коли осміхнется. Сірі дні зміняють темниї ночи. Де небо? Де сонце? Міріади дрібних крапель, мов вмерлі надії, що знялись занадто високо, спадають до долу і пливуть змішані з землею брудними патьоками. Нема простору, нема розваги. Чорні думи, горе серця крутятся тут над головою, висять хмарами, котятся туманом і чуешь над собою тихе ридання немов над вмерлим.“ Это уже чистая поэзія въ прозѣ.

Насколько жива природа въ описаніяхъ Коцюбинскаго въ моментѣ, настолько-же жива она и въ дѣйствіи. Въ подтвер-

жденіе нашихъ словъ мы приведемъ два отрывка,—описаніе бури на морѣ и грозы.

„Море де далі втрачало спокій. Чайки знімались з одиноких берегових скель, припадали грудима до хвилі і плакали над морем. Море стемнилось, зміцнилось. Дрібні хвилі зливались до купи і, мов брилі зеленкуватого скла, непомітно підкрадались до берега, падали на пісок і розбивались на білу піну. Вода при березі починала каламутніти і жовкнути. Разом з піском хвиля викидала з дна моря на берег каміння і, тікаючи назад, волікла їх по дні з таким гуркотом, наче там щось велике скриготало зубами і гарчало... Тим часом море йшло. Монотонно ритмичний гомін хвиль перейшов у бухання, спочатку глухе, як важке сапання, а далі сильне й коротке, як постріл гармати. На небі сірим павутинням снувались хмари. Розгойдане море, вже брудне й темне, наскакувало на берег і покривало скелі, по яких потому стікали патьоки брудної, зпіненої води.“ Дальше буря разыгрывается все больше. „Над берегом висів вже солоний туман од дрібних бризків. Каламутне море скаженіло. Уже не хвилі, а буруни вставали на морі, високі, сердиті, з білими гребнями, од яких з лускутом одривались довгі китиці піни і злітали до гори“[1]).

Изъ приведеннаго нами отрывка видно, съ какой художественной послѣдовательностью воспроизведены всѣ мгновенья аффекта величественной стихіи. Здѣсь, какъ и въ природѣ, одинъ образъ объясняетъ предыдущій и порождаетъ слѣдующій. Нѣтъ ни одного лишняго слова; фразы коротки, просты, нѣтъ даже величественныхъ уподобленій, а картина, вызываемая авторомъ, величава и грозна.

Вотъ еще одинъ отрывокъ описаній подобнаго рода,—гроза. „Після завзятої спеки якось швидко смерклося і запав морок. Небо і земля стемніли, на обрію зъявилась чорна смуга. Скоро на смузі тій щось блимнуло, немов спалахнув сірник і погас. Трохи згодом показався світ у другому місті, а далі знов спалахнув на першому. Небо переморгувалось. Проблиски світла, спочатку такі бліді й тихі, чим далі розросталися, потужніли. Почало здаватись, що за чорною смугою хмари то здіймается, то падає, щоб піднятись на другому краю, хвиля вогненного моря... Та ось у новому місті щось моргнуло. Світло блискавки притьмарилось, зате вибухи прискорили темп. Чорне небо без пере-

1) Оповідання 7, 8.

станку моргало блискавкою, осміхалось кривим усміхом. Чорні хмари росли на крайнебі... І враз сталося щось незвичайне: тихе повітря стрепенулось, скрутнулось, шарпнулось в бік, знялося над землею і з божевільним жахом кинулось тікати. Воно мчалось на осліп у темряві, з свистом і сичанням перестраху, розбиваючи груди об стіни і баркани, пориваючи за собою пісок, листя, дерева і все, що лежало на его дорозі. А наздогін за ним так само мчалася чорна потвора, нависала над землею і позіхала полумьям. [1])

Не говоря уже объ общей красотѣ и силѣ этого описанія, замѣтимъ только, какъ художественно воспроизведенъ Коцюбинскимъ моментъ перваго порыва урагана. Какъ красиво и образно уподобленіе этого страшнаго порыва мчащемуся наослѣпъ, обезумѣвшему существу; и опять, какъ образно олицетвореніе грозы въ видѣ какого-то чернаго чудища, которое мчится вслѣдъ за ураганомъ, нависаетъ надъ землей и дышетъ пламемъ.

Повторяемъ, всѣ описанія Коцюбинскаго сильны своимъ колоритомъ, изящнымъ, легкимъ, художественной типичностью, а также разнообразіемъ впечатлѣній.

„З одного боку дрімав таємний світ чорних велетнів гір. З другого, лягло долі погідне море і зітхало крізь сон, мов мала дитина і тремтіло під місяцем золотою дорогою.“

Въ этомъ маленькомъ эскизѣ соединены и слуховыя впечатлѣнія (вздохи моря), и зрительныя (золотая дорога мѣсяца на морѣ), и чувство таинственнаго, порождаемое грядой темныхъ великановъ-горъ.

Или вотъ еще небольшая картинка. Татаринъ узналъ объ измѣнѣ своей жены, выскакиваетъ на крышу своего дома и начинаетъ, какъ изступленный, созывать своихъ родственниковъ; снизу же кричитъ товарищъ оскорбленнаго мужа. Вся деревня всполошилась.

„Сполох літав над селом. знімався в гору до верхніх хатин, скочувався вниз, скакав з покрівлі на покрівлю і збірав народ.“

Какое красивое соединеніе зрительнаго и слухового образа! Мы уже говорили выше, что художникъ обладаетъ болѣе воспріимчивой натурой, что онъ больше другихъ людей отдается ощущеньямъ. Талантливые люди являются вообще людьми одарен-

[1]) Оповідання 53

ными; талантъ ихъ можетъ проявляться не только въ одной узкой области. Поэтъ, напр., совмѣщаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ талантомъ поэта и талантъ музыканта, живописца или ученаго. Многочисленныя біографіи выдающихся людей подтверждаютъ высказанную нами мысль. Перевѣсъ одной изъ способностей опредѣляетъ дѣятельность, въ которой талантъ находитъ лучшее выраженіе своей личности. Такимъ образомъ, кромѣ главной способности, направляющей дѣятельность поэта, есть у него еще и другія, способности,—всѣ способности поэта участвуютъ въ созданіи его поэтическихъ образовъ. Если мы возьмемъ, напр., поэта съ музыкальной натурой, то образы его будутъ слагаться въ большинствѣ случаевъ изъ слуховыхъ воспріятій. Если поэтъ будетъ художественной натурой, то въ его образахъ возьмутъ перевѣсъ зрительныя впечатлѣнія и т. д.

Остановимся на ближайшемъ для насъ примѣрѣ.

Въ личности Шевченка поэтъ соединился съ художникомъ, и образы поэзіи Шевченка преимущественно зрительные образы. Въ стихотвореніи „Тарасова ніч“ Шевченко даетъ намъ такой поэтическій образъ:—„Червоною гадюкою несе Альта вісти, щоб летіли крюки з поля ляшків-панків їсти“. Этотъ образъ рожденъ воображеніемъ художника. Если-бы поэтъ съ музыкальной натурой захотѣлъ сдѣлать рѣку страшнымъ вѣстникомъ, онъ создалъ-бы свой образъ изъ зловѣщаго рокота волнъ, несущихъ ужасную вѣсть, но Шевченко, какъ художникъ, однимъ мазкомъ даетъ намъ понятіе о совершившемся событіи.

Или вотъ другой, на удачу вырванный, примѣръ: „не спалося, а ніч як море. „Это снова образъ поэта—художника. Поэтъ, одаренный музыкальной натурой, создалъ-бы образъ безсонной ночи изъ звуковыхъ впечатлѣній и т. д.

Хотя Коцюбинскій пользуется для своего творчества образами всѣхъ воспріятій, по все таки преобладающую роль играютъ у него зрительные образы.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

„Раіса заживала проскурку з таким настрієм, немов святний день далекого дитинства кидав на неї свою тінь“ (70). „Досвітчане світло в далеких хатах-блимало, як вовчи очі“. „Оповідання Тетянино, як хвилі од вкинутого в воду каміння., все ширшими й ширшими кругами росходилось по селі.“ Раиса таяла,—„разом з весняними водами спливало її здоровья“. Настя, героиня разсказа „На віру“,—„слухае, що говорять други, і осміхается очима, та кутиками вуст. Але якъ скаже слово, то так і влетить ластив-

кою те слово до серця і мов крильцями розмає тугу". Думи її літали, як білї голуби на сонці (Х. М. 20): „З правого боку горбатою тінью ліг в море Аюдаг, і, мов спраглий у спеку звірь, припав до води", и т. д.

Коцюбинскій самъ говоритъ намъ о томъ, что слова и звуки ложатся передъ его глазами красками, и приведенные нами выше примѣры, вырванные наудачу, подтверждаютъ его слова.

III.

Но если въ описаніяхъ Коцюбинскаго преобладаютъ зрительные образы, то и слуховыя впечатлѣнія играютъ въ творчествѣ его не менѣе важную роль: они выразились въ музыкальности его рѣчи.

„Мелодія, опанувавши душею, загніздившись там, не хутко німіе,—пишетъ Коцюбинскій, — вона виповняє груди, рвется наверх і, прибравшись в поетичні шати слова, вільно як пташка, шукає простору.

Если-бы мы и не имѣли этого брошеннаго вскользь выраженія, поясняющаго, какое впечатлѣніе производитъ музыка на разбираемаго автора, то только на основаніи его стиля мы-бы à priori заключили, что Коцюбинскій обладаетъ музыкальнымъ ухомъ: писать такимъ слогомъ, легкимъ, плавнымъ, такъ мелодично звучащимъ, можетъ только человѣкъ, обладающій способностью ловить гармонію звуковъ.

Ни одно искусство не имъетъ такого непосредственнаго вліянія на чувство, какъ музыка. „Музыка (говорятъ) ударяетъ по нервамъ." Это описательное выраженіе по всей вѣроятности имѣетъ большую долю физической правды. Быть можетъ, извѣстные толчки, получаемые нервами отъ ударовъ звуковыхъ волнъ, производятъ особое раздраженіе нервовъ, обусловливающее то или иное настроеніе духа. Не смѣемъ, конечно, настаивать на основательности нашего предположенія, но въ подтвержденіе его приведемъ только тотъ общепризнанный фактъ, что высокіе тона (т. е. быстрыя колебанія звуковой волны) веселятъ и возбуждаютъ насъ, — глубокіе (т. е. болѣе медленныя колебанія звуковой волны) вызываютъ сезьезность и тоску. [1]) Такъ или иначе,

---

[1]) Гефдингъ 265 стр.

остановимся только на той неоспоримой истинѣ, что ни одно искусство не заражаетъ насъ такъ непосредственно извѣстнымъ чувствомъ, какъ музыка.

Чувства человѣческія имѣютъ способность охлаждаться и угасать: какъ-бы ни было остро и глубоко чувство, потрясающее душу человѣка въ данный моментъ, съ теченіемъ времени оно стушевывается, слабѣетъ, и, наконецъ, въ душѣ остается одно *воспоминаніе* о чувствѣ. Только исключительныя натуры, и въ исключительныхъ случаяхъ, обладаютъ способностью сохранять на долгія времена силу пережитаго чувства. Вообще-же легче вызвать снова представленія, чѣмъ чувства, связанныя съ ними. Мы можемъ вызвать передъ собой изъ нашего прошлаго картины, положенія и, только далеко несовершенно, тѣ настроенія, которыя насъ одушевляли. [1]) Музыка-же обладаетъ величайшей способностью будить наше чувство, сообщать намъ его снова съ пережитой когда-то силой.

Возьмемъ-ли мы историческія пѣсни народа, — творцы ихъ давно уже уснули непробуднымъ сномъ, а чувства, одушевлявшія ихъ, перелились въ пѣсни и живутъ среди насъ.

Такъ даритъ музыка безсмертіе чувствамъ человѣческой души. Принимая во вниманіе это свойство музыки оживлять и воскрешать чувства, мы поймемъ, какое огромное значеніе имѣетъ и музыкальность рѣчи для полноты художественнаго впечатлѣнія.

Существенными элементами музыки, оказывающими вліяніе на наше чувство, являются темпъ и тонъ (ладъ) ея, а также высота и тембръ звука. Слово прежде всего есть также звукъ, звукъ менѣе подвижный, чѣмъ звукъ музыкальный, но все-же подчиненный тѣмъ-же самымъ законамъ, какъ и музыка; рѣчь человѣческая обладаетъ подвижнымъ темпомъ, высотой и глубиной звука, тембромъ и тономъ, мажорнымъ или минорнымъ. Значеніе темпа, высоты звука и тона рѣчи въ передачѣ чувства такъ велико, что, слушая даже незнакомую рѣчь талантливаго исполнителя или искренно чувствующаго человѣка, мы по звуку и тону ея можемъ понять, какія душевныя движенія породили ее. Но и темпъ и высота рѣчи еще не опредѣляютъ признаковъ минорнаго или мажорнаго тона. И та и другая рѣчь могутъ быть произнесены, напр., шепотомъ, и ухо наше отличитъ радостный шепотъ

---

[1]) Ibidem 277.

отъ шепота печальнаго. Разница нашихъ впечатлѣній будетъ зависѣть въ такомъ случаѣ не отъ высоты и темпа рѣчи, а еще отъ чего-то другого. Постараемся-же уяснить себѣ, что обусловливаетъ это свойство рѣчи.?

Въ музыкѣ минорный тонъ обусловливается первой терціей. Минорный аккордъ отличается отъ мажорнаго только тѣмъ, что его терція лежитъ на полъ тона ниже.

Рѣчь, подобно музыкѣ, есть сплетеніе звуковъ, т. е. извѣстное колебаніе звуковыхъ волнъ. Она также не стоитъ неизмѣнно на высотѣ одного тона; мажорная или минорная, — рѣчь человѣческая состоитъ изъ извѣстныхъ повышеній и пониженій звуковъ. Подтвержденіе высказанной нами мысли мы находимъ у извѣстнаго ученаго проф. Гельмгольца. Поль-столѣтія тому назадъ онъ уже заявилъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ: — Die Lehre von den Tonempfindungen, что самая обыденная рѣчь человѣческая состоитъ изъ извѣстныхъ паденій и повышеній тоновъ, основанныхъ на правильныхъ музыкальныхъ интервалахъ. [1]) Эта средняя человѣческая рѣчь, произносимая безъ всякой аффектаціи, по Гельмгольцу имѣетъ свой средній тонъ, и только слова, облеченныя удареніемъ, и окончанія фразъ выдѣляются перемѣной тона. Окончаніе утвердительнаго предложенія падаетъ на кварту отъ средняго тона; окончаніе вопросительнаго предложенія часто подымается на квинту отъ средняго тона.

Не останавливаясь, въ данномъ случаѣ, на этомъ крайне интересномъ вопросѣ, мы замѣтимъ только, что впечатлѣніе, производимое на душу человѣка минорной музыкой, аналогично впечатлѣнію, производимому минорной рѣчью.

Впечатлѣнію тона рѣчи способствуетъ, какъ и въ музыкѣ, въ большой степени и тембръ ея. Слово, какъ и музыкальный звукъ, имѣетъ свою звуковую окраску или тембръ. Тембромъ, слѣдуя за опредѣленіемъ проф, Ландуа, слѣдуетъ считать такое свойство звуковъ, по которому ихъ можно отличить другъ отъ друга, совершенно независимо отъ ихъ высоты и силы. Музыканты-композиторы спеціально пользуются тембрами тѣхъ или иныхъ инструментовъ. Также пользуются и поэты тембрами словъ для приданія извѣстной окраски своей рѣчи.

Не вдаваясь въ спеціальныя разъясненія, отъ какихъ причинъ зависитъ разница звуковой окраски звуковъ одной высоты,

---

[1]) Стр. 364

скажемъ коротко: такъ какъ для произношенія каждой гласной, полость рта принимаетъ совершенно своеобразную форму (характерную конфигурацію), установленную на извѣстную гласную, то въ данныхъ случаяхъ ее можно сравнить съ разными музыкальными инструментами, звуки которыхъ обладаютъ различными тембрами. Гласный звукъ, слѣдовательно, представляетъ тембръ звука, происшедшаго въ голосовомъ органѣ. Словомъ, тембръ звука *а*, открытый, мягкій, сильно разнится отъ звука *и*, рѣзкаго и сдавленнаго. Но не только гласныя имѣютъ свой тембръ, согласные шумы также не чужды его. Не говоря уже о согласныхъ звучащихъ, какъ *л. с. р.* и др., и согласные шумы, самостоятельно незвучащіе, придаютъ сильную окраску слѣдующей за ними гласной. Такимъ образомъ, при всемъ желаніи произнести пѣвуче и плавно слова: трескъ, визгъ, мы этого сдѣлать не можемъ въ силу самого тембра этихъ словъ. Возьмемъ, напр., слова: бдѣніе, преніе, встряхиваніе, сверленіе—и мы получимъ звуки рѣзкіе, неблагозвучные. Сіянье, радость, ласка,—вотъ пѣвучіе, мягкіе звуки. Громъ, грязь, позоръ, срамъ, гнѣвъ — звуки рѣзкіе и сильные.

Такъ какъ для произнесенія звука *р* требуется извѣстная затрата энергіи, равно какъ и для произнесенія двухъ подрядъ стоящихъ согласныхъ, какъ напр., въ словахъ—гнѣвъ, громъ, то слова эти получаютъ еще особый энергичный оттѣнокъ. Есть наконецъ, какъ говоритъ Горькій, слова простыя, тяжелыя точно камни.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что тембръ, высота и темпъ слова зависятъ не только отъ звуковъ, составляющихъ ихъ, но и отъ самого значенія слова. Слова: громъ, трескъ, напр., произносятся всегда энергично, слова: блескъ, крикъ — быстро, слова: тоска томленье—уныло и медлительно.

Вотъ отъ какихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ причинъ зависитъ то свойство языка человѣческаго, которое мы называемъ музыкальностью рѣчи.

О томъ, какое громадное значеніе пріобрѣтаетъ музыкальность рѣчи въ поэзіи, говорить нечего, но и художественная проза дѣйствуетъ также на чувство человѣка своей гармоніей; иная проза бываетъ даже много гамоничнѣе стиха, какъ напр., проза Тургенева. Происходитъ это оттого, что проза состоитъ изъ тѣхъ-же элементовъ, изъ которыхъ слагается и стихъ, т. е. изъ тѣхъ же ямбовъ, хореевъ, дактилей; мы ими говоримъ и пишемъ. Слѣдовательно, и проза, подобно поэзіи, имѣетъ свой музыкальный ритмъ, только онъ не заключенъ въ тѣсныя, одно-

образныя рамки; ритмъ прозы свободенъ, какъ вѣтеръ, но и многозвученъ, какъ онъ.

Какъ поэтъ, сообразно общему характеру своего произведенія, выбираетъ для него тотъ или другой размѣръ, такъ и прозаикъ инстинктивно выбираетъ для своего произведенія тотъ или иной темпъ рѣчи. Слогъ автора заставляетъ насъ регулировать темпъ рѣчи, сообразно строенію періодовъ, предложеній.

Если говоря о какомъ либо сильномъ моментѣ жизни, мы не можемъ употребить темпъ рѣчи замедленный, вялый, — то и описывая его, мы не можемъ употребить фразъ длинныхъ, тягучихъ, какъ-бы угасающихъ къ концу, — мы невольно начинаемъ писать фразами короткими, ясными, сильно звучащими. И обратно,—если, говоря о грустныхъ, глубоко-печальныхъ событіяхъ, мы не можемъ употребить сильный, энергичный темпъ рѣчи, — то и опысывая печальныя чувства души человѣческой, мы придаемъ своей рѣчи темпъ замедленный, плавный, однообразнымъ пониженіемъ окончанія каждой фразы вливающій тоску въ нашу душу. Если при разсказѣ о какомъ либо потрясающемъ событіи голосъ нашъ рвется отъ волненія, то и при описаніи подобнаго событія мы употребляемъ короткія, отрывистыя, такъ сказать, оборванныя предложенія. Скажемъ, напр., такъ: „Бѣгу... кричу... бросаюсь... и вижу... кровь!“ Эти фразы нельзя прочесть медлительно и плавно: прерывистый темпъ ихъ даетъ намъ представленіе о чувствѣ чего-то потрясающаго, ужаснаго. Но мы можемъ придать этому-же выраженію болѣе плавный и медленный (холодный) темпъ. Скажемъ такъ: „тогда я побѣжалъ, закричалъ, бросился и увидѣлъ кровь“. Настроеніе ужаса, охватившее данное лицо, утеряно, и предложеніе получило извѣстную долю холодности и спокойствія.—Словомъ, темпъ рѣчи вполнѣ зависитъ отъ предмета рѣчи, и темпъ рѣчи устной находитъ свое выраженіе въ періодѣ рѣчи письменной [1]). Также точно авторъ можетъ придать звукамъ своей рѣчи характеръ мажорный или минорный.

Мы уже говорили выше, что особое колебаніе музыкальныхъ тоновъ настраиваетъ насъ извѣстнымъ образомъ.

Рѣчь человѣческая, подобно музыкѣ, состоитъ изъ разнообразныхъ паденій и повышеній тона; такимъ образомъ извѣстная смѣна тоновъ музыкальныхъ звуковъ рѣчи даетъ нашему

---

1) Сравнить хотя-бы извѣстнѣйшіе отрывки Гоголя: „Чуденъ Днѣпръ“ и его же „Дорога“.

уху впечатлѣніе характернаго свойства минорной или мажорной музыки.

Тонъ рѣчи не есть метафизическое выраженіе; это вполнѣ реальное свойство ея хорошо извѣстно всякому писателю. Короленко, напр., замѣчаетъ: „когда первая фраза написана въ надлежащемъ тонѣ, тогда пишется быстро и легко“. Возьмемъ хотя-бы такую фразу,—„томитъ меня тоска“; передадимъ эту-же мысль другими словами, хотя бы такъ: „меня давитъ грусть“, Не смотря на тождество понятій, впечатлѣніе отъ двухъ этихъ фразъ различно, — въ первомъ предложеніи фраза звучитъ уныло, во второмъ бодро. Въ данномъ случаѣ разность впечатлѣній вполнѣ зависитъ отъ различныхъ интерваловъ звуковъ, составляющихъ эти фразы. Понятіе „давитъ“ даетъ намъ еще болѣе реальное представленіе страданія, чѣмъ слово „томитъ“, также какъ и слово „грусть“, почти тождественное со словомъ „тоска“, даетъ намъ понятіе не менѣе тягостного состоянія духа человѣка,—и не смотря на это логическое равенство двухъ предложеній, звуки ихъ вызываютъ въ насъ разныя настроенія. Слово *грусть* даетъ рѣзкій, усѣченный звукъ, слово-же *тоска*, оканчивающееся долгимъ, протяжнымъ, неразрѣшеннымъ звукомъ, весьма напоминающимъ вздохъ, звучитъ томительно, протяжно и порождаетъ у насъ въ душѣ соотвѣтствующее смутное настроеніе. Тоже можно сказать и относительно словъ „томитъ“ и „давитъ.“ Тогда какъ слово *томитъ* мы произносимъ протяжно, слово *давитъ*, и въ силу своего ударенія, и въ силу своего логическаго значенія, произносится съ большимъ энергическимъ удареніемъ и поэтому получаетъ слишкомъ рѣзкій звукъ. Такимъ образомъ писатель подборомъ извѣстнаго колебанія тоновъ и звуковъ придаетъ своей рѣчи тотъ или иной отпечатокъ.

Что сказано о тонѣ и темпѣ, то-же слѣдуетъ сказать и о тембрѣ рѣчи. Поэты—художники слова—всегда пользуются этимъ звуковымъ свойствомъ слова, чтобы придавать своей рѣчи тотъ или иной тембръ.

Читая „Русалку“ Лермонтова, мы восхищаемся музыкальностью рѣчи этого произведенія, если-же мы постараемся уяснить себѣ, что порождаетъ это впечатлѣніе, если мы попробуемъ разложить его на элементы, — то увидимъ, что оно является слѣдствіемъ трехъ причинъ: прежде всего темпа этого стихотворенія; умѣренно медленнаго, затѣмъ его тона, порождающаго своимъ равномѣрнымъ подъемомъ и пониженьемъ впечатлѣніе мѣрно колеблющейся волны, и въ третьихъ—отъ самаго тембра звуковъ,

изъ которыхъ слагаются строки этого произведенія. Вспомнимъ хотя-бы первыя четыре строки, посвященныя описанію рѣки, и мы увидимъ въ нихъ преобладаніе звука л... пл... придающаго рѣчи характеръ особой плавности.

Безъ всякаго сомнѣнья слова, отдѣльно взятыя, имѣютъ свои особые звуки, и соединеніе ихъ, подобно мелодіи, представляющей послѣдовательное теченіе звуковъ, можетъ порождать въ нашей душѣ тѣ или иныя настроенія. Этимъ свойствомъ слова, какъ звука, и злоупотребляютъ поэты декаденты. Сочетая тѣ и другія слова лишь какъ звуки, они безспорно достигаютъ извѣстнаго звукового эффекта; но такъ какъ каждое слово, помимо своего звука, несетъ извѣстное понятіе нашему сознанію, — то соединеніе наугадъ собранныхъ понятій, не связанныхъ логической связью, поражаетъ своей безсмыслицей, и это впечатлѣніе, какъ болѣе сильное, заслоняетъ совершенно впечатлѣніе мелодіи рѣчи.

Только въ гармоніи мысли, образа и звука заключается сила слова.

Обращаясь къ разбираемому нами автору, мы должны замѣтить, что въ его рѣчи найдутся всѣ особенности, образующія то характерное свойство, которое мы называемъ музыкальностью рѣчи.

Мы уже говорили выше, что темпъ рѣчи долженъ всегда соотвѣтствовать предмету рѣчи, — и именно этимъ свойствомъ и обладаетъ рѣчь Коцюбинскаго: темпъ ея весьма подвиженъ и въ высшей степени выразителенъ.

Возьмемъ для примѣра отрывокъ лирическаго описанія осени, проникнутаго насквозь грустью и тоской.

Ідуть дощі, холодні осінні тумани клубочатся в горі і спускають на землю мокрі коси. Пливе у сірі безвісті нудьга, пливе безнадія і стиха хлипає сум. Плачуть голі дерева, плачуть соломъяні стріхи, вмиваеться сльозами убога земля і не знає, коли осміхнеться. Сірі дні зміняють темниї ночі. Де небо? Де сонце? Миріади дрібних крапель, мов вмерлі надії, що знялись занадто високо, спадають до долу і пливуть змішані з землею брудними патьоками. Нема простору, нема розваги. Чорні думи, горе серця крутятся тут над головою, висять хмарами, котятся туманом і чуєш коло себе тихе ридання, немов над вмерлим.“ (30)

Какъ характеренъ темпъ этихъ угасающихъ фразъ. Но рѣчь Коцюбинскаго не всегда характеризуется такой тихой плавностью: сообразно чувству, владѣющему настроеніемъ автора, мѣняется и темпъ ея. Вотъ другой отрывокъ. Авторъ описываетъ намъ радостное настроеніе размечтавшейся бабы.

„Перед очіма в Маланки встала левада,—зелена, весела над річкою. Вони з Гафійкою плоскінь беруть. Така гарна молодиця з Гафійки. Голова повязана хусткою. Бере вона плоскінь і виспівуе. У колисці дитина спить. Прокіп привіз ячмінь, в стіжок складае. І так ій весело, старій, так легко, наче вона помолодшала. Стоять городи, мов у віночку. Капуста в головки звиваеться. Квасоля вже пожовкла, вітер шумить поміж маківками; гарбузи розляглись, мов годовані кабани; а картопля зародила, аж гич сплітаеться“ (Х. М. 10).

Какъ не похожъ темпъ этой бодрой, веселой рѣчи на темпъ рѣчи, приведенной нами выше, и какъ соотвѣтствуетъ онъ настроенію Маланки!

Приведемъ еще нѣсколько строкъ. Соломія тонетъ (героиня разсказа „Дорогою ціною“); она употребляетъ всѣ усилія, чтобы доплыть до противоположнаго берега.

„Приходить смерть, але вона не дается. Вона мае сильні руки, а до берега недалеко. Вона чуе за собою якісь крики... Остапів голос, та ій не до них. Вона мусить поспішатися, поки не змерзло тіло. Дикі, невгамовані сили життя встають і прутся і роспирають груди, зростають у лютість... Всю силу добути... всю теплу кровь... всю волю... Ось ближче до берега... ось берег видко... а там так гарно, там сонце сяе, там зелено, там небо сине, там радість життя“.

Всѣ предложенія здѣсь коротки, оборваны. Темпъ рѣчи еще быстрѣе, чѣмъ въ предыдущемъ примѣрѣ. Эти отрывистыя предложенія такъ вѣрно передаютъ намъ то состояніе человѣка, когда у него нѣтъ силъ, когда онъ не можетъ уже спокойно развивать мысли, а только вырываетъ главныя ихъ части, почти не соединяя ихъ между собой. Рвущійся темпъ рѣчи, словно напоминающій прерывистое дыханіе охваченнаго смертельнымъ ужасомъ существа, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ судорожному проявленію жажды жизни борющагося со смертью здороваго тѣла.

А вотъ еще совершенно другой, своеобразный темпъ рѣчи. „Що зробить Мемет, як нас побачить? — Що він схоче. — Він нас забье, як побачить. — Як він схоче.“ Темпъ этой рѣчи совершенно уподобляется темпу однообразной восточной мелодіи.

Такъ тонко соотвѣтствуетъ темпъ рѣчи Коцюбинскаго его настроенію, такъ музыкальна рѣчь его!

Музыкальность рѣчи зависитъ въ значительной мѣрѣ и отъ благозвучности каждой отдѣльно взятой фразы. Фраза Коцюбинскаго ясна, благозвучна и ритмична. Ясность ея зависитъ въ большей мѣрѣ отъ ея краткости. Въ общемъ она коротка, но не отрывиста, не суха; она коротка какъ разъ на столько, чтобы вполнѣ выразить мысль автора. Періодъ Коцюбинскаго въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ состоитъ изъ трехъ-четырехъ предложеній, а въ большинствѣ случаевъ ограничивается однимъ, двумя, и потому мысль его воспринимается легко, безъ всякаго усилія. Кромѣ того, фраза Коцюбинскаго сама по себѣ чрезвычайно мелодична. Нечего говорить, конечно, о томъ, что въ ней вполнѣ соблюдены всѣ элементарныя правила благозвучности, но кромѣ того звуки слова и удареній распредѣлены въ ней такъ удачно, что образуютъ правильную цезуру и придаютъ теченію его рѣчи большую ритмичность. Возьмемъ наудачу нѣсколько отрывковъ, изображающихъ самыя заурядныя минуты жизни.

„Настя стояла біля печі, осяяна рожевим світлом. Її повні, трохи бліді щоки спалахнули румьянцем, в тихих очах світились спокій та щастя, обсипана рожевим світлом, свіжа, та гарна, Настя здавалась запашною трояндою. Гнат порався коло шлеї, та часом поглядав на Настю. Він чув, що йому добре.“

„Вона біжить що сили, хоч ноги під нею тремтять і вгинаются. Вона не вірить, що добіжить, і посилає наперед свою душу. Вона певна, що варто їй добігти — і станется чудо: він оживе і одужає.“

„Дні минали за днями. Настала осінь. Подихнули морози, сушили землю, звьялили гаї, та діброви; річка стялась і заблищала склом межи чорними берегами. Випав перший сніг, земля побіліла, неначе завилась білою габою.“

Эти отривки, взятые наугадъ изъ первыхъ листовъ раскрывшейся книги, иллюстрируютъ высказанныя нами выше мысли о ритмичности рѣчи Коцюбинскаго.

Та-же музыкальность проявляется и въ тонѣ, и въ тембрѣ ея. „Поэзія по отношенію къ прозѣ, говоритъ Гюо, [1]) есть почти тоже, что крики и стоны по отношенію къ членораздѣльной мысли“. Говоря иначе, если проза является выразительницей наше-

---

[1]) Задачи современной эстетики. 181.

го отвлеченнаго, логическаго мышленія, то поэзія, имѣющая причиной своего возникновенія чувство, является выразительницей сильныхъ душевныхъ движеній. Подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія чувства, слово и пріобрѣтаетъ особую силу и ритмъ. Такимъ образомъ, весьма естественно, что рѣчь поэтическая въ гораздо большей мѣрѣ обладаетъ извѣстнымъ тономъ, чѣмъ рѣчь прозаическая. Смѣшно было-бы искать минорнаго или мажорнаго тона въ протоколѣ судебнаго засѣданія, или въ какомъ либо научномъ сочиненіи; но когда рѣчь прозаическая является слѣдствіемъ глубокаго возбужденія, когда она пріобрѣтаетъ характеръ лиризма, она становится въ высшей степени ритмичной и получаетъ окраску того или иного тона.

Сказанное нами выше вполнѣ относится къ прозѣ Коцюбинскаго. Вслушаемся хотя-бы въ звуки этихъ строкъ. „Пливе у сірі безвісті нудьга, пливе безнадія і стиха хлипає сум“ и т. д. Весь этотъ отрывокъ можетъ служить образцемъ художественной, музыкальной рѣчи. Звуки каждой фразы какъ-бы наростаютъ къ серединѣ и замираютъ къ концу, подобно уплывающимъ съ рояля звукамъ тончайшаго pianissimo. Переставьте въ этихъ фразахъ хоть одно слово—и гармонія нарушена. Стоитъ только сказать такъ: нудьга пливе у сірі безвісті, безнадія пливе і сум хлипає стиха,“—и впечатлѣніе, которое хотѣлъ произвести на насъ авторъ созвучіемъ словъ, утеряно безвозвратно. Логически фраза получила слишкомъ рѣзко опредѣленный смыслъ, а благодаря перемѣнѣ удареній, т. е. иной разстановкѣ тоновъ, совершенно утратилась минорная музыкальность рѣчи. Или хотя-бы слѣдующая фраза того-же отрывка: „Чорні думи, горе серця крутятся тут над головою, висять хмарами, котятся туманом, і чуєш коло себе тихе ридання, немов над вмерлим.“ Чувствуется вначалѣ подъемъ тона, словно послѣдняя вспышка чувства, и затѣмъ она постепенно угасаетъ, и заключительныя слова фразы „немов над вмерлим,“ звучатъ, какъ тихій замирающій refrain. Такъ-же минорно звучитъ и слѣдующій отрывокъ.

„Тмяно в халупці. Цідять морок маненькі вікна; хмурятся вохкі кутки, гнітить низька стеля і плаче зажурене серце. З цім безконечним рухом, з цім безупинним спаданням дрібних крапель пливуть і згадки. Як краплі ці, упали й загинули в болоті дні життя, молоді сили, молоді надії. Все пішло на других, на сильніших, на счастливіших, немов так і треба... Немов так і треба. (Х. М. 30). Повтореніе заключительной фразы

въ данномъ случаѣ вполнѣ уподобляется грустному, музыкальному отзвуку. И снова впечатлѣніе этой минорной мелодіи звуковъ даннаго отрывка зависитъ отъ комбинаціи высоты и долготы звуковъ. Возьмемъ хотя-бы первую фразу: — „тмяно въ халупці,“ и переставимъ эти два слова въ другомъ порядкѣ, — „в халупці тмяно.“ И впечатлѣніе уже нѣсколько нарушено. У автора эта фраза написана въ размѣрѣ трехстопнаго стиха, дактиля. (Тмяно в халупці). Въ нашей-же перестановкѣ предложенію приданъ ритмъ ямба, имѣющій болѣе быстрое теченіе, и болѣе мажорный (важный, торжественный) тонъ.

Приведемъ теперь отрывокъ въ другомъ родѣ.

„А в неї серце розмякло, в неї все співало. Співала колосом власна нива, співали жайворонки над нею, співав пісню серп, підрізуючи стебло, лунали співи по покосах, співало врешті серце, повне надій. Доля осміхалась, не тільки власна, а й Гафійчина. В ногах чулась міць, в руках сила: чорні жилави руки були наче з заліза. (Х. М. 21) и т. д.

Если-бы прослушалъ эти отрывки человѣкъ, не знакомый со значеніемъ украинскихъ словъ, невольно сообщающихъ намъ смыслъ данной рѣчи, то и онъ, вѣроятно, заключилъ-бы, что само повышеніе и пониженіе тоновъ образуетъ въ данномъ случаѣ минорный или мажорный тонъ рѣчи.

Что касается третьяго свойства музыкальности рѣчи, т. е. ея тембра, — то слѣдуетъ замѣтить, что вообще рѣчь Коцюбинскаго отличается чрезвычайно мягкимъ, пѣвучимъ тембромъ; приведенные нами выше примѣры вполнѣ характеризуютъ это отличительное ея свойство. Но когда предметъ рѣчи требуетъ звуковъ рѣзкихъ, жесткихъ, — тогда тембръ рѣчи Коцюбинскаго измѣняется сообразно требованію содержанія „Пожаръ въ плавняхъ.“

„Соломіїно вухо ловить вже далекий лускіт сухого комишу, невиразне гудіння... наче звір-велет трощить щось, жвакує, і важко сопе.“ Этими умышленно собранными звуками авторъ какъ-бы желаетъ дать намъ понятіе о трескѣ горящаго, сухого камыша.

Праздничный день, выходъ крестьянъ изъ церкви: „з гори аж до греблі *суне* поволі хмара народу. *Гупають* сільскі чоботи, *лопотять* підтички і *тріпотять* на вітрі стрічки дівчат.“

Зачѣмъ автору понадобилось ввести такіе грубые звуки въ свою изящную, музыкальную рѣчь?—„Суне, гупають, лупотять“.

Потому-что эти грубые звуки характеризують намъ шумъ движенія тяжелой, неуклюжей деревенской толпы.

Мы старались разсмотрѣть музыкальныя свойства рѣчи Коцюбинскаго. Но слово производитъ на насъ троякое впечатлѣніе: оно даетъ намъ извѣстное понятіе, опредѣленный звукъ, и въ большей части словъ—зрительный образъ. Это послѣднее свойство слова, которое вслѣдъ за проф. Потебней принято называть „внутренней формой слова", производитъ на насъ не менѣе сильное впечатлѣніе: оно всегда улавливаетъ существенный признакъ предмета и такимъ образомъ живописуетъ передъ нами самый предметъ. Если извѣстнаго рода змѣю мы называемъ—удавъ, мы характеризуемъ этимъ главнымъ признакомъ животныхъ подобнаго рода. Называя особаго жучка — свѣтлякомъ, мы опять даемъ однимъ его названіемъ понятіе о существенномъ свойствѣ этого насѣкомаго. Существенные признаки, сохраняющіеся внутренней формой слова, могутъ быть и прямые, какъ въ приведенныхъ нами выше примѣрахъ, и переносные. Называя, напр., какого нибудь взрослаго человѣка молокососомъ, мы не подразумѣваемъ, что онъ въ данное время питается грудью матери,—мы только уподобляемъ его сосущему младенцу. Говоря о комъ нибудь—отщепенецъ, мы образомъ щепы, отколотой отъ дерева, олицетворяемъ его отдѣленность отъ родной среды.

Въ далекой мглѣ доисторическаго прошлаго, вѣроятно, всѣ языки состояли изъ словъ, обладающихъ внутренней формой; народъ въ своемъ творчествѣ, создавая и теперь новыя слова, наименованія предметовъ, не бывшихъ доселѣ въ его употребленіи,—и теперь стремится придать имъ „внутреннюю форму". Намъ самимъ пришлось слышать, какъ обитатели глухой деревни создавали новыя наименованія предметамъ, имъ неизвѣстнымъ доселѣ; въ эти новыя слова они влагали существенные признаки предметовъ. Такъ: „мячъ" былъ названъ „плыгало", зонтикъ—напынало, вѣеръ—віяло, и, наконецъ воаль—волосиння.

Конечно, подобныя слова, встрѣтившись въ обращеніи со своими синонимами, получившими уже право гражданства, должны очевидно быть вытѣснены, но мы приводимъ ихъ лишь какъ примѣръ принципа народнаго творчества. И обратно, встрѣчаясь съ чуждымъ ему словомъ, народъ также понимаетъ его сообразно его внутренней формѣ. Возьмемъ, напр., слово—воспитаніе; внутренняя форма этого слова говоритъ намъ о питаніи; предлогъ—

вос-какъ-бы опредѣляетъ дѣйствіе, доведенное до законченности, такимъ образомъ, слово это въ первоначальномъ своемъ употребленіи обозначало питаніе ребенка вплоть до его зрѣлаго возраста, такъ что слово воспитать—было синонимомъ слова вскормить. Между тѣмъ въ нашемъ современномъ употребленіи слово вскормить обозначаетъ поддержку и развитіе физической жизни ребенка, слово-же воспитать обозначаетъ развитіе въ желанномъ направленіи духовныхъ силъ ребенка. Въ нынѣшнемъ году мы сами слышали, какъ 60-тилѣтняя старуха, обращаясь съ просьбой о пособіи къ мировому судьѣ, заявляла, что сына ея взяли на войну и ей теперь нечѣмъ „*воспитуватись*". Очевидно, женщина понимала слово сообразно его внутренней формѣ.

И такъ и въ современныхъ языкахъ есть еще много словъ, обладающихъ доступной нашему пониманію внутренней формой. Такія художественныя слова оживляютъ передъ нами образы предметовъ и придаютъ нашей рѣчи живыя краски и народный колоритъ.

Конечно, словами, окончательно лишенными какого-бы то ни было образа, будутъ слова иностранныя и неудачно составленныя новыя слова. Присутствіе такихъ безцвѣтныхъ, безличныхъ словъ въ художественной рѣчи донельзя отягчаетъ и безобразитъ ее. Въ газетной статьѣ мы можемъ свободно употребить выраженіе—ренегатъ, но внутренній тактъ не позволитъ намъ употребить подобное выраженіе въ рѣчи художественной, и мы скажемъ не ренегатъ, а отщепенецъ—слово, дающее намъ сразу чувственный образъ, а потому и усиливающее впечатлѣніе нашей рѣчи. Въ обычномъ разговорѣ мы скажемъ, напр., недобросовѣстное дѣло; но желая придать своей рѣчи больше силы, сдѣлать ее ближе, доступнѣе всѣмъ, мы скажемъ—„грязное дѣло". Не смотря на то, что въ первомъ случаѣ, въ смыслѣ опредѣленнаго понятія, фраза гораздо полнѣе,—она звучитъ сильнѣе во второмъ, потому что слово „грязный" въ самомъ звукѣ своемъ имѣетъ что-то рѣзкое, сильное и, главное—тогда какъ слово „недобросовѣстное," представляетъ изъ себя абстракцію, тяжело составленную изъ двухъ отвлеченныхъ понятій,—слово „грязный" сразу даетъ намъ опредѣленный чувственный образъ. Слова, соединяющія въ себѣ вмѣстѣ съ извѣстнымъ понятіемъ и чувственный образъ и соотвѣтствующій звукъ, производятъ на насъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ беззвучныя и безцвѣтныя слова.

Изъ сказаннаго нами не слѣдуетъ однако выводить заключенія, что художникъ спеціально подбираетъ для своей рѣчи осо-

быя слова. Это происходитъ само собою. Какъ піанистъ, глядя въ ноты, не смотритъ на клавіатуру, а находитъ всѣ нужныя для исполненія звуки и тона, такъ и художникъ, проникаясь лишь идеей своего произведенія, находитъ въ языкѣ человѣческомъ всѣ клавиши, заставляющія звучать струны человѣческаго сердца.

Въ этомъ процессѣ заключается таинственная, безсознательная, но все-же строго логическая дѣятельность таланта.

Вотъ почему, повторяемъ, если для произведеній строго-научныхъ еще могъ-бы служить какой-либо всемірный языкъ, то матеріаломъ художественной рѣчи всегда будетъ языкъ народный, въ каждомъ словѣ котораго отразилась жизнь столѣтій, въ каждомъ оборотѣ котораго чуется духъ народа, создавшаго его.

Пока существуетъ въ мірѣ поэзія, до тѣхъ будутъ жить въ мірѣ и народные языки.

Кромѣ словъ образныхъ, есть въ каждомъ языкѣ значительное число словъ почти равнозначущихъ, синонимовъ; особенно много подобныхъ словъ существуетъ въ языкахъ русскомъ и украинскомъ, такъ какъ въ нихъ входитъ составною частью славянскій языкъ. Конечно, значеніе каждаго синонима имѣетъ свой едва уловимый оттѣнокъ, и каждое изъ этихъ словъ имѣетъ опредѣленный звукъ, а потому выборъ словъ свидѣтельствуетъ намъ о художественномъ чутьѣ, объ изящномъ вкусѣ автора. Вотъ почему одинъ и тотъ-же языкъ подъ перомъ одного писателя можетъ звучать прекрасно, подъ перомъ другого — невыносимо тяжело.

Пользоваться богатствомъ и красотою языка можетъ, конечно, только тотъ, кто хорошо съ нимъ знакомъ. О томъ, что Коцюбинскій хорошо знакомъ съ подлинной народной рѣчью, свидѣтельствуетъ множество меткихъ народныхъ словъ и оборотовъ, разсыпанныхъ въ его произведеніяхъ, а также образовъ. Такія выраженія, какъ напр.: „і меніта самота налилась за три роки вухами“, „сонце було як у два чоловіка од землі“, „така лиха, що аж вогню креше“, „купить шапку, аби голова не боса“, „ти вже десь шлюб узяла у заячому холодку“, „солодко спав десь на вулиці, загорнувшись небомъ“, и т. д. Подобныя выраженія можетъ употреблять только человѣкъ, хорошо знающій народную рѣчь. Основательное знаніе народнаго языка придаетъ рѣчи г. Коцюбинскаго необычайную сочность, колоритность, а художественный вкусъ—изящество. Въ его словарѣ нѣтъ неудачныхъ, безжизненныхъ словъ и весьма мало иностранныхъ; онъ допускаетъ ихъ очень рѣдко, въ видѣ легкой ироніи: „її високі, добре сконсервовані перса“. Въ общемъ Коцюбинскій умѣетъ обходиться формами народнаго языка и для

выраженія самыхъ сложныхъ чувствъ и психологическихъ движеній души. Его обороты, фигуры построены на основаніи чисто народныхъ представленій и потому придаютъ его рѣчи особый, національный характеръ. „На небі сірим павутинням снувались хмари“. Передайте это выраженіе по русски, — двигались сюда и туда, — оно теряетъ свой образъ.

„Скоро в тіні камъяних осель, перетканних блакітним світлом, починалась забава“.

Опять тоже. Передайте иначе это слово „перетканних“, взятое изъ выраженій ткацкаго ремесла и придающее въ данномъ случаѣ рѣчи такой красивый образъ, — и красота украинскаго образа будетъ утеряна.

Коцюбинскій пишетъ не только изъ украинской жизни, но также изъ жизни татаръ, цыганъ, молдаванъ. Описывая сцены изъ жизни той или иной народности, онъ не отягчаетъ своей рѣчи изобиліемъ иностранныхъ словъ. Мѣстныя, иностранныя слова мелькаютъ лишь искорками въ его рѣчи, но самий темпъ и тонъ ея придаютъ ей тотъ или иной колоритъ.

Вотъ небольшой отрывокъ изъ жизни крымскихъ татаръ.

„Зорі висять над землею, місяць над морем...

— Ти здалеку? — Али здригнувся. Голос йшов зверху, з даха, і Али підняв туди очі. Фатьма стояла під деревом, тінь од якого вкривала Али. Він спаленів і заікнувся.

— З під Смірни... далеко звідси...

— Я з гір.

Мовчанка.

Кровь бухала йому до голови, як морська хвиля, а очі полонила татарка і не пускала від своїх.

— Чого забився сюди? Тобі тут сумно.

— Я бідний... ні зірки на небі, ні стебла на землі. Заробляю.

— Я чула, як ти граєш.

Мовчанка.

Ти не боїшся Ханим розмовляти зо мною? Що зробить Мемем, як нас побачить?

— Що він схоче.

— Він нас забьє, як нас побачить.

— Як він схоче“.

Это другіе люди, другіе темпераменты, другія міровозрѣнія, и одинъ и тотъ-же украинскій языкъ звучитъ въ этой сценѣ совершенно иначе. Во всей сценѣ есть только одно татарское слово, а между тѣмъ языку приданъ тонъ восточной рѣчи. Такъ умѣетъ

Коцюбинскій проникаться духомъ того народа, о которомъ онъ пишетъ.

„Чи знайоме вам те гостре, до физичного болю гостре почуття нудьги за рідною країною, яким обкипає серце від довгого пробування на чужині, — пишетъ Коцюбинскій въ одномъ изъ своихъ произведеній. „Чи відомий вам такий псіхічний стан, коли за один рідний згук, один образ рідний ладен буваєшь заплатити роками життя?“ (419).

Душа поэта впитала въ себя навсегда родные образы, родные звуки, и потому творчество его можетъ процвѣтать только на почвѣ родной рѣчи. Потому и Коцюбинскій остается вездѣ и всегда глубоко-національнымъ украинскимъ поэтомъ.

IV.

Еще однимъ большимъ достоинствомъ, характеризующимъ истинныхъ художниковъ, обладаетъ Коцюбинскій — своимъ оригинальнымъ стилемъ.

Стиль Коцюбинскаго не столько художественъ и изященъ, но онъ имѣетъ свой особый характеръ, свойственный только ему и характеризующій его, какъ украинскаго писателя.

Что собственно требуемъ мы отъ хорошаго стиля?

Первое и главное условіе хорошаго стиля со стороны художественной полагается въ „изобразительности или живописности рѣчи“. (Соколовъ 35). Въ другихъ опредѣленіяхъ эти свойства перечисляются подробнѣе; они включаютъ „ясность и объективную правду, стройность и убѣждающую силу рѣчи, умѣнье пользоваться богатствомъ языка и тонкостью чувства для выраженія разнообразныхъ настроеній“ и т. д. (Энциклопедическій словарь.) Но какое-бы изъ выше перечисленныхъ свойствъ „хорошаго стиля“ мы не отмѣтили у даннаго автора, оно не поможетъ намъ уяснить свойствъ *его* стиля.

Рѣчь двухъ авторовъ можетъ обладать всѣми перечисленными выше свойствами и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно не походить одна на другую, подобно тому какъ два человѣка могутъ обладать носами одинаковой формы, черными глазами, вьющимися волосами и одинаково румянымъ лицемъ,—и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ имѣть совершенно различныя физіономіи. Это будетъ зависѣть въ данномъ случаѣ отъ различныхъ выраженій лицъ, и отъ сово-

купности другихъ, быть можетъ на первый взглядъ незначительныхъ, чертъ, мѣняющихъ лица.

Изъ такихъ же на первый взлядъ ничтожныхъ, но въ сущности существенныхъ чертъ, придающихъ тотъ или иной характеръ рѣчи, и составляется стиль писателя.

Не смотря на то, а можетъ быть именно благодаря тому, что выраженіе это крайне распространено и, казалось-бы, вполнѣ понятно всякому, оно не имѣетъ своего точнаго опредѣленія.

Казенное опредѣленіе стиля сводится къ слѣдующему. „Одинъ (писатель) чаще употребляетъ картинныя выраженія, другой рѣже; въ сочиненіи одного преобладаетъ рѣчь отрывистая, въ сочиненіи другого періодическая, въ сочиненіи третьяго короткія предложенія и періоды чередуются другъ съ другомъ; у одного рѣчь дышетъ народностью, у другого она слишкомъ искусственна; одинъ щедро пересыпаетъ свою рѣчь непозволительными варваризмами, другой заботливо ихъ избѣгаетъ. Отъ всего этого зависитъ тотъ или иной характеръ изложенія, который называютъ слогомъ, или стилемъ". (Смирновскій. Теорія словесности 43 — 44.)

Въ этомъ обширномъ опредѣленіи захвачены признаки, опредѣляющіе не только стиль, но и степень таланта писателя. Но попробуемъ разобраться въ нихъ.

Всѣ они касаются двухъ свойствъ рѣчи: музыкальности и живописности ея, короче — темпа и колорита.

Предметъ рѣчи, какъ мы уже говорили выше, обусловливаетъ темпъ ея. Нельзя себѣ представить такого писателя, который заковалъ-бы свою рѣчь въ одинъ размѣръ, т. е. писалъ-бы, выражаясь словами г. Смирновскаго: „рѣчью отрывистой или періодической, или всегда чередовалъ-бы короткія предложенія съ періодами". Несостоятельность этого утвержденія такъ очевидна, что не нуждается и въ возраженіи.

Что-же касается колорита рѣчи, т. е. того свойства ея, которое г. Смирновъ характеризуетъ „народностью, искусственностью, присутствіемъ или отсутствіемъ варваризмовъ, провинціализмовъ или архаизмовъ", то слѣдуетъ замѣтить, что и колоритъ рѣчи въ значительной мѣрѣ обусловливается предметомъ ея.

Вотъ строки одного и того-же автора.

Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда.
Хлопотливо не свиваетъ долговѣчнаго гнѣзда.

— Царю, едину зримый, явился мужъ необычайно свѣтелъ,
Зане святый владыка предъ Царемъ во храминѣ тогда не
находился.

Сравнимъ еще слѣдующія строки стихотворенія Лермонтова,—„И скучно и грустно, и некому руку подать“ съ его-же описаніемъ Москвы въ пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной Кремлевской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается.
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми,
Какъ красавица, глядя въ зеркальце,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.

Такъ мѣняютъ писатели колоритъ своей рѣчи, сообразно предмету ея.

Что же касается образности рѣчи, то свойство это въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ таланта писателя. Такимъ образомъ, приведенное нами выше широкое опредѣленіе г. Смирновскаго не улавливаетъ существеннаго признака стиля писателя, который долженъ проявляться вездѣ и всегда, какъ въ рѣчи возвышенной, такъ и при описаніи заурядныхъ явленій жизни, какъ въ рѣчи, приближающейся къ народному складу, такъ и въ рѣчи литературной.

Рѣчь писателя состоитъ изъ предложеній, предложеніе изъ словъ, изъ частей предложенія. Привычное расположеніе частей предложенія и составляетъ по нашему мнѣнію первый и основной признакъ того, что мы называемъ въ тѣсномъ смыслѣ стилемъ автора. Исключеніемъ, конечно, является рѣчь, требующая именно особеннаго однообразнаго расположенія частей предложенія (эпическій, старо-народный складъ рѣчи).

Возьмемъ какую-нибудь несложную фразу, хотя-бы слѣдующую: на берегу моря росло дерево.

Эту самую фразу можно измѣнить много разъ. Можно сказать такъ: „дерево росло на, берегу моря“ или „на берегу моря

росло дерево", „росло дерево на берегу моря", или, наконецъ, такъ: „на берегу моря дерево росло."

Каждая изъ этихъ фразъ не смотря на тождество звуковъ и понятій, составляющихъ ее, звучитъ иначе и производитъ разное впечатлѣніе.

Въ первой комбинаціи,—„дерево росло на берегу моря,"—она звучитъ неблагозвучно, потому что слишкомъ сильное удареніе на первомъ словѣ дѣлитъ предложеніе, какъ извѣстное сплетеніе звуковъ, на двѣ неравныя части; въ смыслѣ же литературномъ фраза получаетъ какую-то непріятную грамматическую опредѣленность. Во второй комбинаціи,—„на берегу моря росло дерево," фраза звучитъ уже благозвучнѣе и производитъ нѣсколько иное впечатлѣніе; вниманіе читателя сосредоточивается главнымъ образомъ на словахъ,—„на берегу моря", и передъ глазами его сразу выплываетъ картина морского берега. Въ третьей комбинаціи—„росло дерево на берегу моря" фраза получаетъ эпическій тонъ. Въ этомъ началѣ чуется что-то неопредѣленное и продолжительное во времени; звучитъ она благозвучно; но стоитъ намъ переставить слова хотя-бы въ слѣдующемъ порядкѣ,—„росло на берегу моря дерево"—и уже фраза звучитъ не такъ благозвучно и прочесть ее труднѣе,—и наконецъ въ четвертой комбинаціи,—„на берегу моря дерево росло,"—фраза получаетъ пѣвучій, пѣсенный тонъ.

Отъ такихъ, казалось-бы, ничтожныхъ причинъ зависитъ весь характеръ рѣчи, подобно тому какъ отъ микроскопическаго строенія тканей зависятъ свойства тѣхъ или другихъ органовъ.

Значеніе той или иной разстановки частей предложенія должно быть хорошо знакомо человѣку, привыкшему работать перомъ. Если-бы мы задали, напримѣръ, нѣсколькимъ писателямъ выразить одну опредѣленную мысль, предоставивши имъ для этого даже опредѣленное количество одинаковыхъ словъ—каждый изъ нихъ выразилъ-бы ее иначе.

Писатель разставляетъ части предложенія, повинуясь какому-то внутреннему ритму. Иначе выраженное предложеніе тревожитъ его: оно, такъ сказать, противно его натурѣ. Должно быть, на этомъ свойствѣ психики писателя и основана чрезвычайно мѣткая французская поговорка:—le style c'est l'homme. Эта-то привычная разстановка частей предложенія и составляетъ, по нашему мнѣнію, главное и существенное отличіе стиля одного писателя отъ другого.

У Коцюбинскаго есть именно своя манера разстановки частей предложенія, придающая его рѣчи особый, мягкій, пѣвучій, слегка

печальный оттѣнокъ. Каждая фраза какъ бы стушевывается къ концу. Она не отчеканивается, въ ней нѣтъ рѣзкой опредѣленности. Одна за другою льются онѣ плавно и мѣрно, оставляя въ душѣ впечатлѣніе тихой, минорной мелодіи.

Въ подтвержденіе нашихъ словъ приведемъ нѣсколько наудачу взятыхъ фразъ:

„Не мов сподіваєтся, що побачить його очі, великі, чорні, гарячі, які ій снятся“. (15)

Поставьте только эти эпитеты впереди подлежащаго—и фраза сразу измѣнитъ свой характеръ: „немов сподіваєтся, що побачить його великі, чорні, гарячі очі, які снятся ій“. Это уже звучитъ совершенно иначе. Мягкій, пѣвучій, если можно такъ выразиться, слегка задумчивый тонъ рѣчи утерянъ.

Или вотъ другая фраза: „Там, на піску, над морем зацвіла тепер її любима квітка,—гірскій кроносъ. Зорі висять над землею, місяць над морем“. Тотъ-же мягкій, пѣвучій тонъ. Переставимъ слова въ слѣдующемъ порядкѣ: „Над землею висять зорі, над морем місяць“, — утеряна и музыкальность рѣчи, и образъ какъ-то съуженъ.

Приведемъ еще рядъ наудачу фразъ.

„Рій згадок тихо бренів у хаті під веселий клекіт самоваря і викликав у памьяті давно забуті обличчя й події, колись пережиті почуття, колись пещені надії“. (57) „Хай буде тиша і невпинний щемлячий біль одинокого серця. Хай воно сходить кровью“. „Жовте, каламутне світло потиху лине до гори. Згадки життя займаются як іскри і гаснуть, попеліють як іскри“. (149). „Сірі тіні блукають по хаті, вікно гасне, роспливаєтся... вечірній морок лягає на серце; навкруги нікого й нічого“. (214) „День довгий, безконечний, трівожний“ и т. д.

Всюду тотъ-же мягкій, пѣвучій тонъ. И этотъ тонъ, напоминающій задумчивую, стиха-печальную украинскую пѣсню, придаетъ стилю автора чисто національный характеръ.

Рѣчь Коцюбинскаго струится легко и мелодично, подобно бисернымъ нитямъ свѣтлаго, весенняго дождя.

Л. Старицкая-Черняховская.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова. [1]

Послѣдній мой курсъ въ Орловской д. Семинаріи.

(1825 — 1827 гг.).

Увлеченіе идеею подвижничества и стремленіе къ отшельничеству.— Путешествіе пѣшкомъ въ Кіевъ—на богомолье въ іюлѣ 1826 года.—Духовный восторгъ при видѣ Кіева.— Встрѣча съ молодымъ монахомъ, нарушившая идеальное настроеніе автора.—Приключенія въ лаврѣ. — Посѣщеніе Кіевской Академіи и свиданіе со студентами земляками.—Историческое свѣдѣніе о частицахъ мощей въ церквахъ г. Кіева.—Переворотъ въ духовномъ настроеніи автора.—Приключенія на возвратномъ пути.—Малорусскія корчмы.—Переводъ семинаріи изъ Сѣвска въ Орелъ.—Мечты о женитьбѣ.—Посѣщеніе Сѣвска Императоромъ Александромъ I.—Окончательный экзаменъ и неожиданное назначеніе въ Кіевскую Академію.— Прощаніе съ родителями предъ отъѣздомъ въ Академію. —

Въ высшемъ отдѣленіи семинаріи я шелъ не отставая отъ первыхъ учениковъ. Оставалось время и для чтенія книгъ; но намъ не позволяли читать свѣтскія книги, а все духовныя. Я дома на каникулахъ много читалъ житій святыхъ изъ Четьи-Минеи, но они не производили на меня такого впечатлѣнія, какъ попавшійся подъ руку въ семинаріи *Лѣствичникъ*, а потомъ *Патерикъ*. Прочитавши Лѣствичника, я убѣдился, что всѣ люди, какихъ я зналъ, погибшіе, потому что они не совершаютъ покаянія въ такомъ сокрушеніи сердца, какъ совершали подвижники, изображенные въ этой книгѣ, и поэтому участь всѣхъ будетъ гибель и вѣчное му-

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1906 г. 7—8.

ченіе во адѣ. Когда я прочиталъ Патерикъ, у меня родилось сильное желаніе спасаться въ Кіевской лаврѣ. Тамъ — пещеры, мощи святыхъ, тамъ икона Успенія Божіей Матери, полученная изъ пречистыхъ рукъ Ея, тамъ и церковь, построенная чудеснымъ образомъ. Я рѣшился бѣжать изъ міра и съ трудомъ могъ открыться товарищу моему и другу *Веселову*. Зачѣмъ бѣжать? — лучше уволиться изъ Семинаріи, взять билетъ и итти себѣ въ любимый монастырь. — Вотъ я, не говоря никому и даже Веселову, пошелъ сказать о своемъ намѣреніи ректору семинаріи. Тогда былъ ректоромъ у насъ *Гавріилъ*, глазами косой; онъ послѣ былъ преподавателемъ философіи въ какомъ-то университетѣ, загнанный архіереемъ Гавріиломъ. [1]). Онъ былъ большой мастеръ говорить проповѣди экспромтомъ, что сначала слишкомъ удивляло насъ, пока не нашелся одинъ изъ учениковъ, *Вознесенскій*, ловкимъ подражателемъ ему. — Когда я трепещущимъ голосомъ объявилъ ректору свое намѣреніе и просилъ увольнительнаго билета, онъ отъ души захохоталъ. „А ктожъ тебя станетъ удерживать? — сказалъ онъ, — вотъ почти только годъ остается до окончанія курса; окончи—и съ Богомъ, иди на всѣ четыре стороны!“ Знаніе не спасаетъ, — возразилъ я, — а подвиги, и всякое знаніе теперь я обращаю во уметы. — „Какъ? — вскричалъ онъ, — и знаніе ученія Христова? вѣдь въ Богословіи излагается ученіе Христово. Дуракъ! пошелъ въ классъ!“

---

[1]) Тогдашній ректоръ Орповской семинаріи, архимандритъ *Гавріилъ Воскресенскій*, былъ магистромъ Москов. Духовной Академіи выпуска 1820 г. Сначапа онъ былъ преподавателемъ философскихъ и богословскихъ наукъ въ Московской же Академіи, а затѣмъ съ 1824 г. переведенъ въ С.-Петербургскую д. Академію—профессоромъ богословія и инспекторомъ.—Отсюда 2 сентября 1825 былъ назначенъ ректоромъ Орповской д. семинаріи. — Въ 1829 г. онъ переведенъ былъ въ Казань — и здѣсь вполнѣ раскрыпись его ученые таланты... Здѣсь онъ преподавалъ богословіе и церковное право въ духовной семинаріи, богословіе и философію въ Казанскомъ университетѣ, а также издалъ нѣскопько капитапьныхъ сочиненій, именно: *Исторію философіи* (въ 6 частяхъ): *Философію права; Понятіе о церковномъ правѣ* и другія.—Кромѣ того быпъ ревностнымъ церковнымъ проповѣдникомъ. Подобно другому воспитаннику Московской Академіи, своему младшему сверстнику, *Н. И. Надеждину*, архим. Гавріипъ. Воскресенскій оставилъ замѣтные слѣды въ исторіи русскаго просвѣщенія: онъ былъ піонеромъ въ насажденіи въ Россіи философскаго образованія. Его „Исторія фипософіи“ быпа очень попупярна въ свое время. Но точно также какъ Надеждинъ, онъ подвергался преслѣдованіямъ. Изъ Казани его гоняпи то въ одинъ, то въ другой монастырь. Тогда въ Россіи быпо по истинѣ *горе отъ ума*. Скончапся архим. Гавріилъ въ 1868 г. — въ Муромскомъ Спасскомъ монастырѣ — Л. М.

До каникулъ оставалось не много. А тутъ пришла мать одного изъ товарищей моихъ *Азбукина,* чтобы, взявъ съ собою сына, по обѣту итти въ Кіевъ. По окончаніи экзаменовъ я взялъ билетъ, и увязался съ ними. У меня, кромѣ сертука, который былъ на мнѣ, и кромѣ 3-хъ рублей, никакой ноши не было. Я взялся нести провизію, которой было въ мѣшкѣ до одного пуда. Первую станцію прошелъ безъ большого утомленія; но до другой едва могъ доплестись, и когда завидѣлъ ее, присѣлъ и не могъ итти далѣе. Съ меня сняли ношу; я полѣзъ уже четверикомъ и чуть только доползъ, растянулся на сухомъ навозѣ и заснулъ мертвецкимъ сномъ. Компанія моя тоже утомилась и безпокоилась, какъ я буду продолжать путь. Но проснувшись утромъ, я былъ бодрѣе ихъ. Другіе богомольцы объяснили намъ нашу усталость тѣмъ, что мы въ одинъ день прошли 40 верстъ, а слѣдовало первый день пути до обѣда пройти 15 верстъ, послѣ обѣда—10, и итти самымъ тихимъ и короткимъ шагомъ. Мы послушались. На другой день шли очень тихо и до обѣда прошли 18 верстъ, а по обѣдѣ 12. На третій и четвертый день мы проходили уже по 40 верстъ, но должны были кожаную обувь перемѣнить на лапти и на каждой станціи перемѣнять постилку въ нихъ, потому что подошвы у насъ отстали отъ тѣла и налились влагою. Мы прокалывали волдыри и спускали эту влагу.

Послѣдній привалъ или отдыхъ были *Бровары.* Когда вышли мы изъ Броваровъ и отошли версты три, предъ нами открылся Кіевъ съ Лаврою, церквами и возвышающимися надъ ними необыкновенными колокольнями. Мы остановились въ восторгѣ и благоговѣніи, и минутъ нѣсколько молились. Не знаю, съ такимъ ли благоговѣніемъ и восторгомъ я увидѣлъ бы Іерусалимъ, съ какимъ смотрѣлъ тогда на Кіевъ. По мѣрѣ приближенія нашего, Лавра и рядъ церквей поднимались все выше и выше. Оказалось, Лавра и старый Кіевъ стояли на горѣ, выше которой я дотолѣ не видалъ. Открылся и Подолъ съ церквами. Перешли мы мостъ черезъ Днѣпръ и расположились пообѣдать у подошвы горы на берегу рѣки противъ Дальнихъ пещеръ. Мои сопутники перемѣнили бѣлье, а я, какъ умѣющій хорошо плавать, скупался, вымылъ бѣлье, которое было на мнѣ, и, выкрутивъ его покрѣпче, развѣсилъ на кустѣ. Сопутники торопились въ Лавру, и я, не дождавшись высушки бѣлья, надѣлъ его почти сырымъ.

Шли берегомъ, какъ вдругъ является монахъ, молодая женщина и вдали отъ нихъ кто-то третій. Монахъ былъ въ чер-

номъ шолковомъ подрясникѣ, подпоясанный кожанымъ поясомъ, безъ камилавки, но въ скуфейкѣ. На видъ ему было не болѣе 30 лѣтъ. Круглая черная бородка окаймляла бѣлое лицо. Онъ выказывалъ предъ женщиной свою силу, поднимая большія каменья и катая ихъ внизъ къ рѣкѣ. Женщина смѣялась. Третій компаньонъ былъ дьячекъ, какъ показывала одежда его. Видъ монаха въ сообществѣ съ женщиной слишкомъ смутилъ меня...

Въ Лавру вошли мы при закатѣ солнца и расположились въ гостинницѣ. Клопы не дали мнѣ спать на нарахъ. Я оставилъ гостинницу и рѣшился провести ночь съ другими богомольцами посреди монастыря на травѣ. Но была холодная ночь; я сильно продрогъ. Я рѣшился возвратиться въ гостиницу; ворота заперты. Пошелъ къ святымъ воротамъ, чтобы выйти въ городъ и въ немъ найти пріютъ; но и св. ворота были заперты. Я сталъ усиленно бѣгать, чтобы согрѣться, но это мало помогало. У воротъ я разбудилъ привратника, чтобы онъ или отворилъ ворота, или принялъ меня въ келью. Но это былъ не изъ числа тѣхъ привратниковъ, о которыхъ я читалъ въ Патерикѣ. Онъ грубо отказалъ мнѣ и въ томъ, и въ другомъ. Наконецъ въ самую полночь раздался гулъ колокола въ 2000 пудовъ. Отворили и св. ворота. Я выскочилъ изъ Лавры, думая, что вступилъ въ городъ; анъ нѣтъ: предо мною огромное зданіе съ часовымъ у воротъ. Я направо. Стоитъ церковь, сзади ея крѣпостные валы. Я замѣтилъ у самаго вала домикъ и туда сталъ стучаться; но, видно, отъ нетерпѣнія стучалъ слишкомъ безцеремонно. Слышу женскій голосъ въ сѣняхъ: „кто такой?“—Пустите переночевать. Видно отъ дрожанія голосъ мой былъ подозрителенъ... — „Пошелъ прочь! тутъ не постоялый дворъ...“ Чрезъ нѣсколько минутъ я опять сталъ стучать. Тогда раздался крикъ: „что ты за нахалъ? Не хочешь ли въ полицію?“ — Тогда я скорымъ шагомъ опять въ Лавру. Продолжалась въ Соборной церкви утреня. Я вошелъ въ церковь,—въ церкви было тепло. Я помолился и хотѣлъ было выйти, чтобы возвратиться въ гостинницу; но вдругъ вижу—сидѣлки вокругъ стѣнъ. Въ нихъ сидѣли не одни монахи; много было порожнихъ. Я сѣлъ въ одну изъ нихъ и тотчасъ заснулъ. Передъ утромъ разбуженъ былъ съ такою грубостью, съ какою будятъ пьянаго, и высланъ изъ церкви. Возвратившись въ гостинницу, я узналъ, что мои компаньоны вовсе не спали, проводя время то на дворѣ, то въ гостинницѣ. Сейчасъ они пошли искать другого пріюта. Возвратясь, они хвалились, что наняли квартиру за оградой Лавры у дьячка церкви Спаса на Бору. Иду съ ними на квартиру и

чтожъ оказывается? это—тотъ самый домикъ, куда я стучался ночью, и это тотъ самый дьячекъ, а дьячиха, жена его, та самая женщина, которыхъ наканунѣ видѣли мы гуляющими на берегу съ монахомъ. Они разсказывали, какъ ночью кто-то врывался къ нимъ и сильно перепугалъ; а какъ я видѣлъ, что они не узнавали меня, то ни гу-гу даже и своимъ компаньонамъ...

Въ обѣднѣ не были, спали. Пошли къ вечернѣ. Но я, не выстоявъ вечерни, вышелъ изъ церкви и осматривалъ наружность храма, повѣряя сказанія о немъ *Патерика*. Фигура храма оказалась знакомою; я видѣлъ его въ нѣсколькихъ церковныхъ книгахъ, Обошелъ кругомъ храма. Длинныя и узкія окна, а равно входъ въ него какъ въ погребъ подтвердили, что храмъ дѣйствительно при постройкѣ входилъ въ землю и только послѣ вышелъ изъ земли, оставшись въ ней только на аршинъ.

На другое утро я ходилъ по пещерамъ и въ тотъ же день отправился въ Академію къ землякамъ: *Остромысленскому*, *Амфитеатрову* и *Переверзеву* (впослѣдствіи *Мелитону* [1]). Добрый дьячекъ указалъ мнѣ дорогу, Земляки ахнули, когда увидѣли меня и я разсказалъ, зачѣмъ я въ Кіевѣ. Остромысленскій уже не смотрѣлъ внизъ, понуря голову, но держалъ себя прямо и весело смотрѣлъ своими большими глазами. Амфитеатровъ остался безъ перемѣны,—такой же искренній и простодушный, какъ былъ. Съ Переверзевымъ я мало былъ знакомъ въ Семинаріи: онъ квартировалъ все на Слободкѣ. Но онъ ближе былъ ко мнѣ по мѣсту родины. Отецъ его священникъ былъ человѣкъ богатый и полный тѣломъ, даже съ брюшкомъ. Но священники не очень жаловали его, ставя ему въ безчестіе то, что онъ женатъ былъ на холопкѣ, т. е. на дочери богатаго управителя крѣпостнаго какого-то вельможи. Амфитеатровъ ругалъ монаховъ и монашество, а Переверзевъ трунилъ надъ частицами мощей, которыхъ множество выставлено было въ серебрянной ракѣ въ Братскомъ монастырѣ. Объ этихъ частицахъ говорилъ онъ съ крайнимъ неуваженіемъ. По его словамъ, эти частицы были

---

[2]) Эти Орловцы были старше автора сихъ *Воспоминаній* на одинъ курсъ (по тогдашнему на два года) и поступили въ Кіевскую Академію въ 1825 г. Окончили ее въ 1829 г. и всѣ трое лучшими изъ магистровъ. *Яковъ Козьмичъ Амфитеатровъ* и *Михаилъ Осиповичъ Переверзевъ* (впосл. іеромонахъ *Мелитонъ*) оставлены были при Академіи *баккалаврами* (доцентами), а *Ефимъ Андр. Остромысленскій* возвратился на родину, гдѣ прославился какъ просвѣщеннѣйшій протоіерей-законоучитель и проповѣдникъ Л. М.

когда-то отобраны у одного монаха, принесшаго цѣлый мѣшекъ ихъ изъ Палестины. Послѣ я узналъ вотъ что: лѣтъ за 80 одинъ монахъ, пришедши изъ Турціи, дѣйствительно продавалъ богатымъ людямъ частицы св. мощей съ подписью Святого, тѣлу котораго принадлежали онѣ. Его схватили и отобрали у него цѣлый ящикъ, требуя отъ него указанія, отъ кого и гдѣ пріобрѣлъ ихъ. Монахъ бѣжалъ, ящикъ вмѣстѣ съ дѣломъ о немъ сданъ былъ въ архивъ. Въ правленіе кіевскаго митрополита Серапіона архиваріусъ доложилъ консисторіи, а консисторія митрополиту объ ящикѣ съ мощами. Доказательствъ подложности ихъ не было, и подлинность ихъ ничѣмъ не доказывалась. Основываясь только на томъ, что столько десятковъ лѣтъ онѣ оставались невредимыми, не смотря на сырость мѣста, гдѣ хранились, консисторія рѣшила раздать ихъ для храненія по церквамъ. Митрополитъ утвердилъ, и вотъ онѣ появились не только въ Братскомъ монастырѣ, но и въ приходскихъ церквахъ Кіева.

Земляки просили меня бывать въ Академіи, тѣмъ болѣе, что у нихъ были каникулы и каждый изъ нихъ на койкѣ проводилъ время, наслаждаясь кейфомъ, или перелистывая какую нибудь книжку изъ академической библіотеки. Но я уже ни разу послѣ не былъ. Возвратясь на квартиру, рѣдко ходилъ въ церковь и все время проводилъ или шатаясь по городу, или лежалъ на валу съ книгою, какую могъ дать лаврскій книгопродавецъ. Однажды книгопродавецъ далъ мнѣ для чтенія избранныя слова Златоустовы. Слово на изреченіе апостола: *Аще ясте, аще піете, аще ино что творите, вся во славу Божію творите*— при сравненіи съ ученіемъ Лѣствичника пришлось какъ разъ по состоянію моей души. Всѣ дни лежа на валу, я размышлялъ о спасеніи тѣхъ добрыхъ и простыхъ людей, какихъ я видѣлъ въ дорогѣ и которые не вели подвижнической жизни. Ужели они обречены на вѣчныя муки? Не вездѣ скиты и монастыри, а въ селахъ и въ городахъ только церкви. Не достаточна ли для спасенія мірянъ той честной и трудолюбивой жизни, которую они проводятъ, и тѣхъ молитвъ, которыя совершаютъ и дома — въ будень, и въ церкви — по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ? — Послѣ того какъ въ другой, и послѣдній, разъ обошелъ я пещеры, мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: ужели тѣ только святые, которые теперь почтены нетлѣніемъ тѣлъ? Зачѣмъ это преждевременное нетлѣніе? Со вторымъ пришествіемъ Господа всѣхъ умершихъ ожидаетъ воскресеніе и нетлѣніе... Въ головѣ моей сталъ хаосъ. Я рѣшилъ перечитать Евангеліе и Посланія Апосто-

ловъ съ цѣлію точнѣе опредѣлить, что необходимо для спасенія и вѣчной жизни, и какъ устроить временную жизнь, чтобы она соотвѣтствовала вѣчной, вела къ ней...

Какъ дорогою, такъ и въ Лаврѣ я питался сухою пищею; только разъ пошелъ въ обжорный рядъ и полакомился горячею пищею. На двѣ копѣйки купилъ блюдцо супу или борщу съ рубцами, т. е. мясомъ изъ желудка.

На возвратномъ пути изъ Кіева я былъ уже не богомольцемъ, а туристомъ. Меня не занимали воспоминанія о Кіевѣ и святынѣ его, а малороссійская природа и люди. Чрезъ черниговскую губернію дорога шла лѣсомъ съ дикими плодовыми деревьями. Когда шли въ Кіевъ, по совѣту богомольцевъ мы по мѣстамъ, набравъ грушъ, зарывали ихъ десятками въ землю, и замѣчали мѣста нашего клада; теперь, на возвратномъ пути, открывали запасъ, и груши, тогда не спѣлыя, теперь улеживались. На тогдашній аппетитъ и желудокъ они служили намъ порядочнымъ лакомствомъ. Матушка Азбукина и я разрѣшили на водочку—и товарищъ мой Азбукинъ пробовалъ съ разрѣшенія матушки. Это дѣлалось нами не только предъ обѣдомъ и ужиномъ, но приходилось и предъ завтракомъ и полдникомъ. Постоялые дворы назывались въ Малороссіи *корчмами*. Это были два домика, соединенные одною повѣтью, или крышею, между ними были ворота — и въ одномъ домикѣ открытое окно, на которомъ красовались штофы, полуштофы и чвертки съ бѣлою водкою, настойкою и наливками, особенно вишневкою. Чвертка или четверть кварты водки стоила 4 копѣйки мѣдью, вишневки — восемь и десять копѣекъ. Въ Малороссіи тогда не было откуповъ. Тамъ пить водку не считалось безчестіемъ и пьянствомъ. Почти подлѣ каждой корчмы встрѣчаешь кружокъ женщинъ и даже дѣвокъ, которыя, взявъ чвертку, потчують маленькимъ стаканчикомъ и каждая изъ нихъ не вдругъ выпиваетъ чарку, а, безпрестанно припрашиваемая подругою, отпиваетъ изъ ней понемногу. Вслушаваясь въ ихъ разговоръ, я мало понималъ. Пьяныхъ впрочемъ не видалъ — не только между женскимъ поломъ, но и мужескимъ. Корчма не то, что нашъ кабакъ, куда входятъ не крестясь и гдѣ сидятъ или стоятъ въ шапкахъ; корчма тогда служила и заѣзднымъ домомъ, и поселянскимъ клубомъ. Разъ случилось видѣть передъ корчмою танцующихъ — подъ игру на скрипкѣ. Въ корчмѣ и при корчмѣ не слышно было сквернословія. Малороссія съ дешевою водкою начиналась въ 40 верстахъ отъ Сѣвска, и богомольцы великороссійскіе иногда до того на-

пивались, что, какъ говорили тамъ, проснувшись часто идутъ обратно въ ту сторону, изъ которой пришли, особенно когда за ноги перевернуть ихъ въ другую сторону.

Компаньоны мои Азбукины вздумали зайти къ своему родственнику—священнику—помѣщику. Дворъ у него былъ большой, въ избахъ на дворѣ помѣщалась дворня и сверхъ того было 4 двора принадлежащихъ ему крестьянъ. Мы нашли его въ великомъ горѣ. Онъ былъ подъ запрещеніемъ за что-то столь маловажное, что разсказъ его о поступкѣ не остался въ моей памяти, кажется за то, что ѣздилъ въ другую епархію на ярмарку, не испросивши разрѣшенія и билета консисторіи. Хоромы его — барскіе; въ первый разъ я видѣлъ такіе зеркала и диваны, какіе были въ этихъ хоромахъ; хоть мы попрятали лапти свои въ сумки и были въ кожаной обуви, но платье наше было слишкомъ не чисто, а мой сюртучишка — сверхъ того порваный. У него были двѣ дочери, по одеждѣ настоящія боярышни. Старшая говорила даже по русски съ малороссійскимъ акцентомъ, а меньшая — по малороссійски, какъ мать ея. Когда усадили насъ за столъ, съ хорошимъ приборомъ и чистыми салфетками, я такъ конфузился, что рубашка стала мокрою отъ поту. Священникъ замѣчалъ это и ласково относился ко мнѣ и товарищу моему, какъ къ *богословамъ*. Я ободрился, и сталъ говорить о Мценскихъ и Болховскихъ нравахъ, обычаяхъ и костюмахъ. Послѣ обѣда дѣвицы насѣли на меня и просили разсказывать: отъ нечего говорить, я сталъ разсказывать о штукахъ семинаристовъ, о томъ, какъ я засталъ въ Кіевѣ земляковъ—студентовъ академіи. Оказалось — это имъ болѣе нравилось, чѣмъ этнографическія описанія. Священникъ не пустилъ насъ пѣшкомъ, а далъ прекрасный рессорный экипажъ въ четверо лошадей, убѣдивъ матушку Азбукину, что она вполнѣ исполнила свой обѣтъ и возвратилась пѣшая если не въ домъ свой, то въ домъ родственника своего. Этотъ экипажъ доставилъ насъ въ Сѣвскъ. Отсюда я за пустякъ, кажется — полтину, доѣхалъ до Орла, а тутъ нашелъ своихъ мужиковъ и возвратился домой къ Успенію.

Еще въ Сѣвскѣ говорили мнѣ, что семинарія переводится въ Орелъ. Въ Орлѣ узналъ объ этомъ больше и видѣлъ издали новый корпусъ семинаріи. Дома же увидѣлъ указъ семинаристамъ болѣе не ѣхать въ Сѣвскъ, а въ октябрѣ явиться въ Орловскую семинарію [1]). Не столько я, сколько родители мои были ра-

[1]) То есть въ октябрѣ 1826 года. П. М.

ды перемѣщенію семинаріи въ Орелъ. Меня экипировали съ ногъ до головы. Сшили новый сюртукъ сатиновый, панталоны полевой нанки, бѣлый жилетъ и черный шелковый галстукъ. Купили пуховую шляпу. Мнѣ оставалось годъ до священства. Родители готовили мнѣ невѣсту. Сестра моя *Катя* хвалила дѣвицу—дочь зятя Везилковскаго священника. Сестра моя жила въ Везилкахъ—верстъ 20 отъ Спасскаго—у свекра, заштатнаго діакона, а мужъ ея дьячекъ Иванъ Николаевичъ служилъ въ сосѣднемъ селеніи верстъ за восемъ и каждый день ѣздилъ на должность [1]). Въ Везилкахъ 8-го сентября былъ храмовой праздникъ, и я рѣшился быть на этомъ праздникѣ. Везилковскій священникъ былъ или слылъ богачемъ. У него была единственная дочь за Карачевскимъ священникомъ. Дочь съ мужемъ и невѣстою пріѣхали къ отцу въ коляскѣ. Домъ Везилковскаго священника былъ барскій, у него же было нѣсколько душъ дворовыхъ крестьянъ. Красавицу невѣсту я видѣлъ въ обѣдни. Не знаю, почему въ полдень священникъ просилъ меня на чай. Да,—по совѣту сестры я отъ обѣдни заходилъ поздравить старика съ праздникомъ. Тогда у него было много постороннихъ. Дѣвица не выходила. Мать ея и бабушка приглашали меня на вечерній чай. Оба священника повторили приглашеніе. Передъ вечеромъ я пришелъ. Стараго не было дома. Но зять его и женщины приняли меня ласково; тутъ была и дѣвица. Меня разспрашивали дамы, а съ дѣвицею не пришлось и слова сказать. Но я внимательно слушалъ, какъ она говорила съ другими. Голосъ былъ у нея пріятный. Она понравилась мнѣ, но я не могъ представить себѣ, чтобы такую дѣвицу, пріѣхавшую въ коляскѣ, согласились выдать за меня. Сестра моя послѣ разузнала какимъ-то образомъ, что я понравился семейству, и если получу хорошее мѣсто, могу свататься. Это обстоятельство заставило меня стараться окончить курсъ въ первомъ разрядѣ. Но какъ я ни бился, а все стоялъ во второмъ разрядѣ...

Корпусъ семинарскій въ Орлѣ строилъ архіерей Гавріилъ чрезъ эконома—не подряднымъ, а экономическимъ образомъ, и надо отдать справедливость, какъ находили знатоки, строилъ хо-

---

[1]) Мужъ сестры автора Екатерины—*Иванъ Николаевичъ Владимірцевъ*—былъ дьячкомъ въ с. *Насѣдкинѣ*, Болховскаго уѣзда.—Почему онъ принужденъ былъ ѣздить на свою должность изъ отцовскаго дома въ с. Везилкахъ,—объ этомъ разсказано авторомъ раньше—въ статьѣ: „Жизнь моего отца“.—Л. М.

рошо и прочно. Не помню, съ какою церемоніею заняли мы этотъ корпусъ. Кажется, профессоры еще во время вакацій первые поселись въ немъ—съ ректоромъ и инспекторомъ. Только ректоръ оставался прежній, а профессоры и инспекторъ были новые. Инспекторъ *Іаковъ Вечерковъ* поступилъ ректоромъ въ Екатеринославскую семинарію. Профессоръ *Подлитовскій* получилъ священническое мѣсто въ Ливнахъ и былъ тамъ смотрителемъ училищъ. Прочіе, боясь архіерея, разсѣялись по другимъ епархіямъ и семинаріямъ.

Въ началѣ моего богословскаго курса черезъ Сѣвскъ проѣзжалъ государь Александръ Павловичъ [1]). Онъ ѣхалъ въ открытой коляскѣ самою малою рысью; по правую руку съ нимъ сидѣлъ невзрачный собою Дибичъ. Странное было сдѣлано тогда распоряженіе. Каждый священникъ съ причтомъ въ облаченіи при проѣздѣ государя долженъ былъ стоять противъ своей церкви. Еще за Морицею по дорогѣ была одна церковь: государь остановился, слѣзъ съ экипажа и, приложась ко кресту, принялъ окропленіе св. водою. Въ городѣ—въ соборѣ ожидалъ его архіерей Гавріилъ. Я успѣлъ пробраться въ соборъ прежде государя. Архіерей встрѣчалъ не въ церкви, а на паперти. Да томилъ же онъ государя своею рѣчью, продолжавшеюся едвали не полчаса. Я стоялъ на два аршина сзади государя; меня поразила его слишкомъ полная шея, перевязанная галстукомъ: она свѣшивалась нижнею частію на воротникъ вицъ-мундира, а верхнею—на галстукъ. Архіерей въ своей рѣчи часто выкрикивалъ слово: *городокъ*. Это—небольшая частица города, отдѣленная отъ него рвомъ и окруженная валами, съ церковію по серединѣ. Это древняя крѣпостенка, современная Самозванцу.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ ректоръ нашъ Гавріилъ со слезами возвѣстилъ намъ смерть Александра. Послѣ класса я отклонился отъ товарищей,—я долго и горько плакалъ, какъ никогда. Я тогда много зналъ изъ исторіи его царствованія. *Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ* я зналъ наизусть; были подъ руками и книжки журнала Глинки [2]), Тогдашніе разсказы и изображенія входа

---

[1]) Это было въ началѣ сентября 1826 года.—Л. М.

[2]) То есть *Сергія Николаевича* Глинки, который съ 1808 года сталъ издавать журналъ подъ заглавіемъ: *Русскій Вѣстникъ,* съ патріотическимъ направленіемъ. Журналъ этотъ имѣлъ тогда громадное вліяніе на умы и подготовилъ отпоръ французамъ и подъемъ духа въ 1812 году.—Онъ издавался Сергіемъ Глинкой до 1824 г.—Л. М.

въ Парижъ и мира Европы, гдѣ Александръ рисовался первымъ между двумя другими государями; пѣсни на его любовь и кротость, въ родѣ: *красны какъ прошли денечки*—все это пробуждало во мнѣ благоговѣніе и любовь къ нему до экстаза. Большое знакомство съ событіями его царствованія и критическій взглядъ на нихъ не много поохладили чувство мое къ нему; но и теперь—спроси меня, чье царствованіе было лучше?—Скажу въ отвѣтъ: Александра I.

Мы присягали сперва Константину, а потомъ Николаю. Потомъ ректоръ, придя въ классъ, больше говорилъ о событіяхъ, слѣдовавшихъ за смертію государя, чѣмъ о предметахъ Богословія; Мы съ страшнымъ негодованіемъ произносили имена *Рылѣева*, *Бестужева* и другихъ, покушавшихся, какъ намъ говорилъ ректоръ, раздѣлить Отечество на части, чтобы самимъ господствовать въ нихъ.

Цѣлый вѣкъ мой меня тревожило сомнѣніе въ естественной смерти Благословеннаго. Но записки доктора Тарасова совершенно успокоили меня [1]). Неразрѣшимою задачею осталась для меня смерть супруги Александра—Елизаветы Алексѣевны. Допустимъ, что она возвращалась изъ Таганрога больная и нигдѣ не принимала встрѣчи; но какъ она за Болховомъ на пути къ Бѣлеву объявлена умершею, между тѣмъ какъ она въ проѣздъ черезъ Орелъ была не въ постели?! Правда, въ Орлѣ она никого не принимала; но архіерей Гавріилъ какъ-то успѣлъ протереться въ ея квартиру,—и она приняла его. Она была одѣта, четверть часа говорила съ нимъ... Жаловалась на слабость здоровья, но не была въ такомъ состояніи, чтобы можно было ожидать смерти ея, которая послѣдовала черезъ одни сутки, какъ въ 40-хъ годахъ высказывался архіерей Гавріилъ въ Одессѣ, на обѣдѣ у священника *Михаила Карповича Павловскаго*... [2]).

---

[1]) „Записки" *лейбъ медика Тарасова*, бывшаго въ Таганрогѣ при Императорѣ Александрѣ 1-мъ, во время болѣзни и кончины его, напечатаны въ *Русской Старинѣ* 1872 года.

[2]) Бывшій орловскій архіерей *Гавріилъ Розановъ*. съ 1837 г. былъ архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ и имѣлъ мѣстопребываніе въ Одессѣ.—Священникъ, а впослѣдствіи протоіерей *Михаилъ Карп. Павловскій,* магистръ Кіевской Академіи выпуска 1833 года, былъ тогда профессоромъ богословія въ Одесскомъ Ришельевскомъ Лицеѣ.—О встрѣчахъ своихъ съ Императоромъ Александромъ I—сначала въ Орлѣ въ 1823 г., а потомъ въ Сѣвскѣ въ 1825 г., а также о свиданіи съ Императрицей Елизаветой Алексѣевной, возвращавшейся изъ Таганрога, въ Орлѣ 3 мая 1826 г.,—Архіепископъ Гавріилъ Розановъ разсказываетъ въ своей *Автобіографіи,* напечатанной послѣ его смерти въ *Херсонскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* 1861 года, въ № 23-мъ. Л. М.

Какъ я провелъ послѣдній годъ семинарскаго курса въ Орлѣ, не могу дать подробнаго отчета. Помню только, что я занимался прилежно, даже читалъ журналъ *Христіанское Чтеніе* [1]). Ходилъ въ церковь, гдѣ служилъ ректоръ нашъ Гавріилъ, чтобы слышать, какъ онъ говорилъ экспромтомъ проповѣди. Я удивлялся этой способности, пока товарищъ мой *Александръ Семеновичъ Вознесенскій* на одномъ экзаменѣ, по вызову ректора: „кто можетъ сказать экспромтомъ проповѣдь?", сказалъ почти такъже, какъ и ректоръ...

Приближался окончательный экзаменъ. Требовалось, чтобы каждый, оканчивающій курсъ, представилъ разсужденіе на одну изъ заданныхъ темъ. Я искалъ образца. Въ *Христіанск. Чтеніи* попалось мнѣ разсужденіе и по его постройкѣ я построилъ свое, Оно удалось, и ректоръ назначилъ его для чтенія на публичномъ экзаменѣ. По выпускному списку прочли меня въ концѣ перваго разряда. Получивъ аттестатъ, я съ восторгомъ бросился домой. Всѣ радовались. Но каково было изумленіе и горе, когда, спустя недѣлю, получено было черезъ благочиннаго предписаніе о явкѣ моей въ правленіе семинаріи для поступленія въ Академію... Чтобы такое это значило?.. А то, что первые ученики, кромѣ Вознесенскаго, откупились у ректора. Развѣдавъ это, отецъ мой самъ пошелъ къ ректору ходатайствовать объ увольненіи меня и не пожалѣлъ поднести ему бѣленькой ассигнаціи--25 рублей. Онъ принялъ со словами: „Охотно принимаю даръ вашъ; я устроилъ такъ, что сынъ вашъ будетъ человѣкомъ, будетъ твоимъ кормильцемъ, и въ послѣдствіи больше будетъ благодарить меня". Онъ усадилъ отца и такъ красно говорилъ съ нимъ, что отецъ, возвратясь отъ него, сказалъ мнѣ: „Чтожъ? Видно—воля Божія, иди въ Академію, будешь протоіереемъ". Но я рѣшилъ самъ дѣйствовать. Я объявилъ себя больнымъ грудью. Меня—къ медику. Семинарскій медикъ замѣтилъ только, что плеча не ровны, одно ниже другаго, но прибавилъ: „это—ничего". Когда мы, назначенные въ Академію, получили приличную одежу—суконные сюртуки и панталоны,—ректоръ велѣлъ намъ итти къ архіерею, а самъ поѣхалъ къ нему впередъ. Я и у ар-

---

[1]) Журналъ *Христіанское Чтеніе* былъ тогда новинкой въ духовномъ мірѣ. Онъ сталъ издаваться при С.-Петербургской д. Академіи съ 1821 г. Въ періодъ 1823—1829 гг. журналъ этотъ славился трактатами и статьями *Иннокентія Борисова*, впосл. архіепископа херсонскаго.—Л. М.

хіерея началъ говорить о своей болѣзни и въ доказательство указалъ на неравныя плеча. Я даже разсказалъ, отчего это. Назадъ тому годовъ за шесть, учениковъ заставили переносить тонкія бревна съ одного мѣста на другое. Когда я несъ съ однимъ ученикомъ бревно, оно сорвалось съ плеча его и ударилось объ землю. При этомъ послѣдовало такое потрясеніе въ моемъ плечѣ, что я упалъ наземъ и на нѣсколько минутъ прекратилось дыханіе.—Архіерей терпѣливо выслушалъ и обратился къ ректору съ серіознымъ видомъ; но ректоръ сказалъ: „вѣдь это было давно—шесть лѣтъ назадъ, а теперь онъ такъ здоровъ, какъ никто изъ насъ“. И это сказалъ онъ такимъ веселымъ голосомъ, съ такимъ полу-смѣхомъ, что архіерей сказалъ: „пошелъ, пошелъ,—почувствуешь слабость, пойдешь въ монахи“,—и отпустилъ насъ, благословивъ на дорогу.

Вознесенскій, Лавровъ и *Спасскій-Автономовъ*, получивъ прогонныя деньги, уѣхали; а я и *Переверзевъ*, по совѣту брата его Переверзева, смотрителя училищъ, должны были выѣхать 1-го сентября съ *Никоноромъ Васильевичемъ Доброхотовымъ*, (въ послѣдствіи архіепископомъ *Николаемъ*), который, окончивъ курсъ въ Кіевской Академіи и подавъ прошеніе въ монашество, теперь гулялъ по знакомымъ, прощаясь съ міромъ; онъ увѣрялъ, что въ Кіевской Академіи пріемные экзамены начинаются не ранѣе 10-го сентября.—Я еще успѣлъ съѣздить домой, чтобы проститься. Съѣхались сестры замужнія и всею семьею провожали меня до самой Оптухи, останавливаясь при каждомъ лѣскѣ. Много было пролито слезъ, но это были уже не слезы скорби, а родственной любви. Отецъ и мать помирились съ моею судьбою и утѣшали меня хорошею будущностію; мать даже подчивала меня настойкою...

(Продолженіе слѣдуетъ).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Иванъ Абрамовъ. Черниговскіе малороссы. Бытъ и пѣсни населенія глуховского уѣзда. *(Этнографическій очеркъ). С.-Петербургъ 1905.*

Приступая къ настоящей рецензіи на статью г. Абрамова, мы не можемъ скрыть того, что чувствуемъ нѣкоторое пристрастіе къ подобнымъ ей порайоннымъ этнографическимъ наблюденіямъ надъ жизнью украинскаго народа. Хотя они очень часто обладаютъ повторяющимся и однообразнымъ матеріаломъ, тѣмъ не менѣе намъ интересно наблюдать жизнь народа въ различныхъ мѣстахъ его территоріи, останавливаясь даже на извѣстномъ. Поэтому мы не станемъ давать научную оцѣнку названному очерку, а укажемъ лишь на его содержаніе.

Послѣднее гораздо у́же заглавія статьи, такъ какъ авторъ въ своемъ изложеніи имѣетъ въ виду преимущественно одно мѣстечко глуховского у.—*Воронежъ*. Это мѣстечко относится къ числу довольно культурныхъ поселеній. Въ немъ имѣется 6 православныхъ церквей, почтовая станція, свеклосахарный и рафинадный заводы бр. Терещенко, кирпичный заводъ, и три раза въ году здѣсь устраивается ярмарка. [1]) Авторъ ничего не говоритъ объ этомъ и вообще не указываетъ на вліяніе культурныхъ условій жизни на населеніе, останавливаясь только на археологической этнографіи.

Книжка г. Абрамова начинается историческими свѣдѣніями о мѣстечкѣ Воронежѣ и одеждѣ его населенія.

Кратко авторъ указываетъ на мѣстный говоръ, отличительную особенность котораго отъ южно-украинскаго говора онъ видитъ въ за-

---

1) „Россія“, подъ ред. В. П. Семенова; т. VII, Малороссія, 434.

мѣнѣ звука *і*, нѣкогда образовавшагося изъ дифтонга, звукомъ *у*. При этомъ г. Абрамовъ не соглашается съ авторомъ статьи о черниговскихъ говорахъ въ „Черниговскихъ Губ. Вѣд". 1854 года, въ которой указывается, что въ Воронержѣ говорятъ: *куунь, вуулъ, луожка* и пр.—„Авторъ,—говоритъ по этому поводу г. Абрамовъ,—ошибается, передавая ясно произносимый звукъ *у* черезъ дифтонгъ; интересуясь мнѣніемъ *академика* А. И. Соболевскаго, я произносилъ ему нѣкоторыя слова, какъ произносятъ ихъ въ Воронежѣ, и онъ нашелъ, что въ словѣ. положимъ, „вунъ" слышится чистое *у*, а не дифтонгъ, и не двойное *у*". Для насъ ссылка на акад. А. И. Соболевскаго совершенно не убѣдительна, такъ какъ одно дѣло теоретическое знаніе языка, и другое дѣло чутье въ области народной рѣчи, которая обусловливается иногда совершенно посторонними научному знанію обстоятельствами.

Года четыре тому назадъ, по предложенію проф. русскаго языка и словесности Института кн. Безбородко, М. Н. Сперанскаго, авторъ настояшей рецензіи принималъ участіе вмѣстѣ съ другимъ лицомъ въ записываніи репертуара извѣстнаго бандуриста Т. М. Пархоменка изъ мѣстечка Мены, сосницкаго у. Авторъ и указанное лицо оба практически были знакомы съ различными украинскими говорами. И вотъ что изъ этого получалось: „Индивидуальныя черты говора обоихъ записывавшихъ вели къ спорамъ о фонетикѣ того или другого слова: одному слышался звукъ екатеринославскаго говора, другому нѣжинскаго; я слова проф. Сперанскаго) часто улышалъ еще третье; путемъ повѣрки у самого Пархоменка (заставляли его пропѣть спорное мѣсто или „проказать") устанавливался правильный обликъ слова—еще примѣръ того, какъ здѣсь важно было бы механическое воспроизведеніе пѣсни и рѣчи. [1])

Однако мы и въ настоящее время сомнѣваемся, чтобы тогда, несмотря на совмѣстную работу трехъ человѣкъ, намъ удалось установить дѣйствительный говоръ Пархоменка. Тѣмъ не менѣе, съ относительною опредѣленностью можно сказать, что особенностью его сосницкаго говора были слѣдующіе дифтонги на мѣстѣ *і*: *гріхоувъ, поудбігае, тернуовъ, муий, суиль, вуинъ, беудный*. Приблизительные дифтонги, изображаемые группой *уи* (близкое къ *ы*): *суиль, куинь, гуисть* характерны также для сѣвернаго говора нѣжинскаго у. Указанные говоры намъ приходилось наблюдать самимъ, и мы ясно слышали дифтонгъ, но лишь съ преобладаніемъ того или другого гласнаго.

---

1) Южно-русская пѣсня и современные ея носители. Матеріалъ собралъ М. Сперанскій, стр. 11.

Такъ, авторъ твердо помнитъ и можетъ воспроизвести въ живомъ произношеніи дифтонгъ уи на примѣрахъ: гуисть и суиль, слышанныхъ имъ въ с. Хибаловкѣ нѣжинскаго у. Въ первомъ случаѣ дифтонгъ былъ ближе къ звуку *у*, который значительно преобладалъ, покрывая второй слагаемый звукъ; во второмъ случаѣ было наоборотъ. Мы склонны думать, что разнорѣчіе относительно говора м. Воронежа есть результатъ такого же неяснаго выраженія одного изъ слагаемыхъ дифтонга. Во всякомъ случаѣ, подобные фонетическіе вопросы можно рѣшать лишь на мѣстѣ путемъ многократнаго опыта нѣсколькихъ лицъ.

Далѣе г. Абрамовъ останавливается на лирическихъ пѣсняхъ глуховскаго у. Между прочимъ, онъ приводитъ слѣдующую пѣсню, отрывокъ из „Коробейвиковъ" Некрасова:

Вотъ полна, полна коробушка,
Есть ситецъ и перьча,
Пожалѣй моей зазнобушки
Молодецкаго плеча.
Вижу въ полѣ рожь высокую,
Я всю ночку провожу.
Якъ завижу чорноокую,
Всѣ товари разложу.
Торгуй, мила, не скупись,
Ближе къ милому садись...

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе „обжинокъ" и нѣсколько зажнивыхъ пѣсенъ. Послѣ этого авторъ описываетъ свадьбу, приводя соотвѣтствующія обряду пѣсни. Замѣтимъ тутъ кстати, что обычай выбрасывать во время „весилля" красный флагъ на высокомъ шестѣ въ знакъ дѣвической чистоты невѣсты до свадьбы, на который указываетъ авторъ, сохранился и въ нѣжинскомъ у. Мы наблюдали его въ с. Андреевкѣ, гдѣ такой флагъ носятъ по улицамъ, идя съ музыкою изъ церкви послѣ обряда „скрыванія" невѣсты. За описаніемъ свадьбы слѣдуетъ описаніе крестинъ; далѣе идутъ колядки и щедривки; краткое упоминаніе о кумеціи: „Царь Максимиліанъ", о засѣваніи, совершаемомъ дѣтьми на новый годъ; дѣтскія побасенки и свѣдѣнія о лирникахъ. Относительно послѣднихъ врядъ ли вѣско показаніе автора, что они промышляютъ больше зимою, чѣмъ лѣтомъ. Наоборотъ, только въ лѣтнее время, особенно рано по утрамъ, вы услышите на деревенской улицѣ духовный стихъ и звуки лиры старца, идущаго по улицѣ села и никогда не заходящаго въ хаты, какъ городскіе нищіе. Хозяйки же, слыша пѣніе и игру, выносятъ слѣпцу хлѣщбъ, а чае всего муку. Говоря о лирникахъ

авторъ приводитъ варіантъ пѣсни о Хомѣ и Яремѣ. Затѣмъ слѣдуетъ такое содержаніе: масленица, весною, примѣты, суевѣрія и заключеніе.

Несмотря на отрывочность сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній и недостаточность ихъ, очеркъ г. Абрамова не можетъ быть не встрѣченъ съ удовольствіемъ любителями украинской этнографіи.

Владиміръ Даниловъ.

А. Г. Авчинниковъ. Первые народные представители Екатеринославской губерніи.

Не успѣла первая Дума вполнѣ расцвѣсть и развить свою дѣятельность, какъ она пошла въ область прекрасныхъ воспоминаній. Досужіе люди даже подвели итогъ, сколько рѣчей и репликъ произнесъ Муромцевъ, сколько разъ говорилъ гр. Гейденъ и т. д. Государственная Дума, которою такъ недавно жила Россія, уже возбуждаетъ историческій интересъ. Такой интересъ внушаетъ и лежащая передъ нами брошюра о первыхъ народныхъ представителяхъ одной изъ обширныхъ украинскихъ губерній, важной по своему промышленному характеру, и славной историческими воспоминаніями о чубатыхъ рыцаряхъ запорожцахъ, такъ твердо стоявшихъ на стражѣ народной воли.

Надо признать, что выборъ представителей въ Екатеринославщинѣ, за однимъ лишь исключеніемъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ значенію губерніи. Были выбраны лица передового направленія и при томъ большею частью мѣстные уроженцы. Къ послѣднимъ принадлежатъ крестьяне Л. Ф. Бабенко, А. И. Возовикъ—трудовики, С. М. Рыжковъ (к.-д.), а также представители интеллигенціи—проф. П. И. Новгородцевъ и В. Н. Радаковъ, оба конституціоналисты-демократы. Изъ немѣстныхъ уроженцевъ были выбраны въ Думу к-д-ы: крестьянинъ И. И. Лысенко и М. Е. Земцовъ, на трудъ котораго объ экономическомъ положеніи населенія Маріупольскаго у. мы указывали въ октябрьской книжкѣ „К. Старины" 1905 г., и извѣстный всей Россіи соціалъ-демократъ М. И. Михайличенко, выбранный рабочими. Не указана въ брошюрѣ родина депутата М. И. Шефтеля, кон.-дем. Также не принадлежитъ вполнѣ къ мѣстнымъ людямъ депутатъ г. Екатеринослава И. В. Способный, членъ союза 17 октября, защищавшій въ Думѣ смертную казнь.

Названная брошюра знакомитъ съ представителями Екатеринославской губ. въ краткихъ біографіяхъ и портретахъ. Изданіе по своему характеру относится къ популярнымъ и снабжено словаремъ политическихъ терминовъ, встрѣчающихся въ брошюрѣ.

В. Д-овъ

Документы, извѣстія и замѣтки.

До бібліографії літератури про Т. Шевченка. Бібліографії матеріалів для розсліду про життя та твори Т. Шевченка д. М. Комаров присвятив спеціяльну книжку—покажчик „*Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ*“ (Одесса, 1903), але, на жаль, не тільки неповний (за що автора не можна винуватити), але і з чималими хибами, яких найбільше виказав д. І. Франко в своїй великій рецензії [1]). Ці останні (особливо неповнота і часом неправдивість змісту книжки), дуже утрудняють роботу кожному, хто заходится розсліжувати літературу про Шевченка, і коли він покладатимется на покажчик д. Комарова, то зробить не одну чималу помилку. Возьмімо хоча б розділ IV („Малорусскія произведенія Т. Г. Шевченка, помѣщенныя въ сборникахъ и журналахъ“).

№ 1. *Ластôвка.* Собраніе сочиненій на малорусскомъ языкѣ, собралъ Е. Гребенка. С.-Петербургъ, 1841. Отрывокъ изъ поэмы Т. Шевченка „Гайдамаки“.... Та й годі? А *Причинна, Вітре буйний, На вічну память Котляревському, Тече вода в синє море?* Про них не згадуется. А як би автор розглянув був цю книжку (зрештою, не такий уже й рарітет великий), то може б зауважив і одну цікаву особливість: що вірш „Тече вода в синє море“ надруковано разом з „На вічну память Котляревському“, як один вірш, що до дуже пізнього часу й було по „Кобзарях“.

№ 2. *Молодик.* Украинскій альманахъ на 1843 г...... Три піеси Т. Шевченка. Н. Маркевичу, Тяжко важко і *На що мені чорні брови...*“ І не так воно зовсім!.. Дійсно, в *Молодику*—три піеси, але третья—*Утоплена,* а не *На що мені чорні брови,* бо цей останній вірш видру-

---

1) Зап. Н. Т. т. L. VII; передруковано мною в „Кіевск. Старинѣ“, 1904, мартъ.

ковано ще р. 1840 в 1 вид. Кобзаря (див. хоча б і у М. Комарова, III. вид., № 1).

№ 4. *Народное Чтеніе.* 1859 г. № 2, 3 и 4 и *Русская Бесѣда* 1859, № 3. Нѣсколько піесъ Т. Шевченка съ русскимъ переводомъ".— Уже д. Франко справедливо зауважив, що під один № вставляти два періодичних видання — не годится, не кажучи вже про те, що не позначено, які ж саме там піеси і чий то переклад.

Заглянувши в *Народное Чтеніе* в показані книжки, бачимо, що в № 4 немає нічого з Шевченка, а в № 3: *Вечір* (Садок вишневий) та *Хустина* (Чи то на те Божа воля), а пòруч — переклад російський без підпису перекладача.

№№ 7 і 9 *„Основа" 1861 та 1862* — не визначено дрібніщих поезий, а просто під обома № стоіть: *Думи і пісні.* Це теж не зручно. Щоб виповнити цей дефект, подаю повний перелік творів Шевченка, видрукованих в „Основі" за обидва роки.

1861 I. Не для людей і не для — слави (12), Посланіе славному П. І. Шафарику (2—4), Ой три шляхи (5—6), Пустка (М. С. Щепкину) (6), Чернець (7—10); II. Москалева Криниця (р. 1857) (1—13); III. Минають дні (1—2), Не женися на багатій, Не завидуй багатому (2), Ой крикнули сірі гуси (3), Чого мені тяжко, Вітер в гаї нагинає (4); IV. Невольник (1—20); V. Минули літа молодії (1—2), І тут, і всюди— скрізь погано (2), В ночі і ожеледь і мряка (2—3), І день іде, і ніч іде (3), Чи не покинуть нам, небого (3—5), Дневник Т. Гр. Шевченка (6—13), В неволі тяжко (14); VI. Не нарікаю я на Бога (3—4), Як би з ким сісти (4), Дневник Т. Гр. Шевченка (5—16), Сестрі (47—48), Тече вода з під явора (48); VII. Ой чого ти почорніло (1—2), Ой умер старий батько (2—3), На городі коло броду (3), Дневник (7—18); VIII. І широкую долину (1), Зійшлись, побрались (1—2), Не вернувся із походу (2), Титарівна—Немирівна (2), Дневник (3—15), Частина поеми: „Єретик Іван Гус" (15—16), І небо невмите (16); IX. Частина поеми: „Черниця Марьяна" (1—12), Дневник Т. Гр. Шевченка (13 — 24); X. Мій Боже милий! як то мало (1), Чи ви ще зійдетеся знову, Над Дніпровою сагою (2); XI—XII. Учітеся, брати мої (1—2), Прочитавши главу 35 Ісаіи (2—3), І досі снится (3—4), За сонцем хмаронька пливе (4—5), Як маю я журитися (5), Дневник (6—15).

1862. I. Не додому вночі йдучи (1—2), Породила мене мати (2—3), По улиці вітер віе (3), Закувала зозуленька (3—4), Ой сяду я під хатою (4), Туман, туман долиною (4—5), Ой люлі, люлі (5), Зацвіла в долині (5—6), Колись дурною головою (6), Дневник (7—16); II. На великдень, на соломі (1), Як би мені черевики (2), Подражаніе польському поетові Антонію Сові (2), Дневник (3—29); III. Моїм со-

узникам (Згадайте, братія моя (1—2), Дневник (20—33); IV. Неофіти (1—17), Дневник (31—45); V. Росли у купочці (1), *** Моя ти любо! (1—2), Н. Я. Макарову (Барвінок цвів) (2), Поставлю хату і кімнату (3), Дневник (14—25) (тут „Доля“, „Муза„ і „Слава“); VI. Епілог до „Невольника“ (1—2), Дневник (3—14): VIII. З поеми „Петрусь“ (1—5), Суботів (6—7). В неволі, в самоті немає (7), За думою дума (8), Дневник (17—29); VIII Мати покритка (1—3), Ой одва я, одна, Мов за подушне (4), Дневник (5—20), (тут „Сон“); IX. Коло гаю в чистім полі (1—2), Назар Стодоля (3—39); X. А. О. Козачковскому (1—5), По над полем іде (5—6).

№ 10. „*Вечерныці* на р. 1862.“ В № 21—23 показано „Гамалѣя“, тим часом він є тільки в ч. 23, а в ч. 21„—Чи не покинуть нам, небого“, (не показано у М. Комарова), а в № 34 поміщено не усю *Тарасову ніч,* а тільки уступ (26 рядків), якого немає в російських виданнях і досі.

№ 13. *Мета,* Львівській журнал 1863 р. № 4. Поезіи Т. Шевченка. Въ *неволі*“.—Що це за вірш? Може це в „*В неволі, в самоті немає*?“ Ні, це: *Мені однаково...* А заголовок в Меті“ поставлено невідповідний через те, що взято два вірші (Мені однаково“ і „Костомарову“) з цілого циклу (13 поезій), написаних до 30/V 1847 року в *неволі,* в Петропавловській цітаделі. Цім 13 віршам, згодом, р. 1858, Шевч. дав заголовок „Моїм соузникам“, який видавці усіх „Кобзарів“ неправильно прикладають спеціально до „Згадайте, братіе моя“ [1]).

„24. Правда 1873 року, № 15 и 16. Частына поэмы Иванъ Гусъ“.— Як би д. М. Комаров заглянув був в це видання, то побачив би, що до початку „Івана Гуса“ приточено тут вірш: „Світе ясний, світе тихий“, не мов би то — протяг „Ів. Гуса“...

Це те, що мені впало в око що до розділу IV....

Перейду до розділу VIII („Переводы малорусскихъ произведеній Т. Шевченка“), а ще спеціальніще: „б) на польскій языкъ“ (стр. 38—39, №№ 49 —59). Тут багато бракує №№ і де-які (до р. 1884) зараз можна буде виказати [2]), а де що поправити.

№ 49. Hajdamaky. T. Szewczenko. Studium przez L. Sowinski. Z dołączeniem przekładu „Hajdamaków“. Wilno 1860 roku, 127 st. 8⁰., — так у М. Комарова, — а має бути: *Taras Szewczenko.* Studyum przez Leonarda Sowińskiego z dołączeniem przekładu *Hajdamaków.* Wilno, *1861,* in 8⁰ (*Studium LVIII* str., Hajdamacy 127 str). I дійсно,

1) Про це—в моїй статті „Критичний розслід над текстом „Кобзаря“ Шевченка“.

2) З листу якогось поляка — учня гімназіального в Варшаві, од 10/III 1884 надісланого до когось з київських громадян. (З матеріалів В. П. Науменка).

в відділі XIV („Сводъ статей о Шевченкѣ и его произведеніяхъ“) студія Л. Совиньского стоїть датована р. 1861 (№ 50)

Додати треба, що цю статтю Л. Совинського передруковано потім в *Bibliotece Mrówki*, tomik 67 і 68 (р. 1883).

№ 50. *Hamalei.* Poemat. Napisał T. Szewczenko. Na polski język przełożyl *Chojeski,* Kijów, 1861 r.—мае бути: *Hamalej...* потім *Alfred Ghajęski.* Kiów, 1861, in 16°.

№ 51. *Przekłady pisarzòw malorusskich.* T. I. T. Szewczenko. A. Gorzałczynskiego. Kijow, 1862 r., — мае бути: *Przekłady pisarzów małorossyjskich* A. J. Gorzałczyńskiego. Tom I. Kijów. Nakład A. Maracewicza, 1862, in 8°. Z portretem.

№ 52. *Kobzarz T. Szewczenki.* Z malorusskiego spolzyl d. *Syrokomla.* Wilno, 1863, — та й усе. Тим часом повніще буде так: *„Kobzarz* (tłómaczony w r. 1861 na Borejkowszczyźnie) wynesł nakładem A. Assa w Wilnie r. 1863. Зміст: Od tlómacza, Przygrywka, Perebenda, Topol, Lunatyczka, 4-y Dumki, lwan Podkowa. Noc Tarasowa, Gamalej, Katarzyna, Najemnica.

Все це передруковано в *Poezyach Kondratowicza* t. X, Warszawa, r. 1872 (у М. Комарова стоїть за № 54, де показано й зміст, але не згадано про: Od tłómacza, Przygrywka, Lunatyczka i Najemnica).

Зауважу, що цей переклад (*Кобзарь*) ще раз передруковано в *Bibliotece Mrówki* у Львові, tomik 66, про що у М. Комарова немае згадки.

Так само нема у М. Комарова згадки про переклад:

Poezye T. Szewczenki. Tom I, wypusk 1—3. Lwów. Nakład K. Szukiewicza. W zakładzie Ossolińskich. 1866, in 8°.

№ 53 у М. Комарова: *Najemnica,* poemat T. Szewczenki, przekład *L. Sowinskiego,* Lwów. 1871 r. 40 st. 8°. *Z* port. avtora,—це як можна здогадуватися, і есть той переклад, що вийшов 1 виданням в *Bibliotece Mrówki,* але не р. 1871, а *1870;* другим виданням цей переклад вийшов у томику 22 Biblioteky.

Далі, у М. Комарова не згадуется, що ця сама „Najemnica“ видрукована була ще раз в томі I „Poezye S(owińckiego). Poznań, 1875, (на стр. III—143), а також і *Pustka* (Rankiem rano gorść rekrutow)...

Цю *Пустку,* крім того, що подане було в студії Л. Совінського (Wilno. 1861), видруковано було в *Kalendarzu Jana Jaworskiego,* roku 1877, pod redakcyą Wincętego Korotyńskiego.

Крім того, у М. Комарова немае згадки про:

1) *Urzeczona* (коротенький віршик) в *Kurjerze Warszawskim,* 1882, № 1. (В тім же році був ще якийсь дрібний вірш Ш.—„jaki,— nie pomnię“, — додае корреспондент).

2) *Na temat ludowy* (Antoniu Sowi) в Kurjerze Warszawskim, 1883, od 25/VIII.

3) W № 122 *Dziennika dla Wszystkich*, за р. 1883. „Z Tarasa *Szewczenki* (шматок вірша „Не нарікаю я на Бога, — од слів: „Orz się, rolo, a droga rolo“ і до кінця). Tlómacził Wladysław Reinold.

Нарешті ще один переклад в книжці: *Na Ukrainie*, tragedya w 5 aktach z prologiem i epilogiem. Motto: „Sine missione nascimur“! Poznań, 1873 („Wiadomo, że autorem arcydzieła jest L. Sowiński,“— додає кореспондент). На стр. 48 такий уривок:

Marek.

Czytaliście ostatni wiersz Kobzarza?
Oto mi wiersz!.. No wiersz!.. Jak stary miód rozmarza.
„Ej na co mi żenaczka ta!...
Kto wie, co ma stać się!..

(і т. д., переклад „Козацької долі“).

Czarnyszu! Warto zdrowie wznieść Szewczenki.

Czarnysz.

Natychmiast.
(Wszyscy idą do stołu i biorą szklanki)
Wieszcza, atamana zdrowie!
A raczej myśli jego!

(Діється в Київі перед повстанням р. 1863).

В відділі III („Собраніе сочиненій Т. Шевченка“) на видання *Кобзаря* з р. 1883 (вид. Балашева) показано тільки одну рецензію в „Зарѣ“ (київський) р. 1883, № 91, тим часом як в польскій літературі була не одна згадка: коротенько (на 20 рядків) зазначено було видання в „Kronika Rodzinna“ р. 1883 (з дня 31/VIII), так само коротко в „Gazeta Warszawska“ того ж року, № 177 (10 серпня), і чимала (на 2 шпалти) рецензія в „*Dzienniku dla Wszystkich*, 1883, № 64, під заголовком: *Nowe wydanie dzieł Szewczenki*. Рецензія взагалі прихильна, тільки про „*Гайдамаків*“ рецензент каже, що це твір „pozbawiony odrobiny uczucia miłości i przebaczenia chrześciańskiego... Але то, каже він, — „niemal jedyna plama na żywocie Szewczenki“. В рецензії щось написано було про вірш *Ляхам*, але цензор, як сповіщає кореспондент, викинув все те.

Крім того, про *Кобзарь* з р. 1883 була згадка в тижневому журналі *Prawda* і в *Tygodnik Powszechny* (в серпні р. 1883). В цьому останньому було подано петітом „kilkądziesiąt wierszy"... I тут цензор викинув уступ про вірш *Ляхам*.

Засилаючи ці відомости і вирізки з часописів, молоденький корреспондент (Witold K.) кінчає свій лист словами: „Niech to będzie podzięką serdeczną tym, którzy wydają pisma nieśmiertelnego Tarasa".

Що до розділу XIV („статів про Шевченка") то під р. 1862 не зазначено: 1) в „Основі", кн. 6, стр. 21 „Новые матеріалы" про вірш „*Антонію Сові*" і 2) Sowińskiego, List ze wsi. Wilno, 1862 (одбитка з „*Kurjera Wileńskiego*"), де теж писано про Шевченка.

Нарешті той самий корресподент натякнув ще про одну статтю про Шевченка: *Wincenty Korotyński*. Rodzina Szewczenki, з вказівкою що „pisane za życia poety" і що видруковано воно в *Kurjer Wileński*—„z lat ostatnich" (перед р. 1883) і що „czytałem niedawno rękopism tego".

Подаю отсі вказівки до відомости бібліографів, вважаючи, що вони не зайві будуть і здадутся колись.

В. Доманицький.

Сонъ Пресвятой Богородицы *(по списку 18-го вѣка)*. Печатаемый ниже „Сонъ Пресвятой Богородицы" представляетъ собою любопытный образчикъ тѣхъ, довольно многочисленныхъ и имѣвшихъ распространеніе среди нашихъ предковъ, различныхъ апокрифическихъ съ мистическою окраскою сказаній, которыя обнаруживаютъ, съ одной стороны, чистую, нѣсколько наивную, живую вѣру нашихъ предковъ, а съ другой—ясно указываютъ на ихъ стремленіе по возможности удовлетворить своей любознательности относительно таинственныхъ, мало понятныхъ имъ, началъ этой вѣры, а также оберечь себя отъ всякой „чаровой злой рѣчи" и отъ „діавола шкареднаго". Вѣра въ чудодѣйственную силу заклинаній, въ возможность оберечь себя тѣмъ или инымъ путемъ отъ козней дьявола, полновластно царила въ жизни нашихъ предковъ, даже людей просвѣщенныхъ и образованныхъ, на что, между прочимъ, указываетъ и списокъ „сна", сохранившійся среди бумагъ Холодовичей.*)

*) О Холодовичахъ см. Описаніе старой Малороссіи, Лазаревскаго. т. II стр 333—343. Одинъ изъ Холодовичей, Матвѣй, представлялъ собою малорусскаго интеллигентнаго человѣка XVIII в., выдѣлявшагося изъ среды своихъ современниковъ образованіемъ. (309).

Списокъ „сна", написаный характернымъ почеркомъ 1-й половины XVIII в., носитъ несомнѣнные слѣды ношенія при себѣ.

Сонъ Пресвятой Богородицы, спячой на горѣ олывнои.

Гдѣ единаго часу заснула Пресвятая Богородица, тогда пришолъ до нея Іисусъ Христосъ, сынъ Божій и рекъ до ней: наймѣлѣйшая матко моя, спишъ или чуешъ?.

Потому очнулася Пресвятая Богородица и рекла до него: сыну мой наймѣлѣйшій, я очнулася, снился мнѣ сонъ дивній о тебѣ. Выдѣла я тебе пойманнаго, связаннаго і пропятаго и къ Каиафу преведеннаго и у столпа привязаннаго, и с твоей святой головы струями кровъ плинула, и твое божественное тѣло якъ кора от древа отпало.—Иисусъ Христосъ рекъ до ней: матко моя, правдівій сей сонъ снился о мнѣ, такъ маеть быти. Если кто колвекъ будеть тотъ листъ при себѣ носиты, тотъ будеть милость мою имѣты, и при смерти его я самъ буду, и пресвятая Богородица, матко моя, будеть, и ангели озмуть душу его въ царствіе небесное навѣки.—Аминь, Сей листъ бысть у гроба Божія и писанъ оной въ Іерусалимы, сначала листъ Иисуса назарейскаго, царя иудейскаго, во имя отца и сына и святаго духа аминь.

Тие слова святие на сей свѣтъ зослани от самого Господа нашего Иисуса Христа во лбѣ (?) папижеви (sic!). Левъ, тежъ освятивши, послалъ брату своему королю противу неприятеля. А тотъ листъ такую моцъ маеть, хто бы хотѣлъ его читаты албо с пилностию слухати, таковый человѣкъ на сорокъ дней отпущеніе грѣховъ маеть и жадная речь злая шкодить не можеть. А в которому дому имеется тотъ листъ, и в тому дому какъ огнь, такъ желѣзо и никакая чаровая речь злая не можеть шкодить и образиты. А которая жена, на ней бѣлая голова (sic!), беременная будучи, и тотъ листъ при собѣ носитиметь, чрез то отроча легко породить, мовячи тие слова: Иисусъ надо мною и за мене оборонецъ есть; Иисусъ мене бережеть отъ всякаго зла во дни і в нощи и на каждую годину от диавола шкареднаго.

Прошу тебе Господа Бога моего чрез муку твою святую, которую терпѣлъ за насъ ради грѣшнихъ и кровъ свою пренайдорожшую вилияти рачилъ; святій Иоане, пророче и предтече, крестителю Христовъ, которого еси Господа и спаса нашего Іисуса Христа во иорданстѣй рѣцѣ крестилъ, остережи мене грѣшнаго от огня и меча и стрелбы, абы мнѣ нѣчто злое шкодить не могло.—А сей листъ знайденъ въ земли буйтанской (sic!) на горѣ олывной пред образомъ святаго архистратига Христова Михаила; кто ж би его хотѣлъ читаты, албо переписаты, то самъ ему отворится. А тотъ листъ написанъ билъ золотими лѣтерами, ижъ мовить: я Иисусъ назарейскій, царь иудейскій, синъ

Бога живаго приказую вамъ и обявляю точно от божества своего абисте день неделѣ святковали и жаднихъ работъ на робили и корѣнья о огородахъ своихъ не копали на спасенье душамъ вашимъ, и приказу моему вѣрили и молилися, ижъ правдівій сонъ люблю божества своего, тоть листъ писалъ и' училъ, даби добрие люди узнали..., ибо я вамъ далъ шесть дней работати, семій день неделю святи его на добрие дѣла и учинки ко опочиванию хвали своея. А если не будете добре чинити, тогда васъ буду голодомъ, повѣтрѣемъ злимъ и войною карать, я побужу царя на царя, короля на короля,мѣсто на мѣсто, отца на сына, сына на отца, брата на брата, сусѣда на сусѣда и будеть въ васъ всякое кровопролитие... И буду еще васъ карати громомъ, блистаніемъ, чтобъ вы хранили и познали гнѣвъ Божій и справедливость мою, а то для грѣховъ вашихъ. Еще вамъ упоминаю действителностию и ласкою..., которой есть день неделя, абисте до церквы ходили и злихъ учинковъ не чинили. Если не будете слухаты, то еще препущу птахи черніе, которые, лѣтаючи, въ васъ будуть кричати и кусаты, от которихъ злое повѣтріе происходити будеть. И приказую вамъ, абисте в суботу по вечернѣ не робили для пречистой матки моей, бо если би матка моя не молилася, уже би есте давно погинули и горкою смертию померли. А в неделю повиненъ каждый человѣкъ, старій и молодій, з женами своими и из дѣтмы до церкви Божией ходили и мѣшляли о грѣсѣхъ своихъ, что есте согрѣшили за тую неделю. Еще васъ упоминаю чрез муку мою святую, абисте криво не присягали, а ни небом ни землею не клялися; буду же вамъ ей и нинѣ (?), бо я сотворил васъ по образу своему и по подобію, а ви, людие, гнѣву моего не позабудте, единъ другого не убывайте, свидѣтелства фалшива не свѣдчите, нищими и убогими не работайте напрасно, отца и матку почитайте. И если будете ведлугъ словесъ моихъ справоватся, то дамъ вамъ царство небесное и отпущеніе грѣховъ вашихъ и покой. А в остатку приказую вамъ, даби вѣрили тому листу. Которій человѣкъ оному не будеть вѣриты, таковый человѣкъ не доступить за грѣхи свои покаянія и помреть наглою смертию і проклятъ будетъ. А которій человѣкъ тому листу вѣриты будеть и той листъ у себе и отъ дому до дому роздаваты, читаты и переписаты, то еслибы имѣлъ которій человѣкъ грѣховъ, як пѣску в морѣ і какъ листу на деревѣ, также звѣздъ на небѣ, то всѣ ему отпущенны будуть и царства небесного доступитъ; ему же честь и слава, аминь; и нинѣ, і присно і во вѣки вѣковъ аминь.

Сооб. **А. Шрамченко.**

Изъ исторіи борьбы малороссійскаго духовенства за свои права въ 18 вѣкѣ. Видя, что императрица Елизавета по личной привязанности къ А. Г. Разумовскому симпатизируетъ малороссамъ, послѣдніе рѣшили воспользоваться этимъ въ цѣляхъ реституціи своей старины, которая къ тому времени успѣла уже сильно поблекнуть подъ давленіемъ великороссійской нивелляціи.

Когда-же Елизавета возстановила въ Малороссіи гетманство, надежды на лучшее будущее расцвѣли у представителей разныхъ сословій украинскаго народа. И въ духовенствѣ малороссійскомъ проснулись надежды на возстановленіе его прежнихъ правъ и привилегій. Первымъ сталъ дѣйствовать митрополитъ кіевскій Тимоѳей Щербацкій. Въ концѣ 1751 г. онъ обратился въ синодъ съ хадатайствомъ о возстановленіи прежнихъ привилегій кіевской митрополичьей каѳедры, какъ главенствующей каѳедры полуавтокефальной малороссійской церкви, именно о подчиненіи верховной юрисдикціи кіевскаго митрополита прочихъ малороссійскихъ архіреeевъ и ставропигіальныхъ монастырей, о большей независимости отъ Синода, о возстановленіи прежняго права самостоятельнаго печатанія книгъ и т. п. Синодъ несочувственно отнесся къ этому ходатайству митрополита, сдѣлалъ ему строгое внушеніе и укорилъ въ недолжномъ почтеніи къ Синоду[1]).

Но пока еще неизвѣстенъ былъ отвѣтъ изъ Петербурга митрополиту, почти одновременно съ его ходатайствомъ возбуждено было другое дѣло, свидѣтельствующее о томъ, что и въ широкихъ кругахъ малороссійскаго духовенства въ то время сильно распространена была мысль о необходимости возстановленія въ полномъ объемѣ прежняго церковнаго строя Малороссіи и что духовенство вполнѣ сознательно относилось къ тогдашнему положенію вещей въ Малороссіи и стойко стояло за свои сословныя права. Послѣ кончины епископа Переяславскаго Никодима Сребницкаго, послѣдовавшей 12 іюня 1751 г., въ духовенствѣ Переяславской епархіи явилась мысль сдѣлать попытку къ осуществленію своего стараго права на избраніе себѣ епископа. Неизвѣстно, кому тутъ принадлежала иниціатива, но нѣкоторыя обстоятельства самаго хода дѣла видны изъ дѣла бывшей Переяславской консисторіи, называющагося „Дѣло о элекціи избранія кандидатовъ на епископство Переяславское“ и хранящагося въ связкѣ дѣлъ за 1752 г. въ архивѣ Полтавской консисторіи. „Дѣло“ начинается съ отвѣтнаго письма генеральнаго писаря Андрея Безбородка къ намѣстнику Переяславскаго каѳедральнаго монастыря іеромонаху Сильвестру,

---

1) См. дѣло арх. св. Синода 1752 г. № 29.

которому по смерти еп. Никодима Переяславская архіерейская „катедра въ правленіе поручена“ была впредь до назначенія новаго епископа[2]). Андрей Безбородко отъ 21 февраля 1751 г. писалъ изъ Глухова, что намѣреніе переяславскаго духовенства избрать себѣ епископа въ Глуховѣ одобряется и гетману вовсе не будетъ неугодно, наставлялъ, что нужно подать гетману прошеніе, въ которомъ „ко избранію на Епископство никого имяноват не слѣдует, а просит токмо присилки персонъ к избранію в тотъ чинъ из достойних мужей кандидатовъ“. Вскорѣ изъ Переяслава въ Глуховъ посланъ былъ ходокъ—каѳедральный писарь іеромонахъ Гервасій, который Андрею Безбородку свезъ отъ „убогой катедры“ Переяславской подарокъ за „милостивый совѣтованія респектъ“, представлялся гетману, „отъ всей братіи тамошней поздравленіе его ясневельможности говорилъ, и за вислушаніемъ оного, его ясневельможность доволенъ тѣмъ остаться соизволилъ“. Гетманъ снесся съ митрополитомъ Кіевскимъ. Послѣдній обрадовался случаю при избраніи епископа ъ Переяславъ проявить прежнія права митрополичьей каѳедры, онъ послалъ въ Переяславъ посланіе и, ссылаясь на древній обы ай, послалъ отъ себя *„аблегата“* для присутствія при избраніи. „Аблегатомъ“ былъ назначенъ знаменитый впослѣдствіи бѣлорусскій архіепископъ Георгій Конисскій, тогда еще іеромонахъ, префектъ Кіевской академіи и профессоръ въ ней богословія. Гетманъ прислалъ въ Переяславъ универсалъ, коимъ оффиціально назначалъ „совершеніе элекціи кандидатовъ“ на Переяславскую архіерейскую каѳедру. При выборахъ въ качествѣ представителей гетмана были особо назначенные имъ къ тому—генеральный эсаулъ Яковъ Якубовичъ и полковой Переяславскій обозный Семенъ Безбородко. Самая „элекція“ происходила въ Переяславѣ 23 февраля 1752 г. Въ выборахъ принимало участіе „знатнѣйшее епархіи Переяславской духовенство“. Самый актъ избранія подписали: 1 игуменъ, 9 іеромонаховъ (въ томъ числѣ одинъ зарубежный—правитель Мошногорскаго монастыря іеромонахъ Венедиктъ), 2 іеродіакона (въ томъ числѣ префектъ Переясл. семинаріи Павелъ Терлецкій), протопопы Переяславскій, Бориспольскій, Золотоношскій, Басанскій и Баришевскій, 2 намѣстника священника—одинъ „крестовый“, другой изъ Гельмязова, 7 священниковъ г. Переяслова и 1 священникъ изъ села Ветова.

По свидѣтельству акта избранія, выборы произведены были „согласно и безъ прерѣканія“, избранію подлежали три монаха изъ малороссіянъ, людей „почтенныхъ, честныхъ, ученыхъ, искусныхъ и

---

[2]) См. д. арх. Синод. 1751 г. № 89.

благоговѣйныхъ". Избраны были: „въ началѣ" ректоръ Новгородской семинаріи, архимандритъ монастыря Антонія Римлянина Іоасафъ Миткевичъ, „а по немъ" намѣстникъ Спб. Александро-Невскаго монастыря іеромонахъ Сафроній Кришталевскій, „да игуменъ Переяславскаго Михайловскаго монастыря Германъ Прохоровичъ. Избранные были люди болѣе или менѣе извѣстные избирателямъ.

По избраніи къ гетману посланы были делегаты съ просьбой ходатайствовать предъ императрицей о назначеніи епископа „с означенныхъ персонъ", митрополиту оже было послано посланіе[1]).

Синодъ отнесся отрицательно къ дѣянію Переяславскаго духовенства. Неизвѣстно что Синодъ отвѣчалъ гетману, митрополиту и Переяславской консисторіи. Извѣстно только, что при назначеніи новаго епископа въ Переяславъ посланіе Переяславскаго духовенства исполнено не было. Одного изъ избранныхъ, Софронія Кришталевскаго, скоро послали архіереемъ въ Иркутскъ, а въ Переяславъ 23 февраля 1753 г. былъ назначенъ ректоръ московской академіи Іоаннъ Козловичъ.

Отказъ митрополиту Тимоѳею и Переяславскому духовенству далъ понять малороссійскому духовенству, что оно преувеличивало свои надежды на Петербургъ. Духовенство замолчало до 1767 г., когда снова было попыталось возвысить свой голосъ за сохраненіе своихъ „древнихъ малороссійскихъ правъ, обычаевъ и вольностей", но опять тщетно. А новыя мѣропріятія правительства въ царствованіе Екатерины окончательно убѣдили малороссійское духовенство, что прошлое ушло безвозвратно и его уже не воротить.

Вл. П—ко.

Як сатана збірав закони по землі. (Изъ народныхъ устъ). Недавно мнѣ въ Заславлѣ пришлось слышать изъ народныхъ устъ любопытный разсказъ о томъ, какъ сатана задался цѣлью собрать и уничтожить всѣ существующіе гдѣ-либо на землѣ гражданскіе законы. Былъ ли этотъ разсказъ кѣмъ либо записанъ и гдѣ-либо напечатанъ, не знаю. Не берусь судить также и о томъ, чисто ли народнаго происхожденія онъ, или попалъ въ народныя уста случайно.

Сообщаю разсказъ дословно, какъ его слышалъ:

„То Сатана задумався над тім, що люде мало грішать, мало попадають до нього через тее, що опріч церковних, Божих,—дуже багато мають ще гражданських всяких законів.

---

1) По дан. вопросу опубликованъ имъ отрывокъ изъ донесенія Георгія Конисскаго въ „Палеограф. изборникѣ". Кіевъ, 1899 г., вып I. № 70.

Церковних, Божих законів люде ще не так дуже страшатся і боятся, бо кара за них людям мае бути ще колись-то, на там-тім світі, після смерти; а от гражданських законів люде боятся гірше і сильно,—бо кара за них зараз і тепер,—зараз і тепер же посадять за них в турму; от люде боятся тіх гражданських законів і зараз, тепер кари за них, щоб зараз не покарали,—і мало грішать, боятся грішити: красти, убивати, грабити, палити,—щоб не покарали, не посадили в турму.

І став Сатана думати, як би то свому гору, своій біді пособити, як би то заставити людей більше грішити, як би то зробити, щоб вони не боялися тіх гражданьских законів, не боялися тієї кари на сім світі по тім законам. Став Сатана думати, як би то зничтожити, стребити всі тії гражданські закони.

І от надумав Сатана—всі гражданські закони, де які є по світі, на землі у людей, всі книжки з тими законами з цілого світа зібрати і зничтожити, зпалити їх в пеклі, щоб сліда і званія не зосталося от тіх законів; тоді люде не будуть мати гражданськіх законів, забудуть їх, будуть красти, бити, грабити, палити, небоячися ніякої кари, ніяко турми на сім світі.

І послав Сатана своїх меншіх чортів в разні царства зібрати всі книжки з гражданськими законами, де які тілько єсть. Їдного чортика послав до німця, другого до хранцуза, третього до англичанки, четвертого до прусачка, пьятого въ нашу руську землю.

Чортики розбіглися по всім царствам і в дух зібрали всі книжки з законами—які тільки в якому царстві були, і приперли їх до Сатани. Найбільше припер чортик книжок з законами з руського царства,—ледве-ледве що доніс.—От Сатава казав всі ті книжки нести в пекло, щоб попалити їх.

Тільки що понесли їх, коли це біжить руський чорт, з руського царства, і кричить до Сатани:

— Допіру вийшло „дополненіе“ до такої то статті такого тома законів: на тобі його!

Взяв Сатана і „дополненіе“, і пруть книги дальше до пекла. Коли знов біжить чорт з руського царства і кричить Сатані:

„Чикай, чикай, Сатано! Допіру вйшло „измѣненіе“ такої-то статті такого-то тома законів: на тобі і його!

Взяв Сатана і „измѣненіе“ і понесли дальше.

Коли це вже коло самого пекла знов наганяе Сатану чортик з руського царства, і каже:

— На тобі ще одно „дополненіе“ до такої-то статті такого-то тома законів—тільки що випустили його.

Сатана взяв.

Тільки що Сатана підійшов під пекло, аж ось знов біжить чортик руського царства і кричить:

— Чикай, Сатано! така-то стаття руських законів відміняна зовсім, а замінена такою-то статею!

Сатана доціру зо злостю і з досади плюнув і кинув книжками об землю, та й каже до чортиків:

— Всі гражданські закони, всіх царств закони можна зібрати, тільки руського царства законів всіх ніяк не зберу. Стільки тих „дополненій“, „разъясненій“, „измѣненій“ законів, так багато їх виходить, що всіх їх ніяк і ніколи не зберу ні я, ні хто“.

Так Сатана і не зібрав всіх законів...

Сообщ **Ив. Бѣньковскій.**

Приведеніе въ порядокъ могилы Т. Г. Шевченка. Два года назадъ въ журналѣ нашемъ (см. 1904 г. № 7 — 8 отд. II, стр. 22) было напечатано краткое извѣщеніе, обращенное къ четыремъ лицамъ (Н. С. Кононенку, Г. Н. Заворотьку, В. А. Стаховскому и М. П. Воронину), приславшимъ изъ Екатеринослава въ редакцію 36 рублей на поддержаніе въ порядкѣ могилы Т. Г. Шевченка. Пришлось ограничиться тогда только увѣдомленіемъ этихъ лицъ, что присланныя ими деньги получены и переданы по назначенію, такъ-какъ по цензурнымъ условіямъ нельзя было сказать откровенно, что такой національный памятникъ, какъ могила Т. Г. Шевченка, требуетъ для поддержанія его въ надлежащемъ видѣ усилій не одного лица, а сборовъ общественныхъ. Мы думали тогда, что украинцы, чтущіе память своего великаго поэта, откликнутся на этотъ глухой призывъ и присоединятъ свои посильныя пожертвованія къ тѣмъ небольшимъ средствамъ, которыми могутъ располагать лица, заботящіяся о поддержаніи могилы въ порядкѣ. Наши ожиданія отчасти сбылись, т. к. постепенно стали получаться въ редакціи пожертвованія на это дѣло. Не буду переименовывать всѣхъ этихъ лицъ вторично, т. к. списки ихъ печатались своевременно въ журналѣ, а укажу только тѣ номера журнала, съ указаніемъ поступавшихъ суммъ, гдѣ печатались извѣщенія. Въ № 9 за 1904 г. (отд. II, стр. 91—92)—207 р. 30 к.; въ № 11 за тотъ-же годъ (отд. II, стр. 54)—106 р.; въ № 1 за 1905 г. (отд. II, стр. 18)—5 р. 80 к.; въ № 3 за тотъ-же годъ (отд. II, стр. 244)—79 р. 65 к.; въ № 9 за тотъ-же годъ (отд. II, стр. 119—120)—8 р. 45 к.; въ № 10 за тотъ-же годъ (отд. II, стр. 17)—31 р. 35 к. Такимъ образомъ всего поступило въ редакцію 474 р. 55 к.

Такъ-какъ содержаніе сторожа на могилѣ и всѣ текущіе расходы по мелкимъ ремонтамъ на ней производятся не изъ пожертвованныхъ суммъ, то я, какъ теперешній владѣлецъ могилы, рѣшилъ собранныя деньги употребить на болѣе серьезныя улучшенія. Чтобы выяснить, въ чемъ оказывается наиболѣе настоятельная потребность въ крупныхъ улучшеніяхъ, я считаю нужнымъ предварительно ознакомить читателей съ главными моментами въ исторіи могилы Т. Г. Шевченка.

Когда весною 1861 года рѣшено было похоронить поэта на берегу Днѣпра, то избрано было мѣсто подлѣ г. Канева, на землѣ, принадлежащей городу. Участокъ земли, количествомъ около 1/2 десятины, тогда у города не былъ купленъ, а взятъ въ долгосрочную аренду *побратимомъ* покойнаго поэта, Варф. Григ. Шевченкомъ. Тогда же, послѣ похоронъ, сооруженъ былъ на могилѣ невысокій курганъ, на которомъ водруженъ былъ большой деревянный крестъ. Прошелъ рядъ лѣтъ; заботиться о могилѣ было некому, благодаря чему она пришла въ печальное состояніе: курганъ осыпался, крестъ свалился, а вокругъ могилы, ничѣмъ не огороженной, ходилъ скотъ окрестныхъ жителей, уничтожая и ту скудную растительность, которая росла тамъ. Таково было положеніе дѣла въ 1882 г. Среди почитателей памяти поэта возникла мысль о приведеніи могилы его въ порядокъ, для чего собраны были средства (до 6 тысячъ рублей), и оффиціальному представителю могилы, В. Г. Шевченку, поручено было взять на себя иниціативу этого дѣла. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ производились работы, благодаря неожиданнымъ остановкамъ (см. объ этомъ въ „Кіевск. Стар.“ 1902 г., № 2, отд. II, стр. 73—77), но къ 1888 году все было закончено: былъ насыпанъ высокій земляной курганъ, на которомъ поставленъ былъ изящный чугунный крестъ, огороженный металлической рѣшеткой, возлѣ могилы выстроена была сторожевая хата съ комнатой для посѣтителей, а вся усадьба была обнесена деревянной оградой. Съ того-же времени заведенъ на могилѣ постоянный сторожъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ. В. Г. Шевченко, уже глубокій старикъ, близокъ былъ къ смерти. Надо было подумать объ упроченіи положенія могилы въ будущемъ. Рѣшено было участокъ земли, арендуемой у г. Канева, сдѣлать частною собственностью, чтобы, послѣ смерти В. Г. Шевченка, было кому выступать оффиціальнымъ лицомъ, когда потребуется приложить заботы о могилѣ. Такимъ образомъ въ началѣ 90-хъ годовъ могила перешла въ частную собственность, въ которой пребываетъ и теперь. За все это время, по частной иниціативѣ и на частныя средства, производились нѣкоторыя улучшенія на могилѣ, какъ-то: пристроено къ хатѣ еще двѣ комнаты для посѣтителей, сдѣлана новая огорожа вокругъ усадьбы; но очевиднымъ стало, что истинное улуч-

шеніе въ положеніи могилы можетъ быть достигнуто только тогда, когда площадь участка будетъ расширена, чтобъ на ней можно было разбить паркъ; когда на курганъ будетъ вести прочная каменная лѣстница, а не та деревянная, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершенно сгниваетъ; когда отъ берега Днѣпра на гору будетъ устроенъ хорошій подъемъ, а не теперешняя козья тропинка да малоудобная для проѣзда круговая дорога; когда, наконецъ, гора будетъ орошаться проведенной туда водой. Изъ этого перечня видно уже, что средствъ понадобится на все это очень много, и безъ общественной поддержки обойтись нельзя.

Когда начали ко мнѣ присылать добровольныя пожертвованія на поддержаніе могилы Т. Г. Шевченка, было рѣшено прежде всего позаботиться о расширеніи участка земли и объ устройствѣ прочной лѣстницы на курганѣ.

При содѣйствіи г. Гулака, очень много похлопотавшаго о расширеніи усадьбы, удалось получить отъ каневской городской управы прирѣзку значительной площади городской земли (болѣе 4 десятинъ, считая вмѣстѣ съ откосами къ Днѣпру), безмездно отведенной г. Каневомъ въ условную собственность, т. е. безъ права отчужденія отъ могилы и съ обязательствомъ производства посадки деревъ на ровной площади. Съ осени 1905 года начались работы по лѣсонасажденію, которыя, благодаря любезно предложенному руководству работами А. К. Мицукомъ и безплатно доставленнымъ изъ казенныхъ питомниковъ растеніями, при содѣйствіи Гр. Калашника и И. Стебловскаго, обошлись очень дешево. Весною нынѣшняго года произведена посадка болѣе 8 тысячъ растеній, разбитыхъ по плану и посаженныхъ въ канавахъ, которыя приготовлялись по нивеллиру. Вся посадка, съ работами по приготовленію канавъ для нея, стоила 137 р. 15 к. Чтобъ защитить эти насажденія отъ пасущагося вокругъ скота, нужно было перенести прежнюю ограду на новое мѣсто, за что уплачено 15 рублей. Въ теченіе минувшаго лѣта, благодаря обильнымъ дождямъ, всѣ насажденія прекрасно принялись, такъ-что пока есть полная надежда, что посадка будетъ удачна.

Еще въ прошломъ году деревянная лѣстница, ведущая на курганъ, пришла въ ветхость, такъ-что по ней трудно было уже всходить наверхъ. Надо было подумать о сооруженіи новой лѣстницы, которая могла-бы прослужить вѣка. Въ виду этого, рѣшено было отложить постройку ея на годъ, кое-какъ отремонтировавши старую. Отложена была постройка новой лѣстницы, въ надеждѣ, что за годъ прибудутъ новыя пожертвованія, такъ-какъ сразу было видно, что для устройства солидной лѣстницы собравшихся уже средствъ не хватитъ. Такъ-какъ ожиданія на приливъ новыхъ пожертвованій не оправдались, то пришлось

въ этомъ году сдѣлать только то, что было возможно. А именно: устроенъ каменный фундаментъ для лѣстницы, для чего пришлось опустить глубоко въ могилу три каменныхъ стѣны шириною въ 1 сажень; на этихъ стѣнахъ укрѣплены двухтавровыя балки; затѣмъ во всю длину этого фундамента уложено бетонное основаніе, по которому слѣдовало-бы положить гранитныя ступени, но такъ-какъ средствъ на это не было, то пришлось установить временно деревянныя ступени. Вся эта работа, для которой пришлось взять мастеровъ изъ Кіева, обошлась въ 512 р. 28 к., при чемъ особенно дорого обходилась доставка матеріаловъ на гору, благодаря крайне неудобной дорогѣ. Такимъ образомъ, весь расходъ по посадкѣ растеній и по сооруженію лѣстницы на курганъ составилъ 664 р. 43 к.; собрано-же было пожертвованій 474 р. 55 к.; слѣдовательно, не хватило даже на произведенныя уже работы 189 р. 88 к.

Представляя этотъ отчетъ по приведенію могилы въ порядокъ, считаю долгомъ указать землякамъ, что на очереди, какъ видно изъ сказаннаго выше, стоятъ крупныя работы по установкѣ гранитныхъ ступенекъ въ замѣнъ временно положенныхъ теперь деревянныхъ, по проведенію удобнаго всхода на гору, а также по устройству орошенія на горѣ. Все это требуетъ тѣхъ затратъ, которыя не могутъ быть произведены безъ участія общества.

В. Науменко.

P. S. Покорная просьба къ редакціямъ южныхъ изданій ознакомить своихъ читателей съ настоящимъ отчетомъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCIV.

1906 г.

ОКТЯБРЬ.

Кіевъ.
Типо-литографія Т-ва Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская у., № 14.
1906.

Малороссійское козачье ополченіе въ 1812 году по архивнымъ даннымъ.[1]

Обратимся теперь къ военнымъ дѣйствіямъ ополченія, о которыхъ, надо сказать, сохранились въ архивѣ отрывочныя данныя, что и понятно. Реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ той или другой части доставлялись главнокомандующему. Всѣ сформированные полки въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1812 года выступили въ походъ въ калужскую и тульскую губернію; оттуда уже они распредѣлялись въ разныя мѣста, по мѣрѣ надобности. Часть ихъ была употреблена на охрану „кордонной цѣпи", устроенной по границамъ минской, могилевской и кіевской губерніи, по повѣтамъ городницкому, остерскому, начиная отъ села Осадчины, остерскаго повѣта, гдѣ соединяется р. Днѣпръ и Десна, до села Клюсовъ, городницкаго; эта цѣпь впослѣдствіи была протянута до самаго Кіева. Интересно, что этой „кордонной цѣпью" завѣдывалъ не военный, а совѣтникъ черниговскаго генеральнаго суда, надворный совѣтникъ Прудниковъ. Подробныхъ донесеній о дѣйствіяхъ ополченія по охранѣ этой цѣпи мы не встрѣтили въ архивѣ. Сохранилось одно донесеніе Прудникова, что въ сентябрѣ 1812 года близъ м. Абакумова замѣтили 4 человѣкъ французовъ, стрѣлявшихъ въ козаковъ, и одному изъ нихъ прострѣлили полукафтанъ и „тѣмъ выстрѣломъ дали контузію". Устройство этой цѣпи было мѣрой предосторожности, сдѣлано было на всякій случай; непріятель прошелъ много сѣвернѣе этой границы. Въ распоряженіи Прудникова на пристаняхъ Каменской, селѣ Радулѣ и м. Любечѣ было 165 лодокъ [2]).

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1906 г. кн. 9.

[2]) Арх. губ. правленія 1812. № 55.

Другая часть ополченія была въ корпусѣ генерала Ожаровскаго и другихъ начальниковъ и принимала участіе въ дѣлахъ съ французами. Сохранились данныя объ этомъ командира 9 пѣхотнаго полка маіора Товбичева. Полкъ этотъ сражался съ непріятелемъ въ смоленской губерніи, гдѣ имѣлъ нѣсколько серьезныхъ стычекъ. Ему удалось въ одномъ сраженіи захватить до 1000 человѣкъ въ плѣнъ, безъ большихъ потерь съ своей стороны. Полкъ этотъ сражался подъ Краснымъ, гдѣ атаковалъ французовъ, но вскорѣ же долженъ былъ отступить по многочисленности непріятеля. Въ этомъ сраженіи былъ раненъ самъ Товбичевъ. Не мало и затѣмъ полкъ имѣлъ стычекъ съ непріятелемъ онъ уменьшился на половину, лошадей пало болѣе 800 [1]). Нѣсколько полковъ (преимущественно черниговскіе) были въ герцогствѣ варшавскомъ, въ распоряженіи генералъ-лейтенанта Рота, и участвовали при взятіи крѣпости Замостье. Сохранилось очень интересное письмо къ кн. Лобанову командира 6 полтавского полка Н. Свѣчки, рисующее положеніе ополченія.

„Сіятельнѣйшій князь милостивый государь. Наконецъ достигаемъ мы своей цѣли. Черезъ четыре мѣсяцы, стоя въ лагеряхъ, подъ крѣпостью новаго Замостья!. Имѣя вѣрное свѣдѣніе отъ дезертировъ, что скоро сдадутъ намъ сію крѣпчайшую обузу. Большая часть воиновъ, находящихся въ ней, умерли отъ цинготной и голоду. Каждый солдатъ получаетъ не больше фунта хлѣба въ сутки. Да на недѣлю полтора фунта лошадинаго мяса, а господа офицеры за раритасъ (рѣдкость) покушали всѣхъ кошекъ. Сей день была сильная вылазка. Пули и ядра летѣли, какъ градъ. Но кончилось малою потерею съ нашей стороны. Счастливѣйшій есть для меня сей день по объявленному приказу, что и мы и корпусный нашъ начальникъ, господинъ генералъ-лейтенантъ Ротъ, поступаемъ подъ командою князя Дмитрія Ивановича. О! какъ бы я счастливъ былъ попасть къ нему съ полкомъ въ тѣлохранители. Ей богу, не пожалѣю до послѣдней капли крови живота въ какомъ бы то ни было случаѣ.

Стоящіе здѣсь войска совершенно обезмонетились, такъ что ежели бъ не благодѣтельные маркитанты, навѣрное бы ѣли козацкую кашу съ сухарями, ибо за десять мѣсяцъ не получаемъ жалованья, нами уже заслуженнаго, а болѣе прискорбно смотрѣть на нижнихъ чиновъ, которые, въ довольно уже холодное

---

1) Арх. г. правл. 1812. № 16.

время, несутъ службу въ ветхой одеждѣ и безъ обуви. Наконецъ, сіятельнѣйшій князь, позвольте безпокоить васъ и о моемъ положеніи, то есть не о себѣ лично, а о оставшейся женѣ моей и братѣ, коихъ не отрѣшите, сіятельнѣйшій князь, взять подъ мощную защиту вашу. А я на службѣ милостиваго нашего монарха, съ двѣнадцатилѣтнимъ и единственнымъ моимъ сыномъ, не надѣюсь ни о чемъ нуждаться, а ласкаю себя надеждою пользоваться его милостями. За честь поставляю пребыть съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и такою же преданностью вашего сіятельства и проч. Николай Свѣчка [1]).

1813 г. 1 ноября, подъ крѣпостью Новаго Замостья, на бивакахъ".

Есть указанія о походѣ нѣкоторыхъ полковъ ополченія въ западную Европу. 3 черниговскій полкъ „былъ во Храмъ-фуртѣ (Франкфуртъ) на маршѣ въ Швейцарію. „Но онъ былъ во Франціи, что было въ январѣ 1814 года. 4 козачій полкъ былъ въ Гамбургѣ [2]) а 5 черниговскій полкъ былъ привлеченъ къ устройству летучей почты въ корпусѣ адмирала Чигагова [3]). Вотъ и всѣ данныя объ участіи ополченія въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Кн. Лобановъ въ 1812 г. осенью, озабочиваясь о медицинской помощи ополченцамъ, устроилъ лазаретъ въ м. Добрянкѣ [4]): „для пользованія защитниковъ". Врачомъ былъ Воронкевичъ, занимавшій должность повѣтоваго врача. Повѣтовый начальникъ Бутовичъ ревизовалъ этотъ госпиталь и писалъ Воронкевичу: „вашимъ стараніемъ наблюдается въ ономъ чистота, продовольствіе пищею, а равно пользованіе больныхъ медикаментами производится въ исправности и успѣхъ выздоровленія очевиденъ". Въ госпиталѣ, во время его ревизіи, было около 100 больныхъ [5]).

Высочайшимъ указомъ отъ 30 сентября 1814 г. ополченіе было отпущено въ „домы свои". Указъ объ этомъ командиры полковъ получили 15 октября.

„Имяннымъ Его Императорскаго Величества высочайшимъ указомъ отъ 30 минувшаго сентября, къ главнокомандующему арміей господину генералъ-фельдмаршалу графу Барклаю де-Толли послѣдовавшимъ, повелѣно: малороссійское ополченіе, изъ

---

1) Арх. г. пр. 1813. № 29, л. 62.
2) Арх. г. правл. 1813. № 32, 1814. № 64.
3) Арх. г. правл. 1812. № 13.
4) Городницкомъ уѣздѣ, черниг. губ.
5) Арх. г. правл. 1812. № 64.

козаковъ составленное, отправить въ свои губерніи, гдѣ и они расположены будутъ по усмотрѣнію малороссійскаго генералъ-губернатора. Во изъявленіи же особеннаго благоволенія къ сему ополченію государь императоръ всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ при семъ случаѣ нижнимъ чинамъ не въ зачетъ жалованья по два рубля на человѣка ассигнаціями единовременнаго вознагражденія.

Вслѣдствіе сего и по повелѣнію господина генералъ-фельдмаршала предписывается всѣмъ господамъ полковымъ командиромъ полтавскихъ ополченій: 1) по собраніи, на основаніи ближнихъ откомандировокъ людей, тотчасъ выступить со ввѣренными имъ полками и слѣдовать по прилагаемому здѣсь маршруту въ полтавскую губернію, гдѣ встрѣтитъ васъ малороссійскій генералъ-губернаторъ повелѣніемъ о томъ, въ какихъ именно мѣстахъ должно будетъ вамъ расположиться.

2) По принятіи отъ генералъ-кригсъ-коммисара Татищева всемилостивѣйше пожалованныхъ денегъ единовременно по два рубля на человѣка, выдать оные тотчасъ всѣмъ нижнимъ чинамъ по рукамъ и наблюсти, дабы они непремѣнно имѣли на себѣ исправную одежду и обувь; съ возвращеніемъ же въ Россію, во всей суммѣ, какая вамъ отпущена будетъ, представить отчетъ малороссійскому генералъ-губернатору.

3) Во время слѣдованія наблюдать во всемъ порядокъ и дисциплину и чтобы всѣ офицеры находились всегда при своихъ мѣстахъ, также имѣть попеченіе о сбереженіи людей въ пути, о продовольствіи оныхъ и о призрѣніи больныхъ, что возлагается на особенную обязанность и отвѣтственность вашу.

4) Ежели на походѣ могутъ найтиться изъ числа откомандированныхъ ими выздоровѣвшихъ въ госпиталяхъ людей, командуемому вами полку принадлежащіе, то всѣхъ таковыхъ забирать и присоединять къ себѣ.

5) Буде изъ ввѣреннаго вамъ полку находится довольное количество людей въ госпиталяхъ и дальнихъ отлучкахъ, коихъ предъ выступленіемъ не успѣете присоединить къ себѣ, то для собранія оныхъ оставить здѣсь одного надежнаго чиновника и приказать ему состоять въ вѣдомствѣ дежурнаго генерала арміи, по распоряженію коего и будутъ отправляемы собранные имъ люди въ свои губерніи. Чиновники сіи должны быть снабжены именными вѣдомостями всѣмъ отлучнымъ людямъ съ подробнымъ объясненіемъ, въ какихъ именно откомандировкахъ или госпиталяхъ и съ котораго времени они находятся. Кто же имен-

но и гдѣ оставленъ будетъ, также въ которое время выступаетъ въ походъ, донесли бы мнѣ съ приложеніемъ рапортовъ о числѣ людей и лошадей, на продовольствіи состоящихъ, и особыхъ вѣдомостей о находящихся въ дальнихъ откомандировкахъ и по госпиталямъ.

6. Малороссійскому генералъ-губернатору и управляющему военнымъ министерствомъ генералъ отъ инфантеріи кн. Горчакову донести также, съ какимъ числомъ людей и лошадей выступаете и когда вступите въ границы Россіи. По прибытіи же въ полтавскую губернію извольте представить имъ отчетъ о людяхъ: Какое число было получено при первоначальномъ выступленіи полка изъ своей губерніи; сколько и когда и какими случаями убыло и сколько осталось въ какихъ госпиталяхъ и откомандировкахъ; равномѣрно о лошадяхъ, оружіи, аммуниціи и о всѣхъ воинскихъ снарядахъ, сколько чего, отколь получено было, сколько изъ того числа какими случаями убыло и затѣмъ сколько остается на лицо и въ какой годности? Приказъ этотъ изданъ начальникомъ Главнаго Штаба Сабанѣевымъ. Къ сожалѣнію, въ архивѣ не могли сохраниться статистическія свѣдѣнія по послѣднему пункту, такъ какъ эти данныя, согласно приказу, были отосланы управляющему военнымъ министерствомъ[1]). Полки двинулись въ свои губерніи въ слѣдующемъ составѣ: въ 9 полтавскихъ было 7632 ч. и лошадей 7418; въ 6 черниговскихъ 4852 ч. и лошадей 5047. Составъ былъ далеко не полный, полагаемый по штату[2]).

Въ 5 черниговскомъ полку осталось ко времени выступленія въ городъ всего 316 ч., и этихъ козаковъ повелѣно было „обратить въ прислугу въ гошпитали, а лошадей, числомъ 945, дозволено было козакамъ продать, При этомъ было назначено слѣдствіе о причинахъ такой убыли козаковъ въ этомъ полку, что было поручено генералу Римско-Корсакову. Чѣмъ окончилось слѣдствіе, неизвѣстно; слѣдовъ объ этомъ въ архивѣ нѣтъ[3]). На пути возвращенія полковъ въ свои губерніи, командиръ четвертаго полка полковникъ Муравьевъ тяжко заболѣлъ въ Минскѣ, гдѣ долженъ былъ остаться, а полкъ двинулся дальше. Въ Житомірѣ явился въ полкъ дворянинъ Галиковскій, яко бы посланный отъ Муравьева, запечаталъ своею печатью въ канцеляріи всѣ дѣла,

1) Арх. г. прав. 1814, № 46.
2) Арх. г. пр. 1814, № 46.
3) Арх. губ. прав. 1816, дѣло № 33.

найденныя на другой день распечатанными. При этомъ Галиковскій сообщилъ, что полковникъ Муравьевъ скоро оправится отъ болѣзни. Съ какою цѣлью все это сдѣлалъ Галиковскій, трудно сказать. Быть можетъ, была необходимость скрыть какіе либо документы, которые могъ взять этотъ дворянинъ, или что либо въ этомъ родѣ... Подпоручикъ Ашанинъ отправилъ нарочнаго навести справку о камандирѣ, и оказалось, что онъ „трудно безъ чувствія боленъ и не только не можетъ сдѣлать никакихъ распоряженій, но и рѣчей произнесть.“ Подпоручикъ Ашанинъ остался во главѣ этого полка. Открылось, что на командирѣ Муравьевѣ было не мало казенныхъ, такъ и „портикулярныхъ претензій“. При немъ остался одинъ оберъ-офицеръ, 30 козаковъ и 11 козачьихъ лошадей. Обо всемъ этомъ подпоручикъ Ашанинъ донесъ кн. Лобанову-Ростовскому, который утвердилъ его командиромъ полка[1]). Въ полку, которымъ командовалъ де-Конноръ, произошелъ случай, не столь интересный по существу, сколько рисующій порядки въ судахъ того времени. 15 мая 1815 г., когда полкъ стоялъ въ прилукскомъ повѣтѣ, 20 человѣкъ, вооруженные кольями и дубинами, подошли къ полковому цейхгазу. Часовой три раза окликнулъ: кто идетъ? отвѣта не было. Онъ еще разъ окликнулъ: кто идетъ, говори, убью.... Это было ночью. Тогда эти люди набросились на часового, который, защищаясь, ранилъ одного саблею въ голову, другому разрѣзалъ руку, но скоро былъ обезоруженъ и избитъ. Отъ полученной раны часовой палъ замертво на землю, но его потащили въ огородъ и начали бить. Сюда прибѣжалъ еще козакъ, слышавшій крикъ, но его избили. Затѣмъ прибѣжали еще два козака и съ ними два чиновника, Чаговецъ и Сварика. Прибывшіе вслѣдъ за ними козаки заставили нападающихъ разбѣжаться. Это случилось въ с. Иваницѣ, гдѣ въ то время былъ засѣдатель нижняго земскаго суда Затыркевичъ, кь которому де-Конноръ и обратился съ просьбой произвести разслѣдованіе, но онъ отказался, такъ какъ не имѣлъ на это предписанія отъ земскаго суда. Самое же прошеніе де-Коннора о производствѣ слѣдствія, отправилъ въ нижній земскій судъ. При немъ же открылось, что нападеніе на цейхгаузъ совершено было дворовыми помѣщика Горленка. Затыркевичъ арестовалъ двухъ подозрѣваемыхъ въ нападеніи, но отъ ареста дворовыхъ отказался, при чемъ сказалъ,

---

[1]) Арх. г. прав. 1814, № 47.

„что, хотя онъ и отвѣчать будетъ, но къ изслѣдованію сего дѣла и ко взятію дворовыхъ помѣщиковъ Горленковъ не приступитъ.“ Надо сказать, что засѣдатели нижняго земскаго суда избирались дворянами изъ своей же среды. Не желая нажить себѣ враговъ при будущихъ выборахъ, они защищали интересы помѣщиковъ. Затыркевичъ уѣхалъ, и вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ земскій комиссаръ, также избираемый дворянствомъ. Комиссаръ произвелъ дознаніе, описалъ раны часового и козака и уѣхалъ. Затѣмъ опять пріѣхали засѣдатели, тотъ-же Затыркевичъ и Гашинскій. Производили они разслѣдованіе, не допустивши депутата отъ полка Цвѣтковскаго[1])...

Знамена полковъ, по предписанію кн. Лобанова, должны были храниться въ каѳедральномъ соборѣ, въ Полтавѣ и Черниговѣ, Первый полтавскій полкъ, по случаю своего возвращенія, соорудилъ образъ Спасителя, стоимостью 1500 р., который почему то былъ помѣщенъ въ соборной преображенской церкви, въ Черниговѣ[2]).

Таковы данныя, извлеченныя нами изъ архивныхъ дѣлъ о малорусскомъ козачьемъ ополченіи въ достопамятный 1812 годъ. Попытаемся, на основаніи этихъ данныхъ, сдѣлать посильный выводъ объ этомъ ополченіи. Малорусское казачество сослужило не малую службу Россіи, организовавъ изъ себя ополченіе въ 18 тыс. человѣкъ, но это былъ первоначальный только составъ 15 полковъ, а съ постоянными замѣнами выбывшихъ изъ строя, число ополченцевъ далеко превышало цифру въ 18 тыс. Помимо того, что козачество жертвовало своей жизнью, оно несло большія пожертвованія. Имъ были собраны сотни тысячъ на обмундированіе, на вербовку лошадей. Стоявшіе во главѣ нерѣдко ихъ экстлоатировали, вымогали у нихъ деньги, прибѣгали къ разнаго рода притѣсненіямъ для достиженія своей преступной цѣли. Козаки охотно шли въ ополченіе, что отчасти можно приписать обѣщанію генералъ-губернатора, что, по возвращеніи „въ дома свои“, они составятъ козацкое войско, какъ было въ старину.

Ополченія были составляемы въ это тяжелое время и дворянствомъ, но дворянство организовало ихъ изъ крѣпостныхъ и жертвовало только средства, козачество же само жертвовало своею жизнью, помимо большихъ матерьяльныхъ пожертвованій, что и составляетъ историческую его заслугу.

---

[1]) Арх. г. прав. 1815, № 49.

[2]) Арх. п. губ. правл. 1812, № 82,

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Обозрѣніе Малороссіи въ лѣто 1812 года.

(*Генералъ-губернатора Малороссіи кн. А. И Лобанова-Ростовскаго*).

По вторженіи непріятеля въ предѣлы Россійской имперіи, губернія черниговская, положеніемъ своимъ гранича съ завладѣнной минской, могилевской и смоленской, съ нею же смѣжной, находилась въ необходимости брать найдѣятельнѣйшія средства оградить себя, какъ не отъ самой злодѣйской арміи, то, по крайнѣй мѣрѣ отъ разбойничьихъ нападеній марадеръ и конфедераціи, наипачѣ собираемыхъ въ чериковскомъ, климовицкомъ, чаусовскомъ и мстиславскомъ повѣтахъ, поелику и за не выпускъ изъ Малороссіи продуктовъ, селеніи ея уже огнемъ угрожаемы, въ уваженіи чего и учреждена была первоначально пограничная цѣпь. Изъ ближайшихъ къ тѣмъ пунктамъ обывателей, коя послужила и къ обезпечиванію себя отъ тайныхъ, всякихъ сношеніевъ евреевъ и продчихъ неблагонадежныхъ людей, среди того, первый объ ополченіи манифестъ поступя и представя уравнительное и лучшее для губерніи средство оградиться, приступилъ всякъ къ составленію его толико усерднымъ рвеніемъ, что отъ каждыхъ пятьнадцати душъ дано по одному защитнику, вооруженному пикой или саблей и снабженнаго деньгами на полугодовое содержаніе провіантомъ и жалованьемъ, опредѣля также оное сотеннымъ и полусотеннымъ начальникамъ; полтавская губернія таковое же вооруженіе учинила отъ 25 человѣкъ, снабдивъ каждаго всѣмъ годовымъ содержаніемъ, опредѣля, чтобъ изъ тѣхъ людей было и 6500 конницы, генералъ-губернаторъ къ подкрѣпленію всей той силы пригласилъ старой службы артиллерійскихъ чиновниковъ и, вруча имъ 46 орудій разнаго калибра, отъ помѣщиковъ на временное употребленіе истребованныхъ, поручилъ привести ихъ въ надлежащую исправность и снабдить каждое 50 кортечными снарядами, что и исполнено, орудіи тѣ при выступленіи отрядовъ были размѣшены подъ вѣдѣніемъ губернскихъ начальниковъ ополченія, колико жѣ всѣ то послужило огражденію и спокойствію обывателей, свидѣтельствуетъ общая въ семъ краю признательность, а колико всѣ того ради приуготовленія и единою оглаской своей дѣйствовали надъ непріятелемъ и присталой къ нему сволочи, могутъ свидѣтельствовать и

плѣнные и завладенныхъ тогда губерніевъ жителей. И полтавской губерніи вооружиться нужно было для усиленія черниговскаго ополченія. Ополченіе то послѣдствіемъ подтвердилось, ибо свѣтлѣйшимъ княземъ первоначально приказано было обоимъ силамъ войти въ могилевскую губернію, а нынѣ велѣлъ онъ имъ слѣдовать въ волынскую, до того же пѣхота и конница полтавскія держались въ переяславскомъ и въ продчихъ съ Кіевомъ пограничныхъ повѣтахъ, съ тѣмъ, что естлибъ непріязненное что съ Кіевомъ случилось, ретирующеяся армія, найдя себѣ подкрѣпленіе, могла бы надежнѣе дѣйствовать, или бъ сіе ополченіе на тоже употребленіе обратилось къ Глухову, естьлибъ обстоятельство Тулы и Калуги того потребовали мѣры тѣ, тѣмъ благонадежнѣе употреблялись, что генералъ-губернаторъ, занимаясь огражденіемъ въ ввѣренныхъ ему губерній видѣлъ, что и могущіи государству встрѣтилися нужды въ сильной укомплектовки, средства оныя тому бы благопріятствовали арміи, ибо никаковой рекрутскій наборъ не представлялъ еще здѣсь 42182 человѣкъ, какъ составило то ополченіе, напначѣ съ 6500 конницы, могущихъ вообще замѣнить знатное къ пополненію число.

Но къ привѣденію въ действо всѣхъ тѣхъ мѣръ, не стало бы всѣй генералъ-губернаторской благонамѣренности печности, естлибъ обоихъ губерній маршалы и помѣщики не были движимы благомысліемъ и равнымъ къ пользѣ царя и царства усердіемъ, обращая взоръ на сію истенну всякаго уваженія достойною, подлежитъ обратить вниманіе коликихъ еще государственныхъ пользъ сей край былъ и есть причастенъ; козачье состояніе вызвавшись вооружаться, дало 15 полковъ, составляющихъ 18000 чел. конницы и благословляя соизволеніе о томъ государя своего, обязывается вооружаться въ предь двойнымъ противъ того числомъ; то войско ими въ полнѣ ремонтируясь можетъ почесца безсмертнымъ, не требуя жъ въ мирное время никаковыхъ казенныхъ издержекъ, а находясь готовымъ платятъ, какъ и всегда до 1364949 р.

Изъ сего въ кратцѣ изложеннаго, удобно уже бы рѣшить прошлое или нынечное сихъ людей положеніе лудчѣ съ выгодами казны согласуетъ, но къ вящему того поясненію пріобщаются слѣдующія подробности—въ губерніяхъ малороссійскихъ числится козаковъ 454983 ч., обязанность ихъ состояла по самымъ послѣднимъ надбавкамъ и разныхъ наименованій податей по 10 р. съ души, и во время набора со ста душъ одинъ пѣшій рекрутъ, нынѣ платитъ по три рубля, даютъ со ста по четыре

рекрута конныхъ, вооруженныхъ и вѣчныхъ, обязываясь давать впредь до 8 человѣкъ, слѣдственно, сто душъ за 700 р. въ казнѣ убыли даютъ 7 рекрутъ одѣтыхъ, вооруженныхъ и 8 лошадей съ конской збруей; естлибъ таковой пользы очевидность встретитса могла съ каковымъ либо еще замѣчаніемъ о валовой массѣ денегъ, въ безденежной часъ изъ доходу убываемой, всемъ случае достаточно будетъ сказать, что за пріумноженіемъ войска отъ 18 до тридцати шести тысячъ людей, убавя по произволу изъ старыхъ три или четыре полка, сумма та вознаградитса, а въ войскѣ знатная прибыль окажется, чемъ всегда и оправдится усердная печность ходатайствовавшаго о новомъ сего края устройствѣ. На щотъ же общей ремонтировкѣ кавалерійскихъ полковъ останется замѣтить, что тотъ же самый родъ людей уже здѣсь наполняетъ губерніи слободо-украинскою, новороссійскія, кіевскою, подольскою и волынскою и что сверхъ того и въ обоихъ здѣшнихъ губерніяхъ крестьянъ казенныхъ и помѣщичьихъ остается къ рекрутской повинности до 800000 душъ, слѣдственно и по сей части нѣтъ вреда, наипачѣ, коль вспомнить пожелаешъ, что не токмо 30 но и 15 полковъ сами уже добрый ремонтъ замѣняютъ; при обстоятельствахъ же, въ коихъ государство находилось, коликое число было здесь политическихъ причинъ къ сему новому образованію приступить, того упоминать было бъ пространио, а довольно будетъ сообразить только число мелкомѣстныхъ здѣсь владѣльцовъ и вѣдавъ, въ какомъ они съ крестьянами своими другъ къ другу отношеніи, заключить, что не онѣ бы огонь тушить помогли, а казаки, коимъ за достиженіемъ уже цѣли своей нѣчемъ было бы соблазнится. Всѣ таковыя дѣйствій и заключеніи къ свѣдѣнію и усмотрѣнію почтеннѣйше и представляются. Князь Лабановъ-Ростовскій. [1])

Это донесеніе было отправлено 27 декабря 1812. министрамъ полиціи, финансовъ, управляющему военнымъ министерствомъ и главнокомандующему въ С.-Петербургѣ.

Переписка генералъ-лейтенанта Рота съ князем Я. И. Лобановымъ-Ростовскимъ.

Ваше сіятельство милостивый государь! Я смѣю предупредить ваше сіятельство, что не остается мнѣ другихъ средствъ, какъ довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества бѣдст-

[1]) Арф. п. губ. правлен. 1812 г. по списк. № 1.

венное состояніе войскъ малороссійскаго ополченія; совѣстно имѣть въ чужой землѣ россійское войско въ такомъ положеніи, наго, босо, не имѣетъ и необходимыхъ въ движеніи и дѣйствію потребностей, какъ котловъ, и шанцевого инструмента и по предписанію долженствующихъ быть въ ополченіяхъ патронныхъ ящиковъ и провіантскихъ фуръ.

Нарочно посланный полтавскаго ополченія 1 коннаго полка господинъ штабъ ротмистръ Гребенникъ до сего времени еще не возвращается, который былъ снабженъ депешами къ вашему сіятельству, касательно необходимыхъ недостатковъ въ войскѣ малороссійскаго ополченія.

Я въ обязанности безпокоить ваше сіятельство моею всепокорнѣйшею просьбою о неоставленіи содѣйствіемъ вашимъ и пособіемъ въ доставленіи аммуниций и обуви, какъ для ополченія, такъ и для регулярныхъ полковъ черниговскихъ и полтавскихъ, я опишу вамъ настоящее состояніе сихъ войскъ: въ полкахъ регулярныхъ весьма мало надежныхъ и исправныхъ офицеровъ, лошади почти всѣ вообще никуда не годятся и весьма малорослы, отчего полки сіи теряютъ свое достоинство и не могутъ дѣйствовать фронтомъ, чѣмъ теряютъ славу соотчичей своихъ и націи, за которую они вышли на полѣ брани; я смѣю увѣрить васъ, ваше сіятельство, если полки сіи привести въ должное состояніе, то оные отличатъ себя, потому люди въ оныхъ чрезвычайно хорошія и надежныя. Какъ ополченіе не имѣетъ при себѣ лѣкарей, священниковъ, то я самъ всепокорнѣйше прошу не оставить предписаніемъ вашимъ кому слѣдуетъ о высылкѣ оныхъ, какъ аммуниціи и обуви для ополченія и регулярныхъ полковъ, кои также не могутъ остаться безъ оной, безъ чего наступающее зимнее время заставитъ лишиться множества людей, осень сдѣлала свое начало, болѣзни уже начались и число больныхъ день ото дня все увеличивается, и буде сіе не будетъ предупреждено и недостатки не будутъ исправлены, то я ожидаю ужасныя послѣдствія и дабы сіе не осталось на моей отвѣтственности, въ обязанности себя нахожу довести до свѣдѣнія Его Императорскаго величества.

Сообщая вашему сіятельству настоящее положеніе малороссійкаго ополченія и регулярныхъ полковъ полтавскихъ и черниговскихъ, всепокорнѣйше прошу не оставить по возможности пособіемъ вашимъ, черезъ что сохранятся воины сіи. При совершенномъ моемъ къ вамъ почтеніи и преданности честь имѣю

вашего сіятельства милост. государя, все покорнѣйшимъ слугою С. Ротъ[1]).

Кн. Лобановъ-Ростовскій самъ былъ этого же мнѣнія, что слѣдуетъ довести объ этомъ до свѣдѣнія императора. Онъ отказался дать средства дворянскому ополченію, такъ какъ не въ правѣ былъ „чинить поборовъ“ такъ какъ не имѣлъ на это предписанія. Онъ отправилъ 10500 р. на пріобрѣтеніе 480 котловъ и по 50 р. на человѣка для постройки обмундированія и, предписавъ черниговскому губернатору озаботиться внесеніемъ козаками на этотъ предметъ по 1—50 к. съ каждой ревизской козачьяго состоянія души. Въ этомъ же мѣсяцѣ генералъ-лейтенантъ Ротъ обратился опять съ слѣдующимъ отношеніемъ къ кн. Лобанову-Ростовскому.

Ваше сіятельство милостивый государь князь Яковъ Ивановичъ!. Ваше сіятельство изволили препроводить ко мнѣ черезъ ш.-ротмистра Гребенника на исправленіе несостоящихъ до сего времени въ ополченіи, артельныхъ котловъ 10 тыс. государственными ассигнаціями, я оные деньги получа отправилъ господину генералъ-маіору кн. Жевахову на исправленіе сего недостатка[2]). Положеніе малороссійскаго ополченія заставляетъ меня еще разъ обременить ваше сіятельство моею всепокорнейшею просьбою; войско сіе не имѣетъ еще необходимыхъ къ движеніямъ потребностей, какъ то: провіантскихъ фуръ, патронныхъ ящиковъ, шанцоваго инструмента и терпитъ нужду въ одеждѣ и обуви, а воины черниговской губерніи ни кобеняковъ, ни шинелей, что могло бы ихъ укрыть и сберечь отъ погодъ теперешняго времени. Содѣйствіе вашего сіятельства въ семъ случаѣ необходимо, пособіе дворянства не будетъ излишнее, вы можете сдѣлать ихъ способными и съ пользою противъ дѣйствующими силамъ непріятельскимъ, а безъ чего войско сіе останется безполезнымъ, я не полагаю, чтобы значительная сумма потребна была на исправленіе всего описаннаго недостатка.

Господинъ главнокомандующій польскою арміею генералъ отъ кавалеріи и кавалеръ баронъ Бенигсенъ по высочайшей воли Его Императорскаго величества, предписать мнѣ изволить 5 и 9

---

1) Арх. п. г. правл. дѣло № 28, 1813 г. л. 55, бумага за № 5310 отъ 5 сентября 1813 года.

2) Кн. Жеваховъ стоялъ во главѣ ополченія, снаряженнаго въ 1812 г. полтавскимъ дворянствомъ, см. объ этомъ 1 томъ нашего труда „Къ исторіи полтавскаго дворянства“. Двор. ополченіе было также подъ начальствомъ Рота.

конно-казачьи регулярные полки полтавской губерніи укомплектовать людьми и лошадьми, въ коихъ они имѣютъ недостатокъ, я не смѣю сказать, чтобы и другіе регулярные конные полки сего самаго войска не имѣли равнаго недостатка, который также необходимо нужно пополнить, на пополненіе ихъ въ войскѣ мнѣ ввѣренномъ, я ни людей, ни лошадей не имѣю; люди, въ ополченіи состоящія, такъ полагаю не могутъ поступить въ составъ на укомплектованіе сихъ полковъ, которыя, сколько мнѣ извѣстно, должны быть составлены изъ козачьихъ слободъ на всемъ своемъ содержаніи (я имѣлъ честь видѣть изъ предложенія вашего сіятельства черниговскому губернскому правленію отъ 23 августа 1812 года). О недостаткахъ въ полкахъ сего войска честь имѣю препроводить вашему сіятельству вѣдомость, изъ коей усмотрѣть изволите число людей и лошадей потребныхъ на укомплектованіе полковъ сихъ, въ коихъ и состоящія на лицо лошади не надежны. Я всепокорнѣйше прошу вашего сіятельства, согласно воли Его Императорскаго величества, приказать, кому слѣдуетъ, недостающее число людей и лошадей пополнить, на что я надѣюсь, что ваше сіятельство изволите имѣть особое писаніе и не оставите меня увѣдомленіемъ вашимъ, приказавъ людямъ симъ имѣть направленіе герцогства варшавскаго, къ крѣпости Замостью. Буде на исправленіе вышеобъясненыхъ недостатковъ вашему сіятельству угодно будетъ ассигновать сумму, то не оставьте поручить оную для доставленія ко мнѣ прежде командированному мною къ вашему сіятельству по сему же предмету господину сотенному товарищу Коновалову, въ противномъ случаѣ почтите меня увѣдомленіемъ вашимъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. С. Ротъ[1]).

Кн. Лабановъ-Ростовскій не бездѣйствовалъ: онъ предписалъ черниговскому губернатору Бутовичу озаботиться въ возможно скорый срокъ взносомъ козацкими обществами слѣдуемыхъ денегъ. Губернаторъ, въ свою очередь, предписалъ земской полиціи принять мѣры къ сбору этихъ денегъ, при чемъ предупреждалъ полицейскихъ чиновниковъ, что, въ случаѣ медленности или неполнаго взноса въ казначейство тѣхъ денегъ, они, какъ обязанны, пещись о поспѣшномъ исполненіи предписаннаго, подвергнутъ себя строгой отвѣтственности и пополненію невзноса[1]). О пополненіи убыли въ полкахъ людей, а также и лошадей, князь Лоба-

---

[1]) Арх. г. губ. правленія, дѣло № 28, 1813 года и 71—72.

новъ-Ростовскій много заботился; получая свѣдѣнія отъ ремонтеровъ о необходимости пополненія убыли козаковъ, князь постоянно предписывалъ земскимъ комисарамъ и городничимъ принять мѣры для его ускоренія; въ архивныхъ дѣлахъ объ ополченіяхъ мы встрѣчаемъ десятки такихъ предписаній. Въ такомъ духѣ и отвѣтилъ князь Лобановъ генералу Роту. Что же касается ополченія, упоминаемаго въ бумагахъ Рота, то рѣчь идетъ о дворянскомъ ополченіи, расходы на которое, по вступленіи въ составъ дѣйствующей арміи, были приняты на счетъ казны. [1]) 10 ноября 1813 г. генералъ Ротъ опять пишетъ кн. Лобанову-Ростовскому письмо, гдѣ упоминаетъ о неполученіи на всѣ бумаги отвѣта. Въ этой бумагѣ генералъ Ротъ опять повторяетъ свою просьбу ускорить присылку денегъ и озаботиться о скорѣйшемъ укомплектованіи полковъ людьми и лошадьми. [2]) Что же оказалось? Кн. Лобановъ-Ростовскій увѣдомилъ Рота о своихъ распоряженіяхъ и отправилъ донесеніе черезъ того же Коновалова, который присланъ былъ генераломъ Ротомъ, но Коноваловъ не счелъ нужнымъ тотчасъ же отправиться по назначенію, а заѣхалъ домой, къ своимъ роднымъ, гдѣ пробылъ долгое время, и князь отправилъ другаго нарочнаго нѣкоего Миткевича. Деньги были собраны только къ январю 1814 года, когда и были отправлены на имя Д. И. Лобанова-Ростовскаго. Интересенъ размѣръ суммъ, посланныхъ для полковъ.

полтавскія полки:

Въ 1	полкъ на	972	ч.	48600 р.
„ 3	—	517	„	25850 „
„ 4	—	919	„	45950 „
„ 5	—	759	„	37950 „
„ 6	—	915	„	45750 „
„ 7	—	905	„	45250 „
„ 8	—	810	„	40500 „
			Итого	289850 р.

Черниговскія полки:

„ 1	полкъ на	885	ч.	44250 р.
„ 2	—	883	„	41700 „
„ 3	—	1092	„	54600 „
„ 4	—	829	„	41450 „
„ 9	—	860	„	43000 „
			Итого	225000 р.

а всего, на всѣ полки—514850 р. [3])

Изъ этой суммы, 365 тыс. отосланы кн. Лобановымъ-Ростовскимъ кн. Д. И. Лобанову-Ростовскому, который уже отправилъ ихъ къ генералу Роту. Послѣдній увѣдомилъ о полученіи кн. Я. И. Лобанова-Ростовскаго.

---

[1]) Увѣдомленіе Лобанова за № 4058, дѣло 1813, № 28, л. 78—79.

[2]) Бумага отъ 10 ноябрь, ibidem л. 80—81.

[3]) Арх. г. правл. 1813, дѣло № 28 л. 157.

Ваше сіятельство милостивый государь кн. Яковъ Ивановичъ. Я имѣлъ честь получить письмо и 365 тыс. государственными ассигнаціями черезъ господина титулярнаго совѣтника Енько, котораго и снабдилъ надлежащею квитанціею. Смѣю просить вашего сіятельства, ежели вы впредь будете посылать ко мнѣ деньги, приказать размѣнивать ихъ на червонцы, ибо въ промѣнъ таковыхъ въ здѣшнемъ краѣ претерпѣвается много убытку, ассигнаціи должно опять отсылать въ Россію, что производитъ затрудненія всякого рода и большія издержки; сверхъ того въ числѣ полученной мною суммы находятся сто стопятидесяти рублеваго достоинства ассигнаціи, которыя не имѣютъ здѣсь курсу, остальное же составлено изъ ветхихъ бумажекъ, что здѣсь никто не принимаетъ, я предписалъ всѣмъ козацкимъ полкамъ откомандировать офицеровъ для полученія ремонтовъ и представить подробнѣйшія рапорты, сколько именно въ какомъ полку и какого повѣта умерло людей и пало лошадей. 9 полтавскій конно-козачій полкъ, на которой вашимъ сіятельствомъ не прислано никакой суммы, въ рапортѣ показываетъ на лицо людей 570; лошадей 520, то не благоугодно ли будетъ вашему сіятельству прислать мнѣ слѣдующее на такое число людей сумму? Прилагаю при семъ копію съ приказа даннаго мною господамъ командирамъ полковъ и назначенія сдѣланнаго мною вещамъ съ оцѣнкою оныхъ, ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что желаніе мое есть изъ 50 р. вашимъ сіятельствомъ на каждаго козака присланныя, построить самое нужнѣйшее для приведенія ихъ въ состояніе нести службу, но таковое число для нихъ еще недостаточно, я даже сомнѣваюсь, чтобы командиры полковъ могли искупить все нужное по назначеннымъ мною цѣнамъ. Это зависитъ отъ краю, въ коемъ мы будемъ находиться, и отъ старанія ихъ; также прошу покорнѣйше вашего сіятельства прислать мнѣ офицеровъ, полки имѣютъ въ нихъ большой недостатокъ, особенно жъ въ людяхъ хорошаго поведенія. Здѣсь есть множество такихъ, которые наносятъ имъ большія непріятности дурными поступками.

Касательно ополченія. Оно поступило подъ начальство мое почти голое, ибо оно выступило изъ Малороссіи мгновенно и безъ одежды, я приказалъ брать реквизиціею сукно, сапоги, полотно и прочее и посредствомъ неотступныхъ моихъ требованій, я дошелъ до того, что верховный совѣтъ герцогства варшавскаго утвердилъ оныя реквизиціи, въ 4 полкахъ уже передняя и средняя шеренги обмундированы, какъ регулярныя войска воору-

жены и хорошо выучены, они сражались всегда съ мужествомъ подъ Замостьемъ съ гарнизономъ сей крѣпости, которыя до послѣдняго дня не переставалъ дѣлать вылазки, всѣ полки сіи ничѣмъ не различествуютъ отъ регулярныхъ войскъ. Прилагаю при семъ копіи съ бумагъ, полученныхъ мною отъ господина генералъ-криксъ комисара резервной арміи и кавалера Ланча, изъ коихъ ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что ополченіе не будетъ, конечно, распущено до окончанія войны. Я надѣюсь, что ваше сіятельство прикажите, чтобы вещи, означенныя въ сей бумагѣ, которыя столь необходимы, а долженствующіе быть построены на щотъ пожертвованныхъ на ополченіе суммъ, были бы выданы или натурою или деньгами, господинъ генералъ-маіоръ Шемшуковъ отправилъ вѣдомство къ губернскому маршалу о всѣмъ нужнѣйшемъ, сумма имъ требуемая есть необходима и изъяснена подробно. Сверхъ того, дворянство можетъ положиться на безкорыстіе и усердіе господина Шемшукова. Я увѣренъ, что онъ не причинитъ ни малѣйшаго убытка лишними издержками и я постараюсь доставить ему всѣ способы къ разсчетистому распоряженію, какъ и до сего времени поступалъ; что же касается до полтавскаго ополченія господина генералъ-маіора кн. Жевахова, безъ сумнѣнія, отнесемся равнымъ образомъ къ маршалу полтавскому Д. Т. С. Трощинскому. При ономъ ополченіи были лошади, которыя могли бы служить на укомплектованіе нашихъ, если бы господинъ генералъ-маіоръ кн. Жеваховъ не отдалъ бы ихъ на артиллерійскіе парки; нынѣ же принужденнымъ находится покупать, ибо онъ въ нихъ нуждается.

Прошу покорнѣйше ваше сіятельство не оставить своимъ вспомоществованіемъ къ приведенію малороссійскаго ополченія и козацкихъ полковъ въ состояніи не претѣрпевать недостатка въ вещахъ для нихъ полезныхъ и поддерживающихъ ихъ благосостояніе, равномѣрно ревность и доброе поведеніе ихъ доказанное неоднократно. Поступкомъ сотеннаго товарища Коновалова я весьма недоволенъ и не промину наказать его строжайше за невосполненіе обязанностей и долга своего. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. С. Ротъ[1]).

№ 35. Января 7, 1814 года.

---

[1]) Арх. п. г. правл. 1830, № 28 л. 177—179.. Деньги на обмундированіе 9 коз. полка, по 50 р. на человѣка, всѣго 31500 р. (было 630 ч.) были посланы генералъ-губернаторомъ въ октябрѣ этого же года, см. № 2160, л. 216 тоже дѣло.

Генералъ Ротъ, получивъ эти суммы, приступилъ къ обмундированію полка; что поручилъ сдѣлать полковымъ командирамъ, назначивъ точно цѣны и самыя вещи. На каждаго ополченца предписано купить: 5 польскихъ локтей сукна, по 2 р. 50 к., кожа для шароваръ—6 р., краснаго сукна на выкладку шароваръ—3 р. 60 к., пуговицы, крючки, нитки и работа 2 р. 35 к., рубаха—2 р. 50 к., сапоги—3 р., поясъ—1 р, 50 к., шапка—4 р. 25 к., галстукъ—30 к., подкладка 15 локтей по 30 к.—4 р. 50 к.; а всего 40 р. 50 к.

Оставшіеся 9 р, 50 к., генералъ Ротъ приказалъ употребить на ремонтъ конской сбруи. Ротъ предписалъ командирамъ сдѣлать, „добропорядочно съ разсчетомъ"[1]).

Письмо Я. И. Лобанова-Ростовскаго Д. И. Лобанову-Ростовскому.

Милостивый государь мой князь Дмитрій Ивановичъ! На отношеніе вашего сіятельства отъ 6 декабря истекшаго года по случаю донесенія вамъ генералъ-лейтенанта Рота, что 5 и 9 конные козачьи полки требуютъ укомплектованіе людьми и лошадьми, поспѣшаю представить краткую записку изъ дѣлъ, при мнѣ находящихся, ибо она объяснитъ, какія были дѣйствія и причину частной въ нѣкоторыхъ изъ нихъ остановки, исторія или существованіе сихъ полковъ слѣдующее: малорусское козачье общество, простирающееся свыше четырехъ сотъ тысячъ людей, по случаю бывшаго въ Россіи непріятеля, обязалось составить изъ себя 15 конныхъ козачьихъ полковъ, каждый изъ 8 эскадроновъ, составляющихъ 1200 человѣкъ рядовыхъ, одѣтыхъ и по возможности вооруженныхъ, велѣно было руководствоваться инструкціей, генералу Милорадовичу данной; потомъ одежда, высочайшимъ рескриптомъ разрѣшена быть, только прочная и съ елико можною единообразностью, такъ и сформированы были оныя съ 1 сентября 1812 г. и поступили частью къ главной арміи, частью въ Бѣлоруссію и Мозырь. Въ главной квартирѣ, въ Калишѣ свѣтлѣйшій поручилъ командоваше всѣхъ оныхъ генералъ-маіору князю Кудашеву, отъ коего поступили образцовыя для людей одежды, по коимъ нынѣ весь новый ремонтъ здѣсь (не разобрано, вѣроятно, изготовляется) а на наличное число при полкахъ людей выслано на первый часъ въ каждый полкъ по 50 р. на

[1]) Арх. п. губ. правл. 1813, дѣло № 28, л. 230.

человѣка, что и составляетъ упоминаемую въ запискѣ сумму 514850 р. Общество то, затрудняясь добываніемъ многихъ изъ тѣхъ вещей, какъ алое сукно и одѣяла и прочая въ продажѣ здѣсь не имѣющаяся, даетъ къ подряду оныхъ деньги и тѣмъ сіе новое дѣло по всей возможности и исправляется, но колико желать должно, чтобы одинъ ремонтъ людей и лошадей лежалъ на нихъ натурою, а о протчемъ взымалось бы съ каждаго рядового деньгами. Ваше сіятельство, сами благоусмотрѣть то изволите, сіе говорю я, какъ должны онѣ будутъ всегда нынѣшней формѣ сообразоваться, ибо держась простаго только единообразія станетъ ихъ...... Изъ тѣхъ полковъ о пятомъ черниговскомъ было высочайше повелѣніе, чтобы, по случаю слабаго состоянія того полка, по коему онъ служить уже не можетъ, остающихся въ немъ наличныхъ 316 человѣкъ, равно и другихъ въ откомандировкѣ находящихся обратить для прислуги въ госпитали, состоящихъ же при полкахъ 945 лошадей, какъ оные составляютъ собственность козаковъ, позволить распродать. Покидая жъ сію настатью, считаю не лишнимъ пояснить, что кромѣ сего войска, находящагося при ополченіи конница, изъ крѣпостныхъ и простаго состоянія людей названныхъ козаками, но они къ составу и положенію прежде помянутыхъ не подлежатъ, а къ тому земскому войску...... состоитъ по волѣ государя на казенномъ ихъ содержаніи. Обо всемъ томъ, считаю долгомъ представить, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью, вашего сіятельства, милостивый государь мой Лобановъ-Ростовскій? [1]).

И. Фр. Павловскій.

[1]) Арх. п. губ. правленія 1813 г. № 28, и 160—161:

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.[1]

Поступленіе въ Кіевскую Академію.

(1827—1831 гг.).

Отъѣздъ изъ Орла иа почтовыхъ—съ *Доброхотовымъ* и *Переверзевымъ*.—Въ гостяхъ по дорогѣ—у священиика черниговской губ.—Непріятиое приключеиіе на одной изъ станцій.—Пріѣздъ въ Академію.—Начальники и товарищи.—Увлеченіе автора историческими науками—рѣшимость его взять одиу изъ задачъ по русской исторіи, предложениую на премію *м. Евгеніемъ*.—Какъ и кѣмъ преподавались въ Академіи философія и эстетика. Переходъ на старшій академическій курсъ въ 1829 г.—Развитіе въ авторѣ *критицизма*.—Неожиданная смерть товарища *Успенскаго*.—Зиакомство съ ученымъ монахомъ Михайловскаго моиастыря.—Поѣздка на родиму въ каиикулярное время.—Пребываиіе въ г. Мцеискѣ у родиыхъ.—На свадьбѣ у товарища по семииаріи—*Тихвинскаго*.—Авторъ неожидаиио играетъ роль свата.—Рѣзная *статуя Святителя Николая* въ Мценскомъ соборѣ и интересиые факты изъ исторіи этой статуи.—Назиаченіе орловскаго архіерея *Гавріила* въ Екатеринославъ и иесчастиое приключеиіе съ архіерейской коровницей.

Пріѣхавши изъ дому въ Орелъ съ тѣмъ, чтобы отсюда отправиться въ Кіевъ уже со своими спутниками, какъ объ этомъ раньше было условлено, я уже засталъ въ Орлѣ *Доброхотова*. А другой мой спутникъ, *Переверзевъ*, жилъ у брата своего, смотрителя духовныхъ училищъ, въ Орлѣ же. Изъ-за прощаній Доброхотова съ разными священниками, бывшими товарищами его по семинаріи, мы выѣхали на почтовыхъ только 1-го или 2-го сентября. Кто-жъ это былъ Доброхотовъ? Это—товарищъ *Ивана Алексѣевича Борисова*[2]). Борисовъ поѣхалъ въ Академію

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1906 г. № 9.

[2]) То есть—будущаго архіепископа херсоискаго *Иннокентія*.—Л. М.

по окончаніи семинаріи, а онъ оставался учителемъ училища въ Сѣвскѣ. Борисовъ звалъ его въ Академію; но Доброхотовъ не соглашался. Но когда Доброхотовъ сталъ просить мѣста въ городѣ, а архіерей сталъ навязывать ему въ невѣсты одну дѣвушку, которая ему нисколько не нравилась, то вышла непріятность, — и вотъ, послѣ 4-хлѣтней службы учительской, Доброхотовъ бѣдняга самъ искалъ спасенія въ академіи. Онъ принятъ былъ прямо въ старшій курсъ и кончилъ со степенью магистра, вѣроятно потому, что, поступая въ Академію, письменно изъявилъ согласіе принять монашество, по окончаніи курса академическаго [1]).

И такъ, мнѣ пришлось летѣть на лихихъ тройкахъ по той самой дорогѣ, по которой годъ назадъ плелся я богомольцемъ. Но теперь эта дорога не представляла прелести новизны и не то было настроеніе духа. Когда перевалились мы въ черниговскую губернію, то напали на дешевую вишневку: не рѣдко случалось быть отъ нея въ ненормальномъ состояніи.—Въ одномъ мѣстѣ черниговской губ. Доброхотовъ свернулъ немного въ сторону отъ большой дороги и завезъ насъ къ знакомому ему священнику, кажется товарищу его по семинаріи. Многіе черниговцы воспитывались почему-то въ Сѣвской семинаріи, какъ напр., въ мое время *Крыловскіе,* два брата. Священникъ съ круглою черною бородкою, оттѣнявшею бѣлое лице, и супруга его, молодая, роскошная женщина, приняли насъ, казалось, не совсѣмъ радушно. Подали чай—съ подливочкой спирта, настояннаго на вишневыхъ косточкахъ. Эта подливочка сперва развязала языки и гостей и хозяевъ, а потомъ привела въ такой экстазъ, что начались пѣсни и поднялся безцеремонный гамъ. Жена священника первая начала пѣть: „Охъ нудно мнѣ, охъ тяжко мнѣ, що пипъ съ бородою". Тогда и въ Великороссіи борода была принадлежностію мужика и ея всѣ, кромѣ купцовъ, стыдились; а въ Малороссіи тѣмъ болѣе не любили ея, что сами мужики постригали боро-

---

[1]) *Никаноръ Васильев. Доброхотовъ*—окончилъ Кіевскую Академію въ 1827 г., а въ 1828 г. постриженъ въ монашество съ именемъ *Николая.*—Съ 1837 г. по 1841 г. былъ ректоромъ С.-Петербургской д. академіи; съ 1841 по 1857 г. былъ епископомъ Тамбовскимъ —Съ 1857 г. жилъ на покоѣ въ *Трегуляевѣ* монастырѣ (въ 8 верстахъ отъ Тамбова) и скончался 21 Окт. 1864 г.—Интересную характеристику его, какъ епископа Тамбовскаго, см. въ „Русской Старинѣ" за Іюнь 1905 г. въ „Запискахъ Протоіерея Виктора Пѣвницкаго"—стр. 135—143.—Л. М.

ду. По сему заключаю, что жена священника своею пѣснію выражала искреннее сожалѣніе, что мужъ ея, по священническому званію, навсегда останется съ бородою. Въ горницѣ происходило пѣніе и взаимныя изліянія души, а въ кухнѣ рѣзали и жарили разную птицу. Ужинъ былъ прекрасный, съ разными наливками. И на другой день не выпустили насъ изъ дому безъ двухъ пуншовъ и завтрака.

Въ дорогѣ я сдѣлалъ такую погрѣшность, за которую совѣсть мучила меня долгое время. На одной станціи мы хотѣли переждать дождикъ и помѣстились въ корчмѣ. Пообѣдали, выпили вишневки. Вдругъ входитъ человѣкъ высокаго роста съ заплывшими отъ жиру глазами, лѣтъ 40, въ польскомъ кунтушѣ. У него была гитара. Потребовалъ онъ себѣ рюмку вишневки, сѣлъ и началъ пѣть съ акомпаниментомъ на гитарѣ: „У сусіда хата біла, у сусіда жінка мила“. Мои товарищи спокойно отнеслись къ игрѣ и пѣнію и даже пошли на печь обсушиваться и отогрѣваться послѣ ненастной дороги. А я приросъ къ игравшему на гитарѣ и слухомъ, и взоромъ. Игра и пѣніе прекратились. Незнакомецъ въ кунтушѣ, вынимая давно подержанныя карты и обращаясь ко мнѣ съ кошачьею улыбкою, спросилъ: „не съиграемъ ли, пока дождь не пройдетъ?“—Пожалуй, въ дурачка, или въ возокъ,—отвѣтилъ я.—„О, нѣтъ, что тамъ возиться; развѣ въ трилистика на вишневку?“—продолжалъ онъ.—По копѣечкѣ пожалуй,—согласился я. Но это былъ не *Пальчикъ*, незабвенный компаньонъ мой, когда я квартировалъ у Сопова. Онъ проигралъ 12 коп. и приказалъ подать чвертку наливки. Подъ парами наливочки игра продолжалась. Чтожъ? Я ли сдаю, онъ ли, но у него, особенно при его сдачѣ, всегда три туза. Я проигрываю до рубля и останавливаюсь; но онъ ободряетъ надеждою отыграться—и я продолжаю. Гляжу—мѣлокъ сводитъ счетъ почти на три рубля. Я плачу и требую, чтобы на все количество куплено было вишневки. Тотъ покупаетъ чвертку, а остальныя деньги кидаетъ въ карманъ. Я начинаю спорить, а онъ, не обращая вниманія на мои слова, начинаетъ играть и пѣть: „У сусіда хата біла, у сусіда жінка мила“. Доброхотовъ съ печки кличетъ меня къ себѣ, и не зная, сколько я просадилъ, строго потребовалъ, чтобы я оставилъ дѣло. Я послушалъ, и когда кунтушъ продолжалъ свое „У сусіда хата біла“, какъ мнѣ показался гадокъ и страшенъ онъ и какимъ упрекомъ звучала его пѣсня! Послѣ—долго я не могъ слышать этой пѣсни безъ того,

чтобы она не пробуждала во мнѣ мрачное воспоминаніе и не вызывала у меня досаду на самого себя [1]).

Прибыли въ Кіевъ. Тогда былъ ректоромъ академіи архимандритъ *Кириллъ* [2]). Его почему-то студенты называли *Цириллюсомъ.* Митрополитъ Евгеній любилъ его за знаніе французскаго языка. Онъ былъ изъ воспитанниковъ старой академіи.—Ректоръ принялъ наши билеты и отослалъ насъ въ новый корпусъ. Насъ помѣстили въ номеръ, завѣдуемый старшимъ—*Подгурскимъ* [3]). Товарищами по номеру были кіевскіе студенты: *Максимовичъ* [4]), *Климовичъ* и *Лаврентій Егоровичъ Орловъ.* Черезъ недѣлю открылись пріемные экзамены. Не помню темъ, предложенныхъ тогда для разсужденій; но онѣ были изъ предметовъ, вовсе незнакомыхъ. Какъ бы то ни было, но я поставленъ былъ въ первомъ пяткѣ втораго разряда.

При академіи оставались еще окончившіе студенты 3-го курса [5]). Они сбиты были въ двухъ нумерахъ стараго корпуса и

---

1) *„У Сусіда хата біла"*—старинная и популярнѣйшая украинская пѣсня Вотъ первые два куплета ея:

У сусіда хата біла,
У сусіда жінка мила,
А у мене нi хатинки,
А нi щастя, а нi жинки.
А вже сусід жито сіє
У сусіда зеленіє,
А у мене нi орано,
А нi жито не сіяно.

Напѣвъ этой пѣсни—грустный.—Л. М.

2) *Кириллъ Куницкій,* сынъ священника села *Гвоздова,* Кіевскаго уѣзда, *Алексѣя Куницкаго,* умершаго въ 1807 г После окончанія курса въ старой Кіевской академіи, онъ оставался въ ней наставникомъ до самаго преобразованія ея въ 1819 г.—Л. М.

3) *Давидъ Александровичъ Подгурскій,* тогда студентъ старшаго курса,—впослѣдствіи профессоръ Кіевской академіи.—Л. М.

4) *Иванъ Петровичъ Максимовичъ,* сынъ Кіевскаго протоіерея, впослѣдствіи профессоръ Кіевской академіи—Л. М.

5) То есть—*3-го выпуска* изъ академіи, бывшаго въ 1827 г., или 3-го *пріема* въ академію, происходившаго въ 1823 г. Пріемъ въ академію и выпускъ изъ нея бывали не такъ, какъ теперь—*ежегодно,* а черезъ *два года.* И студенты академіи сохраняли навсегда *числовое* имя пріема или выпуска, зависѣвшее отъ хронологическаго порядка—со времени преобразованія Кіевской академіи въ 1819 г.—и знаменовавшее собою *курсовое товарищество* студентовъ, столь для нихъ памятное и дорогое.—Первый пріемъ въ академію былъ въ 1819 г., и потому студенты это-

цѣлую треть по обычаю ожидали отъ тогдашней комиссіи духовныхъ училищъ при Св. Синодѣ утвержденія въ ученыхъ степеняхъ и назначенія мѣстъ службы. Изъ нихъ я хорошо помню нѣкоторыхъ и большею частію изъ орловскихъ: *Крыловскаго*, *Орлова*, *Рэнта* (забылъ его фамилію [1]), *Данкова*,—а также изъ другихъ губерній: *Яцина*, *Маляревскаго*. Окончившіе курсъ явно стѣсняли экономію академіи [2]).

Началось ученіе. Потянулись дни, не различавшіеся одинъ отъ другого. Кромѣ исторіи философіи, которая проходилась по *Бруккеру*, и эстетики, проходимой по запискамъ, предметы ученія были одни и тѣ же, что проходились и въ семинаріи. Я записался изъ вспомогательныхъ предметовъ на математику и французскій языкъ. Но профессоръ математики съ такою поспѣшностію преподавалъ предметъ свой, что въ два или три урока прошелъ до уравненій 2-й степени. Я отсталъ и долженъ былъ перейти на классъ исторіи. Для этого я обратился къ ректору, а онъ обратилъ меня къ профессору *Граникову*. Граниковъ согласился принять меня, но требовалъ, чтобы самъ я не смѣлъ войти въ классъ на его предметъ, а внѣ класса у порога ожидалъ его. Какъ ни тяжело было мнѣ, а все это было мною исполнено. Граниковъ читалъ по своимъ *запискамъ*. Оказалось послѣ, что онъ слово въ слово переписывалъ съ выписанной имъ книжки: исторія *Бурьена*. Я считалъ себя отставшимъ въ этомъ предметѣ и потому во время рождественскихъ каникулъ забралъ изъ академич. библіотеки всѣ существовавшіе въ ней исторіи. Но ихъ было мало; я воспользовался только *Ролленемъ* и еще какою-то книгою. Послѣ чего, когда Гранниковъ спрашивалъ меня, я всег-

---

го пріема удержали навсегда названіе студентовъ *перваго курса;* второй пріемъ былъ—въ 1821 г.,—это студенты *втораго курса*; а третій пріемъ былъ въ 1823 году—это студенты *третьяго курса*, — и т. д.; слѣдов. авторъ этихъ записокъ, *Н. И. Соколовъ*, поступившій въ академію въ 1827 г., былъ студентомъ *пятаго курса* Кіевской академіи.—Л. М.

[1]) То есть регента академич. хора. Это былъ *Андрей Вас. Бакулинъ*, изъ Орловской семинаріи.

[2]) Они стѣсняли академію, и сами, бѣдные, были въ высшей степени стѣснены, ожидая назначенія на мѣста и не имѣя въ карманѣ ни копѣйки... Мѣсто въ старомъ корпусѣ, гдѣ ихъ скучивали и гдѣ они спали просто на полу,—называлось *вертепомъ*.—Ректоръ академіи *Иннокентій* обращалъ вниманіе высшаго петербургскаго начальства на бѣдственное положеніе оканчивающихъ курсъ студентовъ... См. сборникъ „Старина и Новизна"—*книга девятая*—(1905 г.) стр. 216.—Л. М.

да отвѣчалъ пространнѣе, нежели мнѣ читано, что приводило его въ досаду и онъ ставилъ меня по списку послѣднимъ.

Черезъ годъ митрополитомъ Евгеніемъ предложены были археологическія задачи младшему и старшему отдѣленію академіи. Задачи были слѣдующія: 1) О мѣстѣ, гдѣ находилась церковь, въ которой присягали Варяги Игорева времени. 2) О крещеніи Владиміра и 3) О крещеніи Ольги. Тому, кто рѣшитъ, обѣщались 100 рублей. Первую задачу удалось рѣшить *Остромысленскому*—и онъ получилъ призъ 100 р. изъ процентовъ Румянцевскаго капитала [1]). Второю задачею занимался Амфитеатровъ. Разработывая предметъ, онъ вдался въ посторонніе, но самые важные вопросы: о происхожденіи Варяжскихъ князей—не изъ Скандинавскаго полу-острова, а изъ южныхъ областей Россіи—изъ Галиціи, или изъ Крымскаго полуострова—изъ Тмутаракани, въ которыхъ жило христіанство еще до Владиміра, Ольги и Оскольда и Дира. Эти предметы составили только *введеніе* въ трактатъ, и какъ это введеніе въ 20 листахъ показалось огромною пристройкою въ маленькой клѣти и его соображенія не сходились съ общепринятыми тогда взглядами,—то задача была брошена. Она принята была моимъ товарищемъ *Спасскимъ-Автономовымъ*, и рѣшеніе ея, хотя не удостоилось приза, но было отпечатано [2]). Третья задача: о времени крещенія Ольги не была принята никѣмъ. Первыя каникулы я не ѣздилъ домой, а провелъ надъ книгами академич. библіотеки. Какъ въ рождественскія, такъ и въ эти лѣтнія каникулы я бралъ большею частію книги по исторіи; но какъ ихъ было мало, то бралъ и *лѣтописи*. Ими я такъ увлекся, что прочиталъ даже рукопись о Варяжской вѣрѣ препод. Ѳеодосія Печерскаго. Шлецеровъ критическій разборъ лѣтописи Нестора развилъ во мнѣ и безъ того закравшійся критицизмъ.—Вдумавшись въ подробную программу задачи о времени крещенія Ольги и приготовивши источники, указанные въ

---

[1]) Сочиненіе студента *Евфима Андр. Остромысленскаго* было напечатано въ типографіи Кіево-Печерской лавры и вышло съ свѣтъ отдѣльной брошюрой 29 апрѣля 1830 г. подъ такимъ заглавіемъ: „О древнѣйшей кіевской церкви св. Иліи".—„Руководимый ученѣйшимъ архипастыремъ, авторъ превосходно раскрылъ и объяснилъ этотъ темный пунктъ нашей древнѣйшей лѣтописи". Смотри *В. И. Аскоченскаго*: „Исторія Кіевской Академіи"—стр. 118-я.—Л. М.

[2]) Сочиненіе студента *Козьмы Ѳеодор. Спасскаго* было напечатано во 2-мъ томѣ „Опытовъ упражненій воспитанниковъ Кіевской д. академіи пятаго учебнаго курса"—(Кіевъ, 1832 г.)—подъ заглавіемъ: „Объ обращеніи великаго князя Владиміра въ христіанскую вѣру и о насажденіи оной въ Россіи".—Л. М.

программѣ самимъ митрополитомъ Евгеніемъ, я взялся за рѣшеніе, но не объявилъ о томъ начальству. Подобно Амфитеатрову, я раздвинулъ предметъ широко, стараясь доказать, что на Руси было много христіанъ и не одна церковь, стоявшая въ Кіевѣ у Боричева Взвоза—въ концѣ Пасынчи Бесѣды, что мы давно были въ сношеніяхъ съ Константинополемъ, Болгаріею и Богеміею, съ христіанами Крыма; но выходило у меня, что Ольга не имѣла нужды ѣхать въ Царь-Градъ за крещеніемъ. Жаль было разстаться съ работою; но я придумалъ способъ склонить трактатъ къ тому, что Ольга крестилась въ Константинополѣ, хотя уже имѣла своего священника и открытую церковь въ Кіевѣ. На другой годъ пребыванія моего въ академіи, зимою, кажется на святкахъ, митрополитъ посѣщаетъ столовую студенческую и здѣсь спросилъ: „а кто еще пишетъ задачи на Румянцевскую премію?“ Надобно замѣтить, что сочиненіе Остромысленскаго уже печаталось.—„Я пишу о времени крещенія Ольги“,—отозвался я.—„А читалъ ли указанные источники?“—Читалъ, кромѣ *Григорія Амартолоса*; его нѣтъ въ библіотекѣ.—„Ну, безъ него обойдешься; онъ также кратко упоминаетъ объ Ольгѣ, какъ Кедринъ, Зонара и Куропалатъ“.—Начальники насмѣшливо смотрѣли на меня. „Не изъ тучи громъ“,—думали они...

При переходѣ изъ младшаго отдѣленія академіи въ старшее былъ экзаменъ въ конгрегаціонной залѣ. Спрашивали по предмету исторіи. Мнѣ достался вопросъ о царствованіи Анны Іоанновны. Граниковъ прошелъ только до Екатерины I, а въ программѣ показалъ, что пройдено до Отечественной войны включительно. Но мнѣ какъ разъ передъ этимъ пришлось прочитать, не помню гдѣ, о царствованіи Анны, кажется у Щербатова. Я началъ говорить нѣсколько подробно. На словѣ, что ограниченіе самодержавной власти сдѣлано помимо духовенства, митрополитъ Евгеній прервалъ меня, начавъ говорить такія подробности, какія извѣстны были ему только изъ рукописей. Ректоръ сталъ объяснять митрополиту, что 18-й вѣкъ и начало 19-го не повторено воспитанниками.—„А эти вѣка нужнѣе, чѣмъ древніе“, сказалъ митрополитъ Евгеній.—Взглянувъ на послѣднюю статью программы, онъ продолжалъ: „Вотъ Отечественная Война,—они ее не помнятъ, а какъ надобно бы знать! Ну, что вы можете сказать объ этомъ великомъ событіи?“, обратился онъ ко мнѣ.—Я пріосанился и началъ разсказывать что недавно читалъ въ журналѣ Глинки, или Качановскаго.—Митрополитъ сказалъ: „хорошо, хорошо, что любите исторію“.—Тогда и Граниковъ согласился поставить меня четвертымъ во 2-мъ разрядѣ.

Другіе предметы я проходилъ безъ любви и охоты. Только исторія философіи занимала меня. Руководство *Бруккера* тѣмъ хорошо, что въ немъ главнѣйшія мнѣнія философовъ приводятся ихъ собственными словами, только на латинскомъ языкѣ; жаль только, что руководство кончается Лейбницемъ и не касается новѣйшей философіи. Впрочемъ протоіерей *Скворцовъ* знакомилъ насъ съ Кантомъ, но на столько, на сколько нужно было, чтобъ показать относительность нашихъ познаній къ нашимъ чувствамъ и нашему уму и существованіе истинъ, не доступныхъ уму и составляющихъ предметъ вѣры. Одна лекція посвящена была *антиноміямъ* Канта. Четвертый курсъ [1]) особенно занимался философіею; ходили межъ студентами въ переводѣ и въ рукописи Фихте, Шелингъ, Окенъ. Но Гегель не былъ извѣстенъ. Проводникомъ новѣйшей философіи или піонеромъ ея въ академіи былъ студентъ *Окопенко*—изъ екатеринославской д. семинаріи. Я уже не засталъ его. Онъ до того увлекся *Велланскимъ,* что уволился изъ академіи и поступилъ въ медико-хирургическую академію [2]). Оказалось, что Велланскій проводилъ свое философское воззрѣніе только на домашнихъ своихъ лекціяхъ, а въ классѣ онъ былъ обыкновеннымъ физіологомъ. Чтобы слушать домашнія лекціи этого Гегеліанца (?), которые иногда замѣняла и жена его, какъ писалъ Окопенко,—надобно было платить ему. Для чего Окопенко долженъ былъ давать уроки на сторонѣ и заработокъ свой относить Велланскому. И надобно было при этомъ изучать реальные предметы по медицинѣ. Бѣдняга впалъ въ чахотку и померъ. Его карьера отрезвила Остромысленскаго, но не меня...

Преподавалась эстетика; выдавались профессоромъ *Крышинскимъ* листики; списывались, заучивались; но я не могу припомнить теперь, въ чемъ состояла эта наука. Въ ней говорилось о высокомъ и прекрасномъ, равно какъ и о противоположныхъ имъ—низкомъ, пошломъ, безобразномъ въ пластикѣ и словѣ.

---

[1]) То есть—студенты принятые въ академію въ 1825 г. и составлявшіе тогда *старшее отдѣленіе* студенчества; а Соколовъ (авторъ *записокъ* сихъ) былъ въ *младшемъ* или низшемъ отдѣленіи.—Л. М.

[2]) *Данило Михайловичъ Велланскій*—родился въ г. *Борзнѣ,* черниговск. г., и до поступленія въ Кіевскую академію носилъ фамилію *Кавунникъ.*—Поступилъ въ медико-хирургическую академію въ 1806 г. и сдѣлался знаменитымъ ея профессоромъ. Онъ былъ ученикомъ Шеллинга и особенно увлекся его *натуръ-философіею*—Самъ онъ увлекалъ своихъ слушателей до экстаза. См. „Русскую Старину" янв. 1901 г.: „Русскій философъ Д. М. Велланскій". Ст. акад. *К. С. Веселовскаго.*—Л. М.

Приводились и образцы въ родѣ: „Рече и бысть“ и немногія строфы изъ оды *Богъ*. Разъ профессоръ потребовалъ отъ насъ даже опыта въ стихахъ. Я написалъ: *„Апостолъ Андрей на горахъ Кіевскихъ“*, сохранившійся у меня доселѣ. Какъ первый опытъ, очень удаченъ; но Крышинскій поставилъ вмѣсто 1, которая считалась тогда высшею отмѣткою, только 2. Странная была тогда метода. Учили прекрасному въ словѣ, требовали изящной одежды для облаченія мыслей и чувствованій, а запрещали читать Пушкина, по крайней мѣрѣ—игнорировали его. Не знаю, дороги ли тогда были сочиненія Пушкина, что я ни одного не видѣлъ въ академической библіотекѣ. А вѣдь это было въ 1828 и 1829 годахъ. Кажется, тогда сочиненія Пушкина помѣщались большею частію въ журналахъ. Но академія не получала журналовъ [1]). И изъ духовныхъ журналовъ тогда издавалось только *Христіанское Чтеніе*.—Впрочемъ нѣкоторыя сочиненія Пушкина и романы *Загоскина* прокрадывались сквозь стѣны академіи, и я помню, съ какимъ наслажденіемъ въ кружкѣ читали подобныя сочиненія. Чтецомъ былъ всегда *Димитрій Самсоновичъ Любицкій*, который на долго оставилъ память о себѣ тѣмъ, что въ столовой на столѣ вырѣзывалъ полными словами свое имя, отчество и фамилію; но кто-то вырѣзалъ подъ ними: *Nomina stultorum ubique jacent*—т. е. имена дураковъ вездѣ лежатъ [2]).

Кромѣ философіи, исторіи, эстетики, еще читались въ младшемъ отдѣленіи греческій, французскій и нѣмецкій языки. Не помню, кто былъ лекторомъ французскаго и нѣмецкаго языка. Но на греческій приходилъ *Колоколовъ*. Это былъ худой, сугорбенный человѣкъ, смотрѣвшій внизъ и всегда одною рукою закрывавшій лицо. Видъ его возбуждалъ состраданіе и смѣхъ. Не помню, что онъ переводилъ съ нами съ греческаго. Черезъ годъ онъ померъ [3]).

---

1) Въ тогдашней *(до-Иннокентіевской)* Кіевской академіи господствовало отчужденіе отъ современной ей науки и литературы. Когда Иннокентій сдѣлался ректоромъ (съ 1830 г.), тогда, излагая нужды кіевской академіи предъ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ св. Синода С. Д. Нечаевымъ, онъ писалъ ему между прочимъ такъ: „...Нить современной литературы давно выпущена (если только была когда либо) изъ рукъ нашихъ, и мы потому самому обращаемся въ давно-прошедшемъ времени и нерѣдко принуждены трудиться надъ тѣмъ, что, можетъ быть, сдѣлано уже нѣсколько разъ, и притомъ лучше“...—„Старина и Новизна“—IX, 214.—Л. М.

2) *Дим. Сампсон. Любицкій,* товарищъ автора, былъ изъ харьковскаго коллегіума.—Л. М.

3) *Алексѣй Дмитр. Колоколовъ*—магистръ с.-петербургской д. академіи—выпуска 1819 года—сначала былъ профессоромъ кіевской семинаріи, а въ концѣ 1825 г. перешелъ въ академію. Скончался 29 іюня 1829 года.—Л. М.

Каждый мѣсяцъ требовалось отъ студента *два разсужденія*: одно—на русскомъ языкѣ, другое—на латинскомъ. Я подавалъ ихъ неупустительно. Но что это были за разсужденія? Онѣ отнимали только время для чтенія книгъ. Эти задачи, эти частые экзамены мѣшали свободѣ занятій. Было не ученіе, не образованіе, а погоня за отмѣтками, за разрядомъ и номеромъ въ спискѣ, за ученою степенью,—утомительная погоня, продолжавшаяся цѣлыхъ 4 года...

Прошли два года. Перевалилъ я въ старшее отдѣленіе. Голова осталась такою же пустою, какъ и была, только въ ней развивался больше и больше *критицизмъ*, а съ нимъ—страшное колебаніе вѣры. Я уже не готовился къ духовному званію. Цѣлію воспитанія я поставилъ себѣ быть *адъюктомъ университета*. Насъ было четверо такихъ отщепенцевъ: *я*, *Спасскій*, *Максимовичъ* и *Успенскій* изъ Курчанъ. Съ Успенскимъ я раздѣлялъ занятія по философіи; съ Максимовичемъ—изученіе мѣстной археологіи, съ Спасскимъ—занятія исторіею [1]). Кіевъ посѣтилъ докторъ *Пелехинъ* [2]). Спасскій сталъ кашлять кровію. Онъ обратился къ Пелехину; его сопровождалъ Успенскій. Пелехинъ, выслушивая грудь, не нашелъ въ ней ничего подозрительнаго. Успенскій, человѣкъ совершенно здоровый, съ голосомъ звонкимъ и съ выдавшеюся впередъ грудью, просилъ медика посмотрѣть и его грудь. Не долго Пелехинъ держалъ трубку при груди Успенскаго, какъ спросилъ его: можетъ ли онъ совсѣмъ оставить академію и поѣхать домой? Успенскій отвѣчалъ: нѣтъ. Докторъ сталъ совѣтовать ему поѣхать домой хоть на одно лѣто—для поправленія здоровья. Успенскій, ссылаясь на Спасскаго, увѣрялъ Пелехина, что онъ совершенно здоровъ, что приглашенъ только сопровождать больного.—Это было весною. Успенскій не оставилъ академіи въ ожиданіи каникулъ,—какъ чрезъ недѣлю вдругъ полилась у него изъ горла кровь. Пошелъ въ больницу. *Бунге*,

---

[1]) На поляхъ сдѣлана позже авторомъ такая прибавка: „Максимовичъ и Спасскій впрочемъ не были отщепенцами, а только не расположены были быть священниками".—Л. М.

[2]) *Петръ Петр. Пелехинъ*—воспитанникъ старой кіевской академіи и затѣмъ наставникъ ея. Послѣ преобразованій кіевской академіи въ 1819 г., Пелехинъ поступилъ въ число студентовъ с.-петерб. медико-хирургической академіи, блистательно окончилъ въ ней курсъ, оставленъ въ ней профессоромъ и сдѣлался *медицинскою знаменитостію*.—Въ 50-хъ годахъ XIX в. онъ перешелъ на жительство въ Кіевъ и состоялъ штатнымъ врачемъ при кіевской академіи и семинаріи.—Въ 1857 г. мы еще застали его въ Кіевѣ—глубокимъ старцемъ.—Л. М.

академическій лекарь [1]), нашелъ у него чахотку. Кровохарканіе продолжалось; больной сталъ слабѣть—и въ двѣ недѣли его не стало. Умирая онъ не произносилъ имени Христа, а только взывалъ: *Отецъ мой, Отецъ Небесный!* Причащаться не хотѣлъ; его однако причастили, когда онъ былъ въ жару и бреду.—Съ нимъ вмѣстѣ лежалъ больнымъ и землякъ мой *Переверзевъ*, съ коимъ я вмѣстѣ ѣхалъ первый разъ въ академію,—тоже въ чахоткѣ, приключившейся отъ напряженія голоса въ пѣніи. Но онъ умеръ съ совершеннымъ спокойствіемъ духа; даже самъ распорядился своимъ погребеніемъ: назначилъ, какой сюртукъ надѣть на него.—За погребеніемъ Переверзева заболѣлъ горломъ и кашлемъ красавецъ *Климовичъ*—изъ кіевской семинаріи, со-номерантъ мой; онъ тоже надорвалъ горло и грудь пѣніемъ. Онъ старался пѣть басомъ, тогда какъ у него такого голоса не было.

Смерть этихъ трехъ товарищей моихъ сильно подѣйствовала на меня. Я тогда старался быть христіаниномъ,—но *критицизмъ* одолѣвалъ меня, и я долго оставался съ колеблющеюся вѣрою. Надежда утвердиться въ истинахъ вѣры не оставила меня—и я ожидалъ этого отъ предстоявшихъ богословскихъ занятій въ старшемъ отдѣленіи.

Когда я поступилъ въ академію, въ семинаріи орловской оставался ректоромъ Гавріилъ Косой и инспекторомъ іеромонахъ магистръ, человѣкъ лѣтъ 25, небольшого росту, съ малою бородкою и прекрасною наружностью. Не знаю, за что епископъ Гавріилъ напалъ на обоихъ этихъ начальниковъ и скоро лишилъ ихъ должности. Ректоръ успѣлъ скоро найти должность, кажется, при Казанскомъ университетѣ: тамъ читалъ онъ исторію философскихъ системъ и издалъ ее на русскомъ языкѣ. Это, кажется, первое философское сочиненіе, появившееся у насъ на русскомъ языкѣ. Мѣсто ректора въ Орловской семинаріи занялъ или *Арсеній*, недавно умершій кіевскимъ митрополитомъ, или *Исидоръ*, теперешній митрополитъ петербурскій [2]). Новый ректоръ, по настоянію архіерея, такъ налегъ на семинарію, что многихъ учениковъ въ высшемъ отдѣленіи вогналъ во гробъ. Не знаю, кто поступилъ на мѣсто инспектора, но бывшій инспекторъ очутился въ Кіевѣ—

---

[1]) Отецъ бывшаго ректора кіевскаго университета и затѣмъ министра финансовъ *Николая Христіановича Бунге*.—Л. М.

[2]) Ректоромъ Орловской д. семинаріи, послѣ *Гавріила Воскресенскаго*, былъ сначала *Арсеній Москвинъ*, именно съ 1827 по 1829 г, а потомъ *Исидоръ Никольскій*—съ 1829 по 1833 г.—Л. М.

въ Михайловскомъ монастырѣ простымъ монахомъ. Вотъ въ этомъ-то человѣкѣ я нашелъ философа съ христіанскимъ направленіемъ, и, похоронивши товарищей, я съ Спасскимъ частенько ходилъ къ нему для собесѣдованія. Онъ помѣшанъ былъ на Эккартсгаузенѣ и явленіяхъ магнетическихъ ясновидѣній. Онъ снабжалъ меня книгами, подобными книгѣ Эккартсгаузена.

Настали каникулы. Я нашелъ случай поѣхать домой и поѣздка обошлась не дорого. Въ домѣ нашемъ всѣ были живы и здоровы. Только дядя *Никаноръ* взятъ былъ въ солдаты и отъ жестокаго обращенія съ нимъ учившихъ унтеръ-офицеровъ заболѣлъ и умеръ. И зять Иванъ Николаевичъ потребованъ былъ для разбора. Сестра Катя убивалась. Но Слава Богу—на третій день моего пріѣзда зять возвратился благополучно. Объ этомъ писано мною въ жизни отца.

Въ эти каникулы я былъ въ Мценскѣ. Машенекъ уже не было въ городѣ, повышли замужъ: двоюродная—за священника села Горохова, а троюродная—*Оболенская*—за урода и пьяницу, учителя Орловскаго духовнаго училища[1]).—Степанъ Өедоровичъ и тетка Поля приняли меня радушно. Саша ихъ расцвѣтала и становилась невѣстою; Дуню готовили въ монастырь, такъ какъ она потеряла одинъ глазъ, выколовъ его вилкою, когда отнимала ее у брата. Степанъ Өедоровичъ былъ уже священникомъ кладбищенской церкви. Сынъ его Степанъ, окончивъ курсъ, получилъ въ какомъ-то селѣ священническое мѣсто. Все это дѣлалось чрезъ старшаго сына его Петра, моего товарища по семинаріи. Служа при архіерейскомъ домѣ смотрителемъ надъ пѣвчими, Петръ не только помогалъ отцу и брату получить священническія мѣста, но и себѣ выпросилъ у архіерея Гавріила мѣсто въ г. Мценскѣ при Пятницкой церкви, стоящей на Торговой площади и считающейся богатою. Онъ искалъ невѣсты. Во Мценскѣ много было красавицъ и достаточныхъ; но тогда требовалось, чтобы духовные брали у духовныхъ. Была одна невѣста у священника Мценской Георгіевской церкви; но она была засватана за товарища моего по семинаріи *Тихвинскаго*—и назначена была свадьба на другой день моего пріѣзда. Отцу хвалили невѣсту въ Болховѣ—у тамошняго протоіерея. Чего-же долго думать,—ѣхать туда.

---

[1]) Эту *Оболенскую*, въ которую авторъ былъ влюбленъ, онъ называлъ выше *Сашей*. А теперь ее и дочь о. Стефана Троицкаго онъ называетъ уже *Машеньками*.—Л. М.

Пока наняли тройку, я на другой день успѣлъ побывать на свадьбѣ Тихвинскаго. Когда я подходилъ къ дому Георгіевскаго священника,—изъ церкви вели повѣнчанныхъ съ процессіею. Впереди шелъ вѣнчавшій священникъ съ крестомъ и дьяконъ въ облаченіи, за ними—женихъ и невѣста, а за послѣдними—свахи и дружки, сопровождаемые народомъ. Когда обрядъ встрѣчи въ домѣ окончился, я вошелъ въ домъ, отрекомендовался... Женихъ бросился въ мои объятія, и пока накрывали свадебный столъ, Тихвинскій, взявъ меня и невѣсту, вышелъ въ садикъ, Тутъ пошли у насъ объясненія. Я завидовалъ его счастію, а онъ—моей участи. Я приглашенъ былъ къ обѣду. Послѣ обѣда началось пѣніе свадебныхъ, пѣсень: „Груша—яблоня садовая, кора золотая" и другихъ. Меня оставляли на вечеръ; но мнѣ нельзя было изъ-за поѣздки въ Болховъ. Подвода была готова. Утромъ я и братъ Петръ Троицкій отправились въ Горохово, которое лежало на полдорогѣ къ Болхову, чтобы взять сестру Машу и мужа ея—священника. Въ полдень мы были уже въ с. Гороховѣ. Сестра съ изумленіемъ и радостію встрѣтила насъ. На утро блины и выѣздъ. Священникъ почему-то не могъ отлучиться изъ дома. Дорога была веселая. Машенька немного измѣнилась, но за то свободнымъ обращеніемъ такъ обворожила меня, что я зацѣловалъ бы ее, еслибы не было съ нами брата. Братъ Петруша, оказалось, былъ не совсѣмъ здоровъ: лицо его было затянутое, глаза тусклые, и смѣялся онъ сонною улыбкой. Прибывъ въ обѣдъ въ городъ и остановясь на постояломъ дворѣ, мы запискою просили позволенія протоіерея быть у него. Послѣдовало тотчасъ приглашеніе на чай въ 4 часа. Мы не заставили себя ждать. Протоіерей и жена его приняли насъ ласково. Я отрекомендовался студентомъ академіи, братъ—студентомъ семинаріи, имѣющимъ поступить въ Пятницкую церковь, а наивная сестра—прямо свахою брата своего. Спустя четверть часа вышла невѣста, на головѣ жемчужное ребретто (sic.), въ фисеровой рубашкѣ, золотой душегрѣйкѣ и парчевой юпкѣ, въ башмачкахъ шитыхъ золотомъ, лицомъ бѣлая, волосами не бѣлокурая, а русая. Она поклонилась и, принявъ подносъ съ чаемъ у служанки, поднесла сперва сестрѣ, потомъ мнѣ; но я отклонилъ отъ себя, показавъ ей жениха. Принявъ чашку, женихъ, по требованію обычая, спросилъ дохлымъ и трепещущимъ голосомъ: „какъ ваше имя и отечество"?—Невѣста отвѣтила голосомъ звучнымъ и пріятнымъ.—„Сколько вамъ лѣтъ"?—опять спросилъ женихъ.—16—отвѣчала невѣста. Только и позволялось жениху говорить; онъ долженъ

былъ только узнать: не глуха ли, и не нѣма ли невѣста.—Выпивъ по чашкѣ, мы должны были выйти въ другую комнату и спросить жениха: нравится ли ему невѣста? Такъ и сдѣлано. Петръ отвѣчалъ: *хороша*. Послѣ этого должны были войти и брать по другой чашкѣ уже отъ прислуги; невѣста не должна была выходить. На постояломъ дворѣ мы условились, чтобы я спросилъ родителей о согласіи ихъ выдать дочь за Петра Степаныча; а Степанъ Ѳедоровичъ просилъ, чтобы я даже торговался за приданое, начавъ 1000 до 500. Но вышло такъ, что сестра все приняла на себя. Взявъ другую чашку, она говорила: „Ваша прекрасная дочь очень нравится моему брату; согласны ли будете осчастливить его NN—овною?“[1])—„Мы не прочь отъ добрыхъ людей; но она молода,—жаль выдавать ее такъ рано“,—сказали родители въ одинъ голосъ, а мать при этомъ заплакала.—Сестра продолжала: „Какъ ни молода ваша дочь, но вы, конечно, приготовили ей приданое“.—Мать начала пересчитывать бѣлье и одежду, жемчужныя украшенія,—сестра прервала ее на какомъ-то словѣ: „Кромѣ одежды нужно и обзаведеніе; а нынѣ хорошій домъ купить въ Мценскѣ—надобно по крайней мѣрѣ 1000 р.; вы, конечно, не пожалѣете наградить ее хоть 1000-ю“.—Тогда протоіерей, возвышая голосъ, говоритъ: „Гдѣ нынѣ 1000-у взять? Да кто нынѣ имѣетъ ее, кромѣ большихъ помѣщиковъ? Въ пору намъ собраться хоть бы съ 2 сотнями“.—Началась торговля. Сестра мало по малу спустилась на 500, какъ совѣтовалъ Степанъ Ѳедоровичъ, а протоіерей поднялся на 300 р.—Кончили тѣмъ, что мы признались, что такого важнаго вопроса мы не осмѣливаемся рѣшить сами. Обѣщали скорый пріѣздъ родителей и рукобитье, прибавляя: „а до того времени пусть дѣло останется между нами“. Съ тѣмъ и распрощались.

По возвращеніи въ Мценскъ, мы услышали отъ Степана Федоровича, что есть у деревенскаго священника невѣста съ приданымъ въ 1000 р. и что онъ рѣшился самъ ѣхать. Я отправился домой въ Спасское.

Въ эту поѣздку во Мценскѣ мнѣ разсказано было и дядею и теткою, какимъ образомъ *рѣзная статуя* Николая угодника оставлена въ Мценскомъ Соборѣ, тогда какъ во всей Россіи такія изображенія отобраны и скрыты. Такъ, въ г. Сѣвскѣ, близъ Архангельской мельницы, надъ ручьемъ въ капличкѣ, стояла статуя Бо-

[1]) То есть, она назвала имя и отчество невѣсты.—Л. М.

жіей Матери въ одеждѣ еще въ 1816 и въ 1817 гг., а когда въ 1820 г. я опять поступилъ въ Сѣвскъ, этой статуи уже не было.

Около 1818 г. послѣдовалъ указъ Св. Синода отобрать вездѣ статуйныя иконы. Пріѣхалъ отъ архіерея протоіерей съ чиновникомъ во Мценскъ взять рѣзной образъ святителя Николая. Граждане не дали. Городничаго не послушали. Губернаторъ прислалъ особаго чиновника уговорить гражданъ; но и этого чиновника не послушали. Поѣхала депутація къ губернатору и просила у него дозволенія ходатайствовать у Государя и до той поры повременить исполненіемъ указа, доказывая, что указъ не касается чудотворныхъ иконъ, а мценская икона св. Николая чудотворная. Губернаторъ дозволилъ ходатайствовать установленнымъ порядкомъ, но не иначе, какъ съ представленіемъ неопровержимыхъ доказательствъ чудесъ, совершившихся при этой иконѣ. Такихъ чудесъ не было, а въ преданіи сохранилось, что эта икона найдена въ рѣкѣ *Зушѣ* и поставлена была въ соборѣ. Соборъ два раза горѣлъ, а икона оставалась невредимою, а только чернѣла. Говорили еще, что когда городъ сосредоточивался на горѣ и осаждаемъ былъ Литвою, Николай угодникъ или являлся за городомъ на конѣ и прогонялъ непріятелей своимъ мечемъ, или ослѣплялъ ихъ. Дѣйствительно же икона эта—католическаго устройства. Св. Николай сдѣланъ изъ прочнаго матеріала: въ одной рукѣ у него—мечъ, въ другой—церковь. Явно, что это образъ символическій, означающій то, что святитель защищалъ св. церковь на Вселенскомъ соборѣ. Мѣстность Мценска принадлежала литовскому княжеству. Но когда она была взята Москвитянами и обращена въ пограничную крѣпость, то икону, какъ папежскую, бросили въ рѣку Зушу. Это, положимъ, было при Іоаннѣ III. Спустя сто лѣтъ, крѣпость стала считаться искони русскою, и когда въ рѣкѣ найдена икона и принята въ церковь, ее уже считали православною. Подобныхъ изображеній святителя Николая много въ западныхъ губерніяхъ. Какъ бы то ни было, чудеса были собраны, прошеніе Государю приготовлено; депутація избрана. Главный депутатъ, кажется, *Баборыкинъ*, въ день молебствія на путь, устроилъ у себѣ обѣдъ духовенству и почетнымъ гражданамъ, а на дворѣ и на улицѣ—нищей братіи. Кибитка была на готовѣ. По окончаніи обѣда, купецъ сталъ прощаться съ семействомъ. Во время прощанія хватились двухлѣтняго сына,—его нѣтъ. Къ нянькѣ—нянька отвѣчала незнаніемъ. Пало подозрѣніе, не украденъ ли нищими. Пошла суматоха. Городничій оцѣпилъ нищихъ и городъ. Одна изъ ни-

щихъ вспомнила, что ребенокъ былъ на рукахъ няни, что она оправляла рубашку на ребенкѣ, поставивъ его на срубъ колодезя: не уронила ли его въ колодезь? Колодезь не глубокій, но воды въ немъ всегда на аршинъ. Спустились по бадьѣ въ колодезь,—ребенокъ тамъ, вынули мертвымъ, но качнули два раза,—и онъ ожилъ. Отъѣздъ отложенъ до слѣдующаго утра. Ребенокъ трясся отъ холода и просилъ ѣсть. Тогда все духовенство сказало: „на что намъ другія чудеса? Вотъ чудо св. Николая!“ Начался благодарственный молебенъ. Городничій составилъ актъ и за подписью всѣхъ свидѣтелей чуда вручилъ депутатамъ.

Чрезъ нѣсколько недѣль депутація достигла Петербурга. Тамъ только узнали, что государь—за границею, и неизвѣстно, когда возвратится. Что дѣлать? ходили по вельможамъ. Одинъ изъ нихъ, добрый человѣкъ, посовѣтовалъ депутаціи обратиться къ великому князю Николаю Павловичу, увѣряя, что князь часто пишетъ къ государю и много добра дѣлаетъ. Депутаты на другой же день отправились слишкомъ рано къ Николаю. Служитель замѣтилъ имъ, что пришли очень рано, что имъ придется долго ожидать пріема великаго князя, и, чтобы не стояли на дворѣ, позволилъ имъ ожидать въ залѣ. Чрезъ залъ разновременно прошло нѣсколько военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и каждый изъ нихъ просилъ депутатовъ сидѣть. Но вотъ проходитъ черезъ залъ человѣкъ высокаго роста, худощавый, въ поношенномъ военномъ сюртукѣ. Депутаты и ему привстали, но тотчасъ сѣли. Чиновникъ подходитъ къ нимъ и, садясь на стулъ, спрашиваетъ: „вы къ князю? о чемъ намѣрены просить его?“—„За великаго угодника Николая чудотворца,—берутъ его отъ насъ; а вотъ чудеса его“, показывая тетрадку и актъ. Чиновникъ прочелъ только актъ и просьбу—и долго разспрашивалъ, какъ отбиралась начальствомъ и какъ защищалась икона гражданами, наконецъ сказалъ: „дайте, братцы, мнѣ эти бумаги,—я представлю ихъ великому князю; онъ на досугѣ прочтетъ, а то вамъ прійдется и долго ожидать, и просить его вмѣстѣ съ другими,—тогда некогда будетъ князю поговорить съ вами и прочесть бумаги“.—„Нѣтъ уже, господинъ, бумагъ тебѣ не дадимъ, а подадимъ ихъ самому князю“,—отвѣчали депутаты.—„Да долго ждать!“—замѣтилъ чиновникъ.—„Мы небольшіе господа, подождемъ“.—Чиновникъ удалился въ другія комнаты. Началъ собираться въ залу народъ. Къ 11-ти часамъ набралось много просителей. Вдругъ изъ другой комнаты отворяются двери. „Великій Князь! Великій Князь!“—зашептали всѣ. Мценскіе купцы

какъ глянули, такъ душа въ нихъ замерла. Это они съ княземъ калякали и не дали ему бумагъ. Князь былъ въ мундирѣ, вытянулся и, кланяясь просителямъ, звучнымъ голосомъ позвалъ къ себѣ мценскихъ депутатовъ. Они приблизились и пали на колѣни. Князь еще звучнѣе крикнулъ: „встать съ колѣней! Это не нужно! Гдѣ ваши бумаги?"—Вскочивъ съ колѣней, депутаты уже безъ всякаго поклона вручили ему бумаги.—„Дѣло ваше мнѣ извѣстно, отправляйтесь съ Богомъ домой, кланяйтесь вашимъ согражданамъ и скажите, что св. икона останется въ соборѣ".—Одинъ изъ депутатовъ заикнулся было о губернаторѣ, но великій князь прервалъ его, сказавъ: „и губернатору, и архіерею теперь же объ этомъ дано будетъ знать".—И дѣйствительно, депутаты застали городъ свой въ ликованіи: и губернаторъ, и архіерей объявили городу и духовенству о монаршей милости. Одни говорили, что губернатору далъ знать прокуроръ сената, а архіерею—прокуроръ синода. Другіе же утверждали: будто курьеръ привезъ именной Высочайшій указъ за подписомъ Александра, и будто государь оставилъ великому князю бланки.

По возвращеніи изъ города Мценска домой, я услышалъ пріятную новость: епископа Гавріила переводятъ въ Екатеринославъ, и на мѣсто его назначенъ *Никодимъ*[1]). Эту новость привезъ зять мой, возвратившійся изъ Орла священникомъ на мѣсто дѣда—священника села *Сычева*. Какъ онъ нигдѣ не обучался, то опредѣленіе его діакономъ въ село Спасское, стоившее ему 200 рублей, считалось чудомъ. Теперь онъ получилъ священство. Хотя это священство стоило ему 700 рублей, но это не много значило, когда съ священствомъ онъ получалъ домъ дѣда даромъ, а свой продавалъ другому дьякону, поступавшему на его мѣсто.—Чрезъ недѣлю этотъ зять пріѣзжаетъ къ намъ—въ Спасское и разсказываетъ страшную новость. Его тетка, молодая вдова—дьячиха, была коровницею у архіерея Гавріила. Прощаясь съ нею, архіерей наградилъ ее деньгами и надарилъ много вещей. Келейники давно злобились на эту, покровительствуемую архіереемъ, женщину,—и вотъ въ ночь подъ тотъ день, когда архіерей въ послѣдній разъ долженъ былъ служить въ соборѣ и

---

[1]) Епископъ *Гавріилъ Розановъ* перемѣстился въ Екатеринославъ лѣтомъ 1828. На его мѣсто въ Орелъ въ то же лѣто поступилъ епископъ *Никодимъ Быстрицкій*.—Между тѣмъ авторъ *записокъ* пріурочиваетъ описываемое имъ вакаціальное время къ лѣту 1829 г.—Очевидно, въ его старческой памяти перемѣшались событія того и другого лѣта и тѣхъ и другихъ академ. вакацій.—Л. М.

послѣ обѣда выѣхать изъ Орла, эти негодяи втроемъ (два келейника и кучеръ) ворвались въ помѣщеніе женщины, поочередно насиловали ее, а затѣмъ ругали ее, издѣвались надъ нею, сѣкли розгами, густымъ дегтемъ мазали голову и деготнымъ помазкомъ совали въ оба нижніе прохода, между тѣмъ ротъ ея былъ забитъ платкомъ. Наконецъ ограбили ее: взяли деньги и лучшія вещи. Послѣ полуночи женщина пришла въ себя, освободила ротъ отъ платка и выползла вонъ изъ своего помѣщенія. У воротъ она гдѣ-то притаилась, и когда съ звономъ на утреню ворота отворились, она выползла на улицу слободки. Тутъ услышанъ былъ стонъ ея, собрался народъ; но никто не рѣшился взять ее въ домъ, а дали знать полиціи. Полиція свезла несчастную въ больницу. Она была вся распухшая, въ жару и бреду. На первый разъ полиція узнала, кто она, и то, что она, какъ показывали въ архіерейскомъ домѣ, разсчитана была архіереемъ наканунѣ; наканунѣ вышла изъ монастыря и, гдѣ проходила ночь, неизвѣстно. Архіерей послѣ обѣдни поспѣшилъ выѣхать. По обычаю, его проводили за городъ съ помпою. Свѣтскіе его любили. Такъ: отецъ Ермолова даже построилъ себѣ домъ рядомъ съ архіерейскимъ монастыремъ, чтобы постоянно наслаждаться бесѣдою съ Гавріиломъ и ходить въ его домовую церковь [1]). По выѣздѣ архіерея, едва ли полиція производила слѣдствіе; потому что несчастная женщина черезъ недѣлю возвратилась въ деревню къ своимъ роднымъ.—Нерасположенные къ архіерею изъ орловскаго духовенства распускали слухъ, будто коровница, наканунѣ ея страданій, имѣла счетъ и неудовольствіе съ архіереемъ и что негодяи дѣйствовали не безъ воли его. Но это совершенная клевета.. Несчастная, которую спустя недѣлю видѣлъ Поликарпъ, племянникъ ея, а нашъ зять, далека была отъ подобнаго подозрѣнія и отзывалась объ архіереѣ, какъ о благодѣтелѣ своемъ.

---

[1]) „Отецъ Ермолова"—это статскій совѣтникъ *Петръ Ермоловъ*, отецъ знаменитаго богатаго генерала первой четверти XIX вѣка—*Алексѣя Петровича Ермолова,* жившій въ отставкѣ въ г. Орлѣ. Послѣ отъѣзда преосв. Гавріила Розанова изъ Орла,—Петръ Ермоловъ написалъ о немъ статью—съ выраженіемъ благодарныхъ чувствъ къ нему—и помѣстилъ ее въ журналѣ *Отечественныя Записки,* издававшемся тогда *Павломъ Свиньинымъ*. См. этотъ журналъ за 1828 г.—Л. М.

Послѣдніе мои два года въ Кіевской Академіи.

(1829—1831 гг.).

Возвращеніе въ академію съ вакацій.—Мысли при проѣздѣ чрезъ Батуринъ.—Ректоръ *Смарагдъ Крыжановскій*.—Инспекторъ *Нилъ Исаковичъ*.—Профессоры *Іоакимъ Орловъ, Аверкій Пушновъ* и баккалавръ *Шокотовъ*.—Пѣчальный случай съ баккалавромъ іером. *Рафаиломъ Шипулинскимъ*.—Молодой баккалавръ *Яковъ К. Амфитеатровъ* и его научные планы.—Тяжесть 2-хъ часовыхъ лекцій для наставниковъ и для студентовъ. — Работа надъ преміальной задачей, данной М. Евгеніемъ.—Работа надъ курсовымъ сочиненіемъ на академич. степень.—Перемѣна начальниковъ: новый ректоръ академіи *Иннокентій Борисовъ* и увлеченіе студентовъ его лекціями по богословію.—Новый инспекторъ *Іеремія Соловьевъ*.—Археологическія экскурсіи по Кіеву и его окрестностямъ въ вакаціи 1830 г.—Посѣщеніе театра.—Академическій обычай угощенія товарищей послѣ произнесенія проповѣди.—Академическій столъ.—Религіозное вольнодумство студентовъ.—Перемѣна темы для курсоваго сочиненія.—Причины неудачи въ полученіи высшей академической степени.—Сочувствіе студентовъ къ подвигамъ русскихъ войскъ во время тогдашнихъ войнъ Россіи на балканск. полуостровѣ, въ Персіи и на Кавказѣ.—Посѣщеніе Кіева Импер. Николаемъ Павловичемъ.—Холера и польскій мятежъ.—Окончаніе академич. курса и послѣднія каникулы въ академіи.

Проведши на родинѣ лѣтнія каникулы, я возвращался въ академію. На пути я съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ столицу гетмана Мазепы — *Батуринецъ*. Не смотря на то, что въ недѣлю Православія Иванъ Мазепа проклинался наравнѣ съ Стенькою Разинымъ и Гришкою Отрепьевымъ, я нѣсколько иначе смотрѣлъ на гетмана, измѣнившаго Петру. Я жилъ въ стѣнахъ академіи, молился въ церкви Братскаго монастыря, построенныхъ гетманомъ; въ академической библіотекѣ я читалъ рѣчи студентовъ, которыми они встрѣчали покровителя наукъ. — Въ Батуринѣ мнѣ указывали его дворецъ. — Проѣзжая Нѣжинъ, я остановилъ вниманіе на Лицеѣ больше, чѣмъ прежде. Лицей стоялъ за прудомъ или стоячею рѣкою, опушенною осокою. Мѣстоположеніе—хорошее, но едва-ли здоровое.

Прибылъ въ академію. Ректоръ Кириллъ уже былъ викаріемъ. На его мѣсто поступилъ ректоръ кіевской семинаріи *Смарагдъ*, человѣкъ бездарный, но кичливый, простотою обращенія прикрывавшій монашескую гордость, презиравшій всѣхъ и особенно науку; умѣвшій артистически падать предъ митрополитомъ, а не позволявшій никому итти съ нимъ рядомъ; неопрятный циникъ, не заботившійся о приличіи въ служеніи до того, что никто не могъ угодить ему; онъ толкалъ кого-ни-попало и дер-

галъ діаконовъ за волосы. Преподавая Богословіе, онъ только критиковалъ положенія автора и мнѣнія другихъ: и то не такъ, и тотъ дуракъ, а какъ?, — объ этомъ ни слова. Только ни къ селу, ни къ городу съ самохвальствомъ вспоминалъ о своемъ прохожденіи академическаго курса. „Вѣдь у меня вышло 20 аппробованныхъ задачекъ!", — всегда говорилъ онъ, оканчивая свое самохвальство. [1]).

Инспекторомъ оставался іеромонахъ *Нилъ* (послѣ архіепископъ иркутскій), человѣкъ съ дарованіями, но грубый и деспотъ. Онъ читалъ священное Писаніе и только одни Евангелія. Когда преподаваніе дошло до евангелиста Іоанна и разсматривались замѣчательныя мѣста, — я обратилъ вниманіе на мѣсто, на которое особенно опираются нѣкоторые духоборы. И на первый взглядъ вкушеніе хлѣба, сшедшаго съ небесъ, правильнѣе понимать въ смыслѣ не собственномъ. Самъ Господь сказалъ, что Его глаголы надобно понимать духовно. Не помню, какъ я сказалъ, но Нилъ рѣзко зарычалъ на меня, произнося скрипучимъ въ носъ голосомъ: „только развращенному придетъ въ голову гнилая мысль объ иносказаніи въ словахъ Евангелія, гдѣ говорится такъ прямо и просто." „*Глаголы мои духъ и животъ*",— доказывалъ я, „по крайней мѣрѣ эти слова Спасителя требуютъ изъясненія." -- „Для вѣрующаго все ясно, а для развращеннаго сердца—всюду тьма. Садись!"—Вотъ вамъ и ученіе въ академіи!

Однажды я послѣ обѣда не пошелъ на греческій языкъ, и заперся въ своемъ номерѣ на замокъ. Вдругъ стучитъ Нилъ. „Отвори!", кричитъ онъ. Я отворилъ. — „Почему ты, красная рожа, не въ классѣ? Пошелъ!" — Я повиновался, но объяснялъ, что не совсѣмъ здоровъ. Онъ словно на веревкѣ привелъ меня въ классъ [2]).

---

[1]) Ректоръ *Смарагдъ* (въ мірѣ *Александръ Петровичъ Крыжановскій*) былъ родомъ изъ села *Великой Березянки*, таращанскаго уѣзда, кіевской губ., гдѣ священствовали его отецъ и еще дѣдъ *Михаилъ*.—По окончаніи курса въ старой Кіевской Академіи въ 1815 г.,—Александръ Крыжановскій былъ назначенъ въ. С.-Петербургскую д. Академію, въ которой окончилъ курсъ въ 1819 г. со степенью магистра и принялъ монашество.—Скончался въ санѣ архіепископа рязанскаго 11 ноября 1863 г.—Личность его многими порицается, но многими и восхваляется. Безспорно, она была типична и своеобразна.— Л. М.

[2]). Инспекторъ *Нилъ Исаковичъ*, магистръ С.-Петербургской д. академіи выпуска 1825 г.. передъ службою въ кіевской академіи, былъ инспекторомъ черниговской д.-семинаріи,—и, какъ таковой, фигурируетъ въ воспоминаніяхъ *Іосифа Акимов. Самчевскаго* и въ письмахъ архим. *Іеронима Визерскаго*, помѣщенныхъ въ *Кіевской Старинѣ* 1894 г. и 1904 г.—Л. М.

Изъ прежнихъ профессоровъ священникъ *Іоакимъ Егоровичъ Орловъ* преподавалъ церковную исторію, священникъ *Аверкій Пушновъ* греческій языкъ, а баккалавръ *Шокотовъ* — еврейскій языкъ. — Іоакимъ Егоровичъ теръ Библейскую исторію Филарета почти весь курсъ, а для Церковной исторіи — самой важнѣйшей части предмета, — для которой единственнымъ руководствомъ служило сочиненіе пензенскаго Иннокентія, -- оставлялась одна или двѣ трети курса. Онъ всегда ходилъ на лекціи безъ приготовленія и потому ничего не прибавлялъ къ печатнымъ руководствамъ, съ которыми мы были знакомы еще въ семинаріи.— Священникъ Пушновъ, тоже одинъ на приходѣ, грызъ вторую часть Греческой христоматіи и въ цѣлый двухгодичный курсъ прочиталъ только нѣсколько страницъ изъ Климента Александрійскаго. — Еврейскій языкъ ограничивался только Грамматикою *Павскаго*, да нѣсколькими главами изъ Еврейской христоматіи болѣе историческаго содержанія, и потому баккалавръ Шокотовъ (студенты звали его *Шокотко*) хорошо зналъ, что читалъ. Онъ впослѣдствіи былъ архіепископомъ кишиневскимъ.

Я забылъ сказать, какъ молодой монахъ баккалавръ *Рафаилъ Шипулинскій*, первый магистръ III курса или выпуска, *перочиннымъ ножичкомъ* вздумалъ зарѣзаться и не дорѣзался, послѣ того, какъ Шокотка женился и онъ увидѣлъ супружеское счастіе товарища по службѣ. Начальники-монахи, начиная съ инспектора до митрополита, любили завлекать въ монашество даровитыхъ, или красивыхъ студентовъ. Къ первымъ принадлежалъ *Шипулинскій*; да и надѣлалъ же онъ хлопотъ начальникамъ! Однажды великій князь *Михаилъ Павловичъ* былъ въ церкви Братскаго монастыря. Шипулинскій подалъ ему прошеніе.—О чемъ прошеніе?—о томъ, чтобы предоставлено было ему, монаху, снять свой чинъ и возвратиться къ состоянію свободнаго христіанина. Не знаю всѣхъ послѣдствій такого прошенія. Кажется, просителя насильно удержали въ монашествѣ и поступили съ нимъ или какъ съ больнымъ, или какъ съ узникомъ [1])

---

[1]). Баккалавръ іером. *Рафаилъ* (въ мірѣ *Степанъ Дмитріевичъ Шипулинскій*) первый магистръ 3-го курса кіевской д. академіи, т. е. выпуска 1827 г., былъ родомъ изъ черниговской губерн.—Принятіе монашества послужило для него источникомъ большихъ душевныхъ страданій... Послѣ подачи прошенія вел. князю Михаилу Павловичу о снятіи монашества, онъ былъ признанъ *лишеннымъ ума* и посланъ въ заточеніе въ извѣстную ссылочную для духовенства крѣпость въ *Суздальскій Спасо-Евфиміевъ Монастырь*, Владимірской Епархіи.—Въ 1836 г., по ходатайству мѣстнаго архіерея-преосв. *Пареенія Черткова*, добросердечнаго

Къ старымъ преподавателямъ присоединились новые изъ IV курса: *Мелитонъ Переверзевъ,* бывшій *Михаилъ*, и *Яковъ Амфитеатровъ.* Мелитонъ читалъ, кажется, герменевтику, или же одинъ отдѣлъ св. писанія, а Амфитеатровъ церковное собесѣдованіе или краснорѣчіе. Первый не помню какъ читалъ, а послѣдній занимался только разборомъ проповѣдей. Не помню, чтобы онъ давалъ какія записки и чтобы мы что-либо учили по его предмету наизусть. Да и самъ онъ еще не уяснилъ себѣ тогда даже названія своего предмета. Ему не нравились слова: *церковное краснорѣчіе, церковная словесность, церковное собесѣдованіе.* Въ головѣ его носился идеалъ проповѣди, идеалъ поученія, но въ существовавшихъ тогда печатныхъ *словахъ,* или проповѣдяхъ, онъ не находилъ осуществленія этого идеала. Всѣ *слова* ему не нравились по своей вычурности, *поученія* —по недостатку искренности. Онъ удовлетворялся нѣкоторыми *словами* св. Димитрія Ростовскаго. Но тогда еще не была рѣшена задача, на сколько долженъ быть допускаемъ въ словахъ и поученіяхъ *Славянскій языкъ.* Не нравились ему тогдашніе образцы: *Массильонъ,* по его мнѣнію, *резонеръ; Филаретъ* митрополитъ московскій ..., но онемъ тогда не смѣли говорить правды. И то была большая смѣлость со стороны преподавателя, что изъ словъ епископа *Гавріила* онъ приводилъ *образцы безсмыслицы* и преднамѣренной темноты, выдавашіеся за выраженіе глубокихъ и великихъ истинъ. Амфитеатровъ тогда требовалъ въ церковныхъ словахъ простоты и приличія, и не допускалъ тѣхъ оборотовъ, которыми выражались благоговѣйный восторгъ, или сокрушеніе сердца. Въ требованіяхъ своихъ относительно формы церковнаго собесѣдованія *словъ, рѣчей* и *поученій* онъ былъ *демократомъ.*

Въ то время каждый урокъ продолжался 2 часа. Ихъ до обѣда было два, и послѣ обѣда—одинъ. И преподавателю нужно было наполнить чѣмъ-нибудь двухчасовой урокъ. Хотя онъ теръ одно и тоже, пересыпая *изъ пустого въ порожнее,* но весь обливался потомъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ благодатнаго звонка. А чтобъ ему принесть добрую книгу и читать ее—или самому, или для облегченія своей груди, всегда надорванной, заставляя это дѣлать студентовъ, обладающихъ даромъ чтенія? Правда, на

пастыря, Рафаилъ былъ освобожденъ изъ заключенія, принятъ въ число монашествующихъ архіерейскаго дома, и скоро былъ назначенъ профессоромъ богословскихъ наукъ, а затѣмъ и инспекторомъ Владимірской д. семинаріи.—О дальнѣйшей судьбѣ его мы пока не добыли свѣдѣній. Л. М.

многихъ урокахъ такъ почти и было. Отважные студенты, во время преподаванія, читали, скрывая книги за столомъ. Но этого нельзя было дѣлать на урокахъ Смарагда и Нила. Часы, занимаемые ихъ уроками, считались временемъ погибшимъ по преимуществу.

Не помню, какого автора читали Богословію; но только она была на латинскомъ языкѣ; даже и тексты Св. Писанія цитовались въ ней изъ *Вульгаты*. Вотъ вамъ русская духовная академія!..

Въ первый же годъ старшаго отдѣленія даны были темы сочиненій *на степень*. Не успѣлъ я выбрать себѣ тему, какъ митрополитъ Евгеній потребовалъ археологическихъ задачъ, предложенныхъ имъ годъ назадъ. Я уже говорилъ, какъ я похвастался митрополиту, что принялъ на себя рѣшеніе одной задачи. Вопросъ *о времени крещенія великой княгини Ольги* самъ по себѣ не важный; но, по программѣ митрополита, онъ былъ обставленъ многими другими, обнимавшими чуть-ли не всю исторію Руси до временъ Владиміра. Тутъ были вопросы о *Крымской Руси* (Тмутаракани, Суражѣ), о Юго-Западной Руси (Волынскомъ и Галицкомъ княжествахъ), Казарской (Донской) Руси, о Варягахъ преподобнаго Ѳеодосія или его рукописи, неудобной для печати (?), и о Варяжскихъ пещерахъ. Изслѣдованіе по этимъ вопросамъ привело къ неожиданнымъ догадкамъ и предположеніямъ, которыя и въ настоящее время показались бы слишкомъ смѣлыми. Ими затрогивалась достовѣрность Патерика и Несторовой лѣтописи.—По программѣ митрополита у меня было собрано множество матеріаловъ и сдѣлано множество вѣроятныхъ предположеній, счастливыхъ догадокъ, и все это сведено къ вопросу о крещеніи Ольги. Разсказы со словъ Багрянороднаго, пріемъ княгини въ Цареградскомъ дворцѣ, хожденіе ея по заламъ дворца, представленіе ей русскихъ негоціантовъ, подарки, парадный обѣдъ—съ означеніемъ кто съ кѣмъ сидѣлъ за нимъ; перечислены князья и бояре разныхъ областей и городовъ, бывшіе въ свитѣ княгини. Все это я стачалъ кое-какъ и подчинилъ вопросу о крещеніи Ольги. Сочиненіе вышло обширное... Не знаю, какъ взглянулъ на него митрополитъ, но черезъ мѣсяцъ оно было возвращено мнѣ инспекторомъ Ниломъ для переписки—съ словеснымъ отзывомъ его, что оно сшито изъ разнаго хлама, набито чушью фантастическихъ предположеній и переполнено посторонностями, вовсе не относящимися къ предмету, и что я безъ уваженія относился къ св. лѣтописцу и препод.

Ѳеодосію. Въ отвѣтъ я сослался на Шлецерова *Нестора*. Но крикъ его (инспектора) заставилъ меня молчать.--Возвратившись въ свой номеръ, я съ ужасомъ увидѣлъ, что сдѣлано съ моимъ трудомъ. Все занимательное и все, чѣмъ дорожилъ я, похерено, а въ иныхъ мѣстахъ и переиначено. Изъ большого сочиненія осталась восьмая доля. Переписывая, я рѣшился кой-что помѣстить въ сноскахъ, особенно—о пріемѣ, сдѣланомъ княгинѣ во дворцѣ. Но Нилъ опять замаралъ и требовалъ переписки. Требованіе, конечно, исполнено, но я не подписалъ подъ сочиненіемъ своего имени. Нилъ не замѣтилъ, а сочиненіе, казалось, кануло въ лету. Объ немъ не было помину ни въ теченіе курса, ни по окончаніи мною его. Я занялся сочиненіемъ *на степень*, избравъ темою его *Евангельское Царствіе* [1]).

Для темъ, предлагаемыхъ на степень, не давалось программы и не были указываемы пособія, по крайней мѣрѣ—для темы, избранной мною. Другое дѣло—для темы, предложенной митрополитомъ Евгеніемъ *о Духоборцахъ*... Студенту *Новицкому* [2]), который принялъ эту тему, данъ былъ цѣлый ворохъ рукописей.

И безъ того направленіе критическое развито было во мнѣ въ достаточной степени, а тутъ попались мнѣ изъ библіотеки двѣ книжки: въ одной—проводился взглядъ на исторію человѣчества, какъ на раскрытіе Царствія Божія,—это сочиненіе лютеранское; въ другой—излагались *Евангельскія древности*. Разсуждая о царствіи Божіемъ, о царствіи Небесномъ, какъ преимущественномъ ученіи Іисуса Христа, я нашелъ, что Господь, прежде

---

1) Сочиненіе автора *о времени крещенія Ольги* было напечатано уже въ 1832 г.—въ ректорство *Иннокентія*—въ первомъ томѣ сборника подъ заглавіемъ; „Опыты упражненій воспитанниковъ кіевской д. академіи пятаго учебнаго курса“. Премія въ 100 р. с. была отослана автору, когда онъ уже былъ на службѣ въ Херсонѣ, о чемъ онъ будетъ говорить ниже--въ своей *автобіографіи*.—Ректоръ Смарагдъ, переведенный на ректорство въ с.-петербургскую д. академію, писалъ оттуда митроп. Евгенію, между прочимъ: „Здѣсь весьма хвалятъ разсужденіе *о времени крещенія Ольги*, котораго впрочемъ я еще не имѣю“ (см. „Письма архіеп. Смарагда къ М. Евгенію и архіеписк. Иннокентію“ въ „Рязанскихъ Епарх. Вѣдом.“ 1885 г., сообщ. *Н. И. Барсова*).—Авторъ „исторіи кіевской духовной академіи“ (Спб., 1863 г.), *Викт. Ипат. Аскоченскій*, такъ отзывается о сочиненіи Н. И. Соколова: „Вопросъ, слегка затронутый св. Димитріемъ Ростовскимъ, занимавшій Евгенія Булгара, Тунмана“, Шлецера, Круга и Геснера, рѣшенъ былъ окончательно, при руководствѣ такого знаменитаго историко-археолога, какимъ былъ митрополитъ Евгеній“ (стран. 137-я).—Л. М.

1) Студентъ *Орестъ Марковичъ Новицкій*, товарищъ автора,—въ послѣдствіи извѣстный профессоръ философіи въ университетѣ Св. Владиміра.—Л. М.

чѣмъ предложить новое ученіе о своей церкви, старался поправить грубыя и узкія понятія іудеевъ объ ожидаемомъ царствѣ Мессіи, и потому долженъ былъ говорить современнымъ языкомъ, употребляя не только современныя выраженія и метафоры, но и тѣ образы, въ коихъ привыкли Іудеи представлять себѣ ожидаемыя событія въ царствѣ Мессіи. Такимъ образомъ у меня вышло, что многія мѣста Евангелія слѣдовало понимать уже иначе, тогда какъ на нихъ основаны нѣкоторые пункты нашей догматики. Это мое сочиненіе въ свое время послано было въ комиссію духовныхъ училищъ—съ опасеніемъ, но объ этомъ скажу послѣ.

Въ послѣднемъ году моего пребыванія въ академіи послѣдовала перемѣна въ главномъ начальствѣ. Вмѣсто ректора Смарагда поступилъ *Иннокентій Борисовъ,* вмѣсто инспектора Нила—*Іеремія Соловьевъ.* Борисовъ былъ мнѣ извѣстенъ по семинаріи, а прочимъ студентамъ—по *Христіанскому Чтенію,* единственному тогда духовному журналу, гдѣ онъ, будучи инспекторомъ петербургской дух. академіи, помѣщалъ свои проповѣди и свои статьи подъ заглавіемъ: „*Послѣдніе дни жизни Спасителя*“. Это не были тѣ „Послѣдніе дни жизни Спасителя“, которые онъ приготовилъ къ изданію въ Одессѣ—въ послѣдніе дни собственной своей жизни и, сдавши въ типографію, не успѣлъ видѣть ихъ въ печати, а завѣщалъ херсонскому духовному попечительству [1]). И въ этой его послѣдней редакціи мнѣ не нравилось отношеніе автора къ Сыну Божію, какъ лицу политическому. А въ той первоначальной редакціи, какая печаталась въ *Христ. Чтеніи,* Иннокентій позволялъ себѣ слишкомъ большія вольности; но на тогдашнемъ безрыбьи духовной литературы, это сочиненіе Иннокентія, по ясности и живости слога, очень нравилось публикѣ. Старики архіереи покачивали головою, а московскій Филаретъ сильно протестовалъ, но только на словахъ, потому что журналъ издавался подъ покровительствомъ с.-петербургскаго митрополита *Серафима* [2]). Инокентій вообще отличался тогда новыми взгля-

---

1) Объ этомъ авторъ подробнѣе говоритъ въ своихъ *запискахъ*—ниже. Л. М.

2) Знаменитое сочиненіе Иннокентія „Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа“ испытало много превратностей.. Тѣ книжки „Христіанскаго Чтенія“, гдѣ оно помѣщалось, были послѣ запрещены. - Въ 40-хъ годахъ, будучи уже архіепископомъ,—Иннокентій хотѣлъ издать отдѣльно это свое сочиненіе, которое въ духовныхъ кругахъ извѣстно было подъ именемъ *Голгофы.* Но духовная цензура воспрепятствовала этому. „Голгофа“,—писалъ Иннокентію одинъ его пріятель изъ С.-Петербурга, протоіерей Кочетовъ,—*для собственной безопасности и для*

дами. Такъ въ проповѣди на Троицынъ день, длинномъ трактатѣ, который едва ли могъ вынести народъ въ Казанскомъ соборѣ, интересуясь по обычаю больше вечернею и колѣнопреклоненіемъ;—въ этой проповѣди Иннокентій проводилъ мысль, что времена апостольскія были *дѣтскими временами* церкви, что дары языковъ и исцѣленій были низшими дарами Св. Духа, что настоящее состояніе церкви выше и многоплоднѣе — и проч. и проч. [1]).

Когда сталъ читать лекціи послѣ Смарагда Иннокентій, то онъ до того увлекъ насъ, что мы находили его несравненнымъ. Онъ не сновалъ, подобно прочимъ, по классу, а читалъ съ каѳедры. Онъ былъ молодой архимандритъ, съ прекрасными волосами, почти бѣлокурыми, и недлинною окладистою бородою, съ большими свѣтлыми глазами. Когда онъ говорилъ, лицо его оживлялось. Онъ читалъ намъ *Религіозистику*, т. е. какова должна быть религія и удовлетворяетъ ли требованіямъ идеальной религіи вѣра христіанская. Въ этотъ предметъ входилъ и разборъ другихъ религій. Въ этомъ году Иннокентій мало говорилъ проповѣдей, или, можетъ быть, я забылъ объ этомъ. Осталось только впечатлѣніе, какое произвелъ онъ на меня словомъ предъ Плащаницею, начинавшимся стихомъ: *Да молчитъ всякая плоть человѣча*.—Лекцій онъ не выдавалъ, но ихъ со словъ его списывали и собщали другимъ; ихъ мы не сдавали на экзаменѣ. А къ послѣднему экзамену онъ заставилъ насъ сдавать богословіе по Филаретову катехизису,—должно быть въ угоду автору; программу этого катихизиса онъ, кажется, представлялъ и въ тогдашнюю комиссію духовныхъ училищъ.

предотвращенія всякихъ недобрыхъ толковъ и перетолковъ, шума, гама и тревогъ, скоро возвратится въ свой кабинетъ" (т. е. будетъ возвращена автору). И только, въ началѣ 50-хъ гг., засѣдая самъ въ св. Синодѣ,—Иннокентій выхлопоталъ разрѣшеніе издать отдѣльно свое сочиненіе, сдѣлавши въ немъ нѣкоторыя исправленія.—Къ сожалѣнію, смерть помѣшала Иннокентію издать уже совсѣмъ приготовленное къ печати сочиненіе это, — и только послѣ смерти автора *Голгофа* явилась на свѣтъ Божій—въ отдѣльномъ изданіи,—въ Одессѣ.—Л. М.

[1]) Объ этой проповѣди Иннокентія вотъ что писалъ къ нему архіепископъ ярославскій *Филаретъ Амфитеатровъ*, впосл. митрополитъ кіевскій: „...слово ваше въ день Сошествія Св. Духа—изъ темы: *„бѣ присно, есть и будетъ"*, требуетъ исправленія. *Нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что съ продолженіемъ времени церковь Христова приходитъ въ большее совершенство.* Это значило бы дѣло Божіе смѣшивать съ дѣлами человѣческими"... (См. *„Письма Филарета Амф. къ Иннокентію Борисову"* въ „Трудахъ Кіевской Академіи 1884 г.)—Л. М.

Иннокентій замѣтно рисовался предъ нами, но многіе ли изъ насъ стоили того? Онъ выписывалъ нѣмецкія и французскія книги и давалъ студентамъ переводить отъ листа, платя за листъ съ французскаго по 1 рублю, а съ нѣмецкаго—по 1 р. 50 к.; и мнѣ пришлось заработать рублей пять.

Кто жъ такой былъ новый инспекторъ *Іеремія?* Это *Родивонъ Ивановичъ Соловьевъ*, учитель Сѣвскаго духовнаго училища, товарищъ Борисова по сѣвской семинаріи, высокаго росту, тощій, вспыльчивый, но вмѣстѣ самый добрѣйшій человѣкъ. Его, также какъ и вышеупомянутаго мною Доброхотова, тянулъ въ академію Борисовъ. Но онъ не хотѣлъ и долго оставался учителемъ въ Сѣвскѣ. Съ нимъ случилось то же, что и съ Доброхотовымъ. Тоже ему было отказано епископомъ Гавріиломъ въ мѣстѣ, а тутъ невѣста его вышла за другого. Что-то было похожее на это. Родивонъ Ивановичъ пошелъ въ монастырь,—кажется въ Софоніеву пустынь, черниговской губерн., и не принимая сана іеромонаха, рѣшился навсегда остаться *послушникомъ*. Онъ захотѣлъ подвизаться въ хлѣбнѣ. Услышалъ объ этомъ Иннокентій, тогда уже инспекторъ С.-Петербургской д. академіи, началъ бомбардировать его письмами. Но послушникъ рѣдко отвѣчалъ ему. Однажды онъ изъ одного отвѣта послушника замѣтилъ, что этотъ послѣдній *отказался отъ своей воли*, отдавъ ее духовнику и настоятелю. Послѣдовалъ указъ Св. Синода, возлагавшій на послушника Іеремію, черезъ духовника его, *послушаніе*—слушать богословскія лекціи въ С.-Петербургской д. академіи. Послушникъ повиновался, прибылъ въ С.-Петербургъ и сталъ неопустительно ходить въ классы высшаго отдѣленія академіи. По окончаніи курса, онъ не принялъ ученой степени [1]); но его уговорили принять законоучительство въ кадетскомъ корпусѣ съ принятіемъ сана священника-іеромонаха и этимъ отслужить за свое содержаніе въ Академіи. Среда военно-учебныхъ заведеній такъ подѣйствовала на отшельника, что, когда Иннокентій назначенъ былъ ректоромъ кіевской академіи и просилъ, чтобы дали ему инспекторомъ Іеремію, этотъ не протестовалъ и даже принялъ санъ архимандрита. Не помню, чтобы Іеремія препо-

(2) По этому въ спискѣ воспитанниковъ 7-го курса С.-Петербугской д. Академіи (выпуска 1827 г) Іеремія поставленъ *самымъ послѣднимъ* подъ № 51-мъ и значится тамъ: *„Іеродіаконъ Іеремія Соловьевъ“*.—См. Ил. А. *Чистовича*: „Исторія С.-Петербургской д. Академіи“ (С.-П.-Б., 1857 г.)—стран. 446-я.—Л. М.

давалъ что-либо въ академіи; кажется, онъ былъ только инспекторомъ.

Предъ прибытіемъ Иннокентія и Іереміи я провелъ каникулы 1830 года въ купаньи въ Днѣпрѣ, въ чтеніи книгъ изъ Академической библіотеки, какія относились къ избранной мною курсовой задачѣ, а также и въ экскурсіяхъ археологическихъ. Такъ, съ Максимовичемъ и Спасскимъ я вылазилъ всѣ закоулки Кіево-Софійскаго Собора; къ этому поводомъ послужилъ трактатъ митроп. Евгенія о Софійскомъ соборѣ; ходилъ по Лаврскимъ пещерамъ уже не какъ богомолецъ, а какъ туристъ и археологъ; не разъ подходилъ къ Варяжскимъ пещерамъ и находилъ ихъ закладенными кирпичемъ. Свиньинъ посѣщалъ и эти пещеры, какъ я передъ этимъ прочелъ въ его „Отечественныхъ запискахъ", и вынесъ оттуда только конскую сбрую. Еще тогда у меня заронилась мысль: всѣ вообще кіевскія пещеры не есть ли работа просвѣщенныхъ народовъ, жившихъ въ Кіевѣ? Тогда я еще не зналъ о катакомбахъ римскихъ и пещерахъ крымскихъ. Ужъ не Иларіонъ же и препод. Θеодосій строили такіе искусные ходы и подземные храмы. Это работа инженеровъ.

Въ эти же каникулы инспекторъ Нилъ былъ столько добръ, что разрѣшилъ намъ сдѣлать экскурсію въ Вышгородъ, чтобы видѣть тотъ колодезь, въ которомъ или на половинѣ его, по преданію, сокрыты были мощи Бориса и Глѣба во время нашествія татаръ. Мы видѣли этотъ колодезь и ночевали у священника Вышгородской церкви. Утромъ отправились въ Межигорье, отстоящее отъ Вышгорода на 6 верстъ дальше по Днѣпру. Тамъ видѣли ручей, вытекающій изъ угла двухъ горъ, вода котораго такъ понравилась Екатеринѣ II. Ручьемъ этимъ воспользовались, чтобы сдѣлать на немъ водяную мельницу. Огромнѣйшее колесо, принимая воды малаго ручья на одну сторону свою, отъ тяжести этой воды движется и приводитъ въ движеніе жерновъ. Въ Межигорьи была тогда фаянсовая фабрика. Мы видѣли самый процессъ работы; но, какъ невѣжды въ химіи, не совсѣмъ поняли его. Тамъ была церковь. Священникъ *Левандовскій* радушно принялъ насъ, угостилъ обѣдомъ и вечернимъ чаемъ. Все семейство—отецъ, мать и двѣ дочери—далеко провожали насъ на гору и пѣли при этомъ малорусскія пѣсни, а также нѣкоторыя образцы польскихъ колендныхъ пѣсенъ. Въ памяти у меня остался только голосъ и немногія слова одной изъ послѣднихъ пѣсней: „Іезусови

Христусови, Пану Богу Нашему". [1]) Но все удовольствіе испортилъ увязавшійся съ нами студентъ *Семенъ Иларіоновичъ Липинскій* [2]). Этотъ свинья до того упился, что едва могъ итти,—и мы краснѣли за него.

Всѣ эти каникулы Нилъ былъ такъ добръ, что позволилъ Максимовичу, мнѣ и Спасскому пойти въ театръ. Видно, онъ получилъ извѣстіе о переводѣ его изъ академіи на должность ректора семинаріи. Тогда прибыла въ Кіевъ труппа актеровъ изъ Харькова. Максимовичъ былъ ходатаемъ за насъ; онъ объяснялъ наше желаніе видѣть сценическое представленіе тѣмъ, что никогда мы не были въ театрѣ и что считаемъ для себя нужнымъ имѣть о немъ понятіе. Играли *Богемскихъ разбойниковъ*. Я былъ пораженъ сценою...

Странный обычай былъ въ академіи: студентъ, сказавшій проповѣдь по назначенію, долженъ былъ тотчасъ послѣ обѣдни ставить всему старшему отдѣленію четверть водки; пили изъ плошки или стаканчика отъ иллюминаціи и закусывали хлѣбомъ. Неимѣющій денегъ долженъ былъ продавать казенную рубаху. Я и безъ того продавалъ по одной рубашкѣ въ годъ, потому что отъ отца получалъ не болѣе 5 рубл. сер. въ годъ, а продажную замѣнялъ домашнею. Воспитаннику выдавалось по три рубахи и по три подштанниковъ отличнаго холста, двое сапогъ и одни головки, двое панталонъ—суконные на два года и нанковыя на одинъ годъ, жилетъ изъ бѣлаго тика и чорный шолковый галстукъ тоже на два года, шинель на четыре года; картузъ и

---

[1]) Это была, очевидно, древняя и популярная польская колядка, начинающаяся такъ:

W żłobie leże, —
Kto ż pobieże
Kolędować małemu,
Jezusowi Chrystusowi,
Dziś nam narodzonemu?
Pastuszkowie przybiegajcie.
Jemu wdzięcznie przygrawajcie —
Jako Panu naszemu. —

Въ Юго-Западной Руси, гдѣ малороссы жили и живутъ обокъ съ поляками, нѣкоторыя польскія колядки, наиболѣе старыя и популярныя, извѣстны были и среди малороссовъ, и распѣвались иногда особенно въ семействахъ духовенства.—Въ старинныхъ рукописныхъ сборничкахъ малорусскихъ колядокъ непремѣнно попадаются и польскія колядки.—Л. М.

[2]) Товарищъ автора—изъ курской губерніи.—Л. М.

шляпа—не помню на какое время [1]). Носковъ, перчатокъ и носовыхъ платковъ не полагалось; не помню, были ль полотенцы.—Въ столовой посуда была оловяная, тарелки каменныя, ложки деревянныя.

Пища въ академіи, для меня, не изнѣженнаго по началу, казалась роскошною. Въ скоромные дни—борщъ съ говядиной и каша съ масломъ коровьимъ, или вмѣсто каши жаркое съ подливкою изъ сливъ. Въ праздничные дни—три кушанья: борщъ, соусъ и каша. Хлѣбъ былъ по обычаю ржаной, но всегда хорошей муки и выпеченный; квасъ заварной или спускной. Десерту и салаты, кажется, никогда не было.—Завтракомъ и полудникомъ служилъ ржаной хлѣбъ съ солью. Чаю не знали; но многіе имѣли свой, а я—самоизобрѣтенный 1-й—изъ липоваго цвѣта; 2-й—изъ буковицы и ягодника и 3-й—лѣкарственный, изъ деревея. Я былъ изъ бѣдныхъ: болѣе 5 рубл. не получалъ отъ отца.

Однажды, въ 4 года, на святкахъ, кажется, на Новый годъ, при посѣщеніи столовой митрополитомъ Евгеніемъ, было поставлено на столъ пиво, но въ такихъ же поливенныхъ кувшинахъ, въ какихъ подавали квасъ. Я первый попробовалъ — чувствую: *пиво!* Я тихонько сказалъ сосѣду, и тогда только открыли другимъ, когда въ ближайшемъ кувшинѣ не много осталось. И до сихъ поръ осталось неизвѣстнымъ, кто это распорядился и почему предварительно не было сказано студентамъ.—

Критицизмъ овладѣлъ не однимъ мною, но и многими мыслящими студентами. Мы вѣровали въ догматы христіанской вѣры, но слишкомъ вольно относились къ заповѣдямъ церковнымъ. Вотъ случай, который можетъ характеризовать направленіе, господствовавшее между воздержными и нравственными студентами. На страстной недѣлѣ говѣли; въ четвергъ благоговѣйно причастились. Вечеромъ начались *страсти*, или чтеніе 12 страстныхъ Евангелій. Насталъ Великій Пятокъ. До выноса Плащаницы, студенты, имѣвшіе деньги, заготовляли себѣ на недѣлю Пасхи, что кому нравилось: иной запасался масломъ коровьимъ и ветчиной, другіе чаемъ и сахаромъ и кизляркой для пунша, а иные обзаводились штофиками водки и колбасами. Вотъ послѣ Плащаницы я пошелъ въ 3-й номеръ стараго корпуса такъ, отъ нечего дѣлать. Гляжу—двери на крючкѣ. Я стучу, меня не

---

[1]) Авторъ пропустилъ въ числѣ выдававшейся студентамъ казенной одежи—*сюртуки.*—Въ концѣ курса выдавался форменный *фракъ.*—Л. М.

пускаютъ, спрашивая: кто?—Я отозвался—и меня впустили. Когда я вошелъ къ любимымъ мною полтавцамъ, они пили водку и закусывали колбасой. Я сконфузился и покраснѣлъ. Но меня тотчасъ вывели изъ замѣшательства. Наливъ рюмку, спрашиваютъ: хочешь?—Пожалуй! А хорошая?—Попробуй!—Я выпилъ и хотѣлъ этимъ только отдѣлаться: но мнѣ предложили колбасы. Не принять—было бы обидно для нихъ. Чтожъ? Я принялъ кусокъ небольшой и съѣлъ, говоря,—что „я болѣе люблю ветчину, чѣмъ колбасу; на моей родинѣ рѣдко готовятъ колбасу". Не тутъ-то было.—„А вотъ отрѣжь кусокъ отъ окорока",—говорятъ мнѣ; но я отказался, сказавъ: „слишкомъ жирный!"—Вотъ вамъ и будущіе охранители православія!

Приближался выпускъ. Я подалъ курсовое сочиненіе. Оно было прочитано какимъ-то баккалавромъ. Но инспекторъ замѣтилъ, что его опасно посылать въ Синодъ; въ немъ проведенъ слишкомъ смѣлый взглядъ на происхожденіе Евангельской рѣчи (sic). Объ этомъ извѣстилъ меня баккалавръ Амфитеатровъ. Я спѣшилъ поправить дѣло. Взялъ новую тему: „О формахъ и характерѣ русской церковной проповѣди до Петра I", и у меня написалась исторія древней церковной литературы, тогда еще не существовавшая въ Россіи. Началъ я съ Кирилла Туровскаго, съ Лѣтописей, черезъ Нила Сорскаго перешелъ къ послѣдующимъ іерархамъ и настоятелямъ монастырей. Не упустилъ ничего, что теперь пишутъ объ этомъ предметѣ.—Приближаются конференціи. Я упросилъ студента низшаго отдѣленія—земляка *Якова Ѳедоровича Александрова* переписать приготовленное мною сочиненіе и успѣлъ представить его ректору Иннокентію наканунѣ конференціи. Но это не помогло. Я не удостоенъ даже *старшаго кандидата*, слѣдовательно лишенъ даже права когда-либо имѣть степень магистра. Разсужденіе о Евангельскомъ царствіи ходило въ Синодъ и возвращено мнѣ безъ всякаго признака, что оно кѣмъ-либо было читано. Жаль, что послѣ оно къ несчастью затерялось у *Левицкаго*, теперь протоіерея въ г. Симферополѣ, при лазаретной церкви.—Этой моей неудачѣ со степенью много способствовали три обстоятельства: 1) Въ нашемъ, *пятомъ*, курсѣ было двое родственниковъ профессоровъ,—оба они получили магистра; было два монаха неучившихся [1],—имъ дали старшаго кандидата. 2) Я не могъ не остаться незамѣченнымъ у самого

---

[1]) *„Неучившихся"* т. е. не особенно усердно изучавшихъ академическія науки, пользуясь привилегіею монастырскаго званія.—Л. М.

Ректора. Однажды до того была худа говядина, что вызвала ропотъ студентовъ. Экономъ объяснялъ это неимѣніемъ лучшей въ мясныхъ лавкахъ. Иннокентій представилъ кому-либо изъ студентовъ выбрать лучшую говядину. Тѣ, которые были поумнѣй, отказались незнаніемъ толку въ этомъ припасѣ. Я не хотѣлъ подличать и сказалъ: „выборъ хорошей говядины—дѣло очень простое". Товарищи подбили меня пойти въ лавки. Я взялъ свѣжую и перваго сорта. Всѣ изумились перемѣнѣ борща и жаркого. Столъ былъ отличный. Послѣ этого и экономъ бралъ вмѣсто третьяго сорта первый. Но опять не надолго. 3] *Яковъ Козьмичъ Амфитеатровъ* не имѣлъ запоя, но весь день пилъ черезъ часъ по малой рюмочкѣ; безъ чего немогъ работать головою. И чтожъ? Черезъ недѣлю или двѣ всегда онъ впадалъ въ тоску. Онъ старался разогнать тоску уже частымъ пріемомъ рюмочки. Вотъ тутъ-то давали мнѣ знать, и я спѣшилъ къ нему на помощь. Я старался удерживать его,—онъ ругался и метался отъ тоски. Я просилъ служителя на это время скрыться и отпаивалъ Якова Козьмича чаемъ; а настанетъ ночь,—я разваживалъ его по академическому двору. Какъ ни старался скрыть я свои ночныя хожденія съ больнымъ по тротуарамъ; но онѣ доходили и до начальства. Нѣкоторые мою помощь объясняли участіемъ въ его пьянствѣ, [1]]

Въ теченіе 4-хлѣтняго пребыванія моего въ академіи, отечество участвовало въ Наваринской битвѣ, вело войну съ Персіей, съ Турціей, боролось съ польскимъ бунтомъ и холерою. Студенты принимали живое участіе въ этихъ событіяхъ, насколько онѣ извѣстны становились изъ газетъ.

Истребленіе турецкаго флота при Наваринѣ, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ участвовали и корабли другихъ державъ, не казалось

---

1) Авторъ коснулся причинъ, которыя попрепятствовали ему получить степень *магистра богословія,* во первыхъ—потому, что самъ сознавалъ себя заслуживавшимъ этой степени—въ сравненіи съ нѣкоторыми своими товарищами, получившими ее; а во вторыхъ—также, вѣроятно, въ виду недоумѣнія своихъ впослѣдствіи сослуживцевъ и знакомыхъ, которые удивлялись его уму и образованности и между тѣмъ видѣли его только со степенью младшаго кандидата. Такъ, отъ одного стараго одессита мы слышали такой анекдотъ; „разъ въ гостяхъ—среди духовнаго общества—одесскій протоіерей *Іоаннъ Знаменскій* (*магистръ* московской д. академіи) спросилъ протоіерея Н. И. Соколова (автора сихъ *записокъ*): „почему Вы—такой умный человѣкъ, а состоите только *кандидатомъ*?"—Да, потому,—отвѣчалъ онъ, что если бы Вы учились съ нами,—то врядъ ли были бы *магистромъ*."—Л. М.

тогда важнымъ событіемъ и никто тогда не входилъ, какъ оно подготовилось и какія имѣло послѣдствія. Повторялось имя вице-адмирала *Спиридова*, какъ героя въ этомъ морскомъ сраженіи, и появились изъ Франціи матеріи *наваринскаго дыма* года два бывшія въ модѣ. [1]

Въ персидской войнѣ красовалось имя *Паскевича*. Но одинъ подвигъ генерала *Красовскаго* пріобрѣлъ тогда симпатію къ герою. Наша бригада или полкъ подъ командою Красовскаго, въ знойное время, по пескамъ, должна была поспѣшить къ г. Армянскому монастырю. Разстояніе было 20 верстъ, дорога шла между горами. Персы окружили бригаду съ обѣихъ сторонъ и расположились по горамъ. Отрядъ нашъ долженъ былъ итти подъ сильнымъ огнемъ непріятелей. Но командиръ не растерялся. Отражая нападеніе, онъ продолжалъ итти впередъ, поставивъ обозъ въ средину. Въ одномъ мѣстѣ подбитъ былъ или сломался лафетъ. Думали бросить пушку. Но Красовскій бросился къ пушкѣ и закричалъ: „Ребята! Спасите пушку!“,—и солдаты утомленные, изнемогающіе отъ жажды и жары и песчаной дороги, хриплымъ голосомъ заревѣли: *ура!*—и пушка спасена.—Не доходя немного до монастыря протекалъ ручей. Солдаты бросились къ ручью и, не слушая команды, припали къ водѣ. Отъ излишняго употребленія холодной воды, вдругъ ослабѣли: многихъ спасли, а многіе были побиты Персами. Когда достигли монастыря, всѣ бросились на землю подъ стѣнами его. Стѣны были вооружены пушками, и Персы оставили въ покоѣ отрядъ.

Изъ турецкой войны, изъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ одинъ эпизодъ принятъ былъ студентами съ восторгомъ. Это—*взятіе Ахалцыха* Ширванскимъ полкомъ безъ выстрѣла со стороны полка. Полкъ двинулся противъ крѣпости съ залихватскою пѣснію. Крѣпость молчала. Но когда пѣлся стихъ пѣсни. *Выгоняли животину на попову десятину,* раздался залпъ изъ всѣхъ крѣпостныхъ пушекъ. Командиръ полка Бурцевъ скомандовалъ: *ружья на перевѣсъ*— скорымъ шагомъ маршъ! Въ это мгновеніе ядро попало ему въ ротъ—и голова разлетѣлась. Тогда по всѣмъ шеренгамъ послѣдовала команда: „Сомкнись-ура!“ Полкъ, не давъ ни одного выстрѣла, въ нѣсколько минутъ очутился на стѣнахъ

---

[1]) Эту матерію увѣковѣчилъ Гоголь, описывая фракъ одного изъ главныхъ героевъ „Мертвыхъ душъ“, именно знаменитаго Павла Ивановича Чичикова. Фракъ этотъ былъ не изъ какой иной матеріи, а именно изъ сукна цвѣта „наваринскаго дыма—съ пламенемъ“.—Л. М.

крѣпости, и крѣпость пала. Дѣйствовали только холоднымъ оружіемъ.

Всѣ студенты русскихъ губерній старались припомнить голосъ вышеупомянутой пѣсни; но по стиху, взятому изъ середины, никто не могъ припомнить. И я, знатокъ великороссійскихъ пѣсенъ, никакъ не могъ привести на память ни начала, ни конца той пѣсни. Легли спать. Перебирая голоса веселыхъ пѣсенъ и начальные стихи ихъ, наконецъ я вспомнилъ и пѣсню и голосъ. Вотъ она:

Солнце на закатѣ,
Время на утратѣ!
Ну-тко, дѣвки, на лужокъ,
Гдѣ муравка и цвѣтокъ,
Гдѣ мы съ вечера рѣзвились,
Въ хороводѣ веселились,
Пригоняли животину
На попову десятину!

А вотъ и голосъ пѣсни.... [1]).

Я не утерпѣлъ, чтобы не запѣть, и, лежа въ постели, заоралъ. Оказалось, что и другіе еще не спали и, можетъ быть, думали о томъ же; они подхватили и, соскочивъ съ постели, начали горланить. Вдругъ бѣгутъ изъ сосѣдняго номера и присоединяются къ нашему хору. Дошло до того, что и всѣ собрались. Нашлись и плясуны. Старшіе въ номерахъ едва могли уговорить, опасаясь, чтобы не услышалъ инспекторъ. Однако инспекторъ слышалъ и на другой день вечеромъ, при обычномъ визитѣ къ инспектору, старшіе объяснили ему дѣло. Инспекторъ совершенно успокоился.

Съ театра войны на Балканскомъ полуостровѣ доходили непріятные слухи; войска гибли не отъ оружія, а отъ болѣзней. Брали крѣпости, обложили и *Варну*. Приводили много плѣнныхъ турокъ; болѣе 1000 стояло ихъ въ Кіевѣ—лагеремъ. Мы ходили къ нимъ; подмѣчали нѣкоторыя слова; но у меня въ памяти до сихъ поръ осталось не много, только: *Саламъ лехи*—миръ тебѣ;

---

[1]) Авторъ сообщаетъ и *ноты,* какъ пѣлась эта народная великорусская пѣсня, которая и теперь всегда почти фигурируетъ въ извѣстныхъ дешевыхъ *пѣсенникахъ,* выходящихъ изъ московскихъ типографій. Л. М.

ямимъ (или имимъ) хорошо [1]). Любопытно было смотрѣть, какъ плѣнные боролись между собою. Оба противника снимали чалмы, скидали рубашки, оставались въ однихъ шароварахъ, и схвативъ другъ друга за плечи и упершись головами, неподвижно стояли какъ быки, пока одинъ не перетягивалъ другого и не бросалъ на землю. Что то напоминало олимпійскихъ борцовъ. Если такъ боролись олимпійскіе герои, то сцена была безобразная.

Во время войны съ турками посѣтилъ Кіевъ Императоръ Николай Павловичъ [2]). Я хотѣлъ его видѣть и во-время поспѣлъ въ Печерскую лавру. Здѣсь ожидалъ его митрополитъ Евгеній съ ликомъ монашескимъ; не помню, чтобы тутъ былъ кто-либо изъ бѣлаго духовенства. Отъ св. воротъ до самой соборной церкви по обѣ стороны тротуара были протянуты веревки. Я помѣстился вблизи самой веревки на половинѣ пути. Я ожидалъ видѣть въ государѣ человѣка высокаго, но согнутаго и худощаваго, какъ мнѣ изображали его въ Мценскѣ—съ разсказа о немъ депутатовъ, хлопотавшихъ за рѣзную икону Николая Чудотворца. Каково-жъ было мое изумленіе! Я увидѣлъ великана—плечистаго, съ широкою грудью, державшагося прямо. Когда этотъ величественный императоръ поровнялся со мною, я оказался вровень съ его широкими бедрами. Я затрепеталъ и не могъ взглянуть на его лице. Когда онъ прошелъ, я замѣтилъ, что онъ цѣлою головою возвышается между генералами довольно большого росту, а одинъ изъ нихъ былъ даже высокаго росту. На возвратномъ пути изъ собора я лучше разсмотрѣлъ его. Лицо его—продолговатое, чело—возвышенное, глаза—большіе, голубые. Когда онъ миновалъ меня, я успѣлъ выбѣжать изъ лавры другимъ ходомъ и забѣжалъ далеко впередъ, чтобы еще видѣть его въ экипажѣ. Не могу объяснить, почему дорожніе экипажи его оставались за рѣкою. Государь сѣлъ на первыя дрожки, какіе попались ему. Когда отъѣхалъ онъ саженъ 200, рессора обломилась. Государь соскочилъ на всемъ бѣгу. Тутъ полиціймейстеръ, ѣхавшій за нимъ верхомъ, остановилъ проѣзжавшую коляску, у которой будка и передъ соединялись и представляли родъ кареты. Оказалось—экипажъ биткомъ былъ набитъ дамами и дѣвицами.

---

[1]) Эти *плѣнные турки* работали при возведеніи укрѣпленій нынѣшней кіевской крѣпости. См. статью *Н. К. Шильдера*: „Императоръ Николай I и восточный вопросъ"—*Русская Старина*—1901 г. мартъ стран. 513.

[2]) Это, описываемое авторомъ, посѣщеніе Кіева Императоромъ Николаемъ I происходило отъ 23 по 26 число м. іюня 1829 года.—Л. М.

Пока онѣ вылѣзали, государь стоялъ на разстояніи 4-хъ саженъ. Потомъ, подошедши къ нимъ, что-то говорилъ,—должно быть—въ извиненіе и бралъ каждую особу за руку. Онѣ краснѣли и блѣднѣли. Государь сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ на квартиру. Онъ остановился на Печерскѣ, въ одноэтажномъ домѣ, о 9-ти окнахъ съ воротами, большимъ дворомъ и позади двора садомъ. Вмѣстѣ съ толпою я очутился противъ оконъ. Черезъ нѣсколько минутъ раздался голосъ въ комнатахъ дома: „человѣкъ! окна затвори!“ громкій и звучный голосъ до сихъ поръ стоитъ въ моей памяти.—Находясь въ толпѣ, я не замѣтилъ, что правая рука моя лежитъ на полныхъ и бѣлыхъ плечахъ дѣвицы, въ платье декольте. Должно быть рука дрогнула, что дѣвица оглянулась—съ выраженіемъ неудовольствія. Я отдернулъ руку, извинился натискомъ толпы, покраснѣвъ до ушей, и отодвинулся на шагъ. Мнѣ чрезвычайно стыдно стало. Мнѣ казалось, что это замѣчено окружавшими. Я стоялъ неподвижно, вперивъ взоры на затворенныя окна дома. Я рѣшился взглянуть на дѣвицу и глаза мои встрѣтились съ ея глазами. Она спокойно смотрѣла на меня и, какъ замѣтилъ я, занималась мною. Одежда моя, какъ студента, давала ей знать, кто я. Но я не выдержалъ и отошелъ на другую сторону толпы, къ воротамъ.—Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ сего раздается крикъ ямщика: „Пади!“, раздвигается толпа, къ воротамъ подлетаетъ тройка. Лошади въ мылѣ и шатались. Съ телѣги соскакиваетъ офицеръ весь въ пыли и грязи, эполетъ не видно, такъ какъ тогда они были висячіе. На встрѣчу ему выбѣжали придворные и военные изъ царской свиты. Ведутъ къ государю. Чрезъ 10 минутъ возвращается пріѣзжій,—и его обнимаютъ и цѣлуютъ военные и штатскіе. Кто бы это былъ такой? и за что цѣлуютъ его, пыльнаго и грязнаго?—Чрезъ четверть часа узнаемъ: это—курьеръ изъ дѣйствующей арміи, съ ключами крѣпости Силистріи. Нѣсколько оконъ растворилось въ квартирѣ государя. Выбѣжалъ военный и, согнувшись, пробѣжалъ по толпѣ съ крикомъ: *ура!* За нимъ грянула толпа, которой до сихъ поръ запрещено было привѣтствовать государя этимъ крикомъ, даже при подъѣздѣ его къ Лаврѣ [1]).

На другой день праздновано было взятіе крѣпости Силистріи. На валахъ стараго Кіева (тогда эта часть города была об-

---

[1]) Это извѣстіе изъ дѣйствующей арміи о взятіи крѣпости Силистріи получено было въ Кіевѣ 25 іюня—въ день рожденія Императора Николая Павловича,—См. въ указанной статьѣ Шильдера—стр. 513.

несена крѣпостнымъ валомъ, а на мѣстѣ *Крещатицкой* улицы былъ лугъ, на которомъ паслись коровы; за *Золотыми Воротами* стлалась покатистая равнина съ зеленою муравою; она оканчивалась ручьемъ *Лыбедью*; за Лыбедью—тоже равнина, оканчивалась митрополичьею рощею)—появились пушки, изъ которыхъ данъ былъ 101 выстрѣлъ. Государь шествовалъ въ Софійскій соборъ во всемъ парадѣ, встрѣченный духовенствомъ у св. воротъ, какъ и въ Лаврѣ; только тамъ онъ былъ въ военномъ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы. Народъ стоялъ по обѣимъ сторонамъ тротуара, какъ и въ Лаврѣ, только теперь явился въ праздничномъ платьѣ. Теперь я любовался своимъ царемъ. Мнѣ казалось—въ цѣлой Россіи нѣтъ такого величественнаго человѣка: лицо его сіяло, какъ архистратига. Я сталъ первымъ въ ряду, держась каната. Когда государь миновалъ, взоръ мой остановился на другомъ ангелѣ, который стоялъ по другую сторону тротуара, какъ разъ противъ меня. Это была дѣвица 16 лѣтъ, блондинка съ большими свѣтлыми и вмѣстѣ кроткими глазами; бѣлые волосы зачесаны были вверхъ и обнажали прекрасное чело и продолговатое лицо, правильный небольшой носъ, свѣжія дѣвственныя щеки и алыя губки,—все это въ цѣломъ, при высокомъ ростѣ и тонкой таліи, представляло идеалъ красоты небеснаго ангела. Дѣвица была въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, подпоясана голубою лентою; на шеѣ—маленькій голубой платочекъ. Безъ всякихъ украшеній, она казалась одѣтая лучше всѣхъ. Я не сводилъ съ нея глазъ. Со мной былъ Максимовичъ. Я сказалъ ему: „какъ мало нужно для дѣвицы, чтобы быть хорошо одѣтой! Вотъ передъ нами дѣвица: бѣлое платьице, голубая ленточка для пояса и маленькій платочекъ на шеѣ—и больше для нея ничего не нужно!“—Да это потому, что она хороша собой,—отвѣчалъ Иванъ Петровичъ.—„А кто эта дѣвица—не пріѣзжая ль откуда?—Онъ мнѣ шепчетъ: это, кажется, *Мѣдинцева*—съ нашего Подола—„Мѣдинцевыхъ я знаю; у тѣхъ красные волосы“, возразилъ я.—Это, кажется,—продолжалъ онъ,—двоюродная сестра ихъ, дочь мѣщанина Мѣдинцева, брата купцовъ Мѣдинцевыхъ, человѣка бѣднаго. Онъ запиваетъ, но имѣетъ свой домъ съ мезониномъ—противъ церкви Притиска-Николая.—Только было мнѣ и нужно. Съ тѣхъ поръ засѣла у меня въ головѣ и сердцѣ эта дѣвица. Я нашелъ домъ ея; узналъ, что она ходитъ къ обѣднѣ въ женскій монастырь. Раза три я видѣлъ ее и недалеко стоялъ отъ ней. Потомъ она стала ходить и въ Братскій монастырь.—Домъ мѣщанина Мѣдинцева примыкаетъ къ Андре-

евской горѣ,—и я часто сиживалъ на скатѣ горы, выжидая, не появится ли она дезабилье. Разъ увидѣлъ ее въ самомъ простомъ платьицѣ; волосы, перевязанные ленточкою, разстилались позади. Что жъ? И въ этомъ видѣ она была прекрасна. Я рѣшился ни на комъ не жениться, какъ на бѣдной, но прекрасной *Марьѣ Стефановнѣ Мѣдинцевой*. Бѣдность ея даже обезпечивала успѣхъ предпріятія. Я мечталъ: какъ только получу мѣсто, такъ—подъ вѣнецъ, и на другой день—на почтовую повозку. Доѣхавъ до мѣста, нанимаю одну комнату съ пищею; не держу даже прислуги: мы другъ другу будемъ прислуживать. Какъ бы ни было скудно будущее жалованье, при такомъ образѣ жизни его всегда станетъ.

Не помню, прежде ли, или послѣ пріѣзда государя была въ Кіевѣ императрица Александра Ѳедоровна съ молодыми дочерями Маріею и Ольгою [1]). Ей дѣлали пріемъ въ бесѣдкѣ Екатерининскаго сада. Садъ былъ иллюминованъ превосходно; на Днѣпрѣ взадъ и впередъ ѣздили иллюминованныя лодки съ пѣсенниками. Бесѣдка была залита огнемъ, и видъ изъ нея съ горы на Днѣпръ былъ восхитителенъ. Я пробрался къ самой бесѣдкѣ, въ которой была государыня съ дѣтьми и правителями города и пила чай. Двѣ музыки—инструментальная и духовая-исполняли самыя лучшія и мелодическія піесы. Въ 10 часовъ, когда кончился чай и, можетъ быть, ужинъ и пили шампанское, раздался гимнъ: *Боже Царя Храни!* Его исполняли два оркестра—музыкальный и пѣвческая капелла. Тогда былъ и другой напѣвъ, должно быть—англійскій, и другія слова гимна. Слова—не совсѣмъ складныя, но напѣвъ, по моему мнѣнію, болѣе простой и торжественный. Вотъ тогдашній напѣвъ и слова:

Боже, Царя храни,
Сильному долги дни
Дай на земли!

---

[1]) Это посѣщеніе Кіева императрицею Александрою Ѳеодоровною происходило раньше, чѣмъ описанное выше посѣщеніе Кіева Николаемъ Павловичемъ. Именно—государыня императрица была въ Кіевѣ во второй половинѣ сентября 1828 г., на пути въ С.-Петербургъ изъ Одессы, куда она отправилась съ государемъ въ началѣ турецкой войны и гдѣ провела все лѣто 1828 года, пользуясь морскими ваннами на дачѣ барона Рено. Выѣхала она изъ Одессы 3 сентября 1828 г., была въ Вознесенскѣ, Бѣлой Церкви и затѣмъ въ Кіевѣ.—Государь же въ это время оставался въ дѣйствующей арміи.—Л. М.

Царствіе славное
Въ мірѣ прехвальное
Дай на земли!
Всежъ недостойное
Прочь отжени! [1]).

Во время пѣнія этого гимна чувства восторга и умиленія захватили духъ мой и разрѣшились слезами.—Вслѣдъ за гимномъ поданы были одномѣстные дрожки безъ пролета: тогда съ пролетомъ не дѣлали, а—въ одну лошадь. Государыня сѣла бокомъ, посадивъ одно дитя рядомъ съ собою, другое—на колѣно къ себѣ. Лошадь повели за узду шагомъ—по аллеѣ. Я забѣжалъ впередъ и сталъ при аллеѣ. Какъ только дрожки поровнялись со мною, толпа двинула меня къ самымъ дрожкамъ. Я оперся на самыя дрожки. Испугъ овладѣлъ мною. Чтобы отодвинуть толпу, которую отодвигалъ и квартальный, я долженъ былъ протянуть ногу подъ дрожки, и, не чувствуя боли отъ переѣзда колеса, съ напряженіемъ всѣхъ силъ я такъ двинулся назадъ плечами, что повалилъ многихъ и самъ повалился. Никогда не забуду этого случая. Нога болѣла дня три.—Царевны, будущія красавицы, показались мнѣ скулистыми; лица ихъ къ низу слишкомъ были широки.

Въ послѣдніе годы пребыванія моего въ академіи Россія перенесла двѣ невзгоды: новую, прежде не слыханную, болѣзнь холеру и первый польскій мятежъ.

Въ кіевской духовной академіи небыло ни одного случая странной и даже неразгаданной болѣзни, хотя низменная мѣстность благопріятствовала холерѣ. Еще тогда замѣчено было, что эта болѣзнь любила низменныя мѣста и не касалась жителей мѣстъ возвышенныхъ. Она распространялась отъ Каспійскаго моря изъ Азіи и, казалось, шла по рѣкамъ противъ теченія. Это обстоятельство подало мысль, не имѣла ли она подземное теченіе и потому обнаруживалась въ низменныхъ мѣстахъ, какъ близкихъ подземному току. Въ Астрахани и мѣстахъ, ближайшихъ къ Каспійскому морю, процессъ болѣзни не продолжался болѣе часу, двухъ и трехъ; люди умирали иногда среди улицы. Въ Кіевѣ болѣзнь убивала въ полсутокъ и въ сутки. Такъ

---

[1]) Это нѣсколько переиначенныя строки изъ извѣстнаго стихотворенія Жуковскаго. Авторъ сообщаетъ и ноты, какъ пѣлся этотъ гимнъ.—Л М.

умеръ на Подолѣ протоіерей, изъ древней академіи, кажется—*Маньковскій* или *Малиновскій*. Онъ въ послѣднее время занимался опытами *гальванизма* и *электричества;* къ нему на эти опыты ѣздилъ митрополитъ Евгеній.—Въ академіи на мѣсяцъ прекращены были уроки. Это-ли обстоятельство, или питье дехтярной воды, спасло студентовъ, или умѣренность въ пищѣ, обычная въ то время въ академіи.

Только-что кончилась война съ турками и еще возвращались съ Дуная войска въ слишкомъ уменьшенномъ составѣ полковъ,—какъ поднялся польскій мятежъ. Послѣ измѣны поляковъ въ нашествіе Наполеона I, императоръ Александръ I рѣшился привязать ихъ къ себѣ неразгаданнымъ великодушіемъ. Въ 1815 году, на европейскомъ конгрессѣ, никѣмъ не вынуждаемый, онъ возстановилъ Польшу подъ именемъ *Царства Польскаго*—съ отдѣльнымъ казначействомъ, отдѣльными войсками и отдѣльнымъ сенатомъ, и короновался въ Варшавѣ и оставилъ намѣстникомъ своимъ *Константина Павловича,* наслѣдника престола. Намѣстникъ образовалъ корпуса отличныхъ войскъ. По смерти Александра, Николай также короновался въ другой разъ въ Варшавѣ. Но въ 1830 году Польша взбунтовалась: выгнали намѣстника и войска, доведенныя имъ до совершенства, выставили противъ нашихъ войскъ, ослабленныхъ минувшею войною. По началу они имѣли даже успѣхъ. Носился слухъ, что Константинъ наложилъ на себя руки, главнокомандующій—*Дибичъ-Забалканскій*—тоже; но въ дѣйствительности тотъ и другой сдѣлались жертвою холеры.—Война была упорная и кончилась взятіемъ Варшавы, сопровождавшимся кровопролитнымъ штурмомъ. Николай былъ человѣкъ съ сильною волею: съ тѣхъ поръ онъ держалъ поляковъ въ ежовыхъ рукавицахъ.

При усмиреніи польскаго мятежа, между студентами академіи обнаружилась партія, симпатизировавшая полякамъ. Это были студенты западныхъ губерній. Они все твердили пѣсню: „Еще Польша не сгинела“. Противъ нихъ вооружились великороссы; студенты же—малороссы держали нейтралитетъ. И изъ нихъ многіе знали польскій языкъ. И неудивительно: отцы западныхъ и малорусскихъ студентовъ въ экономическомъ отношеніи иногда зависѣли отъ польскихъ пановъ, которымъ принадлежали села въ западныхъ и малороссійскихъ губерніяхъ. Не

знаю, по какому поводу и для какой цѣли передъ этимъ введено было въ Кіевской академіи преподаваніе польскаго языка для охотниковъ?..[1])—Слова польскихъ пѣсенъ мнѣ не нравились; языкъ, какъ пародія на русскій, тоже. Но голосъ былъ хорошъ; подъ этотъ голосъ, къ досадѣ западныхъ студентовъ, я сочинилъ русскіе стихи. Такъ на голосъ пѣсни: „И ты, Жолкевскій", я пѣлъ слѣдующіе стихи:

---

[1]) Студенты западныхъ губерній [ихъ въ описываемое авторомъ время было нѣсколько человѣкъ въ Кіевской академіи только изъ минской губерніи), а также Юго-западныхъ губерній (кіевской, подольской и волынской) могли пѣть польскія пѣсни просто потому, что, вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ поляками, знали польскій языкъ и, хорошо понимая духъ и строй его,—могли даже увлекаться художественностію польской стихотворной композиціи въ пѣсняхъ, не говоря уже о напѣвѣ этихъ послѣднихъ... Для великоросовъ же, которые не понимали польскаго языка,—онъ, какъ въ этомъ сознается самъ нашъ авторъ, представлялся лишъ пародіею на русскій языкъ и потому естественно не могъ возбуждать въ нихъ къ себѣ сочувствія и уваженія...—Польскій языкъ преподавался издавна въ старой кіевской академіи. На немъ, въ 17-мъ вѣкѣ, писались даже многія сочиненія кіевскими академистами въ защиту православной вѣры и русской народности... Такъ тогда необходимо было, по близкой связи Малороссіи съ Польшею... Но и впослѣдствіи польскій языкъ оставался въ старой кіевской академіи и перешелъ въ новую академію, такъ какъ знаніе его было въ высшей степени необходимо въ научныхъ цѣляхъ—именно для знакомства съ исторіею церкви въ Западной и Юго-западной Руси и вообще въ Малороссіи... Это въ особенности сознавалъ митр. Евгеній, самъ прекрасно знавшій польскій языкъ, пользовавшійся имъ въ своихъ историческихъ изысканіяхъ и покровительствовавшій изученію его въ кіевской академіи.—Каѳедра польскаго языка существовала въ этой академіи до 40-хъ гг., когда была открыта, вслѣдствіе того, что возобладали въ тогдашней духовной и свѣтской администраціи Кіева противо-польскіе политическіе интересы, и въ самой академіи сократилась потребность въ изученіи прошлой исторіи родного края.—Когда эта потребность, въ началѣ 60-хъ гг., возродилась, то и почувствовалась опять необходимость въ академіи близкаго знакомства съ польскимъ языкомъ. И вотъ стали учиться ему самоучкою... Примѣры этого мы видимъ въ профессорахъ Кіевской академіи—великороссахъ: Н. И. Петровѣ, С. Т. Голубевѣ и протоіереѣ Ѳ. И. Титовѣ—этомъ достопочтенномъ тріумвиратѣ, которому Кіевская академія предоставила честь—быть ея исторіографомъ—въ виду наступающаго 300-лѣтняго юбилея ея жизни... Что же касается нынѣшнихъ студентовъ Кіевской академіи,—то они часто остаются безпомощными въ своихъ научныхъ работахъ, касающихся исторіи западно-русской и южно-русской церкви по незнанію польскаго языка. А между тѣмъ такія работы имъ задаются... И вотъ, безъ предварительнаго знанія польскаго языка, имъ приходится, наприм., читать и разбирать сочиненія Іоанникія Галятовскаго, написанныя по польски—для защиты догматовъ православія противъ католицизма!.. Какого научнаго значенія можно ожидать отъ такихъ студенческихъ работъ?!...—Л. М.

Гдѣ нашъ Кутузовъ,
Вождь незабвенный?
Билъ онъ французовъ—
Съ Наполеономъ...
И ты, Суворовъ, непобѣдимый
Твой молодецкій
Штыкъ насъ прославилъ!..

Вотъ голосъ на эти стихи: [1])

Настали послѣднія каникулы въ академіи для меня. Дѣло объ утвержденіи въ степеняхъ и опредѣленіи на мѣсто службы послано было въ комиссію духовныхъ училищъ. Праздныхъ мѣстъ профессорскихъ достаточно было только для перваго разряда окончившихъ курсъ [2]). Но были мѣста смотрительскія, и въ числѣ ихъ смотрительское мѣсто при орловскомъ дух. училищѣ, мѣсто умершаго *Василія Лукича Переверзева,* бывшаго уже, кажется, протоіереемъ. Мѣста смотрителей зависѣли непосредственно отъ академическаго правленія. Я подалъ прошеніе о предоставленіи мнѣ этого мѣста. Конкурентовъ не было—и я считалъ его своимъ. Инспекторъ Іеремія посовѣтовалъ мнѣ поѣхать на каникулы домой и воспользоваться даровою подводою, которую онъ нанялъ для болѣзненнаго брата своего—дьячка, пріѣхавшаго тогда на поклоненіе св. мощамъ. „Можетъ быть откроется для васъ,—говорилъ онъ,—и профессорское мѣсто въ какой-либо семинаріи (профессорскія мѣста считались тогда выше смотрительскаго); не лишне проститься вамъ съ родными".—Я согласился. Не помню, какъ я ѣхалъ съ братомъ Іереміи. Но прибылъ домой—въ Спасское—до храмоваго праздника Преображенья. Родители мои были очень рады. Они увидѣли меня во фракѣ и панталонахъ чернаго тонкаго сукна. Особенно радовались тому, что я назначаюсь смотрителемъ орловскихъ духовныхъ училищъ. Но на меня напала тоска... Отецъ былъ здоровъ, но припадки падучей болѣзни стали повторяться съ нимъ очень часто. Сестра Варя была уже невѣста. Мать была спокойна и весела; она интересовалась будущимъ моимъ положеніемъ въ Орлѣ и досадо-

---

[1]) Авторъ сообщаетъ и ноты этой сочиненной имъ пѣсни.—Л. М.

[2]) Здѣсь подъ профессорскими мѣстами разумѣются наставническія мѣста въ духовныхъ семинаріяхъ. Ибо тогда и наставники семинаріи носили званіе профессора, если только имѣли степень магистра богословія.—Л. М.

вала, что нѣтъ для меня достойныхъ невѣстъ; уже обыкновенныя священническія дочери, по ея мнѣнію, не годились для меня. А я ни гу-гу про свою Мѣдинцеву!..—Безъ книгъ и дѣла я не зналъ, какъ могъ проволочь каникулы. „Сіонскій Вѣстникъ" хотя былъ отобранъ изъ церквей, но у отца сколько-то книжекъ его оставалось; ихъ-то я отъ скуки перечитывалъ, но тогда ничего въ нихъ не находилъ такого, за что бы ихъ отбирать и уничтожать...—Оканчивались каникулы. Въ Мценскѣ—свадьба. Сестра моя, двоюродная дочь о. Степана Өедоровича Александрова [1]), выходила замужъ за окончившаго курсъ семинаріи. Мать моя поѣхала на свадьбу, но я не захотѣлъ ѣхать... Тоска душила меня... Какое-то было предчувствіе, что въ послѣдній разъ я дома.—Настало время плестись въ академію—за полученіемъ ученой степени и мѣста. Какъ тяжело было мнѣ вводить въ расходы отца! но я не могу теперь вспомнить, какъ удалось мнѣ найти дешевый случай возвратиться въ Кіевъ, не могу вспомнить, какъ и съ кѣмъ ѣхалъ... Помню только, что со мною прощались безъ слезъ, надѣясь, что я скоро возвращусь смотрителемъ орловскихъ училищъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

1) Этого о. Степана Өедоровича авторъ прежде называлъ по фамиліи Троицкимъ. Вѣроятно, здѣсь ошибка.—Л. М.

Критичний розслід над текстом „Кобзаря“ Шевченка.[1])

21. Чигирин.

Вперше видруковано у „Вечерницях“ р. 1863, № 11 [2]), а потім у Львів. Кобзарі р. 1867. (стр. 62 — 64). Автографа немає. Дата *19/11 р. 1844*, у Москві (під час пробування у Бодянського); так воно і в тому зшиткові, що знайдено цього року в Департам. Поліції, де ще додано присвяту: *М. С. Щепкину*.

Що до варіантів поезії, то раніщий з них той, що в „Вечерницях“ та у Львів. Кобзарі 1867, а пізніщий—у Пражск. виданні, яке й має перевагу. Текст, той що в Деп. Пол., має тільки дві одміни од тексту вид. Романчука.

Одміни:

226, 7 зн.: Дніпро *ви*сихає, — у Львів.: *за*сихає.

227, 4: За що ми різались з ордами, — це варіант Львів. К., а в Пражському: *за що ж ми різались з панами?*

227, 6: московські ребра,—теж вар. Львівськ. К., передніщий, а в Пражському: *татарські* ребра. — Цей варіант неодмінно треба взяти, як що узято й попереду:.. „з панами“, бо инакше про боротьбу з Татарами зовсім не буде згадано... Що ж до *„московських ребер“*, то їх не так-то вже й багато доводилось *„скородити“*, щоб спеціяльно на цьому спинятися. І це Ш., поправляючи згодом поезії свої, й узяв на увагу.

227, 9: що ж на ниві уродило? — у Львів.: уроди*лось*. Так і в рукоп. Департ. Пол. Але есть краща форма (в Пражськ. пізніщому варіанті): *уродило*.

---

1) Див. Кіев. Стар. 1906 г. кн. 9.

2) На жаль, цього числа „Вечерниць“ не довелось мені бачити.

227, 12 зн.: нехай же вітер *все* розносить,—так і в Пражськ., а у Львів. К. 1867 — помилка: вітер *віє*, розносить, — через що утрачується ритм.

227, 11 зн.: — теж у Львів. помилка: на *некраянім крилі*, — у д. Романчука, як і в Пражському: *неокраянім*.

227, 6 зн.: степи, *ліси*, — так і в Праж., а у Львів.: степи сині.

227, 2 — 1: Поки тії недолітки
Поростуть гетьмани,—

це варіант Львівського вид., але він кращий за Пражський: *недолюдки*... Раз поет має надію, що Гетьманщина знову настане і гетьмани поростуть, то *недолюдки*, здається, він не міг би сказати..... В рукоп. Департ. Поліц. стоїть *недолітки*, але не *поростуть*, а: *підростуть*.

228, 5: не рвіть, думи, не паліте—так у Праж., а у Львів. К. 1867: *не рвіть душу*. Власне й одне і друге добре і має сенс, але вважаючи на те, що Пражськ. варіант пізніщий — краще брати цей останній.

228, 12 зн.: козацької *тії* крови, — у Льв. К. 1867 слова *тії* немає.

228, 8 зн.: барвінок розівється,—у Льв.: розівються, бо попереду ще стоїть: і *рута*; але Ш. звичайно глагол сполучає з останнім самостійним імям, як це й бачимо ми в варіанті Пражськ. Кобз.

228, 3 зн.: серце боязливе, — у Львів. К. помилка: *богобоязливе*, в pendant до попереднього *„слово богобоязливе“*.

228, 1 зн.: після: і мене згадає, — треба —

229, 1,—після: сльози мої, — треба —

22. Сова.

Нова поема, що знайдено цього року в Департаменті Поліції у Петербурзі. Датовано її там *6/V 1844*. Про те, що була така поема, знали ми раніш з листа кн. В. Репниної до Шевченка—того ж таки р. 1844, 20/XII: „Обрадуйте его (А. Лизогуба) и всѣхъ любителей малороссійскаго языка Вашей *Совой*“. [1]) Текст цієї поеми видруковано тілько що в X книзі місячника „Нова Громада“,

1) Кіевск. Старин. 1887, II, 167.

але подаю його звичайним фонетичним правописом. Редакція журнала ласкаво дозволила мені скористуватися оригіналом цієї (та й инших новознайдених) поезії, на основі якого я й подаю текст, додержуючи буквально правопису в ньому (оригінал той—копія з рукопису, що знайдено в Департ. Поліції).

Породыла маты сына
Въ зеленый диброви
Дала ему кари очи
И чорныи бровы.
Китайкою повивала
Всихъ святыхъ благала
Та шобъ ёму вси святыи
Таланъ-долю слалы.
Пошлы тоби матер—божа
Тіи благодаты
Всего тòго, чого маты
Незуміе даты.—
До схидъ соньця воду брала
Въ барвинку купала
До пивночи колыхала
До свита спивала

Э... Э... Лю ли
Питала зузули
Зузуля кувала
Правдоньку казала.
Буду сто литъ житы
Тебе годуваты
Въ жупани ходиты
Буду пануваты.
Ой выростышъ сыну
За пивчварта року
Якъ княжа дытына
Якъ ясенъ высокій
Гнучкій и дебелый
Щастлывій веселый
И неодинокій.

Найду тоби ривню
Хочъ за моремъ сынімъ
Або крамаривну,
Або сотныкивну,
Таки панну сыну
У червоныхъ черевикахъ
Въ зеленимъ жупани
По свитлыци похожае
Якъ пава, якъ пани,
Та зъ тобою розмовляе
Въ хати якъ у раи;
А я сыну на покути [1])
Тилько поглядаю.

Ой сыну мій сыну
Моя ты дытыно
Чи е кращчій на всимъ свити
На всій Украины!
Нема красчого й не буде
Дывуйтеся люды!
Нема красчого!,.. а долю...
Доля [2]) роздобуде.

Ой зузуле зузуленько
На що ты кувала
На що ты ій довги лита
Сто литъ накувала.
Чи ежъ [3]) така на симъ свити
Слухняная доля?
Охъ якъ бы то!... вмилабъ маты
Зъ нимецького поля
Своимъ диточкамъ заклыкать

---

[1]) В „Нов. Гром.“ неправильно: „на покут*я*“.
[2]) Очевидно, треба: „дол*ю*“. В. Д.
[3]) *Чи є жъ.*

И долю и волю,
Та ба!.., а зле безталаньня
Зостринеця всюды,
И на шляху и безъ шляху
Усюды де люды.

Кохалася маты сыномъ
Якъ квиткою въ гаи
Кохалася... а тымъ часомъ
Батько умирае.
Осталася удовою
Хочъ и молодою
И не одна... та все жъ тяжко...
Зъ горемъ та нудьгою,
Пишла вона до сусидивъ
Порады просыты...
Присудилы сусидоньки
У наймахъ служиты.
Изныщила, измарнила
Кинула госпо́ду
Пишла въ наймы... не минула
Лыхои пригоды.
И день и ничъ працювала,
Подушне платыла...
И сынови за три копы
Жупанокъ купила.
Шобъ и воно удовине
До школы ходило...

Ой талане талане
Удовиный поганый
Чи ты въ поли чи ты въ гаи
Обидраный цыгане
Зъ бурлаками гуляешъ.
Тече вода и на гору
Богатому въ хату.
А вбогому въ яру треба
Криныцю копаты.
У багатыхъ ростуть диты
Вербы при долыни;
А у вдовы однымъ одно
Тай те якъ билына

Дождалася вдова доли [1])
Зросту того сына
И письменный и вродливый
Квиточка дытына!
Як у бога за дверима
Вдова панувала,
А дивчата лыцылыся [2])
И рушныкы дбалы.
Полюбила багатая
Не поцилувала,
Вишывала шовкомъ хустку
Не подарувала.
Кралысь злыдни изъ за моря
В удовину хату
Тай пидкралысь... сталы хлопцивъ
В кайданы куваты.
Та повезлы до пріему
Битыми шляхамы
Пишла й вдова зматерями
Зъ дрибными слезами.

Де на ничъ ставалы
Сторожу давалы
Стару, [3]) вдову до обозу
Та й не допускалы.

Ой привезлы до пріему
Чуприны голиты,
Усе дрибни, усе мали
Ве [4]) багатыхъ диты
Той калика не дорика

---

[1]) Замість закресленого: „маты сына“.
[2]) Очевидно, помилка, замість: лиц*я*лися.
[3]) Тут (,) не на місці.
[4]) Помилка, замість: *„Все“*.

Той не вміе статы
Той горбатый той багатый
Тыхъ чотыри въ хати. [1])
Уси не владъ усихъ назадъ
Въ усихъ доля маты.
А у вдовы одынъ сынъ
Тай той якъ разъ пидъ аршинъ.

Покинула знову хату,
Сынову господу;
Пишла въ найми за хлибъ черствый
Жидамъ носыть воду.
Бо хрищени не прыймають [2])
Стара кажуть стала
Не здужае.... и огризокъ
Въ викно подавалы
Христа рады... Не дай боже
Такого дожиты
Не дай Боже в багатого
И пыть попроситы.
По копійци заробляла
Копу назбирала.
Та до сына лыстъ писала
У висько послала —
Полегшало. Мынае рикъ
И другій минае
И четвертый и десятый
А чутки не мае.
Нема чутки; шо тутъ робить.
Треба торбу браты
Тайты... иты собакъ дражныть
Одъ хаты до хаты.
Взяла торбу пишла селомъ
На вигони сила,
И въ село вже не верталась,
День и ничъ сыдила
Коло поворотъ. А лито
За литомъ минае
Помарнила скаличила
Нихто й не пизнае.
Тай кому тамъ пизнаваты
Калику убогу.
Сыдыть соби та дывиця
Въ поле на дорогу.
И свитае, и смеркае
А москаля іи сына
Не мае немае

По-надъ ставомъ у вечери
Хитаеця очеретъ.
Дожидае сына маты
До досвита вечерять
По-надъ ставомъ у вечери
Шепочеця осока
Дожидае въ темнимъ [гаи] [3])
Дивчинонька козака.
По-на[дъ] [4]) ставомъ витеръ віе
Лозы нагинае

---

[1]) Далі зразу йшли рядки:

А у вдовы одынъ сынъ,
Та й той якъ разъ пидъ аршинъ,

але закреслено і поставлено їх далі, через 2 рядки.

[2]) Зразу було: не прый*нялы*, але — *нялы* закреслено і дописано олівцем *мають*.

[3]) Цього слова в рукописові немає, але очевидячки його бракує. В. Д.

[4]) В рукописові помилка: *по-настановъ*.

Плаче маты одна въ хати
А дивчина въ гаи
Поплакала чорнобрива.
Тай стала спиваты
Поплакала стара маты
Тай стала ридаты.
И молылась и ридала
Кляла все на свити
Охъ тяжки вы безталанни
У матери диты.

Скаличени стари руки
До бога здіймала
Свою долю проклынала
Сына вымовляла.
То отъ жалю отходыла
И мовчки [1]) журилась
Та на шляхъ той недалекій
Кризь слезы дывилась.
И день и ничъ дывилася
Тай стала питаты
Чы ны чувъ хто, чи ны бачивъ.
Москаля —салдата
Мого сына... нихто не чувъ
Ни хто и не бачивъ.
Сидыть вона нейде въ село
Ны пита й не плаче
Одурила!... и циглыну
Муштруе, то лае
То гудуе якъ дытыну
Й сыномъ называе
И нищечкомъ тыхесенько
Кризъ слезы спивае

Змія хату запалыла [2])
Дитямъ каши наварила
Поморщила по столы, [3])
Полетили москали
Сіри гусы въ ірій ірій
По чотыри по чотыри
Полетилы гелъ-гелъ
На могили орелъ
На могили середночи
У козака выйма очи,
А дивчина въ темнимъ гаи
Его зъ виска выглядае.

Въ день лазыла на смитныкахъ
Черепки сбирала,
Примовляла то синови
Гостыньця ховала.
А у ночи росхристана
И простоволоса
Селомъ ходыть то спивае
То страшно голосыть,
Люды лаялы... бо бачте
Спать имъ не давала
Та кропиву пидъ ихъ тыномъ
И бурьянъ топтала.
Диты бигалы зъ паличямъ
У день за вдовою
По улыцяхъ,та сміючись.....[4])
Дражнилы *Совою.*

6
Маія
1844
С: П: Б:

---

[1]) Зразу було: *И тяжко*, але закреслено. В. Д.

[2]) Зразу написано було: *затопила,* але олівцем поправлено: *запалыла.*

[3]) Треба: *постолы.*

[4]) Зразу було: *та дражнылы...*

23. Дівочиї ночі.

Невідома досі поема, знайдена цього року в Департаменті Поліції в Петербурзі; датовано її там *18/v 1844*. Текст її тільки що опубліковано в місячнику „Нова Громада" (X кн.). Подаю текст, не одміняючи правопису копії з оригінала.

Дивычіи ночи.

Высушилы кари очи
Дивычіи ночи.
Черныця Марьяна.

Росплилася густа коса
Ажъ до пояса
Роскрылыся перси горы
Фили середъ моря [1])
Засіялы кари очи
Зори середъ ночи
Билы руки простяглыся
Такъбы й обвилыся
Кругомъ стану, и въ подушку
Холодну въ пилыся
Тай закляклы, тай замерлы
Зъ плачемъ рознялыся.
На що мыни коса краса
Очи голубыни
Станъ мій гнучій... колы нема
Вирнои дружины.
Немае зъ кимъ полюбитысь
Серцемъ подилытысь...
Серце мое! Серце мое!
Тяжко тоби битысь
Одинокому. Зкимъ житы
Зъ кимъ свите лукавый
Скажи мыни... нащо мыни
Тая слава... слава
Я любить я житы хочу
Серцемъ не красою!
А мыни ще й завидують
Гордою и злою
Злыи люды нарикають
А того й не знають
Шо я въ серци заховала...
Нехай нарикають
Грихъ имъ буде... боже милый
Чому ты не хочешъ
Укоротыть свои темни
Тяжки мени ночи.
Бо я въ день неодынока
Зъ полемъ розмовляю
Розмовляю и недолю
Въ поли забуваю,
А въ ночи... Та й онимила
Слезы полылыся...
Билы руки простяглыся
Въ подушку впилыся.

18
Маія
1844
С: П: Б:

---

[1]) Зразу було: *зори сердъ мор.* (закреслено).

24. Сон.

Вперше видруковано в окремому виданні К. Климковича (Львів, 1865) [1]; варіант дає і у Львів. Кобзарь 1867 р. В Пражськ. Кобзарі, в примітках, дано варіант з якоїсь рукописної редакції. Крім того, у д. В. Науменка єсть копія, писана рукою М. Максимовича, найпізніща од усіх досі знаних редакцій, через те найцінніща, але, на жаль, зшиток перериваеться на початку поеми (на словах: „Душе моя убогая! Чого марне плачеш?“). Невеличкі відміни подав О. Кониський (З. Н. Т. т. 39, стр. 21) з рукопису Л. Жемчужникова. Єсть ще одна копія (писана рукою Ченстаховського) в Черниг. муз. імени В. Тарновського, але кінчаеться вона словами в III розділі:

На квиток повірив москалеви!
От і читай, і йми ти ім віри.

Нарешті, цього року знайдено цю поему в арх. Департ. Поліції; текст той—найперша редакція. [2]

Дата поеми досі була *8/VI* 1844, але тепер (з рук. Департ., Поліції) виявляеться, що—8/VII 1844.

Відміни:

394, 11: чи нема *Країни* — скрізь так, крім копії Максимов., де: *Вкраїни*, але тут така поправка, здаеться, не буде кращою.

394, 12 — 13: Щоб загарбать і з собою
Взять у домовину, —

скрізь так, але в коп. Макс. стоїть (не правдиво) инакше:

Загарбать *із собою.*

394, 17: гострить ніж,—так скрізь, так і в коп. Макс., тілько в прим. Пражськ. К. — *точить.*

395, 7: на сім світі бажаете, — скрізь по всіх редакціях так, крім прим. до Праж. К.: *на тім світі благаєте.* Так і в рукоп. Деп. Поліції.

---

[1] На жаль, не довелося мені бачити цього видання.

[2] Що до усих цих редакцій тексту, то, як можна бачити з іх порівняння, за найпершою редакцією (в Департ. Поліц.) хронологично мусить іти текст рукоп. приміток в Пражск. К., потім редакція Львів. вид. 1867 р., потім копія Ченстах., далі основний текст Пражск. Кобзаря і нарешті копія Максимовича. Про рукопис Л. Жемчужникова тяжко щось сказати, бо всього 4 варіанти вона дає.

395, 17: жалуетесь,—скрізь так (і в коп. Макс.), крім приміт. в Пражск. К. та копії Ченстаховськ., де: *жалкуєтесь*. В рукоп. Департ. Поліції--*жалкуєте*.

395, 8 — 7 зн.: — в коп. Макс. і Ченстах., а також у Львів. 1867 — ці рядки посунуто вправо (инший рόзмір).

395, 4 зн.: *отто-ж* я ліг і спати, — так у Львів. 1867, так і в рукоп. Департ. Поліції (без *і*), але на початку рядка: *отто-ж*; так і скрізь, — а в коп. Макс.: *Оттак я ліг спати*.

395, 2 зн.: то хоч коти гармати, — так скрізь, крім коп. Макс., де: *З* гармати.

396,1: сон на *прочуд* дивний,—у Львів. К. 1867 стоїть: на при*чуд*, а в Пражск. 1876 — на *прόчуд*. В копії Ченстахов.: на прúчудь, нарешті в коп. Максим.: на *прúчуд*. Так і в рукоп. Департ. Поліції, В прим. у Пражск.: *найпречудовний*.

396, 2. — в коп. Максим., як і у Львів. вид., цей рядок посунуто вправо.

396, 5: щоб позирнуть на ті дивá, — так скрізь, крім копії Максим., де: *на теє диво*,—мабуть тому, що за *дивá* іде ще: *з-два* і *сова*, — аж три склади підряд з кінцевим *а*.

396, 6: *Так* чорта з-два!—у Львів. 1867: *так*, а в Пражск.—*та*... Так воно і в рукоп. Департ. Пол. В коп. Ченстах. і Максим. теж: *та*... Цей рядок посунути треба вправо.

396, 7: дивлюся: так буцім сова, — так в Пражск. вид.; у Львів.—гірше (бо не стае одного склада), хоч ближче до правди: *дивлюсь: так буцім сова*, а найсправедливіше в коп. Ченстах. та Максимов.: *дивлюсь: так буцім то сова*.

386, 9: *Тенетрами (?!)* — це чудне слово появилося в Пражськ. Кобзарі, і означае воно не що инше, як: *Та нетрями*, чи *та нетрами*. В такій формі воно й стоїть у Львів. К. 1867, в коп. Ченстах. і в коп. Максим. (у нього: *та нетрями*), тілько ці два слова додано до рядка 8-го (попереднього). Так воно стоїть і в рукоп. Департ. Пол.

396, 17: мої муки, мої люті, — скрізь так, крім теї ред., що в прим. Пражск. К., де: *свої... свої*...

396, 18: в *хмарі* заховаю,—скрізь: в хмар*і*, крім прим. в Праж. К., де: в *хмари*...

396, 12: На розмову тиху, сумну,—в рукоп. Деп. Пол.: *тихо сумну*.

396, 9 зн.: з чистою росою, — в прим. у Праж. К.: *рясною* росою. Так воно і в рук. Деп. Пол.

396, 5 зн.: на ворога *ст*ануть.—у д. Романчука — *стануть*, хоча по всіх редакціях (Льв. 1867, Праж. 1876, коп. Ченстах. і Максим.) — *встануть*. Одначе в рукоп. Деп. Пол.: *стануть*.

396, 3 зн.: удово небого, — треба: удово-небого! В коп. Макс. до того ще: небог*а*!

396, 2 — 1 зн.: Годуй діток! Жива правда
У Господа Бога! —

скрізь так, крім коп. Макс., де не *жива*, а — *живе* правда. Крім того, перед *жива* — краще поставити (:), як це в коп. Ченстаховського.

397, 1: лечу, дивлюся, — треба: *лечу.... дивлюся*. В рукоп. Департ. Пол.: *летим* (?).

397, 5: вітер віє, — скрізь так, тілько в коп. Ченстах. через щось: *вітрець*.

397, 11—Стоять, мов сторожі,—в рук. Деп. Пол.: *мов сторо́жа*, і це значно краще.

397, 12: розмовляють *в полі*,—так у Праж. К. 1876, а у Львів. 1867 та в обох копіях рукописних, і в рукоп. Деп. Пол, — *з полем*.

396, 13: I усе те, вся країна, — це знов пішло з Праж. К., де: *і усе ж те*, а у Львів. 1867 і в обох коп. рукописних: *і все то те*; так само і в рукоп. Департ. Поліції. А в коп. Макс. ще навіть *Країна* поправлено на *Вкраїна*.

397, 16 — 17: Раньою росою,
Вмивається, красується,—в прим. в Праж. К.:
Дрібною росою
Споконвіку вмивається.

Так і в рукоп. Деп. Поліції.

397, 16 зн.: I нема тому почину, — в прим. в Пражськ. К.: *загину*.

397, 13 зн.: *а ні* розруйнує, — так почалося з Пражськ. вид., а тим часом у Львів., 1867 в обох рук. копіях і в рук. Деп. Поліції: *I не* розруйнує.

397, 12 зн.: і все то те... Душе́ моя! — в которомусь з пізніщих загранишн. видань (Женевск.?) стрічав я: душе моя убогая! але цей рядок трапляється далі, через оден, хоч в тому „Кобзарі" його вдруге вже немає.

397, 11 зн.: Чого ж ти сумуєш, — в рук. Департ. Поліції: чого ти (без *ж*).

397, 5: *то* глянь подивися,—в одному котромусь загранишн. виданні: *он* глянь, а в рукоп. Ченстáхов. варіант: *поглянь*, подивися.

397, 4 зн.: високо, високо, — треба високо-високо (як от і в Пражськ. вид.)

397, 1 зн.: он глянь, у тім раю, — після *глянь* треба *(:)*. В рукоп. Департ. Пол.: у тім *раї*.

398, 1 — 2: здіймають, — у Льв., в коп. Ченстахов. і в рукоп. Деп. Пол. *знімають*.

398, 3: *панят* недорослих, — версія ця пішла з Пражськ. Кобзаря, а тим часом в рукоп. Департ. Поліц., у Льв. Кобз., в рукописові Л. Жемчужникова, в коп. Ченстаховск.: — *княжат*.

398, 6: едину *надію*, — у Льв. 1867 чомусь *дитину*, хоча *дитину* стоіть в попередньому рядку.

398, 7: а он-де під тином,—так скрізь, так і в коп. Ченстах., в одному лишень котромусь пізніщому загран. виданні (Женевському?): *а там по-під тином*.

398, 10: а он—бачиш? — в тому самому виданні: а там... а там...

398, 14 — 13.: З двадцятою. недолюдок,
Душі пропивае,—

тут повстае чимале непорозуміння. Одні варіанти, як: копія Ченст., Пражське вид., мають з *двадцятою...*, а инші знов, як от Львів. 1867, окреме видання Климковича (у Львові, 1865) — *з двадцятого, недоліток....*,—тоб-то з 20-го року, „коли панич мае маеткові права“, — поясняе Климкович. Вже не кажучи про те, що в такій версії поставала б величезна неясність, яку навряд чи допустив би Шевченко, самий вираз (з 20-го року) — нічого не вартий, бо кожному ж відомо, що „маеткові“ права у нас настають для неповнолітніх не з 20-го зовсім року. До того ж—для того, щоб пропивати душі, не обовязково треба мати „маеткові права“, а можна й значно раніш. Нарешті, пізніщі варіанти (от як Жемчужникова, Ченстаховського) ясно говорять, що: з *двадцятою*. В рукоп. Депар. Поліції: з *двадцятою, недоліток*.

398, 13, — після „душі пропивае“, — в Пражському вид. вставлено два рядки:

Душе мое убогая!
Лишенько з тобою!

Через що іх сюди втиснуто (в одному лишень цьому виданню), не відаю: адже через 6 рядків ці рядки знову е.

398, 10 зн: може й бачить, та помóга, як..., — на *помога* неодмінно треба ставити наголос *(помóга)*, щоб не заставляти читача думати, що це глагол: помогá (чи помагá). В коп. Ченстах. навмисне поставлено нáголос: помóга.

Так само краще ставити наголос і в 399, 11: ригá змія (глагол ригáе...). У Льв. К. 1867 стоїть недоладня форма: *рига змії (?)*... Одначе це помилка не видавців того „Кобзаря“, а самого оригіналу, бо в рукоп. Департ. Поліції як раз так стоїть: *рига зміи.*

399, 15: Á тим часом,—в рукоп. Департ. Пол.: *та тим часом.*

399, 8 зн. кругом *бори* та болота, — одначе ніде, крім редакції приміт. в Пражськ. К. та рук. Департ. Поліції (значить, найперших двох редакцій тексту) немае *бори,* а скрізь *гори*, і в копії Ченст. *гори*. І коли узяти на увагу, що поет, який летить тут ві сні, летить саме десь коло Уральських гір чи по той бік їх, в Сібіру, бо далі:

Аж слухаю —
Загули кайдани
Під землею...

то *гори* було б зовсім до речи. Одначе наголос, очевидно, у Ш. на бори́ та болотá, і не позволяе, щоб було *гóри...*

398, 7: туман, туман та пустота, — цього рядка у Льв. К. 1867 немае, — він з'явився в Пражськ. вид.

400, 4 — 5: Що ще есть країна
Неполита слізьми, кровью—

так в Пражськ. вид. [основн. текст.], а у Львів. та в коп. Ченст.

Що ще Україна
Не полита,

а у Льв. навіть *непомита* [очевидно, помилка]. Варіант Пражського, як найпізніший, мае найбільшу рацію. До того, і в рукоп. Департ. Поліції: *що ще є* країна.

400, 15 зн: в *мені* душу закували,—в примітк. в Пражськ. К.: *в мýку*, в Пражськ. та Льв. 1867: в *мені*, нарешті в коп. Ченстаховськ.: в *тілі*... Цей останній вар.—найближчий до правди. Так і в рукоп. Департ. Поліції. А в *мені* — давало б, крім усього, ще й нáголос незручний: в: *мéні*...

400, 13 зн.: *І, ганячи силу,*
Думи розпустили?

Такий абсурдний варіант узято з Пражського видання. Що має значити: „ганячи силу, думи роспустити?“ М. Кр-ський здогадувався, що тут треба: *гонячи мою силу,*—але це—одне другого варто. Тим часом у Львів. 1867, а також і в копії Ченстаховського, а нарешті—і в рукоп. Департ. Поліції ясно стоїть:

І галичі силу —
Думи роспустили.

Анальогичне порівняння *думки* з *вороном, галичю* стрічаемо ми у Ш. в віршові „Думи мої, думи:“

Нехай думка, як той ворон
Літае, та кряче...

Взагалі ж Ш. уживав *галич* для порівняння не раз, і в „Єретику“, напр. ми читаемо:

Як та *галич поле крила* —
Ченці повалили...

400, 11 — 10 зн.: ....а карају*ть,*
І тяжко карају*ть,*

так скрізь, крім двох перших редакц. (прим. в Пражск. К. та в рукоп. Департ. Поліції), де: караю*сь*... караю*сь*...

400, 6: після „*пустиня*“ неодмінно треба......, так, як це в копії Ченстаховського.

400, 5 зн.: Мов із тісної домовини,—у Львів. К. 1893: *із темної* такий варіант ніде не стрічається: це просто помилка.

400, 4: останній страшний суд, — в рукоп. Департ. Пол.: *остатній.*

400, 2 зн. не зариті,—в перш. двох ред. (в приміт. в Праж. К. і в рук. Деп. Пол.) — *не убиті.*

400, 1 зн.: не суда *ідуть* просити—слово „ідуть“—з'явилося в Пражск. вид., а в рукоп. Департ. Поліц. та у Львів. К. 1867 його немае, так само як немае і в коп. Ченстаховськ. Вважаючи, що варіант Пражск. Кобз. (основн. текст) —найостанніщий, мусимо його прийняти.

401, 2: в кайданах забиті, — в. рукоп. Деп. Пол. найгірший варіант: *в кайданах залиті.*

401, 9: *он-де* злодій, — так пішло воно з Пражськ. вид., а у Львів. К. 1867 та в коп. Ченстаховського стоїть: *от де...*

401, 11: От розбійник,—в рукоп. Деп. Пол.: *он* розбійник.

401, 15 зн.: Цар всесвітній,—так і скрізь, крім прим. в Праж. вид., де: *Всевишній.*

401, 11 зн.: Раз добром налите серце,—в рукоп. Деп. Пол.: *нагріте* серце.

401, 10 зн.: В-вік не прохолоне,—в рукоп. Деп. Пол.: *вік* не прохолоне.

401, 7 зн.: Кому ж ти їх, — в рук. Деп. Поліц.: *Кому ти.*

401, 6 зн.: в серці заховав, — в рук. Деп. Поліц.: *поховав.*

401, 5 зн.: Ой не ховай, брате! розсип їх, розкидуй—в рукоп. Деп. Пол.: *о, не* ховай! Звідкіля: *розкидуй*—не відаю, бо й у Львів. К. 1867, і в Пражск., і в коп. Ченстахов.: розкид*ай*, що й натуральніще. Але може бути, що в перш. редакціях стояло: *розкидуй* [за рукоп. Департ. Пол. — певно не знаю].

401, 4 зн.: і у люде вийдуть,—так у Льв К. 1867, так в коп. Ченстах., так і в перших двох редакц.,—в одному Праж. (основний текст): *і вийдуть з їх люде*, що дає добру рифму з дальшим: *чи вже буде...*

402, 4: То город із стома церквами, — в рук. Деп. Пол.: то городи з стома церквами.

402, 5: А в городі, — в рукопис. Департ. Пол.: А *в городах* [власне: а *в горах*,—але це помилка].

402, 6: Замуштрували москалі—так скрізь, так і має бути,—тільки в копії Ченстаховського, очевидно помилкою: замуштровані москалі, — і після *москалі* — знак [;].

402, 15: То город без краю, — в рукоп. Департ. Пол.: *безкраїй.*

402, 13 зн.: Огонь — огнем
Кругом запалало,

так скрізь. Здається, найправильніше в коп. Ченстаховського. Огонь [:] Або ще так: огонь... огнем.

402, 11: Аж злякався,—в рукоп. Деп Пол.: *Аж злякавсь я.*

402, 9 зн.: Цу-цу, дурні,—так скрізь, так і в коп. Ченстаховського, а в рукоп. Жемчужникова: *скажені.*

402, 7 зн.: Що орете? Экой хохолъ! — треба: оре́те [з наголосом],—як в коп. Ченстах. В рукоп. Департ. Поліції навіть з аспіративним *г*: що горите [=горете]. І не „хохол“, а х*а*хол, — як це у Льв. К. 1867.

402, 6 зн.: не *знаетъ параду*!—так пішло з Пражск. видання, тим часом як у Львів. К. 1867 і в коп. Ченстахов.: не *знаєшь параду?.*

402, 4 зн.: Сегодня гуляти,—в рукоп. Департ. Поліції: *сегодні.*

402, 2 зн.: вонъ, видишь палати?—знак [,] не треба; у Львів. не *вон*, а *вот*, але в коп. Ченстах.: *вон*... Це, здається, й правильніще; так і в рукоп. Департ. Поліції.

402, 1 зн.: штовхаюся, а землячок — так скрізь, крім рукоп. Департ. Поліції та коп. Ченст.: *шховхаюсь я, аж* землячок.

402, 2: з цинковими гудзиками—в рук. Деп. Поліц.: з *цінови*-ми (може це й помилка?)

403, 4: Гдѣ ты здѣсь узялся,—в рук. Деп. Пол.: *Де ти здесь* узялся.

403, 5: ...Да какъ же ты,—в рук. Деп. Пол.: так як же ти.

403, 5: Й *гаварить* не вмѣешь,—в коп. Ченст.: *Й говорить.* В рукоп. Деп. Пол.: й *говорить не вмієш.*

403, 6: по здѣшнему,—в рук. Деп. Пол.: по здешнему.

403, 6—8,—Ба ні, кажу,
Говорить я вмію,
Та не хочу,

немає ні у Львів. вид. 1867, ні в коп. Ченст., що свідчить про близкість цих двох редакцій і про те, що вони молодші за Празький основний. В рукоп. Деп. Пол.: *говорить умію.*

403, 9: Я всѣ входы знаю,—в рукоп. Деп. Пол.: я *всі* ходи...

403, 10: Я *здѣсь* служу коли хочешь—в рук. Деп. Пол.: я *тут* служу; коли хочеш.

403, 12: тебя,—в рук. Д. П.: тебе.

403, 13: просвѣщенны,—в рук. Д. П.: просвіщенни.

403, 10 зн.: обік його,—в рук. Деп. Пол.: *обок* його.

403, 9 зн.: жіночка,—в рук. Деп. Пол.: *цариця* небога.

403, 6 зн.: *Та ще й на лихо, сердешна,*—в рукоп. Деп. Пол., у Львів. К. і в коп. Ченстах. немає *й*, а в прим. в Праж. К.: *та не на добре.* В рукоп. Деп. Пол., крім того: сердеш*не.*

403, 5 зн.: *хита* головою,—в прим. в Праж. К.: *трясе.*

403, 1 зн.: тебе, цяцю,— в рук. Деп. Пол.: тебе, ця*це.*

404, 5: на *квіток* повірив,—скрізь так, крім коп. Ченстаховського, де правильно: *квиток.*

На жаль, через два рядки далі копія Ченстаховського кінчається.

404, 7: За панами панства, панства—в рукоп. Деп. Пол.: *за богами...*

404, 18: У сріблі—в рук. Деп. Пол.: в серебрі.

404, 7: Об отечестві,—в рук. Д. П.: О отечестві.

404, 5 зн.: та об муштрах,—в рук. Д. П.: *о* муштрах.

405, 7 зн.: дивлюся я—в прим. в Праж. К.: дивуюся.

405, 12 зн.: по кутках стогнали—в рук. Деп. Пол.: по *углах*.

405, 4 зн.: а берег обшитий,—в рук. Деп. Пол.: а берег.

405, 3 зн.: ввесь камінем,—в рук. Деп. Пол.: *увесь камінем. Дивуюсь.*

406, 3: полито людської, — в рук. Деп. Пол.: *пролито* людської.

406, 8: і дзигарі теленькають,—в прим. в Праж. К.: *дзвонарі* (?); у Львів. 1867: дзигарки (!).

406, 16: Кінь басує,—треба не [,], а......

406, 12 зн: таке диво поставила,—в рук. Деп. Пол: *наставила*.

406, 8 зн: доконала, — в рук. Л. Жемчужн.: *заковала.*

406, 4 зн: після „ накралися“, треба —.

407, 10: У столицю, — в рук. Деп. Пол: *на* столицю.

407, 12: О Боже мій, — в рук. Д. П.: о *Боже наш.*

407, 14: Проклятий, несситий, — в рук. Д. П.: проклятий, *лукавий.*

407, 15: Гаспиде лукавий! — в рук. Д. П.: Аспиде несситий!

407, 18: благородними кістками, — в рук. Д. П.: *костями.*

407, 10 зн: і Бог не розлучить, — такий вар. тілько в перш. двох редакц., а у Львів. К. 1867 і Пражському основн.:—*не розсудить.*

408, 2: після „синє море“ — краще [?].

408, 4—5: в прим. в Праж. К. після *нашу славу* не (?), а (.), а далі так:

На ту славу, Боже милий,
Глянься, Боже милий!

408, 8: Хмара криє .... синє небо, — в Праж. Кобз.: синє море (!), — одначе і в прим. в Праж. К., і у Львів. вид.: *небо.* Та й яке ж там коло Петербургу може бути *синє море*? В рукоп. Деп. Пол.: *сіре небо.*

408, 13—9 зн: Загнав голих і голодних
У сніг на чужину,
Та порізав із шкур наших
Собі багряницю,
Пошив жилами...

так звичайно скрізь стоїть, і може й вражав де кого вислов: *порізав* із шкур наших . . . багряницю, одначе так уже й призвичаїлися до цього варіанту. Тим часом текст Деп. Пол. дає значно кращу відміну:

Загнав . . . . . на чужину
Та й порізав, а з шкур наших
Собі багряницю
Пошив жилами..

Таким чином *порізав* не *багрчницю*, а *голих і голодних*, а багряницю — *пошив із шкур*.

408, 7 зн.: подивися,— у Льв. вид.: подивися *ж*.

408, 6 зн.: церкви *та* палати,— у Льв. вид.: *і* палати. — так стоїть в Праж. вид.

409, 15 зн: і з батька і *з* брата,—другого *з* нема ні в рук. Деп. Пол., ні у Льв. 1867, — воно в Пражськ. К. з'явилось.

409, 13: Де-де поглядають, — в рук. Деп. Пол.: *проглядають*.

409, 12 зн: по московськи так і чешуть, — в перших двох редакц. і в рукоп. Л. Жемчужникова: так і *ріжуть*.

409, 9, — цвенькати не вчили, — в рук. Деп, Пол.: *цвенькать не навчили*.

409, 7: в чорнилі, — в рук. Деп. Пол.: в чорни*лах*.

410, 4—5: в німецьких петлицях
Замучені. Плач. Вкраїно! — в прим. в Праж. К.: *в теплицчх заглушені* В рук. Деп. Пол.: в петлицях замучені. Плач, *Украйно*!

410, 12: Старшина . . . . сопе, хропе
Та понадувалась,

в рук. Деп. Пол.: понадувал*ось*.

410, 14: поглядала, — в рук. Деп. Пол.: погляд*ало*.

410, 10 зн: він *випучив баньки*, — так почалось з Праж. вид., а в рук. Деп. Пол. та у Львів. 1867: *вилупив*.

410, 9 — 8: і все затрусилось,
Що осталось, — у Львів. вид.:
І всі затрусились,
Що остались.

410, 7: після *гукае* треба —; в рядку 6 му (після: *дрібних*) і в 4-му (після: сунеться) теж—; так само і в 2-му знизу після: *до москалів*.

410, 1 зн: тяжко застогнали, — в рук. Деп. Пол.: *тілько* застогнали.

411, 5: мій ведмедик, — в рук. Д. Пол.: мій *медведик*.

411, 8: ведмежа натура, — в перш. ред.: *ведмедська*, а в рук. Деп. Пол.: *медвежа*.

411, 10: я *аж* засміявся!—В Пражск: я *як* засміявся! Очевидно, що *як* краще, бо воно й сильніше за: *аж* засміявся..., і „ведмедик“ може б і не почув, як би автор голосно не зареготався...

411, 11: він і почув, та як гикне, а у Львів.: він і почув се— та як *зикне!* В рукоп. Деп. Пол: *зикне.* Але Пражськ. варіант, (*гикне*) видимо, пізніший,—то треба вже його й брати.

411, 20 — брати мої милі,—в рукоп. Деп. Пол. та у Льв. вид.: брати любі, милі!

411, 21: я не своє росказував,—а у Льв. вид.: *що не своє росказую*; в рукоп. Деп. Пол.: *що не своє росказав вам*; але в Пражськ. К (росказував) краще.

Дата у Львів. виданні стоїть: червень у Петербурзі 1844. Так і всі вважали, що дата 8/VI, а тим часом вона 8/VII 1844.

---

25. Хустина.

(*У неділю не гуляла*).

Вперше надруковано в альманаху „Луна“ на рік 1881. Автографа немає. Текст цієї поезії, видрукований в „Луні“, досить лихий: бракує в ньому в одному місці аж 2 рядки. В паперах д. В. П. Науменка знайшлася копія цього вірша, писана на 5 боках звичайного почтового паперу з вибитою на першій сторінці короною з літерами „А“ і „К“ [1]). Письмо з 70-х чи початку 80-тих років. Копія ця дуже важна тим, що вона дає і повніщий, і поправніщий текст, ніж той, що в „Луні“ та взагалі в „Кобзарях“. Між иншим, текст цієї копії, мало ріжниться од тексту знайденого цього року в Департ. Поліції, хоч, очевидно і поправніщий за нього і пізніщий. Що до дати, то до сього часу „Хустину“ цю датували р. 1841 (її Шевченко заслав був, в першій редакції, Корсунові для 2-го випуска альманаха „Сніп“), але у зшиткові, що знайдено цього року в Департ. Поліції, вірш цей датовано *18*/X *1844*.

Відміни:

153, 1—2: У неділю не гуляла
На шовк заробляла,

---

[1]) Як здогадуюся — А. Корсуна [сина того А. Корсуна, що видав „Сніп“]

очевидно, що тут нетае два склади, та й дальші 2 рядки 8-складові. Так воно й есть, бо в копії д. Науменка і в рукоп. Деп. Пол. стоїть: *та на шовки заробляла.* Д. М. Кр—ський здогадувався, чи не: *на шовк вона* заробляла.

153, 5: „Хустиночко мереже*ная*“.—В коп. д. Науменка: мережа*на*, і це краще, бо далі додатковий рядок: Вишиваная!

153, 7: після *вигаптую* треба —

153, 11--18—ці два куплети в рукоп. Деп. Пол. переставлено так, що спочатку йде куплет: *Здивуються вранці люде*, а потім: *А я косу розплітаю.*

153, 13 зн: *і в* віконце, — в коп. д. Науменка: *У* віконце.

153, 3 зн: як *доля* чужая, — в коп. д. Н.: *як инша чужая*, бо перед тим [через 1 рядок] стоїть: *доле* моя, *доле*!

154, 1—2: Чи до тебе доріженьки
У *степу* не знаю? —

в коп. д. Науменка: *У степй* [accusativ.]

154, 8: *богачі* купили, — в коп. д. Н.: *багáті* купили,—і це значно краще (цього вимагае й наголос).

154, 9: може *й* дівчину,— в коп. д. Н. немае „*й*“.

154, 11: з иншим одружили, — в коп д. Н.: *заручили*..

154, 12: навчи ж мене, доле, — д. М. Кр—ський здогадуеться, що тут чогось не стае і радитить: навчи мене, *моя* доле, — і дійсно так: воно в коп. д. В. Науменка: навчи ж мене *моя* доле! (рядок треба посунути вліво).

154, 14 — посунути вправо.

154, 16: ой заплакав сивий пугач, — в рук. Деп. Пол.: *ой застогнав.*

154, 13 зн: та повезім товариша, — в коп. д. В. Науменка і в рук. Деп. Пол.: „*та понесем*..

154, 10 зн: й ворожок питали, — в коп. д. В. Науменка: *Ворожки* питали.

154, 8 — після слів: „в дорогу рушали“ — бракувало двох рядків, на що звернув увагу і д. Романчук в своїх „Причинках“ (стр. 12—13) і радить ставити тут два рядки крапок або павзи. Ці рядки такі (і в рук. Деп. Пол., і в коп. д. В. Науменка):

Чи то праця задавила
Молодую силу?

і тепер буде зразуміло, чому далї:

Чи то нудьга невсипуща
Його з ніг звалила?

154, 6 — *його* з ніг звалила, — в коп. д. Науменка: *того за нічь звалила,* — очевидно, що якась тут непевність, а може навіть і дві: одна, знати, та, що *його* прочитано за — *того*, а друга, що *за ніч* (за ничь) — зам.: *зъ нигъ*, бо навряд чи нудьга могла б так раптом, за одну ніч, звалити — це одне, а друге — що *„звалити“*, без додаткового *„з ніг“* — було б незвичайним виразом, — треба було б: за ніч з ніг звалила... Певніщ усього, що тут ми маємо у всякім разі одну помилку (за ніч — зам.: з ніг), а може ще й другу (*того* — зам.: його), — принаймні в рукоп. Деп. Пол. правильно стоїть: *його з ніг* звалила.

154, 5 зн.: чи то люде *на*робили, — я вже давніще (в реценз. на вид. д. Романчука [1]) здогадувався, що має бути *по*робили — і так воно і єсть в копії д. Науменка: *поробили.*

154, 1 зн: Благав Бога, щоб дівчину,
155, 1: Хоч *свою* побачить, —
в такому контексті безпречний нонсенс: чумак благає Бога, щоб побачить дівчину *хоч свою* (то б то, з нього досить було побачити хоч яку—небудь?) А тим часом копія д. Науменка, а також і рукоп. Деп. Пол. дає нам ключ до справжнього сенсу:

Благав Бога, щоб дівчину,
Хоч *село* побачить...

155, 6: Та й розійшлись — в рук. Деп. П.: *й розійшлися.*
155, 8: з сього світ*у*, — в коп. д. В. Науменка: світ*а*.

155, 16: а дівчина у черницях
Косу розплітає,

в коп. д. Науменко: *у черниці..*

Взагалі ж, що до копії д. В. Науменка, то деякі особливости її (з сього світ*а*, тай роз*о*йшлись, — як це звичайно уживає Шевч. скрізь, де тілько *і* постає з *о*) показують, що копію списано з самого автографа, а не з якоїсь иншоі ще копії.. Порівняння копії цієї з текстом рук. Деп. Пол. позволяють нам значно реставрувати цей вірш.

---

[1]) Кіев. Стар. 1904, кн. 3.

26. Чого мені тяжко.

Вперше видруковано в „Основі". 1861, II. Автографа немае. Датовано цей вірш, на здогад, роком 1846. Цього року знайдено цей вірш въ Департ. Поліції разом з иншими, і дата під ним: „*13*/XI *1844 у Петербурзі*".

Відмін у виданню д. Романчука — немае. В рукоп. Деп. Пол. передостанній рядок: невкрите, *голодне* (серце) — читаеться: невкрите, *розбите*.

---

27. Пустка (М. С. Щепкину).

(*Заворожи мені, волхве*).

Вперше видруковано в „Основі" 1861, кн. I, і дату поставлено там *1846. Кіевъ.* Автографа немае. Цього року вірш цей знайдено разом з иншими в Департаменті Поліції, і дата там *13*/XII *1844*. Заголовку там немае, а починаеться вірш словами: „Заворожи мені, волхве". В рукоп. Деп. Пол., в найраніщій редакції цього вірша, есть чимало одмін.

17, 11 зн: хату руйнувати, — в рук. Д. П.: *пустку* руйнувати.

17, 4 зн: може вернеться *в некриту* — в рук. Д. П.: *з-за світа*, а далі вставлено два нових рядки:

Хоч в середині обілить
Горілую хату.

17, 2 зн: І укрие, і нагріе, — в рук. Д. П.: *і витопить*, і нагріе.

18, 5: Може ще раз пожурюся, — в рук, Д. П.: *помолюся*. Нарешті після кінцевих слів: *Хоч крізь сон побачу*, стоїть ще чотири рядки, незнаних досі:

Встань жс братом (?), *хоч одури,*
Скажи, що робити:
Чи молитись, чи журитись,
Чи тім'я розбити.

Так виглядае ця поезія в найпершій редакції.

---

28. Н. Гоголю.

(За думою дума).

Вперше вірш цей видруковано в Лейпцигу, в книжечці „Новые стихотворенія Пушкина и Шавченки", р. 1859, стр. 22—23, під загол. „Думка". Автографа немає. Аж цього року знайдено рукопис в Департ. Поліції разом з иншими поезіями, і виявилося, що дата цього вірша не 1846, II, як стоїть у д. Романчука, або по инших виданнях, а 30/XII 1844, і що заголовок його *Н, Гоголю.* І тепер нам стає зрозумілим, до кого це поет звертається:

Ти смієшся, а я плачу,
Великий мій друже,—

і в иншому місці:

Нехай, брате! А ми будем
Сміятись та плакать.

Де-які варіанти маємо і в Пражському Кобзарі, але вони гірші і, знати, редакція тексту в Пражск. Кобзарі ранійша за Лейпцигську. Текст в Кобз. Льв. 1867 та Кожанчиківському 1867 — однаковий, і в обох — 12 рядків, од слів „Не заревуть в Україні" і кінчаючи „Та німоті плата" — немає зовсім. Аж згодом видавці Львівськ. Кобзаря в додатках до 2-го тому додали ці 12 рядків з Лейпцигського видання. Таким чином за основу треба брати Лейпцигський текст, як пізніщий од Пражського. Текст Департ. Поліції, здається, нічим не відріжняється од тексту в вид. Романчука.

Одміни:

14, 4: плаче у самому серці, — в Праж.: у самого серця.

15, 6 — 7: А що вродить з того плачу?
Нічого, мій брате! —

це варіант Пражського К., а в Лейпциг., на жаль, щось невиразне: „богино́ва, брате!". Видавці Кожанчик., а за ними й Льв. 1867, читали це, як „боли́голов, брате".

15, 11: своеі дитини, — в Праж.: *рідноі.*

15, 12 — 13: За честь, славу, за братерство,
За волю Вкраіни, —

це варіант Лейпциг. вид., тілько там *Краіни*, що й треба лишити. В Пражск. К. значно гірший варіант:

За честь, за віру і за братство,
За славу Вкраїни.

15, 14: не заріже, викохає, — після „заріже“ треба (:).

15, 12 зн: сміятись та плакать, — в Лейпц. і в Праж. сміяться.

---

29. Не завидуй багатому.

Вперше видруковано в „Осн.“ 1861, III. Автографа немає. Датовалося досі (приблизно) р. 1846. Цього року знайдено цей вірш разом з иншими в Департаменті Поліції, і дата там стоїть: 4/X 1845. Миргород.

Одміни тексту Деп. Поліції проти „Основи“ та тексту вид. Романчука:

88, 8 зн: не має, — в рук. Деп. П.: *не знає.*

38, 3 зн: кровю та сльозами вильле, — в рук. Д. П.: *тяжкими* сльозами *вилив.* Очевидно, пізніщий (Кожанч.) текст — поправніщий. Тілько чи дійсно то Шевченк. поправки?

---

30. Не женися на багатій.

Вперше видруковано в „Основі“ 1861, III. — Автографа немає. Досі датовалося [III. 1846]. Цього року в архиві Департ. Поліції знайдено цей вірш разом з иншими. Дата там стоїть: *4/х 1845, Миргород.*

Одміни тексту Деп. Пол. проти „Основи“ і Романч. вид:

87, 5: та ніхто не розважає, ніхто не питає, — в рук. Деп. Пол.:

Та ніхто *не докучає*,
І не розважає.

87, 6: чого болить? і де болить? — сам про тее знаєш, — в рук. Деп, Пол.:

Чого болить? і де болить?
Ніхто не питає.

87, 8: брешуть люде: легче плакать, як ніхто не бачить, — в рук. Деп. Пол.:

Не потурай: легче плакать,
Як ніхто не бачить.

Крім того, вірш цей в рук. Деп. Пол. видруковано не у 8, а в 16 рядків, що значно краще.

---

31. „Єретик“ або „Іван Гус.“

Початок „Посланія“ видруковано вперше р. 1861 в „Основі“ (кн. I), а незабаром вийшло літографоване видання у Відні р. 1863 (оригінал „Посланія“ і частини поеми зостався у сина П. І. Шафарика, професора чешс. техн. Акад. в Празі). Варіанти дає текст, видрукований у „Праві“ р. 1873 [1]), (ч. 15 і 16), а також є вони у Пражському Кобзарі, де крім того в примітках дано варіанти ще з якогось рукопису. Варіанти дає також текст з рукопису Л. Жемчужникова (З. Н. Т. т. 39), але тільки для I і II розділів, — без „Посланія“. Оден листочок автографа з „Гуса“ з поправками Шевченка есть і в Чернигів. музеі імени В. Тарновського (од слів „Розбойники, людоїди“ до кінця розділу — до „Папськоі булли“), а копія з перших 7 рядків того самого автографа есть в паперах В. П. Науменка. Нарешті дуже цінна знахідка цього року — в архиві Департ. Поліції, де знайдено *цілу* поему, з датою 10/X 1845. („Посланіє“, як відомо, датовано 22/XI 1845).

Хронологично редакції ці стоять так:

а) що до „Посланія“, то найдавніща та, що в Праж. Кобз., далі — рук. Деп. Пол., потім — літографованого вид. 1863, і найпізніща — Кожанчиківська; б) що до самоі поеми, то: 1) рук. Департ. Пол., 2) коп. Жемчужникова, 3) близько до неї—

---

1) Редакція „Правди“, подаючи текст, додала таку примітку: „подаемо у сему н-рі одну, а в другому подамо ще другу із доси еще нігде недрукованої поеми Тараса Шевченка „Иван Гус“, пересланоі поетом славному Шафарикови. *Першу частину чули ми перед 10 літами і запамятали собі деякі варіанти*, котрі також тутки наводимо. Початок звісний буде і нашим читателям, бо був у нас вірно після рукописи відфотографований“. З підкресленого вище речення я бачу, що примітку зробив д. Ю. Романчук, який і подав „Івана Гуса“ до „Правди“, про що він пише до мене в листі з 24/VII 1906: „деякий відпис (з нецензурних поезій) і затратився у мене, але лишився в моїй памяти, і я подав его до Правди з 1873 р. “В „Правді“ р. 1873, крім „Івана Гуса“, инших Шевч. творів не друковалося. В „Правді“ „Посланіє“ не видруковано.

та копія, що в примітках у „Правді“, хоч та що в „Правді“ — пізніща; далі: 4) автограф музея Тарновського, потім нарешті 5) Пражськ. К. (Основ. текст). Текст в виданню Романчука взято з „Правди“ р. 1873, де він же і видруковав вперше початок поеми.

Одміни:

467, 3: сусіди злі – в рук. Деп. Пол.: *Злі сусіди;* в Праж.: *сусідоньки* (так і в рукоп. Шафарика).

467, 4: та й полягли спати, — в рук. Д. П.: *й полягали.*

467, 5: І забули теплий попіл., — так в Кожанч., а в рук. Деп. Пол. і Праж.: *сірий попіл.*

467, 6: *по полю* розвіять, — так в Кожанч., а в рук. Деп. Пол. і Праж.: *по вітру.*

467, 11: Підпалу жде, — в Праж.: *жде підпалу.*

467, 13: злого часу, — так в Кож., а в Праж.: *непевного* (з рук. Шафар.).

467, 14: тихо дотлівала, — так в Кож., а в Праж.: *незримо сіяла.* В рукоп. Деп. Пол.: *тліла — дожидала.*

467, 12 — 11 зн.: Сімю славян раз'єдинила
І нишком — тихо упустила, —

так в Кож. К., а в Праж.:

Славян тих славних порізнила
І тихо — тихо упустила.

467, 11: *Усобиць,*—так в Кож. і в Пражськ., але в літограф.: усобищъ; так і в новознайд. частині поеми — *усобищ* (див. далі).

467, 10 зн: — після цього рядка — новий розмір.

467, 8 зн.: пожар погасили, — так в Кож., а в Праж.: *загасили.*

467, 6 зн.: й сиріт поділили, — в Кож., а в рук. Деп. Пол. і в Пр.: *розділили.*

467, 3 — 2 зн.: І забули у неволі,
Що вони на світі, —

це вар. Пражськ., а в Кожанч. і в літографов. (1863):

І забули невольники,
Чиї вони діти.

468, 7: смілим орлім оком, — так в Кожанч. і в Праж., а в літограф: „смілим *добрим* оком“.

468, 9 зн.: слава тобі, *любомудре,* — так в Кожанчик., а в Праж.: *„славянину“*!

469, 1: і *з добрим* кормилом, — так в Праж.; в Кожанч.: *з* немає.

469, 4: слава ж тобі, Шафарику, — в Кожанч., а в Праж.: *слава тобі, славний чеху.*

469, 6: що злив-єси в одно море, — так в Кожанч., а в Пр.: *злив єси в одно море.*

469, 9: лепту думу, — скрізь: *лепту — думу,* — так і треба.

469, 10: про Чеха святого, — в літографов.: *святого* — підкреслено.

469, 13: а я нишком, — так в Кожанч., а в Пр.: *а я тихо.*

469, 6 зн.: бысть сей, и есть дивенъ, — треба бысть *сіє,* и есть *дивно.*

470, 2: людською кровію *торгує,* — в рукоп. (прим. Праж.) — *шинкує,* так і в рук. Деп. Пол. і в літограф. 1863, так і в рукоп. Л. Жемчужникова, так і в копії В. П. Науменка з автографа муз. Тарнов. За цим рядком в рук. Жемчужникова вставлено: *небесний царю!* суд твій всує.

Такий варіант подано в примітках в „Правді“ р. 1873; так воно і в першій редакції — в рук. Деп. Пол., так і в літографов. вид. 1863, так як і в прим. в Пражськ. К., де: Небесний царь! І суд твій всує.

470, 10: *люде стогнуть у кайданах,* — так в Пражськ. основному, а в примітках у „Правді“ і в перш. редакц. (Деп. Пол.):

Земля плаче,
Як за дітьми мати.
Нема кому розкувати,
Одностайне стати.

Такий самий варіант і в рукоп. Жемчужникова, лишень зам. „як“ — „*мов*“. В автографі музея імени Тарновського — так, як в Пражському.

470, 16 зн.: чи настане великий час, — в прим. у „Правді“: час великий, а в рук. Деп. Пол.: *ні! настане час великий.*

470, 14 зн.: чи розломим три корони, — так в Пражськ., а в вар. Л. Жемчужникова та в приміт. у „Правді“: чи розібєм. В автографі муз. імени В. Тарновського зразу було: *чи розломимо корони,* але Ш. олівцем поправив згодом: *чи розломим три корони.* В перш. ред. (рук. Деп. Пол.): *чи розпадуться корони.*

470, 12 зн.: Розломимо.... Благослови, — в примітках у „Правді“: *розібємо,* в рук. Д. Пол.: *роспадуться,* а в коп. Жемчужникова: „Благослови, милий Боже!

470, 11 зн.: не на месть і муки, — в рук. Деп. Пол.: *на месть і на муки*, — як раз противне тому, що в дальших редакціях.

470, 8: й слово тихеє! о Боже, — так в Праж., а в автогр. муз. імени Тарн. зовсім правильно: *І* слово тихеє... Цього рядка і дальшого — в рук. Деп. Пол. зовсім немає.

В автогр. муз. імени Тарновського після „І слово тихеє" було одразу так написано (цікаві подробиці):

... Ні, ні!
Вони поснули, не почують.
Огнем збужу їх, напою,
Напою і нагодую
Голодних кровію ... , а олівцем дописано
Царів несситих,

але все це рукою Ш. закреслено, і замість цього всього дописано: о Боже! чи вони ж почують? — те, що й маємо ми в „Кобзарях", а зате далі цілий рядок крапок.

Али чи це частина автографа 40-х. років, чи перерібка з кінця років пятьдесятих? Листочок цей узято з того чималого зшитку (на ньому позначено стор. 93), од якого зберігся чималий шмат на 10 листочках і який містить в собі автограф „Невольника"; зшиток цей, очевидно, виготовлявся до друку, бо в „Невольникові", напр., вставлено одну чвертку паперу і на ньому не Ш-ою рукою вписане те, що вважалося нецензурним. Та про це буде мова далі.

Випадково, набрів я на слід цього автографа в паперах В. П. Науменка, де до копії „Посланія" (в тій редакції, що була літографована р. 1863 у Відні) додано таку примітку: „Стихотвореніе это находится въ рукописи автора, написанное на сложенномъ листѣ бумаги, начиная съ первой странички, которая помѣчена въ верхнемъ правомъ углу цифрой 90; слѣдующіе затѣмъ листики послѣдовательно помѣчены цифрами 91, 92, послѣдній безъ помѣтки. Заглавіе написано: „Шафарикови"; надъ заглавіемъ поставлена крупнымъ почеркомъ цифра 6; эти цифры, а также то, что непосредственно слѣдующее за симъ стихотвореніе начало поэмы „Єретикъ" помѣчено цифрой 7, показываетъ, что это отрывокъ отъ большей тетради. Данное стихотвореніе занимаетъ первыя 5 страницъ. Тутъ же находятся слѣд. сдѣланные другой не Шевченковой рукой помѣтки: вверху надъ заглавіемъ--Власноруччя (автографъ) незабутнёго Украінського Кобзаря, Тараса Григоровича у „Народній Домъ" на незабудь скла-

дає Украінець Василь Білозерський 29 січня 1863 року. Петербургъ“.

Таким чином — той аркушик автографа, що єсть у Черниг. музеі і вгорї має число 93 — це уривок з того зшитку, про який йде мова в копії д. Науменка. З того ж самого зшитку, очевидно, і 10 листочків автографа „Невольника“. Та обставина, що найдавніщу версію „Гуса“ досї ми мали в коп. Жемчужникова, а редакція автогр. Черниг. музея пізніща навіть за примітки у „Правді“ і найближча до останньоі редакції (в Пражськ. К.) — свідчить, що Черниг. автограф належить до часів, коли частина „Гуса“ була знайдена в Москві, і Ш. її, очевидно, поправив. Що взагалі рукопис з шматком „Івапа Гуса“ та „Невольником“ належить не до 40-х, а до кінця 1850-х — свідчить і текст „Невольника“, виправлений, не такий, як був він в р. 1845 (як це знаємо ми з рукоп. Департ. Поліції).

470, 4 зн.: Роскувать
Народ замучений, —

так в Пражськ. а в примітках у „Правді“ і в автогр. муз. імени Тарновського:

Розірвать
Окови адові —

а в рук. Деп. Пол. та близькій до неї коп. Жемчужникова — так:

Оттак у келії правдивий
Іван Гус думав *розірвать*
Окови адови.

471, 1: Поборюсь! — так в Пражськ., а в примітках у „Правді“: помолюсь.

471, 2: за правду Бог! — так в Пражськ., а в примітк. у „Правді“: *за мною Бог*; в рукоп. Деп. Пол. і коп. Жемчужникова: *за мене Бог.*

471, 4: пійшов молиться *вірний* Гус, — так в Пражському К.; в рук. Деп. Пол.: *добрий* Гус, в рук. Жемчужник. стоїть: *щирий*; так було зразу і в автогр. муз. імени Тарн., але Шевч. поправив на: *певний*. Але маючи на увазі, що редакція Пражськ. К. найостанніща — найкраще буде: *вірний.*

471, 12 — 13: Рабині божиїй оттій,
Що водили...

в рук. Департ. Пол. краще:

Рабині божій —
Оттій самій,
Що водили

471, 15. Що хи*ля*лась, — в Пражськ.: хи*ли*лась. В рук. Деп. Пол. виповнено ту недостачу, що по всіх „Кобзарях“ означено після *хилялась* знаками — — —, і читається так: *Оттій самій, що хилялась.*

471, 14: по шинках, по станах, — в рук. Деп. Пол.: по ста*нях*... Чи правильно прочитано, і чи тут справді має бути *стані* (конюшні), а далі (473, 8) вже *стани* [Аж трясуться стани від шопоту) — напевно не скажу. Очевидно тілько, що в останньому разі *стані* не може бути.

471, 5: І вільних розум окував, — в рук. Деп. Пол.: і *вільний розум*. Це, здається, буде справедливіще.

471, 2 — 1: Просніться, чехи, змийте луду,
Розправте руки, будьте люде;

в Пражськ. так, тілько немає (як в „Правді“) слів: *розправте руки*, — а в коп. Жемчужникова стоїть так:

Розправте руки, змийте луду,
Проснітесь, Чехи.

Так воно і в рук. Департ. Пол., тілько: *прокиньтесь*, Чехи!

472, 2: в тіярах, — у Ш. та і в „Кобзарях“: ті*а*рах.

472, 4: Мов у Москві Татари, — очевидно, тут недоставало 2-х складів (розмір тут скрізь 9-складовий). Д. М. К-ський здогадувався, що треба: *які татари.* Цей дефект поміг нам поправити рук. Деп. Пол., де стоїть: *мов у Московії татари.*

472, 12: святим положено конклавом, — в рук. Деп. П.: *отим* положено.

472, 15: після „за буллу вдвое“ треба —

472, 11 зн.: — після слів: не дієш без вини нікому, — рукоп. Л. Жемчужникова чимала вставка:

Молюся Господи помилуй!
Спаси ти нас, святая сило!
Зломи язик мій за хули
Та язви мира изціли:
Не дай згнущатися лукавим
І над Твоєю вічной славой,
Й над нами, простими людьми“.

Все це взято з рукоп. Департ. Поліції, де такий самий цей уступ, тілько зам. *зломи* язик — *язвй язик*.

472, 9 зн.: і *тяжко* плакав, — так в Пражськ., а в коп. Жемч.: і *гірко*. В рук. Деп. Пол.: *тяжко*.

472, 8: що він діяв? — в рук. Деп. Пол.: *діє*.

472, 7: на кого руки піднімав, — так в Праж., але *руку*. В коп. Жемчужникова: „руки“. Очевидно, що *руку* правильніще. В рук. Деп. Пол.: *підійма*.

Далі і в „Правді“, і в Пражськ. К. $2^1/_2$ рядки випущено (стоять крапки), — а просто читаеться:

„Всі здрігнули:
Іван Гус буллу розідрав....

Це місце есть в копії Жемчужн., але трохи инакше:

Дивіться люде: ось де булла,
Що я читав!“ І показав
І перед народом
Іван Гус буллу *розірвав*

(у Романчука чомусь: *розідрав*).

473, 4,—після цього рядка в коп. Жемчужникова так:

Зашипіли мов гадюки,
Ченці в Ватикані,
Шепочеться Авиньон*а*...

Це взято з рукоп. Деп. Пол. Здаеться, й треба писати Авиньон*а*, а не Авиньон*о* (як напр. в Пражськ. Кобз.).

473, 9: *Від* — в рук. Деп. Пол: *од*.

473, 17: як зачули, — в рук. Деп. Пол.: *як згадали*.

473, 12 зн: Зібрав раду. Положили, — в „Правді“ і в Праж. Кобз. слів „зібрав раду“ немае, — це взято з копії Жемчужникова, а коп. Жем. — з рук. Деп. Пол.

473, 10 зн: Против Гуса, і в Констанцу
Всіх ворон скликати,

цих рядків немае ні в „Правді“, ні в Пражськ.—там тілько:

І всіх . . . . . .
. . . . . . скликати;

повний текст узято з копії Жемч. а це те саме, що й в рук. Деп. Пол.

473, 8 зн: Та і стерегти як мога, — в рук. Деп. Пол. цей рядок значно краще: *тай стерегти, яко мога.*

473, 6 зн: щоб не втікла тая птаха, — в рук. Деп. Пол.: *сіра птаха.*

473, 2 зн: До Констанц*и*—в відомій досі частині обидва рази „Констанц*а*", а в новознайденій частині скрізь уже „Констан*ц*", і в рук. Деп. Пол.: і в Констанц*і*. Крім того, в рук. Деп. Пол. не *шляхи, степи,* а: *степи, шляхи.*

Щоб мати увесь дотичний тексту матеріал вкупі, подаю і знайдений в Деп. Пол. кінець поеми, додержуючи правопису оригіналу, поскільку його додержано в журналі „Былое" [1906, Іюнь], де видруковано вперше. На жаль, як знати, в тексті переписувач та друкарі зробили не одну помилку.

Відомий нам текст поеми кінчається словами:

Ченці повалили: шляхи, степи,
Мов сарана вкрили

Цей текст перервано на пів слові, бо далі говориться, хто саме вкрив:

Бароны, Герцоги и Дюки
Псари, Гирольды, шинкари
И Трубадуры, (Кобзари)
И шляхомъ виську мовъ гадюки.
За Герцогинями нимота
Хто зъ соколами на рукахъ
Хто тишки [1]) верхи на ослахъ
Такъ ажъ кишить! все на охоту
Мовъ гадъ у ірій поспиша!
О Чеху! де твоя душа??
Дывись шо сылы повалыло
Мовъ Сарацына воювать
Або велыкого А т и л у!

У Прази глухо гомонять,
И Цесаря, и Вичеслави[2])
И той соборъ тысячеглавный
У голосъ лають! не хотять
Пускать въ Констанцъ Ивана Гуса!
„Живъ богъ! жива душа моя!
Браты я смерти не боюся!
Я докажу отымъ зміямъ
Я вырву ихъ не сыте жало!..
И чехи Гуса провожалы
Мовъ диты батька...

Задзвонилы у Констанци
Рано въ уси дзвоны.
Збиралыся кардиналы
Гладки та червони
Мовъ бугаи въ загороду
И прылативъ лава.

---

[1]) Очевидно, треба: *пішки.*

[2]) Очев.: *і Вячеслава.*

И три папы, и баронство
И винчани главы:
Зибралыся мовъ іуды
На судъ нечестивый
Противъ Христа. Свары, гоминъ,
То реве, то вые [1])
Якъ та орда у табори,
Або жиды въ школи...
И, всимъ разомъ заципило!..
Мовъ кедръ середъ поля—
Ливанского,—у кайданахъ.
Ставъ Гусъ передными!
И окинувъ нечестывихъ
Орлимы очима.
Затрусилысь, побилилы
Мовчки озирали
Мученыка.—„Чого мене
Чи на прю позвалы?
Чи дывиця на кайданы??..
„Мовчи чеше смилый...
Гадюкою зашипилы
Звиремъ заревилы.
„Ты еритыкъ! ты еритыкъ!“
Ты сіешъ роскольі!
Усобища розвиваешъ [2])
Святійшой воли —
Не прыймаешъ!.. „Одно слово!“
Ты богомъ проклятый!
Ты еритыкъ! ты еритыкъ!..“
Ревилы прелаты
Ты усобныкъ!.. „одно слово
Ты всимы проклятый!..
Подывився Гусъ на Папы
Та й выйшовъ зъ палаты!..
„Поборолы! поборолы!..
Мовъ обеленилы.
Автодафе! автодафе!..
Гуртомъ заревилы.

И цилу ничъ бенкетовалы
Ченьци, Бароны... вси пилы
И пьяни Гуса проклыналы
Ажъ поки дзвоны загулы.
И свитъ наставъ... Идуть молыця
Ченьци за Гуса. Зъ загоры
Червоне сонце ажъ горыть,
И сонце хоче подывиця
Що будуть зъ праведнымъ творить?!..
Задзвонилы въ уси дзвоны
И повелы Гуса
На Голгофу у кайданахъ
И нестрепенувся...
Передъ огнемъ [3]), ставъ на ёму
И молитву діе.
„О Господы милосердый
Шо я за подіяв
Опцымъ людямъ? твоимъ людямъ!
Защо мене судять!
Защо мене розпинають!
Люды! добри люды!
Молитеся! неповинни [4])
И зъ вами те буде!
Молитеся! люти звири
Прыйшлы въ овнихъ шкурахъ
И пазори розпустыли...
Ни горы, ни муры
Не сховають. Розильеться

1) Мабуть: *те* реве, *те* вые.

2) „Розвиваєшъ“—од слова „віяти“, „розвіяти“...

3) Спочатку було—„костром“ (прим. ред. „Былого“).

4) Здається, що інтерпункція повинна бути инакша, а власне: „молитеся, неповынни“.

Червонее море
Крови! крови, зъ дитей вашихъ,
О горе! о горе!
Онъ де воны! въ ясныхъ ризахъ [1])
Ихъ лютіи очи... „палы! палы!
Уже крови... „палы, палы!..“
Крови! крови хочуть!
Крови вашой!..[2]) и дымомъ
Праведного вкрило.
„Молитеся! молитеся
Господы помилуй
Просты ты имъ бо не знають!..“
Та й нечуты стало!
Мовъ собаки коло огню [3])
Кругомъ ченьци сталы.
Боялыся шобъ невылизъ
Гадыною зъ жару
Та не повисъ на корони
Або на тіари.
Погасъ огонь, дунувъ витеръ
И попилъ розвіявъ.
И бачилы на тіари
Червоного змія. [4])
Прости люде. Пишлы ченьцы
Й te Deum спивалы
Розійшлыся по трапезахъ
И трапезувалы
И день и ничъ, ажъ попухлы.
Малою симьею
Зійшлысь чехи. Взялы земли
Зъ пидъ костра, и знею
Пишлы в Прагу. Отакъ Гуса
Ченьци осудыли
Запалилы... та божого
Слова не спалилы,
Невгадалы шо вилытыть
Орелъ изъ захмары
Замись гуся и розклюе
Высоку тіару.
Байдуже имъ, розлетилысь
Мовъ тіи вороны
Зъ кровавого того свята.
Ченьци и Бароны
Розвернулысь у будынкахъ
И гадки не мають
Бенкетують, та инколы
Те deum спивають.
Все зробилы... постривайте
Онъ надъ головою
Старый Жижка зъ Таборова
Махнувъ булавою.

10 октября
1845
С. Марьинское.

---

32. Невольник.

Вперше видруковано в „Основі“, 1861, кн. 4 і 1862, кн. 6 [„Епілог“], але з де-якими опущеними місцями, які вперше з'явилися в Пражському „Кобзарі“, хоч теж не всі. Варіантів до цієї поеми досі не відомо було ніяких. Автограф есть в Черниг. Музеї імени В. Тарновського, але не стае в ньому початку — до слів

---

1) Очев.: онъ де воны — въ ясныхъ ризахъ.
2) Очев.: *вашоі*.
3) Спочатку було—„кругом костра“ (Прим. ред. „Былого“).
4) Крапки тут не треба.

„І треба б, — каже, — й трохи шкода“, усього епілога та в середині — од слів „Недалеко. А на той рік“ до кінця II розділу. Автограф цей пізній—з другої половини 1850-тих років, теї самої останньої редакції, яку взято до „Кобзаря“. Дуже цінний автограф знайдено цього року в Департаменті Поліції. Хоч він і найраніщий, але дуже одмінний [навіть з иншим заголовком: „*Сліпий*“, замість „Невольник“], а крім того в ньому подано усі ті уступи, що по всіх „Кобзарях“ означено крапками. Дата поеми—16/x 1845.

Хоча до цієї поеми варіантів до цього часу не було, одначе одміни в вид. Романчука есть,—мало не всі вони помилки, а часом то й явні власноручні д. Романчука поправки.

Але попереду — про „Посвяту“. „Посвята“ в рук. Департ. Пол. дуже одмінна, через що подаю її тут цілком [1]:

Думи мої молодиї,
Поховані діти,
Не літають з того світа
Пустку натопити.
Покинули сиротою
З тобою одною [2])
Мое серце, моя зоре
Раю мій покою!
Ніхто не зна мого раю
І сама не знаеш
Що вітаеш надо мною
Як зоря над гаем
І дивлюся я дивлюся
А ти моя зоре
Спускаеся низесенько
Тихо заговориш
Усміхнеся подивися
Дивлюсь, і не бачу...
Прокинуся плаче серце
І очи заплачуть

Спасибі зіронько! Минае
Неясний день мій вже смеркае
Над головою вже трясе
Косою смерть. І поховають

---

[1]) Задержуючи інтерпункцію оригінала.

[2]) Тут, очевидно, мае стояти (,).

А там і слід мій занесе
Холодний вітер. Все минає
І ти случаем прочитаєш
Вилиту сльозами
Мою думу. І тихими
Тихими речами
Проговориш. Я любила
Я його любила
І він не знав... Зоре моя
На мою могилу
Світи зоре. А я буду
З за світа літати
І про тебе моє серце
На небі співати.

Одміни проти вид. Романчука:

445, 14: після день мій—треба (;).

445, 11: після „непевний“ треба .....

445, 1 зн.: світ перехожає, — в рук. Деп. Пол.: *світ перепливає.*

446, 1: Долї, доленьки шукає, — в рукоп. Деп. Пол.: *шука долі — не находить.*

446, 3: А той рветься, — в рукоп. Деп. Пол.: *инший* рветься.

446, 7: а в иншого сїромахи, — в руп. Д. П.: *а в третього, як у старця.*

446, 11: мов дитинка, — в рук. Д. П.: *як.*

446, 13: І за чвертку закладає,—в рук. Д. П.: *І жидові заставляє.*

446, 14: сидить собі сїромаха, — в рук. Д. П.: *наш сирота.*

446, 12 зн.: такая то доля тая, — в рук. Д. П.: *А така то тая доля.*

446, 10 зн. — кого схоче, сама найде, — після *схоче* треба —. В рук. Д. П.: *кого любить* — сама найде.

Далі 6 рядків [„Ще на Україні веселі...] в рук. Д. П. немає.

447, 5: — цього рядка в рук. Д. П. немає.

447, 6: „І треба б“,- каже,—й трохи шкода — в рук, Д. П.: *„І треба б то, і шкода.*

447, 7: А треба буде; два-три года, — в рук. Д. П.: ні, буде треба *хоч два года.*

447, 8: погуляє, — в рук. Д. П.: *поблукає.*

447, 16: І вшкварив, — рук. Д. П.: *і вдарив.*

447, 16 зн.: старий грае, промовляе,—і в Кожанч., і в Праж., і в Черниг. автографі — при*м*овляе.

447, 11 зн.: До другої не ходив, не любив—в рук. Д. II.: *та другої не любив, не любив.*

447, 8 зн.: та троїстиї музики, — в рук. Д. II.: *та троїсті музики.*

447, 7 зн.: од вік*а* до вік*а*,—у всіх трьох джерелах *а* в обох словах.

447, 5 зн.: ой гоп! — в автогр.: ой гоп[,]

447, 1 зн.: А нуте, діти, оттакої, — в рук. Д. II.: *А ну, діти! отак, діти!*

448, 14: ні не така вже—в Черниг. автогр.: ні не *та* вже,—

448, 15: стара моя сила, — в рук. Д. II.: *моя стара сила.*

448, 5 зн.: то я не син, — треба (?).

448, 4 зн.: *А* чужий вам, тату? — так і в Праж., і в Кожанч., але в автографі: *Я.* В рук. Д. II.: *Я не син ваш, тату?*

448, 3 зн.: та не чужий! стрівай лишень, — в рук. Д. II.: *та ні, не син;* стрівай лишень.

448, 1 зн.: таки твоя, — рук. Д. II.: ти й зостався.

449, 2 — 3: Моїй жінці: А що, — кажу,—
Візьмем за дитину, — в рук. Д. II.:

Таки жінці: а знаеш що?
Во́зьм*и*м за дитину.

449, 5 — 6: -- в рук. Д. II. немае.

449, 7 — 8: Ми та й спарували
З Яриночкою до купи, — в рук. Д. II.:

От ми й спарували
Вас з Яриною до купи

449, 10: Ось що робить: ти на літі,
І Ярина зріе, — в рук. Д. II.:

Ось бачиш що! ти на порі
І Ярина спіе.....

449, 11: людей шукать, — в рук. Д. II.: *питать.*

449, 16: сестра тобі,—в рук. Д. II.: *сестра твоя?*

449, 18 — 19: Воно просто: любітеся,
Та й з Богом до шлюбу, — в рук, Д. II.:

Вона просто, як любитесь,
То й жінкою буде.

449, 20: А поки що, треба буде, — в рук. Д. II.: *Та перш ось що: треба буде.*

449, 11 зн.: *А* просто жнуть, — в Кож. і Праж. теж *а*, але в Черниг. автогр. було зразу: *А*, а потім виправлено на „*I*“.

449, 5 зн.: так от як, друже,—в рук. Д. II.: *брате.*

449, 4 зн.: на рік, — в рук. Д. II.: *на год.*

450, 1: Не думай! Коли хочеш знать,--в рук. Д. II.: *А коли хочеш, сину, знать.*

450, 5: Я їх чимало попоїв, — в рук. Д. П.: *А я їх їв.*

450, 7 — 8: Коли здобудеш, принесеш;
А коли згубиш, поживеш. — в рук. Д. П.:

Коли заробиш — принесеш,
А не заробиш — поживеш.

450, 8 — 9,—в вид. Романчука, в Пражськ. і в Кож. К, стоїть так:

А коли згубиш — поживеш
Мое добро! то хоч звичаю...

В автографі в муз. імени Тарн. хтось (не Шевченко) олівцем так поправив:

А коли згубиш — поживеш:
Мое добро! —

і тоді логичний наголос на *мое*. Чи так воно й повинно бути — я не певен. Принаймні, в рук. Д. П. (:) немае.

450, 9: мое добро! то хоч звичаю, — в рук. Департ. Пол.: *та звичаю.*

450, 12: Як у бурсї, — в рук. Д. П.: *як у Братстві.*

450, 14: з товариством прочитаєш, — в рук. Деп. Пол.: *на синьому* прочитаеш.

450, 15, 17: по молодечи, по-чернечи, — в рук. Д. П.: по-молод*ечій*, по-черн*ечій*.

450, 16 зн.: помолившись Богу, — в рук. Департ. Пол.: *помолимось Богу.*

450, 15 зн.: осідлаем буланого, — в рук, Д. П.: *та сивого осідлаєм.*

450, 14 зн.: тай гайда, — в рук. Д. П.: *І гайда.*

— 12 зн.: чи ти вже, Ярино; — в рук. Департ. Пол.: що ти там, Ярино.

450, 11 зн.: змайструвала нам що небудь, — в рук. Д. П.: *Змайструвала? Уже, тату.*

450, 9 — 8 — немає в рук. Д. П.

— 6: не чуть голови! — в автогр. в муз. імени Тарнов. *не чуть голови.* В рук. Д. П. після цього рядка вставлено ще рядок: *ниначе немає, ніби нежевий.* Потреба в цьому рядку велика, бо без нього немає рифми до *голови,* тоді як *до бється* — єсть і *береться.* і *сміється.*

451, 2: Ярина питає, — в рук. Д. П.: *очима спитала.*

— 3: ніби-то й не чує, — в рук. Департ. Пол.: *нібито й не бачить.*

451, 4: старий промовляє, — в рук. Д. П.: *примовляє.*

— 6: до вечерні може, — в рук. Д. П.: *Може до вечерні.*

451, 7—9—в Черн. автографі рядки розставлено так, як у Пражському виданню: 7 — 8 посунуто вправо, а 9 — ще більш вправо.

451, 11: чого се ти плачеш?—в Черн. автографі теж „се“,—що у Шевч. рідко трапляется. В рук. Д. П.: чого *бо* ти плачеш.

451, 12: Усміхнися, подивися, — в рук. Д. П.: *усміхнися бо до мене.*

451, 17: утечу, ій Богу, — в рук. Д. П.: *Заплачу, ей - Богу.*

— 18: та й сховаюсь у бурьяні..., — в рук. Д. П.: *та й утечу... ось побачиш.*

451, 7 зн.: на чужині, — в рук. Д. П.: сиротами.

— 5 зн.: а то мене й не згадаєш, — в рук. Д. П.: *І ти мене не згадаєш.*

451, 3 зн.: схаменися! — в рук. Д. П.; *перехрестись!*

— 1 зн.: хто-ж отце я? — *Хто ж я така?*

452, 2: що тут діять? — в рук. Д. П.: що тут робить?

— 5: й байдуже, — в рук. Д. П.: *й* немає.

— 6: Степаночку! — в рук. Д. П.: *надо мною.*

— 8: що без тебе і гаточка, — в рук. Д. П.: *Що з тобою і татуся*

452, 9: і мене не стане, — в рук. Д. П.: *й мене поховають!*

— 10: я не кину, — в рук. Д. П.: *я не умру.*

— 12 — 15: Недалеко. А на той рік
Я до вас приїду

З старостами, за тобою
Та за рушниками, — в рук. Д. П.:

Од вас завтра... а приїду...
На той рік приїду.
Вже не братом, з Запорожжя
А за рушниками....

452, 16 зн.: та се й справді, — в рук. Д. П.: *то це...*
— 12 зн.: не сестра я? — в рук. Д. П.: *я не сестра?*
— 9: чому, — в рук. Д. П.: *чом же.*

— 5 — 3: Пусти и мене! Бачиш,
Який добрий! Та пусти бо!
Ій-Богу, заплачу... , — в рук. Д. П.:

Пусти мої руки.
Ти не брат мій, ти не брат мій...
Муко моя, муко!

452, 1 зн.: як тая дитина, — в рук. Департ. Пол.: *як мала* дитина.

453, 1: і крізь сльози промовляла, — в рук. Д. П.: *промовляє.*

453, 9: подивиться, — рук. Д. П.: *поцілує.*

453, 10: І знов, — рук. Д. П.: *то знов.*

453, 11: як смерклося, — рук. Д. П.: *як і смеркло.*

453, 13: ніби скованих до купи,—в рук. Д. П.: *мов скованих, обнявшися.*

453, 15: а Ярині, — в рук. Д. П.: а Ярин*а*.

453, 16: не спиться, ридає,—в рук. Д. П.: *ридає... ридає...*

453, 16 зн.: й вона з відрами побігла, — в рук. Д. П.: *взяла відра, та й побігла.*

453, 12 зн.: Старий виніс, — в рук. Д. П.: *Виніс батько.*

453, 11 зн.: Дивиться, — в рук. Д. П.: *розгляда.*

453, 2 зн.: Послужи, — в рук. Д. П.: *послужи ж.*

454, 1: Вернулися од криниці, — в рук. Д. П.: *І Ярина дає зброю.*

454, 2: І Степан, — в рук. Д. П.: *А* Степан.

454, 4: й жупан надіває, — в рук. Д. П.: *одягає.*

454, 5 — 8 — в рук. Д. П. немає.

454, 10: дручина, — в рук. Д. П.: *дрючина.*

454, 11: Й самопал семипяденний, — в рук. Д. П.: й самопал *семипядний*, але тоді, мабуть, повинно бути не *Й*, а *І*...

454, 13: Аж зомліла, — в рук. Д. П. помилка: *золіла.*

454, 16: Научає сина, — в рук. Д. П.: *Наставляє*

454, 14 зн.: Старшин шанувати, — в рук. Д. П.: старши*х* шанувати.

454, 9 зн.: сказав батько, — в рук. Д. П.: сказав *старий.*

454, 7 зн.: Степан гукнув, — в рук. Д. П.: *Степан свиснув.*

454, 3 — 2: Сказав старий. А Ярина,
Мов тая ялина, — в рук. Д. П.:

Старий сказав, та й заплакав
Мов тая ялина.

Але хоч після *заплакав* і немає знака, одначе *мов тая ялина* має належати не до *старого*, а до дальшого—*Ярина.*

455, 1: мовчала, — в рук. Д. П.: *замовкла.*

455, 8: пропадає, — в рук. Д. П.: *ховається.*

455, 14: Із куряви. Не вирнула, — в рук. Д. П.: *не війрнула; похилилась.*

455, 15: пропала, і знову, — в рук. Д. П.: *заплакала знову.*

455, 16: заплакала Яриночка, — в рук. Д. П.: *а за нею й старий батько.*

455, 17: та й пішл*а* додому, — в рук. Д. П.: та й пішл*и*.

455, 5 зн.: згадав — та й *нищечком* заплакав, — тут д. Романчук вставив *нищечком*: ні в обох Кобзарях, ні в автографі муз. Тарн., ні в рук. Деп. Пол. немає його, — та й потреби в ньому нема, — тільки рядок цей треба посунути вправо, як це зроблено в Черн. автографі.

455, після рядка 4-го: Багатий сивий сирота, — в рук. Д. П. додано:

Мов лату на латі
На серце печалі нашили літа.

455, 2 зн.: твоя всюди воля,—в рук. Д. П.: твоя *свята* воля.

455, 1 зн.: як хочеш, — в рук. Д. П.: як *буде.*

456, 2 — 5 — в рук. Д. П. немає.

456, 5: в садок похо*жати*,—і в Черн. автографі, і в Праж. та Кожанч. К.: по*ходити*,—поправив д. Романчук для того, щоб, мовляв, вийшла рифма до *з під хати.* Очевидно, для цього не було ніякої потреби. Зауважу, що в Черн. авт. хтось олівцем над „походити“ поставив „поплівся“, і це вже зовсім добре рифмувало б з „Богу помолився“ (а не з сумежнім „з під хати“),—тілько поправку, здається, не рукою Ш. зроблено.

456, 11: в Черн. автогр. інтерпункція: *опинилось—стала* (як і в Праж. та Кожанч. К.).

456, 12 зн.: ворухнулось, — в рук. Д. П.: *повернулось.*

456, 11 зн.: І світ запалило, — в рук. Д. П.: *Заступило.*

456, 8 зн.: вранці,—в рук. Д. П.: *враньці*

456, 4 — 1 зн.: — в рук. Д. П. немає.

457, 4: причащалась, — в автогр. Муз. Тарн.: пр*е*чащалась, так само, як і далі: пр*е*стріт.

457, 7: доля тая,—в рук. Д. П.: *тая доля.*

457, 9: не приснилась, — в рук. Д. П.: *не снилася.*

457, 11: За зімою, — в рук. Д. П.: *Знову весна.*

457, 12: знов зазеленіла, — рук. Д. П.: *рястом червоніла;*

457, 13: Весна божа. Війшла з хати,—в рук. Д. П.: *Знов Ярина вийшла з хати.*

457, 15 — 18, замість цих рядків, в рук. Д. П.:

Та не святих вже благати...
Ворожки питати.

457, 14 зн.: інтерпункція в Черн. автогр.: талан —долю та весілля [так і в Праж. та Кожанч. К.], в рук. Д. П., замість *та весілля— та три шаги.*

457, 12—10, має бути інтерпункція: Он бачиш, кінь осідланий

. . . . . .

Під козаком?

457, 11: тупає ногою, — в рук. Д. П.: *маха головою.*

457, 10 зн.: Під козаком; а он-де йде, — в рук. Д. П.: *А он іде, а он де йде.*

457, 8 зн.: Аж до колін. Ото гроші,—в рук. Д. П.: Ото гроші, *бач віскривий.*

457, 6 зн.: козак отой злякать діда, —в рук. Д. П.: *та втер йому; отже й утер.*

457, 5 зн.: Злякав!—та й сховався,—в автогр. Муз. Тарнов.: злякав; в рук. Д. П.: *Дивися — сховався.*

— 3 зн.: А он знову шляхом, — в рук. Д. П.: *Знову іде шляхом.*

— 2 зн.: Козак іде, ніби старець,—так і в Пражськ. та Кожан. „Кобзарі", а в автогр. Муз. Тарн.: *їде* (написано не: *иде,* а *і*де,— навмисно через *і*). В рук. Д. П.: *Заплющившись, з торбинками.*

458, 1: Щоб ляхи або татари, — в рук. Д. П.: *Щоб татаре або Ляхи.*

— 3: І радесенька Ярина, — в рук. Д. П.: *І радісінька до дому*

— 4: До-дому вернулась, — в рук. Д. П.: *Ярина верталась.*

— 10: І стежечка—доріжечка,—в рук. Д. П.: *І стежечки-доріжечки.*

— 12: Утоптана, — в рук. Д. П.: *Шо топтані.*

— 13: Поросла, — в рук. Д. П.: *Поросли.*

— 14: Нема його! У черниці, — в рук. Д. П.: *І Ярина у черниці*

— 16: Безталанна: коло неї, — в рук. Д. П.: *Старий батько* коло неї.

— 15 зн.: Старий батько, — в рук. Д. П.: *Хоч годочок.*

— 13 зн.: Хоч Зеленої Неділі, — в рук. Д. П.: *Хоч зелених. Діждалися.*

— 12 зн.: Діждались, і хату, — в рук. Д. П.: *Уквічали хату.*

— 11 зн.: Уквітчали гарнесенько, — в рук. Д. П.: *І любистком і клечаньням.*

— 10: І в сорочках, — в рук. Д. П.: *У сорочках.*

— 9: *Невеселі,* — в рук. Д. П.: *У неділю.*

— 7: та сумують. — В автогр. Муз. Тар.: *та сумують,*

— 5: Мов на кобзі, на улиці,—в рук. Д. П.: *За ворітьми,— мов на кобзі.*

— 4: І ніби співає, — в рук. Д. П.: *І тихо співає.*

459, 4: Байдаки спускати,—в рук. Д. П.: *Чайки поспускати.*

459, 7: чайки *і* байдаки, — в автогр. муз. імени Тарн., в рукоп. Департ. Поліції, в Праж. і Кожанч. К. *й.*

459, 8: з Дніпрового гирла широкого випливали — в рук. Департ. Поліції було зразу: з *широкого,* а тоді—з *Дніпрового.*

— 12: Тендером, — в рукоп. Департ. Пол.: *Тендром.*

— 13: *пропадали* — в автографі в муз. імени Тарн. це слово перенесено в окремий рядок.

— 15: рукою махає — в рук. Деп. Пол. в цьому рядку слів цих немає, а ними починається далі рядок (замість *і зично*): *Рукою махає, гукає.*

— 17: панове товариство, — в рукоп. Департ. Поліц. *панове* немає.

459, 11 зн.: без кормил, — зауважу, що Ш. пише: без кормиг. В рукоп. Деп. Пол.: *без весл і кормиг.*

459, — після рядка 5-го („В кайдани кували) — в рукоп. Деп. Пол. вставлено: *В Цареградскую башту сажали.*

— 4: в тяжкую неволю, — в рукоп. Департ. Поліц: *роботу.*

— 3: Межигорський, — в рукоп. Департ. Пол.: *чудотворний.*

— 2: чудотворний, — в рук. Департ. Пол.: *Межигорський.*

460, 7: без сповіді святої уміраають, — так скрізь (і в Деп. Пол.), тілько в автографі в Черниг. муз. хтось олівцем поправ. *у* на *в*(мірають).

— після рядка 8-го: як собаки здихають, — в рукоп. Деп. Поліції додано новий рядок: *пропадають.*

— 10: свою далеку Україну, — в рукоп. Департ. Поліції: свою *матір* Україну.

— 13: І нерідну сестру Ярину, — в рукоп. Деп. Пол.: *нерідну* — немає, в автогр. муз. імени Тарн.: нерідну*ю* (в Праж. та Кожанч. К.: нерідн*у*).

— 13 зн.: догнали, — в рукоп. Деп. Пол.: ловили.

— 10 зн.: — в автогр. муз. імени Тарн. рядок цей посунуто вліво, а рядок 7 (далї) — вправо.

— 9: в кайдани кували, — в рукоп. Департ. Пол.: *забили.*

— 7: та й замурували, — в рукоп. Деп. Пол.: *І замурували.*

461, 2: кричала, ридала, — в рукоп. Департ. Пол.: *ридала, кричала.*

— 3: серце моє, — одначе в автогр. муз. імени Тарн., в рук. Деп. Поліц., в Пражськ. та Кожанч. Коб. — *моє серце.*

— 4: Де ж це ти барився? — в рук. Деп. Поліц.: *де ти забарився?*

— 5: Ідіть сюд*и*, — в автогр. муз. імени Тарн.: сюд*а*; в рук. Деп. Пол.: *це Степан наш.*

— 6: Ідіть, подивіться, — так в рукоп. Департ. Пол., одначе в автогр. муз. імени Тарн., в Пражск. та Кож. К. — *подивітесь.*

— 7: прийшов старий, — в рук. Деп. Пол.: прийшов *батько.*

— 8: І свого Степана, — в рукоп. Департ. Пол.: *насилу Степана.*

— 9: не пізнає. Таке з його, — в автогр. муз. імени Тарнов.: не пізнає, — таке... В рукоп. Департ. Пол.: *роспізнає*; *отак його.*

— 12: Моя ти дитино, — в рук. Деп Пол.: *добрая дитино*:

— 13: де ти в світи погибаєш? — в автогр. муз. імени Тарн.: погиба*єш* (,) (так і в Пражск. та Кожанч. К.); в рукоп. Департ. Поліції: *пробувався.*

— 15: та ридає, — в рукоп. Департ. Поліції: *обнімає.*

— 16: й Степан сліпий плаче, — в рукоп. Департ. Поліції: *І сліпий мій плаче.*

— 6 зн: у кімнаті, — в рук. Деп. Пол.: *на перині.*

— 4 — 1 зн. — в рукоп. Департ. Поліції немає.

462, 3: Степан каже, — в рукоп. Деп. Пол.: *подивіться.*

— 7: за калікою, Ярино? — в автогр. муз. імени Тарновск.: *за калікою... Ярино!* В рук. Деп. Пол.: *з калікою... ні, Ярино!*

— 10: І прожене долю, — в рук. Д. П.: *долі* (?).

— 14: І знайде, — в рук. Деп. Пол. *ти найдиш.*

— 15: в Запороже,—в автогр. муз. імени Тарн.: *Запорожжя*

— 16: там я, — в рук. Деп. Пол.: *я там.*

— 17 — в рукоп. Деп. Пол. немае.

— 18: ні, Степане, — в рук. Деп. Поліц.: *Мене люблять... Ні, Степане.*

— 17 зн.: моя ти дитино, — в рукоп. Деп. Пол.: *ти моя дитино!*

— 16 зн.: І Господь тебе покине, — в рукоп. Деп. Пол.: *І бог тебе покарає.*

— 15: як ти нас, — в рукоп. Деп. Пол.: *як мене.*

— 11: А ти будеш братом, — в рукоп. Департ. Пол.: *а ти мені братом.*

— 10: І дітьми, — в рук. Деп. Пол.: *А дітьми.*

— 8: не йди од нас, — в рук. Деп. Пол.: *не йди, серце.*

— 4: мов маленький, — в рук. Д. П.: *мов дитина.*

— 2: метелицю, — в рукоп. Деп. Пол.: *навприсідки.*

463, 1 — в рук. Деп. Пол. немае.

— 2: під хатою, — в рук. Д. П.: *І на призьбі під хатою.*

— 4: роскажи ж ти нам, — в рук. Деп. Пол.: *роскажи ж тепер.*

— 8 — од слів „Оттож мене, вже сліпого“ і до „Москалі срібло—злото“, а також: „Оттаке-то“ (стр. 464—5) і до „Тепер, кажуть, в Слободзеї“ — вставлено в автограф. муз. імени Тарн. на окремому листку, не рукою Ш. писаному. А все ж таки од слів „Як москалі срібло-злото“ і до „Оттаке-то! тяжко, тату“ невписано зовсім. Одначе воно увійшло в Кобзарь Кожанчикова. Найповніщий, одначе, текст в рукоп. Деп. Поліції.

— 10: з товариством, — в рук. Д. П.: *з козаками.*

— 12: І мене взяло, — в рук. Д. П.: *взяли.*

— 14: простали ми, — в рук. Д. П.: *поспішали.*

— 16: а на, — в рук. Д. П.: *І на.*

— 17 зн.: Січовики-запорожці, — в рук. Д. П.: *товариші-запорожці.*

— 13: срібло-злото, — в рук. Д. П.: *сребро-злато.*

— 11: у Покрови, — так і в рукоп. Деп. Пол., а в Пражськ. та Кожанч. К.: у *Покрові.*

463, — після рядка 5: з Нечосом ходила, — по всіх „Кобзарях“ — два рядки крапок,—а в рукоп. Деп. Пол. цей уступ читаеться так:

І Межигорського Спаса
В ночі запалила,
І по Дніпру у золотій
Галѣрі гуляла,
На пожар той поглядала,
Нишком усміхалась.

463, 3 зн.: тогді поділили, — в рук. Д. П.: *Німоті ділили.*

— 2 зн.: І паном на Украïні, —, в рук. Д. П.: *та бахурям і байструкам.*

— 1 зн.: люд закріпостили, — в рук. Д. П.: закріпостил*а.* Далі по „Кобзарях“ стоïть рядок крапок. В рукоп. Деп. Поліціï тут такий, одначе, текст:

Як Кирило з старшинами
Пудром осипались,
І в Цариці, мов собаки,
Патинки лизали.

464, після рядка 4-го — рядок крапок. В рукоп. Деп. Поліціï стоïть тут цілих 4 рядки:

Ляхи були, усе взяли,
Кров повипивали!
А москалі і світ божий
В путо закували.

464, 8: до Турчина, — в рук. Д. П.: *До нехриста.*

— 10: в Слободзеï, — в рук. Д. П.: *Головатий.*

— 12: Головатий, — в рук. Д. П.: *підмовляе.*

— 13: хлопців підмовляе, — в рук. Д. П.: *Черкеса лякае.* В рукоп. Д. П. після рядка 13 знизу на стр. 464 текст кінця поеми зовсім одмінний і значно короччий, а власне ось який:

Згадували Запорожжя,
Козацькую славу,
І співали у двох собі
Про Чалого Саву,
Про Богдана недомудра,

Ледачого сина
І про Гонту мученика,
Й славного Максима.
А Ярина їх слухала,
Та святих благала...
Ублагала: на всеїдній
З Степаном побрались.

466, 7: І немощну мою душу
За світ посилаю. —

в рукоп. Д. Пол.: *думу*, і це цілком правдиво.

— 6 зн.: а дивишся, — в рукоп. Д. П. *а дивіться...* Помилка сталася од того, що й *дивиться* і *дивишся* — на письмі дуже похожі.

---

33. Великий Льох.

Вперше видруковано у Львів. К. 1867, а потім у „Правді“, 1869, № 2 і 3 (стр. 12—16), але почавши II розділом; нарешті — в Женев. вид. року 1890 (не знати, з якого рукопису). Автографа немає. Пражський Кобзарь має значні відміни, але варіанти Праж. вид. гірші за Львівськ.; редакція тексту Львів. вид. пізніща. Крім того, в примітках до Праж. Кобз. є ще варіанти з *першого* рукопису (між иншим, де які варіанти, в додачу до тих, що подано в Пражск. К., зроблено рукою В. П. Науменка, у його власному примірнику). Таким чином маємо досі чотири редакції поеми: перший рукопис. (прим. Праж. К.), Женевськ. вид., Пражск. К. (основний текст) і Львів. К. Зауважу, що у Львів. К., текст якого узято з „Правди“, першого розділу („Три душі“) немає, бо немає його і в „Правді“.

Дата написання поеми досі була *р. 1845. Миргород* [1]), але з того рукопису, що знайдено цього року в Департ. Поліції, можна здогадуватися, що дата має бути: *21*/х. *1845* [2]). Цей рукопис дає п'яту ще редакцію — найранішу за всі.

---

[1]) В „Правді“, р. 1869, № 2, стр. 12 говориться, що поему цю написано р. 1846.

[2]) В рукописові цьому „Великий Льох“ стоїть поруч з „Суботовим“ (далі за ним), і вже під „Суботовим“ поставлено дату *21 х 1845*. Власне в рукоп. Деп. Пол. так воно стоїть: спочатку (№ 17): Копають день, копають два (кінець „Вел. Льоху“), потім (№ 18): „Стоїть в селі Суботові“ (в ряд з ним, і з датою: 21/X 1845,

Одміни:

Попереду всього в рук. Деп. Пол. під заголовком подано епіграф „Положилъ еси насъ сосѣдомъ нашимъ подражаніе и поруганіе сущимъ окрестъ насъ. Положилъ еси насъ въ притчу во языцѣхъ, покиванію главы въ людехъ. „Псаломъ 43, ст. 14—15.

428, 6 зн.: на похиленому хресті, — в Праж.: *на похилившемусь*. У Львів. К., де немає початку поеми, немає й варіанта. Джерелом для *похилившемусь* служив текст тієї ред., що і в Женев. вид.: там теж: *похилившемусь*.

— 1 зн.: Ми тепер душі, а не люде, — це вар. з приміт. Пражск. К. (так і в рукоп. Деп. Пол.), а в Пражськ. основн.: *пташки-душі*, що значно краще.

428, 2 зн.: як розкопуватимуть льох,—в Праж. та й у Женевськ. р. 1890: *як той* розкопуватимуть льох.—Так воно і повинно бути.

429, 1—Тогді-б у рай нас повпускали.—В Пражськ. вид. немає, а з'явилося вперше в Женевськ. вид. 1890. В рукоп. Деп. Пол.: *тоді у рай їх повпускаєш*.

429, 4: як все москаль позабірає,—в Праж.: *порозбірає*.

429, 7: як була я людиною,—в Женевськ. К. р. 1890: *молодою*.

429, 8: то Прісею—так в Пражськ., а в перш. рук.: Пріською.

429 9: я оттутечки й родилась,—в рук. Д. П.: *я от-тутечки родилась*.

429, 10: тут і виростала,—в Женевск.: *тута й* виростала.

429, 13: з тим Юрусем гетьманченком,—так в Пражськ. К.; в рук. Деп. П.: гетманенком, а в прим. до Пр. К.: *із Юрусем;* в Женев.: *І з Юрусем.*

429, 14: у піжмурки граюсь,—в Женев.: *граєм.* Так і в рук. Д. П.

429, 16: та й кликне в будинок.—в Женев. не (.). а .....

— 17: оттам мені,—в рук. Д. П.: *а там.*

429, 15 зн.: до гетьмана ж, як приїдуть, — такого варіанта ніде я не стрічав; в Пражськ. К.: *а до гетьмана як прийдуть*; в рук. Д. П.: *А з гетманом.*

Марьинское); далі (№ 19): „І мертвим і живим“, а ще далі (№ 20): „Великий Льох“ (без кінця). Робити з цього якісь висновки, напр., що Суботів—це дальший протяг „Великого Льоху“, немає підстав: з того розпорядку віршів, який бачимо в рук Д. П., ясно, що переписувалися вони не в хронологичному ладу, а як попало: після віршів з 18/XI 1845 та 21/XII 1845—іде знов 21/X 1845; або після 30/XII 1844—9/X 1843 і т. и.

429, 10 зн.: росла, виростала,—треба: росла—виростала.

— 6 зн.: любили й кохали,— в рук. Д. П.: любили *й вітали.*

430, 2: як на тее,—так в рук. Д. П.; в Праж.: як на тее-*ж*;— так і треба.

— 3: і рушники ткались,—в рук. Д. П.: *й рушники вже.*

— 10: — криниця

засунулась і висохла,—в Праж. гірше: запустіла... В рук. Д. П.: *замулила*; в Женевськ.: *засунулась.*

— 11: а я все літаю,—так і в Женевськ., а в Пражськ. гірше: *вітаю.*

— 12: дивлюсь:—в Женевськ.: *дивлюся.*

— 14: та вповні шлях перейшла їм,—в 1 рук. „ім перейшла“, в Женевськ.: *та вповні шлях і перейшла.*

— 11 зн.: тою клятою водою,—в 1 р.: тою проклятой водою

— 5 зн.: за те не пустили,—так і в Женевськ. в Праж.: не пускають.

431, 1: я була ще недоліток,—так і в Женевськ.; а в Праж. гірше: *недолюдком.* Очевидно, помилка: в рук. Деп. Пол.: *недоліт-ком.*

— 5: і старого і малого,— в Женев.: *і малого, і старого.* Так і в рук. Д. П.

— 8: у самих палаток,—в рук. Д. П.: у самих *палатах.*

— 15: од матері неживоі,—так в Женев. а і рукоп. Д. П.; в Пражск.: неживою.

— 16: що вже я просила,—так і в рукоп. Д. П., а у Львів. 1893: *що то вже.*

— 16 зн.: москалям на грище,—в Праж.: *на зрище* (sic!)

— 15 зн.: я сховалася,—в Пражск.: *я заховалась.*

— 13 зн.: і осталась,— в рук. Д. П.: *й зосталася..*

— 11 зн.: і в тій хаті поставили,—Праж.: і в *ту* хату.

— 9 зн.: як вертався з під,—в рук. Д. П.: *як вертавсь із під.*

— 8 зн.: я ішла з водою,—в Праж. і в Женевск.: я йшла за водою; в рук. Д. П.: *А я йшла з водою.*

— 7: до хатини,—в Праж. і Женевськ.: повз хатину; в рукоп. Деп. Пол. і в прим. в Пражськ. К.: *до хатини.* Але *повз*—краще. В Женев.:—*повз хатою* (!).

— 5 зн.: звелів коня напоіти,—так і в Женевськ.; в Праж.: *каже* коня напоїти; так само і в рук. Д. П.

— 3 зн.: я й не знала,—в рук. Д. П.: *я не знала.*

432, 2: а на завтра як цар вийшов,— в Праж.: *Царь поїхав в Московщину*, а в прим. в Пражск. К.:

На порозі, як царь вийшов.
Мене поховали.

В рук. Д. П. так, як у Романчука, тілько: похова*ли*.

— 6 та, що й мене привитала,—в Женев.: *та ще й мене* привітала; так і в рук. Деп. Пол.

— 8 — 9: А по завтрі й вона вмерла
І зотліла в хаті, —

цих рядків в Пражськ. Кобз. немае, взято їх з Женевськ. редакції, тілько там: *А на завтра* й вона вмерла..... В рук. Д. П.:

А позавтрі й вона вмерла
Й зотліла.....

432, 13: і сволок з словами.—так і в Женевськ.: в Пражськ.; *хрещатий*.

— 16: і степами козацькими,—в Праж. і Женевськ.: *й бараками козацькими*.

— 11 зн.: А я в Києві родилась, — так і в Женевськ., а в Пражськ.: *Каневі*.

— 9: ще сповиту,—так і в Женевськ., а в Праж. гірше: *не сповиту*.

— 6 зн.: в Київ,—Праж.: *Канів*.

— 5 зн.: а ми з матірю сиділи,—так і в Женевськ., а в Праж.: *а я* з матірью сиділа.

433, 3 — 6: На Дніпр поглядала
І галеру золотую
Мені показала,
Мов будинок, —

так в Женевськ., а в Праж. гірше:

І .... і показала
На галеру золотую:
„Он глянь лиш“, сказала:
„Мов будинок пливе“... А в галері.

— 8: воеводи, а між німи,—в рук. Д. П.: *і* між ними.
— 16: на митарства,— в рук. Деп. Пол.: на митарст*во*.

— 13 зн.: голодна вовчиця,—в прим. Пр. К.: *львичище.* В Пражському та і в Женевськ. тут ще один рядок: *скажіте, сестрици,*—якого в виданню Романчука немае.

12 зн.: полетімо,—так в Женевському; в Праж.: полетіли.

— 11 зн.: в Чуту—в Праж.: в пущу; але в прим. Пр. К. теж в: *Чуту*. До слова „Чуту“ в Женевськ. виданню додано внизу примітку: „Ліс коло старої Січі“.

— 9: відтіль буде чути,—так в Праж., а в Женев.: *виднійш буде й чутно.*

— 8: схопилися білесенькі,—в Праж. щось недоладне: сховалися білесенько [!], — замість білесень*кі*. Але куди ж „сховалися“? Теж помилка!

— 7: і в ліс...,—в Праж. і Женевськ.: у *ліс*.

— 6: і в купочці на дубочку,—в Праж. не добре: *і в кусточку на дубочку*. Цей варіант власною рук. Ш. у власному примірникові „Кобзаря“ виправив на: *і на гілонці на дубі.*

434, 6: та три злоті, — в рук. Д. П.: та три злот*а*..

— 9: І коза по водѣ, — в рукоп. Жемчужникова (З. Н. Т. т. 39) — *А* коза по водѣ (так в рук. Д. П., так і в „Правді“). Взагалі усі 4 рядки треба писати по російські, а не по українські, як у „Правді“, Львівськ. 1867 та у Праж. виданнях.

— 17 зн.: мохом поросли, — в 1 рук.: *лихом.*

— 8: є чим розговітись,—у „Правді“ та у Львів.: *й є* чим розговітись, в Пражськ.: й є чим поживиться.

— 6: є чим поживитись? — так в „Правді“ і у Львівському, а в Праж.: *є на що дивиться?*

— 3: е, сестриці, — в „Правді“: — *сестриця*

— 2: три укази, — в рук. Д. П.: указ*а*.

435, 1: на яку це? — в Праж.: *на яку ще?*

— 5: в одній версті, — в рук. Д. П.: *въ одной верстѣ.*

— 15 зн.: уже й запишались,—так в „Правді“ та у Львів. (власне у „Правді“: запиталались); в Праж.: *то вже запанілись.* У Львів. 1893: *то вже* запишались... Але звідки це?

— 10 зн.: а дзуски вам, — так у Праж.; у „Правді“ та Львів.: *а зась вам.*

— 6 зн.: дивись, які! — так у Пражськ.; у „Правді“ та Львів.: *дивись яка.*

— 3 зн.: цитьте, недоріки!—так у Львів.; в Праж.: *дзус, вам.*

436, 7: Утопилась би, — в рук. Д. П.: утопил*ася б.*

— 11: А про тебе, щебетуху, — в рук. Д. П.: щебетух*о*.

— 17 зн.: от-от я їх поховала, — так у „Правдї“ і Льв.; в Праж.: *поканала;* в рук. Д. П.: от-от *уже* поховала.

— 15 зн.: і з шведською приблудою, — так у „Правдї“ і Льв.; в Праж.: *з Мазепою приблудою.*

— 14 зн.: та й тогдї ж творилось, — в Праж. нема.

— 13 зн.: Виростаю, — в рук. Д. П. щось инше, немов би: *А злишаю* (?!).

— 8 зн.: просто-козаками (так в Праж.), –треба: просто козаками (як у „Правдї“ та у Льв].

437, 4: у Іржавцї, — в рук. Д. П.: *у Ржавицї.*

— 8: з татарами помутила, — в Праж.: *з татарами послужила,* а у „Правдї“ та у Льв.: *з татарином помутила.* Звідки у Романчука: *з татарами?*

— 11 — 12: тай Русь німцям продала; — у Льв., як і в „Правдї“: *та й Німцям запродала,* (один рядок), а в Праж.: *Та все Німцям продала* (двічі). І тут щось непевно,—звідки: *Русь Німцям?* В рук. Д. П.: *Да нъмцам запродала* (один раз).

— 14: *Та й ти,* — так в Пражск., а у „Правдї“ і Львів.: *да ти*; в рук. Д. П.: *та ти.*

— 15: *так кацапів,*—це взято з „Правди“, бо у Пражському: *козаків.* Розуміється, правильнїще *кацапів закріпила,* бо далї: *у німецькі кайдані.*

— 16: у німецькі кайдани, — так у „Правдї“, а в Праж.: *у німецькиї кайдани.*

— 11 зн.: *вже ж і Січ,* — так у „Правдї“; в Праж.: *уже й Січ.*

— 10: Жидовою поросла, — так у „Правдї“; в Праж.: *Німотою.*

— 5: Що Москалі в Українї
З козаками діють, —

так у „Правдї“; в Праж.:

Що москалі з козаками
В Українї діють.

— 3 зн.: *от-от указ,* — так в Пражск., а у „Правдї“: *оце указ.* Перве—краще.

438, 10: *трошки б,* трошки,—так у Льв., а в Праж.: *трошки-трошки.*

— 12 — 13: тогді б разом дві руіни в „Пчелі“ описали, (тоб то у „Сѣверной Пчелѣ“). Це вар. з „Правди“. В рук. Деп. Пол. так само, тілько: „*Пчелњ*“. В Праж стоїть так, як зразу було у Шевченка:

Тоді б собі дві руіни
Разом роскопали.

— 16: дивитись,—у „Правді“; в Праж.: *дивиться;* те ж саме і далі, ряд. 18: творитись, — а в Праж.: *твориться.*

438, 16 зн.: на Вкраїні, — у „Правді“, у Львів. та в Праж.: „*в Україні.* Звідки: *на Вкраїні?*

— 12 зн.: другий буде,—ні в „Правді“, ні у Льв., ні в Праж.: *буде* немає, а замість нього ..... В рукоп. Деп. Пол.: *другий буде* (*оце вже наш!*).

— 10 зн.: наш вже в череві щіпає, — так в „Правді“; в Праж.: *він вже в череві кусає.*

— 6 зн.: усе добре поплюндрує, — так у „Правді“, так і в рук. Деп. Пол.; в Праж.: *усе добро.* „Добре“ краще, бо й далі:

„*На катів та на все добре*
Кайдани готують“...

439, 7: ні, він клятий недовірок, — так в Пражськ.; у „Правді“: *а він клятий недолюдок.;* в рук. Департ. Поліції: *ні, він клятий недолюдок.*

— 15 зн.: над Києвом, — так у „Правді“; в Праж. і рук. Департ. Поліці: *над Чигрином.*

— 13 зн.: І над, — в „Правді“: *А над;* в рукоп. Деп. Поліції: *І над.*

— 10 зн.: гора в Чигирині, — так в „Правді“, а в Праж.: *над Чигрином.*

— 9 зн.: О, сміється і радіє
Уся Україна, —

так у „Правді“ і Льв., тілько не *радіє*, а *ридає* (так і в рукоп. Д. П.), а в Праж.:

І радіє на руїнах
Певна Україна.

— 5 — 4: Що Йванами
Обох буде звати, —

в „Правді“ правильніш: *обох будуть звати.*

— 3 зн.: полетімо, — так у „Правді“, а в Пр.: *полетимо.*

440, 8: побіжить...... зо мною — в „Правді“ — *за мною.*

— 5 зн.: *ти б то* — так у „Правді“, в Праж.: *ти то*; так і в рук. Деп. Пол.

441, 4: та сідало, — в „Правді“: та сідал*а*.

— 8 — 9: Бо є чутка, що цар хоче
Весь світ полонити, —

так у Льв.; а в „Правді“: *бо чутка є*; в Праж.:

Бо чутно есть, що царь хоче
Весь мир полонити.

— 11: а може й так, — так у „Правді“ в Праж.: а може *ще* й так.

— 14: що й хмари, — так у „Правді“; в Праж.: *й* немає.

— 15: як ізлізти, — так у „Правді“, у Львів. і в Пражськ., а в прим. в Праж.: *як підскочиш*; в рук. Деп. Пол.: *як вилізти.*

— 12 зн.: *а нічого,*—так у „Правді“; в Праж.: *та нічого.*

— 10 зн.: от для того,—так в Праж.; у „Правді“ та Льв., *от для чого*:

— 6 зн: за Тясмином, — в рук. Деп. Пол.: *за Тясмою.*

— 4 зн: провадиш, — так у Праж., а у „Правді“ і Льв.: *провадить.*

442, 7: співа, — так у Льв., в Праж.: *співать* (!).

— 9: і про *Ясси,* — так у „Правді“, Льв. і в прим. в Пражськ К., а в Праж. (основн.): і про *Красні* (далі: і про *Жовті* води).

— 16: базар людей посходилось, — у „Правді“ і Льв.: *насходилось*, у Праж.: *насходився.* Звідки у Романчука: *посходилось*? В рук. Деп. Пол.: *базар люду.*

— 17: та й панства не трохи, — так у „Правді“, у Льв. і в Праж.; а в прим. в Праж. Коб.: *й поживи не трохи.*

— 18: От де нам пожива буде, — в Праж. вид. цього рядка немає.

— 16 зн.: а ну, заспіваймо,—і в „Правді“, і у Льв., і в Праж.: заспіва*єм*.

— 13 — 10—так у „Правді“ і Льв., тілько не *„полягаймо“*, а *„полягаєм“*; так і в рукоп. Департ. Поліц. А в Праж. замість 4-ьох рядків — 2:

Та цур йому!
Ляжмо трохи спати.

В прим. в Праж. К. так: Краще полягаймо та виспимось.
День великий; ще будем співати.

— 9 – 7: І я кажу. Помолимось
Та будемо спати, —

взято з прим. в Праж. К.; у „Правді“ і Львів. К. немає зовсім; в Праж. иначе:

І я кажу, — обісіє
Ще й у день співати.

— 2 зн.: копають два, — так у „Правді“ і Льв., а в Праж.: *другий.*

443, 3: поставивши караули,—так у Праж.; у „Правді“ та Льв.: *поставили калавурі.*

— 11: Вірній діло! — в рук. Д. П.: *Вірнѣй дѣло!*

— 14: і мов усміхались,—так у „Правді“ і Льв., в Праж.: *усміхнулись.*

— 16 зн.: то *б* добре, — так у Льв.; в Праж.: *б* немає.

— 14 зн.: засміялись, — так в рук. Деп. Пол., у Льв. і в прим. в Праж. К., а в Праж. (осн.): *кому-небудь.*

— 11 зн.: а він *то*,—так у Праж.; у „Правді“ іЛьв.: а *він ще*; в рук. Д. П.: а він *же.*

— 9 зн.: та дурнем убрався,—у „Правді“ і у Льв.: та *й* дурнем убрався, а в Праж.: *та дурня й добрався;* в рук. Д. П.: та *в дурні й убрався.*

— 6 зн.: у москалі заголив би, – так у „Правді“ і у Льв.; в Праж.: *загатив би.*

— 2 зн.: Яременка, — до цього слова в рук. Д. П. Шевч. додав: „козака Яременка клуня стоїть на тім місці, де стояли палати Богдана“.

444, 1: *увесь* народ, — так у „Правді“ і у Льв.; в Праж.: *і ввесь.*

— 2: моїх налітає, — так у „Правді“ і у Льв.; в Праж.: *оттих покликає.*

— 3: *Вы что*, — в рукоп. Деп. Пол.: *ви што,*

— 15: оттак-то льох і Богдан той, — так в Праж., а у „Правді“ і у Львів.: *оттак пісні Богданові;* в прим. в Праж. К.:

Випороли по московські:
Боже правий!
Оттак пісні Богданові!

— 20: ще й не дошукались, — так в Праж.; у „Правді" і у Льв.: не дошукал*а*сь, а в прим. в Праж. К. ще й не докопались.

---

34. Суботів.

Вперше видруковано в „Основі" 1862, кн. 7, 6 — 7. Той самий текст у „Вечерницях" 1862, № 39, та в Пражськ. К. 1876, але повніщий, — есть, напр., рядки:

Занапастив еси вбогу
Сироту Вкраїну ....

В цьому останьому переіменовано „Суботів" в „Могилу Богданову" (дата: „перед 19 лютим 1861 року у Петербурзі"). [1]) Копія вірша есть в Науковому Товаристві [2]) ім. Шевченка, яка дае деякі варіанти, досить лихі проти звичайного тексту. Очевидно, списано її з першої редакції. Більше варіантів маемо з коп. Л. Жемчужникова (З. Н. Т. т. 39), поправленої рукою Ш. і з датою: 21/х 1845. Він мае найбільшу ціну,—все одно, які автограф,—і текст цього вірша в рук. Д. П. мало чим ріжниться од тексту у вид. Романчука.

Дата поезії 21/х 1845, Марїнське.

Одміни:

231, 10: не так воно стало,—дивно, звідки д. Романчук узяв цей варіант, коли і в „Основі", і в „Вечерницях": і в копії Жемчужн., *сталось*.

— 7: церква, — в рук. Д. П.: *церков*.

— 11—12 — Москалики, що зазріли,
То все очухрали,

в „Основі", у Львівськ. та Пражськ. К. немае. В копіі Л. Жемчужникова стоїть:

Москалики, що *зустріли*
То все очухрали.

В „Вечерницях": що *заздріли*.

---

1) Це через те, що в „Основі" подано було примітку: „это стихотвореніе написано задолго до манифеста 19 февраля 1861 года".

2) Див. про неі З. Н. Тов. т. LV, Misc. 6.

— 13: могили вже розривають, — так само і в рук. Д. П.; так скрізь, крім копії в Н. Тов., де: *все* (!) розрівають.

— 17 зн.: Що за труди, — в рук. Д. П.: *Що й за труди.*

— 15—14 зн.: Занапастив-єси вбогу
Сироту Украйну,

немає ні в „Основі“, ні у Льв. та Праж. Кобз. В „Вечерницях“ і в копії Жемчужникова: *сироту Вкраїну.* Таку форму і слід прийняти до „Кобзаря“.

— 13 зн.: за те ж тобі така й дяка,—в копії Жемчуж. і в „Вечерницях“ без: *„й“*, а в копії Н. Тов.: *„доля“*.

— 12: церква, — в рук. Д. П.: *церков.*

— 8 зн.: Ляха задавили,—так в рук. Д. П. і в коп. Жемчужникова, а в коп. Н. Тов.: ляхи задавила“...

— 5 зн.: Зиновію,—в коп. Жемч.: Зіновію; так і в „Основі“.

232, 2: а що ми, — в коп. Н. Тов.: *що вони;* так і в рук. Д. П.;

— 4: та Полякам. Може й справді, — в коп. Н. Т.: *Та Ляхам. А* може й справді.

— 5: нехай і так буде, — в коп. Н. Т.: *по їх.*

— 6: Так сьміються з України
Сторонниї люде, —

в коп. Н. Т.: сміються *ж*. Це *ж* важне тим, що показує, який тут логічний наголос має бути: на *сміються*, а не на *так.*

— 8: не смійтеся, — в коп. Н. Т.: не смійтеся *ж*: так і в рук. Д. П..

— 9: церква, — в рук. Д. П.: *церков.*

— 14: і помоляться на волі,—у Львів Кобз. 1867, очевидно, через помилку: і помоляться волі. —

---

35. Наймичка.

Вперше видрукував П. Куліш в „Зап. о Южной Руси“. т. 2. р. 1857; вдруге видруковано в К. р. 1860. Дату визначали досі [приблизно) р. 1844. Але цього року в арх. III отд. знайдено разом з иншими творами і „Наймичку“, і там дата стоїть: 13/XI 1845. Переяслав. Автограф „Наймички“ єсть в бібліотеці Моск. Имп. Общ. Истор. и Древностей Россійских, в паперах О. Бодянського, № 159, але мені не довелось його бачити. В музею В.

Тарновського в Чернигові есть рукопис Леон. Влад. Тарновськоï з рр. 50 чи 60. Зшиток на 10 піваркушах сірого паперу. Хоч він і немае значіння автентичних писань, але як близький до часів постання оригіналу, все ж мае в собі де-що й вартого уваги, бо списано, очевидно, з оригіналу, ранійшого за видрукований в Зап. „Юж. Руси“.

411, зн.: до лоня,—в рук. Деп. Пол.: *до лона.*

402, 4: оттут серед лану? — в рук. Деп. Пол.: *серед лану в тумані?*

412, 12: моеі недолї,—в коп. Тарновськоі, замість цих слів: „ні не ховай!“, що мае також свою рацію.

413, 13: іскупай,ісповий,—в рук. Деп. Пол.: *нагодуй, ісповий.*

— 17: у-двох,—в рук. Д. П.: *вдвох.*

413, 6 зн.: та діточок у іх біг-ма, –в коп. Тарн.: *у іх*—немае; немае і в рук. Деп. Пол.

— 1 зн.: спомяне,—в рук. Д. П.: *помяне.*

414, 3: і згадае дякуючи,—в рук. Д. П.: *згада*е їх.....

414, 15 зн.: ані хмариночки,—в коп. Тарн.: *а ні хмарочки.*

414, 6 зн.: заворушилось,—в рук. Д. П.: *поворушилось.*

415, 4: як помремо,—в рук. Д. П.: *як умремо.*

— 5: — сама не знаю,—в Кобз. 1860 стоïть: Бог знае! I це й краще. В рук. Д. П.: *й сама нс знаю.*

415, 7: аж сумно,—в рук. Д. П.: *аж нудно.*

415, 16 зн.: зупинились,—в рук. Д. П.: опинились.

415, 3 зн.: та й не туго,—в рук. Д. П.: *та не туго.*

415, 13 зн.: манюсенькі [рученята],—в коп. Тарн.: *малюсеньке...* [тоб-то, дитинча].

417, 8: хоча воно вже й підросло,—в коп. Тарн.: воно *і* підросло....

417, 10: коло його піклуковатись,—в копï Тарн.: *пильновати.* Тілько чи буде по украïнські: *коло його* пильновати?

417, 14 зн.: зароблену плату,—в коп. Тарн. немае, та цей рядок і справді немов зайвий.

417, 10 зн.: ні ти нас,—в рук. Д. П.: *і ти нас.*

418, 9: головоньку,—в рук. Д. П.: *й головоньку.*

418, 11 зн.: чого,—в рук. Д. П.: *на що.*

418, 9—6 зн.: цих рядків в копіï Тарн. немае зовсім.

418, 9 зн.: чого вона,—в рук. Д. П.: *на що вона.*

419, 2: вона чуе з тіï хати,—в коп. Тарн.: *в другій хаті* — Це й краще.

— 7: величае,—в рук. Д. П.: *називае.*

420, 4 зн.: танцює,—в рук. Д. II.: *жартує*.

420, 1 зн.: у двір,—в рук.: *на двір*.

421, 3: знай бігає,—в рук. Д. II.: *аж танцює*.

422, 8: на акафист у Варвари,—у своєму примір. „Кобзаря“ Ш. виправив: *на молебствіє Варварі*.

422, 15 зн.: і всім святим поклонившись,—в коп. Тарн.: *поклонилась*.

423, 7: розтавала,—в рук. Д. II.: *й роставала*.

423, 14: щоб швиденько верталася,—в коп. Тарн.: *вернулася*. В рук. Д. II.: *щоб швидченько верталася*.

423, 13 зн.: унучок,—в рук. Д. II.: *онучок*.

— 11 зн.: у Катрину,—в рук. Д. II.: *у мамину*.

423, 10 зн. засміявсь,--очевидно, треба: *засміявся*—тоді й ритм і рифма до *засміявся* будуть додержані. В Кобзарі 1860 одначе „засміявсь“.

424, 3: питалася,—в рук. Д. II.: питається.

— 5: додибала,—в рук.: Д. II.: *доплелася*.

— 11: і внучатам із клуночка,—в рук. Д. II.: *і онучатам із клунка*.

— 2 зн.: ввійшла,--в рук. Д. II.: *ввійшли*.

425, 3: стара Ганна,—в Кобз. р. 1860: *моя Ганна*. Так і в коп. Тарновської; так і в рукоп. Департ. Поліції.

425, 13 зн.: тяжко Катре, умірати,—в рук. Тарн.: *страшно*.

425, 9 зн.: й маслосвятіє служили,—в рук. Д. II.: *справляли*.

426, 7: ох, як би я знала,—в рук. Тарн.: ох коли б.

426, 13: воли попасає,—в рук. Тарн.: *поганяє*.

427, 6: Христе Боже,—в Кобз. р. 1860: *Спасителю*! Так і в рук. Д. II.

427, 12 зн.: воли батько,--в рук. Д. II.: *батько воли*.

— 9 зн.: у порогу,—в рук. Д. II.: *у порога*.

428, 11: сльози,—в рук. Д. II.: *й* сльози.

428, 17—18: Зомлів Марко,
Й земля . . . ,—в рук. Тарн.:

Марко хлипав,
Аж земля . . . В рук. Д. II.:

Марко слухав,
І земля дрожала.

---

36. Кавказ.

Вперше видруковано в Лейпцигу р. 1859 в книжечці „Новыя стихотворенія Пушкина и Шавченки“. Цінний також текст видруковано в „Вечерницях“ р. 1863, ч. 13 [1]) та у Львівськ. виданні р. 1867. Редакція цього останнього пізніща за редакцію в Лейпцигськ. виданні. Крім того дуже ранню редакцію маємо в Примітках до Пражськ. Кобзаря. Знайдено цього року цю поезію в архиві Департамента Поліції; текст її найраніщий, досить близький до того, що в примітк. в Пражськ К. та Лейпцг. виданні.

Досі датували „Кавказ“ 14/XII 1845, але виявилося,—таки з знайденного в Департ. Поліції рукопису, що поему цю викінчено *18*/XI *1845 у Переяслеві* і присвячено „*Искренному моему Якову де Бальмену*“.

Особливости ріжних редакцій такі:

232, 16 зн.: *хмарами* повиті—в початк. редакц. (в Примітк. Пражськ. Кобзаря) — *хмарою*; так і в рук. Деп. Пол.; у Львів. — *хмарами*.

— 12—11 зн.: довбе ребра,
Серце розбиває;

в Лейпцигському виданню:

Добрі ребра
Й серце розбиває.

Зразу можна було б подумати, що тут помилка, що видавці Лейпц. видання „довбе“—перевернули на „добрі“. Одначе *добрі* і в рук. Деп. Пол.

— 9 зн.: живучої крови, — в рук. Д. П.: *живущої*.

— 6 зн.: не вмірає *душа наша*, — в примітках д. Романчука до Кобзаря р. 1860 записано: Не вмірає *наша правда*, —і це найкраще; такий варіант трапляється в цій поемі і далі (233, 9): *а правда наша пяна спить*.

— 4 зн: не *видере*
На дні моря *поля*, —

1) На жаль, не довелося мені мати усих чисел „Вечорниць“ за рік 1863, і між иншим і ч. 13, де видруковано „Кавказ“. Але здається, що текст Львів. К. 1867 той самий, що у „Вечерницях“.

зразу можна було б подумати, що це помилка—замість „*не виоре*“, як це скрізь стоїть тепер по „Кобзарях“, але в примітках д. Романчука також було зразу: „не видере“, та потім поправлено на: не виоре.

— 3: виоре по*ля*—в рук. Д, II. та у Львів. 1867 стоїть: пол*е*.

— 1: і слова живого—так у Львів. 1867, а в Лейпц.: і живого слова. Так і в рук. Д. II.

233, 3: не нам на *прю* з тобою стати.—В перш. редакц. (прим. Пражськ. Кобз.)—*на суд,* але в инших виданнях *на прю,* в Лейпц.: *на при*(!). Вираз цей уживає Шевченко ще раз в „Івані Гусові“ (в недавно знайденому кінці):

Чого мене,
Чи *на прю* позвали?

— 8: знущаються—в рук. Д. П.: згнущаються.

— 10: коли ж,—в рук. Д. П.: *коли.*

— 11—13—ці три рядки мають чимало плутанини. В Лейпцигськ. вид. вони читаються так:

Коли ж одпочити
Даси, Боже, утомленим
І нам даси жити?

Так воно, знати, й було одразу, так і у Львів. вид. 1867 р., але в „Вечерницях“ та в рукописних замітках Романчука стоїть:

Ляжеш, Боже, утомлений,
І нам даси жити.

До речи зауважу, що „й ляжеш, Боже, утомлений“ стоїть і в рук. Деп. Пол., і в примітках у Праж. Кобз., а через усе це й треба його прийняти.

— 15: І слову *живому* (так у Львів. вид. 1867), а в давніщих редакціях — в Лейпциг. та в прим. у Праж. К. стоїть: *твойому,* а в початков. ред. Деп. Пол.: і слову і *духу.*

233, 16 зн.: поклоняться всі *язики* (так у Льв. 1867), — так і в Лейпцігському, тілько не: *во віки,* а *на віки...* А в прим. в Пражськ. К. стоїть так:

Поклоняться всі народи,
Поклоняться всі язики.

В рукоп. Деп. Пол.: *помоляться всі язики.*

— 12 зн.: *хмарами* (у Льв. 1867), — в Лейпцигськ.: *хмарою*; так і в рук. Департ. Поліції.

— 4 зн.: *імператорів* — в Лейпцігськ. — *цариків.*

— 3 зн.: ...втопить, — це слово вперше додано в редакції Львів. видання (р. 1867), а в Лейпцигськ. його не було, і це не вадило нічого; тілько тоді згаданих особ стало б „в сльозах вдовиці і дівочих“ не *втопить*, а *напоїть*...

— 2: в сльозах удових. А дівочих... , — такий варіант вперше у Львів. Кобз. (1867), а в Лейпцигськ. так воно стоїть:

В сльозах вдовиці і дівочих,
Пролитих....

— 1 зн.: *нишком* — так в Лейпцигськ. вид., а в рук. Деп. Пол. і в прим. в Праж. К.: *тайно.*

234, 2: а батьківських, -- в рук. Деп. Пол.: а *батькових.*

-- 10: і вам *лицарі* великі, — в Лейпцигськ. вид. помилка: *дикарі* (!).

— 14 — 15: За нас воля
І правда святая, —

в рук, Департ. Пол.:

За нас *слава*
І воля святая.

— 16 зн.: ніхто *й* не візьме за своє, — в Лейпц. „й“ немає.

— 15 зн.: не поведе тебе в *кайданах*. — В Лейпц. „в кайда*ни*“; так радить і М. Кр-ський, не відаючи, певне, про Лейпцигський варіант. У Львівськ. Кобз. р. 1867, пізніщому варіанті, — в *кайданах,* через що й не слід уже переміняти на кайда*ни.*

— 14 зн.: *У нас* — на те письменні ми, — цього „у нас“ в Лейпцигськ. вид. зовсім немає, а після двох рядків крапок, стоїть:

На те нисчаснны мы
Читаем...

(мабуть помилка зам. *письменни*: на це вказує два *н* та *ни,* а не *не,* на початку). В перш. редакц. (прим. у Пражськ. Кобз.) стоїть: *А в нас?* Але зважаючи на те, що в „Вечерн.“ та у Львів. 1867: *у нас*—мабуть буде краще лишити це останнє.

— 10 зн.: в золоті і голі, — в прим. в [redacted]жськ. *золоті есьми.* В Лейпцигському вид. після „золот[redacted] $1^1/_2$ ря[redacted] крапок, і далі починається з

„Ми не погани,
Ми настоящі христіани...

— 10 — 8 зн.: рядки ці з'являються у Львів. вид. 1[redacted]

— 7 — 6: Ми христіяне: храми, *школи*,
Усе добро, сам Бог у нас! —

тут, я певен, допущено помилку у Львів. вид., з якого д. Романчук узяв цей варіант, і виправити її треба. держачись Лейпцигськ. видання. А в Лейпц. вид. стоїть таке:

Ми не погани —
Ми настоящі христіане:
Храми, *ікони*
Все добре, сам Бог у нас.

Очевидно, що за *храмами* має стояти *ікони:* над *школами*, (як би ж то вони справді були!) Ш. не став би гірко іронізувати.

234, 3 і 1 зн.: перед *чом* — обидва рази в Лейпц. вид. вставлено: *і.*

— 2: та *так* не кинем, — (так у Льв. вид.), але в Лейпциг. і в прим. в Праж. К. стоїть: *вам*, і це, здається, правдивіще буде.

235, 1 — після цього рядка в Лейп. вид. 2 рядки крапок,

235, 2: *та й тілько...* (так у Львів. 1867), а в Лейпцигськ.: *І тілько ж*, а далі кінця рядка 2 і цілого 3 — в Лейпц. немає.

— 4: Ми малим ситі! А за те — в Лейпц.: а за *то...* В прим. в Праж. К. замість „малим ситі" — *до нас в науку.*

— 5: як би ви — в Лейпц.: *коли б ви.*

— 6: *де-чому навчились* — в Лейпц.: *де чого*, і це краще.

236, 10 — 12: Од молдаванина до финна
На всіх язиках все мовчить —
Бо благоденствує,

а в Лейпциг.: Од *Молдаванина* — стоїть у Львів. К. 1867 та у Лейпциг., в Пражськ.: *Молдаванна.*

Всі *мовчать* —
Бо благоденствуєм.

235, 16: жінку взяв *до себе*, — в Лейпцигськ. і навіть у Львів. 1867: *за себе.* Звідкіля ж „*до*“?

— 18 — 19: Ось бачите які у нас
Сидять на небі, —

так у Льв. 1867, — а в Лейпциг.: *ось бач.* Далі іде новий розмір, — треба „Ви ще темні“ з нового рядка писати.

— 16 зн.: догматами не просвіщенні (так у Льв. 1867). а в Лейпциг: *святим хрестом.* Так і в рук. Деп. Пол.

— 15 зн.: у нас навчіться, — в Лейпц. (очевидно, помилка): у нас научитеся...

— 14 — 13: В нас дери,
Дери та дай,
І прямо в рай
Хоть і рідню всю забери! —

так у Львів. 1867, так і в рукописови д. Романчука, — і инші варіант, як от у Пражськ. (основний):

Дери та дай,
Та *потім* в рай
Хоч і рідню всю забірай, —

краще одкинути,

Такий варіант узято з Лейпцигського вид., де стоїть:

У нас — дери, дери — та дай
Та й прямо в рай
Дочь (!) (очев.: *хоч*) і рідню всю забірай!

— 9 — 8 зн.: І зорі лічим, гречку сієм,
Француза лаєм, продаєм, —

так у Львів. 1867, а в Лейпциг. инакше:

Французькі (?) лаєм, гречку сієм,
Продаєм, — про „зорі“ немає мови.

— 7 зн.: людей, не негрів, — в Лейпц. зовсім правильно (та і у Львів. 1867): людей..... не негрів.

— 6: *но простих*, — в Лейпц.: *то* простих — що немає ніякої рації.

— 4 — 3 зн.: Щоб крадене перекупать,
Як ті жиди! Ми по закону!“ —

Як що після „як ті жиди“ поставити (.....), то ці 2 рядка будуть— так як в Лейпциг. виданню і у Львівськ. 1867. Так воно й повинно бути. А такий варіант, як в Пражськ.

Щоб крадене перекупать *та продавать*
Як ті жиди..., —

краще одкинути. Дуже може бути, що дійсно з цим уступом було так, як здогадується д. Романчука, — тоб то, що тут з 3 рядків зроблено два:

Щоб крадене перекупать
Та [опущено—кому] продавать
Як ті жиди.

— 2 — 1 зн.: По закону апостола
Ви любите брата? —

така інтерпункція в Пражск. Кобзар., і здається, вона правдивіша, ніж та, що у Львів. Кобз. з р. 1867, де після „брата“ поставлено (,), а знак (?) аж після дальших двох рядків:

Суєслови, лицеміри,
Господом прокляті?

А в перш. редакц. (прим. до Пражськ. К.) не так:

По закону апостола
Возлюбите брата! —

та й то мабуть не „возлюбите“, а „возлюбіте“, і ці два слова треба поставити в лапки: „возлюбіте брата“.

236, 6 — 8, — в Лейпциг. вид. ці рядки перестановлено так, що за 6-м іде 8-ий, а тоді 7-ий.

— 9: собі ж на те, *що* не знають, — в „Кобзарях“: *що* не знають, а в Лейпциг. стоїть: „*чого* не знають“, — і це найправдивіше, хоча виходить зайвий склад, але у Ш. це не раз трапляється.

— 13: за нас добрих? — скрізь „*добрих*“ — лишень в рукописови Романчука стояло „грішних“, але „добрих“ значно краще..

— 15: щоб ми з тебе насміялись? – скрізь так, а в Лейпциг. зовсім щось сплутано: чи може, щоб за тебе насміялись“.. В рукописові д. Романчука знов інакше: що би з тебе насміивались... — Це вже мало похоже на Шевченк.: щоби, та ще й: *насмівались*.

— 16 зн.: *і мірри дим*, — так в Лейпциг., так в Льв. 1867, так і в Пражськ. 1876, — в одних лишень прим. у Пражськ. К.: *мірри й дим*.

— 12 — 11 зн.: Просять...
Тобі приносять, —

скрізь так. Рада М. Кр-ського узяти: прос*им*, принос*им* — зовсім безпідставна, — скоріш уже може бути помилка раніш в рядку: *щоб ми з тебе насміялись*, де, може бути, повинно було стояти так, як в рукопису д. Романчука, — без *„ми“*.

В прим. в Пражськ. К., в рядку 11 зн.: тобі ж приносять.

— 9 зн.: та ще хочем, — в рукоп. Департ. Поліц.: та *ще й хочем*.

— 7 зн.: Сонце правди показ*ати*, — так скрізь, крім Лейпц. вид., де: *показать*.

— 5: все покажем, — так у Львівськ. і Пражському, а в Лейпциг. вид. та в прим. в Праж. К.: *всьому навчим* (чи научим?), але Ш., очевидно, поправив його на *все покажем*, бо далі через 6 рядків знову стоїть: *всьому навчим*.

— 1 зн.: як і плести, — в рук. Деп. Пол.: *і як* плести.

237, 2 — 3: Всьому навчим, тілько дайте
Взяти свої гори, —

скрізь так, крім Лейпциг., де щось опущено: „Всьому навчим, тільки дайте свої гори“... В Пражськ. „Кобз.“ перед *всьому навчим* вставлено ще оден рядок, якого ніде більше немає (не взяв його і д. Романчук) „І як під них спини підставляти“... Чи не інтерполяція це?

— 3 — 4: Ті останні, бо взяли вже
І поле і море! —

так скрізь, крім Лейпц., де інакше трохи:

Остатки (останні?) гори — бо все взяли
І поле і море.

— 7: мій Якове *любий*! — В Лейпциг. вид.: *добрий*. Так і в рук. Д. П.

— 9, — після „не чорну“ не (,), а — , як в Лейпциг. вид. (у Льв. та Пражск. стоїть [:]).

— 11: з московської чаші, — в Лейпц.: *чарки*.

— 15: могили в степу *назирай*, — так у Льв. та в Пражськ., а в прим. в Пражськ. К.: *наглядай*, а в Лейпциг.: *виглядай*. На цьому слові і кінчається текст Лейпцигського видання, — дальших 12 рядків немає.

— 14 зн,: *сіятиму*, — в прим. в Праж. К.: *сіятимуть*.

— 10 зн.: *тії* думи, — в прим. в Праж. К,: *мої* думи.

— 6 — 5 зн.: І могили, степи, гори, —
І мене згадаєш, —

в прим. в Праж. К.: *степ і море*... Очевидно, що *море* тут ні до чого, бо на Вкраїні його немає, щоб згадувати його разом з степом; а коли це море Чорне,—побіля Кавказу, де Яків де Бальмен жив тоді і де його убито, то через що він мав його згадувати, коли воно нічим не звязане з поетом?

---

37. До мертвих і живих і ненарожденних...

Вперше видруковано в книжечці „Новые стихотворенія Пушкина и Шавченки“, Лейпциг., 1859. Видруковано й у „Вечерницях“, 1863, № 15. [1]), а уривок „Учітеся, брати мої“—в „Основі“, 1861, XI—XII). Крім того, варіанти маємо з рукопису Л. Жемчужникова (Зап. Н. Т. 'т. 39), рукописні варіанти в додатку до Пражськ. Кобзаря та в копії В. П. Науменка, найденій в паперах М. Максимовича (про цей зшиток згадувалося попереду). Нарешті в Женев. виданні з р. 1878 варіантів власне немає, а тілько коректурні поправки, за те у Львів. 1867—досить пізня редакція.

Автографа не доводилось бачити, але в Департ. Поліції найдено цього року і це „посланіє“, датоване справді 14/XII 1845, про що досі була непевність. Текст цього рукопису — аналогичний з тим, що в Лейпцигськ. виданні.

Хронологично ріжні редакції можна поставити так: 1) Приміткі в Пражському Кобзарі, 2) Департ. Поліції, 3) Лейпцигська редакція, 4) копія Максимовича, 5) копія Жемчужникова, 6) Кожан. та Львівськ. К. і 7) Пражськ. „Кобзарь.“

Відміни проти видання д. Романчука.

Попереду усього заголовок в Департ. Пол. та в Лейпцигському вид.: „І мертвим і живим і ненарожденним землякам моїм в Україні і ~~не~~ в Україні ~~мое~~ дружное посланіе“ (без „сущих“). В копії М—ча: „Посланіе до мертвих і живих і ненарожденних моїх земляків в Україні і не в Україні“.

---

[1]) На жаль, не довелося бачити це число журналу.

474, 1: і сьвітае і смеркае, в рук. Д. П.: *і смеркає і світає.*

— 6: і день і ніч плачу, — в одному лишень Лейпц.: день і ніч блукаю.

— 8: *А* ніхто не бачить,—в рук. Д. П.: і в Лейпц.: *І* ніхто, а в коп. Максимовича: *Й ніхто не поможе (!)*

— 11 — 12: — Кайданами міняються,
Правдою торгують,

в Лейпц. немає, а в коп. М—ча так, як і скрізь.

— 10 зн.: побачите,—так в коп. Максимовича, а в Лейпц. рук. та рук. Праж. приміток: *побачимо.*

— 9 зн.: які будуть жнива,—в рук. Праж. прим.: як будуть

— 8 зн.: недолюдки, — в рук. Д. П.: *недолюди.*

— 6 зн.: на рай тихий, — в рукоп. Пражськ. пр.: *край*

— 5 зн.: на свою Вкраїну,—в Лейпц.: *Країну.* Так і в рук. Д. П.

475, 5: своя *й* правда, в Лейпциг. немає: *й;* в коп. Макс.: *й своя* правда.

— 7: нема на світі України,—в рук. Праж. пр.: немає на світі другії України.

— 12: братерства братнього,—в рук. Праж. пр.: братерства, братію.

— 13: щоб ви неправді поклонялись,—в коп. Макс.: поклонил*и*сь; так і в рук. Деп. Пол.:

— 15: А хилитесь, як і хиля́лись,—так і в пражськ., у Львів. 1867: *І* хи́литись; в Лейпциц.: *І* хилитись як і *хилились;* так і в коп. Максимовича та в рук. Д. Пол.:

— 17—15 зн.—цих рядків в Кожанчик. Кобзарі немає (3 рядки......)

— 11 зн.: у чужині,—в рук. Праж.: *на чужину;* маб. так. і в Лейпц. мало бути, бо стоїть: нечужиі; в коп. Мак.: *на чужині.* Чи не буде це найсправедливіще?

— 7: зн.: тогді б зостався, — в рук. Д. П.: *остався б.*

— 5 зн.: ох і як би то сталось,—в рук. Праж.: пр. ох, як би те сталось; так і в рук. Д. П.; у Лейпц.: *от* як би...; в коп. Макс:; — так як звичайно.

— 3 зн.: мати б не ридала,—в коп. Макс.: *не тужила.*

— 2 зн.: не чули б у Бога вашої хули,—в рук. Праж.: пр. *убогі,* але по всіх инших редакціях: *у Бога,*—навиіть в Лейциг; так і в рук. Д. Пол.

476, 1: на чистій, широкій, на вольній землі,—в коп. М—ча на чисттій, на вольній, широкій землі.

— 8: заговор*ять*,—в коп. Жемчуж.: заговор*ить*; по всіх инших, друков. (і Женев.) і рукописних ред. — заговор*ять*.

— 10: сто ріками,—в коп. М—ча два слова, в Праж.:—одно.

— 13: після „помагати“ треба не (;), а (, —)

— 15: і дитин*и* мати,—в коп. М—ча: дитин*у* (sic).

— 8 зн.: в саму душу,—в коп. М—ча: в *голу* душу.

— 4: тай засудять. — Цікава річ з цим варіантом. В Лейпц. виданні, через помилку (невміння читати по українські) стоїть: та й *засядуть*, — і оттак і пішло: у Львів. та Кожанчик. 1867, Праж. 1876—*засядуть*, навіть в коп. М—ча: засядуть. А може бути, що й в автографі Ш—ка була помилка, бо Максимович, у всякім разі, не списував ні з якого друкованого тексту.

— 4: після *засудять* треба.....

— 2: як би ви вчились,—в Лейпц. *ви* немає.

477, 3: все те знаю,—в рук. Д. П.: *і все знаю*.

— 5: нема і Бога,—у Макс.: нема й Бога, — очевидно, коли єсть *й*, то мусить бути: нема*є* (в Женев. К—рі: немає).

— 7: та й більш нікого,—в рук. Деп. Пол. та в Лейпц.: *А більш* нічого; в коп. М—ча: та й більш*е* нікого.

— 10 — 11: нехай німець скаже, — в Лейпц.: нехай скаже німець. Так і в рук. Д. П.

— 13,— у чужому кра*ю*,—в коп. М—ча: кра*ї*.

— 11 зн.: Ганку, — в коп. М—ча: Ганка.

— 7: всі знаєте,—в коп. М—ча: *ви* знаєте, і це краще багато. Після „ви знаєте“ треба (....)

477, 2 зн.: нам нашу,—в рук. Д. П.: *нашу нам*.

477, 1 зн.: оттоді ми заходимось,—в коп. М-ча: оттоді-то заходимось.

478, 1: добре заходились,—в коп. М-ча немає,—очев., пропуск невзначай.

478, 3: тай,—в рук. Д. П.: *І*.

478, 13: чорт зна що *за* Брути!—в Лейпц. вид.: *не* Брути! так у Львів., Кожанч., Праж. і Женев., так і в коп. М-ча, а д. Романчук узяв варіант рукоп. Праж. приміток.

478, 17 зн.: гори клала,—в рук. Д. П.: *слала*.

478, 9 зн.: тую *славу*,—в Лейпц.: *главу*, коп. М-ча теж у Льв. 1867 та Пражськ.: *главу*. Розуміється, *слава* певніще.

478, 7 зн.: а ні тітл*и*,—в Лейпц і коп. М-ча: тітл*а*.

478, 3 зн.: чиї сини?—в Лейпц.:—чії діти?.

478, 2—1 та 479, 1—2—нема в Кожанч. Кобз. (4 рядки.....)

479, 2: підніжки,—в рук. Д. П.: *подножки*.

479, 6: сини сердешної Украйни, — в Лейпц.: сердешной України, в коп. М-ча: сердешної Вкраїни (так і в Женевськ.)

479, од рядка 7-го до самого краю стр. 479 в россійськ. „Кобз.“ немає (через цензурні умови).

479, 8: ще лучше, ніж батьки ходили—в коп. Жемчужн.: ще краще, як діди ходили; в Лейпц.: ще лучше, *як* батьки ходили, от цей варіант і в коп. М-ча.

479, 9: деруть *ремінь*,—в Женев. поправлено на: *ремні* (!), (од ре́мінь—pluralia реміння, а не ремні!), але в коп. М-ча ясно: рем*ень*.

479, 13:Трапезунтом,—в рук. в рук. Д. П.: *Трапезонтом*.

479, 15: правда ваша,—в рук. Д. П.: правда, правда.

479, 18 зн.: а на Січі мудрий німець,—в рук. Д. П. і Лейпц.: *І* на Січі; так і в коп. М-ча; крім того, в коп. М-ча: *куций* німець.

479, 15 зн.: Купуєте,
Й їсте, — в рукоп. Праж. прим.:

Ко*ш*туєте,
Істе... В рук. Д. П.: теж: *їсте*.

479, 14 зн.: та й славите,—в рук. Д. П. і в Лейпц. немає *й*, в коп. М-ча: — есть.

479, 12: Отта земля—в коп. М-ча: *шая* земля.

— 11 зн.: що картоплю родить,—в рук. Д. П.: що *картопля*.

479, 7 зн.: колись завалили,--в коп. М-ча: *задавили*. Чи не помилка?.

479, 5 зн.: тай вас роздавила,—в коп. М-ча: та й *нас*.

— 4 зн.: та ось-як,—в рук. Д. П.: *та от як*.

479, 2 зн.: і нам, синам,—в Лейпц.: і *вам*; так і в рук. Д. П.;

479, 1 зн.: свої кайдани, свою славу,—перш за все після „кайдани“ не (,), а—; але в коп. М-ча: свої кайдани *й* свою славу.

480, 5: *так як пиво*,—в рукоп. Пр. прим.: *замість пива*, в рук. Д. П. та в Лейпциг.: *замісь* пива; в рук. Жемчужн.: *замісь*, копія Максим.: *замісь*; у Львів. 1867 теж: *замість*.

480, 6: кров із ребер *точуть*. Це неправильно: в Лейпц.: точ*ать* і в рукоп. Жемчуж.: точ*ать*... Так і повинно бути, хоч далі рифма: хочуть.

480, 7: просвітити, бачиш, хочуть,—в рукоп. Праж.: просвітити, *кажуть*, хочуть; так і в копії М-ча; так і в Лейпциг. і в рук. Д. П.:

480, 8: материні,—в коп. М-ча: матерниї.

480, 13: після слів: ведіть, показуйте! — в Праж. рукоп., в коп. М-ча, так само як і в коп. Жемчужникова, іде такий текст:

Нехай стара мати
Навчається (Жем.; *научиться* — в коп Макс.) як дітей тих
Нових (Макс.: на вік?) доглядати.
Показуйте! За науку
Не торгуйтесь (в рук. Д. Пол. та в Лейпц. вид.: не турбуйтесь) буде

Материна (материнська — Жемч.) плата (в коп. Макс.: Добра плата!)

В Лейпциг. так, як і в рук. Д. П.

Але останніх 4 ряд. так і у Львівськ. В одному Пражському — чомусь немає 4 рядки, — і їх треба до „Кобзаря“ узяти. Отже, зробивши вставки, матимем цей уступ в такому вигляді (найкраща редакція — рук. Деп. Пол. та Лейпциг., бо у Макс. щось попсовано):

Добре! Ведіть, показуйте!
Нехай стара мати
Навчається, як дітей тих
Нових доглядати.
Показуйте! За науку
Не турбуйтесь — буде
Материна добра плата.

480, 16: роспадеться луда, — в коп. М — ча: полуда (!), але в Лейпц. краще: луда, як і скрізь,

— 14: учітеся, брати мої — в рук. Пр.: не дуріте самі себе; так і в Лейпциг., так і рук. Д. П.; в коп. М — ча:

Усе робіть, брати мої,
Учітесь, читайте.

В Кожанчик.: Учітеся, брати мої,
Учітесь, читайте; — а у Льв.: думайте, читайте;

— 8: чужі люде цураються, — в Лейпц.: *того діти* цураються; так і в рук. Д. П.; в рук. пр. Праж.:

Того люде цураються,
В хату не пускають.

— 6 зн. свої діти—мов чужії,—в коп. М—ча; *як* чужії, а в рук. Праж.: чужі люде проганяють; — так і в Лейпциг. та в рук. Д. П.

— 1 зн. діла незабуті,—в коп. М—ча, „Основі", Женев. Кобз.: *незабутні.*

481, 2: як би їх забути,—і далі —, а не (,).

— 8: несонним,—скрізь: не сонним.

— 14: *й* за що,—в Лейпц. і коп. М—ча нема *й.*

— 15: обніміте ж,—в коп. М—ча: обійміте ж.

— 13 зн: благословіть...,—в рук. Д. П.: благослови [тоб-то: *заплакана мати*].

— 10: і *обмитих* поцілуйте,—в рук. вар. (Праж.): в одному: і жіночок, (так в Лейпці., в „Основі" навіть у Львів. 1867, в другому: і діточок; так і в коп. М—ча; в Праж.: і обмитих. В рук. Д. П.: і діточок поцілує (тоб то—заплакана мати).

— 3 зн.. тихенько засяе,—в „Основі" та в рук Праж.: тихо просіяе; в коп. М—ча: тихо засіяе (так і в Лейпциг. та в рук. Д. П.); в рук. Жемчуж.: новий засіяе.

(Далі буде).

В. Доманицький.

М. М. Коцюбинскій.

(*Опытъ критическаго очерка*).[1])

V.

Познакомившись, такъ сказать, съ внѣшней стороной творчества Коцюбинскаго, мы обратимся теперь къ его внутренней сторонѣ, къ тому, насколько владѣетъ авторъ психологіей человѣка, этой своенравной прялкой, прядущей причудливую нить нашей жизни.

Несомнѣнно, чувство является основой всей психической жизни человѣка; однако оно отнюдь не является процессомъ изолированнымъ отъ двухъ другихъ сторонъ душевной жизни, т. е. отъ разума и воли: вмѣстѣ съ ними чувство входитъ во всѣ душевные акты. Такимъ образомъ, изъ трехъ этихъ элементовъ образуется весь матеріалъ душевной жизни человѣка; изъ ихъ взаимодѣйствія и сплетается весь узоръ нашей жизни, тотъ узоръ, не зависящій отъ внѣшнихъ случайностей, весьма часто не имѣющихъ ничего общаго съ душевными данными человѣка, который только и является предметомъ психологіи и литературы,

Постараемся-же уяснить себѣ, въ какой мѣрѣ способенъ Коцюбинскій проникнуться чувствомъ изображаемыхъ имъ лицъ, насколько можетъ онъ прослѣдить и изобразить зарожденіе и развитіе чувства, какъ умѣетъ онъ мотивировать поступки своихъ героевъ.

Начнемъ съ самыхъ рельефныхъ проявленій психической жизни человѣка,—съ аффектовъ. Безъ сомнѣнія, изображеніе аффектовъ есть только азбука въ психологіи, но человѣкъ, не знакомый съ этой азбукой, не прочтетъ и исторіи человѣческой души.

Всякое чувство, какъ-бы возвышенно оно ни было, хотя бы чувство эстетическаго восторга, или священнаго благоговѣнія, оказываетъ извѣстное вліяніе на всѣ органы человѣка; подъ вліяніемъ его измѣняется дѣятельность сердца, а вслѣдствіе этого

[1]) См. Кіев. Ст. 1906 г. № 9.

является кровенаполненіе тканей, измѣняется дыханіе, мышечная сила, дѣятельность железъ и т. д. Результатомъ такого воздѣйствія чувства на всѣ органы и является та видимая и для внѣшняго наблюдателя перемѣна въ наружности человѣка, охваченнаго тѣмъ или инымъ чувствомъ. Художники и поэты рисуютъ намъ образы людей, охваченыхъ тѣми или иными чувствами. Для того чтобы дать намъ подобный образъ, художникъ пользуется только характернымъ измѣненіемъ во внѣшности человѣка, и однако эти нѣмыя черты такъ выразительны, такъ понятны всякому, что безъ слова передаютъ намъ то чувство, которое художникъ хотѣлъ воплотить въ своемъ образѣ. Подобныя пластичныя описанія, если можно такъ выразиться, въ поэтическомъ произведеніи производятъ еще болѣе впечатлѣнія, такъ какъ въ нихъ входятъ и тѣ внутреннія ощущенія человѣка, которыя не проявляются вовнѣ.

Многочисленные опыты ученыхъ надъ животными и людьми давно уже установили фактъ измѣненія дѣятельности всѣхъ органовъ подъ вліяніемъ того или иного чувства. Они выработали даже точную таблицу, показывающую намъ, какъ измѣняется дѣятельность органовъ человѣка при чувствахъ стеническихъ и астеническихъ, они же изобрѣли и множество приборовъ, опредѣляющихъ силу измѣненія дѣятельности того или иного органа. Художникъ-писатель не нуждается ни въ динамометрахъ, ни въ пневмографахъ, ни въ плетисмографахъ, ни въ другихъ подобныхъ приборахъ: у него есть одинъ приборъ, вѣрнѣе и неизмѣннѣе всѣхъ этихъ инструментовъ,—его собственное чутко-отзывчивое, глубоко-воспріимчивое сердце. Переживая въ дѣйствительности всѣ описываемыя чувства, настроенія и душевныя движенія,—художникъ ощущаетъ и всѣ измѣненія, вызываемыя даннымъ чувствомъ въ организмѣ,—потому-то чувства, передаваемыя художниками слова, полны такой яркой жизненной правды, потому-то они и заражаютъ читателя.

Эта непосредственная правдивость описанія, свойственная художественнымъ произведеніямъ, давно обратила на себя вниманіе ученыхъ, и при изслѣдованіи объ измѣненіи дѣятельности тѣхъ или иныхъ органовъ подъ вліяніемъ извѣстнаго чувства, ученые обращаются къ художественнымъ произведеніямъ, какъ къ матеріалу, провѣренному опытомъ. Мы же въ данномъ случаѣ хотимъ употребить обратный методъ,—мы хотимъ сравнить описаніе чувствъ въ произведеніяхъ Коцюбинскаго съ данными, добытыми наукой, и провѣрить, насколько они совпадаютъ съ ними.

Вообще всѣ чувства дѣлятся на двѣ крупныя категоріи: на чувства стеническія, или возбуждающія, и астеническія—или

разслабляющія. Главнѣйшимъ основаніемъ для такого раздѣленія послужило вліяніе чувства на произвольную мускулатуру. Такимъ образомъ, напримѣръ, гнѣвъ, радость, надежда возбуждаютъ произвольную мускулатуру и потому относятся къ чувствамъ стеническимъ: страхъ, печаль, зависть принадлежатъ къ чувствамъ астеническимъ.

Выписываемъ слѣдующую таблицу, перечисляющую измѣненія физіологической жизни человѣка при стеническихъ и астеническихъ чувствахъ.

1) Въ стеническихъ аффектахъ произвольная мускулатура напряжена, а гладкая разслаблена; въ астенической наоборотъ. Согласно этому въ стеническихъ чувствахъ (гнѣвъ, радость) сосудистая инервація разслаблена (пульсъ мягкій и полный, лице красное), въ астеническихъ-же (страхъ, зависть, печаль) сосуды въ спазмѣ, пульсъ сжатый, твердый, малый; кожа лица блѣдна, конечности холодны.

2) Стеническіе аффекты усиливаютъ дѣятельность сердца и ускоряютъ его ритмъ, астеническіе-же дѣйствуютъ обратно, ослабляютъ сердце и замедляютъ его ритмъ.

3) Стеническіе аффекты усиливаютъ дѣятельность выдѣлительныхъ органовъ; астеническіе-же уменьшаютъ или пріостанавливаютъ (сухость во рту въ страхѣ, потеря молока у женщинъ въ печали).

4) Стеническіе аффекты улучшаютъ питаніе, астеническіе ослабляютъ и разстраиваютъ питаніе, вліяя на кровеобращеніе и на обмѣнъ.

5) Дыханіе въ стеническихъ чувствахъ свободно и легко, въ астеническихъ же наоборотъ разстроено и подавлено; тоска дѣйствуетъ на инспирацію съ найбольшимъ гнетомъ, а радость съ найвысшимъ поощреніемъ и т. д. [1])

Возьмемъ теперь для примѣра нѣсколько отрывковъ изъ произведеній Коцюбинскаго, рисующихъ намъ проявленіе тѣхъ или другихъ аффектовъ.

И такъ остановимся на картинкахъ гнѣва и ужаса, какъ примѣрахъ противоположныхъ аффектовъ.

„Олександра з нервовим поспіхом бігала по хаті, сама не знаючи, що робить. То вона разів кілька переставляла з місця на місце хліб на столі, то брала віник, щоб замітати, і кидала його серед хати, то метнувшись до жердки, шукала чогось межи одежою. Чорне обличчя Олександри збіліло; з-під високих веселкою брів світились гострі, чорні очі; в очах мигтіла блискавка. Ноздрі довгого, тонкого носа хвилювались, тонкі вуста нервово тремтіли (229).

Сравнивая это описаніе съ приведенной выше таблицей физіологическихъ измѣненій нашего организма, вызываемыхъ стеническими и астеническими чувствами,—можно подумать, что оно написано просто по опредѣленному рецепту,—такъ соотвѣтствуетъ описаніе Коцюбинскаго всѣмъ признакамъ, установленнымъ научными данными.

[1]) Проф. Сикорскій. Всеобщая психологія, стр. 229.

Усиленная работа сердца (пунктъ 2) обусловливаетъ повышенную дѣятельность субъекта, охваченнаго гнѣвомъ. Блескъ глазъ является слѣдствіемъ выдѣленія слезной влаги (пунктъ 3). Нервное вздрагиваніе ноздрей и губъ стоитъ въ прямой зависимости съ напряженіемъ произвольной мускулатуры (пунктъ 1) и т. д.

Возьмемъ теперь, напримѣръ, проявленіе чувства астеническаго, а именно чувства ужаса.

„Настя так і прикипіла до лави, угледівши Олександру. Ій здалося, що *то смерть* її *прийшла за нею;* сердце її *перестало битись* у грудях, *голос наче втік* глибоко, глибоко в груди, так що звідти не сила добути його й крикнути. Настя немов захолола, затерпла вся, та лише дивилась на Олександру здоровими переляканими очима. Настя сиділа непорушно на лаві біла-біла, як шитво на колінах. Ій здавалось що кожне слово Олександрине бігло на лотоках, шуміло під колесом і спадало на її голову тяжким, пекучим водоспадом“ (289).

Первый моментъ описанія является весьма характернымъ проявленіемъ паралича воли и произвольныхъ движеній, зависящихъ, вѣроятно, отъ замедленія сердечной дѣятельности, вызывающей мгновенную анемію мозга.

Слѣдующее явленіе,—ужасная мысль о томъ, что это смерть пришла за ней,—обусловливается также пріостановкой сердечной дѣятельности, вызывающей невыразимую смертельную тоску. Объ остановкѣ сердца говоритъ самъ авторъ въ слѣдующей фразѣ; это явленіе и считается однимъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ астеническихъ аффектовъ (п. 2). Невозможность произнести и слова—спазмъ горла (п. 1). Холодъ и одеревенѣлость тѣла, а также страшная блѣдность лица обусловливается также спазмомъ кровеносныхъ сосудовъ (п. 1). Заключительныя фразы описанія, говорящія о томъ, что Настѣ казалось „кожне—слово Олександри бігло по лотоках, шуміло під колесом і спадало на її голову тяжким пекучим водоспадом“—это впечатлѣніе порождено было сильнымъ шумомъ въ ушахъ, вызваннымъ также ослабленной дѣятельностью сердца.

Мы остановимся еще на двухъ отрывкахъ изъ разсказовъ Коцюбинскаго „На віру“ и „Для загального добра“,—такъ какъ оба они представляютъ изъ себя choeuf d'oeuvr'ы художественной красоты и показываютъ намъ, съ какой силой передаетъ авторъ глубоко драматическіе моменты жизни своихъ героевъ.

Гнатъ, герой повѣсти „На віру“, услыхалъ страшный крикъ и, прибѣжавши, увидѣлъ, что Олександра, его законная жена,

которую онъ ненавидѣлъ всѣми силами души, тащитъ по землѣ за волосы Настю, любимую имъ женщину, съ которой онъ сошелся, такъ сказать, гражданскимъ бракомъ.

„Гвалт!—крикнула Настя в сінях. Гва-алт!—закричала вона дико на дворі і пручаючись впала на сніг. Саме тоді Гнат почув крик Настін. Він, як спіш, з сокирою побіг до хати. Сцена, що побачив він перед порогом хати, мов мороз стяла кров в його жилах. Але це була лишь одна хвилина. В другій—Гнат, мов ранений ведмідь, кинувся до Олександри і схопив її за груди.—Пусти!—не своїм голосом заревів він, струсивши Олександрою, як грушою.—Ба не пущу!—і собі крикнула Олександра; очі її запалали вогнем, як у голодної вовчиці.—„Пусти, бо зарубаю!—крикнув Гнат і замахнувсь на неї сокірою“—„Зарубай, то підещь у Сібірь з своєю полюбовницею,—захрипіла Олександра, сіпнувши Настю за коси. Настя йойкнула. Гнат не стямивсь від того стогону; він підійняв сокиру над Олександриною головою.—Ой!—дико скрикнула Олександра і зняла руки, щоб закрити голову... але не встигла: блискуча сокира, мов блискавка, впала їй на голову і глибоко росколола череп. Олександра хрьопнулась на землю. З глибокої рани ринула кров та закрашала білий сніг: Настя підвелась і, бліда, простоволоса, тремтячи, як у пропасниці, дивилась на труп Олександри. Гнат важко дихав, наче ухекавшись від довгої біганини. На білому, як папір, обличчю застигли гнів та невимовний біль. Широко роскриті очі нестямно дивились на червоні плями на снігу“.

Прибѣжали люди и въ ужасѣ столпились у воротъ. Раздались крики, причитыванья...

„А Гнат же стояв на одному місті, та уважно витирав полою свити закрівавлену сокиру. Він ще не тямив, що це сталося. В голові у Насті уперто ворушилась одна думка; в хаті відчинені двери, треба їх зачинити, бо найде холоду, та настудится хата. Думка та кружляла в Настіній голові, однак Настя стояла на одному місці, мов зачарована, і не чула навідь холоду, не помічала, що була в однії сорочці, простоволоса“.

Наконецъ, крикнули старосту; пришелъ староста съ десятниками.

„Десятники обступили Гната. Вони відібрали від нього сокиру, звязали з-заду руки поворозкою. Гнат не пручався; він стояв, як покірна дитина, або краще як пень, з яким можно все зробити. Десятники вже мали рушати з Гнатом, коли враз почулося страшне, розриваюче душу: „ой-о-ой! що це сталося? Гос-

поди, що це сталося?“ То Настя опамъяталась і кинулась до Гната, страшна, простоволоса з заломанними руками. Вона припала до Гната, обнімала його, умліла на його грудях. Той крик, той плач гіркий зробив на Гната дивне враження. Він став, глянув навкруги і наче зразу все уявив собі,—і те, що сталося, і те, що мало статися“.. и т. д.

Въ этомъ описаніи художественно отмѣчены авторомъ три момента: первый—моментъ ужаса, второй—моментъ бѣшенной ярости, и третій—состояніе полнаго оцѣпенѣнія. Въ первомъ моментѣ авторъ говоритъ, что сцена, которую увидѣлъ Гнатъ, какъ морозомъ „стяла“ кровь въ его жилахъ, т. е. кровь въ его жилахъ остановилась и онъ весь похолодѣлъ (очевидно и замеръ на мгновенье на мѣстѣ),—всѣ эти явленія слѣдуетъ считать послѣдствіями спазма кровеносныхъ сосудовъ, сопровождающаго чувства астеническія (п. 1). Слѣдующій моментъ въ настроеніи героя является уже проявленіемъ бурной дѣятельности. Сознаніе героя плохо работаетъ, но воля напряжена; онъ бросается на Олександру, яростно кричитъ, замахивается топоромъ,—вся эта стремительность дѣйствія, конечно, обусловливается усиленной дѣятельностью сердца. Однако въ слѣдующихъ строкахъ авторъ говоритъ, что лице Гната „було біле, як папір“, между тѣмъ въ табл., приведенной проф. Сикорскимъ, сказано, что при чувствахъ стеническихъ, какъ-то гнѣвъ, радость и др., пульсъ долженъ быть полный, лицо красное (п. 1). Въ дѣйствительности наблюдательный человѣкъ можетъ замѣтить, что въ высшей степени гнѣва, равняющейся бѣшенству, изступленію,—лице человѣка уже бываетъ не красно, а бѣло, какъ полотно. Это кажущееся противорѣчіе объясняется весьма легко: пораженіе центральной нервной системы вызываетъ нервный спазмъ сосудовъ, вслѣдствіе чего кровь не пробѣгаетъ съ должной быстротой, а образуетъ застой, это послѣднее явленіе въ свою очередь порождаетъ усиленную дѣятельность сердца и въ концѣ концовъ задышку, на которую и указываетъ авторъ. Совершивши убійство, „Гнат важко дихав, наче ухекавшись від довгоі біганини“. Лице его было блѣдно, широко раскрытые глаза неподвижно смотрѣли на жертву, онъ стоялъ, какъ окаменѣлый, не понимая того, что совершилъ; сознаніе еще не работало, временный психозъ продолжался.

Почему-же не работало его сознаніе? Вѣдь онъ видѣлъ у своихъ ногъ разрубленную голову своей жены, видѣлъ—и не понималъ, что обозначаетъ это зрѣлище. Вѣрно-ли жизни подобное явленіе? Наблюденіе говоритъ, что оно вѣрно. Какое-же фи-

зіологическое объясненіе можетъ быть дано ему? Мы думаемъ, что физіологическое объясненіе этого психическаго явленія сводится къ слѣдующему. Спазмъ сосудовъ, являющихся слѣдствіемъ извѣстнаго воздѣйствія центральной нервной системы, обусловливаетъ временную анемію мозга, а вслѣдствіе этого и ослабленіе его дѣятельности. Если еще и возможна какая нибудь работа сознанія мысли, то только крайне поверхностная, лишенная глубокой ассоціативной связи. Прошло уже не мало времени съ момента убійства, а Гнатъ все еще стоялъ надъ покойницей и машинально отиралъ полой свиты кровь съ топора. Это дѣйствіе, не смотря на свою видимую машинальность, было однако вызвано сознаніемъ Гната; оно заключало въ себѣ только двѣ посылки: топоръ грязенъ—надо его отереть. А почему, отчего грязенъ топоръ, какая грязь темнѣетъ на немъ страшными пятнами,—этихъ развѣтвленій мысли уже не могъ дать обѣднѣвшій кровью мозгъ.

Также художественно подмѣчена авторомъ застывшая въ мозгу случайная мысль и при описаніи душевнаго состоянія Насти. Настя также потрясена до послѣдней степени происшедшимъ. Обратите вниманіе на всю ея позу, на то, какъ она глядитъ на трупъ Олександры. Она блѣдна, какъ бумага, зрачки ея расширены, все тѣло дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ. Всѣ эти внѣшнія измѣненія объясняются тѣми-же физіологическими процессами, о которыхъ мы говорили выше, стараясь объяснить причины, вызвавшія оцѣпенѣніе Гната. Настя видитъ открытую дверь, и въ мозгу ея возникаетъ ближайшая ассоціація: надо закрыть дверь, не то хата остынетъ. Эта мысль кружится въ ея головѣ, дальше—никакихъ ассоціацій. Обѣднѣвшій кровью мозгъ не можетъ исправно работать, и случайно попавшая въ сознаніе мысль кружится, настойчиво кружится въ одномъ тѣсномъ уголкѣ, не пробуждая къ дѣятельности сосѣднихъ участковъ мозга.

Вся изложенная нами выше сцена проведена авторомъ въ высшей степени художественно и сильно; она полна жизненной правды, и эта жизненная правда пріобрѣтаетъ полную объективность въ виду замѣчательнаго совпаденія описаній автора съ точными данными, уже добытыми наукой.

Не менѣе сильна и глубоко-трагическая сцена изъ разсказа „Для загального добра". На виноградникѣ Замфира оказалась филоксера, и чиновники, пріѣхавшіе въ деревню для борьбы съ нею, сжигаютъ весь виноградникъ Замфира, чтобы прекратить возможность дальнѣйшаго распространенія заразы. При первомъ

извѣстіи о намѣреніяхъ чиновниковъ, Замфиръ приходитъ въ дикое изступленіе и заявляетъ, что онъ не позволитъ трогать своей собственности; писарь старается напугать его тѣмъ, что это дѣлается по повелѣнію самого „императора", но бѣшенство Замфира такъ сильно, что, не взирая и на это объясненіе, онъ хочетъ застрѣлить всѣхъ злодѣевъ, явившихся уничтожить его добро, взлелѣянное его кровью; когда-же онъ прибѣгаетъ на виноградникъ, когда видитъ своими глазами непоправимыя разрушенья, уже произведенныя здѣсь,—его охватываетъ такое безпредѣльное отчаянье, въ которомъ сразу гаснутъ и бѣшенство, и гнѣвъ. Отъ самаго зарожденія до конца вся эта трагическая сцена проведена Коцюбинскимъ съ неподражаемымъ мастерствомъ. Отчаянье Замфира и Маріоры наростаетъ съ какой-то чисто стихійной силой, а потому оно невольно передается и читателю; читатель видитъ живыхъ людей, живыя неподдѣльныя чувства.

Прослѣдимъ постепенное наростаніе этого чувства съ перваго момента.

Прибѣжавшіе хлопцы приносятъ семьѣ ужасную вѣсть. „Маріора як держала горщик, так і впустила його до долу. Замфирові в першу хвилину світ замакітрився". Какъ характерно это проявленіе ужаса: мгновенное обѣднѣніе мозга кровью, вызывающее головокруженіе и такое разслабленіе всей мускулатуры (п. 1 и 2), что человѣкъ не можетъ двинуться съ мѣста; руки Маріоры, державшія горшокъ, разжимаются, и горшокъ съ трескомъ падаетъ на землю.

Но это состояніе оцѣпенѣнія продолжается только одну секунду,—сознаніе Маріоры и Замфира постигаетъ страшное бѣдствіе, стрясшееся надъ ними, и обоими овладѣваетъ гнѣвъ (чувство астенич.), желаніе излить свою ярость на докторовъ. Замфиръ срываетъ со стѣны ружье и мчится вслѣдъ за Маріорой на виноградникъ. Ослѣпленный бѣшенствомъ бѣжитъ Замфиръ; онъ ничего не видитъ и не слышитъ; въ его пылающей головѣ роятся тысячи мыслей, но всѣ эти мысли лихорадочны, разметаны, отрывисты: необычайный приливъ крови къ головѣ мѣшаетъ правильному теченію мыслей, и порождаетъ образъ мыслей, напоминающій мышленіе возбужденнаго душевно-больного. Но вотъ изъ-за угла вырвался густой столбъ дыма. Очевидное подтвержденіе страшной вѣсти, принесенной хлопцами, снова оковываетъ ужасомъ Замфира. Замфиръ весь вздрогнулъ и остановился на мгновенье, но только на мгновенье; безумное бѣшен-

ство охватываетъ его, онъ взводитъ курки, зажимаетъ въ рукахъ ружье и, какъ остервенѣлый звѣрь, несется на виноградникъ съ цѣлью убить Тиховича. Но когда несчастный Замфиръ добѣгаетъ до виноградника, когда глазамъ его представляется ужасная картина непоправимаго разрушенія труда всей его жизни—горе его переходитъ всѣ границы: и гнѣвъ, и жажда мести, всѣ эти болѣе мелкія чувства исчезаютъ передъ безконечнымъ отчаяньемъ, охватившимъ Замфира. Схватившись за голову руками, онъ можетъ только стонать: „О, Домне, Домне! що-ж я подію, несчастний! Що-ж я подію?“ У него еще хватаетъ силъ обратиться съ послѣдней мольбой къ Тиховичу, но когда послѣдній въ знакъ отказа отрицательно качаетъ головой,—силы оставляютъ несчастнаго Замфира: онъ падаетъ на землю и, положивши голову на корни винограда, только стонетъ придавленнымъ голосомъ: „голову рубайте мені, не виноград“. Онъ уже не понимаетъ никакихъ уговоровъ Тиховича, и только каждый разъ, когда трещитъ подъ ударомъ топора виноградная лоза,—онъ чуетъ острую боль въ сердцѣ, какъ-будто ударъ топора падаетъ не на лозу, а на его мозгъ, на его сердце. И когда по приказанію Тиховича, работники приближаются къ Замфиру, чтобы вывести его изъ его собственнаго виноградника,—бѣдный Замфиръ уже не сопротивляется, онъ повторяетъ только одну фразу: „голову рубайте мені не виноград... Не відбірайте від мене хліба... не сиротіть, бо загину“. На виноградникѣ снова закипаетъ разрушительная работа, но Замфиръ уже не видитъ ея...

Помутнѣвшими глазами, смотритъ онъ куда-то въ пространство, за горы.. за лѣсъ.. не чувствуя ни горя, ни злобы.. отчаянье раздавило его.., (365—366) „Якась знемога, якесь знесилля опанувало його... Він почуває себе таким кволим, таким безпорадним, розбитим. Замфирові здается, що йому відтято руки й ноги, та кинуто в якусь глибінь, на дно річки. Вода заливає йому очі, вуха, ніс, вливается в середину через горло, не дає крикнути, благати помочи, а він спускается все глибше і не може рятуватись, бо не має а ні рук, а ні ніг... Замфир спустився на дно, а там лежать уже без життя діти і жінка та мов чекають на нього. От і Замфир ліг нерухомо поплїч з родиною своею серед могильної тиші і так байдуже йому до всього, що колись за життя було милим, дорогим, для чого він тратив сили, боровся, жив. Тепер від світа цілого відділяє його оця в кільканадцять сажнів заввишки верства текучої жовтої води, крізь яку байдужно дивится на Замфира завжде глухе на людські благання вічно спокійне небо“ (366).

Такъ рисуетъ намъ Коцюбинскій настроеніе Замфира; и все въ этомъ описаніи поразительно типично для характеристики состоянія человѣка, раздавленнаго отчаяньемъ.

Начнемъ съ физическаго состоянія его: мутный, ничего не видящій взоръ, общая слабость, одеревенѣніе рукъ и ногъ, безсиліе мысли,—всѣ эти ощущенья вызваны измѣненіемъ физическаго состоянія Замфира, подъ вліяніемъ огромнаго, тяжелаго чувства, нахлынувшаго на него. Отчаянье, какъ высшая форма печали, относится къ чувствамъ астеническимъ. И вотъ, первый внѣшній признакъ душевнаго состоянія Замфира, на который обратилъ вниманіе авторъ—затуманенный взоръ его. Выраженіе взгляда вообще чрезвычайно характерно для опредѣленія душевнаго состоянія человѣка: мы знаемъ и горящіе вдохновеніемъ, и сіяющіе радостью, и застывшіе отъ ужаса, и угасшіе глаза. Эта зависимость измѣненія глаза отъ измѣненія мыслей и чувствъ человѣка, изученная учеными,—эмпирически извѣстна лучше всего художникамъ-живописцамъ, умѣющимъ заставлять глаза своихъ персонажей такъ краснорѣчиво говорить о чувствахъ и мысляхъ души. Взглядъ Замфира мутный, смотрящій куда-то неопредѣленно вдаль и не видящій ничего передъ собой—чрезвычайно характеренъ.

Человѣкъ, занятый одной глубокой мыслью, сосредоточиваетъ свой взглядъ всегда на одномъ пунктѣ, какъ-бы желая, инстинктивно удалить изъ поля своего зрѣнія все способное развлечь его вниманіе. Человѣкъ, ничего не думающій, можетъ также безсмысленно уставиться глазами въ одну точку; но и не обращая вниманія на его позу, мимику лица, наклонъ головы, положеніе бровей,—мы по одному взгляду его можемъ рѣшить: сосредоточился-ли онъ на одной мысли, или глаза его безцѣльно уперлись въ одну точку. Субъектъ, пораженный ужасомъ, также впивается своими неподвижными, расширившимися зрачками въ одну точку, въ предметъ, испугавшій его. И не смотря на все кажущееся однообразіе этихъ остановившихся глазъ, мы сразу можемъ узнать, что приковало взглядъ человѣка—ужасъ, или глубокая мысль.

Человѣкъ мечтающій, также какъ и человѣкъ убитый отчаяньемъ, смотритъ неопредѣленно вдаль, но между двумя такими взорами есть огромная разница. Человѣкъ, убитый горемъ, смотря вдаль, *не видитъ ничего передъ собою*, тогда какъ мечтатель все видитъ и время отъ времени останавливаетъ свой взоръ на тѣхъ или иныхъ предметахъ. Происходитъ это, конечно, отъ

того, что сознаніе въ первомъ случаѣ бываетъ почти совершенно подавлено, во второмъ-же оно работаетъ, но работаетъ несосредоточенно, лѣниво; оно легко переходитъ съ одной мысли на другую, и такимъ образомъ взглядъ то фиксируется на извѣстныхъ точкахъ внутренней искоркой, то озаряется радостной мыслью;—словомъ, не смотря на нѣкоторую томность, взглядъ мечтающаго человѣка имѣетъ живой видъ, а такъ какъ мечты заключаютъ въ себѣ всегда извѣстную долю пріятности, то общій видъ влажнаго, слегка затуманеннаго взгляда размечтавшагося человѣка рѣзко отличается отъ мутнаго, застывшаго взгляда раздавленнаго отчаяньемъ существа.

Общая слабость, охватившая Замфира, которую указываетъ дальше авторъ, является слѣдствіемъ слабости произвольной мускулатуры (окоченѣніе рукъ и ногъ) и спазма кровеносныхъ сосудовъ, сопровождающаго всегда проявленіе чувствъ астеническихъ. Далѣе, сами образы, всплывающіе въ мозгу Замфира, являются вѣрнымъ отраженіемъ физіологическаго состоянія его организма: представленіе о вливающейся въ уши, въ ротъ шумящей водѣ по всей вѣроятности вызвано шумомъ въ ушахъ, всегда сопровождающимъ подобное полуобморочное состояніе, являющееся слѣдствіемъ той-же ослабленной дѣятельности сердца. Безчувственное состояніе Замфира, якобы уже лежащаго на днѣ глубокой рѣки, не слышащаго, не видящаго ничего, равнодушнаго ко всему, чѣмъ билось сердце при жизни,—весь этотъ образъ также рожденъ постепенно уплывающимъ сознаніемъ и медленнымъ оцѣпенѣніемъ всего тѣла,—слѣдствіемъ тѣхъ-же причинъ, о которыхъ мы говорили выше.

У Маріоры характеръ иной, и, сообразно даннымъ своего характера, она иначе воспринимаетъ дѣйствительность. Маріора, также какъ и Замфиръ, потрясена ужаснымъ событіемъ, но какъ женщина пылкая, экспансивная, она не можетъ постичь сразу всю бездну непоправимаго несчастья, обрушившагося на нихъ. Въ ней еще тлѣетъ надежда. Виноградникъ еще не весь вырубленъ, и когда Тиховичъ показываетъ ей филоксеру на корняхъ и говоритъ, что это зараза, Маріора хватается въ отчаяньи за послѣднее средство—убѣдить Тиховича, что никакой заразы нѣтъ въ этой желтоватой плесени,—она вырываетъ изъ земли корни, начинаетъ ихъ рвать зубами и все ѣстъ, ѣстъ. Если это зараза, то пусть же она первая умретъ отъ нея. Но когда несчастная женщина убѣждается въ томъ, что и это доказательство не можетъ заставить Тиховича отказаться отъ своего намѣренія—

тогда она срывается съ земли и съ дикимъ проклятіемъ выбѣгаетъ изъ сада. Маріора охвачена бѣшенствомъ, чувствомъ стеническимъ, и вся стремительность ея дѣйствій указываетъ на главный признакъ чувствъ подобнаго рода—усиленную работу сердца.

Что дѣлаетъ Маріора дальше? Авторъ не ведетъ насъ за нею, но и безъ его словъ мы знаемъ, что могла она дѣлать въ такомъ состояніи: она кричала рыдала, проклинала грабителей билась головой объ стѣну и рвала на себѣ волосы, пока не упала гдѣ нибудь въ полномъ изнеможеніи.

Кромѣ очевидной для всякаго художественной правды и силы, всѣ приведенные нами выше примѣры находятъ еще и полное подтвержденіе въ психо-физіологіи, наукѣ, занимающейся выясненіемъ соотношеній психологической и физіологической жизни организма. Конечно, психо-физика никогда не будетъ руководствомъ для художника и не даетъ жизни его произведенію, но она даетъ возможность основательнаго контроля и даетъ критикѣ силу объективной правды.

Мы могли-бы представить еще много примѣровъ изъ сочиненій Коцюбинскаго, полныхъ такой-же жизненной силы, но считаемъ, что достаточно и приведенныхъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что писатель, воспроизводящій такъ мастерски подобныя сцены, въ моментъ творчества въ дѣйствительности переживаетъ ихъ.

VI.

Но, повторяемъ, изображеніе аффектовъ есть только азбука психологіи. Писатель долженъ умѣть проникать въ исторію человѣческой души.

Какъ рѣка, вытекающая изъ ничтожнаго подземнаго источника, воспринимаетъ въ себя различные притоки, распадается на нѣсколько рѣкъ, образуетъ водопады, озера, исчезаетъ, наконецъ, подъ землей, для того чтобы снова вырваться наружу въ видѣ рѣки, озера, или горячаго источника,—такъ протекаютъ и въ душѣ человѣка многія сложныя чувства, рѣшающія программу его жизни. Они также уходятъ временами въ глубину безсознательнаго, какъ-бы тонутъ безслѣдно, и вдругъ по прошествіи извѣстнаго времени вырываются изъ неизмѣримой глубины нашей души горячимъ ключомъ, все опрокидываютъ, все разрушаютъ на своемъ пути.

И какъ естествоиспытатель, изучая рѣку, отыскиваетъ ея источникъ, и, встрѣчая бьющій изъ земли фонтанъ, старается уяснить себѣ, какое подземное давленіе было причиной этого явленія,—такъ и художникъ старается указать намъ источникъ зарожденія того или иного чувства, всѣ притоки, превратившіе его въ многошумную рѣку, препятствія, скалы и уклоны, придавшія бурную силу его теченію и превратившіе его въ стремительный и грозный водопадъ, и если это чувство вдругъ замираетъ, исчезаетъ изъ области сознательнаго въ нашей душѣ и затѣмъ снова вырывается изъ нея горячимъ источникомъ,—художникъ старается проникнуть и туда, въ эту темную область, и объяснить намъ, какое давленіе вызвало снова на свѣтъ это чувство, ушедшее, казалось, навсегда въ глубину души.

Художникъ долженъ понять всякаго, и понять его въ такой обстановкѣ, въ какую его бросила жизнь. И если мысли, поступки и чувства героя вполнѣ соотвѣтствуютъ даннымъ его темперамента и той средѣ, въ которой выросъ онъ,—тогда мы говоримъ, что изображеніе художественно. Отелло не можетъ произносить монологовъ Гамлета: онъ не можетъ такъ мыслить, не можетъ такъ чувствовать, такъ поступать. Всякій человѣкъ имѣетъ свою манеру мысли, свой особый темпъ чувства, свою извѣстную долю силы воли.

Въ началѣ нашей замѣтки мы говорили о томъ, что произведенія Коцюбинскаго дѣлятся на двѣ неравныя части: одни—имѣющія высокую, художественную цѣну, другія—появившіяся какъ-бы по недоразумѣнію въ сборникѣ талантливаго писателя. Если въ смыслѣ красоты изложенія произведенія эти и не такъ рѣзко отличаются другъ отъ друга, то, при сравненіи психологическаго анализа тѣхъ и другихъ разница ихъ выступаетъ рѣзко. Красота художественнаго изложенія замѣтна и въ самыхъ первыхъ произведеніяхъ Коцюбинскаго,—это блестки истиннаго таланта, но въ остальномъ ихъ раздѣляетъ бездна. Просматривая ихъ по времени возникновенія, мы видимъ, какъ растетъ глубина таланта автора.

Въ манерѣ письма беллетристическихъ произведеній, какъ и въ манерѣ письма произведеній драматическихъ, есть два метода. Одинъ строитъ всѣ коллизіи произведенія на непредвидѣнныхъ и самыхъ неожиданныхъ случайностяхъ,—теорія созиданія французскихъ мелодрамъ и бульварныхъ романовъ; авторы подобныхъ произведеній интересуются только неослабѣвающимъ интересомъ развитія интриги; другой методъ творчества старает-

ся обосновать всю драму жизни на столкновеніи характеровъ, чувствъ и страстей, ведущихъ къ неизбѣжной развязкѣ, заложенной уже въ самомъ душевномъ мірѣ лицъ, столкнувшихся на жизненной аренѣ. Такія произведенія имѣютъ высокую художественную цѣну: они приближаютъ насъ къ правдѣ жизни, тогда какъ первыя только забавляютъ лѣнивый къ серьезному мышленію умъ.

Произведенія Коцюбинскаго: „Посол од Чорного Царя“ „По людському,“ „Дорогою ціною“, отчасти „Поединокъ“ и въ особенности „Помстився“,—хотя и должны яко-би знакомить насъ съ душевной борьбой человѣка,—относятся безусловно къ произведеніямъ перваго рода. Трудно повѣрить, чтобы эти грубыя, примитивныя повѣствованія были созданы писателемъ, вскрывающимъ съ такимъ искусствомъ души своихъ героевъ. Но не желая быть голословными, попробуемъ разсмотрѣть каждое изъ нихъ въ отдѣльности.

Разсказъ „Посол од Чорного Царя“,—повѣствуетъ о томъ, какъ одинъ изъ типичнѣйшихъ представителей золотой молодежи, блестящій petit maître, внезапно оставилъ свой образъ жизни, порвалъ со всѣмъ прошлымъ, сдѣлался самымъ ярымъ демократомъ и открылъ въ глухой деревнѣ лавочку, гдѣ и началъ торговать. Устроилъ онъ этотъ coup d'etat для того, чтобы имѣть болѣе легкій доступъ къ крестьянамъ и оказывать на нихъ благотворное вліяніе.

Причиной такого феерическаго перерожденія является, по словамъ автора, слѣдующее анекдотическое происшествіе.

Герой, хотя и любилъ щегольнуть словцемъ на извѣстныя либеральныя темы, въ дѣйствительности былъ самымъ пустымъ щоголемъ. Кромѣ стремленія къ „радостямъ жизни“, онъ имѣлъ еще страсть къ фотографированію, и вотъ въ одну изъ такихъ эскурсій съ нимъ произошелъ слѣдующій непріятный случай.

Однажды, проѣзжая черезъ село, нашъ фотографъ-любитель обратилъ вниманіе на то, что жители деревни очень красивы; онъ остановился у волости, вызвалъ старосту и заявилъ ему, что черезъ двѣ недѣли пріѣдетъ въ деревню снять съ болѣе красивыхъ портреты. Черезъ двѣ недѣли фотографъ дѣйствительно пріѣхалъ въ деревню съ аппаратомъ.

Но необычайное заявленіе его уже пробудило пугливое воображеніе крестьянъ; заронились слухи, предположенія, и въ концѣ концовъ, при помощи бабьихъ язычковъ, сложилась легенда о томъ, что панычъ пріѣдетъ снимать портреты съ дѣвушекъ для

того, чтобы показать ихъ Чорному Царю, и которыя изъ нихъ понравятся Царю, тѣхъ и возьмутъ изъ деревни. Словомъ, когда явились любители съ фотографическимъ аппаратомъ и хотѣли снять танцующихъ дѣвушекъ, то онѣ мгновенно разбѣжались, а толпа, предводительствуемая бабами, окружила фотографовъ; начались крики, угрозы, всевозможныя предположенія о цѣли прибытія пословъ од Чорного Царя. Въ концѣ концовъ дорогой аппаратъ едва не былъ разбитъ наступающей толпой; испуганные любители вскочили въ бричку, и только рванувшія со всѣхъ силъ въ гору лошади спасли злосчастныхъ любителей отъ разъяренной толпы. Это событіе произвело рѣшительный переворотъ въ душѣ героя. Въ немногихъ словахъ страется авторъ очертить исторію такого сложнаго переворота.

„Я думав,—говоритъ Солонина, герой повѣсти,—поруч живуть люде—одні безпомічні, здичилі з темноти, другі освічені, узброєні в знаття, і не злучаются, не єднаются, мов би Бог зна які кордони розлучили їх. Це мене вражало. Світло стоїть поруч з темрявою і не розгонить мороку.“ Такія примитивныя мысли роятся въ головѣ Солонины. Впрочемъ, онъ тотчасъ добавляетъ, что онѣ уже не были новостью для него. Но, заключаетъ свою короткую исповѣдь Солонина: *годі вам розсказувати детально про боротьбу, яку я счинив з собою, з своїми звичками, застарілими поглядами.* (38). Весьма возможно, что въ дѣйствительности Солонина такъ и отвѣтилъ своему товарищу; но авторъ, передающій намъ подобное происшествіе, долженъ знать, что если въ немъ и есть какой либо интересъ, то онъ заключается именно въ томъ, какую борьбу пережилъ Солонина, какимъ образомъ отрѣшился онъ отъ своего прежняго міра,—остальное все вещи второстепенныя. Но авторъ не даромъ вложилъ въ уста Солонинѣ столь знаменательную фразу: дѣло въ томъ, что если бы Солонина и захотѣлъ познакомить насъ съ той борьбой, какая возникла въ его душѣ,—онъ не могъ-бы этого сдѣлать, такъ какъ причина, яко-бы вызвавшая ее, не соотвѣтствовала слѣдствію.

Незнакомство деревенской толпы съ фотографическимъ аппаратомъ еще не могло вселить такой жгучей боли о невѣжествѣ народномъ, которая понудила бы пустого и ничтожнаго Солонину къ геройскому подвигу. Во времена Месмера, вполнѣ реальныя явленія месмеризма, именуемыя нынче гипнотизмомъ, почитались людьми гораздо болѣе образованными, чѣмъ „Гуцулія“, напавшая на Солонину, проявленіемъ какой-то темной, сверхъестественной силы. Да если-бы и сейчасъ произвести передъ какими

либо мелкими обывателями захолустныхъ мѣстечекъ чудесные опыты съ радіемъ, или хотя-бы съ рентгеновымъ аппаратомъ,—развѣ это не принято бы было ими за колдовство или въ лучшемъ случаѣ за искусный фокусъ? Нѣтъ, такое безобидное незнаніе не разрываетъ сердца. Вотъ если-бы Солонина увидалъ, какъ протягиваютъ черезъ хомутъ родильницу, умирающую въ нечеловѣческихъ мукахъ, какъ приводятъ прощаться къ дифтеритному ребенку остальныхъ здоровыхъ дѣтей; какъ сынъ, озвѣрѣвшій отъ вѣчной бѣдности и тьмы, выгоняетъ старуху мать изъ хаты на голодную смерть; какъ бьютъ, калѣчутъ, превращаютъ дѣтей въ идіотовъ голодные и пьяные родители,—тогда бы и мы поняли, что картины подобнаго невѣжества могутъ разорвать сердце человѣку, способному воспринимать чужія страданія, могутъ навсегда обезцвѣтить въ его глазахъ всѣ краски пустой, свѣтской жизни. Но безсмысленная вспышка толпы въ данномъ случаѣ, какъ могла она повліять на Солонину, того Солонину, какимъ представляетъ намъ его Коцюбинскій?

Прежде всего онъ самъ своимъ страннымъ поведеніемъ далъ основаніе невѣроятнымъ слухамъ, распространившимся до его пріѣзда. Вообразимъ себѣ, что какой нибудь важный сановникъ (а таковымъ непремѣнно является всякій панычъ въ глазахъ крестьянъ, да еще такой блестящій, какъ Солонина!) подкатываетъ къ городской думѣ, вызываетъ городского голову и объявляетъ ему, что въ Кіевѣ довольно красивыхъ жителей и что черезъ двѣ недѣли онъ пріѣдетъ фотографировать ихъ? Развѣ подобное странное заявленіе не породило-бы всевозможныхъ толковъ въ городѣ? И развѣ появленіе такого кавалера не вызвало бы недоброжелательства и среди болѣе образованныхъ городскихъ обывателей? Что-же удивительнаго въ томъ, что дикій народъ встрѣтилъ кольями непрошеннаго фотографа, поступавшаго еще все время какъ бы нарочито безтактно? Конечно, пассажъ, происшедшій съ Солониной, былъ весьма непріятенъ, но происшествіе это отнюдь не относилось къ числу тѣхъ, которыя потрясаютъ души. Въ сердцѣ Солонины оно должно было вызвать раздраженіе противъ этой грубой черни и еще крѣпче утвердить презрительную мысль о томъ, что чернь еще не доросла до какихъ либо идей и что эта область останется навсегда достояніемъ „аристократіи духа.“ Такъ долженъ былъ реагировать на это траги-комическое происшествіе бездушный petit maître Коцюбинскаго, но онъ вдругъ „разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“ выростаетъ сразу до размѣровъ героя и дѣлается суровымъ сподвижникомъ идеи

Нѣтъ,—уголъ паденія не равняется углу отраженія, и эта психологическая невѣрность непріятно поражаетъ сознаніе, какъ раздражаетъ ухо грубый, рѣзкій диссонансъ.

Одно изъ двухъ: или герой разсказа не былъ тѣмъ узколобымъ представителемъ золотой молодежи, какимъ его рисуетъ авторъ, или происшествіе, зажегшее и его гнилую душу священнымъ огнемъ, должно было быть гораздо драматичнѣе того анекдота, который передаетъ намъ Коцюбинскій. И въ томъ и въ другомъ случаѣ надо было обратить большее вниманіе на психологію героя, а не заявлять устами его: *„годі вам розсказувати детально про боротьбу, яку я счинив з собою, з своїми звичками, застарілими поглядами.“* Эта странная точка зрѣнія автора превращаетъ разсказъ въ нескладный анекдотъ.

Онъ мертвъ, и, не смотря на свою высокую тенденцію, такъ же напоминаетъ жизнь, какъ раскрашенная восковая кукла живого человѣка.

Разсмотримъ теперь слѣдующій разсказъ, представляющій изъ себя еще болѣе аляповатый анекдотъ—„По людському“. Герой разсказа Карпо, парубокъ грамотный, развитой, съ запросами человѣка, ищущаго истины, посѣщалъ постоянно либеральнаго и просвѣщеннаго учителя школы, который вліялъ самымъ благотворнымъ образомъ на его развитіе. Благодаря бесѣдамъ съ учителемъ, Карпо значительно расширилъ кругъ своихъ знаній; его стала невыносимо тяготить тьма окружающей обстановки,—онъ сталъ рваться къ лучшей жизни. Но учителя убрали изъ деревни; Карпо затужилъ. Черезъ нѣкоторое время, однако, онъ женился, остепенился и только по временамъ, при видѣ насилій, производимыхъ надъ безотвѣтными крестьянами, въ немъ пробуждался бурный духъ революціонера, но вспышки эти быстро угасали. Прошло четыре года жизни Карпа, совершенно неизвѣстныхъ ни автору, ни читателю. Черезъ четыре года Карпо неожиданно получаетъ въ наслѣдство отъ тетки 200 руб. И какъ думаетъ читатель, на что обращаетъ всѣ эти деньги разумный, интеллигентный Карпо? Онъ начинаетъ жрать, жрать черезъ силу, для того, чтобы обновить свою кровь. На вопросъ товарища Максима, купитъ-ли онъ себѣ воловъ, или десятину поля,—Карпо отвѣчаетъ гнѣвно: „Воли! Що мені з волів! Я сам досі був як віл у плузі. Ні, годі! Тепер я поновлю свою кровь, наберуся сили. Он у Німечині, або в Англії робочий чоловік кожен день їсть мнясо. Того він і смілявий, і розумний, людиною нарікается. В йому кровь грае. А ми що?.. Жінко, давай, що там насмажила“.

И вотъ, на основаніи такого поверхностнаго, чисто анекдотическаго соображенія, Карпо начинаетъ обновлять свою кровь тѣмъ, что жретъ, какъ свинья, съ утра до вечера, возбуждая и смѣхъ и отвращеніе среди своихъ односельчанъ.

Авторъ рисуетъ намъ картины безобразнаго обжорства Карпа. То Карпо сидитъ красный, потный и пожираетъ черезъ силу свинину, разбрасывая кругомъ кости, то Карпо лежитъ вывернувшись на постели и кричитъ на жену: „розшибай пазуху, а ну чи влучу?“ Жена раздвигаетъ сорочку и онъ бросаетъ ей за пазуху конфекты. „Цукор потрібний для тіла: він його нагріває, як дрова пічь, і підживляє,“ объясняетъ онъ свои странные поступки нарвавшемуся на эту сцену товарищу. И такъ далѣе, все crescendo и crescendo; кончается вся исторія тѣмъ, что просвѣщенный Карпо, въ концѣ концовъ, напивается, какъ животное въ шинкѣ, и у него крадутъ купленнаго на занятые деньги коня. Это послѣднее происшествіе потрясло Карпа: „Це вже по свинячому вийшло,—заявляетъ онъ сумрачно товарищу: не вмів я по людському жити. Не для нас воно“. Карпо опомнился и съ жгучей страстностью набросился на работу; онъ уплатилъ всѣ долги, но все таки продолжаетъ ходить на заработки, какъ-бы желая заглушить какую-то жгучую боль.

И такъ, просвѣщенный, любознательный Карпо, духовно воспитанный честнымъ и либеральнымъ учителемъ, изъ всѣхъ его бесѣдъ вынесъ такое убѣжденіе: человѣкъ, каково бы ни было его происхожденье, долженъ стремиться къ тому, чтобы жить по человѣчески, т. е. охранять свои человѣческія права и свободно развивать свой разумъ; достигнуть этого можно, только обновивъ физическій составъ своей крови при помощи безсмысленнаго жранья и пьянства. Такой способъ разсужденій напоминаетъ намъ логику героевъ нѣмецкихъ анекдотовъ, въ которыхъ, когда докторъ говоритъ, напримѣръ, больному: пріймите эти порошки въ водѣ;—то больной идетъ къ рѣкѣ, входитъ въ воду и тамъ принимаетъ лекарство. Или, когда докторъ, подавая больному рецептъ, говоритъ ему: пріймите это и вамъ станетъ легче,—то больной рветъ на мелкіе кусочки рецептъ, проглатываетъ ихъ, и выздоравливаетъ. Разница въ данномъ случаѣ будетъ состоять только въ томъ, что авторы подобныхъ анекдотовъ выставляютъ своихъ героевъ безсмысленными дураками, тогда какъ, по словамъ Коцюбинскаго, Карпо былъ осмысленнымъ, любознательнымъ человѣкомъ, съ которымъ учитель велъ долгія и разумныя бесѣды. И неужели-же эти разумныя бесѣды не уяс-

нили Карпу хоть слѣдующаго: что если англійскій рабочій силенъ и свободенъ, то вовсе не потому, что онъ ѣстъ мясо, а наоборотъ — онъ ѣстъ мясо потому, что силенъ и свободенъ. Память недавно прошедшаго крѣпостного права должна была-бы также напомнить Карпу, что не сытая пища пробуждаетъ въ людяхъ духъ свободы. Среди панской дворни и въ той деревнѣ, гдѣ жилъ Карпо, находилось навѣрное не малое количество хитрыхъ угодниковъ, блюдолизовъ панскихъ, которые обильнѣйшимъ образомъ питались отъ стола своихъ господъ, и не смотря на это, оставались самыми презрѣнными пресмыкающимися. Да наконецъ, самъ свободолюбивый учитель, вызвавшій къ жизни душу Карпа, развѣ жирнымъ мясомъ поддерживалъ онъ въ себѣ любовь къ свободѣ?! Карпо видѣлъ его жизнь изо дня въ день, и примѣръ этого благороднаго человѣка долженъ былъ глубоко запечатлѣться въ его душѣ.

Такимъ образомъ, если-бы у Карпа была хоть крупица здраваго смысла, онъ не могъ-бы сдѣлать такого парадоксальнаго, анекдотически-безсмысленнаго вывода. Это приводитъ насъ къ рѣшенію двухъ вопросовъ: или Карпо былъ въ дѣйствительности безнадежнымъ дуракомъ,—въ такомъ случаѣ не стоило писать и разсказа; или-же онъ былъ человѣкомъ разумнымъ,—въ такомъ случаѣ онъ не могъ-бы разсуждать столь парадоксально, и несостоятельность его должна была-бы обнаружиться въ болѣе глубокомъ, въ болѣе драматическомъ столкновеніи съ жизнью.

Переходимъ къ третьему разсказу этой же серіи, — „Дорогою ціною“. Это уже не набросокъ, это большой разсказъ во вкусѣ Майнъ-Рида или Фенимора Купера. Для читателей юношескаго возраста онъ долженъ представлять большой интересъ, такъ какъ нѣтъ тѣхъ ужасовъ и бѣдствій земныхъ, которыхъ не бросилъ-бы авторъ на головы своихъ героевъ: бѣгство отъ пана, ночная переправа черезъ Дунай: всѣ успѣли сѣсть въ лодки, только герои разсказа остались на берегу и бѣгутъ отъ погони. Постройка плота.. переправа.. теченіе уноситъ плотъ съ съѣстными припасами.. чудомъ спасены.. И вдругъ шальная пуля казака съ русской стороны ранитъ Остапа. Заблудились.. пожаръ въ плавняхъ. Соломія попадаетъ въ область огня.. на раненаго, лишеннаго силъ Остапа нападаетъ волкъ. Неожиданное спасеніе: Соломія выбѣгаетъ изъ плавней, натыкается на хату цыганъ, умоляетъ ихъ идти за нею. Находятъ въ глубинѣ плавней Остапа; цыгане несутъ его къ себѣ. Остапъ выздоравливаетъ нако-

нецъ. Казалось-бы, насталъ вмѣстѣ съ этимъ и конецъ всѣмъ испытаніямъ злосчастныхъ героевъ? Не тутъ то было! Авторъ готовитъ имъ еще горшія бѣдствія. Цыгане оказались грабителями. Произошла какая то ночная схватка, въ которой ранили стараго цыгана. Остапъ и Соломія поняли, что нельзя и минуты оставаться дольше въ этомъ разбойничьемъ гнѣздѣ, но вмѣсто того чтобы сейчасъ-же уйти вмѣстѣ въ селеніе, гдѣ Соломія работала поденно у болгарина,—они поступаютъ удивительно неостроумно: Соломія отправляется сначала одна просить болгарина принять пока что Остапа, а пока она путешествовала туда и сюда,—налетѣли турецкіе солдаты, связали всѣхъ цыганъ, въ томъ числѣ и Остапа, и отвезли въ тюрьму въ Галацъ. Добравшись, наконецъ, до начальника тюрьмы,—Соломія узнаетъ, что Остапъ, какъ русскій бѣглецъ, будетъ отправленъ назадъ въ Россію. Соломія рѣшается на послѣднее героическое средство: отбить у солдатъ Остапа силой. Планъ Соломіи не удается: лодка опрокидывается,—Соломія съ товарищемъ Иваномъ тонутъ, Остапа отвозятъ на русскій берегъ.

Такимъ образомъ, бѣглецы гибнутъ, но не отъ тяжкихъ условій жизни, встрѣчающихъ подобныхъ безправныхъ людей въ чужой странѣ, а отъ исключительно романтическихъ бѣдствій, насланныхъ на нихъ авторомъ.

Фантазіи автора могъ-бы позавидовать и Майнъ-Ридъ. Двѣ случайно завалившіяся спички въ штанахъ какого-нибудь „слѣдопыта“ спасаютъ его и отбитую у индійцевъ красавицу отъ цѣлой стаи волковъ, — у Коцюбинскаго дѣло обходится еще чуднѣе: брызги воды спасаютъ недвижимого Остапа отъ голоднаго волка! „Єдиним оружжам Остаповим була вода, і він час од часу обливав нею вовка, не допускаючи до себе. Вовк врешті скучив: він кілька раз сердито з запеклістью клацнув на Остапа зубами, крутнувсь і счез у комишах“ (170). Должно быть, этотъ добрый волкъ былъ вегетаріанецъ, въ противномъ случаѣ не могло-бы такое голодное, хищное животное отказаться отъ столь вкуснаго кушанья изъ-за нѣсколькихъ капель воды. Да проститъ намъ почтенный авторъ, но трудно какъ-то повѣрить, чтобы волкъ, проживающій въ плавняхъ, забрызганный въ мокрую грязь, до такой степени боялся воды; да, наконецъ, если не ошибается старикъ Бремъ, волкъ отнюдь не относится къ кошачьей породѣ, а потому и не страдаетъ боязнью воды.

Какъ видно изъ переданнаго нами выше содержанія разсказа, въ произведеніи этомъ отведено слишкомъ мало мѣста

для психологіи: почти всѣми моментами жизни героевъ руководятъ ужасныя случайности. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего невѣроятнаго. Бываютъ жизни, исторія которыхъ есть только перечень фатальныхъ бѣдствій; бываютъ жизни счастливыя и безпечныя, какъ струи лѣсного ручейка, теченіе которыхъ вдругъ прерывается шальнымъ камнемъ, сорвавшимся съ крыши,—все это вполнѣ вѣроятно, но отнюдь не типично. И переданный Коцюбинскимъ разсказъ, за немногими исключеніями, можетъ имѣть свою долю вѣроятія,—но онъ лишенъ литературнаго интереса, такъ какъ слишкомъ исключительныя обстоятельства, сопровождающія жизнь его героевъ, дѣлаютъ его далекимъ отъ реальной жизни.

Впрочемъ, уже въ этомъ разсказѣ видна способность Коцюбинскаго глубоко проникать въ тайники сердца человѣческаго. Отмѣтимъ истинно художественную картину смерти Соломіи. Рѣдко кому удавалось передать съ такой силой безконечное одиночество умирающаго человѣка.

Небольшой набросокъ „Поединок" переноситъ насъ уже въ сферы quasi-интеллигенціи". Сынъ бѣдной мѣщанской семьи, скромный молодой человѣкъ получаетъ мѣсто репетитора въ богатомъ домѣ помѣщика и важнаго чиновника. Супруга его, увядшая сорокадвухъ-лѣтняя дама, влюбляется въ красиваго репетитора и обращаетъ его въ своего возлюбленнаго. Она терзаетъ его нездоровой любовью, своими романтическими письмами, своими аристократическими манерами и классической музыкой, которыхъ бѣдный учитель не можетъ оцѣнить, но такъ какъ связь съ „настоящей" дамой льститъ самолюбію Пиддубнаго и гарантируетъ ему хлѣбное мѣсто, то онъ и остается въ роли послушнаго любовника. Мужъ неожиданно накрываетъ любовниковъ и выгоняетъ репетитора изъ дому. Афраппированный учитель покорно уходитъ, но прибѣжавши домой, начинаетъ обдумывать свой поступокъ и приходитъ къ выводу, что онъ поступилъ по мѣщански, позволивши безпрекословно такъ унизить себя. Антонина, „настоящая дама", никогда не проститъ ему этого. Какъ реабилитировать себя въ ея глазахъ? Въ этихъ размышленіяхъ проводитъ молодой учитель всю ночь и на утро придумываетъ гаденькій компромисъ. Свѣтскія правила чести требуютъ, чтобы онъ вызвалъ оскорбителя на дуэль, но онъ, Пиддубный, не хочетъ рисковать своей жизнью, а потому онъ пошлетъ свой вызовъ на имя Антонины: такимъ образомъ и честь будетъ возстановлена, и дуэль не состоится. Планъ достигаетъ цѣли: мужъ является къ Пид-

дубному съ извиненіемъ, и такимъ образомъ возстановляется status quo ante.

Разсказъ „Поединок“ составляетъ переходъ отъ приведенныхъ нами выше разсказовъ Коцюбинскаго къ послѣдующимъ прекраснымъ произведеніямъ его. Душевное состояніе молодого учителя, помышляющаго о томъ, какъ-бы смыть свой позоръ и оградить отъ риска свою жизнь, разработано прекрасно. Но психологія эта безпочвенна,—у ней нѣтъ корней. Мы видимъ передъ собой труса и негодяя. Но почему этотъ Поддубный, сынъ бѣдной и, очевидно, трудящейся мѣщанской семьи, превратился въ такого жалкаго пошляка и труса? Мы также не понимаемъ, почему молодой, здоровый человѣкъ, имѣющій сильныя руки и кой-какія знанія, добровольно погрузился въ тину и грязь, способную удовлетворять лишь такія дряблыя, увядающія натуры, какъ пани Антонина?

Эта недосказанность сильно понижаетъ литературную цѣнность разсказа.

Небольшой разсказикъ „Помстився“—произведеніе на столько слабое, что считаемъ ненужнымъ даже подвергать его болѣе подробному разбору. Это сплошная мелодрама. Богатый помѣщичій сынокъ, кутила, мотъ, спустившій все и нынѣ состоящій въ санѣ босяка, сильно выпивши, откровенничаетъ со своимъ случайнымъ собесѣдникомъ рабочимъ-парубкомъ и разсказываетъ ему исторію своей грязной жизни, между прочимъ упоминаетъ о крестьянской дѣвушкѣ, которую онъ погубилъ. Парубокъ также повѣряетъ ему исторію своей горькой жизни; разсказываетъ, почему онъ бросилъ свое родное село и отправился мыкаться по свѣту: онъ любилъ больше жизни дѣвушку изъ своей деревни и панъ погубилъ ее. О, если-бы только удалось ему отыскать этого негодяя, ужъ онъ бы заплатилъ ему и за свою и за ея искалѣченную жизнь!

Ужасная случайность!

Оказывается, что именно этотъ баринъ-босякъ, это пьяное животное и погубилъ его несчастную невѣсту. Наконецъ-то онъ можетъ отомстить негодяю! Но честный парубокъ гнушается подобной местью, онъ оттягиваетъ пьяное тѣло отъ рѣки, что-бы его не захлестнули волны, и возвращается въ городъ.

О, счастье!

Въ городѣ онъ наталкивается совершенно неожиданно на несчастную любимую дѣвушку, которую столько времени разыскивалъ напрасно и считалъ безвозвратно погибшей.

Добродѣтель награждена, порокъ наказанъ—и всѣ три единства соблюдены!

Въ этихъ первыхъ разсказахъ Коцюбинскаго, какъ-то „Помстився“, „Посол од Чорного Царя“, „По людському“, видна и во внѣшней формѣ неопытная рука: они преимущественно ведутся въ видѣ разсказа отъ перваго лица: авторъ еще не владѣетъ дѣйствіемъ, но что касается красоты языка, стиля и художественной силы описанія, то эти свойства въ большей или меньшей степени составляютъ неотъемлемое свойство всякаго произведенія Коцюбинскаго.

VII

Переходимъ теперь къ тѣмъ произведеніямъ Коцюбинскаго, въ которыхъ дарованіе его выразилось съ полной силой.

Психологія женской души, а вмѣстѣ съ нею вся сложная гамма чувства любви составляютъ избранный мотивъ художественнаго психологическаго анализа. Въ русской литературѣ лучшимъ знатокомъ женской души почитается Тургеневъ,—можемъ безъ преувеличенія сказать, что такое же мѣсто принадлежитъ по праву въ украинской литературѣ Коцюбинскому. Вотъ всѣ женскіе образы, проходящіе передъ читателемъ: бѣдныя татарочки Фатьмэ, Эмене, молдаванка Гашица, Олександра, Настя, Раиса, баба Хима, Маріора, Маланка, и даже мимолетно проскальзывающія милыя тѣни Гафійки и цыганки Гицу,—всѣ они живы, естественны и правдивы. Любящія, тоскующія, гнѣвныя, изступленныя—онѣ всегда сохраняютъ въ себѣ типичную чистоту непосредственной женской души; онѣ дѣйствуютъ подъ вліяніемъ чувства, и чувство это никогда не бываетъ подкуплено постороннимъ разсчетомъ. Онѣ всѣ любятъ, каждая по своему; онѣ не могутъ жить безъ любви, не той, конечно, любви, перипетіи которой живописуются въ французскихъ бульварныхъ романахъ, а той любви, которая одушевляетъ жизнь славянской женщины, которая заставляетъ забывать себя для другихъ,—будь то мужъ, отецъ, ребенокъ или родная страна. Мы не смѣемъ настаивать на нашемъ мнѣніи, но исторія и литература поддерживаютъ его. Въ любви своей украинская женщина какъ-бы старается утолить жажду самопожертвованія. Она не старается покорить себѣ любимаго человѣка, она не покоряется и сама, она только ищетъ достойнаго человѣка, чтобы излить на него весь запасъ нѣжности и любви,

которыми такъ щедро надѣлила ее природа. Не такъ радуетъ ее своя слава, какъ слава избранника ея. Эта слава теплѣе: радостнѣе лелѣять чужую славу, чѣмъ холить свою. И если женщина не находитъ такого существа въ жизни, если сердце ея обречено на холодное одиночество,—оно атрофируется, какъ атрофируется всякій органъ, лишенный возможности проявлять свойственную ему дѣятельность. Остается жить человѣкъ съ мертвымъ сердцемъ. Счастливы тѣ женщины, для которыхъ открытъ міръ идей; какъ-бы ни была одинока и безрадостна ихъ личная жизнь,—имъ есть для кого жить, есть что любить: но тѣ добрыя созданья, добрыя и нѣжныя, которыя могутъ понять только любовь конкретную къ близкому, дорогому человѣку,—лишенныя этой любви, онѣ увядаютъ, какъ увядаютъ цвѣты, лишенные солнечнаго луча. Такому грустному явленію посвященъ одинъ изъ лучшихъ разсказовъ Коцюбинскаго „Лялечка".

Героиня его также любитъ, но любитъ по своему. Любовь Раисы совсѣмъ не похожа на любовь Гашицы, любовь Фатьме или Насти; каждая изъ нихъ любитъ сообразно даннымъ своего темперамента, своего развитія, своей среды, — и въ этомъ большая сила таланта Коцюбинскаго.

Остановимся, напр., на Фатьме (На камени). Татарка съ горъ, она выдана замужъ за противнаго, богатаго рѣзника, котораго не любитъ. Случайно въ приморскую деревушку пріѣзжаетъ молодой турокъ и остается на нѣкоторое время жить въ домѣ рѣзника. Разъ увидѣлъ онъ глянувшія на него изъ-за фередже очи Фатьме, она опьянилась звуками его зурны,—и оба полюбили другъ друга. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что не личность Али пробудила любовь въ сердцѣ Фатьме, — она вѣдь ни разу не говорила съ нимъ: молодость, красота юнаго турка воплотили томившую душу Фатьме тоску въ опредѣленную страсть,—въ ней слились и жажда свободы, и жажда искренняго, молодого чувства, и Фатьме безъ думъ, безъ размышленій отдалась своей страсти, съ той природной силой, съ какой поворачиваетъ цвѣтокъ свою головку къ солнечному лучу. Съ полнымъ фанатизмомъ отдается Фатьме своему влеченію. Она не думаетъ о настоящемъ, не загадываетъ о будущемъ, не смущается мыслью объ измѣнѣ, о грѣхѣ; она любитъ, и не можетъ, не хочетъ противустоять своему чувству. Въ этой силѣ страсти и слабой дѣятельности мозга проявляется основа душевнаго склада восточнаго человѣка—фатализмъ Фатьме. Разъ человѣкъ не употребляетъ ни малѣйшаго усилія воли, чтобы побороть свою страсть и направить такъ или иначе свои

чувства, то ему и остается одно—отдаться во власть событій, комбинирующихся помимо него. Волю-же, идущую противъ самой природы человѣка, можетъ поддерживать только сильная мысль, та мысль, которая съ большой силой убѣжденія представляетъ человѣку всѣ послѣдствія, порождаемыя однимъ его неосторожнымъ ходомъ,—мысль шахматнаго игрока. У бѣдной Фатьме нѣтъ и тѣни подобной мысли,—вотъ почему чувство ея отличается такой стихійной силой.

Вспомнимъ сценку перваго рѣшительнаго свиданія Фатьме и Али.

„Ти здалеку?"—Али здригнувся; голос йшов зверху, з даха, і Али підняв туди очі. Фатьме стояла під деревом, тінь од якого вкривала Али. Він спаленів і заікнувся.—„З-під Смірни... далеко звідси."—„Я з гір". Мовчанка. Кровь бухала йому до голови, як морська хвиля, а очі полонила татарка і не пускала від своїх.—„Чого забився сюди? Тобі тут сумно?"—„Я бідний... ні зірки на небі, ні стебла на землі. Заробляю".—„Я чула, як ти граєш"...—Мовчанка.—„Весело у нас в горах... музики, дівчата веселі... У нас нема моря... а у вас?" — „Близько нема".—„Йохтер! І ти не чуєш в хаті як воно дихає?" — „Ні у нас замісць моря пісок. Несе вітер гарячий пісок, і ростуть гори немов горби верблюжі. У нас... — „Цсс!.. Вона неначе ненароком висунула з-під фередже білий випещенний вид і поклала з фарбованним нігтем палець на повні й рожеві вуста. Навкруги було безлюдно. Блакітне, як друге небо, дивилось на них море і лиш біля мечету просунулась якась жіноча постать.—„Ти не боїшься, ханим, розмовляти зо мною? Що зробить Мемет, як нас побачить?"—„Що він схоче".—„Він нас забъє, як побачить!" —„Як він схоче". (17).

Эта любовь не смягчена ни нѣжностью, ни душевной дружбой, она сильна только силой желанья. Что-то мрачное, фатальное, подобное силамъ природы чуется въ этомъ влеченіи; оно чуждо намъ. И въ этой особенности любви Фатьме, подмѣченной Коцюбинскимъ, и проявляется большая художественная сила его таланта.

Гашица (Пе-коптьоръ)—такое-же непосредственное дитя природы, какъ и Фатьме, но любитъ она совершенно иначе. Конечно, не духовная красота, а молодость здоровье и чувство Йона пробудили любовь въ сердцѣ Гашицы, но тутъ-же сейчасъ примѣшались и психическіе мотивы.

Йонъ долго и упорно ухаживалъ за Гашицей. И вотъ онъ явился наконецъ въ первый разъ къ ней во дворъ. Парубокъ

проситъ пить, дѣвушка ведетъ его въ погребъ, гдѣ у нихъ хранится вино, и подаетъ ему полную куфу.

„Парубок обхопив куфу руками, підніс до рота, здмухнув піну і пожадливо припав устами до вина. Гашица, спершись на бочку, не спускала ока з свого милого, немов роскошувала його приемнистью. „Бун-джин!“—відсапнув нарешті Йон, втираючи уста рукавом, та ставлячи долі куфу. „Дуже дякую, додав він, обіймаючи та пригортаючи до себе Гашицю. Дівчина не пручалась. Їй так добре було в обіймах милого, вона так солодко затремтіла від дотику тих сильних, жилавих рук, від того тепла молодого любого тіла. В ухах немов звенить щось, в голові туман. Вона наче з-за стіни чує Йонів голос, його слова“. Далѣе Йонъ начинаетъ восхищать Гашицу своими удивительными познаніями русскаго языка.

„Йон монотонно цідив слово по слові, а Гашица, згорнувши руки, слухала, мов зачарована. *Який він розумний*!—подумала вона, *почуваючи в грудях новий приплив почуття*. „Біне?“—поспитав Йон скінчивши:—„Тара біне! Прошопотіла Гашица·“ Йонъ окончательно восхищаетъ Гашицу своим умомъ, своей ловкостью. Наконецъ имъ надоѣдаетъ сидѣть въ погребѣ, и Йонъ начинаетъ упрашивать Гашицу пойти съ нимъ на виноградникъ.

„І хоч Гашица гнала його до дому, а не могла встояти проти палких благань милого й сама не помітила, як опинилась за хатою, на стежці до виноградника. Серед темних крилатих кущів обібрали вони собі місцину. Йонъ нарвав на обніжку трави й простелив долі. Чорна пухка земля дихала вохкістью, старі роскішні кущи здіймали до гори, мов руки, цупке галуззя; крізь чорне лапате листя лиш де-не-де мигтіла зірка. Було холодно, моторошно якось. Гашица несвідомо пригорнулась до Йона, цілою істотою віддаючись гарячим пестощам... „Починало вже сіріти. Йон—щасливий, задоволений, Гашица—засоромлена, з опущенними до долу очима, з почуттям якоісь ваги, якогось непоправного лиха.

Мы нарочно сдѣлали такую большую выписку, чтобы показать читателю, какъ вѣрно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ цѣломудренно пишетъ авторъ подобныя, выражаясь банально, „рискованныя сцены“. Йонъ прижалъ къ себѣ Гашицу, дѣвушка вся задрожала въ его горячихъ объятьяхъ, въ ушахъ ея зазвенѣло, въ головѣ поднялся туманъ; голосъ Йона потонулъ гдѣ-то въ густой мглѣ,—все это проявленіе чисто физіологической жизни организма; но тутъ-же рядомъ мысль бѣднаго созданія старается

надѣлить своего избранника всѣми доблестями идеала, якобы воплотившагося въ этомъ здоровомъ, грубоватомъ парнѣ. Замирая отъ восторга, слѣдитъ Гашица за всѣми движеніями Йона, прислушивается къ его словамъ: какой онъ умный, какой сильный, какой ловкій.

Не беремся рѣшать, какое изъ двухъ началъ, дѣйствующихъ въ человѣкѣ, обманываетъ въ данномъ случаѣ дѣвушку: физіологія ли подкупаетъ психологію, или психологія возбуждаетъ физіологію,—важно то, что авторъ, открывая душу бѣдной дѣвушки, знакомитъ насъ съ обоими чувствами, охватившими ее; онъ дѣлаетъ человѣчнымъ волненіе Гашицы, онъ пріобщаетъ ее къ намъ, мы проникаемся къ ней жалостью, мы понимаемъ и не судимъ ее.

Представимъ-же себѣ, что всю эту сцену въ погребѣ, а затѣмъ на виноградникѣ взялся-бы описывать кто-либо изъ французскихъ реалистовъ. Влюбленные въ саду ночью. Гашица въ объятіяхъ Йона... Какой просторъ для пламенной фантазіи, какое богатое знаніе физіологіи могъ-бы проявить любой живописатель подобныхъ сценъ!.

Коцюбинскій ограничивается немногими фразами.

Крізь чорне, лапате листя лишь де-не-де мигтіла зірка.. Було холодно, моторошно якось; Гашица несвідомо пригорнулась до Йона, цілою истотою віддаючись гарячим пестощам". І довольно... въ этихъ немногихъ словахъ много души.

За короткую минуту довѣрія и непосредственнаго чувства Гашица дорого заплатитъ, и расплата не заставляетъ себя долго ждать. И онъ поступаетъ самымъ обычнымъ образомъ: довѣрчивая, наивная Гашица уже потеряла для него интересъ новизны,—онъ присватывается къ другой дѣвушкѣ. Бѣдная Гашица переживаетъ тяжелые, чорные дни. Она не воспламеняется жаждой дикой мести къ разлучницѣ или измѣннику, она глубоко страдаетъ: и жгучій стыдъ, и горечь обиды, и безотвѣтная любовь наполняютъ ея сердце страшнымъ горемъ. Въ концѣ концовъ Гашица рѣшается на героическое средство: идетъ къ родителямъ Йона,—и разсказъ оканчивается общимъ благополучіемъ.

Въ этой обыкновенной исторіи Коцюбинскій сумѣлъ найти много человѣчнаго и тѣмъ сдѣлалъ ее близкой и понятной намъ.

Большая повѣсть „На віру“ посвящена драматическому происшествію, разыгрывающемуся на почвѣ романическаго столкновенія трехъ характеровъ,—Насти, Олександры и Гната.

Всѣ они сильно рознятся между собой. Вотъ какъ характеризуетъ авторъ героиню разсказа — Настю. „А Настя була добра, тыха, сумирна. Багато говорити вона не любила. Усе слухае, що говорять другі, й всміхаетця очіма та куточками уст. Але як скаже слово, то так і влетить ластівкою те слово до серця і мов крильцями розмае тугу. Тиха, як ягниця, ніжна, мов голубка. З природи мовчазна, вона залюбки слухала веселу, та гарну беседу".—Словомъ, Настя была удивительно женственна, мягка, нѣжна, но подъ этими въ высшей степени привлекательными качествами, какъ и бываетъ обыкновенно, не скрывалась глубина и сила характера. Казалось бы сразу, что Настя какъ нельзя болѣе подходила къ такому же молчаливому Гнату, но сходство это было только кажущееся:—въ сущности же это были совершенно различные люди: Гнатъ имѣлъ сильную и глубокую натуру, Настя же была поверхностна и пассивна. Именно такъ и характеризуетъ авторъ свою героиню: „Вона не мала характеру, її можно було на все підмовити, але тихим, лагідним словом. Материне бажання лише підживляло її мляву энергію".

Третье дѣйствующее лице этой драмы, Олександра—пылкая, экспансивная, артистическая натура.

Сообразно даннымъ характерамъ Насти, Олександры и Гната развивается и теченіе всего разсказа.

Гнатъ сирота, не богатый но трудолюбивый парубокъ, полюбилъ Настю. Любила-ли его Настя?

„Настя, здается, любила його,—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ авторъ: але якось не важилась сказати йому рішуче слово. Що було не спитае він: „Підеш за мене? Присилати старостів? „Вона в одно: А я знаю? Я тебе й так люблю?"

Нельзя однако приписать такой отвѣтъ дѣвической скромности, потому что нѣсколько строкъ выше авторъ говоритъ о томъ, что Настя охоче слухала жартівъ говіркого Петра і часомъ навіть забувала про Гната".

И подобное отношеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ дрябленькой натурѣ Насти. Но вотъ въ одинъ веселый майскій день Настя говоритъ „Пійду за тебе! Присилай старостів!"

И что же? хитрая Олександра начала вмѣстѣ съ матерью Настиной уговаривать Настю выйти замужъ за Петра, а не за Гната, и, сбитая съ толку Настя, принимаетъ, наконецъ, такое чисто-дѣтское рѣшеніе: „хто перш пришле старостів, за того й піду".

Олександра предупреждаетъ Петра, чтобы торопился, и Гнатъ остается за флагомъ.

Такъ какъ Настя не любила сильно ни Гната, ни Петра, то такой поступокъ вполнѣ согласуется съ ея характеромъ. Еще характернѣе очерчено Коцюбинскимъ дальнѣйшее поведеніе Насти.

Мужа Насти взяли въ солдаты. Гнатъ встрѣтился однажды съ Настей и началъ ее горько упрекать въ томъ, что она разбила ея жизнь. Настя разстроилась отъ его рѣчей. „Вона плакала; вона й досі не знає, як це сталося. Так десь воно мало бути. Адже і їй жаль, що вони розлучились: вона не бідила-б так гірко без чоловіка, як тепер, коли Петра взяли в москалі", (227). Послѣдняя фраза чрезвычайно характерна. Очевидно, еслибы мужа не взяли въ солдаты, Настя и не замѣчала-бы всей горечи своего положенія. Отсутствіе мужа, а не присутствіе нелюбимаго мужа угнетаютъ ее.

Приходитъ извѣстіе о смерти Настинаго мужа.

Гнатъ выгоняетъ изъ дома свою законную жену и умоляетъ Настю жить съ нимъ „на віру", говоря иначе, онъ проситъ ее сойтись съ нимъ, такъ сказать, гражданскимъ бракомъ.

„Настя слухала, притулившись до шершавого стовбура яблуні; їй жаль стало того тихого, щирого чоловіка, що так вірно її кохає, що гине за нею. Вона сама любила Гната і десь у далекому закуточку її серця ворушилась згода на Гнатове жадання. Її вже турбували перешкоди, що неминуче мали стати на дорозі до щастя".

Протестъ матери только возбуждаетъ упорство Насти. Она по природѣ недалека и пассивна; ее можно было бы легко уговорить, обмануть, но мать дѣйствуетъ напрямикъ и именно этимъ пріемомъ какъ-бы подталкиваетъ Настю согласиться на просьбы Гната. Она убѣгаетъ изъ дома матери и поселяется въ домѣ Гната. Сначала мать требуетъ возвращенія дочери назадъ, но затѣмъ примиряется съ совершившимся фактомъ.

Начинаются для Насти дни тихаго счастья. Она въ своей сферѣ: она хлопочетъ по хозяйству, убираетъ хату, ласкается, какъ нѣжная кошечка къ мужу; ей хорошо, ей дѣтски весело, ей не нужно больше ничего;—она достигла своего истиннаго счастья.

Но счастью Насти не суждено было быть долговѣчнымъ. Она услыхала отъ услужливыхъ кумушекъ, что Олександра обѣщаетъ вытащить ее за волосы изъ хаты мужа. Со слезами передаетъ она это извѣстіе мужу. Смущеніе и страхъ зарождаются

въ ея душѣ; спокойствіе несложнаго счастья нарушено. Катастрофа приближается. И вотъ однажды, когда Настя сидѣла въ своей опрятной, хорошенькой хаткѣ,—явилась грозная Олександра. Происходитъ ужасная сцена: Гнатъ въ припадкѣ бѣшенства убиваетъ Олександру. Гната берутъ въ тюрьму. Настя горюетъ, плачетъ, хлопочетъ у адвоката. Гната осуждаютъ на поселеніе въ Сибирь.

„Настя все чула й бачила. Їй здавалось, що серце в неї ось-ось пухне з жалю, що вона вмре. Перелякана, збентежена, вийшла вона з суду, гірко плачучи, та не знаючи, що з собою діяти". „Чи пійдеш зо мною в далеку дорогу, Насте?"—Спросилъ ее Гнатъ.—„Настя нічого не відповіла, але подумала:—„пійду, яке мені життя без його".

Однако она не пошла.

Мать и сосѣдки начали ее уговаривать не оставлять матери, не рисковать жизнью ребенка. И безхарактерную Настю скоро охватило смущеніе. „Але вона все ще вагалась, та не знала, що чинити". Но въ концѣ концовъ: „Дивлячись на материні сльози, слухаючи, як усі відражали їй покидати свої сторони, Настя непомітно звикла до думки, що йти за Гнатом в далекий Сібірь,—річь неможлива. Вона любила Гната, жалувала його, плакала за ним і... все таки лишилась у Мовчанах".

Черезъ два года она вышла замужъ за вдовца.

Такъ мирно, благополучно окончилась для нея большая драма, причиной которой была она сама.

Сильные погибаютъ, приспособляемые удерживаются въ жизни.

Погибли Гнатъ и Олександра,—Настя уцѣлѣла. Она пережила свое горе и снова прилѣпила свое гнѣздышко, какъ ласточка къ стѣнѣ, и по всей вѣроятности нашла свое тихое, не сложное счастье.

Въ этомъ заключительномъ аккордѣ повѣсти проявляется снова художественный талантъ Коцюбинскаго.

Всѣ поступки Насти, всѣ чувства ея правдивы; Настя немогла поступать иначе,—это чувствуетъ читатель. Заставь авторъ Настю отправиться за Гнатомъ въ Сибирь—и цѣльность художественнаго образа была-бы нарушена. Настя большой человѣкъ для малыхъ дѣлъ и малый для большихъ. Она слишкомъ живучая натура; больше всего она любитъ въ сущности, можетъ быть и безсознательно свой комфортъ, свой покой; она боится рѣшительныхъ шаговъ. Оставить мать убѣдилъ ее Гнатъ, если-бы онъ

былъ и теперь съ нею, то, по всей вѣроятности, убѣдилъ-бы ее идти съ нимъ въ Сибирь,—но его не было, были мать и кумушки. Онѣ представляли Настѣ въ сущности второстепенные доводы: ребенокъ можетъ простудиться, мать стоскуется,—и Настя уступила. Изъ-за маловажныхъ причинъ она пожертвовала жизнью погибшаго за нее человѣка. Поплакала, поплакала, а затѣмъ успокоилась, потому что въ сущности не любила Гната съ той силой, съ какой любятъ глубокія натуры. Сердце ея не дѣлало большой разницы между Гнатомъ и Петромъ: Петро потѣшалъ ее веселымъ разговоромъ, а Гнатъ подкупалъ беззавѣтной любовью. И оба эти чувства находили мѣсто въ эгоистической натурѣ Насти. Въ ея чувствѣ нельзя искать ничего высокаго. Не случись Настѣ Гнатъ и Петро, она вышла-бы замужъ за Степана, за Ивана, вышла-бы за кого-нибудь, свила-бы свое хорошенькое гнѣздышко, и, если-бы мужъ ея не оказался окончательнымъ негодяемъ,—была бы счастлива.

Совершенно иную фигуру представляетъ изъ себя Гнатъ: его сильная, глубокая натура искала именно такой женщины, какъ Настя—тихой, женственной, милой. Еще до знакомства съ нею, въ мечтахъ его носился смутный идеалъ „дружини". И когда онъ встрѣтился съ Настей и увидалъ воплощеніе своей мечты,—онъ полюбилъ Настю всей душой.

Зачѣмъ онъ женился на Олександрѣ, узнавъ, что Настя измѣнила ему?

Да для того-же, чтобъ доказать ей, что Олександра все лгала, разъ сама согласилась пойти за него. Онъ хотѣлъ этимъ поступкомъ пронзить сердце Насти, но Настю не тронулъ, а себя погубилъ. Будь это не Гнатъ, а другой человѣкъ, онъ примирился-бы съ обстоятельствами, разыскалъ-бы себѣ другую дѣвушку, болѣе соотвѣтствующую его требованіямъ, и былъ-бы счастливъ. Или уже, женившись сгоряча на Олександрѣ, не дошелъ-бы до открытаго разрыва, а кой-какъ примирился-бы со своей безрадостной долей.

Но Гнатъ, тотъ Гнатъ, котораго даетъ намъ Коцюбинскій—сдѣлать этого не можетъ: онъ любитъ разъ и на всю жизнь. Убилъ онъ Олександру сгоряча, увидѣвши, какъ она бьетъ и тащитъ за волосы Настю. Быть можетъ онъ и не вспылилъ-бы до такой степени, если-бы къ этому не было подготовки. Слезы Настины и ея разсказы о томъ, какъ Олександра собирается вытащить ее за косы изъ хаты, давно уже разъѣдали его сердце, и вдругъ этотъ кошмаръ всталъ воочію передъ его глазами.

Гнатъ забываетъ все: не желаніе убить Олександру, а стремленіе спасти во чтобы то ни стало Настю руководитъ имъ. Происходитъ катастрофа, разбивающая навсегда жизнь Гната.

Большой, интересной фигурой выступаетъ на фонѣ рисунка разсказа—Олександра. Все понять—все простить, эта старая истина проявляется въ данномъ случаѣ въ разсказѣ Коцюбинскаго. Собственно говоря, Олександра должна была-бы быть отнесена къ отрицательнымъ типамъ: она сознательно отбила Настю отъ Гната, она слишкомъ привержена къ хлопцамъ, она и неряшлива, и не способна къ постоянной, уравновѣшенной работѣ, и не смотря на всѣ эти минусы, читатель проникается сожалѣніемъ къ Олександрѣ. Коцюбинскій сумѣлъ отмѣтить глубину ея души, и передъ нами стоитъ не просто разгульная, неряшливая баба, а женщина съ натурой пламенной, артистической, не находящая себѣ отзыва въ окружающей средѣ. Онъ и хочетъ сдѣлаться такой-же степенной хозяйкой, какъ Мотря, какъ Настя, но это ей не удается. Въ первый разъ ей мѣшаетъ устроитв свое гнѣздо антипатія Гната, но судьба представляетъ ей и второй, и третій разъ случай обзавестись своимъ домкомъ и вступить на стезю почтенныхъ деревенскихъ жительницъ. Олександра со всей горячностью своего темперамента хватается за работу, но скоро охладѣваетъ. Сердце ея начинаетъ размывать тоска, она чувствуетъ смутное неудовлетвореніе. Но чего-же ей собственно не хватаетъ, чего можетъ она желать?

Достаточно вспомнить сцену на бурякахъ, чтобы понять, чего не хватаетъ Олександрѣ. Въ этихъ шуткахъ, въ этихъ остротахъ и импровизаціяхъ выливалась безсознательная сила талантливости Олександры. Она томила ее и не давала ей возможности удовлетвориться будничной обстановкой трудовой жизни. Конечно, при тѣхъ данныхъ, при которыхъ протекала жизнь Олександры, трудно было ей найти какой-либо цѣлесообразный выходъ, и печальный конецъ ея жизни былъ неизбѣженъ. Всѣ поступки ея и душевныя движенія вполнѣ соотвѣтствуютъ даннымъ ея характера и той средѣ, въ которой протекаетъ ея жизнь. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать автору, это то, что послѣднія перепитіи душевной ломки Олександры описаны слишкомъ схематично.

Узелъ спутанныхъ человѣческихъ отношеній разсѣкается однимъ ударомъ топора Гната. Кто виноватъ? Виноваты характеры людей, столкнувшихся на жизненной дорогѣ.

Первоначальная ошибка, предрѣшившая всѣ послѣдующія событія, произошла вслѣдствіе мягкости, инертности Настиной натуры, но именно благодаря этимъ свойствамъ, въ силу контраста со своей сильной натурой, Гнатъ и полюбилъ ее. Не женись онъ на Олександрѣ, положеніе могло бы быть еще спасено, но разъ онъ сдѣлалъ и этотъ неосторожный шагъ, являющійся также слѣдствіемъ его темперамента,—катастрофа была уже неизбѣжна.

И сами герои уже чувствуютъ ее. Этотъ глухой страхъ, мрачныя, безсознательныя предчувствія Насти и Гната исходятъ изъ того, что оба они твердо помнятъ и понимаютъ:—Олександра никогда не проститъ имъ ихъ счастья; рано или поздно она явится сюда, и тогда произойдетъ что-то еще невѣдомое, но ужасное, мысль о которомъ уже заранѣе леденитъ ихъ кровь.

Въ этой трагически неизбѣжной послѣдовательности развивающихся событій и въ глубокомъ пониманіи человѣческаго сердца заключается большая художественность разсказа.

Авторъ не подсовываетъ намъ никакого приговора, но прочтите послѣднія строки разсказа. „Минуло два роки. До Насті заслав старостів удовець з другого села. Старости заміняли хліб. Справили весілля. Гукаючи та співаючи, гучно проминула весільна перезва кладовище, де лише мріла поміж могилками зелена Олександрина могила.“ Здѣсь нѣтъ ни одного слова, говорящаго намъ о личномъ взглядѣ автора, и отъ самой картины, отъ сопоставленія шумной „перезви“, перелетающей черезъ кладбище, гдѣ уже едва виднѣется зеленая могилка Олександры,—вѣетъ такимъ философски-примиреннымъ настроеніемъ, такимъ глубокимъ пониманіемъ жизни!

Къ недостаткамъ разсказа относится нѣкоторая несоразмѣрность построенія его, растянутость и изобиліе второстепенныхъ лицъ. Взятыя сами по себѣ, эти лица чрезвычайно жизненны и свидѣтельствуютъ намъ о подлинномъ знакомствѣ автора съ описываемой средой. Возьмемъ, напримѣръ, сценку объясненія Мотри съ Семеномъ,—отъ начала до конца въ ней нѣтъ ни одной фальшивой нотки.

Семенъ купается въ озерѣ; увидавъ проходящую Мотрю, онъ останавливаетъ ее и начинаетъ съ ней, яко-бы незначительный разговоръ, но Мотря смутно чуетъ сразу, что изъ этихъ незначительныхъ словъ должно выйти что-то значительное.

Разговоръ не завязался. Мотря „обернулась і пішла дрібно, наче молоді літа згадала.“

Какъ мѣтко приведенъ здѣсь этотъ характерный пріемъ деревенскаго кокетства! И далѣе, Мотря возвращается назадъ. Семенъ, наконецъ, высказываетъ ей свое предложеніе,—перейти къ нему жить „на віру“. Мотря смущена, но не смотря на это, не забываетъ пріемовъ своеобразнаго, деревенскаго кокетства. „Мотря щільно стулила губи і спустила очі до долу на горщичок.—А я знаю?—Мотря знайшла на денці горщичка шматочок присохлої глини й почала його дуже уважно відколупувати нігтем“.

Мотря кокетничаетъ съ Семеномъ. Кокетничая, женщина всегда старается показать себя съ той стороны, которая по ея мнѣнію болѣе всего можетъ заинтересовать мужчину. Какъ-бы нибыла смущена знаменательнымъ разговоромъ „кисейная барышня“, она не забудетъ отогнуть изящно мизинчикъ, выставить кончикъ ножки, затянутой въ узкій ботинокъ, или наивно поднять бровки, чтобы расширить глаза; дѣвушка изъ интеллигентнаго общества старается заинтересовать своего собесѣдника умнымъ, живымъ разговоромъ, высотой своихъ убѣжденій. Мотря также желаетъ показать себя передъ Семеномъ съ лучшей стороны: даже въ столь важную минуту она не забываетъ отколупывать на днѣ горшечка кусочекъ глины.

Какъ она хозяйственна! Какъ трудолюбива!

И разсчетъ Мотринъ вполнѣ вѣренъ: провожая взглядомъ удаляющуюся коренастую Мотрю, Семенъ говоритъ самъ себѣ: „буде кому робити“.

Хозяйственныя мечты Семена, при мысли о новой жизни съ Мотрей, все это полно правды, чуждой намъ, по вѣрной описываемой обстановкѣ. Такимъ образомъ не только новизна самой темы свидѣтельствуетъ намъ о подлинномъ знакомствѣ автора съ самой гущей крестьянской жизни, но и всѣ эти, яко-бы незначительные, детали, языкъ дѣйствующихъ лицъ, ихъ манера мыслить, ихъ движенія, жесты, какъ они ѣдятъ, подкладывая подъ ложку кусокъ чернаго хлѣба, какъ пьютъ водку съ традиціонными церемоніями, какъ шутятъ, дурачатся, кокетничаютъ—все это придаетъ удивительно сочный колоритъ разсказу Коцюбинскаго.

Исторіи любви посвященъ и большой разсказъ „Лялечка“. Онъ переноситъ насъ уже въ совершенно иную сферу,—въ среду духовенства. Пожилая дѣвушка, увядшая въ безотрадной жизни, какъ цвѣточекъ, засушенный въ огромной скучной книгѣ, пріѣзжаетъ въ деревню въ качествѣ сельской учительницы. Мѣстный священникъ, вдовецъ, желаетъ завести съ ней знаком-

ство, оказываетъ ей рядъ мелкихъ услугъ, но недовѣрчивая, подозрительная дѣвушка сухо и рѣзко отстраняетъ малѣйшее вмѣшательство въ ея жизнь. Простой случай,—страшная—гроза, невольно знакомитъ ее съ батюшкой. Мягкая, уравновѣшенная личность его и такая-же благодушно-благообразная наружность производятъ умиротворяющее впечатлѣніе на подозрительно-настроенную дѣвушку. Понемногу она входитъ въ его семью. Небольшая семья священника согрѣваетъ ея одинокое сердце; Раиса сливается съ нею. Цементомъ, завершившимъ это сліяніе, является дочечка батюшки, маленькая Тася. Батюшка весьма доволенъ тѣмъ, что ему удалось приручить строптивую учительницу, потому что Тася привязалась къ ней, какъ къ матери. Раиса обрѣтаетъ новый міръ, полный новыхъ радостей, новыхъ интересовъ; она оживаетъ и духовно, и физически. Ее, одинокую, безпривѣтную, обвѣяло мирнымъ дыханіемъ семьи, и сердце бѣдной дѣвушки расцвѣло. Сама того не подозрѣвая, она привязывается всей душей къ о. Василію. Его интересы становятся ея интересами; до самыхъ мелочей входитъ она въ жизнь его и становится необходимымъ членомъ семьи. Сначала все идетъ къ общей радости, но вотъ кончаются каникулы, уѣзжаетъ маленькая Тася и... отношенія начинаютъ мало по малу портиться. Раиса привязалась всей душой къ о. Василію, но не къ тому сытому и благодушному попу, который былъ передъ ней въ дѣйствительности, а къ тому пламенному проповѣднику и великому борцу, котораго создало ей ея воображеніе. Однако у этого идеала есть нѣкоторые грѣшки, видимые и ослѣпленной Раисѣ: идеалъ привыкъ пить по 8 рюмокъ водки за обѣдомъ и за ужиномъ и т. д. И вотъ на борьбу съ этими маленькими грѣшками выступаетъ Раиса со всей страстью ослѣпленной сіяніемъ идеала поклонницы.

Однако эти вѣчныя заботы о нравственности и здоровьи, исходящія отъ бѣдной, пожилой дѣвушки, начинаютъ надоѣдать о. Василію. Раиса сначала не замѣчаетъ этого, но грубое обращеніе, насмѣшки и дерзости батюшки даютъ, наконецъ, ей понять, что ея заботы не нужны, противны ему. Но Раиса уже не въ силахъ прервать свое знакомство съ нимъ. Образъ священника превратился въ ея душѣ въ нѣчто высоко-идеальное, и она сноситъ всѣ проявленія его грубости съ тихой покорностью, пріискивая имъ болѣе возвышенное объясненіе. Безразличная, и даже раціоналистически настроенная прежде, Раиса мало по малу превращается въ страстно-религіозное существо. Въ порывѣ

религіознаго экстаза является ей видѣніе Христа, и Раису охватываетъ сладкое забытье, утоляющее на мгновеніе горечь ея жизни. Въ постѣ и молитвѣ находитъ она утѣшеніе, въ собираніи цвѣтовъ росистыми утрами для украшенія церковнаго престола—поэзію жизни. Конечно, въ увлеченіи религіей играетъ роль тотъ-же о. Василій, занимающій центральное мѣсто во всѣхъ этихъ церковныхъ служеніяхъ, постахъ и молитвахъ. Но если-бы о. Василій и совершенно устранился съ жизненной тропинки Раисы, она уже не осталась-бы одинока, она съ еще большей страстностью погрузилась-бы въ восторгъ религіознаго экстаза. Ея душу уже освѣтилъ огонекъ, болѣзненный, блуждающій, но все-же огонекъ. Раиса таетъ, какъ воскъ. „Разом з весняними водами... спливало її здоровья", говоритъ авторъ. Пріѣзжая подруга, выслушавъ разсказъ Раисы, грубо открываетъ ей глаза. „Ти його кохаєшь", заявляетъ она. Раиса сразу не можетъ даже понять ужаснаго смысла словъ подруги, послѣдняя повторяетъ ей сказанное. „Раїса раптом одхитнулась од приятельки і тихо скрикнула, як ранений птах. Перед нею мигнула блискавка, а під ногами запалася земля. Глибока, морочлива, чорна безодня. Раїса потиху спускалась туди, і з очей її поволі счезала рожева од заходу, закутана в зелень клинини церква".

Такъ кончается разсказъ. Сейчасъ или позже Раиса все равно должна умереть,—къ этому ведетъ физическое состояніе ея здоровья, разстроеннаго душевной борьбой и добровольно наложеннымъ на себя постомъ. Бѣдной куколкѣ не суждено судьбой превратиться въ веселую бабочку: она засыхаетъ и умираетъ куколкой.

Въ этомъ заключается разсказъ Коцюбинскаго, написанный удивительно сердечно и тепло. Какъ видно изъ изложеннаго выше содержанія, интрига не играетъ въ немъ никакой роли,—это исторія души бѣдной, одинокой, не молодой дѣвушки.

Трудно было-бы проявить больше глубины и правдивости въ изображеніи душевнаго міра женщины, чѣмъ это сдѣлалъ Коцюбинскій.

Отношенія Раисы къ о. Василію безспорно имѣютъ физіологическую подкладку, но какъ и все въ нашемъ человѣческомъ мірѣ, они такъ тѣсно сплетены съ психической жизнью, что трудно и различить, гдѣ кончается одинъ міръ, гдѣ начинается другой. До самого послѣдняго момента Раиса не даетъ себѣ отчета въ истинномъ характерѣ своего увлеченія о. Василіемъ. Минутами въ сознаніи ея пробуждается какое-то смутное подо-

зрѣніе, но тотчасъ-же она гонитъ его отъ себя. Однако представимъ себѣ, что о. Василія тронула покорная, всепрощающая любовь Раисы, что онъ подошелъ-бы къ ней, крѣпко обнялъ ее, взялъ ея руку въ свою, склонилъ-бы ея бѣдную головку къ себѣ на плечо,—какой радостью вздрогнуло-бы сердце одинокой дѣвушки, какія счастливыя, благодарныя слезы брызнули-бы изъ ея глазъ. Конечно, въ этомъ волненіи, охватившемъ Раису, сказались-бы двѣ стороны человѣческой природы—физіологическая и психическая. Близкое прикосновеніе любимаго человѣка, его крѣпкія объятія, все это, конечно, ощущенія физіологическія, а между тѣмъ они полны психическаго значенія: въ нихъ слышится невысказанная словами готовность одного существа поддержать, защитить другое, оградить его отъ всѣхъ горестей жизни и раздѣлить съ нимъ всю жизнь, до самаго конца, до сѣрыхъ осеннихъ дней. И часто такое пожатіе руки, такое объятіе говоритъ о душевномъ движеніи краснорѣчивѣе самыхъ пышныхъ словесныхъ тирадъ. Къ сожалѣнію, о. Василій былъ совершенно неспособенъ къ такимъ задушевнымъ ласкамъ, да и засохшая, немолодая дѣвушка является въ его глазахъ вовсе не женщиной, а существомъ весьма полезнымъ въ его домашнемъ обиходѣ. Раиса-же, несмотря на свой возрастъ, не даетъ себѣ отчета ни въ своихъ чувствахъ къ о. Василію, ни въ его отношеніи къ ней. Главный рычагъ, двигающій ея сердце, заслоняетъ собою другіе: она одинока, жизнь ея безотрадна, ей надо жить для кого-нибудь,—для себя самой она жить не можетъ. Въ этомъ главный мотивъ чувства Раисы. Жизнь сталкиваетъ ее съ самымъ заурядным, сытымъ, но довольно благодушнымъ попомъ. Маленькая услуга, небольшая сердечность въ отношеніяхъ,—и ледъ растаялъ въ сердцѣ Раисы. Голодное воображеніе ея надѣляетъ простоватаго попа всѣми доблестями идеала. Онъ—сильная натура, онъ—вдохновенный проповѣдникъ, онъ—несокрушимый пастырь стада Христова! Она счастлива уже тѣмъ, что можетъ охранять здоровье великаго человѣка. И когда ей удастся хитростями и просьбами отучить „пламеннаго проповѣдника“ пить по восьми рюмокъ водки за обѣдомъ и за ужиномъ, Раиса считаетъ это величайшимъ подвигомъ и счастьемъ для себя.

Будь это не Раиса, а другая, болѣе простая дѣвушка, она сразу поняла-бы себя и сумѣла-бъ пожалуй болѣе несложными пріемами добиться расположенія вдоваго попика; но Раисѣ нуженъ идеалъ, ей нужно отдать кому нибудь всю неизрасходованную нѣжность и теплоту своей души. Когда о. Василій грубо

оскорбляетъ Раису, она все сноситъ, подыскивая болѣе достойное объясненіе недостойнымъ поступкамъ пастыря; но когда онъ, идеалъ, взлелеянный въ ея душѣ, начинаетъ снова пить водку,—горе переполняетъ душу бѣдной дѣвушки. „Не роздягаючись, не світячи світла, Раіса впала на канапку в своій світличці. Вона лежала там тихо, пригноблена, ростоптана, і розуміла лиш одно,—що вона одинока. Одиноке, самотне, занедбане всіма сердце сходило кровью у темній сосновій домовині. На дворі вив пес. Уперто, жалібно тяглася нота скарги в темряві. Оттак вона могла-б вити, коли-б мала силу. Та на що вити? Вона буде лежати тут без руху, без надії, аж поки ця пітьма не змінится у вічню. Як жива квітка поміж картками книжки вона не хоче чути того чікання дзигарів, виття собаки. Не треба всіх тих згуків, що нагадують життя, хай буде тиша і невпинний, щемлячий біль одинокого, безнадійного серця. Хай воно сходить кровью“.

Такими трогательными чертами рисуетъ намъ Коцюбинскій состояніе Раисы. Если-бы это была не Раиса, а болѣе просвѣщенная, болѣе одаренная дѣвушка, гордость ея возмутилась-бы, она сумѣла-бъ вырвать изъ своего сердца это маленькое чувство, и отдалась-бы другой широкой дѣятельности,—но у Раисы нѣтъ и крыльевъ мужества. Удовлетвориться жизнью червя ползучаго она не можетъ, но не можетъ сама и подняться къ звѣздамъ. Она не одарена отъ природы ни талантами, ни высокимъ подъемомъ гражданскаго чувства; она не можетъ, подобно орлу, смотрѣть прямо на солнце, но глаза ея ищутъ отблеска солнца на землѣ. Кромѣ бѣдности душевной, не малую роль въ жизни Раисы играетъ и бѣдность матеріальная: скудость скучной деревенской жизни, полная зависимость отъ стоголоваго начальства, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, тяжелый трудъ и впереди голодная старость. Если человѣкъ имѣетъ свой теплый, родной уголокъ, то всѣ тяготы безрадостной жизни еще могутъ переноситься съ извѣстной бодростію, но бѣдному существу съ несогрѣтымъ сердцемъ и одинокой душей, они становятся тяжестью неудобоносимой". Раисѣ нужна поддержка, любовь. — Бѣдное, одинокое сердце, согрѣтое на минуту тѣнью ласки и участія, не можетъ вернуться снова къ темному прозябанію безрадостной жизни. Оно ищетъ сердца, ищетъ друга, которому могло-бы излить страданія своего сердца, который простилъ-бы ее, понялъ, пожалѣлъ-бы ее бѣдную за ея безрадостную жизнь. Вблизи нея нѣтъ ни брата, ни друга и она находитъ его въ лицѣ Господа Іисуса Христа. Надъ далекими, холодными звѣздами, въ темной

пустынѣ міра находитъ она всеблагое, всеразумѣющее существо, полное человѣческой ласки, любви и отцовскаго всепрощенія. Снова расцвѣтаетъ сердце бѣдной дѣвушки болѣзненнымъ, лихорадочнымъ цвѣткомъ.

До самозабвенія отдается она религіи. Изъ своей комнатки она устроила келію и въ этой кельѣ становилась на колѣни передъ воздвигнутымъ ею алтаремъ и все думала о Христѣ. „Йому, одному йому одкривала вона сердце, вона скаржилась йому на своє життя безбарвне, бліде, невдовольняюче. Навкруги її пустка німа, без радощів, холодна. Вона не хоче такого життя, воно не потрібно їй... На що-ж ти, Боже, вклав в нього вогонь, коли той вогонь лиш в попіл обертає її серце? Ти сам бачиш, як вона страждає. Візьми її до себе, дай їй щастя, якого вона не зазнала на землі, якого прагне, мов пити в гарячці. До ніг твоїх, пробитих на хресті, вона складає своє одиноке серце і всю силу його кохання“.

Страстныя молитвы доводили обезсиленную дѣвушку до дивныхъ галлюцинацій, наполнявшихъ сладкой истомой одинокую душу и измученное тѣло.

Такимъ образомъ раціоналистически настроенная, сухая и озлобленная немолодая дѣвушка превращается въ экзальтированную девотку. Всѣ переходы душевныхъ настроеній Раисы, ведущіе ее къ этому перерожденію, отмѣчены авторомъ чрезвычайно тонко и вѣрно.

Всѣ разсказы, разсмотрѣнные нами въ этой главѣ, посвящены чувству любви. Es ist eine alte Geschichte dox bleibt zie immer neu! Это выраженіе, какъ нельзя болѣе, подходитъ къ данной серіи разсказовъ Коцюбинскаго. Какой сложный и многозвучный аккордъ человѣческихъ страданій даетъ онъ намъ! Отъ мало смягченнаго психическими мотивами мрачнаго желанія Фатьме—до идеальнаго увлеченія Раисы, доводящаго ее до религіозныхъ галлюцинацій,—всюду дѣйствуетъ одно чувство, но какъ разно проявляется оно у всѣхъ лицъ, прошедшихъ передъ нашими глазами.

Въ этой способности проникаться своеобразностью каждой души проявляется истинный талантъ Коцюбинскаго. Украинская женщина, повторяемъ, нашла въ лицѣ его одного изъ своихъ лучшихъ выразителей.

VIII.

Въ душевной жизни человѣчества, какъ говоритъ Тэнъ, [1]) есть нѣчто общее съ строеніемъ земной коры. Подобно тому какъ земная кора слагается изъ множества различныхъ пластовъ, такъ и психическая жизнь человѣка слагается изъ чувствъ, впечатлѣній, мыслей, глубокихъ и быстротечныхъ, пріобрѣтенныхъ самимъ человѣкомъ, изъ чувствъ и наклонностей, заложенныхъ въ него отъ рожденія родителями и длиннымъ рядомъ предковъ, уходящимъ въ глубину вѣковъ. Если-же мы опустимся еще глубже въ душу человѣка, то найдемъ тамъ слѣды чувствъ и наклонностей, крѣпко дремлющіе въ душѣ человѣка и дающіе о себѣ знать только по временамъ.

Геологъ раскапываетъ почву, разрывая ея пласты, художникъ обнажаетъ душу человѣка и разсматриваетъ ея составныя части. Подъ усиленной работой землекопа исчезаютъ одинъ за другимъ земляные пласты,—иные медленнѣе, иные скорѣе. Первые удары его заступа легко разгребаютъ рыхлую почву — намывную, наносную землю. Этотъ слой земли соотвѣтствуетъ явленіямъ душевной жизни, вызваннымъ модой, минутой,—явленіямъ, созданнымъ не характерами людей, а мимолетными внѣшними обстоятельствами, устраненіе которыхъ устраняетъ и самое явленіе. Затѣмъ въ земной корѣ идутъ болѣе вязкіе хрящи, пески слежавшіеся отъ нагнета,—они, такъ сказать, соотвѣтствуютъ психическимъ явленіямъ, зависящимъ отъ условій, искусственно созданныхъ обществомъ, условій: болѣе длящихся и нелегко поддающихся разрушенію,—какъ напр.: рабство, крѣпостное право, капиталистическій строй,—но все-же зависящихъ отъ внѣшнихъ условій жизни, а не отъ изначальныхъ причинъ, заложенныхъ въ глубинѣ души человѣка. Далѣе простираются въ земной корѣ известняки, мраморы, многоярусные сланцы, всѣ упорные и плотные, соотвѣтствующіе болѣе глубокимъ явленіемъ душевной жизни, и наконецъ ниже, въ безконечную глубь идетъ первобытный гранитъ, опора всего остального, и какъ-бы ни были мощны усилія вѣковъ потрясти ее,—имъ никогда не разрушить ее совершенно;—это и есть тѣ явленія психической жизни человѣка, тѣ чувства и страсти, которыя не зависятъ отъ преходящихъ условій внѣшней жизни, которыя связаны съ самой природой человѣка.

---

[1]) „Чтенія объ искусствѣ“.

Если-же мы начнемъ опускаться еще глубже въ душу человѣка, то найдемъ подъ изначальными гранитными пластами темные и гигантскіе пласты, не освѣщаемые лучемъ изслѣдователя, — область нашего безсознательнаго...

Подобно первобытному граниту, служащему основнымъ кряжемъ для всѣхъ пластовъ земныхъ, есть и основныя страсти и чувства души человѣческой, на которыхъ зиждутся всѣ движенія душевной жизни человѣка.

Такимъ образомъ есть и различные типы художественныхъ произведеній: произведенія, отвѣчающія лишь запросу минуты, имѣющія интересъ только для извѣстной мѣстности, для извѣстныхъ группъ людей; произведенія, захватывающія болѣе глубоко психическую жизнь большихъ группъ человѣчества, но теряющихъ въ значительной мѣрѣ свое значеніе съ устраненіемъ извѣстныхъ условій, вызвавшихъ ихъ къ жизни, какъ напр.—извѣстный романъ Бичеръ-Стоу—хижина Дяди Тома, разсказы Марка Вовчка, посвященные ужасамъ крѣпостного времени и т. д; произведенія, слишкомъ тѣсно связанныя съ характеромъ и условіями жизни извѣстной народности, и потому въ значительной мѣрѣ чуждыя для народностей другихъ, и, наконецъ, идутъ вѣчно-юныя произведенія, не зависящія ни отъ времени, ни отъ пространства, ни отъ условій жизни народа, создавшаго ихъ, одинаково понятныя всѣмъ цивилизованнымъ людямъ подъ всякой широтой и долготой,—они посвящены основнымъ изначальнымъ чувствамъ и страстямъ и ихъ борьбѣ съ волей и разсудкомъ человѣка,—какъ Фаустъ Гете, драмы Шекспира и другія неувядающія творенія человѣческаго ума.

Весьма понятно, что самыми устойчивыми, самыми цѣнными будутъ произведенія, разрабатывающія вопросы, найболѣе общіе для всего человѣчества. Подобнаго рода вопросу посвященъ и разсказъ Коцюбинскаго „Для загального добра“.

Имѣетъ-ли человѣчество нравственное право приносить въ жертву одного ради общаго блага?

Кто изъ мыслящихъ людей не останавливался надъ рѣшеніемъ этого вопроса?

Въ молдаванскую деревню пріѣзжаетъ филоксерная комиссія, состоящая изъ трехъ молодыхъ людей, на обязанности которой лежитъ осмотрѣть всѣ виноградники, и въ случаѣ нахожденія филоксеры немедленно уничтожать ихъ, для прекращенія заразы.

Молдаване встревожены до нельзя появленіемъ зловѣщихъ личностей. Вначалѣ они стараются угрозами и просьбами заставить докторовъ отказаться отъ ихъ намѣренія, но это не ведетъ ни къ чему: комиссія приступаетъ къ осмотру виноградниковъ. На виноградникѣ Замфира Нерона (героя разсказа) находятъ филоксеру и приступаютъ къ уничтоженію виноградника.

Происходитъ рядъ трагическихъ сценъ. Замфиръ и жена его Маріора умоляютъ пощадить ихъ, не отымать у нихъ послѣдняго куска хлѣба. Тиховичъ, глава комиссіи, старается объяснить имъ, что ихъ виноградникъ зараженъ, что онъ современемъ погибнетъ и самъ, но кромѣ того заразитъ еще и остальные виноградники. Но это объясненіе не ведетъ ни къ чему: молдоване не могутъ постичь смутныхъ теорій Тиховича; обезумѣвшіе отъ отчаянія, они только умоляютъ его пощадить ихъ дѣтей, не обрекать ихъ на голодную смерть. Кончается этотъ трагическій эпизодъ тѣмъ, что Тиховичъ съ товарищами все таки уничтожаетъ до тла виноградникъ Замфира. Потрясенная страшнымъ событіемъ Маріора, заболѣваетъ и умираетъ. Замфиръ остается совершенно раздавленнымъ, осиротѣлымъ, разоренньмъ.. Въ садахъ другихъ молдаванъ филоксеры не оказалось.

Такимъ образомъ, Замфиръ гибнетъ одинъ для общаго блага, а Тиховичъ уѣзжаетъ съ душей, растерзанной неразрѣшимымъ вопросомъ: — имѣетъ-ли право человѣчество покупать общее благо—цѣною жертвы одного, и способна-ли его, Тиховича, дѣятельность,—такая эпизодическая, безпочвенная,—принести дѣйствительный результатъ, оправдывающій то горе, которое онъ оставляетъ за собой?

Послѣднее разсужденіе Тиховича совершенно излишне: будь его дѣятельность самая плодотворная—Замфиру отъ этого не легче. Спасены-ли другіе хозяева отъ разоренія или нѣтъ но онъ-то, Замфиръ, непоправимо разоренъ. Замфиръ насильственно принесенъ въ жертву ради общаго блага. Онъ не хотѣлъ жертвовать собою; онъ хотѣлъ жить, какъ хотѣли жить и другіе, но его *принесли въ жертву*. Имѣло-ли общество нравственное право совершить этотъ поступокъ? Вотъ въ чемъ вопросъ?

Всѣ дѣйствующія лица разсказа распадаются на двѣ группы, стоящія на разныхъ берегахъ; на одномъ берегу простодушные, темные молдаване, на другомъ—носители культуры: Тиховичъ и его пассивные спутники. Глубокая бездна раздѣляетъ ихъ, но Тиховичъ думаетъ перекинуть мостъ черезъ эту бездну;

онъ изо всѣхъ силъ старается увѣрить этихъ темныхъ людей въ плодотворности своей миссіи и въ томъ, что если и гибнетъ одинъ, то онъ гибнетъ для общаго блага, и эта цѣль оправдываетъ его гибель.

Но и самъ Тиховичъ плохо вѣритъ въ справедливость этой идеи. Всѣ его соображенія, такъ сказать, техническаго характера о цѣлесообразности способовъ веденія борьбы съ филоксерой — отходятъ на второй планъ, а изъ всѣхъ думъ и сомнѣній выростаетъ одинъ большой вопросъ:—имѣетъ-ли право общество приносить одного человѣка въ жертву ради общаго блага?

Одинъ погибъ, но его гибель спасла сто человѣкъ. Сто больше одного. Разсчетъ сдѣланъ вѣрно,—слѣдовательно и поступокъ справедливъ? Но дѣло въ томъ, что когда вопросъ касается жизни человѣческой,—душа живая не можетъ удовлетвориться математическимъ разсчетомъ. А можетъ-ли удовлетвориться имъ сама жертва, принесенная насильственно на алтарь общаго блага?

Авторъ повѣсти не даетъ отвѣта на поставленный имъ вопросъ; но уже одно то, что Тиховичъ уѣзжаетъ изъ деревни съ душой растерзанной сомнѣніями, съ неразрѣшимымъ вопросомъ въ умѣ,—показываетъ намъ, къ какому рѣшенію вопроса склоняется авторъ.

Общество не можетъ приносить въ жертву одного, хотя-бы и для общаго блага, потому что каждый человѣкъ заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ, и съ гибелью этого міра гибнетъ для него и самая справедливость, которая только тогда и оправдываетъ свое существованіе, если она существуетъ для всѣхъ людей.

Справедливость не можетъ созидаться на несправедливости, допущенной хотя-бы и къ одному.

Люди великой души, способные при жизни умственно пережить будущія послѣдствія своего поступка, находятъ въ себѣ достаточно силы для добровольной жертвы—на алтарь общаго блага; но „рядовые“ человѣчества, живущіе только дѣйствительной жизнью, не способные въ мысляхъ своихъ оживить будущую жизнь и насладиться красотой ея,—не имѣютъ желанья приносить себя въ жертву, и никто не имѣетъ права, хотя-бы во имя общаго блага, жертвовать и единымн отъ малыхъ сихъ.

Что касается до изложенія, то написанъ разсказъ съ большой силой и теплотой. Вся исторія духовной смерти Замфира проведена авторомъ съ удивительной послѣдовательностію. Здоровый, сильный, жизнерадостный Замфиръ, хорошій хозяинъ,

счастливый отецъ, постепенно превращается въ живой трупъ. Онъ живъ, но Замфира уже нѣтъ въ немъ... Это тѣнь человѣка, съ трудомъ влачащая свое существованіе.

Сцены столкновенія Маріоры и Замфира съ Тиховичемъ, которыя мы приводили выше, полны жгучаго отчаянія.

Но не только эти потрясающія сцены,—съ тѣмъ-же мастерствомъ и теплотой, проскальзывающей сквозь самыя обыкновенныя слова, описаны и послѣдующія минуты жизни Замфира. Маріора не вынесла страшнаго потрясенія,—она слегла. Бѣдная женщина лежитъ безъ сознанія.

„Зразу з світла, не можно нічого розібрати в хаті. Чутно тільки стогін слабоі, чиїсь тихі хлипання, та шепотіння. Де далі з присмерку виріжняются: сумна Замфірова постать, гурток жінок біля постелі слабоі та скулені, заплакані діти по кутках. Замфір сидить за столом, підперши голову рукою і дивиться кудись у простору. Трудно пізнати в йому того повного энергії сили та життя Замфіра, яким він був ще недавно перед місяцемъ. Він тепер осунувся, його горда, міцна постать наче зігнулась, очі згасли, на виду осів новий вираз—вираз болю і завзятності. Замфір сидів і думав: Чи про свою кривду, про жінку слабу, а чи про діток дрібних, що крий Боже, посиротіють ще...

Хто його зна про що він думав сидючи так підпершись... Дітвора хлипала по кутках.. В хаті стояла задуха.. пахло сухими васильками, якісь тіні ходили по стінахъ у присмерку". (380—381).

Пришелъ священникъ, исповѣдалъ больную и посовѣтовалъ Замфиру пригласить къ больной доктора, но Замфиръ на отрѣзъ отказался призвать доктора.

„Доктора!—скрикнув він, а згаслі очі його блиснули зловіщім вогнем.—Ніколи в світі! О, вже доволі маю тих докторів, доволі!"

Батюшка предупреждаетъ, что Маріора можетъ умереть и уходитъ; уходятъ и бабы.

„Чужі поросходились. В хаті лишився тільки Замфір з дітьми. Діти повилазили з кутків, прилипли до материної постелі. Замфир теж наблизився до хворої, пригорнув до себе дітей і, схиливши на груди голову, довго так стояв, мовчазний, та замисленный, як жива статуя безмірного смутку". (382).

Этими немногими словами заставляетъ насъ авторъ почувствовать всю безмѣрную тяжесть великаго, безмолвнаго горя. И

какъ слова и дѣйствія человѣка, постигнутаго такимъ горемъ, такъ и слова автора, пишущаго о немъ, полны трагической простоты.

Вторые персонажи разсказа старикъ, Мошъ-Дима и другіе,—вырисованы авторомъ со свойственной ему рельефностью.

Какъ художникъ, желая придать какому-либо предмету округленныя формы, ставитъ свѣтлый бликъ на выдающейся точкѣ, затушевывая остальныя части его, такъ и Коцюбинскій выдвигаетъ передъ нами самую типичную, существенную черту человѣка или мѣстности, оставляя въ тѣни менѣе важныя, и тѣмъ придаетъ изображаемымъ имъ предметамъ удивительную рельефность. Всѣ дѣйствующія лица его—живые люди. Мы ихъ видимъ, слышимъ, и мало того, что мы ихъ видимъ на страницахъ произведенія автора, мы ихъ видимъ дальше, за этими строками, мы съ увѣренностью можемъ сказать, какъ поступилъ-бы любой изъ нихъ при извѣстныхъ столкновеніяхъ съ жизнью. Для ознакомленія насъ съ каждымъ изъ нихъ, авторъ не тратитъ много словъ. Впавшему въ дѣтство, безумному старику Мошъ-Димѣ, отцу Замфира, онъ посвящаетъ всего нѣсколько строкъ.

„Ви не їсте, Мош-Діма, раптом звернулась вона (Маріора) до сивого, аж білого діда, чоловікового батька, що сидів за столом, непритомно осміхаючись сивими, мутними очіма.

— „Ні, спасибі—я наївся,—тихо одповів Мош-Діма, піднімаючи з долівки перекинутого глечика“. (322).

Нѣсколько разъ появляется бѣдный Мошъ-Дима въ разсказѣ, и каждый разъ авторъ жертвуетъ для обрисовки его двѣ—три черточки, но эти черты такъ тонки, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ художественны, что жалкій образъ впавшаго въ дѣтство старика встаетъ какъ живой передъ нашими глазами.

Достигается это, конечно, тѣмъ, что въ описаніяхъ автора нѣтъ ни одного лишняго слова, а всѣ признаки, отмѣчаемые имъ, относятся къ числу самыхъ типичныхъ, самыхъ существенныхъ.

При знакомствѣ нашемъ съ Мошъ-Димой мы узнаемъ только, что онъ сѣдъ, какъ лунь, и что во время шумной сцены онъ продолжаетъ равнодушно сидѣть, безсознательно улыбаясь выцвѣтшими, мутными глазами. И вотъ именно это безучастное отношеніе къ окружающему, безсознательная улыбка и глаза, выцвѣтшіе и мутные, мутные потому, что они не освѣщены никакой мыслью, рисуютъ намъ образъ сгорбленнаго, безпомощнаго старика.

Слѣдующая деталь, тихій голосъ и самый отвѣтъ старика окончательно дополняютъ его обликъ.

Авторъ говоритъ, что на вопросъ Маріоры, ѣстъ-ли онъ еще,—старикъ тихо отвѣтилъ: „ні, спасибі, я „наївся".

Если-бы авторъ написалъ эту фразу, предположимъ, такъ: „ні, спасибі, я вже більше не хочу їсти„ відповів Мош-Діма,"— впечатлѣніе было-бы уже далеко не то.

Почему?

Потому что прежде всего авторъ вкладываетъ въ уста старика стереотипную, шаблонную фразу, какими, очевидно, только и могъ уже говорить Мошъ-Дима, и тутъ-же добавляетъ: „тихо відповів Мош-Діма"; такимъ образомъ, онъ сразу даетъ намъ понятіе и объ угасшемъ, беззвучномъ голосѣ, такъ дополняющемъ весь образъ пережившаго себя старика.

Что Мошъ-Дима уже потерялъ способность говорить и въ умѣ его остались только затверженныя съ дѣтства, шаблонныя фразы, видно изъ всего послѣдующаго разсказа. Понятія объ ужасныхъ событіяхъ—гибели виноградника и смерти Маріоры — очевидно, проникли наконецъ и въ слабый мозгъ Мошъ-Димы: Тиховичъ, виновникъ всѣхъ бѣдствій Замфира, проѣзжая мимо его двора, встрѣтился взглядомъ съ сумасшедшимъ старикомъ.

„Тихій, лагідний, мов дитина, дідок, на цей раз не осміхався,—говоритъ авторъ. Втопивши в Тиховича повні гніву та ненависті очі, Мош-Діма підняв до гори кулак і потряс ним на здогін Тиховичеві".

Даже въ такую минуту—старикъ не могъ добыть въ своемъ бѣдномъ мозгу ни мысли, ни слова для выраженія своего чувства; ему остались доступны только знаки стихійнаго гнѣва, чувства знакомаго и животнымъ, и малолѣтнимъ дѣтямъ.

Не смотря, однако, на глубину содержанія, на художественность и теплоту изложенія, въ повѣсти есть и крупные недостатки.

Всякое литературное произведеніе, какъ и произведеніе художественное, подчиняется законамъ перспективы: фигуры, сцены, мысли, имѣющія въ повѣсти второстепенное значеніе, не могутъ быть поставлены на первый планъ безъ нарушенія художественной цѣльности впечатлѣнія, и наоборотъ.

Казалось-бы на первый взглядъ, всякое поэтическое произведеніе просто выливается изъ души поэта, а между тѣмъ оно создается по строгимъ законамъ логики. Авторъ, быть можетъ, и самъ не даетъ себѣ отчета въ строгой обдуманности своей ра-

боты, но этотъ процессъ обдумыванія, взвѣшиванія всегда предшествуетъ той части процесса творчества, при помощи которой художникъ переноситъ во внѣшній міръ уже созрѣвшее въ его душѣ произведеніе.

Въ истинно-художественномъ произведеніи не можетъ быть ни одного лишняго слова, ни одна черта не должна противорѣчить исходному положенію; здѣсь все, всякая кажущаяся мелочь имѣетъ свое значеніе, такъ какъ художникъ не имѣетъ права отвлекать безнаказанно вниманіе читателей. Если авторъ описываетъ намъ лицъ, окружающихъ героя,—онъ дѣлаетъ это для того, чтобы познакомить насъ со средой, въ которой выросъ герой если онъ описываетъ картины природы, окружающей героя,—онъ знакомитъ насъ съ впечатлѣніями, подъ вліяніемъ которыхъ складывалась его душа; жесты, движенія—даютъ намъ болѣе яркое понятіе о чувствахъ дѣйствующихъ лицъ; сама интрига, т. е. подборъ событій, окружающихъ героя нанизывается авторомъ какъ разъ въ такомъ порядкѣ, чтобы герой, могъ найлучшимъ образомъ проявить въ нихъ свой характеръ; слогъ, ритмъ и тембръ рѣчи также примѣняются авторомъ для дополненія цѣльности художественнаго впечатлѣнія,—словомъ, все стремится здѣсь къ одному центру.

Эта сконцентрированность и закономѣрность всѣхъ частей ведетъ къ тому, что главная, существенная идея произведенія выступаетъ такъ рельефно изъ ткани разсказа, какъ главная фигура изъ хорошо написанной картины. А такъ какъ художественное литературное произведеніе не только возбуждаетъ въ насъ рядъ идей, но даетъ намъ зрительныя, слуховыя и другія впечатлѣнія, то сконцентрированность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и многозвучность впечатлѣнія подчиняетъ насъ вполнѣ замыслу автора и заставляетъ переживать созданныя имъ произведенія.

Непосредственнымъ воздѣйствіемъ на мысль и чувства читателя и отличается истинно-художественное произведеніе отъ произведеній тенденціозныхъ.

Въ данной повѣсти Коцюбинскаго нѣтъ перспективы.

Она уподобляется китайской картинѣ, въ которой предметы, стоящіе на второмъ и на третьемъ планѣ, имѣютъ такой-же размѣръ, какъ и предметы, расположенные на первомъ планѣ.

Главная, существенная часть повѣсти Коцюбинскаго состоитъ въ рѣшеніи принципіальнаго вопроса: имѣетъ-ли право общество приносить въ жертву одного ради общаго блага?

Какъ суровый мысъ, врѣзывающійся въ многоструйное, лазурное небо, выступаетъ онъ изъ пестрой, подвижной ткани разсказа.

И вдругъ рядомъ съ такимъ большимъ, глубокимъ вопросомъ, имѣющимъ вѣчное, общечеловѣческое значеніе, Коцюбинскій ставитъ и слѣдующій вопросъ, яко-бы въ равной мѣрѣ волнующій Тиховича: можетъ-ли его дѣятельность, т. е. уничтоженіе филоксеры, дѣятельность недостаточно организованная, спорадическая—принести существенную пользу?

Такое смѣшеніе главнаго съ второстепеннымъ, несвязаннымъ причинной связью производитъ большую путанницу, нарушаетъ гармонію прекрасно задуманного произведенія и суживаетъ его смыслъ. Замфира *насильственно* приносятъ въ жертву,—слѣдовательно дастъ-ли эта жертва благотворный результатъ или нѣтъ,—для него, для Замфира—безразлично. Съ другой стороны, если-бы борьба съ филоксерой и велась самымъ строго-раціональнымъ способомъ—это ничуть не уяснило-бы рѣшеніе заданнаго Коцюбинскимъ вопроса. Конечно, если люди, приносимые насильственно въ жертву, гибнутъ, да еще и напрасно; то это обстоятельство еще больше усиливаетъ возмущеніе въ душѣ посторонняго наблюдателя. Такая мысль могла-бы составить тему для отдѣльнаго произведенія, но здѣсь она только затемняетъ смыслъ, только отягчаетъ произведеніе, какъ излишняя и ненужная надстройка къ стройному архитектурному произведенію.

„Тай виясни-ж такому молдуванові, темному, неосвіченому, говоритъ Тиховичъ своимъ спутникамъ, що фільоксера, той страшний шкідник винограду, може з часом знищити всі виноградники, хоч тепер невидко ще руйнуючої сили того маленького, а сильного ворога. Він не пійме віри. Виясни господареві, у якого зрубано виноградник, що це зроблено для загального добра, для забезпеки сусідніх виноградників від зарази! Чи-ж він потішится таким поясненням?

И тутъ-же рядомъ мысль Тиховича дѣлаетъ крутой поворотъ.

„Або обіцяй другим, що ми не пустимо на їх садки фільоксери, коли від самого початку істнования комиссіи аж досі не було ще прикладу, щоб удалося нам цілком очистити від фільоксери виноградники в якому небудь селі“. (341).

Въ такомъ случаѣ въ чемъ-же дѣло? Въ томъ-ли, что общество не имѣетъ нравственнаго права приносить въ жертву одного ради общаго блага, или въ томъ, что общество не имѣ-

етъ права приносить своихъ членовъ въ жертву только тогда, если гибель ихъ не доставитъ должнаго блага.

Первый принципіальный вопросъ уничтожаетъ всѣ послѣдующія разсужденія. Если человѣкъ имѣетъ право уничтожать себѣ подобныхъ, то естественно болѣе разумный будетъ стараться извлечь изъ своего поступка наиболѣе выгоды. Если-же онъ такого права не имѣетъ, то нечего и разсуждать о томъ, принесла-ли гибель такого-то несчастливца существенную пользу или нѣтъ?

Такая-же путанница продолжается и дальше.

„Я не нехтую боротьби з фільоксерою, а тільки вияснюю причину ворожнечі молдуван,—продолжаетъ дальше Тиховичъ. Я вірю, що не пізно боротися з ворогом винограду, що ми змогли-б льокалізувати його, здушити, знищити і таким робом обрятувати бессарабські виноградники. Нам тільки потрібни сили і кошти, щоб була змога обдивитися зразу цілу Бессарабію і таким побитом з'ясувати собі великість лиха, з якім провадимо боротьбу“. (342).

Итакъ, принципіальный вопросъ рѣшенъ Тиховичемъ въ утвердительномъ смыслѣ! Все дѣло сводится только къ улучшенію техническихъ пріемовъ борьбы съ филоксерою.

Но нѣтъ.

Истинное горе неповинно гибнущихъ людей сильно поколебало увѣренность Тиховича въ справедливости своей миссіи.

„Він дуже добре знає, що в лихові, яке скоїлось для Замфирової родини, нема його Тиховичевої вини, а про те йому докучає таке почуття, як-би він от... скривдив кого, або що вкрав... (366).

„В шипінню сирої лозини вчувалась йому скарга хозяїв, які тратили в огні не тільки хліб щоденний, а щось більше, чого не можна а ні зміряти, а ні купити за гроші. В чорному димі, що здіймався до неба, як дим офіри, ввижались йому— довголітня теперъ змарнована праця, ряд важких голодних днів в будучині, безсонні ночі, втрачені надії“.. (367).

„Неспокійно спалося Тиховічеві тоі ночі. Уві сні верзлася йому всячина.. То здавалося йому, що він сам рубає величезною сокирою по три кущі зараз, то що робітники, замість лози, покидали на вогонь Замфирових дітей“. (369).

Онъ старается успокоить себя.

„За віщо, за віщо я мушу терпіти стільки прикростей? Чи-ж я хотів відібрати від них хліб, чи-ж я не рятую врешті своею

працею більшости від такої недолі, яка стріла оцього божевільного діда.

І лікарь,—думав він,—рятуючи мусить часом відтяти ноги пацієнтові, зробити його на віки калікою. А він це робить, бо мусить робити, бо вчинком своїм рятує життя людини. Не місто на сантіментальні розміркування там, де треба рятунку... Ні не те, не те! працює далі думка... На лікаря за рятунок ніхто не ремствуватиме, ніхто камінем не кине, а тут!. (371).

От і тепер для того проблематичного, загального добра він силоміць, поперед неминучого, правда, для Замфіра лиха, скривдив цілу родину, став для неї ворогом. Що-ж потішить його тепер, що стане надгородою за пережиті прикрості, коли сила фактів невблаганно нищить віру в *користність праці, а конечність офір?*

Опять смѣшиваются два вопроса. И эти разсужденья о „користності" подобной праці, помѣщаемыя авторомъ рядомъ съ такимъ большимъ, серьезнымъ вопросомъ, до нельзя возмущаютъ душу!

„Коли-б хоч певність, що така офіра потрібна для загального добра, що робить справді пожиточне діло, а не зайву жорстокість. Ба коли-б певність!

Значитъ, если-бы Тиховичъ былъ увѣренъ въ пользѣ своей дѣятельности, то вполнѣ примирился-бы съ гибелью несчастнаго Замфира?

И опять несносныя разсужденія о способахъ борьбы съ филоксерой.

„Тихович вірив у можливість боротьби з ворогом винограду, а ця віря додавала йому більших сил. Але час минав, роки йшли,—і кожний рік щось общіпував з тої віри, з того запалу. Фільоксера, не вважаючи на боротьбу з нею, з кожним роком займала все більшу й більшу простору. Підсумовуючи результати діяльности коміссії за кілька літ, Тихович побачив, що комиссія не змогла зльокалізувати фільоксери, не пустити її за межу звісних уже комиссіи фільоксерних вогнищ. Мало на тому, комиссіи не вдалося навіть викоренити цілком фільоксеру на тих вогнищах" и т.д

Словомъ, въ концѣ концовъ поверхностный читатель можетъ и не рѣшить, къ чему сводится смыслъ разсказа: къ тому-ли, что общество не имѣетъ права приносить въ жертву общему благу единичныхъ личностей, или къ тому, что борьба съ фильо-

ксерой еще плохо организована въ Россіи? Разсказъ говоритъ больше чѣмъ задумалъ писатель.

Второй недостатокъ разсказа относится къ тому же нарушенію цѣльности впечатлѣнія.

Вопросъ, поднятый Коцюбинскимъ въ повѣсти „для загального добра", относится къ числу тѣхъ изначальныхъ вопросовъ, о которыхъ мы говорили выше. Какъ на пласты первобытнаго гранита не имѣютъ вліянія наносные слои верхнихъ покрововъ земли, такъ и на рѣшеніе подобнаго вопроса не имѣетъ вліянія та или иная обстановка современной жизни. Въ какую бы культурную страну ни перенесли мы дѣйствіе разсказа,—перемѣна мѣста дѣйствія не имѣла-бы вліянія на рѣшеніе этого вопроса. Такимъ образомъ, всѣ эти этнографическія подробности, всѣ эти „массы", „мамалыги", „окруцы", „мѣдные обручи, обвивающіе руки Маріоры"—не способствуютъ ничуть художественной цѣльности впечатлѣнія, даже больше, они только напрасно отвлекаютъ вниманіе читателей.

Желая изучить строеніе скелета животнаго, ученый удаляетъ его верхніе покровы-кожу, мускулы, кровь,—такъ и поэтъ художникъ, желая углубиться въ рѣшеніе какого-либо изначальнаго вопроса, не рожденнаго тѣми или иными внѣшними условіями жизни, переноситъ дѣйствіе своего разсказа или въ міръ глубоко-прошедшій, или въ міръ символовъ. Дѣлается это для того, что-бы устранить изъ разсказа все лишнее, отвлекающее вниманіе читателя отъ рѣшенія главнаго вопроса. Если мы называемъ въ своемъ разсказѣ или драмѣ героя—просто „король", не относся его точно къ какой-либо исторической эпохѣ, какъ это дѣлается по большей части у Шекспира, у Метерлинка и у др... то мы не обязаны посвящать цѣлыя страницы характеристикѣ окружающей его бытовой обстановки;—если-же мы захотимъ сдѣлать своего героя королемъ Вильгельмомъ II, тогда мы обязаны очертить и личность его, соотвѣтственно историческимъ даннымъ, и характеръ придворной жизни его двора; мы должны ввести въ разсказъ тысячу подробностей, связанныхъ съ этой личностью и вовсе не связанныхъ съ основной темой произведенія. Все это дѣлается въ ущербъ психологичему анализу. То-же относится и къ какой-бы то ни было личности, взятой изъ современной жизни: разъ мы затрагиваемъ современную жизнь, она должна ожить передъ нами со всѣми тысячами мелкихъ подробностей, придающихъ ей истинную живость. Еще больше подробностей должны мы ввести въ разсказъ, если беремся описывать исключительную

народную среду, въ данномъ случаѣ молдаванскую деревню, мало знакомую большинству читателей. Фонъ, который въ подобныхъ произведеніяхъ долженъ только оттѣнять рисунокъ,—будетъ затемнять его. Изъ сказаннаго нами выше, конечно, не слѣдуетъ, что художникъ, проникнувшійся глубокимъ, изначальнымъ вопросомъ, долженъ стереть со своей палитры всѣ теплыя краски жизни и ограничиться одной сепіей; что онъ долженъ рисовать не картину, а только контуры людей и предметовъ. Нѣтъ, человѣкъ долженъ всегда оставаться и въ художественномъ произведеніи теплымъ, живымъ человѣкомъ, будетъ-ли онъ перенесенъ въ прошедшій, историческій или символическій міръ,—надо только избѣгать всего лишняго, связаннаго съ исключительнымъ положеніемъ героевъ, или съ преходящими внѣшними условіями жизни.

Какъ лишнія этнографическія подробности, такъ-же мѣшаютъ и несвязанныя съ дѣйствіемъ разсказа вводныя лица.

Старикъ Мошъ-Дима, существо вполнѣ пассивное, не принимающее никакого участія въ теченіи событій и почти не отражающее ихъ—связанъ однако органически съ сущностью разсказа; онъ является яркимъ аксесуаромъ картины трагической гибели Замфира. Но господинъ Рудыкъ, не причастный ни духомъ, ни тѣломъ къ разростающимся событіямъ, также излишекъ, какъ излишни и старшина, и писарь, не реагирующіе вовсе на внѣдряющееся въ ихъ среду бѣдствіе.

Въ виду всего вышесказаннаго разсказу, не достаетъ должной сконцентрированности; но не смотря на этотъ значительный недостатокъ, разсказъ все таки остается глубоко задуманнымъ и сильно написаннымъ произведеніемъ.

IX.

Приступая къ разбору разсказа Коцюбинскаго Fata Morgana, мы невольно ощущаемъ тотъ трепетъ, который овладѣваетъ человѣкомъ, приближающимся къ истинно-прекрасному произведенію искусства. Всѣ достоинства произведеній Коцюбинскаго: одушевленный, какъ музыка проникающій въ глубину сердца стиль, живость типовъ и образовъ, глубина замысла и главное задушевная любовь къ человѣку—все соединилось въ этомъ разсказѣ, какъ въ фокусѣ и сдѣлало его лучшимъ изъ произведеній Коцюбинскаго.

Но этого мало,—оно по справедливости поставило его въ ряды тѣхъ произведеній слова, которыя будутъ всегда будить въ сердцѣ человѣческомъ лучшія чувства состраданія и любви.

Пройдутъ года—и земельный вопросъ потеряетъ свою остроту, но несбывшіяся иллюзіи будутъ всегда томить и великія, и малыя сердца. И гдѣ-бы ни жили люди—во всякой широтѣ и долготѣ,—разсказъ Коцюбинскаго найдетъ теплый откликъ, и сердце читателя сожмется съ болью, слушая мечты его героевъ, жалкія и болѣзненныя, какъ улыбка нищенки, просящей на хлѣбъ.

Замыселъ разсказа, какъ всегда въ лучшихъ произведеніяхъ Коцюбинскаго, не изобилуетъ необычностью столкновеній. Все здѣсь такъ просто и обыденно, такъ сѣро и такъ безконечно грустно, какъ оно и бываетъ въ дѣйствительной жизни.

Безземельный крестьянинъ—Андрей Воликъ—проживаетъ въ деревнѣ со своей женой Маланкой и дочерью Гафійкой. Они тяжко бѣдствуютъ. Во время оно онъ служилъ на сахарномъ заводѣ и этимъ содержалъ свою семью. Но сахарный заводъ заброшенъ, земли нѣтъ—заработать негдѣ, исходъ одинъ только—наняться въ работники; но Андрей старъ, онъ уже вымоталъ всю свою силу на панской работѣ; онъ уже не въ состояніи нести тяжелаго труда. Но онъ и не лежебокъ: какъ можетъ, онъ все таки трудится—то носитъ почту, то ловитъ рыбу, и все ждетъ, все мечтаетъ о томъ, что пустятъ опять въ ходъ „Сахарню", и онъ снова будетъ зарабатывать тринадцать рублей въ мѣсяцъ, снова будетъ жить какъ хозяинъ и будетъ пить въ праздникъ холодное пиво, холодное и чистое, какъ золото!

Маланка, жена Андрея, и по своей внѣшности, и по своему характеру—полная противоположность мужу: маленькая, сухая, истомленная также тяжелой панской работой, она все еще полна энергіи, она горитъ жаждой труда. Ее терзаетъ неудовлетворенный инстинктъ земледѣльца. О, какъ она желаетъ этой работы, какъ любитъ она святую, черную землю! Послѣднія силы свои съ радостью положила-бы она на то, чтобы обрабатывать ее, ходить подлѣ нея, хоть не для себя, а для своей единственной дочери. Пусть пропала ея жизнь, но пусть же удастся хоть жизнь ея дочери, чтобы ей, Гафійкѣ, не довелось растратить своихъ молодыхъ лѣтъ „въ наймахъ", чтобы зажила она хозяйкой, какъ живутъ же другіе.

Вотъ въ чемъ единственное желаніе Маланки. Она съ радостью проститъ людямъ свою безрадостную, несчастную жизнь, но дайте жить ея ребенку, только ему.

А земли нѣтъ! И нѣтъ ни малѣйшей надежды пріобрѣсти ее. Жители „халупки“ едва борются съ голодомъ. Но жить вѣдь хочется и червяку, ползающему въ землѣ. Безъ земли для Маланки нѣтъ жизни:—она совершенно не приспособлена ни къ какому другому труду. И вотъ голодъ, и жажда счастья для своего ребенка, и неудовлетворенный инстинктъ земледѣльца порождаютъ въ головѣ несчастной женщины, такой суровой, трудолюбивой, серьезной, жгучій миражъ: землю дадутъ, должны дать! Не могутъ-же погибать люди безъ земли!

Такъ живутъ бокъ о бокъ эти супруги, снѣдаемые своими безплодными мечтами.

Маланка ненавидитъ фабричную работу, потому что ясно видитъ всю безпочвенность мечтаній Андрея: она хочетъ принудить его къ тяжелой работѣ, но Андрей уже физически неспособенъ къ ней. Не смотря на всю свою склонность къ мечтамъ, онъ, съ своей стороны, ясно видитъ всю несбыточность сказочныхъ фантазій Маланки: онъ знаетъ, что земли не откуда ждать, что никто не дастъ ее имъ.

Взаимно каждый изъ нихъ ненавидитъ мечты другого, сознавая ихъ безплодность, и каждый изъ нихъ съ надеждой отчаянія раздуваетъ и разогрѣваетъ собственныя мечты. При всякомъ удобномъ случаѣ, они съ какимъ-то зудящимъ злорадствомъ готовы бросить одинъ другому злобныя насмѣшки надъ несбыточностью мечтаній каждаго изъ нихъ. Голодъ и отчаяніе превращаютъ этихъ людей въ остервенившихся звѣрей. Но и въ ихъ безрадостной жизни есть одна свѣтлая точка,—ихъ донечка Гафійка. Всю гордость свою, всѣ несбывшіяся мечты своей жизни переложили они въ это единственное дитя и страстно ждутъ ея счастья.

Но голодъ приближается... ни фабрики, ни земли...

Хома Гудзь, панскій пастухъ, нѣсколько разъ предлагаетъ имъ нанять дочь и тѣмъ спасти себя отъ голода, но возмущенные этимъ предложеніемъ Маланка и Андрей съ гнѣвомъ отвергаютъ его. Однако время идетъ... Послѣдняя тайная надежда Маланки отдать Гафійку за хозяйскаго сына замужъ—рушится: Марка, передового парубка, котораго тайно любитъ Гафійка, арестуютъ.

Голодъ уже впивается синими пальцами въ этихъ обезсиленныхъ людей. Что будетъ дальше,—авторъ не говоритъ, но по всему видно, что Гафійка пойдетъ въ наймы и понесетъ ту горькую, безнадежную участь, отъ которой такъ страстно стремилась уберечь ее бѣдная мать!

Вся повѣсть написана съ такой глубокой любовью, какая рѣдко когда воодушевляетъ человѣческое слово. Какъ безконечно жалки эти сборы Маланкою зеренъ и сѣмянъ, яко-бы для будущаго хозяйства, словно мечты о радости, о жизни больного, обреченнаго на смерть. Какой горькой ироніей звучитъ вся сцена возвращенія съ жнивъ полумертвыхъ отъ усталости Маланки и Гафійки.

Не все-ж горе, бували і радощі!—говоритъ авторъ (23). Після довгого літнього дня, коли сонце сідае, а роспечена земля поволі скидае з себе золоті шати, коли на бліде, втомлене днем небо з'являются крадькома, несміливо зорі, въ останньому проміні сонця справляе грища мушва, а дивно мягке злоторожеве повітря приймае оддаль бузкові тони і робить простори ще глибшими, ще ширшими,—Маланка з Гафійкою ідуть курною дорогою і хоч мають утомлене тіло, але разом і приемне почуття скінченного дня. Вони несуть до дому спечене як і земля тіло, а в складках одежи пахощи стиглого колоса. Не розмовляють. Ідуть мовчки, помахуючи серпами".

Они устали до потери сознанія. Измученная Маланка варитъ ужинъ и ежеминутно засыпаетъ, стоя на ногахъ. Наконецъ, окончена и эта работа.

„Ложки треба по...а...а-а... помити. Такі ноги важки, мов у чоботях... а голова-ж, голова... ледве на вязах, сдержишь... Ну... врешті... На присьбі краще. Ти спишь, Гафійко? Подушку взяла-б... ну спи так дитино, коли заснула. Ой, кісточки-ж мої, кісточки болючі. Ой мої рученьки, ніженьки мої... Іже еси на небесі... хліб наш насущний... А-а-а! Зорі дивляться з неба... жаби крякають до сону. Блакітна баня спускается все нижче і нижче... Налягае на тіло, гнітить повікі. Так солодко, спокійно... Не встав-би на суд страшний, не звівся-б і до долі... А небо все нижче, тай нижче... пестить, обіймае... Зорі лоскочуть, немов цілують... Душа роспустилась в блакиті, тіло приліпло до присьби і таке, як віск на вогні... Нема нічого... небуття... повне небуття!

Хиба-ж не радощі! (25).

Какъ жалки эти приготовленія къ приходу воображаемыхъ сватовъ, это тоскливое, напряженное ожиданіе въ бѣдной, безмолвной хатѣ... И эта злоба, и тайная зависть матери ко всѣмъ дѣвушкамъ, нашедшимъ свою долю... Какъ больно отдаются въ сердцѣ читателя послѣднія, разбивающіяся мечты Маланкины о Гафійкиномъ замужествѣ.

Бѣдную, безземельную Гафійку никто не торопится брать.

„Нудна трівога, мов дерево з насіння, росла в Маланчіній душі“ (29).

Но она все еще ждала и недоумѣвала, почему никто не сватаетъ ея славную, работящую, красивую дочь? Иногда она раздраженно набрасывается на Гафійку, считая ее виновницей этого несчастія.

„Але, помітивши сльози в Гафійчиних очах, вона замовкала, жаль сповняв її сердце і вилітав довгим зітханням... Вона вже знала, яка доля чекала її дитину. Доведется ій топтати материну стежку... Ой доведется!

З пониклою, обваженою чорними думами головою вона прислухалася до останніх згуків затихаючої в селі весільної музики, з якими гаснули її останні надії, останні сподівання“...

Какимъ холодомъ вѣетъ отъ страшной сцены голода, когда истомленный голодовкой Андрей варитъ для себя громаднаго лина, вмѣсто того, чтобы продать его панамъ и, склонивши надъ котелкомъ красное лице, съ широко раздувающимися ноздрями, съ животной жадностью втягиваетъ въ себя запахъ горячей пищи!

Въ послѣднихъ заключительныхъ строкахъ разсказа, авторъ подымается до высочайшаго лиризма, рѣчь его пріобрѣтаетъ силу музыки и уже одними созвучіями своими, тихими, замирающими, приводитъ насъ въ глубоко-грустное настроеніе, а слова западаютъ въ сердце, какъ капли слезъ!...

„Тмяно в халупці. Цідять морок маленькі вікна, хмурятся вохкі кутки, гнітить низька стеля і плаче зажурене серце. З цім безконечним рухом, з цім безупинним спаданням дрібних крапель пливуть і згадки. Як краплі ці,—упали і загинули в болоті дні життя, молоді сили, молоді надії. Все пішло на других, на сильніщих, на счастливіщих, немов так і треба...

Немов так і треба!..

Всѣ сцены и діалоги разсказа написаны съ тѣмъ-же чувствомъ и съ той-же силой, и чѣмъ грубѣе сцена, тѣмъ больнѣе она отзывается въ сердцѣ читателя, потому что дѣйствующія лица разсказа такъ вѣрны себѣ, такъ правдивы, что за ихъ образами читателю чуется живое страданіе, доведшее до этой злобы людей. Авторъ съумѣлъ проникнуть въ самую суть духовнаго міра этихъ людей, и они, по первому взгляду такіе грубые, отталкивающіе, стали такъ близки, такъ понятны и такъ дороги намъ.

Остановимся хотя-бы на Гудзѣ. Кто это такой? Грубое, пьяное, изступленное существо! Его жжетъ только дикое, казалось-бы вполнѣ безсмысленное, желаніе всеобщаго уничтоженія. Типъ своебразнаго анархиста. А между тѣмъ, когда мы вслушиваемся въ его озлобленныя рѣчи и представимъ себѣ всю его жизнь, мы поймемъ, что другимъ Гудзь и не могъ сдѣлаться, что его злобу взростила въ немъ его жизнь, и въ душѣ встаетъ озлобленіе не противъ Гудзя, а противъ тѣхъ формъ жизни, которыя обусловливаютъ подобныя явленія, которыя отымаютъ у человѣка не только здоровье, силу, радость, но и способность смотрѣть на міръ разумными глазами, чувствовать въ своей душѣ хотя-бы примиренную печаль.

Почти тоже можно сказать и объ Андреѣ.

Разсматривая его дѣятельность объективно, что можемъ мы сказать о немъ? Лѣнивый, пустой человѣкъ, вмѣсто того, чтобы наняться въ экономію, онъ занимается безплодными мечтаніями о фабричной работѣ, да о стаканѣ холоднаго пива и пробавляется лишь охотой, да рыбной ловлей. Но когда мы познакомимся съ Андреемъ, мы видимъ, что и его винить не за что: онъ вѣдь много отработалъ на своемъ вѣку! Тяжелая работа на чужомъ полѣ уже выдавила изъ него всѣ лучшіе соки. Конечно, Андрей—еще недряхлый старецъ, и благоразумнѣе было-бы вмѣсто безплодныхъ мечтаній проявить больше энергіи и такимъ образомъ охранить отъ голода и себя, и свою семью. Но въ томъ-то и горе, что человѣку отпущено природой лишь извѣстное количество энергіи, больше котораго онъ не можетъ добыть изъ себя. Можно путемъ упражненія развить въ себѣ тѣ или иныя душевныя силы, но измѣнить темпераментъ трудно, если и не вполнѣ невозможно, такъ какъ темпераментъ человѣка зависитъ отъ глубокихъ физіологическихъ причинъ.

Эти несчастія, которыя человѣкъ съ самаго дня своего рожденія носитъ самъ въ себѣ, подобно древне-греческому року, составляютъ истинную трагедію жизни.

Маланка—антитеза Андрею. Въ ея маленькомъ, сухомъ тѣлѣ заложена неисчерпаемая сила энергіи, она готова трудиться до полнаго изнеможенія, но ей не къ чему приложить своихъ силъ: она способна только къ крестьянскому земледѣльческому труду. Безъ сомнѣнія Маланка согласилась-бы взять и всякую иную работу, чтобы защитить свою донечку отъ голода,—но иной работы она не знаетъ. Гдѣ искать ее? Куда идти?

Жизнь создала для нея эту трагедію. Но почему благоразумную Маланку приводитъ въ смертельный ужасъ одна мысль о возможности отдать Гафійку „в найми“? Дѣвушка не терпѣла-бы по крайней мѣрѣ голода, заработала-бъ что-нибудь... Все это такъ, но Маланка чуетъ, что, вступивъ на эту дорожку, дочь ея уже обречетъ себя навсегда на безпріютную холодную жизнь. Она ужъ не дождется никогда своего теплаго уголка, она уже не выйдетъ замужъ за „хозяйского сина“,—а въ этомъ, по мнѣнію Маланки, единственное и послѣднее спасеніе.

И вотъ отчаяніе, безнадежное будущее порождаютъ въ душѣ ея страстныя, жгучія, неутѣшныя мечты о землѣ, какъ порождаетъ жгучая жажда видѣнія воды у палимыхъ зноемъ путниковъ страшной пустыни.

Къ упомянутымъ выше достоинствамъ творчества Коцюбинскаго надо прибавить еще одно,—соблюденіе художественной мѣры. Ни при изображеніи положительныхъ, ни при изображеніи отрицательныхъ типовъ, Коцюбинскій не переступаетъ границъ жизненной правды. Хотя-бы изображаемое лице являлось носителемъ излюбленныхъ идей автора,—онъ не станетъ сгущать для него свѣтлыхъ красокъ, онъ рисуетъ его такимъ, какимъ оно можетъ быть въ жизни.

Въ данномъ случаѣ это сказывается въ изображеніи Гафійки. Гафійка свѣтлый типъ деревенской дѣвушки. Она любитъ Марка, который судя по недосказаннымъ рѣчамъ дѣйствующихъ лицъ, является пропагандаторомъ и борцемъ за свободу: она любитъ его и его идеи, но схватываетъ она ихъ по стольку, поскольку можетъ ихъ воспринять ея неразвитой мозгъ. Когда отецъ обрушивается на Марка за его свободолюбивыя мысли, Гафійка не можетъ защитить его. Какъ покорное дитя, она, конечно, не смѣетъ и возражать отцу, да если-бы осмѣлилась, то, пожалуй, не многое сумѣла-бы она и сказать отцу.

Въ граціозной сценкѣ Гафійки съ пернатыми собесѣдниками высказывается вся дѣвушка. Марко въ глазахъ ея—воплощенный идеалъ: онъ уменъ, онъ смѣлъ какъ орелъ, онъ добра хочетъ людямъ, онъ любитъ всѣхъ. Она передаетъ курамъ то, что уразумѣла изъ рѣчей Марка, и такимъ естественнымъ простымъ языкомъ. Никакихъ высокопарныхъ тирадъ ни здѣсь, ни въ сценѣ съ отцемъ, ни тогда даже, когда Гафійка видитъ, какъ арестуютъ Марка. Какъ робкая травка тянется на встрѣчу солнцу, такъ встрепенулася и душа Гафійки и потянулась къ лучшей, свѣтлой жизни,—но все это только и осталось мечтой. Аре-

стовали Марка. Горе Гафійки было глубоко. Она никому не сказала ни слова, только блѣднѣла, чернѣла... и покорно исполняла всѣ требованія матери...

И хотя Гафійка въ своей рѣчи, обращенной къ курамъ и говоритъ, что ни за что не выйдетъ ни за кого другого замужъ, но читатель не увѣренъ въ томъ, что слезы и требованія матери не были-бы исполнены Гафійкой. Бѣдное, доброе дитя остается естественнымъ во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни. Да и что могла-бы сдѣлать Гафійка безъ Марка. Какъ хмѣль, вьющійся вверхъ только по тычинкѣ, Гафійка должна еще имѣть крѣпкую опору, безъ нея она еще не можетъ бороться съ жизнью.

Разсматривая вышеприведенныя произведенія Коцюбинскаго, мы старались показать, что авторъ ихъ глубоко проникаетъ въ психологію изображаемыхъ имъ лицъ, что ему свойственъ не только физіологическій, но и психологическій методъ. Физіологическій методъ, если можно такъ выразиться, чрезвычайно краснорѣчивъ и удобенъ для сообщенія читателю чувствъ и глубокихъ потрясеній героевъ, но онъ не можетъ передать намъ всѣхъ развѣтвленій зарождающихся мыслей и чувствъ, которыя часто получаютъ начало отъ ничтожнаго толчка. Коцюбинскій тончайшимъ образомъ анализируетъ психологію своихъ героевъ. Ихъ поступки, ихъ чувства и—главное—ихъ образъ мыслей вполнѣ соотвѣтствуютъ физическимъ и психическимъ даннымъ извѣстной личности и уровню среды, въ которой живетъ и дѣйствуетъ она. Прибавивши къ этому художественную мѣру,—мы говоримъ о произведеніяхъ, отнесенныхъ нами ко второй категоріи, всегда и вездѣ соблюдаемую авторомъ,—мы поймемъ, почему герои Коцюбинскаго такъ живы и такъ правдивы.

Какъ истинный талантъ, онъ никогда не опускается въ этихъ произведеніяхъ до тенденціозности, онъ только группируетъ и концентрируетъ извѣстныя явленія, разбросанныя въ жизни и часто недоступныя нашему наблюденію. Не нарушая художественной и жизненной правды, его герои говорятъ сами за себя, и безъ помощи суфлера будятъ въ читателѣ мысли и чувства, которыя пробудила въ авторѣ сама жизнь.

X.

„Въ каждомъ новомъ поэтѣ, говоритъ въ одной изъ своихъ статей Брандесъ, насъ прежде всего интересуетъ вопросъ: что новаго принесъ онъ съ собой въ свѣтъ?“

Слишкомъ широкое требованіе: трудно создать что-либо новое. Да и не въ этомъ вопросъ. Но если поэтъ въ свое творчество не вноситъ ничего кромѣ изображенія жизни, хотя-бы самаго художественнаго, то онъ дѣйствительно не можетъ быть названъ истиннымъ талантомъ.

Въ пестрыхъ явленіяхъ жизни, въ шумѣ убѣгающихъ дней, человѣческій разумъ ищетъ какого-то обобщенія, какой-то руководящей идеи. Талантъ не можетъ быть чуждъ этому стремленію: онъ видитъ дальше и чувствуетъ глубже, чѣмъ заурядный человѣкъ. Всякая неправда жизни будитъ въ немъ глубокіе вопросы. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ произведенія Коцюбинскаго отличаются глубиной замысла, но въ лучшихъ изъ нихъ видѣнъ слѣдъ глубокой думы.

Въ заключеніи одного изъ своихъ первыхъ разсказовъ Коцюбинскій восклицаетъ: „Чи-ж скоро діждемо ми гармонії і в людському життю?“ Должно-быть эта мысль не разъ осѣняла писателя.

Оглядываясь назадъ, на разсмотрѣнныя нами произведенія его, мы видимъ въ нихъ одну доминирующую идею. Картины жизни, которыя воспроизводитъ передъ нами Коцюбинскій, изображаютъ и людей, страдающихъ пассивностью, и людей, одаренныхъ якобы злой волей, которые своими поступками разбиваютъ жизнь окружающихъ; и людей лѣнивыхъ, нерадивыхъ, которые своей инертностью губятъ и свою жизнь и жизнь близкихъ имъ людей. И странное дѣло! Всѣ эти личности изображены авторомъ правдиво, во всей ихъ непривлекательной наготѣ, а между тѣмъ они не вызываютъ въ насъ осужденія. Мы не видимъ сознательной злой воли человѣка, а рядъ жизненныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ складываются въ человѣкѣ тѣ или иныя черты. Мы видимъ людей, заброшенныхъ въ чуждую имъ среду, обреченныхъ нести трудъ, не соотвѣтствующій ихъ психическимъ даннымъ, ожесточающій, обезцвѣчивающій душу. Мы видимъ людей, не слышавшихъ отъ самаго своего рожденія ни единаго ласковаго слова, знающихъ только брань, проклятія, холодъ, голодъ, нищету... людей, измученныхъ непосильной работой. Въ самую глубину сердца этихъ бѣдныхъ людей вводитъ насъ авторъ, и мы проникаемся его мыслью: нѣтъ виновныхъ, есть только несчастные.

Несчастные, незнающіе чувства сытости и сладкаго покоя, несчастные, не знающіе ни ласки. ни любви. Но есть среди нихъ еще болѣе несчастные люди, тѣ, которые уже и не могутъ *испы-*

тать ни жалости, ни любви, которымъ недоступна даже печаль, а знакомы лишь ненависть, зависть, злоба,—чувства, опустошающія и убивающія душу.

Самымъ яркимъ представителемъ такихъ пасынковъ человѣчества является у Коцюбинскаго Гудзь, стихійный анархистъ. Его неразвитой мозгъ не можетъ придумать ничего положительнаго, но существующій строй возбуждаетъ въ немъ дикую злобу, и онъ готовъ все сжечь, всѣхъ уничтожить, всѣхъ погубить!

И авторъ сумѣлъ такъ освѣтить намъ образъ озвѣрѣвшаго человѣка, что не это проявленіе безсмысленной злобы, а тотъ фактъ, что Гудзь уже не *можетъ* стремиться ни къ чему иному, какъ только къ звѣрской, разрушительной работѣ, — приковываетъ наше вниманіе.

Въ томъ, что онъ уже не *можетъ* испытывать лучшихъ движеній человѣческой души, заключается весь ужасъ жизни, порождающей подобныя явленія.

Съ такой чисто материнской любовью относится Коцюбинскій къ людямъ, и эта всепрощающая любовь обусловливаетъ основной тонъ настроенія его, — печальный, но примиренный. Ему чужды гнѣвъ бичующаго пророка, острый сарказмъ сатирика, иронія пессимиста. Тихая ласковая печаль витаетъ надъ каждымъ произведеніемъ его. Возьмемъ-ли мы заключеніе большого разсказа „На віру", или разсказа „Фата-Моргана", или даже заключительныя строки крайне неудачнаго разсказа „По людському"—всюду вѣетъ та-же тихая, примиренная печаль, тотъ-же призывъ къ любви и жалости человѣка къ человѣку.

„Навкруги було так гарно, так радісно. У чистій і ніжній, як лоно коханки, блакиті, в могутній хвилі життя, що ледве виявлялось таємним трепотінням соків, в теплому й запашному диханню весни було так багато радости, почувалась така повна гармонія... Чи-ж скоро діждемо гармонії і в людському житті? витала надо мною думка".

Случайные гости мертваго міра мы не можемъ упорядочить гармонію его, но гармонія человѣческой жизни зависитъ отъ насъ самихъ. Ales fergen lixen ist nnr ain Glaixnis. Страданіе человѣка.

Откуда пришли мы? Куда идемъ? Зачѣмъ существуемъ? Въ нѣмой безднѣ міра кто зажегъ бѣное сердце человѣка?

Этихъ вопросовъ не суждено намъ разрѣшить.

Жалкіе и одинокіе среди бездушной природы, идутъ безконечные ряды человѣчества, приближаясь къ могилѣ, чтобы стать наконецъ лицомъ къ лицу съ холодной тайной небытія...

Единственное, что можетъ придать смыслъ человѣческой жизни,—это мысль о такомъ-же близкомъ страдающемъ существѣ—любовь къ человѣку.

Въ погонѣ за житейскимъ успѣхомъ, за торжествомъ своей идеи, люди часто заглушаютъ въ себѣ голосъ сердца и становятся глухи къ страданію другихъ. Книга Коцюбинскаго будитъ въ насъ это чувство. Жалость, любовь и всепрощеніе,--вотъ что несетъ она съ собою въ міръ. Она вводитъ насъ въ кругъ обездоленныхъ сиротъ жизни, она пріобщаетъ насъ къ ихъ страданію, и теплѣе становится сердце человѣка и отзывчивѣе душа.

Л. Старицкая-Черняховская.

Объявленіе о подпискѣ на 1907-й годъ.

Журналъ „Кіевская Старина“, заканчивая теперь 25-ый годъ своего существованія, рѣшаетъ продолжать свою работу для Украины, нѣсколько измѣнивъ характеръ изданія.

Отвѣчая потребностямъ текущей жизни, изданіе не только будетъ посвящено разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ историческимъ прошлымъ нашей родины, но будетъ останавливаться и на освѣщеніи и посильномъ разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ на почвѣ современныхъ событій, придерживаясь тѣхъ-же научно-объективныхъ пріемовъ, какіе были всегда руководящимъ принципомъ нашего изданія...

Ввиду этого, съ 1907 года журналъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ, помѣщаемыхъ ежемѣсячно въ каждой книжкѣ: 1) *научный*, въ которомъ найдутъ себѣ мѣсто изслѣдованія, статьи и замѣтки, посвященныя разработкѣ исторіи, литературы, этнографіи, экономики и общественной жизни; 2) *литературно-публицистическій*, который будетъ, кромѣ украинской беллетристики, отзываться на всѣ существенные вопросы, связанные съ фактами современности, по преимуществу останавливаясь на тѣхъ изъ нихъ, которые, прямо или косвенно, затрогиваютъ интересы жизни Украины.

Статьи, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ отдѣлахъ, будутъ печататься преимущественно на *украинскомъ языкѣ*, оставляя, впрочемъ, за авторами, затрудняющимися пока писать по-украински, право помѣщать свои труды на *русскомъ языкѣ*, по вопросамъ, касающимся жизни Украины.

Такъ-какъ характеръ журнала „Кіевская Старина“ съ 1907 года нѣсколько видоизмѣняется, то и прежнее названіе его ока-

зывается не вполнѣ отвѣчающимъ содержанію. Поэтому мы рѣшаемся измѣнить это названіе, расширивъ рамки его и по пространству и по времени, и даемъ имя нашему изданію „Україна" журнал науково-публіцистичний.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ объемѣ отъ 10 до 12 листовъ печати. Подписная цѣна *7 рублей въ годъ* съ доставкой и пересылкой, а безъ доставки *6 рублей.* За границу—*9 рублей.* Адресъ редакціи: Кіевъ, Троицкая площадь, Народный Домъ.

Съ 1907 года редакція „України" будетъ издавать „Словарь украинскаго языка, собранный редакціей журнала Кіевская Старина. Словарь этотъ, проредактированный Б. Д. Гринченкомъ, представленъ былъ въ Императорскую Академію Наукъ и удостоенъ 2-ой Костомаровской преміи. Въ теченіе 1907 года редакція надѣется отпечатать весь Словарь объемомъ около 150 печатныхъ листовъ средняго октава. Словарь будетъ разбитъ на 4 тома. Цѣна за всѣ четыре тома *7 рублей* (отдѣльныхъ томовъ въ продажѣ не будетъ). Для подписчиковъ на журналъ „Україна" подписная цѣна на Словарь *5 рублей*, при условіи высылки этихъ денегъ одновременно съ подпиской на журналъ. Каждый томъ будетъ высылаться подписчикамъ журнала сейчасъ по выходѣ его. Первый томъ выйдетъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1907 года.

Лицамъ, выписывающимъ „Словарь" прямо отъ редакціи, а не черезъ книжные магазины, будетъ высылаться каждый томъ за счетъ редакціи.

Редакторъ-издатель журнала „Україна" **В. Науменко.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

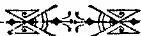
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCIV.

1906 г.

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ.



Кіевъ.
Типо-литографія Т-ва „Просвѣщеніе“, Трехсвятительская у., № 14.
1906.

Отъ редакціи.

Извиняясь передъ подписчиками за такой поздній выпускъ послѣдней книжки (№ 11—12) журнала за 1906 годъ, редакція считаетъ долгомъ объяснить причины этого опозданія.

Журналъ „Кіевская Старина“, заканчивая настоящей книжкой 25-ый годъ своего существованія, рѣшилъ продолжать свою работу для Украины, нѣсколько измѣнивъ характеръ изданія, для чего потребовалось перенести печатаніе его въ другую типографію, что не могло не отозват ся на нѣкоторыхъ промедленіяхъ въ техникѣ работы, особенно ввиду того, что пришлось одновременно печатать настоящую книжку и первые номера 1907 года.

Съ 1907 года журналъ нашъ подъ названіемъ „Украіна“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, помѣщаемыхъ ежемѣсячно въ каждой книжкѣ: 1) *научный*, въ которомъ находятъ себѣ мѣсто изслѣдованія, статьи и замѣтк , посвященныя разработкѣ исторіи, литературы, этнографіи, экономики и общественной жизни; 2) *литературно-публицистическій* который, кромѣ украинской беллетристики, отзывается на всѣ существенные вопросы, связанные съ фактами современности, по преимуществу останавливаясь на тѣхъ изъ нихъ, которые, прямо или косвенно, затрогиваютъ интересы жизни Украины.

Статьи, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ отдѣлахъ, печатаются преимущественно на *украинскомъ языкѣ*, оставляя, впрочемъ, за авторами, затрудняющимися пока писать по-украински, право помѣщать свои труды на *русскомъ языкѣ*, по вопросамъ, касающимся жизни Украины.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками въ объемѣ отъ 10 до 12 листовъ печати. Подписная цѣна *7 рублей въ годъ* съ доставкой и пересылкой, а безъ доставки *6 рублей*. За границу—*9 рублей*. Адресъ редакціи: Кіевъ, Троицкая площадь, Народный Домъ.

Съ 1907 года редакція „України“ будетъ издавать „Словарь украинскаго языка, собранный редакціей журнала „Кіевская Старина“. Словарь этотъ, проредактированный Б. Д. Гринченкомъ, представленъ былъ въ Императорскую Академію Наукъ и удостоенъ 2-ой Костомаровской преміи. Въ теченіе 1907 года редакція надѣется отпечатать весь Словарь объемомъ около 150 печатныхъ листовъ средняго октава. Словарь будетъ разбитъ на 4 тома. Цѣна за всѣ четыре тома *7 рублей* (отдѣльныхъ томовъ въ продажѣ не будетъ). Для подписчиковъ на журналъ „Україна“ подписная цѣна на Словарь *5 рублей*, при условіи высылки этихъ денегъ одновременно съ подпиской на журналъ. Каждый томъ будетъ высылаться подписчикамъ журнала сейчасъ по выходѣ его. Первый томъ выйдетъ въ маѣ мѣсяцѣ 1907 года.

Лицамъ, выписывающимъ „Словарь“ прямо отъ редакціи, а не черезъ книжные магазины, будетъ высылаться каждый томъ за счетъ редакціи.

Редакторъ-издатель журнала „Україна“ **В. Науменко.**

Критичний розслід над текстом „Кобзаря" Шевченка.[1]

38. Холодний Яр.

Вперше видруковано в Лейпцигу р. 1859 в книжечці „Новыя стихотворенія Пушкина и Шавченки" В „Пражському „Кобзарі" подано рукописні варіанти. Автографа не доводилось бачити, але у В. П. Науменка бачив копію, писану рукою М Максимовича (зшиток, про який була мова раніш). Копія ця—пізніша за редакцію Лейпциг. видання і має в собі де кілька зовсім оригінальних одмін, яких не мають ні Львівський, ні Пражський, „Кобзарь". Цього року автограф знайдено в Департ. Поліції, але одмін дае він не багато.

Дата 17/XII 1845.

237, 1 зн.: і в мене те лихо, — так в Лейпциг., Львів. 1867 та Пражськ., а в рук. Праж. К., в автогр. Деп. Пол.: і в коп. Максимовича: *і в мене не тихо.*

238, 3: на щоб *бачся*, скрізь так, крім коп. М—ча, де: *братя.*

— 5: Бог — знае, — в автогр. Д. Пол.: *бо* знае.

— 7: хоть і яр той, — в рукоп. Праж.: ось і яр той, коп. М—ча: хоч і яр той, — так, як і скрізь.

— 13: З монастиря Мотринова, — так в Лейпциг., а за ним пішли видан. Львів. та д. Романчука; уже ближче до правди в Праж. „Кобзарі": М*и*триного,—помилка, зам. М*о*триного; так і в коп. Максимовича: Мотриного.

---

1) Див. Кіев. Стар. 1906 г. кн. 10.

— 15 зн.: у Яр *тоді* сходилися, — так у Лепциг., Львів. та Пражськ., а в рукоп. Праж. та коп. М—ча: у яр *люде* сходилися.

— 9 зн.: яр глибокий, — в рукоп. Праж. К.: — широкий.

— 6: чи то засадили,—в рук. Праж.: загатили; так і в коп. М—ча, а в автографі Д. Пол. та в Лейпциг.: засадили. В вид. Романчука взято: *засадили*, але тоді не ясно стає, через що далі (239, 2) поет говорить: *не гатіте!* бо над яром...

— 5 — 4: Нові кати, щоб до тебе
Люде не ходили, — в копії М—ча чомусь немає

239, 1: новими ляхами, — так скрізь, крім коп. М—ча, де *панами — ляхами*. В рукоп. Д. П.: *З новими* Ляхами.

— 2: не гатіте! бо над яром, — в рукоп. Деп. Пол. та в рукоп. прим. в Праж.: *не сховаєте: над яром*, — так і в Лейпциг. Зовсім оригінально в коп. М—ча: *не питайте*, бо над *краєм*. —

239, 12: бо ви самі, — в рук. Деп. Пол., в Лейпциг. та коп. М—ча: бо ви *й* сами.

— 14: а кричите, що несете,—треба з наголосами: а кричитé, що несетè.

— 15 зн.: ледаче ледащо, — так і скрізь, крім коп. М—ча, де: ледащо, ледащо!

— 13 зн.: разбойники, вори, — так у Лейпц., а у Львів. та Праж.: розбійники; — в коп. М—ча: *розбішаки*, — але найкраще, по россійськи: *разбойники*.

— 12 зн.: пятно в нашей історії, –скрізь так, а в коп. М—ча: *пятно нашей* історії.

— 9 зн.: розбійник, — в коп. М—ча: розбі*шак*.

— 3 зн.: за свою Вкраїну, — в Лейпциг. та в коп. М—ча: *Країну*.

— 1 зн.: після: „голодні ворони“—не *(!)*, а *(,)* бо далі те саме довге речення.

240, 9: чужих людей, — так в Лейпциг. і скрізь, — в коп. М—ча: „дуріть людей“.

— 13: новий огонь, — в рук. Д. П.: *огонь новий*.

39. Маленькій Марьяні.

Росты росты моя пташко
Мій маковый цвите,
Розвивайся коли твое
Серце не розбите.
Поки люды не дознaлы
Тыхои долыни.
Дознаюця пограюця [1])
Засушать та й кинуть.
А ни лита молодыи
Повыти красою
Ни каріи очинята
Умыти слізою
А ни серце твое тыхе
Добрѣ дивочи [2])
Не заступыть не закрые
Несытіи очи,
Найдуть злыи тай окрадуть...
И тебе убогу
Кинуть въ пекло... замучися
И проклынешъ бога.
Не цвиты жъ мій цвите новый
Не розвытый цвите.
Зовьянь тыхо поки твое
Серце не розбите.

20
Декабря
1845
Вьюница.

40. Псалми Давидови.

Вперше видруковано в Кобз. р. 1860 із де-якими опущеними уступами, через цензуру). Варіанти маємо (з рукоп. Жемчужникова (З. Н. Т. т. 39), де-що з „Букваря Южно-Русскаго“

---

[1]) Зразу було: *вырвуть злыи*, але закреслено.

[2]) *Добреє дівоче* В. Д.

(р. 1861), виданого Шевченком, а найбільш (і найлучче) з копії псалмів, дуже чітко і совісно переписаної Кулішом (зберігається в музеї імени В. Тарновського в Чернигові); переписано з оригіналу, без найменьших одмін, — остільки совісно, що в одному місці аж просилася краща форма: до „мечі обоюду“—„люду“, а у Ш. стоїть „людей“,—і Куліш так і лишив „людей“, тілько вгорі легесенько зазначив поверх „людей“—*у* [1]). Крім того, для псалма CXLIX—есть автограф в Київ. „Музеї Древностей и Искусствъ“. Нарешті, цього року знайдено автограф в Департ. Пол., який не дає не багато нового.

Дата 19/XII 1845. Вьюнища.

Псалом I.

482, 12 зн.: діла добрих обновляться, — в рукоп. Деп. Пол. та копії Куліша: *оновляться.*

Псалом XII.

483, 1: після „душу“ не (!), а (,).

— 4: і всі злиї посміються, — так і в К. 1860,—але в копії Куліша: *за*сміються.

Псалом XLIII.

— 14 зн.: трупи ворогів. І силу, — в рук. Д. П. та в коп. Жемчужн. і в копії Куліша: *ворожі, і силу.*

484, 9: чужим богам не молимось, — в рукоп. Деп. Пол. та коп. Кул.: *не молимось чужим богам.*

— 13 — 15 — цих рядків немає, — вперше про них довідалися ми з рукопису Жемчужникова. Вони цілком есть і в копії Куліша та в автогр. Деп. Пол.

— 14: побори і другу, — в коп. Кул.: побори ж.

— 16 — 13 зн. — теж нема в „Кобз.“ р. 1860,—узято їх з копії Жемчужн. Вони так само і в коп. Куліша та в рук. Д. П., тілько рядок 15-й не: *жить тяжко* (як в рук. Деп. Пол.), а *тяжко жить.*

Псалом LII.

— 6 зн.: взискающий Бога,—в коп. Кул.: взискаю*щі.*

— 5 зн.: добро творящого,—в коп. Кул.: до*бре* творящого.

[1]) А що копія списана Кулішем прямо з оригіналу,—на це есть свідоцтво: примітка Куліша з приводу дати: „надпись автора“.

— 1: їдять люде, замість хліба — в коп. Кул. і в рук. Д. П., як і в Кобзарі 1860: *Їдять люде* [accusativ!] *замість хліба.*

485, 9: розібє неволю, — в Кобз. 1860 нема цього рядка, а єсть в обох копіях та в рук. Д. П.

Псалом LIII.

Одмін немає.

Псалом LXXXI.

485, 2 зн.: між царями й судіями, — в рук. Д. П.: *між царями, судіями.*

486, 9: *і виведіть* із тісноти,—в коп. Куліша: і виводіть.

— 12: познать, розбити тьму неволі, — так в рук. Деп. П. і в обох копіях; в „Кобзарях“, замість *неволі,* стоїть........

— 13: і всуе трепетна земля, — в обох копіях: *плачеться.* Так і в рук. Д. П.

— 14 — 15: Царі й раби однакові
Сини перед Богом, —

в Кобз. 1860 немає. В копії Куліша і в рук. Д. П. немає „й“ в рядку 14-му, а просто: *царі, раби—однакові.*

— 16: і *ви* вмрете, — так і в коп. Куліша. Очевидно, небіжчик О. Кониський не добре прочитав рукопис Жемчуж., подаючи: *і всі вмрете.*

Псалом XCIII.

487, 1: во тьму і в неволю,— в коп. Куліша і в рукоп. Деп. Пол. зовсім правильно: во тьм*і* і в нево*лі* (закували твої люде — accusctiv!).

487, 3: потопили — в коп. Куліша: *затопили.*

— 8: умудрітеся, не мудрі! — треба не (!), а (;), як це й єсть в Кобз. 1860. В рук. Д. П.: *умудрітесь, не мудриї.*

— 11: і розум лукавий,—в коп. Куліша: *і думки лукаві.* В рук. Д. П.: *і думи* лукаві.

— 15: після: „між нами“ не (:), а (,).

— 4 зн.: і пребуде, — в рук. Д. П.: і *пребудетъ.*

— 3 зн.: і твій труд,—в коп. Кул.: *І труд твій.*

Псалом CXXXII.

488, 8: чи є що краще, лучче, — в Букв. Юж.-Русск. Шевченка: *лучче, краще.*

— 10: з братом, — в рук. Д. П.: *братам.*

— 11: (добро) *познать*, не ділити, — в рук. Д. П. і в Букв.: *пожить*.

— 12: миро, — в рукоп. Деп. Пол.: *мгро*, в Букв.: *міро*.

— 16 — 17: І на шитиї омети,
Ризи дорогиі, —

М. Кр-ський справедливо доводить, шо мае бути: *омети ризи дорогої*, — так воно й есть. В коп. Куліша, правда, після *омети* стоїть (,), але в Букварі Ю.-Ж.:

На гаптовані омети
Ризи дорогої.

В рукоп. Деп. Пол. теж: *ризи дорогої*.

— 11 зн.: і людям....., а не (:).

— 8: в дому тихих,—в рук. Департ. Пол. і в коп. Куліша правильно: *в дому тихім*.

Псалом CXXXVI.

489, 3: після „органи глухиї" не (.), а (,).

— 8 — 9: Або нашу заспівайте,
Невольники наші, —

в Кобз. 1860 немае. В обох копіях і в рукоп. Деп. Пол. есть.

— 14 зн.: як забуде помянути, — в рук. Д. П.: як забуд*у*.

— 9 — 8: Паліте
Єрусалим, —

в обох копіях: *паліте*.

Сіон святий. Так і в рук. Департ. Пол.

Псалом CXLIX.

490, 16: на отмщеніе язикам, — в автогр. Кіев. Музея: на отмщеніе *неправди*.

— 17: *І в науку*, — в автогр. К. Муз.: *На* науку.

— 11 зн.: ї осудять *губителей*. Цей рядок, і взагалі весь *CXLIX* псалом, стрічаемо ми ще раз в „Неофітах", і там, зам. „губителей", стоїть: *„неправедних"*.

— 8 зн.: преподобних слава, — в „Неофітах": преподоб*ним* слава; так і в рук. Д. Пол.

---

41. Минають дні.

Вперше видруковано в „Основі“, 1861, III, стр. 1—2. Варіанти дае текст, уміщенний в Пражському Кобзарі (т. II, 78—79), узятий „з рукопису 1848 (!) року“. Текст цей повніщий і сильніщий, бо не поглажений для цензури.

Нарешті, цього року вірш цей знайдено в арх. Департ. Поліції, і там дата стоїть, замість 1846 року, як звичайно датували досі, *21/XII 1845. Вьюнища.*

Одміни:

16, 16: по світу валятись, — так в „Основі“ та в „Кобзарях“ р. 1867, а в Пражськ. II т.: *на світі лежати.*

— 15 зн.: І людей любити, — в „Кобзарях“ та Праж. І: *І тебе хвалити*; варіант Романчука — узято з II т. Пражського. Так і в рук. Д. П.

— 14 — 13: А коли ні, то проклинать
І світ запалити, —

це теж з II т. Праж. (так і в рук. Д. П.), бо по инших видан.:

І твій світ нерукотворний
І людей любити.

— 5: чи жив, чи загинув, — так по всіх вид. а в Праж. II: чи жи*ть*, чи загину*ть*.

---

42. Три літа.

Вірш, знайдений цього року в архиві Департам. Поліції:

И день—не день, и йде—не йде
А лита стрылою
Пролитають, забирають
Все добре зъ собою.
Окрадають добри думы,
О холодный камень
Розбивають серце наше
И спивають амінь
Аминь всему веселому
Одъ ныни до вика
И кидають на роспутти
Слипого калику.

Не выликіи тры лита
Марно пролытилы...
А багато въ моій хати
Лыха наробилы.
Опустошилы убоге
Мое серце тыхе
Погасылы усе добре
Запалылы лыхо,
Высушилы чадомъ дымомъ
Тіи добри слезы
Шо лылыся зъ Катрусею
Въ московскій дорози

Шо молылысь зъ козаками
Въ турецькій неволи
И Оксану мою зорю,
Мою добру долю
Шо день божій умивалы...
Поки не пидкралысь
Злыи лита,—та[1]) все тіи
Заразомъ укралы.
Жаль и батька, жаль и матиръ
И вирну дружину
Молодую веселую
Класты въ домовину
Жаль велыкій, браты мои
Тажко годуваты
Малыхъ дитокъ неумытыхъ
Въ нетопленый хати,
Тяжке лыхо, та не таке
Якъ тому дурному
Шо полюбить, побереця
А вона другому
За тры шаги продаеця
Та зъ ёго й сміеця
Отъ де лыхо! отъ де серце
Разомъ розирвеця!
Отаке то злее лыхо
Й зо мною спиткалось
Серце люды полюбило
И въ людяхъ кохалось
И воны ёго виталы
Гралыся хвалылы...
А лита тыхенько кралысь
И слезы сушилы
Слези щирои любови,
И я прозриваты
Ставъ потроху:... доглядаюсь
Бодай не казаты,
Кругомъ мене, де негляну
Не люды а зміи...
И засохлы мои слезы
Слезы молодіи.
И теперъ я розбитее
Серце ядомъ гою
И не плачу й неспиваю
А выю совою.
Отаке то, шо хочите
То те и робите
Чи голосно зневажайте
Чи нышкомъ хвалите
Мои думы, однаково
Не вернуця знову
Лита мои молодіи
Веселее слово.
Не верныця (?)... и я серцемъ
До васъ невернуся.
И не знаю де динуся
Де я пригорнуся
И съ кимъ буду розмовляты
Кого розважаты,
И передъ кимъ мои думы
Буду сповидаты?
Думи мои! лита мои
Тяжкіи тры лита
До кого вы прихилетесь
Мои злыи диты?
Не хилитесь ни до кого
Ляжте дома спаты...
А я пиду четвертый годъ
Новый зострічаты,
Добры день же новый годе
Въ торишній свитыни
Шо ты несешъ въ Украину
Въ латаній торбини?
„Благоденствіе указомъ
Новенькимъ повите“.
Иды жъ здоровъ, та не забудь
Злыднямъ поклонытысь.

22 декабря
1845
Вьюница.

---

[1]) В „Нов. Гром.“ неправ.: *то* все... В рукоп. стоїть: *на*,—очев., зам.: *та*..

43. Заповіт.

(*„Як умру, то поховайте“*).

Вперше видруковано в збірничку „Новые стихотворенія Пушкина и Шавченки“, Лейпцигъ, 1859, 18—19, під заголовком „Думка“ [1]). Передруковано в „Меті“, 1863, № 4. Варіанти маємо: з рукопису Л. Жемчужникова (З. Н. Т. т. 39), в Пражськ. т. II (варіанти *по рукопису 1848 (!) року*); крім того, в Кіев. „Муз. Древн. и Искусствъ“ есть автограф Шевченка, а у д. В. П. Науменка — копія М. Максимовича.

Нарешті автограф маємо цього року з арх. Деп. Пол., — майже нічим не одмінний од тексту в вид. Романчука.

Таким чином маємо чималий матеріал, який і позволяє нам бачити історию цього вірша. Можна доглянути, що рукоп. Праж. приміток найстаріщ., потім Лейпциг., текст. (копія) Жемчужн., копія М-ча, Пражськ. основний і найпізніщий — автограф Кіев. „Музея Др. и Искусствъ“.

Дата 25/XII 1845, що стверджується, крім копії Жемчужникова, ще й копією Максимовича та рук. Деп. Поліц.

13, 3 зн.: як умру; то *поховайте*, — а в коп. Жемчуж.: *заховайте*.

14, 1: на Вкраїні милій,—в Лейпциг.: на *Кр*аїні.

— 4: були видні, було чути, — в коп. М-ча: *були видкі*, було чути; більш-меньш так і в Пражськ. основному: *були видні, було чути*, — звідки узяв і д. Романчук; одначе по всіх инших джерелах: Лейпциг., автогр. Кіев. Муз. та рукоп. Праж. приміток. *було* видно, *було* чути, — (так і в рук. Деп. Пол.); в прим. Праж. К.: було видно, було *б* чути.

14, 6 — 8: Як понесе з України
У синеє море
Кров ворожу, —

так в автогр. К. Муз., коп. М-ча, Львів. та Праж. основн., — цоб-то по всіх пізніщих редакціях, а в Лейпциг. так:

---

[1]) Заголовок „Заповіт“, очевидно, не Ш. дав, — у Львів. 1867 стоїть: „Завіщаннє“.

Як *потече* з України

. . . .

Кров ворожа.

14, 10 — і полину, — такий вар. в рук. Деп. Пол., в автогр. Кіев. Музея та Праж. основному, бо в Лейпцигськ., рукописн. Праж., Львів. 1867 і коп. М-ча: *полечу*.

— 12 — 13: А до того—
Я не знаю Бога, —

так скрізь стоїть, крім Лейпциг. та рукоп. Праж., де після слів „а до того“ — одразу: „поховайте та вставайте“. За те в автографі Кіев. Муз., який очевидно пізніщий за всі редакції, навіть і Пражську основну, замість: *А до того* — стоїть: *А поки що*..

— 14: поховайте та вставайте, — скрізь так, крім автографа Кіев. Муз., де: *прокиньтеся ж, брати мої*.

— 14 зн.: і вражою злою кровю, — так і скрізь, крім рук. вар. Праж., де: *чаркой* (очев.: *чорной*) кровю...

— 11 зн.: в семї вольній, новій, — скрізь так, крім рук. вар. Праж., де: в *самій вольній мові*. Очев., редакція найраніща.

— 9 зн.: незлим тихим словом, — скрізь так, крім рук. вар. Праж.: *незлим добрим*; в автографі; Кіев. Муз. найпізніщій редакції: *тихим, добрим словом*.

„Заповіт“ — останній твір Шевченка, що увійшов в рукопис, під заголовком „Три літа“. Рукопис той забрали у нього під час арешту його 5 квітня року 1847. Досі відомо було (див. „Тарас Шевченко — Грушівський. Хроніка його життя“, О. Кониського, т. I, 235), що з власних творів взято було у Шевченка „Сон“, поему „Осика“, написану 7 березіля 1847 р. у Седневі, кілька його віршів і зшиток його творів, злаштованих до цензури з передмовою, в якій слідчі зауважили, що він „бранитъ русскихъ“. Справді, цього року д. Е. Щоголев розшукав в архиві Департамента Поліції аж три рукописи; — оден чистіший, виготовлений до цензури, з передмовою [1]), в який, увійшли лишень: Лілея, Русалка та Осика (вона ж і „Відьма“ — пізніш); другий—*увесь* „Єретик“ або „Іван Гус“ і, нарешті, третій—немов би альбом, куди Шевченко позаводив усе те, що написав за три годи („Три літа“): р.р.

1] Передмову цю видруковано у О. Кониського в т. II, стр, 204—205, прим. 2 згаданої вгорі його праці; передруковано потім в „Громадській Думці“ (1096, ч. 162) і нарешті опубліковано в журналі „Былое“ (1906, кн. VШ, 1—3), додержуючи правопису оригінала. Найповніще подано її в новому повному виданні „Кобзаря“, що друкується в Петербурзі.

1843—1845. Про цей останній мені відомо трохи більше, як про ті два [1]). В архиві Департ. Поліції єсть великий зшиток, і на палятурах наліплено смужку білого паперу з надписом: „Стихотворенія Шевченка есть дѣло 1 экспедиціи 1847 года № 81 ч. 6“. На першому аркуші олівцем намальовано: посередині, в рямцях якась постать, — як знати, боса, в бороді, без шапки і без штанів, в довгій сорочці, підперезана; поверх накинуто одежину без рукавів; руки розставлені і в лівій руці ціпок.

Окремо, внизу, аж двічі, голова з довгим носом, потім голова з тулубом у вице-фраці і немов би в військовому мундирі з наплечниками обер-офіцера і одна постать з кирпатим носом.

На другому боці того ж таки аркуша знову постать з кирпатим носом, в двох поставах, одна в пальті та в ярмулці, не мов би татарській або жидівській, а друга — неначе в халаті, без ярмулки, лиса; вгорі окремо голова тої самої постаті в ярмулці і без ярмулки, лиса, — знизу, над головами надпис: „на ще [= тще] серце“.

На другому аркуші надпис чорнилом:

„Три літа“,

а внизу олівцем намальовано: дядько в кобеняці і в шапці з ціпком в руках і свиня.

На третьому аркуші:

„Отцы наши согрѣшиша, и нѣсть ихъ,
Мы же беззаконія ихъ под[ъ]яхомъ.
Рабы обладаша нами, избавляющаго
Нѣсть отъ руку ихъ.
Князи въ рукахъ ихъ повѣшены быша,
Старѣйшины не проглавишася
Избранніи плачъ под[ъ]яша, и юноши
въ кладѣ изнемогаша.
И старцы отъ вратъ оскудѣша, избранніи
отъ пѣсней своихъ умолкоша“
Молитва Іереміи пророка.

Далі, на другій сторінці, починаються вірші і йдуть вони так:

1) Чигрине, Чигрине.... 19 февраля 1844. Москва; 2) Завороживи мені волфе — 13 декабря 1844. С.-Петербургъ; 3) У неділю не гуляла — 18 октября 1844. С.-Петербургъ; 4). Олівцем надписано *Гоголю* (За думою дума роем вилітає) — 30 декабря 1844.

---

[1]) Відомости подав мені Я. П. Забілла, за що складаю йому щиру подяку.

С.-Петербургъ; 5) Олівцем надписано *Розрыта могила* (Світе тихий, краю милий, моя Україно) — 9 октября 1843 Березань; 6) Чого мыни тяжко — 13 ноября 1844. С. П: Б:; 7) Не завидуй багатому — 4 октября 1845. Миргородъ; 8) Не женыся на багатій — 4 октября 1845. Миргородъ; 9) Сова — 6 мая 1844. С: П: Б:; 10) Дивычіи ночи — 18 мая 1844 С: П: Б:; 11) Наймычка — 13 ноября 1845 въ Переяслави; 12) Маленькій Марьяни — 20 декабря 1845, Вьюнища; 13) Сонъ (комедія) — 8 іюля 1844 С. Петербургъ; 14) Слипый (поема) [= Невольник] — 16 октября 1845. С: Марьинское; 15) Кавказъ — искреннему моему Якову де Бальмену 18 ноября 1845 въ Переяслави; 16) Минають дни, минають ночи — 21 декабря, 1845, Вьюнища; 17) * Копають день, копають два [кінець „Великого Льоху]; 18) Стоить въ сели Суботови—21 октября 1845 Марьинское 19) И мертвымъ и жывымъ — 14 декабря 1845, Вьюнища; 20) Великій ліохъ (мистерія) — Епіграф: „Положилъ еси насъ сосѣдомъ нашимъ подражаніе и поруганіе сущимъ окрестъ насъ. Положилъ еси насъ въ притчу во языцѣхъ, по киванію главы въ людехъ“. Псаломъ 43 ст. 14 и 15.

а) Три души
б) Три вороны
в) Три лирныки *.

21) Холодный Яръ. Вьюныща, 17 декабря 1845; 22) Тры лита — 22 декабря 1845. Вьюныща; 23) Давидовы псалмы, 19 декабря 1845, Вьюнища; 24) Якъ умру, то поховайте — 25 декабря, 1845, въ Переяслави.

З усього цього, що тут подано, ясно, перш за все, що рукопис цей—не для цензури, а збірка поезій за три роки, власноручно списана про память (тут без усяких скорочень, напр. Сон, Невольник, Кавказ), безъ хронологичного ладу, а так як що попало. Оскілько недбало вписувалися сюди вірші, знати найкраще з того, що наприклад, вписано спочатку кінець „Великого льоху“, потім *Суботів*, і аж далі „Великий льох“ спочатку. Очевидно, переписувалося туди машинально, — і як попався кінець поеми, за якою підряд ішов *„Суботів“*, так і вписано їх туди. Вписавши, Шевченко зауважив свою помилку, і як над „Копають день“, так і після „Три лірники“ (у „Великому льоху“) поставив значок *, який показує, що одне мусить йти зараз по другому. Через цю помилку ми як раз і не знаємо тепер докладно дати „Великого льоху“, бо *21 октября 1845* — стоїть під „Суботовим“. Дуже може бути, що й „Великий льох“ має цю саму дату, — але певніщих доказів на це не маємо...

Переходячи до року 1846-го мусимо спинитися попереду всього на віршові:

---

44. Вітер в гаї нагинає.

Цей вірш видруковано вперше в Основі, 1861, III, але ні якоі небудь копії, ні варінтів, ні дати написання—нічого немає. Датується він, навздогад, роком 1846. В рукоп. в архив. Департамента Поліції, де списано рукою Шевченка, усе, що написав він з кінця р. 1843 і до початку р. 1847—цього вірша теж немає –единаго з усього, що написав Шевч. за увесь той час. Змістом своїм вірш цей наближаеться наприклад., до „Минають дні“ та „Заповіт“, а ще ближче до віршів: Н. Маркевичу та „Тяжко важко в світі жити“ року 1840. Здається, що було б певніщ ставити його покищо поруч з цими віршами, поки справа з ним згодом не вияснитьcя.

---

45. Лілея.

Віршам „Лілея“ та „Русалка“, здається, чи не найбільше пощастило, — стільки есть і варіантив, і автографів, і копій.. І хоч написані обидва вони були ще до заслання (в Черниг. Музеї есть дуже читкий, чистенько для когось переписаний на аркушу почтов. паперу автограф з датою 25/VII 1846, — з цією ж датою знайдено вірш і в рук. Д. П., а „Русалка“ датована там 9/VIII 1846), але Шевченко їх завів в число своеї невільницької поезії, — не знати, чи з памяти туди їх записавши, чи, певніще, здобувши якимсь чином список першої редакції; а дякуючи цьому ми маємо ще два зайвих автографи: в так званій *Малій книжечці* і в *Більшій* [щоб було корочче — на далі зватиму їх: автографи *М.* і *Б.*]: *мала* списана уся на засланні, а Більша — та, куди переписав Ш. невільницьку поезію в Нижньому Новгороді, а потім заводив туди і инші свої твори аж до р. 1861. Обидві ці дорогоцінні автографи зберегаються зараз у д. В. П. Науменка, і про них далі буде докладніще говорено.

Відомо з „Дневника", що 4 — 6 березіля р. 1858, Шевченко, переписуючи, „трошки лагодив" „Русалку" і „Лілею". Яке було те „лагодіння", буде видно далі.

Отже ми маємо тепер такі джерела для „Лілеї". Вперше видруковано в галицькій газеті „Слово", 1862, № 12, потім в Кожанч. К. та у Львівськ. 1867, але цьому останньому — по иншій редакції. Де які відміни дає і Пражськ. К. Крім того маємо: варіанти з рукоп. Л. Жемчужникова (З. Н. Т. т. 39), автограф Департ. Поліції і автогр. в Черниг. Муз. (датовоні 25/VII 1846) автограф *М.* і автограф *Б.* В Кожанч. Кобзарі взято вірш з автографа *Б,* як найпізніщої редакції.

Відміни *ж* з усих цих джерел. такі:

Заголовок в М: *Лілія,* а в Б: *Лілея.*

166, 14 зн.: за що вони, — в Черниг. автогр. та автогр. М.: за що *ж,* а в Б — без *ж.*

— 12 зн.: *Царівною* називають, — в Жемчужник., Черниг. та автогр. М. — і *царь-квітом,* але в *Б.* і за ним Кожанч. вид.: *Царівною* [в Льв. 1867 цей рядок зовсім опущено чомусь, а стоїть — — — — —].

— 10 зн.: з мого цвіту, дивуються, — в рук. Деп. Пол., в Черниг. та М.: *дивуються, любуються*; в автогр. *Б.*, Кожанч. та Льв.—так, як у Романч.

— 8 зн.: скажи мені, — в рук. Деп. Пол. та Черниг.: скажи *ж.*

— 7 зн.: королевий цвіте, — в *М.* підкреслено.

— 2 зн.: До білого, пониклого
Личенка лілеї, —

В рук. Д. П. та Черниг.: *на білеє, пониклеє*, але і в *М.* і в *Б.*, та й в инших, так як в Романч.

По цих словах в Черниг. автографі вставка, дуже гарна, якої ніде немає і яку варт би взяти до „Кобзаря":

Сам Господь вітав над ними
І творив святеє
Землі грішній... І лілея, —

а далі: „росою-сльозою". В рук. Деп. Пол. — тілько два рядки, а не три вставлено: *землі грішній*—немає.

167, 6: а я й не сказала, — в Черниг. та *М.*: не казала; в *Б.* і в Кожанчик.: *ск*азала, а у Львів.: *та* я й не сказала...

— 7 — 8: Як була я людиною,
Як я мордувалась, —

в рук. Д. Пол., коп. Жемч., Черниг. та *М.*:

Як я тяжко виростала
І як умірала,

але в *Б.* та Кож, — так як в Романч.

— 9: Моя мати — чого вона, — в рук. Д. П. та Черниг.: *моя мати*, — *я не знаю*, а в инших — так як у Романч.

— 11 — 12: І на мене, на дитину
Дивилась, дивилась, —

в коп. Жемч.:

І молилася, на мене
На малу дивилась;

сливе так само в рукоп. Д. П. та Черниг.:

І молилась, і на мене
На малу дивилась; —

близько до цього і в *М.*, лишень в другому рядку: *малую* дивилась, а зразу було:

І молилась, і плакала
На малу дивилась.

В *Б* та инш. — як в Романч.

— 15: хто їй лихо заподіяв, — в Жемч. і в М.: *горе* заподіяв, але в Б.: лихо.

— 16 — після „дитина“....., а не (:).

— 17 зн.: а вона все вяла, — в рукоп. Д. П. та *М.*: *а мати*, в *Б.*: *а вона все*, а далі в рук. Д. П., Черниг. та *М.* два рядки, які опущено в *Б.* і немає ніде в „Кобзарях“:

Вяла, вяла, засихала,
Умірати стала.

— 16 зн.: *та* нашого, — в рук. Д. П. та *М.*: *і нашого*; в *Б.*: *Та....*; в Черниг. автогр. було раніш: *і якогось*, але поправлено на *нашого*.

— 15 зн.: кляла, проклинала, — в Черниг. через —.

— 13 зн.: взяв догодувати, — так в *Б.*, а в рук. Деп. Пол., Черн. та *М.*: *узяв годувати.*

— 10 — 9 зн.: цих рядків в рук. Департ. Пол., Черниг. і в *М.* немае, — вони з'явилися в *Б.* У Львів.: байстр*учка* — це неправ., бо в Б.: *байстря я* [так і в Кожанч.].

— 8: десь далеко, — в Черниг.: на чужину.

— 7 — після „мене покинув" в *М.* два рядки крапок.

— 6 зн: і прокляли його люде, — так і в *Б.* і в *М.*, а у Львів. неправильно: а прокля*ті* його люде десь далеко.

— 3 зн.: убили — не вбили, — так по всіх рукописах. У Львів. Кобзарі, де, як знати, поводилося досить вільно з текстом: *вбити — не убили,* хоч це для розміру було б і найкраще.

— 2 зн.: тільки мої довгі коси,—в *М.*: чорні.

— 1: накрили, — у Льв. Кобз. неправ.: *покрили.*

168, 1: острижену ганчіркою, — в рук. Д. П.: Черн. та *М.*: *ганчіркою на смітнику.*

— 3: жиди навіть нечистиї, — в *М.*: нечистиві (хоч зразу було: нечистії), в Черниг. теж було: нечистії, але поправлено на: *нечистиві*, але в Б. знову таки „нечистії".

— 10: зімою під тином, — у Жемчужн.:

На снігу під тином
Я умерла; — в рук. Д. П., Черниг. та *М.*:

Я умерла
На снігу під тином, — а в *Б.* так, як в Романч.

— 12, 13 та 7 зн.: в Черниг.: *кв*ітом, зам. *цв*ітом.

— 14: аж гай звеселила, — в *М*: весь гай звеселила, а в рук. Д. П., Черн. та Жемчужн.: *Весь гай освітила,*

Далі, по цих словах в рук. Д. П., в коп. Жемч., Черниг. та *М.* іде варіант, значно кращий за *Б.* (а, значить, і за той, що в вид. Романчука):

І тіж люде, і тіж пани (в Жемч.: *самі*),
Що зімою вбили,
Поприходили весною
Дивом дивувались

168, 16 зн.: *А* дівчата заквітчались—в рук. Д. П., *М.* та Чер.: *І.* У Львів. вид. чомусь: *закривались.*

168, 15 зн.: І почали звати, — в рук. Д. П. та в Черн.: *І мене назвали,* в М.: *і мене прозвали.*

— 14 зн.: снігоцвітом, — в рук. Д. П.: — *снігоквітом.*

— 13 зн.: і я процвітати, -- в Черн. та рук. Департ. Пол.: *роз*цвітати.

— 12: стала в гаї, і в теплиці, -- в Черн., в *М.* та рук. Д. П.: *стала в гаю і на полі* (в *М.*: в га*і*), — „теплиці“ з'явилося в *Б.* У Львів. К.: і *в темниці* (sic!).

— 8 зн.: на що, — а у Льв. неправильно: *за що.*

— 7 зн.: цвітом,—в Черниг. автогр.: *к*вітом, як і в рядку 9 зн., а в автогр. Д. П.: *дивом.*

— 6 зн.: я веселила, — в Черн., в рук. Департ. Пол. та *М.*: *звеселяла.*

— 4 зн.: милосердний,—в рук. Д. П.: *милосердий.*

— 1 зн.: *А цвіт,*—в *М.* і рук. Д. П.: *І цвіт.*

169, 3—4: На білее, пониклее
Личенько лілеї,—

в рук. Д. П., Жемч. та в *М.*:

До білого, пониклого
Личенька.

Таким чином, як бачимо, той текст, що по „Кобзарях“, взято з автографу *Б.* Автограф *М*—значно поправлено в Н.-Новгороді; цей автограф *М.*—постав небавом як Ш. прибув. на заслання і почав заводити в книжечки свої поезиї. Спочатку він заводив їх дуже чистенько,—очевидно, списуючи з якогось готового вже брульона, і таким чином він *переписав* туди в першу ж свою „захалявну“ книжечку деякі речі, що написав він вже там, —але спочатку на окремому папері, а де які ще на волі. І „Лілея“ там (в автогр. *М.*) стоїть аж під № 5 (не лічучи цілих 13 віршів, написаних в Петропавл. цітаделі, які втислися в середину, як окремий цикл).

Порівнюючи (—) текст „Лілеї“ в автогр. *М.*, ми бачимо, що він дуже близький до рукоп. Деп. Пол. та автогр. *Чернигівського*, особливо до останнього. Очевидно, що Ш. мав текст цей під руками, вписуючи в *М.* „Лілею“ та й инші поезиї, як от „Русалка“, „Відьма“ або хоч ті самих 13 віршів цітадельних... Звідки і як він їх мав,—про це ми зараз не маємо звісток (про дрібніщі, як от цітадельні, можна здогадуватися, що писано їх на маргінесах у Біблії, яку Ш. повіз з собою на заслання і яку, по смерти Ш., забрала на памятку, як відомо мені, Марко Вовчок.) Але безперечно одно: частину поезий, заведених в невільницьку поезию,

—тих, що вписав Ш-ко на засланні в книжечку, на якій він сам вгорі чорнилом поставив *1847*,—написав він ще на волі, і за Уралом лишень переписав. Хоч цікаво одно: першою стоїть „Княжна", яка безперечно,—як побачимо далі,—написана на засланні (навіть тут і в *М.* чимало уступів закреслених та поправлених), а потім у Шевч. десь узялися його давніщі—з р.р. 1846 та перш. полов, 1847 р. поезиї, і він їх і повписував в книжечку.

Варіант Жемчужн., як порівняти з *М.*, ще раніший.

45. Русалка.

Доля цього вірша однакова з „Лілеєю". Для неї навіть ті самі варіанти маємо, тілько, замість Чернигівського варіанта, есть вар. у д. В. П. Науменка, списаний Є. Трегубовим в кінці 80 р.р. з автографа, до якого д. Трегубов долучив таку примітку: „Написано власною рукою Ш. на сірім папері. На 1 стор. з лівого боку фарбами, а з правого—олівцем намальовані русалки. На 2 боці теж „проба" фарбів і 2 русалки олівцем." Варіант цей навіть одграває ту ролю, щодля „Лілеї"—Чернигівський, тоб то—раніщий од автографа *М.* і раніщий коп. Жемчужн. Крім того, в „Вечерницях" (1862, № 22) видруковано „Русалку" *з рукопису*,—це той самий рукопис *Б*, але з одною чималою поправкою (див. далі).

В арх. III отд. цього року теж знайдено цю поезию, де крім варіантів проти вид. Романчука, маємо ще й точну дату 9/VIII 1846 (досі як „Русалку", так і „Лілею" дитували роком 1847). Текст в рукоп. Д. П. сливе аналогичний з копією Є. Трегубова, хоч копія немов би то ще раніша за рук. Д. П.

Що ж до друкованих варіантів, то в Кожанчик., Пражськ., Київ. (1889), Петерб. 1884,—скрізь, як в автогр. *Б*., і скрізь дата—р. *1847*.

Одміни проти видання Романчука.

164, 13 зн.: в високих палатах,—в рук. Д. П., в коп, Жемчужн. та автогр. *М.*: *у білих.*

— 11 зн.: *у Дніпрі* скупати,—в рук. Д. П. *М.* та коп. Трегубова—*до Дніпра купати*; в „Вечерницях": *у Дніпрі купати.*

— 4 зн.: а я вийду гуляти з ним,—в рук. Д. П.: *я виведу гулять пана.*

— 2 зн.: залоскочи, моє серце,—в *М.*: залоскочи *ж*, а в коп. Трегубова: *залоскочи ж, моя доню*; так і в рук. Д. П.

165, 1: надо мною молодою,—в *М.: сиротою*, а в рук. Д. П. та коп. Трегубова: *над грішною сиротою.*

— 3: не моїми кров—сльозами,—в рук. Д. П. та *М.*: *слізми—кровю,* а в коп. Трег.: *слізоньками.* Після „кров—сльозами“ мусить бути —, як це і єсть в „Вечерницях“.

— 5—6: Дніпровою! Нехай собі
Гуляє з дочкою,—

в рук. Д. П., коп. Трегуб., Жемчуж. та *М.* однаково:

Нехай в Дніпрі погуляє
З своєю дочкою.

— 7: пливи-ж моя, единая,—в рук. Д. П. в коп. Трег., Жемч. та *М.: русалонько!*

— 9—10: Привітайте русалоньку!
Та й заголосила,—

в рук. Д. П., коп. Трег., Жемч. та *М.*:

Привітайте моє любе,
Дитя моє миле!

— 12: та й побігла. А я собі,—так і в коп. Тр., Жем. і *М.*, тілько в коп. Жемчужн. мабуть помилка: *та й побігли.*

— 16: уже з тиждень,—в коп. Трегуб. та Жемч. „з“ немає.

— 18—17 зн.: О півночи, та з будинку
Батька виглядаю,—

в коп. Трег., Жемч. та *М.*:

Та на Київ позираю,
Батька виглядаю.

В рук. Д. П.: *та на берег.*

— 16—15 зн.: А може вже поєдналась
З паном у палатах,—

в рук. Д. П. і в коп. Трегуб.:

Може вже він повінчався
У білих палатах;

близько до цього в коп. Жемчуж.:

А може вже повінчалась
У білих палатах;

так і в *М.*, тілько: *повінчались*; нарешті в рукопис. Романчука єсть такий ще варіант,—пізніщий, здається, за *Б.*:

А може вже поєдналась
З паном моя мати.

Отсей варіант і подано в „Вечерницях“.

— 11—13 зн.: моя грішна мати,—в замітках Романч. (пізніщих, здається, за варіант *Б.*): *грішниця в палатах.*

— 12 зн.: тай замовкла русалочка,—в рук. Д. П., в коп. Трег. і *М.*: *русалонька.*

— 11 зн.: в Дніпро поринула,—в коп. Трегуб. та *М.*: *і в Дніпро пірнула.*

— 10 зн.: а лозина,—в *М.*: *і лозина*; але в раніщ. копії Трегуб.: *а* лозина.

— 6 зн.: пана Яна нема дома,—в коп. Трегуб. теж так, але попереду тут було: *а Івана десь нема дома.*

— 4 зн.: а як прийшла до берега,—в коп. Трегуб. зразу було: *приблудила аж до Дніпра*, потім поправлено на: *приблудила до берега;* так і в рук. Д. П., так воно ї в *М.*

— 3 зн.: Той дочку,—в коп. Трегуб. та *М.*: *Тай* дочку.

— 1 зн.: і як примовляла,—в коп. Трегуб.: *промовляла*, але в *М.* уже: *примовляла.* В рук. Д. П.: *І що* примовляла.

166, 5: і не счулась, як зуспіли,—в коп. Трегуб.: *і не зуздріла, як зуспіли;* в *М.*: як *зуспілись*; в коп. Жемч.: *як зустріли*, але в *Б.*—знов: *зуспіли.* В рук. Д. П.: *Вискочили регочучи.*

— 7—8: Та до неї: ухопили
Та й ну з нею гратись!—

в рук. Д. П., коп. Трегуб. та *М.*:

Сестри, сестри! Не лоскочіть,
Бо це моя мати;

в коп. Жемчуж.:

Та до неї: ухопили
Та й ну *лоскотати.*
Сестри, сестри! Не лоскочіть,
Бо це моя мати;

нарешті в *Б.*—теж зразу було: *й заходились гратись*, аж тоді поправлено так, як у вид. Романч.

— 9: Радісінькі, що піймали—в рук. Д. П., коп. Трегуб. та *М.*: *сестри раді, що піймали.*

— 11: поки в вершу не запхали,—в коп. Трегуб. зразу бу-

ло: *поки аером не вкрили*, але поправлено: *поки в вершу не сховали;*—так і в рук. Д. П., а в *М.* уже: *запхали.*

Таким чином для „Русалки“ ми маємо перед очима усі чотири стадії в її історичному развоєві: початкову редакцію—рук. Д. Пол. та копія Трегубова, близьку до неї—редакцію автогр. *М*, далі таку саму—хіба що з де-якими дрібними пізніщими поправками—копію Жемчужникова, нарешті значно відмінну—останню—в автографі *Б*, „значно полагожену“ р. 1858 в Нижн.-Новгороді.

Взагалі ж, що до копії Жемчужникова в дальших наших порівняннях, то виявилося, що перша книжечка рукописів Жемчужникова, в яку увійшло 130 Шевченкових творів, а разом з ними і невідомі „Ой хоч буду віять“ та „Ду—ду ду, ду-ду ду. Родилася на біду“ [1])—не що инше, як точнісінька копія з автографа *М*, переписана колись десь після 1850 року,—очевидно в протязі тих 7 літ, коли Шевченкові папери переховувалися у Ф. Лазаревського,—і подекуди в них, як це зауважив небіжчик О. Кониський, „де олівцем, де атраментом є невеличкі поправки і додатки, зроблені запевне рукою Шевченка“. І що це воно так, можна буде бачити із дальших порівнянь варіантів автографа *М.* і коп. Жемчужникова, а також із того, що в автографі *М.* дійсно єсть 130 віршів (126 нумерованих та чотири без нумерації).

46. Відьма.

Вперше видруковано в „Вечерницях“ (1862 №№ 16—18) (не все, а до половини розділу IV-го). З „Вечерниць“ узято текст до Львів. „Кобзаря“ 1867; крім того, варіанти маємо в копії Л. Жемчужникова (Зап. Н. Т. т. 33) та автограф *М.* і *Б.* Та редакція, що видруковано її в „Вечерницях“, а потім і у Львів. „Кобзарі“ 1867, має своїм джерелом, як не помиляюся, копію, яка зараз зберегається в Муз. ім. В. Тарн. в Чернигові: схожість дуже велика.

Дата 7/III. 1847,—але ця дата належить першій редакції цеї поеми під загол. „Осика“ (знайдено цього року в архиві Деп. Пол.). Одміни між першою редакцією та автографом *М.* досить значні, особливо на початку. Редакцію *М.* Шевченко досить полагодив і в Дневнику під 4/III 1858 записав: „принялся переписывать „Видьму“ для печати. Нашелъ много длиннаго и недодѣланнаго“..., а 5/III: „Продолжаю работать над „Видьмою“, а 6/III „сегодня кон-

---

[1]) Див. про ці рукописи З. Н. Т. т. 33, Варіанти на декотрі Ш. твори, стр. 2.

чилъ. Кажется, порядочно кончилъ". Цей переписаний примірник і есть автогр. *Б*, і він і стався основою тексту в Кожанч. та инш. „Кобзарях."

Одміни:

Перш за все „Осика" (поема)—має в рукоп. Деп. Пол. епіграф: „Да пріидетъ же смерть на ня, и да снидутъ во адъ живи, яко лукавство въ жилищахъ ихъ, посредѣ ихъ. Псаломъ".

504,16 зн.: молюся, знову уповаю,—в рук. Д. П.: *молюся, знову уповаю.*

— 15 зн.: виливаю,—у Льв. 1867 як і в „Вечерницях": *проливаю.*

— 504, 9 зн.: над долею злою,—в рук. Д. П. та *М.*: *над долею лихою.*

— 3—2: І з людьми і скаже
Спасибі нам,—в *М.*:

Спасибі нам скаже,
І заплаче,—

в рук. Д. П.: *і помолиться, й заплаче.*

505, 5: і в неволі,—у Львів. К. звідкілясь: *недолі* (!), бо в „Вечерницях" теж „*в неволі.*"

— 8: *пізнає...* пізнає,—очевидно, що: познає.—Це „пізнає" пішло з „Вечерниць".

— 7: і всетворящую любов,—спочатку в *Б.* було: *познає Божую любов.* Я вже згадував, що рядки 1—7 есть тільки в *Б.*,—в *М.* їх немає, за те далі есть в *М.* (і в рук. Деп. Пол.) 8 рядків, яких немає в *Б.* (вони есть в Пражськ. Кобз., а немає в Кожанчик., бо цей друковано по автогр. *Б.*).

Така моя рада. незнаємий брате!
Смирись перед Богом, людей не займай,
Шукай собі брата в палатах [написано: в *палах*] і хаті.
І дбай домовину, а слави не дбай.
Бо вона не спинить віку молодого,
Не верне з за літа нашої весни.
Оттак то мій друже! Молись, брате, Богу
І мене в молитвах твоїх помяни (в рук. Д. П.: *своїх*).

Далі в рукоп. Д. П. є 24 рядки, яких ні в одній редакції немає,—ось вони:

Росте в полі на могилі
Осика заклята,—
Отам відьма похована,—
Христітесь, дівчата!
Христітеся.... і не квaптесь
На панів лукавих,—
Бо згинете, осміяні,
Наробите слави,
Злої слави на сім світі,
А на тім!... Крий, боже!
За гріхи такі великі
Сам Бог не поможе.
Нехай пани знущаються,
Братами торгують,
Та сльозами кровавими
Сатану частують,—
Їх вже душі запродані –
То їм і байдуже,
А вам треба стерегтися,
Стерегтись—та й дуже!
Стережіться-ж! Кохайтеся
Хоч із наймитами,—
З ким хочете, мої любі,—
Тілько не з панами.

— 9: коло осіннього,—в рук. Д. П.: *після осеннього.*

— 14: ішли, ішлі,—в рук., Д. П.: *ішли собі.*

— 15: розпяли,—в коп. Жемч. та *М.*: *напяли*; так і рук. Деп. Пол.

— 16: огонь чималий розвели,—в рук. Деп. Пол., в коп. Ж. та автогр. *М. багаття вбоге.*

— 16 зн.: і кругом його,—в рук. Д. П. та *М.*: і *коло його.*

— 15 зн.: хто з шашликом,—в „Вечерницях“—неправильно „*за* шашликом“.

— 13 зн.: колись то був,—в рук. Д. П. і в *М.* стоять: ( ).

— 11 зн.: з приданок,—в *М.* з наголосом: з приданòк.

— між 10 і 9 зн. в рук. Департ. Пол. вставлено: *(голос за шатром).*

— 5 зн.: свекор оженився;—в *М.*: утопився. Після *свекор* треба. —

— 4 зн.: батько утопився,—так і в рук. Деп. Пол., а в *М*.: оженився.

— 3 зн.: і.... гу...—в рук. Д. П. ще двічи: ... *гу!... гу!*

— 1 зн.: і де ті люде тут візьмуться,—в рук. Деп. Пол.: і де *ті пьяні.*

506, 1: Із—за Дніпра—в „Вечерницях", в коп. Ж. та *М.* і *Б.*, а також Львів. Кобз.: із *за Дністра.* Із—за Дніпра—пішло з Кожанч. видання.

— 3: крикнули, схопились,—в рук. Д. П.: *й* схопились.

— 5: Те, що співало. Жаль і страх,—в *М.* це два рядки:

Те що співало . . . . .
. . . . . Жаль і страх.

В рук. Деп. Пол.:

. . . . Опини*лась*
Та, що співа*ла*...

— 7—8: Якась людина. На ногах

І на руках повиступала,—

в рук. Д. П. та в *М.*:

А на руках і на ногах
Од стужі кров повиступала;

у Льв. Кобз. (за „Вечерницями"): од стужі кров—*увся* струпом стала.

— 11: о поли бились в Ковтунах,—в рук. Д. П. і в *М.* немає; у „Вечерницях" та у Льв. К.: *об* поли.

— 12: а потім сіла,—в рук. Д. П.: *і мовчки* сіла.

— 14: в *М.* тут два рядки.

— 16: вона шептала.—в рук. Д. П. і в *М.*: *ніби* шептала.

— 17: і тяжко, страшно,—в *М.* і *страшно*, страшно... В рук. Д. П.: *і якось страшно.* Дальших 3 рядки в *М.* немае.

— 9 зн.: хто? я?—в рукопис. Департ. Поліц. неправильно: *хто? я.... я....*

— 7 зн.: цілували мене в лиця,—в *М.*: лиц*е*.

— 1 зн.: та ще й з медведем,—в рукоп. Деп. Пол.: та ще й *медведя.*

507, 2: чи то сижу, чи то співаю,—другого *то* в „Вечерницях", як і в Черниг. копії, немае.

— 4: усе співаю, все співаю,—в рук. Деп. П. і в *М.*: *Все співаю.* Цього рядка у Льв. К. зовсім немае.

— 5: *й* говорить,—в *Б.*: немае *й*; немае і в рук. Д. П.

— 10—11: Хто? я чи ти?... Цить лишень, цить!
Он бач, зо мною пан лежить,—в *М.*:

Хто, я? Цить.... цить...
З дочкою пан лежить,—

так і в рук. Д. П.; у Льв. К. помилка: з*а* мною.

— 13: (усміхнувшись),—в *М.* немае.

— 14: Я в приданках була, впилася
І, молода, не не придалася,—

ітерпункція зовсім неправильна: треба після *впилася* (,) а друге речення: *і молода не придалася,*—так це й стоїть в *М.* У Льв. К.: *прибавках* (!), бо так у „Вечерницях“. В рук. Д. П.: *молода не предалася.*

— 15: а все то,—у Льв. К.: а *увсе* (!) то...

— 17: ще треба *другу* оженить,—в коп. Ж. і в *М.*: *сина* оженить,—і це зовсім справедливо, бо на стр. 514 і скрізь йде мова про дочку і сина, а не про двох дочок. В рук. Д. П. иначе:

Піду ще сина хоронить,
А то без мене не зуміють.

— 13 зн.: будь *тут* з нами,—в *М.*: *ти* з нами; *ти*—теж в „Вечерниц.“ і в Черниг. копії.

— 12 зн.: у нас;—в Льв. К.: *в* нас (!).

— 8 зн.: нема,—в рук. Д. П. і в *М.*: *немае,* а у Льв. К. (як і в „Вечерницях“ і в Черниг. копії) Бог мае: повмірали:

— 6 зн.: кому ж ви їсти даете?—це варіант з *М.*, а в *Б.*: кого ж годуете—есте? а у Льв. К.: годуете, *съкаєте* (?!). Курезне останне слово пішло з „Вечерниць“, де *исчете*, Львів. К., очевидно, вже українізовав „*съкаєте*“.

— 1: і все ті діти, усе діти!—і в *М.* і в *Б.*: *І все діти! і все діти!* У Льв. К.: і все діти, увсе діти! (так і в „Вечерницях“).

508, 1: не знаю, де од їх подітись,—в рук. Д. П. та в *М.*: *І мені нема де дітись.*

— 2: й вони за мною,—в *М.*: *усе* за мною. Так і в рук. Деп. Пол.

— 6: хоч з гори та в воду,—у Льв. К.: хоч *із* гори та *у* воду, як і в „Вечерницях".

— 7: і відьма тяжко,—в рук. Деп. Пол. і в *М.*: *і тяжко, тяжко.*

508, 8: цигани *довго* дивувались,—цей вар. узято з *М.*, а в *Б.*: *мовчки* (так і в „Вечерницях" і Львівськ.) дивувались; *довго*—пішло з Пражськ. Кобзаря.

508, 13: сиділа,—у Льв. К: *сіла* (бо так в „Вечерницях").

— 15: щербатий місяць з-за могили,—у Льв. К.: *з за могили* немає.

— 16: мов позирав,—в рук. Д. П.: *мов дивувався.*

— 16 і 15, зн., а також 14—13—в „Вечерницях" перестановлено: спочатку, 14—13, а тогда 16—15.

— 11 зн.: достроїть палати,—в М.: *на подзвін придбати.*

— 10 зн.: другий дума,—в рук Д. П.: *а той дума.*

— 10—9: як би його.

На подзвін придбати,—в коп. Ж. і в *М.*:

Коли б швидче.
Достроїть палати.

В рук. Д. П.: *як би швидче.* а у Льв. Кобз.:

Як би чого
На подзвін придбати.

8—7: один старий одпочине
В пишній домовині,—

в рук. Д. П. коп. *Ж.* та в М:

Оттоді вже одпочину—
Аж у домовині!

6—5: Другий старий—і так собі
Де-небудь під тином—

в рук. Д. П., коп. Ж. та в *М.*:

А убогий і так-собі
Денебудь загине.

У Льв. К.: *оттак* собі де-небудь під тином (бо так у „Вечерницях").

— 2 зн: убогого не згадають,—в М.: *й* не згадають. Після слів: „а того ще й лають“ в рук. Д. П. та в автогр. *М.* есть ще два рядки (вони есть у Праж. Кобзарі):

Не спиться старому ні в полі, ні въ хаті;
А треба як небудь віку доживати.

509, 3: *позирає*,—в рук. Д. П. і в *М: і дивиться.*

— 4: й на подзвін не дбає,—в рук. Д. П. і в *М: може що й гадає.*

— 9: дивилась я вже, ти дивись,—в *М: дивлюся.* Ні в *М.*, ні в *Б.* немає зовсім (,), — через це не знати було, чи треба після *я* поставити, чи після *вже.* В рук. Д. П. вона стоїть після *я.*

— 15: *я вже*,—в рук. Д. П. і в *М: уже.*

— 12 зн.: у гаю,—в *М:* у *гаї.*

— 11: в Дунаю,—в *М:* в Дун*аї.*

— 10: зн.: В баговинні зеленому,—і в *М.* и *Б.:* в зеленому баговинні—так і в Кожанч.. Льв., в „Вечерницях“, в Пражськ.— Через що д. Романчук переставив?

— 9: трохи,—в рук. Д. П. і в *М.*: *трошки.*

— 8: хоч каліку,—в рук. Д. П. і в *М.*: *хоч погану.*

— 4: а он,—в *М.*: *он... он*; в рук. Д. П.: *цить, цить*!

— 2: іди до мене,—в *М.*: *ото до мене.*

— 1: не йде прокляте,—в *М.*: *погане.*

510, 1: з моеї чистої криниці,—в *М.*: *й на той рік знало б.* В рук. Д. П.: *впилося б добре* (*співає*).

— 5: наплодила, наводила,—в рук. Д. П.: *народила, наплодила.*

— 6: та нема де діти,—в рук. Д. П.: та нігде подіти.

— 9: чи жидові,—в рук. Д. П.: жидові.

— 12—13,—в *М.* і в рук. Д. П. перестановка: 13, а тоді 12.

— 14—15: Що я в Волощині була?
Я роскажу, як нагадаю?—в *М.*:
Я роскажу тобі: ти знаєш
Шо я в Волощині була?.

— 16: близнят,—в *М.*: було зразу: „синів“, а поправлено на „близнят“.

— 14 зн: в Туреччині сповивала,—і в рук. Д. П., і в М., і в *Б*: *сповила*; так і Кожанч., та Пражськ., а у Льв.: *у туреччені сповила* (так і в „Вечерницях“).

— 13 зн.: та додому однесла,—в рук. Д. П. і в *М.*: понесла.

— 8 зн.; упилася! *упила* —ні в одному „Кобзарі", ні в *М*, ні в *Б*. немає: *упила* (тай що ж би це значило?), а *упилась*; так і в рук. Д. П., а у Льв. К.: (як і в „Вечерницях"): *Впилася*, упилась,..

— 6 зн.: не просплюся,—в рук. Д. П.: *не просплюсь*.

511, 2: нема,—в рук. Д. П.: немає.

— 3: умер найстарший,—в коп. Ж.: старійшій, а в *М*.: *найстарший*.

— 5—6: А я думала, що й досі
А ж уже немає,—

в рук. Д. П., в коп. Ж. в *М*:

Я думала в Туреччині
Аж і там немає.

У Льв. К.: аж *вже* немає.

— 7: слухай лишень,—в *М*.: ось слухай же!

— 9: я шукаю Наталочку,—в рук. Д. П.: *дочку мою*; в *М*. було одразу: *дочку свою*; в Льв. К.: *Наталоньку*.

— 10: та сина,—в рук. Д. П.: *І сина*—

— 11—12: Дочку свою Наталочку
Та шукаю пана,—

в *М*.: *А найгірше* (в рук. Д. П.: *а ще гірше*) *я шукаю*

Проклятого пана;

в коп. Ж. *я шукаю пана*.

— До рядк., почавши од 13 і до останнього на стор. 511 — в рук. Д. П., в коп. Ж. та в *М*. єсть такий варіант:

Щоб задушить! бо як узяв
Мене молодою,
Та й остриг, неначе хлопця
І скрізь за собою
Возив мене. У Бендерах
Тойді ми стояли
З москалями, а москалі (цього рядка в рук. Д. П. немає)
Турка воювали (у Льв. К.: турків, (так і в „Вечерн.").

Ото ж як раз проти Спаса
Привела близнята.

511, 16 зн.: а він мене і набачив,—у Льв. К.: і *не бачив* (!); такі в „Вечерн.“.

— 15 зн.: і не снилось,—первонач. в *Б.* було: *я незнала.*

— 1 зн.: а він мене і покинув,—в рук. Д. П. і в *М.*: *а він проклятий* покинув.

512, 1: не вступив і в хату,—у Льв.: не впустив й у хату (!); в„ Вечерницях“ цей рядок зовсім опущено.

— 2—3: в рук. Д. П. і в *М.* немає,

— 4: пішов собі з москалями,—у Льв. К.: пійшов з москалями. (так і в Вечорницях“).

— 6—7; повертала в Україну
Степами, тернами,—

в рук. Д. П. і в *М.*:

в Україну повернула
Босими ногами.

— 9—10: У селах питала
Шлях у Київ,—

в рук. Д. П. і в *М.*:

Ішла та питала
До Києва—

у Льв. К.: *по селах* питала.

— 11: люде насміялись,—в рук. Д. П. і в *М.*: *посміялись.*

— 15: на свою Країну,—у Льв. К.: Вкраїну.

— 16: придибала,—в *М.*: *Доплелася*; в рук. Д. П.: *доплентала.*

— 17: *вечора діждалась,*—і в *М.* і в *Б.*: *вечера*; в рук. Д. П.: *діждала.*

— 17 зн.: щоб люде не знали,—в М. коп. Ж.: *щоб мене.*

— 16 зн.: от я крадусь по під тинню,—у Льв. К.: по під тині; (в „Вечерн.“ по підтинью), в *М.* і в рук. Д. П.: *підкрадаюся до хати*—(в коп. Ж.: підкра*далася*).

— до віршів од 15 і до 3 зн. варіант в *М.* та коп. Ж.:

Аж огню немає.
Я думала, що батько спить,—(в рук. Д. П.: що *спить батько*).

Аж батько вмірає, (в рук. Д. П.: *аж він умірає*).
І нікому руки скласти.
Я переляклась...

— 8 зн.: то мій батько,—в „Вечерницях" і у Льв. К.: мій батечко.

513, 2: вбігаю,—в рук. Д. П. і в *М.*: *убігаю.*

— 3: а він уже ледве дише,—у Льв. К.: *а він вже.* В рук. Д. П.: *ледве стогне.*

— 5: мій таточку,—в рук. Д. П. і в *М.*: *тату, тату*!

— 6: за руки хватаю,—в рук. Д. П. і в *М.*: *хапаю*; у Льв. К.: за руку хватаю.

— 7: се я кажу. А він мені,—в *М.*: *А він мене взяв за руку.*

— 8: шепче: „я прощаю,—в *М.*: *і шептав.*:

— 9: я прощаю—тілько й чула,—в *М.*: *прощаю... і...*

— 10: здається, я впала,—в *М.*: *я здається,* в „Вечерн".: *впала*; в рук. Д. П.: *бо, здається.*

— 11: і заснула,—в *М.*: *та й заснула.*

513, 14: як у ямі в хаті,—в рук. Д. П. і в М.: *щось ходить по хаті.*

— 15: а за руку батько давить,—у Льв. К. і в „Вечерницях": а за руки.

— 16: кричу,—в рук Д. П.: *кличу.*

— 18 зн.: а він уже так, як крига,—в рук. Д. П. і в *М.*: *Аж він уже...*; у Льв. К.: а він вже так, як крига; в „Вечерн.": *а він вже як крига.*

— 14 зн.: що зробив би?—В рук. Д. П. і в *М.*: *чи простив би?* А в *Б.*: *щоб зробив?* (так у Льв. К. і єсть, а в Кож. та Праж.—підправлено).

— 12 зн.: ій Богу, не знаю,—в рук. Д. П. і в. *М.* та коп. Ж.: *Простив би, ей Богу!*

— 9 зн.: потім не згадаю,—в рук. Д. П. і в *М.*: *Я молилася Богу.*

— 8: дітей, бачся, годувала,—в рук. Д. П. і в *М.*: *Ба ні... дітей годувала.*

— 6: та очіпок—се вже вранці,—в *М.*: *та, здається, ще очіпок.* В рук. Д. П.: *що* очіпок.

— 4: щоб не знать було, що стрига,—у Льв. К.: що стригли (так і в „Вечерницях").

514, 3: і одна я, як билина,—в *М.*: *як той палець*; в рук. Д. П.: *І одна я з близнятами.*

— 4: на полі...—в рук. Д. П. і в *М.*: *на світі.*

— 5—6,—в рук. Д. П. і в *М.* немає. А далі в рук. Д. П. стоїть: (*плаче і співає*).

— 9: коровай сама бгала,—в Льв. Кобз.: *пхала* (*sic!*), бо так в „Вечерницях“.

— 11: сина оженила,—в рук. Д. П. і в *М.*: *А сина женила.*

— 19: що дальш буде,—у Льв. К.: дальше; в *М.*: *Що ж там буде.* В рук. Д. П.: *що ж дальш.*

13 зн.: дальше,—в рук. Д. П.: *лиш.*

— 11 зн.: що даси?—в Праж. К. пропущено. В рук. Д. П.: *А що даси?*

— 9 зн.: я кукурузи,—в рук. Д. П. і в *М.*: я *й*...; у Льв. К.: Я панушої (?!) принесу.

— 8: нагадала, нагадала,—в рук. Д. П. і в *М.*: *постривайте*, нагадала.

— 6: завдав сина,—в рук. Д. П. і в *М.*: *а сина взяв.*

— 4: виганяли. Нагадала...—в *М.*: *Еге, еге! Нагадала*; а зразу було: еге, еге! Громадою (так і в рук. Д. П.). В „Вечерницях“: вигонили.

— 1: і байстрят носила,—в рук. Д. П. і в*М.*: *близнят*; в рук. Д. П.: близнят *водила.*

515, 1: за плечима,—в рук. Д. П.: *за собою.*

— од рядка 2 и до 8 знизу в рук. Д. П., в *М.* та в коп. Ж. дуже одмітний варіант, а власне:

Аж і пан приїхав в рук. Д. П.: аж і *сам.*
Отоді було громаді
*І всім до сто лиха (*в *Ж.*: *досталося*).
Щоб мене не виганяли
З батьківської хати.
Та й взяв мене з близнятами

(одразу було: а мене взяв з близнятами. В *Ж.*: *І взяв*, в рук. Д. П.: *А мене взяв*).

До себе в палати.
Ростуть мої близняточка

(в Ж.: ростуть, ростуть...).

А я утішаюсь,
І з лютою гадюкою (в рук. Д. П.: *гадиною*).

Я знову кохаюсь.
Докохалося до краю!
Сина у лакеї...
Занапастив... а з дочкою!
Чи чуєш,—з своєю!..
Чи це не гріх по вашому?
І в вас так уміють? (В *Ж.*: *чи в вас...*).

А мені дав карбованця (в рук. Д. П.: *карбованець*).

Та послав у Київ,
Послав Богу молитися.

(В *Ж.*: *помолитись*; в рук. Д. П.: *щоб я Богу помолилась*).

Ото ж я й ходила.

В Праж. К. цей рядок чомусь опущено).

І молилась...

— 13 зн.: після слів „Наталочку,.. дитя своє"—по всіх виданнях, крім „Вечерниць" а звідти; Львів.—1867, пропущено рядок: *Ирод нечестивий* (із *Б*); пропустив його і д. Романчук.

— 17: я марне,—в рук. Д. П. і в *М.*: *я дарма.*

— 6 зн.: чи в вас єсть Бог який небудь,—у Льв. К.: чи у вас є...

— 5 зн.: В нас його немає,—в „Вечерницях" та у Льв. К.: Бо у нас його немає; в рук. Деп. Пол. та в *М.*: *отже в нас...*

— 2 зн.: вертаюся із Київа,—в *М.*: *Вертаюся я додому.* Рядки 2—1—в Праж. опущено.

5 6, до рядків од 1 і до 14 зн. варіант в рук. Д. П. та в *М.* та в Ж.:

Пан поїхав десь з дочкою,
Як перше зо мною (ці 2 рядки в Праж. К. опущено).

І сина взяв; потім... потім...
Далебі, не знаю,
Що робилось... Мені снилось
Ніби то літаю
Над байраками совою
І дітей шукаю...
Ні, не слухай... Я не дітей

(В коп. Ж.: *І* не дітей; в рук. Д. П.: *та то брехня. Я не дітей*)

Я шукала пана;
А тепер уже не треба — (в рук.: Д. П.: *Та тепер* —).
Піду у цигани.
Я вже сина оженила,
А дочка й так буде.

516, 19 зн.: то й спущу його на його,—у Льв. К.: спущу на його.

— 18: *от тобі* проклятий,—це помилка; в Кожанч. та Праж.: *от-тоді*, а в „Вечерницях“ і у Льв. правильно: *одійди*. Помилка сталася через те, що в автографі (*Б.*) стоїть: *отойди*.

— 13: *я* сина вже,—теж помилка,—як слід стать лишень у Льв. „Кобз.“: *А* сина вже,—так і в *Б*.

— 10 зн.: поки найдуть,—в М. зразу було: поки *стопчуть*... Так і в рук. Д. П.

— 9: неживою. Чи ти бачив?—В рук. Д. П. та в М.: *ти не бачив мого сина?*

— 7: мій син Іван... Ух, холодно!—в рук. Д. П. та в М.: *такий, як ти*... В рук. Д. П. замість: Ух холодно—*А знаєш, що?*

— 5: намиста доброго куплю,—в рук. Д. П.: а я намиста накуплю.

— 4: та й тебе повішу,—в М. і рук. Д. П.: *і тебе*.

— 3: а сама піду,—в М. та рук. Д. П.: *та й піду собі*.

— 1: несе у Київ,—у Льв. К.: в Київ.

517, 3: чи я найду моїх діток,—в рук. Департ. Пол. та в М.: *дітей своїх*.

— 6: цигане вставали,—у Льв. К. уставали.

— 7: розібрали шатро, — і в рук. Д. П., в М., в *Б.* і у Льв. К.: *розбірали*, а в Кож. та Пр.—помилка. В „Вечерницях“: *розібрали*.

— 10: *А вона*, небога,—теж помилка: в рук. Д. П., в *Б.*, в „Вечерницах“ і в Льв. Кобз.: *І* вона...

— 10—17 в М. та коп. Ж. варіант:

І відьма устала
Та й пішла сама за ними,
А йдучи співала:
„Кажуть люде, шо суд буде...

4 рядки (од слів „Кажуть люде“) в рук. Д. П. посунуто вправо.

— 12—11 зн.,—в рук. Д. П. і в М. немае.

— 9 зн.: в городи,—в М. і рук. Департ. Пол. з наголосом: *в городй*.

— 8: і марою,—в рук. Д. П. і в М.: і *мов диво*.

— 3: по селах,—в рук. Д. П. і в М.: *по світу*.

— 2: схаменулась,—в рук. Д. П.: *перестала*.

518, 3: то таке їй...—помилка: скрізь по „Кобзарях“ і в Б.—*щось таке*.

— 5—6: Напоїла,
То воно й минуло,

це вар. М. (так і в рук. Д. П.), бо в Б.:

Напувала,
То воно й минулось,—

тим часом по „Кобзарях“ скрізь той варіант, що в *Б*.

— 7—8: Потім її й сама стала,—в М. і рук. Д. П. *й* немае.
Вчить лікарувати,—це з М., бо в Б.: *І лікарувати*. В рук, Д. П.—як в М.

— 11: як варити, напувати,—це з М., бо в Б.: *як сушити, як варити*.

— 13: І приблуда училася,—це з М., бо в Б.: М*аріула*. *А та вчилась*.

— 14: І Богу,—це з М., бо в *Б*.: *та Богу*.

— 15: літо й друге проблукала,—це з М., бо в Б.: М*инуло літо. Уже й друге*.

— 16: та в старої вчилась,—це з М., бо в Б.: *І трете настало.* В рук. Д. II.: *та трави сушила.*

— 17—18: А на трете в Україну
З нею приблудилась,—це з М., бо в Б.:

Уже прийшли в Україну.....
Жаль їй чогось стало.

В рук. Д. II.: *приблудила.*

— 12 зн.: та й пішла собі до дому,—так в рук. Д. II., так і в М., а в Б.: *небога.*

— 11: на свою країну,—в К. Кож.: в свою Україну (узято з М.), а у Льв.: на свою Вкраїну (так у „Вечерн.“). Далі після цих слів в *Б.* текст значно скорочений і виглядає так в „Вечерницях“, (подано його в Кожанч. Кобзарі, в Праж. в примітці, стр. 203, а в вид. Романчука в прим. на стр. 691):

Та й пішла небога
На свою країну

(у Романч. в „примітках“ (стр. 691) неправ.: В свою Україну,—бо так в Кожанч.).

Вернусь, каже, хоч погляну
На дочку, на сина.
Не довелось. Пан вернувся,
Покинув Наталю
В Московщині. А ти її
За Дністром шукала!
Сина Йвана молодого
Оддали в салдати
За те, що ти не навчила
Панів шанувати.
До кого ж ти прихилишся?
Нікого немає!
До людей хились, небого, —
Люде привітають.
Пан вернувшись занедужав,
Стогне, пропадає,
А вона набрала зілля,
Та й пішла в палати (в Б.: *й* не має; у Льв.: та прийшла в палати; так і в „Вечерницях“).

Лічить його, помагати,
А не проклинати.
Не помогла болящому,
Бо не допустили.
А як умер, то за його
Богу помолилась
І жила собі святою,
Дівчат научала,
Щоб з панами не кохались,
Людей не цурались:
„А то Бог вас покарае,
А ще гірше—люде;
Люде горді, неправедні,
Своїм судом судять...
Оттак вона поучала, (але в Б.: *научала*! Так і в „Вечерницях").

Болящих лічила,
З убогими останньою (в Б.: *А з убогим*).
Крихтою ділилась.
Люде добрі і розумні
Добре її знали,
А все таки покриткою (зразу в Б.: було: знахуркою).

І відьмою звали!

На цьому кінчаеться текст, видрукований у „Вечерницях". Од рядка 10 зн. на стр. 518 і до кінця поеми по „Кобзарях" текст іде по М.

518 — 10 зн.: Рада, рада та весела,
Мов мала дитина,—це з М., а в Б.:

Вернусь, каже, хоч погляну
На дочку, на сина.

— 1 зн.: І легко спочила,—одразу було в М.: *легенько* спочила.
519, 1: мов,—в рук. Д. II.: *як*.
— 2: злее і незлее,—в рук. Д. II.: *і злее й незлее*.
— 7: мов в палатах, в своій хаті—в М.: в палаті (очев. помилка, по аналогії з дальшим: *хаті*). В рук. Д. II.: *в палатах*.

— 8: перезімувала,—в М. було зразу: переночувала, але поправл. на: *жити вона стала* (так і в Пражськ.). В рук. Д. П: *перезімувала.*

— 13: І всім людям,—в рук. Д. П.: *і всякому.*

— 15: а як,—в рук. Д. П.: *А що.*

— 11 зн.: сама собі,—в рук. Д. П.: *між чужими.*

— 7 зн.: й хату,—в рук. Д. П. без *й.*

— 2 зн.: у хаточці,—тим часом в М. і в Праж.: *хатиночці. У хаточці*—так в рук Д. П.

— 1 зн.: як у раї,—в рук. Д. П., в М. та в Праж.: *мов* у раї. В рук. Д. П.: *як у раї.*

520, 5: колачик,—очевидно: калачик (так і в М.). Колач—спеціально галицьке слово. В рук. Д. П.: *той бубличків.*

— 9: в селі жила.—а в рук. Д. П., в М. і в *Праж.*: *жила дома.* В рук. Д. П.: *в селі жила.*

— 11: й поважали,—в рук. Д. П.: *і вітали.*

— 12: після „давали“ ряд крапок (. . . . . .).

— 19 зн.: з подагрою і подушками,—в рук. Д. П.: з недугами і болячками.

— 15 зн.: самого тілько. Де-ж ті діти?—в рук. Д. П.: *тілько самого. А деж діти?*

— 7 зн.: після *та ба*—ряд крапок.

— 4 зн.: милосердная,—в рук. Д. П. і в М. тут, як і скрізь у Ш.: *милосердая.*

— 2 зн.: в палати сумнії. Просила,—в рук. Д. П. і в М.: *І лікарів оттих просила,* як це і в Пражськ. Звідки варіант?

— 1 зн.: пана зільлем,—в рук. Д. П.: *зіллям пана.*

521, 1: Божилася, що,—в *М.*: *Хрестилася, що,*—так і в Пражськ. К.

— 2: та лікарі,—в рук. Д. П.: *І* лікарі.

— 6: і жаль,—так і в рук. Деп. Пол., і в *М.*, а в Пражськ. К.: *та* жаль.

— 15: новий розмір. В рук. Д. П. теж новий.

— 15 зн.: не прощений,—в рук. Деп. Пол. і в *М.* наголос: непрощѐний.

— 13 зн.: уже його лукавого,—в рук. Деп. П.: *у будинках. Уже його.*

— 12 зн.: *й* сакраментували,- в рук. Д. П. і в *М.* *й* закреслено (нема його і в Праж.).

— 7 зн.: якось,—в рук. Д. П.: *потім.*

— 2 зн.: стали прохати,—в *М.*: благати (так і в Пражськ.). В рук. Д. П.: *прохати.*

522, 2: І нищечком,—в рук. Д. П.: *І тихенько.*

— 3: шептала,—в *М.* було зразу *шептала*, але закреслено і поправлено: *читала* (так і в Праж.); так і в рук. Д. П.

— рядки 15—12 знизу в рук. Деп. П. і в *М.* долучено до дальшого розділу.

— 13 зн.: за ворога,—в рук. Д. П.: *за грішного*; в *М.*, в коп. Ж. та Праж.: *покійного.* Звідки *ворога?*

— 8 зн.: Ніби,—в рук. Д. П.: *так як.*

523, 10: і де що робилось,—так в рук. Д. П., а в *М.* (як і в Праж.): *і все що робилось.*

— 15: їм росказує,—в рук. Д. П.: *їх розважає.*

— 19: підете ви,—в рук. Д. П.: *й* ви.

— 5 зн.: то все пани,—в *М.*, в рук. Деп. Пол. та в Праж.: *пани все їм.*

— 4 зн.: і з рогами, і з хвостами,—в *М.*: *хвосхами*,—але це, очевидно, помилка. В рук. Д. П.: *Із рогами і хвостами.*

— 3 зн.: *обрізують коси*,—так і в Праж., але в *М.* безперечно: *одрізують.* В рук. Д. П.: *косу.*

— 1 зн.: та простоволосу,—так в рук. Деп. П., а в *М.* (і в Праж. К.) зовсім справедливо: *І простоволосих*,—бо не одну ж!—та й попереду: одрізують ко*си* (а не ко*су*).

524, 14 зн.: чорти утопили,—так в рук. Д. П., а в *М.* і в Праж.: *задавили.*

— 11—10 зн.: на могилі й осиковий,—в *М.* та Праж.: *і в могилу.* В рук. Д. П.:

Й осиковим
Кілком пробивали.

— 9 зн.: уквітчали,—в рук. Д. П.: *засіяли.*

— 8 зн.: квітками,—в рук. Д. П.: *цвітками.*

— 6 зн.: дрібними,—в рук. Д. П.: *своїми.*

— 2 зн.: хрестітесь,—в рук. Д. П.: *молітесь.*

— 1 зн.: молітеся і не кваптесь,—так в рук. Д. П., а в *М.*: *хрестітеся і не кваптесь* (так і в Пражськ.), а в коп. *Ж.*: *хреститеся, не кваптеся.*

48. „Ой одна я, одна“.

З цього вірша почавши йтиме 13 віршів, що написав Ш-ко

в Петропавловській цітаделі в маю місяці р. 1847. Про оден з них (Н. Костомарову) знаємо, що написаний він 19/V, а під останнім „По-над полем іде“ стоїть дата 30/V. На щастя усі ці 13 віршів есть в автографі в Муз. Тарнов. дуже дрібно списані на 4 стор. аркушу почтового паперу; з датою під останнім віршом: „30/V. Петербургська цітаделя“. Що то за автограф? Це не що инше, як копія тих 13 віршів, з автографа *М.*, куди ці 13 віршів теж заведено і чистенько вписано, без звязку з нумерацією віршів: в автогр. *М.* після „Княжни“ (№1), инших стоїть №2: „Згадайте братія моя (напис. уже на засланні). Далі йде увесь цикл цітадельної поезиї—з того, часу.

„Як ви гарнесенько і я
І з-за решотки визирали,—

усі 13, слідом зараз за „Згадайте, братія моя“, з окремою нумерацією з № 1 і до 13, а за № 13—знову вже стоїть № 3: Сонце заходить, гори чорніють (написане на засланні), потім № 4: Відьма (вписано з брульону), № 5: Лілея, № 6—Русалка, написані ще р. 1846; № 7: Мені тринадцятий минало і т. и... Таким чином „Згадайте, братія моя“ хронологично безперечно мусить стояти після усих 13 цитадальних поезій; але коли Ш. в Н.-Новгороді переписував невільницьку поезію свою в автограф *Б.*, то „Згадайте, братія моя“ узяв як пролог до тих 13, і дав їм спільний заголовок:

„Въ казематі.
Моімъ соузникамъ
Посвящаю“ (стр. 61—82 автографа *Б.*).

Звідси ясно, що заголовок „*Моїм соузникам*“ належить зовсім не до вірша „Згадайте, братія моя“, як це по всіх видан. „Кобз.“ уживаеться, а до цілого відділу (14) поезій. Та й заголовок цей стоїть не вгорі над „Згадайте, братія моя“, а на попередній (немов би обкладці) картці [1]). Зауважу лишень, що в цьому відділі в автогр. *Б.* нумерацію мають лишень цітадельні поезії, а „Згадайте“ стоїть без №, як передмова, а за те не переписано сюди „Не спалося, а ніч як море“ (як не відповідне заголовкові), так що в *Б.* цітадельних віршів тілько 12. Ш. взагалі любив перед окремими розділами подавати мов передмову з віршів: в автогр.

[1]) Щоб цей цікл мав цілість і відповідав заголовкові, Ш. не тілько викинув з нього в автогр. Б.: „Не спалося, а ніч як море“, а ще й останній вірш „По-над полем“ поставив перед-останнім, а останнім—„Чи ви ще зійдетеся знову“.

М., починаючи першу книжечку з „Княжни" (№ 1), він подав попереду без №: „Думи мої, думи мої, ви мої єдині", а починаючи третю книжечку (р. 1849)—без № поставив: „*Неначе степом чумаки*"..

Крім того в Музеї імени В. Тарновського єсть ще копія П. Куліша, де на 11 листочках золотообрізаного почтового паперу великого формату єсть копія 12 цітадельних віршів (очевидно, з автогр. *Б.*, бо теж немає „Не спалося, а ніч як море", і № цого (9-ий підряд) опущено: після 8—одразу 10-ий).

Перейдемо до перегляду цітадельних віршів по черзі.

Ой одна я, одна.

Вперше видруковано в „Народному Чтеніи", 1860, кн. III, стр. 151. Для цього вірша (як і для инших цітадельних), крім автогр. *М.* і *Б.* маємо ще й Черниг. автограф.

Одміни проти вид. Романчука:

90, 7: як билинонька,—в *М.*: *билинонька*; в *Б.* та Черниг. автогр.: *билиночка*.

— 11: красу, карії очі,—в *М.*: *Красу—карії очі*.

— 16: між чужими зросла,—взято з *М.*, бо в *Б. І зросла—не кохалась*.

— 17: та вже й вянути, стала,—в *М.*: *уже й старітись стала*, а в Черниг.: *уже й* вянути.

49. За байраком байрак.

Крім автогр. *М.*, Чернигів. та *Б.*, єсть ще варіанти з коп. Жемчужникова (З. Н. Т. т. 39), але ця копія, як вже згадувалося, не що инше, як копія з *М.* з де-якими невеликими поправками.

240, 15 зн.: із могили козак,—в *М.*: *на могилі*.

— 7 зн.: як скло,—в Черн. авт. стоїть: *сткло*, в *М.*: *скло*.

— 4: *як* запродав,—так в *М.* і *Б.*, але в Черниг.: *Бо* запродав.

241, 2: і зарізали брата,—в *М.* та Черниг.: *дорізали*.

— 3: крови брата,—в *М.*: крови, а в Черниг.: *кровью*.

— 4: і в степу полягли,—це варіант, *М.*, з бо в *Б.*: *І оттут полягли*; в коп. Ж.: в *степу полягли*.

— 6: зажуривсь,—так і в *М.* і в *Б.*, а в Черниг.: *затрусивсь*.

— 10: тяжко, тяжко ридав,—так в *М.* і в коп. Ж., а в *Б.*: тяжко *плакав*, ридав.

— 11: сині хвилі голосили,—в Черниг.: *гомоніли.*

— 13: *луна* степом пішла.—Спиняюся на цьому, як на філологичному курьезі: в Черниг. автогр. стоїть: *руна* гаем пішла.—Зразу здавалося мені, що це випадкова помилка,—коли далі і в автогр. *М.*: *руна,* теж саме—і в *Б.* В *Б.* варіант такий: *Руна* (!) гаем гула. Аж в копії Ж.: луна.

— 16: затрусився байрак,—в *Б.* краще: *стрепенувся.* В *М.*: *затрусився,* але і в Кожанч., і Львів. 1867, і Праж.: *стрепенувся.*

50. Мені однаково.

Маемо для цього вірша три редакції: з автогр. *М.*, Чернигівський та *Б.*

Вперше видруковано в „Меті“, 1863, № 4, стр. 272—273—по варіанту *М.*, але з одною поправкою—тею, що в рукописн. додатках Романчука: „задушать вві сні“.

27, 2—1: На нашій славній Україні,
На нашій не своїй землі,—

цього в М. немае, а в Черниг. автогр., замість двох рядків:—*на обезчещенній землі.* Цікаво, що цей варіант мали видавці Львів. Кобз. 1867, бо і там як раз цей варіант.

28, 3—4: Молися, сину! За Вкраїну
Його замучили колись,—

після „сину“ в Чернигів. авт. (:). Цих двох рядків в „Кобзарі“ Кожанчикова немае.

— 9—10: Присплять, лукаві, і в огні
Її окраденую збудять,—

в М.: *присплять, гадюки, і в огні вдову окраденую збудять* (так в приміт. в Праж. Кобзарі); в Черниг. автогр.:

Присплять, *неситі,* і в огні
Вдову окрадену розбудять.

Нарешті, в рукоп. нотатках д. Романчука найгірший варіант:

Задушать вві сні і в огні
Вдову окрадену з'огудять.

51. Не кидай матері.

Для цього вірша маємо з чотири джерела: три автографи і копію Жемчужн. (З. Н. Т. т. 39).

90, 6: а ти покинула, втекла,—в М. та *Ж.*: *покинула, пішла*; в Черниг.: *не слухала, пішла.*

— 2: не чуть *нічого*,—в М. та в Черниг.: нікого.

91, 1: вибите вікно.—в М.: виб*ито* вікно.

— 3:—у день пасуться,—так і в М. і в Б., а в Черниг.: пасуться в-день.

— 5: сусід*ам*,—в М. і Б.: *сосідям*.

— 8: тебе, неквітчану і в гаї—в М. та Черниг.: *тебе с калиною*; так і в *Ж.*, тілько: в га*ю*.

— 9: ставочок чистий,—в М., Черниг. і Жемч.—*ставок широкий.*

— 11: і гай сумує, похиливсь,—в Черниг.: *зелений зажуривсь.*

— 13: й її,—так в М. і Б., а в Черниг.: *та й те.*

— 16: і стежечка, *де* ти ходила,—в М.: *шо ти ходила*, але в *Б.* та ще на одному листочкові з альбома (автограф музея,—дата 21/VIII 1859)—*де* ти ходила.

— 16 зн.: куди полинула,—в М., Черниг. і Ж.: *де ж ти* полинула.

— 14 зн.: в чужій землі, в чужій сімї,—в М. та Черн.—перестановка: семьї... землі...

— 13 зн.: кого ти радуєш? до кого,—в М., Черниг. та Ж.:- *кого ти радувать схотіла.*

— 11 зн.: що в палатах,—в Ж.: *і в* палатах.

— 10 зн.: ти роскошуєш,—в М., Ж. та Черниг.: *ти спиш, мов дома.*

— 8 зн.: благаю Бога,—так і в М., а в Черниг.: Молюся Богу.

52. Чого ти ходиш на могилу.

Цей вірш в „Кобзарях“ має заголовок „Калина“, але заголовок навряд чи Шевченків, бо ні в М., ні в Б. заголовка ніякого немає.

Джерела—ті самі чотири, що й для „Мені однаково“. Видруковано вперше в „Хаті“ Куліша (р. 1860). По „Кобзарях“ скрізь поплутано варіанти автогр. М. і Б.

169, 9: чого воркуєш у-ночі,—це вар. М., а в Б.: *чому не спиш ти у-ночі.*

— 14 зн.: пошли, Боже, дочці в-ночі,—це вар. М., а в Б.: *Щоб послав він.*

— 5 зн.: в-купці на калині,—це вар. М., бо в Б.: *З милим.*

— 4 зн.: будем плакать, щебетати,—в коп. Ж.: *Будем Бога вихваляти.*

— 3 зн.: тихо розмовляти,—в М. та Черниг.: *Бога вихваляти*; так було зразу і в *Б.*, але закреслено і поправлено на: *тихо розмовляти.*

170, 3: і три літа,—в Черниг. та М.: і *дівчина.*

— 4: дівчина ходила,—в Черн. та М.: *три літа.*

— 5: після „на четверте“ в автогр. (.....)

— 13: сльози—ріки,—в М.: ріки—сльози.

— 15: Іх славою,—так і в М., а в Черниг.: *І с славою.*

— 17 і 19: зневажають,—в Черниг., М. і Ж.: *осміяли.*

— 14 зн.: новий,—в Черниг., М. і Ж.: прийми ж.

— 10 зн.: мене знайдуть, поховають,—це вар. М. (тілько: *найдуть*), а в *Б.*: *Вранці найдуть мене люде.*

— 6—1 зн. і 171, 1—2—в М. немає, а за те там (а також в Черниг. і коп. Ж.) такий вар.:

Не сон—трава перед світом
Одцвіла—завяла—(в „Хаті“ Куліша: зівяла
То дівчина на могилі
Плакать перестала.
Перестала сльози лити
І тяжко любити,
На-вік віки на могилі
Сльозами умита.
Втомилася та й задрімала: (в Черниг.; *та й*—немає).

З-за гаю сонечко вставало:
Раділи люде...

171, 4: вечерять доню,—це з М., бо в Б.: *дочку вечерять.*

53. Ой три шляхи.

Вперше видруковано в „Основі“, 1861, кн. І. Джерела ті самі чотири, що й для попередніх двох віршів.

171, 15 зн.: а невістка посадила,—в Черниг. М.: *а невістка над горою*; в Ж.: *під горою*.

172, 1: братів на чужину,—так і в М., а в Черниг.: *на чужині*.

— 5: по світу блукають,—в Черниг.: *в неволі канають*, а в М.: *в чужині блукають*.

— 6: І три шляхи,—в Черниг. і М.—: *А* три шляхи. В Чернигівському автографі при кінці додано 4 рядки, яких немає ні в М., ні в Б., і ні в одному вид. „Кобзаря“:

Було не йти, не кидати
Веселої хати,
Чуже поле не топтати,
А своє орати.

54. Веселе сонечко ховалось.

(*Н. Костомарову*).

Джерела ті самі, що й для попередніх віршів, крім копії Ж. Вперше видрук. в „Меті“ 1863, № 4.

18, 11: *веселе сонечко*,—так в *Б*., але в М. та Черниг. авт.: *весенне*. Вар. „весняне“ (в примітк. до Праж. К.)—очевидно, попрвлене М.: *весенне*.

— 12: в широких хмарах,—це вар. з М., бо в Б.: *в веселих*.

— 13: гостей зачинених,—в М. та Черниг.: закованих.

— 14: холодним чаєм напували.—З приводу цього варіанту несправедливо обвинувачували часом видавців „Кобзаря“ за те, що у них стоїть: *сердешним чаєм*,—тим часом і в М., і в Б., і в Черниг. автогр.: *сердешним*. Хіба що допустити, що Ш. аж тричі помилився (як це вже було з *руна* зам. *луна*)?

— 16: синемундирних часових,—в *М*.: *синемундирних* (а в Черниг. *синѣмундирих*), а вже у всякім разі не: *сині мундури* в часових,—як це у Льв. 1867 (так і в „Меті“).

— 13 зн.: моїх тяжких, кровавих сльоз,—в *Б*.: *кровавих, тяжких*.

— 8 зн.: кого я там, коли покинув,—так в М., а в *Б*. инша інтерпункція: кого я там коли покинув?

— 6 зн.: і серце тяжко запеклось,—так в М., а в Б. значно краще: і *жалем серце* запеклось (так і в Праж. К).

— 4 зн.: твоя, мій брате, мати,—в М. зразу було: *товаришова мати*,—але поправ. так, як в вид. Романч.; в Черниг. автогр.: *невольникова*.

— 3: чорнійше,—так в М., і в Черниг., і в *Б.*, але в нотатках д. Романчука: чорнійш*а*.

55. Садок вишневий коло хати.

Видруковано вперше в „Русск. Бесѣдѣ“, 1859, № 3. Відомий цей вірш під заголовком „Вечір“. В М. і *Б.* заголовку немає, а в одному Черниг. автографі: *Весенній Вечір*. Автограф, цей—на малих двох чверточках почтового простого сірого паперу, в якому ото й виписано „Весенній вечір“. Одмін проти того автографа, де ціла низка цітадельних поезій, немає ніяких.

Текст в „Кобзарях“, як звичайно, друковано по автогр. *Б.* Одміни незначні:

89, 6: плугатарі,—і в М., і в Б., і в Черниг.: *плугатарі* (з наголосом); так само і ряд. 8: матері (а не матер*и*).

— 17: затихло все. Тілько дівчата,—в М. теж (,) посередині, а в Черниг.—(,).

56. Не спалося, а ніч як море.

Джерела: Черниг. автограф і М. (в *Б.* немає).

175, 12—11 зн.—рядкі ці взято в ( ).

— 8 зн.: верчуся,—так і в М., а в Черниг.: вер*чусь я*.

— 1 зн.: А барин бѣдненькой,—в Черниг.: *тощенькой*.

176, 1: меня-то, слышь, и подсмотрили,—в Черниг.: ... *знаеш, і схватили*.

— 3: такъ вотъ-тѣ случай то какой,—в Черниг.: *Тепер и стой да пѣсни пой?...*

— 5: а я—аж страшно,—в Праж. К. в примітках звідкілясь узято: *аж чудно* (.)...

— 12: *я, знай*,—в Черниг. і М.: *І* знай (в „Кобзарях“ теж *я*).

— 17 зн.: головка бідна!—в Черниг. авт.: *а я козак* був (цей вар. згадується і в прим. в Праж. „Кобзаря“).

— 16 зн.: та хто таку позичить силу?—в М. було зразу: *позичить таку*, а в Черниг. теж: *позичить таку силу*.

— 11—після цього рядка в Черниг. автографі вставлено рядок: *Вертаюсь в-осени додому*,—(про цей вар. є згадка і в прим. в Праж. Кобз.).

177, 4: таки сусіду про Ганнусю,—в Черн.: кажу: *де ділась, що немае?* (так і в прим. в Пр. „Кобз.“); так було зразу і в М., але поправлено.

177, 10: згага,—так в М., але поправлено із: *ззага*; в Черниг.: *ззага.*

— 11: я ледве, ледве,—в Черниг.: *поки я слухав* (так і в прим. в Пражск. К.).

— 13: одвезли,—в Черниг.: повезли.

— 11 зн.: із армії, чи що... , — в Черниг.: *чи що*—немае.

— 5 зн.: *І так*,—в Черниг.: *то й.*

57. Рано в-ранці новобранці.

(*Пустка*).

Ні в М., ні в *Б.* заголовку немае. Дав його („Пустка“) мабуть Куліш в „Хаті“ (р. 1860), де вперше вірш цей видруковано.

172, 11: виходили із села,—так в М., а в Б.: *за село.*

— 13: одна дівчина пішла,—так в М., а в Б.: *І дівча одно пішло.*

— 15: з милим розлучати,—так в М., а в Черниг.: *розлучити.*

— 16—17: Розлучила та вмовляла
Поки в землю закопала,—

цей варіант (не найкращий) узято з Львів. К. 1867, а тим часом в обох автографах зовсім не так. В *Б.*:

Подибала стара мати
Доню в полі доганяти
І догнала, привела
Нарікала, говорила.
Поки в землю положила.

а в М.:

... Розлучати,
Розлучила—привела,
Нарікала, говорила
Поки в землю опустила;

там само і в коп. *Жемч.* та в Черниг. автогр.

— 14 зн.: стоїть село, не виросло,—так в М., а в Б. краще: *Минули літа, а село.*

— 7 зн.: в вікно заглядає,—в *Б.*: в *пустку.*

— 6 зн.: заглядає,—в *Б. марне, брате.*

— 3 зн.: вечеряти в хату,—в М. було зразу: *в хату вечеряти.*

— 2: а він колись був кликаний,—теж в *Б.* краще: *А колись, давно колись-то.*

173, 3: любитися,—в *Б.*: *веселитись.*

— 4: весь вік веселитись,—в *Б.*: *та Бога хвалити.*

— 5—6: А довелось, мій голубе,
Сльозами умитись,—

це варіант з Львів. Кобз. 1867, а в *Б.*:

А довелось: ні-до-кого
В світі прихилитись;

в М. та коп. Ж.:

А довелось Христа ради
У людей прохати.

— 7: сидить москаль під хатою,—в *Б.*: *сидить собі коло пустки.*

58. В неволі тяжко, хоча й волі.

Вперше видруковано в „Основі“, 1861, V. Одміни не великі:

20, 14 зн.: в неволі тяжко, хоча й волі,—після „тяжко“ треба...... (так в автогр. М.).

— 11 зн.: хоть на чужому, та на полі,—а в М. та Черниг. автогр.: *коло людей та коло поля.*

— 3 зн.: поховають, — в М. було зразу, але закреслено: *буду жить.*

— 1: людей і Господа хвалить,—і в М., і Б., і Черниг., і в „Основі“: *любить.* Переміна пішла з Кожанч. „Кобзаря“, а на якій підставі,—не відаю.

59. Чи ви ще зійдетеся знову.

Вперше видруковано в „Основі“, 1861, X. Джерела ті самі, що й для попереднього вірша.

242, 12: чи ми ще зійдемося,—таку поправку зроблено в автогр. *Б.,* але ж далі скрізь не виправлене осталося: „годіть, смирітеся!“ В М., Черниг. і Ж.: чи *ви* ще зійдетеся. Так і в „Основі“.

— 15: і слово *правди*,—в М. та Ж.: братства.

— 16: в степи, вертепи понесли,—варіянт такий пішов з „Основи“; такий варіант і в Черниг. автографі, а в М. і в Б.: *в степи і дебри*; крім того в М.: *рознесли.*

— 11: любіть її! Во время люте...... — Цей рядок, через неправильну інтерпункцію, наробив багато клопоту, і в „Основі“ стоїть таке: любіть її, *бо время люте*, що зовсім псує думку поета. А тим часом і в М., і *Б.*, і коп. Ж.: *во* время люте, і після „Любіть її“ стоїть або...... (в М. і в *Б.*,—в цьому останньому „*Во*“ навіть з великої літери), або—(як в Чернигів. автогр.).

60. По-над полем іде.

(Косарь).

Вперше видруковано в „Основі“, 1862, X. Ні в М., ні в *Б.* заголовка Ш. не дав,—зроблено його („Косарь“) після смерти Ш-ка, та й то якось він не прийнявся. Видруковано по „Кобз.“ вірш по автографу М., а не по *Б.*

19, 14: ні на кого,—в *Б.*: *І* ні на кого.

— 16: не кричи й не проси,—в *Б.*: *не благай,* не проси.

— 18: чи то город, чи то поле—в *Б.*: *чи то пригород*, чи город.

— 20 зн.: сироту кобзаря,—в М.: *й* сироту.

— 7 зн.: не мине й царя,—і в М. і в *Б*, виразно: не минá (помилка пішла з „Основи“).

— 3 зн.: *й* хреста ніхто... , — ні в М. ні в *Б.* немає *й* (в Пражск.: *І* хреста....).

У віршові у всіх строфах кожен пятий рядок треба посунути вправо.

II. Невільницька поезія.

(1847—1850).

61. Думи мої, думи мої, Ви мої єдині.

Цим віршом, як прологом, починається перша книжечка невільницькоі поезії (автограф *М*); їм же починається і автограф *Б.*—теж як прологом, без заголовка, (немов би на вкладній картці).

Відміни такі:

20, 5: прилітайте сизокрилі,—спочатку в *М.* було: мої пташки.

— 10: Вони вже убогі,—це вар. *Б.*, а в *М.*: *і вони убогі.*

— 13: мої любі,—в *М.* зразу було: *мої квіти*, але поправлено.

— 15: як діток,—в *М.*: *як мати.*

— 16: і заплачу,—в *М.*: і *поплачу.*

В „Кобзарях“ Льв. 1867, Пражьск. та инших—так як в Кожанчиківськ., а текст Кожанч.—по автографу *Б.*

Дуже може бути, що вірш цей зовсім не найраніш усього иншого на засланні написаний, бо очевидно, що Ш. не одразу завів книжечку, як приїхав на заслання. А тим часом у нього назбіралося де-що з нового написаного—дрібніщого, і така велика річ, як от „Княжна“. Коли книжечку він зробив, то й заходився туди заводити не тілько те, що написав на засланні, але й те, що якимсь чином йому чи пощастило з собою довезти, чи може надіслали йому в Орську кріпость приятелі... У всякім разі кілька поезій, навіть чималих (як „Відьма“, „Русалка“, „Лілея“), він вже готовими переписав в першу свою книжечку, але на початку поставив вірш: „Думи мої, думи мої“, який мав бути за коротеньку передмову до змісту книжечки.

Але попереду скажу більше і про цю книжечку, і про обидва автографи (*М.* і *Б.*), щоб вже більше не вертатися до них, та поясню, що це за автографи.

Про обидва ці автографи в літературі була вже згадка двічі. Один раз про них говорив д. В. Науменко, у якого вони зберігаються, [1]) а вдруге—на підставі статті д. Науменка—небіжчик О. Кониський [2]). Кониський не вірив в те, щоб хоч одна з тих

---

[1]) „Кiев. Старина“, 1892, II, 314—319. Къ вопросу о научномъ изданiи „Кобзаря“.

[2]) З. Н. Т. т. XVII. Проба улаштованя хронології творів Шевч., стр. 5—8.

книжечок (автографів) була захалявною, івважав їх за якісь альбоми, куди Ш. заводив і свої і чужі твори,—як що якийсь вірш йому подобався (О. Кониський, очевидно, думав так, маючи доказ з „Дневником“ Ш., куди він справді повписував чимало цікавих віршів українських і россійських). Але заперечуючи „захалявність“ автографів і не надаючи їм особливої ціни, небіжчик Кониський подає цінні звістки про ті автографи, не відаючи, що вони як раз і єсть увесь скарб поетичний Ш—ка на засланні і мало не ввесь по-повороті його звідти. „На весні р. 1866,—каже О. Кониський,—з самого початку березіля, вертаючись зза кордону, я бачився в Петербурзі з Костомаровим; він в розмові хвалився, що усі українські твори Шевченка передано йому задля улаштовання нового видання „Кобзаря“, але роботу вибору Кобзарських творів взяв на себе Вашкевич. Від останнього знаємо [1]), що літературною спадщиною, яку лишив Ш., була „*маленька книжечка*“ та „*переплетений в жовту папку зшиток з ріжнобарвного почтового паперу, завбільшки з почтовий аркуш, з написом* „Поезіи *Т. Шевченка*“. В маленькій книжечці було оправлено все, написане поетом на засланні на аркушиках в $^1/_{16}$ звичайного великого аркушу почтового паперу. Се була книжечка з тих зшитків,—каже Вашкевич,—*що поет носив в халяві.* З сієї книжечки поет переписував в жовту книжечку вже полагожені свої твори, а також і нові, написані ім після заслання. Значна частина тих творів була надрукована в „Основі“, але не меньш третини не було ще надруковано і гадали те надрукувати в „Кобзарі“ Кожанчикова. Тоді ото трапився замах Каракозова на царя (4/IV 1866) і лютовання Муравєва, так з обережности були спинені роботи по виданню „Кобзаря“, а манускрипти доручили зберегати Кожанчикову. Перегодом, вже р. 1867 той „Кобзарь“ з передмовою Костомарова вийшов таки. Здається, що книжки, про які повідав д. Вашкевич, і є ті самі, про які говорив д. Науменко. Мабуть книжечки, про які повідали д. Вашкевич і д. Науменко, і є ті самі Шевченкові автографи, якими орудовали редактори „Кобзаря“ р. 1876“.

До цього можу лишень додати, що небіжчик Кониський не помилився: тими автографами дійсно орудовали видавці Празького Кобзаря р. 1876 (2 томи), і це дійсно, ті самі—*маленький* і в *жовтій папці зшитки*, про які говорив Вашкевич., і що малень-

---

[1]) „Кіевск. Стар.“ 1895, Споминки Недоборовського.

ка книжечка—це та сама книжечка, про яку говорить і І. Тургенев в своїх „Споминках“ [Пражськ. Кобз., т. І.]; „онъ (Шевч.) мнѣ показалъ крошечную книжечку, переплетенную въ простой дегтярный товаръ, въ которую онъ записалъ свои стихотворенія и которую пряталъ въ голенищѣ сапога, такъ какъ ему запрещено было заниматься писаніемъ“ (V). Справді, ця маленька книжечка—„крошечная“ й оправлена вона в чорну шкуру, але чи були вже тоді в ній золоті боки [„золотой обрѣзъ“] і чи стояли збоку на палятурах випечатані літери: *М. Л.* (Михайло Лазаревський) — не відаю. Додам лишень, що після того, як видано було Кожанчиківський „Кобзарь“, то й цю маленьку книжечку, і більшу, в жовтій папці, передано було у Київ, і вони тут і лишилися по сей час—на схові зараз у редактора „Кіевской Старины“ В. Науменка.

Але яким чином вони збереглися, коли нам відомо, що р. 1850 у Ш. в Оренбурзі зроблено було трус і забрано його папери? Забрано було дійсно, але тільки те, що Ш. не захотів оддати Лазаревському [Федорові] та Герну, які попередили Ш-ка про те, що має бути у нього трус. Усі цінні папери, а разом з тим і ті захалявні книжечки, яких було аж чотирі („і четверту починаю книжечку в неволі мережати“), забрав до себе Ф. Лазаревський. Згодом, коли Ш. був уже в Нижн.-Новгороді, вертаючись у Петербург, то йому було прислано усі його папери. Хто їх йому доставив і звідки—поки що не знаємо. Це міг зробити або Круликевич (засланець), що вертався з Сир-Дарьї і в січні р. 1858 був уже в Н.-Новгороді (через нього міг передати Герн папери), або—і це мені здається певніще — їх переслав з Петербургу в Н.-Новг. Лазаревський через Шрейдера, який саме в лютому їздив у Петербург і повернувся звидти 19 лютого, а на другий день Ш. вже береться „переписувати для друку свої вірші, писані р. 1847—1858“. У всякім разі, в лютому Ш. вже мав папери, а головно—свою маленьку книжечку, з якої і заходивсь ото переписувати невільницьку поезію в зшиток в жовтій оправі. Цей другий зшиток — просто гарний оправлений в жовтий сапьян альбом з синього почтового паперу великого формату, в якому 328 нумерованих сторін і мало не третя частина альбома не нумерованих. Заголовок на другій сторінці (перша порожня):

Поезія
Тараса Шевченка
1847 г.—

і все, що вписано з поезій під цим роком, а власне: Думи мої, думи, Княжна, Відьма, Лілея, Русалка, Хустина, Іржавець, Чернець,

Один у одного питаем, Самому чудно, Ой стрічечка, Козачковському цікл поезій в казематі. („Моїм соузникам")—переписано дуже чітко і чистенько; так само ще без поправок переписано все і з року 1848 (стор. 83—113), під яким стоять: А нумо знову віршувать, Варнак, Ой гляну я, подивлюся, Та не дай Господи нікому, Старенька сестро Аполлона („Царі". Заголовку немае,—просто—V розділів, які згодом під цей заголовок стягнуто, лічучи сюди і „Бодай кати їх постинали"), На батька бісового, І досі сниться, Огні горять, І станом гнучим, І золотої й дорогої, Ми в купочці, Ми в-осени такі похожі. Рік 1849 (стр. 119—163) теж чисто переписаний, — поправки дуже дрібні, і то пізніщі, червоним олівцем. Сюди увійшло: Неначе степом чумаки, За сонцем хмаронька пливе, Не до-дому в-ночі йдучи, Як маю я журитися, На-що мені женитися, Ой крикнули сірі гуси, Як би тобі довелося, Зацвіла в долині, У нашім раї на землі, На великдень на соломі, Мов за подушне, П. С. (Не жаль на злого), Г. З. Немае гірше, як в неволі, Як би зострілися, Неначе праведних дітей, І небо невмите, Не для людей—тієї слави, Коло гаю в чистім полі, Як би мені черевики, І багата я, Полюбилася я, Породила мене мати, По улиці вітер віе, Закувала зозуленька, Ой сяду я під хатою, Із-за гаю сонце сходить, Ой люлі, люлі, Туман, туман долиною, І широкую долину, На вгороді коло броду, Як би мені мамо, намисто, Утоптала стежечку, Не вернувся із походу, Ой умер старий батько, Швачка, Ой чого ти почорніло. Далі р. 1850 обнімае усього стр. 165—178 і тут переписано тільки: Лічу в неволі, Не молилася за мене, Петрусь; ще далі (стр. 189 — 224)—р. 1857, а в ньому: В неволі, в самоті немае, Москалева криниця (не драматична), Неофіти, — тут уже більше поправок; далі ще, під окремим заголовком р. 1858 (од стр. 225), але поезії переписано тут не так чисто, як з попередніх років, а де-які то й не рукою Ш. писані, але усі з датами. Тут ми маемо: з р. 1858 — Доля, Муза, Слава, Сон, Я не здужаю нівроку; з р 1859: Подраженіе 11 псалму, Марку Вовчку, Ісаія глава 35, N. N. Така як ти колись лілея, Ой на горі роман цвіте [чужою рукою], Ой маю я оченята, Сестрі, Колись дурною головою, Як би ти Богдане, Во Іудеї во дні они, Марія (чужою рукою), Подражаніе Э. Сові, Подражаніе Іезекіілю, Осії глава XIV (чужою рукою); з р. 1860: Дівча любе, Ой діброво—темний гаю, Подражаніе Сербському, Молитви, Колись то ще во время оно, Плач Ярославни, Умре муж велій, Гимн чернечий, Над дніпровою сагою, Росли у-купочці, Світе ясний, З передсвіта до вечора, Ликері (чужою рукою), Н. Макарову, І Архимед., По-

ставлю хату, Не нарікаю я на Бога, Саул, Минули літа молодиї, Титарівна-Немерівна, Хоча лежачого й не бьють, І тут і всюди, О люде, люде! Як би з ким сісти, І день іде, Тече вода з під явора, Якось то йду я у—ночі (чуж. рукою), Бували войни (чуж. рук.), N. T., Зійшлись, побрались. Для р. 1861 тільки зроблено надпис рукою Ш.: „1861“, але останньої поезії своєї вже не довелося йому вписати сюди. Таким чином, в цьому чистійшому зшиткові ми маємо все, що написав Ш., крім або дрібниць, яким він не надавав ніякої ваги (напр. „Та головонька моя бідна“ р. 1859,— див. „Нова Громада“, 1906, кн. VIII), або ж поезій не викінчених, та через те не вписаних сюди,—напр. „Юродивий“ (З. Н. Т. ім. Ш. т. 39). Що ж до поезій з р.р. 1847—1850, то переписано в цей альбом (або автограф *Б.*=більший, як ми його звемо скрізь) далеко не все, і хронологія поезій часто-густо зовсім неправдива, бо Ш. переписуючи напр. „Княжну“ з р. 1847, ставив під нею: „Н.-Новгород, 1858“. Хоча переписані сюди з маленької книжечки поезії мають кращий, звичайно, текст, але для історії тексту і для слідковання за поступом творчости Шевченка на засланні значно більшу ціну має „Маленька книжечка“ (автограф М.), де поезії вписано під ряд, в міру того, як вони творилися, запізнюючися хіба на місяць—два після того, як їх складено було (напр. „На Різдво“ Лазаревському—з'явилося 4-ом №-ом другого року).

Перейдемо тепер до маленької книжечки, чи автографа М. Які в ній поезії містяться—того зараз не буду подавати,— вони подаватимуться далі, з одмінами, в тому порядку, в якому стоять як раз в „маленькій книжечці“ (автографі М.),—скажу лишень кілька слів про її склад, бо це має велику вагу для розвязання питання про хронологію багатьох віршів з р. 1847—1850. Книжечка в чорній шкурятяній оправі має 431 сторінку in 16^0 почтового аркушу і, за виїмком кількох порожніх сторінок, уся списана дуже густо дрібним письмом. В тому виді, в якому вона зараз, вона розуміється не могла бути за халявою; та вона й не була такою у Ш.: оправлено її в шкуру та позолочено боки згодом, мабуть в Петербурзі. У Шевченка ж в руках це була не одна книжечка, а 4 книжечки—зшитки, на кожен год по одному: на р. 1847, 1848, 1849 і 1850. І справді, 1 книжечка (зшиток) на 1 сторінці нічим не записана, лишень зроблено немов рямця (вся книжечка на кожній записаній сторінці має рямця), а в лівому ріжку у самій горі чорнилом проставлено „1847“; на другій картці стоїть „Думи мої, думи мої, ви мої єдині“. Друга книжечка (зшиток)—на першій картці (обкладці) не має рямців;

вгорі так само стоїть чорнилом „1848“, а посередині олівцем „1848“, і під ним „2“,—рукою Ш., але очевидно колись пізніще (як уже усі чотири книжечки були разом оправлені в одній книзі). Починається друга книжечка: „А нумо знову віршовать“. В третій книжечці—перша картка без рямців; вгорі чорнилом „1849“, нижче—„1849“ червоним олівцем, рукою Ш., а посередині „3“ чорним олівцем, рукою Ш. Починається книжечка (зшиток) віршом: „Неначе степом чумаки“, в якому говориться:

„А я байдуже... Книжечки
Мережаю та начиняю
Таки віршами“
. . . . — і далі:
„Уже *два годи* промережав
І третій годъ оце почну“.

Нарешті 4 книжечка (без рямців на обкладці) немає вже вгорі року (а може палятурщик одрізав, як що дуже високо було написано); посередині, чорним олівцем, стоїть „1850“, а трохи нижче „4“—червоним олівцем, обидва надписи рукою Шевченка. Починається книжечка віршом „Лічу в неволі дні і ночі“, в якому далі:

*„І четвертий рік минає
Тихенько по волі—
І четверту начинаю
Книжечку в неволі.*

Таким чином, перед нами ті автентичні 4 Шевченкових книжечки (зшитки), які „мережав“ та „віршами начиняв“ Ш. на засланні до трусу в р. 1850 в Оренбурзі. Але на цьому не край. Кожна з цих 4 книжечок складалася теж з окремих невеличких зшитків, об'ємом—на оден аркуш почтового паперу, зігнутого в восьмеро (16 сторінок), і кожен з них має свою окрему нумерацію. Ці дрібни зшитки, очевидно не були зшиті одразу під ряд, які до якого року належать, а кожен був окремо... І от коли їх забрав Лазаревський з Герном перед трусом, то мабуть тоді Шевченко понумерував їх усі під ряд (усіх маленьких зшиточків назбіралося 27), і мабуть тоді ото і наробив помилок з ними. Річ в тім, що раніще він нумерував зшиточки кожного року спочатку (од № 1 і до 5 чи 10, чи там скільки приходилося), але склавши їх хронологично і давши усім нову нумерацію від 1 до 27, він

не доглядів, як до зошита з р. 1848 притулив зошит з р. 1850, і навпаки, до р. 1849—з р. 1848 і т. и. Понумерувавши зошити унизу, Ш. понумерував тоді в цілій уже книжечці усі сторінки під ряд, як есть (431 сторінка),—але після відомої нам помилки, сторінкам цим ніякої ваги не можна давати. Навмисне простежимо склад тих книжечок. По тій лічбі сторін, що в-горі, в I книжечці 158 сторінок, але стр. 42—43, 96, 126 і 147—білі, не записані. Ці 158 сторінок складаються з 10 зшиточків: I—од стр. 1 до 14, II: од 15 до 30, III:—31—46, IV: 47—62, V: 63—78, VI: 79—94, VII: 95—110, VIII: 111—126, IX: 127—142, X: 143—158. Вся перша книжечка, як бачимо, скадається з 10 зшиточків, і з ними не сталося ніякої плутанини,—ото тілько хіба викликає де-яку непевність, що на стр. 109—110, між № 11 (на стр. 108) та № 12 (на стр. 111) уміщено вірш („Ще як були ми козаками") без нумерації і зовсім не таким економним письмом, як усі сторінки попереду і далі потім. Хіба може це можна пояснити тим, що стр. 109—110—була останньою карткою маленького зшитка і Ш. вже на ній економії і з місцем не робити?

Перейдемо до другої книжечки (р. 1848). Тут вже побачимо не те. Усього вона обнімає сторін од 159 і до 222 (од 218 до 222 білі); початкові зошити—з иншого, кращого паперу, як книжечки р. 1847, і йдуть так XI: 159—174; XII: 175—190, а далі... перше, що кидається у вічі—инший, зовсім поганий папір і те, що після № 11 поезії (кожен вірш у Ш. має, на щастя, окремий свій нумер)—іде (на стр. 191—194) поезія без №, а на стр. 195—з нумером *8* (!). Ясно, що зошит із стор. 195—не з року 1848. А з якого? Розглянувши цілу книжечку, можна знайти і відповідь: цей зошит належить до р. 1850 (стр. 191—208), а продовження віршів з р. 1848 (№ 12 та далі), треба шукати на стр. 207 і дальших.

Поглянемо на третю книжечку. Обнімає вона стр. 223—366 (білі 254 і 334). Починається вона з зошитка 15-го од сторінки 223 і до 238; 16-ий: 239—254; далі—стр. 255—270 (внизу число зошита перемарано:),—усі ці три зошити—одна цілість. Дивимось далі: стр. 271—366, а також 415—424—теж одна цілість (аж 60 віршів під ряд), але чи дійсно це вірші р. 1849? Ніяким чином, бо на стр. 271 стоїть № 14 поезії, а на попередній сторінці—№ 12, та й папір не той і чорнило не те, і навіть письмо иншого складу. Звідкіля ж вони? Придивляючися до всієї книжки, бачимо, що на стр. 399—414 (стоять під р. 1850) як раз есть такий папір і письмо, і поезії там за №№ 12 і

13, а стр. 271—366—їх продовження. Тепер питання: до якого ж року належать ті №№ 12—13 на стор. 399 і дальших? Чи до р. 1850? Ніяким чином, бо попередня перед № 12 сторінка має поезію за № 7! А початок з 11-тью №№ аж на стр. 159—190 (в зашиткови 11-му), тоб то в першому зошиткови р. 1848. Одже врешті поезії з року 1848 треба шукати по таких сторінках автографа М.: 159—190, 399—414, 271—366 і 415—424.

Що ж тоді лишається на долю р. 1849? Лишається: стр. 223—270 (№№ 1—12 поезій), але це не все, бо стр. 207—222, як показує і нумерація віршів (№ 13), і письмо, і папір—є продовженням віршів на стр. 270. Таким чином р. 1849 має ще і стр. 207—222, а всього—18 віршів.

Заглянемо і до четвертої книжечки—до р. 1850. Тут стр. 366—398 (№№ 1—7)—одна цілість і безперечно належать до р. 1850; дальше йдуть стр. 399—414, які одішли до р. 1848. так само як і стр. 415—424, але за те до р. 1850 належать стр. 191—206. І тут між иншим виявляється, що вірш „Буває в неволі иногді згадаю“ починається на стр. 395—398 (за № 7-им), а кінець його ото і есть („Не знаю, як тепер ляхи живуть) на стр. 191 і дальших. Варто тілько прочитати ці два вірші під ряд, і кожен упевниться, що правда на моєму боці. Таким чином, рік 1849 має усього 18 віршів, а рік 1850 має 12, і шукати ці останні треба на стр. 367—398 і 191—206.

Тепер, після того, як встановлено вже порядок віршів, а значить і зовсім инакшу, ніж досі була, хронологію їх, можна доглянути, що поплутав зшиточки сам Шевченко, бо його рукою поперемазувано число на їх. А поперепpавляв він їх,—ще раз кажу,—аж тоді, як склав зшиточки усі до—купи, і маючи їх цілих 27—він і наробив помилок, прикладаючи до № 6 вірша № 7-ий, до № 12—№ 13-ий, не дивлячися добре, якого саме року той № 7 чи № 13-ий. А коли їх склав, то так вони і оправлені булі, і в такому порядку він і понумерував в книжечці сторінки під ряд, а потім, переписуючи поезії з цеї книжечки до більшої (автографа Б.), наробив через це багато помилок в хронології, які до сього часу оставалися невиправленими.

62. Княжна.

Княжна стоїть в автографі *М.* під № 1 поезій (не лічучи „Думи мої, думи мої). Як свідчить брульон-автограф в Черниг. Музею—написана ця поема уже на засланні:

Поговорим *над Уралом*

З того брульону Ш. переписав поезію чистенько в **автогр.** ***М.***, а р. 1858 звідси—в *Б.* Крім трьох автографів маємо ще й варіанти—копія Жемчужникова (З. Н. Т. т. 33), але цей варіант, як я вже згадував, не що инше як копія з автогр. *М.* з незначними поправками.

Осібности.

Стр. 490, 2—1 зн.: В неволі з тобою, поговорим тихесенько.

в Черниг. автогр. (означатиму просто Ч.) було зразу: *над Уралом*, а поправлено: „*на чужині тихенько* з тобою; в *М.*: *на чужині тихенько*, а в *Б.*—як в вид. Романч. (Вся поема надрукована в „Кобз.“ Кожанч., а звідти і по инших виданнях, по автографу *Б.*)

491, 2: сонечко сідає,—Ч.: сіло.

— 4: воду позичає,—Ч: вод*и* позичала; М. *водй позичає*.

— 12: нехрещені,—у Ш.: *нехрйщені* (М. і Б.)

— 15: сич в лісі *та* на стрісі,—Ч: *то*, в М.: *то*.

— 18 зн.: при долині,—Ч: *серед поля*.

— 17 зн.: розцвітає,—Ч. і М: *процвітає*.

— 16: А про людей—та нехай їм, — в Ч.: а про людей не росказуй, в М.: а про *люде*—не росказуй.

— 15 — 9 — в Ч. і в М. зовсім иначий варіант. Подаю їх поруч.

Ч.	М.
Може й я згадаю	Я роскажу тобі де-що
Та роскажу тобі де-що	Поки спати ляжу.
Поки спати ляжеш.	

В Б. цей уступ значно довший. Зауважу лишень, що рядок 12 зн.: *ти не знаєш, що діється*—в автогр. Б. зразу було: *Бог не знає*, що діється,—а тоді поправлено: *і хто знає*... Поправку „ти не знаєш“,—зробили видавці Кожанч, а за Кожан. такий варіант прийняв і Пражський Кобзарь, та так воно і лишилося скрізь.

Такі поправки видавці росс. вид. „Кобзаря“ роблять не раз..

491, 8: й тихесенько,—Ч.: *ранесенько*.

— 2—1—тут скрізь дуже плутана інтерпункція.

В вид. Романчука: Неначе писанка село.

Зеленим гаєм поросло,
Цвітуть сади.

в М. так:

Ниначе писанка село,
Зеленим гаєм поросло.
Цвітуть сади

В Б.: після „село — (.) Очевидно, думка автора була така: село на нашій Україні — неначе писанка село.

492, 7: *сам Бог*, — в Ч.: *І* Бог.

В Черниг. автографі був ще й инший початок „Княжни", який одначе Ш. закреслив. Ось він:

„Село!.. і серце заміраe.
Неначе в раї, в темнім гаї
Сади вишневі зацвіли.
А що там робиться в селі,
У тім веселім тихім гаї?
Там воля, рай... Та й що казать!
Лани, і люде, і корови,
І предковічниї діброви
І все моє — все можна брать
І можна жидові продать
З душою й тілом, — правда воля?
А ми ще й Бога гнівимо. [1])

492, 9: здалека, — в М. зразу було: на горі.

— 10 після „поросли" в М. (,), а не (!)

— 12: де й шукати,—в Ч. і М: *де шукати.*

А далі в Черниг. автографі есть вставка, якої немае ні в М., ні в Б.:

Бо люде!! Дивні чудеса
Твориш ти, Господи, над людьми
І над собою. Падло пса
На смітник викинь—не огудять,
Неначе мухи опадуть,
Сами себе перегризуть
Та ще й хвалить і славить будуть.

492, 13: В тому Господньому селі, — в *М.*: *У самому тому селі* (одразу було: *у тому самому*), а в Ч. цього рядка зовсім немае.

— 15: Не знаю, де вони взялись,
Приблуда князь, була й княгиня,—в Ч.: *Був собі князь, була й княгиня* (а „не знаю, де"—немае); в кош. Ж.: *не звістно*, де вони...

---

[1]) Див. „Нова Громада", 1906, кн. VIII, стр. 110—112.

— 15 зн.: сами,—в Ч.: *в селі.*

— 13: чималий у яру ставок,—в Ч.: *В яру ставок.*

— 12—11,—вправо посунути.

— 9: І долом,—в Ч.: *А яром*, в *М.* і Ж.: *І яром.*

— 8: по-над водою простяглось,—в Ч. „простяглось“ немає.

— 2: та сам несмілим наливає,—в Ч.: несмілим *доливає*; в *М.* і *Б.*: *несміливих наливає*; поправку зроблено в Кожанчик. К., але на якій підставі?

— 1: та ще й покрикує: „віват!“,—в Ч.: *приговорює*: „*віва!*“, в *М.*: прикрикує: віват!

493, 8: знай собі—в Ч.: *шепчуть і.*

— 10: нашъ славный князь! Виватъ! виватъ!—в Ч. і *М*: *философ князь або Сократ*!

— 11: А патріот,—в Ч. і *М.*: *І наш Сократ*!

— 13—14, а Бог не знає,
А може знає, та мовчить, в *М.*: *може й знає.* В "Кобз". Кожанч.—опущено ці 2 рядки.

— 16: в-заперті сидить,—в Ч.: *на замку.*

— 17: *Її і в сіни*,—в Ч. і *М.*: *Сократ* і в сіни.

— 18: У богих брат. А що ж робить?—в Ч.: *Це не Ксантипа*! *Що ж робить?* В *М.* і Ж.: *Свою Ксантипу.* Що ж робить?

— 15 зн.: І батько,—в Ч.: *А.* батько

— 12: от і пишайсь тепер, княгиня!—в Ч.: *от і мундір тобі*, княгине. В *М.* було теж „мундір“, але поправл. на „титул“. В *Б.*, замість *тепер*, було зразу „*собі*“. Після слова „княгині“ в *М.* рядок крапок.

— 7 зн.: *як* люде,—в Ч.: *І* люде.

— 494, 5: красо моя молодая!—в Ч.: *красо, красо* молодая! Так було і в *М.*, але друге „красо“ поправлено на „*моя*“.

— 7—8: Жить би, жить та славить Бога
І добро творити,—в Ч.:

Не на те намалювали,
Щоб жити, любити.

— 9: Ба Божою,—Ч.: *та чистою.*

— 11: А молодиї—в Ч. і *М.*: *Щоб. молодиї.* Так було ще і в *Б.*, але поправлено на „*А*“.

— 13: щоб марніли в самотині—в Ч.: *виплакала*: *так Богого*,— в *М.*: *Помарніли....*

— 15: даєш волю,—в Ч і *М.*: *розум.*

— 16: І розум на світі,—в Ч.: *даєш волю в світі*,—в *М.*: *І волю на світі.*

— 17: Красу даєш,—Ч. і *М.*: красу *свою.*

— 14 зн.: надивитись, намолитись,—в Ч: ться.., ться...

— 13 зн.: І заснуть на віки,—в *М.* тілько *І*, а далі (....)

— 10: Оттак і їй, одній, єдиній,—в Ч.: *Не весело і їй.*

— 7: І марно згинуть в самотині,—в Ч. немає, в *М.* це вписано (вставка).

— 6: Аж страшно. А вона,—в *Ч.* і *М.*: княгиня плакала.

— 5: І жить у Господа просилась,—в Ч.: *і жизні в Господа просила.*

— 3: вона вже матірю — в Ч.: *Княгиня* матірью.

— 2: Уже пишалась,—в Ч.: *І вже гордилась*; так було і в *М.*, але поправлено на: *пишалась.*

495,2: узріть його,—в Ч.: *побачить і...*

— 1—в *М.* після першого рядка зразу було поставлено дальші рядки 5 та 6.

— 4: І перший крик його почути,—в Ч.: *І матерью себе назвать*; так було зразу і в *М.*

— 5—6, в Ч. немає.

425, 8—9—в Ч. зовсім инакший варіант:

Тяжке горе невсипуще
І щастя не миле.

— 11: не тією стала,—в М. „не тією“ поправлено на: *веселою.*

— 12: ніби на світ,—в Ч.: *ніби знову.*

— 16 зн.: й колихала,—*й* в М. немає.

— 14—5—в Ч. немає.

— 11: не вміють княгині; в М. зразу було: „не вміє княгиня“; от через це то далі і стоїть: „А потім *оха* (в singular.)...

— 8 зн.: за що ж воно тебе згадає,—в М. зразу було: *за що ж вони її й згадають*, попр. на: *вони тебе згадають.*

— 7: привела,—у Ш.: пр*е*вила.

— 6,—в М. новий рóзмір.

— 5: доглядала,—в М.: годувала.

496, 1: і говорить уже стал*а*,—в *М.* і в *Б.*: стал*о*; так і в *Ч.* Поправку зроблено в Кожанч. К., без жадних підстав.

— 4: тато,—у Ч. і М.: „*тату*“.

— 13—14: І пилиночки на неї
Впасти не давала,—в Ч.:

І мов горлиця над нею
Цілу ніч вітала,—

так і в М. зразу було, але „цілу ніч“ поправлено на „*літала*“.

— 15—16,—в Ч. і М. немає.

— 18 зн.: княжною,—в Ч.: дочкою.

— 17: їй єднала,—в Ч. і М.: *вже єднала*.

— 14: уже розплітала,—в Ч.: на вік; так і в М. зразу, але поправ. на: *уже*.

— 13: І, лишенько, свого князя, — в Ч.: *І... і князя, сердешная*.

— 12: пяного,—в Ч. і М.: *в мундірі*.

— 11: у мундірі,—в Ч. і М.: *нагадала*.

— 10: заплакані—в Ч. і М.: *веселиї*.

— 9: А дитині ніби,—в Ч.: *а дочці неначе*.

— 7: не розплітай,—в Ч. і М.: *не росчісуй*.

— 5 зн.: що день божий,—в Ч. і М.: *І день за днем*.

— 3; своїй,—Ч. і М. моїй. В М. після „щасливій“ стоїть (.),—і далі нове речення, а в Б. (.) після „дочка уродлива“.

— 1 зн.: мов,—в Ч.: *як*.

497, 1: світові,—Ч. і М.; *матері*.

— 8: чому добре умірає,—в Ч.: *добрі уміраю́ть*.

— 9: злее оживає,—в Ч.: *А злії гуляю́ть*. В М. зразу було: *а зле*, але попр. на „злее“.

— 12: за бабами знахарками,—в Ч.: *за консіліум* (?) *пяний*. В М.: за *консіліумом* (підкреслено).

— 13: на селах,—в М.: *по* селах. В Кожанч. К.: *на* селах,—очевидна помилка.

— 17: в труну положили,—в Ч.: *в землю опу́стили*; в М. було: *в землю положили*, але попр. на: *в яму опу́стили*.

— 15 зн,: на селі,—в Ч, і М.: *бідної*.

— 13: А сирота,—в Ч.: *І* сирота.

498, 5: а добрі люде,—в Ч.: *і* добрі люде.

— 6—7: Що буде?
Побачим,—в Ч.: *що буде,—побачимо*. В М. і Б. після „буде“ нема зовсім знака.

— 12: ой стогне він,—так в М. (узяв цей вар. і Праж. „Кобзарь“), а в Б.: *І стогне він*.

— 13: кара Господева,—в Ч.: мов кара Господня. В Б. на „Господева“ наголос: Господе́ва.

— 14: голодниї люде,—в Ч.: *од голоду* люде.

— 16 зн.: і иншому краю,—в М.: *і іному краю,* в Б.: *краї.*

— 14: А Господь куняе. Бо се було б диво,—в Ч.: *А Бог? Незнае,—бо то...*; в М.: *А Бог?* Ні не знае, бо то було б диво. Зауважу, що Ш. слово *Бог* пише завжди з маленької букви. В Кожанч. „Кобз." „А Бог куняе"—опущено. В автогр. Б.: *А Бог...* Звідкіля д. Романчук узяв: *А Господь*—не відаю..

— 13: щоб чути і бачить,—в Ч.: *щоб чуть все те*; в М.: *щоб чуть те і бачить.*

— після рядка 12 в Ч. і М. есть ще три рядки:

„Віруйте і гиньте!" пророки гласять.
Як же його вірить? Заплющивши очі?
Ох рад би я вірить, та серце не хоче.

В автогр. Б. немае цього.

— 7 зн.: а він,—в Ч.: *а князь.*

— 5: нема жидка,—в Ч. і М.: *жидів нема.*

499, 2: Вилитая мати,—в Ч. і М.: *висока як мати.*

— 5—8: Або може вже такою
Воно й уродилось,
Або може молодее
Чи не полюбило
Кого-небудь? , — в Ч. і М. иначе:
Може вона молодая (в М.: *чорнобрива*)
Такою вродилась?
А може вже у Київі (М.: *або вже на безголовья*
Кого полюбцла (?) (М.: *Чи не полюбила*).

Але одразу в М. було зовсім так, як в Ч.

— 9—16,—зам. цих рядків в Ч. та М.:

Ні, виросла веселою
Та бачила села,
Лютий голод на Вкраїні,
Тим і невесела.

— 17 зн.: мов сизая голубонька,—в Ч.: може й батька не бачила. В М.: *з пьяним батьком* (зразу: *князем*) *не бачилась*; в Ж. *з пьяним батьком.*

— 15 зн.: у всіх була, всіх бачила,—в Ч. і М.: *мов пташечка, у всіх була.*

— 13: там словами привітала,—в Ч.: *там словами порадила.*

— 11: що день божий обходила, — в Ч.: *І всякий день* обходила.

— 10: село, помагала—в Ч.: І всім помагала.

— 9: усякому, а сироти,—в Ч.: І сироти приходили.

— 7: приходили, і матіри,—в Ч.: мов до матері своєї.

— 6: своєю святою,—в Ч.: І звали святою.

— 5: Її звали, і все село,—в Ч.: Все село святою звало.

— 4: за неї молилось,—в Ч. і М.: *Все село* молилось.

— 3: в село,—в Ч., М. і *Б.*: *в селі*,—„*в село*“ з'явилося в Кожанчик. „Кобзарі“.

— 1 зн.: радіє князь,—в Ч. і М.: *князь радів.*

500, 2: і молотить,—в Ч.: *і молоти.*

— 4—7,—в Ч. і М. немає.

— 8: на могорич закликає,—в Ч. і М.: *І на могорич скликає.*

— 9: та п'є та гуляє, — в Ч.: *І* пье *та* гуляє; в М.: *І* пье, *і гуляє*.

— 13: співи,—в Ч. і М.: *пісні.*

— 15: реве хазяін,—в Ч. і М.: *хазяйський голос.*

— 16: аж поки наша доня спить, — в Ч.: *поки моя доня* спить, а в М.: поки наша *доля* спить.

— 18: а доня в заперті,—в Ч. і М.: *княжна одна собі.*

— 15 зн.: сумному,—в Ч. і М.: *такому.*

— 10: дуби з діброви, мов дива́,—в Ч. і М.: *З діброви чорниї дива.*

— 9: у поле тихо одхожають,—в Ч. і М.: *Ниначе в поле отхожають.*

— 8: І пугач пуга, і сова,—в Ч. і М.: *І утіка в село сова.*

— 7—6,—в Ч. і М. немає.

501,—1: головою,—в Ч.: *головкою.*

— 3: невеселе,—в Ч.: *княжна моя.*

— 4: на зорі,—в Ч. і М.: на *місяць.*

— 5: Княжна моя,—в Ч. і М.: *дивилася.*

— 8,—після прошептало і в М. і в Б.—знак (?).

— 9: та байдуже,—в Ч. і М.: *я не знаю.*

— 10: трошки,—в Ч. і М.: *втерлась.*

— 14: в гаю,—в М.: *в саду.*

— 15: пляшки і гості: де що впало,—в Ч. і М.: *Харем і гості, де що впало.*

— 16: там і осталось. Сам не впав,—в Ч. і М.: *тілько хазяін ще не впав.*

— 17: каплю,—в Ч. і М.: *чарку.*

— 18: Встає, не падає,—в Ч.: *Але* не пада.

— 14—12 зн.—в Ч. і М. немає.

— 12: прокинь*ся*,—але в Б.: прокиньсь (помилка пішла з жанч. видання).

— 11: прокинься, чистая! Схопись,—в Ч.: *проснися, чистая, проснись*! В М. Б.: *прокинься, чистая, прокиньсь.*

— 8—7 зн.—в Ч. і М. немає. Після рядка 7 („батька кардинала") в *Б.* єсть ще оден рядок, якого ніде немає,—очевидно, видавці Кожанчикова не насмілювалися узяти: *І Саваофа не злякалась.*

— 3 зн.: не чуть нічого. Час минає,—в Ч. і М.: *Минає час чутно з палат.*

— 2: А потім крик, а потім гвалт,—в Ч. і М.: *неначе крик* (в М. *гвалт*), *а потім знову.*

Рядків 1 зн. та 1 на стр. 502—в Ч. і М. немає.

502, 2 . . . . І в той час,—в Ч.: зайнялись.

— 3: Скирти і клуня зайнялись,—в Ч. і М.: Скирти і клуня' Хоч би слово".—Д. М. Кр-ський зауважив, що має бути *занялась* (рифма до „той час"), але і в М. і в Б.: *зайнялись.*

— 4—5—в Ч. і М. немає, а замість того: *Пожар розжеврівсь, розігравсь.*

— 6: в гаю, не ворушились — в Ч. і М.: *в саду й* не ворушились.

— 7: А люде збіглись та,—в Ч. і М.: *А мужички собі.*

— 8: до неба,—в Ч. і М.: *до хмари.*

— 11: свого князя,—в Ч.: мого.

Од рядка 15 і до самого низу на стр. 502—вар. з Б., а в Ч. і М. иначі, короччі варіанти. Подаю їх поруч.

М.	Ч.
Щоб не лізли такі гади	Де нетляться лихі люде
В нашу Україну.	На нашій країні.
А деж ділась оскверненна?	Г княжна моя десь ділась,
І сліду не стало!	І сліду не стало!
В селі сироти і вдови	Довго матері своєї
Знову заридали	Сироти шукали.

В М. останні два рядки були зразу так, як в Ч.

503,—розділ цей в Черниг. автогр. починається словами, які в М. стоять в 17—20 рядках нижче, а власне:

Оттак було, оттак і буде!
В гріхах родились ми для зла.
Яка ж тут Богові хвала,
Скажіть мені розумні люде?

503, 3: князь хоріе,—в Ч. і М.: *не здужа князь.*

— 4: не здужае встати,—в Ч.: *нікому гуляти*; так [redacted] в М., але попр. на: *ні с ким погуляти.*

— 5: І підвести нема кому,—в Ч. і М.: *І нікому розваж*[redacted]

— 9: люде трохи очуняли, — в Ч. і М.: *Люде стогну*[redacted] *на оренъді.*

— 10: Господа,—в Ч. і М.: *та Бога.*

— 14: деж вона поділась?—В Ч. і М.: *А де ж вона ділась?*

— 15: пресвятому,—в Ч. і М.: *великому.*

Після рядка 16—в М. ті 4 рядки, що в Черниг. автографі на початку розділу.

— 15 зн.: господнею красою,—в М. було: *господней красотою,* але поправлено.

— 14 зн.: Вітать над грішним,—в Ч. і М.: *між грішними вітать.*

— 13: І всякому добро творить,—в Ч.: *і ближньому добро робить.*

— 12—11: А сталось ось як,—в М. далі два рядки (. . . . .) і замість: „у черницях занапастилося добро“, як у Б., стоїть:

Не стало радости у бога
Для нещасливої княжни.

— 10—9: Блукаючи по Україні
Прибивсь якось я в Чигирин,—в Ч. і М.:

Шукаючи старовини
В моїй Україні убогій
Заїхав я у Чигирин.

В Б.: стоїть: *і* в Чигирин.,—помилка пішла з вид. Кожанчикова.

— 8: І в манастир отой дівочий,—в Ч.: *і в давній манастиръ дівочий*; так було і в М., але попр. так, як в Б.

— 7—6 ряд. в Ч. немае; не було їх одразу і в М., але вписано згодом. А за цим в Ч. і в М. стоїть ось що (в М. воно закреслено):

Великі дні, великі ночі,
Великі люде із руїн
На світ виходять і говорять,
Говорять страшно.... Плачуть гори
І серце плаче.

Добре жить,
Коли нема чого любить

(в Ч.: *коли нічого не болить*).

Вставки цієї не подано ні в одному "Кобзарі" навіть в примітках.

— 503, 5 зн.: Отам мені і росказала
Стара черниця новину,—в Ч.:

В монастирі ми спочивали,
У холодку, коло стіни
І нам черниця росказала
Страданіє сестри княжни.

В М. зразу було:

Мені черниця росказала,
В монастирі, що в їх сестра,—але закреслено.

— 3—1: Що в манастир до їх зайшла,
Княжна якась із-за Дніпра
Позаторік: одпочивала,—в Ч.:

„Була багата,—говорила:
До гробу божого ходила,
Верталась в Київ—одпочить
Зайшла в Чигрин до нас убогих,
Та мабуть тяжкая дорога
Її спіткала... Тяжко жить,
З старцями по світу ходить.

В *М.* так само, але „зайшла в Чигрин" поправлено на „до *нас*".

504,—рядка 1 в Ч. і М. немає.

— 3: на сонці дуже запеклась,—в Ч. і М.: та *тілько сонцем запеклась.*

— 4: та й,—в Ч.: *І....*

— 5—в Ч. і М. цього рядка немає.

— 8—9—теж немає, а зам. того в Ч. і М.: *І Богу душу оддала* (в М.: *Та й* Богу).

— 9: І де ходила,—в М.: І де *ходила*!

— 10—теж після „містах"—знак (!).

Після рядка 10-го в Ч. і М. есть ще: *І показала на могилу.*

— 11: А в нас, сердешна, опочила,—в Ч. і М.: отгут сердешна, опочила (зразу було: *й* опочила). В Ч.: *одпочила* (!), а в коп. Ж.: *сердечная спочила.*

— 12,—в Ч. і М. цього рядка немае.

Таким чином ми бачимо, що Черниг. автограф безперечно—джерело автографа М., а копія Ж.—той самий автограф М., з дуже незначними пізніщими поправками.

Під автографом Б. стоїть дата: 24 февраля 1858, що й було причиною того, що „Зоре моя вечірняя“ датують р. 1858 і ставять навіть як окремий од „Княжни“ вірш (О. Кониський). Але це тілько дата, коли поема була переписана, а не написана.

Початок „Княжни“, під заголовком „До Зорі“, видрукував Куліш в своїй „Хаті“ (р. 1860).

63. Згадайте, братія моя.

(*Моїм соузникам*).

Вперше видруковано в „Основі“ 1862, III. Написано безперечно на засланні („Бодай *те літо* не верталось,—в автографі М.) Вірш цей вписано в М. і аж двічі там поправлено: раз чорнилом, потім ще й олівцем. В лівому ріжку стоїть *NN*. Опісля, в Н.-Новг. Ш. цей вірш поставив на початку тих 12, що написав в петербурській цітаделі перед 30/V 1847. В автографі М. вірш цей мае вгорі нумерацію *2* (під № 1 стоїть „Княжна“).

Крім автографів М. і Б., есть ще варіант в копії Жемчужникова (З. Н. Т. т. 39).

Одміни:

241, 14 зн.: бодай те *лихо* не верталось,—в автогр. М.: *літо*. Це показує, що писано після того „літа“ (року 1847),—вже на засланні.

— 13: гарнесенько,—в М. (закреслено): смирнесенько.

— 11: і *певне* думали,—в М.: і *може*...

— 10—9,—в М. ці рядки перестановлено.

— 8: на сій з'убоженій землі,—в М. зразу було таке:

І поговорим з любовью
О муках грішної землі,—

потім „поговорим“ було поправлено на „помолимось“, але згодом все це закреслено, і стало так як в автогр. Б.

— 7—6: ніколи!.. З Дніпра у-купі не пьемо,—в М. зразу було (.) після „*ніколе*“, а згодом поправлено на (,); а в Б. зовсім ніякого знака немае. Очевидно, що це мае бути одне речення, а не два окремих. Після „не пьемо“ в М. стоїть (.), в Б.—знак (!), а в вид. Романч. тілько (,).

— 4 зн.: В степи, в ліси свою недолю,—в коп. Ж.: *свою тяжку, гірку* недолю,—так стояло і в М., але поправлено „гірку" на *„свою"*.

— 3: повіруєм ще трохи *в волю*,—так було зразу в М., але поправлено: *трохи волі*; в Б. знову: *в волю.*

— 2: почнемо,—в М.: *зачнемо.*

— 1—в М.,—тут новий розмір.

242, 6—після цього в М. два рядки крапок, а потім „І мене в неволі". В автографі *Б.*, замість крапок стоїть:

І його забудьте други
І не проклинайте

(так воно і стоїть в Кожанч. та в Пражськ. „Кобзарі"), а д. Романчук узяв варіант Льв. К. 1867, де, не знати звідки: *і ворогів...* [в„ Основі",—„ворогів"—взято в ( )].

Хто цей „він"? Можна здогадуватися, що донощик Петров, який виказав на Шевченка та його товаришів.

До речи, в Кожанч. К. вірш цей не має заголовка „Моїм соузникам".

64. Сонце заходить, гори чорніють.

В автографі М. вірш цей має нумерацію 3, але аж після цілого циклу цітадельних поезій, написаних перед 30 мая р. 1847. В лівому ріжку сторінки стоїть N. N. — комусь, знати, було присвячено. Що до цих N. N, то вони в автогр. М. трапляються досить часто: Ш. обережно обходився з призвищами і або зовсім не ставив їх (а тільки N. N), або самі початкові літери (П. С. Г. З.). Навіть замість „Урал" — у нього стоїть кілька раз само *У*, а замість *Сир-Дарьї—С. Д.*

Вірш написано теж на засланні:

Ой зоре, зоре!
Чи ти зійшла вже й на Украйні!

Одмін проти видання Ю. Романчука немає ніяких. В автограф Б. вірш цей не переписано.

65. Мені тринадцятий минало.

В автогр. М. він має нумерацію 7, бо № 4—Відьма, № 5 — Лілея і № 6 — Русалка, які написані до заслання і поставлені мною на своєму місці. „Мені тринадцятий" вгорі в лівому ріжку теж має: N. N. Написаний він, певно, на засланні — про це свідчить розпачливий кінець його:

„Чому не дав Господь *дожить*
Малого віку у тім раю?
Умер би орючи на ниві,
Нічого б на світі не знав,
Не був би в світі юродивим,
Людей і ..... [Бога?] *не прокляв*!

В автогр. Б. не переписаний.

Крім автографа М.—инших джерел немає.

Одміни.

28, 14: Мені тринадцятий минав,—так і по всіх „Кобзарях“, а тим часом в автогр.: *минало.*

28, 12 зн. після „молися Богу“ рядок(.....)

— 10 — приязно,—в автогр.: *пріязно.*

29, 1 зн.: Людей і Бога б не прокляв,—в автогр.: *Людей і..... не прокляв.* В Кожанч. „Кобзарі“, щоб заповнити крапки, поставлено: *Людей би* не прокляв, хоч це явне перекручування, бо викидається *і* після „людей“. В Пражському „*Бога б*“... Але звідки?

66. Не гріє сонце на чужині.

В автографі М.—за № 8. Єсть ще автограф і в Черниг. Музеї, — на листочку почтового паперу in 8°, — мабуть, комусь прислано з заслання. Поправки де-які немов-би говорять за пізніщу редакцію. В Б. цей вірш не переписано.

Одміни:

78, 15: Й на нашій,—в автогр. Черниг.: *І в нашій.*

— 17: І *я хиливсся,*—в авт. Ч.: *туливсся.*

— 13 зн.: давнії літа,—в М. зразу було „діла“.

— 8 зн.: Й на Україні, — в автогр. Ч: *І на Украйні*; в автогр. М.: *І на Украй* (не дописано кінця).

В рядках 9—6 знизу, через неправильно поставлену інтерпункцію в Пражському „Кобзарі“, де цей вірш видруковано вперше, по всіх виданнях цілком зіпсовано вірш: Шевченко зовсім не те думав, пишучи, що ми зараз читаємо в ньому. По „Кобзарях“ (так само і в виданні Ю. Романчука) стоїть таке:

Нігде не весело мені,
Та мабуть весело й не буде
Й на Україні, добрі люде!
Отже таки й на чужині
Хотілося б . . . .

Уже по одному тому, що „та мабуть весело *й* не буде“ можна було догадатися, що це *й* означає кінець речення, бо сказати: „весело й не буде й на Україні“ не міг би не то Шевченко, а кожна звичайна, маюча вухо, людина. І дійсно, і в автогр. М. (хоч не дуже виразно), і в автогр. Черниг. Музея (дуже виразно) стоїть після „весело й не буде“—крапка (.). Але тоді знов був би дивним початок дальшого рядка „й на Україні“... І тут знов помилка: в обох автографах зовсім ясно: *І* на Украйні (в авт. М.: *І на Укрaй* (кінця не дописано). Далі після „добрі люде“ в автографах стоїть не (!), а в одному (М.) стоїть (;), а в другому (Черниг.) (,), і дальший рядок в обох автографах: „отже такі (а не так*и*, бо річ іде за *людей*!) й на чужині“,—і після цього знову в обох автографах крапка (.).

Таким чином в дійсности весь цей уступ у Шевченка такий:

„*Нигде невесело мыни* (подаю точний правопис)
Та мабуть весело й небуде.
И на Украйни добри люде,
Отже таки й на чужини.
Хотилося бъ... Та й то для того...

78, 3 зн.: *аби хоч* крихотку землі,—в обох автографах стоїть *або* (так і в Праж. К.), але це, певно, помилка (зам. *аби*—по атракції з дальшим *хоч*), бо инакше не знати буде, чого ж поетові хотілося б. Правда, в Праж. вид. перед *або* поставлено крапку і з *або* почато нове речення, але крапку цю—видавці од себе додали, і все одно справа ясніща од того не стала.

79, 2—після „*хотілося б*“—ряд крапок.

67. Сон.

(*Гори мої високиї*).

Цей вірш Ш. почав писати зараз же після попереднього (на стр. 95 книжечки), списав цілу сторінку, потім поправив навіть де-що олівцем, але тоді ж таки і закреслив увесь цей початок, і покинувши не записаною сторінку 96, на 97-ій поставив „9“ („Не гріє сонце на чужині“—має № „8“), а зліва в ріжку скоса написав „*Сонъ*“.

Крім цього автографа ніяких більш джерел немає. В Б. вірш цей не вписано.

Одміни:

246, 3—4: Ще старшої . . . . . Мов ті хмари,—
Що за Дніпром сіли,—
в першій пробі було: „*за Дніпром неначе хмари*“, і олівцем поправлено: „*і ще старішої.... мов хмари*“, а в новій редакції: „ще старіщої... мов *ті* хмари (слово „ті“ після дописано),
Що за Дніпром сіли (зразу було „за Дніпром посіли“).

— 5: Іду я тихою ходою,—в перш. пробі: „Я йду собі, прозираю“, поправлено потім на: „*я йду і сумно позираю*“, а в нов. редакції: „Іду я тихою ходою“.

— 7: неначе дива виринають,—в першій пробі: неначе з хмари виступають,—а в нов. редакції, так, як в друков. виданнях, тілько на „дива“ наголос: *дúва.*

— 9: гай, байрак,—в першій ред. „гай“ було закреслено і поставлено: „*Та байрак*“, а в новій—знов „гай“.

— 10: хатки біленькі,—в перш. ред.: хатки *прилипли.*

— 12: в яру— , —в перш ред.: *собі.*

— 13: а долі,—в обох редакціях долі, а не далі, як це виправляє М. Кр-ськой.

— 18: *стоїть з похиленим* хрестом,—в першій ред.: *а баня з нагнутим* хрестом.

247, 2: нечепурні,—в М. з наголосом: *нечéпурні.*

— 4: мов пяний старець,—в перш. ред.: *неначе старець* (стар*и*ць—як пише Ш.).

— 5: Манастирище,—у Ш. скрізь (і тут обидва рази): М*онастирище,*—він уживає частіше: м*о*настир, як м*а*настир.

— 8: пішло царям на грище,—в М. тільки *ц* . . . . .

— 12: а ви, ви гори, оддали, — в М. так: *а ви?* ви, гори, о*т*дали.

— 11 зн.: що прокляну святого Бога—(так і в М.), а в „Кобзарях“ тут звичайно (. . . . . .)

— 10 зн.: за неї й душу погублю,—ні в М., ні в давніщих „Кобзарях“ немає „*й*“. В автографі М. зразу було: „*І грішну душу* погублю,—але поправлено на „*за неї*“.

247, 7 і 6 зн. — після „топитися“ і після „широкому“—кілька крапок....

— 1 зн.—*і* сонечко,—помилку цю зроблено ще в Кожанч. „Кобзарі“, бо в автографі: *а* сонечко.

248, після рядка 10—в М.: рядок крапок.

— 13, 14 і 17 — замість *Уралом* і *Киргизам,* — зразу було *У.....,* К..... , але незабаром (бо тим самим рудим чорнилом, але иншим письмом) дописано і решту літер.

— 15 зн.: після „переінначив“ в М.: ??

— 1 зн.: битий тугою,—в М. з наголосом: *Тугóю.*

249, 14: зорею,—в М. з*а*рею,—та й в инших багатьох місцях Ш. пише на засланні „з*а*рею“ зам. зорею, але переписуючи в Б. він звичайно уживає вже „*зорею*“.

— 15: виступають,—зразу в М. було: виступили.

250, 8: і темний гайок,—в М. наголос: *гáєк.*

251, 3: на Дніпрових горах,—зразу було: *на високих.*

68. Іржавець.

В автогр. М. стоїть за нумером „10“. В лівому ріжку, вгорі, скоса написано „*Иржавиць*“ (в Б.: *Иржавець*). Переписано в Б з чималими одмінами Єсть ще і копія Жемчужн. (З. Н. Т. т. 39), але проти автогр. М. вона дає дуже мало.

Одміни:

242, 7 зн.: колись Шведи,—в М.: *славні.*

— 6: великої,—в М. зразу було: *превеликої.*

— 4: в Бендери,—в М. зразу було: *у Бендери.*

— 2: нарадила, — в М. зразу: „*не порадила*“, а тоді *не* закреслено.

— 1: як пшениченьку,—М.: *пшеницю ту.*

243, 1: Полтаву,—в М.: Полтав*и.*

— 6: не стреміли б,—в М. і Б.: стр*о*міли б,—помилка пішла з Пражськ. „Кобз.“ (в Кожанчик. К.—від рядка 2 зн. на стр. 242 і до 14 на стр. 243 текст опущено).

— 10: не спиняв би їх прилуцький, — в М.: *не доганяв би прелуцький.*

— 16: Великий Луг і Матір Божу,—в М.: *свою стару та славну Січ.*

— 14 зн.: вбоге Запорожжя,—це варіант з М., бо в Б. стоїть *на нове горе—Запорожжя* (так і в Кожанч. „Кобз.“).

— 7 зн.: та заказав Запорожцям, — в М.: *та не звелів бусурменин.*

244, 4: саме б пекло можна, а Данта старого,—в М.: немає *б*; крім того: *і* Данта.

— 5: Полупанком нашим,—в М.: *одним нашим паном.*

— 8: убогу мою, —це вар. з М., бо в Б.: *сердешну.*

— після рядка 10-го в М. рядок (. . . . . .)

— Од рядка 11 і до 23-го в М. і в коп. Ж. значно відмінний варіант:

Росказали бандуристи (в Ж.: *Кобзарі нам*)
Про войни і чвари (в Ж. опущено цей рядок),
Що діялось в Україні
І якії кари (Ж.: *І якії люті кари*).
Ляхи нашим завдавали (в Ж.: *Ляхи завдавали*).
За що катували (в Ж. немае).
Що ж діялось по Шведчині, (Ж.: *що діялось на* (!) *Шведчині*)

То й вони злякались,
Оніміли з переляку.
Пани католики
Кров точили, упивались [(в Ж.: *точили. Воеводи*
А . . . . *Як тиї собаки*
З кісточками . . . . . . *Рвали, гризли.—І далека* (!)]
. . . .
І про все те
Запорожці чули.

— 10 зн.: як звонили у Глухові, — в М. зразу було: в *Україні*.

— 8 зн.: на боло*то*,—в М.: на боло*ті*.

— 4—1—в М. немае.

245, 1: Запорожці....—в М.: *сіромахи*...

— 3—4: Що конае гетьманщина,
Неповинно гине,—в М.:

Як канають в Гетманщині,
На лінії гинуть

— 5: небожата,—в М.: Запорожці

— 6: чули *та*....—в М.: чули *і*....

246, 9—12 мають в М. такий варіант:

Умивались небожата
Дрібними, гіркими...
Аж поки та матер божа
Заплакала з ними.

— 16—17—в *Б.* немае.

— 17: за козацькиї за тиї,—в М.: *за козацькі, і за тиї*.

— 16 зн.: побив ката,—в М.: свата.

— 10 зн.: у Іржавці,—в М. і в Б.: в Іржавиці.
— 9: в мурованім,—в М.: в *сотниковім*.

69. О думи мої, о славо злая!

На стр. 108 в М. за № 11 стоїть цей вірш; в ріжку вгорі зліва—N. N. Вірш перекреслено. В Б. його не заведено, а через це й ніде в „Кобзарях“ немає,—і вперше, як новинку, подав його О. Кониський (З. Н. Т. т. 39. Ненадруковані вірші Т. Шевченка, 2—3) з рукопису, знайденого у Л. Жемчужникова. Кониський вагався, чи Шевченків це вірш, але вважав його найскоріш за Шевченків. Що ж до того, що в копії Жемчужн. зазначено: „въ подлинникѣ это стихотвореніе зачеркнуто“, то Кониський поясняв це тим, що це навмисне так робилося з тими творами Ш., які здавалися хоч трохи „нескромными“... Але на ділі воно не так: дійсно, в оригіналі (в автографі М.) єсть кілька закреслених віршів чи початків віршів,—але єсть там речі закреслені тоді, як писалися (невдатний початок, як здавалося Шевченкові), і єсть речі, закреслені пізніще, олівцем (напр. „І станом гнучим“, „Хіба самому написать“, „Чи то недоля“ та инші). Одначе які мотіви були у Ш., щоб їх позакреслювати, не берусь сказати. У всякім разі позакреслював Ш. сам, і не через те, що то були „нескромні“ вірші, бо тоді б він не писав, починаючи 3 книжечку:

Розважаю
Дурную голову свою,
Та кайдани собі кую
(Як що добродії дознають).
Нехай собі хоть розіпнуть,
А я без цього не улежу...

Отже вірш (імпровізація) „О думи мої! О славо злая!“ закреслено зараз же тоді, як написаний був (тим самим чорнилом),—очевидно, поетові не подобалося написане.

Подаю його з автографа, визначивши одміни по копії Жемчужникова:

О думи мої! О славо злая!
За тебе марно я в чужому краю
Караюсь, мучуся... але не каюсь!
Люблю як щиру, вірну дружину (в Ж.: *вірную*),
Як безталанную свою Вкраїну!

Роби, що хочеш, з темним зо мною,
Тілько не кидай,—в пекло з тобою (В Ж.: *тілько не кидай в пекло з собою...*

Пошкандибаю . . . . . .
. . . .
Ти привітала
Нерона лютого, Сарданапала,
Ирода, Каїна, Христа, Сократа,
О непотребная! Кесаря—ката (В Ж.: *І непотрібного кесаря—ката*)

І грека доброго ти полюбила
Однаковісенько... бо заплатили.
А я убогій (=ий), що принесу я?
За що сірóму ти поцілуеш?
За пісню—думу?... ой гаю, гаю. (В Ж.: За пісню—думу: „Ой гаю мій, гаю?“)

Й не такі як я дармо співають. (В Ж.: *І не такі, як я, дарма співали*)...

І чудно й нудно, як поміркую (В Ж.: *І* чудно *і* нудно),
Що часто кóтяться голови буі (В Ж.: голóви—буі)
За тее диво! Мов псп гризуться
Брати з братами, й не схаменуться (В Ж.: *і* не схамевуться).

А (зразу було: *що*) тее диво—вами кохане:
У шинку покритка, а люде пьяні!... (В Ж.: В шинку...)

70. Ще як були ми козаками.

Въ автографах і в М., і в Б. заголовка немае, а в Чернигівському автографі [(лист Ш. до Максимовича од 5/IV 1858 (?)] заголовок дано *Полякам.* В „Кобзарях“ звичайно стоїть „Ляхам“ і далі: (*Бр. Залєському*),—так вперше поставлено у Львів. К. 1867 (в Кожанчиківському немае заголовка). Що до дати цього віршá, то з приводу її постають де-які сумніви. Перш за все, йдучи за № 11 в автогр. М., він не мае зовсім №, а за ним далі стоїть № 12. Правда, ті сторінки (109—110), на яких його вписано—були останньою карткою 7-ого маленького зшитку першої книжечки, і Ш., почавши дальший, 8-й зшиток, міг навіть згодом його на порожню, не

записану картку вписати. Але для нас це не мае великої ваги, коли саме (після якого власне вірша) написано його—можна бути певним, що все одно його написано того же таки р. 1847. Написано його не так старанно, як инші, попередні, досить не економно (більшим письмом), а кінець „оттак-то Ляше, друже брате"—приписано, безперечно, далеко пізніще за початок, бо після „кричать: te Deum" поставлено було кінцевий росчерк, а далі зовсім иншим письмом, косіщим і кращим, дописано кінець. Письмо характером своїм дуже нагадуе письмо Ш. р. 1858,—коли переписувалися поезії в автогр. Б. Мені здаеться певним, що кінець цей дороблено тоді, коли вірш цей Ш. списував в листі до Залеського,—оттоді то він і додав „оттак-то *Ляше друже-брате*"! Спочатку ж вірш був написаний незалежно од якої-небудь думки про посвяту його комусь.

Додам, що у Львів. „Кобз". 1867 подано текст в иншій ще редакції,—якійсь пізніщій за М., але раніщій за Б. Що ж до Чернигівського автографа, то він мае дату 5/IV—певно, не пізніщ як р. 1858,(дати року в листі немае),—тим часом в Б. дата ясна: 14/III 1858 (це навіть було причиною того, що по „Кобзарях" і досі цей вірш датуеться р. 1858.) Що 5/IV не р. 1859, а раніщий, то про це свідчить підпис під-низом: „Кобзарь Тарасъ Дармограй": р. 1859 в цій містіфікації не було вже потреби. Не могло знов бути цей р. 1857, бо тоді у Ш. не було його давніх рукописів. Таким чином Черниг. автограф раніщий за Б., одначе в ньому есть одна одміна (в останньому рядку),—краща,—ніж в тексті *М.* та *Б.*

Одміни:

270, 5 зн.: після „*жилось*" в автографах скрізь (!).

— 3 зн.: вольними степами, — у Льв. „Кобз." з якоїсь редакції узято: *буйними*.

271, 5: іменем Христа,—у Льв. К. гірша поправка „Христовим", бо через 4 рядки знову „*Христовим*".

— 8: *широке* море,—у Льв.: *велике* море; але і в *М.*: *велике*.

— 16: а ксьондз,—у Ш. в М. оригінальна форма цього слова: *ксендзь* (таку форму стрічаемо і у власноручн. поправках Ш. в Чигирин. Кобзарі р. 1844).

— 17: Allelujah,—в М. немае цього слова,—есть воно в Б.: але просто „алілуя!" Так само і в Черниг. автографі.

— 9 зн.: і серце *чистее*,—у Льв. Кобз.: „*щирее*".

— 8 зн.: І знову іменем Христовим, — в М.: І іменем Христовим знову.

— 7 зн. Возобновим наш тихий рай,—в Черниг. авт.: *Ми оновим*. Що до того, чи: возобнов*им*, чи возобнов*ім*, — то у Ш. стоїть просто *и*, яке у нього служить і за *і*, і за *и*, але маючи Шевченків же варіант „*ми оновим*“, можна певніще думати, що повинно бути: возобнов*им*.

71. Чернець.

(*П. Кулішу*).

В автографі М. має поезія цянумерацію „12“. В лівому ріжку стоїть: „Чернець“, вгорі „*П. Кулишу*“. В автогр. Б просто „Чернець“. Крім того, маємо варіанти в копії Жемчужникова (З. Н. Т. т. 33).

Вперше видруковано в „Основі“, 1861, кн. І. Передруковано звідси в „Вечерницях“, 1863, ч. 3.

Одміни:

251, 7—і ніколи,—в коп. Ж.: *вже ніколи*.

— 13: Серцю жалю,—у обох автографах і коп. Ж.: *жалю серцю* (перестановка в „Основі“).

— 12 зн.: і єдвабом, — в М. і Б.: *Эдвабном*, в коп. Ж.: *шовками*.

— 8 зн.: відром—цебром (так в „Основі“)—в обох рукоп. і в Ж.: цебром відром.

252, 2: мовчки виглядає (так в „Основі“), — в М. стоїть: *певне*, в Б.: *мовчки*, але збоку червон. олівцем Ш. згодом написав: *голе*.

— 7: в червоних штанях оксамитних, — в М. було зразу: „*в червонім ритім аксамиті*.

— 16: як би таки, молодиці,—в обох автографах, та й в „Основі“, зовсім правильно: як би *таки молодиці* (dativ), — тим часом в виданню Ю. Романчука „молодиці“ — vocativ [з обох боків по (,)].

— 15 зн.—„Дам лиха“—нов. розмір.

— 15—14,—в обох рукописах так:

Дам лиха закаблукам,
~~Дам~~ лиха закаблам,—

а далі в Б.: *Останеться* (а не „*достанеться*“) *й передам*. В М. цього рядка немає.

— 12 зн.: А вже ж тиї—в коп. Ж.: *А вони ж тії*.

— 11: лиха, муки,—в обох автогр. і Ж.: *лиха й муки*.

— 8: *Достанеться й передам*,—в обох автографах: *останеться* (це не помилка, а сістематично в обох автографах).

— 7: До Межигорського Спаса,—в М. додано опісля олівцем „*Аж до*"; так воно і в *Б.* „*Аж*" есть і в „Вечерницях", і та у Львів. К. 1867.

— 6: потанцював, — так в обох рукописах, а в „Основі": *протанцював*; в „Вечерницях" —як в „Основі".

— 2: крикнув,—в Ж.: *старий крикнув*.

253, 2: свята брама одчинилась, - так в обох автографах, а в Ж.: *святу браму одчинили*.

— 4: і знов брама зачинилась,—в Ж.: *і знов браму зачинили* (так і в М.).

— 5,—в коп. Ж. немає; в М.: *на вік зачинили*.

— 6: козакові,—в М. і Ж: *для козака*.

— 9: Палій Запорожець,—в Ж.: *Борозенський*; в М. було зразу: *Борозненський*. але поправл. на „Запорожець".

— 13: по келії,—в Ж.: *Семен Палій*.

— 14: Старий Чернець,—в М.: *Семен Палій*, в Ж.: *По келії*.

— 15: у Вишгород,—в Ж.: *Семен Палій*.

— 15 зн.: Дзвонковую,—в М. примітка Шевченка: *Дзвонковая криныця прозываецч недалекъ одъ манастыря*.

— 14—13: Як то тяжко,—в М.: *Як то було*
Було. *Тяжко*.

— 7: письмо святе (так в „Основі"),—в обох автографах: *святе письмо*.

— 2: І в келії,—в М.: *У келії*.

254, 1: *А сивий*,—в М.: *І сивий*.

— 2: зазирає,—в обох автографах так, а в „Основі": *заглядає*; так і в „Вечерницях".

— 3: музики,—так в „Основі", а в обох автогр.: музик*а*.

— 11: читай, читай,—в М. зразу було: *і все читай*, але поправлено.

— 16: свою Борзну, — так в „Основі", — в обох автогр.: *Борзну свою*.

— 17: ти сам,—в М.: *і сам*.

— 13 зн.: І старець тяжко заридав,—в М.: *застогнав*, а в Ж.: *Чернець заплакав, застогнав*.

— 9 зн.: для чого ж на світ родився,—в обох автогр.: *для чого.... вродився*.

— після рядка 8 („Свою Україну любив") в *М.*—ряд крапок.

— 5 зн.: взяв патерицю,—в Ж.: *і чотки взяв*.

— 4: перехрестився, чотки взяв,—в Ж.: *І патерицю, і молитись.*

— 3: І за Україну молитись,—в Ж.: *За ту* Україну молитись, в М.: *молитися.*

— 2 зн.: Палій чернець,—в Ж.: *Старий* чернець; в М. зразу було: *Семен Палій*, але поправлено на: *Чернець Палій.* В автогр. Б. теж: *Старий Чернець* (як і в Ж.).

Що до дати в „Кобзарях“ „Орская крѣпость, 1818“—то можна думати, що це просто дата, коли вірш цей був посланий Кулішеві,—написаний же він безперечно ще р. 1847. Та на це маємо ще один доказ. В Кухаренковому манускрипті (З. Н. Т. т. 33, Варіянти, стр. 4) разом з „Москал. Криницею“ та віршом „Вечір“ знайшовся і „Чернець“, і дата там р. *1847*, і обстоювання О. Кониського за р. 1848—безпідставне. Чи дійсно ж Ш. написав Я. Кухаренкові „Чернеця“ з памяти,—не скажу запевне, але дуже незначні одміни від тексту М. і копії Ж. (це й есть автограф Кухаренка) показують, що навряд чи воно так: сумнівно дуже, щоб Ш. так добре памятав цілих 10 літ „Чернеця“, щоб міг подати його так близько до початкової редакції. Адже ж ми знаємо, що Ш. де-які свої поезії згодм так позабував, що й пригадати вже не міг, чи то його вірш, чи ні,—напр. так було з „Пусткою“ (М. Щепкину). Але де в нього взявся старий оригінал в Новопетровському—цього не берусь сказати.

Що до тексту в „Основі“, то як бачимо, Куліш позволяв собі де-що поправляти, найбільш переставляючи слова, а часом то й заміняючи слова иншими підхожими.

Згадаю ще, що в автогр. М. (на стр. 116 і 117) есть ще дальший текст „Чернеця“ (в вид. Романч. в примітках, на стр. 683,—узято його з Пражськ. „Кобзаря“), але Ш. тоді ж таки, як написав, закреслив його, і через те власне його немає от і в автографі Я Кухаренка (копія Ж.), а також і в Кожанчик. „Кобзарі“.

Подаю цей кінець по автографу:

Молися, старче, бий поклони,
Поки й малих дітей погонять
Гатить глибокі болота...
На світі все бач суета!
Молися ж, бий собі поклони...

Моливсь чернець за Україну;
Зробив і хрест, і домовину,

Та смерть барилася, не йшла,
Поки гармата заревла
Із Глухова по Україні.

Почув Чернець, не дохрестився,
Тілько на небо подивився
Та щось промовив, застогнав
І душу Богові послав,
А сам з труною одружився.

Стогнали дзвони, завивали.
Кіяне гори укривали:
Ченця Семена Палія
Ченці, мов Гетмана, ховали.
І нині, братія моя,
Стоять твердині на Україні—
Все Паліївськії на Хвастовщині;
В ярах, болотах лежать гармати:
На що? та й нікому іх доставати.
Захрясли жидом хвастівські гори,
Хвастяне погані на ксёндзя орють;
Инколи, инколи ченця згадають,
А де похований? в якому краю?—
Вони не знають, може й не чули!
Кіяне бачили, та й ті забули.
Отак-то сталося, батьку козачий!
Все занехаяли діти ледачі:
І свою волю, і твою славу.
Москалі рознесли вали в Полтаві (в Праж. К. неправильно: *у* Полтаві),
Розруйнували і Січ, і Спаса,
А над тобою глину товкмасять.

72. Один у другого питаєм.

Вперше видруковано в „Народномъ Чтеніи“, 1859, кн. 6, стр. 133. В автогр. М. за № 13. Єсть і в автографі *Б*.

Одміни.

21, 4: на що живем?—в М.: *чого* живем.

— 12: на тебе понесли,—в М.: *навели*.

73. Самому чудно.

В автогр. *М.* — за нумером 14. Єсть і в автогр. *Б.*

Одміни:

21, 15 зн.: і долю проклинать. В *М.* Шевченко так написав:

Що ж діять? і що почать?
Людей і долю проклинать!

(в формі запитання), а в *Б.* переінавчив:

„Людей і долю прок*линать*
Не варт, ей Богу....

Так прийнято і по „Кобзарях“.

— 21, 13: на чужині, на самоті, — в автогр. *Б.* ясно стоїть таке:

Як же жити
На чужині на самоті?

В М. після „на чужині“—(,).

— 10 зн.: то гриз по троху б,—в М.: *помалу б.*

— 5: за Уралом, — в М. зразу було одно *У.*, — решту літер дописано згодом.

74. Ой стрічечку до стрічечки.

В автогр. *М.*—за нумером *15.* Єсть і в автогр. *Б.*

Одміни:

89, 8 зн.: ой стрічеч*ка* до стрічечки,—в автогр. *М.* Шевченко олівцем поправив: ой стрі*чечку*... Здається, що всі поправки чорним олівцем роблено тоді, як вірші з М. переписувалися в Б.,—може перед тим, як давати їх списувати для подачи в цензуру (оттоді то і деякі поезії в *М.* Ш. позакреслював олівцем).

— 7 зн.: три нічечки,—і в *М.* і в *Б.*: три ніче*ньки.* Справді, ні в Кожанч., ні у Льв. 1867, ні навіть в Празькому К. немає: нічечки, а скрізь: *ніченьки.*

— 4 зн.: ой плахотка—чер*в*чаточка,—в М.: *черчаточка*, а в Б.: *червчаточка*; так і мусить бути.

75. Хустина.

(*Чи то на те Божа воля*).

В автографі М.—за нумером *16*. Єсть і в автогр. *Б.* Крім того варіанти де-які маємо і в копії Жемчужникова.

Вперше видруковано р. 1860 в „Хаті“ Куліша.

Зауважу, що в автогр. *М.* чимало перекресленого (в середині),—тоді як цей вірш складався,—очевидно, він вписувався ще не готовий. В автографі *Б.* текст перероблено так, що ніде не згадується про Катерину і Івана, як це в автогр. М., а скрізь *сирота й сірома.*

Одміни.

Перш за все в М. і в Ж. початок не такий, як в *Б.* і по „Кобзарях“, а починається так:

Була собі Катерина,
Безталанна сиротина.

Рядок 3-й так, як і в Б., а далі:

173, 18 зн.: З сиротою покохалась,—в М.: *Та з Іваном* покохалась, а в Ж.: *закохалась.*

— 17: неборак, як голуб,—в М.: *А Іван.*

— 16: з Катериною,—в М. *з безталанною.*

— 14: Сидять собі у вдівоньки—в М.: вечеряють (зразу було: *у дівоньки*).

— 13: Сидять собі,—в М.: *вечеряють.*

— 12: Пречистої—в М.: підкреслено.

— 11: Діждалися,—в М.: *дожидають....*

— 10: З Чигирину,—в М.: *А з Чигрина.*

— 8: заревли,—в М.: *загули.*

— 6: мечі, шаблі,—в М.: *мечі—шаблі.*

— 5: та збірались,—в М.: *та їхали.*

Далі, рядків 4—3 в М. немає... В М. далі чималий уривок закреслено (перш за все рядок „Катерина зажурилась“, а потім „накупили на три копи“ і т. д.),—цей закреслений уривок єсть також і в копії Ж., куди, знати, переписувалось усе з писання Ш., що тілько можна було прочитати.

Уривок цей такий (подаю по автографу, визначаючи одміни з Ж.):

Накупила на три копи (в Ж.: *Накупила Катерина*
Червоного шовку, *На три копи шовку*)

А за того за таляра
Золотую голку,
Та й вишила Іванові
Шовками хустину,
Щоб згадував на чужині
Свою Катерину.
Ой у неділеньку рано—пораненьку, (в Ж.: *Ой у неділю*)..
Ще й сонечко не вставало—
В далеку дорогу, войну і тревогу,
Мати сина випровожала.
Випровожала Йвана Катерина (в Ж.: *Івана*)
Із чужої темної хати (закреслено: три поля, три милі)
(в Ж.: *хатини*),
Несла його збрую, шаблю золотую
І цвяховані лати...

Досі закреслено; далі є ще 4 рядки, яких в М. не закреслено, але в Б. їх немає:

Зажурилась Катерина,
Безталанна чорнобрива (В Ж.: зажурилась чорнобрива).
Іван коника сідлає,
Собі зброю добірає.

173, 2 зн.: та ранесенько,—в М.: *рано—ранесенько*.

— 1: вийгравали,—в *М.* і в *Б.*: виграв али (це в „Основі“: *вий*гравали).

174, 1: в поход у дорогу,—в М.: *в далеку* дорогу.

— 3: випровожала,—в М.: випроважає.

— 6: А сірому сиротина,—в М. і Ж.: а Івана Катерина.

— 8: до зірниці із криниці,—в М.: до зірниці з криниці.

— 14: *щоб* згадував,—в М.: *що*...

— 18 зн.: тілько й слави,—ні в *М.*, ні в *Б.* немає *й* (це в „Основі“ додано).

— 11 зн.: виглядати,—в Б. зразу було: *виглядала*.

— 9 зн.: а на трете линуть,—після „на трете“(.....)

— 8: преславниї,—в М.: *наші славні*.

— 6 зн.: іде й друге,—в М. немає *й*.

— 4: безталанна,—в *М.* і *Ж.*: *Катерина*.

— 2: мальовану,—в М. і Ж.: *дубовую*.

— 1: китайкою криту,—в М.: *вкриту*; в Б.: *криту*, хоча останній рядок знову і в Б.: Хустиною *вкрите*.

175, 13: а на збруї козацькая,—в М. і Ж.: А на *збруї, на козацькій*, а в Б.: а на зброї... *козацькая.*

— 17: а на йому сіделечко,—в М. зразу було: *сіделечко цвяховане.*

В Б. під віршом стоїть дата „Нижній Новгородъ 1858, марта 8-го" (це *д*ата переписання).

76. А. Козачковському.

Вперше видруковано в „Основі", 1862, X. В автогр. М. починається цим віршом 9-ий маленький зошит (стр. 127); нумер вірша—18; під нумером чорним олівцем дописано: „*А. Козачковскому*". В автогр. Б. заголовок уже: *А. О. Козачковскому.* Єсть де-які дрібні одміни і в копії Жемчужникова.

Одміни.

23, 13: візерунками,—у Ш.: в*е*зерунками.

— 16: *Три царіє со дари*,—в М.: *з дарами.*

— 15 зн.: виспівую було та плачу, — в М.: виспівую *собі* (дописано чорним олівцем).

— 7: У школі сивіть почало,—і в М. і в Б.: *довелось*.... Це „почало"... зьявилось вперше в „Основі". Чи єсть якісь підстави, що це Шевченкова поправка,—не відаю.

— 3 зн.: мабуть Господь мене карає,—в М.: *мабуть*, але в Б.: *отак*...

— 2—1: Ось слухай же, мій голубе,
Мій орле—козаче,—в М.:

. . . . *Щирий друже,*
Та росказуй дітям.

24, 1: конаю,—в М. і Б.: к*а*наю.

— 2: як нужу я,—в М. було: як я нужу, але олівцем поправлено на „як нужуся". В Б.: *як я нужу*,—перестановка вже в Кожанч. „Кобзарі".

24, 3—4—в М. немає.

24—після рядка 9 („нехай собі у куточку") в М. і Ж. вставка:

І майскії ночі,
І, як небо, голубії (в Ж.: *і те небо голубеє*)
Ті очі дівочі (в Ж.: *та очі*...)
На лад давній вихваляє,
Не лає нікого
І не любить- опріч грошей
Та себе самого.

А Україну?.. Крий Боже!
Нехай собі плаче, — (за цим в коп. Ж. іде: *тихесенько, щоб Бог не чув,* — себ то так, як в *Б.* і в вид. Романчука в рядку *10*).
. . . .

В М. далі такий варіант:

Ось слухай же, мій голубе,
Мій орле козаче,
Як канаю я в неволі,
Як нужу я світом (було: *як я нужу*, але поправлено олівцем)
Та росказуй тихесенько
Нерозумним дітям.

— 10—15—в М. немає,—там отсей варіант з 6 рядків, що зараз подав я.

— 16 зн.: талами,—в М. з наголосом: *тала́ми,* і це слово підкреслено,—так само як далі ще раз.

— 13 зн.: стрепенеться,—в М.: усміхнеться.

— 11: усміхнеться—в М.: стрепенеться.

— 10—7—в М. немає.

25, 7: піски, тали‘—в М. на *талй*—наголос.

— 9: після „говорила“ в обох автографах (.....)

— після рядка 10—в *М.* рядок крапок.

— 13: таки її,—в М.: її *таки.*

— 17 зн.: моя Вкраїно, — і в *М.*, і в *Б.*: *Країно* (так і в „Основі“, в Кожанч. і в Пражск. „Кобзарях“).

— 16 зн.: *чи то я вирвусь,*—так пішло з „Основи“ („Чи я то“...), а в автографах:—в М.: *коли я вирвуся,* в Б.: *коли я вирвусь.*

— 15—в М. і Б. це два рядки. Рядки 13 і 12—в автографах не розділені.

— 12: Айда в казарми, — в М.: *Гайда в кошари* (*кошари* підкреслено); в Ж.: *гайда в кошару*; в. Б.: *айда* (обидва рази).

— 7: святкую,—в М.: *минає.*

— 6: неділеньку святую,—в М.: неділень*ка святая.*

— 5: А понеділок? Друже-брате!—в М.: *Ох, друже*-брате.

— 4: приходить ніч в смердячу хату,—так пішло з „Основи“, а в автографах так—в М.: *Ще прийде ніч в смердячі хати,* а в Б.: *Ще прийде ніч в смердячу хату.*

— 3: осядуть думи, — і в *М.*, і в *Б.*: *Ще прийдуть думи.* Звідкіля в „Основі“ такі одміни?

26, 2: і спинять ніч: часи літами (так в „Основі"),—але тут не може бути (:),—в автогр. Б. після *ніч* стоїть (.), бо инакше виходить, що наслідком того, що думи спинять ніч—потечуть часи літами та віками.

26, 3: віками,—в М.: у вічне море.

— 4: і я кровавими сльозами,—в М.: *і тяжко-тяжкими.*

— Після рядка 5 в М. і в Ж. чимала вставка. В автогр. М. її закреслено олівцем, але ніяким чином не тоді, як писалося:

Не малодушіе в неволі
Вночі сльози точить,
А гріхи мої великі
Вилитися хочуть.
Не виллються, не покинуть
Душу катувати....
Страшно мені друже-брате
Смерті сподіватись!

— 13: В степу, небога, заблудила, — так вперше зьявилося в „Основі", а в автографах воно инакше, а власне—в М.: *та у кошари заблудила* (кошари—підкреслено), а в Б.: *та до Миколи заблудила.*

— 14: та й упиватись зареклась, -- в М.: *І вдруге пити* зареклась.

— 10 зн.: на позорище,—в М.: на *посміщище.*

— 9 зн.: муштрувати,—в М.: *научати.*

— 7: щоб знав, що дурня,—в М. було зразу: *І те, що...*, але олівцем поправлено.

26, 6 зн.:—перед цим рядком в *М.* (в Ж.: немає) єсть така вставка:

Так день і тиждень так минає,
І може, друже мій, отак
Минуть остатнії літа!..
Як перед Богом сповідаюсь:
За правду (було *по правді,* але олівцем поправлено) на світі караюсь
I не клену долі,
Тілько Господа благаю:
„Не дай, боже, в чужім краю
Згинути в неволі!"

Уривок цей, як і „Не малодушіе в неволі" (обидва закреслені Шевченком) опущено в автогр. Б.; уривки ці дуже важні, бо малюють

нам психичний стан поета в той час, і коли Шев., переписуючи поезії р. 1858, повикидав їх чомусь, то це не значить, що ми не повинні їх мати в „Кобзарі“—тим більш, що і формою вони не з гірші од решти цього вірша.

26, 6 зн.: минають літа,—в М.: *минули*.

— 4 зн.:—після слів „знову за своє“ в М. зразу було написано, але закреслено чорнилом:

Та нічогісінько не вдіє,
А тілько жалю завдає, —

це, власне, повторяється й далі, тілько трохи иначе.

— 2 зн. після „завдає“, — не (:), а [.], як це і в автограф. *Б.* та *М.*

— 1 зн.: А може ще добро побачу,— *в М.*: *Добро кріз сон хіба побачу.*

27, 1: А може лихо переплачу,—в М. *Та може;* так і в *Б.*, тілько при кінці знак *?*

— 27, 5: розмовляти,—в Ж.: сповідати,—і далі і в *М.*, і в Ж. така вставка:

Свої гріхи, і як мені
Доводилось на чужині
В неволі в катарзі каратись.
А все за того пятака [в Ж.: *і не* за того),
Що вкрав маленьким у дяка
Та за вірші оті прокляті [в Ж.: *а за вірші оці проклятї*).

А далі — як у рядку 8: Чи се коли сподіється [в М.: чи *те* коли].

27, 15: Так тая Украйна,—і в М., і Б.: *так ти і Украйна,*— переміна пішла з „Основи“.

— 17: І ти, друже-брате,—в М. і Б., і в Ж.: *і надія, брате,*— одміна починається з Кожанч. „Кобзаря.“

77. Москалева криниця.

(*Я. Кухаренку*).

Стоїть в автогр. М. за нумером 19; під ним олівцем: *Я, Кухаренку;* в лівому ріжку, косо: *Москалева криниця,* згодом закреслене так злегка, що чорнило і рудий олівець стерлися, а заголовок про те ясно знати. Це не та *Москалева криниця,* яку

Ш. написав р. 1857 і послав *Я. Кухаренкові,* а драматичний ескіз на ту саму тему. Ні в якім разі не можна вважати її варіантом теї пізніщої поеми — це осібний зовсім твір, і дивно, що його ігнорують по всіх виданнях „Кобзаря“ [єсть в одному лишень Пражськ. Кобзареві, т. I].

В середині Ш. закреслив більш як сторінку, од слів „Спочинем трохи, поговорим“ аж до „Одружились небожата“.

Маючи на увазі, що поема ця мало відома, і в виданню д. Романчука її теж немає, то збіраючи до-купи увесь текстуальний матеріал, потрібний для повного і критичного видання „Кобзаря“, подаю її з автографа (автографа М., бо а в Б. її немає), додержуючи правопису оригіналу.

В автографі М. песа ця, як і пізніща „Москалева криниця“, має посвяту: *Я. Кухаренку.*

Невартъ ей богу жить на свити!..
—То йды топись!—а жинка! диты?—
Отожто бачышъ не бриши!—
А сядь лышень та напиши
Оцю бувальщену... то може
Инако скажете небоже.

—

Пиши о такъ було
Село
Та шобъ не лизты на чужину
Пишы у насъ на Украини.
А в тимъ сели вдова жила,
А у вдовы дочка була
И сынъ семилитокъ.
Добро, мавше дитокъ
У роскоши,—хвалышъ бога...
А вдови убогій,
Мабуть не до його
Бо залилы за шкуру сала,
Трохи не пропала,
Думала въ черныци,
Або йты топиця.
Такъ жаль маленькихъ дитокъ
стало.
Звичайне маты, що й казать!
Та може снывся такий зять
Бо вже Катруся пидростала
Чи вжежъ[1]) ій викъ продивувать:
Зносыти бривоньки ни за що?..
Ни, дивонька вона не та! [2])
Такижъ у тимъ сели, трудящій!
(Бо всюды сыроты ледащо.)
У наймахъ вырисъ сирота,
Ныначе батькова дитына!
То сякъ, то такъ
Придбавъ сирома грошинятъ,
Одежу справивъ, жупаныну,
Та ни видсиль и нивидтиль
На ту сыритьску копійчину,
Купивъ садочокъ и хатыну,
Подякувавъ за хлибъ за силь
И за науку добримъ людямъ,
Та до вдовивны на впростець
Шелесть за рушныками!
Не торгувалысь зъ старостами
(Якъ те буває межъ панами)
Не торгувавсь и панотець
Усимъ надыво та на чудо!

---

1) В Праж. К. немає *ж.* Хоч пєсу цю видруковано з автографу *М.*, про те в Праж. К. зроблено кілька помилок.

2) Зразу було „Ни вона дивонька не та“.

За три копы звинчавъ у будень...
Просохлы очи у вдовы.
Отакъ то друже мій живы
То й весело на свити буде.
И буде вартъ на свити жить
Якъ матемишъ кого любить.
Хоть кажуть отще що небоже,
Себе люби то й богъ поможе.
А доведеця умирать?
Здыхать надъ гришми? ни небоже!
Любовъ Господня благодать!
Люби жъ мій друже, жинку, дитокъ;
Дилы зъ убогимъ заробитокъ
То легше буде й заробляять [1]).—
1. Спочинемъ трохи поговоримъ [2]).
Шо ярина ще не зійшла?
2. Та де та ярина взялась.
У мене ще на жито орють.
Отымъ то й ба, шо живете
Видколы дядьку, а нечулы
А може й чулы та забулы,
Журналъ дрюкують...
1... Те! те! те!
2. Та що вы думаете, польскій,
Або хазяинъ той московскій?
Нета ловись! журналъ *реву*
Чите *ламодъ*, купивъ для паши
вторикъ въ Ромни...
1. Нышкомъ Такъ отъ якъ наши!
Нечувъ, якъ на свити живу...
2. У самому тому журнали
Моя пашета начитала,
Як нимци сіялы траву:
А потимъ вижалы серпами!...
И все напысано стихами
Та нетакими якъ у насъ...
1. Як-бы ты брате свыни пасъ...
За слово выбачай.—
2. *Мовъ не чуе*—Гей хлопче!
Ходить посвистуе а потимъ спивае.
Хлопче молодче
З карими очима
На що тоби жинка
Камень за плечима.
1. Тагоди вже тоби спивать.
2. Що може хочите кончать
А я признаця думавъ тее...“
1. А я такъ думаю инее,
Шо випьемо та поснемо,
А тамъ и ладу недамо;
Сидай лышъ та пиши небоже
Та кончемо, якъ богъ поможе
—
Одружилысь небожата
Дивувалысь люде
Якъ то воны ти сироты
Жить на свити будуть? [3])
Минае рикъ, минувъ другій,
Знову дивувалысь,
Де в тихъ сыритъ безталанныхъ
Добро тее бралось?
И евъ комори на двори
На току й на ниви,
И диточки якъ квиточки
Й самі чорнобрыви
У жупанахъ похожають

---

1) Зразу було „*и* легше буде заробляять“.

2) Звідьи й до слів „одружились небожата“ — в автографі текст закреслено олівцем.

3) Олівцем поправлено „На свити жить будуть“.

Старцивъ заклыкають
На обиды, а багати
То й такъ не минають.
Немииалы себелюбы,
Та все жалкувалы,
Шо сироты такимъ добромъ
Старцивъ годувалы!
Колы гнiе то спродалыбъ,
Аджежъ у ихъ диты!..
Ось слухайже що то роблять
Заздрощи на свити,
И ненатля голодная.
Ходилы, ходыли
Поки въ ночи жалкуючи
Хату запалилы! [1])
Нехай бы вже булы не певни
Яки вельможи просвищенни:
Тои нежаль булобъ; чи такъ?
А то сирiсинькiй сирякъ
Отакъ лютуе.—Тяжко брате
Людей на старисть розпизнаты.
Аще гирше зъ зá мо(ло)ду
Гадыну кохаты.
Очаруе змiиными
Карими очима...
А некъ тоби, забувъ дурню
Шо смерть за плечима.

—

До стеблá все погорило,
И диты згорилы,
А сусиды, и багати
И вбоги радилы
Багатiи бачъ радилы.
Шо багаче сталы,
А вбогiи тому ради
Шо з ными зривнялысь!
Посходылись жалкуваты,
Жалю завдаваты.
„Шкода, шкода, якбы знатьтя
Копiйчинубъ дбаты,
Та все бъ таки воно не такъ ...[2])
А що пакъ максыме!
(Бо його максымомъ звалы)
Попродай скотыну,
Та ходи до мене внайми,
Шо буде те й буде.
Будемъ знову чумакуваты
Поки выйдемъ въ люде
А тамъ знову...„ подякувавъ
Максымъ за пораду,
Побачу ще якъ тамъ буде;
Колы не дамъ ладу [3])
То тойди вже певне треба
Иты внайми знову....
Де то моя Катерина
Моя чорноброва!...
Вона мене все радила
И теперъ порадыть!..
Та останняя ся рада
Навики завадить.
Волы твои и коровы
Разомъ поздихалы,
А катруся зъ москалями
Десь помандрувала!

—

Теперъ отакъ пиши небоже.
Максымъ подумавъ, пожурився;
А потимъ богу помолывся;
Промовивъ двичи.. Боже! Бо-
же! —
Та й билшъ ничого.
Одъ царыци
Прыйшовъ указъ лобы голыть,
„Не давъ вдовыци утопиця,

---

[1]) Зразу було „сиритъ пидпалилы“.
[2]) Поправлено олівцем: „То все-бъ таки не такъ воно“ В Праж. К.: „воно не так“.
[3]) Поправлено олівцем „Колы не дамъ рады“.

Не дамже й с торбою ходыть.“
Сказавъ максымъ, и грунтъ покинувъ.
Бо вдовиного бачишъ сына
Въ прійомъ громада повезла.
Таки то темнін дила,
Творяця нышкомъ на симъ свити!
А васъ письменныхъ треба-бъ биты,
Шобъ не кричалы ахъ! аллахъ!
Невартъ, невартъ! на свити житы!
О чомъ пакъ темни? не кричать“.
2 Хибажъ живуть воны? и знають,
Якъ вы сказалы благодать
1 Любовь що? що? недочуваю...
2 Воны кажу вамъ прозябають.
Або по вашому ростуть
Якъ та капуста на горо́ди
1 Отакъ повашому! ну годижъ
Нехай соби и неживуть...
А все скажу таки як хочешъ
А вы имъ жить не даете,
Бо вы для себе живете,
Заплющивше письменни очи.
2 Отже якъ будемъ такъ писать,
Томы й довечера не кончимъ.
Ну де той безталанный зять?

—

Вернувсь вдови́ченко додому,
А зять пишовъ у москали.
Не жаль було його никому,
Та ще й сміялысь у сели!
Отже далеби незнаю
Чивона верталась
Катерина до матери,
Чи такъ и пропала?
Була чутка що стрижену
Въ Умани водили
По улыцяхъ—украла щось...
Потимъ утопилась.
Та все то те,—знаешъ люде
Втоплять и зацушать!
А може то така правда
Якъ на верби груши.
Знаю тилько що про неи
И писню проклалы.
Я чувъ тойди на досвиткахъ
Дивчата спивалы.
Шелесь, шелесь подубыни
Шапки хлопци погубилы
Тилько наймитъ незгубывъ
Удовивну полюбивъ...
Соромитна нехай ій лыхо!
Миналы лита тихо, тихо,
Отакъ пиши, и за грихи
Каралысь господомъ ляхи,
И пу́гавъ пу́гачъ надъ Ураломъ.
Пііты въ одахъ выхвалялы
Войну й царыцю.—тилько мы
Сыдилы нышкомъ, слава богу.
Писля великои зимы,
Вернувся и максимъ безногій
Въ походи каже загубывъ.
Та срибный хрестыкъ заробивъ!
Чого винъ придибавъ? нема въ його хаты
Ни сестры, ни брата, никого нема
Чогожъ винъ приплентавъ[1]? а хто ёго зна!
Чи чувъ ты шо кажуть легше умираты,
Хоть на пожарини въ сво[і]й стороня
Нижъ въ чужій въ палатахъ. чи чувъ ты? ба́ни,
Эй дядечку швидче будемо писаты;
Бо хочеця спаты и вамъ и мени.

—

[1]) В Праж. К.: приплен*тавсь*.

Зажуривсь москаль калнка
Де йому податись!
Вдовнченко въ пикинерахъ
Вдова на тимъ свити!
До когожъ винъ прихилыця?
Де перезимуе?
Уже осинь, незабаромъ
Зима залютуе.
Нема й[о]му въ свнти доли,
Полынула въ поле [1])....
Попросывся зимуваты
До дяка у школу.
Бо таки й письма спасыби
Москали навчилы,
И въ коси бувъ, бо й москали
Тойди бачъ носилы
Сыви косы зъ кучирями
Уси до одного,
И борошномъ посыпалы
Богъ нхъ зна для чого?
Масымъ таки якъ письменный
Було помагае
И на клираси дякови
И псалтырь читае
Надъ покойными, й хавтуры
Зъ школярамы нóсыть,
А въ пилыпивку сирома
Христа рады просыть!
Ничого знай свое пиши,
Та передъ лю́дьми не брыши.
Хочбы тоби лихе слово
Почувъ хто одъ його.
И таланъ, и безталання
Все каже одъ бога.
А ни охне ни заплаче
Ныначе дитына,
И собаки некусалы
Старого [2]) Максыма.
А въ недильлю або въ свято
Мовъ причыпурнця,
Шкандыбае [3]) на вдовину
Пустку подывиця.
Сяде соби у садочку — ...
И вдову згадае [4])
И за іи гришну душу
Псалтырь прочитае.
Катерину о здравіи
Тыхенько помяне!
Утрѐ слйзы—все одъ бога—
Й веселенькій стане.
А въ петривку, и спасивку
Неспочине въ школи,
Бере заступъ и лопату
Шкандибае [5]) въ поле.
И край шляху придолыни —
Отже невгадаешъ?
Що калнка выробляе? —
Криныцю копае!
Та й викопавъ на те лито
Криныцю святыли
На сàмого маковія,
И дубъ посадилы
На прнкмету произжачимъ;
А на друге лито,
Москаля вже неживого
Найшлы въ бальпи диты,
Коло самои криныци —
Выйшовъ подивиця
Останній разъ сиромаха
На свою криныцю.
Громадою при долыни
Його поховалы,

[1]) В Праж. К.: в полі...
[2]) Поправлено олівцем: „москаля“.
[3]) Зразу було: „Пошкандиба“.
[4]) Зразу було: „Колышнѣ згадае“, але закреслено.
[5]) Зразу було: „И рушае въ поле“.

И долыну и крыныцю
Напамять назвали
Москалевою, на спаса,
Або маковія
И доси тамъ воду святять
И дубъ зеленіе.
Хто йде иде не минають
Зеленого дуба,
Въ холодочку посидають
Та тихо та любо
Пьючи воду погожую
Згадують [1]) максима...
Отакъ жывить недоуки
То й жить не остыне.

78. То так і я тепер пишу.

В автогр. *М.* кінчається цим віршом рік 1847. Нумера немає ніякого. А як вірш стоїть усього лишень на 3 сторінці 10-го невеличкого зшитка (останнього з р. 1847), то за цим віршом остається ще 13 сторін не записаних. В автографі *Б.* вірша цього немає.

Проти видання Романчука одмін немає ніяких. Зауважу лишень, що в рядку 14 знизу (стр. 22), зам. *побачу*—в М. було зразу: *набачу*.

На цьому й кінчається рік 1847. Хоч він і обнімає усього 32 поезії, але з них до заслання, як на мою думку, написано 14, а решта вже на засланні. Знаючи ті умови, в яких Ш. опинився в Орській кріпості можна дивуватися навіть і такій продуктивності. —

Год 1848 був значно продуктивніщий: цього року чимало було написано і більших речей, а ще більше дрібних,—всього як більш 60. Це поясняється тим, що в місяці маї Шевченко вирушив з Орського в експедіцію Бутакова, щоб змалювати береги Аральського моря. Очевидно, маючи волю писати і малювати, Шевченко найбільш скористувався цією волею за всі 10 літ заслання: меньш як за пів року на Аралї він написав коло півсотні поезій. Почнемо перегляд поезій під ряд—в тому порядку, як вони були написані.

79.

Друга книжечка невільницької поезії починається віршом без №, немов заспівом: „А нумо знову віршовать“... Вписаний він в зшиточок, який зразу, як знати, мав нумер 1 (як перший з р. 1848), але згодом Шев., коли складав до купи усі зшиточки, поставив „11“ (рік 1847 скінчився на 10-му).

---

[1]) В Праж. К.: Згадають.

Вірш цей в автографі зразу був на одному боці написаний (на стр. 161,--2-й у зошиткові,—бо перша картка—обкладка), але потім другу половину його закреслено олівцем, і на задній стороні обкладки (на стр. 160) додано олівцем додаток на всю цю сторінку. В автографі *Б.* цей вірш переписано знов із змінами проти тексту, поправленого вже в автографі *М.*

Одміни:

33, 10—7: Людей за те, щоб нас знали
Та нас шанували,
Долю за те, щоб не спала,—в М. иначе:
Долю за те, *що не спала*
Та нас доглядала,
Людей за те, що вітали
Та нас поважали,—

а дальших 6 рядків (до краю сторінки) в *М.* немає (тілько в Б.), а за те в М. було одразу таке написано:

Як же його і не клясти!
І поезії не буде,
І не буде солі,
Як то кажуть. А без неї
І борщ, мов помиї,
А вірші ... вірші.... та цур їм!

Цей уривок в М. закреслено олівцем, а замість нього зроблено велику вставку олівцем же:

А то й поезія завяне,
Як кривди не стане.
Заходімося ж ми знову
Святеє поганить!
Ні не доладу, ні до складу,
І кому завадить
Моя кривда лукавая?
Нікому. А зрадить—
Самому зрадить на чужині.
І на далекій Україні
Старому віри не поймуть,
Старого дурнем назовуть:
„Нехай стара собака гине,
Коли не вміє шанувать

Людей та Бога пресвятого,
Не вміє правдоньки сказать,
То й цур йому! Нехай блукає,
Дурний свій розум проклинає,
На старість учиться брехать;
А ми не будемо читать
Його скаженої брехні!“....
Правда ваша, люде!
Брехнею бач, вийдеш всюди,
А не вийдеш в люди.
Так цур же їй! Нехай собі,
Кого знає, шиє
Брехня в дурні, а я собі,—

а далі знову пять рядків так, як було написано одразу:

Поки море виє
Та гризе високий берег,—
Чи не вдам я знову
Про що-небудь тихенького
Та благого слова.

Вважаю за потрібне зазначити де-які помилки в Пражському „Кобзарі“, де тільки й подано цю початкову редакцію з автографа *М*. В автогр.: *заходімося*, а не *заходимося ж*.

В автографі: *Самому зрадить на чужині.*
І на далекій... , — а в Пражськ.: „Самому *зрадить*. На чужині“...

В автографі *Б*. нічого цього немає,—там зовсім инша редакція,—краще сказати, мало не заново написаний вірш,—такий як по всіх вид. „Кобзаря“, між иншим і вид. Романчука.

80. У Бога за дверми лежала сокира.

В автогр. М. стоїть за номером 2. В автогр. *Б*. не переписано. *Особливості:*

183, 10—9 зн.,—в автогр. взято в ( ).

— 4 зн.: по дрóва (в автогр. з наголосом).

184, 9: до *Тингиза, до Аралу*,—в автогр. підкреслено обидва слова олівцем і до *Аралу* внизу додано олівцем примітку: *Аральское море.*

— 17: І мерк за димом божий світ,—було: *сонця* світ,—а потім поправлено олівцем. Крім того в автогр.: *мер*, а не *мерк*.

— 15 зн.: неначе ляля в льолі білій,—зразу було: *неначе хлопчик*: поправлено олівцем.

— 5 зн.: червона глина та *тичина*,—ця помилка і в „Кобз." Кожанч., і в Пражському, і скрізь по „Кобзарях", — тим часом в автографі ясно: червона глина та *печина*", тоб-то перепалена глина, немов шматки цегли, з того місця, де була чірінь печи.

185, 2: верблю*ді*,—в автогр.: верблюді́.

— 7: Кара бутак,—в автогр. підкреслено олівцем і додано примітку: *невеличка ричка*.

— 8: Сингич—агач,—в автогр. підкреслено і додано примітку: *„одно дерево"*.

— 8 зн.: щоб парости роспустили,—в автогр. дійсно: парост*и*, а не парост*і*.

— 7 зн.: у їх біднім краю,—в автогр.: кр*аї*.

81. Варнак.

В автогр. *М.*—за номером 3, без заголовка, а в *Б.* з заголовком. В М. перед першим рядком стоїть ряд (.......). Єсть варіанти і в коп. Жемчужникова (З. Н. Т. т. 39).

Одміни Б. од М. великі. Текст, звичайно, друкуеться в „Кобз." по *Б.* В М. і Ж. до перших 14 рядків такий варіант:

Тиняючи на чужині
В неволі злій, зострів я діда (в Ж.: *зазнав я діда*),—
То був (зразу: *одпущений*) поселений *Варнак* (підкреслено),
Наш бідний мучений земляк.
Неначе діти, ми зраділи
Один другому. У неділю— (в Ж.: *один одному* (.) *В неділю*).
Бувало між талами
По-над тим Уралом,
Поки не смеркне, розмовляли [в Ж.: *поки не смеркає* (!)]
О нашій славній старині.
І він росказував мені
Свою бувальщину. „Од Бога...

178, 15: од Бога все,—так і в М., а в Ж.: *Все од Бога.*

— 16: не вдіе,—в М. і Ж.: *не зробить*.

— після рядка 15 зн. („І ні на кого не жалкую“) в М. рядок крапок, а далі, до низу на стр. 178 і аж до рядка 19 на стр. 179—в М. значно короччий варіант:

Води багато утекло.
З того часу... За Уманем
Було те вбогее село,
Де уродився я на зло,
Де виріс я на безталання
Та на погибіль... Наша пані
Мене побачила в селі
Та й узяла собі в покої.
А в неї паничі були;
Були однолітки зо мною—(нема в Ж.)
Так їм на играшку. Росли (нема в Ж.),
Росли вони та виростали
Та мною, дурні, забавлялись (в Ж.: *дурнем*),
Уже й учиться почали (в Ж.: й *учити*).
А я собі на безголовя.

179, 5: *Із Ікви в море,*—тут, очевидно, переборщили видавці Кожанчик. видання; в автографі *Б.* (в М. цих рядків немає зовсім) стоїть: *Із Ікви в.... утекло.* Ясне діло, що Ш. хотів згодом навести справку, в яку більшу річку невеличка річечка Іква тече, і зовсім не мав на думці моря,—бо це ж діється на Волині... Як би Ш. мав поставити *море,*—то на щоб він кидав порожне місце? Іква тече в Стирь. Може б годилося так: *У Стирь із Ікви утекло...?* Шевч., очевидно, не мав на увазі ні моря, ні Дніпра, куди вода з Ікви тече раніш, ніж в море.

— 14 зн.: І я учуся. Слізми, кровю.—в М.: *Учуся з ними. Сльоз і крови.*

— 13: письмо те полилося,—в М.: *Письмо стоїло... Чи нас!?*

— 11: письму учить?—в М.: *учить письму?*

Далі новий розмір (од слів „Молитись Богу“).

— 8: не повинен знать невольник,—в М.: *не повинні знать без волі.*

— 7: його доля,—в М.: *наша* доля.

— 6: отож і,—в М. без *ж.*

— 4: не дає, і в москалі,—в М.: *Не пускають... У москалі.*

— 3: проклята, не голить,—в М.: *І туди не голять.*

— 1: пішов я,—в М.: *вернувсь я.*

180, 2—в М. після цього рядок (.....)

— 3: година тяжкая настала,—в М.: *Настали тяжкії літа.*

— 4: настали тяжкії літа,—в М.: *У нашому таки селі.*

Далі рядки 5—9 узято з *Б.* (в М. немає), а замість того оден рядок: *Росла убога сирота.*

— 10: о Боже мій! о мій единий!—В М.: о Боже, Боже мій единий!

— 11: воно тогді було дитина, — в М.: *вона тойді була дитина.*

Далі аж до останнього рядка на цій сторінці в М. досить відмінний такий варіант:

Вона... Не нам Тебе судить
Великий Боже наш!
На неї
Не довелось і надивитись,
А я ще думав одружитись,
І жить, і радоваться з нею,—
І Господа хвалить...
. . . .
Уже і краму накупили,
Уже і пива наварили—
Не довелося тілько пить:
Проклятий пан старий неситий
Покриткою пустив по світу:
Не довелося вкупі жить!..
. . . .
Дарма.... минуло... не до ладу
Було б садити огород.
Пішов я писарем в громаду.

181, 3: та добрих,—в М. і Ж.: *та мовчки.*

— 5: позїзжались,—Ш. пише: *позїзжались.* Після цього рядка в *М.*: (*Мене звичайне не пізнали*) І в *Б.* було зразу:

Мене вельможні панички
Хоч бачили, та не пізнали,—

але закреслено. В М. і Ж. тут далі 7 рядків досить одмінного варіанта:

Засватані, весілля ждуть,
А нашим молодим дівчатам

В селі проходу не дають.
Дарма! Нехай! Радіє мати (в Ж.: *Нехай радіє мати*),
Радіє пан.... А хлопці ждуть,
Як Бога, панського весілля.

181, 13—14,— у клеччану неділю
Їх і повінчано обох,—в М.:
Як раз у клечальну неділю (в Ж.: в *клеччаную* (!)
І повінчали їх обох.

— 17 зн.: не бачив на землі великій, — в М.: не бачив зроду на землі.

— Після рядка 16 зн. („як молодиї ті були“) в *М. і Ж.*, замість цих 15 рядків і 6 рядків на стр. 181—так стоїть:

А я убив їх! Признаюсь—
І досі страшно, як згадаю;
Я і росказувать боюсь,
А то ще й вас переликаю.
На весілля
І ми отарою прийшли,
Палати білі запалили,
Панів великих і малих
Усіх порізали....
Молила
Сама стара за молодих,
До Бога руки піднімала... (в Ж.: *підіймала*)
А невістками хлопці грались,
Поки замучили... Затих,
Загас пожар... Уже світало (в Ж.: Уже *затих*).
А ми в діброву поховались
І раду ра́дим, що робить?
А що робить! Ходімо бить
Та мордувать панів проклятих.
І ми пішли... Ох, тяжко, брате,
Такіє згадувать діла! (Ш. часто уживає закінченя *іе* зам. *ії*).
Ватага день і ніч росла,
Уже за сотню прибувала.... (в Ж.: прибувал*о*)..
Мов поросяча, кров лилась—

182, 9: без милосердія і зла,—в М.: *без зла.*
— 12; ходив три годи я,—в М.: *я три года.*

— 13: непаче пяний той різник,—в М. слова *пяний* немає.

— 15: до всього, всього,—в М. другого *всього* нема (Ш. пише: *всего*).

— 17: спражеш,—в автографі Б.: спряжеш, а в М.: *спечеш*.

— 18: білолицю,—в М.: *чорнобривку*, в Ж.: *чорноброву*.

— 7 зн.: зарізав би, та....—в М.: перед *та* рядок цяток.

— 5 зн.: недолюдом,—в М.: *окаянним*.

— 4: Вже на світ займалось,—в М.: *тілько що світало*.

183, 3: святим дивом,—в М.: *дивом дивним*.

— 4—5: Храми божі, ніби з самим
Богом , — в М.:

Церкві Божі, ніби з Богом
Самим....

— 10: який дивний Ти! Я плакав, — в М.: *Вперше зроду я заплакав*.

— 15: Мов переродився,—в М.: Я мов народився.

— 19—20: Святим помолитись,
Та суда́... , — в М. і Ж.:
Не святим молитись,
А суда̀..

82. Ой гляну я, подивлюся.

В автогр. М. стоїть за нумером 4. Єсть і в *Б*. Ріжниця: міжними:

32, 7: я спочив хоч мало,—в М.: *на старість*.

— 9: та шкода й гадки,—в М.: *шкода̀ і* гадки.

Згадка про „степ та поле“, на який поет як гляне, то й згадає про волю—чи не належить до того часу, коли Ш. йшов пішки з експедіцією в Раїм па Аральскому озері.

83. Та не дай, Господи, нікому.

В автогр. М.—за нумером 5. В Б. теж єсть.

Одміни:

30, 4: літа коротати,—в М. наголос: *літа́*.

— 5: ой пійду я степом—лугом,—в М. і Ж.: *лугом, лугом*.

— 6: свою тугу,—в М. і Ж.: *тую тугу*.

— 7: „Не йди кажуть з сії хати!“
Не пускають погуляти.—

Цих двох рядків ні в одному „Кобзарі“ як слід не написано, через попсовану інтерпункцію... Скрізь (і в Кожанч., і Пражськ.

„Кобзарі“ після *„з цїї хати“* (поставлено знак або (,), або (!)—тим часом в автографі *Б.* яснісінько стоїть:

Не йди кажуть, съ ціи хаты
Не пускають погуляти,--

і це натуральніще, і більш зрозуміло.. Отже мусить бути:

„Не йди, кажуть! З ції хати
Не пускають погуляти!“

В М. иначе:

Сиди в хаті:
Підеш завтра погуляти!

Цей вірш, можна здогадуватися, писано ще в Орську. А де написано далі цілу серію віршів, що відомі під одним заголовком „Царі“? Чи в Орському ще, чи вже в Кос-Аралі? Більш того, що в цьому останньому, бо „Бодай кати їх постинали“ (№ 11) відділено од оповідання про Рогволода (№ 9) віршом „Добро, у кого є господа“ (№ 10), а цей останній писаний десь уже аж літом р. 1848, як що не в осени:

„Ми довго в морі пропадали,
Прийшли в Дарью... , —

значить уже вспіли довгенько попоїздити по морю, а тим часом вирушили вони з Раїма в море лишень 25 липня...

84. Царі.

Те, що має в „Кобзарях“ заголовок „Царі“—у III. просто окремі вірші (в автогр. М.), а в автогр. Б. цільна річ із V розділів з заспівом „Старенька сестро Аполлона“, без нумерації. Заголовка „Царі“ в автографі Б. немає.

В автогр. *М.* *„Девята сестро Аполона“* стоїть за нумером *6* (на початку 12-го маленького зшитку,—це може бути ще зайвим доказом того, що новиї зшиток розпочато уже на Аралі,—та він, до того, й инше письмо має).

Крім автографів М. і *Б.* есть ще копія *Ж.*, яка не дає нічого.

В автографі *Б.* поезія ця написана заново, і те, що в М., можна вважати за зовсім окрему поезію.

Подаю її по автографу:

Девято сестро аполона.
. . . .
Якбы, бузае хоть на часъ
Вы кинулы отой парнасъ
Та въ степъ, таки пришканди-
бали
(Колы невнаймахъ де застряли
Або не хилете [1]) въ шинку
Зъ пропый-воламы чумакамы?)
Та *древнимы* тыми речами
Хоть нич(?)ечкомъ якбы мени
Вы росказалыбъ про царя —
Або якого короля,
Зъ ихъ фонъ баронами-князями
И ихъ *высокими страстями*
Бо вже остылы мужики,
Та безталанни покритки,
Тай тыхъ уже нестало.
А про журбу та про печаль
Остыло... и паперу жаль.
Чи е поганше що на свити
Якъ та дрюкована нудьга?
Про марне страченые лита, [2])
Та про чорнявого *врага,*
З очима яснымы якъ небо...
Голубчики: пишить для себе
Та не дрюкуйте —
Вже смеркало,
Дывлюся шкандибае
На милыцяхъ, з торбиною
Бабуся сидая
И пьяненька ниврокуіій...
— Добры-вечиръ сыну! —
Добры вечиръ, кажу титко!...
Охъ мабуть я згину...
Чи далеко до Парнаса?
Я такъ утомилась...
Ледве, ледве несу ноги! —
Лита мои крила
Де вы дилысь молодіи?
Згинулы — пропалы
Як ти славніи пи(!)иты
Шо оды писалы...
О тойди було завчестя...
Постривай бабусю!—
Хиба й справди ты зъ Парнасу?
И справди дидусю!..
Я до тебе поспишала
Та въ шинку зострила
Веселого бакаляра...
Трохи одпочила,
Та випилы почароци...
Чого ж ты бажаешъ
Мій голубе? я до тебе...
— Сама кажу знаешъ!
Отже далеби забула..
Прыстритъ, чи бешиха?...
Пошепчемо... чи на старисть
Не певного лыха
Чорнобривки забажалось!....
— Цуръ тоби злый гаде!
Стара паплюго, паскудо,
Отъ тоби й порада!
Отъ тоби й сестра зъ Парнаса
Морóка та й годи!...
Идыжъ соби де взялася,
А я трохи згодомъ
Захожуся коло царивъ
Та *штылемъ* высокимъ
Розмалюю 'помазанныхъ
И спереду й збоку.

—

[1]) В. Пражськ. К. неправильно „живете".

[2]) В. Пражськ. К. неправильно „страчені".

В варіанті *Б.*, видрукованому і в виданню Ю. Романчука, тілько одна одміна проти автографа: на стр. 620, 13: то може *б*,— а в автографі *б* немає.

В автогр. *М.* дал під ряд за „Девята сестро“, без нумерації, а як оден вірш йде—„*Не видно нікого в Ієрусалимі*“. В автогр. *Б.* це перший (І) розділ цілого твору.

Відміни чималі.

620, 4 зн.: а гірша, лихая,—в М.: *а инша.*

— 3 зн.: царева война,—в М.: *то гірша война!*

— 2: цареві князі,—в М. і в Б: цареви князі.

621, од рядка 2 і аж до 19-го—в М. і Ж. такий відмінний варіант:

Пішли шукать собі могили,
Покидали дітей малих (в Ж.: *своїх*)
І жен своїх, і молодих
Своїх підложниць... (в Ж.: *наложниць* (!), а ті босі,
Розхрістані, простоволосі,
Сидять в світлицях взаперті
Та тяжко плачуть в самоті,
І красоту свою велику (в Ж.: *і красу*)
Нарошне нівечать,—аж жаль!
На стогнах сльози та печаль;
За стогнами і гвалт, і крики,—
І гине, падає народ
За той завіт і за ківот (в Ж.: *за той* ківот),
І за царя свого Пророка.
А царь (святий), узявшись в боки,
По кровлі кедрових палат
В червленій ризі похожає
Та усміхавшись позирає
В зелений сад.
А в садочку мраморова (в Ж.: *мармурова*)
Купальня біліла
Кріз листочки, а в купальні
Русалка сиділа;
Не русалка... Версавія
Достеменна Єва [в Ж.: *достоменна* (!)],
Подружіє Гурієве.

Як уже можна бачити з цих двох віршів, перша редакція „Царів“ була багато мягча, не така гостра, як та, яку надав їм Ш. вже р. 1858.

621, 12 зн.: лоно біле,—в М.: *біле лоно.*

— 8 зн.: дрімае, сумує,—в М.: *журиться в німоті.*

— 6: о цар неситий!—в М.: *і дума не ситий.*

— 5: сам собі говорить: „Я... Ми повелим!"—в М.: нечистії думи... А ми повелим!

— 2: я все, я все,—ні в М., ні в *Б.* другого „*я все*" немає. Немає його і в Пражському „Кобзарі". Звідкіля ж це?

622, 1—2: І кінву доброго сикеру.
І цар сказав, щоб на вечерю,—
Версавію..

В М. і Ж.:

Сказав, щоб подали сікеру
І щоб просили на вечерю....

Рядків 3 і 4—в М. немає.

— 4: твою Вирсавію,—в автографі: *таки* Вирсавію,—помилка пішла з Пражського „Кобзаря".

„Ніврокуˮ далі—з нового рядка...

— 5: до божого царя-пророка, — в М. і Ж.: *Божому пророку.*

— 6: прийшла, — і *в М. і Б.: прісне,* — помилка пішла з Пражськ. „Кобзаря". Далі 4 рядки в М. немає (взято з *Б.*).

— 11: йому, сердешному, й не снилось,—в М.: *Чи Гурієви снилось.*

— 13: що з дому царь його украв, — в М.: *Що царь не злато-серебро.*

— 14:—в М. немає.

— 17—20: А щоб не знав він тії шкоди,
То царь убив його, та й годі!
А потім царь перед народом
Заплакав трохи, одурив,—в М.:
А царь, щоб Гурій і не знав,
Звелів убить його, та й годі!
А потім плакав пред народом.
Посипав пепелом главу
. . . .

Далі 3 рядки в М. нема. Зауважу, що повинно бути не *Анафина*, як це скрізь, почавши з Пражськ. „Кобзаря", а Анафа*на* (в автогр. Б.), як це справедливо зауважив і М. Кр-ський.

— 6 зн.: Та ні у кого не питать—в М.: *й не питать.* Мушу зауважити, що рядки 9—5 („оттак святі...“)—узято з автографа М., бо в Б. їх немає зовсім.

Після останнього рядка („Щоб не завадило, буває!) в М. рядок (. . . . . .)

II.

Давид, святий пророк і царь.

В автографі М. — має окрему нумерацію (7); в автогр. Б.— це II розділ „Царів“.

Одміни:

— 2: Тамар,—і в М. і в Б.: *Ѳамарь.*

— 3: *Аммон,*—в М.: *Амнон,* а в Б.: *Амон.*

623, 4: Вродливий первенець його,—в М.: (*Бо то був первенець його!*).

— 7: багряну ризу—в М. *багряні ризи.*

— 11: після: „моя найкращая дитино!“—в М. ряд (. . . . .) і далі рядків 12—13 в М. немає.

— 15—18: Аж тюпає, немов біжить.
А той, бугай собі здоровий,
У храмині своїй кедровій,—в М.:

А син у храмині кедровій
Як той бугай лежить здоровий,

і рядків 17—18 в М. немає.

— 19: кепкує з дурня. Аж голосить,—в М.: *кепкує з батька і так просить.*

— 20: Аж плаче бідний, батька просить,—в М.: *А той ридає та голосить.*

— 21—в М. немає.

– 10 зн.: та щоб,—в М.: *І щоб.*

— 6 зн.: Тамар спекла і принесла,—в М.: *Ѳамарь прекрасная прийшла.*

— 5: опрісноки братови; за руку,—в М.: І коржик з маком принесла.

— 4: бере її, веде,—в М.: бере її за руку.

— 3: у темну храмину, кладе, — в М.: і в темну храмину веде.

— 2: сестру на ліжко. Ломле руки,—в М.: *І на постілоньку кладе.*

— 1: Ридає, плаче, і рвучись, — в М.: *Притерпіла сердешна муки.*

— 624: 1: Кричить до брата: „Схаменись!—в М.: *Рвучись кричала: зміє! гаде!* В автогр. Б. зразу було: *ридає; плаче. І рвучись,* але поправл.: „*Сестра ридає.* І рвучись",—про-те видавці Праж. „Кобзаря" узяли варіант не поправлений.

— 2: Аммоне, брате мій лукавий! — в М.: Амноне, брате мій! Я! Я!

Рядка 3-го в М. немає.

— 5: „де діну славу,
І гріх, і стид"?—в М. немає.

— 7: І Бог і люде прокленуть,—в М.: *Безумним люде назовуть.*

— 8: не помогло таки нічого,—в М. *таки* немає.

— 11: Дивітесь,—в М.: *от бачте.*

III.

І поживе Давид на світі.

В автографі М. — має окрему нумерацію (8), в Б. — це III розділ.

424, 20 зн.: не малі літа,—посунуто вправо.

— 19 зн.: одрях старий,—в М.: і *одряхлъ.*

— 18: многи́ми (наголос в обох автографах).

— 17—16—в М. немає.

— 16: котюгу блудного свого,—тут безперечно краще було б *сього,* бо через 1 рядок знову стоїть: *царя свого....* Може бути, що в *Б.* Шевч. зробив помилку. На жаль, цих 2 рядків в М. немає,—так що не можна сконтролювати.

— 15: от отроки і доміркувались,—в М.: *а отроки* доміркувались.

— 12,—в М. немає.

— 10: старому,—в М.: *цареви.*

— 9: да гріють,—в М.: *да гріютъ.*

— 5: І розпустив слини,—в М.: І пазорі слинить.

— 4: І пазорі простягає,—в М.: ледве, ледве простягає.

— 3: і до Самонтянини,—в М.: до *Сумантянини,* в Б.: *Самантянини.* Це й буде найправильніще.

— 2: собі на лихо,—в М.: *вона над всіми.*

— 1: і найкраща між ними,—в М.: *краще добротою.*

625, 2: зельний,—в *Б.*: *сельний* (так і в Праж. „Кобзарі“); в М. цих рядків немає; в Б. зразу було: „в траві“.

Зам. рядків 1—10 в М. такий варіант:

І та гріючи старого
Давида собою... (тут якийсь недогляд у Ш.: *гріючи*—стоїть без предіката!)
Як уже вона там гріла,
Того ми не знаєм.
А він грівся коло неї,
І.. і не познаю ю!...“
. . . .

Після цих рядків в автогр. М. єсть ще чотири рядки, яких немає в Б.:

Дивуються, що кіт мурий
Не ворушив сала,
А у його, сіромахи,
Зубів не осталось!—

IV.

По двору тихо похожає
Старий веселий Рогволод.

В автогр. М.—має окрему нумерацію (9), в Б.: це IV розділ.

625, 16 зн.: у князя свято,—в М.: *велике свято.*

— 15: Із Ли́тви (наголос в обох автографах).

— 14,—в М. немає, а рядок (. . . . .)

— 10: І сипала в огнище,—в М.: *І щедро посипа́ла.*

— 9: круг неї, — в М.: *кругом.* неї.

— 2: за Полоцком,—в М.: за городом.

626, 1: І отроки, й старі бояре, — в М.: *Дружина, отроки, бояра.*

— 4: З дівчатами, з народом,—в М.: *весела за* народом.

— 5: князь споді́ваний (в М. зразу було: давно ви́даний).

— 6: ще не знаемий, давно *жданий*,—безперечно помилка, яку зроблено ще в Праж. „Кобзарі“: розмір вимагає, щоб було *жда́даний*, і так воно і єсть в обох автографах,—в М.: *давно зна́емий, давно жда́даний.*

— 11: кругом, і город запалили,—в М. кругом *і запалили.*

— 12: Владимір,—в М.: *Владимерь*, в Б.: *Владимір.*

— 14: потя народ,—в М.: побі.

— 15: в волости,—в М.: *в області*; в Б.: в *волості*.

— 17 і 20—в М. немає; в Б. перед „Блукає по світу одна“ було, але закреслено:

Блукала в Київі [У Ш.: Кіеві *одна*..
Нічого з ворогом не вдіє,
Аж поки сина привела,
А потім з сином Ізяславом.

Очевидно, ці рядки аж згодом Ш. викреслив.

— 10 зн.: отті царі,—в М. немає.

Далі в М. иншим письмом іде № 10 „Добро, у кого є господа“, а вже 11—„Бодай кати їх постинали“. В автогр. Б. цей останній стоїть, як V розділ одного цілого вірша, через це й ми возьмемо його попереду.

V.

Бодай кати їх постинали.

626, 8 зн.: катів людських,—в М.: та ще й святих.

— 7 зн.: з їми,—в обох автографах: *з ними*.

— 6: кругом їх,—в М.: коло їх.

— 5: не знаєш, на яку,—в М. посунуто вправо.

Рядків 4—1 та 7 рядків на стр. 627 в М. немає.

627, 2: намистечка,—в Б.: намистеч*ко* (помилку зроблено ще в Пражськ. „Кобзарі“).

— 8: Бо де нема святої волі, — в М.: *А де нема, як кажуть, волі.*

Після 9 рядка в М. той, що в Б. 8-ий: *Шкода і бливо тупить.*

Рядка 10 в М. немає.

— 13—14: Там будем жить, людей любить,
Святого Господа хвалить, — в М. тут довший варіант:

Тілько не треба їх *учить*
Своїм писанієм—нікого,
Не навчиш ти: тебе самого
Великим дурнем назовуть,
А книжку граться оддадуть
Маленьким дітям,—більш нічого!

. . . .

85. Добро у кого є госпо́да.

В автографі М. стоїть за № 10. Писано цей вірш і дальший, згаданий уже, „Бодай кати їх постинали“, одним заходом, дуже чистенько і чітко. В автограф *Б.* не переписано.

Одміни:

31, 7: в Дарью,—в автографі підкреслено, так як і далі: *з Ватаги* письма принесли.

— 10: А ми з . . . . . . лягли,—цятки тут стоять через те, що видавці Пражськ. „Кобзаря“ не могли прочитати одного слова. А слово тут стоїть в автографі *голегою*, — зам. *колегою* (в Звенигородщині, і в самій Звенигородці і за́раз есть ціла родина—Голеги).

86. Титарівна.

Стоїть цей вірш в автографі М. за № 12 аж при кінці цілої книжки,—на стр. 399—409, через що досі залічувано його до р. 1850. Внизу зшиточок мав одразу нумерацію 26 (перед останній уже, бо всіх зшиточків 27,—і він дійсно стоїть перед останнім, але поверх 26 хтось (може й сам Шевченко) поставив згодом чорніщим чорнилом „3“,—тоб то 3-й зшиточок з року 1848). В автографі *Б.* „Титарівни“ немає.

Одміни.

Початок (8 рядків) мабуть згодом Ш. доробив аж у 27 зшитку на останній чистій сторінці (431-й—написано ті 8 рядків впоперек); зразу ж вірш починався з слів „У неділю на селі“.

550, 12 і 14,—посунуто в автографі вправо.

— 10 зн.: навприсядки,—в авт.: *навприсідки*.

Після цього рядка—рядок (. . . . .)

552, після рядка 15 зн. в М. рядок (. . . .)

554, рядки 16—17—посунуто в автогр. вліво.

555, 2: місяці́ (наголос в автографі).

Після рядка 6-го—рядок (. . . . .)

— 15: од сорому,—в автогр.: од соро*ма*.

В кінці рядка 16-го знак (?), далі рядок (. . . . .)

556, 9 зн.: чи жи́ва, каже,—наголос в автогр.

— 3 зн.: по́ світу,—наголос в автографі.

87. Ну щоб здавалося слова?

В автографі *М.* стоїть за № 13, зараз за „Титарівною“ в тому самому передостанньому зшиточкові (стр. 410—412), пере-

креслене автором олівцем. В автографі *Б.*—немае. Які „Титарівну“, залічували досі цей вірш до р. 1850.

Одміни:

61, 14—15: Ну, щоб здавалося? слова!

Слова та голос, більш нічого! , — у д. Романчука досить дивна інтерпункція—(?) після „здавалося“... Цей (?) мае стояти аж після „слова“ (в автографі просто (.), а в Кожанч. та Пражському К. кілька крапок).

„Слова та голос—більш нічого“ так в автографі.

— 7 зн.: я вже *подумав* спать лягать. Цікаво знати, відкіля д. Романчук узяв: *подумав*, коли і в автографі, і в Кожанч. та Пражськ. „Кобзарях“ просто: *думав*.

— 3 зн.: з Островної, — в автогр. примітка *Ш.*: *Оренбур. Губ.*

— 2 зн.—посунуто вправо.

62, 12, 13 і 15—посунуто в автогр. вправо.

Після рядка 17—рядок (. . . . .)

- 8 зн.: і що хороше, дороге,—в автогр.: хороше—дороге.

88. Мов за подушне оступили.

Цей вірш мае нумерацію: 14, але стоїть, як і усі дальші вірші з р. 1848, серед віршів з р. 1849 (крім №№ 59 і 60—які серед тих, що до року 1850.). Зшиточок, внизу, мав зразу число 18, але поправлено згодом чорним чорнилом на „4“—тоб то 4-ий зшиточок з р. 1848.

В автографі *Б.* вірш цей Ш. переписав під р. *1849*, списуючи уже з оправленої книжки не так, як слїд.

Одміни:

38, 10 зн.: деж заховатися,—в М. немае *ж*.

— 8 зн.: по сім Аралу,—в М.: по цім *Аралу* (*Аралу* підкреслено і додано внизу примітку: *островъ*)

89, П. С. Не жаль на злого.

В автографі *М.*—за № 15. Написано чистенько, без найменьшої поправки. В *Б.* теж есть—серед поезій р. 1849.

Єсть ще варіант в копії Жемчужникова.

В автографі *Б.* він в заголовку мае *П. С.*,—як здогадуеться д. С. Єфремов („Л. Н. Вістнику“, 1898, кн.)—Петро Скоропадський („потомок гетьмана дурного“).

Одміни.

257, 12 зн.: коло його,—в М. і Ж.: *кругом* його.

— 4 зн.: побачить, значить пан,—*в М.: забачить! дома пан!*

— 3: у себя з причетом гуляють,—в М. нема.

— 2—отсей годований кабан,—в М.: А пан, як бачите.

— 1—в М. немає.

258, 2: патріот—в М. підкреслено.

— 9: В селі своїх дівчаток

Перебірає,—тут, почавши з Кожанч. „Кобзаря,“ пішла помилка, бо в автографі Б.: в селі *своїм* дівчаток.; а в М.—то так: „Ба, ні: *в селі дівчаток*“ і далі ряд „. . . . . .“

— 11: таки своїх байстрят з десяток,—в М.: *Та ще байстрят своїх десяток.*

Після рядка 12 знов рядок „. . . . .“

— 13: та й тілько ж то... Кругом паскуда,—в М.: *кругом, як бачите, паскуда!*

— 16: чому ж не топчуть? Люде, люде!—в М.:

. . . . . . За що люде
Його возносять, як те чудо?

— 16 зн.: Бо оддасте,—в Ж.: *так* оддасте.

А далі і в М. і в Ж., вставка:

То отдасте .... зовуть *світилом* (підкреслено)
Кривого пьяного Петра
І покровителем добра,
І патріотом... Боже милий!
А де ж та правда на землі?
. . . .

258, 16: не жаль на його, — в М.: не *жаль мені ей Богу.*

— 15 зн.: на пьяного Петра кривого, — в М.: *На Петра кривого.*

— 16 зн.: — М. немає зовсім.

90. Г. З. Немає гірше, як в неволі.

Вірш цей в автогр. М. стоїть за № *16*, без заголовка, в *Б.* теж єсть і над ним — *Г. З.* (кого це має означати, не відаю, — мабуть когось з родини Закревських).

В „Кобзарях“ він має заголовок „На Вкраїну“, але постає непевність, чи не вигадив його П. Куліш в „Хаті“ (р. 1860), де

вперше надруковано його. „На Вкраїну“ такого заголовка Ш. не міг дати уже через те, що у нього стоїть *Г. З.* (так як над попереднім віршом *П. С.*).

Крім двох автографів маємо ще і копію Ж.

Одміни:

40, 10 зн.: свіже-молодою,—в М.: свіжо-молодою.

— 8 зн.: Як на далекій чужині,—в М.: *Як нині в дальній стороні*, а в *Б.*: *Так як тепер на чужині*,—такий текст, як у д. Романчука, пішов з „Хати“ П. Куліша. Чи цю і подібні поправки роблено з відома Шевченка? Маючи в автографі Б., текст не гірший як в „Хаті“ краще його держатися.

— 7 зн.: Доле, доле!—в М.: степ і море.

— 6: Моя проспіваная воле!—в М.: *Посинілп синіше*; в Ж.: посиніли *ще* сильніше.

— 5: Хоть глянь на мене зза Дніпра, — в М.: І лютее мое горе.

— 4: Хоч усміхнися з за . . . . . , — в М.: *Погіршало ще гірше*; в Ж.: ще лютійше.

40, 3—1 і 1 на стр. 41—в М. немає.

— 2: І ти,—в М.: *А ти*.

— 6: нібп море, виступають,—в М.: *ніби з моря виступають*: в Б.: нібп море *заступають* (так і в Праж. К.). Д. Романчук взяв так, як в „Хаті“, де сполучено два варіанти і зроблено третій новий.

— 10: І ті люде, і село те,—в М.: *і те село, і ті люде*.

— 11: Де колись,—в М.: *Де мене*.

— 12: Привітали мене. Мати,—в М.: *Привітали. Чи жива ти* (в Ж.: *та*).

— 13: Старесенька мати!—в М.: *старенькая мати?*

— 18 зн.: по старому,—в *М.*: *як то кажуть*.

— 15: Чорнявиї,—в М.: *веселиї*.

— 14: Веселиї дівчаточка,—в М.: *Рожевиї*.

— 12: Танцюєте? А ти, доле,—в М.: *Танцюєте, красуєтесь*.

— 8: тихо, пишно,—в М.: *царицею*.

— 4: Чи ще й досі,—М.: *Люде й досі*.

— 2: гнучкий,—і в *М.* і в Б: *гнучій*.

42, 1: Як оступлять тебе, доле, — в М.: *Як зійдуться коло тебе* (в Праж. К. неправ.: *коло хати*).

— 2: Дівчаточки—діти,—в М.: Рожеві дівчата.

— 3: й защебечуть,—в М. немає *й*.

— 5: Може й мене ненароком,—в М.: Нагадають про торішнє.

— 6: Діточки згадають,—в М.: *Дудочку* (підкреслено і примітка Ш.: *танець*) згадають.

— 8: яке лихо—в М.: яке лихо?

— 11: щоб ніхто і не побачив—в М.: почервоній, моє любе.

— 12—тай більше,—в М.: *І більше.*

— 13: А я. *доленько,*—в М.: *зоренько.*

— 14: Помолюся Богу,—в М.: Хвалитиму Бога.

Під цим віршом ще почавши з Кожанч. К. звичайно ставлять: „Над Аралом, 1849“. Що не 1849—то про це вже говорилося, а крім того: через що тільки цьому віршові така перевага, що означається його „Над Аралом“, тоді як принаймні 70 віршів написано над Аралом!

91. Як би зострілися ми знову.

В М.—за № 17. Єсть і в *Б.* Єсть ще й копія Ж., але проти *М.* вона не дає нічого.

Одміни.

43, 16 зн.: Чи ти злякалася б,—в М.: *Чи ти б злякалася.*

— 15: тихеє ти слово,—в М.: *ти б слово....*

— 14: тогді б промовила мені, — в *М.*: *сказала б, серденько, мені.*

— 12: А може б потім нагадала,—в М.: *і згадала.*

— 11: Сказавши,—в М.: *сказала б.*

— 8: Як би побачив,—в М.: *коли б недавнє.*

— 7 та 6—в М. немає.

— 5: Я—в М.: *І.*

— 4: І помоливсь, що не правдивим,—в М.: *Що не осталося правдивим.*

— 2: Слізьми—водою,—в М.: *слезами в воду.*

— 1—в М. немає.

Дата, очевидно, не р. 1849, а р. 1848.

92. Марина.

В М.—за № 18; в Б. немає. Заголовка в автографі ніякого немає.

Одміни:

525, 7: Отсю *„Марину“* я ношу,—в автогр. не підкреслено.

— 8: Давно б списать,—в М. зразу було: *Списать би вже.*

— 14, 15 і 13 зн.—посунуто вправо.

Після рядка 19 („християн“)—стоїть рядок цяток.

— 11 зн.: — — — писані закони, — в автогр.: *катами* писані.

526, 11: по шляхах,—в автогр.: *на шляхах.*

526, 14 зн., 8, 7, і 5 зн.,—посунуто вправо.

527, 3, 4 і 16 зн.,—посунуто вправо.

— Після рядка 15 („І молодого привели“) був ще рядок: „(З весілля та в гусари!“), але закреслено олівцем.

528, 16—18—посунуто вліво, а 10 зн.—вправо.

Після рядка 18—в автогр. 1 рядок цяток.

529, 7: фарбами,—в М.: *хварбами.*

530, 13: доконав,—в М.: *доканав.*

— Після 1 знизу—рядок цяток.

531, 5: Кирик пяний, —в М. *Кирик* підкреслено.

— 14 зн.: на-голó (наголос в автографі).

— 9 і 8 зн.:—посунуто вправо.

532, 13 зн,: запасóк (наголос в автогр.)

— 4 зн.: („А сонечко“)—посунуто вліво.

— 13 зн.: І пташкам воля в чистім полі,
І пташкам весело літать,—

інтерпункція неправдива (пішла з Пражськ. „Кобзаря“), а в Кожанч. К. правильно, так як і в автографі, а власне:

І пташкам воля, в чистім полі
І пташкам весело літать.

— 6 зн.: не плач, голубочко! дивись: — в М. зразу було: *голубко! подивись.*

— 3 зн.: по снігу лізе (наголос в автографі).

534, 12 зн.: пострибала,—в М.: постребала.

— 11 зн.: звір—в М.: *звірь.*

— 2 зн.: нà полі (наголос в автографі).

Дата — 1848, а не 1849.

93. Пророк.

(*Неначе праведних дітей*).

В автогр. М.—за № 19; есть і в *Б.* Єсть ще й копія *Ж.* та найпізніща (і найкраща) редакція—автограф в Музеї В. Тарновського в Чернигові на листку почтового паперу з надписом: „Моій любій кумасн, N. В. Тарновскій. На память 17 декабря 1859 року“, а внизу: „Т. Шевченко. 1859 року, Декабря 18“. В автографі М. дуже багато поправок та перемарок: виглядає як справжній брульон.

Ні в М., ні в Б. немає заголовка, а в посвяті Тарновській стоїть „*Пророкъ*“. Так воно повинно стояти і в „Кобзарях“.

Одміи багато:

116, 4 зн.: своїх людей—в автогр. Черниг.: *отих* людей.

— 3: послав на землю їм пророк*и*,—у всіх трьох автографах: пророк*а*,—помилка по всіх „Кобзарях“. Та воно очевидно, що—*пророка*, бо далі: „неначе наш Дніпро широкий, слова *його* лились...“

— 1 зн.: Святому розуму учить,—в Ч.: *святую правду возвістить*,—і це краще, як в автогр. Б.

117, 1—неначе наш Дніпро широкий,—в М. зразу було: І наче горного потока.

117, 4: Невидимим огнем пекли, — в Ч.: *огнем невидимим*; так і в М. (зразу було: і *ніби тим огнем....*). В. Б., а за ним в К. Кожанч. та Пражськ.: і *ніби тим огнем*.

— 5: Холодні душі,—в Ч.: *замерзлі*.

— 6: Пророка люде, і молились,—в Ч.: *того пророка, скрізь ходили*; так і в М., а зразу там було: *його, по улицях ходили*.

— 7: за ним, і сльози знай лили,—в Б.: *йому*; в М. було зразу: *за ним, і божим нарекли*.

— 8: А потім.... люде, род лукавий,—в М. теж так було, але „сльози знай лили“ поправлено на: *А там?* Люде... В Ч.: *невчені люде. І лукаві!*.

— 10: Розтлили, і чужим богам,—в М.: *роетліли* (підкреслено): в Б. і Ч.: *ростліли.....*

— 11: жертви,—в М. і Б.: жертви; в Ч.: *жертву*.

— 12. і мужа свята,—в М. теж так було зразу, потім: „*і пресвятого*“.

— 13: камінем,—в М. і Б.: *каменем*.

— 14—15—ні в М., ні в Ч. немає.

— 17: мов на звірей тих лютих, диких,—так в М., а в Б.: *на вас на лютих, на вас диких*.

117, 18: Глибокі тюрми мурувать,—в Ч.: *покопать*. В. М.: *Високі тюрми муровать*.

— 19: І роде лживий і жестокий —вМ. і Ч.: *лютий*.

— 20: *Во місто*,—в М. теж так, а в Б: *Во мњсто* [в книжці „Вик“ I, 115: *Замісто* (?!)].

— 21: ізбрать,—в М: було *избрать*, але попр. на: *послать*; в Б.: избрать; в Ч.: *надать*.

І цей вірш повинно датувати не 1849, а 1848 р.

94. Сичі.

В автогр. М.—за № 20. Перекреслено увесь олівцем, хоча Ш. попереду підправив цей вірш иншим чорнилом. В Б. немає.

Одміни:

194, 4 зн.: орлине,—в М. зразу було: *а пташе.*

— 2 зн.: орла ж,—в М. було зразу: а *орла.*

195, 1, 10 і 18—посунуто вправо.

— 4 і 5 в автографі взято в ( )

— 7 і 8 вставлено пізніще писано (иншим чорнилом).

— 6: а то зирк,—в М. зразу було: *Та й пішов*
В копиці спать.

— 9: спать собі. А рано,—в М. зразу було: *спать. А вранці рано.*

Останній рядок дописано пізніще,—тоді як вставлено було рядки 7 і 8.

Дата мусить бути р. 1848, а не 1849.

95. Між скалами неначе злодій.

В автографі М.—за № 21 (в 5-му зошитові за р. 1848, а од початку—19-му); стоїть серед віршів р. 1849, а через це так і датується. Єсть і копія Ж., яка не дає нічого, крім 1 рядка:

189, 18 зн.: між скалами...,—а в Ж.: меж *скелями.*

— 10 зн.: Або втопи при *камені*—це помилка. В автографі стоїть: *принамені* (а в Кожанч., Льв. 1867 та Пражськ. К. зовсім немає, а просто: *або втопи*).

— 8 зн.: та й роздягся *на камені*—у Ю. Романчука правильно, а в Кожанч., Львів. та Пражськ. К.—*на калині;* в київських виданнях: *на камені*; в автогр.: *на камені*, хоч так написано, що не трудно помилитися і прочитати: на *калині.*

190, 9: йшли *мажі рипучи*,—так стоїть по всіх, до одного, „Кобзарях", а тим часом в автографі щось дуже сумнівне: в автографі яснісінько стоїть: *ішли мажери пьючи*. Постає здогад, чи не мав тут поет на думці „мазурів" (написавши через помилку „мажери"), про яких згадується в пісні: „Із-за гор-гори ідуть мазури"... Але який тоді був би сенс: *ідуть..... пьючи?* А тим часом в автографі: *пьючи* (яснісінько стоїть *ь*, і окремо од *мажери....* Правда, Ш. не раз пише так, що розбиває слово на дві поло-

вини, але чи міг би він написати: *рипьючи*? Дуже потрібно, щоб наші критики висловилися з цього приводу.

— 9 зн.: аби оранда в руках була—Це величезна помилка. Так по всіх „Кобзарях" стоїть, а тим часом в автографі без найменьшого вагання можна прочитати: *аби файда в руках була.* (*Файда* або *хвайда* - циганський довгий батіг). І далі це пояснюється:

А хлопа, як того вола,
У плуг голодного впряжеш

(тілько в автографі: *запряжеш*).

Далі рядок цяток.

— 6 зн.: трохи лишень,—в М.: *троха* лишень.

191, після рядка 15-го теж рядок цяток.

192, після 14-го рядка зразу було, а потім закреслено:

Що зовуть,—байдуже,
Чи то дома, чи за морем,—
„Ой не шуми луже!"

193, після рядка 3-го – рядок цяток.

— 17 зн.: Сама ж, неначе—в М. зразу було: *а сама, мов.*

— 4 зн.: взяли сіромаху,—в М. зразу було: назад руки закрутили.

194, 14 зн.: Де ж нам грішним—новий рядок, а після „добра цього взяти" два рядки цяток.

96. І небо невмите.

В автографі М.—за № 22 (в 6 зшитку р. 1848, а 20-му—од початку книжки). Єсть і в *Б*.

Одмін небагато:

Стр. 42, 10 зн.: нікчемним,—в М.: *поганим.*

— 7: пожовклая,—в М.: *високая*, а після останього рядка в М.—ряд крапок.

Віpш писано,—як це видно з нього,—*„над отцим поганим морем"* з *„заспаними хвилями"* (Ш. пише.: *филі*).

Дата має бути 1848, а не 1849.

97. І виріс я на чужині.

В М.—за № 23, в *Б* немає.

Стр. 258, 10: на чужині́ (наголос в автографі).
-- 5 зн.: Вкраіна,—в автогр.: *країна.*
259, 4: на свічку Богу,—зразу в М. було: *на свічечку.*
— 9: зараня,—в М.: *зарані́.*
Після рядка 11 знизу і 1 знизу—в. М. рядок цяток.
260, 4: дивитись, плакать і мовчать,—після *плакать* треба (—)
— 8: між *го́рами,*—наголос в автографі.
Після останього рядка в М. рядок цяток.
Дата має бути: 1848, а не 1849.

98. Не для людей, тієї слави.

В автогр.—за № 24 (серед віршів з р. 1849); єсть і в *Б.*; єсть також в копії Ж. Вперше видруковано в „Основі", 1861, I.

Одміни:

34, 18 зн.: Не для людей *і не для* слави, — так чомусь по всіх „Кобзарях", тоді як і в обох автографах, і в копії Ж.:

Не для людей, тієї слави.—Переміна пішла з „Основи".

— 16 зн.: отсі вірші віршую,—в М.: *мої вірші́* (з наголосом) *складаю;* в Ж.: *мої.... віршую.*

— 12 зн.: З-за Дніпра мов далекого,—в М.: *І мов з Дніпра* далекого.

11: прилітають,—в М.: долітають.

10: стелються,—в М. і в Б.: стеляться.

7: *мою сиру* (!) *душу* (в „Основі": сиру́),—так і по всіх „Кобзарях". — В М. і в Б.: *сіру,* (= покинуту сиротою) але в *Б.* згодом, червоним олівцем, рукою Ш. поправлено: *одиноку душу.*

— 6: убогую. Любо мені, — в М. і в Ж.: *одинокую.... і любо.*

35, 1: щоб не приспав моїх діток,—в М. і в Ж.: *не займав.*

Далі і в М. і в Ж. вставка—8 рядків:

А іноді.... нагадаю (в *Ж.* мабуть помилка: „*нагадую*", бо далі: *заплачу*)
Мою Україну
І заплачу... Боже милий!
Нехай я загину
У цій про́клятій пустині,
Та не пусти димом
Дітей моїх безталанних
В широкій пустині.

— 3: нехай летять, — в М.: *ідуть.*

— 4: легенькиї діти — в М.: мої любі.

— 6: було їм,—в М.: *було мені в...*

— 7: І в сімї веселій, тихій,—і в М, і в Б.: і *в семї веселій тихо.* По всіх „Кобзарях“: *тихій* (так почалося з Основи“).

95, 8: дітей привітають,—в М.: сумно прочитають.

— 14: Я їх полюбила,—і в М., і в Ж.: *Я б його любила.*

Під цим віршом по „Кобзарях“, на диво, стоїть правильна дата: 1848, але зовсім неправильно: „Орская крѣпость“.

99. Коло гаю, в чистім полі.

В М.—за № 25; єсть і в автогр. *Б.* Єсть і копія *Ж.*,—однаковісінька з М. Вперше надруковано в „Основі“, 1862, IX.

Одміни:

200, 13 зн.: Дві тополі високиї:

Одна другу хилить,—інтерпункція неправильна (в Основі і в Кожанч. „Кобзарі“ правильно): в обох автографах після „*високиї*“ немає ніякого знака, а після „*хилить*“—кранка (.).

— 3 зн.: *І* лицявся,—в обох автогр.: *А* лицявся. Помилка по всіх „Кобзарях“ пішла ще з „Основи“.

201, 6—трути-зілля,—в М.: *того* зілля.

— 8: найшли зілля,—в М.: *найшли його.*

Після рядка 10 („заплакали-заридали“) і в М., і в Ж. вставка:

Зілля наварили...
А назавтра вранці рано
Йвана отруїли.
Поховали коло гаю
В полі на могилі
Того Йвана сердешного,
І сестри ходили
Що день божий вранці рано.

А далі,—як у рядку 11-му знизу: Плакать над Іваном, — тілько в М.: плакати *за Йваном*, а рядків 11—19 в М. немає (тілько в Б.).

— 11: *Та нема*,—а в Б.: *А* нема (в „Основі“ і по всіх „Кобзарях“: *Та*).

— 14: Івана струїли,—так по всіх „Кобзарях“, бо так в „Основі“; в Б.: *Йвана отруїли.*

— 10 зн.: поки й самі,—ні в М., ні в Б. нема: *й* (в „Основі“ і по всіх „Кобзарях“ з „й“).

— 6 зн.: після „на могилі тополями“ в Б. крапка (.).

— 4 зн.: над Іваном на могилі,—в М.: *На Івановій могилі* (без знака); без знака і в *Б*. Дата, очевидно, р. 1848, а не 1849.

100. Як би мені черевики.

В автогр. М.—за № 26; єсть і в *Б*. Видруковано вперше в „Народномъ Чтеніи", 1859, кн. 5, 168.

103, 3: горенько моє!—в М. знак (,), а в Б. (!).

— 4: черевиків *я немаю*,—в обох автографах: *немає*; так і в „Основі", так і в Кожанч., так і в Пражському. Звідкіля ж: *я не маю?*

— 6: жалю́ (наголос в автографах).

— 8: свою долю: , — в обох автогр.: (,).

— 13: Дівчаточка,—в М.: *люде добрі*.

— 17: зношу свої,—в М.: *мої*.

Дата—1848, а не 1849.

101. І багата я.

В автогр. М.—за № 27; єсть і в *Б*. Копія Ж. не дає нічого одмінного. Вперше видруковано в „Народномъ Чтеніи", 1860, кн. I, 145—146.

Одміни.

Перш за все росклад рядків: в автогр. М. кожен перший, другий і четвертий рядок в строфі на одному рівені, а третій—висунуто вліво.

103, 5 зн.: безталанна я,—в М.: *безталанная я*.

— 4 зн.: тяжко, важко в світі жить,—в М.: *Тяжко на світі жить* (а зразу було: тяжко жить, не любить); в Б.: *тяжко, тяжко* в світі жить.—Хто поправив на *тяжко-важко*—не віднаю.

— 2 зн.: оксамитові,—в М.: *аксамитові*, в Б.: *аксамитови*.

104, 5: батько, мати,—в М.: *батько-мати*.

— 10: з препоганим,—в М.: *з рудим, косим*.

Дата—р. 1848, а не 1849.

102. Полюбилася я.

В автогр. М. має нумер 28; єсть і в автогр. *Б*. Видавці Пражськ. „Кобзаря" не догляділи, що цей вірш має окремий нумер і приточили його до попереднього (№ 101). Так само і в копії Л. Жемчужникова (З. Н. Т. т. 39). Вперше видруковано в „Народномъ Чтеніи", 1860, I, 147.

В цій копії есть де-кілька одмін проти автографів.

Одміни:

Полюбилася я,
Одружилася я—в Праж. та в копії Жемчужн.:
Полюбилась *би* я
Одружилась би я.

В обох автографах: *полюбилася я.*

106, 1 зн.: така доля моя,—в коп. Л. Жемч.: *лиха* доля.

107, 1: люде гордії, злі,—в М.: *люди добрії злі*; в коп. Жемч.: *люде горді його.*

— 3: та повезли,—в коп. Л. Жемч.: *та й привезли.*

— 4: оддали,—Шев. завжди пише: *отдали.*

— 7: старіюся в чужій хаті,—в *М.* та в коп. Жемч.: *нужу світом попід-тинню.*

Дата — р. 1848, а не 1849.

103. Породила мене мати.

В автогр. М. — за № 29; есть і в *Б.* Вперше видруковано в „Основі“, 1862, І.

Одміни:

104, 12 зн.: в оксамиті,—в М.: *аксамиті*, в Б.: *оксамиті.*

— 9: і виросла я на диво,—в М.: *всім* на диво.

— 7: білолицяя,—і в Б., і в М.: білолиц*а*я.

105, 1: як билина,—в М.: *мов.*

— 5: після „не горнуся“—в автографах кілька крапок.

Дата—р. 1848, а не 1849.

104. Ой я свого чоловіка.

В автогр. М. — за № 30 (на початку 7-го зошита за р. 1848 і 21-го од початку; цифри „7“ — не знати, бо 21 написано поверх). В автогр. *Б.* немае.

Одмін проти видання Ю. Романчука немае ніяких. Зауважу хіба, що Ш. уживае скрізь не: *оттих*, а *отих*, *отой.*

Дата—р. 1848, а не 1849.

105. Ой виострю товориша.

В М. — за № 3[illegible]; в *Б.* немае.

Одмін, крім: ой *вигострю* (в автогр.: *виострю*), немае ніяких.

Дата – р. 1848, а не 1849.

106. По улиці вітер віє.

В автогр. М. — за № 32; есть в Б., і в копії Ж.
Вперше видруковано в „Основі“, 1862, I.
Одміни:
99, 1: віє,—в М.: *вие*, але в Б.: *віє*.
— 3: по улиці, по-під-тинню, — в М.: *попід-тинню з торбиною*.
— 5: під дзвіницю сердешная,—так зразу було і в М., але згодом попр.: *під дзвіницею сердешна*.
— 10—12,—на кінці рядка рядок крапок.
— 13: не довелось,—в М.: *А довелось.....* В Б.: *не довелось.....*
— 14: тую копійчину,—в М.: *шагá у скупого*.
В *М.* та *Ж.*—кінець довший:

Свічечку.... за кого?
За кого ти б'еш поклони?
За сина! За сина!
За Івана единого,
За мою дитину! (в Ж.: за *свою*).

Дата — р. 1848, а не 1849.

107. Ой сяду я під хатою.

В М. — за № 33; есть і в *Б.* Вперше видруковано в „Основі“, 1862, I.
Одміни:
10, 13: як то тиї дівчаточка, — в М.: *як то там тиї, дівчата*.
— 11 зн.: дівчаточка,— в М.: *чужі діти*.
Дата — р. 1848, а не 1849.

108. Закувала зозуленька.

В автогр. М. — за № 34; есть і в *Б.*,—значно короччє проти М. Вперше видруковано в „Основі“, 1862, I.
Одміни:
101, 3: як квіточ*ки* за водою,—так по всіх „Кобзарях“ (так і в „Основі“), — тим часом: *квіточки* тільки в автогр. *М.*, а в *Б.* уже: *як квіточка*.
— 4: з сього,—в М.: *з сего*, в Б.: *съ цёго*. На цьому в Б. й край, а в М. (і в Ж.) довший кінець:

Як би були батько-мати
Та були б багаті,
Було б кому полюбити,
Було б кому взяти.
А то нема; сиротою
Отак і загину,
Дівуючи в самотині,
Де-небудь під тином.

Дата — р. 1848, а не 1849.

109. Швачка.

В автогр. М.—за № 35; зразу було без заголовка, але дописано олівцем, справа коло нумера вірша, „*Швачка*“. Єсть і в автогр. Б. з заголовком. Маємо також для цього вірша і копію Ж.

Одміни дуже великі:

263, 4: прокляті,—в М.: *погані.*

264, 1: теє пиво,—в М.: *горілочка.*

— 3: не дам же я вражим ляхам, — в М.: *не будете, вражі ляхи.*

— 5: батьки отамани,—в М.: брати *у неділю* (в *Ж.* неправ.: *в неділю*).

— 6: в неділю,—в М.: *гуляти.*

Далі, до рядків 7—16, в М. такий варіант:

Ляхів мордувати,
На смерть убивати,
Свого батька козацького
Будем поминати.

17—18: В Перепяті гайдамаки
Нишком ночували,—в М.:
В Перепьяті (підкреслено і примітка Ш.: *могила*) *ночували,*

Вдосвіта вставали.

16—15 зн.: До схід сонця у Хвастові
Хлопята гуляли,—в М.:

Вранці рано у Хвастові
Козаки гуляли.

14—13: Прийди з того Межигорья,
Наш славний Палію,—в М.:

Прийди, батьку з Межигоря,
Семене Палію.

12—11: Подивися, що той Швачка
У Хвастові діє,—в М.:
Подивися ти на Швачку,
Що він ляхам діе.

	В *М*.:
10—7: Добре діе! У Хвастові,	У твоему у Хвастові,
У славному місті,	У славному місті
Покотилось ляхів, жидів	Покотились головоньки—
Не сто і не двісті,	Не сто та й не двісті.

264, 6—5: А тисячі; а майдани
Кровю червоніли,—в М.:

А із тисяч шляхетская
Кров почервоніла.

В *Б*. теж не так, як по „Кобзарях“

А тисячи... Базарами
Кров почервоніла.

але згодом олівцем „*базарами*“ поправлено на „*а майдани*“... Та тоді виходить nonsens, бо „а майдани кров *почервоніла*“ абсурд. Ще можна б допустити було: *почервонила*,—але Ш. не мав цього на думці: він уживае тут лишень: *червоніла*, *почервоніла*... Хто підправив на „*кровю червоніли*“ (так в „Кобз.“ Кожанч.)—не відаю, але поправка тут мусіла бути зроблена, бо Ш. не доглядів помилки...

	В М.:
264, 4—1: А оранди з костьолами	І оранди, і костйоли (так у Ш.).
Мов свічки, згоріли.	І все затопила;
В самім замку невеличку	Тілько той не затопили,
Церковку святую	Що церков святую,
265, 1: Не спалено. Оттам Швачка,—в М.:	Отам Швачка з козаками.

В Б. зразу було: „не спалили“, — але попр. на „не спалено“.

265, 2: аллилуя,—в автографах: *алілуя*.

— 5,—після рядка 5. в М. зразу було: *у Бихов гуляти*, але закреслено ще тоді, як писалося.

— 7: у Бихові, славнім місті,—в М.: *в славнім*.

Дата — р. 1848, а не 1849.

110. Ой не пьються пива, меди.

В автогр. М. — за № 36. В Б. немае.

Одміни незначні:

109, 1: пивá, меди,—наголос в автографі.

— 7 і 13: коло возу,—в автогр. М. обидва рази: *коло воза.*

— 15: а із степу,—в М. зразу було: *а із по..*,—очевидно, Ш. хотів був написати *„із поля"*.

Дата — р. 1848, а не 1849.

111. На улиці не весело.

В автогр. М.—за № 37. В Б. немае.

Одміни:

101, 6 і 5 зн.—в автогр. посунуто вправо.

— 2 зн.: утопитись,—в М. зразу було: *утопиться.*

102, 5: одчепися,—в М.: одч*и*пися.

— 6—7: Бо як мені у матери,
То лучше втопиться,—
так скрізь по „Кобзарях", а в автографі так:

Бо як мені у матері.....
То лучше топиця.

Дата — р. 1848, а не 1849.

112. У тієї Катерини.

В М. — за № 38. В Б. немае.

Одміни:

197, 20 зн.: Запорожа,—в М.: *Запорожьжя.*

— 15 зн.: Іван Ярошенко,—зразу було: *Кіндрат...* Далі на другій сторінці Ш. забув зовсім поправити *Кіндрат* на *Іван.*

— 11 зн.: Як се Катерина,—в автогр. навіть так: *Я* се,—очев. зам. *„як"*.

198, 3: не зробити,—в М.: *ни зробити.*

— 17 зн.: поїхали визволяти, — зразу в М.: *поїхали шук.* [очев. хотів Ш. написати: *„шукати"*].

— 11 зн.: Третій, Іван Ярошенко,—в автогр. Ш. забув поправити,—стоїть *Кіндрат.*

199, 3: і Катрина,—в М.: *і Катрена.*

Дата — р. 1848, а не 1849.

113. Із-за гаю сонце сходить.

В автогр. М. — за № 39 (на початку 8-ої книжечки за р. 1848 і 22-ої спочатку. Тут уже ясно, що попереду стояло 8, а поверх нього: 22). Єсть і в автогр. Б. Зауважу, що останніх кілька віршів переписувалося в *Б.* не в тому порядку, що в М. вони стоять, а одні раніш, другі пізніш, хоч в межах одного або двох зошитів.

Одміни:

115, 13 зн.: смутний,—в М. і Ж.: *собі.*

— 10: чорнобрива,—в М.: дівчинонька.

— після „із темного лугу“ в (Б.: не (.), а (,), а в М. (.) а потім (рядок 8 зн.) знову: *Не виходить дівчинонька.....*

— 7: А з яру та з лісу,—в М.: *А з темного лісу.*

— 6: *з собаками та псарями*—в М.: *З рушницею із челядью.*

— 5: Іде пан-гульвіса,—в *М.*: *Виходить пан лисий.* В Б.: *пан гульвіса,*—а не *„пан-гульвіса“.*

— 1: смертельниї муки,—в Б.: смертельн*ые* (в М.: *іи*).

116, 1: у льох його молодого,—в М.: сердешного.

— 2, після „замикає“—рядок крапок.

Дата — р. 1848, а не 1849.

114. Ой пішла я у яр за водою.

В М. — за № 40; в Б. немає.

Одмін проти видання Ю. Романчука—ніяких.

111, 6: з сією,—в М.: *сиею.*

— 7: вибирала,—в М.: *вибірала* (*выбірала*).

Дата — р. 1848, а не 1849.

115. Не так тії вороги.

В М.—за № 41. В. Б. немає.

Одміни:

98, 11 зн.: І попросять тебе в хату,—в М.: *тебе*—дописано вгорі, але тоді ще, як писалося вірш.

Після 8-го рядка: „щоб потім сміятись“ — в автографі стоїть *„Щоб з тебе сміятись“*,—і цього рядка ніяким чином не можна опускати. Він стоїть і в Кожанч. „Кобзарі,“ єсть і в Пражському. Через що його викинув д. Ю. Романчук—не можу зрозуміти.

— Після рядки 7 знизу „щоб тебе добити“—закреслено чорнилом 2 рядки, тоді ще як писалося, і прочитати їх не можна (перший рядок починається: *а не можна без....*)

— 6 зн.: можно,—в М.: можн*а*.

— 4 і 3—посунуто в М. вправо.

— 4: сі,—в М.: *ці*.

Дата—р. 1848, а не 1849.

116. Ой люлі, люлі, моя дитино.

В М.—за № 42; есть і в *Б*. Вперше видруковано в „Основі“ 1862, I.

Одміни:

108, 12 зн.: не йди між люде,—в М.: *не йди ти в люде*.

— 10 зн.: Гай не спитае, й бачить не буде,—в М. і Ж.: *гай зелененький питать не буде*.

— 7 зн.: *то пригорнись*,—і в М. і в Б.: *то й* пригорнись. В „Кобзарях“ скрізь без „й“.

Дата—р. 1848, а не 1849.

117. Ой чого ти почорніло.

В М. за № 43; есть і в *Б*. Вперше видруковано в „Основі“, 1861, VII.

Одміни значні:

260, 13: Ой *чого* ти почорніло.—В М. зразу було: *чого*, а потім поправлено *коли*; в коп. Ж.: *коли*, а в Б. знову: *чого*.

— 11: почорніло я од крови,—а в М., де відповідаеться на *коли*: *я з вечера* (зразу було *учора*).

— 10 зн.: За вольную волю,—в М.: *Та за вашу волю*.

— 7: славні Запорожці,—в М.: вчора козаченьки.

— 6: вкрили,—в М.: *крили*.

261, 4: не вернетеся на волю,—в М.: *не вирветеся на волю*.

— 6: Мене стиха, та орючи,—в М.: *Та орючи у кайданах*.

— 7: Долю проклинати, — в М.: *Долю* (але зразу було: *ляхів)*.

Дата—р. 1848, а не 1849.

118. Туман, туман долиною.

В М.—за № 44, в Б. теж есть.

Вперше видруковано в „Основі“, 1862, I.

Одміни значні:

115, 3: серце,—в М.: друже.

— 5: батько й мати,—в М.: *батько мати*.

— 6: Де ми будем ночувати, — в М. і Ж.: *як нас буде піп вязати.*

— 7—8: Одружились, заховались,
Бодай були не кохались, — безперечна помилка в „Кобзарях". В автогр. Б.:

Одружилась, заховалась,
Бодай була не кохалась. Помилка пішла з „Основи". Так само і в М.:

Звязалася я, не знала [*не зналы*—але безперечно помилка!],
Бодай була я пропала..

115, 14—15: Легче було б самій жити,
Як з тобою в світі битись,—в М.: *Легше було б в труні гнити* (в Ж.: *ліпше*, але це напевно небіжчик Кониський не доглянув: Ш. цього слова не вживае ніколи), *Як з тобою в світі жити.*

Дата—р. 1848, а не 1849.

119. У неділеньку у святую.

В М.—за № 45. В Б. немае.

Одміни не значні.

261, 12: Місті, в Чигирині,—в М.: *в Чегирині* (*в* додано згодом, але тоді як писалося).

— 16: скликали,—в М.: *зкликали.*

— 17: корогвами,—в М. зразу було: образами,—тілько у Ш.: коро*вг*ами (помилка).

— 11 зн.: бжола,—в М.: *пчола.*

262, 1 і 11 зн. і на стр. 263, 8 зн.: бунчуками,—в М.: *бунчугами* (як і скрізь в цьому слові).

— 16: Лободу Йвана,—в М.: *Івана* (в Пражськ. К. так і стоїть).

— 8 зн.: здіймае,—в М.: *знімае.*

— 5 зн.: дзвоном дзвонить, — в М. помилка: *з дзвоном дзвонить.*

263 2: красче,—в М.: *крашче.*

— 10: по батьківськи,—в М.: по *батьківскій.*

Дата—р. 1848, а не 1849.

120. У перетику ходила.

В М.—за № 46, в Б. немае.

Одмін немае.

Уваги: 113, 7: по горіхи,—в М.: *по оріхи.*

— 10: мельник меле, шеретує, — в М.: *мелник меле ширитує.*

— 7 зн.: бондар,—в М.: бонда*рь.*

— 6 зн.: мене горне, пригортає — в М. зразу було: *та до себе пригортає.*

Дата—р. 1848, а не 1849.

121. У неділеньку та ранесенько.

В М.—за № 47, в Б. немає.

Одміни:

110, 5: невеселая виходила,—зразу в М. було: *та* виходила. Рядки 8—10 в автогр. закреслено чорнилом, але так, що ясно видно слова,—через те їх й узято до „Кобзаря“ (в Кожанч. і в Пражськ. виданнях), але з помилками, бо в автографі не:

Мого молодого		
Чумака з дороги,	—а:	*Того молодого*
Зострічати		*Чумаченька свого*
		Зострічати.

110, 8 зн.: спустили Йвана,—так і по „Кобзарях“, тим часом як в автографі: *І*вана (зразу було: *у яму*).

— 5 зн.: Ой Боже милий, милосердий, — так скрізь, а в автографі угорі дописано ще раз: *милий,*—то-б то стоїть: *Ой Боже милий*! *милий, милосердий.*

Дата—р. 1848, а не 1849.

122. Не тополю високую.

В М.—за № 48, в Б. немає.

Одмін—ніяких.

Дата—р. 1848, а не 1849.

123. Утоптала стежечку.

В автогр. М.—за № 49, єсть і в Б. Крім того у В. П. Науменка єсть ще копія, перезнята з автографа на шклі,—трудно навіть сказати, що це не автограф, так уміло зроблено. Копію зняв (18/IV 1862) М. К. Шмітгоф, син теї Піукової—Шмідгоф, до якої залицявся Ш. в Нижн.-Новгороді та якій написав на па-

мять цей вірш в альбом „26 генваря 1858 р.“ Але автограф Б. пізніщий за цю копію.

Одміни:

42, 8 зн.: я два шаги, два шаги,—так і в М., і в Б., а в копії В. Науменка було зразу: *„я три шаги“*, але попр. на *„я два шаги, три шаги“*.

112, 2 зн.: своє лишенько,—в М.: *свого лишенька.*

113, 2: така *я*,—в М.: і в коп. В. Науменка: *такая.*

Дата—р. 1848, а не 1849.

124. І широкую долину.

В автогр. М.—за № 50 (на початку 9-го зшитка з р. 1848 і 23-го од початку; ясно, що 9 перепралено згодом на 23). Єсть і в *Б.* і в копії Ж., але остання нічого не дає проти М. Вперше видруковано в „Народному Чтеніи“, 1860, кн. I, 143, потім в „Основі“, 1861, VIII.

Одміни:

43, 1: І що снилось, говорилось,—в М.: *І що таке говорили,*

— 3: не побрались,—в М.: *розрізнили.*

— 4: Розійшлися, мов не знались, — в М.: *Розрізнили: люде злиї.*

— 5: А тим часом дорогиї,—в М.: *А тепер ми помарніли.*

— 8: Помарніли ми,—в М.: *Зостарілись ми.*

— 11: годи,—в М. з наголосом: *гóды.*

Дата—р. 1848, а не 1849.

125. Навгороді коло броду.

В автогр. М.—за № 51; есть і в Б. Вперше видруковано в „Основі“, 1861, VII.

Одміни:

На городі,—і в М. і в *Б.* усі три рази в цьому вірші *Навгорóді.*

105, 1 зн.: *Сохне,*—в М.: *вяне.*

106, 5: чорнобрива,—в М.: *дівчинонька.*

Дата—р. 1848, а не 1849.

126. Як би мені, мамо, намисто.

В М.—за № 52; єсть і в Б. Вперше видруковано в „Основі“, 1861, VII.

Одміни:

102, 10: то пішла б я,—в Б. немає *б*.

— 12: там музик*и* грають троїсті,—перш за все в обох автографах: музик*а* грає *троїста,*—так стоїть і в „Основі“, і в Кожанч. та Праж. „Кобзарях“. Крім того, в Б. зразу було так, як в М., а потім поправлено: *Грає мамо, музика троїста*, а у Льв. К. 1867: там музика грає троїста.

— 102, 14: Лицяються,... Мамо, мамо!—в М.: *кохаються, мамо! мамо!*

— 13 зн.: У найми наймуся,—в М.: *в найми.*

— 12 зн.: Та куплю я, мамо, черевики,—в М.: *зароблю, мамо, на кісники*, а в Ж.: *Зароблю там на кісники.*

— 11: Та найму я,—в М. *я* немає.

— 6: Коси мої плести,—в М.: *довгі коси плисти* (і в Б.: *плисти*).

— 4: В самотині віку дожити,—в М.: *Одинокій вік свій прожити.*

Дата—р. 1848, а не 1849.

127. Не хочу я женитися.

В автогр. М.—за № 53, в Б. немає.

Одміни невеличкі:

87, 15 зн.: на ріллі,—в М.: *на рільлі.*

— 11 зн.: Та з Великим Лугом,—в М. зразу було: *З великим тим* лугом.

Вірш цей в Кожанч. „Кобзарі“ чомусь залічено до р. 1846,—так він й досі означається датою р. 1846. Тим часом, як бачимо, написаний він десь в осени р. 1848.

128. Чума.

В автогр. М.—за № 54; з правого боку олівцем дописано: „*Чума*“. В. Б. немає.

Зразу Ш., очевидно, мав на думці в віршові змалювати не чуму, а холеру, і вірш починався був: *холера з заступом ходила,* але потім закреслено. Можна думати, що написано вірш під настроєм холери, що того року завітові до Росії. Натяк на це маємо і в дальшому зараз віршала була („І знов мені не привезла“):

„Вони з холери повмірали,
А то б хоч клаптик переслали
Того паперу...“

Уваги:
195, 9 і 8 зн.:—посунуто в автогр. вправо.
196, 7: сплять,— в М.: *спять.*
-- 11: коміни,—в М.: *комені* (з наголосом).
— 13 зн.: *крапивою,*—безперечно: *кропивою* (так і в автографі).
Дата—р. 1848, а не 1849.

129. І знов мені не привезла.

В М.—за № 55; в Б. немає.
Уваги:
45, 7—за цим рядком в автогр. рядок. цяток.
— 45, 4 зн.: листи тиї,—в М.: *листи тії,* а зразу було: *то піду я.*
Од рядка 6 знизу і до краю—инший розмір.
Дата—р. 1848, а не 1849.

130. В неволі, в самоті немає.

В автогр. М.—за № 56; есть і в автогр. Б., але цим віршом Ш. там розпочав аж рік. 1857, вихопивши вірша з середини автографа М. А взяв його туди мабуть тому, що в ньому одбиваеться страждання за цілих 10 літ: „от що зробили з мене годи!“ Єсть де які одміни і в копії Ж. Вперше видрук. в „Основі“, 1862, кн. VII.

Одмін чимало:

62, 2: Нема з ким серце поеднать,—в М.: *душу* (в Ж. *думу*—помилка?)

— 1: то сам собі отсе шукаю,—в М.: *то сам в собі когось шукаеш.*

63, 1: когось-то, з ким щоб розмовлять,—в М.: *Щоб з ним хоть серцем розмовлять* (в Ж.: *щоб з ким*—може теж помилка?)

— 2: Шукаю Бога, а нахожу,—в М.: *шукаєш Бога... а находиш.*

— 3: Таке, що цур йому й казать,—в М.: *таке, що гріх* (зразу було: *сором) і розсказать.*

— 4: От що зробили з мене годи,—в М.: *Отак-то нівечать нас годи.*

— 7: хмарно,—так в М. і Б., так і скрізь, крім Львів. 1867, де чомусь: *марно.*

Після рядка 9-го („Щоб доладу було згадать“) в М. вставка:

Видумуеш, щоб серце вбоге
Хоч тихим словом розважать,—
Не лізе в голову нічого
. . . .

— 10: А душу треба розважать,—в М.: **нема з ким** душу поеднать.

— 11: Бо її,—в М.: *А її.*

— 12: тихого,—в М.: *доброго.*

— 14: неохолонувший ще труп,—в М.: *незахолонувший той труп.*

Очевидно, що дата—р. 1848, а не 1857, як досі стоїть в „Кобзарях“, між иншим і в вид. Ю. Романчука.

131. Ой умер старий батько.

В автогр. М.—за № 57; есть і в Б. Вперше видруковано в „Основі“, 1861, VII.

Одміни:

100, 7: ой умер старий батько,—в М.: *ой умер, умер.*

— 8: І старенькая мати,—в М.: *Умерла і мати.*

— 9: щирої,—в М.: *в світі*, в Ж.: щирої.

— 10: Тії радоньки дати,—в М.: *порадоньки.*

— 14: Чи дома журитись,—в М.: *Чи йти утопитись.*

— 16: Посажу я.—в М.: *та посажу.*

— 18: останусь тута,—в М.: *останусь я тута.*

— 13 зн.: Прийде милий,—в М.: *прийде, прийде.*

— 12 та 10 зн.—посунуто вправо.

— 11: А як же ні, то я пійду,—в М.: *А як же ні, то піду я.*

— 10: Доленьки шукати,—в М.: *матері* шукати.

— 9: посходила тая рута,—в М. *тая* нема.

— 7: сиротина,—в М.: *молодая.*

— 6: марніе,—в М.: *старіє.*

Дата—р. 1848, а не 1849.

132. Не вернувся із походу.

В автогр.—М. за № 58 (на цьому віршові кінчаеться рік 1849 в книжечці,—а на ділі, як знаемо, це лишень середина 1848-го); есть і в Б. Вперше видруковано в „Народному Чтеніи“, 1859, I, 144—145, а потім в „Основі“, 1861, VIII.

Уваги:

106, 17, 15, 12, 9 зн.—в автогр. М. посунуто вправо.

— 11: Ні не того мені шкода,—в М.: *Ні, того мені не шкода.*

— 6: „Гусаркою“ звуть,—в М.: *Московкою звуть.*

Дата—р. 1848, а не 1849.

133. У Вильні городі преславнім.

Вірш цей—за № 59, як і слідуючий, останий вже з р. 1848 (треба шукати його в останньому 27-му зшиткові, на кінці книжки). „У Вільні“ Ш. перекреслив олівцем і в Б. не переписав.

Уваги:

161, 6 зн.: шапки не знімали,—в автогр.: *не ламали*,—як справедливо здогадується д. М. Кр—ський.

— 5 зн.: у Острій Брамі—Ш. пише: *брямі*, а далі: *брамі*.

— 1 зн.—од сього рядка починається новий розмір.

162, 10 зн.: із Любська,—в автогр. підкреслено, і примітка Ш.: *Любскъ—замокъ надъ Виліею.*

— 6 зн.: До Закрету,—в автогр. підкреслено.

— 2: дочку свою одиноку,—в автогр.: *одиночу*,—може бути Ш. хотів написати: *одиначку*.

163, 7—8: З шовковою драбинкою?

І Рухля не знала,—

в автогр. инша інтерпункція, через що инший трохи і сенс має бути: після *драбинкою*—нема ніякого знака, а після „*не знала*“— крапка (.). Таким чином виходить, що Рухля не знала того, де дівчина роман про шовкову драбинку читала.

— 4 зн.: аж по обух вгородила,—в автогр. помилка: *по обох*.

164—4: в автогр. після *убила* немає ?, а тільки (,).

Дата має бути не р. 1846, як досі ставилося, а 1848.

134. Заступила чорна хмара.

В автогр. М.—за № 60 (останній з р. 1848). В Б. немає.

Уваги:

265, 17 зн.: а гетьман попович,—в М. було зразу: а *дурний попович*.

266, 10: *Межигор*,—в М.: в Межигорь (зам. Межигорья, як 11 рядків нижче).

— 13 зн.: молитися,—зразу в М. було: *та молися*.

— 8 зн.:螺рополче,—підкреслено, і примітка Ш.: „*село коло Москвы*“.

— 5: запорожський,—в М.: *запорозькій*.

— 267, 6 зн.: за гетьмана, панахиду,—в автогр. було зразу а потім закреслено. До останнього рядка: *над нашим гетьманом*

(Ш. завжди пише *гетманом*) додано ще олівцем: ***В Яропольчі*** (а може *Яропольче*,—тяжко розібрати—але, що певніщ ***Яропольчі***).

Дата має бути р. 1848, а не 1850.

На сьому власне можна було б і скінчити з роком **1848**, але ми маємо ще один вірш, який безперечно написаний **24** грудня р. 1848, а в книжечку заведений лишень за **№ 3** року 1849,—це „Не додому в ночі йдучи“, посланий Ѳ. Лазаревському з Аралу. Хоч цей № (3) ніби свідчить, що й №№ 1 та 2 написано ще при кінці р. 1848, але як про них ми не маємо певних вказівок, то так уже й лишимо їх на початку р. 1849, тим більш, що ріжниця тут не в місяцях, а в днях.

135. Не додому в ночі йдучи

(*на Різдво*).

В автогр. М. стоїть за № 3 року 1849 (16 зшиток од початку), а в Б. на початку р. 1849 (теж на 3-му місці). Ні в М., ні в Б. заголовку немає—в М. стоить лишень N. N. (як знаємо, цей N. N— Федір Лазаревський) і так само N. N. і в копії Ж. Вперше видруковано в „Хаті“ р. 1860, а потім в „Основі“, 1862, I.

Одміни:

39, 16 зн.: мій друже,—в М. зразу було: *брате*.

— 15 зн.: пожуриться,—в М.: *зажуриться*.

— 13: А так тілько. На дворі, бач,—в М.: *тілько, що на дворі*.

— 6 і 5—До церкви молиться

пійдуть люде завтра рано,—в М. зразу було: *зберуця молиция*,—попр. на *молитись*; а в рядку 5: *Люде добрі. Завтра рано*

— 3 зн.: в пустині,—в М.: *у полі*.

— 1: піском, снігом,—в М.: *снігом білим*.

— 3: зустрічати,—і в М. і в Б.: *зострічати*.

— 5: з тим лихом,—в М.: *з ним людям*.

— 11: у неволі,—в М.: *та в неволі*.

— 12: хоч,—в М.: *хоть*.

— 13: що ж діяти маю,—в М.: *маєш?*

— 14—15 в М. на половину закреслені,—можна лишень розібрати:

. . . . . та надія
З нами умірають.

—

Переходимо до р. 1849. Усіх поезій в ньому 19, а як виключимо „*Не додому в ночі йдучи*“,—то останеться 18.

136. Неначе степом чумаки.

Розпочинаеться 3 книжечка зошитом 15-им, і за обкладкою, на першому листку (стр. 225) стоїть „Неначе степом чумаки“.

Поставив його Ш. в автогр. М. як передмову („Уже два годи промережав, і третій в добрий час почну“), без нумера; так само і в автогр. Б.

Одміни.

46, 9: так і мене,—в М.: *отак мене.*

— 10: *А я й* байдуже. Книжечки,—в М.: без *й* і після *байдуже* рядок цяток.

— 12: Таки віршами,—в М. зразу було: *неначе писарь*; поправку зроблено пізніще, иншим чорнилом.

— 14: *та кайданй* (наголос в М.) *собі кую*, і далі іде (,), бо безпосередно до цього рядка належить дальший (в скобках): (Як ці добродії дознають!), яким поясняеться попередній. Тим часом по всіх „Кобзарях“ слова „Як ті добродії дознають!“ стоять окремо і без скобок,—і цим затемняеться в значній мірі думка автора.

— 16: Та вже ж нехай хоч розіпнуть,—в М.: *нехай собі хоч,*— так зразу було переписано і в Б., але поправлено на: *та вже нехай хоч...*

— 17: без вірші,—в М.: *без цього.*

— 19: і третій в добрий час почну,—в М. ще ясніща вказівка, що цим віршом почато 3-й рік писання на засланні:

Уже два годи промережав
І третій год оце почну,—

слово *оце* додано пізніще иншим чорнилом, тоді як поправлено і „*таки віршами*“.

138. Сотник.

В автографі М.—за № 1 з р. 1849. В Б. немае.

Одміни.

535, 1 і 3 та инш.: Оглав, Оглаві—в М. скрізь з наголосом: *'Оглав*, *'Оглаві*.

— 5 і 6: од Бориспо́ля, Бориспо́ль,—наголос в автографі.

— 14: вилась квасоля,—зразу було: *квасоля вьеця.*

— 15: *А з* оболонками—в автогр.: *І з* оболонками.

— 7 зн.: старий козак—зразу було: *чію дитину.*

— 5 зн.: то й доглядае,—в автогр.: *Та й* доглядае.

— 2 зн.: сина 'ддав,—для чого таку форму ужили видавці Кожанч. Кобзаря, не відаю, бо в автографі просто: *дав.*

— 1: об'учатись,—в автогр. (та й **Кожанчик.** К.): *обучатись.*

536, 13,—розділ II починається просто: *Сидить сотник—*";—видавці Кожанчик. К., очевидно, не прочитали далі одного слова, а воно має бути так: *Сидить сотник на причілку.*

537, 17: заквітчала,—у Ш. скрізь: *заквічати...* Після *коси* в автографові рядок цяток.

— 9 зн.: хрещатий,—в М.: *Хрищатий.*

— 8: та синій, сине голубий,—в автогр. буквально: *Та сынъй! Сынъй голубый.*

538, 4: *то* вийдеш заміж,—очевидно, помилка—в автографі: *Ти* вийдеш; так і в Кожанч. і в Пражськ. „Кобзарях".

539, 8 зн.: в соломяному,—в автогр.: *в соломляному.*

540, 6: Богословом!—в М.: *Богословом?!*

— 13: з Настею,—в М.: *з Настусею.*

— 13 зн.: В попи! , — в автогр.: *У пóпи* (з наголосом),—так і в Кожанч. К., а в Пражськ.: *В попи...*

— 4 зн.: для покійної,—в М.: для *покойної.*

541, 13 зн.: думаеш убити?—в М.: хочеш погубити.

543, 1: промовляє,—в автогр.: пр*и*мовляє (так і в Кожанч. і Пражськ. „Кобзарях").

— 15 зн.: А, бурсак,—в М.: *А бурсак!* (так і в Кожанч. Пражськ.).

— 9 зн.: дивися! Пся його личина,—в М.: *дивися, пся його...* (так і в Кож. і Праж.).

— 7 зн.: добре, свате! — в М.: сва*ту*!

544, 14: замирає вся,—в М.: *заміра.*

— 4 зн.: дожидайся!—в М.: *дожидайся ж!*

545, 8: то і заплачте, — в М.: *То й плачте* (так і в Кож. та Пражськ.). Звідкіля ці поправки?

— 14: я вже заповіди,—в М.: *Заповіді.*

546, 1: Вже вам,—в М.: вам вже...

Ішли би,—в М.: *Ішли б* (так і в Кожанч., а в Праж.: *Ішли би*).

— 14: ~~Доганятиму,~~—в М. було зразу: та дожену.

547, 1: ми жонаті,—в М.: *жонати!*

— 5: та сорому,—в М.: сором*а.*

549, 3: паном,—в М. було зразу: *дурнем.*

— 5 зн.: тілько і осталось,—в М.: *остались* (так і в Кожанч. та і в Праж.).

Дата, як знаємо,—р. 1849, а не 1850 (в київських виданнях рік поставлено правильно: 1849).

139. За сонцем хмаронька пливе.

В автогр. М.—за № 2; єсть і в Б. Вперше видруковано в „Основі", 1861, XI—XII.

Одміни:

46, 10 зн.: пливе—в М.: *іде.*

— 8: зове,—в М.: *кладе.*

— 7: у синє море, — в автографах не (,), а (:) , і дал— новий рядок.

— 6: Рожевою,—в М.: *червоною.*

— 4: годиночку,—в М.: *годиноньку.*

47, 3—10—так в Б., а в М. варіант короччий:

І знову тьма, і не знаєш,
Де дітися в світі...
А ніч темная та чорна,
І довго до світу.

— 7 зн.: й не знаєш,—в Б.: *І* не знаєш (поправка вже в „Основі" єсть).

Дальший № 3 („Не додому йдучи") я переставив до р. 1848, а за ним іде № 4:

140. Як маю я журитися.

Єсть цей вірш і в Б. Вперше видруковано в „Основі", 1861, XI—XII.

Одміни:

49, 4 зн.: та не продамсь я,—в М.: *А не продамся*; а в Б.: *Та не продамся*, — так воно і мусить бути: *продамсь я* — пішло з „Основи".

— 2 зн.: пішов же я,—в М.: *пішов собі* світ за очі,—а далі в М. було (потім закреслено): *не знайшлася доля.*

50, 5: щоб не росло таке зілля,—в М.: *щоб не було свободного* (останніх 2 рядків в „Основі" зовсім немає).

141. На що мені женитися.

(Козацька доля).

В автогр. М.—за № 5, без заголовка; так само без заголовка і в Б. Заголовок дано в „Хаті" (р. 1860), де вперше цей вірш видруковано.

Одміни чималі:

92, 9 зн.: козаки,—в М.: *Сусіди.*

— 8: вони скажуть,—в М.: *Скажуть люде.*

— 6: нерозумний,—в М.: *навіжений.*

93, 1: ні, не буду,—в М.: *не буду я.*

— 4: тещу,—в М.: *тестя.*

— 6: в голубім,—в М.: *в синьому.*

93, 20 зн.: товариство,—в М.: *товариші.*

— 19: Вийде погуляти,—*прийдуть погуляти.*

— 18: та винесе, — в М.: *та принесуть* (в коп. Ж.: *та винесе*).

— 17: викотить гармату,—в М.: *привезуть гармати.*

— 16: як понесуть товариша,—М.: *як повезуть молодого.*

— 15: В новую,—в М.: *у нову.*

— 13: гукнуть,—в М.: *І ті.*

— 12: отамана,—в М.: *молодого.*

— 10: заголосить, як та мати,—в М.: *заспіває, мов та* мати.

— 9: голосна,—в М.: велика.

— 8: гукатиме,—в М.: співатиме.

— 6: І рознесе тую славу,—в М.: *мою* славу.

— 5: по всій Україні, — так і в М., а в копії Ж.: *Славу України.*

В „Кобзарях“ під цим віршом стоїть: *Над Аралом, 1849.*

142. Ой крикнули сірі гуси.

(Удовиця).

В автогр. М.—за № 6. Ні в М., ні в Б.—заголовка немає.

Одміни.

199, 16 зн.: на все село слава,—в М.: *слава не добрая.*

— 1 зн.: 'ддала—і в М. і в Б. просто: *дала.*

200, 5—6: Самим шовком вишивала,
Злотом окула,—в М. зразу було:

Самим злотом окувала,
Шовком повила.

— 11: та й повела,—в М.: *за поводи* (зразу було:... *і повела,*—поправка пізніща, иншим чорнилом, так само як і попередня).

— 12: коня,—в М.: *веде* (зразу було: *сама*),—поправлено пізніш.

— 13: та й привела,—в М. *й* додано пізніш.

— 15: А сама на прощу в Київ, — в М.: *а сама остригла коси.*

143. Як би тобі довелося.

В автогр. М.—на початку 3-го зошита з р. 1849, а 17-го спочатку (ясно видно, як 17 написано поверх „3“). Єсть і в *Б*.

Одміни:

186, 1: покритих,—в автогр.: *накритих*,—помилка і в Кожанч. і в Пражському К.

— 2: а то верзе біси зна що,—в М.: *верзеш*.

— 3: та й думае,—в М.: *думаеш*.

— 10: будуть собі тинятися,—в М. зразу було: *будуть жити, гулятимуть*.

— 14:—Добре, кажу. А все таки,—в М.: нехай *буде так, як буде*.

— 15: Невеличку нате,—в М.: *А все* (зразу було: *а ще*) *одну нате*.

— 16: Отсю одну останнюю,—в М.: *оцю одну непокритку*.

— 17: Слухайте ж, панята!—в М.: *а так собі*......

— 18: на луці,—в М.: на луці́ (наголос в автогр.).

— 10 зн.: та до криниці,—в М.: *та знай по воду*.

— 9 і 7 зн. в М. посунуто вправо.

— 7: вже у яр пішла,—в М. немае *у яр*.

— 3 зн.: лукавий,—в М.: *поганий*.

187, 1: ратувать,—і в М. і в Б.: *рятовать*.

— 2: Аж там панич,—в *М*.: *аж там їх пан*.

— 3—в М. немае.

— 4: Сердешну дівчину,—в М. *сердешну* немае.—Од цього рядка і далі—новий розмір в М.

— 5—7—до цих рядків в М. инший варіант:

„Гвалт, ратуйте! Люде добрі!“
Ніхто не ратуе!
Тілько хлопець. Перехристивсь (далі як в *Б*.).

— 11: поганець,—в М.: *поганий*.

— 14: подивились,—в М.: поховали.

— 16: заковали,—в М.: за*к*ували.

— 18: заквасували,—в *М*. і в *Б*.: *захвасували*.

187, 10 зн.: трохи одпочити,—в Б. зразу було: *сіли* одпочити.

189, 1: Й смерклося,—в Б.: *І смерклося* (так і в Кожанч. і в Пражськ.).

Схожий текст в М. і Б.—тілько до 22 рядка на стр. 187 (до „На верстовім шляху в полі“, а далі в *М*., до самого краю, зовсім відмінний текст, а власне:

Ішов етап із городу,
Та й став під корчмою
Одпочити в холодочку
Та води напитись,
Як то дадуть! Бо, буває,
Далеко носити,
То й вибачить таки треба!
А тим часом стали
Коло корчми аж три тройки;
Дзвоники бряжчали,
Грала музика троїста,
Люде гомоніли
Та весільної співали,
Бо було весілля—
Молодую везли в хутір
Та так опинились
Коло корчми. Коні бідні,
Бачте, потомились!
Он як хропуть! Що ж це сталось:
Плакать перестала
Молода їх? Вона того
В залізах пізнала,
Того хлопця молодого,
Що заколов пана,
Та нікому й не сказала,
А придане пьяні
Не пізнали!—й не бачили,
Як перелякалась
Молода їх арестанта
І як потім стала
Розмовлять з ним—і отдала
Перстень молодого
Рестантові! Не бачили
Предані нічого!
Це та сáма молодая,
Що сей безталанний
Вирвав вилами у пана.
І несе кайдани,
У Сібірь несе за неї!...
Як-би хоч любились?
То й не жаль було б сіромі.

А то так случилось,
Просто з за́палу, та й годі.
Молодиї сіли,
Та й поїхали додому,
І етап в дорогу
Забрязкотав кайданами,
Помолившись Богу
За молоду, бо молода
Всіх почастувала.
Приїхала.—Заспівали
Та затанцювали
До вечера, а в вечері
Молоду шукали!
Та не найшли, не дознались,
Де вона поділась!
І сльозами умилося
Веселе весілля!
Молодий той у коморі
Сам собі ночує,
А молода за етапом
У Сібірь мандрує.

144. Заросли шляхи тернами.

В автогр. М.—за № 8. В Б. немає. Єсть одміни і в копії Жемчужникова.

Одміни дуже незначні:

44, 2: на тую Вкраіну,—в М.: *краіну* (так і в Кожанч. і в Праж. К.).

— 17: Не дав серця,—зразу в М. було: *свого серця.*

45, 3: убитий,—в копіи Жемч.: *убогий.*

— 4: На тую Украйну,—в Ж.: на *тую Вкраіну.*

В копії Ж. єсть ще два рядки далі:

Не дай мені згинуть
Отут на чужині!

Кінець єсть і в М. (приписано пізніш), але в „Кобзарях" його немає:

Не дай мені згинуть
На чужині, дай хоч глянуть
На тую країну.

Накраще брати кінець в редакції копії Ж.,—як пізніщий і лучче редагований.

145. Зацвіла в долині.

В М.—за № 9; в Б. теж есть; есть і в копії Жемчужникова. Вперше видруковано в „Основі“, 1862, I.

Одміни:

97, 19 зн.: дівчина—дитина,—в М.: *дівчина в долині.*

— 15 зн.:—в М. немае.

— 14: І в білій свитині,—в М.: *А вранці в неділю* (в Ж.: *І вранці*).

— 11: у гай на долину,—в М.: *дівчина в* долину.

— 4 зн.: тихою ходою,—в Б. немае.

— 3: І йдучи співають,—в М. немае.

98, 4: у Бога благаем,—у Льв. К. 1867, слідом за „Основою“: *на світі* благаем. Між иншим, рядок: „*за руки хватае*“ там опущено.

— 5: І сами не знаем—в Б. немае.

146. У нашім раї на землі.

(*Мати покритка*).

В М. стоїть за № 10; есть і в Б. Заголовка ні в одному, ні в другому немае,—з'явився він в „Основі“, де вперше видруковано цей вірш (1862, кн. 8).

Одміни.

94, 1: як тая мати,—в М. *тая* немае.

— 4: дивуюсь дивом,—в М.: дивлюся довго.

— 11—14,—в Б. немае,—а в М. вони в скобках.

— 16: *серѐд ночі* (наголос в автографі).

— 17 зн.: подивитись,—в М.: *надивиться*, в Б.: *надивитись*,—очев., в „Кобзарях“ помилка, і пішла вона з „Основи“.

— 13: І йде на улицю гулять,—в М.: *І вийде з дому погулять* (а зразу було: *в люде показать*).

— 10,—в М. немае, а зам. того: *Дивіться люде, подивіться!*

— 9: над всімá,—і в М. і в Б.: на*д всімú*,—помилка скрізь в „Кобзарях“ (почалося з „Основи“).

95, 9: хат*у*,—в М.: хат*и*.

— 15: Великомученице, села, — в М. і Б. після *„великомученице“* знак (!) (так як і в Кожанч. та в Пражському К.).

Од рядка 13 знизу—новий розмір.

— 9: все забрала дитиночка, —в М.: *все дитиночка забрала.*

— 7: І вишла ти за царину,—в М.: І ходиш ти замучена.

— 6: з хреста ніби,—в М.: *ніби з христа.*

— 4: мов тії,—в М.: *неначе.*

— 2: воно ще й,—в М. зразу було: *що ще і.*

— 1: буде,—в М.: *стане.*

96, 1: гратись, і промовить,—в М.: *гратися, промовить.*

— 2: мамо,—в М. підкреслено; після *мамо*—в Б. (.).

— 5: дитині,—в М.: *роскажеш.*

— 6: про панича,—в М.: про *москаля.*

— 14: вилає за те,—в М.: *вилає—за те, бач.*

— 18 зн.: дитину,—в М.: *так тяжко.*

— 15 зн.: межи псами на морозі, — в М.: *на морозі межи псами.* На рядку 14 зн. — кінчається текст в автогр. Б., далі—узято з автографа *М.* (в „Основі“ теж тут кінчається досі).

10 зн. після *за його* не (;), а (,), а після *„чадо поганее“* стоїть (,—).

97, після рядка 3—оддiлити дальший текст.

— 8—9: Бо матері *там не мають,*
А мамку наймають,—

в автогр. тут не ясно: Бо матері там *немає* (здається, так,—власне похоже більш на *не маю*) *„Не мають“*—навряд чи могло б бути, бо на 6 рядків було б 4 закінчення на: *ають.*

147. На великдень на соломі.

В автогр. М.—за № 11, есть і в *Б.* Вперше видруковано в „Основі“, 1862, II.

Одміни:

99, 15 зн.: *На великдень,*—в М.: *У великдень.*

— 14: проти,—в М.: *против* (маб. *протів*).

— 1 зн.: купувала,—в М. зразу було: *вишивала.*

148. Було роблю що, чи гуляю.

В автогр. М.—за № 12. В Б. немае.

Уваги:

107, 1 зн.: вже хати не мати,—в М. зразу було: *ніколи не мати* (поправлено пізніш, иншим чорнилом).

108, 5: чого думаю, чого я,—зразу було: *і не знатиму, чого я,*—поправлено пізніш, иншим чорнилом.

149. Буває, іноді старий.

В автогр. М. треба шукати за № 13-им після віршів з р. 1848 і перед 1849 (стр. 207) (4-й зошит з р. 1849, а 14-ий з початку книжки). В Б. немає.

Уваги:

92, 2: і заспіває, як уміє,—зразу було: *хоч не вміє.*

— 19: зелена травка,—зразу було: *святая травка.*

Дата мусить бути 1849, а не 1848.

150. Хіба самому написать.

В автогр. М.—за № 14, перекреслено олівцем. В Б. немає.

Уваги:

48, 15: Із Москалів,—мусить бути *м* маленьке (як це і есть в автографі та в Кожанч. і Пражськ. К.), бо „москаль“ тут—салдат, а не нація.

49, 6: оттак-то я,—зразу було: *отак і я.*

151. І золотої й дорогої.

В автогр. М.—за № 15; есть і в Б. (вписано під р. 1848).

Одміни:

35, 18 і 17 зн.: І золотої й дорогої
Мені, щоб знали ви, не жаль,—
в М. першого рядка немає.

— 16: моєї долі молодої,—в М.: моєї молодості й досі.

— 15: А иноді,—в М.: *та иноді.*

— 14: оступить душу, аж заплачу,—в М.: *осяде* душу аж (зразу було: *що*) заплачу.

— 13: А ще до того, — в М.: *А надто* (*хлопці*), як побачу.

— 12: малого хлопчика в селі, — в М.: *В селі веселому в ряднині.*

11—9: Мов одірвалось од гільлі,
Одно однісіньке під тином
Сидить собі в старій ряднині,—в М.:
Малого хлопчика під тином.

— 7: що се ж та, —в М.: *що це вся.*

— 3—2: Даремне, марне пролетять
Його найкрасчиї літа,—в М.:

Його найкращиї літа
Даремне, марне пролетять.

— 1: що він,—в М.: *що сам.*

36, 1: широкім вольнім,—в М.: *чуднім широкім.*

— 2: А піде в найми; і колись,—в М.: *Що піде в люде, що колись.* В Б.: *І піде* (в Кож. і Праж. К. неправ.: *А піде*).

— 3: не журивсь, —в М.: *не журився.*

— 4: щоб він де-небудь прихиливсь, — в М.: *Щоб хоч де-небудь прихилився.*

Дата—р. 1849, а не 1848.

152. Ми в-купочці колись росли.

В М.—за № 16. Друга половина вірша, од слів: „А що пак, брате, чи жива́",—Шев. перекреслив олівцем аж до краю. Єсть в Б. (вписано під р. 1848).

Одміни:

В Б. перед початком—рядок цяток.

67. 13 зн.: ми вкупочці колись росли,—в М: *Ми вкупі училися*, росли.

— 11: а матері́ (наголос в автогр.).

— 10: І говорили, що колись, — в М.: *та може думали: колись.*

— 8: зараньня—в М.: *зарань*, в Б.: *зараньнѣ.*

Після рядка 6—в М. відділено дальший текст.

— 4: принесло,—в М.: *занесло.*

— 3: і додому,—в М.: *у село.*

— 2: веселее колись село, — в М.: *У те село, у ту хатину.* Зам рядків 1 і 1—6 на стр. 68—з М.:

Де мати в тяжкую годину
Гріхом, сердешна, понесла,
На безталаньня сповила (в Ж.: *повила*).

68, 4: мені так бачиться,—в *Б.* ці слова в скобках.

68, 7: І яр, і поле, і тополя,—в Б.: топ*олі* (помилка по всіх „Кобзарях"), в М.: *І яр, і гребля, і тополі.*

— 9: *Далеко в самотній,*—в М.: *В далекій катаржній*

— 10: гребелька,—в коп. *Ж.: і гребля.*

— 16 зн.: дощем позаливались,—в М.: *дожщем позаливало*; в Б.: *дощем.*

— 15: І не дощем, і не слова, — в М.: *Не мудрі, думаю, слова.*

Далі в М. олівцем усе перекреслено, а в Б. ця друга половина має зовсім відмінний варіант. Чи не свідчило б це за те, що усе те, що закреслено та підправлено олівцем, зроблено вже на початку р. 1858, перед тим як братися до переписування поезій в автограф *Б.?* В М. друга половина вірша така:

„А що пак, брате,—чи жива
Ота Оксаночка чорнява,
Шо з нами бігала гулять?“
—Еге! вдовівна кучерява?
Не знаю, як тобі й сказать!
Вона була помандрувала
За москалем, та знов вертала,
Така острижена прийшла,
В старій шинелі, помарніла,
Уже либонь і одуріла,
Та знову десь собі пішла,
Здалась, сердешна, на ігрище!
Сидить було та чепуриця,
Та оченаш собі чита,
Як той школяр, та росплітa
Ниначе коси. У черниці,
Казали, в Чигирин пішла,
Та, думаю, таке ледащо
І там не треба. Так ні за що
Занапастилася, звелась.
А що за дівчина була!
Так так шо краля! і не вбога,
Та талану Господь не дав!

68, 13 зн.: нехай *сьвя*тими спочивають,—в *Б.*, звідкіля цей текст узято, ясно стоїть: *с святими..*, — помилка по всіх „Кобзарях“.

69, 5: кудись,—в Б.: *кудась.*

Нарешті, ні в одному „Кобзареві“ немає останнього рядка, який есть в Б. Тут після слів:

А може й дав, та хтось украв,—додано:
І одурив святого Бога...

Очевидно, що видавці Кожанч. К. не могли подати цього рядка, а видавці Пражськ. „Кобзаря“ цей вірш мабуть узяли не з автографа, а передрукували з Кожанчик. „Кобзаря“.

Дата—*р. 1849*, а не *1859*, як стоїть чомусь у д. Романч., тоді як у Пражськ. р. 1848.

153. Готово! Парус роспустили.

В М.—за № 17. Це передостанній вірш з р. 1849, і свідчить він, що вже експедіція Бутакова з Шевченком вертаеться назад:

„Посунули по синій хвилі
Поміж кугою в Сир-Дарью....
. . . .
Прощай, убогий Кос-Арале!
Нудьгу заклятую мою
Ти розважав таки *два літа*“...

Два літа—це, як ми знаемо, літо р. 1848 і 1849. Ш., вернувшися з експедіції, трохи згодом писав до Бодянського: „Перейшов я пішки двічи увесь Киргизький степ, аж до Аральського моря, плавав но йому два літа“ [1]). Між иншим, ми маемо і ближчі відомості, а власне, що з Раіму Ш. вирушив в Оренбург 10 жовтня і в Оренбург прибув 1 листопада.

Як бачимо: „Готово! Парус роспустили!“ належить до часу повороту вже з експедіції, а не до початку плавби по морю, як це говорить небіжчик О. Кониський. [2])

В автогр. Б. вірша цього немае.

Уваги:

47, 18 зн.: *в Сир Дарю*,—в автогр. тілько: в *С. Д.*

— 11 зн.: *І знали, що з тебе зробить*,—здаеться, що повинно бути *зробити*, і воно б тоді рифмувалося з попереднім: *два літа*. В автографові, на жаль, як оправлялася книжечка, обрізано дуже краї, і не знати, що стоїть після *т* (в слові *зробити*),—чи *и*, чи *ъ*.

Дата вірша не тілько р. 1848 (а не 1849), але навіть більш можна сказати: мабуть, місяць вересень, як що не початок жовтня.

---

1) Русск Старина, 1883, IX, 640.

2) Кіев. Старина, 1893, кн. 2, 248.

154. Ми в осени таки похожі.

В автогр. М.—за № 18. Це останній вірш з р. 1849,—останній писаний в експедиції (писано одним заходом з попереднім: „Готово! Парус"). Єсть і в Б. (вписано під р. 1848).

Одміни:

37, 6: по роздольлі,—в Б.: *по роздолі.*

— 7: Із степу перекотиполе,—в М.: У гай *перекатиполе*; в Б. —перекотиполе.

— 8: Рудим ягняточком біжить, -в М.: *Ягняточком собі біжить.*

— 9: До річечки собі,—в М.: *Біжить до річечки.*

— 10: його взяла,—в М.: *мала́* взяла.

— 12: А Дніпр у море; на край світа,—в М.: *А Дніпр широкий на край світа.*

— 13—14,—в М. немає.

— 18: чаєм,—в *Б.* було зразу: *полем.*

— 13 зн.: серце,—в Б.: *душу*, а в М.: *серце.* До-речи сказати: ні в Кожанч., ні у Львів. 1867, ні в Пражському „Кобзарях"—рядків:

Думи серце осідають
І капають сльози,—

зовсім немає; очевидно, як не догляділи їх видавці Кожанчик. „Кобзаря", так скрізь і передруковано цей вірш з опущеними рядками.

— 7 зн.: І любити твою правду — в М.: *На сім світі, і любитись.*

— 5 зн.: друже-брате,—в М.: *друже добрий.*

— 1: немовляща,—в М.: маленькая.

38, 1: І воно вгадає,—в М.: *І те угадає.*

— 2: після *веселиї*—рядок цяток.

— 4: непорочними,—в М.: *немовлящими.*

— 5: А тобі, мій одинокий,—в М.: *а ти, мій єдиний*!

— 6: мій друже єдиний,—в М.: *одинокий, безталанний.*

— 7: горе тобі на чужині,—*Друже, на чужині.*

— 8: та на самотині,—в М. немає.

38, 10: привітає, гляне?—В М.: *Хто розважить горе?* Далі в М. два рядки цяток.

— 11: простягнулась,—в Б.: *простяглася.*

Дата—не р. 1848, а 1849 *(осінь*).

155. Лічу в неволі дні і ночі.

Четверта книжечка (рік 1850-ий) починаеться віршом, мов-прологом

(Каламутними болотами
Між бурьянами, за годами
Три года сумно протекли)

і хоч не поставлено над ним „1“, але другий за ним вірш мае нумерацію 2. Вірш цей есть і в Б., але далеко не ввесь—тілько частина.

Вперше видруковано в „Основі“, 1862, III.

Одміни:

50, 20 зн.: За ними,—в М.: *меж ними.*

— 19 зн.: Зтиха,—в М. і Б.: *стиха.*

— 12 зн.: Молитва за Богом,—по всіх „Кобзарях“ (і в „Основі“) після „Молитва“—стоїть (.....); в збірнику „Викъ“ (Київ, 1902, вид. 2) стоїть „до Бога“, але це неправильно,—в обох автографах: *за Богом.*

Далі в М. рядків 12—1 на стр. 50 немае (вони е тілько в Б.).

— 10 зн.: три годи,—в Б.: три го*да.*

Після останнього рядка на стр. 50 („Незримим писані пером“) в Б. есть ще такий уривок (кінець вірша):

Нехай гнилими болотами
Течуть собі меж бурьянами
Літа невольничі. А я!
Такая заповідь моя!
Посижу трошки, погуляю,
На степ на море подивлюсь,
Згадаю де-що, заспіваю,
Та й знов мережать захожусь
Дрібненько книжечку. Рушаю!

Цей кінець (як і взагалі весь вірш в тому тілько виді, що у д. Романчука на стр. 50) есть по всіх российських „Кобзарях“, і по всіх їх, почавши з „Кобз“. Кожанчик., в якому, знов, передруковано цей вірш з „Основи“,—в останньому рядку помилка: дрібненьк*у* книжечку,—зам. дрібнень*ко* (мережати). А що Шевченко вже аж занадто дрібненько мережав, то це може посвідчити тілько той, хто на власні очі бачив його писання з часів заслання.

Мушу ще додати, з приводу цього кінця вірша, доробленого вже р. 1858, що Шевч. впав в ньому в анахронізм: на початку року 1850 Ш. давно вже був в Оренбурзі, і сказати року 1850:

Посижу трошки, погуляю;
На степ, *на море* подивлюсь,

Ш. в автогр. М. не міг би,—і справді ніде такого не говорить. Коли ж він р. 1858 переписував вірші і переставляв їх, як хотів, не надаючи великого значіння хронології, сполучаючи кілька віршів не одночасних до-купи і т. и, то не диво, що він позволив собі licentiam poëticam: *море* в Оренбурзі.

Увесь текст на стр. 51—53 узято з автографа *М.*

Уваги:

52, 12: на мою Вкраїну,—в М.: *на мою Країну* (з великим *К*).

— 18: після „згадувати будуть“—в М. знак (!).

Почавши з цього вірша—усі 12 віршів з р. 1850 треба означати: *в Оренбурзі.*

156. Ми заспівали, розійшлись.

В М. стоїть за № 2; в Б. немає.

Одмін—ніяких.

Увага:

56, 5: принаймні,—в М.: *принамні* (подібно до того, як попереду ми бачили: *принáмені*).

Сумовали,—в М.: *сумували.*

157. Не молилася за мене.

(Хатина).

В автогр. М.—за № 3; єсть і в Б. Заголовка в обох автогр. немає,—він з'явився в „Хаті“ (1860), де вперше цей вірш видруковано.

Одміни:

56, 20 зн.: Моя мати; отак собі,—в М.: *А так собі співаючи.*

— 18 зн.: Співаючи,—в М.: *Моя мати.*

56, 15: вийшов в люде,—в Б.: *виліз* в люде, а в М.: вийшов. Додам, що в „Хаті“ Куліша, який мав копію з автографа Б., стоїть „виліз“ (так і в Кожанчивк. К.). Аж уже видавці Праж. „Кобзаря“, які мали під руками обидві редакції, поправили на *вийшов.*

— 14: лучше б,—в Б. немає *б* (в М. єсть).

— 12: у недолі,—і в М., і в Б.: *у неволі*. Ця свідома помилка почалася є „Хати“, і так і задержалася по всіх „Кобзарях“.

— 8: А я,—в М. і в коп. Ж.: *Бо* я.

— 7: Благав,—в М. і коп. Ж.: *Просив.*

— 5,—після *Оксаночку* в М. рядок пяток.

— 4: у двох,—в М.: *собі*.

— 2: лани золотополі,—в М.: *Золотофилі*...

57, 4: і вдвох тихенько,—в М.: *І тихо, тихо*.

— 11: мир божий,—в М.: *мір* божий.

— 12:—зорьою,—в М.: *зарйою*; в Б.: *зорёю*.

— 17: вечеряти в свою хатину,—в М.: вечерять в хаточку.

— 12 зн.: єдиний,—в М.: і *злато* (в *Б*. зразу було: *палати*, але поправлено на: *єдиний*).

— 11: сади панам у твоїм раю, — в М.: і *власть панам в твоїм раю* (в Ж.: *в твоему* раї...).

— 10: Даєш високиї палати, — в М. немає (в Б. вписано пізніще між рядками).

— 9: пані ж неситиї пузаті,—в М.: *вони ж* неситиї пузаті (дописано олівцем).

— 7: запершися собі в палатах, — взято з автографа *М.*

— 5: І убогої малої хати,—в М. немає, а в Б. дописано згодом, тоді як і „*Даєш високиї палати*“.

— 4: я тілько хаточку в тім раю,—так і в Б., а в М.: хаточки; крім того, і в М. і в Б.: *в тім раї*.

Почавши з „Хати“, під віршом стоїть: *1850. Над Аралом.*—Що 1850, то це правда, а що „над Аралом“,—то зайве, а треба: *в Оренбурзі*.

158. Петрусь.

В автографі М.—за № 4; в лівому ріжку скоса написано: *Петрусь*. В автогр. Б. теж єсть з заголовком і з додачею: *поэма*. Вперше видруковано в „Основі“, 1862, VII, але не все,—з великими пропусками.

Одміни чималі.

557, 5: посватав,—в М.: *засватав*.

— 9: хутір, ублагали, — так і в Б., а в М.: *хутір*.... *Ублагали*.

— 12 зн.: *на придане*, —в М.: *за* придане.

— 9 зн.: безталанне,—в М. немає.

— 5 зн.: *А*, — в М.: *І*, але поправлено на *А*; в Б.: *І*. В „Основі“—*А*.

— 4: уже тихенько й плакать стала,—і в *М*., і в *Б*.: *тихенько плакать собі стала*,—поправку зроблено в „Основі“, а з неї пішло скрізь.

— 2: *Зівяне марно*, — в М.: *завяне*, в Б.: *зовяне* (так і в „Основі“).

— 1: *Краса і молодість моя*—в М.: *Засохне молодость моя*! [в Ж.: *твоя* (!)].

558, 4: *Машуню*,—в М.: *мамашо*, в Б.: *мамуню*,—на „Машуню“ поправлено в „Основі“, а звідти й по „Кобзарях“.

— 13: кр*и*лось лихо, — „*крилось*“ — помилка, і зроблено її ще в „Основі“, бо в обох автографах: кр*а*лось лихо,—і це куди краще: „кр*а*лось лихо та в самім серці й уляглось“.

— 14: й уляглось,—в М. немає *й*.

— 17: б*е*нкети загули, — так пішло з „Основи“, а в обох автографах: б*а*нкети (!) загули.

— 13 зн.: і *з двору*—в М.: *у поле*.

— 11: за царину,—в М.: *за шлях собі*.

— 9: мале хлопяточко в стерні — в М.: *маленький хлопчик. Чи се ти*.

— 8 і 7—в М. немає.

— 6: се ти, Петрусю?“—„Аже ж я“,—в М.: *Петрусю?*“—*Я*.... *І подивилась*.

558, 5—4 зн.—в М. немає, а зам. того:
Та й заридала (в Ж.: *зраділа*!!), *похилилась*.

— 3: Жили, жили—та й похилилась,—в М.: *Мов та тополя, з сироти*.

— 2: не зводючи, дивилась,—в М.: *не зводячи, згадала*.

— 1: на Петруся. Одним одна, — в М.: *Убогий хутір,— там колись*.

559, 1: І виростала, й дівувала, — в М.: *Вона убога виростала*.

— 2: І за старого генерала,—в М.: *І дівувала. Продали*.

— 3—в М. немає.

— 4: І вкупі гроші,—в М.: і *гроші вкупі*.

— 5: І тяжко, тяжко заридала, — в М.: *На вік світ Божий завязали*.

— 6: серце,—в М.: *Петрусю*.

— 7: ходім, Петрусю, в сад, в палати,—в М.: *Ходімо в сад, ходім в палати*.

— 8: А хто ж тут буде доглядать?—в М.: Ходім, *не пастимеш ягнят* (в Ж.: *ягнята*!).

— 9: хто попасе мої ягнята?—в М.:—А хто ж тут *пастиме ягнята*? (*в Ж*.: *ягнят*!).

— 12: його в палати. А в палатах,—в М.: В палати *хлопчика в постолях* [*в М.*: *постолах,*—чудний началос!].

— 15: І любо їй,—в М.: *І рада стала.*

Зам. рядків 16—21 в М. такий варіант (після „І рада стала“):

Злую долю
Ти на Петруся навела.
Та ми не знаємо, що буде,
Що виросте з того зерна,
Що ми посіємо? Ми люде,
А Всемогущий хоч і зна...

— 13 зн.: то нам,—в М.: *та* нам.
— 9: не оддала б,—в М.: *Ні, не дала б.*
— 6: до школи,—в М.: *у школу.*
— 3: а генерал,—в Б.: *І* генерал, але ще в „Основі“: *А.*
— 1: таки вони,—в М.: бачиш, вони (а зразу було: *собі вони*).
560, 2: зімою в Київ,—в М.: *У Київ хлопця.*
— 3: І там у школу,—в М.: *та й там до школи.*
— 7—в М. немає.
— 8: І (,) — в М.: *вже.*
— 9: І ще!.. , — в М.: *Уже й.*
— 10: колись,—в М.: *ті сни.*
— 11: про те, що снилося Петрові, — в М.: *які там снилися* Петрові.

Далі двох рядків в М. немає, — їх узято з Б., але в „Основі“, а звідти і скрізь, їх переіначено,—в автогр. Б. стоїть:

А генеральші чернобровій
Що тепер снилося? То ми
Оце й роскажемо...

560, 14: перед Пречистою,—це теж коньюнктура „Основи“: в М. стоїть: *Перед образом Пречистої*, в Б. було: *перед іконою Пречистої*, потім поправлено: *перед образом*, але знов *образом* закреслено, а одкреслено—*іконою.* Той хто переписував, не доглядів під словом *іконою* знака (〰〰), і дальше слово: *Пречистої* змінив на *Пречистою.* А на ділі воно так:

Перед іконою Пречистої.

— 17: Ридала, билась,—в М.: *вона молилася.... нечистії.*

— 18: огненную сльозу лила,—в М.: *Рікою сльози проливала.* В „Основі" після „ридала"—пропущено далі 6 рядків.

— 14 зн.: щоб та її, щоб...—в М.: *щоб заступила, щоб...*

— 10 зн.—в М. немає.

— 8: Свого Петра! І тяжко їй, — в М.: *Свого Петруся..... Тяжко їй...*, потім в М., з нового рядка, знову: *Тяжко їй*!

— 5: Сердега.—в М.: *сердешна.*

— 4: як його,—в М.: *як таки.*

561, до рядків 1—21—в М. зовсім одмінний варіант,—після слів: „А лихо, кажуть, перескоч" іде:

Не Бог судитиме, а люде.
Вони, вони тебе осудять
Своїм неправедним судом!
Петрусю! добрая дитино!
Ти ще не знаєш, неповинний,
Як тяжко на світі любить!
Любить... і марне, марне гинуть (в коп. Ж.: *Любить..... любить, і марне гинуть*).
І згинуть, віку не дожить!
Вона—твоя святая мати,
Твоя єдиная сестра!...
За неї рад ти умірати
Хоч тричі на день, рад отдати
За неї рай свій молодий!
А більш нічого не даси...
Бо серце гріх їй оддавати!
То мати бідная твоя!

Неначе лютая змія,
За серце грішнеє впилася
Любов нечистая .. не раєм,
А лютим пеклом розлилася
По грішній крові! І не знає,
Сама не знає, що робить
І що їй діяти з собою?
Чи то сховатись під водою? (в коп. Ж.: *Чи не...*).
Чи то їй голову розбить?..

Останні два рядки єсть уже і в Б., але так:

Або сховатись під водою,

Або принамені розбить
О стіну голову??. (Зразу було: *о камінь*),

але цих рядків в виданні Ю. Романчука немає, бо їх немає і в Кожанч. „Кобзарі"; тим часом в Пражськ. „Кобзарі"—вони єсть, (тілько в останньому рядку: *об* стіну....)

561, 13 зн.: поїду,—в М.: *піду у.*

— 12: прожене,—в М.: *оджене.*

— 11: о мій Петруню,—в М. *о мій*—немає.

— 9: я у Дніпрові, — так і в Б., і в М., а в Ж.: *Я у Дніпрі тоді.*

— 6: завдала,—в М.: *продала.*

— 5: за палати,—в М.: *не дала.*

— 4: любітесь, діточки, весною!—в М.: *Моліте Бога, щоб весною.*

261, 2 зн.: на світі є,—в М.: *Господь послав.*

— 1 зн.: І без користи; молодою, — в М.: *Вам буде любо, любо жить.*

562, 1—15,—до цих рядків в М. такий варіант:

Любов та буде молодою
І непорочною... такою,
Як сон дитини на зорі!..
А в-осени любитись гріх!
То не любов, то пекло буде,
І осміють, осудять люде,
І Бог правдивий покара
За чорнобривого Петра.

— 15—13—в М. немає.

— 12: та й занехаяла. Везла,—в М.: *В село небога привезла.*

— 11: назад гадюку в серці люту, — в М.: *Свою змію ще гірше люту.*

— 10: та трошки в пляшечці отрути,—в М.: *І капельку нащось отрути.*

— 8—3,—до цих рядків в М. такий варіант:

Не спала три дні і три ночі.
Засохли губи, впали очі...
Уже й не молиться в-ночі,
А щось шепоче сміючись.
І з тиждень грішная нудилась,

Сама не знала, що робить!
А потім трути наварила.

— 2: І генерала,—в М.: *Та...*

— 1: Та й спать, упоравшись. лягла,—в М.: *Щоб знав, як дівчину любить.*

563, 3: та й буду жить собі та й жить, — в М. немае обох *й*.

Далі ряд. 4—8—в М. немае.

— 12: до генерала ідучи,—в М.: *за гробо́м люде ідучи* (так було зразу і в *Б.*).

— 13—16,—до цих рядків в М. варіант:

Ой не мине Господня кара!
Великим громом упаде
На грішну голову... мов хмари,
Набралось люду, аж гуде...
Та все щось шепчуть про отруту
І ніби то когось то ждуть.

563, 18 зн.: І разом стихли,—в М.: *і всі затихли.*

— 17: Приїхали...—в М.: *Приїхав суд.*

— 15: І яд находять,—в М.: *Находять труту.*

— 14: громада глухо присягае,—в М.:

І на Господнему Христі
Уся громада присягае.

— 12: скажіте,—в М.: *признайтесь.*

— 11: хто отруїв його,—в М.: *Хто пана отруїв?*

— 9: зично загула,—в М.: *разом заревла.*

— 8: тогді,—в М.: *Петрусь.*

— 6: Петрусь, і каже,—в М.: *Не правда ваша.*

— 4: А ви не знаете нічого,—в М.:

А за́ що?.. Я вже тее знаю
І не скажу вам, люде злий!

(коп. Ж.: *люде злиї*),

Призна́юсь, може, перед Богом!

— 2: та в город в путах одвезли,—в М.: *І зараз в Киев.*

— 1: його,—в М.: *Петра.*

564, 1: в тюрмі, в суді, а в добрий час—в М: *в тюрмі глибокій..... в добрий час.*

— 4,—в М. немае.

— 6: аж у Сібір,—в М.: *аж на Сібір.*

159. Мені здається,—я не знаю.

В автогр. М.—за № 5; в Б. немае.

Одміни:

59, 5 зн.: та що ж мені тут......,—по всіх „Кобзарях" цятками далі визначено якісь, очевидно, два слова. Справді, в автографі стоїть тут два слова, які, хоча і досить ясно написано, але одразу здаються дивними,—стоїть тут, очевидно: *гриты-дуты...* Те, що сполучено їх протинкою,—зайвий доказ того, що слова ці мають бути сливе сіноніми... Вираз цей мае одначе свій сенс.: Ш. каже, що йому немов би то байдуже за простих сірих сіромах:

Вони і Господом забуті,
Так що ж мені тут гріти-дути,—

то-б то турбоватися, клопотатися цим,—і уживае для того образу з ковальського обиходу.... Д. М. Кр-ський в своїй статьї здогадуеться, чи не мае бути: *казати тута?....*

60, 7: мир палили,—в М.: *мір палили,*—у Шевч. не раз стрічаеться *мир*—в значінні *громадянство, громада: „поки мир божий не засне", „і миром,* громадою обух сталить"......

— 10: свинар,—в М.: *свинарь.*

— 12: після *палати,*—знак (?)

— 3 зн.: річах,—в М.: *речах.*

61, 3: після *едину*—рядок цяток.

— 6: після *нашого*—рядок цяток.

— 9: Прочитаю
Собі, хоч мало оживу,—

така інтерпункція по всіх „Кобзарях", але неправильна, бо в автографі ось як:

Прочитаю
Собі хоть мало..... оживу.....

160. Як би ви знали, паничі.

В автогр. М.—за № 6. В Б. немае. Вперше надруковано в „Правді" 1876, № 4, 125—127, а потім в Пражському „Кобзарі".

Одміни.

53, 16 зн.: то ви б *ідилій* не творили,—таку поправку зроблено пізніще, бо в „Правді“ і в Пражськ. „Кобзарі“: *елегій*; в автографі теж *елегій*. Дуже може бути, що Ш. помилився, і замість *ідилій*, ужив *елегій*; але такі поправки треба кожен раз зазначувати в примітці.

— 13 зн.: називаем,—в М.: *називають* (так і в „Правді“ та Праж. „Кобзарі“),—цю вже пізніщу поправку зроблено без найменьшої раціональної підстави.

53, 7 зн. після: не жило,—в автографі знак (?).

54, 16: школярям,—в М.: школяра*м*.

— 16 зн.: А сестри! сестри!—в М.: *а сестри! сестри?*—і це правильніще (так і в Пражськ. „Кобзарі“).

— 8—5—інтерпункція цілком неправильна, і тільки випадково думку автора не попсовано (помилка і в Пражськ. „Кобзарі“):

Такії, Боже наш, діла
Ми творимо у нашім раю!
На праведній твоїй землі
Ми в раю пекло розвели,—

тим часом в автографі після „у нашім раю“ немає ніякого знака, а знак (!)—після „*землі*“... Крім того, обидва рази не: *в раю*, а *в раї*.

— 2 зн.: лани братами оремо, — зразу було: *лани ми іми оремо*, але поправлено олівцем,—пізніш, аж р. 1858.

55, 4: в раю,—в М.: *в раї*.

— 12: по над став*о́*м,—наголос в автографі.

— 14: після *віти*—рядок цяток.

— 16: у тім раю,—в М.: *раї*!

161. Буває, в неволі иноді згадаю.

В автографі Б. немає; в автографові М.—за № 7. Писано не як звичайно, а боком, вздовж сторінки; списано таким чином 4 сторінки (395—398), і кінець вірша, як це й по всіх „Кобзарях“, такий:

Мені той козак
Росказував ось що....

Так ми й не знали досі, що саме він росказував, але тепер, одколи одкрито секрет, в якому порядку треба читати вірші в автографові *М.*,—виявилося, що не тяжко знати, що власне ко-

зак росказував поетові; для цього треба тілько удатися до стр. 191 (зошиток 13-ий); там ми найдемо, без номера,—як і повинно бути,—вірш: *„Не знаю, як тепер Ляхи живуть“...* Оце і есть те, що росказував козак,—це і есть кінець вірша *„Буває в неволі иноді згадаю...“* В цьому упевниться кожен, хто тілько прочитає спочатку *Буває в неволі...* , а зараз за ним і *Не знаю, як тепер Ляхи живуть...* А як що досі цей останній датовано було роком 1848, а не 1850, то це зовсім натурально, бо зошит 13-ий (по новій лічбі, би по справжній він мусів би бути *27*) опинився серед віршів р. 1848, а через те половину поезій з р. 1850 (почавши от з цього кінця „Буває в неволі“) – залічено до р. 1848.

Одміни:

58. 8: От мені,—в М. було зразу: *Раз мені.*

— 9 зн.: ніби мені каже,—в М. узято в скобки, і це зовсім доладу.

255, 15 зн.: я жив на хуторі....—далі в автогр. закреслено $1^1/_2$ рядки, — тілько й можна розібрати після *„на хуторі“— з моею....*

— 4 зн.: за церков божую,—в М.: *божію.*

256, 14 зн.: справжу—в М.: *спряжу.*

— 10 зн.: після *я бачив*—рядок цяток.

255, 8 зн. і 257, 6: трйох,—в М.: *трьох.*

162. І станом гнучим, і красою.

В автографі М.—за № 8,—виглядає як брульон: писано нашвидку, з багатьома поправками і нарешті закреслено олівцем. А проте в автогр. Б. заведено (між віршами р. 1848).

Одміни:

70. 2: пренепорочно-молодою,—в автографі сполучено через (—).

— 7: старому,—в М.: неначе

— 8: божої,—в М.: чистої.

Після рядка 10 — якісь 2 рядки викреслено чорнилом пізвіще.

— 12: укриє,—і в М. і в Б.: *прикриє,*—але вже в Кожанч. „Кобзарі“: *укриє..* Звідки воно?

— 15: огнем любови,—в М.: *Господнім.*

70, 18 зн.: опріче,—в М.: *оприче,* в Б.: *опріче.*

— 17: молись же,—в М.: *Молися ж.*

— 16: І я з тобою,—в М.: *І я за тебе.*

— 12: уже й на тебе,—в М.: *На стан твій гнучий.*

— 11: мені приснилось: ти вже, — в М.: *Мені вже сниться, що ти.*

— 7: все добре за собою,—в М.: *усе, усе з собою.*

— 5: А ти,—в М. зразу було: *І ти.*

— 4: одна-однісенька. З тобою, — в М.: *Сама калікою старію?*

— 3: единее добро було,—в М.: *Сама... одно* добро було.

71, 1: оперилась, а ти осталась,—в Б.: і *ти* (помилка ще в Кожанчиковськ. К.); в М.: А там... і *ти собі осталась.*

— 2: стара і немощна. Людей, — в М.: *Сама, мов палець, у людей.*

— 3: людей неприязних благаеш,—в М.: *Уже не пріязні благаеш.*

— 4: *І*—в М.: *А* (помилка ще в Кожанч. К.).

— 6: стариї руки,—в М.: *сухії* руки.....

— 10: дивлюся іногді,—в М.: *А иноді дивлюсь.*

— 13: молися й ти, щоб і на тебе,—в Б.: *з святого неба;* в М.: *Бо ще на небі.*

— 14: з святого неба низійшла,—в Б.: *На тебе, серце, не зійшла;* в М.: ще з неба, серце, не зійшла.

Після тексту—в М. три рядки крапок.

Таким чином бачимо, що ці два рядка в вид. Кожанч. не згідні ні з одним автографом. Більш того: їх зовсім перекручено і попсовано, бо в уста поетови вклали таке, що він ніколи б на те не пристав,—поета заставили благати Бога, щоб на сироту „з святого неба *низійшла* (=снізошла, зійшла) і доля, і *недоля*“... Не вже б Шевченко благав сироті *недолі* з неба? А тим часом, коли возьмем хоча б автограф Б., то й там зовсім ясно бачимо думку поета: твоя і доля і недоля,—каже він,—на небі, а через те молися: *З святого неба*

(Ще) *На тебе* серце, *не зійшла*
Твоя і доля і недоля.

А ще ясніш це в автогр. М., звідки краще всього й брати до „Кобзаря“ текст для цього уривка:

Молися й ти: бо ще на небі—
Ще з неба, серце, не зійшла
Твоя і доля і недоля.

Дата—р. 1850, а не 1859 (як напр. це в вид. Романчука).

163. Огні горять.

В автогр. М.—за № 9; есть і в автогр. Б. Вперше видруковано в журналі „Иллюстрація. Всемірное Обозрѣніе", 1861, № 177 (під 13 іюля), стр. 27.

Одміни:

30, 12: алмазом добрим,—в М. було зразу: *щирим.*

30, 15—18 в М. немає, а замість того: І любо всім... І всі сміються.

В журн. „Иллюстрація": *„Неначе діти всі сміються.*

30, 12 зн.: неначе заклятий,—в „Иллюстраціи": *меж ними* заклятий.

Дата—р. 1850, а не 1848.

В журн. „Иллюстрація" стоїть: 10 мая 1858, але це дата посвяти, бо в примітці редакція журналу додала: „Стихотвореніе это посвящено покойнымъ поэтомъ одному изъ его близкихъ знакомыхъ, и вписано имъ въ его альбомъ, откуда мы его и перепечатываемъ".

164. Чи то недоля та неволя.

В М.—за № 10, перекреслено олівцем.

Уваги:

32, 13 зн. після *„і душу* чистую",—в М. знак (*?*)

— 4 зн.: нехристіяне,—в М.: *Не христіане*!

33, 3 після *научили* в М. стоїть крапка.

— 8: те серце, праведне колись,—в М.: *Та сердце праведне* колись,—очев. Ш. поруч. з *„та убоге"* (серце) ставив і *„та праведне"*, а не *„те* праведне" (помилка ще з Кожанч. „Кобзаря").

Дата—р. 1850, а не 1848.

165. На батька бісового я трачу.

В автогр. М.—за № 11; есть і в *Б.*

Одміни:

31, 11 зн. В першому ж рядку по всіх „Кобзарях" одміна: на батька бісового трачу,—тоді як в обох автографах: На батька бісового *я* трачу.

31, 10: І дні, і пера і папір,—в М.: *Часи, і пера, і папір.*

— 8: таки аж надто, не на мир,—в М.: *Та таки й добре... не на мір* (в коп. Ж. помилка: *Та так таки і добре*).

— 7: І на діла,—в М.: *І на гріхи.*

— 6: А так, мов иноді,—в М.: *А так—мов иноді*.

— 5: Дідусь сивесенький рида, — *в М.*: *дідусь сивенький, та й рида.*

— 4: того бачте, що сирота,—так в Б., а в М. цього рядка немає: замість того було аж 4 рядки, але оден зовсім викреслено, і осталось три таких:

Йому, як бачте, на сім світі
Нема до кого прихилитись,
Шо він, сердешний, сирота (в Ж.: *І він*...).

Дата—р. 1850, а не 1848.

166. І досі сниться.

Останий вірш з р. 1850—„*І досі сниться.* В автогр. М.—за № 12; есть і в Б. Вперше видруковано в „Основі“, 1861, XI—XII.

Одміни:

36, 9: сидить,—в М.: *стоїть.*

— 11: коло хатиночки,—в М.: *Сидить під хатою.*

— 15: сміючись мати,—в М.: *дитини мати.*

— 12 зн.: І усміхнеться, і з тиха, — в М.: *І усміхнувшись собі тихо.*

— 11: промовить нишком: деж те лихо?—В М.: *Та й думає: минуло лихо.*

— 10—печали тиї, вороги, — в М.: *таки поміг Господь дожить.*

— 9: І нищечком старий,—в М.: *До радости. Старий.*

— 4: *І сам пішов,*—і в М. і в Б.: *Й собі пішов* (поправка пішла ще з „Основи“).

Дата не р. 1848, а 1850, на весні, бо, як відомо, 27 квітня Шевченко був уже арештований і посажений у тюрму перед тим, як заслати його в Новопетровський форт.

На цьому українська муза надовго покинула Шевченка і знову вернулася до цього аж р. 1857.

III. На волі.

(1857—1861).

167. Москалева Криниця

(*Я. Кухаренкови*).

В літературі йде суперечка, коли написано „Москалеву Криницю“: чи 6/IV 1857, чи 6/V? Власне жадної суперечки й бути не може, бо за 6/IV промовляють аж дві обставини: власноручний надпись Ш. на манускрипті, засланному Я. Кухаренкові і присланному сином А. Я. Кухаренка О. Кониському для розгляду: „Батькови Кошовому Я. Кухаренкови, на память 7 апреля року 1857“. 7 квітня значний день в житті Шевченка, бо тоді він одержав звістку про волю. Одержавши як раз 7/IV листа од Кухаренка і 25 р. грошей, Шевч., посилаючи Кухаренкові 5/VI 1857 поему, послав і листа, в якому писав: „Я думав, що я вже зледащів, захолонув в неволі, але бачу—ні! Нікому тілько було огню положить під мое, горем недобите серце старе, а ти, друже мій, догадався; взяв та й підкинув того святого огню. Довго я читав твій лист, разів з десять..... та закачавши рукава і заходився коло оцієї „Москалевої Криниці“. Бог поміг... скінчив, мені і полегшало трохи. Я умисне приписав „Ченця“ і „Вечір“, щоб ти порівняв їх з „Криницею“, бо „Криниця“ сеголітня, а „Чернець“ і „Вечір“ Бог зна колишні. Чи помолодшав я серцем за 10 літ неволі?“

Під засланим Кухаренкові списком дата стоїть: *мая 16*. Така саме дата стоїть і під текстом в автографі Б.: „1857 мая 16. Новопетровское укрѣпленіе“,

але посвята („На память Я. Кухаренкови“) *7 мая* 1857 року. Чи був це просто lapsus calami, чи дійсно 7 мая чимсь невідомим для нас вславилося,—напевне цього сказати не беруся, та й річ це дрібна.

Таким чином ми маемо два джерела для тексту „Москалевої Криниці“: автограф О. Я. Кухаренка, описаний О. Кониським в Зап. Н. Т. т. XXXIII, і автограф Б. Останній, як пізніща редакція—мае більшу ціну. Деж подівся брульон (перша редакція, з якої списав Ш. „Москалеву Криницю“ в Б.)—не відаю.

Зауважу, що та „Москалева Криниця“, яку Ш. написав р. 1847, мае не багато спільного з цією, але Ш., перечитуючи р. 1858 автограф М. додав олівцем під заголовком і в ній: „Я. Кухаренку“, одразу вона не була присвячена Я. Кухаренкові.

Вперше видруковано в „Основі“, 1861, кн. II.

Одміни:

564, 11: Аж за Уралом, за Елеком,—в автогр. Кухар.: *За Уралом, над Елеком.* До слова „Елек" додано рукоп. III. примітку: „тогобічна, невеличка річка Уральська, вливається в Урал між Оренбургом і Уральском".

— 12: старий недобиток,—в авт. Кух.: *недобиток, старий.*

565, 9: малоліток,—в Кух.: *семиліток.*

— 10; мати,—в Кух.: мавши.

— 12: а вбогій,—в Кух.: *а вдові.*

— 13: вдові не до того,—в Кух.: убогій не до того.

— 13 зн.: чи вік же їй продівувать,—в Кух.: *Чи вже їй вік провіковать.*

— 4 зн.: з трави,—по всіх „Кобзарях", та і в автогр. Б.: *з роси*, а в автогр. Кухарен.: *з трави*,—звідціля д. Романчук, очевидно, й узяв поправку, але зовсім даремне.

— 2 зн.: весь,—в Б.: *ввесь.*

566, 1: А ні кара,—в авт. Кух. нема.

— 2: ні муки, кайдани,—в Кух.: *а ні кара, ні кайдани.*

— 4: тії сили не втомили,—в Кух: тії *сини* (очев—*сили*) *не вбили.*

— 9—10: Як я нагадаю, — в Кух.: *Як її згадаю.*
Катерину. Слухай, сину—*Як її згадаю.....*
Слухай, сину.

— 10 зн.: сяк собі то так,—в Кух.: то так собі, то сяк.

— 5 зн.: *за сіль*, (по всіх „Кобзарях"); так в „Основі", а в Б.: *і сіль.*

567, 8: після Покрова, — така явна помилка задержалася скрізь, тоді як безперечно мало бути: Покрови (бо nominativ: Покрова, Покрівонька); так і в автогр. *Б.*

567, 14 зн.: Всі люде бачать лихо, сину—в Б. зразу було: *Таки я бачивсь з лихом, сину*, а в Кух.: *Я таки бачивсь...*

— 7 зн.: у зятя, то в сина,—в Б.: у зятя *та* в сина (так і в „Основі", в Кожанч. та Пражськ.), а в Кух.: *То... то....*

— 4: на дитя своє єдине, — в Кух.: *Як на квіточку в садочку.*

568, 15—17: Таки й досі ще не знаю,
Не знаю нічого;
Знаю тілько, що тверезий,—в Кух.:

Незабаром сто літ мине,
А я, єй же Богу!
Таки й досі ще не знаю.

— 15—16: Оттаке-то сподіялось!
Вмер батько і мати,—в Кух.:

Оттаке то!
З журби батько,
З журби вмерла мати.

569, 1: мій брате,—в Б. зразу було: *єдиний.*

— 2 і 14 зн.: зосталась,—в Б.: *осталась.*

— 5: коли одпочине,—в Б.: *коли одпочине?*

— 11: попілище,—в Б.: *попелище.*

— 14: у димарі,—в Кух.: *в чорній грубі.*

— 15: що тут в світі,—в Б.:, *Що на світі діять?* Поправлено ще в „Основі", а звідти і скрізь.

570, 1: та сучого сина,—і в Б. і в Кух.: та *скурвого,*—поправка пізніща.

В „Основі", Кожанч. і Праж. К.—зовсім опущено цей рядок, а далі: *І вдовиченка.*

— 4: в скрепицю,—в Б.: скрепицю, в Кух.: *скрипицю.*

— 8—12,—до цих рядків в автогр. Кух. одмінний варіант. Після „яка правда—

Темнеє, мій сину!
Аж страх темнеє творилось
В нас на Україні:
Ні вже, каже, добрі люде... (так як в V розділі)...

570, 16 зн.: Іду служить,—в Кух.: *Піду, каже.*

570—571—усього розділу V-го („Ні вже, каже, добрі люде...)—в автогр. *Б.* немає зовсім, а під V стоїть те, що в „Кобзарях" під VI... Одначе в „Основі" цей розділ видруковано. Виходить, що Куліш мав якийсь инший оригінал під руками теї самої редакції, що і в Б., але повніщий.

571, 6: через год ото й велике,—в автогр. Кух. мабуть так само було, а О. Кониський не прочитав, як слід, бо в нього: *через сад* (!) *ота велика.*

— 5 зн.: в са*мо* серце,—в Б.: в са*ме* серце; в „Основі" теж: в са́ме серце,—так і в Кожанч. та Пражськ. К.

— 4 зн.: тричі обвилася,—в Б.: *повилася,* але вже в „Основі": *обви*лася.

572, 12—15: Мов дівчата, та святеє—
Борошно псували?

На іграшку, я думаю
Так собі, аби-то! .

в автогр. Кух.:

Мов дівчата?... Так, святее
Борошно псували,—
Більш нічого. Я думаю,
На іграшку.

— 14: з дяком таки, а то возьме, — в Кух.: з дяком собі, та візьме (!).

— 12: Апостола серед церкви, — в Кух.: *Апостола. У москалях.*

— 10: у москалах). Непевний був, — в Кух.: Оттакий то був непевний.

— 8: та трудящий, — в Б.: *А* трудящий, — але вже в „Основі“: *Та*

573, 2: від,—в Б.: *од.*

— 3: преблагий,—в Кух.: *святий.*

— 7: пострівай лиш,—в Б. зразу було:

Не записуй,
Не росказуй, сину.

— 9: та тогді вже,—так і скрізь, почавши з „Основи“,—а в автогр. Б.: *та то й вже* (наголос має бути на *вжé*).

До рядків 4—9 в автогр. Кухаренка — відмінний зовсім варіант:

Був Максим той. Мені ж, сину,
Було б не родитись на світ Божий!
Такее то сотворив я, клятий!
Цёго б було, мій голубе!
Не треба б писати;
Бо се страшне..... Страшне, сину!
У пеклі твориться
Не такее...

573, 9 зн.: й на тім світі,—в Кух.: *По вік-віки; бо сказано— Проклятий Богом і людьми.*

— 3 зн.: ввіпеться,—в Б.: *вопьеця.*

— 2: пазурами в саме серце,—в Кух.: *пазорами в твою душу*; в Б.: *пазорями.*

574, 8: там, у холодочку,—в Б.: *Та у холодочку*,—поправка єсть вже в „Основі“.

— 10 зн.: роботати,—в Б.: *работати*, — поправка пішла з „Основи“.

575, 4: при долині,—в авт. Кух.: під горою.

Рядки 6—9 в автогр. Б.—в скобках.

— 12: височенний,—в автогр. Кух.: *превисокий*.

— 15—14 зн.: Та за того, що викопав,
Богу помолитись,—

в автогр. Кух.: *То (!) за його грішну душу*
Господа молити.

575, 5: у світлому раю,—в „Основі“ немає, але вже в Кожанч. К. єсть.

Після рядка 5 зн.—текст в Б. одділено.

— 4 зн.: у неділю,—в Б.: *у недільлю*.

576, 11: чи глибоко,—в автогр. Б.: чи глибок*а*,—і так воно й повинно бути. Помилка пішла з „Основи“.

— 14 зн.: оттаке-то, — в Б.: *такеє те*, — поправлено ще в „Основі“.

— 3 зн.: та у балці поховали,—в авт. Кух.: *та тут його й поховали*.

577, 1—2: А його криницю
Москалевою назвали,—

в автогр. Кух.:

І тую криницю
Москалевою прозвали.

— 4: про криницю,—в Б.: про *ту* криницю (так і в Кожан. і в Праж., а в „Основі рядків 3—5 немає). Очевидно, поправка ще пізніща.

— 5: страшная билиця,—в Б.: *нелюдська* билиця; так і в Кожанч. та Пражськ. К. (в „Основі“ зовсім немає), — очевидно поправка пізніща як з 1876 року.

— 8: бо тут Сібір (в Б.: *Сібірь*) була колись,—до цього в автогр. Кухаренка Ш. зробив примітку: „не дуже давно посилали каторжних на Єлек, чи Єлецьку защиту, для ломки солі“.

— 9: і пропадаю, *мов* собака,—в автогр. Кух.: *як*.

— 10: *Мов той* , — в автогр. Кух.: *як той*.

168. Неофіти.

В автогр. Б. „Неофіти“ з посвятою: „М. С. Щепкину на память 24 декабря 1857“ (коли вони побачились знову після довгої розлуки), а дата *8 декабря 1857. Нижній Новгородъ*[1]). Автограф „Неофітів“ есть у М. А. Маркович (Марко-Вовчок)[2]).

Що до друкованого тексту „Неофітів“, то було його кілька редакцій, через те маємо аж чотири версії: у „Вечерницях“ (р. 1862, №№ 31, 32 і 33), де видруковано вперше по першому рукописови, в „Основі“ (1862, IV) та в Кожанч. К. по в автографу Б., у Львівському виданні 1867, — по невідомому автографу, і в Пражському (Женевське і Львівське 1893—взято з Пражського, а російські віданя— наближаються до Львівського). Пражське—друковано по автогр. М. Вовчок.

Поема „Неофіти“ не викінчена, як писав про це Ш. до М. М. Лазаревського 21 січня р. 1858, не так він її й кінчив потім.

З автографів, крім автографа Б.; розглядав я ще уривок (на чвертці аркуша паперу, перегорненого у—двоє, і списаного з усих 4 боків) в Музеї імени В. Тарновського. Автограф цей обнімає кінець розділу IV (од слів „І пяний і голий фавн отой), розділ V і VI“ [3]) (текст дуже близький до того що в „Вечерницях“). Крім того, єстьще копія в рукопису Л. Жемчужникова (З. Н. Т. XXXIII), де пролог починається з „Благословенная в женах“, але, як це видно з варіантів, вона не що инше, як *копія з автогр. Б.*; нового сливѐ нічого нам не дає.

Таким чином порядок (хронологичний) джерел буде такий: 1) Чернигівський автограф (частина поеми), 2) „Вечерниці“ 3) Пражський текст (автограф. М. Вовчок), 4) Львівський К. 1867—1868; 5) автограф Б. (примітки до Пражськ. К., „Основа“ і Кожанч. К.), 6) копія Л. Жемчужникова. „З усих цих редакцій—та, що в „Вечерницях“, найранійша і через те найменьш має ваги,—тим часом д. Романчук дуже на неї покладався і багато варіантів взяв звідти. А цього крім 2 рядків в розділі XIV, недостача яких

---

[1]). В дневнику під 8/XII стоїть: „Усі отсі чотирі дні (4, 5, 6 і 7) писав поему.... здається назову її „Неофітами“.

[2]) Вказівка про це в—Пражськ. Кобзарі, т. II, 166: „Ми тута друкуємо їх по автографу, зіставшомуся у п. Маркевички (Марко Вовчок), додаючи варьянти з Львів. вид. та вид. Кожанчикова“ .

[3]) Цей уривок, що в Музеї імени В. Тарновського,—шматок найпершого рукопису, про який Ш. згадує в „Дневнику“.

справді почувається, не слід було робити. А ще ж д. Романчук зауважає (у згаданому листі до мене), що „не використав я лише значно відмінного та цікавого тексту „Неофітів", поданого в „Вечерницях"…. Мусу признати, що це тільки на краще вийшло… Що до цього *цікавого* тексту, то д. Романчук, очевидно, не уявляв собі, яке він місце займає в історії текстів цієї поеми, і не відав, звідкіля його дістали Галичане. „Звідки редакція" Вечерниць „той текст дістала, не знаю,—пише він у листі до мене, та й годі тепер розвідати, бо всі редактори і помічники (Заревич, Климкович, Володимир Шашкевич, Остап Левицький) вже померли".

В новому виданні „Кобзаря", що друкується в Петербурзі, я виправив текст відповідно останньої редакції в до автографі *Б.*

577, 11 зн.: Ісаія, глава LVI,—у Шевч. в *Б.*: глава 5.

— 8: я тихо плачу,—в „Вечерницях": *нишком.*

— 5: благодушне,—в „Вечерницях": *благодушно.*

578, 1: сирая,—в Б.: *сірая;* по всіх „Кобзарях": си́рая, бо очевидно у Ш.: с*и*рая, і видавці не знали як прочитати *и*: чи за *і*, чи за *и*.

— 5: притчою,—в Б.: притч*ею*; так і в „Вечерн.".

— 14: на кладовищі,—в рукоп. вар. в примітк. до Празьськ. К.: *гробовищі*; так і в „Вечерницях".

— 16: й за те, що бачу, що живуть,—в рук. вар. Пр. К.: *За те хоч бачу;* а в Б., після; „що бачу" не (,), а (.) і далі: *Ще* живуть. „Добрий варіант і в „Вечерницях": Слава Богу й за те..... Хоть бачу, що живуть.

— 14 зн.: на кладовищі—в „Вечерницях": *на гробовищі.*

— 12 зн.: невбогий мабуть хтось лежить—в Б.: не вбогий: в „Вечерницях" кращий варіант:

„Мабудь не вбогий хтось лежить".

— 8 зн.: і я— , — в Б.: *А я*, але мабуть помилка, бо і в „Вечерницях": *І я.*

— 5 зн.: із тюрми (.) В „Вечерницях" немає ніякого знака після: *із тюрми дивлюсь, дивлюся.*

— 2: мов нагодована дитина,—в „Веч." помилка: н*е*годована.

579, 9: його святого мордували,—в „Вечерниц.": *За що його мордували.*

— 4: та праведних,—в „Вечерн.": *у праведних.*

— 11: І главу його честную,—в прим. Пр. К.: *і святую главу його;* теж і в „Вечерницях".

— 15: І повісили між ними?—в Б.: *між ними*; **в Вечерн.**: пові*шали*.

— 17: сивий Верхотворець,—в „Вечерницях“, у Львів **К.** і в Б. теж так, а в Пражськ.: *святий*.

15—1 зн. на стр. 579, уся стр. 580 і 1—10 на стр. 581—в *Б.* немає: узято це з „Вечерниць“; есть і у Львів. К. 1867; в „Вечерницях“, через недогляд, опущені рядки 6—10 на стр. 580,—повна редакція тільки у Львів. 1867.

579, 11 зн.: син отгой Марії,—у Львів. Кобз. 1867: *отсієй Марії*; у „Вечерницях“: *отсій Марії*.

580, 17 зн.: Земні
Бете поклони,—

у Льв. К.: *до землі*; так і в „Вечерницях“.

— 15: од , — у Льв. К.: *від.*; так і в „Вечерницях“.

580, 5 зн.: перелечу во время оно,—так в „Вечерницях“ і у Льв., а в Пражськ.: *„перелечу в літа*, у те незгірше время оно“.

— 2: із тьми-недолі,—так в „Вечерницях“ і Львів., а в Пражськ.: *юдолі*.

581, 7—10,—в Пражськ. одмінний зовсім варіант:

Так думаю во время оно
Перелетіть і стоном—звоном
І трубним гласом розсказать,
Як Бог поможе, про святую
Про тую матір молодую
І христіянку. Про царя,
Чи тее... про кесаря...

— 15: *летучі літа*,—в „Вечерницях“: Літа *луччі* (:). Може помилка—зам. *летучі?*

— 16 зн.: *і слово* розумом,—так у Льв., а в Пражськ.: *І голос....* ; в *Б.* зразу було: *і голос пламенем*; в „Вечерницях“: і слово пламенем.

— 13: Старої матери, що море
Сльози святої пролила,—

це варіант „Вечерниць“, бо по инших К. і в *Б.*: „як тая мати ріки—море“, а далі в Пражськ.: сльози святої пролила; у Льв.: сльози кровавої лила,—так як в автогр. *Б.*

— 8: ти, мати Бога,—так у Львів., тільки *„мати Божа“*, а в Пражськ. і в *Б.* (зразу було): *Матір правди*; так і в „Вечерн.“, але попр. в Б. на: *мати Бога*.

— 7: сльози матері,—в „Вечерн.“: *матерні.*

— 6: до каплі вилила,—так у Львів.; в Пражськ.: *до краю*; в „Вечерницях“: *із серця.*

— 2: пламенем взялось,—в Б. зразу було: *пламенем святим.*

582, 1—3: Щоб по Україні розлилось,
Як благовоннее кадило,
І рідні душі освятило,—

так в „Вечерницях“, тільки: *по Вкраїні*; в Кожанчиківськ. „Кобзарі“ та в „Основі“:

І на Україну понеслось
Те слово—Божее кадило,
Кадило істини.... Амінь.

В Пражськ., копії Жемчужник. та в Б.—повніще:

І на Україні понеслось (в Праж.: *І по Україні пронеслось;* в коп. Ж.: *На Україну понеслось*).
І на Україні святилось (в Праж.: *світілось* (!).
Те слово—Божее кадило (в Праж.: те слово чистее, кадило).
Кадило істини. Амінь (в Праж.: Чистійшій істини).

Останніх двох рядків в коп. Ж. немае.

— 9: за Деція,—в Б.: *за Декія.*

— 13: Россії,—в Б.: *Росії.*

— 16 зн.: на його,—так в Праж. і в „Вечерницях“, а в Кожанч. і в Б.: *на неї.*

— 15: і дівчати,—в Б.: і *дівчаті*; в „Вечерн.“: *а дівчаті.*

— 14: людей шукала, і знайшла, — в „Вечерн.“: шукал*и*, і знайшл*и*.

— 12: гінекеї,—в Б.: *гінікею*; в „Вечерн.“: „гінекеї“; так і по инш. „Кобз.“

— 11: одвела,—в „Вечерницях“: *одвели.*

— 9: Із доброго того дівчати,—в Б.: *із доброї тії* (Б.), але по всіх инших джерелах *дівча*—середнього роду.

— 8: дитину-сина *привела.*—М. Кр-ський зауважае, що треба б.: *повила.* Але як і тут, так і в „Марії“ у Ш. звичайний вираз: *привела.*

— 5: немалі жертви. І благала,—в Кожанч., в „Основі“, і у Львів. К. і в Б.: *Ублагала.* В „Вечерн.“: *Чималу жертву.* І благал*и* (!).

— 4: весь синкліт,—в Кожанч. і в Б.: *той* сігкліт.

583, 2: син її,—так в Кожанч. і в Б., а в Праж. і „Вечерницях: *первенець*.

— 4: перед образом,—в „Вечерницях“: *і перед ідолом*.

— 5: горить кадило золоте, — це взято з „Вечерниць“ і Львів. К., тоді як в Пражськ. і в Б., *лампади світять* (в Б. зразу було: *теплять*); в „Основі і в Кожанч.: *лампаду* світять. Той варіант, що у д. Романчука, кращий, бо дає рифму до *син* її *росте*.

583, 7: сходила зоря,—в Б.: *заря*.

— 17 зн.: І сина божого,—в Б.: *божія*; так і в „Вечерницях“; по всіх инших джерелах: *Божого*.

— 12: возстав із гроба! Слово встало—так у „Вечерницях“ у Львів.; в Праж.: *од гробу*, в Б.: *от гроба*. Після *от гроба* в Б. не (!), а (,—).

— 11: понесли,—в Б. зразу було: *рознеслось*.

— 7: той син Алкид,—в рукоп. прим. Праж. К. і в Б.: її Алкид в „Вечерницях“: *сей син*.

— 6: та ще,—в „Вечерницях“: *І ті*.

— 3: у гаї гарно,—в „Вечерн.“: в гаю гарненько.

— 2: вина святого напились,—так і в „Вечерниц.“, а в рукоп. прим. до Праж. К.: *І ще гарнійше попились*; в Б. теж так: *Та ще гарніше попились*.

— 1: та й поклонялися Прияпу,—в Б.: та й покланялися Пр*і*апу.

284, 1: іде святий Петро,—в „Вечерницях“: *святий, святий*.

— 2: Ідучи,—у Львів., в „Основі“, Кожанчик. та в *Б*.: *Та йдучи*. Ідучи—в „Вечерницях“ і в Пражськ. К.

— 4: І одпочити—в „Вечерн.“: *Та* одпочити.

— 6: І оргію благословив,—в „Вечерницях“: *і взором оргію змірив* (!).

— 7: і тихим, добрим, кротким—в „Вечерницях“: *І добрим, кротким, тихим*.

— 9: любов *і правду*,—в Праж.: любов і *кротость*; так і в „Вечерницях“.

— 11: І ситий, — так і в Б., а в „Вечерницях“ в Праж. і у Львов., в коп. Жемч.: *і діти*.

— 12: І пяний й голий Фавн отой,—з цього рядка починається ще одне джерело—автограф Черниг. Музея (найперша редакція). В Черниг.: *І козлоногий сивий пан* (так і в Праж.); у Льв.: І козлоногий сивий Фавн, а в рукоп. прим. до Пражськ. К., в коп

Жемч. і в *Б.*: *І пяний й голий отой Фавн* (зразу було: *І пьяний голий пан Фавн*).

— 13: І син Алкид твій,—в Черниг.: *І добрий син твій.*

584, 14: Всі, всі,—в Черниг.: *усі.*

— 15: Перед святим,—так у Льв., а в Праж.: *перед Петром*; в Б. зразу було: *перед святим,* але поправл. на: *Петром.*

16,—До себе в терми на вечерю,—в Б. додано: ще пів рядка: *Того апостола...*

— 18: І в термах,—в „Вечерн.“: *А* в термах. Це не резон, бо *і* свідчить про попередню вже оргію, про яку ми вже чули.

— 15 зн.: куряться амфори,—в Черниг.: *І курять амфори.*

— 14—13: Трохи не голиї, стоять
Перед Кипрідою, і в лад,—

це взяв Ю. Романч. з Львівськ. К. (та так і в *Б.*), а в Пражськ.:

Трохи не голиї, *не в ряд*
Перед Кипрідою стоять.

В Чернигів.: *Трохи не голі, і хлопята*
Перед Кипридою стоять.

— 12: співають гимн. Приуготован,—в Черниг. і в Пражськ. „Кобз“.: *І гимн співають. Уготован*; в „Вечерницях“: *Їй гимн співають*. У Львів. К. помилка: *приготован* (зам. приуготован).

— 9: аж тут їм гостя привели,—це взято з „Вечерниць“, а в Черниг. і в *Б.* і по всіх инших джерелах: *гетери гостя привели.*

— 8: сивобородого, і знову,—варіант: *і знову*—тільки в Праж. К. а в „Вечерницях“, у Львівск. „Кобзарі“, в Черниг. автогр., в коп. Жемчужн. і *Б.*: *і слово.*

— 6: *Єлеєм слово* потекло, — так тільки в Пражськ К.; в Черниг.: *елеем, медом,* а в „Вечерницях“ у Львівск.: в коп. Жемч. і в Б.: *драгим єлеєм.*

— 5: *А* жриця,—в Черниг.: *І* жриця.

585, 2: У катакомби. І єдиний,—в Черниг. тут вставка:

У катакомби,—за собою
І причет весь свій повела.

— 3: твій син Алкид пішов із ними,—в Черниг.: *І всіх гостей. І син твій, мати*; в Пражськ. і у Львів.: *пішов за ними.*

— 4: за тим апостолом святим,—так в „Вечерницях“ і в Пражськ.; в Черниг.: *пішов за ними, за святим;* у Львів., в коп. Жемч. і в Б.: *І за апостолом* святим.

— 5: за тим учителем благим,—так в „Вечерницях“, а в Черниг. *Святим учителем своїм;* у Львів.: *За тим учителем своїм;* в коп. Жемч.: за ним—учителем своїм; в Б.: *За тим—учителем своїм.* В Пражськ. К. цього рядка зовсім немає.

— 6: *А ти,*—в коп. Жемч.: *І ти.*

— 8: свого единого. Нема,—так в „Вечерницях“ і в Пражськ.; а у Львів. і в Б.: *Свого Алкида... Ні, нема!*

— 9: *Уже й не буде! І сама,*—так в Пражськ. К., а у Львів., в Черниг. і в Б.: *Ти сама....* В Черниг. тут вставлено ще два рядки (перед: *уже й не буде*):

Уже й смеркає, вже й світає —
Твого единого немає,
Уже й не буде...

— 10: сама помолишся пенатам,—так в Пражськ., а у Льв. К і в Б.: *Помолишся своїм пенатам.*

— 11: сама вечерять сядеш,—в „Вечерницях“: *Сама вечеряй.*

— 12: Ні, не вечерять, а ридать,—в „Вечерн.: Ні, не *вечеряй* а рид*ай*.

— 13: себе і долю проклинать, — так в Праж. і в *Б.*, а у Львів. К.: *Ридать і долю;* в Черниг. автогр.: *Ридать і Бога;* в „Вечерницях“: *себе і долю проклинай.*

— 14: І сивіть кленучи,—в Черниг.: *плачучи.*

585, 15: умреш-еси на самоті,—в Черниг.: *умреш сама;* в „Вечерницях“: *у самоті.*

— 16: мов,—в Черниг.: *як.*

— 15 зн.: старого,—так в Черниг. автогр. і в Пражськ. К., а у Львів. і в Б.: святого.

— 14: Апостола Петра святого,—в Черниг., в Праж. і у Львів.: Того апостола Петра. В Б.

— 13: а Неофітів в Сиракузи,—в Черниг. і в Праж. Кобз.: *А церков всю у.....*

— 12: в підземниї страшниї узи,—ні в Черниг., ні у Львів., ні в Б. немає, а взято із „Вечерниць“ та Пражськ. К.

— 11: в кайданах, —в Черниг.: *в галерах;* в „Вечерницях“ *на барках.*

— 10: твій син Алкид, твоя дитина,—в Черниг. і в Пражськ. К.: *твоя единая дитина;* в Вечерн.: *твоя коханая дитина.*

— 9—8: Твоя любов, твоя едина
Утіха, радість на землі,—

а в коп. Жемч. і в *Б.*:

Єдиная твоя (в коп. Ж.: *єтвоя диная*) *родина*,
Любов єдиная твоя.

В Черниг., в Пражськ. К. і у Романчука: *зам. тіха, радість* — *єдина радість*.

— 7: гние в неволі у кайданах,—так нема ні в одному джерелі, бо в Пражськ. не стоїть і в Б.: *гниє* (в коп. Ж. і в „Вечерницях": *гине*) *в неволі*... В Б. далі: *в кайданах*, а в Ж.: *І не знаєш*; у Львів.: *гине* в неволі, у кайданах...

— 6: а ти, прескорбна, і не знаєш,—у Льв.: а ти, прескорбная, не знаєш; так і в *Б.* (лишень через помилку опущено *ти*).

586, 3: Чи теє... в Скифію... , — в „Вечерницях": *Чи то у Скифію*...

— 14: Круг одра
. . . .
постануть,

—так у Львів. К., а в Черниг. і в Б.: *предстануть*; в Праж.: повстануть (!).

— 15: в кайданах,—в „Вечерницях":

Постануть
Страшниї муки,—

і далі немає 4 рядки.

— 14 зн.: Аж кишить
Невольника—

в „Вечерниц.":

Аж кишать
Невольники.

— 12 зн.: в льохах і тюрмах,—в Черниг.: *Все христіане*; в „Вечерницях": в підземних мурах.

— 6 зн.: не знайшла, – в Б.: *не найшла*; так і в „Вечерницях".

— 4: та там,—в Черниг.: *І там*.

— 1: сидіти,—в Б.: *сидіть*, але це неправильно, бо це слово мусить тут мати наголос на переодостанньому складі, відповідно до попереднього *подивитись*... І справді, по всіх джерелах: *сидіти*..

587, 1: коло острогу, ждать, — в Черниг.: *коло тюрми і ждать*; в Б.: *коло острога.*

— 3: свойого сина,—в Черниг.: *так того.*

— 5: Бульвар мести, — в Черниг.: *Мести бульвар*; так і в „Вечерн.“.

— 10: жреці, — і в Черниг. і в *Б.*: *жерці* (так і у Льв.).

— 13: з кадил і амфор. І з собором,—в Черниг. не так: *І в Капітолію з собором*; в „Вечерниц.“: *А в Капітолій і з собором.*

587, 15: Із бронзи литую статую, — в Черниг.: *литого Нерона.*

— 16: самого кесаря несуть,—в Черниг.: *Нерона кесаря несуть* на цьому кончається автогр. Чернигівськ. Музею.

— 18: непевне видумали свято, — в „Вечерницях“: *На певне* (?).

— 11 зн.: самим ледащо вихвалять,—у Львів. К.: *його самім їм...*; в Пражьск. К., в копії Ж. і в Б.: *самим їм дурня.*

Рядків 10—4 в коп. Ж. немає.

— 10: так щоб вже разом доконать,—у Пражськ.: *та щоб вже разом*; у Львів.: *Та заразом щоб*; в Б.: *То заразом щоб доканать*; в „Вечерниц.“: Та щоб вже разом *доказать.*

— 4: —бог, ще більш од бога,—в Б.: *—бог, що більш од бога*; в „Вечерницях“: *що більше Бога.*

— 3: І майстрові дали ковать,—в Праж.: *І сказано було ковать.*

588, 1—2: Що бронзовий той кесар буде
І милувать,—в Пражськ.:
Що миловать Юпитер буде,
Щоб всі молилися.

— 3: неначе в ірій потягли, — в „Вечерн.“: неначе *вірні* потягли.

— 5: і та небога, — в Вечерн.: *й моя* — цей варіант д. Романчук взяв з „Вечерниц.“, а більше його ніде немає,—скрізь: *І чи одна ж вона? Мій Боже!*

— 6—5: Іх тисячі в сльозах зібралось
Зо всього царства,—

теж узято з „Вечерниць“, а скрізь:

Прийшло їх тисячі в сльозах,
Прийшло з далека!..

588, 14—16: Свою надію? І кого
Кого благаете, благиї,
Раби незрячії сліпиї?—

цей уривок дуже поплутаний і скрізь неоднаковий. В „Вечерницях“ так як тут, тільки зам. „раби незрячії“—„о нерозумнії“! У Льв. і Пражськ.:

Свою надію? Горе з вами!
Кого благаете, благиї,
Раби незрячії, сліпиї!

В Б.—теж так, тільки після „Горе з вами“ вставлено ще рядки: „*Раби незрячії, кого?*“ але в такому разі виходить аж двічі: *раби незрячії*. В коп. Ж. після „благиї“ — немае вже рядка: раби незрячії, сліпиї.

— 17: чи ж камінь милуе кого?—це гірший варіант; есть він в „Вечерницях“ та в Пражськ. К.: і якимсь дивом в *Б.*, тим часом як у Львів. та в коп. Жемч.: *чи кат помилуе* кого?

— 17 зн.: молітесь Богові святому,—в коп. Ж.: *одному*.

— 14: не поклонітесь,—в „Вечерн.“: Всі не молітесь.

— 13: царі, попи,—в Б.: *попи й царі*. (В „Вечерницях“ кінця рядка 14 і цілого 13—немае).

— 10: перед тим Юпитером,—в Б. *тим* немае, — та воно й зайве, бо в рядку повинно бути 8 складів, а так виходить 9; так воно і стоїть у Львів., у Праж. та в инш. „Кобзарях , в „Вечерницях“ *перед Нероном* немае... Для чого Романчук додав: *тим* — не відаю.

— 9: молились вчора сенатори—в Б. поставлено наголос: *сенатóри* (рифма до *вчора*); в „Вечерницях“: дуки сенатори.

— 8: і вчора—в „Вечерн.“: *учора*.

— 7: лилася божа благодать,—в „Вечерн.“: отце ж іллеться благодать.

— 6: коли не чином, то грошима,—так у Львів.; у Праж. і в Б.: *Кому чи чином, чи грошима*.

— 5: кому—в аренду,—в Б.: *Кому—аренду*.

588, 4: або за більшиї заслуги,—цього рядка в Праж. немае, затеж там мало зрозумілий варіант: *Байстрятам—Почеп, а кому*. В Б.: *Байстрятам де-що, а кому*.

— 1: *хоч і*,—в Б.: *хоча й*.

589, 5: *й* себе,—в Б.: *й* немае, але воно потрібне.

— 10: А ми,—треба писати: *А Ми*.

— 14 зн.: вести із Спракузів, — в Б.: *везли із Сиракузи*. Справді, із Спракузів у Рим можна тільки *везти* морем, а не *вести*. Про це не раз свідчить і текст „Неофітів“. „А неофітів в Сиракузи в кайданах одвезли“ (585, 13—11 зн.), „Дитину мати не знайшла і в Сиракузи поплила“ (586, 6—5 зн.), „Приплила із Сиракуз і та небога“ (588, 5—6), „на галері везуть твого сина з христіанами в кайданах“ (590, 14—12).

— 12: і весела,—в „Вечерн.“: *і весело*.

— 11: кумирови помолилась,—в „Пражськ.“: *Кесареви*.

589, 10 зн.: а кумир той,—у Праж.: *А Юпітер*.

— 9: Юпітер той новий,—у Праж.: твій Юпітер новий; в коп. Ж. од рядка 10 до низу і 1—4 на стр. 590—немає.

— 1: ласкавого бога,—так у Пражськ.; у Льв.: *лукавого*, в Б.: *ласкавого* (так і в „Вечерницях“).

590, 2—3, 5—6—взято з Львів. К., хоча з одною одміною. У Львів. „Кобз.“ тут той самий текст, що в прим. до Пражськ. (= Б.).

— 2: Алкидова мати,—в Праж.: *І ти, моя мати*.

— 3: пішла сина зострічати,—в Б., в примітках до Пражськ. і у Львів.: пішла *його* зострічати; в „Вечерницях“: зострінути *сина*,—д. Романчук підправив *його*. А воно й не надто було потрібно, бо 4 рядки перед тим: *Іди зустрічати свого сина*.

— 5: на березі. Пішла-еси,—так і в коп. Жемч., а в Праж.: *І пішла ти*. В „Вечерн.“: пішла вона.

— 6: трохи не співаєш,—в „Вечер.“: *не співає*.

— 8: хвалиш, вихваляєш, — в „Вечерн.“: хвалить, вихваляє.

— 15 зн.: байдак,—в Праж.: *барка*.

— 12: з христіянами,—в рукоп. прим. до Пр. К. і в Б.: *з неофітами*.

— 9—6—в коп. Ж. немає.

— 8: а апостол великого, — в Праж.: *твій єдиний, а апостол*.

— 7: христового,—в Праж.: *великого*.

— 6: слова істини,—в рукоп. прим. до Праж. К. і в Б.: *Оттакий-то він*.

— 4: Аллилуя,—ні в одному джерелі немає, а в „Вечерницях“ зам. цього: *Псалом CXLIX*. Для чого Романчук добавив?

Далі іде „Псалом новий Господеви“—той самий псалом, який ми маємо в псалмах Давидових під р. 1845, — з невеличкими одначе одмінами.

591, 11: гострі,—в Б.: *остри.*

— 17 зн.: неправедних,—так в рук. прим. до Праж. К., а в Пражському основному тексті: *нечестивих*; в „Вечерницях"— губителей.

Це найраніщий варіант псалма CXLIX, і дійсно в „Псалмах Давидових" (див. попереду) стоїть *губителей* (490, 11 зн.); так само в „Вечерницях"; преподобни*х* (591, 14 зн.) слава,— як в псалмах.

— 10 зн.: дивилась, слухала, ридала,—так в Пражськ., а в Львів., коп. Жемч. і в Б.: *Не слухала і не ридала.* Так і в рук. прим. до Праж. Кобзаря (= Б.).

— 9: *I* „Аллилуя" подала,—в *Б.* і коп. Жемч.: *А...* ; в „Вечерн.": *подала.*

— 7: мов дзвони загули кайдани,—а в Пражськ.: *Забрязкали тяжкі окови.*

592, 1: гординею *ж*,—в Б.: *ж* немае.

— 2: не поклонітесь,—в „Вечерницях": *не преклонітесь.*

— 5: пророків,—так скрізь, тільки—в Б.: *пророка.*

— 6: розпинае,—так в Б. і в рукоп. прим. до Праж. Кобз., а в Праж. Основ.: *пожирае.*

— 8: І виростуть вони колись ряда 8—10—немае в Праж. основному; в „Вечерниц.": і виростуть внучата тиї.

— 11: без огня—в коп. Ж.: *без огню.*

— 13: І тисячі і тьми,—в Б.: *і тьми і тисячі.*

— 15—16: Молітесь, братія, молітесь!
І павши ниць перед Христом,—

в Б.:

Молітесь братія!"
Молились,
Молилися перед Христом.

В „Вечерницях": *упавши ниць* перед Христом.

— 15 зн.: лицарі святиї,—в „Вечерн." *святиї* немае.

— 14: во віки, віки,—в „Вечерн.": *во віки вічні.*

542, 11 зн.: минае тиждень. Пяний кесар,—так в прим. до Праж. Кобзаря (= Б.), а в основному Праж.: *Минув і тиждень той. І кесарь.* В коп. Ж.: пяний *писарь* (?!); в „Вечерницях": минув і тиждень „пяний кесарь".

— 10—9: Постригши сам себе в Зевеса,
Завдав Зевесу юбілей,—

так і в Б., а в коп. Ж. один тільки рядок: *Рим пропиває, тризну править.*

— 7: миро,—в Б.: *мірро.*

— 6: женуть гуртами,—так і в рукоп. прим. до Праж., а в Пражськ. основному: *гуртами гонять.*

— 5: у колізей. Мов у різниці,—в Пражськ.: *Мов у різницю.* Кров потекла.—*І кров тече* (так і в „Вечерницях“).

593, 2: пий, лютуй.—так в „Вечерницях“; в Кожанч. і в *Б*: *лютий, лютий,* в Пражськ. і Львів.: *Лютуй, лютуй.*

— 5: *уже зійшла святая зоря,*—в Б.: *уже встає*; в „Вечер.“: *зійшла*, але *святая*—опущено.

— 8: мов собаку,—в Б.: мов собаку (,—).

— 7—тебе убьють,—в „Вечерн.“: тебе *побє.*

593, 14: червленим,—ні в одному джерелі я не знайшов *червленим*, а скрізь: *червоним.*

— 15: в болоті крови замісивсь,—так тільки в Пражськ., а в решті джерел: в *болото крови.*

— 12 зн. в „Вечерн.“ немає.

— 13 зн.: Апостол, син твій, на арену,—так в Пражськ., а у Львівск. К. і в Б.: *А син твій гордо на арену.*

— 9: Із ями,—так в Пражськ. і у Львів., а в *Б.—із льоху.*

— 7: По Колізею,—в Б.: *По Колізеї* (так і у Львів.).

— 6: ревучим громом,—так у Львів. і в Б., а в Пражськ.: *неначе* громом.

594, 1: обступили,—в Б.: *оступили.*

— 3: твоїм Юпітером, -в „Вечерн.“: за кесарем твоїм.

— 5: а ти осталася одна,—в „Вечерницях“: А ти осталась на дворі.

— 12—в „Вечерницях“ короччий варіант:

Сама самісінька.... О горе!
Ти закричала, знявши руки,
І збожевілівши від муки.

— 13: о мур,—в Б.: *об мур.*

— 14—15: І трупом пала,—
Під саму браму,—

в „Вечерницях“:

Ударилась—і не живою
Під браму впала.

— 12—11 зн. в Б. немає, —це взято з „Вечерниць“; ні в Пражськ., ні у Львів., ні в инших джерелах—немає, хоч без цих рядків дійсно почувається недостача.

— 10: одинокий, мов гора та,—так у Львів. К. і в *Б.*, а в Праж. і в „Вечерницях“: *Одинокий серед Риму* (в „Вечерницях“: *серед Рима*).

— 9: на полі, чорніє,—так у Львів. і в *Б.*, а в „Вечерницях“ і Праж.: *Мов гора, чорніє*.

— 8: Колізей той серед Риму,—так у Львів. і в Б., а в „Вечерницях“ і Праж.: *Серед поля широкого*.

— 6: Із Альбано, із-за Тибру—такого варіанта ніде немає, бо у Львів. К. і в Б., очевидно, бажалося мати кращу рифму до „Риму“—із-за *Тибру*...

Із-за Тибру, із Альбано, а в Праж.: *Із Альбано, із-за гаю.*

— 4: а з-за того Колізея,—так тільки в „Вечерницях“, а у Львів., в Пражськ. і в Б.: *А над чорним Колізеем.*

594, 3 зн.: неначе з-за диму,—так тільки в „Вечерницях“, а у Праж., Львів. і в Б.: *Ніби із-за диму.*

— 2: сходить місяць,—так в „Вечерницях“ і в Пражськ., а у Львів. К. в рукоп. прим. до Праж. (= Б.), в копії Жемч. і в *Б.*: *пливе місяць.*

595, 1: спочива на лоні ночи,—так тільки в „Вечерницях“, бо і в Праж., і у Львів., і в *Б.*: *одпочив.*

— 3: твої чада преступниї,—в „Вечерницях“: навісниї.

— 4: ми не спочиваем,—так в „Вечерницях“ і в Пражськ., а у Львів. і в Б.: *не одпочиваем.*

— 6: у проспанім раю,—так тілько в Пражськ., а в „Вечерницях“, Львів. і в Б.: *раї.*

— 9—10: та ще й Бога зневажаем—так в „Вечерницях“ та Пражськ. К., а у Львів. К. та в Б.:

Та тебе, ще зневажаем,
Праотче ледачий!

(у Львів.: *ледачий* немае); в Пражськ.:

А тебе, ледачий
Наш праотче... Та цур тобі!...

А в „Вечерницях“ просто: ледачі, ледачі!

12—20,—скрізь (крім „Вечерниць“) так, як у Романчука, крім рядка 17: „коло замкнутої брами“ який в Пражськ.: читається: *Кругом*

того Колізея. Д. М. Кр-ський в статьї своїй проектує поправніщий текст,—правда, досить гарний,—але Шевченко з ним розминувся...

— 14 зн.: тихесенько,—в Праж: *тихо—мовчки.*

— 9: коло брами сіла,—в Пражськ.: *під брамою* сіл

— 8—7: Й зажурилась. Незабаром
Брама одчинилась,—

так у Льв. і в Б., а в Пражськ.:

О-пів ночі брама тоді
Тихо одчинилась.

В „Вечерницях“ од рядків 12 згори і аж до 6 знизу такий варіант:

Опівночі прокинулась
Нещаслива мати,
Підвелася, іздрігнулась,
Стала щось шептати.
Опівночі широкая
Брама одчинилась
І побоїще страшенне
Світом освітилось.

— 6 зн.: на колісницях,—в „Вечерн.“, в Львів. і в Б.: *колесницях.*

595, 3—2: І повезли на Тібр, тілами
. . . . годувати (рибу),—

в Б.: І повезли на Тібр. *Тілами святих убитих годували;* так і в „Вечерницях“, так у Львів. та Пражськом. Очевидно і тут д. Романчук погнався за рифмою (годувати) для дальших (через оден рядок) *мати.*

— 1: для царського таки стола,—в Праж.: *його* стола, а в коп. Жемч. помилка: *слова* (?!).

596, 8: сестра *Морока,*—в *Б.* примітка (не рукою Шевченка): *Скифьский Плутон* (а не *Скандинавський,* як у Ю. Романчука в примітках). І справді: *А Скифи* сіроокі

. . . .

Подумали: сестра Морока
Із пекла вийшла провожать
У пекло Римлян.—

мова йде про Скифів, а не Скандинавів. Помилку цю зроблено ще в примітк. до Пражськ. „Кобзаря", але видавці того „Кобзаря" не добре прочитали автограф Б., в якому червонім олівцем, не дуже виразно дописано: *Скифський Плутон.*

— 17 зн.: *А ти* — в Б.: *І ти*, по всіх же инших джерелах: *А*.

— 16: одна на березі. Дивилась,—в прим. до Пр. "Кобз." та в Б.: *На березі, і ти дивилась.* У Львів.: „одна на березі. Дивилась", а в „Вечерниц." і в Пражськ.: На березі. Дивилась.

— 15: як розстилалася,—в „Вечерницях" і у Львів.: розстелялася,—так й повинно бути.

— 12: дивилась, поки не осталось,—в Праж.: *дивилась довго. Не осталось.*

— 10—9 (взято з Пражськ., та Львів.):

І ти заплакала тоді,
Ти страшно—тяжко заридала,—

в Б. і в Кобз. Кожанчик. (це все з *Б.*):

І усміхнулася тоді,
І тяжко—страшно заридала.

— 7: за нас Розпятому. І спас,—в Пражськ., Кожанч., в *Б.* і коп. Жемч.: *За нас Роспятому—і спас.*

169. Юродивий.

Це уривок з якоїсь більшої поеми. Дуже може бути, що це і є початок поеми „Сатрап і Дервиш", яку він задумав ще літом 1857 р. в Новопетровському, і потім з цею думкою не розлучався аж до кінця года, бо з дневнику, під 8/XII, скінчивши „Неофітів", Ш. записав: „не відаю, коли візьмуся за „Сатрапа і Дервиша", але почуваю, що мене вельми тягне писати; а через тиждень знов пише: „сьогодня беруся за „Сатрапа і Дервиша": хочеться мені написати епопеєю; ця форма мені зовсім нова. Не відаю, як з нею справлюся"... В віршові термин „Сатрап" згадується досить часто.

Уривок цей знайшов небіжчик О. Кониський в паперах Л. Жемчужникова. Писано все власною рукою Шевченка на чвертці аркуша, перегорненій у двоє; папір простий сірий, з паралельними просвітами впоперек аркуша. На віршах дати немає (бо не скінчений), але „досить близьку дату дає текст вірша":

„О зоре ясная моя!
Ведеш мене з тюрми, з неволі
Як раз на смітничок Миколи.

Очевидно, що писано в дорозі з заслання, але ще до прибуття у Петербург („Смітничок Миколи"), тоб то між 20/IV 1857 і 7/III 1858. Не буде великою помилкою, як що ми поставимо вірш цей на кінець р. 1857,—тоді саме, коли захожувався Ш. писати „Сатрапа та Дервиша", як що цей вірш навіть і не є початок задуманої Ш. поеми.

Збіраючи усе для історії тексту „Кобзаря", подаємо в цілости і вірш „Юродивий",—раз тому, що в російських виданнях „Кобзаря" його ще не було досі, друге—що треба зазначати де-які одміни в тексті, подані О. Кониським в примітках.

Юродивий.

Во дні фельдфебеля—царя
Капрал Гаврилович Безрукий [1])
Та унтер пяний долгорукий [2])
Украйну правили. Добра
Таки чимало натворили,
Чимало люду оголили
Отсі сатрапи ундіра,
А надто стрижений Гаврилич
З своїм ефрейтором малим
Та жвавим, на́ лихо [3]) лихим,
До того люд [4]) домуштровали,
Що сам фельдфебель дивувались
І маршировкою і всім,
І „благосклонні пребували
Всегда к ефрейторам своїм".
А ми дивились [5]) і мовчали

---

[1]) Дмитро Гаврилович Бибиков, Київський генер.-губернатор в 40 рр., про які тут іде мова.

[2]) Князь Долгорукий, шеф жандармів того часу. Хоча в тексті, поданому Кониським, написано з малої букви, але слід писати: Долгорукий.

[3]) На́голос поставлено Шевченком.

[4]) Спершу стояло *„нас"*, а потім закреслено і рукою Ш. в автогр. написано *„люд"*.

[5]) Було перекреслене, а над ними написано: „читали", потім це слово закреслене, а відкреслене слово „дивились"; поправки зроблені тим самим чорнилом.

Та мовчки чухали чуби.
Німиї, подлиї раби,
Підніжки царськиї, лакеї
Капрала пяного! Не вам,
Не вам, в мережаній ливреї
Доносчики і фарисеї
За правду пресвятую стать
І за свободу. Роспинать,
А не любить ви вчились брата!
О роде суєтний, проклятий,
Коли ти видохнеш? Коли
Ми діждемося Вашингтона
З новим і праведним законом?
А діждемось таки колись!
Не сотні вас, а міліони
Полян, Дулебів і Древлян
Гаврилич гнув во время оно;
А вас, моїх святих Киян,
І ваших чепурних Киянок
Оддав своїм прафосам пяним
У наймички сатрап капрал,—
Вам і байдуже. А між вами
Найшовсь таки якийсь проява,
Якийсь дурний оригінал,
Що в морду затопив капрала
Та ще й у церкві, і пропало
Як на собаці [1]).
Так то, так!
Найшовсь таки один козак
Із міліона свинопасів,
Що царство все оголосив:
Сатрапа в морду затопив.
А ви—юродиві—тим часом,
Поки нездужає капрал, [2])

---

[1]) Після цього слова йшло три рядки:
Тойді, дурні, і вам було б
На його вийти з рогачами.
А ви злякалися...
Усі три рядки закреслені поетом.

[2]) Спершу було „Сатрап“, та закреслене і над ним надписано „капрал“.

Ви огласили юродивим
Святого лицаря! а бивий
Фельдфебель ваш—Сарданапал
Послав на [1]) каторгу святого;
А до побитого старого
Сатрапа „навсегда“ оставсь
Преблагосклонним.
Більш нічого
Не викроїлось, і драму (в вид. Романчука підправлено: не викроїлося)
Глухими, темними рядами
На смітник винесли, а я....
О, зоре ясная моя!
Ведеш мене з тюрми, з неволі,
Як раз на смітничок Миколи
І світиш, і гориш над ним
Огнем невидимим, святим
Животворящим, а із гною
Встають стовпом передо мною
Його [2]) безбожниї діла.....
Безбожний царю, творче зла,
Правди гонителю жестокий!
Чого накоів на землі!
А ти всевидящее око!
Чи ти дивилося з висока,
Як сотнями в кайданах гнали
В Сібір невольників святих,
Як мордовали, роспинали
І вішали. А ти не знало?
І ти дивилося [3]) на них
І не осліпло. Око, око!
Не дуже бачиш ти глибоко!
Ти спиш в киоті, а царі... [4])
Та цур їм, тим царям поганим!
Нехай верзуться їм кайдани,

---

[1]) Спершу було: „*у*“.

[2]) Це слово написане поверх закресленого „*твої*“.

[3]) Спершу було: „не глянуло“.

[4]) Спершу було „кати“, але закреслено і надписано „царі“.

А я полину на Сібір
Аж за Байкал; загляну в гори,
В вертепи темнії і в нори
Без дна глибокиї і вас—
Споборники святої волі—
Із тьми, із смрада і з неволі
Царям і людям на показ
На світ вас виведу надалі
Рядами довгими в кайданах [1]).

Рік 1858 минув для Ш. дуже непродуктивно. Правда, він мало не цілий цей год клопотався давніщим своїм поетичним скарбом, поправляв та переписував невільницьку поезію та готував її до друку. Через те, мабуть, нових поезий за цей рік він і написав так мало,—всього пьять: Доля, Муза, Слава, Сон (На панщині), Я нездужаю нівроку.

170. Доля.

І „Доля“, і „Муза“ і „Слава“ написані в оден день, 9/II рано, як це знаємо з Дневника,—написав іх Шевч., як сам признається без, найменьшого напруження. Усі три вони і вписані Шевченком в „Дневник“ під 9/II. Я порівнював текст видання Романчука з самим „Дневником“ (зберігається в Музеї імени В. Тарновського) і з автографом Б.

Одміни:

— 63, 7 зн.: А ти збрехала!—в Б. не (!), а (.).

— 1 зн.: мій друже вбогий,—в „Дневнику“: щирий, в Б.: *вбогий*. „Долю“ вперше видруковано р. 1860 в „Хаті“, але без останніх 4 рядків.

171. Муза.

64, 4: А ти, пречистая,—в Дневн.: *І ти*...

— 5: ти сестро фреба молодая,—в Б.: після „молодая“ знак (!)

---

[1]) Між двома останніми рядками закреслене: *І той юродивий в кайданах.*

— 11: І колихала, й сповивала,—і в Б., і в Дневн.: *І співала...* Та й крім того в попередньому рядку: *Туманом сивим сповила.* Відміна сталася в „Кобзарі" Кожанчикова.

— 15: мене ти всюду доглядала,—в Б.: зразу було: *мені ти зорею сіяла,* а тоді ще було поправлено на: *святою зорею сіяла,* але все закреслене.

В Дневнику Ш., зам. рядка 15, стоїть:

І всюди, зоренько моя,
Ти не марніла (закресл.: *непорочною ти сіяла*).

Так і у Льв. Кобз. 1867, в якому,—до речи,—усі ці три вірші надруковано так, як в „Дневнику".

— 16: в степу, безлюдному степу,—в Б. зразу було так, як у Дневнику: *в степу безлюднім, в чужині.*

64, 16 зн.: Ти сіяла, пишалася,—в Дневн.: *Ти в кайданах пишалася.*

— 14 зн.: із казарми нечистої,—в Б. зразу було так, як у Дневнику: *смердячої.*

— 12: Пташечкою вилетіла,—в Дневн.: *Вилетіла, як пташечка* (у Льв. помилка: *вилітала*).

— 9 зн.: ти, золотокрила,—в Б.: золотокрила..... ; в Дневн.: *моя сизокрила,* (—)

— 5: з своєю божою красою,—в Б.: „*С* своєю", а в Дневн. нема зовсім *З.*

— 4: гориш ти, зоренько моя,—в Дневн.:

Вітаєш ти, мій херувим,
Золотокрилий серафим.

— 1: Не покидай мене! В ночи
І в день,—

в Б. після „мене" стоїть (.), а в Дневнику (,—).

65, 4: сказати,—в Дневн.: *хвалити.*

— 7: мамо,—в Дневнику: *мати!*

— 9: І хоч,—в Дневн.: *І хоть.*

172. Слава.

65, 13 зн.: горнись лишень ти до мене, — в Дневн. було зразу: *сідай лишень коло мене.*

— 12: витнемо злиха,—безперечна помилка зам.: *з лиха,* як це в *Б.*

— 5 зн.: за тобою чимчикую, — в Дневн.: коло тебе мізкаюся.

— 3 зн.: кесарями,—в Дневн.: Королями.

— 2: хилялась,—в Дневн.: шаталась.

Рядків 3 і 2—у Льв. К. 1867 р. немає; а в Кожанч. і Пражськ. есть.

В Пражськ. і в вид. Романчука перед останнім рядком есть рядок кропок.

Цей рядок в автогр. Б. виповнено так:

А надто з тим Миколою
У Севастополі.

В Дневнику трохи грубійше:

І курвила з Миколою
У Севастополі.

66, 2: подивитись,—в Дневн.: *надивитись.*

— 4: любенько,—в Дневн.:—*і любо.*

— 5: в холодку заснути,—в Дневн.: *з дороги* заснути (закреслено: *„з похмілля“*, потім *„на віки“*).

173. Сон.

(М. А. Маркович).

На панщині пшеницю жала.

Написано 13/VII 1858 р. у Петербурзі. Першу редакцію вірша маємо в Дневнику під 13/VII (на цьому кінчається і „Дневник“), потім другу—в автографі *Б.*, і третю ще—в листі до М. В. Максимович (од 22/XI 1858), нарешті ще й четверту, олівцем на кардонці, приліпленій до офорта „Святое семейство“, подарованого з присвятою Ѳ. Черненкові. Коли саме офорт присвячено Ф. Черненкові, не відомо, але можна здогадуватися, що це сталося аж при кінці р. 1859, коли Ш. близче сприятелював з Черненком і 22 вересня присвятив йому вірш „Ой погорі роман цвіте“ (написаний ще 7/IV 1859). У всякім разі ця остання редакція буде найпізніща.

Отже самих лишень автографів для „Сна“ маємо аж чотири.

Вперше видруковано в „Русской Бесѣдѣ“, 1859, № 3, потім в „Основі“, 1862, VII і „Меті“, 1862, № 43, 360.

Одміни в них.

117, 7 зн.: пішла в снопи,—в Б.: в снопи.

— 4 зн.: у холодочку *за* снопом,—і скрізь: *за*, крім останньої редакції олівцем, де: *під* снопом. Так і у Льв. К. 1867.

118, 1: І сниться їй той син Іван (— ,) — по всіх автографах (—,) немае.

— 3: не одинокий, а жонатий—так у трьох ред., крім четвертої (останньої), де: *уже засватаний жонатий.*

— 4: на вольній,—у Льв. Кобз. 1867 помилка: *та вольний* (про те, що Іван вольний—мова йде далі).

— 6: *Та* на своїм,—так у трьох ред., крім 4-ої (останньої), де: *І* на своїм.

— 7: *У двох собі,*—так в Дневнику і в останній 4 редакції, а в листі до Максимович: *свою таки;* так і в *Б.*, а у Львівськ. „Кобз“. навіть: *таки свою* (бо так в „Вечерницях“, звідки Льв. К. взяв цю поезію).

— Після рядка 8-го в Б. і в листі до Максимовича вставлено три рядки (в „Кобзарях“ їх немае):

В Б.:	В листі до Максимович:
Та йдучи колоски збірають,	
Мов тая доленька святая,	*Та йдучи колоски збірають,*
Мов ангеляточка ідуть.	*Як тая доленька чужая.*

— 9: Та й усміхнулася,—в Б. і в листі до Максим.: *І* (так і у Льв. Кобз. 1867).

— 11: На *Йвася* глянула,—в Б. і в листі до Макс.: *На сина* (так і у Льв. 1867).

118, 12: гарненько,—так в Дневн., а в Б. і в листі до Макс.: *тихенько.* У Льв. „Кобз.“ навіть: *тихесенько* (!).

— 13: та щоб дожать до „ланового“,—слово лановий звичайне і підкреслювати його не треба: в автографах не підкреслене. В листі до Макс. знаемо гарний варіант до рядків 13 і 14:

І копу дожинать пішла
Поки не чути ланового.

У Львів. „Кобзарі“ 1867 помилка,—опущено *дожать*:

Та й щоб до ланового
Ще копу дожинать пішла.

По цих рядках в Кожанч. та Пражськ. „Кобзарях“ есть ще два рядки:

Остатню, може; Бог поможе,
То сон твій справдиться.

Дійсно, ці рядки есть в „Дневнику“ — але в останньому рядку: То *й* сон...

В автогр. Б. Шевч. їх не взяв,—дописано їх тут рукою, коли не помиляюся, М. Лазаревського, олівцем, але в останньому рядку з помилкою: *Той* сон....

174. Я не здужаю, ніврону...

Дата цього вірша—22/XI 1858. Автограф його—в книзі *Б.* Крім того у Льв. „Кобзарі“ 1867 р. подано текст значно відмінний,—з якогось рукопису заборонених поезій Ш. Але текст там гірший значно, і дуже поплутаний.

Одміни:

118, 17 зн.: А щось такее бачить око,—у Льв.: *А щось таке, щось бачить.*

— 16—14: І серце жде чогось. Болить,
Болить і плаче, і не спить,
Мов негодована дитина,—

у Льв.:

І не спить, а серце бється
І болить, мов негодована дитина (!)

. . . .
. . . .

— 12 зн.: Мабудь ти ждеш. Добра не жди—у Льв.: *Ти ждеш:* добра не жди. В Б. після „ти ждеш“—знак (?).

— 9 зн.: *а щоб,*—у Льв.: *і щоб.*

118, 7 зн.: обух сталить, — у Праж.: *спалить* (sic!), а у Льв. (. . . .)

— 6: вигострить сокиру,—у Львів. (. . .)

— 3: божого- страшного,—і в *Б.*, і у Льв. „Кобз.“: *божого страшного.*

— 2: а панство буде *колихать,* –у Льв.: *панувать.* Мабуть видавці Львів К. не зрозуміли, до чого тут: *колихать,*—тим часом воно зовсім ясно: громада заходиться будити волю, а панство не пристане на те і буде *колихать* (зам. *колисать*), щоб воля й далі знов спала—не прокидалася.

119, 1—дурного,—в автогр. *Б.*: *пьяного.*

— 3: *Та й,*—у Льв.: *Та...*

В протязі року 1859 Шевченко написав 14 поезій, між ними і велику—Марія. Першою (хронологично) написав він:

175. Подражаніє XI псалму.

Такий заголовок в *Б.*, бо по „Кобзарях“ стоїть: (*прочитавши XI псалом*). Написано, як це стоїть в автогр. Б., 15/II 1859. Вперше видруковано в „Основі“, 1861, X.

Уваги.

119, 20 зн. після *на цвинтар* (у Ш.: цвинтарь) *повезуть,*—в Б. знак (*?*)

— 8 зн. після *убогих нищих*—кілька цяток.

— 7 зн.: німих,—у Львів. „Кобз.“ 1867 помилка: *похилих.*

— 5 зн.: *слово,*—в автогр. Б. не підкреслено.

176. Марку Вовчку.

(*На память 24 генваря 1859*).

Так стоїть в автогр. Б. Дата під віршом—17/II (досі по „Кобзарях“ стоїть просто *1859*).

Одміни:

272, 11: І *душу* вольную на волю,—і в автографі Б. і в Праэкськ. та инших „Кобзарях“ стоїть ясно: ду*му* вольную... Д. Романчук цілком вільно, по своїй уподобі, підправив *думу* на „душу“—мабуть під впливом дальшого: *із домовини* воззову. Таких „поправок“, не маючи більших підстав, як субєктивний погляд, годилось би видавцям „Кобзаря“ не робити.

„*Думу* вольную“, а не *душу*—стрічаемо ще й у „Минули літа молодиї:

І думу вольную на волю
Не прийде випустить.

272, після рядка 12 в автографі було ще 2 рядки, але під час писання закреслено:

А дні мої... моя ти доле!
Твоїми днями назову.

177. Подражаніє Ісаїї, глава 35.

Дата в автогр. Б. 25/III 1859. Випадково, в місяці серпні цього 1906 року довелося мені бачити автограф—початкову редакцію;

вірш написано олівцем на офорті роботи Соколова, з великими поправками,—есть також кілька поправок чорнилом—значно пізніщих. В автогр. Б. мало не все так, як в поправленому цьому автографові, але єсть кілька й одмін.

Автограф цей виставлено було в вітріні писче-бумажного магазину Буймистрова, у Києві, на Фундуклеївській вулиці.

Вперше видруковано в „Основі", 1861, XI—XII).

Одміни:

В заголовку: „Подраж.", а далі „Ісаія глава XXXV.

120, 21 зн.: розпустись, — в автогр. Буйм. зразу було: *процвіти.*

— 20: рожевим,—в автогр. Буйм. зразу було: *рожевим*, тоді: „зеленим", але одкреслено знову: *рожевим.*

— 17 зн.: луги, зелені береги,—в автогр. Б. немає знака (,), а через те не знати напевне, чи: *луги зелені*, чи *зелені береги*...

— 16—15: І честь Кармилов*а*, і слав*а*.

Ливанов*а*, а не Лукава,—зразу було скрізь не *а*, а *у* (accusativ).

— 14 зн.: укриє,—в автогр. Буйм. зразу *укриє*, потім: *покриє*, але знов одкреслено: *укриє*.

— 12 зн.: добром та волею,—в автогр. Буймистрова: *добром заробленим*, але вгорі чорнилом поправлено: та волею.

— 11 зн.: омо́фором,—наголос в автографі.

— 8: І спочинуть—в автогр. Буйм. зразу було: одпочинуть.

— 4 зн.: вбогодухі,—в автогр. Буйм. зразу було: *дрібнодухі*.

— Од рядка 8 зн.—новий розмір.

121, 6: прозрять, і криві,—в автогр.: Про́зрять, *а* криві (так і в автогр. у Буймистрова і в „Основі").

— 7: мов серна,—в обох автогр.: мов *сарна* (так і в „Основі"). В автогр. Буйм. зразу було так:

Тоді кривий, мов сарна тая
Із гаю полем застрибає.

— 10: і дебр-пустиня,—в автогр. Б.: *дебрь-пустиня* (так і в „Основі"), а в Буйм. зразу було: *ненапоенную*, але закреслено.

— 9: як вода,—в автогр. Буймистр.: *мов.*

— 13: веселі,—зразу в автогр. Буйм.: *великі*, але чорнил. поправл. на: *веселі.*

— 14: гаями,—в авт. Буйм. зразу було: *лозами.*

— Од рядка 16—в автографі новий розмір.

— 17: І не верстовії,—в авт. Буйм. зразу було: *широкі святії.*

— 18: а вольниї широкії,—в авт. Буйм. зразу: та великі простеляться.

— 20: простелються,—в обох автогр.: *простеляться.*

— 7 зн.: шляхів тих владики,—в автогр. Буйм. було зразу: *царі того шляху*, а тоді: тих шляхів.

— 4 зн.: позіходяться, — в автогр. Буйм. зразу: *зійдуться собі.*

— 2: *І*,—в автогр. Буйм. зразу було: *і*, потім *а*, а тоді знову *і*.

178. N N.

(*Така як ти, колись лілея*).

В автографі дата 19/IV 1859. Одмін ніяких.

179. Ой по горі ромен цвіте.

(*Өедору Івановичу Черненку*).

Так в автографові Б. В „Кобзарях“ заголовок цього вірша: *Пісня*,—так охрещено його в „Хаті“. де вперше видрюковано. Під віршом в „Кобзарях“ дата 1859, а в „Хаті“ ще додано *Лихвин*. В автографові Б. ще точніще: *Лихвен, 7 іюня.* Зауважу лишень, що в книзі Б. вірш цей вписано *не* рукою Шевченка, а якоюсь иншою, і то людини простої, малограмотної, з великими провінціалізмами (*роман* цвіте) і навіть помилками (*въ хвустыни*). В самій посвяті зроблено було помилку,– написано було: Григорію Өедоровичу Черненку, а тоді закреслено і надписано: Өедору Івановичу. Проте проставлена рукою того ж таки переписчика дата: *Лихвен, 7 іюня*—немов би промовляє за те, що списано цей вірш в Шевченків альбом з автографа. Вписано певно в Петербузі в сентябрі р. 1859, коли Ш. повернувся з Україні; альбома з собою він певно не возив, а згодом переписував в нього з брульонів.

Одміни: *роман* цвіте (зам. *ромен*),—хоч так міг ужити і Шевч., бо в Звенигородщині так і говорять.

123, 3: з *богачами*,—а в автогр. багачами.

— 6—в автогр. було: *виюця по воли*, а поправлено на: *виецч.*

— 7: друже, брате!—в автогр. і в „Хаті“: друже брате!

— 9: у рушнику,—в автогр. було зразу: *Та в рушничку*, але *та* поправ. на *у*. В „Хаті“ теж: *у рушничку.*

180. Ой маю, маю я оченята.

В автогр. з датою: *10 іюня Пырятынъ.*

Уваги:

122, 11 зн.: маю і рученята,—в автогр. було зразу, через помилку: *і оченята* („*оченята*“ уже виступали в попередній строфі).

181. Сестрі.

Дата в автогр.: *20 іюля Черкасы.*

Уваги:

66, 9: понаддніпрянські,—в автогр.: *По надъ Днипряньски.*

— 16 зн.: сіяе батько,—в авт. зразу було: сіяе *синій.*

— 12 зн.: многострадальная, святая,—в автогр.: *многострадалиця* святая (так і у Львів. К. 1867, а в Пражськ. уже поправлено).

182. Колись дурною головою...

Дата в автогр.: *21 іюля Черкасы.* Вперше видруковано в „Основі“ 1862, I.

Уваги:

67, 5: колись дурною головою,—в автогр.: *колись, дурною...*

— 7: після жить—в автогр. знак (*?*)

— 12: на (обезславленій) землі,—так стоїть в „Основі“, і так узято до всіх „Кобзарів“, між тим в автографі: *На обікраденій...* Теж саме і з датою: в „Основі“ помилка: 21 іюня,—і тільки в Пражськ. *іюля*, а по де-яких (російських) виданнях, то ще й *24 іюля...*

183. Як би то ти, Богдане пяний.

Дата в автографі: *18 августа въ Переяслави*, а не 19,—як це по всіх „Кобзарях“.

Уваги:

272, 11 зн.: *О препрославлений,*—в автогр.: *І препрославлений* (так і в Пражськ. „Кобзарі“).

184. Та головонька моя бідна.

Вірш цей досі був не опублікований [1]). Написаний він олівцем на чистій сторінці почтового аркушу, на якому, на трьох боках, написано кимсь народню пісню і поставлено дату: *Кіев, 1859.*

[1]) Видруковав я в „Новій Громаді“ 1906, VIII.

Лист цей зберігається в Музеї імени В. Тарновського в Чернигові. Мабуть не далеко буде од правди поставити цей вірш до часів пробування Ш. в Київі, тоб то на місяць серпень, бо дальший вірш „Во Іудеї, во дні они“ з датою 24/X—писано вже в Петербурзі...

Подаю вірш з оригіналу:

Та головонько моя бідна—
Чого моя мила зблідла?
Чи пшеницю жала,
Чи ячмінь вязала,
Чи в недуженьки (маб. зам. недуженьці?) *лежала?*

Була на ринточку,
Пила горілочку,
На похміллячко лежала.
З родиною зійшлась—
Горілки напилась.

185. Во Іудеї, во дні они.

Дата цього вірша—24/X, у Петербурзі. Крім автографа Б., в Музеї імени В. Тарновського есть ще й брульон,—в одному великому зшитку з „Марією“, яку Ш. в тому ж зшиткові написав і переписав чистіще. Брульон цей дуже цінний, бо дае бачити, в якій формі вилилися у Ш. на папері, як вірш „Во Іудеї“, так і „Марія“.

Одміни:

2, 11: на те, на все,—очевидна помилка зам.: *на те, на се*,—як це й есть в обох автографах. Помилку цю зроблено ще у Льв. К. 1867, а потім і в Пражському.

— 17: *як ось не в самім Назареті*,—в автогр. Б. помилка, бо: *якось*—написано разом; що це помилка, зам.: *як ось*—свідчить брульон де: *Аж ось*... Після *як ось*—в *Б.* (,).

— 18: А в вифлеемському вертепі,—і в брульоні і в *Б.*: *а у якомусь у* вертепі; поправлено вже у Льв. К. 1867. Але, мені здається, дальший текст ясно показує, що як раз мусить бути *у якомусь*, бо „Марія сина привела *і в Віфліем* з малим пішла“. Шевч. умисне хотів підкреслити, як це ми бачимо і в „Марії“, що *Ісус* родився десь в полі, серед отари овець з пастухами, а не в самому Віфліемі:

Марія з шляху не вставала,
Марія сина привела.

— 19: родила,—і в брульоні, і в Б.: *привела*,—у Льв. 1867 уже: *родила*. Мабуть і з цею поправкою так само має бути, як і з попередньою. Чи зроблено ці виправки з відома Ш. або ним самим,—я дуже не певен, і більш того, що це пізніщі „поправки". Чому напр. в „Марії" можна допустити скрізь: *привела*, а тут вже неодмінно: *родила*,—та ще й з наголосом на кінці, який в цім разі чужий українскій мові.

— 15 зн.: в Вифлеем,—Ш. пише: *Вифліем*.

— 12: зіновать, кукіль,—в брульоні: *Бурьян, і кукіль*.

— 9: піднялось,—в брульоні: *підросло*.

— 7: постинать,—в брульоні: *постенать*, а в Б.: *постинать*.

— 5: нам не дадуть доцарювать,—в брульоні: не *датимуть і царювать* (оригінальна форма: *датимуть!*).

— 3: оддав,—в обох автогр., як і скрізь: *отдав*.

203, 3: од пяного царя — владики, — в брульоні: ще од пянішого.

— 4: од грішного ж тебе спасла,—в автогр. Б. яснісінько: *од гіршого ж* (тоб то пяниці et cetera)... В брульоні: *Тебе од пяного*... І цей варіант свідчить, що тут іде річ про степень „пянственности"...

203, 6: Та де ж,—в брульоні: *А де*...

— 8: з *кокардою*,—в брульоні: з *кокардами*.

— 10: *сьмітьте* з помела,—в Б.: *сміття з помила*, а в брульоні теж було зразу: *сміття*, а потім червон. олівцем угорі пізніще надписано: *попіл*...

В брульоні, після відомого нам кінця цього вірша було ще 7 рядків тексту, але Шевченко закреслив:

Великомучениче сину!
Її единая дитино! Прости
Мене неправедного. Нині—
Сьогодня маю я клясти
Твоїх мучителів. А ти,
Благословенная в женах
Пренепорочная.....

186. Марія.

Думка про написання Марії зародилася у Ш. більш як за 10 літ, до того, як довелося її здійснити. Ще 1/I 1850 Шевч.

пишучи до кн. Репниной, говорить: „Єдина моя втіха тепер святе евангеліе. Я читаю його що дня. що години. Колись думав я аналізовати серце матері по житті св. Марії, Непорочної Матери Христової, але тепер! се було б взято мені за злочинство!“, а 7/IV того ж таки року пише він до неї ж: „Новий Завіт я читаю благоговійно, і у мене постала думка описати материне серце по житті Пречистої Діви Матері Спасителя“.

Як уже згадувалося, в Музеі імени В. Тарновського есть чималий дрібно списаний зошит, де на 22 листках та ще й на 2 боках твердої обкладки з середини есть аж дві „Марії“: перша редакція—брульон (з датою вгорі 27 октября), і переписаний текст, бо брульон дуже помараний і позакреслюваний. Коло початку цього тексту стоїть приписано рукою Шевченка: „прочитайте і завтра пришліть“. Чи то посилав він Кулішеві на перегляд [1]), чи кому иншому, не скажу напевне.

Як можна бачити з дати під „Маріею“ (11/XI) Шевч. довго над нею працював. Зауважу ще, що на маргінесах, в середині рукопису, прописано: „Михайло Корніевич Чалий. Марко Александрович Андріевскій“. Там же, на маргінесах, трохи далі, вписано епіграф з Акафиста.

„Радуйся, ти бо обновила еси зачатия студно“... Очев., Ш. тут же робив собі і де-які замітки. Про Чалого і Андріевського ми знаемо, що в листі до Сошенка з 9/X Ш. запитуе його: „напиши мені, як зовуть Чалого і Чалиху. Андріевскому сам занеси рисунок і гарненько поклонись йому од мене“. Може бути, Сошенко десь після 24/X (бо „Марію“ почато писати 24/X) одписав Ш-ві, як зовуть Чалого і Андріевського, і він собі для памяти дописав на маргінесах рукопису.

Для „Марії“ ми маемо брульон і чистіщий текст. Це нам стае у великій помочі для виправки тексту, бо в автографі Б. „Марію“ вписано як раз не рукою Шевченка, а, коли не помиляюся, рукою Марко Вовчок. Шевченко власноручно проставив тільки дату: *11 Ноября С. Петербургъ*, та сам же олівцем додав:

---

1) З Кулішем Ш. охотніще усього радився. Переписавши свою невлільницку поезію в автограф Б., Ш. під 18/III 1858 (у Москві) записав у Дневнику, жаліючись, що немае з ким порадитись: „Михайло Семенович (Щепкин) не суддя мені в сій справі. Він занадто втішаеться ними. Максимович просто благоговіе перед моїми віршами, Бодянский теж. Треба буде підождати Куліша: сей хоча й жорстоко, а інколи скаже правду, за те, коли хочеш зберегти з ним добрі відносини, так не кажи йому правди“.

1859. Та хоч би року і не стояло, то й так знати, що це р. 1859, бо в автогр. *Б*. поема ця стоїть серед творів цього року (далі за ним: „Антонію Сові“ (19/XI) „Подражаніе Іезекіїлю“ (6/XII), а ще далі „Осії глава XIV“, 25/XII 1859).

В автографі *Б*. писано не рукою Шевченка, але поправки самого Шевченка. Крім автографа Б., маємо ще дві Чернигівські редакції: 1—найперша і 2—переписана з поправками в тому ж зшиткові, що й 1-а; 2 редакція мало чим різниться од *Б*.

Перш за все в 1 ред. есть такий варіант початку, якого в инших редакціях потім немає, а власне:

Все упованіе мое
На тебе, мій единий раю!
На тебе, мати всеблагая,
Все упованіе мое!
Прибѣжище святих, покров
Ограбленних людей, рабов,
За всіх скорбящая.... Ридаю,
Молюся плачучи, подай
Невольникам святую руку,
Сліпцям окраденим! Своього сина
Святую муку ізгадай.
І муку праведного сина,
Твою единую дитину (?)
І все, пречистая, подай:
Рабам німим святую силу,
Щоб Ироди не ворушились,
Та більш нічого не давай.

В автографі Б. під заголовком „Марія“ стоїть: *(поема)*.

597, 6: святая сило—в Б. зразу було: *жено*.

— 15 зн.: до самого, самого краю,—в 2 ред. з наголосом: *до са́мого, само́го краю*.

— 14 зн.: достойно-пітая,—в 2 ред.: *достойно-пьтая*.

— 5 зн.: Скорбі і сльози
Душі убогої убогій.

Щоб не було ніякого непорозуміння треба писати так, як у 2 редакції стоїть:

Скорб і сльози
Душі убогої—убогий;

в Б. перед: убогій (= *ий*) стоїть (,).

В 2 редакції закреслено такий варіант до рядків 9—4 знизу (до кінця вступу):

Як процвітуть убогі села,
Псаломом тихим і веселим
Недолю тяжкую твою
Я воспою тоді. А нині,
Мов фарісей той милостиню
Тобі, убогий, лепту подаю
(Закреслено: *Динарій—лепту подаю*).

597, 2 зн.: у Йосипа, у тесляра, — в 1 ред.: *У бондаря чи тесляра.*

— 1 зн.: чи в бондаря того святого,—в 1 ред.: *Чи в Йосипа того старого.*

598, 1: Марія в наймичках росла,—в 1 ред.:

Убога до снаги (?) *небога*
У наймах дівчина (попр. *Марія*) *росла.*

— 2: росла собі і виростала, — в 2 ред.: *росла та виростала.*

— 4: розцвітала,—в 1 ред.: *процвітала.*

— 7: Тесляр на наймичку свою, — в 1 ред.: *на ранню квіточку в гаю.*

— 8: неначе на свою дитину, — в 1 ред.: *Тесляр на наймичку свою.*

— 14: одна-однісенька! Хиба.... — в 1 ред.: *Як та билиночка—одна!*

— 15: смерть моя , — в 1 ред.: *смерть хіба...*

— 18: на той бурнус йому, — в 1 ред.: *Йому на той бурнус.*

— 16—15 зн.—Або на беріг поведе,
Козу з козяточком сердешним
І попасти і напоїть,—

в 1 ред.:

Або ранесенько серденько
Козу з козятком поведе
У Тиверіаду напувать.

— 13—7—в 1 ред. немає.

— 6: то ви,—в 1 ред.: *собі.*

— 1: І смутно, сумно поглядає,—в 1 ред.: *і сумно, сумно поглядає*, в 2 ред.: смутно, сумно *позирає,*—так само і в *Б.* Через що у д. Романчука *поглядає*—не відаю.

Увесь текст „Маріи“ друковано в „Кобзарях“ по автографу *Б.*

599, 1: Божий,—в 1 ред.: *тихий.*

— 2—4, од слова „Тиверіадо“ і до „моя порадо“ в 1 ред. немає.

— 5: вийде,—в 1 ред.: *буде.*

— 7: І похилилась,—в 1 ред.: *Та й* похилилась.

599, 11: його *старого* підопру, — це недогляд видавців Пражського „Кобзаря“, бо і в 2 ред., і в Б.: *старії* (плечі) *підопру*, а не самого старого...

— 17: такої божої краси,—в 1 ред.: *Ніхто не зрів такої*, а далі 4 рядки в 1 ред. немає.

— 13 зн.: по-над водою,—в 1 ред. спочатку додано ще: *тихесенько.*

— 12: ходою тихою пішла,—в 1 ред.: *Пішла собі. Лопух рясний.*

— 11: Лопух край берега найшла,—в 1 ред.: *Широкий вирвала й накрила*; в 2 ред. так як у Романч., але *крий* берега...

— 10: Лопух зірвала і накрила, — в 1 ред.: (*Щоб сонце, бачте, не смалило*).

— 8: головоньку тую смутную,—в 1 ред.: *свою* смутную, а в 2 ред.: *Свою головоньку смутную.*

— 6: І зникла в темному гаю, — в 1 ред.: *І заховалася в гаю.*

— 3: зельний крине,—в 1 і 2 ред.: сельний, в Б. теж було *сельний*, але поправл. на *зельний.*

— 2: в яких гаях, в яких ярах, — в 1 ред.: *Ярах..... лісах.*

600, 1: ти заховаєшся,—в Б.: *заховалася*, але очевидно, що помилився переписчик, бо і в 1 і в 2 ред.: *заховаєшся*; та й з дальшого: *де ти сховаєшся?*—знати, що має бути *praesens*, а не *perfectum.*

— 4: потопить,—в 1 ред.: *затопить.*

— 9: *даремне*—в 1 ред.: *за марне.*

— 12: І недобитая.—в 1 ред.: *і ти сердешная* (зразу було: *і ти безропотно*).

— 18: заквітчай,—в 1 ред.: *уквічай.*

— 19: лілеями,—а далі 4 рядків в 1 ред. немає, а замість них одмінний варіант:

І заспівай
Поки едем твій, тихий рай
Ще не підпалював Єгова,
Сердитий іудейський Зевс.

— 9—7, од слів „Фавор-гора“ і до „Аж сліпить очі“,—в 1 ред. немае, а замість того і замість ще дальших 5 рядків таке:

Заквітчана, а Іордан
І сніговерхий той Ливан
Пурпуром, золотом сіяють,
Аж очі сліпнуть. А Марія
Очиці кроткії святиї
Тихенько—тихо підняла
На Іордан, і усміхнулась,
Козу з під гаю й заняла,
На руки козиня взяла.

— 1 зн. і 1—7 на стр. 601 –в 1 ред. немае.

— 4 зн.: очиці кроткая Марія,—і в 2 ред., і в *Б.* (а також і в 1 ред.): *очиці кроткії Марія.*

601, 4: в твоїм раю,—в Б.: *раї*.

— 8: круг себе сумно,—в 1 ред.: *Кругом весела.*

— 9: на руки козеня взяла, — в 1 ред.: *І з козеняточком пішла.*

— 10—в 1 ред. немае.

— 11: на хутір,—в 1 ред.: *Вазис.*

— 17—18,—в 1 ред. перестановлено ці рядки.

— 18: І не пручалось, не кричало,—в 1 ред.: *і не кричало, не пручалось.*

— 15—13 зн. (до „Виглядав“)—в 1 ред. немае.

— 15: любо,—в Б. зразу було: *мило.*

— 13: виглядав,—так і в 2 ред., але в *Б.* стоїть *вигляда,* хоч маючи далі *привітав* немае рації брати тут форму скорочену.

— 13—7,—до цих рядків в 1 ред. зовсім одмінний варіант:

Прийшла додому. На порозі
Отерши радостниї сльози
Її *господарь привітав,*
Неначе любую едину
Свою кохануюю дитину:
—І де ти гаялась,—спитав,—
Моя песченая дитино?

601, 6 зн.: та,—в 1 ред.: *і.*

— 4: „який,—в 1 ред.: *З яким?*

— 3—1 і 1—6 на стр. 602 в 1 ред. немае.

— 7: А гость роззутий,—в 1 ред.: *Гость уже розутий.*

— 8: з кущі вихожав,—в Б.: *в куші* (?) *вихожав.*

— 11—15—в 1 ред. немае, а замість того:

І тихим, ласкавим уклоном
Марію молодик вітав.

— 17: і стрепенулась,—в 1 ред.: *і стрепенулась* (, -)

— 14 зн.: А потім,—в 1 ред.: *І в кущу.*

— 13—12: Просила, ніби повела
Очима в кущу,—

в 1 ред.: *Вступить просила.*

— 10: І молоко,—в 1 ред.: *опрісноки.*

— 8: не їла, не пила,—в Б.: не їла *й* не пила.

— 4: дівочний, — по всіх 3 редакціях: дивочний, як і далі (605, 2).

— 3: святиї,—в 1 ред.: *живії.*

603, 7: і в житницю,—в 1 ред.: *і в житниці.*

— 19 зн.: та пішла,—в усїх 3-х ред.: *та й* пішла.

— 14 зн.: І гость,—в 1 ред.: *А* гость.

Крім того до рядків 16—13 в 1 ред. зразу був такий варінт (закреслений):

Марія з глечеком пішла
Води набрать, а яснолиций
Дивочний гость пішов гулять,
Псалом Сіоньский заспівать
При місяці. І у ярочку
Зострів Марію...

603, 11 зн.: провела,—в 1 і 2 ред.: *провели.*

— 9: і рада,—в 1 і 2 ред.: *і раді.*

— 8: радесенька собі прийшла, — в 1: *радесеньки собі прийшли.* Як бачимо, в 1 ред. обое—і Марія і Йосип провожали гостя і обоє раділи; в 2 ред.: провожають обое, але рада одна лишень Марія (справді,—чого Йосип мав радіти?), а в *Б.* навіть провожає сама лишень Марія. Справедливіше буде так, як в *Б.*, бо, Йосип, очевидно, не провожав гостя (тоді б не сталося

зустрічи його в ярочку з Марією)... З оповідання знати, що він немов ненароком зострів Марію там, і вже до куші Йосипової не вертався...

— 1 зн.: Марія,—тут vocativ, а через те мусить бути *Маріє*, як це й єсть в 1 ред. (в Б.: *Марія*).

604, 2: промовив Йосип,—в 1 ред.: Тесляр промовив.

— 4: ходім, Маріє,—в 1 ред.: *ходімо в церков*.

— 5: й не вимовив: убьють, — в 1 ред.: *А то цеглиною убють*.

— 7—10, од „І в путь“ і до: „ідуть; несе“—в 1 ред. немає.

— 15: та й за,—в 1 ред.: *і за*.

— 13 зн.: Пречистій їй не дав ти,—в 1 ред.: *Ти не подав їй грішній*.

— 12: бідниї,—в 1 ред.: *подлиї*.

— 11: І досі мерли би,—в 1 ред.: *і досі б кисли*,— в Б.: *І досі мерли б*... Так і має бути...

— 7 зн.: сліпі ви, нищиї,—в 2 ред.: *сліпі і малиї*.

— 6—1 в 1 ред. немає, а замість того в 1 ред. такий текст:

Не бачите перед собою
А нічогісінько. А тих
Великих, сильних і гладких
І отолстѣвших серцем малим—
От іх так жаль—смердяче сало
Годованих добром живим,
Людскою кровію. Невдяки!
Смердітимуть, як та собака
Убита й кинута в рові.

605, 1—2: —Деж подівсь

Дивочний гость оттой лукавий?—

в 1 ред.:

А деж той молодик лукавий,
Дивочний гость,—ти де подівсь?

— 6: не чуть ні його, ні Мессії,—в 1 ред.: *не чуть його, а ні Мессї*, а в 2 ред. і в Б. один зайвий склад: *не чуть а ні його, а ні Мессї*.

— 9: ти безталанная,—в 1 ред. і в Б.: *ти ж*, — в 1 ред. після *Безталанная* не (!), а (, —).

— 12: ніже апостола того;—в 1 ред.: *свого*, а далі ще один рядок, якого немає в инших редакціях:

Благовістителя святого.

— 14: повінчану,—в 1 ред.: *заручену.*

— 16: молись і дякуй,—в 1 ред.: *молися й дякуй*, а далі зам. рядків 19—5 зн. в 1 ред. так:

Тяжко жить.
Настане гірше, одпочить
У бурьяні, не то під тином
З твоїм святим єдиним сином
Спочити сісти не дадуть.

— 7—6: Що наймичка його несла
В утробі праведную душу—

так в 2 ред., а в Б. переписчик тут зробив явну помилку:

Що наймички його нема (?)
В утробі праведную душу.

— 4: ідуть,—в 1 ред.: живуть.

— 3—в 1 ред. немає.

— Після рядка 2 в 1 ред. вставлено ще: *Родин отих потроху ждуть.*

— 1: Тесляр,—в 1 ред.: *Старий.*

606, 1: майструє в сінях,—в 1 ред.: *У сінях робить.*

— 4: І в поле дивиться,—в 1 ред.: *Та плачучи, небога.*

— 5: маленькеє,—в 1 і 2 ред.: *малесеньке.*

— 6: кому ж то се?—в 1 ред. і в Б.: *Комусь то це?* в 2 ред. *Комусь то ще....*

606, 10: його,—в 1 ред.: *таки.*

— 12: *Всі*,—це помилка, бо у всіх трьох редакціях: *Ви.*

— 14: І зник, пропав,—в 1 ред.: *І змовк, і зник.*

— 15,—тілько луна в яру гула,—в 1 ред. немає, в 2 і в *Б.*: *руна*,—те саме, що ми вже бачили раз у Шевченка.

— 12 зн.: тілько *й*,—в 1 ред. немає *й.*

— 6: в дорозі, от і молоко, — в 1 ред.: *то матиме і молоко.*

— 5: сердешній матери. Скотина, — в 1 ред.: *До коржиків недужня мати.*

— 4: Іде пасучися,—в 1 ред.: *Ідуть вони собі.*

— 3—в 1 ред. немає.

— 1: поволі тихо,—в 1 ред.: *поволі стиха.*

607, 4—в 1 ред. немае.

— Після рядка 5 в 1 ред. вставлено: *Возобновлять закон Мойсея.*

— 13: Йосип у торбині,—в 1 ред.: *мовчки із торбини.*

— 14: дае та й каже: „На, дитино!—в 1 ред.: *І дав Марії. Погодуйсь.*

— 15 і 17—в 1 ред. немае.

— 16, зн.: ото ж сидять,—в 1 ред.: *Сидять, сидять.*

— 15: а сонце праведне швиденько, — в 1 ред.: *А сонечко уже низенько.*

— 14: до-долу котиться,—в 1 ред.: *на степ спустилося*; в Б.: *до-дому*. Чи не помилка це переписчика? В 2 ред.: *до-дому.*

— 9: мітла з востоку,—в 1 ред.: *таки з востоку.*

— 7: мітла огненная,—в 1 ред.: *Звізда хвостатая.*

— 5: з шляху не вставала, — в 1 ред.: *тут же й привела.*

— 4: Марія сина привела, — в 1 ред.: *того возлюбленного сина.*

— 1,—в 1 ред. немае.

608, 1: лукавих,—в 1 ред.: *святая.*

— 2: край дороги,—в 1 ред.: *повз* дороги, а в 2 ред.: *крій* дороги.

— 5—8,—в 1 ред. такий варіант:

Дитя і тесляря святого
Взяли з собою й привели
У свій корінь, і „Бог той з нами“
Чи Еммануіл нарекли.
Дитя невмитее. А рано

— 9: рано-рано,—в 1 ред.: *на майдані.*

— 10: на майдані,—в 1 ред.: *люд зійшовсь.*

— 11: зійшовся люд і шопотить,—в 1 ред.: *І мовить нищечком: „Сбилось.*

— 12—15—в 1 ред. немае.

— 16 — 17: Іеремії... Ісаії, — по всіх редакціях: *Іеремія... Ісаія.*

— 17: збулось, збулось,—в 1 ред.: *У нас Мессія.*

— 16—12 зн.—до них в 1 ред. такий варіант:

У Вифліємі народивсь
Учора ввечері.—„Хто бачив,

Як сходила ота мітла
Над Вифліемом?"
—„Всі ми! всі ми!"
Громада крикнула—і глас,
Неначе той огонь погас,
Пропав і зник.—„О диво! діво!
Непевне робиться у нас
У Вифліємі!"—І *Осанна*
Співали люде через час.

— 8—6 од слів „з Єрусалима—в 1 ред. немає.

— 3: та марне гріли,—в 1 ред.: *Нагріли вже та накупали*, а в 2 ред. і в Б.: *На марне гріли.... не купали.*

— 2: маленьких діточок своїх, — в 1 ред.: *Ножі салдати сполоскали* (в 2 ред.: *сполокали*).

— 1: Ножі салдати сполоскали, — в 1 ред.: *В їх чистій, праведній крові.*

609, 1—2—в 1 ред. немає.

— 3: дивітеся ж, о матері, — в 1 ред.: *дивітесь добре, матері.*

— 4: Ироди,—в 1 ред.: на світі.

— 6—16—в 1 ред. немає, а зам. них:

Та вже, спасибі, чабани
Вітали їх і день ховали,
А ввечері кожух дали,
Ослицю на козу зміняли.

— 12—13—в Б. теж немає, але, очевидно, через не догляд переписчика, бо в 2 ред. ці рядки єсть.

609, 17 зн.: В-ночі тайними манівцями,—в 1 ред.: *І манівцями провела.*

— 16: А мітла,—в 1 ред.:—*і світила.*

— 15: мітла огненная світила, — в 1 ред.: *На шлях огненная мітла.*

— 14: неначе сонце,—в 1 ред.: *І ніби гріла.*

— Після рядка 11 зн. („І нарожденного Мессію") в 1 ред. вставлено:

Ослиця ще й дійна була,
І матір з сином і несла,
І несучи їх годувала,
І не спочивши донесла
Аж у Єгипет.

— 10—5 зн.,—до них такий варіант в 1 ред.:

Слава б стала
По всьому світу про ослицю,
Як би вона яку царицю,
Хоча Грузинськую, несла
В гарем з царем роскошувати,
Од сна і власті одпочить!
А ти несла живого Бога.

— 1 зн.: таки завадила тобі, — в 1 ред.: *швидка завадила;* в 2 ред.: зава*діла*.

610, 2: в пелюшках долі під вербою,—в 1 ред.: *під пальмою і під вербою.*

— 9,—в 1 ред. немає.

— 10: З-за Нилу сфінкси, мов сичі,—в 1 ред.: *А сфінкси, мов сичі в-ночі.*

— 11: *Страшними мертвими очима,* — в 1 ред.: *З-за Нилу.....* ; в Б., крім того: *очами* (!), але цього не може бути через те, що рифма до нього: *за ними.*

— 13: на голому,—в 1 ред.: *на чермному.*

— 14,—в 1 ред. немає.

— 16—17: І ніби фараонам знать
Вони дають,—

в 1 ред.:

Мов фараонові сказать
Хотять.

— 18: Встає вже, встала,—в 1 ред.: *встає, встає вже.*

— 14 зн.: святий,—в 1 ред.: *старий.*

— 13: Іосип,—в 1 ред.: *Іосиф.*

— 5: курникає,—в Б. явна помилка: *куникає.*

610, 10—1 і на 611, 1 — 3 (до слів „Коло хатини“) — в 1 ред. немає.

611, 3: коло хатини,—в 1 ред.: *У тесляра,* і далі вставлено: *Під ворітьми коло хатини.*

— 5: І невеличке,—в 1 ред.: *й мале біленьке.*

— 10: з ціпочком тихо по-під тином,—в 1 ред.: *Із города,— носив продати.*

— 11: носив у го́род шапличок, — в 1 ред.: *Барило добре та шаплик.*

— 12: продать: йому медяничок, — в 1 ред.: *Несе малому медяник.*

— 14: несе,—в 1 ред.: *приніс.*

— 15: спочинув,—в 1 ред.: *в хатину.*

— 16: та й каже: „Доню! не журись: , — в 1 ред.: *ввійшов та й каже: „Чути скрізь.*

— 17: царя вже Ирода не стало,—в 1 ред.: *Що Ирод царь уже опрігсь.*

— 17—3 зн.,—в 1 ред. немае, а зам. того так:

„Ходімо в Назарет, дитино!“
Марії каже.—„То й ходім!“—
Вона промовила і прати
Сорочку (сорочечку?) *пішла на Нил,*
А Йосип заходився в хаті
В дорогу морщить постоли.

— 9: Паслась
Коза з козятком,—в 2 ред.: *паслись...*

— 2—1: Собі в дорогу. Та й знялись
До схода сонця, по торбині
612, 1—2: На плечі взявши, а дитину
У двох в колисочці несли.

В 1 ред.:

Ото ж вони собі й пішли,
На плечі взявши по торбині,
І сина, божую дитину,
У-двох в колисочці несли
Додому вкупі.

Зауважу, що й у 2 ред., і в Б.: до сходу сонця.

— 4: то сяк, то так пришли до дому,—в 1 ред.: *Приходять ввечері додому.*

— 5—в 1 ред. немае.

— 6: узріть такее. Благодать,—в 1 ред.: *Аж страшно стало. Благодать.*

7,—в 1 ред. немае.

— 9: отой гайочок,—в 1 ред.: Садочок тихий.

— 11: Все, все сплюндровано. В руїні,—в 1 ред.: *усе сплюндровано. В пустині.*

— 13: в ярок Марія,—в 1 ред.: *В ярочок тихий.*

— 14: швиденько кинулася,—в 1 ред.: *Марія кинулася;* в Б.: *кинулась,* але це, певно, помилка, бо тоді не стає одного складу.

— 16: святий,—в 1 ред.: *отой.*

— 17: Будяк колючий з кропивою, — в 1 ред.: *Та кропива там з лободою.*

— 14—13 зн.: Молися, серденько, молись!
Окуй свою святую силу,—

в 1 ред.:

Пошли їй, Господи, пошли
Свою любов, любов і силу.

— 12—11—в 1 ред. немає.

— 10: небога,—в 1 ред.: *Марія.*

— 5: І досі правди,—в 1 ред.: *святої волі.*

— 4: святої волі,—в 1 ред.: *святої правди.*

— 3: І тяжко-важко,—в 1 ред.: *і тяжко, тяжко.*

613, 2: полегшало,—в 1 ред.: *мов легше стало.*

— 5: з малим синком своїм жила,—в 1 ред.: *з малим Предтечею жили.*

— 6: таки з Іваном, та й була, — в 1 ред.: *Вони рідня якась були.*

— 7: якась рідня їм. В-ранці-рано,—в 1 ред.: *Святому бондареві. Рано.*

— 9: одягла,—в 1 ред.: *сповила.*

— 10: І зо святим,—у всіх 3 ред.: *за* святим.

— 12: в наймички,—в 1 ред.: *у найми.*

— 18 зн.: на улиці; знайшли, — в 1 ред.: *на улиці й найшли.*

— 17 зн.: палочки,—в 1 ред.: палічки, в Б.: пал*о*чки (у Ш. в таких випадках нахил звичайно більший до *о*, як до і).

— 15: звичайне, діточки,—в 1 ред.: *звичайні дітки,* в 2 ред.: *Звичайні діточки.*

— 13: аж любо глянуть, — в Б.: аж любо *гледить* (!),— напевно, помилка переписчика. Од рядка 15 зн. (од „Ідуть“) і до рядка 5 зн. на стр. 614 (до слів „Заробила, чи то позичила“) — в 1 ред. немає.

614, 10: коржичком,—в 2 ред. і в Б.: *коржиком.*

— 15 зн.: та щоб його,—так і в *Б.*, але в 2 ред.: т*о* щоб... Може бути, що переписчик тут не доглянув теж, як слід, і *та* подставив зам. *то.*

— 5 — 1, — до цих рядків в 1 ред. такий відмінний варіант:

Марія мовчки утішалась,
Бо страх розумнеє було
І преласкавеє дотого!
За золотого за гіркого
Буквар списали їй. Взяла
(*Сама письма вона не знала*).

615, 1: та в школу хлопця одвела,—в 1 ред.: *У школу хлопця оддала.* В Б., очевидно, через недогляд, немае: *„хлопця“*.

— 3: Сама й навчала
Добру і розуму,—

в Б. теж, очевидно, помилка: навч*и*ла.

— 6: та вдвох собі,—в 2 ред.: Т*о* вдвох...

— 7—до кінца стр. 615 і 1 — 18 на стр. 616 — в 1 ред. немае.

— 15: якось на сьомому годочку, — і в 2 ред., і в Б.: *по* сьомому.

— 15 зн.: які будуть з його люде?—і в 2 ред., і в Б.: *Які то люде з його будуть.* Очевидно, таку поправку зроблено для рифми з попереднім: *„майстер буде“*.

916, 9: річам,—так і в Б., а в 2 ред.: р*е*чам.

— 16: І веселенькії в дорогу,—так і в Б., а в 2 ред.: *і веселенькі у дорогу.*

— 14 зн.: І вкупі вчились, ростучи,—в 1 ред.: *У купці вчились і росли.*

— 13—11,—в 1 ред. немае.

— 10—8: Путем терновим розійшлись
Обидва: божиї глаголи,
Святую правду на землі,—

в 1 ред.:

І виросли, і прорекли
Святії божії глаголи,
Святую волю на землі.

— 7: І пророкали й розпялись, — в 2 ред.: *І прорекли, і розпьялись.*

617, 2: пішла тинятись по-під тинню, — в 1 ред.: *хилятись* по-під *тином.*

— 6—до краю стр. 617 і 1—14 на стр. 618 (до „Розпяли“)— в 1 ред. немае.

— 10: І мовчки-трепетно *ридала*,—безперечна помилка переписчика в автографі Б., яка задержалася по всіх „Кобзарях“. В 2 редакції ясно стоїть: *раділа*. За це промовляє й контекст:

Все чула й бачила, і мліла,
І мовчки-трепетно *раділа*
На сина дивлячись.

Не кажучи про те, що таким чином буде добра рифма до *мліла*, самий сенс вимагає, щоб було *раділа*: бачучи діла і чуючи слова сина—мати, натурально, *раділа*...

— 12: на Єлеоні,—і тут, і далі в Б.: на *Іліоні*... Одначе в 2 ред.: *Елеоні*.

— 14: перед їм,—в Б.: *перед ним*.

— 6 зн.: та й знову,—в 2 ред. *й* немає.

— 1: із городу,—в 2 ред. і в Б.: *Із города*.

618, 2: по улицях,—в Б.: по улиц*ям* (?),—явно, що помилка переписчика.

— 7: як узрів діточок, привстав,—в 2 ред.: *Як узрів діток. Привітав*,—а зразу було: *Як взрів діточок.... приостав*.

— 17 зн.: з малими дітьми,—в Б.: *дітками*,—але чи не помилка? В 2 ред.: *дітьми*, і того вимагає ритм.

— 17—14 зн. в 1 ред. немає, а замість того один рядок:

З учениками і сказала.

— 12 зн.: оттак і вас,—в 1 ред.: *І вас отак*.

— 11: сказала дітям і упала,—в 1 ред.: *промовила і трупом пала*.

— 9: Розпялась,—в 1 ред. цей рядок сполучено з попереднім і читається він так:

На землю трупом
На улиці. І розпялась.

— 6: оттой,—в 1 ред.: *собі*.

619, 1: *А* ти,—в 1 ред.: *І ти*.

— 4: брати його,—в 1 ред.: *брати ж*.

— 7: сховались; потім,—в 1 ред.: *сховалися та й*....

— 13: мов,—в 1 ред.: *як*.

— 15: пронесла,—в 1 ред.: *пролила*.

— 17: Хвала
І не хвала тобі, Маріє,—

безперечна і велика помилка, бо у всіх трьох редакціях: *хвала і поховала.* Та й дивно було б, щоб Шевченко, так почитуючи Марію, чомусь би то не хвалив її...

Такий самий вираз стрічаємо у Шевченка і в „Неофітах", написаних раніше:

Хвала вам, лицарі святиї,
Во віки, віки похвала.

У всіх трьох редакціях есть ще кінець поеми, перекреслений Шевченком в Б. Кінець той такий:

А потім чечці одягли
Тебе в порфиру, і вінчали,
Як ту царицю. Роспяли
Й тебе, як сина—наплювали
На тебе кроткую (в 2 ред. і Б.: *чистую*) *кати,*
Ростліли чистую (в 2 ред. і Б.: *кроткую*). *А ти?*
Мов золото в тому горнилі
В людскій душі возобновилась.

Досі—в 1 ред., а в 2 і в Б. ще два рядки:

В душі невольничій малій,
В душі скорбящій і убогій.

Кінець цей видруковано тільки в Пражському „Кобзарі".

Брульон поеми викінчений був перед 27/X, бо ця дата стоїть у 2-й редакції, спочатку. В Б. поема має дату 11/XI.

187. Подражаніе Едуарду Сові.

(*Посажу коло хатини*).

По всіх, крім Льв. 1867, „Кобзарях" вірш цей, слідом за „Основою", має заголовок: *Антонію Сові* (подражаніе польскому поетови).

В автографі *Б.* стоїть: *Подражаніе Эдуарду Сові.* Антоній Сова—це псевдонім Эдуарда Желеговского. Він присвятив р. 1858 Шевченкові вірш: „Do poety ludu". Д. М. Кр-ський каже, що Шевч. вірш—переспів з Сирокомлі, але у Ш. ясно сказано, що *подражаніе Едуарду Сові.*

Вперше видруковано в „Основі“, 1862, II.

Дата в автографі—*19*/XI *С.-Петербургъ.*

Уваги:

69, 14 зн.: і грушечку,—в автогр.: і *грушеньку*,—і так повинно й бути, а не „грушечку“, як по всіх „Кобзарях“.

— 13: на спомин,—в автогр.: *на вспомин.*

188. Подражаніе Іезекіїлю.

(*Глава 19*).

Ця поезія стоїть в автографі *Б.* зараз після „Подражаніе Едуарду Сові“, але якимсь дивом так і лишилася невідомою в літературі, і О. Кониський, найшовши копію її у Л. Жемчужникова, опублікував в Зап. Н. Т. т. 39, виявляючи все ж таки де-який сумнів, чи Шевченків це твір? Тепер ми можемо спокійно узяти його до „Кобзаря“, бо він безперечно Шевченків, писаний його рукою і дата під ним стоїть та сама, що й у копії Жемчужникова: *Декабрь 6.*

В копії Жемч. все ж есть де-які одміни. Подаючи тут вірш цей з автографа, додержуючи де-яких осібностей в ньому я зазначуватиму одміни в копії Жемчужникова.

Возплач, пророче, сине божий! (коп. Ж.: *возстань*).
І о князях, і о вельможах,
І о царях отих. І рци (в коп. Ж., а так само і в вид. Романчука—безперечна помилка: *отих ірци*):
На що та сука (зразу: львиця), ваша мати,
Зо львами кліщелась (зразу: купилась), щенята? (в коп. Ж. неправ.: й щенята *з вас* добувала, лютих вас).
І добувала вас лихих?
І множила ваш род проклятий? (в коп. Ж. *рід*)

А потім з вас, щенят зубатих,
Зробились львичища! Людей,
Незлобних праведних дітей,
Жрете, скажені!... Мов шуліка
Хватає в бурьяні курча,

Клюе і рве його. А люде.....
Хоч бачать люде, та мовчать (в коп. Ж.: *хоч бачать теє, та мовчать*).
Отож львиня те дике! люте! (в коп. Ж.: *львеня*)
Підстерегли його, взяли.
Та закувавше добре в пута,
В Єгипет люде одвели—
На каторгу. А люта мати! (в коп. Ж.: А мати.... мати)
Спустила друге бісновате,
Свое скаженеее звіря.
Та вже такого сподаря,
Шо гради й весі пожерало.
Земля тряслася, трепетала
Од реву львичища твого (в коп. Ж.: *того*).
Окули люде і цёго.
Заперли в щелипи удила
І в Вавилоні посадили
В тюрму глибоку, щоб не чуть
Було на світі того рику
Самодержавного владики
Царя неситого...
Минуть,—
Уже по троху і минають,
Дні беззаконія і зла.
А львичища того не знають, — (в коп. Ж.: *про те*)
Ростуть собі, як та лоза,
У темнім лузі, уповають
На корінь свій, уже гнилий,
Уже червивий, і малий
І худосильний (в коп. Ж.: *худосилий*). Вітер з поля
Дихне, погне і полама.
І ваша злая, своеволя
Сама скупаецця, сама
В своій крові. Плач великий (в коп. Ж.: *в своій же крові*).
Во мѣсто львичищого рика (в коп. Ж. помилка: во місто львичи*но*го)

Почують люде. І той плач,
Нікчемний, довгий і поганий: (в коп. Ж. знака немає)
Меже людьми во притчу стане,
Самодержавний отой плачъ!

189.

Нарешті з р. 1859 остається ще „*Осії глава XIV (подражаніє)*.

Дата—25/XII, але в книжечку Б. вписано не рукою Ш., а, здається, М. Вовчок.

Одміни:

273, 14: довготерпіливий,—в Б.: *довготерпеливий*.

— 12 зн.: матірнього,—в Б.: *матерьного*.

— 10: да зрить розленная,—в Б.: *да зритъ растленная*.

Рядки 8 і 9 підкреслено спірально—мабуть самому Ш. цей рядок не подобався, а рядки од 4 знизу і рядків з 8 на стр. 274—збоку теж обкреслено олівцем...

274, 10: Усюди,—в Б.: *всюди*, але тоді справді не стає одного складу в рядку.

— 15: на грище — так і по всіх „Кобзарях“,—а в Б.: *на зрище*.

— 18: розпнуть, розірвуть, рознесуть,—в Б. останнє слово було: *рознесуть*, але закресл. рукою переписчика і вгорі: *розіпнуть*. Та тоді виходило б двічі те саме: *роспнуть* і *розіпнуть*. Через те уже в Пражськ. К. принято те, що закреслено було: рознесуть.

Після цього Шев. вставив своєю рукою рядок 19-й: *І вашей кровію собак*, а потім знову текст, писаний рукою переписчика: Собак напоять...

— 14—13: Такеє слово їм додай,
Без притчі вискажи,—

так у Праж. та і по всіх „Кобзарях“, а в Б. інтерпункція інакша:

Такеє слово їм додай
Без притчи; вискажи:

— 4 ряд. знизу теж спірально підкреслено.

— 3—не ветхеє, не древле..., , — в Б. очев. помилка: *не ветхе*.

— 2: Розтленнеє,—в Б.: *Ростльнное*.

—·—

З року 1860—маемо чимало поезій, але більше все дрібніщі. Хронологично вони так ідуть.

190. Дівча любе, чорнобриве.

В автограф Б. вписано не рукою Ш. разом з „Ой діброво темний гаю“, і над першим стоїть I, а над другим II (писано на одній стороні, а не окремо,—як инші вірші).

Дата під ними (під другим, власне): *15 стичня* 1860 *С. П. б.*

Одмін ніяких.

191. Ой, діброво, темний гаю.

Увага на стр. 125, 13 зн.: *на доненьку.*—В Б. зразу: на *дочку свою.* Поправлено рукою Шевченка.

192. Подражаніє Сербському.

В автогр. Б. з датою: *4 мая 1860* СПБ. Перші 8 рядків писані рукою Ш., а далі—иншою, — так наче б то А. М. Лазаревського? [1]).

Що до постання цього вірша, то до відомости істориків літератури подаю таку вказівку. В спискові книжок, які лишилися по смерті Т. Шевченка і стали власністю Петербургської української громади (куплені на складені гроші), есть між иншим згадка про книжку: *Пово і Мара.* Сербская поема, переводъ Щербины: М. 1860,—з посвятою перекладача.—Вірш свій Шевч. написав у маю р. 1860, коли та книжка мабуть уже вийшла в світі і була прислана Шевченкові. Не бачивши цієї книжки, даю лишень вказівку, чи не звідти узято тему для вірша: *„Наїхали старости“*, якому сам Шевч. дав заголовок: Подражаніє сербському.

Одмін ніяких.

193. Молитви.

В автогр. Б. вписано їх (всі 4) не рукою Ш., а тієї ж людини, що й кінець вірша „Подражаніє Сербському“.

Перші три вписано заразом (очевидно, переписано з оригінала), один за другим, навіть без означення: I, II, III, а розділяються

---

[1]) До речи буде сказати, що в однєму з чималих 3-х зшитків, які знайшов О. Кониський у Л. Жемчужникова, вписано „Неофіти“ рукою, яку Кониський узнає теж за руку А. М. Лазаревського.

тільки датами під кожною, і власне: під першою — *24 мая 1860 Спб.*, під другою—25 мая, під третьою—27 мая.

Далі, на другій стороні вписано вірш, рукою Шевченка, „Колись то ще во время оно“ з датою 28 мая, а на 3-ій стороні—знову 4 Молитва,—знову рукою того, хто й перші три вписав. Дата під цією 4-ою молитвою: *31 мая.*

Видавці Пражськ. „Кобзаря“ мали ще якийсь рукопис,—„перший“, як говориться в примітці, який дає де-які варіанти для 4-ої молитви.

Одміни і уваги:

I молитва.

71, 9: всесвітним,—в Б.: *всесвітнім.*

II.

72, 8: Постав Ти ангели Твої,—в Б. той, хто переписував, очевидно не додивився, бо вписав: *поставте ангели свої*... Це очевидна помилка, бо поет весь час звертається до Бога: *спини*, *покажи*, *поможи*, *постав*,—а не *поставте* (хто?). Що до *Твої*, чи *Свої*,—то річ не певна, бо в III молитві така сама строфа має вже: *ангели свої*.

III.

72, 12 зн.: злоначинающих, — в коп. Жемчужн.: *зло начинающих.*

— 6—5 зн.: А чистих серцем—коло їх
Постав Ти ангели свої,—

в Б.:

А чистих серцем? Коло їх
Постав (!) ангели свої...

Взагалі, той хто переписував молитви, досить неуважно це зробив.

IV.

73, 1—6—тим несититим очам, — в перш. рукоп. (примітки Праж. „Кобз.“)—уся перша строфа инакша:

Тим неситим царям
І земля і моря,
І плуги й кораблі,
І всі добра землі
Тим неситим царям.

73, 8: Роботящим умам,—в перш. рук.: *І трудящим умам.*

— 12: Роботящим рукам,—в перш рук.: *І надія ще вам.*
— 13—18,—ціла строфа в перш. рукоп. инакша:

Душевбогим дрібним,
Чистим серцем, святим
І молитву, і сон,
І доземний поклон
Всетерпініє їм.

— 6 зн.: нам любов між людьми,—в перш. рук.: *Нам любов на землі.*

194. Колись то ще во время оно.

Дата в автогр. *Б.—28/V. С.-Петербургъ*, а не 25/V (1860 ?),— як от і в виданні Романчука.

Одміни:

126, 5: у холодочку під платаном,—у Льв. „Кобз". 1867 та у Пражськ.: *під платочком* (!),—в автогр.; *під платаном.*

— 3: *друїдам* нічого робить, — уже здавна зауважалося що Шевч. або помилився, або не знаючи добре термину, ужив тут *друїдам* зам. дріадам... Тим часом, виявляється, що усі обвинування Шевченка марні: в автографі яснісінько стоїть: *дріадам.*

195. Плач Ярославни.

Із „Слова о полку Ігоревім",—цього додатка в автографі немає. Всього із „Слова о полку Ігоревім" переповів Шевченко три уривки, і то не разом. Під першим уривком стоїть дата: *4 іюня*, другий—аж після *„Світе тихий"*—з датою 6 іюля, і третій— ще пізніш, після *Н. Я. Макарову*—з датою 14 сентября.

Крім автографа Б., текст якого маємо по всіх „Кобзарях", в примітках до Пражськ. „Кобзаря" подано ще варіанти з власноручного рукопису Т. Шевченка, який ми зватимем 1 рукоп.

Одміни:

I.

275, 5: граді,—в 1 рук.: *славнім.*

— 7—8: Як та зозуленька кує,
Словами жалю додає,—

в 1 рук.:

В гаю зозулею кує,
Жалю словами додає....

— 11: та по-над Доном полечу,—в 1 рук.: *по-над Дунаєм полечу*.

— 12: бобровий,—в 1 р.: *бобряний*.

— 13—16,—до цих рядків в 1 рук. одмінний варіант:

В каламутному тім Дунаї;
Там десь далеко умірає
Мій любий князь на самоті.
Омию кров на білім тілі
На тяжких ранах почорнілих
На князі, ладо сироті;
Омию кров, омию рани,—
І розібьюся о скалу...

— 15—9 зн.,—до цих рядків в 1 рук. варіант:

Вітрило, вітре Господине!
На що ти вієш, мій єдиний,
На що несеш ти на крилі
Ті ханови тяжкиї стріли
На вої милиї мої,
На князя, ладо моє миле?
Чи мало ж неба...

— 10 зн.: ханові,—в Б.: хано*ви*.

— 6 зн.: прелютий, горе, горе! , — в Б.: *прелютий! Горе, горе*.

— 5—4: Моє веселіє украв,
В степу на тирсі розібгав,—

в 1 рук.:

Моє веселіє—надію
В степу між тучею розвіяв.

— 1 зн.: І каже: „Дужий і старий“,—в 1 рук.: А ти Словутицю старий.

276, 3: в землю, — в Б. не ясно, може бути і в *зéмли* (= зéмлі).

— 6—7: Дружину тую Святославлю.
О мій Словутицю преславний!—

в 1 рук.:

Дружину хóробру преславну,
Дружину тую Святославлю.
О, мій Словутицю старий....

— 9: весела слала,—в 1 рук.: сміючись, слала.

— 10: сльоз,—в Б.: *сліз*.

— 11: сльозами моря не долить, — в 1 рук.: *Бо море слёзи не приспить.*

276, 16: на землю,—в 1 рук.: *Землі ти...*

— 17: І людям і землі, моєї,—в 1 рук.; *І людям на землі; моєї ж.*

— 18: туги-нудьги не розвело, — в 1 рук.: *Журби-туги не рознесло.*

— 19: святий, огненний,—в 1 рук.: *Пресвятий, світлий*; в Б. зразу було: *пресвітлий*, але попр. на *огненний*.

— 11 зн.: загинув ладо,—й я загину,—в Б.: *Ладо..... Я загину*! Так і в Празськ. К.: *Ладо, — я загину* (без *й*). В 1 рук.: нехай сама собі загину.

II.

276, 9 і 8,—до вечора,—в Б.: до веч*е*ра.

— 7—5: Летять стріли калениї,
Брязчать шаблі о шеломи,
Тріщать списи гартовані,—

увесь цей уривок в „Кобзарях“ подано зовсім неправильно,—очевидний доказ маємо в автографі Б. В автографі все стоїть в singularis:

Лет*ить* стр*іла́* кален*ая*,
Брязч*ить* шабл*я* о шеломи....

Правда, Шевч. мав зразу намір ужити pluralis, і спочатку було в першому рядку: *летять стріли*, але зараз же, перше ніж написати другий рядок, поправлено твердо: *летить*, а на *стріла*—поставлено навіть наголос: *стріла́...*

Що я не помиляюся,—свідчить і Львів. „Кобз.“ 1867, де і *летить*, і *стріла*, і *брязчить.*

Що ж до третього рядка: *тріщать списи*, — то за plural. не може тут бути й мови: закінчення „*щить*“—безперечно. Але постає другий сумнів: чи *тріщить?* Очевидно, що тріщить *списи* (як це ясно написано)—nonsens... Та ще й друге: в автогр. ніякого *і* немає: може бути мова тільки за *е* або за *о* (буква дуже дрібна, хоч на *е* більш скидається). Як що навіть це *е*—то тоді може бути або: 1) трещить—зам. трещать (= тріщать), або ж 2) трещить—зам.: *трощить*,—що мало б добрий сенс: *шабля трощить списи гартовані.* Але, здається, більш правди на боці

Львів. „Кобзаря“ 1867 р., де *трещить* — прочитано як *трещать*, тим більш, що у Шевч. *и* і *а* на письмі часом ніяк не можна розрізнити.

— 3 зн.: середи землі Половецької, — в 1 рукоп.: В землі дальній Половецькій.

— 2: земля чорна,—в 1 рук.: *Чорна земля.*

— 1: поорана, поритая,—в 1 рук.: *Розорана, засіяна.*

277, 1: кістьми земля засіяна, — в 1 рук.: Костьми була,— политая.

— 2: А кровію политая, — в 1 рук.: Кровью. Горе на тім полі. В автогр.: Б.: костьми.

— 5—8,—для цих рядків в 1 рук. варіант:

Що там шумить, гуде-реве
До зорі рано? Повертае
То Ігорь війско Всеволоду
Любому брату на помоч.

— 11: та коло полудня,—в 1 рук.: *та день ополудня.*

— 12: поникли Ігореві,—в 1 рук.: *упали Ігореви.*

— 18: й сами,—в Б.: *А* сами, — поправлено ще у Львів. К. 1867.

III.

277, 10 зн.: сумуе,—в 1 рук.; *Незримо.*

— 5—4: На княжому дебелім тілі,
Глибокиї на ладо рани,—

в Б. зразу було: *добрім білім* тілі. В 1 рук.:

На княжім твердім тому тілі
Засохшу кров, і обітру
Глибокиї запеклі рани....

Цей варіант найблизчий до правди, бо у Львів. „Кобзарі“ р. 1867, а за ним і в Пражському (обидва слово в слово узяли текст з автогр. Б.) опущено, через недогляд, один рядок після слів „Дебелім тілі“, який в автогр. Б. читаеться так:

Засохлу кров його..... Отру
Глибокиї...

Що ж до рядка „Глибокиї на ладо рани“, то в автогр. Б. під *ладо* рукою Шев. підписано згодом (иншим чорнилом) *любім*, але *ладо* не закреслено. Допустити, що Ш. тут зробив вставку

але чому ж *під* текстом, а не *над* ?) і що має бути: на *любім* (*ладо*—не можна, бо тоді б було в рядку 2 зайвих склади, які псували б ритм. Таким чином остається тільки прийняти *любім* в заміну замість *ладо*, що дасть чи не кращий навіть текст.

278, 4—5: . . . На моє
Єдине ладо й його вої,—

ці слова узято з 1 рукоп., бо ні в *Б.*, ні у Льв. К. 1867, ні в Пражськ. „Кобзарі" слів цих немає:—текст кінчається словами: *хановські стріли*; але без цієї добавки не знати, на кого вітер несе стріли.

196. На смерть Григорія, митрополита петербургського.

Заголовку в автографі Б. немає. Дата—17 іюня.

Уваги:

127, 15: Москви—Отечества любитель,—очевидно, що Москва не есть ще „отечество", а через те в автографі зовсім правильно: *Москви, отечества.*

Останній рядок розбито в автографі на два.

197. Гимн черничій.

Дата не 28/VI, як чомусь в вид. Романчука, а 20/VI (як це і в Пражському „Кобзарі").

Увага:

130, 11 зн.: співаючи промовляєм,—в автографі Б.: при*мо*вляєм (помилка ще в Пражськ. „Кобзарі").

198. Над Дніпровою сагою.

Дата в автографі Б.—24/VI. Вперше видруковано в „Основі", 1861, X.

Одміни:

128, 3: без дружини і надії,—в автогр.: *І дружини*, і надії,—одміна пішла ще з „Основи", а тоді у Львів. К. 1867.

— 8: та любої пошукаю, — в автогр. Б.: *та любую* пошукаю,—переміна ще в „Основі".

— 15: думки, гадоньки,—в Б.: *думки—гадоньки.*

— 19: вються, гнучая,—в Б.: *вьюця—гнуця.*

199. Росли у-купочці.

Дата в автографі—25/VI.

Одміни:

73, 4 зн.: Росли у-купочці; зросли; — в Б.: *у купочці, зрослй.*

— 3—перестали, — у Львів. „Кобзарі“ помилка: *непрестали* (!).

— 2: неначе справді,—в Б.: *неначе й справді.*

74, 1: пройшли (так по всіх „Кобзарях“), а в Б.: *прийшли.*

74, 2: душею, серцем,—в Б.: *душею-серцем* (так у Льв. і Пражськ. К.).

— 4: А між людьми вони,—в Б.: А меж людьми *ж* вони.

Перша строфа була з 8 рядків, а в другій по всіх „Кобзарях“ тільки пять. В автографі Б. і в другій строфі теж 8 рядків,--не узято останніх трьох через те мабуть, що вони не додають нічого ні змістом, ні формою:

Не плач, не вопль, не скрегіт зуба,—
Любов безвѣчную (так у Ш.), *сугубу*
На той світ тихий принести.

200. Світе ясний! Світе тихий!

Дата—27/VI. Вірш цей у „Правді“, 1873, № 15 видруковано, як частину поеми „Іван Гус“ [1]). Цей вірш Романчук значно реставрував, пішовши слідом за О. Партицьким, який видрукував цей вірш вперше в своїй книзі „Провідні ідеї в письмах Т. Шевченка, 1872 р. стр. 29, не подавши одначе джерела, з якого він його узяв (усі инші уривки він цітує з Львів. К. 1867 р. Нема сумніву, що Партицький процітував цей вірш з памяти).

Усі одміни проти автогр. Б. зроблено Ю. Романчуком.

— 129, 13 зн.: в *твоїй* добрій, теплій хаті, — в Б.: в *своїй*; в „Правді“ (1873): в *твоїй теплій, тихій* хаті.

---

[1]) Помилку цю зауважили ще видавці Пражськ. К., додавши примітку: „сі вірші у „Правді“ 1873 р. ч. 15 надруковані як часть поеми „Гус“ (писана в 1845 р.), але у власному рукопису Шевченка вони означені датою 1860 р.“

— 12 зн.: одурено, — в Б.: *омурано*; у Партицького і в „Правді“: *одурено*.

— 11: кадилами окурено—так і у Партицького, і в „Правді“, а в *Б*.: (Премудрого одурено).

— 10: багряницями закрито,—в „Правді“ і у Партицького: *окрито*.

— 4: А з кадил люльки курити,—так і в Партицького, а в Б.: *Люльки з кадил закуряти;* в „Правді“: *Та з кадил* люльки курити.

— 3: явленними,—в Б. підкреслено.

— 2: А кропилом, — в Б.: кропилами. Так і у Партицького.

— 1: Вимітати,—так і в Б.; у Партицького—*замітати*.

В Пражському ж „Кобзарі“ надруковано слово в слово, як в автогр. *Б*.

P. S. Щоб ніяка дрібниця не пропадала, зазначу, що під датою цього вірша *27 іюня*,—приписано рукою Шевченка приватну замітку: *Зонтикъ украдено*.

201. Ликері.

(*На память 5 августа 1860*).

В автогр. Б. дата—*5 августа*. Стрѣльна.
Вірш вписав не Шевченко, а вписано якоюсь жіночою рукою.
Одмін—ніяких.

Увага на стр. 75, 1: лихе, дебеле,—в Б.: *лихе дебеле*.

202. Н. Я. Макарову.

(*На память 14 сентября*).

В автографі Б. одмін ніяких.

203. І Архимед, і Галилей.

Дата в автогр. Б.—24/IX. В Музеї імени В. Тарновського есть шматочок брульону—перших 6 рядків на клаптику почтового паперу.

Одміни:

130, 3 зн.: і крихту хліба понесли, — в Черниг. автогр.: *і крихти хліба не взяли*.

131, 3: А на оновленній,—в Б.: *І на*...

204. Я.

(Поставлю хату і кімнату).

Дата в автогр. Б.—27/IX, а не 24IX, як у вид. Романчука (24—і в Пражськ. „Кобзарі“).

Увага на стр. 75, 4 зн.: *У малий,*—в Б. помилка, чи описка: *И малий.*

— 3; з-під-тиха-тиха,—в Б.: *спідтиха-тиха.*

205. Не нарікаю я на Бога.

Дата в автогр.—5/X. Видруковано вперше в „Основі“, 1861, IX.

Одмін ніяких.

206. Саул.

Дата під цією поезією в автографі—13/X. В Пражськ. „Кобзарі“ в примітках подано варіанти з якогось „перш. рукопису.“

Одміни:

203, 20 зн.: у нас,—в 1 рук.: *і в нас.*

— 18—17: Свої ягнята і телята
На полі вольнім вольно пас,—

в 1 рук.:

Свою худобу пастирь пас
В своїм степу, в своёму раї.

— 14—13; Пасе, і доїть, і стриже
Свою худобу та співае,—

в 1 рук.:

Пасе собі, пасе-пасе,
Та хвалить Бога, та співає

— 12: царя,—в 1 рук.: *царів.*

— 11: з законами,—в Б. зразу було: *з дружинами,* а в 1 рукоп.:

З дружинами, з огнем, з ножами,
З жерцями, з книгами, з войсками.

204, 5: (неначе наші панотці), — в 1 рук.: (*Мов наші ченчики—ченці*).

— 6: в храмах, пагодах,—в Б.: *в* пагодах.

— 8: І царі,—в 1 рук.:

От-царі,
Росли собі царі, росли,
Повиростали вже чимало.

— 11: поклонялись,—в Б.: покл*а*нялась.

— 15: попросили, —в 1 рук.: *і просили.*

— 16: таки старого,—в 1 рук.: *пророка старця.*

— 18: старий,—в 1 рук.: *таки.*

— 19: отож премудрий,—в 1 рук.: святий старенький.

— 5 зн.: та промовляли,—в 1 рук.: *та дивувались.*

205, 3: престол із золота кує,—а далі в 1 рук. для рядків 4—10 такий варіант:

І гвардію *на караул*
Муштрує сам. І одинокий
В порфирі довгій і широкій,
Серед гарема царь Саул,
Зробивши сам *на караул*
Та й одурів.

В Б. після слів „кедрові світлиці" стояло зразу, але закреслено:

Кує із золота престол,
А чабанам кує закон
З..... (зовсім замазане слово), *і в широкополій.*

— 14: Самодержавець господар, — в 1 рук.: *І господарь і государь.*

— 15: сердешний,—в 1 рук.: *сьогодня.*

— 15 зн.: смутниї пастирі,—в 1 рук.: *вельможі-пастирі.*

— 12: не гомонить,—в 1 рук.: *і не кричить.*

— 4—1 знизу, од слів „І Саул" і до краю та „Оттож вельможі й" на стр. 206—в автогр. *Б.* немає зовсім. Звідкіля їх узято в Пражськ. „Кобзарі"—не відаю,—може з 1 рукопису?

206, 3: отрокам,—в 1 рук.: *лакеям.*

— 5: у сінях царських. Заревла,—в 1 рук.: *У царських сінях. Заревли.*

— 6: Сивоборода, волохата,—в 1 рук.: *Сивобороді, волохаті.*

— 7: рідня Саулова пузата,—в 1 рук.: *Вельможі—пастирі пузаті.*

— 8: та й гусляря ще, — а в *Б.* і в Пражськ. „Кобзарі": *Та ще й гусляра.* Кому і для чого потрібно було робити перестановку?

— 12 зн.: гусляря,—в Б.: гусляр*а*.

— 11—10: Трохи не вбив, не розтоптав
Як ту гадюку—

тут теж не зовсім доладу вийшло. В Б. і в Пражськ. К. кінчається рядок 11 на словах: *Трохи не вбив,*—а далі „не розтоптав, як ту гадюку“—немає. Очевидно, як знати з варіанта 1 рукопису, слова ці узято звідти, і узято без усякої потреби з гіршої редакції а до того ж переінячивши: *яко гадюку*“—на: *як ту гадюку*. Краще було б, як на мене, зовсім не втягати в текст цього додатку, а лишити текст так, як Ш. виправив в автогр. Б., тоб то: *Трохи не бив. Як би він знав* (у д. Романчука *він* викинуто, бо в 1 рук. немає). В 1 рукоп. цей рядок, як уже згадувалося, читається: *Яко гадюку. Як би знав.*

— 9: яке то лихо з його вийде, — в 1 рук.: *якеє лихо на світ вийде.*

— 8: лукавого,—в 1 рук.: поганого.

— 7—6—з цим рядком і дальшим вийшла помилка ще у Пражському „Кобзарі“ (опущено чомусь цілий рядок „І ядовитую б ростер“,—мабуть через недогляд), а через це в тексті сталася плутанина, яку д. Романчук заходився лагодити знову таки 1-им рукописом. У нього ці рядки узято просто з 1 рукопису, де, як і у нього, стоїть:

То розтоптав би і розтер
Гадючу слину.

Тим часом зовсім немає потреби в тому, щоб поправляти текст автографа *Б.* виривками з 1 рукопису, — в ньому стоїть:

То мов гадюку б ростоптав (так і в Пражськ. К.)
І ядовитую б ростер... (опущено в Праж.)

Тепер уже являється і рифма до сумежнього: *тепер*, — і позичатися в 1 рук. немає для чого.

— 2—1 зн.,—ці рядки в 1 рук. мають варіант:

І досі дуріють царі,—
І поки горе на землі.

В автогр. Б. в останньому рядку ясно написано: *висяця* царі. Зазначую це для того, що д. Романчук не певен в цьому слові, і навіть ставить питання, чи не *бісяться?* Як на мене,—*висяться* дуже зрозуміло; що ж до *бісяться* — то цього не може бути навіть через те, що хоч і єсть слово *біснуватий*, але глагол в такім разі був би тільки *казяться...*

207. Минули літа молодії.

В автографі Б. дата не 15/X, як по „Кобзарях“ стоїть, а 18/X. Вперше видруковано в „Основі“, 1861, V.

Одмін ніяких.

Увага на стр. 78, 3: весни, святої долі, — в Б.: *весни- святої долі.*

208. Титарівна-Немирівна.

Дата в автографі—19/X. Вперше видруковано в „Основі“, 1861, VIII.

Уваги:

131, 8: Немирівна,—в Б.: Немерівна.

— 19: москаля з походу,—зразу було: *юнкера.*

209. Хоча лежачого й не бьють.

Дата в автографі—20/X.

Увага:

131, 5 зн.: одоєних щенят,—в Б.: *оддоєних.*

210. І тут, і всюди—скрізь погано.

Дата в автографі—30/X. Вперше видруковано в „Основі“, 1861, V, без останніх 3 рядків. Одмін ніяких.

211. О люде, люде небораки.

Дата в автографі—3/X. Вперше надруковано в „Основі“, 1861, V, з де-якими опущеними місцями.

Уваги: 132, 6 зн.: мрака,—в автогр.: *мряка.*

133, 1: о люде, люде!—в Б.: *люди, люди!*

— 3: *сердешний інвалід*—в Б. в скобках (так і в „Основі“).

— 10: *послѣдній долгъ отдать*—в Б. не підкреслено.

Рядки 10—13 в російських виданях навмисне переіначено ще в „Основі“,—і з того часу так і лишилися непоправленими. В „Основі“ після слова *женуть* немае ні: *послѣдній долгъ отдать*, ні дальшого рядка, а замість того, щоб поставити, як в автографі:

Чи буде суд? чи буде кара,—

в російських „Кобзарях“ стоїть: *чи буде суд і кара*, бо на початку цього рядка поставлено *женуть*, яке аж два рядки вище мае бути.

Ще дальший рядок в росийських виданнях читається:

Усім неправдам на землі,—

замість:

Царям, царятам,—в автографі.

212. Як би з ким сісти, хліба ззісти.

Дата в автографі—4/XI. Вперше видруковано в „Основі“ 1861, VI.

Уваги:

79, 6: з'їсти,—в Б.: *ззісти.*

— 15: або ні! Треба—в Б.: *Або.... ні. Треба.* Здається правильніща інтерпункція буде: *або.... Ні, треба...*

213. І день іде, і ніч іде.

Дата в автографі—5/XI. Вперше видруковано в „Основі“, 1861, V. Одмін ніяких.

214. Тече вода зпід явора.

Вірш цей в виданні Романчука датовано [1860 ?]. В автографі дата—7/XI.

Одміни:

128, 2 зн.: качаточ*ки*,—форма зовсім не українська, і дійсно, в автографі і у Львів. К. 1867 бачимо: *качаточка,* але в Пражськ. К. уже єсть помилка.

Друга помилка на стр. 129. 3: Лов*лять* ряску, розмовля*ють*,—так по всіх „Кобзарях“, почавши з Львів. 1867, але в автографі:

Лов*ить* ряску, розмов*ляє*,—

тоб то сама качка, а не обоє—і качур і качка.

129, 14: зятем звати,—в Б.: *зятем звати?*

215. Якось-то йду я у-ночі.

В автогр. Б. писано не рукою Ш., а того, що й „Марія“ та „Осії глава XIV. Дата—13/XI.

Уваги:

133, 1 зн.: а то нема,—в Б.: *а то...... нема.*

134, 1: ні Бога навіть, ні пів-Бога,—інтерпункція викликає сумнів. Де-хто радить ставити (,) після *Бога*, а *навіть* однести до дальшого речення (так напр. в Женевському виданні), але в Б. стоїть так, як і в вид. Романчука.

— 10: два ліхтарі,—в Б.: два ліхтар*я*.

216. Бували войни.

В Б. теж не рукою Ш. вписано, а тією, що й попередній вірш. Дата—26/XI.

Вірш цей попсовано двічі: переписчиком в Б., і в виданнях „Кобзаря“.

Одміни.

278, 7: *Бували войні і військові сварі,*—так стоїть в вид. Романчука. Розуміється, таких наголосов, яких наставив д. Романчук, жадним чином не може бути, бо *війна—вóйни*, а *свáра—свáри*. Правда, текст д. Романчук узяв з Пражськ. „Кобзаря“, але там наголосів немає ніяких. Видавці ж Пражського „Кобзаря“ не уважно вчиталися тут в текст *Б.*, бо там зовсім ясно стоїть:

Бували войни й військовиї свари:—

і в тому, щоб робити якісь незвичайні наголоси, немає а ні найменьшої потреби.

Після *свари* в Б. стоїть (:), — поясняеться, які ж то, кого і з ким войни та свари, а після *Кочубеї — нагаї* в Б. стоїть не (:), а (;).

— 12: *жеруть і тлять,*—хоча в Б.: *жруть*, але це вже безперечно помилка переписувача. Цей самий переписувач ще більшу помилку зробив далі, в рядку 14: *зелені паростu ростуть...* В Пражськ. „Кобзарі“ після *паростu* стоїть (?), бо видавці „Кобзаря“ поставили це слово сами через те, що в Б.: *зелене корінняростуть...* Ясно, що в автогр. було *ростутъ* (тяжко було сплутати з *росте)*, а коли *ростуть*, то очевидно не *коріння* знов же: *зелені коріння* (з наголосом на *і*) ростуть—теж був би nonsens і грамматичний, і логичний. Та коли б навіть і логика позволяла ужити *зеленого коріння*, то цього неможливо було б допустити через те, що вже в попередньому рядку:

А од коріня [в Б.: корінння (!)] тихо, любо.

Скоріш усього, що переписував прочитав *парости* за коріння...

278, 7 зн.: кр*а*пива,—в Б.: кр*о*пива.

— 4 зн.. гній,—в Б.: *гній* (,—).

— 2—1: А ми помолимося Богу
І небагатиї й невбогі,—

в *Б.* *ми* опущено (так надруковано і в Пражському „Кобзарі“), але це дуже схоже на помилку, бо не стає одного склада, а в останньому рядку в Б. немає *й*. В Пражському поставлено: *й*..... І це мабуть помилка.

Таким чином, не маючи власноруччя Шевченка, не можемо виправити кілька сумнівних, непевних рядків в цьому віршові.

Коли не помиляюся, переписувач цей—не хто инший, як Михайло Лазаревський, якому Ш. подарував ще в р. 1858 свій „Дневник“ і взагалі приязно до нього відносився.

217. N. Т. Великомученнце кумо!

Дата в автографі—2/XII.

Увага:

134, 13 зн.: квітом,—в автогр.: *цвітом.*

218. Зійшлись, побрались.

Дата в автогр. Б.—5/XII. Вперше видруковано в „Основі“, 1861, VIII.

Одмін ніяких.

Це останній твір, вписаний рукою Шевченка в автограф Б.

Далі ще на новій сторінці, посередині її, рукою Шевч. поставлено синім олівцем *1861,* але вписувати поезії цього нового року йому вже не довелося. Року 1861, перед смертью вже, він написав один лишень вірш:

219. Чи не покинуть нам, небого.

В „Основі“ (1861, V), де вперше видруковано цю поезію, дата: *14—26 февраля* (де зберігається і чи есть де небудь автограф, мені не відомо). До вірша в „Основі“ додано таку примітку од редакції: „Стихи оці (мабуть—*До Музи*), здаетця, останне поетичне слово нашого вічно-памятного Тара-

са. На подліннику, під первою его половиною (після стиха: *Славою святою*). стоїть „14 февраля"; під другою половиною— дня не „означено".

Уваги.

79, 2 зн.: на *той свій*,—в „Основі" підкреслено.

80, 4: в *хату*,—в „Основі" підкреслено.

— 9: на *сей світ*—в „Основі" підкреслено.

— 17: сестри зорі,—в „Основі": *сестри—зорі*.

— 5 зн.: те да се да оне,- в „Основі": *те, да се, да оне*.

— 4: просто на-впростець, — в „Основі": просто — на-впростець.

81, 2: епопею,—в „Основі": *епопею.—*

— 7: прозу, та нотам—в „Основі" правильно: прозу — та *по нотах*... Цю помилку зроблено у Львів. К. 1867, але в Празькому правильно.

— 12: лучше до Харона,—в „Основі": *лучче до Харона* (—).

— 16: святую,—в „Основі": *святую* (—).

— 9 зн.: хаточку, садочок, — в „Основі": *хаточку, — садочок*.

Підчас дрюкування цих матеріалів виявилися ще де які автографи (в Румянцевському музеї у Москві), вияснилися де-які подробиці про поезії, знайдені в архиві Департамента поліції, знайшовся і власний Шевченків примірник „Кобзаря", видання р. 1860, з його поправками в тексті, але всі ці додаткові матеріали не можуть бути подані зараз, а увійдуть, як додаток, у окремий одбиток цієї статьи. Там же подано буде й помилки та недогляди, що сталися підчас дрюкування.

В. Доманицький.

Михайлова Гора, над Дніпром 15/IX 1906.

Воспоминаніе и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.[1]

Поступленіе на службу и женитьба.

(1831—1832.).

Опредѣленіе на должность Смотрителя духовныхъ училищъ въ г. Херсонѣ и настоятеля Херсонскаго Собора.—Неудачная попытка жениться въ Кіевѣ.—Путешествіе въ Екатеринославъ—на еврейской балагулѣ—въ компаніи съ товарищами.—Визиты по начальству въ Екатеринославѣ.—Квартированье у земляка—учителя семинаріи, *Павла Иван. Данкова*, и знакомство съ его свояченицей дѣвицей *Варварой Ивановной Станиславской.*—Характеристика ея.—Авторъ рѣшается сдѣлать ей *предложеніе.*—Многочисленная родня невѣсты автора въ Екатеринославѣ.—Первая поѣздка автора въ Херсонъ на мѣсто службы.—Нѣчто о Херсонскомъ дух. училищѣ.—Поѣздка въ Корсунскій монастырь.—Игуменъ *Тихонъ.*—Возвращеніе въ Херсонъ и ночлегъ у бѣднаго сельскаго священника въ ночь подъ Рождество.—Визитъ къ Вице-Губернатору *Брюхачеву.*—Возвращеніе въ Екатеринославъ къ невѣстѣ и свадьба.—Рукоположеніе въ священника.—Обученіе Богослуженію въ архіерейской Загородней церкви.—Возведеніе автора въ санъ Протоіерея.—Дѣлежъ женинаго наслѣдства и *отъѣздъ* автора съ женою въ г. Херсонъ—на мѣсто постояннаго жительства.

По возвращеніи въ Кіевъ съ родины, я засталъ въ академіи все по старому. Наѣхали новые студенты. Мы, окончившіе курсъ, какъ-нибудь помѣстились въ номерахъ баккалавровъ. Въ столовую ходили вмѣстѣ. Проходитъ сентябрь и октябрь; рѣшенія о нашихъ ученыхъ степеняхъ и мѣстахъ нѣтъ; только около 10-го ноября мы перестали быть дармоѣдами въ Академіи.

Пришли наши дѣла, какъ тогда выражались. Я остался *младшимъ кандидатомъ* богословія... Моя степень *старшаго кандидата* и мѣсто смотрительское въ Орлѣ отданы новому монаху, который постоянно шелъ въ числѣ послѣднихъ студентовъ. По

---

1) См. Кіев. Стар. 1906 г. № 10.

отъѣздѣ моемъ домой, онъ постриженъ въ монахи; это—пьяница забылъ я его фамилію. Богъ съ нимъ! онъ скоро потерялъ должность и умеръ [1])—Что мнѣ оставалось дѣлать? итти учителемъ въ Орловское училище? Мѣсто было; но это казалось мнѣ послѣднимъ несчастіемъ: для чего же я былъ 4 года въ академіи? Одинъ изъ товарищей моихъ по семинаріи *Скурыдинъ*, и не бывъ въ академіи, уже занималъ тогда мѣсто смотрителя училищъ въ Сѣвскѣ. Что было дѣлать? Оставалась одна надежда—поступить учителемъ въ уѣздное училище въ ближайшей къ Орлу губерніи, и послѣ, черезъ Амфитеатрова и Іеремію, промышлять себѣ профессорское мѣсто. Тогда въ епархіальное вѣдомство не поступали. Назначеніемъ академіи главнымъ было приготовленіе учителей и профессоровъ. Притомъ епархіальные начальники почему-то не долюбливали воспитанниковъ академіи, а иногда и явно преслѣдовали ихъ. Но надежда изъ учителей уѣзднаго училища перешагнуть въ профессоры семинаріи была слишкомъ несбыточа. Воспитанники *третьяго* академическаго курса *Яцынъ* и *Маляревскій* уже 4 года учительствовали въ училищѣ [2]).

Но вдругъ моя участь рѣшилась... Въ одно утро призываетъ меня Иннокентій и говоритъ: „Ты отправляешься въ Херсонъ—Смотрителемъ училищъ, настоятелемъ собора, первоприсутствующимъ въ Духовномъ Правленіи.“—„Мое мѣсто смотрительское въ Орлѣ, какъ Вы...“,—началъ было я.—„Свѣтскому тамъ не прилично быть“, прервалъ меня Иннокентій,—„а священническаго мѣста нѣтъ; туда нуженъ монахъ. Училище тамъ въ архіерейскомъ монастырѣ, тебѣ тамъ нѣтъ мѣста.“—„Херсонскій архіерей требуетъ, какъ я слышалъ, кого-либо изъ профессоровъ Академіи, баккалавровъ или по крайней мѣрѣ магистровъ,—возразилъ я,—а я—кандидатъ и при томъ младшій.“—„На что тебѣ эта степень? Ты будешь протоіереемъ. Архіерея въ Херсонѣ нѣтъ, онъ въ Екатеринославѣ; ты тамъ будешь вмѣсто его. Ступай,—я самъ буду писать къ архіерею.“—Я поклонился, поцѣло-

---

[1]) Это былъ, по всей вѣроятности, *Алексѣй Никитичъ Тихоміровъ*, принявшій монашество съ именемъ *Амвросія*. Онъ послѣ переведенъ былъ учителемъ Волынской Д. Семинаріи, въ каковой должности и скончался 28 ноября 1836 г. —Л. М.

[2]) *Іокинѳъ Петр. Яцынъ* былъ воспит. 2-го курса Кіевской академіи (вып. 1825 г.), а *Василій Петр. Маляревскій*—восп. 3-го курса—вып. 1827 г. Оба—куряне и оба перешли потомъ на службу въ Одессу: Яцинъ—священникомъ, а Маляревскій—секретаремъ духовной консисторіи, и оба пострадали по одному бракоразводному дѣлу... Л. М.

валъ благословляющую руку и слезы навернулись у меня на глазахъ. Эти слезы были приняты ректоромъ за слезы радости, а онѣ были слезами безвыходнаго положенія и горя. Отъ ректора я не пошелъ въ номера, къ товарищамъ, а бросился въ ворота Братскаго монастыря и долго оплакивалъ судьбу свою на берегу Днѣпра. Что теперь будетъ съ родителями, что съ матерью, которая съ нетерпѣніемъ ожидаетъ меня, пріискивая невѣсту?...,—думалъ я.—Успокоившись сколько-нибудь, я хотѣлъ обстоятельнѣй узнать о херсонскомъ мѣстѣ.

И прежде между студентами и баккалаврами шли толки о херсонскомъ мѣстѣ. Но баккалавры, гордясь своимъ положеніемъ, не хотѣли мѣнять фрака на рясу. Новые магистры не хотѣли профессорскихъ мѣстъ своихъ мѣнять на смотрительское Я пошелъ въ Академическое Правленіе. Тамъ прочли мнѣ отношеніе архіепископа Гавріила [1]) Архіепископъ пишетъ, что не находя въ трехъ губерніяхъ своей епархіи достойныхъ занять мѣсто смотрителя училищъ, протоіерея собора и перво-присутствующаго въ духовномъ правленіи въ г. Херсонѣ, проситъ предложить эти мѣста профессорамъ академіи, баккалаврамъ и въ крайнемъ случаѣ—магистрамъ, окончившимъ курсъ въ 1831 году—съ непремѣнною обязанностію немедленно принять духовный санъ.—Возвратился я къ товарищамъ, объявилъ имъ о своей судьбѣ: не было поздравленій. Обратился я къ Екатеринославскому студенту Лонгинову, не знаетъ ли онъ чего о Херсонскомъ училищѣ и соборѣ. Онъ ничего не зналъ, а говорилъ только, что этотъ городъ на краю моря—при устьѣ Днѣпра; что съ юга привозятъ виноградъ: что городъ богатый, страна роскошная: такъ-то студенты академіи знали въ то время географію и статистику!—Я зналъ о Херсонѣ, какъ странѣ ссылки и какъ убѣжищѣ бродягъ. Мой двоюродный братъ *Николай*, сынъ тетки *Марьи*, бывшей за магистратскимъ чиновникомъ въ Мценскѣ, бѣжалъ въ Херсонъ, а послѣ очутился въ Одессѣ. По его разсказамъ, женился, имѣлъ каменный домъ. По требованію матери, прослышавшей о его пребываніи, возвращенъ былъ въ Мценскъ по пересылкѣ. Онъ опять бѣжалъ; узнанъ Мценскими богомольцами въ Кіевской Лаврѣ. Мать собралась взять его изъ Кіева. Но только-что по пути зашла въ наше село и отслужила

---

1) Это былъ преосвящ. *Гавріилъ Розановъ*—тотъ самый, который былъ въ Орлѣ и котораго авторъ сихъ *записокъ* раньше описывалъ... судьба опять сводила ихъ вмѣстѣ... Л. М.

на путь молебенъ, какъ бѣглецъ явился къ церкви и съ невѣстою. Мать упала въ обморокъ. Послѣ—мать и мои родители уговорили его отпустить дѣвицу, которую онъ увезъ, обратно въ Кіевъ—къ ея родителямъ. Провожая ее, Николай отдалъ ей всѣ деньги, какія пріобрѣлъ, служа письмоводителемъ въ Лаврѣ. Мать его отправлялась таки въ Кіевъ, а онъ, до возвращенія ея, жилъ у моего отца и тутъ-то познакомилъ мое семейство съ южнымъ краемъ, а отъ семейства слышалъ кой-что и я. Это было еще въ 1819 году.

Теперь нужна была мнѣ невѣста. У меня была уже наготовѣ Мѣдинцева. Прежде мнѣ напоминали объ ней въ шутку; теперь я объявилъ Максимовичу и Спасскому рѣшительное намѣреніе жениться на ней, и просилъ Максимовича что-нибудь обстоятельнѣе узнать объ ней.—„Да вотъ Лаврентій Егоровичъ спроситъ брата своего Іоакима Егоровича, священника Притиско-Николаевской церкви. Она его прихожанка и домъ ея вблизи его.“ [1]) Лаврентій приноситъ извѣстіе, что Мѣдинцевой только 15 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ. Не вѣрю. Умоляю Максимовича справиться покороче,—и горе! Максимовичъ принесъ даже справку изъ метрическихъ книгъ, добытую имъ черезъ діакона Николаевской церкви! Недоставало до совершеннолѣтія полгода и нѣсколькихъ дней А тогда только-что вышелъ строжайшій указъ—не вѣнчать не достигшихъ 16 лѣтъ даже и однимъ днемъ. Это обстоятельство совершенно убило меня..—Была еще одна хорошая дѣвица—*Саша Яворская*, дочь священника, домъ котораго тутъ же на Подолѣ. Я часто видѣлъ ее въ ея палисадникѣ; но послѣ Мѣдинцевой она была только сносною; притомъ и она оказалась не достигшею двухъ или трехъ мѣсяцевъ до совершеннолѣтія.

Написалъ я письмо домой. Признался въ неудачѣ относительно невѣсты. Старался утѣшить мать. Но она не перенесла разрушенія своей мечты. Они считали, что я посланъ въ ссылку. Стала болѣть...

Стали мы собираться въ дорогу. Получили на обзаведеніе по 100 рублей. Выдали намъ прогоны, въ которыхъ я самъ себя обсчиталъ, потому что самъ высчитывалъ по дорожнику и ошиб-

---

[1]) *Іоакимъ Егор. Орловъ*, магистъ 3-го курса С.-Петербургской Д. Академіи (вып. 1819 г.), былъ профессоромъ Кіевской академіи и вмѣстѣ настоятелемъ Притиско-Николаевской церкви на Подолѣ. Его родной братъ, *Лаврентій Егор. Орловъ*, товарищъ по академіи автора сихъ *записокъ*, служилъ послѣ по духовному вѣдомству въ г. Каменецъ-Подольскомъ.

ся рублей на 20; при томъ мнѣ выдали ихъ не до Херсона, а кажется только до Екатеринослава. Въ Екатеринославъ назначено было изъ моихъ товарищей трое: *Лонгиновъ*—профессоромъ семинаріи, *Иваницкій* и *Липинскій*—учителями въ духовное училище. Подъ моимъ начальствомъ въ Херсонѣ пожелалъ служить тоже одинъ изъ моихъ товарищей—*Софроновичъ*. Ѣхалъ-ли съ нами, или особо этотъ Сафроновичъ,—не помню. Кажется, онъ прямо поѣхалъ въ Херсонъ. А мнѣ непремѣнно надобно было заѣхать въ Екатеринославъ—представиться семинарскому начальству и архіерею и принятіемъ присяги облечься въ званіе смотрителя училищъ. Простившись за пуншикомъ съ товарищами, я отправился вмѣстѣ съ екатеринославскими на жидкѣ.

Холоду большого не было. Ѣхали весело. Только я былъ мраченъ. Сопутники вздумали эксплоатировать мое положеніе: такъ, ни съ стого—ни съ сего заѣхали въ Переяславскую семинарію. Тамъ рекомендовали меня, какъ смотрителя и будущаго протоіерея собора. Это обстоятельство открыло имъ пріемъ женатыхъ профессоровъ, у которыхъ жили дѣвицы родственницы, и пунши. Но я былъ мраченъ и, чувствуя отчего-то боль въ груди, жаловался на здоровье и откровенно говорилъ, что я не пріиму духовнаго сана и останусь только смотрителемъ Но мнѣ не вѣрили, потому что я былъ лицемъ полный и краснощекій; огромные баки лоснились... Затѣмъ по дорогѣ стутники завозили меня въ *Крюковъ*—къ старому протоіерею; у него было двѣ дѣвицы, давно переросшія,—и тутъ тоже дали знать о моемъ назначеніи и о необходимости для меня жениться.—Пришлось намъ шабашевать въ мѣстечкѣ *Завертайловкѣ*, верстъ 15 не доѣзжая до села—родины Лонгинова [1]): Лонгиновъ нанялъ подводу и приглашалъ всѣхъ къ себѣ. Я не поѣхалъ подъ предлогомъ необходимости остаться кому нибудь для охраненія багажа. На другой день пошелъ я на базарчикъ и изумился дешевизнѣ птицы. Я сначала купилъ битую утку за семь копѣекъ мѣдью, потомъ навязываютъ мнѣ битую индюшку за 10 коп.,—

---

1) *Шабашевать*—пришлось потому, что подводчикомъ былъ еврей, непремѣнно соблюдавшій покой *субботы* и низачто не рѣшавшійся ѣхать дальше въ субботу. Это *шабашеванье* вмѣстѣ съ подводчикомъ—евреемъ—вещь хорошо знакомая людямъ стараго времени, когда совершалось путешествіе большею частію на такъ называемыхъ *жидовскихъ балагулахъ*. Вотъ на такой-то балагулѣ, какъ выразился выше нашъ авторъ, *на жидкѣ*, и ѣхали наши спутники въ Екатеринославъ.—Л. М.

купилъ и ее. Думаю, вотъ угожу товарищамъ, и велѣлъ сжарить обѣ птицы. Когда на другой день пріѣхалъ я къ Лонгиновымъ, я засталъ тамъ пиръ горой, а птицы столько нажарено было, что кажется, тремъ семействамъ на три дня стало бы. Священница, вдова Лонгинова, такъ рада была пріѣзду сына и поступленію его въ Екатеринославъ на службу, что изъ села собрала всѣхъ старухъ и дѣлилась съ ними своею радостію. Послѣ жирнаго обѣда у Лонгиновой, пошли старухи водить насъ по селу. У той—водочка, у другой—закусочка, а у иной—цѣлый обѣдъ. Къ полдню мнѣ сдѣлалось не-хорошо. Я почувствовалъ лихорадочное состояніе; почему, когда другіе сидѣли за столомъ, а я на печкѣ; но меня никакъ не отпускали отъ себя. День потеряли въ хожденіи по гостямъ. У покойнаго Лонгинова изба была свѣтлая, довольно просторная, но полъ глиняный. Всѣмъ была постель на полу, а я взобрался на печь, гдѣ, вспотѣвъ, я совершенно поправился въ здоровьи.

На другой день подъѣхали мы къ Екатеринославу. Но нужно было переѣзжать Днѣпръ паромомъ, а по рѣкѣ шелъ ледъ. Паромишка—дрянной, скопилось на немъ подводъ много. На всякій несчастный случай я приготовлялся спасаться въ плавь: для чего скинулъ шинель и ваточный шлафоръ; остался въ одномъ сюртукѣ. Какъ я не простудился тогда!

Въ Екатеринославѣ мы размѣстились по квартирамъ профессоровъ и учителей училища. Я съ кѣмъ-то остановился у учителя *Петрова*, кандидата богословія, замѣчательнаго тѣмъ, что онъ кончилъ курсъ 32-хъ лѣтъ; до 19 лѣтъ не зналъ грамоты, выучился ей въ кабакѣ, будучи тамъ подносчикомъ. Человѣкъ добрый [1]). У него тогда проживалъ отставной профессоръ, имѣвшій несчастье запивать. Онъ составилъ по Карамзину учебникъ по русской исторіи. Я читалъ рукопись и изумился въ ней краткости, живости изложенія и полнотѣ, но авторъ не имѣлъ ни гроша, чтобы отправиться на родину.—Тутъ я узналъ, что мѣстные воспитанники академіи, служившіе при семинаріи и училищѣ, подавали прошеніе на Херсонское смотрительство, и въ томъ числѣ Петровъ. Но Гавріилъ всѣмъ отказалъ.

Тогда духовныя училища непосредственно зависѣли отъ семинаріи въ учебномъ и экономическомъ отношеніи; почему на

---

[1]) *Алексѣй Діонисьевичъ Петровъ*, младшій кандидатъ Кіевской д. академіи 3-го курса (выпуска 1827 г.), былъ родомъ изъ Курской епархіи.

другой день я явился къ ректору семинаріи архимандриту *Іакову Вечеркову*, прежде извѣстному мнѣ по Орловской семинаріи [1]); затѣмъ къ инспектору *Кутузову*. Наконецъ явился къ архіерею Гавріилу съ обычнымъ трепетомъ и ужасомъ; не помню подробностей этого моего представленія; должно быть—я принятъ былъ безъ особенныхъ приключеній. Въ тотъ же день я увидѣлся съ землякомъ своимъ профессоромъ семинаріи *Павломъ Ивановичемъ Данковымъ*, котораго я видѣлъ въ Орловской семинаріи и въ академіи, когда онъ цѣлую треть ожидалъ мѣста. Онъ былъ *третьяго курса* Кіевской академіи. Не помню, онъ ли первый пришелъ ко мнѣ, или я къ нему, но хорошо помню, что я скоро перенесся къ нему на квартиру. Онъ былъ уже женатъ на дочери умершаго Катедральнаго протоіерея *Станиславскаго* и жилъ въ домѣ его [2]). Онъ женился на младшей дочери *Аннѣ Иванов-*

1) Архим. *Іаковъ Вечерковъ* былъ раньше инспекторомъ Орловской д. семинаріи, когда она находилась еще въ г. Сѣвскѣ. О немъ, какъ объ инспекторѣ, говорилъ нашъ авторъ выше въ своихъ запискахъ, но допустилъ хронологическую погрѣшность, представляя дѣло такъ, что будтобы Іаковъ поступилъ инспекторомъ въ Сѣвскъ *послѣ* инспектора *Степана Левицкаго*, окончившаго жизнь свою столь печальнымъ образомъ. А между тѣмъ Іаковъ былъ инспекторомъ Сѣвской семинаріи *прежде* Левицкаго, поступившаго на эту должность непосредственно уже послѣ Іакова—Іаковъ окончилъ курсъ С.-Петерб. д. академіи въ 1819 г. и былъ назначенъ въ томъ же году въ г. Сѣвскъ инспекторомъ семинаріи и профессоромъ въ ней церковной исторіи и еврейскаго языка. Въ 1820 г. онъ принялъ монашество (въ Сѣвскъ онъ пріѣхалъ еще въ свѣтскомъ званіи—съ именемъ *Іосифа*) и опредѣленъ былъ, кромѣ инспекторства въ семинаріи, еще ректоромъ Сѣвскихъ духовныхъ училищъ. Въ 1823 г. онъ былъ назначенъ ректоромъ семинаріи въ г. Екатеринославъ,—а его мѣсто въ Сѣвскѣ занялъ *Степанъ Левицкій*, который *именно въ этомъ 1823 г.* окончилъ курсъ С.-Петербургской д. академіи и потому, конечно, не могъ служить въ Сѣвскѣ раньше Іакова Вечеркова.—Нашъ авторъ допустилъ эту погрѣшность—потому, что писалъ свои записки въ глубокой старости и не могъ всего помнить въ точности. Но мы раньше не замѣтили этой ошибки и не исправили ея потому, что не имѣли подъ руками *послужного списка* Іакова Вечеркова. А теперь мы добыли этотъ списокъ.—Л. М.

2) Каѳедральный протоіерей Екатеринославскаго Успенскаго Собора, *Іоаннъ Іоанновичъ Станиславскій*, скончался въ 1827 г. на 67 году жизни своей. Съ 1783 г. по 1791 г.—онъ былъ учителемъ поэзіи и риторики въ епархіальной семинаріи Екатеринославской епархіи, которая (семинарія), какъ извѣстно, сначала помѣщалась въ г. Полтавѣ и въ которой учился знаменитый начинатель новой Украинской литературы *Иванъ Петровичъ Котляревскій*. Его-то и училъ поэзіи и риторикѣ учитель Станиславскій—Въ 1791 г. апрѣля 17-го Станиславскій произведенъ въ протоіерея къ соборной церкви—въ *Новые Кайдаки* (предмѣстье Екатеринослава); въ 1796 г. переведенъ въ Екатеринославъ къ соборной Успенской церкви; въ 1801 г. былъ посланъ въ Москву на коронацію депутатомъ отъ Екатеринослі. епархіи; съ 1817 г. былъ каѳедральнымъ протопопомъ—въ г. Екатеринославѣ.—Л. М.

нѣ, но оставалась старшая, *Варвара Ивановна*, которая жила съ сестрою пока нераздѣльно.

На третій день я присягнулъ на должность въ правленіи семинаріи. Это было деревянное зданіе, окна побитыя и залатанныя; была ли печка въ немъ, не могу сказать,—только оно было нетопленное. Флигелекъ ректора былъ не лучше старинной сѣвской квартиры его; въ немъ едвали было больше трехъ малыхъ комнатокъ.

На 4-й день узнаю, что инспекторъ Кутузовъ—своякъ Павла Ивановича: женатъ на средней дочери протоіерея Станиславскаго. Другая средняя была за учителемъ гимназіи, а старшая—за казначеемъ.

Когда я жилъ у Павла Ивановича, Варвары Ивановны не было дома. Спальня ея была заперта. Она жила у сестры своей, Кутузовой. Но вотъ насталъ постъ; чрезъ нѣсколько дней я былъ приглашенъ къ инспектору на именинный вечеръ. Тамъ были архіерей, ректоръ и многіе учащіе. Тамъ мнѣ Павелъ Ивановичъ указалъ сестру жены своей—*Варвару Ивановну*. Сначала показалась мнѣ она приличною и здоровою, но она вела себя не совсѣмъ скромно. Сидя въ гостинной маленькой, она слишкомъ громко хохотала и заглушала рѣчь архіерея. Я съ ней ничего не говорилъ. Но когда на другой день явилась она домой, я ей отрекомендовался, нашелъ ее скромною и приличною. Каждый день за чаемъ и обѣдомъ я наблюдалъ ея характеръ.

Живя въ квартирѣ Павла Ивановича, я на сторонѣ разспрашивалъ и разыскивалъ невѣстъ. Я видѣлъ дочь каѳедральнаго протоіерея *Моторнаго*—Машиньку. Это была полненькая, свѣженькая дѣвица, но ей было не больше 13 или 14 лѣтъ. О дочери *Дьяковскаго*, протоіерея, служившаго въ церкви при суконной казенной фабрикѣ, говорили, что и она еще несовершеннолѣтняя. Былъ я у протоіерея *Мартынова*, совершенно мнѣ не знакомаго, и просилъ совѣта: что мнѣ дѣлать въ моемъ положеніи?—„Чтобы не утерять мѣста, надобно скорѣе жениться",—сказалъ онъ.—Да вотъ невѣсты все не-совершеннолѣтнія,—говорилъ я.—Узнавъ, что мнѣ уже скоро 27 лѣтъ и что невѣста подъ руками, но не совсѣмъ нравится, т. е. не чувствую къ ней любви, онъ сказалъ: „Да кто женится по любви? Послѣ слюбливаются и привыкаютъ другъ къ другу. Женитесь на той, какую Богъ посылаетъ".

И такъ я предложилъ Варварѣ Ивановнѣ свое желаніе—желаніе жениться на ней, но не скрылъ отъ нея своей грудной

болѣзни,—и получилъ согласіе. Романа у насъ не было. Совѣтоваться не съ кѣмъ. Отца и матери нѣтъ у нея, мои—далеко... Сами согласились и сами объявили всѣмъ о своемъ рѣшеніи—и роднымъ, и чужимъ.—Чрезъ нѣсколько дней собрались родные моей невѣсты и поздравили насъ формально; не помню, было ли обрученіе, или какой-либо обрядъ, но я получилъ кольцо, а своего не могъ дать, потому что не имѣлъ. Тутъ я познакомился со всѣми родными невѣсты своей; то были: 1) старшая сестра ея *Елена Ивановна* и мужъ ея *Корній Ѳомичъ Шамраевскій*, губернскій казначей, люди почтенные; 2) средняя сестра—*Марья Ивановна* и мужъ ея *Романъ Николаевичъ Кутузовъ*, магистръ 2-го курса с.-петербургской духовной академіи, инспекторъ семинаріи и смотритель духовныхъ училищъ, предметъ зависти для служащихъ въ семинаріи и училищѣ и сплетенъ для студентовъ академіи, поступающихъ изъ Екатеринослава. Человѣкъ высокій ростомъ и тучный, строгій къ подчиненнымъ, но самъ по себѣ добрый [1]). 3) Другая средняя сестра *Наталья Ивановна*, бывшая прежде за секретаремъ приказа общественнаго призрѣнія и только-что вышедшая вновь за учителя гимназіи *Аристарха Матвѣевича Черкасова*, имѣвшаго отъ первой жены двухъ прелестныхъ малютокъ 5 и 3-хъ лѣтъ—дѣвочекъ, которыми я любовался, особенно послѣднею, напоминавшею мнѣ мою кіевскую невѣсту. 4) Меньшая сестра *Анна Ивановна* за извѣстнымъ уже намъ *Павломъ Ивановичемъ Данковымъ*, учителемъ и экономомъ семинаріи. Она отличалась отъ всѣхъ хорошимъ голосомъ и умѣньемъ пѣть; ростомъ высокая, носъ острый и длинный, глаза продолговатые и красивые.—Наталья Ивановна была худощавая и беззубая. Марья Ивановна—желтая съ впалыми глазами.—Худощавая и беззубая всѣхъ пережила и доселѣ (1877 г.) здравствуетъ.—О приданномъ не было толку. Отецъ, похоронивши жену, сдѣлалъ завѣщаніе, которымъ предоставлялъ не вышедшимъ замужъ Варварѣ и Аннѣ изъ всего имущества по двойной части. Духовное завѣщаніе было домашнее и безъ свидѣтелей; но оно принято было родными безспорно. Все это открылось мнѣ послѣ заручёнья. Но мною овладѣла такая апатія, что я относился къ этому дѣлу, какъ бы оно до меня не касалось.

---

[1]) *Романъ Николаевичъ Кутузовъ* былъ родомъ изъ Петербургской губерніи. Въ Екатеринославѣ онъ славился, какъ прекрасный преподаватель философіи - Л. М.

Я рвался на должность, но меня задерживали и не безъ причины. Предмѣстникъ мой въ Херсонѣ, протоіерей и кандидатъ *Наумовъ*, страдалъ чахоткою [1]). Дураки медики посовѣтовали ему Евпаторійскія грязи. Денегъ не было. Онъ, дождавшись іюля, получилъ изъ казначейства окладъ на содержаніе училища во второй половинѣ года. Вмѣсто того, чтобы вложить деньги въ кассу, хранившуюся, по тогдашнему порядку, въ церковномъ сундукѣ Херсонскаго собора, онъ взялъ ихъ съ собою. Инспекторъ Херсонскаго училища кандидатъ богословіи *Осипъ Никифоровичъ Михайловскій* [2]), по закону вмѣстѣ съ смотрителемъ завѣдывавшій суммами, не могъ предотвратить поступка смотрителя Наумова. Онъ подписалъ бумагу въ казначейство, но когда пришелъ къ смотрителю, чтобы вложить деньги въ кассу,— его уже не было въ Херсонѣ. Но не предвидя смерти смотрителя,—Михайловскій не доносилъ о поступкѣ его правленію семинаріи. И вотъ всю вину свалили на Михайловскаго. Должность смотрителя была временно поручена не ему, а старшему учителю *Турчановскому*, священнику собора. Деньги, конечно, смотритель не всѣ растратилъ, но безсовѣстная жена его припрятала и поспѣшила распродать все имущество мужа. Послѣ, имѣя двухъ дѣтей, вышла замужъ за товарища моего, кандидата *Семена Иларіон. Липинскаго*, человѣка въ высшей степени легкомысленнаго и безалабернаго.

Въ половинѣ декабря 1831 года я отправился въ Херсонъ. У меня были деньги; но какъ я въ разграбленномъ училищѣ долженъ былъ жить безъ жалованья, то не отказался отъ своей невѣсты принять 42 р. на случай.—Ѣхалъ я на почтовыхъ всю дорогу благополучно; только, въѣхавъ въ Херсонъ и проѣзжая мимо собора, опрокинулся. Сани наскочили на камень. Что это? Не предзнаменованіе ли чего худаго? Но тотчасъ самъ я устыдился своей мысли.—Первую ночь, кажется, провелъ я у Турчановскаго. На другой день ходилъ по классамъ, познакомился съ учителями. Ученіе шло по Уставу. Учители служили безъ жалованья и Богъ вѣсть чѣмъ жили; но какъ увѣрялъ Турчановскій, классовъ не опускали. Съ прибытіемъ моимъ они ожидали

---

[1]) Протоіерей *Стефанъ Наумовъ,* бывшій смотрителемъ Херсонскаго д. училища, былъ воспитанникъ *втораго курса* С.-Петербургской д. академіи (выпуска 1817 г.).

[2]) *Осипъ Никиф. Михайловскій*—былъ воспитанникъ *третьяго* курса Кіевской д. академіи [выпуска 1827 г.], а родомъ изъ Харьковской губ.

какой-нибудь милости отъ начальства; думали, что правленіе семинаріи исхлопотало новую ассигновку суммъ въ замѣнъ растерянныхъ. Не тутъ-то было. Я пріѣхалъ только раздѣлить ихъ бѣдствіе. Въ рапортѣ о бѣдственномъ состояніи училища я донесъ о примѣрномъ усердіи учителей и хорошихъ успѣхахъ учениковъ. Показавъ всѣмъ такой рапортъ, я старался хоть сколько-нибудь ободрить несчастныхъ...

Училище не имѣло своего собственнаго помѣщенія. Оно занимало флигель, принадлежавшій греческой церкви и нанимавшійся за 100 рублей. На наемъ употреблялась та сумма, которая отпускалась на содержаніе училища, на отопленіе, служителей и канцелярскіе расходы. Я склонялъ грековъ пожертвовать зданіе училищу; ихъ было семействъ шесть; но согласить ихъ трудно было. Они указали мнѣ на Корсунское подворье, которое легко можетъ быть пожертвовано богатымъ монастыремъ. Осмотрѣвъ двух-этажное зданіе этого подворья и мѣсто его, я нашелъ возможнымъ приспособить его къ училищу, если изъ зданія вынести никому не нужную домовую церковь, и только что распустилъ училище на Рождественскіе праздники, бросился въ Корсунскій монастырь собрать свѣдѣнія о подворьѣ и о возможности даромъ пріобрѣсть его для училища. За день до Рождества вечеромъ я прибылъ туда и остановился въ монастырской гостинницѣ. Въ гостинницѣ никого кромѣ меня не было, а между тѣмъ всѣ комнаты были отоплены и готовы были принять множество посѣтителей. Гостинница была за оградой монастыря. Мнѣ доставлено было все нужное. Утромъ часовъ въ 8 я былъ у настоятеля игумена *Тихона*. Это—простецъ, но благочестивый человѣкъ. Какъ великороссъ, я ему понравился. Онъ до того былъ со мною откровененъ, что разсказалъ мнѣ всю свою жизнь. Это былъ бѣлевскій или московскій купецъ—раскольникъ, очень богатый и имѣлъ большое семейство; но въ одну ночь лишился всего. Домъ, капиталъ и все семейство сгорѣли. Дворъ былъ кольцемъ, вымощенный досками, домъ—посреди двора. Пожаръ начался съ воротъ. Горѣли не только окружающіе домъ амбары, сараи, но въ самое жаркое время лѣта горѣла и самая земля во дворѣ. Его дома не было. Когда возвратился домой, ничего изъ имущества и никого изъ семейства не было! дочь съ зятемъ нашелъ обгорѣлыми въ сгорѣвшей банѣ; жену—въ ледникѣ, заваленную пепломъ въ сидячемъ положеніи и обхватившую дѣтей. Это заставило его бросить міръ и поселиться въ монастырѣ, который изъ раскольничьяго скоро сдѣлался единовѣрческимъ.—

Игуменъ не могъ подробно разсказать исторію монастыря. Но у меня, въ теченіе 7-лѣтней жизни моей въ Херсонѣ, на основаніи разсказовъ многихъ тогдашнихъ знатоковъ края, составилось такое понятіе о Корсунскомъ монастырѣ. Когда гнѣздо Крымскихъ разбойниковъ было разорено и Таврическій край вошелъ въ часть Россіи,—раскольничьи монахи искали въ немъ пріюта и основали скитъ; за ними шли другіе и вслѣдъ ихъ изъ всей Россіи текли пожертвованія, на которыя построился вмѣсто Скита монастырь съ церковію, келліями и обширною каменною оградою. Потемкинъ надѣлилъ монастырь огромнымъ количествомъ земли, въ составъ которой вошли и соленыя озера. Послѣднія скоро были отобраны въ вѣдомство казны за 40 тысячъ р. ассигнаціями ежегодной аренды въ пользу монастыря.—Корсунскій монастырь, по времени построенія, не много старше *Бизюкова монастыря*, и онъ былъ, вѣроятно, надѣленъ отъ Потемкина такимъ-же количествомъ земли, какъ и Бизюковъ. Но къ нему присосѣдился помѣщикъ *Куликовскій*. Корсунцы, какъ и Бизюковцы, не могли наблюдать за предѣлами земли, заключавшейся въ нѣсколькихъ *десяткахъ тысячъ* десятинъ. Но у Бизюкова монастыря не было такихъ сосѣдей, какъ Куликовскій, и у него изъ 27 тысячъ десятинъ, благодаря сохранившемуся Потемкинскому документу, осталось по крайней мѣрѣ 24 тысячи десят. А Корсунскій, во время моего пребыванія въ немъ, имѣлъ уже только тысячъ до 8 десятинъ. Бизюковъ отдавалъ тогда свои земли одному турку или турецко-подданному татарину за 600 р. с. А Корсунскій держалъ на своей землѣ воловъ отличнаго завода и ежегодно продавалъ ихъ до 200 штукъ.—Упомянутый Куликовскій похороненъ въ Корсунскомъ монастырѣ [1]).

Дѣло о подворьи рѣшено менѣе, чѣмъ въ 10 минутъ. Игуменъ охотно жертвовалъ его подъ училище—тѣмъ болѣе, что въ церкви его служили не монахи, а безприходные священники; а для пріѣзда монаха или послушника за покупками игуменъ оставлялъ одинъ изъ многихъ флигельковъ на дворѣ подворья.

---

[1]) Въ описываемое авторомъ время оба монастыря—и *Корсунскій,* и *Бизюковъ,* принадлежали къ епархіи Екатеринославской, которая вмѣщала въ себѣ тогда и нынѣшнія Херсонскую и Таврическую епархіи. Затѣмъ, по раздѣленіи въ 1837 г. Екатеринославной епархіи на двѣ самостоятельныя епархіи,—оба монастыря отошли къ новообразовавшейся епархіи Херсонской и Таврической.—Въ 1861 г., при образованіи новой самостоятельной Таврической епархіи,—Корсунскій монастырь отошелъ къ ней,—а Бизюковъ остался въ Херсонской епархіи. Корсунскій монастыръ находится вблизи города *Алешекъ,* Таврич. г., а Бизюковъ—вблизи г. *Берислава,* Херс. г.—Л. М.

Послѣ бесѣды съ игуменомъ, я съ нимъ пошелъ на часы. Часы подъ Рождество служились царскіе, по уставу. Церковь тогда была богатая серебромъ и золотомъ, иконами и утварью. Послѣ часовъ, простившись съ игуменомъ, я отправился въ обратный путь. Не доѣхавъ до Херсона 15 верстъ, я долженъ былъ переночевать въ селѣ *Тягинкѣ*—у священника. Священникъ былъ лѣтъ 50 и одинокъ. Тѣсный и бѣдный бытъ его поразилъ меня. Домъ его состоялъ изъ одной тѣсной и бѣдной хаты съ дворомъ, огороженнымъ навозомъ. Въ хатѣ была печь, столъ и около стола скамьи. Священникъ не имѣлъ чайнаго прибора. Я попросилъ хлѣба. Хлѣбъ былъ ни ржаной, ни пшеничный, а какой-то сѣрый и прѣсный. Попросилъ квашеной капусты; подано, но безъ масла; масла въ домѣ не было. Столъ былъ занятъ свиною тушею. Поставивъ блюдцо деревянное на скамьѣ, я немного поѣлъ хлѣба съ капустой и просилъ женщину постлать мнѣ на полу соломы. Священникъ предлагалъ соединить двѣ скамьи, а самъ полѣзъ на печь. Полъ былъ глиняный и мокрый,—но сухая солома, молодость и не-изнѣженность доставили мнѣ хорошій сонъ.—Впрочемъ—не много лучше жили и другіе сельскіе священники Херсонскаго уѣзда въ то время. Тогда и помѣщики, обладавшіе тысячью десятинъ, жили въ домахъ съ глиняными полами. Вѣдь это было въ 1831 г.

Проснувшись утромъ, я не видался съ священникомъ,—онъ былъ въ утрени,—отправился въ путь и прибылъ въ Херсонъ къ 9 часамъ; но былъ ли я въ обѣднѣ, или нѣтъ,—не помню. Въ 12 часовъ дня, не помню—съ рекомендательнымъ ли письмомъ отъ кого-то изъ Екатеринослава, или только съ поклономъ, я былъ у вице-губернатора *Брюхачева*. Былъ принятъ ласково и оставленъ обѣдать; но предъ самымъ обѣдомъ пришло съ крестомъ духовенство—и я, сидя въ гостинной, былъ очевидцемъ, съ какими подозрительными улыбками и даже смѣхомъ относились къ посѣтителямъ, горланившимъ въ залѣ праздничный тропарь и принимаемымъ хозяиномъ; даже въ выраженіи этого презрѣнія участвовали дѣти... Такъ и меня будутъ принимать,—подумалъ я. Но потомъ узналъ, что вице-губернаторша была католичка, а зятекъ ея, секретарь губернской канцеляріи—воспитанникъ Харьковскаго университета, имѣлъ не просвѣщенное, а развратное вліяніе на семейство. Объ немъ предстоитъ мнѣ еще говорить...

На новый годъ я былъ въ Соборѣ, стоялъ въ правомъ придѣлѣ. На мнѣ былъ фракъ и холодная шинелишка.—Когда куда

ѣхалъ, я сверху сюртука пододѣвалъ теплый шлафоръ и подпоясывалъ платкомъ. А тутъ я имѣлъ подъ фракомъ двѣ рубашки и двое подштаниковъ. Служба шла соборнѣ. Первенствовалъ протоіерей *Базилевичъ,* лѣтъ 55-ти въ зеленой скуфьѣ, которою награждать духовенство присвоилъ себѣ право Екатеринославскій Архіепископъ *Іовъ Потемкинъ.*—Базилевичъ—вдовецъ, человѣкъ скромный и бѣдный. На молебнѣ между городскимъ духовенствомъ первенствовалъ *Серединскій,* протоіерей привозной церкви. Онъ служилъ прежде въ военномъ духовенствѣ и имѣлъ камилавку. Все прочее духовенство городское было безъ отличій. Всѣ старались издали видѣть меня; но я ни съ кѣмъ не былъ знакомъ, кромѣ Турчановскаго.

Еще до Новаго года я трудился надъ приведеніемъ въ порядокъ Училищнаго Архива. Трудъ этотъ былъ не мой; но мнѣ совѣстно было требовать этого труда отъ Михайловскаго и Турчановскаго, которымъ не могъ сдавать дѣлъ покойный мой предмѣстникъ. Послѣ новаго года, когда была окончена мною эта работа, я остался безъ дѣла. Съ духовенствомъ я не хотѣлъ знакомиться, съ подчиненными я не хотѣлъ сближаться. Мною овладѣло сильное недовольство и невыносимая тоска. Зачѣмъ я поддался Иннокентію и забился въ такую даль; зачѣмъ не поѣхалъ учителемъ въ Орловское училише: пьяница—монахъ современемъ уступилъ бы мнѣ мѣсто. Главное—я могъ бы болѣе осмотрѣться; жениться не по необходимости и не съ такою поспѣшностію... Не помню, писалъ ли я изъ Херсона что-нибудь моей невѣстѣ? Но въ воображеніи моемъ носились дѣвицы—все въ родѣ Мѣдинцевой. Можетъ быть, я не женился бы на мѣщанкѣ, дочери пьяницы. Но всеже я имѣлъ бы время избрать другую, ей подобную; по крайней мѣрѣ—похожую на моихъ Мценскихъ двоюродныхъ сестеръ. Въ сестрахъ моей невѣсты я замѣтилъ отвращеніе къ духовному званію: что—если и моя суженая такихъ же мыслей?—Въ такихъ мрачныхъ размышленіяхъ проходило, или, правильнѣе, тянулось все время—до начатія ученія.

Послѣ Крещенія я познакомился, не помню какъ, съ протоіереемъ *Павловскимъ* и священникомъ *Дьяковскимъ.* Протоіерей Павловскій былъ 69 лѣтъ, вдовецъ, студентъ древней Екатеринославской Семинаріи [1]); служилъ сперва въ Никополѣ, малое

---

[1]) *Древняя* Екатеринославская семинарія — вотъ именно та, которая основана была въ г. Полтавѣ въ 1778 г. архіепископомъ *Евгеніемъ Булгарисомъ* и

время—въ Херсонскомъ Соборѣ; потомъ перемѣстился въ привозную церковь; простецъ, говорилъ чистымъ малороссійскимъ языкомъ. На него было донесено, что онъ повѣнчалъ дѣвицу, недостигшую 2 мѣсяцевъ до совершеннолѣтія. У дѣвки уже былъ годовой ребенокъ, а онъ все оставался подъ запрещеніемъ. Дѣло велось въ консисторіи и еще не послѣдовало рѣшенія, а на его мѣсто опредѣленъ былъ протоіерей Серединскій. Такъ тогда дѣйствовала консисторія, а можетъ быть—архіерей. Впрочемъ старикъ переносилъ несчастіе благодушно.—У него я познакомился съ священникомъ той же церкви *Ѳедоромъ Дьяковскимъ*. Всякій разъ когда этотъ Дьяковскій отправлялся почему-либо въ Екатеринославъ, онъ бралъ съ собою св. тайны, муро, ризы и нужныя для церковныхъ требъ книги. Онъ ѣхалъ обыкновенно по кошарамъ и хуторамъ и—куда ни пріѣзжалъ, работы прекращались; однихъ онъ исповѣдывалъ, другихъ вѣнчалъ, надъ умершими и погребенными безъ священника совершалъ погребеніе, *печаталъ*—по тогдашнему выраженію, не вышедшему изъ употребленія и доселѣ. Инымъ служилъ панихиды, другимъ—молебны. Поѣздка эта не только ничего не стоила ему, но даже обогащала его. Его дарили телятами и лошаками, и онъ оставлялъ ихъ у хуторянъ. Такъ, по дорогѣ въ Екатеринославъ у него считалось 13 лошадей на выпасѣ. Вотъ онъ-то доставилъ мнѣ средство даромъ возвратиться въ Екатеринославъ.—Выѣхалъ я на одной лошади Дьяковскаго, но по дорогѣ припрегъ въ указанныхъ мѣстахъ еще двѣ.

19 января, получивши ассигновку на первую половину 1832 года, я, по предварительно исходатайствованному разрѣшенію, выдалъ учителямъ за мѣсяцъ жалованье. Остальныя деньги сложилъ въ кассу, хранившуюся въ Соборѣ, и поспѣшилъ выѣхать въ Екатеринославъ.

Не помню, чтобы дорогою я заѣзжалъ къ кому изъ духовенства. Не доѣзжая до Екатеринослава верстъ 20-ти, я призналъ нужнымъ побриться. Зеркала не было, и едва мыла досталъ,—„Какъ же вы обходитесь безъ зеркала?“,—спрашиваю

по имени епархіи называлась сначала *Словенскою*, а потомъ уже (съ 1787 г.) переименована въ *Екатеринославскую*. Въ Полтавѣ она была до 1797 г., а потомъ была перемѣщена въ г. *Новоміргородъ* (нынѣ Херсонской губ.); и только въ 1803 г перешла въ г. Екатеринославъ, гдѣ и существуетъ въ настоящее время. Вотъ въ этой-то *древней* Екатеринославской семинаріи, помѣщавшейся въ Полтавѣ, и учился нашъ *Иванъ Петровичъ Котляревскій*. — Л. М.

семейство дома, въ которомъ я остановился. „Ну—прыщь появится на лицѣ, царапина или грязное пятно—какъ его увидать безъ зеркальца"?—„А мы смотримъ въ воду на сковородѣ",—отвѣчали мнѣ.—„Покажите мнѣ—какъ"? попросилъ я.—Женщина налила на черную сковороду воды и подала мнѣ. Глянулъ,—все видно, не надо зеркала,—и преблагополучно обрился.

По прибытіи въ Екатеринославъ, я нашелъ свою невѣсту довольною моимъ пріѣздомъ, и она мнѣ стала нравиться лучше чѣмъ прежде. Романъ Николаевичъ передалъ мнѣ хорошій отзывъ о первоначальной моей дѣятельности въ Херсонѣ. „Смотрите,—говорилъ онъ въ присутствіи многихъ,—недавно—изъ-за скамьи, а показалъ больше заботливости объ училищѣ, чѣмъ опытные его предшественники,—ѣздилъ въ Корсунскій монастырь и выпросилъ себѣ у игумена съ братіею подворье для училища. Такой прыткой!"—Когда же я представился архіерею, онъ принялъ меня сухо и хоть бы слово сказалъ о моихъ рапортахъ къ нему какъ о состояніи училища, такъ и о зданіи, необходимомъ для него, а сказалъ только: „ну—скорѣй женись, да прошеніе объ опредѣленіи къ Собору".

Я готовъ былъ къ вѣнцу хоть въ тотъ же день, а тутъ сестры невѣсты стали готовить свадьбу. Дни были тяжелые для меня. Нѣтъ дѣла, да и нѣтъ ни одной книжки почитать. Кажется, семинарія не выписывала ни одного журнала. Я ни къ кому не ходилъ; до самой свадьбы не видался ни съ однимъ товарищемъ.

Разъ зазвалъ меня *Θеодоритъ* іеромонахъ, экономъ архіерейскаго дома, тотъ самый, который былъ экономъ и въ Орлѣ и строилъ тамъ семинарію. Это было вечеромъ; только-что подавъ былъ чай; пришелъ и домашній секретарь архіерея—*Николаевскій*, кажется—тотъ же, что былъ и въ Орлѣ. Они со мною обходились, какъ съ землякомъ. За чаемъ, по тогдашнему обычаю, слѣдовали пунши. Они стали намекать на то, что если бы я, по пріѣздѣ изъ Академіи, прямо обратился къ нимъ, они бы со мной объѣздили всю епархію и достали бы лучшую невѣсту, и архіерей бы принялъ участіе. Я имъ напомнилъ участь орловскихъ красавицъ, и какъ 16-лѣтняя красавица, дочь кафедральнаго орловскаго, въ первый мѣсяцъ бѣжала съ офицеромъ. И старался склонить разговоръ на постройку орловской Семинаріи, любимый предметъ Θеодарита, на выгодное положеніе Орловскаго архіерейскаго дома почти-что въ самомъ городѣ и на множество церквей и семействъ духовныхъ, чѣмъ пробудилъ воспоминанія

Никелаевскаго. Послѣ третьяго пуньша начались [illegible] откровенныя воспоминанія объ орловской жизни, [illegible] кто изъ нихъ больше служилъ видамъ архіерея и [illegible] архіерейскаго дома, наконецъ—ссоры. Между похвальбами [illegible] выбрехали всю секретную домашнюю жизнь архіерея. „Не я ли,—кричалъ Ѳеодоритъ, досталъ Владыкѣ мальчика *Ваню Дрокова?* Вѣдь онъ теперь не дыхнетъ безъ него [1]). А ты только знаешь свои карманы набивать". Эти откровенныя рѣчи и ссоры ведены были впрочемъ съ цѣлію показать мнѣ, что оба они — самыя ближайшія лица къ архіерею. Наконецъ они учили меня, какъ взять духовенство въ руки. Я не отставалъ отъ нихъ въ числѣ стакановъ пунша, но развратныя рѣчи ихъ постоянно вытрезывали меня я видѣлъ, что архіерей—тотъ же, что былъ въ Орлѣ, нисколько не перемѣнилъ своего поведенія. Только въ обращеніи сталъ мягче, можетъ быть лукавѣй... Я видѣлъ, что мнѣ придется зависѣть отъ мерзавцевъ, окружающихъ его. Хмѣль падалъ мнѣ на грудь, и я возвратился на квартиру съ головною болью, и на утро почувствовалъ сильную тяжесть въ груди. Вечеромъ я признался невѣстѣ, что у меня и неперестаетъ боль въ груди и что я не надѣюсь долго жить. Я говорилъ это по искеннему убѣжденію. Я тогда не догадывался, что грудь больна собственно отъ полнокровія.

Насталъ день вѣнчанья моего. Я рѣшился провести его въ постѣ, размышленіяхъ, молитвѣ,—и для того просилъ у Романа Николаевича кабинета. Кабинетъ въ его домѣ мнѣ уступленъ былъ. Здѣсь предался я размышленіямъ; молитвы не было на сердцѣ, но слезы навертывались на глазахъ. Спасибо,—никто не мѣшалъ мнѣ, Марья Ивановна собиралась на свадьбу, притирая желтое лице свое и наряжая куклами своихъ дѣтей. Саша и Коля вышли прелестныя дѣти, я очень любовался ими. Часовъ въ 5 пополудни, умывъ лице, я возвратился въ домъ невѣсты Тамъ все было готово; но дѣло стало за каретою, Наконецъ прибыла карета съ крупною вдовою—Генеральшею Хотя церковь

---

[1]) *Иванъ Дроковъ* былъ воспитанникъ архіеп. *Гавріила Розанова,* который впослѣдствіи сдѣлалъ его своимъ келейникомъ и домашнимъ секретаремъ. Въ Одессѣ нѣкоторые старожилы изъ духовенства еще хорошо помнятъ любимца Гавріилова — *Ивана Дрокова.* Изъ Одессы онъ перешелъ съ Гавріиломъ и въ Тверь; но послѣ Гавріилъ пристроилъ его на службу гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Гавріилъ любилъ вообще воспитывать при себѣ сиротъ мальчиковъ и послѣ выводить ихъ въ люди. Л. М.

была черезъ дорогу и противъ воротъ, но, послѣ обычнаго благословенія, невѣсту усадили съ свахами въ карету; я поѣхалъ съ Данковымъ впередъ. Вѣнчалъ протоіерей *Моторный*. Я не замѣчалъ, какъ невѣста старалась занести ногу за порогъ церкви первою,—я съ благоговѣніемъ принималъ таинство брака и рѣшился не отвергать обычаевъ края, а покоряться имъ. Посему я позволилъ привязать свою руку къ рукѣ невѣсты.—По окончаніи таинства и принятіи поздравленій отъ присутствовавшихъ,—я пошелъ съ женою въ экипажъ. Шляпы? Шляпы нѣтъ; сѣлъ въ карету и безъ шляпы. Встрѣча по обычаю съ иконою и хлѣбомъ съ солью. Кажется, мы не заняли перваго мѣста на диванѣ въ гостинной, а разсѣлась тамъ генеральша, доставившая карету. Послѣ чая, по обычаю—танцы; послѣ танцевъ—ужинъ. Я покорился всѣмъ требованіямъ обычая, подслащалъ гостей поцѣлуями своей жены. Но я не позволилъ, чтобы кто-либо сопровождалъ меня къ брачному ложу.—На свадьбѣ была одна хорошенькая дѣвица, бѣдная нѣмка *Вильгельмина*, и она тутъ нашла себѣ жениха въ лицѣ *Василія Алексѣевича Лонгинова* [1]). Я любовался болѣе дѣтьми Кутузовыми, Черкасовыми; были дѣвочка Моторная и Шамраевская. Я тогда ничего не желалъ, какъ чтобы у меня были такія дѣти, какъ Кутузовы и Черкасовы.

На утро—въ 12 часовъ—свадебный обѣдъ. На третій день я и жена ѣздили къ архіерею съ свадебнымъ пирогомъ Но недогадливые родственники не распорядились, чтобы ему поднесть и матеріи на рясу, а онъ ожидалъ и этого, какъ можно было замѣтить. Впрочемъ приняты были довольно ласково.

На 4-й день я поѣхалъ къ архіерею съ прошеніемъ о посвященіи меня во священники къ Херсонской соборной церкви

---

[1]) *Василій Алекс. Лонгиновъ,* магистръ Кіевской д. академіи, товарищъ по курсу автора сихъ *записокъ*. Онъ былъ назначенъ профессоромъ словесности въ Екатеринославскую семинарію и ѣхалъ изъ Кіева въ Екатеринославъ вмѣстѣ съ авторомъ, какъ объ этомъ послѣдній разсказывалъ выше. Впослѣдствіи онъ оставилъ духовно-учебное вѣдомство и перешелъ на свѣтскую службу въ Петербургъ, гдѣ въ Горномъ вѣдомствѣ министерства финансовъ дослужился высокихъ чиновъ и орденовъ. — Сынъ его *Аркадій Васильевичъ Лонгиновъ,* извѣстный современный русскій археологъ. Онъ живетъ теперь въ Одессѣ и занимаетъ мѣсто предсѣдателя департамента Одесской судебной палаты, а вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ дѣятельнѣйшимъ членомъ Одесскаго общества исторіи и древностей. Рецензіи на историко-археологическія сочиненія Арк. Вас. Лонгинова помѣщались и въ *Кіевской Старинѣ* (такъ см. 1883 г. № 9 и 10; 1886 г. № 5). Въ настоящее время этотъ трудолюбивѣйшій русскій археологъ занятъ изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ остальныхъ вопросовъ о поэмѣ *слово о полку Игоревѣ* Л. М.

—на протоіерейскую вакансію. Я не подписался въ прошеніи *послушникомъ*; но это не годилось,—и меня остановили; я подписался *послушникомъ*. Тогда *Николаевскій* открылъ мнѣ, что Преосвященный очень не доволенъ былъ тѣмъ, что на репортѣ по дѣламъ училищнымъ я не подписался: *нижайшій послушникъ* —„Да! что будетъ съ дѣломъ о зданіи для училища?",—спросилъ я Николаевскаго—„Да едвали что,—отвѣчалъ онъ. „Владыка самъ начнетъ это дѣло когда—нибудь. Онъ сказалъ „Ишь, безъ него не знали Корсунскаго подворья!."—Дѣло объ училищномъ зданіи такъ и брошено было.—Подворье существуетъ и доселѣ: тамъ служитъ священникъ, объѣдая и ограбляя соборный приходъ...

Оставалось до великаго поста двѣ недѣли. Мнѣ слѣдовало принять санъ діаконскій въ мясопустную недѣлю; но родственники хотѣли, чтобы я проводилъ масляницу еще свѣтскимъ, не въ рясѣ, которая была имъ противна, но въ куцой одеждѣ—фракѣ, и черезъ Кутузова обдѣлали, что посвященіе мое въ діаконы отложено до недѣли сырной. Первая недѣля прошла въ жраньѣ и питьѣ, по очереди—то у той, то у другой сестры; а масляница сверхъ того и въ катаньи. Но послѣ вечеровъ оставался цѣлый день, который нечѣмъ было наполнить. Книгъ не было, занятій тоже. Мои мысли были заняты уже Херсонскимъ училищемъ; все думалъ я, что и какъ тамъ; писалъ къ Турчановскому, писалъ къ Софроновичу; отвѣта не было ни отъ того ни отъ другого. Душа просила дѣятельности.—Прошли тяжелыя двѣ недѣли. Въ недѣлю сырную я благоговѣйно принялъ санъ діаконскій, а въ первую недѣлю поста Пресвитерскій. Въ минуты посвященія я смотрѣлъ на Гавріила какъ на преемника апостольскаго служенія и какъ на орудіе Духа Святаго, и не помнилъ его человѣческихъ слабостей. Во время посвященія во священника я былъ переполненъ чувствами благоговѣнія къ дару священства, который принималъ, и едва удерживалъ слезы... Только тормошеніе при облаченіи охладило меня. И къ чему спѣшить? Эта поспѣшность показываетъ только пренебреженіе служащихъ къ священному дѣйствію, и уэкономливается не больше полъ-минуты времени. Торжественно и трогательно было для меня то священнодѣйствіе, когда, по совершеніи Таинъ тѣла и Крови Христовой, часть перваго вида архіерей вручилъ мнѣ—для того, чтобы я держалъ его въ рукахъ позади престола до времени причащенія. Архіерей говорилъ при этомъ: „Се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра! пріими залогъ сей и сохрани его до послѣдняго твоего

издыханія!"—Эти слова послужили мнѣ содержаніемъ и рѣчи, которую я сказалъ архіерею, при выходѣ его изъ алтаря по окончаніи службы, стоя предъ амвономъ. Рѣчь была краткая, выражена была въ краткихъ изреченіяхъ и произнесена была съ чувствомъ. Въ ней я выразилъ важность залога, врученнаго мнѣ, обѣщалъ сохранить его до послѣднихъ минутъ издыханія и, признавая свою немощь, просилъ святительскихъ молитвъ. Голосъ мой громкій и разстроенный обратилъ вниманіе многихъ. Товарищи по академіи не узнавали меня, „Откуда сіе бысть?", говорили они. Духовные говорили: „слишкомъ просто и далеко отъ правилъ церковнаго краснорѣчія." Мнѣніе архіерея осталось неизвѣстнымъ, но онъ не могъ не думать: „всего только кандидатъ, а не Баккалавръ, ни профессоръ академіи, котораго я желалъ бы имѣть въ своей епархіи".

Возвратившись домой, я уже не цѣловалъ ручекъ у дамъ, поздравлявшихъ меня. Въ извиненіе говорилъ имъ: „теперь я не тотъ, что былъ; теперь не танцую и не могу цѣловать рукъ у васъ.

Мнѣ назначено было служить не въ городѣ, а полторы версты за городомъ, въ церкви архіерейскаго дома. Прежде, когда я былъ свѣтскимъ, то обыкновенно въѣзжалъ въ архіерейскій дворъ и подъѣзжалъ къ самому дому, отстоящему отъ воротъ на 80 саженей. Теперь экипажа моего во дворъ не пускаютъ, а требуютъ, чтобы я шелъ по двору пѣшій. Покорился—пошелъ пѣшій; на половинѣ двора подбѣгаютъ ко мнѣ и требуютъ, чтобы я шелъ безъ трости. Воротился, отдалъ трость кучеру. Думаю, потребуютъ еще, чтобы снялъ и верхнюю теплую шубу?—Нѣтъ, дозволили снять ее въ прихожей. Такъ я цѣлую недѣлю ѣздилъ на утреню, часы и вечерню. Спасибо за то, что послѣ этихъ Богослуженій не посылали въ комнаты архіерея за благословеніемъ. Но послѣ преждеосвященныхъ литургій я ходилъ и поклонялся въ ноги и принималъ благословеніе отъ архіерея, а въ субботу —и съ просфорою. Монахъ, слѣдившій за моимъ служеніемъ, не смотря на то, что я ни на іоту не отступалъ отъ устава, находилъ ошибки и безпрестанно тормошилъ меня, особенно на преждеосвященной литургіи и литургіи Златоустаго. Іеромонахъ этотъ не зналъ устава, а зналъ все по практикѣ. „Когда отверзается завѣса и когда царскія врата? Какъ бы мнѣ видѣть все это въ уставѣ, или въ Богослужебныхъ книгахъ?"—спросилъ я разъ у него.—„Это надо узнать изъ практики",—отвѣчалъ онъ. Тоже онъ сказалъ о молебнѣ и панихидѣ и заставилъ меня списывать

эктиніи—и заздравныя и заупокойныя.—Какъ-то я заглянулъ на оглавленіе устава и нашелъ тамъ объ отверзтіи церковной завѣсы; прочитавъ эту статью,—указываю ее монаху. Чтожъ? Онъ обидѣлся.—Просилъ я богослужебныхъ книгъ для просмотра,—не далъ. Да на клиросѣ и не было ихъ, кромѣ *Тріоди постной, цвѣтной* и *большого псалтыря* при *часословѣ*. Ни *октоиха*, ни *мѣсячныхъ миней* въ церкви не было. Да я тогда не только не зналъ содержанія ихъ, но и не слыхалъ объ ихъ существованіи. Такъ приготовляли меня къ священнической должности 16 лѣтъ!...

Монахъ худо отозвался о знаніи моемъ въ Богослуженіи и мнѣ назначена была другая недѣля. По 3-мъ воскресеньи мнѣ объявили, чтобы я бралъ священническую грамоту и хлопоталъ въ консисторіи объ указѣ на мѣсто. Священническая грамотка взята и въ ней прописано, что я посвященъ въ іерея къ Херсонской Соборной церкви на вакансію протоіерея. Архіерей сказалъ мнѣ: „Вотъ послужишь,—произведемъ въ протоіереи."—Я передалъ это домашнимъ; всѣ взбудоражились. „Какъ? ѣхать священникомъ и настоятелемъ къ церкви, при которой есть въ числѣ служащихъ протоіерей?! да протоіерейство можетъ быть отложено въ долгій ящикъ!... Такъ говорили мои домашніе.

Черезъ два дня Романъ Николаевичъ Кутузовъ пришелъ и крехтя сказалъ: „ѣдемъ къ архіерею, попытаемъ счастья."—Когда вошли мы къ архіерею, я поклонился ему, какъ священникъ въ ноги. Гляжу—и Романъ Николаевичъ съ огромнымъ пузомъ валится наземь. Архіерей бѣжитъ къ нему и, поднимая его, говоритъ: „къ чему это?"—„Окажите отеческую милость,—крехтя и кашляя отвѣчалъ Кутузовъ и объяснилъ просьбу.—„Да пусть бы хоть оброс волосами да попривыкъ къ священническому званію", говорилъ Гавріилъ.—Не помню, какіе примѣры представлялъ Кутузовъ, но наконецъ архіерей, обратилсь ко мнѣ, сказалъ: „Ну, ужъ готовься въ протоіереи на воскресенье!" я поклонился въ ноги и поцѣловалъ руку. Кутузовъ себѣ, поднимаясь со стула, протягиваетъ руки къ землѣ. Архіерей не позволяетъ ему кланяться, но остается совершенно довольнымъ. Сталъ ласково говорить съ Кутузовымъ о постороннихъ предметахъ.

Съ сіяющимъ лицемъ Кутузовъ возвратился домой и назвалъ Варвару Ивановну *Протоіерейшей*. Та покраснѣла до ушей отъ восторга. А я грустно высматривалъ. Униженіе, какому подвергался изъ-за меня Кутузовъ, тяжкимъ бременемъ лежало на душѣ моей. Я даже не благодарилъ Романа Николаевича. Вы-

ходитъ: я не заслужилъ протоіерейства, а вымолилъ его поклонами, купилъ самоуничиженіемъ, подлостію...

Дѣйствительно, въ воскресенье 4-й недѣли Великаго поста архіерей произвелъ меня въ протоіереи и, кажется, въ тотъ же день родственники мои давали ему обѣдъ. Я, по наставленію своихъ руководителей, ѣздилъ по членамъ консисторіи и отвезъ голову сахару и фунтъ чаю секретарю консисторіи *Неводчикову*. Неводчиковъ принялъ меня очень радушно, угощалъ чаемъ— и я видѣлъ его малюткомъ и, можетъ быть, нынѣшняго издателя „Одесскаго Воскреснаго Листка“ о. *Николая Васильевича Неводчикова* [1]).

Наступало время дѣлежа наслѣдства и сборовъ моихъ къ отъѣзду въ Херсонъ. Вещи подѣлены между наслѣдниками тотчасъ по смерти отца—и въ томъ разѣ не соблюдено было завѣ-

---

[1]) *Николай Вас. Неводчиковъ*, сынъ секретаря Екатеринославской д. консисторіи, воспитанникъ Екатеринославской д. семинаріи, а затѣмъ—московской д. академіи (выпуска 1844 г.), личность въ духовномъ и литературномъ мірѣ очень замѣчательная. Служа въ г. Одессѣ священникомъ,—онъ былъ основателемъ въ 1860 г. и затѣмъ около 10 лѣтъ сряду фактическимъ редакторомъ „Херсонскихъ Епархіальн. Вѣдомостей“,—гдѣ много помѣстилъ статей, особенно по мѣстной исторіи. Въ 1876 г. онъ основалъ собственный духовный журналъ въ Одессѣ подъ названіемъ „Одесскій Воскресный Листокъ“, существовавшій два года. Въ 1880 г. онъ постригся въ монашество—съ именемъ *Неофита* н вскорѣ посвященъ былъ во епископа Елисаветградскаго; въ 1883 г.—переведенъ на епископскую каѳедру въ Туркестанъ; въ 1892 г.—назначенъ архіепископомъ кишиневскимъ. Въ 1898 г. уволился на покой и имѣетъ теперь мѣстопребываніе въ г. [illegible] Бессар. губ.—Есть одна еще замѣчательная подробность въ біографіи преосв. Неофита Неводчикова. По окончаніи академическаго курса, онъ былъ нѣсколько лѣтъ (съ 1844 ло 1851 г.) домашнимъ секретаремъ у извѣстнаго писателя и филантропа *Александра Скарлатовича Стурдзы*, жившаго въ Одессѣ. И такъ какъ Стурдза былъ знакомъ съ Гоголемъ,—то и Ннк. Вас. Неводчиковъ познакомился съ великимъ нашимъ писателемъ, когда этотъ послѣдній былъ въ Одессѣ въ 1848 г. и навѣщалъ Стурдзу. Неводчиковъ имѣлъ даже переписку съ Гоголемъ.— Впослѣдствіи онъ напечаталъ свои воспоминанія о знакомствѣ съ Гоголемъ въ „Библіографич. Запискахъ“ 1859 и 1861 гг.—Подробности обо всемъ этомъ смотр. въ „Матеріалахъ для біографін Н. В. Гоголя“, изд. В. И. *Шенрокомъ*, т. VI, стр. 697.—См. также „Пнсьма Н. В. Гоголя“ подъ редакціею В. И. Шенрока— изд. А. Ф. Маркса—т. IV, стр. 324.—Кромѣ того, у Н. В. Неводчикова хранится дневникъ одной образованной дамы, которая была сначала гувернантной въ семействѣ проживавшаго тогда въ Одессѣ князя В. Н. Репнина (брата извѣстной покровительницы Т. Г. Шевченка княгини *Варвары Николаевны Репниной*, которая тоже жила тогда, т. е. въ началѣ 50-хъ гг. XIX в.; въ Одессѣ), а потомъ сестрой милосердія въ общинѣ сердобольныхъ сестеръ, основанной въ Одессѣ А. С. Стурдзою въ 1850 г. Въ своемъ дневникѣ эта дама записывала всѣ подробности пребыванія Гоголя въ Одессѣ, въ гостяхъ у Репниныхъ. Копію этого днев-

щаніе его. Младшія дѣти, не вышедшія тогда замужъ, не получали по двойной части, а по ровной. Странно подѣлили библіотеку, не по названіямъ и цѣнности книгъ, а по томамъ и величинѣ книгъ, такъ что томы одного и того же сочиненія очутились въ рукахъ многихъ.—Теперь дѣлились деньги, лошади, экипажи и распредѣлялись крѣпостные люди. У протоіерея Станиславскаго было до 20 душъ этихъ людей. Деньги заключались въ наличныхъ и векселяхъ, а какъ Кутузовъ оставилъ за собой домъ въ 4000 р., то къ деньгамъ наличнымъ присоединена и эта сумма. Наслѣдниковъ было семеро: пять дочерей и два брата—одинъ умершій, а вмѣсто его наслѣдникъ; и какъ двѣ дочери получали по двойной части, то деньги дѣлились на 9 частей. Изъ цѣны за домъ и наличныхъ Варвара Ивановна получила 1300 р., или около того. Не помню, на сколько было векселей; но всѣ они были на имя моей жены.. Эти векселя при ссорѣ по всѣмъ правамъ должны были остаться собственностію Варвары Ивановны. Но она и я не подумали объ этомъ, хотя хорошо знали это. Варвара Ивановна представила ихъ роднымъ. Ихъ, кажется, было до 5 тысячъ цѣною. Такъ какъ дѣла по заемнымъ письмамъ хорошо понималъ Корнѣй Ѳомичъ, то ему сообща и дали довѣренность взыскивать. Спустя годъ онъ два раза присылалъ намъ въ Херсонъ деньги—разъ 300 р., другой—150 р.; но полнаго отчета никому не далъ. Мнѣ дали рессорную

ника Н. В. Наводчиковъ (то есть нынѣ *архіепископъ Неофитъ*) сообщилъ г. Шенроку и этотъ послѣдній напечаталъ ее въ *Русскомъ Архивѣ* 1900 г.—во 2-мъ №.—См. брошуру покойнаго проф. *Алексѣя Иван. Маркевича*: „Гоголь въ Одессѣ", оттискъ изъ 88 тома „Записокъ Императ. Новороссійскаго Университета", стран. 32. См. также письмо къ А. И. Маркевичу князя *Ник. Вас. Репнина*, нынѣшняго Кіевскаго губернскаго предводителя дворянства, напечатанное въ XXVI т. „Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей" (въ *протоколахъ* общества).—Кстати замѣтимъ здѣсь, что изъ дневника именно упомянутой дамы видно, какъ Гоголю нравились проповѣди архіеп. *Іакова Вечеркова* (бывшаго инспектора орловской семинаріи въ Сѣвскѣ). Объ этомъ также упоминаетъ и княжна *Варвара Ник. Репнина* въ своихъ воспоминаніяхъ о Гоголѣ, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1890 г. (кн. 10-я).—Архіепископу Неофиту Неводчикову идетъ въ настоящее время 86-й годъ отъ роду; но онъ еще бодръ и еще живы въ немъ умственные и литературные интересы. Подобно тому, какъ въ молодости своей онъ любилъ писать стихи на религіозныя темы и печаталъ ихъ въ дѣтскихъ журналахъ извѣстной писательницы *Александры Осип. Ишимовой* (въ „Лучахъ" и „Звѣздочкѣ"),—такъ и теперь онъ еще пишетъ стихи—но не для печати, а только лишь въ письмахъ къ своимъ искреннимъ друзьямъ и пріятелямъ.—Л. М.

бричку, огромныя дрожки. Изъ прислуги—*Никифора* съ женою его, нянькою Варвары Ивановны, и дочерью ихъ 8 лѣтъ; и старую, но отличную лошадь.

На 5-й недѣлѣ Вел. поста я собрался въ дорогу. Въ бричку нанялъ двухъ лошадей, двѣ въ телегу, а своя лошадь употреблена была на перевозъ дрожекъ. На телегѣ уложено было въ сундукѣ имущество и посуда.—Варвара Ивановна съ горькими слезами оставила родину и родныхъ; а я радъ былъ, что развязался съ Екатеринославскими хлопотами. Очень былъ веселъ и цѣлую дорогу на досугѣ обдумывалъ свою вступительную проповѣдь.

Весенняя росталь захватила меня въ дорогѣ. Рѣчку Каменку едва могъ переѣхать. Во Вшивой ночевалъ у ипохондрика священника Смирнова, который вмѣстѣ съ женою отъ души вѣрили, что мужикъ ихъ обошелъ.—Въ Херсонъ по грязи едва добрался въ пятницу на 6-й недѣлѣ Вел. Поста. Квартира, по довѣрію моему, нанята была за 240 р. въ годъ, не слишкомъ далеко отъ собора и училища. Она была небольшая, кухня подъ зданія. Я съ собою привезъ всѣ принадлежности кухни и стола. Купилъ только стульевъ 6-ть и кровать.—Бросился въ училище и велѣлъ распустить учениковъ на Праздникъ Пасхи.

Къ исторіи еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ половинѣ XIX ст.

Правительство Императора Николая I, какъ извѣстно, весьма заботились о привлеченіи еврвеъ къ занятію—хлѣбопашествомъ. По этому случаю, были издаваемыя распоряженія, но наиболѣе подробно этомъ вопросъ былъ разработанъ особымъ еврейскимъ комитетомъ и выработанная имъ инструкція высочайше утверждена 19 августа 1852 г. Коснемся ея въ существенныхъ чертахъ, упуская формальную сторону, порядокъ подачи прошеній, дѣлопроизводства и т. п. Инструкція эта касается переселенія евреевъ на казенныя и владѣльческія земли во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ имъ дозволено постоянное жительство.

Переходъ въ земледѣльческое состояніе въ западныхъ губерніяхъ дозволялся и евреямъ, состоящимъ на очереди рекрутской повинности, но съ тѣмъ только, чтобы они переходили цѣлыми семействами. Въ Новороссійскій край, куда поселяли евреевъ изъ полтавской губерніи, могли переходить евреи только по окончаніи рекрутскаго набора, если, понятно, до этого объявленія не было получено разрѣшенія на это переселеніе. Чѣмъ можно объяснить такое изъятіе закона для западныхъ губерній, сказать трудно. Остается предположить, что въ виду многолюдства евреевъ въ этихъ губерніяхъ правительство было болѣе заинтересовано выселеніемъ ихъ изъ западнаго края. Евреямъ было предоставлено право просить объ отводѣ имъ казенныхъ земель изъ пустопорожнихъ и оброчныхъ, по собственному избранію, но только в мѣстахъ, разрѣшенныхъ для ихъ поселенія. Земли, розданыя евреямъ, считались состоящими въ пользованіи общества, на нихъ поселеннаго, и онѣ не могли быть ни продаваемы, ни отданы в аренду. Такого рода сдѣлки считались недѣйствительными. Евреи малороссійскихъ губерній могли селиться только въ Новороссійскомъ краѣ, т. е. въ губерніяхъ екатеринославской, херсонской и таврической, гдѣ имъ отводи-

лось на каждое семейство отъ 20 до 40 дес. Отъ каждой губерніи разрѣшалось переселять до 100 семействъ ежегодно. Всѣ евреи, изъявившіе желаніе переселиться, сопровождались чиновникомъ губернатора, при чемъ переселявшіеся въ Херсонскую губернію, направлялись в колонію Большой Нагартовъ, а переселенцы въ екатеринославскую губернію—въ колонію Грунау, маріупольскаго округа. Въ этихъ двухъ пунктахъ имѣли пребываніе „попечители еврейскихъ поселеній“, которые и распредѣляли между прибывшими евреями участки земли Чиновникъ, прибывшій съ поселенцами, сдавалъ ихъ подъ росписку попечителя. Правительство, организуя еврейскія поселенія, не ассигновывало средствъ своихъ на это дѣло, а отнесло эти расходы на суммы коробочнаго сбора, вносимаго самими евреями. На каждое семейство назначалось по сту рублей для постройки дома и по 75 р. въ ссуду на пріобрѣтеніе скота, продовольствія, покупку орудій и сѣмянъ. Выдавались эти ссуды съ разсрочкой на 10 лѣтъ, безъ процентовъ. Помимо этого, евреямъ, переселяющимся въ Новороссійскій край, выдавалось еще по 5 р. на каждое семейство для составленія вспомогательнаго капитала. Забота о болѣе успѣшномъ и, по возможности, единовременномъ устройствѣ домовъ и хозяйства возложена была на мѣстныя власти, при участіи самихъ поселенцевъ. Въ западныхъ губерніяхъ, надо сказать, для этой цѣли были образованы губернскіе комитеты подъ начальствомъ губернатора. Въ составъ его входили вице-губернаторъ, управляющій и совѣтники хозяйственныхъ управленій палаты государственныхъ имуществъ. Дѣлопроизводитель этого комитета получалъ изъ суммъ коробочнаго сбора отъ 150 до 200 р. жалованья въ годъ,

Евреи-поселенцы пользовались большими льготами. Они освобождались на 10 лѣтъ отъ платежа податей и натуральныхъ повинностей. Этого мало. Имъ прощались всѣ недоимки; если же сумма ихъ въ точности не могла быть опредѣлена, то изъ общей суммы недоимокъ, лежавшихъ на обществѣ, слагалась сумма по раскладкѣ, причитающаяся на каждую ревизскую душу. По прошествіи же льготнаго срока, евреи-земледѣльцы должны уже вносить подати и отправлять повинности, налагаемыя закономъ на государственныхъ крестьянъ. Кромѣ этого, евреи-земледѣльцы освобождались отъ рекрутской повинности въ теченіе 25 лѣтъ.

Правительство, видимо, было сильно заинтересовано въ дѣлѣ привлеченія евреевъ къ занятію земледѣліемъ. Помимо

означенныхъ льготъ, оно установило награды, какъ поощрительную мѣру. Награды были: похвальный листъ, денежныя выдачи, преміи, форменные кафтаны, почетные кафтаны, серебряныя и золотыя медали. Получить послѣднія было не легко; слишкомъ серьезны были требованія Серебряную медаль могъ получить только тотъ, кто въ теченіе 5 лѣтъ занимался земледѣліемъ „съ огородными овощами“ и засѣвалъ не менѣе 6 десятинъ, имѣлъ собственные плуги съ волами или лошадьми, сѣялъ коноплю и ленъ и пріобрѣлъ болѣе 20 штукъ рогатаго скота и не менѣе 100 овецъ. Помимо этого, онъ долженъ былъ посадить на своемъ участкѣ не менѣе 50 деревьевъ.

Получившій серебряную медаль могъ разсчитывать получить и золотую, но для этого надо было удвоить за тотъ же періодъ посѣвъ, предобрѣтеніе скота и т. под.

Установленіемъ наградъ правительство хотѣло поощрить самихъ евреевъ къ тому, чтобы они привлекали своихъ единовѣрцевъ къ переселенію и занятію земледѣліемъ; за такое привлеченіе въ награду обѣщано было званіе личнаго и потомственнаго гражданина. Но для полученія этого званія требовалось много; такъ получить медаль и званіе личнаго почетнаго гражданина могъ лишь тотъ еврей, который на свой счетъ поселить 25 семействъ. снабдивъ ихъ скотомъ, сѣменами и всѣми хозяйственными принадлежностями, необходимими для веденія хозяйства. Для полученія почетнаго потомственнаго гражданства необходимо было оборудовать хозяйство 50 семействъ.

Всѣ евреи поселенцы обязаны были на второй годъ своего поселенія завести огородъ на одной десятинѣ, а на шестой годъ —на трехъ десятинахъ и пріобрѣсти достаточное количество рабочаго скота, земледѣльческихъ орудій и годовое продовольствіе для себя и скота. Для обработки полей они могли нанимать рабочихъ только изъ своихъ единовѣрцевъ, но не изъ христіанъ. Если начальство замѣчало, что еврей нерадиво занимается хозяйствомъ, то онъ отдавался подъ надзоръ мѣстнаго начальства съ запрещеніемъ отлучки изъ своего мѣста жительства, пока не устроить своего хозяйства. Если же по истеченіи 6 лѣтъ, еврей, по нерадѣнію своему, не устроитъ его, чѣмъ будетъ, конечно, тягостенъ своему обществу, такъ какъ не въ состояніи будетъ исправно платить податей, то онъ исключается изъ сельскаго состоянія и члены семейства, физически здоровые, отдаются въ военную службу. Полученныя же за нихъ квитанціи обращаются въ продажу и вырученная сумма пріобщается къ общему капи-

талу, предназначенному для поселенія евреевъ въ этомъ краѣ. Хозяйства евреевъ періодически подвергались осмотру лицъ, назначенныхъ властью. Для поддержанія этихъ хозяйствъ и развитія ихъ, евреямъ разрѣшалось учреждать вспомогательныя кассы, для чего выдѣлялась часть коробочнаго сбора въ такомъ количествѣ, чтобы на каждую душу причиталось по 1 р. с. Этихъ же евреевъ—поселенцевъ правительство желало привлечь къ разведенію красильныхъ, торговыхъ, аптекарскихъ растеній, для чего, если кто пожелалъ бы заняться этимъ, отпускались безвозмездно сѣмена. За уменьшенную плату они могли получить и тонкорунныхъ овецъ.

Съ цѣлью усовершенствованія еврейскихъ хозяйствъ и ознакомленія евреевъ съ болѣе раціональными способами земледѣлія, попечительный комитетъ обязанъ былъ избрать нѣсколькихъ молодыхъ людей и отправить ихъ на ближайшую ферму или въ школу садоводства для ознакомленія ихъ съ хозяйствомъ, въ разсчетѣ, что они будутъ руководителями въ еврейскихъ поселеніяхъ. Молодыхъ людей, избранныхъ для этой цѣли въ западныхъ губерніяхъ, предписывалось отправлять въ Горигорецкое земледѣльческое училище (на 100 семействъ одного, но не болѣе 30). На расходы отпускать по 175 р. на каждаго съ доходовъ отъ земли, принадлежащей евреямъ-колонистамъ. Но евреи, какъ извѣстно, болѣе склонны къ занятію торговлей, промыслами. Правительство, издавая эти указанія, предусмотрѣло и это. Поощряя занятіе земледѣліемъ, оно воспрепятствовало колонистамъ, особенно въ первое время, занятіе торговлей и разрѣшило имъ заводить лавки, лабазы и другія торговыя заведенія только въ мѣстахъ ихъ поселенія. Разрѣшалось имъ здѣсь имѣть малыя фабрики, домашнія заведенія, на которыхъ выробатывались крестьянскія сукна, холстъ, пестрядь и т. п. Эти произведенія, какъ и продукты хозяйства, евреи могли возить для продажи лишь въ свой уѣздный городъ и на ярмарки своего и смежныхъ уѣздовъ, но не далѣе 30 верстъ отъ мѣстъ своего поселенія. По прошествіи 3-хъ лѣтъ, со времени своего водворенія, колонисты могли уже свободно развозить свои товары и произведенія внутри общей ихъ осѣдлости. И только послѣ 25 лѣтъ пребыванія въ колоніи имъ дозволялись всѣ роды промысловъ, какъ по торговымъ свидѣтельствамъ, такъ и безъ нихъ. Такою постепенностью отличались условія, въ которыя была поставлена торговая дѣятельность евреевъ, въ разсчетѣ, что евреи, проживъ уже достаточное число лѣтъ, не бросятъ хозяйства, трудомъ нажитаго,

Прибавимъ, что въ первые три года своего поселенія евреямъ не дозволялось иначе отлучаться изъ своихъ селеній, какъ только по паспортамъ, и то съ дозволенія смотрителей. Переходъ евреевъ-поселенцевъ въ другія сословія не былъ воспрещенъ, но былъ обставленъ условіями, равносильными запрещенію. Въ случаѣ такого перехода, еврей обязанъ былъ возвратить выданныя ему пособія, уплатить подати за протекшее льготное время, а также и сложенную съ него недоимку, и если онъ былъ освобожденъ и отъ рекрутчины, то теперь долженъ былъ отбыть ее. Кромѣ того, переходъ допускался только семьями, а не по одиночкѣ. Въ случаѣ перехода въ мѣщанское сословіе, требовалось еще согласіе того общества, къ которому еврей хотѣлъ приписаться. Всякій еврей-колонистъ, оставившій колонію, признавался неблагонадежнымъ и навсегда терялъ право вновь вернуться въ нее.

Законъ дозволялъ евреямъ селиться и на владѣльческихъ земляхъ, а также и на земляхъ своихъ единовѣрцевъ, и въ такомъ случаѣ имъ выдавалось до 85 р. на каждое семейство, но выдавалось лишь за поручительствомъ владѣльца, на землѣ котораго селились колонисты, удостовѣрявшаго, что казенное пособіе будетъ использовано согласно назначенію. Такіе евреи-колонисты были въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ или, точнѣе сказать, мѣстнаго губернскаго правленія и земскихъ судовъ. И губернскому правленію было предписано строго слѣдить за такими поселенцами, „чтобы не скрывалось съ симъ обмана передъ правительствомъ и чтобы евреи не прибѣгали къ земледѣльческому званію, какъ къ средству воспользоваться предоставленными симъ положеніемъ льготами безъ занятія земледѣліемъ".

На такихъ колонистовъ были распространены законоположенія, какія были изданы и для евреевъ, поселявшихся на казенныхъ земляхъ.

Евреи, поселяемые на казенныхъ земляхъ, не въ правѣ былъ отдавать ихъ въ аренду христіанамъ, за что всякій разъ взимался штрафъ втрое противъ суммы, за какую была отдана въ аренду земля. Поселяемые евреи образовывали сельское общество и могли заботиться о призрѣніи престарѣлыхъ, больныхъ, объ уничтоженіи бродяжничества и учрежденіи заведеній, гдѣ бы бродяги могли найти работу и содержаніе [1]). Дозволялось имѣть имъ и коробочный сборъ, съ-издавна существующій у евреевъ.

---

[1]) Полт. Гор. арх. 1852., № 216.

Коробочный или такъ наз. „кружечный сборъ" былъ подвергнутъ правительственной регламентаціи въ 1839 году; когда и было издано о немъ законоположеніе. Коробочный сборъ считался принадлежностью всего еврейскаго общества и долженъ былъ служить „для пособій и облегченій еврейскихъ обществъ, при уплатѣ податей, въ водвореніи и поддержаніи въ обществахъ внутренняго порядка и благоустройства въ дѣлахъ благотворительности, общественнаго образованія и призрѣнія".

Отъ этого сбора никто изъ евреевъ не освобождался. Раздѣлялся онъ въ то время на общій и повсемѣстный, съ предметовъ, которые подвергаются ему во всѣхъ еврейскихъ обществахъ, и частный или вспомогательный.

Первому подлежитъ сборъ за убой скота, за „рѣзь" птицы и продажу коширнаго мяса. Таксу за убой скота и птицы опредѣляло само еврейское общество, созывавшееся по распоряженію городской думы.

Интересны цѣны, наложенныя за убой скота и „рѣзь" птицъ. Мы имѣемъ данныя за 1840 г. о цѣнахъ, установленныхъ кагаломъ г. Полтавы. За убой рогатаго скота взималось 33 коп., съ молодой скотины 16 к., съ стараго барана 8 к., съ молодого 5 к., съ гуся 4/7 к., съ индюка 6/7, съ индѣйки 4/7, съ голубя и курицы по 2/7 к., съ пуда коширнаго мяса 46 к. сер.

Второму, частному или вспомогательному сбору, подлежали: сборъ съ производства евреями торга или промысла по губерніямъ, доходъ за наемъ лавокъ, амбаровъ, съ шитья еврейской одежды, со всякаго верхняго мужескаго и женскаго платья, стоимостью болѣе 10 р., съ содержимыхъ евреями шинковъ, трактировъ, билльярдовъ, штрафы и пени за несоблюденіе правилъ о коробочномъ сборѣ, извѣстный процентъ съ капиталовъ умершихъ евреевъ и съ еврейскихъ бань съ „купальнями въ нихъ (мыквисъ") [1]. Въ 1848 г. по высочайшему новелѣнію былъ установленъ повсемѣстно единообразный взносъ за ношеніе ермолокъ по 5 р., что и поступало въ коробочный сборъ. (До этого времени взималось въ разныхъ мѣстахъ различно—отъ 3 до 5 руб.

Коробочный сборъ обыкновенно отдавался на „откупъ" на четыре года, и въ Полтавской губерніи его брали чаще всего сами евреи. Сумма сбора по губерніи назначаема была правитель-

[1]) Полт. Гор. арх. № 5926.

ствомъ, и еврейскія общества сами дѣлали разверстку этой суммы по числу ревизскихъ душъ. Коробочный сборъ въ 1845—1849 г.г. во всей Полтавской губерніи составлялъ 9193 р. 95 к. На Полтаву была назначена сумма сборовъ 955 р.; а евреевъ тогда числилось въ городѣ 1053 души, но изъ нихъ 1017 ч. жило въ городѣ, а остальные внѣ его. Въ послѣдующіе годы сумма сбора была нѣсколько больше. Мы имѣемъ данныя за 1853 годъ, первый годъ по изданіи новаго законоположенія о переселеніи евреевъ. Всѣхъ еврейскихъ обществъ въ губерніи было 18. Слѣдующая таблица указываетъ на число евреевъ въ Полтавской губерніи по уѣздамъ и количество взноса ими коробочнаго сбора отъ каждой ревизской души.

ОБЩЕСТВА.	Число душъ.	На одну душу.
Полтавское	1201	58 к.
Гадячское	495	13 „
Глинское	84	5 „
Градижское	415	8 „
Золотоношское	706	13 „
Зѣньковское	253	16 „
Кременчугское	2460	41 „
Крюковское	437	15 „
Константиноградское	137	7 „
Лубенское	205	39 „
Миргородское	44	56 „
Переяславское	1128	17 „
Пирятинское	376	15 „
Прилукское	774	29 „
Роменское	547	30 “
Хорольское	220	22 “
	10299	

Къ этому сбору должно отнести и такъ наз. частный или вспомогательный сборъ. Въ 1845—49 г.г. были установлены кагаломъ слѣдующіе взносы или, лучше сказать, распредѣленіе по числу ревизскихъ душъ. На уплату податей, на пособіе бѣднымъ, престарѣлымъ, увѣчнымъ и др. по 58¾ к. съ души, на содержаніе синагогъ, больницъ, богадѣленъ и общественныхъ бань съ купальнями по 22 к., въ замѣнъ нѣкоторыхъ натуральныхъ

повинностей по $2^1/_2$ к. Этотъ сборъ, вмѣстѣ съ предъидущимъ и составлялъ коробочный сборъ и въ 1853 г. онъ равнялся 14698 р. по всей губерніи [1]).

Въ 1847 г. былъ еще установленъ сборъ на переселеніе евреевъ на казенныя и помѣщичьи земли по $9^3/_4$ к. сер., что указываетъ на стремленіе правительства и ранѣе изданныхъ правилъ, изложенныхъ выше, привлекать евреевъ къ поселенію на казенныя деньги въ Херсонскую губернію. Законъ 1852 г. подробно только регламентировалъ вопросъ о переселеніи и предоставилъ большія льготы въ сравненіи съ предъидущимъ. И дѣйствительно, въ 1847 г. администрація предложила еврейскому обществу объявить своимъ членамъ, не пожелаетъ ли кто переселиться въ Херсонскую губернію. Въ Полтавѣ заявило желаніе переселиться 30 семействъ, но они поставили непремѣннымъ условіемъ возвратить ихъ сыновей, отбывавшихъ военную службу. Но эта просьба не могла быть удовлетворена: она противорѣчила закону 12 мая 1847 года, которымъ это запрещалось. Такъ и не состоялось въ томъ году переселеніе евреевъ. Въ слѣдующемъ году губернское правленіе вновь сдѣлало запросъ о желающихъ переселиться въ ту же губернію, но еврейское общество, созванное думой, „по разнымъ неудобствамъ" отказалось, такъ какъ многіе въ семействахъ были на очереди по отбыванію воинской повинности и по „малочисленности душъ" въ семействѣ, въ которыхъ не было роботниковъ [2]).

Едва ли послѣднее обстоятельство было причиной; видимо, не было желанія предпочесть земледѣлію исконную привычку къ торговлѣ и промысламъ. И къ новому закону 1852 г., давшему большія льготы переселенцамъ, евреи отнеслись довольно равнодушно: онъ не привлекъ много желающихъ.

Губернское правленіе, получивъ новую инструкцію о переселенцахъ, 24 ноября 1852 года предписало городскимъ думамъ и ратушамъ губерніи созвать еврейскія общества и предложить переселиться для занятія земледѣліемъ въ Новороссійскій край.

---

[1]) Для надзора за этими сборами и вообще за евреями, при послѣднемъ малороссійскомъ генералъ-губернаторѣ генералѣ Кокошкинѣ, была учреждена должность „чиновника особыхъ порученій по еврейскимъ дѣламъ"; эту должность занималъ раввинъ Модіевскій, получавшій жалованья 200 р. с. въ годъ изъ суммы коробочного сбора всей губерніи. Въ самомъ г. Полтавѣ, въ 1852 г. коробочный сборъ былъ 1720 р., въ 1847 г.—975 р.

[2]) Полт. Гор. арх. 1847, № 6662.

Заявило желаніе изъ Полтавы нѣсколько семействъ, а вмѣстѣ съ уѣздами 25. Завязалась о нихъ очень длинная переписка. Необходимо было знать число членовъ каждой семьи, число работниковъ, а также имѣть свѣдѣнія, не состоятъ ли они подъ судомъ или слѣдствіемъ и т. п.

Когда шла объ этомъ переписка между губернскимъ правленіемъ и уѣздными учрежденіями, были объявлены по случаю крымской войны два рекрутскихъ набора съ мѣщанъ-евреевъ Полтавской губерніи, первый—съ 1 ноября по 1 декабря 1853 г. и второй—съ 1 марта по 15 августа 1854 г. Опять возобновилась переписка, такъ какъ необходимо было знать, кто изъ пожелавшихъ переселиться находился на очереди по отбыванію рекрутской повинности,—обстоятельство, не принимавшееся въ разсчетъ при переселеніи евреевъ изъ западныхъ губерній. Наконецъ, по выясненіи числа поселенцевъ, надо было озаботиться устройствомъ для нихъ домовъ, что было на обязанности попечительнаго комитета; нужно было войти съ предложеніемъ о высылкѣ денегъ этому комитету, а для этого завязалась переписка съ казенной палатой. Тѣмъ временемъ многіе изъ пожелавшихъ переселиться успѣли оставить полтавскую губернію, иные умерли, другіе попали подъ слѣдствіе, чѣмъ теряли право на поселеніе на казенныхъ земляхъ, и въ концѣ концовъ только 5 семействъ (53 д.), по предписанію казенной палаты, поселены были на казенной землѣ въ екатеринославской губерніи. [1]).

Въ настоящее время отъ бывшихъ еврейскихъ земледѣльческихъ колоній сохранились еще поселенія евреевъ въ маріумпольскомъ уѣздѣ, гдѣ они продолжаютъ заниматься земледѣліемъ, но сколько ихъ въ настоящее время, мы не знаемъ.

И. Фр. Павловскій.

---

1) Пол. Гор. арх. 1853, № 216.

Новый храмъ въ старомъ украинскомъ стилѣ.

(Къ рисунку).

На сѣверовосточной окраинѣ полтавской губ., въ трехъ верстахъ отъ границы харьковской, по склону горы праваго берега Псла расположено небольшое село Плѣшивецъ, гадячскаго уѣзда. Существовавшая въ немъ старая деревянная церковь, построенная еще въ концѣ XVIII ст., къ началу XX в. настолько обветшала, что оказалось необходимымъ соорудить новую. Задумавши это дѣло, жители с. Плѣшивца обратились къ своему односельчанину, епископу Парѳенію, викарію московской епархіи (нынѣ епископъ подольскій и брацлавскій) съ просьбою помочь имъ въ изготовленіи проекта будущаго храма и въ изысканіи средствъ на постройку его. Преосвященный Парѳеній, будучи уроженцемъ с. Плѣшивца (отецъ его, священникъ Андрей Левицкій, 30 лѣтъ священствовалъ въ этомъ селѣ). съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ просьбѣ своихъ земляковъ и, имѣя обширный кругъ знакомства среди московскихъ архитекторовъ, обратился къ ихъ содѣйствію и получилъ отъ нихъ много эскизовъ каменной церкви во всевозможныхъ стиляхъ; но всѣ проекты, хотя и отличались разными достоинствами, не отвѣчали желаніямъ преосвященнаго Парѳенія. Однажды онъ уже совсѣмъ было остановился на проектѣ очень красивой архитектуры въ итальянскомъ стилѣ, но увидѣлъ этотъ проектъ извѣстный художникъ В. М. Васильцовъ и высказался о немъ такъ: „Не слѣдуетъ на русской землѣ иностранную вещь строить". Послѣ того преосвященный встрѣтилъ у извѣстнаго изслѣдователя по исторіи Запорожья Д. И. Эварницкаго фотографическій снимокъ запорожскаго храма въ г. Новомосковскѣ и остановился на мысли строить церковь въ такомъ именно стилѣ, потому что видъ запорожской церкви живо напомнилъ ему съ дѣтства знакомыя черты архитектуры украинскихъ храмовъ. Проектъ былъ разработанъ московскимъ художм-

никомъ-архитекторомъ И. С. Кузнецовымъ и подъ его руководствомъ и наблюденіемъ началась съ осени 1902 г. постройка церкви, а въ іюлѣ 1906 года совершилось ея освященіе.

Такъ возникъ на территоріи Полтавщины новый архитектурный памятникъ, представляющій собою настоящую достопримѣчательность не только по своимъ художественнымъ достоинствамъ, какъ безукоризненно-прекрасное, стильное, оригинальной красоты зданіе, но главнымъ образомъ—какъ первый опытъ художественнаго воспроизведенія національнаго украинскаго зодчества.

Выборъ образца для него нельзя не признать весьма удачнымъ. На территоріи Украины, преимущественно на правой сторонѣ Днѣпра, немало еще сохранилось старинныхъ церквей, въ архитектурѣ которыхъ ярко выражены типическія черты древняго украинскаго стиля; но тотъ знаменитый запорожскій храмъ, который послужилъ моделью для новосозданной церкви с. Плѣшивца, справедливо признается высшимъ и совершеннѣйшимъ образцемъ національнаго украинскаго творчества въ церковностроительномъ дѣлѣ. Не даромъ народное преданіе о его сооруженіи украшено легендарными чертами, напоминающими древнее благочестивое сказаніе о построеніи великой церкви Кіево-Печерскаго монастыря. Разсказываютъ, что когда жители запорожской слободы Новоселицы (что нынѣ г. Новомосковскъ) задумали въ 1773 г. построить у себя церковь, то приглашенный ими мастеръ изъ Водолаги Яковъ Погребнякъ сначала предложилъ имъ проектъ пятиглаваго храма, фасадъ котораго онъ тутъ же и начерталъ на дорожкѣ, въ саду ктитора, гдѣ происходило совѣщаніе, а когда заказчики усомнились, съумѣетъ ли онъ выстроить такую „знатную“ церковь, то подзадоренный этимъ Погребнякъ похвалился:

— Я вамъ, батьки, и не такую еще съумѣю построить: я сдѣлаю вамъ церковь съ девятью банями (верхами)!

О такой церкви запорожцы еще и не слыхали, да такой и не было тогда въ цѣлой Украинѣ; но эскизъ ея, тутъ же начертанный Погребнякомъ, крѣпко имъ понравился, и они заключили съ нимъ договоръ на постройку именно такой церкви. Но когда совершена была закладка храма, въ присутствіи кошевого атамана и другой сѣчевой старшины, и нужно было приступить къ самой постройкѣ, Погребнякъ неожиданно исчезъ и гдѣ-то скрывался въ теченіе нѣсколькихъ дней. Ктиторъ, Павелъ Ѳедо-

ровичъ Коржевскій, начиналъ уже безпокоиться, какъ вдругъ Погребнякъ такъ же неожиданно появился предъ нимъ.

— Ну, вотъ она вамъ, вся тутъ!—сказалъ онъ, не поздоровавшись даже съ хозяиномъ.—Берите ее, глядите!

Съ этими словами онъ подалъ ктитору модель церкви съ девятью верхами, сдѣланную изъ болотнаго оситняка.

— Вижу, вижу, Господь тебѣ помогай! сказалъ Коржевскій.— Все оно такъ, какъ ты говорилъ. Гдѣ жъ это ты былъ, Божій человѣкъ?

— Бѣжалъ я,—отвѣтилъ Погребнякъ,—въ наши самарскіе камыши и залегъ въ нихъ, а думка моя точно спорила сама съ собою: то „выстрою", то „не выстрою"—безпрестанно вертѣлось у меня въ головѣ. Подумаю, доведу вотъ, кажется, до самыхъ верховъ, смотришь—какой-либо сучокъ либо задоринка и останавливаетъ; пройдешь то и другое, дойдешь почти до крестовъ— кроква въ крокву (стропила) не приходится: одно гнетъ, другое претъ, того гляди—все полетитъ къ низу. Я совсѣмъ ослабѣлъ душею и тѣломъ, измучился одною только думкою, точно Богъ знаетъ какую великую тяжесть ворочалъ на плечахъ. Лежалъ я въ очеретахъ, недалеко отъ нашего николаевскаго монастыря; и вотъ, обратившись лицомъ къ монастырю, помолился я св. Николаю и такъ усердно, какъ будто всѣ мои сокрушенія разомъ вылились въ одно прошеніе и молитву. Послѣ молитвы я заснулъ и спалъ, помню, долго; заснулъ чуть не въ обѣднюю пору, а проснулся—солнце было на два дуба надъ землею. И вѣрно, угодникъ Божій услышалъ грѣшную мою молитву: во снѣ видѣлъ я св. Николая сѣдымъ старикомъ, и онъ указалъ мнѣ, какъ строить этотъ храмъ Божій, да такъ ясно, какъ будто теперь вижу его передъ очами. Я всталъ бодрый и свѣжій и началъ, какъ во снѣ указано мнѣ было, плести эту церковь изъ оситняку, и вотъ, какъ видите, сдѣлалъ.

Какъ видно, Погребнякъ былъ не заурядный строитель, а истинный художникъ, въ душѣ вынашивающій свое созданіе и цѣною душевныхъ мукъ добывающій для него соотвѣтственный образъ. Созданный имъ храмъ справедливо признается замѣчательнымъ памятникомъ архитектуры XVIII ст., носящимъ на себѣ яркую печать національнаго генія [1]).

---

[1]) Рисунокъ этого храма помѣщенъ въ 1 т. „Кіев. Старины" за 1888 годъ и повторенъ въ I вып. „Древностей Украины".

Но строитель запорожскаго храма, при всей своей геніальности, не создалъ въ сущности ничего новаго, индивидуальнаго: онъ лишь талантливо скомбинировалъ готовыя формы церковнаго зодчества, давно выработанныя на югѣ Россіи и въ его время повсемѣстно распространенныя на всей территоріи, занятой украинскимъ племенемъ, отъ Дона до Карпатъ. Уцѣлѣвшіе памятники этого оригинальнаго зодчества лишь въ недавнее время подверглись точному, систематическому изученію со стороны спеціалистовъ по архитектурному искусству, и теперь уже имѣются строго научныя изслѣдованія по данному предмету, вполнѣ устанавливающія фактъ существованія національнаго украинскаго церковнаго стиля и выясняющія его существенныя черты и особенности. Кто хотѣлъ бы ближе познакомиться съ этимъ предметомъ, тому можно рекомендовать недавно вышедшее въ свѣтъ (въ 1905 г.) изданіе Моск. Археологическаго Общества „Древности Украины“, вып. I, гдѣ подробно описано болѣе 30 старинныхъ украинскихъ храмовъ, со множествомъ рисунковъ и чертежей, и предпослано превосходное изслѣдованіе проф. кіев. университета по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ Г. Г. Павлуцкаго объ украинскомъ церковномъ зодчествѣ [1]). Въ виду новизны предмета и малой распространенности названнаго изданія, мы позволимъ себѣ привести здѣсь главныя положенія, извлеченныя изъ труда почтеннаго профессора.

Церковно-строительное искусство перешло на Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Византіи. Но на востокѣ не было другихъ храмовъ, кромѣ каменныхъ, между тѣмъ обиліе на Руси лѣса и недостатокъ камня побуждали строить здѣсь по преимуществу деревянныя церкви, для которыхъ Византія не могла дать образцовъ; поэтому, наряду съ каменной архитектурой въ византійскомъ стилѣ, здѣсь развивается самобытное деревянное зодчество, носящее на себѣ печать народнаго творчества, причемъ на сѣверѣ оно постепенно вырабатываетъ однѣ архитектурныя формы, а на югѣ—другія. Нельзя, конечно, сказать съ надлежащею точностью, какой именно архитектурный видъ имѣли

---

[1]) Кромѣ ст. проф. Павлуцкаго, укажемъ еще на два недавно появившіяся интересныя изслѣдованія, посвященныя тому же предмету: 1) „Исчезающій типъ деревянныхъ церквей“, протоіерея Е. Сѣцинскаго (въ X т. Трудовъ Подольскаго церк. историко-археологич. Общества) и 2) „Деревляні церкви на Україні і їх типи“, В. Щербаковскаго (въ VI кн. Записокъ Наукового Товариства імени Шевченка за 1906 г.). Оба эти изслѣдованія, какъ и трудъ проф. Павлуцкаго, снабжены многочисленными снимками старинныхъ украинскихъ церквей.

тѣ деревянныя церкви, какія самъ Владимиръ св., по словамъ лѣтописи, „повелѣ рубити и поставляти по мѣстамъ, идѣже стояху кумиры“; судя, однако, по миніатюрамъ древнерусскихъ рукописей, гдѣ нерѣдко встрѣчаются изображенія трехкупольныхъ храмовъ, можно полагать, что основныя черты украинскаго церковнаго стиля должны восходить къ глубокой древности. О томъ же свидѣтельствуютъ и сохранившіяся до нашего времени старинныя украинскія церкви. Хотя всѣ онѣ не древнѣе XVIII и рѣдко XVII ст., но ихъ архитектура представляетъ настолько законченную, выработанную цѣльность стиля, что возникновеніе его, безъ всякаго сомнѣнія, нужно отнести къ гораздо болѣе древнему времени. Въ частности, сохранившіяся на Украинѣ пятиглавыя деревянныя церкви всѣ относятся къ XVIII ст.; однако такіе именно храмы вызываютъ искренній восторгъ у сирійскаго путешественника Павла Алеппскаго, посѣтившаго Украину вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, патріархомъ антіохійскимъ Макаріемъ, въ половинѣ XVII ст. Вообще этотъ умный и любознательный наблюдатель съ восхищеніемъ отзывается о видѣнныхъ имъ на Украинѣ каменныхъ и деревянныхъ церквяхъ, изумляется ихъ красотѣ, хвалитъ искусство и замысловатость „козацкихъ“ мастеровъ и съ такими подробностями описываетъ наиболѣе понравившіеся ему храмы, что въ нихъ нетрудно найти всѣ типическія черты національнаго украинскаго зодчества, достигшаго, какъ видно, къ тому времени полной законченности формъ и стиля.

Теперь посмотримъ, въ какихъ же формахъ выразился національный типъ украинской церковной архитектуры?

Внѣшность украинскаго храма отличается простотой и отсутствіемъ какихъ-либо наружныхъ украшеній. Это придаетъ ему строгій характеръ и рѣзко отличаетъ его отъ велико-русскаго храма, въ архитектурѣ котораго играютъ важную роль разныя декоративныя украшенія, въ родѣ рундуковъ, крылецъ, кокошниковъ и т. под. Тѣмъ не менѣе, въ цѣломъ, украинскій храмъ отличается стройнымъ и изящнымъ видомъ, въ немъ ярко выражена опредѣленная идея: люди создали здѣсь простой и задушевный памятникъ своему религіозному чувству, которое стремится къ небу. Въ этомъ порывѣ, стремленіи къ небу, вылилась вся малорусская архитектура; во всѣхъ линіяхъ и формахъ явно обозначилось направленіе въ высоту.

Украинскія церкви лишены фасадовъ, то есть того, что въ другихъ христіанскихъ храмахъ, напр. романскихъ, готическихъ,

составляетъ красу архитектуры. Разсматривая многокупольный украинскій храмъ, не видишь сразу, гдѣ его передній фасадъ и сколько сторонъ и куполовъ или башенъ имѣетъ зданіе. Обойдя лишь вокругъ церкви и избравъ удобную точку зрѣнія, начинаешь понимать, что эти странныя своеобразныя формы расположены симметрично и красиво.

Господствующимъ типомъ украинской архитектуры является трехкупольная церковь, состоящая изъ трехъ срубовъ, соединенныхъ по направленію отъ востока къ западу. Это—самая распространенная и, по всей вѣроятности, самая древняя форма южнорусскаго храма. Изрѣдка встрѣчающіяся однокупольныя старинныя церкви на Украинѣ (хотя все-таки съ тремя основными срубами), по всей вѣроятности, представляютъ лишь упрощеніе трехкупольной формы [1]). Дальнѣйшимъ развитіемъ ея являются церкви пятикупольныя, съ крестообразнымъ планомъ, распространенныя на Украинѣ уже въ половинѣ XVII ст. Наконецъ, въ XVIII ст. возникаетъ еще болѣе сложная форма храма о девяти главахъ, планъ котораго представляетъ нѣчто въ родѣ восьмиугольной звѣзды. Дальше расширять эту систему уже невозможно, такъ какъ дальнѣйшей ступенью въ ея развитіи была бы 13-купольная церковь; но постройка такого лабиринта (и притомъ изъ дерева) встрѣтила бы непреодолимыя техническія затрудненія, такъ какъ, по основнымъ требованіямъ украинской архитектуры, купола ставятся не на кровлѣ храма, гдѣ попало, но каждому куполу соотвѣтствуетъ основной срубъ, служащій ему основаніемъ.

Фигура основанія этихъ срубовъ не всегда бываетъ одна и та же; иногда она имѣетъ видъ четыреугольника съ прямыми или отрѣзанными углами, а иногда — фигуру восьмиугольника. Надъ каждымъ срубомъ, при помощи кровельныхъ узкихъ заломовъ, утверждается меньшій восьмиугольный срубъ (такъ называемый восьмерикъ), поверхъ котораго возводится шатровое покрытіе и ставится главка съ крестомъ; но большинство старинныхъ украинскихъ церквей имѣетъ по два и даже по три такихъ постепенно уменьшающихся въ діаметрѣ восьмериковъ, и эта черта

1) Г. Щербаковскій предполагаетъ существованіе нѣкогда на Украинѣ и двухкупольныхъ церквей, но упоминаніе о такихъ церквяхъ (и то всего лишь о двухъ, въ Кіев. губ.) онъ встрѣтилъ въ старинныхъ описяхъ изъ временъ уніи XVIII ст.; впослѣдствіи же и эти обѣ церкви передѣланы были въ трехкупольныя, изъ чего слѣдуетъ заключить, что ихъ прежняя двухкупольность была какимъ-то случайнымъ явленіемъ.

является самой типичной для украинской архитектуры; она-то и придаетъ ей своеобразную прелесть и красоту.

Купола украинскаго храма снаружи имѣютъ иногда форму усѣченной восьмигранной пирамиды, или форму широкую, сдавленную, со слабымъ перехватомъ у основанія. Эта послѣдняя форма, встрѣчающаяся и въ нѣкоторыхъ каменныхъ церквяхъ (напр. церковь Спаса на Берестовѣ, въ Кіевѣ),—чисто народная и древняя, тогда какъ нѣсколько вытянутый и вычурный въ линіяхъ куполъ, замѣнившій въ XVIII ст. старые купола въ нѣкоторыхъ кіевскихъ каменныхъ церквяхъ (напр. въ Софійскомъ соборѣ и въ Михайловскомъ монастырѣ), является уже подражаніемъ позднему нѣмецкому ренессансу. Поверхъ купола ставится еще одинъ маленькій восьмиугольный срубикъ, или фонарикъ, а на немъ уже утверждается глава. Форма главы — луковичная, съ заостренной вершиной, на подобіе славянскаго шлема.

Башни ураинскихъ церквей, вообще очень высокія, достигающія иногда 20 саженей, однако не имѣютъ тяжелаго вида, благодаря системѣ восьмериковъ, скрадывающихъ какъ-бы ихъ головокружительную высоту. Такъ какъ внутри онѣ сквозныя во всю высоту, безъ потолковъ, и освѣщены окнами не только въ нижнемъ срубѣ, но и въ восьмерикахъ, то впечатлѣніе внутренности храма выходитъ торжественнымъ и возвышающимъ. Глазъ невольно влечется въ вышину, по выступамъ сводовъ, которые, благодаря игрѣ свѣта и тѣни, даютъ много живописной прелести и напоминаютъ молящимся, въ какой бы части храма они ни находились, что ихъ помыслы должны стремиться къ небу; плоскіе же потолки сѣверныхъ церквей подавляютъ эти порывы, возвращая мысли и чувства человѣка въ обыденный кругъ жизни. Такое же впечатлѣніе производятъ и иконостасы украинскихъ церквей, часто настолько высокіе, что ихъ верхніе ряды теряются въ полумракѣ восьмерика. Они всегда рѣзные, съ золочеными орнаментами изъ гроздьевъ и листьевъ винограда, и по своему художественному достоинству нерѣдко представляютъ настоящіе шедевры когда-то процвѣтавшаго на Украинѣ „сніцарскаго“ искусства.

Колокольни на Украинѣ всегда строились отдѣльно; только въ XIX ст., подъ вліяніемъ готики, ихъ стали устраивать въ одной связи съ церковью, чѣмъ грубо нарушалось единство стиля. Въ старину, въ эпоху татарскихъ набѣговъ, колокольни на Украинѣ не только служили прямому своему назначенію, но исполняли и роль дозорной башни. Въ общемъ архитектура ихъ

та же, что и церковныхъ башенъ: два или три квадратныхъ сруба, поставленныхъ одинъ надъ другимъ и уменьшающихся кверху; стѣны верхнихъ срубовъ замѣняетъ аркатура.

Таковы, въ общихъ чертахъ, особенности и формы стариннаго украинскаго церковнаго стиля. Были попытки изслѣдовать его источники и происхожденіе. Иные хотѣли видѣть въ украинскомъ церковномъ зодчествѣ вліяніе сѣверной деревянной архитектуры, но проф. Павлуцкій рѣшительно оспариваетъ это предположеніе. По его словамъ, отъ украинскихъ деревянныхъ церквей „вѣетъ такимъ упрямымъ, несокрушимымъ своебразіемъ, что было бы большимъ заблужденіемъ говорить о заимствованіи и отрицать ихъ родство съ народомъ, ихъ создавшимъ. Своеобразіе формъ южнорусской архитектуры прямо говоритъ за то, что малорусскіе храмы выросли изъ родной земли вмѣстѣ съ тѣми тополями и липами, которые ихъ окружаютъ. Если сравнить южнорусскій храмъ съ сѣвернымъ, то первый является полнѣйшею художественною противоположностью послѣднему. Малорусскій храмъ — это суровое, замкнутое въ себѣ цѣлое: хотя верхнія части трехглаваго или пятиглаваго малорусскаго храма и производятъ впечатлѣніе отдѣльно стоящихъ башенъ, но на самомъ дѣлѣ онѣ строго подчинены общему, ни одна часть не имѣетъ собственной самостоятельности. Напротивъ, сѣверная деревянная архитектура, со своими крыльцами, рундуками, кокошниками и проч., стремится болѣе къ живописной декоративности, чѣмъ къ органическому единству“. Въ ней даже купола, закрытые плоскимъ потолкомъ, являются собственно говоря декоративной надстройкой, а не органической частью храма. Благодаря отсутствію внѣшнихъ украшеній, малорусская архитектура является, быть можетъ, менѣе живописною, чѣмъ сѣверная, но она „должна быть поставлена выше ея въ идейномъ отношеніи. Стремленіе вверхъ, чувство страстнаго желанія неба сдѣлалось основной руководящей мыслью южнорусскаго строительнаго искусства“.

Столь же безрезультатны попытки найти на западѣ образцы украинскаго деревяннаго зодчества. Только въ Галиціи доселѣ сохранились старинныя церкви, типъ которыхъ родственъ типу малорусскихъ церквей; но Галиція и Малороссія населена однимъ и тѣмъ же украинскимъ народомъ и въ теченіе долгихъ вѣковъ жили одной общей политической, религіозной и культурной жизнью, почему и архитектура у нихъ была общая. По мнѣнію проф. Павлуцкаго, къ малорусскимъ деревяннымъ храмамъ нельзя примѣнить ни одной изъ извѣстныхъ художественно-истори-

ческихъ схемъ: ихъ нельзя отнести ни къ готикѣ, ни къ стилю возрожденія, ни къ бароко; они сами представляютъ стиль, естественнымъ образомъ возникшій изъ строительнаго матеріала и въ теченіе долгихъ вѣковъ остававшійся неизмѣннымъ, тогда какъ западные деревянные храмы претерпѣвали измѣненія въ стилѣ всякій разъ, какъ измѣнялись эпохи. Конечно, нельзя безусловно утверждать, будто украинское церковное зодчество осталось внѣ всякаго вліянія какъ со стороны Византіи, такъ и впослѣдствіи со стороны западнаго искусства, но оно самстоятельно переработало и совершенно поглотило всѣ чужіе элементы, византійскіе или западные, которые къ нему притекали, и потому украинское зодчество такъ же, какъ и деревянная архитектура сѣверной Россіи, по всей справедливости должно быть признано искусствомъ самобытнымъ и національнымъ. Его стиль настолько же оригиналенъ, красивъ и приноровленъ къ артистическимъ вкусамъ той народности, среди которой возникъ, какъ и другіе архитектурные стили.

Несмотря на то, что еще въ XVII ст. стиль этотъ достигъ извѣстной выработанности основныхъ своихъ формъ, кругъ его полнаго развитія не былъ законченъ и въ слѣдующемъ столѣтіи; не забудемъ, что только въ третьей четверти XVIII в. впервые появляются девятиглавыя церкви. Ему оставалось еще подчинить своему вліянію архитектуру каменныхъ церквей, которыя продолжали строиться на Украинѣ отчасти по старому византійскому типу, а чаще по образцамъ западныхъ базиликъ. И такое вліяніе начало сказываться уже въ концѣ XVII ст.; для примѣра укажемъ лишь на кіевскія каменныя церкви: трехглавую церковь преп. Өеодосія, на Печерскѣ, построенную въ концѣ XVIII ст., пятиглавую Всесвятскую у экономическихъ вратъ Печерской Лавры, построенную гетманомъ Мазепою въ 1696—1698 гг. Около того же времени въ (1696—1701 гг.) „коштомъ и стараніемъ“ стародубскаго полковника Мих. Миклашевскаго была построена въ Кіево-Выдубецкомъ монастырѣ соборная церковь во имя св. Георгія, представляющая по своему стилю дивный образецъ чисто украинскаго пятиглаваго храма. Въ XVIII ст. это вліяніе деревянной архитектуры на каменную продолжало сказываться все съ большею силою, [1]) и можно было надѣяться, что, съ перемѣною строительнаго матеріала, украинскому церковному стилю предстоитъ но-

[1]) Этому предмету былъ посвященъ особый рефератъ проф. Павлуцкаго, читанный на XIII археологич. съѣздѣ въ Екатеринославѣ. Къ сожалѣнію, изданіе трудовъ этого съѣзда понынѣ не окончено.

вый, блестящій періодъ развитія и совершенствованія Но на дѣлѣ произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное: начало XIX вѣка служитъ гранью, за которой церкви стараго типа уже перестаютъ созидаться въ Малороссіи, а появляются новыя, съ великорусскими формами и мотивами въ украшеніяхъ. Эта удивительная метаморфоза представляется до того странной и непонятной, что иные изслѣдователи склонны объяснять ее насильственными мѣрами правительства съ обрусительными цѣлями, именно утверждають, будто въ 1800 году былъ изданъ указъ, запретившій строить въ Малороссіи трехглавыя церкви и вообще придерживаться особенностей старинпаго мѣстнаго стиля [1]. Намъ не приходилось слыхать о такомъ указѣ, но если даже и вовсе его не было, то и тогда легко объяснить, почему прекратилась въ Малороссіи постройка церквей стараго типа. Разумѣется, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о внезапной перемѣнѣ народнаго вкуса; не могъ же въ самомъ дѣлѣ украинскій народъ вдругъ отвернуться съ пренебреженіемъ отъ родного и завѣтнаго и прилѣпиться къ чужому, да еще въ такомъ святомъ дѣлѣ, какъ храмоздательство. Дѣло объясняется гораздо проще. Пока лѣвобережная Украина жила еще по своимъ обычаямъ, а правобережная находилась подъ властью Польши, и тамъ и здѣсь дѣло постройки церквей вѣдали сами прихожане. Они испрашивали у архіерея только благословенную грамоту на созданіе новаго храма, затѣмъ сами отыскивали мастера и договаривали его строить церковь въ такомъ именно родѣ и стилѣ, какой имъ нравился. Но по мѣрѣ того, какъ на Украину распространялось дѣйствіе общеимперскихъ узаконеній, многое изъ ея прежняго быта постепено исчезало, иногда даже помимо намѣренія законодателя. Такъ случайно погибли ея приходскія школы, то же случилось и съ архитектурой ея церквей. По новымъ законамъ требовалось, чтобы всякаго рода зданія, предназначенныя для общественнаго пользованія, разрѣшались къ постройкѣ не иначе, какъ по утвержденіи ихъ проектовъ (плановъ, фасадовъ и разрѣзовъ). Такъ какъ составленіе такихъ проектовъ требовало спеціальныхъ познаній по архитектурѣ, какими не обладали, конечно, прежніе мастера, строившіе церкви на Украинѣ, то обязанность эта была возложена на епархіальныхъ архитекторовъ, которымъ консисторія не давала никакихъ опредѣленныхъ указаній относительно стиля, а

[1] См. ст. В. Щербаковскаго въ Зап. Науков. Товар.

лишь сообщала свѣдѣнія о томъ, на какое число прихожанъ церковь должна быть разсчитана и изъ какого матеріала она будетъ строиться. А сами архитектора были люди малосвѣдущіе и не умѣли составлять другихъ проектовъ, кромѣ тѣхъ, какіе сами изучали въ школахъ, а тамъ, конечно, не было и упоминанія о какомъ-то украинскомъ стилѣ. При томъ же, это были не артисты, а чиновники, которымъ не было охоты работать надъ проектомъ для каждой деревенской церкви; для собственнаго облегченія они еще въ школахъ вырабатывали извѣстные шаблонные проекты и примѣняли ихъ постоянно съ незначительными видоизмѣненіями. Такъ это дѣлается и теперь, и въ этомъ причина, почему всѣ наши храмы, построенные въ послѣднемъ столѣтіи, за весьма рѣдкими исключеніями, такъ безжизненно ординарны, шаблонны. Церковное зодчество, нѣкогда такъ пламенно воодушевлявшее старыхъ украинскихъ мастеровъ, въ родѣ знаменитаго строителя Новомосковскаго собора, давно уже принизилось у насъ до степени ремесла, исполняемаго съ чиновничьимъ равнодушіемъ. При такомъ положеніи дѣла нельзя было и ожидать, чтобы казенный архитекторъ, составляя по порученію консисторіи проектъ церкви для украинскаго села, сколько нибудь сообразовался съ мѣстнымъ архитектурнымъ стилемъ: его шаблоны одинаково годны для Вятской и Полтавской губерній. Поручите ему составить проектъ храма на могилѣ Богдана Хмельницкаго—и онъ вамъ воспроизведетъ церковь Василія Блаженнаго. Такъ поступаютъ не одни заурядные архитекторы, но на это способны нерѣдко и прославленные храмостроители. Не такъ давно еще въ самой Кіево-Печерской Лаврѣ, гдѣ все дышитъ своеобразной стариной, разломали стильную трапезную церковь XVIII ст. и на ея мѣстѣ построили новую удивительнаго стиля—съ куполомъ константинопольской св. Софіи и съ луковицами суздальскаго типа. И кто поручится послѣ этого, что не перестроятъ когда-нибудь и самую великую лаврскую церковь на манеръ Московскаго Успенскаго собора! При нашемъ историческомъ невѣжествѣ и варварскомъ неуваженіи къ прошлому все возможно.

Вотъ почему мы сугубо привѣтствуемъ просвѣщенный починъ преосв. Парѳенія, украсившаго свою родину храмомъ дивной красоты въ томъ самомъ старинномъ стилѣ, который искони радовалъ взоры и умилялъ сердца сыновъ Украины. Быть можетъ, его авторитетный примѣръ найдетъ подражателей, и скоро снимется съ украинскаго зодчества печать забве-

нія или, точнѣе, невѣжественнаго пренебреженія, незаслуженно надъ нимъ тяготѣющая цѣлое столѣтіе. Какъ плодъ народнаго художественнаго творчества, вѣковое выраженіе народнаго генія, это зодчество имѣетъ всѣ права на существованіе, и мы вѣримъ что для него снова наступитъ пора возрожденія, когда оно, руководимое талантливыми мастерами и вспомоществуемое всѣми техническими средствами современнаго строительнаго искусства, будетъ создавать архитектурные памятники высоко-художественнаго достоинства, отъ нихъ же первымъ нужно признать и новосозданный Плѣшивецкій храмъ.

—

Въ заключеніе прилагаемъ техническое описаніе этого храма, составленное его строителемъ, художникомъ-архитекторомъ И. С. Кузнецовымъ.

Планъ храма представляетъ фигуру креста. Фасады со всѣхъ четырехъ сторонъ одинаковы. Отъ главнаго массива храма на высотѣ 4,5 саж. отъ земли берутъ начало главы (башни) и разбиваясь на три группы, пропорціонально, одна выше другой, стремятся вверхъ; такимъ образомъ изъ общаго массива образуется храмъ о девяти главахъ.

Главы освѣщаются окнами, при чемъ 8 главъ имѣютъ два яруса оконъ, каждая по четыре окна въ ярусѣ, а девятая, центральная глава имѣетъ три яруса оконъ, по восьми оконъ въ ярусѣ. Смотря на фасадъ церкви, трудно представить своеобразную грандіозность и легкость внутренняго вида церкви. Этотъ эффектъ получился, какъ слѣдствіе перспективности постройки, достигаемой наклонами стѣнъ башенъ, идущими къ центру ихъ.

Длина и ширина храма по наружному размѣру 12,56 погон. сажень, безъ стѣнъ по нутру—11,40 саж. Длина отъ западной входной двери до средняго иконостаса 7,33 саж., отъ западной стѣны до малаго иконостаса 6,25 саж. Толщина круглаго пилона въ діаметрѣ 1,04 саж. Толщина квадратнаго пилона 0,78 саж. каждая сторона. Высота церкви: отъ пола до арки у большой главы 5,51 саж., у малой главы—4,94 саж. Высота отъ земли центральной главы съ крестомъ 21 саж.; отъ пола церкви до купола центральной главы 14,54 саж. Высота отъ земли четырехъ среднихъ главъ съ крестами 16 саж., отъ пола церкви до куполовъ среднихъ главъ 10,35 саж. Высота отъ земли четырехъ малыхъ главъ съ крестами 12,8 саж., отъ пола церкви до куполовъ малыхъ главъ 8,26 саж. Длина иконостасовъ по огибу у пилоновъ 13,13 саж. Высота главнаго иконостаса съ крестомъ 5,20 саж., боковыхъ съ крестами—3,15 саж. Ширина главнаго

иконостаса, шестиярусной его части, 3 саж., боковыхъ иконостасовъ, трехъярусныхъ ихъ частей, 5 арш. 8 вершковъ.

Церковь по своему плану построена такъ, что главный грузъ постройки (600 тыс. пудовъ) сосредоточенъ на четырехъ пилонахъ, а напряженіе на квадратный дюймъ сѣченія пилона допущено 6 пу́довъ. Чтобы не произошло выжиманія грунта, а также для равномѣрности нагрузки во всѣхъ частяхъ постройки на площадь заложенія фундаментовъ, сдѣланы между пилонами и отъ пилоновъ къ стѣнамъ церкви разгрузныя оборотныя арки. Такимъ устройствомъ фундаментовъ достигнуто напряженіе въ 1 пудъ на квадратный дюймъ грунта во всѣхъ частяхъ постройки.

Въ конструктивномъ отношеніи настоящая постройка заслуживаетъ большого вниманія тѣмъ, что всѣ девять главъ съ прямоугольниковъ переходятъ въ восьмигранники и, поднимаясь вверхъ, пропорціонально съуживаются, при чемъ кладка стѣнъ внутреннихъ и наружныхъ (въ частяхъ крышъ) идетъ наклономъ внутрь главъ и наклонъ стѣнъ по отношенію къ высотѣ ихъ достигаетъ ¹/₃ высоты.

Любопытно, что вопросъ кладки наклонныхъ стѣнъ здѣсь рѣшенъ не такъ, какъ это предлагается учебниками, т. е. кладка велась кирпичемъ горизонтальными рядами съ напускомъ, т. е. сдвигомъ одного ряда надъ другимъ, а не нормально къ наклону стѣны. Сводчатой кладкой (нормально къ наклону поверхности стѣнъ) исполнены девять сомкнутыхъ сводовъ въ главахъ.

Шестиярусный иконостасъ исполненъ по рисункамъ И. С. Кузнецова въ моск. иконостасной мастерской И. А. Соколова. Иконы прекраснаго письма написаны моск. художникомъ В. П. Гурьяновымъ.

Построенъ храмъ на средства отчасти прихожанъ, но главнымъ образомъ на пожертвованія московскихъ благотворителей. Стоимость постройки нѣсколько болѣе ста тысячъ рублей. Прихожане всѣ отъ мала до велика, старики и женщины, принимали самое живое участіе въ постройкѣ—подвозкой матеріаловъ, выдѣлкой кирпича, земляными и др. работами.

Въ настоящее время собраны средства для постройки отдѣльной колокольни, по стилю соотвѣтствующей архитектурѣ храма.

Село Плѣшивецъ расположено по склону высокой горы, среди живописной мѣстности. Новый храмъ поставленъ на половинѣ уклона горы и виденъ на далекое разстояніе. Общій его видъ поражаетъ величавой красотой.

Ор. Левицкій.

Символика птицъ и растенiй въ украинскихъ похоронныхъ причитанiяхъ.

Даже при бѣгломъ ознакомленiи съ украинскими похоронными причитанiями, бросается въ глаза то обстоятельство, что въ представленiяхъ ихъ о смерти и загробной жизни человѣка очень большую роль играютъ птицы. Онѣ—единственныя посредницы между мiромъ живущихъ и умершими; послѣднiе обрисовываются въ представленiи плакальщицы въ образѣ какой-либо птицы, и птицы же, какъ будто являются иногда виновниками смерти человѣка.

Одинъ изъ собирателей украинскихъ похоронныхъ причитанiй С. Н. Брайловскiй въ своей небольшой статьѣ: „Малорусская похоронная причеть и миѳическое ея значенiе" (К. Стар. 85 г. сент.) высказалъ мнѣнiе, что украинскiя причитанiя сохранили въ себѣ миѳическiя славянскiя воззрѣнiя на смерть и загробную жизнь человѣка, сводя данное мнѣнiе къ слѣдующимъ положенiямъ. Въ похоронныхъ причитанiяхъ содержатся: 1) представленiе смерти въ образѣ птицы, и—2) представленiе души по смерти человѣка въ образѣ птицы.

Признанiе миѳическихъ пережитковъ въ томъ или иномъ произведенiи народной словесности, конечно, сообщаетъ данному произведенiю большую историко-литературную цѣнность и даетъ намъ основанiе для широкихъ выводовъ. Быть особенно осторожнымъ въ отношенiи миѳологiи въ народной словесности, чтобы не впасть въ ошибку,—это одна изъ основныхъ заповѣдей историкамъ русской литературы, нарушенiе которой часто приводило къ ложнымъ выводамъ.

И сейчасъ, относительно положенiй г. Брайловскаго, у насъ является вопросъ: дѣйствительно ли это такъ, какъ утверждаетъ авторъ? Насколько мы вправѣ указанныя выше представленiя украинскихъ причитанiй считать древними и сопоставлять ихъ съ древнѣйшими представленiями о душахъ арiйскихъ и

другихъ народовъ? Въ языкѣ литовцевъ и финновъ названіе млечнаго пути этимологически означаетъ *птичій путь*, такъ какъ по древнѣйшимъ вѣрованіямъ этихъ народовъ душа, выйдя изъ тѣла человѣка, принимаетъ образъ птицы и летитъ въ загробный міръ по этому пути. Поскольку тѣ же вѣрованія мы находимъ въ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ?

Мысль человѣческая развивается въ словѣ. Не отдавая себѣ точнаго и опредѣленнаго отчета въ значеніи самаго слова, мы не въ состояніи опредѣлить коренную сущность мысли. Лишь при томъ условіи, что всякій разъ въ каждой данной мысли опредѣлено нами значеніе слова, мы можемъ говорить о сущности мысли. Значеніе же слова не обусловливается лишь тѣмъ minimum'омъ содержанія, которое дается слову его внутреннею формою. (См. „Мысль и языкъ" А. А. Потебни). Minimum содержанія только почва, на которой можетъ возникнуть то или иное значеніе слова. Подобно тому, какъ въ произведеніе искусства каждымъ воспринимающимъ его субъектомъ всякій разъ вносится новое содержаніе, такъ и слово измѣняетъ свое содержаніе въ зависимости отъ личности, его воспринимающей и имъ пользующейся. Эта гибкость и постоянная измѣнчивость содержанія слова имѣетъ большое значеніе въ поэтическомъ стилѣ, представляя возможность созданія смѣлыхъ поэтическихъ сравненій и образовъ,—и здѣсь-то надо искать источникъ нѣкоторыхъ предполагаемыхъ миѳическихъ вѣрованій.

Объектъ воспріятія, въ зависимости отъ психическаго состоянія говорящаго или думающаго, можетъ быть покрытъ словомъ, ни внутренняя форма, ни обычный minimum содержанія котораго совершено не соотвѣтствуетъ данному объекту. И вотъ понятіе, окрыленное новымъ для него словомъ, начинаетъ развиваться въ направленіи того другого понятія, которому обычно соотвѣтствуетъ въ рѣчи это слово: происходитъ напластываніе на наше понятіе аттрибутовъ понятія, у котораго было взято самое слово.

Приведу яркій примѣръ подобнаго явленія изъ забытаго писателя народника А. Левитова, когда объектъ покрывается несоотвѣтствующимъ ему идейно словомъ, и на этой почвѣ происходитъ новое поэтическое освѣщеніе предмета.—„И была,—читаемъ у Левитова,—если можно такъ выразиться, сямая глубина ночи. Ни малѣйшаго слѣда жизни нельзя было подмѣтить на этомъ неоглядномъ пространствѣ. Только по обѣимъ сторонамъ большой дороги выстроились громадные стоги сѣна—и

незнакомому съ мѣстностью проѣзжающему кажутся они гигантами, быстро несущимися по степи...“

Достаточно было сдѣлать это наблюденіе и покрыть кажущееся явленіе движенія стоговъ словомъ „несущимися“, какъ произошло дальнѣйшее напластываніе на обновленное содержаніе слова, тѣхъ образцовъ и представленій, которые обычно присоединяются къ слову „нестись“ въ его значеніи движенія.— „Слышится ему,—продолжаетъ далѣе авторъ,—топотъ ихъ тяжелый и быстрый,—и невольному чувству страха поддается пугливое сердце. То овсянникъ медвѣдь напугалъ табунъ лошадиный. Вотъ онѣ, вытянувшись въ струнку, полетѣли къ свѣтлому Дону. Никто другой это, какъ лошади, потому что при всемъ томъ, что далеко ускакали онѣ, еще можно видѣть, какъ мѣсячный лучъ скользитъ по хребтамъ ихъ, жидкимъ и слабымъ какъ будто, но которые съ такою славою и такъ долго носятъ на себѣ славное войско донское“. Такимъ образомъ оказались возможными поэтическій переходъ отъ стоговъ къ лошадямъ и постановка образа скачущихъ по степи коней на мѣсто неподвижныхъ сѣнныхъ стоговъ.

Въ народной поэзіи подобныя явленія многообразны и многочисленны. Не всегда бываетъ легко и возможно опредѣлить корень такихъ явленій, но вообще можно сказать опредѣленно, что языкъ развивается лишь во взаимодѣйствіи съ психикою человѣка, и въ этомъ взаимодѣйствіи субъекта и языка, какъ объекта, надо искать объясненія всѣмъ поэтическимъ явленіямъ и многимъ предполагаемымъ миѳическимъ вѣрованіямъ. Такія псевдомиѳическія представленія встрѣчаемъ мы въ воззрѣніяхъ на птицъ украинскихъ похоронныхъ причитаній.

Поэтическое освѣщеніе кажущагося движенія стоговъ можетъ быть сведено къ формулѣ: *стога несутся, какъ лошади*. Словомъ, мы видимъ въ основѣ указаннаго примѣра изъ Левитова ничто иное, какъ развитое въ цѣлый образъ сравненіе. Сравненіе же является исходнымъ пунктомъ развитія заключающихся въ похоронныхъ причитаніяхъ воззрѣній на птицъ.

Поэтическое сравненіе основывается на признакахъ, которые наиболѣе ярко и картинно выражаютъ идею двухъ наблюдаемыхъ явленій—субъекта и объекта сравненія. При этомъ въ объектѣ, съ которымъ дѣлается сравненіе, данный признанъ болѣе типиченъ и ярче выраженъ, нежели въ субъектѣ, который сравнивается съ первымъ. Цѣль сравненія въ томъ, чтобы представить субъектъ въ болѣе изобразительномъ видѣ, чѣмъ то да-

ется внутреннимъ содержаніемъ самого слова. Такимъ образомъ, сравнивая субъекъ, въ которомъ признакъ выраженъ въ слабой степени, съ объектомъ, въ которомъ тотъ-же признакъ выраженъ въ сильной степени, мы невольно усиливаемъ степень этого признака и въ субъектѣ, чѣмъ и достигается изобразительная цѣль сравненія.

Признакъ можетъ указывать или на качество, и формально выражается именемъ прилагательнымъ, или на дѣйствіе, и выражается глагольною формою. Въ украинской народной поэзіи сравненія, гдѣ tertium comparationis есть признакъ дѣятельный, выражающійся глаголомъ, наиболѣе часты. Послѣднее явленіе психически объясняется тѣмъ, что дѣйствіе объекта является болѣе рѣзкимъ, болѣе выраженнымъ признакомъ его, нежели качество.

Обычно въ украинской лирикѣ сравненія почерпаются изъ жизни природы. Это опредѣляется народнымъ міросозерцаніемъ, которое покоится на живомъ отношеніи къ окружающей природѣ, отношеніи, выражающемся въ сильной степени психическаго вліянія природы на человѣка, съ одной стороны, и пониманіемъ явленій ея подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, который соотвѣтствуетъ данному настроенію человѣка—съ другой. Поэтому матеріаломъ для сравненій служатъ космическія явленія—сравненія со свѣтилами, рыбы, насѣкомыя, птицы и растенія.

Привожу примѣры сравненій съ птицами и растеніями.

Причитанія:

Та я ж тепер степами йтиму,
Як голубка густиму;
Та я садами літатиму,
Як зозуля куватиму. (Мил. [1]).

Пѣсни:

Будеш ти, мати, як зозуленька кувати. 144, 308 А.

Причитанія:

Та я з тобою жила,

[1]) Примѣры причитаній и пѣсенъ взяты изъ слѣдующихъ сборниковъ: 1) Народные обряды и пѣсни Лубенскаго у. Полтавской губ. В. П. Милорадовича (Мил.); 2) малорусскіе обряды, повѣрья и заплачки при похоронахъ А. П. Малинки. Этногр. Обозр. 1898, № 3—4 (Мал.); 3) Причитанія южнаго края С. Н. Брайловскаго. Рус. Филолог. Вѣст. 1884. (Бр.); 4) Труды стат.—этногр. экспедиціи въ юго-зап. край. П. Чубинскаго, томъ V. (Сигнатура: первое число—страница; второе—№ пѣсни).

Як маківочка цвіла (Мил.).

Пѣсни:

Що люде... з церкви йдуть, як мак процвітае.

469, 51.

Въ формулѣ сравненія—двѣ члена, и оба они неравны другъ другу синтаксически и логически. Одинъ изъ нихъ есть предложеніе главное и заключаетъ въ себѣ субъектъ—предметъ, который сравниваютъ съ чѣмъ то; другой—выраженъ предложеніемъ придаточнымъ и заключаетъ въ себѣ объектъ—предметъ, съ которымъ сравниваютъ. При этомъ поэтическая сила заключается во второмъ членѣ—предложеніи придаточномъ. Такимъ образомъ сравненіе есть синтаксическая единица, нѣчто цѣлое, недѣлимое.

Въ сравненіи—двѣ картины: одна изъ жизни природы (съ чѣмъ сравнивается), другая изъ жизни человѣческой (что сравнивается). То же самое мы видимъ и въ параллелизмѣ, но только оба члена параллелизма не связываются другъ съ другомъ синтаксически. Но логическая связь членовъ параллелизма та же, что и между членами сравненія.—„Параллелизмъ, по опредѣленію А. Н. Веселовскаго, покоится на согласованіи субъекта и объекта по категоріи движенія, дѣйствія, какъ признаку волевой жизнедѣятельности". Если такъ, то слѣдуетъ признать, что параллелизмъ и сравненіе будутъ одно и то же поэтико-стилистическое явленіе. Разница же будетъ заключаться лишь въ способѣ связи между членами, входящими въ составъ сравненія и параллелизма: въ первомъ члены соединены гипотаксически, во второмъ—паратаксически. Какой изъ этихъ двухъ видовъ сравненія развился раньше: собственно ли сравненіе или параллелизмъ?—Паратаксисъ параллелизма, какъ древнѣйшій видъ соединенія предложеній, могъ бы указывать на то, что параллелизмъ древнѣе, чѣмъ сравненіе, пользующееся гипотаксисомъ. Но дѣло въ томъ, что, если и пріемъ сравненія, и параллелизмъ основаны на сравненіи двухъ явленій между собою, то они неравны другъ другу по глубинѣ сравненія. Въ параллелизмѣ мы видимъ вполнѣ развитое во всѣхъ его частяхъ сравненіе, гдѣ субъектъ соотвѣтствуетъ объекту, дѣйствіе—дѣйствію, качество—качеству, какъ въ удачномъ примѣрѣ, приводимомъ акад. Веселовскимъ:

Не хилися, явороньку, ще ти зелененький;
Не журися, козаченьку, ще ти молоденький.

Обѣ картины „вторятъ другъ другу; при различіи объективнаго содержанія, между ними проходятъ созвучія, выясняющія то, что въ нихъ есть общаго" (Веселовскій).

Такимъ образомъ, если мы и видимъ въ параллелизмѣ то же сравненіе, то оно обставлено очень искусно, можно сказать виртуозно. Словомъ, параллелизмъ есть развитое сравненіе. Поэтому, несмотря на простѣйшую связь членовъ параллелизма другъ съ другомъ сравнительно съ пріемомъ сравненія, можно признать первый позднѣйшею ступенью развитія послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, народной поэзіи надо было пройти очень значительный путь развитія для того, чтобы достигнуть той искусной формы параллелизма, какую мы наблюдаемъ въ ней; какъ напр.:

Чого селезень смутен, невесел?
– Гей, та як же мині веселому буть,
Ой як же мині веселому буть,
Веселому буть, одрадостному?—
Що вчора була утінка моя,
Сьогодня нема—застріленая!
Коли б на воді, то б не жаль мині,
А то на горі в шовковій траві.
Чого сей козак смутен, невесел,
Смутен, невесел, неодрадостен?
— Ой як же мині веселому буть,
Веселому буть, одрадостному?—
Що вчора була дівчина моя,
Сьогодня нема—засватаная!
Коли б на село, то б не жаль було,
А то черз двір, та й товарищ мій [1]).

Когда параллель оказывается достаточно развитою, то соотвѣтствующіе члены его тѣсно связываются въ представленіи другъ съ другомъ и могутъ быть мыслимы и употребляемы внѣ формулы параллелизма: пары параллелизма стали устойчивыми и крѣпкими другъ другу.—„Устойчивость всей параллели, говоритъ А. Н. Веселовскій, достигается лишь въ тѣхъ случаяхъ, 1) когда къ основному сходству, по категоріи дѣйствія, подбираются болѣе или менѣе яркія сходныя черты, его поддер-

[1]) Изъ лубочнаго сборника „Грыцько-Кобзарь". У Чубинскаго менѣе выдержанный варіантъ.

живающія или ему не перечащія; 2) когда параллель приглянулась, вошла въ обиходъ обычая или культа (или же, добавлю съ своей стороны—въ обиходъ рѣчи), опредѣлилась и окрѣпла на долго. Тогда параллель становится символомъ, самостоятельно являясь и въ другихъ сочетаніяхъ, какъ показатель нарицательнаго. Напр., такимъ образомъ отложились путемъ подбора и подъ вліяніемъ бытовыхъ отношеніи, которыя трудно опредѣлить, параллели—символы: солнце—отецъ, мѣсяцъ—мать, звѣзды—дѣти и т. д.

На почвѣ украинскихъ причитаній подобные символы—образы, выдѣлившіеся изъ формулъ параллелизма, получили особенно широкое развитіе. Примѣровъ весьма много; я приведу нѣкоторые изъ нихъ, указывая при этомъ формулы параллелизма изъ бытовой поэзіи, которыя могли выдѣлить изъ себя тѣ или иные символы—образы. Вышедшіе первоначально изъ сравненія при посредствѣ параллелизма, эти символы почерпнуты изъ тѣхъ же областей жизни природы, какъ и сравненія.

Причитанія—Моя й дочечко, моя й зозулечко (Мил.).—И мій братику, мій зозуленьку (Мил.).—Матінко ж моя голубонько, моя ж зозуленько (Бр.),—Моя матінко, моя пьятінко, моя покрівонько, моя зозуленько (Мал.).—Зозулечко моя луговая (Собств. мат.).

Пѣсни:

Ой летіла зозуленька
Через сад куючи;
Як заплакав козаченько,
До дівчини йдучи. [1])

—

Сива зозуленька й а в гай полетіла
В гай полетіла, на калину сіла:
Сіла на калину та й стала кувати—
Кого я любила, того й не видати.
Немила худоба, а ні в стозі жито:
Чогось мое сердце, як ножем пробито,
Як ножем пробито, то знайдутся ліки,
А як закохання—пропала навіки. 3,5.

—

Причитанія.—Братику муй орлику (Мал.) І мої сини, і мої орли! І куди ж ви поленули? У яку. ви краіноньку поленули? (Мил.).—Синочку ж мій.,. орле сизокрилий (Чуб.).

---

1) Мой сборникъ: „Пѣсни с. Андреевки“, 177.

Пѣсни.

Ой не лети, сивий орле, на Волиння пити,
Засідають вражі ляшки, хотять тебе вбити,
Як же мені не летіти на Волиння пити,
Коли в мене на Волинню маленькиї діти?
Діти мої дрібненькиї, пропав же я з вами,
Забьють мене вражі ляшки, лишитеся сами!.. 133, 284.

—

Причитанія.—Мое й голубя, мое й соколя!. Моя й дочечко! Моя й голубочко! (Мил.). І мій братику, мій голубоньку! (Мил.). Братику муй соколику!.. Ізвинить, муй братику, ізвинить мий муй соколику! Братику муй голубчику, братику муй соколику! (Мал.). Синочку ж мій, голубе мій (Чуб.). Охъ мій чоловіче, мій ясний соколе! (Бр.). Хозяіну мій, соколоньку мій (Мал.). Хозяіну мій, голубе сизий, дружино моя (Бр.). Синочок мій милий, синочок мій любий, голуб мій сизий... Откуль тебе виглядати, мій синочок, мій соколочок? (Собств. матер.).

Пѣсни.

Ой високо соколоньку до неба літати,
Ой далеко козаченьку до осени ждати.
Хоч високо, невисоко—треба долітати,
Хоч далеко, недалеко—треба дожидати. 103, 216.

—

Ой загув та загув сизий голубонько рано на зорі,
Ой заплакали наши новобраньці, стоячи в строї;
Ой загув, загув сизий голубонько, садом летячи,
Ой заплакали наши новобранці в строю ідучи. 497, 113 А.

Причитанія.—Моя дочечко! моя й ластівко! (Мил.) Мамочко моя ластівочко (Соб. мат.).

Пѣсни.

Да ластівочка да купалася,
Да на бережку да сушилася,—
Дівка Парасечка да хвалилася. 9, 18.

Причитанія.—Моя вишенько і моя черешенько (Мал.). Моя й дочечко, моя й ягідо! Моя й дочечко, моя й милесенька, моя й ягідо червонесенька! (Мил.). Моя донечко, моя тополечко (Мил.).

Пѣсни.

Ой в полю черешенька та рясно зродила.
Коли б мене дівчинонько моя не зрадила?

Ой як тая черешенька сама не зірветься,
Такъ до мене дівчинонько сама не припњлеться.
155, 327 А.

—

Ой вишнино—черешнино,
Чом ти листу не пускаеш?
Молодая молодице,
На що сльози проліваеш?
Тим я листу не пускаю,
Бо лютую зиму маю,
Тим я сльозы розливаю,—
Невірного друга маю. 202, 410.

—

Гей, на току вишня, чому не черешня?
Любиш мя, кохаеш мя, чому не візмеш мя?
А я тую вишню підрубати мишлю,
А до тебе старостоньки пришлю. 209, 419.

—

Ой хто ж то оре? То ж Пилипочко.
А ягода смородина, то ж Парасечко.
А ягода смородина його поспівае. 516, 121.

—

Ой у полі, ой у полі стоїть три тополі,
Ой там сидить три козаки у неволі. 329, 652.

—

Тонкая, високая тополя.
Чорнявая дівчина—то моя.
Тонкую високую зрубаю,
Чорнявую дівчину кохаю. 39, 92.

Здѣсь кстати замѣтить, что не только понятія, выраженныя именами существительными, становятся синонимами другихъ понятій, выдѣлившись изъ формулы параллелизма, но также и нѣкоторые члены параллели, выраженные прилагательными, мыслятся настолько совмѣстно, что одно качество становится символомъ другого. Такъ, въ причитаніяхъ мать называетъ свою дочь *зеленою*: „А ти на горенько мене бросила, молодая, *зеленая*!" Очевидно, что здѣсь оба понятія: *зеленый* и *молодой*—синонимичны. Этотъ синонимизмъ легко могъ образоваться на почвѣ тѣхъ формулъ параллелизма, гдѣ два понятія, означающія качество *зеленый* и *молодой*, стоятъ рядомъ, какъ напр.

Ой зелений дубе, чого похилився?
Молодий козаче, чого зажурився? 27, 69 А.
Зеленая березонька, чого нахилилась?
Молодая дівчинонька, чого зажурилась? 315,621.

—

Не шуми, дібрівонько,
Не шуми, зеленая!
Не плач, удівонько,
Не плач, молодая!

—

Изъ приведенныхъ, но далеко не исчерпывающимъ образомъ, примѣровъ символовъ, которыми запечатлѣны тѣ или другія лица въ украинской похоронной причети, мы видимъ, что они очень развиты въ послѣдней. Во всякомъ случаѣ, такого накопленія символовъ—названій мы нигдѣ въ другихъ видахъ украинской поэзіи не встрѣчаемъ. Это—характерная черта причитаній, какъ особаго вида народной украинской поэзіи, и объясненіе данной особенности надо искать въ психическомъ состояніи, на почвѣ котораго выросли самыя причитанія. Обращаясь къ умершему сыну, мужу, къ покойной дочери, матери и т. д., причитавшія женщины старались назвать ихъ всѣми возможными ласкательными именами, какія только были въ ихъ распоряженіи, дать имъ названія всего лучшаго, красиваго, чистаго, что считаетъ таковымъ народное міровоззрѣніе, а сравненіе въ формѣ параллелизма давало богатый матеріалъ для такихъ названій, вводя покойнаго въ мысляхъ близкихъ ему людей въ кругъ красивыхъ предметовъ изъ міра природы. Любовь къ покойному, окрыленная поэтическою фантазіею, то надѣляла его именемъ сокола, то называла стройнымъ тополемъ, то возносила его своимъ названіемъ надъ землею и помѣщала въ среду небесныхъ свѣтилъ,

Эти слова—образы, символизующіе покойнаго, какимъ онъ является въ представленіи причитающаго лица, и создаютъ ту псевдо-миѳическую атмосферу, съ которой мы начали свою рѣчь.

Разъ извѣстныя лица были запечатлѣны названіями, соотвѣтствующими инымъ объектамъ, то произошло то же, что и въ указанномъ ранѣе примѣрѣ изъ Левитова. Мысль, сравнившая человѣка съ птицею, не остановилась только на этомъ и развила сравненіе въ образъ, причемъ данному лицу были приписаны всѣ тѣ аттрибуты, которые такъ или иначе характеризуютъ птицу, какъ таковую; напр.

Мое дитятко, моя пташечко! Хто тепер мині будет *щебетать* раненько, *воркувать* низенько? (Бр.).

Ты ж був веселий щебетун, утішне мое дитятко, моя дорога пташино! Та де ж ти тепер будеш, та куди ж ти, моя пташичко, улітаеш, мене покидаеш? (Бр.).

Такъ умершее лицо было сравнено съ отлетающею птицею. Теперь естественно указать, куда отлетаетъ птица:

Моя птичко отлетная!
Одлетаеш ти од мене на чужую стороночку.
Дитятко мое любее,
Птичка отлетная,
Птичка залетная.
Отлетаеш ти од мене далеко,
Голубчику мій сизий. (Собств. мат.).

Сравненіе тоскующей женщины съ кукушкою—общеупотребительно въ славянской народной поэзіи. Оно не обошло и украинскія причитанія, гдѣ плакальщица, сравнивая себя съ кукушкою, выражаетъ намѣреніе облетѣть свѣтъ и отыскать улетѣвшую птицу—умершаго близкаго человѣка:

Я ж біля тебе, моя матінко,
Не час і не два стою;
Та я ж біля тебе, моя матінко,
Як зозуленька кую. (Мил.).
Як би ж я, мій таточку, крильця мала,
То я б вас, мій таточку, що дня одвідала...
А то ж я крилечка не маю,
І доріженьки не знаю,—
Тим же я вас не одвідаю (Мил.).

Такимъ образомъ стилистически образованное представленіе объ умершемъ, какъ объ отлетающей птицѣ, съ одной стороны, и представленіе тоскующей по умершему лицу женщины также въ образѣ птицы, съ другой, вполнѣ ввело носителей причитаній въ міръ птицъ, завладѣло ихъ фантазіею,—и дальнѣйшее развитіе образа пошло легко. Образъ укрѣпляется въ сознаніи и уже не отдаляется отъ даннаго лица въ представленіи носительницы причитаній: какъ бы ни мыслилось это лицо, оно продолжаетъ мыслиться въ образѣ птицы. Птица улетѣла,—надо просить, чтобы она возвратилась:

Та прилети ж до мене в гості,
Та сядь на оконечку.
Та ти ж будеш буркутати,
А я буду кувати,
А ти будеш мене питати,
Як мені в світі проживати (Мил.).

Въ образѣ какой птицы возвратится умершій, и какъ его узнать?

І як ти прилетатимеш?
Чи соловеєчком, чи горобеєчком?
І на которой ти груші сідатимеш?
(„Пѣсни, с. Андреевки").

Моя дочко, моя павочко!
Моя дочко, моя зозуле!
Яку ти мені звістку подаватимеш?
Чи ти куватимеш, чи щебетатимеш?...
Да коли ти до мене в гостеньки прибудеш?
Да чи ти ітимеш, чи летітимеш, чи плистимеш?
Утенькой плистимеш, буду ряску розгоняти,
Зозулей будеш летіти,—сади буду росхиляти. (Мал).

—

Да соловейки будуть щебети, а я буду прислухатись, чи не до мене йде моя вірная дружина на пораду (Бр.).

—

Представленія о покойномъ, тѣсно связанныя съ представленіями о птицахъ, идутъ далѣе,—не онъ самъ является въ міръ въ образѣ птицы, но уже другія птицы служатъ посредниками между нимъ и міромъ живущихъ; эти птицы, какъ бы, его новая семья, которая все знаетъ о немъ и можетъ разсказать о томъ людямъ.

Плакальщица проситъ покойнаго прислать вѣсть черезъ птицу:

Ой присилайте ж нам порадоньку, моя матюнко, хоч соловеєчком, хоч зозулею, моя матюнко. (Мал.).

Однѣ птицы могутъ дать свѣдѣнія объ умершемъ:

Садочки цвітуть і зозуленьки кують,
А я вийду соловейків питати:
Ви, зозуленьки сивесеньки,
Соловеєчки малесеньки,
Високо летаєте,

Багато світа видаете.
Чи ви не чули мого батенька ріднењкого,
Чи не бачили мого батенька старенького?
А зозуленьки літають та кують,
Та бідним сиротам жалю задають. (Мил.).
Та будуть, моя дружинонько, сади процвітать,
Та будуть зозуленьки кувать,
А соловейки щебетать.
Будуть мені несчасниці жалю завдавать,
А я вийду за ворітечка та й буду питать:
Ви, зозуленьки сизесеньки,
А соловейки малесеньки,
Та ви високо літаете,
Ви далеко буваете:
Чи не чули, чи не бачили моей дружиноньки
вірненької?
Як бачили, то хваліться;
Як побачите, поклоніться моїй дружині вірненької.
(Мил.).

Та зозулі ж куватимуть,
А соловейки щебетатимуть.
А я вийду водиці брати,
Та зозульки питати:
Ти, зозуленко, моя й голубонько,
Чи ти не бачила моеї дочечки?
Чи не йшла, чи не їхала
До мене в гостоньки? (Мил.).

Далѣе, птицы представляются виновниками смерти, какъ бы отнявшими покойнаго у живыхъ и переманившими его въ свою птичью семью:

А де це на вас, матюнко, смертонька узялась? Чи вас зозуленки одковали, чи вас соловейки ощебетали? (Мал.).

Чи тебе соловейки одщебетали,
Чи тебе зозульки одковали? (Мал.).

Птицы взяли покойнаго; птицы же снова могутъ возвратить его въ міръ живущихъ:

Загудіть, голубоньки, на хаті,
Загудіть, голубоньки, на світлиці,
Та збудіть мою матеньку с камниці.

Та гудіть, голубоньки, на порозі,
Та збудіть мою матінку у дорозі. (Мил.).

Послѣднія указанныя нами представленія о птицахъ, какъ видимъ, далеко отошли отъ первоначальныхъ сопоставленій человѣка и птицы, основанныхъ на сравненіи. Такъ стилистическіе образы въ своемъ развитіи принимаютъ все новыя и новыя формы, удаляясь отъ своего первоисточника, и переходятъ въ рядъ поэтическихъ мотивовъ, не объяснимыхъ самостоятельно, но вполнѣ понятныхъ на почвѣ общаго изученія свойствъ народно-поэтическаго стиля.

—

Въ меньшей степени развита въ причитаніяхъ символика растеній. Но міръ послѣднихъ занялъ въ причитаніяхъ то же положеніе, какъ и міръ птицъ. Процессъ, при посредствѣ котораго развивается символика растеній, тотъ же, что и указанный выше относительно птицъ. Формулы параллелизма, заимствующія свои картины изъ области растительнаго царства, выдѣляютъ изъ себя символы—растенія. Становясь обычными и часто употребительными, такіе символы получаютъ характеръ нарицательныхъ названій и могутъ являться въ любыхъ стилистическихъ сочиненіяхъ, гдѣ пониманіе сущности ихъ смысла становится иногда весьма затруднительнымъ.—При невыдержанности параллели,—говоритъ Веселовскій, касаясь символи растеній,— обращеніе къ цвѣтку-милой производитъ впечатлѣніе чего-то антропоморфическаго. Но это не синкретизмъ древней метафоры, отразившій въ формахъ языка такое же синкретическое пониманіе жизни, и не антропоморфизмъ стараго вѣрованія, населившаго каждое дерево гамадріадой, а поэтическая метафора, новообразованіе, являющееся въ результатѣ продолжительнаго стилистическаго развитія". Какъ и въ любомъ изъ выше приведенныхъ примѣровъ символики изъ міра птицъ, въ отношеніи растеній произошло то же самое, т. е. при употребленіи символа изъ міра растительнаго царства произошло нарощеніе на слово—символъ тѣхъ аттрибутовъ, которые мыслятся нераздѣльно съ понятіемъ о растеніи. При словѣ—*роза*—возникаетъ мысль: *цвѣтетъ* или же *отцвѣтаетъ* и т. д.—„Моя дочечко, моя рожановная! Як же ти зацвіла і скоро отцвілася і обсипалась"... (Мал.).

Мы видѣли, что однимъ изъ символовъ, выдѣлившихся изъ формулы параллелизма, является *вишня*. Данный символъ вызываетъ дальнѣйшія представленія о вишнѣ, и мать, плача по умершей дочери, причитаетъ такими словами:

Де ж тіи вітри набралися,
Що вишеньку зломили?
Іде вони набралися,
Що на вишеньці листочки оббили? (Мил.).
Мій синочку, мій голубчику,
Мій синочку, моя й дитиночко!
Моя дитиночко, моя й щиночко!
Моя щипочка одщепнулася,
Мое яблучко одкотилося,
Мое й зернички, деж тебе шукать,
Де ж тебе й питать?
Моя й маківко!
Моя й маківка осипалася;
Як ти зацвіла та й не надовго,
Моя й дитиночко, моя й родиночко! (Мил.).

Мысль: человѣкъ—растеніе, умирающій человѣкъ—отцвѣтающее растеніе и т. д. ведетъ—за собою дальнѣйшую мысль. Когда плодовое дерево хорошей породы начинаетъ гибнуть, отъ него берутъ вѣтвь и прививаютъ къ здоровому дереву другой худшей породы, чѣмъ сохраняютъ цѣнную породу. Умершій человѣкъ, лежащій въ хатѣ подъ святыми,—онъ еще не погибъ: онъ гибнущее растеніе... Что, если его сберечь такимъ же образомъ, какъ сберегаютъ дорогія породы деревьевъ въ саду?—Конечно, чтобы дойти до такой мысли, надо обладать большою простотою ума. Но и помимо того, разъ явилось сравненіе человѣка съ растеніемъ, оно не останавливается на опредѣленной точкѣ, и языкъ доводитъ эти сравненія до крайнихъ предѣловъ: такова сила стиля! И вотъ что получается въ результатѣ:

Та де тебе, матюнко, прищепить,
Щоб до тебе на пораду ходить?
Прищеплю я вас до билини,
То й вы не прийметесь.
Та посажу я вас, матюнко, на покуті,
То ви й похилитесь. (Мил.).

Ясно, что здѣсь нѣтъ основанія искать вѣрованія, по которому люди, превращаясь въ растенія, въ этихъ новыхъ формахъ продолжаютъ свое загробное существованіе.

Вообще слѣдуетъ признать, что въ обращающихся или обращавшихся въ недавнее еще время въ народѣ лирическихъ пѣсняхъ нѣтъ основанія искать какихъ-либо миѳическихъ представ-

леній. Болѣе всего мы должны считаться съ тѣми или иными формами стилистическаго развитія поэтической мысли. Такъ напримѣръ, сравненіе, выраженное творительнымъ падежомъ: даетъ весьма сильный толчокъ къ развитію поэтическаго образа въ такую форму, въ какой онъ представляется не просто поэтическимъ образомъ, но миѳическимъ представленіемъ.

Казакъ и дѣвица любили другъ друга, но потомъ расходятся:

Ішов козак яром,
Яром, долиною;
Зацвів козак рожою,
Дівка калиною.
Калина цвілася,
Рожа зачалася,
Козак оженився,
Дівка зосталася. Чуб. V, 85, 178.

Уже здѣсь, хотя это—лишь сравненіе, выраженное творительнымъ падежомъ, стиль имѣетъ такой наклонъ, по которму поэтическіе образы могутъ дойти до кажущихся антропоморфическихъ представленій. Дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи дѣлаетъ слѣдующая пѣсня, представляющая отзвукъ хороводной игры дѣвицы и молодца:

Дівка Катерина личенько білила,
Із личеньком говорила:
„Не білись, личко, біленькее, будуть к тобі гості,
Гості не з любості, а од нелюба старости.
Ой стану я, стану под водою вербою“!
А нелюб тее чуе, під сінцями стоя:
— Ой не збудеш, Катерино, моя будеш!
А я коло тебе тонким верболозом.—
„Ой стану я, стану у полі березою“.
Нелюб тее чуе, під сінцями стоя:
— Ой не збудеш, Катерино, моя будеш!
А я коло тебе зеленим явором...

Пѣсня оканчивается словами дѣвушки: „Тепер же я ізбула нелюба свого“ (Чуб. V, 574,173).

Мы думаемъ, что на почвѣ такого же сравненія человѣка съ растеніемъ, но развитого до кажущагося вѣрованія, явилась извѣстная пѣсня о превращеніи въ цвѣты сестры и брата, вступившихъ другъ съ другомъ въ любовную связь.

Казакъ женился на дѣвицѣ, послѣ свадьбы они

Свого роду питались:
Скажи мені, серденько,
Якого ти родоньку?
— А я з Київа Петрівна,
По батькові Іванівна.
Скажи мені, серденько,
Якого ти родоньку?
— Я з Київа Петренко,
По батькові Іваненко!
Який тепер світ настав,
Що брат сестри не пізнав.
Ходім, сестро, горою,
Розсіємось травою;
Ходім, сестро, степами,
Розсіємось цвітами!
Ой ти будеш жовтий цвіт
А я буду синій цвіт.
Будуть люде косити—
За нас Бога молити;
Будуть люде цвіти рвати,—
Із нас гріхи збірати.
Стануть люде казати:
От се ж тая травиця,
Що з братиком сестриця. Чуб. V, 201, 407.

Эта пѣсня, сопоставляемая съ обще-славянскими и даже не славянскими вѣрованіями о происхожденіи цвѣтка Иванъ-да-Марья, нерѣдко приводилась для объясненія антропоморфическихъ вѣрованій въ украинской народной поэзіи. Тѣмъ не менѣе мы не видимъ возможности искать въ этой пѣснѣ антропоморфическія вѣрованія. Слова:

Ходім, сестро, горою,
Розсіємось травою и т. д.—

по нашему крайнему мнѣнію, указываютъ лишь на сравненіе, выраженное сильно—творительнымъ падежомъ.

Что же касается вѣрованія въ происхожденіе цвѣтка Иванъ-да-Марья, то мы склонны думать, что оно могло повліять на нашу и ей подобныя пѣсни уже послѣ того, какъ онѣ сложились, вслѣдствіе внѣшняго идейнаго родства между этими пѣснями и вѣрованіемъ.

...ставленія украинских похоронных причитаній ...
... являются достаточно убѣдительным примѣром
... образованія кажущихся вѣрованій и не ...
... для уясненія поэтической сущности пѣсен; подобных
вышеприведенным.

Владимір Данилов